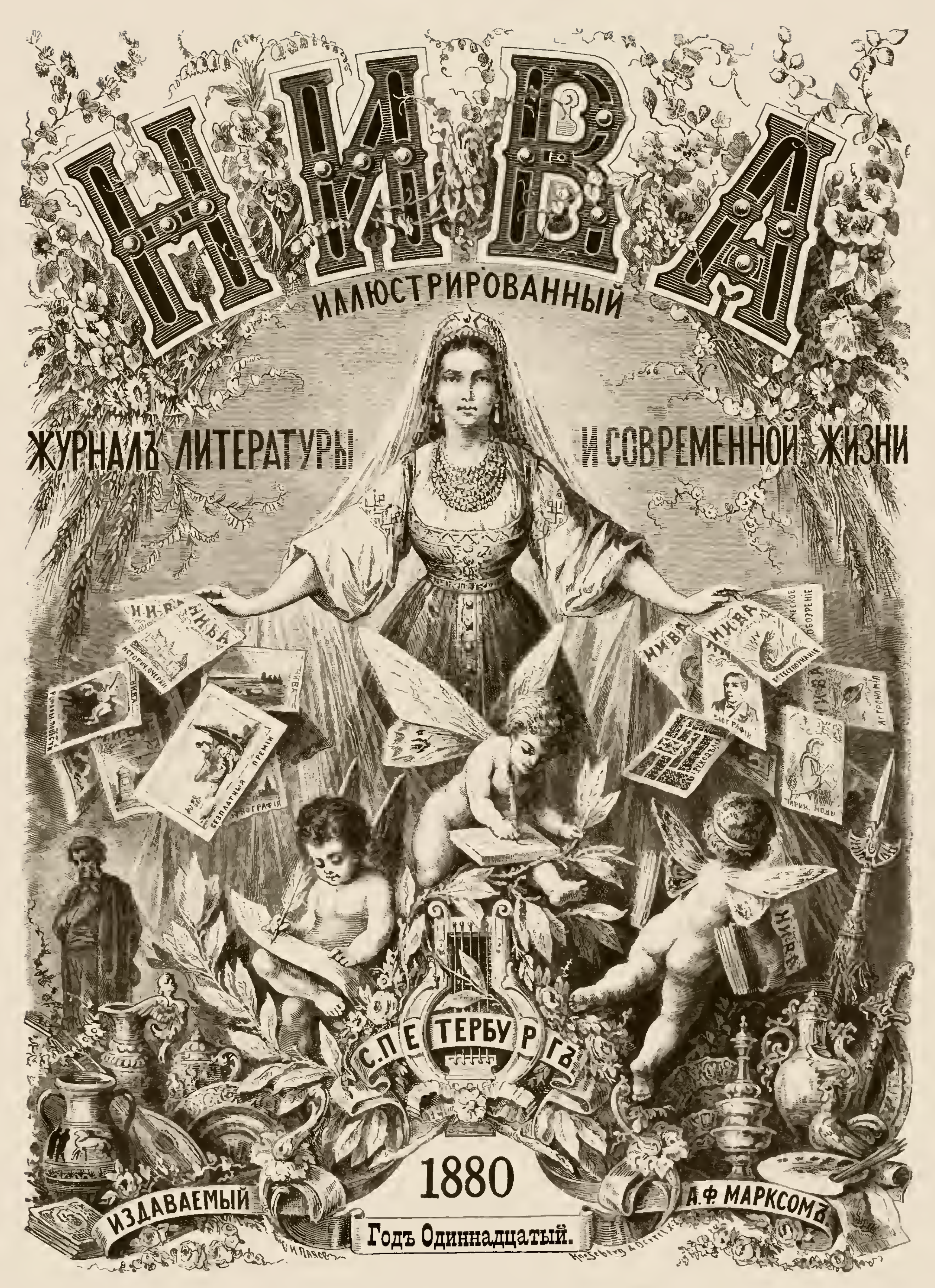

Изданіе **А. Ф. Маркса**, въ СПБ. Большая Морская, № 9.

XI годъ № 27

годъ XI 1880

Выданъ 5 Іюля 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** за ІЮЛЬ 1880 г. съ 24 рисунками и отдѣльный листъ съ 22 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 35 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Русская древняя архитектура. Дворецъ въ селѣ Коломенскомъ (1640 г.) Съ стариннаго рисунка грав. М. Рашевскій.

Дворецъ царя Алексѣя Михайловича

въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ.

Село Коломенское (въ 7 верстахъ отъ Москвы), издавна принадлежало Великимъ князьямъ Московскимъ. Объ немъ упоминается еще въ XIV вѣкѣ въ завѣщаніи Ивана Калиты его сыну Андрею („А се села Серпоховское да Коломеньское“). По своемъ избраніи царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, пріѣхавъ на Москву, гдѣ были тогда еще слѣды повсемѣстнаго разворенія, долженъ былъ поневолѣ озабочиваться устройствомъ своихъ помѣщеній. Тогда между прочимъ въ 1640 г. на мѣсто уже обветшавшихъ хоромъ въ Коломенскомъ, онъ построилъ новыя. При немъ же была построена тамъ и церковь Казанской Божіей Матери „въ Государевомъ селѣ Коломенскомъ“. При Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ подгородные дворцы или приводились въ порядокъ или отстроивались заново. Въ Коломенскомъ стройка службъ была начата въ 1649 г. а осенью 1666 года начались приготовленія къ возведенію великолѣпнаго двухъ-этажнаго дворца въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, и то благодаря лишь разнымъ рисункамъ и планамъ, довольно подробнымъ. Дерево и строевые матеріалы заготовлялись въ вѣковыхъ лѣсахъ Брынскихъ на Угрѣ и Окѣ. Въ маѣ произведена была закладка. Въ „Дневальныхъ Записках“ говорится, что „1667 г. мая 2 въ четвертокъ, послѣ столоваго кушанья, за два часа до вечера, Государь пошелъ съ Москвы въ Коломенское для окладыванья своихъ Государевыхъ хоромъ“. „Строили плотничный староста Сенька Петровъ да стрѣлецъ-плотникъ Ивашка Михайловъ“. Рѣщики, работавшіе въ Новомъ Іерусалимѣ у Патріарха Никона, вызваны были въ Москву (имена ихъ всѣ сохранились) и рѣзьбу деревянную для дворца дѣлали по книгамъ мастерскимъ къ рѣзному дѣлу. „Всякое рѣзное, желѣзное дѣло“ (гребни, флюгера) дѣлалъ мастеръ Григорій Павловъ. Государь велѣлъ въ хоромахъ окна и двери рѣзныя и стѣны въ теремахъ и на перилахъ чешуи—золотить а въ иныхъ мѣстахъ росписать разными краски, травы и фигуры. Ставилъ краски и золото и всѣ подобные матеріалы „Амбургскія земли торговый иноземецъ Андрей Кенкель.“ Мастера замѣтили, что золото нѣмецкаго дѣла противу московскаго не сойдется. Московское-де зелено и тонко и годно развѣ только къ стѣннымъ дѣламъ.

Дворцовые живописцы, иконописцы и травщики цѣлыхъ два года писали „стѣнное и подволочное письмо.“ Дворецъ впослѣдствіи поражалъ и москвичей и иностранцевъ блескомъ золота и красокъ „предивною хитростію, пречудною красотою“.

И въ остальные годы царствованія, Алексѣй Михайловичъ постоянно поддерживалъ свой любимый дворецъ. Сдѣланы были напримѣръ „пять трубъ заливныхъ“, затѣмъ „механика львовъ рыкающихъ“ и часы на дворцовую башню, надъ въѣздными воротами.

Послѣ смерти царственнаго строителя дворецъ былъ распространенъ, частью совсѣмъ перестроенъ. При царѣ Ѳеодорѣ, дѣлать новую „столовую“ во дворцѣ подрядился крестьянинъ В. П. Шереметева Дементьевъ. Въ 1684 году была произведена перестройка и починка хоромъ, мылепъ, сѣней, рундуковъ, полковничьихъ и стрѣлецкихъ избъ и настроено этихъ избъ много. въ виду стрѣлецкихъ волненій. для усиленнаго караула.

Но вотъ Дворъ переселился въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ никакихъ пристроекъ и починокъ уже въ Коломенскомъ дворцѣ не производилось. Въ 1729 году останавливался тутъ Петръ II —значитъ дворецъ былъ еще вполнѣ годенъ для житья. Императрица Анна Іоанновна въ 1736 г. издала указъ, чтобъ „обветшалое дворцовое строеніе имѣть въ добромъ призрѣніи и починять мастеровыми и работными людьми, причемъ задавалась трудная задача дѣлать это „безъ утраты денежной казны“. Канцелярія отвѣтила, что „при дворцѣ такихъ работныхъ людей или припасовъ не имѣется“. Тѣмъ повидимому это и закончилось. Въ 1762 году Императрица Екатерина II въ бытность свою въ Москвѣ, обратила вниманіе на развалины деревяннаго Коломенскаго дворца, осмотрѣла ихъ и велѣла, „снять планъ съ фасадомъ и возможно старатца, чтобъ былъ дворецъ исправленъ“. Лица, которымъ было порученъ осмотръ дворца, заявили, что за ветхостью исправить его нельзя а надлежитъ, разобравъ, построить вновь а какъ строить комнаты вновь—то повергаютъ они на „высокое разсужденіе“, а при семъ представляютъ на перестройку дворца смѣту.

По значительности суммы смѣты (около 100 тыс.) на перестройку не рѣшились. Между тѣмъ „Коломенскія управительскія дѣла“ доносили, что дворецъ сильно обваливается за ветхостью.

И вотъ наконецъ, уже въ 1767 г., получено Высочайшее повелѣніе „въ селѣ Коломенскомъ старый деревянный дворецъ весь разобрать бережно, матеріалъ спрятать а мѣсто очистить.“ По линіямъ основанія дворца, для сохраненія о немъ памяти, были посажены кусты акаціи, которая одна теперь цвѣтетъ мирно тамъ, гдѣ кипѣла полная жизнь роскошнаго, многолюднаго московскаго царскаго Двора.

Говорятъ прежде давно существовала модель дворца, деревянная и раскрашенная, но она утрачена. По имѣющимся же подробнымъ планамъ и свѣдѣніямъ, художникъ Д. А. Смирновъ сдѣлалъ новую модель этаго замѣчательнаго памятника старинной архитектуры, въ трехъ-аршинномъ, почти крадратномъ размѣрѣ, изъ липоваго дерева, нераскрашенную. Въ 1868 году художникъ представилъ модель лично Государю Императору и нынѣ она находится въ Оружейной Московской Палатѣ.

Симеонъ Полоцкій называетъ дворецъ въ стихахъ своихъ, поднесенныхъ царю Алексѣю Михайловичу „восьмымъ чюдомъ свѣта“. Архитектура дворца исконная русская. Великолѣпною пестротою красокъ, своеобразною рѣзьбою и позолотою и всею сложною системою постройки, дворецъ совершенно соотвѣтствуетъ пѣсеннымъ описаніямъ древнихъ русскихъ хоромъ. Это былъ послѣдній полный памятникъ русскаго стариннаго вкуса, русскаго зодчества, наконецъ русскаго житья-бытья, съ его вышками, теремами, чердаками, рубленымъ башнями, напоминающими пагоды индійскаго стиля.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

X.

Надежды оживаютъ.

Графиня Брумъ приходила все болѣе и болѣе въ дурное расположеніе духа... Зима была почти на исходѣ, рядъ блестящихъ баловъ уже миновалъ; въ будущемъ оставалось гораздо менѣе празднествъ, нежели сколько ихъ прошло — а между тѣмъ привлекательная надежда сдѣлать для Додо хорошую партію, нисколько не реализировалась, все оставалась одной мечтой, способной къ концу сезона поневолѣ привести заботливую мать въ непріятное и раздражительное состояніе духа!.. Графиня проектировала, вернувшись въ великій постъ въ деревню, въ разоренное и малодоходное гнѣздо свое—съузить расходы на самый продолжительный срокъ до возможно незначительной степени, а теперь что-же: Додо все при ней, предстоитъ еще зима, предстоитъ слѣдовательно новая попытка ѣхать съ Додо въ Петербургъ, предстоятъ новые расходы... Ахъ, Додо, Додо!.. Какъ ужъ я надѣялась... Меликова, когда еще онъ правовѣдомъ былъ, пріучала къ нашей семьѣ; сколько на этого угреватаго мальчишку денегъ истратила чтобы его закормить, самыя слабости его поощряла... За обѣдомъ для него какъ для взрослаго, вина подавала... кончится обѣдъ, позволяла ему не церемониться съ ними, прилечь на софу... Сама уйду, а Додо ему французскіе романы читаетъ... Онъ лежитъ, закрывъ глаза... и слушаетъ... И что же! вотъ скверный мальчишка, вотъ негодяй!.. эту зиму даже не хочетъ насъ знать... Волочится за какой-то гостинодворкой... Графиня вздохнула при этомъ... Вѣдь родъ-то нашъ какой!.. Вѣдь покойному Готфриду Бисмаркъ сродни приходился... Вѣдь дѣдушка Панкратій Брумъ городъ какой то взялъ... наконецъ и я, рожденная Мельницкая... Тетка Акулина была за княземъ Квашнинымъ; тетка Матрена —за маркизомъ Дагоберъ... Матрена Дагоберъ, Акулина Квашнина, воскликнула было графиня съ пафосомъ, но вдругъ, вспомнивъ о гостинодворкѣ, оттягавшей Меликова,—слѣдующее за этимъ торжественнымъ возгласомъ хвалебное продолженіе внезапно отмѣнила—да на кой шутъ мнѣ ваши имена! И съ кротостію обратилась къ вошедшей къ ней съ утреннимъ привѣтствіемъ Додо...

— Здравствуй, милая Додо.

Додо вошла веселая и сіяющая, очень мило одѣтая, держа неизмѣнный золотой лорнетъ у своихъ косыхъ гла-

зокъ... Она почтительно поцѣловала ручку мама, завивающей передъ зеркаломъ жидкія пряди волосъ. Додо находилась въ какомъ-то радостномъ возбужденіи и опытный глазъ матери сразу замѣтилъ, что она имѣетъ сообщить нѣчто весьма интересное и быть можетъ относящееся къ занимающему ихъ обѣихъ дѣлу... Прикалывая завитую на шпилькѣ букольку, графиня освѣдомилась:

— Ты возбуждена, Додо?

Голосъ ея былъ мягкій, нѣжный. Додо заторопилась.

— Помнишь maman, мы ѣздили къ теткѣ Шербюлье для встрѣчи новаго года въ Царское.

— Да...

— Помнишь наше возвращеніе?.. еще съ вокзала мы проѣхали къ Батракову?..

— Конечно...

— Помнишь... Она не договорила; графиня, окончивъ куафюру, своимъ мягкимъ, деликатнымъ голосомъ доказала, что ея память свѣжа:

— Безъ сомнѣнія помню, моя милая Додо... Вагонъ былъ почти пустъ... противъ насъ сидѣлъ черноволосый господинъ, который вступилъ съ нами въ разговоръ... Кажется порядочный... Но что-же изъ этого Додо?..

— Инженеръ, maman, инженеръ! — воскликнула въ нѣкоторомъ восторгѣ Додо. Графиня не совсѣмъ поняла такое настроеніе дочери:

— Что-жъ изъ этаго, мой другъ?

— Ахъ, maman... Неужели ты забыла, что говорила мнѣ тетка Шербюлье: дворянскій гербъ, Додо,—сказала она,—графская корона поблѣднѣли, моя милая... Ужъ на что правовѣды считались за gens d'avance, Додо, и теперь кто-же ихъ за такихъ считаетъ?.. Теперь купецъ, инженеръ, мѣняла—gens d'avance, а не правовѣды... Мѣняла! c'est le mot...

— Додо! — съ упрекомъ взглянула на дочь графиня...

— Pardon, pardon, chère мамочка!..

— Откуда ты узнала что онъ инженеръ?—старалась скрыть улыбку графиня...

— Представь: онъ живетъ здѣсь-же въ отелѣ... Я встрѣтила его въ корридорѣ...

— Ахъ, Додо,—упрекнула мать,—ты опять выходила въ корридоръ... Кажется я просила тебя этого не дѣлать?.. Ну, встрѣтишь Батракова, ну тетка Шербюлье пріѣдетъ,—что тогда?.. Стыдъ: ты въ корридорѣ, какъ какая нибудь дѣвчонка...

Додо смутилась, услышавъ такой упрекъ... Но графиня тотчасъ же взяла надлежащій тонъ, совершенно успокоившій дочь. Что тамъ ни говори, а интересно, какъ все это провѣдала плутовка. Голосъ ея изъ мягкаго, сталъ ровнымъ, когда она спрашивала.

— Встрѣтила? Ну, и что-же?

— Онъ поклонился и заговорилъ...

— Да?

— Мы сосѣди... Ахъ, онъ очень недуренъ, maman... но—немолодой...

— Мы сосѣди?—напомнила графиня дочери, показывая, что вопросъ о красотѣ имѣетъ для нея второстепенное значеніе и наводя такимъ образомъ на самую суть...

— Вы тоже живете здѣсь, спросила я,—возобновила Додо начатое:—онъ отвѣтилъ: да. Я здѣсь на время; я провожу линію... Я забыла, maman, откуда и куда онъ ведетъ линію...

— Но онъ все-таки ее ведетъ? — показала графиня, что вопросъ о направленіи линіи имѣетъ для нея опять таки второстепенное значеніе и что суть только въ томъ, что инженеръ вообще все же проводитъ какую-то линію.

Съ неподдѣльнымъ жаромъ Додо увѣрила мать:

— Ведетъ, ведетъ... Проживу, говоритъ, мѣсяцъ и поѣду проводить линію...

— Ахъ, Додо!

Графиня снова заговорила мягко и этимъ немногословнымъ восклицаніемъ сказала дочери многое, что вскипѣло у нея на душѣ при неожиданномъ сообщеніи объ инженерѣ. Додо согласилась съ матерью:

— Да, maman, да.

Имъ нечего было разглагольствовать, онѣ понимали другъ друга и безъ лишнихъ словъ... Какъ какія нибудь заговорщики, онѣ обмѣнивались полуфразами, не досказывая ихъ до конца... Обѣ стояли теперь задумчиво у окна, думая объ одномъ и томъ-же и по временамъ перекидываясь другъ съ другомъ немногими словами, а затѣмъ снова впадая въ прежнее молчаніе.

— Такъ близко, Додо.

— Да, maman.

— Это такъ удобно, Додо.

— Очень, maman, удобно.

И посмотрѣвъ другъ на друга, начинали глядѣть на улицу, открывающуюся изъ окна отеля, въ которомъ онѣ нашли себѣ помѣщеніе...

— Вѣроятно мало знакомыхъ, Додо.

— Вѣроятно, maman.

Безъ конкуренціи соперницъ—это такъ хорошо... Додо мила, но вѣдь Меликовъ остался же слѣпъ къ ея прелестямъ, негодяй!.. Вѣдь предпочелъ-же онъ гостинодворку... Этотъ самъ вѣроятно богатъ, не чета Меликову... Къ тому-же Дагоберъ и Квашнина—это все-таки что нибудь, да значитъ... Графиня вспомнила, что ей надо еще окончить прерванный туалетъ...

— Скоро два, а я еще не одѣта...

И вернулась къ прежнему:

— Знаешь что, Додо?

— Что, maman?

— Пригласимъ его сегодня вечеромъ пить чай... Мы будемъ однѣ..

— Отчего-же, maman.

— Напиши ему, Додо... Знаешь такъ: maman и я, просимъ... провести сегодняшній вечеръ. Безъ всякихъ церемоній: мы будемъ однѣ... А?

— Хорошо, maman, я напишу.

И молодая графиня повернулась, чтобы идти исполнить немедленно приказаніе матери... Графиня, приступая къ продолженію своего туалета, послала вслѣдъ дочери:

— Ахъ, право, Додо: еслибы...

Додо обернулась отъ дверей, лорнируя мать:

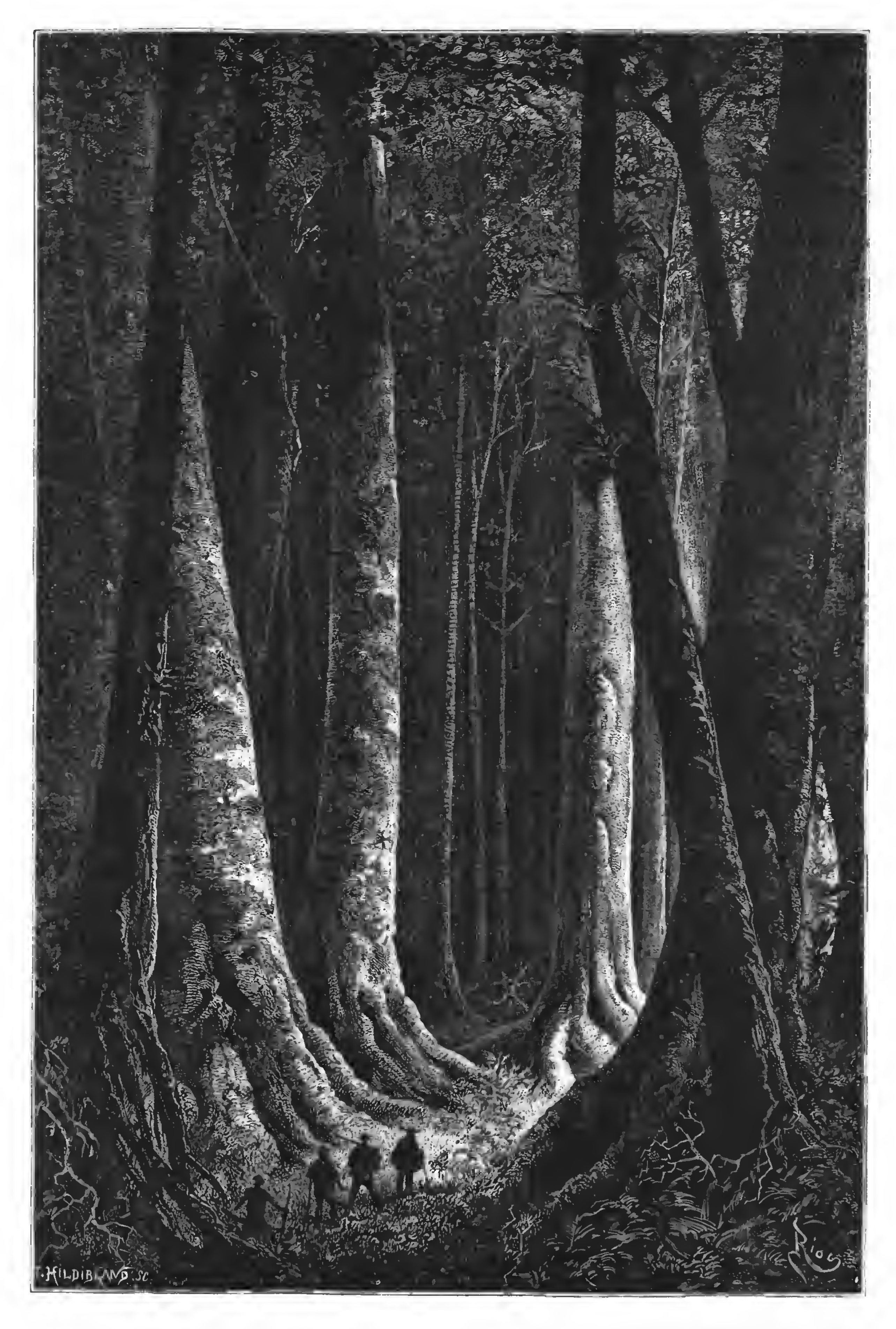
— Дастъ Богъ, maman...

И исчезла изъ спальни въ пріемную.

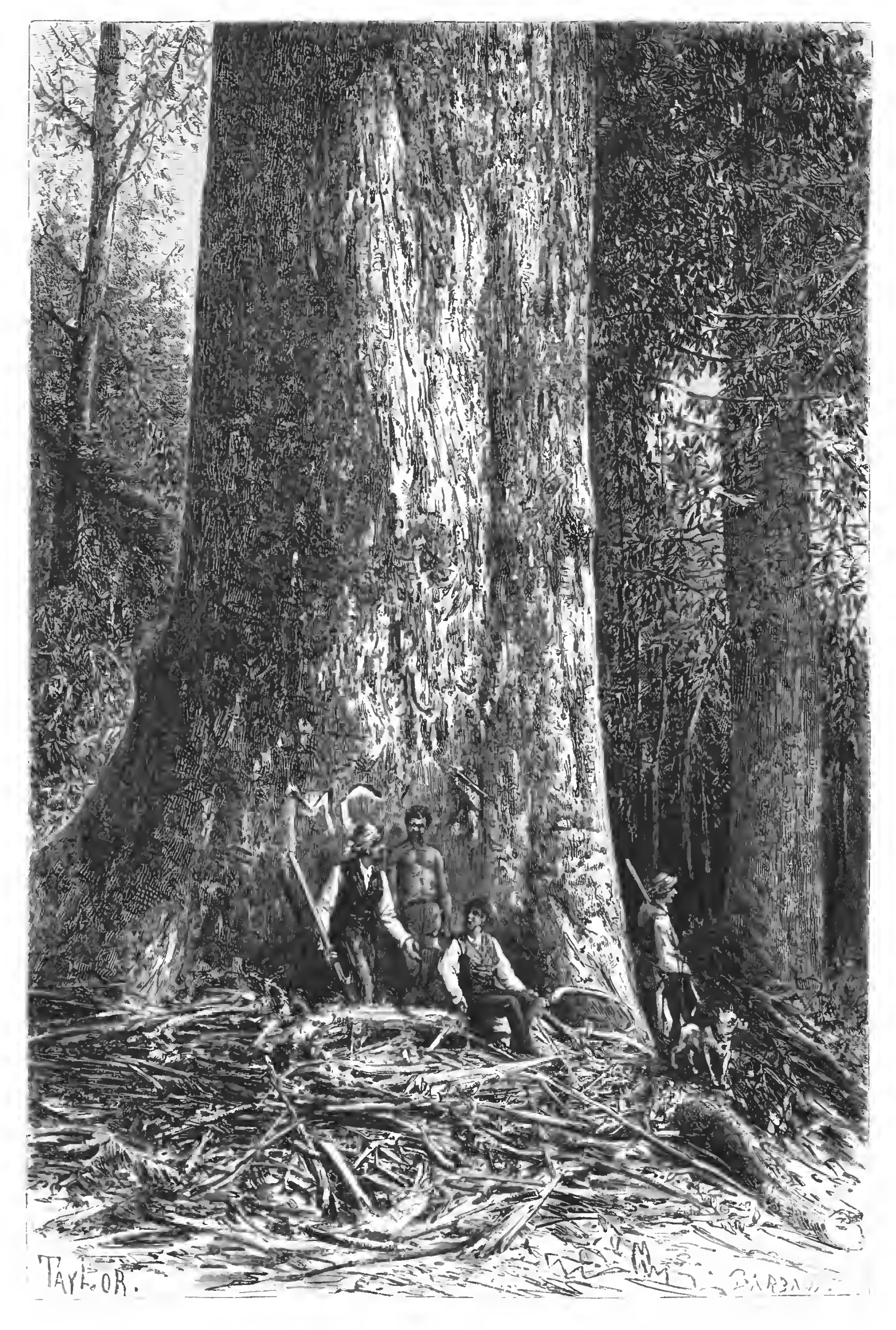
XI.

Продолженіе знакомой исторіи.

Графиня и ея дочь занимали очень дорогой, но очень неудобный нумеръ въ Grand-Hôtel'ѣ. Положимъ графиня была не прочь помѣститься попроще и не въ гостинницѣ — Боже мой! И въ надеждѣ пристроить Додо слѣдовало порастрясти послѣднія крохи.. Grand Dieu, что-же дѣлать? Хорошо было Матренѣ Дагоберъ и Акулинѣ Квашниной жить! Все есть, только знай собирай въ житницы... Но ей, трудненько-таки изворачиваться... Крохи, крохи и крохи... Не далѣе, какъ вчера, присутствуя на большомъ обѣдѣ у кузена Шербюлье, вспомнили о княгинѣ Растопкиной... Ну, кто не знаетъ этой фамиліи, составляющей въ нѣкоторомъ родѣ достояніе исторіи?.. И что-же не далѣе, какъ ея внука —княгиня Ростопкина завела, не имѣя средствъ къ жизни, меблированныя комнаты средней руки... Развѣ это не ужасно! Послѣ обѣда разговоръ возобновился о злосчастной княгинѣ, возобновился шепотомъ между дамами въ уборной... Княгиня попала подъ судъ... Одинъ изъ ея жильцовъ махалъ палкой, грозясь убить перваго кто осмѣлится ему препятствовать прохаживаться по корридору въ самомъ непринужденномъ дезабилье... Лакеи, жильцы, мировой судъ и княгиня Растопкина... c'est

Южная Америка. Исполинскій лѣсъ въ Гвіанѣ. Рис. Ріу, грав. Гильдебрандтъ.

Австралія. Исполинское дерево наз. „Большой Бенъ“. Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ

affreux!.. и еще разъ графиня воскликнула въ общій тонъ: ah, quel horreur! въ глубинѣ души затаивъ мысль о возможности въ недалекомъ будущемъ комбинаціи лакеевъ, мирового судьи, забулдыги жильца и ея, графини Брумъ... Надо, надо во что бы то ни стало поддержать Додо, окружить нѣкоторымъ блескомъ, одѣть получше.. И графиня сдѣлала все это, съ тревожно бьющимся сердцемъ ожидая, когда наконецъ увѣнчаются предпринимаемые ею труды желаннымъ успѣхомъ.

Меланхолически задумчивая, ходила она по освѣщенному лампами красно-бархатному салону съ золоченою мебелью, съ круглымъ посрединѣ столомъ, на которомъ были разбросаны визитныя карточки аристократическихъ знакомыхъ графини,—ходила, заложивъ руки за спину, ожидая прихода приглашеннаго къ чаю инженера. Додо, красиво освѣщенная матовой лампой, читала черезъ лорнетъ, сидя на угловомъ диванѣ, французскій романъ. Додо одѣлась мило, сѣла на диванъ съ чрезвычайно красивымъ поворотомъ своего затянутаго въ корсетъ стана, долго и тщательно раскладывала на полу у ногъ своихъ юбки, улегшіяся въ концѣ концевъ изящнымъ вѣеромъ и погрузилась не столько въ чтеніе романа, сколько въ мечтаніе о своей будущности, оживающее и возстающее въ ней при всякой новой надеждѣ.. Неужели,—думала она,—неужели же я такъ и останусь въ дѣвицахъ? Холодъ пробѣгалъ по ея спинѣ при подобномъ вопросѣ. —Не можетъ этаго быть... Вѣдь въ случаѣ крайности можно будетъ выйдти хоть за учителя гимназіи какаго. За учителя!.. Она старалась утѣшить себя. Что-жъ, теперь и учителя гимназіи получаютъ не мало... особенно изъ извѣстныхъ. Додо допустила самый худшій исходъ: пусть она выйдетъ за неизвѣстнаго учителя гимназіи. Все же—жалованья около двухъ тысячъ, квартира можетъ быть... потомъ конечно уроки... Самая дешевая плата учителю гимназіи за урокъ 3 рубля въ часъ... Она сдѣлала разсчетъ и долго мучилась вопросомъ, до сколькихъ часовъ учитель можетъ давать уроки въ теченіе дня? И рѣшила: до двѣнадцати; позднѣе—неудобно; дѣти спятъ. Рѣшивъ такимъ образомъ, она перевернула нѣсколько страницъ романа, прочла начало какой-то главы и принялась за вычисленіе того, сколько въ теченіе дня можно дать уроковъ. Для этаго она вычла часы съ девяти до двухъ ежедневно на гимназію, два часа на обѣдъ и разъѣзды изъ дома въ домъ и такимъ образомъ нашла, что въ день ея будущій супругъ можетъ дать до восьми приватныхъ уроковъ и такимъ образомъ заработать до 24 рублей, считая продолжительность урока въ часъ, а цѣну въ три рубля... Въ мѣсяцъ это составитъ 700 рублей... что-жь, это еще ничего... А отдыхъ? отдыхъ лѣтомъ, рѣшила она, у maman въ деревнѣ. Право, въ случаѣ этотъ инженеръ не удастся, выйду и за учителя... Продолжительный звонъ электрическаго колокольчика прервалъ нить размышленій матери и дочери. Мать остановилась ходить взадъ и впередъ по залу, а дочь еще прилежнѣе припала къ читаемому роману, попрежнему красиво освѣщенная свѣтомъ лампы, держа у глазъ неизмѣнный золотой лорнетъ. Въ двери салона постучали.

Графиня бѣглымъ и внимательнымъ взглядомъ осмотрѣла дочь; какъ она сидитъ и достаточно ли эффектную приняла позу. Только убѣдившись въ этомъ, она дала разрѣшеніе стучащемуся войдти:

— Entrez!

Тогда дверь салона отворилась и графиня увидѣла фигуру высокаго мущины, лѣтъ сорока пяти, съ длинными черными волосами, съ высокимъ лбомъ, съ усами и эспаньолкой, одѣтаго въ очень приличный, вечерній костюмъ. Господинъ вошелъ довольно смѣло, непринужденно, похоже на то, какъ входитъ на сцену, изображающую герцогскій, великосвѣтскій салонъ, провинціальный актеръ, никогда подобнаго рода салоновъ не видавшій. Опустивъ правую руку по лампасу панталонъ, лѣвую со шляпой отведя немного назадъ, отъ самой двери выражая наклоненною головою родъ нѣкотораго почтенія къ стоящей посреди салона графинѣ, черноволосый господинъ медленно приблизился къ ней и отрекомендовался:

— Честь имѣю представиться: инженеръ Гавриловъ

И разрѣшился въ глубокій поклонъ, ожидая съ любезной улыбкой.

— Будемъ знакомы, m-r Гавриловъ,—привѣтливо заговорила она, не подавая однако гостю руки,—мы сосѣди... И вы, и я съ дочерью—люди пріѣзжіе; и у васъ вѣроятно, какъ и у насъ — знакомыхъ мало, часто приходится сидѣть однимъ и скучать. Такъ вотъ мы и будемъ дѣлить наше одиночество, — закончила она съ очаровательной улыбкой.—Съ моей дочерью вы знакомы.

Гость тихо отвелъ руку со шляпой отъ того мѣста, на которомъ она до сихъ поръ пребывала, медленно подвелъ ее къ сердцу и вторично почтительно поклонился графинѣ, а затѣмъ, на время оставившей чтеніе романа, Додо. Додо отвѣтила, сидя, на его поклонъ молчаливымъ наклоненіемъ головы, сопровождаемымъ нѣсколько томной улыбкой...

Графиня попросила садиться, занявъ мѣсто на диванѣ, стоявшемъ у той стѣны, которая приходилась какъ разъ противъ дивана, на которомъ помѣщалась Додо и указала гостю на близстоящее кресло:

Гость сѣлъ, поставивъ шляпу на коверъ около своего мѣста и почтительно смотря на графиню, ожидалъ, что скажетъ эта аристократическая дама. Графиня не заставила долго ждать:

— Вы ведете линію, m-r Гавриловъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительно и распространился на счетъ этаго... Я здѣсь на время. Пріѣхалъ отдохнуть и развлечься... А потомъ снова вернусь къ своимъ насыпямъ, къ своимъ мостамъ, къ рабочимъ... Дамы не имѣютъ понятія, какъ все это трудно... Жить цѣлый день подъ холодомъ и снѣгомъ, ругаться съ рабочами, которые постоянно чѣмъ-то недовольны... Графиня прервала его:

— Напрасно такъ думаете... Я деревенская жительница и отлично знаю, что такое нашъ русскій православный народъ. Ахъ, m-r Гавриловъ, ему такъ нуженъ руководитель, котораго онъ находилъ прежде..

И понизивъ голосъ, такъ какъ то́, что она намѣревалась сказать, было слишкомъ либерально, пояснила:

— Нашъ народъ еще не созрѣлъ...

Онъ согласился съ ней... Знаете, съ отмѣной крѣпостнаго права, народъ нашъ лишился многихъ прекрасныхъ душевныхъ свойствъ, которыя было удалось въ немъ воспитать... Напримѣръ: онъ сталъ неблагодаренъ. Онъ сталъ интересанъ: какой нибудь нравственной привязанности, расположенія душевнаго въ немъ не осталось и слѣда.

— Maman,—вмѣшалась въ разговоръ Додо, до сихъ поръ молчавшая,—m-r Гавриловъ совершенно справедливо указалъ на развивающуюся въ народѣ неблагодарность... Помнишь мою горничную Наташу?

— Да, оживилась графиня, обращаясь къ Гаврилову, представьте. У Додо жила дѣвушка лѣтъ семнадцати... Однажды Додо выпросила у меня позволеніе отдать ей одно изъ ненужныхъ ей платьевъ. Я конечно позволила и Додо отдала. Что-жь бы вы думали, m-r Гавриловъ?.. Взяла платье и на другой день перешла на мѣсто, гдѣ платили рублемъ въ мѣсяцъ дороже. Какъ это вамъ нравится?

Онъ пожалъ плечами и, не говоря ни слова, вздохнулъ.

Но бесѣды свѣтской женщины не должны быть однообразны и перемѣнили разговоръ.

— Бываете въ театрахъ, m-r Гавриловъ?

Онъ улыбнулся грустно и покачалъ отрицательно головой.

— Нѣтъ.

Графиня уставила на него вопросительные глаза, ожидая объясненія его времяпровожденія. Онъ съ какой-то странною застѣнчивостью, не совсѣмъ идущею къ пожилому возрасту, удовлетворилъ ея любопытство:

— Я жилъ въ семьѣ глубоко-религіознаго склада... Теперь надъ этимъ смѣются, я знаю, но я привыкъ имѣть иные взгляды на вѣрованія... Молитва и добрыя дѣла.

Графиня не дала ему окончить.

— Ахъ, добрыя дѣла такъ пріятно дѣлать.

Въ его глазахъ блеснулъ лучъ радости, что его не осмѣютъ здѣсь, что онъ найдетъ сочувствіе къ его взглядамъ, котораго не находитъ нигдѣ...

— Въ свободное отъ занятій время, я бываю въ церкви... Петербургъ не располагаетъ къ молитвѣ, но вѣдь есть же и здѣсь.... А что касается до несчастія, то гдѣ же въ Россіи такое множество несчастныхъ собраны въ одномъ мѣстѣ, какъ не здѣсь?..

За примѣрами ходить не далеко... Вотъ... и съ прежнимъ нѣсколько меланхолическимъ и кислымъ видомъ онъ разсказалъ графинѣ исторію однаго молодаго человѣка, котораго онъ встрѣтилъ недѣли двѣ тому назадъ. Гдѣ онъ встрѣтилъ такого молодаго человѣка, онъ не назвалъ... Исторія очень и очень поучительная... Графиня слушала внимательно. Додо исторія казалась скучноватой и вообще Гавриловъ ее разочаровывалъ. Въ корридорѣ, встрѣчаясь съ нею, онъ держалъ, казалось ей, себя какъ-то иначе... и глаза у него совсѣмъ не такіе были... Она все таки сдѣлала попытку вслушаться въ разсказъ Гаврилова.

— Представьте, графиня,—говорилъ онъ—такое положеніе. Молодой человѣкъ утратилъ свои документы во время крушенія корабля. Его самаго спасли... Купецъ, у котораго онъ служилъ, снабдилъ его деньгами и послалъ въ городъ, гдѣ жила его мать. Не могъ же онъ держать его безъ паспорта?.. Молодой человѣкъ пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ живетъ его мать, является къ ней, объясняетъ свое положеніе и проситъ снабдить его деньгами и какимъ-либо паспортомъ... Мать видитъ въ чемъ дѣло и какъ она имѣла основаніе скрывать, что у нея есть сынъ,—разсказчикъ взглянулъ при этомъ многозначительно на графиню, которая легкимъ наклоненіемъ головы дала ему знать, что понимаетъ въ чемъ дѣло,—то въ утратѣ имъ паспорта увидѣла отличнѣйшее средство совершенно избавиться отъ сынка.

— Ахъ! воскликнула графиня.

Онъ монотонно продолжалъ разсказъ, сдѣлавъ какой-то жестъ рукою, долженствовавшій означать: да, вотъ какія матери бываютъ. — Безпаспортнаго бродягу, его схватила полиція и посадила въ часть. Въ части онъ еще разъ указалъ на мать. Послали къ ней... Она вторично открестилась отъ этаго молодаго человѣка, какъ отъ сына, но сказала, что знала его родителей, что родился онъ въ Пруссіи, въ городѣ Марбургѣ и посовѣтовала отослать сына, вѣроятно желая его упрятать подальше, туда. Цѣлыхъ семь недѣль его продержали въ части, затѣмъ перевели въ пересыльную тюрьму, изъ которой, къ крайнему его удивленію, препроводили по этапу до прусской границы... На станціи Таурогенъ онъ, дѣлать нечего, объявилъ себя прусскимъ подданнымъ, его снабдили маршрутомъ для добровольнаго слѣдованія въ Марбургъ, куда онъ немедленно и отправился. Въ Марбургѣ (онъ зналъ нѣмецкій языкъ, выучился въ Ревелѣ, когда жилъ у купца), оберъ-бургомистръ вытаращилъ на него глаза и конечно не согласился признать его ни съ того ни съ сего прусскимъ подданнымъ. Онъ жилъ подаяніемъ.

— Ахъ! вторично воскликнула графиня.

И вотъ онъ пѣшкомъ добрался до Россіи. Конечно его немедленно задержали и онъ, ни съ того ни съ сего назвался петербургскимъ уроженцемъ... Тогда его отправили въ Петербургъ. Исторія извѣстная: управа благочинія, Спасская часть и затѣмъ...

— Что бы вы думали, графиня, что такое?.. Опять отсылка по этапу въ Марбургъ.

— Ахъ! восклицала графиня... Что же потомъ?

— Потомъ? опять прежній пріемъ у бургомистра, опять странствованіе пѣшкомъ въ Россію, арестъ на этотъ разъ въ Либавѣ, семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, отсылка въ Петербургъ, гдѣ онъ назвался чужой фамиліей.

— Тогда его вызвали въ окружный судъ, который, признавъ его виновнымъ въ присвоеніи чужой фамиліи, оштрафовалъ его пятью рублями. Адвокатъ заплатилъ за него штрафъ и пока онъ на свободѣ,—окончилъ свой разсказъ Гавриловъ.

И, какъ графиня, не произнося ни слова, качала головой, прибавилъ:

— Мое желаніе снабдить его паспортомъ и приписать къ какому-нибудь сословію.

— И вы тратите, m-r Гавриловъ, на это свой досугъ? полюбопытствовала графиня, дѣлая сочувствующее лицо.

— Я дѣлаю это, быть можетъ изъ эгоизма,—скромно защищался онъ отъ восхваленія его дѣйствій.—Я не досказалъ вамъ всего.

Ее началъ утомлять разсказъ и она какъ-то холодно поинтересовалась:

— Да?

— Это дѣло меня интересуетъ,—пояснилъ онъ,—потому что я совершенно случайнымъ образомъ наткнулся на нѣкоторыя данныя, проливающія свѣтъ на эту темную исторію. Простите за подробности.

— О, это такъ интересно!

— Видите. Работая на линіи, я долженъ былъ посѣтить ближайшій губернскій городъ по дѣламъ... Вотъ въ этомъ-то городѣ я и открылъ слѣды...

Ему понадобились для работы высокіе сапоги. Онъ зашелъ къ сапожнику и, сторговавшись, разговорился съ нимъ. Оказалось, что этотъ сапожникъ изъ крѣпостныхъ, откупился еще задолго до освобожденія крестьянъ. Разговоръ перешелъ на бывшихъ господъ... Семейство, говоритъ, было большущее, но изъ всѣхъ осталась только жена покойнаго барина, старуха девяностолѣтняя, да дочь, дѣвица лѣтъ сорока пяти... Старуха, говоритъ, въ настоящее время сущій ребенокъ, а дочка-то—молится по церквамъ, монастырь строить хочетъ... и вздохнулъ, знаете, при этомъ... я спрашиваю: богомольная, что-ли?..

И, какъ бы желая убѣдиться, не слушаетъ или слушаетъ разсказъ Додо, бросилъ на нее взглядъ. Додо сидѣла, перелистывая романъ и, замѣтивъ его взглядъ, опытностью свѣтской дѣвицы понявъ, что онъ хочетъ сообщить что-то maman такое, чего ей не подобаетъ слушать, моментально впилась въ одну изъ страницъ, какъ бы поглощенная чтеніемъ... Тогда, понизивъ голосъ и нѣсколько наклонившись къ графинѣ, Гавриловъ сообщилъ:

— Онъ отвѣтилъ мнѣ на вопросъ: да, говоритъ, теперь богомольная стала, а съ молоду-то не была такой... Мальчика, говоритъ, сына, какъ сталъ подростать, ко мнѣ отдала на выучку, а потомъ въ Ревель къ одному купцу послала... И представьте, разсказываетъ мнѣ ту самую исторію, которую я разсказалъ сейчасъ вамъ... Это меня поразило конечно... Спрашиваю; а какъ этотъ мальчикъ прозывается?.. Я вамъ не сказалъ, графиня, что у моего молодаго человѣка сохранилась аттестація ревельскаго купца, выданная ему послѣ того, какъ онъ чуть не погибъ отъ крушенія, въ которой молодой человѣкъ названъ тѣмъ самымъ именемъ, какимъ назвалъ мнѣ сына благородной дамы сапожникъ. Вы понимаете положеніе дѣла, графиня?

— Но это романъ! воскликнула графиня, которой весь разсказъ очень надоѣлъ и которая рѣшилась его прервать во что бы то ни стало, найдя къ этому приличный предлогъ:—однако, что же намъ не даютъ чаю?.. Pardon, я распоряжусь. Додо, займи m-r Гаврилова.

И оставила залъ. Додо какъ бы съ трудомъ оторвалась отъ романа и медленно повернулась къ Гаврилову. —О, какой скучный, добродѣтельный человѣкъ!.. То-ли дѣло Меликовъ, который лежа на диванѣ, такъ любилъ нести преуморительную чепуху... Она навела на m-r Гаврилова лорнетъ и всмотрѣлась въ него... Да, что же это такое?..

XII.

Одни.

Додо имѣла полное право удивиться... Лишь только графиня оставила салонъ, съ господиномъ Гавриловымъ совершилось моментальное превращеніе. Мигомъ исчезло его скромное выраженіе лица, почтительная поза съ которой онъ держался передъ графиней, глаза какого-то святоши. Онъ молодцовато встряхнулъ волосами, отставилъ ногу и взглядамъ, бросаемымъ на Додо, придалъ игривое выраженіе. Додо, пораженная такой перемѣной, объяснила ее себѣ очень практично и умно. Онъ не глупъ: при maman, желая ей понравиться, онъ прикинулся солиднымъ и очень добродѣтельнымъ: наединѣ со мной, онъ знаетъ, что добрыми дѣлами и скромностью не очень-то мнѣ понравится, что со мной надо иначе, повеселѣе... Это — умно. Положимъ она отлично понимала, что и при maman излишне казаться уже слишкомъ святымъ, но тѣмъ не менѣе въ этой тайнѣ обращенія съ нею наединѣ иначе, чѣмъ при матери, Додо усмотрѣла для себя нѣчто подающее ей надежду. Она рѣшилась вести себя съ maman и безъ нея совершенно иначе и вслѣдствіе этаго погрозила Гаврилову пальчикомъ:

— М-r Гавриловъ, однако вы должно быть ужасный! Я не узнала васъ при maman.

Смѣясь, онъ пересѣлъ къ ней ближе. Она отодвинула платье и, откинувшись на спинку дивана, смотрѣла на него съ улыбкой.

— Развѣ можно графиня, иначе? Ваша матушка почтенная дама, воспитанная въ предразсудкахъ старинной семьи. Позволите закурить?

— Сдѣлайте одолженіе. Я люблю запахъ папиросъ и иногда, конечно тихонько отъ maman, курю сама. Князь Голиковъ снабжаетъ меня такими тонкими, тонкими папиросками.

Она умышленно упомянула титулованное имя... Онъ вынулъ серебряный портсигаръ и предложилъ ей.

Она не отказалась и закуривая отъ поданной имъ спички, нагнулась. Закуривъ, она красиво откинулась. На красномъ фонѣ бархатнаго дивана, окруженная золоченымъ ободкомъ выгиба спинки, Додо казалась очень эффектной. Гавриловъ обернулъ къ ней свое кресло и облокотившись на стоящій передъ диваномъ столъ, пожиралъ ее глазами, безцеремонно разсматривая ее и пуская клубы дыма. Она заговорила съ нимъ съ тою же свободою, съ какою когда-то несла смѣшную чепуху съ Меликовымъ.

— Женщинъ не спрашиваютъ о годахъ, — сказала она,—но для мущинъ, говорятъ, это не обидно. Скажите мнѣ, m-r Гавриловъ, который вамъ годъ?

— О, я старикъ... Мнѣ сорокъ семь лѣтъ...

— Ужь и старикъ. Для мущины это молодые годы.. Скажите...

Она запнулась и предлагая пришедшій ей въ голову вопросъ, который она съ maman, какъ-то совершенно безпечно игнорировала, почувствовала нѣкоторое волненіе.

— Скажите: вы женаты?

Онъ шутилъ, смѣясь. О, конечно онъ женатъ. Развѣ можетъ человѣкъ въ его годы, въ Россіи, если это человѣкъ порядочный, быть неженатымъ? Онъ мало того что женатъ, онъ—патріархъ. Онъ дѣдъ; да... Молодая графиня не хотѣла вѣрить его легкому и шутливому тону.

— Не можетъ быть: вы говорите неправду.

Тогда онъ представился серьезнымъ... Да, онъ шутилъ: онъ не дѣдушка еще, но онъ женатъ. Увы! жена бросила его, бѣжала съ другимъ... Додо воскликнула тономъ недопускающимъ возможности подобнаго образа дѣйствій со стороны жены *такаго* мужа.

— Бросить васъ?! не можетъ быть.

О да, жена бросила его... Въ свою очередь она покинута тѣмъ, съ кѣмъ бѣжала и умираетъ въ бѣдности... На ея жизнь нѣтъ надежды... Своимъ вопросомъ Додо показала, что отлично понимаетъ, что онъ шутитъ:

— Отчего вы не женитесь?.. спросила она.

Отчего?.. Онъ смотрѣлъ на молодую графиню такъ смѣло и нагло, что она покраснѣла.

— О, вы ужасный человѣкъ, m-r Гавриловъ... Я скажу maman.

Онъ на минуту сдѣлался серьезенъ и заговорилъ о другомъ. Веселятся-ли онѣ? гдѣ бываютъ?.. Додо назвала нѣсколько аристократическихъ именъ, умышленно поражая его титулами: Графъ Бобриковъ, баронъ Кнобельштернъ, молодой Шербюлье. Ея любимый танецъ—мазурка. На балѣ Джанеты она танцовала ее съ княземъ Долговымъ. Знаете?..

— Онъ мнѣ родственникъ... Моя бабка, Матрена Дагоберъ, приходилась теткой князю Долгову. Дагоберъ, рожденная Мельницкая.

На него вѣяло русскою титулованною стариной. Въ этихъ соединеніяхъ простонароднаго имени съ иностраннымъ маркизатомъ, въ этихъ титулахъ и словахъ „прабабка", „бабка", „рожденная" — заключалась какая-то особая музыка, крывшая какой-то свой побочный, специфическій, привлекательный и влекущій къ себѣ символъ. Да, это были символы, но все же они стоили до сихъ поръ много, хотя и утратили свое доминирующее значеніе. „Гаврилова, рожденная графиня Брумъ",—все таки недурно звучало и стоило какой нибудь „Гавриловой, рожденной Растеряевой", хотя первая не имѣла ничего, кромѣ титула, тогда какъ вторая торговала во всемъ Петербургѣ, имѣла свои магазины, склады и заводы... Гавриловъ сразу понялъ настоящее положеніе дѣлъ графини. Знатность ея рода была непреложна и неоспорима, но вѣроятно хромала финансовая часть, а потому Додо и не выходила замужъ. Меликовъ женится на гостинподворкѣ—и это не единственный примѣръ. Дворяне ниспускаются до купцовъ; знатнымъ предстоитъ идти за мужъ за разныхъ аферистовъ, за людей наживы... Это опора бѣднѣющаго дворянства, его надежда, его цѣль... Гавриловъ прислушался къ тому, что болтала Додо... Она сыпала именами и титулами, короткостью отношеній своихъ ко множеству аристократическихъ семействъ, своими связями... Вдругъ послышались шаги въ сосѣдней комнатѣ и мигомъ Гавриловъ принялъ прежнюю позу сдержаннаго, солиднаго человѣка... Додо, желая дѣйствовать съ нимъ въ унисонъ и намѣреваясь принять видъ дочери, боящейся своей матери—гасила папироску, успѣвъ прошептать съ хорошо выдѣланнымъ жестомъ испуга:

— Maman!

И увидѣвъ входящую мать, громко отозвалась на будто-бы ведущійся между нею и Гавриловымъ разговоръ:

— Это очень интересно, m-r Гавриловъ.

Онъ поддержалъ ложь...

— Чрезвычайно!.. Я не суевѣренъ, но иногда занимаюсь этимъ.

Графиня-мать полюбопытствовала:

— Чѣмъ это, m-r Гавриловъ?

Тогда, не задумываясь, онъ удовлетворилъ ея любопытство.

— Столоверченіемъ, графиня... Теперь это въ большомъ ходу...

(До слѣд. №).

Радость матери. Картина Перро, грав. Смитонъ.

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

I.

Въ гаю.

День ли?.. Ночь-ли?... Трудно сказать... Какой-то хаосъ наполняетъ воздухъ, крутя массы снѣжной пыли; вѣтеръ, словно бѣшеный звѣрь сорвавшійся съ цѣпи, и рветъ и мечетъ, сокрушая все, что попадется ему на пути.

Стонетъ вѣковой, могучій боръ. Скрипятъ, трещатъ и гнутся колоссальныя сосны и порой съ корнемъ вырванныя, валятся, ломая, какъ тонкій тростникъ, ростущій вокругъ нихъ молодятникъ. Хорошо, что не часто бываютъ такія бури, на долго оставляющія свои слѣды тамъ, гдѣ пронесутся.

Лѣсъ, надъ которымъ на разсвѣтѣ зимняго утра разразилась эта страшная пурга, тянулся сплошной массой по холмистой мѣстности, покрытой глубокими сугробами.

Поперегъ бора шла широкая дорога, какъ видно когда-то прорубленная сильными руками на прямикъ въ этомъ непроходимомъ лабиринтѣ гигантской растительности, покрывавшей два вѣка тому назадъ Русь отъ края до края, отъ Бѣла моря до Украинскихъ земель, составлявшихъ тогда предѣлы Московскаго государства.

Это былъ большакъ изъ города Острова во Псковъ, проведенный параллельно съ протекавшей налѣво отъ дороги рѣкой Великой, особенно широко разливающейся по лугамъ версты три далѣе, гдѣ кончается этотъ боръ.

Зимой большакомъ ѣздили меньше чѣмъ лѣтомъ, предпочитая гладкій, хоть и не столь опасный путь рѣкою, но въ одномъ мѣстѣ Великая дѣлала слишкомъ большой изгибъ, а потому и приходилось снова углубляться въ чащу сосноваго гая, что не очень то нравилось проѣзжимъ, потому что „лихіе подорожники" имѣли надежный притонъ въ имъ однимъ извѣстныхъ тайникахъ вѣковаго гая.

На краю дороги подъ огромной елью, съ пригнутыми къ землѣ отъ снѣга вѣтвями, составлявшими родъ шатра, укрылась кучка людей, ежившихся въ своихъ мѣховыхъ тулупахъ и стучавшихъ зубами, проклиная ужасную вьюгу, облѣпившую ихъ снѣгомъ съ головы до ногъ, по этому и нельзя было распознать по одеждѣ ихъ сословіе, за то торчавшіе изъ-подъ снѣга концы бердышей и ружей обличали въ нихъ ратныхъ людей, либо отчаянныхъ звѣроловоьъ.

Въ минуты затишья между свистомъ и ревомъ бури, они обмѣнивались отрывочными фразами.

— Экъ вѣдь расходилась, такъ и лупитъ соснякъ да ельникъ, словно весь гай-отъ хочетъ выворотить да въ Великую рѣку снесть!.. проворчалъ одинъ.

— Это ты вѣрно, дядя Жегаръ! пурга какихъ мало бываетъ! Индо всѣ бѣльмы мнѣ залѣпила!.. согласился другой.

— И все-то наше сидѣнье, да холоданье изъ-за треклятаго шведа, чтобы ему пусто было! ругался третій.

Въ эту минуту сильнымъ порывомъ вѣтра сломило верхушку ели, подъ которой они укрылись и изъ опасенія быть задавленными, они поспѣшили вылѣзть.

— Да тутъ, братцы мои, пропадешь ни за деньгу!.. Чего тутъ торчать-то? Вишь, совсѣмъ бѣлый день, а вѣдь съ пѣтуховъ ждемъ его...пойдемте-ка домой,заговорилъ одинъ молодой парень.

— Ну ты не распоряжайся, Ивашка!.. сердито молвилъ Жегаръ.—Меня ты слушай! Потерпимъ еще малость, за то ужо угоститъ насъ и медомъ и виномъ нашъ бояринъ, какъ мы шведа изымаемъ, да къ его боярской милости предоставимъ...

— Ужь и боярская милость! Не жирно-ль такъ его величать то? Просто гость торговый, съ честныхъ людей казны-то награбилъ, ну и загордился, бояриномъ сталъ прозываться... неосторожно брякнулъ Ивашка.

Товарищи его переглянулись, словно такія рѣчи ихъ озадачили, а Жегаръ рѣзко остановилъ его.

— Ты не больно-то языку волю давай!

Они выбрались на дорогу и начали грѣться, хлопать руками, бѣгать, топать, бороться и тузить другъ друга, приговаривая: вотъ тебѣ горяченькихъ, горячѣй блиновъ, прямо со сковороды! Хохотъ и возгласы ихъ терялись въ шумѣ бури.

Теперь, когда усиленнымъ движеніемъ они расправили свои окоченѣвшіе члены и отряхнули облѣпившій ихъ снѣгъ, можно было разсмотрѣть наружность и одежду этой толпы людей, изъ которыхъ половина носила обыкновенные мужицкіе зипуны съ воротниками, валеные сапоги и мѣховыя шапки съ наушниками; остальные были облечены въ стрѣлецкіе доспѣхи—традиціонные суконные, длинные кафтаны и мѣдные шеломы, изъ-подъ которыхъ виднѣлись платки, полотенца и разное тряпье, наверченное на уши въ предосторожность отъ стужи. Вооруженіе ихъ состояло изъ бердышей, сабель и ослоповъ, и кромѣ того у нѣкоторыхъ висѣли за спиной, на перевязяхъ изъ сырой кожи съ бляхами, неуклюжіе тяжелые мушкеты, съ какими тогда московское войско хаживало на шведовъ и поляковъ, владѣвшихъ уже добрыми карабинами и другимъ болѣе усовершенствованнымъ оружіемъ. Однако можно было безошибочно сказать, что то не были настоящіе стрѣльцы царя Алексѣя Михайловича, а тѣ же мужики, ряженые воинами.

— А что дядя, на смерть бить, али такъ помять маленько, чтобы не артачились? спросилъ Ивашка, подпрыгивая.

— Коли на утекъ пойдутъ, валяй изъ мушкетовъ, а коли можно, живьемъ заберемъ, потому Гаврила Яковличъ наказывалъ шведа беречи... да пуще всего казну-то не прозѣвайте, ребята! отвѣтилъ Жегаръ, усиленно колотя руку объ руку, размахивая ими то взадъ, то впередъ.

— Еще поѣдетъ ли онъ въ такое ненастье? Поди сидитъ гдѣ нибудь въ теплой избѣ, а мы тутъ какъ псы мерзнемъ. Не похвасталъ ли тебѣ Харитка-то? замѣтилъ одинъ изъ стрѣльцовъ.

— Нѣтъ! Харитка не станетъ врать! Коли онъ нарочно прискакалъ и сказалъ, что шведъ-де ѣдетъ, такъ значитъ и взаправду ѣдетъ, увѣрялъ одинъ.

— Ну можетъ и ѣхалъ, да въ кружало заѣхалъ, съострилъ стрѣлецъ.

— Что зря брехать, ребята, только мѣшаете прислушаться, нетерпѣливо осадилъ ихъ Жегаръ.

— Что слушать-то! Нешто за такой бурей разслушаешь? Да тутъ хоть въ рога труби... началъ было Ивашка, но Жегаръ повелительно махнулъ рукой и всѣ смолкли; напрасно они напрягали слухъ, ничего не было слышно, кромѣ завыванья непогоды.

II.

Схватка.

— Ну что, слышишь?.. послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, спросилъ шепотомъ Ивашка.

Не отвѣчая ни слова, Жегаръ съ озабоченнымъ видомъ отошелъ отъ товарищей, сталъ на колѣни посреди дороги и вырывъ топоромъ довольно глубокую яму, прилегъ къ ней ухомъ. Потомъ онъ приподнялся и сѣвъ возлѣ ямы, повернулся къ югу, не обращая вниманія на мятель, бившую въ глаза.

Стрѣльцы и мужики, подойдя къ Жегару, молча обступили его и ждали, что онъ скажетъ, вполнѣ вѣря въ его опытность.

Жегаръ то прикладывалъ ухо къ снѣгу, то опять вставалъ, словно сомнѣвался, наконецъ онъ прикрылъ рукой другое ухо и полежавъ такъ съ минуту, всталъ на ноги, быстрымъ движеніемъ выпрямилъ свой богатырскій станъ и радостно молвилъ товарищамъ:

— Готовьтесь къ потѣхѣ, дѣтки! Слышу я — обозъ ѣдетъ, еще далеконько, да мой чухъ не обманешь: это шведъ шевелится, не знаетъ что его здѣсь добрая клочка ждетъ. Вы снаряды-то боевые припасайте...

— Вѣрно ли дядя? Може это вѣтеръ гудетъ? усомнился Ивашка.

— Молчи дурья голова! Нечто старый Жегаръ когда нибудь брехалъ зря? Это только тебѣ подобаетъ, а я съ этимъ дѣломъ съизмала знакомъ: не токмо обозъ, а коли за версту заяцъ бѣжитъ, такъ я услышу, хвастался Жегаръ, но никто ему не противорѣчилъ; всѣ торопились приготовить оружіе, продували затравки мушкетовъ, въ которыя набился снѣгъ, пробовали сабли и ножи, хотя знали что они хорошо отточены.

— Готово ли? спросилъ наконецъ Жегаръ.

— Готово! откликнулись товарищи и стали по обѣ стороны дороги, чтобы сразу напасть на ожидаемый обозъ. Они тревожно вслушивались, стараясь уловить малѣйшій звукъ. Вѣтеръ хоть и не совсѣмъ унялся, но между порывами его стали болѣе продолжительные промежутки; въ это-то затишье имъ нѣсколько разъ чудились и топотъ коней, и бряцанье оружія, и звяканье бубенцовъ, но взглянувъ на безстрастное выраженіе всей фигуры ихъ вожака, они убѣждались что еще далеко.

Но вотъ лицо старика оживилось, глаза блеснули, онъ протянулъ руку и спросилъ: слышите?

Дѣйствительно вѣтеръ донесъ неопредѣленные звуки, которые ободрили его, уставшихъ отъ долгаго ожиданія, товарищей.

— Ѣдутъ! Обозъ идетъ! перешептывались они, подтягивая кушаки и засучивая рукава.

Звуки становились явственнѣе; вотъ звякнулъ бубенчикъ, фыркнула лошадь, крикнулъ человѣкъ, визгнулъ полозъ...

Снова повалилъ снѣгъ, снова рванулся вѣтеръ, словно сердясь на свое минутное затишье и звуки слились въ однообразный вой бури. Когда же опять наступило затишье, то въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ показался обозъ, впереди котораго ѣхали всадники, а въ серединѣ обоза качалась крытая повозка, запряженная гусемъ въ три лошади.

Товарищи Жегара, не ожидавшіе встрѣтить охраны и защиты, при видѣ хорошо вооруженныхъ драгунъ опѣшили и замялись, но бѣжать было уже поздно, такъ какъ конные могли легко догнать пѣшихъ. Приходилось биться съ равной силой, такъ какъ и драгунъ было болѣе десятка, да кромѣ того обозъ сопровождало нѣсколько подводчиковъ.

Ѳединъ Жегаръ не растерялся—онъ бросился водворять порядокъ между своими, ободряя ихъ и обѣщая удачу, если не будутъ робѣть.

— Впередъ дѣтки! Валяй холопей! Хватай казну и шведа!.. зычнымъ голосомъ крикнулъ вожакъ и его товарищи, давъ дружный залпъ изъ мушкетовъ, стремительно ринулись на проѣзжихъ, нисколько не подготовленныхъ къ оборонѣ, закутанныхъ и сонныхъ. Въ обозѣ произошло смятеніе: верховыя лошади, испуганныя неожиданнымъ залпомъ, замялись, обозныя шарахнулись въ сторону, поваливъ воза и сидѣвшихъ на нихъ подводчиковъ. Изъ повозки раздались возгласы на ломанномъ русскомъ языкѣ.

Трескотня выстрѣловъ словно охмѣлила Жегара и его товарищей; вмѣсто того, чтобы хватать шведа и его казну, они вступили въ бой съ драгунами, которые быстро оправились отъ внезапной паники.

Налетѣлъ порывъ бури, засыпалъ снѣгомъ, закрутилъ воздухомъ, такъ что и нападавшіе и защитники перемѣшались и не могли ясно распознать друзей отъ враговъ; всякъ махалъ саблей или бердышемъ безъ цѣли, на право и на лѣво, нанося не столько вредъ, сколько производя сумятицу и безпорядокъ. Долго бы такъ возились, еслибъ изъ повозки не вылѣзъ высокій человѣкъ въ косматой медвѣжьей шубѣ и забравшись на козла, не заоралъ бы такъ громко, что голосъ его покрылъ шумъ бури: „Стрѣляйтъ, рубитъ грабитель на мой казна!“ Эти исковерканныя слова произвели перемѣну въ борьбѣ. Жегаръ, вспомнивъ приказаніе Гаврилы Яковлевича, вдругъ отрезвился и кидаясь къ повозкѣ, крикнулъ:

— Гей други! Держи шведа! Хватай казну!

Растолкавъ возчиковъ, столпившихся у повозки, какъ стадо испуганныхъ барановъ, Жегаръ схватилъ было шведа за полу шубы, но тотъ былъ хорошо вооруженъ и ударомъ сабли едва не разсѣкъ голову нападавшаго; только благодаря мѣдному шелому да надѣтому подъ нимъ платку, Жегаръ избавился отъ смерти. Шеломъ согнулся, а платокъ уменьшилъ ударъ; однако Жегара ошеломило и въ глазахъ у него на мгновеніе потемнѣло.

— Держи! руби! стрѣляй! кричали защитники шведа, кидаясь на Жегара, своимъ громаднымъ ростомъ превышавшаго всѣхъ на цѣлую голову, но онъ скоро очнулся и размахивая прикладомъ ружья, расчистилъ себѣ кругъ, отбрасывая противниковъ на окровавленный и стоптанный снѣгъ. Схвативъ въ охапку попавшагося ему подъ руки человѣка въ шубѣ, не смотря на его отчаянное сопротивленіе, Жегаръ поволокъ его въ гай, крича товарищамъ:

— Казну-то, казну берите!.. Тамъ въ повозкѣ мѣшки съ золотомъ...

Но драгуны плотно окруживъ повозку, справили перепутавшихся въ упряжи лошадей и понеслись съ такой быстротой, увлекая и весь обозъ, что пѣшимъ грабителямъ было невозможно ихъ догнать.

— Вотъ тебѣ и казна! Экъ улепетываетъ!.. да ее и гончіе псы не догонятъ... почесывая за ухомъ и провожая глазами повозку, проговорилъ Ивашка.

Вьюга унялась, вѣтеръ вдругъ упалъ и послѣ бури наступила тишь. Можно было издали разсмотрѣть какъ обозъ, сопровождаемый своимъ коннымъ конвоемъ выѣхалъ изъ лѣса и спустился на рѣку. Ивашка свистнулъ.

— Теперь пропало! На гладкой-то дорожкѣ не обгонишь!.. А жарко было и намъ порядкомъ досталось... Вонъ сколько валяются: Митюха, Алеха, Миколка не шелахнутся!..

— Что мертвыхъ считать. Давай-ко подбирать, что охаютъ тамъ въ сугробахъ-то!.. замѣтилъ одинъ старикъ. Товарищи послѣдовали его совѣту и стали поднимать раненныхъ, валявшихся на снѣгу, окрашивая его своею кровью.

— А гдѣ же дядя Жегаръ? Ужъ не убитъ-ли?.. Нигдѣ его не видно... Неужели въ полонъ попалъ? разсуждали стрѣльцы, ища своего вожака между убитыми и ранеными.

— Дядя Жегаръ ушелъ въ гай, я видѣлъ, какъ онъ шведа поволокъ, заявилъ Ивашка.

— Ой ли? ну это ладно что шведа-то изъималъ, а то Гаврила Яковличъ и медомъ бы не угостилъ, обрадовались товарищи и поспѣшили въ гай по слѣду, проложенному Жегаромъ.

III.

Илья Норотовъ.

Верстахъ въ 6-ти отъ того мѣста, гдѣ происходило нападеніе на проѣзжихъ, къ востоку отъ рѣки Великой, разстилалась обширная равнина, по которой живописно раскинуты были деревни, принадлежавшія богатому помѣщику Гаврилу Яковлевичу Демидову, съ его усадьбой среди густыхъ рощъ березы, дуба и клена, еще при прежнихъ владѣльцахъ насаженныхъ правильными рядами. Демидовъ не былъ родовитымъ дворяниномъ; онъ былъ купецъ, или какъ въ ту пору называли—торговый гость вольнаго города Пскова, гдѣ имѣлъ прекрасное подворье на одной изъ улицъ, избравшей его своимъ почетнымъ старостой. Деревни и села были закрѣплены имъ на имя жены, взятой изъ дворянской семьи, не изъ за приданаго, а за красоту, которой она, также какъ и сестра ея отданная за дворянина Норотова, славилась во Псковѣ. Демидовъ преимущественно торговалъ льномъ, засѣвая имъ всю землю при своихъ десяти деревняхъ, да кромѣ того закупая ленъ и по сосѣднимъ помѣстьямъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ. Какъ лѣтомъ такъ и зимою у Демидова шла дѣятельная работа: въ просторныхъ избахъ сотни батраковъ и поденщицъ мяли, толкли, трепали и чесали ленъ, отправляемый и во Псковъ и въ Новгородъ на продажу нѣмцамъ, голландцамъ, шведамъ, англичанамъ и другимъ иноземнымъ купцамъ, издавна ведшимъ выгодную торговлю сырьемъ съ землей русской.

Лѣтомъ обширныя поля, покрытыя густой зеленью съ свѣтлолиловыми цвѣтками въ видѣ звѣздочекъ составляли великолѣпную рамку для хитро разукрашенныхъ боярскихъ хоромъ и для бѣлаго, изъ свѣжаго дерева, бревенчатаго храма, стоявшаго на холмѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ небольшой, но свѣтлой и весело журчащей рѣчки. Зимой же вся эта мѣстность, занесенная глубокимъ снѣгомъ, имѣла довольно печальный видъ, ни чѣмъ не отличаясь отъ обыкновеннаго однообразнаго пейзажа сѣверныхъ окраинъ тогдашней Руси. Демидовъ съ женою жилъ больше во Псковѣ чѣмъ въ своемъ селѣ Колосьяхъ, куда пріѣзжалъ дня на два черезъ недѣлю, а иногда и разъ въ мѣсяцъ, чтобы сдѣлать распоряженія по хозяйству и провѣрить исполнены ли его прежнія приказанія. Семья Демидова состояла изъ жены, двухъ дочерей отъ 10 до 12 лѣтъ, и двухъ женатыхъ сыновей отъ перваго брака; изъ нихъ одинъ жилъ постоянно въ Колосьяхъ, исполняя обязанности старшаго приказчика и исполнителя распоряженій отца по льняному производству; другой сынъ жилъ при отцѣ во Псковѣ и велъ торговыя сношенія съ иноземными гостями-купцами, такъ какъ былъ грамотенъ и въ дѣлахъ свѣдущъ.

Кромѣ этихъ членовъ семьи у Демидовыхъ были еще близкіе сродники: племянникъ и племянница Норотовы, послѣ смерти родителей оставшіеся на попеченіи ихъ тетки. Марьѣ Норотовой было 15 лѣтъ. она жила въ домѣ дяди при его дочеряхъ въ качествѣ не то подруги не то няньки. Племянникъ, Илья Норотовъ еще отцемъ своимъ былъ опредѣленъ въ Московскій драгунскій полкъ. Жена Демидова, Ѳедосья Парамоновна особенно любила Илью, находя въ немъ большое сходство съ своей покойной сестрой, Марью же не долюбливала, говоря, что она вся пошла въ отца въ Норотову родню, и обличьемъ и нравомъ. Марья слышала недоброжелательные отзывы о своемъ отцѣ, который по словамъ Ѳедосьи Парамоновны былъ упрямъ и неласковъ, попрекая и ее тѣмъ же и безпрестанно повторяя: — Эка Норотовщина! вслѣдствіе чего бѣдная дѣвушка пришла къ убѣжденію что она въ домѣ дяди нежеланная гостья и страстно желала вырваться изъ непріязненнаго круга.

Отталкиваемая теткой, она и въ дядѣ видѣла холодную небрежность, а дочери Демидова были такъ избалованы, что съ ними трудно было и сладить; если между ними и Марьей возникали раздоры, то сыновья Демидовы тотчас же становились на сторону сестеръ, или бранили Марью за небывалыя провинности, взваливаемыя на нее ихъ женами, не терпѣвшими Норотовщину и не упускавшими случая ей насолить. Такимъ образомъ житье племянницы въ семьѣ Демидова было самое безотрадное; она тосковала, что рѣдко могла видѣться съ братомъ, которому бы повѣдала свое горе. Илья былъ для нея краше солнца, дороже жизни, въ его ласкахъ и добродушіи она находила единственную отраду и утѣху. Долго послѣ его посѣщенія, Марья сохраняла спокойствіе и словно не замѣчала нападокъ Демидовской семьи; но постепенно пріятное впечатлѣніе и совѣты брата быть терпѣливой, замѣнялись чувствомъ тоски, ожесточенія и снова Марья какъ дикій, неприрученный звѣрокъ, убѣгала отъ людей и бродила одиноко по саду; часто переходя и за черту боярской усадьбы, черезъ поля и рощи, она являлась возлѣ деревни, любопытствуя узнать не добрѣе ли тамъ люди и не ласковѣе ли тамъ ее примутъ; но и въ деревнѣ на нее смотрѣли непривѣтливо.

— Подглядывать, да подслушивать пришла, перешептывались бабы, а ребятишки испуганно разбѣгались и изъ за плетня строили ей гримасы либо высовывали языки.

— Господи! да гдѣ же на свѣтѣ-то добрые люди?.. Неужели вездѣ такъ другъ друга не любятъ?.. со слезами думала Марья и углубляясь въ чащу лѣса, садилась подъ большое дерево и глядѣла на окружавшую ее лѣсную жизнь. Она завидовала и птицамъ, что гнѣздились надъ ея головой и звѣркамъ, бѣгавшимъ вокругъ нея, рѣзвясь, играя и не пугаясь присутствія этой странной дѣвушки, находившей среди лѣсныхъ жильцовъ больше симпатіи чѣмъ въ богатыхъ хоромахъ дяди и тетки.

Ильѣ Норотову было 20 лѣтъ; трудно было представить что нибудь пріятнѣе и добрѣе взгляда его большихъ карихъ глазъ, никто не могъ соперничать съ нимъ въ красотѣ лица, въ густотѣ и лоскѣ черныхъ кудрей, въ бѣлизнѣ лба, въ румянцѣ загорѣлыхъ щекъ, рѣзко отдѣлявшихся отъ верхней части лица, прикрываемой отъ дѣйствія солнца его мѣднымъ драгунскимъ шеломомъ. Особая прелесть была въ полныхъ алыхъ губахъ Ильи, въ той полуулыбкѣ, въ которой то просвѣчивался душевный привѣтъ всему хорошему, то мелькалъ насмѣшливый отпоръ дурному и порочному. Его глаза и улыбка словно говорили доброму человѣку: „я тебя понимаю“. И тетка и дядя и даже двоюродные братья съ ихъ женами и избалованныя

Въ мастерской художника. Рис. Шпехтъ, грав. Клосъ.

Семья кошекъ. Рис. Шпехтъ, грав. Клосъ.

дѣвочки Демидовы души въ немъ не чаяли, называли его красавчикомъ, богатыремъ, яснымъ соколомъ. Какъ только Илья являлся въ Колосья, всѣ и все принимали радостный видъ; гостя чествовали ласками, кормили и ненаглядывались на него, не наслушивались его рѣчей. Пойдетъ ли онъ по полю, батраки, бросивъ работу, ему ухмыляются и кланяются и въ разговоры смѣло вступаютъ съ добрымъ бояриномъ, говоря про себя: этотъ-то не самодѣльный, а доподлинный бояринъ... Пойдетъ ли на деревню—дѣвки изъ воротъ выскакиваютъ, молодицы къ нему такъ и льнутъ, а ребятки за рукава да за полы цѣпляются. И всѣмъ-то онъ ласковое словечко молвитъ, всѣхъ яснымъ взглядомъ словно рублемъ подаритъ и на цѣлый день весело тому, кто встрѣтится съ Ильей Норотовымъ...

— Не одна я его люблю! всѣ его любятъ, думала Марья. Отъ чего-жь меня-то не любятъ? и она спрашивала брата:— Ильюша!.. дурная я или злая, что не люба никому?

Илья внимательно разсматривалъ сестру и пожималъ плечами: Чудно!.. говорилъ онъ.—Ты вѣдь, можно сказать, красавица: глаза лазоревые съ поволокой, брови соболиныя, коса въ полтора аршина и въ горсть ее не соберешь, лицо бѣлое, румяное, ростомъ-дородствомъ молодецъ-дѣвка... Кабы я тебѣ чужой былъ, полюбилъ бы и замужъ бы взялъ. Не придумаю что это всѣ тебя чужаются...

Марья возражала со слезами:—Гдѣ ужь мнѣ замужъ! Кто меня возьметъ? Кто полюбитъ сиротинку?

— Не горюй сестра! Придетъ время и тебя суженый-ряженый приголубитъ да красавицей назоветъ!.. Всякому человѣку отъ Господа судьба назначена: отъ нея въ подполье не утаишься и на конѣ не ускачешь... жди своего суженаго.

И Марья вѣрила словамъ брата и ждала суженаго, воображая его такимъ же какъ Илья богатыремъ, яснымъ соколомъ.

— Одно въ Ильѣ не хорошо, да не онъ въ томъ повиненъ, а его упрямый родитель, говаривали между собой Демидовъ со своей Ѳедосьей Парамоновной. Москву больно онъ любитъ а ко Пскову никакаго въ немъ доброхотства нѣтъ. Какъ я его ни уговариваю, какъ ни сманиваю, а все ему Царь-Алексѣй дороже Псковской вольности, вздыхалъ Демидовъ, разорвавшій сношенія съ Москвою по слѣдующему поводу: онъ былъ пріемышъ, воспитанный въ домѣ однаго богатаго боярина, который лѣтъ 10 тому назадъ внезапно умеръ, не оставивъ дѣтей. Демидовъ предъявилъ духовную запись, будто бы писанную бояриномъ передъ смертью; въ этой духовной Демидовъ былъ назначенъ наслѣдникомъ всего состоянія покойнаго; нашлись и свидѣтели, которые подтвердили справедливость документа. Демидовъ не жалѣлъ денегъ и былъ вскорѣ утвержденъ въ правахъ владѣнія вотчинами бездѣтнаго боярина. Прошло года два и вдругъ явился новый претендентъ на наслѣдство—родной племянникъ боярина, имѣвшій сильныя связи въ Боярской думѣ, коротко знакомый съ тогдашнимъ, почти полновластнымъ правителемъ Московскаго государства, бывшимъ дядькой и наставникомъ царя Алексѣя—бояриномъ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ. Не трудно было законному наслѣднику опровергнуть незаконное право на владѣніе и доказать подложность духовной записи. Тѣ же свидѣтели, которые показывали въ пользу Демидова, испуганные пыткой и ожиданіемъ кнута да ссылки, повинились и показали, что запись была составлена уже послѣ смерти боярина самимъ Демидовымъ. Дѣло дошло до самого царя Алексѣя и онъ приказалъ имѣніе отдать законному наслѣднику, а Демидова позвать къ допросу. Демидовъ, хорошо зная что ему не миновать пытки и висѣлицы, не заблагоразсудилъ отдаться въ руки судей. Онъ скрылся изъ предѣловъ Московскаго Государства и со всей семьей перешелъ въ гражданство вольнаго города Пскова, захвативъ съ собой всю казну и всѣ драгоцѣнности покойнаго боярина. Съ своей пронырливостью и хитростью онъ скоро пріобрѣлъ и вѣсъ и довѣріе Псковичей; посадники, приказные люди, гости торговые и даже мужики, всѣ уважали Демидова, слушались его совѣтовъ и крѣпко вѣрили въ его преданность интересамъ Псковской вольности, какъ заклятаго ненавистника Московскаго правительства.

Кромѣ Ильи Норотова никто изъ сторонниковъ Москвы не имѣлъ доступа къ Демидову, но на Илью дядя его имѣлъ особые виды: онъ вывѣдывалъ у него что дѣлается въ Москвѣ и вслѣдствіе неосторожно разболтанныхъ молодымъ Норотовымъ новостей, Демидовъ нѣсколько разъ очень удачно устроивалъ дѣла въ пользу Пскова и во вредъ Москвѣ.

(До слѣд. №). **В. Политковскій.**

Къ рисункамъ.

Лѣса Гвіаны.

На сѣверѣ южно-американскаго материка у береговъ Атлантическаго океана, раскинулась Гвіана съ своими необозримыми лѣсами, пересѣкаемыми шумными рѣками и такъ называемыми „саваннами“.

Саванны—это обширныя степныя пространства, покрытыя высокою травою—чудныя пастбища, занимающія прибрежныя части Гвіаны.

Трудно, не видя, составить себѣ ясное понятіе объ этихъ экваторіальныхъ лѣсахъ. Описанія и рисунки не могутъ воспроизвести образъ растительности прибрежныхъ, напримѣръ, островковъ Гвіаны, растительности береговъ ея свѣтлыхъ рѣкъ. Деревья самыхъ странныхъ формъ, обвитые и увѣшанныя густою зеленью паразитныхъ растеній, перевитыя и оцѣпленныя цѣлыми гирляндами вьющихся ліанъ, которыя взбираются высоко на стройныя пальмы.

Нагорные же лѣса Гвіаны имѣютъ въ себѣ нѣчто суровое, угрюмое. Тысячи колоннъ футовъ по 100 вышиною, возносятся надъ вашей головой и лишь на верхушкахъ покрыты сплошной шапкой листвы, сквозь которую почти не проникаютъ солнечные лучи. Подъ ногами вашими поэтому почти нѣтъ травы—кое гдѣ тонкія, вытянутыя молодыя деревца какъ будто спѣшатъ достигнуть той огромной вышины, на которой могутъ захватить свѣта и воздуха, сколько имъ нужно для жизни и зелени. Нерѣдко ряды деревьевъ поддерживаются другими, словно костылями, дугами или подпорками. По землѣ, кромѣ папоротника и немногихъ другихъ нецвѣтущихъ растеній, лежатъ лишь сухія листья и обломанныя сучья вѣтвей, покрытыя мохомъ и плѣсенью. Оставивъ землю—жизнь лѣса какъ бы вся ушла къ этимъ воздушнымъ вершинамъ, которыя массою своей зелени образовали чудный, шумящій, громадный куполъ, гдѣ кувыркаются обезьяны, поютъ и щебечутъ безчисленныя пестрокрылыя, яркія птицы. Но все тихо и безмолвно внизу. По берегамъ рѣкъ и ручьевъ растительность уже много роскошнѣе и разнообразнѣе.

Тутъ лучи солнца уже проникаютъ повсюду. Трава шумитъ густая и сочная, кусты разростаются, покрываясь яркими цвѣтами и чудными плодами. Печальный грибной наростъ, мрачный папоротникъ уступаютъ мѣсто богатой зелени и большимъ яркимъ тропическимъ цвѣтамъ. Вьющіяся ліаны, выползая отъ корней до верхушекъ большихъ деревьевъ, захватываютъ своими гирляндами кусты и связываютъ все кругомъ въ одну сплошную зеленую глухую чащу.

Разница и въ животномъ царствѣ. Тамъ въ угрюмыхъ дебряхъ—ползаетъ гадъ, жаба и таится хищный звѣрь; здѣсь безчисленные виды самыхъ разнообразныхъ животныхъ оглашаютъ воздухъ своими криками и шумятъ въ вѣтвяхъ...

„Большой Бенъ“.

Исполинское дерево въ австралійскомъ лѣсу.

Все болѣе и болѣе становятся извѣстными разныя особенности Австраліи, ея роскошной растительности и ея животнаго царства. Отдаленность этой части свѣта, трудность изслѣдованій въ ея первобытныхъ дебряхъ, все это обусловливало малое съ ней знакомство. Въ № 16, 1879 года „Нивы“ мы помѣстили рисунокъ и свѣденія о необычайномъ деревѣ, Австралійскомъ экалиптусѣ—теперь читатели въ этомъ № встрѣтятъ изображеніе еще однаго гиганта—бѣлаго Камедника, о которомъ упоминаетъ французскій путешественникъ Шарне, говоря, что въ горахъ близь Блакспура онъ разъ остановился въ изумленіи, пораженный величавымъ лѣсомъ этой породы деревьевъ, что ему не приходилось видѣть ничего подобнаго, развѣ въ Калифорнійскихъ вѣковыхъ лѣсахъ. Австралійскія деревья выше, стрѣлообразнѣе, имѣютъ болѣе изящныя очертанія и не такъ вѣтвисты и густолиственны, какъ южноамериканскія. Тутъ были деревья футовъ по двѣнадцати въ діаметрѣ и футовъ до 300 вышиною и самое гигантское изъ нихъ, названное жителями Большой Бенъ (Бигъ-Бенъ) имѣетъ 56 ф. въ окружности и болѣе 400 ф. въ вышину. На нашемъ рисункѣ изображена только нижняя часть ствола гиганта. Возрастъ его мѣстные жители опредѣляли по разнымъ признакамъ, напр. по ежегодному утолщенію его—если положить это утолщеніе лишь въ одну линію въ годъ, то дереву должно быть около 2500 лѣтъ. Жители гордятся такимъ великолѣпнымъ представителемъ мѣстной растительности и Бигъ-Бенъ дѣйствительно представляетъ экземпляръ замѣчательный. „Но я видѣлъ деревья, говоритъ Шарне, которыя могутъ и у него оспаривать пальму первенства. Въ Калифорніи Секуайя имѣетъ до 30 ф. въ діаметрѣ и 350 ф. въ вышину; Агуагета (родъ кипариса) въ Оахакѣ, въ Мексикѣ—до 40 ф. въ діаметрѣ, но въ вышину за то лишь 120 ф. Кромѣ того я видѣлъ (и снялъ съ него фотографію) въ Магели на Коморскихъ островахъ—Боабабъ 28 ф. въ діаметрѣ и въ вышину лишь пятьдесятъ футовъ“. И такой необычайный ростъ этихъ деревьевъ не столько зависитъ отъ почвы, сколько отъ свойствъ самой породы ихъ—они вовсе не доказываютъ особаго плодородія страны. На югѣ Франціи есть двадцатилѣтніе Экалиптусы (австралійскіе камедники) уже болѣе двухъ футовъ въ діаметрѣ и Секуайи также лѣтъ по двадцати, уже дошедшіе футовъ до ста въ вышину.

Радость матери.

(Картина Перро).

Художники часто обращаются къ этому мотиву—къ выраженію одной изъ чистѣйшихъ и высшихъ земныхъ радостей—

радости матери первому лепету и пробуждающемуся сознанію своего ребенка. На картинѣ Перро малютка изображенъ разъигравшимся и развеселившимся въ конецъ и первыя маленькія словечки, которыя у него вырываются, вызываютъ улыбку счастія на молодое, красивое лицо молодой женщины.

Два рисунка Шпехта.

(стр. 544 и 545).

Въ нашемъ журналѣ читатели иногда могутъ встрѣтить мастерскія работы этаго художника, спеціалиста по части животныхъ. Чрезвычайно тонкая и удивительно изящная манера его пользуется въ Европѣ большою извѣстностью. Мѣткость и полнота жизни въ передачѣ выраженій различнѣйшихъ настроеній животныхъ у него никогда не ослабѣваютъ. Стоитъ напримѣръ вглядѣться въ первую картинку „Въ мастерской художника". Тутъ цѣлая исторія. Художникъ подсмотрѣлъ всѣхъ этихъ животныхъ, однихъ, внѣ присутствія человѣка. Какое общее удивленіе и какое недоброжелательное вниманіе къ этому задорному и смѣлому скворцу, который завладѣлъ тарелкой и никого къ ней не подпускаетъ. Умныя маленькія таксы и большой лѣнивый сетеръ задумчиво поглядываютъ на страннаго незнакомца, а кошка, болѣе нервная, не прочь уже и попробовать на немъ свои когти. Затѣмъ, на второмъ рисункѣ—эта семья кошекъ. Одинъ изъ юнѣйшихъ членовъ семьи предается необузданному веселью, преслѣдуя большой мячикъ—картинка также прелестно и тонко выполнена, какъ и первая.

Семипалатинская область *).

(Окончаніе).

Въ этомъ № мы заканчиваемъ рядъ интересныхъ и рѣдкихъ гравюръ, которыя намъ удалось предложить читателямъ—характернымъ рисункомъ свадебнаго наряда киргизки.

Положеніе женщины у киргизовъ, какъ и на всемъ мусульманскомъ востокѣ, незавидно. Конечно, условія кочеваго быта не допускаютъ гаремной жизни и киргизская женщина лица не закрываетъ, но тѣмъ не менѣе жена—раба и работница своего мужа. Богатый киргизъ дома проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, играя въ довольно азартную игру „*таузд**укъ*"; болтая съ одноаульцами, слушая сказочниковъ и пѣвцовъ, принимая гостей и толкуя съ ними о новостяхъ, до которыхъ киргизы страстные охотники или же просто отъ скуки стругая палочки.

Всѣ домашнія работы киргизскаго быта исполняются женщинами. Онѣ доятъ овецъ, приготовляютъ айранъ, куртъ и кумысъ; женщины стригутъ овецъ, изготовляютъ кошмы; при перекочевкѣ разборка и установка юртъ лежитъ тоже на обязанности женщинъ; онѣ же вышиваютъ украшенія на юртахъ, тикимети и проч.; красятъ шерсть и т. д. При возвращеніи мужа, жена или дочери должны его встрѣтить, принять лошадь, открыть дверь юрты и проч.

При такомъ взглядѣ на женщину естественно, что и при вступленіи въ бракъ она не имѣетъ никакого голоса. Отецъ смотритъ какъ на товаръ на своихъ дочерей, которыхъ онъ можетъ продать въ замужество и получить за нихъ калымъ. Дѣйствительно, дѣвочекъ просватываютъ отцы весьма рано, иногда даже въ колыбели, чтобы дать возможность отцу жениха исподволь выплатить *калымъ*. Размѣры его различны по состоянію—начиная отъ 100 молодыхъ кобылъ (байталовъ), потомъ 77, 67, 47, 37 и 27 кобылъ. Иногда прибавляется кольчуга, ружье, беркутъ и проч. Бейталъ принимается только за единицу, но калымъ уплачивается и прочимъ скотомъ, причемъ верблюда считаютъ за 5 кобылъ, иноходца за одного или двухъ верблюдовъ и т. д.

Вся церемонія сватовства заключается въ угощеніи сватовъ и въ объявленіи присутствующимъ, что такой-то просваталъ дочь такого-то за своего сына, на такихъ-то условіяхъ, затѣмъ начинается уплата калыма. Когда половина или треть калыма уплачены, женихъ является въ аулъ невѣсты съ подарками и вступаетъ уже въ права мужа; но бракъ считается заключеннымъ, только когда весь калымъ уплаченъ; религіозная церемонія состоитъ въ чтеніи молитвъ и погруженіи колецъ въ чашу съ водой, изъ которой даютъ отпить молодымъ, отцу и матери ихъ и свидѣтелямъ; иногда даже все дѣло ограничивается заявленіемъ при случаѣ муллѣ о свадьбѣ, для записи въ метрическія книги.

Когда весь калымъ уплаченъ, женихъ или молодой является въ аулъ невѣсты, и въ торжественномъ поѣздѣ увозитъ ее домой. На молодую надѣваютъ нарядный костюмъ, въ которомъ главную, характеристическую особенность представляетъ головной уборъ—*джаулукъ* и *саукуле* (см. рисунокъ). *Джаулукъ* капюшонъ изъ бѣлой матеріи, плотно облегающій голову, съ вырѣзомъ для лица, и спускающійся на грудь и плечи. У богатыхъ, джаулукъ дѣлается изъ шелковой матеріи, вышитой золотомъ, съ мѣховою опушкой кругомъ лица.

Саукуле представляетъ собою картонный конусъ, вышиною до аршина, покрытый краснымъ сукномъ съ нашитыми на немъ серебряными и золотыми пластинками, или перевитый галуномъ. Саукуле убирается жемчугомъ, кораллами и драгоцѣнными каменьями. Нижній край его опушенъ мѣхомъ выдры или бобра, затѣмъ на лобъ спускается жемчужная сѣтка. Съ боковъ прикрѣплены длинныя нити и кисти коралловъ и жемчуга, спускающіяся фестонами на грудь. Къ верхушкѣ *саукуле* прикрѣпляется пучекъ страусовыхъ, павлиньихъ или совиныхъ перьевъ, откуда также спускаются нити жемчуга и коралловъ. Цѣнность этаго убора доходитъ иногда до 2,000 рублей серебромъ, а вѣсъ фунтовъ до 15.

Кромѣ саукуле, невѣста надѣваетъ нарядный *тонъ* (зипунъ) изъ канфы или манлыка (китайскія шелковыя матеріи), обшитой соболемъ, бобромъ или выдрой.

Парадный конь невѣсты покрывается попоной изъ краснаго сукна, расшитой шелками, или изъ манлыка же, убраннаго золотымъ галуномъ, бахромой и кистями; такая же попона надѣвается на голову. Сѣдло все вышито шелкомъ; узда, стремена, вся сбруя — отдѣланы серебромъ и иногда каменьями.

Въ такомъ костюмѣ молодая, въ сопровожденіи матери, отправляется въ аулъ мужа. За ней везутъ ея приданое, состоящее изъ одежды, ковровъ и новой юрты. На другой день молодая отправляется въ юрту свекра; входя, три раза преклоняетъ колѣно, па что свекръ каждый разъ повторяетъ: „много твори добра, дочь". Затѣмъ сажаетъ ее около себя и начинается угощенье. Обмѣнъ подарковъ составляетъ едва ли не существеннѣйшую часть всей свадебной церемоніи.

Апельсины.

Апельсины безспорно заняли мѣсто однихъ изъ любимѣйшихъ, прекраснѣйшихъ и всѣми употребляемыхъ фруктовъ. Они прельщаютъ своимъ цвѣтомъ и вкусомъ; цвѣтами апельсина во многихъ странахъ украшаютъ къ вѣнцу невѣстъ. Для больныхъ изъ нихъ приготовляютъ прекрасный освѣжающій напитокъ. Обсахаренная корка употребляется въ конфектахъ и въ хозяйствѣ, а апельсинное масло входитъ въ составъ самыхъ тонкихъ эссенцій на фабрикахъ благовоній.

Азія считается родиной всѣхъ видовъ апельсиновъ (Auradiacea). Самый распространенный въ торговлѣ сортъ—это апельсинъ обыкновенный. Апельсины, померанцы, лимоны—все это видоизмѣненія одного вида citrus.

Сходство названій, какими называютъ видъ citrus на всѣхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, указываетъ на ихъ индійское происхожденіе. По санскритски апельсинъ называется Nagrunga, по индостански Nacungu, по арабски Naruny. Послѣ завоеваній аравитянъ апельсины изъ Индіи и Тибета были занесены въ Малую Азію, Сѣверную Африку, Азорскіе и Балеарскіе острова и наконецъ въ Южную Европу. Акклиматизація ихъ въ этихъ странахъ была сравнительно нетрудная и скорая. Но въ теченіи столѣтій они подверглись многимъ видоизмѣненіямъ естественнымъ и искусственнымъ и теперь трудно опредѣлить первоначальный ихъ видъ.

Мидія считается родиной citrus. Оттуда онъ былъ акклиматизированъ во многихъ персидскихъ провинціяхъ и вскорѣ затѣмъ сдѣлался извѣстенъ у грековъ. Евреи разводили это дерево въ глубокой еще древности и теперь еще у нихъ въ обычаѣ имѣть непремѣнно, во время праздника, кущей, вѣтку, цвѣтокъ или плодъ персика или апельсина. У многихъ народовъ, знавшихъ это дерево въ древности, было въ обычаѣ провожать мертвыхъ съ апельсинной вѣткой въ рукахъ.

Апельсины были завезены въ Италію въ III или IV вѣкѣ. Это большіе овальные плоды съ трудно отдѣляющейся кожей. Видоизмѣненіе апельсина составляетъ лимонъ, окрашенный гораздо свѣтлѣе.

Хотя опытному глазу легко отличить апельсинъ отъ померанца, но установить между ними существенные, отличительные признаки трудно. Апельсинъ отличается бо́льшею сладостію вкуса, но многіе приписываютъ это долговременному и заботливому за ними уходу. Извѣстный ботаникъ Кандоль утверждаетъ, что апельсинъ составляетъ видоизмѣненіе померанца, первоначальная родина котораго Китай или Кохинхина. Достовѣрно однако, что это дерево еще съ горькими плодами, во времена владычества римлянъ, распространилась повсюду изъ Персіи. Въ концѣ IX вѣка, аравитяне завезли его въ Палестину, Египетъ и Южную Европу. Въ 1002 году его прививали уже въ Сициліи. Когда апельсинъ былъ собственно занесенъ въ Европу съ достовѣрностью неизвѣстно. По португальцы знали апельсины и померанцы ранѣе, нежели доходили до мыса Доброй Надежды. Изъ Китая португальцы вывезли нѣсколько лучшихъ сортовъ этаго дерева. Въ 1671 году принцъ-регентъ, позже король Донъ-Педро II издалъ законъ, запрещающій вывозъ апельсинныхъ деревьевъ изъ края. Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы въ Португаліи не страдала торговля апельсинами, которые въ то время уже пріобрѣли Европейскую извѣстность.

Апельсинное дерево португальцами было завезено въ Бра-

*) См. № 23, 24, 25, и 26

зилію. Документы 1576 и 1589 г. свидѣтельствуютъ о распространеніи многихъ сортовъ этаго дерева подъ тропиками.

Принцъ Максимиліанъ упоминаетъ объ одномъ сортѣ бразильскаго апельсина, извѣстнаго подъ названіемъ „Laranja de terra", вкусъ котораго много уступаетъ обыкновенному апельсину. Такимъ образомъ остается достовѣрнымъ, что сортъ нынѣ употребляемый, появился впервые въ старомъ свѣтѣ, бразильскій же апельсинъ представляетъ только видоизмѣненіе этого дерева, одичавшаго вслѣдствіе отсутствія ухода за нимъ.

Профессоръ Грюнбахъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, что одичалые густые кустарники апельсина встрѣчались на многихъ вестъ-индскихъ островахъ, преимущественно на Кубѣ, еще до появленія тамъ европейцевъ. Онъ заключаетъ, изъ этаго что нѣкогда, въ доисторическое время, Америка соединена была съ Азіей.

Однимъ изъ лучшихъ и дорогихъ сортовъ считаются мандарины, родина которыхъ Кохинхина. Пересылка ихъ чрезвычайно затруднительна, вслѣдствіе тонкости кожи ихъ. Вообще для пересылки берутся апельсины не вполнѣ спѣлые, чтобы они не портились во время длиннаго пути. На сколько отъ этаго однако измѣняется вкусъ фрукта, можетъ судить только тотъ, кому приходилось ѣсть спѣлые апельсины, прямо съ дерева. „Бицарія"—апельсинъ флорентинскій, замѣчателенъ тѣмъ, что одновременно чередуются на деревѣ листья, цвѣты и плоды. Плоды похожи на смѣсь апельсина и лимона.

Долговѣчность и плодородіе апельсиннаго дерева вошли въ пословицу. Въ монастырѣ Св. Сабины въ Римѣ, стоитъ апельсинное дерево, которому насчитываютъ 600 лѣтъ. Апельсинное дерево „Великій Бурбонъ" въ Версальской оранжереѣ передъ своимъ паденіемъ, которое наконецъ произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣло 464 года. Прекрасныя деревья Дрезденской оранжереи были вывезены изъ Алжира въ 1732 году. Естествоиспытатели Гебенштрейтъ и Людвигъ взяли съ собою на корабль нѣсколько свѣже-срубленныхъ стволовъ, чтобы поднести ихъ королю Августу II какъ прекрасный матеріалъ для токарной работы. Но по прибытіи въ Дрезденъ стволы оказались на столько свѣжи, что при тщательномъ уходѣ дали корни. Въ настоящее время эти самыя деревья служатъ украшеніемъ королевской оранжереи. На островѣ Мигуэлѣ одно дерево изъ года въ годъ, давало до 20,000 штукъ плодовъ.

Изъ европейскихъ государствъ болѣе всего потребляютъ апельсины въ Англіи. Ежегодный ввозъ туда апельсина достигаетъ 700 милліоновъ штукъ. Цифра поразительная, принимая во вниманіе 18 милліоновъ жителей. Нигдѣ апельсины такъ не дешевы, какъ въ Лондонѣ; здѣсь они дешевле чѣмъ въ Лиссабонѣ.

На англійскій рынокъ апельсины доставляются съ Азорскихъ островов. Съ острова Мигуэля ежегодно вывозится 200,000 ящиковъ, по 200 штукъ въ каждомъ. Большая часть этаго количества идетъ въ Англію. Ежегодный вывозъ изъ Португаліи апельсиновъ и лимоновъ достигаетъ 170,000 ящиковъ по 1,000 штукъ въ каждомъ. Въ урожайные годы изъ Греціи вывозится отъ 40 до 50 милліоновъ апельсиновъ и лимоновъ, которые отсылаются въ Константинополь и другія мѣста Малой Азіи. На Майоркѣ апельсинные лѣса тянутся на десятки миль и ежегодно доставляютъ до 50 милліоновъ плодовъ. Въ Южной Италіи и Сициліи ежегодно вывозится ихъ на 200 милліоновъ франковъ. И въ другихъ неевропейскихъ государствахъ эта отрасль торговли теперь чрезвычайно развита. Въ Алжирѣ, въ ноябрѣ и декабрѣ сборомъ апельсинъ занято всегда до 400 человѣкъ, собирающихъ отъ 80 до 90,000 ящиковъ. Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, тотчасъ послѣ основанія колоній, были разведены апельсинныя деревья, приносящія нынѣ до 700,000 р. с. доходу на наши деньги.

Политическое обозрѣніе.

Порта и Европа.—Албанская лига.—Турецкіе финансы.—Дѣла на Китайской границѣ.—Наши приготовленія.—Кандидатъ на должность президента С. Американскихъ штатовъ.

Порта едва ли понимаетъ настоящее положеніе свое по отношенію къ Европѣ. Повидимому она смотритъ несерьезно на конференцію, на намѣреніе державъ оказать на нее давленіе, на этотъ разъ довольно осязательное, въ формѣ морской демонстраціи. Эскадры Франціи, Англіи и Италіи уже готовы и весьма можетъ быть скоро появятся въ Босфорѣ.

Султанъ вполнѣ предался фанатикамъ, увѣряющимъ его въ томъ, что онъ обладаетъ, въ качествѣ халифа, огромнымъ авторитетомъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Согласно всѣмъ свѣдѣніямъ, албанская лига поддерживается турецкимъ правительствомъ съ полнымъ усердіемъ. Въ нижней Албаніи лига распоряжается деспотически, взимаетъ подати, дѣлаетъ реквизиціи; весь скотъ уводится въ армію, сосредоточенную при Тузи, у населенія отбираются припасы, которые перевозятся въ Скутари, вслѣдствіе чего 12 деревень въ мѣстностяхъ Призрена пришли въ окончательное раззореніе. Комитетъ лиги состоитъ изъ 14 мусульманъ и 8 христіанъ; Коммисія изъ 4-хъ христіанъ и 6 мусульманъ завѣдуетъ спеціально финансовыми дѣлами и дѣлами управленія. Лига дѣйствуетъ съ удивительною дерзостью. Примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Новобазарскій губернаторъ, Гассанъ-Паша, желая, въ виду усилившагося броженія между арнаутами и опасности, угрожавшей христіанамъ, предупредить столкновеніе, предписалъ всеобщее разоруженіе. Членъ лиги, Эйюбъ-бей напалъ на него съ нѣсколькими арнаутами и убилъ его. Лига расширяетъ теперь кругъ дѣйствій своихъ, волнуя и возбуждая албанцевъ Македоніи, которые уже заявляютъ, что не желаютъ присоединенія къ Греціи. Если Порта рѣшилась противиться постановленіямъ конференціи, то эти новые сподвижники лиги окажутъ ей, конечно, немалую помощь. Турецкое правительство располагаетъ въ Ѳессаліи и Эпирѣ 27-тысячнымъ корпусомъ. Греція же, по слухамъ, можетъ, въ нѣсколько недѣль, довести армію свою отъ 35 до 40 тысячъ. Державы однако дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы какъ нибудь уладить пограничное размежеваніе, по крайней мѣрѣ, между Турціей и Черногоріей. Такъ, желая избѣгнуть затрудненій, съ которыми сопряжена передача Черногоріи города Дульциньо, онѣ предлагаютъ Портѣ уступить, вмѣсто этого города, равнину, прилегающую къ Подгорицѣ, съ нѣкоторыми довольно важными стратегическими пунктами обезпечивающими ея отъ арнаутскихъ набѣговъ. Этотъ обмѣнъ вполнѣ удобенъ, такъ какъ населеніе равнины состоитъ почти исключительно изъ славянъ. Странно, что не начали съ этой комбинаціи. Въ сферѣ финансоваго управленія Турціи недавно назначенные контролеры открыли необыкновенныя злоупотребленія. Оказалось, что растраты и расхищенія простираются до 230 милліоновъ франковъ. Между прочимъ мѣстечко Кадыкіой, расположенное противъ Стамбула, на азіатскомъ берегу Босфора и доставлявшее турецкому казначейству всего только 90 тысячъ піастровъ, платило, на самомъ дѣлѣ, сборщикамъ податей 350 тысячъ піастровъ.

Прусское правительство, въ виду отказа католической партіи центра отъ всякой сдѣлки въ вопросѣ отмѣны майскихъ законовъ противъ католическаго духовенства, вынуждено было вступить въ соглашеніе съ националъ-либералами, вслѣдствіе чего едвали не будетъ отклоненъ 4 §, церковно-политическаго закона, разрѣшающій правительству возвращать епископовъ, удаленныхъ по суду отъ должностей, въ прежнія ихъ епархіи.

Во Франціи уже началось примѣненіе декретовъ противъ недозволенныхъ духовныхъ конгрегацій. Недавно Парижская полиція закрыла главное убѣжище іезуитовъ въ Парижѣ, въ улицѣ Севръ, удаливъ оттуда всѣхъ жившихъ тамъ патеровъ (отъ 30 до 40). Дѣло обошлось не безъ сценъ, какъ внутри зданія, такъ и на улицѣ, сценъ, главными участниками которыхъ было много лицъ, занимающихъ извѣстное положеніе, какъ напр. сенаторовъ правой стороны и т. д. Патеры все таки удалены.

Что касается нашихъ отношеній къ Китаю въ настоящую минуту, то, не смотря на наружное миролюбіе китайскихъ пограничныхъ властей, торговцы наши снова начали подвергаться сильнымъ стѣсненіямъ, а слухи о военныхъ приготовленіяхъ китайцевъ не прекращаются. Въ Кашгарѣ китайскими властями набрано до 6,000 мѣстныхъ жителей, сартовъ, съ рабочимъ инструментомъ, будто бы для разработки дороги. Когда же люди эти были отправлены изъ Кашгара, на 3 переходѣ, они всѣ были обмундированы въ форму китайскихъ солдатъ. Въ Монголіи набираются также значительные отряды изъ населенія; частью они оставляются въ Ургѣ, частью отправляются на западъ. Число набранныхъ трудно опредѣлить. Извѣстно только, что одно племя дало 8 тысячъ, а другое („салоки", родъ нашихъ казаковъ), вооружено все. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Западной Сибири и Туркестана сообщаютъ и о нѣкоторыхъ приготовленіяхъ съ нашей стороны. Еще 10-го мая долженъ былъ, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, состоятся отъѣздъ командующаго войсками, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана къ войскамъ дѣйствующаго отряда, въ Семирѣченскую область, а оттуда въ Кульджу. Ближайшими помощниками генералъ избралъ себѣ: начальникомъ полеваго штаба генералъ-маіора Фриде, начальникомъ артиллеріи генералъ-лейтенанта Жарикова; Ферганскимъ дѣйствующимъ отрядомъ командуетъ генералъ-лейтенантъ Абрамовъ.

Между президентомъ Аргентинской республики и населеніемъ столичнаго города, Буэносъ-Айреса, произошелъ разрывъ. Президентъ, имѣя на своей сторонѣ регулярныя войска, разбилъ національную гвардію, силою въ 45 тысячъ человѣкъ, но овладѣть самымъ городомъ не могъ. Вѣроятно, впрочемъ, скоро послѣдуетъ и это.

Въ Америкѣ, подготовительныя работы по выборамъ президента штатовъ дали уже довольно опредѣленный результатъ,—общимъ кандидатомъ демократической партіи избранъ генералъ Уинфильдъ-Скоттъ-Ганкокъ, а вице-президентъ—Уильямъ Инглишъ.

Король Абиссинскій Іоаннъ заключилъ, наконецъ, миръ съ Египтомъ.

(Продолженіе на стр. 549, 550, 551 и 552).

Смѣсь.

Производство булавокъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ выдѣлывается ежегодно 72.500,000 пакетовъ булавокъ, или иначе 18,470,800,000 булавокъ. Лѣтъ 15 назадъ одинъ человѣкъ могъ выпустить въ минуту 14 булавокъ, теперь же, при современныхъ приспособленіяхъ каждый рабочій на булавочной фабрикѣ можетъ выдѣлать въ минуту 14,000 булавокъ.

Гиппофаги. въ Италіи 23-го мая *гиппофаги* (потребители лошадинаго мяса) давали первый свой банкетъ въ Портичи. Участвовали въ немъ 63 лица, въ числѣ ихъ Челентано, представитель Неаполитанскаго провинціальнаго совѣта, профессора ветеринарнаго училища и земледѣльческой школы, и нѣсколько членовъ зоологическаго общества. Всѣ единогласно объявили, что конина кушанье во всѣхъ отношеніяхъ превосходное. Провозглашено было нѣсколько тостовъ и самый восторженный въ честь профессора Бальдассоре, которому принадлежитъ иниціатива этой идеи, вызвавшая, разумѣется, недостаткомъ мяса.

Электрическій свѣтъ и растенія. Сименсъ сообщаетъ о дѣйствіи электрическаго свѣта на растенія. Онъ представилъ два горшка съ земляникой, посаженной одновременно и при однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Одинъ горшокъ попрежнему былъ поставленъ на дневной свѣтъ, а второй, кромѣ того, ночью освѣщался электрическимъ свѣтомъ. Въ первомъ были еще зеленыя ягоды, а во второмъ уже совершенно спѣлыя. По мнѣнію Сименса, электрическій свѣтъ, значитъ, способствуетъ образованію сахара и ароматическаго вещества, отъ которыхъ зависитъ созрѣваніе плода. Въ такомъ случаѣ садовникъ имѣетъ средство освободиться отъ необходимости солнечнаго свѣта и во всякое время года доставлять плоды наилучшаго качества.

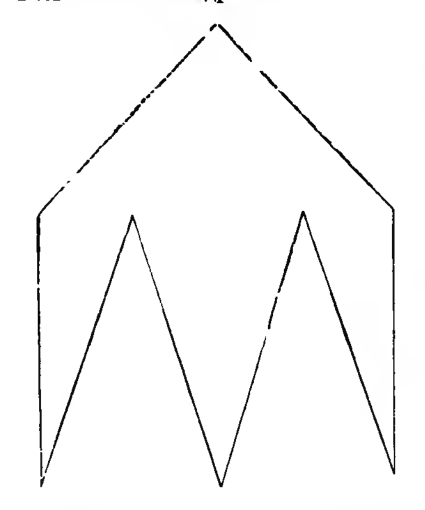
Спутникъ для дачниковъ. 1880 г. Спѣшимъ, пока еще есть настоятельная надобность въ такой книгѣ для каждаго живущаго на дачѣ подъ Петербургомъ, рекомендовать ее, какъ необходимую. Тутъ помѣщено лѣтнее движеніе всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, рейсы пароходовъ, движеніе омнибусовъ, адресы врачей и планъ Петербурга съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

Западно-Сибирскіе типы. Киргизка въ свадебномъ уборѣ. Съ фотогр. г-жи Полторацкой, грав. Пуцъ.

Геометрическая задача № 49.

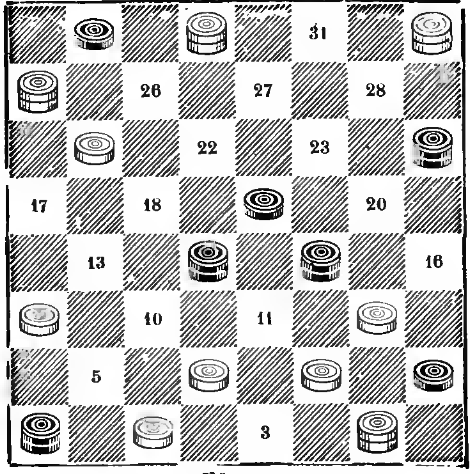
Разрѣзать ниже изображенную фигуру двумя линіями такъ, чтобы складывая полученныя части составить полный квадратъ.

Шашечная задача № 50.

Соломатина.

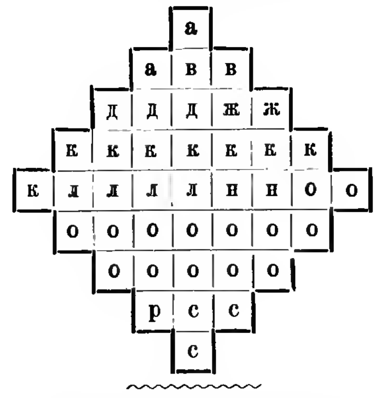
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ 4 черныхъ дамки и 3 простыхъ.

Магическій крестъ. Задача № 51.

Задачи магическихъ квадратовъ.

№ 52.

а	а	г	г
и	л	л	о
о	р	р	с
с	у	у	я

№ 53.

а	а	а	г
л	л	м	м
н	н	о	т
т	у	у	я

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СКОПИНСКІЙ

ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ.

(ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.107.111 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ однаго года до 12 лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6%	въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½%	» »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7%	» »
» вѣчное время	7½%	» »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основнымъ и запаснымъ капиталами 1.107.111 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъимянные, т. е. на предъявителя *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учрежденій на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручить Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотаріусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъимянные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая. 1866 года и 30 ноября 1870 года.

---

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

„Въ Скопинскій городской Общественный Банкъ (отъ такого) объявленіе. Представляя при семъ (столько-то рублей) прошу принять эту сумму во вкладъ для обращенія взъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) н составить билетъ на мое имя (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число. мѣсяцъ, годъ.*"

№ 796

Директоръ *Рычковъ.*

XI годъ — годъ XI
№ 28 — 1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 12 Іюля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Луисъ Камоэнсъ, авторъ поэмы „Луизіада“.

(По поводу исполнившагося трехсотлѣтія со дня его смерти).

Португалія чествовала иедавно память своего поэта, при нмени котораго возстаетъ передъ нами время наивысшаго могущества н славы Лузитанцевъ. Въ это блестящее для нея время небольшая, незначнтельная страна владѣетъ обширными землями въ Африкѣ, Азіи, южиой Америкѣ и утверждаетъ свою власть даже въ Индіи. Это время процвѣтанія ея было однако непродолжительно. Въ 1498 г. Васко де-Гама овладѣлъ Каликутой, два года спустя Бразнлія отошла подъ власть Эмануила Счастливаго и уже 4 августа 1578 г. несчастный, болѣзненный племяинникъ его потерялъ и жизнь н иласть, которая затѣмъ перешла къ Испанскому королю Филиппу II. Англичане, Голландцы и Испанцы теперь уже давно владѣютъ большею частью португальскихъ земель и колоній и исчезла и самая память героевъ, открывшихъ эти земли и основавшихъ поселенія. Имена ихъ и подвиги стали уже достояніемъ нсторіи, ихъ же могучій духъ, ихъ слава во всемъ ея блескѣ, образы ихъ во всемъ ихъ велнчіи воплотились всецѣло и обезсмертились въ звучныхъ строфахъ знаменитаго пор-

Камоэнсъ. Португальскій поэтъ XVI в. Авторъ поэмы „Луизіада“.
По фотогр. грав. Флюгель

тугальскаго поэта. Преслѣдуемый несчастіями, завистью и злобою враговъ, людскою неблагодарностью—окончилъ жизнь творецъ „Луизіады“. „Онъ жилъ въ бѣдности и страданіяхъ и умеръ также“— гласитъ простая надпись, выбитая на его памятникѣ, который поставили поэту лишь шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ его смерти, когда народъ понялъ его великое значеніе. „Это былъ царь поэтовъ своего времени“ какъ справедливо говоритъ та же надпись далѣе.

Сынъ образованныхъ, но небогатыхъ родителей, Луисъ Камоэнсъ родился въ 1525 г. и время его цвѣтущей юности совпадаетъ съ временемъ появленія на его родинѣ величайшихъ „пѣнителей моря“ тѣхъ героевъ, которые сдѣлали славнымъ и грознымъ имя Португаліи. Отецъ его принималъ самъ лично неоднократно участіе въ славныхъ морскихъ экспедиціяхъ, даже командовалъ однимъ военнымъ кораблемъ. Поэтъ, еще юношей, былъ изгнанъ и удаленъ отъ Лиссабонскаго двора вслѣдствіе одной любовной интриги и потомъ былъ на отцовскомъ кораблѣ, сражаясь противъ мавровъ, и язычниковъ на службѣ родинѣ въ

экспедиціи противъ Сеуты съ мужествомъ и отличіемъ. Здѣсь онъ имѣлъ несчастіе въ бою потерять глазъ. Тогда онъ возвратился въ Лиссабонъ, разсчитывая, что за его военныя заслуги правительство проститъ его и дастъ ему какое нибудь мѣсто въ гражданской службѣ, но ничего не достигъ и принужденъ снова ввѣрить свою судьбу бурнымъ волнамъ. Онъ участвуетъ въ 1553 г. въ экспедиціи Альвареса Кабраля въ Индію. Изъ четырехъ кораблей, которые составляли флотилію Альвареса, три были застигнуты ужасными бурями; и лишь одинъ изъ нихъ—адмиральскій, на которомъ по счастію находился и поэтъ, прибылъ въ Гоа, послѣ долгой, ужасной борьбы съ противными вѣтрами. Только что вступивъ на твердую землю, Камоэнсъ уже присоединяется къ грандіозной и побѣдоносной экспедиціи Вицекороля противъ властителя Шенба. По возвращеніи въ Гоа онъ наконецъ былъ награжденъ соотвѣтствующимъ отличіемъ, какого онъ былъ вполнѣ достоинъ по своимъ трудамъ, познаніямъ и опытности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вновь очутился въ морѣ и долженъ былъ идти на новые труды и битвы. На этотъ разъ адмиралъ Мигоэль Васконтеллосъ взялъ его для руководительства своей экспедиціей. Между тѣмъ въ Гоа умеръ губернаторъ Донъ-Педро Маскаренасъ и когда, весною 1555 г. Камоэнсъ опять вернулся въ Гоа, то увидалъ что преемникъ умершаго губернатора Баррето установилъ здѣсь самый крайній непотизмъ и торговлю мѣстами, вслѣдствіе которыхъ всѣ должности сосредоточились въ рукахъ нѣсколькихъ фамилій, что служило источникомъ вѣчныхъ несогласій и несчастій и взаимной вражды. Воспламененный гнѣвомъ, поэтъ излилъ его въ великолѣпной сатирѣ, которая произвела огромное впечатлѣніе. Это былъ смѣлый, сильный но необдуманный шагъ,—какъ и все что дѣлалъ Камоэнсъ. Послѣдствіемъ этой сатиры была высылка поэта на Молуккскіе острова. Пять лѣтъ прожилъ онъ въ Макао и купилъ себѣ здѣсь даже землю—здѣсь же написалъ онъ большую часть своей знаменитой поэмы „Луизіада". Въ 1561 г. онъ вернулся въ Гоа. Недалеко отъ устьевъ рѣки Камбоджи, корабль, на которомъ онъ плылъ, потерпѣлъ крушеніе и жизнь поэта и его произведеніе не погибли въ морѣ, только благодаря тому, что могучая грудь Камоэнса также отважно разсѣкала морскія волны, какъ волны его бурной, безпокойной жизни.

Вновь начались его несчастія. Въ Гоа его враги начали противъ него процессъ и когда Франциско Кутинто сталъ во главѣ управленія то велѣлъ поэта подвергнуть временному заключенію. Въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ правосудіе не процвѣтало. Долги мучили его, но отъ нихъ на первый разъ освободилъ его вице-король, въ честь котораго онъ написалъ блещущее остроуміемъ и поэзіей стихотвореніе. И въ Индіи его преслѣдовали долги, пока кружокъ людей высшаго общества не принялъ въ немъ участіе—избавили его отъ затрудненій и исхлопотали ему возвращеніе въ Лиссабонъ. Поэма его уже была готова. Онъ мечталъ скорѣе ее напечатать; цѣль его вдохновлявшая была—разсказать грядущимъ поколѣніямъ геройскія дѣянія ихъ отцовъ и одушевить эти поколѣнія на новые подвиги на славу родинѣ.

Въ 1569 году онъ вернулся въ Лиссабонъ. Донъ Іоаннъ уже скончался и молодой, кипящій силами Донъ Себастіанъ вступилъ на престолъ. Юному властителю и рѣшилъ Камоэнсъ посвятить свою поэму. Но подчинившійся іезуитамъ, король уже тогда вовсе не благоволилъ къ знаменитому пѣвцу-герою. Кромѣ того въ это время начала свирѣпствовать страшная моровая язва въ Лиссабонѣ и его окрестностяхъ и событіе это задержало печатаніе Луизіады болѣе чѣмъ на два года. Въ 1571 г. появились первыя десять пѣсенъ поэмы и имѣли такой успѣхъ что въ концѣ того же года потребовалось новое изданіе. Имя поэта переходило изъ устъ въ уста. Но толпа также быстро развѣнчиваетъ какъ и возноситъ своихъ любимцевъ. Въ городѣ уже передавали, смѣясь злорадно, что Донъ Себастіанъ въ видѣ награды назначилъ поэту ежегодную пенсію, на наши деньги въ 25 рублей, съ обязательствомъ состоять при Дворѣ. Больной, нищій и всѣми оставленный, доживалъ послѣдніе годы великій поэтъ, которому служилъ и котораго покоилъ лишь вѣрный рабъ, вывезенный имъ изъ Индіи, уроженецъ Джамы, не имѣвшій никакого понятія о геніи своего господина, но любившій его отъ всего сердца. И скончался Камоэнсъ, нищій и страдающій, также какъ жилъ; но смерть избавила его отъ великаго горя—горя видѣть униженіе своей родины, которую онъ любилъ глубоко, какъ истинный патріотъ.

Но какую бурную, сильную, полную событій жизнь прожилъ онъ. Современникъ его Фаріа говоритъ, что это былъ человѣкъ въ юности весьма красивый, сердечный и великодушный всегда и вездѣ; открытый, отважный характеръ привлекалъ къ нему всѣхъ и только несчастія послѣднихъ лѣтъ сдѣлали его грустнымъ и задумчивымъ. И такимъ и долженъ былъ быть авторъ „Луизіады" въ строфахъ которой—ясныхъ, величавыхъ—отражается чистая, мужественная душа Камоэнса.

Рано волновали эту высокую душу повѣствованія объ геройскихъ подвигахъ и плаваніяхъ Лузитанцевъ; Васко, знаменитый пѣнитель моря, былъ его героемъ, подражать ему—было его юношескою мечтою. Еще въ Коимбрѣ, въ университетѣ, дивясь высокимъ образамъ Гомерическихъ сказаній, онъ уже вдохновлялся героической поэмой. Содержаніе Луизіады—это описаніе подвиговъ Васко де Гама и вообще португальскаго народа. Бахусъ Лузусъ, отъ котораго по преданію произошли Лузитане т. е. Португальцы—дѣянія его потомковъ и изображаются въ поэмѣ. Въ началѣ поэтъ обращается къ молодому королю, чтобы выслушалъ онъ повѣсть о подвигахъ возвышающихъ духъ и пробуждающихъ патріотизмъ

Вдохнови ты меня—океана волна—
Чтобъ полна и стремленья и силы
Пѣснь моя понеслася, далеко слышна,
Раздаваясь на родинѣ милой.
Чтобъ она, какъ труба боевая войскамъ,
Воскресила героевъ походы,
Чтобы память ихъ внуки далекимъ вѣкамъ
Передали бы въ роды и въ роды.

Въ звучныхъ стихахъ поэмы постоянно чувствуется подражаніе классическимъ поэтамъ. Дѣйствіе начинается на Олимпѣ. Одни боги завидуютъ Лузитанамъ. Венера и Марсъ имъ покровительствуютъ. Васко де Гама разбиваетъ Мавровъ, пристаетъ къ острову Момбацу, гдѣ португальцевъ сговариваются всѣхъ истребить, но Венера спасаетъ ихъ отъ погибели а Меркурій приводитъ ихъ въ Мелинду. Здѣсь Васко де Гама и его отважные товарищи приняты очень радушно и разсказываютъ въ одушевленныхъ словахъ царю о своей родинѣ и ея могуществѣ.

Страннымъ образомъ вплетается въ эту повѣсть о Лузитанскихъ герояхъ аллегорія и боги Греціи, и казалось это должно было быть препятствіемъ къ пониманію народомъ поэмы и ея повсемѣстной славѣ. Однако есть главы, которыя написаны такими сильными и огневыми стихами, что они извѣстны каждому португальцу. Укажемъ напр. на 3-ю, 4-ю и 5-ю главы, гдѣ говорится о странствіяхъ Гамы и о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ въ Португаліи и на извѣстный трогательный разсказъ о Инесѣ Де-Кастро. Затѣмъ укажемъ на восьмую главу, гдѣ во время пребыванія Гамы въ Каликутѣ, царь Каликуты увидѣвъ изображенія на знаменахъ Португальцевъ, проситъ ихъ объяснить и льются чудныя строфы разсказа о битвахъ и страданіяхъ Лузитанцевъ. Кромѣ описаній, патріотическихъ эпизодовъ и разсказовъ, въ поэмѣ есть смѣлая сатира, относящаяся къ самому Дону Себастіану, іезуитизму, и дурнымъ, порочнымъ сторонамъ жизни соотечественниковъ поэта. Въ 1578 г. Донъ Себастіанъ погибъ въ Африкѣ. Португальцы терпѣли пораженія—это глубоко огорчало патріотизмъ Камоэнса, хотя онъ не дожилъ до паденія славы и могущества своего отечества. Онъ умеръ 8 іюня 1580 года.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XIII.

Сообщники.

Гавриловъ вышелъ отъ графини Брумъ въ двѣнадцатомъ часу и идя по корридору, встрѣтилъ лакея доложившаго, что какой-то старичекъ дожидается его, что-бы лично передать ему важное письмо... Гавриловъ освѣдомился:

— Гдѣ онъ?

— Ждетъ въ швейцарской.

— Позовите,—и отворяя дверь въ номеръ, пробираясь ощупью въ полутемнотѣ, раздѣленной на двое занавѣсью комнаты, нащупалъ на столѣ спички и зажегъ свѣчи... Затѣмъ сбросилъ съ себя сюртукъ, растегнулъ жилетъ и въ ожиданіи старичка, принесшаго ему письмо, началъ расхаживать по комнатѣ.

Старичекъ не заставилъ себя долго ждать и вскорѣ его приличная фигурка въ бекешѣ, держа въ рукахъ мѣховую шапку, появилась на порогѣ отворенной въ корридоръ двери, отвѣсила еще оттуда Гаврилову поклонъ и какъ бы не осмѣливаясь войдти безъ разрѣшенія остановилась, ожидая позволенія... Гавриловъ крикнулъ:

— Войди.

Тогда старичекъ вошелъ и плотно затворилъ за со-

бою дверь... Лишь только это совершилось, физіономія его утратила прежнюю почтительность, манеры сдѣлались рѣшительнѣе и смѣлѣе и старичекъ, безъ всякаго уже разрѣшенія, смѣло вошелъ въ то отдѣленіе номера, по которому расхаживалъ Говриловъ:

— Здраствуйте-съ.

— Здраствуй,—и Гавриловъ сѣлъ, ожидая дальнѣйшихъ поясненій прихода старика, откидывая назадъ волосы...

Старичекъ безъ всякаго приглашенія со стороны хозяина усѣлся на кресло и, отстегнувъ полу бекеши, вытащилъ изъ боковаго кармана гороховаго пальто, надѣтаго подъ нею старый, засаленный бумажникъ, развернувъ который, вынулъ изъ него двѣ радужныхъ депозитки и, тщательно расправивъ, положилъ ихъ передъ Гавриловымъ на столъ а тотъ, сосчитавъ глазомъ сколько, замѣтилъ:

— Маловато.

Тогда старикъ тономъ ворчливаго стараго слуги, отозвался:

— Будетъ-съ... Больше нельзя; больше не возможно... Сами знаете: только сотню беру въ уплату...

— Ну!—потянулъ со стола депозитки Гавриловъ и сунулъ ихъ въ карманъ панталонъ,—осталось много-ли?

— Много-съ.

Старикъ развернулъ какую-то бумагу:

— Нѣшто росписки-то мои въ полученіи не у васъ?

— У меня... да, чортъ-ли ихъ считать-то...

Старикъ смотрѣлъ въ бумагу, внимательно перебѣгая своими огненными глазами отъ строки къ строкѣ, шепча что-то тонкими губами, складывая въ умѣ цифры...

— Шесть тысячь двѣсти уплачено-съ...

Онъ строго посмотрѣлъ при этомъ на Гаврилова взглядомъ няньки, смотрящей на провинившагося питомца... Гавриловъ закинувъ ногу за ручку креселъ, свистнулъ:

— Немного... Остается 18,800...

И вставъ, прошелся по комнатѣ.

— И кой чортъ я тебѣ столько задолжалъ!

— Въ карты-бы не играли-съ... Тогда небось благодарны были, какъ я васъ выручилъ?.. кровныя, заповѣдныя денежки, трудами рукъ своихъ, шиломъ да дратвой, сударь, многіе годы копилъ...

— Знаю, другъ ты мой любезный, я твое шило... Не очень-то отъ такой работы спину ломитъ,—усмѣхнулся Гавриловъ, продолжая ходить по комнатѣ...

— Кровь портится, сударь,—научилъ старикъ,—волненія разныя бываютъ... Это всякаго шила тоже стоитъ-съ...

Гавриловъ остановился передъ старикомъ:

— И куда только ты деньги копишь,—спросилъ онъ его?..

— Куда-съ?.. Какъ куда-съ?

— Человѣкъ ты одинокій... Зналъ бы себѣ сапожникомъ вѣкъ свой въ Тулѣ проживалъ... На твой вѣкъ достало бы...

— Какъ одинокій, — придрался старикъ къ первымъ словамъ Гаврилова,—а Сашку-то моего, сестрина-то сына, забыли-съ?

Гавриловъ махнулъ рукой:

— Лицемѣръ ты старый,—пошелъ онъ снова по комнатѣ, — нашелъ кого назвать?.. Точно любитъ... Кабы любилъ, небось-бы Сашка-то твой изъ тюрьмы въ тюрьму не шлялся... Хорошимъ бы человѣкомъ сдѣлалъ его...

— А вы нѣшто дурной-съ?

— Я?.. Ну, братъ, я статья иная... Я за увлеченія молодости расплачиваюсь... Было состояніе — жилъ на него, а не стало—надо-же на что нибудь жить...

— А коли у Сашеньки-то этимъ самымъ его поведеніемъ волненіе молодой крови выходитъ-съ... Перемелется —мука будетъ-съ... Пройдутъ его годы молодые—остепенится и начнетъ жить, какъ всѣ хорошіе люди живутъ... Вы нѣшто, сударь, такого волненія не испытывали-съ? Я васъ съ молодыхъ лѣтъ знаю-съ... Вы только что въ возрастъ приходить начали—въ интригу съ старшею васъ годами барышней вступили-съ... Богъ вамъ сынка послалъ... Въ бракъ законный съ богатѣйшей дѣвицей вступили-съ, кажется чего бы лучше остепениться, а вы шасть къ прежней своей любви... Сыночка-то за это время спровадили:—Господь вамъ дочку послалъ... Заскучали-съ: и законная и незаконная не по нраву пришли-съ—и ускакали-съ... Только одну шалость на прощаніе сдѣлали: оставленной супругѣ дочку подкинули... Развѣ такой образъ дѣйствій не волненіе вашей крови означаетъ-съ?..

Гавриловъ осердился:

— Да, что ты мнѣ мою жизнь-то разсказываешь?.. Я и безъ тебя знаю.

— Конечно знаете-съ,—спокойно отозвался старикъ, —только, какъ я вашу милость еще съ тѣхъ самыхъ поръ знаю-съ, какъ вы съ барышней нашей дружбу свели, какъ я еще на волю отъ нихъ съ маменькой не отошелъ и за сапожное ремесло не принялся,—такъ и позволилъ себѣ вамъ въ наставленіе нѣсколько словъ сказать... Я своему Сашенькѣ поперегъ дороги становиться не хочу. Коли это ему въ удовольствіе,—для чего-же я его удовольствія лишать буду-съ?.. Старше станетъ—остепенится.

— Да, держи карманъ... Вонъ ты кажется не молодъ, и остепенился небось?.. По моему ты на старости-то лѣтъ и развернулся...

— Для Сашеньки-съ... Все—его, все ему пойдетъ-съ... Да, и вы, сударь, не больно вѣдь молоды...

Гавриловъ остановился снова передъ продолжающимъ сидѣть старикомъ.

— Меня другъ ты мой любезный, крайность, нужда къ этому побуждаетъ... Не задолжай я тебѣ послѣ проигрыша—я бы можетъ довольствовался только тѣмъ, что жена мнѣ въ годъ выдаетъ.

— А *это*-то, — сдѣлалъ старикъ удареніе на словѣ „это“,—для ускоренія замыслили?..

— Вотъ—подтвердилъ Гавриловъ такое предложеніе, —сдѣлаю *это* и шабашъ!.. Съ долгами развяжусь, со всѣмъ, со всѣмъ!..

Онъ положительно прокричалъ послѣднія слова, точно предвкушая радость какого-то освобожденія отъ связывающихъ его оковъ... Старикъ не сводилъ съ него глазъ, какъ бы занятый прежнею мыслью... И вдругъ вернулся къ прерванному.

— Нѣтъ, сударь, вы Сашеньку не такъ понимаете... Можетъ онъ волненіе-то крови отъ насъ по наслѣдію пріялъ-съ... Можетъ самъ-отъ онъ и иной бы былъ-съ... А мы школу, сударь такую проходили, подневольными родились и съ дѣтства ранняго къ лицемѣрію и лжи привыкали... Чѣмъ-же сударь, Сашенька-то въ этомъ виновенъ?..

Гавриловъ махнулъ рукой:

— Ну, ты философію-то свою для другихъ прибереги.. Говори о дѣлѣ... Не люблю я васъ здѣсь принимать,— онъ указалъ глазами на комнату, — лучше, какъ письменно вызовешь въ ночлежный, или въ трактиръ какой.. Ну, говори.

И сѣлъ на кресло, закинувъ ногу, за руку...

— Вы говорите-съ,—сжалъ губы старикъ.

— Прежде всего, не забудь росписку въ полученіи денегъ.

— Вотъ-съ.—Старикъ протянулъ Гаврилову бумагу, которую тотъ осмотрѣлъ и спряталъ въ карманъ.

— Ну, Сашку своего опредѣлилъ?

— Опредѣлилъ-съ. На мѣстѣ, довольны-съ.

— Паспортъ и рекомендація на имя *того*?

— Да-съ.

Гавриловъ на мгновеніе сдѣлался задумчивымъ и какъ-то медленнѣе заговорилъ:

Наше хлѣбопашество. Ориг. рис. Н Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— Если *это* будетъ успѣшно, такъ *его* будутъ искать... А?

— Его-съ, его... Сашеньку въ сторонѣ надо оставить..

Гавриловъ, какъ-бы съ минуту колебался, потомъ улыбнулся легкомысленно—вѣрно дѣло шло о чемъ нибудь весьма простомъ и вздорномъ и обратился къ старику, съ блуждающею на лицѣ улыбкою:

— Что-жъ! мѣстечко себѣ спокойное покрайней мѣрѣ найдетъ... А то изъ мѣста въ мѣсто шляется... Безъ роду, безъ племени...

И не дождавшись отъ старика отвѣта, прибавилъ:

— Только какъ-бы его опять туда, въ Марбургъ-то его родимый — не угнали... Ты его попридержи въ надежномъ мѣстечкѣ.

— Попридержу...

— А въ *тотъ* день и выпусти птичку изъ клѣтки... И рекомендацію-то ему обратно всучи..

— Все сдѣлаю-съ.

Оба на мгновеніе смолкли, погруженные въ глубокую думу... Гавриловъ закурилъ папиросу и заговорилъ...

— О *той* я разузналъ... По какимъ-то благочестивымъ дѣламъ сюда пожаловала, церковь что-ли строить хочетъ какую... Какъ *это* сдѣлается, какъ прусскій-то подданный нашъ отличится, — мы, братецъ, къ ней и приступимъ... Скандала-то побоится: вотъ дескать до чего довела...

И снова всталъ и началъ ходить по комнатѣ, дѣлая глубокія затяжки... Потомъ вдругъ остановился передъ старикомъ и усмѣхнулся.

— Мое-то, старикъ, волненіе въ крови стихнетъ, какъ я оттуда и отсюда кушъ изрядный получу... Тогда я честолюбіемъ займуся: на знатной барышнѣ женюсь..

И подмигнулъ:

— На примѣтѣ такая есть... А вотъ вы-то съ Сашкой уйметесь-ли?.. Ваше-то волненіе въ крови окончится-ли когда?..

Онъ смотрѣлъ на старика, сидящаго передъ нимъ на креслѣ... Рука сложенная чашечкой бросилась ему въ глаза...

— Руку-то, руку-то какъ держишь... Капиталистъ,— а просишь...

Старикъ скромно улыбнулся, но чашечки своей не разогнулъ.

— Что-жъ,— сказалъ онъ,—вонъ, какъ давеча съ почты отъ супруги вашей деньги ваши ежемѣсячныя получилъ, да домой возвращался, — старикъ какой-то встрѣтся, я не просилъ, и только посторонился для него, да глаза на него поднялъ, руку то, знаете, по своей привычкѣ держу этакимъ манеромъ, а онъ бацъ мнѣ рублевую бумажку въ руку-то-съ... На,—говоритъ,—старикъ, въ молитвѣ своей помяни раба Божія Порфирія... А у самого, вѣрво къ возрасту моему преклонному сожалѣніе возникло, на глазахъ, вѣрите-ли, слезы... Пошелъ, да опять назадъ... Зайди, говоритъ, старикъ въ домъ Колышкина на набережной Пряжки, въ квартиру Батракова...

— Ну и чтожъ,—думаешь идти?

— Держите карманъ,—засмѣялся старикъ и поднялся съ мѣста, собираясь оставить своего сообщника и должника.

— Поздно-съ. Спокойной ночи, пріятнаго сна-съ...

XIV.

Развязка.

Въ этотъ годъ m-elle Деверіа создала на сценѣ Михайловскаго театра роль прекрасной Елены, въ надѣлавшей въ свое время громаднаго шуму оперетте того же имени. Въ театръ ломились и билеты брали съ бою. Во вкусахъ публики къ драматическимъ зрѣлищамъ произошло нѣчто странное... Правовѣды провозгласили тріумфъ чувственныхъ произведеній и мнѣніе этаго казалось бы не особенно компетентнаго кружка, чуть замѣтными струйками пробралось по стволу, вѣтвямъ и листьямъ общественнаго древа, подточило его, какъ червь — и серьезная комедія отошла на задній планъ, стала даваться только для съѣзда... Театръ оставался полупустъ, пока шла драма, которую слушали лѣниво, изрѣдка поощряя вялымъ апплодисментомъ такихъ артистовъ, какъ Самойловъ, Линская или на французской сценѣ, m-me Вольнисъ... Но лишь только трехъ или пяти-актная комедія кончалась, публика возвращалась изъ фойе, торопилась занять мѣста; золотая молодежь, только что успѣвшая къ этому часу попасть въ театръ, перекидывалась другъ съ другомъ различными полуфразами, кивала появлявшимся въ ложахъ дамамъ полусвѣта,—все оживало и прояснялось... Къ первому взмаху капельмейстерскаго жезла всѣ уже были на мѣстахъ и при первыхъ звукахъ увертюры—родъ какого-то страннаго опьяненія и затмѣнія мысли овладѣвалъ всѣми собравшимися на спектакль... Къ таланту стали до такой степени снисходительны, что безголосому хору, которымъ начинается оперета, апплодировали въ какомъ-то странномъ изступленіи; когда-же, закутанная въ черный крепъ, усѣянный золотыми звѣздами, появлялась въ рыжемъ парикѣ прекрасная Елена—восторгамъ не было конца.

Клеопатра Петровна, пріѣхавшая въ Петербургъ на время, на какой нибудь мѣсяцъ, посѣтивъ всѣхъ знакомыхъ, изъявила желаніе побывать въ театрѣ, пригласивъ Кожухова съ женой сопровождать ее. Кожуховъ же долженъ былъ и взять ложу и на предложенный имъ вопросъ, въ какой театръ желаетъ Клеопатра Петровна, получилъ равнодушный отвѣтъ:

— А пьяво, дьюжечекъ, не знаю... Что въ модѣ?..

— Да, вотъ была въ модѣ итальянская опера, но теперь упала... Теперь вонъ всѣ во французскій театръ ѣздятъ... „Прекрасную Елену“ тамъ отлично играютъ..

— Это что-же такое?

— Царица такая въ древности у грековъ была... Вѣтряностью больше въ исторіи прославилась... Отъ мужа бѣжала...

— Я и сама отъ мужа бѣжая... Смѣшно?

— Очень смѣшно.

— А чего же она отъ мужа бѣжая? Дуйной что-ли бый?

— Д-дасъ,—затруднился Кожуховъ отвѣтомъ,—съ замѣчательнымъ красавцемъ бѣжала, влюбилась...

— Беи біетъ,—рѣшила Креопатра Петровна,—я сама на эту цаицу похожа, хоть и одна бѣжая отъ мужа...

Билетъ достали съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что очень дорогихъ ложъ Клеопатра Петровна брать не приказала, вслѣдствіе свойственной ей разсчетливости и на спектакль поѣхала только вдвоемъ съ Катишь, такъ какъ вѣчно занятый Кожуховъ, вслѣдствіе неотложнаго дѣла, къ началу спектакля быть не могъ и рѣшилъ, что пріѣдетъ позднѣе. Такимъ образомъ Клеопатра Петровна помѣстилась въ ложѣ, вдвоемъ съ Катишь.

Цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ Катерина Александровна увидѣла впервые Пантелѣева... Послѣ той краткой и несвязной молитвы, которая вырвалась у нея, когда она осталась одна въ своей комнатѣ, легкимъ налетомъ розоватаго отблеска мечтаній, какимъ-то мерцающимъ разсвѣтомъ, — налетѣли на нее сновидѣнія... Ахъ, никогда она не видѣла золотыхъ сновъ!.. До сихъ поръ ея душа спала, скованная сновидѣніями, какъ и на яву; того стимула, той пружины, которыя бы сообщили ей движеніе, освободили отъ житейскихъ тяжелыхъ оковъ, дали подняться къ темно-голубымъ небесамъ, къ яркимъ созвѣздіямъ—до сихъ поръ не являлось въ ея жизни... Темноголубыя небеса! яркія звѣзды! Она смотрѣла на нихъ холоднымъ взглядомъ; природа являлась ей, сквозь ту ледяную призму, въ которую глядѣла она безучастною, какою-то нѣмою и холодною массой... нѣжнымъ оттѣнкамъ небесной лазури, мали-

новому закату, всѣмъ переходамъ зеленѣющихъ полей свѣтло-зеленаго къ синевѣ, темнѣющаго въ отдаленіи лѣса, — оставался недоступенъ ея глазъ... Ландшафтъ являлся ей чѣмъ-то въ родѣ китайской живописи, не имѣющей перспективы, не представляющей надлежащихъ оттѣнковъ свѣта... И жизнь, и природа были одѣты для нея въ какой-то однообразный, тусклый и туманный колоритъ...

И вдругъ, когда на другой день послѣ свиданія съ Пантелѣевымъ, Катерина Александровна проснулась, она сразу поняла, что въ ея душѣ наступилъ и совершился какой-то странный переворотъ... Солнечные лучи проникли въ ея спальню сквозь просвѣтъ неплотно сдвинутыхъ, темныхъ занавѣсей и косымъ снопомъ упали на какую-то хрустальную вещь, стоявшую на туалетномъ столѣ, преломились въ ней и отразились радужно окрашеннымъ спектромъ на оклеенной свѣтлыми обоями стѣнѣ... Она стала смотрѣть на этотъ спектръ, замѣчая въ его радужныхъ полоскахъ какое то эфирное колебаніе, тонкое и едва примѣтное... Въ просвѣтъ занавѣсей ей виднѣлось небо, голубое небо, освѣщенное золотыми лучами солнца... Морозъ разрисовалъ на стеклахъ точно тонкою иглой какіе-то пушистообразные рисунки, въ проходящемъ свѣтѣ кажущіеся брилліантовыми... Съ дѣтства, съ самого младенческаго возраста, видала она все это, но почему, почему именно теперь, въ это утро, стала она чувствительна къ прелести этихъ столько разъ видѣнныхъ ею явленій, почему въ это утро — природа не явилась ей, какъ прежде, безучастною, нѣмою и холодною массой... нѣтъ, въ этомъ легкомъ колебаніи эфира, въ этихъ цвѣтахъ спектра, въ этой синевѣ неба, видѣла она что-то симпатичное и отвѣчающее ея настроенію... неужели она такъ измѣнилась? Да неужели-же это такъ?.. Не отвѣчая на заданный себѣ вопросъ, Катерина Александровна поднялась съ постели, подбѣжала къ окну неодѣтая и распахнула занавѣси... Тогда солнечные лучи ворвались въ комнату, наводняя ее потоками свѣта, озолотивъ съ головы до ногъ остановившуюся посреди комнаты прелестную женщину, на мраморномъ лицѣ которой горѣлъ яркій румянецъ, освѣщенный какимъ-то оранжево-золотистымъ оттѣнкомъ отъ падающихъ на него солнечныхъ лучей...

Любовь!.. По ея тѣлу разливалась какая-то томительная теплота; въ ушахъ звенѣло... О пусть, если бы было возможно, все бы возликовало и возрадовалось ея счастью... Она не хочетъ знать откуда и какъ пришло это счастіе: ей достаточно чувствовать и сознавать, что оно съ нею, что оно въ ней... Разсуждать?.. Развѣ любовь когда нибудь разсуждаетъ?.. тогда бы не было тѣхъ странныхъ привязанностей, глядя на которыя удивляешься, какъ только могли сблизиться между собою подобные люди... Тогда бы не было тѣхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ шаговъ, которые дѣлаетъ влюбленная женщина, сама того не сознавая къ чему подобные шаги приводятъ... Счастье?. Онъ не сказалъ ей ни слова, но въ его глазахъ, въ этомъ наклоненіи головы, которымъ онъ отвѣтилъ на ея взглядъ, она прочла отвѣтъ, ясный и понятный для нея... Ея глаза блистали и вдругъ, охваченная какимъ-то до невѣроятія сладостнымъ чувствомъ, тонкой паутиной обнявшимъ ее, она протянула впередъ руки, раскрыла губы точно для поцѣлуя и прошептала, какъ бы умоляя: возьми меня... Съ этой минуты... Столько лѣтъ я жду жизни... Приди!..

Теперь, сидя въ театрѣ рядомъ съ Клеопатрой Петровной, по обыкновенію до невозможности пестрой, Катерина Александровна, все въ прежнемъ радостномъ волненіи, смотрѣла на движущуюся и усаживающуюся въ партерѣ и ложахъ толпу. Пестрота театральнаго зала, роскошные дамскіе туалеты бэль-этажа, бархатъ ложъ, горящій газъ—все это отвѣчало ея настроенію... Началась увертюра, веселая и живая, нѣсколько пошлая, но въ данную минуту понравившаяся какъ нельзя болѣе Катеринѣ Александровнѣ... Громъ аплодисментовъ привѣтствовалъ при поднятіи занавѣса хоръ—и „Прекрасная Елена" началась...

Когда-то учившаяся, но плохо выучившаяся по французски, Клеопатра Петровна осаждала свою Катишь вопросами, что сказалъ на сценѣ этотъ или тотъ?.. Катерина Александровна удовлетворяла ея любопытство съ необычайнымъ терпѣніемъ... Клеопатра Петровна вообще не знала куда ей поспѣть: она хотѣла смотрѣть и на сцену, и въ партеръ, и въ ложи бэль-этажа—и вообще находилась въ непрестанномъ вращательномъ движеніи, отъ котораго ея пунцовое лицо не только раскраснѣлось еще болѣе, но покрылось глянцемъ, не смотря на безпрестанное отираніе пота носовымъ платкомъ и обмахиваніе пылающаго лица пестрымъ вѣеромъ, вывезеннымъ ею изъ „Константинополя". Въ одно изъ обѣганій биноклемъ театральнаго зала, Клеопатра Петровна вдругъ схватила Катишь за руку:

— Смотьи... Ложа бэль-этажа... пьетивъ насъ...

Катерина Александровна смотрѣла по указанному направленію... Въ ложѣ бэль-этажа сидѣли двѣ дамы, одна немолодая, другая дѣвушка, одѣтая по модѣ, не отнимая державшая у глазъ золотой лорнетъ... склонясь къ ея стулу, нашептывалъ ей что-то на ухо, сидящій позади высокій господинъ лѣтъ сорока пяти, съ длинными, черными волосами... Катерина Александровна спросила:

— Кто это?

— Супьюгъ мой, Катишь, супьюгъ!..

Катерина Александровна не знала никогда Гаврилова, уѣхавшаго отъ супруги чуть ли не до рожденія Катишь... Теперь она пристально разсматривала его лицо. Клеопатра Петровна интересовалась:

— Хоешь? А? и съ кѣмъ это онъ? воякита...

То были графиня Брумъ съ дочерью. Желая разсмотрѣть кого-то, Гавриловъ всталъ и сдѣлался такимъ образомъ виднѣе для Катерины Александровны. Смотря въ бинокль, она поинтересовалась:

— Онъ васъ любилъ?

Клеопатра Петровна воскликнула съ жаромъ:

— Никогда!

И добавила въ поясненіе:

— Онъ обожай всѣхъ женщинъ, но не меня... Тетку твоего мужа обожай...

Катерина Александровна припомнила Жюли, которую ей представилъ Батраковъ на вечерѣ m-me Перфиловой и о которой она было совершенно забыла... Оставляя бинокль, она высказала свое мнѣніе о впечатлѣніи произведенномъ на нее господиномъ Гавриловымъ:

— Онъ красивъ, но выраженіе лица какое-то пошлое...

И стала смотрѣть на сцену... Снова появился хоръ и обернувшись къ лѣвому выходу на сцену, подготовлялъ публику къ появленію Елены... „S'est elle, comme elle est belle..." При громѣ рукоплесканій, на сценѣ появилась въ рыжемъ парикѣ, окутанная чернымъ газовымъ покрываломъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами, m-elle Деверіа... Катерина Александровна слышала, что дверь въ ихъ ложу отворилась и, занятая сценой, думая, что это пріѣхалъ ея мужъ, не обернулась посмотрѣть, кто вошелъ. Вдругъ сердце ея какъ-то упало. Знакомый голосъ привѣтствовалъ ее; Клеопатра Петровна дергала ее за рукавъ...

— Здравствуйте.

Съ лицомъ, залитымъ румянцемъ, Катерина Александровна обернулась назадъ... Передъ нею стоялъ Пантелѣевъ... Что-то непонятное и странное совершалось въ ея душѣ... Она чувствовала, она отлично знала, что съ этой минуты ей предстоитъ глядѣть на сцену и не видѣть на ней ничего; слушать, что говорятъ актеры и не слышать изъ этаго ни слова... Онъ здѣсь, онъ съ нею!.. Она знала, знала, что оба они не разговорятся, но что обоимъ имъ настоятельно необходимо находиться близко другъ отъ друга... Обернувшись къ нему, она не

произнесла въ отвѣтъ на его привѣтствіе ни слова, не подала ему руки, не назвала его Клеопатрѣ Петровнѣ, только прелестными глазами, неопредѣленными выраженіемъ своимъ для всѣхъ другихъ, но понятными для него, показала ему на мѣсто за собою и отвернулась, сіяющая и счастливая, и стала очень невнимательно слѣдить за тѣмъ, что происходило на сценѣ... Клеопатра Петровна шептала ей, спрашивая кто вошелъ и отчего она не представила ей вошедшаго, но она не слыхала ея словъ... Ахъ, вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ со мною!.. И слова поэта, чуждыя ей и до сихъ поръ непонятныя (она не любила стиховъ, особенно лирическихъ), стали для нея ясны, ибо она переживала сама выражаемыя въ нихъ душевныя состоянія: „Wo ich ihn nicht hab' ist mir das Grab, die ganze Welt ist mir vergällt!..“

Онъ сѣлъ позади нея, какъ и она невнимательный къ сценѣ, не сводя своихъ горящихъ какимъ-то мрачнымъ огнемъ глазъ, съ нея... Онъ нагнулся, поднялъ афишу, своею твердою рукою потянулся съ нею къ барьеру, положилъ ее на прежнее мѣсто и сдѣлалъ это такъ непринужденно, такъ мало заботясь, что-бы не задѣть ее рукою, точно она была его сестра, дочь, жена... И она не отстранилась отъ его прикосновенія, не почла за необычайное и странное, какъ почла бы за такое всякое подобное движеніе со стороны другаго... Начинался финалъ перваго дѣйствія, въ ложу входилъ Кожуховъ, пріятно удивленный, что около жены его сидитъ Пантелѣевъ, передъ которымъ Кожуховъ разстилался мелкимъ бѣсомъ, желая пристроиться у него на заводѣ... Кожуховъ зашепталъ что-то Пантелѣеву, но получая отъ него какіе-то неясные и неопредѣленные отвѣты, сѣлъ позади Клеопатры Петровны, исподлобья наблюдая за Пантелѣевымъ... Получивъ отъ него нѣсколько неопредѣленныхъ и какъ бы даже совершенно не кстати сказанныхъ словъ, Кожуховъ объяснилъ это себѣ тѣмъ, что Пантелѣевъ внимательно слѣдитъ за сценой... Но теперь, сидя позади Клеопатры Петровны, онъ видѣлъ, что Пантелѣевъ даже не смотритъ на сцену, что онъ почти не сводитъ глазъ съ его жены, изрѣдка озираясь съ какимъ-то мрачнымъ и какъ-бы даже угрожающимъ видомъ по сторонамъ, какъ-бы оберегая что-то, какъ бы боясь, что кто нибудь дотронется до того, что онъ съ такимъ ревнивымъ, съ такимъ неусыпнымъ вниманіемъ стережетъ...

Дѣйствіе кончилось и Кожуховъ, и Клеопатра Петровна какъ-то поняли, что этотъ человѣкъ со странными, горящими какимъ-то мрачнымъ огнемъ, глазами, внесъ съ собою въ ложу что-то подавляющее, что-то кладущее печать на уста... Желая хоть на время избавиться отъ такого непривычнаго гнетущаго давленія, Клеопатра Петровна просила Кожухова проводить ее въ фойе, ссылаясь на жаръ и духоту театральнаго зала... Къ тому-же ей хотѣлось поближе посмотрѣть на своего супруга, котораго она не видѣла нѣсколько лѣтъ и всѣ сношенія съ которымъ ограничила тѣмъ, что высылала ему, на имя какого-то Ефима Егорова, 300 рублей въ мѣсяцъ... За такую высылку Гавриловъ обязался особымъ документомъ не безпокоить свою супругу никоимъ способомъ... Продѣвая свою руку черезъ руку Кожухова, Клеопатра Петровна спросила Катишь:

— А ты останешься?

Катерина Александровна молча кивнула головой... Мужъ посмотрѣлъ на нее съ большимъ вниманіемъ... Господи, да что-же это такое?.. и, не сказавъ ни слова, вышелъ съ Клеопатрой Петровной изъ ложи...

Катерина Александровна сидѣла теперь, обернувшись къ Пантелѣеву и наклонивъ голову въ какомъ-то волненіи, теребила ленту кушака... Впервые они были на единѣ... Она слышала, какъ затворилась за ушедшими дверь ложи и подняла на Пантелѣева глаза... Долго и молча они смотрѣли другъ на друга и вдругъ, она отличила его какія-то отрывистыя слова:

— Вы извините... я не привыкъ говорить... Да, и что я скажу?.. и зачѣмъ буду говорить?.. Сами видите.

Да, конечно, она видѣла сама. И ободряя его несвязное объясненіе глазами, благодарными и любящими, она чуть слышно прошептала:

— Вижу.

И смотря другъ на друга, оба смолкли на нѣкоторое время... Вдругъ, съ усилившимся блескомъ глазъ, онъ схватилъ ее за руку:

— Вы не знаете какія я муки терплю, — чувствуя и видя, что вы—моя и не принадлежите мнѣ... Это надо, это пора кончить...

И опять губы ея прошептали въ отвѣтъ:

— Что-жъ...

Онъ сжималъ ея руку, какъ бы съ трудомъ произнеся слова; на глазахъ его мелькнули слезы:

— Не говорить мнѣ съ вами,—гдѣ мнѣ слова придумывать, какой я краснобай... А просто...

Слезы высохли на его глазахъ, лицо поблѣднѣло и бѣлки глазъ налились кровью. Съ какой-то блѣдной усмѣшкой онъ закончилъ начатое:

— Просто вотъ повалиться къ вашимъ ногамъ, безъ словъ и остаться, цѣлуя и обнимая ихъ...

И всталъ... Антрактъ приближался къ концу и Кожуховъ съ Клеопатрой Петровной входили въ ложу... Все еще съ блѣднымъ лицомъ и какими-то больными глазами, Пантелѣевъ сжалъ Кожухову руку:

— Послушайте,—шепнулъ онъ съ настойчивостью,— вы мнѣ необходимы завтра... Пріѣзжайте ко мнѣ, какъ только можно ранѣе...

И не дожидаясь отвѣта, не кивнувъ даже никому головой, вышелъ изъ ложи, какъ показалось Кожухову, слегка шатаясь... Кожуховъ проводилъ его глазами, выражающими недоумѣніе... Клеопатра Петровна, не встрѣтившая супруга въ фойе, дергала Кожухова за рукавъ.

— Смотьи, вотъ онъ, супьюгъ-то...

Кожуховъ разсѣянно направилъ бинокль по указанному направленію и посмотрѣлъ на Гаврилова... Мой Богъ, да что-же это такое?.. Вѣдь это тотъ самый... Вѣдь это онъ!

И овладѣвъ собою, сѣлъ позади жены, облокотившись о стѣнку ея стула, къ которой она прижалась было сама... Его рука коснулась ея спины... Она какимъ-то испуганно холоднымъ взглядомъ оглянулась на мужа и поспѣшила отстраниться... Я не твоя, я..

И наклонившись къ барьеру, искала въ партерѣ, кто ей такъ былъ дорогъ, но его не было нигдѣ... Дѣйствіе началось... На сценѣ Елена, окруженная прислужницами, дѣлала туалетъ... Какъ пусто, какъ холодно опять!..

(До слѣдующаго №)

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

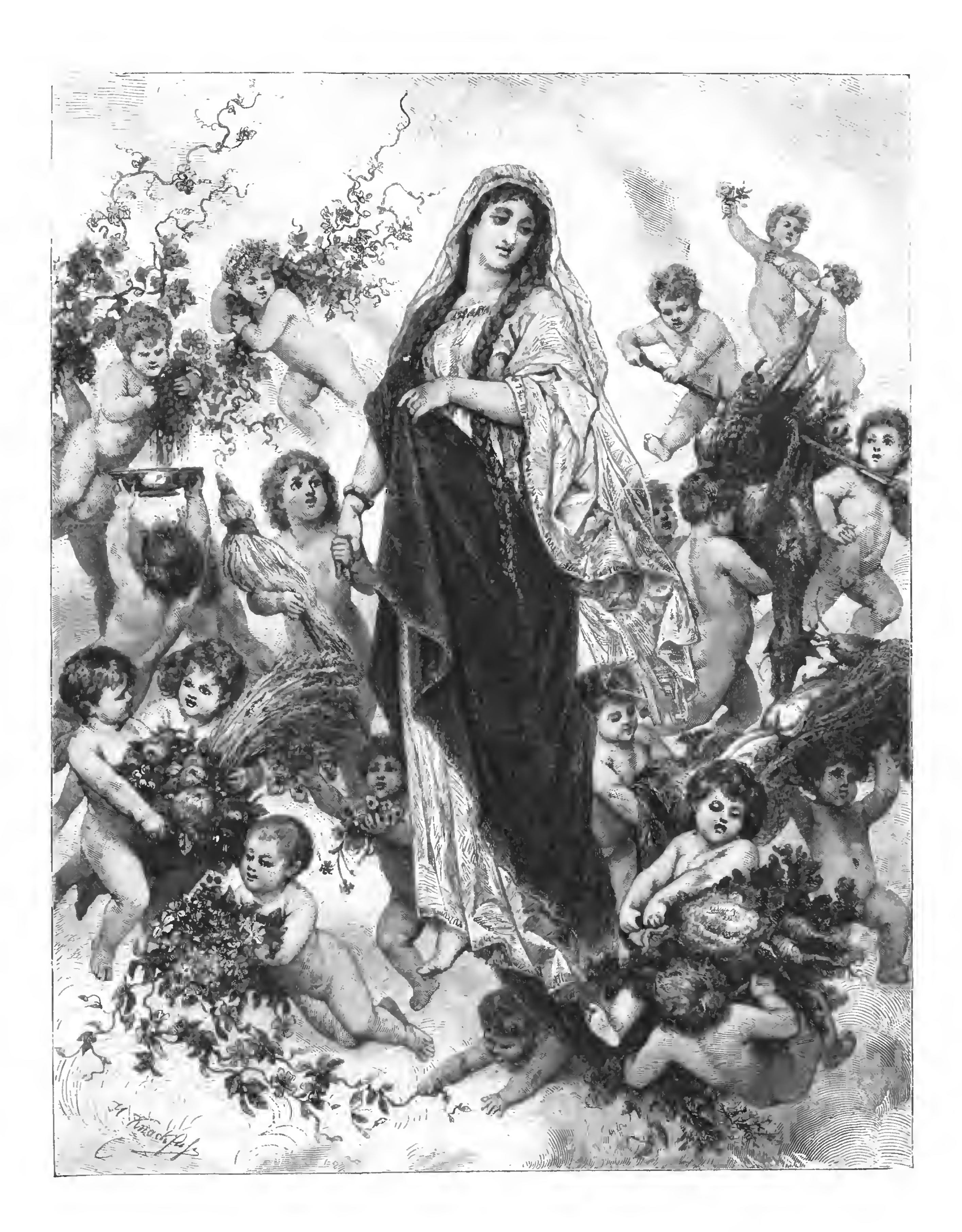
(Продолженіе).

IV.

Плѣнникъ.

Свирѣпствовавшая цѣлый день 27 февраля 1650 года буря, къ слѣдующему утру утихла и солнце, прорвавъ туманъ, поднялось на чистомъ небѣ.

Гаврила Яковлевичъ Демидовъ, сидя въ дѣловой палатѣ своихъ богато убранныхъ хоромъ, являлъ признаки живѣйшаго нетерпѣнія; онъ то вскакивалъ со скамьи, покрытой персидскимъ ковромъ и кидался къ окну, то ходилъ изъ угла въ уголъ, то опять опускался на скамью и прислушивался къ шагамъ сновавшей по дому челяди, стараясь уловить шаги Жегара.

Германская миѳологія. Гульда. (Богиня милосердія, домоводства и изобилія). Ориг. рис. Киакфуса, грав. Тегетмейеръ.

Демидовъ былъ средняго роста, довольно тучный человѣкъ лѣтъ 50, съ большой рыжей бородой, которая щетинилась какъ конскій волосъ, наглядно доказывая, что обладатель ся былъ нравомъ крутъ. Вообще варужность знаменитаго гостя вольнаго города Пскова имѣла въ себѣ что-то отталкивающее, особенно глаза поражали своимъ хитрымъ измѣнчивымъ выраженіемъ.

По временамъ волновавшійся Демидовъ обращался съ отрывочными фразами къ сыну Ларіону, очень похожему на отца, его рыжая борода была не такъ велика, но также жестка.

— И что они запропастились окаянные? Боюсь я, что не съумѣютъ его изъимать и казну промежь рукъ упустятъ!.. говорилъ отецъ.

— Не упустятъ! увѣрялъ сынъ, чтобъ его успокоить хоть и самъ не менѣе его тревожился за исходъ дѣла. Скоро однако ожидаемое возвращеніе Жегара покончило тревоги отца и сына.

Вошелъ дворецкій и повѣстилъ:

— Ваша боярская милость. Жегаръ въ холоньей избѣ и съ товарищами отогрѣваются... Прикажете ему къ вашей милости дойти?.. Слова были обращены къ обоимъ Демидовымъ, такъ какъ Ларіона привыкли видѣть хозяиномъ въ Колосьяхъ.

— Веди!.. Зови его скорѣй! Поднеси ему вина, чтобь его скорѣй въ жаръ бросило! крикнули Демидовы. Вскочивъ съ лавки, Гаврило Яковлевичъ опять зашагалъ по горницѣ, а Ларіонъ, подойдя къ двери, отворилъ ее и пристально вглядывался въ приближавшагося Жегара, словно хотѣлъ по его фигурѣ предузнать успѣхъ или неудачу. Жегаръ противъ обыкновенія шелъ не топая на весь домъ а крался на цыпочкахъ, кошачьей поступью. Ларіонъ догадался, что дѣло не ладно и нахмурившись отошелъ въ сторону.

Поклонясь хозяину въ ноги, Жегаръ смиренно прижался къ дверному косяку съ выраженіемъ подобострастія на красномъ, обросшемъ сѣрыми волосами лицѣ.

— Ну что? Изъимали? Да что вы такъ долго... Еще вечеромъ я васъ ждалъ?.. Да ну же говори, старый чортъ!.. набросился на него Демидовъ.

Жегаръ молча переминался и вздыхалъ.

— Аль языкъ отморозилъ? Вотъ я те погрѣю!.. взбѣсился Демидовъ, замахиваясь ременной плетью. Жегаръ опять повалился въ ноги и цѣлуя боярскій сафьянный сапогъ, началъ причитать:

— Батюшка бояринъ! родимый — кормилецъ, насъ холопей своихъ пожалѣй, не казни насъ окаянныхъ! прозѣвали мы шведа-то... а приключилась та бѣда изъ за метелицы, вѣдь свѣту Божьяго не было видно, а съ шведомъ-то была стражниковъ сила великая...

Демидовъ задыхался отъ злости, лицо его побагровѣло, кулаки сжались, ноги затопали, онъ началъ осыпать Жегара ругательствами и ударами плети. Когда онъ умаялся и сѣвъ на свою скамью, сталъ обтирать лежавшей на столѣ ширинкой, выступившій на лбу потъ, Жегаръ безропотно и покорно принявъ внушеніе и удары плети, рѣшился, все еще стоя на колѣняхъ, жалобно вымолвить:

— Дозволь доложить твоей боярской милости все по порядку.

— Ну сказывай скорѣй, старый песъ, какъ было дѣло, сурово проговорилъ Демидовъ.

Старикъ быстро вскочилъ, отряхнулся и снова прислонился къ дверному косяку. Откашлявшись, онъ началъ: Дѣло батюшка бояринъ было такъ: какъ пришли мы въ гай и засѣли возлѣ большака съ полуночи... сидѣли... сидѣли... а ночь-то метелистая, сверху снѣгъ валитъ а снизу переметаетъ, зги Божьей не видать, вѣтеръ такъ и рветъ, такъ и рѣжетъ ровно ножами; ужъ на что я привыченъ да и то продрогъ, а молодцы мои совсѣмъ закочснѣли, про худыхъ же мужиченковъ и толковать нечего: самъ вѣдаешь—люди они не умѣлые... Просидѣвши такъ-то до свѣту, глядь — ѣдетъ шведъ въ кибиткѣ и казну везутъ на трехъ возахъ; стражниковъ около нихъ доброконныхъ ста съ два...

— Не ври песъ! быть не можетъ чтобъ столько посылали стражниковъ... прервалъ его Демидовъ.

— Лопни моя утробушка! Развѣй меня на сорокъ сороковъ частей коли я совралъ, забожился старикъ, даже глазомъ не сморгнувъ.

— Ну, ну! далѣ-то сказывай, что было?

— Вижу я не подъ силу намъ эта драка, но помня твой приказъ съ пустыми руками къ тебѣ на глаза не казаться, своимъ молодцамъ молвилъ такъ: положимъ-де свои животы, а боярину не будемъ ослушники! Ну и давай мы въ нихъ изъ мушкетовъ валять, бердышами рубить, саблями! Положили мы ихъ тутъ съ пэлъ-сотни, а пока мы съ стражниками возились, шведъ-отъ, захвативъ казну, далъ тягу... Оглянулись мы, а его и слѣдъ простылъ, поминай-де какъ звали!..

Демидовъ только головой покачалъ.

— Скоты! чѣмъ зря въ драку лѣзть, вы бы невзначай ударили прямо на обозъ, да схватили-бъ шведа-то, какъ я васъ училъ!.. Много-ль васъ-то легло?..

— Всего-то трое, да четырехъ избили...

— Да вѣрно-ль что вы ни одного мѣшка съ московскими рублевиками не сволокли?.. Не прогуляли-ль вы казну-то?.. Въ гаю не зарыли-ль? сомнѣвался Демидовъ.

— Что ты, милостивецъ! Да съ какимъ-бы я тогда глазамъ къ тебѣ пришелъ? А что мы замѣшкались-то, такъ это отъ того, что въ гаю проплутали, да ловили молодчика, тоже должно быть шведъ, я его ошибкой словилъ, по ихнему онъ съ настоящимъ-то лопоталъ, я и обознался въ сумятицѣ-то, а послѣ догадался что маху далъ, потому ты мнѣ сказывалъ, что тотъ тучный да старый, а этотъ молодецъ и красавчикъ и силенъ шельма—насилу мы его скрутили...

— Гдѣ-жь онъ теперь-то? воскликнулъ Ларіонъ.

— Въ холопьей избѣ у твоей боярской челяди; въ чуланъ подъ запоръ мы его посадили. Что прикажешь съ нимъ дѣлать... самодовольно осклабляясь отвѣчалъ Жегаръ.

— Тащи его сюда!.. крикнулъ Демидовъ.

Жегаръ почесалъ за ухомъ:

— Вотъ что бояринъ. Зѣло лютъ этотъ шведъ, не пришибъ бы онъ твою милость: руки у него словно желѣзныя, онъ такъ Ивашку Колчина треснулъ, что у парня-то глаза было выскочили...

— Экаго богатыря изъимали... засмѣялся Демидовъ. Авось меня-то не съѣстъ: ты тутъ будешь, да еще двоимъ вели его попридержать, пока его порасспрошу кто онъ...

Жегаръ повиновался и черезъ нѣсколько минутъ возвратился, таща вмѣстѣ съ Ивашкой своего плѣнника-шведа, у котораго руки были связаны и шапка надвинута на глаза.

— Ты кто таковъ? важно подбоченясь, началъ Демидовъ свой допросъ.—Да шапку-то дурацкую съ шведской башки сыми! Нѣшто не знаешь съ кѣмъ рѣчь будешь вести? Не съ московскими холопьями, а съ именитымъ бояриномъ великаго Пскова-города!

Плѣнникъ не шевельнулся, словно не слыхалъ.

Жегаръ протянулъ было руку, чтобъ сорвать съ него шапку, но едва онъ прикоснулся, какъ вдругъ что-то хрустнуло... Плѣнникъ понатужился и разорвалъ веревку, связывавшую его руки. Быстрымъ взмахомъ могучаго кулака, онъ отшвырнулъ отъ себя стараго атлета какъ малаго ребенка; Ивашка Колчинъ трусливо отскочилъ, а Демидовъ съ сыномъ поспѣшили загородиться тяжелымъ дубовымъ столомъ; схвативъ попавшееся подъ руку оружіе, они приготовились къ нападенію обладателя такой богатырской силы. Но страшный плѣнникъ не изъявилъ никакихъ воинственныхъ порывовъ; онъ преспокойно распоясался, стащилъ съ себя шубу и снявъ шапку тряхнулъ черными кудрями; это былъ высокій, стройный, еще безбородый юноша въ драгунской одеждѣ; прекрасные, каріе глаза его съ негодованіемъ и упрекомъ обратились къ Ларіону Демидову.

— Давно-ль ты, братецъ, съ подорожниками сталъ знаться? Не притонъ-ли атаманскій у тебя въ Колосьяхъ завелся? молвилъ плѣнникъ звучнымъ голосомъ...

V.

Бѣгство.

— Ильюша! съ изумленіемъ воскликнули оба Демидова и Ларіонъ бросился къ нему съ распростертыми объятіями.

— Да!.. Это я: Илья Алексѣевъ сынъ Норотовъ, драгунскій сотникъ изъ дворцовой дружины царя Московскаго, Государя Алексѣя Михайловича! насмѣшливо отвѣчалъ молодой человѣкъ и поцѣловавшись съ Ларіономъ, онъ обратился къ самому Демидову:

— Признаться, дядя, не чаялъ я чтобы эти псы, худые мужичонки въ стрѣлецкую одежу ряженые, по твоему приказу честныхъ людей на большакахъ грабили!..

— Полно Ильюша—родной, смущенно возразилъ Демидовъ. Это не грабежъ а просто ошибка: они видишь-ли въ лѣсу караулили; шайка тутъ подорожниковъ балуетъ, вотъ я имъ и наказалъ: коли-моль поѣдетъ шведъ съ казною изъ Острова въ Псковъ, то вы ему береженье и всякую честь оказывайте и ко мнѣ на перепутье хлѣба-соли откушать зовите!. а они псы поганые, налили бѣльмы-то съ позаранку, да не распознавши, приняли стражу шведову за разбойниковъ и давай зря палить.

— Это напрасно бояринъ! Не до хмѣлю было намъ, совсѣмъ было замерзли.. а шведа-то ты-жь велѣлъ изымать, началъ оправдываться Жегаръ, но Демидовъ не далъ ему докончить.

— Молчать!.. убирайся пока цѣлъ! гнѣвно крикнулъ онъ.— Кабы не пьянъ ты былъ, не принялъ бы боярина Илью Алексѣевича за паршиваго шведа!

Этотъ доводъ озадачилъ и Жегара.

— Ума не приложу какъ это я обознался!.. Все метелица проклятая!.. Глаза-то залѣпило... Да и выросъ же ты, бояринъ, вѣдь года четыре тебя не видывалъ... Прости Христа ради!.. кланяясь Ильѣ въ поясъ, сказалъ Жегаръ.

— Иди старикъ съ Богомъ!.. служилъ ты царю, а нонѣ въ подорожники поступилъ: я съ такими не знаюсь,—отвернулся отъ него Илья.

— Эхъ!.. Служилъ бы я и нонѣ, да грѣхъ попуталъ, провинился и кнута попробовать не захотѣлъ, выходя изъ покоя пробурчалъ Жегаръ.

— Ну любезный племянничекъ, теперь поздороваемся! Ла-

ря, прикажи меду, перепечей, закусокъ подать дорогому гостю, приказалъ Демидовъ цѣлуясь съ Ильею.

Когда Илья сѣлъ за столъ и принялся утолять голодъ, который нажилъ въ лѣсу, гдѣ онъ пробѣгалъ почти сутки безъ пищи, Демидовъ видя, что племянникъ повеселѣлъ и успокоился, шутливо спросилъ его:

— Разскажи-ка, голубчикъ, какъ это ты въ полонъ со своей силушкой дался. Да что-жь ты не повѣдалъ Жегару, кто ты таковъ.

— Гдѣ-жь тутъ, дядя! Схватка такая была: били безъ разбору, что другъ что недругъ, вьюга всѣ глаза залѣпила. Я и не опомнился, какъ старый этотъ подхватилъ меня и уволокъ въ гай. Тутъ я сталъ съ нимъ барахтаться, да набѣжали его товарищи и скрутили руки. Однако я развязался и отъ нихъ убѣжалъ; весь день и всю ночь въ гаю проплуталъ, а передъ свѣтомъ опять таки на нихъ наткнулся; тутъ-то я узналъ Жегара, но понявъ изъ ихъ словъ, что они хотятъ вести меня въ Колосья къ Демидовымъ, да и прикинулся шведомъ и добровольно имъ отдался... Подивился я, какія дѣла по твоему приказу творятся...

— Скажи-ка, друже, какъ ты съ шведомъ-то въ одной повозкѣ сидѣлъ? уклончиво сказалъ Демидовъ, перемигнувшись съ сыномъ.

— Мнѣ отъ Государя данъ приказъ проводить до Пскова Свейскаго посланца Нуменса съ казной, что везетъ онъ своему королю въ Стекольню; какъ поднялась мятель, я съ коня слѣзъ да въ повозку и забрался, закутался въ шубу и вздремнулъ... вдругъ поднялась тревога, пальба и съ просонья я ничего не разобралъ толкомъ, какъ этотъ проклятый Жегаръ...

— Мошенники! Пьяницы! я ихъ на то и вооружилъ и стрѣльцами нарядилъ, чтобъ охранять отъ подорожниковъ дорогу въ гаю, а они честныхъ людей пугаютъ, худую славу про меня пускаютъ, притворно горячился Демидовъ и Илья, казалось, вполнѣ вѣрилъ его словамъ; отецъ и сынъ переглядывались и ухмылялись, думая: „Какъ мы его обманули!..“ не замѣчая лукаво насмѣшливаго взгляда карихъ глазъ Ильи, который съ своей стороны думалъ: „Врите больше, я вотъ все разузнаю, что вы тутъ затѣваете...

— Однако мнѣ пора догонять своихъ!.. Одолжи дядя коня до Пскова, вставая изъ-за стола, сказалъ Илья.

— Ну нѣтъ, соколикъ! мы тебя нонѣ не отпустимъ, усталъ небойсь, переночуй, отдохни, а завтра ранымъ рано, еще шведъ твой дрыхнуть будетъ, а ты во Псковъ поспѣешь на моемъ аргамакѣ! уговаривалъ Демидовъ.

— Охъ родные мои! приказано мнѣ зѣло беречь шведа, да и отъ своихъ драгунъ отлучаться не смѣю, отговаривался Илья, но Ларіонъ, понявъ взглядъ отца, сказалъ:

— Полно Ильюша!.. погости у насъ: твоя сестренка по тебѣ стосковалась.

— Какъ! развѣ Марьюшка здѣсь? удивился Илья.

— Я ее съ дѣвчонками своими привезъ погостить въ Колосья, здѣсь имъ вольнѣе и веселѣй чѣмъ во Псковѣ, здѣсь онѣ гуляютъ, катаются, а тамъ сиди въ заперти въ свѣтлицѣ, потому народъ чужой и дѣвкамъ на улицу выйдти зазорно, объяснялъ Демидовъ, пока Ларіонъ сбѣгалъ за Марьей, которая бросилась какъ безумная и черезъ минуту ужь обнимала свое сокровище, плача и приговаривая:

— Свѣтикъ! Касатикъ! Родимый братецъ! Ясное солнышко...

Послѣ этаго Илья безпрекословно остался на цѣлый день въ домѣ дяди, гдѣ его всѣ на перебой старались обласкать, накормить и потѣшить. Наконецъ ему удалось уловить удобную минуту и оставшись съ Марьей съ глазу на глазъ, онъ спросилъ:

— Ну сестрица, повѣдай-ка мнѣ по душѣ, какъ тебѣ живется?

Улыбающееся, румяное лицо дѣвушки внезапно поблѣднѣло и омрачилось.

— Плохое мое житье, братецъ! Когда-то ты меня съ собою въ Москву увезешь? Дядя съ теткой меня терпѣть не могутъ, сестры мои какъ холопкой помыкаютъ, а братья съ женами бранью хлещутъ: „Норотовщина!“ а нешто Норотовыхъ дворянскій родъ хуже Демидовскаго купецкаго. Достается бранъто и Москвѣ и Царю Алексѣю! Охъ Ильюша! Такія тутъ смуты затѣваются, что упаси Господи. шептала Марья.

— А не слыхала-ли ты, какъ Жегаръ ходилъ въ гай шведа на большакѣ караулить? спросилъ Илья.

— Слышала братецъ, боязливо оглядываясь отвѣчала дѣвушка.—Дядя его посылалъ и говорилъ: не быть-де тому, чтобы казна со Псковичей собранная да Свейскому королю досталась.. Набери, говоритъ онъ Жегару, худыхъ мужиковъ, стрѣльцовъ бѣглыхъ, изымай ты шведа и съ казною, да ко мнѣ приведи!

Сердце у Ильи сжалось: „Ну такъ и есть! подумалъ онъ,—опять кромолы затѣваются, опять кровь польется, братъ на брата пойдетъ!.. Надо попытать въ началѣ укротить, пока не разрослось“.. и онъ немедленно отправился къ дядѣ, думая его уговорить и образумить. Тутъ былъ и Ларіонъ.

— Слышалъ я дядя, что Псковичи смуты затѣваютъ, началъ Илья.—Неужели и вы, родные мои, на худое дѣло пойдете? Вѣдь кромѣ погибели ничего Пскову отъ того не будетъ.

— Ну это еще неизвѣстно, кому будетъ худо-то... Не пришлось бы Москвѣ поплатиться за свои неправды... Псковъ силенъ, а вонъ и въ Новгородѣ гроза собирается. хоть тамъ и митрополитъ Никонъ Москвѣ доброхотуетъ, да Новгородцы на него не поглядятъ... А я бы и тебѣ Ильюша совѣтовалъ отъ Москвы отстать: ты хоть и юнъ, но Псковичи тебѣ всякую честь окажутъ, черезъ меня ты можешь скоро и въ посадники попасть,—говорилъ Демидовъ горячо и убѣдительно.

Илья покачалъ головой.

— Охъ дядя! не ладно ты молвишь! Никогда крамольники Москву не одолѣютъ... Были смуты при великомъ князѣ Иванѣ, были и при Грозномъ царѣ... Пора бы вамъ опомниться, пожалѣть кровь неповинную... Вы мутите, а народъ изъ-за васъ гибнетъ.

Демидовъ нахмурился и глаза его непріязненно устремились на племянника.

— Яйца курицу не учатъ... Не учи и ты старшихъ себя... Я отъ Псковичей не отстану, а Москвѣ я заклятый недругъ, что могу то дѣлаю, чтобы ей насолить...

Илья потерялъ самообладаніе.

— Хороши ваши псковскія затѣи воровскія!.. На большакѣ людей грабить!.. Ты думаешь я повѣрилъ, что Жегаръ не по твоему приказу пытался казной завладѣть, что свейскому королю Нуменсъ везетъ?

Демидовъ побагровѣлъ и нервно ударилъ кулакомъ по столу:

— А хоть бы и по моему приказу?.. Мнѣ отъ посадниковъ данъ приказъ изымать шведа и казну отъ него отобравъ въ Псковъ, немедля доставить... деньги тѣ кровные, съ Псковичей собранные: они не хотятъ Свейскому королю дань платить за всѣхъ... пускай разберутъ сколько Псковичей изъ Свейской земли перебѣжали, за тѣхъ они и заплатятъ... говорилъ Демидовъ, оправдывая свой поступокъ.

Илья всталъ.

— Съ тобой видно не столкуешься!.. Хоть ты мнѣ и дядя и не хочу я худаго своимъ роднымъ, но только прости: доложу Государю Московскому, какіе вы тутъ крамолы затѣваете,—и молодой человѣкъ пошелъ къ двери, но Ларіонъ загородилъ дверь и крикнулъ:

— Я не пущу тебя!..

Илья оттолкнулъ его:

— Никто не смѣетъ останавливать слугу Государя Московскаго... Вы дорого заплатите за все это!

— Батюшка! Прикажи его взять!.. Онъ доносщикъ, онъ дѣла псковскія погубитъ! крикнулъ Ларіонъ.

Демидовъ приложилъ къ губамъ небольшой серебряный рогъ, висѣвшій у него на поясѣ и при рѣзкомъ звукѣ, раздавшимся по всему дому, челядь всполошилась; черезъ минуту на встрѣчу Ильѣ повалила толпа народа съ Жегаромъ и Ивашкой во главѣ.

— Эй ребята!.. Скрутите этаго молодца, да въ мыльню заприте... Кстати она топлена, тамъ онъ не замерзнетъ, а на досугѣ авось одумается, какъ на родная дядю доносить, которую ему вмѣсто отца роднаго должно почитать!..

Не смотря на богатырскую силу, Илью одолѣли и скрутивъ по рукамъ и по ногамъ, сволокли въ баню, находившуюся въ саду, довольно далеко отъ боярскихъ хоромъ.

— Попалась птичка въ западню, подумалъ Илья, когда низенькая дверь бани захлопнулась и онъ услыхалъ, какъ на нее навѣсили тяжелый замокъ.

Онъ осмотрѣлъ или лучше сказать ощупалъ свою темницу и убѣдился, что о бѣгствѣ нечего и думать: баня была срублена изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, печка безъ трубы занимала половину сруба, единственное оконце было такъ мало, что не только человѣкъ, но и голова человѣка не могла пролѣзть, да кромѣ того снаружи торчала желѣзная полоса поперекъ отверстія. Положеніе было непріятное. Илья лежа на лавкѣ не могъ заснуть; его особенно безпокоило то, что Псковъ волнуется и посолъ Шведскаго короля вѣроятно подвергнется насилію, а драгуны безъ своего начальника ничего не предпримутъ для его охраны. Такъ прошло нѣсколько длинныхъ, томительныхъ часовъ; день смѣнился ночью, кругомъ стояла тьма и тишь, еще болѣе раздражающія нервы въ этомъ тревожномъ состояніи.

Наконецъ плѣннику почудились отдаленные шаги, скрипѣвшіе по замерзлому снѣгу; вотъ загремѣлъ засовъ, щелкнулъ ключъ замка и дверь отворилась, обдавъ Илью холоднымъ паромъ, сквозь который онъ смутно разсмотрѣлъ женскую фигуру, отчетливо выдѣлявшуюся на свѣтломъ фонѣ лунной ночи.

— Ильюша!.. свѣтикъ!.. Это я, Марьюшка, промолвила женская фигура, шаря по стѣнѣ чтобы добраться до него.

— Голубушка моя, сестрица! Тебя-то за что же въ темницу сажаютъ, воскликнулъ Илья, замѣтя сзади сестры высокаго и здороваго мужика съ связкой ключей въ рукахъ.

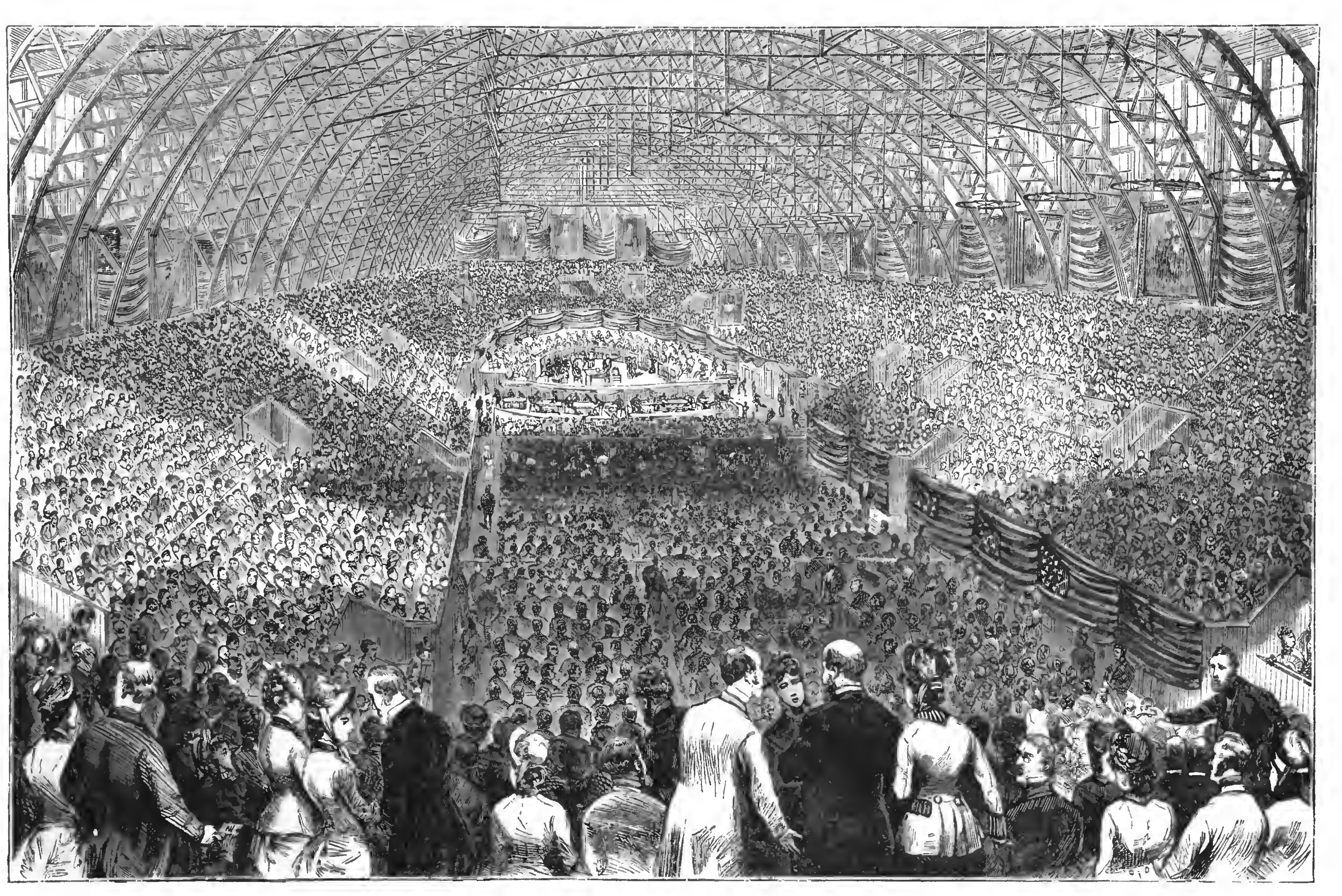
— Скорѣй бояринъ!.. выходи!.. Не услыхали бы, не увидали бы изъ хоромъ-то!.. сказалъ мужикъ.

— Ильюша, бѣги!.. Конь за изгородью; это ключникъ Пименъ, онъ добрѣе другихъ и согласился тебя выпустить... торопливо говорила Марья, таща брата къ двери.

Илья съ радостью выскочилъ за порогъ бани, Марья не говоря ни слова тянула брата къ калиткѣ, выходившей въ рощу.

Градирная на солеварнѣ въ Старой Руссѣ. Съ фотогр. Н. Лядова, грав. М. Рашевскій.

Сѣверо-Американскіе Штаты. Выборы кандидата президента въ Чикаго. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Пименъ опередилъ ихъ и отперъ калитку; вотъ они переступили за черту усадьбы и на нихъ пахнулъ смолистый лѣсной ароматъ, который Илья вдохнулъ полной грудью, какъ первый привѣтъ свободы.

— Прощай родная!.. Спасибо Пименъ... Когда нибудь авось съ тобой сквитаемся, и Илья хотѣлъ обнять сестру, но она отвела его рукою.

— Нѣтъ не прощай!.. Мнѣ здѣсь остаться нельзя: узнають что я тебя выпустила, да я и не горазда лгать, я сама скажу. Меня изобьютъ, да вмѣсто тебя въ мыльню запрутъ. Коли ты меня съ собой не возьмешь, я убѣгу въ гай, куда глаза глядятъ; я и узелокъ связала кое съ чѣмъ, захватила и ѣсть, чтобъ съ голоду не помереть, а отъ волковъ да медвѣдей меня будетъ беречь мой вѣрный „Грачъ“.

При послѣднемъ словѣ, къ ней подбѣжала огромная черная собака овчарка и ласково взвизгивая, стала лизать руки Ильи, словно просила не покидать боярышни.

— Какъ же мнѣ тебя взять? Вѣдь ты на конѣ не умѣешь сидѣть? колебался Илья.

— Боярышня на любомъ аргамакѣ ускачетъ: она давно замышляла къ тебѣ въ Москву и тихонько училась на конѣ ѣздить, объяснилъ Пименъ.

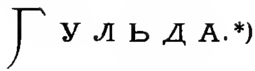
— Ну ладно! Видно Богу угодно взять тебя отъ крамольниковъ! Оно и лучше, не нонѣ такъ завтра ихъ достанутъ, тебѣ тутъ жить опаснѣе, чѣмъ со мной по лѣсамъ рыскать, согласился Илья и вскочивъ на коня, нетерпѣливо рывшаго снѣгъ копытомъ, онъ протянулъ руку помочь сестрѣ. Марья ловко взобралась на лошадь и обхватила брата за талію. Грачъ въ восторгѣ залаялъ такъ громко, что всполошилъ всѣхъ собакъ въ усадьбѣ.

— Батюшка, Илья Алексѣичъ, бѣда! Сторожа вскочили и должно быть догадались, завопилъ Пименъ.

— Прощай старина! Свали всю вину на меня! издали крикнула Марья, уносимая быстрымъ аргамакомъ, которому соперника не было во всей конюшнѣ Демидова. Илья оглянулся: въ хоромахъ замелькали огни; народъ шумѣлъ и суетился; вскорѣ показались нѣсколько всадниковъ, вѣроятно посланныхъ догонять бѣглецовъ, но они углубились въ чащу лѣса и свернули на тропинку, извѣстную одной Марьѣ и протоптанную ею во время ея уединенныхъ прогулокъ. „Ну, любезный, выручай“, понукала Марья коня. Грачъ мчался впередъ безъ оглядки, какъ будто указывая путь и скоро бѣглецы могли отдохнуть, не боясь погони.

В. Политковскій.

(До слѣдующ. №).

ГУЛЬДА.*)

(Изъ Ломейера).

Въ голубыхъ небесахъ, на высокихъ горахъ,
Уходящихъ въ заоблачный сводъ,
Весь въ лазурныхъ лучахъ, весь въ пурпурныхъ огняхъ
Гульды садъ ароматный цвѣтетъ

* * *

И сверкаетъ на солнцѣ милльонами розъ
Какъ сіяньемъ веселыхъ огней.
Сколько гибкихъ ліанъ и плюща обвилось,
Въ томъ саду, вкругъ зеленыхъ вѣтвей!

* * *

Вьюга ль буйно шумитъ, и подъ зимнимъ ковромъ
Молчаливая дремлетъ земля,
Въ томъ саду—все въ сіяньи небесъ голубомъ,
Горъ блестятъ золотые края.

* * *

Ровно въ полночь, съ тѣхъ горъ, озаренныхъ луной,
Сходитъ Гульда—такъ тихъ ея взглядъ!
Освящаетъ она и плоды, и вино,
И селенья, и пастбища стадъ;

* * *

Освящаетъ она и домашній очагъ,
И любви поцѣлуй молодой,
Слышенъ Гульды привѣтъ и въ дремучихъ лѣсахъ,
И надъ шумной морскою волной,

* * *

И на склонахъ крутыхъ, обнаженныхъ вершинъ,
Тамъ, гдѣ дремлетъ угрюмая ель,
Въ глубинѣ занесенныхъ снѣгами долинъ,
Гдѣ гульливая воетъ мятель...

* * *

И склоняется Гульда къ малюткамъ больнымъ,
Въ часъ глубокаго общаго сна,
Тихо шепчетъ слова утѣшенія имъ,
И даритъ ихъ здоровьемъ она.

* * *

Принося всюду ласку, любовь и покой,
Входитъ Гульда въ жилища людей,
И веселой, и шумной, и рѣзвой толпой
Мчатся добрые духи за ней.

* * *

Изъ глубокихъ долинъ, изъ большихъ деревень,
Передъ тѣмъ, какъ заря заблеститъ,
И забрезжится ясный безоблачный день—
Въ городъ дальній богиня спѣшитъ.

* * *

Еще мирно тамъ спитъ утомленный народъ,
Еще всюду царитъ тишина,
И неслышно по улицамъ Гульда пойдетъ,
Тихо станетъ она у окна—

* * *

Все ли ладно въ семьѣ, все ли мирно—глядитъ...
Пряха-ль трудится цѣлую ночь—
И, невидима, Гульда за нею сидитъ,
Чтобъ прилежной работѣ помочь.

* * *

А когда золотыми огнями горя,
Изукраситъ далекій востокъ,
Заблеститъ переливами свѣта заря,
И лучей разольется потокъ—

* * *

Унесется богиня обратно въ свой садъ,
Вмѣстѣ съ нею духовъ рѣзвый рой...
И тогда, пробуждаясь, поля зашумятъ,
И повѣетъ весной молодой.

* * *

Такъ-то Гульда всегда въ наступающій годъ,
Передъ тѣмъ какъ приходитъ весна,
На холодную землю съ любовью идетъ
И природа встаетъ ото сна.

Е. Л—въ.

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(рис. на стр. 565).

Между всѣми собраніями въ теченіи многихъ лѣтъ бывшими въ Соединенныхъ Штатахъ для выбора президента, послѣднее собраніе республиканцевъ, состоявшееся въ Чикаго, въ особенности интересно, какъ по своей непродолжительности такъ и по особенно бурнымъ преніямъ. Открыто было собраніе 2 іюня и уже 8 іюня, послѣ шести засѣданій и тридцати шести голосовокъ, дѣло было завершено и собраніе постановило окончательный выборъ. Выборъ палъ на генерала Ж. Гарфильда, представителя отъ Огіо въ Союзной палатѣ, кандидата совершенно неожиданнаго, такъ какъ уже на 34 голосованіи онъ имѣлъ за себя лишь нѣсколько слабыхъ уединенныхъ группъ, что придавало его кандидатурѣ скорѣе какой то комическій видъ. Собраніе въ эти выборы, какъ бы испугалось въ послѣднюю минуту такого опаснаго прецедента, какой могло бы для страны создать *троекратное* избраніе Гранта.

Съ своей стороны общее собраніе демократической партіи, состоявшееся 22 мая въ Цинциннати, провозгласило своего кандидата лишь только появилось его имя. Затѣмъ уже началась собственно такъ называемая „президенческая кампанія“ для которой мѣстныя собранія служатъ только подготовкой, прологомъ. Агитація поддерживается и подживляется безпрестанно, на всемъ пространствѣ Штатовъ—митингами, политическими процессіями, ярой и всегда крайне рѣзкой полемикой газетъ разныхъ партій, все это разгорается crescendo вплоть до 7 ноября, дня когда происходитъ повѣрка избраній кандидатовъ. Затѣмъ все успокоивается, входитъ въ свою колею до 4 марта 1881 г. когда избраніе президента установляется окончательно и провозглашается въ Вашингтонскомъ Капитоліи. Здѣсь въ общихъ чертахъ мы позволимъ себѣ познакомить кстати нашихъ читателей съ избирательнымъ механизмомъ, какъ онъ практикуется по ту сторону океана.

Подготовительныя работы каждаго избранія занимаютъ

*) *Гольда* или *Гульда*—богиня любви, кротости; въ сказаніяхъ и сагахъ, преимущественно Тюрингскихъ и Гессенскихъ, также въ сказкахъ Швабіи, Баваріи, и Фрисландіи изображается какъ высшее существо дружественное, милосердное къ людямъ. Она носится надъ землею Когда идетъ первый снѣгъ—говорятъ въ народѣ, что Гульда „разсыпаетъ свои перушки“. Живетъ она вездѣ, особенно въ водахъ ручьевъ, живетъ въ роскошныхъ райскихъ садахъ горъ и въ полдень ее видятъ какъ она, прозрачно-бѣлая, прелестная, купается въ рѣкѣ. По изрѣдка она появляется и въ грозномъ, устрашающемъ видѣ. Тогда она несется въ тучахъ и молніяхъ, побивая поля нечестивыхъ градомъ. И образъ ея тогда измѣняется—она становится старой, отвратительной вѣдьмой съ развѣвающимися по вѣтру сѣдыми волосами. Въ своемъ свѣтломъ образѣ, она облетаетъ села и города, сопровождаемая роемъ добрыхъ, веселыхъ духовъ и помогаетъ и благодѣтельствуетъ всѣмъ. Особенно любитъ она труды пряхъ и ткачихъ Въ ночь на Рождество ткачихи приводятъ въ порядокъ и подготовляютъ для нея станокъ, чтобы она положила основу ткани. Въ навечеріе же великаго поста все должно быть окончено, чтобы она видѣла что всѣ работали прилежно. Она вообще заботится о строгомъ порядкѣ въ домѣ, хозяйствѣ, мирѣ и любви въ семьяхъ.

цѣлый годъ и возобновляются каждые четыре года. Сами американцы приходятъ теперь къ сознанію неудобствъ этихъ безпрестанно возникающихъ агитацій, выбивающихъ жизнь изъ колеи, часто отрывающихъ людей отъ обычныхъ занятій, нарушающихъ правильный ходъ жизни. Во время нахожденія въ должности каждаго президента, все время его управленія, уже заняты подъискиваніемъ ему преемника. Партіи и интриги раздираютъ страну. Клевета, подкупъ, всякая низость практикуется въ этой ожесточенной борьбѣ, ибо отъ перемѣны президента, даже министра, зависитъ множество частныхъ интересовъ, и эти безпрестанныя перемѣны конечно лишаютъ устойчивости самую жизнь и придаютъ ей характеръ случайный, лихорадочный.

Собственно въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ теченія сводятся къ двумъ партіямъ: республиканской и демократической, хотя съ этими названіями не связано ихъ обычное значеніе. Республиканцы—это партія, побѣдившая въ междоусобной войнѣ. Партія эта пополняется изъ самыхъ образованныхъ классовъ въ Штатахъ и изъ представителей чернокожаго населенія Юга. Она стремится къ возможно обширнѣйшей централизаціи и къ усиленію федеративной власти. Демократы, сохраняющіе принципы знаменитаго Джеффэрсона, напротивъ, состоятъ преимущественно изъ бѣлыхъ собственниковъ Юга и пролетаріата большихъ сѣверныхъ городовъ. Они энергически поддерживаютъ права отдѣльныхъ Штатовъ противъ давленія и притязаній центральной власти.

Въ каждомъ округѣ, въ каждой отдѣльной мѣстности Штатовъ демократы и республиканцы организуютъ политическіе кружки. Дѣятельные члены каждой партіи составляютъ первоначальныя собранія. Здѣсь постановляются вопросы и обсуждается возможность той или другой кандидатуры. Эти собранія составляютъ такъ сказать базу, основаніе организаціи партій. Собранія эти—цѣль и спеціальность такъ наз. „политиковъ" и ихъ агентовъ, самаго дурнаго быть можетъ наслоенія, которое выработалъ механизмъ выборовъ. Къ нимъ совсѣмъ не уважительно относятся солидные американцы. Собранія въ Штатахъ составляются одно за другимъ и собираютъ голоса въ своихъ округахъ и наконецъ избираютъ извѣстное число делегатовъ на общія собранія, съ полномочіемъ подавать голосъ и поддерживать тѣхъ или другихъ кандидатовъ. Иногда по инициативѣ какихъ нибудь „политиковъ" собраніе Штата предписываетъ своимъ делегатамъ не раздѣляться въ мнѣніяхъ во время голосованія въ общихъ собраніяхъ и поддерживать своего кандидата дружно. Это такъ наз. „Unit Rule". Но случается часто (какъ-то было и въ Чикаго), что общее собраніе отказывается признавать всѣ эти отдѣльныя „Unit Rule" и предоставляетъ каждому делегату высказываться свободно, сообразно его личнымъ убѣжденіямъ. Наконецъ общее собраніе, по провѣркѣ полномочій делегатовъ—и это самая щекотливая часть его обязанностей — вырабатываетъ программу т. е. общую программу своей партіи, затѣмъ приступаетъ къ представленію именъ кандидатовъ всѣхъ штатовъ по алфавитному порядку. Делегація, которой поручается представить кандидата, назначаетъ оратора и онъ долженъ разъяснить въ общихъ чертахъ данныя, на основаніи коихъ избирается кандидатъ. Разъяснять онъ долженъ очень сжато, ибо дается только 10 минутъ для рѣчи каждаго оратора. Бѣшеные крики и рукоплесканія съ галлерей сопровождаютъ имя каждаго провозглашаемаго популярнаго кандидата. Послѣ „провозглашенія" приступаютъ къ голосованію. „Шерманъ" каждой делегаціи провозглашаетъ цифру голосовъ, имѣющихся у его кандидата.

Обыкновенно, какъ только который нибудь изъ кандидатовъ получитъ надлежащее большинство, предсѣдатель собранія или часто даже въ разсчетѣ на неудачу—сторонникъ враждебнаго кандидата предлагаютъ „единогласное" избраніе кандидата. Тутъ то начинаются вообще тѣ ужаснѣйшія сцены криковъ, перебранки, киданья шляпъ на воздухъ, криковъ „ура" о размѣрахъ которыхъ не присутствовавшій на такихъ собраніяхъ не можетъ себѣ составить даже приблизительнаго понятія.

До сихъ поръ шло лишь созданіе правильной агитаціи борющихся партій, которыя дѣйствовали такъ сказать параллельно, отъискивая кандидата, котораго личность, убѣжденія и программа гарантировали бы, что онъ будетъ энергично дѣйствовать въ духѣ партіи. Разъ этотъ кандидатъ найденъ—начинается работа составить ему большинство во всей странѣ, во всей массѣ избирателей. Тогда начинается дѣло популярныхъ ораторовъ (spoils) которые нанимаются комитетами (издержки борьбы часто возрастаютъ до цифры милліоновъ долларовъ). Эти ораторы ѣздятъ по городамъ и по селеніямъ говоря вездѣ и какъ возможно чаще въ общественныхъ собраніяхъ, клубахъ и на улицахъ. Тутъ нанимаются ораторы разныхъ національностей, которые бы могли дѣйствовать именно на слабыя стороны своихъ соотечественниковъ—французовъ, нѣмцевъ, испанцевъ и т. д.—въ разносоставной массѣ населенія Штатовъ. Тутъ идутъ въ ходъ длинныя процессіи съ знаменами, и пѣніемъ въ честь кандидата, особые мундиры у членовъ партіи, прогулки на пароходахъ съ музыкой, факельныя шествія, общественные обѣды, даже маскарады — все съ цѣлями агитаціи и конечно вино и водка льются обильно. Громадныя ходячія афиши, ночью освѣщаемые изнутри, транспаранты на домахъ, спички и папиросы съ именемъ кандидата, телеграфы, телефоны, шифрованныя депеши—все въ полномъ дѣйствіи.

Но еще не все кончено. Общее мнѣніе еще не провозгласило прямо и опредѣленно однаго имени, и составляются избирательные комитеты изъ сенаторовъ и представителей каждаго штата въ конгрессѣ.—Но количество представителей, пропорціонально населенію; цифры его, значитъ, различны для каждаго штата—а сенаторовъ отъ каждаго Штата непремѣнно двое и такая система понятно выгодна для небольшихъ Штатовъ. Наконецъ, союзная конституція предоставляетъ законодательному собранію каждаго штата право исчисленія и утвержденія избирателей. Въ Южной Каролинѣ, многіе годы, избирателями были не граждане штата а просто обѣ палаты мѣстнаго Законодательнаго Собранія.

Теперь во всякомъ случаѣ это обратилось въ простую формальность. Каждая партія составляетъ свой списокъ избирателей, которые предназначены подавать голосъ и провѣрять по спискамъ дѣйствительность полномочій каждой делегаціи. Такъ какъ избиратели являются просто поддерживать кандидата своей партіи, то выборы давно потеряли тотъ характеръ независимости для каждаго избирателя, характеръ, который имѣло въ виду законодательство.

Къ рисункамъ.

Наше хлѣбопашество.

(Къ рисунку Н. Каразина, на стр. 556, 557).

Въ одной изъ чудеснѣйшихъ нашихъ народныхъ былинъ представленъ величаво-спокойный образъ богатыря-пахаря. Дружинникъ-богатырь, блестящій Вольга Святославовичъ, ѣдетъ со своею дружиною „за получкой" дани по городамъ. И „услышалъ" въ полѣ онъ ратая. Оретъ въ полѣ ратай понукиваетъ, омѣшики по камушкамъ почеркиваютъ; съ края въ край онъ бороздки кладетъ—въ край уѣдетъ другаго не видать. Коренья онъ вывертываетъ, а великіе каменья въ борозду валитъ. Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики шелковые, омѣшики у ратая серебряные. „Божья ти помочь, оратаюшко! Орать да пахать, да крестьянствовати," говоритъ ему благодушный княжой дружинникъ и приглашаетъ его къ себѣ въ дружину. „Приберите сошку да повытряхните земельку изъ омѣшиковъ", отвѣчаетъ тотъ. И диво! никто не можетъ сошку поднять. Дружинники сошку за обжи вертятъ, не сбросятъ сошки за ракитовъ кустъ, хотя силятся богатыри по десятеро. Одной рукой сдернулъ сошку свою ратай и стряхнулъ. „Какъ тебя по имени зовутъ?" спрашиваетъ удивленный дружинникъ Вольга. Отвѣчаетъ тотъ:

А я ржи напашу да во скирды положу
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру да и пива наварю,
Пива наварю—мужиковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!"

Въ этой древней былинѣ выражается съ силою и ясностью какое глубокое значеніе придаетъ народное сознаніе земледѣлателю. Не вывернуть сошки, не свалить каменьевъ великихъ въ борозду непривычной рукѣ горожанина-дружинника. Земля, надъ которой въ поту лица трудится нашъ Микула Селяниновичъ—вотъ основа сложной государственной жизни. Прекрасные рисунки нашего талантливаго художника изображаютъ, съ присущею ему мѣткостью, такія знакомыя каждому изъ насъ сцены мирнаго деревенскаго труда, что объяснять ихъ было бы совершенно излишне и странно.

Форма сохи съ ея омѣшиками и гужиками, таже, что была и у Микулы Селяниновича. Трудная борьба съ современнымъ громаднымъ развитіемъ машиннаго дѣла должна заставить и на нашихъ мирныхъ поляхъ повсемѣстно затопить паровики, которые и пойдутъ вмѣсто нашего Селяниновича съ его сошкой „коренья вывертывать и великіе каменья въ борозду валить". А что пришла пора серьезно начинать эту борьбу—это мы уже говорили не однажды, разсказывая напр. о гигантской хлѣбной производительности и торговлѣ въ Америкѣ, сильно подрывающей нашу.

Старая Руса и ея солеварни.

Старая Руса—нынѣ небольшой уѣздный городокъ Новгородской губерніи, давно славится цѣлебностью своихъ соляныхъ источниковъ, привлекающихъ сюда массу больныхъ съ самыми разнообразными недугами *). Вся здѣшняя почва состоитъ изъ нептуническихъ формацій и между слоями горныхъ породъ залегаютъ большіе пласты каменной соли, которые и выходятъ наружу въ видѣ обильныхъ источниковъ, образующихъ на поверхности земли цѣлые озерки и пруды.

*) Въ „Нивѣ" 1878 г. № 21 была большая статья о Старой Руссѣ, съ 3 рисунками.

Вывариваніе соли издревле составляло извѣстный прибыльный промыселъ Старорусцевъ. По сказанію лѣтописи, здѣсь встарину каждый землевладѣлецъ имѣлъ свою соловарню и это свидѣтельство дѣйствительно подтверждается множествомъ открываемыхъ въ здѣшней почвѣ, подземныхъ водопроводныхъ трубъ и чановъ, несомнѣнно служившихъ для солеваренія. Довольно обширный солеваренный заводъ находится нынѣ въ такъ называемой соборной части города. Основанный частными лицами, онъ поступилъ въ казну въ 1762 году а въ 1865 отданъ въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Здѣсь вырабатывается до 150000 пудовъ соли ежегодно, притомъ работа производится въ лѣтніе мѣсяцы. Когда заводъ въ дѣйствіи, то каждому пріѣзжему можно свободно ознакомиться со всѣми любопытными подробностями солянаго производства, изъ которыхъ особенно достойно вниманія сгущеніе слабаго разсола посредствомъ такъ называемыхъ „градиръ", въ которыя поднимаютъ разсолъ особаго рода насосами и затѣмъ пропускаютъ сквозь рѣшотки и прутья терновника. Вода проходитъ и выпаривается отъ движенія а густой разсолъ стекаетъ въ резервуары. Въ серединѣ лѣта, когда вода въ рѣкѣ сбываетъ, вододѣйствующія колеса опускаются посредствомъ особеннаго механизма на 5 футовъ ниже обыкновеннаго горизонта нихъ осей. Градирни раскинуты на довольно большомъ пространствѣ. Одна изъ такихъ градирень и представлена на прилагаемомъ нами рисункѣ.

Открытіе памятника Гете въ Берлинѣ.

Въ то время какъ въ Москвѣ открывали памятникъ нашему знаменитому поэту—Берлинъ, по особому совпаденію обстоятельствъ, былъ занятъ подобнымъ же торжествомъ.

Памятникъ Гете поставленъ въ западномъ концѣ Зоологическаго парка въ Берлинѣ. Открытіе памятника происходило 2-го іюня.

Мысль о постройкѣ памятника Гете принадлежитъ Якову Гримму и Вильгельму Меркеру. Когда во время празднованія столѣтняго юбилея Шиллера было предположено въ честь его поставить памятникъ въ столицѣ Германіи, Гриммъ писалъ къ наслѣдному принцу, что Берлинъ навлечетъ на себя справедливыя нареканія, если не озаботится постановкою памятника Гете. Народъ не особенно горячо отнесся къ этому заявленію. Въ то время, когда въ 1871 году, былъ уже воздвигнутъ памятникъ Шиллеру, комитетъ Гете могъ только въ 1872 году предложить премію за модель для памятника. Модель Фрица Шапера была признана лучшею; этотъ художникъ дѣятельно принялся и за устройство самого памятника, не смотря на то, что на постройку его въ комитетѣ недоставало еще 20000 марокъ.

На открытіи памятника 2-го іюня въ 11 часовъ утра, собралось не особенно много публики. Тутъ были члены императорской фамиліи, члены комитета Гете со своимъ предсѣдателемъ Лэперомъ, представители города, писатели, художники, директора театровъ и музеевъ и дамы высшаго круга. Все это расположилось около памятника и эстрадъ. Императоръ, наслѣдный принцъ съ супругами и свитой, австрійскій и англійскій послы, заняли мѣста на эстрадѣ.

Торжество началось при звукахъ оркестра. Предсѣдатель комитета Лэперъ произнесъ рѣчь о высокомъ значеніи такого торжества и при заключительныхъ словахъ рѣчи передалъ документъ на памятникъ городу. Въ эту минуту пелена спала съ памятника и взорамъ всѣхъ предстало поистинѣ прекрасное произведеніе. Бургомистръ Форкенбекъ отъ имени города принесъ благодарность комитету. Въ заключеніе большой хоръ подъ управленіемъ профессора Академіи Блюснера пропѣлъ одну изъ чудныхъ пѣсенъ Гете. Въ этотъ же день былъ данъ обѣдъ въ честь Гете литераторами, художниками и многими лицами изъ общества.

Памятникъ выполнѣ вполнѣ художественно. Здѣсь представляемъ мы лишь самую статую, такъ какъ весь памятникъ пришлось бы дѣлать въ слишкомъ маломъ размѣрѣ. Пьедесталъ украшенъ большими, превосходно выполненными, фигурами—аллегорическими изображеніями поэзіи, естествознанія и др.

Политическое обозрѣніе.

Турція и державы. — Приготовленія Греціи. — Наши дѣла съ Китаемъ.— Генералъ Скобелевъ въ степи.

Весьма трудно разобраться въ массѣ противорѣчивыхъ свѣдѣній, о ходѣ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и о самыхъ намѣреніяхъ державъ относительно Турціи. Согласно однимъ источникамъ, Турція рѣшилась вступить въ борьбу съ Греціей по другимъ-же — она колеблется, съ одной стороны увѣряютъ, что державы, объявившія уже Портѣ, въ коллективной нотѣ, волю свою, выразившуюся въ постановленіи Берлинской конференціи, будутъ приводить рѣшеніе это въ выполненіе силою, съ другой же стороны утверждаютъ, что между ними, по этому поводу, возникли разногласія. Факты, передаваемые газетами, ничего не объясняютъ и только затемняютъ смыслъ событій, значеніе настоящей минуты въ „Восточномъ вопросѣ". Такъ, во первыхъ, сообщается, что Порта безусловно намѣрена сопротивляться, что недавно послѣдовалъ уже приказъ о мобилизаціи 2-го армейскаго (адріанопольскаго) корпуса и призывъ резервовъ, что въ Константинополѣ открыто вербуются волонтеры, которымъ выдаются премія и деньги на проѣздъ къ греческой границѣ, что албанцы всячески подстрекаются къ борьбѣ съ врагами оттоманской имперіи; но, въ то же время приходитъ свѣдѣніе о томъ, что самый энергическій сторонникъ войны, военный министръ знаменитый муширъ Османъ-паша, смѣщенъ съ должности своей (онъ оставленъ маршаломъ дворца), которая поручена Гассану-пашѣ, и смѣщенъ, именно, будто бы съ тою цѣлью, чтобы показать державамъ миролюбивыя намѣренія турецкаго правительства. Затѣмъ, сперва мы слышимъ, что Франція и Англія выразили полную готовность энергически поддержать рѣшенія конференціи, но потомъ узнаемъ, что Франція, при посредствѣ офиціозныхъ органовъ, передающихъ взглядъ правительства, заявляетъ, что не желаетъ „таскать изъ огня каштаны для Англіи", что С. Джемскій кабинетъ принялъ на себя иниціативу въ греческомъ вопросѣ и поэтому ему же надлежитъ дѣйствовать; наконецъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, французскій посланникъ при Англійскомъ дворѣ, Шаллемель-Лакуръ, на одномъ банкетѣ, высказалъ, что имѣетъ основаніе надѣяться на мирное и безобидное для всѣхъ улаженіе дѣла. Можетъ быть всѣ эти слухи исключаютъ одинъ другой, но можетъ быть это — различные фазисы, чрезъ которые проходилъ вопросъ. Вѣроятно, однако, всѣ сомнѣнія относительно предстоящихъ событій, скоро исчезнутъ и мы скоро увидимъ въ рукахъ непосредственныхъ участниковъ драмы или мечъ, или оливковую вѣтвь. Положеніе уже таково, что тотъ или другой исходъ наступитъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Какъ бы то ни было—несомнѣнно одно, и именно, что Турція переживаетъ теперь едва ли не одну изъ серьезнѣйшихъ минутъ съ той, когда затѣялась первая роковая драма въ далекой и невѣдомой дотолѣ міру Невесинье.

Греція готовится къ войнѣ. На дняхъ состоялся призывъ всѣхъ безсрочно-отпускныхъ и формируются два армейскихъ корпуса: одинъ въ 28 тысячъ чел. для дѣйствій въ Эпирѣ, другой въ 16 тыс. чел. для дѣйствій въ Ѳессаліи. Въ Аѳинахъ ожидаютъ существенную помощь отъ Франціи и Италіи (?) боевыми запасами и оружіемъ, а также и многочисленными волонтерами. Когда приготовленія будутъ окончены, аѳинскій кабинетъ обратится къ Портѣ съ приглашеніемъ очистить назначенную Греціи территорію и, затѣмъ, въ случаѣ отказа, греческія войска перейдутъ границу. Греки спорныхъ провинцій, конечно, выражаютъ радость свою, но албанцы и турки объявляютъ, что готовы скорѣе лечь костьми, чѣмъ подчиниться этому несправедливому рѣшенію Европы.

Портѣ едва ли не придется, въ одно и тоже время, вести войну и съ Черногоріей. Князь Николай уже не вѣритъ дипломатіи, а Портѣ пересталъ вѣрить уже давно и потому рѣшился прибѣгнуть къ оружію снова. Онъ стягиваетъ войска къ границамъ. Впрочемъ Турція предлагаетъ, и настолько же остроумно, насколько разумно, надѣлить Черногорію территоріей въ новобазарскомъ пашалыкѣ, занятомъ теперь австрійскими войсками.

Австрія же, съ своей стороны, снова намѣрена двинуть войска свои къ Митровицѣ, можетъ быть далѣе... Не обинуясь скажемъ, что, несомнѣнно, желательнѣе видѣть на Балканскомъ полуостровѣ подчиненную извѣстному контролю Турцію, чѣмъ австрійскія казармы!

Въ иностранной прессѣ, между прочимъ, слухъ о томъ, будто обсуждая, вмѣстѣ съ прочими державами, мѣры насильственнаго приведенія въ выполненіе рѣшенія конференціи, Россія предложила 20-ти-тысячный корпусъ войскъ въ помощь Греціи, съ тѣмъ, что корпусъ этотъ былъ бы перевезенъ на англійскихъ корабляхъ. (!) Трудно повѣрить подобному слуху по многимъ причинамъ... Мы не будемъ перечислять эти причины, но—вспомнимъ только о той роли, которую греки играли, играютъ и будутъ играть въ отношеніи славянъ Балканскаго полуострова. Конечно — турецкое ярмо отнюдь не тяжелѣе греческаго, въ иныхъ же отношеніяхъ, пожалуй и легче. Затѣмъ —у насъ самихъ дѣло есть. Война съ Китаемъ виситъ на ниточкѣ. Мы выступили уже въ море, и Китай тоже готовится. Изъ Тянь-Цзяня сообщаютъ, что при устьѣ рѣки Пейхо воздвигаются грозныя укрѣпленія, часть которыхъ вооружена круповскими пушками большаго калибра, Время деревянныхъ разрисованныхъ драконовъ и крѣпостей изъ лакированнаго дерева, повидимому уже прошло! На дняхъ туда ожидалось прибытіе отряда войскъ. У входа въ рѣку стоятъ на якорѣ 15 китайскихъ канонирскихъ лодокъ, изъ числа которыхъ 6 отличаются великолѣпной конструкціей и вооруженіемъ. Въ Шанхаѣ и другихъ портахъ, открытыхъ европейцамъ, всѣ убѣждены въ неизбѣжности войны между Россіей и Китаемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что китайскія торговыя суда въ состояніи будутъ прикрываться нейтральнымъ флагомъ.

(Продолженіе на стр. 569, 570, 571 и 572).

Этаго нововведенія, признаться, мы не понимаемъ — какой это *нейтральный* флагъ у *воюющей* державы?!

Есть уже у китайцевъ и „свои англичане“, какъ были они и у турокъ. Нѣсколько офицеровъ дѣятельно заняты подготовкой воиновъ Богдыхана; кромѣ того, Бэккэръ, назначенный было къ новому вице-королю Индіи на должность секр таря, получивъ какую-то депешу изъ Пекина, поспѣшилъ „выйти въ отставку (?)“ и отправился туда—главно-начальствующимъ военными силами Китая!

Какъ только начнется война, Англія намѣревается вступить въ переговоры (если уже не вступила) *о своихъ интересахъ*. Не тутъ ли ключъ къ разгадкѣ о нейтральномъ флагѣ, о которомъ только что мы говорили выше?

И здѣсь, впрочемъ, не обходится безъ противорѣчащихъ свѣдѣній. Такъ, въ настоящую минуту, въ самый разгаръ приготовленій къ войнѣ, пришло извѣстіе о томъ, что бывшій посланникъ Китая для разрѣшенія вопроса о Кульджѣ, приговоренный къ смерти Чунгъ-Хоу—помилованъ, съ тою цѣлью, какъ сообщаютъ, чтобы не раздражать Россіи и заявить этимъ путемъ о желаніи китайскаго правительства уладить все безъ войны. Желательно было бы, конечно, чтобы извѣстіе это подтвердилось. Кстати скажемъ, что главныя основанія трактата о Кульджѣ, подписаннаго Чунгъ-Хоу, заключаются въ слѣдующемъ:

Россія уступаетъ Китаю Приилійскій край за 5 милліоновъ рублей, удерживая за собою территорію къ западу отъ рѣки Э-Кози и къ югу отъ Лишеньскихъ горъ, вплоть до р. Токо; Россія учреждаетъ новыя консульства въ Кинь-іу-Куанѣ, Вуки, Гами, Турганѣ, Улумши и Коке; въ Монголіи и въ провинціяхъ Тіеншанъ-Канъ-лу и Тіеншанъ-Пехъ-лу съ товаровъ русскихъ купцовъ не взимаются пошлины; во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ будутъ находиться русскія консульства, могутъ учреждаться товарные склады; русскимъ купцамъ открывается плаваніе по р. Сунгари.

Генералъ Скобелевъ идетъ вѣрнымъ, „обдуманнымъ“ шагомъ къ цѣли. Его движеніе въ Баши имѣло весьма важное значеніе уже въ томъ отношеніи, что текинцы, не ожидавшіе видѣть его тамъ, бѣжали, бросивъ большую часть собраннаго хлѣба. Такимъ образомъ, лишившись запасовъ своихъ, текинцы, вмѣстѣ съ тѣмъ, обогатили наши. Путь генерала Скобелева будетъ пройденъ не даромъ: онъ обозначится рядомъ укрѣпленій въ извѣстныхъ пунктахъ, что, несомнѣнно, положитъ иной фундаментъ въ будущія отношенія наши съ Мервской вольницей.

Новыя книги.

Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Докт. Гетца С.-Петерб. 1880 г. Въ изложеніи доктора Гетца есть два достоинства: оно вопервыхъ просто и доступно для всякаго (что и должно быть необходимо въ такихъ книгахъ) затѣмъ оно очень подробно и обстоятельно, что также важно, ибо въ дѣтскомъ организмѣ, еще нетвердомъ, нѣтъ мелочей, которыя, если не обратить на нихъ вниманія, не могли бы развиться во что нибудь серьезное. Если прибавить къ этому, что у насъ книга выдержала уже два изданія а въ Германіи четыре, то это вполнѣ достаточная рекомендація такой книгѣ. Не всякая семья и не вездѣ можетъ имѣть тотчасъ хорошаго доктора а книга всегда подъ рукой.

Уставы воинской повинности 1880 г. Спб. Также книга, которую при дѣйствующей системѣ воинской повинности, нельзя не рекомендовать всѣмъ имѣющимъ надобность въ подобныхъ свѣденіяхъ. Необходимость такого сборника для каждаго члена присутствія по воинской повинности очевидна. Къ уставамъ приложены всѣ дополненія и разъясненія. появившіяся послѣ.

Сельскій сборникъ. Настольная книга, сост. Д. Соколовскій Казань 1880 г. Въ нашемъ журналѣ мы преимущественно стараемся рекомендовать книги полезныя, подлежащія обширному распространенію. Признаемся, мы съ большимъ предубѣжденіемъ взялись за эту книгу для „сельскихъ жителей“. Въ этомъ родѣ попадаются такія, что по фальшивости тона и нелѣпости превосходятъ вѣроятіе. Но г. Соколовскій, не мудрствуя лукаво, просто представилъ сборникъ всевозможныхъ свѣденій для селянина — безъ всякихъ „кабы“ да „таперича“ — начиная отъ огородничества и земледѣлія и кончая свѣдѣніями объ экзаменахъ дѣтей, о сдачахъ въ аренду, судѣ, правахъ сельскаго духовенства и т. п. Не можемъ судить насколько хозяйственные его отдѣлы будутъ полезны сельчанамъ, изъ нихъ-то пожалуй черпать не станутъ, но другіе отдѣлы принесутъ несомнѣнную пользу. Цѣна 1 р. 65 к. конечно невысока за толстый томъ съ пересылкой, но для сельскаго жителя пожалуй непривычна.

Русскій за границей. Сост. А. Замыцкій, Спб. 1880. Есть такіе (особенно теперь при легкости и сравнительной дешевизнѣ путешествій) изъ ѣдущихъ за границу, которымъ пришлось бы хоть съ голоду умирать—такъ какъ они не знаютъ ни на какомъ языкѣ ни слова. Взявши эту книгу, съ голоду не умрутъ, по крайней мѣрѣ потому что словарь по этой части особенно обиленъ.

Памятникъ Гёте въ Берлинѣ. По фотогр. грав. Кнезингъ.

Смѣсь.

Лабрадоръ, добываемый неподалеку отъ Житоміра, начинаетъ входить въ моду для памятниковъ и другихъ издѣлій, которые распространяются не только въ Россіи, но и за границей. Лабрадоръ—красивый черный камень, гораздо тверже мрамора, съ чрезвычайно красивыми жилами и кристаллическими отливами. Сколько извѣстно, лабрадоръ есть еще только въ Америкѣ.

Примѣненіе лампы Эдисона къ морской минной войнѣ имѣетъ, повидимому, большую будущность. Извѣстно, съ какими трудностями и опасностями сопряжено бываетъ для водолазовъ вылавливаніе торпедъ, опускаемыхъ въ воду, съ цѣлью нанести вредъ атакующему судну. Англійское морское вѣдомство пришло къ мысли испробовать для этой цѣли эдисоновскую лам-

пу, которая одинаково свѣтитъ какъ въ атмосферной средѣ, такъ и подъ водою. Недавно въ Лондонѣ произведены были опыты. Съ небольшихъ пароходовъ, при помощи длинныхъ шестовъ, были опущены въ воду, на такую глубину, гдѣ можно бы допустить нахожденіе торпедъ, нѣсколько экземпляровъ эдисоновской лампы; какъ только отъ находившихся на пароходахъ электрическихъ баттарей былъ пущенъ токъ, лампы засіяли подъ водою, освѣтивъ ее такъ ярко, что всѣ бывшіе въ водѣ предметы стали отчетливо видны.

Средство противъ обжога. Тотчасъ послѣ обжога, все равно чѣмъ бы ни было, кипяткомъ, каленымъ желѣзомъ, купоросомъ и т. п., нужно помазать обожженное мѣсто масломъ, какое случится въ домѣ, только не керосиномъ и затѣмъ посыпать мелкою солью, втирать ее. Если по прошествіи двухъ секундъ боль не уймется, помазать опять масломъ и опять посыпать солью. Но важнѣе всего сдѣлать это какъ можно скорѣе, такъ какъ если между обжогомъ и примѣненіемъ вышеупомянутаго средства пройдетъ нѣсколько минутъ, то хотя боль утихнетъ, но пузыри все таки появятся.

Скисаніе молока во время грозы. Извѣстно, что во время грозы молоко быстро скисается и свертывается. Это происходитъ оттого, что кислородъ воздуха, отъ большаго напряженія электричества,—электризуется и переходитъ въ озонъ или въ кислородъ высшей силы, который дѣйствуетъ очень окисляющимъ образомъ на всѣ органическія тѣла. Этотъ озонъ окисляетъ и молоко, въ которомъ тогда быстро образуется большое количество молочной и уксусной кислоты, отчего бѣлки молока свертываются. Д-ръ Мальвернъ Иллесъ искусственно производилъ скисаніе и свертываніе молока, пропуская черезъ него въ теченіе 10 минутъ искры сильной электрической баттареи. Прибавленіемъ къ молоку соды, простой поваренной соли, или нѣсколькихъ капель горчичнаго масла, или хлороформа можно на долгое время задержать скисаніе.

Новый родъ спорта. Въ Парижѣ изобрѣли новый родъ спорта. Такъ какъ теперь охотиться запрещено закономъ, то за неимѣніемъ обыкновенной дичи, дамы рѣшили охотиться на лягушекъ. Элегантныя женщины, имѣющія въ окрестностяхъ города замки и въ нихъ пруды, разсылаютъ приглашенія на охоту за лягушками, точно также, какъ и мужья приглашаютъ пріятелей поздней осенью на охоту за красной и другой дичью. Орудіемъ для охотниковъ служитъ самострѣлъ маленькаго калибра, изъ котораго пускаютъ стрѣлы съ острымъ металлическимъ наконечникомъ.

Отопленіе къ предстоящей всероссійской выставкѣ въ Москвѣ будетъ производиться изобрѣтателемъ пневматическаго отопленія, Ѳ. Д. Давыдовымъ; готовится нѣсколько совершенно новыхъ нагрѣвательныхъ аппаратовъ для отопленія нефтью жилыхъ зданій и фабричныхъ помѣщеній, а также оранжерей и теплицъ. Нѣсколько времени тому назадъ, въ виду значительнаго спроса на нагрѣвательные аппараты его системы изъ Пермской губерніи, гдѣ они, вслѣдствіе какихъ-то причинъ, получили значительное распространеніе, г. Давыдовымъ открыта для ихъ изготовленія фабрика въ Перми, гдѣ онъ въ настоящее время и находится.

1-й заемъ 1864 года. 31-й тиражъ 1-го іюля 1880 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
155	13	8000	2089	38	500	5068	14	500	8706	28	500	11130	49	500	13818	26	500	15919	30	500	17966	46	40000
164	14	10000	2168	35	500	5218	11	500	8838	44	500	11341	21	500	13851	40	500	15923	8	500	17988	6	500
186	7	500	2265	:6	500	5249	43	500	8859	10	500	11471	23	500	13882	28	500	15927	13	500	18000	9	500
256	39	500	2299	41	500	5380	13	500	8945	1	500	11502	34	500	13907	47	5000	15982	44	500	18030	24	500
261	18	75000	2379	47	500	5398	35	500	8956	47	500	11582	13	500	14086	7	500	15988	40	500	18047	43	500
352	30	500	2402	22	500	5416	38	8000	9002	46	500	11594	24	500	14092	50	500	15993	36	500	18059	26	500
411	49	1000	2421	30	500	5526	35	5000	9076	26	500	11643	29	500	14247	31	500	16005	47	500	18084	19	500
472	28	500	2471	40	500	5721	31	5000	9080	5	500	11732	49	500	14270	33	500	16123	6	500	18145	33	500
485	36	500	2769	26	500	5927	18	500	9191	23	500	11741	12	500	14283	46	1000	16173	45	500	18188	8	500
490	41	500	2770	23	500	6058	41	500	9394	2	500	11767	43	500	14393	44	1000	16186	42	500	18226	41	500
555	39	500	2919	8	1000	6340	24	500	9509	18	500	11809	41	1000	14419	25	500	16281	9	500	18234	19	1000
650	2	500	3020	4	500	6431	24	500	9619	32	500	11838	15	500	14499	31	500	16346	14	500	18327	47	500
658	7	500	3029	28	500	6564	11	500	9638	17	500	12101	36	1000	14536	50	500	16352	38	500	18338	44	500
715	20	500	3158	41	500	6686	28	500	9693	41	500	12143	48	500	14543	2	500	16452	5	5000	18366	34	500
721	35	500	3244	38	500	6690	27	500	9775	18	500	12260	11	500	14612	30	500	16485	1	500	18421	48	500
731	34	500	3328	2	500	6764	15	500	9836	18	500	12282	50	500	14651	9	500	16579	23	500	18543	33	500
751	39	500	3477	47	500	6891	24	500	9858	14	5000	12323	7	500	14687	32	500	16616	45	500	18687	37	500
764	45	1000	3542	20	500	6973	20	500	9931	43	500	12341	40	1000	14692	40	500	16756	5	1000	18728	10	500
953	23	500	3729	10	500	7017	25	500	9934	1	1000	12410	37	5000	14852	21	500	16915	47	500	18742	46	500
1186	28	500	3777	22	1000	7187	41	1000	9982	42	500	12610	36	500	14895	25	10000	16917	36	500	19913	20	500
1237	40	500	3841	8	500	7190	26	500	10019	44	500	12710	36	500	14929	25	500	16923	28	500	19917	43	500
1246	23	500	3893	4	500	7463	27	1000	10051	49	500	12723	47	1000	15091	38	500	16933	1	500	19987	17	500
1359	48	500	3899	22	500	7547	16	500	10076	37	500	12727	38	500	15130	4)	500	17053	47	8000	19006	48	500
1381	33	500	3906	21	500	7667	22	500	10286	23	500	12862	43	500	15162	32	1000	17165	24	500	19108	25	200000
1401	40	500	3955	43	500	7736	5	500	10296	50	500	13036	9	500	15199	14	500	17211	6	500	19225	50	500
1448	26	500	3978	39	500	7812	40	500	10367	14	1000	13081	5	500	15219	5	500	17236	6	500	19259	24	500
1542	46	500	4073	34	500	7983	45	500	10380	35	5000	13169	31	500	15325	35	500	17273	43	500	19278	30	500
1556	41	8000	4136	17	500	8030	34	500	10421	39	500	13229	47	500	15399	37	500	17323	38	500	19422	36	500
1593	40	500	4193	;1	500	8245	2	5000	10427	35	500	13230	32	500	15487	5	500	17324	47	10000	19468	4	500
1682	4	500	4267	20	500	8268	6	500	10587	3	500	13298	25	500	15556	30	500	17428	50	500	15524	39	500
1790	39	500	4439	41	500	8289	9	500	10597	2	500	13517	7	500	15592	49	500	17685	18	500	19708	48	500
1810	40	500	4520	35	8000	8323	39	500	10681	12	500	13520	35	500	15604	50	500	17711	11	500	19731	30	500
1912	1	500	4568	8	500	8376	4	500	10832	19	500	13575	16	1000	15608	30	500	17858	2	500	19800	45	500
1960	1	500	4589	34	500	8451	47	500	10952	49	500	13662	40	500	15676	21	500	17873	50	500	19833	6	500
1994	50	500	4791	27	500	8560	41	500	10982	16	500	13697	1	500	15810	24	500	17900	18	500	19842	10	500
2002	36	500	4884	10	500	8627	37	500	11012	33	500	13753	41	500	15851	34	25000	17927	50	500	19851	32	500
2014	34	500	4916	18	1000	8645	36	500	11019	1	500	13769	8	500	15880	26	500	17928	28	500	19976	22	500
2017	14	500	4991	37	500	8662	28	500	11065	22	1000												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

18, 603, 654, 859, 904, 989, 1343, 1368, 2019, 2041, 2222, 2471, 2580, 2865, 2900, 3282, 3401, 3554, 4459, 4959, 5078, 5466, 5477, 5627, 6047, 6761, 6807, 6903, 6996, 7016, 7097, 7152, 7865, 8017, 8583, 9770, 9953, 10712, 11218, 11398, 11424, 11855, 12924, 13423, 14093, 14095, 14158, 14866, 14982, 15077, 15750, 15845, 16410, 16580, 17082, 17342, 17362, 17508, 17685, 17904, 18169, 19176, 19459, 19718, 19747, 19911.

Рѣшеніе шашечной задачи № 46.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 4 на № 7	Съ № 14 на № 4
„ № 8 „ № 12	„ № 19 „ № 8
„ № 24 „ № 28	„ № 32 „ № 23
„ № 16 „ № 20	„ № 23 „ № 16
„ № 13 „ № 18	„ № 21 „ № 14
„ № 9 „ № 22	„ № 26 „ № 19
„ № 6 „ № 15	„ № 19 „ № 12
„ № 2 „ № 11	„ № 14 „ № 7
„ № 1 „ № 5	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг. Пазурина, Журавлева, Маркова, Малинина, Скоропадчено, Геннингъ; **Москва**—Прохорова, Красноворотскаго, Козырева; **Сордобскъ**—Свицына, **Серпуховъ**—Ильвна; **Таганрогъ**—Тіанова; **Копысь**—Гинзбурга; **Н. Новгородъ**—Вовина; **Казань**—Маркова; **Медвѣдево** Лойцингеръ; **Разсказова**—Попова; **Елецъ**—Яковлева; **Бѣжецкъ**—Чистякова; **Курскъ**—Заводскаго; **Брянскъ**—Успенскаго; **Орелъ**—Семенова, Соломахина; **ст. Конобѣево**—Эбергъ.

Рѣшеніе ребуса, помѣщеннаго въ № 24 „Нивы".

Въ чужбинѣ свято соблюдаю,
Родной обычай старины;
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

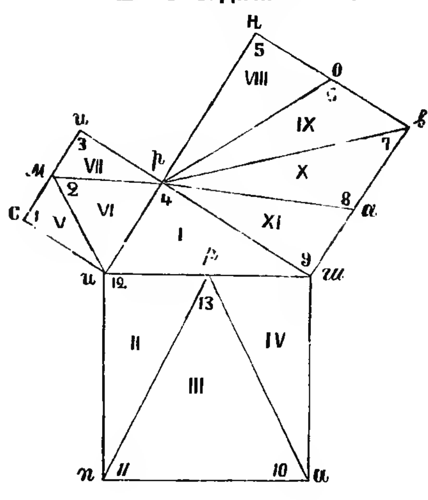
Рѣшеніе магическихъ квадратовъ №№ 44 и 45.

м	о	р	я	к
о	п	е	р	а
р	е	м	и	з
я	р	п	и	а
к	а	з	а	к

т	у	л	у	п
у	д	и	л	о
л	и	р	и	к
у	л	и	к	а
п	о	к	а	т

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы: **Мозырь** отъ г. Лапича, **Угличъ**—Лучинскаго, **Муромъ**—Валединскаго.

Рѣшеніе задачи № 48.

Смирнова, Шапир.

1. Шир	7. Рим.
2. Пир	8. Нор.
3. Пар	9. Ров
4. Шар	10. Вар
5. Сим	11. Шар
6. Мир	

Вѣрныя рѣшенія етаго ребуса присланы: **Спб.**—отъ гг.: Иванова, Русска, Копылова. Коеловой, Новоселовв; **Москеа**—Корешковв; **с. Вишиани**—Матвѣева; **ст. Буцынь**—Дагаева; **Бряксиъ** — Малофѣева; **Владиміръ** — Некрасова; **Кронштадтъ** — № 46,972. **Вильно**—Карпенковв; **Мозырь**—Юл. Лапича; **Калуга**—Компанеецa; **Слуцкъ**—Г. Гурвича.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣденія выдаются и высылаются безплатно.

Въ книжномъ складѣ

„РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ"

(Эмиль Гарье). Невскій. 27, у Казанскаго моста въ СПетербургѣ. Продается новая книга:

ДАМСКАЯ ВЕРХОВАЯ ѢЗДА.

Сост. **А. В. Полозовъ.** На русскомъ и французскомъ языкахъ. Красивый томъ in 16°, съ 19-ью гревюрами, ц. 1 р. 50 к. съ пересылк. 1 р. 75 к.

MANUEL D'EQUITATION POUR DAMES.

Par **A V Polosow,** en français et russe Joli volume in 16° avec 19 gravures. Prix 1 r. 50 c. par la poste 1 r 75 c. (en timbres-poste). Mt. № 808

„ШЛАНГЕНБАДЪ".

Превосходныя купанья, великолѣпная лѣсистая мѣстность, обильный кислородомъ воздухъ, ровная, въ нѣсколько миль, непыльная лѣсная дорога; сыворотка, коровье и козье молоко, знаменитые, цѣлебные источники съ естественной температурой 27—32°. Кристально-чистая, прозрачно-изумрудная, бархатно-мягкая вода, успокоивающая и укрѣпляющая нервы, регулирующая кровообращеніе, представляетъ лучшее средство для освѣженія и сохраненія кожи. Исцѣленіе нервныхъ страданій, женскихъ болѣзней, блѣдной немочи, старческой слабости и накожныхъ болѣзней. Д. № 12555 673—4—4

КЛЕЙ I-й с.

въ плиткахъ, предлагаетъ по очень дешевой цѣнѣ съ доставкою въ Варшаву фабрика **Th. Pyrkosch Ratibor** preuss. Schlesien D. 14048 № 772 8—5

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

(Москва, Тверская, д. Полякова).

Продажа выигрышныхъ билетовъ съ разсрочкою платежа. Задатокъ 15 руб.

Страхованіе по 50 коп.

Условія высылаетъ безплатно.

№ 726 8—6

Частная гимназія и коммерческое училище

Д-ра ВИДЕМАНА.

Преподаваніе учебнаго года 1880—81 открывается во *вторникъ 19-го Авг. с. г.* Пріемные экзамены новыхъ воспитанниковъ назначается на *понедѣльникъ 18-го Авг. съ 9 час. утра до 3 часовъ пополудни.* Принятые воспитанники должны представить метрическое и оспопрививательное свидѣтельства. *Воспитанники окончившіе полный курсъ имѣютъ право на отбытіе воинской повинности въ теченіи полгода.*

Во время каникулъ, Директора господина Эрделя можно застать въ училищѣ каждую *среду и субботу отъ 10 до 1 часа* для полученія нужныхъ свѣдѣній.

Вас. Остр. по 9 лин. д. № 54, кв. № 17.

Mt. № 787 5—5

Директоръ д-ръ **Карлъ Эрдель.**

Экономія 90 коп. съ рубля.

отъ домашняго приготовленія шипучихъ водъ:

Сельтерской, фруктовой и лимонадовъ,

посредствомъ аппаратовъ и порошковъ, продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у дрогистовъ

Р. КЭЛЕРЪ и Комп. въ Москвѣ, на Никольской.

☛ Аппараты эти особенно удобны въ томъ отношеніи, что изъ нихъ можно отливать любое и самое малое количество воды безъ вреда для остатка.

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.: а съ укладкою для пересылки по почтѣ: 5 р. 50 коп., 6 р. 60 коп., 7 р. 75 к. и 11 руб.; вѣсъ же ихъ съ упаковкою 13, 17, 18 и 20 фунтовъ. Цѣна коробокъ съ 10 зарядами, каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55 k., 80 коп., 1 р. 15 k. и 1 р. 60 k., съ укладкою 70 k., 1 р., 1 р. 20 k. и 1 р. 80 k.; вѣсъ съ упаковкою 3/4 ф., 1 ф., 2 ф, и 3 фунта.

Экономія 90 коп. съ рубля. **Экономія 90 коп. съ рубля.**

Ц. М. № 800 **Экономія 90 коп. съ рубля.** 2—2

ВЫШЛА ІЮЛЬСКАЯ КНИЖКА „СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ".

Что въ имени тебѣ моемъ? Э. Д. Джерарда.—**Трагическое наслѣдство,** Констана Геру.—**Паровой домъ,** путешествіе по Сѣверной Индіи, Жюля Верна.—Крина.—Исторія моего товарища.

Въ вышедшихъ первыхъ шести книгахъ нынѣшняго года окончены уже четыре романа: **Сломанный вѣеръ,** Арсена Гуссе; **Намѣренія мистера Стюарта,** Ф. Робинсона: **Слѣды на снѣгу,** Доры Россель. **Терновый замокъ,** Луи Ульбаха.

Къ печати приготовлено: **ГВАРАНИСЪ,** Густава Эмара. **СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО,** Френка Баррета. **ДѢТИ ГЕРЦОГА,** Энтони Троллопа. **ВОЛКАНЪ ВО ЛЬДУ,** Жюля Гро. **ПРЕСТУПЛЕНІЕ МАРСЬЯЛЯ.** Луи Ульбаха.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго формата** выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки **десять руб. пятьдесятъ коп.,** съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать руб.,** для иногороднихъ подписчиковъ—**двѣнадцать.** Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы **Елисаветы Николаевны Ахматовой,** въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. **Каталогъ высылается безплатно.** № 732 1—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО {
Розовое въ оловянной оберткѣ по 25 к.
Бѣлое высш. кач. для дамъ и дѣтей „ 35 „
Прозрачное, по разнымъ цѣнамъ, отъ 10 „
„ Букетъ Императрисъ по 50 „

☛ **ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ** ☚

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ, д. № 32,** Католич. церкви.
2) **Невскій просп.,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи,** ей не принадлежатъ.

СИТРОНАДЪ И ОРОНЖАДЪ МОСКОВИТЪ КЕЛЕРА

изъ свѣжихъ лимоновъ и апельсиновъ, съ вполнѣ сохраненнымъ ароматомъ этихъ фруктъ, для лимонадовъ, пунша, мороженнаго, желе и всякаго рода кушанья. Стклянка на 50 стак., лимонада 50 к., на 100 стак. 90 к. Торговцемъ значительная скидка.

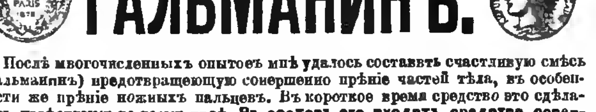
Продажа въ аптекарскихъ магазинахъ

Р. КЕЛЕРА И К° ВЪ МОСКВѢ,

на Никольской и въ Нижегородской ярмаркѣ противъ хлѣбной биржи. Ц. М. № 798 2—2

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы;** эти-то качества и даютъ ему преимущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

☛ **Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина,** что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.** ☚

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная, № 35 (новый). № 586 12

XI годъ | годъ XI

№ 29 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 19 Іюля 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

А. А. Сабуровъ.

Апрѣля 26 настоящаго года обнародованъ былъ Высочайшій указъ объ увольненіи, согласно прошенію, сенатора графа Д. Н. Толстого, отъ занимаемыхъ имъ въ теченіи 14 лѣтъ должностей и назначеніи тайнаго совѣтника А. А. Сабурова управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и тайнаго совѣтника К. П. Побѣдоносцева оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода. Продолжительная дѣятельность графа Толстого, какъ извѣстно, отличалась рѣдкимъ постоянствомъ и вѣрностію разъ принятой имъ системѣ и рѣзкимъ и послѣдовательнымъ ея проведеніемъ.

Настоящій министръ по счету тринадцатый. Первымъ былъ графъ Завадовскій (1802—1810), одиннадцатымъ — Головнинъ (1861—1866). Большинство министровъ были князья и графы—только три лица было нетитулованныхъ. Наибольшее число лѣтъ управлялъ министерствомъ графъ Уваровъ (16 лѣтъ) гр. Толстой управлялъ четырнадцать лѣтъ (съ 14 апр. 1866 г. по 25 апр. 1880). Апрѣль мѣсяцъ игралъ выдающуюся роль въ судьбѣ оставившаго свой постъ министра. Этотъ же мѣсяцъ и то же число увольненія (25 апр.) играли роль и въ судьбѣ министра адмирала Шишкова. На долю министровъ, проводившихъ классическую систему, графовъ Уварова и Толстого, приходится въ исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, считающей за собой всего 78 лѣтъ, наибольшее число лѣтъ именно — тридцать. Статсъ-Секретарь, тайный совѣтникъ Андрей Александровичъ Сабуровъ, получилъ воспитаніе въ Александровскомъ Лицеѣ. Окончилъ онъ курсъ въ 1857 году и служилъ сперва въ канцеляріи комитета министровъ, а затѣмъ перешелъ въ Министерство Юстиціи. Въ 1861 году онъ получилъ званіе камеръ-юнкера и занялъ должность директора попечительства о тюрьмахъ. Въ 1865 году, назначенный въ Уголовный Кассаціонный департаментъ Сената на должность оберъ-секретаря, въ 1866 году онъ уже занимаетъ мѣсто товарища предсѣдателя Петербургскаго Окружнаго Суда, а затѣмъ товарища Оберъ-Прокурора кассаціоннаго

А. А. Сабуровъ. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.
Съ фотогр. Шульца въ Дерптѣ, грав. Шюблеръ.

департамента Сената. За это время А. А. участвовалъ кромѣ того въ нѣсколькихъ коммиссіяхъ по весьма важнымъ вопросамъ и въ 1872 году занялъ должность вице-директора департамента по Министерству Юстиціи. Въ 1875 году Высочайшимъ указомъ А. А. былъ назначенъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, въ прошломъ году за отличіе произведенъ въ Тайные Совѣтники а въ настоящемъ году сдѣланъ Статсъ-Секретаремъ. Онъ имѣетъ слѣдующіе ордена: Св. Станислава и Св. Анны 1 степ. Св. Владиміра 3 степ. и знакъ Краснаго Креста

Дѣятельность А. А. въ званіи попечителя Дерптскаго учебнаго Округа отмѣчена весьма выгодною особенностью. Извѣстенъ всѣмъ прискорбный антагонизмъ, всегда существовавшій въ этомъ округѣ между русскими и нѣмецкими учебными заведеніями и даже между студентами университета, русскими и нѣмцами—явленіе давнишнее, исконное. Всеобщее довѣріе, заслуженное новымъ попечителемъ и тактъ, съ которымъ онъ дѣйствовалъ на такомъ щекотливомъ и затруднительномъ посту, въ значительной мѣрѣ, по общему признанію, исправили дѣло. Какъ бы то ни было, съ назначеніемъ А. А. Сабурова на новый, высокій постъ на него возлагаютъ большія надежды. Теперь предстоитъ лишь совокупное, единодушное дѣйствіе въ общемъ трудѣ, въ дѣлѣ образованія, система котораго собственно осталась та же — перемѣнилось только лицо. Новому министру предстоитъ прекрасная задача — соединить всѣ общественныя силы у такой цѣли.

Надо сказать, что выходя изъ министерства, графъ Толстой оставилъ свою часть въ извѣстной степени благоустроенною и этаго не слѣдуетъ забывать, также какъ не слѣдуетъ забывать то положеніе, въ какомъ онъ получилъ дѣло и надо принять во вниманіе, что онъ одновременно управлялъ двумя обширными вѣдомствами и что дѣятельность его отличалась своей энергіею. Онъ оставилъ 129 гимназій, 20 шести-классныхъ прогимназій, 57 четырехклассныхъ, 67 реальныхъ училищъ, 72 женскихъ гимназій, 159 земскихъ прогимназій, 7 учительскихъ институтовъ, 62 учительскихъ семинаріи, уѣздныхъ училищъ и городскихъ 430 и 23850 народныхъ школъ.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XV.

Свиданіе.

Кожухову было даже удобнѣе пораньше отправиться къ Пантелѣеву, такъ какъ свиданіе съ нимъ, и главное ѣзда—ибо пантелѣевскій заводъ отстоялъ отъ квартиры Кожухова на значительное разстояніе—все это могло отнять у него время, которымъ онъ необыкновенно дорожилъ, по прежнему не пропуская часа лабораторныхъ занятій. Кожуховъ въ послѣднее время чаще и чаще сталъ подумывать о пріисканіи себѣ какого нибудь доходнаго мѣста. Анализами много, много можно добиться въ годъ тысячи двѣ-три, а для человѣка, помышлявшаго о милліонахъ, подобная сумма не имѣла никакого значенія. На нее можно конечно жить, но о такой ли жизни мечталъ онъ?.. Открытіе искуственнаго приготовленія хинина, денежная премія лондонскаго общества—все это было писано вилами на водѣ; къ тому же различные заказы того или другаго анализа безпрестанно отвлекали Кожухова отъ его основной работы. Ко всему этому присоединилось еще новое затрудненіе. Кожуховъ работалъ въ лабораторіи, какъ человѣкъ посторонній, платя за это незначительную сумму. Стоящій во главѣ лабораторіи профессоръ, человѣкъ свѣтлаго ума и глубокой учености, сдѣлавшій много для теоріи своей науки, будучи превосходнымъ ученымъ, оказался слѣпымъ и чрезвычайно довѣрчивымъ администраторомъ и весь лабораторный режимъ поручилъ своему лаборанту, человѣку мелкой интриги и клеветы. Будучи одаренъ не особенно глубокимъ умомъ, но громадными претензіями, лаборантъ высиживалъ цѣлыхъ семь или восемь лѣтъ какое ни на есть открытьице, которое должно было дать ему возможность склеить жиденькую магистерскую диссертацію, но которое, какъ ни скромны были предѣлы намѣченнаго имъ изслѣдованія, не двигалось ни на шагъ впередъ. Это раздражало и всякая работа студента или посторонняго слушателя, сколько нибудь подвигающаяся впередъ—лишала лаборанта сна. Кожуховскій хининъ буквально убивалъ печень несчастнаго лаборанта и ко дню открытія этаго вещества — лаборантъ въ тайнѣ души былъ убѣжденъ, что работа его не подвинется ни на шагъ, — онъ заранѣе старался тормозить изслѣдованіе Кожухова, пользуясь съ этою цѣлью клеветою и сплетней, стараясь вытѣснить Кожухова изъ лабораторіи. Увы, наука оказалась воспріимчивою къ тому, отъ чего она должна была бы отвернуться съ негодованіемъ,—и вотъ среди колбъ и ретортъ, среди растворовъ и воронокъ—съ тонкими струйками паровъ, поднимающихся къ каменнымъ сводамъ лабораторіи—незамѣтно распространилась и пропитала собою атмосферу самая мелкая сплетня,—единственный ученый трудъ лаборанта за семь лѣтъ предварительныхъ научныхъ изысканій. Кожуховъ былъ уязвимъ во многомъ, но лаборантъ преслѣдовалъ его съ своихъ, имъ самимъ созданныхъ сторонъ, съ которыхъ Кожуховъ казался чистымъ... Профессоръ игнорировалъ такую мелочь и грязь, но тѣмъ не менѣе все это раздражало Кожухова и чаще, и чаще заставляло его подумывать объ оставленіи лабораторіи и пріисканіи болѣе вѣрнаго и скораго пути къ разбогатѣнію,—болѣе скораго чѣмъ искусственное приготовленіе хинина, которое могло причинять страданія одному только недальновидному лаборанту.

Кожуховъ былъ прозорливѣе и ѣдучи къ Пантелѣеву, рѣшилъ просить у него мѣста на заводѣ. Вчерашній вечеръ оставилъ въ немъ какое-то безпокойное чувство, происходящее отъ того, что, какъ онъ ни рылся, какъ ни сопоставлялъ между собою замѣченное имъ въ Пантелѣевѣ и женѣ странное душевное состояніе онъ не могъ связать съ этимъ—приглашеніе Пантелѣева пріѣхать къ нему. Нѣтъ, это не объ этомъ, рѣшилъ онъ,—что-жъ онъ можетъ тутъ говорить?.. Она—моя жена, и если ихъ любовь взаимна, то о чемъ же мнѣ-то тутъ объявлять? и почему онъ, а не она, возмется за это? А главное, что ни онъ, ни она—безъ сомнѣнія ни слова ему объ этомъ не скажутъ, будутъ любовь свою продолжать въ тайнѣ. Кожуховъ былъ довольно равнодушенъ къ женѣ и такое открытіе его нисколько не тронуло. Онъ женился изъ разсчета, въ которомъ ошибся; отношенія его къ женѣ походили на отношенія хорошихъ знакомыхъ, но не друзей, поселившихся подъ однимъ кровомъ. Живя съ нею почти годъ—онъ привыкъ къ ней и примирился съ мыслью, что женитьба не принесла ему никакой пользы. Выставить молодую и прелестную жену, какъ нѣкоторую приманку вводимымъ имъ въ домъ нужнымъ и полезнымъ людямъ онъ былъ не прочь, но не болѣе... Извѣстная доля какого-то страннаго уваженія къ ней была присуща ему.

Нѣсколько возбужденный интересомъ къ тому, зачѣмъ его звалъ Пантелѣевъ, онъ ровно въ девять часовъ подъѣхалъ къ подъѣзду его дома и позвонилъ. Огромная дубовая дверь отворилась и Кожуховъ, сбросивъ на руки лакея шубу, сталъ подниматься по роскошной, но нѣсколько аляповатой лѣстницѣ въ помпейскомъ вкусѣ. Встрѣтившій его на верхней площадкѣ лакей повелъ, минуя рядъ затворенныхъ на глухо парадныхъ покоевъ, по широкому, свѣтлому и необыкновенно-чистому корридору, своимъ видомъ напоминающему соединяющія отдѣльныя кельи—монастырскія галлереи. Всюду было безлюдно и пусто; шаги лакея и Кожухова раздавались среди ничѣмъ не нарушаемой тишины. Одна изъ комнатъ, выходившихъ въ корридоръ, была растворена и проходя мимо, Кожуховъ видѣлъ, какъ нѣсколько обойщиковъ обтягивали ея стѣны блѣдно-сиреневымъ атла-

сомъ; одинъ рабочій, въ сѣрой блузѣ, помѣстившись на высокихъ козлахъ, высящихся по серединѣ, собиралъ на потолкѣ атласъ въ видѣ какой-то причудливой розетки. Вѣрно для дамы, для будущей супруги, подумалъ Кожуховъ, но не спросилъ объ этомъ лакея. Въ концѣ корридора лакей остановился и отворилъ передъ Кожуховымъ дверь въ огромную, полутемную библіотеку, заставленную шкафами съ книгами и физическими инструментами. Кожуховъ вошелъ.

Четыре круглыя вверху окна, благодаря тому, что на нихъ висѣли темныя толстыя занавѣси, пропускали въ эту обширную и высокую комнату мало свѣта и войдя въ нее неслышно, вслѣдствіе одѣвающаго полъ мягкаго ковра, Кожуховъ остановился, приглядываясь къ темнотѣ. Посереди стоялъ громадный столъ заваленный кипами находящихся вѣроятно въ страшномъ безпорядкѣ газетъ; шкафы, затянутые или незатянутые тафтой, шли по стѣнамъ; физическіе аппараты, многіе вѣроятно только что вынутые изъ ящиковъ, въ которыхъ ихъ привезли, еще не освободившись отъ соломы, были разставлены въ безпорядкѣ по полу. Кожуховъ двинулся осторожно по комнатѣ, боясь что-либо опрокинуть или задѣть и, привыкнувъ къ темнотѣ, усмотрѣлъ неподалеку отъ одного изъ оконъ, стоящаго передъ конторкой Пантелѣева, не слышавшаго повидимому его шаговъ и погруженнаго въ какую-то глубокую думу.

Онъ стоялъ къ Кожухову спиною, упавъ локтями на конторку и поддерживая голову обѣими руками. На зеленомъ сукнѣ верхней доски конторки не лежало ничего. Одѣтъ онъ былъ въ тотъ самый костюмъ, въ которомъ Кожуховъ видѣлъ его вчера въ театрѣ. Желая привлечь его вниманіе, Кожуховъ кашлянулъ.

Тогда Пантелѣевъ повернулъ, не отнимая локтей отъ конторки, къ Кожухову свое необычайно блѣдное и измученное лицо. По всему было видно, что этотъ желѣзный человѣкъ страдалъ, болѣлъ чѣмъ-то.

— Вы больны? приблизился къ нему Кожуховъ, дѣлая приличную обстоятельствамъ физіономію.

Пантелѣевъ посмотрѣлъ на него какъ-то холодно, какъ бы забылъ подать ему руку и отведя отъ него измученные безсонницей глаза, снова упалъ головою на руки и глухо отвѣтилъ на вопросъ:

— Нѣтъ.

Кожуховъ стоялъ около него, не зная что сказать ему еще.

— Вы звали меня вчера?.. напомнилъ онъ.

Пантелѣевъ, все не подымая на Кожухова глазъ, еще разъ глухо отвѣтилъ:

— Звалъ.

И какъ Кожуховъ сталъ очень близко, ожидая что онъ еще скажетъ и даже положилъ на конторку свою руку, Пантелѣевъ съ какимъ-то новымъ приливомъ блѣдности, устремивъ на него сверкающіе мрачнымъ огнемъ глаза, вдругъ съ силою отодвинулъ его руку.

— Отойдите подальше.

Кожуховъ отступилъ въ странномъ и непонятномъ для него смущеніи и почти страхѣ. Все разгораясь своими мрачными глазами, Пантелѣевъ смотрѣлъ на него, точно готовый броситься и задушить его.

Что съ нимъ? что все это значитъ?.. Не сводя съ Пантелѣева своихъ нѣсколько испуганныхъ глазъ, Кожуховъ опустился на стоящее въ отдаленіи кресло и въ недоумѣніи прошепталъ:

— Да, что же съ вами?

Тогда же Пантелѣевъ оторвалъ голову отъ рукъ, обратилъ къ Кожухову свое лицо, по прежнему блѣдное, но выражающее на этотъ разъ твердую рѣшимость и вдругъ заговорилъ съ какою-то страстною стремительностью, почти задыхаясь, точно въ его здоровыхъ легкихъ не хватало воздуха. Мокрые волосы его прилипли къ головѣ; жилы на вискахъ какъ-то особенно замѣтно напряглись, руки, которыми онъ вертѣлъ мраморное пресъ-папье, дрожали.

— Я звалъ васъ... Я долженъ сказать вамъ все,— задрожалъ его голосъ,—болѣе молчать *мы* не въ силахъ.

И какъ бы, думая, что опущенные глаза не идутъ къ тому, что онъ хочетъ сказать, что онъ не стыдится признаться Кожухову, поднялъ на него ихъ и съ какой то блѣдною усмѣшкой произнесъ:

— Я люблю вашу жену...

Съ страннымъ спокойствіемъ, давшимъ Пантелѣеву что-то въ родѣ увѣренности въ благопріятномъ исходѣ начатаго имъ разговора, Кожуховъ отвѣтилъ.

— Я это знаю.

И прибавилъ, послѣ паузы молчанія:

— И она любитъ васъ.

— Неправда ли?—и оживился и какъ то радостно заблистали глаза его и съ нѣкоторой душевной теплотой и доступнымъ ему лиризмомъ какъ бы извинился передъ нимъ:—мы не умѣемъ скрывать... Мы полюбили другъ друга какъ то внезапно...

Къ чему же онъ это говоритъ?.. зачѣмъ мнѣ знать объ этомъ— подумалъ Кожуховъ, чувствуя въ виду такого признанія себя не совсѣмъ ловко... Неужели онъ, этотъ богачъ, думаетъ, что во мнѣ найдетъ пособника отношеніямъ своимъ къ моей женѣ?.. Не произнося ни слова, онъ ждалъ продолженія начатаго Пантелѣевымъ признанія... Тотъ же отъ лирическаго порыва какимъ-то сильнымъ и грубымъ взмахомъ, съ прежнимъ блескомъ своихъ черныхъ глазъ, рѣшительно и властно заявилъ, не щадя мужа:

— Я рѣшилъ. Вы отдадите ее мнѣ!

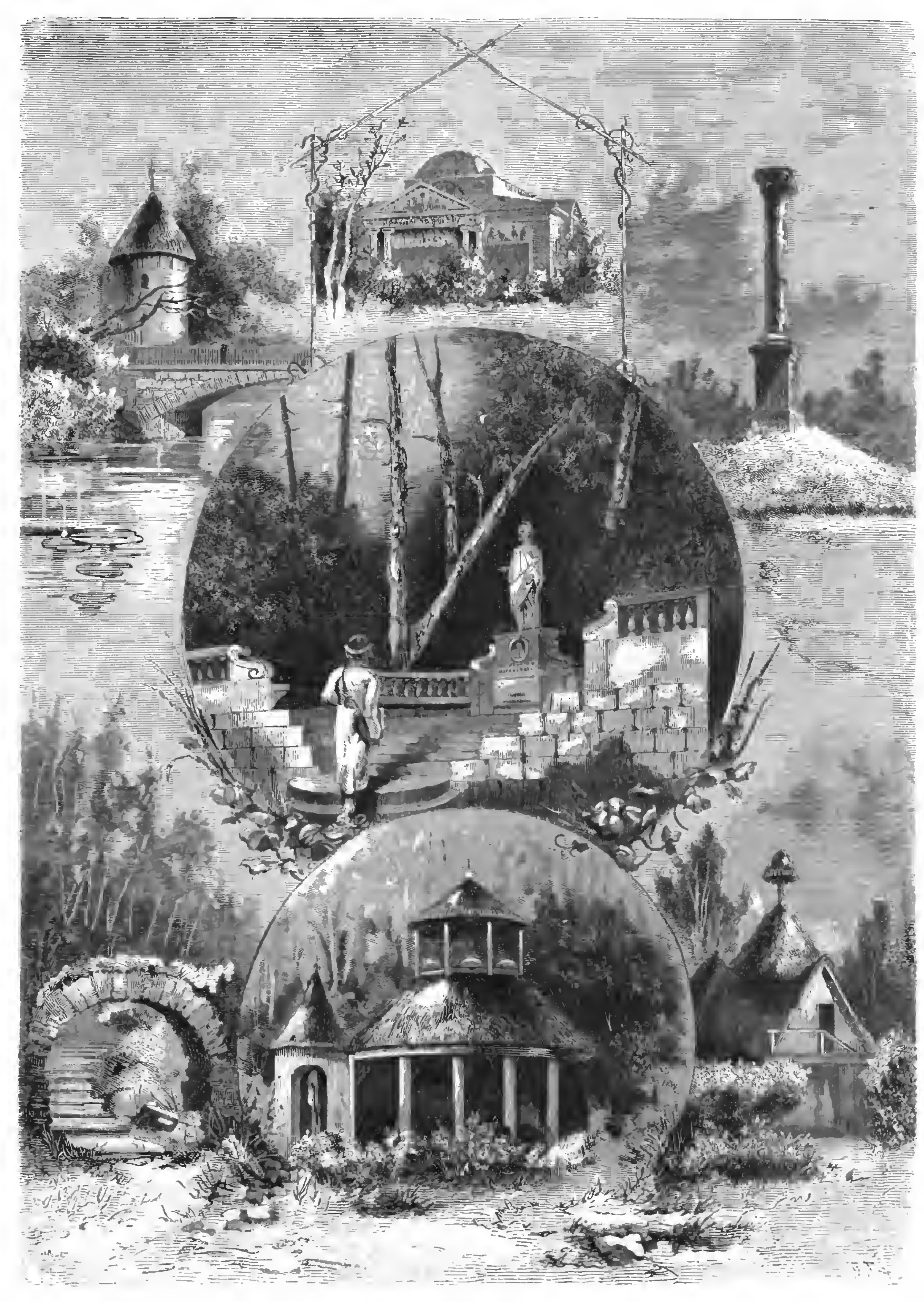
И вѣроятно прочтя на его лицѣ, что Кожуховъ не понимаетъ, быть можетъ предположивъ, что онъ въ подобномъ предложеніи видитъ совсѣмъ иное, онъ вдругъ вспыхнулъ и съ проявившеюся въ немъ уже разъ страстною стремительностію, заговорилъ.

— Вы не поняли меня... Вы должны—снова зазвучалъ его голосъ какимъ-то приказаніемъ,—отдать мнѣ ее иначе... Пусть она войдетъ въ этотъ домъ женою моей...

— Разводъ?.. отчего-то поблѣднѣлъ Кожуховъ, приподымаясь, и затѣмъ снова опускаясь на свое кресло... Пантелѣевъ рѣшительно подтвердилъ.

— Разводъ! и ждалъ, на этотъ разъ спокойный, что скажетъ въ отвѣтъ Кожуховъ.

Въ мрачной и полутемной библіотекѣ воцарилась тишина... Двѣ мужскихъ фигуры окаменѣли,—одинъ—съ блестящими мрачными глазами стоялъ у конторки, казалось, позабывъ разрывающуюся отъ боли голову, другой—сидя съ опущенною внизъ головою, погрузился въ какую-то безсвязную думу... Разводъ?.. Онъ не ожидалъ этого... Его мысль, въ виду скораго и рѣшительнаго отвѣта отказалась какъ-бы дѣйствовать... Онъ не думалъ, что дойдетъ до этого... пусть-бы все дѣлалось помимо его... Но какъ эгоистична любовь!.. Мало того, что они хотятъ устроить свое счастіе только для себя самихъ, мало того, что они не думаютъ о немъ, о его благосостояніи, что они рѣшили все, только принимая во вниманіе однихъ себя, мало всего этого—съ какой-то безцеремонностью взваливаютъ на него всѣ дурныя слѣдствія развода... Они хотятъ собственнаго счастія, но обрекаютъ его на безбрачіе; хотятъ, чтобы онъ предъ лицомъ закона, передъ церковью сказалъ, что онъ нарушитель брачнаго обѣта... нарушитъ брачный обѣтъ!.. О, онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы это съ легкостью и не счелъ бы это за клятвопреступленіе... Но онъ не нарушалъ, былъ равнодушенъ къ женщинамъ и съ этой стороны былъ неуязвимъ... А они требуютъ, чтобы онъ сказалъ это... тогда какъ собственно нарушила супружескую клятву она, его жена, а не онъ... Онъ жилъ мечтой, но никогда въ его мечтаніяхъ не была замѣшана женщина... О другомъ онъ думалъ... Вдругъ глаза его, быстрые и пронизывающіе, обыкновенно бѣгающіе повсюду,

Пиль-башня.
Развалины близъ Елисаветинскаго павильона.

Розовый павильонъ.
Памятникъ Цесаревичу Николаю.
Новое шале.

Колонна-обелискъ въ Новой Сильвіи.
Старое шале.

Павловскій паркъ. Рис. П. Гнѣдичъ, грав. М. Рашевскій.

Охотничье свято. Рыбацкое свято. Ольгинъ день. Косарское свято. Купальское свято.

Полѣсскія свята. Съ наброска М. Волотовскаго, рис. на деревѣ В. Шпакъ, грав. Б. Пуцъ.

остановились неподвижно и расширились, точно нѣчто поразительное и странное привлекло ихъ вниманіе... Ухо его уловило вопросъ Пантелѣева:

— Что-жъ вы молчите?

Не отвѣчая, онъ сдѣлалъ какое то движеніе рукой.. Ахъ, всѣ дороги ведутъ въ Римъ!.. Неужели, неужели они думаютъ, что я уйду, обреку себя на вѣчное безбрачіе, брошу ихъ, оставлю въ покоѣ наслаждаться счастіемъ—такъ вотъ просто возьму и уйду?! Боже мой, да чего-же, чего-же я думалъ!.. Вѣдь въ руки, прямо въ руки дается... Вѣдь... вѣдь я достигъ того, къ чему стремился жадно, со всею страстію души...

И вдругъ онъ всталъ, какъ всегда юркій, съ бѣгающими глазками, съ улыбающимся лицемъ, съ своими обычными торопливыми движеніями и скорой рѣчью, всталъ и смѣло приблизился къ конторкѣ, у которой стоялъ Пантелѣевъ, ожидавшій отвѣта...

— Такъ-съ, — съ какой-то безпечностью подтвердилъ Кожуховъ сказанное его собесѣдникомъ относительно развода и совершенно неожиданно для него, съ улыбкой заговорилъ повидимому совсѣмъ о другомъ: —у меня до васъ просьба... Могу я говорить прямо или ужъ до другаго разу?.. Вамъ нездоровится...

— Нѣтъ, говорите... я слушаю...

Рѣшеніе вопроса о разводѣ повидимому отдалялось и какъ ни желалъ услышать его Пантелѣевъ, въ эту минуту, когда Кожуховъ повидимому заговорилъ о другомъ, онъ, въ виду нѣкоторой отсрочки рѣшительнаго момента, почувствовалъ какое-то облегченіе...

— Говорите...

— Я, Гаврило Прокофьичъ, какъ ѣхать сюда къ вамъ, —опустилъ глаза и какъ-то понизилъ голосъ Кожуховъ, —рѣшилъ высказать вамъ свою давнишнюю, давно задуманную мною просьбу... Видите... Хотѣлось-бы мнѣ одно торговое дѣло завести... Сами знаете, какое дѣло безъ капитала... Однимъ кредитомъ дѣло начать, значитъ при самомъ началѣ его провалить...

— Ну-съ.

— Такъ вотъ и хотѣлъ я просить васъ въ этомъ дѣлѣ мнѣ помочь.. Дали бы мнѣ вы взаймы.. Разбогатѣю—право... отдамъ...

Оба смотрѣли другъ другу въ глаза и нѣкоторое время оставались безмолвны. Вдругъ Пантелѣевъ глухо и какъ-то презрительно-мрачно спросилъ:

— Сколько?

И повернулъ ключь въ конторкѣ, ожидая отвѣта... Кожуховъ на этотъ разъ отчеканивая слова и не сводя съ Пантелѣева пристальнаго взгляда, отвѣтилъ:

— Сто тысячъ необходимо бы...

Крышка конторки поднялась какимъ-то судорожнымъ движеніемъ... Храня упорное молчаніе, Пантелѣевъ дрожащими руками вырвалъ изъ книжки чекъ, и что-то шепча своими блѣдными губами, обмакнулъ въ чернильницу перо и судорожно, поспѣшно началъ писать... Написавъ, онъ поднялъ свое блѣдное лицо и обратился къ Кожухову:

— Вотъ, — швырнулъ онъ чекъ на захлопнувшуюся крышку конторки... и засмѣялся какимъ-то страннымъ смѣхомъ...

— Бѣдная, бѣдная!.. какой человѣкъ! прошепталъ онъ.

И вдругъ, падая своею страдающею головою на руки, онъ померкшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Кожухова, укладывавшаго чекъ въ бумажникъ, посмотрѣлъ съ выраженіемъ отвращенія и гадливости на это озабоченное лицо, на тщательное укладыванье полученнаго чека въ бумажникъ и будучи не въ силахъ подавить негодованія къ такому человѣку:

— Ни слова ей, приказалъ онъ... Идите, оставьте меня... Дальнѣйшіе переговоры съ моимъ адвокатомъ...

Кожуховъ въ молчаніи отправился къ выходу; ему самому хотѣлось скорѣе разстаться съ этимъ человѣкомъ, въ присутствіи котораго онъ чувствовалъ себя очень неловко... У самыхъ дверей голосъ Пантелѣева еще разъ остановилъ его...

— Помните,—услышалъ Кожуховъ звучацій угрозой голосъ хозяина, — помните: ни слова объ этомъ займѣ ей... Если, если она узнаетъ объ этомъ—знайте, я васъ, какъ собаку... положу на мѣстѣ... Помните.

И грозно сверкнувъ глазами, отпустилъ Кожухова и оставшись одинъ, въ сильномъ душевномъ волненіи, воскликнулъ:

— Господи Ты Боже мой! Что-же это такое?!.

И охвативъ голову руками, упалъ на конторку, нѣкоторое время оставаясь неподвижнымъ... Потомъ поднялся совершенно спокойный на видъ, оправилъ волосы, и нажалъ пуговку электрическаго звонка... Въ дверяхъ появился лакей:

— Позови управляющаго...

XVI.

Фарисей.

Катерина Александровна слышала, какъ Пантелѣевъ приглашалъ на другой день спектакля пріѣхать къ себѣ ея мужа... Хотя между нею и Пантелѣевымъ не было сказано въ какой формѣ произойдетъ ихъ дальнѣйшее сближеніе ни слова, тѣмъ не менѣе она была увѣрена, что Пантелѣевъ устроитъ все такъ, что не поставитъ ее въ ложное положеніе... Она любила его и вѣрила ему безгранично, хорошенько даже не узнавъ его, но вѣря ему съ тою-же легкостью, съ какою вспыхнула въ ней къ нему страсть... Въ ней, такъ долго сдерживавшейся, такъ долго не привязывавшейся ни къ кому—подобный порывъ былъ естественъ... Она слишкомъ долго оставалась равнодушна и холодна ко всѣмъ, слишкомъ отдалялась и душевно, и физически ото всѣхъ, въ ней такъ много скопилось никому не высказанныхъ мыслей, которыми надо было съ кѣмъ нибудь подѣлиться,—что быть можетъ, начавши свое чувство съ чисто внѣшняго впечатлѣнія, произведеннаго на нее Пантелѣевымъ, съ быстротою и чрезвычайной поспѣшностью, идеализировала того, кого полюбила.., хорошенько не узнавъ... Въ его безмолвномъ созерцаніи ея, въ его немногословіи — она видѣла особую глубину его чувства къ ней... Зачѣмъ слова?.. Страстные моменты подавляютъ, заставляютъ позабыть все... И ввѣряясь его чувству, она закрыла глаза на все и рѣшила... Пусть онъ ведетъ ее... Она всюду послѣдуетъ за нимъ!..

Она слышала, какъ сбирался мужъ къ нему, какъ онъ одѣвался, торопился выпить стаканъ чаю и какъ уѣхалъ, выговаривая горничной за то, что дурно вычистила платье... Она еще лежала въ постелѣ и, зная куда идетъ мужъ, зачѣмъ зоветъ его Пантелѣевъ, осталась совершенно спокойной и ожидала рѣшенія своей участи, безъ малѣйшихъ признаковъ волненія... Разъ ей пришла въ голову мысль о покидаемомъ мужѣ... Можетъ это его поразитъ?.. Можетъ онъ будетъ считать себя обиженнымъ ею, обиженнымъ несправедливо... На минуту безпокойство пробѣжало по ея прелестному лицу... Что-же ей дѣлать?.. Неужели она вольна въ томъ, что съ нею совершается?.. Господи! да нѣтъ того чувства, которое бы она не попрала ногой для того, кого такъ любитъ..

Съ утра спокойная, она начала слегка волноваться... Что-жъ онъ не ѣдетъ?.. Почему-то ей казалось, что отъ Пантелѣева онъ не поѣдетъ въ лабораторію и прямо вернется домой... А между тѣмъ часы проходили, онъ все не возвращался... Она стала разсѣянна, прислушиваясь къ чему то, потерявъ обычное свое самообладаніе, вставая и снова садясь на прежнее мѣсто... Вдругъ ей снова показалось, что позвонили и она вздрогнула.

Это былъ мужъ. Катерина Александровна молча опустилась на прежнее мѣсто, ожидая услышать отъ него что-то и сидѣла, не возобновляя прерванной работы...

Насвистывая, онъ прошелся раза два по комнатѣ и вдругъ остановился передъ ней:

— Я знаю все, мой другъ.

Голосъ его звучалъ кротостію и теплотою, которыхъ никогда она не слышала въ его тонѣ... Какъ-бы понимая, что ей трудно съ нимъ объясняться въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, онъ ободрялъ ее и своимъ веселымъ видомъ, и тономъ, и этимъ обращеніемъ „мой другъ“. Она подняла на него свои нѣсколько смущенные глаза и не произнося ни слова, ожидала что онъ скажетъ... Онъ вдругъ отечески нѣжно дотронулся до ея волосъ... Въ другое время она бы протестовала противъ этого, но въ данную минуту ей показалось, что въ ней, всегда сознававшей себя сильною, теперь какая-то слабость, требующая покровительства и поддержки... Отъ нервнаго напряженія, на глазахъ ея, впервые въ присутствіи мужа, появились слезы... Тогда онъ ласково улыбнулся ей улыбкой, какою мать улыбается ребенку:

— Переноси твердо такіе кризисы, — наставительно нѣжно произнесъ онъ,—ими полна жизнь... Надо быть твердымъ—пойми... Гроза освѣжаетъ воздухъ и послѣ нея все оживляется и дышетъ легче... И ты вздохнешь, проливъ свои чистыя слезы...

Она вздохнетъ,—шевельнулось въ ней,—онъ говоритъ о ней одной... А онъ?

— Ты не виновата,— услышала она его уговаривающій и оправдывающій голосъ, — и никто не виноватъ: ни ты, ни я, ни онъ... Зачѣмъ губить твою молодую жизнь?.. надо дѣйствовать согласно указаніямъ сердца.

Что-жь, онъ не скажетъ о себѣ?.. Онъ, значитъ, одинъ онъ страдаетъ во всемъ этомъ...

— Гроза пройдетъ, мой другъ, ты вздохнешь легко и свободно... Ты будешь счастлива, ты *должна* быть счастлива...

О, она знаетъ это... Но не о томъ... Можетъ, можетъ онъ не любилъ ее, былъ къ ней равнодушенъ, но вѣдь привыкъ же онъ къ ней?.. Пока дѣло идетъ о ней только... А онъ? Вотъ онъ заговорилъ о себѣ, какъ-бы угадывая ея мысль:

— Можетъ я смущаю тебя?.. мой другъ,—онъ взялъ ее за руки,—я буду счастливъ тѣмъ, что соединю тебя съ любимымъ человѣкомъ... И вѣрь,—что вѣчная холостая жизнь, которая предстоитъ мнѣ, не пугаетъ меня.. Ты знаешь какой я черствый практикъ... Я погружусь въ свою химію, засяду за свои книги, можетъ и еще чѣмъ займусь, переѣду въ меблированныя комнаты и, помнишь, какъ у Тургенева, воскликну: здравствуй одинокая старость, прощай безпріютная молодость!..

Образъ того, кого она любила, кто былъ дороже ей всего, мелькнулъ въ ея воображеніи... Черезъ темныя тучи, облегавшія небосклонъ, проглянули яркіе и живящіе солнечные лучи... Подъ ихъ благотворнымъ вліяніемъ она какъ бы прозрѣвала — и, за минуту назадъ сожалѣвшая мужа въ глубинѣ своей души, она вдругъ при послѣднихъ словахъ его встала передъ нимъ, широко раскрывъ свои прелестные глаза... Что это за фразы?.. Человѣку, потрясенному до глубины душевной —не придетъ на умъ цитировать Тургенева... Такъ это все такъ... Такъ ему не жаль ее... Такъ онъ все лгалъ?. Боже мой, какой ужасъ!.. Смотря на того, кто надѣвъ личину, притворялся передъ нею, она съ негодованіемъ бросила ему:

— Я только теперь поняла, что вы за человѣкъ!

По ея лицу онъ видѣлъ, что она поняла его надлежащимъ образомъ и какъ-то криво усмѣхнулся на ея слова:

— Только теперь?..

XVII.

Поѣздка.

Вѣсть о предполагаемомъ расторженіи брака между Кожуховымъ и его женою была сообщена госпожѣ Столповской въ одно изъ посѣщеній ею стариннаго ея пріятеля и друга покойнаго мужа, Батракова. Ѣдучи отъ него домой, Столповская чувствовала себя счастливою отъ только что полученнаго извѣстія... Столько заботъ, столько непріятностей доставляла ей эта женщина, такъ она не любила ее до сихъ поръ и вдругъ, при такомъ неожиданномъ извѣстіи, она почувствовала какое то даже расположеніе къ Катеринѣ Александровнѣ, благодарность за то, что она возвращала ей сына, которымъ Столповская не хотѣла дѣлиться ни съ кѣмъ и около котораго не стерпѣла бы ни одной женщины. Въ эгоизмѣ своей любви она не думала о сынѣ, о томъ, что извѣстіе, которое она сообщитъ, принесетъ ему какую нибудь печаль... Собственное счастіе ослѣпляло ее и заставляло свои ощущенія переносить и на другихъ; — точно, избавляясь сама отъ гнета тревожныхъ сомнѣній, она избавляла отъ нихъ и сына... Если его привязанность сильна, подумала она, онъ поскучаетъ и забудетъ... Все забывается... Первое время надо будетъ его развлечь... но какъ?.. Она подумала о поѣздкѣ съ нимъ за границу... Это развлекло бы конечно... Ахъ безъ жертвъ не обойтись,—вздохнула она... Ей пришло въ голову довольно основательное предположеніе... Если она поѣдетъ съ нимъ—не станетъ онъ печалиться и терзаться (неужели онъ до такой степени любитъ ту женщину!) на ея глазахъ... Конечно, нѣтъ... Онъ будетъ скрывать отъ нея свою печаль, а это лучшее средство заставить его долѣе помнить эту женщину, а слѣдовательно долѣе оставаться чуждымъ ей, его матери, его единственному другу... Пусть лучше выплачетъ свое горе сразу и вернется къ ней ея прежнимъ милымъ сыномъ... Послать его одного?.. одного! она чувствовала, что не обойдется безъ жертвъ... Послать одного за границу?.. Она сразу поняла, что не сдѣлаетъ этого... Подъѣзжая къ дому, она, въ началѣ желавшая сообщить сыну доставившее ей облегченіе извѣстіе, внезапно поняла, что у нея не достанетъ на это духу... что она хотя и должна недопустить его услышать о разводѣ Кожуховыхъ отъ другихъ, что къ такому извѣстію необходимъ ея комментарій, но что сдѣлать это ей удобнѣе письменно... Его рѣшительно надо послать одного, послать скорѣе, чтобы онъ не узналъ о разводѣ Кожуховыхъ отъ другихъ, послать сегодня, самое позднее—завтра... При такой быстротѣ—это будетъ неестественно: ни съ того, ни съ сего послать заграницу?! Вдругъ ей пришло на мысль отправить его въ одно отдаленное имѣнье, въ которомъ она никогда не бывала, имѣнье малодоходное, лежащее гдѣто въ Оренбургской губерніи... Пусть онъ осмотритъ его —вотъ мысль... А я?.. Сердце ея сжалось печалью при мысли о разлукѣ, которая ей казалась неизбѣжной... Карета остановилась у дома: швейцаръ разстилалъ для ея прохода обитый ковромъ мостикъ... Утомленная и озабоченная, она входила въ двери подъѣзда... О, во что-бы то ни стало, она перенесетъ для него все... Гдѣ потребуется—солжетъ и извернется... Лишь бы онъ, сынъ ея милый, принадлежалъ одной ей неотъемлемо... Лишь бы наступили ихъ обычные вечера, началась классическая нѣмецкая музыка, зазвучалъ чистый стихъ Шиллера, съ его благороднымъ стилемъ, съ его величественными сюжетами... За это можно перенести все!

Не снимая шляпы, озабоченная, она вошла въ кабинетъ сына, ходящаго изъ угла въ уголъ и показавшагося ей печальнымъ. Въ испугѣ она подумала, не узналъ ли онъ о томъ, что она хотѣла отъ него скрыть..

— Ты выходилъ? — тревожно освѣдомилась она, не сводя съ него глазъ.

Онъ отвѣтилъ отрицательно и она вздохнула съ облегченіемъ. Развязывая ленты шляпы и сѣвъ на кресло, она сообщила:

— Сейчасъ отъ Батракова... Представь, я узнала тамъ пренепріятную новость...

Она говорила легко и свободно. Сынъ, прекративъ

свое хожденіе изъ угла въ уголъ, остановился передъ ея кресломъ:

— Новость?.. что именно?

— Я встрѣтила тамъ генерала Лопатина, который только что пріѣхалъ изъ Оренбурга... Ты знаешь, тамъ есть у насъ имѣнье, очень большое, но не приносящее никакого дохода... Представь: генералъ говоритъ, что имѣніе на дѣлѣ доходное, — но что насъ страшно обворовываетъ управляющій... Мало того: онъ не платитъ земельныя и за нами накопилась масса недоимокъ, какихъ—я рѣшительно не могу понять.. Генералъ совѣтуетъ мнѣ ѣхать туда и лучше продать имѣніе, нежели продолжать разорять себя...

— Ты думаешь ѣхать?

— Не знаю,—задумалась она,—я полагала просить съѣздить тебя... Я становлюсь, мой милый, стара и дорога въ такую даль обойдется мнѣ не легко.

Она смотрѣла на него просящими глазами. Проситъ ѣхать меня одного?.. пронеслось въ его головѣ,—да когда же это было. Это что-то ново... Не отвѣчая ей, онъ искалъ причины, побудившей ее просить уѣхать его одного. Старая ревность,—мелькнуло у него,—ревность къ Кожуховой... И онъ отвѣтилъ:

— Что-жъ, я конечно могу съѣздить, но ты останешься одна?

Она улыбнулась ему въ отвѣтъ:

— Я буду ждать тебя!

Онъ возобновилъ свое хожденіе изъ угла въ уголъ.

— Время терпитъ: я могу конечно съѣздить... А теперь, онъ вынулъ часы и посмотрѣлъ:—не пора ли обѣдать?

Ей оставалось самое трудное. Время терпитъ! нѣтъ, надо ѣхать скорѣе, сегодня, завтра; долѣе ей трудно будетъ удерживать его около себя—и онъ узнаетъ о разводѣ Кожуховыхъ отъ постороннихъ а не отъ нея.

— О, нѣтъ, мой другъ,—воскликнула она съ торопливостью,—о нѣтъ: это слѣдуетъ сдѣлать скорѣе. Недоимокъ такъ много, что имѣнье могутъ продать съ молотка.

Шиллеръ и классическая музыка, акварель и рисунки сепіей неблагопріятно отразились на практическихъ познаніяхъ молодаго человѣка... Классическое образованіе, полученное имъ въ университетѣ, тоже не особенно способствовало этому. Ему показалось возможнымъ то, что говорила мать. Онъ снова остановился передъ нею.

— Скорѣе?.. Когда же ты находишь нужнымъ, чтобы я ѣхалъ?

Нерѣшительно глядя на него, выраженіемъ глазъ напоминая просящую собачку, она тихо произнесла:

— Завтра съ утреннимъ поѣздомъ.

И по прежнему прося, прошептала:

— Ты не уйдешь сегодня никуда... Неправда ли? ты не оставишь меня?..

Куда уходить ему?.. *Туда?..* Нѣтъ, онъ не пойдетъ туда, зачѣмъ?.. Эта поѣздка, быть можетъ вызванная ревнивымъ опасеніемъ, пришлась совершенно кстати... Можетъ она освѣжитъ и излѣчитъ его. Тѣ пѣсни, что прозвучали ему серебристыми колокольчиками нѣсколько недѣль тому назадъ, что придали силу и его слабому характеру, испорченному разслабляющимъ воспитаніемъ — тѣ новыя, сладостныя и вносящія въ жизнь радость, пѣсни—превратились въ мрачные гимны... Лишающая силъ элегія облегала и размягчала его... Какая-то вялость и тряпичность распростирались по его тѣлу. Она играла тогда не для него; не для него блистали ея глаза и тонкіе пальцы извлекали изъ клавишей страстные аккорды... Онъ это чувствовалъ, онъ это зналъ...

— Куда мнѣ уйдти?.. Я не оставлю тебя.

И вдругъ на глазахъ его показались слезы. Онъ смутно постигъ всю силу материнской любви, постигъ, какъ мать извивается, лжетъ, дрожитъ передъ нимъ, дрожитъ, страшась потерять его... Раздѣлить его любовь съ другой, значило бы для нея потерять его совсѣмъ. Нѣтъ, рѣшительно надо и полезно будетъ ѣхать. Тогда можетъ онъ вернется освѣженный дальнею поѣздкой, сильный настолько... настолько хоть, чтобы читать съ нею длинными зимними вечерами, при свѣтѣ лампы подъ голубымъ абажуромъ—читать „Jungfrau von Orlean!“...

Она замѣтила его слезы и рѣшила быть осторожной въ проявленіи своихъ чувствъ къ нему, чтобы не заставить его отмѣнить принятое намѣреніе покинуть ее на время, чтобы затѣмъ вернуться къ ней навсегда...

(До слѣдующ. №).

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

VI.

Псковская смута.

Въ половинѣ XVII столѣтія, когда на московскомъ престолѣ былъ молодой двадцатилѣтній Алексѣй Михайловичъ, на Руси происходило много внутреннихъ смутъ. Неопытный въ искусствѣ править государствомъ, Алексѣй Михайловичъ предоставилъ всѣ дѣла довѣреннымъ, близкимъ къ нему людямъ, боярину Борису Ивановичу Морозову и другимъ а самъ проводилъ время большею частью на охотѣ, богомольяхъ, на разныхъ потѣхахъ и другихъ занятіяхъ, свойственныхъ духу той эпохи. Какъ и слѣдовало ожидать, временщики—любимцы Царя, по примѣру прежнихъ фаворитовъ, напримѣръ, Бориса Годунова и Малюты Скуратова при Іоаннѣ IV и Салтыковыхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, болѣе заботились о собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о благѣ государства, злоупотребляли своей властью, давая поводы народу роптать и волноваться, чѣмъ пользовались пронырливыя, безчестныя личности, усиливая недовольство народной массы. То тутъ, то тамъ вспыхивали смуты и мятежи: такъ въ 1648 году московской гиль надѣлалъ большой переполохъ; въ томъ же году въ Сольвычегодскѣ и въ Устюгѣ произошли смуты; наконецъ,въ годъ перелома столѣтія, разразились серьезные мятежи въ Новгородѣ и Псковѣ. Причины послѣдняго были въ исконной враждѣ къ иностраннымъ гостямъ, которые забравъ всю торговлю въ свои руки, страшно подорвали промышленные обороты Псковичей; кромѣ того вольности и бывшее исключительное положеніе Пскова и Новгорода не могли безпрекословно подчиниться правленію московскихъ бояръ, часто увеличивавшихъ государственные налоги, взятками да поминками сбираемыми въ свою пользу; къ тому и безшабашное русское удальство и размашистая натура Псковичей любили шумъ, драку, сборища на площади и горячіе споры о городскихъ дѣлахъ, причемъ разумѣется подстрекаемые злоумышленниками, они легко переходили въ рукопашную.

Когда въ 1617 году Россія и Швеція заключили между собою миръ, то между прочими условіями Швеція выговорила себѣ возвращеніе въ шведскіе предѣлы тѣхъ жителей изъ отошедшихъ отъ Россіи земель (Финское побережье и др.), которые перебѣжали въ предѣлы Россіи, не желая попасть въ подданство „Шведской королевы“. Около 50,000 человѣкъ успѣли выселиться въ Россію; Швеція потребовала выдачи бѣглецовъ.

Начались переговоры; московское правительство не могло рѣшиться на изгнаніе своихъ единовѣрцевъ, но и Шведы не хотѣли добровольно уступить. Послѣ долгихъ пререканій, Шведская королева Христина изъявила желаніе получить за этихъ эмигрировавшихъ подданныхъ 190 тысячъ серебряныхъ рублей.

Въ половинѣ февраля 1650 года по Государеву указу было выдано шведскому уполномоченному Нуменсу первые 20 тысячъ серебряныхъ рублей и кромѣ того приказано выдать ему же изъ псковскихъ царскихъ житницъ 11,000 четвертей ржи въ счетъ остальной суммы. Псковичи заволновались, слухи росли; начали толковать, будто царь велѣлъ отобрать весь псковскій хлѣбъ и всю казну и отдать все шведу. Люди ненавидѣвшіе Москву, въ родѣ Демидова, постарались раздуть пламя мятежа и вотъ 27-го февраля большая толпа народа явилась на архіепископское подворье и потребовала личнаго разговора со владыкою. Архіепископъ Макарій вышелъ и челобитчики просили его уговорить псковскаго воеводу Собаки-

Лѣтомъ. Изъ средневѣковой жизни. Картина Ницкаго, грав. Кнезингъ.

на не выдавать шведу хлѣба, до возвращенія гонца, котораго хотѣли послать къ царю. Макарій, исполняя ихъ просьбу, обратился къ воеводѣ, но Псковскій воевода Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ, вызвавъ къ себѣ челобитчиковъ, довольно рѣзко упрекалъ ихъ, что они понапрасну безпокоятъ Владыку и объявилъ имъ, что хлѣбъ онъ немедленно отпуститъ, а что они де могутъ посылать гонца къ царю и что онъ навѣрно ихъ челобитья не приметъ. Пока шли эти переговоры, на воеводское подворье собрался народъ; увидя себя во главѣ большой толпы недовольныхъ, челобитчики перемѣнили тонъ и изъ просителей обратились въ зачинщиковъ волненія; они грубо попрекнули Собакина, что онъ пускаетъ шведовъ въ Кремль*) и что самъ онъ съ шведами пируетъ у гостя Ѳедора Емельянова, который дѣйствительно очень любилъ общество иностранцевъ и самъ былъ человѣкъ очень по тому времени образованный. Собакинъ разсердился и обозвалъ челобитчиковъ обиднымъ словомъ: „кликунами“. Челобитчики начали было кричать громче прежняго, но когда Собакинъ велѣлъ бывшему при немъ подъячему записать имена „кликуновъ“, эти вожаки бросились въ разсыпную, а за ними побѣжалъ и простой народъ, собравшійся изъ любопытства. Но Псковичи не унялись: на слѣдующее же утро они собрались на площади и стали разсуждать о вчерашнемъ разговорѣ съ воеводою. Зачинщики доказывали Псковичамъ, что хлѣбъ хоть и царскій, но выдавать его не слѣдуетъ, потому-де что коли будетъ неурожай, народу негдѣ будетъ позаимствовать и тогда будетъ неминуемо голодъ. Другіе, болѣе благоразумные спорили, что не слѣдуетъ противиться царскому указу и заводить смуты, которыя могутъ кончиться такъ же ужасно, какъ то было при Грозномъ. Толпа сначала колебалась, но потомъ разсудокъ одержалъ побѣду и недовольные стали было расходиться, какъ вдругъ на площадь прискакали нѣсколько конныхъ стрѣльцовъ и закричали:

— Эй, православные! чего тутъ точите зубы-то зря! Шведъ во Власьевскія ворота въѣзжаетъ и царскую казну везетъ!

При этомъ извѣстіи всѣ бывшіе на площади, бросились на встрѣчу къ шведу.

Обозъ съ драгунскимъ конвоемъ въѣзжалъ въ городъ; это былъ тотъ самый шведскій коммисаръ Нуменсъ, на котораго наканунѣ сдѣлала нападеніе шайка Жегара.

Подстрекаемый зачинщиками, народъ вытащилъ изъ повозки сопротивлявшагося Нуменса. Тутъ подоспѣлъ приставъ Тимашевъ и вмѣстѣ съ драгунами пытался выручить комисара. Сначала думая устрашить волновавшуюся чернь, драгуны сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ карабиновъ, но этимъ они только раздражили буяновъ; удары палокъ, ослоповъ, камни посыпались на драгунъ и они принуждены были ускакать на воеводское подворье. Остался одинъ Нуменсъ: онъ стоялъ блѣдный и перепуганный посреди бушевавшей толпы и плохо говоря по русски, не могъ никакъ объяснить, куда и зачѣмъ ѣдетъ; онъ кое-какъ выговорилъ имя торговаго гостя „Ѳедора Емельянова“.

При этомъ ненавистномъ имени, Псковичи еще болѣе разсвирѣпѣли и потащили было злополучнаго шведа топить къ проруби, но перемѣнили намѣреніе и рѣшили, что впередъ нужно его допытать. Мятежники привели Нуменса во „всегородскую избу“, нѣчто въ родѣ нынѣшней биржи, допрашивали и обыскивали его, отобрали бумаги и потомъ отвели его на подворье Снѣтогорскаго Монастыря; заперевъ плѣнника въ отдѣльную горницу, они приставили къ нему сторожами 25 стрѣльцовъ, нѣсколько посадскихъ людей и „пять поповъ“.

Воза разгрузили и казну, бывшую въ боченкахъ и мѣшкахъ, золотой и серебряной монетой, вмѣстѣ съ собственнымъ имуществомъ Нуменса, запечатали, и тутъ же на подворьѣ приставили къ ней крѣпкій караулъ.

Прискакавъ къ воеводѣ, драгуны доложили ему о безпорядкѣ, произведенномъ гилевщиками у Власьевскихъ воротъ. Никифоръ Сергѣевичъ немедля сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ драгунами отправился на мѣсто происшествія. Но тамъ никого уже не засталъ; узналъ, что толпа отхлынула къ „всегородной избѣ“, гдѣ покончивъ распоряженіе объ арестѣ шведа и казны, Псковичи горячо толковали. Воевода поѣхалъ туда.

Онъ сталъ ихъ уговаривать не бунтовать и не сопротивляться царскому указу, но гилевщики кричали, что шведъ-де похитилъ казну и никакаго-де царскаго указа у него нѣтъ.

— А ты собака! такъ и знай свою конуру, а въ наши дѣла не вступайся... раздался возгласъ изъ толпы. При этомъ оскорбленіи воевода, видя что силой и угрозами ничего не подѣлаешь, уѣхалъ съ площади прямо къ архіепископу Макарію и просилъ его попытаться уговорить народъ.

Макарій тотчасъ же отправился съ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи несшимъ икону Св. Троицы, высокочтимую Псковичами, затѣмъ шли нѣсколько священниковъ съ иконами изъ разныхъ церквей, съ крестами и хоругвями.

Когда торжественное шествіе достигло площади, волновавшійся народъ мгновенно стихъ и давъ дорогу духовенству, набожно крестился и земно кланялся. Макарій, видя такое настроеніе, обратился къ нимъ съ рѣчью; но на всѣ его обѣщанія они упорно возражали:

— Государевой грамоты у шведа нѣтъ!.. Онъ измѣнникъ и воръ! Ни казны, ни хлѣба безъ государева указа не дадимъ!..

Архіепископъ убѣдился, что и его доводы будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и опасаясь усилить народное раздраженіе, возвратился къ ожидавшему его воеводѣ съ печальной вѣстью о неудачѣ.

VII.

Коза, Копыто и Слѣпой.

На другой день рано утромъ, то есть 1-го марта 1650 года, Псковичи спѣшили на площадь съ веселымъ говоромъ, въ праздничныхъ нарядахъ. Вчерашній перевѣсъ народной воли надъ волей властей вскружилъ головы, а выкаченные богатыми гостями, желавшими увеличить смуты, бочки вина и меду, еще болѣе утвердили мятежный духъ. Черпая ковшами даровое угощеніе, они почерпали въ немъ безумную дерзость.

Воевода Собакинъ—человѣкъ честный и умный, не обладалъ энергіей и рѣшимостью, и не предпринялъ крутыхъ мѣръ; онъ зналъ, что строгостью ничего не выиграетъ, не имѣя достаточно военной силы, чтобы противиться и боялся раздѣлить участь Нуменса.

Никто не препятствовалъ совѣщанію гилевщиковъ, чѣмъ они были весьма довольны.

Было ясное, морозное утро, площадь передъ „всегородной избою“ представляла любопытное зрѣлище: народъ толпился, шумно разговаривая, ряды конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ примкнувшихъ къ гилевщикамъ выстроились полукругомъ, блистая вооруженіемъ подъ лучами восходящаго солнца. Всѣхъ больше кричали и подзадоривали народъ клевреты Демидова—Томилка Вавильевъ по прозвищу „Слѣпой“, хотя глаза этаго крикуна ничѣмъ не оправдывали такаго эпитета, а очень зорко слѣдили за выводимыми его рукой каракулями, когда онъ въ качествѣ площаднаго подъячаго строчилъ челобитную на согнутой спинѣ своего кліента. Другой ораторъ, стрѣлецъ Прохоръ носилъ не менѣе странное прозвище „Коза“.

Всѣмъ говорить было нельзя и уполномоченными избрали этихъ двухъ человѣкъ; въ придачу къ нимъ поставили стрѣлецкаго сотника Сорокоума Копыту.

Вступивъ въ отправленіе обязанности представителей народнаго суда, они велѣли привести на площадь Нуменса.

Въ ожиданіи его прибытія выкатили двѣ большія порожнія бочки и поставивъ ихъ рядомъ къ верху дномъ, устроили на нихъ родъ помоста. Когда привели шведа то поставили его на это возвышеніе, чтобы всѣмъ было его видно; Коза, Копыто и Томилка Слѣпой распрашивали несчастнаго, а чтобы онъ показывалъ истинно, возлѣ него стояли заплечные мастера съ батогами и другими орудіямв пытки.

Бумаги отобранныя у Нуменса, а также письмо государево, найденное еще наканунѣ во время обыска у гостя Емельянова, прочли громко и отчетливо, чтобы всѣ слышали, потомъ отобравъ болѣе важныя изъ этихъ бумагъ, запечатали ихъ и заперли въ ларѣ на томъ же монастырскомъ подворьѣ, съ наказомъ монахамъ неусыпно беречь ларь.

— Сказывай шведъ правду, а коли не истинное покажешь, велимъ пытать... Носъ и уши отрѣзать, говорилъ Нуменсу подъячій Томилка, важно записывая показанія и поглаживая свою лопатообразную бородищу.

Нуменсъ какъ ни былъ взволнованъ, но не вытерпѣлъ и довольно раздражительнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Все сказывалъ, ничего не увралъ!.. Отстань, выпусти домой къ королева Кристина... Жалобу подамъ: меня ограбилъ, поругалъ мнѣ честь, за это царь Московіи будетъ казнить негодяй,—и Нуменсъ указалъ на толпу псковичей, которые встрѣтили его угрозы громкимъ хохотомъ.

Подобныя сцены продолжались нѣсколько дней; шведскаго посла таскали на площадь, распрашивали, издѣвались надъ нимъ и грозили пыткой. Потомъ его оставили въ покоѣ, но держали подъ крѣпкимъ карауломъ.

Казалось волненіе утихло; обыденная жизнь пошла своимъ чередомъ, но именно это затишье предвѣщало бурю, которую упорно подготовляли зачинщики мятежа.

Илья Норотовъ съ сестрой пріѣхалъ въ Псковъ къ вечеру 1-го марта. Было уже совсѣмъ темно, а потому отъ сторожей ускользнуло странное обстоятельство, что на конѣ рядомъ съ всадникомъ сидѣла дѣвушка. Если бы Псковичи не были почти поголовно пьяны, то вѣрно схватили бы подозрительныхъ людей и заставили бы ихъ испытать участь Нуменса.

Илья догадался, что Псковъ уже началъ свою безумную игру... „Опоздалъ я маленько“, пожалѣлъ онъ и осторожно, окольнымъ путемъ, глухими переулками добрался до Воеводскаго подворья, погруженнаго въ мракъ и какъ будто въ мирный сонъ; но какъ только всадникъ приблизился къ воротамъ, его окружили нѣсколько человѣкъ сторожей и спросили шопотомъ: „кто и откуда?“ Илья назвалъ себя и велѣлъ доложить воеводѣ; выбѣжалъ изъ воротъ ключникъ и торопливо проговорилъ:

— Добро пожаловать, бояринъ Илья Алексѣичъ... схвативъ

*) Въ то время въ пограничныхъ городахъ было строго запрещено впускать иностранцевъ въ крѣпостную ограду.

коня за поводъ, онъ ввелъ его въ калитку и тотчасъ захлопнувъ ее крѣпко, заперъ засовами и замкомъ.

— Да никакъ васъ двое, изумился ключникъ, когда свѣтъ фонаря озарилъ закутанную женскую фигуру.

— Да, двое. Это моя сестрица родная, Марья Алексѣевна... Нонѣ такое времячко, что въ катканѣ ѣхать не приходится, ваши гилевщики пьяные пожалуй остановили-бъ, а на конѣ никто и не примѣтилъ, улыбаясь отвѣчалъ Илья.

— Уберите коня, да вотъ собаку накормите, голубчики, просила Марья, указывая на Грача.

Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ сидѣлъ запершись въ отдаленномъ покоѣ хоромъ; онъ не ложился, да едва ли и могъ бы заснуть при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ. Онъ рѣшительно не зналъ что дѣлать и въ ожидавіи какой нибудь помощи изъ Москвы, положился на волю Божію. Онъ обрадовался прибытію Норотова, зная что тотъ горячій сторонникъ Москвы.

Разсказавъ подробно все случившееся наканунѣ и въ это утро, Собакинъ, тяжело вздохнувъ, добавилъ:

— Вотъ только что вернулся отъ владыки Макарія. Гадали мы съ нимъ, крѣпкую думу думали какъ горю пособить, да ничего не придумали!.. Цѣлый денекъ нонѣ не пилъ, не ѣлъ—ѣда да сонъ и на умъ не идутъ, при такой кручинушкѣ!.. Господи!.. видно послѣднее время приходитъ—братъ на брата!.. Мятежники противъ царя идутъ,.. народъ православный—а' словно обезумѣлъ!.. Чуетъ мое сердце, не добромъ это кончится...

Такъ горевалъ воевода.

— Напрасно Никифоръ Сергѣичъ унываешь: не плакать подобаетъ, а не медлить нисколько, пока не зашумѣлъ весь Псковъ, надо тушить! сверкая глазами говорилъ Илья.

— Научи родимый!.. я и голову потерялъ, ты человѣкъ молодой, разумомъ тебя Богъ не обидѣлъ, разсуди какъ быть? разводя руками молвилъ воевода.

— Нельзя крамольникамъ волю давать... Они Нуменса убьютъ, а Свейская королева за такое поруганье ихъ надъ посломъ, на Москву войну подниметъ! разсуждалъ Илья.

— Истинно такъ! соглашался Собакинъ.

— Ну видишь!.. слѣдуетъ извѣстить Государя, помочи просить, рѣшилъ Илья.

Воевода одобрительно кивнулъ головой. Нѣсколько минутъ оба молча глядѣли другъ на друга. Воевода думалъ: „Прытокъ дѣтина! а посади его на мое мѣсто, посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ съ крамольниками-то поговорилъ бы“... Илья думалъ: „Эхъ ты мокрая курица! Меня бы воеводой поставили! Я-бъ показалъ этимъ мужикамъ да псковскимъ торгашамъ, какъ надъ царскимъ воеводой мудровать“...

— Да ты откуда къ намъ прибылъ?.. спохватился вдругъ Собакинъ. Не изъ Москвы-ль?

Илья разсказалъ ему приключеніе въ лѣсу и то, что случилось съ нимъ въ домѣ дяди.

— Я зналъ, что Гаврила Яковличъ съ Псковичами за одно, ну а что онъ на большакъ пошлетъ добрыхъ людей бить да грабить—этаго не думалъ про него... Не говорилъ ли я тебѣ, Илья Алексѣичъ, что времена плохія... Конецъ міру подходитъ, твердилъ Собакинъ. Демидовъ человѣкъ упрямый. Коли онъ затѣялъ крамолу, трудно будетъ одолѣть...

— Хоть и трудно, а надо! перебилъ Илья, — пошли гонца къ Царю.

Воевода замялся:

— Гонца-то?.. Кого послать?.. Никто не поѣдетъ, вѣдь это почитай на вѣрную погибель, коли изымаютъ, въ Великой утопятъ...

— Неужели ты не можешь приказать какому-нибудь стрѣльцу? сказалъ Илья.

Воевода рукой махнулъ.

— Стрѣльцы измѣнники: они всѣ за гилевщиковъ... Да вотъ что, Илья Алексѣичъ, ты куда ѣдешь-то?

— Я хотѣлъ отвезти сестру къ пріятелю въ Вышгородъ, отвѣчалъ Илья.

— Ну вотъ и ладно: это по пути къ Москвѣ, будь другъ, возьми грамотку къ Государю да и самъ объясни все безъ утайки, что во Псковѣ творится... Конь-отъ у тебя добрый ли?.. Не было бы погони...

— Конь мой вѣтеръ, птица не догонитъ, хвалился Илья.— Пиши грамотку, а мнѣ дозволь часокъ соснуть... Измаялся я, да и сестрѣ спать небойсь надо бы...

Воевода захлопотался угостить и спать уложить дорогихъ гостей. Пока Илья и Марья отдыхали, а конь, охраняемый Грачемъ, жевалъ золотистый ячмень, насыпанный передъ нимъ въ кадкѣ, воевода диктовалъ дьяку подробный отчетъ о безпорядкахъ во Псковѣ и просилъ Государя прислать надежное войско.

За часъ до зари Илья и Марья тихо выбрались изъ соннаго съ похмѣлья города. Отъѣхавъ съ четверть версты шагомъ, Илья свиснулъ и рѣзвый конь помчался какъ стрѣла, вздымая копытами облака снѣга. Грачъ по обыкновенію мчался впередъ.

(До слѣд. №). **В. Политковскій.**

Павловскъ.

(Къ рисунку П. Гнѣдича).

...„Une colonnade, un temple à Pawlovskoé me font plus de plaisir que toutes les beautés d'Italie“...

Это писала императрица Марія Ѳеодоровна въ 1782 г., вспоминая о своей любимой лѣтней резиденціи, Павловскѣ. Но что же такое былъ этотъ Павловскъ.

Въ 1777 г., императрица Екатерина подарила наслѣднику престола, Павлу Петровичу нѣсколько сотъ десятинъ земли верстахъ въ 25 отъ Петербурга, между двумя деревеньками Линна и Кузнецы. То была некрасивая густая чаща, перерѣзанная мелководною плохенькою рѣчкою—Славянкой, съ болотистыми топкими берегами и обширными весенними заводями. Подарокъ былъ сдѣланъ по случаю рожденія перваго сына у молодой четы—Александра.

Сейчасъ-же начались постройки. Знаменитый Камеронъ возвелъ двѣ маленькія дачи: Паульлустъ и Маріенталь въ самомъ модномъ тогдашнемъ голландскомъ стилѣ. А вокругъ нихъ какъ грибы стали выростать мелкіе домики и бесѣдки Крики-Краки, Шале, Храмы дружбы etc.—То была пора всевозможныхъ молочныхъ фермъ, пастушескихъ хижинъ, искусственныхъ развалинъ, домиковъ „эрмитовъ“. Изящныя, легкія постройки то въ ложно классическомъ стилѣ, то въ швейцарскомъ, стали то тутъ то тамъ просвѣчивать сквозь искусно разсаживаемыя деревья. Сталъ съѣзжаться чаще и чаще Дворъ, провели изъ Царскаго Села,—за пять верстъ,—шоссе, штатъ служителей увеличился, разрослись дворцовыя постройки. Дворцовый пригородъ сталъ застраиваться, населеніе прибывать, и владѣтельница Павловскаго, цесаревна Марія Ѳеодоровна стала называть свое село citta futura, т. е. будущій городъ.—Еще немного времени, усилій — и на мѣстѣ пустыря и дичи явилось вполнѣ благоустроенное мѣстечко.

Въ 1796 году вступилъ на престолъ Павелъ. — Въ первую же недѣлю новаго царствованія былъ изданъ указъ: „Село Павловское, которое предоставлено отъ Насъ въ собственность ея императорскому величеству любезной супругѣ Нашей, переименовываемъ мы городомъ“... По „случающимся дѣламъ“ Павловскъ могъ непосредственно сноситься съ сенатомъ. Издано было повелѣніе не стрѣлять въ городѣ и окрестностяхъ, на улицахъ и садахъ не свистѣть, не кричать и не произносить „недѣльныхъ разговоровъ...“ Ото всѣхъ грамотныхъ мастеровыхъ была отобрана въ чтеніи этого повелѣнія подписка.

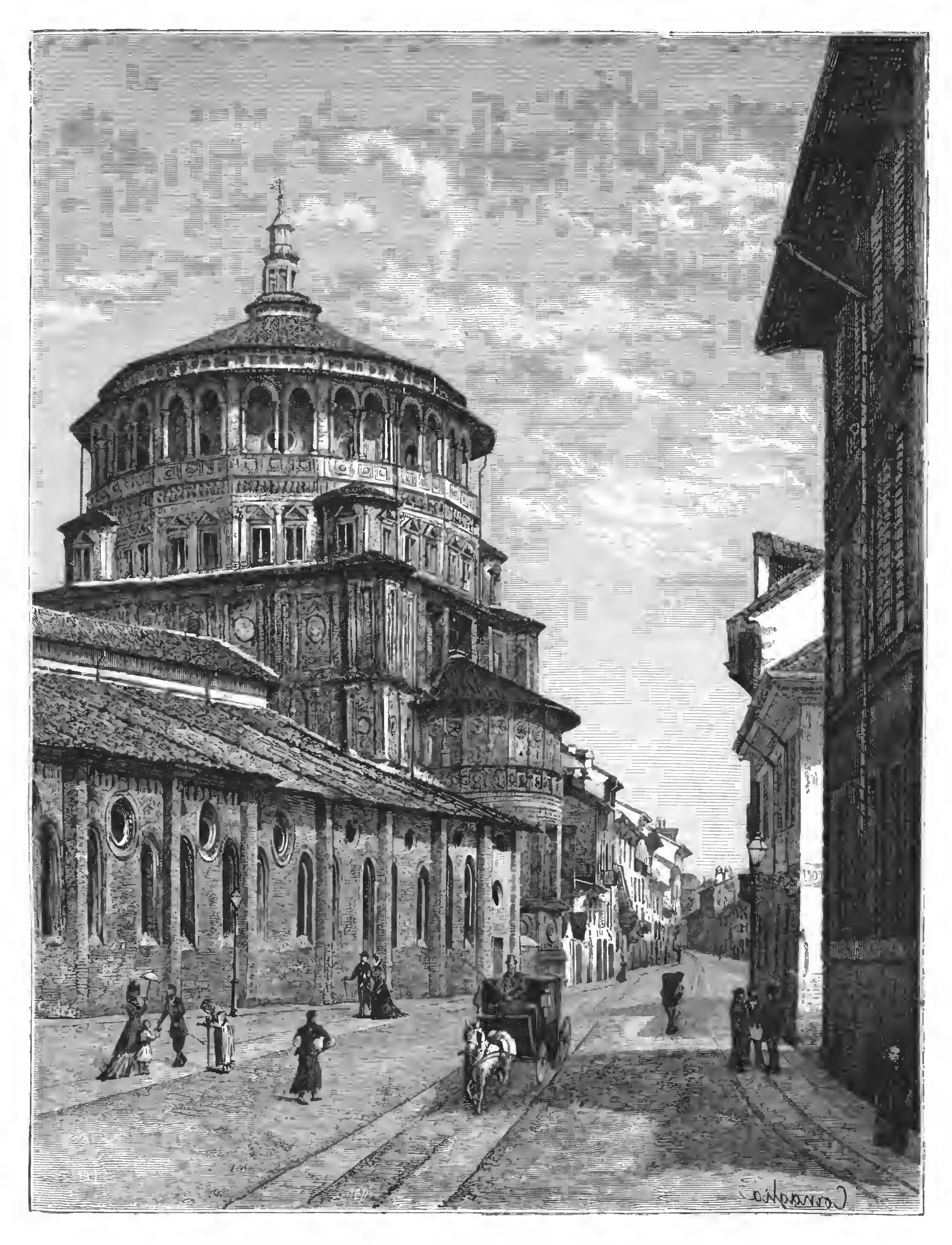
Послѣ смерти августѣйшаго супруга, Марія Ѳеодоровна переселилась изъ Михайловскаго замка въ Павловскъ, и здѣсь вполнѣ предалась горю. Сохранился ея портретъ, работы живописца Кюгелькена (писанный на слоновой кости и составляющій теперь собственность в. к. Константина Николаевича), изображающій императрицу именно въ этотъ періодъ ея страданій. Это симпатичная, молодая головка, слегка склоненная на бокъ, въ глубокомъ траурѣ, съ чернымъ вуалемъ и съ медальономъ своего супруга на груди. „Сердце мое увяло, —пишетъ она въ письмѣ къ Плещееву,—душа моя отягощена, но я не ропщу на опредѣленіе Промысла... Я здорова, но слаба, неузнаваема... Оплакиваю своего супруга, но чувствую, всю обширность моихъ обязанностей: онѣ огромны,—небо подастъ мнѣ силы, чтобы ихъ исполнить... Молитесь за меня Богу, безъ него я бы не вынесла невыразимой моей скорби!“

Любимый Павловскъ утѣшалъ своими красотами вдовствующую царицу. Вскорѣ у ней явилась мысль разбить обширный паркъ на мѣстѣ пустыря; для этой цѣли было привезено изъ разныхъ мѣстъ болѣе 57000 деревьевъ. Работа шла не на угадъ, подъ руководствомъ даровитаго художника-декоратора Гонзаго. Запасшись черной и бѣлой краской, Гонзаго съ учениками обходилъ окрестность и отмѣчалъ тою и другою деревья,—которыя надо было срубить, которые оставить. Онъ сажалъ, срубалъ, группировалъ деревья, давалъ имъ наклонъ, извѣстное положеніе. Съ каждой точки онъ хотѣлъ, чтобы открывались красиво скомпанованные пейзажи, чтобы дорожка невольно приводила на такой пунктъ, откуда открываются совершенно законченныя, готовыя, словно написанныя кистью картины. Результатомъ его работъ явился паркъ—одинъ изъ красивѣйшихъ и прелестнѣйшихъ въ мірѣ.

Еще болѣе привязалась императрица къ Павловску. Въ восемь часовъ утра, каждый день къ дворцовому крыльцу подводили маленькую, осѣдланную по мужски лошадку. Государыня въ мужскомъ костюмѣ,—фіолетовомъ, бархатномъ, шитомъ золотомъ, камзолѣ ниже колѣнъ, бѣлыхъ триковыхъ панталонахъ, шитыхъ золотомъ полусапожкахъ, съ шапочкой въ видѣ тока съ перомъ, садилась верхомъ и въ сопровожденіи старика гофмаршала графа Альбедиля, отправлялась въ паркъ.

Въ тяжелую минуту. Картина Штуммеля, грав. Бренд'Амуръ.

Храмъ Маріи Милостивой въ Миланѣ. Рис. Корнаглію, грав. Канеда.

Дежурный камеръ-пажъ, шелъ впереди и вертѣлъ чугунные турникеты для проѣзда по пѣшеходнымъ дорожкамъ. Нерѣдко передъ сторожевымъ домикомъ лошадка останавливалась, императрица вступала въ разговоръ съ какимъ нибудь инвалидомъ, часовымъ, крестьянкой (посторонія лица въ это время въ паркъ не допускались), подзывался камеръ-пажъ, и ему давалось приказаніе выдать солдату или крестьянкѣ столько-то и столько денегъ, для каковой цѣли онъ всегда былъ снабженъ бумажникомъ съ ассигнаціями, и двумя кошельками съ золотой и серебряной монетой. У того же камеръ-пажа всегда были большія булавки на случай неисправности въ костюмѣ государыни. Возвратившись во дворецъ, императрица кушала кофе, затѣмъ до часа занималась дѣлами. Во второмъ часу начинался пріемъ, которому она всегда умѣла придать особенный тонъ. Про нее недаромъ говаривалъ Мусинъ-Пушкинъ: „въ разговорѣ съ ней умный человѣкъ становится умнѣе, а ограниченный—невольно дѣлается умникомъ“.—Въ четыре часа былъ обѣдъ,—и меньше тридцати человѣкъ никогда за столъ не садилось. Государыня любила веселую, оживленную бесѣду, а потому за обѣдомъ ея очень часто можно было встрѣтить лучшія тогдашнія литературныя силы: Карамзина, Жуковскаго, Крылова, Гнѣдича, Дмитріева, Тургенева (А. И.), Оленина;—и именно на павловскомъ обѣдѣ съ Крыловымъ случился извѣстный казусъ: онъ забылъ снять съ пуговицъ новаго вицъ-мундира бумажки, въ которыя ихъ завернулъ портной и въ такомъ видѣ усѣлся за столъ, чѣмъ ужасно насмѣшилъ императрицу.—Послѣ обѣда ѣздили кататься по парку. Потомъ начинался литературный вечеръ или концертъ въ salon de musique. Порою давались спектакли, празднества—особенно послѣ двѣнадцатаго года.

По завѣщанію императрицы Маріи Ѳеодоровны, Павловскъ перешелъ въ собственность великаго князя Михаила Павловича, а въ настоящее время имъ владѣетъ великій князь Константинъ Николаевичъ.

Паркъ, разсаженный нѣкогда Гонзаго, разросся. Это превосходный во всѣхъ отношеніяхъ садъ въ 623 дес., прекрасно содержащійся, украшенный массою памятниковъ былыхъ временъ, паркъ, общая сложность проѣзжихъ и пѣшеходныхъ аллей котораго превосходитъ цифру 180 верстъ! Нашъ рисунокъ изображаетъ нѣсколько прелестныхъ уголковъ этаго сада.

Налѣво наверху изображена Пиль-Башня. Это остатокъ бывшей здѣсь когда-то водяной мельницы на рѣкѣ Славянкѣ, воспѣтой нѣкогда Жуковскимъ. Внутри башни двѣ комнаты: нижняя, совершенно пустая, и верхняя, куда ходъ ведетъ по наружной спиральной лѣстницѣ, меблированная старинными диванами, со стѣнами свѣтло-розоваго цвѣта и очень недурно сохранившейся плафонною живописью. При императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ комнаты были, конечно, превосходно отдѣланы и служили отличнымъ пріютомъ прохлады въ жаркіе лѣтніе дни. Сюда же при императорѣ Павлѣ сажали подъ арестъ на ночь провинившихся камеръ-пажей.

Розовый павильонъ—значительной величины зданіе, окруженное качелями, каруселями, катальными горами, кустами шиповника. Здѣсь нѣкогда цвѣла масса розъ всевозможныхъ породъ, оправдывая тѣмъ надпись на фронтонѣ—Pavillon des Roses. Внутренность его была прелестно отдѣлана; въ знаменитыхъ „Альбомахъ Розоваго Павильона“ писали Крыловъ, Глинка, Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій, Гнѣдичъ, Жуковскій. Размѣръ статьи не позволяетъ намъ остановиться на любопытной обстановкѣ павильона: на историческихъ шкатулкахъ, экранахъ, ящикахъ, рисункахъ; скажемъ только, что каждый, кто можетъ побывать въ павильонѣ, безпрепятственно осмотритъ всѣ эти интересныя подробности.

Слѣдующій рисунокъ представляетъ колонну, поставленную въ Новой Сильвіи и почему-то называемую обелискомъ. Колонна эта изъ сѣровато-краснаго мрамора, стоитъ на четырехугольномъ каменномъ постаментѣ. Мѣсто это прежде называлось le bout du monde,—край свѣта.

Середній рисунокъ изображаетъ памятникъ цесаревичу Николаю, поставленный на любимомъ мѣстѣ покойнаго. Памятникъ этотъ поставленъ въ 1869 году великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. У подножья небольшой мраморной женской статуи прикрѣпленъ портретъ цесаревича, и на бѣлой мраморной доскѣ высѣчена надпись: „возлюбленному и незабвенному племяннику и другу нашему Никсу“.

Внизу, слѣва,—развалины близь Елисаветинскаго павильона. Чрезъ искусственно сдѣланныя старыя ворота вы поднимаетесь по лѣстницѣ къ павильону, несомнѣнно довольно неуклюжему, но съ крыши котораго открывается прелестный видъ на Красную долину. Здѣсь любила въ старину царская Фамилія ужинать и завтракать.

Посрединѣ нижняго ряда рисунковъ изображено *Новое Шале*,—красивая архитектурная игрушка. Шале—пастушьи домики—изобрѣтеніе второй половины XVIII вѣка, чуть ли не королевы Маріи Антуанеты. Изъ садовъ Тріанона они распространились по всей Европѣ. Новое Шале для жилья окончательно невозможно, какъ открытая постройка. Здѣсь въ прежнее время пили чай.

Наконецъ *Старое Шале*,—которымъ мы заключаемъ серію нашихъ видовъ,—даетъ полное представленіе о швейцарскихъ хижинкахъ въ садахъ владѣтельныхъ лицъ,—снаружи чрезвычайно скромное, внутри же убрапное съ нѣкоторою роскошью.

Паркъ составляетъ общее достояніе всѣхъ дачниковъ Павловска, гуляющихъ въ немъ всегда множество. Къ сожалѣнію дороговизна дачъ и тарифа желѣзной дороги дѣлаютъ Павловскъ для большинства недоступнымъ лѣтнимъ обиталищемъ, и въ настоящемъ году половина павловскихъ дачъ стоятъ пустыми.

Полѣсскія свята.

Изъ очерковъ Полѣсья **М. Волотовскаго.**

I.

Если бы кто вздумалъ праздновать каждый день въ году,—и праздновать его, такъ сказать, „на законномъ основаніи“,—тому я посовѣтую ѣхать въ Полѣсье. Тамъ недостатка въ праздникахъ нѣтъ: „що динь—то й свято“. Начиная съ великаго весенняго праздника—Пасхи, тянутся во весь годъ ряды святъ косарскихъ, рыбачьихъ, храмовыхъ, церковныхъ, купальскихъ, коляды и колядки, щедровки, заговины, попѣльцы, радуницы и поминки. Межь ними, смотришь, св. Владиміра, Ольгинъ день, пророка Ильи; тамъ—Бориса и Глѣба, первый, второй и третій Спасъ, Успеньевъ день, Преполовенье, и такъ далѣе. Ко всему этому прибавьте еще дни передъ и послѣ праздничные, т. е. „полусвята“, въ которые полѣшукъ до полудня не работаетъ, а вечеромъ отдыхаетъ,—именины, крестины, дни рожденій, „бабскія свята“, дѣвичьи праздники, свадебные и обручальные дни.

Каждое изъ этихъ празднествъ сопровождается какимъ нибудь обрядомъ, играми или пѣніемъ, имѣющими свое особое значеніе для полѣсянина. Но всѣхъ святъ важнѣе и торжественнѣе—это „рыбацкія, охотничьи и купальскія“ свята. Они въ Полѣсьи имѣютъ громадное значеніе, такъ какъ рыбный, охотничій и лѣсовой промыселъ въ ряду народныхъ обычаевъ освятился тамъ вѣками, создался въ до-христіанскую эпоху. Затѣмъ, всѣ другія празднества создались отчасти и подъ вліяніемъ мѣстной природы. Эти угрюмыя, темныя дебри, эти безконечныя болота и топи съ водою показались бы еще угрюмѣе, еще скучнѣе, если бы по временамъ не раздавалась звонкая пѣсня празднества, въ пылу котораго такъ легко забываются всѣ невзгоды. Отнимите у полѣшука его праздники—и Полѣсье станетъ самою скучною въ мірѣ страною. Мракъ, колтунъ да лихорадка загубятъ безслѣдно всю страну. Зная это, да будучи и лѣнивъ отъ природы, полѣшукъ мастерски выдумываетъ свои свята и вмѣстѣ съ тѣмъ проводитъ ихъ какъ-то скромно и чинно. Полѣшукъ пьетъ водку по всѣмъ праздникамъ и непраздникамъ, пьетъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, но—никогда не напивается. Если же и случится ему охмѣлѣть, то онъ наровитъ какъ бы поскорѣе убраться въ свою хату и улечься спать; но никогда не станетъ буянить. Однимъ словомъ, въ немъ нѣтъ той „фабричной удали“, присущей великороссу, хотя по страсти къ веселью они не уступятъ другъ другу.

Особенныхъ приготовленій къ празднику полѣшукъ не дѣлаетъ. Свято скрашивается пѣсней, какимъ нибудь обрядомъ или семейной бесѣдой за „чаркой горѣлки“—и только. Исключеніе изъ этаго составляютъ: Пасха, Рождественскій день, охотничье, рыбарское и купальское свято, и въ особенности—праздникъ рыбаковъ. Къ нему вся деревня или село готовится какъ одинъ человѣкъ, припасаетъ и водку, и рыбу съ „божьими онучами“ *), и пироги съ грибной начинкою, медъ и пиво. Праздникъ этотъ въ Полѣсьѣ всегда бываетъ въ маѣ, — въ одной деревнѣ днемъ или двумя ранѣе, въ другой — позже,—и ожидается всѣми, отъ малаго до великаго, съ нетерпѣніемъ.

Но вотъ насталъ и давно желанный май. Кругомъ все ожило, зазеленѣло; въ полѣсскихъ дебряхъ растаялъ снѣгъ и изъ лѣсу повѣяло душистымъ ароматомъ. Растаяли трясины и болота, заблистали серебристыя поверхности озерковъ, рѣкъ и ручейковъ; надъ камышами понеслись несмѣтныя стаи „рыбалокъ“, оглашая воздухъ своимъ рѣзкимъ крикомъ... Канунъ „свята рыбацкаго“.

Надъ зеркальной гладью широкой Припяти тихо, тихо спустилась майская ночь. Въ глубокой, темно-синей вышинѣ заискрились цѣлыя миріады звѣздочекъ и, отразясь въ водѣ, зарѣяли на глади ея, словно брилліанты на дорогомъ уборѣ. Въ высокихъ надрѣчныхъ камышахъ загудѣлъ полѣсскій „бычокъ“, послышался всплескъ сонной рыбы въ рѣкѣ—и снова затихло, замолкло вокругъ и надъ рѣкой. Изъ-за черной полосы припятинскихъ пущей выглянулъ и мѣсяцъ. На отлогомъ

*) Божіи онучи—польскіе налѣсники, блинцы.

берегу рѣки зашевелились какія-то тѣни, показались высокіе шесты, а межъ ними—какъ будто холмики или кусты; что-то черное протянулось съ одного шеста на другой, но что это—глазъ не различаетъ. На той сторонѣ рѣки тоже двигаются, подымается какая-то черная масса, какъ будто колышатся прибрежные камыши. Еще минута—и въ тѣхъ мѣстахъ вспыхнули яркіе костры. Высокое пламя, взметая къ верху рои золотистыхъ искръ, ярко освѣтило оба берега сонной рѣки. Теперь для глаза ясно, что на шестахъ растянуты сѣти и невода, а вокругъ толпится масса народу... Вечеръ рыбаковъ... Еще минута—и трескъ ружейнаго выстрѣла возвѣстилъ начало свята. Среди глубокой тишины и при заревѣ костровъ грянула рыбацкая пѣсня:

Матко ты нашая, Припять глубокая,
Будь же ты ласкова къ своимъ дѣткамъ!

стройно и гулко понеслась въ воздухѣ мольба рыбаковъ, обращенная къ „Полѣсской кормилицѣ“.

Дай же ты намъ рыбы, мати милостивая,
Сѣтей ты не рви и насъ не топи!
Ты же Водяный, Дидко нашъ милый,
Шкоды *) и зла намъ большъ не роби!

загудѣлъ торжественно рыбацкій „гимнъ“, смѣшиваясь со звуками такой же мольбы, доносящейся и съ того берега рѣки.

Замолкло послѣднее слово этой мольбы. Масса народу снова заколыхалась, зашевелилась и разбилась по кучкамъ у костровъ. Здѣсь, у привѣтнаго пламени рыбарскаго вечера сходится и мирится другъ съ недругомъ, забывая прошлый жаль да обиды. Старые дѣды вспоминаютъ минувшіе дни, подкрѣпляя свою память вмѣстительной чаркой; цѣпи Гименея опутываютъ молодыхъ, а малые ребята у этихъ костровъ шумно и весело мечтаютъ о томъ времени, когда легкая лодка ихъ скользнетъ въ широкую Припять на рыбный уловъ.

II.

Бесѣды и взаимное угощеніе длятся во всю ночь, до разсвѣта. Но чуть только покажется сѣрый предвѣстникъ утра, какъ приступаютъ къ „обкуриванію сѣтей“. Обыкновенно обрядъ этотъ совершаетъ самый древній старикъ. Взявъ изъ костра дымящуюся головню, подходитъ онъ къ каждой сѣти, каждому неводу и обкуриваетъ ихъ, произнося при этомъ привѣтствіе и доброе пожеланіе хозяину сѣтей, который тотчасъ же ихъ снимаетъ и отправляется домой. Такъ заканчивается первая половина рыбарскаго свята. Другая половина—это наступившій день. Но теперь уже пиръ идетъ по хатамъ а не у рѣки.

На третій день каждый рыбакъ отправляется на Припять и забрасываетъ свою сѣть или неводъ, вполнѣ вѣря, что „Водяній“ и „Болотній Ханко“ погонятъ рыбу въ его сѣти; иначе и быть не можетъ: затѣмъ ихъ „обкуривали“, затѣмъ было и „рыбарское свято“.

На смѣну мая настаетъ іюнь, приносящій съ собою Варнавинъ день, Купальское свято и Петровъ день—охотничій и косарскій праздникъ. До Купалы и Петрова дня окраины полѣсскихъ пущей хранятъ глубокое, гробовое молчаніе какъ и нѣдра ихъ.

Чудные, могучіе эти лѣса! Въ нихъ неизмѣнная тишь изрѣдка развѣ нарушается гуломъ паденія истлѣвшаго отъ старости дуба иль грознымъ трескомъ страшнаго грома во время грозы. Въ другое время въ этихъ лѣсахъ такъ тихо, что и самое чуткое ухо не уловитъ шорохa. Даже буйный вѣтеръ—этотъ вольный сынъ степей—и онъ не смѣетъ проникнуть въ заповѣдныя дебри, а съ шумомъ проносится мимо, чуть-чуть наклоняя вершины столѣтнихъ гигантовъ, безмолвно глядящихся въ небо. Въ самой же глуби полѣсскихъ пущей—такъ какъ здѣсь вѣчно царитъ безмолвіе и таинственный мракъ, среди котораго, по народному повѣрію, живутъ сѣдые патріархи звѣрей, и логовища, которыхъ пытливый глазъ человѣка еще не видалъ. Разъ только—такъ гласитъ полѣсская легенда—предъ очи „царя полѣсскихъ дебрей“, сѣдаго, древняго медвѣдя предстала маленькая Ганна. Маститый царь, говоритъ она, лежитъ въ глубокой берлогѣ, выходъ изъ которой стерегутъ злые старые волки и страшный дикій кабанъ. За ними и около толпятся лоси, серны, козы, зайцы, лисицы и всякій звѣрь, въ Полѣсьѣ живущій. Цѣлыя стаи коршуновъ, воронъ и ястребовъ съ зловѣщимъ карканьемъ носятся надъ логовищемъ царя лѣсовъ. Кругомъ въ истлѣвшихъ дуплахъ жужжатъ дикія пчелы, готовя сладкій медъ для царской трапезы. Дикія розы и всѣ лѣсные цвѣты собраны вокругъ логовища и распространяютъ пріятный запахъ. Прозрачный ручей мчитъ свои студено-холодныя воды для утоленія жажды мохнатаго царя. Подъ тихое журчаніе этаго ручейка царь лѣсовъ сладко засыпаетъ или думаетъ свои царственныя думы... Владыка лѣсовъ почиваетъ—и всѣ звѣри ждутъ его пробужденія... Проснется царь—и страшный ревъ огласитъ даль лѣсную... Соскучится—идетъ къ Купалѣ на бесѣду...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Лѣтомъ.

(Картина К. Ницкаго).

Читатели встрѣчали уже у насъ картины К. Ницкаго, избравшаго себѣ специальностью средніе вѣка съ ихъ прекрасными, живописными костюмами и полною драматизма жизнью. Онъ беретъ преимущественно спокойныя, тихія стороны этой бурной, воинственной жизни. Вотъ двѣ прекрасныя обитательницы грознаго замка бредутъ, наслаждаясь чудимъ лѣтнимъ днемъ, по пестрѣющему безчисленными цвѣтами лугу, собирая большой букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который украситъ узкое, стрѣльчатое, высокое окно угловой башни, гдѣ расположены ихъ богато убранныя комнаты.

Въ тяжелую минуту.

(Картина Штуммеля).

Эта картина можетъ быть названа въ противуположность картинѣ Ницкаго „современной“. Это сцена, выхваченная прямо изъ нашей лихорадочной, жадной до наслажденій, денегъ и роскоши, тревожной, неустойчивой жизни. Среди роскошной обстановки, среди всѣхъ утонченностей современности—горе и бѣда глядятъ въ глаза этимъ молодымъ, повидимому такимъ счастливымъ, людямъ. Онъ былъ вовлеченъ въ спекуляціи, къ которымъ и по личнымъ склонностямъ и по воспитанію питалъ всегда какое-то гадливое чувство. Но у него такая прелестная, молоденькая жена, которую бы онъ отъ всего сердца хотѣлъ окружить царственною роскошью—онъ мечталъ какъ его маленькія дѣтки будутъ богаты! И вотъ—раззоренъ! Онъ бросаетъ въ отчаяніи на мраморный подоконникъ свой пустой портфель и съ глубокимъ горемъ и страданіемъ въ лицѣ погружается въ думы о своемъ несчастіи.

Но для него есть утѣшеніе. Милое личико молодой женщины съ такою любовью и участіемъ обращено къ мужу, какъ будто говоритъ ему, чтобы онъ не горевалъ; что это еще не такая бѣда, что и безъ богатства, имъ, такимъ счастливымъ, любящимъ другъ друга, жить можно. Они будутъ трудиться и въ этихъ трудахъ, въ этихъ заботахъ ежедневныхъ о будущемъ милыхъ своихъ крошекъ найдутъ новыя, еще невѣдомыя имъ, наслажденія.

Церковь Маріи Милостивой въ Миланѣ.

(Santa Maria della Grazie)

Народъ называетъ этотъ храмъ просто „I Grazi“. Онъ находится близь прежнихъ воротъ Верчельскихъ, нынѣ Маджентскихъ, на Маджентской площади. Уже въ древнія времена на этомъ же мѣстѣ находилась небольшая часовня съ чудотворнымъ образомъ Богородицы, прозванной народомъ Милостивой, которой молились еще наемные солдаты герцоговъ миланскихъ и народъ, чтобы исцѣлялись раны, отъ ударовъ стрѣлъ и копій. Тутъ каждый искалъ въ молитвѣ утѣшенія и помощи въ своей бѣдѣ. Доминикане, живущіе неподалеку отсюда въ своемъ монастырѣ, часто заходили въ эту часовню, молясь предъ чудотворнымъ образомъ и рѣшили на этомъ самомъ мѣстѣ построить церковь во имя основателя ихъ ордена св. Доменика. Начали сборъ на построеніе и въ 1463 году возлѣ часовни воздвиглась церковь. Это было время, когда художественное увлеченіе, пробудившееся съ открытіемъ чудесъ древняго ваянія, вновь оказало вліяніе свое на искуства, оставляя мрачную средневѣковую идею угрюмаго храма и стрѣльчатаго свода и обратилось къ ясному стилю возрожденія. Джакомо да Жеста, подъ надзоромъ коего строилась эта церковь, не хотѣлъ вносить новаго стиля въ постройку этаго храма и сопротивлялся проэктамъ и планамъ съ новыми затѣями. Ему удалось, при содѣйствіи генерала графа Каспара Вимеркато, довести до конца эту церковь въ ея настоящемъ видѣ, въ какомъ она и изображена на нашемъ рисункѣ. Но доминикане напрасно окрестили церковь именемъ св. Доменика—вскорѣ онѣ были принуждены народомъ, высоко чтившимъ чудотворный образъ Богородицы, оставить церковь опять съ ея прежнимъ названіемъ въ честь св. Дѣвы Маріи. Позднѣе миланскій герцогъ Людовикъ Моръ похоронилъ въ этой церкви свою супругу и дѣтей. Однажды молясь здѣсь онъ былъ испуганъ мрачнымъ выраженіемъ лика на образѣ св. Доменика и полный религіознаго чувства далъ обѣтъ—докончить церковь и завершить ее великолѣпнымъ куполомъ, который мы и теперь видимъ. Такимъ образомъ возведены были пристройки храма, обремененные всевозможными архитектурными украшеніями, элегантными пиластрами, роскошными канделябрами въ нишахъ, карнизами, фасадомъ изящнаго стиля—все это нѣсколько пестро и причудливо.

*) Шкода - убытокъ.

Теперь эта церковь сильно обветшала, украшенія ея отъ времени испортились, великолѣпное зданіе въ полномъ упадкѣ и разрушеніи. Знаменитый италіанскій историкъ Цезарь Канту съ архитекторами Колла и Брамбили теперь стоятъ во главѣ комитета для полной реставраціи этаго извѣстнаго и прекраснаго памятника средневѣковаго зодчества.

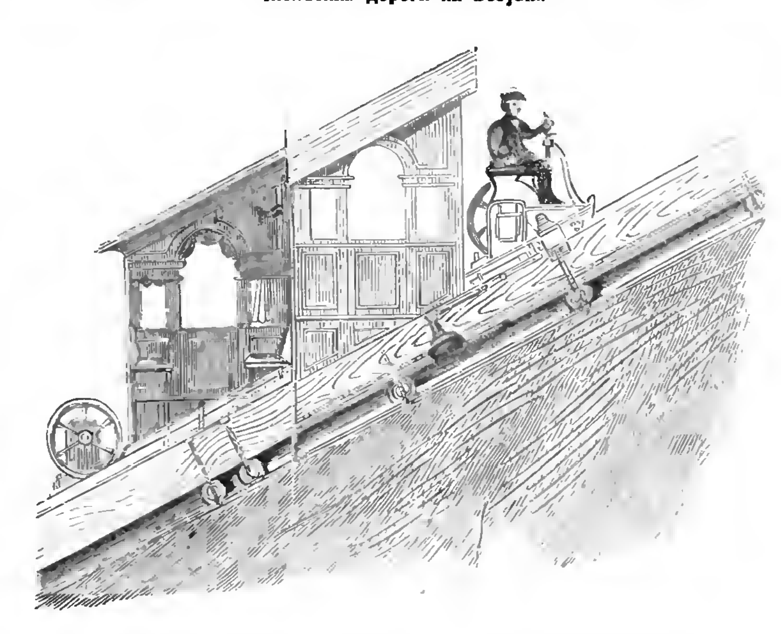
Желѣзная дорога на Везувій.

До сихъ поръ чтобы взобраться на Везувій обыкновенно слѣдовали однимъ изъ двухъ путей. Иные шли изъ Резины, городка расположеннаго на востокъ отъ волкана и неподалеку отъ Портичи, первой станціи желѣзнаго пути изъ Неаполя въ Салернъ; иные же отправлялись отъ Помпеи или Торре-дель Анунціата къ юго-востоку. Скоро всѣ будутъ слѣдовать лишь по одному пути—желѣзная дорога уже взобралась на вершину. Теперь, чтобы ѣхать на Везувій, будутъ слѣдовать колеснымъ путемъ, который поднимается изъ Резины къ долинѣ Санъ-Сальвадора и къ метеорологической обсерваторіи. До сихъ поръ путь обыкновенный, но съ этого пункта способъ сообщенія мѣняется. Еще недавно здѣсь заканчивался колесный путь, надо было выходить изъ кареты и слѣдовать частью верхомъ, частью пѣшкомъ. Теперь все это измѣнилось. Компанія новой желѣзной дороги продолжила шоссе отъ Резины до обсерваторіи и до самаго подножія Везувія, куда можно теперь прибыть не выходя изъ кареты.

Вагонъ „Этна“. Вагонъ „Везувій“.

Желѣзная дорога на Везувій.

Достигнувъ до этаго пункта, уже находишься на довольно значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. Остается до кратера еще 3950 футовъ по извилистому всходу, который всегда представлялъ множество затрудненій. Можно было только слѣдовать пѣшкомъ или на носилкахъ, по тропинкѣ, взбирающейся подъ угломъ 50° утопая въ грудахъ пепла, который осыпался подъ ногами или въ слояхъ мелкаго шлака, рвавшаго обувь и это впродолженіи цѣлаго часа. Чтобы устранить это утомленіе и неудобства при восхожденіи, пришли къ мысли построить желѣзную дорогу канатной системы т. е. прибѣгнуть къ помощи проволочнаго каната, дорогу, которая бы дала возможность спокойно и комфортабельно сидя въ вагонѣ, подняться не болѣе какъ въ 8 минутъ на грозную вершину волкана.

Система подъема вагоновъ и разрѣзъ желѣзной дороги на Везувій.

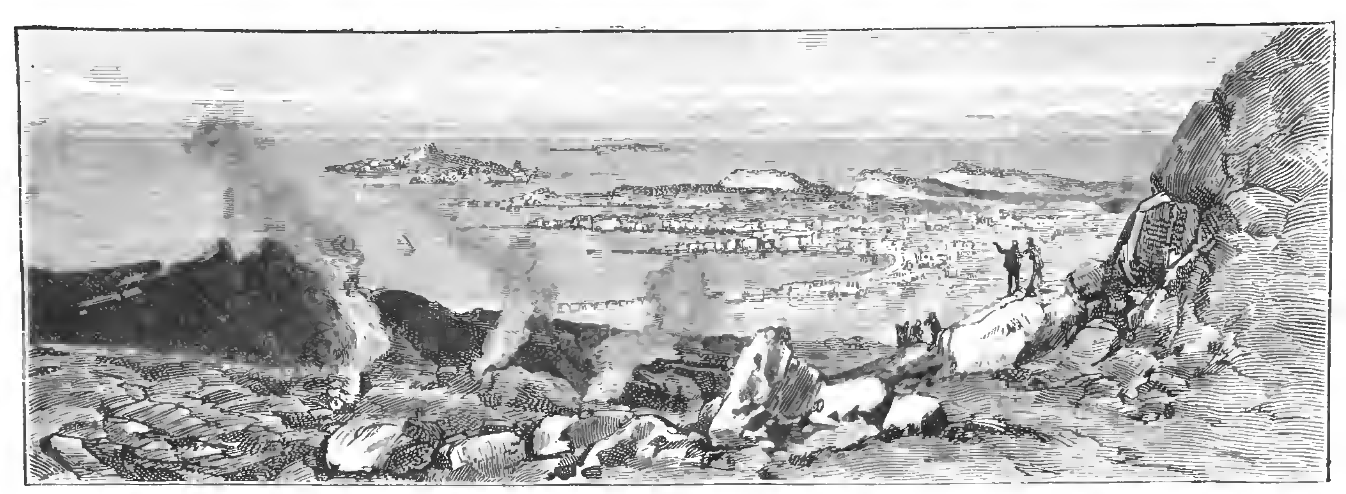
Дорога спускается съ вершины. Въ началѣ и концѣ ея построены разныя желѣзнодорожныя зданія. Конечный ея пунктъ — амбаркадеръ у подножія конуса, гдѣ изъ экипажей пересаживаются въ вагоны. Близь станціи расположены цистерны воды для паровой машины, которая приводитъ въ движеніе канатъ буксирующій вагоны. Желѣзный путь въ 2950 футовъ длины идетъ вверхъ подъ угломъ въ 50° какъ мы уже говорили выше. Не легко было выбрать лучшую систему наклонной дороги, чтобы сдѣлать удобнымъ подъемъ подъ такимъ угломъ—кромѣ крутизны спуска представляли огромныя затрудненія рыхлость и подвижность грунта. Послѣ долгихъ обсужденій, остановились на новой системѣ, предложенной инженеромъ Оливьери, которому и поручено было привести мысль свою въ исполненіе. Склонъ горы, по которому должна была идти дорога, забутили и покрыли лаву помостомъ и балками, на которыя положены два рельса. По этимъ рельсамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, слѣдуютъ вагоны—одинъ сверху, другой снизу. Каждый вагонъ буксируется двумя толстыми проволочными канатами, приводимыми въ движеніе внизу стоящей паровой машиной. Всѣ другія системы наклонныхъ дорогъ въ Австріи, въ Швейцаріи употребляютъ лишь одинъ канатъ. Тутъ берется два каната изъ предосторожности и прежде чѣмъ пошли въ дѣло эти канаты, они были подвержены тщательному испытанію. Кромѣ того на случай, хотя и немыслимый, единовременнаго разрыва обоихъ канатовъ, каждый вагонъ снабженъ особымъ механизмомъ, который въ такомъ случаѣ останавливаетъ его на мѣстѣ. Концессія на Везувійскую желѣзную дорогу выдана Итальянскимъ правительствомъ банкиру М. Облихту, который тотчасъ учредилъ для устройства и эксплуатаціи дороги компанію съ капиталомъ въ милліонъ франковъ. Концессія имѣетъ силу впредь на 30 лѣтъ, по истеченіи которыхъ дорога поступаетъ въ распоряженіе правительства. Окончательное открытіе дороги послѣдовало 6-го (18-го) іюня. Оффиціальныя лица, представители прессы и много приглашенныхъ присутствовали на торжествѣ. Станціи дороги, верхняя и нижняя, были разубраны флагами. Толпа любопытныхъ слѣдила за подъемомъ вагона „Этна“, когда онъ въ первый разъ тронулся вверхъ—затѣмъ онъ совершилъ еще нѣсколько вполнѣ успѣшныхъ подъемовъ. Прекрасный завтракъ предложенъ былъ гостямъ и лишь въ 5 часовъ вечера гости уѣхали обратно въ Неаполь въ каретахъ компаніи Везувійской дороги. Для движенія дорога была открыта 10-го (22-го) іюня. Каждый вагонъ ходитъ лишь по одному рельсу. Одинъ канатъ для вагона спускнаго, другой—для подъемнаго. Каждый рельсъ проложенъ по деревянной массивной балкѣ, вышиною около 3 футовъ. Подъ вагономъ только одно большое колесо идетъ по рельсу. Кромѣ того для устойчивости вагона, подъ нимъ есть еще два наклонныхъ колеса, которыя катятся съ боковъ балки, какъ видно на нашемъ рисункѣ. Другіе рисунки представляютъ чудный видъ, открывающійся съ вершины кратера на Неаполитанскій заливъ и видъ самаго кратера.

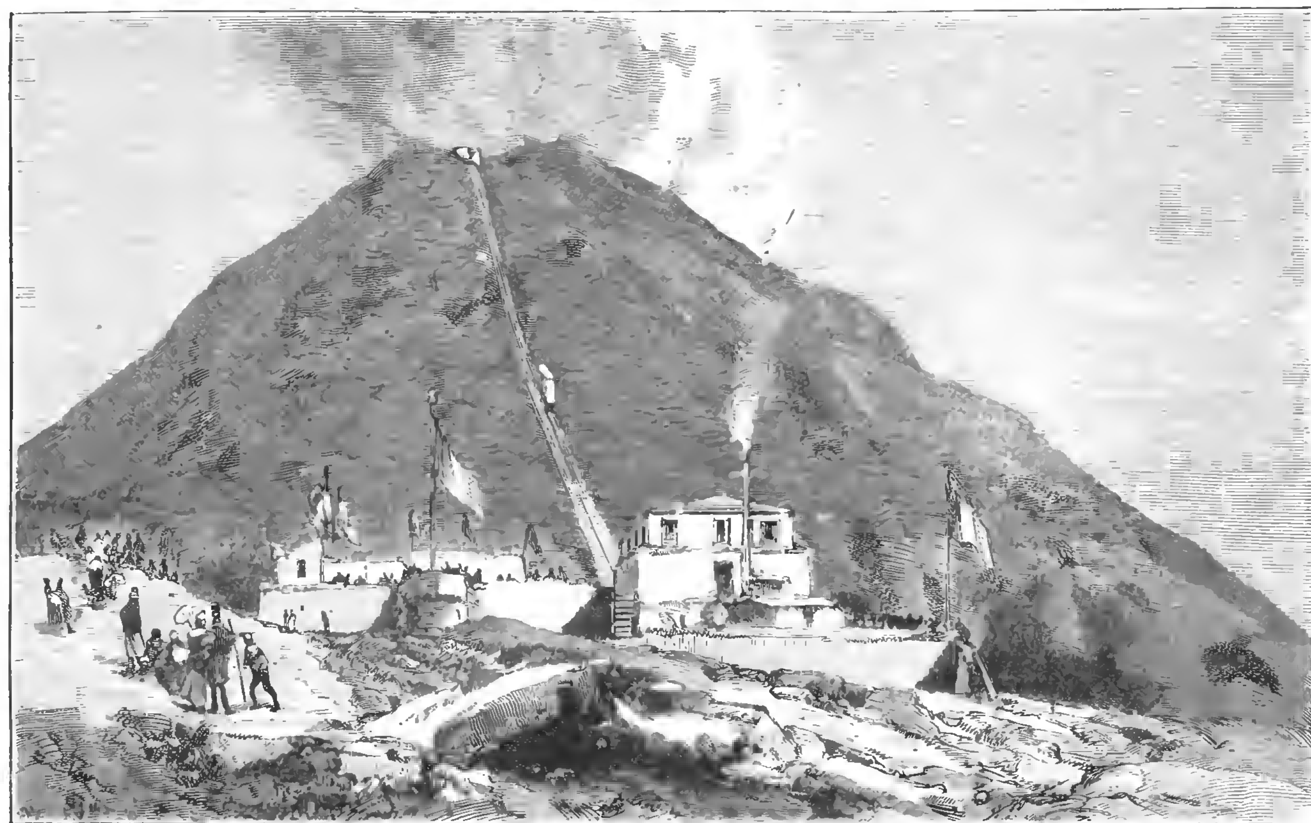
Политическое обозрѣніе.

Отвѣты Порты и Греціи на коллективную ноту державъ.—Мидхадъ-Паша к Сиріи.—Австро-Венгрія.—14-е іюля въ Парижѣ.—Жюль Симонъ и Гамбетта.—Рошфоръ.—Комунары.—Италія.—Мирныя условія, предлагаемыя Чилійцами Боливіи и Пэру.

Коллективная нота державъ передана, какъ мы уже сообщали читателямъ, Портѣ (старшимъ изъ посланниковъ въ Константинополѣ, германскимъ—графомъ Гацфельдомъ), а также и Аѳинскому кабинету. Турецкое правительство заявило, что отвѣтъ свой дастъ не раньше конца іюля, т. е. начала августа н. с., что же касается Греціи, то ея отвѣтъ уже послѣдовалъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Трикуписъ отвѣтилъ нотою, въ которой объявилъ о безусловномъ подчиненіи Греціи рѣшенію великихъ державъ. Текстъ этой ноты появился въ оффиціальной газетѣ. Населеніе встрѣтило событіе это съ живѣйшею радостью. Но—не слишкомъ ли торопятся греки радоваться? Порта обѣщаетъ от-

(Продолженіе на стр. 589, 590, 591 и 592).

Видъ Неаполитанскаго залива съ вершины Везувія. Открытіе желѣзной дороги. Кратеръ Везувія.

Открытіе желѣзной дороги на Везувій, 6 іюня 1880 г. Съ рисунка Лепера, грав. М. Рашевскій.

вѣтить не ранѣе 2-хъ недѣль! Уже это указываетъ на ея обычное намѣреніе затянуть дѣло съ обычнымъ искусствомъ своимъ.

Пограничные съ Греціей албанцы хвастаются тѣмъ, что въ состояніи выставить противъ эллинскихъ войскъ 60,000 человѣкъ хорошо вооруженныхъ солдатъ. Оттоманская имперія, въ настоящую минуту, сильно походитъ на старый корабль, расшатанный бурями во всѣхъ частяхъ своихъ. Скрѣпляющія ихъ связи слишкомъ ослабли. Мы видимъ, что уже дѣло дошло до того, что сепаратистское движеніе охватило и мусульманскія народности, входящія въ составъ имперіи, какъ напримѣръ, мухамеданъ-албанцевъ. Теперь возникаетъ сомнѣніе въ твердость солидарности съ Турціей одной изъ главныхъ провинцій ея—Сиріи. Еще Лейардъ писалъ въ своей депешѣ отъ 27-го апрѣля: „въ Сиріи ненависть къ господству Константинополя и рѣшимость избавиться отъ него образуютъ соединяющее звено между мусульманами и христіанами.“ Повидимому, обстоятельствомъ этимъ задумалъ воспользоваться нынѣшній генералъ-губернаторъ Сиріи, извѣстный Мидхадъ-Паша. Его подозрѣваютъ съ желаніи учредить изъ провинціи этой нѣчто въ родѣ Египетскаго хедивата. По крайней мѣрѣ, въ присланномъ имъ въ Константинополь проектѣ реформъ, онъ испрашиваетъ себѣ у Султана ни больше, ни меньше какъ значительнѣйшую долю правъ верховной власти, если не всѣ доли ея.

Порта больше уже не надѣется на Англію и ищетъ себѣ новаго союзника въ Германіи. Она обратилась недавно къ германскому правительству съ просьбою—прислать ей извѣстное число нѣмецкихъ офицеровъ и чиновниковъ судебнаго и финансоваго вѣдомствъ. Германское правительство отнеслось весьма предупредительно къ такому, лично выраженному султаномъ желанію и, какъ сообщаютъ изъ Константинополя, туда уже прибылъ одинъ изъ чиновниковъ. Порта уже оффиціально предложила державамъ замѣнить, для Черногоріи, Дульциньо территоріей, расположенной между Скутарійскимъ озеромъ и Адріатическимъ моремъ.

Министерство графа Таафе, стоящее нынѣ во главѣ правленія Австро-Венгріи, поставило себѣ, въ дѣлѣ внутренней политики, главною цѣлью примиреніе различныхъ элементовъ между собою, и въ особенности славянскаго съ двумя прочими. Цѣль эта, однако, оказалась слишкомъ трудною. Съ поднятіемъ славянскаго духа, послѣ всѣхъ недавнихъ великихъ событій, столь много содѣйствовавшихъ тому, — австрійскіе славяне сознали и свои права, и силу свою. Они поняли ту роль, которую играли въ Австріи до сихъ поръ, и ту, которую могутъ играть, а потому никоимъ образомъ не желаютъ больше подчиняться гегемоніи какого либо другаго элемента въ государствѣ. Съ особенною силою выразилось это въ Богеміи, гдѣ, повидимому, и крупные землевладѣльцы, не поддерживавшіе прежде національныхъ стремленій, начинаютъ проникаться ими.

Франція отпраздновала 14-е іюля т. е. годовщину взятія Бастиліи. Парижъ иллюминовался еще наканунѣ. Собственно правительство, на украшеніе города въ день этотъ, ассигновало 500 тысячъ франковъ. Грэви, въ день торжества, произвелъ смотръ войскамъ, которымъ были розданы при этомъ новыя знамена, и обратился къ арміи съ рѣчью. Дѣло амнистіи окончено совершенно, хотя сенатъ и сильно противился вначалѣ мѣрѣ этой, прошедшей, благодаря только тому, что правительство сумѣло согласить обѣ палаты къ взаимнымъ уступкамъ. Въ силу этого соглашенія амнистія распространена на тѣхъ только комунаровъ, которые обвинены были исключительно въ преступленіяхъ политическаго характера и которымъ наказанія уже были смягчены; но оказывается теперь, что изъ 805 комунаровъ, не получившихъ еще помилованія, всего 9 человѣкъ не подлежатъ амнистіи на основаніи новаго закона. Они были обвинены за обыкновенныя преступленія и воспользуются однимъ только помилованіемъ, безъ возвращенія имъ политическихъ правъ. Однимъ изъ наиболѣе энергическихъ противниковъ амнистіи, въ сенатѣ, былъ Жюль Симонъ. Полагаютъ, однако, что онъ, въ этомъ случаѣ, шелъ противъ предложенія правительства не совсѣмъ искренно, а болѣе оттого, что оно поддерживалось Гамбеттой и партіей его. Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ, между обоими—Ж. Симономъ и Гамбеттой—возникъ довольно явный антагонизмъ, причемъ первый сталъ на сторону и во главѣ консервативнаго оттѣнка республиканской партіи, тогда какъ второй руководитъ прогрессистами. Но какую роль будутъ играть оба эти оттѣнка въ виду очевидно усилившейся радикальной фракціи.

Въ Италіи, министерству Кайроли удалось, наконецъ, добиться отмѣны давно тяготившаго надъ народомъ и непопулярнаго налога на помолъ.

Успѣхъ войны, все еще продолжающейся между Перу и Боливіей съ одной стороны, и Чили съ другой, окончательно на сторонѣ чилійцевъ. Они предлагаютъ теперь миръ на условіяхъ, чтобы нѣкоторая часть территоріи, два перуанскіе броненосца и крѣпостная артиллерія города Каллао были уступлены и переданы Чили, чтобы Пэру выплатила ей 2500000 пезетовъ военной контрибуціи а также, чтобы Пэру, въ продолженіи 20 л., не увеличивала своего военнаго флота и т. д. Какъ ни истощена Пэруанская республика настоящей войной, но населенія и слышать не хотятъ о подобныхъ условіяхъ и желаютъ продолженіе войны.

Въ Авганистанѣ и до сихъ поръ еще не устроенъ порядокъ, нѣтъ еще эмира: Абдуррахманъ-ханъ подвигается очень медленно, желая не временнаго, но прочнаго успѣха. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что престолъ Шира-Али, Достъ-Магомета будетъ принадлежать ему.

Новыя книги.

Даль. В. Немировича-Данченко. Спб. 1880 г.

Въ гостяхъ. Его же. Спб. 1880 г. Эти двѣ книжки, изданныя очень изящно, представляютъ собраніе мелкихъ разсказовъ и путевыхъ очерковъ неутомимаго путешественника г. Немировича-Данченко. Живой, всегда яркій, образный разсказъ, отсутствіе растянутости, часто губящей такіе очерки, интересъ самыхъ разсказовъ—все это достоинства хорошо извѣстныя читателямъ автора — многочисленнымъ, такъ какъ онъ пишетъ и печатаетъ очень много. Въ настоящихъ книжкахъ есть весьма талантливые очерки какъ напр. „Прапорщикъ Марья Петровна“, „Деревенскій князь“, „Калмыцкій монастырь“ и друг.

Ботаника д-ра де-Барн Спб. 1880. Эта маленькая книжка страсбургскаго профессора де-Барн, всего въ 180 стр. довольно разгонисто напечатанныхъ, содержитъ въ себѣ изложеніе свѣдѣній по ботаникѣ для первоначальныхъ занятій. Она написана живо и можетъ пріохотить ребенка къ предмету. Въ текстѣ есть недурно исполненные рисунки.

Дамская верховая ѣзда, 1880 г. Спб. Гартье. Это хорошее руководство въ этомъ родѣ, а потому можетъ быть рекомендовано любительницамъ верховой ѣзды, и ихъ руководителямъ. Написана она на русскомъ и французскомъ языкахъ и рѣшительно всякому можетъ быть удобопонятна.

Въ самомъ текстѣ, есть 19 пояснительныхъ картинокъ. Такое пріятное и полезное развлеченіе, какъ верховая ѣзда—хорошимъ наѣздницамъ, можетъ дѣйствительно доставить большое удовольствіе, но едва ли оно полезно неправильно ѣздящимъ амазонкамъ.

Смѣсь.

Новый телефонъ. Въ лондонскомъ королевскомъ обществѣ нѣкто Присъ недавно прочелъ статью о различныхъ тепловыхъ дѣйствіяхъ электрическихъ токовъ. Онъ говоритъ, что крайне тонкія проволоки пріобрѣтаютъ и теряютъ теплоту чрезвычайно быстро и бываютъ такъ чувствительны къ линейному расширенію, что въ случаѣ введенія въ кругъ микрофоннаго проводника, онѣ воспроизводятъ звуковыя колебанія. Такимъ образомъ простой звучащій дискъ и тонкая проволока—вотъ и все, что нужно для воспроизведенія рѣчи съ тою же полнотою, какую Белль получаетъ съ помощію электро-магнита, Эдисонъ—съ помощью электро-химическаго дѣятеля, и Гюзъ съ его микрофоннымъ принципомъ. Телефонъ Приса, если и не окажется такимъ же практичнымъ при употребленіи, какъ другіе, во всякомъ случаѣ простоту устройства онъ доводитъ до крайняго предѣла.

Освѣщеніе электричествомъ внутреннихъ частей тѣла. Въ послѣднемъ засѣданіи германскаго электротехническаго союза, были произведены любопытные опыты съ новыми электрическими приборами. Въ полости тѣла животныхъ вводились платиновыя спирали, прикрѣпленныя къ рефлекторамъ, и внутренности освѣщались электрическимъ свѣтомъ гораздо ярче, нежели это удавалось сдѣлать до настоящаго времени. Такъ, въ желудокъ живой щуки была введена посредствомъ зонда платиновая проволока, помѣщенная въ стеклянномъ резервуарѣ. Едва успѣлъ электрическій токъ пробѣжать по этой проволокѣ, какъ щука сдѣлалась *совершенно прозрачною*, такъ что простымъ глазомъ можно было видѣть расположеніе и дѣйствіе всѣхъ внутреннихъ органовъ. Въ продолженіе опыта щука держалась совершенно смирно, а когда проволока была вынута обратно изъ желудка, щука принялась опять плавать какъ ни въ чемъ не бывало.

Пѣніе рыбъ. Датскій естествоиспытатель Сорейсенъ, проживавшій продолжительное время въ Америкѣ, съ цѣлью изученія различныхъ видовъ рыбъ, вопреки обыкновенному мнѣнію, что всѣ рыбы безгласны, доказалъ, что нѣкоторые виды рыбъ издаютъ весьма разнообразные звуки. При изслѣдованіи большаго числа этихъ рыбъ оказалось, что звуковой аппаратъ заключается въ единственномъ воздушномъ резервуарѣ, которымъ

обладаютъ рыбы, а именно, въ плавательномъ пузырѣ, который у этихъ видовъ рыбъ представляетъ настоящій голосовой органъ. На поверхности плавательнаго пузыря находятся мускулы, которые могутъ сокращаться; внутри его особыя оболочки, образующія перегородки, которыя оставляютъ между собою только узкіе промежутки для прохожденія воздуха. У нѣкоторыхъ видовъ рыбъ упомянутый наблюдатель нашелъ даже части, сходныя съ колеблющимися струнами. Вслѣдствіе сокращенія наружныхъ мускуловъ и передвиженія воздуха внутри пузыря, происходятъ звуки, которые, выходятъ черезъ ротъ.

Воздушную желѣзную дорогу Парижъ также, по примѣру Нью-Іорка и Берлина, предполагаетъ устроить прежде всего на бульварахъ.

Г. Фалье, берущійся за это дѣло, предлагаетъ извѣстныя приспособленія для устраненія шума отъ тренія колесъ и предупрежденія схода поѣзда съ рельсовъ. Предположено провести три линіи рельсовъ, изъ которыхъ средній, по которому бѣжитъ колесо локомотива, для избѣжанія шума, обложенъ резиной. Резина эта, пустая внутри, снаружи имѣетъ разрѣзъ, куда входятъ грибообразные клинья, на подобіе опрокинутаго рельса. Клинья эти прилегаютъ плотно къ локомотиву и вагонамъ и не дозволяютъ сходить поѣзду съ рельсовъ. Двѣ другія линіи рельсовъ покрыты также резиновыми полосами. Планъ Фалье разнится отъ плана Сименса и Гальске только тѣмъ, что въ планѣ послѣдняго нѣтъ локомотива, а поѣздъ двигается при помощи электричества.

Фирма Сименсъ и Гальске предполагаетъ также устроить воздушное почтовое сообщеніе. Если это предположеніе приведется въ исполненіе, то расходы по устройству будутъ самые незначительные и сократятся расходы желѣзныхъ дорогъ, отправляющихъ нарочные почтовые поѣзды.

Сименсъ предполагаетъ на полотнѣ желѣзной дороги укрѣпить на желѣзныхъ столбахъ трубы, въ которыхъ могли бы двигаться, съ быстротою вѣтра, маленькіе вагончики, наполненные письмами. Вагончики эти приводятся въ движеніе помощью электричества.

Задача буквъ № 54.

Г. Воборси.

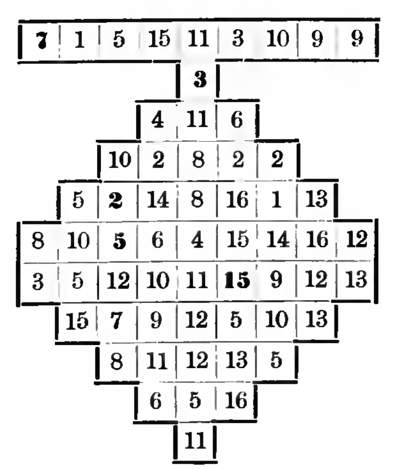
Изъ данныхъ 59 буквъ составить 16 словъ и затѣмъ буквы этихъ словъ, соотвѣтственно цифрамъ, размѣстить въ клѣткахъ прилагаемой фигуры такимъ образомъ, чтобы составилась фамилія однаго изъ современныхъ русскихъ писателей и названія его четырехъ, наиболѣе замѣчательныхъ, произведеній, при чемъ цифры, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, означаютъ начальныя буквы фамиліи и названія каждаго изъ произведеній.

Буквы:

а, а, б, в, в, в, в, в, г, д, д, д, д, е, и, и, и, і, й, к, к, л, м, п, о, о, о, о, о, о, о, о, о, о, п, р, р, р, с, с, с, с, т, т, у, х, ч, ш, щ, ъ, ъ, ъ, ъ, ы, ы, ѣ, ю, я, я.

Слова:

1) Русское кушанье.
2) Одежда.
3) Число.
4) Мѣтоимѣніе.
5) Русскій пѣвецъ.
6) Вещество, вредное для организма.
7) Рѣка въ Европѣ.
8) Плодъ.
9) Мужское имя.
10) Знакъ препинанія.
11) Выраженіе веселья.
12) Насѣкомое.
14) Одна изъ партій въ Англіи
14) Нота.
15) Животное.
16) Канава.

7	1	5	15	11	3	10	9	9
				3				
			4	11	6			
		10	2	8	2	2		
	5	**2**	14	8	16	1	13	
8	10	**5**	6	4	15	14	16	12
3	5	12	10	11	**15**	9	12	13
	15	**7**	9	12	5	10	13	
		8	11	12	13	5		
			6	5	16			
				11				

Шахматная задача № 55.

Черные.

	A	B	C	D	E	F	G	H	
8									8
7					♟			♟	7
6	♟		♔					♚	6
5		♘				♙	♖	♙	5
4			♟		♙				4
3								♝	3
2	♖						♟		2
1			♝						1
	A	B	C	D	E	F	G	H	

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 4 хода.

Алгебраическая задача № 56.

Названіе города пишется 4 буквами. Если вмѣсто этихъ буквъ взять числа указывающія мѣста, занимаемыя этими буквами въ русск. алфавитѣ, то разность перваго и третьяго числа будетъ равняться суммѣ второго и третьяго. Удвоенная сумма перваго и второго чиселъ будетъ равняться числу недѣль въ году, а первое число безъ удвоенной суммы третьяго и четвертаго чиселъ равно числу дней въ недѣлѣ. Узнать названіе города, если извѣстно еще, что сумма перваго и послѣдняго чиселъ равняется удвоенному второму числу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

А. Козловской, Н. Яковлеву, А. Гуну и др. Посылая марки и просв выслать №№ „Нивы“ подписчики часто не сообщаютъ въ письмахъ своихъ адресовъ или № билета. Такимъ образомъ — такъ какъ много однофамильцевъ—невозможно знать, куда именно посылать. Просимъ неврем̂енно сообщать адресъ.

Mrs W. S. Philipps. Philadelphia. Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 28-го іюня, по поводу помѣщеннаго у насъ рисунка, изображающаго Вальдшнепа, отмѣчаемъ здѣсь, что латинское названіе этой птицы Scolopax rusticola.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Боргъ.**

№ 7 ВЛАДИМІРСКАЯ № 7

ДЛЯ САДОВЪ И КОМНАТЪ

БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ:

Красный, зеленый, синій, фіолетовый и пр. цвѣта въ патронахъ по 15 и 25 коп.
Электрическій свѣтъ 20 коп.
Огнедышащія колеса 20 коп.
Римскія свѣчи и волшебные звѣзды.
Огнедышащія колеса 20 к.
Фонари для иллюминаціи отъ 4 к.
Продажа оптомъ и въ розницу.
Иногородные заказы исполняются немедленно. Депо Химическихъ лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.

№ 7 ВЛАДИМІРСКАЯ № 7

ФОТОГРАФЪ
ПЕЙЗАЖИСТЪ

снимаетъ дачи, группы на дачахъ, желѣзныя дороги, мосты и проч., тоже увеличиваетъ карточки и дагеротипы. Адресъ: СПБ. Клинскій проспектъ близъ Забалканскаго, д. № 29, кв. № 21. № 789

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕДИЦИНСКАГО НАЧАЛЬСТВА

НИЛЬСОНЪ

ЭКСТРЕ-ДЕ-ТУАЛЕТЪ

Уничтожаетъ съ лица пятна, загаръ, угри, прыщи, веснушки, желтизну, пропадаютъ и морщины; придаетъ лицу бѣлизну, нѣжность и бархатистость; экстре Нильсонъ превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя косметическія средства. Цѣна флакону 3 р, 25 к. съ перес. 4 р., полфлакону 1 р. 75 к. съ перес. 2 р. 50 к.

ПУДРА НИЛЬСОНЪ.

Самаго высокаго достоинства, освѣжающая, хорошо держится на лицѣ, незамѣтная даже при дневномъ свѣтѣ. Цѣна 50 к. безъ пушка, съ пушкомъ 70 к.

МЫЛО НИЛЬСОНЪ.

Это мыло даетъ отличную пѣну, очищаетъ кожу, предохраняетъ отъ загара и придаетъ кожѣ бѣлизну и нѣжность. Цѣна 50 к., съ перес. за три куска 2 р.

Продажа въ С.-Петербургѣ:
Въ гостиномъ дворѣ, въ магазинахъ: Рузанова, № 40, Саблукова, № 39; Ушакова, № 33; Парвкове, № 78; Сафронова, по Банковской линіи
Невскій пр., д. № 3, у à la Renomme.
Невскій пр., д. № 25, въ магазинѣ Штейнберга.
На углу Вознесенскаго моста, д. №. 25, въ косметическ. магаз.
Въ пассажѣ, № 44, въ магаз. Ланьеръ.
Владимірскій просп., д. № 7. въ депо химическихъ лабораторій.

Продажа въ Москвѣ:
Въ химической лабораторіи Козлова, по Никольской ул., въ проѣздѣ, в. Третьякова.
д Въ магазинѣ „Городъ Парижъ" Дарзансе, по Газетной ул., д. Шевалье.
Въ магазинахъ Брокаръ и К°, на Петровкѣ, домъ товарищества петровскихъ торговыхъ линій.
Въ магазинѣ Гермитъ на Тверской, домъ Олсуфьева.
На нижегородской ярмаркѣ, подъ главнымъ домомъ.

Главный складъ для всей Россіи, въ С.-Петербургѣ, **Владимірскій Просп , домъ № 7, кв. № 4**. Иногородные заказы исполняются немедленно. Оптовымъ покупателямъ соотвѣтственная скидка. К. № 813 2—1

ЖЕНСКАЯ ЛѢЧЕБНИЦА

Д-ра М. О. БОВЕ,

(Арбатъ, близь ц. св. Николая, что въ Плотникахъ, въ д. Авдѣевой, 3-й подъѣздъ съ Кривоникольскаго переулка).

ВЪ МОСКВѢ.

Спеціальное лѣченіе болѣзней: женскихъ, дѣтскихъ и внутреннихъ.

Въ особомъ отдѣленіи лѣчебницы имѣются отдѣльныя комнаты со всѣми удобствами, для помѣщенія беременныхъ, больныхъ, а также дѣтей, отдаваемыхъ на воспитаніе. П. М. № 811

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

(Москва, Тверская, д. Полякова).

Продажа выигрышныхъ билетовъ съ аесрочкою платежа. Задатокъ 15 руб.

Страхованіе по 50 коп.

Условія высылаетъ безплатно. № 726 8—6

КЛЕЙ I-й с.

въ плиткахъ, предлагаетъ по очень дешевой цѣнѣ съ доставкою въ Варшаву фабрика **Th. Pyrkosch Ratibor** preuss. Schlesien D. 14048 № 772 8—6

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

О-ДЕ-КОЛОНЪ весьма освѣжительный, душистый и чрезвычайно крѣпкій **двойной** по 30 к., **тройной** по 40 к., № 4 **экстрактъ** по 50 к.

ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ разрѣшенный С.-Петерб. Врачебн. Управою оживляетъ и освѣжаетъ кожу своими ароматическими составными частями, онъ также отличное средство для куренія въ комнатамъ, гдѣ находятся больные и вообще въ мѣстахъ, гдѣ воздухъ испорченъ, флак. 60 к.

Уксусъ Віолетъ де-Парма превосходный по 75 к.
Уксусъ карболовый анти-эпидемическій по 45 и 75 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ**, д. № 32, Католич. церкви.
2) **Невскій просп.**, у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.**, уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи**, ей не принадлежатъ.

Желѣзистыя воды 1-го разряда. **КУПАНЬЯ С. МОРИЦЪ.** Лучшія климатическія условія.

Въ Оберъ-Энгодинѣ. Швейцарія. 1769 м. надъ поверхностью моря.

Сезонъ съ 15 Іюня по 15 Сентября.

Отели: Кургаузъ, Викторія и Ди-Лакъ.

D. 14274. № 751 8—6.

„ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА".

Романъ изъ современной жизни, съ событіями послѣдней войны 1876—1877 гг.

Сочиненіе **В. Марьина**. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія въ книжной торговлѣ при редакціи „Собранія Романовъ", въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 504 10—6

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя извѣстныя, дешевыя машины этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденьщикъ можетъ (ими пользоваться) **съ ними справиться**, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по русски.

Ptr. № 652 13—9

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ ИЗВѢСТНЫЕ

Автоматическіе карандаши,

которые можно носить удобно въ карманѣ, снабжены весьма практичнымъ механизмомъ, предохраняющимъ штифтъ отъ повреждения.

ЦѢНА КАРАНДАША **50** КОП.

Для провинціи цѣна съ пересылкою 2 р. за 3 карандаша.

С.-Петербургъ, главное депо резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА.

въ СПБургѣ.

№ 16. ГОРОХОВАЯ УЛИЦА. № 16.

между Большой Морской и Краснымъ мостомъ

Mt. № № 814 3—1

ГГ. ОФИЦЕРАМЪ

рекомендуемъ нашъ большой складъ непромокаемыхъ **англійскихъ шерстяныхъ матерій, при которыхъ резиновый слой не замѣтный:**

Для гг. генераловъ: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.

Для гг. офицеровъ отъ инфантеріи и кавалеріи: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.

Для гг. офицеровъ флотскихъ
Горнымъ инженерамъ и лѣснаго вѣдомства } черная матерія на черной подкладкѣ.

Пальто по мѣркѣ беремъ сдѣлать въ самое короткое время, также принимаемъ поставку непромокаемыхъ пальто для цѣлыхъ полковъ **съ значительной уступкою по самымъ дешевымъ цѣнамъ.**

БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ ЛЮБИМЫХЪ

ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ

на красной фланели, которыя удобно можно надѣвать подъ форменнымъ сюртукомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА И РИКСА

№ 16. Гороховая ул. № 16. д. Корпуса

между Большою Морскою и Краснымъ мостомъ.

Mt. № 875 ВЪ СПБ. 3—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5% съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по **20** руб. на билетъ.

Выигрышъ, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5% съ выигрышами билетовъ по 50 к.

Отъ **гг. иногородныхъ,** включая почтовые расходы, по **60** коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на коммиссію 5% билетовъ для обмѣна на новые.

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ" № 5 сего года.

№ 872 6—1

Дозволено цензурою СПБ. 17 іюля 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Веддинга, Англ. пр. № 10.

XI годъ — годъ XI

№ 30 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 26 Іюля 1880 г.

Новая Императорская яхта „Ливадія“. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Новая Императорская яхта „Ливадія“.

Недавно построенная на докахъ Эльдера и Комп. близъ Гласгова, по заказу нашего правительства, Императорская яхта „Ливадія“ представляетъ собою одно изъ замѣчательнѣйшихъ изъ подобнаго рода сооруженій по оригинальности и новизнѣ своей формы и по тѣмъ приспособленіямъ, которыя не встрѣчались еще до сихъ поръ въ дѣлѣ кораблестроенія. Проектъ „Ливадіи“ былъ составленъ нашимъ извѣстнымъ адмираломъ Поповымъ, который провѣривъ свои соображенія многочисленными опытами, представилъ свой планъ Его Высочеству Константину Николаевичу. Великій Князь одобрилъ проектъ и приказалъ немедленно приступить къ постройкѣ. Чтобы дать понятіе о быстротѣ постройки, достаточно сказать, что восемь мѣсяцевъ тому назадъ яхта существовала лишь на бумагѣ, но дѣло велось такъ энергически, благодаря усиліямъ и заботамъ морскихъ строителей Пирса и нашего соотечественника Гуляева, что теперь яхта готова для самаго дальняго плаванія. Форма новой яхты вполнѣ своеобразная, какъ это можно видѣть на прилагаемомъ нами рисункѣ; центральное, обыкновеннаго вида, судно имѣетъ съ каждой изъ своихъ сторонъ рыбовидныя подстройки, цѣль которыхъ—сдѣлать яхту менѣе чувствительной къ качкѣ во время сильнаго морскаго волненія.

Размѣры яхты грандіозны: длина ея 260 фут., ширина 150 фут.; вышина 50 фут., вмѣстимость—11,609 тоннъ. Яхта приводится въ движеніе тремя паровыми машинами и имѣетъ скорость 14 узловъ въ часъ. Экипажъ опредѣляется въ 260 чел.

Въ рыбообразной нижней части судна находится помѣщеніе для угля и различнаго рода припасовъ; въ средней части помѣщаются офицеры и экипажъ; на верхней же палубѣ находится помѣщеніе для Высочайшихъ особъ и для свиты. Кругомъ всей нижней палубы идетъ сплошная галлерея, приспособленная для опусканія якорей, швартовки судна и для спуска шлюпокъ, которыхъ при яхтѣ полагается одиннадцать.

Царскія помѣщенія отличаются какъ обширностью такъ и изяществомъ отдѣлки; такъ пріемная комната вышиною въ 12 футовъ, украшена фонтаномъ и роскошно убрана во вкусѣ Людовика XVI. Другія комнаты отдѣланы проще, но чрезвычайно комфортабельно. Позади трехъ гигантскихъ трубъ возвышается павильонъ съ помѣщеніемъ для Великаго Князя Генералъ-Адмирала и для командира яхты.

Спускъ яхты совершился съ большою торжественностью, въ присутствіи Великаго Князя Алексѣя Александровича, герцогини Гамильтонъ, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Шаховскаго и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Публики собралось тысячъ до 10 чел., громкіе, неумолкаемые крики восторга привѣтствовали торжественный моментъ, когда великолѣпная яхта вышла изъ дока и когда передъ глазами необозримой толпы, обрисовалась вполнѣ ея массивная и своеобразная форма.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XVIII.

Исторія „бѣлаго покрывала“ въ миніатюрѣ.

Она была набожна и непремѣнно хотѣла напутствовать его молебномъ, такъ что когда онъ вышелъ утромъ слѣдующаго за ея внезапнымъ рѣшеніемъ дня въ залъ, то все уже было готово къ предстоящему молебствію. Мебель изъ однаго угла комнаты вынесли и на опорожненномъ такимъ образомъ пространствѣ поставили столъ покрытый бѣлою скатертью съ двумя на немъ образами, однаго—нерукотвореннаго Спаса, другаго — маленькаго въ серебряной ризѣ—Богоматери. Этотъ послѣдній образокъ предназначался для напутственнаго благословенія. Кромѣ образовъ, на столѣ стояла небольшая миска съ водою, съ налѣпленными на краяхъ восковыми свѣчами; передъ образомъ Богоматери тоже находилась свѣча, прикрѣпленная ко дну опрокинутой чайной чашки. На столѣ лежалъ, принесенный священникомъ изъ церкви, вызолоченный крестъ и стояло маленькое, продолговатое блюдечко съ розовыми цвѣточками, наполненное ладономъ.

Когда Столповскій вышелъ въ залъ, готовились начать молебенъ. Сѣдой священникъ со сморщеннымъ лицемъ вмѣстѣ съ толстымъ, краснымъ и лоснящимся діакономъ, возились около кадила у одного изъ оконъ зала. Кромѣ ихъ находилась и еще публика, ютившаяся по близости дверей ведущихъ въ переднюю, публика состоящая изъ лакеевъ и горничныхъ, собравшихся помолиться за отъѣзжающаго, вѣроятно по какимъ нибудь важнымъ дѣламъ, молодаго барина. Общую гармонію чинности нарушалъ только восьмилѣтній мальчуганъ Вася, сынъ прачки, пользующійся въ домѣ Столповскихъ нѣкоторыми привилегіями, вслѣдствіе того, что онъ былъ крестникъ самой m-me Столповской.

Близящійся отъѣздъ, разлука съ матерью, съ которой онъ до сихъ поръ не разлучался, весь устроенный ею церемоніалъ, все это—Столповскій былъ увѣренъ—размягчитъ его слабую душу. Ему хотѣлось войти въ залъ въ то время, когда молебенъ уже начался бы, когда мать заняла бы свое мѣсто и онъ войдя такимъ образомъ, могъ бы стать гдѣ нибудь позади. Онъ пришелъ до начала и осмотрѣвъ залъ, не нашелъ въ немъ матери.

Поздоровавшись со священникомъ, который былъ его духовнымъ отцомъ, Столповскій отъ нечего дѣлать сталъ смотрѣть въ окно, на сѣрое небо, однообразное и тоскливое, безцвѣтное, казалось ему, какъ вся его молодая жизнь, исполненная нерѣшительныхъ шаговъ, невысказанныхъ мнѣній, никому неповѣданныхъ чувствъ. Вдругъ онъ услышалъ, что дверь изъ гостиной отворилась. Произошло общее движеніе и ухо его отличило шелестъ шелковаго платья... Онъ зналъ, что это была его мать и вдругъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ какъ оставить ее на нѣкоторое время, сердце его упало и онъ понялъ всю крѣпость сѣтей, связывающихъ его съ матерью.

— Начинайте, батюшка, — услышалъ онъ, не рѣшаясь поднять своихъ опущенныхъ глазъ, ея голосъ.

Что же это? Онъ зналъ этотъ голосъ волнующимся и дрожащимъ слезами при произнесеніи всякаго чувствительнаго стиха. Она, казалось, могла съ полнымъ правомъ сказать о себѣ:

Harmonien hör'ich klingen,
Töne süsser Himmelsruh...

А теперь онъ слышитъ голосъ твердый, чуждый меланхоліи и экспансивности. Что же это такое? Молебенъ начался и Столповскій рѣшился взглянуть на мать... Да она ли это?

M-me Столповская стояла посреди залы, стояла прямая и твердая, и во всей ея фигурѣ, въ ея мѣстѣ впереди всѣхъ, на виду всѣхъ молящихся въ залѣ, въ манерахъ, во всемъ было что-то неприступное и гордое. Того выраженія холоднаго безсердечія, которое виднѣлось на ея лицѣ, онъ не зналъ никогда. Онъ съ самаго нѣжнаго возраста своего зналъ это лице, согрѣтое теплотою сердечнаго огня, эти глаза, голубые, мечтательные глаза, теперь отталкивающіе и недобрые глаза, онъ зналъ, онъ привыкъ видѣть ласковыми, увлажняющимися слезами, проливаемыми не отъ гнѣва, а отъ любви и состраданія. Онъ дивился и недоумѣвалъ, какъ эта прелестная рука съ длинными, сложенными для креста пальцами, какъ-то особенно, невыразимо жестко и твердо, дѣлала крестное знаменіе. И развѣ молилась она этимъ крестомъ, этими холодными и гордыми глазами? Молятся любящіе сердцемъ, а не гнѣвные. Среди молебна Столповскій замѣтилъ, какъ мать знакомъ подозвала къ себѣ своего крестника Васю и сказала ему, вѣрнѣе бросила одно слово: „платокъ!“ Вася удалился

и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ подалъ ей кисейный носовой платокъ. Сынъ видѣлъ, какъ два тонкихъ пальца протянулись къ платку и не взяли, а съ какимъ-то пренебреженіемъ рванули его. Наивный мальчикъ недоумѣвалъ, кажется, что сталось съ барыней и выразилъ свое недоумѣніе тѣмъ, что съ разинутымъ ртомъ, глядя во всѣ глаза, остановился передъ нею. Холодные и недобрые глаза указали ему на мѣсто, гдѣ онъ стоялъ прежде.

Свѣтлолиловое платье благородно оттѣняло ея блѣдное, увядшее лицо; ея бѣлокурые волосы, неспособные сѣдѣть, были покрыты черною кружевною косынкой. Онъ все смотрѣлъ на нее, сознавая, что холоднымъ спокойствіемъ она вливала въ него, готоваго всякую минуту остаться съ нею, твердость и рѣшительность. Можетъ она дѣлала, поступала такъ, накладывала на себя личину—намѣренно? Ему припомнилась одна святая ложь, о которой онъ читалъ въ старинной венгерской легендѣ. Сына ведутъ на казнь. Улицы покрыты народомъ, женщины бросаютъ осужденному двадцатилѣтнему юношѣ цвѣты... Но онъ не замѣчаетъ знаковъ сочувствія, обращенныхъ къ нему; онъ думаетъ о томъ—будетъ помилованъ или нѣтъ? Вступая на площадь, гдѣ высится эшафотъ, онъ смотритъ въ одну точку, на балконъ, гдѣ по условію, въ случаѣ помилованія, мать его должна появиться въ бѣломъ покрывалѣ, въ противномъ случаѣ, если казнь не будетъ отмѣнена, въ черной одеждѣ. Спокойно возвышаясь надъ толпою—стоитъ неподвижно мать подъ бѣлымъ покрываломъ. О радость! онъ будетъ жить!.. Храбро вошелъ онъ по ступенямъ эшафота и, съ улыбкой надежды, умеръ... Мать солгала изъ боязни, чтобы сынъ передъ смертью не обнаружилъ страха. Онъ не на казнь идетъ, но мякнетъ и слабѣетъ. Быть можетъ видя это, мать своею твердостію, своею холодностію хочетъ влить въ него мужество, котораго ему недостаетъ.

Молебенъ кончился. Она хотѣла благословить его освященнымъ образомъ Богоматери и удалилась для этаго въ безлюдную гостинную. Въ залѣ шумѣли, двигали стульями; священникъ съ діакономъ сбирались уходить. Въ пустынной гостиной она осѣняла сына иконою, храня на своемъ лицѣ прежнюю серьезность. Онъ хотѣлъ взять у нея изъ рукъ образъ.

— Приложись и перекрестись, — остановила она его и когда онъ это сдѣлалъ, передала ему образъ и какъ-то беззвучно поцѣловала его въ лобъ:—будь здоровъ, пиши.

И приказала выносить вещи въ поданную карету. Всю дорогу она молчала, сказавъ, что у нея болятъ зубы и она боится разговоромъ на холоду усилить страданіе. Въ вокзалъ пріѣхали поздно и едва успѣвъ взять билетъ и сдать багажъ, Столповскому надо было торопиться занять мѣсто. Ни скорби, ни слезъ—торопливый поцѣлуй и легкое пожатіе руки.

Столповскій вошелъ въ вагонъ и сѣлъ у окна. Онъ видѣлъ, какъ къ матери подошелъ какой то старый генералъ, поздоровавшись съ которымъ, она даже перестала смотрѣть на окна вагона, смѣялась чему-то; потомъ позвала провожавшаго ихъ лакея, указала ему на окно вагона, въ которомъ виднѣлось блѣдное лицо сына, и снова начала говорить съ генераломъ. Раздался третій звонокъ. Столповскій приподнялъ фуражку, прощаясь. Онъ не былъ убѣжденъ, но ему показалось, что, стройная фугура матери, закутанная въ мѣховую ротонду, какъ бы пошатнулась... Можетъ это показалось отъ сотрясенія поѣзда? Вотъ,—что она выронила муфту изъ рукъ, что къ ней приблизились знакомый генералъ и слуга,—это вѣрно... Въ тоже самое время она кивала ему своимъ блѣднымъ и... да, улыбающимся лицемъ.

Поѣздъ пошелъ скорѣе и все скрылось изъ его глазъ.

XIX.

Бариновъ на новой квартирѣ.

Послѣ посѣщенія Гаврилова господинъ въ гороховомъ пальто или Ефимъ Егоровъ, когда-то крѣпостной господъ Кожуховыхъ, на имя котораго Клеопатра Петровна высылала своему супругу условленное мѣсячное содержаніе,—этотъ Егоровъ вскорѣ пріютилъ у себя Дмитрія Баринова. Дмитрій Бариновъ на этотъ разъ какъ-то особенно долго странствовалъ вполнѣ безопасно и его не схватывали и не засаживали въ часть, и затѣмъ не отсылали въ Марбургъ къ его пріятелю оберъ-бургомистру. Днемъ онъ просилъ милостыню въ очень людныхъ частяхъ города, собиралъ мало, проѣдалъ собранное гдѣ нибудь въ закусочной около Сѣнной, и ночью отправлялся въ ночлежный пріютъ, дѣлая изъ исторіи своей жизни способъ прошенія милостыни. Многимъ изъ завсегдатаевъ пріюта онъ вскорѣ надоѣлъ своимъ разсказомъ съ мелодраматическими пріемами, среди которыхъ прорывалось иногда и неподдѣльное чувство—и ему стали давать менѣе. Онъ спускался тогда въ простонародное отдѣленіе и старался тамъ разжалобить сердца. Это удавалось лучше, какъ потому, что простонародные ночлежники вообще были великодушнѣе, такъ и потому, что составъ ихъ былъ непостояненъ, не являлся каждую ночь, какъ дѣлали завсегдатаи благороднаго отдѣленія. Поэтому повѣствованіе о происхожденіи Баринова не прислушивалось и повѣствователь получалъ за него иной разъ пятачекъ, а иной и гривенничекъ отъ снисходительныхъ слушателей.

Однажды вечеромъ, направляясь по обыкновенію въ пріютъ, Бариновъ повернулъ было уже на Обводный, когда кто-то шедшій за нимъ догналъ его и остановилъ за рукавъ. Бариновъ оглянулся и при слабомъ мерцаніи фонаря узналъ въ остановившемъ его—господина въ гороховомъ пальто, котораго онъ изрѣдка встрѣчалъ въ пріютѣ. Егоровъ улыбаясь освѣдомился:

— Куда господинъ Дмитрій Бариновъ такъ поспѣшать изволите?

— На ночлегъ... и вы туда же?

— Нѣтъ-съ, не туда... До дому пробираюсь.

Бариновъ удивился:

— До дому,—вонъ вы какой!.. Зачѣмъ же вы въ ночлежномъ-то ночуете, коли у васъ есть домъ?

— А почую я въ ночлежномъ, другъ мой, затѣмъ,— наставительно произнесъ старецъ, — что ноги у меня слабы... По бѣдности я, между прочимъ, подаяніемъ живу, ходить-то значитъ не мало приходится... Иной день такъ умаешься, что коли сюды ближе, нежели домой, сюды и направляешь стопы свои... Извозчика-то, братъ, нанимать дорого... Дешево, дешево надо пятиалтынный заплатить, а то и двугривенникъ. Оно и не по карману...

— Такъ-съ.

Они стояли неподалеку отъ фонаря... Старику казалось, что Бариновъ какъ-то особенно пристально и внимательно разсматриваетъ его.

— Чего ты, иль впервые встрѣтились? спросилъ онъ съ оттѣнкомъ легкаго неудовольствія въ голосѣ.

Бариновъ отвѣтилъ:

— Знаю, что не впервые... Нѣсколько разъ встрѣчались. А какъ вы вотъ этакъ стоите, знакомо, знакомо мнѣ ваше лицо.

Старикъ разсмѣялся:

— Вѣстимо, что знакомо. Самъ говоришь, что не разъ встрѣчались.

— Нѣтъ,—задумался Бариновъ, стараясь припомнить кого напоминаетъ ему старикъ,—нѣтъ, вы не такъ понимаете меня. Прежде гдѣ-то, давно, точно я васъ встрѣчалъ... или, если не васъ, такъ кого-то, кто походилъ на васъ.

Старикъ похлопалъ Баринова по плечу:

Въ Малой Азіи. Видъ города Смирны. Рис. Г. Вилье, грав. Поль.

Въ Малой Азіи. Заливъ Александретта. Рис. Тайлоръ, грав. Гильдебрандъ.

— Да, ужь не отецъ-ли я тебѣ полно? Помнишь, отца-то?..

— Нѣтъ, на него вы не похожи. А вотъ тотъ баринъ, помните, который слушать-то меня не хотѣлъ, тотъ напомнилъ мнѣ отца...

— Ну, братецъ, у тебя голова вѣрно не въ порядкѣ. Что это всѣ на кого-то похожи... Пойдемъ-ка, лучше, соснемъ.

И взялъ Баринова за руку.

— Да, вѣдь вы-же домой?

— Ну, да. Такъ что-же?

— Значитъ намъ не по дорогѣ: вамъ на лѣво, мнѣ на право.

— Знаешь что,—какъ бы что-то обдумывая произнесъ старикъ, приложивъ палецъ къ губамъ, неизвѣстно съ какой цѣлью,—предложеніе я хочу тебѣ небольшое сдѣлать.

— Именно?

— Видишь: жаль мнѣ тебя стало. Ты безъ паспорта, схватятъ тебя раба Божія, да запрячутъ въ часть... Въ ночлежномъ обходы бываютъ—и вотъ, думаю я, въ одинъ изъ такихъ обходовъ заберутъ тебя, да и ушлютъ куды Макаръ телятъ не гонялъ. Чѣмъ о сходствахъ-то различныхъ думать, да силуэты—(старикъ любилъ употреблять въ разговорѣ необыкновенныя слова и фигурныя выраженія, вынесенныя имъ изъ господскихъ хоромъ)—разные въ жизни своей воображать, не сходнѣе ли тебѣ будетъ обдумать, какъ бы свое положеніе надежнѣе устроить? Въ ночлежномъ-то не больно его устроишь... Ночуй-ка ты у меня ночку, понравится — ночуй другую, а то и недѣльку поживи... На досугѣ-то и обдумаемъ, какъ горю пособить.

И съ такого подхода начавъ, въ концѣ концовъ убѣдилъ Баринова пойти съ нимъ ночевать и залучивъ его къ себѣ, такъ обвелъ, что Бариновъ и совсѣмъ у него забастовалъ.

Старикъ нанималъ престранное помѣщеніе на дворѣ одного изъ грязнѣйшихъ домовъ Малкова переулка, сплошь состоящаго изъ кабаковъ, разныхъ подозрительныхъ трактировъ и грязныхъ притоновъ. Въ квартиру старика, состоящую изъ одной комнаты, разгороженной перегородкой, надо было идти черезъ деревянный сарай. Между сложенными дровами образовалось нѣчто въ родѣ узкаго прохода, оканчивающагося съ одной стороны входною въ сарай дверью, съ другой—дверью, ведущею въ помѣщеніе старика. Вѣрно небольшой, одноэтажный и объ одну комнату флигилекъ, въ которомъ жилъ старикъ, первоначально замѣщался одинокимъ и быть можетъ предназначался для дворника; позднѣе къ нему пристроили вплотную дровяной сарай за недостаткомъ мѣста такъ, что сараемъ этимъ заставили единственный видимый ходъ во флигель. Впрочемъ тутъ трудно было возстановить истину, ибо флигелекъ былъ облѣпленъ кругомъ разными постройками, галлерейками, изъ которыхъ ни съ одною повидимому не соединялся какимъ нибудь сообщеніемъ. Собственно внутреннее помѣщеніе старика освѣщалось однимъ окномъ, выходящимъ на разстояніи сажени къ брантмауеру, загораживающему свѣтъ. Значительную часть пространства за перегородкой занимала русская печь, помѣщеніе на которой старикъ предоставилъ своему гостю; самъ онъ почивалъ на широкой двуспальной кровати, съ двумя перинами и множествомъ подушекъ въ разноцвѣтныхъ, ситцевыхъ наволочкахъ. Подъ кроватью этой, нѣсколько роскошной для живущаго подаяніемъ, Бариновъ усмотрѣлъ довольно солидную укладку, въ которую старикъ лазилъ отъ времени до времени, никогда впрочемъ вполнѣ ее не открывая и которая отпиралась „съ музыкой“ хранившимся у старика ключемъ. Кромѣ кровати и укладки, въ помѣщеніи имѣлось нѣсколько стульевъ и столъ, а въ углу помѣщался кіотъ съ образами, передъ которыми денно и нощно теплились лампады.

Въ этомъ-то тайномъ, не только ночью но и днемъ, помѣщеніи зажили старикъ и его гость, зажили среди довольно странныхъ и даже таинственныхъ, такъ сказать, обстоятельствъ. Старикъ говорилъ, что живетъ подаяніемъ, но на слѣдующее же по приходѣ къ нему Баринова утро такъ разнемогся ногами, что насилу поднялся съ перинъ, и поднявшись, едва могъ ходить по своему помѣщенію, слезно умоляя Баринова не покидать его одного. За первымъ днемъ послѣдовалъ второй и третій и такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля... Старикъ больше лежалъ и охалъ, Бариновъ не покидалъ его... Казалось бы нищему человѣку недѣля болѣзни и непрошенія милостыни должна была принести бѣдствіе, а между тѣмъ старикъ за все это время не только былъ сытъ, но кормилъ и своего сожителя... Въ дровяномъ сарайчикѣ находился маленькій чуланчикъ, въ которомъ у замысловатаго старичка оказались и соленые огурцы, и капуста, и наполовину съѣденная кадка солонины. Приходилось ходить только за хлѣбомъ въ лавочку, помѣщавшуюся въ этомъ же самомъ домѣ, что съ помощью палки дѣлалъ самъ хозяинъ, тогда какъ гость занимался по его указаніямъ варкою щей... У запасливаго старика оказался даже самоварчикъ и сожители пили ежедневно чай...

Это было хотя и довольно загадочно, но такъ или нѣтъ объяснимо; въ новомъ помѣщеніи Баринова оказались вещи до того дѣйствительно странныя и поразительныя, что всякій любитель таинственнаго приписалъ бы ихъ и въ самомъ дѣлѣ сверхъестественной силѣ. Эти странныя явленія объявились съ самой первой ночи, проведенной Бариновымъ подъ гостепріимнымъ кровомъ старика. Улегшись рано, Бариновъ довольно долго не засыпалъ. Горящая передъ кіотомъ лампада освѣщала внутренность помѣщенія и лучи, исходящіе отъ нея, падали на возлежавшаго на своихъ перинахъ старика. Тишина была невозмутимая. Бариновъ, не сводя глазъ съ хозяина, забывшагося сномъ, отъ безсонницы припоминалъ, на кого похожи эти старческія черты. И вотъ среди этой тишины, явственно и раздѣльно во входную дверь постучали три раза. Старикъ не шевельнулся. Прошло нѣсколько минутъ и снова три явственно отличимыхъ удара раздались среди окружающей тишины. Видя, что старикъ не просыпается, Бариновъ въ какомъ-то страхѣ, отчета въ которомъ самъ не могъ отдать себѣ, приподнялся на печкѣ и окликнулъ хозяина:

— Послушайте! кто-то стучится...

Старикъ вдругъ открылъ глаза, приподнялся и свѣсивъ ноги, зѣвая и почесываясь, спросилъ:

— Кто стучится?

Бариновъ только что хотѣлъ дать отвѣтъ на вопросъ, какъ въ третій разъ троекратный стукъ во входную дверь нарушилъ тишину. Каково же было его удивленіе, когда при этомъ явственномъ стукѣ, хозяинъ преспокойно убралъ ноги обратно на постель, началъ укладываться и обертываясь одѣяломъ, равнодушно объяснилъ причину стука:

— А это *онъ* стучится.

— Кто онъ?

— А скелетъ...

И, готовясь заснуть, зѣвнулъ. Но Бариновъ не далъ ему этаго сдѣлать:

— Какъ скелетъ, какой скелетъ?,. Что вы это говорите?..

И такъ какъ Бариновъ началъ креститься, и видимо было что онъ долго не успокоится, то старикъ, сидя на кровати, разказалъ ему слѣдующее:

— Теменъ, другъ мой, разсказъ, исторія таинственная... Гдѣ быль, гдѣ вымышлено—кто разберетъ! Говорятъ, что въ домѣ этомъ лѣтъ пять тому назадъ проживала женщина какая-то и при ней сынокъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати,—Сашенькой его звали. Вотъ и прі-

ѣхали къ ней однажды гости, купецъ и инженеръ и стали промежду себя въ картишки рѣзаться... Къ концу вечера инженеръ проигралъ купцу много тысячей и какъ у него расплатиться не хватило, то мать-то Сашеньки взаймы ему дала что-то много, на вексель и съ процентами... Вотъ тутъ-то главная таинственность и произошла, мой другъ, ибо купецъ сей пропалъ...

— Какъ пропалъ? удивился Бариновъ.

— Такъ, какъ булавка теряется: предметъ малый, попала въ щель—гдѣ ее искать?.. Такъ и съ купцомъ.

— Ну?

— А женщина-то съ сынкомъ куда-то уѣхали скоро и все какъ бы покончилось... но...

Старикъ понизилъ голосъ и зловѣще закончилъ:

— Нѣкоторое время спустя тутъ въ сараѣ, за дровами скелетъ нашли... Чей? неизвѣстно. Но какъ эти самыя косточки-то объявились, то хоть и предали ихъ землѣ, а все же онѣ напоминаютъ о себѣ, какъ я тебѣ уже говорилъ...

Свѣтало... Сизоватые лучи сумеречнаго петербургскаго разсвѣта, затемненные стѣною, стоящею передъ окномъ комнаты, проникали въ нее. Откуда-то доносился благовѣстъ. Старикъ улегся и совѣтовалъ Баринову сдѣлать тоже самое; но пораженный всѣмъ, что слышалъ, а главное стукомъ такаго страннаго происхожденія, Бариновъ сидѣлъ на печи, свѣсивъ ноги и вмѣсто отвѣта на предложеніе соснуть, спросилъ:

— Каждую ночь стучитъ?

— Каждую, каждую,—тономъ какъ бы утѣшенія отозвался старикъ и завернувшись въ одѣяло, вскорѣ захрапѣлъ.

XX.

Пора!

Гавриловъ зналъ, что осуществленіе задуманнаго имъ сообща съ Ефимомъ Егоровымъ плана близилось и не смотря на это оставался все таки спокоенъ. Съ Ефимомъ, занятымъ въ это время Бариновымъ, котораго слѣдовало до поры до времени удержать около себя,—онъ не видѣлся; подъ предлогомъ отказавшихся служить ногъ, старикъ лежалъ въ послѣдніе дни прикованнымъ къ постелѣ и почти непрерывно стоналъ. Выходить ему изъ дома такимъ образомъ было неудобно и онъ ограничивался тѣмъ, что обмѣнивался съ Гавриловымъ записками, равно какъ и съ Сашкой. Еще находясь въ услуженіи, Ефимъ научился кое-какъ грамотѣ, передавъ пріобрѣтенныя познанія впослѣдствіи сыну родной сестры, оказавшему значительные успѣхи въ каллиграфіи. Едва выучившись писать, Сашка пробовалъ уже свои силы въ копированіи подписей различныхъ лицъ, что ему рано начало удаваться. Такимъ образомъ, не видясь другъ съ другомъ, живя въ различныхъ мѣстахъ, Гавриловъ, Ефимъ и Сашка вели дѣятельную между собою переписку, причемъ каждый уничтожалъ тотчасъ же по прочтеніи полученную имъ корреспонденцію, немедленно сожигая письма. Гавриловъ скучалъ медленностію, съ которой дѣйствовали его сообщники, желалъ покончить все скорѣе и покончивъ, начать новую обезпеченную и ни отъ кого независящую жизнь.

Онъ задумалъ рискованную и ужасную вещь, но не затруднялся ея выполненіемъ. Одинъ рѣшительный шагъ, одинъ часъ какихъ-либо волненій—и все покончено!.. Но за то что покончено, что устранено съ пути и что устроено для жизни!.. Собственно *тогда* только эта жизнь и начнется, ибо какая же жизнь теперь?.. Правда, до сихъ поръ онъ былъ находчивъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. И какъ еще находчивъ! Года два тому назадъ онъ подъѣзжалъ къ Берлину, имѣя въ карманѣ ровно столько, сколько надо было для того, чтобы заплатить за проѣздъ отъ станціи до отеля въ экипажѣ перваго класса. Окутанный въ соболю шубу, онъ выдавалъ себя пассажирамъ перваго класса за русскаго князя; сынъ какого-то вѣнскаго банкира льстился знакомствомъ съ нимъ. Узнавъ, что юноша намѣренъ остановиться въ томъ же самомъ отелѣ, Гавриловъ предложилъ подвезти его въ своемъ экипажѣ.

— Но прежде мы заѣдемъ, mon cher,—сказалъ онъ восхищенному его любезностью мальчику, — къ моему банкиру.

Сѣли и поѣхали. Онъ оживленно шутилъ всю дорогу, былъ беззаботенъ и веселъ. Къ банкиру онъ явился какъ дѣйствительно важный баринъ, цѣдя сквозь зубы слова. Его встрѣтили думая, что это какой нибудь графъ или князь.

— Мой вексель... князь Багратіонъ.

Клерки рылись, отыскивая вексель. Таковаго не оказалось. Не можетъ быть, они забыли!.. Князь Багратіонъ началъ сердиться. Онъ увѣренъ, что вексель полученъ. Нѣтъ, нѣтъ, такаго векселя не получалось. Вѣроятно получится скоро. Куда, князь, прикажете, послать извѣщеніе? Онъ задумался и назвалъ отель. Юноша ждалъ его въ коляскѣ.

— Непріятная исторія,—сказалъ князь, усаживаясь въ экипажѣ,—запоздали переводомъ на мое имя... Положеніе!..

И остался видимо въ прескверномъ расположеніи духа, около своего спутника. Тотъ и такъ и этакъ заговариваетъ; князь „да“ или „нѣтъ“, сидитъ, насупившись. Неужели эта свинья не догадается, что надо предложить русскому князю? Ахъ, право, эти люди не такъ глупы!

— Послушайте, — вдругъ догадался мальчикъ, — можетъ васъ тревожитъ, что вы безъ денегъ. Могу ли я предложить вамъ?..

Князь поощрилъ эту нерѣшительность меланхолической улыбкой. Тотъ ободрился:

— Конечно я не могу вамъ предложить много. Но у меня есть незначительное сбереженіе.

Князь сдѣлалъ легкую гримаску, заставившую покраснѣть юношу, шепотомъ рѣшившагося назвать предлагаемую сумму:

— Триста талеровъ... Это такъ немного.

Конечно, это такія вздорныя деньги! Мальчикъ аккуратно пересчитывалъ ихъ, бережно обходился съ ними, точно боясь, что отъ его прикосновенія онѣ потеряютъ свою цѣнность и съ такой жалостію и какъ бы даже съ нѣкоторымъ испугомъ смотрѣлъ, какъ князь небрежно запихивалъ ихъ въ карманъ. Merci, mon cher!

Благодаря этимъ тремъ стамъ талерамъ князь развернулся. Завтраки, обѣды, театръ. Вечеромъ послѣ театра коммисіонеръ предложилъ сановитому князю посѣтить рабочій балъ. Это преинтересно! Представьте, тысячи рабочихъ, лакеевъ, горничныхъ, кухарокъ, солдатъ танцуютъ подъ звуки довольно хорошаго оркестра, въ чистомъ, просто убранномъ, громадныхъ размѣровъ залѣ. Въ буфетѣ кромѣ пива ничего! Ради Бога, князь, не вздумайте спросить шампанскаго! Онъ далъ слово что не спроситъ и подойдя къ буфету, гдѣ наливались пивомъ, высоко поднялъ свою кружку:

— Да здравствуетъ король Вильгельмъ!

Это было передъ началомъ войны съ французами и произвело громадную сенсацію. Замахали шляпами и платками, подняли кружки вверхъ:

— Vivat! hoch!

Толпа почувствовала къ князю невыразимую симпатію, чокалась съ нимъ, ходила за нимъ по заламъ, крича во все горло:

— Vivat! Fürst! hoch!

Онъ былъ замѣченъ и его знатное происхожденіе было угадано! Онъ пожелалъ довести свой тріумфъ до конца: изъ трехъ сотъ талеровъ у него оставалось еще кое что. У входа въ танцовальный залъ старикъ продавалъ крошечные букетики, сдѣланные изъ какой-то дряни, прося за каждый по пфенигу. Какой нибудь

Фрицъ, желая сдѣлать пріятное своей Амаліи или Шарлоттѣ, покупалъ такой букетецъ и подносилъ его съ пріятной улыбкой дамѣ своего сердца. Двѣ громадныхъ корзины были наполнены такими букетиками:

— Сколько это стоитъ?

Продавецъ торопился выбрать красивѣйшій букетъ и отыскавъ таковой, съ любезностью поднесъ его князю:

— Одинъ пфенигъ, mein Herr.

Тогда князь внушилъ недогадливому:

— Я спрашиваю: сколько стоитъ все?

Онъ указывалъ на обѣ корзины... Лицо продавца вытянулось.

— О! все стоитъ—двадцать пять талеровъ, mein Herr!

Онъ выбросилъ продавцу деньги и велѣлъ, забравъ корзины, слѣдовать за собою. Было что-то грандіозное въ этомъ шествіи. Онъ раздавалъ букеты всѣмъ дамамъ, при громкихъ апплодисментахъ мужчинъ. Съ криками „Vivat!“ толпа проводила его до коляски и нѣкоторое время бѣжала за нею по улицѣ. Vivat! hoch!.. Онъ сдѣлалъ величественный и граціозный поклонъ провожавшимъ его и скрылся, уносимый рѣзво бѣгущими конями. Да, онъ попировалъ на эти триста талеровъ! И это повторялось не разъ. Но за то до какихъ положеній не доходилъ онъ! Правда, онъ получалъ отъ своей супруги триста рублей въ мѣсяцъ, но изъ нихъ ему приходилось платить по сту Ефиму Егорову, однажды выручившему его, заплативъ за него двадцать пять тысячъ, проигранныхъ какому-то пріѣзжему купцу въ банкъ, а остальныхъ двухъ сотъ съ его то вкусами хватало не надолго. Линія проводилась только на словахъ; ни на службѣ, ни при какомъ дѣлѣ онъ не состоялъ—онъ любилъ праздность, привыкъ жить на содержаніи, получаемомъ отъ другихъ, а не отъ трудовъ своихъ. Онъ чрезвычайно любилъ занимать и занималъ всюду: гдѣ можно много, гдѣ нельзя—довольствовался тремя рублями, даже рублемъ. Но перейдя за сорокъ, онъ сталъ тяготиться своею цыганскою жизнью: ему прискучило жить въ отеляхъ, жить одинокимъ, не зная какъ убить свое праздное время. Ему захотѣлось своего дома, своей богато убранной гостинной, знатной жены, положенія въ свѣтѣ, кареты, ложи въ итальянской оперѣ, но захотѣлось всего этаго достигнуть вдругъ, разомъ, однимъ взмахомъ. Работать онъ не привыкъ!

Дѣло другое ухаживать за Додо, услуживать старой графинѣ, умѣть понравиться вліятельнѣйшимъ изъ ея родственниковъ. Это такъ легко! Онъ видѣлъ, что Додо въ восторгѣ отъ него, что графиня относится къ нему, какъ къ сыну, называетъ его въ шутку „mon fils“, что самый гордый и неприступный изъ родственниковъ графини, генералъ Бизяевъ, сталъ къ нему милостивъ.

Все шло отлично и ободряло его. Возможность быстраго взмаха, послѣдняго и рѣшительнаго шага—казалась такой легкой. Чего тутъ задумываться? Къ тому-жъ онъ былъ не одинъ. Онъ необыкновенно весело шутилъ съ m-lle Додо, располагая провести у нихъ вечеръ, когда неслышно ступавшій лакей, войдя въ красный бархатный салонъ, подалъ ему на серебряномъ подносѣ полученное по городской почтѣ письмо. Продолжая шутку, онъ разорвалъ конвертъ, развернулъ совершенно не аристократическій листокъ, гдѣ было нацарапано нѣсколько словъ, пробѣжалъ ихъ и какъ-то машинально, вѣроятно думая о чемъ-то другомъ, окончилъ начатую остроту уже съ меньшимъ оживленіемъ. Пряча письмо въ карманъ, онъ озабоченно сообщилъ Додо:

— Какъ непріятно: придется покинуть васъ.

Она навела на него лорнетъ:

— Свиданіе?.. Посланіе отъ дамы?

— Нѣтъ,—успокоилъ онъ ее, показывая ей адресъ, нацарапанный каракулями,—отъ подрядчика.

И спрятавъ письмо, всталъ передъ молодой графиней.

(До слѣдующаго №).

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

VIII.

Въ мирной крѣпости.

Густые, почти непроходимые лѣса отъ Пскова къ городу Порхову мало по малу рѣдѣютъ; то тутъ, то тамъ появляются обширныя равнины, а чѣмъ ближе къ Порхову, тѣмъ чаще появляются пашни. Теперь они засыпаны снѣгомъ. Наконецъ однообразный хвойный лѣсъ смѣняется березовыми и липовыми рощами, между ними высоко поднимаются двѣ горы, словно раздѣленныя потокомъ, одѣтымъ въ ледяную броню. На одной изъ этихъ возвышенностей стоятъ полуразрушенныя стѣны бывшей крѣпости и еще отчасти сохранившаяся башня какъ будто сторожитъ окрестности.

Во времена Александра Невскаго здѣсь была построена крѣпость для удержанія шведовъ отъ набѣговъ на русскія земли; нерѣдко хищники на легкихъ челнахъ, спускаясь изъ Ладожскаго озера въ Ильмень, опустошали окрестности этой крѣпостцы, называвшейся Вышгородомъ.

Прошло три вѣка. Вышгородъ потерялъ свое значеніе; Русь расширила предѣлы и крѣпость очутилась въ средѣ ея владѣній. Заброшенный и забытый Вышгородъ постепенно разрушался, но когда при Іоаннѣ Грозномъ въ войнахъ за Ливонію *), отважный Польскій король Стефанъ Баторій осаждалъ Псковъ, тогда возобновили Вышгородское укрѣпленіе, окружили новыми стѣнами и вооружили единорогами. Но Баторій Пскова не взялъ и Вышгородъ снова опустѣлъ, стѣны разщелились и по нимъ поросли кусты и мохъ: одна башня еще уцѣлѣла и бодро сопротивлялась бурямъ, которыя сильно бушевали на этой высотѣ. При Царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ, за какія-то заслуги, земля вокругъ Вышгорода и самая крѣпостца были отданы во владѣніе боярина, который разровнявъ мѣсто, гдѣ нѣкогда были крѣпостные валы, устроилъ посреди нихъ усадьбу, оставивъ нетронутой башню и остатки каменныхъ стѣнъ.

Въ 1650 году въ Вышгородѣ жилъ внукъ того боярина, Герасимъ Ѳедоровичъ Неклюдовъ, вдовецъ лѣтъ 40; семья его состояла изъ сына и двухъ дочерей 15 и 16 лѣтъ; хозяйствомъ управляла старушка сестра его, также вдовая, Аграфена Ѳедоровна Сафронова.

3-го марта погода стояла великолѣпная; послѣ суровой зимней стужи, въ первый разъ пахнуло дуновеніемъ весны; солнце такъ и дробилось тысячами алмазовъ на слегка притаявшемъ снѣгу, съ крышъ просачивалась капель, а у крыльца образовалась черная тропа. Молодой Борисъ Неклюдовъ, войдя въ свѣтелку сестеръ, сказалъ имъ:

— Что вы тутъ паритесь у печки-то. На дворѣ какая благодать... Идите на Судому, славно съ горки на салазкахъ кататься, снѣгъ-то примаслило, такъ и скользитъ...

— А ты съ нами пойдешь? спросила старшая изъ сестеръ, Галина Неклюдова, черноокая, статная красавица, розовая и веселая.

— Нѣтъ, я коней велѣлъ сѣдлать, хочу ѣхать по зайцевъ да по лисъ: слѣдовъ много по опушкѣ, надо псовъ потѣшить, давно не гоняеи, все помѣха была: мятели да вьюги...

— Безъ тебя страшно, не вышли бы изъ гаю подорожники, сказала меньшая сестра, голубоглазая, робкая Ненила.

— Соберите дѣвокъ, сторожей возьмите двоихъ съ ослопами; да и про подорожниковъ у насъ не слыхать. Вотъ кабы вы умѣли на коняхъ скакать, вмѣстѣ бы со мной лисъ да волковъ ѣздили травить, смѣялся Борисъ.

— Дѣвкамъ пригоже ли на коняхъ ѣздить, замѣтила Галина.

— Пустое!.. Вонъ деревенскія дѣвки какъ удалы, цѣлый табунъ коней на водопой гонятъ верхами, что твой ловчій псарь!

— То холопки, имъ можно, а боярышнямъ зазорно, возражала Галина.

— Коли я невѣсту сосватаю, непремѣнно выучу со мной на охоту ѣздить,—поддразнивалъ сестеръ Борисъ.

— Никакая боярышня не поѣдетъ такъ-то, спорила Галина.

— Увидишь, поѣдетъ,—увѣрялъ молодой Неклюдовъ, выходя изъ свѣтлицы. Черезъ четверть часа онъ уже сидѣлъ на прекрасномъ темно-сѣромъ жеребцѣ, который горячился и прыгалъ, едва сдерживая удаль, подъ твердой рукой сѣдока. Борисъ имѣлъ фамильное сходство съ обѣими сестрами, не смо-

*) Знаменитая осада Пскова 9-го сентября 1581 года.

Маленьнiй корабельщикъ. Картина П. Фольксвбурга, грав. Кнезебергъ.

тря на то, что красота той и другой были совершенно противуположны; Борисъ заимствовалъ у Галины красоту и лоскъ кудрей, а въ очахъ сіяла та же лазурь лѣтняго неба, какъ у бѣлокурой Ненилы.

Съ пологаго уступа по берегу рѣки Судомы была устроена ледяная гора для катанья. Въ послѣдніе дни февраля ненастная погода мѣшала вышгородской молодежи заниматься любимой забавой, но теперь Борисъ приказалъ размести засыпавшій дорожки снѣгъ и сестрамъ его очень удобно было пройти черезъ усадьбу на рѣку.

Боярышенъ сопровождала цѣлая свита сѣнныхъ дѣвокъ и два старика съ дубинами для охраны. Скоро, въ пылу веселья и шалостей, боярышни перемѣшались съ служанками, строгія приличія были забыты; подшибая другъ друга, дѣвушки кувыркались съ горы, кидали другъ въ друга комья снѣга, боролись и бѣгали въ перегонку. Сторожа, которымъ было по многу уже лѣтъ, опершись сѣдыми бородами на свои дубины, добродушно ухмылялись при видѣ той юной рѣзвости, что такъ далеко отодвинулась для нихъ изъ настоящаго въ прошедшее.

Вдругъ смѣхъ и веселые возгласы затихли: одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, втащившая салазки на верхъ горы, закричала:

— Боярышни, голубушки! Кто-то на конѣ скачетъ и съ собакой.

— Не братецъ ли воротился,—сказала Ненила и взбѣжавъ на гору приложила ладонь ко лбу, чтобы загородить глаза отъ яркихъ лучей солнца.

— Нѣтъ!.. Это не Боря, разсматривая всадника продолжала она.—Ужь не подорожникъ-ли *)? Надо бѣжать домой, не ограбилъ бы насъ лихой человѣкъ.. Отъ дѣдовъ плохая охрана,—указала она на стариковъ, даже и не слыхавшихъ разговора дѣвицъ.

— Полно сестрица! остановила Галина собравшихся было къ бѣгству трусихъ.—Какой подорожникъ днемъ поѣдетъ такъ близко къ усадьбѣ. Это вѣрно гонецъ къ батюшкѣ, либо кто нибудь изъ сосѣдей.

И всѣ съ любопытствомъ стали слѣдить за приближавшимся всадникомъ, который проѣхавъ рысью по дорогѣ, теперь медленно взбирался на гору, по тропѣ, обсаженной вешками.

— Хорошъ подорожникъ! онъ съ собакой, да и за спиной у него на сѣдлѣ словно поклажа какая-то!.. захохотала Галина и сѣнныя дѣвки повторили ея веселый смѣхъ; засмѣялись и старики, пытаясь разсмотрѣть гдѣ и кто ѣдетъ.

Тропа дѣлала крутой поворотъ за группой деревьевъ и на нѣсколько минутъ всадникъ скрылся изъ виду. Но вотъ онъ выѣхалъ изъ-за кустовъ въ пяти шагахъ отъ дѣвушекъ.

— Здравствуйте боярышни! раздался громкій и знакомый голосъ.—Небойсь не узнали?

— Это Илья Алексѣевичъ! радостно воскликнула Ненила; сестра ея ничего не сказала, за то покраснѣла и черныя очи ея заблестѣли.

Илья остановилъ коня и спрыгнулъ на снѣгъ.

Общій возгласъ изумленія привѣтствовалъ оказавшуюся вдругъ на сѣдлѣ хорошенькую, разрумяненную морозомъ дѣвушку, ловко и смѣло подбоченясь трепавшую рукой по взмыленной шеѣ коня.

— Жалко что Бори съ нами нѣтъ,—воскликнула Ненила, но никто не понялъ значенія ея словъ.

— Вотъ вамъ подружка! сказалъ Илья, помогая сестрѣ слѣзть съ лошади. Сестрица моя Марьюшка, прошу любить да жаловать,—и онъ подвелъ Марью къ боярышнямъ Неклюдовымъ, которыя привѣтливо поцѣловались съ гостьей.

Неклюдовы были издавна въ дружбѣ и сватовствѣ съ Норотовыми; нѣсколько поколѣній водили между собою хлѣбъ-соль, а когда Норотовъ умиралъ, то завѣщалъ своему сыну Ильѣ продолжать тѣ же добрыя отношенія, что держались у нихъ изъ рода въ родъ. Илья бывалъ въ Вышгородѣ ребенкомъ съ своими родителями; послѣ ихъ смерти онъ раза два посѣщалъ это мѣсто, но въ послѣднее время занятый службою въ Москвѣ, за отдаленностью не имѣлъ случая видаться съ Неклюдовыми; однако онъ сохранилъ ясное и пріятное воспоминаніе о радушіи и ласкахъ, съ которыми его принимали въ Вышгородѣ: какъ свѣтлыя видѣнья являлись тогда его воображенію двѣ хорошенькія дѣвочки,—одна худенькая голубоглазая, другая полненькая, румяная, черноокая; особенно послѣдняя. Часто въ минуты тихаго раздумья, въ лѣтнія сумерки, ея личико улыбалось ему изъ-за розоваго облачка или сквозь тонкій туманъ. Какъ Илья вспоминалъ часто про Неклюдовыхъ, такъ и Неклюдовы почти ежедневно наводили рѣчь на Норотовыхъ; Ненила и Галина, забравшись въ свою свѣтелку, шепотомъ толковали объ Ильюшѣ и крошкѣ Марьюшкѣ; въ замкнутой жизни дѣвушекъ послѣднее свиданіе съ красивымъ мальчикомъ составило эпоху и потомъ цѣлыхъ четыре года онѣ все дѣлили такъ время: „Это было черезъ годъ послѣ Ильюшинаго пріѣзда!“ или „это въ то лѣто какъ былъ Ильюша!“ Галина ужь мечтала о суженомъ-ряженомъ и неотвязный образъ красавца Норотова все становился у ея изголовья, когда она засыпала убаюкиваемая молодыми грезами. Нечаянная встрѣча разбудила неясныя зародыши юношеской страсти: ставъ лицомъ къ лицу Илья и Галина не могли скрыть изумленія при видѣ такой перемѣны. Въ эти четыре года изъ дѣтей стали они взрослыми и пышно развилась та красота, которая только манила и обѣщала въ 12-лѣтней дѣвочкѣ и 16-ти лѣтнемъ мальчикѣ. Галина первая опомнилась и опустивъ рѣсницы, отвернулась отъ пристальнаго взгляда Ильи, но онъ уже успѣлъ прочесть въ ея глазахъ то, что она таила даже и отъ самой себя.

Боярышни, взявъ за обѣ руки новую подругу, побѣжали съ ней впередъ, а Илья, закинувъ за плечо узелокъ, взятый Марьею изъ дома Демидовыхъ, пошелъ по дорогѣ къ усадьбѣ, ведя въ поводу коня. Предувѣдомленный о пріѣздѣ дорогихъ гостей, бояринъ Неклюдовъ вышелъ на крыльцо и крѣпко обнявъ Илью, расцѣловалъ румяныя щеки Марьи, которую зналъ съ колыбели.

— Экъ выросла-то, да и какъ похорошѣла!.. Вся въ отца, покойнаго друга моего Алексѣя Петровича!.. Вся-то въ Норотову породу!.. привѣтствовалъ ее Неклюдовъ.

— Не даромъ меня тетенька Норотовщиной величаетъ,—засмѣялась Марья.

На вопросъ, что это значитъ, Илья объяснилъ, какъ съ сестрой его обходились у Демидовыхъ и просилъ Герасима Өедоровича пріютить дѣвушку въ своей семьѣ, подальше отъ смутъ народныхъ и отъ семейныхъ раздоровъ.

— Ужь будь покоенъ, друже, она у меня того не услышитъ, что у родной тетки въ домѣ слыхала, я ее наравнѣ съ дочерями буду и любить, и беречь! отвѣчалъ Неклюдовъ.

Скоро вся семья собралась въ просторномъ, свѣтломъ покоѣ, гдѣ былъ собранъ незатѣйливый, сытный обѣдъ. Аграфена Өедоровна сбилась съ ногъ отъ хлопотъ, чтобы угостить своего любимца Ильюшу и все повторяла:

— Спасибо тебѣ голубчикъ, что вспомнилъ объ насъ!..

— Что это Боря пропалъ!.. пора бы ему съ охоты вернуться!.. замѣтилъ Неклюдовъ. Ну, дѣлать нечего, по пословицѣ: семеро одного не ждутъ! и онъ пригласилъ гостей садиться къ столу.

Въ эту минуту вошелъ Борисъ съ радостнымъ выраженіемъ разрумяненнаго лица: ему уже доложили, что пріѣхалъ Илья Норотовъ и онъ кинулся къ своему пріятелю на шею, не обративъ никакого вниманія на Марью.

Только послѣ обѣда, когда наговорился вдоволь съ Ильею, Борисъ вспомнилъ про его сестру.

— Гдѣ-же сестрица-то. Я ее за сестру буду почитать, сказалъ Борисъ.

— Вотъ она!.. Да какая же лихая наѣздница! подводя Марью отвѣчала Ненила,—она съ тобой и лису и волка будетъ травить.

Всѣ засмѣялись, а Марья, покраснѣвъ, опустила голову; ей было стыдно и обидно, что о ней думали какъ о шаловливомъ мальчикѣ.

— Ой ли?.. Ты боярышня не боишься на коня садиться?.. воскликнулъ Борисъ.

Илья подтвердилъ, что Марьюшка отлично на коняхъ ѣздитъ.

— Вотъ и вышла моя правда!.. а вы давеча спорили, что боярышня ни одна не согласится со мной на охоту ѣздить... Ну красавица!.. ты мнѣ люба за это пуще родныхъ сестеръ!..

Сказавъ эти слова, Боря вдругъ покраснѣлъ и смутился, встрѣтивъ взглядъ ясныхъ глазъ Марьи, онъ тутъ только сообразилъ, что передъ нимъ не дѣвочка, а взрослая и очень хорошенькая дѣвушка. Марья строго и гордо поглядѣла на него въ упоръ.

— На охоту я съ тобой не поѣду, а коли и горазда я на коняхъ ѣздить, то это отъ того, что я боялась, не пришлось бы мнѣ бѣжать отъ крамольниковъ,. оно такъ и приключилось. Кабы не могла держаться на сѣдлѣ у Ильюши, сидѣла-бъ я теперь подъ замкомъ.

И Марья отвернулась и ушла изъ горницы.

— Такъ вотъ ова какая недотрога!.. а я думалъ несмышленочекъ!.. размышлялъ Борисъ, слѣдя за ней глазами.—Ну да авось помиримся... Дѣвка-то больно пригожа.

IX.

Любый и постылый.

Бояринъ Герасимъ Өедоровичъ Неклюдовъ средняго роста, бодрый и подвижной хлопотунъ, съ смуглымъ лицомъ и черной съ просѣдью бородою. Когда-то служилъ царю Михаилу Өедоровичу на ратномъ полѣ, въ войнѣ съ Поляками, но рана въ ногу заставила его отказаться отъ военнаго дѣла. Тутъ же вскорѣ и жена его померла, оставивъ ему трехъ дѣтей; заботы о семьѣ поглотили всю дѣятельность боярина; онъ уѣхалъ изъ Москвы въ свою Вышгородскую вотчину и лѣтъ восемь безвыѣздно жилъ въ ней, занимаясь хозяйствомъ и охотясь въ окружныхъ лѣсахъ. Неклюдовъ сохранилъ непоколебимую вѣрность Московскому государю, хоть и жилъ въ средѣ тѣхъ, кто подобно Демидову считали себя независимыми и готовы были силой оружія и междоусобицы поддержать права псковской вольности.

Когда Илья разсказалъ ему о поступкахъ своего дяди, Неклюдовъ пришелъ въ сильное волненіе.

— Господи!.. Что это за народъ неугомонный!.. Опять крамолы заводятъ!.. Мало ли было кровопролитія при царѣ Іоан-

*) Подорожникъ, т. е. разбойникъ.

въ Васильевичѣ и попѣ того и гляди тоже будетъ!.. Жалко мнѣ свое родоное гнѣздо бросить, а надо бы ѣхать въ Москву донести государю, чтобы не теряя времени присылалъ помочь Никифору Сергѣевичу!..

— Я для того и сестру свою подъ твою охрану привезъ, чтобъ поспѣшить въ Москву съ этими вѣстями: у меня и письмо отъ воеводы Собакина къ Государю! отвѣчалъ Илья.

— Это дѣло!.. ты человѣкъ молодой и спина-то покрѣпче нашей стариковской... Охъ кабы не нога!.. я бъ и самъ пошелъ противъ гилевщиковъ проклятыхъ... Когда-жъ думаешь ѣхать?

—А вотъ денекъ либо два надо коню дать вздохнуть: шибко скакали мы отъ Демидовскихъ холопей, въ погоню за нами были высланы...

— Ладно родной! Отдохни и конь твой отдохнетъ, тогда и съ Богомъ: служи государю вѣрно, помни родительскій завѣтъ..

Въ два дня, проведенные Ильею у Неклюдоныхъ, рѣшилась судьба его и Галины; оба убѣдились въ томъ, что любятъ другъ друга. Тогда не было нашихъ изломанныхъ чувствъ и ложныхъ условій—дѣлалось прямѣе и проще... Между тѣмъ ни словомъ не выдали они своей тайны: прощаясь съ Ильею Ненила заплакала а Галина ни чѣмъ не выразила своего горя, только поблѣднѣла и стиснула губы, чувствуя что силы готовы были измѣнить ей... Марья плакала и причитала.—Свѣтъ мой братецъ родимый! Скоро-ль я съ тобою свижусь?.. Чуетъ сердце мое, что тебѣ придется биться съ крамольниками... Ради Господа не иди ты въ сѣчу, побереги себя хоть для сестры сиротинки: ты у меня одна надежа, одна радость... Безъ тебя, мнѣ хоть въ сыру землю!

— Полно сестрица... Можетъ быть дѣло до того и не дойдетъ; а коли придется воевать, такъ вѣдь мнѣ зазорно отъ сѣчи бѣгать... Богъ не безъ милости, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, я живъ и здоровъ къ вамъ вернусь, а коли что худое приключится, такъ Герасимъ Ѳедоровичъ тебя не оставитъ!.. утѣшалъ ее Илья.

— Клянусь Господомъ буду ей замѣсто отца! сказалъ Неклюдовъ; поблагодаривъ его Илья сѣлъ на коня и въ послѣдній разъ крикнувъ: прощайте, выѣхалъ изъ воротъ.

(До слѣд. №).

Полѣсскія свята

Изъ очерковъ Полѣсья. **М. Волотовскаго.**

(Окончаніе).

III.

Въ такихъ-то дебряхъ встрѣчаетъ и проводитъ полѣшукъ свой Купалинъ вечеръ и охотничье свято—праздники желанные.

Ко встрѣчѣ ихъ давно уже готово все Полѣсье.

Но вотъ насталъ Ивановъ вечеръ. Тихая полѣсская ночь смотрится снова въ припятинскую воду милліонами очей—звѣздъ. Изъ темныхъ тростниковъ и припятинскихъ зарослей слышатся пощелкиванья сѣраго полѣсскаго соловья да вѣетъ ароматомъ изъ плавней луговыхъ. Дрожитъ межъ листьями плакучихъ ивъ мягкій свѣтъ полной луны и слабо озаряетъ окраину лѣса, впереди котораго чернѣется громада вѣковаго дуба. Широко и красиво раскинулъ свои вѣтви на вольномъ просторѣ этотъ столѣтній красавецъ Полѣсья. Далеко, саженъ на десять, отъ верхушки его ложится тѣнь по землѣ, а нижнія вѣтви простерлись до самой рѣки. Подъ сѣнью его и справляютъ Купалу. Здѣсь, при свѣтѣ нѣсколькихъ костровъ, идетъ „купальскій танецъ“, прыганье черезъ высокій костерный огонь и раздается пѣсня „дѣвы купальской“. Здѣсь, срывая листъ за листомъ и роняя ихъ въ воду, „дѣва“ шлетъ съ ними къ Купалѣ свою тихую жалобу:

Бачь, кругомъ вода и лѣсъ,
Бачь, Купало милый!
Мою хатку вѣцеръ снесъ,
Меня кинулъ милый!
О, Купало, мой ты милый!
Прійди-жъ подывися,
Якъ я бѣдная сиротка
Тутъ горюю въ лисѣ.
Нима въ минѣ большъ милого,
Ой, якъ болицъ сердце!
Бачь, Купало, ты, бачь, добрый,
Хай миленькій зноу до менѣ!
Повернецця, повернецця!

заключаетъ „дѣва“ свою мольбу къ Купалѣ и бросаетъ остатки своего вѣнка въ тихую воду, какъ выраженіе того, что если нѣтъ друга, то и вѣнокъ не нуженъ. На самомъ же дѣлѣ бываетъ иначе: этотъ милый другъ, стоя тутъ же не вдалекѣ, любуется своей ненаглядной.

Купальское свято—скорѣе праздникъ молодежи и дѣтей, чѣмъ стариковъ. По крайней мѣрѣ, на этомъ праздникѣ старики и старухи держатъ себя чинно и молча любуются молодежью, вспоминая, вѣроятно, и о своей молодости.

Въ то самое время какъ „дѣва купальная“ поетъ свою пѣсню, болѣе храбрые и честолюбивые парни идутъ въ лѣсъ искать „разрывъ травы“ и добывать папоротниковый цвѣтокъ, обладатель котораго можетъ разсчитывать, по народному повѣрью, на всѣ богатства міра. Стоитъ добыть этотъ цвѣтокъ-талисманъ, и всѣ клады земли откроются предъ вами сами собою, говорятъ полѣшуки; но дидко лѣсной да Купало рѣдко, рѣдко кому позволятъ сорвать огненный цвѣтокъ папоротника; они всегда обманутъ, всунувъ въ руку майскаго червяка вмѣсто желаннаго цвѣтка, а не то и напугаютъ до смерти удальца, дерзнувшаго посягнуть на эту драгоцѣнность. А кто добудетъ и разрывъ траву при этомъ, тотъ будетъ обладать такою силою, что одною рукою свалитъ самый толстый дубъ и разщеплетъ его пополамъ.

И Купальскій праздникъ—также какъ и свято рыбацкое—длится далеко за полночь При этомъ каждый парень возвращается домой съ вѣнкомъ, полученымъ отъ своей „милой“ въ залогъ неизмѣнной любви. По этимъ вѣнкамъ молодой полѣшукъ считаетъ на своей свадьбѣ годы ухаживанья и заставляетъ свою молодую жену столько разъ поцѣловать себя, сколько сохранилось у него вѣнковъ.

На четвертый или пятый день послѣ купальской ночи полѣшукъ справляетъ другое свято, Петровъ день—охотничій праздникъ.

Ко дню этому у полѣсскаго стрѣлка „прадѣдовскій карабинъ-пушка“ промытъ и вычищенъ; веревочки и лычки, которыми оружіе это обычно скрѣплено и перевязано по всѣмъ направленіямъ, замѣнены новыми. Пороховница наполнена, насѣчена и дробь такой величины, что она перебьетъ кость и крупному звѣрю, не то что птицѣ. „Жинка“ снабдила чуть ли не возомъ пакли да испекла свѣжаго хлѣба и „коржей“. Новые лапти тоже готовы. Все дѣло и стало только за праздникомъ.

По прошла ночь и насталъ 29 день іюня. Только что взошло ясное, погожее солнце и ярко освѣтило окраины полѣсской пущи. Надъ рѣкой и озерками клубится бѣлый утренній паръ, предвѣщая собою наступленіе жаркаго дня. Стаи утокъ, рыболовокъ и другой птицы понеслись въ воздухѣ на свой утренній пиръ, оглашая даль шумомъ крыльевъ, гоготаньемъ и крикомъ. Но чу! въ полѣсскихъ дебряхъ грянулъ выстрѣлъ и раздались звуки охотничьяго рожка. Еще минута—и одинъ за другимъ три залпа гулко зарокотали въ лѣсу, смѣшались съ визгомъ и лаемъ собакъ, съ криками охотниковъ и дребезжащими звуками рожковъ, и понеслись далеко, далеко, въ глубь темныхъ дебрей. Такъ полѣсскіе стрѣлки привѣтствуютъ издавна глухую пущу въ день Петра и Павла. Цѣлый день этотъ, до поздняго вечера, въ лѣсахъ Полѣсья гудитъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, валя то птицу, то ошалѣвшаго со страху звѣря. На охотничье свято полѣшукъ не жалѣетъ пороху и бьетъ все, что только подвернется ему „на дѣдовскій карабинъ“. „На то и Петро съ Павломъ“ говоритъ онъ. Къ тому же и на предстоящій завтра косарскій праздникъ нужно добыть дичи, и при томъ добыть ее какъ можно больше и больше, чтобы хватило „на всѣхъ кумъ и кумовей“.

30-го іюня этого года пришлось мнѣ открыть въ Пятницкой—Будѣ „косарское свято“. Въ этотъ день старикъ „Ничипоръ“, проводникъ мой на охотѣ, разбудилъ меня ранѣе обыкновеннаго и сообщилъ, что Будяки избрали меня „сѣннымъ атаманомъ“. Наскоро одѣвшись, я вышелъ на деревенскую улицу, гдѣ меня ожидали косцы. Здѣсь уже была въ сборѣ вся Пятницкая—Буда: старики, хлопцы, бабы, молодицы, молодухи в дѣти толпились по кучкамъ, надъ которыми ярко сверкали на утреннемъ солнцѣ лезвія косъ. Завидя меня, косари выступили впередъ, поднесли мнѣ краюху хлѣба съ воткнутымъ въ него стебелькомъ травы и попросили открыть „косьбу“, говоря:

— Благословитъ, пане атамане, косьбу того лита.

— Съ Богомъ и со святымъ Петромъ и Павломъ! подсказалъ мнѣ отвѣтъ старый Ничипоръ:—Щобъ копица була бильшь копицы и краще красной дзѣвицы... Гопъ, гопъ, хлопцы! Гопъ, гопъ!

Едва я произнесъ свое пожеланіе, какъ десятка два дюжихъ рукъ подхватили меня на воздухъ и усадили въ лубяной кузовъ отъ повозки, и паланкинъ мой, несомый цѣлой гурьбой, плавно заколыхался въ воздухѣ, подвигаясь къ сѣнокосу. Съ полсотни звонкихъ голосовъ грянуло „полѣсскую косарку“—и свято началось.

Гопъ, гопъ, хлопцы,
Робить копцы!
Гопъ, гопъ, Петра съ Павломъ честувати
Сѣна до хаты припасати!
Гопъ, гопъ, молодицы,
Робить копицы!
Гопъ, гопъ, Петра съ Павломъ честувати,
Вѣнки сплетати,
Сѣно сгребати!

Знаменскій соборъ въ Новгородѣ. Съ фотогр. Н. Лядова, грав. М. Рашевскій.

Смерть Владиміра Мономаха. Ориг. рис. Земцова, грав. Б. Пуцъ.

Гопъ, гопъ, хлопцы,
Робить копцы!
Гопъ, гопъ, молодицы,
Сгребать копицы!

Гулко отзывалась эта веселая пѣсня въ лѣсу, окружающемъ Пятницкую-Буду и придала всей компаніи касарей еще болѣе веселое настроеніе духа. Загудѣли „полѣсскія дудки“, послышалось ухорское подсвистываніе и звяканье косъ, сливаясь въ одинъ гулъ съ полѣсской косаркой, а четверть часа спустя „косарское свято“ ступило на поляну, поросшую роскошной травою.

Здѣсь лежала на мнѣ обязанность сдѣлать первый взмахъ косою, который какъ я только сдѣлалъ, то сейчасъ же на меня возложили „вѣнокъ воеводскій“ и гурьба косарей, окруживъ меня, запѣла „похвальную“:

Нашъ панъ воевода
Добре сѣно косицъ:
Якъ махне у право—
Цѣлыхъ сто копицъ;
Якъ махне у лѣво—
Бильшъ якъ сто копицъ!
Хвала, тоби, хвала,
Нашъ панъ воевода!

и, затѣмъ, всѣ разсыпались по луговинѣ косить траву. Я и дѣдъ Ничипоръ остались посрединѣ луговины и онъ принялся поучать тому, что и какъ мнѣ слѣдуетъ дѣлать и говорить послѣ того, какъ вся трава будетъ скошена. Оказывалось, что я долженъ буду подарить косцамъ цѣлый „бохонь хлѣба“, сказавъ при этомъ: „нате бо, хлопцы, ниге! Добре косылы, дюже вмаялысь, крѣпко проголодалысь!.. Дай вамъ Боже стильки накосити, щобъ и до хаты не перевозити!“ Добрый Ничипоръ припасъ для меня этотъ „бохонь“ хлѣба и сунулъ его въ мой паланкинъ, чтобы мнѣ въ самую торжественную минуту не оконфузиться.

Солнце недошло еще до средины неба, какъ поляна была скошена и меня снова усадили въ тотъ же кузовъ. Шествіе тронулось такимъ порядкомъ, какъ и прежде, но только вмѣсто „косарки,“ затянули „покосную“:

Вже мы косылы, косылы,
По пять копцевъ паробылы,
Гу-га! По пять копцевъ паробылы!
Вже ты. пане господарю,
Давай намъ горилки чару,
Гу-га! горилки чару!

Въ деревнѣ я исполнилъ послѣдній обрядъ „сѣннаго атамана“ и поблагодарилъ любезныхъ Будяковъ за свое избраніе въ атаманы. Послѣ этаго вся гурьба косарей шумно разбрелась по хатамъ, что бы тамъ отпраздновать вторую, семейную половину косарскаго свята и раздѣлить съ родней и кумовьями петропавловскій призъ—дичь лѣсную.

IV.

Не успѣло еще изгладиться изъ моей памяти воспоминаніе о косарскомъ праздникѣ, какъ 11 іюля подоспѣло новое свято, Ольгинъ день, особенно и своеобразно чествуемый въ Полѣсьи и па Волыни. Пришлось понировать на такъ называемомъ „бабскомъ святѣ“, хотя въ сущности, это и не такъ. Ольгинъ день празднуютъ всѣ полѣшуки вмѣстѣ съ бабами и молодицами; вспоминаютъ также, какъ и они, своихъ родичей и „кревныхъ“, отошедшихъ изъ міра сего.

Въ день св. Ольги, въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ есть свои приходскія церкви, служатся панихиды по усопшей роднѣ. Впрочемъ, въ большинствѣ полѣсскихъ селъ и деревень поминовенія эти справляются проще. Обыкновенно захвативъ съ собою что либо изъ съѣстнаго, полѣшукъ со всей семьей отправляется на деревенское кладбище; и здѣсь у могилы родныхъ своихъ, справляетъ Ольгинъ день, восхваляя нравственныя качества своего умершаго родича.

— О, о, о, яка была добра душа, бодай ій на томъ свитѣ легонько икнулось, разсказываетъ полѣшукъ своему пріятелю про умершаго родича:—що н... н... нима липшъ іакъ вона на циломъ свитѣ.

— Що тѣе праудa, то праудa! соглашается его собесѣдникъ: —Карпко таки, ма будь, былъ дюже гарній человикъ... Мини вже и прежь про тѣе люди казалы... Бодай ему на томъ свитѣ будп легко... Добра душа була!

— И... и.. яка еще была добра душа! поддерживаетъ разговоръ „жинка“ полѣшука и подноситъ угощеніе мужу и его пріятелю.

Подобный же разговоръ идетъ и за кладбищенской оградой, около которой сидитъ какой нибудь „нищій дѣдко“.

— На тоби, дидочку, коржикъ, говоритъ старуха къ нищему:—помолысь до Бога за мого Хфедора; тольки молысь добре, щиро, щобъ ему легко стало на томъ свитѣ. Молысь долго, дармо що Хфедорка давно вмеръ, научаетъ старуха нищаго.

Съ закатомъ солнца конецъ и празднику. Каждый полѣшукъ, не говоря уже о бабахъ, спѣшитъ покинуть кладбище и убраться во свояси. „Хоша воны и свои люди, говоритъ полѣшукъ при этомъ, но вже вмерлые и зъ ними у ночи не замайси. А то якъ всердятся„ то тильки цебѣ и бачылы добры люди!.. Дармо, що въ живыхъ были добры души.

Албанія

и

Пренкъ Бибъ-Дода, вождь Миридитовъ.

Въ послѣдніе два гоха, со времени окончанія восточной войны, Албанцы обратили на себя общее вниманіе, возбуждаемыми ими волненіями. Теперь они борятся противъ передачи Черногорцамъ принадлежащихъ имъ провинцій. Недавнее вторженіе албанцевъ въ черногорскіе предѣлы имѣло печальныя послѣдствія. Черногорцы, поддаваясь порыву негодованія, бросились на своихъ противниковъ и причинили имъ значительный уронъ. При этомъ три селенія сдѣлались жертвою пламени. Это дѣло возмездія, совершеніе котораго Князь Николай не могъ предупредить. Но терпѣніе этаго маленькаго, доблестнаго народа въ теченіи двухъ лѣтъ было подвергнуто нечеловѣческимъ испытаніямъ и турецкія власти, и албанцы, сдѣлали все, чтобы вывести черногорцевъ изъ себя. Можетъ быть скоро окончательное рѣшеніе возвратитъ спокойствіе злосчастной странѣ, такъ давно уже не наслаждавшейся благодѣяніями мира и лишенной выгодъ опредѣленнаго политическаго и территоріальнаго строя. Въ прежнія еще времена Албанцы славились какъ отважные воины, которые просто за вознагражденіе или въ виду богатой добычи и грабежа шли въ войска и изъ нихъ составлялся всегда хорошій контингентъ въ арміи султана. Но этимъ воинственнымъ духомъ отличаются только сѣверныя племена, такъ называемые Гѣги, южные же—Тоски—большею частью не участвуютъ въ возмущеніяхъ. Оба эти племени говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ и разнятся вообще отъ своихъ славянскихъ сосѣдей. Поселеніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ началось еще въ седьмомъ столѣтіи, а въ 1360 году въ сѣверную Албанію проникли Сербы и на время покорили эту страну. Но албанцы всегда успѣвали силой отразить какъ натискъ славянскихъ племенъ, какъ и нашествія турокъ при султанахъ Мурадѣ II и Магометѣ II. Объ успѣшности сопротивленія албанцевъ свидѣтельствуютъ многія льготы, дарованныя имъ султанами во времена самаго полнаго могущества турокъ.

Албанія—часть европейской Турціи, собственно вилайеты Скутарійскій и Янинскій; сѣверо-восточною частью она далеко вдается въ Македонію; санджаки Призрендъ, Ускудъ, Монастырь, Охрида и друг. заселены Албанцами. Вся эта страна называется Скипере и языкъ, на которомъ здѣсь говоритъ большинство албанцевъ происходитъ отъ древняго Иллирійскаго. Заселеніе Албанцами Италіи началось съ XV вѣка, когда турки проникли на западный берегъ Адріатики; заселеніе же Аттики, Беотіи, Мегариса и Аргоса—гораздо ранѣе—со времени прихода Сербовъ въ сѣверную Албанію.

Начало свое албанцы ведутъ отъ Иллирійцевъ, родоначальниками которыхъ были доисторическіе Пелазги, населявшіе Элладу и Пелопонесъ. Во времена переселенія Эолійцевъ, Дорійцевъ и Іонійцевъ, они были оттѣснены къ сѣверу въ Эпиръ, Македонію и Иллирію.

Начиная съ седьмаго и шестаго столѣтія до Р. Х. въ странѣ Пелазговъ появляются македонскіе цари, Филиппъ I, Александръ и др.; въ четвертомъ же столѣтіи—короли Эпира, между которыми замѣчателенъ въ III вѣкѣ Пирръ—извѣстный противникъ Рима. Боевая его слава дала ему прозваніе „Скипетаръ“. Какъ говоритъ преданіе, солдаты его сравнивали налеты своего вождя съ налетами царственнаго орла. По албански „shgype“ значитъ орелъ и „shgypetari“—сыны орла, „shgypeni ù shgyperi“—страна орла.

Не смотря на дружное сопротивленіе подъ предводительствомъ Персея, Скипетары должны были однако уступить римскимъ легіонамъ въ битвѣ подъ Пидномъ. Но римская культура мало повліяла на эту страну, за исключеніемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ городовъ, по преимуществу Дирахіума. Позднѣйшія нашествія Готтовъ, Болгаръ и Венгровъ дѣйствовали въ меньшей степени разрушительно на сѣверную гористую Албанію, чѣмъ на провинціи, расположенныя восточнѣе въ открытыхъ мѣстностяхъ, такъ что первая сохранила вполнѣ свою самобытность. Въ эту эпоху Албанцы рѣдко упоминаются въ исторіи; въ 1000 году послѣ Р. Х. они выступаютъ на сцену, и въ этотъ разъ подъ византійскимъ именемъ „Арванитовъ“ и образуютъ византійскій Эпиръ, изъ которой впослѣдствіи выдѣлился Новый Эпиръ. Оба Эпира устояли противъ византійскаго давленія, республики же Генуя и Венеція въ нѣкоторомъ

отношеніи подчинили ихъ себѣ, чему доказательствомъ служитъ напр. заложеніе итальянскихъ портовыхъ городовъ и присоединеніе къ католической церкви сѣверныхъ и среднихъ провинцій Албаніи (1250 годъ).

Со вторженіемъ османовъ, сѣверная и южная Албаніи подпали подъ ихъ владычество но съ гораздо сильнѣйшимъ сопротивленіемъ чѣмъ другіе народы полуострова.

Страна обитаемая этими племенами гориста и удобна для защиты. Горныя вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Величественная, разнообразная чудная природа, прекрасныя живописныя долины, перерѣзаемыя быстрыми потоками и угрюмыми скалами, по которымъ взбираются привычныя стада, горы съ непроходимыми для непривычнаго тропинками — все это представляетъ естественную крѣпость. Горцы воинственны и отважны; даже женщины во время битвъ участвуютъ дѣятельно, стоя въ караулахъ на постахъ или снабжая бойцовъ припасами и снарядами.

Между сѣверными католическими горными племенами, племя Мирдитовъ занимаетъ первое мѣсто, по своей многочисленности и по своимъ историческимъ преданіямъ. Въ политическомъ отношеніи Мирдиты также существенно разнятся отъ прочихъ племенъ. Почти всѣ племена еще распадаются на отдѣльныя независимыя общины, которыя управляются воеводами и старѣйшинами; Мирдиты же совмѣстно съ Дукачинами и Матами составляютъ союзъ съ монархическимъ правленіемъ, во главѣ котораго находится князь, Пренкъ (Принцъ) Постоянное мѣстопребываніе этаго князя въ Орошѣ.

Нынѣшній вождь, Пренкъ (Принцъ) Бибъ-Дода молодой человѣкъ лѣтъ 24. Отецъ его, того же имени что и сынъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда Османъ-паша велъ войну съ черногорцами, по неосторожности Сердаръ-Экрема, со своими людьми попалъ въ плѣнъ къ черногорцамъ. По освобожденіи изъ плѣна между Мирдитами и Портой начались сильныя несогласія, вслѣдствіе переговоровъ объ отдѣленіи, котораго добивался Бибъ-Дода для своего племени. Несогласія эти кончались тѣмъ, что Бибъ-Дода, приглашенный турецкимъ губернаторомъ въ Скутари былъ тамъ отравленъ.

Нынѣшній Бибъ-Дода, сынъ отъ втораго брака. Отъ перваго брака дѣтей не было а совершивъ разводъ, по католическому уставу вступать въ новый бракъ воспрещается. Какъ помочь было дѣлу? Разсказываютъ, что княгиня-мать быстро разрѣшила этотъ вопросъ. Она застрѣлила невѣстку изъ ружья, чтобы новый бракъ былъ возможенъ. Послѣ смерти отца молодой Бибъ-Дода былъ взятъ заложникомъ въ Стамбулъ и находился тамъ до послѣдней русско-турецкой войны. Молодому князю пришлось-таки побѣдствовать въ Константинополѣ. Всѣ его имущества были секвестрованы, содержаніе выдавалось самое ничтожное и этимъ еще онъ долженъ былъ дѣлиться со своими родственниками. Послѣ смерти Абдулъ-Азиса Бидъ-Доду было обѣщано возвращеніе на родину. Это однако случилось гораздо позже и то вслѣдствіе настоятельныхъ требованій дяди Бибъ-Дода. Въ 1877 году Бибъ-Дода чуть было не отложился отъ турокъ и не соединился съ черногорцами. Губернаторъ Скутари пригласивъ его къ себѣ, предложилъ ему отравленную чашку кофе; но жизнь молодаго человѣка спасъ итальянецъ докторъ. Съ этихъ поръ Бибъ-Дода со своими мирдитами питаетъ непримиримую вражду къ туркамъ и въ настоящихъ волненіяхъ является дѣйствующимъ лицомъ, желая отдѣлиться.

Ладья викинговъ.

(Рисун. на стр. 609).

Ни въ одной странѣ не были такъ прославлены и поэтизированы удалые набѣги и завоеванія предковъ, какъ среди древне-германскаго языческаго населенія Скандинавіи. Норманскіе викинги, (воины) которые подъ предводительствомъ своихъ „морскихъ королей“, въ маленькихъ, легкихъ ладьяхъ, далеко проникавшихъ въ устья рѣкъ, отъ скандинавскихъ береговъ выбѣгали въ море, неожиданно нападали на прибрежныя населенія, захватывали добычу и также внезапно и быстро снова исчезали; эти викинги, впродолженіи столѣтій наводили ужасъ на Англію, Францію, Нидерланды и другія береговыя страны. Заходя въ глубь страны, они опустошали города и села, захватывали все попадающееся на пути и уводили людей въ рабство. То были суровые и отважные воины, гордые своей силой; приключеніями и воинской славой.—Черезъ Сену они проникали до Парижа, три раза его разрушали (въ половинѣ IX столѣтія) и по Гароннѣ доходили до самой Тулузы. Плывя вверхъ по Маасу, обложили данью Ахенъ, Кельнъ, Триръ, Майнцъ и Вормсъ, по Рейну достигли Швейцаріи и одно время укрѣпились въ долинѣ Гасли. Занимая устья рѣкъ они все болѣе распространяли свое владычество, наконецъ захватили Нормандію, откуда послѣ битвы при Гастингсѣ, завладѣли Англіей, еще раньше, впродолженіи столѣтій, ими періодически опустошаемой. Въ Средиземномъ морѣ, они овладѣли европейскими берегами до Малой Азіи; поработили южную Италію и Сицилію, гдѣ ихъ владычество кончилось лишь при Гогенштауфенахъ. Подъ именемъ Варинговъ или Варяговъ, изъ Швеціи дѣлали набѣги на остзейскіе берега, проникая въ нынѣшнюю Россію и какъ извѣстно, *варягъ Рюрикъ положилъ основаніе русскому государственному* устройству. Они плавали по Днѣпру, ходили въ Черное море и грозили Константинополю. Они открыли и заселили острова по пути отъ Норвегіи къ Гренландіи, и ранѣе Колумба уже открыли американскій материкъ, доходя до далекой Каролины.

Это своеобразное прошлое викинговъ, представляющее массу замѣчательныхъ историческихъ данныхъ, заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ для эпоса. Образъ жизни этихъ пловцовъ, ихъ битвы и пѣсни, ихъ бытъ и нравы не менѣе интересны и оригинальны.

Послѣдняя драгоцѣнная археологическая находка, именно: ладья викинговъ отрытая въ норвежскомъ курганѣ, памятникъ, переносящій насъ хотя отчасти въ то отдаленное время.

Въ Норвегіи, близь купаній Сандефьордъ въ Сандегередѣ, находится имѣніе Гокстадъ. Въ этомъ имѣніи возвышается довольно значительный курганъ прозванный „Королевскимъ“. Прошлую зиму стали случайно его раскапывать, причемъ наткнулись на балки и разныя деревянныя вещи, вполнѣ сохранившіяся; дальнѣйшія раскопки были пріостановлены до прибытія правительственнаго антикварія Николаизена, подъ наблюденіемъ котораго отрыли вполнѣ довольно хорошо сохранившуюся ладью, признанную несомнѣнно подлинною ладьею древнихъ викинговъ.

Изображенія такой ладьи извѣстны были раньше по старымъ, замѣчательнымъ обоямъ, тканымъ шерстью по толстому полотну и найденымъ въ Байексѣ въ Нормандіи. Обои эти сдѣланы въ концѣ одиннадцатаго столѣтія и представляютъ шествіе Вильгельма Завоевателя. Еще ранѣе, въ приходѣ Тунэ въ Смааленѣ въ Норвегіи, была найдена маленькая лодка викинговъ, которая хотя и хорошо сохранилась, но была такъ мала, что не представляла особеннаго интереса. Недавно отрытая ладья напротивъ, очень велика и вполнѣ оснащена. Повидимому она принадлежала одному изъ морскихъ королей, изъ тѣхъ, которыхъ выбирали за то что они всѣхъ превосходили силою, удалью, суровостью и пренебреженіемъ къ смерти, изъ тѣхъ, что считали для себя позоромъ „спать подъ дымнымъ кровомъ и выпивать свой рогъ меду у домашняго очага“ и которые, когда чувствовали приближеніе смерти, выѣзжали на своей ладьѣ въ открытое родное море и сжигали сами себя со всѣмъ своимъ вооруженіемъ.

Обыкновенныя ладьи викинговъ были плоски, безъ крыши и такъ малы, что во время битвъ онѣ соединялись въ числѣ отъ трехсотъ до четырехсотъ вмѣстѣ; — вновь же открытая ладья громадныхъ размѣровъ; она имѣетъ 66 футовъ въ длину и 15 — въ ширину. Ладья эта плоская, съ посадкою въ водѣ не болѣе $4^1/_2$ футовъ, точно такъ какъ и лодка, найденная въ Тунэ; слѣдуетъ однако предположить, что давленіе земли повліяло на первоначальную ихъ форму. Обѣ эти ладьи находились въ грунтѣ изъ синей глины въ которой, какъ извѣстно, хорошо сохраняются всякіе предметы. Ладья состоитъ изъ крѣпкихъ досокъ на двадцати ребрахъ, прикрѣпленныхъ къ доскамъ сверху гвоздями, а снизу — веревками; ребра прилегаютъ къ балкѣ, идущей вдоль всей ладьи, концы которой сдѣланы въ видѣ рыбьяго хвоста. На балкѣ стоитъ еще часть мачты, которой первоначальная вышина была 19 футовъ и верхній конецъ которой найденъ въ ладьѣ вмѣстѣ съ другими предметами, какъ то: различной длины веслами почти одинаковыми по формѣ, обрывками парусовъ и канатовъ, рулемъ, своеобразнаго вида кускомъ дерева длиною въ $1^1/_2$ футовъ съ круглыми въ немъ выемками, черезъ которыя пропускались канаты. Далѣе найдены особыя приспособленія, въ ростъ человѣка, которыя по всей вѣроятности служили постелями. Изъ прочихъ предметовъ найдены: большая бочка изъ деревянныхъ дощечекъ, нѣсколько лопатъ, мѣдный котелъ съ двумя ручками, прекрасной работы кованный желѣзный котелъ, уполовники съ короткими рукоятками и пр. Бортъ ладьи должно быть былъ обшитъ жестью, такъ какъ сохранилась еще желѣзная обшивка и жестяные листы. Кромѣ большой ладьи, найдены тутъ же части двухъ-трехъ маленькихъ лодокъ.

За мачтой удалось открыть загородку, за которой была собственно гробница. Отъ давленія земли тутъ оказались поломанными стропила на одной сторонѣ.

Предполагаютъ, что курганъ когда то однажды разрывали и что изъ него было многое унесено. Однако уцѣлѣли человѣческія кости, куски ярко окрашенной шелковой матеріи, выдолбленный на подобіе ящика стволъ дерева, охлестки ремней и остатки сѣделъ, нѣсколько маленькихъ желѣзныхъ предметовъ, пятнадцать серебряныхъ и бронзовыхъ золоченыхъ бляшекъ, предназначавшихся для украшенія поясовъ и сбруи. Пояса были украшены правильными геометрическими фигурками и портретами en face, а сбруйныя бляхи замѣчательной работы. Два золоченыхъ украшенія, съ изображеніемъ скачущаго всад-

ника, представляютъ прекрасный образчикъ искусства временъ языческихъ.

Впослѣдствіи быть можетъ найдено будетъ еще что нибудь. Теперь же предполагаютъ отрытую ладью при помощи блоковъ поднять вверхъ, спустить на воду и доставить въ городъ Христіанію.

Къ рисункамъ.

Въ Малой Азіи.—Смирна и Александретта.

(Рис. на стр. 596 и 597).

Смирнскій заливъ, образуемый глубокой излучиной малоазійскаго берега, служитъ одной изъ обширнѣйшихъ и безопаснѣйшихъ гаваней Средиземнаго моря. Раскинутый на берегу залива, городъ довольно красивый своимъ внѣшнимъ видомъ, немного лѣтъ тому назадъ былъ чисто восточнымъ городомъ по нечистотѣ и хаотическому расположенію построекъ. Теперь Смирна во многомъ измѣнилась и сдѣлалась городомъ европейскимъ. Желѣзная дорога, которая отсюда идетъ въ Ефесъ и въ глубь Малой Азіи, произвела полнѣйшій переворотъ въ здѣшнихъ нравахъ и обычаяхъ. Даже самая гавань стала неузнаваемой: вмѣсто разнохарактерныхъ построекъ на сваяхъ и кофеенъ, воздвигнутыхъ кой-какъ надъ водою, теперь здѣсь идетъ по берегу прекрасная, каменная набережная. Только центральная часть города мало измѣнилась; здѣсь остались тѣ же узкіе переулки, представляющіе настоящій лабиринтъ для незнакомаго съ ними чужеземца, тѣже безпорядочные базары, на которыхъ нагромождены кучами ковры, старое оружіе и разные продукты Азіи вмѣстѣ съ разными предметами французскаго парфюмернаго производства. Безконечные ряды верблюдовъ тянутся по узкимъ и грязнымъ улицамъ, направляясь въ разные базарные ханы. Эти караваны идутъ сюда изъ глуби Малой Азіи, и часто изъ странъ еще болѣе отдаленныхъ.

Улица „Розъ“ ведетъ къ мосту каравановъ, перекинутому черезъ маленькую рѣчку Мелесъ, на берегахъ которой, по преданію, родился Гомеръ. Теперь эти берега покрыты роскошной растительностью, величественными кипарисами, смоковницами и платанами. „Мостъ каравановъ“—постройки очевидно очень древней. Смирна производитъ большое количество шелка и чернильнаго орѣшка употребляемаго для окрашиванія матерій. Въ нѣкоторыхъ ханахъ ведется преимущественно торговля роскошными коврами. Городъ имѣетъ болѣе 150000 жителей и изъ нихъ половина грековъ. Чтобы дать понятіе о торговлѣ Смирны укажемъ что въ 1875 г. напр. сюда приходило 5000 кораблей изъ нихъ до тысячи пароходовъ.

Неподалеку отъ города возвышается гора Пагусъ, которой вершина увѣнчана старинной крѣпостью, построенною Генуэзцами и реставрированною Турками. Основанія нѣкоторыхъ башенъ, очевидно, глубоко древней постройки и относятся можетъ быть къ эпохѣ Александра Великаго. Съ вершины Пагуса открывается восхитительный видъ на долину Смирны, на окрестности города и на далекую синеву залива, берега котораго покрыты роскошной и разнообразной растительностью.

Послѣ Смирнскаго залива лучшею гаванью на малоазійскомъ берегу Средиземнаго моря считается гавань Александретты, окруженная высокими горами, защищающими ее отъ вѣтровъ. Александретта, Искандерунъ арабовъ, обязана своимъ именемъ Александру Великому, который по всей вѣроятности часто избиралъ этотъ важный стратегическій пунктъ мѣстомъ своего пребыванія. Городъ расположенъ при маленькомъ озерѣ и представляетъ собою кучу небольшихъ построекъ, окруженную болотами, распространяющими вредныя испаренія. Многія дома стоятъ почти въ водѣ и многія улицы совершенно непроходимы въ дождливое время года. Въ кучѣ жалкихъ лачугъ Александретты влачатъ свое существованіе блѣдные бѣдняки истощенные мѣстными лихорадками и диссентеріей. Дома консуловъ и вообще европейцевъ расположены въ лучшей мѣстности на берегу моря, а въ лѣтнее время, когда пребываніе въ Александреттѣ дѣйствительно становится невыносимымъ, вся маленькая европейская колонія переселяется на дачи въ ближнее селеніе Бейланъ, лежащее среди гористой и довольно здоровой мѣстности. Дома здѣсь уже построены на европейскій ладъ, только съ плоскими крышами, а сады, расположенные терассами, придаютъ селенію красивый видъ и оно кажется

(Продолженіе на стр. 609, 610, 611, 612).

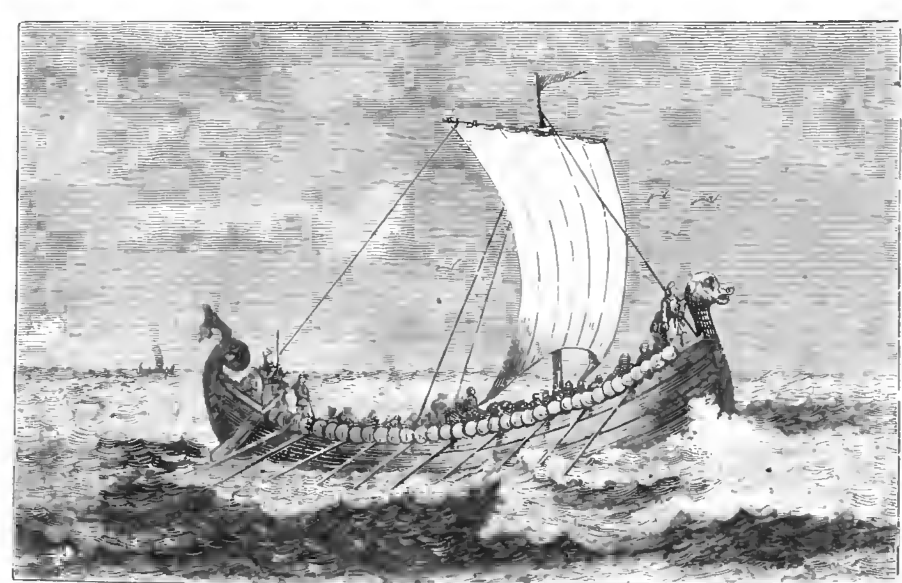
Пренкъ Бибъ-Дода, вождь Миридитовъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій,

настоящимъ раемъ послѣ Александретты. Жителей здѣсь всего до 6000. Здѣсь перегружаются корабли идущіе въ Алеппо изъ Европы.

Маленькій корабельщикъ.

(Картина П. Волькенбурга.)

Кто знаетъ, что еще будетъ изъ этого мальчугана, съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ ладящаго свой маленькій кораблик. Можетъ быть это будущій отважный мореходъ, котораго зоркіе глаза будутъ любоваться Южнымъ Крестомъ тропиковъ или таинственнымъ мерцаніемъ полнеба охватившаго сіянія полярныхъ странъ, странъ вѣчной ночи... Можетъ быть его земляки будутъ принимать его съ такимъ же гордымъ торжествомъ, какъ шведы принимали Норденшильда и властитель его страны выйдетъ также его встрѣчать, преклоняя съ уваженіемъ царственную голову предъ силой энергіи и науки.

Ладья древнихъ викинговъ VIII—IX вѣка. Съ стар. рис. грав. Флюгель.

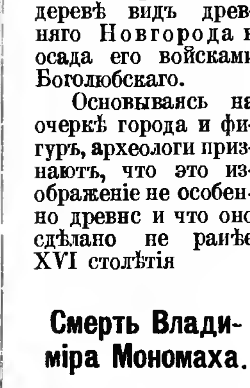
Знаменскій соборъ въ Новгородѣ.

(Рис. на стр. 604)

Знаменскій соборъ находится ва торговой сторонѣ города, неподалеку отъ Софійскаго собора. Первоначальное основаніе этого храма относится къ XIV вѣку, а именно къ 1355 году когда Новгородъ приступилъ къ постройкѣ каменнаго Знаменскаго собора, въ воспоминаніе чуда иконы Божіей Матери, бывшаго въ 1169 году во время осады Новгорода войсками В. К. Суздальскаго Андрея. Этотъ храмъ, обветшавшій впослѣдствіи отъ времени и пострадавшій отъ нѣсколькихъ пожаровъ, былъ разобранъ въ 1682 году и вновь построенъ и освященъ 20 ноября 1688 года.

По своей внѣшности Знаменскій соборъ принадлежитъ къ числу великолѣпнѣйшихъ храмовъ Новгорода. Онъ построенъ въ видѣ продолговатаго квадрата и состоитъ изъ двухъ этажей: съ восточной его стороны видѣются три полукружія главнаго алтаря; къ прочимъ тремъ сторонамъ пристроены, въ видѣ продолговатой галлереи, два придѣла и притворъ съ широкими крыльцами. Надъ кровлею возвышается 5 главъ, изъ коихъ средняя имѣетъ 8 пролетныхъ оконъ для освѣщенія купола. Пространство главнаго храма въ длину болѣе одиннадцати саж., а въ ширину болѣе восьми. Соборъ росписанъ стѣнною живописью выполненною, какъ оказывается изъ надписи, въ 1702 году, костромскими иконописцами. Въ оградѣ съ югозападной стороны возвышается шатровая, осьмигранная съ конусообразнымъ шпилемъ, колокольня, построевная въ XVII вѣкѣ. Изъ колоколовъ— два замѣчательны по своей древности; одинъ, оставшійся послѣ пожара и извѣстный подъ именемъ *Горьлаго* а другой, литый въ 1555 году „во избавленіе отъ смертоносныя язвы и отъ напрасныя смерти“ какъ сказано въ имѣющейся на немъ надписи.

Главная святыня собора—это чудотворная, храмовая икона Знаменія Богородицы, очевидно весьма древняго письма. На ея лицевой сторонѣ Богоматерь представлена молящейся, съ воздѣтыми руками а на персяхъ ея, въ звѣздномъ кругѣ изображенъ Божественный Младенецъ, правой рукою благословляющій а въ лѣвой держащій свитокъ. Подъ лѣвымъ глазомъ Богоматери едва замѣтно небольшое отверстіе, по преданію,

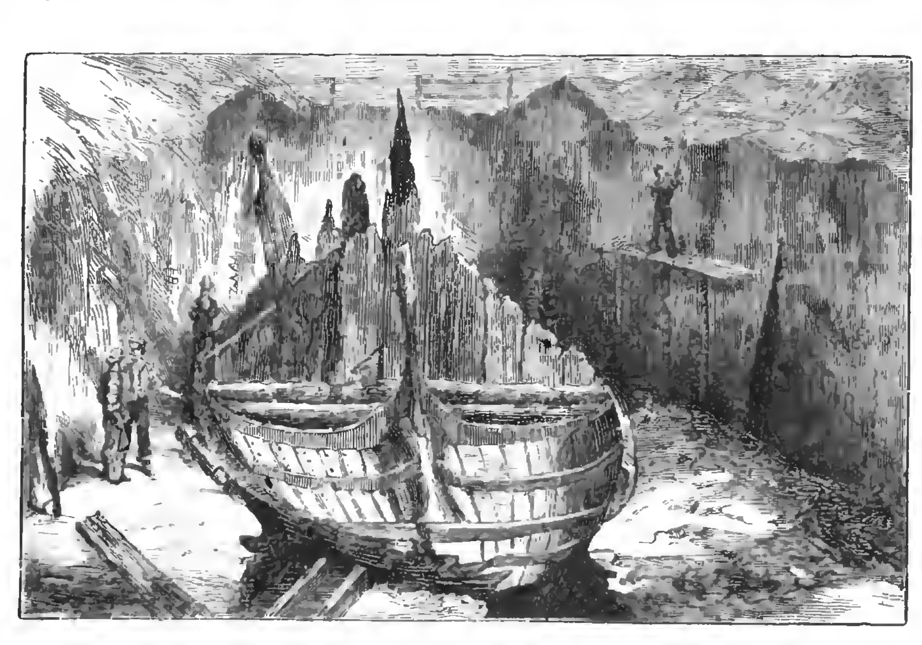
сдѣланное стрѣлою, пущенною однимъ изъ Суздальцевъ въ то время какъ икона во время осады была вынесена на городскія укрѣпленія. Подъ иконою изображенъ на деревѣ видъ древняго Новгорода в осада его войсками Боголюбскаго.

Основываясь на очеркѣ города и фигуръ, археологи признаютъ, что это изображеніе не особенно древне и что оно сдѣлано не ранѣе XVI столѣтія

Смерть Владиміра Мономаха.

(Рис. Земцова),

Образъ Владиміра Мономаха одинъ изъ благодушнѣйшихъ и величавѣйшихъ въ нашей древней исторіи. Избранный, какъ достойнѣйшій (1113 году), гражданами города Кіева, В. Кн. сперва отказался отъ предложенной ему чести. Кіевляне не хотѣли другаго государя, а мятежники, пользуясь безначаліемъ, стали грабить и жечь городъ и въ особенности дома жидовъ, къ которымъ народъ питалъ особую ненависть. „Спаси насъ!“ вторично умоляли послы, и Владиміръ наконецъ рѣшился вступить на главный престолъ русскій. Его мудрое и осторожное правленіе, человѣколюбіе и высокая справедливость успокоили страну. Онъ короновался въ Кіевѣ и возглашенъ первымъ *Царемъ* россійскимъ и доселѣ (хранимыя въ оружейной палатѣ) бармы и золотую шапку Мономаха, цѣпь, державу и скипетръ, надѣваютъ наши Самодержцы при торжественномъ вѣнчаніи.

Остатки ладьи древнихъ викинговъ, найденные въ Норвегіи близь купаній Саиденфьордъ, въ Королевскомъ курганѣ Съ фотогр. грав. Флюгель.

Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія „славный побѣдами за землю Русскую и благими нравами“ по слову лѣтописца. Уже чувствуя приближеніе смерти, онъ поѣхалъ ва берегъ Альты, гдѣ пролита была кровь св. Бориса, и окруженный семьей и боярами, предалъ Богу духъ свой, 1125 г. 19 мая. Этотъ моментъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Послѣ Мономаха остался одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ нашей древней письменности — „Завѣщаніе дѣтямъ,“ имъ самимъ писанное, въ которомъ благородство, умъ и глубокое чувство, чрезвычайно замѣчательно и трогательно обрисовываютъ великую душу князя.

Политическое обозрѣніе.

Отвѣтъ Порты на коллективную ноту державъ.—Гладстонъ и оппозиція.—Гамбетта и противники его восточной политики.—Князь Бисмаркъ и новый проектъ.—Германскіе офицеры и чиновники въ Константинополѣ.—Норвегія.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что Порта уже препроводила державамъ отвѣтъ свой на коллективную ноту ихъ. Изъ отвѣта этаго можно видѣть, что турецкое правительство желаетъ снова затянуть разрѣшеніе вопроса о греко-турецкой границѣ и затянуть на болѣе продолжительное время, чѣмъ можно было бы ожидать, въ настоящую минуту и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, отъ обычной безцеремонности и своего рода смѣлости Порты въ сферѣ международныхъ сношеній. Дѣло въ томъ, что въ отвѣтѣ своемъ она отклоняетъ установленную трактатомъ пограничную линію и высказываетъ *готовность вести переговоры* объ исправленіи границы, съ изъятіемъ Мецова, Янины и Лариссы! Европа рѣшила вопросъ и, по крайней мѣрѣ выразила намѣреніе поддержать рѣшеніе свое силой, страсти возбуждены, ружья „почти сами стрѣляютъ", а Турція объявляетъ, что готова приступить къ переговорамъ!.. Обманется-ли она на этотъ разъ или нѣтъ, въ своемъ постоянномъ разсчетѣ на разрозненность Европы въ восточномъ вопросѣ?

Нѣкоторый свѣтъ на взаимное положеніе державъ въ отношеніи Турціи бросаетъ органъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ „Temps". Заявляя о полномъ согласіи между Франціей и Англіей въ греческомъ вопросѣ, газета замѣчаетъ однако, что согласіе это не идетъ до одобренія восточной политики Гладстона во всей совокупности. Франція отнюдь не присоединяется къ цѣли нынѣшняго англійскаго премьера—изгнанію турокъ съ Балканскаго полуострова и созданію тамъ федераціи славянскихъ государствъ. Если вѣрить французской министерской газетѣ, то, нынѣ, будто бы, на одной сторонѣ стоятъ Англія и Россія а на другой Германія и Австрія; что же касается Франціи, то она будетъ принимать участіе въ европейскомъ соглашеніи до тѣхъ поръ, пока оно будетъ дѣйствительно продолжаться и вернется къ абсолютному нейтралитету, когда оно прекратится, чтобы уступить мѣсто столкновенію между интересами, неимѣющими ничего общаго съ чисто французскими.

Въ настоящую минуту, впрочемъ, и во Франціи, и въ Англіи, оба главные руководителя и направителя политики поставлены въ нѣсколько затруднительное положеніе. И тотъ, и другой ведутъ довольно серьезную внутреннюю борьбу. Гладстонъ внесъ недавно билль, облегчающій безвыходное положеніе ирландскихъ фермеровъ, которыхъ до сего времени землевладѣлецъ имѣлъ право, во всякую минуту согнать съ участка и оставить безъ угла, безъ хлѣба. Проектъ закона, предложенный министерствомъ, устанавливаетъ ограниченія такого своеволія (которое только поддерживало феніанизмъ и сепаратистскія движенія въ Ирландіи), требуетъ, чтобы землевладѣлецъ, желающій отказать фермеру, уплачивалъ ему извѣстную сумму и т. д. Проектъ этотъ былъ принятъ Палатой Общинъ и чрезвычайно возбудилъ противъ премьера не только весь консервативный лагерь, но и часть умѣренныхъ виговъ. Дѣло даже дошло до того, что одинъ изъ членовъ кабинета, маркизъ Лэнсдоунъ (богатый ирландскій помѣщикъ) вышелъ въ отставку и перешелъ въ ряды торіевъ. Оппозиція на этотъ разъ, была такъ сильна, что поговаривали о намѣреніи Гладстона распустить парламентъ и назначить новые выборы; дѣло еще не окончено, такъ какъ проектъ перешелъ въ палату лордовъ, отъ которой ждутъ отказа. Консервативная пресса, несомнѣнно преувеличивающая, увѣряетъ, что положеніе министерства Гладстона не прочно и день ото дня теряетъ почву подъ собою. Не смотря, однако, на такое увѣреніе противнаго лагеря, мы не видимъ пока ничего такого, чтобы указывало на непрочность кабинета виговъ—напротивъ, самое принятіе билля объ ирландскихъ фермерахъ указываетъ на силу этаго кабинета, но, конечно, нельзя не признать, что Гладстону приходится бороться съ серьезною оппозиціей.

Гамбетта испытываетъ не менѣе, если еще не болѣе ожесточенныя нападки со стороны различныхъ партій, въ томъ числѣ весьма рѣзкія—со стороны Рошфора и клики его. Гамбетта, повидимому, стоялъ за болѣе энергичную политику на востокѣ, чѣмъ того желаетъ Фрейсинэ и другіе члены кабинета и теперь оппозиція возстаетъ противъ его плановъ оказанія помощи Греціи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что на другой день смотра, по случаю празднованія 14-го іюля, довольно значительная часть парижской прессы высказала мнѣніе о томъ, что французскую армію надлежитъ беречь для „патріотическаго дѣла", и не тратить силы свои на дѣло, чуждое Франціи.

Князь Бисмаркъ трудится теперь надъ проектомъ податной реформы, которая, по слухамъ, потребуетъ нѣкоторое число новыхъ косвенныхъ налоговъ и будто бы введенія табачной монополіи. Говорятъ, что „желѣзный канцлеръ", предполагая лично выступить въ парламентѣ въ защиту своего проекта, твердо рѣшился распустить парламентъ, если проектъ этотъ не будетъ принятъ. Много шума надѣлало разрѣшеніе, данное германскимъ офицерамъ и чиновникамъ вступать на службу султана. Въ англійскомъ парламентѣ былъ даже сдѣланъ по поводу этому запросъ министерству и лордъ Грэнвилль, отвѣчая въ палатѣ лордовъ, сказалъ, что султанъ просилъ правительство Германіи еще 5 мѣсяцевъ тому назадъ о присылкѣ въ Константинополь офицеровъ и чиновниковъ финансоваго вѣдомства, что согласіе было изъявлено на томъ основаніи, что уже и прежде нѣмецкіе офицеры посылались въ Турцію въ качествѣ инструкторовъ; къ этому лордъ Грэнвилль добавилъ, что въ настоящее время офицеры эти не обнаруживаютъ большой склонности ѣхать на службу султана, а также что Германское правительство твердо держится согласія, установившагося между державами. Германскіе дипломаты желаютъ принимать дѣятельное участіе въ разрѣшеніи восточнаго вопроса, дабы не быть застигнутыми врасплохъ какою нибудь непредвидѣнною интригою.

Въ Норвегіи произошло столкновеніе между королевскою властью, съ одной стороны, и Норвежскимъ стортингомъ (парламентомъ) съ другой. Стортингъ вотировалъ проектъ однаго закона, но король, пользуясь правомъ своимъ, наложилъ на принятый законъ свое „veto" и, потому, въ силу этаго запрета королевскаго, вотированіе должно считаться недѣйствительнымъ и самый законъ—не принятымъ. Стортингъ (сессія котораго окончена теперь) рѣшился подвергнуть сомнѣнію право короля окончательно отвергать законъ, принятый депутатами. Это странное столкновеніе еще не пришло къ концу.

Смѣсь.

Въ Англіи, во время недавняго смотра волонтеровъ подъ Брайтономъ, произведены были опыты рекогносцировки непріятельскихъ позицій при помощи усовершенствованнаго аэростата. Отрядъ, состоявшій изъ двухъ офицеровъ и девяти унтеръ-офицеровъ, отправился въ Брайтонъ, взявъ съ собою два воздушныхъ шара съ принадлежностями къ нимъ. Одинъ изъ этихъ шаровъ, вмѣстимостью въ 25,000 кубич. фут., былъ въ надлежащее время наполненъ газомъ. По данному сигналу, управлявшій большимъ аэростатомъ, капитанъ поднялся, съ другимъ офицеромъ, на высоту 1,100 футовъ надъ поверхностью земли и приступилъ къ составленію плана и замѣтокъ о результатахъ рекогносцировки. Аэростатъ держался на канатѣ, прикрѣпленномъ къ повозкѣ, которая, смотря по надобности, совершала передвиженія съ мѣста на мѣсто, передвигая за собою и воздушный шаръ. Опытъ оказался вполнѣ удачнымъ.

Въ Пильзенѣ въ Богеміи, устроенъ „русскій музей" для изученія быта, цивилизаціи и литературы Россіи. Музей этотъ открытъ въ началѣ прошлаго года и знакомитъ съ производительностью и естественными богатствами Россіи. При музеѣ есть собранія по этнографіи Россіи и „читальня" съ русскими сочиненіями и изданіями. „Русскому музею" въ Пильзенѣ еще многаго недостаетъ, но онъ усердно посѣщается публикою, особенно устроенная при немъ „русская читальня", которая обнаружила богатства нашей науки и литературы.

Дѣйствіе опіума. Всѣ, кажется, и доктора, а за ними и публика, приписываютъ опіуму снотворное дѣйствіе. Между тѣмъ, по недавнимъ изслѣдованіямъ Пешолье (во Франціи), оказалось, что, напротивъ того, опій возбуждаетъ безсонницу, и до сихъ поръ совершенно ошибочно приписывали дѣйствію этого наркотическаго вещества тотъ сонъ, который является у больныхъ подъ вліяніемъ лекарствъ, заключающихъ въ своемъ составѣ опій.

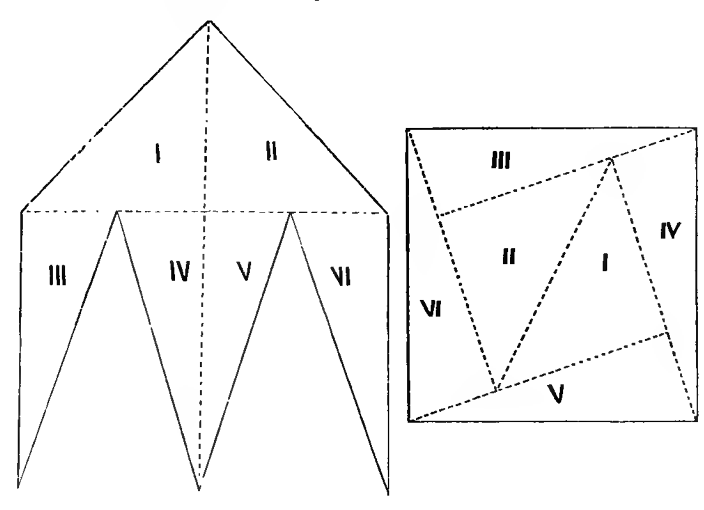
У береговъ Шлезвига устраивается искусственное разведеніе устрицъ. На пространствѣ отъ бухты Гвеннеръ до границы Даніи опущено въ море полтора милліона устрицъ.

Штатъ Колорадо богатъ металлами не менѣе знаменитаго „Золотаго Штата"—Калифорніи. До 1878 года изъ колорадскихъ горъ добыто золота на пятьдесятъ милліоновъ долларовъ (долларъ—1 р. 33 коп. метал.), на двадцать шесть милліоновъ серебра, кромѣ того выплавлено на нѣсколько милліоновъ мѣди и свинца. Въ штатѣ двѣсти тысячъ жителей, двѣ съ половиною тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ и шестьдесятъ газетъ.

Зоологическая галлерея Британскаго Музея получила недавно одно преобразованіе: птицы въ музеѣ окружены, каждая, той обстановкой, среди которой онѣ живутъ; нѣкоторыя птицы съ выводками, чтобы показать разницу въ опереніи птенцовъ отъ взрослыхъ и даже молодыхъ самцевъ отъ совершенно взрослыхъ.

Зоофонъ. Газета „Liberté" сообщаетъ объ изобрѣтеніи замѣчательнаго инструмента, зоофона, воспроизводящаго крикъ тридцати семи различныхъ животныхъ, между прочимъ и голосъ человѣка. Изобрѣтатель, проживающій въ Мюнхенѣ, намѣревается объѣхать съ своимъ изобрѣтеніемъ всю Европу.

Рѣшеніе геометрической задачи № 49.

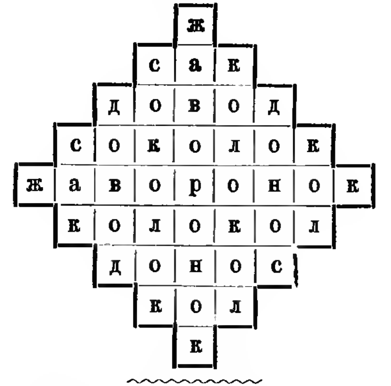
Вѣрныя рѣшенія етой задачи присланы: **Спб.**—отъ гг.: Васильева-Крымскаго Руска, Мивко-Русси, Жаворонкова; **Бобруйскъ** — Зиновьева; **Бейсагола**—Атласъ **Гельсингфорсъ**—Бринкенгофъ; **Варшава**—Карпова; **Новгородъ**—Чмутова; **Ковель**—Карчевскаго; **с. Вишняки**—Матвѣева; **Елисаветградъ**—И. С—ъ; **Елецъ**—Е. Звинцевой; **Нижній-Рыбинскъ**—Д. Петропавловскаго; **Казань**—А. Головкина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 47.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 9 на № 2	Съ № 18 на № 9
„ № 23 „ № 27	„ № 22 „ № 31
„ № 2 „ № 6	„ № 11 „ № 2
„ № 17 „ № 10	„ № 14 „ № 5
„ № 7 „ № 11	„ № 15 „ № 6
„ № 4 „ № 14	„ № 19 „ № 10
„ № 16 „ № 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг. Малинина, Геннингъ, Мосолова, Журавлева, Волкова, Щагина, Колчина-Смирновой: **Москва**—Андріанова, Киселева, Федотова, Ковырева, Скороченко, Кошелева, Быднова; **Зубцовъ**—Семыкина; **Молога**—Неустроева; **Курскъ** — Занадскаго; **Нарва** — Петрова; **Казань**—Маркова; **Мышкинъ**—Журкина; **Разсказово**—Попова; **Таганрогъ**—Тіанова; **Черниговъ**—Баръ; **Ржевъ**—Культенина, **Н. Новгородъ**—Обухова, А. Бовина; **Клинъ**—Цыганова; **Копысь**—Лифшица; **Вязники**—Мухин ; **Тверь**—Долгова; **Борисоглѣбскъ** — Лачинова; **Орелъ**—Соломатина.

Рѣшеніе Магическаго креста. № 51.

Рѣшеніе магическихъ квадратовъ.

№ 52.

я	р	у	с
р	и	г	а
у	г	о	л
с	а	л	о

№ 53.

о	м	у	т
м	г	л	а
у	л	а	н
т	а	н	я

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ гг.: **СПБ.** — Микко-Русси; **Кронштадтъ**—Виланскаго, Тихонова; **Крест.**—Благо—ва; **Ковровъ**—Буфѣева; **Елецъ**—Е. Звинцевой.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА:

ВОЛГА

Иллюстрированное издание

В. РАГОЗИНА

Томъ 1-й. 8°, съ географическимъ атласомъ (in folio)

3 руб. 50 к. Перес. за 5 ф.

Главн. складъ Придв. книжн. маг.

ШМИЦДОРФЪ.

Невскій пр. № 5.

Ptr. № 818 1—3

КЛЕЙ 1-й с.

въ плиткахъ, предлагаетъ по очень дешевой цѣнѣ съ доставкою въ Варшаву фабрика **Th. Pyrkosch Ratibor** preuss. Schlesien D. 14048 № 772 8—7

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ ИЗВѢСТНЫЕ

Автоматическіе карандаши,

которые можно носить удобно въ карманѣ, снабжены весьма практичнымъ механизмомъ, предохраняющимъ штифтъ отъ поврежденія.

ЦѢНА КАРАНДАША **50** КОП.

Для провинціи цѣна съ пересылкою 2 р. за 3 карандаша.

С.-Петербургъ, главное депо резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА.

въ СПБургѣ.

№ 16. ГОРОХОВАЯ УЛИЦА. № 16.

между Большой Морской и Краснымъ мостомъ

Mt. №№ 814 3—2

Пансіонъ учителя учрежденій Императрицы Маріи Л. Ф. Васильева, по примѣру прежнихъ двѣнадцати лѣтъ приготовляетъ въ казенноучебныя заведенія. Обыкновенная плата: за пансіонера 300 р., полупансіонера 100 руб. и приходящаго 60 р. за учебный годъ. Пріемъ съ 4 августа отъ 9 ч. до 2 ч. Невскій № 130, противъ Алекс.-Невской ч. № 819

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ.

(Москва, Тверская, д. Полякова).

Продажа выигрышныхъ билетовъ съ разсрочкою платежа. Задатокъ 15 руб.

Страхованіе по 50 коп.

Условія высылаетъ безплатно.

№ 726 8—7

ГГ. ОФИЦЕРАМЪ

рекомендуемъ нашъ большой складъ непромокаемыхъ **англійскихъ шерстяныхъ матерій, при которыхъ резиновый слой не замѣтный:**

Для гг. генераловъ: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.

Для гг. офицеровъ отъ инфантеріи и кавалеріи: матерія сѣраго цвѣта на красной подкладкѣ.

Для гг. офицеровъ флотскихъ / **Горнымъ инженерамъ и лѣсного вѣдомства** — черная матерія на черной подкладкѣ.

Пальто по мѣркѣ беремъ сдѣлать въ самое короткое время, также принимаемъ поставку непромокаемыхъ пальто для цѣлыхъ полковъ съ **значительной уступкою по самымъ дешевымъ цѣнамъ.**

БОЛЬШОЙ СКЛАДЪ ЛЮБИМЫХЪ

ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ

на красной фланели, которыя удобно можно надѣвать подъ форменнымъ сюртукомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ГЛАВНОЕ ДЕПО РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ЛИМАНА И РИКСА

№ 16. Гороховая ул. № 16. д. Корпуса

между Большою Морскою и Краснымъ мостомъ.

Mt. № 875 **ВЪ СПБ.** 3—2

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕДИЦИНСКАГО НАЧАЛЬСТВА

НИЛЬСОНЪ

ЭКСТРЕ-ДЕ-ТУАЛЕТЪ

Уничтожаетъ съ лица пятна, загаръ, угри, прыщи, веснушки, желтизну, пропадаютъ и морщины; придаетъ лицу бѣлизну, нѣжность и бархатистость; экстре Нильсонъ превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя косметическія средства. Цѣна флакону 3 р, 25 к. съ перес. 4 р., полфлакону 1 р. 75 к. съ перес. 2 р. 50 к.

ПУДРА НИЛЬСОНЪ.

Самаго высокаго достоинства, освѣжающая, хорошо держится на лицѣ, незамѣтная даже при дневномъ свѣтѣ. Цѣна 50 к. безъ пушка, съ пушкомъ 70 к.

МЫЛО НИЛЬСОНЪ.

Это мыло даетъ отличную пѣну, очищаетъ кожу, предохраняетъ отъ загара и придаетъ кожѣ бѣлизну и нѣжность. Цѣна 50 к., съ перес. за три куска 2 р.

Продажа въ С.-Петербургѣ:
Въ гостиномъ дворѣ, въ магазинахъ: Рузанова, № 40, Саблукова, № 39; Ушакова, № 33; Парикова, № 78; Сафронова, по Ванковской линіи.
Невскій пр., д. № 3, у à la Реномме.
Невскій пр., д. № 25, въ магазинѣ Штейнберга.
На углу Вознесенскаго моста, д. №. 25, въ косметичес. магаз.
Въ пассажѣ, № 44, въ магаз. Лапьеръ.
Владимірскій просп., д. № 7. въ депо химическихъ лабораторій.

Продажа въ Москвѣ:
Въ химической лабораторіи Козлова, по Никольской ул., въ проѣздѣ, к. Третьякова.
Въ магазинѣ „Городъ Парижъ" Дарманса, по Газетной ул., д. Шевалье.
Въ магазинахъ Брокаръ и К°, на Петровкѣ, домъ товарищества петровскихъ торговыхъ линій.
Въ магазинѣ Гермитъ на Тверской, домъ Олсуфьева.
На нижегородской ярмаркѣ, подъ главнымъ домомъ.

Главный складъ для всей Россіи, въ С.-Петербургѣ, **Владимірскій Просп , домъ № 7, кв. № 4.** Иногородные заказы исполняются немедленно. Оптовымъ покупателямъ соотвѣтственная скидка.

К. № 813 2—2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
- **Розовое** въ оловянной обертке по 25 к.
- **Бѣлое** высш. кач. для дамъ и дѣтей „ 35 „
- **Прозрачное,** по разнымъ цѣнамъ, отъ 10 „
- „ Букетъ Императрисъ по 50 „

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ,** д. № 32, Католич. церкви.
2) **Невскій просп.,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи,** ей не принадлежатъ.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ АКАДЕМІЯ ЛѢСНИЧЕСТВА и СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА. Hohenheim.

Зимній семестръ 1880—81 г. начинается съ Понедѣльника 18 октября. Объявленія и указатели лекцій разсылаются по требованіямъ безвозмездно.

Гогенгеймъ. Іюнь 1880 года. Дирекція Королевской академіи

Д. 15527 № 817 **РАУ**

ГАЛЬМАНИНЪ.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ мнѣ удалось составить счастливую смѣсь (Гальманинъ) предотвращающую совершенно прѣніе частей тѣла, въ особенности же прѣніе ножныхъ пальцевъ. Въ короткое время средство это сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ краѣ. **Въ составъ его входятъ средства совершенно безвредныя; онъ не задерживаетъ потъ, но поглощаетъ его, образуя мелкіе микроскопическіе кристаллы;** эти-то качества и даютъ ему превмущество надъ средствами до сихъ поръ употребляемыми въ Германіи и Франціи.

Гальманинъ своимъ дѣйствіемъ, осушая части тѣла, прѣніе ихъ дѣлаетъ невозможнымъ; посему лицамъ, принужденнымъ много ходить, средство, мною изобрѣтенное, можетъ оказать величайшую услугу. Довольно натереть Гальманиномъ разъ въ нѣсколько дней прѣющія части, помощью ваты, полотна или кисточки, чтобъ избѣгнуть тѣхъ непріятныхъ послѣдствій, какимъ бываютъ подвержены лица, принужденныя долго ходить въ лѣтніе, жаркіе дни.

Ручаясь вполнѣ за дѣйствительность изобрѣтеннаго мною Гальманина, что подтверждаютъ многочисленные опыты варшавскихъ врачей, **смѣю обратить вниманіе публики, дабы она остерегалась подлоговъ и покупала Гальманинъ только въ коробочкахъ снабженныхъ моею фирмою.**

Склады Гальманина находятся во всѣхъ аптекахъ, а также у дрогистовъ въ значительнѣйшихъ городахъ Европы. Главное депо въ моей аптекѣ въ Варшавѣ. Большая коробочка Гальманина 50 к.; меньшая коробочка 30 к.

В. Карпинскій.

Магистръ фармаціи, владѣлецъ аптеки въ Варшавѣ, ул. Електоральная, № 35 (новый). № 586 12

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5% съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 руб. на билетъ.

Выигрышъ, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5% съ выигрышамъ билетовъ по 50 к.

Отъ **гг. иногородныхъ,** включая почтовые расходы, по **60** коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на коммиссію 5% билетовъ для обмѣна на новые.

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ" № 5 сего года.

№ 872 6—2

XI годъ | № 31 — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 моди. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 2 Августа 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за АВГУСТЪ 1880 г. съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 22 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

К. А. Трутовскій.

Въ Москвѣ и въ Петербургѣ иа выставкахъ часто появлялись и всегда иаходили сочувственный пріемъ, оригинальныя характерныя картинки, имѣющія предметомъ исключительно сцены изъ малороссійской жизни. Картивы, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ талантливому художнику Константину Александровичу Трутовскому. Не такъ давно (въ № 18) мы дали нѣсколько гравюръ съ картинъ К. А. Его полная жизни, движенія и выразительности и вмѣстѣ чуждая совершенно всякой утрировки и шаржа,—прекрасиая картинка „Уѣздная ярмарка“, обратила на себя, иа послѣдней выставкѣ, общее виимаиіе. Картина эта, по большому количеству изображенныхъ лицъ не удобна къ сожалѣнію для воспроизведенія ея въ гравюрѣ. Помнимъ мы еще его „Кобзаря“ и помнимъ впечатлѣиіе, которое иа насъ произвела картиил, тогда еще ие вполнѣ оконченная въ мастерской художника. Тихимъ вечеромъ иа крылечкѣ сидитъ слѣпой кобзарь и поетъ. Кругомъ

К. А. Трутовскій. Съ фотогр. грав. Пупъ.

его задумчивыя, мечтательныя, спокойныя южныя лица. Черноглазыя Ганнуси и степенные паробки тихо сидятъ—заслушались стараго кобзаря...

К. А. Трутовскій уже довольио давно пользуется извѣстностью. Онъ родился въ Курскѣ въ 1826 году. Дѣтство провелъ въ имѣніи отца, Ахтырскаго уѣзда (Харьковской губерніи). 13 лѣтиимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ Главное Инженерное Училище и окончивъ курсъ въ Инженерной Академіи въ 1845 г., до 1850 г. служилъ при Инженерномъ Училищѣ въ качествѣ преподавателя. Въ это же время (съ 1845 по 1850) занимался въ Академіи Художествъ и прошелъ всѣ классы ея. Въ 1850 году онъ вышелъ въ отставку и съ этаго времени всецѣло предался искусству, заиимаясь совершенио одииъ и живя безвыѣздио въ деревнѣ лѣтъ шесть. Коиечно этимъ впечатлѣніямъ русской деревни обязаны его произведенія тѣми достоинствами, которыя стяжали художнику имя. Это вѣяніе деревни, этотъ воздухъ

цвѣтущей степи и жаркаго украинскаго дня, дивной украинской ночи—такъ и чувствуется во всемъ, что пишетъ К. А. и это то и производитъ впечатлѣніе, не взирая на нѣкоторые недостатки, которыхъ конечно не чуждъ и его талантъ. Несчастіе нѣкоторыхъ нашихъ хорошихъ художниковъ—Петербургъ. Онъ и вліяніями, подъ которыя подпадаютъ художники, и унылымъ настроеніемъ, которое сообщаютъ имъ разныя „направленія", сѣрое чухонское небо и некрасивый чухонскій типъ—подъѣдаетъ ихъ талантъ. И то что выше говорено о вѣяніи деревенской Руси и здороваго воздуха русской степи и лѣса—уже совершенно отсутствуетъ. Но мы уклонились въ сторону. Въ 1857 году послалъ К. А. свои первыя картины въ Москву, гдѣ къ удивленію (по собственнымъ словамъ скромнаго художника) они встрѣтили самый радушный пріемъ, который очень оживилъ его и ободрилъ къ послѣдующимъ трудамъ. Съ 1858 года К. А. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и окончательно остался, уѣзжая на лѣто въ деревню или за границу. Въ это время онъ дѣлалъ много рисунковъ и акварелей изъ помѣщичьей жизни, которую изучилъ, живя въ деревнѣ, и постоянно появлялись его картины, гдѣ онъ воспроизводилъ образъ своей чудной Украйны, все болѣе и болѣе къ сожалѣнію теряющей, какъ и многое другое теперь, свой прежній характеръ... Изъ украинскихъ его картинъ этаго періода одна („Колядка") собственность Государя Императора и покойная Государыня пріобрѣла нѣсколько картинъ и акварелей К. А. Въ 1864 году были роскошно изданы басни И. А. Крылова и К. А. принадлежатъ всѣ иллюстраціи этаго изданія, иллюстраціи, имѣющія характеръ сатиры и „обличенія", которыя тогда были въ особенномъ ходу.

Кромѣ рисунковъ къ баснямъ Крылова, художникъ много рисовалъ въ тогдашнихъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Въ 1871 году К. А. былъ приглашенъ въ Москву въ качествѣ инспектора училища живописи и ваянія,—и съ этаго времени и до настоящаго—писалъ очень много, но выставлялъ рѣдко и неохотно. Работы К. А. изъ мастерской прямо попадали въ чью-нибудь коллекцію въ Москвѣ, въ Петербургѣ или въ провинціи. Нынѣ, служа въ Москвѣ, художникъ лишь лѣтніе мѣсяцы можетъ проводить въ деревнѣ (Обоянскаго уѣзда). Фотографіи съ картинъ К. А. чрезвычайно распространены.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXI.

Она слѣдила за нимъ своимъ лорнетомъ и видѣла его впервые нѣсколько озабоченнымъ и разсѣяннымъ. Додо не любила кавалеровъ въ подобномъ настроеніи и подумала, что Гавриловъ отлично дѣлаетъ, что уходитъ. Что ей сидѣть съ такимъ? Пусть лучше уйдетъ. Но онъ все еще стоялъ передъ нею, чувствуя во всемъ своемъ тѣлѣ какую-то странную лѣнь, желаніе возможно менѣе двигаться, даже лечь и уснуть. Въ виду близившагося рѣшительнаго шага, когда онъ долженъ былъ дѣйствовать, ему стало жаль отрываться отъ всего, съ чѣмъ онъ сжился въ эти послѣдніе дни. Нѣчто предполагаемое, намѣченное только въ головѣ, рисующееся въ отдаленіи, стало теперь передъ его глазами—грозное и мрачное. Ему было жаль разлучиться съ этимъ салономъ, гдѣ онъ такъ освоился на какой струнѣ слѣдуетъ ему играть, съ этой дѣвушкой съ золотымъ лорнетомъ, казавшейся ему аристократически прелестной, если не любимой имъ, то все таки не безъ пріятности представляемой однимъ изъ аттрибутовъ того дома, который онъ устроитъ себѣ, когда сдѣлаетъ рѣшительный и послѣдній шагъ. Его задумчивость начинала тяготить ее. Она ускорила его уходъ:

— Adieu,—очаровательно улыбнулась она ему, протягивая свою ручку. — Кончайте скорѣе ваши дѣла и возвращайтесь.

Кончайте скорѣе!.. Что-то вздрогнуло въ немъ, ударило въ голову и еще рѣзче показало ему какую-то странную апатію желанія покоя и сна, ощущаемую имъ въ ту минуту, когда слѣдовало чувствовать себя живѣе, настроить себя на самый дѣятельный ладъ. Онъ молча сжималъ поданную ему руку и даже что-то въ родѣ нѣжности мелькнуло въ его душѣ въ этотъ моментъ. Всегда предметы являлись ему рѣзко очерченными, а тутъ какой-то мягкій тонъ одѣлъ собою и этотъ красный салонъ, и позолоту мебели, и сидящую передъ нимъ женщину.

— Прощайте, Додо.

Онъ уловилъ пристально устремленный на него взглядъ и овладѣлъ собою. Онъ собралъ силы, чтобы показаться Додо прежнимъ, оставилъ ея руку, легкомысленно запѣлъ какой-то французскій куплетъ, вынулъ папироску, зажегъ отъ лампы, и вдругъ, неожиданно наклонившись къ Додо, позволилъ себѣ легкій поцѣлуй и какъ-бы спасаясь отъ погони, бѣгомъ оставилъ залъ. Adieu, adieu! Додо что-то говорила ему вслѣдъ, но онъ уже былъ въ корридорѣ и какъ только затворилъ за собою дверь, сталъ снова серьезенъ и озабоченъ. Это ускоренное движеніе отъ дверей зала, этотъ легкомысленный поцѣлуй—какъ бы стряхнули съ него апатію и сонливость, какъ бы нѣсколько оживили его. Машинально онъ спустился съ лѣстницы на площадку нижняго этажа, съ которой направо шелъ ходъ въ номера, на лѣво открывался ярко освѣщенный ресторанъ. Какъ всегда на площадкѣ толпился народъ, сновали афишеры и почтальоны, входили посѣтители; толстый швейцаръ не успѣвалъ отворять дверей; содержатель ресторана, блѣдный съ черной эспаньолкой французъ, одѣтый въ изящно сшитый сюртукъ, раздавалъ какія-то приказанія лакеямъ. Вообще была суета и Гавриловъ, не обращая на себя вниманія, пробрался въ ресторанъ, направляясь прямо къ прилавку, гдѣ спросилъ себѣ рюмку коньяку. Вино это влило въ него оживленіе и жизнь. Казалось нервы, подавленные слишкомъ сильнымъ стимуломъ реагировали съ возрастающею силою. Приливъ крови къ мозгу увеличился и со второю выпитою рюмкою—мысль стала живѣе и вызвала болѣе энергичныя и рѣшительныя дѣйствія. Гавриловъ поднялся въ свой номеръ, одѣлся и бодрый, насвистывая мотивъ, спустился съ лѣстницы, прошелъ еще разъ по площадкѣ и вышелъ на подъѣздъ.

Онъ крикнулъ ѣздящаго съ нимъ лихача Ивана, сказавъ, что бы тотъ везъ его въ пассажъ. Былъ мягкій, снѣжный вечеръ и рысакъ мигомъ докатилъ Гаврилова, кутающагося въ теплое пальто, до пассажа. Отпустивъ извозчика, Гавриловъ не спѣша прошелъ черезъ многолюдный пассажъ, беззаботно осматривая окна магазиновъ, остановившись у двухъ, у трехъ. Выйдя изъ пассажа на Итальянскую, Гавриловъ нанялъ простаго извозчика и приказалъ везти себя въ Александровскій рынокъ. Многочисленные переходы этаго рынка еще не закрылись, хотя былъ уже девятый часъ. Нѣсколько мелкихъ лавочекъ и столиковъ погасили уже свои огни и заперлись, оставляя высокія галлереи, крытыя стекломъ и желѣзомъ, въ какомъ-то таинственномъ полумракѣ. Слышались бесѣды собирающихся разойтись по домамъ лавочниковъ, изрѣдка сіяли газовые рожки, освѣщая гдѣ старыя шелковыя платья, гдѣ картины въ рамахъ и безъ рамъ, подсвѣчники, ножи и вилки, вообще различное старье. Шныряли евреи въ шелковыхъ черныхъ фуражкахъ и длинныхъ лапсердакахъ. Съ хохотомъ бѣжали какіе-то мальчишки, набрасывая другъ другу на головы бывшія у нихъ въ рукахъ плетеныя корзины. Какая-то остаточная дѣятельность боролась съ болѣе и болѣе разстилающеюся темнотой—и мигъ, когда темныя тѣни должны были распространиться по всѣмъ этимъ ходамъ и переходамъ, приближался...

Весь идущій позади лицевыхъ лавокъ, выходящихъ на Вознесенскій проспектъ, пассажъ почти погасъ. Въ концѣ его, выходящемъ на Фонтанку, хлопала стеклянная дверь, небрежно затворяемая выходящими. Гаври-

ловъ подходилъ къ этой двери и вздрогнулъ. Кто-то одѣтый въ темное пальто отдѣлился отъ наставленныхъ въ этомъ мѣстѣ и съуживающихъ проходъ ларей и пошелъ, отдѣленный отъ Гаврилова на полъ-аршина, на ряду съ нимъ. Гавриловъ оглянулся:

— Ты?

Идущій отвѣтилъ ему со внушеніемъ:

— Извольте идти: я-съ.

И оба, продолжая путь, какъ совершенно посторонніе одинъ другому люди, дошли до дверей, выходящихъ на Фонтанку и вышли въ нихъ: Гавриловъ перешелъ улицу и направился къ Измайловскому мосту по набережной, а его спутникъ, поднявъ выше ушей воротникъ, пошелъ по тому же направленію, не переходя на другую сторону до самаго моста. Такимъ образомъ, каждый изъ нихъ, не смотря на другаго, но зная что этотъ другой идетъ по тому же направленію, шелъ, не оглядываясь, и оба прошли такимъ образомъ Измайловскій проспектъ, въ концѣ котораго, немного не доходя Варшавской желѣзной дороги, повернули на право, въ одну изъ уединенныхъ ротъ, мерцающую тусклыми фонарями... Почти на самой серединѣ этой улицы стоялъ одноэтажный, довольно длинный, окрашенный въ кирпично-красную краску домъ, съ одной стороны примыкающій къ воротамъ, съ другой къ забору, изъ за котораго торчали голые прутья деревьевъ. Рядомъ съ этимъ заборомъ былъ дровяной дворъ, у воротъ котораго почти безъотлучно сидѣлъ дворникъ... Проходя мимо этого дворника, спутникъ Гаврилова остановился:

— Далеко будетъ до Ново-Калинкинскаго моста?

— Гдѣ такой?

— Чрезъ Обводный...

— Надо быть тамъ; доподлинно не знаю..

Дворникъ приподнялся, объясняя старику предполагаемый имъ путь къ Ново-Калинкинскому мосту, котораго самъ хорошенько не зналъ. Въ это время, пользуясь тѣмъ, что дворникъ стоялъ задомъ къ воротамъ, въ нихъ быстро и легко прошмыгнулъ перебѣжавшій съ другой стороны улицы Гавриловъ и тотчасъ-же скрылся за сложенными у примыкающаго къ саду забора дровами. Старикъ понялъ куда слѣдуетъ идти... Вотъ даль-то!

— Посидѣлъ бы гдѣ... Ноги-то не молодыя, старыя.

Онъ смотрѣлъ на скамеечку, у которой стоялъ дворникъ, не догадывавшійся, что старикъ напрашивается на приглашеніе сѣсть... Слабыя, слабыя ноги... Ревматизъ, ломитъ...

— А посидите,—наконецъ указалъ на скамью дворникъ...

И сѣлъ самъ.

Старикъ опустился, крехтя и стоная.

Уединенная улица съ мерцающими фонарями, теплогато-сырой морской вѣтеръ, тишина—все это располагало дворника къ зѣвотѣ... Старикъ монотонно стоная, наводилъ на него еще большее желаніе сна. Къ тому-же онъ началъ разсказъ о внучкѣ, къ которой пробирался и которая жила у Ново-Калинкинскаго моста, продолжительный, исполненный многочисленныхъ, совершенно ненужныхъ подробностей, разсказъ чисто стариковскій...

— Внучка-то прачка, овдовѣла съ годокъ... о Покровѣ овдовѣла, пятеро ребятокъ у нее.

И перечислилъ этихъ ребятокъ, какъ будто это было необходимо дворнику знать... Потомъ перешелъ къ подробному исчисленію доходовъ прачки, сколько получаетъ она съ того и этаго, въ какихъ домахъ моетъ... Это рѣшительно доканало слушателя...

— Моетъ она и на генерала Хворостинина,—повѣствовалъ старикъ,—семья большая, сыновъ у этаго генерала шестеро будетъ... Генералъ военный: слыхалъ о такомъ?

Отвѣта не было: изъ подъ поднятаго воротника шубы раздавался молодецкій храпъ... Спи, почивай, дружокъ!. Старикъ бодро поднялся съ мѣста и, оглянувшись на обѣ стороны улицы, шмыгнулъ за ворота... Здѣсь было несравненно темнѣе отъ сложенныхъ полѣньевъ дровъ, между которыми, отъ самыхъ воротъ далеко во внутрь двора пролегала дорога и въ концѣ ея свѣтилъ огонекъ. Если на этой дорогѣ можно еще было усмотрѣть кой какіе признаки свѣта, то въ боковыхъ проходахъ между сложенными полѣньями—царствовала совершенная темнота и старикъ не могъ разсмотрѣть въ которомъ изъ этихъ проходовъ ожидалъ его Гавриловъ. Тогда онъ слегка свистнулъ и на этотъ свистъ въ третьемъ проходѣ отъ воротъ на лѣво—что-то зашевелилось... Зоркіе глаза старика усмотрѣли это движеніе и онъ проворно шмыгнулъ въ темный проходъ... Вдали, тамъ гдѣ свѣтился огонекъ, залаяла собака... Торопливымъ и какимъ-то жаднымъ шепотомъ человѣка, всѣми силами души желавшаго достичь извѣстной цѣли, но боящагося что его къ ней не подпустятъ, старикъ шепнулъ Гаврилову, увлекая его въ глубину прохода, къ забору, отдѣляющему сосѣдній садъ отъ дровянаго двора.

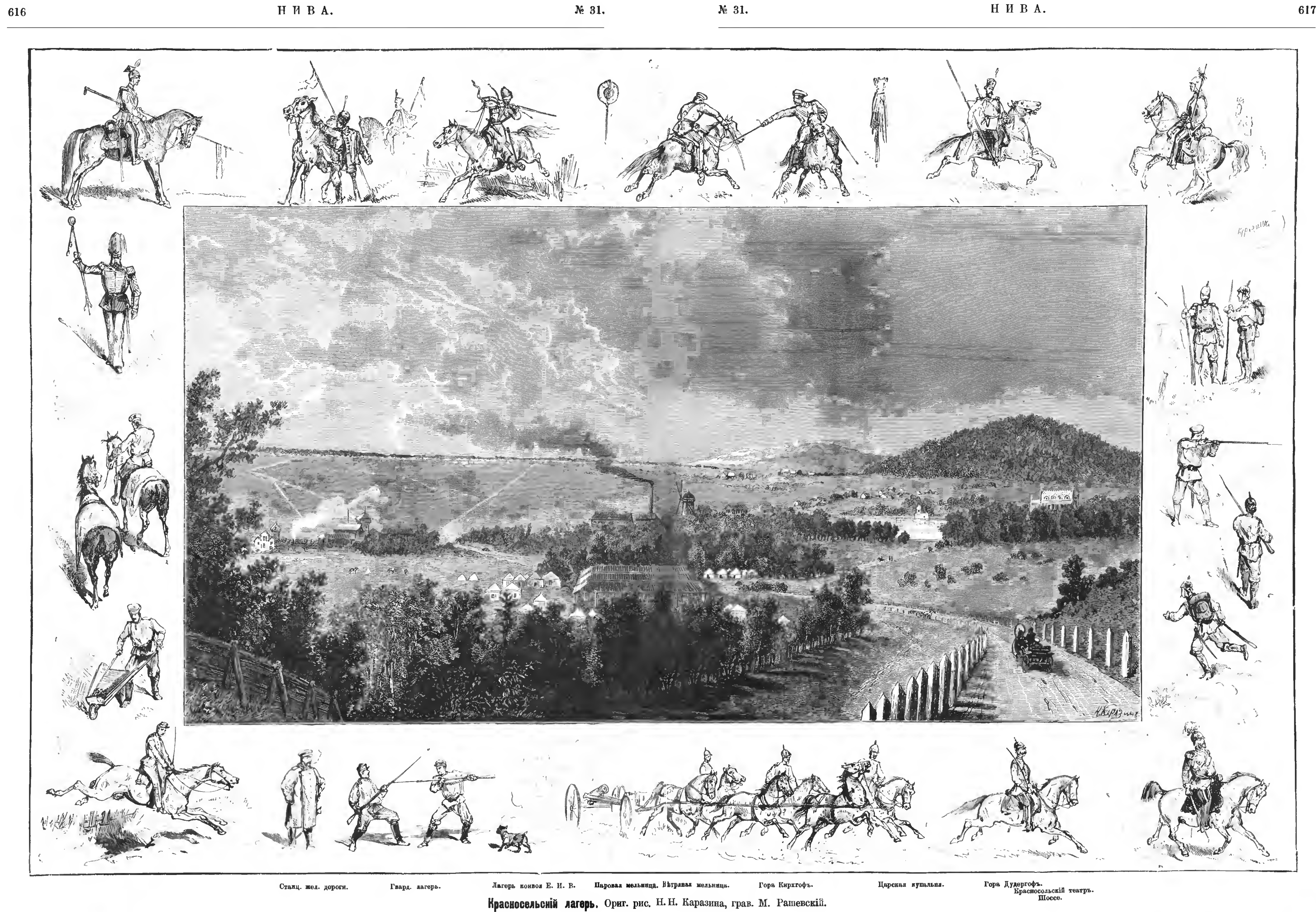
— Ишь лаетъ... чтобъ ей!..

Дрова не подходили вплотную къ забору, оставляя узкій проходъ, весьма неопрятно содержимый... Въ одномъ мѣстѣ этаго прохода вѣтви сосѣднихъ деревьевъ свѣшивались во дворъ и двѣ изъ нихъ протянулись на сложенныя дрова, образуя нѣчто въ родѣ перекладинъ... Оба спутника спѣшили къ нимъ и дойдя до нихъ, Гавриловъ подпрыгнулъ и повисъ на одной изъ вѣтвей, ухватившись руками... Проходъ былъ узкій; Гавриловъ съ легкостью могъ упереться ногами о заборъ и имѣя такимъ образомъ двѣ точки опоры, перебирая ногами по забору выше и выше, какимъ то конвульсивнымъ усиліемъ тѣла, перебросилъ ноги за заборъ, нѣкоторое время оставаясь перегнутымъ тѣломъ со свѣшенною внизъ головою въ дровяномъ дворѣ... Вѣтви, за которыя онъ держался, трещали; но упершись пятками въ заборъ, онъ поднялся очень скоро въ вертикальное положеніе... Собака вдали заливалась... Гавриловъ, укрѣпившись на заборѣ, протянулъ руки старику и съ атлетическою силою поднялъ его до своей высоты и посадилъ рядомъ. Тогда, долго не медля, оба соскочили въ садъ, полный сугробовъ всю зиму не расчищаемаго снѣга... Собачій лай не прекращался; за заборомъ слышались чьи то шаги...

Садикъ, въ которомъ находились разгорячившіеся до пота спутники, состоялъ изъ небольшаго квадратика, обсаженнаго акаціей и рябиной и имѣлъ въ углу, примыкавшаго къ дому и выходящаго на улицу забора нѣчто среднее между бесѣдкою и крыльцомъ, на которое изъ дома выходила стеклянная дверь, въ зимнее время обыкновенно заколачиваемая снаружи досками. Нѣсколько дней тому назадъ живущіе въ домѣ усмотрѣли, что одну изъ досокъ какъ-бы слегка отодрало... Заколотить не озаботились, да и не торопились, ибо въ комнатѣ, куда приводила эта дверь, давнымъ давно никто не жилъ и она употреблялась вмѣсто кладовой или чулана. На слѣдующій день доска эта, приходящаяся къ самому раствору двери — отстала еще болѣе, а потомъ и совсѣмъ свалилась и лежала такимъ образомъ на полу крылечка. Образовалась возможность, еслибы кто вздумалъ отпереть изъ комнаты дверь, отворить двери въ садъ немного менѣе чѣмъ на полъ-аршина... Къ этому то крылечку направились Гавриловъ и его спутникъ...

Надо было подняться ступени на три, чтобы подойти къ двери... Черезъ стекло видно было, что въ комнатѣ темно, но спутники знали, что ихъ услышитъ тотъ, кому слѣдуетъ... Старикъ рвался впередъ съ какою то страстною торопливостью, Гавриловъ былъ спокоенъ... Чего нибудь похожаго на страхъ въ обоихъ не было и слѣда... Легкимъ стукомъ старикъ возвѣщалъ о своемъ приходѣ.

На этотъ стукъ не зажгли огня, но дверь, у которой стояли спутники слегка зашевелилась изнутри, движи-

Красносельскій лагерь. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

мая чьими-то усиліями и съ легкимъ трескомъ и какимъ-то шуршаньемъ отворилась, образуя щелеобразный проходъ, въ которомъ мелькнуло худощавое лицо... Не обмѣнявшись ни словомъ съ отворявшимъ, старикъ сбросилъ съ себя пальто, просунулъ его въ отверстіе двери и, съ прежней стремительностію—полѣзъ, весь вытянувшись, въ комнату... Гаврилову, какъ болѣе рослому и плотному, удалось достичь того-же съ громадными усиліями... Четыре руки съ какимъ-то отчаяніемъ тащили его внутрь комнаты... Давленіемъ его тѣла на дверь и на остающіяся прибитыми доски, удалось немного вытащить изъ стѣнъ гвозди и на какой нибудь вершокъ расширить отверстіе... Тѣло Гаврилова сжатое, какъ въ тискахъ, ввалилось въ комнату... Тогда дверь затворили и всѣ остались въ темнотѣ, нѣкоторое время находясь въ молчаніи и отдыхая отъ только что перенесенныхъ неудобствъ, нарушая окружающую тишину прерывистымъ дыханіемъ и легкимъ движеніемъ. Еще не отдохнувъ какъ должно, старикъ началъ шепотомъ:

— Ну, Сашенька, какъ?

— Готово,—отвѣтилъ молодой голосъ.

И зашепталъ въ свою очередь:

— Кухарка въ кухнѣ... залегла: дрыхва престрашенная...

— Такъ-съ... А тая гдѣ?

— Та въ своей комнатѣ, чай откушала, въ книжку что-то записываетъ...

— Такъ-съ...

— Хозяйка и хозяинъ ушедши... Вернутся надо быть не ранѣе двѣнадцати... Къ сестрѣ на имянины пошли...

— А еще кто дома?

— Чиновникъ одинъ имѣется...

— Ахъ Сашенька, Сашенька!—укоризненно закачалъ головою старикъ за чиновника... Какъ же это такъ?

Сашенька даже осердился:

— Чего же вы захотѣли?.. Нѣшто я могу его куда отослать?., Спокойны будьте: я ему чай подалъ и заварилъ...

— Да?—оживился старикъ—подсыпалъ?

— Что тамъ болтать... Ну конечно...

И снова воцарилось молчаніе... Старикъ одинъ размышлялъ и устраивалъ все; онъ-же и въ слухъ превращался, когда говорилъ Сашенька; Гавриловъ почти не слушалъ: онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ, но какъ-то разсѣяннымъ... Прежней лѣни, желанія чего-то въ родѣ сна — у него не было и слѣда, но въ это время, когда слѣдовало мысль свою сосредоточить на одномъ, его голова была полна какихъ-то постороннихъ дѣлу образовъ, преимущественно пустыхъ и даже легкомысленныхъ... Ему вдругъ вспомнились букольки графини Брумъ, ея внушительный носъ... потомъ съ чего-то въ голову его взбрела мысль объ обѣдѣ, который онъ съѣлъ въ этотъ день въ грандъ-отелѣ... Артишоки были разрѣзаны: никогда и нигдѣ разрѣзанныхъ не подаютъ. Чортъ знаетъ, что это такое?.. Отель извѣстный, обѣдъ въ полтора рубля—и такая разсчетливость, даже скаредность!.. Потомъ вспомнилъ онъ положеніе марбургскаго бургомистра, къ которому является совершенно неизвѣстная личность, требующая признанія правъ на гражданство... Хорошъ, я думаю этотъ марбургскій бургомистръ!.. Гавриловъ вдругъ почувствовалъ, что ему суютъ что-то въ руку и по вѣсу ощутилъ, что это нѣчто тяжелое, и ощупавъ,—понялъ, что то́ былъ утюгъ. Въ его головѣ еще разъ пронеслись разрѣзанные пополамъ артишоки. — Чортъ знаетъ, право, что за свинство!.. Вдругъ онъ прозрѣлъ: около него слышалось дыханіе старика... *Тотъ, другой* — ушелъ... Онъ что-то хотѣлъ спросить старика, какъ вдругъ яркая полоска свѣта прорѣзала комнату, освѣтивъ какія-то коробки, ящики и разный хламъ.. Дверь отворилась... Держа въ рукахъ керосиновую лампочку, на порогѣ стоялъ блѣдный и худощавый Сашка, въ одной рубахѣ, безъ сюртука, съ засученными по локоть рукавами... Глаза его оживленно блестѣли, по тонкимъ губамъ вилась какая-то усмѣшка... Въ свободной отъ лампы рукѣ виднѣлся утюгъ, большихъ размѣровъ, нежели у Гаврилова... Сашка смотрѣлъ господиномъ и казалось всѣмъ своимъ видомъ говорилъ, что оба сообщника его въ зависимости отъ него. Въ его тонѣ послышался приказъ:

— Готово... Пора!

Тогда оба негодяя, Гавриловъ и старикъ—осторожно ступая, направились, по длинному и узкому корридору, по сторонамъ котораго размѣщены были двери, ведущія въ комнаты, отдаваемыя въ этомъ домѣ въ наемъ различнымъ жильцамъ, изъ которыхъ въ этотъ день дома оставалось только двое. У одной изъ дверей, ближайшихъ къ передней, выходящей на подъѣздъ, спутники остановились и прислушались... Какъ-то беззвучно Сашка прошепталъ, ставя лампу на столъ:

— Молится...

XXII.

Ушли-ли?

За дверью знакомый Гаврилову, давно, давно имъ неслышанный, картавый голосъ читалъ:

—... Благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего... Яко Спаса родила еси. Аминь.

И на минуту смолкнувъ, какъ-то по дѣтски лепеталъ молитву:

— Помяни Господи усопшихъ яповъ твоихъ: Петъя и Аександъю...

Слѣдовалъ вѣроятно земной поклонъ.

— Помиюй, Господи, ябыню твою Къеопатъю...

И послѣ паузы, вѣроятно означавшей новый земной поклонъ:

— Помиюй, Господи, ябыню твою Катеину...

О Катеринѣ молится!.. Да, онъ, Гавриловъ помнитъ эту Катерину, нѣжное, крошечное дитя, которое онъ двадцать четыре года тому назадъ, со смѣхомъ преподнесъ съ помощію Ефима Егорова, только что оставленной имъ супругѣ... Ему вдругъ въ этотъ моментъ припомнился и точно проигралъ гдѣ-то вдали одинъ изъ игривыхъ мотивовъ прекрасной Елены. Яркоосвѣщенная театральная зала мелькнула въ его воображеніи... Пестро одѣтая барыня съ пунцовымъ лицомъ и маленькимъ пуговицеобразнымъ носикомъ, распустивъ похожее на павлиній хвостъ опахало, сидѣла у барьера ложи... Рядомъ съ ней онъ видѣлъ чудную красавицу съ блестящими черными глазами... И теперь его поразила мысль, тогда не пришедшая ему въ голову: неужели эта красивая женщина—Катерина, та, о которой *она* молится?.. Въ кого она уродилась такой?.. Вдругъ тишина сдѣлалась какъ-то осязательнѣе: громогласное молитвенное прошеніе смолкло. Онъ посмотрѣлъ на Сашку и Ефима, глаза котораго блистали и видѣлъ, что Сашка сдѣлалъ какой-то торопливый жестъ, при которомъ Егоровъ сжалъ свои губы и въ свою очередь отвѣтилъ ему тѣмъ-же... Наступило!.. Пришло: рѣшительный шагъ, послѣдній взмахъ приблизился!.. Гавриловъ освидѣтельствовалъ свои бѣлыя и чистыя руки, одна изъ которыхъ крѣпко сжимала ручку утюга...

Затѣмъ кухаркѣ сквозь сонъ въ отдаленной кухнѣ послышался будто крикъ и стонъ, два глухихъ удара... И все смолкло. Безжизненная масса валялась на полу...

Вдругъ Сашка остановился, встряхнулъ головой и всталъ во весь свой высокій ростъ.

— Баста! Госпожа кланяться приказала.

И всѣ остановились. Всѣ вздохнули. Теперь слѣдовало приступить ко второму акту этой страшной драмы.

Злодѣи чувствовали какое-то оживленіе и позабыли о покойной, перестали даже смотрѣть на нее. Небольшая комнатка, въ которой жила Клеопатра Петровна, замедлившая своимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ виду развода Катишь съ мужемъ, не произведшаго на нее осо-

бенная впечатлѣнія,—была убрана, какъ убираются вообще меблированныя комнаты средней руки. Клеопатра Петровна всякій разъ, пріѣзжая въ Петербургъ, останавливалась въ этихъ комнатахъ, дѣлая это изъ экономіи и изъ боязни поселиться гдѣ нибудь въ незнакомомъ мѣстѣ. Здѣсь она имѣла довѣріе къ хозяйкѣ, пожилой чиновницѣ Завитухиной, мужъ которой служилъ въ почтамтѣ и былъ извѣстенъ своею исправностью и честностью. Клеопатра Петровна имѣла кромѣ очень доходнаго имѣнія въ Тульской губерніи, въ которомъ она проводила большую часть года, капиталъ въ сто тысячъ. Капиталъ этотъ хранился у нея въ одномъ изъ банковъ въ Тулѣ, принося незначительный доходъ; при отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ Клеопатра Петровна взяла его съ собою и обратила отчасти въ 5% съ выигрышами билеты обоихъ займовъ, отчасти же держала при себѣ нетронутымъ, желая пріобрѣсти еще какіе-нибудь билеты или акціи. Случайнымъ образомъ Гавриловъ встрѣтилъ ее на станціи Николаевской желѣзной дороги и тотчасъ же у него возникла мысль ограбить, даже убить ее. Ему захотѣлось освободиться отъ долга Ефиму Егорову и онъ сообщилъ ему о возникшемъ въ его головѣ планѣ. Онъ подослалъ Егорова къ Клеопатрѣ Петровнѣ въ качествѣ учителя гимнастики, котораго почтенная дама, страдавшая какою-то одышкой, взяла съ удовольствіемъ, во первыхъ потому, что онъ имѣлъ видъ почтенный, возрастъ преклонный и во вторыхъ—онъ спросилъ очень дешево. Гдѣ Ефимъ выучился нѣкоторымъ пріемамъ врачебно-укрѣпляющей гимнастики—покрыто мракомъ; довольно темная спеціальность, которою занимался почтенный старецъ съ тѣхъ поръ, какъ бросивъ сапожное ремесло, отошелъ въ Петербургъ, какимъ-то непостижимымъ образомъ научила его многимъ такимъ искусствамъ, которыя казалось бы должны были потребовать для своего изученія болѣе времени, нежели сколько на нихъ употребилъ Егоровъ. Съ Ефимомъ Клеопатра Петровна очень сошлась и въ то время, какъ онъ довольно своеобразно продѣлывалъ съ нею „таллioни", она разсказывала ему обо всемъ, что съ нею происходило за то время, какъ она не видѣла его. Между прочими разговорами скуповатая, но болтливая Клеопатра Петровна сообщила Ефиму и о капиталѣ, часть котораго издержала на покупку билетовъ, а часть хранила при себѣ, не зная, куда пристроить. Узнавъ объ этомъ, убѣдившись, что игра стоитъ свѣчей—Ефимъ сообщилъ всѣ подробности своихъ развѣдокъ Гаврилову и тогда смутное предположеніе перешло въ нѣчто рѣшительное и опредѣленное: Сашка разузналъ остальное. Къ этому времени въ меблированныхъ комнатахъ Завитухина понадобился отчасти лакей, отчасти кухонный мужикъ и по первой публикаціи на это мѣсто явился подосланный Егоровымъ—Сашенька, опредѣлившійся на мѣсто съ художественно-подновленной и исправленной рекомендаціей ревельскаго купца Зильбермана и съ паспортомъ выданнымъ на имя с.-петербургскаго мѣщанина Дмитрія Баринова. Сашка все высмотрѣлъ на новомъ мѣстѣ, все разузналъ.

Онъ зналъ, гдѣ хранятся ключи отъ запертаго комода и какъ только убѣдился, что „госпожа готова", его первымъ движеніемъ было броситься къ постелѣ, гдѣ, ложась спать, подъ подушкой Клеопатра Петровна хранила ключи. Они оказались навязанными на ея носовой платокъ и отыскавъ ихъ, Сашка бросился къ комоду и отперъ средній ящикъ. Тамъ было разложено аккуратно бѣлье; подъ носовыми платками лежала початая четвертушка чаю, тщательно обернутая полотенцемъ, съ цѣлью возможно долѣе сохранить чайный ароматъ. Сашка валилъ все тряпье на полъ и вотъ внизу, въ самомъ уголкѣ комода, подъ разложенною на днѣ ящика газетною бумагою, онъ нащупалъ какой-то свертокъ... То былъ перевязанный розовою ленточкой съ бѣлыми каемками большой бумажникъ коричневаго сафьяна. То-ли это? Сашка рвалъ тесьму; бумажникъ, окленный внутри полинялымъ лиловымъ муаръ—былъ полонъ денегъ, между которыми торчалъ большой конвертъ. Сашка выдернулъ его: на адресѣ дурнымъ почеркомъ было нацарапано „для Катишь". Старикъ и Гавриловъ смотрѣли изъ-за плеча Сашки. Вдругъ Гавриловъ потащилъ конвертъ изъ рукъ ловкаго сообщника.

— Оставь!—и самъ надорвалъ пакетъ, въ которомъ оказался одинъ 5% билетъ перваго займа.—На счастье положила!

И улыбнувшись, сжегъ конвертъ надъ лампой. Надо было спѣшить. На всякій случай осмотрѣли и другіе комоды: въ верхнемъ Ефимъ отыскалъ и немедленно припряталъ въ карманъ замшевый кошелекъ съ 3 рублями и какой-то мелочью. Спокойствіе было такъ велико, что замѣтили даже на комодѣ около круглаго зеркальца кучку мѣдныхъ денегъ, которыя захватилъ Сашка.

— На извозчика!

Оставалось немного пообчиститься и идти назадъ. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ съ медлительной разстановкой, съ какимъ-то хрипомъ начали бить видимо давно нечищенные часы, какъ-то зловѣще прерывая господствовавшую тишину. Убійцы, какъ бы остановленные этимъ боемъ, остались неподвижны, стоя лицомъ къ жертвѣ, но не смотря на нее. Бой длился томительно долго и съ каждымъ хриплымъ ударомъ его, лица становились почему-то блѣднѣе и все яснѣе и отчетливѣе отпечатлѣвался на нихъ ужасъ. Всѣхъ пронзила единая мысль: монотонное битье часовъ всѣмъ, на моментъ, на нѣсколько мгновеній оторваннымъ въ своихъ помышленіяхъ отъ времени и мѣста, отъ условій окружающихъ, напомнило о возможности разомъ порвать все, что было сдѣлано,—разомъ обратить ужасное дѣло въ полнѣйшее ничто!.. И у всѣхъ одновременно возникла какая-то до странности тоскливая и гнетущая мысль—о невозможности благополучнаго окончанія. Если бы были крылья, взять бы да и улетѣть въ окно!..

Бой часовъ смолкъ—и вотъ среди снова воцарившейся тишины, тамъ въ корридорѣ, куда была только затворена, но не заперта дверь,—послышалось медленное шлепанье чьихъ-то ногъ. Боже мой! эти люди поблѣднѣли до послѣдней возможности и, какъ малые ребятишки, готовы были попрятаться куда нибудь подъ кровать, если бы ужасъ не лишилъ ихъ возможности движенія. Каждый помнилъ объ одномъ себѣ и забылъ о своихъ сообщникахъ. Возможность взаимной защиты не существовала. Но въ біеніи сердца, въ холодѣ бѣгущемъ по спинѣ, въ легкой дрожи, конвульсіями ощущаемой въ ногахъ и рукахъ, въ гнетущей тоскѣ — каждый чувствовалъ одного себя, забывъ объ остальныхъ.

Шлепанье близилось. Вотъ!

Что-то журчало и капало вблизи, на подобіе того, какъ въ согрѣтыхъ комнатахъ капаетъ съ оттаявшихъ оконъ на полъ вода. Каждый невольно повелъ глазами вокругъ. Лежащая вверхъ лицомъ покойница была неподвижна; равнодушно и безсмысленно смотрящіе глаза оставались открытыми, наводя на убійцъ еще большій ужасъ.

Не доходя немного до затворенной двери, которую даже не хватило смѣлости запереть, шаги остановились. Послышался старушечій зѣвокъ, а затѣмъ явственное „кисъ, кисъ!". Всѣ вспомнили другъ о другѣ, выразивъ это тѣмъ, что обмѣнялись быстрыми взглядами. Ужасъ проходилъ, но однако все еще отзывался какимъ-то тоскливымъ ощущеніемъ на душѣ. Старушечій голосъ говорилъ:

— Кисъ, кисъ,—и вѣроятно, поймавъ кошку, быть можетъ гладя ее, съ нѣжнымъ ворчаньемъ обратился къ ней:—ишь гулена! ишь непосѣда! Знаетъ гдѣ сладко мясо...

И снова шлепанье стоптанныхъ башмаковъ нарушило тишину, на этотъ разъ удаляясь отъ комнаты, гдѣ стояли убійцы. Издали донеслось:

— Ишь гулена... раздался зѣвокъ, хлопнула дверь и не стало слышно ничего. Тогда Сашка объяснилъ своимъ спутникамъ:

— Кухарка!—и сдѣлалъ движеніе къ двери, но, вспомнивъ, повернулся къ сообщникамъ:—утюги-то захватите!

Гавриловъ и Ефимъ взяли два утюга, и послѣдовали за своимъ болѣе наглымъ сотоварищемъ... Оставленная въ коридорѣ на полу лампочка погасла и имъ пришлось, цѣпляясь за Сашку, медленно и осторожно подвигаться въ темнотѣ до той комнаты служащей кладовой, въ которую они проникли черезъ полуотворенную дверь изъ сада... Оставивъ комнату, въ которой совершено было отвратительное дѣло, погасивъ въ ней огонь и плотно затворивъ дверь, они почувствовали себя свободнѣе, точно свалили съ плечь своихъ часть какой-то ноши и въ нихъ явилась та жадная торопливость, съ которой они шли прежде на убійство... Прежняго ощущенія желанія сна, лѣни не было въ Гавриловѣ; напротивъ каждая его жилка трепетала и билась желаніемъ движенія, быстраго, уносящаго движенія... Ему вдругъ захотѣлось коньяку или водки и какъ можно болѣе, чтобы, возбужденная виномъ, голова его стала свѣжѣе, движеніе мысли въ ней—быстрѣе и быстрѣе... Ему захотѣлось тутъ, въ этой темнотѣ—разгула, оргіи, быстрой ѣзды а не отдохновенія... Чортъ возьми, такъ бы съ гикомъ и залихватскою пѣснею и полетѣлъ, правя тройкою удалыхъ коней, съ горы внизъ... Эй, вы кони, други дорогіе!..

Въ темной комнатѣ стояла кадка съ солеными огурцами... Въ разсолѣ, по совѣту Сашки, обмыли кровь съ утюговъ и рукъ... нашлось какое-то тряпье, которымъ наскоро вытерлись, отерли утюги и поставили ихъ на прежнее мѣсто... Кадку съ огурцами закрыли, и тряпье—всунули въ поддувало никогда не топящейся печи... Все это сдѣлали въ темнотѣ, затѣмъ отыскали верхнее платье, просунули его черезъ дверь на крыльцо, чтобы удобнѣе было пролѣзать... На Гавриловѣ и Ефимѣ во все время совершенія преступленія были на головахъ фуражки; Сашка надѣлъ шапку, которую держалъ въ карманѣ про занасъ; пальто его заранѣе было снесено въ эту кладовую и его просунули вмѣстѣ съ другими въ садъ...

— Было, да прошло, проговорилъ тихо Ефимъ.

И какъ прежде спокойные, стали пролѣзать въ отверстіе двери, нѣсколько расширенное тѣломъ Гаврилова.. Послѣдній пролѣзалъ Сашка... Всунувшись въ отверстіе онъ, какъ-бы прислушиваясь къ чему то, на мгновеніе пріостановился... Ефимъ, съ старческою заботою спрашивалъ его:

— Чего-ты, Сашенька?

Сашка легко пролѣзъ черезъ дверь и затворяя ее плотно, отвѣтилъ:

— Звонятся... Звони себѣ, это намъ на руку...

— Какимъ путемъ? допрашивалъ одѣвшійся Ефимъ, кутаясь въ шубу...

— А вотъ этимъ,—весело и бодро кивнулъ Сашка на заборъ, выходящій на улицу. Ефимъ протестовалъ:

— Ишь надумалъ... Дворнику-то, я чаю, видать, что черезъ заборъ лѣзутъ?..

— Разсмотри!—усмѣхнулся Сашка указывая вокругъ.

Старикъ оглянулся... Въ самомъ дѣлѣ дувшій съ моря сырой вѣтеръ нагналъ густой туманъ, какимъ-то сѣровато бурымъ покровомъ распростершійся надъ землею. Не было видно на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; деревьевъ, которыми была обсажена садовая площадка, точно не существовало. Сѣрая, безформенная и однородная масса поглощала собою все, оставляя на верхнемъ платьѣ обильный слой сырости, смачивая его какъ бы дождемъ...

Сашка вдругъ съ быстротою и легкостью кошки вскочилъ на заборъ и спрыгнулъ съ него внизъ на безлюдную улицу... Гавриловъ подсадилъ Ефима, замелъ слѣды, оставленные на покрывавшемъ полъ крыльца снѣгѣ полою пальто и послѣдовалъ за своими товарищами... А что какъ они удрали?

Нѣтъ, они ждали его и какъ только онъ былъ съ ними, всѣ трое быстро пошли по направленію къ дровяному двору, гдѣ безмятежно почивалъ дворникъ, убаюканный монотоннымъ разсказомъ Ефима Егорова.

(До слѣдующ. №).

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

Прошелъ мѣсяцъ, наступила весна; съ веселымъ говоромъ катились воды Судомы, сокрушая свои ледяныя оковы; рѣка свободно и гордо понесла лодки и струги, спѣшившіе воспользоваться водопольемъ, чтобы совершить въ два, три дня такое разстояніе, которое сухимъ путемъ потребовало бы двухнедѣльной тяжелой ѣзды.

Земля оживала, покрываясь изумруднымъ ковромъ травъ и озимыхъ посѣвовъ. Весна была очень дружная и въ концѣ марта снѣгъ почти весь стаялъ; былъ еще кое гдѣ въ оврагахъ да по склону горъ съ сѣверной стороны. Деревья покрылись почками и только два три теплыхъ дня и опушатся рощи и сады вокругъ усадьбы, которая совершенно измѣнила свою непригляднную наружность и приняла оживленный, привлекательный видъ. Даже крѣпостныя полуразрушенныя стѣны и почернѣвшая отъ времени башня своимъ суровымъ, рѣзкимъ контрастомъ съ новыми постройками придавали поэтическій оттѣнокъ усадьбѣ, перенося воображеніе въ давно прошедшее и вызывая воинственные призраки изъ ихъ мрачныхъ склеповъ.

Марьѣ очень нравился Вышгородъ: сидя на обрывѣ, гдѣ стѣна разсыпала осколки камней и образовала родъ арки, сквозь которую раскидывался обширный видъ на окрестные луга, прорѣзанныя голубоватой лентой рѣки Судомы, на села, живописно разбросанныя по противуположному берегу, на темные густые лѣса, заканчивающіе горизонтъ — Марья словно забывала горе разлуки съ братомъ, забывала ни кѣмъ не приголубленное отрочество и все угрожающее въ будущемъ. Не отдавая сама себѣ отчета, она чувствовала какъ спокойствіе и надежда слетали на нее, какъ бы ангелъ утѣшитель осѣнялъ ее своими крылами. Часто къ ней присоединялась и Галина, которая послѣ отъѣзда Ильи Норотова вдругъ замѣтно измѣнилась; вмѣсто прежней беззаботной рѣзвости, въ глазахъ ея отражалась грусть и какой-то затаенный страхъ; она задумывалась и вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ; она металась во снѣ, ей все грезились битвы и кровавыя сцены смутъ.

Марья наблюдала за своей новой подругой и вполнѣ сочувствовала ей: она понимала ея печаль и еще болѣе полюбила дѣвушку, понравившуюся ей съ первой встрѣчи.

Марья по привычкѣ ходила въ лѣсъ; сначала Герасимъ Ѳедоровичь замѣчалъ ей, что не совсѣмъ прилично и безопасно бродить въ уединенныхъ мѣстахъ безъ провожатаго, но Марья возражала:

— Я не пуглива, а если и повстрѣчается медвѣдь, такъ мой Грачь поборется, не разъ онъ уже боролся съ волкомъ, когда тотъ забирался въ стадо дяди Гаврила Яковлевича... Его разъ погрызли такъ два матерыхъ волка, что пастухи думали что онъ мертвый и бросили его въ полѣ; я пошла гулять и увидала бѣднягу, онъ еще дышалъ и чуть чуть взвизгивалъ, я велѣла его перевезти въ усадьбу и сама за нимъ ухаживала, сама его перевязывала, кормила... Вотъ онъ и выздоровѣлъ, вонъ какой матерой, какъ ни въ чемъ не бывало; за то и привязался онъ ко мнѣ, что я ему ни скажу, все понимаетъ. Неклюдовъ не настаивалъ и видя странный, независимый нравъ своей гостьи, далъ ей полную волю ходить куда вздумается.

Начали пѣть соловьи и Марья уговорила Галину идти съ ней въ лѣсъ.

— Вѣдь не далече, только съ горы сойдти—вонъ видишь на берегу чернѣется густой гай, тамъ птицъ такая тьма, что на зарѣ просто стонъ стоитъ... Встань хоть разокъ пораньше, пойдемъ со мной... ты и не чаешь какъ хорошо въ гаю раннимъ утречкомъ...

— Батюшка-бъ не прогнѣвался, колебалась Галина.

Купающіяся птички. Рис. Джіакомелли, грав. Смитонъ.

— Я всю вину на себя возьму, успокоила ее Марья.

Еще солнце не встало, когда подруги тихонько сошли съ лѣстницы своей свѣтелки; всѣ въ домѣ еще спали, только пастухъ играя на дудкѣ, выгонялъ скотъ изъ усадьбы; этимъ воспользовались шалуньи-боярышни и кликнувъ Грача, проскользнули за ворота.

Сердце Галины учащенно билось, когда она очутилась подъ навѣсомъ огромныхъ сосенъ рощи, но вскорѣ страхъ ея прошелъ, когда со всѣхъ сторонъ и изъ кустовъ орѣшника и съ вершинъ распускавшихся березъ полились потоки лѣсныхъ мелодій. Скворецъ, соловей и жаворонокъ слили свои пѣсни, а при первомъ лучѣ солнца, прорѣзавшемъ таинственный сумракъ лѣса, все засуетилось, запорхало, словно каждая вѣтка ожила на встрѣчу солнцу.

— Смотри!.. сестрица, сказала Марья, указывая вдаль. Какъ солнышко встаетъ изъ за Судомы... словно смотрится въ воду— золото, алмазы! Дѣвушки залюбовались. Вдругъ что-то захрустѣло; Грачъ, лежавшій у ногъ боярышенъ, поднялся и заворчалъ; Галина прижалась къ Марьѣ, но она поспѣшила ободрить свою робкую подругу.—Это не звѣрь и не лиходѣй; Грачъ не со зла ворчитъ: это онъ радуется...

Собака, виляя хвостомъ, побѣжала по тропѣ.

— Это Боря! воскликнула Галина и взглянувъ на Марью, замѣтила что та покраснѣла; Борисъ съ карабиномъ за плечами шелъ и оглядывался, словно кого-то искалъ.

— Они не впервые тутъ видаются, смекнула Галина и лукаво улыбаясь, вышла изъ за сосны. Борисъ ахнулъ, онъ ни какъ не ожидалъ вмѣсто Марьи встрѣтить сестру. Его удивленіе и явное неудовольствіе были такъ комичны, что обѣ дѣвушки громко засмѣялись.

— А! и боярышня Норотова тутъ!.. смѣясь сказалъ Борисъ.— Раненько что-то поднялись вы дѣвки-красныя... не хотите-ль со мной на ловы?..

— Нѣтъ! мы пришли не птицъ губить а слушать ихъ, отвѣчала Галина.

— А вечоръ я недалече видѣла матерую куницу—она схоронилась въ дуплѣ, замѣтила Марья.

— Укажи, я подкараулю, а то онъ здѣсь всѣхъ соловьевъ переведетъ: соловей-то вѣдь въ травѣ низенько гнѣздо вьетъ, объяснялъ Борисъ.

— Пойдемъ пожалуй... и Марья пошла впередъ.—Что-жь ты Галя?.. обернувшись крикнула она, видя что Галина сѣла подъ деревомъ и склонила голову на руку.

— Идите! я здѣсь отдохну!.. отвѣчала Галина, понимая, что была бы помѣхой.

— Мы скорёхонько вернемся, закричалъ издали Борисъ и оба съ Марьей скрылись въ чащѣ. Собака побѣжала за ними. Галина осталась одна и крѣпко задумалась: счастливые... не разстались и не пытали каково одинокой, размышляла дѣвушка. Марья добрая и Боря хорошо сдѣлалъ—полюбилъ ее; батюшка согласится на свадьбу!.. свадьбу... Когда-то это будетъ, авось Ильюша къ тому случаю пріѣдетъ, только бы Господь сохранилъ его...

Нить ея мыслей рѣзко оборвалась: ей послышались шаги совсѣмъ не съ той стороны, куда пошла Марья съ Борисомъ. Она вскочила и спряталась въ густой кустъ орѣшника: медвѣдь! мелькнуло у ней въ умѣ. Шаги приближались и вотъ на поляну вышелъ мужчина, въ боярской одеждѣ; но напрасно Галина всматривалась въ него, она знала всѣхъ сосѣдей по вотчинѣ, но такаго никогда не видывала; видно это былъ совсѣмъ чужой человѣкъ, что можно было заключить по его нерѣшительной походкѣ: онъ то останавливался и оглядывался кругомъ, то повертывался въ разныя стороны, словно искалъ выхода изъ лѣса; замѣтно было, что онъ заблудился; подойдя къ только что покинутому мѣсту подъ сосной, гдѣ отдыхала Галина, онъ легъ на траву и съ досадой сказалъ: чортъ бы побралъ проклятый гай!.. Всю ноченьку проплуталъ, измаялся! И гдѣ это я... Вонъ рѣка, а броду нѣтъ, ни жилья, ни живой души чтобъ спросить про дорогу...

Пока онъ разговаривалъ такъ самъ съ собой, Галина разсматривала его: это былъ молодой и довольно красивый бояринъ лѣтъ 25, въ богатой одеждѣ, бархатный охабень надѣтъ былъ поверхъ парчеваго камзола съ широкимъ поясомъ, за которымъ торчали ножъ, топоръ и пистолетъ. Въ рукѣ хорошее ружье, сумка черезъ плечо и серебряный рогъ на низанной жемчугомъ перевязи показывали, что онъ охотился и вѣроятно въ пылу охоты зашелъ въ незнакомое мѣсто. Молодой человѣкъ сбросилъ съ плеча сумку, положилъ возлѣ себя ружье и снявъ шапку сталъ обтирать полой охабня вспотѣвшее лицо, слегка опушенное бородкой, не покрывавшей широкій шрамъ на лѣвой щекѣ; этотъ шрамъ и дерзкое выраженіе сѣрыхъ глазъ производили непріятное впечатлѣніе, еще усиленное тѣмъ, что его черные волосы стояли копромъ и прикрывали лобъ, спадая на густыя брови, наморщенныя въ досадѣ.

Этотъ человѣкъ не былъ способенъ внушить довѣріе и дѣвушка со страхомъ подумала: одѣтъ какъ бояринъ, а ровно подорожникъ. Она стала соображать, что дѣлать: бѣжать было немыслимо; кругомъ столько было валежнику, наломаннаго зимними бурями, что отъ самыхъ осторожныхъ шаговъ, хрустъ сухихъ сучьевъ непремѣнно выдалъ бы ее. Всего благоразумнѣе было притаиться и терпѣливо ждать ухода его или возвращенія брата.

Бояринъ между тѣмъ расположился на продолжительный отдыхъ: онъ вытащилъ сумку и позавтракалъ, запивая глотками изъ висѣвшей у него на поясѣ кожаной фляги. Утоливъ голодъ и жажду онъ крякнулъ, потянулся, потомъ, вынувъ изъ кармана коротенькую трубку и горсть табаку, высѣкъ огнивомъ изъ кремня искры и съ наслажденіемъ затянулся.

Галина все это видѣла и съ отвращеніемъ думала: „табачникъ", эпитетъ весьма не лестный въ то время. Хотя въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича курильщики и нюхатели табаку и не подвергались наказанью кнутомъ, отрѣзыванью носовъ и ушей, какъ то было при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но вообще потребленіе „богопротивнаго зелія" считалось грѣхомъ и порокомъ.

Въ домѣ Неклюдовыхъ не допускалось куреніе табаку; Герасимъ Ѳеодоровичъ держался старины и строго наказывалъ своихъ челядинцевъ, если замѣчалъ, что въ холопской избѣ пахло куревомъ. Легкій вѣтерокъ тянулъ прямо на Галину и противный ѣдкій дымъ, коснувшись ея непривычнаго обонянія, не смотря на всѣ усилія удержаться, заставилъ ее громко закашляться...

Незнакомецъ вскочилъ и въ одно мгновеніе очутился передъ испуганной и смущенной дѣвушкой. Она рванулась было бѣжать, но онъ схватилъ ее за руку и привлекъ къ себѣ:

— Кто ты красна-дѣвица? спросилъ онъ, нахально разсматривая ее въ упоръ,—да ты не кидайся изъ стороны-то въ сторону, ровно конь косячный!.. Отъ меня дѣвка не убѣжитъ! Чортъ побери!.. Да ты зѣло пригожа, эдакихъ мало и видывалъ. Ну отвѣчай, какъ имя, отчество, какъ величать?

Галина забывъ страхъ, гордо вскинула на наглеца прекрасные глаза и съ негодованіемъ отвѣчала:

— Пусти же бояринъ!.. Чего ты словно атаманъ-подорожникъ въ чужомъ бору разбой затѣваешь! Отойди безъ грѣха... Кликну своихъ холопей и велю тебя отсюда гнать!..

Незнакомецъ расхохотался:

— Эка дѣвка!.. люблю такихъ: другая-бъ плакала да визжала, а она еще стращаетъ!.. Ну гдѣ твои холопья-то, пущай подойдутъ, я ихъ угощу,—и онъ выхватилъ изъ-за пояса ременную плеть.

— У меня тутъ отецъ и братъ: они не попустятъ меня обижать, продолжала Галина, стараясь вырвать свою руку.

— А какъ звать твоего отца? спросилъ незнакомецъ.

— Бояринъ Герасимъ Ѳеодоровичъ Неклюдовъ; этотъ гай и всѣ земли вокругъ Вышгорода и усадьба вышгородская его, отвѣчала Галина.

Незнакомецъ выпустилъ ея руку и почтительно ей поклонился:

— Прости Христа ради боярышня! я безо всякаго худаго умысла пошутилъ, я не думалъ что ты боярская дочь, а полагалъ, что сѣнная дѣвка по лѣсу утромъ шляется одинешенька.

Галина вспыхнула: поступокъ ея, значитъ, зазорный до того, что ее и за боярышню не признали.

— Я тутъ не одна, а съ сестрой и братомъ, смущенно сказала она.—Да ты-то кто и откуда?

— Зовутъ меня Кириллой Михайлычемъ, отецъ мой бояринъ Мышницынъ; живемъ мы верстъ 6 отъ вашего Вышгорода въ селѣ Никитинѣ; ты насъ не знаешь, отъ того что мы съ недѣлю какъ пріѣхали и ни къ кому не ѣздили съ поклономъ, возились съ хозяйствомъ: Никитино—по наслѣдству послѣ дяди досталось, порядку тамъ и толку не добьешься... Я вотъ на ловы еще вечоръ пошелъ, псари отъ меня отстали и я заблудился; да и попалъ неиарокомъ въ вашъ гай!.. объяснялъ Мышницынъ и ласково добавилъ.—Что-жь боярышня, не сердись на меня?..

— Господь съ тобой Кирило Михайлычъ! отвѣчала она и хотѣла отъ него уйдти.

— Куда-жь ты?.. Погоди!.. укажи хоть дорогу-то!.. остановилъ ее Мышницынъ.—Что-жь мнѣ, помирать что-ль въ вашемъ гаю?..

Галина колебалась; ей не хотѣлось идти съ нимъ; но въ это время по тропѣ изъ лѣсу показался Борисъ съ Марьею и Галина весело крикнула:

— Братецъ!.. Боря!.. Вотъ новаго сосѣда намъ Богъ далъ.

Борисъ и Мышницынъ поздоровались и разговорились: оказалось, что оба страстные охотники и Борисъ Неклюдовъ обрадовался новому товарищу.

— Пойдемъ къ намъ,—пригласилъ онъ. Отецъ угоститъ тебя какъ дорогаго гостя.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Мышницынъ.—Я безъ своего родителя не могу идти со своимъ знакомствомъ: это не годится и боярину Герасиму Ѳеодоровичу покажется зазорно да обидно: пріѣду на дняхъ съ батюшкой.

Сказавъ это, Мышницынъ простился съ Борисомъ и по его указанію пошелъ по дорогѣ къ своей вотчинѣ. Кланяясь боярышнямъ, молодой сосѣдъ выразительно поглядѣлъ на Галину, словно хотѣлъ ей вымолвить: „Пріѣду для тебя"...

Галина покраснѣла отъ досады.

— Вотъ навязался, окаянный!., пробормотала она вслѣдъ неожиданному молодцу.

X.

Гнѣздо хищника.

Мишницынъ бодро шагалъ, лукаво и нахально ухмыляясь:— Хороша!.. нечего сказать!.. Зѣло красива!.. бормоталъ онъ по временамъ.

— Бойка и должно быть съ норовомъ: не легко съ такой управиться... А все же попытаю, не каменный же она острогъ, что и взять ее было бы не можно.

Размышляя такимъ образомъ, онъ вышелъ изъ лѣсу и пошелъ среди зеленыхъ озимыхъ хлѣбовъ. Вдали показалась слобода дворовъ въ 30 съ ветхой деревянной церковью посрединѣ, Въ концѣ слободы на разстояніи саженъ ста стояла усадьба Мишницына возлѣ большаго пруда, обсаженнаго ветлами.

Вокругъ боярскаго дома, въ безпорядкѣ группировались разныя надворныя постройки: вездѣ было грязно и сорно; зданія почернѣли, полуразвалились, садъ заросъ крапивой, заборы и ворота обвалились; такая небрежность и запустѣніе придавали печальный видъ усадьбѣ, не смотря на довольно живописное мѣстоположеніе. Громко хлопнувъ входной дверью, Кирила Мишницынъ прошелъ нѣсколько совершенно пустыхъ горницъ, гдѣ не было никакой мебели, и полъ скрипѣлъ покоробившимися отъ сырости досками, а въ высокихъ печахъ безъ заслонокъ свободно гулялъ вѣтеръ, уныло и жалобно завывая, словно повѣствуя о быломъ довольствѣ на всегда отлетѣвшемъ отъ этого жилища.

Наконецъ Кирила отворилъ дверь въ обширный покой, поставилъ ружье въ уголъ и оглянулся кругомъ: со всѣхъ сторонъ къ нему кинулись съ радостнымъ визгомъ разной породы и шерсти собаки—борзыя и гончія; волкодавы съ своими щенятами расположились тутъ по грязному полу, покрытому дорогими персидскими коврами, на треногихъ калѣкахъ-скамьяхъ, постланыхъ краснымъ сукномъ, на двухъ постеляхъ, гдѣ дорогія штофныя одѣяла рѣзко противорѣчили съ неопрятными скомканными подушками. На столахъ, рядомъ съ серебряными ковшами, стояли глиняные съ отбитыми ручками кувшины съ медомъ: корки ржанаго хлѣба валялись на одномъ блюдѣ съ дорогими рыбинами и сладкими перепечами. Въ углу почернѣвшія отъ времени иконы задернутыя сѣтью давнишней паутины, не освѣщенныя свѣчами и лампадой, мрачно и грозно казалось глядѣли на эти сцены пьянаго разгула, которыя чередовались въ этомъ покоѣ со сценами жестокой расправы надъ провинившимися челядинцами и крестьянами, доставшимися отъ добродушнаго покойнаго владѣльца его двоюродному брату Михаилу Абрамовичу Мишницыну, круто повернувшему доброе обращеніе на самое звѣрское и безтолковое. По стѣнамъ висѣло много дорогаго оружія и тутъ же прицѣплены были желѣзныя цѣпи съ наручниками, весьма часто употребляемыми Мишницынымъ для укрощенія холопей, отъ которыхъ допытывался гдѣ спрятаны драгоцѣнности и деньги прежняго помѣщика, по слухамъ имѣвшаго привычку копить золото да серебро и зарывать его въ подвалахъ; но какъ ни доискивался Мишницынъ, а кладъ не давался ему; это его бѣсило и дѣлало еще жестокосерднѣе.

При входѣ Кирилы, отецъ его сидѣлъ у окна и съ трудомъ разбиралъ исписанный листъ бумаги; свѣтъ надалъ на его суровое лицо съ большимъ краснымъ носомъ и такими же торчащими какъ у сына волосами, только не черными а сѣдыми. Его шелковая рубаха, обшитая золотымъ позументомъ, разстегнутая на морщинистой шеѣ, была залита виномъ, мѣстами изорвана, а накинутый на плеча охабень спускался бархатной полой, опушенной соболемъ, въ лужу браги, пролившейся изъ опрокинутаго жбана.

— Кого чортъ несетъ, хриплымъ басомъ привѣтствовалъ Мишницынъ своего сына, отрываясь отъ чтенія письма и поглядывая на Кирилу, какъ волкъ глядитъ на своего волченка.

Кирила зналъ нравъ отца и принялъ эту волчью ласку, какъ волченокъ.

— Что лаешься-то? Аль не выспался?.. небрежно возразилъ онъ, подходя къ столу и отламывая кусокъ каравая.—Все пожрали и вина не оставили!.. сердито воркнулъ онъ, заглядывая въ кувшины. Отецъ засмѣялся.

— Экъ проголодался пострѣлъ!.. Не шатался-бъ по ночамъ... Гдѣ былъ побывалъ, за дѣвками аль молодицами гонялся?..

— А тебѣ что... гонялся да не за твоими! дерзко отвѣчалъ сынъ, набивая ротъ остатками яствъ и доставая изъ подъ скамьи бутыль съ иноземнымъ дорогимъ виномъ.

— Ты не больно лопай, вѣдь это на золото куплено, замѣтилъ отецъ.

Кирила молча налилъ душистое красное вино въ ковшъ и отпивъ до половины, подалъ старику:—Пей батюшка, штука хорошая, такъ огнемъ и заходило!..

Мишницынъ взялъ ковшъ, потянулъ изъ него и прищелкнулъ языкомъ.—Да!.. покойный братецъ зналъ толкъ! А вотъ казну напрасно такъ схоронилъ. Какъ я вечоръ ни бился, всѣхъ холопей перепоролъ, коихъ на „чепь“ *) посадилъ, коимъ колодки да въ подполье заперъ, а все толку не допытался. Ладятъ одно, знатъ не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!..

— Ну бѣсъ съ ними!.. пущай сидятъ въ колодкахъ... Что это у тебя за письмо? перервалъ его Кирила.

*) Такъ называлась и писалась: цѣпь.

— Объ этомъ послѣ! и старикъ спряталъ бумагу за пазуху. Сперва сказывай гдѣ былъ?

— Былъ я въ гаю, лѣшій меня завелъ въ такую трущобу, что не вылѣзъ бы во вѣкъ, кабы...

— Кабы не вѣдьма тебя вытащила... добавилъ отецъ.

— Ха, ха, ха!.. А вѣдь и взаправду такъ! Еще какая вѣдьма-то!.. Чудо!.. и Кирила свистнулъ.

— Неужто вѣдьму видѣлъ, и Мишницынъ робко оглянулся. Въ этихъ пустыхъ хоромахъ невѣсть что мерещится: въ позапрошлую ночь на меня такъ домовой навалился, чуть не задушилъ...

— Нѣтъ!.. это я такъ, вѣдьма-то безъ хвоста и рожа у ней не токмо не страшенная а все-бъ на нее глядѣлъ да рѣчи бъ ея слушалъ.

— Ну такъ и есть! Дѣвку какую поймалъ въ гаю-то, засмѣялся отецъ.

Кирила съ оживленіемъ началъ разсказывать о своемъ приключеніи и расхваливать красоту Галины. Старикъ Мишницынъ съ досадой стукнулъ кулакомъ по столу, такъ что кувшины и ковши привскочили:—Эхъ ты дурень... будь я на твоемъ мѣстѣ, выпустилъ бы я пташку? Я-бъ ее въ уста сахарныя, да въ охапку да сюда-бъ приволокъ... вонъ дѣвокъ у насъ въ Никитинѣ пригожихъ мало...

— Я это и безъ тебя смекнулъ, да дѣвка-то задорная, со мной зубъ за зубъ, а потомъ пришелъ ея братишко съ другой дѣвкой... Ну и пришлось отложить дѣло-то...

— Какое дѣло? Не сватовство ли затѣялъ?

— Кто-жь ее знаетъ!. Пригожа зѣло и на сердцѣ у меня что-то не ладно заскребло... Пожалуй коли такъ не возьму, такъ и женюсь!.. задумчиво молвилъ Кирила.

— Избави Господи!.. я тебя тогда прокляну и со двора сгоню... Не нужно мнѣ снохи... Чортъ ли намъ въ бабахъ!.. Еще привередничать станетъ, воскликнулъ старикъ. Балуйся сколько хочешь, а жениться тебѣ запрещаю...

— Ну ладно, нечего кричать; авось и такъ дѣло улажу—я сказалъ, что пріѣду съ тобой; поѣдемъ родимый!.. подсоби мнѣ; больно дѣвка полюбилась.

— Охъ ты воръ!.. Не охота мнѣ знакомиться-то съ сосѣдями; ну нечего дѣлать, надо сынишку ублажить, ласково сказалъ Мишницынъ, по своему любившій сына.

Рѣшено было ѣхать къ Неклюдовымъ подъ предлогомъ продажи клочка земли, которую онъ торговалъ еще у прежняго владѣльца...

— Ладно! завтра поѣдемъ! согласился старикъ.—А теперь послушай-ка какія вѣсти изъ Пскова: прислалъ мнѣ грамотку Гаврила Демидовъ, зоветъ къ себѣ въ посадники: тамъ вишь московскимъ гостямъ по шеямъ наклали, такъ надо ждать драки съ московской ратью... а въ Новгородѣ тоже заворошка не малая.. Вотъ и пишетъ Гаврила:—ты де-человѣкъ надежный и Москвѣ не доброхотъ, а намъ такіе зѣло потребны... Да вотъ почитай самъ, и онъ передалъ сыну письмо Демидова.

Кирила прочиталъ посланіе и спросилъ отца: — Ну чтожь, собираешься?

— Надо бы ѣхать, отвѣчатъ старикъ.—А по твоему какъ?

— По мнѣ лучше, чтобъ ты во Псковѣ посадствовалъ, а то того и гляди отобьешь у меня боярышню Неклюдову, захохоталъ сынъ.

— Эка невидаль... На что она мнѣ: съ боярышнями еще связываться, какъ разъ въ бѣду попадешь... А и ты берегись: Неклюдовъ человѣкъ сильный, во Псковѣ не будутъ довольны коли мы съ нимъ изъ за дѣвчонки раздоры затѣемъ,—предупреждалъ Мишницынъ.

— Ну вотъ! словно не знаю!.. Все будетъ гладко и въ тихомолку: коли охотой не дастся, и такъ будетъ: пропадетъ дѣвка невѣдомо куда! Одежу въ гаю подкину, ведмѣдь-де съѣлъ... ну и концы въ воду!.. объяснялъ Кирило свой гнусный планъ.

— Не забывай: Вышгородъ нуженъ Пскову: слыхалъ небойсь какъ при Царѣ Иванѣ тутъ острогъ былъ противу поляковъ, а теперь можно его оборотить на остановку московскихъ ратей: мѣсто высокое и его ладно бы держать въ рукѣ, говорилъ Мишницынъ.

— Такъ!.. что правда то правда, только Неклюдовы не станутъ за Псковъ: старикъ-отъ при Царѣ Михаилѣ служилъ, слышно и теперь Москвѣ доброхотъ... Пожалуй придется и силой отбить Вышгородъ-то! сказалъ Кирила и взглядъ его скользнулъ по превосходному оружію, которымъ были увѣшаны стѣны.

— Тогда видно будетъ... покуда надо попытать, не пойдетъ ли Неклюдовъ на нашу сторону... Ну!.. будетъ толковать, въ глоткѣ пересохло!.. Эй! кто тамъ!.. Холопья!.. тащите вина, браги!.. Выпьемъ сынокъ!.. поднимая ковшъ сказалъ старикъ и пошла попойка!..

XI.

Неудачное похищеніе.

Не смотря на страстное желаніе Кирилы, предполагаемая поѣздка въ Вышгородъ не состоялась на другой день. Отецъ его нѣсколько дней пилъ безъ памяти, потомъ очнувшись вспомнилъ, что его зовутъ во Псковъ и принялся за сборы. Кирила

Баденъ-Баденъ. Общій видъ города. Рис. и грав. Веберъ.

Баденъ-Баденъ. Зданіе собранія (Conversationshaus). Рис. и грав. Веберъ.

Баденъ-Баденъ. Лихтенталевская аллея Рис. и грав. Веберъ.

Баденъ-Баденъ. Зданіе купаленъ. Рис. и грав. Веберъ.

выходилъ изъ терпѣнья и ругался съ отцомъ; наконецъ черезъ двѣ недѣли послѣ первой встрѣчи съ Галиной, наканунѣ отъѣзда старика Мишницына въ Псковъ, Кирила успѣлъ уговорить его съѣздить въ Вышгородъ, гдѣ объ новомъ сосѣдѣ совсѣмъ ужъ и забыли и Галина, на которую съ разу онъ произвелъ отталкивающее впечатлѣніе и какое-то предчувствіе, понемногу успокоилась и опять рѣшилась на прогулки съ Марьей за предѣлы усадьбы.

Однажды дѣвушки только что вернулись съ прогулки и весело болтали въ покоѣ своей тетки Аграфены Ѳедоровны, какъ бѣлокурая Ненила подойдя къ отворенному окну воскликнула:

— Кто-то ѣдетъ, гляди, по дорогѣ; на коняхъ двое словно бояре, а сзади тоже верховые холопья..

Галина и Марья подбѣжали къ окну.

— Кто-бъ это былъ?.. Это гости къ братцу! сказала Аграфена Ѳедоровна. Пойти въ стряпущую, небойсь братецъ обѣдать оставитъ.

И Аграф на Ѳедоровна устремилась въ кухню.

— Это Мишницыны... воскликнула Марья, отличавшаяся дальнозоркостью

Галина поблѣднѣла. Господи! я думала, что никогда больше его не увижу, постылаго!..

— Что ты такъ всполохнулась? удивилась Ненила.

— Ахъ сестрица! онъ такой злой!..

— Боря говоритъ—онъ веселый, лихой дѣтина и охотникъ, замѣтила Ненила.—Ты то почему его знаешь?

Марья переглянулась съ Галиной; онѣ не посвятили Ненилу въ свою маленькую тайну. Она была болтлива и пожалуй разсказала бы отцу и теткѣ. что боярышни-де рано по утрамъ, когда еще всѣ спятъ, ходятъ гулять въ рощу. Могли возникнуть непріятныя для Галины пререканія съ родными.

Не успѣла еще она отвѣчать на затруднительный вопросъ меньшой сестры. какъ вошелъ Борисъ и весело сказалъ:

— Мишницыны ѣдутъ! Идите въ свѣтелку, да пріодѣньтесь понаряднѣе: Кирила хорошій женихъ, и богатъ и пригожъ.

— Мы къ нему и не выйдемъ: кабы у него мать была да сестры, такъ намъ бы ихъ угощать; вы съ батюшкой и одни управитесь, возразила Галина, недовольная шуткой брата, а Марья совсѣмъ разсердилась.

— Какъ хотите, а если батюшка позоветъ, я съ теткой пойду къ гостямъ,—сказала Ненила.

— Ты еще несмышленокъ и не знаешь что зазорно! Должна старшихъ слушаться! строго молвила Галина и пошла впередъ, а за ней и Марья, Ненила должна была за ними слѣдовать, проворчавъ:

— Экое горе! живи словно заключенная!..

Герасимъ Ѳедоровичъ принялъ гостей радушно. Борисъ предупредилъ его, что познакомился въ гаю съ молодымъ сосѣдомъ и просилъ отца обласкать его. Ему пріятно было имѣть такаго товарища. Старикъ Мишницынъ умѣлъ при случаѣ притворяться. Онъ показался Неклюдовымъ умнымъ, хоть и суровымъ человѣкомъ а сынъ его понравился Неклюдову и его старухѣ-сестрѣ. Борисъ былъ отъ него въ восторгѣ. Кирила прикинулся смирнымъ, добродушнымъ и общительнымъ.

Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ: старики толковали про землю, которую Неклюдовъ желалъ купить у Мишницына, а молодые люди разсказывали разные случаи на охотѣ.

Боярышни къ обѣду не вышли, считая это неприличнымъ для перваго знакомства. Кирила былъ этому отчасти и радъ, онъ былъ очень ревнивъ и зная отца, безнравственнаго любителя женской красоты, не желалъ показывать дѣвушку, которая его обворожила.

Прощаясь съ Герасимомъ Ѳедоровичемъ, старикъ Мишницынъ сказалъ ему:

— Ты кончай дѣло объ землишкѣ-то съ Кирилой, а я завтра утречкомъ во Псковъ уѣду... Такимъ образомъ входъ въ домъ Неклюдовыхъ для Кирилы являлся вполнѣ приличнымъ и дѣловымъ.

Кирила совершенно втерся въ довѣріе Бориса. Онъ проводилъ съ нимъ на охотѣ дни и ночи и часто приходилъ въ Вышгородъ совсѣмъ нежданно, причемъ случалось ему встрѣчаться съ боярышнями, которыя хоть и остерегались сближенія съ нимъ, но не могли постоянно прятаться отъ человѣка, близко знакомаго съ ихъ братомъ.

Мало по малу предубѣжденіе противъ Кирилы улеглось; Марья относилась къ нему равнодушно, безъ непріязни, Ненила очень дружелюбно перекидывалась съ нимъ шутками, а Галина успѣла увѣрить себя, что сама виновата, давъ поводъ чужому человѣку принять ее за сѣнную дѣвку, не объявивъ ему сразу имя. Къ тому же между ними существовалъ родъ тайны: Галина даже брату и Марьѣ постыдилась подробно разсказать сцену въ гаю, а Кирила, не намекая про нее ни словечкомъ, взглядомъ и улыбкой давалъ понять Галинѣ, что не забылъ минуты, когда держалъ ее въ своихъ рукахъ.

(До слѣд. №). **В. Политковскій.**

Роскошь и ея вліянія.

Очеркъ Н.

Англійскій философъ Давидъ Юмъ сказалъ, что „эпохи развитія роскоши — счастливѣйшія эпохи въ жизни „народовъ“. Если Юмъ правъ, то мы живемъ очевидно въ несчастную эпоху, такъ какъ за послѣднее десятилѣтіе въ особенности часто и повсемѣстно слышатся жалобы на все усиливающійся застой въ сбытѣ предметовъ роскоши. Даже востокъ, отличавшійся всегда любовью къ пестротѣ и блеску, нынѣ не только въ домашнемъ быту, но и въ праздничныхъ торжествахъ сталъ держаться простоты и скромности. Замѣчаніе экономиста Рошера, что зрѣлые народы отдаютъ преимущество удобству, комфорту предъ изяществомъ и блескомъ, могло бы быть отчасти примѣнено къ нынѣшнему времени, времени новаго золота, олеографіи и дешевыхъ, пошлыхъ поддѣлокъ подъ предметы роскоши.

Свѣдѣнія о роскоши, существовавшей у древнихъ народовъ, даже сопоставленныя съ самыми яркими выраженіями роскоши современной, кажутся намъ почти сказочными, кажутся бредомъ хрониковъ того времени, а между тѣмъ свидѣтельства ихъ—взаимно провѣряющія и дополняющія одно другое—не подлежатъ сомнѣнію.

По отношенію къ роскоши, римляне конечно стоятъ во главѣ всѣхъ народовъ древности. Во времена императоровъ, расточительностью которыхъ заражались лица приближенныя ко двору, роскошь прививалась къ нравамъ всего народа. Римъ, всемірный побѣдитель, превзошелъ своимъ блескомъ даже востокъ. Малая Азія, Аравія, Мидія, всѣ страны, извѣстныя въ древности, везли свои произведенія на всепоглощающій римскій рынокъ, Римъ былъ тогда всемірнымъ городомъ въ полномъ смыслѣ слова, римскій гражданинъ собиралъ въ свои пышные чертоги вавилонскіе ковры, аравійскія куренья, пурпуръ, пряности, золото, стекло и хрусталь, мурринскія вазы и издѣлія, стоимость которыхъ равнялась сотнямъ тысячъ рублей и т. п. Роскошь позднѣйшихъ земныхъ владыкъ европейскихъ, далеко не достигала размѣровъ роскоши частныхъ лицъ тогдашняго Рима. Во времена Августа въ Римѣ были до того распространены шелковыя. весьма дорогія, китайскія ткани, что этотъ императоръ особымъ указомъ запретилъ мужчинамъ носить ихъ. Но высшее проявленіе роскоши было—обиліе драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, поглощавшихъ нерѣдко баснословныя суммы; иныя римскія дамы являлись на гулянья въ нарядахъ, стоившихъ на наши деньги до 2-хъ милліоновъ рублей. Украшенія и туалеты нынѣшнихъ дамъ такъ же мало могутъ выдержать сравненіе съ богатствомъ и блескомъ одѣяній римскихъ дамъ, какъ обѣды нашихъ гастрономовъ—съ обѣдами знаменитыхъ римскихъ гурмановъ.

Имена Лукулла, Вителія, Тримальхія—всѣмъ извѣстны. Эти и другіе гастрономы только и были заняты придумываніемъ самыхъ причудливыхъ блюдъ и приправъ и сочиненіемъ цѣлыхъ трактатовъ о кулинарномъ искуствѣ, трактатовъ, прославлявшихъ ихъ имена во всей обширной имперіи. Никакое современное кулинарное ухищреніе не можетъ выдержать малѣйшаго сравненія съ тогдашними. Какъ далеко отстали современныя намъ знаменитости французской напр. кухни! Каплуны и пулярки, дичь и рыба всякаго рода погружались всегда въ растопленный костный жиръ, что по понятіямъ того времени особенно должно было возвышать вкусъ мяса. Въ составъ соусовъ и приправъ входили самыя странныя вещества, напр.: асса-фетида, одно изъ самыхъ дурнопахучихъ веществъ, съ шафраномъ и т п. Одинъ изъ римскихъ знаменитыхъ гастрономовъ, Апицій, сосчитавъ свой капиталъ и увидѣвъ себя обладателемъ лишь трехъ милліоновъ руб. на наши деньги,—отравился, съ отчаянія, что на эти деньги нельзя уже было не только жить но и задать даже двухъ порядочныхъ обѣдовъ. Нынѣшніе милліонеры иначе, какъ извѣстно, смотрятъ на этотъ вопросъ... Помѣщенія, въ которыхъ происходили эти пиршества. бокалы и посуда — соотвѣтствовали блеску торжества; серебро и золото сверкало всюду, полъ всегда былъ мозаичный высоко-художественной работы, плафоны и стѣны были разукрашены великолѣпною живописью, въ нишахъ и углахъ вездѣ стояли огромной цѣнности мраморныя статуи, вазы и т. п. Богато разодѣтые, самыхъ разнообразныхъ національностей невольники прислуживали гостямъ, а прелестныя танцовщицы доставляли наслажденіе глазамъ граціею своихъ позъ и танцевъ. Словомъ, то была несказанная роскошь, никогда уже послѣ того не повторявшаяся въ мірѣ въ такихъ размѣрахъ. Другіе древніе народы, каждый по своему, также были знакомы съ роскошью, и роскошь напр. грековъ имѣетъ, благодаря своему особенному характеру и доселѣ значительный интересъ. Роскошь эта была совсѣмъ иная чѣмъ въ Римѣ. Въ ней нѣтъ тѣхъ грубыхъ матеріальныхъ по преимуществу чертъ. Грекъ,—вѣчно пребывающій умомъ въ высокихъ сферахъ религіи, философіи и искуства—въ служеніи имъ, въ служеніи высокому и прекрасному—полагалъ казалось высшую цѣль жизни. Въ этомъ искалъ онъ удовлетворенія своимъ потребностямъ наслажденія и счастья. Вотъ почему и проявленія роскоши грековъ

носятъ на себѣ удивительно-идеальный, художественный характеръ, предъ которымъ до сихъ поръ не перестаетъ преклоняться человѣчество. Роскошь Греціи,—аѳинская преимущественно, была не столько частною, домашнею, сколько роскошью общественною и заключалась главнымъ образомъ въ многочисленности и красотѣ архитектурныхъ и скульптурныхъ произведеній. Во времена Перикла треть государственныхъ доходовъ шла на возведеніе тѣхъ чудныхъ зданій, которыя потомъ служили образцомъ столькимъ прекраснѣйшимъ зданіямъ Европы. Годовой доходъ государства составлялъ въ то время 1000 талантовъ, а между тѣмъ постройка однихъ только Пропилеевъ обошлась втеченіи пяти лѣтъ въ 2000 талантовъ. Статуи и вообще скульптурныя произведенія играли также громадную роль въ художественной роскоши грековъ. Во времена Македонскаго завоеванія развилось въ особенности великолѣпіе театральныхъ представленій, поглощавшихъ громадныя суммы, несмотря на необходимость въ деньгахъ для военныхъ цѣлей.

Интересно было-бы прослѣдить исторію роскоши у Египтянъ, народа, вся умственная жизнь котораго сосредоточивалась какъ въ фокусѣ въ жреческой кастѣ, игравшей такую огромную тамъ роль. Египетская цивилизація не произвела ни одного великаго поэта, ни одного живописца или скульптора, да и по самому своему направленію и не способна была на это—ся идеалы были иные,—отвлекаясь отъ земнаго, преходящаго, жрецы указывали народу на жизнь загробную, какъ на вѣнецъ жизни и на нее учили сосредоточивать постоянно всѣ человѣческіе промыслы. Подъ вліяніемъ такихъ религіозныхъ убѣжденій долженъ былъ развиться своеобразный „культъ мертвыхъ“ должны были явиться тѣ удивительныя гигантскія сооруженія, разбросанныя въ долинѣ великаго Нила, которыя поражаютъ взглядъ путешественника, не встрѣчающаго ни въ какой другой странѣ ничего подобнаго. Вся роскошь Египта была направлена на эти надгробные памятники, и на все то, что имѣетъ связь со смертью и похоронными церемоніями. Ихъ величественныя пирамиды, гигантскіе сфинксы, поражающіе не столько изяществомъ, сколько своей недвижной величавостью, грандіозностью свидѣтельствуютъ объ этомъ культѣ смерти, въ противоположность Греціи, гдѣ царствовалъ культъ жизни. Еще большую противоположность съ этимъ мрачнымъ культомъ и его угрюмыми, гигантскими памятниками, представляетъ роскошь и яркость древняго востока, отчасти облагороженная вліяніемъ Эллады—напр. при Александрѣ Македонскомъ, этомъ „Сынѣ Солнца“, предъ коимъ склонялись могущественнѣйшія страны древности. Изъ одной страны въ другую, изъ города въ городъ, переносилъ онъ свою временную резиденцію—и всюду по его стопамъ слѣдовалъ ослѣпительный блескъ и сказочное великолѣпіе. Стѣны его дворцовъ покрыты были драгоцѣннѣйшими матеріями востока, плафоны подпирались блиставшими золотомъ колоннами. Среди роскошной залы возсѣдалъ онъ самъ на высокомъ массивномъ золотомъ тронѣ; красивѣйшія женщины, осыпанныя дорогими каменьями, сидѣли у ногъ его. Пятьсотъ персидскихъ сановниковъ въ пурпуровыхъ одеждахъ, тысячи стрѣлковъ въ огненнаго цвѣта верхнихъ платьяхъ и красныхъ, наброшенныхъ на плечи, мантіяхъ, и пятьсотъ македонянъ съ серебряными щитами—толпились около вѣнценосца вокругъ котораго черные невольники медленнымъ движеніемъ богатыхъ, огромныхъ вѣеровъ, освѣжали постоянно воздухъ. Съ наступленіемъ новой части года, новаго сезона, какъ говорятъ теперь, пышно разукрашенные слоны, чудесныя лошади перевозили многотысячный дворъ въ другую резиденцію. Подобная роскошь отличала впрочемъ не только дворъ Александра, но въ большей или меньшей степени и дворы другихъ восточныхъ властителей. Въ позднѣйшія эпохи жизни востока любовь къ живымъ яркимъ краскамъ и всякаго рода блеску и пестротѣ составляла по прежнему отличительный характеръ восточной роскоши. Съ распространеніемъ магометанства уже не могли имѣть мѣста обильныя возліянія и пиры, за то новый культъ потребовалъ новаго рода зданій, приспособленныхъ для богослуженія и прекраснѣйшія мечети, разбросанныя по всѣмъ странамъ мусульманскаго міра, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о художественной своеобразности восточныхъ народовъ. Кто не знаетъ, кто не восхищается чудными зданіями Гренады, удивительной Альгамброй, ея роскошными дворцами, всемірно прославившими совершенства мавританскаго стиля?

Китайцы, вѣрные всегда своему народному характеру, создали въ высшей степени причудливыя произведенія роскоши, хорошо знакомыя въ Европѣ, въ особенности фарфоръ и лакированныя вещи пріобрѣтшія себѣ у насъ огромную популярность.

Изъ всѣхъ европейскихъ народовъ суровые германцы позже другихъ ощутили потребность роскоши, которую перенимали постепенно отъ римлянъ; размѣры однако долгое время были весьма умѣренны и только въ эпоху разцвѣта рыцарства, въ эпоху крестовыхъ походовъ, открывшихъ передъ германцами пестрый, роскошный востокъ, начинается и для Германіи дѣйствительное развитіе роскоши. Рыцари въ яркихъ одеждахъ, въ шлемахъ украшенныхъ дорогими перьями, съ золотыми шпорами, появлялись на блестящихъ турнирахъ и торжествахъ. Они старались перещеголять другъ друга столько же личными качествами, сколько изяществомъ и фантастичностью одѣяній и знаменъ; впрочемъ все это великолѣпіе было проникнуто художественнымъ, поэтическимъ чувствомъ и значеніемъ и отличалось въ высшей степени благороднымъ стилемъ. Къ этому же приблизительно времени относится зарожденіе и широкое развитіе готическаго стиля въ архитектурѣ, достигшаго такого высокаго совершенства въ храмахъ, ратушахъ и дворцахъ, которымъ теперь мы удивляемся въ Германіи.

Въ эпоху Возрожденія роскошь въ Европѣ, въ Германіи въ особенности, принимаетъ довольно фривольный характеръ, классическіе образцы и нравы вызываютъ подраженіе въ тогдашнемъ германскомъ обществѣ, не всегда согласное съ правилами христіанской морали. Страсть къ модамъ и одеждамъ съ каждымъ годомъ становившимся все дороже и дороже, была въ высшей степени распространена и вытѣсняла собою всѣ лучшіе старые обычаи и традиціи. Пышные, высокіе парики, дорогія, но неудобныя платья, вошли во всеобщее употребленіе, сначала въ высшихъ слояхъ общества, а затѣмъ и въ среднихъ. Многочисленные пиры и праздники чередовались постоянно, отличаясь громаднымъ количествомъ приглашенныхъ и обиліемъ яствъ. Такъ напримѣръ на свадьбѣ герцога Эбергарда Вюртембергскаго, въ 1474 году было 14,000 гостей. На свадьбѣ Ульриха Вюртембергскаго, въ 1511 г. было убито 136 быковъ, 1,800 свиней, 2759 штукъ различной птицы. Тогда же вошли въ Европѣ въ моду многочисленныя свиты. Такъ напримѣръ Іаковъ I ѣздилъ со свитой въ 500 человѣкъ, изъ которыхъ триста были лица благороднаго происхожденія. Герцогъ Альба долженъ былъ ежемѣсячно расходовать въ Мадридѣ 20,000 марокъ на жалованье своей свитѣ, а сынъ герцога Медины—Эли расходовалъ на жалованье свитѣ ежегодно 84,000.

Съ теченіемъ времени роскошь эта принимала все болѣе и болѣе скромные размѣры и въ настоящее время стала для насъ лишь отдаленнымъ преданіемъ. Современная Европа заботится не столько о красотѣ, изяществѣ и роскоши, сколько объ удобствѣ и практичности, вотъ чѣмъ объясняются жалобы производителей предметовъ роскоши и искусства. Потребность въ нихъ въ наше время значительно отступаетъ на задній планъ—и повидимому, въ будущемъ слѣдуетъ ожидать того же. Это должно вызвать вообще пониженіе вкуса, пониженіе искусства, имѣющаго такое высокое образовательное значеніе, а значитъ и пониженіе жизненныхъ идеаловъ, или быть можетъ жизнь найдетъ для исхода какія-нибудь иныя формы, о которыхъ мы пока не можемъ себѣ составить и представленія.

Къ рисункамъ.

Красносельскій лагерь.

(Рис. на стр. 616 и 617).

Въ 16 верстахъ отъ Петербурга расположено удѣльное имѣніе, которое получило теперь особое военное значеніе. Это Красное Село съ принадлежащими къ нему двумя слободами Братошинской и Коломенской. Съ давнихъ временъ Императорская гвардія располагается въ этомъ мѣстѣ на лагерную лѣтнюю стоянку и здѣсь же производятся маневры, что лѣтомъ придаетъ, понятно, мѣсту чрезвычайное оживленіе. Красное Село то превосходное и окончательное устройство, которымъ теперь можетъ любоваться посѣтитель, получило собственно въ два послѣднія царствованія; теперь оно съ перваго же взгляда имѣетъ скорѣе видъ хорошенькаго уѣзднаго города чѣмъ селенія. Станція желѣзной дороги, дворцы, прекрасный театръ и госпиталь, большія мельницы для потребностей располагаемыхъ здѣсь войскъ, писчебумажная фабрика, красивые домики живущихъ здѣсь, все это теперь очень оживило мѣстность. Въ селѣ находится строенный еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II во имя Св. Троицы каменный храмъ и ею же построенный здѣсь для лѣтняго пребыванія небольшой дворецъ. Великая Императрица, тогда уже составительница (1765) знаменитаго „Наказа“ для руководства депутатамъ, не упускала однако ничего изъ виду. Есть брошюрка, отпечатанная въ 1765 году, содержащая въ себѣ любопытныя подробности о большихъ маневрахъ бывшихъ въ этомъ году 15-го іюня, „дабы (сказано въ брошюрѣ) плоды своихъ попеченій о войскѣ на дѣлѣ испытать“. Государыня, верхомъ, имѣя на себѣ армейскій мундиръ, лично слѣдила за ходомъ маневровъ. Въ этомъ году въ первый разъ состоялся здѣсь лагерь.

Красное Село лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, образуемомъ Дудергофскими горами. Лагерь обыкновенно разбиваютъ на скатѣ горы противоположной Красному Селу, при подножіи которой находится довольно большое озеро, а съ другой стороны кустарникъ и лѣсъ; кавалерія располагается обыкновенно въ деревняхъ, а пѣхота въ палаткахъ, покрывающихъ вдали все пространство и видныхъ на нашемъ рисункѣ на заднемъ планѣ. На высотахъ Дудергофа замѣчателенъ дворецъ, построен-

ный уже въ настоящее царствованіе въ видѣ большой русской избы. Кромѣ того два дворца для великихъ князей.

На маневры, которые иногда принимаютъ весьма большіе размѣры, съѣзжаются кромѣ Высочайшихъ Особъ, блестящей свиты и штаба, всегда военные агенты иностранныхъ державъ и т. п. что придаетъ лѣтомъ этимъ мѣстамъ характеръ шумный, блестящій и оживленный. Зимой все уходитъ и уѣзжаетъ и Красное Село затихаетъ до слѣдующаго лѣтняго лагеря.

Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Красносельскомъ лагерѣ—небывалое оживленіе, благодаря энергической, неутомимой дѣятельности Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича. Старожилы красносельскіе не запомнятъ такого дѣятельнаго и серьезнаго лагернаго времени, какъ въ нынѣшнее лѣто.

Ученья бываютъ ежедневно, во всѣхъ частяхъ, по два раза, утромъ и вечеромъ, и ученья не шуточныя, а въ высшей степени добросовѣстныя, строгія и осмысленныя. Дремать или нѣжиться не приходится никому, и при этомъ—Главнокомандующій первый, и болѣе другихъ даетъ примѣръ неутомимости. Съ 8 ч. утра, Великій Князь со своимъ штабомъ, на конѣ, и за исключеніемъ обѣденнаго промежутка, онъ не слѣзаетъ съ лошади до 6, 7 и 8 часовъ вечера. Вначалѣ іюля напр. были кавалерійскіе пятидневные маневры, подъ личнымъ руководствомъ Главнокомандующаго, который подобно всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, отправлялся на эти маневры безъ всякихъ обозовъ, и къ своему столу имѣлъ пищу варенную въ походныхъ котелкахъ. Каждодневно ждали тревоги. Однажды Государь Императоръ прибылъ въ Красное Село и сдѣлалъ тревогу совершенно неожиданно, пока войска находились на военномъ полѣ, на ученьѣ. Теплая погода, хотя не совсѣмъ благопріятная для ученій, очень много помогала санитарнымъ условіямъ лагернаго быта, и начавшіе было сперва въ лагерѣ показываться случаи заболѣванія острыми простудными болѣзнями, прекратились. Нынѣшній лагерь еще и тѣмъ отличается отъ прежняго, что нѣтъ въ Красномъ Селѣ театра; но офицеры бываютъ утомлены ученьями, и будь даже театръ, вѣроятно самая меньшая часть изъ нихъ, могла бы пользоваться имъ. Въ иномъ мѣстѣ весь лагерь спитъ крѣпкимъ сномъ уже въ 9 часовъ вечера.

Баденъ-Баденъ.

(Рис. на стр. 624 и 625).

Знаменитый своими цѣлебными водами—Баденъ-Баденъ, много посѣщается и нашими больными соотечественниками, въ нынѣшнемъ году напр. нашъ маститый канцлеръ уже нѣсколько мѣсяцевъ пользуется здѣшними водами. Такъ какъ отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ городъ защищенъ горами, то климатъ его благорастворенный, теплый, воздухъ постоянно чистый, сосновые лѣса, тянущіеся во всѣ стороны вокругъ города, дѣлаютъ мѣстность чрезвычайно здоровой. Роскошная растительность покрываетъ почву; на выставкахъ мѣстныхъ цвѣтовъ, фруктовъ и овощей они поражаютъ своими размѣрами и разнообразіемъ.

Нагроможденныя и какъ бы разбросанныя громадныя скалы и горячіе ключи, указываютъ на бывшія здѣсь прежде значительныя землетрясенія. Во время владычества въ этой мѣстности Римлянъ, горячіе ключи были приспособлены къ банямъ. Затѣмъ Траянъ, Адріанъ, Антоній и Каракалла украсили, какъ всю эту мѣстность, такъ и самыя мѣста купанья. Въ честь императора Аврелія это мѣсто получило названіе „Civilas Aurelia Aquensis". Впослѣдствіи все это было разрушено Аллеманами и только въ VIII-мъ столѣтіи снова упоминается о здѣшнихъ купаньяхъ. Въ 712 году король Дагоберъ подарилъ Баденъ и купанья Вейсенбургскому монастырю. Затѣмъ владѣльцы его часто мѣнялись. Германъ VI былъ первымъ маркграфомъ города; онъ поселился здѣсь и настолько укрѣпилъ городъ, что въ 1338 году успѣшно выдержалъ нападеніе Страсбургскаго епископа Бертольда II. Въ 1479 г. маркграфъ Христофоръ построилъ новый замокъ, украсилъ городъ и даровалъ ему особыя привилегіи. Во время реформаціи, тридцатилѣтней и пфальцо-орлеанской войнъ, Баденъ перенесъ тяжкія бѣдствія, а въ 1688 году былъ разграбленъ и сожженъ французами. Послѣ смерти маркграфа Карла-Августа, Баденъ-Баденъ присоединенъ къ Бадену-Дурлаху. Съ этихъ поръ начинается собственно возстановленіе города. Постройки зданій близъ купаленъ, прекрасный оркестръ на водахъ, великолѣпныя гостинницы, все это служитъ приманкой для многочисленныхъ посѣтителей.

Во время зимняго сезона тутъ бываютъ театры, балы и маскарады. Зданіе „Conversationshaus", (рис. на стр. 624) въ нѣсколькихъ шагахъ отъ галлереи минеральныхъ водъ, построено въ стилѣ возрожденія въ 1822—24 году, съ портикомъ на восьми коринѳскихъ колоннахъ. Роскошно отдѣланный залъ для баловъ, концертовъ и маскарадовъ замѣчателенъ въ акустическомъ отношеніи. По бокамъ идутъ другія залы: залъ Медичи, игорныя залы, читальня, снабженная всевозможными журналами. Въ восточномъ флигелѣ помѣщается ресторанъ, кофейня, бильярдъ и библіотека. На юго-восточной сторонѣ зданія выстроенъ прелестный кіоскъ, гдѣ лѣтомъ 3 раза въ день играетъ музыка.

Позади зданія тянется прекрасная дорога, ведущая къ разнымъ достопримѣчательнымъ мѣстамъ города и между прочимъ къ Русской церкви, построенной княземъ Михаиломъ Стурдзою.Видъ отсюда на городъ прелестный. (Рис. на стр. 624)

Это зданіе служитъ средоточіемъ жизни въ Баденѣ. Вокругъ него группируется все. Тутъ вблизи находится громадный плацъ, предназначенный для фейерверковъ и разныхъ игръ, далѣе идутъ въ три ряда магазины. За магазинами находится прекрасное зданіе театра, возлѣ котораго—картинная галлерея, гдѣ устроена постоянная художественная выставка.

У театральной площади начинается знаменитая аллея *Лихтенталя* (рис. на стр. 625). Тутъ ежедневно появляются роскошные экипажи, верховые и толпы пѣшеходовъ. Дороги здѣсь чрезвычайно ровны и удобны, и на каждомъ шагу встрѣчаются скамейки, маленькія хижины и бесѣдки съ прохладительными. Отсюда также открывается превосходный видъ на окрестности.

Купанье *Фридрихсбадъ* (рис. на стр. 625) имѣетъ всевозможныя приспособленія и удобства. Температура воды достигаетъ до 50 и 56° по Реомюру. Зданіе въ 3 этажа и все занято различными ваннами. Въ среднемъ этажѣ находится галлерея для отдыха послѣ ваннъ.

Изъ окрестностей Баденъ-Бадена замѣчательны: Старый замокъ, развалины Эберштейнбурга, заведеніе для выводки рыбъ, замокъ Эберштейнъ, Ибургъ и водопадъ Герольдзауеръ.

Купающіяся птички.

(Рис. Джіакомелли).

Въ этой картинѣ извѣстный художникъ подмѣтилъ такой моментъ изъ жизни своихъ любимыхъ птичекъ, какой рѣдко удается кому нибудь увидѣть въ лѣсной чащѣ, развѣ онъ осторожно, неслышно притаится недалеко отъ звенящаго чистаго ручья, въ густыхъ вѣтвяхъ и дождется, когда радостно и бойко щебеча, соберутся на купанье маленькія летуньи. Это бываетъ обыкновенно раннимъ утромъ; свѣжестью и прохладой вѣетъ въ лѣсу а птички, радуясь первымъ лучамъ, плещутся и разбрызгиваютъ крылышками чистую холодную воду. И вотъ онѣ уже покрыты каплями, но крылышки ихъ отяжелѣли и размѣщаясь по вѣткамъ кустовъ, онѣ отряхаются, ерошатъ перья, чтобы воздухъ и солнце осушили ихъ. И затѣмъ съ радостнымъ крикомъ несутся онѣ въ синевѣ.

„Мертвецкій" звонокъ.

(Рис. Кастелли).

Въ виду все чаще повторяющихся случаевъ мнимой смерти или такъ наз. „обмиранія", для избѣжанія страшной возможности похоронить еще не умершаго человѣка, въ городахъ западной Европы, при городскихъ больницахъ или при церквахъ въ мертвецкихъ, устраиваютъ надъ ложемъ каждаго мертвеца звонокъ, получившій названіе мертвецкаго, назначеніе котораго предоставить возможность мнимо умершему, если онъ очнулся, дать знать объ этомъ возвращеніи къ жизни живымъ людямъ. Хотя всегда въ подобныхъ покояхъ есть сторожа, наблюдающіе за палатами, но на случай недосмотра, на случай непродолжительности возвращенія чувства, звонокъ можетъ служить лучше. На рисункѣ нашемъ изображенъ моментъ такаго страшнаго пробужденія. Пораженная ужасомъ своего невольнаго товарищества, ужасомъ вида этихъ рядовъ безмолвныхъ труповъ, женщина, пробудившаяся въ одной изъ такихъ „мертвецкихъ" — съ силою отчаянія дергаетъ ручку спасительнаго звонка, странно нарушающаго въ ночи безмолвіе длинной, тихой и мрачной палаты. И вѣчно поражая ее ужасомъ,—когда даже она возвратится къ жизни и дѣятельности—будетъ передъ нею какъ живая вставать эта мрачная сцена, изъ тѣхъ, которыхъ нельзя изгнать изъ воображенія, какъ бы ни силилась сдѣлать это воля человѣческая.

Политическое обозрѣніе.

Турція и державы.—Колебанія Франціи и рѣшительность Англіи. Пораженіе англійскихъ войскъ въ Авганистанѣ.—Россія, Соединенные Штаты и Корея.—Съ Китайской границы.—Генералъ Скобелевъ.

Съ каждымъ днемъ приближается минута, когда великимъ державамъ, волей неволей, придется сдѣлать что либо рѣшительное, въ виду окончательнаго отказа Турціи подчиниться рѣшеніямъ Берлинской конференціи. Очевидно, что Порта уступитъ только силѣ, дипломатическіе же переговоры и переписка не поведутъ, по примѣру прежняго (очень недавняго), ни къ чему иному, какъ къ проволочкѣ, которою правительство султана и безъ того уже воспользовалось, чтобы подготовиться къ возможной борьбѣ съ Греціей. Такъ, значительная часть баталіоновъ увеличена въ своемъ составѣ до 800 ч., въ западной части Балканскаго полуострова расположено уже до

(Продолженіе на стр. 629, 630, 631 и 632).

„Мертвецкій звонокъ“. Рис. Кастелли, грав. Пусе.

50 тыс. ч. войскъ, причемъ, на одной только греческой границѣ находится 25 тысячъ пѣхоты, съ соотвѣтствующимъ количествомъ кавалеріи и артиллеріи; вооруженія безостановочно продолжаются и, даже, говорятъ, что обращено серьезное вниманіе на оборонительныя сооруженія проливовъ. Султанъ и министры отнюдь не расположены къ уступкамъ. Разсказываютъ, что недавно Абдулъ-Гамидъ приказалъ показать ему карту съ обозначеніемъ на ней той мѣстности, которую, рѣшеніемъ Берлинской конференціи, назначено отвести Греціи. Послѣ подробнаго ознакомленія съ этой картой, султанъ долгое время молчалъ и, затѣмъ, нѣсколько разъ повторилъ: „мумкутузитцъ!“ (это невозможно!). Параллельно съ этими свѣдѣніями усиливаются слухи о морской демонстраціи державъ, о которой, въ настоящую минуту, происходятъ между ними переговоры. Пока извѣстно предположеніе о томъ, что начальство соединеннымъ флотомъ будетъ возложено на французскаго и англійскаго адмираловъ. Но будетъ ли командовать французскій адмиралъ—это еще вопросъ. Дѣло въ томъ, что французское правительство связано въ дѣйствіяхъ своихъ борьбой партій. Кабинетъ Фрейсине, какъ извѣсто, вначалѣ рѣшился принять въ греко-турецкомъ вопросѣ энергическое участіе, конечно, въ пользу Греціи и предложилъ, не ограничиваясь демонстраціей, отправить въ Аѳины нѣсколько офицеровъ (генерала Томасенъ и друг.) для необходимыхъ указаній при военныхъ приготовленіяхъ. Партіи, обрадовавшись возможности и случаю, подняли дѣятельную агитацію противъ намѣреній правительства, преимущественно противъ Гамбетты, и до такой степени успѣли уже возбудить общественное мнѣніе, что отъѣздъ генерала Томасена съ офицерами пріостановленъ и самое участіе французскихъ военныхъ судовъ въ экспедиціи до сихъ поръ еще едва ли можно считать дѣломъ вполнѣ рѣшеннымъ. Мы уже говорили о томъ, что соціалисты во Франціи подняли голову, амнистія усилила ихъ ряды и теперь партія эта готовится выступить на сцену, но на этотъ разъ (что всего опаснѣе) не очертя голову, а дѣйствуя вполнѣ обдуманно. Она разсчитываетъ на предстоящіе выборы во французскія палаты на 1881 годъ. Консервативная оппозиція поддерживаетъ радикаловъ, въ томъ разсчетѣ, конечно, что столкновеніе между соціалистами и республиканцами поведетъ къ гибели тѣхъ и другихъ, т. е. къ торжеству монархическаго принципа.

Что касается Англіи и ея отношеній къ Турціи и всему, происходящему на Балканскомъ полуостровѣ, то Гладстонъ (телеграфъ сообщилъ о нездоровьи его) высказался весьма опредѣленно на счетъ политики, которой намѣренъ держаться кабинетъ его въ этомъ случаѣ. „Правительство королевы Викторіи, сказалъ онъ, намѣрено, по возможности, стараться о поддержаніи въ восточномъ вопросѣ обще-европейскаго соглашенія. Если бы оказалось, что соглашеніе это не простирается далѣе извѣстнаго предѣла, *то Англія поступитъ такъ, какъ будетъ требовать отъ нея чувство обязанности и національнаго достоинства.* Вмѣстѣ съ тѣмъ нынѣшній премьеръ полагаетъ, что сохраненіе въ Турціи нынѣшняго порядка вещей было бы несовмѣстно съ нравственнымъ достоинствомъ и безопасностью Европы вообще и Оттоманской имперіи въ особенности.

Не скоро еще, вѣроятно, кабинету Гладстона придется раздѣлаться съ „благими начинаніями“ лорда Биконсфильда. Нынѣшнее министерство, стараясь, возможно быстрѣе, покончить съ Авганистаномъ, провозгласило Абдурахманъ-хана эмиромъ и приготовилось очистить Кабулъ, какъ вдругъ разразилась новая катастрофа, надъ частью англійскихъ войскъ, катастрофа, которая снова затянетъ дѣла въ Авганистанѣ. Въ настоящее время въ многихъ мѣстностяхъ страны расположены англійскіе отряды, поддерживающіе спокойствіе, а также и сообщенія между военными силами. Между прочимъ, на пути Кандахара въ Гератъ, находился отрядъ генерала Барроу; отрядъ этотъ сначала стоялъ въ Гиришкѣ, 150-ти верстахъ отъ Кандахара, но, затѣмъ, въ виду наступленія Эюбъ-Хана (соперника Абдурахманъ-хана), съ его гератскими полками, онъ отошелъ къ Гильшану. Въ составъ войскъ Барроу входили также, кромѣ незначительнаго числа собственно англійскихъ войскъ, и вновь образованная милиція Ширъ-Али, правителя новаго, Кандахарскаго ханства, созданнаго по желанію лорда Биконсфильда и по плану Литтона. Эюбъ-Ханъ напалъ на Борроу у Бильмана и разбилъ его на голову, Англичане, потерявъ двѣ пушки, возвратились въ Кандахаръ въ полномъ безпорядкѣ, небольшими группами и тамъ заперлись, вмѣстѣ съ слабымъ гарнизономъ въ цитадели. Вѣроятно предстоитъ осада самаго города, а между тѣмъ помощи нельзя дождаться скоро, такъ какъ ближайшіе отряды — генераловъ Фэйра и Сэндемора находятся далеко еще. Всѣ свободные резервы изъ Симлы и окрестностей Бомбея двинуты къ Борроу. Изъ Англіи тотчасъ же отправлены въ Индію болѣе 5,000 чел. вспомогательныхъ войскъ. Въ Южной Африкѣ не всѣ бывшіе подданные Сетивайо преклонили выю свою подъ цивилизованное ярмо Англіи, въ нѣкоторыхъ изъ племенъ этихъ горитъ еще патріотическій огонь. Недавно одно изъ нихъ напало на батузотовъ, подчинившихся вполнѣ Капскому правительству и ограбило ихъ. Правительство выдало батузотамъ 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, Не придется ли повторять отъ времени до времени подобныя выдачи?..

Императрица Евгенія, посѣтившая мѣстность, гдѣ погибъ несчастный принцъ Луи-Наполеонъ, возвратилась обратно въ Англію, гдѣ ей была оказана сочувственная встрѣча.

Въ послѣднихъ газетахъ мы находимъ небезъинтересное свѣдѣніе о томъ, что Россія и Соединенные Штаты пытались одновременно начать съ правительствомъ Кореи переговоры объ установленіи правильныхъ сношеній съ этою страною. На дружественныя предложенія Соединенныхъ Штатовъ корейское правительство отвѣчало уклончиво, предложенія же Россіи оно, будто бы, отказалось даже выслушать (?). Вслѣдствіе этаго отношенія между Россіей и Соединенными Штатами, съ одной стороны, и Кореей съ другой, сдѣлались натянутыми. Полагаютъ, что дѣло дойдетъ до вооруженнаго столкновенія. Изъ тѣхъ же источниковъ увѣряютъ, что мы намѣрены пріобрѣсти въ Кореѣ удобный портъ. Еслибы Корейское правительство видѣло побольше и почаще наши суда, то едва ли бы оно осмѣлилось не выслушивать предложеній нашихъ. Полагаемъ, что экспедиція адмирала Лесовскаго внушитъ вообще на побережьи Тихаго океана подобающее уваженіе къ русскому флагу.

Съ китайской границы сообщаютъ слѣдующее. Въ Чугучакѣ стоитъ китайскій гарнизонъ въ 1 тысячу солдатъ, на урочищѣ Актамъ находится передовой постъ въ 500 человѣкъ, на Сарлытамѣ расположены лагеремъ 2 тысячи человѣкъ калмыковъ и чампановъ. По слухамъ всѣ войска эти находятся въ полномъ боевомъ составѣ; кромѣ того, въ Чугучакѣ давно уже ходятъ толки объ ожидаемомъ прибытіи въ Таргабажайскій округъ до 10-ти тысячъ человѣкъ регулярнаго войска изъ внутреннихъ провинцій Китая для занятія силою оружія Илійской территоріи. А вотъ и наши пріятели англичане: въ Кашгарѣ, по свѣдѣніямъ отъ бывшихъ тамъ торговцевъ, находятся четыре европейца, а въ резиденціи Цзо-цзунгъ-жана (генералъ-губернатора)—до двадцати человѣкъ; по другимъ городамъ также разсѣяны англичане,—недавно изъ крѣпости Сарыкуль пріѣзжало въ Кашгаръ семь человѣкъ англичанъ. Говорятъ, что они привезли деньги на заготовленіе фуража; англичанъ много въ Сарыкулѣ, гдѣ они служатъ руководителями, имѣя свободный проѣздъ во всемъ Джитышарѣ. Въ Шихо ожидается пріѣздъ Изо-Гумбо съ войсками, которыя будутъ двинуты въ Кульджу. Впрочемъ—въ Петербургъ пріѣхалъ китайскій посланникъ маркизъ Цзенгъ *).

Смѣсь.

Переселенія рыбъ. По изслѣдованіямъ Марангони, плавательный пузырь составляетъ у рыбъ органъ, регулирующій ихъ переселенія. Рыбы, посѣщающія мелководныя или же теплыя воды, держатся обыкновенно на днѣ и лишены плавательнаго пузыря, вслѣдствіе чего онѣ не переселяются. Рыбы же, снабженныя плавательнымъ пузыремъ, обитаютъ въ глубокихъ водахъ, подымаются на поверхность для метанья икры и переселяются съ мѣста на мѣсто.

Вольтовская премія. Съ 1852 года во Франціи установлены преміи за примѣненіе Вольтова столба; преміи эти носятъ имя Вольта. Первая премія въ 50,000 франковъ была присуждена въ 1864 году Румкорфу за его усовершенствованные приборы, оказавшіе такую услугу промышленности. Въ настоящемъ году министерство народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ испросило у палатъ кредитъ въ 70,000 франковъ для выдачи двухъ Вольтовскихъ премій: одну, въ 50,000 франковъ, профессору звуковой физіологіи бостонскаго университета Грагаму Беллю за изобрѣтеніе электро-магнитнаго телефона (ошибочно приписываемаго пресловутому Эдиссону) и другую, въ 20,000 франковъ, механику Грамму за его электро-магнитную машину.

Хожденіе по водѣ. Недавно въ Нью-Іоркъ прибылъ человѣкъ, который ходитъ по водѣ почти также легко, какъ и по твердой землѣ. Его изобрѣтеніе состоитъ изъ двухъ цинковыхъ башмаковъ, длиною въ 5 футовъ и глубиною въ 5 дюймовъ. Эти башмаки непроницаемы для воздуха и съ загибами на концѣ. Въ центрѣ башмака находится выемка для помѣщенія ноги. Подъ башмаками придѣланы въ два ряда по пяти небольшихъ веселъ. 22-го іюня,—пишутъ въ ньюіорской газетѣ Tribune, изобрѣтатель Суль, перешелъ рѣку Гарлемъ, около Высокаго моста. Онъ проложилъ себѣ дорогу безъ всякаго приключенія посреди пароходовъ, парусныхъ судовъ и лодокъ, плававшихъ по рѣкѣ. Во время странствія по водѣ, онъ походитъ скорѣе на человѣка, катающагося на конькахъ, нежели на пѣшехода.

*) Біографія его и портретъ помѣщены въ № 25 „Нивы“.

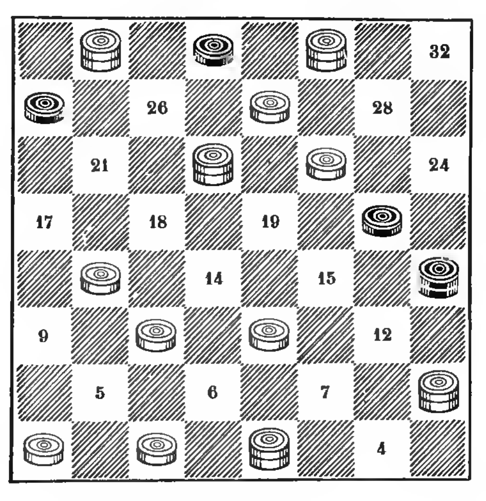
			ли	ли	ди-	ле-	тѣ	бовь	кой	по-			
		шли	о-	нья	гомъ	внем-	но-	дѣ-	глу-	лю-	кой		
	и	нѣ-	вновь	те-	мо-	день	и	во	и	вро-	у-	бовь	
прочь	мнѣ	лый	пе-	нру-	сво-	пос-	нья	буж-	ви-	бо-	нья	я	ты
сонъ	ма-	ю									меч-	тру	лю-
пэ-	люб-	нечь	се	дость	меч-	ты	на	гдѣ	ще	на-	у	меч-	ный
п	о-	тол-	ви	гдѣ	нулъ	сла-	о-	вос-	ду-	ты	ден-	ен-	вновь
ли	ноч-	дѣ-	вмигъ	ве-	гдѣ	та-	ва-	пол-	ин-	по-	пус-	же-	буж-
хла-	ра-	у-	ты	чез-	ша	онъ	по-	нья	сна	ша	ру	и	ный
на-	тѣ-	из-	ли							кай	витъ	про-	ла-
дость	вмигъ	я	ло-							не-	нья	ум-	ло-

Задача ходъ коня № 57.

Ю. Грюнберга.

Шашечная задача № 58.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черную дамку и двѣ простыхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **К. А. Трутовскій** (съ портр.)—**Купленное счастье.** Романъ **Н. Морскаго.** (Продолженіе).—**Зарница.** Историческая быль **В. Политковскаго.** (Продолженіе).—**Роскошь и ея вліяніе.** Очеркъ **Н. Красносельскій лагерь** (съ рис.) — **Баденъ-Баденъ**(съ 4 рис.)—**Купающіяся птички** (съ рис.)—**Мертвецкій звонокъ** (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задача ходъ коня.—Шашечная задача.—Объявленія въ Нивѣ.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АВГУСТЪ съ 29 рисунками и отдѣльный листъ съ 22 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 24 рисунками рукодѣльныхъ работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 31 іюля 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. [illegible] № 10.

XI годъ — № 32 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 9 Августа 1880 г.

Рис. И. Цаковъ, грав. Шапонъ.

Утромъ.

(Изъ М. Гартмана).

Пѣсни, утреннія пѣсни,
Полилися надъ долиной:
Раздались въ кустахъ росистыхъ
Звуки трели соловьиной.

* * *

Зори, утреннія зори,
Словно огненное море
Запылали... Забываешь
Что гнело—и зло, и горе—

* * *

Въ этой свѣжести чудесной,
Что волной широкой льется,
Въ этой пѣснѣ, что на встрѣчу
Солнцу яркому несется!..

И. Салтыковъ.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXIII.

Великая грѣшница

Въ день совершенія преступленія Ефимъ Егоровъ сказалъ Баринову, что чувствуетъ себя несравненно лучше и передъ тѣмъ какъ выйдти ему изъ дома, засѣлъ съ Бариновымъ, не говоря ему впрочемъ, что хочетъ куда нибудь идти, за продолжительное чаепитіе. Въ пріятныхъ разговорахъ пропили чай часа два и какъ только окончили—такъ захотѣлось спать, что и рѣшили немедленно улечься. Убрали чашки, поставили самоваръ на мѣсто и, сдѣлавъ это, тотчасъ же залегли: Бариновъ, какъ обыкновенно, на печи, а Ефимъ на постели.

— И что это сегодня,—соннымъ голосомъ сказалъ Бариновъ, укладываясь на печи, Ефиму, уже залегшему на кровать,—за сонъ на меня?.. Ужъ не угорѣлъ-ли?

Но Ефимъ отозвался на такое воззваніе молчаніемъ и Бариновъ, видя при свѣтѣ лампы, своими слипающимися глазами, что старикъ спитъ, не сталъ тревожить его болѣе и вскорѣ самъ погрузился въ какое-то странное забытье.

Это было что-то дѣйствительно непонятное, то какъ бы сонъ, то какъ будто бодрствованіе съ отупѣніемъ сознанія. Легкія подергиванія въ тѣлѣ и какое-то горѣніе горла причиняли непріятное ощущеніе. Въ головѣ носился туманъ и изрѣдка съ появленіемъ холоднаго пота на лбу и позывомъ къ тошнотѣ и головокруженію, мысль какъ бы на время, на какое-нибудь мгновеніе прояснялась—Бариновъ видѣлъ что-то совершающееся вокругъ, но въ то же самое время не могъ дать вѣрнаго толкованія тому, что представлялось его глазамъ. Странное и мучительное состояніе какого-то одурѣнія, временной горячки охватило его мозгъ. Ему казалось что его губы, носъ, глаза и руки какъ-то разбухаютъ, принимаютъ увеличивающіеся размѣры и что этими разбухшими пальцами рукъ, трудно сгибающимися въ суставахъ, онъ беретъ маленькій кедровый орѣхъ, кладетъ его въ ротъ и силится разгрызть. Чего же легче? Нѣтъ, не тутъ-то было! Орѣшекъ ростетъ въ его зубахъ, изъ маленькаго превращается во что-то колоссальное, уничтожающее своей величиною увеличенные размѣры его тѣла, душитъ и поглощаетъ его. Вдругъ все это исчезаетъ. Маленькая лошадка, игрушка, мчится около него въ какомъ-то сѣроватомъ туманѣ, знакомая, когда-то милая и родная сердцу лошадка! Ахъ, это все, что было близкаго на землѣ! Цѣлый рой лошадокъ кишитъ около него, бьетъ копытцами, какъ тонкими иглами его тѣло и вотъ холодный потъ выступаетъ на немъ. Кто это? Онъ смотритъ, конечно онъ, тотъ сапожникъ, у котораго Бариновъ жилъ когда-то давно. Что-то двигается и слоняется изъ угла въ уголъ. Вотъ высокій мужикъ въ малиновой шерстяной фуфайкѣ взвалилъ себѣ на спину сундукъ и тащитъ его въ дверь. Вотъ онъ съ какимъ-то узломъ. Неприглядная темнота препятствуетъ глазу что-либо усмотрѣть. Кружится голова а снова губы, носъ, глаза начинаютъ увеличиваться до громадныхъ размѣровъ. Снова разбухшіе пальцы ощущаютъ маленькій кедровый орѣшекъ. Еще разъ лошадки закололи острыми булавочками его тѣло, онъ на время какъ бы забылся и очнулся отъ этаго забытья, чувствуя на лбу холодный потъ и сознавая себя.

Голова болѣла слабѣе, но тѣло было, какъ бы разбито; въ сочлененіяхъ чувствовалась боль въ родѣ той, какую чувствуютъ больные лихорадкой. Вяло и болѣзненно дѣйствующій мозгъ Баринова вдругъ поразила какая-то мысль, подъ вліяніемъ которой глаза его широко раскрылись. Первое, что удивило его, была господствовавшая въ комнатѣ темнота; обыкновенно всю ночь горѣла лампадка, за которою очень строго наблюдалъ Ефимъ. Какъ могла она погаснуть? Бариновъ прислушался: такой тишины, такого поразительнаго молчанія, не нарушаемаго ни движеніемъ Ефима на кровати, ни дыханіемъ его—никогда еще не бывало. Въ головѣ Баринова возникли какія-то смутныя подозрѣнія; теперь только многое изъ того, что пережилъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ поселился у старика, показалось ему подозрительнымъ. Онъ приподнялся съ своего мѣста и нащупавъ въ своемъ карманѣ (онъ спалъ одѣтый) какую-то спичку, шаркнулъ ею о стѣну. Спичка засвѣтилась голубымъ огонькомъ, распространяя вокругъ запахъ сѣры и вдругъ вспыхнула яркимъ пламенемъ. Бариновъ осмотрѣлъ свое жилье: оно было пусто.

Спичка погасла. Не только Ефима, который называлъ себя Баринову вымышленнымъ именемъ, не оказалось въ избѣ, но все: кровать, сундукъ, посуда, даже кіотъ съ образами,—словомъ все было вынесено. На полу валялись какіе-то черепки разбитой посуды. Бариновъ былъ одинъ, былъ какъ-то предательски брошенъ, брошенъ не спроста. Конечно такъ. Иначе, что же мѣшало старику переѣхать въ его присутствіи, не сталъ же бы онъ удерживать его. Старикъ завелъ его куда-то, продержалъ до извѣстнаго дня и бѣжалъ. Ночью бѣжалъ, какъ какой-нибудь воръ! Что же это?

И вдругъ три, столь таинственно и сверхъестественно объясненные Баринову, удара раздались въ дверь, нарушая окружающую тишину. Забывъ о всѣхъ пережитыхъ въ эту ночь мучительно болѣзненныхъ ощущеніяхъ и возникшихъ въ немъ сомнѣніяхъ, Бариновъ застылъ, сидя на печи, чувствуя что холодѣетъ отъ ужаса до лишенія чувствъ и не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Стукъ смолкъ послѣ троекратнаго удара и съ почти останавливающимся сердцемъ Бариновъ ждалъ его возобновленія. Вотъ, вотъ застучитъ опять!.. Вмѣсто этаго дверь тихо поколебалась, отворяемая снаружи и, такъ какъ Бариновъ совершенно забылъ ее запереть, дѣйствительно медленно отворилась. Остановившимися отъ ужаса глазами, Бариновъ отличилъ въ растворѣ двери высокую фигуру въ чемъ-то темномъ, освѣщающую себѣ путь маленькимъ фонаремъ. Былъ-ли то скелетъ, о которомъ повѣствовалъ Ефимъ, Бариновъ не могъ разсмотрѣть и не имѣлъ настолько силъ, ибо потерявъ сознаніе, лишился чувствъ.

Онъ очнулся, когда начало уже разсвѣтать и смутно припомнилъ всѣ ужасы пережитой имъ ночи. Его первою мыслью было бѣжать, вернуться къ своей прежней, скитальческой жизни, оставить навсегда это страшное жилище, гдѣ его бросили одного, гдѣ по ночамъ происходятъ такіе ужасы. Можетъ впрочемъ все это былъ сонъ? подумалъ онъ и рѣшилъ, что его странное, болѣзненное состояніе, напоминающее горячечный бредъ, было вызвано какимъ-нибудь одуряющимъ снадобьемъ, всыпаннымъ ему въ чай, послѣ котораго ему такъ захотѣлось спать, гостепріимнымъ хозяиномъ. Можетъ и темная фигура появившаяся въ дверяхъ была ничѣмъ инымъ, какъ сновидѣніемъ.

Онъ приподнялся и хотѣлъ уже встать совсѣмъ, когда ему бросился въ глаза, стоящій на полу фонарь... Онъ вздрогнулъ и осмотрѣлся кругомъ. У единственнаго окна, выходящаго къ каменной стѣнѣ стояла, обернувшись къ Баринову спиною и уставившись въ сырую стѣну, высокаго роста женщина, въ черномъ ситцевомъ съ бѣлыми крапинами платьѣ, покрытая большимъ чернымъ съ бѣлою каемкой платкомъ. Сѣрое утро освѣщало совершенно пустую комнату, на полу которой лежа-

ли черепки разбитой посуды. Женщина оставалась недвижно стоящею у окна.

Вдругъ она повернулась и Бариновъ, начавшій думать, что это не привидѣніе, увидѣлъ красивую женщину, съ черными глазами, съ густыми рѣсницами и бровями, худощавую и блѣдную, которой на видъ можно было дать лѣтъ около сорока. По тонко сжатымъ губамъ, по подносимому безъ всякой надобности ко рту носовому платочку, свернутому въ клубочекъ, женщина эта походила на мѣщанку. Видно было, что она больна чѣмъ-то, что выдавало и ея страдающее, красивое лицо съ впалыми щеками и нѣсколько дрожащія руки. Общее выраженіе, съ которымъ она смотрѣла, было недоброе. Увидѣвъ, что Бариновъ очнулся и глядитъ на нее, она сварливо закричала на него:

— Вотъ надрызгался: глазъ открыть не можетъ!

О, конечно это не былъ скелетъ, не было привидѣніе! Она снова набросилась на ни въ чемъ неповиннаго Баринова:

— Бужу, бужу—не добудишься... Видать, что лишнее выпилъ... Братецъ-то, Ефимъ Егоровичъ, гдѣ?

Братецъ Ефимъ Егоровичъ!.. Мысль Баринова свѣтлѣла. Онъ сразу понялъ, что старикъ звался ему не своимъ именемъ, что женщина спрашивала о немъ... Онъ указалъ ей въ отвѣтъ на пустую комнату:

— Сами видите... Выбрался, какъ я спалъ.

Женщина усмѣхнулась своими тонкими губами и безъ всякой надобности поднесла къ нимъ скатанный комочкомъ платокъ:

— То-то я и дивлюсь, что вошла сюда, какъ только стукнула. Кажнюю ночь этакъ стукаю, да запирается, не впускаетъ.

Въ ней мелькнуло Баринову что-то странное, еще болѣе выяснившееся ея послѣдующимъ поведеніемъ... До сихъ поръ сварливая и раздраженная, она вдругъ какъ то размякла, стала добрѣе и, присаживаясь на подоконникъ, прослезилась и отерла глаза скатаннымъ платочкомъ.

— Вотъ, милый ты человѣкъ,—заговорила она голосомъ и оборотами рѣчи, напоминая нѣсколько Ефима,—посуди,—ты посторонній, — ну, какъ они поступаютъ со мною. Вѣдь тамъ какая бы я мать не была,—все же я мать. Ну, я дурная, ну недостойная, грѣшница великая, да вѣдь за грѣховныя-то дѣла свои, я вонъ ночи цѣльныя, почитай до свѣту, глазъ не смыкаю, да по горенкѣ своей изъ угла въ уголъ мечусь, иль возьму фонарикъ, да изъ своей фатеры вотъ сюда въ сарай спущусь и постукаю къ нему. Милый ты человѣкъ, мучается душенька моя и безъ ихъ! Передъ образомъ на колѣни стану, такъ вѣришь-ли, нѣтъ, чтобы меня пригнетало къ землѣ, такъ и подымаетъ, такъ и тянетъ вверхъ. Мечись молъ изъ угла въ уголъ, какъ Агасферъ, жидъ вѣчный. И того довольно бы, и то пережить не легко!..

И выразивъ свое душевное состояніе нервно, но довольно послѣдовательно, стала сбивчивѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

— Въ писаніи, человѣкъ ты мой милый, сказано: чти отца и матерь. А онъ, Сашенька-то мой, нѣшто почтилъ мать свою?

„Сашенька!“ Бариновъ вспомнилъ, что старикъ, тотъ котораго эта непонятная женщина звала братцемъ, Ефимомъ, въ разсказѣ, которымъ онъ, этотъ Ефимъ, угостилъ Баринова въ первую, проведенную имъ подъ его гостепріимнымъ кровомъ ночь, упоминалъ о какомъ то Сашенькѣ. Неужели въ вымыслѣ была правда? Неужели эта высокая женщина была та красавица, что держала игорный притонъ, что совершила то страшное, что разсказывалъ старикъ, что знали, говорилъ онъ, и другіе? Женщина въ черномъ платьѣ вдругъ отошла отъ окна, приблизилась къ Баринову и продолжая свою исповѣдь, вскричала:

— Обобрали, милый человѣкъ, меня, всю, какъ есть обобрали!

И стояла передъ нимъ въ молчаніи, всхлипывая и отирая платочкомъ свои плачущіе глаза. Онъ полюбопытствовалъ:

— Кто обобралъ-то, скажите?

— Братецъ родимый и сыночекъ. Я, милый человѣкъ, капиталъ имѣла. Двадцать пять тысячей, другъ мой, съ его, съ инженера должна была получить... да съ того-то—тысячей до тридцати, а то и больше взяла. Вотъ!

Она развела руками.

— Зачѣмъ же вы дали имъ? спросилъ Бариновъ.

— Дура, милый человѣкъ, дура престрашенная была, вотъ что! Положеніемъ они моимъ воспользовались. Я спокойная была, да вотъ съ того дня, какъ дворники то его слѣдъ отыскали, такая тоска, мой другъ, со мной началась, такая скука мнѣ сердце засосала, что стала я безпокойна...

И подбѣжавъ къ Баринову, шептала, точно боясь, что ее кто услышитъ:

— *Его*, милый человѣкъ, вижу...

Бариновъ вздрогнулъ:

— Кого?

Она сдѣлала ему знакъ наклониться и приблизивъ свое лицо, поблѣднѣвшее отъ какого-то страшнаго воспоминанія, шептала ему съ тревогой, озираясь по сторонамъ:

— Того... того самаго... Скелетъ этотъ самый...

Онъ не испугался такаго признанія. Своимъ болѣзненнымъ умомъ, склоннымъ къ вѣрѣ въ сверхъестественное, онъ началъ уразумѣвать истину. Передъ нимъ стояла гордая красавица, сестра Ефима.. Передъ нимъ стояла женщина, не выдержавшая тяжести своего преступленія, помрачившаяся въ умѣ, порою обуреваемая видѣніями, представляемыми ей ея больнымъ мозгомъ, порою — приходящая въ свѣтлое сознаніе. Она возбуждала въ немъ жалость. Какъ ни велики были ея прегрѣшенія, въ ней жила и теплилась любовь къ сыну обобравшему и бросившему ее. Ея тронутый умъ, ея затемненное сознаніе приводили его въ ужасъ. Она со страхомъ осматривалась кругомъ.

— Слышишь?

Онъ не слыхалъ ни единаго звука. Сжимая его руки, она жалась въ ужасѣ къ нему.

— Идетъ!

Никто не шелъ. Все было тихо вокругъ, но страхъ, исказившій ея блѣдное лицо ужасомъ, былъ заразителенъ и Бариновъ невольно осматривался кругомъ и прислушивался... Она вдругъ вскрикнула:

— Ахъ!—и нагнулась, точно ее кто хотѣлъ ударить. И хватаясь руками за голову, точно прогоняя отъ себя какое-то мучившее ее видѣніе, выпрямилась во весь свой высокій ростъ и стала спокойнѣе.

— Нынѣ отпущаеши... и тихою, не спѣшною походкою, позабывъ о Бариновѣ, направилась къ двери, черезъ которую вошла ночью и отворивъ ее, скрылась въ полуосвѣщенномъ дневнымъ свѣтомъ, проникающимъ черезъ щели, дровяномъ сараѣ. Бариновъ бросился за нею...

Она шла спокойною и рѣшительною походкою, миновала сарай и въ углу его стала подыматься по сырой и грязной каменной лѣстницѣ. Бариновъ нагналъ ее и заглянулъ въ ея лицо съ опущенными внизъ глазами; она, не подымая на него глазъ, отстранила его движеніемъ руки. Дойдя до третьяго этажа—она остановилась у выходящаго на Малковъ переулокъ окна, и зиму и лѣто раствореннаго. Противъ нея, въ домѣ отперли лавочку и стоялъ толстый торговецъ. Бариновъ, снова отставшій отъ нея, подымался по скользкимъ отъ никогда не счищаемаго снѣга ступенямъ. Что-то мелькнуло передъ нимъ и съ дикимъ крикомъ „Сашенька!“

Дѣти. Ориг. рис. для „Нивы“ профессора К. Е. Маковскаго, грав. М. Рашевскій.

женщина въ черномъ бросилась въ окно и полетѣла съ третьяго этажа. На минуту Бариновъ показался за нею въ окнѣ. По переулку и съ Большой Садовой сбѣгался народъ. Бариновъ видѣлъ, что толстый лавочникъ указывалъ на него. Самъ не сознавая хорошенько что дѣлаетъ и для чего—онъ, скользя и падая, началъ спускаться съ лѣстницы, желая отъ чего-то убѣжать. Позади его хлопали двери, бѣжали люди. Онъ спустился въ сарайчикъ, отворилъ дверь на дворъ и прямо попалъ въ руки дворниковъ и полицейскихъ.

— Вотъ онъ. Держи!

Онъ что-то хотѣлъ протестовать, но его не слушали и тащили куда-то. На улицѣ толпа встрѣтила его криками и указывала на него. Вотъ, вотъ! Онъ видѣлъ множество лицъ, смотрящихъ на него съ какой-то угрозою. Обрывки угрозъ долетали до него. Онъ, онъ!.. Да что же онъ сдѣлалъ? Толстый лавочникъ шелъ за нимъ, красный, крича во все горло:

— Онъ, онъ самый и толкнулъ ее!.. Самъ видалъ!.. А!.. Бариновъ сталъ вдругъ спокойнѣе. Что же? Быть можетъ найду надежное пристанище? до сихъ поръ не находилъ... Его вели въ Спасскую часть. Проходя Вознесенскій проспектъ, онъ и ведущіе его должны были пріостановиться. Съ крикомъ „берегись!“ летѣлъ лихачъ, перерѣзавшій Баринову и его свитѣ путь. Знакомое лицо изящно одѣтаго господина съ густыми черными волосами, съ эспаньолкой, глянуло на Баринова какими-то холодными глазами и скрылось, проскакавъ по Вознесенскому, направляясь къ Адмиралтейству. Бариновъ видѣлъ это лицо на мгновеніе, но какъ-то просвѣтлѣвъ мыслію, узналъ его, точно помолодѣвшаго на холоду, показавшагося ему болѣе старымъ въ тускломъ освѣщеніи ночлежнаго пріюта. То онъ, то срыватель цвѣтовъ и составитель букетовъ!

— Женщину сбросилъ съ третьяго этажа,—пояснили приведшіе Баринова заспанному помощнику пристава.

— Фамилія? равнодушно спросилъ тотъ, приготовляясь писать и обмакивая гусиное перо въ чернилы.

— Дмитрій Бариновъ.

Перо выпало изъ рукъ помощника пристава, изумленно взглянувшаго на обвиняемаго.

— Какъ?

— Дмитрій Бариновъ.

Помощникъ пристава поднялся со стула въ удивленіи.

— Да какъ же вы,—спросилъ онъ,—и тамъ и тутъ? Съ ума что-ли вы спятили?

Насталъ чередъ Баринова недоумѣвать, о чемъ спрашиваетъ его помощникъ пристава:

— Я васъ не понимаю.

Тогда полицейскій раздѣльно и внятно пояснилъ ему:

— Въ эту ночь, Нарвской части, приставу 2-го участка дано знать, что въ домѣ Петрова по одиннадцатой ротѣ Измайловскаго полка, въ меблированныхъ комнатахъ губернскаго секретаря Завитухина совершено преступленіе: убита жена титулярнаго совѣтника Клеопатра Петровна Гаврилова.

Онъ остановился; Бариновъ смотрѣлъ на него въ изумленіи.

— Въ преступленіи подозрѣвается служившій у Завитухина лакеемъ с.-петербургскій мѣщанинъ Дмитрій Бариновъ, скрывшійся по совершеніи убійства. Вы-съ?

Бариновъ остался нѣмъ и не отвѣтилъ на предложенный вопросъ.

XXIV.

Вопросъ.

— Представь... я не привыкъ говорить... ты знаешь... Но вотъ мнѣ, какое сравненіе пришло... Положимъ ты бы умерла... Какія страшныя слова!.. Ну, и зналъ бы я, былъ бы увѣренъ, что не увижу тебя никогда, никогда!.. Ты не бойся, что я блѣднѣю отъ однихъ этихъ словъ... ничего... Ну и вотъ—ты бы взяла и воскресла... Вдругъ бы, понимаешь, что я этакъ убитый, жизнь мнѣ противна, такъ только въ какомъ-то отчаяніи живу—и вдругъ въ самомъ дѣлѣ ты бы воскресла... Разомъ, знаешь, счастье то и пришибло бы меня... Просто, понимаешь, оглушило бы... Все бы во мнѣ затрепетало и задвигалось, вышло изъ оцѣпенѣнія; вотъ сейчасъ, сію минуту горе страшное было, тутъ... Ахъ! пойми меня, какъ выражаться-то мнѣ трудно... Мысли-то такъ и бѣгутъ, волной какой-то меня захватываютъ, душатъ... Ахъ! неужели, неужели ты и въ самомъ дѣлѣ моя?..

И упавъ на колѣна передъ Катериной Александровной, Пантелѣевъ цѣловалъ ея руки чувствуя какой-то приливъ почти доводящаго его до безумія восторга... Она что-то хотѣла ему сказать, но онъ не далъ ей:

— Постой... Скажи мнѣ: вѣдь тебѣ не надо?.. Вѣдь нѣтъ у тебя мыслей о чемъ нибудь, кромѣ того, вотъ какъ мы съ тобой наконецъ вдвоемъ?.. Послушай... неужели, если кто изъ насъ умретъ—другой останется живъ?.. Неужели...

— Говори...

Она смотрѣла на него своимъ нѣсколько поблѣднѣвшимъ, но по прежнему прекраснымъ лицемъ... Она не видѣла его съ того самаго времени, какъ сказала ему въ театрѣ, что согласна принадлежать ему... Этому прошло болѣе мѣсяца... Вскорѣ послѣ того, какъ Кожуховъ передалъ ей о своемъ намѣреніи сдѣлать ее свободной, онъ перебрался на другую квартиру, въ очень приличныя меблированныя комнаты, помѣщающіяся въ довольно центральномъ мѣстѣ. Оставшись одна, она получила отъ Пантелѣева коротенькое письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что во избѣжаніе различныхъ толковъ, могущихъ подвергнуть ея имя разнымъ нареканіямъ, онъ не пріѣдетъ къ ней ранѣе того какъ дѣло о разводѣ не будетъ совершенно покончено—и строго сдержалъ это слово... Нѣкоторое время къ ней заѣзжала Клеопатра Петровна, отнесшаяся довольно безучастно и безразлично къ факту ея развода съ мужемъ и предполагаемому ея супружеству съ Пантелѣевымъ, который ей не нравился. Катерина Александровна проводила цѣлые дни одна. Катерина Александровна принимала только своего адвоката, присланнаго ей Пантелѣевымъ, и затѣмъ цѣлые дни сидѣла одна, занимаясь работой и музыкой. Денегъ у ней не было, у мужа она взять отказалась, хотя онъ и предлагалъ,—обращаться къ Пантелѣеву ей и въ мысль не приходило. И вотъ этотъ незначительный, такъ сказать банальный фактъ, мелкій, среди переживаемыхъ ею разнообразныхъ и многочисленныхъ ощущеній, странно своею прозою, явившеюся среди тѣхъ розовыхъ облаковъ, въ которыя она погрузилась съ тѣхъ поръ, какъ полюбила, — послужилъ точкою нѣкотораго поворота отъ ея слѣпой, безграничной страсти къ періоду отдающей себѣ отчетъ, сознательной любви... Къ возбуждающей біеніе сердца музыкальной мелодіи потребовались слова и разъ охватившее молодую, впервые любившую женщину чувство изъ неразбирающаго кому и за что оно отдается вышло на свѣтлую полосу сознанія; въ душѣ Катерины Александровны возникли горькія ощущенія сомнѣній... За что полюбила она? и есть ли любовь то чувство, что сразу, не узнавъ хорошенько человѣка, въ пониманіи его души, блуждая какъ въ потемкахъ, вспыхиваетъ къ нему страстью?.. Можетъ это одинъ слѣпой и преходящій капризъ, который разсѣется такъ же быстро, какъ и возникъ?... Въ это розовое счастье, открывшее ея понятіямъ большій горизонтъ, поднявшее ея нервы до пониманія тѣхъ тонкихъ ощущеній, къ которымъ до сихъ поръ она была глуха,—вкралась нота размышленія... Въ смѣхѣ — самою нѣжною гаммою извилась, звучащая меланхолическимъ сомнѣніемъ нота... Розы перевились вѣтками темнозеленаго плюща... Катерина Але-

ксандровна поникла своею прелестною головой, поднявъ которую отерла набѣжавшія на ея глаза слезы... Ахъ, какъ трудно полюбить человѣка сознательно, отдавая отчетъ себѣ въ каждомъ его поступкѣ, въ каждомъ дѣйствіи, каждомъ словѣ!..

Убійство Клеопатры Петровны отвлекло Катерину Александровна отъ ея размышленій. Она никогда не была близка къ своей воспитательницѣ, хотя ни не люби, ни непріязни къ ней никогда не чувствовала... Она знала, что была обязана ей, хотя, какъ ей казалось, заплатила за это дорогой цѣною... Въ пей рано проснулась какая-то гордость, заставляющая ее мечтать о независимости въ своемъ матеріальномъ положеніи ни отъ кого, кромѣ самой себя... Люди даютъ, но за то и требуютъ!.. Не просятъ, не заставляютъ дѣлать того или другаго изъ любви къ нимъ, но именно требуютъ, требуютъ въ силу того права, которое есть у нихъ потому, что они даютъ... Она видѣла въ дающихъ ей что-то непріязненное, перенесенное съ Клеопатры Петровны на мужа, когда она вышла за Кожухова... Самый бракъ совершился ею потому, что, какъ ей казалось, его желала Клеопатра Петровна,—а развѣ желаніе со стороны того, кто давалъ, не было равносильно требованію? Замужество сгладило ея подозрительность къ Клеопатрѣ Петровнѣ и въ послѣднее время ей даже казалось, что она питаетъ къ своей прежней воспитательницѣ что-то въ родѣ если не любви, то покрайней мѣрѣ привязанности... По временамъ на нее находило даже какое то сожалѣніе къ умственному скудоумію своей воспитательницы. И вотъ, когда надъ этою послѣднею разразился такой страшный и звѣрскій ударъ, Катерина Александровна почувствовала себя потрясенной до глубины души и простила несчастной все, что та вложила въ нее, одинокую дѣвочку безъ имени грубо благодѣтельствующею рукою.

Тѣмъ временемъ, когда все это совершилось, разводъ, поспѣшаемый деньгами и знакомствами Пантелѣева, приходилъ къ благополучному окончанію... Еще до этого было условлено, что какъ только Катерина Александровна сдѣлается свободной, она немедленно и самымъ незамѣтнымъ образомъ обвѣнчается съ Пантелѣевымъ, гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Петербурга, а затѣмъ молодые поселятся, не заводя на первое время знакомствъ, въ домѣ Пантелѣева при фабрикѣ... Только не условились о часѣ и днѣ вѣнчанія—и вотъ, когда наконецъ, разводъ совершился, Пантелѣевъ пріѣхалъ самъ рѣшить объ этомъ съ своей будущей женой... Сидя у ея ногъ, не сводя глазъ съ ея прелестнаго лица, сказавъ ей столько безсвязныхъ рѣчей, онъ замолчалъ и ждалъ, что она скажетъ... Она еще не сказала ни слова и только глядѣла своимъ растроганнымъ лицомъ на него... Онъ повторилъ свою грубоватую по формѣ просьбу:

— Говори...

Тогда, гладя его черные волосы, она поразила его вопросомъ:

— Знаешь что: любимъ-ли мы другъ друга?

Онъ поднялъ голову съ ея колѣнъ и какимъ то непонимающимъ и тупымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее:

— Что-ты?..

Въ его глазахъ выразился ужасъ... О чемъ, о чемъ она спрашиваетъ?.. Онъ ждалъ этого дня, ждалъ того момента, когда высказавъ свои дикія рѣчи, упадетъ передъ нею безъ словъ, будетъ слушать ее, а если она замолчитъ, будетъ просто смотрѣть на нее, чувствовать ея близость... Она пояснила ему предложенный вопросъ:

— Не страсть-ли у насъ, не минутная ли вспышка, которая пройдетъ?.. Я люблю тебя, милый, въ эту минуту люблю... Но быть можетъ такъ моментально вспыхнувшая страсть—исчезнетъ, какъ дымъ, когда мы узнаемъ другъ друга короче... Вѣдь мы несхожи; вѣдь многое намъ не понравится другъ въ другѣ, непріятно насъ поразитъ и тогда...

— Тогда?..

— Цвѣтокъ увянетъ, краска и ароматъ его пропадутъ.. Мы будемъ смотрѣть на поблекшіе и съежившіеся листья—невольно вздохнула она.

Онъ всталъ и смотрѣлъ на нее съ какою то тоскою... Въ его глазахъ она прочла всѣ мученія, которыя возбудилъ въ его душѣ предложенный ею вопросъ... Онъ не боялся за себя... Нѣтъ! но она?.. Какія-то искорки блеснули въ его темныхъ глазахъ... Нѣтъ, — стиснулъ онъ свои бѣлые зубы и сжалъ губы—что именно и придавало его лицу выраженіе какой-то особенно твердой рѣшительности, энергіи и непреклонной воли,—онъ не отдастъ ее никому, онъ заставитъ ее себя полюбить, онъ возьметъ ея чувство съ боя, если бы она когда охладѣла къ нему!..

— Я всю жизнь молчалъ, языкъ мой привыкъ къ неподвижности, смотри, что ты сдѣлала изъ меня... Я говорю, я мысли свои выучился излагать!.. Да то ли еще ты сдѣлаешь! И сдѣлаешь,—замѣть это и припомни,—не покореніемъ моей воли мелкому женскому капризу, какой нибудь прихоти, а тѣмъ, что изъ темноты, завѣщанныхъ отцами, грубыхъ поползновеній на хищничесво, на произволъ и деспотизмъ, выведешь,—и уже теперь выводишь,—на путь разумно дѣйствующей на счастье многихъ, на пользу не только однихъ насъ, твердой и желѣзной воли. Не ты создала и воспитала эту волю: она длиннымъ рядомъ вѣковъ прошла, отъ дѣдовъ къ дѣдамъ переходила, искала дѣятельности себѣ въ хищничествѣ, грабежѣ, извращеніи понятій, въ произволѣ, въ самодурствѣ купца...

Она невольно приковалась къ нему глазами. Онъ стоялъ передъ нею какъ вылитый изъ желѣза, съ этими твердыми, стальными мускулами, съ полными движенія и энергіи глазами, съ гривой темныхъ волосъ, откинутыхъ назадъ и обнажающихъ высокій лобъ... Она любовалась имъ и съ движеніемъ слушала его неожиданную рѣчь.

— Я страшное имя ношу... Міръ христіанскій указываетъ на жида: онъ „продалъ Христа,“ онъ всюду, по всей землѣ, нитями невидимыми опуталъ человѣка, развратилъ его, обобралъ и алчными глазами научилъ смотрѣть на золотаго тельца, котораго поставилъ, выливъ его изъ золота, со слезами, со жгучими слезами, съ теплою кровью выжатаго у этихъ самыхъ христіанъ... Но не о жидѣ хочу я говорить: онъ безъ отечества, онъ проклятъ,—проклято и дѣло его... Я хочу сказать тебѣ, —и ты замѣть это и припомни,—о тѣхъ, кто не у чуждаго себѣ народа, но у своихъ соотечественниковъ, у своихъ собратьевъ, у своего отечества бралъ и накоплялъ. Другъ мой, сколько и сколько несчастій испытала наша родная земля!.. Кто только не терзалъ её?.. И распри князей между собою, и татарщина и самозванщина и ссоры бояръ другъ съ другомъ... И стонала мой другъ и плакала родная земля... То голодаетъ она отъ неурожаевъ, то плачетъ отъ разгрома вражескихъ набѣговъ, то мретъ отъ какой нибудь чумы, то горитъ... Но что бы съ отчизной нашей ни дѣлалось—жилъ и благоденствовалъ въ ней всегда и вездѣ тотъ, страшное имя котораго я несу. Милая моя! годы шли; все отбояривался мужикъ, бѣднѣлъ дворянинъ, а купецъ скоплялъ, наживалъ, былъ счастливъ... его не касались тѣ скорбныя минуты, которыя оставляли неизгладимые слѣды въ другихъ... Это происходило отъ того, что сердце мужицкое любвеобильное, что дворянинъ несетъ хоть каплю состраданія къ своему ближнему, иной и чашу неисчерпаемую... У нихъ есть отечество, есть семья, есть религія, а купцу Богъ не далъ ничего этого... Ибо, гдѣ-же родина у купца, если въ годину тяжкихъ испытаній, онъ не забываетъ наживать копѣйку?.. И гдѣ-же у него семья, если сынъ воруетъ у отца, отецъ ненавидитъ сына за то, что тотъ наслѣдуетъ ему?. И какая-же религія, если купецъ обираетъ, тогда какъ заповѣдь гласитъ: не укради?..

Его волненіе росло и на время, остановившись, съ

блестящими глазами и поблѣднѣвшимъ лицемъ, онъ почти закричалъ: и я это страшное имя ношу!.. и его несъ, шелъ по стопамъ жида—и вотъ, явилась ты и то, что христіанинъ обращалъ до сихъ поръ къ жиду, обращаю я теперь къ тѣмъ, кто, забывъ отечество свое, готовый если бы это было въ его власти, продать его, кралъ и накоплялъ, поддерживалъ въ обществѣ, въ народѣ дурные инстинкты; кто, обезпеченный и сытый, не озаботился расширить свой кругозоръ до пониманія высшихъ человѣческихъ стремленій, кто своимъ животнымъ довольствомъ будилъ только зависть въ другихъ... Честные люди, отойдите прочь, не запачкайтесь!..

Онъ вдругъ стихъ послѣ такого взрыва негодованія, обращеннаго имъ къ тому классу общества, къ которому онъ принадлежалъ самъ и, схвативъ ея руки, смирился въ нѣжной, ему доступной мольбѣ:

— Дорогое дитя мое,—цѣловалъ онъ ей руки,—въ гнѣвномъ сердцѣ моемъ ты разбудила до сихъ поръ спавшіе порывы къ добру, ко всему, что истинно и справедливо?.. Постой, я не хочу быть несправедливымъ, не перебивай меня... Да, ты права не только ты... Въ нашу грязную кровь влилась свѣжая струя... Знаешь, какъ въ грязи и смрадѣ, въ умственномъ скудоуміи онѣ умѣютъ воспитывать въ дѣтяхъ своихъ высокіе образцы силы, мужества, красоты душевной? слыхала?

Она въ молчаніи поникла своей прелестной головой.. Нѣтъ, у нея не было матери!..

— Прости, что я грустныя думы въ тебѣ бужу... Такъ вотъ,—съ материнской, простонародной, — была изъ темнаго люда взята моя мать, — кровью, влилось въ меня нѣчто хорошее... но спало въ душѣ моей непробуднымъ сномъ, такъ какъ я потерялъ мать, когда еще былъ очень молодъ... Ты разбудила это, ты заставила смотрѣть меня на все взглядомъ яснымъ и вѣрнымъ.. Стой, погоди!.. — онъ остановилъ ее движеніемъ руки,—ты не только для любви моей призвана, ты призвана, ты призвана раздѣлить со мною борьбу, которую я своимъ примѣромъ, своимъ образомъ дѣйствій, начну съ тѣмъ классомъ, къ которому принадлежу...

Онъ вдругъ отошелъ отъ нея и скрестивъ на груди руки, нѣжнымъ и задумчивымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее...

— Если въ этой борьбѣ сомнутъ меня, то сомнутъ обоихъ насъ...

Его голосъ былъ страстенъ и какъ-то музыкально энергиченъ въ это мгновеніе... Нѣтъ она пойдетъ за нимъ всюду... Она понимаетъ, она знаетъ его!..

— Мы любимъ другъ друга дорогое дитя мое,—иначе не пробулили бы мы одинъ въ другомъ высокихъ и благородныхъ стремленій,..

О, конечно онъ правъ!.. Ей, которую съ самаго нѣжнаго возраста никто не ласкалъ, которую заставили спрятать пылкое сердце подъ внѣшнюю оболочку холодныхъ и неподвижныхъ очертаній мрамора, ей нужна была пылкая и кипучая страсть, но не только одна страсть... Мелодіи прозвучали могучимъ гимномъ, заставившимъ сердце биться учащенно, но она хотѣла къ этому акомпанименту благороднаго и знаменательнаго смысла текста... Онъ звалъ ее на борьбу, быть можетъ на побѣду, вѣрнѣе же на пораженіе... Ахъ, если умирать, то умирать съ нимъ!.. Ея склоненная голова поднялась; прелестные темные глаза сказали ему все. Тогда, раскрывая свои руки для объятій, онъ произнесъ:

— Счастье мое, неужели, неужели ты можешь разлюбить меня?.. Я твой, твой навсегда!.. Безповоротно!

(До слѣдующаго №).

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

Весна вступила въ свои права; все зазеленѣло и зацвѣло вокругъ Вышгородской башни, окутанной мохомъ, павиликой и заросшей кустами, цѣплявшимися за разщелины камней, куда случайно попала горсть земли и хоть нѣсколько сѣмянъ занесенныхъ вѣтромъ. Все въ воздухѣ и въ природѣ какъ-бы звало на пиръ любви и молодости. Весеннее настроеніе нашло и въ Кирилѣ отголоски въ грубой формѣ грубой страсти, которая еще болѣе усиливалась препятствіями и холодностью Галины. Кирила Мишницынъ метался какъ волкъ на цѣпи, который видитъ добычу и не можетъ ее достать. Когда не бывалъ въ Вышгородѣ, Кирила проводилъ дни, рыская по лѣсамъ, въ надеждѣ опять встрѣтиться съ прекрасною боярышней, но она не отваживалась на прогулки, смутно предугадывая, что Мишницынъ ищетъ случая заговорить, Галина едва осмѣливалась гулять по саду и доходить до разщелины въ стѣнѣ, откуда открывался такой очаровательный видъ и гдѣ она любила сидѣть съ Марьей и глядѣть вдаль на дорогу, тщетно ожидая пріѣзда Ильи.

Кирила подмѣтилъ, что на этомъ мѣстѣ мелькали женскія платья; послѣ тщетныхъ попытокъ встрѣтиться съ Галиной въ лѣсу, онъ рѣшился на дерзкій и рискованный планъ. Съ рѣки Судомы по обрыву горы шла узкая, извилистая тропа черезъ этотъ проломъ въ стѣнѣ, по этой тропѣ спускались сѣнныя дѣвки къ рѣкѣ съ кувшинами за свѣжей студеной водой; Марья хаживала тутъ же купаться на рѣку вмѣстѣ съ Ненилой, которая никакъ не могла понять, почему Галина отказывала себѣ въ купаньи въ струяхъ прозрачной Судомы, что она прежде такъ любила. Кирилѣ издали нельзя было разсмотрѣть, кто именно изъ боярышенъ ходитъ купаться, а узнать отъ сѣнныхъ дѣвокъ онъ не могъ. Кирила, взявъ двоихъ псарей изъ своей Никитинской челяди, объяснилъ имъ планъ похищенія прекрасной боярышни и выбравъ день когда Герасимъ Ѳедоровичъ съ Борисомъ отправились съ ранняго утра въ отъѣзжее поле на волковъ, безпокоившихъ ихъ стадо, молодой Мишницынъ какъ воръ притаился въ развалинахъ, приказавъ холопьямъ ждать съ лошадьми у спуска съ горы на рѣку.

Выкупавшись, боярышни пошли въ гору, время было очень жаркое и къ 5 часамъ послѣ полудня солнце своими раскаленными лучами сверкало прямо въ лицо боярышнямъ. Дойдя до обвалившейся стѣны, Ненила сѣла въ тѣнь и объявила, что идти далѣе не можетъ.

— Сомлѣла я отъ жары, да въ рѣкѣ ногу о камень зашибла: моченьки моей нѣту!.. идите дѣвки домой, а я тутъ отдохну!

— Коли тебѣ жутко одной, боярышня, я съ тобой останусь! предложила одна изъ сѣнныхъ дѣвокъ, ставя на землю кувшинъ съ водою.

— Чего тутъ!.. Не на большакѣ, не въ гаю вѣдь... Кто меня здѣсь тронетъ, отвѣчала Ненила.—Неси воду-то, пока не согрѣлась, тетенька любитъ студеную... еще бранить будетъ,— посылала она дѣвку, которая, взявъ опять кувшинъ, пошла вслѣдъ за Марьей. Ненила осталась одна; она прислонилась къ стѣнѣ и стала слѣдить глазами за быстро бѣгущими по голубому небу легкими облачками и почувствовала, что ее какъ будто клонитъ ко сну. Она накинула на лицо и шею фату, чтобы защитить себя отъ мухъ и комаровъ, подложила подъ голову полу распашницы и сладко заснула. Прошло нѣсколько минутъ, Ненилѣ снились чудесныя грезы: она гуляетъ въ волшебномъ саду, райскія птицы порхаютъ по изумруднымъ кустамъ и клюютъ яхонтовыя ягоды... по шелковой муравѣ бѣжитъ быстра медова рѣченька... все точь въ точь какъ въ сказкѣ, что на сонъ грядущій сказывала ей бывало старуха мамка.

— Теперь бы красавца царевича увидать, сквозь сонъ прошептала боярышня, откинувъ изъ подъ фаты одну изъ своихъ бѣлыхъ рукъ, унизанныхъ перстнями... А вонъ изъ-за развалинъ дѣйствительно крадется молодой красивый бояринъ!.. Какъ жадно глядитъ онъ на спящую дѣвушку, словно воръ на золото!.. Кирила, затаивъ дыханіе, подходитъ къ ней и нисколько не сомнѣваясь, что передъ нимъ беззащитная и одинокая лежитъ страстно любимая имъ Галина, онъ нагнулся... горячее дыханье скользнуло ему по щекѣ... Кирила совсѣмъ потерялъ разсудокъ: не разсматривая болѣе, онъ обхватилъ боярышню сильными руками и побѣжалъ съ своей ношей внизъ по обрыву... Ненила съ просонья крикнула и пыталась вырваться, но похититель крѣпко обвилъ ея голову фатой, чтобы заглушить ея крики и еще удвоилъ быстроту своего бѣга. Вонъ въ кустахъ мелькнула лошадь а возлѣ нея человѣкъ... Это одинъ изъ его псарей, но гдѣ же другой?.. вѣроятно тутъ же не далеко.., эта мысль быстро смѣнилась другимъ опасеніемъ: на верху башни послышался крикъ, Кирила оглянулся и увидалъ, что въ саду на горѣ показались бѣгущіе люди... Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ

Венеціанка. Копія съ картины Ланделя, грав. Бауэръ. Пріобрѣтена для „Нивы“ отъ г. Гупиля, собственника картины.

его за руку: прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, какая-то невѣдомая сила вырвала у него похищенную дѣвушку, а самъ онъ отъ богатырскаго удара по затылку полетѣлъ къ рѣкѣ.

Когда онъ опомнился и вскочилъ на ноги, то увидалъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ себя высокаго роста статнаго молодца въ синемъ бархатномъ кафтанѣ, подпоясанномъ ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ, въ высокихъ желтой кожи сапогахъ и въ шляпѣ съ длиннымъ перомъ; возлѣ него стояла боярышня, съ которой свалилась фата... Но это была не Галина, а ея сестра: она что-то съ оживленіемъ говорила, устремивъ свои глаза на незнакомца, вѣроятно благодарила его за освобожденіе. Бѣлокурыя косы золотились на солнцѣ, а голубое платье волновалось отъ вѣтра. Ненила была прекрасна и ея освободитель съ восторгомъ ею любовался.

— Какъ это я ошибся? проворчалъ Кирила,—теперь и глазъ не кажи въ Вышгородъ. Борисъ вступится за сестру, да и этотъ дѣтина какой здоровенный, кулакъ словно каменный... И откуда онъ взялся?.. Надо бѣжать пока не догнали, а ночью ѣхать къ отцу во Псковъ: тамъ безопаснѣе... А Галина! еще я отъ тебя не отступился... ты еще будешь въ моей власти! и погрозивъ кулакомъ по направленію къ усадьбѣ, Кирила спрятался въ кусты.

Пробравшись ползкомъ, онъ нашелъ своихъ псарей, ожидавшихъ его съ лошадьми. Молча вскочилъ онъ на своего коня и поскакалъ такъ, что псари едва могли за нимъ поспѣть.

— Вонъ онъ бѣжитъ какъ трусливый заяцъ, указывая на удаляющагося похитителя, сказалъ незнакомецъ съ легкимъ иностраннымъ выговоромъ.—Вы вѣроятно знаете, кто онъ. Его надобно догнать.

— Это нашъ сосѣдъ Кирила Мишницынъ, отвѣчала Ненила. Богъ съ нимъ, пускай себѣ скачетъ, только бы не ворочался въ Вышгородъ. А ты кто, какъ тебя звать и какъ ты тутъ?

Молодой человѣкъ разсказалъ, что онъ ливонскій рыцарь Адальбертъ, служитъ Шведской королевѣ Христинѣ, пріѣхалъ съ посломъ Нуменсомъ въ Москву. Я остался тамъ, а Нуменсъ повезъ деньги во Псковъ, его ограбили и онъ ѣхалъ на помощь, только Норотовъ, его другъ, совѣтовалъ ему заѣхать въ Вышгородъ и подождать отъ него вѣсти. Скоро де московская рать придетъ для усмиренія мятежа...

Ненила повела гостя, „рыцаря Адальберта“ по тропѣ и вскорѣ они встрѣтили цѣлую толпу челядинцевъ, бѣжавшихъ выручать боярышню; Галина сидѣла на башнѣ, пока ея сестра и Марья ходили купаться; она видѣла какъ онѣ прошли назадъ, но за развалинами стѣнъ не замѣтила, что Ненила осталась одна... Вдругъ ее поразилъ крикъ, она оглянулась и увидѣла ужасную сцену: какой-то лиходѣй тащилъ Ненилу, которая тщетно билась, чтобы вырваться: Галина громко вскрикнула, ноги у ней подкосились и она упала бы, еслибъ не ухватилась за край стѣны; на крикъ ея сбѣжалась дворня и боярышня указала имъ на похитителя: говорить она не могла, а только заливалась слезами. Поднялась суматоха и бросились въ догонку, но раньше ихъ нашелся избавитель: Галина и Марья съ радостью увидали, какъ отъ сильнаго удара незнакомца, лиходѣй покатился съ обрыва, а потомъ Ненила стала разговаривать съ этимъ гостемъ. Но кто же это? Не Илья, судя по нерусской одеждѣ?

Вотъ незнакомецъ отвязалъ отъ дерева усталаго коня и пошелъ за Ненилой къ усадьбѣ. Все объяснилось: при имени Мишницына Галина воскликнула:

— Не говорила-ль я что онъ злодѣй?.. Его не надобно было и пускать за Вышгородскій порогъ?..

— Слава тебѣ Господи! Ненилушка цѣла и здоровешенька, радовалась Аграфена Θедоровна и тутъ же строго запретила боярышнямъ ходить на Судому. „Еще воротится! надо сторожей на ночь поставить кругомъ двора, говорила старушка.

Когда Борисъ и Герасимъ Θедоровичъ вернулись съ облавы на волка, они пришли въ негодованіе отъ того, что осмѣлился сдѣлать обласканный ими человѣкъ. Борисъ тотчасъ же хотѣлъ скакать въ Никитино, чтобы поколотить негодяя, но Адальбертъ уговорилъ его оставить дѣло до утра.

— Я отдохну, мы вмѣстѣ поѣдемъ: я съумѣю проучить такихъ, говорилъ ливонецъ и Герасимъ Θедоровичъ взялъ его сторону.

— Утро вечера мудренѣе: гость нашъ усталъ да и мы тоже: кони отдохнутъ. Пора ужинать, а утресь соберите челядь съ плетьми и поучите вора!

На другое утро собравъ человѣкъ 20 дворни и псарей, молодой Неклюдовъ съ Адальбертомъ вскочили на коней и помчались въ Никитино; у всякаго изъ нихъ было по доброй плети, кромѣ оружія, которое Герасимъ Θедоровичъ запретилъ пускать въ дѣйствіе, иначе какъ для самозащиты. Подобныя расправы были въ то время дѣломъ очень обыкновеннымъ. Это было извѣстно Кириллѣ и онъ не теряя времени убрался по добру по здорову и еще до свѣту ускакалъ по дорогѣ къ Пскову.

Боярскія хоромы села Никитина угрюмо выглядывали изъза зелени, ставни были плотно затворены, тяжелые замки висѣли на дверяхъ. На вопросы Бориса, испуганная дворня божилась, что бояръ нѣту дома.

— Ястребъ улетѣлъ! свистнувъ сказалъ Борисъ,—ну теперь любезный гость, чтобъ наша прогулка не пропала даромъ, поѣдемъ въ гай на ловы.

И пестрая ватага коней и всадниковъ, съ шумнымъ говоромъ и свистомъ понеслась въ лѣсъ.

XII.

Первыя искры пожара.

Мятежъ во Псковѣ не только не утихалъ, а напротивъ съ каждымъ днемъ увеличивался и обѣщалъ превзойти всѣ бывшіе въ послѣднее десятилѣтіе безпорядки въ Москвѣ, въ Сольвычегодскѣ и Новгородѣ.

Новгородскій бунтъ, начавшійся въ половинѣ марта того же года окончился черезъ два мѣсяца, безъ кровопролитія, благодаря энергіи тамошняго митрополита Никона *) и мѣрамъ, принятымъ воеводою княземъ Хилковымъ.

Успокоившіеся было послѣ ареста Нуменса Псковичи вновь заволновались, въ половинѣ марта, по случаю пріѣзда изъ Москвы посланца Арцыбашева съ грамотами къ воеводѣ. Гилевщики схватили Арцыбашева, допрашивали его и пытали, чтобы узнать отъ кого онъ посланъ, отъ Морозова или отъ Хилкова, потому что въ бумагахъ посла нашли письмо отъ Новгородскаго воеводы къ архіепископу Макарію. Съ этимъ обличительнымъ посланіемъ буяны побѣжали на архіепископское подворье и потребовали, чтобъ Макарій къ нимъ вышелъ; когда же онъ исполнилъ ихъ желаніе, они окружили его и начали упрекать, что онъ переписывается съ Хилковымъ и потребовали выдачи спрятаннаго на архіерейскомъ подворьѣ боярскаго сына Турова, подозрѣваемаго въ сношеніяхъ съ Москвою и въ дружбѣ съ гостемъ Θедоромъ Емельяновымъ. Архіепископъ отвѣчалъ, что Туровъ убѣжалъ невѣдомо куда. Разъяренная толпа, забывъ санъ и преклонныя лѣта Макарія, грубо схватила его и осыпая ругательствами, потащила на подворье, куда сажали преступниковъ и посадила его на цѣпь въ избѣ, до сихъ поръ называемой „богадѣльней“. Черезъ нѣсколько дней, взявъ съ Макарія обѣщаніе отыскать Турова, его освободили.

Волненіе все увеличивалось; мятежники ежедневно собирались большими толпами и совѣщались, 21-го марта всенародно пытали Нуменса и наконецъ рѣшили избрать своихъ собственныхъ правителей и начальниковъ, гражданскихъ и военныхъ. 25-го марта изъ Москвы прибылъ въ Псковъ новый воевода, Василій Петровъ Львовъ на мѣсто Собакина, которымъ Московское правительство было недовольно. Собакинъ обрадовался возможности, сдавъ должность уѣхать изъ мятежнаго города, но Псковичи услыхавъ объ этомъ, остановили Собакина и сказали, что не выпустятъ, пока не возвратятся посланные имъ челобитчики къ Государю. Препроводивъ Собакина опять въ его домъ, они приставили къ нему караульныхъ, говоря:

— Тогда уѣдешь, какъ мы тебѣ отпускъ дадимъ...

Прошло три дня. Львовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ помоги изъ Москвы, какъ явилась снова толпа псковскихъ зачинщиковъ и потребовала, чтобы онъ выдалъ имъ оружія, пороху и боевыхъ припасовъ.

— На что вамъ? возразилъ новый воевода, со шведомъ никакихъ раздоровъ нѣтъ и на рубежахъ все спокойно...

— Мы не шведовъ опасаемся, а слышно что московская рать идетъ на насъ, отвѣтили они.

— Такъ это вы противу своего законнаго государя! Какъ вы смѣли и думать—не дамъ! мужественно воскликнулъ Львовъ.

Тутъ произошелъ страшный безпорядокъ; мятежные стрѣльцы, заслыша зловѣщіе крики: „къ оружью! къ оружью!“ кинулись къ воеводскому дому и окруживъ его, приготовились палить. Всѣхъ больше кричалъ размахивая бердышемъ, уже знакомый намъ Ивашка Колчинъ; но Львовъ былъ не труслив и не поддался угрозамъ мятежниковъ: взявъ въ руки образъ Спасителя, онъ вышелъ на крыльцо и обращаясь къ толпѣ, хотѣлъ заговорить. Первыя слова его были заглушены криками: „измѣнникъ! воръ!“... Когда шумъ немного стихъ, Львовъ сказалъ: „Православные христіане!.. Опомнитесь и разойдитесь по домамъ!.. Я не измѣнникъ своему Государю и противъ него оружія не дамъ... Коли хотите меня убить... Я умру...

Но ослѣпленная толпа, не внимая словамъ воеводы, схватила и связала его, отобрала ключи отъ погребовъ, гдѣ хранился складъ боевыхъ припасовъ и потребовала у обоихъ воеводъ, Собакина и Львова, сыновей въ видѣ заложниковъ, говоря:

— Коли Государь велитъ нашихъ челобитчиковъ казнить— то мы и съ вашими сыновьями тоже учинимъ!..

Когда дошла въ Москву вѣсть о новыхъ волненіяхъ въ Псковѣ, туда былъ отправленъ „для сыску“ окольничій князь Θед. Θед. Волконскій. Прибывъ въ Псковъ князь остановился въ домѣ своего тестя Емельянова, чѣмъ сразу возстановилъ противъ себя Псковичей, такъ что когда на другой день по пріѣздѣ Волконскій слушалъ обѣдню въ Троицкомъ соборѣ, толпа бунтовщиковъ окружила его и позорно вытащила его „за бороду“ на площадь, гдѣ Семенъ Жегаръ поколотилъ его, а потомъ вмѣстѣ съ товарищами сталъ допрашивать пріѣзжаго:

— Зачѣмъ-де пожаловалъ...

— Зачѣмъ пріѣхалъ—то и буду дѣлать, а вамъ отчета давать не обязанъ... отвѣчалъ князь.

*) Впослѣдствіи знаменитаго патріарха всея Россіи.

— А не хочешь добромъ сказывать—такъ мы и сами узнаемъ! закричали мятежники и отнявъ у князя царскія грамоты, заставили читать подъячаго Томилку Слѣпаго. Когда чтецъ дошелъ до того мѣста, гдѣ было написано „казнить крамольниковъ“, Жегаръ съ товарищами кинулись на князя, били его и ранили въ голову. Съ площади пьяные стрѣльцы и чернь разсыпались по всѣмъ псковскимъ улицамъ, разбивали кружала, грабили дома сторонниковъ Москвы, глумились надъ воеводами и грозили избить всѣхъ, кто не примкнетъ къ нимъ: Обыватели высшаго сословія, дворяне, купцы и даже простые горожане, болѣе разсудительные, поспѣшили оставить Псковъ и разъѣхались куда кто могъ, чтобы не попасть въ руки пьяной толпы. Тѣ же кто не успѣлъ бѣжать, запирались въ своихъ домахъ, прятались въ подвалахъ, дрожа за свою жизнь и честь семьи.

Въ началѣ апрѣля произошли выборы псковскихъ властей, которые должны были стать во главѣ вновь образованной республики“. Главными вождями были избраны: Гаврило Демидовъ, Михайло Мишницынъ и староста Меншиковъ; подручными ихъ назначены стрѣлецкіе пятидесятники: Парамонъ Лукьяновъ, Ѳедоръ Снырковъ, Сидоровъ, дворянинъ Иванъ Чиркинъ и попы—Евсевій Фирсъ и Яковъ Заплева съ сыномъ. Наконецъ выборными отъ разныхъ слободъ явились посадскіе люди.

Такимъ образомъ воевода Львовъ и всѣ начальствующія лица отъ Москвы были устранены, самодѣльное правленіе вполнѣ подчинило своей власти Псковъ со всѣми пригородами и землями, начало чинить судъ и расправу, править всякія дѣла, рѣшать тяжбы, обвинять, оправдывать, миловать и казнить по общему усмотрѣнію и совѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться о дѣятельныхъ приготовленіяхъ къ борьбѣ съ московскими ратями, которыя по слухамъ, были еще въ Новгородѣ и довершали усмиреніе тамошнихъ смутъ.

Весь апрѣль и половина мая прошли въ какомъ-то тяжеломъ, томительномъ затишьѣ: очнувшіеся отъ безобразій и буйства люди всѣхъ сословій ходили понуривъ головы, занятые печальными думами; сами зачинщики мятежа ясно сознавали критическое положеніе Пскова, но не смотря на серьезныя опасенія неудачи, не рѣшались бросить разъ начатое сопротивленіе Москвѣ, надѣясь на свои силы и воодушевляя народъ воспоминаніями о борьбѣ Новгорода въ 1470 году.

Челобитчики, отправленные Псковичами въ Москву, только 12-го мая были допущены „передъ Государевы очи“. Алексѣй Михайловичъ принялъ челобитчиковъ очень сурово и велѣлъ написать во Псковъ грозную грамоту, которая по возвращеніи пословъ доказала мятежникамъ, что имъ нечего ждать отъ Москвы пощады... а между тѣмъ изъ Новгорода приходили вѣсти не менѣе тревожныя.

17-го мая князь Иванъ Никитичъ Хованскій, покончивъ усмиреніе новгородскихъ гилевщиковъ, выступилъ въ походъ противъ Пскова съ войскомъ изъ трехъ полковъ стрѣльцовъ и ратниковъ около 1000 человѣкъ, изъ пяти сотенъ донскихъ и запорожскихъ казаковъ, изъ шести сотенъ охочихъ людей, дѣтей боярскихъ, пушкарей и разныхъ милиціонеровъ при 10 полевыхъ орудіяхъ. Кромѣ того при войскѣ была и конница, состоящая изъ 600 человѣкъ отборной кавалеріи, раздѣленной на три полка: конно-стрѣлецкій въ 250 человѣкъ, рейтарскій въ 100 и драгунскій въ 250; послѣдній полкъ былъ подъ начальствомъ Ильи Норотова.

28-го мая 1650 года караульные на высокой башнѣ Псковскаго укрѣпленія замѣтили вдали какія-то двигавшіяся точки; направивъ туда подзорную трубу, стражники ясно разглядѣли конныхъ развѣдчиковъ съ пиковыми значками, въ которыхъ они узнали передовой отрядъ казацкой полусотни, высланный княземъ Хованскимъ для обозрѣнія мѣстности и положенія крамольниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ по псковскимъ улицамъ понеслись гонцы съ вѣстью о появленіи давно ожидаемыхъ враговъ; со всѣхъ колоколенъ раздался набатный звонъ; и старъ и младъ, всякъ кто могъ на ногахъ стоять, кинулись изъ своихъ домовъ на площадь: „Что такое? гдѣ пожаръ? раздавались вопросы. „Не пожаръ, а Москва у городскихъ воротъ“, слышались отвѣты мимо скачущихъ гонцовъ...

Поднялось страшное смятеніе между мирными обывателями, которые волей-неволей должны были попасть въ кровавую распрю брата съ братомъ, отца съ сыномъ, единоплеменныхъ и единовѣрныхъ сторонниковъ Москвы и Пскова!.. Однако военныя силы Пскова не теряя присутствія духа, быстро и точно исполняла распоряженія Демидова, Мышницына и Меншикова: по ихъ приказанію всѣ городскія ворота были заперты и крѣпостныя стѣны усѣяны пушкарями, заряжавшими варядъ *) чтобы встрѣтить выстрѣлами москвичей, когда тѣ приблизятся къ городу.

XIII.

Изъ огня да въ полымя.

Борьба началась однако не совсѣмъ удачно для Москвы.

Князь Хованскій выбралъ опорнымъ базисомъ военныхъ дѣйствій Снѣтную гору, находящуюся на противоположномъ отъ Пскова берегу рѣки Великой, по дорогѣ въ Новгороду; оставивъ на всякій случай въ хорошо укрѣпленномъ Любятинскомъ монастырѣ *) 700 человѣкъ пѣхоты и конницы, Хованскій сталъ 27-го мая лагеремъ на Снѣтной горѣ, окруживъ по обыкновенію шатры трехугольникомъ расположенныхъ обозныхъ телѣгъ.

28-го мая въ 8 часовъ утра (по нынѣшнимъ часамъ), со стороны Пскова раздался первый пушечный выстрѣлъ; фитиль къ пушкѣ былъ приложенъ самимъ Гаврилою Демидовымъ; затѣмъ канонада продолжалась полтора часа и было выпущено до 45 ядеръ, но они не причинили никакого вреда москвичамъ, такъ какъ выстрѣлы не достигали цѣли, то есть Снѣтной горы. Видя что пушечная пальба пропадаетъ даромъ, Псковичи выступили изъ города толпами пѣшихъ и конныхъ стрѣльцовъ и укрывшись за кустами на берегу рѣки, опять стали стрѣлять изъ ружей; но по приказанію Хованскаго, москвичи отвѣчали презрительнымъ молчаніемъ; разстрѣлявъ по пусту всѣ заряды, Псковичи ушли обратно въ городъ.

Вечеромъ того же дня, когда московскіе ратники спокойно варили себѣ пищу, внезапно съ псковской стороны загремѣли боевыя трубы и барабаны: всѣ кинулись къ мѣсту тревоги, а тамъ ужъ раздавались крики, топотъ и трескъ оружія. Оказалось, что отрядъ псковской конницы. переправившись за рѣку, напалъ на передовыя телѣги обоза и затѣялъ драку съ обозной стражей. Когда прибѣжали на помощь, то Псковичи поспѣшили отступать, успѣвъ захватить только 7 телѣгъ, изъ коихъ 6 были съ поклажею князя Хованскаго и одна съ грамотами и другими бумагами; эту послѣднюю москвичи отбили обратно, а имущество князя осталось въ рукахъ врага.

Псковскіе правители обнародовали воззваніе ко всѣмъ обывателямъ псковскихъ и изборскихъ земель, что „Псковъ-де Хованскому взять никакъ не можно, а въ осадѣ сидѣть Псковичи могутъ, хоть на 10 лѣтъ запасу-де хватитъ“ и приглашали жителей стоять крѣпко за одно.

29 мая возвратились изъ Москвы челобитчики и съ дозволенія Хованскаго были пропущены въ городъ. Грозная грамота царя очень не понравилась Псковскимъ правителямъ: ее при всемъ народѣ на площади изорвали, объявивъ что грамота-де не настоящая а подставная, обвинили своихъ же челобитчиковъ въ измѣнѣ, допрашивали ихъ и даже пытали. По распоряженію Демидова въ городѣ распространили молву, что будто бы Московскіе бояре затѣяли крамолу, взорвали царскій дворецъ „зеліемъ“ а самъ государь Алексѣй Михайловичь ушелъ де къ польскому королю и съ нимъ вмѣстѣ идетъ на выручку Пскова; что Хованскій-де воръ и измѣнникъ, пришелъ воевать со Псковомъ не по государеву приказу, а посланъ крамольными боярами Московскими: Морозовымъ и другими. Эти выдумки, какъ ни были грубы, имѣли однако большое значеніе для невѣжественной массы и достигали цѣли Демидова и ему подобныхъ, поддерживая надежды горожанъ на помощь. 30 мая Хованскій, не желая проливать напрасно кровь, попытался порѣшить дѣло мирнымъ путемъ: онъ послалъ въ Псковъ съ увѣщательной грамотой 11 дворянъ подъ начальствомъ Саввы Бестужева, родомъ изъ Пскова, но по приказу Демидова—Бестужева убили, девятерыхъ дворянъ бросили въ темницу, а двухъ остальныхъ отослали обратно въ московскій станъ, наказавъ имъ объявить Хованскому, что онъ-де воръ и измѣнникъ, что Псковъ сдаться ему не хочетъ, а коли утѣсненіе отъ него будетъ, то псковичи пошлютъ за помогой къ польскому королю, и коли Хаванскаго поймаютъ то въ котлѣ сворятъ да собакъ накормятъ. Видя, что ничего такъ не достигнешь, Хованскій велѣлъ строить мосты черезъ рѣку, чтобы выбить псковскихъ ратниковъ изъ пригорода; но послѣдніе открыли такой ружейный огонь, что должны были отказаться отъ моста; тогда Хованскій велѣлъ соорудить на Снѣтной горѣ небольшой деревянный фортъ и установить на немъ орудія чтобы на слѣдующее утро начать бомбардировку города гранатами. Однако этому намѣренію не суждено было исполниться. Рано утромъ 31 мая, когда еще орудія не были вполнѣ изготовлены для начала бомбардировки, Псковичи сами начали дѣло: выкативъ изъ города на берегъ нѣсколько пушекъ и осыпая градомъ ядеръ Москвичей, они двинулись черезъ рѣку. Это движеніе было такъ быстро и неожиданно, что Хованскій не могъ ничего предпринять, потому что все его войско находилось дальше за острогомъ по ту сторону горы; а тутъ было весьма небольшое число ратниковъ, пушкарей и плотниковъ, строившихъ мостъ. Съ неудержимой силой кинулись псковскія рати на приступъ и въ нѣсколько минутъ овладѣли острогомъ, съ яростью и звѣрствомъ избивая противниковъ и уродуя раненныхъ. покончивъ безчеловѣчное избіеніе, они подожгли острогъ и двинулись къ другому, находившемуся возлѣ самаго лагеря, но здѣсь мятежники встрѣтили плотно сомкнутую стѣну драгунъ, Норотова, которые мужественно отразивъ напоръ псковичей, напали на нихъ и окружили съ трехъ сторонъ, такъ что мятежники опрокинутые, разстроенные и потерявшіе увѣренность, стремительно бросились назадъ за рѣку Великую, оставляя за собой множество раненныхъ и убитыхъ. Москва одержала побѣду. Князь Хованскій въ восторгѣ обнялъ молодаго полковника Норотова, сказавъ ему:—Спасибо друже! тебѣ подобаетъ честь и слава за побѣду!.. Съ этой поры я твой должникъ и чтобы ты у меня ни спросилъ—все исполню.

*) Такъ называлась артиллерія, какъ крѣпостная, такъ и полевая.

*) Въ 10 верстахъ отъ Снѣтной горы.

Похороны среди океана. Картина Х. Бакана, грав. М. Рашевскій.

Одиночныя тюрьмы. Богослуженіе въ тюремной церкви Плёцензее, близъ Берлина. Рис. Гензелеръ, грав. О. Ротъ.

Послѣ своего бѣгства изъ Вышгорода, Кирила Мишницынъ, во время пути ко Пскову, составлялъ разные планы мщенія, наконецъ остановился на одномъ не хитромъ способѣ овладѣть упрямой красавицей и отплатить за обиду неизвѣстному защитнику Ненилы. Во Псковѣ онъ остановился въ домѣ Демидова, гдѣ жилъ старикъ Мишницынъ. Отецъ между прочимъ спросилъ у сына:—Ну какъ съ боярышней Неклюдовой? и циническая улыбка стараго развратника отразилась на лицѣ Демидова, которому Мишницынъ еще прежде разсказалъ про дѣлишки своего дѣтины.

— Молодо—горячо... Незамай побалуетъ!.. снисходительно отозвался Демидовъ.

Оказалось однако, что это баловство едва не завершилось побоями, даже увѣчьемъ.

— Чтожь ты теперь думаешь?.. Ужли такъ и оставишь это дѣло, вспыхнувъ спросилъ отецъ.

— По моему надо поучить этого Неклюдова... онъ Москвѣ доброхотъ и хулитъ наши псковскія дѣла... замѣтилъ Демидовъ.

— Поучить надотъ!. Затѣмъ и я пріѣхалъ... дозволь взять сотенку охочихъ людей да пушку, угостить этихъ измѣнниковъ такимъ гостинцемъ какого они и не чаютъ, сказалъ Кирила.

Демидовъ поморщился: радъ бы тебѣ послужить ради твоего родителя, да самъ вѣдаешь какія времена; Пскову нужны ратные люди и по нуждѣ каждаго изъ изъ города уводить не можно...

— Я бъ и самъ не сталъ у тебя помоги просить для себя, отвѣчалъ Кирила, а вѣдомо ли тебѣ что въ Вышгородъ изъ Москвы прибылъ какой-то шведъ и острогъ укрѣпляетъ... Это не для псковичей-же, не по вашему приказу, стало быть для Московскихъ припасаютъ крѣпкое сидѣнье... Ты небойсь слыхалъ при Грозномъ тамъ Москва укрѣплялась...

Это извѣстіе произвело впечатлѣніе. Демидовъ встрепенулся а бывшій тутъ же Сидоръ Елизаровъ Меншиковъ воскликнулъ.

— Вѣрно-ли?

— Вѣрно!.. мнѣ про то сказывалъ шишъ *) изъ челяди Неклюдовской... коли не вѣришь, спроси самъ: и шиша того съ собой я привезъ. Кирила вышелъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился, ведя какого-то грязнаго человѣка, въ которомъ старикъ Мишницынъ узналъ одного изъ своихъ псарей, но понявъ сына, притворился, что видитъ шиша въ первый разъ. Подъученный Кирилою, негодяй разсказалъ, что онъ бѣглый Неклюдовскій холопъ, что всѣ порядки Вышгородскіе хорошо знаетъ и что своими глазами видѣлъ шведа, пріѣхавшаго укрѣплять Вышгородъ и слыхалъ, что московскія рати тамъ хотятъ засѣсть.

— А кто-жь того шведа прислалъ? спросилъ Меншиковъ. И многоль народу въ Вышгородѣ?

— Народу тамъ человѣкъ съ полсотни, холопей, дворни, псарей, да бабъ, да дѣвокъ сѣнныхъ и иныхъ. отвѣчалъ шишъ, а прислалъ шведа молодой бояринъ, что въ Москвѣ драгунскимъ полкомъ командуетъ, а звать его Илья Алексѣичъ Норотовъ.

Демидовъ вскочилъ въ сильнѣйшемъ волненіи.

— Что?.. Что ты брешешь!.. Илья Норотовъ, племянникъ... Да какъ онъ туда попалъ?..

— Не могу знать... самого-то его тамъ теперь нѣту... а только сестрица ихняя Марья Алексѣевна.

— Марья тамъ!.. Понимаю: это онъ ее туда увезъ, дрожа отъ гнѣва воскликнулъ Демидовъ. Ладно же... Неклюдовъ бѣглыхъ прячетъ!.. Ладно Кирила Михайловичъ! сотню ратниковъ я тебѣ даю, охочихъ людей еще набери съ полсотни... Можешь ли это гнѣздо измѣнничье раззорить и Вышгородскій острогъ одолѣть?..

— Могу... Спасибо бояринъ! У насъ, я вижу, одна съ тобой заноза: Норотовъ и мнѣ и тебѣ ворогъ, а Неклюдовъ противу Пскова измѣнникъ. Всѣмъ имъ будетъ примѣрная кара! радостно сказалъ Мишницынъ, не ожидавшій такъ легко добиться исполненія просьбы. Кирила принялся снаряжаться въ экспедицію; онъ взялъ сотню ратныхъ людей и набралъ болѣе полусотни охочихъ, которыхъ соблазнялъ богатой добычей и увѣрялъ, что у Неклюдова въ подпольѣ хранятся боченки съ золотомъ присланные изъ Москвы.

Все что алкало добычи и грабежа стекалось къ Кирилѣ; подонки Псковскихъ трущобъ стали подъ его начальствомъ; наконецъ набѣжало столько разной сволочи, что Кирила уже сталъ отказывать и отбиралъ только надежныхъ.

Однажды онъ услыхалъ въ сѣняхъ крупный споръ и вышелъ посмотрѣть въ чемъ дѣло: тотъ псарь, котораго онъ выдалъ за шиша и котораго прозвище было—Спица, вѣроятно вслѣдствіе его худобы, бранился съ высокимъ дюжимъ старикомъ, загораживая ему дорогу въ горницу.

— Пусти говорятъ, чертова кочерга! кричалъ старикъ. Мнѣ дѣло до боярина: хочу къ нему охочимъ поступить...

— Убирайся къ лѣшему дѣду... намъ съ бояриномъ не потребно охочихъ... вишь васъ налетѣло ровно воронья на падаль, не менѣе громко кричалъ Спица.

Увидавъ Кирилу, старикъ ринулся къ нему, оттолкнувъ въ сторону шиша.

— Батюшка Кирила Михайловичъ! Возьми меня... Право доволенъ останешься... Да ты чего смотришь бояринъ, аль не узналъ Семена Жегара!.. Коротка у тебя память-то! Лѣтось еще я твоей милости службу сослужилъ, въ Островѣ-градѣ старостину дочь выкралъ... еще Ульяшкой прозывалась гладкая такая, говорилъ Жегаръ.

Кирила засмѣялся.

— Помню, помню! Жегаромъ ты прозывался, только тогда одеженка-то у тебя была рваная, а теперь ты въ стрѣлецкомъ кафтанѣ да шеломѣ такъ тебя не скоро и узнаешь...

— Да... нонѣ я въ стрѣлецкой рати вольнаго града Пскова состою, а тогда...

— Тогда въ подорожной рати атаманушкой, прервалъ его Спица.

— Цыцъ!.. знай своихъ псовъ, а честныхъ людей не моги корить, коли не хочешь вотъ этого, и Жегаръ подставилъ шишу подъ носъ свой огромный кулачище.

Шишъ попятился.

— Ну... вотъ и разгнѣвался, вѣдь это я любя, значитъ по пріятельски..

— То-то любя!.. Съ Жегаромъ смотри плохія шутки... Что-жь бояринъ, возьмешь что-ль на Вышгородъ, обратился онъ къ Кирилѣ.

— Да вѣдь я слыхалъ отъ родителей, что со стрѣльцомъ Жегаромъ грамоту къ польскому королю Владиславу послали, замѣтилъ Кирила. Жегаръ почесалъ за ухомъ.

— Это точно что послали... да одному-то идти жутко, какъ разъ къ Московскимъ развѣдчикамъ попадешь, а коли я съ тобой-то пойду до Вышгорода, тамъ ужъ Москвичей нѣтъ, они всѣ къ Пскову прутъ, шиши сказывали, что ужъ близехонько по Новогородской дорогѣ рать-то князя Хованскаго идетъ...

— Ужъ ихъ на Снѣтной горѣ видѣли, прибавилъ Спица. Не нонѣ, завтра драка будетъ, и пушки заговорятъ..

— Ну... авось еще посидятъ да поглядятъ другъ на друга, а мы той порой почешемъ руки-то объ Вышгородъ и сюда на потѣху поспѣемъ, сказалъ Кирила Мишницынъ.

— Эхъ!.. не задержалъ бы меня король-то Владиславъ... Больно мнѣ охота угостить Московскихъ псовъ во этой... И Жегаръ любовно поглядѣлъ на свой огромный самопалъ, который всякому другому былъ бы тяжелой ношей, но силачъ Жегаръ съ нимъ управлялся, какъ съ легкимъ карабиномъ.

Наканунѣ появленія войска Хованскаго на Снѣтной горѣ, въ противуположныя ворота выступилъ изъ Пскова отрядъ стрѣльцовъ и охочихъ подъ начальствомъ Кирилы Мишницына и быстро направился по дорогѣ къ Вышгороду.

(До слѣдующ. №).

*) Шишъ—значило шпіонъ.

Современныя тюрьмы.

Очеркъ.

Тюрьма Плёцензее близъ Берлина. Исторія тюремнаго вопроса. Тюрьмы въ Россіи.

I.

Устройство прусскихъ тюремъ, основанное на началахъ смѣшанной системы, отличается строгимъ распредѣленіемъ занятій между арестантами, а также самымъ ревностнымъ содѣйствіемъ въ дѣлѣ ихъ исправленія церкви и школы. Одной изъ образцовыхъ тюремъ этаго рода служитъ, построенная въ 1872 году близъ Берлина, тюрьма Плёцензее, устройство которой заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Внѣшній видъ тюрьмы Плёцензее очень изященъ; передъ вами цѣлая громада построекъ изъ краснаго кирпича, увѣнчанная двумя большими башнями и куполомъ тюремной церкви. Чтобы дать понятіе о громадныхъ размѣрахъ зданія довольно сказать, что со времени открытія тюрьмы весной 1872 года до 1-го января 1880 въ ней перебывало 34,869 арестантовъ и что ежедневно въ ней содержится не менѣе 7,000 человѣкъ.

Для помѣщенія такой массы заключенныхъ имѣется два громадныхъ зданія съ спальнями; для работъ же служатъ пять большихъ бараковъ. Какъ спальни, такъ и бараки достаточно просторны и свѣтлы и вообще безукоризненны въ гигіеническомъ отношеніи. Въ большихъ, общихъ спальняхъ каждая кровать отдѣлена отъ другой плотной, сплошной перегородкой. Такихъ изолированныхъ ночныхъ камеръ имѣется до 280. Два громадныхъ флигеля примыкаютъ къ главному, центральному зданію и заключаютъ въ себѣ тюремную контору, церковь и школу. Кромѣ того особая постройка предназначена для одиночнаго заключенія въ 300 келій и для помѣщенія 106-ти молодыхъ преступниковъ. Въ церкви и школѣ для каждаго содержащагося въ одиночномъ заключеніи устроено особое мѣсто въ видѣ шкафика, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. Во время богослуженія изъ этаго шкафика арестантъ свободно можетъ видѣть пастора, но не имѣетъ возможности сообщаться ни съ однимъ изъ своихъ товарищей по заключенію. Для прогу-

локъ каждое отдѣленіе тюрьмы имѣтъ свой особый дворикъ а среди дворика устроено возвышеніе, съ котораго надсмотрщики могутъ легко слѣдить за всѣми дѣйствіями движущихся кругомъ нихъ арестантовъ. Люди содержащіеся въ одиночномъ заключеніи выходятъ въ церковь, школу и на прогулку, не иначе какъ съ лицемъ закрытымъ кускомъ плотной матеріи съ отверстіями для глазъ. Въ тюрьмѣ примѣняется, какъ мы выше сказали, смѣшанная (modificirte) система; тутъ есть арестанты, которые сообща работаютъ, вмѣстѣ спятъ, прогуливаются, посѣщаютъ церковь и школу, и такихъ арестантовъ всего болѣе; другіе же работаютъ въ общихъ мастерскихъ, но спятъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; третьи же и работаютъ и спятъ совершенно изолированные въ своихъ кельяхъ, но вмѣстѣ съ другими посѣщаютъ церковь, прогулку и школу.

Самый строгій порядокъ соблюдается, какъ при работахъ такъ и при другихъ занятіяхъ каждаго арестанта. Заказныя работы производятся въ тюрьмѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ что напр. въ 1877 году заработной платы было получено на сумму болѣе чѣмъ на 184000 марокъ, изъ которыхъ заключенные получили на руки болѣе чѣмъ 58000 марокъ. Посѣщеніе школъ обязательно для всѣхъ арестантовъ недостигшихъ 25-ти лѣтняго возраста. Обученіе заключается въ чтеніи, письмѣ, преподаваніи ариѳметики, географіи и исторіи, на обязанности учителя кромѣ преподаванія въ школѣ, лежитъ еще посѣщеніе заключенныхъ и бесѣдованіе съ ними съ цѣлью ихъ умственнаго и нравственнаго развитія.

При тюрьмѣ три церкви, двѣ съ отдѣльными мѣстами для каждаго арестанта въ видѣ шкафиковъ и одна для содержащихся въ общихъ камерахъ; каждая церковь снабжена органомъ. Въ этихъ то храмахъ каждый праздникъ совершается нѣсколько божественныхъ службъ, которыя выслушиваются заключенными; кромѣ того помимо церкви каждый арестантъ получаетъ религіозное и нравственное наставленіе въ своей кельѣ, которую ежедневно посѣщаетъ тюремный пасторъ. На пасторѣ же лежитъ обязанность снабжать арестанта книгами, способными дѣйствовать благотворно на его умъ и сердце.

День въ тюрьмѣ Плецензее начинается въ 5 часовъ утра; люди содержащіеся въ общихъ камерахъ быстро поднимаются по звонку съ постелей и умывшись и прочитавъ утреннюю молитву, отправляются въ мастерскія, смотря по спеціальности каждаго. Начинается самая разнообразная работа; здѣсь занимаются портняжествомъ, шитьемъ обуви, картонажнымъ и переплетнымъ мастерствомъ, золоченіемъ, разными издѣліями изъ проволоки и жести и т. д. Особенно много выдѣлывается здѣсь искуственныхъ цвѣтовъ. Занимающіеся фабрикаціей искусственныхъ цвѣтовъ сидятъ за нѣсколькими столами; на одномъ даютъ цвѣтамъ первоначальную форму; на другомъ ихъ окрашиваютъ въ разные цвѣта; на третьемъ выводятъ жилки, вставляютъ стебельки, придаютъ имъ естественный блескъ и т. д. За послѣднимъ столомъ отдѣльные готовые цвѣты собираются и связываются въ букеты, которые и идутъ для продажи. Проработавъ въ мастерскихъ до 11 часовъ, арестанты отправляются на прогулку и послѣ прогулки садятся за обѣдъ. Ровно въ часъ работы возобновляются и въ нихъ не участвуютъ лишь тѣ, которые посѣщаютъ школу. Послѣ обѣда распорядитель работъ посѣщаетъ бараки, свидѣтельствуя кто что сдѣлалъ и отмѣчая успѣхи каждаго въ своей книжкѣ. Послѣ ужина слѣдуетъ общая перекличка и вечерняя молитва а затѣмъ всѣ заключенные расходятся по спальнямъ, гдѣ обязаны слушать нѣсколько времени чтеніе какой нибудь назидательной книги, и затѣмъ предаются сну, послѣ утомительнаго, трудоваго дня.

Содержащіеся въ одиночномъ заключеніи проводятъ время нѣсколько иначе; тутъ иное раздѣленіе часовъ для посѣщенія школы и для прогулки на отдѣльномъ, огороженномъ совсѣхъ сторонъ дворикѣ: работы же производятся въ кельѣ куда надсмотрщикомъ приносятся и завтракъ и обѣдъ. Эта строго-однообразная жизнь одиночнаго арестанта лишь разнообразится чтеніемъ, выучиваніемъ школьныхъ уроковъ, бесѣдами съ тюремнымъ насторомъ и посѣщеніемъ божественной службы. Съ особенною радостію встрѣчаютъ здѣсь каждый воскресный день, когда по призыву колокола, всѣ узники собираются въ церковь. Случается иногда, что звонъ колокола раздастся и ранѣе воскреснаго дня; это знакъ, что кто нибудь изъ заключенныхъ умеръ, что товарищи его заранѣе вызываются принять участіе въ отпѣваніи и выносѣ его тѣла. Заунывный хоръ арестантовъ, мрачная тюремная обстановка и напутственная рѣчь пастора производятъ даже на посторонняго зрителя впечатлѣніе.

По выходѣ изъ тюрьмы Плецензее каждый арестантъ поступаетъ подъ покровительство особаго общества, которое, по возможности устраиваетъ его дальнѣйшую судьбу и такимъ образомъ спасаетъ его отъ безпомощной нищеты, которая вообще является главною причиною повторенія преступленій.

Невольное, тяжелое чувство овладѣваетъ самымъ равнодушнымъ человѣкомъ, когда онъ видитъ столь извѣстную зеленую карету, окруженную конвоемъ и совершающую свой обычный путь, изъ тюрьмы въ судъ и обратно. Тяжело невольно подумать сколько злой воли, сколько звѣрства бываетъ въ преступникахъ, которыхъ приходится удалять отъ общества. Уже очень давно ведется странный споръ о надобности и пользѣ заключеній и наказаній преступниковъ — споръ, въ которомъ нелѣпо смѣшивается гуманное чувство къ преступникамъ съ вполнѣ безсердечнымъ отношеніемъ къ жертвамъ ихъ преступленій. Но къ чести законодательствъ, нигдѣ еще не устранена защита общества отъ посягательствъ на жизнь и имущество его членовъ, къ чему повидимому должны придти защитники устраненія наказаній. И теперь уже очень часто заключенный содержится въ условіяхъ лучшихъ чѣмъ онъ когда либо видѣлъ на свободѣ. Кромѣ того лишеніе свободы, разрушающее часто жизнь инаго человѣка, въ обществѣ поставленнаго извѣстнымъ образомъ, для многихъ, соединенное съ готовой квартирой и содержаніемъ, какого они не видали, едва ли представляетъ должное наказаніе, о чемъ уже говорятъ теперь германскіе криминалисты.

Въ средніе вѣка къ преступнику были безпощадны. Сырыя, недоступныя солнечному лучу подземелья, венеціанскія пломбы, желѣзныя клѣтки Бастиліи и другія приспособленія, указываютъ какъ смотрѣли тогда на это дѣло. Теперь этого нѣтъ. Современная тюрьма является уже не орудіемъ пытки, не казнью, но средствомъ въ рукахъ власти для исправленія порочныхъ членовъ общества, исправленіемъ которое однако достигается довольно рѣдко при всѣхъ современнѣйшихъ пріемахъ, по признанію спеціалистовъ дѣла. Цѣль благородна безспорно, но забота о спокойствіи и безопасности *честной и мирной части населенія* въ государствѣ, конечно должна идти прежде всего. И никакія статистическія данныя, (которыми между прочимъ можно дѣйствовать довольно произвольно) не могутъ побѣдить простаго убѣжденія здраваго смысла, которое подтверждаетъ практика, что боязнь грядущаго наказанія останавливаетъ многихъ людей съ преступною волею отъ совершенія ихъ низкихъ замысловъ. Форма заключенія, лишенія свободы какъ удаленіе изъ среды общества и наказаніе человѣка преступнаго, практиковалась еще въ самой глубокой древности; болѣе подробныя описанія тюремъ мы встрѣчаемъ лишь у римскихъ писателей, по словамъ которыхъ тюрьмы того времени были похожи на логовище звѣрей, но не на людскія жилища. Старая, полуразрушенная башня, ветхое, ни къ чему негодное зданіе, сырой, смрадный подземный погребъ были мѣстомъ, гдѣ проводили подсудимые цѣлые годы. Цицеронъ, описывая тюрьму въ Сициліи, говоритъ, что осужденныхъ бросаютъ въ тюрьму и имъ запрещено приносить пищу и питье. Нечего и говорить что въ суровую эпоху среднихъ вѣковъ, положеніе тюрьмы оставалось въ прежнемъ видѣ. Въ эту эпоху каждый замокъ имѣлъ свои тюрьмы, сырыя и мрачныя. Кромѣ того, повсюду, въ мѣстахъ заключенія свирѣпствовали повальныя болѣзни, иногда разомъ уничтожавшія все населеніе тюрьмы. Такъ въ Ньюгетѣ въ 1414 году отъ тюремной горячки умерли смотритель тюрьмы, надзиратель и 64 арестанта, а въ 1577 году во время засѣданія ассизовъ въ Оксфодскомъ судѣ въ теченіи сорока часовъ отъ тюремной же горячки погибли: главный судья, шерифъ и болѣе чѣмъ 300 человѣкъ изъ присутствовавшей публики. Эти несчастныя ассизы 1577 года извѣстны и въ исторіи, подъ именемъ „Черныхъ ассизовъ".

Не смотря на такіе факты, положеніе преступниковъ не обращало на себя серьезнаго общественнаго вниманія; филантропія ограничивалась посѣщеніемъ заключенныхъ и оказавъ имъ матеріальное пособіе, исполнивъ христіанскій долгъ, каждый благотворитель спѣшилъ выйдти изъ тюрьмы, чтобы не сдѣлаться жертвою заразы.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Къ рисункамъ.

Дѣти.

(Рис. К. Е. Маковскаго).

Мы уже неоднократно помѣщали въ „Нивѣ" рисунки талантливаго нашего профессора и сообщали свѣдѣнія о его жизни и произведеніяхъ. Разнообразному и блестящему таланту его доступны самыя различныя стороны искусства и какъ въ жанрѣ такъ и въ портретѣ и даже пейзажѣ онъ одинаково является мастеромъ. Но съ особенною любовью и выраженіемъ рисуетъ онъ дѣтскія личики, которыя у него всегда исполнены той чудной, милой граціи выраженія, которая присуща только ребенку. Настоящая картинка относится къ этому роду его произведеній, особенно ему удающихся.

Венеціанка.

Когда Венеція поражала міръ своимъ блескомъ и величіемъ, тогда и венеціанки блистали на этомъ постоянномъ карнавалѣ, на безконечныхъ праздникахъ Царицы морей. Кромѣ наслѣдственной красоты, дочь старой Венеціи получала въ наслѣдіе еще энергію и ту силу характера, которыя являлись необходи-

мыми при постоянныхъ бурныхъ междоусобіяхъ и при борьбѣ партій великой республики.

Среди развалинъ и запустѣнія нынѣшней Венеціи красота еще не оскудѣла, еще сохранился типъ этихъ красавицъ съ правильными чертами лица, роскошно развитыми формами, съ глубоко-темными, искристыми глазами и съ густою изсиня-черною косой. Эти прелестные типы въ изобиліи встрѣчаются еще на Піацеттѣ, или мелькають въ тихо-плывущихъ гондолахъ, или виднѣются на причудливыхъ балконахъ, висящихъ надъ пустыннымъ каналомъ. Одинъ изъ такихъ обычныхъ, народныхъ венеціанскихъ типовъ, полный оригинальной прелести, и представленъ на картинѣ Ланделя.

Похороны среди океана.

Жизнь на этомъ носящемся по великимъ волнамъ островкѣ имѣетъ свои особенности и свои оригинальныя условія. Самая смерть—этотъ неизбѣжный конечный актъ жизни—здѣсь обставляется иначе чѣмъ на твердой землѣ.

Моряки вообще тяготятся, говорятъ, когда на ихъ суднѣ случится покойникъ, особенно если онъ находится долго между ними. Между матросами существуетъ повѣрье, что акулы всегда преслѣдуютъ корабль, на которомъ есть покойникъ и будто они, чуя добычу, даже предвѣщаютъ смерть трудно-больному. Продолжительные противные вѣтры и разныя несчастія приписываются присутствію на суднѣ покойника. Грустную кончину моряка, плывущаго по безпредѣльному океану, не заявляютъ странѣ телеграммы и газеты какъ смерть героя-воина, павшаго въ сухопутномъ дѣлѣ а между тѣмъ борьба его тяжела и трудъ также великъ.

Когда нѣтъ надежды на жизнь больнаго, врачъ докладываетъ объ этомъ вахтенному офицеру и о смерти тотчасъ доводятъ до свѣденія капитана. Прислуга обмываетъ, одѣваетъ мертвеца, составляютъ о смерти протоколъ въ присутствіи дежурнаго, за‘иваютъ трупъ въ койку и въ ноги кладутъ два чугунныхъ ядра. Затѣмъ помѣщаютъ покойнаго на рѣшетчатомъ люкѣ около гротъ люка или, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, на палубѣ между орудіями у одного изъ бортовъ, такъ что онъ ногами выдается за бортъ. На слѣдующій день около 11 ч. утра звонятъ въ колоколъ къ погребенію. Когда приготовленія окончены, священникъ, а если его нѣтъ на суднѣ, то капитанъ или кто нибудь изъ офицеровъ читаютъ отходную. Если представляется малѣйшая возможность предать прахъ землѣ, то всегда пользуются такимъ случаемъ. При началѣ чтенія молитвы выдвигаютъ люкъ за бортъ; ноги покойнаго, у которыхъ положены два ядра, по тяжести тянутъ тѣло внизъ, въ глубину океана.

Въ хорошую погоду эта мрачная погребальная церемонія не производитъ такаго тяжелаго впечатлѣнія какъ въ сѣрый день, въ холодное бурное время, когда шумитъ дождь и вѣтеръ, завывая между хлопающими снастями, какъ бы дополняетъ печальную церемонію.

Памятникъ Г. Х. Андерсену.

(Рис. на стр. 649).

Въ Копенгагенѣ есть мѣсто особенно любимое дѣтьми въ Королевскомъ Розенборгскомъ паркѣ, въ родѣ мѣста нашего Императорскаго Лѣтняго Сада близъ памятника Крылова. Въ этомъ то мѣстѣ поставлена статуя знаменитаго Датскаго писателя Г. Х. Андерсена; открытіе ея послѣдовало очень недавно, 26-го іюня. Даже поза, какъ видно на нашемъ рисункѣ, отчасти похожа на позу Крылова въ Лѣтнемъ Саду. Естественность и свобода посадки и добродушное выраженіе лица поэта переданы прекрасно скульпторомъ г. Сааби. Бюстъ вышиною около двухъ съ половиною аршинъ на пьедесталѣ краснаго гранита, утвержденномъ на необтесанной гранитной же глыбѣ. На лѣвой сторонѣ золотыми буквами надпись: „Г. Х. Андерсенъ, род. 2-го апр. 1805, ум. 4-го авг. 1875 г. Надпись окружена лавровымъ вѣнкомъ. На правой сторонѣ барельефъ изображаетъ разные эпизоды изъ его безсмертныхъ сказокъ.

За Андерсеномъ, какъ за геніальнымъ сказочникомъ, упрочена всемірная извѣстность; сказки его переведены на всѣ европейскіе языки и читаются всѣми съ истиннымъ наслажденіемъ; особенно ихъ любятъ дѣти, такъ какъ никто такъ не понималъ ихъ вкуса, не зналъ ихъ радостей и печалей такъ, какъ Андерсенъ, воплощая ихъ въ своей мечтательной, нѣжной, дѣтски наивной поэзіи и въ своихъ чудныхъ, волшебныхъ сказкахъ.

Родился поэтъ въ 1805 году въ Одензе на островѣ Фіонія. Предки его были богаты, но вслѣдствіе разныхъ неудачъ и несчастій они лишились всего своего состоянія и дошли до полной нищеты.

Когда Андерсенъ подросъ, его помѣстили рабочимъ на фабрику, на которой онъ проводилъ большую часть дня, удѣляя лишь небольшое количество времени для посѣщенія элементарной школы, гдѣ преподавалась грамота и начало счисленія. Потерявъ на 12-мъ году послѣднюю свою опору—отца, Андерсенъ задумалъ самъ себѣ пробить дорогу и сдѣлаться актеромъ.

Исполненный самыхъ розовыхъ надеждъ, нашъ юный поэтъ рѣшился тотчасъ же привести въ исполненіе свое намѣреніе и отправился въ Копенгагенъ. Здѣсь ожидалъ его цѣлый рядъ самыхъ грустныхъ разочарованій и полнѣйшая нищета, пока не удалось ему, съ помощью профессора музыки Сибони, опредѣлиться хористомъ въ оперу. Но вскорѣ онъ потерялъ голосъ и долженъ былъ изъ оперы перейти въ танцовщики и выдѣлывать разныя па въ балетахъ за самое грошевое содержаніе. Поэтъ страдалъ отъ холода и голода, но его не покидала ни рѣшимость, ни энергія. Наконецъ судьба сдѣлалась къ нему болѣе благосклонной; въ немъ принялъ участіе директоръ театра Колленъ и по его протекціи поэтъ былъ принятъ на казенный счетъ въ одну изъ провинціальныхъ гимназій. Объ этомъ времени труднаго ученья Андерсенъ всегда вспоминалъ съ большею горечью чѣмъ о своихъ страданіяхъ въ рядахъ кордебалета. Девятнадцатилѣтнему юношѣ приходилось учиться съ азовъ въ сообществѣ дѣтей и суровыхъ педагоговъ, но искусъ прошелъ благополучно и Андерсенъ пріобрѣлъ право поступленія въ Копенгагенскій университетъ. Изъ университета ему уже открывалась широкая дорога; извѣстные писатели Эленшлегеръ, Орсмедтъ и Нюгеманнъ приняли въ немъ участіе, рекомендовали его королю и по ихъ ходатайству Андерсену было назначено пособіе, съ помощью котораго онъ въ 1833 и 1834 годахъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Италію. Въ 1837 году появился его первый романъ „Импровизаторъ“ — живая картина богатой приключеніями жизни артиста среди итальянской природы и среди памятниковъ античнаго искуства—и извѣстность его была упрочена. Кромѣ романовъ Андерсенъ писалъ стихотворенія, театральныя піески и помѣщалъ много статей въ разныхъ журналахъ, но самый большой успѣхъ имѣли его чудныя, несравненныя сказки. Послѣдніе годы жизни поэтъ провелъ въ уединеніи, изрѣдка напоминая о себѣ меланхолическимъ стихотвореніемъ. Умеръ Андерсенъ 4 Августа 1875 года и несмѣтная масса народа провожала его до послѣдняго жилища.

Политическое обозрѣніе.

Сепаратистское движеніе въ Турціи.— Ультиматумъ державъ Портѣ по черногорскому вопросу.—Новое рѣшеніе греческаго вопроса.—Ишльское свиданіе.—Поляки и русины.—Проектъ кн. Висмарка о налогахъ.—Гладстонъ и его проектъ о фермерахъ.—Абдурахманъ-Ханъ.—Маркизъ Цзенгъ.

Нѣсколько времени тому назадъ мы обратили вниманіе читателей на обозначившееся въ предѣлахъ оттоманской имперіи, своего рода сепаратистское движеніе, указавъ, притомъ, на Албанію, Сирію. Теперь къ этимъ двумъ составнымъ частямъ имперіи надо прибавить Аравію. Арабскія племена замышляютъ совершенно отдѣлиться отъ Турціи и, объявивъ султана Абдулъ-Гамида недостойнымъ сана калифа, провозгласить религіознымъ главою ислама Меккскаго шерифа Абдулъ-Муталиба-Пашу. Въ движеніи этомъ, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, принимаютъ, кромѣ Аравійскаго полуострова, участіе и Мессопотамія, а также и египетскіе арабы. Племена Аравіи, однако, прежде окончательнаго отложенія своего, намѣреваются обратиться къ Портѣ съ ультиматумомъ, состоящимъ изъ 10 пунктовъ и въ которомъ требуютъ себѣ права избирать, путемъ всеобщей подачи голосовъ (всеобщая подача голосовъ въ Аравіи!) губернатора и всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ а также назначать судей и сборщиковъ податей; подати предполагается расходовать, преимущественно, на мѣстныя потребности и только излишекъ передавать въ султанскую казну.

На дняхъ Портѣ пришлось выслушать еще одинъ ультиматумъ. 3-го августа (н. с.) старѣйшій изъ членовъ дипломатическаго корпуса въ Константинополѣ, германскій посланникъ, графъ Гацфельдъ, передалъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, Абеддину-Пашѣ, коллективную ноту державъ относительно Черногоріи (князь Николай, въ виду турецкихъ замедленій и пограничныхъ нападеній албанцевъ, приказалъ своему дипломатическому агенту выѣхать изъ Константинополя). Въ нотѣ требуется державами, чтобы Порта, въ теченіи трехъ недѣль, или выполнила конвенцію 12-го Апрѣля, по которой обязалась уступить Черногоріи Земскій округъ, или же передала князю Николаю Дульциньо; въ противномъ случаѣ передъ Дульциньо появится эскадра военныхъ кораблей державъ, подписавшихъ Берлинскій договоръ. Абеддинъ-Паша уже отвѣтилъ, что оттоманское правительство надѣется уладить турецко-черногорскій вопросъ еще до истеченія трехъ недѣль.

Греческій же вопросъ остановился на грозной... точкѣ замерзанія. До сихъ поръ—ни одна держава еще не развела паровъ у своихъ военныхъ судовъ и броненосцевъ и королю эллиновъ сталось уже самому сдѣлать первый шагъ: онъ издалъ декретъ о мобилизаціи войскъ.

Между тѣмъ, въ греческомъ вопросѣ Англія и Франція встали въ какое-то нѣсколько странное положеніе другъ къ другу. Французская пресса, рѣзко высказываясь противъ участія страны въ морской демонстраціи, въ то же время указываетъ на намѣреніе Англіи, будто бы, втянуть Францію въ рискованную политику. Въ Англіи отвѣчаютъ полнѣйшимъ молчаніемъ на задиранія прессы. Устами Гладстона выражаютъ серьезную го-

(Продолженіе на стр. 649, 650, 651, 652).

товность (какъ уже мы сообщали) добиться цѣли безъ помощи Франціи, даже безъ чьей либо помощи, вообще, и именно посредствомъ блокады турецкихъ гаваней.—Можетъ быть, однако, дѣло еще имѣетъ нѣкоторые шансы на миролюбивый исходъ, такъ какъ пришло извѣстіе, что Турція желаетъ предложить Греціи вмѣсто назначенныхъ ей южныхъ округовъ Θессаліи и Эпира, островъ Критъ. Раздаются уже голоса, совѣтующіе Греціи согласиться на замѣну эту, чтобъ избѣжать кровопролитной борьбы съ албанскими племенами Эпира и Θессаліи, которыхъ, несомнѣнно, стали бы поддерживать подготовляемыя и отчасти уже подготовленныя для того регулярныя турецкія войска.

Князь Миланъ съ супругой прибылъ (инкогнито) въ Вѣну, откуда поѣдетъ въ Ишль (вѣроятно, онъ уже тамъ теперь). Онъ привезъ съ собою записку относительно торговаго договора между Сербіей и Австріей; въ дѣлѣ этомъ, князь выказываетъ гораздо болѣе уступчивости, нежели первый министръ Ристичъ. Сговорчивость его свѣтлости объясняется „горячимъ“ желаніемъ установленія дружественныхъ отношеній съ великой сосѣдней державой (такъ много сдѣлавшей для княжества во время освободительной войны 1876 года!) Эта поѣздка князя Милана въ Ишль пріобрѣтаетъ нѣсколько болѣе крупное значеніе, если принять во вниманіе, что туда же и въ это же самое время пріѣзжаютъ императоры Германскій, Австрійскій и князь Румынскій...

Изъ Ишля императоръ, какъ слышно, отправится въ Галицію. Тамъ ждутъ его несчастные русины, предоставленные въ полное распоряженіе и рабство полякамъ. Тяжело рабство это. Поляки начали съ того, что забрали въ свои руки и полонизировали всѣ училища русинъ, препятствуя открытію новыхъ; въ университетахъ оффиціальнымъ языкомъ принятъ польскій; въ странѣ, чисто русинской, теперь нѣтъ ни одного доктора, адвоката, нотаріуса, который не принадлежалъ бы польской партіи; русины изгнаны, разными ухищреніями, и изъ рейстага и мѣстнаго сейма: русинское большинство имѣетъ всего четыре или пять депутатовъ! Само собою понимается что голосъ ихъ заглушенъ. Русины ждутъ императора, чтобы возвысить теперь голосъ этотъ передъ лицемъ его. Они готовятъ ему отдѣльно свою встрѣчу. Будетъ ли услышанъ подавленный крикъ измученнаго народа?

Памятникъ датскому писателю Г. Х. Андерсену, въ Копенгагенѣ.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Князь Бисмаркъ уже приступилъ къ подготовленнымъ работамъ по своему проэкту новыхъ налоговъ. Недавно въ Кобургѣ происходилъ съѣздъ министровъ финансовъ всѣхъ союзныхъ германскихъ государствъ; министры собрались для обсужденія этаго предмета, но, повидимому, обмѣнъ мыслей не привелъ еще ни къ какому результату. По слухамъ, либеральныя стороны парламента намѣрены выступить противъ проэкта. Въ такомъ случаѣ канцлеръ, говорятъ, намѣренъ опереться на коалицію консервативно-клерикальныхъ лицъ. „Желѣзный князь“ умѣетъ создавать опору себѣ и, вѣроятно, добьется своего.

Гладстонъ (здоровье его поправляется, онъ былъ боленъ воспаленіемъ легкаго) однако, не добился того, чтобы прошелъ проектъ о вознагражденіи ирландскихъ фермеровъ: проэктъ отвергнутъ, значительнымъ большинствомъ, въ палатѣ лордовъ, гдѣ противъ него энергически возставалъ лордъ Биконсфильдъ. Кабинетъ Гладстона намѣренъ предпринять болѣе солидную аграрную реформу—именно выкупъ ирландскими фермерами земель, которыя они арендуютъ. Странная параллель встаетъ въ воображеніи, когда поставить рядомъ цивилизованныхъ англичанъ, отстаивающихъ у себя тяжелое экономическое рабство,—и насъ, русскихъ варваровъ, по одному слову Царя уничтожившихъ рабство у себя!

Абдурахманъ-Ханъ, наконецъ, сдѣлался формально эмиромъ Авганскимъ. 14-го іюля онъ вступилъ на престолъ. Во всѣхъ мечетяхъ Авганистана отслужены были, по этому случаю, благодарственныя молебствія. Города на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи были иллюминованы, въ Мазари-Шерифѣ произведенъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ (совсѣмъ по европейски!) Англичане отступили къ Гандамаку. Что-то еще скажетъ соперникъ эмира—Эюбъ-Ханъ?

Маркизъ Цзенгъ, по слухамъ, уполномоченъ только передать о томъ, что правительство Богдыхана желаетъ закончить вопросъ о Кульджѣ миролюбивымъ образомъ и съ тѣмъ, чтобы переговоры происходили въ Пекинѣ. Этимъ, какъ кажется, и ограничиваются всѣ полномочія только что пріѣхавшаго китайскаго посланника. Съ нашей стороны, какъ предполагаютъ, переговоры будетъ вести нынѣшній посланникъ въ Пекинѣ, г. Бицовъ.

Смѣсь.

Ураре,—Урали,—Кураре—Ксораре. Подъ этими именами извѣстенъ ядъ, употребляемый дикарями Южной Америки для отравленія стрѣлъ. Первыя свѣдѣнія о немъ сообщены извѣстнымъ англійскимъ путешественникомъ Вальтеромъ Рали около 1618 года. Какъ въ названіи яда, такъ и въ силѣ его дѣйствія замѣчается разница въ различныхъ мѣстахъ; условія мѣстности имѣютъ значительное вліяніе на большее или меньшее содержаніе ядовитаго вещества въ растеніяхъ, изъ коихъ добывается Урари.

Долгое время ядъ этотъ считался какимъ-то таинственнымъ веществомъ; составъ его и способъ приготовленія сохранялись въ секретѣ. Гумбольтъ первый упоминаетъ о простомъ растительномъ происхожденіи этого яда, добываемаго изъ сока растеній семейства „Strychnos". Другіе путешественники и ученые утверждали, что сгущенный сокъ Strychnos есть только суррогатъ яда различныхъ змѣй и муравьевъ съ прибавленіемъ вытяжки кайенскаго перца.

Изъ туземцевъ только спеціалисты-колдуны занимаются приготовленіемъ Урари; они стараются окружать этотъ несложный процессъ таинственностью и сопровождаютъ его разными заклинаніями, имѣющими будто бы чудодѣйственную силу. Извѣстный англійскій путешественникъ Шомбургъ сообщилъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о растеніяхъ, изъ коихъ добывается Урари, и способѣ его приготовленія среди дикарей Гвіаны, живущихъ у подножія горнаго хребта Кануку въ округѣ Макузи. Разные виды Strychnos, произрастающіе на склонахъ горъ въ этой мѣстности отличаются значительнымъ содержаніемъ яда; а одинъ изъ жителей деревни Урипаи славился приготовленіемъ Урари.

Помимо колдовства и чудодѣйственныхъ заклинаній самый процессъ производства оказывается весьма простымъ. *) Смѣсь разныхъ ядовитыхъ веществъ варится въ теченіи сутокъ въ водѣ до густоты сиропа; затѣмъ процѣживается, окончательно выпаривается на солнцѣ, пока получится густая бурая масса, похожая на кофейную гущу.

Сила дѣйствія яда не уменьшается въ теченіи двухъ лѣтъ приблизительно; когда же онъ засохнетъ, то его разводятъ свѣжевыжатымъ сокомъ изъ Маніока (Manihok utilissima), чѣмъ и возстановляется снова его дѣйствіе. На вкусъ Урари чрезвычайно горекъ; при нагрѣваніи имѣетъ запахъ шоколада. Онъ растворяется весьма легко въ водѣ, въ спиртѣ, эфирѣ, съ чистой сѣрной кислотой даетъ синее окрашиваніе.—Съ кислотами даетъ соли.

Главное дѣйствующее начало Урари есть Ураринъ—безкислородный алколоидъ. Его дѣйствіе въ 20 разъ сильнѣе Урари. Опыты надъ животными показали, что ядъ этотъ, введенный подъ кожу, очень быстро производитъ параличъ движеній зависящихъ отъ воли и только спустя болѣе или менѣе продолжительное время наступаетъ параличъ непроизвольныхъ мышцъ —дыханія и сердцебіенія и затѣмъ наступаетъ смерть.

При несмертельныхъ дозахъ замѣчается весьма усиленное движеніе кишекъ и обильное отдѣленіе пота, съ которымъ Урари и выдѣляется совсѣмъ изъ организма. При впрыскиваніи даже смертельныхъ дозъ Урари подъ кожу—опасный исходъ можетъ быть значительно отдаленъ или даже отвращенъ совсѣмъ если отъ времени до времени перевязывать мышцу выше мѣста впрыскиванія.

У людей, при случайныхъ отравленіяхъ малыми дозами Урари, попадавшими на соединительную оболочку глазъ, въ носъ, на раны,—наблюдали очень сильную, особенную, сдавливающую боль головы, головокруженіе, сильную усталость, усиленную жажду и, что особенно замѣчательно, чрезвычайно обильное отдѣленіе пота, слезъ, слюны и т. п.

Какъ лекарство Урари употребляется при эпилепсіи (падучей болѣзни) нѣкоторыхъ формахъ столбняка, отравленіяхъ стрихниномъ и въ послѣднее время при водобоязни; но наблюденія надъ его дѣйствіемъ такъ немногочисленны, и невыработаны, что положительныхъ результатовъ изъ нихъ вывести еще нельзя.

Колумбійскій врачъ Арончо сообщаетъ интересныя свѣденія еще объ одномъ ядѣ для стрѣлъ въ Южной Америкѣ, добываемомъ изъ особенной породы жабъ, называемой Неачра. Изловивъ съ большими предосторожностями эту жабу, ее перевязываютъ по срединѣ тѣла и подвѣшиваютъ на треножникѣ надъ огнемъ такъ, чтобы она возможно долѣе оставалась жива. При этомъ изъ подъ покрововъ гада истекаетъ жидкость, употребляемая для отравленія стрѣлъ. Этотъ ядъ дѣйствуетъ еще сильнѣе Кураре, но лишь впрыснутый подъ кожу или введенный инымъ образомъ въ кровообращеніе; принятый же внутрь, остается безъ всякаго дѣйствія, какъ и всѣ животные яды. По наблюденіямъ Андре дикая коза, раненная стрѣлой, отравленной жабьимъ ядомъ, умирала черезъ 2 минуты; ягуаръ черезъ 4 минуты. Противоядія жабьему яду не существуетъ, такъ что дикій Гвіаны, случайно раненный этимъ ядомъ напитанною стрѣлою, немедленно ложится въ такое положеніе, въ какомъ желаетъ предстать предъ Высшее Существо.

*) 20 фунтовъ Strychnos toxifera, по $1/4$ ф., Str. Iakki. Str. cogens (arimara), Str. Macarimo, по $1/2$ унціи растенія Tarireng и корня Maromu (cissus spinosa), далѣе 3 ф. Манихи (Xonthoxyleae) весьма горькое вещество.

Разныя извѣстія.

Опыты. Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца сего года будутъ производиться близь Петербурга весьма интересные опыты съ новыми американскими жатвенными и сноповязальными машинами фирмы „Buckeyes". Эти машины будутъ жать и одновременно связывать снопы. Для землевладѣльцевъ эти опыты будутъ конечно имѣть большой интересъ, такъ какъ означенныя машины въ сравненіи съ ручной рабочей силой имѣютъ громадное преимущество въ скорости работы и дешевизнѣ. Ими можно обработывать около восьми десятинъ въ день, т. е. столько же, сколько могутъ исполнить въ это же время отъ 50 до 60 человѣкъ. Конкурируя на выставкѣ въ Англіи, Америкѣ и во Франціи съ машинами другихъ фабрикантовъ, онѣ удостоены были первыхъ золотыхъ медалей.

Агентъ въ Петербургѣ г. Клугъ (по Вознесенскому пр. № 11) объявитъ заранѣе день и мѣсто, гдѣ будутъ производиться эти опыты, а также разъяснитъ все, касающееся этаго предмета.

Живыя ламбрекины. Простую губку обдаютъ кипяткомъ, продѣваютъ сквозь нее шнуръ или ленту, одинъ конецъ которой завязываютъ узломъ. Въ норы губки насаживаютъ сѣмена незабудокъ, фіалокъ, Иванъ да Марьи и разныхъ травъ. Такую губку вѣшаютъ на окнѣ, на солнцѣ и постоянно смачиваютъ ее водою. Черезъ недѣлю сѣмена начинаютъ всходить и губка образуетъ зеленый мячъ. При правильной поддержкѣ влажности, вскорѣ показываются и цвѣты. Такими губками, насаженными на шнуры, можно красиво убрать окна. Вмѣсто губокъ для этой цѣли берутъ и сосновыя шишки. Сѣмена тогда вкладываются за чешую и присыпаются землею или обкладываются мохомъ. Точно также и шишки слѣдуетъ держать постоянно влажными.

Тараканы какъ народное лѣкарство. Въ деревняхъ порошокъ изъ высушенныхъ черныхъ тараканов давно употребляется какъ лѣкарство и это нельзя считать вздоромъ, суевѣріемъ, а тараканы дѣйствительно обладаютъ такимъ дѣйствіемъ. Такое же врачебное свойство было испытано въ клиникѣ проф. Боткина, въ Петербургѣ, и оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ у больныхъ страдающихъ водянками, отъ пороковъ сердца, болѣзней печени и почекъ. Д-ръ Богомоловъ, который первый научно сталъ изслѣдовать это свойство черныхъ таракановъ, нашелъ въ нихъ особый алколоидъ или особое сильно дѣйствующее начало, которое онъ назвалъ антигидропиномъ.

Продажа автографовъ. На дняхъ въ Лейпцигѣ происходила аукціонная продажа автографовъ. Самые интересные изъ нихъ проданы: письмо королевы Елисаветы англійской за 375 фр.; письмо Джона Локка къ Тойяру въ Парижѣ, за 201 фр.; письмо Кальвина за 125 фр.; манускриптъ Гайдна—344 фр.; манускриптъ Шуберта—162 фр.; манускриптъ Бетховена—144 фр.; письмо Вебера—185 фр.; маленькая записка Фридриха Великаго—99 фр.; записка Вольтера—149 фр.; письмо Гете—75 фр.; два письма Шиллера—349 франк., два письма Лессинга, одно —351 фр., другое—348 фр.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 56.

$I = x$; $II = y$; $III = z$; $IV = u$.

$x - z = y + z$	$x - y = 2\ z$
$2\ (x + y) = 52$	$2\ x + 2\ y = 52$
$x - 2\ (z + u) = 7$	$x - 2\ z - 2\ u = 7$
$x + n = 2\ y$	$x + u = 2\ y$

$$\left.\begin{aligned} x &= 17 = Р \\ y &= 9 = И \\ z &= 4 = Г \\ n &= 1 = А \end{aligned}\right\} \text{Рига.}$$

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы. **Спб.** Пазухава, Новоселова, Козловой, Иванова, Венертъ, Васенко, Ворнеманъ, Вергманъ; **Москва:** Галактіонова, Воборси, Михайлова, Эгертъ, Лебедева, Гилль, Коробкова, Галинова, Верт—ьдъ, Бровкина, Сегалова, Франковскаго, Зѣвакина, Варсукова; **Ковель**—Бѣльковича, **Калуга**—Ивановскаго, **Н. Новгородъ**—Обухова, **Харьковъ**—Бобкова, **Коломна**—Крылова, **Рига**—Галушка, **Одесса**—Кріона, Пфейфера, **Новгородъ**—Мстиславв, Чмутова, **Кіевъ**—Пасютина, **Кронштадтъ**—Фабръ, **Муромъ**—Дегтярева, **с. Вешняки**—Матвѣева, **Казань**—Шенвина, Нагулло, **Ковно**—Іовецъ, **Шуя**—Щеколдина, **Ростовъ на Дону**—Данилова, **Елизаветградъ**—Ясуржембскаго, Сахневича, **Слуцкъ**—Коссовскаго, **с. Медвѣдь**—Лейцингеръ, **ст. Ушаки**—Ненастнаго, **Весьегонскъ**—Асыркова, **Вильна**—Булича, **Гельсингфорсъ**—Ляжинскаго, **Динабургъ**—Степанова, Мовшензона, **Усть-Ижора**—Ж. В., **Дрисса**—Теченса, **Фаустово**—Иванова, **Люблинъ**—Ровенталь, Тушакевича, **Варшава**—Соловейчика, Сонова, **Тукумъ**—Милюкова, **Рязань**—Лаврова, **Брянскъ**—Писаренко, **Тула**—Кулакова, **Минскъ**—Иванова, **Ржевъ**—Воронина, **Серпуховъ**—Иконникова, **Нерехта**—Крылова, **Вологда**—Смѣлкина, Аврорина, **м. Почепъ**—Подольскаго, **Бѣлгородъ**—Гурѣева, **Касимовъ**—Умповъ, **Кременчугъ**—Березинскаго.

Рѣшеніе задачи буквъ № 54.

1) щи, 2) шуба, 3) сто, 4) вы, 5) Корсовъ, 6) ядъ, 7) но, 8) дыня, 9) юрій, 10) точка, 11) смѣхъ, 12) оводъ, 13) вяги, 14) до, 15) осел, 16) ров.

П	и	с	е	м	с	к	і	й
				Т				
			ы	с	я			
		ч	а	д	у	ш		
	ъ	Б	о	я	р	щ	и	
н	а	В	ъ	в	о	д	о	в
о	р	о	т	ѣ	Л	ю	д	и
	с	о	р	о	к	о	в	
		ы	х	ъ	г	о		
			д	о	в			
				ъ				

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг. Высоцкой, Урьева, Изъайлова, Цвишина, Копылова, Г—па, Шишкина, Микко-Руси; **Москва**—Юдина, Вѣликина, Зѣввѣшна, Байкова, Корешкова, Барсукова, Шпарро; **с. Вишнаки**—Матаѣева, **Петергофъ**—Зейме, **Хортоно**—Безобразова, Шмидтъ, Церетели, **Казань**—Порѣцкаго, Нагулло, **ст. Хотынецъ**—Апухтина, **Шуь**—Щеколдина, **Рига**—Галушкина, **Одесса**—Пфейферъ, **ст. Буцынь**—Дагаева. **Кострома**—Солодовникова, **Весьегонскъ** Асыркова, **Ковель**—Вѣльковичъ, **Ковно**—Іовецъ, **Кронштадтъ**—Даржакъ, Фабръ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 50.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 32 на № 28	Съ № 24 на № 31
„ № 9 „ № 13	„ № 31 „ № 9
„ № 6 „ № 10	„ № 14 „ № 5
„ № 2 „ № 6	„ № 15 „ № 2
„ № 30 „ № 16	„ № 8 „ № 15
„ № 7 „ № 11	„ № 15 „ № 6
„ № 4 „ № 14	„ № 19 „ № 10
„ № 21 „ № 26	„ № 29 „ № 22
„ № 25 „ № 18	„ № 22 „ № 13
„ № 16 „ № 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы: **Спб.** отъ гг. Григорьева, Журкина, Перминова, Карева, Румянцева, Некрасова, Дырейкова, Валкашина. Геннинга, Мявнина; **Москва**—Ваннова, Шапошникова, Быднова, Косырева, Сорокова, Веденѣева; **Сергев. пос.** Сычова; **Брянскъ**—Успенскаго; **Н. Новгородъ**—Вовина, Обухова; **Свеаборгъ**—К. С.; **Угличь**—Квлащикова; **Самара**—Лувгина; **Елецъ**—Волуйскаго; **Орелъ**—Штернбергъ, **Копысь** — Гинзбурга, **Рыбинскъ**—Казакова; **Таганрогъ**—Кочеткова, Тіанова.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣденія выдаются и высылаются безплатно.

ВЫШЛА АВГУСТОВСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

Преступленіе Марсыла, Луи Ульбаха.—**Что въ имени тебѣ моемъ?** Э. Д. Джерарда.—**Трагическое наслѣдство**, Констана Геру (окончаніе).—**Паровой домъ**, путешествіе по Сѣверной Индіи, Жюля Верна.—Амуръ въ открытомъ морѣ.—Собачье чутье.—Въ двѣнадцать часовъ дня.

Кромѣ романа оконченнаго въ этой книгѣ, въ нынѣшнемъ году окончено еще четыре: **Сломанный вѣеръ**, Арсена Гуссе; **Намѣреніе мистера Стюарта**, Ф. Робинсона: **Слѣды на снѣгу**, Доры Россель. **Терновый замокъ**, Луи Ульбаха.

Къ печати приготовлено: **ГВАРАНИСЪ**, Густава Эмара. **СПРЯТАННОЕ ЗОЛОТО**, Френка Баррета. **ДѢТИ ГЕРЦОГА**, Энтони Троллопа.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ **большаго формата** выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца и составляющихъ въ годъ около **пяти тысячъ** страницъ, безъ доставки **десять** руб. **пятьдесятъ коп.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать руб.**, для иногороднихъ подписчиковъ—**двѣнадцать**. Подписка принимается **исключительно на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

Подписка продолжается. Выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1-го.

При редакціи открыта книжная торговля. **Каталогъ высылается безплатно.** № 732 1—1

№ 7 ВЛАДИМІРСКАЯ № 7

ДЛЯ САДОВЪ И КОМНАТЪ

БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ:

Красный, зеленый, синій, фіолетовый и пр. цвѣта въ патронахъ по 15 и 25 коп.
Электрическій свѣтъ 20 коп.
Огнодышащія колеса 20 коп.
Римскія свѣчи и волшебные звѣзды.
Огнедышащія колеса 20 к.
Фонари для иллюминаціи отъ 4 к.
Продажа оптомъ и въ розницу.
Иногородные заказы исполняются немедленно. Депо Химическихъ лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.

№ 7 ВЛАДИМІРСКАЯ № 7

Сѣнокосилка и жатвенная машина ПАЛЬМКРАНЦА.

Эта новая, оригинальная машина принадлежитъ къ самымъ простымъ, дешевымъ и легкимъ машинамъ такого рода настоящаго времени. Всѣ зубчатки и движущіе механизмы прикрываются въ ящикѣ, но въ то же время доступъ къ нимъ удобенъ и легокъ. Движущіяся части значительно уменьшены и при всей машинѣ имѣется всего одинъ подшипникъ. Конструкцією она проста и солидна и на ходу до того легка, что для кошенія травы всего требуется одна крестьянская лошадь. Вѣсъ машины 17 пуд. Цѣна 200 руб. Цѣна сѣнокосилки съ жатвеннымъ аппаратомъ 225 р.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ У ТОВАРИЩЕСТВА.

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ,

въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 1-я линія, домъ 14; въ Москвѣ, по Мясницкой, домъ Сытова.

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованію. 2—2 № 823

НОВАЯ КНИГА:

ВОЛГА

Иллюстрированное изданіе В. РАГОЗИНА.

Томъ 1-й. 8°, съ географическимъ атласомъ (in folio)

3 руб. 50 к. Перес. за 5 ф.

Главн. склад. Придв книжн. маг. ШМИЦДОРФЪ.

Невскій пр. № 5.

Ptr. № 818 3—3

ТОРГОВЦАМЪ И УПОТРЕБИТЕЛЯМЪ СМАЗОЧНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ:

именно колесной и машинной мази,

просятъ обратиться со своими требованіями прямо въ оптовый складъ Рижскихъ фабрикъ В. П. Ганемана въ С. Петербургѣ, по Вознесенскому пр. № 15—45; такъ какъ въ послѣднее время выпущенная мелкими новыми фабрикантами мазь негоднаго качества, и складъ можетъ только ручаться за товаръ выписанный прямо отъ него. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. W. № 832.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

въ весьма большомъ выборѣ, шарманки, ручные органы, органчики для птицъ, фисгармоній, гармони-флюты съ органомъ и проч., рекомендуетъ по очень дешевымъ цѣнамъ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Больш. Морской улицѣ, № 42. Подробный прейсъ-курантъ безплатно. W. № 834.

ЖАКЪ и Ко

ВЪ ПАРИЖѢ.

Извѣстнѣйшій фабрикантъ ваксы для чистки сапогъ; помада для чистки металла, лакъ для смягченія и возобновленія дамской обуви и проч.

Оптовая продажа находится въ складѣ В. П. Ганемана, въ С.-Петербургѣ, по Вознесенскому пр. № 15—45, куда просятъ обращаться съ требованіями. W. № 831

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

ФРАНКФУРТСКІЯ МОЛОТИЛКИ СИСТЕМЫ **ВЕЙЛА.**

Доставляются на каждую желѣзно-дорожную станцію въ слѣдующемъ выборѣ: 1) приводимыя двумя людьми; 2) съ одной, въ 3) съ двумя, въ 4) съ четырьмя лошадиными силами.

По желанію съ аппаратомъ, производящимъ одновременно очистку зерна.

Подвижныя на своихъ собственныхъ колесахъ, онѣ могутъ дѣйствовать вездѣ, гдѣ ихъ ни поставить. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ находящійся у **Морица Вейла**.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по-русски.

Ptr. № 690 11—6

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.

Большая Морская, д. Лауферта № 27.

ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

всѣхъ системъ, какъ-то: Зингера отъ 50 до 60 р., Гау 50—60 р., Гроверъ и Векера 65—85 р., Вилсера и Вильсона 45—75 р., и друг. для семействъ и мастерскихъ.

Спеціальныя машины для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельник., каретник. и пр. отъ 60—250 р. Вязальныя машины новѣйшихъ и лучшихъ конструкцій.

Большой выборъ ручныхъ машинъ всѣхъ системъ: Зингера отъ 38 до 45 р., Гау, 30 р. Гроверъ и Бекера 45—65 р., Гамильтонъ 35—43 руб., Линкольнъ 28 р., Вашингтонъ 32 р., Литле, Ванцеръ 25 руб., Ренанія 35 р., Экспресъ 15 р.

Письменная гарантія отъ 2 до 6 лѣтъ. Обученіе въ помѣщеніи или на дому безплатно; починка машинъ всѣхъ системъ; большой выборъ швейныхъ принадлежностей какъ-то: иголокъ, катушекъ, нитокъ, шелку и пр. по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для гг. иногороднихъ покупателей принимаю ручательство за хорошую доставку машинъ; за упоковку ничего не считается. Машины для складыванія плиссе большой форматъ 20 руб. № 581 1

Объявленіе объ изданіи трехъ книгъ: **„Современное общество“** и одной книги: **„Религія и современное знаніе“**, (изъ серіи ежегоднаго изданія книгъ: „Опытъ естественнаго богословія“). Подписная цѣна за четыре книги 4 рубля, а съ пересылкою 5 рублей. **Первая книга уже напечатана** и вслѣдъ выйдутъ вторая и третья. Продажная цѣна по прекращеніи подписки, послѣ выхода третьей книги,—будетъ 5 руб.; а съ пересылкою и доставкою 6 рублей. Складъ книгъ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ типографіи Товарищества „Общественная Польза“, въ собственномъ домѣ № 39, куда высылаются деньги и адресы. № 830

ЧАСТНАЯ ГИМНАЗІЯ И КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ.

Д-ра ВИДЕМАНА.

Преподаваніе учебнаго года 1880—81 открывается во *вторникъ 19-го Авг. с. г.* Пріемные экзамены новыхъ воспитанниковъ назначается на *понедѣльникъ 18-го Авг. съ 9 час. утра до 3 часовъ пополудни.* Принятые воспитанники должны представить метрическое и оспопрививательное свидѣтельства. *Воспитанники окончившіе полный курсъ имѣютъ право на отбытіе воинской повинности въ теченіи полгода.*

Во время каникулъ, Директора господина Эрделя можно застать въ училищѣ каждую *среду и субботу отъ 10 до 1 часа* для полученія нужныхъ свѣденій.

Вас. Остр. по 9 лин. д. № 44, кв. № 17.

Mt. № 787 5—4 Директоръ д-ръ Карлъ Эрдель.

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 7 августа 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. [illegible] Оттенга. [illegible] № 10.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 16 Августа 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Н. Д. Ахшарумовъ.

Имя Николая Дмитріевича Ахшарумова давно извѣстно читающей публикѣ. Романы его и повѣсти, часто на фантастическія темы, всегда читались съ большимъ интересомъ и производили впечатлѣніе. Тонкій психологическій анализъ, знаніе жизни, умѣнье ярко и интересно обставить событія разсказа, неослабѣвающій интересъ интриги — все это достоинства, которыя всегда, при всѣхъ направленіяхъ и вѣяніяхъ литературныхъ, будутъ имѣть свою большую цѣну. Не въ цѣляхъ нашего журнала дѣлать подробные критическіе обзоры произведеній того или другаго автора, но такъ какъ до сихъ поръ не было въ печати свѣдѣній библіографическихъ о произведеніяхъ Н. Д., то мы находимъ нелишнимъ здѣсь привести возможно полный списокъ его произведеній, списокъ, который будетъ имѣть значеніе какъ первый въ этомъ родѣ.

Собственно большихъ беллетристическихъ произведеній Н. Д. восемь. Первый опытъ литературной дѣятельности Н. Д. шутка „Маскарадъ“ (1845 г.) игранная на Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ Сосницкой; затѣмъ „Двойникъ“ фантастическая повѣсть (подъ псевдонимомъ Чернова) Отеч. Зап. 1850 г. „Игрокъ“ фантастическая повѣсть Отеч. Зап. 1858 г. т. CXXI. „Чужое имя“ романъ, Русск. Вѣстн. 1861 г. въ 6 книгахъ. „Мудреное дѣло“ очерки изъ лѣтописи русской словесности эпохи 1864 г. „Натурщица“ повѣсть Отеч. Зап. 1866 г. кн. 3 и 4. „Граждане лѣса“ прекрасная „сказка“ въ Всемірномъ трудѣ 1867 г. Апрѣль, Май и Іюнь. „Мандаринъ“ романъ, Заря 1870 г. „Концы въ воду“ ром. Отеч. Зап. 1872 г. въ 3-хъ кн. Кромѣ этаго въ настоящее время Н. Д. оканчиваетъ большой романъ, давно задуманный и начатый—„Старое и Новое“.

Н. Д. Ахшарумовъ. Рис. и грав. А. Нейманъ

Когда въ „Русскомъ Вѣстникѣ сталъ появляться частями романъ Н. Д. „Чужое имя“ онъ читался съ большимъ интересомъ. Содержаніе его въ томъ, что человѣкъ отобралъ у умершаго въ дорогѣ своего попутчика документы его и деньги а ему вложилъ свои документы и затѣмъ пошелъ гулять по свѣту подъ чужимъ именемъ. Вѣчное

опасеніе, вѣчная тревога, чтобы его не узнали прежніе знакомые, и чтобы ему не пришлось расплачиваться за содѣянное—такое положеніе главнаго лица романа держитъ читателя въ постоянномъ возбужденіи, усиливающемся еще прекраснымъ и полнымъ драматизма изложеніемъ. „Граждане лѣса“ — оригинальная, полная юмора, оживленная, прелестная сказка, представляющая по формѣ нѣчто единственное въ этомъ родѣ, также имѣла заслуженный успѣхъ, хотя печаталась первоначально въ журналѣ не имѣвшемъ значительнаго распространенія. Въ лѣсу разныя животныя собираются въ правильное общество, избираютъ себѣ власть и стараются управиться со своими дѣлами. Все это подаетъ поводъ къ разнымъ остроумнымъ сближеніямъ и наводитъ на мысли о нашемъ человѣческомъ обществѣ. Романъ „Чужое имя“ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и въ Германіи также пользовался успѣхомъ.

Дѣятельность Н. Д. какъ литературнаго критика была довольно обильна. Главнѣйшія статьи „О порабощеніи искусства“ Отеч. Зап. 1858 г. т. CXIX. Разборы „Тысячи душъ“ Писемскаго, „Воспитанницы“ Островскаго и „Дворянскаго гнѣзда“ Тургенева въ сборн. „Весна“ 1859 г. Разборъ „Обломова“ Гончарова въ Р. Вѣстн. 1860 г. февр. О „Горькой судьбинѣ“ Писемскаго въ Зап. Акад. Наукъ 1860 г. удостоенная отъ Академіи золотой медали. Рядъ критическихъ статей въ „Всемірномъ трудѣ“ 1867—1870 гг. Затѣмъ собственное изданіе Н. Д. въ 1868 г. „Русскія сказки“ изданіе, повторившееся въ 1871 году.

Въ этомъ же № на стр. 669 мы прилагаемъ прекрасный рисунокъ Н. Н. Каразина изъ „Гражданъ лѣса“. Рисунокъ относится къ самому началу сказки, тутъ набросана величавая картина дремучаго лѣса, сибирской „тайги“, гдѣ живутъ шесть человѣкъ. Пятеро изъ нихъ уходятъ, остается одинъ, Лазарь, который собственно и сходится съ окружающимъ его міромъ животныхъ, начинаетъ понимать ихъ языкъ, сочувствовать ихъ горю и радостямъ. Возбуждается любопытство животныхъ, во всемъ лѣсу объ немъ начинается говоръ. Онъ знакомится съ звѣрьми, хочетъ завести у нихъ родъ порядка, смягчить ихъ хищные инстинкты и старается обратить звѣрей къ болѣе мирнымъ чувствамъ. Онъ заводитъ наконецъ полицію, судъ, войско—и всѣ его попытки оканчиваются полной неудачей. Все это, какъ мы говорили уже выше, подаетъ поводъ къ самымъ неожиданнымъ, полнымъ юмора, сценамъ и сближеніямъ и читается съ величайшимъ интересомъ.

Н. Д. родился въ Петербургѣ 3 дек. 1820 г. Воспитывался въ Царскосельскомъ Лицеѣ, изъ котораго выпущенъ въ 1839 г. Съ 1840 по 1845 г. служилъ въ Канцеляріи Военнаго Министерства; съ 1847 по 1852 г. посѣщалъ классы Академіи Художествъ.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXV.

Что было далѣе.

Наступали сумерки, наполняя залъ, гдѣ она увидѣла его впервые, какимъ-то тонкимъ сѣроватаго оттѣнка свѣтомъ, закрывая болѣе густымъ покровомъ отдаленные предметы и оставляя болѣе близкіе въ полупрозрачномъ туманѣ... Кругомъ господствовала тишина; никто не могъ ихъ слышать, но тѣмъ не менѣе—въ этомъ мечтательномъ полусвѣтѣ, не отданая себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ они такъ дѣлаютъ,—ихъ голоса спустились до шепота съ рѣдкими перерывами его однообразія—однимъ громче сказаннымъ словомъ... Болѣе и болѣе ощущались сумеречныя тѣни—и вдругъ, вышедшая изъ за облака луна, голубоватыми лучами разогнала ихъ, освѣтила стѣны, заблистала на полированной поверхности мебели и какимъ-то зеркаломъ отразилась на паркетѣ... Ея лучи пали на Катерину Александровну и въ ихъ голубоватомъ освѣщеніи—она являлась дѣйствительно какимъ-то мраморнымъ изваяніемъ, прекрасные глаза котораго не были только закрыты, а являли какое то лучистое движеніе и жизнь... Онъ прошепталъ ей, смотря въ ея глаза:

— Разскажи мнѣ, какъ ты жила до тѣхъ поръ, пока мы не встрѣтились?..

Она отвѣтила коротко:

— Жизнь и смерть...

Онъ требовалъ разъясненія:

— То есть?..

Тогда она пояснила:

— Многое спало, многое было скрыто, ни за что я не хотѣла показывать его другимъ.

— Но развѣ у тебя не было друзей?..

Она отрицательно покачала головой:

— Нѣтъ... Встрѣчая человѣка, я напередъ была увѣрена, что онъ гадокъ... а потому и не сближалась.

И прибавила:

— Я была несправедлива къ людямъ... Теперь, я думаю о нихъ лучше...

— Ты жила въ чужомъ домѣ... У тебя не было родителей... Ты жила изъ милости, а это рано понимаютъ люди, еще младенцами и ужъ въ это время въ ихъ сердцахъ замѣчается какое-то недовѣріе и антагонизмъ къ тѣмъ, кто имъ благодѣтельствуетъ...

Она вдругъ вздрогнула.

— Что съ тобой?

— Ты напомнилъ мнѣ мое дѣтство... отвѣтила она, овладѣвая нѣсколько собой .. Я понимала тогда многое, что омрачало мнѣ существованіе, что изъ счастливой поры —дѣлало что-то печальное... Десятилѣтнимъ ребенкомъ я была въ одномъ богатомъ домѣ, гдѣ были дѣти, для которыхъ взяли учителя французскаго языка... Дѣти-мальчики и дѣвочки, я училась тоже съ ними... И представь: все шло отлично, но этотъ учитель, какой-то французъ, какимъ то образомъ узналъ, что я ребенокъ безъ имени... И сталъ меня отличать отъ прочихъ дѣтей: тѣ такіе—я этакая... Со вздора началъ... Иногда мы всѣ играли—и онъ съ нами.. И вотъ замѣчаю я, станемъ мы въ жмурки играть—онъ только меня одну и ловитъ: другихъ дѣтей—въ покоѣ оставляетъ... И много разныхъ оскорблявшихъ меня вещей. Какой-то со мной покровительственный тонъ принялъ... приказываетъ мнѣ: то принеси, это... другихъ дѣтей, въ покоѣ оставляетъ, передъ ними лебезитъ и заискиваетъ... я это отлично замѣчала и въ моей душѣ возникло страшное негодованіе противъ такого отношенія ко мнѣ...

— Ты плакала?

— О нѣтъ, я злилась—и съ этихъ поръ стала недовѣрчива къ людямъ... Ахъ!..

— Что-ты?..

Она отерла слезы:

— Лучше не вспоминать обо всемъ этомъ... это такъ тяжело...

И пошла къ піанино... Онъ остался сидя у оставленнаго ею стула, думая о томъ, какъ много мелкихъ оскорбленій и непріятностей вынесла эта женщина въ жизни—и за что?

Но положивъ руки на клавиши, она заиграла... Стонала больная душа... Много чистыхъ и прекрасныхъ мыслей накопилось въ ней, много новыхъ словъ хотѣла сказать она, но ее не понимали, не хотѣли слушать... Она приходила къ сражающимся воинамъ, но гулъ пальбы, зарево отдаленнаго пожара, рѣзня, самая ужасная и нечеловѣческая бойня — заглушали ея звуки и никто не слушалъ ея пѣсенъ... Она шла на погребеніе, гдѣ ожидала найти проливаемыя слезы, но съ торжественнымъ похороннымъ маршемъ, съ барабанами, съ ружейной пальбой опускали въ землю героя, хоронили великаго Номомени... Она шла на веселый пиръ; звуки бальной музыки встрѣчали ее, танцующія пары неслись въ вальсѣ.. До ея-ли пѣсенъ? Смущенная она удалилась изъ шумнаго города, вышла въ зеленѣющія поля и въ виду только что одѣвшейся листочками березовой рощи, подъ открытымъ небомъ—запѣла свою сладостную, необыкновенно простую по мелодіи, понятную по смыслу, пѣсенку..

Она оживляла эти луга и долины, свободно неслась къ лучезарнымъ небесамъ... Пусть никто не слушаетъ ее... пусть, пропѣтая звонкимъ и чистымъ голосомъ, пѣсенка замретъ и никто не повторитъ ее, никогда...

Никогда!.. Лунные лучи серебрили залъ... Громкая и звонкая пѣсенка смолкала, начинала быть чуть слышной, обрывалась... Неужели никто не повторитъ ее?.. Въ полутонахъ баса, сначала несмѣло, и чѣмъ дальше тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, пастушій рожокъ началъ наигрывать смолкшую пѣсню и вдругъ—съ полною силою запѣлъ ее... Ахъ, теперь она пѣлась не въ пустынѣ!..

Между тѣмъ Жюли начала уже подумывать объ отъѣздѣ въ деревню. И теперь она была въ страшномъ волненіи. Хлопоча по своему дѣлу, она была въ это утро у одной важной благочестивой дамы, съ которой познакомилась черезъ Батракова. Та приняла въ ея хлопотахъ дѣятельное участіе. И у нея то, дожидаясь въ пріемной, она услышала разсказъ объ ужасныхъ подробностяхъ убійства Гавриловой, о которомъ всѣ тогда говорили. Сказали фамилію Баринова и Жюли вся похолодѣла. Она едва выстояла время пріема и бросилась къ себѣ въ гостинницу.

— Боже мой! *тотъ* назоветъ меня! непремѣнно назоветъ... Гдѣ онъ?.. Жюли уже нѣсколько лѣтъ, какъ разсталась съ Гавриловымъ, сдѣлавшись скромницей и съузивъ свою всегда не особенно обширную сферу жизни, въ ханжество и вражду съ племянникомъ, котораго терпѣть не могла, кажется единственно и главнымъ образомъ за то, что онъ долженъ былъ наслѣдовать ей... Она основывала монастырь, на построеніе котораго хотѣла упечь большую часть своего капитала при жизни, чтобы затѣмъ въ духовномъ завѣщаніи предоставить этому монастырю, и все остальное. Въ минуту отчаянія, въ виду скандала, Жюли не раскаялась ни въ чемъ, что сдѣлала дурнаго въ своей жизни... Въ ней не пробудилось ни капли сожалѣнія къ своимъ дѣтямъ. На этихъ несчастныхъ дѣтей смотрѣла она, какъ на неподлежащихъ законамъ человѣческаго милосердія... Развѣ ихъ желали?.. Ихъ появленіе уже служило наказаніемъ... Это стыдъ, срамъ!.. Въ виду скандала въ ней появился только какой-то самый мелочной, самый позорный страхъ... Бѣжать, бросить все, запереться въ деревнѣ съ выжившей изъ ума матерью...

Выйдя на улицу, Жюли прошла значительное разстояніе пѣшкомъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда и зачѣмъ она идетъ... Въ головѣ ея былъ страшный хаотическій безпорядокъ, и, движимая страхомъ, она шла изъ улицы въ улицу, строя нелѣпые планы относительно того какъ-бы ей скрыться, поскорѣе уѣхать изъ этаго ужаснаго Петербурга... На минуту ей пришла мысль,—не заходя въ гостиницу, гдѣ она жила, пройдти прямо на Николаевскую желѣзную дорогу и уѣхать въ Москву.. но тотчасъ-же она сообразила, что это страшная глупость, что подобный отъѣздъ можетъ показаться подозрительнымъ... Тогда она рѣшилась вернуться въ гостинницу, какъ нибудь дождаться вечерняго поѣзда и тогда непремѣнно, непремѣнно уѣхать въ Москву... Рѣшившись сдѣлать это, она сообразила, гдѣ находится и пошла по направленію къ гостинницѣ... Подходя къ цѣли, она съ какимъ-то страхомъ ждала того момента, когда увидитъ большую площадь, на которой помѣщалась гостинница, увидить эту самую гостинницу... Дома и стѣны какъ-то пугали ее... Ей казалось, что полицейскіе особенно пристально смотрятъ на нее, что проходящій жандармъ подозрительно заглянулъ подъ ея шляпу... Ее ищутъ, ея примѣты знаютъ!.. Ахъ, изъ за кого, изъ за кого подумаешь всѣ эти муки!.. Позоръ, срамъ!

Вотъ эта площадь, вотъ эта гостинница... Прежде нежели войдти въ широкія стеклянныя двери подъѣзда, она прошла мимо гостинницы по другой сторонѣ площади, точно думая что либо усмотрѣть касающееся тревожащихъ ея вопросовъ въ наружномъ видѣ гостинницы, въ многочисленныхъ окнахъ ея, выходящихъ на площадь... Съ рѣшимостью перешла она площадь, увязая въ снѣгу, смѣшанномъ съ пескомъ и, ожидая чего то, почти не понимая, какъ она это дѣлаетъ, вбѣжала въ подъѣздъ, дверь котораго отворилъ ей швейцаръ... Положительно, положительно онъ смотритъ на нее, хочетъ ей что-то сказать... Сама не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она спросила его:

— Что вамъ?

— Ничего-съ.

Она почему-то вспыхнула: не выдала-ли она себя?.. Собрать все, расплатиться и поѣхать къ Батракову; отъ него можно послать за вещами и затѣмъ—въ Москву!.. Она быстро поднималась по лѣстницѣ въ третій этажъ, гдѣ занимала номеръ... Корридорный подалъ ей ключъ: кажется все обстоитъ пока благополучно,—мелькнуло въ ея умѣ и ободренная этимъ, она сказала ему:

— Сегодня вечеромъ я уѣзжаю... Принесите мнѣ счетъ..

И отперевъ дрожащею рукою дверь, вошла въ свой номеръ.

Всегда бережливая и аккуратная, привыкшая даже въ мелочахъ не обходиться безъ прислуги, на этотъ разъ, сама выдвинувъ изъ подъ кровати пыльный чемоданъ, она начала кидать въ него платье и бѣлье... Почти уложившись и разсѣянно осматривая не забыла-ли чего положить еще, она опомнилась: на ней было ея выѣздное, торжественное платье, въ которомъ она осталась, уложивъ все остальное... Пришлось разбирать чемоданъ, чтобы вытащить подходящее для дороги платье... Кто-то постучалъ въ дверь и она поднялась отъ чемодана, только сейчасъ усмотрѣвъ въ зеркало, что забыла снять шляпу... Это вѣроятно лакей со счетомъ, здѣсь дѣлается все очень скоро, подумала она, торопясь снять шляпу... Не отвѣчая на стукъ, она сообразила, что на ней совершенно неподходящій для сборовъ костюмъ и поспѣшила задвинуть въ будуарной чемоданъ подъ кровать, отряхнула съ платья пыль, оправила свою неизмѣнную, кружевную мантилью и только, сдѣлавъ все это, разрѣшила.

— Войдите.

Тогда дверь отворилась и на порогѣ ея показался Гавриловъ... Жюли въ изнеможеніи опустилась на стулъ...

— Юленька, голубчикъ мой, какъ давно, давно мы не видались,—съ такимъ добродушіемъ подбѣжалъ онъ къ ней, что какъ она въ эту минуту ни боялась увидѣться съ нимъ, какъ не была поражена до отупѣнія его неожиданнымъ появленіемъ, въ ней проснулась смутная надежда, что онъ пришелъ просто такъ, для свиданія съ нею, а отнюдь не съ какими либо особенными цѣлями... Она собралась даже съ силами отвѣтить ему съ нѣкоторой любезностью.

— Давно не видались...

— Давно, давно, Юленька, — сжималъ онъ ей руки, стоя передъ нею и разсматривая ея лицо,—перемѣнились мы оба, голубчикъ, постарѣли...

— Я-то постарѣла, ну а вы еще не очень...

— Нѣтъ, Юличка,—вздохнулъ онъ,—нѣтъ, это только на первый взглядъ... Сѣдѣю, голубчикъ, волоса лѣзутъ... Знаешь, лысыхъ терпѣть не могу, такъ зачесываю волоса-то назадъ... Да это что... Невидимо, Юленька, шагами неслышными старость приближается...

И садясь рядомъ съ Жюли въ кресло, какъ-то тяжеловѣсно грузно, по старчески, опустился на сидѣнье.

— Здорова?

— Благодарю; какое мое здоровье... Вотъ вы говорите, что старость; вы—мужчина, женщины ранѣе старѣютъ, да я и старше васъ...

Онъ соглашался съ ней, кивками головы.

— А Клеопатра-то Петровна, Юленька, каковъ конецъ пріяла?.. Мученица!..

И глубоко вздохнулъ... Она не нашлась, что сказать на это. Онъ меланхолически заговорилъ снова:

Казармы рабочихъ на сѣверной дамбѣ.
Контора на сѣверной дамбѣ.
Землечерпальня № 5.

Общій видъ сѣверной дамбы со стороны Петербурга.
Исполинская американская землечерпальня.
Общій видъ сѣверной дамбы отъ Кронштадта.

Нагрузка ряжей камнями.
Пристань возлѣ конторы близъ Путиловскаго завода.
Работы на Канонерскомъ островѣ.

Виды СПБ. Морского канала. Съ натуры рис. Н. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

— Дѣло прошлое грѣшенъ я передъ Клеопатрой Петровной, много ей непріятнаго въ жизни приносилъ, но никогда зла ей не желалъ... Богъ покаралъ меня, избравъ злодѣемъ дитя наше...

И грустно посмотрѣвъ на Жюли, спросилъ ее съ видимымъ трудомъ, точно ему было такъ больно, такъ тяжело выговаривать подобныя слова:

— Ты знаешь: вѣдь это нашъ Митя...

Она отодвинулась слегка съ своимъ кресломъ... Когда онъ заговорилъ о такомъ близкомъ человѣкѣ, о сынѣ, его волненіе было на столько велико, что онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, всталъ и расхаживая передъ Жюли, дѣлился съ нею горемъ:

— Я къ тебѣ погоревать пришелъ, душу свою выплакать, Юленька... Къ кому же?.. Мы были неправы, несправедливы къ своимъ дѣткамъ, голубчикъ... Забросили мы ихъ, сами жить хотѣли... А вотъ теперь, Юленька, —остановился онъ передъ ней,—какъ старость-то приходитъ, не знаю, какъ ты, а я право бы съ величайшимъ наслажденіемъ обнялъ своихъ дѣтей, прижалъ ихъ къ груди... И что же?.. Развѣ они не будутъ въ правѣ оттолкнуть меня?.. Митя, вонъ тотъ хоть знаетъ, что я ему отецъ, а Катеринѣ—и того неизвѣстно...

Жюли привскочила со стула.

— Катеринѣ!.. Какой это?

Онъ изумленно смотрѣлъ на нее:

— Катю-то развѣ ты не помнишь? еще такая малюсенькая дѣвчурка, черноглазая... Еще, какъ родилась-то, я по молодости лѣтъ глупую шутку тогда задумалъ сшутить съ покойницей женой... Я ее только что тогда оставилъ: дай, думаю, ей гостинчикъ вмѣсто себя преподнесу—она тамъ одна, дѣтей нѣтъ, дѣлать ей нечего, дай-ка я ей Катю поднесу... Взялъ да и подбросилъ...

— Но развѣ ту звали Катериной?—въ замѣтномъ волненіи спросила Жюли, съ непріязнью припоминая о стройной Катишь, женѣ своего племянника, къ которой ее подвелъ на вечерѣ у Перфиловой Батраковъ,—вы не ошибаетесь?

Онъ началъ снова ходить взадъ и впередъ:

— Катериной, Катериной, подтвердилъ онъ.

Тогда Жюли порадовала нѣжнаго отца:

— Ну, объ этой не тревожтесь, — даже усмѣхнулась она,—эта устраивается отлично... Пока она за моимъ племянникомъ роднымъ, Кожуховымъ, но дѣло идетъ у нихъ о разводѣ и кажется скоро къ концу... Когда это кончится, она выйдетъ замужъ за Пантелѣева... Слыхали: богачъ, милліонеръ... Племянникъ-то продалъ, говорятъ, Пантелѣеву вашу Катерину...

Онъ пріостановился, слушая Жюли:

— Что ты! Дай ей Богъ, дай ей Богъ!.. Ну, она о насъ съ вами не знаетъ, не знаетъ и о братѣ своемъ бѣдномъ.. И пусть не знаетъ... Дай ей Богъ, дай ей Богъ счастливыхъ и долгихъ годовъ!..

И вернулся къ занимающему его предмету:

— Нѣтъ, я вотъ о Митѣ-то думаю... Меня онъ не щадитъ, но угнетаетъ его мысль о тебѣ Юленька...

Она привскочила на креслѣ:

— Но развѣ вы назвали меня?—спросила она съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ, блѣднѣя.

— Я?.. за кого ты меня принимаешь, другъ мой?.. Мнѣ назвать тебя?.. Положимъ, мы оба не молоды, но я былъ всегда настолько рыцарь, что хранилъ ввѣренную мнѣ честь женщины... Я-ли предамъ тебя?.. Но ты забываешь объ Ефимѣ...

Она сдѣлала большіе глаза... Это еще о комъ?.. Онъ продолжалъ, какъ бы предполагая, что все о чемъ онъ говоритъ, ей извѣстно...

— Не будь тутъ этаго преступленія, не выбрось Митя изъ окна Ефимову сестру, — ты бы, конечно, осталась въ сторонѣ.. Но теперь скандалъ и открытіе, что ты Митинькина мать, почти неизбѣжны... Ефимъ не пожалѣетъ тебя, откроетъ, что ты Митина мать, не пожалѣетъ. Къ тому же у Ефима какіе-то старые счеты съ тобой.

— Но я не знаю никакого Ефима,—вскричала Жюли, —и не понимаю о комъ вы говорите?

Онъ съ удивленіемъ и какъ бы нѣкоторой подозрительностію посмотрѣлъ на нее:

— Что ты, Юленька, Богъ съ тобой, голубчикъ, что ты говоришь?.. Ефима—не помнить!.. Онъ еще папенькѣ твоему служилъ... Онъ и дѣтокъ нашихъ пристраивалъ.. Какъ отошелъ на волю, да сапожнымъ мастерствомъ въ Тулѣ занялся, ты еще Митю къ нему отдавала...

— Это было такъ давно,—припомнила Жюли Ефима, когда то смиреннаго и безотвѣтнаго своего крѣпостнаго...

— Ты и сестру-то Ефимову, мой другъ, должна помнить... Она еще дѣвочкой въ вашемъ домѣ жила... Помнишь, когда еще она въ возрастъ стала приходить, такой красавицей выровнялась, — ты ревновала меня къ ней...

Да, она вспомнила свою красавицу горничную... Онъ былъ правъ: она ревновала... Она поспѣшила еще тогда выдать, безъ согласія невѣсты, красивую горничную за стараго и рябаго приказчика... Вскорѣ у новобрачныхъ родился сынъ Александръ; Жюли сама воспринимала его отъ купели... Съ освобожденіемъ крестьянъ она потеряла весь этотъ народъ изъ виду...

— Послѣднее время сестра болѣла; на нее находило что-то въ родѣ сумасшествія... Все твердила о какомъ-то скелетѣ. Ефимъ держалъ ее почти въ заперти, но чрезвычайно любилъ...

И остановившись передъ Жюли, резюмировалъ настроеніе Ефима на счетъ ея:

— Онъ впутаетъ тебя въ эту исторію непремѣнно.

Вотъ, вотъ, зачѣмъ этотъ человѣкъ пріѣхалъ!.. Сердце ея чувствовало, что дѣло идетъ не къ добру... На минуту смолкнувшее было безпокойство, вспыхнуло въ ней и разлилось снова по тѣлу тревожнымъ ощущеніемъ... Онъ замѣтилъ эту тревогу и подлилъ масла въ огонь...

— Что-жь дѣлать, Юленька, вѣрно Богъ наказуетъ насъ за грѣхи наши... Покоримся Его святой волѣ...

Это легко сказать, но каково перенесть!.. Она,—безъ всякаго сожалѣнія, безъ слезы отдававшая дѣтей своихъ на нищету и несчастіе, вдругъ заплакала о себѣ... Онъ подошелъ къ ней, и старался утѣшить:

— Слезами, Юленька, не поможешь горю... надо дѣйствовать...

Надо дѣйствовать! Онъ самъ говорилъ, что скандалъ неизбѣженъ... Развѣ есть какая нибудь надежда?.. Она отерла слезы и смотрѣла на него въ ожиданіи, что онъ скажетъ...

— Мнѣ пришла въ голову мысль... Ефимъ даже самъ намекалъ на что-то подобное...

Онъ приложилъ руку ко лбу и припоминалъ. Мысль! ему пришла мысль... Значитъ есть какая нибудь надежда?.. Съ высохшими слезами она смотрѣла на него.

— Впрочемъ это несообразно дорого...

О, почему дорого! Она съ удовольствіемъ дастъ, если рѣчь идетъ о подкупѣ Ефима, пять, шесть даже десять тысячъ!.. Какъ она ни разсчетлива, какъ ей ни жаль этихъ десяти тысячъ—передъ страхомъ скандала она готова отдать ихъ...

— Ефимъ намекалъ мнѣ, Юленька, на возможность выгородить тебя изъ этого дѣла, но подъ однимъ условіемъ:

— Дать денегъ?—встала она съ кресла, какъ бы желая немедленно исполнить это... Онъ остановилъ ея движеніе:

— Но знаешь-ли ты сколько?

— Сколько?...

Съ замедленнымъ дыханіемъ онаожидала его отвѣта... Тогда коротко, но отчетливо, онъ отчеканилъ:

— Пятьдесятъ тысячъ, Юленька.

Ее точно ударили по головѣ... Все, что она имѣла, помѣстье, капиталъ, домъ въ Тулѣ—все это равнялось по цѣнности тысячамъ семидесяти... Половину она хотѣла упрятать на монастырь... Безцѣльно слѣдя за шагающимъ въ задумчивости Гавриловымъ, Жюли вдругъ прозрѣла... Что за мягкость, что за нѣжность такая къ дѣткамъ въ немъ?.. О какой старости говоритъ этотъ здоровый и румяный, безъ единаго сѣдаго волоска человѣкъ?.. За минуту, давая нѣкоторую вѣру его словамъ, —она вдругъ какимъ-то инстинктомъ поняла, что находящійся передъ нею человѣкъ обманываетъ ее... Онъ пришелъ не только отъ Ефима, но и отъ себя... У нихъ стачка!..

— Вымогатель! обманщикъ!—бросила она ему,—я поняла все: у васъ съ Ефимомъ заговоръ, стачка... Вы оба хотите меня обобрать...

И упала въ кресло... Что-же, что-же мнѣ дѣлать?..

Какъ бы пораженный ея несправедливыми и горькими упреками, Гавриловъ остановился, скрестивъ на груди руки и хотѣлъ что-то сказать... Но въ это время снова кто-то стукнулъ въ дверь и онъ долженъ былъ по неволѣ отложить свое возраженіе на несправедливо сдѣланный упрекъ... Она упавшимъ голосомъ разрѣшила стучащему въ дверь войдти...

— Войдите.

Дверь отворилась и на порогѣ мелькнула фигура невысокаго, плотнаго брюнета, тотъ часъ же спѣшными шагами подбѣжавшаго къ Жюли и наклонившагося къ ея ручкѣ:

— Ma tante, какъ я радъ, что засталъ васъ... Я былъ у васъ нѣсколько разъ, но все не заставалъ... Очень, очень радъ, что наконецъ вы дома.

XXVI
Между двухъ огней

Ни разу въ жизни Жюли не радовалась племяннику, но теперь, когда увидѣла, что ее хотятъ обобрать, она впервые посмотрѣла на него прибывшаго въ такой критическій моментъ, какъ на человѣка ей во всякомъ случаѣ не чужаго, могущаго дать при настоящихъ обстоятельствахъ весьма полезный совѣтъ... Ей было страшно находиться на единѣ съ Гавриловымъ и она положительно обрадовалась, что явился третій, нарушающій для нея tête-á-tête... Во всякомъ случаѣ, рѣшила она, побуждаемая критическимъ положеніемъ своимъ,—придется посвятить его въ нѣкоторыя подробности... При другихъ обстоятельствахъ, конечно, она не сказала бы ничего ему... но теперь!.. Еще не вполнѣ уяснивъ себѣ, что можетъ она ожидать отъ племянника, Жюли вздохнула съ нѣкоторымъ облегченіемъ. На минуту отдохнувъ отъ тяжелой ноши, навалившейся на нее съ такой силой, она почувствовала себя снова хитрой и способной на нѣкоторый обманъ... Непремѣнно, непремѣнно слѣдуетъ ввести его въ это дѣло, ввести, какъ защитника не только ея интересовъ, но и его... Она рѣшилась повести дѣло такъ, чтобы дать понять племяннику, что по ея смерти онъ наслѣдуетъ ей и тѣмъ побудить его къ защитѣ ея интересовъ, какъ своихъ собственныхъ. Онъ любитъ деньги до невозможности,—подумала она, —и это сдѣлаетъ изъ него ея раба... А потомъ когда все придетъ къ благополучному для нея концу, благодаря его вмѣшательству, можно опять показать ему отъ воротъ поворотъ... Все это мигомъ промелькнуло въ ея головѣ и, отдавая племяннику поцѣлуй въ голову, она удержала его руку, не въ примѣръ прошлому, съ нѣжностью и разомъ ввела его въ критическое свое положеніе:

— Я тоже рада тебѣ, мой другъ. Ты какъ нельзя болѣе кстати... Защищай наши интересы: насъ хотятъ лишить всего...

Онъ не понималъ о чемъ говоритъ она:

— Какіе интересы, ma tante?

— Мое будетъ твоимъ послѣ моей смерти, пояснила она,—ты мой наслѣдникъ по всѣмъ правамъ... А теперь у меня хотятъ отнять все, что я имѣю...

Онъ не обнаружилъ ни единымъ словомъ, ни какимъ либо неосторожнымъ движеніемъ или выраженіемъ лица, что ея пріемъ, ея слова, въ которыхъ она впервые признавала его близость къ себѣ, въ которыхъ она высказала мысль о томъ, что сдѣлаетъ его по своей смерти наслѣдникомъ, что все это сколько нибудь удивило его... Точно это было для него нисколько не ново, не удивительно, не странно... Онъ какъ-то сразу послѣ перваго вопроса сталъ въ надлежащее, какъ-бы давно извѣстное и привычное ему положеніе... Входя, онъ видѣлъ, что въ комнатѣ кто-то былъ, но торопясь засвидѣтельствовать свое почтеніе тетушкѣ, онъ не разсмотрѣлъ хорошенько лицо гостя... Къ тому-же, былъ уже въ исходѣ четвертый часъ, въ комнатѣ сдѣлалось темновато а Жюли, разстроенная визитомъ своего прежняго обожателя, позабыла зажечь свѣчи. Все еще неоглядываясь на третьяго посѣтителя, Кожуховъ, не отводя отъ тетки своихъ блестящихъ глазъ, спросилъ ее.

— Кто-же, ma tante, хочетъ и по какому праву, отнять то, что принадлежитъ *намъ?*

Она встала въ это время съ своего мѣста, чтобы зажечь свѣчи... Ширкая спичкой о коробку, она указала головой на стоящаго позади Кожухова Гаврилова:

— Вотъ,—не назвавъ его племяннику.

Тогда Кожуховъ, сдѣлавшись серьезенъ, обернулся къ продолжающему стоять со скрещенными руками, но съ лицомъ, принявшимъ вызывающее выраженіе, Гаврилову.. Жюли зажгла свѣчи и комната освѣтилась...

Кожуховъ, долго и пристально всматриваясь въ Гаврилова, спросилъ:

— Господинъ Гавриловъ?

И какъ бы вспомнивъ, что надо пояснить почему ему извѣстна фамилія человѣка, котораго онъ нигдѣ не встрѣчалъ и съ которымъ знакомъ не былъ, прибавилъ, не подавая руки и даже почти не поклонившись:

— Я васъ узналъ, потому, что ваша покойная супруга указывала мнѣ васъ въ театрѣ... Я очень памятливъ на лица...

И садясь безъ приглашенія тетки рядомъ съ нею на кресло, мечтательно опустилъ голову, занявшись разсматриваніемъ своихъ красивыхъ ногтей:

— Ну-съ, я слушаю, какимъ образомъ господинъ Гавриловъ хочетъ отнять у насъ то, что принадлежитъ намъ по всѣмъ правамъ...

Гавриловъ, въ душѣ своей проклинавшій появленіе Кожухова, котораго онъ видѣлъ впервые въ жизни, ибо встрѣтясь съ нимъ въ ночлежномъ пріютѣ, онъ не обратилъ на него вниманія и физіономіи его не разсмотрѣлъ,—не зналъ, какъ ему повести себя при совершенно неожиданномъ вмѣшательствѣ въ его интересную бесѣду съ Жюли третьяго лица... Онъ взялъ стулъ и сѣлъ, рѣшившись сперва прислушаться къ тому, что будетъ говорить Жюли, а затѣмъ и Кожуховъ и уже сообразно съ этимъ поступать такъ или иначе,—держаться прежняго смиренія или нѣсколько возвысить тонъ... Заговорила Жюли:

— Ты конечно знаешь объ этомъ страшномъ преступленіи... Объ убійствѣ госпожи Гавриловой?

Кожуховъ поднялъ голову, какъ бы ужаленный:

— Я не понимаю какое отношеніе это можетъ имѣть къ нашимъ дѣламъ?

Жюли вдругъ заплакала.

— Другъ мой, когда-то я была близка съ этимъ человѣкомъ.

И указала на Гаврилова. Кожуховъ вздрогнулъ: онъ понялъ все. Ему недоставало именно только имени матери. Уже нѣсколько дней, въ свободное отъ хлопотъ по разводу съ женой время, онъ занимался этимъ страшнымъ преступленіемъ, не думая, что оно касается ка-

кимъ либо образомъ его. Прочтя въ газетахъ нѣкоторыя отрывочныя сообщенія относительно убійства, узнавъ что обвиняется Бариновъ, громогласно назвавшій себя этимъ именемъ въ ночлежномъ пріютѣ, узнавъ, что этотъ Бариновъ сынъ Гаврилова, того Гаврилова, который приходился мужемъ Клеопатры Петровны и какъ покойная указала Кожухову своего супруга, того черноволосаго мущину, который ночевалъ въ ночлежномъ и которому Бариновъ разсказывалъ свою исторію по преимуществу, очевидно не узнавая въ немъ своего отца. Признаніе Жюли на половину высказанное, отвѣтило на то, кто была мать Баринова. Онъ тихо прошепталъ теткѣ:

— Вашъ сынъ... и въ очевидномъ волненіи не докончилъ фразы, снова задумчиво опустилъ голову и снова погрузился въ тщательное разсматриваніе ногтей...

— Меня путаютъ теперь въ эту исторію, мой другъ, говорила Жюли,—этотъ... сынъ мой.... не называетъ меня. Но они....

(До слѣдующаго №).

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Продолженіе).

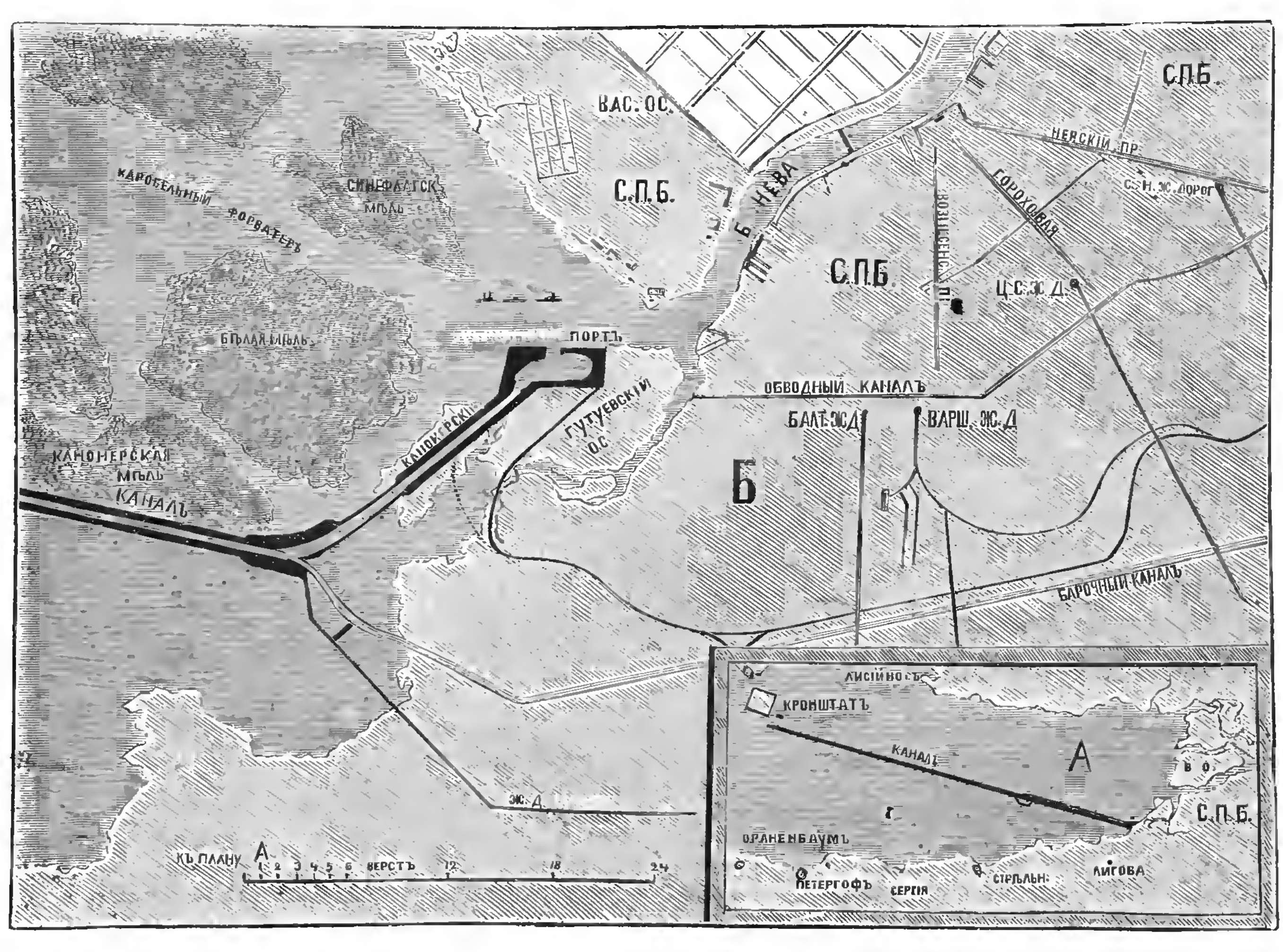
XIV.

Судъ Божій.

Семья Неклюдовыхъ сидѣла по обычаю на крыльцѣ подъ тѣнью густо разросшихся старыхъ яблонь, посаженныхъ Борисомъ и Галиною, когда они были еще маленькими.

— А вонъ онъ!... Легокъ на поминѣ, указывая на скачущаго всадника, воскликнула Марья.

Дѣйствительно Борисъ ѣхалъ такъ быстро, что отецъ его проворчалъ: эхъ какъ гонитъ въ гору, не жалѣючи коня!.. Но когда Борисъ поспѣшно подошелъ къ крыльцу, то въ его блѣд-

Ситуаціонный планъ Петерб. залива и Кронштадта.

Планъ СПБ. морскаго канала. Рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій

— Вотъ, разсказывалъ Герасимъ Ѳедоровичъ, эту яблоньку, посадилъ Боря, ему тогда было четыре годочка, а налѣво яблонька Галиной посажена тоже трехъ годковъ... Ненилушкина яблонька тамъ была возлѣ Бориной, да поднялась буря въ прошломъ лѣтѣ объ эту пору и яблоньку сломала... Испугался я тогда: думалъ не къ добру... да вотъ Господь милуетъ, здрава моя Ненилушка и невредима,.. а впередъ да будетъ Его святая воля!.. и взоръ старика отъ Ненилы скользнулъ на Ливонца.

Ненила вспыхнула, Адальбертъ потупился, а Галина съ Марьей переглянулись... Что-то тяжелое, словно роковое предчувствіе, согнало улыбки со всѣхъ лицъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія, Аграфена Ѳедоровна глубоко вздохнула и сказала: Что это Боря не ѣдетъ... загулялся нонѣ и не обѣдалъ.

номъ лицѣ и наморщенныхъ бровяхъ было столько тревоги, что всѣ въ одинъ голосъ воскликнули:

— Что случилось!... Боря, что съ тобой?..

— Бѣда батюшка!.. отвѣчалъ Борисъ, прерывающимся отъ волненія и усталости голосомъ.

— Господи Царю Небесный!.. сказывай, какая бѣда? воскликнулъ Герасимъ Ѳедоровичъ.

— Мишницынъ съ ратью пришелъ въ Никитино—крестьяне его сказывали мнѣ; онъ на насъ грозится: Вышгородъ де возьму и всѣхъ Неклюдовыхъ перебью, а дѣвокъ въ полонъ уведу!..

— Запирай ворота!.. Собирай челядь!.. Выкатывайте бочонки со свинцомъ и зельемъ... Не даромъ же отдавать разбойникамъ Вышгородъ на разореные и боярышенъ на позоръ!... вскакивая съ сверкающими глазами крикнулъ Ливонецъ, внезапно изъ тихаго мечтателя преобразовываясь въ желѣзнаго

Дитя природы. Съ картины Г Даля, грав. Бренд'Амуръ.

рыцаря. Онъ кинулся съ крыльца и схватилъ веревку протянутую къ набатному колоколу, ударилъ въ него.

Этотъ могучій звукъ поднялъ на ноги не только Вышгородскую челядь, но и жителей окрестныхъ селеній. Черезъ четверть часа, толпы народа спѣшно поднимались по тропинкамъ на гору, спрашивая другъ друга: „почто набатъ, огня не видно?..“ Когда всѣ собрались на широкомъ дворѣ боярина Неклюдова, онъ самъ вышелъ на крыльцо и повелъ къ народу такую рѣчь:

— Православные! Вѣдомо вамъ что враги покоя и чести добрыхъ людей, забывъ вѣру въ Господа Бога и долгъ своему Государю Алексѣю Михаиловичу затѣяли во Псковѣ и въ Новгородѣ крамолу, измѣну и всякія буйства, подымаютъ руку на духовенство наше—Владыку нашего Макарія, ругаются надъ святыней, побиваютъ неповинныхъ людей, что они подымаютъ мятежъ противу законнаго нашего Государя Московскаго!.. Нонѣ оные звѣрообразные, лукавые крамольники идутъ сюда съ цѣлой ратью воровъ и изрыгаютъ угрозы и хотятъ разграбить домъ мой и полонить семью, все въ Вышгородѣ огню предать, мечу и поруганію.

Ропотъ негодованія прервалъ рѣчь боярина.

— Коли возьмутъ Вышгородъ, убьютъ меня, схватятъ моихъ дѣтей и чередъ дойдетъ и до васъ: въ селеніяхъ начнетъ литься кровь неповинная, совершатся богомерзкія дѣла крамольниковъ.

— Не дадимъ Вышгородъ крамольникамъ! грудью станемъ за Царя Московскаго!.. кричали нѣсколько сотъ крестьянъ. Неклюдовы и Адальбертъ спѣшили воспользоваться настроеніемъ и отрядили нѣсколькихъ стариковъ въ селеніе съ приказомъ женщинамъ и дѣтямъ, собравъ пожитки и скотъ, бѣжать въ непроходимые лѣса, выстроили остальныхъ рядами и роздали каждому по доброму ослопу, по топору да по пищали; ворота крѣпко заперли и завалили чѣмъ попало; на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ легче доступъ, но кручѣ горы поставили стражу, на стѣны втащили двѣ старинныя ржавыя пушки и навалили возлѣ нихъ кучи камней, служившихъ вмѣсто ядеръ.

Послѣ воинственныхъ приготовленій надо было подумать о безопасности женщинъ: имъ было приказано, собравъ все цѣнное имущество, спрятаться въ подвалы, а въ случаѣ крайней опасности устроить себѣ убѣжище на башнѣ, куда были снесены съѣстные припасы, въ достаточномъ количествѣ на нѣсколько дней. Галина и Марья вполнѣ сохранили присутствіе духа и распоряжались ногерявшимися отъ страха дворовыми женками и дѣвками; но Ненила болѣе робкаго и слабаго характера, не принимая участія въ хлопотахъ сестры и подруги, горько плакала, охала и молилась Богу. Напрасно Адальбертъ урывками подходилъ къ ней и старался ее ободрить. На его слова Ненила тихо возражала:

— Нѣтъ! чуетъ мое сердце, что пришли мои послѣдніе деньки. Сонъ я видѣла вѣщій: родимую мою матушку... сидѣла она подъ той яблонькой, что я посадила и яблонька та была въ въ цвѣту; вдругъ задули вѣтры съ корнемъ яблоньку вырвали и зашибли мою матушку... изъ груди ея потекла алая такая кровь ручьемъ подъ гору въ Судому рѣку... Охъ!.. прольется кровь въ Вышгородѣ, сломитъ и меня буря какъ сломала мою яблоньку!..

Цѣлыя сутки прошли въ томительномъ ожиданіи; Мишницынъ не появлялся. Вокругъ Вышгорода было спокойно, но самое это спокойствіе въ такую пору, когда надо бы народу копошиться въ полѣ на лугахъ, было зловѣщее.

14 іюня въ полдень стоявшіе на сторожѣ крестьяне крикнули, что со стороны села Никитина показалась небольшая кучка всадниковъ. Неклюдовы и Адальбертъ бросились на стѣну и ясно разглядѣли четырехъ вооруженныхъ всадниковъ, которые шагомъ подъѣхали такъ близко, что Борисъ крикнулъ имъ:

— Стой! чего вамъ?

— Грамота отъ боярина Кирилы Михайловича Мишницына! отвѣчалъ одинъ изъ всадниковъ и поднявшись на стременахъ ловкимъ розмахомъ кинулъ камень, къ которому была привязана свернутая бумага, упавшая къ ногамъ Герасима Ѳедоровича.

XV.

Сватовство.

„Боярину Герасиму Ѳедоровичу Неклюдову низко бьетъ челомъ бояринъ Кирилла Михайловичъ Мишницынъ, было написано въ грамоткѣ. Дочка твоя Галина Герасимовна полюбилась мнѣ зѣло и желаю я ее въ жены. Буде тебѣ ее за меня отдать по мысли, то отпиши, а буде не по мысли тебѣ любовно со мной породниться, то и силой возьму невѣсту и Вышгородъ разорю и челядь твою побью нещадно. Великаго Пскова полковникъ Кирилла Михайловъ сынъ Мышницынъ.“

По прочтеніи посланія, Герасимъ Ѳедоровичъ въ бѣшенствѣ изорвалъ его на мелкіе куски, бросилъ на вѣтеръ, который подхватилъ клочья бумаги и понесъ ихъ прямо на всадниковъ. Отвѣтъ былъ достаточно понятенъ, но еще понятнѣе заговорило эхо лѣсовъ когда по немъ прокатился грохотъ выстрѣловъ съ Вышгородскихъ стѣнъ. Посланные быстро ускакали.

Дѣло приняло опредѣленный характеръ и это сватовство съ оружіемъ въ рукахъ указало, что бой неизбѣженъ. Галина была въ отчаяніи.

— Я виной что кровь прольется. восклицала она.

— Нѣтъ не ты, а честь Неклюдовыхъ, отвѣчалъ ей отецъ. Неклюдовымъ не слѣдъ родниться съ измѣнниками, лучше умереть чѣмъ видѣть дѣтище за холопомъ псковскихъ крамольниковъ...

Къ вечеру того же дня послышались звуки роговъ, топотъ коней и удалыя пѣсни нападающихъ. Рать постепенно выходя изъ лѣсу, выстроилась на обширной равнинѣ передъ Вышгородскимъ холмомъ.

Всѣхъ было до 200 человѣкъ, частью конныхъ, болѣе пѣшихъ иные въ одеждѣ стрѣлецкой, другіе въ рваныхъ зипунахъ; эти послѣдніе громче всѣхъ кричали и выскакивая впередъ, ругали Неклюдовыхъ, сторонниковъ Москвы и грозили ужасами если добровольно не сдадутся!.. Съ своей стороны Вышгородцы не оставались въ долгу и отвѣчали бранью на брань, что тогда было въ обычаѣ не только при небольшихъ стычкахъ, но и передъ большими битвами. По сказанію лѣтописцевъ: „словеса хульныя глаголаху, яко псы лаяху.“

Адальбертъ, которому какъ человѣку опытному въ военномъ дѣлѣ было поручено начальство надъ Вышгородскимъ гарнизономъ, внимательно разсматривая вражьи силы, сказалъ что у нихъ нѣтъ лѣстницъ и приступомъ взять гору они не могутъ...

Вскорѣ намѣренія нападающихъ выяснились: они заняли небольшую деревеньку, откуда всѣ жители бѣжали заблаговременно: худые мужики „зипуны“ принялись дѣятельно строить укрѣпленіе, проводить рвы и насыпать изъ песку и камня возвышенія; осажденные съ любопытствомъ слѣдили за этими работами. „Острогъ строютъ“ говорили они.

Дрогнуло сердце Неклюдова когда онъ увидалъ въ подзорную трубу, что на этотъ наскоро устроенный валъ втащили три небольшихъ, но исправныхъ пушки.

— Плохо!.. сказалъ бояринъ отдавая подзорную трубу Адальберту, который слегка поблѣднѣлъ и сдвинулъ брови, но ни слова не произнесъ, чтобы не пугать Вышгородцевъ.

Онъ велѣлъ навести свою пушку на возводимый острогъ и проворчалъ сквозь зубы:

— Надо угостить этаго великана, что всѣми распоряжается.

Ливонецъ поднесъ горящій фитиль.

Выстрѣлъ грянулъ и каменное ядро врылось въ свѣжую насыпь, въ двухъ шагахъ отъ Жегара, обдавъ его пескомъ и мусоромъ.

— Чтобы васъ бѣсы задавили!.. крикнулъ Жегаръ, отскакивая. Погодите псы московскіе, и я васъ не хуже попотчую...

Жегаръ собственноручно вкативъ чугунное ядро въ жерло одной изъ пушекъ, памѣтился прямо на высокую фигуру въ шляпѣ съ развѣвавшимся бѣлымъ перомъ.

Раздался выстрѣлъ и на мгновеніе легкое кольцо дыма застлало фигуру въ шляпѣ; когда дымъ разсѣялся, Жегаръ къ великой досадѣ увидалъ, что тотъ въ кого онъ мѣтилъ, снявъ шляпу раскланивается, словно благодаритъ за угощеніе; ядро не достигнувъ, цѣли упало въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ стѣны.

Эта пробная перестрѣлка продолжалась весь день 15 іюня, но ни той ни другой сторонѣ не причиняла большаго вреда кромѣ того, что каменныя ядра Вышгородцевъ иногда удачно разстраивали насыпи, а чугунныя ядра Мишницына, попадая въ крѣпкія стѣны, отскакивали отъ скалистыхъ глыбъ, изъ которыхъ были сложены эти стѣны. Осажденные, немного попривыкнувъ къ грому выстрѣловъ, и видя, что Мишницынъ не торопится приступомъ и даже не имѣетъ лѣстницъ, стали надѣяться, что дѣло протянется и что къ нимъ подоспѣетъ помощь... Откуда... никто бы не могъ дать опредѣленнаго отвѣта, но человѣческое сердце даже тамъ ждетъ спасенія, гдѣ уже нѣтъ никакой надежды.

Адальбертъ лучше другихъ понималъ, что дѣло такъ не долго протянется и ежеминутно ожидалъ, что Мишницынъ броситься по горѣ на приступъ, такъ какъ ему были хорошо извѣстны слабыя мѣста стѣнъ; но ливонецъ разумѣется ни кому, даже Неклюдову съ сыномъ, не повѣрялъ своихъ опасеній.

Ночь съ 15 на 16 іюня прошла спокойно: нападающіе долго съ вечера пѣли, пьянствовали, а потомъ уснули мертвымъ сномъ. Адальбертъ, не спавшій до полуночи, глядя на звѣздное небо думалъ: кабы мнѣ полсотни добрыхъ драгунъ Ильи я бы сдѣлалъ вылазку, напалъ бы на соннаго врага и очистилъ бы Вышгородъ... А теперь сиди въ заперти и прячься за стѣны... Народу у насъ хоть и много, да что съ нимъ подѣлаешь?.. Мужики, да дворовая челядь, неумѣлые, трусливые... на разсвѣтѣ Адальбертъ замѣтилъ движеніе въ лагерѣ Мишницына. Тотъ же великанъ, въ котораго онъ навелъ первый выстрѣлъ, Жегаръ, бѣгалъ и расталкивалъ солдатъ; наконецъ они сгрупировались около одной пушки и что-то прилаживали. Что это они затѣяли?.. про себя говорилъ Адальбертъ.

— Вѣрно сбираются ударить на насъ, сказалъ Борисъ, подошедшій въ эту минуту.

Прошло съ четверть часа; ратники Мишницына по немногу сбирались къ одному пункту, но не такъ какъ бѣгутъ на какое нибудь любопытное зрѣлище. Вдругъ толпа отхлынула отъ пушки, мелькнулъ фитиль, раздался выстрѣлъ и что-то шлепнулось въ стѣну...

Раздалось шипѣніе и взрывъ...

Это была граната... *) — Господи!.. что это? воскликнулъ Борисъ,

— Это то друже, что Вышгородъ не долго продержится.. мрачно отвѣчалъ Ливонецъ, положивъ руку на плечо Бориса. Надо думать о женщинахъ... попытать послать гонца къ Хованскому, говорятъ идетъ онъ ко Пскову...

Адальбертъ заговорилъ объ опасности, и эта опасность была близка и неизбѣжна: Борисъ зналъ это и не смотря на свое мужество, слегка поблѣднѣлъ.

— Кого-бъ мы ни послали, не поспѣетъ!.. печально возразилъ онъ. Птица либо олень развѣ унесли бы наше письмо...

— Пиши письмо, я знаю гонца, который быстрѣе оленя добѣжитъ до Хованскаго, вѣрно и братецъ Ильюша тамъ со своими драгунами!.. сказалъ вдругъ жёнскій голосъ.

Адальбертъ и Борисъ оглянулись: Марья стояла сзади ихъ; глаза ея горѣли.

— Зачѣмъ ты подслушала... ты теперь скажешь другимъ, всѣ будутъ бояться! воскликнулъ Адальбертъ.

Марья презрительно улыбнулась.—Плохо ты меня знаешь рыцарь, возразила она, я бы сама поскакала съ вѣстью къ Ильѣ, еслибъ хотѣла покинуть Вышгородъ, какъ ему нужна защита.. На меня положитесь больше чѣмъ на вашихъ мужиковъ... Пусть полѣзутъ разбойники на приступъ... увидите, какъ буду валить на нихъ вонъ тѣ камушки, что тамъ лежатъ...

— А какого же гонца послать къ Ильѣ?.. спросилъ Борисъ.

— Вотъ онъ!.. указала Марья на ласкавшуюся къ ней собаку. Грачь нѣсколько разъ бѣгалъ по дорогѣ, куда уѣхалъ Ильюша: онъ пропадалъ дня по два и приходилъ назадъ. Онъ розыскалъ его слѣдъ; коли я велю ему бѣжать къ Ильюшѣ онъ послушается; привяжите ему грамотку на шею и къ полудню она будетъ у брата".

— Надо попытать!. согласился Адальбертъ и ушелъ съ Борисомъ писать къ Норотову.

Марья оставшись одна, присѣла на камень и подозвала Грача; умный песъ положивъ голову на ея колѣни. устремивъ на нее свои ясные глаза, словно дожидаясь объясненія. Марья нагнулась къ собакѣ и гладя ея волнистую шерсть стала говорить внятно и съ разстановкой:—Грачь, гдѣ бояринъ Илья Алексѣичъ?.. Собака радостно взвизгивая побѣжала по направленію къ воротамъ, но отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановилась и вопросительно глядѣла на Марью, которая снова подозвала ее и взявъ ея голову въ обѣ руки сказала:

— Сослужи службу, Грачь! бѣги къ братцу Ильѣ Алексѣичу съ письмомъ, приведи поскорѣе къ намъ на выручку... Понялъ ли ты?.. Грачь началъ прыгать и лаять, изъявляя нетерпѣніе. Да... Ты понялъ!.. на тебя одна наша надежда. и Марья пошла къ воротамъ, куда пришли и Адальбертъ съ Борисомъ.

— Вотъ грамотка... передавая ей сказалъ ливонецъ. Дай Богъ чтобъ она поспѣла во время. Марья обвязала письмо шнуромъ и повѣсила его на шею собакѣ; когда калитку отворили, Марья сказала: прощай Грачь... бѣги къ боярину Ильѣ Алексѣичу!.. Собака однимъ прыжкомъ очутилась за воротами, понюхала воздухъ и повернувшись къ противуположной сторонѣ отъ возведеннаго Мишницынымъ окопа, понеслась быстро напрямикъ съ горы, переплыла рѣку и вскорѣ пропала въ лѣсу.

— Чудно!. пробормоталъ Адальбертъ, начинавшій вѣрить въ возможность спасенья.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Современныя тюрьмы.

(Окончаніе).

Къ исторіи тюрьмы.—Тюрьмы въ Россіи.

Вопроса объ улучшеніи участи узниковъ, объ ихъ нравственномъ исправленіи, иначе сказать—тюремнаго вопроса, не существовало до самаго конца XVIII столѣтія, когда появился извѣстный филантропъ, Джонъ Говардъ, посвятившій всю свою жизнь осмотру и изученію тюрьмы съ цѣлью ея улучшенія. Его разсказы о тюремныхъ порядкахъ того времени имѣли обычный характеръ. Запертые узники лишались даже свѣжаго воздуха. Въ Плимутѣ заключенные. чтобы не задохнуться, прижимались, по очереди, къ небольшому отверстію въ двери; когда же Говардъ посѣтилъ эту тюрьму, то двери не отворялись уже 5 недѣль и заключенные просили о смерти, какъ о милости.

Осмотрѣвъ тюрьмы почти всей Европы, Говардъ вынесъ изъ этого обзора тяжелое впечатлѣніе; въ Англіи тюрьмы были и до сихъ поръ остались въ значительной части весьма дурнаго устройства. Говарду говорили, что если уже заботиться то скорѣе о несчастномъ положеніи честныхъ людей, остающихся на свободѣ, чѣмъ исключительно заниматься улучшеніемъ положенія негодяевъ и убійцъ. Во Франціи онъ встрѣтилъ тотъ же взглядъ и тѣ же тюрьмы; особенно нѣкоторыя пріобрѣли историческую извѣстность: Бастилія. Консьержери, Сенъ-Жерменское аббатство и Бисетръ. Въ Ліонской тюрьмѣ Говардъ нашелъ двадцать девять человѣкъ, которые были заперты въ четырехъ узкихъ темницахъ, гдѣ жаръ доходилъ до такой степени, что заключенные должны были сидѣть нагими. Тюрьмы Германіи отличались грязью и злоупотребленіями тюремной власти, въ Люттихѣ Говардъ напр. нашелъ, что узники содержались въ шести клѣткахъ имѣвшихъ около $6^{1}/_{2}$ футъ длины и вышины, обтянутыхъ толстыми желѣзными обручами, въ которыхъ было лишь два отверстія: одно для воздуха а другое для снабженія заключенныхъ пищей. Въ Мангеймской тюрьмѣ всякаго новопоступающаго встрѣчали нѣсколькими ударами, смотря по винѣ каждаго. Затѣмъ вновь прибывшій долженъ былъ цѣловать порогъ тюрьмы и тогда его запирали на замокъ. Тюрьмы Испаніи, Португаліи, Швеціи и Даніи не уступали англійскимъ въ мрачности, неопрятности, темнотѣ и сырости помѣщеній. Только въ Швейцаріи, Бельгіи и Голландіи Говардъ нашелъ болѣе просторныя и свѣтлыя тюрьмы, гдѣ заключенныхъ заставляли много работать и обучаться въ школѣ.

Послѣ тщательнаго осмотра европейскихъ тюремъ Говардъ напечаталъ свое извѣстное сочиненіе: „О тюрьмахъ" (The state of prisons 1777 г.) которое было переведено на многіе языки, обративъ на себя вниманіе и подготовило тогдашнее общество къ тюремной реформѣ. Въ 1778 году уже состоялся въ Англіи первый пенитенціарный законъ, который получилъ впрочемъ практическое примѣненіе лишь въ началѣ текущаго столѣтія.

Въ Америкѣ устройство тюремъ принадлежитъ Франклину и квакерамъ, которые ввели тамъ двѣ совершенно своеобразныя системы заключенія: пенсильванскую и обурнскую. Первая система совершенно уединяла преступника, чтобъ принудить его къ самосозерцанію, дать ему почувствовать угрызенія совѣсти и примириться съ Богомъ и людьми; сторонники же обурнской системы утверждали, что заключенныхъ нужно заставить болѣе работать, предписывая имъ молчаніе и разводя по одиночнымъ кельямъ только ночью. Отъ теоріи перешли къ практикѣ и въ Америкѣ существовало уже нѣсколько тюремъ какъ той такъ и другой системы, когда въ Европѣ не приступили еще ни къ какимъ серьезнымъ преобразованіямъ въ тюремномъ устройствѣ. Наконецъ лишь въ 30 годахъ текущаго столѣтія, разныя европейскія государства и во главѣ ихъ Англія, начали основывать у себя тюрьмы, подражая американскимъ образцамъ. Англія построила образцовую пентонвильскую тюрьму, гдѣ приговоренные подвергались 18 мѣсячному одиночному заключенію а потомъ ссылались на Вандименъ или Норфолькъ и Эйландъ. Но вскорѣ эта строго-одиночная система дала самые печальные результаты: смертность свирѣпствовала въ Пентонвилѣ, кромѣ того узники или сходили съ ума, или кончали жизнь самоубійствомъ. Все это заставило ослабить строгость заключенія и ввести въ практику такъ называемую смягченую систему и придерживаться теперь большею частью системы заключенія западной Европы. Здѣсь главная цѣль—исправленіе преступника достигается путемъ неослабнаго труда и повышенія умственнаго и нравственнаго уровня; главными дѣятелями въ этомъ исправленіи являются церковь, школа и работа. Правильная организація труда доведена въ Англійскихъ тюрьмахъ до совершенства, благодаря принятой здѣсь системѣ балловъ, изобрѣтенной капитаномъ Меконоки, и дающей возможность заключенному при особенной усидчивости и трудолюбіи уменьшать на $^{1}/_{4}$ срокъ своего заключенія, и кромѣ того выдти изъ тюрьмы съ нѣкоторымъ заработкомъ.

У насъ въ Россіи, по предполагаемой отмѣнѣ ссылки, тюремное устройство должно вступить въ новый фазисъ своего развитія; нѣсколько образцовыхъ центральныхъ тюремъ уже проэктировано и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ будутъ организованы сообразно новѣйшимъ выводамъ какъ тюремной науки такъ и практики. Подражать мы будемъ европейскимъ, какъ всегда, образцамъ.

Въ древней Руси тюремъ было немного, что зависѣло отъ обычая отдавать преступниковъ на „поруки" обществу или частнымъ лицамъ, которые отвѣчали за него *головою* въ случаѣ его исчезновенія. Лишались же свободы только тѣ, которымъ не удавалось найти поручителей; это, конечно, были люди по большей части самые безпутные и отпѣтые и ихъ не стѣснялись помѣщать безъ всякаго милосердія въ погребахъ, ямахъ, подъ землею и даже въ клѣткахъ по суровости нравовъ той отдаленной эпохи. Прошло много времени пока могли выработаться болѣе гуманные взгляды и лишь въ 1560 году является указъ, воспрещающій устраивать подземные темницы. Управленіе острогами вообще, три столѣтія тому назадъ лежало на намѣстникахъ, потомъ перешло въ вѣденіе губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Правительство не отпускало колодникамъ ни пищи ни одежды и снабженіе ихъ тѣмъ и другимъ лежало на обязанности ихъ родственниковъ, безродные же скованные цѣпями ходили по дворамъ, о базарамъ собирая милостыню и деньгами и съѣстными припасами. Такая тюремная жизнь начала нѣсколько видоизмѣняться въ царствованіи Алексѣя Михайловича и въ уложеніи 1648 г. мы уже находимъ тюрьму какъ дополнительное наказаніе къ тѣлесному за различнаго рода проступки. Тюрьмы эти наполнялись узниками безъ большаго

*) Въ это время гранаты были нововведеніемъ и внушали суевѣрный ужасъ.

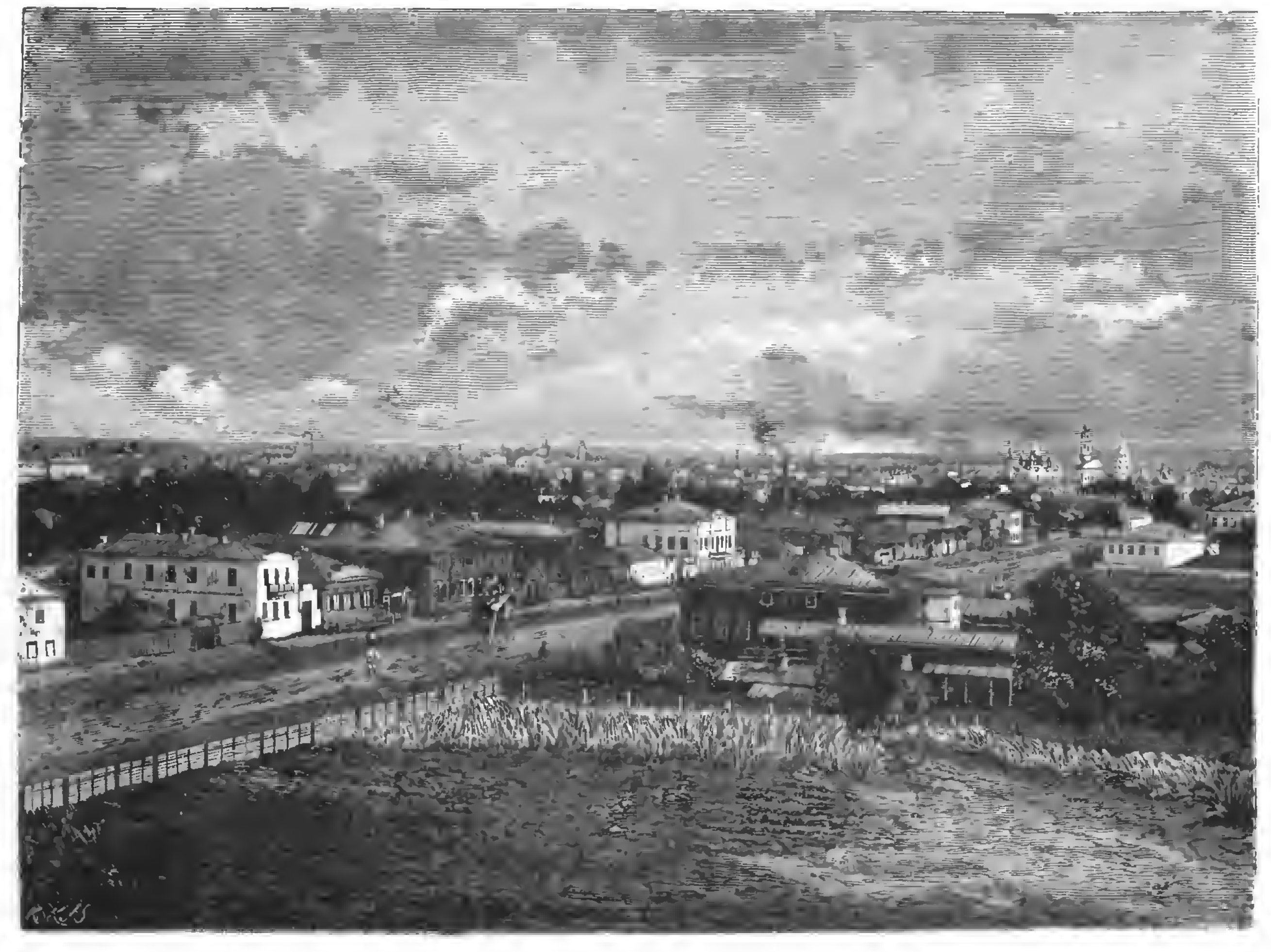

По Волгѣ. Милліонная улица въ Твери. (Изъ книги Рагозина „Волга"). Съ фотогр. грав. Даугель.

По Волгѣ. Ипатьевскій монастырь на р. Костромѣ. (Изъ книги Рагозина „Волга") Съ фотогр. грав. Даугель.

По Волгѣ. Верхневолжскій бейшлотъ. (Изъ книги Рагозина „Волга“). Съ фотогр. грав. Даугель.

По Волгѣ. Ивановъ-Вознесенскъ съ посада. (Изъ книги Рагозина „Волга“). Съ фотогр. грав. Даугель

разбора, и списки заключенныхъ велись очень неправильно; о многихъ совершенно забывали и они томились въ заключеніи цѣлые десятки лѣтъ часто не зная за что. Съ цѣлію искорененія подобнаго зла установлено было въ 1700 году доставлять ежегодно, о колодникахъ, отчетъ Сенату, а симъ послѣднимъ въ кабинетъ, чтобы имѣть возможность слѣдить за ихъ численностью. Съ этого же времени правительство начинаетъ обращать вниманіе и на другія нужды тюремнаго люда; такъ въ 1717 году повелѣвалось чаще мѣнять солому для подстилки арестантамъ, а также кормить ихъ на счетъ челобитчика. при чемъ запрещалось ходить имъ за милостыней по улицамъ. Правительство назначило имъ разновременно казенное продовольствіе, безъ опредѣленія впрочемъ, въ чемъ оно должно заключаться. Окончательно правильную организацію наши тюрьмы получили лишь при Екатеринѣ II, которая обратила серьезное вниманіе на улучшеніе мѣстъ заключенія. Въ ея же царствованіе были учреждены для мужчинъ и женщинъ дома смирительные (1775 г.), рабочіе (1785 г.), а также составлены правила опредѣляющія количество кормовыхъ для здоровыхъ и больныхъ колодниковъ. Въ царствованіе Александра I а именно въ 1817 году прибылъ въ Петербургъ Вальтеръ Венингъ, одинъ изъ членовъ лондонскаго, попечительнаго о тюрьмахъ общества и получилъ дозволеніе посѣтить и осмотрѣть столичныя мѣста заключенія. Въ отчетѣ представленномъ имъ Государю разоблачается обстановка тогдашней тюремной жизни; въ смирительномъ домѣ еще существовали колодники привязанные за шею, а женщины содержались въ рогаткахъ съ острыми спицами длинною въ 8 дюймовъ не дававшими имъ возможности ложиться ни днемъ ни ночью. По инипіативѣ того же Венинга 19 іюля 1819 года, были Высочайше утверждены правила для попечительнаго общества о тюрьмахъ. Благодаря обильнымъ частнымъ пожертвованіямъ общество постоянно заботилось объ улучшеніи пищи и вообще матеріальнаго положенія арестантовъ а также и ихъ нравственнаго и умственнаго развитія учрежденіемъ тюремныхъ школъ и правильной организаціи работы.

Въ вѣдѣніи попечительства состоятъ въ Петербургѣ тюрьмы исправительная и пересыльная и тюремный замокъ. Въ исправительной тюрьмѣ содержатся люди по приговорамъ мироваго суда—на тюремное заключеніе отъ 3 мѣсяцевъ до года и окружнаго суда къ содержанію въ смирительномъ и рабочемъ домѣ до $2^1/_2$ лѣтъ. Каждый арестантъ содержится въ особой, досчатой кельѣ вышиною въ 3 аршина. Въ 1878 году здѣсь содержались 2041 человѣкъ. Отличительный характеръ этой устроенной на новыхъ началахъ тюрьмы отъ другихъ, заключается въ обязательствѣ для всѣхъ арестантовъ работать съ утра до вечера, за исключеніемъ промежутка времени полагающагося на обѣдъ, отдыхъ и на занятія въ школѣ. За десять лѣтъ существованія, произведено здѣсь работъ на довольно значительную сумму, а именно на 162,788 рублей.

С.-Петербургскій тюремный замокъ существуетъ съ 1822 г. и помѣщается въ прежде бывшихъ казармахъ. Зданіе неудовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ и требуетъ радикальной перестройки. Въ тюрьмѣ 94 камеры на 793 арестанта. По осмотру замка произведенному недавно однимъ изъ директоровъ тюремнаго комитета А. М. Филипповымъ, оказывается, что теперь здѣсь содержится 592 арестанта и 157 арестантокъ. Женское отдѣленіе чище и опрятнѣе нежели мужское; тѣснота въ послѣднемъ достигаетъ иногда до того, что люди спятъ на полу—для кроватей мѣста не оказывается. Дурныя условія дѣлаютъ литовскій замокъ одною изъ самыхъ нездоровыхъ столичныхъ тюремъ. Спб. пересыльная тюрьма утверждена въ 1852 году на мѣстѣ давнишняго острога. Она состоитъ изъ двухъ зданій соединенныхъ корридоромъ и можетъ заключать въ себѣ отъ 300 до 800 арестантовъ: впрочемъ приливъ и отливъ людей происходитъ здѣсь ежедневно, и каждый арестантъ проводитъ здѣсь самое короткое время. Домъ предварительнаго заключенія построенный архитекторомъ Маевскимъ подлѣ зданія Спб. Окружнаго Суда представляетъ собою образцовое мѣсто заключенія по своимъ приспособленіямъ и замѣчательному устройству. Домъ построенъ на 700 человѣкъ; одиночныхъ келій въ немъ болѣе 300 (муж. 285, жен. 32). Общихъ камеръ 68. Служебный персоналъ достигаетъ до 70 человѣкъ. Въ домѣ предварительнаго заключенія содержалось въ періодѣ 1876—1878 годовъ 4305 арестантовъ. Какъ тюрьма слѣдственная, домъ предварительнаго заключенія, состоитъ въ полномъ распоряженіи прокуратуры; сообразуясь съ требованіями слѣдствія, арестантъ или подвергается одиночному заключенію или помѣщается въ общей камерѣ. Каждая одиночная, узкая келья днемъ освѣщается матовымъ окномъ а вечеромъ газомъ. Входная дверь сдѣлана изъ толстаго желѣза съ маленькимъ отверстіемъ для подачи пищи. Дверь каждой одиночной кельи можетъ запираться двумя ключами: надсмотрщика и смотрителя, при чемъ если келья заперта послѣднимъ, то ключъ надсмотрщика уже не можетъ отворить замысловатаго замка. Арестанты постоянно жалуются на тягость заключенія въ одиночной кельѣ, которую они называютъ „сидѣньемъ въ душилкѣ", между тѣмъ въ виду дурнаго вліянія однихъ на другихъ, одиночное заключеніе имѣетъ за себя многое для особенно порочныхъ заключенныхъ. Вообще перениманіе цѣликомъ заграничныхъ тюремныхъ порядковъ не всегда бываетъ удобно, вслѣдствіе громадной разницы въ народныхъ взглядахъ и обычаяхъ. Такъ опыты примѣнить у насъ обурнскую систему обсолютнаго молчанія окончились неудачей; люди роптали и противились, заявляя, что рѣчь дана отъ Бога и никто не можетъ ея лишить. Кромѣ того наши арестанты считаютъ себя обиженными, если ихъ отдаляютъ отъ частной благотворительности, отъ сочувствія общества въ ихъ горькой судьбѣ между тѣмъ, какъ прежде это сочувствіе въ значительной степени вызывалось строгостью наказанія и несовершенствами старыхъ судовъ. Теперь же при частыхъ оправданіяхъ и сравнительной легкости наказанія — это сочувствіе едва ли будетъ по прежнему сильно.

На морскомъ каналѣ.

Между Петербургомъ и Кронштадтомъ

Очеркъ **Н. Б—ва.**

I.

Утро было довольно сѣрое и какъ будто обѣщало дождикъ, когда мы на лодкѣ переправились на Гутуевскій островъ. Я давно собирался въ эту поѣздку, наслышавшись о морскомъ каналѣ и на сей разъ она сложилась очень счастливо. Со мной выразилъ желаніе ѣхать нашъ извѣстный талантливый художникъ Н. Н. Каразинъ, результаты поѣздки котораго, набросанные его мастерскимъ карандашемъ, читатели отчасти могутъ видѣть въ этомъ № и г. Р., также художникъ, уже не однажды ѣздившій и даже жившій нѣкоторое время на самомъ мѣстѣ работъ канала. Не зная хорошенько дороги съ этой стороны и удостовѣренные встрѣчными, что каналъ рукой подать, мы пошли пѣшкомъ сначала топкимъ лѣсомъ до дамбы, а потомъ по самой дамбѣ и хорошо, что всѣ оказались хорошими ходоками, особенно Н. Н. Каразинъ, изъѣздившій и исходившій столько по средне-азіатскимъ степямъ. День разгулялся и сталъ довольно жаркимъ а идти до конторы намъ пришлось таки далеко, черезъ Канонерскій островъ, мимо Канонерской мели по дамбѣ. На мѣстѣ мы были такъ удачливы, что попали на партію выпускныхъ инженеровъ, осматривавшихъ каналъ и тутъ намъ были доставлены очень любезно всѣ нужныя свѣдѣнія и возможность объѣхать на пароходѣ весь каналъ и осмотрѣть гигантскія машины, такія же какія работали на Суэцкомъ каналѣ. Эти гигантскія машины есть на рисункѣ нашего художника. На среднемъ верхнемъ и нижнемъ лѣвомъ рисункахъ изображена огромная черпальня № 5 и показано ея дѣйствіе. Вычерпываемый ею со дна моря жидкій песокъ посредствомъ особаго широкаго рукава выливается въ огромный приготовленный ящикъ дамбы и наполняетъ его. Вода затѣмъ сливается а песокъ, чрезвычайно плотно слегаясь, набиваетъ ящикъ, образуя дамбу, съ такою быстротою, какая была бы немыслима ни при какомъ числѣ рабочихъ. Но особенно замѣчательна гигантская американская машина—цѣлый домъ—изображенная на среднемъ рисункѣ. На лѣвой сторонѣ видны приспособленные на шестахъ какъ бы лапы какого-то чудовища, которыя вразъ захватываютъ по $^1/_3$ куб. сажени песку со дна моря и переносятъ, выливая дорогой воду, на барки. До четырехъ тысячъ рабочихъ копошатся въ разныхъ мѣстахъ сооруженія, опытные мастера и капитаны, вызванные изъ Голландіи съ Амстердамскаго канала, ведутъ подробности дѣла, порученнаго нынѣ контрагентамъ, инженерамъ гг. Максимовичу и Борейшѣ. Но что же это за морской каналъ? Какое его значеніе и цѣль и для чего предприняты такія гигантскія работы? Эти вопросы, насколько можно въ коротенькомъ очеркѣ, мы постараемся разрѣшить, такъ какъ публика наша совершенно незнакома съ этимъ высокой важности дѣломъ.

II.

Да, въ какомъ нибудь получасѣ ѣзды отъ Петербурга возводится гигантское сооруженіе, одно изъ величайшихъ въ Европѣ въ настоящее время и благодаря вѣчному равнодушію нашему ко всему своему, едва ли многіе имѣютъ объ немъ понятіе. Знаютъ, что „строится тамъ что-то такое!" Это „что-то такое" —морской каналъ болѣе чѣмъ вдвое превосходящій шириною Суэцкій, длиною въ 29 верстъ *), на которомъ теперь энергически производятся работы, и результаты этихъ работъ уже достаточно выясняются, чтобы можно было оцѣнить всю ихъ грандіозность.

Дѣло морскаго канала изъ Невы на свободную глубину, конечно, занимало уже всеобъемлющій умъ царственнаго строителя Петербурга. Чтобы обойти прибрежную отмель Финскаго залива, Петръ I хотѣлъ провести морской каналъ отъ Невы

*) Со всѣми развѣтвленіями. Извѣстно, что Суэцкій каналъ, имѣя въ длину $150^3/_4$ верст. (проходитъ черезъ нѣсколько озеръ) шириною между дамбами лишь $46^3/_4$ с. глуб. $3^3/_4$ с. Нашъ каналъ шириною 100 саж.

по южному берегу залива и против Ораніенбаума вывести его на свободную морскую глубину. Тогда же приступили къ устройству канала между Стрѣльною и Екатерингофомъ, гдѣ и донынѣ остались слѣды Петровскихъ сооруженій. Послѣ же смерти Петра работы совсѣмъ остановились.

Съ основаніемъ Петербурга русская торговля стала быстро возрастать и торговая дѣятельность Новгорода и Пскова постепенно перемѣстилась въ Петербургъ. Что пунктъ этотъ не насильственъ, а самъ по себѣ представлялъ всегда важность доказываетъ то, что еще до Сѣверной войны, городъ Ніенъ, въ устьяхъ Невы, по свидѣтельству епископа Холмогорскаго Афанасія, ежегодно принималъ товары со 150 кораблей. Первый корабль пришелъ къ Петербургу въ ноябрѣ 1703 года и обрадованный Государь щедро одарилъ матросовъ и капитана корабля. Въ 1725 году приходило сюда уже по 180 кораблей ежегодно и къ 1762 году до 400 кораблей, а при Екатеринѣ II къ 1796 г. сумма привоза и отпуска доходила почти до 40 милліоновъ рублей. Въ 1865 году, напримѣръ, отпускъ черезъ Петербургъ составлялъ 28% всего отпуска изъ Россіи, въ 1866 году—31% и т. д. до послѣдняго года процентъ не понижался. И во ввозной торговлѣ какъ и въ вывозной Петербургъ игралъ такую же значительную роль. Въ 1865 г. ввозъ черезъ Петербургъ составилъ болѣе 43% всего ввоза въ Россію, въ 1869 г. 42% и т. д. не уменьшаясь до послѣднихъ лѣтъ. Среднимъ числомъ можно принять, что 1/3 всего ввоза и отпуска идетъ сюда. Нѣкоторое колебаніе и въ иные годы уменьшеніе этаго % указывало на дурное состояніе Петербургскаго порта, вслѣдствіе чего товары предпочитали, во избѣжаніе перегрузокъ, выгружать въ Ревелѣ, Нарвѣ и затѣмъ по Балтійской желѣзной дорогѣ направлять внутрь Россіи и поэтому привозъ въ Нарву и Ревель сталъ подниматься такъ быстро. Въ Москвѣ очищалось пошлиной въ 1870 г. 33,270.200, а въ 1879—около 80 милліоновъ и приблизительно надо принять, что 2/3 этихъ товаровъ выгрузились въ Петербургскомъ портѣ и лишь 1/3 прошла черезъ западную сухопутную границу.

Географическое положеніе Петербурга чрезвычайно выгодно. Это ближайшій пунктъ морской для бассейновъ озеръ Ладожскаго, Онежскаго и Ильменя и для необъятнаго бассейна Волги, доходящаго до Урала и Каспія. Предметы отпускной торговли Петербурга, именно товары, надвигающіеся съ Волги—хлѣбъ: пшеница, рожь, овесъ, горохъ, крупа. Затѣмъ ленъ, пенька, щетина, лѣсной товаръ, спиртъ, шерсть, сало и т. п. Движеніе товарныхъ грузовъ въ нашей столицѣ чрезвычайное. Въ 1870 уже году прибывшихъ и отбывшихъ напримѣръ кораблей было до 5,000, съ грузомъ до 80 милліоновъ пудовъ и такъ возрастало и до послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ того судовъ прибывало и отбывало ежегодно болѣе 1,500, съ грузомъ до 10 милліоновъ пудовъ. По желѣзнымъ дорогамъ—по Николаевской ежегодно доставляется средне болѣе 50 милл. пудовъ, вывозится болѣе 15 милл. и т. д. *Въ Петербургѣ каждый рабочій день погружается около полутора милліоновъ пудовъ.* Вотъ каковы размѣры товарнаго движенія въ Петербургѣ и все что служитъ къ облегченію его хода здѣсь, конечно будетъ полезно для всей Россіи.

Глубина воды на Невскомъ барѣ не превышаетъ 10 фут., при низкой же водѣ до 8 фут., только мелко сидящіе корабли — едва половина изъ всего количества—могутъ доходить до Петербурга. Остальные же начинаютъ перегружаться на малыя суда наз. *лихтерами.* Разгрузка корабля идетъ 3 дня. 1 день лихтеръ тянутъ на буксирѣ, отъ 2 до 5 дней разгружаютъ лихтера при таможнѣ, да еще день идетъ на доставку товара на станцію желѣзной дороги. Значитъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ товаръ доходитъ до Петербурга въ 8 дней съ платою съ пуда отъ 4—8 коп. Но и для этой доставки мало удобнаго времени. Въ маѣ, августѣ, сентябрѣ, октябрѣ, въ разгаръ заграничной торговли—туманы и ненастье. Случается что лихтера идутъ въ непогоду отъ Кронштадта до Петербурга 5—6 дней да два дня проходятъ Николаевскій и Дворцовый мосты —тогда товаръ идетъ отъ 12—17 дней. Сверхъ этихъ неудобныхъ условій двойная перегрузка товара причиняетъ убытки—платится по 3 к. съ пуда и портится товаръ. Мосты могутъ разводиться лишь разъ въ сутки въ ночное время—изъ за мостовъ теряется отъ 2—4 дней. Привозные товары выгружаются при таможнѣ на Васильевскомъ острову и перевозятся на извощикахъ на желѣзныя дороги, отпускные же—съ желѣзныхъ дорогъ въ склады, и затѣмъ уже на корабли. Неустройство Петербургскаго порта вынуждаетъ косвенный налогъ на торговлю въ 7—8 милл. рублей ежегодно и занимаетъ напрасно множество рукъ непроизводительно.

Такія серьезныя обстоятельства естественно обращали на себя вниманіе людей знающихъ, которые въ свое время представляли проэкты, разсмотрѣніе которыхъ естественно не можетъ войдти сюда. Довольно сказать что въ разное время, не считая проэкта Петра I (который началп приводить въ исполненіе) представлено было правительству весьма обстоятельно составленныхъ 22 большихъ проэкта. Изъ нихъ сталъ приводиться въ исполненіе проэктъ порта извѣстнаго Н. П. Путилова, недавно скончавшагося, человѣка предпріимчиваго и дѣятельнаго, которому въ 1870 г. было Высочайше разрѣшено составить товарищество для постройки желѣзной дороги, соединительной съ другими дорогами, затѣмъ утверждено „общество товарныхъ складовъ товарищества" и разрѣшено Путилову строить портъ. Мѣсто на взморьѣ для желѣзной дороги и порта избрано было на южной оконечности Канонерскаго и Вольнаго острововъ противъ д. Волынкиной и д. Емельяновки.

Съ 1842 г. учреждались по этому важному дѣлу коммиссіи и комитеты, не выразившіе своей дѣятельности, кромѣ коммиссіи 1859 г., никакими результатами. Наконецъ по представленію Мин. Пут. Сообщ. графа Бобринскаго, энергически рѣшились привести дѣло въ исполненіе. 20 января 1872 г. учрежденъ подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго строителя Николаевскаго моста, Кербедза, комитетъ съ участіемъ представителей отъ купцовъ. Графъ самъ руководилъ дѣйствіями комитета, который и выработалъ, помимо частныхъ проектовъ, свои положенія объ устройствѣ Петербургскаго порта. Положенія эти были утверждены. Рѣшено было построить и содержать въ видѣ государственнаго пути на счетъ казны, корабельный каналъ глубиною до 20 ф. для безостановочнаго хода судовъ, сидящихъ до 18½ ф. Каналъ направили по Екатерингофскому фарватеру между Канонерскимъ островомъ съ одной стороны, Вольнымъ и Гутуевскимъ съ другой. Устройство же на этихъ островахъ гаваней и доковъ предоставили частной предпріимчивости, отнюдь не допуская монополіи. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ отдачи постройки канала съ торговъ Путилову и Кларку, затѣмъ въ виду неуспѣшности работъ перемѣнѣ контракта и передачѣ дѣла контрагентамъ гг. Максимовичу и Борейшѣ, которые въ настоящее время быстро и энергически ведутъ къ окончанію грандіозное сооруженіе. Замѣтимъ только, что и до сихъ поръ многіе смѣшиваютъ вопросъ Путиловскаго порта и канала. Но первый—это частное предпріятіе, тогда какъ каналъ сооруженіе вполнѣ правительственное, при коемъ Н. П. Путиловъ былъ не болѣе какъ контрагентъ, подрядчикъ связанный обыкновеннымъ контрактомъ. Тогда же при министерствѣ учреждено управленіе по дѣламъ Порта, на которомъ въ настоящее время и лежитъ отвѣтственность за веденіе работъ.

III.

Теперь работа подвигается энергически впередъ. Отъ самой Невы черезъ Гутуевскій островъ далеко въ открытое море тянутся великолѣпныя дамбы, которыя уже готовы на протяженіи 5 верстномъ. Видъ дамбы изображенъ на среднемъ верхнемъ рисункѣ. Каналъ будетъ съ двухъ сторонъ огражденъ этими дамбами, которыя тянутся въ морѣ отъ Невы на девять верстъ. Затѣмъ на длинѣ 16 верстъ до Кронштадта каналъ оставляется открытымъ на двѣнадцатифутовой глубинѣ. Дамба устраивается такимъ образомъ: съ двухъ сторонъ погружаются ряжи—деревянные срубы, наполненные камнемъ и затопляются въ море по длинѣ дамбы; образуются какъ бы огромные ящики, въ которые, какъ мы выше говорили уже, черпальными машинами вычерпываемый со дна моря песокъ съ водой, выливается посредствомъ особыхъ трубъ. Вода сливается а песокъ плотно улегается и образуетъ земляныя дамбы, которыя потомъ облицовываютъ и обдѣлываютъ по откосамъ камнемъ. Нагруженіе ряжей камнями изображено на правомъ верхнемъ рисункѣ.

На пятой верстѣ отъ Невы каналъ развѣтвляется на двѣ вѣтви; одна, собственно каналъ, идетъ въ Неву къ Гутуевскому порту. Это портъ, строящійся на средства Министерства Финансовъ на земляхъ бывшихъ Бенардаки и теперь пріобрѣтенныхъ Министерствомъ; на береговой сторонѣ входной гавани Гутуевскаго острова расположенъ глубокій корабельный бассейнъ, берега котораго будутъ подняты для устройства пакгаузовъ и таможенныхъ складовъ, которые теперь на Вас. Остр. и для рельсовыхъ путей. Тутъ будетъ портъ для всей ввозной торговли. Другая вѣтвь канала идетъ на югъ къ барочному каналу, который еще не осуществленъ и на развѣтвленіи канала устроенъ бассейнъ и портъ Путиловскаго общества, для вывозныхъ товаровъ, для хлѣба и проч. соединяющійся съ желѣзнодорожною дамбою того же общества. Эта дамба соединяетъ портъ со всѣми желѣзными дорогами и такимъ образомъ взморье сообщается со всѣми желѣзными дорогами Россіи. Путиловская поясная дорога идетъ параллельно будущему каналу и не доходя Петергофскаго шоссе развѣтвляется. Сѣверная вѣтвь идетъ къ Гутуевскому порту, а южная къ широкой дамбѣ Морскаго канала, къ тому мѣсту, гдѣ роется бассейнъ на развѣтвленіи канала для пріема вывозныхъ товаровъ. Расходы по устройству канала и порта исчислены въ 9,400,000 руб. (стоимость Суэцкаго канала 200 милл франковъ) и окончаніе всего этаго великолѣпнаго сооруженія предположено въ слѣдующемъ 1883 году. За проходъ черезъ правительственный каналъ съ судовъ ничего взиматься не будетъ. Кронштадтъ обращается въ исключительно военный портъ. Правительство, принявъ на себя прорытіе и содержаніе морскаго канала, предоставило частной предпріимчивости устройство по сторонамъ канала частныхъ портовъ и доковъ, куда могли бы заходить иностранные корабли, не нашедшіе удобнымъ грузиться у набережныхъ канала.

Съ окончательнымъ устройствомъ порта надо пожелать, чтобы искуственные водные пути къ Петербургу были на столь-

ко улучшены, чтобы съ Волги безъ перегрузки свободно ходили на Неву. Это безусловно необходимо въ виду нашей хлѣботорговной борьбы съ Америкой, это важный вопросъ улучшенія Маріинскаго пути.

Волга.

Волга. В. Рагозина. Спб. 1880 г.

Рѣдко удается съ такимъ отраднымъ чувствомъ приниматься говорить о какой-нибудь книгѣ, какъ принимаемся теперь мы по поводу „Волги“ г. Рагозина. Одна изъ самыхъ острыхъ и тяжелыхъ болѣзней нашей интеллигенціи—это отдѣленность отъ жизни своего народа и незнаніе своей страны. Среди образованныхъ людей вы часто и теперь встрѣтите такихъ, которые обладаютъ самыми точными и подробными свѣдѣніями по поводу ничтожнѣйшихъ фактовъ или мѣстностей Западной Европы и презрительно фыркаютъ, когда при нихъ говорятъ объ изученіи Россіи — что тутъ изучать и есть ли у насъ исторія? Эта позорная и застарѣлая болѣзнь—небрежное отношеніе ко всему своему — служитъ источникомъ большей части всѣхъ нашихъ пререканій, несогласій и практическихъ ошибокъ, часто гибельныхъ. Исцѣляется она только изученіемъ и знаніемъ своей страны и народа, изученіемъ, которое всегда дѣлаетъ легче и плодотворнѣе всякое начинаніе. Народная пѣсня съ такою любовью дававшая эпитеты „матушки“, „кормилицы“—нашей великой рѣкѣ, давно и чудно ее воспѣла. Этою рѣкою кормятся милліоны русскихъ людей, на ней стоятъ большіе торговые города, свѣтясь куполами своихъ храмовъ, по ней идутъ великія хлѣбные караваны, громадныя баржи и расшивы—а много ли знаемъ мы объ нашей Волгѣ?

Правда, многіе „катались“ по ней, набрасывая виды ея и наскоро записывая что услышутъ отъ перваго враля—больше обличенія разныхъ порядковъ, о которыхъ записывающій не имѣетъ никогда и понятія—но эти „катанья“, „наброски“, по своей ничтожности и торопливости, вносили всегда только новую сумятицу въ наши понятія обо всемъ этомъ и лишній разъ затрогивали ту несчастную отрицательную струнку, которую такъ легко у насъ заставить звучать. Надо не эти надоѣвшія корреспондентскія „прокатыванія“ не пренебреженіе, а любовное отношеніе, многолѣтнее подробное изученіе, постоянное житье на Волгѣ, чтеніе всего, что объ ней сообщено и писано. Нужно человѣка, который бы взялъ на себя, мало того полюбить и изучить все это, но взялъ бы на себя трудную и благородную задачу познакомить другихъ со всѣмъ этимъ, посредствомъ изданія, цѣлью котораго отнюдь не была бы одна спекуляція, которая всегда водится посторонними дѣлу соображеніями.

Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ г. В. Рагозина, посвятившаго трудъ и время на изученіе нашей великой рѣки и на изданіе превосходной книги, заглавіе которой мы выписали. Всѣхъ томовъ предположено девять. При каждомъ будутъ политипажи въ текстѣ и карты въ особой папкѣ. Пока вышелъ первый томъ (отъ истока до Оки) и въ теченіи перваго же года будутъ выданы 2-й и 3-й томы. При высокомъ достоинствѣ исполненія картъ, приложеннаго къ книгѣ атласа, при многихъ политипажахъ въ текстѣ, цѣна, назначенная за томъ, рубля, исключаетъ всякую мысль о барышахъ изданія книги составленной въ высшей степени тщательно и добросовѣстно. Изъ политипажей, помѣщенныхъ въ 1-мъ томѣ, мы нашли возможнымъ познакомить нашихъ читателей съ четырьмя видами.

Первый видъ — видъ нашей старой исторической Твери—открывающейся на лѣвомъ берегу Волги на переходѣ между Вазузой и Дубной. Тверь въ XIII стол. ведшая такую борьбу и съ татарами, ее грабившими, и съ ливонцами, и съ Москвою,—Тверь, которой и по географическому положенію и по могуществу и старѣйшинству, слѣдовало быть столицею Руси. Но Москва все взяла въ свои крѣпкія руки и со временъ Ивана III Тверь уже не поднималась. Старая богатая Тверь, посредница въ торговлѣ востока и запада, вдругъ сильно упала въ своемъ значеніи въ виду открытія новыхъ центровъ и только когда Москва сама уступила первенство Петербургу, съ сооруженіемъ каналовъ и съ усиленіемъ волжскаго судоходства, торговое значеніе города стало снова возрастать.

Затѣмъ второй видъ—это такъ называемый *Верхневолжскій бейшлотъ*. Въ 2 верстахъ отъ села Хотошихина (Тверской губерніи) при выходѣ рѣки изъ оз. Волго, воздвигается это грандіозное сооруженіе съ своими плотинами, колесами, столбами, сооруженіе въ высшей степени замѣчательное, но какъ и многое другое русское—почти никому неизвѣстное. Еще издали доносится шумъ падающей воды. Направо и налѣво сгрудились плоты. Люди копошатся, разрубаютъ связи приготовляютъ плоты къ пропуску черезъ бейшлотъ. По лѣвому берегу тянется аллея изъ двухъ рядовъ деревьевъ; изъ-за зелени привѣтливо выглядываетъ небольшой домъ, гдѣ уединенно живетъ начальникъ бейшлота, въ этомъ безлюдномъ уголкѣ, гдѣ зимою слышенъ лишь вой волковъ да завываніе метели. Послѣ долгаго пути по болотистымъ трущобамъ Волговерховскаго ручья, гдѣ виды разнообразятся лишь валунами—это величавое гидротехническое сооруженіе производитъ впечатлѣніе. Тяжелые, прочные столбы и устои 30 саженнаго моста, валы, колеса, щиты сдерживаютъ напоръ слишкомъ 4 милл. кубич. саженъ

(Продолженіе на стр. 669, 670, 671 и 672).

„Граждане лѣса“. Сказка Н. Д. Ахшарумова Рис. Н. Каразинъ, грав. Малиновскій.

„Въ этомъ лѣсу жило шесть человѣкъ; пятеро ушли, остался одинъ. Звали его Лазарь“.
„Гражд. лѣса“ стр. 2.

воды! Здѣсь оба берега Волги возвышены. За нѣсколько саженъ до бейшлота берега укрѣплены искусственно, по правому берегу насыпана дамба, вплоть къ правому и лѣвому берегамъ поставлены длинные, сажени по двѣ шириною, прочные срубы, набитые до верху камнемъ и землей. Это береговые устои. Затѣмъ со дна русла возведены въ равныхъ разстояніяхъ четыре быка образующіе пять пролетовъ. Въ каждомъ пролетѣ во днѣ рѣки вбиты столбы, между которыми и вставляются деревянные щиты аршина по 3. Это—нижній ярусъ, удерживающій воду на высотѣ нормальнаго уровня; верхній, *сливная* линія, удерживаетъ воду сверхъ обыкновенной высоты. Открываемый по мѣрѣ надобности бейшлотъ пропускаетъ нужное количество воды, чѣмъ поддерживается судоходство на 500 верстъ до самой рѣки Мологи и сохраняетъ для хода судовъ воду на достаточной глубинѣ даже въ мелководье. Великая важность водяного резервуара при началѣ Волги указывается тѣмъ, что открытіе шлюзовъ возвышаетъ уровень Волги и что дѣйствіе это замѣтно до самаго Углича.

Третій рисунокъ представляетъ знаменитый *Ипатьевскій монастырь*, давшій пріютъ изгнаннымъ Годуновымъ—инокинѣ Марѳѣ Ивановнѣ и сыну ея Михаилу Ѳеодоровичу, первому русскому царю изъ рода Романовыхъ. Юный Михаилъ отсюда былъ призванъ на царство. Домъ, гдѣ помѣщались Романовы, существуетъ и понынѣ; комната въ которой жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, сохранилась въ своемъ прежнемъ видѣ. Монастырь основанъ татарскимъ мурзою, обрусившимся ревностнымъ и истиннымъ христіаниномъ, Четомъ, въ крещеніи Захаріемъ, родоначальникомъ рода Годуновыхъ. Здѣсь же укрылся потомъ временно молодой Михаилъ, когда одинъ изъ бродячихъ польскихъ отрядовъ взялся его извести и тайно пробрался къ Домнину, вотчинѣ Романовыхъ. Въ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ тогда монастырь, погибъ по преданію, отъ рукъ обманутой, разъяренной польской шайки нашъ народный герой Иванъ Сусанинъ.

Четвертый рисунокъ представляетъ бывшій богатый посадъ, нынѣ городъ *Ивановъ-Вознесенскъ*, Влад. губ. на р. Уводи. При Грозномъ оно было въ числѣ черныхъ государевыхъ селъ; въ XVIII в. принадлежало Черкасскимъ, а потомъ Шереметеву, женившемуся на дочери Черкасскаго. Теперь городъ въ высшей степени замѣчателенъ по ситцевому кустарному производству, главнѣйшему въ Россіи. Здѣсь около 150 мелкихъ фабрикъ. Особенное развитіе получило ситцевое производство въ 1812 году, когда ушедшіе изъ Москвы рабочіе и лучшіе мастера поселились здѣсь. Большая ярмарка бываетъ здѣсь 14-го сентября.

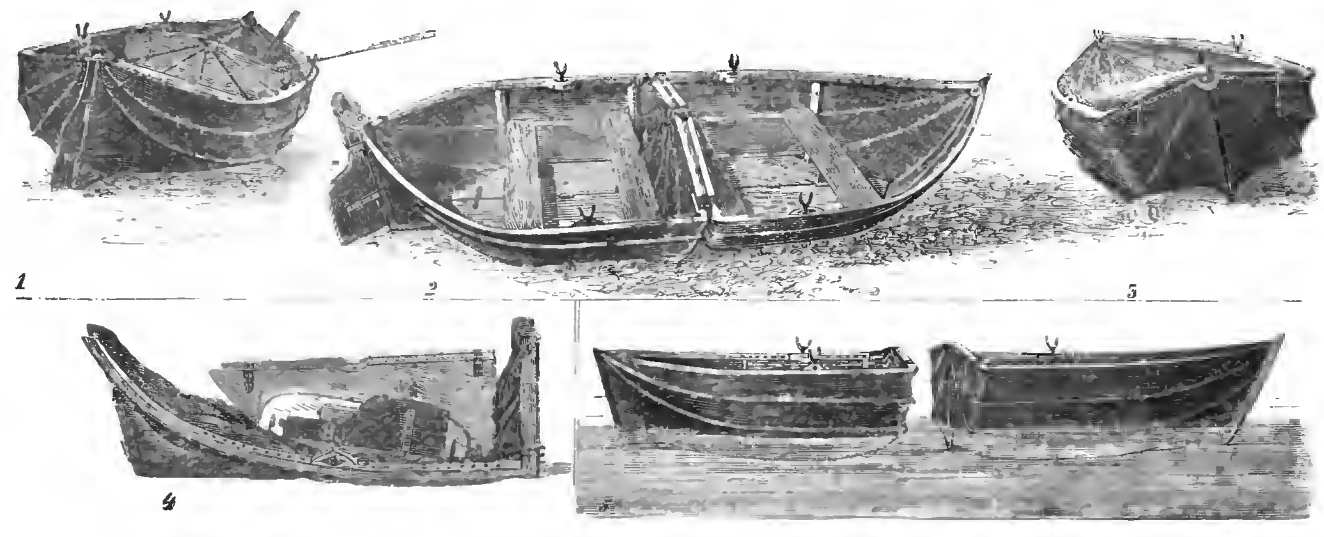
Вообще какъ по изложенію такъ и по исполненію рисунковъ, особенно картъ, въ полномъ смыслѣ слова роскошное изданіе г. Рагозина заслуживаетъ полнаго вниманія и обширнаго распространенія.

Къ рисункамъ.

Дитя природы.

(Картина Г. Даля).

Полная жизни и выразительности картина художника на которой онъ изобразилъ быть можетъ и себя, сидящимъ передъ мольбертомъ, такъ и переноситъ воображеніе въ живописную страну—такъ и видишь жаркій, чудный лѣтній день и словно слышишь любезную шутку улыбающагося художника, на которую молодая деревенская красавица отвѣчаетъ веселымъ, откровеннымъ смѣхомъ.

1) Видъ лодки отъ руля. 2) Вполнѣ сложенная лодка. 3) Видъ полулодки сзади. 4) Боковой разрѣзъ полулодки. 5) Двѣ полулодки отдѣльно на водѣ.

Новая складная лодка Бертона. По рис. грав. М. Рашевскій.

Складныя лодки системы Бертона.

Новыя складныя лодки, изобрѣтенныя Бертономъ, могутъ имѣть очень важное значеніе въ морскомъ дѣлѣ, особенно при дѣйствіи миноносокъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при погруженіи торпедъ, экипажъ судна часто не имѣетъ другихъ спасительныхъ снарядовъ и приспособленій, кромѣ нѣсколькихъ буевъ. Складныя же лодки Бертона могутъ быть въ этомъ отношеніи въ высшей степени полезными. Дѣло въ томъ, что такая складная лодка, когда она разобрана, занимаетъ пространство не болѣе 2-хъ футовъ 14 дюймовъ и потому ее можно легко уложить въ каждое даже самое незначительное судно; собрать же ее требуется не болѣе пяти минутъ времени. Для этой цѣли стоитъ лишь ея боковыя части соединить двумя кусками дерева, на которыхъ должна лежать часть верхней палубы; затѣмъ остается вставить скамейки и лодка готова; въ случаѣ нужды ее также можно легко присоединить посредствомъ крюковъ къ задней части судна и помѣстить въ ней совершенно свободно 6 человѣкъ команды. Если даже повреждена будетъ одна половина лодки, то экипажъ тотчасъ же можетъ перейти въ другую ея часть, отдѣленную отъ первой плотной и крѣпкой перегородкой.

Лодка Бертова состоитъ изъ двойной непроницаемой для воды обшивки, укрѣпляемой на легкомъ, деревянномъ остовѣ и каждая изъ двухъ составныхъ частей имѣетъ 6 футовъ длины, 2 фута глубины и 6 фут. ширины. Недавніе опыты, производившіеся въ Шербургѣ миноноскою „Torpilleur“ доказали до очевидности, какую громадную пользу могутъ принести складныя лодки при всѣхъ опасныхъ случайностяхъ минной аттаки. Складныя лодки Бертона могутъ также съ успѣхомъ служить для переправы войскъ и замѣнить собою употребляемыя нынѣ для этой цѣли понтонныя сооруженія.

Политическое обозрѣніе.

Застой въ пограничныхъ вопросахъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Причина размолвки между Франціей и Англіей.—Турецкія угрозы румеліотамъ.—Рѣчь и письмо Гамбетты.—Германія.—Административная перемѣна.

Нельзя не признать за турецкими правителями, или лучше сказать, дипломатами—извѣстнаго искусства. Собирались въ Берлинѣ конференціи, собирались надъ Турціей мрачныя тучи, но благодаря ловкости пашей—вопросъ о разграниченіи оттоманской имперіи съ Греціей и Черногоріей въ настоящую минуту находится совершенно въ томъ же самомъ положеніи, т. е. въ томъ же самомъ застоѣ, въ какомъ находился до грозныхъ конференцій и тучъ. Дипломаты Порты хорошо знаютъ чего стоитъ „Европейское согласіе“ и потому не торопятся, пользуясь, тѣмъ временемъ, каждой минутой, чтобы подкрѣпить албанцевъ всюду, гдѣ это надо и усиливая свои военныя

силы на необходимыхъ пунктахъ. Разсчетъ ихъ оказался вѣренъ. Султанъ и министры его вполнѣ убѣждены, что совмѣстное дѣйствіе великихъ державъ не состоится, что „единодушіе“ ихъ рушится при первой же попыткѣ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ противъ Турціи. Германія вовсе не высказываетъ намѣренія присоединиться къ мѣрамъ этимъ, Франція совершенно, повидимому, отстранилась, Италія, конечно, одна не двинется. Россія, только что свершившая великое дѣло освобожденія не будетъ вновь, по крайней мѣрѣ, теперь подымать восточнаго вопроса. Австрія, съ самаго начала, не была энергическимъ сторонникомъ Греціи и Черногоріи. Остается Англія. Не взирая на то, что Гладстонъ заявилъ, что правительство ея величества рѣшилось дойти до предположенной цѣли, рѣшилось даже, если надо, дѣйствовать безъ участія прочихъ державъ, — все-таки, не взирая на это, искусные дипломаты Абдулъ-Гамида не боятся Англіи. И тутъ взглядъ ихъ едва ли не вѣренъ. Англія не можетъ послать десанта, такъ какъ мѣра эта была бы чрезвычайно непопулярно, составляя нѣчто въ родѣ дополненія ко всему числу войнъ, затѣянныхъ Биконсфильдомъ и стоющихъ такъ дорого. Поэтому она блокировала бы турецкія гавани своимъ флотомъ; но блокада эта имѣла бы результатъ, невыгодный для самой Англіи, а не для Турціи, она отразилась бы, всего больше, на морской торговлѣ первой, посылающей массу своихъ купеческихъ кораблей въ Средиземное море и въ турецкія воды, торговля эта уменьшилась бы, содѣйствуя, въ то же время, развитію австрійскаго сухопутнаго вывоза. Турки понимаютъ очень хорошо все это, а потому спокойно отписываются и предоставляютъ Греціи и Черногоріи питаться надеждами. Въ Греціи, впрочемъ, хотятъ поддержать надежды свои штыками и приступаютъ къ мобилизаціи.

Приготовляется къ войнѣ князь Черногорскій. На равнинѣ между Тузлой и Подгорицей сосредоточено уже до 12 тысячь воиновъ подъ начальствомъ воеводы Перо Вукотича; въ Подгорицу, Жаблякъ, Спужъ и Бово Ховницу отправлены пушки, Антивари и Зальевъ сильно укрѣпляются. Порта, въ перепискѣ, которою она всегда умѣла и умѣетъ затянуть дѣло съ Европой, показываетъ снова желаніе скоро покончить вопросъ о границахъ съ Черногоріей.—Выше мы сказали, что Франція отстранилась отъ препирательствъ на Востокѣ. Такую перемѣну въ восточной политикѣ Франціи до сихъ поръ объясняли исключительно внутреннимъ положеніемъ дѣлъ, нападками оппозиціи на французское вмѣшательство въ вопросъ, не касающійся ея, нападками на Гамбетту изъ лагерей враждебныхъ ему; но оказывается другая причина, лежащая въ внѣшнихъ отношеніяхъ республики. Дѣло въ томъ, что на Востокѣ столкнулись интересы Франціи и Англіи. Во Франціи полагали, что со вступленіемъ Гладстона въ министерство, Англія откажется отъ Кипра, противъ присоединенія котораго, въ свое время, высказался Ваддингтонъ, считая занятіе это вреднымъ для интересовъ французскихъ въ Сиріи. Надежды эти основывались на томъ, что Гладстонъ, былъ въ оппозиціи, сильно нападалъ на окупацію острова. Однако, Гладстонъ сталъ премьеромъ и —и островъ все-таки остался за Англіей. Тогда и произошелъ замѣченный всѣми поворотъ въ политикѣ Франціи. Но, кромѣ этого, такъ сказать пассивнаго, противодѣйствія Англіи, Франція очень недавно сдѣлала въ этомъ направленіи нѣсколько болѣе рѣшительный шагъ.

Мидхадъ-паша, какъ мы сообщали уже читателямъ, предложилъ рядъ реформъ въ Сиріи, но теперь оказывается, что онъ игралъ въ руку Англіи, которой предоставилъ бы въ предположенномъ имъ хедиватѣ широкій просторъ. Франція прозрѣвъ, во время планъ этотъ, приняла всѣ мѣры къ тому чтобы Мидхадъ былъ удаленъ съ своего поста (онъ назначенъ губернаторомъ Смирны), и такъ какъ это соотвѣтствовало желаніямъ самаго султана, то удалось очень легко. Услуга же султана въ этомъ случаѣ и объясняетъ нынѣшнюю сдержанность Франціи въ восточной политикѣ.

Въ Восточной Румеліи движеніе къ возсоединенію съ Болгарскимъ княжествомъ конечно усиливается и теперь, повидимому, оно организуется. Уничтоженныя Вогоридесомъ гимнастическія дружества, снова и энергичнѣе прежняго взялись за дѣло свое—упражненія происходятъ безостановочно. Словомъ, готовится боевая сила, съ которой придется считаться. *Турція*, указывая на все это державамъ, *грозитъ Румеліи занять Балканскіе горные проходы* (?).

Греви, вмѣстѣ съ Леономъ Сэ и Гамбеттой, посѣтилъ недавно Шербургъ, гдѣ присутствовалъ на эволюціяхъ части французскаго флота. Посѣщеніе это сопровождалось различными торжествами, банкетами и проч. Между прочимъ, на одномъ изъ банкетовъ, Гамбетта произнесъ энергическую рѣчь, въ которой весьма ясно намекнулъ на то, что Франція по прежнему развивающая свои силы и могущество, скоро займетъ должное положеніе свое и возвратитъ себѣ то, что отнято у нея. Вслѣдъ затѣмъ въ газетахъ появилось частное письмо его къ одному пріятелю, гдѣ онъ говоритъ прямо уже, что французы готовятся къ нападенію. Впрочемъ, на другой же день было напечатано разъясненіе относительно письма, разъясненіе, удостовѣрявшее что оно написано еще въ 1871 году. Воинственныя выходки Гамбетты объясняютъ, однако, не болѣе, какъ маневромъ, къ которому въ свое время прибѣгалъ императоръ Наполеонъ III, для поддержанія своей колебавшейся власти. А такъ какъ Рошфоръ и крайняя лѣвая не перестаетъ нападать на бывшаго диктатора, то онъ, будто бы, обратился къ пріему, всегда успѣшно дѣйствующему на французовъ...

Тѣмъ не менѣе, рѣчь и письмо, какъ надо было ожидать, произвели весьма непріятное впечатлѣніе въ Германіи, пресса которой дала съ своей стороны весьма энергичный отвѣтъ.— Князь Бисмаркъ не оставилъ своей борьбы съ соціалистами. Онъ предпринимаетъ теперь мѣру, которой нельзя не считать одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ, а именно—онъ намѣренъ улучшить положеніе рабочаго класса; по мнѣнію канцлера, положеніе это можетъ быть улучшено, главнѣйше, только при соблюденіи двухъ главныхъ условій, а именно: при доставленіи рабочимъ большаго участія въ промышленныхъ барышахъ и при сокращеніи числа рабочихъ часовъ. И съ этою мѣрою значительная часть неудовольствій, которыми питался соціализмъ, должна потерять смыслъ и исчезнуть.

Въ нашей высшей администраціи на дняхъ совершилась чрезвычайно важная перемѣна: въ виду того что главная цѣль учрежденной въ февралѣ сего года Верховной Коммиссіи—объединеніе дѣйствій властей—уже достигнута, самая эта Коммиссія упраздняется и Начальникъ ея Графъ М. Т. Лорисъ Меликовъ назначается Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Всѣ дѣла какія вѣдало III отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи передаются въ вѣдѣніе Мин. Внутр. Дѣлъ и самое III отдѣленіе совсѣмъ уничтожается съ своимъ отдѣльнымъ, спеціальнымъ значеніемъ. Завѣдываніе корпусомъ жандармовъ также какъ и всѣ дѣла Верховной Коммиссіи переданы Министру же Внутр. Дѣлъ. Отдѣляются кромѣ того отъ Министерства Внутр. Дѣлъ департаменты почтъ и телеграфовъ и департаментъ иностранныхъ исповѣданій и Министромъ почтъ и телеграфовъ назначается А. С. Маковъ, бывшій Министръ Внутр. Дѣлъ.

Смѣсь.

Охладительныя одѣяла. Во многихъ болѣзняхъ, преимущественно въ тифѣ, для лѣченія примѣняютъ охлажденіе больнаго. Это достигается холодными ваннами. Кто не знаетъ тѣхъ хлопотъ для окружающихъ и неудобствъ для самого больнаго, связанныхъ съ такого рода леченіемъ. Докторъ Дюмонъ-Пальe въ Парижѣ изобрѣлъ особое охлаждающее одѣяло, которое замѣняетъ собою обыкновенныя ванны. Между двумя холстинами зашита зигзагообразно длинная каучуковая трубка, по которой можно пропускать холодную воду. Окутывая такимъ одѣяломъ больнаго, достигается та же цѣль, какъ и простою холодною ванною. Посредствомъ небольшихъ приспособлевій, можно давать водѣ быстрый или слабый токъ, слѣдовательно, достигать той степени охлажденія, которая нужна при лѣченіи.

Уженіе на пари. Скачки и плаваніе на пари извѣстны многимъ, но уженіе на пари еще небывалая новость. Недавно экстренный поѣздъ привезъ изъ Шеффильда и Вата 700 человѣкъ желавшихъ состязаться въ уженіи, которые и заняли мѣста на обоихъ берегахъ канала. По данному сигналу они закинули удочки и удили полтора часа. Самый счастливый удильщикъ, получившій призъ въ 200 марокъ, поймалъ въ это время только три четверти фунта рыбы; получившій восьмой призъ— четверть фунта. Что поймали остальные—трудно взвѣсить.

Вотъ оригинальный отвѣтъ, данный однажды на вопросъ, что такое удочка: „Это снарядъ, къ одному концу котораго прикрѣпленъ червякъ, а къ другому—глупецъ“.

На желѣзныхъ дорогахъ въ Англіи въ 1879 году погибло болѣе 3.500 человѣкъ. Изъ убитыхъ пассажировъ (считая и тѣхъ, которые погибли во время крушенія моста на Теѣ) 452 человѣка желѣзнодорожной прислуги и 420 человѣкъ самоубійцъ или погибшихъ по собственной неосторожности. Общее же число всѣхъ пассажировъ, проѣхавшихъ въ этомъ году по желѣзнымъ дорогамъ Англіи 562.732,890.

Открытыхъ писемъ употребленіе возрасло въ Европѣ чрезвычайно. Въ 1878 г. разошлось 342 милліона. Изъ нихъ 111,445,000 лишь въ Великобританіи; въ Германіи 108,741,000 и во Франціи 30,522,000. Эти цифры, если присоединить къ нимъ еще огромный оборотъ открытыхъ писемъ въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, будутъ громадны. Извѣстно, что употребленіе открытыхъ писемъ въ Штатахъ практикуется всего еще лѣтъ шесть. Въ прошломъ году количество открытыхъ писемъ доходило до 246 милліоновъ, а въ 1880 году Америка уже оборотила до 300 милліоновъ такихъ писемъ. Годовой оборотъ во всѣхъ странахъ можно считать до 700 милліоновъ, слѣдовательно по два милліона писемъ въ день.

Новый каналъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Для приведенія въ исполненіе проэкта соединенія рѣки Сана, впадаю-

щей въ Вислу съ Днѣпромъ, впадающимъ въ Черное море образовалось товарищество изъ французскихъ инженеровъ. Австрійское министерство торговли дало этому товариществу предварительную концессію на техническія работы, которыя тотчасъ и были начаты. Въ настоящее время техническій планъ совершенно выработанъ. Каналъ этотъ важенъ въ томъ отношеніи, что имъ будутъ соединены порты Чернаго и Балтійскаго морей.

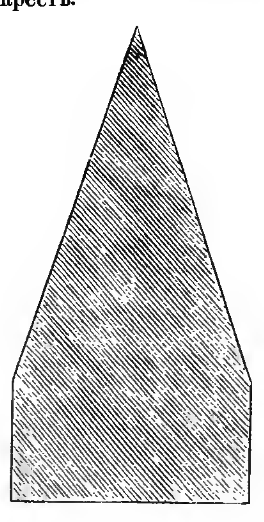
Налогъ на титулы. Итальянскій парламентъ рѣшилъ обложить титулы и ордена слѣдующимъ налогомъ: На титулъ князя и герцога 25,000 лиръ, маркиза 20,000 л., графа 15,000 л., барона 10,000 л. за всякій другой титулъ по 5000 л., за ношеніе иностранныхъ орденовъ 90 лиръ. Предполагаютъ, что большая половина титулованныхъ особъ будетъ отказываться отъ пожалованныхъ имъ титуловъ.

Фотографическіе оттиски на матеріяхъ. Одна изъ ліонскихъ шелковыхъ фабрикъ ввела у себя отпечатываніе фотографій на матеріяхъ. Она послала въ недавно состоявшійся съѣздъ фотографическаго общества нѣсколько шелковыхъ кусковъ съ отпечатанными на нихъ разными фотографіями, между которыми весьма многія, въ видѣ большихъ медальоновъ, изображали картины древнихъ художниковъ. Длина представленныхъ образцевъ опредѣлена не менѣе 131 фута. Хотя самое производство не объяснено, думаютъ однако, что отпечатываніе совершается посредствомъ окиси серебра.

Новый суррогатъ золота. Американцы открыли недавно великолѣпную композицію, которая вполнѣ замѣняетъ золото. Въ составъ композиціи входятъ: 100 частей чистой мѣди, 17 част. олова, 6 част. магнезіи, 9 част. виннаго камня, 36 част. нашатыря и 1,6 частей негашеной извести. Эта композиція въ высшей степени тягуча и плавка; изъ нея можно выдѣлывать такіе же тонкіе листы, какъ и изъ золота, выливать въ формы, дѣлать медали и т. д. По наружному виду она такъ схожа съ золотомъ, что ихъ можно различить только по вѣсу. Она быстро вошла въ Америкѣ въ употребленіе и скоро вѣроятно появится и въ Европѣ.

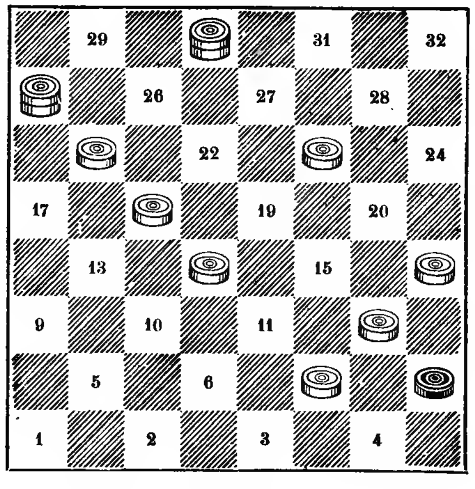
Задача № 60.

Данную фигуру разбить на такія части чтобы изъ нихъ можно было бы составить правильный крестъ.

Шашечная задача № 59.

Черныя.

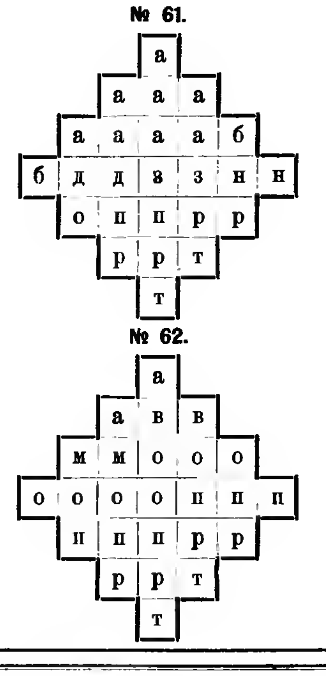
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черную шашку.

Задачи магическихъ квадратовъ

№ 61.

№ 62.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ВСѢХЪ МАШИНЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляетъ по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принимаетъ на себя отправку до послѣдней станціи желѣзной дороги за умѣренную коммисію.

Морицъ Вейль младшій. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). **Р. № 841 18—1**

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ

въ Москвѣ въ собственныхъ магазинахъ: Никольская ул., домъ Востряковъ. Ильинка, д. Троицкаго подворья. Петровка, домъ Петровскихъ линій.

Въ С.-Петербургѣ: у Руеанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ. Литейная, на углу **Бассейной** улицы, и у прочихъ главныхъ торговцевъ. **№ 610. 16—14**

ШТИФТОВЫЯ МОЛОТИЛКИ.

Эти молотилки принадлежатъ къ лучшимъ настоящаго времени. Онѣ дешевы, просты, прочны, занимаютъ мало мѣста, не оквлачиваютъ зерно, и обмалвчиваютъ хлѣбъ самымъ совершеннымъ образомъ, не оставляя въ колосьяхъ ни одного зерна. Всѣ чувствительные механизмы устранены и каждый простой кузнецъ можетъ исправить всякое поврежденіе. Цѣна ручной молотилки 85 р., молотилки съ одноконнымъ приводомъ 225 р., съ 2-хъ коннымъ приводомъ и соломотрясомъ 340 руб. Производительн. отъ 100 до 400 сноповъ въ часъ, смотря по размѣру.

Склады у Товарищества

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ,

С.-Петербургъ, Вас. Ост., 1-я линія, № 10 и въ Москвѣ по Мясницкой, д. Сытова.

Кромѣ того имѣются въ наличности: земледѣльческія машины, пожарныя трубы и насосы всякаго рода, паровыя и заводскія машины, котлы, локомобили и пр. и пр.

№ 838 3—1

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, д. № 9.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

Карлъ Ивановичъ Вагнеръ,

№ 826 2—2

Садовое заведеніе въ Ригѣ,

Симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія любителей, что

Иллюстрированные каталоги деревамъ, растеніямъ и пр. на 1880—1881 г.

изданы и разосланы всѣмъ постояннымъ покупателямъ этой фирмы.

Прочимъ же лицамъ, желающимъ получить таковые, посылаются каталоги также безплатно. смотря по заявленію на русскомъ языкѣ, или на французскомъ и нѣмецкомъ.

ПРАВЛЕНІЕ ГРЕБЕНЕВСКАГО ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНАГО ТОВАРИЩЕСТВА,

Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи,

принимаютъ отъ иногороднихъ постороннихъ лицъ вклады всякой величины и по почтѣ на безсрочное время, съ обязательствомъ возвращенія ихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ любаго года. По вкладамъ этимъ, Правленіе товарищества уплачиваетъ десять процентовъ годовыхъ. Проценты могутъ получаться вкладчиками лично или почтою помѣсячно, по истеченіи каждаго мѣсяца. При уплатѣ процентовъ никакихъ вычетовъ, кромѣ почтовыхъ расходовъ, не дѣлается.

Товарищество обращаетъ свои капиталы въ предѣлахъ всего Опочецкаго уѣзда, удовлетворяя потребности въ мелкомъ кредитѣ и на пріобрѣтеніе крестьянами въ личную собственность мелкихъ земельныхъ участковъ (отрѣзовъ отъ надѣловъ). Внесенные вклады обезпечиваются капиталами товарищества и всѣмъ имуществомъ членовъ товарищества. Товарищество основано въ 1872 году, имѣетъ собственныхъ капиталовъ 82 352 рубля; оборотъ операцій товарищества въ 1879 году составилъ сумму 918,988 руб. 26 коп.; товарищество оплачиваетъ свидѣтельство первой гильдіи. Товарищество взимаетъ за ссуды съ членовъ-заемщиковъ по 12 процентовъ годовыхъ. Высшій размѣръ ссуды допускаемый для каждаго члена составляетъ сто рублей; ссуды эти возвращаются обыкновенно въ ноябрѣ и декабрѣ. Въ товариществѣ состоитъ 3629 членовъ, 346 членовъ на полученную ссуду пріобрѣли въ собственность землю, большею частію отрѣзы отъ ихъ надѣловъ. Отчетъ печатаютъ ежемѣсячно и разсылаютъ безплатно. Адресъ: городъ Опочка, Псковской губерніи, Гребеневскому ссудо-сберегательному товариществу.

№ 835 3—1. **Распорядитель П. ПЛЕНЪ.**

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5% съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по **20** руб. на билетъ

Выигрышъ, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5% съ выигрышами билетовъ по 50 к.

Отъ **гг. иногороднихъ**, включая почтовые расходы, по **60** коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногороднихъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на коммиссію 5% билетовъ для обмѣна на новые.

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ" № 5 сего года.

№ 872 6—4

ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Франкфуртскія молотилки системы Вейла.

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя извѣстныя, дешевыя машины этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденьщикъ можетъ (ими пользоваться) **съ ними справиться**, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

Корреспонденція по русски.

Ptr. № 652 13—10

НОВОСТЬ

ЛОЗЕ: ПАРФЮМЕРІЯ „ЛАНДЫШЪ".

Лозе: Extrait quadruple, изъ Ландыша	. .	Maiglöckchen.
Лозе: туалетное мыло „ „	. .	Maiglöckchen.
Лозе: туалетный уксусъ „ „	. .	Maiglöckchen.
Лозе: помада „ „	. .	Maiglöckchen.
Лозе: масло „ „	. .	Maiglöckchen.
Лозе: косметическій фиксатоаръ „	. .	Maiglöckchen.
Лозе: бриллянтинъ „	. .	Maiglöckchen.
Лозе: подушки съ духами „ „	. .	Maiglöckchen.

Для избѣжанія покупки поддѣльныхъ духовъ нужно требовать продукты **Лозе парфюмера Ландышъ** и особенно смотрѣть на мою вѣрную фирму: **Густавъ Лозе, парфюмеръ въ Берлинѣ**, поставщикъ Двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи.

К. № 840 3—1

Н. М. № 820

КОНТОРА

ТОРГОВАГО ДОМА

ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ,

Москва, Тверская, домъ Полякова, рядомъ съ домомъ Генералъ-Губернатора.

Извлеченіе изъ условій разсрочки платежа за выигрышные билеты.

§ 1. При покупкѣ билета съ разсрочкою платежа вносится задатокъ не менѣе 15 руб. сер. Остальныя деньги къ которымъ причитаются проценты 8% годовыхъ разсрочиваются отъ 6 до 30 мѣсяцевъ съ уплатой ежемѣсячно. Кромѣ 8% годовыхъ, контора никакой коммиссіи не взымаетъ.

§ 2. Со времени полученія задатка **всякій выигрышъ, который падетъ на означенный въ квитанціи билетъ принадлежитъ покупателю, выигрыши уплачиваются конторою по полученіи таблицы Государственнаго Банка.**

§ 3. **Проценты по купонамъ принадлежатъ покупателю и выдаются ему вмѣстѣ съ билетомъ по окончаніи разсчета.**

Павелъ Выдринъ и Сынъ
въ Москвѣ.

ПЛАНЪ ВЫИГРЫШЕЙ

БИЛЕТОВЪ I-го И II-го ВНУТРЕННИХЪ ЗАИМОВЪ.

Тиражъ выигрышей производится первые 30 лѣтъ 2 раза и послѣдніе 30 лѣтъ разъ въ годъ и всякій разъ вынимаются слѣдующіе выигрыши.

1	выигрыш.	въ		200,000 руб.
1	„	„		75,000 „
1	„	„		40,000 „
1	„	„		25,000 „
3	„	по	10,000 р. на	30,000 „
5	„	„	8,000 „ „	40,000 „
8	„	„	5,000 „ „	40,000 „
20	„	„	1,000 „ „	20,000 „
260	„	„	500 „ „	130,000 „
300 выигрышей				на 600,000 руб.

Подробныя условія и программы конторы выдаются и высылаются безплатно

XI годъ | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | годъ XI

№ 34 | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 23 Августа 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Абдурахманъ-Ханъ.

Новый эмиръ Авгана, Абдурахманъ-Ханъ — внукъ по прямой мужской линіи знаменитаго эмира Достъ-Магомета; онъ старшій сынъ Афзулъ-Хана. Изъ этаго видно, что Абдурахманъ, собственно по рожденію своему, уже имѣлъ право преимущественно предъ всѣми, на престолъ. Но въ восточныхъ деспотическихъ государствахъ порядокъ престолонаслѣдія подчиненъ не закону первородства, а волѣ повелителя, избирающаго себѣ преемниковъ по желанію своему. Такъ поступилъ и Достъ-Магометъ, назначившій преемникомъ любимаго сына, Шира-Али, который вступилъ на престолъ въ 1863 году. Воцареніе произошло, однако, не безпрепятственно. Афзулъ-Ханъ, бывшій въ то время губернаторомъ Балха, составилъ, вмѣстѣ съ другимъ братомъ своимъ Азимъ-Ханомъ и сыномъ, Абдурахманомъ, заговоръ, поднялъ возстаніе и изгналъ Шира-Али изъ Кабула. Въ этой междоусобицѣ Абдурахманъ-Ханъ выказалъ выходящія изъ ряда военныя способности.

Абдурахманъ-Ханъ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Онъ разбилъ войска эмира въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, между прочимъ, въ большой битвѣ при Шейкнорѣ, и Афзулъ былъ провозглашенъ эмиромъ. Послѣ смерти его, въ 1867 г., престолъ перешелъ къ Азимъ-Хану, а Абдурахманъ удалился въ Балхъ. Но Азимъ правилъ недолго. Ширъ-Али собралъ армію и въ свою очередь, одержавъ верхъ надъ войсками Азима и Абдурахмана (благодаря военнымъ дарованіямъ своего сына, Якубъ-Хана, о чемъ мы говорили въ свое время), снова занялъ Кабулъ и былъ признанъ эмиромъ. Абдурахманъ бѣжалъ въ Бухару, гдѣ нашелъ убѣжище у эмира Бухарскаго, на дочери котораго былъ женатъ. Нѣкоторое же время затѣмъ Абдурахманъ провелъ и въ нашихъ предѣлахъ и именно въ Туркестанѣ (главнымъ образомъ въ Самаркандѣ). Замѣтимъ кстати, что Правительство наше постоянно выказывало авганскому принцу свое расположеніе, которое, надѣемся, можетъ быть и принесетъ добрые плоды. По крайней мѣрѣ

есть основаніе предполагать, что Абдурахманъ относится дружелюбно къ Россіи. Долго оставался онъ въ вынужденномъ бездѣйствіи, пока не наступили въ отечествѣ его извѣстныя событія. Зорко слѣдилъ онъ за ходомъ ихъ, выбирая минуту. Она настала, наконецъ. Якубъ-Ханъ былъ увезенъ изъ Авганистана, въ разгромленной странѣ поднялся хаосъ. Абдурахманъ рѣшился выдти изъ тѣни. Съ небольшимъ числомъ приверженцевъ онъ перешелъ русскую границу и вступилъ въ Восточный (Авганскій) Туркестанъ. Здѣсь Абдурахманъ обнаружилъ замѣчательный политическій тактъ. Онъ подвигался впередъ медленно, какъ бы осматриваясь и взвѣшивая каждый шагъ свой. Среди неурядицы, царившей на всемъ пространствѣ Авганистана, появленіе его составило своего рода событіе. Съ первой же минуты онъ становится избранникомъ своего народа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ядромъ государственнаго порядка. Ряды приверженцевъ его росли не по днямъ, а по часамъ и вскорѣ вокругъ его собрались уже значительныя силы. Англичане, для которыхъ возстановленіе порядка, разрушеннаго ими же, является едва ли менѣе необходимо, чѣмъ для самаго населенія — сразу поняли, что событія выдвинули человѣка, повидимому, вполнѣ подготовленнаго къ миссіи этой. Индійскій вице-король (еще графъ Литтонъ) началъ переговоры. Но Абдурахманъ Ханъ зналъ англичанъ, недовѣрялъ имъ и велъ переговоры съ большою осторожностью и медленностью. Одно время, англійское правительство едва не прервало даже сношенія съ нимъ, сомнѣваясь въ искренности его. Но видя, что и народныя массы, и сердари окончательно становятся на сторону претендента, рѣшились добиться соглашенія съ нимъ. Соглашеніе это послѣдовало. Абдурахманъ признанъ Англіей эмиромъ, прибылъ въ Кабулъ, очищенный англійскими войсками и 14-го іюля торжественно вступилъ на престолъ, среди благодарственныхъ молебствій въ мечетяхъ и при громѣ пушечныхъ салютовъ. Можетъ быть англичане и не безъ основанія сомнѣваются въ искренности дружелюбія къ нимъ новаго эмира. Теперь есть вполнѣ серьезные поводы утверждать, что Абдурахманъ не только не противодѣйствуетъ борющемуся до сихъ поръ съ англичанами другому претенденту, Эюбъ-Хану, но и оказываетъ ему поддержку, что эмиръ и побѣдитель генерала Барроуза дѣйствуютъ за одно, въ тайнѣ согласившись раздѣлить Авганистанъ между собою. Фактъ тотъ, что Абдурахманъ (получающій субсидіи отъ англо-индійскаго правительства) не помогаетъ англичанамъ и ничего не дѣлаетъ, чтобы освободить осажденный Эюбомъ Кандагаръ. Что касается самой личности нынѣшняго эмира, то это замѣчательно красивый мужчина, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (ему около пятидесяти лѣтъ) и силъ; одинъ изъ англійскихъ посланцевъ, входившій въ непосредственныя сношенія съ нимъ, говоритъ о немъ, какъ о „самомъ умномъ, энергическомъ и вѣжливомъ авганцѣ, какого ему удавалось видѣть до тѣхъ поръ“. Прилагаемый здѣсь портретъ гравированъ съ фотографіи, снятой въ Ташкентѣ.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

Кожуховъ, поднялъ голову.

— Кто же это „они“?—господинъ Гавриловъ?

— Нѣтъ, кромѣ его еще братъ той несчастной, которую сбросилъ этотъ... Мой бывшій крѣпостной Ефимъ Егоровъ. Ты не зналъ? такой рыжій, непріятный...

— Не зналъ.

Кожуховъ припомнилъ рыжеватаго съ просѣдью старика въ гороховомъ пальто... и на минуту, сдѣлавшись какъ-то нетерпѣливъ, поспѣшилъ окончить разговоръ съ теткой, помогши ей:

— Господинъ Гавриловъ и Ефимъ хотятъ вмѣшать васъ въ это дѣло, если вы не купите ихъ молчаніе?

— Мало того, мой другъ, молчаніе сына относительно моего имени они хотятъ употребить противъ меня. Они намѣреваются повести дѣло такъ, чтобы доказать, что сынъ убилъ....

Гавриловъ сдѣлалъ было какой-то нетерпѣливо-протестующій жестъ, вѣроятно желая показать, что его напрасно вмѣшиваютъ въ соучастіе съ Ефимомъ относительно вымогательства у Жюли денегъ, но на этотъ жестъ не обратили должнаго вниманія. Обращаясь по прежнему къ Жюли, Кожуховъ спросилъ:

— Сколько они просятъ?

— Пятьдесятъ тысячъ, мой другъ, отвѣтила Жюли и прибавила:—это почти все, что я имѣю. Защити свое добро.

Кожуховъ на минуту занялся своими ногтями и въ комнатѣ воцарилась тишина. Жюли ожидала, что скажетъ племянникъ; Гавриловъ не могъ придумать, чѣмъ все это окончится. Вдругъ Кожуховъ поднялъ необыкновенно спокойное лицо и какъ-то устало спросилъ тетку:

— Вы вѣроятно утомлены, ma tante?

— Да, я устала, мой другъ,—смотря ему въ глаза и ровно ничего не понимая, зачѣмъ онъ спрашиваетъ обо всемъ этомъ, а не приступаетъ къ дѣлу, отвѣтила Жюли.

Тогда онъ обратился къ Гаврилову:

— Я полагаю, господинъ Гавриловъ, что мы съ вами покончимъ это непріятное дѣло миромъ. Являясь довѣреннымъ и близкимъ лицомъ моей тетушки, я буду просить васъ черезъ полчаса, много черезъ часъ, позволить мнѣ переговорить съ вами обо всемъ этомъ наединѣ, въ твердой увѣренности, что переговоры наши окончатся взаимнымъ соглашеніемъ. Если вамъ угодно, сообщите мнѣ свой адресъ,—я явлюсь къ вамъ; или—не соблаговолите ли вы пожаловать ко мнѣ; или, наконецъ, что можетъ вы найдете болѣе удобнымъ, не подождете ли вы меня здѣсь въ ресторанѣ. Я условлюсь съ тетушкой, которая приляжетъ, отдохнетъ, болѣе спокойно обсудитъ ваше предложеніе и рѣшивъ, сойду къ вамъ; мы возьмемъ cabinet à part и за бутылкой добраго вина,—онъ протянулъ Гаврилову руку,—окончимъ дѣло и чокнемся за пріятное знакомство. Рѣшите?

И не выпуская руки Гаврилова, смотрѣлъ на него какимъ-то лучистымъ взглядомъ, обдавая его привѣтливостью и товарищеской теплотой. Гавриловъ, окончательно сбитый съ толку такой любезностью, отвѣтилъ, хорошенько не обсуждая гдѣ лучше видѣться ему съ Кожуховымъ:

— Для меня удобнѣе ждать васъ въ ресторанѣ.

— Прелестно!—потрясъ Кожуховъ его руку и затѣмъ прибавилъ:—а теперь дадимъ тетушкѣ отдохнуть.

И бросился къ ней:

— Вы бы прилегли, ma tante. Нѣтъ ли у васъ успокоительныхъ капель? Это такъ помогаетъ отъ нервовъ.

Онъ клалъ ей подушку на диванъ, отодвигалъ свѣчи, чтобы, когда она приляжетъ, свѣтъ не безпокоилъ ея глазъ. Ахъ, черезъ какой нибудь часъ, полтора, она хотѣла выѣхать въ Москву! Гавриловъ, находя неумѣстнымъ короткое и интимное прощаніе съ Жюли при постороннемъ человѣкѣ, удалился, ограничась молчаливымъ поклономъ, на который Жюли, ведомая заботливымъ племянникомъ къ дивану, несоблаговолила отвѣтить.

Дверь за Гавриловымъ затворилась и тетка съ племянникомъ наконецъ остались вдвоемъ: она, лежащая на диванѣ, а онъ—у ея изголовья на креслѣ. Свѣчи, заставленныя маленькимъ зеркаломъ, не пропускали къ нимъ свѣта, оставляя ихъ въ тѣни и освѣщая одну изъ боковыхъ стѣнъ. По корридору раздавались шаги... По временамъ отворялась та или другая дверь номера, слышался голосъ, зовущій прислугу. Въ незадернутыхъ окнахъ виднѣлся свѣтъ отъ зажигающихся на улицѣ фонарей. Въ отдаленіи слышался стукъ экипажей. Жюли на мгновеніе было закрывшая глаза, тревожно приподнялась и обратилась къ племяннику:

— Что же дѣлать? какъ ты рѣшилъ?

И была болѣе чѣмъ поражена—уничтожена, услышавъ его спокойный отвѣтъ:

— Я заплачу ему изъ своихъ денегъ пятьдесятъ тысячъ.

Она не нашлась, что сказать ему на это сразу. Прежде всего у ней мелькнула мысль, что онъ заплатитъ пятьдесятъ тысячъ Гаврилову изъ тѣхъ „своихъ“ денегъ, которыя она, желая расположить въ свою пользу, называла „нашими“, короче—изъ ея, ей одной принадлежащихъ. Нѣтъ, она ошиблась...

— Вамъ одной, ma tante, признаюсь я,—сказалъ онъ,—что у меня есть нажитый спекуляціями капиталъ. Обо мнѣ говорили, что будто бы я продалъ... Ходилъ такой слухъ...

Онъ проницательно посмотрѣлъ при этомъ на тетку, которая опустила невольно глаза.

— Конечно, этаго не стоитъ опровергать... Послѣ покойной матушки у меня остался небольшой капиталъ, который я утроилъ. Вотъ откуда мои деньги.

Она рѣшительно не знала, что ей дѣлать... Боже мой! какъ она отлично понимала его, говоря о немъ какъ о человѣкѣ ни на что не годномъ! Какое легкомысліе повѣрить ей, что она сдѣлаетъ его наслѣдникомъ и въ ожиданіи этаго писаннаго вилами по водѣ блага—рисковать, хотя вѣроятно не всѣмъ, что онъ имѣетъ, но частью этаго всего! Не зная, какъ его благодарить, она неловко протянула ему руку и силилась глазами выразить свою признательность къ его великодушному поступку. Онъ спокойно пожалъ ея руку.

— Я спасаю, ma tante, свое имя, честь нашего дома.

„Казнитъ меня!“ усмѣхнулась въ глубинѣ души Жюли. Казни, сколько душѣ угодно! Какъ?

— Это послѣднія и единственныя мои деньги, ma tante,—услышала она,—мнѣ ихъ не нужно теперь. Обо мнѣ говорили, ma tante, что я люблю деньги, что я желаю быть богачемъ. Ничего, ma tante, я не желаю, никакихъ богатствъ мнѣ не надо. Пока есть руки—буду работать, буду слѣдовательно сытъ.

Она меланхолически кивала въ тактъ его словамъ головой, продолжая смотрѣть на него признательными глазами. Работай, дружокъ, трудись!..

— Вотъ старость придетъ, ma tante, силъ не будетъ, безъ семьи—придется умирать на рукахъ наемныхъ людей. Вотъ тогда—нужны деньги...

Она прервала его:

— По моей смерти, мой другъ, ты получишь все. Кому же кромѣ тебя оставлю я то, что имѣю?..

— Мнѣ, ma tante, только на старости и надо. Безъ работы я жить не могу, а пока есть силы, пока есть работа—и деньги будутъ. Но для работы, для успѣшнаго ея выполненія необходимо спокойствіе духа. А какое же, ma tante, спокойствіе, когда будешь ежечасно, ежеминутно думать, что когда наступитъ старость—предстоитъ помереть съ голоду и холоду? Увѣренность, ma tante, увѣренность нужна, что ничего подобнаго не случится. Вотъ у меня есть теперь пятьдесятъ тысячъ, я и спокоенъ: ни копѣйки изъ нихъ мнѣ не надо, лежи они себѣ преспокойно, пока не наступитъ старость. Тогда пришлось бы ихъ тронуть. Но ихъ не будетъ а потому и увѣренности, что не умрешь съ голода, не станетъ, если вы...

Жюли насторожила уши: что?!

— Если вы, ma tante, — необычайно скромно окончилъ онъ,—не соблаговолите мнѣ дать закладную, что взяли у меня пятьдесятъ тысячъ... подъ залогъ вашего тульскаго имѣнья.

Ея первымъ движеніемъ было выгнать этаго нахала вонъ... Мой Богъ? да онъ обираетъ ее хуже того!... Какъ бы торопя ее отвѣтомъ, онъ вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ:

— Осталось полчаса. Завтра утромъ я дамъ ему слово внести пятьдесятъ тысячъ, и завтра же утромъ вы соблаговолите мнѣ дать документъ.

Она поднялась съ подушекъ и спустила съ дивана ноги... Что-жъ? въ которую сторону броситься?.. Тамъ скандалъ, здѣсь у нея берутъ все. Кому отдать? Отдавъ этому, она останется по крайней мѣрѣ съ имѣньемъ, хоть и заложеннымъ. Другому она должна тотчасъ же отдать все. Упавшимъ голосомъ она дала согласіе.

— Хорошо. Я дамъ вамъ документъ... Идите... оставьте меня...

XXVII.

Пріятели.

Сбѣжавъ въ ярко освѣщенный ресторанъ, помѣщавшійся въ первомъ этажѣ, Кожуховъ, веселый и довольный отыскалъ Гаврилова, сидящимъ за мраморнымъ столикомъ и отъ нечего дѣлать попивающимъ изъ стакана вино. Съ прежнею любезностью, Кожуховъ на минуту приткнулся къ столику Гаврилова и вздохнулъ, какъ бы сбрасывая съ себя тяжелый и непріятный грузъ:

— Ухъ! насилу покончилъ съ нашей старушкой... Просто, понимаете-ли, въ потъ вогнала. Согласитесь, что нѣтъ хуже этихъ старыхъ дѣвицъ?.. Вы простите, что я такъ о ней говорю. Когда-то вы...

Онъ лукаво смотрѣлъ на Гаврилова. Тотъ, поддаваясь подъ его тонъ, счелъ за лучшее нѣсколько легкомысленно отнестись къ предмету своей прежней страсти.

— Пожалуйста... Вѣдь это дѣла прошлыя...

— Ну, понятно... Вы мущина еще молодой, а она старый грибъ. Нѣтъ, согласитесь, что я правъ? Какже-съ? набѣдокурила сама, втесалась въ исторію, а какъ до денегъ дошло дѣло: и обмороки, и истерики, и слезы... И куда бережетъ? для меня,—но будьте увѣрены, что ни единой копѣйки мнѣ не оставитъ; для себя? но много ли ей для себя нужно? Съ нея спрашиваютъ вѣдь всего пятьдесятъ тысячъ. Что-жъ: двадцать пять, тридцать тысячъ у нея еще останется... На ея вѣкъ хватитъ...

И какъ бы вспомнивъ, что надо говорить о дѣлѣ, съ прежней беззаботностью обратился къ своему собесѣднику:

Однако, что же мы здѣсь сидимъ и бесѣдуемъ о ней—ну ее къ Богу! Поговоримъ о дѣлахъ. Человѣкъ!

Подбѣжалъ лакей.

— Проведите вы насъ, мой милый, въ отдѣльную комнату. Да принесите вы намъ бутылочку шампанскаго. Какое вы предпочитаете?

— Все равно. Не спросите ли Sellery-sec?

— Не пивалъ... Есть такое?..

Лакей отвѣтилъ утвердительно. Тогда порѣшили на этомъ sellery-sec, шампанскомъ, впервые испробованномъ Гавриловымъ въ Берлинѣ на тѣ триста талеровъ, которые онъ когда-то занялъ у довѣрчиваго юноши.

— Ну-съ, теперь мы можемъ поговорить и о дѣлѣ... Ваше здоровье!..

И Кожуховъ чокнулся съ Гавриловымъ поданнымъ и розлитымъ по стаканамъ шампанскимъ. Оба собесѣдника сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ, выходящемъ большимъ итальянскимъ окномъ на улицу. Почти у самаго этаго окна стоялъ фонарь. Доходящая до первыхъ стеколъ рамы бѣлая кисейная занавѣска, сдергивающаяся на шнуркѣ, не была плотно сдвинута и оставляла широкое, незадернутое на улицу пространство, черезъ которое можно было видѣть проѣзжающихъ и извозчиковъ, движущіеся вагоны конножелѣзныхъ дорогъ и идущихъ по тротуарамъ пѣшеходовъ, иногда заглядывающихъ въ окна. Лакей, подавъ шампанское и розливъ его по стаканамъ, удалился и плотно затворилъ за собою дверь. Ничто не могло теперь препятствовать собесѣдникамъ вести разговоръ о дѣлѣ.

— Да-съ, такъ о дѣлѣ, началъ Кожуховъ, всматриваясь во что-то черезъ просвѣтъ кисейныхъ шторъ на улицу и остановился занятый этимъ разсматриваніемъ. Гавриловъ, интересуясь окончаніемъ дѣла, не безъ нетерпѣнія спросилъ:

— Что васъ такъ занимаетъ?

Кожуховъ разсмотрѣлъ занимающій его предметъ и, переставъ смотрѣть, равнодушно пояснилъ:

Миннезингеры. (Странствующіе пѣвцы). Съ картины А. Зейферта, грав. Бренд'Амуръ.

— Полицейскій... Отъ нечего дѣлать на насъ вѣрно любуется...

У фонарнаго столба дѣйствительно остановился городовой и прислонясь къ нему спиною, созерцалъ отъ нечего дѣлать видныхъ ему черезъ окно собесѣдниковъ. Гавриловъ посмотрѣлъ на него и спокойно обратился къ Кожухову:

— Что-жь вы имѣете мнѣ сообщить?

— Простите, я васъ задерживаю. Вотъ что-съ.

И придвинувшись къ Гаврилову, смотря въ упоръ на него своими блестящими глазами, Кожуховъ тихо, но членораздѣльно произнесъ:

— Супруга ваша убита не Бариновымъ...

Что-то оборвалось въ груди Гаврилова и слегка поблѣднѣвъ отъ такаго неожиданнаго оборота рѣчи, онъ предчувствуя впереди нѣчто еще болѣе худшее и страшное, нашелся настолько, что вызвалъ неидущую къ выраженію его лица улыбку и сказалъ:

— Вотъ какъ! Я этаго не зналъ.

Но не отважился спросить „кѣмъ" убита его жена? Кожуховъ придвинулся еще ближе и даже положилъ свою руку на рукавъ Гаврилова.

— 1-го января настоящаго года,—все не сводя съ Гаврилова своихъ пристально смотрящихъ на него глазъ, попрежнему тихо и отчетливо заговорилъ онъ,—въ ночлежномъ пріютѣ около Варшавской желѣзной дороги, *вы*,—онъ сдѣлалъ удареніе на этомъ словѣ,—сговаривались съ Ефимомъ Егоровымъ относительно нынѣ исполненныхъ вами злодѣяній, ибо вы съ нимъ убили Клеопатру Петровну, ограбили ее... позвольте...

Его рука остановила какой-то протестъ, готовый сорваться съ языка Гаврилова.

— Позвольте... Вы сообщили Ефиму о пріѣздѣ Клеопатры Петровны; вы подослали его къ ней въ качествѣ учителя гимнастики. Ефимъ все высмотрѣлъ, все разузналъ и даже потомъ—мнѣ говорила это сама покойная, когда у Завитухиныхъ понадобился лакей, Ефимъ рекомендовалъ имъ какое-то мнѣ неизвѣстное лицо, поселившееся у Завитухиныхъ съ дѣйствительно данною вашему сыну рекомендаціей, но съ фальшивымъ паспортомъ, какъ это теперь достовѣрно извѣстно. Этотъ лакей и впустилъ васъ, но кто онъ, куда скрылся—остается мнѣ неизвѣстнымъ. Вотъ истина.

Гавриловъ сдѣлалъ снова какое-то движеніе, на этотъ разъ болѣе энергическое. Быть можетъ онъ хотѣлъ броситься на Кожухова и придушить его на мѣстѣ. Кожуховъ предостерегъ его:

— Не волнуйтесь Бога ради. Вы видите.

И указалъ Гаврилову глазами на окно, чрезъ которое попрежнему виднѣлся стоящій и точно наблюдающій за собесѣдниками городовой. Гавриловъ смирился въ безмолвномъ гнѣвѣ, прошептавъ:

— Вы что ли его тутъ приставили?

Кожуховъ спокойно отвѣтилъ:

— Нѣтъ... Онъ можетъ отойти, но это будетъ во всякомъ случаѣ близко... Вотъ!

Уставъ смотрѣть въ окна ресторана, городовой и дѣйствительно покинулъ свой наблюдательный постъ и отошелъ. Его тѣнь вырисовалась на бѣлой занавѣскѣ на мгновеніе и скрылась. Теперь только фонарный столбъ любовался на мирно попивающихъ sellery-sec, искрящееся въ хрустальныхъ стаканахъ, собесѣдниковъ. Гавриловъ съ блѣдной усмѣшкой спросилъ Кожухова:

— Быть можетъ вы обвините меня и въ томъ, что я выбросилъ изъ окна сестру Ефима, хотя есть свидѣтели, которые присутствовали при совершеніи Бариновымъ этаго преступленія?

— Нѣтъ-съ,—отвѣтилъ Кожуховъ, въ этомъ я васъ не обвиняю и вообще это странное дѣло для меня темно. Я даже имъ не интересуюсь. Но убійство Клеопатры Петровны—это другое дѣло. Здѣсь я бы могъ снять обвиненіе съ Баринова и, какъ вы видите, навести на настоящій слѣдъ.

И вдругъ сжимая руку того, кого онъ называлъ убійцей, съ прежнимъ радушіемъ воскликнулъ:

— Однако что же вы не пьете? Это sellery-sec очень недурно.

И подлилъ недоумѣвающему Гаврилову въ стаканъ шампанскаго.

— Еще разъ ваше здоровье. Я сказалъ вамъ, что мы окончимъ дѣло друзьями,—заговорилъ онъ, отпивъ вина,—и зачѣмъ я буду предавать васъ? Живите себѣ и мирно наслаждайтесь жизнію. Станемъ выше ходячихъ мнѣній. Вы совершили преступленіе... да, полноте-же: неужели вы все еще думаете отрицать это,—недоговорилъ онъ, замѣтивъ новое движеніе со стороны Гаврилора,—смѣю васъ увѣрить, что я не желаю предавать васъ, хотя, повторяю, да вы и сами это отлично видите, могъ бы сдѣлать вамъ большія непріятности. Нѣтъ-съ —живите и наслаждайтесь жизнію, но... но дайте и мнѣ возможность взять въ великой жизненной борьбѣ ту частицу, которую предоставляетъ мнѣ счастливая случайность.

Гавриловъ вздохнулъ... А! онъ хочетъ, чтобы я отказался отъ требованія у его тетки денегъ... Это—ловкій плутъ, съ которымъ можно вести дѣло и какъ это ни жаль—придется ему уступить. Изъ денегъ, взятыхъ у убитой, за уплатой долга, за вычетомъ данныхъ Ефиму съ Сашкой, ему, какъ изобрѣтателю идеи, пришлось тысячъ шестьдесятъ. Воры раздѣлились безъ ссоръ. Придется ограничиться этими шестидесятью тысячами! Онъ слѣдилъ за вставшимъ съ своего мѣста и начавшимъ расхаживать по комнатѣ Кожуховымъ.

— Знаете, я откроюсь вамъ,—заговорилъ Кожуховъ. останавливаясь передъ Гавриловымъ.—Быть можетъ я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что мы идемъ къ одной и той же цѣли, хотя вы идете къ ней рѣшительнѣе, рискованнѣе, болѣе очертя голову, нежели я. Вотъ, вы убили: вѣдь это какой рискъ!.. Я ни на что подобное не рѣшусь; я движусь по своему пути медленнѣе, но съ разсчетомъ. Не смотря впрочемъ на такое существенное различіе, въ насъ все же есть сходство. Узнавъ другъ друга покороче—мы бы симпатизировали одинъ другому... Но тѣмъ не менѣе, попадись кто изъ насъ въ руки другаго—каждый не задумался бы взять съ этаго другаго извѣстную выгоду въ свою пользу. Вы въ моихъ рукахъ, мой милѣйшій, и я не задумаюсь потребовать отъ васъ контрибуцію за свое молчаніе.

— Вы хотите,—ободрился Гавриловъ,—чтобы я отступился отъ своихъ требованій на счетъ вашей тетушки?

Кожуховъ махнулъ рукой, какъ бы говоря, стоитъ-ли объ этомъ и упоминать?!

— Не будемъ скрытничать, господинъ Гавриловъ. Не будемъ розыгрывать непонимающихъ.

И хлебнувъ вина, продолжалъ начатое:

— Теперь не взлетаютъ высоко. Ни одинъ честолюбецъ не льстится похищать короны, завоевывать царства—созданъ, мой милѣйшій, болѣе достижимый идеалъ честолюбія. Богатство! Такова задача нашего времени, не правда-ли?

Онъ схватилъ Гаврилова за руку:

- Одолженіе за одолженіе. Будьте свободны, идите на всѣ стороны, я васъ не предамъ, но за то—возвысилъ онъ голосъ—отдайте мнѣ то, что вы взяли изъ комода покойной... Она сама говорила мнѣ, что въ этомъ комодѣ у нея хранилось сто тысячъ... Въ третій разъ пью за ваше здоровье.

И выпивъ, опрокинулъ допитый стаканъ и съ неподдѣльнымъ простодушіемъ и юморомъ указалъ на окно, чрезъ которое снова виднѣлся городовой, отъ скуки еще разъ уставившійся на обоихъ собесѣдниковъ:

— А знаете, вѣдь онъ считаетъ насъ за горькихъ пьяницъ... Не правда-ли?

XXVIII.

Послѣ свадьбы.

„Боже, Боже нашъ, пришедый въ Кану галилейскую и тамошній бракъ благословивый, благослови и рабы Твоя сія, Твоимъ промысломъ ко общенію брака сочетавшіяся: благослови ихъ входы и исходы, умножи во благихъ животъ ихъ: воспріими вѣнцы ихъ въ царствіи Твоемъ, нескверны и непорочны соблюдаяй, во вѣки вѣковъ“.

Слова молитвы смолкли и Катерина Александровна всмотрѣлась въ окружающую ее обстановку... Какъ разнилась она отъ той, которая окружала ее во время перваго вѣнчанія... Тогда былъ ясный день, было лѣто... Солнце вливалось горячими потоками черезъ раствореннныя окна небольшаго храма... Ярко блисталъ иконостасъ, ризы священнослужителей, покрышки на аналояхъ... Въ окна заглядывалъ ясный лѣтній день, виднѣлись кусты ярко лиловой сирени, внося въ храмъ, примѣшивающійся къ запаху ладана, свой тонкій и нѣжный ароматъ. Оставшаяся послѣ конца обѣдни публика опоясывала пестрымъ полукругомъ вѣнчающихся и смотрѣла на нее, застывшую въ ледяную статую среди горячаго и яснаго лѣтняго дня... Рядомъ съ ней стоялъ тотъ, съ кѣмъ думала она прожить всю жизнь чуждою ему и посторопнею... Это было такъ недавно, а теперь... Теперь съ нею рядомъ стоялъ иной, близость котораго она чувствовала, которому на этотъ разъ отдавалась навсегда, съ которымъ была увѣрена не разлучитъ ее ничто, которому она не хочетъ быть постороннею... Сѣрое темное утро глядѣло въ окна храма, одѣтыя въ желѣзныя рѣшетки... Въ этомъ тускломъ освѣщеніи церковь имѣла какой-то мрачный и тоскливый видъ... Куреніе ладаномъ стояло надъ вѣнчающимися сизовато-синимъ облакомъ; со стѣнъ иконостаса, мерцающаго зажжеными передъ образами лампадами, какъ-то печально смотрѣли иконы; серебряная риза Богоматери отсвѣчивала темножелѣзистымъ цвѣтомъ и только въ складкахъ ризы—блистали ослѣпительно яркія полоски серебра... Нѣсколько какихъ-то старушенокъ смотрѣли на вѣнчающихся издали, точно боясь приблизиться... Какимъ-то ровнымъ, безъ всякихъ переходовъ голосомъ—высокій и сухощавый священникъ читалъ Евангеліе и молитвы .. Въ церкви чувствовался холодъ... Но ни мрачности этого храма, ни печальнаго освѣщенія петербургскаго утра, ничего этого не чувствовала невѣста... Ея душа была полна счастливыхъ, яркихъ и пестрыхъ грезъ, кружащихся какимъ-то радужнымъ колесомъ, въ быстромъ вращеніи котораго трудно было разсмотрѣть какой нибудь отдѣльный оттѣнокъ, но оставалось только общее впечатлѣніе чего-то лучезарнаго и счастливаго... Подъ сводами темнаго и мрачнаго храма въ душѣ Катерины Александровны роились картины яркихъ и теплыхъ ландшафтовъ... Она хотѣла думать о невиданныхъ ею нигдѣ, развѣ только въ оранжереяхъ, роскошныхъ и яркихъ цвѣтахъ, ростущихъ и на открытомъ воздухѣ... Мягкіе переливы зелени, ароматъ скошеннаго сѣна, голубыя небеса, пестрыя съ ярко окрашенными крыльями бабочки, поющія съ нѣжными переливами птицы, — пролетали въ ея воображеніи, оставляя послѣ себя какое-то весеннее и радостное чувство. Широкая волна счастья качала ее, поднимая на своемъ хребтѣ... Ничего, ничего нѣтъ выше и радостнѣе первой любви!.. На свѣтѣ много несчастій; если бы она могла,—она готова была бы сдѣлать счастливыми всѣхъ... Весь міръ, всѣхъ!.. Къ обыкновенно разсудительной, нелюбившей видѣть предметы въ увеличенныхъ и невѣрныхъ размѣрахъ, къ ней возвращалась та пора, которую она обошла въ своей жизни, пора восторженныхъ и неясныхъ мечтаній, пора юности, строющей идеалъ за идеаломъ—и одинъ грандіознѣе, одинъ возвышеннѣе другаго... О, конечно, всѣхъ, конечно не иначе, какъ цѣлый міръ!.. Она услышала слова:

— „Помилуетъ и спасетъ насъ, яко Благъ и Человѣколюбецъ“.

Все смолкло... Раздались чьи-то шаги, завизжала дверь на блокѣ: какіе то мужчины, которыхъ назвалъ ей мужъ, бывшіе свидѣтелями бракосочетанія, подошли и поздравили ее... На ея плечи кто-то набросилъ тальму и взявъ поданную ей руку, она пошла съ мужемъ къ выходу, шелестя по холоднымъ плитамъ трэномъ своего платья... На крыльцѣ ее охватилъ вѣтеръ, отогнувшій полу ея тальмы: мужъ придержалъ ее и сказалъ, чтобы она закрывалась и лучше куталась... Увязая колесами въ снѣгѣ, смоченномъ водою, подъѣхала карета .. Она сѣла, прижавшись къ синей шелковой ткани подушекъ и давая мѣсто мужу... Дверца захлопнулась и карета двинулась...

Молодые обвѣнчались тихо, избравъ для этаго одну изъ пригородныхъ церквей... Такъ какъ время подходило къ масляницѣ, то новобрачными было рѣшено до будущей зимы вести жизнь самую уединенную и не знакомиться ни съ кѣмъ. Женитьба Пантелѣева вызвала въ обществѣ большіе толки; надо было дать время нѣсколько умолкнуть толкамъ—и уже послѣ, если явится желаніе—завести знакомства. Собственно у Катерины Александровны своихъ знакомыхъ не было почти никого; что касается до ея мужа, то, какъ ни любилъ онъ уединенную жизнь, тѣмъ не менѣе по своимъ торговымъ дѣламъ необходимость вынуждала его бывать у многихъ. Къ тому же, незадолго до свадьбы, его выбрали гласнымъ въ Думу, а это повело къ новымъ знакомствамъ и выѣздамъ изъ дома... Что касается до Катерины Александровны, то она рѣшила до будущей зимы не быть нигдѣ.

И вотъ, полная шумныхъ и радостныхъ мечтаній, Катерина Александровна поселилась въ своемъ новомъ помѣщеніи, окруженная роскошью, до сихъ поръ ей знакомой только по наслышкѣ... Стоя въ своемъ сиреневоатласномъ будуарѣ, освѣщенномъ висящимъ посрединѣ потолка розовато-сиреневымъ фонаремъ, смотря на серебристый отливъ ткани, одѣвающей стѣны, потолки и мебель, отражаясь въ зеркалахъ, вдыхая въ себя ароматъ бѣлыхъ гіацинтовъ, безпрестанно замѣняемыхъ новыми, привозимыми садовникомъ изъ загородной оранжереи Пантелѣева, Катерина Александровна смотрѣла на всю эту роскошь, какъ на что-то вполнѣ приличествующее, вполнѣ отвѣчающее той полнотѣ счастья, которое переживала она. Счастье это, казалось ей, помимо всякой роскошной обстановки, само бы создало вокругъ нея дворцы, разукрасила богатыя палаты. Если бы все, что окружало ее теперь—уничтожилось, изчезло, она не пожалѣла бы объ этомъ; роскошь, къ которой она отнеслась такъ, какъ бы отнеслась женщина свыкшаяся съ нею, не стала ея привязанностію и она чувствовала, хотя думала объ этомъ мало, что ей не стоило бы ничего бросить ее безъ всякаго сожалѣнія. Ея сердце, ея душа были полны счастіемъ тѣхъ часовъ, которые она проводила съ мужемъ наединѣ, тѣхъ немногихъ часовъ, которые онъ отдавалъ ей...

Казалось оба они понимали экономію любви... Они жили въ одномъ домѣ, но видѣлись въ продолженіи дня въ извѣстные часы. Послѣ тихаго вѣнчанія, онъ, какъ прежде отдался своимъ занятіямъ, съ удвоенной, если только это было возможно, силою принявшись за нихъ. Также простъ остался его кабинетъ; также вставалъ онъ рано, осматривалъ работы на заводѣ, толковалъ съ управляющимъ и рабочими, повѣрялъ счетныя книги, читалъ спеціальные журналы и работалъ въ своей лабораторіи... Ни управляющій, ни рабочіе не замѣчали въ этомъ громадномъ, нѣсколько похожемъ на монастырь, домѣ присутствія женщины. Никогда она не мѣшала мужу и какой нибудь глупой ревности къ отнимающей у нея его работѣ, она ее никогда не чувствовала. Въ силѣ его любви она была убѣждена и ее нисколько не поражало и не

приводило въ негодованіе, когда, пославъ сказать мужу, что пора обѣдать, что она ждетъ его, она получала отвѣтъ, что онъ не придетъ и проситъ прислать ему какой нибудь кусокъ... Утомленный, съ покраснѣвшими отъ долгаго чтенія и мелкаго вычисленія на бумагѣ глазами, онъ поздно вечеромъ приходилъ иногда въ ея сиреневый будуаръ, принося съ собою запахъ лабораторіи— отъ яркаго газа горѣлокъ, отъ блеска стеклянной посуды съ различно окрашенными растворами, отъ смѣшаннаго запаха кислотъ и различныхъ газовъ, переходя въ мягкій полусвѣтъ этаго будуара, ощущая тонкій ароматъ гіацинтовъ... Онъ садился у ея ногъ, и своими устало нѣжными глазами смотрѣлъ на нее... Тишина будуара изрѣдка нарушалась обмѣномъ между ними фразъ. Сколько они тутъ переговорили! Серебристый бой часовъ нарушалъ тишину... Глядя на его лицо, она слѣдила въ немъ нѣкоторыя перемѣны, происшедшія за послѣднее время... Къ его умному и энергичному выраженію—примѣшались какіе-то черты кротости; въ рѣзкихъ и опредѣленно очерченныхъ линіяхъ лица—показалось прежде ему несвойственное, выраженіе мягкости... Это правда, что съ ея поселеніемъ въ домѣ онъ измѣнился... Если присутствія Катерины Александровны служащіе и работающіе на заводѣ не замѣчали, то всѣ почувствовали невидимо распространившееся на всѣхъ ихъ измѣненіе въ характерѣ отношеній съ ними Пантелѣева. Онъ не усчитывалъ и прежде, но торговался съ продающими ему свой трудъ страшно; онъ строго вычиталъ различные пропущенные иногда, изъ за прогула, дни; онъ дѣлалъ даже болѣе безнравственныя вещи, устроилъ трактиръ, въ которомъ работающіе у него на заводѣ, послѣ каждой получки, оставляли ее почти всю, отдавая такимъ образомъ Пантелѣеву обратно то, что получили было отъ него; онъ ругалъ рабочихъ и служащихъ при заводѣ, если они были неисправны... И вдругъ все это облагородилось, смягчилось, одѣлось въ какую-то форму мягкости и справедливости. Онъ попрежнему зорко наблюдалъ за заводомъ, за исправнымъ веденіемъ дѣла; но онъ не сталъ учитывать у рабочаго конѣйку, которая доставалась тому съ такою затратою силы. Онъ сталъ платить хорошую плату, прекратилъ налагать штрафы и вычитать за каждый пропущенный день; перестали раздаваться, среди стука колесъ, свиста пара и лязга ремней о сталь, его ругательные крики; трактиръ былъ уничтоженъ, заведена столовая, гдѣ за самую умѣренную плату рабочій полдничалъ и обѣдалъ... Мысль объ увеличеніи благосостоянія работающаго на заводѣ люда чаще и чаще стала приходить Пантелѣеву въ голову... Разъ, занятый этой мыслью, онъ вдругъ прервалъ жену, говорившую о чемъ-то ему, совершенно неожиданнымъ для нее вопросомъ:

— Послушай... Какъ-ты понимаешь этотъ нашъ заводъ?..

Вопросъ былъ предложенъ въ очень неясной и слишкомъ общей формѣ, но она поняла о чемъ онъ спрашивалъ ее и отвѣчала:

— Какъ средство дать благосостояніе всѣмъ тѣмъ, кто принимаетъ участіе въ немъ...

— А не одному, прибавилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія.

Онъ задумался, погрузившись въ свои размышленія; она смотрѣла на него:

— Ты счастливъ: ты можешь приносить счастье другимъ, сказала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее:

— Но есть счастливѣе...

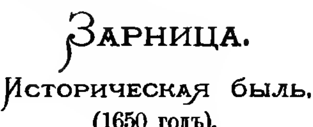
— Кто?

— Тѣ,—отвѣтилъ онъ,—кто нашли возможность единственно силами своего ума, безъ всякихъ родительскихъ капиталовъ, безъ всякихъ протекцій, выбиться на тотъ путь, стоя на которомъ возможно приносить пользу не только себѣ, но и другимъ.

И, помолчавъ прибавилъ:

— Я выхожу на этотъ путь съ капиталомъ, завѣщаннымъ мнѣ родителями, и не мною созданнымъ... Значитъ есть счастливѣе меня... Не такъ-ли?..

(До слѣдующ. №).

Зарница.

Историческая быль.

(1650 годъ).

(Окончаніе).

XVI.

Вышгородское побоище.

Грохотъ битвы подъ Псковомъ сталъ затихать. Это было вечеромъ 18 іюня; утромъ же произошла между псковичами и войскомъ Хованскаго упорная битва, рѣшившая участь вольнаго города.

Къ полудню многочисленныя толпы пѣхоты и конницы вышли изъ Пскова, вплавь перебрались черезъ рѣку и стремительно бросились на Снѣтную гору. Стража Хованскаго стоявшая на переднемъ валу, не устояла—хотѣла бѣжать, но была изрублена нападавшими. Нарядъ или артиллерія Хованскаго была почти вся набрана изъ иностранцевъ, которые не смутились и успѣли зарядить орудіе картечью. Нахлынувшіе на второй валъ, заключавшій въ себѣ „нарядъ" были встрѣчены залпомъ, усѣявшимъ трупами псковичей разстояніе между двумя валами. Не давая времени врагу опомниться и собрать свои разстроенные ряды, командовавшіе нарядомъ иностранцы повторили залпъ; стрѣльцы, выскочивъ изъ за вала, кинулись на псковичей, обратившихся въ бѣгство.

Рейтарскій и казачій полки, подоспѣвшіе на помощь, гнались за псковичами до самыхъ городскихъ воротъ. Мятежники оставили на полѣ битвы одними убитыми болѣе 200 человѣкъ. Илья, не поспѣвшій къ бою, только что подскакалъ съ своими драгунами, какъ на встрѣчу ему съ громкимъ радостнымъ лаемъ бросилась огромная черная собака...

— Грачь!.. Какъ ты сюда попалъ?.. И какъ тебя не убили воскликнулъ Илья. Собака прыгала и продолжала лаять, причемъ одинъ изъ драгунъ сказалъ: Бояринъ!.. вонъ на шеѣ-то у пса шнуръ должно съ грамоткой...

Илья соскочивъ съ коня развязалъ шнуръ и поспѣшно развернулъ письмо: „Друже! Илья Алексѣичъ! Для Бога спѣши къ намъ на помогу: Вышгородъ въ осадѣ, псковичи съ Кирилой Мишницынымъ кидаютъ въ насъ изъ двухъ пушекъ калеными ядрами. Выручай отъ лютой смерти. Адальбертъ, Борисъ Неклюдовъ".

Не говоря ни слова, Илья опять вскочилъ на коня и поскакалъ къ ставкѣ Хованскаго, который прочтя грамотку, тотчасъ далъ Ильѣ Норотову дозволеніе спѣшить на помощь къ Вышгородцамъ.

Съ 17 на 18 іюня въ ночи, Мишницынъ попытался сдѣлать приступъ, но былъ удачно отбитъ. 18-го весь день прошелъ спокойно, хотя по временамъ раздавался отдаленный, глухой рокотъ, въ той сторонѣ гдѣ былъ Псковъ.

— Это Хованскій осаждаетъ крамольниковъ, говорилъ Адальбертъ. Коли бой удастся, Ильюша приспѣетъ къ намъ.

Къ вечеру того дня Мишницынъ приказалъ Жегару усилить стрѣльбу калеными ядрами.

— Надоскучило тутъ зря время-то терять, тамъ подъ Псковомъ наши съ Хованскимъ дерутся... Хорошо коли Московскую рать побьютъ, а то не пришлось бы намъ куда глаза глядятъ отъ висѣлицы да кнута... Такъ толковалъ Кирило. Онъ зналъ, что въ случаѣ пораженія псковичей, зачинщикамъ смутъ не будетъ пощады отъ Царя Московскаго. Началась усиленная пальба по Вышгороду; нѣкоторыя изъ раскаленныхъ до бѣла ядеръ, перелетѣвъ черезъ стѣны, попали въ деревянныя постройки усадьбы и то тутъ, то тамъ сталъ вспыхивать огонь; къ счастію было очень тихо и осажденные успѣвали потушить огонь. Но вотъ въ ночь на 19 іюня поднялся вѣтеръ, налетѣла черная туча безъ дождя, но съ громомъ и молніей, наконецъ буря разъигралась такъ, что къ полуночи отъ загорѣвшагося сарая огонь перекинуло на амбары и пожаръ съ необычайной быстротой распростра[...]ся по всей усадьбѣ, достигнувъ и до боярскихъ хоромъ. Т[...]ть пожаръ было невозможно. Видя, что предстоитъ опасно[...] сгорѣть заживо или задохнуться въ этомъ хаосѣ огня и ды[...]а, Герасимъ Өедоровичъ рѣшился

Полуденный отдыхъ семьи ланей въ лѣсу. Ориг. рис. Шпехта, грав. Клоссъ.

выйдти изъ крѣпости и если не удастся пройдти не замѣченными, пробиваться сквозь ряды враговъ.

— Лучше помереть смертью въ честномъ бою чѣмъ жариться здѣсь какъ въ пеклѣ!.. воскликнулъ Борисъ.

— А женщины?.. мрачно спросилъ Адальбертъ. Коли мы помремъ... твоихъ, бояринъ, погубятъ измѣнники...

— Нѣтъ... лучше сгорѣть чѣмъ въ руки Мишницына... сказала Галина, отъ которой также какъ отъ Марьи не скрывали положенія.

— Помолимтесь Богу и заберемся въ башню; она каменная— устоитъ въ огнѣ, сказала Марья.

— А мужики, что бились за насъ? замѣтилъ Неклюдовъ. Ужели оставить ихъ?..

Въ эту минуту послышались отчаянные крики на стѣнахъ: Псковичи воспользовались общей сумятицей и темнотой ночи, и незамѣтно въ десяти разныхъ мѣстахъ взобрались по горѣ и ворвались въ крѣпость.

— Тамъ рѣзня... Идемъ биться на смерть! крикнулъ Адальбертъ.

Съ воплемъ кинулась къ нему Ненила и забывъ дѣвичью сдержанность повисла у него на шеѣ...

— Свѣтикъ ты мой!.. Ясное солнышко, причитала она. Прости! Не видать мнѣ больше твоихъ ясныхъ очей, не слыхать твоихъ рѣчей!..

Марья безъ крику и слезъ сжала руку Бориса и коротко сказала: Прости! Христосъ съ тобой... Помрешь ты, я въ инокини пойду, а меня убьютъ... поминай меня да понафиды служи!.. Потомъ отвернулась и схвативъ Ненилу, оттащила ее отъ ливоица.

— Въ башню!. въ башню, скорѣй!.. торопила ихъ Галина и онѣ побѣжали ко входу башни.

Собравъ тогда гарнизонъ Вышгорода, Адальбертъ и Неклюдовъ съ сыномъ встрѣтили врага на площадкѣ передъ боярскимъ домомъ. При свѣтѣ криваваго зарева завязался отчаянный бой. Вышгородцы дрались съ мужествомъ, и нѣсколько разъ оттѣсняли рать Мишницына къ воротамъ. Однако вскорѣ враги снова одолѣвали шибко рѣдѣвшіе ряды Вышгородцевъ. Жегаръ, размахивая своимъ тяжелымъ ослопомъ, рвался впередъ захватить боярскіе погреба, пока пожаръ не покончитъ ихъ. Вдругъ передъ нимъ очутился сѣдой, черноокій воинъ, вокругъ котораго было довольно уложено труповъ псковичей.

— Бояринъ Неклюдовъ!.. берегись!.. крикнулъ Жегаръ и замахнулся на старика, Борисъ бросился и хотѣлъ защитить отца своимъ мечемъ, но оружіе его разлетѣлось отъ удара ослопа; выхвативъ ножъ Борисъ бросился на Жегара, который оттолкнувъ его какъ ребенка, поднялъ ослопъ... Неклюдовъ упалъ съ раздробленнымъ черепомъ...

Адальбертъ впереди всѣхъ, безъ шляпы, въ разорванной одеждѣ, окровавленный кричалъ.

— Ну!.. Крѣпитесь друзья!.. оставшаяся въ живыхъ толпа плотно скучивалась возлѣ него у входа въ башню. Замѣтивъ рыцаря, что отнялъ Ненилу и такъ позорно швырнулъ его подъ гору, Кирила побѣжалъ къ нему.

— А! пріятель!.. Попался!.. теперь не отвертишься отъ моихъ рукъ!.. крикнулъ онъ и бросился на Адальберта.

Не смотря на нѣсколько ранъ, ливонецъ твердо стоялъ на ногахъ и прижавшись къ стѣнѣ встрѣчалъ всякаго кто попадался подъ его мечъ. Увидавъ Мишницына, онъ неосторожно повернулся въ его сторону и въ это мгновеніе одинъ изъ псковичей ткнулъ его ножемъ въ лѣвую сторону груди... Мечь дрогнулъ въ храброй рукѣ, голова откинулась и тѣло грузно упало на каменныя ступени лѣстницы.

— Ха. ха, ха!.. Ловко!.. и не пикнулъ!.. издѣвался Мишницынъ. нагнувшись надъ бездыханнымъ врагомъ. Перевѣсившись черезъ верхній край башни, Марья наблюдала; она видѣла, какъ упалъ Неклюдовъ, она видѣла какъ отчаянно дрался Адальбертъ... вотъ и онъ палъ... еще мгновеніе и Мишницынъ съ товарищами могъ ворваться въ башню...

Марья двинула обѣими руками огромный камень, оторванный отъ стѣны башни и съ удвоившейся отъ волненія силой сбросила его внизъ... Мишницынъ, раздавленный, изломанный, свалился у двери, которую загородилъ камень, превративъ въ кровавую массу за минуту до того торжествовавшаго Кирилу. Между тѣмъ Марья, отперевъ дверь небольшой коморки на верху башни, принялась рубить топоромъ деревянныя ступени лѣстницы, чтобы уничтожить доступъ въ башню...

— Спасай сестеръ!.. Крикнулъ Неклюдовъ сыну за нѣсколько минутъ до своей смерти и Борисъ, оттолкнутый Жегаромъ, не смотря на горе по отцѣ, убитомъ въ его глазахъ, поспѣшилъ исполнить его предсмертное приказаніе. Онъ бѣгомъ направился къ башнѣ, у входа въ которую столпились послѣдніе защитники. Борисъ видѣлъ издали какъ высокая фигура ливонца пошатнулась и пропала за нахлынувшей ватагой псковичей; онъ не зналъ убитъ ли Адальбертъ или раненъ; растолкавъ толпу нападавшихъ, которые не обратили на него никакого вниманія, онъ только что занесъ ногу, чтобы вступить на крыльцо гдѣ Мишницынъ стоялъ нагнувшись надъ чѣмъ-то, какъ огромная глыба камня, просвистѣвъ въ воздухѣ рухнулась возлѣ него и придавила врага, внесшаго ужасъ, убійство и пожаръ въ родовое гнѣздо Неклюдовыхъ. Крикъ Бориса заглохъ въ общемъ крикѣ отчаянья, которымъ встрѣтили псковичи смерть начальника. Всѣ взоры поднялись на вершину башни и при свѣтѣ догоравшихъ боярскихъ хоромъ Борисъ увидалъ женщину, мелькнувшую своей бѣлой фатой; хоть и нельзя было узнать, но онъ догадался, что это его Марья.

Борисъ перепрыгнулъ черезъ камень, изъ подъ котораго струилась кровь и тутъ только замѣтилъ Адальберта, лежащаго навзничь; рука его еще судорожно сжимала мечь, а блѣдное, прекрасное лицо носило на себѣ и послѣ смерти печать отваги и добродушія.

Борисъ кинулся по лѣстницѣ; за нимъ съ ругательствами и угрозами полѣзли псковичи. На верху лѣстницы Марья работала топоромъ, но непривычныя руки не могли одолѣть крѣпкаго дуба; Борисъ выхватилъ у ней топоръ и двумя ударами перерубилъ поддерживавшую ступени балку... Жегаръ уже протянулъ руку съ своей дубиной, чтобы ударить Бориса, когда лѣстница рухнула подъ тяжестью направившихъ псковичей и всѣ они полетѣли внизъ, крича и давя другъ друга...

— Гдѣ отецъ?.. воскликнула Галина.

— Гдѣ Адальбертъ?.. спросила Ненила.

— Молитесь Богу... отвѣчалъ Борисъ.

Ненила дико вскрикнула и упала безъ чувствъ возлѣ обезумѣвшей отъ страха Аграфены Өедоровны. Галина, рыдая, сѣла въ углу и закрыла глаза руками. Борисъ и Марья глядѣли другъ на друга.

— Живъ!.. Жива!.. Слава Богу!.. мелькнула мысль вмѣстѣ со вздохомъ о погибшихъ.

Ночь прошла и ясная полоска зари разогнала послѣдніе тучи... Разсвѣло и туманъ поднялся надъ рѣкой... Жаворонки запѣли въ поляхъ и вся природа готовилась встрѣтить прекрасный лѣтній день; день любви и счастья для однихъ.. день страданій и крови для другихъ...

Илья мчался безъ остановки; его конь, закусивъ удила и развѣвая хвостъ по вѣтру, съ раздутыми ноздрями и сверкая глазами, нагонялъ своего пріятеля Грача, неуступавшаго быстротой ему... Куда они такъ торопились?.. Ужели и конь и песъ чуяли думы волновавшія всадника?..

Вонъ вдали туманъ надъ Судомой!.. Онъ заслонилъ Вышгородскіе вершины...

— Что тамъ, за этимъ туманомъ...

Вотъ вѣтеръ разорвалъ бѣлую пелену и открылъ печальную картину разрушенія и пожара... Крикъ горя и злобы вырвался изъ груди Ильи Норотова... Поздно!.. погибли!..

Но вотъ конь кидается въ холодныя волны рѣки и плыветъ вслѣдъ за Грачемъ, который выскочивъ изъ воды, поворачиваетъ на тропу, ведущую къ задней сторонѣ стѣны... Конь за нимъ, а драгуны едва поспѣваютъ за быстроногой парой, взбираются по горѣ, готовя на бѣгу свое оружіе.

— Ильюша!.. Ильюша скачетъ! крикнула Марья, выглядывая по закрай стѣны на башнѣ.—Вонъ и собака! вонъ они плывутъ и драгуны за нимъ...

Борисъ и Галина подошли къ ней. Всѣ трое слѣдили за приближающимися.

Между тѣмъ враги, опомнившись отъ паденья съ лѣстницы, вновь засуетились, придумывая средство достать тѣхъ, кто укрылся въ разныхъ коморкахъ и углубленіяхъ башни...

— Спасены!.. Слава тебѣ Господи!.. повторилъ Борисъ.

Вдругъ что-то глухо загудѣло... Башня дрогнула и словно заколыхалась... Столпъ огня и дыма взвился высоко... раздался трескъ и грохотъ!.. Камни разсѣлись и заметались въ разныя стороны... Борисъ успѣлъ обхватить руками сестру и Марью... всѣ трое они упали на что-то твердое и потеряли сознаніе.

XVII.

Пьяные псковичи, черпая вино изъ бочекъ, выкаченныхъ изъ Неклюдовскихъ погребовъ, праздновали гибель Вышгорода.

— Выпьемъ-ка еще по ковшу и обыщемъ хоромы... въ подвалахъ вѣрно боярская казна!. крикнулъ Жегаръ, поднимая надъ головой ковшъ, изъ котораго плескало вино...

— Выпьемъ!.. выпьемъ!.. гаркнули грабители...

Крики радости превратились въ возгласы нежданнаго пораженія... Драгуны выскочили изъ-за развалинъ башни и начали крошить ошалѣвшихъ псковичей...

Жегаръ попробовалъ было собрать своихъ, но его усилія были напрасны: псковичи бросились бѣжать; подгоняемые драгунами, они разсыпались по скату горы, кидались въ рѣку, прятались въ лѣсу... Скоро ни одного не осталось на широкомъ дворѣ Вышгорода...

Мрачный и унылый стоялъ Илья, не замѣчая, что крупныя слезы, катившіяся по его щекамъ, смѣшивали пыль покрывавшую ихъ съ кровью, которая текла изъ его лба, оцарапаннаго вражьимъ мечомъ.

Грачъ бѣгалъ и нюхалъ слѣды...

— Кто тамъ?.. Кто нибудь еще живъ? подойдя спросилъ Илья. Собака радостно визжала.

— Боря! гдѣ мы?.. Что это было?.. спросила Марья, очнувшись отъ обморока.

— Воры!.. измѣнники!.. взорвали башню зеліемъ... отвѣчалъ Борисъ.

— Гдѣ же тетушка? Ненила? воскликнула Галина, вглядываясь въ темную и глубокую разсѣлину, поглотившую кромѣ нихъ все, что осталось въ живыхъ изъ обитателей Вышгорода.

Они сидѣли на краю башни, гдѣ оставалось не болѣе сажени мѣста, довольно твердо устоявшаго отъ взрыва. Илья услыша крики о помощи, собралъ нѣсколькихъ драгунъ, вездѣ искавшихъ псковичей. Связавъ на скоро лѣстницу изъ веревокъ, ее кинули на вершину башни и Борисъ съ Марьей и Галиной спустились внизъ.

Отчаянье Ильи смѣнилось восторгомъ; обнимая сестру, онъ поглядывалъ на Галину, которую ужь не чаялъ видѣть живой.

Борисъ поручилъ ему сестру и бросился искать между трупами убійцу своего отца, но Жегара не было.

— Живъ!.. разбойникъ!.. кричалъ Борисъ скрипя зубами и сжимая рукоять своей сабли.—Эй молодцы-драгуны! Кто хочетъ горсть золота?.. Кто укажетъ, куда бѣжалъ этотъ, что выше всѣхъ изъ воровъ!

— Я укажу гдѣ притаился старый! отвѣчалъ одинъ драгунъ. Только едва-ль возмешь его: онъ силенъ какъ ведмѣдь и золъ. Берегись попасть подъ него!

— Укажи мнѣ его!.. Живъ не хочу быть, а отобью за отца! и онъ вскочивъ на первую попавшуюся лошадь, поскакалъ къ воротамъ. Илья приказалъ десятку драгунъ слѣдовать за нимъ.

Борисъ углубился въ лѣсъ и то тутъ, то тамъ видѣлъ слѣды крови или трупъ, доказывавшіе, что тутъ былъ бой между бѣгущими грабителями и ихъ преслѣдователями. Скоро лѣсъ сталъ такъ густъ, что ѣхать на коняхъ стало невозможно: Борисъ и драгуны спѣшились и продолжали двигаться.

— Надо раздѣлиться, вонъ слѣды и на право и на лѣво!.. сказалъ Борисъ.

Шестеро драгунъ пошли на право, а Борисъ съ четырьмя остальными повернули на лѣво. Молча и осторожно подвигались они, осматривая кусты и кучи валежника. Вдругъ раздался залпъ изъ нѣсколькихъ ружей и двое изъ спутниковъ Бориса были убиты на поваль.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! крикнулъ Борисъ и кинулся къ Жегару, стоявшему подъ огромной елью и заряжавшему самопалъ. Не давая ему времени поднять тяжелое оружіе, Борисъ и два драгуна выстрѣлили и трое изъ бывшихъ возлѣ Жегара крамольниковъ пали въ предсмертныхъ судорогахъ, но Жегаръ словно неуязвимый продолжалъ возиться съ своимъ оружіемъ. Тогда двухстволокъ еще не было, а потому выстрѣливъ, Борисъ и драгуны были почти безоружны; заряжать вторично отняло бы много времени и Борисъ, выхвативъ мечь, побѣжалъ къ атлету, который оставленный разбѣжавшимися товарищами, казалось былъ легкой добычей для троихъ. Борисъ почти настигъ его, уже занесъ мечь, какъ вдругъ Жегаръ, закинувъ самопалъ за плечо, съ ловкостью бѣлки вскарабкался по сучьямъ ели и засѣлъ на вершинѣ, откуда вскорѣ раздался грохотъ сильнаго выстрѣла и повторяемый эхомъ прокатился по лѣсу гулкимъ раскатомъ. Одинъ изъ спутниковъ Бориса упалъ за мертво; другой успѣлъ зарядить ружье и на удачу выпалилъ къ верху, но не попалъ, а самъ вскорѣ сдѣлался цѣлью для втораго выстрѣла изъ самопала. Борисъ только уцѣлѣлъ: благоразумнѣе было бы спрятаться за дерево и оттуда мѣтить, но Борисъ не помнилъ себя отъ злобы и метался вокругъ ели какъ волкъ, отъ котораго ускользнула кунпца. Страшныя ругательства раздались съ верхушки гдѣ сидѣлъ Жегаръ; его сумка съ пулями и зарядами упала и повисла на сукѣ: Жегаръ полѣзъ достать ее, но Борисъ выстрѣломъ изъ пистолета перешибъ сукъ и сумка свалилась на землю.

— А-га, воръ!.. грабитель!.. тебѣ нечѣмъ палить, крикнулъ Борисъ и спокойно началъ заряжать карабинъ пулею взятой изъ сумки Жегара, который не дождаясь выстрѣла сбросилъ самопалъ и быстро спустился по вѣтвямъ ели; прежде чѣмъ Борисъ успѣлъ прицѣлиться, Жегаръ выхватилъ изъ его рукъ оружіе и переломилъ какъ трость.

— Поборемся-ко молодчикъ! гаркнулъ великанъ и облапилъ Бориса.

Это былъ ужасный бой грудь съ грудью на ножахъ и Борисъ навѣрное погибъ бы отъ чудовищной силы Жегара, еслибъ атлетъ не ослабъ отъ потери крови, которая текла изъ двухъ ранъ въ боку и въ ногѣ, полученныхъ имъ еще на Вышгородскомъ дворѣ, при паденіи съ лѣстницы и при первой стычкѣ съ драгунами. Жегаръ не могъ далеко убѣжать, а предпочелъ залѣзть на дерево, надѣясь перебить всѣхъ нападавшихъ изъ своего мѣткаго самопала. Но голова его начала кружиться, онъ не могъ долѣе держаться на сукѣ; сначала онъ уронилъ сумку, потомъ и самопалъ выскользнулъ изъ его рукъ.

У него еще достало силы сдавить Бориса какъ медвѣдь. Борисъ почувствовалъ, что грудь его подается, ребра гнутся... Онъ задыхался. Съ послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ онъ рванулся, высвободилъ правую руку и съ размаху всадилъ острый ножъ въ горло Жегара, такъ что конецъ ножа высунулся изъ затылка. Атлетъ захрипѣлъ, кровь хлынула изо рта и носа... Онъ открылъ свои ужасныя объятія и глухо рухнулъ на землю. Вытаскивая ножъ изъ горла Жегара, онъ увидѣлъ на его косматой груди кожанную сумку; перерѣзавъ ремни, онъ снялъ сумку и досталъ изъ нея пергаментъ, на которомъ была написана грамота отъ псковичей къ Польскому Королю Владиславу, съ просьбой прислать на помощь войска и съ предложеніемъ общими силами воевать противъ Государя Московскаго Борисъ спряталъ ее къ себѣ за пазуху и проговорилъ:

— Измѣнники! Что затѣяли? Хорошо, что я убилъ этаго злодѣя... Вмѣсто Короля Польскаго, грамота попадетъ къ царю Московскому!..

Напрасно ждали Бориса въ Вышгородѣ. Ни онъ, ни драгуны поѣхавшіе съ нимъ не возвратились, а на другой день нашли ихъ и лошадей въ лѣсу. Илья велѣлъ обыскать весь лѣсъ и по указанію тѣхъ шести драгунъ, которые пошли на право, поиски направили на противоположную сторону, гдѣ вскорѣ напали на кровавые слѣды боя: четыре трупа драгунъ, три трупа псковичей и убитый Жегаръ лежали недалеко другъ отъ друга; но Бориса не было. Куда онъ дѣвался, никто не могъ отвѣтить положительно... Страннымъ показалось только то, что между лошадьми не было его коня. Уѣхалъ ли онъ, или его увели въ полонъ вмѣстѣ съ конемъ?..

Марья по обыкновенію не плакала и не показывала признаковъ горя; она только тихо и рѣшительно объявила, что желаетъ поступить въ монастырь.

— Хорошо! сказалъ Илья,—согласенъ, только поживи еще годикъ съ нами.

Трупамъ Неклюдова и Адальберта воздали должную почесть и погребли ихъ на вершинѣ горы Судомы. Ненилу и Аграфену Ѳедоровну не нашли подъ развалинами обрушившейся башни; столько бы страшныхъ усилій сдвинуть глыбы скалъ и камни, подъ которыми были схоронены несчастныя вышгородскія женщины, искавшія убѣжища въ башнѣ, взорванной злодѣями.

Борисъ, будущій супругъ Марьи, представилъ воровскія грамоты царю въ Москвѣ и вернулся справлять свою свадьбу.

Заросшія травой и кустами развалины Вышгорода существуютъ и понынѣ—безмолвные свидѣтели минувшихъ бѣдъ земли Русской...

В. Политковскій.

Доисторическая Америка.

По поводу недавнихъ раскопокъ и открытій въ Америкѣ.

Очеркъ.

„Новый Свѣтъ“ такимъ именемъ принято называть Америку. Между тѣмъ названіе это присвоено ей только по времени ея открытія европейцами. Америка извѣстна намъ всего только 400 лѣтъ, но она такая же древняя часть свѣта, какъ и Европа, Азія и Африка. У нея есть своя сложная замѣчательная исторія, множество развалинъ, по которымъ наука давно уже производитъ изслѣдованія о ея древностяхъ. Также какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, въ доисторическое время тутъ обитали многочисленные народы съ извѣстнымъ, часто весьма оригинальнымъ и высокимъ развитіемъ гражданственности и искуства, съ своеобразнымъ и интереснымъ общественнымъ устройствомъ. Очевидно, что народы этой части свѣта, достигшіе уже давно, въ доисторическія ея времена, высокой культуры, снова пришли къ первобытному состоянію.

Еще во времена открытія и завоеванія Америки испанцами, тутъ было нѣсколько центровъ съ совершенно своеобразною культурою. Перуанцы, Мексиканцы и Муиски были земледѣлы и скотоводы; вели, по современнымъ даже понятіямъ, совершенно правильную торговлю, имѣли огромные, многолюдные города, въ которыхъ процвѣтали науки и ремесла. Въ Перу существуетъ преданіе о появленіи въ Квихасѣ Манко Капака, въ Кундинамаркѣ—Бохики и въ Анагуакѣ (Мексикѣ) Квекакоатля, трехъ божественныхъ пророковъ, которые считались сошедшими съ неба. Они то, по преданію, и научили кочующіе народы осѣдлости, земледѣлію, промысламъ и многимъ наукамъ. Ацтеки были прекрасные строители; у нихъ были оригинальные величественные храмы съ гіероглифическою живописью; во всей средней и большей части южной Америки доселѣ попадаются развалины, указывающія на чрезвычайно древнюю, уничтоженную испанцами, культуру. У Перуанцевъ того времени были большія народныя празднества; они предпринимали путешествія къ священнымъ мѣстамъ, воздвигали громадные памятники, строили большія дороги и массивные мосты, проводили на очень большія разстоянія водопроводы и укрѣпляли города. У нихъ былъ свой календарь для раздѣленія времени и для астрономическихъ наблюденій. Въ Соединенныхъ Штатахъ и теперь попадаются еще развалины большихъ укрѣпленій, гробницы и статуи боговъ, принадлежащія народамъ, жившимъ тамъ гораздо ранѣе индійцевъ и которые извѣстны подъ общимъ именемъ „Аллигеви.“ Скалы по рѣкамъ Ориноко и Магдалины покрыты надписями и необъясненными доселѣ знаками и также какъ въ Египтѣ попадаются муміи.

Обратный ямщикъ. Ориг. рис. И. Панова, грав. Шапонъ.

Польскіе обычаи. Свадебный поѣздъ Краковяковъ. По рисунку Ю. Коссака, грав. М. Рашевскій.

Несравненно труднѣе разгадать эти остатки древности чѣмъ объяснить гвоздеобразныя письмена Ассирійцевъ, такъ какъ исторія послѣдней страны была хоть отчасти извѣстна по сообщеніямъ хроникъ другихъ народовъ. О южной Америкѣ можно было бы узнать болѣе, еслибы не слѣпой фанатизмъ ревностныхъ католиковъ испанцевъ въ XVI вѣкѣ, побуждавшій ихъ разрушать все попадавшееся имъ по пути. Въ своемъ донесеніи Карлу V, Фердинандъ Кортецъ особенно хвалился тѣмъ, что на каждомъ шагу въ Мексикѣ онъ разрушалъ языческіе города. Статуи боговъ, ландкарты, оригинальная живопись, вѣроятно изображавшая исторію Ацтековъ — все это было уничтожено, храмы снесены и разграблены, и населенія цѣлыхъ городовъ истреблены. Что не поддавалось разрушенію, фанатическіе завоеватели зарывали въ землю и закладывали каменьями; вотъ почему спустя болѣе чѣмъ триста лѣтъ стали обнаруживаться нѣкоторые, къ сожалѣнію немногочисленные остатки, большая часть которыхъ покрыта и погребена навсегда роскошной растительностью страны. По счастью найденъ каменный календарь, показывающій раздѣленіе времени у древнихъ Ацтековъ.

По предметамъ, найденнымъ до сихъ поръ, можно уже заключить о существованіи нѣсколькихъ различныхъ періодовъ и что всего замѣчательнѣе — ясно видѣть постепенный ходъ пониженія культуры. Эти остатки древности можно раздѣлить на три отдѣла; самый древній — это памятники народовъ жившихъ ранѣе мексиканцевъ и перуавцевъ; второй — относится къ исторіи этихъ послѣднихъ народовъ и по преимуществу уже народовъ съ правильнымъ государственнымъ устройствомъ и третій — памятники ближайшихъ предшественниковъ индійцевъ, народовъ стоящихъ уже на одинаковой съ ними, низкой степени развитія.

Предметы, принадлежащіе къ послѣднему отдѣлу, попадаются всего чаще въ сѣверной и южной Америкѣ — это разныя украшенія, надписи, изображенія въ родѣ іероглифовъ, посуда и оружіе, часто весьма замысловатой и изящной работы. Наконечники стрѣлъ, каменные ножи, боевые топоры и глиняная посуда, а также насыпные холмы, напоминающіе гробницы Гунновъ, въ одномъ изъ которыхъ прекрасно сохранились останки воина въ полномъ вооруженіи, все это принадлежитъ доиндійскому періоду. Поселенцы запада часто находятъ такіе предметы при обработкѣ такъ называемыхъ „дѣвственныхъ" полей; курганы же часто попадаются въ среднихъ штатахъ Сѣверо-Американской республики. Такія насыпи обыкновенно футовъ 40 въ поперечникѣ, 12 фут. вышины и обыкновенно окружены рвомъ.

Памятники доисторическаго періода поразительны. Очевидно народы оставившіе такіе предметы должны были стоять на высокой ступени развитія. Такъ, безслѣдно исчезнувшіе, совершенно неизвѣстные въ исторіи, народы отдаленныхъ вѣковъ были искусные ремесленники и въ совершенствѣ знали механику. У нихъ были весьма возвышеннаго содержанія религіозныя вѣрованія и выработанныя военныя науки; найденное въ землѣ ихъ оружіе, развалины зданій, могилы ихъ и статуи доказываютъ это совершенно неопровержимо. Степень такого развитія не ограничивалась какою нибудь исключительною мѣстностію, но слѣды ея находятъ по всему пространству Штатовъ отъ рѣки св. Лаврентія вплоть до Мексики. Около города Наэвилле, на глубинѣ 30 футовъ подъ землею откопана тонкой и чудесной работы глиняная посуда, расписанная такими же яркими красками какъ и посуда, открытая въ Помпеѣ.. Вазы и урны, поразительныя работы на камнѣ, изящная рѣзьба на кости, попадаются часто и въ самыхъ различныхъ мѣстахъ и постоянно заставляютъ изумляться, что до сихъ поръ въ исторіи какого нибудь народа не упомянуто ни разу объ этихъ древнихъ государствахъ Америки. Быть можетъ кое какія преданія о нихъ существуютъ у китайцевъ, у которыхъ находятъ многіе предметы схожіе съ предметами употребляемыми краснокожими сѣверо-американцами.

Въ курганахъ этаго древнѣйшаго періода постоянно находятъ мѣдные предметы превосходной работы, изящно выложенные серебромъ — браслеты, кресты, наконечники стрѣлъ. Замѣчательны укрѣпленія, найденныя на берегахъ Миссисипи и Миссури; онѣ состоятъ изъ подземныхъ стѣнъ съ ходами изъ массивнаго кирпича и глины, съ выведенными на нихъ валами, часто на весьма значительномъ протяженіи, стѣнъ, обведенныхъ широкими рвами. Зачастую эти древнія крѣпости составляютъ треугольникъ, основаніе котораго начинается у рѣки и на прямоугольной вершинѣ котораго находятся двери и бойницы, повидимому для вылазокъ и стрѣлковъ. Другія же, построенныя не у рѣкъ — обыкновенно круглой формы съ зубчатыми стѣнами и выведены также тщательно какъ европейскія средне-вѣковыя крѣпости. Устройство такихъ совершенныхъ укрѣпленій, какія и въ Европѣ начали строить только шестьсотъ лѣтъ назадъ, указываетъ на то, что тутъ велись правильныя войны и осады уже въ то время, когда въ Европѣ объ этомъ не имѣли понятія.

Въ Америкѣ встрѣчаются также и муміи, такія же древнія какъ и найденныя въ пирамидахъ Египта; способъ приготовленія ихъ схожъ съ египетскимъ и ни въ чемъ ему не уступаетъ. Муміи эти найдены въ пещерахъ Кентуки, въ селитряныхъ залежахъ. Онѣ завернуты въ особую матерію, тканую съ перьями, затѣмъ идетъ второй покровъ матеріи безъ перьевъ, далѣе третій — обмазанная глиной оленья шкурка безъ волоса и наконецъ четвертый — такая же шкурка съ волосомъ. Очевидно, что тѣло желали какъ можно лучше предохранить отъ вліянія воздуха. Такихъ мумій найдено до шестисотъ. Повидимому въ то время на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ Штатовъ, нравы и обычаи отличались большимъ сходствомъ чѣмъ позднѣе, въ индійскій періодъ и даже въ настоящее время.

Ясно одно, что народы, эти существовали долгія столѣтія, были многочисленны, имѣли свою осѣдлость и занимались земледѣліемъ, ремеслами, науками, были знакомы съ обработкой металловъ, изготовляли каменную и глиняную посуду, разработывали соляныя копи, имѣли свою выработанную религію и занимались астрономіей, состоявшей въ особой связи и отношеніи съ религіей. По какимъ причинамъ и куда исчезли или переселились эти народы, до сихъ поръ наука рѣшить не можетъ.

Въ XVI столѣтіи, когда бѣлые вступили на берегъ этихъ странъ, послѣдніе остатки этихъ великихъ народовъ давно уже не существовали; жившіе тамъ индійцы не знали ничего о своихъ предшественникахъ даже по преданіямъ. Въ Мексикѣ же и Анагуакѣ и далѣе къ югу жили народы уже съ правильнымъ государственнымъ устройствомъ. Были также республики аристократическія и демократическія, царства и цари, общіе государственные законы, большіе города, какъ и въ старомъ свѣтѣ, съ великолѣпными зданіями и водопроводамв. Жители занимались искусствами и науками. Еще и теперь въ окрестностяхъ города Новая Мексика замѣтны слѣды каналовъ, плотинъ и улицъ стараго Тенохтитлана, въ которомъ существовалъ даже цеховой, въ родѣ средневѣковаго, порядокъ, подраздѣленіе города на кварталы и 300,000 населеніе котораго имѣло духовнаго главу. При чтеніи описанія этаго города Кортецомъ, невольно представляется даже не средневѣковый городъ, но подобіе какаго нибудь изъ новѣйшихъ большихъ городовъ.

Тенохтитланъ стоялъ на нѣсколькихъ островахъ и соединялся съ твердой землею посредствомъ трехъ вымощенныхъ плотинъ. Двойной рядъ водопроводовъ снабжалъ городъ водою. Улицы были широки, какъ современныя а мосты на разныхъ каналахъ такъ велики, что десятъ всадниковъ могли свободно ѣхать по нимъ въ рядъ. По случаю частыхъ землетрясеній дома строились невысокіе изъ дерева или камня. Въ каждой части города былъ храмъ или Теокалли, и въ центрѣ города главный храмъ, который былъ такъ великолѣпенъ, что привелъ въ удивленіе даже испанцевъ. Въ стѣнахъ были ниши и зубцы, съ каменными статуями; въ храмѣ было четыре главныхъ входа. Около находилась пирамида вышиною въ 170 футовъ и шириною внизу по одной линіи 290 футъ. На вершинѣ ея поставлены двѣ молельни и жертвенникъ. Пятьсотъ священнослужителей отправляли богослуженія. Около главнаго храма находилось еще 39 другихъ храмовъ въ честь разныхъ божествъ. Входныя двери сдѣланы были въ видѣ гигантской открытой пасти змѣи. Во дворцѣ Монтецумы было болѣе 1000 комнатъ, стѣны которыхъ были изъ мрамора или дорогихъ каменьевъ, деревянныя же украшенія рѣзаны изъ кедра. Во дворцѣ было отдѣленіе для звѣринца властителя. Въ арсеналѣ было собрано оружіе и военные значки предковъ. Городъ производилъ прекрасныя работы изъ различныхъ металловъ, имѣлъ аптеки, гостинницы, рынокъ, окруженный галлереей; торговый старшина наблюдалъ за правильностью мѣръ и вѣсовъ. Кортецъ болѣе всего хвалитъ чистоту и порядокъ вездѣ. Въ каждой части города находился домъ, куда собирались ремесленники для обсужденія своихъ дѣлъ. Кромѣ касты жрецовъ и воиновъ высоко уважаемо было сословіе архитекторовъ.

И дѣйствительно, въ Римѣ даже не было болѣе совершенныхъ построекъ: стоитъ взглянуть на остатки великолѣпнаго водопровода около Тецкука и Толуки. Въ безумной жадности, испанцы все грабили и опустошали; движимые религіозной нетерпимостью, они повсюду истребляли и преслѣдовали все некатолическое у себя въ отечествѣ, въ Перу и Боливіи, и также въ Мексикѣ. Новоотстроенный теперь городъ, съ каѳедральнымъ соборомъ на мѣстѣ прежняго Теокалли и съ 200,000 своимъ населеніемъ не выдерживаетъ никакого сравненія съ прежнимъ великолѣпнымъ городомъ. Культура Ацтековъ исчезла и здѣсь, но слѣды ея указываютъ на ея сходство съ культурою народовъ сѣверныхъ, жившихъ между Миссури и Тихимъ Океаномъ. Существуетъ предположеніе, что въ VII в. по Р. Х. здѣсь совершилось великое переселеніе народовъ съ сѣвера на югъ. Тольтеки считаются первыми пришельцами въ Анагуакъ съ сѣвера въ 650 году; ихъ владычество и даже имя исчезаютъ уже въ 1,050 году: за ними слѣдуютъ Акольгуасы и Тепанеки и затѣмъ уже появляются въ 1196 году ацтеки, построившіе Тенохтитланъ въ 1335 году, впослѣдствіи совсѣмъ разрушенный испанцами. Странно однако то, что эти народы переходили сравнительно недалеко на югъ. Слѣдуетъ предположить, что это происходило вслѣдствіе бывшаго на нихъ напора непріятеля; но возникаетъ вопросъ, откуда могли прійти ихъ побѣдители? Но были ли это нынѣшніе индійцы? Тогда эти послѣдніе, судя по положенію крѣпостей на Миссисипи, должны были нахлынуть съ востока или съ сѣвера.

Сохранились еще и другіе памятники народовъ, жившихъ здѣсь до Ацтековъ и существенно отличавшихся отъ послѣднихъ. Памятники эти находятся въ Средней Америкѣ, южнѣе Мексики. О ихъ существованіи не знали долго послѣ завоеванія Кортеца, между тѣмъ они оказались еще древнѣе остатковъ въ Сѣверной Америкѣ. Только 120 лѣтъ тому назадъ открыли подъ землею и въ лѣсахъ въ Гондурасѣ и Юкатанѣ громадныя развалины, цѣлые разрушенные города, простирающіеся черезъ весь полуостровъ отъ моря до моря, много скульптурныхъ вещей и совершенно неизвѣстные гіероглифы. Около Св. Викентія въ Санъ-Сальвадорѣ найдены исполинскія террасы, высокія башни, пирамиды съ подземными сводами и наконецъ въ Гватемалѣ—развалины стараго города Эскуинтля, между которыми уцѣлѣли еще четыре обелиска и большой храмъ. Далѣе въ штатѣ Копанъ, на берегу рѣки того же названія, открытъ храмъ Копана, очень посѣщаемый теперь любопытными. Онъ окруженъ стѣнами вышиною до 90 футовъ и лѣстницами въ 100 футовъ вышины, внутри же ряды прекрасныхъ высокихъ колоннъ, рѣзьба на которыхъ отличается своей удивительной оригинальностью отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ скульптурныхъ работъ. Большая часть колоннъ покрыта съ одной стороны изображеніями человѣческихъ лицъ и фигуръ, одѣтыхъ во что то въ родѣ панталонъ и сандалій, съ шляпами на головахъ, съ другой стороны—на гладкомъ четыреугольномъ полѣ представленъ цѣлый лабиринтъ гіероглифовъ. Передъ каждымъ изображеніемъ стоитъ жертвенникъ. Попадаются алтари и изваянія, повидимому гнѣвныхъ и карающихъ боговъ.

На другихъ колоннахъ стоятъ звѣри—алигаторы съ открытыми пастями, черепахи съ человѣчьими руками и кошачьими когтями, головы людей съ змѣинымъ туловищемъ и т. п. Между развалинами города Тикале въ лѣсахъ Гватемалы, находится дворецъ, повидимому царскій, прекрасно построенный изъ разноцвѣтнаго камня. Архитектура и статуи этаго дворца совершенно загадочнаго происхожденія. Прежнее предположеніе о принадлежности этаго дворца Тольтекамъ рушится при ближайшемъ ознакомленіи съ развалинами, которыя ничего не имѣютъ общаго съ колорадскими памятниками Тольтековъ. Напротивъ, одежда фигуръ имѣетъ много общаго съ древне-европейскими одѣяніями. Весьма могло быть, что бѣлые, попавши въ среду этихъ народовъ, сдѣлались тутъ царями и послѣ смерти были чествуемы какъ пришельцы съ неба, изъ невѣдомыхъ странъ. Во всякомъ случаѣ памятники эти древнѣе сѣверо-американскихъ и остается думать, что одно время было постоянное движеніе народовъ съ сѣвера на югъ, причемъ народы Средней Америки поселялись на югѣ.

Въ настоящее время, на средства французскаго правительства и одного частнаго лица изъ Нью-Іорка, по имени Лорильяра, владѣющаго огромными средствами, готовится экспедиція для отправленія въ центральную Америку для изслѣдованій тамъ на мѣстѣ памятниковъ, чрезвычайно важныхъ какъ въ археологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Не смотря на всевозможныя техническія вспомогательныя средства, не смотря на значительное число извѣстныхъ археологовъ и лингвистовъ, участвующихъ въ этихъ изслѣдованіяхъ, экспедиціи предстоитъ немаловажный трудъ. Остается выжидать, успѣютъ ли эти соединенныя ученыя силы разобрать гіероглифы народовъ, памятники которыхъ свидѣтельствуютъ о такой, сравнительно высокой, степени цивилизаціи.

Миннезингеры.

(Странствующіе пѣвцы).

Это было въ XIV вѣкѣ... Тихій вечеръ спустился на замокъ; озеро у его подножія мерцаетъ въ лунныхъ лучахъ. Въ высокихъ, узкихъ окнахъ замелькали огни. Раздался звукъ цѣпей опускаемаго тяжелаго моста и скоро дежурный стражъ доложилъ, что въ замокъ прибылъ странствующій пѣвецъ Рейнмаръ фонъ Гагенау и что онъ проситъ, чтобы его немедленно представили владѣльцу замка молодому графу Дитгарту. Съ быстротою молніи разнеслась вѣсть по всему замку. Пѣвцы пріѣхали! Всякій былъ радъ послушать. По приказанію графа усталымъ путешественникамъ предложено было подкрѣпить силы и затѣмъ они были приняты радушно и внимательно. Еще на зарѣ изъ открытыхъ оконъ комнатъ, отведенныхъ для пѣвцовъ, разносились по замку напѣвы, отрывки разныхъ пѣсенъ, иногда вдругъ раздавался ударъ по струнамъ и доносился говоръ и смѣхъ. Вечеромъ миннезингеры приглашены пѣть въ присутствіи графа и его молодой супруги, которая пожелала услышать пѣснь любви и на это ея мужъ далъ согласіе. Какъ обыкновенно у странствующихъ пѣвцовъ, и у Рейнмара есть „подручный" пѣвецъ юноша, свѣжій и гибкій голосъ котораго передавалъ лучше нѣжные и страстные напѣвы. Пѣніе началось. Съ устъ юноши слетаютъ тихія жалобы—страдаетъ его сердце, какъ страдаетъ земля, когда зима прикрываетъ ея луга и цвѣты своимъ бѣлымъ холоднымъ покровомъ... Но вотъ онъ возвышаетъ голосъ: въ звукахъ его пѣсни слышатся надежда и ожиданіе а вотъ уже звуки восторга и торжества—страстное желаніе его получило отвѣтъ... Всѣ тихо слушаютъ. И кажется всѣмъ, что слышатъ они и шумъ вѣтвей, и трели соловья и журчаніе ручья—такъ пѣніе чудесно!

Общій гулъ одобренія и восторга... Рейнмаръ со своими товарищами поетъ еще нѣсколько чудныхъ пѣсенъ. Нѣсколько дней гостятъ пѣвцы въ замкѣ и богато награжденные и провожаемые знаками почтенія, продолжаютъ свой путь далѣе.

Переѣзды съ мѣста на мѣсто были тогда въ обычаяхъ этихъ пѣвцовъ. Они и назывались *странствующими*. Отказаться отъ такой бродячей жизни пѣвцы не могли: въ то время они не могли выпускать томики своихъ пѣсенъ—не было книжныхъ магазиновъ и не существовало литературныхъ гонораровъ. Жизнь такихъ пѣвцовъ была въ зависимости отъ большей или меньшей щедрости знатныхъ и богатыхъ; конечно, не вездѣ ихъ одинаково принимали. Заботы и нужда были ихъ почти постояннымъ удѣломъ, и даже такой геніальный средневѣковый лирикъ, какъ Вальтеръ фонъ-Фогельвейде, умеръ въ крайней бѣдности.

Между поэтами того времени были и богатые и могущественные люди, но тѣ конечно уже не принадлежали къ числу странствующихъ пѣвцовъ. Всѣ пѣвцы однако одинаково назывались *миннезингерами*, такъ какъ въ своихъ пѣсняхъ воспѣвали преимущественно любовь. Воспѣвали весну, красоту возлюбленной, счастіе и страданіе любви и т. п.

Не всѣ однако ограничивались этимъ—иные прославляли Бога и взывали къ походу противъ язычниковъ и освобожденію Гроба Господня. Они были однимъ изъ могущественныхъ возбудителей въ эпоху крестовыхъ походовъ. Знаменитые лирики того времени—Реймаръ старшій или фонъ-Гагенау и Вальтеръ фонъ-Фогельвейде сами участвовали въ крестовыхъ походахъ.

Вальтеръ извѣстенъ также своими изреченіями, афоризмами, затрогивавшими общественные и политическіе вопросы того времени. Въ то время миннезингеры иногда какъ бы замѣняли собою отчасти нашу публицистику.

Съ современными поэтами у нихъ есть существенное различіе. Миннезингеры были не только поэты и пѣвцы, они были и композиторы. Тѣсная связь между поэзіей и музыкой, въ лирикѣ до XVI вѣка включительно, выработала своеобразные обычаи и законы. Ни одинъ миннезингеръ не имѣлъ права воспользоваться уже существующей пѣснью. Кто заимствовалъ мелодію или форму у другаго, тотъ не былъ закономъ конечно преслѣдуемъ, но на него смотрѣли съ презрѣніемъ какъ на вора чужой собственности и принимать человѣка съ такой репутаціей у себя въ замкѣ считалось неприличнымъ. Каждый долженъ и принужденъ былъ создавать постоянно новыя пѣсни и это повело потомъ къ чрезвычайному разнообразію мотивовъ и пѣсенъ, которымъ отличается средневѣковая поэзія.

Къ рисункамъ.

Стадо ланей на отдыхѣ.

(Рисунокъ Шпехта).

Знойнымъ полуднемъ граціозная группа ланей расположилась отдохнуть въ тѣни широкаго, раскидистаго дерева; онѣ жаждутъ прохладнаго воздуха и тѣни, онѣ какъ будто забыли свою обычную осторожность и съ полною безпечностью предаются сладкой дремотѣ. Только одна изъ нихъ внимательно прислушивается, какъ бы недовѣряя глубокой тишинѣ безлюднаго лѣса. Такія идиллическія сценки семейнаго отдыха можно было часто видѣть въ дремучихъ лѣсахъ добраго стараго времени; теперь лани все рѣже и встрѣчаются въ болѣе прозаической обстановкѣ зоологическаго сада или на лужайкѣ какого нибудь парка. Лань очень миловидное животное, въ главныхъ чертахъ вполнѣ походитъ на оленя; только въ ростѣ она значительно уступаетъ оленю; самые большіе самцы бываютъ длиною лишь въ 5 футовъ а вышиною немного болѣе трехъ; кромѣ того въ сравненіи съ оленемъ ноги, шея и уши у нихъ гораздо короче а хвостъ гораздо длиннѣе. Не рѣдко попадаются совсѣмъ бѣлыя лани, но черныя—большая рѣдкость. По образу жизни лань ничѣмъ не отличается отъ оленя: она также ловка и способна дѣлать громадные прыжки. Пища у нея таже что и у оленя; сдирая преимущественно кору съ деревъ, лань причиняетъ значительный вредъ лѣсу. Охота на ланей очень трудна—онѣ такъ осторожны и внимательны! Охотникъ, чтобы обмануть бдительность звѣря, подходитъ

съ кѣмъ нибудь вдвоемъ; товарищъ посвистываетъ и напѣваетъ и тѣмъ завлекаетъ животное, очень будто бы пристрастное къ музыкальнымъ звукамъ; охотникъ же прячется и улучивъ благопріятную минуту, стрѣляетъ. Охота эта хоть и трудна, но вознаграждается значительной выгодой: шкура лани цѣнится выше оленьей по мягкости и растяжимости; мясо ея составляетъ вкусное, изысканное блюдо.

Обратный ямщикъ.

(Рисунокъ Панова).

Тихій и ясный лѣтній вечеръ. Отвезъ на парѣ проѣзжаго ямщикъ и возвращается на станцію.

...Обратныя лошадки
Понуривъ голову, шажкомъ,
Бредутъ. Молчитъ ямщикъ лѣнивый
Верхомъ на дремлющемъ конѣ
Одинъ бубенчикъ говорливый
Воркуетъ сладко въ тишинѣ...

Невольно вспомнятся эти прекрасные стихи нашего, недавно умершаго поэта, у котораго найдешь столько сердечныхъ, родныхъ звуковъ и картинъ... Станціи, ямщики, подорожныя — гдѣ все это? Это осталось только вдали отъ большихъ путей, по которымъ безсчетною звеньями цѣпью, шипя и свистя, гремятъ торжествующіе желѣзнодорожные поѣзды...

Свадебные обряды краковяковъ.

(Картина Коссака)

Краковяки—одно изъ самыхъ красивыхъ польскихъ племенъ; между женщинами нерѣдко можно встрѣтить настоящихъ красавицъ съ чертами топкими и благородными. Это народъ крѣпкій, веселый и воздержный. Распѣвая пашетъ краковякъ землю—страсть къ музыкѣ и танцамъ у нихъ врожденная. Въ каждой деревнѣ или мѣстечкѣ весь трудовой народъ собирается по вечерамъ въ корчмѣ или шинкѣ, гдѣ поютъ пѣсни, танцуютъ до упаду свой любимый національный танецъ—краковякъ. Особенно весело и шумно празднуются здѣсь свадьбы, обставленныя, какъ и у прочихъ славянскихъ племенъ, различными обрядами — остатками глубокой древности. Свадьбѣ предшествуетъ, какъ и у насъ, сватовство называемое *звяды*, со стороны матери парня или его ближайшей родственницы. Необходимая обрядность каждыхъ звядъ это подчиваніе родителей невѣсты. Если послѣдніе принимаютъ угощеніе—значитъ изъявляютъ полное свое согласіе. Впрочемъ, случаевъ отказа почти не бываетъ, звяды являются лишь формальнымъ обрядомъ, и между родителями уже заранѣе бываетъ все уговорено и улажено.

За звядами слѣдуютъ *заренчины* т. е. обрученіе. Въ этотъ день у родителей невѣсты идетъ пиръ и тутъ-то старшій возрастомъ или пользующійся наибольшимъ уваженіемъ изъ числа гостей размѣниваетъ кольца жениху и невѣстѣ.

Но вотъ настаетъ давно желанный день—день свадьбы, у поляковъ имѣющій названіе Wesele (веселье). Это радостное значеніе дѣйствительно стараются здѣсь оправдать какъ можно болѣе и всѣ свадебные обряды совершаются съ пѣснями и музыкой. Уже все время, которое посвящаетъ невѣста своему вѣнчальному туалету, проходитъ въ пѣніи ея подругами свадебныхъ пѣсенъ. Но вотъ она одѣта и прощается съ родителями; здѣсь происходитъ обычная трогательная сцена съ разными причитываніями и земными поклонами. Пріѣздъ жениха, окруженнаго многочисленной свитой молодежи заключитъ грустные проводы и свадебный поѣздъ, состоящій изъ длинной вереницы телѣжекъ и предшествуемый музыкантами, направляется къ церкви. Во всю дорогу шумъ, музыка и пѣсни не умолкаютъ; жениховы дружки гарцуютъ по бокамъ повозокъ, размахивая кто яркимъ платкомъ, кто флагомъ. Невѣста ѣдетъ впереди всѣхъ, сопровождаемая свахами и подругами; женихъ сидитъ на той же повозкѣ вмѣстѣ съ кучеромъ или ѣдетъ рядомъ на конѣ. Иногда по всему свадебному пути зажигаютъ костры изъ хвороста и съ гикомъ перепрыгиваютъ ихъ на своихъ лошадкахъ. По окончаніи церковнаго обряда, обыкновенно возвращаются другимъ путемъ, „чтобы смерть ошиблась дорогой“, но и на этотъ разъ поѣздъ также шуменъ и веселъ; музыка и пѣсни не прекращаются; шутки и острыя выходки слѣдуютъ безъ конца: то кучеръ, который везетъ новобрачныхъ, какъ будто теряетъ кнутъ и отказывается дальше ѣхать, прося дружекъ дать ему денегъ на новый; то музыкантъ требуетъ за порванную струну, безъ которой никакой музыки не будетъ и т. д. По большей части свадебный поѣздъ направляется въ ближайшую корчму, гдѣ и пируютъ часъ, два, чтобы дома успѣли приготовиться къ принятію многочисленныхъ гостей. Этотъ свадебный поѣздъ и изображенъ на картинѣ Коссака.

Брачный пиръ начинается обыкновенно обѣдомъ. Во все время обѣда дружки прислуживаютъ и занимаютъ гостей; послѣ стола начинаются оживленные танцы. Пиръ длится всю ночь на пролетъ; уже давно занялась заря а въ домѣ молодыхъ все раздается громкое притопываніе танцоровъ, отхватывающихъ краковякъ и слышится веселый мотивъ какой нибудь залихватской, народной пѣсни...

Цюрихъ.

Первые слѣды людской осѣдлости, бывшей на мѣстѣ нынѣшняго Цюриха, восходятъ до каменнаго періода. Найденныя въ этихъ мѣстахъ кельтскія гробницы на Бурггельцли и кельтское названіе „Turicum“ (мѣсто воды) указываютъ на существованіе тутъ осѣдлости въ Галлогельветическую эпоху.

Историческій пунктъ города составляетъ возвышенность Линденгофена, на которой находился римскій „Castrum Turicense“, увеличенный Діоклитіаномъ въ 287 г., разрушенный Аллеманами въ 493 и снова возстановленный франкскимъ королемъ Хлодовигомъ въ 499 г. Въ X столѣтіи Цюрихъ уже становится подъ защиту имперскаго намѣстника. Въ 1327 году Цюрихъ вступилъ въ союзъ съ четырьмя городами для внутренней обороны страны. Въ 1336 году первый бургомистръ Рудольфъ Брунъ установилъ союзъ 13-ти цеховъ. Слѣдствіемъ этаго союза было открытіе заговора феодаловъ. Заговорщики были казнены и 1-го мая 1351 года былъ заключенъ вѣчный союзъ четырьмя кантонами. Съ этихъ поръ начинается постоянное возрастаніе и могущество города, такъ что въ концѣ XV столѣтія онъ занимаетъ уже первое мѣсто въ Союзѣ.

Въ настоящее время Цюрихъ насчитываетъ около 70,000 жителей. Въ городѣ есть прекрасный музеумъ, богатая библіотека, содержащая болѣе 100,000 томовъ и 3,000 рукописей и разныя научныя и художественныя коллекціи. Тутъ же находится и извѣстный университетъ, политехническая школа и многочисленныя, въ прекрасныхъ помѣщеніяхъ, другія школы. Кромѣ союзныхъ очень много и частныхъ школъ и учебныхъ заведеній, и музыкальная консерваторія.

Въ промышленномъ и торговомъ отношеніи городъ замѣчателенъ, въ особенности своими шелковыми фабриками, не уступающими Ліонскимъ. Бумагопрядильное производство не менѣе значительно, а также фабрики машинъ, фортепіанъ, бумажныя фабрики, кожсвенные заводы и друг.

Огромное движеніе жизни и торговли въ этомъ городѣ, какъ и вообще въ швейцарскихъ городахъ, замѣчательно. Довольно сказать, что сюда ежедневно приходитъ 125 желѣзнодорожныхъ поѣздовъ въ день, начиная съ 5 час. утра и до 9 вечера.

Собственно старый городъ носитъ печать всѣхъ средневѣковыхъ городовъ, и чрезвычайно своеобразенъ. Старинныя постройки, узкія и неровныя улицы его примыкаютъ къ девяти самостоятельнымъ общинамъ по ту сторону рѣки Лимата, составляющимъ однако одно цѣлое со старымъ городомъ, благодаря своему положенію и общимъ интересамъ.

Далеко раскинулись улицы, однѣ—вдоль озера, образуя предмѣстье, другія—спускаясь въ долину и поднимаясь снова на виноградники и холмы. Далѣе круто и величественно поднимается гора Ютли съ одной стороны, а по другую тянутся Цюрихскія горы, покрытыя лѣсами, виллами и прелестными домами. Тутъ же протянулось чудесное Цюрихское озеро съ его пароходами, барками и лодками и съ безконечно тянущимися береговыми виноградниками. Съ противуположной стороны открывается долина Лимата, съ хорошенькими деревеньками и богатыми хлѣбными полями. Къ Лимату съ одной стороны прилегаетъ прелестное гулянье „Platzpromenade“. Вдали на горизонтѣ виднѣется цѣпь Альпійскихъ горъ. Терасса Бюргли, съ которой открывается обширный видъ, изображена на нашемъ второмъ рисункѣ.

Политическое обозрѣніе.

Турція.—Румелійское княжество.—Славянскій конгрессъ въ Прагѣ.—Сербія и Австрія.—Германія.—Движеніе въ Ирландіи.

Порта, продолжая по прежнему затягивать рѣшеніе пограничныхъ вопросовъ, дѣлаетъ, по временамъ, видъ, что соглашается, наконецъ, выполнить требованіе державъ, обставляя всегда свое согласіе различными условіями, которыя, конечно, препятствуютъ завершенію дѣла. Такъ, турецкое правительство выразило свое согласіе на уступку Черногоріи Дульциньо но, при этомъ, во первыхъ—съ сокращеніемъ территоріи прилегающей къ городу, а во вторыхъ—съ тѣмъ, чтобы державы продлили данное Турціи время для самой передачи Дульциньо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для улаженія турецко-черногорскаго вопроса, или, можетъ быть, для противоположной цѣли (это уже секретъ ловкихъ турецкихъ дипломатовъ), въ Албанію посланъ Риза-Паша, во главѣ 4 тысячнаго отряда. Ему, въ качествѣ „чрезвычайнаго уполномоченнаго Блистательной Порты“, даны обширныя полномочія и онъ будетъ сноситься непосредственно съ султаномъ. 2-го августа н. с. онъ вступилъ въ Скутари съ 2 тысяч. ч. и былъ встрѣченъ депутаціей отъ лиги; остальныя 2 тысячи остались въ Дульциньо и вмѣстѣ съ албанцами расположились лагеремъ на высотахъ, господствующихъ надъ горо-

(Продолженіе на стр. 689, 690, 691, 692).

домъ. Риза-паша немедленно же пригласилъ всѣхъ албанскихъ предводителей на собраніе. Алеко-паша еще не возвратился въ Филиппополь и это обстоятельство подаетъ теперь поводъ къ толкамъ нѣсколько неожиданнаго свойства. Рѣчь идетъ уже не о сліяніи съ княжествомъ Болгарскимъ, а *объ образованіи изъ Восточной Румеліи вассальнаго княжества.* Въ случаѣ

Швейцарія. Общій видъ г. Цюриха. Рис. и грав. Веберъ.

осуществленія этаго плана, Княземъ Румеліи сдѣлался бы Алеко-Вогоридесъ I, причемъ новое княжество приняло бы на себя соотвѣтственную доходамъ своимъ часть долга Турціи; назначеніе высшихъ должностей зависѣло бы отъ князя, провинціальное собраніе превращено было бы въ палату депута-

Швейцарія. Терраса Бюргли въ г. Цюрихѣ. Рис. и грав. Веберъ.

товъ, а постоянная комиссія—въ сенатъ. Говорятъ, будто объ этомъ хлопочетъ именно самъ князь Вогоридесъ. Мы, пожалуй, готовы вѣрить всему этому, уже потому, что подобный проектъ вполнѣ сообразенъ желаніямъ всѣхъ многочисленныхъ противниковъ преуспѣянія благоденствія славянъ, вообще, и, Балканскихъ славянскихъ государствъ въ особенности, очевидно, что это лучшее средство отдалить на неопредѣленное время сліяніе обѣихъ частей Болгаріи. Только мы предполагаемъ, что хлопочетъ тутъ не князь Вогоридесъ, а кто нибудь позначительнѣе... Но, какъ бы и кто бы ни хлопоталъ о созиданіи всевозможныхъ преградъ славянамъ, ничто уже не можетъ остановить естественнаго хода событій. Плоды всего того, что совершилось съ 1875 года, не могутъ изчезнуть безслѣдно, не могутъ быть вырваны съ корнемъ. Славянство сознало свою силу и стремится къ единенію.

Однимъ изъ примѣровъ проявленія сознанія этаго можетъ между прочимъ служить предполагаемый славянскій конгрессъ въ Прагѣ. На этотъ конгрессъ будутъ приглашены и делегаты славянскихъ народностей венгерской половины Габсбургской монархіи. Задача этаго конгресса будетъ состоять въ томъ, чтобы организовать славянство для борьбы противъ элементовъ враждебныхъ ему въ имперіи. Пора! Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ здѣсь свѣдѣніе о томъ, что Сербія, явившаяся, въ лицѣ

своего Князя, въ Ишлѣ, не склонила, однако, „выю свою“ предъ могучимъ и требовательнымъ сосѣдомъ—Австріей. Мы уже сообщали, что князь Миланъ привезъ туда съ собою проектъ торговаго договора съ этой державой. Теперь оказывается, что Сербія ставитъ въ договорѣ такія условія, которыя вѣнскій кабинетъ считаетъ невозможнымъ принять и, даже считаетъ невозможнымъ продолжать переговоры. Офиціозныя австрійскія газеты тотчасъ же, конечно, заговорили въ угрожающемъ для Сербіи тонѣ, заявляя что Австро-Венгрія съумѣетъ оказать энергическое давленіе на Сербію. Надѣемся, что Сербія найдетъ, гдѣ надо, поддержку, настолько солидную, что будетъ имѣть всю возможность отстоять интересы свои.

Въ германской парламентской сферѣ произошло весьма важное событіе. Одною изъ наиболѣе могущественныхъ, если не самою могущественною, партіей въ рейхстагѣ долгое время была такъ называемая партія націоналъ-либераловъ. Образовавшаяся еще въ 1866 г., усиленная въ 1867—68 гг. либеральными фракціями Гавовера, Гессенъ-Нассау и Шлезвигъ-Голштиніи и достигнувшая, въ 1874 г., апогея могущества и численности (148 членовъ) она служила часто поддержкой князю Бисмарку, въ особенности при осуществленіи главной цѣли его (созданія и упроченія единства Германіи. Эта патріотическая цѣль служила цементомъ, соединявшимъ либеральныя группы различныхъ оттѣнковъ въ одну большую и сильную партію. Великое дѣло объединенія совершено Бисмаркомъ, а потому и связь въ партіи начала ослабѣвать, параллельно чему начали болѣе и болѣе заявлять о себѣ особенности составныхъ группъ, расходясь чаще и чаще съ канцлеромъ по различнымъ мѣропріятіямъ. Связь эта, наконецъ, порвалась и нынѣ партія распалась. Группы, какъ ожидается, примкнутъ къ разнымъ парламентскимъ партіямъ—однѣ къ либеральнымъ, а другія къ умѣреннымъ консерваторамъ.

Въ Ирландіи движеніе среди крестьянъ-арендаторовъ значительно усилилось. Послѣ того какъ правительственный проектъ о вознагражденіи арендаторовъ въ случаѣ отказа имъ отъ аренды, былъ отвергнутъ палатой лордовъ, броженіе приняло чрезвычайные размѣры. Повсюду собираются громадные митинги угрожающаго характера; оружіе раскупается на расхватъ и раздается; въ Коркѣ дѣло дошло уже до того, что на тамошнемъ рейдѣ было произведено нападеніе на датскій корабль, съ цѣлью овладѣть находившимся тамъ грузомъ оружія, что и было достигнуто, а чрезъ нѣсколько дней была произведена попытка взорвать казармы англійскаго гарнизона.

Смѣсь.

Яхта Ливадія, которой рисунокъ былъ у насъ въ № 30, этотъ „плавающій дворецъ“, какъ обыкновенно называютъ это судно, освѣщается 60 фонарями системы Яблочкова. Всѣ сигналы и фарватеръ освѣщены гигантскимъ электрическимъ аппаратомъ. Каждыя двѣ лампы приводятся въ дѣйствіе динамо-электрической машиной Сименса. Поразительное впечатлѣніе, производимое такимъ образомъ освѣщенной яхтой, превосходитъ все, что можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе. Всѣ работы ведутся быстро и точно подъ наблюденіемъ лейтенанта Римскаго Корсакова.

Новый туннель подъ Темзой. Парламентскій актъ, которымъ предполагалась постройка новаго туннеля подъ Темзою, вошелъ въ законную силу. Новое гигантское сооруженіе будетъ проведено между Гренвичемъ и Мильваллемъ. Населеніе этихъ двухъ мѣстностей около Лондона доходитъ въ настоящее время до 259,000 человѣкъ. До сихъ поръ въ дурную и туманную погоду, когда лодки не могли совершать обычныхъ перевозокъ, должностные люди принуждены были пробираться къ Лондонскому мосту, чтобы попасть на другую сторону. Это составляетъ крюкъ въ 12 англійскихъ миль. Новый туннель проходитъ подъ лондонскимъ мостомъ и длиною въ 160 саженъ.

Европейскія войска (постоянный составъ) содержатъ въ себѣ поражающее количество людей. Самая малочисленная постоянная армія черногорская, затѣмъ слѣдуетъ Люксембургъ имѣющій 513 человѣкъ постояннаго войска, далѣе Сербія—4222 человѣка, Румынія—11,613 чел., Норвегія—12,750 чел., съ послѣднимъ государствомъ почти равняется Греція имѣющая 12,000 войска; за нею слѣдуетъ Данія — 18,106 челов., войска, Голландія — 32,000 в., Португалія — 35.733 войска, Швеція—35,504, Бельгія—45,970, Испанія — 100,000, Турція — 150,000, Италія — 220.690, Австро-Венгрія—292,191, Германія—448,821, Франція—496,354 и наконецъ Россія—575,000. Всѣ эти цифры составляютъ европейскую армію, въ мирное время равняющуюся 2,467,444 ч., за исключеніемъ моряковъ составляющихъ кромѣ того еще 200,000 человѣкъ. Ежегодное содержаніе всей такой арміи обходится въ 960 милл. рублей. Если принять во вниманіе, что каждый изъ этихъ непремѣнно здоровыхъ людей могъ бы зарабатывать ежедневно по крайней мѣрѣ скажемъ 60 коп., то названныя государства такимъ образомъ теряютъ ежегодно 1 миллiардъ 920 милліоновъ руб. Сюда не включается еще содержаніе 400,000 кавалерійскихъ лошадей.

Фосфорная краска. Изъ высшаго сорта Кантонскаго фосфора, инженеръ Бальменъ составилъ масляную краску, которая ярко свѣтитъ въ продолженіи долгихъ зимнихъ ночей, если ранѣе того она была подвергнута дѣйствію дневнаго свѣта.

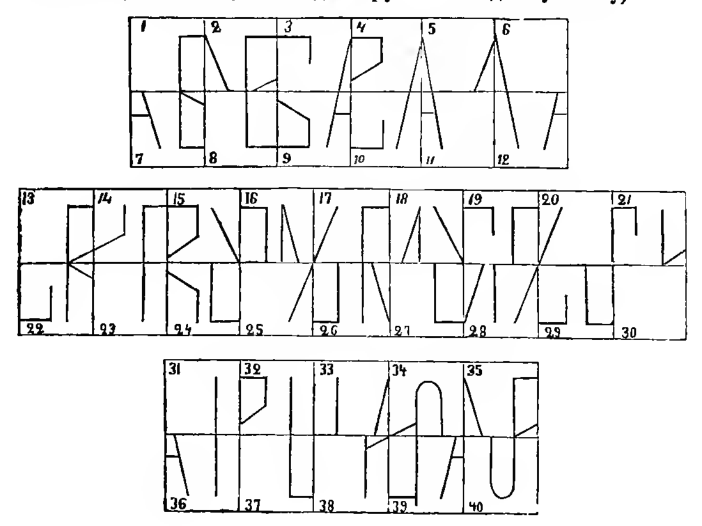
Такъ какъ эта масса повидимому не подвержена вліянію погоды, то ее можно употреблять не только для иллюминацій (освѣщеніе гротовъ, статуй, вензелей), но и для совершенно практическихъ цѣлей, какъ-то: для обозначенія улицъ, указанія путей, надписей, для башенныхъ часовъ, подписей подъ звонками, освѣщенія опасныхъ мѣстъ (пороховыхъ складовъ). Составъ можетъ быть примѣненъ и для освѣщенія желѣзнодорожныхъ тунелей, для чего достаточно выкрасить этой краской внѣшнюю и внутреннюю покрышку вагона.

Нѣчто подобное описано въ китайско-японской энциклопедіи. Въ статьѣ „О живописи“ говорится между прочимъ: „У Зю-Нго была картина съ изображеніемъ быка, который днемъ уходилъ на пастбище а на ночлегъ возвращался въ рамку. Картина эта досталась императору Тан-Тсунгъ изъ династіи Сунговъ (въ 976 по 998 г. по нашему счисленію) который показывалъ картину своимъ придворнымъ и просилъ объясненія какъ это сдѣлано, котораго ему никто не могъ дать. Наконецъ по словамъ буддистскаго жреца, оказалось, что японцы находили свѣтящееся вещество въ тѣлѣ однихъ устрицъ, которое они собирали и смѣшивали съ краской для полученія изображеній невидныхъ днемъ и свѣтящихся ночью. Несомнѣнно, прибавляетъ авторъ энциклопедіи. что выраженіе „быкъ идетъ на пастбище и оставляетъ рамку“ означаетъ, что изображеніе быка было не видно днемъ.

Если желаютъ получить картину или изображеніе видимое и днемъ, напримѣръ, при указаніи путей, то бѣлымъ составомъ слѣдуетъ чертить на черномъ фонѣ.

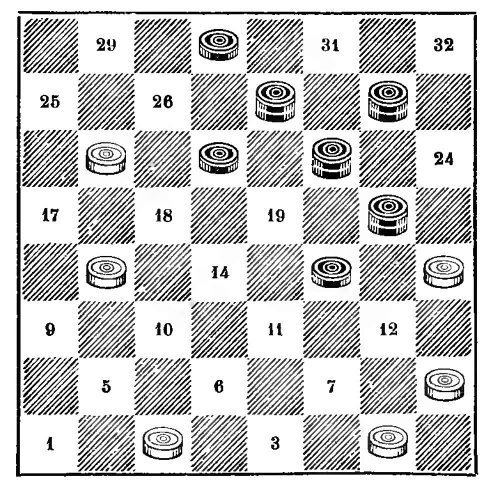
Задача квадратиковъ № 63.

Дано: 40 квадратиковъ, расположенныхъ, какъ показано ниже, въ три группы,—въ каждой по два ряда. Требуется въ каждомъ ряду отдѣльно перемѣстить квадратики такимъ образомъ, чтобы изъ линій, находящихся на поверхности ихъ, составилось три слова (въ каждой группѣ по одному слову).

Шашечная задача № 64.

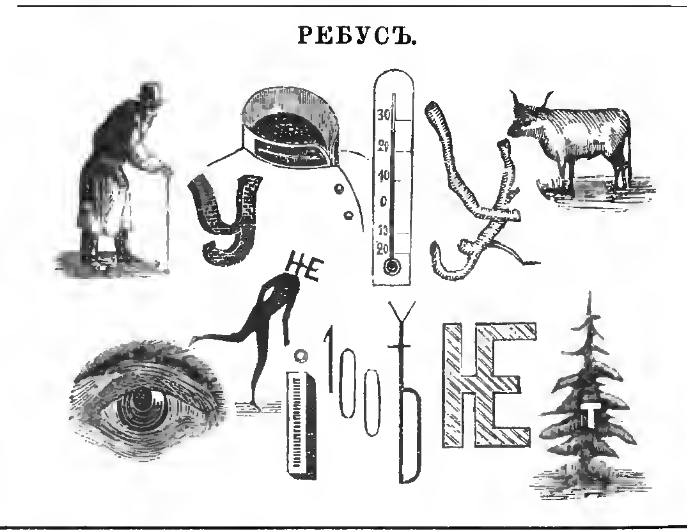
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черную простую.

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Полтава.. С Н—у. Мы уже много разъ заявляли, что непомѣщеніе стиховъ есть уже отвѣтъ.

Харьновъ. Н. П—нову. Переведенная вами статья „Убійство на морѣ" была уже разъ переведена въ Собраніи Романовъ.

Тверь. Само—лову.

Я очень легонъ былъ всегда
Въ любви и отъ одной къ другой
Переходило мое сердце

Но развѣ это такъ интересно, что вы просите *отпечатать*.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою СПБ. 22 августа 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. [illegible] № 10.

XI годъ — № 35

годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модп. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рази. рис. руиод. рабетъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 30 Августа 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Концертный вокзалъ въ Озеркахъ (близъ Петербурга, по Финлянд. ж. д.) Съ фотогр. рис. Шпакъ, грав. М. Рашевскій.

Озерки.

Гулянье близъ Финляндской желѣзной дороги.

Лѣтъ 12 тому назадъ, до открытія Финляндской желѣзной дороги, всякій, проѣзжавшій мимо Шувалова припомнитъ, что они были довольно пустынны: теперь же здѣсь вездѣ закипѣла жизнь — въ окна вагона мелькаютъ, выглядывая изъ лѣсу, хорошенькія новыя дачки, по холмамъ вьются змѣями дорожки садиковъ и рѣзные заборы:—это одно изъ самыхъ быстрыхъ заселеній, какія мы запомнимъ. Красивая мѣстность, недорогое сообщеніе дѣлали эту линію все болѣе и болѣе популярною и тутъ-то нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовалось „Шуваловское дачное товарищество" которое пріобрѣло значительное количество земли въ такъ называемыхъ „Шуваловскихъ мѣстахъ". Трудно было выбрать мѣстность удачнѣе — гористое, самое возвышенное мѣсто около Петербурга, съ сосновымъ лѣсомъ и тремя озерами, раскинувшимися у подножія лѣсистыхъ холмовъ—все это было какъ нельзя болѣе удобно для дачъ и гуляній. Мѣста эти были разбиты товариществомъ на мелкіе участки, которые быстро стали раскупаться, цѣна на участки значительно поднялась и въ короткое время сотни дачъ покрыли берега озеръ. Тогда для приданія еще большей цѣнности этому мѣсту, дѣлавшемуся любимымъ мѣстомъ дачниковъ, товарищество устроило еще здѣсь концертное зданіе, на подобіе Павловскаго, предпріятіе, веденное съ самаго начала весьма удачно и имѣвшее положительный успѣхъ. Совмѣстно съ финляндскою дорогою, товарищество выстроило станцію, назвавъ ее „Озерки" и соединило съ воксаломъ крытою галлереею. Самый воксалъ состоитъ изъ обширной, тысячи на двѣ человѣкъ, залы, устроенной съ большимъ вкусомъ. Кромѣ того есть еще и другая небольшая зала, гдѣ зимою танцуютъ, такъ какъ воксалъ имѣетъ и зимнее назначеніе и туда любятъ ѣздить изъ Петербурга на тройкахъ и устраиваютъ тамъ семейные балики и пикники. Противъ воксала на горѣ выстроена высокая башня-павильонъ, съ которой открывается одинъ изъ обширнѣйшихъ и красивѣйшихъ видовъ на Петербургъ. Оркестръ здѣсь прекрасный, не хуже Павловскаго ни въ какомъ случаѣ, и велся первые годы извѣстнымъ Главачемъ, а нынѣ управляется г. Флиге, талантливымъ капельмейстеромъ и композиторомъ. Въ дни симфоническихъ концертовъ, тысячная, весьма приличная составомъ, публика наѣзжаетъ изъ столицы. Нашъ рисунокъ изображаетъ наружный видъ зданія воксала и мѣста передъ оркестромъ на площадкѣ. Въ августовскія тихія ночи, озаренное множествомъ огней, линіями ползущихъ по горамъ, между темными соснами, съ скользящими по глади озера лодками, отражающимися своими разноцвѣтными фонариками въ водѣ, — гулянье это представляетъ прелестный видъ, не имѣющій того плоскаго характера, къ какому насъ пріучили окрестности Петербурга. Рядомъ съ воксаломъ выстроился большой, правда нѣсколько сараеобразный, театръ, дѣла котораго, повидимому идутъ пока не такъ успѣшно, какъ дѣла сада. Мѣшаетъ нѣсколько поѣздкамъ на это прекрасное гулянье неудобство сообщенія съ воксаломъ желѣзной дороги: на извощикѣ далеко и недешево, а отъ парохода до воксала надо еще идти не очень близко и булыжн комъ мощеными переулками. Но вѣроятно примутъ какія нибудь мѣры къ устраненію этихъ неудобствъ, за что посѣтители гулянья конечно будутъ очень благодарны.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXIX.

Лишняя спица.

Громадный механизмъ завода находился въ непрестанной дѣятельности. Съ утра вертѣлись колеса, приводимыя въ движеніе паромъ, поднимались и опускались поршни, ѣдкій запахъ химическихъ продуктовъ наполнялъ атмосферу: температура стояла высокая; рабочіе въ блузахъ, распоясанныхъ рубахахъ и на босу ногу возились около различныхъ цилиндровъ и котловъ; платиновый кубъ, стоющій нѣсколько десятковъ тысячъ, блестѣлъ, отражая на стѣнкахъ своихъ множество зажженныхъ повсюду газовыхъ горѣлокъ. Въ конторѣ стукали счетами, бѣгали артельщики, скрипѣли перья... Все было погружено въ работу, съ дѣловымъ видомъ смотрѣли въ книги, соображали на счетахъ, писали, дѣлали пробы и приводили въ движеніе паровые механизмы. Надъ всѣмъ этимъ царствовалъ, сидящій въ отдаленномъ и полутемномъ кабинетѣ, хозяинъ завода, съ утра погруженный въ свои многочисленныя занятія, оставляющій ихъ только на короткое время, чтобы дать отдыхъ утомленному мозгу.

Только одна молодая жена хозяина завода оставалась чужда общей дѣятельности этаго обширнаго механизма. Одна она въ этой массѣ людей была безъ дѣла. Быть можетъ она принесла на этотъ заводъ нѣкоторое благотворное вліяніе, смягчивъ суровую дѣятельность своего мужа, внушивъ ему болѣе правильное и гуманное пониманіе своихъ обязанностей и отношеній къ работающему у него люду; но такое вліяніе было косвенно, неопредѣленно, и не могло ее удовлетворить. Всегда она была врагомъ тѣхъ женщинъ, тѣхъ праздныхъ и вредныхъ тунеядокъ, наполняющихъ свой день придумываньемъ множества мелочей, которыми онѣ полагаютъ скрасить жизнь мущинъ, внести поэзію въ ихъ суровое существованіе, на самомъ дѣлѣ занимая этимъ только свой скучающій умъ. Она думала, что жизнь развитаго мущины не нуждается въ мелкихъ украшеніяхъ и побрякушкахъ, что ея главная прелесть въ самомъ трудѣ и что только та женщина будетъ неизмѣнно мила для подобнаго мущины, которая сама подымется до его цѣлей и задачъ, и не его низведетъ до крайнихъ мелочей, тѣшащихъ ея бездѣлье. Давно она привыкла уважать женщинъ занятыхъ, матерей съ великой думою на лицѣ озабоченныхъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Она не была еще матерью, имѣла обезпеченіе и досугъ; въ новой своей обстановкѣ—оказалась лишенною даже и тѣхъ узкихъ хозяйственныхъ обязанностей, которыми занималась живя съ Кожуховымъ. Что ей было дѣлать? Съ испугомъ она вздрогнула, сообразивъ свое положеніе, видимымъ образомъ клонящееся къ тому, чтобы окружающею праздностью довести ее до безжизненнаго, недѣятельнаго прозябанія. Работа кипѣла на заводѣ, въ отдаленномъ кабинетѣ трудился мужъ; одна она оставалась праздною, вела несвязанную ни съ какой опредѣленной цѣлью жизнь.

О своихъ волненіяхъ и тревогахъ она не говорила мужу ни слова... Зачѣмъ? она должна была придумать сама, чѣмъ занять свой скучающій умъ. До свадьбы мужъ говорилъ ей о борьбѣ, которую онъ поведетъ съ своимъ сословіемъ, о томъ протестѣ, который явитъ онъ своимъ примѣромъ, своимъ образомъ жизни, отношеніемъ къ капиталу и труду, явитъ установившимся вѣками правиламъ коммерческой мудрости—не звалъ ли онъ ее на эту борьбу; она пришла къ нему, одѣлась нарядно, окружила себя роскошью; но осталась чужда какой нибудь полезной дѣятельности, пошла по слѣдамъ тѣхъ женщинъ-комерсантокъ, которыя родившись отъ скупыхъ и жадныхъ матерей, усвоивъ внѣшній лоскъ и европейскій покрой платья, праздныя и скучающія, засѣли въ своихъ гостинныхъ, гордыя своимъ богатствомъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь денежный кризисъ въ дѣлахъ ихъ супруговъ—не выгонитъ ихъ изъ этихъ гостинныхъ и не заставитъ попрошайничать у богатыхъ родственниковъ, подающихъ имъ съ проклятіемъ. Мужъ спрашивалъ ее по временамъ, замѣчая ея волненіе и затаенную тревогу, причины которыхъ не умѣлъ объяснить, занятый своимъ дѣломъ:

— Ты скучаешь?.. Можетъ ты хочешь развлеченій?

Она отрицательно качала головой:

— Нѣтъ.

И прибавляла нѣсколько загадочно:

— У меня есть одна забота. Не спрашивай меня объ этомъ. Когда я разрѣшу это—я скажу тебѣ, что меня тревожило.

Онъ умолкалъ, оставлялъ разспросы и терпѣливо ожидалъ, когда она скажетъ ему сама о томъ, что тревожитъ ее. И вотъ этотъ день наступилъ и она сообщила ему, радостная тѣмъ, что наконецъ нашла себѣ дѣло въ общемъ движеніи механизма, которому оставалась до сихъ поръ чужда: ея глаза сіяли, когда она заговорила съ нимъ объ этомъ интересующемъ ее дѣлѣ:

— Мое счастіе омрачилось тѣмъ, что я безполезна, сказала она.

Онъ хотѣлъ ее разубѣдить:

— Что ты говоришь! Развѣ не ты убѣдила меня въ томъ, что я самъ только смутно угадывалъ.

Она подняла вопросительно глаза.

— Ты утвердила меня въ мысли, что мое дѣло имѣетъ назначеніе приносить пользу не одному мнѣ, но всѣмъ, кто принимаетъ въ немъ участіе.

— Этаго мало,—отвѣтила она,—надобно дѣло, а не одни слова... Знаешь: въ обществѣ процвѣтаютъ и крѣпнутъ дурныя стремленія: они опредѣлились, они ясны. Хорошее выражается въ слабыхъ порывахъ, въ видѣ кратковременныхъ увлеченій, является какъ-то смутнымъ и почти недѣятельнымъ. Я нашла этому разгадку.

Онъ взялъ ее за руки и съ нѣжностью смотрѣлъ въ ея глаза:

— Именно?

— Дурное находитъ страшную и сильную опору въ богатствѣ; хорошее—иногда принадлежитъ не имѣющей досуга и средствъ, отвлеченной пріисканіемъ этихъ средствъ—бѣдности. Оттого оно и не достигаетъ той ясности, той опредѣленности, какой достигаетъ въ обществѣ дурное. Вотъ—стремленіе къ наживѣ, къ быстрому обогащенію...

— Ну?

— Оно овладѣло многими, и что нибудь хорошее... оно замараетъ тотчасъ, какъ только его провозгласятъ. Его губятъ въ зародышѣ. Одна надежда на его сохраненіе и ростъ, когда его апостолами станутъ богатые. Христіанство провозглашалось бѣдными, но его водворяли на землѣ государи. Права-ли я?..

Онъ улыбнулся:

— Ты замышляешь реформы...

— Нѣтъ, я хочу быть полезной въ чисто женской и при томъ весьма ограниченной сферѣ... Здѣсь много рабочихъ. Я хотѣла бы, пока они у насъ, чтобы жизнь ихъ шла въ здоровыхъ, гигіеническихъ условіяхъ.

И развила передъ нимъ свой планъ. Она желала бы устроить для работающихъ на заводѣ помѣщеніе... общее для неженатыхъ и отдѣльныя маленькія хозяйства—для семейныхъ. Она будетъ слѣдить за всѣмъ этимъ сама, будетъ стараться, чтобы пища была здорова.

Онъ прервалъ ее:

— Конечно пожелаешь и школу?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—это быть можетъ впослѣдствіи... Пока помѣщеніе, возможно удовлетворительное и питаніе. Было бы полезно еще больницу...

И съ этаго дня занялась работой и болѣе не скучала. Постройку помѣщенія пришлось отложить до лѣта, но устройство столовыхъ, въ которыхъ она сама смотрѣла за доброкачественностью того, что должно было подаваться въ пищу, сдѣлано тотчасъ. Для этаго нашлось помѣщеніе, которое только потребовалось немного пообчистить, купить столы и скамейки, завести различную необходимую для стола и кухни посуду. Въ этихъ хлопотахъ шло незамѣтно время и Катерина Александровна больше не тревожилась мыслью, что она лишняя и не имѣла времени скучать.

XXX.

Неувядаемый цвѣтъ.

Графиня Брумъ и ея дочь просто не знали что и подумать о Гавриловѣ. Какъ! онѣ остались въ Петербургѣ, единственно для него замедлили отъѣздомъ въ деревню, тратились а онъ и глазъ не кажетъ. Черезъ лакеевъ и горничныхъ дамы знали, что Гавриловъ по прежнему занималъ номеръ въ той гостинницѣ, въ которой жили и онѣ сами, что первое время послѣ постигшаго его несчастія, онъ часто выѣзжалъ изъ дому, что затѣмъ засѣлъ въ своемъ номерѣ неодѣтымъ, сидитъ постоянно одинъ, вѣроятно нездоровъ. Графиня-мать, выслушавъ такой докладъ въ интимной бесѣдѣ съ m-elle Додо, завивая передъ зеркаломъ букольки, распространилась на эту тему:

— Какая неосторожность, Додо,—воскликнула она,—мы относились къ нему, какъ къ человѣку холостому!.. И какъ не приходило мнѣ въ голову спросить его женатъ онъ или нѣтъ? Хорошо, что все кончилось благополучно.

Додо промолчала на такое замѣчаніе maman. Она съ одинаковымъ правомъ могла отвѣтить, что ей не больше извѣстно, что Гавриловъ не холостъ, что онъ женатъ, что онъ наконецъ даже дѣдушка. Что-жъ дѣлать, если онъ не далъ ей прямаго отвѣта на когда-то предложенный ею вопросъ? Къ тому-жъ ея кокетничанье могло теперь привести къ хорошему результату и оказывалось не напраснымъ, коль скоро Гавриловъ дѣлался свободенъ. Вмѣсто отвѣта она обратила къ матери мучившій ее вопросъ:

— Что-жъ онъ не идетъ къ намъ, maman?

Графиня пожала плечами:

— Просто, Додо, не знаю, что и подумать.

И приколовъ, наконецъ, свои букольки, вдалась въ нѣкоторыя подробности относительно ихъ настоящаго положенія:

— Теперь шестая недѣля, Додо... Къ празднику во чтобы то ни стало надо уѣхать въ деревню: оставаться долѣе нѣтъ никакой возможности. А онъ нейдетъ! Слѣдовало бы уяснить его дальнѣйшія отношенія къ намъ? Теперь онъ свободенъ, Додо, и могъ бы... Неужели онъ такъ жалѣетъ покойную?

— Maman!

— Ну, мой другъ?

— Знаете что. Вы говорите, что было бы полезно уѣхать въ деревню. Прекрасно; уговоримъ его отдохнуть и успокоиться послѣ постигшаго его несчастія—у насъ?.. Даю вамъ слово, maman, что черезъ мѣсяцъ, много черезъ два, онъ будетъ моимъ мужемъ.

— Это мысль, Додо. Ѣхать надо, какъ можно скорѣе. Но какимъ образомъ мы возьмемъ его, Додо? Вся эта зима, Додо, эти расходы, эти надежды въ конецъ разстроили мою бѣдную голову... Додо, я теряю память и соображеніе, Додо. Какъ поступить теперь, чтобы забрать его съ собою, рѣшительно ума не приложу. А между тѣмъ въ этомъ—твое счастье, твоя будущность, Додо. Подумай:—у тебя свѣжѣе головка.

И въ отчаяніи опустившись въ кресло, графиня поникла головой, испустивъ громкій вздохъ:

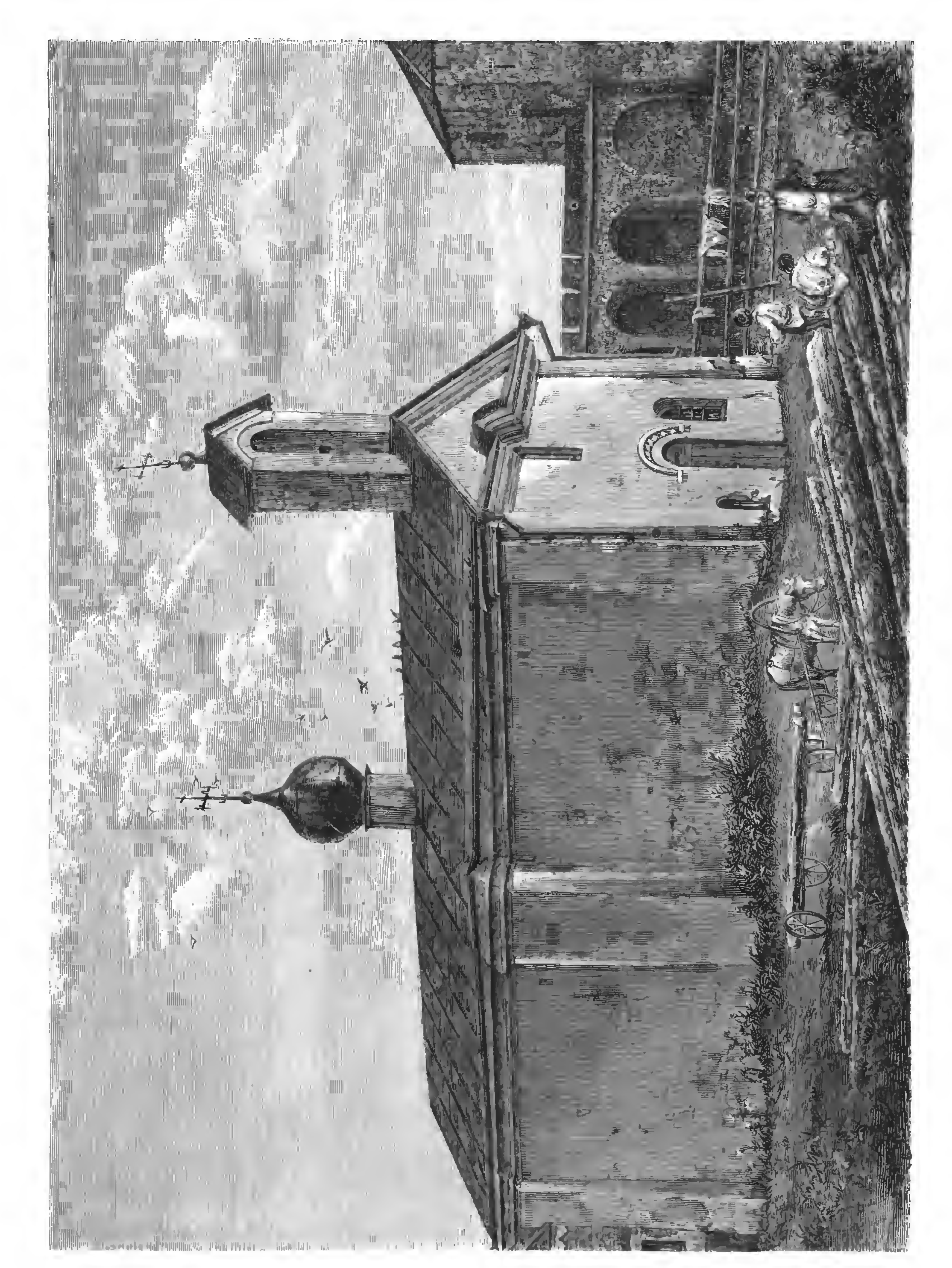
— А онъ нейдетъ!

Тогда остроумная графиня Додо нашлась:

— Очень просто, maman, посовѣтовала она,—онъ другъ нашего дома, у него—горе; вамъ, какъ женщинѣ пожилой совершенно умѣстно и нисколько не предосудительно сходить къ нему и навѣстить его...

— Ты думаешь, Додо?

— Поговорите съ нимъ, какъ мать. Скажите, что убиваться напрасно, грѣхъ, что надо себя поберечь для другихъ... для друзей... Да это вы сами съумѣете, maman. Обо мнѣ что нибудь половчѣе скажите... А потомъ, такъ стороной намекните, что полезно бы было

Новгородъ. Церковь св. Андрея Стратилата. Съ фотогр. Н. Лядова, грав. Флюгель.

Переселенцы. Ориг. рис. Зиновьева, грав. Б. Пуцъ.

ему отдохнуть лѣто, хоть мѣсяцъ, хоть два на чистомъ воздухѣ, въ тишинѣ. Ну, и тутъ ужь сами увидите... Право, такъ бы, maman, сдѣлали?..

— Это—мысль, Додо, оживилась графиня. Но когда это сдѣлать?

— Чѣмъ скорѣе, maman, тѣмъ лучше. Вы сами же говорите, что полезнѣе уѣхать въ деревню.

— Но когда, Додо?

— На вашемъ мѣстѣ, maman,—съ энергіей, приданной отчаяннымъ положеніемъ, воскликнула Додо,—я бы сдѣлала это сейчасъ. Maman, голубушка, одѣвайтесь и идите къ нему. Помните, maman, что отъ этаго зависитъ моя будущность!..

И припавъ къ плечу матери и обнимая ее, почти въ слезахъ воскликнула:

— Ахъ, maman, мнѣ бы такъ не хотѣлось оставаться старой дѣвицей!.,

Ея нервы не выдержали и ослабли до того, что она заплакала. Съ заботливостью нѣжной матери, графиня старалась успокоить плачущую дочь:

— Cessez, Додо, cessez. Я пойду, поговорю... Кто знаетъ? Богъ не безъ милости..:

Додо улыбнулась матери сквозь слезы и подымая голову съ ея плеча, проговорила:

— Идите, maman. Да вы ужь не лишкомъ долго у него. А то я буду безпокоиться. Мнѣ скорѣе хочется узнать, что онъ скажетъ.

Онѣ заторопились. Не призывая горничную, Додо, впервые въ жизни, помогала сама матери дѣлать туалетъ. Она почти утѣшилась и оживленно бесѣдовала съ нею.

— Maman!

— Что мой другъ?

— Вѣдь его жена была богата, не правда-ли?

— Да, Додо...

— Значитъ ему должна достаться, maman, послѣ нея седьмая часть?

— Бизяевъ говорилъ,—грустно склонила голову графиня,—что у покойной главное состояніе было въ деньгахъ, которыя находились при ней и похищены убійцей. Убійца найденъ, но въ преступленіи не сознается. Слѣды капитала потеряны...

— Ахъ, maman!

— Онъ получитъ какую-то часть изъ недвижимаго, но, говорятъ, это вздоръ.

Додо прикалывала maman какой-то бантъ.

— Но быть можетъ, maman, капиталъ найдутъ.

— Быть можетъ.

Одѣвшись и наказавъ Додо быть умной и не слишкомъ волноваться въ ожиданіи ея прихода, графиня завернулась въ шаль и отправилась къ Гаврилову, такъ непонятно позабывшему расположенныхъ къ нему людей и не показывающему къ нимъ глазъ. Дойдя до его номера, графиня послала человѣка, боясь смутить своимъ неожиданнымъ приходомъ Гаврилова, заставъ его неодѣтымъ, спросить, можетъ ли онъ принять ее? Остановившись около двери, ведущей въ его номеръ, она слышала, какъ посланный ею лакей докладывалъ объ ея приходѣ, слышала недовольный голосъ Гаврилова, отвѣчавшій на это что-то и боясь, что Гавриловъ не приметъ, черезъ полуотворенную дверь крикнула ему:

— Êtes-vous visible, mon ami? Нестѣсняйтесь со мной, если не одѣты... Вѣдь я старуха.

И не дожидаясь отвѣта, вошла въ дверь, успѣвъ въ клубахъ табачнаго дыма разсмотрѣть убѣгающаго за перегородку, полураздѣтаго Гаврилова.

— Мы соскучились о васъ, мы больны по васъ. Ахъ какое несчастіе!

Гавриловъ ничего не отвѣчалъ, двигая за перегородкой ящиками и торопливо одѣваясь. Она сѣла на диванъ, погрузившись въ разсмотрѣніе непривѣтнаго номера, мысленно оцѣнивая его суточную стоимость, которую она опредѣлила въ три рубля. Помѣшавъ въ печкѣ, лакей удалился. Она сидѣла, окруженная рыжевато-коричневой мебелью, коричневыми стѣнами, окурками, набросанными повсюду и какими-то обрывками бумаги; сидѣла вздыхая вѣроятно о скукѣ одинокой жизни и ея неприглядности. Номерная жизнь вообще не привлекательна, но мы женщины все таки вносимъ даже въ нее нѣчто. Нѣчто!.. Она не докончила своей мысли, устремивъ взоры на стоящую на окнѣ бутылку коньяку, выпитую до половины. Не выпиваетъ-ли онъ? Женится—перестанетъ; и занялась рѣшеніемъ глубокомысленнаго вопроса, для чего въ этихъ трехъ-рублевыхъ нумерахъ выбрана такая непріятная обивка, гаваннъ? Выгода, разсчетъ. Какъ порыжѣетъ—не такъ замѣтно. Она должна была прервать нить своихъ размышленій, ибо изъ-за перегородки выходилъ Гавриловъ. Съ кресла она протягивала ему обѣ руки.

— Какъ похудѣлъ, какъ похудѣлъ!

Да, онъ дѣйствительно похудѣлъ послѣ своего свиданія съ Кожуховымъ, когда тотъ довелъ его до безвыходнаго положенія, заставивъ изъ-за страха наказанія—разстаться съ капиталомъ, который былъ пріобрѣтенъ такимъ ужаснымъ образомъ. Гавриловъ видѣлъ всѣ свои разсчеты неудавшимися, всѣ свои мечты разбитыми въ прахъ... Немедленно послѣ свиданія съ Кожуховымъ, онъ отыскалъ Ефима и сообщилъ ему обо всемъ происшедшемъ; дѣло касалось одинаково обоихъ и въ случаѣ приведенія угрозы въ исполненіе—оба отвѣчали, насколько одинъ, настолько и другой. Тщетно изыскивали сообщники какого либо средства, которое бы могло избавить ихъ отъ опасности и перебравъ все, что только приходило имъ въ этомъ отношеніи въ голову,—пришли къ трагическому и неизбѣжному выводу, что ничего подѣлать невозможно, что все совершенное ими въ окончательномъ результатѣ должно быть приведено къ нулю, что слѣдовательно придется отдать Кожухову требуемыя имъ деньги, равно какъ и отступиться отъ всякихъ дальнѣйшихъ мѣропріятій въ подобномъ родѣ, могущихъ вести къ обогащенію. Пришлось сбирать сумму, чтобы, собравъ отдать ее Кожухову; такимъ образомъ и поступили. Сашка оставался чуждъ этимъ событіямъ; немедленно по совершеніи преступленія, онъ явился снова въ исправительный пріютъ; притворно плача, Сашка валялся въ ногахъ смотрителя, прося простить его и снова принять въ число питомцевъ пріюта, ссылаясь на какихъ-то недобрыхъ людей, сманившихъ было его къ себѣ, отъ которыхъ онъ убѣжалъ будто бы потому, что чувствовалъ въ себѣ непреодолимое желаніе исправленія, тогда какъ „недобрые“ люди влекли его къ дурному. Смотритель донесъ объ этомъ директору тюремнаго комитета, который по совѣщаніи съ своимъ дѣлопроизводителемъ, а затѣмъ по обсужденіи вопроса о Сашкѣ въ собраніи комитета, изъявилъ согласіе на пріемъ бѣжавшаго было питомца, вновь въ пріютъ, обязавъ священника, посѣщающаго воспитанниковъ пріюта, сдѣлать внушеніе вернувшемуся вспять. Такимъ образомъ Сашка поселился въ пріютѣ вновь, проводя дни въ бездѣльи и скукѣ, гадая и по временамъ рѣжась въ „носки“, ожидая въ тоскѣ новаго случая, который бы далъ ему возможность развернуть свои богатыя способности. Ефимъ съ проклятьемъ отдалъ взятую имъ часть капитала, лишившись возможности не только получить когда-либо должныя ему Гавриловымъ деньги сразу, но и по частямъ, какъ это дѣлалось, пока Клеопатра Петровна оставалась въ живыхъ, и платила мужу ежемѣсячное содержаніе. Такимъ образомъ въ результатѣ Ефимъ и Гавриловъ оказывались не только что либо выигрывшими, но безвозвратно потерявшими даже и то, что имѣли до сихъ поръ: Ефимъ—возможность полученія должныхъ ему Гавриловымъ денегъ, хотя и медленнаго, а Гавриловъ—ежемѣсячно выдаваемое ему женою жалованье. Богатство, свобода про-

мелькнули только на мгновеніе: суровая проза, безденежье и долгъ въ Grand Hôtel'ѣ за помѣщеніе и столъ, долгъ лихачу Федору, долгъ портному—вотъ все, что осталось Гаврилову въ удѣлъ. Придумывать что нибудь новое—было рискованно, да и голова какъ-то стала отказываться измышлять что нибудь въ родѣ берлинскаго займа и петербургскаго преступленія, этихъ двухъ конечныхъ звеньевъ одной и той же цѣпи, составленной изъ ряда обмановъ, различныхъ вымогательствъ, ловкихъ игръ на билліардѣ у Доминика, запретныхъ игръ въ карты по разнымъ притонамъ... Ахъ, для всего этаго нужна молодость! Въ какомъ-то отчаяніи, безъ гроша денегъ, этотъ праздный человѣкъ, умѣющій пустить пыль въ глаза, засѣлъ въ своемъ номерѣ, уничтожая папиросу за папиросой, съ утра поглощая по рюмкамъ коньякъ, не съѣдая почти ничего, засыпая и просыпаясь съ ощущеніемъ какой-то странной тревоги, съ учащеннымъ сердцебіеніемъ, туманомъ и тяжестью въ головѣ. По вечерамъ онъ терялъ повидимому полное и ясное сознаніе; сидя въ креслахъ и машинально выкуривая папиросу за папиросой, выпивая рюмку за рюмкой, онъ недвижно устремлялъ глаза въ пространство между двухъ зажженныхъ свѣчей: вначалѣ онъ видѣлъ въ этомъ пространствѣ различные предметы, — стѣну, зеркала, окна, — но потомъ все это заливалось темнотою, самыя свѣчи исчезали, онъ погружался вмѣстѣ со всѣмъ его окружающимъ во мракъ, изрѣдка прорѣзываемый какими то слабовато свѣтящимися красными кругами. Ни малѣйшаго желанія выйти изъ подобнаго состоянія у него не являлось; тяжелый сонъ приходилъ ему на выручку, заставалъ его гдѣ попало, приковывалъ къ мѣсту... Съ болѣзненнымъ содроганіемъ просыпался онъ, тянулся дрожащими руками къ ящику съ папиросами, закуривалъ, наливалъ себѣ новую рюмку и погружался въ безцѣльное смотрѣніе въ пространство между двухъ свѣчей...

Видя передъ собой графиню, которую уже думалъ болѣе нигдѣ не видѣть, онъ чувствовалъ, что будетъ не въ силахъ разыграть передъ нею какую нибудь изъ прежнихъ ролей, неоднократно разыгрываемыхъ имъ въ недавнее время передъ нею и ея дочерью... Отъ отсутствія правильнаго питанія и отъ чрезмѣрно выпиваемаго количества вина, онъ настолько ослабъ нервами, что когда графиня встрѣтила его возгласомъ объ его судьбѣ, онъ вдругъ, не привѣтствуя ее, опустился на первый попавшійся стулъ, вѣки и мускулы его лица задергались, и, не въ силахъ будучи сдерживаться, онъ заплакалъ какими-то совершенно женскими слезами... Графиня объяснила эти слезы по своему. Она подбѣжала къ Гаврилову, схватила его руки и сжимая ихъ, утѣшала его:

— Какъ!—воскликнула она,—такой умный человѣкъ —и такъ отдается горю!.. Ахъ, у васъ еще много впереди!.. Къ тому-же вы не жили съ вашей супругой, слѣдовательно,—простите старуху, я пряма, я откровенна, —слѣдовательно она была не вполнѣ хорошая женщина?.. Она васъ не умѣла оцѣнить, мой другъ... Полноте; отрите ваши слезы—не будьте малодушны!..

Онъ не отвѣчалъ ничего... Ей казалось, что она вѣрнѣе достигнетъ той цѣли, ради которой пришла къ нему, если вырветъ изъ его воспоминанія образъ той, о которой онъ такъ скорбѣлъ... Она набросилась съ нѣкоторой торопливостью и неприличіемъ на память покойной Клеопатры Петровны, которую не знала:

— Я понимаю, мой другъ, что вы избѣгали говорить о ней, когда она была жива... Простите за правду: она дурная женщина и вѣроятно еще худшая жена... Какъ воспитала она эту племянницу!.. Объ этомъ говоритъ весь городъ...

Слезы облегчили его и онъ получилъ какую-то мерцающую способность слѣдить за ея словами... Видя, что онъ не плачетъ, она сама налила ему стаканъ воды и поднесла... Ощущая странную и мучительную боязнь выронить стаканъ, если онъ возьметъ его въ руки, онъ потянулся къ нему, какъ маленькій, губами и жадно глоталъ воду, вслушиваясь въ то, что говорила ему графиня:

— Она выдала свою племянницу сперва за Кожухова, котораго та не любила, потомъ продала ее, говорятъ, Пантелѣеву, милліонеру-заводчику, и подѣлилась съ Кожуховымъ... Отрите ваши слезы: о комъ вы плачете?! Такихъ людей—рано или поздно всегда ожидаетъ дурной исходъ...

Вяло дѣйствующею мыслью онъ понялъ, что она клевещетъ на его жену... Очевидно, рѣчь шла о Катеринѣ... Онъ понялъ, что ему надо наконецъ что нибудь сказать и онъ спросилъ графиню:

— Какъ поживаетъ m-elle Додо?

— Merci... Собираемся въ деревню: весна такъ хороша тамъ!.. Моя дѣвочка строитъ планы на вашъ счетъ...

— На мой счетъ?

— Да... Мы хотимъ насильно увезти васъ съ собой.. Пожалуйста, безъ возраженій!.. Додо говоритъ, что она употребитъ всѣ усилія, чтобы отвлечь васъ отъ мрачныхъ мыслей... Вѣрьте, вѣрьте, m-r Гавриловъ, что хорошій деревенскій воздухъ, зелень, молоко возстановятъ ваши силы и черезъ мѣсяцъ жизни въ деревнѣ—вы достаточно окрѣпнете для борьбы, для пользы и для труда..

Онъ слѣдилъ за ея внушительнымъ носомъ, которымъ она поводила въ воздухѣ... хорошій деревенскій воздухъ!.. его разстроенному виномъ воображенію улыбнулась перспектива поселиться на хлѣбахъ этихъ дамъ, ровно ничего не дѣлая... Я что-то слишкомъ осовѣлъ, —подумалъ онъ,—это съ коньяку... Силы, если такимъ именемъ возможно назвать его тунеядные инстинкты, просыпались въ немъ... Она права: слѣдуетъ отдохнуть... Далеко, далеко еще не все покончено!.. Надо гдѣ нибудь достать тысячи полторы, двѣ; расплатиться и дѣйствительно сѣсть на иждивеніе этихъ дамъ... Теперь онъ свободенъ... Конечно, ему смѣшно гнаться въ настоящее время за аристократизмомъ m-elle Додо; на него сытъ не будешь!.. Можно конечно придержать m-elle Додо нѣкоторое время въ увѣренности, что онъ женится на ней, что онъ ведетъ линію, что онъ получитъ знатный кушъ послѣ жены; но хорошо будетъ присмотрѣть въ это самое время какую нибудь купчиху Облепихину, съ полумилліоннымъ капиталомъ... Только вотъ выбраться бы! Чортъ, право, этотъ Кожуховъ! хоть бы онъ мнѣ на разживу тысячи полторы оставилъ... Онъ вдругъ наклонился къ графинѣ и съ теплою признательностью поцѣловалъ ея руку.

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть m-elle Додо...

— Она васъ ждетъ,—встала графиня, радуясь, что ея миссія увѣнчивается успѣхомъ.—Пойдемте: вамъ не слѣдуетъ оставаться одному... Я васъ не спущу съ своихъ глазъ... Allons...

И любезно смѣясь, всунула свою руку въ его и пошла съ нимъ къ Додо... У дверей номера, занимаемаго графиней, они услышали замирающіе звуки піанино. Осторожно пріотворивъ дверь, графиня указывала Гаврилову на играющую Додо:

— Она мечтаетъ... Смотрите, какъ граціозна!..

Онъ видѣлъ Додо, то высоко поднимающую надъ клавіатурой руки и откидывающуюся назадъ корпусомъ, то припадающую, то перебрасывающую правую руку черезъ мѣрно и однообразно аккомпанирующую въ басу лѣвую... Онъ видѣлъ Додо и притворился, что слушаетъ ея игру со вниманіемъ не меньшимъ того, съ какимъ вслушивалась графиня въ это надоѣвшее ей до тошноты rêverie Розеллена, одинаково опротивѣвшее и внимательно слушающей матери и увлеченной мелодіей пьесы дочери... Но не Додо, не ея игра занимали его нѣсколько прояснившуюся голову... Нѣтъ!.. Рѣшено что онъ ѣдетъ къ нимъ! Деревенскій воздухъ, бездѣлье, ѣда... Можетъ— купчиха Облепихина... Но денегъ, денегъ на подъемъ?. А!!

— Bravo, bravo, chère Додо!—зааплодировала графиня, истощивъ свое терпѣніе выслушать прелестное reverie до конца и прерывая шумно выраженнымъ восторгомъ дочь на серединѣ.

Съ улыбкой онъ шелъ къ Додо, протягивая ей руки.. Графиня спѣшила порадовать сдѣлавшуюся пунсовою дочь:

— Онъ—нашъ, Додо.

— Я—вашъ,—поникъ онъ передъ молодой графиней, нѣжно пожимая ея ручку, смотря на нее, но съ радостно бьющимся сердцемъ, думая о томъ, что вѣдь онъ нашелъ, право, ей Богу нашелъ, гдѣ перехватить ему деньжонокъ!.. Она дастъ не тысячу, не полторы,—она дастъ —три, пять, десять!.. О несомнѣнно дастъ!..

— Я соскучился по васъ, m-elle Додо...

XXXI.

Посѣтитель.

Катерина Александровна засмотрѣлась на яркіе солнечные лучи, стаивающіе не особенно тщательно счищаемый въ отдаленной части города, гдѣ находилась фабрика ея мужа, съ улицы снѣгъ... Впервые она встрѣчала наступающую весну такъ счастливо, какъ теперь.. Ей было невыразимо пріятно любоваться на свѣтло-голубое небо, съ проскальзывающими на немъ тонкими, полупрозрачными облачками, на болѣе и болѣе чернѣющій и становящійся рыхлымъ снѣгъ, перемежающійся большими островами черноватой грязи, на стекающую въ канавы грязноватую воду... Стоя въ своей гостинной, обращенной окнами на двѣ стороны и затопляемой въ ясные дни солнцемъ,—уставленной по окнамъ и стѣнамъ множествомъ цвѣтовъ, Катерина Александровна смотрѣла на ярко освѣщенную зелень разнообразныхъ формъ, оттѣнковъ и окрасокъ листьевъ, смотрѣла въ какомъ-то мечтательно радостномъ настроеніи, забываясь среди пестроты окружающихъ ея рисунковъ, освѣщеній и отбрасываемыхъ на полъ и стѣны тѣней отъ того или другаго колоссальнаго листа странной и причудливой формы... Все это волновалось и двигалось вокругъ нея, вмѣстѣ съ передвиженіемъ солнечнаго луча... Голубыя занавѣси отбрасывали на гостинную нѣжные голубоватые оттѣнки; преломившійся въ стеклянныхъ подвѣскахъ каделябра солнечный лучъ игралъ на потолкѣ ярко окрашенной радужной полоской; черезъ зеркальныя стекла рамъ виднѣлось небо, голубое небо, далеко распростирающееся вдаль надъ огромнымъ и некрасивымъ пустыремъ, въ концѣ котораго дымили высокія трубы какой то фабрики, приходящейся какъ разъ противъ Пантелѣевскаго дома... Изъ ближней церкви доносился великопосный благовѣстъ къ преждеосвященной обѣднѣ...

Катерина Александровна не замѣтила и не слышала, какъ въ гостинную вошелъ степенной наружности лакей и кашлянулъ, желая что-бы барыня обернулась, такъ какъ она стояла къ нему спиною и смотрѣла въ окно... Какія-то птицы, описывая все уменьшающіеся и уменьшающіеся круги, спускались на уцѣлѣвшее среди пустыря, на самой его серединѣ, дерево... Двѣ птицы усѣлись, закричали что-то, точно приглашая присѣсть и остальныхъ, кружащихся около... Эти послѣднія какъ-то разомъ защебетали въ отвѣтъ, вѣроятно возражая что-то, описали около дерева нѣсколько круговъ и поднялись спиралью къ небесамъ... Присѣвшія птицы посмотрѣли вслѣдъ имъ, попрыгали съ вѣтки на вѣтку, чирикнули, взвились вслѣдъ за своими спутниками и скрылись изъ глазъ смотрѣвшей за ними Катерины Александровны...

— Какой-то господинъ проситъ позволенія васъ видѣть,—возвысилъ голосъ лакей.

Она обернулась въ нѣкоторомъ изумленіи:

— Кто такой?

— Фамиліи не сказали. Говорятъ по очень важному дѣлу...

— Спросите фамилію.

Она сѣла въ ожиданіи возвращенія лакея на диванъ, стоящій какъ разъ противъ двери... На голубомъ фонѣ шелковой обивки строгой прелестью классической статуи выдѣлилась ея, одѣтая въ темный кашемиръ, высокая фигура съ прелестнымъ опалово блѣднымъ лицомъ, съ зачесанными назадъ черными волосами, собранными въ густую и толстую косу... Думая о томъ, кто-бы такой могъ ее спрашивать, въ разсѣянности она отстегнула великолѣпный бриллiантовый браслетъ, сдѣланный въ видѣ свободно-охватывающей руку нити и вертѣла его... Это былъ единственный, правда роскошный и стоящій многихъ, подарокъ ея мужа, съ которымъ она не разставалась, хотя вообще не особенно любила украшенія... Въ дверяхъ снова показался лакей.

— Господинъ Гавриловъ.

Она вопросительно подняла голову и ея первымъ движеніемъ было отказать посѣтителю... Она впервые, послѣ долгаго промежутка времени, припомнила указаннаго ей въ театрѣ Клеопатрой Петровной, высокаго, черноволосаго мужчину, сидящаго въ одной изъ ложъ бэль-этажа съ двумя дамами. Она вспомнила теперь о томъ невыгодномъ впечатлѣніи, которое произвела на нее физіономія этаго господина, вообще довольно красивая, но съ оттѣнкомъ чего-то вывѣсочнаго, пошловатаго и трактирнаго. Что ему надо? Его отношенія къ Клеопатрѣ Петровнѣ были ей извѣстны: она знала, что покойная давно съ Гавриловымъ не жила, что онъ вообще никогда не любилъ ее... Какъ мало она ни думала объ этомъ человѣкѣ, но у нея всегда пробуждалось при его имени нѣчто похожее на отвращеніе... Зачѣмъ онъ пришелъ къ ней?.. Впрочемъ какое же право она имѣетъ ему отказывать?.. Она отвѣтила лакею:

— Просите.

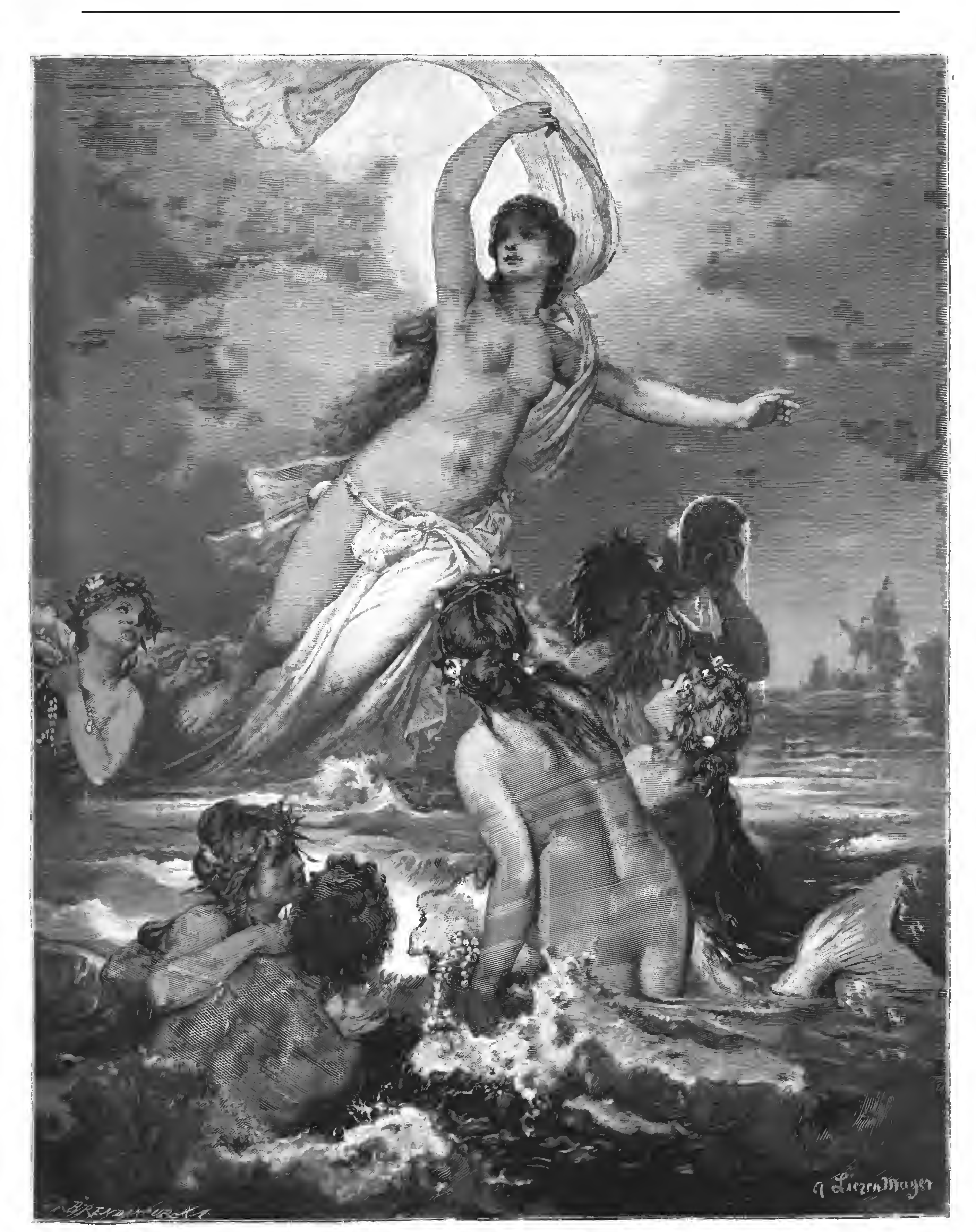
И осталась сидящею на диванѣ, разсѣянно играя ниткою бриллiантовъ... Въ залѣ послышались шаги; она не перемѣнила положенія своего на диванѣ, но блѣдная рука ея упала съ бриллiантомъ на темный кашемиръ платья... Она подняла свое, нѣсколько кажущееся гордымъ, особенно съ мало и совершенно незнакомыми людьми, лицо и повернула его къ дверямъ гостинной... Лакей, наемный слуга, смѣлѣе входилъ въ ея присутствіи, чѣмъ въ какой-то пришибленной до утрировки позѣ остановившійся между шелковыхъ драпри этотъ высокій, черноволосый мужчина, съ приниженнымъ видомъ заглядывающій изъ зала въ гостинную... Такая манера непріятно поразила ее и холодно и сухо она пригласила, не вставая съ дивана, замедлившагося на порогѣ гостя:

— Войдите...

Тогда онъ вошелъ... Ея сердце вздрогнуло, когда она увидала, какъ не сводя съ нея какъ-бы умиленно любящихъ глазъ, онъ близился къ мѣсту, на которомъ она сидѣла... Казалось вотъ-вотъ подойдетъ онъ, возьметъ ея голову въ руки и съ нѣжностью старшаго брата, отца, поцѣлуетъ ее... Кровь бросилась ей въ голову и положительно чувствуя къ этому человѣку презрѣніе и отвращеніе смѣшанное съ гнѣвомъ, она должна была сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы ограничиться возможно сухимъ и холоднымъ вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

Она указывала ему кресло—не то, которое стояло около нея, а на болѣе далекомъ разстояніи. Но онъ не сѣлъ.. На его глазахъ навернулись слезы, хотя на душѣ у него было ясно и спокойно... Играя свою роль, онъ успѣлъ разсмотрѣть богатое убранство гостиной, успѣлъ разсмотрѣть и мысленно опредѣлить цѣнность лежавшаго на колѣняхъ Катерины Александровны браслета, какой-то чарующей, невидимою силой приковывающаго къ себѣ его взглядъ... Горькая улыбка проскользнула на его лицѣ, какъ бы жалующаяся на несправедливость холоднаго пріема. Поникнувъ головой и держась рукой за спинку кресла, на которое она приглашала его сѣсть, онъ соб-

„Лузіада" Камоэнса. Вечера и дріады (пѣснь IX ц. 50). Съ картины Лицен-Майера, грав. Брендʼ Амуръ.

рался съ силами, что-бы отвѣтить ей глухимъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Если бы вы знали, кто стоитъ передъ вами—вы не такъ бы меня приняли...

Она подняла опущенную голову:

— Кто?

Тогда Гавриловъ съ чисто мелодраматическимъ пріемомъ, плохо и даже не въ надлежащемъ тонѣ разыграннымъ, простеръ къ ней свои руки и совершенно какъ въ французскихъ мелодрамахъ, воскликнулъ:

— Я—отецъ вашъ!

Въ невольномъ ужасѣ, побѣдить который была повидимому не въ силахъ, она отодвинулась отъ того, кто звалъ ее въ свои родительскія объятія...

— Что?!

Ея голосъ дрогнулъ... Ни на мгновеніе она не утратила настолько ясности сознанія что бы не видѣть фальшивости взятаго имъ тона... Брезгливое чувство непріязни шевельнулось въ ней къ человѣку, который далъ ей жизнь. Ахъ неужели это отецъ мой? воскликнула она въ душѣ... Рядомъ съ этимъ чувствомъ непріязненности къ человѣку, который стоялъ передъ ней, рядомъ съ ощущеніемъ какой-то горечи, вызванной въ ней открытіемъ такого отца, въ ней проснулось и зашевелилось никогда до сихъ поръ ею неиспытанное чувство жгучаго любопытства открытія тайны, которую она привыкла считать похороненною навсегда... И вдругъ эта тайна объявлялась ей съ такимъ искусственнымъ, мелодраматическимъ пріемомъ!.. Недоставало только pianissimo оркестра, чтобы сдѣлать сходство этаго событія съ поставленною на сценѣ мелодрамой... Это неправда, это ложь! не можетъ быть, что бы передъ нею стоялъ ея отецъ! Ея отецъ!.. Вздрогнувъ, она прислушалась къ тому, что онъ говоритъ, стараясь не глядѣть на него, въ разсѣянности вертя въ своихъ прелестныхъ рукахъ, до сихъ поръ лежавшій на ея колѣняхъ, браслетъ.

— Вы имѣете полное право сомнѣваться въ томъ, что я вашъ отецъ... Я не смѣю назвать васъ даже именемъ дочери... Но есть люди, которые могутъ доказать справедливость моихъ словъ...

Она сдѣлала рукою жестъ, означающій нежеланіе съ ея стороны слышать подтвержденія того, что онъ говорилъ... Зачѣмъ это? Въ виду крайняго недовѣрія внушаемаго ей наружностью и манерами стоящаго передъ нею человѣка, было странно, что она какъ-то вдругъ увѣровала, что онъ говоритъ правду... Въ ней шевельнулся вопросъ о матери и ея сердце забилось при этомъ, какою-то щемящею радостью... Поднявъ на него увлажненные слезами глаза, она какъ-то особенно кротко спросила:

— Кто была мать моя? Жива-ли она?

Она поймала его приковывающійся къ искрящейся ниткѣ брилліантовъ взглядъ и улыбнулась улыбкой сожалѣнія и презрѣнія къ этому человѣку. Онъ кажется понялъ ея улыбку, придалъ глазамъ своимъ прежнее выраженіе умиленія и нѣжности и отвѣтилъ на ея вопросъ:

— Жива.

— Кто она?

Въ томъ хаосѣ пошлости и безсердечнаго отношенія къ ней этаго сильнаго, рослаго и до сихъ поръ не стараго отца, она представляла себѣ, какъ нѣкоторый якорь спасенія, какъ поддержку въ той безднѣ, въ которую толкало ее отчаяніе, навѣянное на нее открытіемъ своего происхожденія—представляло нѣжный и кроткій образъ загнанной и робкой матери... Не она, не мать рѣшилась пріидти къ ней, богатой и обезпеченной!.. Быть можетъ она издали, не смѣя подойти къ ней, слѣдила не однажды робкимъ и нѣжнымъ взглядомъ за нею... Можетъ она была въ числѣ тѣхъ бѣдно одѣтыхъ женщинъ, которыя смотрѣли на ея свадьбу?.. Съ затаеннымъ дыханіемъ она ждала его отвѣта... Кто она?!

— Тетка вашего перваго мужа,—Кожухова...

— Что?!. Сильнымъ, нервическимъ движеніемъ рукъ она разорвала спайки брилліантовой нити... Жемчужинки, обрамляющія брилліанты, выпали изъ оправы, разсыпавшись въ сѣрую пыль... Вотъ она, эта нѣжная и робкая мать!.. не изъ робости, не изъ нерѣшительности она не пришла къ ней а изъ гордости... Въ ея воспоминаніи мелькнулъ недоброжелательный, какой то враждебный взглядъ, устремленный не нее матерью, когда Батракову вздумалось ее представить той. Что-то шевельнулось въ ея душѣ холоднымъ и какимъ то скользко непріятнымъ чувствомъ. У ней не было до сихъ поръ родителей: ну, вотъ, она нашла ихъ!.. Вдругъ ее поразила одна мысль и вставъ съ своего мѣста и сдѣлавъ шагъ къ отцу, смотря на него какъ-то вызывающе строго, точно сбираясь судить его за что-то, она схватила его руку и прошептала:

— А тотъ несчастный?.. Онъ вашъ сынъ; неужели-же онъ братъ мой?..

Она спрашивала о Бариновѣ, о которомъ знала изъ газетъ... Гавриловъ наклонилъ утвердительно голову...

— Да.

— И онъ,—упорно смотря въ глаза отцу, точно допрашивая его, отчетливо раздѣльно спросила она,—дѣйствительно убилъ?..

И вдругъ, бросивъ руку, которую держала, какъ бы пораженная какой то внезапно-пришедшей ей въ голову мыслью, отошла отъ него и остановила нетерпѣливымъ жестомъ готовый сорваться съ его языка отрицательный отвѣтъ...

— Не надо, не говорите ничего...

И опустила на минуту свою голову... Ахъ, для чего въ этотъ міръ счастья, въ ея чистый міръ, ворвалось все это?!. Вотъ передъ нею ея родители: о *нихъ*, о дѣтяхъ не думали, *ихъ* бросили, да когда бросили-то!.. Когда слабое зрѣніе не было еще ясно, когда нѣжныя ручки не умѣли сдерживать самаго легкаго предмета, когда были имъ неизвѣстны, непонятны ни цвѣтъ, ни звукъ, ни форма.. Когда они улыбались всѣмъ... Несчастныя, несчастныя дѣти!.. Недавно она читала въ газетахъ, какъ оставленный на попеченіи повивальной бабки, десятилѣтній малютка, обращеніемъ этой бабки былъ доведенъ до того, что выбросился изъ окна третьяго этажа на мостовую.. Почему этаго несчастнаго мальчика родители предпочли отдать на истязаніе, скрывая себя, почему они не выбросили его изъ окна сами?.. Боялись отвѣта, боялись суда!.. Не тоже-ли сдѣлали съ нею и ея братомъ —*ихъ* родители?.. И зачѣмъ, бросивъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы, они пришли къ ней, къ нему?.. Что имъ нужно?.. Съ горящими негодованіемъ глазами, съ раздувающимися ноздрями, она стояла передъ нимъ, облитая голубоватымъ свѣтомъ оконныхъ драпри, негодующая и карающая...

— Зачѣмъ же вы пришли сюда?—съ гнѣвомъ вскричала она;—неужели вы думаете найдти во мнѣ какое нибудь чувство къ себѣ?.. Ни любви, ни сожалѣнія,—ничего нѣтъ въ этомъ сердцѣ, которое съ ужасомъ бьется при видѣ вашемъ... Какъ дочери, мнѣ страшно было бы обращать упреки къ родителямъ своимъ; но вы не воспитали во мнѣ дочернихъ чувствъ привязанности, уваженія и любви, а потому я могу судить васъ, какъ совершено постороннихъ мнѣ людей...

Она заломила свои прекрасныя руки.

— Чего вамъ надо отъ меня? Я покинута и выброшена вами на улицу... Вѣдь, когда вы подсунули меня къ вашей покойной женѣ—была зима, разсказываютъ была мятель... И вы отецъ, и какая она, эта женщина, мать!.. Затѣмъ вы бросили меня... Легко было прожить въ чужомъ домѣ? Тяжела благодѣтельствующая рука, подаяніемъ отзывается она... Но оставлю рѣчь о себѣ: что я? я теперь независима, я свободна, знаю только одного моего мужа.. нѣтъ, не о себѣ... но послушайте... послушай-

те, что вы съ тѣмъ, съ сыномъ своимъ сдѣлали?.. Его вы до чего довели?!

И отступивъ отъ посѣтителя, смотря пристально въ его глаза, прибавила, какъ-то задумчиво, точно разбирая что-то написанное не вполнѣ ясными на его лицѣ чертами:

— Чтобы искупить вину свою передъ сыномъ, я бы на вашемъ мѣстѣ себя самаго убійцей назвала... сказала бы: не онъ убилъ... убійца я!

И махнувъ рукой, стихла и холодно обратилась къ нему:

— Вы не сказали зачѣмъ пришли?..

Съ самаго начала прихода своего онъ не садился и продолжалъ стоять, положивъ руку на спинку кресла... Его умиленно любящіе глаза опустились во время ея гнѣвнаго и горячаго обличенія... Теперь онъ поднялъ ихъ на нее съ выраженіемъ смиренной мольбы... Онъ хотѣлъ было еще разъ попытаться обмануть ее ласковыми словами, мнимой нѣжностью родителя, которой она ни на волосъ не вѣрила, но остановился передъ смотрящими на него съ непріязнью и недовѣріемъ ея черными глазами. Тогда онъ счелъ болѣе удобнымъ говорить съ ней проще и обратился дѣйствительно съ большой скромностью и естественностью:

— Я пришелъ просить о помощи...

Она еще разъ махнула ему рукой, не желая слышать отъ него какой нибудь новой лжи... Она придумывала, что-бы ему дать и увидѣвъ разорванную брилліантовую нить, оставленную ею на диванѣ, указала ему на нее издали:

— Возьмите... У меня болѣе ничего нѣтъ своего собственнаго...

Съ ярко блеснувшими глазами онъ схватилъ съ дивана нить и проворно спряталъ ее, не произнеся ни слова благодарности, въ карманъ... За минуту готовый унижаться изъ за какихъ нибудь двухъ, трехъ тысячъ, почувствовавъ въ своемъ карманѣ цѣлыхъ десять, если не болѣе,—онъ ощутилъ въ нахальномъ сердцѣ какое то желаніе оскорбить свою неприступную и гордую дочь... Она дала ему, что могла: чего-же онъ ждетъ еще?.. говорило ея лицо... Стоя передъ нимъ и гордо смотря на него, она сказала ему:

— Идите. Оставьте меня...

— Сейчасъ уйду,—какъ-то дерзко и отрывисто заговорилъ онъ, выставляя одну ногу впередъ и закладывая руку за бортъ жилета,—но хочу оправдаться. Вы, почтительная дочь моя, обвиняете меня въ пренебреженіи моими родительскими обязанностями въ отношеніи васъ и вашего брата; пусть такъ... Но позвольте мнѣ замѣтить, что люди, почти не менѣе близкіе къ вамъ чѣмъ я, поступали не лучше... Ваша воспитательница...

Она прервала его:

— Эта посторонняя женщина сдѣлала для меня много...

— Вашъ мужъ...

Она подняла голову. О комъ говоритъ онъ? О Кожуховѣ? Конечно, онъ говоритъ о немъ!..

— Вашъ мужъ, свято-ли онъ понималъ свои обязанности?.. Одинъ раскольникъ, человѣкъ невѣжественный, молоканъ, говаривалъ мнѣ: жена намъ не волъ яремный, а помощница и подпора, другъ и сотоварищъ въ сей юдоли горькой.“ Молоканъ, человѣкъ невѣжественный-съ!.. Вашъ супругъ—университетъ прошелъ, а какъ смотрѣлъ — онъ на васъ?.. Кабы онъ видѣлъ въ васъ друга и сотоварища въ сей юдоли горькой—не продалъ бы онъ васъ, какъ вола яремнаго, господину Пантелѣеву... не продалъ... Да и господинъ Пантелѣевъ-съ, если вы что нибудь большое для него представляли, вѣрно бы не нанесъ вамъ обиды такой страшной, не купилъ бы васъ...

— Это ложь!—вскричала она вспыхнувъ и чувствуя, что въ ея головѣ помутилось, все пошло вверхъ дномъ, чувствуя что она блѣднѣетъ на глазахъ этого человѣка, боясь въ своемъ душевномъ состояніи дойти до обморока,—собрала послѣднія силы, откинула голову назадъ и указала посѣтителю дверь:

— Вонъ! иначе я позову людей...

Онъ не смутился такимъ поступкомъ дочери... Что-жъ! конечно онъ уйдетъ!.. у него десятитысячный браслетъ въ карманѣ, въ перспективѣ тунеядство въ деревнѣ графини Брумъ, толстая купчиха Облепихина... Онъ съ граціей и развязностью поклонился дочери:

— Простите, что обезпокоилъ васъ.

И оставилъ ее одну.

(До слѣдующаго №).

Два очерка Бретъ-Гарта.

I.

Когда придетъ корабль.

Въ часѣ разстоянія отъ Плацы, на берегу моря высится утесъ, о который меланхолически звуча, вѣчно бились, пѣнясь. могучія волны.

На песчаномъ берегу видны нѣсколько хижинъ, словно онѣ выброшены сюда моремъ; около каждой изъ нихъ клочекъ обработанной земли, огороженной заборомъ изъ бамбука и защищенной бревнами или корабельными досками, и подобіе садика съ зеленѣющей капустой и рѣпой, садика, имѣющаго грустный видъ акварія, изъ котораго выпустили воду. Ничего не было бы удивительнаго если бы вдругъ здѣсь встрѣтить дѣдку-водяного, копающаго капустныя гряды или русалку съ зеленой косой, доящую морскую корову. Еще недавно тутъ было большое зданіе телеграфа, который простиралъ къ небу свои тощіе столбы; но его вскорѣ замѣнила обсерваторія, соединенная электрическими нервами съ однимъ изъ многолюднѣйшихъ и промышленныхъ городовъ Новаго Свѣта.

Тутъ же была и справочная станція о прибывающихъ корабляхъ. На эту то станцію, въ послѣднее время особенно часто сталъ навѣдываться какой-то человѣкъ, еще не старый, на видъ ремесленникъ не то механикъ.

Оказалось, что это честный малый—онъ долго работалъ въ рудникахъ, успѣлъ прикопить кое-что и теперь написалъ женѣ, чтобы она пріѣзжала къ нему съ дѣтьми; онъ мало былъ знакомъ съ моремъ и временемъ прихода кораблей и теперь поселясь въ С. Франциско, гдѣ нашелъ себѣ работу, каждый день приходилъ справляться въ контору о приходѣ корабля.

Но вотъ прошелъ и мѣсяцъ; корабля все не было; прошла еще недѣля, другая, еще мѣсяцъ, и наконецъ годъ.

По прежнему суровое и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушное лицо рабочаго неизмѣнно появлялось въ дверяхъ станціи.

Наконецъ разъ какъ-то онъ явился въ обсерваторію; былъ уже вечеръ, работы заканчивались; телеграфистъ посмотрѣлъ было на него съ неудовольствіемъ, но было что-то до того кроткое и моляще-покорное въ этомъ изстрадавшемся лицѣ, что юноша невольно остановился и сталъ терпѣливо объяснять ему всю систему устройства сигналовъ, какъ узнавать о приходѣ корабля. Но тотъ повидимому о чемъ-то другомъ важномъ хотѣлъ спросить.

— Скажите, сколько времени можетъ безъ вѣсти пропадать корабль, прежде чѣмъ его станутъ считать погибшимъ?

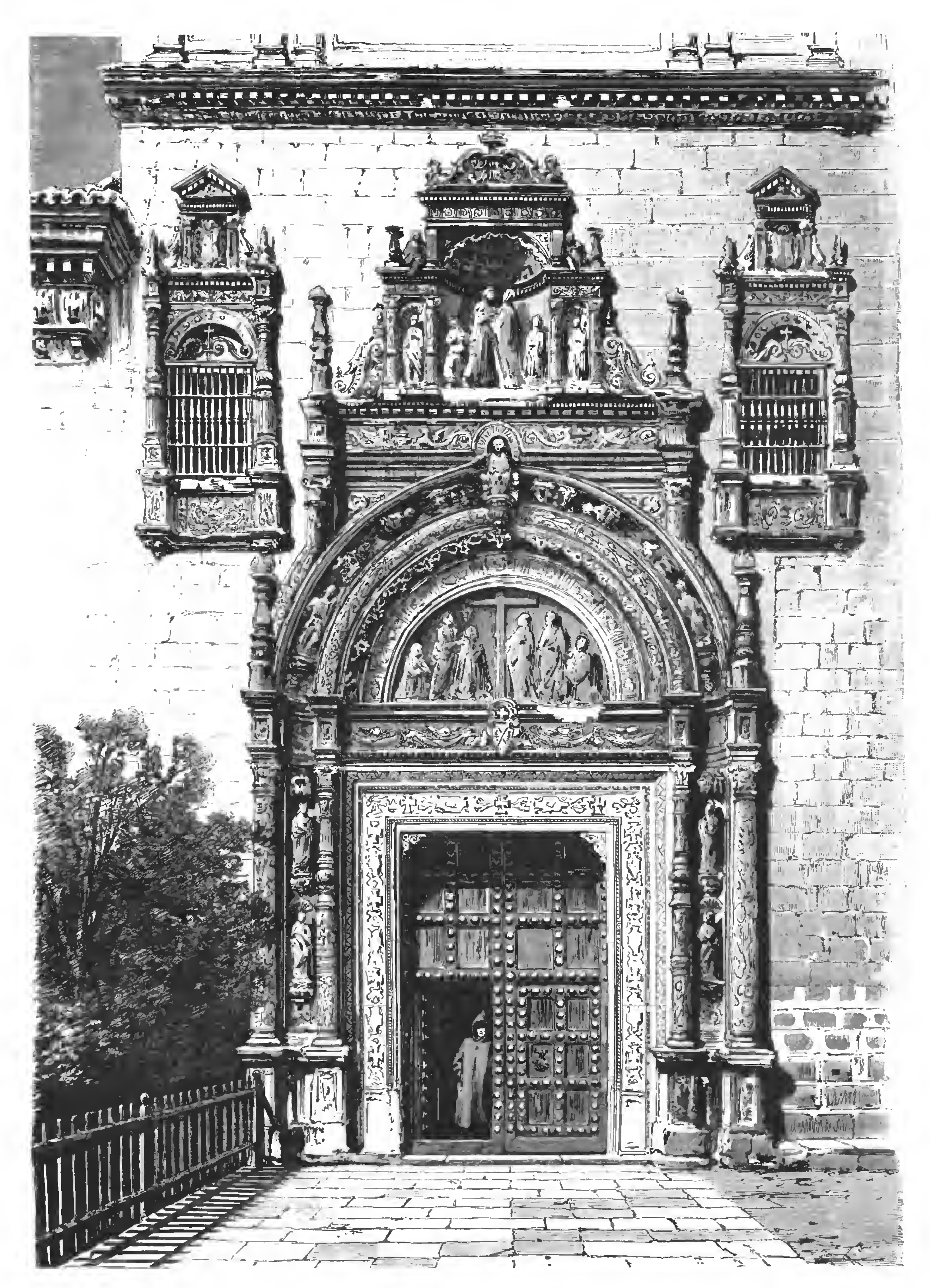
— Право этаго нельзя точно опредѣлить; все зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Но напримѣръ—годъ?

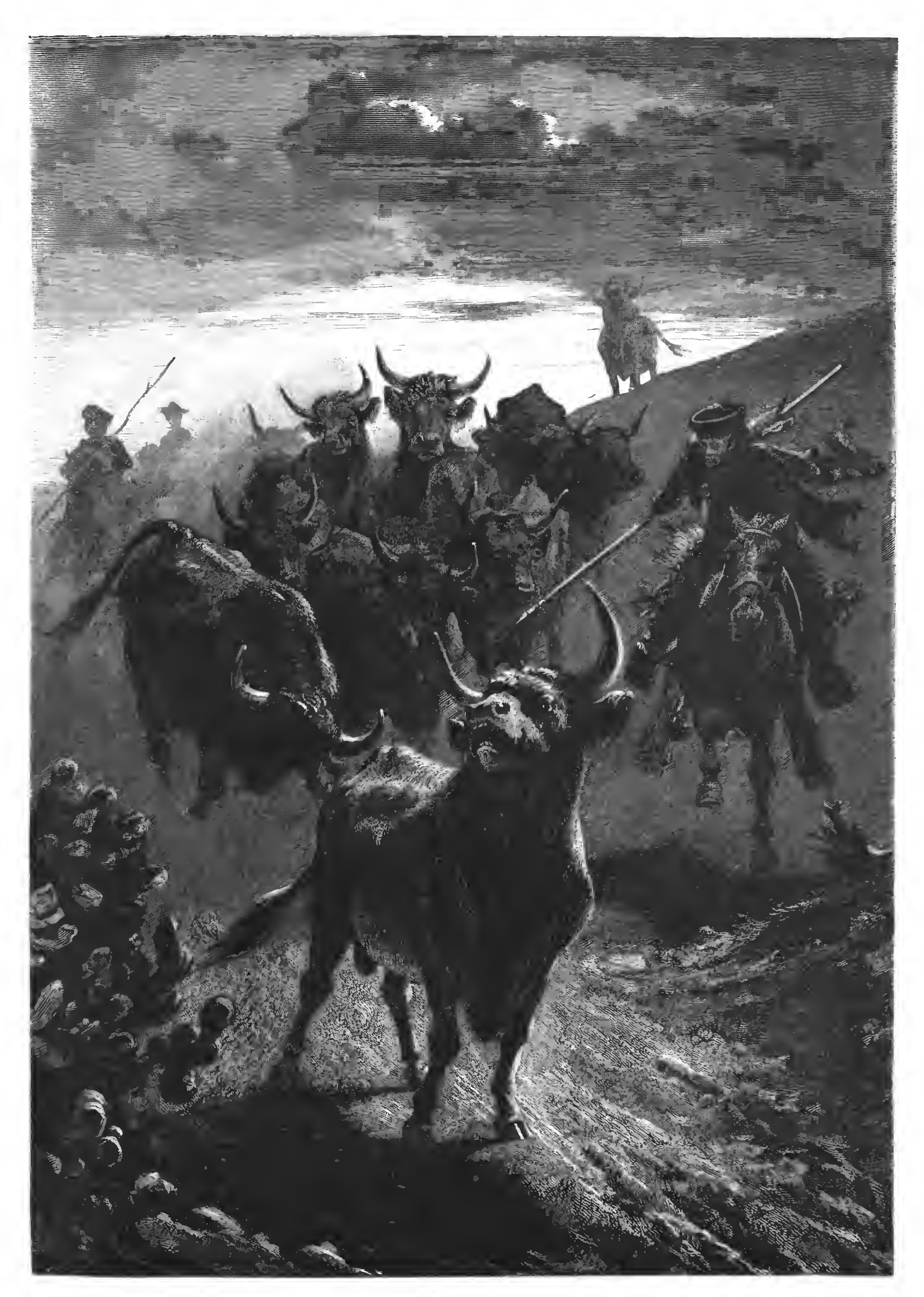
— Да, иногда и годъ, а бывали случаи, что намъ давали знать о пропажѣ корабли безъ вѣсти, а между тѣмъ, черезъ годъ или 2 онъ вдругъ оказывался гдѣ нибудь въ другой гавани.

Тогда рабочій крѣпко пожалъ своей мускулистой рукой руку телеграфиста, просилъ извинить за безпокойство и ушелъ. Корабль все не приходилъ.

Въ гавань прибывало много торговыхъ и клиперныхъ судовъ, съ развѣвающимися флагами, судовъ привѣтствуемыхъ пушечными выстрѣлами, далеко раздававшимися по бѣгущимъ волнамъ, и каждый разъ тогда на берегу появлялся высокій человѣкъ, съ кроткимъ, измученнымъ лицемъ и блестящими глазами, жадно всматривающійся въ каждаго сходящаго на берегъ пассажира, даже среди совершенно неподходящаго экипажа корабля, стараясь отыскать давно ожидаемыя, знакомыя лица; вѣдь могло же случиться, что они пріѣхали по другой

Въ Испаніи. Фасадъ пріюта въ Толедо. (Изъ книги „L'Espagne" par Simons et Wagner Paris 1880 F. Ebhardt).

Въ Испаніи. Быки, назначенные для цирка, въ пути. (Изъ кпиги „L'Espagne" par Simons et Wagner Paris 1880 F. Ebhardt).

дорогѣ, съ другимъ кораблемъ?! Потомъ онъ начинал распрашивать капитановъ, матросовъ—никто не могъ дать ему никакого отвѣта.

Тогда онъ снова шелъ на обсерваторію, но тамъ не всегда имѣли досугъ отвѣчать на его распросы; и онъ уходилъ на утесъ и просиживалъ тамъ цѣлые часы, смотря на далекое, волнующееся море.

Но скоро онъ не могъ уже самъ приходить, а его приводилъ другой такой же рабочій, его товарищъ по пріискамъ, знавшій о его горѣ. Доктора объявили его безнадежнымъ; лицо его еще больше осунулось, а глаза горѣли болѣзненнымъ лихорадочнымъ блескомъ.

Но нельзя же было отнять у него послѣдней надежды, что корабль „съ нею и дѣтьми придетъ сегодня ночью". Онъ почему то сталъ думать, что корабль именно придетъ „ночью" и наконецъ ему позволили оставаться на всю ночь въ обсерваторіи, гдѣ онъ замѣнялъ нерѣдко уставшаго телеграфиста—это ему нравилось.

Хотя къ нему привыкли, но когда его однажды не оказалось на обычномъ мѣстѣ, не сразу спохватились—гдѣ онъ?

И только въ воскресенье, на слѣдующее утро, какая-то компанія гуляющихъ, карабкаясь по камнямъ, обратила вниманіе на лай бѣжавшей впереди собаки и когда отправилась за ней слѣдомъ, наткнулась на трупъ человѣка, распростертый на пескѣ. Въ карманахъ его найдено было множество вырѣзокъ изъ газетъ и старыхъ журналовъ о морскихъ крушеніяхъ а лице его было обращено къ безпредѣльному, безжалостному, шумящему морю.

II.

Со двора.

Помню еще давно, во времена моей пылкой, безпечной юности, я пріобрѣлъ какъ-то себѣ ярко-раскрашенную литографію, изображавшую прекрасную черкешенку, спящую у окна. Помню также, что цѣна, которую я заплатилъ тогда за нее—даже тогда, когда у насъ ходячей монетой были грифеля,—казалась мнѣ очень дорогою—но зато восторгъ мой при этомъ пріобрѣтеніи положительно не зналъ границъ.

Картинка нравилась мнѣ сама по себѣ и природа такъ щедро разсыпала дары свои на красавицу, что одинъ только румянецъ щекъ и окружающія ее яркія розы, безъ всякаго признака стеблей прямо росшія изъ мрамора террасы, должны были поглотить не мало самаго лучшаго карміна. Меня кромѣ того прельщала и самая идея: мнѣ казалось, что гдѣ нибудь непремѣнно должна также поджидать меня у окошка такая красавица! Эта мечта была мнѣ такъ пріятна, что я даже не старался отгонять ее. Когда съ теченіемъ времени, черкешенка моя, (вѣроятно отъ постояннаго пребыванія между восточнымъ и западнымъ полушаріемъ въ моемъ учебномъ атласѣ) совершенно выцвѣла и потеряла всю прелесть,—обаяніе ея исчезло. Само собой и я совершенно позабылъ о ней и о своихъ мечтаніяхъ.

И когда мнѣ впослѣдствіи приходилось часто видѣть красавицъ всевозможныхъ національностей, если онѣ сидѣли у оконъ домовъ, склоняя изящныя головки на бѣлоснѣжные пальчики—онѣ уже не интересовали меня, и я даже пожелалъ обратиться совершенно въ противуположную сторону—именно къ окнамъ, выходящимъ на дворъ.

И къ моему удивленію, я нашелъ много интереснаго для наблюденій, хотя наблюденія эти далеко не всегда сходили мнѣ даромъ. Напр. не разъ я долженъ былъ прикидываться что ищу квартиру и выносить подозрительные взгляды хозяйки, если слишкомъ долго останавливался у оконъ, выходящихъ на задній дворъ; нѣсколько разъ дѣлался жертвой сквознаго вѣтра и наконецъ изъ нѣсколькихъ друзей, чуть не сдѣлавъ себѣ враговъ, неосторожно подходя къ окнамъ ихъ, выходящимъ на дворъ, какъ разъ въ то время, когда на веревкахъ было протянуто бѣлье и миссъ Фанни, „которая не совсѣмъ здорова и не принимаетъ" оказывалась въ прачешной; м-ръ же Бодби, который былъ „очень занятъ"—въ полномъ утреннемъ неглиже благодушно прогуливался по галлереѣ.

Но при всякой такой неудачной попыткѣ, я обыкновенно утѣшалъ себя примѣромъ великаго Галилея или другихъ искателей истины, которымъ ихъ изслѣдованія также не сходили даромъ,—и упорно снова предавался своимъ наблюденіямъ.

Зато теперь, по первому взгляду на какаго нибудь обитателя скромной квартиры, выходящей окнами на задній дворъ, я почти безошибочно могу опредѣлить его характеръ.

Щеголеватая внѣшность фасада съ его подъѣздомъ и изящными окнами на улицу, все это вѣдь только для блеска, пусканія пыли въ глаза; между тѣмъ настоящая жизнь, со всѣми ея правдивыми сторонами, именно на обратной сторонѣ!

Вотъ, хоть бы этотъ элегантно одѣтый господинъ, съ такимъ достоинствомъ входящій въ парадный подъѣздъ, совсѣмъ не такъ выглядитъ, когда утромъ, въ стоптанныхъ туфляхъ, брюзгливо и сердито требуетъ себѣ на кухнѣ горячей воды для бритья. Или эта дама, у которой ея румяное личико, утромъ въ окнѣ двора, вдругъ оказывается какимъ то треугольнымъ и совершенно выцвѣтшимъ; пышные волосы рѣдкими и растрепанными; и она оказывается лѣтъ на 10 старше въ правдивой рамкѣ окна, выходящаго на дворъ.

И случается, что даже близкіе знакомые не узнаютъ другъ друга въ этомъ безпощадномъ dos-à dos.

Вы напр. можете сколько угодно фантазировать, проходя мимо оконъ дома, гдѣ живетъ дама вашего сердца, вы даже какъ будто подмѣтили уже ея изящную головку за кружевнымъ занавѣсомъ, но вамъ ни за что не пришло въ голову, что вы живете съ нею визави цѣлый мѣсяцъ со стороны задняго двора; что особа, накрытая старымъ платкомъ, ведущая оживленные переговоры съ мясникомъ или крикливымъ голосомъ распекающая во дворѣ своего меньшаго братишку—именно и есть ваша богиня!

Мое окно, выходящее на дворъ, представляетъ по крайней мѣрѣ много интереснаго. Вотъ напр. въ настоящую минуту, я занимаюсь сидя у окна.... вечерѣетъ... изъ сада потянулъ слишкомъ свѣжій вѣтерокъ.... я закрываю окно, но до меня все же доносятся изъ квартиры № 7 какъ разъ напротивъ, голоса гораздо болѣе пронзительные чѣмъ бы было желательно; это повидимому дружеская бесѣда кухарки съ поставщикомъ.

А вонъ изъ окна № 5, по обыкновенію выставили простуживаться на „свѣжій воздухъ" несчастную канарейку, на которую безъ жалости я не могу смотрѣть....

А вонъ двое ребятишекъ, которымъ я искренно завидую, принялись сгребать въ кучу всякій соръ, которымъ такъ изобилуютъ задніе дворы, но для нихъ это цѣлое богатство: столько бутылокъ отъ содовой воды и такіе красивые фарфоровые черепки! Но это еще не все; съ величайшимъ нетерпѣніемъ выжидаю я всегда заключительной сцены своихъ наблюденій: какъ только принесутъ вечернія газеты, въ дверяхъ № 9 появляется плотный сѣдой старикъ, въ старомъ нанковомъ халатѣ. Онъ садится на ступени крыльца, развертываетъ газету, кладетъ ее къ себѣ на колѣни и начинаетъ читать.

Я сперва не зналъ, что это самъ хозяинъ дома, занимающій лучшую квартиру, значитъ, человѣкъ богатый. Но есть что-то умилительно-трогательное во всей его позѣ и блаженномъ выраженіи лица, когда онъ читаетъ свою газету на заднемъ крыльцѣ своего собственнаго дома; я невольно стараюсь опредѣлить себѣ его характеръ. Быть можетъ, думается мнѣ, это у него старая привычка давно-минувшихъ, болѣе скромныхъ дней; быть можетъ, онъ даже выпросилъ себѣ у жены этотъ единственный часокъ, чтобы его не тревожили ничѣмъ оффиціальнымъ; ему повидимому не по душѣ общество и свѣтская жизнь: я вижу его иногда на парадномъ подъѣздѣ, чопорно одѣтымъ, въ дѣловой обстановкѣ, но онъ тогда для меня какой то совсѣмъ чужой и снова мнѣ милъ и близокъ только на заднемъ крыльцѣ, въ своей домашней простотѣ, въ своемъ нанковомъ халатѣ, на грязныхъ ступеняхъ.

Иногда онъ оставляетъ газету и въ вечернихъ сумеркахъ, задумчиво устремляетъ взоръ въ даль. И мнѣ думается: не слышатся-ли ему тогда скрыпъ отворяемыхъ деревенскихъ воротъ, колокольчики возвращающагося съ поля стада и мычаніе коровъ, уставившихся на него черезъ рѣшетку сада...

Къ рисункамъ.

Церковь св. Андрея Стратилата въ Новгородѣ.

Однажды, говоритъ Новгородская лѣтопись, было въ Новгородѣ великое моровое повѣтріе. Люди мерли въ домахъ, на улицахъ; отчаяніе и горе объяли жителей. И 19 Августа, въ день прекращенія язвы, пришли къ мысли горожане, какъ это бывало часто у насъ, построить въ одинъ день, храмъ имени св. Андрея Стратилата въ память такаго радостнаго событія — прекращенія бѣдствія. Странно, что лѣтопись (Новг. II и III) говоря объ этомъ, не упоминаетъ въ какомъ именно году, даже вѣкѣ было это. Есть однако указаніе, что эта древняя церковь, пріютившаяся въ новгородскомъ кремлѣ за присутственными мѣстами и соборными, церковными домами, относится къ началу XIV вѣка; ее причисляютъ ко времени построенія обыденныхъ церквей княземъ Андреемъ Новгородскимъ въ память своей побѣды въ 1301 году. „А въ церковь, говоритъ лѣтопись, руги шло три рубля, священнику два рубла пять алтынъ двѣ деньги да дьячку двадцать восемь алтынъ". Таковы были тогда руги!

Стѣны церкви изъ кирпича гладкія, безъ украшеній. Съ сѣверной стороны на стѣнѣ три выступа безъ оконъ. Надъ входомъ большое настѣнное изображеніе Спасителя благословляющаго и держащаго Евангеліе, раскрытое на словахъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся". Надъ западною стѣною выкладенъ каменный дугообразный пролетъ, для колоколовъ.

Переселенцы.

(Рисунокъ Земцова).

Кому изъ насъ, ѣздя по русскимъ большимъ дорогамъ, не

случалось видѣть съ какимъ то особеннымъ чувствомъ, этотъ тянущійся безконечно обозъ переселенцевъ, съ его крѣпкими конями, холщевыми навѣсами и выглядывающими изъ подъ навѣсовъ свѣтлыми дѣтскими личиками? Но то переселенцы имущіе — они узнали отъ своихъ ходоковъ о земляхъ въ дальнихъ степяхъ и тянутся теперь туда, думая о новыхъ мѣстахъ — какъ-то имъ теперь поживется и дастъ ли имъ Богъ новаго счастья?

Но есть и такіе переселенцы, какіе изображены на нашемъ рисункѣ. У нихъ съ собой все, что они имѣютъ. Они на новомъ мѣстѣ, покинувъ свою непривѣтную землю, ждутъ развѣ только работы, возможности прожить на свѣтѣ какъ нибудь. Тяжелая нужда пригибаетъ къ груди ихъ головы и думы ихъ невеселы. Одинъ мальчуганъ, не знающій заботъ и горя больших, беззаботно скачетъ, осѣдлавъ вѣтку, сорванную въ лѣсу, не раздумывая какое его ждетъ будущее.

Девятая пѣснь „Лузіады" Камоэнса.

(Къ рисунку Лиценъ Майера).

Въ № 28 „Нивы", по поводу исполнившагося трехсотлѣтія со дня смерти Камоэнса, мы помѣстили портретъ португальскаго писателя. Тамъ же въ подробной статьѣ мы разсказывали о бурной, полной приключеній, жизни воина-поэта, и передали содержаніе его поэмы.

Превосходный рисунокъ Лиценъ Майера относится къ 9-й пѣснѣ. Васко де Гама находится въ Индіи, куда онъ нашелъ путь, объѣхавъ мысъ доброй Надежды. Козни туземцевъ, которые ожидаютъ только прибытія флота изъ Мекки, чтобы сжечь эскадру Васко де Гамы — разрушены. Мавръ Монсаидъ, исполненный чувствъ удивленія и уваженія къ знаменитому вождю, открываетъ ему коварные замыслы враговъ. Ночью отплываютъ Португальцы — они удалились изъ Каликуты, увозя съ собою сокровища и товары.

„Такъ счастливо, говоритъ поэтъ, удалились отъ знойныхъ береговъ корабли, разсѣкая волны, туда, гдѣ море сулитъ счастіе..." (IX. 16). Между тѣмъ, добрый геній, всегдашняя покровительница Лузитанъ, богиня Венера, хотѣла ускорить награду героямъ за всѣ бѣдствія, которымъ они подвергались, за тяжкіе труды и страданія. Она и сынъ ея Купидонъ, „сближающій властію своею боговъ со смертными" приводитъ Португальцевъ къ прелестному острову. Нимфы океана — нереиды собираются на этотъ островъ, гдѣ мореплаватели предаются отдохновенію и радости. По повелѣнію Венеры, Купидону приносятъ тонкій лукъ слоновой кости, съ котораго слетаютъ его золотыя стрѣлы. „Рѣзвое дитя беретъ лукъ и летятъ его мѣткія стрѣлки. Ударъ за ударомъ поражаетъ море, волны бьются, встрѣчаясь и пѣнясь; нимфы взволнованы — они такъ тяжко и горячо вздыхаютъ. Не осталось болѣе стрѣлъ въ колчанѣ... Разверзайтесь, голубыя волны! Дайте дорогу дщерямъ океана! И хоры прелестныхъ нереидъ приближаются къ острову, предводимыя богиней....." (Лузіада IX, 47, 50).

Къ этимъ словамъ поэта и относится приложенный рисунокъ.

Въ Испаніи.

(По поводу книги „L'Espagne" par Simons et Wagner. Paris. 1880, F. Ebhardt).

Роскошныя изданія безпрестанно появляются въ Германіи и во Франціи; превосходные рисунки изображаютъ виды какой-нибудь страны или иллюстрируютъ великія произведенія искусства. Въ настоящее время выходитъ въ Парижѣ выпусками великолѣпная книга „L'Espagne", изъ которой мы приводимъ два рисунка, характеристичные для этой страны. Вотъ страна, волнуемая политическими смутами, и нравы которой до сихъ поръ, не взирая на то полны какой-то поэтической прелести, что представляетъ такой странный, дикій контрастъ....

На первомъ рисункѣ мы въ Толедо, раскинутомъ на высокой скалѣ, Толедо, гдѣ высятся стѣны величаваго Альказара. Узкія улицы разбѣгаются въ безпорядкѣ, дома скучиваются, лѣзутъ на горы, жмутся одинъ къ другому. Роскошные дворцы, мрачные монастыри — представляютъ превосходные образцы древней архитектуры. И подо всѣмъ этимъ, въ глубокой разщелинѣ, полукругомъ, глухо шумя, огибаетъ городъ Толедо рѣка Таго. Этотъ удивительный городъ окружаетъ васъ искусствомъ со всѣхъ сторонъ. Всюду рѣзные гербы, изящныя желѣзныя рѣшотки, гвозди съ огромными шляпками, покрытыми рѣзьбою, арабески и колонки, стиль готическій и фантастическій. Къ этимъ постройкамъ принадлежитъ и этотъ пріютъ благотворительнаго духовнаго братства, фасадъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ. Монахъ, покрытый капюшономъ, выглядывающій изъ массивныхъ дверей, укажетъ вамъ дорогу. Подъ сводами звукъ шаговъ отдается какимъ-то глухимъ гуломъ. Разбросанныя кругомъ статуи, однѣ сидящія, другія колѣнопреклоненныя, встрѣчаютъ васъ...

На второмъ рисункѣ — другая сторона этой оригинальной жизни. Вотъ быки, назначенные для цирка, которыхъ въ ночи гонятъ къ городу. Эта забава испанцевъ — бой быковъ — такъ всѣмъ извѣстна, столько разъ была описана, что мы не будемъ здѣсь повторять всего этаго. Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о характерѣ испанца, какъ бой быковъ, любимое его удовольствіе. Извощикъ-водоносъ не пообѣдаетъ, а ужь не пропуститъ боя. Тысячами завтра закипятъ зрители въ амфитеатрѣ цирка. Испуганные быки будутъ въ своихъ темныхъ стойлахъ прислушиваться къ этому гулу. Но вдругъ растворятъ ихъ стойла, и оглушенные крикомъ, блескомъ жаркаго солнца, сверканіемъ оружія блестящихъ матадоровъ, разъяренные маханьемъ алыхъ флаговъ, быки ринутся завтра на арену. А теперь они пока, бодрые и сильные, шагаютъ въ ночи по каменистой дорогѣ, подгоняемые погонщиками... За быковъ для боя платятъ иногда очень дорого. Хорошій быкъ цѣнится отъ 1000 и болѣе франковъ.

Изъ памятной книжки.

...Все въ запустѣньи! Сынъ востока
Забросилъ чудный уголокъ —
И захирѣлъ въ вѣнкѣ пророка
Блиставшій нѣкогда цвѣтокъ.

* * *

Теперь торжественныхъ обѣтовъ
Гиреи въ храмахъ не творятъ, —
Лишь иглы старыхъ минаретовъ
О дняхъ минувшихъ говорятъ;

* * *

О дняхъ, когда толпа кипѣла
По переходамъ росписнымъ,
И робкихъ глазъ поднять не смѣла
Передъ владыкою своимъ...

Какъ тихо ханское жилище!
Покой, безмолвье безъ конца...
Лѣниво царское кладбище
На солнцѣ дремлетъ у дворца.

* * *

И тихъ навѣсъ, гдѣ жены хана
Глядѣли въ полдень на волну,
И только вѣчный плескъ фонтана
Звеня, смущаетъ тишину, —

* * *

Да сторожъ, звучными шагами
Нарушивъ царственный покой,
Гремитъ старинными ключами,
Идя въ обходъ сторожевой...

Бахчисарай. **П. Гнѣдичъ.**

Бичъ человѣчества.

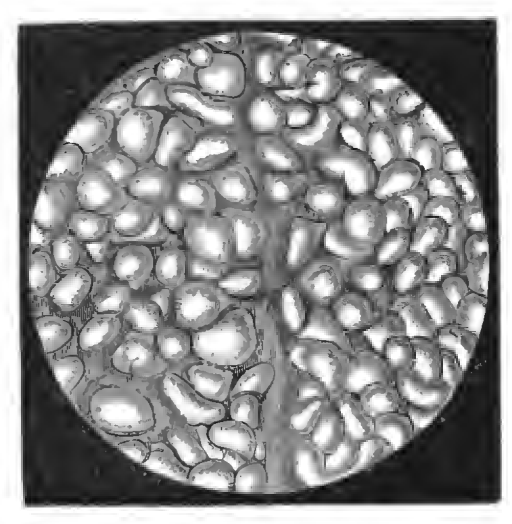
Докт. **Э. И. Нивинскаго.**

„Тысячу талеровъ тому, кто докажетъ, что мое универсальное средство не излечиваетъ легочной чахотки".

Такія и этому подобныя объявленія десятками встрѣчаются чуть не во всѣхъ газетахъ и журналахъ; и многіе несчастные, мучимые этой безпощадной болѣзнью, хватаются за всякое предлагаемое средство, надѣясь избавиться отъ недуга, излѣченіе котораго, лѣкарствами увы! относится къ добрымъ пожеланіямъ (pia desideria) врачей всѣхъ временъ и народовъ. Сердца многихъ радуются, заслышавъ о новомъ и вѣрномъ средствѣ отъ чахотки, похищающей несравненно болѣе жертвъ чѣмъ всѣ другія эпидемическія и эндемическія болѣзни, не исключая холеры, черной смерти, оспы, желтой лихорадки и т. д., болѣзни закрадывающейся и въ уголъ бѣдняка и въ хоромы сильныхъ міра, не щадя ни юности, ни старости, переходя по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Болѣзнь эта, носящая въ медицинѣ названіе „Tuberculosis и Phthisis pulmonum — „бугорчатка легкихъ", въ городахъ имѣющихъ лучшія гигіеническія условія, все таки составляетъ причину ⅐ всѣхъ смертей. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, напр. изъ 20,930 случаевъ смерти 3930 приходится на бугорчатку. Этотъ бичъ рода человѣческаго послужитъ предметомъ настоя-

щаго сообщенія. Но раньше чѣмъ приступить къ изложенію такъ называемаго радикальнаго леченія бугорчатки, необходимо взглянуть на отправленія легкихъ и нарушеніе этихъ отправленій. Грудная клѣтка заключаетъ, какъ извѣстно, легкія и сердце. Почти посрединѣ, нѣсколько влѣво, лежитъ мышечный мѣшокъ—называемый сердцемъ, правильныя сокращенія котораго, при помощи насосцевъ и клапановъ, переливаютъ нужную для питанія кровь въ отдаленнѣйшіе и мельчайшіе сосуды нашего организма; отдавъ питательныя частицы различнымъ органамъ, кровь возвращается опять въ сердце, но уже темная и изъ сердца снова переходитъ въ легкія, чтобы соединившись съ кислородомъ вдыхаемаго нами воздуха и отдавши углекислоту, сдѣлаться опять годною для питанія тѣла, возвратиться въ сердце и новыми его сокращеніями распредѣлиться по кровеносимъ сосудамъ. По правую и лѣвую сторону сердца расположенныя, легкія представляютъ два большихъ тонкокожихъ мѣшка; они состоятъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ, петлеобразно связанныхъ микроскопическихъ пузырьковъ, съ чрезвычайно тонкими стѣнками, изъ коихъ выходятъ тончайшіе воздушные канальцы, которые соединены между собою какъ мельчайшія вѣточки дерева; постепенно переходятъ они все въ большіе и большіе и наконецъ уже въ настоящіе воздушные ходы; эти сѣти раздваиваются на лѣво и на право, переходя окончательно въ дыхательное горло, черезъ которое входитъ воздухъ. Такимъ же образомъ и выходящая изъ сердца артерія развѣтвляется въ легкихъ, сопровождая дыхательныя вѣтви, при чемъ она обхватываетъ каждый легочный пузырекъ сѣтью тончайшихъ сосудцевъ. Если вырѣзать изъ здороваго легкаго кусочекъ въ 1—2 миллиметра толщиною и наблюдать его въ микроскопъ, то глазу представится ниже приложенное изображеніе *фиг. 1.*

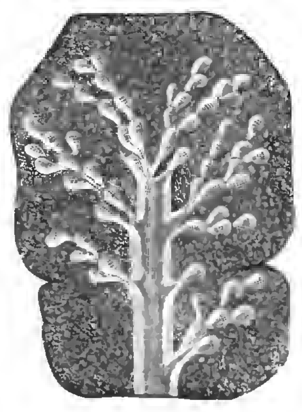
(Фиг. 1). Увелич. въ 900 разъ.

Продольная полоска, на которой по сторонамъ расположены какъ бы ягодки. На *фиг. 2* изображены тончайшіе воздушные ходы вплоть до легочныхъ пузырьковъ. Такихъ образованій насчитывается въ человѣческихъ легкихъ до 1,800 милліоновъ; а если бы ихъ вырѣзать и разложить одно подлѣ другаго, то они покрыли бы площадь въ 2,000 квадр. футовъ. *Фиг. 3* представляетъ легочный пузырекъ при увеличеніи въ 10,000 разъ; на немъ изображена сосудистая сѣть.

У здороваго взрослаго человѣка проникаетъ въ легкія около 176,000 куб. мил. крови въ секунду. Въ пузырькахъ кровь освобождается отъ углекислоты, уходящей съ выдыхаемымъ воздухомъ, а изъ вдыхаемаго воспринимаетъ кислородъ. Изъ сказаннаго можно видѣть, какъ важно для общаго здоровья организма правильное состояніе дыхательныхъ органовъ; при процессѣ дыханія эти нѣжные органы часто приходятъ въ соприкосновеніе съ вредными элементами, находящимися въ воздухѣ. Небольшія заболѣванія дыхательныхъ органовъ называютъ катарромъ—это скоропреходящее воспаленіе болѣе крупныхъ вѣтвей легкаго. Если каттаръ занимаетъ большее пространство и поражаетъ мелкія развѣтвленія, то онъ получаетъ названіе бронхита. Но когда катарромъ поражаются микроскопическіе легочные пузырьки, то уже мы имѣемъ дѣло съ опасной болѣзнью—„пневманіей“ или воспаленіемъ легкаго. Слизью закупоренные легочные пузырьки не пропускаютъ воздуха и эта часть легкаго не дышитъ. При благопріятныхъ условіяхъ густая слизь разжижается, мало по малу вытекаетъ изъ пузырьковъ и мелкихъ клѣточекъ и освобожденное отъ нея легкое снова оздоровляется. Ежели же болѣзненная слизь не удаляется, то болѣзнь становится хронической и слизь проникаетъ въ промежуточную между пузырьками ткань, сдавливаетъ пузырьки и производитъ уплотненіе легкаго—такъ называемое опечененіе—сморщиваніе. Въ другихъ случаяхъ воспалительная слизь распадается на жироватые массы—это „творожистое пораженіе легкаго“. Впослѣдствіи эти массы размягчаются, переходятъ въ жидкость желтоватаго цвѣта, при чемъ образуютъ пещеры, величиною отъ горошины до кулака.

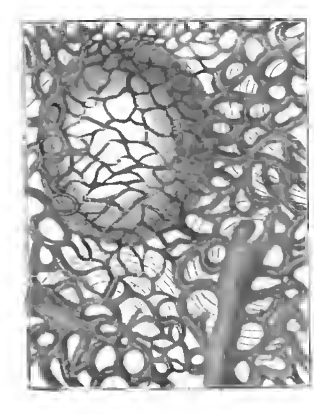
Болѣзненные признаки обнаруживаются первоначально кашлемъ, изверженіемъ мокроты, смѣшанной изрѣдка съ кровью, потерею аппетита, исхуданіемъ, блѣдностью тѣла, лихорадкой и ночнымъ потѣніемъ. Пораженныя массы называли прежде бугорчатыми узлами (Tuberculi) и самая болѣзнь носила названіе бугорчатки (Tubercularis). Въ настоящее время отличаютъ два вида чахотки легкихъ: хроническое воспаленіе легкихъ и бугорчатку, хотя признаки обоихъ видовъ имѣютъ лишь весьма незначительную разницу.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказалось, что многія болѣзни обусловливаются поступленіемъ въ кровообращеніе микроскопическихъ грибковъ, которые могутъ проникать и какъ говорятъ „фиксироваться“ въ различныхъ органахъ тѣла, вызывая въ нихъ разные болѣзненные процессы.—При томъ видѣ чахотки легкихъ, который признается теперь хроническимъ воспаленіемъ легкихъ (Pneumonia chronica) эти микроскопическія образованія были найдены и признаны причиною тѣхъ разстройствъ легкихъ, которыми характеризуется болѣзнь.—Фактъ особенно подтвердился опытами надъ животными, которымъ посредствомъ пульверизаціи вводили въ легкія мокроту, выкашливаемую чахоточными людьми. Упомянутыя животныя скоро заболѣвали чахоткою; въ ихъ крови, равно какъ и въ легкихъ обнаруживалось, посредствомъ микроскопа, присутсвіе такихъ же грибковъ, какими характеризовалась болѣзнь у людей.—Когда же дознано было, что болѣзни, вызываемыя грибками, лѣчатся посредствомъ такихъ веществъ, которыя уничтожаютъ грибки, то испытуемыя животныя и были подвергнуты этому лѣченію. Вдыханіе противугнилостныхъ (антисептическихъ) веществъ, какъ креозотъ, карболовая и салициловая кислота, оказались весьма полезны: больныя животныя стали полнѣть, крѣпнуть и поправлялись; тѣ же изъ нихъ, которыхъ оставляли безъ лѣченія, — околѣвали. Въ послѣднее время для лѣчебныхъ

(Фиг. 2). Увелич. въ 500 разъ.

(Фиг. 3). Увелич. въ 10,000 разъ.

цѣлей предложенъ былъ бензойно-кислый натръ (Natrum bensoicum), который оказался болѣе другихъ средствъ для этого порядка болѣзней отвѣчающимъ своему назначенію.

Послѣ многочисленныхъ опытовъ надъ животными, ближе всего было конечно перенести примѣненіе изученныхъ средствъ на людей страдающихъ легочной чахоткой.—Профессоръ терапевтической клиники въ Инспрукѣ д-ръ П. Рокитанскій сдѣлалъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Трое чахоточныхъ больныхъ приняты были въ клинику въ іюнѣ мѣсяцѣ прошедшаго года. *При безукоризненномъ діэтетическомъ содержаніи и превосходномъ уходѣ,* имъ дѣланы были пульверизаціи бензойно-кислаго натра и, послѣ многихъ недѣль, лѣченіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Разрѣшеніе такого важнаго всемірнаго вопроса какъ „радикальное леченіе легочной чахотки“ съ неимовѣрной быстротою было повсюду распространено помощью печати. Клиницисты съ поспѣшностію принялись за провѣрку описанныхъ опытовъ, но увы! донынѣ никто изъ нихъ не успѣлъ повторить результатовъ, достигнутыхъ въ Инспрукѣ. Въ берлинскомъ госпиталѣ Шарите и городскихъ больницахъ сдѣланы были 54 наблюденія изъ коихъ оказалось, что бензойно-кислый натръ не оказываетъ никакого вліянія даже на ходъ чахотки, не говоря уже объ излеченіи. Даже врачебная комиссія въ Инспрукѣ отрицала значеніе этого средства при лѣченіи чахотки. Слѣдовательно случаи бывшіе въ клиникѣ Рокитанскаго не могутъ быть отнесены къ настоящимъ бугорчатымъ пораженіямъ, а должны быть причислены къ разряду хроническихъ воспаленій легкихъ; а счастливые результаты зависѣли вовсе не отъ дѣйствія бензойнаго натра, а отъ цѣлесообразнаго ухода и хорошаго питанія, — словомъ условій совершенно противуположныхъ тѣмъ, въ которыхъ больные Рокитанскаго находились до заболѣванія (это были чернорабочіе)—равно какъ правильной

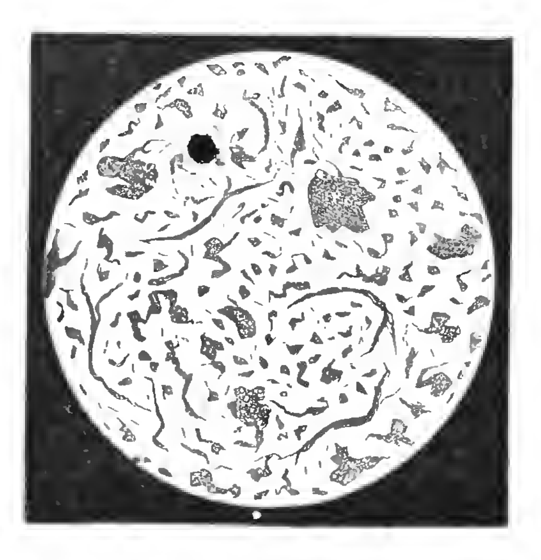
(Продолженіе на стр. 709, 710, 711 и 712).

гимнастики дыхательныхъ органовъ систематически достигаемой посредствомъ акта вдыханія, вслѣдствіе чего болѣзненные продукты угнѣздившіеся въ легкихъ, тягучія, вязкія слизистыя массы—разрыхлѣли и были извергнуты наружу.

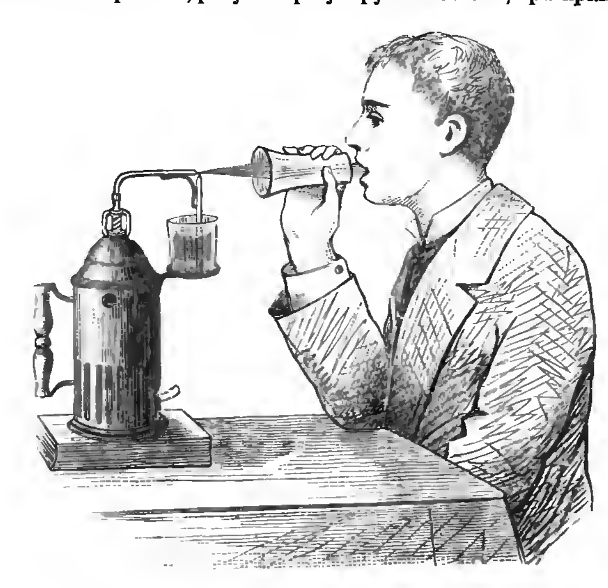
Для всѣхъ хроническихъ заболѣваній легкихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ чахотки, лучшее средство безспорно такъ называемая „ингаляціонная метода" или „Терапія вдыханій".— Прежде всего дыхательные пути должны быть освобождены отъ мокротъ, чтобы здоровый, крѣпительный воздухъ имѣлъ возможно большій доступъ въ легкія. — Только въ виду этого, предписываемые докторами больнымъ, различныя климатическія станціи могутъ быть признаны цѣлебными. — Желудокъ при этомъ не портится никакими микстурами, пилюлями и порошками.—Близко къ природѣ подходящая метода, примѣняется въ обширномъ значеніи.—Свободное движеніе на свѣжемъ воздухѣ, укрѣпляющее питаніе, особенно черезъ введеніе въ организмъ легкихъ питательныхъ веществъ какъ молоко, жареная говядина, яйца и другія; холодными обмываніемъ груди и всего тѣла. Пыль, дымъ и спертый комнатный воздухъ избѣгаются всѣми способами. Чрезвычайно вредно для страдающихъ легкими, пребываніе въ городахъ и замкнутыхъ пространствахъ. На рис. *фиг. 4* представлено микроскопическое изображеніе частицъ воздуха, которыми мы дышемъ въ комнатахъ и на улицахъ.—Оставивъ въ запертой комнатѣ полированное стекло, черезъ сутки уже замѣчается на немъ едва замѣтный налетъ; при 10,000 увеличеніи подъ микроскопомъ получаются частицы, изображенныя на рис. *фиг. 4.*

Не каждому доступны климатическія лѣчебныя станціи.—По необходимости приходится тогда прибѣгать къ искуственнымъ средствамъ, которыя главнымъ образомъ сводятся къ методическому вдыханію и выдыханію какого нибудь, по указанію врача, средства, содѣйствующаго разрыхленію мокротъ. Тутъ весьма важенъ выборъ хорошаго пульверизатора и правильные пріемы, безъ соблюденія которыхъ легочная гимнастика будетъ недѣйствительна. Способъ вдыханія посредствомъ пульверизатора изображенъ на *фиг. 5.*

Въ заключеніе мы можемъ съ увѣренностію сказать, что надежды, возлагаемыя на какія бы то ни было специфическія средства т. е. лекарства, которымъ приписывается неопредѣленное свойство излѣчивать чахотку,—что надежды эти напрасны. Напротивъ, разумно регулируемая жизнь, при правильной дыхательной гимнастикѣ, лѣчитъ и спасаетъ отъ смерти почти безнадежныхъ чахоточныхъ.

(Фиг. 4). Увелич. въ 10,000 разъ.

(Фиг. 5). Способъ вдыханія.

Калабарские бобы.

Такъ называвшійся „Судъ Божій" былъ въ обычаѣ у многихъ народовъ и восходитъ къ глубокой древности. Виновность или невиновность подсудимаго выяснялись самыми различными способами; между прочимъ и посредствомъ яда. Если обвиняемый, принявшій ядъ, оставался живъ, значитъ онъ невиновенъ; если ядъ подѣйствовалъ—то виновенъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ говорится, что у Іудеевъ обвиняемый въ колдовствѣ долженъ былъ выпивать „горькую воду", т. е. ядъ.

Въ настоящее время такой судъ, не взирая на старанія французскихъ миссіонеровъ, упорно практикуется среди многихъ африканскихъ племенъ и преимущественно при случаяхъ обвиненія въ колдовствѣ.

Между рѣками Нигеромъ и Біафрою, въ Калабарѣ, при опредѣленіи виновности употребляется судилищный или Калабарскій бобъ (Physostigma семейства Papilionaceae), это многолѣтнее вьющееся растеніе. Бобы созрѣваютъ въ теченіи цѣлаго года, но особенно въ дождливое время отъ іюня до сентября, бобовники или стручки серповидные, длиною до 7 дюймовъ и содержатъ отъ 2—3 сѣмечекъ. Сѣмя это (бобъ) яйцевидное, съ толстою гладкою кожицею темнобураго цвѣта; зерно бѣловатое. Вкусъ калабарскихъ бобовъ похожъ на вкусъ обыкновеннаго боба, но нѣсколько маслянистѣе и горьковатъ. Другія части растенія, кромѣ собственно бобовъ, не ядовиты. Главная сильно дѣйствующая часть калабарскаго боба есть особаго рода алколоидъ, въ первый разъ привезенный Гессе въ 1864 году, но не въ чистомъ видѣ; Гессе назвалъ его „Физостигминъ". Это была масса темнокраснаго цвѣта, весьма сильно дѣйствующая. Въ чистомъ видѣ Физостигминъ былъ приготовленъ Амедеемъ Веа и названъ эзериномъ (отъ эзере—мѣстное названіе калабарскаго боба). Онъ представляетъ кристалическое тѣло, слабо горькаго вкуса, мало растворимое въ водѣ и легко растворимое въ спиртѣ, эфирѣ, хлороформѣ и кислотахъ. Химическій составъ его неизвѣстенъ. Калабарскіе бобы стали извѣстны въ Европѣ болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, именно, они были привезены въ Англію миссіонерами, по сообщенію которыхъ на мѣстѣ они служатъ для той же цѣли, съ какою въ средніе вѣка практиковался судъ Божій въ случаяхъ недоказанности. Обвиняемаго въ преступленіи заставляютъ съѣсть отъ 1—30 бобовъ, или выпить настой изъ нихъ; если затѣмъ появится рвота и онъ выздоравливаетъ, то его считаютъ оправданнымъ, если же умираетъ, то считается понесшимъ должное наказаніе за свое преступленіе. Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно черезъ 15—30 минутъ, у осужденнаго, по словамъ миссіонеровъ, появляется общее разслабленіе съ обильнымъ потомъ и параличемъ мышцъ. Сознаніе при этомъ не теряется, но рѣчь затруднена. Говорятъ что подобнымъ образомъ изъ 100,000 населенія въ Калабарѣ ежегодно погибаетъ до 120 человѣкъ. Научныя изслѣдованія относительно дѣйствія этихъ бобовъ производились еще въ 1846 г. докторомъ Даніелемъ; но болѣе подробное—Христинзономъ, который, обманутый безвкусіемъ бобовъ, принялъ внутрь значительное ихъ количество и едва не поплатился жизнью.

Этотъ „бобовый" судъ обставляется у туземцевъ большой торжественностью. Мѣстомъ для суда выбирается или храмъ, или находящаяся передъ нимъ площадь. Главный жрецъ, при значительномъ стеченіи народа, производитъ продолжительныя заклинанія идоловъ, упрашивая ихъ придать бобамъ таинственную ихъ силу, долженствующую обнаружить истину. Затѣмъ, въ виду собравшихся гражданъ, онъ вынимаетъ изъ особаго сосуда заранѣе приготовленные бобы и кладетъ ихъ въ ротъ подсудимому, при чемъ наблюдаетъ, чтобы тотъ не глоталъ ихъ цѣликомъ а не иначе какъ пережевавъ надлежащимъ образомъ. Величина пріема зависитъ отъ усмотрѣнія жреца. Если послѣдуетъ выздоровленіе, то оправданнаго вся толпа сограждан поздравляетъ, старается обласкать и надѣлить подарками; а обвинителя, за лживый оговоръ, заставляютъ ѣсть такіе же бобы.

По физіологическому дѣйствію своему бобы представляютъ въ высшей степени интересный примѣръ противоположности съ дѣйствіемъ другаго сильнѣйшаго яда—Атропина (изъ раст. Strychnos). Атропинъ парализуетъ нервные центры гладкихъ мышцъ, кровообращеніе, дыханіе, расширяетъ зрачекъ и т. д. Физостигминъ напротивъ ихъ возбуждаетъ. На кишечный ка-

налъ бобы дѣйствуютъ весьма сильно, страшно его сжимая въ бѣлый, безкровный, какъ бы оконечѣвшій цилиндръ толщиною не болѣе гусинаго пера.

Терапевтически — съ лечебной цѣлью — эти бобы употребляются при лѣченіи пляски св. Витта, падучей болѣзни, столбняка, а также опухолей селезенки послѣ лихорадки, равно какъ въ случаяхъ слабости и паралича кишечнаго канала, — и наконецъ какъ противуядіе при отравленіи стрихниномъ.

Нѣкоторыя болѣзни глаза, сопровождаемыя расширеніемъ зрачка, могутъ излечиваться помощью калабарскаго боба, имѣющаго свойство быстро и сильно сокращать зрачекъ.

Политическое обозрѣніе.

Близость морской демонстраціи противъ Турціи.—Слухи объ агитаціяхъ среди мусульманскаго міра.—Императоръ Австрійскій въ Галиціи.—Расколъ въ соціалистической партіи въ Германіи. Россія и Китай.—Соединеные Штаты завоевываютъ Мексику.

Снова гроза собралась надъ Турціей. Повидимому, державы рѣшились окончательно принять энергическія мѣры и добиться отъ Порты пограничныхъ уступокъ въ пользу Греціи и Черногоріи. Отовсюду слышенъ воинственный кличъ, сзывающій мониторы въ Рагузу (сборный пунктъ демонстрирующей эскадры державъ, предложенный Австро-Венгріей и принятый державами), подъ начальство старшаго флагмана въ Средиземномъ морѣ, англійскаго адмирала Сеймура. Въ настоящую минуту, между кабинетами замѣтно полнѣйшее согласіе, согласіе, доходящее до того, что рѣшено не стѣснять начальника соединеннаго флота и въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ необходимымъ отъ блокады турецкихъ портовъ перейти къ болѣе дѣйствительной мѣрѣ, а Франція опять намѣрена отправить въ Грецію офицеровъ съ генераломъ Томасеномъ во главѣ. Можетъ быть на этотъ разъ воинственный азартъ Европы и выразится въ посылкѣ броненосцевъ въ турецкія воды, но долго ли онъ удержится въ той высокой температурѣ, которой достигъ теперь? Только чтобы не случилось такъ, что продолжительная стоянка подъ парами не утомила и не охладила рвенія и броненосцы, одинъ за другимъ, не стали бы удаляться во свояси. На Балканскомъ полуостровѣ комическое такъ часто шло бокъ о бокъ съ трагическимъ, что возможенъ и подобный исходъ. Между тѣмъ, миссія уполномоченнаго султана въ Албаніи, Риза-паши не удалась, какъ и надо было ожидать.

Правда или не правда, но изъ Константинополя сообщаютъ, что у Риза-паши дошло до столкновенія съ вождями лиги, которыхъ онъ, какъ помнятъ читатели, собиралъ на совѣщаніе. Они объявили ему, что не уступятъ ни пяди земли черногорскому князю и когда онъ велѣлъ арестовать ихъ, то приверженцы, поддержанные жителями, освободили ихъ, а ему пригрозили смертью; войска же его братаются съ албанцами. Надо, дѣйствительно, допустить, до нѣкоторой степени, вѣроятность того обстоятельства, что албанцы, возбужденные самой Портой и привыкнувшіе за эти два года къ своеволію (они и прежде не были въ строгомъ подчиненіи у Порты), разучились повиноваться велѣніямъ изъ Стамбула. На дняхъ еще тѣснѣе скрѣпленъ союзъ между мусульманскими албанцами-католиками. И тѣ и другіе, стекаются къ Дульциньѣ, чтобы защищать городъ до крайности не только противъ войскъ князя Черногорскаго, но и противъ европейскихъ броненосцевъ. Не такъ проченъ союзъ албанцевъ на югѣ, въ Македоніи и Ѳессаліи. Тамъ, не смотря на присутствіе значительныхъ турецкихъ силъ, албанское населеніе не столь энергично противится мысли объ уступкахъ Греціи, и даже съ самыхъ мѣстъ пишутъ, что не мало албанцевъ поступаютъ волонтерами въ греческія войска. Усилія правительства Абдулъ-Гамида создать здѣсь затрудненія для державъ не достигли, или не вполнѣ достигли цѣли своей. Но Абдулъ-Гамидъ на этомъ не останавливается, онъ задумалъ болѣе широкій планъ. Съ нѣкоторыхъ поръ держится упорно какой-то странный слухъ о томъ, что повелитель правовѣрныхъ агитируетъ среди мусульманъ всего міра, желая поднять его—не то противъ англичанъ, не то противъ всей Европы. Увѣряютъ, будто, въ настоящее время во дворцѣ султана „тайно“ гостятъ нѣсколько принцевъ изъ мусульманскихъ частей Остъ-Индіи (хороша „тайна“, составляющая секретъ всей европейской прессы!), что агенты Порты дѣятельно работаютъ во славу Пророка въ Индіи и Авганистанѣ, что изъ Константинополя закинуты дружественныя удочки къ берегамъ Туниса и т. д. Намъ кажется это преувеличеніемъ. Не есть ли это естественное pia desideria турецкихъ патріотовъ, превращенное уже въ фактъ пылкимъ воображеніемъ поставщиковъ свѣдѣній съ Балканскаго полуострова. Слухъ о превращеніи Румеліи въ вассальное княжество подъ управленіемъ князей изъ дома Вогоридесовъ снова повторяется. Нынѣшній генералъ-губернаторъ, князь Вогоридесъ возвратился въ Филиппополь и былъ принятъ восторженно, по словамъ депеши Международнаго агентства.

Въ Галиціи, въ настоящее время уже начались вѣроятно, большіе маневры, имѣющіе происходить между Пшемысломъ и Львовомъ въ присутствіи императора Австрійскаго. Въ маневрахъ принимаютъ участіе 4 пѣхотныхъ, 2 кавалерійскихъ дивизіи и 24 баталіона галиційскаго и буковинскаго ландвера, что, въ общемъ, составитъ 40 тысячъ человѣкъ. Насъ, конечно, интересуютъ не маневры эти, а то именно обстоятельство—какъ отзовется пребываніе императора на тяжеломъ положеніи галиційскихъ русскихъ, возлагающихъ нѣкоторыя надежды на посѣщеніе своего государя. Или все останется какъ теперь?!

Въ лагерѣ германскихъ соціалистовъ произошелъ расколъ. Вожди соціалъ-демократовъ Кернеръ и Финнъ обратились къ берлинскимъ рабочимъ съ прокламаціей, въ которой совѣтуютъ имъ порвать всѣ связи съ господствующимъ въ соціалистическомъ лагерѣ теченіемъ, т. е. съ Бебелемъ и Либкнехтомъ (двумя наиболѣе крайними соціалистами), съ тою, по словамъ ихъ партіею непримиримыхъ, которая, симпатизируя съ прогрессистами, ведетъ себя не особенно честно съ рабочими. Соціалистамъ, говорится далѣе въ прокламаціи, надо поддерживать новую экономическую и таможенную политику правительства. Съ этою цѣлью въ Берлинѣ предполагается издавать особую соціалистическую газету. Керну и Финну, высланнымъ въ прежнее время изъ столицы, вновь дозволено теперь возвратиться туда и въ этомъ дозволеніи они видятъ желаніе правительства оказывать поддержку стремленіямъ, могущимъ принести дѣйствительную пользу рабочему люду (мы недавно говорили о планахъ Бисмарка относительно рабочихъ).

Переговоры наши съ Китаемъ будутъ-таки, перенесены въ Пекинъ, куда уже отправился нашъ повѣренный въ дѣлахъ, г. Бютцовъ. Говорятъ, что правительство наше соглашается на нѣкоторое измѣненіе условій договора, заключеннаго съ Чунгъ-Хоу (онъ помилованъ окончательно, съ возвращеніемъ имѣній, которыя были секвестрованы), настаивая, главное, на томъ, во 1-хъ чтобы границы наши были обезпечены отъ нарушеній со стороны подданныхъ Китая, и во 2-хъ, чтобы мы удержали за собой часть Кульджи для поселенія въ ней дунганъ, которыхъ правительство наше желаетъ обезопасить отъ мести китайцевъ. Маркизъ Цзенгъ остается, повидимому, на долгое время въ Петербургѣ. На границѣ же не замѣтно ничего враждебнаго намъ.

Между Соединенными Штатами и Мексикою грозитъ вспыхнуть война. Генералъ Дахврайльп занялся мыслью завоевать Мексику для Штатовъ. Въ Техасѣ уже формируется подъ начальствомъ его многочисленная армія флибустьеровъ. Планъ этотъ находитъ большое сочувствіе и поддержку въ Новой Мексикѣ, Техасѣ, Эризонѣ и Калифорніи.

Смѣсь.

Кельнскій соборъ. 3 августа, въ 10 часовъ утра, довершено было сооруженіе кельнскаго собора поднятіемъ креста, и весь городъ украсился флагами въ честь этаго событія. Это событіе—очень достопамятное, если вспомнить всѣ превратности, чрезъ которыя прошелъ этотъ удивительный памятникъ,—одинъ изъ самыхъ прекраснѣйшихъ въ мірѣ, одно изъ самыхъ обширныхъ зданій готической архитектуры. Легенда говорила, что соборъ никогда не будетъ оконченъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ, событія, повидимому, оправдывали легенду. Работы по сооруженію каѳедральнаго собора, начатыя въ 1248 г. продолжались до 1509 г.; но въ теченіи этого долгаго времени они часто прерывались. Изувѣченное временемъ и людьми, почтенное зданіе угрожало разрушеніемъ, и по всей вѣроятности было-бы снесено, еслибъ не проснулись археологическая ревность и религіозный энтузіазмъ; составились общества и взялись окончить, при помощи добровольныхъ сборовъ, гигантское твореніе, задуманное въ средніе вѣка. Приношенія поступали со всѣхъ сторонъ; тогдашній прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ IV обязался ежегодно вносить по 50,000 талеровъ, и 4 сентября 1820 г. происходила вторая закладка каѳедральнаго собора. Съ 1821 года въ строительную сборную кассу, частью изъ частныхъ источниковъ, частью изъ общественныхъ суммъ поступило 18 милліоновъ марокъ, употребленныхъ поровну на окончаніе колокольни и отдѣлку самой церкви. Капиталъ, положенный предшествующими вѣками на эту постройку, а именно деньги, израсходованныя для возведенія колоссальнаго фундамента, равно какъ и на покупку участковъ земли, занятыхъ зданіемъ, по крайней мѣрѣ долженъ равняться пожертвованіямъ настоящаго столѣтія, такъ что общая стоимость собора представляетъ въ сложности около 40 мил. марокъ.

Лунный пейзажъ. Извѣстный англійскій художникъ, Олафъ Виниклеръ, представилъ въ Лондонское королевское общество картину, изображающую *лунный пейзажъ*, то есть такой видъ поверхности нашего спутника, какимъ онъ представился бы наблюдателю, стоящему на одной изъ лунныхъ горъ и осматривающему одну изъ обширныхъ долинъ, усѣянныхъ кратера-

ип давно-потухшихъ вулкановъ. Солице представлеио здѣсь заходящимъ за вершины горъ; оно окрашиваетъ ихъ бѣлосиѣжнымъ блескомъ, такъ какъ луна ие имѣетъ атмосферы, свѣтъ иа ней не преломляется, а потому и великолѣпные цвѣта земныхъ закатовъ солнца—неизвѣстны иа ней. По той же причинѣ звѣзды имѣютъ на лунѣ правильио-круглый дискъ, а небо—должно казаться совершенно чернымъ. И посреди этаго то неба, въ зенитѣ луны,—видна *земля*; Азія, часть Африки и страны сѣвернаго полюса—окрашены солнцемъ и обращены къ предполагаемому наблюдателю, иаходящемуся на луиѣ. При отсутствіи иа лунѣ атмосферы, подобиой нашей,—иа ней нѣтъ разсѣяннаго солпечнаго свѣта, вслѣдствіе этаго, за исключеніемъ горныхъ вершинъ, всѣ части пейзажа окрашены только отсвѣчиваніемъ отъ земли въ легкій розоватый оттѣнокъ. Этотъ оттѣнокъ происходитъ отъ прохожденія солнечныхъ лучей черезъ земную атмосферу.

Новое примѣненіе электрическаго тока. Лондонскому доктору Вильяму Сименсу, при помощи очень простаго аппарата, удалось въ четверть часа расплавить нѣсколько старыхъ пилъ, сдѣланныхъ изъ самой твердой стали, причемъ онъ израсходовалъ только треть того количества угля, какое расходуетъ обыкновенная плавильиая печь, при тѣхъ же результатахъ. Польза отъ такой плавки очевидна. Если удастся уменьшить на половину расходы по обработкѣ стали и желѣза, то это дѣйствительно произведетъ переворотъ въ стальномъ производствѣ.

Электрическая плавильиая печь Сименса очень проста по устройству. Она состоитъ изъ плавильнаго графитнаго тигля, къ которому примыкаютъ, на иебольшомъ другъ отъ друга разстояніи двѣ телеграфныя проволоки. Когда токъ пускается въ одиу пзъ проволокъ, электрическая искра переходитъ съ одиаго конца проволоки къ другому, какъ въ электрической лампѣ, и при этомъ переходѣ образуетъ такъ изываемую Вольтову дугу, теплота которой какъ извѣстио въ состояніи расплавить, въ самое короткое время, даже платину. Такимъ образомъ неудивительно, что сталь, вложенная въ тигель, таетъ какъ масло. Токъ пускается электрической машиной, которая въ свою очередь приводится въ дѣйствіе двигателемъ, нагрѣвающимся углемъ.

Еще ранѣе электричествомъ стали испытывать степень воспламененія петролеума. Для этой цѣли пары этаго минеральнаго масла вводятся въ котелъ, къ которому примыкаютъ вышеописанныя проволоки. Электричество еще употребляется какъ двигательная сила для рѣзцовъ, обтачивающихъ жериова и для буравовъ, пробивающихъ скалы, при чемъ буравы двигаются со скоростью 1,000 и 2,000 поворотовъ въ минуту. Кромѣ дешевизны, электрическіе буравы представляютъ еще то удобство, что они могутъ быть уставлены въ любомъ отдаленіи отъ мѣста работъ.

			45	92	29	94	33	90	31	106			
		97	28	95	42	91	30	103	34	89	36		
	27	46	99	44	93	40	101	32	105	38	107	88	
63	98	25	96	41	100	43	104	39	102	35	86	37	2
26	47	62									1	108	87
61	64	49	24	9	66	11	72	5	70	85	110	3	122
48	51	60	65	12	21	8	69	82	73	4	121	112	109
59	14	53	50	23	10	67	6	71	84	111	114	75	120
52	17	56	13	20	7	22	83	68	81	74	117	78	113
15	58	19	54	**Рѣшеніе задачи**						115	80	119	76
18	55	16	57	**ходъ коня № 57.**						118	77	116	79

Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость,
Гдѣ ты, гдѣ ты, ночная радость,
Изчезиулъ онъ, веселый сонъ,
И одинокой, во тьмѣ глубокой я пробужденъ,
Кругомъ постели нѣмая иочь.
Вмигъ охладѣли, вмигъ улетѣли толпою прочь
Любви мечтаиья. Еще полна душа желанья
И ловитъ сна воспоминанья.
Любовь, любовь! Внемли моленья,
Пошли мнѣ вновь свои видѣнья,
И поутру, вновь упоенный,
Пускай умру непробуждеиный.

А. С. Пушкинъ.

Вѣрвыя рѣшеиія этой задачи присланы **СПБ.** отъ гг. Вѣрочкииа, Жаворонкова, Рудаковой, Матьяса, Пвретерскаго; **Москва**—Зѣвакина, Минофьева; **Кронштадтъ**—Даржава; **Казань**—Порѣцкаго; **Мозырь**—Лапича; **с Плещинъ**—Селвнкаго; **Пенза**—Орлова, **Тверь**—Долгова; **Саратовъ**—Невича, **Судакъ**—Романовсной; **Петергофъ**—Игумнова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 58.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 11 иа № 15	Съ № 20 на № 4
„ № 10 „ № 14	„ № 11 „ № 9
„ № 29 „ № 26	„ № 30 „ № 21
„ № 23 „ № 28	„ № 16 „ № 30
„ № 31 „ № 27	„ № 30 „ № 32
„ № 1 „ № 5	„ № 32 „ № 1
„ № 22 „ № 18	„ № 21 „ № 14
„ № 3 „ № 8	„ № 14 „ № 5
„ № 8 „ № 4	

Вѣрныя рѣшенія этой задачв присланы: **Спб.** отъ гг. Пѣнова, Геннна, Ковалвнко, Журкина, Матьяса, **Москва**—Банкова, Зѣвакина, Киселева, **Тверь**—Долгова; **Кронштадтъ**—Даржана; **Молога**—Неустроева; **Ярославль** Пуговошникова, **Новгородъ**—Боввия; **Орелъ**—Соломатина; **Сергев. посадъ**—Трвгубова; **ст. Клвнъ**—Цыганова; **Рыбинскъ**—Казакова; **Городецъ**—Баранова; **Тульчинь**—Щагина; **Бузулукъ**—Балачвва **Курскъ**—Заводскаго, **Сапожокъ**—Вѣлякова.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г-ну Скудовскому въ Харьковъ. Большія преміи для журнала **«Нива»** на **1880** годъ—**двѣ** прекрасныя **акварели** извѣстнаго Придворнаго Е. И. В. художника **М. Зичи: «Пляска Тамары»** и **«Тамара умершая, окруж. родными»** (Изъ „Демона" Лермонтова) „специально исполненныя художникомъ по заказу для „Нивы", печатанныя красками, причемъ копіи отличаются такими достоинствами, что по отзыву самаго художн. **Зичи** его произведенія еще нигдѣ и никогда съ такимъ совершенствомъ воспроизведены не были—эти двѣ картины будутъ высланы иашимъ подписчикамъ въ среднихъ числахъ **Октября** с. г.

Въ непродолжительномъ времени нѣсколько экземпляровъ этихъ картинъ будутъ уже выставлены въ СПБургѣ въ Конторѣ Редакціи „Нивы"—и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы и большихъ губернскихъ городовъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 29 августа 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. [illegible] № 10.

НИВА

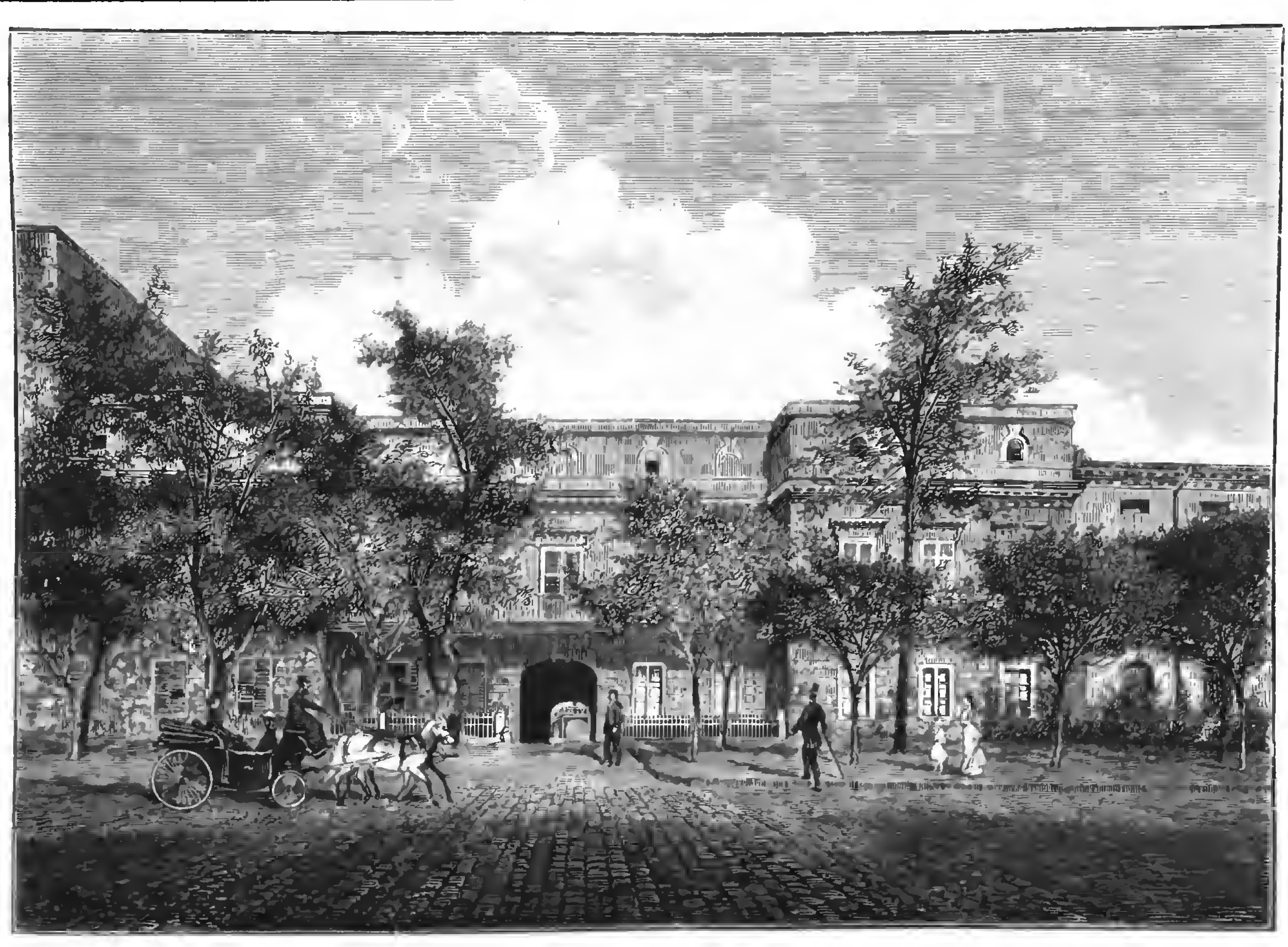
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ — № 36 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Выданъ 6 Сентября 1880 г.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за СЕНТЯБРЬ 1880 г. съ 23 рисунками и отдѣльный листъ съ 23 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 23 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 году. Съ фотогр. рисов. В Шпакъ, грав. М. Рашевскій.

Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 г.

„И такъ, я жилъ тогда въ Одессѣ“.
(Евгеній Онѣгинъ).

Одесса, какъ и многіе другіе города, въ день открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, не осталась безучастною свидѣтельницею этаго торжества. Здѣсь, въ этотъ день, въ актовой залѣ университета состоялось торжественное собраніе, на которомъ постановлено открыть подписку на устройство пушкинскаго фонтана и, ходатайствовать о разрѣшеніи назвать Итальянскую улицу Пушкинскою. На этой улицѣ у воротъ дома Сикара (изображеннаго на нашемъ рисункѣ). 6 іюня прибита мраморная доска съ надписью „здѣсь жилъ Пушкинъ въ 1823 г.“ Самый актъ прибитія этой надписи былъ обставленъ нѣкоторою торжественностью: члены славянскаго благотворительнаго общества прибыли всѣ вмѣстѣ, прямо изъ засѣданія, къ дому Сикара и осматривали домъ и надпись.

Домъ Сикара, въ то время, когда въ немъ жилъ Пушкинъ, вмѣщалъ въ себѣ старѣйшій въ Одессѣ Hôtel du Nord. Сюда пріѣхалъ Пушкинъ изъ Кишинева, вмѣстѣ съ новороссійскимъ ген. губернаторомъ гр. М. С. Воронцовымъ, канцелярія котораго, по званію намѣстника бессарабскаго, была переведена въ Одессу одновременно съ назначеніемъ его ген. губернаторомъ. Приэтой канцеляріи состоялъ, какъ извѣстно, Пушкинъ. Въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ мы находимъ нѣсколько подробностей, которыя представляютъ прекрасную характеристику самого поэта за время, которое онъ провелъ въ Одессѣ. Здѣсь же, по свидѣтельству И. С. Пущина, Пушкинъ писалъ „Онѣгина“, писалъ на лоскуткахъ бумаги, въ постели. Разъ ему шутя замѣтили, что при описаніи театра, для полноты сходства, слѣдовало бы упомянуть и о манерѣ поэта наступать всѣмъ на ноги въ проходахъ между креслами и Пушкинъ вставилъ стихи: „Идетъ межъ креселъ по ногамъ“...

На улицахъ Одессы Пушкинъ показывался всегда въ черномъ сюртукѣ и фуражкѣ съ желѣзной палкой въ рукѣ, но въ Casino, о которомъ онъ упоминаетъ въ Онѣгинѣ, его видѣли иногда въ кишиневскомъ архалукѣ и фескѣ. Сюртукъ застегивалъ онъ постоянно до галстуха на всѣ пуговицы, воротничковъ никогда не было видно. Волосы всегда были коротко острижены или даже обриты („я ускользнулъ отъ эскулапа больной, обритый, но живой“), на рукѣ носилъ большое золотое кольцо съ гербомъ.

Изъ близкихъ лицъ Пушкину, профессоръ Зеленецкій упоминаетъ А. И. Левшина, А. Н. и Н. Н. Раевскихъ, Туманскаго и одного англичанина, о которомъ Пушкинъ выражался, какъ о единственномъ умномъ атеѣ (атеистѣ) какого онъ только встрѣчалъ. Одно время поэтъ былъ окруженъ польскими панами — помѣщиками, пріѣзжавшими часто въ Одессу и умѣвшими всегда найти доступъ къ другу своего „безсмертнаго Адама“, какъ они называютъ Мицкевича.

По утрамъ Пушкинъ постоянно читалъ или писалъ, стрѣлялъ въ цѣль и гулялъ по улицамъ.

„Бывало пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я“.

Книги бралъ онъ изъ книжнаго магазина француза Рубо. Обѣдалъ то въ греческомъ ресторанѣ Димитраки, то въ Hôtel du Nord, то у Оттона.

„Шумъ, споры—легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Оттономъ.
Часы летятъ а грозный счетъ,
Межъ тѣмъ невидимо растетъ“.

Иногда Пушкинъ отправлялся на дачу Рено, гдѣ любовался „гордою красою“ моря. Вечера въ Одессѣ поэтъ проводилъ въ обществѣ, посѣщая балы у графа Воронцова или же бывалъ у негоціанта Ризничь, на Херсонской улицѣ, гдѣ игралъ въ карты съ хозяйкой и любезничалъ („На языкѣ тебѣ невнятномъ“), Ходилъ иногда въ оперу и балетъ. Что касается службы въ канцеляріи графа Воронцова, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, она была необременительна. Преданія сохранили одинъ эпизодъ: въ 1824 году Пушкинъ былъ командированъ въ Херсонскій уѣздъ, для принятія мѣръ противъ саранчи, вмѣстѣ съ двумя баталіонами солдатъ. Онъ поѣхалъ въ уѣздъ но, вмѣсто донесенія, прислалъ будто бы шуточные стихи, что впрочемъ мало вѣроятно.

30-го іюля Пушкинъ уже уѣхалъ изъ Одессы.

Самъ поэтъ не особенно впрочемъ жалѣлъ, что судьба забросила его въ Одессу. Кромѣ нѣсколькихъ главъ „Евгенія Онѣгина“, написанныхъ здѣсь, почти всѣ стихотворенія, помѣченныя 23-мъ и 24 годами, написаны въ Одессѣ подъ впечатлѣніемъ юга:

„Но солнце южное, но море...
Чего жъ вамъ болѣе друзья?
Благословенные края“.

Домъ, въ которомъ помѣщался Hôtel du Nord, представленный на нашемъ рисункѣ, при Пушкинѣ былъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ сохранился въ настоящее время. Только не было акацій на улицѣ. Поэтъ писалъ:

„Кой гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь...

А теперь бѣлыя акаціи выросли выше дома. Не было и той прекрасной мостовой, какую мы видимъ на рисункѣ. Впрочемъ, уже и при Пушкинѣ начинали мостить городъ, что видно, между прочимъ изъ стиха:

„Но ужъ дробитъ каменья молотъ
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней“.

За то были при Пушкинѣ опера и балетъ. Воспоминаніями объ оперѣ и о природѣ юга кончаются отрывки изъ путешествія Евгенія Онѣгина:

„Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы ревемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса,
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ...

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXXII.

За занавѣсью.

Она осталась, какъ онъ покинулъ ее, стоящею посреди комнаты, окутанною дымкою голубыхъ тѣней, отбрасываемыхъ оконными занавѣсями, забывъ обо всемъ, точно оглушенная сильнымъ ударомъ, испытывая какое то странное ощущеніе убѣгающаго изъ подъ ея ногъ пола, движущихся въ ея глазахъ стѣнъ, потолковъ и оконъ... То о чемъ узнала она, что потрясло ее, перевернуло весь строй ея мыслей, оборвало разомъ всѣ ея симпатіи и вѣрованія, въ эту минуту отошло на задній планъ и какъ бы даже не существовало, затѣненное страннымъ вниманіемъ ея къ своему, такъ сказать, физическому состоянію, къ рѣшенію заданнаго ею себѣ вопроса—упадетъ она или нѣтъ—къ мимолетному наблюденію за кажущимися ей измѣненіями въ положеніи предметовъ... Сердце ея замедляло свои быстрыя сокращенія и какая то гнетущая тоска разливалась по всему тѣлу, задерживая дыханіе... Это было то страшное состояніе организма, которое находитъ для себя легчайшее разрѣшеніе въ рыданіяхъ, въ дикомъ смѣхѣ съ искаженнымъ лицемъ, въ какомъ нибудь требующемъ энергическаго напряженія мускуловъ — движеніи... Съ задернутыми мутной завѣсой глазами, она вдругъ почувствовала въ себѣ горячее и жгучее движеніе гнѣва, поднимающееся къ самому ея горлу, на минуту захватившее было ея духъ и нашедшее себѣ облегченіе въ вырвавшемся изъ ея груди глухомъ хриплομъ стонѣ... Ея сердце, такъ еще недавно замирающее до остановки — сначала чуть замѣтно, а потомъ все сильнѣе и учащеннѣе, забилось въ груди... Она сжала, ломая, свои пальцы и изъ ея сухихъ глазъ выдавились слезы, не облегченія, но гнѣва, негодованія. Ощущаемая въ ногахъ слабость,

колебаніе пола, кажущееся измѣненіе положенія стѣнъ, потолка и оконъ—изчезли; она стояла твердо на ногахъ, блѣдная и трепещущая отъ гнѣва среди перемежающихся и колеблющихся, не менѣе ея самой, голубоватыхъ тѣней...

Великій Боже!.. Всѣ Твои сыны, всѣ дѣти Твои! кому-же, кому давалъ Ты право... И что сдѣлали изъ нея!.. Мало того, что у нея отняли дѣтство, милое, беззаботное дѣтство, окрашенное нѣжно розовыми оттѣнками счастія, отняли юность, открытую вѣрованіямъ въ идеалъ, въ возможность достиженія на землѣ правды и добра, въ возможность ихъ царства па землѣ, — мало того, что взамѣнъ всего этаго ее надѣлили въ годы вѣры—недовѣрчивостью, скрытностью и холодностью, мало того, что ее бросили въ объятія человѣка, котораго она не любила,—ей показали обманомъ счастье, заставили ее въ годы, когда человѣкъ достигаетъ полнаго развитія своихъ страстей и способностей, въ тѣ годы, когда разсудокъ можетъ бороться съ чувствомъ, заставили повѣрить ее въ то, чему она не вѣрила прежде, заставили пережить ее въ короткій промежутокъ времени и счастливое дѣтство, и меланхолическую юность, заставили ее полюбить!.. И вдругъ—вдругъ, однимъ взмахомъ обнаружили передъ ней обманъ, отдернули розовыя завѣсы, открыли ея, возмущеннымъ зрѣлищемъ, глазамъ смрадное и ужасное болото, которое она не видѣла, но которымъ была окружена... Ей, безвѣстной сиротѣ, дали отца и мать... Вонъ, она какая счастливица: у нея есть отецъ и мать!.. Не профанація-ли это такихъ святыхъ именъ?.. Эти нѣжные и кроткіе облики слились въ ея глазахъ въ изображеніе невысокой женщины еврейскаго типа, съ горбомъ, съ морщинистой кожей на лицѣ, съ выпяченной нижней губой, съ бѣгающими глазками, при видѣ которой ввѣренный ея попеченіямъ ребенокъ дрожитъ и блѣднѣетъ и предпочитаетъ броситься въ окно на мостовую въ ту пору, когда голова занята играми, предпочитаетъ разбиться, умереть,—въ девять, въ десять лѣтъ умереть! нежели продолжать жить съ ней!. Ей дали мужа наконецъ, который заставилъ ее уважать себя за то, что продалъ ее другому...

Другому!.. она вдругъ сдѣлала шагъ и не сознавая ясно куда и зачѣмъ идетъ, поникнувъ головою, двинулась по открывающейся анфиладѣ комнатъ, богато убранныхъ и изукрашенныхъ, соединяющихъ голубую гостинную съ ея будуаромъ... Другому!.. Все, все могла бы она перенесть, съ болью сердечною перенесть, но не этотъ позоръ!.. Ахъ, она такъ вѣрила въ улыбнувшееся ей счастье!.. Но то были слова, одни слова!.. Ей вдругъ представился образъ ея супружеской жизни: она все одна и одна; мужъ рѣдко, рѣдко зайдетъ къ ней, побудетъ съ ней часъ, другой и снова—за свои книги, за свой заводъ... Онъ именно приходитъ къ ней, какъ къ забавѣ, какъ къ вещи, которую купилъ, унизился до согласія на подобную куплю, не сказавъ ей объ этомъ ни слова... Жену себѣ купилъ, для забавы, для минутныхъ прихотей ее себѣ купилъ!.. Она смотрѣла по сторонамъ... Вотъ сиреневый будуаръ. Слезы брызнули изъ ея глазъ.. Милый мой!.. я не гнѣвною иду къ тебѣ, но прощающею, руки твои цѣлующею, милые глаза твои... Я иду къ тебѣ, счастье мое, благодарною за тѣ немногія радости, которыя ты внесъ въ мою печальную жизнь... Но я люблю въ тебѣ того смягченнаго въ крутомъ нравѣ человѣка, который бы не сдѣлалъ изъ женщины, изъ жены — покупное... У такого смягченнаго, способнаго внести въ жизнь радости, способнаго отереть слезы у плачущаго — я и руки цѣлую; ты правъ, это ты не солгалъ: ты страшное имя несешь... Помнишь, ты сравнивалъ себя съ кѣмъ? на такого есть у меня иныя слова и эти-то жесткія слова—я скажу тебѣ... Ты ихъ достоинъ, ты ихъ заслужилъ!..

Она быстрымъ и рѣшительнымъ шагомъ оставила будуаръ и вошла въ уборную, въ глубинѣ которой маленькая, на половину стеклянная дверь, задернутая зеленой тафтой, вела въ рабочій кабинетъ мужа... Также быстро она приблизилась къ двери, хотѣла ее отворить, взялась было за ручку, но вдругъ остановилась—что она скажетъ ему?.. И можетъ-ли она что сказать?.. Она осторожно приподняла тафтяную занавѣску и смотрѣла жадными глазами въ полутемный, какъ всегда, кабинетъ... Она видѣла шкафы съ книгами, физическіе инструменты, большой заваленный бумагами, книгами и газетами, письменный столъ... Мужъ сидѣлъ къ ней бокомъ, погруженный въ чтеніе, ероша свои черные волосы.. Вѣроятно желая обдумать что либо изъ прочитаннаго, онъ на время оторвался отъ книги, откинулся на спинку кресла и закрылъ глаза. Прощай, прощай, мой милый!. Я не войду, я не буду мѣшать тебѣ... Я боюсь войти: кто знаетъ, можетъ взглянувъ на меня своими кроткими и любящими глазами,—ты снова заставишь вѣрить, что любишь во мнѣ не забаву, а человѣка; вѣдь вѣрила-жъ я?.. А между тѣмъ—ты меня купилъ, купилъ свое счастье!.. Мы женщины такія... насъ легко обмануть.. Но я не хочу быть обманутой, не хочу жить у тебя купленою... Прощай...

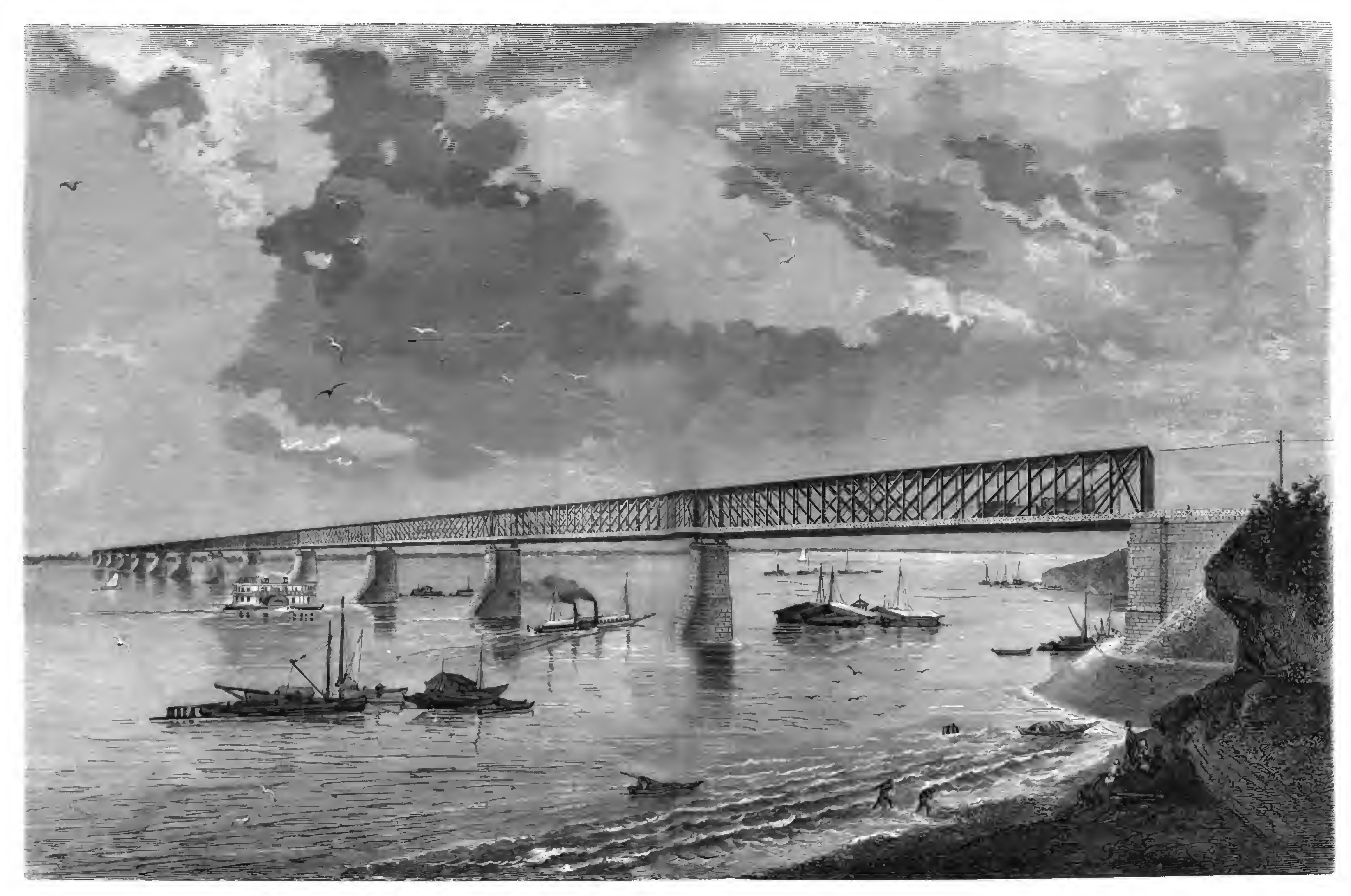
И въ этой борьбѣ, она быстро опустила занавѣску, побѣжденная отвращеніемъ, уничтожая, вырывая съ корнемъ любовь... Тамъ, за этой тонкой тафтой, сидитъ тотъ, кого она рѣшилась не видѣть болѣе никогда... Уйдти, убѣжать отъ него!.. Навсегда, скорѣй!..

XXXIII.

Безъ пріюта.

Катерина Александровна вышла изъ дому никѣмъ незамѣченная. Сама ясно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ и куда идетъ, она поспѣшными шагами шла по направленію къ Нарвской заставѣ, движимая какимъ-то страхомъ, что ее увидятъ изъ дома и воротятъ назадъ, воротятъ туда, куда она не хотѣла болѣе возвращаться. Конечно этаго бы никто не сдѣлалъ, но въ томъ состояніи, въ которомъ находилась Катерина Александровна—подобный случай казался ей возможнымъ. Въ головѣ молодой женщины господствовала одна мысль, мысль о необходимости куда нибудь бѣжать отъ купившаго ее человѣка, но какого нибудь признака даже плана, относительно того къ кому бѣжать, гдѣ искать себѣ пристанища, у нея не было. Находили на нее только дикія мысли, одна безумнѣе и неосновательнѣе другой: приходила конечно мысль и о смерти, о самоубійствѣ, но она съ ужасомъ оттолкнула отъ себя ее. То, что другому измученному организму казалось бы единственнымъ возможнымъ средствомъ сразу прекратить всѣ муки, всѣ испытываемыя имъ страданія, то являлось ей иначе и заставляло вздрагивать въ невольномъ ужасѣ—казалось страшнымъ, превышающимъ ея силы. Долго ненаходящія себѣ исхода и воли дѣятельности, ея душевныя способности, многія изъ которыхъ не успѣли и до сихъ поръ быть можетъ развиться въ надлежащій свой ростъ, таили въ ней богатый запасъ жизненной энергіи, только съ исчезновеніемъ которой мыслима возможность произвольнаго лишенія себя жизни. Какъ ни были ужасны переживаемыя ею минуты, тѣмъ не менѣе она не чувствовала въ себѣ желанія порвать ихъ смертью, а желала уединиться, уйдти отъ нихъ куда нибудь въ тишину, чтобы, уединившись, обдумать то, что ей слѣдуетъ предпринять далѣе. Все это впрочемъ смутно проносилось въ ея головѣ и сама не отдавая себѣ отчета въ своихъ отрывочныхъ и безсвязныхъ мысляхъ, она бѣжала впередъ, не разбирая ни тропинокъ, ни грязи, по которой ей приходилось идти.

У Нарвскихъ воротъ она немного пришла въ себя... Торопясь уйдти изъ дома, она набросила на себя тальму и шляпу, тщательно укрылась вуалемъ, но въ попыхахъ забыла надѣть калоши и не подобрала трэна. Теперь она сообразила, что ея ноги промокли на-

Исполинский новый мостъ черезъ Волгу (близъ Сызрани, на Оренбургской желѣзной дорогѣ). По фотогр. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

сквозь, что ея платье выпачкано въ грязи. Весенній вѣтеръ дулъ ей на встрѣчу, откидывалъ полы ея тальмы. Она чувствовала, что ея лицо горитъ, тогда какъ ноги превратились въ совершенный ледъ. Все еще не имѣя опредѣленной цѣли, къ которой бы ей хотѣлось стремиться, она увидѣла только что остановившійся дилижансъ буро-коричневаго цвѣта, возящій отъ Нарвскихъ воротъ чуть-ли не къ Большому театру, дилижансъ, изъ котораго вылѣзали, видимо черезъ мѣру наполнявшіе его вмѣстимость, пассажиры. Изрядная кучка публики ожидала возможности замѣнить собою вылѣзшихъ. Двое тулуповъ уже взгромоздились на козлы. Съ Катериной Александровной было нѣсколько, случайнымъ образомъ захваченныхъ, денегъ, не болѣе двухъ-трехъ рублей. При видѣ дилижанса ей пришла мысль сѣсть въ него, чтобы скорѣе уѣхать подалѣе отъ того дома, изъ котораго она убѣжала. Она спѣшила перейдти площадь, попрежнему не разбирая куда ступали ея ноги... За вылѣзшими изъ кузова дилижанса пассажирами—кучка ожидающихъ столпилась у подножки, все уменьшаясь и какой-то непрерывною цѣпью, подталкиваемой рукою одѣтаго въ неопредѣленнаго цвѣта ливрею кондуктора, втискиваясь во внутрь дилижанса. Катерина Александровна пришлась послѣднею, думая, что ее некуда помѣстить; но благодѣтельная рука кондуктора всунула и ее, втиснувъ между какими-то чуйками. Простоявъ нѣкоторое время еще зазвать недостающихъ на козлахъ пассажировъ, подпрыгивая и трясясь, дилижансъ тронулся въ путь.

Ясное небо заволакивалось тучами, обѣщая снѣгъ или дождь. Благовѣстили къ вечернѣ. Катеринѣ Александровнѣ было необычайно душно и жарко, не смотря на отворенную дверь, сидѣть въ тѣснотѣ; лицо ея горѣло, только ноги оставались попрежному холодны, да въ суставахъ ногъ и рукъ чувствовалась какая-то ломота, точно она слегка разшиблась, упавъ гдѣ нибудь. Одно время была болѣе опредѣлившаяся и выяснившая мысль, обѣщавшая въ концѣ концовъ привести ее къ чему-либо опредѣленному—но смѣнилась въ ней прежней туманностью, какъ бы даже беззаботностью, нежеланіемъ думать о чемъ-либо, точно дума для нея въ это время имѣла какое-то второстепенное значеніе, точно ее возможно было отложить до болѣе удобнаго времени. Что-то въ родѣ легкаго забытья, позыва ко сну—показалось ей. Въ туманѣ сознанія чей-то неясный, но ужасающій ее, заставляющій содрогаться, ликъ мелькалъ передъ нею. Былъ-ли то отецъ ея, было ли это какое-то болѣзненное представленіе, она не могла уяснить себѣ. Въ такомъ состояніи опредѣленно сказавшемъ ей, что она простужена, Катерина Александровна вышла на площади Большаго Театра, гдѣ остановился дилижансъ и сама не зная куда идти, чувствуя что голова ея горитъ, что силы слабѣютъ на столько, что не смотря на довольно холодный вѣтеръ, она идетъ какъ бы въ испаринѣ, находя какое-то облегченіе въ томъ, что этотъ вѣтеръ обдуваетъ ей лицо, проникаетъ въ неплотно закрываемую тальмой грудь, что пошедшій крупными хлопьями снѣгъ падаетъ ей на лобъ, смачиваетъ сухія губы—направилась къ той части Офицерской, которая идетъ къ Коломнѣ, проходя мимо Демидова сада. Она перешла мостикъ, соединяющій Театральную площадь у самаго Маріинскаго театра съ Офицерской и остановилась, чувствуя боль во всѣхъ суставахъ, у перилъ канала, ведущаго отъ Мойки къ Екатерининскому каналу. Платкомъ она отерла выступившій на ея лицѣ потъ, откинула вуаль и подняла голову. Вдругъ что-то вздрогнуло въ ней и ея, носящіе несомнѣнный отпечатокъ страданія, глаза, расширились и неподвижно устремились впередъ. Передъ нею съ темными окнами, точно съ провалившимися глазами, стояла Литовская тюрьма.

Каковъ онъ, этотъ несчастный, похожъ-ли на меня?.. По троттуарамъ взадъ и впередъ прохаживался часовой, доходя до угла Офицерской и той канавы, около которой стояла Катерина Александровна; со стороны Мойки шелъ другой часовой. Надъ темными запертыми воротами чернѣли иконы; неподалеку отъ воротъ въ небольшой, наполненной образами, нишѣ горѣли лампады, своимъ свѣтомъ, отражаемымъ отъ вѣнчиковъ и ризъ, какъ-то еще рельефнѣе выдѣляя при наступающихъ сумеркахъ мракъ и холодъ этаго дома несчастья. Съ какой-то жадностью она смотрѣла на эту скорбную и безмолвную тюрьму, еще болѣе мертвую отъ чисто случайнаго безлюдья этой части Офицерской. Позади она слышала грохотъ каретъ, ѣдущихъ по Театральной площади и Никольской, но передъ нею, въ той сторонѣ, куда она смотрѣла, не шло и не ѣхало никого; только въ галлереѣ зажигали газъ и двое продавцевъ, сойдясь, потолковали о чемъ-то и снова разошлись. Милый братъ! она почувствовала вдругъ желаніе, думая, что онъ тутъ, упасть на его грудь и залиться слезами. Нѣтъ, не онъ убилъ! Она знаетъ убійцу... Онъ, этотъ братъ, привязанности не зналъ... Я все же знала ее... Да полно, знала-ли? Позади ея раздался грохотъ чего-то въѣзжающаго на мостъ и она оглянулась. Ѣхала закрытая со всѣхъ сторонъ, напоминающая какой-то ящикъ, темная карета съ жандармомъ назади, съ жандармомъ впереди. Не онъ-ли?.. Карета подъѣхала къ воротамъ и остановилась; жандармы слѣзли и отворивъ дверцы, пропустили въ калитку воротъ быстро промелькнувшаго мимо ея глазъ сѣраго арестанта, котораго она не могла даже разсмотрѣть. Можетъ и онъ. Изъ ея прекрасныхъ глазъ лились слезы. Еслибъ она могла раздѣлить свою судьбу съ нимъ? Прелестная и до странности неподходящая къ ея настроенію мечта обняла ея пылающій мозгъ. Все позабывъ, и свое горе, и это мрачное зданіе, передъ которымъ она стояла, и болѣзненное ощущеніе своего тѣла,—видѣла она кроткую, съ голубыми глазами, съ русыми волосами, съ выраженіемъ невыразимой прелести и доброты, окруженную лучезарнымъ сіяніемъ Матерь Божію, стоящую въ голубомъ, какъ бы сотканномъ изъ небесной лазури хитонѣ, стоящую посреди усыпаннаго громадными кустами незабудокъ зеленаго луга. Надъ нею раскинулся голубой сводъ, утопая въ густой синевѣ котораго блестѣли, какъ серебристыя звѣздочки, освѣщенныя лучами яркаго солнца, какія-то съ бѣлыми крыльями птички. На этомъ лугу, среди массы незабудокъ, въ сплетенныхъ изъ нихъ вѣнкахъ—она видѣла множество дѣтскихъ головокъ, бѣлокурыхъ, русыхъ и кудрявыхъ, видѣла множество сѣрыхъ, голубыхъ и черныхъ, смѣющихся, смотрящихъ дѣтскимъ вопрошающимъ взглядомъ, глазокъ, множество различныхъ очертаній личикъ, — бѣгущихъ въ рѣзвой игрѣ и спокойно отдыхающихъ дѣтокъ. То брошенныя, то несчастныя дѣти, которыхъ, какъ ее съ братомъ, вызвали на свѣтъ съ тѣмъ, чтобы покинуть, малютками осудить на позоръ, на преступленіе, на смерть. Вотъ и тотъ мальчикъ, что доживъ до десяти лѣтъ, выбросился изъ окна третьяго этажа на мостовую. Вотъ, вотъ онъ этотъ самоубійца!..

— Кажись знакомая?..

Мечта исчезла. Катерина Александровна стояла, прислонясь къ периламъ; слезы текли по ея щекамъ; голова болѣла; мрачное зданіе высилось передъ ней; какой-то господинъ, въ странномъ картузѣ съ далеко выдающимся впередъ козырькомъ, въ сѣровато-голубой камлотовой шинели съ длиннѣйшимъ капюшономъ и чернымъ бархатнымъ воротникомъ, стоя передъ нею, всматривался въ нее близорукими глазами. Сквозь слезы она посмотрѣла на него: гдѣ-то и когда-то она встрѣчала это съ нѣсколько озабоченнымъ выраженіемъ, съ какими-то напряженными мускулами, съ стиснутыми зубами и сжатыми губами лицо. Гдѣ-то встрѣчала, но гдѣ?.. Она отвѣтила:

— Я васъ не знаю! и хотѣла идти. Но господинъ въ смѣшномъ картузѣ ухватилъ ее за полу тальмы и положительно осердившись, прикрикнулъ на нее.

— Не знаю! а я васъ знаю! Эту вашу *кюкву* покойную отлично зналъ... Она же, бѣдняга, меня съ вами и познакомила у этой тетери Перфиловой... Помните?

И не дождавшись отвѣта, пристально всматриваясь въ эту видѣнную имъ впервые въ бальномъ туалетѣ прелестную женщину, теперь стоящую передъ нимъ всю измоченную дождемъ и снѣгомъ, забрызганную грязью, съ лицомъ выражающимъ очевидные признаки глубокаго страданія, какъ-то поспѣшно назвалъ себя:

— Ну да, все равно... Батраковъ!

И проведя рукою по ея мокрой тальмѣ, предъугадывая, что ее выгнало на улицу какое-то особенное обстоятельство, что она больна, простужена, можетъ умереть, вдругъ гнѣвно осердился на нее:

— Да что вы по улицамъ-то шляетесь? Съ ума что-ли спятили. Вѣдь смотрите: на васъ лица нѣтъ. Умрете.

— Что-жъ? слабо ул бнулась она.

Онъ положительно вышелъ изъ себя:

— Какъ это глупо! Увѣренъ, что сами какихъ-нибудь глупостей надѣлали... Стоитъ умирать. Гдѣ живете-то?

И отскочилъ въ ужасѣ, услышавъ ея отвѣтъ:

— Нигдѣ. Я ушла отъ мужа.

Онъ это зналъ: въ мужицкія лапищи отдать такой нѣжный цвѣтокъ! Онъ бросилъ на нее сострадающій взглядъ. Такой цвѣтокъ! Онъ уже хоронилъ ее и произносилъ со слезами на глазахъ на ея могилѣ слова поэта: „La rose, elle a vecu ce que vivent les roses—l'éspace d'un matin!“... Ее надо спасти... Онъ предпочелъ бы ее взять къ себѣ, но кому же у него заботиться о ней... Онъ холостякъ... У него нѣтъ въ квартирѣ женщины... Онъ вдругъ придумалъ къ кому помѣстить ее на время и подалъ ей руку:

— Пойдемъ: я свезу васъ къ одной своей хорошей знакомой.

Она машинально взяла его руку и пошла съ нимъ, направляясь къ театрамъ, гдѣ стояли извозчичьи кареты.

— На ногахъ тепло-ли?

Она отрицательно покачала головой. Милый, что-то съ тобой? мелькнуло въ ея головѣ, все болѣе и болѣе воспаляющейся какимъ-то горячо дышащимъ пламенемъ... Мысли ея путались, въ туманѣ полусознанія она переставала понимать, что съ ней дѣлается. Эти дома, эти театры, вся площадь являлись ей въ какомъ-то красновато-огненномъ туманѣ, то какъ бы слегка проясняющимся, то новыми и жгучими токами наводняющемъ и затопляющемъ все, что окружало ее. Какъ бы на минуту она опомнилась, ощущая во всемъ своемъ тѣлѣ рѣзкую боль и жаръ, чувствуя, что ее посадили куда-то, слыша, какъ чья-то заботливая рука усаживала ее и обертывала ей ноги тальмой. Въ полутемнотѣ кареты она ясно разслышала рядомъ съ собою чей-то вздохъ и вдругъ, въ безотчетномъ волненіи, чувствуя какой-то приливъ благодарности къ этому суровому на видъ старику въ смѣшномъ картузѣ, схватила его руку и поцѣловала ее своими сухими и воспаленными губами. Его душа исполнилась самаго теплаго участія къ ней; своими дрожащими руками, почти плача, онъ охватилъ ея голову и цѣловалъ ея лобъ, прижимая ее къ своей груди.

— Бѣдное, бѣдное, несчастное дитя!.. Такъ молода!

Потомъ она слышала, какъ сидящій рядомъ съ ней старикъ, усиленно началъ сморкаться и затѣмъ проговорилъ:

— Ни отца, ни матери—одна!

Тогда она нашла въ себѣ настолько силъ, чтобы протестовать:

— Ахъ, у меня есть... родители...

И прошептала, чувствуя, что онъ изумленъ ея отвѣтомъ и думаетъ, что она въ бреду:

— Отецъ мой, знаете,—мужъ Клеопатры Петровны, а мать—тетка моего перваго мужа.

У него вырвалось восклицаніе. Онъ началъ понимать, въ какой степени несчастна сидящая рядомъ съ нимъ женщина. Она шептала ему:

— Мой братъ—убійца Клеопатры Петровны.

Чувствуя, что на нее снова находитъ минута забвенія, что ея голова снова наполняется красновато-огненнымъ палящимъ туманомъ, смутно сознавая, что она можетъ потерять сознаніе и не сказать чего-то, что должна была сказать, она собрала всѣ свои силы и схвативъ его руку и сжимая ее, прошептала:

— Послушайте... если... если я умру—скажите моему мужу, что я любила его до послѣдней минуты... Чтобъ онъ не плакалъ обо мнѣ... чтобъ, если можно, былъ счастливъ...

И вдругъ воскликнула:

— Нѣтъ, онъ не можетъ быть счастливъ!

И забываясь, прибавила:

— Скажите, что я прощаю ему все... что онъ купилъ меня... Скажите...

И не договоривъ, забылась.

Карета, послѣ долгой ѣзды, остановилась передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ, черезъ зеркальныя стекла котораго виднѣлась лѣстница съ коричневыми диванчиками по стѣнамъ. Швейцаръ высадилъ изъ кареты Батракова и съ его помощью вынулъ почти безчувственную Катерину Александровну. Дали звонки на верхъ, посадивъ больную въ кресло. На лѣстницѣ показался лакей. Швейцаръ докладывалъ Батракову:

— Генеральши нѣтъ дома-съ... Поѣхали встрѣчать на поѣздъ молодаго барина.

Но тотъ не слушалъ. Онъ распоряжался какъ у себя дома... Приготовить для больной комнату барыни... и какъ можно скорѣе. Созвать *„бабъ“*!.. Уложить и перемѣнить бѣлье на больной. Хорошенько натереть ее уксусомъ и виномъ. Скорѣе, скорѣе!.. Онъ смотрѣлъ на ея страдающее лицо съ закрытыми глазами: не умерла ли она? Нѣтъ, она дышитъ, но горитъ, горитъ!.. Непремѣнно, непремѣнно умретъ!.. „La rose elle a vecu ce que vivent les roses,—l'espace d'un matin!..

— За докторомъ послали?..

Ему отвѣтили отрицательно; тогда онъ разсердился, крича на чужую прислугу, какъ на свою собственную:

— Дураки!.. ослы!.. Послать, скорѣе послать... тащите за шиворотъ перваго попавшагося доктора... Скорѣй, скорѣй!.. Видите, женщина умираетъ!..

XXXIV.

Сюрпризъ.

Выпроводивъ сына изъ Петербурга, m-me Столповская жила надеждой на возвращеніе его изъ дальней поѣздки, обновленнымъ, освѣжившимся, совершенно исцѣлившимся отъ предполагаемой ею въ немъ любви... Она не поступила такъ, какъ хотѣла, не рѣшилась сразу извѣстить сына о бракѣ Катерины Александровны съ Пантелѣевымъ, боясь, что внезапное и быстрое извѣстіе можетъ слишкомъ сильно подѣйствовать на слабаго здоровьемъ и мечтательнаго молодаго человѣка; она подготовила его къ этому постепенно. Въ своихъ первыхъ письмахъ Столповская даже не упоминала о Катеринѣ Александровнѣ и только убѣдившись, что сынъ здоровъ, дѣятеленъ и какъ бы даже веселъ, сказала о ней вскользь, выдавая тогда уже совершившійся фактъ за ходящій по городу слухъ, быть можетъ совершенно неосновательный. Переписка между матерью и сыномъ велась самая дѣятельная: письма летѣли отъ одного къ другой безпрестанно и m-me Столповская имѣла такимъ образомъ полнѣйшую возможность слѣдить за производимымъ на сына этими новостями эфектомъ. Подозрѣвающая и ревнивая, — она не думала, конечно, что сынъ будетъ откровененъ съ нею на этотъ счетъ: тайнъ его сердца она не ожидала встрѣтить въ отвѣтныхъ письмахъ; но въ тоже время она была убѣж-

дена, что своимъ родительскимъ сердцемъ прочтетъ въ этихъ письмахъ между строками, прочтетъ, хотя бы сынъ не упоминалъ объ интересующемъ его дѣлѣ ни словомъ, то, какимъ образомъ отзываются на немъ сообщенныя ею близкія его сердцу новости. Она отчасти не ошибалась. Хотя дѣйствительно сынъ не упоминалъ въ своихъ отвѣтахъ ей ничего о своей страсти, тѣмъ не менѣе по его письмамъ она читала грустную исторію тѣхъ разочарованій, которыя вносила въ его душу сообщаемыми ею извѣстіями. Она утѣшалась однимъ, что онъ былъ здоровъ, ѣздилъ въ имѣніе, ѣздилъ въ Оренбургъ, хлопоталъ и вообще обнаруживалъ нѣкоторую дѣятельность. Скорѣе бы, думала она, вырвать изъ его души всякую мысль, всякое воспоминаніе объ этой женщинѣ и тогда... тогда она надѣялась, что наступитъ та пора ея совмѣстной съ сыномъ жизни, когда этотъ сынъ запрется въ кабинетѣ и, сдѣлавшись труженикомъ, начнетъ приносить пользу отечеству, прославится самъ, прославитъ и ее...

Прославится!.. Въ своемъ материнскомъ невѣдѣніи, она забывала, что для труда необходима энергія, которую она именно и убивала въ сынѣ. Ея ослѣпленные любовью къ нему глаза не видѣли, что воспитаніе, направленное къ развитію въ немъ только эстетическихъ способностей, къ наученію его пониманію мелодическихъ звуковъ, красивыхъ формъ и сочетаній красокъ, безъ всякой подкладки серьезнаго изученія, способно образовать самаго поверхностнаго лирика, понимающаго жизнь съ точки зрѣнія мечты, иллюзіи, постоянно ноющаго и щемящаго чувства, слѣпаго къ окружающимъ его явленіямъ обыденной жизни, кажущимся ему низменными и недостойными вниманія. Она забывала, что обезпеченіе, окружающее сына, въ связи съ преобладающимъ лиризмомъ—убивало въ немъ и ту крупицу энергіи и самодѣятельности, которая быть можетъ копошилась когда либо у него... Какой онъ былъ труженикъ, какой спокойный наблюдатель фактовъ и ихъ истолкователь, если она воспитала въ немъ почти исключительно способность къ безпредметному словопренію и общей до чрезвычайности, оторванной отъ земли, безпочвенной характеристики предмета. Въ ея рукахъ онъ былъ всегда таковъ, по временамъ сознавая причину, дѣлающую его слабымъ,—своей возникшей было страстью къ Катеринѣ Александровнѣ, на время связывая себя съ землей и съ вымираніемъ этой страсти, возбудившей было въ немъ какія-то болѣе дѣятельныя силы, чувствуя возвращеніе къ прежней апатіи и недѣятельности, къ прежнему безпочвенному образу мысли, способный только на безпредметный разговоръ. Она не знала ничего этаго, не знала, что движимая своимъ личнымъ эгоизмомъ, лишила сына всего того, что могло образовать изъ него полезную силу. Узнавъ, что онъ возвращается къ ней, она сіяла восторгомъ, мечтая, что снова наступятъ тѣ блаженные для нея дни, когда она начнетъ съ нимъ длинные, длинные tête-á-tête, когда онъ отдастъ ей все свое время, не будетъ дѣлить его съ *той*... Да, не будетъ!.. Она съ какимъ-то восторгомъ обошла, прочтя письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ ее о своемъ пріѣздѣ, всѣ комнаты, казавшіяся ей безъ него такими пустынными и мертвыми, думая чѣмъ бы наполнить остающіеся до его возвращенія дни. Ея мысли путались отъ ожидающаго ея блаженства встрѣчи съ сыномъ...

(До слѣдующаго №)

Старый Данъ.

Разсказъ Л. Коллинза.

Домъ стараго Дана былъ самымъ значительнымъ зданіемъ въ деревенькѣ Боръ. Жилище ректора (т. е. священника, настоятеля мѣстной церкви) было весьма комфортабельно; домъ доктора красивъ снаружи и просторенъ внутри, но все это не могло сравниться съ домомъ Дана, да и ни одинъ изъ обитателей или обитательницъ Боръ не допустилъ бы подобнаго сравненія, еслибъ оно клонилось не въ пользу этого дома Это была гордость и слава деревни. Его затѣйливо разбитый садикъ, съ таинственными гротами и разными другими сооруженіями, неожиданно то тамъ, то сямъ появлявшимися предъ посѣтителемъ, казались мѣстнымъ жителямъ чѣмъ-то волшебнымъ. Молодежь, говоря объ этомъ домѣ, произносила всегда съ уваженіемъ „домъ м-ра Дана". Самъ владѣлецъ вышелъ изъ среды своихъ сосѣдей и возвысился на глазахъ ихъ всѣхъ. Во многомъ онъ былъ похожъ на остальныхъ, говорилъ ихъ языкомъ, и не могъ щегольнуть образованностью, но умѣлъ ловко управлять сохой, стричь овецъ, объѣзжать ретиваго жеребчика, косить, жать и всякое такое, не боясь соперничества, не уступая въ этомъ никому. Какъ въ этомъ, такъ и въ прочихъ дѣлахъ своихъ онъ обходился безъ чужой помощи, достигнувъ всего одинъ и работая съ удивительной настойчивостью. Дану везло удивительно. Къ тому времени, когда ему исполнилось двадцать пять лѣтъ, его домъ былъ уже далеко красивѣе домишекъ его сосѣдей-хлѣбопашцевъ. Онъ тогда же и женился; ему надо было жену, чтобы замѣнить только что умершую сестру, на которой лежало все хозяйство. Когда подросъ мальчикъ-сынъ (единственный ребенокъ его), т. е. когда ему минуло пять лѣтъ, Данъ сдѣлался главнымъ приказчикомъ на фермѣ, гдѣ до того былъ простымъ рабочимъ, и всѣ хорошо знали, что у него есть хорошій кушъ денегъ въ банкѣ.

Насъ не можетъ интересовать подробный разсказъ о томъ, какъ все больше и больше Данъ богатѣлъ и какъ увеличивался и украшался его домъ, а потому мы прямо обратимся къ той порѣ жизни его, когда на сцену начинаетъ выступать подросшій его мальчикъ—его единственный сынъ.

Франкъ не былъ ни особенно красивымъ, ни особенно бойкимъ мальчикомъ, но за то чрезвычайно симпатично было его серьезное не по возрасту лицо, съ большими задумчивыми глазами.

Онъ былъ еще маленькимъ, когда однажды вечеромъ, мать его выбѣжала вся сіяющая на встрѣчу мужу, держа въ рукѣ какой-то клочекъ сахарной бумаги.

— Данъ, воскликнула она, я покажу тебѣ что-то хорошее.

— Хорошее, ну и прекрасно! спокойно отвѣчалъ онъ, а мой чай готовъ-ли?

— Чай-то сейчасъ будетъ готовъ, а вотъ посмотри-ка.

И съ гордостью, понятною для всякой матери, она протянула къ нему лоскутокъ бумаги, на которомъ юный Франкъ довольно сносно начерталъ фигуру собаки.

— Видишь?! съ торжествующимъ видомъ произнесла она, смахивая съ бумаги послѣдніе остатки стертаго рисунка,—что ты думаешь объ этомъ?

— Что? по моему, это клочекъ грязной бумаги, ничего больше. Чего же ты это?

Она взглянула сама на бумаженку и сконфузилась, увидѣвъ, что рисунокъ исчезъ.

— Ахъ! это я испортила все, сказала она,—а тутъ былъ нарисованъ твой пинчеръ, и такъ похоже, такъ похоже, что, просто какъ настоящій. И это нарисовалъ нашъ Франкъ!

— Э, э! не надо ему тратить время на пустяки! но, потомъ, смягчивъ строгость замѣчанія, онъ прибавилъ—ничего хорошаго не можетъ выдти изъ этаго. Дай-ка мнѣ чаю.

Хорошо, или не хорошо, но маленькаго шалуна нельзя было уже отучить отъ привычки и страсти рисовать все, что ни попало. Схвативъ кусокъ мѣла, онъ, повсюду, на ставняхъ, на воротахъ, на стѣнахъ—рисовалъ людей, дома, собакъ, деревья, цвѣты и проч.

Дома трудно было ему добывать матеріалъ для рисованія: всякій обрывокъ, всякая бумажка тамъ прятались и собирались въ мѣшки, которые, затѣмъ, въ свое время, продавались. Гдѣ можно было, Франкъ доставалъ себѣ кусочки бумаги покрывая ихъ изображеніями зданій, портретами жителей и фигурами всякихъ домашнихъ животныхъ, попадавшихся ему подъ руку. Иногда онъ отправлялся подальше отъ дому и предавался любимому искусству на свободѣ. Въ одну изъ такихъ экскурсій, онъ избралъ сюжетомъ своимъ старинное зданіе приходскаго дома. Здѣсь онъ перелѣзъ черезъ заборъ, въ садъ и взобрался на дерево. Комфортабельно устроившись на суку, оперпись спиной о толстый стволъ, онъ скоро погрузился въ работу.

Вдругъ, гдѣ-то неподалеку прогрохоталъ выстрѣлъ. Мальчикъ поднялъ голову, но, не видя ничего, снова, и еще съ большимъ рвеніемъ, продолжалъ занятіе. Выстрѣлъ повторился еще разъ, уже ближе, за этимъ вторымъ грянулъ третій, уже совсѣмъ будто надъ ухомъ Франка, и, въ ту же минуту, онъ почувствовалъ острую боль въ ногѣ. Карандашъ, бумага, все это вылетѣло изъ его рукъ и самъ онъ, съ громкимъ крикомъ послѣдовалъ непосредственно за ними. Онъ еще не успѣлъ, однако, хорошенько придти въ себя, какъ около него очутились двое

Любитъ не любитъ. Съ картины В. Амберга, по фотогр. грав. Клаудіусъ.

молодыхъ людей; оба съ безпокойствомъ, наклонились надъ нимъ.

— Боже мой! воскликнулъ одинъ изъ нихъ, бросая въ сторону ружье,—Джеральдъ, смотри, да вѣдь это маленькій Франкъ! Франки, Франки! обратился онъ ласково къ маленькому художнику, ты вѣрно только испугался, а? ты не раненъ?!

— Я... я думаю, это ничего, проговорилъ Франкъ, дотрогиваясь до больнаго мѣста. Ему стало немного стыдно, что надѣлано „много шума изъ пустяковъ“.

Увѣренія эти нѣсколько успокоили Филиппа (это былъ сынъ настоятеля) и минутный страхъ смѣнился у него теперь смѣхомъ при видѣ сконфуженнаго мальчика.

— Филь, взгляни-ка сюда! воскликнулъ прiятель молодаго человѣка, показывая ему рисунокъ, сдѣланный Франкомъ,—этотъ мальчикъ просто геній! Франкъ хотя и не понялъ, что значитъ геній, но онъ видѣлъ, что произведеніе его хвалятъ и краска польщенной гордости выступила на его свѣжихъ щекахъ.

— Что тутъ такое, дѣти? раздался голосъ почтеннаго добряка настоятеля, услыхавшаго въ кабинетѣ крикъ Франка и поспѣшившаго на мѣсто,—что вы тутъ еще надѣлали?

Въ восклицаніи его звучала нота нѣкотораго раздраженія. Шалости сына и пріятеля, пріѣхавшихъ на вакаціи, уже порядочно надоѣли ему.

— Вы, кажется, приняли Франка за птицу?!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Филь,—Франкъ самъ подставилъ себя подъ выстрѣлъ и я думаю, что нѣсколько дробинокъ попало въ него.

— Филь, ты не умѣешь обращаться съ ружьемъ, совсѣмъ не умѣешь! Бѣги въ комнаты, скажи обо всемъ м-ссъ Ченъ и приведи сейчасъ же доктора Хелона. Надо осмотрѣть мальчика.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, пожалуйста... заговорилъ испуганно Франкъ, я, я виноватъ самъ: я не имѣлъ права влѣзать на дерево, сэръ, и мнѣ ничего, мнѣ не больно, не очень больно, сэръ, я только немного испугался...

— Ни, ни, ни! возразилъ добрый джентльменъ, надо, надо осмотрѣть. Можешь ли ты встать и идти?

Мальчикъ весело засмѣялся и успокоилъ, въ свою очередь, настоятеля, доказавъ ему, что можетъ встать и идти. Вскорѣ явился докторъ, нашедшій въ ранѣ три дробинки. Онѣ сейчасъ же были вынуты, но Франка все-таки не пустили еще домой; туда были отправлены оба молодые люди, съ порученіемъ объявить о случившимся и передать, что мальчикъ будетъ доставленъ въ этотъ же вечеръ въ домъ м-ра Дана. День этотъ былъ цѣлымъ событіемъ для Франка. Рисунокъ его оказался дѣйствительно очень порядочнымъ и общій интересъ, возбужденный этимъ произведеніемъ въ настоятелѣ, дочеряхъ его, Филѣ и его пріятелѣ, съ избыткомъ наградили мальчика всего за какіе нибудь три дробинки! Кромѣ того, ему доставили не мало удовольствія рисовальныя тетради юныхъ лэди и содержаніе картинъ, украшавшихъ столовую, но восторгамъ его не было предѣловъ, когда вечеромъ передъ отъѣздомъ (въ собственной каретѣ настоятеля), онъ получилъ въ подарокъ тетрадь для рисованія и полъ-дюжину карандашей. Онъ не могъ достаточно налюбоваться своимъ сокровищемъ, разжигавшимъ въ немъ искру любви къ искусству. Съ каждымъ днемъ серьезнѣе захватывала его страсть, пока, наконецъ не указала ему, что цѣль его жизни въ искусствѣ. Молодыя барышни приходскаго дома, твердо убѣжденныя, что именно имъ удалось открыть совершенство Рафаэля, продолжали живо интересоваться успѣхами его. Онѣ, даже, заставили ректора отправиться къ Дану, чтобы уговорить его дать сыну артистическое образованіе. Однако настоятель и его совѣты испытали очень холодный пріемъ. Данъ молча выслушалъ обращенное къ нему увѣщеваніе и когда настоятель окончилъ, онъ отвѣчалъ ему своимъ грубымъ, честнымъ голосомъ.

— Сэръ, я никогда не совался въ ваши дѣла, никогда и не стану соваться въ нихъ, а ужъ свои-то справлю самъ.

Затѣмъ, по уходѣ настоятеля, онъ тотчасъ же позвалъ сына и обратился къ нему съ внушеніемъ, хотя, по своей неслово-охотливости, терпѣть не могъ произносить длинныя рѣчи.

— Франкъ, сказалъ онъ, пасторъ приходилъ сейчасъ сюда и толковалъ мнѣ все о томъ, чтобы тебѣ идти въ художники. Не дѣло вбиваютъ въ голову тебѣ. Картинки писать шутки ради, для игрушки—это ничего, вреда въ томъ не вижу, хотя и пользы нѣтъ никакой отъ того. Но тебѣ надо думать не о томъ, а надо пріучиться какъ вести хозяйство на фермѣ. Этаго съ тебя будетъ довольно, парень. Ты ужъ подросъ и скоро пора тебѣ будетъ бросить заниматься игрушками.

— Хорошо, отецъ, отвѣчалъ Франкъ. До сихъ поръ еще ни разу не случалось, чтобы мальчикъ ослушался приказанія отца въ чемъ-нибудь. Данъ собственно не былъ строгъ или суровъ, и всегда хотѣлъ видѣть мальчика своего довольнымъ, но въ домѣ хорошо было извѣстно, что воля его—законъ. А Франкъ не бросилъ свои „игрушки“ и все свободное время отдавалъ имъ.

Вскорѣ послѣ этаго разговора у него прибавилось свободнаго времени; мать его, добрая и простая женщина, умерла и тѣ часы, въ которые онъ, обыкновенно, помогалъ ей по хозяйству, онъ сталъ теперь тоже посвящать рисованію. Занятія его пошли нѣсколько правильнѣе, подъ руководствомъ одного художника, пріятеля семейства ректора. Въ два года Франкъ уже дѣлалъ значительные успѣхи. Между прочимъ, онъ очень удачно срисовалъ, акварелью, зданіе приходскаго дома; картинка оказалась настолько хороша, что м-ръ Чэнъ, т. е. настоятель, украсилъ ею одну изъ стѣнъ своей гостиной; молодыя лэди отправили нѣсколько рисунковъ въ городокъ Чэльмчестеръ, гдѣ они были награвированы и нашли даже покупателей. Годы шли за годами и Франкъ достигъ возраста мужчины. Онъ уже понималъ теперь, что произведенія его пока не болѣе, какъ первые юношескіе, нетвердые шаги на великомъ пути, избранномъ имъ. Надо было учиться. Долго обдумывалъ онъ прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе. Онъ зналъ какъ это будетъ тяжело отцу его... Но, наконецъ, насталъ день, въ который Франкъ отбросилъ всѣ колебанія и пошелъ прямо къ старику.

— Отецъ, сказалъ онъ, мнѣ надо поговорить съ тобой,

Въ голосѣ его прозвучало что-то такое, что заставило Дана невольно бросить на сына долгій взглядъ, прежде чѣмъ онъ отвѣтилъ—что надо? говори.

— Я знаю, что то́, что я скажу, будетъ непріятно тебѣ, отецъ и мнѣ очень грустно это. Мнѣ трудно было принять свое рѣшеніе именно потому, что я зналъ, что тебя огорчитъ оно, но такъ какъ я уже принялъ его, то лучше будетъ прямо сказать тебѣ. Я рѣшился быть художникомъ.

— Давно ли ты рѣшился на это? спросилъ Данъ послѣ долгой, тяжелой паузы.

— Съ дѣтства думаю я объ этомъ, но окончательно рѣшился только на этихъ дняхъ.

— А ты знаешь ли и понимаешь ли, къ чему оно ведетъ?

— Да, отецъ, понимаю.

— Ты идешь противъ моего желанія, противу воли моей. Ты не жди никакой помощи отъ меня. Знаешь это?

— Да, отецъ.

Данъ всталъ съ своего мѣста и отворилъ дверь въ другую комнатку, такихъ же размѣровъ, какъ и та, въ которой они оба теперь находились.

— Гляди, мальчикъ, сказалъ онъ,—когда я началъ, вотъ эти двѣ маленькія комнатки были весь мой домъ, да и онѣ то еще не были совсѣмъ моими. Я нанималъ ихъ и работалъ за восемь шиллинговъ въ недѣлю; я знаю, что такое значитъ черная работа. Да и то не боялся и работалъ и купилъ домъ этотъ, пристраивать сталъ, понастроилъ не мало, пока не сталъ домъ, какой ты видишь теперь. А какъ ты родился, я и думалъ, что, вотъ, когда я буду старикомъ, мальчикъ этотъ будетъ хозяйничать, улучшать тутъ а мнѣ дастъ уголъ и я буду отдыхать. А теперь, что же это?! ты говоришь, что хочешь уйдти отсюда, хочешь сдѣлаться художникомъ. Я не могу одобрить этого, не могу одобрить. Я тебѣ въ этомъ помогать нисколько не буду. Если желаешь уйдти, уходи, но это будетъ противъ моей воли. Пойми—отъ чего ты отказываешься: не говори мнѣ больше ничего теперь. Подожди двѣ недѣли и обдумай все и не забывай, что я сказалъ тебѣ.

Франкъ унаслѣдовалъ непреклонную волю своего отца и ни на минуту не колебался уже въ рѣшеніи, къ которому пришелъ медленнымъ но твердымъ шагомъ. Онъ согласился ждать двѣ недѣли только изъ уваженія къ чувствамъ отца. Когда прошло назначенное время, онъ пришелъ снова къ нему и объявилъ, что рѣшеніе его неизмѣнно. Данъ выслушалъ его спокойно, безъ малѣйшей досады, но ужасно было Франку видѣть выраженіе внутренней боли на лицѣ отца и услыхать какъ дрогнулъ его, обыкновенно твердый голосъ, когда онъ спросилъ:

— Ты хочешь ѣхать въ Лондонъ?

— Да, отецъ.

— Когда?

— Я думалъ—чрезъ недѣлю, но если желаешь я могу уѣхать раньше, или позже.

— Нѣтъ, мальчикъ, назначь самъ день.

— Ты позволишь Мэзону довезти меня до станціи, отецъ? спросилъ онъ нерѣшительно.

Отецъ не отвѣтилъ сразу. Онъ прошелся раза два по комнатѣ.

— Думаю, что надо будетъ сказать Мэзону, чтобъ онъ отвезъ тебя. Но не хотѣлъ бы я этаго, не хотѣлъ бы—оно выходитъ, будто я далъ тебѣ свое согласіе, а согласиться я не могу... не могу...

— Благодарю тебя, отецъ.

Больше они не сказали другъ другу ни слова объ этомъ предметѣ. Недѣля прошла, но Данъ страдалъ молча, слишкомъ гордый, чтобы кому либо изъ окружающихъ показать горе свое. Онъ страдалъ, видя, что рушится давно взлелѣянный планъ, рушатся надежды, съ которыми онъ свыкся уже столько времени. Недѣля эта была невыносима для обоихъ, и оба, не смотря на горечь разлуки, почувствовали нѣкоторое облегченіе, когда она пришла къ концу. Отецъ и сынъ, не уступая другъ другу, вмѣстѣ съ тѣмъ уважали однкъ въ другомъ ту самую черту характера, ту твердую волю, которая заставляла каждаго поступить въ этомъ случаѣ по своему убѣжденію.

Вотъ почему между ними не было произнесено ни одного

рѣзкаго слова, ни одного упрека. Серьезный старикъ не любилъ много говорить, въ натурѣ Франка тоже было мало мечтательности. Оба молчали и не отступали ни на іоту отъ своего рѣшенія, но въ тысячѣ мелочей ежедневной жизни оказывали одинъ другому, невидимое для чужого глаза, нѣжное, трогательное вниманіе.

Наконецъ, пришелъ день отъѣзда. Старикъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, неподвижный какъ статуя и прислушивался къ обычной суетѣ дорожныхъ приготовленій. Вотъ подъѣхалъ экипажъ, принесли чемоданы, потомъ раздались чьи-то шаги. Въ окно донеслись слова Мэзона: „Теперь уже все, сэръ?“ и отвѣтъ: „Да“. Вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ Франкъ.

— Прощай, отецъ! сказалъ онъ, протягивая руку.

— Прощай, мальчикъ. Ты очень огорчаешь меня, но конечно тебѣ пора имѣть свою волю.

— Отецъ, ты не сердишься на меня?

— Нѣтъ, мальчикъ, не сержусь. Но мнѣ ужь очень грустно это. Больно мнѣ видѣть это. Но тебѣ надо имѣть свою волю. Прощай. И онъ протянулъ руку.

— Прощай, отецъ, Господь благослови тебя! произнесъ Франкъ и быстро пошелъ къ двери. Тутъ, однако, онъ остановился, повернулся и въ одно мгновенье былъ уже около отца. Онъ охватилъ сѣдую голову и прильнулъ къ ней въ горячемъ поцѣлуѣ.

— Милый, хорошій отецъ мой, заговорилъ молодой человѣкъ дрожащимъ отъ сильнаго волненія голосомъ и съ такимъ глубокимъ чувствомъ, какаго никогда прежде не выказывалъ, не огорчайся. Я знаю, что ты хотѣлъ сдѣлать меня фермеромъ. Но душа у меня лежитъ къ другому дѣлу и я не могу отказаться отъ него. Не сомнѣвайся—я пробью себѣ дорогу, я буду счастливъ. Развѣ ты самъ не былъ доволенъ, когда такъ много работалъ, чтобы составить состояніе? Отецъ милый, я надѣюсь, ты будешь пользоваться имъ еще много лѣтъ. Развѣ ты думаешь, что сынъ моего отца не способенъ, подобно ему, также переносить лишенія, чтобы поступить такъ, какъ велитъ ему совѣсть? Милый отецъ, я пойду по пути своему съ легкимъ сердцемъ и счастливый, если только буду знать, что не огорчу тебя. Не считай меня неправымъ, но вѣрь мнѣ—такъ надо.

Франкъ не выпускалъ отца изъ крѣпкихъ объятій. Старикъ не шевельнулся, не произнесъ во все время ни слова, не прерывалъ горячей рѣчи сына. Только разъ или два онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Можетъ это и такъ, мальчикъ, можетъ это и такъ! отвѣчалъ онъ, когда тотъ остановился,—только не могу я видѣть этого. не могу. Не хочу я строгостей съ тобой—но больно мнѣ это. Вотъ, на тебѣ, мальчикъ, прибавилъ онъ, вынимая изъ стола пачку ассигнацій, которую аккуратно и бережно пересчиталъ,—тебѣ надо будетъ денегъ для начала и этаго хватитъ. Я не хотѣлъ сначала давать, потому что выходитъ, будто я соглашаюсь на отъѣздъ твой, а я не могу согласиться. Ну, а все таки для начала надо тебѣ Тутъ сто фунтовъ стерлинговъ. Но ты больше не разсчитывай на меня. Желаю тебѣ всякаго добра, а согласія моего нѣту тебѣ. Это противъ моей воли. Бери, прощай, прощай.

И дверь затворилась между ними, и строгая фигура старика осталась неподвижною и безмолвною на своемъ мѣстѣ у стола. Бричка быстро понеслась по дорогѣ, доскакала до станціи какъ разъ къ приходу поѣзда, машина свистнула, платформа снова опустѣла, поѣздъ тронулся съ грохотомъ и скрылся, оставивъ за собой большие хлопья бѣлесоватаго дыма; будущій артистъ высунулся изъ окна вагона, чтобы еще разъ взглянуть на родной домъ и потомъ прислонился къ углу купэ, отдавшись мечтой новому міру, въ который вступалъ теперь... А суровый Данъ все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, такой же неподвижный и величавый въ своемъ нѣмомъ горѣ.

Обдумывая долгіе мѣсяцы и даже годы рѣшеніе, на которомъ остановился, Франкъ нарисовалъ себѣ слишкомъ мрачную картину затрудненій, предстоявшихъ ему на избранномъ пути. Его ожидало пріятное „разочарованіе“.

Онъ понималъ, что не можетъ сразу, съ самаго начала надѣяться зарабатывать хлѣбъ своими произведеніями, а потому прежде всего позаботился пріискать себѣ уроки. Въ этомъ ему оказали помощь его добрые друзья изъ приходскаго дома, которые искренно поздравили его съ принятымъ рѣшеніемъ. Они списались съ своими лондонскими знакомыми и устроили такъ, что Франкъ пріѣхалъ уже на готовый урокъ. Его трудолюбіе и терпѣніе дѣлали изъ него прекраснаго преподавателя и въ короткое время онъ пріобрѣлъ столько учениковъ, сколько могъ позволить себѣ имѣть ихъ, безъ ущерба собственнымъ занятіямъ въ школѣ живописи. Кромѣ того, молодой человѣкъ привезъ съ собою массу рисунковъ, часть которыхъ распродалъ, такъ что когда онъ свелъ итоги своихъ приходовъ и скромныхъ расходовъ, то съ удовольствіемъ увидалъ, что не только не тронулъ отцовскій подарокъ, но могъ прожить еще мѣсяцъ или два на остатокъ отъ собственныхъ заработковъ. Онъ отказывалъ себѣ во всемъ, кромѣ необходимаго, но былъ счастливъ: предъ нимъ открывалось заманчивое, радостное будущее. Одна мысль отравляла это довольство, это счастливое настроеніе его духа—никогда не покидавшая его мысль объ отцѣ, оставленномъ дома такимъ печальнымъ, одинокимъ. Онъ писалъ ему каждую недѣлю длинныя, веселыя письма и, въ свою очередь, читалъ, перечитывалъ, цѣловалъ краткіе, рѣдкіе отвѣты, приходившіе отъ старика, плохаго мастера въ письменномъ искусствѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Новый желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу.

2 августа на Волгѣ приведенъ къ окончанію и 30 того же мѣсяца торжественно открытъ для движенія по немъ мостъ—сооруженіе, одно изъ величайшихъ въ мірѣ, высоко рекомендующее таланты и познанія нашихъ инженеровъ. Мостъ этотъ имѣетъ огромную важность для одного изъ главныхъ приволжскихъ желѣзнодорожныхъ путей. Представляя въ этомъ № большіе рисунки этаго сооруженія (стр. 716, 717 и 724) приведемъ нѣкоторыя любопытныя о немъ подробности.

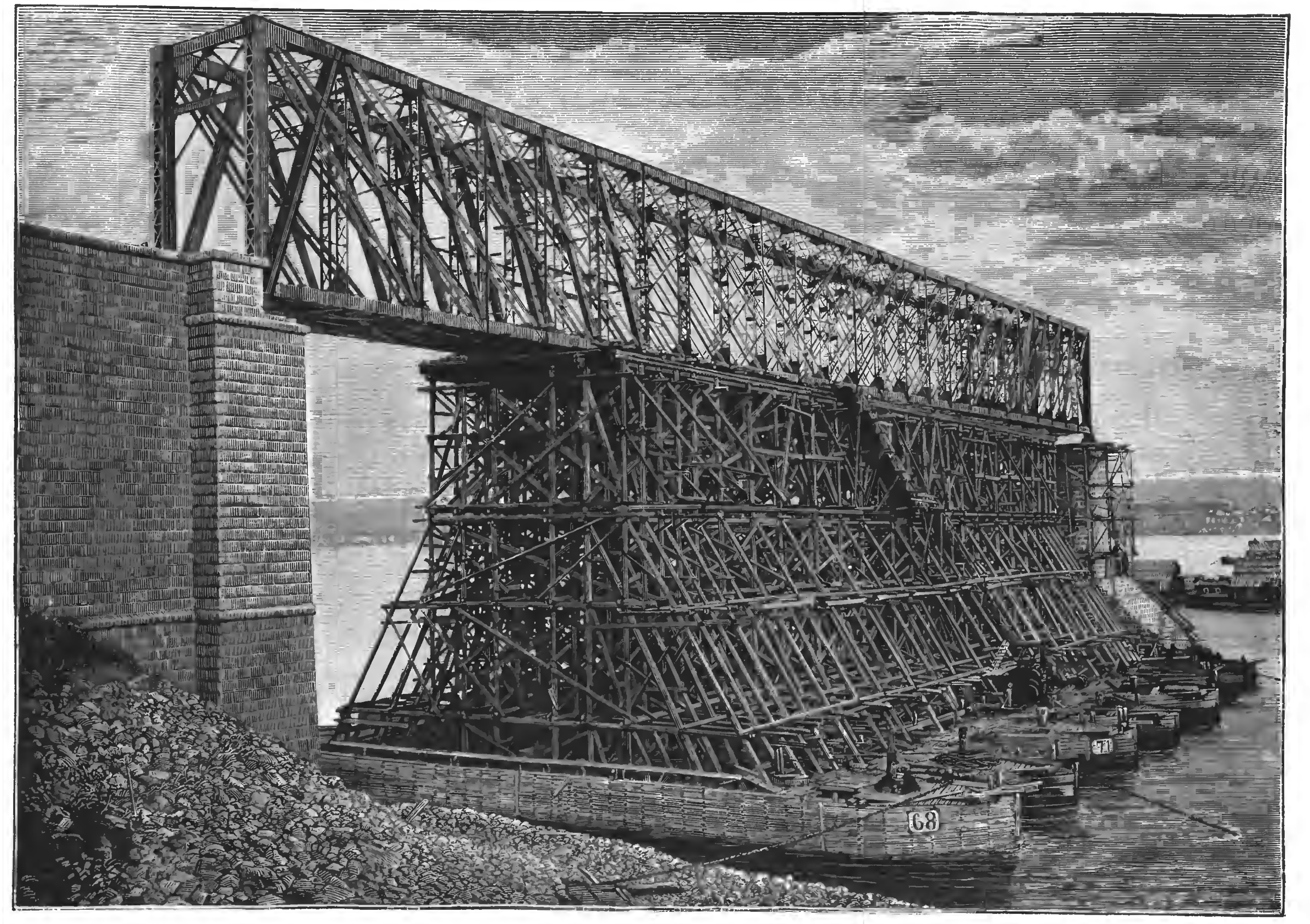
Тихимъ, яснымъ утромъ, на зарѣ 2 августа, рабочіе на мосту близъ Сызрани приступили къ знаменательному для нихъ дѣлу. Они ставили на мѣсто послѣдній тринадцатый пролетъ, заканчивая тѣмъ сооруженіе гигантскаго моста. Техническій англійскій журналъ „Engineering“, называетъ его „поражающимъ (imposing) образцомъ русскаго строительнаго дѣла“. Окончаніе работы совершилось тихо, скромно, безъ тостовъ и фразъ, праздныхъ зрителей, трескучихъ телеграммъ, какъ у насъ дѣлаются многія большія дѣла, почему ихъ часто и мало знаютъ и не умѣютъ оцѣнить какъ слѣдуетъ.

Мостъ сооруженъ обществомъ Оренбургской желѣзной дороги; проэктъ моста принадлежитъ инженеру Путей Сообщенія Н. А. Белелюбскому; исполненіе же его—инженеру В. И. Березину, который съ самаго начала до окончанія постройки велъ всѣ работы.

Уже за нѣсколько дней до 2 августа послѣдній, тринадцатый пролетъ, собранный на правомъ, нагорномъ берегу. поднятъ на пловучія подмости, устроенныя на семи баржахъ. Еще 30 іюля прибылъ изъ Самары на лѣвый берегъ Волги экстренный поѣздъ съ гостями, желавшими присутствовать при торжественномъ моментѣ заканчиванія постройки, но имъ это не удалось: легкій вѣтерокъ мѣшалъ постановкѣ пролета и гости уѣхали. Каждый день къ 3 часамъ пополуночи собирались рабочіе, выжидая тихаго утра, которое наконецъ и пришлось на 2 августа. И въ 3 часа утра отдано было приказаніе двинуть баржи съ подмостями. Натянулись буксиры, ударили лопасти пароходныхъ колесъ по водѣ и тронулись громадные. густо сплетенные лѣса подмостей, поддерживающіе болѣе чѣмъ на 12 саженной высотѣ пролетъ желѣзнаго строенія вѣсомъ болѣе 32000 пудовъ. На нашемъ рисункѣ, изображающемъ постановку самаго перваго пролета съ праваго берега, видно ясно какъ это дѣлается. Наставивъ пловучую громаду надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она должна утвердиться, пароходы останавливаются; громада медленно вдвигается между быкомъ и устоемъ, и оконечности желѣзнаго пролета висятъ всего на 7—8 дюймовъ надъ чугунными подушками, уложенными на каменныхъ опорахъ. Начинается вывѣрка положенія пролета...

„Все это происходило, разсказываетъ очевидецъ, съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины, чтобы слышны были распоряженія; каждый молча работалъ. Было что то торжественное въ этой тишинѣ Наконецъ г. Березинъ крикнулъ внизъ, на баржи, чтобы выбивали пробки т. е. напуская воду въ баржи, заставили бы ихъ сѣсть глубже, опуститься ниже — пролетъ съ ними также опускается; въ 6 час. утра стала совершенно вѣрно и точно на мѣсто правая оконечность пролета а черезъ 30 минутъ и лѣвая —все было кончено. Раздалось „ура!“ начались поздравленія. Пошли по новому мосту на Симбирскій берегъ“... Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь всѣ эти подробности, потому что онѣ такъ живо рисуютъ впечатлѣніе минуты. Точно такимъ образомъ были поставлены и всѣ предъидущіе пролеты. Два—въ концѣ мая 1879 г., шесть въ августѣ того же года, а остальные съ іюля по августъ 1880 года. Вѣсъ каждаго желѣзнаго громаднаго ящика, какъ мы выше сказали, болѣе 32,000 пудовъ. Оконечности главныхъ балокъ пролета, имѣющихъ видъ рѣшетчатыхъ стѣнъ, поддерживаются на быкахъ чугунными подушками. Извѣстно, что при измѣненіи температуры желѣзо сжимается и расширяется. Въ виду этаго — разсчитано, что при 30° повышенія и пониженія температуры расширеніе и сжиманіе равняется 4 дюймамъ—на одномъ изъ быковъ оконечности каждаго пролета имѣютъ *подвижную часть*, которая передвигается на такъ называемыхъ *роликахъ*, для того чтобы будучи свободны, желѣзныя части не повреждались и не давали трещинъ при измѣненіяхъ температуры.

Все желѣзное строеніе моста вѣситъ 408,000 пудовъ. При этомъ, хотя наилучшее желѣзо, находится, такъ сказать, подъ бокомъ у Волги, желѣзныя части моста приготовлены въ Бельгіи на заводахъ „Société anonyme de Haut Fourneaux“. До десяти большихъ заводовъ Бельгіи участвовало въ изго-

Постановка перваго пролета (на исполинскомъ Волжскомъ мосту близъ Сызрани). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Рабочій кабинетъ Королевы Англійской Викторіи, въ Осборнъ-Гоузъ, на остр. Уайтъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

товленіи желѣза и сборкѣ пролетовъ. Двѣнадцать быковъ моста основаны на желѣзныхъ кессонахъ, которые, благодаря удачному выбору перехода моста черезъ Волгу, сидятъ всѣ на скалѣ, врѣзаясь въ нее до полусажени. Правый береговой устой заложенъ прямо на скалѣ а лѣвый, луговой, на сваяхъ и сильно укрѣпленъ насыпями.

Что касается размѣровъ вообще новаго нашего моста, то они огромны. Для болѣе нагляднаго объясненія скажемъ, что напримѣръ *Зимній Дворецъ, съ фронта обращеннаго къ Адмиралтейству, могъ бы свободно пройти въ пролетъ новаго моста!* Длина — считая тутъ и ширину столбовъ — 1 верста и 196 саженъ. Хотя этотъ мостъ не самый длинный въ мірѣ — мостъ черезъ рѣку св. Лаврентія у Монреаля имѣетъ длину въ 880 саженъ и состоитъ изъ 25 пролетовъ, но за крайне малымъ числомъ исключеній новый мостъ поражаетъ своими размѣрами. Всѣ 13 пролетовъ—длиною каждый въ 50 саженъ; нижняя линія желѣзнаго строенія возвышается надъ горизонтомъ лѣтнихъ водъ до 12 саж. Въ Россіи же это самый длинный мостъ (длина Кіевскаго черезъ Днѣпръ—508 саж.) Новый мостъ будетъ названъ Александровскимъ. Это третій мостъ черезъ Волгу: первый, какъ извѣстно, приходится переѣзжать у Твери, гдѣ Волга еще очень неширока, второй у Рыбинска. Новый мостъ однимъ концомъ упирается въ берегъ Самарской губерніи, а другимъ въ берегъ Симбирской и по рѣкѣ находится въ 17 верстахъ отъ города Сызрани и въ 100 верстахъ отъ Самары. Съ обѣихъ сторонъ видна открытая мѣстность на 25—30 верстъ и болѣе. Ближайшія села въ 3 и 6 верстахъ отъ берега Понятно, что впечатлѣніе гигантскихъ размѣровъ его значительно ослабляется при взглядѣ на необозримый горизонтъ. Но вотъ бѣжитъ огромный трехъэтажный американскій пароходъ и низко проходитъ подъ мостомъ—пароходъ кажется очень малъ подъ пролетомъ.

Проэктъ моста, какъ мы сказали, принадлежитъ инженеру путей сообщенія Н. А. Белелюбскому и былъ утвержденъ въ 1875 году. Работа сдана съ подряда извѣстному строителю мостовъ А. Е. Струве, который и поручилъ все исполненіе работъ инженеру В. И. Березину, но сооруженіе одновременное двухъ мостовъ—Литейнаго въ Петербургѣ и Волжскаго было крайне затруднительно одному лицу и подрядъ по сооруженію Волжскаго моста былъ переданъ Правленіемъ Оренбургской желѣзной дороги инженеру К. Я. Михайловскому, который сохранилъ за г. Березинымъ веденіе всего дѣла. Цѣна сооруженія при этомъ была увеличена и исчислена въ 4,630,000 руб.

Работы по сооруженію моста велись съ большимъ перерывомъ: остановка произошла главнымъ образомъ отъ измѣненія проекта. Весна 1876 г., особенно жаркая, подняла ледъ такъ высоко, какъ не запомнятъ старожилы: ледъ шелъ на 1½ саж. *выше предположеннаго при составленіи проекта.* Это привело къ необходимости удлиннить ледорѣзы, а это отразилось на удлинненіи быковъ и соотвѣтственномъ возвышеніи стоимости моста. Работы вновь начались въ августѣ 1877 года, когда приступлено было къ спусканію кессоновъ и сборкѣ желѣзныхъ частей пролетовъ на береговыхъ подмостяхъ. Такимъ образомъ все было окончено въ 3 года.

Къ рисункамъ.

Любитъ не любитъ.

(Къ картинѣ В. Амберга).

„Любитъ не любитъ" — старинное гаданье, которое вѣчно будетъ имѣть свое таинственное, роковое значеніе и вѣчно будетъ практиковаться. Въ тѣни и затишьѣ лѣса, на мягкомъ мху, задумчиво перебираетъ она вѣткою ивы, обрывая съ нея лепестки. Послѣднее слово еще не выговорено, глаза, полные тревоги и надежды, устремлены на эти листики, которые должны сказать такъ много. Это полное ожиданія выраженіе прелестно передано художникомъ. В. Амбергъ родился въ 1822 г., занимался у Бегаса въ Берлинѣ и у Кенье въ Парижѣ. Сперва обратившись къ портретной живописи и миѳологическимъ сюжетамъ, онъ перешелъ затѣмъ къ смѣшанному роду пейзажа съ жанромъ. Полное чувства и выраженія, добродушнаго юмора и тонкаго вкуса, его исполненіе дало ему почетное мѣсто въ ряду художниковъ его родины, посвятившихъ себя этому роду живописи.

Рабочій кабинетъ королевы Викторіи.

въ Осборнъ-Гоузѣ на остр. Уайтѣ.

Человѣкъ невольно кладетъ печать своего характера на свое жилище — оно болѣе или менѣе отражаетъ его привычки и образъ жизни. Разъ увидѣвъ обиталище человѣка какъ будто уже знаешь его больше—здѣсь онъ въ своей обыденной, домашней обстановкѣ. Конечно не безъинтересно будетъ нашимъ читателямъ взглянуть на кабинетъ королевы обширной могущественнѣйшей страны, королевы Викторіи Англійской, въ ея обычной лѣтней резиденціи Осборнъ-Гоузѣ на остр. Уайтѣ. Видъ кабинета сдѣланъ съ фотографіи. Осборнъ-Гоузъ, который вообще недоступенъ обзору любопытныхъ путешественниковъ, интересуетъ всѣхъ именно этою недоступностью. Это зданіе—образецъ комфорта, вкуса и изящества. Сюда любитъ уединяться каждую весну королева Англіи со дня смерти своего супруга (Декабрь 1861) окруженная своей августѣйшей семьей, дѣтьми и внуками —здѣсь ей больше досуга для занятій, номимо всѣхъ государственныхъ дѣлъ—занятій искуствомъ и литературой; здѣсь занималась и она своимъ извѣстнымъ трудомъ „Листки изъ дневника" въ которомъ воздвигла такой изящный мавзолей памяти своего супруга. По нашему рисунку читатели могутъ составить себѣ представленіе о многообразіи и характерѣ занятій и развлеченій королевы. На всемъ видна печать строгаго, благороднаго вкуса и серьезности и вездѣ предметы, напоминающіе нѣжно любимаго ею покойнаго хозяина дома. Высокія произведенія искусства украшаютъ стѣны, сокровища литературы наполняютъ полки и покоятся на столахъ, свидѣтельствуя о постоянномъ чтеніи и употребленіи ихъ, въ промежуткахъ многотрудныхъ государственныхъ обязанностей. Нѣтъ отрасли науки и искусства, которая была бы чужда высокому уму королевы—все имѣетъ свое время и свое назначеніе въ ея любимыхъ покояхъ. Сама королева на нашемъ рисункѣ изображена у письменнаго стола, погруженная въ занятія — она пишетъ что то,—между тѣмъ какъ ея младшая незамужняя дочь, принцесса Беатриса, исполняетъ на великолѣпномъ рояли любимую пьесу августѣйшей матери.

Продавецъ лубочныхъ картинъ.

(Рис. И. Панова).

Не правда-ли, какой знакомый каждому типъ этаго юнаго продавца любимыхъ народныхъ, такъ называемыхъ „лубочныхъ" картинъ, пестрыхъ и своеобразныхъ, которыми набитъ его ящикъ и которыя развѣшаны на шнуркахъ кругомъ ящика и даже иногда на груди продавца. Наше народное творчество имѣетъ свои излюбленныя темы и своихъ героевъ, которыхъ воспроизводитъ въ безчисленныхъ оттискахъ по всей Россіи. Нельзя найти избу, хотя бы самую бѣдную или постоялый дворъ, гдѣ бы по стѣнамъ и въ крышкахъ сундуковъ не были бы вездѣ расклеены такія картинки, какія такъ бойко распродаетъ мальчикъ, талантливо изображенный нашимъ художникомъ. На улицахъ, на ярмаркахъ, по деревнямъ—вездѣ увидишь такихъ продавцовъ съ ихъ ходкимъ товаромъ.

О плаваніи рыбъ.

Очеркъ Д—на.

Всѣмъ извѣстно, что большинство рыбъ обладаетъ особымъ органомъ, состоящимъ изъ воздухоноснаго мѣшка, форма котораго измѣняется, смотря по породѣ, и который носитъ названіе—*плавательнаго пузыря.* Уже одно названіе показываетъ, что непосредственное впечатлѣніе, подкрѣпляемое убѣжденіемъ компетентныхъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ рыбъ, приписало этимъ мѣшкамъ главную роль въ дѣлѣ плаванія: „Сжимаясь и расширяясь, говоритъ Кювье, этотъ воздухоносный мѣшокъ измѣняетъ удѣльный вѣсъ рыбы, и даетъ ей возможность подыматься и опускаться".

Само собою разумѣется, что по этому общепринятому, непосредственному мнѣнію,—способы расширять и сокращать стѣнки воздухоноснаго мѣшка находятся въ полномъ распоряженіи у рыбы, которая можетъ такимъ образомъ перемѣщаться въ вертикальномъ направленіи безъ большихъ мускульныхъ усилій. Мало того, по тому же мнѣнію, если бы какая нибудь внѣшняя сила стала увлекать ее вверхъ или внизъ, то рыба могла бы противостоять этому, или сокращая или расширяя свой плавательный пузырь. Отсюда дѣлается выводъ, что рыбы, снабженныя плавательнымъ пузыремъ,—имѣютъ выгодное преимущество надъ другими, его неимѣющими, хотя часто и близкими къ нимъ по зоологическому типу.

Недавніе труды Армана Моро вполнѣ опровергаютъ вышеизложенное общепринятое мнѣніе.

На основаніи его опытовъ, можно уже утвердительно сказать, что плавательный пузырь скорѣе заслуживаетъ названіе *анти-плавательнаго*, потому, что рыбы имѣющія несчастіе обладать имъ,—находятся, съ точки зрѣнія плаванія, въ условіяхъ, самыхъ неблагопріятныхъ.

Положеніе какъ будто парадоксальное. Но не у всѣхъ рыбъ есть плавательный пузырь. Его нѣтъ, напримѣръ, у морскихъ миногъ, акулъ, скатовъ... Случается даже, что у костистыхъ рыбъ одного и того-же рода,—нѣкоторые виды снабжены имъ, а иные нѣтъ; такъ макрель океанійскій не имѣетъ плаватель-

наго пузыря, но этотъ органъ находятъ у макреля, живущаго въ Средиземномъ морѣ. Уже одно это показываетъ, что плавательный пузырь не играетъ важной роли въ жизни рыбъ. Но обратимся къ опытамъ.

Возьмемъ рыбу съ плавательнымъ пузыремъ, умершую внезапной и насильственной смертью. Если мы станемъ погружать ее на бо́льшія и бо́льшія глубины,—то увидимъ сначала, что, предоставленная самой себѣ,—она подымается на поверхность. Это значитъ, что рыба легче воды, или выражаясь точнѣе, что ея плотность, на этихъ глубинахъ,—меньше плотности воды. При дальнѣйшемъ погруженіи, явится моментъ, когда рыба останется въ равновѣсіи: не подымается и не опускается. Продолжая погружать ее еще глубже, мы скоро увидимъ, что она *падаетъ на дно съ возрастающею скоростію.*

Все это легко и просто объясняется измѣненіемъ объема плавательнаго пузыря. Самое тѣло рыбы тяжелѣе воды, и лишенная плавательнаго пузыря,—мертвая погружается на дно, какъ камень. Воздухоносный-же пузырь дѣлаетъ рыбу тѣмъ легче, чѣмъ больше его объемъ. Понятно, что, при извѣстномъ объемѣ, онъ даетъ тѣлу рыбы плотность, равную плотности воды. Это именно и происходитъ въ случаѣ равновѣсія, когда погруженная рыба колеблется подъ давленіемъ столба воды, находящагося надъ ней. При подниманіи плавательный пузырь, выдерживая меньшее давленіе, расширяется, плотность рыбы дѣлается меньше плотности воды, и ея тѣло подымается съ возрастающею скоростью до поверхности. Наоборотъ, при погруженіи,—давленіе на плавательный пузырь увеличивается, объемъ его уменьшается, плотность тѣла дѣлается больше и рыба падаетъ на дно со скоросітю, также возрастающею.

Это подтверждается всѣми опытами. Нужно замѣтить, что для производства опытовъ не требуется, непремѣнно большихъ глубинъ: можно удовлетворяться простымъ сосудомъ, наполненнымъ водою, давленіе на поверхность которой окружающаго воздуха можно измѣнять по произволу, съ помощію пневматической машины или нагнетательнаго насоса.

То ли же самое происходитъ съ живой рыбой? Или можетъ-ли она посредствомъ мускуловъ, прикосновенныхъ къ плавательному пузырю, или посредствомъ общихъ мускуловъ тѣла,—можетъ ли она производить эти сокращенія и расширенія?

Прежде всего замѣтимъ, что, очевидно, это не продолжается очень долго. И въ самомъ дѣлѣ, вытаскивая сига изъ глубины хоть двѣнадцати метровъ, вы видите, что онъ выходитъ изъ воды круглый, обезформленный сильнымъ расширеніемъ плавательнаго пузыря. При выниманіи же рыбы изъ глубинъ еще бо́льшихъ,—плавательный пузырь, вслѣдствіе чрезмѣрнаго расширенія, лопается, вытѣснивъ наружу внутренности. Наоборотъ, рыба помѣщенная въ сосудъ съ пятью или шестью атмосферами давленія,—дѣлается тяжелой, вслѣдствіе сокращенія пузыря и падаетъ на дно, откуда подымается только помощію замѣтныхъ мускульныхъ усилій.

Но безсиліе животнаго противостоять самымъ незначительнымъ измѣненіямъ объема его плавательнаго пузыря доказывается слѣдующимъ опытомъ. Пусть какая нибудь рыба помѣщена въ маленькую металлическую клѣтку, гдѣ она можетъ двигаться; пусть эта клѣтка будетъ погружена въ стеклянный сосудъ, очень глубокій и почти до верху наполненный водой. Увеличимъ ея вѣсъ на столько, чтобы, погруженная до середины сосуда,—она имѣла плотность, равную плотности воды. При этихъ условіяхъ рыба остается неподвижною. Если-же теперь, съ помощію всасывающаго или нагнетательнаго насоса уменьшить или увеличить давленіе на воду воздуха, наполняющаго остатокъ сосуда,—то мы увидимъ, что эта живая рыба падаетъ внизъ или подымается вверхъ также какъ мертвая, о которой только что говорилось.

Такимъ образомъ, рыба *пассивно* слѣдуетъ, при условіяхъ равновѣсія, измѣненіямъ объема ея плавательнаго пузыря, но не управляетъ имъ,—она рабски повинуется сама этому органу.

Такое заключеніе оправдывается и другими опытами, показывающими, что во время движеній поднятія и опусканія, свободно производимыхъ рыбой,—объемъ ея плавательнаго пузыря находится въ зависимости единственно отъ столба воды, стоящаго надъ ней; что вслѣдствіе этаго,—объемъ пузыря представляетъ собою слѣдствіе, а не причину вертикальнаго передвиженія животнаго.

Рыба, неимѣющая плавательнаго пузыря — всегда тяжелѣе воды; она не можетъ оставаться неподвижною, не опускаясь, хотя безъ сомнѣнія медленно, на дно рѣки. Наоборотъ, рыба съ плавательнымъ пузыремъ всегда можетъ найдти извѣстную глубину, на которой ея плотность будетъ совершенно одинакова съ плотностью воды; здѣсь она остается въ равновѣсіи, совершенно спокойною. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія стоянія на одномъ мѣстѣ,—имѣніе рыбою плавательнаго пузыря представляетъ собою понятную выгоду.

Но эта выгода уничтожается неудобствами, представляемыми плавательнымъ пузыремъ съ точки зрѣнія передвиженія съ мѣста на мѣсто. Рыба безъ плавательнаго пузыря можетъ по произволу двигаться по всѣмъ направленіямъ водяного пространства, безбоязненно подыматься и опускаться. Совсѣмъ другое рыба съ плавательнымъ пузыремъ. При подыманіи, плавательный пузырь надувается и угрожаетъ увлечь ее на поверхность, едва не лопаясь; при опусканіи, онъ сокращается и рыба должна бороться силою своихъ мускуловъ, чтобы не пасть на дно. Она можетъ, слѣдуя по вертикальному направленію, особливо-же снизу вверхъ,—двигаться только въ пространствѣ, строго ограниченная одной силой мускуловъ; сдѣлавшись немного легче она можетъ также ударомъ хвоста погрузиться и найдти свою точку равновѣсія. Но понятно,—не всегда бываетъ удобно производить такія движенія. Такимъ образомъ рыба, пойманная на большой глубинѣ и вытащенная на нѣсколько аршинъ,—подымается на поверхность уже независимо отъ своей воли, а вслѣдствіе чрезвычайнаго расширенія плавательнаго пузыря. Это явленіе ощутительно для рыбака, такъ какъ оно сопровождается уменьшеніемъ вѣса рыбы и большей легкостію вытаскиванія ее.

Прибавимъ, однако, что плавательный пузырь полезенъ рыбѣ но лишь тогда, когда она плыветъ въ плоскости своего равновѣсія. И дѣйствительно, въ этомъ случаѣ рыба употребляетъ мускульную силу только для преодолѣванія сопротивленія воды, между тѣмъ какъ рыба безъ плавательнаго пузыря принуждена, сверхъ того, бороться и съ тяжестію собственнаго тѣла, увлекающею ее на дно.

Все это представляетъ существенный физіологическій интересъ, ибо объясняетъ роль важнаго органа въ царствѣ рыбъ. Кромѣ того, они представляютъ еще и другой интересъ, показывая въ какое положеніе попадаютъ естествоиспытатели, полагаясь на яко бы окончательное рѣшеніе вопроса. Рыба, съ плавательнымъ пузыремъ,—совершеннѣе ли она по устройству рыбы не имѣющей этого органа? Представляетъ-ли собою присутствіе плавательнаго пузыря преимущество для рыбы? Да—относительно стоянія на одномъ мѣстѣ или движенія въ горизонтальной плоскости; нѣтъ—относительно свободнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто по всѣмъ направленіямъ водяного пространства.

Преимущественно хищныя рыбы, нападающія на добычу снизу вверхъ, напримѣръ *акулы*, — лишены плавательнаго пузыря; точно также *скаты, камбалы, плоскія рыбы*, словомъ всѣ тѣ, которыя покоятся обыкновенно на днѣ моря,—не снабжены этимъ органомъ; тоже самое съ *ящвой*, которая прячется въ песокъ, чтобы овладѣть добычей; тоже самое съ *держиладьей* (remora), которая прикрѣпившись къ другимъ рыбамъ, помощію своего лобнаго кружка,—проходитъ съ ними различныя глубины... Было-бы любопытно сравнительно изучить родъ жизни и нравы макрели безъ плавательнаго пузыря, живущей въ океанѣ, и макрели съ плавательнымъ пузыремъ, водящейся въ Средиземномъ морѣ.

Несомнѣнно, что благодаря присутствію плавательнаго пузыря, сардины и сельди, сдѣлавшись легкими и плавая безчисленными стаями близко къ поверхности воды,—попадаютъ въ сѣти цѣлыми массами; они не могутъ вдругъ погрузиться, такъ какъ не въ ихъ волѣ сократить объемъ пузыря и быстро придать себѣ большій удѣльный вѣсъ. Много, значитъ, особенностей въ жизни рыбъ соединено съ присутствіемъ или отсутствіемъ этаго воздухоноснаго поплавка.

Но разсматриваемыя явленія въ сущности сложнѣе, нежели намъ могло казаться до сихъ поръ. У нѣкоторыхъ рыбъ плавательный пузырь не совершенно закрытъ, но сообщается съ желудкомъ, а вслѣдствіе этаго и со внѣшней средой, помощію промежуточнаго болѣе или менѣе длиннаго канала. Этимъ рыбамъ, при уменьшеніи давленія на ихъ тѣла, путемъ помѣщенія ихъ подъ колоколъ пневматической машины или вслѣдствіе извлеченія изъ большой глубины,—не угрожаетъ разрывъ органа, и ихъ плотность при этомъ не измѣняется, такъ какъ по мѣрѣ расширенія воздуха въ плавательномъ пузырѣ,—избытокъ воздуха выходитъ черезъ каналъ наружу.

Эти рыбы составляютъ поэтому, промежуточный классъ, гораздо менѣе опасающійся подниманія вверхъ, нежели классъ рыбъ, снабженныхъ закрытымъ плавательнымъ пузыремъ; но не рискуя лопнуть, онѣ не могутъ и произвольно опуститься.

Каковъ же химическій составъ газа, вздувающаго плавательный пузырь? Съ *качественной* точки зрѣнія,—это газы воздуха: кислородъ, азотъ и нѣсколько % угольной кислоты. Съ *количественной*—составъ этотъ чрезвычайно измѣнчивъ, потому что въ плавательномъ пузырѣ находили до 90% кислорода. Эти измѣненія по мнѣнію однихъ находятся въ зависимости отъ той глубины, изъ которой вынуто животное, или отъ его величины, или отъ времени года...

Рыба, помѣщенная въ воду съ малымъ количествомъ воздуха, постепенно поглощаетъ кислородъ своего плавательнаго пузыря; такимъ образомъ, она дышетъ только до полнаго истощенія этаго запаса. Въ тоже самое время увеличивается содержаніе угольной кислоты въ плавательномъ пузырѣ, но въ пропорціи гораздо болѣе слабой, настолько слабой, что объемъ плавательнаго пузыря уменьшается, и плотность животнаго увеличивается. И мы увидимъ, какую пользу извлекаетъ изъ этаго рыба, съ точки зрѣнія передвиженія.

Теперь является вопросъ, откуда получаетъ плавательный пузырь содержащійся въ немъ воздухъ? При каналѣ, сообщающемся съ желудкомъ, можно предположить, что рыба, часто подымающаяся на поверхность глотать воздушные шарики,—проводитъ ихъ прямо въ свой пузырь. Но такое предположе-

віе опровергается слѣдующимъ образомъ. Впродолженіи нѣскольких дней оставляютъ сосудъ, въ которомъ плаваетъ рыба, въ обширномъ колоколѣ, наполненномъ смѣсью кислорода и водорода. При этомъ, въ плавательномъ пузырѣ никогда не находятъ водорода, если, конечно, газовый резервуаръ предварительно совершенно опорожненъ, помощію пневматической машины.

Изъ этаго выходитъ, что газъ плавательнаго пузыря отдѣляется самимъ животнымъ даже при существованіи воздухоносиаго канала.

Дѣлая выводъ изъ сказаннаго, видимъ, что по изслѣдованіямъ Армана Моро, плавательный пузырь рыбъ представляетъ собою область важныхъ химико-физіологическихъ процессовъ, результатомъ которыхъ является медленное измѣненіе, въ смыслѣ увеличенія или уменьшенія плотности рыбы. Но процессы эти происходятъ медленно; всякое же внезапное измѣненіе въ вертикальномъ направленіи положенія животнаго – имѣетъ своимъ послѣдствіемъ или безконечное поднимавіе или безконечное опусканіе, такъ какъ рыба не можетъ дѣйствовать прямо на плавательный пузырь, не можетъ расширять или сокращать его по произволу и снова принимать первоначальную плотность,—плотность воды.

Такъ называемый плавательный пузырь играетъ не одну только что разсмотрѣнную нами роль, а еще и другую, чрезвычайно любопытную. Послѣдняя роль тщательно изслѣдовапа Армапомъ Моро. Пословица „нѣмъ какъ рыба"—должна кончить свое существованіе: доказано, что нѣкоторыя рыбы воспроизводятъ настоящіе звуки. Вокальный органъ ворчуновъ (grondins) представляетъ собою не что иное, какъ занимающій насъ плавательный пузырь.

Этотъ органъ снабженъ у нихъ весьма крѣпкими мускулами; сверхъ того, онъ раздѣленъ на двѣ половины слизистой складкой, имѣющей видъ мускульной діафрагмы съ отверстіемъ въ родѣ зрачка. Къ этому аппарату направляются два толстые нерва. Если привести послѣдніе въ раздраженіе, то плавательный пузырь, вслѣдствіе сокращенія мускуловъ, растягивается и діафрагма начинаетъ колебаться. Отсюда получается звукъ, настолько сильный, что бываетъ слышенъ за нѣсколько аршинъ разстоянія.

Таковы, вкратцѣ, изслѣдованія Армана Моро относительно плавательнаго пузыря рыбъ. Ихъ результаты, казавшіеся сначала парадоксальными, скоро пріобрѣли въ наукѣ права гражданства.

Политическое обозрѣніе.

Прибытіе броненосцевъ въ Рагузу.—Неопредѣленность будущаго.—Курдская „лига".—Ближайшіе планы Австріи на Балканскомъ полуостровѣ.—Галицкіе русскіе.—Германія и Римъ.—Седанское празднество и воззваніе императора къ арміи.—Фрейсинэ и конгрегаціи.—Побѣда генерала Робертса подъ Эюбъ-ханомъ.

Державы уже приступили къ осуществленію угрозы своей. Процедуру демонстраціи противъ Порты можно считать начавшеюся: четырнадцать военныхъ кораблей стоятъ уже въ эту минуту, въ Рагузѣ. И такъ, до „перехода за Рубиконъ" остался только шагъ. Но—что будетъ за Рубикономъ? Какъ и чѣмъ отзовется мѣра эта на Балканскомъ полуостровѣ и вообще, на судьбахъ Турецкой имперіи? Съ одной стороны, адмиралу Сэймуру, начальствующему (по старшинству) надъ соединеннымъ флотомъ державъ, даны, какъ мы уже сообщали, весьма широкія полномочія (причемъ, однако, на рѣшительныя дѣйствія онъ обязанъ испросить дозволеніе державъ), съ другой—албанцы намѣрены отстаивать уступаемую Турціей территорію; къ нимъ, почти несомнѣнно, пристанутъ и войска, приведенныя Риза-пашей. Какъ отнесется мусульманское населеніе имперіи, весь мусульманскій міръ къ этой борьбѣ.

Само собой понятно, что послѣдствія обрушатся неблагопріятно прежде всего на самую Порту, на оттоманскую имперію, которая легко можетъ превратиться въ груду обломковъ. Но въ такомъ разѣ, въ случаѣ наступленія минуты „дѣлежа"—какая роль выпадетъ на долю каждой изъ державъ?..

А между тѣмъ, Порта продолжаетъ отписываться. Торопливый отвѣтъ ея по черногорскому вопросу выражаетъ готовность немедленно сдать Дульциньо; въ отвѣтѣ же относительно Греціи, оттоманское правительство категорически заявило о томъ, что можетъ уступить только одну Превезу. Отписки принесли свою пользу: въ южныхъ округахъ Эпира и Ѳессаліи уже сосредоточено 30 тысячъ низамовъ. Державы отвѣчали на новую ноту Порты второю коллективной нотой, въ которой высказываютъ ей, что могутъ говорить только о способѣ передачи Дульциньо, а не о чемъ иномъ.

Въ Азіатской Турціи возникла тоже „лига"—курдовъ (!). Эти своеобразные „лигеры", или лучше сказать разбойники, повидимому, рѣшили уничтожить христіанское населеніе. Больше всего, до сихъ поръ, доставалось отъ нихъ ближайшимъ сосѣдямъ ихъ—армянамъ. Послѣдніе давно уже взывали и къ турецкому правительству, и къ европейскимъ консуламъ и посланникамъ, и къ державамъ, но голосъ ихъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Видя всю безплодность жалобъ своихъ, они, наконецъ, прибѣгнули сами къ оружію и теперь формируются инсургентскіе отряды армянъ, рѣшившихся защищаться противъ дикарей, безнаказанно, въ виду всего цивилизованнаго міра, угнетающихъ ихъ. Англійское правительство, впрочемъ, поручило своему посланнику, Гошэну, обратиться къ Портѣ по этому поводу. Стоитъ ли говорить о результатахъ такого „обращенія". Не стоитъ еще тѣмъ болѣе, что англійское вліяніе въ Константинополѣ, можно сказать, много утратило со времени паденія лорда Биконсфильда. Но—что вліяніе это, и въ его время, держалось чисто искусственно, и только на поверхности, отнюдь не опираясь на сочувствіе турокъ но это мы указывали въ свое время—лучше всего видно изъ открытія, сдѣланнаго еще Лэйардомъ. Этотъ послушный агентъ бывшаго премьера узналъ, что въ Константинополѣ, въ придворной, султанской типографіи, печаталась газета „Cheih-ul-islam", направленная противъ англичанъ (и, конечно, вообще противъ европейцевъ) и предназначенная для распространенія въ средѣ мусульманскихъ народовъ для возбужденія фанатической ненависти ихъ. Лэйардъ, понятно, поспѣшилъ сообщить въ Лондонъ, откуда пришло требованіе прекратить дружескую газету. Прекратить обѣщано, но фактъ говоритъ самъ за себя.

Выше мы ставимъ вопросъ о томъ—какія роли будутъ принадлежать различнымъ державамъ, въ случаѣ рѣшительныхъ событій на Балканскомъ полуостровѣ. Одна изъ державъ, и именно Австро-Венгрія дала понять, что свою роль она опредѣлила заранѣе: если возникнутъ военныя дѣйствія тамъ, *то австрійскія войска займутъ новый Базаръ и Митровицъ* (!) Коротко и ясно. Ну, а другія державы?

Галицкіе русины встрѣтили императора Франца-Іосифа и онъ отвѣчалъ имъ на ихъ привѣтствіе рѣчью „на польскомъ языкѣ". Значитъ, теперь сомнѣваться имъ нечего ни относительно программы австро-польскаго, въ Галиціи, правительства Габсбургской монархіи, ни въ судьбѣ разбитыхъ надеждъ ихъ. Балканскіе болгары, не смотря на турецкій гнетъ, удержали свою національную физіономію, а галицкимъ „болгарамъ" едва ли это удастся.

Ишльское свиданіе послужило несомнѣнно къ новому упроченію австро-германскаго союза, къ которому теперь примкнула могучая Румынія. Баронъ Геймерле поѣхалъ къ князю Бисмарку, въ Фридрихсруэ, для нѣкоторыхъ, вѣроятно, дополнительныхъ совѣщаній. 15-го октября н. с. назначено празднество окончанія постройки Кельнскаго собора, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ №.

Въ соборѣ будетъ отслужено торжественное молебствіе, въ присутствіи императора Вильгельма. Германія праздновала 10-ю годовщину Седанской побѣды. Императоръ обратился, по этому случаю, съ воззваніемъ къ солдатамъ германской арміи, выражая имъ свою величайшую признательность: Да останется армія, сказано между прочимъ, въ воззваніи, образцомъ въ выполненіи всѣхъ требованій чести и обязанностей, да сохранитъ она въ себѣ строжайшую дисциплину и непреодолимое усердіе въ подготовкѣ къ войнѣ. Тогда Германская армія, въ будущія времена тяжелаго испытанія,—которыя да предотвратитъ Богъ еще надолго—всегда будетъ твердою защитою отечества!"

Нѣмецкія газеты продолжаютъ еще полемизировать съ французскими по поводу шербурской рѣчи Гамбетты.

Во Франціи едва ли не готовится министерскій кризисъ. Фрейсине намѣренъ войдти въ сдѣлку съ Ватиканомъ и не преслѣдовать другія конгрегаціи, если папа согласится пожертвовать іезуитами; но министры внутреннихъ дѣлъ и духовныхъ исповѣданій—противъ сдѣлки этой, которая, по слухамъ, находитъ мало сочувствія и въ республиканскомъ большинствѣ. Опасаются, поэтому, чтобы Фрейсине не пришлось выйти въ отставку. Гамбетта, какъ сообщаютъ, уже готовится встрѣтить эту случайность.

Генералъ Робертсъ, прибывшій къ Кандагару, разбилъ на голову Эюбъ-Хана, который потерялъ одними плѣнными до 10-ти тысячъ человѣкъ и бѣжалъ въ Гератъ. Не смотря на то, англійское правительство еще не рѣшило присоединить Кандагаръ и отказалось отъ намѣренія имѣть своего резидента въ Кабулѣ.

Смѣсь.

Дамасскія стальныя дула. Есть мнѣніе, что дула изготовленныя изъ закаленной стали при помощи машинъ, не могутъ сравниться съ дамасскими коваными дулами ручной работы, такъ какъ недостаточно прочны. Убѣжденіе это однако неосновательно. Оружейный мастеръ Пиперъ сдѣлалъ нѣсколько опытовъ въ Льтихѣ въ королевской пробирной палаткѣ. На опыты было приглашено много военныхъ, охотниковъ, фабрикантовъ и т. п. Для пробы было приготовлено 8 дулъ изъ зака-

(Продолженіе на стр. 729, 730, 731 и 732).

ленной и 8 дулъ изъ дамасской стали. Опытъ былъ сдѣланъ при постепенномъ увеличеніи заряда, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ, до разрыва дула. Первый опытъ: 20 грам. пороха и 1 пуля, результатъ: всѣ дула уцѣлѣли. 2 опытъ: 20 гр. пороха и 2 пули, результатъ прежній. 3 опытъ, 30 гр. пороха и 3 пули; результатъ: четыре дамасскія дула разорваны и т. п. Одно стальное дуло не подвергалось шестому опыту и было помѣчено пять разъ буквами *E. L.* Этими опытами предубѣжденія противъ машинныхъ стальныхъ дулъ устранены блестящимъ образомъ.

Человѣкъ локомотивъ. Итальянскій скороходъ Баргосси, называемый „человѣкъ-локомотивъ", поставилъ себѣ задачею опережать какую угодно бѣговую лошадь. Недавно онъ держалъ пари съ Лораномъ, содержателемъ лошадей въ Венсеннѣ, около Парижа. Пари было въ 1,500 фр. Конкуренты, человѣкъ и лошадь должны были пробѣжать рысью и безъ остановки 32 километра. Этотъ бѣгъ происходилъ на полѣ, между Венсенномъ и Парижемъ. Баргосси съ величайшею легкостію нанесъ пораженіе лошади Лорана. Между тѣмъ въ полтора часа онъ сдѣлалъ восемьдесятъ круговъ по ристалищу, которое измѣряется 400 метр., слѣдовательно пробѣжалъ 32 километра.

Русскіе типы: продавецъ лубочныхъ картинъ. Ориг. рис. И Панова, грав. Шапонъ.

Ростовщикъ древности. Въ одномъ изъ сочиненій о Брутѣ докторъ Ландау говоритъ, что Брутъ умѣлъ наживать деньги, что онъ и доказалъ передъ битвой подъ Фарсалой въ 48 году до Р. Х. Ранѣе нежели заняться заботами по оборонѣ отечества, онъ занимался отдачей денегъ подъ большіе проценты. У насъ это называется ростовщичествомъ, но благородные римляне смотрѣли на это иначе. Можно было быть сенаторомъ, воиномъ, намѣстникомъ или судьею и при томъ давать свои деньги за 40 и 60 годовыхъ процентовъ. Если кто не хотѣлъ дѣйствовать открыто, въ такомъ случаѣ легко находилъ лицо, именемъ котораго обдѣлывалъ дѣла; многіе римляне, прикрываясь своимъ званіемъ сенаторовъ, офицеровъ и чиновниковъ устраивались очень ловко.

Двадцати-лѣтняя партія въ шахматы. Въ 1860 г. одинъ шахматный игрокъ въ Пфорцгеймѣ, въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, началъ посредствомъ писемъ съ однимъ нью-іоркскимъ игрокомъ партію въ шахматы, которая только что окончилась. Побѣдителемъ остался американецъ.

О ПРЕМІЯХЪ „НИВЫ".

Въ настоящемъ году мы могли убѣдиться, что наши постоянныя старанія развивать дѣло—увеличивая количество и улучшая достоинство рисунковъ и текста—оцѣниваются нашими подписчиками: „**Нива**" расходится теперь въ количествѣ **55,000** экземпляровъ. Но и нашъ журналъ, не возвышая цѣны, въ настоящемъ году, вмѣсто обѣщанныхъ 16 страницъ, давалъ постоянно отъ 20 до 24 самой убористой печати и отъ 8 до 10 рисунковъ, художественно исполненныхъ въ каждомъ номерѣ, не считая богатое и полное **безплатное приложеніе** „*ПАРИЖСКІЯ МОДЫ*". Сверхъ всего этаго обѣщанная, великолѣпная **премія— двѣ большія картины**, заказанныя для „Нивы" знаменитому придворному Е. И. В. художнику **М. Зичи**, будутъ выданы нашимъ подписчикамъ **въ среднихъ числахъ Октября**. Исполненіе копій съ этихъ акварелей превзошло какъ наши ожиданія, такъ и ожиданія самаго художника **г. Зичи**, который заявлялъ намъ, что „*никогда еще не бывали его картины воспроизведены съ такимъ совершенствомъ*".

Содержаніе картинъ относится къ главнымъ моментамъ превосходной поэмы одного изъ нашихъ величайшихъ поэтовъ **М. Ю. Лермонтова „Демонъ"**. Первая картина „**Пляска Тамары**", гдѣ Тамара еще полная жизни и дѣтски-счастливая, веселится въ родномъ домѣ, когда на ней останавливается пламенный взглядъ мрачнаго Духа Зла, — когда рѣшена ея гибель и „**Тамара умершая, окруженная родными**", гдѣ спокойный, кроткій ликъ умершей указываетъ, что смерть послужила ей спасеніемъ и освобожденіемъ отъ ужасной власти Демона. **Оба момента, представляющіе завязку и разрѣшеніе драмы—никогда не были воспроизводимы русскими художниками.**

Цѣна этихъ картинъ въ отдѣльной продажѣ 4 р. т. е. по 2 р. за каждую.—Только гг. **годовые** подписчики на журналъ „Ниву" 1880 г. имѣютъ право на безплатное полученіе ихъ.

Обѣ эти картины будутъ разосланы всѣмъ гг. **годовымъ подписчикамъ**, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ (получающимъ журналъ чрезъ почту) въ прочномъ картонномъ футлярѣ, въ **Октябрѣ мѣсяцѣ**, прочимъ же подписчикамъ (получающимъ журналъ безъ доставки) преміи эти будутъ выданы или въ Конторѣ редакціи, или въ тѣхъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ они получаютъ журналъ, при томъ же номерѣ, при которомъ эти преміи будутъ приложены подписчикамъ, получающимъ журналъ съ доставкою или пересылкою.

Исполняя многочисленныя просьбы своихъ подписчиковъ, желающихъ видѣть эти картины уже теперь и имѣя нынѣ нѣсколько экземпляровъ означенныхъ картинъ, издатель разослалъ ихъ нижепоименованнымъ книгопродавцамъ, у которыхъ можно видѣть эти будущія преміи „Нивы" за 1880 г.

Въ **С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ Редакціи „Нивы"**, и у книгопродавцевъ: **Я. А. Исакова, Ф. А. Битепажа, Анисимова, Мамонтова, Мартынова, Карла Риккера, Шмицдорфа, въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", Фену и К° и Гартье.**

„ **Москвѣ**; у книгопродавцевъ—**И. Г. Соловьева, Живарева, Лангъ, Васильева, Поста, Мамонтова и Шапошникова.**

„ **Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Истомина.**

„ **Вильнѣ** въ книжномъ магазинѣ **Сыркина.**

„ **Воронежѣ**, въ книжныхъ магазинахъ **М. П. Севастьянова.**

„ **Екатеринбургѣ**, въ библіотекѣ **Е. М. Лагутовой.**

„ **Житомірѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Киричекне.**

„ **Казани**, въ книжныхъ магазинахъ **Дубровина** и „**Восточная Лира**".

„ **Калугѣ**, въ библіотекѣ **Г. П. Бекъ.**

„ **Каменецъ-Подольскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **А. С. Бугаева.**

„ **Кишиневѣ**, въ книжномъ магазинѣ **А. Тараненко.**

„ **Кіевѣ**: въ книжныхъ магазинахъ **Оглоблина, Гюнтера и Малецкаго.**

„ **Козловѣ**, въ книжномъ магазинѣ **С. Ф. Муравьева.**

„ **Костромѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Бененева.**

„ **Кронштадтѣ**, въ редакціи „**Кронштадтскаго Вѣстника**".

„ **Курскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **А. В. Переплетчике.**

„ **Минскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **С. Ф. Савицкой.**

„ **Нижнемъ-Новгородѣ**: въ книжн. магазинѣ **1-й Нижегородской артели.**

Въ **Новочеркасскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Ѳ. А. Ананьева.**
„ **Одессѣ:** въ книжныхъ магаз. **Пушкина** и **П. И. Піотровскаго.**
„ **Пензѣ**, въ библіотекѣ **А. С. Иванова.**
„ **Перми**, въ книжномъ магазинѣ **О. П. Петровской.**
„ **Полтавѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Богоявленскаго.**
„ **Ригѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Модель и Паапъ.**
„ **Ревелѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Клуге и Штремъ.**
„ **Ростовѣ-на Дону**, въ книжномъ магазинѣ **И. А. Теръ-Абраміанъ.**
„ **Саратовѣ**, въ книжномъ магазинѣ **П. А. Хворова.**
„ **Смоленскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **В. Ф. Лаврова.**
„ **Твери**, въ книжномъ магазинѣ **Л. Д. Кашнина.**
„ **Тамбовѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Зотова.**
„ **Тифлисѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Вартанова** и въ газ. Агентствѣ **Шавердова.**
„ **Таганрогѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Д. Р. Бѣлоновскаго.**
„ **Томскѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Макушина.**
„ **Тулѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Пузыревскаго.**
„ **Черниговѣ**, въ книжномъ магазинѣ **М. Н. Кранцъ.**
„ **Херсони**, въ книжномъ магазинѣ **Шаха.**
„ **Харьковѣ**, въ книжныхъ магазинахъ **Юзефовича и Максимовича.**
„ **Ярославлѣ**, въ книжномъ магазинѣ **Конуева.**

Подписка на журналъ „Нива" принимается постоянно и каждый новый подписчикъ имѣетъ право на полученіе какъ всѣхъ премій такъ и всѣхъ вышедшихъ уже №№ журнала съ 1-го января.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Пушкинъ въ Одессѣ въ 1823 г.** (съ рис.)—**Купленное счастье.** Романъ **Н. Морскаго** (Продолженіе).—**Старый Данъ.** Разсказъ **Л. Коллинза.**—**Новый желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу** (съ 2 рис.)—**Любитъ не любитъ** (съ рис.)—**Рабочій кабинетъ королевы Викторіи** въ Осборнъ-Гоузѣ на остр. Уайтѣ (съ рис.)—**Продавецъ лубочныхъ картинъ** (съ рис.)—**О плаваніи рыбъ.** Очеркъ **Д—на.** Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—**О преміяхъ „Нивы".**—Тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за СЕНТЯБРЬ 1880 г. съ 23 рис. и отдѣльный листъ съ 23 чертеж. выкроекъ въ натуральн. велич., и съ 23 рис. рукод. работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

2-й заемъ 1866 года. 29-й тиражъ 1-го сентября 1880 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
52	39	500	2563	17	1000	5820	36	500	8014	13	8000	10265	23	500	11933	89	500	14519	39	500	17284	39	500
225	13	500	2688	15	500	5875	40	500	8016	31	500	10288	11	500	11954	17	500	14639	36	1000	17332	11	500
265	9	500	2701	13	500	5942	25	500	8035	47	500	10293	36	500	12210	23	500	14666	40	500	17399	6	500
315	21	500	2724	16	500	6056	6	500	8073	44	500	10297	44	500	12211	27	500	14667	47	500	17440	48	500
456	32	500	2772	28	500	6155	45	500	8131	45	500	10299	27	500	12184	42	500	14698	39	500	17531	37	500
469	21	500	2910	14	500	6205	43	500	8198	47	500	10335	40	500	12494	41	500	14877	44	500	17681	25	500
481	18	500	3014	13	500	6227	31	500	8281	1	500	10399	31	500	12545	40	500	14882	15	8000	17719	47	500
6 6	20	500	3099	37	500	6313	8	500	8283	22	500	10404	12	500	12663	50	500	14906	43	500	17824	46	500
740	6	500	3297	49	500	6318	19	500	8322	25	500	10413	36	500	12762	2	500	14982	1	500	18004	15	500
745	17	500	3350	8	500	6361	1	5000	8500	14	500	10415	12	500	12804	47	500	15044	11	500	18240	10	500
749	31	500	3515	40	500	6438	39	5000	8523	27	1000	10459	6	500	12908	9	500	15057	26	500	18274	33	500
864	27	500	3532	30	1000	6441	11	500	8557	27	500	10493	30	500	12912	9	500	15074	28	500	18283	9	10000
885	22	500	3577	8	500	6510	19	500	8559	1	500	10516	6	500	12958	12	500	15118	33	500	18343	7	500
896	43	500	3645	40	500	6579	47	1000	8575	21	500	10619	6	500	12977	50	1000	15120	26	500	18561	2	500
918	48	500	3713	50	500	6606	13	500	8611	45	1000	10678	19	500	12986	7	500	15195	48	500	18700	6	500
966	47	500	3745	3	500	6820	7	500	8614	21	500	10771	5	5000	12998	32	500	15270	30	500	18774	17	500
1076	4	500	3846	16	500	6852	19	500	8766	17	500	10791	18	500	13155	23	500	15286	2	500	18869	22	1000
1153	27	500	3934	3	500	6876	46	500	8843	50	25000	10804	27	500	13211	36	500	15321	46	8000	18933	19	500
1156	49	500	4015	9	500	6938	30	10000	8877	35	500	10811	5	500	13234	29	500	15405	29	500	18956	7	1000
1182	44	500	4166	44	500	7087	17	500	8927	7	500	10833	23	500	13267	11	1000	15463	38	1000	18966	38	500
1354	6	1000	4183	5	500	7156	43	500	9007	39	500	10894	11	500	13319	38	500	15537	3	1000	19047	36	500
1356	18	5000	4311	45	500	7223	47	500	9180	36	500	10960	32	500	13330	47	5000	15966	9	500	19060	31	500
1398	47	500	4322	31	500	7258	13	500	9318	33	500	10976	11	500	13621	2	500	15773	33	500	19076	20	500
1470	5	500	4560	20	500	7267	32	500	9359	2	500	11050	1	500	13726	19	200000	16047	2	500	19088	45	500
1496	5	500	4655	25	500	7385	41	500	9462	47	500	11062	13	500	13871	4	500	16131	34	1000	19101	8	500
1784	20	500	4740	33	500	7393	42	500	9470	7	500	11072	42	500	13893	35	500	16146	45	500	19107	8	500
1854	30	10000	4908	21	500	7491	19	5000	9515	49	500	11153	4	500	14019	33	500	16405	13	500	19197	37	500
1879	34	500	4923	44	500	7495	23	500	9637	2	1000	11155	33	8000	14029	37	500	16457	18	500	19211	3	500
1938	30	500	5166	8	500	7599	41	500	9700	7	75000	11283	35	500	14095	11	500	16480	22	500	19341	45	500
2028	14	500	5274	31	40000	7612	43	500	9710	9	500	11291	11	500	14134	30	500	16724	19	500	15346	40	500
2097	13	1000	5384	48	500	7757	11	1000	9736	36	500	11297	49	500	14199	38	500	16774	50	500	19375	34	500
2122	5	500	5418	41	500	7771	16	500	9760	8	1000	11316	18	500	14213	40	500	16797	6	500	19477	5	500
2157	2	500	5488	26	500	7779	10	500	9788	5	500	11433	14	500	14235	34	500	16845	34	500	19505	28	500
2119	22	500	5508	32	500	7838	7	500	9864	42	500	11589	5	500	14290	32	500	16856	28	500	19571	31	500
2240	5	500	5637	45	500	7840	47	1000	9940	44	500	11757	38	500	14331	10	8000	17030	5	500	19611	6	500
2317	2	500	5657	20	500	7868	28	500	9948	22	500	11760	31	500	14379	16	500	17257	29	500	19617	46	500
2373	24	1000	5755	20	500	7938	17	5000	10067	20	500	11879	22	500	14379	26	500	17259	46	500	19732	44	500
2490	26	500	5769	28	5000	7952	20	500	10080	37	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

40, 41, 179, 685, 924, 1295, 1693, 2062, 2072, 2082, 2153, 2560, 2572, 3341, 4148, 4567, 5118, 5399, 5811, 6910, 6917, 6983, 7442, 7599, 7603, 7855, 8156, 8498, 9224, 92[illegible]7, 9780, 10602, 10630, 10919, 10933, 11722, 11827, 12963, 13132, 13375, 13766, 14112, 14801, 14978, 15216, 15454, 15599, 15746, 16047, 16704, 16478, 17010, 17068, 17680, 18057, 18173 18218, 18271, 19942, 19958.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ фабрики роялей Я. Беккера въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 5 сентября 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Бекмана, Троицк. пер. № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ | № 37 — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. к ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 13 Сентября 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Рудольфъ Вирховъ.

Недавно, 17 и 18-го августа (5 и 6-го нов. ст.), происходили въ Берлинѣ интересныя и многолюдныя засѣданія (469 членовъ) Антропологическаго съѣзда, предсѣдателемъ которыхъ былъ профессоръ Вирховъ и почетнымъ предсѣдателемъ наслѣдный принцъ, особенно принимающій участіе въ трудахъ общества. Собраніе слушало рѣчь Шлимана о его раскопкахъ на мѣстѣ древней Трои, раскопкахъ, въ которыхъ принималъ участіе и ученый предсѣдатель общества, отличающійся самою разностороннею дѣятельностью, о которой мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Знаменитый ученый—анатомъ и физіологъ—и не менѣе извѣстный политическій дѣятель, Рудольфъ Вирховъ родился въ 1821 г. въ Кослинѣ; рано избравъ медицинскую карьеру, онъ началъ занятія въ Берлинѣ; въ 1846 г. онъ уже получилъ мѣсто прозектора въ Берлинской клиникѣ и вскорѣ затѣмъ занялъ кафедру профессора хирургіи и патологіи при университетѣ. События 1848 и 1849 годовъ вовлекли молодаго ученаго въ свой бурный потокъ; вслѣдствіе его крайне либеральнаго образа мыслей и дѣйствій, онъ естественно потерялъ въ 1849 году свою профессуру и осенью того же года переселился въ Вюрцбургъ, куда онъ былъ приглашенъ занять кафедру патологической анатоміи. Но для берлинскаго университета потеря такаго профессора была слишкомъ чувствительна и Вирховъ въ 1856 году былъ вызванъ обратно въ Берлинъ и занялъ прежнюю кафедру. Вскорѣ затѣмъ онъ присоединился къ тогдашней партіи прогрессистовъ и сторонниковъ единства Германіи; въ 1861 г. онъ былъ избранъ въ палату депутатовъ отъ округа Саарбрюкенъ-Саарлуи; здѣсь онъ долго отличался какъ одинъ изъ наиболѣе шумныхъ ораторовъ либеральной

Профессоръ Рудольфъ Вирховъ. Рис. Кольби, грав. Максимовъ.

партіи и какъ дѣятельный членъ бюджетной коммисіи. Обратясь къ его научной дѣятельности, въ которой онъ конечно имѣетъ главнымъ образомъ значеніе, увидимъ, что современная медицина обязана ему множествомъ важныхъ открытій. Геніальное примѣненіе микроскопа при распознаваніи патологическихъ измѣненій въ человѣческомъ тѣлѣ, основанія цѣлой науки целлулярной патологіи, сочиненіе которой имѣло огромное значеніе, много изданій и переведено на всѣ иностранные языки; руководство терапіи и патологіи, и другія многочисленныя медицинскія сочиненія, сдѣлали его имя однимъ изъ самыхъ громкихъ и уважаемыхъ въ медицинской литературѣ. Также важны его заслуги по части популяризаціи научныхъ знаній: онъ издавалъ въ 1866 г. „Сборникъ общедоступныхъ статей по научнымъ вопросамъ", гдѣ принимали участіе лучшіе нѣмецкіе ученые, читалъ лекціи въ берлинскомъ обществѣ ремесленниковъ и въ обществѣ семейнаго и народнаго образованія. Руководимый имъ, патологическій институтъ доставилъ нѣмецкимъ университетамъ много серьезныхъ и ученыхъ медиковъ. Во время войнъ 1866 и 1870—71 годовъ, онъ оказалъ огромныя услуги; какъ глава берлинскаго общества для поданія помощи раненымъ, онъ организовалъ отправленіе санитарныхъ поѣздовъ къ мѣсту военныхъ дѣйствій и самъ сопровождалъ первый изъ этихъ поѣздовъ въ Мецъ. Кромѣ того онъ занимался еще антропологіей и археологіей, равно какъ и вопросами о санитарной помощи. Его энергія и способность къ работѣ изумительна; она сказывается во всемъ, чего бы онъ ни касался. Многообразіе его дѣятельности въ качествѣ выборнаго отъ Берлина, въ качествѣ депутата прусской палаты, или представителя разныхъ обществъ и члена ученыхъ конгрессовъ, напримѣръ, съѣзда естествоиспытателей, комитета Инвалиднаго института, представителя Института Императора Вильгельма—по истинѣ удивительно. На всѣхъ этихъ поприщахъ дѣятельность Вирхова всегда приносила большую пользу. Едва ли такъ удачна была его политическая дѣятельность. Въ высшихъ сферахъ, уважая въ немъ знаменитаго ученаго, теперь повидимому не придаютъ особенной цѣны его политической дѣятельности и мнѣніямъ, весьма приближающимся къ мнѣніямъ крайнимъ.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Продолженіе).

XXXIV.

Пріѣздъ.

Она начинала думать о томъ, что надо сдѣлать къ его пріѣзду, но долго не доводила своей мысли объ этомъ до конца. Пріѣдетъ, пріѣдетъ!.. Въ какомъ-то непониманіи того, что дѣлаетъ, она ни съ того, ни съ сего подарила своей горничной любимую свою шаль и, замѣтивъ выразившееся на лицѣ прислужницы недоумѣніе отъ неожиданности и несвоевременности такаго подарка, нѣсколько смѣшалась и нашла необходимымъ признаться:

— Ахъ, это я съ радости. Баринъ молодой ѣдетъ.

Ѣдетъ!.. Вотъ праздникъ-то будетъ настоящій!.. Она привела въ движеніе весь домъ. Все мыли, чистили и подновляли нѣсколькими днями ранѣе того, какъ это имѣли обыкновеніе дѣлать ежегодно передъ Рождествомъ и Пасхой. Весь домъ перевернули вверхъ дномъ, на время повсюду воцарился какой-то хаосъ: мебель сдвигали съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ она обыкновенно стояла; съ потолковъ и обоевъ сметали пыль, наполняя ею воздухъ, вощили полы, выбивали ковры; всюду танцовали полотеры, бѣгали какіе-то мужики въ красныхъ рубашкахъ и бѣлыхъ фартукахъ, сновали съ подоткнутыми подолами поломойки... Въ кабинетѣ молодаго барина, перебивали обойку мебели, созвавъ для ускоренія нѣсколькихъ мебельныхъ мастеровъ... Поваръ и экономка ходили къ барынѣ съ докладами относительно покупаемыхъ пасхальныхъ принадлежностей и проэктируемыхъ меню обѣдовъ по пріѣздѣ молодаго барина... Усталая всей этой возней, она не могла припомнить всего, что онъ любилъ, что когда либо похвалилъ въ кулинарномъ искусствѣ... Ночью она долго не могла заснуть отъ напряженно-радостнаго волненія, думая о той минутѣ, когда она прижметъ къ груди свое ненаглядное дѣтище; когда-же, измученная своею любовью, она засыпала наконецъ въ ея воображеніи носились радостныя и легкія мечты... Ахъ, скоро-ли, скороли онъ пріѣдетъ?..

Возня наконецъ окончилась. Заблестѣли полы, занавѣси и стѣны: все стало въ прежнемъ очищенномъ, строго мечтательномъ видѣ... Прислуга перестала бѣгать по комнатамъ, разговоры съ экономкой и поваромъ окончились; въ домѣ воцарился прежній тихій и строго приличный порядокъ... Въ день ожидаемаго пріѣзда пришелъ утромъ настройщикъ, раздались среди господствовавшей тишины звуки однообразно вторящейся ноты, однообразно вторящагося аккорда, а затѣмъ послѣ наступившаго затишья, нѣсколько разъ гостиная огласилась быстрымъ переборомъ всей клавіатуры—и все смолкло... Не желая выдать своего волненія никому изъ домашнихъ, Столповская заперлась въ своей спальнѣ и будучи не въ силахъ что нибудь дѣлать—цѣлое утро проходила изъ угла въ уголъ, безпрестанно взглядывая на часы, которые казалось ей не двигались... Ея душевное состояніе становилось тягостнымъ, начинало удручать ее... Радостныя ожиданія, такъ еще недавно казавшіяся ей возможными, счастливые дни, которые должны были наступить съ пріѣздомъ сына, самый этотъ пріѣздъ—все это начало представляться чѣмъ-то несбыточнымъ, невозможнымъ... Она подъискивала даже подтверждающіе это доводы... Она такъ вѣрила во все это, что непремѣнно обманется... Она видѣла во снѣ встрѣчи съ сыномъ, его пріѣздъ, видѣла съ необычайной отчетливостью и ясностью, а это всегда означаетъ, что на яву будетъ какъ разъ совершенно противное тому, что она видѣла во снѣ... Но что-же случится съ нимъ? отчего онъ не пріѣдетъ?.. Черезъ дверь ее спрашивали: время-ли подавать обѣдъ? она сказала, что не будетъ обѣдать, и строила предположенія, отчего не пріѣдетъ сынъ, вѣря въ непреложность этаго, въ тщетность всѣхъ своихъ ожиданій... Всѣмъ объявивши объ ожидаемомъ пріѣздѣ сына, она вдругъ почувствовала непреодолимое желаніе разъувѣрить всѣхъ въ возможности подобнаго пріѣзда, показать, что сама она не вѣритъ въ него... Если бы было возможно, она ушла бы на встрѣчу сыну и вернулась домой никѣмъ незамѣченная... Вернулась никѣмъ незамѣченная, одна безъ него!.. О конечно, онъ не пріѣдетъ!.. Да.

Когда вечеромъ ей доложили, что подана карета, она почти оплакивая представляемое ею обманутымъ ожиданіе, спустилась по лѣстницѣ, стараясь не глядѣть на попадающихся ей на встрѣчу лакеевъ, кутаясь въ тальму проскользнула въ растворенную ей швейцаромъ дверь и безъ посторонней помощи сѣла въ карету... Зачѣмъ, зачѣмъ она ѣдетъ? Она горько усмѣхнулась, представляя, какъ она будетъ слѣдить выходящихъ изъ вагоновъ, слѣдить взглядомъ, увѣреннымъ въ томъ, что того, кого она пришла встрѣчать, она не увидитъ въ толпѣ... Долго будетъ около нея суета, долго будетъ тянуться толпа пріѣхавшихъ, долго будутъ слышаться привѣтствія встрѣчающихъ... Потомъ все, рѣдѣя и рѣдѣя, пройдутъ почти всѣ; нѣсколько одинокихъ, запоздавшихъ пассажировъ въ сопровожденіи носильщиковъ пробѣжитъ по дебаркадеру—а его нѣтъ... Дебаркадеръ опустѣетъ; пройдутъ кондукторы, посматривая на нее—чего дескать ждетъ?.. Свистнетъ локомотивъ и недавно пришедшіе полными клади и пассажировъ вагоны, въ освѣщенныя окна къ которыхъ заглядывала она, отыскивая сына, двинутся порожними, заднимъ ходомъ... Одна въ пустой галлереѣ, одна!..

Она вбѣгала, не по своимъ лѣтамъ быстро и легко, на ступени вокзала... Боже мой, поѣздъ пришелъ!.. Застилающимися туманомъ глазами она смотрѣла на тянущуюся черезъ залъ отъ входа къ выходу толпу, какъ-то торопясь скорѣе охватить ее взглядомъ всю... Она не видѣла сына, посылающаго ей улыбку, черезъ отдаляющихъ его отъ нея людей... Она смотрѣла съ замираніемъ сердца на послѣднихъ пассажировъ, появляющихся во входныхъ дверяхъ, не видя того, кто былъ за шагъ отъ нея... Онъ схватилъ ее за руку, понимая по выраженію ея лица, что она его не видитъ:

— Куда ты смотришь? кого еще ждешь?

Она слабо вскрикнула и упала въ его объятія, обливаясь слезами и цѣлуя его... Его голосъ нѣжно утѣшалъ ее:

— Что ты плачешь? Я съ тобой...

Но она не могла говорить... Не обманывается ли она?.. Отстронивъ свое лицо отъ его, но не выпуская обнятую ея руками шею, она смотрѣла на него плачущими отъ радости глазами, какъ бы убѣждаясь въ томъ—онъ ли это? Что-то радостно билось у ней: его, его лицо! Это онъ! и снова припавъ къ его груди, цѣловала его.. Какъ много, много хотѣла она сказать ему, когда ждала его и какъ стало ей трудно, почти невозможно говорить теперь, когда она осталась съ нимъ вдвоемъ, сидя въ каретѣ, везущей ихъ обоихъ обратно домой... О многомъ, что она испытала, какъ тосковала по немъ, хотѣла она сказать ему, а теперь, когда это стало возможно, нѣмѣетъ ея языкъ и если она и заговоритъ, то заговоритъ о чемъ нибудь второстепенномъ, постороннемъ ему и ей.., Еще успѣетъ!.. Сколько, сколько еще предстоитъ ей дней и вечеровъ говорить съ нимъ!.. Вотъ скоро лѣто: они уѣдутъ въ деревню и тамъ въ липовой аллеѣ, окружающей прудъ, гуляя съ нимъ подъ руку—разскажетъ она ему о томъ, какія силы должна была употребить на то, чтобы не выдать себя, не выдать того, каково ей было хоть на время разстаться съ нимъ, обо всемъ этомъ разсказать... Не похудѣлъ-ли онъ?... Съ дороги его лицо показалось ей свѣжимъ и цвѣтущимъ... Прошло, прошло! радостно думала она,—забылъ, вернулся ко мнѣ... То-то радостные дни наступятъ для насъ!..

— Мой милый!

И припавъ къ нему, еще разъ цѣловала его въ лобъ щеки и губы... Неужели я не самая счастливая изъ матерей?..

И радостная вышла изъ кареты съ нимъ. Швейцаръ распахнулъ передъ нею двери, привѣтствуя идущаго за нею пріѣзжаго, по освѣщенной лѣстницѣ спускался лакей. Кто-то кричалъ ей съ площадки, махая руками:

— Слава тебѣ Господи! пріѣхала... Я думаю полчаса лобызалась съ своимъ сокровищемъ...

Она тупо смотрѣла, пораженная непривычною безцеремонностью обращенія, на кричавшаго ей Батракова, не узнавая его. Да кто же это?.. Батраковъ спускался къ ней на встрѣчу и, ровно ничего не понимая въ томъ, зачѣмъ онъ у нея, о чемъ онъ говоритъ, она, остановившись посреди входной площадки, какъ-то автоматически смотрѣла на неожиданнаго гостя, при каждомъ словѣ его переводя глаза на него и на сына, остановившагося рядомъ съ нею и какъ она недоумѣвающаго слышанному.

— Безъ васъ какъ безъ головы... говорилъ ей Батраковъ,—точно всѣ одурѣли. Тамъ женщина умираетъ, а болваны ваши чай ему—онъ ткнулъ на молодаго Столповскаго,—завариваютъ. Ужь и дураковъ же вы держите... Озябнутъ, говорятъ, съ дороги... Тьфу ты, прости Господи!.. Да хоть бы и озябъ. Я думаю поважнѣе—спасти ее.

И сообразивъ своимъ взволнованнымъ умомъ, что онъ кажется несправедливъ къ этимъ ни въ чемъ неповиннымъ людямъ, опомнился и сказалъ болѣе сдержнымъ тономъ:

— Вы простите меня. Я тутъ мечусь, она почти умираетъ, а прислуга ничего не дѣлаетъ. Поневолѣ выйдешь изъ себя.

Столповская настолько нашлась, что освѣдомилась наконецъ:

— Да о комъ вы? что случилось?

— О комъ? не время все разсказывать. Я привезъ къ вамъ Пантелѣеву,—знаете? Ну, еще за Кожуховымъ была, развелась... Несчастная женщина при смерти и безъ пріюта.

— Умираетъ? Безъ пріюта? услышала Столповская около себя какой-то полный отчаянія и ужаса крикъ и почувствовала, что сынъ хватаетъ ея руку:—мамаша, мамаша! да что же вы? идите.

И сбросивъ пальто на полъ, растерянный, забывъ о матери, схватилъ Батракова за руку и потащилъ его на верхъ. Глаза ея вспыхнули какимъ-то страннымъ огонькомъ и она, вдругъ сдѣлавшись какъ-то холодна и неприступна, чувствуя себя чѣмъ-то оскорбленной, повелительно и сурово обратилась къ лакею:

— Снимите съ меня тальму...

И сбросивъ ее, тихо стала подыматься по лѣстницѣ, взошла на нее и минуя гостинную, прошла прямо въ свою спальню, затворилась и забывъ въ своемъ эгоизмѣ всякое состраданіе, думая объ одной себѣ, съ глухими рыданіями упала на кровать... Онъ любитъ, любитъ ее!.. Для нея, для этой женщины, онъ забылъ мать!

XXXV.

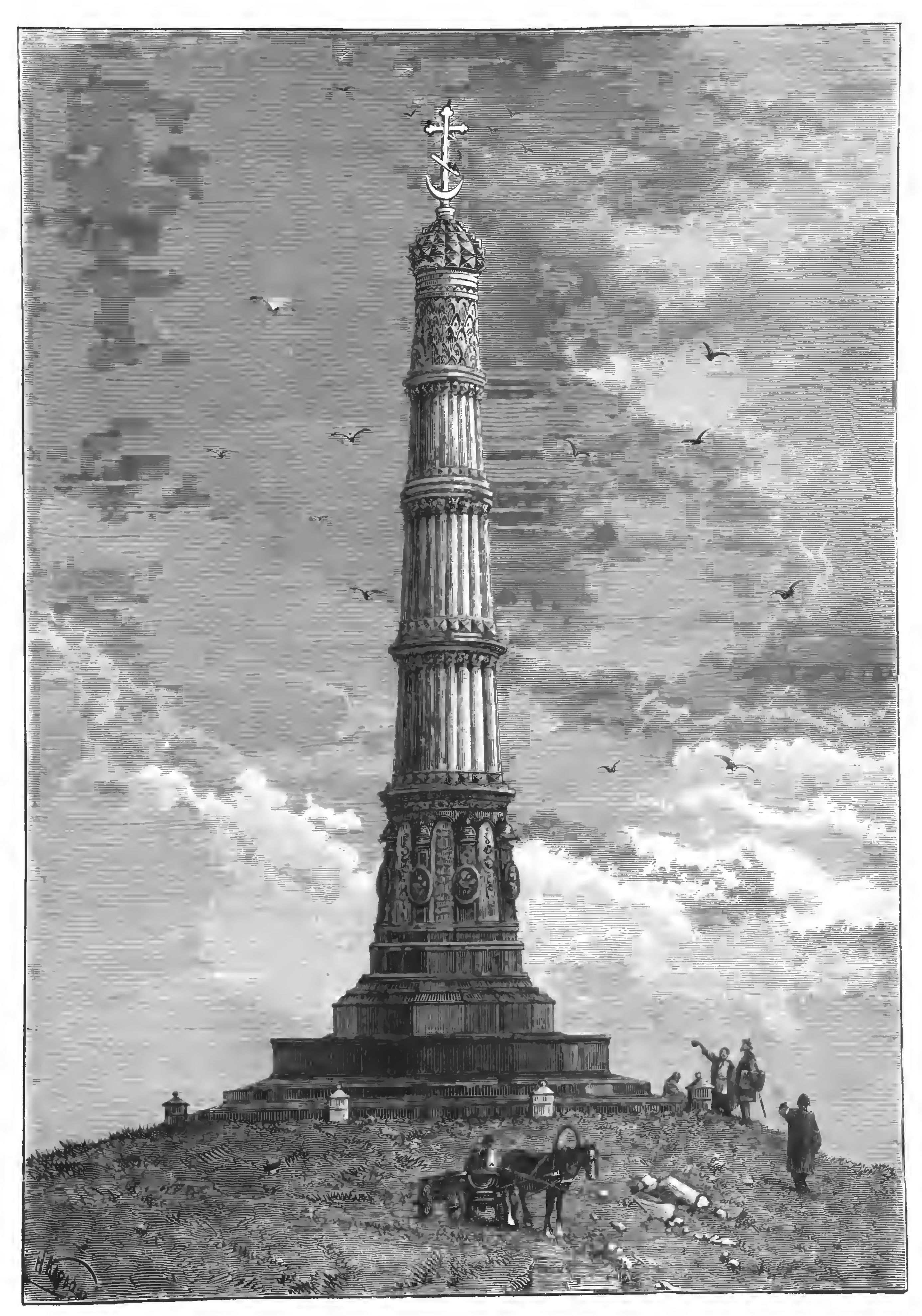
Больная.

Уткнувшись въ подушки и переставъ рыдать, Столповская стала прислушиваться къ отдающимся въ отдаленіи шагамъ, съ затаеннымъ дыханіемъ ожидая, не подойдетъ-ли къ ея двери сынъ, не хватится ли ее, не пожелаетъ ли узнать, гдѣ она и что съ нею?.. По дому раздавались шаги, было слышно движеніе, но о ней, кажется позабыли. Вотъ около ея двери остановились горничныя и громко бесѣдовали, не предполагая вѣроятно ея присутствія, другъ съ другомъ о больной, о Батраковѣ, о молодомъ баринѣ. Рѣшительно она забыта всѣми, точно она не хозяйка въ домѣ, точно ее не существуетъ!.. Ей вдругъ, въ этотъ моментъ, захотѣлось умереть: пусть бы онъ, ея сынъ, пришелъ къ ней тогда, когда бы она заснула вѣчнымъ сномъ; пусть бы онъ увидѣлъ, что сдѣлалъ съ нею, до чего ее довелъ!.. А если бы она умерла здѣсь, въ этой комнатѣ, задала она себѣ вопросъ,—а эта женщина тамъ: къ кому бы онъ пошелъ?.. Неужели къ той?.. Ни разу въ своемъ эгоистическомъ чувствѣ она не подумала о находящейся въ ея домѣ больной, не задала себѣ вопроса, какъ она попала къ ней, ни разу не представила ясно себѣ ея положенія... Ей казалось, что страдаетъ одна она, но не та женщина, что какихъ-нибудь тревогъ, переживаемыхъ другими, не существуетъ, что мучается она одна. Мелкая злоба бушевала въ ней... Она—хозяйка въ этомъ домѣ: какъ же смѣютъ распоряжаться безъ ея дозволенія? Ее должны спрашивать обо всемъ; она, слава Богу, жива, не умерла! Она поднялась съ постели, оправила волосы, уничтожила слѣды слезъ на своемъ лицѣ и нѣсколько суровая и блѣдная, съ красноватыми глазами, въ разсѣянности подошла къ окну. Окно выходило на улицу. При свѣтѣ фонарей она увидѣла, какъ передъ ея домомъ дворники разбрасывали солому, чтобы ѣзда экипажей не такъ безпокоила больную. Сжавъ свои тонкія губы, съ недобрымъ выраженіемъ свѣтло-голубыхъ глазъ, она рѣшительно и властно отворила дверь своей спальной и рядомъ безлюдныхъ покоевъ, тихими шагами, съ понуренной головою пошла по направленію къ гостинной.

Ей не встрѣтился никто. Вычищенныя къ пріѣзду сына комнаты, освѣщенныя лампами, были пустынны... Въ столовой были разставлены на столѣ чайныя при-

Богданъ Хмѣльницкiй находитъ сына. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Пудъ.

Памятникъ на Куликовомъ полѣ. По поводу исполнившагося пятисотлѣтія со дня Мамаева побоища.
Ориг. рисунокъ Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

надлежности, поданъ самоваръ, который погасъ, стояли въ ожиданіи возвращенія ея съ сыномъ, для обоихъ ихъ стулья. Слезы подступили ей къ горлу и, ускоряя шагъ она поспѣшно миновала комнату, пробуждающую въ ней воспоминаніе о несбывшихся надеждахъ. Въ гостинной, чистой и блестящей, на зеркальномъ паркетѣ виднѣлись грязные слѣды ногъ; на только что настроенномъ утромъ этаго дня роялѣ валялась мокрая тальма, сбѣжавшая съ которой вода образовала на желтоватомъ фонѣ паркета два темныхъ пятна. На одномъ изъ дивановъ была брошена женская шляпа съ перьями, на которыхъ еще блестѣли не успѣвшія высохнуть капельки дождя. Столповская остановилась посреди комнаты, прислушиваясь... Странная тишина!.. Внизу, вѣроятно на лѣстницѣ, разговаривали чьи-то два голоса... Въ коридорѣ осторожно проходила прислуга, напуганная Батраковымъ... Но здѣсь, въ гостинной, въ кабинетѣ сына, не слышно было ни звука; только однообразное качаніе маятника нарушало тишину. Собравъ силы, Столповская рѣшилась заглянуть въ кабинетъ. Вотъ для кого перемѣняла она обивку мебели, драпри на дверяхъ и окнахъ!.. Онъ сидитъ у ея изголовья, глазами полными слезъ слѣдитъ за ея сномъ, прислушивается къ ея дыханію!.. Ахъ, матери такъ много дѣлаютъ для своихъ сыновей; для чего же, для чего сыновья не живутъ для нихъ однихъ?..

Она приподняла портьеру и вошла въ кабинетъ. Большая комната была погружена въ полусвѣтъ; только маленькая лампочка съ зеленымъ абажуромъ освѣщала небольшое пространство, оставляя въ полутемнотѣ двѣ трети ея и образуя на потолкѣ свѣтло-зеленый, неясный кругъ... Занавѣси на окнахъ были опущены: мебель выведена изъ ея обычнаго распорядка. Въ глубинѣ, между шкафами книгъ стоялъ диванъ, на которомъ обыкновенно спалъ Столповскій. Всматриваясь въ господствовавшій въ комнатѣ полусвѣтъ, Столповская отличила на этомъ диванѣ бѣлыя простыни, спускавшіяся до полу, подушку, на которой рисовался обликъ лежащей женщины. Но не ее искала она. Она хотѣла видѣть сына, склонившагося къ изголовью больной, слѣдящаго за ея сномъ. Больная вдругъ видимо въ тревожномъ забытьи переложила голову съ одного мѣста подушки на другое и застонала. Чья-то темная фигура, незамѣченная Столповской, поднялась, вышла изъ глубины кресла, приблизилась къ больной, наклонилась надъ нею, осторожной и нѣжной рукой оправила волоса, свѣсившіяся темными прядями на лицо больной и посмотрѣвъ на нее нѣкоторое время, прошептала въ какомъ-то отчаяніи:

— Горитъ! горитъ!..

У Столповской отлегло отъ сердца. Это не онъ, это Батраковъ. Но гдѣ же онъ? Батраковъ повернулся и всматриваясь своими близорукими глазами и не узнавая, пошелъ ей на встрѣчу, осторожно ступая, хотя это было излишне, ибо ноги его были въ туфляхъ. Наконецъ онъ узналъ ее и хватая за руку, указалъ на больную:

— Посмотрите...

Она приблизилась къ больной и склонилась надъ тою, которая была виновата передъ нею безъ всякой вины... Холодно, безучастными глазами смотрѣла она на это прелестное лицо, горящее какимъ-то пунцово-синеватымъ румянцемъ, съ очевидными чертами страданія около глазныхъ впадинъ и мускуловъ скулъ. Вьющіяся пряди волосъ змѣились по подушкѣ; открытые глаза не смотрѣли никуда, какъ-то ушли въ себя и походили на глаза мертваго человѣка. Руки протянулись по дивану; чуть примѣтное дыханіе волновало грудь, изрѣдка прорываясь въ какой-то замирающій стонъ. Вдругъ больная захрипѣла. Невольно Столповская вздрогнула и отшатнулась отъ дивана. Батраковъ окаменѣлъ на мѣстѣ. Оба въ какомъ-то ужасѣ не сводили съ больной глазъ и затаили дыханіе. Легкое движеніе груди почти прекратилось. Но вдругъ съ какою-то силою больная откашлянула подступившую ей и затрудняющую дыханіе мокроту и снова движеніе ея груди стало замѣтно. И одновременно съ этимъ въ душѣ Столповской возникло съ прежнею силой непріязненное чувство къ этой женщинѣ, на время было подавленное въ ней страхомъ, возникшимъ при видѣ кончающаго жизнь существа. Если бы эта женщина умерла, она простила бы ее! Она услышала произнесенныя шепотомъ около нее слова Батракова:

— Бѣдное дитя! если бы вы знали, какъ она несчастна.

Попрежнему безучастно Столповская глядѣла на него. Несчастна!.. А она развѣ не несчастна? У ней отняли сына, онъ умеръ для нея!...

— Когда нибудь я разскажу вамъ все, что знаю о ней. Богъ наградитъ васъ, что вы дали ей пріютъ... и васъ, и вашего сына...

И опускаясь въ кресла, шепталъ:

— Высшая награда матери—*такое* сердце въ сынѣ. Я думалъ о немъ иначе. Вы—единственная въ мірѣ мать.

Она улыбнулась съ горечью. Такое сердце! Батраковъ хвалитъ ее за то, что она воспитала въ сынѣ „*такое* сердце“... Она спросила своего собесѣдника о сынѣ:

— Гдѣ онъ?

Занятый чѣмъ-то другимъ, Батраковъ отвѣтилъ нѣсколько разсѣянно:

— Онъ поѣхалъ за ея мужемъ..

И указалъ на больную.

Въ Столповской впервые шевельнулся вопросъ, касающійся обстоятельствъ, побудившихъ больную вѣроятно оставить мужа. Поѣхалъ за ея мужемъ? Но вѣдь она бросила его. Она спросила объ этомъ Батракова, но послѣдній не отвѣтилъ ей ничего, погруженный въ безмолвное созерцаніе больной. Оба сидѣли въ молчаніи, каждый думая о своемъ. Вдругъ гдѣ-то въ церкви ударили въ колоколъ, разъ, другой; вдали на этотъ медленный, похоронный звонъ отозвались другіе колокола. То благовѣстили къ заутрени, призывающей къ погребенію Христа. Батраковъ приподнялъ опущенную голову и прислушался. Потомъ закрылъ глаза, снова опустилъ голову и тихо заговорилъ:

— Какія это, какія воспоминанія... И этотъ ангелъ именно умираетъ сегодня!.. Представляю я себѣ эту темную, темную ночь, когда зги не видно, когда съ шестаго до девятаго часа на землѣ воцарилась тьма—и Онъ умеръ на крестѣ, произнеся слабымъ голосомъ: свершилось!.. Вблизи нѣсколько женщинъ, нѣсколько учениковъ... Народъ, жестокіе зрители казни, разошлись по домамъ, мирно бесѣдуя между собою о всемъ видѣнномъ и слышанномъ... Только женщины и ученики стоятъ въ молчаніи... надъ ними темная ночь безъ звѣздъ: черными контурами рисуются кресты... И такая тишина, что слышенъ каждый вздохъ Его Матери, которая,все время была тутъ, все время на Его крестныя страданія смотрѣла, вынесла такое зрѣлище!..

Онъ остановился, оправилъ одѣяло у больной и смотря на сидящую противъ него Столповскую, подъ похоронные звуки колокола, въ виду умирающей, продолжалъ разсказъ. Столповская вслушалась въ его слова...

— Въ городѣ суета, во всякомъ домѣ огни, готовятся къ субботѣ,—„ибо та сбубота была день великій“,—а тутъ темно, тихо и печально... И вотъ всѣ вздрогнули.. Съ факелами отъ города идетъ нѣсколько воиновъ, громко разговаривая и смѣясь... Въ тишинѣ гулко раздаются шаги и въ страшной темнотѣ—яркими огненными языками блестятъ пылающіе факелы, отражаемые блестящими щитами... То воины... Яркимъ свѣтомъ факеловъ озарилась каменистая Голгофа, освѣтились водруженные на ней кресты и выдѣлился Его погасшій ликъ... Въ полусвѣтѣ остались женщины и ученики...

И, пояснивъ, что Пилатъ позволилъ пришедшимъ воинамъ, не желавшимъ оскорблять субботу видомъ распятыхъ, перебить имъ колѣна и затѣмъ ихъ снять съ крестовъ, перешелъ къ погребенію Христа...

— У Него былъ богатый и со связями ученикъ,—„тайный“,—секретно слушавшій Его слово. И вотъ, когда удалились воины, этотъ Іосифъ, получивъ позволеніе Пилата снять Его тѣло, приходитъ къ кресту, ужъ конечно со слугами, и безъ факеловъ, чтобы не обратить на себя вниманіе. Это непремѣнно: тайно учился—не станетъ-же явно погребать, въ большомъ секретѣ это сдѣлаетъ и ужъ навѣрно смутится, заставъ у креста женщинъ и учениковъ... И, узнавъ, что тутъ народъ, еще болѣе испугался идущаго съ такой-же тайной Никодима.. Это такъ невыразимо трогательно, мой другъ, — съ одной стороны Царствіе небесное, а съ другой—эта простота и боязливость похоронъ!.. Не такъ-ли?

Она молча кивнула ему головой... Да, это конечно удивительно!.. Въ ея измученное опасеніями и тревогами за сохраненіе сыновней любви сердце вливалось успокоеніе этимъ нѣсколько образнымъ разсказомъ о погребеніи Спасителя міра...

— Какъ ихъ сердца-то, мой другъ, сердца-то этихъ женщинъ и учениковъ умилятся, какъ они увидятъ, что ихъ Сына, Учителя, Царя погребаютъ, снимаютъ Его тѣло съ креста, умощаютъ Его благовоніями, обвиваютъ пеленами и кладутъ во гробъ... Матерь-то не плачетъ, а глаза свои подняла къ небесамъ... Господи, прости ненавидящихъ Его!..

И смолкъ...

Больная, какъ прежде, оставалась недвижима, лежа съ открытыми глазами и чуть замѣтно дыша... Господи, прости ненавидящихъ Его!.. Столповская отерла выступившія на ея глазахъ слезы и тихо спросила Батракова:

— Былъ докторъ?

— Былъ...

— Что-же?..

Онъ слегка пожалъ плечами.

— Что-жъ? Сами знаете,—вылечить ее—не нарывъ прорѣзать... Силы природы—вотъ это дѣло другое...

И какъ-бы испугавшись чуть-чуть высказаннаго имъ предположенія о силахъ природы, которыя могли спасти больную, поспѣшилъ прибавить:

— Впрочемъ, она умретъ... Это дитя слишкомъ несчастно чтобы жить...

Оба погрузились въ молчаніе... Звуки погребальнаго колокола все еще раздавались въ тишинѣ... Обоимъ сидящимъ казалось, что этотъ печальный звонъ служитъ предзнаменованіемъ для той, которая лежитъ передъ ними какою-то безгласною, почти безсознательною массою на постелѣ... Оба не рѣшались произнести ни слова въ виду наступающаго, какъ они думали, рѣшительнаго момента... Въ самомъ дѣлѣ, больная дѣлалась какъ-то страшно неподвижна... Прежде метавшаяся въ жару, раскидывающая руки и со стонами ворочающаяся съ боку на бокъ, она недвижимо лежала на спинѣ, вытянувшись во весь свой высокій ростъ, лежала безъ стона, едва дыша, только по прежнему смотря своими черными глазами и вѣроятно видя ими что нибудь туманное и прозрачное... Ноги ея вздрагивали по временамъ... О, конечно это была смерть, уничтоженіе, борящееся съ слабо дѣйствующей энергіей жизни!.. Вдругъ оба собесѣдника подняли головы, прислушиваясь къ раздавшимся среди тишины новымъ звукамъ. По лѣстницѣ взбѣгали чьи-то шаги... Батраковъ всталъ и неслышно ступая, приблизился къ дверямъ, ведущимъ въ гостинную.. Онъ видѣлъ вбѣгающаго, точно шатающагося, исполинскаго сложенія мущину, съ блѣднымъ лицомъ, съ всклоченными волосами, громко ступающаго по паркету и жестомъ останавливалъ его, приглашая идти тише... За исполинскимъ мужчиной шелъ блѣдный и измученный Столповскій... Батраковъ шепталъ, махая руками:

— Тише, Бога ради, тише!..

Пантелѣевъ, какъ догадался Батраковъ, посмотрѣлъ на него какимъ-то сумасшедшимъ взглядомъ и отстраняя его съ порога двери безъ всякой церемоніи рукой, быстро вошелъ въ кабинетъ... Батраковъ и Столповскій послѣдовали за нимъ, остановившись неподалеку отъ двери... Онъ шелъ, направляясь къ женѣ и только, находясь на такомъ разстояніи отъ нея, съ котораго ему было ее видно, изъ его груди вырвался какой-то стонъ, сопровождающійся энергическимъ жестомъ руки... Ахъ, что сдѣлали съ нею!

Погребальный звонъ смолкъ.

Тогда всѣ видѣли, какъ этотъ сильный, желѣзнаго сложенія человѣкъ упалъ на колѣна передъ больной, припалъ къ ея чуть дышащей груди и смотрѣлъ въ ея помертвѣлые глаза... И какъ будилъ ее, какъ ребенка, извлекая изъ груди своей самые нѣжные и мягкіе звуки, невольно вызывающіе слезы на глазахъ всѣхъ присутствующихъ...

— Катя, Катенька проснись!..

На этотъ нѣжный призывъ она осталась нѣма и неподвижна; изъ его глазъ капали ей на лицо горячія слезы, онъ обдавалъ ее дыханіемъ своимъ, не умѣя понять, дышетъ она или нѣтъ?.. Неужели онъ обнимаетъ трупъ?.. Онъ удвоилъ нѣжность обращенныхъ къ ней словъ:

— Дитя мое, дорогая моя, проснись... Видишь: я плачу... Я,—мужъ твой, плачу...

И какъ бы потерявъ надежду разбудить ее, оторвался отъ ея груди и все еще склоненный надъ нею, съ нѣжнымъ упрекомъ прошепталъ:

— Ахъ, крошка!..

M-me Столповская приподнялась въ креслѣ и посмотрѣвъ на больную, съ испугомъ обернулась къ Батракову и сыну, взглядомъ спрашивая ихъ, что дѣлается съ лежащей на постелѣ... Съ поблѣднѣвшими лицами Батраковъ и Столповскій сдѣлали шагъ впередъ... Пантелѣевъ застылъ склоненнымъ надъ нею... Что-то въ родѣ тихой улыбки появилось на ея страдающемъ лицѣ, въ глазахъ мелькнули лучи сознанія и губы прошептали одному ему понятное:

— Я слышу...

Отъ усилій собрать сознаніе, сосредоточить его на чемъ либо одномъ въ то время, когда оно расплывалось въ туманныхъ и уродливыхъ образахъ, отъ усилій произнести два слова, на лбу больной выступилъ потъ и ея усталыя вѣки закрылись... Мужъ смотрѣлъ нѣкоторое время на нее и вдругъ тихо поднявшись съ колѣнъ, повернулся къ присутствующимъ:

— Я останусь съ ней вдвоемъ...

И ждалъ, не произнося ни слова, холодный и спокойный, когда всѣ присутствующіе оставятъ кабинетъ. Никто кромѣ его хорошенько не зналъ жива или нѣтъ Катерина Александровна и всѣ въ большомъ недоумѣніи оставили комнату... Проводивъ ихъ своимъ, снова зажегшимся мрачнымъ огнемъ, взглядомъ и убѣдившись, что онъ теперь наединѣ съ женой, Пантелѣевъ сѣлъ у ея изголовья, склонился надъ нею и снова нѣжно прошепталъ, хотя былъ твердо убѣжденъ, что она не слышитъ его словъ:

— Я зналъ, что ты будешь жить, мое счастье... Неужели ты бы оставила меня одного?!

Гаврилову давно не удавалось провести такъ превосходно дня, какъ когда, получивъ отъ дочери браслетъ, онъ отправился отъ нее въ самомъ игривомъ настроеніи духа домой... Онъ пошелъ по той самой дорогѣ, по которой какимъ нибудь часомъ позднѣе бѣжала его несчастная дочь, пошелъ шагомъ легкимъ и спокойнымъ, насвистывая итальянскій мотивъ... О свиданіи, въ которомъ онъ такъ унизительно себя велъ, онъ думалъ не особенно долго... Порядочное свинство принять такъ

отца... Вѣдь каковъ ни на есть, а все же отецъ, человѣкъ давшій ей жизнь... Вѣдь, вонъ, какъ живетъ: точно царица какая... Жаль, что времени совсѣмъ нѣтъ, а то бы стоило ее за такую гордость въ повѣсти что-ли какой изобразить... Право... А впрочемъ, чортъ съ ней!.. Намъ съ ней наслѣдство не дѣлить... Вотъ браслетъ продать надо... И бросивъ думать о дочери, сталъ придумывать, къ кому бы обратиться ему съ этимъ браслетомъ... Продать слѣдовало возможно скорѣе,—немедленно... Во первыхъ на слѣдующее утро графиня сбиралась ѣхать въ деревню, замедливъ поѣздкою изъ за него и изъ за неготовой для Додо шляпы: во вторыхъ содержатель Grand Hotel'я приставалъ къ Гаврилову какъ съ ножемъ къ горлу, требуя уплаты по счету, должныхъ ему 350 рублей; въ третьихъ — вообще слѣдовало продать браслетъ немедля, ибо въ карманѣ самого Гаврилова находилось всего на всего пятнадцать копѣекъ, на которыя трудно было даже доѣхать до центральныхъ частей города изъ такой дали... Но какъ и кому продать? вопросъ этотъ представлялъ нѣкоторыя затрудненія... Браслетъ былъ на столько цѣненъ, что его продажа у ювелира могла возбудить нѣкоторое подозрѣніе, тѣмъ болѣе возможное, что браслетъ былъ разорванъ, не находился въ футлярѣ, словомъ, не смотря на всю свою цѣнность, носилъ какой-то подозрительный отпечатокъ... Кромѣ того въ своихъ поискахъ ювелира Гавриловъ могъ натолкнуться на того изъ нихъ именно, который дѣлалъ и продалъ Пантелѣеву браслетъ, и отсюда было весьма возможно возникновеніе подозрѣнія— откуда онъ, Гавриловъ, досталъ этотъ купленный не имъ браслетъ... Чортъ знаетъ и есть вещь, да что съ ней подѣлаешь?.. Въ нѣкоторомъ раздумьи на этотъ счетъ, онъ миновалъ Нарвскія ворота и пошелъ, направляясь къ Калинкину мосту... Погруженный въ думы онъ не замѣтилъ, какъ на встрѣчу ему шелъ Ефимъ, одѣтый въ свой презентабельный бекешъ...

— Наше вамъ-съ!

Гавриловъ поднялъ голову:

— А! мое почтеніе... Куда?

Ефимъ скромно потупилъ глаза:

— Къ Сашенькѣ-съ.

И сжалъ губы... Со времени исторіи съ Кожуховымъ Ефимъ, понимая, что Гаврилову было трудно выпутываться изъ этой исторіи какъ нибудь иначе, нежели какъ заплативъ Кожухову за молчаніе деньги, понимая это отлично, тѣмъ не менѣе охладѣлъ къ своему сообщнику. Вдвоемъ съ Сашенькой имъ удавались разныя мошенничества, вонъ съ покойницей сестрой, царство ей небесное, тоже очень недурненькая вещичка была обдѣлана... А тутъ, накось, явился какой-то гоголь, самъ надумалъ, самъ ихъ съ Сашенькой заставилъ рисковать, да самъ первый и втюрился... И ихъ втюрилъ: даромъ руки марали, да еще не только ничего не получили а и долгъ-то свой лишили его возможности платить имъ со смерти Клеопатры Петровны... Поэтому въ обращеніи Ефима съ Гавриловымъ вкралась нѣкоторая холодность и даже какъ бы иронія... Гавриловъ это замѣчалъ, и, не показывая виду, рѣшился, встрѣтясь уже съ Ефимомъ, теперь нѣсколько полакомить своею любезностью почтеннаго старичка.

— Все еще негодуешь?—любезно потрепалъ онъ Ефима по плечу.

— Не всѣмъ-съ отъ подобнаго погрома такъ легко отдѣлываться,—не безъ ядовитости намекнулъ на Гаврилова Ефимъ. Тотъ согласился съ видомъ человѣка, умѣющаго найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ:

— Не всѣмъ, не всѣмъ...

И подумавъ, обратился къ Ефиму:

— А у меня дѣльце небольшое до тебя.

(Окончаніе романа въ слѣд. №).

Старый Данъ.

Разсказъ Л. Коллинза.

(Окончаніе).

Прошелъ годъ. Успѣхъ Франка превзошелъ всѣ его надежды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для него настала пора сомнѣній. Бывали минуты, когда онъ боялся за себя, не вѣрилъ въ свои силы, не вѣрилъ, что достигнетъ высокой цѣли, къ которой стремился—занять, хотя скромное мѣсто среди отечественныхъ художниковъ. Бросая взглядъ на прошлое, онъ видѣлъ, что сдѣлалъ многое, но за то, когда онъ обращалъ взоръ впередъ, туда, въ свѣтлую, лучезарную высь искусства, то она казалась ему еще болѣе отдаленнымъ, еще болѣе недосягаемымъ идеаломъ, чѣмъ когда либо. Страхъ этотъ, однако, не ослаблялъ его твердой рѣшимости добиться того, къ чему онъ стремился. Напротивъ, подъ вліяніемъ его молодой артистъ вносилъ въ трудъ свой болѣе серьезныя мысли.

Однажды утромъ, когда въ одну изъ такихъ минутъ внутреннихъ колебаній и сомнѣній, онъ стоялъ предъ мольбертомъ, съ безпощадною строгостью критикуя свою почти уже совершенно оконченную картину, внезапно, сзади его отворилась дверь и въ комнату вошелъ „старый Данъ“, своей собственной особой.

— Отецъ! радостно крикнулъ Франкъ,—я не надѣялся, что ты захочешь пріѣхать ко мнѣ сюда. О, какъ я радъ! И еще больше радъ, что у тебя такой здоровый видъ.

— Да, мальчикъ, я пріѣхалъ повидать тебя. Скажи, сколько платится за кэбъ отъ Шеддитча сюда?

— Не знаю, право, отецъ, отвѣчалъ со смѣхомъ Франкъ, я пришелъ оттуда пѣшкомъ, какъ пріѣхалъ въ Лондонъ.

— Дѣло, мальчикъ, дѣло. А тебѣ, все же, надо знать сколько это стоитъ. Негодяй потребовалъ съ меня четыре шиллинга и я заплатилъ ихъ ему, но мнѣ хотѣлось знать, такъ ли это. Это ты сдѣлалъ, мальчикъ? спросилъ онъ, увидѣвъ картину на мольбертѣ.

— Да, отецъ.

— Такъ, такъ. Ну, а что тебѣ дадутъ за такую картину?

— О, теперь пока еще я радъ выручить что можно. Буду просить за нее десять фунтовъ стерлинговъ.

— Боже мой, что ты это, мальчикъ! воскликнулъ Данъ—да тебѣ никогда не дадутъ этаго.

— Можетъ быть и не дадутъ. Если не могу получить десяти, возьму меньше. Но я думаю, что она стоитъ денегъ этихъ.

— Хорошо, мальчикъ, хорошо, тамъ послѣ увидимъ. А какъ дѣлишки твои? а? небось ужь спустилъ всѣ денежки.

— Надѣнь-ка, очки, батюшка, да погляди сюда, весело сказалъ Франкъ, выдвигая ящикъ стола и протягивая отцу свою чековую книжку, въ которой старикъ съ удивленіемъ прочелъ, что на имя сына въ банкѣ значится сто восемьдесятъ пять фунтовъ стерлинговъ, но мало этаго, въ то же время Франкъ показалъ ему кошелекъ, наполненный и мелкими деньгами.

Старый Данъ почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе. Онъ пріѣхалъ сюда, почти увѣренный въ томъ, что „мальчикъ“ успѣлъ уже истратить тѣ 100 фунтовъ, что нужда и неудачи всякаго рода утомили его, а дымная атмосфера города дурно повліяла на здоровье его и что отцу остается только сказать слово и онъ сейчасъ же отправится съ нимъ назадъ и заживетъ жизнью фермера. Вмѣсто того, вдругъ, онъ видитъ предъ собой здороваго, цвѣтущаго малаго, веселаго, обладающаго „счетомъ“ въ банкѣ, счастливаго и продающаго за 10 фунтовъ свою картину, въ которой, по разсчету старика, и красокъ-то было всего едва на какихъ нибудь полшиллинга!

— Такъ ты не думаешь таки назадъ? спросилъ Данъ послѣ нѣкоторой паузы.

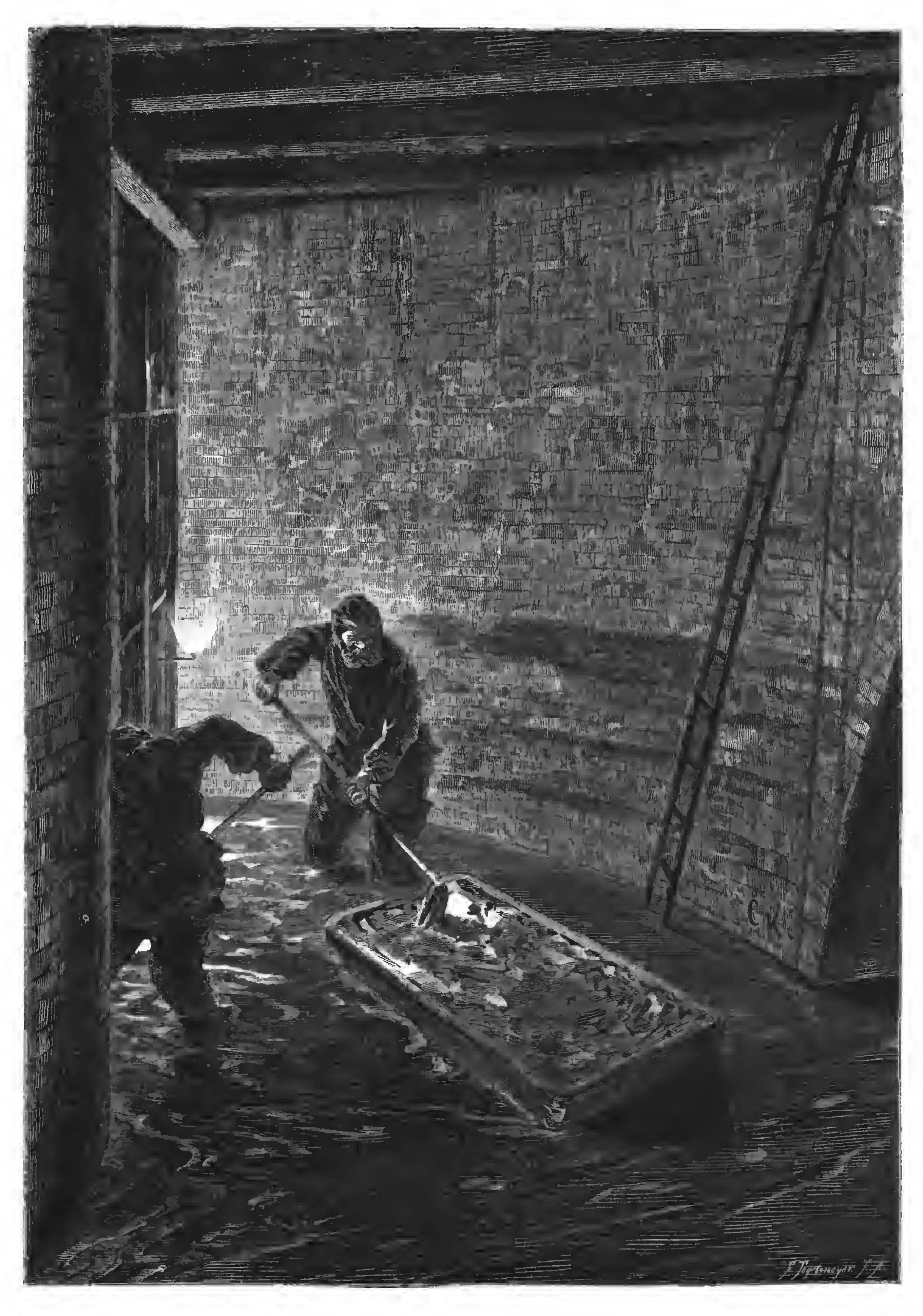
— Я не думаю бросать работы, отвѣчалъ Франкъ.

— Хочешь дѣлать, все таки, по своему?

— Да, я хочу также честно пробить дорогу себѣ, какъ проложилъ ты самъ. Вѣдь ты не захочешь, чтобы я имѣлъ менѣе мужества, чѣмъ отецъ мой? Батюшка, увѣряю тебя, я нисколько не хлопочу о томъ, чтобы ты не лишалъ меня состоянія, нисколько и не думаю объ этомъ, но я желаю, чтобы мой шагъ не огорчалъ тебя.

— Огорчаетъ меня онъ мальчикъ, огорчаетъ, но конечно, теперь уже не столько, какъ прежде, сначала. Хотѣлъ я видѣть тебя на фермѣ... ну да ужь нечего толковать объ этомъ. Дѣлай по своему.

Послѣ обѣда Франкъ повелъ отца на выставку картинъ въ королевской академіи, съ тайною надеждою на то, что произведенія великихъ мастеровъ подѣйствуютъ на старика и заставятъ его нѣсколько перемѣнить взглядъ свой на искусство вообще, и на артистическую карьеру сына въ особенности.

Подземный Берлинъ. Рис. и грав. Тегстмейеръ.

Въ одной изъ галлерей, Франкъ показалъ ему, между прочимъ, небольшую картину Рафаэля, только что купленную музеемъ и заплаченную 9 тысячъ фунтовъ.

Старикъ едва удержался на ногахъ отъ изумленія.

— Боже Всемогущій! что ты это, что ты! мальчикъ, да это какъ нибудь не такъ! Девять тысячъ фунтовъ за эту маленькую штучку?! Много же у нихъ денегъ, вѣрно очень много ихъ.

Сынъ продолжалъ подводить его то къ той, то къ другой картинѣ. Старику это скоро, однако, надоѣло. Франкъ старался заинтересовать его, объясняя ему достоинства различныхъ произведеній. Но Данъ, оставаясь вполнѣ равнодушнымъ, повторялъ только одно:

— Мальчикъ, смотри, мы потеряемъ свои мѣста, намъ бы надо хорошія.

Молодой человѣкъ сначала не могъ понять смысла этихъ словъ, но онъ скоро объяснился.

— Да, скажи же, милый, когда начнется выставка? А то вѣдь, намъ поздно ужъ будетъ.

— Выставка, отецъ?—да вѣдь вотъ-же выставка?

— Какъ? это? это выставка?! Тутъ же кромѣ картинъ, ничего нѣту!

Чтобы сколько нибудь вознаградить отца, Франкъ повелъ его въ знаменитый кабинетъ восковыхъ фигуръ m-me Тиссо. Тутъ, какъ онъ и ожидалъ, старику очень понравилось. Онъ сдѣлалъ нѣсколько сравненій между куклами, которыми любовался теперь и картинами, надоѣвшими ему тамъ, въ музеѣ и конечно, не въ пользу Тиціановъ и Рафаэлей.

Франкъ, вообще, имѣлъ успѣхъ, но онъ скоро понялъ предѣлы своего таланта, понялъ, что онъ не геній. Ему не доставало того, что дѣлаетъ художниковъ великими—у него было мало воображенія. Однако въ томъ ограниченномъ кругѣ, которымъ по свойству дарованія ему предназначено было довольствоваться, онъ съумѣлъ достигнуть высокой степени совершенства. Двери королевской академіи были открыты ему и на первой же выставкѣ картина его обратила на себя вниманіе публики. Заказы сыпались теперь къ нему со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ имѣлъ возможность отказаться отъ уроковъ и совершенно предаться живописи. Онъ нашелъ сочувствіе во многихъ извѣстныхъ художникахъ. Благосостояніе его росло съ каждымъ днемъ и вскорѣ онъ женился на дочери одного изъ своихъ учителей, болѣе другихъ выказавшаго ему расположеніе и содѣйствовавшаго развитію его дарованія. Разъ или два въ году пріѣзжалъ къ нему отецъ. Старикъ ушамъ не вѣрилъ, слыша о деньгахъ, какія зарабатывалъ сынъ за свои „малеванія“; по его мнѣнію, люди, платившіе ему такія деньги, были, навѣрное „не въ полномъ разумѣ“.

— Да, вотъ, что ни говори, мальчикъ, замѣтилъ онъ однажды, —а вотъ тебѣ не дадутъ за одну картину девять тысячъ фунтовъ, какъ за ту маленькую, помнишь, — что мы видѣли на твоей выставкѣ!

Какъ бы то ни было, но Данъ, все-таки, и до сихъ поръ не помирился съ мыслью о томъ, что сынъ его пошелъ въ „маляры“. Расхаживая дома по своимъ полямъ или по усыпаннымъ дорожкамъ своего сада, онъ иногда снова отдавался досадѣ первыхъ дней. Какъ могъ это сынъ, его единственный сынъ! бросить все это и уйти въ Лондонъ, малевать какія-то картины?.. И годъ отъ году сѣдѣла голова его, рѣзче образовались морщины, хотя онъ оставался по прежнему крѣпокъ и здоровъ. Его обыкновенно, успокоивалъ пріѣздъ Франка съ женой и ребенкомъ каждою осенью. Посѣщенія эти дѣлали его чрезвычайно счастливымъ; по цѣлымъ часамъ, онъ возился съ своимъ хорошенькимъ внукомъ.

Но вотъ нежданно, негаданно, незаслуженно, стряслась бѣда надъ старымъ Даномъ. — Всѣ деньги свои и деньги, довѣрявшіяся ему тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, Данъ помѣщалъ въ банкъ „Ситэ и Вессонсъ“. Въ одно ненастное утро распространился слухъ, что банкъ этотъ обанкрутился. Слухъ этотъ подтвердился. И вотъ—пропали, безъ слѣда пропали всѣ плоды честнаго сорокалѣтняго, неустаннаго труда.

Франкъ тотчасъ-же собрался къ отцу.

— Франкъ, сказала ему его молодая жена,—поцѣлуй дѣдушку (она называла такъ своего тестя) и скажи ему, что комната его уже готова и что теперь онъ будетъ жить съ нами.

Онъ нашелъ старика погруженнымъ въ суровое, безмолвное горе.

— Знаю, знаю, отчего ты пріѣхалъ, мальчикъ, сказалъ Данъ, но ты не можешь мнѣ помочь ничѣмъ. Справлюсь одинъ. Работалъ прежде, могу работать и теперь. Когда ты шелъ въ свое дѣло одинъ, я не помогалъ тебѣ, потому и тебѣ не зачѣмъ помогать мнѣ.

— Нѣтъ, отецъ, ты мнѣ далъ для начала хорошія деньги, началъ молодой человѣкъ.

— Всего только 100 фунтовъ. Я помню это.

— Отецъ, ты далъ мнѣ больше чѣмъ эти деньги. Я разбилъ твои лучшія надежды, завѣтную мечту твою, и, хотя ты остался при своемъ горѣ, ты не сдѣлалъ мнѣ, во всѣ эти годы, ни одного упрека. Неужели ты думаешь, что я не чувствовалъ этого? И теперь, когда пришла бѣда къ тебѣ,—помочь тебѣ, сдѣлать все, все, что только могу, раздѣлить съ тобой тяжесть, которую ты, безъ всякой вины своей несешь, я считаю своею святою обязанностью.

— Мой мальчикъ, произнесъ старикъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ,—я горжусь тобой. Я не хорошо обошелся съ тобой, когда ты захотѣлъ сдѣлать по своему, но я желалъ, чтобы тебѣ вышло лучше. Теперь, прибавилъ онъ съ выраженіемъ благородной гордости, я поступлю какъ поступалъ всегда. Всѣмъ отдамъ что слѣдуетъ имъ, никто не потеряетъ ни одного пенни. Ни одинъ человѣкъ не скажетъ, что пострадалъ отъ того, что имѣлъ дѣло съ Даномъ.

— У тебя вѣдь ничего не останется?

— Да, мальчикъ, не останется ничего. Я теперь еще хорошо не знаю, но думаю, что такъ. Заплачу все и начну снова. Я бодръ и здоровъ, благодаря Богу, и могу работать.

— Нѣтъ, нѣтъ, отецъ! воскликнулъ Франкъ, если ты разоренъ, то будешь жить съ нами. Минни просила меня передать это тебѣ.

— Скажи ей, что благодарю ее отъ всей души моей, мальчикъ. У нея сердце настоящей лэди. Но не глядите на меня, какъ на старую бабу. Нечего и говорить объ этомъ. Я потерялъ все, что заработалъ, и буду биться сначала. Но благодарю, благодарю за доброту тебя и жену твою. Не думай, что не понимаю этаго, если отказываю. Но я сдѣлаю такъ, какъ думаю. Да и ты думаешь, проживу я въ Лондонѣ безъ этихъ полей, садика, работы.

Франкъ нѣсколько разъ возобновлялъ разговоръ этотъ, но всякій разъ съ тѣмъ же результатомъ. Послѣ двухдневныхъ тщетныхъ усилій, боясь мѣшать отцу и раздражать его дальнѣйшими напрасными настояніями, онъ уѣхалъ въ Лондонъ, рѣшившись ждать болѣе удобнаго случая склонить упорнаго старика.

Но ждать пришлось ему долго.

Прошло нѣсколько недѣль, а отъ Дана не было никакихъ извѣстій. Потерявъ, наконецъ, терпѣніе молодой человѣкъ поѣхалъ снова.

Домъ Дана стоялъ въ небольшой лощинѣ, за изгибомъ, который дѣлала дорога, такъ что его можно было видѣть подойдя уже совсѣмъ близко. Очутившись передъ зданіемъ, Франкъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что оно окружено лѣсами, по которымъ внизъ и вверхъ сновала масса рабочихъ. Шли какія-то перестройки. Онъ тутъ же отъ одного изъ рабочихъ узналъ, что суровый, гордый старикъ продалъ гнѣздо свое и переселился въ ветхій домишко неподалеку. Съ тяжелымъ чувствомъ поспѣшилъ молодой человѣкъ къ указанному мѣсту. Новое жилище отца была низенькая, грязная, крытая соломой лачужка въ двѣ комнаты. Франкъ остановился на порогѣ и прислушался, но до него не донеслось никакого звука; онъ шагнулъ дальше, по сырому каменному полу и былъ пораженъ удушливой атмосферой темной маленькой комнатки, гдѣ едва могъ выпрямиться. Все убранство состояло изъ простаго, грубаго стола и нѣсколькихъ такихъ же стульевъ.—„Отецъ вѣроятно въ полѣ гдѣ нибудь“, подумалъ Франкъ. Но—нѣтъ! вотъ, изъ сосѣдней комнатки послышался голосъ, голосъ слишкомъ хорошо знакомый ему. Вторая „комната“, еще меньше первой, была похожа на какую-то каморку и здѣсь, въ этомъ отвратительномъ чуланѣ, на старомъ изодранномъ матрасѣ, лежалъ отецъ его, одинъ, брошенный всѣми!

Старикъ, очевидно, былъ въ сильной лихорадкѣ. Въ эту минуту онъ бредилъ, произнося слова съ горячечною поспѣшностью. При входѣ сына, онъ повернулся къ нему, остановился на минуту, но, не узнавъ, продолжалъ снова.

— Да ужъ я говорю, что могу работать, убѣждалъ онъ кого-то, я крѣпокъ и дѣло люблю. А! никому, никому не долженъ я! Да, да, я заплатилъ всѣмъ. Мальчику не писать. Не надо, не для чего. Я ужъ съумѣлъ разъ сдѣлать самъ свою дорогу, могу и теперь опять! Какъ теперь это дешево, вотъ такъ дешево! Никогда не покупалъ я ихъ за такую малость. Брось, брось, не надо, я не просилъ никогда милостыни. А, да, да, заплатилъ всѣмъ имъ и могу работать. Ты, все таки, никогда не получишь за картину девять тысячъ фунтовъ, нѣ-ѣ-тъ, что ни говори, мальчикъ—до этого не дойдешь. Дверь-то, дверь запри, чего они лезутъ смотрѣть на меня сюда, не хочу, не надо мнѣ ничьей помощи.

Въ первую минуту Франкъ обезумѣлъ отъ горя и ужаса, но быстро овладѣлъ собой, понявъ, что нельзя терять времени. Онъ тотчасъ же распорядился послать за докторомъ и сидѣлкой. Семейство настоятеля, какъ оказалось, было за границей, во Франціи. Всю ночь, напролетъ, просидѣлъ молодой человѣкъ у постели отца, которому къ утру сдѣлалось легче.

— Что ты, мальчикъ, зачѣмъ пріѣхалъ, я не ждалъ тебя сюда, слабымъ голосомъ произнесъ старикъ, узнавая теперь сына.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Франкъ наклонился и напечатлѣлъ долгій поцѣлуй на горячемъ и уже нѣсколько влажномъ лбу отца.

— Добрый ты, добрый сынокъ, что пріѣхалъ. А я вѣдь говорилъ, чтобы не посылали за тобой. Я, кажется, прихворнулъ немного, да уже теперь мнѣ совсѣмъ хорошо; ну, дай-ка руку, помоги мнѣ встать, нечего валяться, надо идти на работу.

— И не думай вставать раньше однаго или двухъ дней, отецъ, возразилъ Франкъ. Тебѣ было хуже, чѣмъ ты полагаешь; чрезъ нѣсколько дней ты поправишься совсѣмъ и тогда надо уѣхать отсюда тебѣ.

Старикъ попробовалъ было подняться самъ, но тотчасъ же безсильно опустился на подушку.

— Да, кажется, выходитъ по твоему, сказалъ онъ, я совсѣмъ мокрая курица сегодня. Но о домикѣ этомъ ты мнѣ не говори. Онъ конечно, не похожъ на тотъ, да ты посмотри, какъ я починю его. Увидишь, будетъ хорошо.

Дня черезъ два Дану сдѣлалось уже настолько лучше, что онъ былъ въ состояніи выходить при помощи сына погрѣться на солнцѣ. Франкъ не рѣшался и теперь еще прямо приступить къ вопросу о переѣздѣ его къ нимъ. Много усилій и такта понадобилось молодому человѣку и женѣ его, въ чемъ значительную, рѣшающую помощь оказалъ имъ маленькій шалунъ—внучекъ—любимецъ дѣдушки. Они, конечно, не могли заставить старика отказаться отъ мысли „снова начать работать", но всякій разъ, какъ онъ заговаривалъ о возвращеніи, изобрѣталась какая нибудь уважительная причина, по которой отъѣздъ приходилось отложить. Съ теченіемъ времени, старикъ началъ говорить объ этомъ все рѣже и рѣже. Сначала онъ повторялъ, что надо ему ѣхать назадъ; потомъ, онъ сталъ уже выражаться нѣсколько иначе: ему, въ самомъ дѣлѣ, надо бы ѣхать; нѣсколько же времени спустя онъ уже высказывалъ боязнь, что пожалуй, никогда не попадетъ туда и—наконецъ, призналъ какъ фактъ, что никогда уже туда не поѣдетъ.

Такимъ образомъ, мало по малу, онъ сжился съ своими дѣтьми и поселился у нихъ совсѣмъ. Теперь онъ любитъ по цѣлымъ часамъ сидѣть въ мастерской сына и глядѣть на его работу. Недавно онъ, между прочимъ замѣтилъ:

— А, вѣдь, знаешь, сынокъ, плохо бы пришлось тебѣ, еслибъ ты тогда послушалъ меня и остался на фермѣ. Ты, вотъ, захотѣлъ сдѣлать по своему, и хорошо сдѣлалъ.

— Тебя огорчило это тогда, сказалъ Франкъ.

— Да, тогда жестоко огорчило, просто отвѣтилъ онъ.

— Ну, а теперь одобряешь, отецъ.

— Да, сынокъ, совсѣмъ одобряю, всей душой. Никогда не думалъ прежде, что придется мнѣ сказать это. Да, видишь, я былъ упрямая, деревянная голова. А ты поступилъ какъ надо. Ты честный, хорошій малый, и я горжусь тобой, мальчикъ. Даю тебѣ благословеніе мое—работай на счастье!

Мамаево побоище.

По поводу пятисотлѣтней годовщины Куликовской битвы.

(См. рис. Памятн. Куликовской битвы Н. Каразина и планъ битвы на стр. 737 и 748).

То-ли чисто поле Куликово
Изостлано поле мертвыми тѣлами,
Христіанскими, да татарскими:
Христіане-то какъ свѣчки теплятся,
А татары-то что смола черны.
Изъ народныхъ пѣсенъ.

Откуда-то изъ далекихъ, безвѣстныхъ странъ Азіи появился въ началѣ XIII вѣка на границахъ восточной Европы новый невѣдомый, могучій народъ. То были кочевники, жившіе въ подвижныхъ, круглыхъ войлочныхъ, скрѣпленныхъ жердями, юртахъ, не занимавшіеся ни посѣвами, ни жатвой, гнавшіе впереди себя безконечные гурты стадъ, которыя доставляли имъ все—и одежду, и пищу, и жилище. Покланялись они, повидимому, идоламъ, но чтили въ то же время, единаго Бога. Страшнымъ потокомъ лились они изъ безвѣстныхъ степей востока, все сокрушая на пути. Увертливые, хитрые, вѣроломные, превосходные стрѣлки и наѣздники, они какъ саранча, страшной тучей двигаясь впередъ, пожирали все что было на пути, оставляя позади дикую пустыню. Ихъ шествіе озарялось заревами пожаровъ, стоны стояли кругомъ, — пощады не было никому, ни раненымъ, ни плѣннымъ, ни груднымъ младенцамъ...

Не могла слабая тогда, полная междоусобными раздорами Русь противустать этой стихійной силѣ. Она билась на сколько хватало въ ней силъ. Она съ гордостью отвѣчала на требованіе татарами десятой части всего—„когда насъ всѣхъ не станетъ, все будетъ ваше". Когда являлись татарскіе послы съ предложеніемъ сдаться, въ отвѣтъ ихъ убивали. Грудью стояли горожане за свои семьи и церкви, стрѣлы ихъ затемняли свѣтъ солнечный, гибли они, живьемъ сожженные въ церквахъ. Вмѣсто обширныхъ городовъ, торговыхъ селъ—повсюду видвѣлись одни обгорѣлыя, залитыя кровью развалины. Кто остался въ живыхъ—бѣжали въ лѣсныя трущобы, а на выжженныхъ, потоптанныхъ поляхъ валялись только трупы ихъ прежнихъ хозяевъ, рыскали шакалы и волки, да вороны черными вереницами носились въ воздухѣ, пропитанномъ міазмами отъ гніющихъ тѣлъ...

На поклонъ въ Орду ѣхали князья, кланялись кумирамъ, пили „поганый" кумысъ, платили дань,—а татары шатались по всей землѣ, позорили женщинъ и дѣвушекъ, ругались надъ мужьями и отцами, какъ желѣзными оковами охватили всю землю, затормозили ея развитіе и положили неизглаженную печать своего дикаго владычества на много, много поколѣній порабощеннаго народа.

Но къ счастію Русь таила въ себѣ такіе элементы силы, которые рано или поздно могли смѣло стать противъ монгольскаго владычества. Первый страшный для монголовъ ударъ былъ нанесенъ въ сентябрѣ 1380 года. Во главѣ этаго движенія стоялъ великій князь Димитрій Ивановичъ,—и народъ до сихъ поръ помнитъ славную битву на Куликовскомъ полѣ, называя ее Мамаевымъ побоищемъ.

* * *

Главнѣйшимъ мотивомъ тому, что на этотъ разъ поднялась вся Русь, быть можетъ было то, что Мамай, основавшій новое, независимое отъ Золотой Орды, государство между Волгой и Дономъ, грозилъ обратить Русь въ мусульманство. Пришлось уже биться за вѣру, отстаивать исконнюю религію предковъ. Во всѣ концы Руси разлетѣлись гонцы созывать князей съ ихъ дружинами и полками къ Коломнѣ, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ для войскъ. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, князь Димитрій Ивановичъ рѣшилъ по обычаю предковъ, съѣздить за благословеніемъ къ иноку, слава о которомъ давно гремѣла по всему государству, и на котораго смотрѣли какъ на святаго. По дремучимъ лѣсамъ, что обступали съ сѣвера Москву, переполненнымъ медвѣдями, бобрами, лисицами, мимо глухой Хотьковской обители, пробрался Димитрій за 64 версты въ убогій монастырь св. Троицы, гдѣ игуменствовалъ преподобный Сергій. Сперва инокъ хотѣлъ отвлечь князя отъ кровопролитія, но потомъ взвѣсивъ всю тяжесть и безвыходность положенія благословилъ его на брань. Здѣсь, сидя за трапезой, князь замѣтилъ двухъ братьевъ—иноковъ въ полномъ смыслѣ богатырей: могучаго роста и тѣлосложенія, широкоплечихъ, съ черными густыми бородами. Изъ распросовъ оказалось, что прежде они были ратниками, и славились отвагой и силой, — монашеская ряса мало ихъ измѣнила. Прозывались они Ослябя и Пересвѣтъ.

— Дай мнѣ, отче, на брань двухъ этихъ иноковъ,—просилъ Димитрій,—люди они въ ратномъ дѣлѣ свѣдущіе.

Сергій согласился. Послѣ трапезы онъ подозвалъ монаховъ, надѣлъ на нихъ съ нашитыми крестами схимы и благословилъ на бой за вѣру, а князя окропилъ св. водою и сказалъ:

— Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ: Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя.

Въ тихое, ясное утро 17 августа въ кремлевскихъ соборахъ было отслужено молебствіе, Димитрій простился съ женой и дѣтьми, и выступилъ изъ Москвы къ Коломнѣ съ полутораста тысячной арміей. Шли всѣ: юноши, старцы, бояре, князья—шли на великій подвигъ умирать за вѣру и родину; ихъ провожало клирное пѣніе, сливавшееся со звономъ походныхъ трубъ и шелестомъ знаменъ. Москва провожала ихъ съ мольбами, надеждами, пожеланіями.

Въ Коломнѣ войско Димитрія возрасло до двухъ сотъ тысячъ ратниковъ: „отъ начала бо николи же бывала такова сила русская", говоритъ лѣтописецъ. Посолъ Мамаевъ, прибывшій въ коломенскій станъ съ требованіемъ дани, уѣхалъ ни съ чѣмъ; князь угрозами хана не устрашился и двинулся черезъ Оку въ Рязанскіе предѣлы. 6 сентября передовые полки Димитрія достигли Дона, гдѣ соединяется съ нимъ рѣчка Непрядва. На другой же день наши разъѣзды наткнулись на татарскихъ всадниковъ. Мамай оказался всего на разстояніи одного перехода отъ русскихъ на *Гусиномъ бродѣ*, гдѣ онъ ждалъ соединенія съ войсками литовскаго князя Ягелло и рязанскаго князя Олега, измѣнившаго Димитрію. Тотчасъ же былъ собранъ военный совѣтъ: ждать-ли тутъ татаръ, или переправляться черезъ рѣку. Ольгердовичи литовскіе совѣтывали перейти Донъ, чтобы отрѣзать самимъ себѣ отступленіе и удержать робкихъ на случай бѣгства. Совѣтъ свой они подкрѣпляли примѣрами изъ исторіи: битвой Ярослава съ Святополкомъ и Александра Невскаго со Шведами. Во время совѣта пришла грамота отъ Сергія. Святой старецъ благословлялъ Димитрія на битву съ нечестивыми и призывалъ на него помощь Божію.

— Братья! воскликнулъ князь:—часъ суда Божія наступаетъ! сотворимъ начинанія дѣлу.

* * *

Наступила ночь. Заря давно уже погасла. Русскіе стали искать удобныхъ мѣстъ для бродовъ. Великій князь съ своимъ братомъ Владиміромъ, литовскими князьями и княземъ Димитріемъ Волынцемъ выѣхали на Куликово поле, что тянулось за Дономъ къ югу. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, они задержали коней. Справа и слѣва смутно чернѣли лѣса, а спереди и сзади виднѣлись два враждебные стана. Со стороны татаръ неслись клики, стукъ, шумъ: словно цѣлые города строили тамъ. А сзади все было спокойно, только волки выли, да орлы клехтали въ чуткомъ ночномъ воздухѣ. На Непрядвѣ каркали вороны, да дикіе гуси и лебеди всплескивали словно передъ грозой, крыльями.

Пѣснь Оссіана. Картина Вудварта, рис. самъ авторъ, грав. Шапонъ.

Крушеніе спасательной лодки. Ориг. рис. Ф. Линднера, грав. Доръ.

— Слышите,—сказалъ Волынецъ,—показывая рукой по тому направленію, откуда несся зловѣщій вой и карканье. Онъ перевелъ глаза на тихій русскій станъ, безмолвно мерцавшій тысячами огней,—сошелъ съ коня, легъ на землю, приникъ правымъ ухомъ къ землѣ и долго прислушивался къ чему-то. Димитрій спросилъ у него: „Что слышишь братъ?" Тотъ долго не хотѣлъ отвѣчать.

— Слышалъ я,—сказалъ онъ наконецъ,—землю, плачущую на двое: одна часть ея рыдала какъ вдовица, другая какъ юная дѣва, какъ свирѣль... Я жду побѣды—но падетъ великое множество христіанъ.

Князь заплакалъ.—Но говорить объ этомъ никому не подобаетъ,—заключилъ Волынецъ.

Къ утру сгустился туманъ. Его синія, зыбучія волны расползлись въ стороны по берегамъ Дона, перелились на поле, окутали своимъ покровомъ всю долину, вплоть до опушекъ лѣсовъ. Войско тронулось, тихо вступило въ холодную воду Дона, и колонна за колонной стала строиться на Куликовомъ полѣ. Димитрій призвалъ духовенство, совершилъ молебствіе празднику (8 сентября, Рождество Богородицы) передъ благословенной иконой Богоматери, и сталъ строить полки. На лѣвое крыло (см планъ битвы) онъ поставилъ полкъ князей Ярославскаго и Моложскаго (цифра 1), далѣе литовскій полкъ (цифра 2); затѣмъ слѣдовалъ главный, грозный, большой полкъ великаго князя Димитрія, ставшій подъ командой кн. Ивана Смоленскаго. (Цифра 3); правое крыло занялъ полкъ князей Ростовскаго и Стародубскаго. Впереди былъ поставленъ *сторожевой* полкъ, или *передовой* съ священно-витязями Ослябемъ и Пересвѣтомъ (цифра 5); и наконецъ шестой полкъ подъ предводительствомъ князя Волынскаго и князя Владиміра Андреевича, внука Калиты, и двоюроднаго брата Димитрія, былъ поставленъ пока на лѣво съ тѣмъ, чтобы къ началу боя двинулся еще лѣвѣе въ лѣсъ, въ качествѣ резерва.

Солнце понемногу стало разгонять туманъ. Заколыхались безчисленныя знамена, слегка раздуваемыя вѣтеркомъ, потянувшимъ съ запада, засверкали шлемы какъ утренняя заря, и какъ полымя загорѣлись красныя перья на шлемахъ. Серебромъ сверкнули панцыри и кирасы вокругъ черпаго великокняжескаго знамени съ золотымъ изображеніемъ Спаса. Димитрій стоялъ на пригоркѣ, погруженный въ глубокую думу. Онъ опустился на колѣни, помолился въ послѣдній разъ за христіанство, и приказалъ подавать коня. „Боже, даруй побѣду великому князю нашему!" восклицали всѣ кругомъ. Тридцатилѣтвій, плотный, плечистый, чернобородый князь, быть можетъ нѣсколько полный для своего возраста, съ чарующимъ взглядомъ („взоромъ же дивенъ зело" говоритъ про него лѣтописецъ) былъ всеобщимъ любимцемъ. „Головы наши положимъ за Христа, отечество и тебя, великій князь!" кричали полки, когда онъ скакалъ мимо нихъ, ободряя и укрѣпляя къ бою.

— Братья! воскликнулъ онъ: нынѣ великій праздникъ—Рождество Богородицы, постоимъ за отечество! умершіе днесь въ брани родятся въ жизнь вѣчную.

Окончивъ смотръ, онъ подозвалъ къ себѣ своего друга, боярина Брянока, одѣлъ его въ свою одежду, повелѣлъ ему стать подъ великокняжескимъ знаменемъ, самъ пересѣлъ на другаго коня и помчался въ передовой полкъ.

* * *

Въ одиннадцать часовъ заиграла первая труба; ей въ отвѣтъ запѣли другія, и войско, крестясь, тронулось впередъ. Татары расположились по отлогому скату Краснаго холма, и приступа не ожидали. Приступъ засталъ ихъ во время обѣда. Тотчасъ котлы были покинуты, и сонмища враговъ стали выступать изъ стана. На узкое пространство поля Куликова сошлось несмѣтное количество войска. Сила татаръ значительно превосходила нашу: „бо страшно видѣти, и вѣтъ мѣста имъ разступиться". Димитрія стали уговаривать воротиться изъ передоваго полка въ великокняжескій.

— Тебѣ князь, говорили ему, смотрѣть на бой, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ; мы всѣ готовы на смерть, а ты, князь любимый, живи, и передай память нашу временамъ грядущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды, нѣтъ спасенія отечеству.

— Гдѣ вы, тамъ я,—отвѣчалъ Димитрій.—Скрываясь назади, могу-ли сказать: братья! умремъ за отечество! Слово мое да будетъ дѣломъ! Я, вождь и князь, стану впередъ и хочу положить свою голаву въ примѣръ прочимъ... Впередъ!... Богъ намъ прибѣжище и сила, скорый помощникъ въ бѣдахъ! Господь нашъ съ нами, Богъ заступникъ нашъ!..*)

Битва закипѣла—не битва а бойня. На скученномъ, сжатомъ пространствѣ **) образовались тысячи одиночныхъ боевъ. Лошади и люди смѣшались, кровь рѣкою полилась, все перепуталось и тучи стрѣлъ потемнили свѣтъ. Великій князь сцѣпился съ племянникомъ Мамая—Тулунъ-Бекомъ и осилилъ его. Пересвѣтъ, въ своемъ наглавіи схимонаха, ривулся на бой богатыремъ Челубеемъ и былъ убитъ. Палъ и инокъ Ослябя. А бой все свирѣпѣлъ и свирѣпѣлъ.

Холмъ и поле стонали, трескались копья, звенѣли доспѣхи, стучали щиты, разили сѣкиры, гремѣли мечи, блистали сабли. Вотъ часть малодушныхъ молодыхъ московскихъ рядовъ кинулась въ отчаяніи назадъ, татары бросились за ними, прямо пробиваясь къ великокняжескому стягу. Бояринъ Брянокъ убитъ, половина лишь полка осталась въ живыхъ, вожди перебиты. Кровь ручьями течетъ въ рѣчки Дубикъ и Смолку, Донъ начинаетъ багровѣть.. Все поле укрыто трупами; бьются стоя на мертвыхъ и умирающихъ...

Третій часъ дня. Монголы больше и больше тѣснятъ насъ. Гибнетъ русская рать за ратью, и только князь Волынскій наблюдая изъ своей засады, еле сдерживаетъ свою къ бою рвущуюся силу и пылкаго князя Владиміра. Наконецъ роковая минута наступаетъ: татары всюду тѣснятъ насъ.—князь Волынскій обнажилъ мечъ и велѣлъ трубить наступленіе. Вспрянуло свѣжее войско, перебросилось черезъ Смолку (цифра 7), и бурей понеслось на монголовъ. Усталое татарское воинство дрогнуло, смѣшалось, стало стягиваться къ Красному холму, и вдругъ, замѣтивъ, что ихъ осталось слишкомъ мало для того чтобы противустать свѣжимъ силамъ,—кинулась на югъ въ бѣгство, позабывъ своихъ раненыхъ, убитыхъ, весь свой станъ, запасы и обозы. Мамай, съ высоты холма слѣдившій за ходомъ битвы, увидѣвъ общее бѣгство, застоналъ, и съ воплемъ: „великъ Богъ христіанскій!" поскакалъ вслѣдъ за своими. Засадный конный полкъ, ударилъ въ тылъ бѣгущимъ, рубилъ, билъ, растаптывалъ, опрокидывалъ, и на пятьдесятъ верстъ усѣялъ степь мертвыми тѣлами. Застигнутые ночью у рѣчки Красивой Мечи (Лебедянск. уѣздъ Тамб. губ.) татары перетонули при переправѣ и только небольшая часть ихъ, съ Мамаемъ во главѣ, бѣжала на югъ.

* * *

На трупахъ враговъ, подъ чернымъ княжескимъ знаменемъ, развѣвавшимся теперь на вражескомъ Красномъ холмѣ, сталъ князь Владиміръ Андреевичъ и началъ трубами созывать побѣдителей. Со всѣхъ сторонъ стали съѣзжаться они, въ слезахъ обнимая другъ друга, цѣлуясь какъ въ Свѣтлое Воскресенье. Не было только въ числѣ пріѣзжавшихъ самаго дорогаго: Димитрія.

— Гдѣ братъ мой, гдѣ первоначальникъ нашей славы?—спрашивалъ Владиміръ.—Его съ коня сбили,—разсказывалъ одинъ.—Онъ противъ четырехъ татаръ бился,—объяснялъ другой.—Я видѣлъ, говорилъ третій, какъ онъ шелъ нетвердыми стопами, раненый, разбитый...

— Искать между убитыхъ!.. Стали искать по полю. Вотъ блеснулъ великокняжескій нарядъ... Съ ужасомъ поворачиваютъ мертвое тѣло... Это убитый Брянокъ, одѣтый въ княжеское платье... Вотъ это Димитрій!.. Нѣтъ это Бѣлозерскій, очень похожій на него... Вотъ убитые Вельяминовъ, Челядинъ, Валуевъ... Все имена знатныхъ вождей. Наконецъ находятъ подъ березой Димитрія, безъ чувствъ, избитаго... (цифра 8).

Его скоро привели въ чувство, онъ оказался только оглушеннымъ. Видя брата, князей, слыша поздравленія, онъ ожилъ; всталъ, опустился на колѣна передъ великокняжескимъ знаменемъ, перецѣловался со всѣми окружавшими его, сѣлъ на коня, и объѣхалъ поле битвы, со слезами останавливаясь надъ трупами Вельяминова и Бѣлозерскаго...

Число павшихъ съ обѣихъ сторонъ было громадно. Карамзинъ считаетъ до 200,000. Лѣтописцы же увѣряютъ, что татаръ убито до 1,200,000! Несомнѣнно цифра эта крайне преувеличена, такъ какъ едва-ли вся татарская сила превосходила 300.000.

Возвращеніе Димитрія было въ полномъ смыслѣ слова торжествомъ. Москва ликовала: непобѣдимые татары были побѣждены. Нужды нѣтъ, что два года спустя Тохтамышъ опять наложилъ на Русь свою руку: вѣра въ непобѣдимость монголовъ была утеряна, Русь стала крѣпнуть, пока не доросла до смѣлости растоптать ногами ханскую басму, какъ это сдѣлалъ Іоаннъ III.

* * *

Теперь на Красномъ холмѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была ставка Мамая, и гдѣ потомъ развѣвалось знамя великаго князя, поставленъ памятникъ Димитрію, получившему прозвище *Донскаго*. Онъ былъ освященъ 8 сентября 1850 года. Это—чугунная колонна съ вызолоченнымъ крестомъ, попирающимъ луну—эмблему мусульманства. Вышина памятника—43 аршина. На восточной сторонѣ—икона Богоматери и надпись: „Побѣдителю татаръ, Димитрію Іоанновичу Донскому, признательное потомство, лѣта отъ Р. Х. 1848." Повыше, кругомъ колонны, начало и конецъ XLV псалма, читая который, князь двинулъ полки.

Полтысячелѣтіе прошло со времени Куликовской битвы, но до сихъ поръ народъ еще поетъ про Мамаево побоище, до сихъ поръ помнитъ Донскаго. Вожди, подобные Димитрію, не забываются, и, вся образованная Русь вспомнила о немъ въ день годовщины побоища, въ прошлый понедѣльникъ.

*) Псаломъ XLV.
**) См. на планѣ 9—9.

Къ рисункамъ.

Богданъ Хмѣльницкій находитъ сына.

(Рисунокъ И. Земцова).

Это было лѣтнимъ вечеромъ 1646 года. Степью, зорко приглядываясь въ надвигающихся сумеркахъ, верстахъ въ 5 отъ Чигирина, на коняхъ скакали два казака. То былъ казацкій старшина, впослѣдствіи знаменитый вождь, „казацкій батько" Зиновій Богданъ Хмѣльницкій и его подручный джуръ, казакъ Никита. Ихъ тревожило, показавшееся не вдалекѣ за высокой травой и кустами, вырывавшееся пламя и черный дымъ и легкое зарево, уже окрасившее облако. Всадники наткнулись еще на нѣсколькихъ козаковъ.

— Что это пожаръ! Никакъ у меня! Живѣе, хлопцы, впередъ!

— Постой батько! тихо сказалъ одинъ изъ казаковъ. То не просто. Тамъ Чаплинскій. Онъ подучилъ Дачевскаго убить тебя а самъ съ сотней на твой хуторъ, на Суботово напалъ.

Хмѣльницкій молча ударилъ коня нагайкой и двинулся въ высокой травѣ. Два казака бросились за нимъ. Суботовская мельница была вся въ пламени, слышались оттуда стоны и крики... У самыхъ почти копытъ коня Хмѣльницкаго, въ кустахъ, раздался сердце раздирающій дѣтскій стонъ.

— Чу, что это.

Никита соскочилъ съ коня, пополэъ въ кусты и вскорѣ вытащилъ жалобно рыдающаго окровавленнаго двѣнадцатилѣтняго красавца-мальчика.

— То нашъ панычъ! тихо вскричалъ онъ.

Хмѣльницкій соскочилъ съ коня. Въ темнѣющемъ вечернемъ воздухѣ никто не видѣлъ каково было въ ту минуту выраженіе лица молчавшаго казацкаго батьки, но дорого сталъ потомъ ляхамъ этотъ несчастный засѣченный ребенокъ, который умеръ на другой день...

Извѣстно, что сердцу Богдана нанесены были въ тотъ день всѣ тяжкія раны, какія только было можно. Засѣченный сынъ, отнятая жена, съ которою Чаплинскій потомъ насильно обвѣнчался, отнятое имущество... Хмѣльницкій сперва пошелъ законнымъ путемъ. Онъ явился съ жалобою на Чаплинскаго. Но и въ староствѣ и въ трибуналѣ надъ нимъ почти смѣялись. Хмѣльницкій вызвалъ Чаплинскаго на поединокъ—Богдану хотѣли устроить засаду и убить, но это не удалось и Чаплинскій, не выдержавъ боя, просто бѣжалъ постыдно съ поединка, жаловался на Богдана и того посадили въ тюрьму. Когда его выпустили, онъ поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія. Въ сенатѣ ему отказали, говоря, что бѣды нѣтъ, что высѣкли мальчишку а умеръ де онъ не отъ того, а жена его сама ушла къ Чаплинскому. Онъ явился къ королю, но слабый, стѣсненный Владиславъ, любившій Хмѣльницкаго, вдругъ самъ сказалъ ему, что онъ знаетъ всѣ притѣсненія пановъ и не можетъ помочь и что казакамъ надо стоять за себя самимъ.

И созрѣло въ могучей душѣ Богдана рѣшеніе.

— Нѣтъ правды въ Польшѣ. Да будетъ вамъ вѣдомо, говорилъ онъ въ казачьихъ кругахъ, разъѣзжая по всей Украйнѣ, не за свою иду великую обиду, иду за попраніе вѣры православной, за поруганіе Руси!

Дѣло, начатое такимъ образомъ, разгорѣлось въ тотъ великій историческій пожаръ, тѣ событія, которыя разрѣшились въ общемъ порывѣ, выраженномъ Богданомъ: „Волимъ подъ Царя Русскаго, Православнаго!"

Подземный Берлинъ.

(Стран. 741).

Подземный Берлинъ — это обширная область. Телеграфные проводы, воздушная почта, идущая по трубамъ, сѣть газовыхъ путей двухъ большихъ газовыхъ заводовъ, водопроводы, сточныя трубы—идутъ одни возлѣ другихъ, встрѣчаются, перекрещиваются по всѣмъ направленіямъ. Кромѣ того — громадныя вмѣстилища для пріема и отвода дождевой воды, и мастерски устроенные входные колодцы, изъ которыхъ производится осмотръ и изслѣдованіе каналовъ. Отводныя трубы домовъ, выносящія воду и грязь, входятъ въ каналы, а для устраненія развивающихся въ нихъ вредныхъ газовъ, выходятъ открытыми отверстіями надъ печными трубами домовъ. Такимъ образомъ, чрезъ эти внѣшнія, трубы наружные и подземные проводы состоятъ въ непосредственномъ сообщеніи. Трудно представить себѣ, какъ всѣ эти трубы и каналы, предназначенные для различныхъ цѣлей, вмѣщаются въ тѣсномъ пространствѣ подъ улицами, не мѣшая одни другимъ.

На нашемъ рисункѣ представленъ одинъ изъ громадныхъ подземныхъ колодцевъ; одинъ край его защищенъ рѣшеткой. Сточная вода, проходя по каналамъ, несетъ съ собою разныя твердыя тѣла: тряпки, бумагу, куски дерева и проч., которые и задерживаются этой рѣшеткой, и въ извѣстное время вычищаются и вывозятся вмѣстѣ съ песчаными наносами. Вывозъ этихъ наносовъ и представленъ на нашемъ рисункѣ.

Въ главныхъ каналахъ, вышина которыхъ болѣе 6 футовъ, три человѣка свободно могутъ двигаться. Къ этимъ главнымъ каналамъ прилегаютъ боковыя ихъ вѣтви, которыя и расходятся по радіусамъ подъ всѣми переулками, улицами и площадями. Многіе каналы проведены на глубинѣ 8 фут. подъ землею, для того, чтобы предохранить ихъ отъ замерзанія. Всѣ они выложены изъ камня и скрѣплены цементомъ. Внутри каналы имѣютъ яйцеобразную форму, причемъ заостреннымъ концомъ обращены къ низу. Этимъ достигается то, что даже при незначительномъ притокѣ воды она проходитъ безпрепятственно.

Польза канализаціи города велика. Несовершенство канализаціи городовъ прежде состояло въ томъ, что стокъ нечистотъ направлялся въ рѣки, гдѣ скопленіе ихъ отравляло воду, дѣлая ее негодною для питья. Производили опыты близъ Лондона и Эдинбурга и стали отводить нечистоты на поля для удобренія ихъ. Нововведеніе это примѣняется теперь на западѣ въ большихъ размѣрахъ. Самое важное при этомъ — отливъ грязной воды изъ общаго бассейна на назначенныя для того поля, какихъ въ Берлинѣ въ настоящее время два. Одно на югѣ города, въ разстояніи двухъ миль, между Осдорфомъ и Фридерикенгофомъ, а другое на сѣверѣ, почти въ такомъ же разстояніи отъ города, около Фалькенталя. Оба эти поля занимаютъ болѣе 5200 морг. (ок. 1300 дес.). Вода, чтобы выйти на такое отдаленное поле, нагнетается въ трубы при помощи огромной паровой машины. Для этаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены станціи съ насосами. Дурной запахъ при такой поливкѣ самый незначительный; удобряющая поля грязная вода, пройдя сквозь песокъ попадаетъ въ пріемныя трубы совершенно очищенною и безъ запаха. Ягоды и овощи, получаемые съ полей, удобренныхъ такимъ образомъ, особенно велики и урожай ихъ обиленъ.

Пѣснь Оссіана.

(Картина Вудварта).

„Грозно и торжественно гремятъ струны престарѣлаго Оссіана. Невидящіе глаза его подняты къ небесамъ. Ночь въ его взорахъ, ночь въ душѣ его: цвѣтъ воиновъ Эрина молодой герой Оскаръ, сынъ его, вѣроломно убитъ на пиру низкаго Канбары. И вотъ юная невѣстка его, Кольма, въ глубокомъ отчаяніи рыдаетъ и жадно, съ пылающимъ горемъ и гнѣвнымъ сердцемъ, слушаетъ, взывающія къ мщенію, грозныя, великолѣпныя пѣсни! Они оба такъ любили юнаго героя! Души ихъ горятъ однимъ чувствомъ отчаянія и жажды мести врагамъ. Только еще вчера хоръ бардовъ Фингала пѣлъ надъ убитымъ въ Сельмѣ мрачные, погребальные гимны и звуки ихъ еще отдаются въ ушахъ ея.

— Сойдите, поетъ старецъ, сойдите въ тучахъ мстящіе духи Морвены, сойдите, вѣя своими быстрыми крылами! Примите юнаго ловца Коны—дайте ему его туманную, клубящуюся одежду, его звонкій щитъ и молніей блещущее копье. Мужествомъ горѣло его безтрепетное сердце, твердое какъ ясная сталь его меча! Поразите низкаго, коварнаго убійцу—довѣрчивъ, благороденъ и спокоенъ пришелъ Оскаръ на его зовъ, но вмѣсто звона золотыхъ заздравныхъ чашъ, зазвенѣли враждебные мечи и полилась кровь героя! Кто изъ сыновей Эрина, увидѣвъ покрытый мхомъ камень гробницы твоей, не зальется слезами, не скажетъ: здѣсь почиваетъ герой, внукъ великаго Фингала, оплотъ друзей, гроза и ужасъ враговъ!"

Эта сцена составляетъ содержаніе картины Вудварта.

Оссіанъ— кельтскій бардъ (пѣвецъ) сынъ царя Фингала, жилъ въ III вѣкѣ; преданія говорятъ, что онъ былъ слѣпецъ, какъ Гомеръ. Имя его упоминается уже въ писаніяхъ Джеральда Камбрензиса (1215 г.) и въ Букanановой „Исторіи" (1582 г.) есть свѣдѣнія о народной поэзіи Кельтовъ, гдѣ упоминается имя Оссіана. Всемірной славѣ этого имени положили начало 15 пѣсень, вышедшихъ въ Эдинбургѣ въ 1760 г. Переводчикомъ, издателемъ и собирателемъ среди народа этихъ пѣсенъ явился поэтъ Макферсонъ. Его изданіе пѣсенъ Оссіана (1762 г.) имѣло необычайный, огромный успѣхъ. Пѣсни эти имѣли много изданій и переведены на всѣ европейскіе языки. Затѣмъ дальнѣйшія изслѣдованія, вызвавшія цѣлую литературу объ Оссіанѣ, умѣрили восторгъ. Заподозрѣна была самая подлинность пѣсенъ, если не всѣхъ, то многихъ, изданныхъ Макферсономъ.

Крушеніе спасательной лодки.

(Стран. 745).

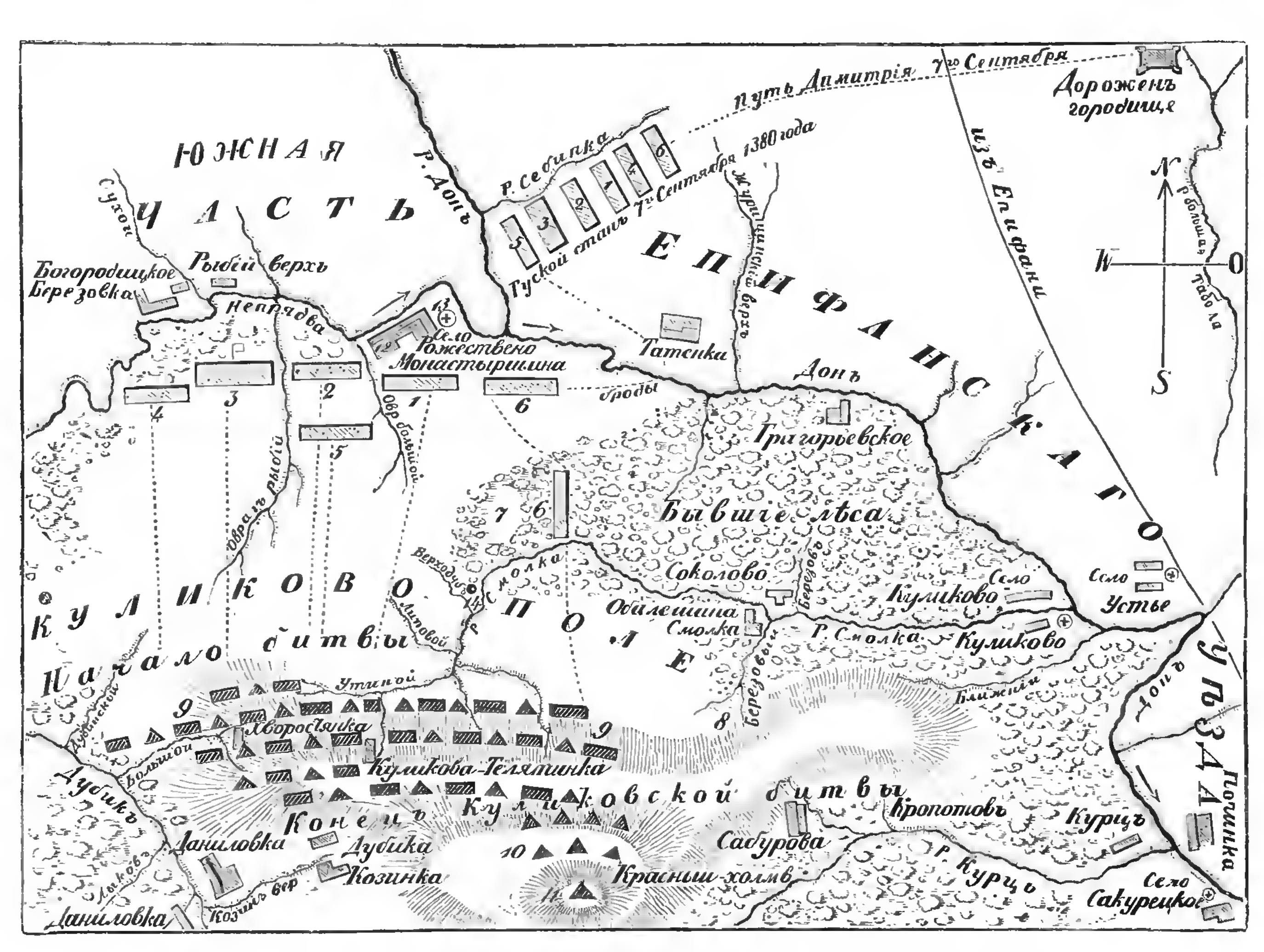
Тому кто бывалъ на морскихъ купаньяхъ, не разъ вѣроятно случалось видѣть спасательныя станціи и лодки, предназначенныя для высокой цѣли—поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. Такія станціи устраиваются на морскихъ берегахъ въ мѣстахъ наиболѣе опасныхъ. У насъ въ Россіи существуетъ цѣлое „Общество поданія помощи при кораблекрушеніяхъ", состоящее подъ высокимъ покровительствомъ Государыни-Цесаревны.

Кто видитъ эти привѣтливые домики, съ краснымъ крестомъ на верху, въ тихую погоду, тому трудно и представить себѣ то критическое положеніе, въ которомъ находится каждый такой пунктъ во время сильныхъ бурь, особенно ночью. Сто-

итъ взглянуть на нашъ рисунокъ: какія страшныя усилія, какъ борется экипажъ перевернувшейся спасательной лодки съ разъяренными волнами!

Столѣтняя исторія обществъ подаиіи помощи при кораблекрушеніяхъ въ Европѣ идетъ параллельно съ исторіей усовершенствованія спасательной лодки, которая, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ аппаратовъ дѣла, перешла многія измѣненія, постепенно приравливаясь, какъ избѣжать главнѣйшихъ опасностей—именно: во время напора и отлива волнъ. Обыкновенно облегчаютъ верхъ лодки особо устроенными воздушными ящиками, а внизу для приданія бóльшей тяжести укрѣпляютъ желѣзный киль. Такимъ образомъ значительно увеличивается балластъ лодки и перевернутая—она можетъ сама собою принять снова нормальное положеніе.

При сильномъ ударѣ волнъ, бываютъ минуты, что у самыхъ смѣлыхъ людей экипажа кровь стынетъ въ жилахъ. Между тѣмъ каждая экспедиція для поданія помощи можетъ кончиться крушеніемъ лодки. Случается, что лодка, отправляясь на свое благое дѣло, минуетъ счастливо отбой волнъ и устоитъ во время сильнѣйшаго волненія, но ей предстоитъ еще самое трудное и опасное — это добраться до берега. Тутъ-то чаще

Планъ битвы на Куликовомъ полѣ, съ обозначеніемъ движенія войскъ 7 и 8 Сентября 1380 г.

всего и случается, что захлеснутая волною лодка опрокидывается. Этотъ моментъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Но ловкіе и привычные люди крѣпко схватываются за канатъ, укрѣпленный съ боку и держатся пока лодка снова не приметъ нормальнаго положенія. Иззябшіе и измокшіе пловцы добираются до берега, гдѣ хотя-бы въ непогоду и ночью, ихъ всегда ожидаетъ толпа народу.

Маневры пожарныхъ въ Германіи.

(Стр. 749).

Пожарныя общества очень распространены въ Германіи. Они правильно обучаются, подготовляютъ членовъ общества посредствомъ маневровъ, на примѣрныхъ пожарахъ въ нарочно даже для того устроенныхъ зданіяхъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, на которомъ изображены маневры пожарныхъ въ Дрезденѣ. Примѣненія всевозможныхъ средствъ спасенія людей и вещей доведены до возможной степени удобства, всѣ эволюціи выполняются съ замѣчательною точностью и быстротою. Снаряженіе отдѣльныхъ командъ превосходно, аппараты и приспособленія постоянно совершенствуются. Приспособленія, представленныя на нашемъ рисункѣ извѣстны и практикуются въ Германіи уже давно. Новость—это развѣ примѣненіе „спускнаго полотна". Полотно это необыкновенно ловко и скоро подтягивается къ третьему этажу, тамъ укрѣпляется и затѣмъ оттуда люди спускаются до самой земли быстро и совершенно невредимо. Опытъ этотъ при всѣхъ случаяхъ удавался очень хорошо и польза его такъ очевидна, что введеніе этого примѣненія желательно было-бы и для нашихъ пожарныхъ командъ, для которыхъ конечно тотчасъ должны-бы вводиться всѣ современныя усовершенствованія—разъ опытъ доказалъ ихъ цѣлесообразность. На другой сторонѣ рисунка видимъ еще одинъ маневръ. Одинъ изъ пожарныхъ бросается въ крѣпкое полотно, обшитое толстыми веревками, которое внизу держатъ другіе пожарные. Приспособленіе простое и вмѣстѣ весьма цѣлесообразное.

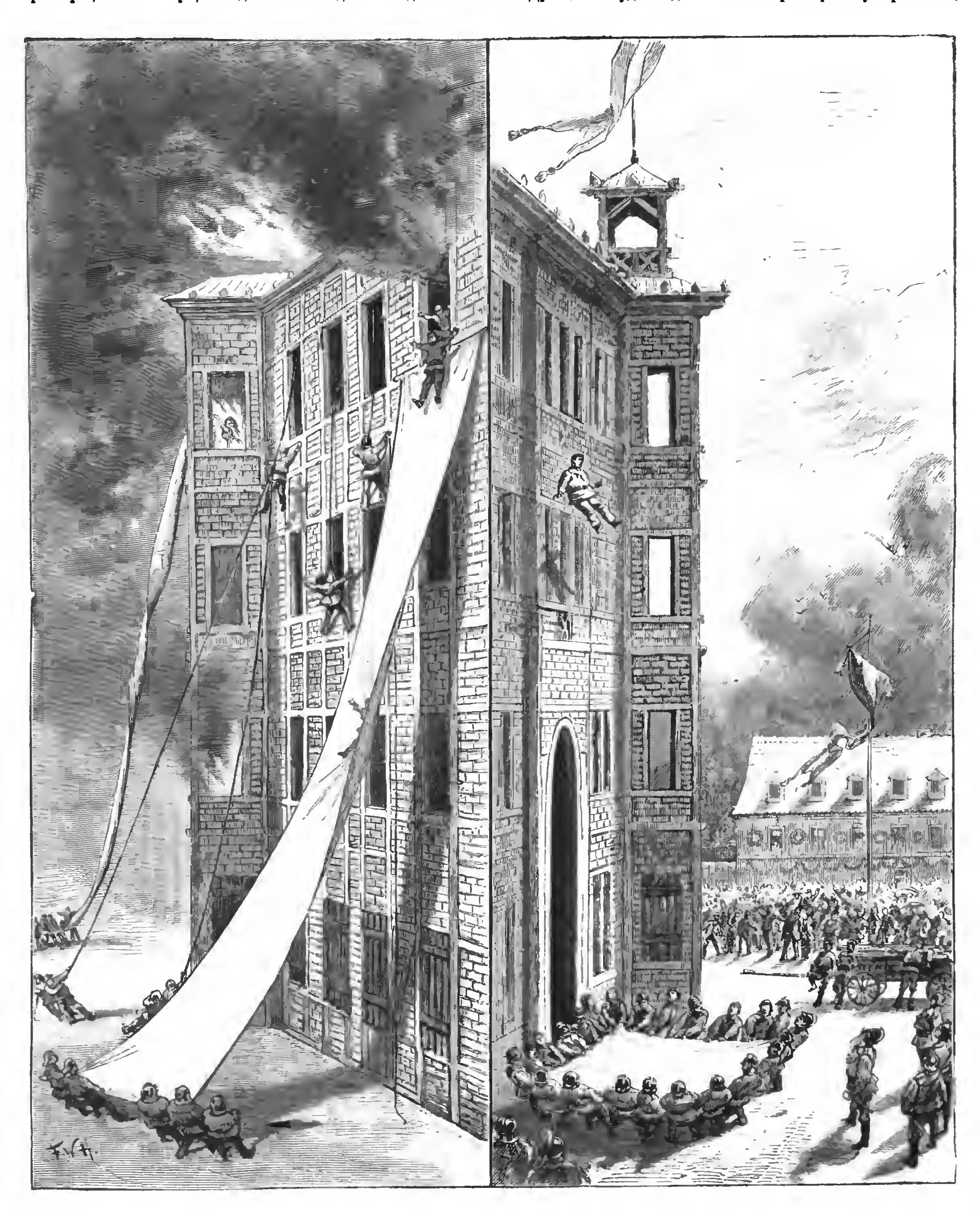
Политическое обозрѣніе.

Перемѣна министерства въ Турціи.—Свиданіе Гаймерле съ Бисмаркомъ.—Недоразумѣнія между Франціей и Италіей изъ за Туниса.—Слухи о новыхъ союзахъ.—Испанія.—Китай.

Можно думать, что перемѣны министерствъ въ Турціи происходятъ вовсе не вслѣдствіе тѣхъ серьезныхъ причинъ, которыми онѣ могутъ быть объясняемы въ цивилизованномъ государствѣ. Калифу, вѣроятно, просто надоѣдаетъ, отъ времени до времени, видѣть однѣ и тѣ же лица, надо освѣжиться и вотъ приглашаются въ общество султана другіе паши. Такое „освѣженіе" послѣдовало на дняхъ. Кадри-Паша замѣненъ Саидомъ-Пашей, а на должности: министра иностранныхъ дѣлъ Ассимъ-Паша, президента государственнаго совѣта—Серверъ-Паша, торговли—Раифъ-Паша, Народнаго Просвѣщенія Кіамиль-Паша; остальные министры еще не совсѣмъ надоѣли, а потому удержали свои портфели. Справедливо ли поступило его турецкое величество, это другой вопросъ. Намъ кажется, что несправедливо. Несправедливо потому, что велика заслуга смѣненныхъ пашей предъ Абдулъ-Гамидомъ въ одномъ изъ

(Продолженіе на стр. 749, 750, 751 и 752).

важнѣйшихъ для него вопросовъ внѣшней политики. Читатели догадались, конечно, что мы говоримъ все о томъ же препирательствѣ оттоманскаго правительства съ Европой о территоріальныхъ уступкахъ Греціи и Черногоріи. Много ли выиграла Черногорія, съ тѣхъ поръ, что дѣло ея находится въ движеніи. посланъ къ албанцамъ, можетъ быть, скорѣе для того, чтобы помочь имъ, а не черногорцамъ. И дѣйствительно, во 1-хъ Порта, видя, что Европа подвинула свои броненосцы уже до Рагузы, тотчасъ же объявила, что лига албанская начинаетъ уступать и что Дульциньо будетъ сдана князю Черногорскому. Броненосцы

Маневры пожарныхъ командъ въ Германіи. По фотогр. грав. Доръ.

До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что оправдываются наши слова по поводу этой обычной „готовности" Порты выполнить требованія державъ, готовности, останавливаемой препятствіями, неожиданно всегда возникающими въ рѣшительную минуту. Не ошибались мы, предполагая, что Риза-Паша былъ пріостановились. Но тогда, конечно, пріостановилась и сдача Дульциньо. Турецкое правительство увѣдомило, что потому не можетъ такъ быстро выполнить обѣщаніе, только что данное, что не въ состояніи заставить албанцевъ согласиться на уступку двухъ другихъ назначенныхъ въ сдачѣ пунктовъ, Диноша

и Груды. И вотъ, теперь сообщаютъ, что будто бы и державы и князь Черногорскій соглашаются оставить эти пункты албанцамъ, только бы передано было немедленно Дульциньо. Затѣмъ, во-2-хъ, по извѣстіямъ съ самыхъ мѣстъ дѣйствія, Риза-Паша не только не оказывалъ вліянія на лигу въ желаемомъ направленіи, а скорѣе поддерживалъ лигеровъ въ упорствѣ ихъ. На томъ пресловутомъ собраніи вождей, которое онъ созывалъ, присутствовало всего 9 изъ нихъ и при томъ, самыхъ закоренѣлыхъ противииковъ уступокъ; около же конака, гдѣ происходило совѣщаніе, расположилось нѣсколько сотъ албанцевъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ и готовыхъ на все по малѣйшему знаку предводителей. Слѣдовательно, объ арестѣ вождей этихъ не могло быть и рѣчи, а вся эта обстановка понадобилась только для того, чтобы показать всю трудность задачи, возложенной на Риза-Пашу.

Какъ бы то ни было, а смѣненные Абдулъ-Гамидомъ министры сдѣлали свое дѣло. Державы прислали соединенный флотъ и тѣмъ не менѣе, соглашаются на желаніе Порты удержать въ предѣлахъ Оттоманской имперіи Диношъ и Груду. Морская демонстрація отложена на нѣсколько дней, такъ какъ Порта дѣлаетъ видъ, что приступаетъ къ сдачѣ Дульциньо.

Свѣдѣнія относительно инструкцій, данныхъ командирамъ отдѣльныхъ эскадръ сводятся къ слѣдующему: демонстрація можетъ перемѣнить свое первоначальное назначеніе не иначе, какъ по единогласному рѣшенію принимающихъ въ ней участіе державъ; ни одна изъ державъ не имѣетъ права дѣйствовать отдѣльно, т. е. производить дессанты, подвергать бомбардированію прибрежные пункты, отдѣляться отъ флота, или не слѣдовать за нимъ при передвиженіяхъ.

Недавно баронъ Гаймерле ѣздилъ къ князю Бисмарку въ его помѣстье Фридрихсруэ и свиданію этому приписываютъ важное значеніе. Оно еще прочнѣе укрѣпило связь между обѣими имперіями и даже, утверждаютъ, что заключенъ уже формальный наступательный и оборонительный союзъ, и опредѣлены условія относительно будущаго... Замѣтимъ, кстати, что вслѣдъ за свиданіемъ этимъ, въ органѣ германскаго канцлера „Сѣверо-германской всеобщей газетѣ" была высказана мысль о томъ, *что Австріи надлежитъ занять своими войсками новый Базаръ до Митровицы* въ томъ случаѣ, если Англія и Россія примутъ болѣе рѣшительныя мѣры на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ Англіи происходитъ агитація совершенно новаго характера. Крайніе либералы, въ союзѣ съ ирландцами, недовольные тѣмъ, что палата лордовъ отвергла благоразумный проектъ закона объ ирландскихъ фермерахъ, предложенный министерствомъ Гладстона, собираютъ громадные митинги, на которыхъ высказываются мнѣнія о необходимости переустройства верхней палаты. Съ побѣдой генерала Робертса, вѣроятно, утвердится власть Абдурахманъ-хана въ Авганистанѣ, т. е. лучше сказать, нѣсколько увеличатся шансы его, такъ какъ партія прежней царственной отрасли еще сильна и едва ли уступитъ безъ сопротивленія. Свѣдѣніе о томъ, что Англія, можетъ быть, не присоединитъ къ своимъ владѣніямъ Кандагаръ, подтверждаются пока вновь. По крайней мѣрѣ Гладстонъ и его товарищи высказались противъ этаго присоединенія.

Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, на сѣверѣ Испаніи снова появились признаки карлистской агитаціи. Правительство уже приняло мѣры. Событіе, ожидавшееся въ королевскомъ домѣ, уже послѣдовало—королева разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Задача буквъ № 65.

П. Коновалова.

а, а, а, а, а, а, б, в, в, в, в, д, д, д, д, е, е, е, з, и, и, и, і, і, і, й, й, й, к, к, к, к, л, л, л, л, м, н, н, н, н, и, о, о, о, о, о, о, о, п, р, р, р, с, с, с, т, т, т, т, у, ч, ч, ъ, ъ, ъ, ы, ь, ь, ю, я,

Изъ этихъ буквъ составить 16 слѣдующихъ словъ:

1. Имя одпаго вождя иарода іудейскаго.
2. Названіе одпаго изъ племенъ обитающихъ въ Россіи.
3. Имя однаго персидскаго царя.
4. Часть дня.
5. Библейское имя.
6. Произведеніе шелковичнаго червя.
7. Большое животное.
8. Одно изъ установленій церкви.
9. Названіе птицы.
10. Названіе одной планеты.
11. Имя первосвященника израильскаго.
12. Названіе плода.
13. Часть головы птицы.
14. Названіе платы побѣдителю отъ побѣжденныхъ въ древности.
15. Порода змѣй и
16. Рѣка въ Азіи.

Затѣмъ, слова эти, по порядку цифръ размѣстить въ слѣдующихъ клѣткахъ, по одной буквѣ, но такъ чтобы составилось имя и прозваніе однаго русскаго князя и его достопамятное дѣяніе.

								4								
			4	7	9	12	3	3	6	1	10	10	2			
2	10	11	5	1	5	5	11	1	1	6	7	5	5	16	2	1
					3	6	14	7	6	6	11					
				8	7	13	8	10	10	15	3	13				
12	11	9	14	12	4	4	8	8	13	15	9	12	12	14	3	4
				16	15	16	6	4	2	9	14	13				

РЕБУСЪ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Москва. В. Т—рену. Вы напрасно „крайне удивляетесь". Получается такъ много стиховъ, что отвѣчать каждому автору, съ неъясненіемъ причинъ почему это не напечатано—рѣшительно невозможно.

Мозырь: Юл. Лапичу; Москва: Г. Воборск; Кронштадтъ, В. Фабръ; присланные задачи будутъ помѣщены въ ближайшихъ №№.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Дозволено цензурою СПБ. 12 сентября 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Ведвинга. Англ. пр. № 10.

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ — № 38 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 20 Сентября 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Строители Александровскаго моста, В. И. Березинъ и Н. А. Бѣлелюбскій. Рис. В. Шпакъ, грав. Флюгель.

Строители Александровскаго моста черезъ р. Волгу.

30 минувшаго августа, въ присутствіи г. министра путей сообщенія и мѣстныхъ властей, торжественно открыто было движеніе по Александровскому мосту близъ Сызрани, котораго рисунокъ и описаніе было въ № 36 „Нивы". Въ теченіи цѣлой недѣли предъ открытіемъ происходило подробное освидѣтельствованіе моста и испытаніе его правительственною инспекціею. Испытаніе заключалось въ нагруженіи каждаго пролета моста спокойною нагрузкою изъ 6 паровозовъ, причемъ нагрузка оставалась на различныхъ пролетахъ отъ 2 до 14 часовъ и въ это время наблюдался прогибъ желѣзныхъ рѣшетчатыхъ балокъ пролета. Прогибъ получался около 2—2¹/₄ дюймовъ, который по удаленіи нагрузки почти весь изчезалъ. Въ заключеніе пропускались по мосту поѣзда изъ 3 паровозовъ и нагруженныхъ вагоновъ, причемъ замѣчались прогибъ и боковое качаніе желѣзнаго строенія. Всѣ пробы дали отличные результаты.

30 августа собралась масса окрестныхъ жителей на Сызранскій берегъ, гдѣ у входа на мостъ, украшенный зеленью и флагами совершено было, въ присутствіи гостей, молебствіе и затѣмъ черезъ мостъ прошелъ съ присутствовавшими первый поѣздъ, такъ сказать по направленію изъ Азіи въ Европу. Прекрасная погода, присутствіе 6 пароходовъ у моста, толпа рабочихъ на берегу—все это придавало весьма торжественный видъ моменту открытія моста. На обѣдѣ, бывшемъ вслѣдъ затѣмъ, произнесено было нѣсколько краткихъ рѣчей о значеніи моста, о развитіи водяныхъ и желѣзнодорожныхъ путей, о сибирской дорогѣ, и выражено много восторженныхъ пожеланій за Государя Императора. Затѣмъ были тосты въ честь участниковъ въ исполненіи моста.

Въ настоящемъ № мы прилагаемъ портреты строителей моста В. И. Березина и Н. А. Бѣлелюбскаго.

Владиміръ Ильичъ Березинъ окончилъ курсъ Николаевской Инженерной академіи въ 1864 г. и оставленъ былъ при Академіи репетиторомъ, а затѣмъ утвержденъ преподавателемъ строительной механики. Въ 1868 г. былъ приглашенъ инженеромъ А. Е. Струве принять участіе въ постройкѣ моста черезъ р. Днѣпръ въ Кіевѣ—работалъ до 1872 г. т. е. до окончанія моста. Въ 1873—74 гг. В. И. Березинъ строилъ мосты на Ландварово-Роменской жел. дор. чрезъ р. Десну въ 140 саж. и чрезъ р. Сожъ въ 105 саж.—оба на кессонахъ. Въ концѣ 1874 г. принималъ дѣятельное участіе въ составленіи окончательнаго проекта моста Императора Александра II чрезъ Неву. Съ 1875 по 80 г., В. И. Березинъ былъ главнымъ производителемъ работъ Александровскаго моста черезъ р. Волгу на Оренбургской жел. дор., о которомъ мы говорили выше. Исполненіе этихъ работъ сопровождалось разнообразными новыми пріемами, употребленными г. Березинымъ при опусканіи кессоновъ и постановкѣ пролетовъ. Предусмотрительность со стороны производителя работъ выразилось въ особенности тѣмъ, что въ теченіи всѣхъ 5 лѣтъ не было ни одного несчастнаго случая ни съ людьми, ни съ частями сооруженія. Подробное описаніе хода работъ войдетъ въ сочиненіе, которое приготовляется имъ къ печати вмѣстѣ съ составителемъ проекта Н. А. Бѣлелюбскимъ и строителемъ моста К. Я. Михайловскимъ.

Николай Аполлоновичъ Бѣлелюбскій окончилъ курсъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I въ 1867 г. и оставленъ при Институтѣ репетиторомъ, а въ 1873 г. утвержденъ профессоромъ строительной механики и завѣдующимъ механическою лабораторіей; сверхъ того въ послѣдніе три года, Н. А. Бѣлелюбскому поручено было руководство по проектамъ нѣсколькихъ мостовъ. Практическая дѣятельность Н. А. Бѣлелюбскаго направлена была исключительно на отдѣлъ мостовъ и выразилась составленіемъ большаго числа проектовъ, при чемъ во многихъ случаяхъ ему же поручался и техническій надзоръ за исполненіемъ. Въ теченіи 12 лѣтъ Н. А. Бѣлелюбскій занимался составленіемъ проектовъ по замѣнѣ деревянныхъ мостовъ желѣзными на Николаевской дорогѣ и наблюденіемъ за ихъ исполненіемъ. Болѣе 50 мостовъ перестроено на желѣзные (въ томъ числѣ мосты черезъ Волховъ и Тверцу) безъ подмостей и безъ прекращенія движенія. Веребьинская труба и Мстинскій мостъ на обходной линіи, мостъ черезъ р. Прутъ близъ Унгени, 7 мостовъ на Московско-Брестской (въ томъ числѣ черезъ Березину и Нѣманъ), мостъ черезъ рѣку Калитву на Воронежско-Ростовской, черезъ Чусовую на Уральской и черезъ Самарку въ Самарѣ на Оренбургской. Мостъ черезъ р. Оку на Ряжско-Вяземской и черезъ р. Ранову на Рязанско-Козловской—всѣ они исполнены по проектамъ и подъ общимъ надзоромъ Н. А. Бѣлелюбскаго. Наконецъ открытый 30-го августа сего года Александровскій мостъ черезъ р. Волгу сооруженъ по его же проекту Въ 1875 году ему поручено было произвести изысканія на мосту; затѣмъ по составленіи проекта онъ состоялъ при правленіи Оренбургской желѣзной дороги во все время постройки моста, при чемъ имъ исполнены всѣ измѣненія проекта вызванныя мѣстными условіями, велись сношенія съ Бельгійскими заводами, на которыхъ исполнялись металлическія части, и наконецъ произведено испытаніе желѣза и другихъ матеріаловъ для волжскаго моста въ Механической Лабораторіи Института. Въ числѣ деталей проекта волжскаго моста укажемъ на разработку ледорѣзной кладки (модели хранятся въ музеумѣ института), а также дополнительный кессонъ быка № 11 въ формѣ башмака.

Нельзя не порадоваться такому развитію инженернаго дѣла въ Россіи и не пожелать, чтобы и по другимъ отраслямъ мы имѣли такихъ спеціалистовъ, какъ строители вновь открытаго Волжскаго моста.

Купленное счастье.

Романъ Н. Морскаго.

(Окончаніе).

XXXVI.

Послѣдняя пѣсня.

Ефимъ подозрительно посмотрѣлъ на своего собесѣдника, точно говоря: знаемъ мы твои дѣла. Съ вами сударь поосторожнѣе слѣдуетъ... но тѣмъ не менѣе навострилъ уши, какъ бы вскользь пробурчавъ:

— Опять что нибудь вольнодумное затѣяли.

Гавриловъ поймалъ это замѣчаніе и совершенно добродушно опровергъ его:

— Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ. Задумалъ самое положительное. Зайти намъ что-ли куда—оглянулся онъ по сторонамъ,—здѣсь говорить-то не совсѣмъ удобно. Въ трактиръ что-ли какой...

И припомнилъ:

— Тамъ, подальше, есть кажется маленькій трактирецъ. Вотъ и зайдемъ. А по дорогѣ-то я начну о своемъ дѣлѣ.

Ефимъ согласился:

— Это можно-съ.

И оба двинулись по направленію къ трактиру.

— Нѣтъ, вольнодумство-то я бросилъ, голубчикъ,—началъ Гавриловъ—волненіе-то въ крови, какъ ты это однажды весьма удачно назвалъ, у меня улеглось. Тихой жизни и спокойной пристани хочу. Задумалъ я, мой другъ, жениться.

— Ну?! удивился Ефимъ и высказалъ свое мнѣніе на этотъ счетъ:—бросите-съ,—разумѣя, что Гавриловъ броситъ жену...

— Нѣтъ, голубчикъ, едва ли это случится. Партія очень выгодная.

И остановился на время.

— Деньги для этаго надо. Въ одномъ ресторанѣ сколько задолжалъ, портному тоже...

Ефимъ отрѣзалъ:

— У меня денегъ нѣтъ-съ.

— И не прошу,—махнулъ рукою Гавриловъ,—еще самъ тебѣ рубликовъ триста дамъ въ уплату долга. А какъ женюсь—такъ и всѣ остальныя получай. Только вотъ теперь обдѣлай ты мнѣ одно дѣльце. Ну, вотъ и пришли.

Они дѣйствительно подошли къ отворенной калиткѣ, надъ которою была прибита вывѣска и вошли чрезъ нее въ небольшой садикъ, еще неуспѣвшій высохнуть и мѣстами, между деревьями, бѣлѣющій снѣгомъ. Среди голыхъ прутьевъ деревьевъ виднѣлись вбитые въ землю зеленые столы и скамейки; нѣсколько рѣшетчатыхъ бесѣдокъ было прислонено къ забору. Въ глубинѣ садика стоялъ одноэтажный, деревянный домикъ, съ крылечка котораго половой, въ грязноватомъ зеленомъ фартукѣ, сметалъ метлою соръ. Гавриловъ и Ефимъ вошли

въ трактиръ. За спрошенной бутылкой пива Гавриловъ сообщилъ Ефиму о полученномъ имъ отъ дочери браслетѣ.

— Такъ-съ.

— Ну вотъ и желательно было бы браслетъ этотъ продать.

Ефимъ подумалъ.

— Можно посмотрѣть?

Такъ какъ въ трактирѣ никого не было, Гавриловъ вынулъ и показалъ Ефиму браслетъ. Видъ роскошныхъ брилліантовъ поразилъ старика, но онъ не высказалъ своего удивленія, а указалъ только на недостатки.

— Разорванъ-съ.

И посмотрѣвъ еще:

— Жемчуженокъ недостаетъ... Гавриловъ призналъ очевидность факта тономъ, въ которомъ проглядывала мысль, что положимъ жемчужинокъ и недостаетъ, положимъ браслетъ и разорванъ, а все таки онъ очень дорогъ:

— Разорванъ... недостаетъ...

— Вотъ и тутъ покривилось колечко...

— Покривилось...

И находя, что Ефимъ слишкомъ долго и подробно разсматриваетъ браслетъ, что кто нибудь можетъ войдти и драгоцѣнная вещь возбудитъ подозрѣніе, выхватилъ браслетъ и спряталъ его въ карманъ.

— Чего копаешься-то? не самъ будешь покупать?..

— А можетъ и самъ.

— Купи... Только чуръ не обижать...

— Зачѣмъ обижать... А вы дайте-ка еще посмотрѣть. Не бойтесь: спрячу—никто не увидитъ...

И снова, на этотъ разъ въ молчаніи, началъ разсматривать браслетъ... Это былъ мастеръ на всѣ руки и покупка драгоцѣнной вещи не составляла для него чего нибудь рѣдкостнаго и новаго. Въ былое время онъ изучилъ до тонкости аукціоны въ ломбардахъ. Сколько разъ въ компаніи различныхъ жидовъ, сидя за длиннымъ столомъ, онъ бѣгающимъ взглядомъ, быстрымъ и проворнымъ, оцѣнивалъ продающуюся вещь... Браслетъ конечно былъ слишкомъ драгоцѣненъ; такія вещи если и попадали въ ломбардъ, такъ съ аукціона не продавались; тамъ были вещи не столь цѣнныя, но водясь съ жидами, Ефимъ насмотрѣлся не знай на какія драгоцѣнности и оцѣнка браслета, самая осторожная конечно, не представляла для него затрудненія. Тысячъ двѣнадцать навѣрняка стоитъ...

— Сколько получить желаете?

— Голубчикъ, Ефимушка, ужь не обидь... Самъ знаешь: подымусь на ноги—тебѣ же долгъ возвращу. Самъ оцѣни.

— Примѣрно, тысячъ шесть получить желаете?

— Что ты, Богъ съ тобой! за этакое-то сокровище?.. Да и что я буду дѣлать съ шестью тысячами,—совралъ Гавриловъ—когда у меня неотложныхъ долговъ тысячъ болѣе пяти?.. Самъ посуди... Я разсчитывалъ тысячъ до десяти получить...

Ефимъ подалъ Гаврилову браслетъ:

— Получайте-съ: за такую сумму не могу купить. И денегъ-то такихъ не имѣется-съ.

И сталъ застегиваться, сбираясь уйдти. Гавриловъ нѣсколько испугался:

— Ефимушка, голубчикъ, да Христа ради надбавь сколько нибудь?.. Заставь Бога о себѣ молить.

Ефимъ всталъ.

— Хотите, сударь, или не хотите, болѣе семи тысячъ дать не могу. По рукамъ?

— Хоть бы восемь, Ефимушка?

— Болѣе семи—ни копѣйки-съ... Наше вамъ-съ.

И сдѣлалъ шагъ къ двери. Что-жь дѣлать. Хоть Гавриловъ и разсчитывалъ получить тысячъ десять,—а вѣрно придется помириться на семи. Конечно, все же лучше чѣмъ ничего...

— А когда, голубчикъ, деньги доставишь?

— Часъ времени пройдетъ. Ранѣе не успѣю собрать-съ. Деньги не малыя.

— Ну... ну, Богъ съ тобой: собирай и тащи деньги... Такъ черезъ часъ?

— Ни минуты позднѣе-съ.

Гавриловъ выбросилъ буфетчику на прилавокъ имѣющійся у него въ карманѣ пятиалтынный и, сообразивъ, что у него не остается ничего за этой отдачей, выйдя изъ садика и направляясь къ выходу на улицу, обратился къ своему спутнику:

— Ефимушка, далъ бы ты мнѣ на извозчика? Просто ни копѣйки нѣтъ...

— Издержались-съ?

И вынувъ замшевый кошелекъ, Ефимъ досталъ изъ него рублевую бумажку и подалъ ее Гаврилову.

— Спасибо, голубчикъ. Такъ черезъ часъ.

— Черезъ часъ, въ самый аккуратъ-съ...

И разошлись въ разныя стороны.

Пріѣхавъ въ Грандъ-отель, Гавриловъ, совершенно примирившійся съ семью тысячами, беззаботный и веселый, вбѣгалъ на входную площадку, не боясь встрѣтить пристающаго къ нему какъ съ ножемъ къ горлу содержателя гостинницы, требующаго уплаты. Онъ зналъ, что Ефимъ не обманетъ, что черезъ часъ онъ явится за браслетомъ и привезетъ деньги, которыхъ все таки болѣе нежели достаточно чтобы уплатить всѣ неотложные долги.. Ужь и нуждался же онъ право послѣднее время!.. Почти все платье свое перетаскалъ въ ломбардъ, дѣлая это не сразу, а по мелочамъ, украдкой, чтобы не замѣтила прислуга... Вѣдь это стыдъ!.. И натерпѣлся же онъ непріятностей!.. Какъ избѣгалъ онъ встрѣчь съ содержателемъ ресторана, какъ оглядываясь по сторонамъ, спускался по лѣстницѣ, всякій разъ трепеща увидѣть вытянутое лицо хозяина. Какъ видѣлъ охлажденіе къ себѣ прислуги, прежде учтивой и предупредительной... Теперь онъ шелъ смѣло. Завидѣвъ содержателя гостинницы, не замѣчавшаго его и занятаго съ кѣмъ-то разговоромъ, Гавриловъ самъ окликнулъ его:

— Простите, mon cher, что я задержалъ нѣсколько ваши деньги... Черезъ часъ, много черезъ полтора—вы получите все.

Въ пэнснэ онъ разсматривалъ ресторанъ. Сдѣлавшійся любезнымъ, хозяинъ болталъ ему что-то... Великолѣпная дама съ длиннѣйшимъ шлейфомъ, съ рыжевато-золотистыми волосами, въ престранной формы шляпѣ, проходила по площадкѣ и привлекла вниманіе Гаврилова... Ah, quelle jolie personne!.. Хозяинъ отеля отозвался:

— N'est ce pas? C'est une artiste lyrique.

И назвалъ фамилію исчезнувшей за дверью подъѣзда дамы, которой подали коляску. Вотъ женщины,—умѣютъ, право, жить! Мущинѣ далеко не такъ легко. Лирическая артистка!.. Знаемъ мы эту лирику-то. И вздохнулъ.

— Пообѣдать, что-ли?..

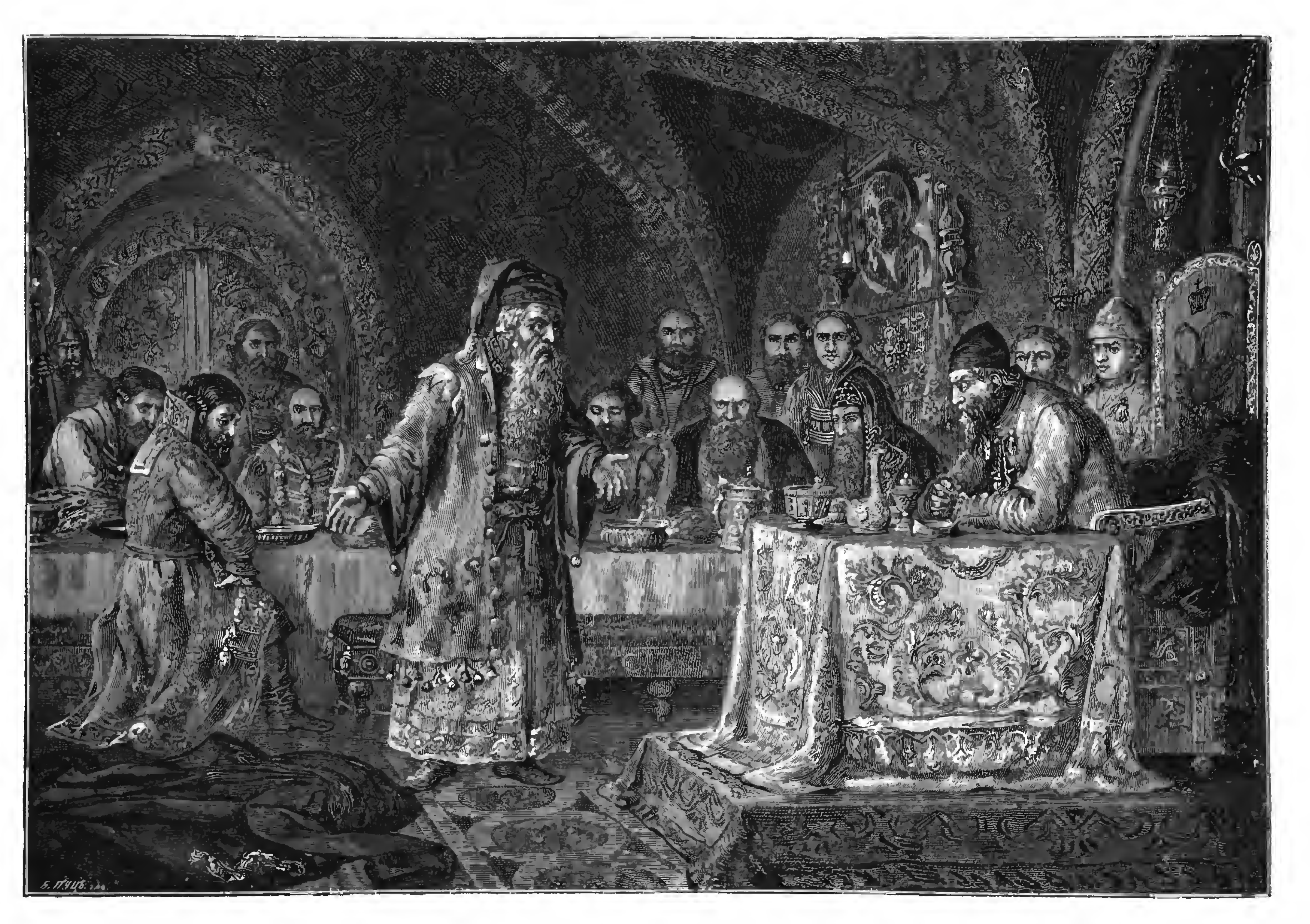
И сѣлъ обѣдать. Это жизнь! На варенцахъ, уснащенныхъ любезностью графини Брумъ, на котлетахъ съ протертымъ картофелемъ и шарлоттахъ—онъ долго не просидитъ... Есть изъ за чего сидѣть-то!.. титулъ соблазнителенъ съ приложеніемъ... А тутъ какое-же приложеніе? Гаврилова, рожденная графиня Брумъ, съ приложеніемъ супа съ перловой крупой... Фу, какая мерзость! Совсѣмъ другое купчиха. Это иное дѣло. Вина!

И пообѣдавъ, выпивъ, поднялся во второй этажъ и забѣжалъ къ графинѣ. Додо была одна и складывала какія-то вещицы въ картонку. Она такъ была занята, что, стоя спиной къ входной двери, не слышала, какъ вошелъ Гавриловъ. Онъ подкрался къ ней на цыпочкахъ и стоя за ея плечами, вдругъ запѣлъ мандолинату:

Среди ночнаго мрака
Въ этотъ блаженный часъ...

Бабушкины сказки. Ориг. рис. Н. Загорскаго, грав. Б. Пуцъ.

Литературный альбомъ: „Князь Серебряный“ А. К. Толстаго. Морозовъ въ шутовскомъ кафтанѣ передъ Грознымъ. Ориг. рисун. Земцова, грав. Б. Пуцъ.

Смѣясь, она обратилась къ нему. Гавриловъ увлекъ ее вальсировать и Додо, упавъ головкой на плечо кавалера, разметывая своими пышными юбками, по прежнему смѣясь, сдѣлала съ нимъ нѣсколько туровъ. Боже, Боже мой, что за жизнь ожидаетъ меня, когда я выйду за этаго инженера!.. Что Меликовъ! Тетка Шербюлье права: теперь, по нынѣшней дороговизнѣ, только и жить женамъ инженеровъ. Инженеръ! — какое звучное и прелестное слово... Ин-же-неръ! ça sonore admirablement bien!..

У Додо ему пришлось пробыть недолго, ибо аккуратный Ефимъ явился, какъ обѣщалъ, ровно черезъ часъ и лакей вызвалъ Гаврилова въ номеръ... Прощаясь съ Додо, онъ сказалъ, что едва ли этотъ день увидится съ нею, такъ какъ ему надо посѣтить не мало различныхъ мѣстъ, но завтра—онъ будетъ ея не на одинъ, а на сто, на двѣсти, на *много*, *много* дней...

— На много? кокетливо улыбалась Додо, лорнируя его.

Онъ почти клялся:

— Навсегда!..

Она вдругъ надула губки и прикинулась ревнивой:

— Кто васъ спрашиваетъ, милостивый государь?..

— Мой приказчикъ... принесъ деньги...

— Вѣрно тотъ самый, — припомнила она, смѣняя гнѣвъ на милость,—который, помните, прислалъ вамъ письмо?.. Еще адресъ такими іероглифами былъ написанъ... А я подумала, что отъ женщины.

Да, онъ вспомнилъ это письмо, послужившее вызовомъ на кровавое дѣло, но не омрачился воспоминаніемъ. Тунеядство, приживательство, праздность—убили въ немъ всякую совѣсть. Онъ весело подтвердилъ предположеніе Додо:

— Тотъ самый...

И пожавъ ея ручку, выбѣжалъ изъ комнаты, оканчивая начатый имъ при входѣ куплетъ мандолинаты:

Мы будемъ пѣть и ликовать,
Смѣяться и плясать!..

Онъ былъ въ своей сферѣ, когда, получивъ отъ Ефима деньги и вручивъ ему браслетъ, распростившись съ нимъ и пожелавъ ему всего лучшаго, нарядился франтомъ и выйдя изъ отеля, направился къ Невскому, покрытому скачущими экипажами, съ плотно двигающейся по солнечной сторонѣ толпою. Вечерѣло. Небо начинало нѣсколько хмуриться, но еще ничего не шло сверху. По временамъ сознаніе удачи смѣшивалось въ сердцѣ этаго празднаго и безсовѣстнаго негодяя, съ чувствомъ ужаса и отвращенія къ самому себѣ. Ну, какъ узнаютъ, накроютъ? Бррръ! Уѣхать куда нибудь, скорѣе! Этотъ камень временами такъ мучительно давилъ его, что казалось было лучше не начинать ничего этаго... Вчера онъ прочелъ въ газетѣ, что Бариновъ умеръ въ тюрьмѣ отъ разрыва сердца... А можетъ онъ, Гавриловъ, уйдетъ отъ этаго дѣла... И заживетъ! А Кожуховъ—какова канальи! Ну, этотъ конечно заживетъ. Все можетъ быть!..

О, конечно, все можетъ быть... Черезъ годъ послѣ описанныхъ событій—въ петербургскомъ биржевомъ мірѣ—заговорили о новой звѣздѣ эксплуатаціи и игры, о Кожуховѣ. Его геній блисталъ и велъ его по пути быстраго разбогатѣнія и легкой наживы. Наживались быстро и другіе, но ихъ богатства вспыхивали на короткія мгновенія и въ краткій промежутокъ времени сгорали до тла, оставляя послѣ своего яркаго пламени и тепла, кучку остывшей сѣрой золы. Одинъ Кожуховъ горѣлъ свѣтлымъ и ровнымъ пламенемъ, возбуждая къ себѣ благоговѣніе и общее уваженіе, скромно появляясь на биржѣ, но приковывая вниманіе всѣхъ. Его глаза смотрѣли прямо и открыто, располагая къ себѣ всѣхъ, внушая къ нему довѣріе и любовь. Это—честный человѣкъ: онъ не ограбилъ кассу, онъ велъ дѣло на чисто. Онъ съ ужасомъ бы отвернулся отъ всякаго вора... Его образъ жизни былъ простъ, его нельзя было даже упрекнуть въ сколько нибудь легкомъ поведеніи. Повидимому онъ наживался и копилъ деньги не ради возможности жить роскошно, а ради желанія прослыть богачемъ, ради самихъ этихъ денегъ. Онъ жилъ хорошо, но просто, счастливый тѣмъ, что богатъ.

Гавриловъ, проведя лѣто у графини Брумъ, занявъ у нея сто рублей, сосватавъ Додо, объявилъ, что съѣздитъ не на долго на свою линію, заберетъ тамъ денегъ и вернувшись, сочетается бракомъ съ молодой графиней... Въ виду этаго графиня мать и одолжила ему сто рублей, занятыхъ ею у знакомаго священника. Распрощавшись нѣжно съ невѣстой и съ будущей мамашей, Гавриловъ выѣхалъ, не имѣя въ виду опредѣленной цѣли и доѣхавъ до ближайшаго губернскаго города, остановился въ гостинницѣ, намѣреваясь обдумать свое положеніе. Никакой купчихи Облепихиной не появлялось; бракъ съ Додо, съ которой онъ прочелъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ половину перваго томика новаго романа Мюссе, не представлялъ прелестей и розовыхъ перспективъ; Гавриловъ рѣшительно не зналъ что ему предпринять. Онъ вышелъ обѣдать въ общій залъ. Машина играла „Лучинушку“ и нагоняла тоску. Онъ спросилъ вина и выпивая стаканъ за стаканомъ, становился все мрачнѣе и мрачнѣе. У сосѣдняго столика сидѣлъ пожилой господинъ, давно не сводившій глазъ съ Гаврилова, что послѣдняго начало наконецъ тревожить—не сыщикъ-ли? Но оставшись повидимому доволенъ своимъ осмотромъ, пожилой господинъ всталъ съ мѣста, приблизился къ Гаврилову и поклонившись, учтиво освѣдомился:

— Позвольте васъ спросить, вы не актеръ?

Гаврилову вдругъ улыбнулась эта мысль и онъ смѣло и рѣшительно отвѣтилъ:

— Актеръ-съ.

— Гдѣ изволили играть?

— Въ Самарѣ-съ.

— А въ настоящее время...

— Въ настоящее время въ Казань пробираюсь... Думаю свои услуги предложить Медвѣдеву. Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?

Пожилой господинъ назвалъ себя антрепренеромъ Т—скаго театра. Слово за слово, разузнавъ все, что требовалось, антрепренеръ, не особенно разборчивый и не гнавшійся за блестящими провинціальными знаменитостями, предложилъ Гаврилову ангажементъ на весьма скромныхъ условіяхъ. Все-же лучше чѣмъ Додо и графиня мать!

И изчезъ Гавриловъ для обѣихъ дамъ въ глухихъ провинціальныхъ городахъ, вызывая слезы умиленія въ роляхъ благородныхъ отцовъ. Театръ потрясался отъ рукоплесканій. Вѣрно этотъ Разуваевъ (сценическій псевдонимъ Гаврилова) имѣлъ неблагодарныхъ, черствыхъ сердцемъ дѣтей,—отерла слезы одна старушка, посмотрѣвъ Гаврилова въ драмѣ „Отецъ и дочь“... Браво, Разуваевъ, браво!.. Занавѣсъ, занавѣсъ скорѣе!..

А графини Брумъ, когда надежды на возвращеніе Гаврилова были утрачены, когда наступила зима, переѣхали въ ближайшій губернскій городъ. Додо утѣшилась и немного оживилась отъ постигшаго ее разочарованія въ Гавриловѣ. А еще инженеръ. Нѣтъ, навѣрно онъ и не инженеръ!..

XXXVII.

Пробужденіе.

Если Пантелѣевъ сказалъ съ нѣкоторою увѣренностью, что жена его будетъ жить, то въ послѣдующіе за этимъ вечеромъ дни онъ неоднократно въ душѣ своей колебался при видѣ ея страданій и бралъ свои слова назадъ, не высказываясь объ этомъ вслухъ. Дни и ночи, почти не смыкая глазъ, проводилъ онъ у изголовья больной, находящейся въ полномъ безпамятствѣ, видимо не узнававшей никого. Блѣдный и исхудалый, Пантелѣевъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ, не произнося ни

слова, не сводя своихъ блестящихъ глазъ съ страдающаго, покрытаго красновато-синеватымъ оттѣнкомъ, съ открытыми глазами, лица больной. Съ самымъ кропотливымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за каждымъ малѣйшимъ измѣненіемъ выраженія ея лица, глазъ, различныхъ болѣзненныхъ признаковъ и къ ужасу своему замѣчалъ, что эти измѣненія идутъ постоянно къ худшему. Онъ не спрашивалъ докторовъ о ходѣ болѣзни не потому, чтобы боялся услышать отъ нихъ что нибудь неутѣшительное, а потому, что зналъ и чувствовалъ, что имъ извѣстно объ исходѣ столько же, сколько и ему. Болѣзнь достигла того періода развитія, когда искусство врача должно остановиться въ своей дѣятельности, когда организму самому слѣдуетъ предоставить борьбу съ подъѣдающимъ его процессомъ. Разъ эти противодѣйствующія силы возьмутъ самый незначительный перевѣсъ въ своей борьбѣ съ болѣзнью, врачу является возможность быть въ извѣстной степени полезнымъ паціенту, ставя его въ возможно болѣе благопріятныя условія, ведущія къ выздоровленію. До этаго было еще далеко. Пантелѣевъ отлично зналъ, что явись самый слабый признакъ подобнаго благопріятнаго поворота, какъ бы ничтожно ни было его проявленіе, онъ первый бы услѣдилъ за нимъ. Поддерживая свои силы только чаемъ, онъ неустанно бодрствовалъ надъ женою, вѣроятно и не чувствующей его близости, живущей какою то странною и непонятною жизнью горячечнаго бреда.

Въ такой борьбѣ жизни со смертью, безнадежнаго отчаянія съ самой слабой надеждой, проходили дни и ночи. Тѣ дни, которые m-me Столповская думала провести совсѣмъ иначе, тянулись молчаливою чередою, исполненные ожиданія смерти, поселившейся совершенно неожиданно въ этомъ домѣ, женщины. Незримо образовался какой-то сборный семейный союзъ, составленный изъ разнородныхъ элементовъ и связанный несчастіемъ больной, къ которой были направлены всѣ симпатіи окружающихъ ее людей. Случай связалъ этихъ, повидимому не соединенныхъ между собою родственными узами, людей, слѣпымъ и чисто случайнымъ образомъ собранныхъ подъ одной кровлей. Всѣ почувствовали эту связь и поняли, что незамѣтно для каждаго она окрѣпла до того, что разорвись одно изъ составляющихъ ее звеньевъ,—это отзовется нѣкоторою болью и на всѣхъ остальныхъ, болью привычки, которую невозможно болѣе удовлетворить. Сойдясь подъ однимъ кровомъ—всѣ поняли, что до сихъ поръ не знали полноты семейной жизни, что каждому недоставало семьи. Столповская постигла свой узкій эгоизмъ и не ревновала болѣе сына, видя его разстроеннымъ болѣзнью Катерины Александровны. Въ ней самой при видѣ умирающей женщины, при переданномъ ей разсказѣ объ ея жилицѣ, возникло сожалѣніе къ несчастной и любовь къ ней. Съ Пантелѣевымъ всѣ какъ то примирялись, видя его страданіе и страхъ за жену... Батраковъ, наиболѣе изъ всѣхъ предубѣжденный противъ класса, къ которому принадлежалъ Пантелѣевъ, и тотъ смягчился, видя его глубокое горе у постели больной. Приписывая это послѣднее отчасти тому обстоятельству, что Пантелѣевъ терзается тѣмъ, что сдался на сдѣлку съ Кожуховымъ, Батраковъ рѣшилъ однажды облегчить нѣсколько подобное угрызеніе совѣсти, сказавъ Пантелѣеву, что на болѣзнь его жены вѣроятно имѣло огромное вліяніе открытіе ея происхожденія. Сидя около лежащей безъ сознанія Катерины Александровны—онъ обратился къ Пантелѣеву:

— Я не могу себѣ представить, что должна она была почувствовать, узнавъ обо всемъ. Несомнѣнно, что она узнала о своихъ родителяхъ въ тотъ день, когда ушла отъ васъ.

Пантелѣевъ въ молчаніи обратилъ на Батракова свои глаза. Узнала о своихъ родителяхъ? О комъ говоритъ этотъ старикъ? Батраковъ пояснилъ, указывая на больную:

— Сама говорила мнѣ, когда я, встрѣтивъ ее на улицѣ, повезъ сюда. Она была еще въ сознаніи...

И спохватившись спросилъ:

— Вы ничего не знаете объ этомъ?

Пантелѣевъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

— Она—дочь Гаврилова, страшнаго негодяя, мужа той, которую убили и Кожуховой,—вѣроятно вы ее не знаете,—родной тетки ея бывшаго мужа.

Пантелѣевъ началъ понимать. Онъ вдругъ спросилъ Батракова:

— Этотъ Гавриловъ—высокій, черный?

Батраковъ отвѣтилъ утвердительно.

До сихъ поръ непонятная картина начала проясняться Пантелѣеву. Вся драма, которую пережила въ день исчезновенія своего изъ дома его жена—стала ему ясна. Никто не замѣтилъ ея ухода. Онъ просидѣлъ за своими занятіями до обѣда, не подозрѣвая, что въ то время, какъ онъ рѣшалъ какое-то сложное математическое уравненіе, за стеклянной дверью, ведущей въ уборную жены, она уже навсегда прощалась съ нимъ, рѣшивъ тогда же покинуть домъ, въ который привели ее рабою. Онъ вышелъ къ обѣду, направляясь прямо въ ея будуаръ и удивился не найдя ее тамъ. Онъ обошелъ всѣ комнаты, но ея не было нигдѣ. Тогда онъ спросилъ слугъ, куда вышла жена изъ дома? но для прислуги это было ново и на его вопросъ ему отвѣтили недоумѣніемъ. Никто не видалъ, чтобы барыня вышла; предполагали, что она дома. Это было болѣе нежели странно. Онъ спросилъ, не былъ ли кто у его жены, и ему отвѣтили, что у барыни былъ высокій, черноволосый господинъ, назвавшій себя Гавриловымъ. Можетъ она ушла съ нимъ? Нѣтъ, онъ ушелъ одинъ, ему подавали пальто, запирали за нимъ дверь. Пантелѣевъ не зналъ, что и подумать. Въ этихъ сообщеніяхъ было нѣчто странное, необыденное... Конечно жена его была свободна уходить куда ей угодно и никого не обязана была объ этомъ предупреждать. Но ничего подобнаго до сихъ поръ не случалось. По дальности разстоянія отъ центральныхъ мѣстъ, Катерина Александровна изъ дома пѣшкомъ почти никуда не ходила, а обыкновенно выѣзжала. Куда же она пошла теперь? Всегда ея выходы изъ дома видала прислуга... всегда она предупреждала, когда вернется. Думая объ этомъ, Пантелѣевъ расхаживалъ взадъ и впередъ по залѣ, удивляясь и недоумѣвая, но ни разу не подумавъ объ истинной причинѣ, заставившей жену словно убѣжать изъ дома. Его безпокойство усилилось и навело его на мысль, что жена ушла изъ дома именно въ какой-то торопливости, точно бѣжала, когда прислуга сказала ему, что жена забыла даже одѣть калоши. Что-то оборвалось и заныло въ его груди. Ему вдругъ припомнились слова, сказанныя имъ Кожухову: если она когда узнаетъ о томъ, что была эта сдѣлка, она не проститъ подобнаго позора. Но вѣдь какъ тогда все это вышло! Такъ мучился, такъ страстно желалъ чтобы все окончилось... Неужели этотъ негодяй?.. Конечно, она не проститъ! Но откуда, отъ кого могла она узнать объ этомъ? Что это за черноволосый господинъ? Какой это Гавриловъ?..

На улицѣ темнѣло, шелъ снѣгъ съ вѣтромъ и дождемъ. Вотъ стали зажигаться фонари. Онъ стоялъ, прижавшись своимъ горячимъ лбомъ къ холодному стеклу оконной рамы. Думы, одна мрачнѣе другой, набѣгали на него. Оставила, ушла! Куда? Къ кому?.. И вдругъ поблѣднѣвъ своимъ и безъ того блѣднымъ лицомъ, рѣшилъ: ей некуда идти, не къ кому... Въ прорубь только. А онъ стоялъ и ничего не предпринималъ! Теперь ужь ее нѣтъ въ живыхъ. И вдругъ, въ это самое время, послѣ нѣсколькихъ часовъ напряженнаго ожиданія, торопливый звонокъ вывелъ его изъ мрачнаго и отчаяннаго оцѣпенѣнія. Онъ вскочилъ и растолкавъ прислугу, бросился къ двери, торопясь и вмѣстѣ съ тѣмъ страшась отворить ее, страшась увидѣть ее, свою

жену, принесенною мертвой. Двери отворились: полузнакомое лицо блѣднаго молодаго человѣка глянуло изъ-за нихъ:

— Ваша жена...

— Умерла?.. погибла?.. сжалъ Пантелѣевъ руку вошедшаго, ожидая съ трепетомъ его отвѣта.

— Жива... но больна и очень. Она у насъ... Помните Столповскаго?..

Нѣтъ онъ не помнитъ въ эту минуту ни кого... Жива! не спрашивая ничего, онъ торопился одѣться и тащилъ за собою Столповскаго... Какъ ушла его жена, какъ она попала къ Столповскому,—онъ и не думалъ объ этомъ ничего... Онъ думалъ объ одномъ, что она жива, что она не бросилась въ прорубь, что онъ слѣдовательно умолитъ ее простить, если онъ и виноватъ... Будетъ умолять ее... Столповскій говорилъ ему что-то, но онъ не слушалъ его, забившись въ уголъ кареты... Весь тяжелый и продолжительный путь отъ своего дома до дому Столповской, до самаго того момента, когда при видѣ страдающей жены изъ его груди вырвался стонъ, сопровождаемый энергическимъ жестомъ руки — Столповскій не слышалъ отъ Пантелѣева не только слова, но даже вздоха...

И вотъ только послѣ словъ Батракова онъ постигъ всю глубину несчастья жены... Отецъ, какой-то негодный отецъ, пришелъ къ ней неизвѣстно зачѣмъ, открылъ ея происхожденіе, открылъ ей, что братъ ея, о существованіи котораго она даже не подозрѣвала,—убійца, открылъ ей о сдѣлкѣ... Ибо, кто-же еще могъ сообщить ей объ этомъ?.. Ему вѣроятно сказалъ объ этомъ Кожуховъ, а можетъ даже и не сказалъ,—можетъ просто Гавриловъ основалъ свое сообщеніе на ходящихъ по городу толкахъ, о которыхъ Пантелѣевъ слыхалъ мелькомъ, желая только, чтобы они не достигли до его жены... И вотъ эти слухи все-таки достигли до нея, поразили на смерть ея и безъ того израненное сердце... О, конечно, послѣ всего этаго немыслимо, невозможно жить!..

Изъ смутнаго круговорота мысли, одѣвшейся въ какія-то туманно отвратительные образы, пугающіе сознаніе и заставляющіе бездѣйствовать, подобно капелькамъ воды, скопляющимся въ бассейнѣ и образующимъ прозрачный водоемъ,—безсознательнымъ процессомъ въ пораженномъ горячкою мозгу скоплялись свѣтлые проблески мысли, группировались въ стройныя сочетанія и увеличиваясь въ числѣ, стали на столько сильны, что сдѣлались доступны сознанію... Изъ непрогляднаго тумана возставала картина, освѣщаемаго лучами восходящаго солнца, города; яснѣлъ туманъ, обрисовывая отдаленныя вершины горъ, зданія, главы церквей; болѣе нормально бьющееся сердце—ощутило какой-то умиленный и радостный восторгъ пробужденія отъ долгаго и мучительнаго сна къ свѣтлой жизни... Изъ прекрасныхъ глазъ больной, сдѣлавшихся ясными, скатились по ея исхудалому лицу слезы... Неустанно слѣдящій за женою мужъ видѣлъ то свѣтлое облако, которое прошло по ея блѣдному лицу, видѣлъ исчезновеніе какой-то мутности на днѣ ея глазъ, къ которой онъ привыкъ во все время ея болѣзни, видѣлъ ея слезы — и наклонился къ ней, смотря на нее какимъ-то молящимъ взглядомъ, въ которомъ выразилась и любовь къ ней и мольба о прощеніи, если онъ виноватъ... Слабая улыбка, какъ у всѣхъ больныхъ носящая на себѣ какой-то меланхолическій отпечатокъ, прошла по ея лицу и едва ощутимымъ пожатіемъ руки, она какъ-бы привѣтствовала его.

Въ комнатѣ было темновато отъ спущенныхъ гардинъ и она слабымъ, какимъ-то дрожащимъ голосомъ просила его поднять ихъ.

— Я такъ давно не видала свѣта...

И когда онъ исполнилъ ея просьбу, когда въ комнату полились радостные лучи, дрожа какими-то зыблющимися переходами перемежающихся оттѣнковъ свѣта и тѣни, когда черезъ двойныя рамы оконъ стали ей видимы голубыя небеса съ плавающими по нимъ прозрачными облаками золотисто-бѣлаго цвѣта,—она любовалась всѣмъ этимъ, столь долго для нея не существовавшимъ.. Ей захотѣлось свѣжаго зеленаго лѣса, синеватой дали, широкой голубой рѣки; ей захотѣлось тишины и покоя, дружбы, кроткой и милосердной любви... Не бурной и шумящей любви, что выражается въ страстныхъ октавахъ, въ обрывающихся нотахъ,—меланхолической мелодіи милосердія и сострадавія... Она сказала мужу:

— Я хочу видѣть ихъ.

Онъ понялъ, что она хочетъ видѣть тѣхъ, кто окружалъ ее во время болѣзни и которыхъ она вѣроятно припоминала своимъ, еще слабо дѣйствующимъ, воспоминаніемъ... Онъ позвалъ Столповскую съ сыномъ и Батракова, который почти безвыѣздно прожилъ около больной все время ея болѣзни... Она привѣтствовала всѣхъ слабой улыбкой воскресающаго человѣка и жестомъ руки, упавшей отъ слабости ей на грудь... Она хотѣла видѣть ихъ всѣхъ и усадила около постели, прося немного приподнять ея изголовье... Тогда она стала смотрѣть на нихъ, слабо уясняя себѣ взаимныя отношенія этихъ людей, ей мало знакомыхъ... Она не то, что училась *думать*, она припоминала—соображать и помнить.. Пусть бы это были ея родители! И жестомъ призывая Столповскую къ себѣ, она просила ее наклониться и долго разсматривала ея увядшее лицо, свѣтящееся теперь сочувствіемъ къ больной, а не непріязнью. Потомъ она попросила ее.

— Поцѣлуйте меня.

И когда Столповская ее нѣжно поцѣловала, улыбнулась ей и стала смотрѣть на ея сына... Она пристально всматривалась въ его блѣдное, похожее съ матерью, лицо, въ его свѣтло-голубые глаза... Ея пристальный взглядъ вызвалъ на его щекахъ слабый румянецъ, напомнившій ей когда-то угадываемую ея женскимъ тактомъ любовь его къ ней, такъ жестоко попранную въ тотъ вечеръ, когда она впервые увидѣла своего теперешняго мужа. Она виновата передъ этимъ человѣкомъ, въ домѣ котораго нашла пріютъ—и какъ-бы выражая свое раскаяніе, невозможность на его любовь отвѣтить такою же любовью, протянула ему свою исхудалую и прозрачную руку:

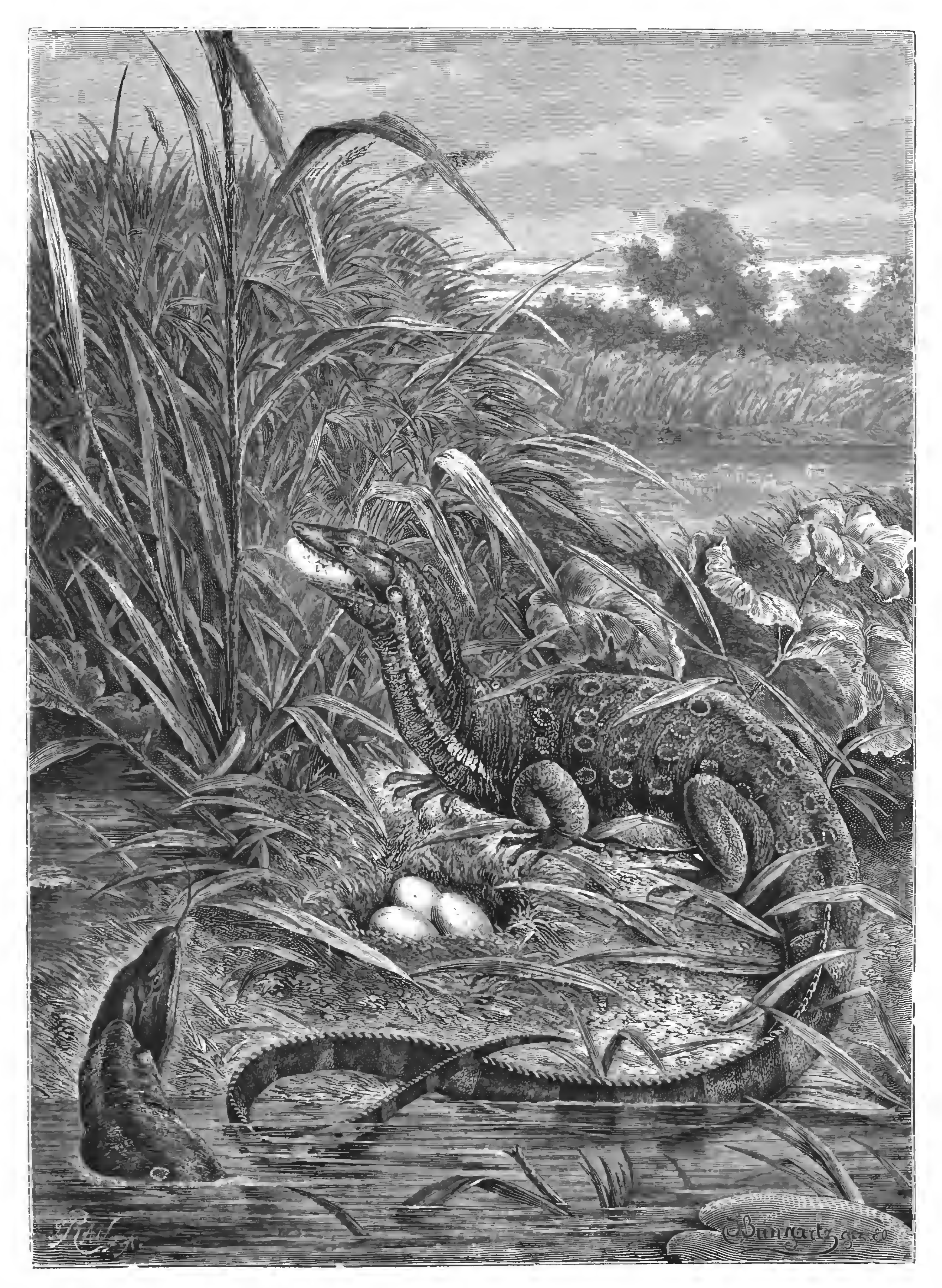
— Будьте мнѣ братомъ.

Батраковъ нашелъ, что она слишкомъ много разговариваетъ и счелъ за полезное увести всѣхъ изъ спальной, оставивъ при ней одного мужа. Теперь Батраковъ видѣлъ, что больная внѣ опасности и возвратился по этому къ своей обычной рѣзкости съ примѣсью ироніи и сарказма... Онъ строго обратился къ Катеринѣ Александровнѣ:

— Будетъ болтать... Чего малиновое то варенье съ засахареннымъ миндалемъ размазывать... Успѣете.. Спите.

И увелъ Столповскую съ сыномъ изъ комнаты больной.. Отъ слабости Катерина Александровна дѣйствительно вскорѣ закрыла глаза и уснула...

Въ томъ чуткомъ и легкомъ снѣ, которымъ она забылась, Катерина Александровна казалось продолжала начатый ею во время пробужденія процессъ припоминанія .. Посѣтившая ея воспаляющійся мозгъ, въ то время, когда она стояла передъ Литовской тюрьмой, прелестная мечта явилась ей теперь, какъ воспоминаніе, облекшись въ форму отчетливаго и яснаго сновидѣнія... Тотъ-же лугъ, покрытый кустами крупныхъ незабудокъ, разстилался передъ нею... Тѣже русыя, бѣлокурыя и темныя головки въ голубыхъ вѣнкахъ,—тѣ-же бѣгущія, рѣзвыя ножки, тѣже дѣтскіе голубые, сѣрые и черные глазки—видѣла она... также тихъ и лазуренъ былъ небесный сводъ и такой-же, какъ тогда, Милосердою стояла посереди луга Матерь Божія, одѣтая въ воздушный голубой хитонъ... Какія муки перенесла она, когда видѣла Великаго Учителя на крестѣ, стоя въ длинной, сѣрой одеждѣ,

Ящерица-Варанъ (Polidaedalis). Рис. Бунгартцъ, грав. Г. Рау.

ликомъ своимъ выдавая всѣ нестерпимыя страданія, которыми была исполнена Ея душа!.. Съ креста Онъ сказалъ Ей, указывая на любимаго ученика своего: се сынъ твой... Катерина Александровна долго и умиленно смотрѣла на Нее... И вотъ сновидѣніе начало блѣднѣть и изчезать, словно на сценѣ задергиваемая дымкой декорація...

Тогда она открыла глаза.

Какъ прежде, солнечные лучи трепетали перемежающимися полосами свѣта и тѣни по стѣнамъ, по полу, по потолку; голубое небо съ плывущими на немъ легкими бѣлыми облачками смотрѣло въ окно... Около нея сидѣлъ задумчивый и какъ бы опечаленный чѣмъ-то мужъ... Въ самомъ дѣлѣ—она обидѣла его... Она говорила со всѣми; но ему она не сказала слова привѣта... Не потому, чтобы она менѣе любила его; ахъ, никогда, никогда, любовь ея къ нему не уменьшалась, даже тогда, когда она бѣжала отъ него, оставляя его навсегда... Она бѣжала не оттого, что мало его любила, а потому, что желала жить въ его домѣ подругой его, а не купленной рабой... Но вѣдь онъ такъ страдалъ. Она вдругъ протянула ему руку и нѣжно взглянула на него:

— Я измучила тебя... прости...

Кроткое и милое дитя! *она* проситъ у меня прощенія!.. Моего прощенія!.. Покрывая поцѣлуями ея руку, онъ не выдержалъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Она остановила его:

— Не плачь... Я вижу любовь твою...

И намѣреваясь сказать еще что-то, отвлеклась и засмотрѣлась на молодую вѣтку свѣтло-зеленаго цвѣта, выросшую на темной зелени плюща, обвивающаго зеркало... Свѣтло-зеленые листочки, еще полуразвернувшіеся, блестѣли на солнцѣ... Она указала мужу на эту вѣтку...

— Сорви мнѣ...

Онъ сорвалъ и подалъ ей... Она долго разглядывала каждый листочекъ, и потомъ перевила этой вѣтвью длинную прядь волосъ, положила ее надъ лбомъ и возобновила разговоръ...

— Я приду къ тебѣ, но...

Онъ заранѣе готовъ былъ исполнить всѣ условія, какія-бы ни вздумалось ей предложить ему, только бы она стала къ нему, какъ была, прежняя...

— Говори, я исполню все... Но знаешь—я хочу еще сказать тебѣ... Знаю—ты оскорблена... Но какъ вѣдь это было...

Они тихо говорили. Вечерѣло, когда послѣдніе лучи озарили счастливыя лица мужа и жены... Онъ страстно цѣловалъ ея руки...

Вдругъ она вернулась, снова задумчивая, къ просьбѣ, которую хотѣла сказать ему:

— Ты богатъ... Мнѣ не надо много: ни выѣзжать, ни тратить на туалетъ, я не буду... Позволь мнѣ... или дай возможность...

И улыбнулась, чувствуя, что говоритъ не совсѣмъ складно...

— Я разучилась говорить, но все равно—ты поймешь меня... Видишь: есть массы дѣтей, такихъ же брошенныхъ и несчастныхъ, какъ я съ братомъ... Ты знаешь...

Онъ поспѣшилъ и не далъ ей договорить...

— Я знаю все...

Тогда она продолжала:

— Такихъ дѣтей масса... Но всѣ они не виноваты, мой милый?.. Иногда ихъ совсѣмъ бросаютъ, осуждаютъ на смерть и бросаютъ не отъ нужды часто...

Она остановилась и отерла выступавшіе на ея глазахъ слезы. Мужъ останавливалъ ее продолжать начатое:

— Я сдѣлаю все... Я на все согласенъ... Не говори такъ много... Тебѣ вредно...

— Нѣтъ я буду спокойнѣе, когда скажу все,—отвѣтила она,—скажу сейчасъ... Я хочу создать такое убѣжище для этихъ несчастныхъ дѣтей, куда бы приносили ихъ на воспитаніе... Я сама буду слѣдить за всѣмъ... Я призову себѣ для совѣта, какъ все это устроить, потому что многаго я сама еще не знаю, призову опытныхъ людей, возьму въ помощницы матерей, потерявшихъ мужей и дѣтей... Такъ вотъ...

Она протянула снова ему руку.

— Помоги мнѣ... Я не изъ за славы, не изъ за почета тутъ... а потому, что я сама—одна изъ такихъ несчастныхъ, брошенныхъ...

— Все что хочешь, мое счастье...

О, конечно онъ все сдѣлаетъ такъ, какъ желаетъ она... Все, все!.. Но, дорогая и неизмѣнно любимая жена, неужели, неужели ты не вырвешь съ корнемъ воспоминаніе о томъ, что въ недавнемъ прошедшемъ такъ глубоко оскорбило тебя?.. Слово, одно только слово скажи...

И затаивъ дыханіе, онъ услышалъ это желанное слово любви и прощенія...

КОНЕЦЪ.

Съ облаковъ на землю.

Разсказъ **Л. Дема.**

Въ мартѣ пятидесятаго года весь Парижъ чрезвычайно былъ занятъ воздушными путешествіями Пуатевена. Жадные до зрѣлищъ, парижане не видали еще ни разу такого отчаяннаго аэронавта.

Съ виду это былъ маленькій, щедушный человѣчекъ, съ необыкновенно добродушнымъ выраженіемъ лица и трудно было представить себѣ, какъ въ такой слабой оболочкѣ вмѣщается столько неустрашимости и энергіи.

Пуатевенъ два раза въ недѣлю поднимался съ Марсоваго поля, и всякій разъ придумывалъ что нибудь новое, чтобы отвлечь парижанъ отъ своего конкуррента—другаго воздухоплавателя—Годара, дававшаго представленія въ циркѣ.

Чтобы занять публику чѣмъ нибудь особеннымъ, Пуатевенъ вошелъ въ соглашеніе съ однимъ наѣздникомъ, имѣвшимъ громадную, воинственную фигуру и непомѣрные усы. Наѣздникъ этотъ по имени Леонардъ, былъ обѣднѣвшій антрепренеръ цирка. Изъ всего его четвероногаго персонала у него сохранилась только одна, очень хорошо выѣзженная бѣлая лошадь. Эта то лошадь, Мустафа—и ея владѣлецъ нашли себѣ пріютъ у спекулятора-воздухоплавателя.

Послѣ нѣсколькихъ дней заботливыхъ приготовленій, красныя афиши и огромными буквами набранныя объявленія возвѣстили публикѣ, что въ ближайшее воскресенье Пуатевенъ поднимется къ облакамъ верхомъ на бѣлой лошади. Билеты раскупались на расхватъ, и въ назначенный день на Марсовомъ полѣ столпились несмѣтныя толпы любопытныхъ.

Былъ прекрасный весенній день. Въ четыре часа пополудни шаръ былъ уже наполненъ и его гигантская масса медленно колыхалась при малѣйшемъ вѣтрѣ. Внизу не было обыкновенной лодки. Вмѣсто нея, по приказанію Пуатевена, была привязана небольшая платформа, футовъ восемь въ квадратѣ, окруженная рѣшеткой, вышиною не болѣе одного фута. Лошадь и шталмейстеръ находились тутъ же, и дивили публику, первая великолѣпно расшитымъ своимъ чепракомъ, а второй необыкновенно длинными усами.

Наконецъ, часамъ къ пяти, когда публики, заплатившей по 50 сантимовъ, набралось до 10000 человѣкъ, между тѣмъ какъ за оградой пристроилось столько же даровыхъ зрителей, появился, при шумныхъ рукоплесканіяхъ, знаменитый воздухоплаватель, одѣтый въ красный фракъ, бѣлые панталоны, сапоги съ отворотами и съ перьями на шляпѣ. Онъ сѣлъ на коня, которому шталмейстеръ завязалъ глаза шелковой повязкой, и въѣхалъ на платформу черезъ маленькую дверцу. Старая кляча, привыкла въ своей жизни къ самымъ разнообразнымъ страннымъ маневрамъ а потому, не смотря на повязку на глазахъ, повиновалась всаднику. Разъ только заржала она жалобно, точно предчувствуя несчастіе.

— Опускайте! скомандовалъ аэронавтъ.

Удерживающія шаръ веревки были отпущены и, величественно и плавно онъ сталъ подниматься.

Пуатевенъ заставлялъ поворачиваться лошадь во всѣ стороны. Публика была въ восторгѣ. Браво Пуатевенъ! Браво бѣлый конь! раздавались крики народа, въ особенности публики, пользовавшейся зрѣлищемъ безплатно. Но и тутъ какъ всегда нашелся недовольный. Одинъ толстый буржуа, смотря вверхъ, сказалъ:—удивляюсь право, какъ полиція не запретитъ подобное опасное и нелѣпое упражненіе; если лошадь взбѣсится и выскочитъ со своимъ всадникомъ, то конечно раздавитъ десятокъ—другой изъ публики.

Между тѣмъ слава о необыкновенныхъ представленіяхъ смѣлаго аэронавта разнеслась далеко, такъ что къ началу осени, нѣсколько Лондонскихъ антрепренеровъ прислали ему приглашеніе пріѣхать къ нимъ. Условія были такъ выгодны, что Пуатевенъ охотно на нихъ согласился.

Съ своимъ шаромъ, лошадью и пріятелемъ—шталмейстеромъ, поѣхалъ онъ сначала въ Калэ, затѣмъ на пароходѣ черезъ каналъ въ Дувръ и, наконецъ по желѣзной дорогѣ прибылъ въ столицу Англіи.

Здѣсь, на представленіяхъ его собиралось еще болѣе народа, чѣмъ во Франціи. Наплывъ публики, въ особенности любителей лошадей и спортсмэновъ, которыхъ такъ много въ Англіи, былъ такъ великъ, что Пуатевену оставалось только загребать деньги.

Во время третьяго представленія,—Пуатевену суждено было пережить странное приключеніе, только не среди облаковъ, а на плоской, прозаической землѣ.

Въ назначенный для представленія день, въ концѣ сентября, погода была весьма сомнительная; темныя тучи облегали горизонтъ, предвѣщая бурю. Вѣтеръ былъ сырой и рѣзкій. Сочли иные нужнымъ предостеречь маленькаго аэранонта; но ему не хотѣлось лишиться значительнаго дохода и лишить публику зрѣлища. Шаръ все-таки поднялся, при несмолкаемыхъ аплодисментахъ и крикахъ.

Но поднявшись саженъ на 200, шаръ попалъ подъ сильный напоръ вѣтра, который сталъ гнать его къ сѣверо-западу во внутрь страны. И это еще къ его счастью—иначе, если бы шаръ погнало къ востоку, онъ навѣрное погибъ бы въ волнахъ Сѣвернаго моря.

Постепенно вѣтеръ увеличивался и шаръ летѣлъ съ необыкновенною быстротою. Вскорѣ Лондонъ скрылся изъ глазъ Пуатевена.

— Однако это скверно, проговорилъ онъ про себя. Въ этотъ разъ будетъ трудно опуститься. Будь я одинъ, не бѣда, но жалко бѣднаго коня—не привыкъ онъ къ такому скорому движенію.

Онъ заставилъ лошадь лечь, покрылъ ее попоной, чтобы защитить отъ рѣзкаго вѣтра.

Повидимому Мустафа, у котораго по обыкновенію глаза были завязаны, чувствовалъ себя не хорошо. По временамъ онъ вздрагивалъ, какъ въ лихорадкѣ, тихо ржалъ и жалобно стоналъ.

Нужно было терпѣть, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ нечего было думать о спускѣ. Шаръ перелетѣлъ Виндзорскій лѣсъ.

— Пренепріятная вещь! продолжалъ Пуатевенъ говорить съ собою. Богъ знаетъ какъ далеко занесетъ въ этотъ туманный край и еще съ какими людьми придется имѣть дѣло. Самое скверное, что кромѣ нѣсколькихъ словъ, я ничего не знаю по англійски!

Время шло. Шаръ поднялся въ четыре часа а было уже шесть. Солнце закатывалось багровымъ кругомъ на западѣ, обдавая пурпуромъ тяжелыя тучи на горизонтѣ.

Въ этомъ чудесномъ вечернемъ освѣщеніи, шаръ продолжалъ свой путь; внизу на землѣ все темнѣло и предметы начинали сливаться. Къ счастію, съ солнечнымъ закатомъ, вѣтеръ немного стихъ.

— Теперь можно подумать и о спускѣ, проговорилъ аэронавтъ. Кажется внизу виднѣется поле или лугъ — мѣстность удобная. Должно быть невдалекѣ городъ или деревня.

Онъ открылъ клапаны, выпустилъ газъ и спустилъ якорь. Шаръ быстро началъ опускаться. Въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ земли, шаръ покачнулo и раздался трескъ. Оказалось, что якорь за что-то задѣлъ.

Газъ былъ совершенно выпущенъ и вскорѣ шаръ былъ на землѣ. Спускъ окончился благополучно и Пуатевенъ и лошадь сошли съ платформы. Предметъ, за который зацѣпился якорь, оказался повозкой пастуха, которая стояла посреди луга, простиравшагося, насколько можно было различить въ темнотѣ, на большое пространство. Но вблизи не оказывалось ни пастуха, ни собаки, ни стада. Вокругъ все было тихо и пусто.

— Проклятое положеніе, вскричалъ Пуатевенъ. Ну же, Мустафа, лѣнивое животное! поищи себѣ чего нибудь поѣсть а я сложу свой шаръ.

Насколько можно было безъ посторонней помощи, собралъ онъ свой шаръ, что заняло не мало времени. Темнота между тѣмъ увеличилась и спустился туманъ.

Вдругъ раздался лай собакъ, казалось, невдалекѣ.

— Вонъ тамъ должна быть деревня или покрайней мѣрѣ пастушья хижинка. Я слышу лай собаки.

Пуатевенъ привязалъ коня къ опрокинутой телегѣ, а самъ направился въ ту сторону, откуда раздавался лай.

Нѣсколько минутъ лай продолжался, потомъ вдругъ замолкъ. Въ темнотѣ Пуатевенъ не зналъ куда идти и въ добавокъ потерялъ дорогу къ коню и шару. Однако приходилось идти далѣе, чтобы согрѣться въ такую сырую ночь. Послѣ часовой ходьбы, онъ попалъ на сжатое поле и съ трудомъ перебравшись черезъ два-три забора, гдѣ-то вдалекѣ увидѣлъ свѣтъ. По всей вѣроятности тутъ было чье-нибудь жилище.

Дѣйствительно, вблизи видвѣлся одноэтажный домикъ. Приблизившись туда, онъ услышалъ снова лай цѣпной собаки. Вслѣдъ затѣмъ открылась дверь, въ которой показались два человѣка; у одного былъ зажженный фонарь.

— Кто тамъ, раздался голосъ старшаго. Молодчикъ кажется мнѣ подозрительнымъ. Іосифъ, дай мнѣ поскорѣе мое ружье.

— Напротивъ, мнѣ ничего такого не кажется. Это должно быть какой-нибудь клоунъ, замѣтилъ младшій.

Пуатевенъ былъ одѣтъ въ свой красный фракъ, который, вмѣстѣ съ остальнымъ одѣяніемъ, былъ сильно оборванъ при переправѣ черезъ заборы.

Воздухоплаватель не понималъ ни слова изъ того, что говорили эти люди. Нѣсколькими англійскими словами, которыя онъ отвратительно выговаривалъ и примѣшивалъ къ французской рѣчи, онъ старался объяснить имъ, кто онъ, что ему нужно и согласны ли они, за хорошія деньги, отыскать его лошадь и шаръ и отвезти его въ городъ.

Эти два человѣка—отецъ и сынъ—положительно не могли понять странную рѣчь незнакомца.

— Сдается мнѣ, это французъ, сказалъ отецъ. Да, да, это одинъ изъ тѣхъ проклятыхъ французовъ, которые убили еще дѣда моего подъ Ватерлоо. Чортъ бы ихъ побралъ!

— Отецъ! вскричалъ сынъ, ударяя себя по лбу, теперь я догадываюсь, что это за человѣкъ.

— Ну такъ кто же это?

— Сумасшедшій французъ, что сбѣжалъ изъ лечебницы доктора Бенета. Вчера объ этомъ писали въ газетахъ и за поимку больнаго обѣщано 10 фунтовъ стерлинговъ награды.

— Быть можетъ ты и угадалъ! Ишь, въ какомъ красномъ фракѣ и весь оборвавъ и глаза чисто сумасшедшіе...

— А вѣдь было бы недурно получить денежки?

— Это такъ и будетъ.—Ну-ка, господинъ французъ, пожалуйте мы васъ доставимъ доброму доктору Бенету; онъ на васъ надѣнетъ смирительную рубашку, что для васъ не лишнее. Успокойся любезный, не справишься! Подай-ка поскорѣе веревку!..

Сильный англійскій фермеръ схватилъ своими ручищами маленькаго воздухоплавателя, который, предполагая, что конечно попалъ къ разбойникамъ, началъ барахтаться и кричать. Но ничто не помогало. Его связали по рукамъ и по ногамъ и онъ очутился безпомощнымъ плѣнникомъ.

— Іосифъ, а который бы часъ могъ быть теперь?

— Не больше какъ десять часовъ.

— Тогда лучше всего сейчасъ же везти молодца и заполучить десять фунтовъ. Къ доктору Бенету и ѣзды то не больше часу.

— Я сейчасъ же запрягу.

Деревенская, тряская телѣга стояла на дворѣ: въ нее была впряжена старая кляча, затѣмъ старикъ взвалилъ Пуатевена въ телѣгу и помѣстился съ нимъ рядомъ; сынъ же, взявъ фонарь, взобрался на облучекъ править.

Сопровождаемая лаемъ цѣпной собаки, телѣга тронулась.

Въ раздумьи о своей плачевной участи, сильно встряхиваемый при толчкахъ, лежалъ Пуатевенъ на соломѣ. Двa его спутника обмѣнивались изрѣдка замѣчаніями, относящимися до возможно лучшаго употребленія ожидаемыхъ десяти фунтовъ.

Вскорѣ телѣга остановилась передъ воротами, продѣланными въ высокой стѣнѣ, вверху которой насажены были желѣзные гвозди. Если бы было свѣтло, то надъ воротами можно бы было прочесть надпись: „Домъ душевно-больныхъ, доктора Бенета.

Фермеръ соскочилъ съ телѣги и дернулъ за колокольчикъ.

Спустя нѣсколько минутъ на пескѣ дорожки раздались тяжелые шаги. Ворота были отперты и открыты.

— Кто тутъ? спросилъ приближаясь толстый человѣкъ; въ одной рукѣ у него была связка ключей, а въ другой—фонарь.

— Это я, Іонасъ, отвѣтилъ старый фермеръ. Я привозилъ медъ и муку для вашего заведенія.

— Да, теперь я узналъ васъ, Іонасъ. Что же вамъ нужно?

— Дома ли г-нъ докторъ?

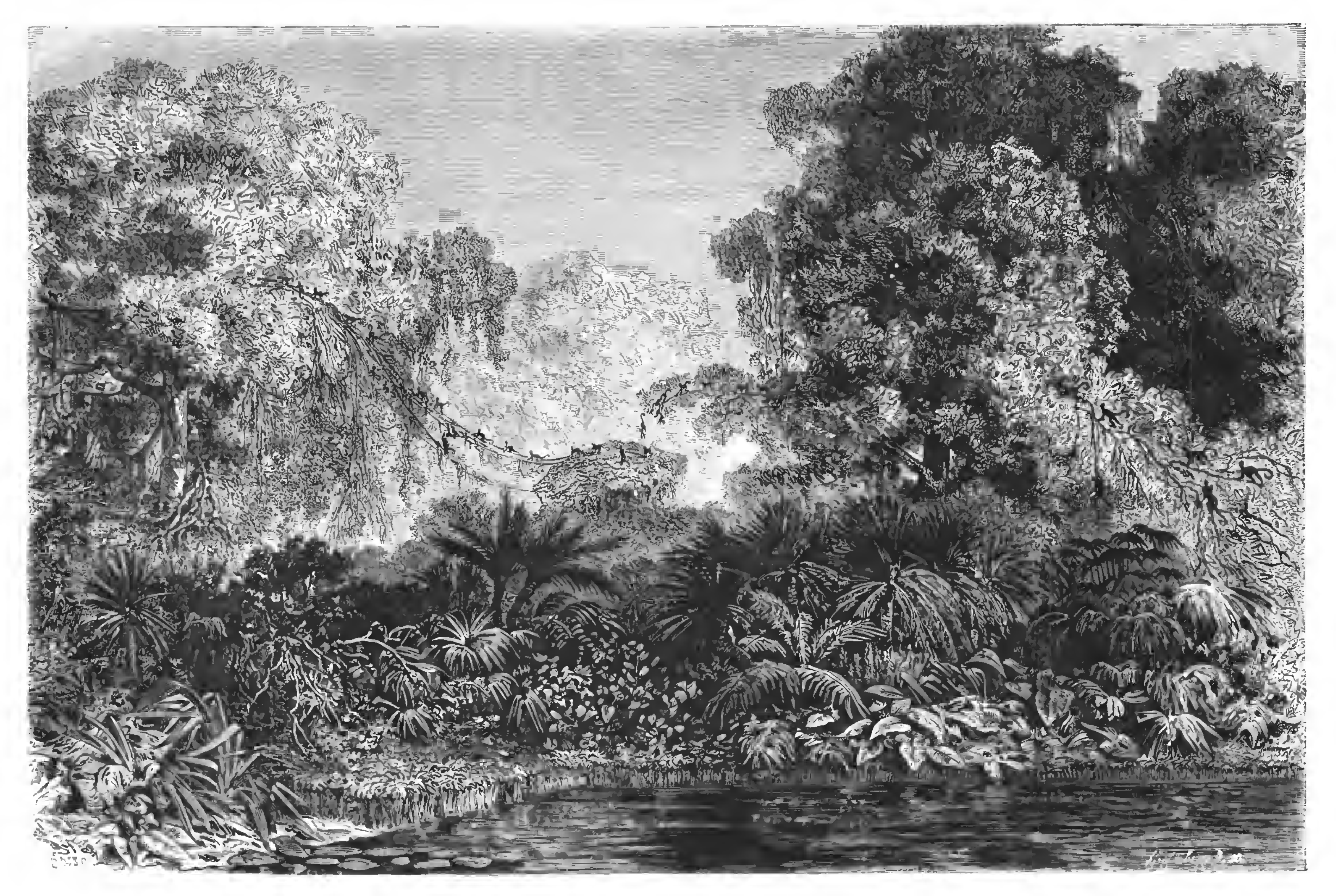
— Нѣтъ, уѣхалъ и вернется только завтра утромъ.

— А мнѣ такъ очень бы нужно поговорить съ нимъ. Сегодня я не привезъ вамъ меду, но за то привезъ сумасшедшаго француза, что сбѣжалъ отъ васъ на дняхъ.

— Какъ, вы не шутя поймали нашего сумасшедшаго?

— Да, съ часъ тому назадъ пришелъ онъ къ намъ но дворъ, набормоталъ намъ кучу глупостей, мы ничего не поняли. Тогда мы его забрали, и вотъ онъ тутъ. Времена-то нынче тяжки, и получить десять фунтовъ пріятно было бы, право!

— Покажите, гдѣ онъ.

Средняя Америка. Перекочевка обезьянъ въ Панамѣ. Рис. Доссо, грав. Гильдебрандъ.

Средняя Америка. Атратсія топи въ Панамѣ. Рис. Доссо, грав. А. Коль.

— Лежитъ тамъ на соломѣ.

— Этотъ маленькій человѣчекъ въ красномъ сюртукѣ?

— Ну да.

— Извините, старина Іонасъ, это не нашъ сбѣжавшій французъ!

— Вотъ это такъ штука. А я поклянусь, что онъ безумный!

— Но если вы не заплатите за него впередъ, то везите его обратно.

— Нѣтъ ли тутъ кого, кто бы могъ съ нимъ поговорить, я не понимаю его тарабарщины.

— Какъ-же, помощникъ доктора говоритъ по французски.

— Пожалуйста, позовите его сюда.

Тогда привратникъ два раза сильно дернулъ за звонокъ.

Прошло минутъ десять, появился худой и блѣдный господинъ съ очками на носу, пренепріятной и лукавой наружности.

— Уснуть не дадутъ, покою ни минуты! бормоталъ онъ, поправляя на ходу свое платье. Что тамъ приключилось? Я думалъ, что къ намъ ворвалась полиція и перепугался. Послѣднюю фразу онъ сказалъ про себя. Сторожъ вкратцѣ разсказалъ ему въ чемъ дѣло.

Тогда докторъ подошелъ къ телѣгѣ и заговорилъ съ связаннымъ Пуатевеномъ на очень плохомъ французскомъ языкѣ.

Услыша свой родной языкъ, Пуатевенъ вскочилъ точно ужаленный и тутъ же началъ съ свойственною французамъ живостью, длинное разъясненіе, которое тѣмъ не менѣе, не принесло никакой пользы, такъ какъ докторъ вовсе не слышалъ о существованіи знаменитаго аэронавта и о его воздушныхъ путешествіяхъ на конѣ.

— Вѣрно! обратился онъ къ привратнику. Это сумасшедшій. Насколько я могу понять, онъ разсказываетъ разныя небылицы о какомъ-то конѣ, запряженномъ въ шаръ, на которомъ онъ хочетъ ѣхать по воздуху. Должно быть это и есть пунктъ его помѣшательства. По всей вѣроятности это бѣглецъ изъ заведенія доктора Плюмкета, около Виндзора. Изъ любезности къ Плюмкету, который оказалъ намъ уже однажды услугу, слѣдуетъ помѣстить его у насъ, пока дѣло не объяснится.

— Вы думаете, докторъ, что директоръ будетъ этимъ доволенъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— А какже будетъ съ наградой въ десять фунтовъ стерлинговъ, спросилъ Іонасъ Смитъ.

— Денегъ мы не можемъ вамъ выдать, обратитесь за ними къ доктору Плюмкету. Если же вы не хотите оставить у насъ больнаго, то везите его сами въ Виндзоръ.

— О нѣтъ, ѣхать туда такъ далеко! Мы его оставимъ здѣсь у васъ. Идите-ка сюда, вы, французъ! Вы тутъ остаетесь!

Съ помощью привратника, Пуатевенъ былъ снятъ съ телѣги и частью освобожденъ отъ веревокъ. Его втащили затѣмъ во дворъ, послѣ чего бывшіе его спутники уѣхали.

— Куда только мы помѣстимъ его? спросилъ привратникъ.

— Пока его можно отвезти въ комнату сбѣжавшаго его соотечественника. Это единственное свободное помѣщеніе въ настоящую минуту. Завтра, когда докторъ пріѣдетъ, мы подумаемъ что съ нимъ дѣлать.

Пріютъ доктора Бенета для душевно-больныхъ помѣщался въ новомъ прекрасномъ зданіи, выстроенномъ изъ краснаго кирпича въ два этажа, съ двумя боковыми флигелями, маленькимъ садикомъ, окруженнымъ высокою стѣною.

Маленькій воздухоплаватель напрасно кричалъ, жаловался и сопротивлялся. Онъ почти потерялъ сознаніе и отъ страха и досады дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Что это могли быть за люди, которые въ свободной Англіи посягали на его личную свободу? Этого онъ себѣ никакъ не могъ объяснить. Ему приходили въ голову разбойники, убійцы, тайные торговцы невольниками и другія страшныя вещи.

Вдругъ изъ лѣваго флигеля раздался ужасающій, какой-то звѣрскій ревъ, которому отвѣтили съ другой стороны страшнымъ, потрясающимъ душу, смѣхомъ безумія.

Отъ этихъ звуковъ волосы на головѣ Пуатевена поднялись дыбомъ; онъ навѣрное бы упалъ, если бы сильная рука привратника не поддержала его во время.

— Всемогущій Боже! пронеслось у него въ головѣ, меня считаютъ сумасшедшимъ! Я въ домѣ умалишенныхъ!

Къ счастію онъ тотчасъ сообразилъ, что подобное недоразумѣніе должно скоро объясниться и что въ настоящемъ его положеніи всего лучше будетъ оставаться спокойнымъ.

Поэтому онъ сейчасъ же перемѣнилъ обращеніе; замѣтя это привратникъ проговорилъ,—да, да, это всегда такъ бываетъ! Какъ только эти упрямыя головы попадаютъ въ область смирительныхъ сорочекъ и холодныхъ душъ, они опять спокойны и послушны.

Онъ ввелъ Пуатевена въ комнату, гдѣ кромѣ одной кровати и двухъ стульевъ ничего болѣе не было. Пуатевенъ знаками показалъ привратнику, что ему хочется ѣсть и пить. Тогда тотъ принесъ ему кружку воды и кусокъ хлѣба съ масломъ. Такимъ образомъ мнимый сумасшедшій остался совершенно одинъ.

Въ печальныхъ размышленіяхъ Пуатевенъ провелъ длинную ночь, при чемъ не столько думалъ о себѣ, сколько о несчастномъ конѣ и дорогомъ шарѣ, оставшихся на лугу. Когда разсвѣло, онъ старался убить время, осматривая свою келью и отыскивая слѣды своего предшественника. Такимъ образомъ онъ вскорѣ нашелъ въ стѣнѣ, крѣпко свернутый листокъ бумаги, который онъ и сталъ читать. Листокъ бумаги, по всей вѣроятности, былъ вырванъ изъ какой нибудь книги. На немъ было написано по французски и англійски слѣдующее:

„Имя мое Стефанъ Жираръ, я французскій купецъ, мнѣ пятьдесятъ лѣтъ. Двадцать лѣтъ я живу въ Лондонѣ, гдѣ у меня была винная торговля въ Гольборнѣ № 909. Жена моя англичанка. Елена Томсонъ принесла мнѣ въ приданое большое состояніе, доставшееся ей по наслѣдству. Послѣ ея смерти, родственники ея, съ помощью безсовѣстнаго моего домашняго доктора Банкрофта, объявили меня сумасшедшимъ и запрятали меня въ заведеніе доктора Бенета, гдѣ я мучусь уже болѣе двухъ лѣтъ. Между тѣмъ я совершенно здоровъ. Кто найдетъ этотъ листокъ, прошу отдать его французскому посольству въ Лондонѣ или присяжному стряпчему г. Скотту, живущему на Руссель-Скверѣ.“ Внизу выставлено было число. Записка была писана только нѣсколько дней назадъ.

Пуатевенъ пришелъ въ ужасъ, читая это. Затѣмъ онъ бережно спряталъ записку въ карманъ.

— И такъ одинъ несчастный французъ уже ранѣе меня мучился въ этомъ проклятомъ мѣстѣ. Замѣтка эта приготовлена должно быть, чтобы когда представится удобный случай передать ее кому нибудь, Я буду повѣреннымъ несчастнаго. Онъ не болѣе безуменъ какъ и я, но какъ долго онъ страдалъ! Что если и со мною будетъ тоже. Тогда я не выдержу и трехъ дней и въ самомъ дѣлѣ сойду съ ума.

— Такъ это одно изъ тѣхъ ужасныхъ мѣстъ, гдѣ совершенно здоровые люди признаются сумасшедшими. Первой моей заботой, послѣ моего освобожденія, будетъ доставить удовлетвореніе моему несчастному соотечественнику. Клянусь торжественно!

Онъ не ошибался. Это было одно изъ частныхъ заведеній, хозяева которыхъ изъ собственныхъ выгодъ держатъ иногда мимо помѣшанныхъ, запрятанныхъ туда съ помощью разныхъ обмановъ, съ цѣлью завладѣть ихъ состояніемъ или съ другою какою нибудь неблаговидною цѣлью. Въ Англіи этотъ ужасный промыселъ существуетъ, о немъ было одно время много говорено въ мѣстныхъ газетахъ и брошюрахъ.

На слѣдующее утро, къ заведенію подъѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ докторъ Бенетъ, хозяинъ и директоръ лечебницы, пожилой человѣкъ, съ черными бакенбардами, повидимому умный но лукавый человѣкъ.

Съ нимъ былъ и убѣжавшій душевно больной, французскій купецъ Стефанъ Жираръ, котораго онъ привезъ въ свое заведеніе.

— Клянусь Эскулапомъ, воскликнулъ его помощникъ, выходя къ нему на встрѣчу, я очень радъ, что этотъ молодецъ снова тутъ! Его бѣгство надѣлало бы намъ не мало хлопотъ. Теперь слѣдуетъ стеречь его получше.

— Понятно, отвѣчалъ докторъ Бенетъ. Ужъ и теперь онъ мнѣ не мало стоитъ!

— Гдѣ вы его достали?

— Въ Лондонѣ; его тамъ словили родственники его покойной жены, которымъ я телеграфировалъ. По счастію, его повѣреннаго Скотта не было въ Лондонѣ и онъ съ нимъ не видѣлся. Эй Гиббонъ! примите больнаго, да не обращайте вниманія на его болтовню!.. Ничего не случилось въ мое отсутствіе?

— О какже! вскричалъ помощникъ доктора.

И онъ подробно разсказалъ о пріѣздѣ Іонаса, какъ тотъ привелъ сумасшедшаго въ красномъ фракѣ. Безумный должно быть сбѣжалъ отъ доктора Плюмкета,—онъ все болтаетъ о какихъ то воздушныхъ путешествіяхъ на коняхъ.

— Но это можетъ быть и недоразумѣніе, замѣтилъ докторъ Бенетъ. Вѣдь онъ французъ?

— Да.

— Вотъ бѣда! Это должно быть Пуатевенъ, извѣстный воздухоплаватель, который вчера только поднялся съ своимъ конемъ. Вѣроятно онъ спустился со своимъ шаромъ въ этой мѣстности. Гдѣ онъ? мнѣ нужно его сейчасъ видѣть.

— Мы его помѣстили въ келью Жирара.

— Онъ ничего не знаетъ про своего соотечественника?

— Да откуда же ему знать—онъ не понимаетъ ни слова по англійски.

— Это было бы для насъ большое несчастіе. Пойдемъ къ нему сейчасъ.

Психіатры или вѣрнѣе торговцы совѣстью, отправились къ Пуатевену.

Докторъ Бенетъ говорилъ хорошо по французски. Онъ выразилъ глубокое сожалѣніе о несчастномъ недоразумѣніи, къ которому онъ лично совершенно непричастенъ. Чтобы вознаградить, хотя нѣкоторымъ образомъ, Пуатевена за перенесенныя мученія, директоръ предложилъ ему хорошій завтракъ, который аэронавтъ по возможности старался сократить, и ушелъ подъ тѣмъ предлогомъ, что безпокоится о своемъ шарѣ и конѣ.

Его проводили до ближайшей деревни, гдѣ жилъ отставной

офицеръ, говорящій хорошо по французски. При любезномъ содѣйствіи этого офицера были наняты люди отыскать шаръ и коня, которые и оказались невредимы.

Воздухоплаватель вернулся въ Лондонъ, и немедленно отправился во французское посольство и къ повѣренному Скотту, предъявивъ имъ записку, найденную въ домѣ умалишенныхъ.

Были сдѣланы надлежащіе розыски; докторъ Бенетъ и его помощники арестованы. Стефанъ Жираръ и нѣкоторые другіе, были освобождены изъ своей тюрьмы. Всѣ соучастники доктора Бенета судомъ были осуждены.

Пуатевенъ еще нѣсколько разъ поднимался со своимъ конемъ въ Регентс-паркѣ, но только уже въ тихую погоду.

Погибающіе.

(Изъ Беранже).

Я знаю, любишь ты, задумчивый, сидѣть
На взморьѣ въ тихую и ясную погоду
И словно въ зеркало, мечтательно глядѣть
Въ посеребренную небеснымъ блескомъ воду.

* * *

Но въ эти сладкія мгновенія—хоть вздохъ
Даришь-ли иногда ты памяти несчастныхъ,
Что были бурею застигнуты врасплохъ,
Вдали отъ пристани? Въ тяжелыхъ и напрасныхъ

* * *

Усиліяхъ достичь спасительной земли,
Уже покрытые смертельною волною,
Они другимъ еще указывать могли
На пристань дальнюю слабѣющей рукою.

В. Лихачевъ.

Къ рисункамъ.

Бабушкины сказки.

(Рисунокъ Н. Загорскаго).

Съ какимъ жаднымъ вниманіемъ обращены всѣ эти дѣтскія личики къ бабушкѣ, которая разсказываетъ такія страшныя и интересныя сказки! И Баба-Яга—костяная нога, которая такъ безжалостно хочетъ съѣсть Иванушку,—что съѣстъ она его или нѣтъ? И какая радость при неожиданной и счастливой развязкѣ... И эти девять волковъ-оборотней, которые въ зимней ночи выходятъ на добычу—и одинъ изъ нихъ хромой. Идутъ они, идутъ—ой страсти какія! И въ тотъ вечеръ, заснувъ на палатяхъ подъ теплыми полушубками, долго будутъ ребятки шептаться о бабушкиныхъ сказкахъ и весело смѣяться, припоминая, какъ Иванушка обманулъ Ягу и вздрагивать въ жуткомъ страхѣ, увидя во снѣ, какъ несется въ своей ступѣ эта Баба-Яга въ туманномъ облакѣ...

Бояринъ Морозовъ передъ Грознымъ.

(Рис. И. Земцова).

Извѣстный каждому сколько нибудь читающему русскому, имѣвшій огромный успѣхъ и выдержавшій нѣсколько изданій, романъ графа А. К. Толстаго „Князь Серебряный" романъ эффектный и обличающій крупный талантъ автора, не разъ давалъ темы для картинъ и рисунковъ нашихъ художниковъ. Какъ въ извѣстной драмѣ «Смерть Іоанна Грознаго» такъ и здѣсь, все таже загадочная—съ одной стороны кроваво-жестокая, съ другой блестяще-даровитая и художественная — личность Грознаго Царя занимаетъ автора. Напомнимъ здѣсь одну изъ самыхъ блестящихъ сценъ указаннаго романа, которую иллюстрировалъ нашъ художникъ.

Царь, за своимъ пиромъ, взбѣшенный отказомъ боярина Морозова сѣсть ниже Годунова, велитъ на него надѣть шутовской кафтанъ и колпакъ съ погремушками—„такъ какъ ты я вижу шутникъ" прибавляетъ царь. Морозовъ пораженъ такимъ оскорбленіемъ его, стараго заслуженнаго человѣка. Сперва онъ проситъ царя отмѣнить приказъ, говоря что „въ животѣ его онъ воленъ, но въ чести его не воленъ никто!" Но когда его одѣваютъ насильно, онъ встаетъ близъ Царя и гремитъ противъ его беззаконій обличительною рѣчью. Потѣшу же я тебя! говоритъ онъ.

— Какихъ шутокъ тобой не перешучено на Руси! гремитъ Морозовъ—кровью обрызганный ты пѣлъ и звонилъ! Такія потѣхи кому выдумать. Но знай: пока ты съ опричиной своей въ машкерахъ пляшешь, къ заутрени звонишь, да потѣшаешься—наступитъ съ заката Жигимонтъ, найдетъ съ полуночи Чудь а съ полудня и съ восхода подымется Ханъ! Нахлынетъ орда на Москву и не будетъ воеводъ отстаивать святыни Господней! Запылаютъ храмы Божіи, настанутъ опять Батыевы времена! И будешь ты въ ноги кланяться хану и стремя его цѣловать!

Никто не прерывалъ его рѣчи. У всѣхъ захватило дыханье. Царь слушалъ, наклонясь впередъ, блѣдный, съ пылающими очами. Никто не рѣшался взглянуть на царя....

— Въ тюрьму, тихо сказалъ царь, беречь, кормить его, не пытать, не трогать - вы отвѣчаете мнѣ за него головой....

Эта сцена и изображена нашимъ художникомъ.

Морозовъ вскорѣ былъ торжественно казненъ въ Китай-городѣ на торговой площади.

Ящерица Варанъ.

(Polidaedalis).

Къ породѣ чешуйчатыхъ, къ которымъ относится и всѣмъ намъ извѣстная бойкая, красивая ящерица, принадлежитъ также животное, которое представлено на нашей картинкѣ; это особый родъ водяной ящерицы, такъ наз. Варанъ (по арабски „ящерица") очень подходящей по виду къ нѣкоторымъ породамъ крокодиловъ. Животное это отличается отъ своихъ сородичей чрезвычайно сильнымъ, упругимъ хвостомъ, длинными зубами и выдающимися у угловъ пасти большими ноздрями. Верхняя часть его гибкаго тѣла вся въ черныхъ пятнахъ, расположенныхъ рядами по желтому фону; вдоль боковъ идутъ черныя же и бѣлыя полосы, нижняя часть сѣроватаго цвѣта. Варанъ, достигающій 6 фут. длины, встрѣчается на Зундскихъ, Филиппинскихъ и Молукскихъ островахъ, а также въ Остъ-Индіи, въ Сіамѣ, Китаѣ и на Цейлонѣ. Это животное туземцы нерѣдко смѣшиваютъ съ крокодиломъ; днемъ ящерицы эти подползаютъ обыкновенно къ береговымъ деревьямъ, подъискиваютъ тамъ птичьи гнѣзда, ѣдятъ птичьи яйца, птенцовъ и маленькихъ ящерицъ. Въ случаѣ же неожиданной опасности, животное немедленно бросается въ воду. Не довольствуясь яйцами, искусно отыскиваемыми имъ въ самыхъ потаенныхъ гнѣздахъ, скрытыхъ въ прибрежныхъ тростникахъ, Варанъ пробирается часто на птичьи дворы и тамъ похищаетъ куръ и цыплятъ; отъ людей животное это убѣгаетъ, стремясь какъ можно скорѣе добраться до воды; будучи же застигнуто на дорогѣ, защищается отважно, употребляя при этомъ въ дѣло свои сильные когти, острые зубы и раздавая во всѣ стороны удары сильнымъ хвостомъ. Мясо животнаго чрезвычайно вкусно, яйца же въ особенности нѣжны и отличаются отъ птичьихъ тѣмъ, что бѣлокъ ихъ въ кипяткѣ не свертывается. Магометане не употребляютъ въ пищу ни мяса этаго животнаго ни яицъ; точно также пренебрегаютъ ими и высшія индѣйскія касты; но низшія— охотятся на варановъ и съ большимъ удовольствіемъ ѣдятъ. Туземцы относятся съ суевѣрнымъ страхомъ къ неожиданной встрѣчѣ съ этимъ животнымъ: приключится отъ этаго болѣзнь, смерть, словомъ какое нибудь несчастіе. Есть мнѣніе что варанъ ярый врагъ крокодила, котораго яйца уничтожаетъ, но насколько это справедливо нельзя сказать утвердительно.

На Панамскомъ перешейкѣ.

(Два рис. Доссо, стр. 764 и 765).

Панамскій перешеекъ или Дарьенъ, связывающій Южную Америку съ Сѣверной, въ послѣднее время былъ предметомъ оживленнаго интереса, благодаря грандіозному проекту Лессепса, пока еще не приведенному въ исполненіе—прорытія Панамскаго канала. Перешеекъ этотъ въ наиболѣе узкомъ мѣстѣ шириною всего въ 6 миль и повидимому съ этой стороны не представлялъ бы затрудненій для предположенныхъ Лессепсомъ работъ, но страна очень гориста, что мѣшаетъ прямому направленію канала.

Перешеекъ этотъ составляетъ часть Новогренадской республики. Характеръ мѣстности—плоскія саванны—луга съ высокой травой—пересѣкаемые отдѣльными группами каменистыхъ горъ, по рѣкамъ огромные, вѣковѣчные лѣса а на сѣверѣ, въ Атрато, есть обширныя пустынныя топи. Климатъ умѣренный, чрезвычайно ровный и пріятный. Солнце не жжетъ такъ невыносимо какъ въ другихъ странахъ Южной Америки. Способъ путешествія по странѣ: или по рѣкамъ на такъ называемыхъ „пирогахъ" длинныхъ лодкахъ или на мулахъ, на которыхъ перевозятся грузы; впрочемъ по большей части въ узкихъ, непроходныхъ мѣстахъ грузы эти переносятся людьми по лѣснымъ тропинкамъ. М. Реклю, бывшій въ Панамѣ въ 1878 году, издалъ очень интересное описаніе своего путешествія.

„Послѣ долгаго плаванія по рѣкѣ, среди тропическаго огромнаго лѣса, говоритъ путешественникъ, когда мы перевалили за послѣднюю гать, характеръ мѣстности сталъ замѣтно измѣняться—она стала болѣе плоскою, весьма чувствительная, непріятная сырость прохватывала сильно и густые тяжелые туманы къ вечеру становились кругомъ. Мы приближались къ обширнымъ Атратскимъ топямъ. Когда мы ѣхали среди тропическаго лѣса, сквозь переплетшіяся ліаны, висящія по деревьямъ гирлянды плюща и ползучихъ растеній, иногда видны

были птицы, обезьяны—раздавались ихъ крики. Здѣсь же сквозь громадные папоротники глазъ свободно проникалъ въ пространство и какое мрачное, давящее впечатлѣніе производитъ эта угрюмая, ненарушаемая ни однимъ звукомъ, тишина! „Пирога“ наша скользитъ безшумно по узкой полосѣ рѣки, окруженной безконечными болотами съ ихъ гигантскою растительностью, пронизанною лучами полуденнаго солнца. Мѣстами, чтобы пробраться, мы должны рубить мокрые стволы папоротниковъ и они погружаются съ глухимъ шумомъ въ вонючую, темную, стоячую жидкость болота и тогда надъ нами поднимаются, потревоженные, тучи москитовъ и комаровъ и большихъ отвратительныхъ пауковъ, раскинувшихъ повсюду свои густыя сѣти. Насилу выбрались мы изъ этихъ мѣстъ, на которые природа какъ бы положила печать проклятія“...

„Когда мы выбрались по рѣкѣ Лома Вейя на нѣкоторый просторъ, говоритъ далѣе Реклю, вниманіе наше было поражено оригинальнымъ и любопытнымъ зрѣлищемъ: среди могучихъ деревьевъ, по гибкимъ плетямъ и гирляндамъ ліанъ, длинною правильною вереницею тянулись стада обезьянъ. Каждая порода, по словамъ туземцевъ, имѣетъ свои особыя мѣста жительства, свои воздушные пути. Если истощаются запасы въ одномъ мѣстѣ, они перекочевываютъ на другое, у каждаго стада есть свои вожаки и все это съ неумолкаемымъ щелканьемъ и тревожными быстрыми вскрикиваніями, несется съ необычайною ловкостью и быстротою своимъ воздушнымъ путемъ“...

Эти два эпизода путешествія Реклю и изображены талантливымъ Боссе на нашихъ рисункахъ.

Русскій Сцевола.

(Статуя Демутъ-Малиновскаго).

Василій Ивановичъ Демутъ-Малиновскій (род. 1779 г.) былъ однимъ изъ выдающихся нашихъ скульпторовъ первой половины текущаго столѣтія. Всѣ его многочисленныя работы отличаются большимъ вкусомъ и при всемъ строго классическомъ направленіи тогдашней нашей скульптуры, въ нихъ иногда пробивается живая, народная жилка. Этими качествами жизненности и народности обладаетъ и извѣстная его круглая статуя „Русскій Сцевола“ представленная па нашемъ рисункѣ. Статуя эта была выполнена Демутъ-Малиновскимъ въ 1813 году и доставила ему званіе профессора. Тема была подсказана художнику недавними тогда событіями отечественной войны; а именно разсказомъ о геройскомъ подвигѣ одного крестьянина, который узнавъ, что французы заклеймили ему руку, съ цѣлью завербовать его въ службу Наполеона, схватилъ топоръ и отрубилъ ее по самый локоть. Энергическая фигура атлета—крестьянина, замахивающагося топоромъ, чтобы отрубить предательскую руку, вполнѣ удалась художнику и вышла у него жизненна и прекрасна. Другія талантливыя скульптурныя работы Демутъ-Малиновскаго были выполнены имъ преимущественно съ цѣлью служить орнаментами разныхъ общественныхъ зданій Петербурга; такъ онъ увѣнчалъ колесницей арку Главнаго Штаба; имъ вылѣплены два огромные быка, поставленные у входа въ скотопригонный дворъ; онъ исполнилъ барельефы для церкви Спб. Семинаріи, для фасада Имп. Пуб. Библіотеки. Ему же принадлежатъ какъ проэктъ такъ и выполненіе большаго числа воздвигнутыхъ въ его время памятниковъ и между прочимъ памятниковъ Царю Михаилу Федоровичу и Сусанину, св. Владиміру и князю Барклаю-де-Толли—на мызѣ Бекгофъ около Дерпта.

Демутъ-Малиновскій скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, въ званіи ректора Академіи Художествъ, 16 Іюля 1846 года.

Политическое обозрѣніе.

Порта и державы.—Македонская лига и князь Болгарскій.—Зарождающееся единеніе славянъ.—Румынія.—Отставка Фрейсинэ.—Испанія.

Не смотря на всю очевидную невозможность дальнѣйшаго сопротивленія волѣ Европы, Порта продолжаетъ прибѣгать къ всевозможнымъ изворотамъ, чтобы только оттянуть сдачу Дульциньо. Державы, какъ мы уже сообщали, объявили Портѣ, что согласны на уступку Черногоріи одного этаго порта безъ Диноша и Груды, но съ тѣмъ, чтобы сдача послѣдовала немедленно. Турецкое правительство, и на этотъ разъ, вѣрное обыкновенію своему, придумало новый поводъ къ замедленію. Оно отвѣтило, что „готово“ (!) передать Дульциньо, но предлагаетъ державамъ, предварительно, опредѣлить границы уступаемой территоріи и съ этой цѣлью приступить къ новымъ переговорамъ. Турція, какъ видимъ, нисколько не стѣсняется испытывать терпѣніе Европы.

Правда и то, что лига уже давно вышла изъ полнаго повиновенія создавшей ее Порты, а теперь она пріобрѣла, къ тому же, еще болѣе силы, опираясь на возбужденный патріотизмъ мусульманскаго населенія оттоманской имперіи. Вотъ, напримѣръ, что происходитъ въ Скутари. Турецкое начальство оставляетъ комитетъ албанской лиги спокойно засѣдать въ зданіи турецкой народной школы и ни мало не препятствуетъ ему въ дѣятельности его. Рѣшеніе комитета направить войско въ Дульциньо было объявлено всенародно, при громкихъ кликахъ мусульманъ. Генералъ-губернаторъ (Османъ-паша) не запретилъ даже народнаго собранія, на которомъ шелъ вопросъ о размѣрѣ новаго военнаго контингента отъ города Скутари, на собраніи, между прочимъ, произносились пламенныя рѣчи противъ „безбожной Порты“. На слѣдующій же день и было дѣйствительно отправлено въ Дульциньо 400 человѣкъ. Почти все мусульманское населеніе города провожало „защитниковъ родины“, причемъ салютовали имъ ружейными выстрѣлами, ни одинъ жандармъ не воспротивился шумной демонстраціи этой. Изъ Кальнапделена прибыли 300 албанцевъ, и имъ былъ устроенъ радушный пріемъ, съ торжественнымъ угощеніемъ; на слѣдующій день они тоже отправились въ Дульциньо и ни военныя, ни гражданскія власти не обратили на это вниманія. Дульциньо приведено на военное положеніе, лавки закрыты, все мужское населеніе подъ ружьемъ, дѣти, старики и женщины отправлены въ Скутари. Машура Планина занята албанцами послѣ того, что турецкіе редифы удалились оттуда; полъ-баталіона побратались съ лвгерами. Командующій войсками въ Дульциньо держитъ себя совершенно такъ же, какъ и скутарійское начальство. Мало всего этаго: увѣряютъ будто недавно султанъ переслалъ 3 милліона франковъ вождямъ лиги, чрезъ зятя Абеддина-Паши, Кіазитъ бея. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о демонстраціи сообщаютъ, что адмиралу Сеймуру предоставлено, въ случаѣ необходимости, бомбардировать Дульциньо. Сверхъ того, для того, чтобы гарантировать салидарность дѣйствій демонстрирующихъ державъ, всѣ посланники ихъ подписали въ Константинополѣ особый актъ, названный „acte de désinteressement“, которымъ обязались не преслѣдовать, каждый съ своей стороны, отдѣльныя цѣли. Македонская лига снова начала дѣятельность свою. Депутація ея являлась Князю Александру. Президентъ лиги Діамантовичъ, находившійся въ составѣ депутаціи, произнесъ краткую рѣчь, на которую князь могъ, конечно, дать нѣсколько уклончивый отвѣтъ, сказавъ однако, что „прозьба македонскихъ братьевъ о защитѣ упала не на безплодную почву“ Помня священныя обязанности, лежащія на мнѣ, продолжалъ князь, я сдѣлаю все, зависящее отъ меня и употреблю всѣ законныя средства для освобожденія братьевъ. Отрадно видѣть, что молодой государь Болгаріи столь быстро съумѣлъ освоиться съ взглядами своего славянскаго княжества, своихъ славянскихъ подданныхъ! Отрадно слышать эти свободныя слова въ странѣ, недавно еще безмолствовавшемъ подъ ярмомъ тяжелаго ига турокъ! Да, нынѣ уже не тѣ обстоятельства, не тѣ уже и славяне. Патріотическій отвѣтъ князя Александра послужилъ сигналомъ для образовавшихся по всей странѣ комитетовъ, которые съ удвоенной энергіей, принялись за выполненіе задачи своей. Въ ближайшемъ будущемъ имѣется въ виду цѣлый рядъ народныхъ собраній. Предводитель македонскаго восстанія и нынѣшній видный дѣятель лиги, Карлъ Вальтеръ, занятъ обученіемъ и организаціей отряда добровольцевъ, состоящаго изъ 2 тысячъ челов., съ 12-ю воеводами. Онъ изготовилъ военную инструкцію и вполнѣ выработалъ планъ устройства подлежащихъ оккупацій мѣстностей. Недавно, между однимъ изъ македонскихъ отрядовъ и турками произошло во время рекогносцировки столкновеніе, первый отступилъ въ горы.

Все больше и больше сѣется семянъ солидарности между Балканскими славянами. Повидимому отношенія между Болгаріей и Сербіей начинаютъ скрѣпляться. Сербскій дипломатическій агентъ при болгарскомъ дворѣ, Савва Груичъ, недавно былъ приглашенъ въ Бѣлградъ. По возвращеніи оттуда онъ прямо отправился въ Филиппополь. Поѣздка эта объясняется слѣдующимъ образомъ. Впродолженіи уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ уже извѣстно читателямъ нашимъ, между Болгаріей и Сербіей происходитъ обмѣнъ сношеній, имѣющихъ цѣлью установленіе болѣе тѣснаго сближенія. Съ болгарской стороны были сдѣланы Сербскому княжеству кое-какія уступки. уже прежде желавшіяся правительствомъ князя Милана. Сербія, обѣщавъ содѣйствовать Болгаріи въ томъ случаѣ, если, какъ надо ожидать, великоболгарскій вопросъ станетъ на надлежащій путь, пожелала удостовѣриться на мѣстѣ о данныхъ успѣха, о томъ, до какой степени подготовлено уже дѣло въ Румеліи. Отсюда—и поѣздка Груича въ Филиппополь. Само собою, нашъ военный агентъ въ Румеліи и генеральный консулъ оказали дружескій пріемъ сербскому агенту. Съ глубокимъ сочувствіемъ слѣдимъ мы за этимъ зародышемъ будущаго всеславянскаго единенія. Говоримъ — всеславянскаго, потому что несомнѣнно оно не можетъ ограничиться предѣлами Балканскаго полуострова. Въ Румыніи поднятъ вопросъ о престолонаслѣдіи, въ виду неимѣнія наслѣдника у князя Карла. Какъ слышно, Румынскій престолъ перейдетъ со временемъ къ младшему сыну наслѣднаго принца Гогенцоллернскаго, Карлу Антону, родившемуся 1-го сентября 1868 года. Румынія, можетъ быть, и добьется возведенія своего въ санъ королевства. По крайней мѣрѣ, Австро-Венгрія и Германія, будто бы, намѣрены превратить княжество это въ „нейтральное королевство“, на подобіе Бельгійскаго.

(Продолженіе на стр. 769, 770, 771 и 772).

Президентъ министровъ Фрейсине по мнѣнію другихъ министровъ, слишкомъ нерѣшительно примѣнявшій мартовскіе декреты упраздненія монашескихъ орденовъ во Франціи, разошелся съ внутренней политикой своего же министерства и представилъ просьбу объ отставкѣ. Отставка его была принята; Фрейсине дѣятельный и твердый человѣкъ и велъ дѣла иностранной политики такъ, что заслужилъ общее уваженіе. Теперь его мѣсто занимаетъ Бартелеми С. Илеръ а президентомъ совѣта будетъ Ферри. Затрудненіе въ веденіи дѣлъ—закулисное постоянное давленіе на всѣ эти дѣла Гамбетты. По этой же причинѣ подали въ отставку морской министръ и министръ путей сообщенія.

Кризисъ грозитъ и испанскому министерству. Король, какъ слышно, недоволенъ первымъ министромъ Кановасомъ—дель-Кастильо, отказавшимся скрѣпить декретъ о провозглашеніи новорожденной дочери короля (наименованной Мерседесъ) принцессой Астурійской. Титулъ этотъ принадлежитъ старшей сестрѣ короля Альфонса, графинѣ Джирджентской, и именно въ угоду ей испанскій премьеръ выказалъ неумѣстное упорство свое.

Смѣсь.

Какая часть спектра необходима для растительной жизни. Въ 1870 году г. Поль Бертъ сдѣлалъ французской академіи наукъ чрезвычайно интересное сообщеніе. Растеніе „не тронь меня“, помѣщенное въ фонарь съ зелеными стеклами, —заболѣваетъ и совершенно теряетъ свою необыкновенную чувствительность въ 3 или 4 дня. Всѣ зеленыя растенія погибаютъ при этомъ условіи—освѣщеніи зеленымъ свѣтомъ.

Этимъ объясняютъ и болѣзни, которымъ подвергаются растенія, находящіяся подъ навѣсомъ зеленыхъ деревьевъ; этимъ же Бертъ объяснялъ и неудачный ростъ деревьевъ, которыя ставили въ оранжереяхъ съ зелеными стеклами. Но нужно объяснить это.

Съ перваго взгляда объясненіе кажется не представляющимъ ни малѣйшаго затрудненія. Листья — зелены, потому что изъ всѣхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра отражаютъ зеленый, который, поэтому для нихъ безполезенъ. Давать растеніямъ только эту зеленую часть спектра, задерживая остальныя экраномъ,—значило бы, такъ сказать, — кормить напр. животное продуктами его собственнаго дыханія и пищеваренія. Но, въ дѣйствительности, занимающій насъ фактъ объясняется не такъ просто.

Красный цвѣтъ также энергически отражается растеніями, какъ и зеленый. Если поэтому, предъидущее разсужденіе справедливо, то они должны безразлично умирать, какъ подъ зелеными стеклами, такъ и подъ красными.

Ничего подобнаго однако не происходитъ въ дѣйствительности. Растеніе „не тронь меня“ жило въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ фонаряхъ съ красными стеклами, давало новые листья и обычно увеличивалось въ ростѣ.

Русская скульптура въ Имп. Спб. Акад. Худ. „Руссій Сцевола“. Статуя В. И. Демутъ-Малиновскаго. Рис. на деревѣ А. Кившенко, грав. Пуцъ-Шюблеръ.

Съ помощію спектроскопа, Поль Бертъ изслѣдовалъ стекла, употреблявшіяся при опытахъ. Оказалось, что при свѣтѣ, равномъ по напряженности разсѣянному солнечному — красное стекло задерживало фіолетовый, голубой, зеленый и желтый цвѣта спектра, пропуская только оранжевый и красный; зеленое-же стекло пропускало всѣ цвѣта, кромѣ приблизительно трехъ четвертей краснаго, начиная отъ конца спектра.

Такимъ образомъ, красное стекло могло поддерживать растительную жизнь; зеленое же умерщвляло растенія. Поэтому можно сказать, что если солнечный свѣтъ необходимъ для растительной, и вслѣдствіе этого для животной жизни,—то именно та часть краснаго цвѣта, которую не пропускаетъ зеленое стекло: она принимаетъ участіе въ образованіи органической матеріи. Еслибы вслѣдствіе этаго, свѣтило насъ озаряющее, въ силу какого-либо измѣненія въ составѣ его—потеряло эту часть своего спектра, то оно мало измѣнилось бы въ цвѣтѣ, но зато, говоритъ Бертъ, жизнь исчезла бы въ нѣсколько недѣль съ лица земнаго шара. Такъ быстро потому, что запаса пищи, имѣющагося на землѣ, достало бы только на это короткое время.

Но говоря что красный цвѣтъ необходимъ для растеній,—нельзя думать, что одного его совершенно достаточно. За красными стеклами растенія живутъ безъ сомнѣнія долго, но при этомъ они чрезмѣрно удлинняются, дѣлаются сами тонкими, а края листьевъ—узкими и слабо-окрашенными.

Такимъ образомъ, каждая часть спектра содержитъ элементы, играющіе дѣйствительную и важную роль въ жизни растеній.

Желѣзная пыль въ атмосферѣ. Въ 1875 году г. Тиссандье открылъ въ атмосферной пыли присутствіе маленькихъ частицъ, притягивавшихся къ магниту и состоявшихъ изъ закиси желѣза (*первая степень окисленія*) съ слабыми слѣдами металла никеля. Чрезвычайная распространенность, форма, химическій составъ этихъ шариковъ—привели его къ мысли о происхожденіи ихъ изъ метеоритовъ, заходящихъ въ среду нашей атмосферы. Такимъ образомъ, на ряду съ камнями, падающими съ неба, слѣдуетъ поставить еще пыль, оттуда же падающую на землю.

Противники такого предположенія г. Тиссандье возражали, что желѣзныя руды, найденныя имъ въ воздухѣ,—могутъ происходить и отъ громадныхъ массъ металлическаго желѣза, горящаго вокругъ насъ, подвергаясь, напримѣръ, металургическимъ операціямъ или отскакивая искрами подъ ударомъ огнива.

Но это было слишкомъ слабое возраженіе; трудно приписать земному происхожденію громадное количество шариковъ, находимое въ пыли, собирающейся изъ самыхъ отдаленныхъ одно отъ другаго мѣстъ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Далѣе, изслѣдованіе песка взятаго Тиссандье со дна океана, дало новое доказательство чрезвычайной распространенности явленія. Желѣзныя пылинки оказались и въ осадочныхъ скалахъ, составляющихъ земную кору, въ пескѣ извлеченномъ изъ артезіанскихъ колодцевъ на глубинѣ 568 метровъ и, наконецъ, въ скалахъ весьма древняго происхожденія.

Такимъ образомъ океаны получали изъ атмосферы желѣзныя пылинки; когда именно началось такое выдѣленіе пыли? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Можно лишь сказать, что желѣзныя пылинки найдены въ гнейсѣ Симплона, въ слюдяномъ сланцѣ Сенъ-Готарда, въ змѣевикѣ долины Аоста (Aoste).

Еслибы эти послѣдніе результаты были подтверждены болѣе подробными изслѣдованіями, то они составили бы вѣскій аргументъ въ пользу теоріи Кордье и прежнихъ геологовъ, по которой сланцевыя скалы образовались вслѣдствіе затвердѣванія однихъ слоевъ надъ другими въ воздухѣ, подъ вліяніемъ постепеннаго охлажденія земли, находившейся въ началѣ въ *огненно-жидкомъ состояніи*.

Піявки. При настоящемъ направленіи медицины, какъ общее, такъ равно и мѣстное кровеизвлеченіе употребляется гораздо рѣже чѣмъ прежде; но употребленіе піявки находитъ все еще достаточно обширное примѣненіе, чтобы стоило разводить это незамѣнимое животное — занятіе это представляетъ не маловажный доходъ.—Довольно сказать, что изъ одного Гамбурга ежегодно вывозилось до 30 милліоновъ піявокъ въ различные мѣста, гдѣ червь этотъ не водится.

Небольшія, около полутора аршина глубины, озера съ постояннымъ притокомъ свѣжей воды, съ илистымъ дномъ, представляютъ лучшія условія для размноженія піявокъ,—Полезно также для нихъ водяное растеніе—аиръ. Если въ такое озеро пустить въ маѣ мѣсяцѣ матокъ, то онѣ до сентября по нѣскольку разъ кладутъ яйца въ небольшія на днѣ озера углубленія.—Изъ коконовъ черезъ 10—15 дней развиваются молодыя піявки и держатся близъ старыхъ, пока не могутъ сами добывать пропитанія. Ѣдятъ онѣ улитокъ, слизней, маленькихъ рыбокъ и лягушекъ.

Озера, въ которыхъ уже есть піявки, представляются конечно самыми удобными для ихъ размноженія; стоитъ только доставлять имъ достаточное количество пищи. Но и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде піявки не водились вовсе, онѣ могутъ быть разведены въ озерахъ отвѣчающихъ выше указаннымъ условіямъ, лишь бы матки были взяты изъ мѣстъ подходящихъ по климату. Въ окрестностяхъ Бордо, въ озерахъ принадлежащихъ барону Пишону, братья Бегаде развели піявокъ на пространствѣ около 5000 десятинъ, хотя до нихъ во всей мѣстности черви эти никогда не водились.

Лакомыя блюда у разныхъ народовъ. У всякаго свой вкусъ. Многія блюда, считаемыя за лакомыя у многихъ народовъ, на европейскій вкусъ – отвратительны. Такъ эскимосы за лакомство считаютъ ѣсть сальныя свѣчи. Парадный обѣдъ чукча состоитъ изъ моржоваго сала, жвачки сѣвернаго оленя—вмѣсто салата—ломтиковъ китовой кожи, кусковъ китоваго неба, которое сладковато на вкусъ, и плавательныхъ ластовъ кита,—которые имѣютъ запахъ сыра. На парадномъ обѣдѣ гренландца считается за деликатесъ ѣсть красное гнилое мясо и испорченный хвостъ кита, который приготовляютъ съ ворванью и съ кишечнымъ сокомъ полярняго оленя. Китайцы считаютъ лакомствомъ супъ изъ крысъ, съ приправой изъ протухшихъ яицъ и летучихъ мышей, или похлебку изъ гусеницъ; деликатесомъ считаютъ они пузырчатые глисты акулы, желудки рыбъ, недосиженныя яйца куръ и утокъ, гнѣзда ласточки, салангановъ и морскихъ улитокъ. На Цейлонѣ за лакомое блюдо считаютъ ноги слона, маринованныя въ крѣпкомъ пальмовомъ уксусѣ съ перцемъ, а также маринованный хоботъ слона и горбы буйволовъ. Абиссинцы очень лакомы до сыраго мяса и съ удовольствіемъ пьютъ сырую кровь буйвола, которая оказываетъ на нихъ особаго рода опьяняющее дѣйствіе. Нѣкоторыя индійскія племена очень любятъ пить лошадиную кровь,—открывъ шейную жилу и высасывая кровь прямо изъ раны. У жителей Новаго Брауншвейга морда мускусной кабарги считается величайшимъ лакомствомъ. Готтентоты лакомятся мясомъ антилопы—гну, хотя оно имѣетъ тухлый вкусъ и запахъ, ѣдятъ мясо страуса, которое жестко, какъ подошва, и мясо крокодиловъ, хотя оно имѣетъ противный мускусный запахъ. На Мартиникѣ лакомымъ блюдомъ считаютъ мускусную и пальмовую крысу. На Явѣ какъ лакомство употребляютъ крупную породу летучихъ мышей. Щенковъ и котятъ, собакъ и кошекъ съ удовольствіемъ ѣдятъ многія африканскія племена, австралійцы и китайцы. Въ Бербесси мясо ежа считаютъ княжескимъ блюдомъ. Хвосты кенгуру присылаются въ Англію и славятся какъ деликатесъ. Мясо змѣи очень уважается австралійцами, имъ лакомятся китайцы. Африканскіе дикари и зулусы лучшею частью мяса считаютъ внутренности животныхъ; зулусы любятъ ѣсть загнившее мясо, въ которомъ завелись даже черви. Нѣкоторыя негритянскія племена ѣдятъ жабъ и предпочитаютъ ихъ даже мясу рыбъ. Полинезійцы съ восторгомъ пожираютъ мясо акулъ въ сыромъ видѣ, хотя оно имѣетъ весьма противный запахъ; плавники акулъ высоко цѣнятся богатыми китайцами, какъ очень лакомое блюдо. Бушмены и Ново-каледонскіе дикари лакомятся пауками и кузнечиками. Арабы, персіяне и индѣйцы объѣдаются саранчей, приготовляя изъ нея родъ хлѣба, или жаря ее въ маслѣ. Негры и австралійцы за лакомство считаютъ бѣлыхъ муравьевъ (термитовъ), а многія африканскія племена и цвѣтное населеніе Сіеры-Леоны, въ промежутки между ѣдою, глотаютъ глину, изъ которой термиты строятъ свои муравейники. Глину и землю какъ лакомство употребляютъ многіе народы тропической Америки и Африки.

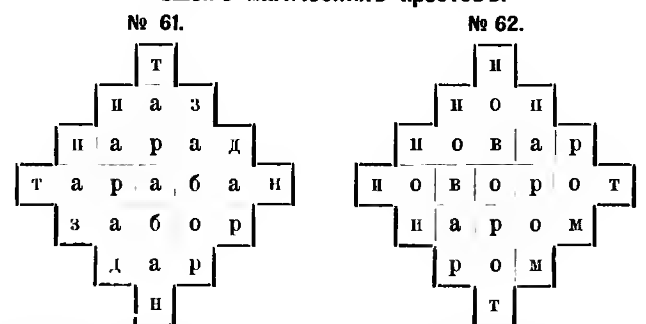
Разныя извѣстія.

Многіе изъ нашихъ читателей, вслѣдствіе помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ видовъ **Морскаго канала**, и его описанія, заинтересовавшіеся этимъ грандіознымъ сооруженіемъ, конечно съ удовольствіемъ узнаютъ, что художникъ **В. Я. Рейнгардтъ** занятъ въ настоящее время составленіемъ прекраснаго большаго фотографическаго альбома „Видовъ Морскаго канала между Петербургомъ и Кронштадтомъ“. Альбомъ этотъ поступитъ въ продажу въ будущемъ 1881 году т. е. когда приведется къ окончанію сооруженіе канала. При исполненіи видовъ Морскаго канала, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ, мы пользовались также нѣкоторыми изъ фотографій г. Рейнгардта.

Календарь Эдуарда Гоппе на 1881 годъ уже появился. Въ немъ замѣчаются значительныя противъ прежняго улучшенія и дополненія. Самое важное улучшеніе, что въ этомъ обрывномъ календарѣ помѣщена особая книжка справочныхъ свѣденій для дѣловыхъ людей, по своему формату для ношенія съ собою очень удобная. При настоящемъ календарѣ эта книжка заключаетъ въ себѣ: свѣденія для капиталистовъ, свѣденія о штемпельныхъ сборахъ, почтовыя правила, телеграфный и почтовый тарифы, адреса и личный составъ правленій желѣзнодорожныхъ обществъ. Цѣна обрывнаго календаря съ справочной книжкой очень невысока, всего 75 коп., съ перес. 1 руб.

Рѣшеніе магическихъ крестовъ.

№ 61. № 62.

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ гг.: **Спб.**—Копылова; **Елецъ**—Козлова; **с. Дупилово**—Синицына; **Мозырь**—Ланча, **Кронштадтъ**—В. Фаберъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 64.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 13 на 18	Съ № 22 на 13
„ „ 21 „ 26	„ „ 30 „ 21
„ „ 8 „ 12	„ „ 15 „ 8
„ „ 2 „ 5	„ „ 23 „ 1
„ „ 16 „ 32	„ „ 1 „ 5
„ „ 32 „ 1	

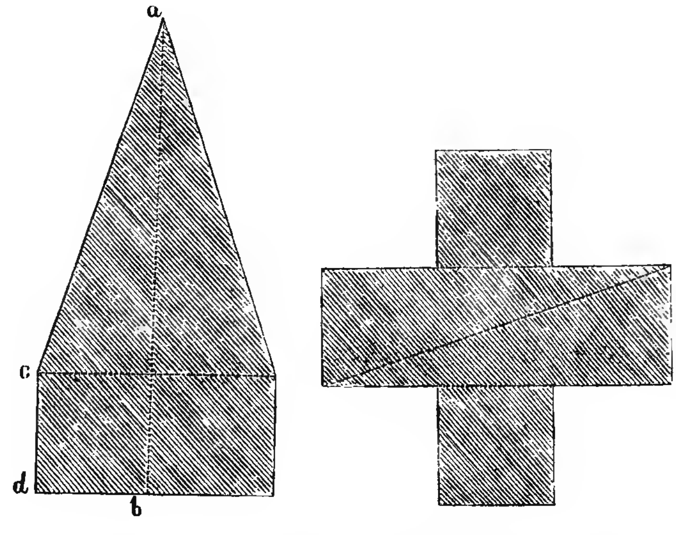
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** Грикурова, Геннингъ Лежнева, Перминова, Казакова, Абрикосова, Тарновской, Малинина; **Москва**—Арсеньева, Звонилкина, Зѣвакина, Выдлова, Александрова, Козырева, Николая Г.; **Аньково**—Казанскаго, **Брянскъ**—Успѣнскаго; **Воронежъ**—Штеца; **Елецъ**—Волуйскаго, **Ив. Вознесенскъ**—Коровина; **Конобѣево**—Блинкова, **Кузнецкъ**—Кочетова, **Муромъ**—Смольникова, **Нижн. Новг.** — Федорова, Чистякова, **Тверь**—Додгова, **Торжокъ**—Ширяева.

Рѣшеніе шашечной задачи № 59.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 18 на № 22	Съ № 8 на № 15
„ № 16 „ № 20	„ № 15 „ № 24
„ № 23 „ № 28	„ № 24 „ № 31
„ № 22 „ № 27	„ № 31 „ № 22
„ № 21 „ № 26	„ № 22 „ № 29
„ № 30 „ № 26	„ № 29 „ № 22
„ № 14 „ № 19	„ № 22 „ № 15
„ № 7 „ № 12	„ № 15 „ № 8
„ № 25 „ № 4	

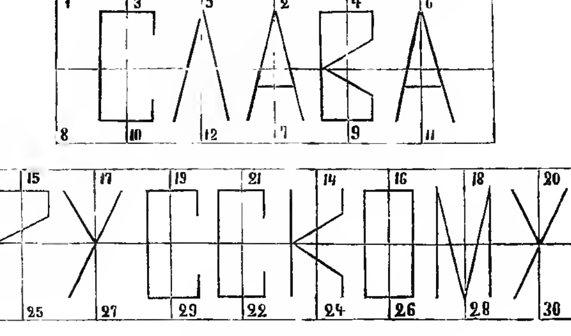
Вѣрныя рѣшенія етой задачи врисланы: **Спб.** отъ гг.: Дыренвова, Григорьева, Геннинга, Пѣхоеа, Журвина; **Москва:** Орлова, Зѣвакина, Выдлова, Александрова. Богданова; **Таганрогъ**—Кочеткова, **Николо-Раменье**—Смернова, **Клинъ**—Цыганова, **Тульчинъ**—Щагина, **Кронштадтъ**—Даржана, **Елецъ**—Валуйскаго, Морхолвнко, **Мытища**—Напольнова, **Муромъ**—Лекторонаго, **Н. Новгородъ**—Боенна, **Рыбинскъ**—Коваaова, **Курскъ**—Заaадскаго, **Казань**—Серебрякова, **с. Липицы**—Медвѣдникова, **Кузнецкъ**—Кочетова.

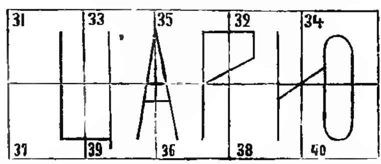
Рѣшеніе задачи № 60.

Вѣрныя рѣшенія этой вадачи присланы до 11-го сентября, отъ гг.: **Спб.** Гринурова, Живоронкова-Капринсиаго, Микко-Руссе, Робороескаго, Сулимова, Ивашенцова, Перетерскаго, Пряневшникова, Копылова; **Москва**—Воборси, Минофьева, Гилль, Немого, Васильава, Журавлева, Барсукова, Груши, Кичигина, Федорова, Филвмононова, Залогина, Емельянова, Кобеккоа, Струнцинскаго, Верещагина, Окороченко, Шпаро, Бѣлянинна; **Ставрополь**—Котылевскаго, **Елецъ**—Козлова, **Муромъ**—Суздальцева, **Таганрогъ**—Тіанова, **Владикавказъ**—Зотова, **Ярославль**—Твердышевой, **Ахтырка**—Власова, **Вологда**—Шапошникова, **Ростовъ на Дону**—Данилова, **Мозырь**—Лапича, **Полтава**—Брикъ, **Александрія**—Казачинскаго, **Марьевка**—Рабиновича, **Галичъ**—Храмцова, **Казань**—Дадашева, Минько, **с. Печаин**—Аржеухова, **Корсунь**—Пашкова, **Одесса**—Биза, Волохова, **Калуга**—Захарьина, **Новочеркаскъ**—Звѣздина, **Сумы**—Трубниковой, **Воронежъ**—Шилова, **Ловачь**—Бѣляевой, **Либава**—Васильева, **Тукумъ**—Милюнова, **Царское Село**—Муравьевой, **Варшава**—Карпова, Коеель-Смельянинова, **Гельсингфорсъ**—Яжинскаго, **Вильна**—Ромаеоной, **Петергофъ**—Жунова, Демена, Тубанова, **Астрахань**—Положанкова, **Благовѣщ. зав.**—Кузнецова, **Ив.-Вознесенскъ**—Коровина, **Александрфельдъ**—Манцея, **Слуцкъ**—Гурвича, **м. Рудня**—Суханова, **Лаудсинъ**—Фохтъ, **Гомель**—Красивцова, **Черниговъ**—Пучковскаго, **Кронштадтъ**—Микайлова, В. Фабръ.

Рѣшеніе задачи квадратиковъ № 63.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы до 11-го сентября, отъ гг.: **Спб.:** Копылова, Боссокскаго, Аленіуса, Мрломѣркова, Мартинсона, Михайлова, Миклашевскаго, Русска, Геннингъ, Жоржа и Лины, Техника, Забалконскаго, Кольоерта, Зарубина; **Москва:** Ощепкова, Тимахова, Воборси, Трубецкаго, Гилль, Кобзикова, Флинка, Корешкова; Минофьева, В—ва, Барсукова, Никитина, Кичигина, Немого, Иванова; **Слуцкъ** Шера, **ст. Чириково**—Малявина, **Мозырь**—Лапича, **Вологда**—Извощикова, Шапошникова, **Мышкинъ**—Кошве, **Конотопъ**—Крачковскаго, **Тульчинъ**—Щагина, **Касимовъ**—Умнова; **Тула**—Щелина, **Новгородъ**—Рутвнее, **Пенза**—Поспѣлова, **Саратовъ**—Уфимцевой, **Одесса**—Волохова, **Казань**—Дадашева, **Ростовъ на Дону**—Данилова, **Самара**—Лазарева, Луегина. **Александровскъ**—Новицкаго, **Кострома**—Высококскаго, **Галичъ**—Храмцова, **м. Фастово**—Темченко, **Ив.-Вознесенскъ**—Коровина, **Тверь**—Е. Ф—ой, **ст. Уманская**—Кисѣева, **Севастополь**—Луганскаго, **Елабуга**—Ярыгина, **Новочеркаскъ**—Горѣлкина, **Тифлисъ**—Цымбаловыхъ, Жульцинскаго, **Ставрополь**—Котылевскихъ, слоб. **Калачъ**—Петрова, **Кронштадтъ**—В. Фабръ, Бихенскаго, **Петергофъ** Бирюкова, Демина, **Ревель**—Владимірова, **Островъ**—Горшанова, **Бѣжецкъ**—Дубовикова. **ст. Курскъ**—Шнурова, **Рыбинскъ**—Переслаецева, **Брянскъ**—Матвѣева, **Гельсингфорсъ**—Яжинскаго, **с. Медвѣдь**—Тихонава, **Бобруйскъ**—Платонова, **ст. Печаин**—Аржеухова. **Луга**—Камарзина, **Россіены**—Гроссманъ. **Калуга**—Черткова, **Вельгартица**—Ганушa, **Ростовъ Ярос.**—Калинкинскаго, **с. Козыляны**—Вѣлецкаго, **Елецъ**—Сощунвина, **Варшава**—Курковскаго, **Кишиневъ**—Краморенко, **Черниговъ**—Пучковскаго, **Гомель**—Красинцева, **Слуцкъ**—Гурвича.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

ПАВЕЛЪ БУРЕ.
ФАБРИКАНТЪ ЧАСОВЪ.

Поставщикъ Высочайшаго Двора и Императ. русскаго флота.

Невскій просп., № 23 въ С.-Петербургѣ,

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Золотые мужскіе часы.

Анкерные на 15 камняхъ закрытые 75, 80 и 85 р. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).

Такіе же 1-го сорта 90, 95, 100, 110 р.

Тоже высш. достоинства отъ 125 до 175 р.

Тоже заводящіеся безъ ключа (въ ручку).

Анкерные на 15 камняхъ закрытые, 90, 100, 110 р. с.

Такіе же 1-го сорта отъ 125 до 165 р. с.

Тоже высшаго достоинства отъ 175 до 225 р. с.

Полухронометры вывѣренные въ разныхъ температурахъ отъ 250 до 400 р. с.

Ручательство на 2 года,

Къ часамъ, заводящимся ключемъ прилагается золотой ключъ. № 880 33—2

Пересылка на счетъ магазина.

Спб. Врачебнымъ управленіемъ разсмотрѣна и разрѣшена во всеобщее употребленіе.

НОВѢЙШАГО ИЗОБРѢТЕНІЯ

ОРѢХОВАЯ КРАСКА

для волосъ; она моментально окрашиваетъ въ натуральные цвѣта: черный, темнорусый и каштановый; 30 дней не требуетъ повторенія. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 2 р., въ косметическомъ магазинѣ **В. Парнисова и комп.**, въ гостиномъ дворѣ, № 78, противъ пажескаго корпуса, въ С.-Петербургѣ. № 874 4—2

≡ АЛЬБОМЫ ≡

отъ 85 к. до 25 руб., **кошельки**, портсигары, **портмоне, бумажники**, отъ 50 к до 6 р.; **запонки** отъ 5 к. до 8 руб. за пару, изъ **поддѣльныхъ брилліантовъ:** серги, броши, кольца, запонки, булавки, отъ 1 до 8 р; **цѣпочки** мужскія и дамскія накладнаго золота и чрезъ огень золоченыя единственныя не чернѣющія отъ 2 р. 50 к. до 10 руб.; **помочи**, галстуки, щетки, гребни, зеркала, игры: шахматы отъ 1 р., шашки отъ 30 коп., домино, лото, амер. игра солитеръ и проч.

МАГАЗИНЪ „**НЮРНБЕРГЪ**"

(содерж. І. Ф. Брагаръ).

Старый Газетный пер., д. Шаховскаго, наискось ц. Успенія въ Москвѣ;

тутъ же **новости:** чудомундштукъ образующій картины при куреніи 70 к., **соловей** поющій какъ птица 50 к. и **новыя** игрушки: **волчекъ съ музыкой** 50 к. и велосипедъ 1 р. Заказы по почтѣ исполняются не менѣе чѣмъ на 8 руб.

П. М. № 884.

ВСѢХЪ МАШИНЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляетъ по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принимаетъ на себя отправку до послѣдней станціи желѣзной дороги за умѣренную коммисію.

Морицъ Вейлъ младшій. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18—4

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА

БЕКМАНЪ И К°,

устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою **Бекманъ и Ко**, въ которомъ приготовляются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 863 10-2.

РАСПРОДАЖА.

ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕМѢНЫ ПОМѢЩЕНІЯ

СКЛАДА ХРУСТАЛЬНАГО ЗАВОДА ГРАФА ГАРРАХА „НЕЙВЕЛТЪ" ВЪ БОГЕМІИ.

въ Большой Морской, № 36, въ С.-Петербургѣ, распродаются всѣ запасы, какъ-то: хрустальные сервизы, гарнитуры для вина, пива, пунша и ликера, приборы для умывальныхъ столовъ, сахарницы, чайницы и масляники, пивные и чайные стаканы, письменные приборы, прессъ-папье, хрустальные подсвѣчники, вазы и т. п.

ДО 25 СЕНТЯБРЯ СЕГО ГОДА включительно, СО СКИДКОЮ 30% СЪ ФАБРИЧНОЙ ЦѢНЫ.

Настоящее помѣщеніе склада отдается согласно текущаго еще контракта въ наемъ, желающихъ просятъ обращаться въ означенный складъ, по Большой Морской ул., № 36.

Съ 1-го октября сего года тотъ же складъ хрустальнаго завода графа ГАРРАХА „Нейвелтъ" въ Богеміи будетъ помѣщаться по Невскому проспекту, на углу Малой Садовой, домъ Ушакова, № 54—3, противъ Екатерининскаго памятника.

В. № 865 2—2

С.-ПЕТЕРБ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ.

№ 11 НЕВСКІЙ ПР., НА УГЛУ М. МОРСКОЙ, Д. СТРУБИНСКАГО **№ 11**

принимаетъ объявленія во всѣ С.-Петербургскія, Московскія, Губернскія и заграничныя газеты по цѣнамъ редакцій.

При большихъ заказахъ дѣлаются соотвѣтственныя уступки

Переводы и переписки на всѣ языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ.

☞ Объявленія въ здѣшнихъ календаряхъ на 1881 принимаются еще нѣсколько дней. К. № 892 5—1.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АЛЬБОМЫ:

440 ПОРТРЕТОВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЦЪ, XVI—XVIII В В.

Составленный по порученію общества поощренія художниковъ, съ подлинныхъ оригинальныхъ портретовъ, съ приложеніемъ краткаго біографическаго текста о каждомъ лицѣ. **Цѣна** въ коленкоровомъ тисненомъ переплетѣ 50 руб.

Современники и дѣятели Петра Великаго.

122 портрета, съ біографическими текстами Ц. 15 руб.

Историческія событія царствованія Петра Великаго.

26 картинъ, съ пояснительными текстами. Ц 15 руб. Оба альбома въ коленкоровыхъ тисненныхъ переплетахъ, съ золотымъ обрѣзомъ.

Адресоваться: въ С.-Петерб., въ Редакцію Историческихъ Альбомовъ, по Разъѣзжей улицѣ, д. № 11.

При редакціи имѣются матеріалы и большой выборъ **туманныхъ картинъ для волшебнаго фонаря,** изготовленныхъ для лекцій и народныхъ чтеній, по всѣмъ отраслямъ знанія.

Раскрашенныя картины, видовъ мѣстностей, группъ и народныхъ сценъ, судя по сложности исполненія картины. Ц. отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за каждый экземпляръ, вставленный въ деревянную рамку. — Нераскрашенныя картины въ такой же рамкѣ, по 80 к. Отправка въ провинцію на счетъ покупателя. № 888.

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

А. Б. МАРКСА. Всеобщій учебникъ музыки. Руководство для учителей и учащихся по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго образованія. Переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія А. С. Фаминцына. 2-е исправленное изданіе. Москва. 1880. 8° XVI и 429. Ц. 3 р. 50 к.

Л. КЕЛЕРА. Преподаваніе фортепіано. Практическіе совѣты, наблюденія и замѣтки. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія. Москва. 1880. 12 д. л. VIII и 320. Цѣна 2 рубля.

Печатается: 3-е изданіе Учебника гармоніи **П. ЧАЙКОВСКАГО.**

Москва, у **П. ЮРГЕНСОНА,** Неглинный проѣздъ, 10. С.-Петербургъ у **І. ЮРГЕНСОНА,** Большая Морская, 9.

П. М. № 883.

☞ **ВАЖНО ДЛЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.** ☜

Должны быть вездѣ, гдѣ молотятъ. Это самыя лучшія, прочныя, извѣстныя, дешевыя машины этаго рода. Всякій работникъ можетъ ихъ поставить, каждый поденщикъ можетъ (ими пользоваться) съ ними справиться, каждый кузнецъ можетъ ихъ починить.

Машины эти, съ чистильщикомъ или безъ него, доставляются на каждую желѣзнодорожную станцію. Самой малой величины молотилка стоитъ только 76 рублей. По письменному требованію иллюстрированный каталогъ у **МОРИЦА ВЕЙЛА** младшаго.

Машинная фабрика въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ Германіи).

☞ Корреспонденція по русски. ☜

Ptr. № 652 13—12

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ЗАКОНЫ
О ДУХОВНЫХЪ ЗАВѢЩАНІЯХЪ.

Составилъ присяжный повѣренный **Г. В. Бертгольдтъ.**

Съ поясненіемъ текста законовъ и съ приложеніемъ подробныхъ буквальныхъ извлеченій изъ рѣшеній гражд. кас. деп. сената, состоявшихся съ 1867 по 1879 г. включительно, рѣшеній общихъ собраній Сената и ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫХЪ мнѣній Госуд. Совѣта. Къ книгѣ приложены постатейный указатель и алфавиты, облегчающіе пользованіе книгою.

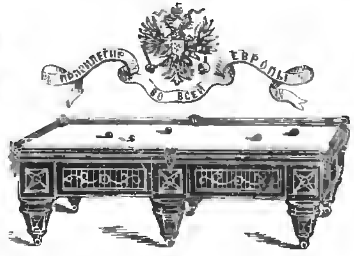
Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 руб. Книгопродавцамъ обычная уступка. Складъ книги у издателя Г. Бертгольдтъ, въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Хомяковыхъ, бывшемъ Пороховщикова, кв. № 16. Иногородные могутъ обращаться во всѣ наиболѣе извѣстные книжные магазины и къ издателю; выписывающіе книгу прямо отъ Г. Бертгольдтъ за пересылку не платятъ. Л и К. № 890

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

предлагаетъ свои

Билліарды съ патентованными передвижными бортами

разныхъ величинъ, раздвигаемой конструкціи, крытые, ровно шлифованными, аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ-куранты съ описаніемъ высылаются желающимъ.

АТТЕСТАТЪ.

Настоящій аттестатъ выдается мною Ростовскимъ на Дону купцомъ Иваномъ Семеновымъ Самойленко С.-Петербургскому билліардному фабриканту Рудольфу Гердесъ въ томъ, что заказанные ему мною и сдѣланные на его фабрикѣ три билліарда отличаются слѣдующими достоинствами: по отзыву знатоковъ билліарды фабрики Гердеса, при прочной и изящной работѣ, отличаются замѣчательною вѣрностью, что, главнѣе всего, зависитъ отъ примѣненія фабрикантомъ новаго образца бортовъ подвижныхъ и эластичныхъ, дозволяющихъ съ одинаковою вѣрностью играть шарами разныхъ калибровъ. Кромѣ того заказъ мой выполненъ фабрикантомъ вполнѣ добросовѣстно и своевременно, безъ малѣйшаго упущенія.

Ростовъ на Дону. Іюля 24 дня, 1880 года. Ростовскій купецъ **Иванъ Семеновъ Самойленко.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ.

Вознесенскій просп. № 12.

ВЪ МОСКВѢ:

БИЛЛІАРДНЫЙ ФАБРИКАНТЪ **ФЁГЕ**

на углу Газетнаго пер. и Большой Никитской.

К. № 859 10—3

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

собственнаго завода.

ПОЖАРНЫЯ ТРУБЫ

всякаго рода.

НАСОСЫ

для всякаго употребленія.

Новый огнетушитель

КОСМОПОЛИТЪ,

рекомендуетъ со склада

Альфредъ Лангензипенъ.

С.Петербургъ, Мал. Итальянская, № 11.

Иллюстрированные прейсъ-куранты безплатно.

К. № 845 5—5

ГАЗОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ

— ПАТЕНТОВАННЫЕ —

системы Отто отъ 1/2 до 20 силъ, изъ нихъ около 50 штукъ здѣсь работаютъ, можно заказать въ **Техническомъ Боро г. Виберингъ.**

Вас. Островъ, 13 лин., домъ № 6.

К. № 885.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 19 сентября 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. [illegible] № 10.

XI годъ — № 39

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 моди. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 27 Сентября 1880 г.

Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

На Каспiйскомъ морѣ. Городъ Красноводскъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскiй.

Красноводскъ.

Посланный Петромъ I въ свой неудачный походъ на Индію несчастный князь Бековичъ-Черкасскій, такъ таинственно и ужасно погибшій въ безпредѣльныхъ степяхъ Средней Азіи, поставилъ, какъ первую русскую станцію на восточной туркменской сторонѣ Каспія, укрѣпленіе Красноводскъ на сѣверномъ берегу Красноводскаго залива. Въ 1836 году еще видны были остатки построекъ Бековича—валъ и бастіоны и заросшій травою и кустами, полузасыпанный песками, ровъ. Теперь близъ этаго мѣста въ 1870 г. построено укрѣпленіе и городокъ Красноводскъ, котораго изображеніе мы здѣсь помѣщаемъ. Это главное мѣсто такъ называемаго Закаспійскаго отдѣла или Красноводскаго приставства, получившее права города лишь въ 1874 году; здѣсь находятся административныя учрежденія отдѣла. Красноводскій заливъ составляетъ часть Балханскаго залива и получилъ свое названіе отъ красноватаго цвѣта водъ своихъ. Укрѣпленіе основано для открытія торговаго пути въ Среднюю Азію, но торговое значеніе Красноводска скоро упало и намъ пришлось для безопасности еще подвинуться въ сосѣдство туркменъ и мѣсто Красноводска въ торговомъ отношеніи занялъ Чикишляръ.

Красноводскъ могъ бы оправдывать свое названіе „красныхъ" водъ только въ смыслѣ якорной стоянки, удобной морской гавани. Что касается качества его водъ для питья, то онъ бѣденъ хорошею водою; для мѣстныхъ войскъ обыкновенно опрѣсняютъ морскую воду. На берегу постоянно находится машина для образованія льду, отмѣченная краснымъ крестомъ, которая можетъ выдѣлать въ день до 16 пудовъ льду. Растительности кругомъ абсолютно никакой. Бухта превосходна, скалы по берегу очень живописно расположены, но городокъ состоитъ только изъ одного ряда каменныхъ строеній: тутъ помѣщеніе начальника мѣстныхъ войскъ, клубъ, офицерскія квартиры, войсковыя казармы, госпиталь и т. п. Со стороны моря видъ городка довольно красивый, вблизи же это на песчаной плоскости среди скалъ разбросанныя—укрѣпленіе, базарная площадь, городской садикъ и нѣсколько каменныхъ казенныхъ домиковъ. Садъ всего семь лѣтъ какъ засаженъ, землю для него возили изъ Ленкорани а воду для поливки изъ отдаленныхъ отъ города колодцевъ, и его запыленныя тощія деревца печально влачатъ свое существованіе. Безконечная скатерть цѣлаго изумрудно-зеленаго моря плещется у подножія скалъ и между тѣмъ городъ страдаетъ недостаткомъ воды. Вслѣдствіе такого недостатка отсутствіе животной и растительной жизни здѣсь поражаетъ. Даже воробьи и вороны—эти неизмѣнные сосѣди всякаго человѣческаго жилья—нашли это мѣсто непривлекательнымъ. Только многочисленныя купеческія и военныя суда, часто приходящія и отходящія, оживляютъ это мѣсто. Онѣ приносятъ съ собою почту, новости и новыхъ людей, воду, ледъ и перемѣну пищи. Что касается жары, то она здѣсь еще выносима, ибо вѣтеръ съ моря прекрасно освѣжаетъ воздухъ. Кромѣ того есть купальни, которыя всѣ посѣщаютъ по два, по три раза въ день.

Знаменитый Гумбольдъ на вулканическомъ образованіи порфировидныхъ горъ Красноводскаго залива основываетъ свое заключеніе, что горы эти—продолженіе Кавказскаго хребта. Близь Баку находятъ затопленныя древнія башни. У Персіянъ есть преданіе, что Апшеронскій полуостровъ, былъ соединенъ нѣкогда съ Красноводскимъ берегомъ перешейкомъ, обрушившимся и покрытымъ водою сравнительно не въ очень отдаленныя времена—при Александрѣ Македонскомъ. Тоже преданіе существуетъ и у Красноводскихъ туркменъ. Близь песчанаго и негостепріимнаго восточнаго берега совсѣмъ не встрѣчаются многія породы рыбъ, которыя массами водятся у западнаго берега. Вообще замѣчательны различія во многихъ отношеніяхъ обоихъ береговъ Каспія, этаго величайшаго на землѣ озера. Климатъ въ Красноводскѣ и вообще на восточномъ берегу несравненно болѣе суровый чѣмъ на западномъ, гдѣ не знаютъ почти снѣга. Здѣсь же четыре мѣсяца въ году стоитъ суровая зима съ буранами и мятелями.

Недалеко отъ Красноводска расположены промышленные острова Челекень, Огурчинскій и друг. урочища туркменъ-рыболововъ, торгующихъ съ нашими купцами. Туркмены часто посѣщаютъ Красноводскъ и нѣкоторые даже здѣсь поселились и построились.

Близь станціи желѣзной дороги.

Разсказъ. **Н. Б—ва.**

...И спитъ онъ—и летаетъ
Недобрый сонъ надъ лѣшимъ...
* * *
И грустно дѣду—видитъ:
По всей его дубровѣ
Чудное что творится
И все какъ будто вновѣ...
* * *
Посѣченъ, срубленъ, свaленъ
И сгубленъ топорами,
Кругомъ весь островъ стонетъ
Дрожащими вѣтвями.
* * *
И разсыпая искры
Далеко въ полѣ чистомъ,
Летитъ змѣя-чугунка
Съ шипѣніемъ и свистомъ.

Л. Мей („Лѣшій")

Если въ нашемъ лѣсу былъ лѣшій, то именно такъ ему это должно было представляться, ему, старому, исконному духу нашихъ мѣстъ. Съ недоумѣніемъ и грустью долженъ онъ былъ слышать, какъ среди его родныхъ сосенъ раздавались оглушительные, какіе-то наглые словно, свистки и грохотъ поѣзда, несущагося, какъ нынѣшняя жизнь, безостановочно и безпощадно, пока не слетитъ гдѣ нибудь съ рельсовъ. Трескъ, стоны, нѣсколько несчастныхъ... но некогда надъ этимъ останавливаться и опять несется жизнь съ рѣзкими свистками—дескать не попадайся..

Такъ же бывало, грустно слушалъ эти свистки, жившій въ своей усадебкѣ близь желѣзной дороги, мой старый знакомецъ, отставной капитанъ Бухаринъ и покачивалъ все своей дряхлой, сѣдой какъ лунь, головой. Сидитъ бывало онъ въ халатикѣ съ трубочкой у окна, надѣнетъ большіе серебряные очки и газету читаетъ. Внучка его тутъ вертится—хорошенькая была дѣвочка—мы ее бывало все русалочкой звали. Ни отца, ни матери у нее не было. Дочь Бухарина, покойная мать Лидочки, превзбалмошная была. Какъ пріѣхала изъ губернской гимназіи, гдѣ училась и гдѣ весьма плохо кончила, старикъ и руками развелъ. Сразу заявила она ему, что во избѣжаніе недоразумѣній, впредь заявляетъ, что ничего не признаетъ...

— То есть какъ же таки ничего? спрашиваю, разсказывалъ старикъ,—стала на одномъ „ничего„ да и полно. Чтожъ это, говорю, довольно глупо и никого ты этимъ не испугала. А только гдѣ ты набралась?.. Она такъ и выпалила, да вѣдь скоро, скоро такъ: неужели вы думаете, въ городѣ нѣтъ ужь сколько нибудь порядочныхъ личностей! Ей Богу, такъ и говоритъ. Наслушался я! Папиросы закурила—чадъ въ комнатахъ. Ни до чего то не дотронется, не сдѣлаетъ. А добрая вѣдь была. Говорю: люди мы бѣдные, что ты не займешься? Я говоритъ, въ гувернантки... Вотъ те и сказъ. Однако за жандармскаго тутъ у насъ офицерика вышла...

— За жандармскаго?

— Да, тихій былъ такой, хворый, бѣлобрысый; глаза словно безъ всякаго цвѣту. Она ему сначала: презираю вашъ мундиръ. Онъ ей: помилуйте, сударыня, говоритъ, мы состоимъ при линіи желѣзной дороги. Обязанности наши самыя тихія.. Такъ ходилъ, ходилъ—она за него и вышла и пошла имъ вертѣть. Однако онъ скоро умеръ.. Осталась она съ дѣвочкой—ко мнѣ. Потомъ и дочь бросила—въ народныя учительницы! Я и хлопоталъ за нее. Знала она плохо и что ужь она тамъ творила, Господь ее знаетъ — только и отъ сельскаго общества этто пришло, что просятъ ее перемѣнить... не желаютъ ея и инспекторъ объ ней представленіе сдѣлалъ какое-то... Такое мнѣ горе старому было! Помню какъ теперь—ночь была темная такая, дождикъ льетъ, вѣтеръ такъ и рветъ деревья, въ трубѣ гудетъ.. Внучка спала ужъ. Ну, мнѣ старому все не спится—сижу у огонька да газету читаю Вдругъ слышу сначала этотъ свистъ желѣзной дороги—не могу привыкнуть, все вздрагиваю. А тамъ слышу по лѣсу колокольчикъ, да жалкій такой... сиплый, кляченки видно еле тащатъ... Кому бы, думаю, тутъ быть. Ближе, ближе. Я къ окошку. Стекла напотѣли, темныя... Опять ближе. Пошелъ на кухню, работницу разбудилъ. Пошла она съ фонаремъ дверь отворить... Входитъ—то ли мокрымъ-мо-

крехонька, вода ли льетъ съ одежонки, шляпченка татакая поярковая, мужская, жалконькая, въ лицѣ кровинки нѣтъ, дрожитъ такъ страшно, тощая такая — дочка!..

— Здравствуй! Ахъ горе, мое горе! Что ты, что съ тобой. Самоварчикъ поскорѣе Откуда? Молчитъ, стоитъ какъ истуканъ, дрожитъ и мѣшечекъ такой гаденькій въ рукахъ Иди, переодѣнься.. согрѣйся... А она вдругъ на шею мнѣ, плачетъ... „Папочка, говоритъ, и рыдаетъ и всхлипываетъ... я вамъ старенькому только на горе, негодящая я, простите вы меня... Такая я больная, такая разбитая! Примите!“ Ну вижу не въ себѣ она. Что ты дурочка! Иди, Господь съ тобой, успокойся — развѣ такія глупыя слова говорятъ „примите!“ Ты мнѣ кто же? Не подумавъ да и брякъ! „Примите!“ Глупенькая, право глупенькая какая... Тутъ все такое горькое было. Внучка матери не узнаетъ ровно, за этими разъѣздами-то ея, дико такъ глядитъ, какъ лежитъ она въ кровати мечется. Ну умерла скоро—царствіе ей небесное бѣдной. Послѣдніе дни передъ смертью тихая была такая. Говоритъ: я гадкая, и дочка меня не узнаетъ—подѣломъ мнѣ. Ну я знаю ее... осторожненько... „пріобщиться“... Ну и слава Богу, порадовала меня старика—согласилась и такъ хорошо скончалась... Она добрая была... хорошая... въ мать...

— Такъ внучка у васъ все одна да одна.

— Да, что-жъ будешь дѣлать? Боюсь ужъ я ее опять въ городъ-то. Да и средствъ никакихъ нѣту. Читать, писать выучилась у дьячка у нашего. Этто хоть по домишку нашему чѣмъ нибудь занимается...

— Посѣтители—то есть?

— Да, да какой нынче посѣтитель? Прежде бывало всѣхъ знаешь. А нонѣ по желѣзной дорогѣ этто ихъ понаѣхало. Не то онъ адвокатъ, не то жидъ, не то за мошенничество высланный какой сюда—опасно стало на свѣтѣ. И какъ вотъ свиснетъ это локомотивъ, я такъ и вздрогну, мнѣ все это и представится. Священникъ молодой когда придетъ. Да мудрено тоже говоритъ. „Помилуйте, говоритъ, капитанъ, это даже самое теченіе современныхъ идей указываетъ...“ Вонъ какъ! А то пришелъ какъ то одинъ такой въ грязной рубахѣ, въ пиджакѣ, галстукъ розовый, рябой и прыщавой такой. Кто такой будете?

— Знакомые, говоритъ, люди. Тарасенковъ я, Степанъ.

— Не знавалъ молъ я такаго.. А выходитъ, что знавалъ. Кузнеца Петра, что разбогатѣлъ да въ купцы попалъ, сынъ, Степка—бѣгалъ къ намъ когда гвоздей, когда подкову, когда за водкой отецъ посылалъ и за вихры его у насъ часто дирали, дрянной мальчишка, воръ былъ.

— Какъ мы, говоритъ, теперь всѣ имѣнія у господъ закупили и въ родѣ какъ помѣщики то и вамъ выходимъ сосѣди.

— Значитъ васъ надо теперь Степанъ Петровичемъ величать?

— Да, говоритъ, придется.

А то пріѣхалъ одинъ съ портфелемъ и такой юркій, черный. Ой, думаю, жидъ!

— Эксплуатація имѣній теперь, говоритъ, вопросъ... Недостаточно разработанный... Небольшой куртажъ... нашелъ бы покупателя или въ компанію можно... богатства почвы... признаки минеральныхъ источниковъ... Кромѣ того лѣсъ... Если выдадите на начатіе дѣла рублей 200...

— Что ты, говорю, перекрестись батюшка, какой шутникъ тебя прислалъ... едва перебиваюсь... а онъ на — поди 200! Да ты кто же будешь?

— Ходатай по всякимъ дѣламъ, говоритъ. Вонъ какіе развелись—по всякимъ —Господи-батюшка! Такъ и лѣзетъ... „Куртажъ, куртажъ...“ черезъ два слова... Господи —батюшко!

Съ тѣхъ поръ, какъ я, сидя на балкончикѣ стараго, окруженнаго сосновой рощей, домика Бухарина, попивалъ чай, принесенный намъ Лидочкой и слушалъ эти разговоры, прошло три года. Тоскливое мыканье среди теперешней, потерявшей всякія опредѣленныя грани и ясныя формы, жизни—привело меня опять въ тотъ же городъ.

Стоя у рѣшетки нотаріальной конторы, гдѣ два-три писца старались изобразить „клерковъ“ и дожидаясь очереди, я невольно оборотился въ сторону какого-то, пристально на меня глядѣвшаго, рябаго, высокаго грязнаго. противнаго вида малаго, развалившагося, руки въ карманы, съ апломбомъ, въ креслѣ, за рѣшеткой, какъ свой человѣкъ въ конторѣ.

— А я васъ призналъ, заговорилъ онъ ко мнѣ, у Бухарина вы бывали. Что же покупаете что или продаете... Скажите—купимъ... коли что...

— Какже, какже! продолжалъ онъ, не стѣсняясь тѣмъ, что я ничего не отвѣтилъ, вышла замужъ внучка-то, за ссыльнаго... Опустился, сильно опустился старикъ... все молчитъ... Ну онъ, знаете, всегда былъ старикъ, прямо сказать, довольно глупый... Я сосѣдъ вѣдь ему буду... Какже...

Я вспомнилъ разсказъ старика и догадался, что это и есть Степка, бывшій кузнечный мальчишка, нынѣ купецъ Тарасенковъ.

— Я было хотѣлъ съ нимъ кое-что сварганить, продолжалъ Тарасенковъ, задѣтый моимъ молчаніемъ, обращаясь къ одному изъ клерковъ, который къ нему обернулся на винтѣ высокаго табурета, болтая ногами, какже—да что съ нимъ сдѣлаешь? Глупый человѣкъ! Помирать, говоритъ, мнѣ все равно въ устроенномъ имѣньи или неустроенномъ... Я говорю, я вамъ устрою... Знаю, говоритъ я твое устройство...

— Знаю твое устройство? переспросилъ клеркъ, таращa глаза.

— Да, ну конечно подкупить землицы у него хотѣлъ, оно рядомъ...

Но я получилъ свои бумаги и не дослушалъ.

Съ вечернимъ же поѣздомъ поѣхалъ я до станціи, около которой расположена усадьба Бухарина. Былъ сѣрый, осенній, дождливый день. Съ сосенъ, какъ слезы, лились крупныя капли. Вороны и голуби сидѣли нахохлившись, стараясь спрятаться въ вѣткахъ, гдѣ погуще сплетались онѣ. Старыя, полусломанныя и по рессорамъ перевязанныя веревками дрожки, которыя добылъ гдѣ то бывшій дворовый, занимавшійся легковымъ извозомъ со станціи—дрожки эти дребезжали и визжали, словно отъ боли, по всѣмъ суставамъ. Высокая, худая, старая кляча съ пріемами каретной лошади, едва тащила, шлепая по грязи. И еще грустнѣе и темнѣе глянулъ на меня старый, знакомый, поросшій мохомъ домикъ. Но Боже мой, какимъ запустѣніемъ все вѣяло въ этомъ домикѣ! Ни одна собачонка не тявкнула мнѣ на крыльцѣ, гдѣ я подергалъ запертую дверь и пошелъ черезъ кухню. Тамъ соръ, грязь и темнота. Старуха—работница спала на лежанкѣ. Старый, сѣрый котъ лѣниво открылъ въ печуркѣ глаза и безъ малѣйшаго удивленія или любопытства, взглянувъ на меня, снова закрылъ ихъ. Только большая муха назойливо жужжала, билась по угламъ и по мокрымъ снаружи, тусклымъ, немытымъ стекламъ...

— Кто тамъ? послышался старческій, дребезжащій, знакомый голосъ. Господи, да никакъ это вы? Вѣдь это надо ѣхать по желѣзной дорогѣ. Эдакое безпокойство видѣть меня, старика... Я ужъ и радоваться батюшка разучился... Такъ все вотъ Богъ смерти не даетъ, а горя, горя сколько угодно... Садитесь... Что же я... кх... кх!.. Маланья... все спитъ... самоварчикъ...

Когда мы усѣлись, поразговорились, я спросилъ правда-ли, что Лидочка его вышла замужъ за ссыльнаго и какъ это случилось.

— Худое дѣло, хвастать нечего. Такъ это все какъ-то разыгралось неожиданно. Мѣсто здѣсь знаете глухое,

новостей мало. Все что случится, сейчасъ услышишь. Прослышали мы, что у начальника станціи нашей—былъ онъ прежде буфетчикъ въ трактирѣ—что у него поселился какой-то ссыльный, на порукахъ, видите, у него. Ну потолковали мы это. Священникъ говоритъ, что хотя убѣжденій и противныхъ быть можетъ человѣкъ, но все же вѣроятно съ развитіемъ умственнымъ. Познакомился съ нимъ. Разсказываетъ: такой, говоритъ, тихій, скромный, молодой. За что его и ссылали-то? Кажется на буйственное на что не способенъ... чтобы къ ниспроверженію... Говоритъ мало. О власти съ почтеніемъ. Такъ поболтали и забыли о немъ.

говоритъ. То-то ли вѣжливый, то-то ли скромный! Все краснѣетъ, вскакиваетъ! „Извините!“ Вижу моя русалочка—кого она бѣдная видѣла? на его голубые глаза все поглядываетъ и такъ-ли повеселѣла. Думалъ, думалъ я его не принимать, да жалко дѣвочку стало. Пусть, думаю хоть поговоритъ съ кѣмъ помоложе дѣда—бѣда невелика.

И говорилъ то онъ не такъ. Однако слова употреблялъ. Мѣры эти правительства, говоритъ, не цѣлесообразны... Въ газетахъ, говоритъ, довольно о политикѣ Европы было. И вижу по разговору, что не изъ обра-

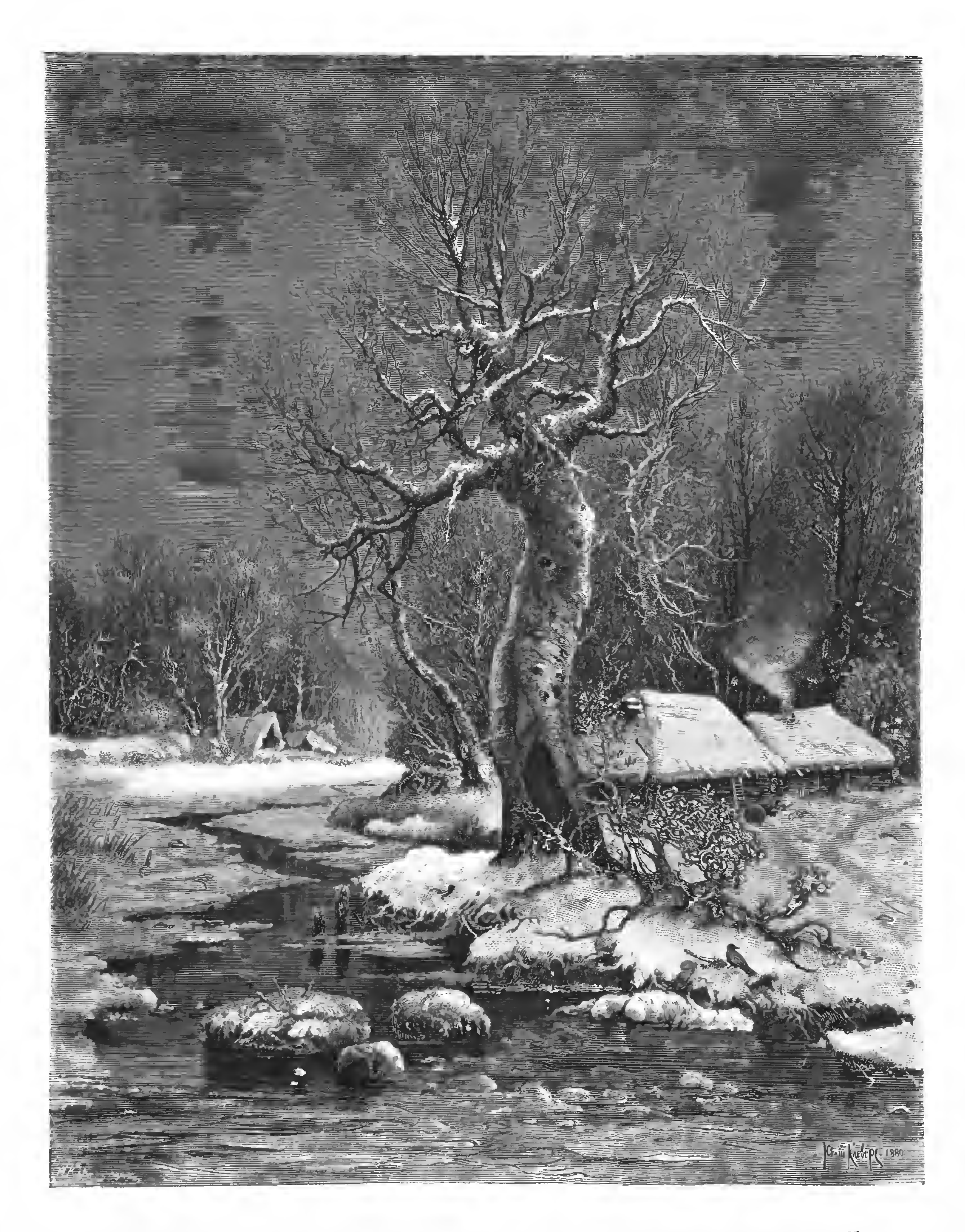
Художникъ Михаилъ Зичи. Рис. перомъ Г-жа Маріи Этлингеръ, грав. Лефманъ.

Разъ сидимъ этто мы съ Лидочкой на балконѣ, жаркій такой день былъ. Смотримъ, изъ лѣсу идетъ по тропинкѣ молодой человѣкъ, такой изъ себя видный. Фуражечку приподнялъ. „Извините, говоритъ, не могу ли попросить стаканъ воды, усталъ, я не здѣшній, такъ въ лѣсу заблудился“—и глаза такіе голубые, вѣжливо такъ говоритъ. Вы говорю издалека-ли, кто будете? Заходите, чайку выпьемъ. Ну онъ знаете грустно такъ „быть можетъ, вы не захотите и знаться, я несчастный высланный сюда по своимъ, говоритъ, убѣжденьямъ, хотя каюсь“... Э, говорю, что намъ за дѣло! Тамъ ваше дѣло, а коли васъ тутъ поселили—не затѣмъ чтобы мы васъ и чаемъ ужь не напоили. Ну слово за слово. Сѣлъ,

зованныхъ онъ. Такъ какой-то. Скучно и тяжело мнѣ какъ все это разсказывать! А кончилось тѣмъ, что пришла ко мнѣ разъ вечеромъ русалочка, расплакалась. Люблю, говоритъ, его такъ, вотъ просто сама себя не помню. И красавчикъ то онъ и умный-то, и его напрасно сослали: онъ говорилъ. Такъ мнѣ въ сердце какъ ножомъ садануло. Что мнѣ дѣлать! Что съ ними ныньче подѣлаешь...

— Экое вамъ горе было?

— Нѣтъ, вы погодите, горе-то впереди. Призываю я его, говорю: что ты надѣлалъ. „Ей Богу, говоритъ, самъ не знаю, всѣмъ сердцемъ Лидію Петровну полюбилъ, но и думать не смѣю“...

Первый снѣгъ. Картина академика Ю. Ю. Клевера, рис. на деревѣ Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

— Да ты за что сосланъ? спрашиваю.

— Посудите, говоритъ, сами—молодость! Увлекся. Конечно, у меня бродили разныя идеи... Но я клянусь прахомъ моего отца, я все оставилъ... Хочу какъ слѣдуетъ...

— Бога ради, говорю, не ходи ты съ недѣльку, я подумаю. Такого дѣла нельзя вдругъ такъ. Думаю, забудется. А тамъ попрошу чтобы его вызвали отсюда... И дѣлу конецъ.

А былъ, надо вамъ сказать, у меня въ Петербургѣ сослуживецъ, маіоръ Саловъ, состоялъ по полиціи. Я письмо къ нему—такъ молъ и такъ, кто такой за человѣкъ. И что же получаю? „На письмо твое, любезный другъ, спѣшу извѣстить, что оная личность—самый низкій мошенникъ и не политикѣ причастенъ, а высланъ за всякія продѣлки, почему онаго лица остерегайся“!

Ну, подумайте, каково было. Показываю внучкѣ. И ухомъ не ведетъ.

— Все это, говоритъ, не такъ; онъ говорилъ: это напрасно... Его самъ Лепехинъ, извѣстный адвокатъ, защищалъ...

— Развѣ его судили?

— Что-жъ, говоритъ, судить всякаго могутъ... А я знаю, что все это вздоръ и кромѣ его ни за кого не пойду...

И ушла къ себѣ, заперлась и не выходитъ.

Сижу я вечеромъ, пасьянсъ раскладываю, раздумываю обо всемъ этомъ, слышу тихо кто-то, какъ кошка прокрадывается. Гляжу, въ дверяхъ онъ стоитъ.

— Что ты, говорю, батюшка. Лучше бы не ходилъ ты, говорю.

— Умоляю васъ, говоритъ—и слезы на глазахъ—умоляю, выслушайте: ужели павшій человѣкъ не можетъ подняться и вѣчно его будутъ отталкивать... Я хочу жить честно, трудиться, полюбилъ и ужели же...

И такъ далѣе, расписалъ весьма все резонно и говоритъ—откуда что взялось. На колѣни сталъ, рыдаетъ. Будьте моимъ отцомъ, говоритъ, я сирота, у меня ни отца, ни матери!

Я успокоилъ его, посадилъ и онъ мнѣ таково горячо и такъ складно разсказалъ. Брошенъ въ столицѣ, ребенокъ, соблазнъ, сирота, товарищи, скамья подсудимыхъ... Думаю: что-жъ мнѣ дѣлать? И какъ вы думаете, что я, глупецъ, сдѣлалъ?

— А что такое?

— Началъ я хлопотать за него. Губернаторша добрая, пылкая старушка была. У него же видъ такой приличный. Поднимать падшихъ, говоритъ, это обязанность. Ну состряпали куда надо, что молъ ведетъ себя добропорядочно, въ виду сего... Ну и свадьбу сыграли... Печальная свадьба была какая-то.

— Что-жъ онъ дѣйствительно можетъ сирота, брошенный на улицѣ съ хорошими задатками и исправился.

— И вовсе не сирота, все лгалъ, и отецъ у него и мать, такіе же мошенники. Вотъ не злой я человѣкъ, а этого мерзавца, вотъ вѣрите-ли, вспомнить не могу. Ахъ какая язва эти всѣ ссыльные у насъ и политики эти и мошенники! Весь этотъ перегной столичный... Хоть бы ихъ куда вмѣсто нашихъ бѣдныхъ уѣздовъ, куда нибудь въ Камчатку бы усылали...

— Ну-съ, продолжалъ разсказывать, нѣсколько успокоившись старикъ, тотчасъ послѣ свадьбы является, одѣтъ отлично и глаза такіе злые, жестокіе, никакого ужь румянца и вѣжливости не оказываетъ.

— Теперь, говоритъ, дѣдушка, давайте деньги...

— Что ты говорю, вѣдь ты хотѣлъ служить, да и какія деньги у меня.

— Такъ вѣдь не изъ-за чего же кралю вашу я бралъ... Невидаль какая! У насъ, говоритъ, дѣвицы были много красивѣе изъ себя.

— Вонъ, говорю, отъ меня!

— Потише, говоритъ, потише. Раскаетесь, смотрите. Такъ не дадите денегъ?

— Да гдѣ я возьму?

Ушелъ. Жили они первое время здѣсь въ мезонинѣ и будто ничего, хорошо. Только слышу такъ, черезъ недѣлю, ночью, рыданья сверху, крики какіе-то. Втащился я на верхъ, гляжу: свѣчка на столѣ, она на сундукъ упала, а молодой мужъ ее кнутомъ, вотъ просто ямщицкимъ кнутомъ, полосуетъ. Я только вижу у нее кровь на плечѣ. „Что ты, говорю, мерзавецъ, дѣлаешь“. „Не ваше, говоритъ, дѣло. Идите вонъ“. Столкнулъ съ лѣстницы меня и дверь заперъ. Ну хоть прислушивался, однако утихло на верху. Понимаете—все же я всю ночь не спалъ. Думаю: Господи! что же это будетъ?

Утромъ приходитъ Лидочка, разсказываетъ. Велѣлъ ей у меня денегъ просить, а если не дамъ, то каждый вечеръ будетъ ее бить, пока не дадутъ денегъ. Онъ меня, говоритъ, дѣдушка, въ кровь... Онъ на смерть добьетъ...

— Да я, говорю, его выгоню, пожалуюсь.

— Какъ можно, говоритъ, что это вы, онъ мой мужъ, я скажу, что онъ меня не билъ. Буду страдать и все буду говорить что не билъ, если вамъ денегъ жалко. А я его все же боюсь, онъ злой.

— Дурочка, да нѣтъ у меня.

— Заложите, говоритъ, имѣньице...

Это ужь значитъ научилъ. Господи, послѣднее достояньице ея же было. Для нея же берегъ. Что тутъ было дѣлать? Теперь весь заложенъ... на старости лѣтъ. Вотъ какъ! Онъ все объорудовалъ...

— Гдѣ же они теперь?

— Уѣхали въ Петербургъ, говоритъ операцію какую-то начнетъ. Это на 800 то рублей. Извѣстно, какія тамъ его операціи... И теперь ко мнѣ и не пишутъ.

Развязка, однако, наступила скоро. Однажды, просматривая газеты, я наткнулся на знакомую фамилію зятя моего капитана и прочелъ въ отдѣлѣ хроники, слѣдующее: „намъ сообщаютъ, что 12 числа по Мѣщанской, въ домѣ № 18, въ квартиру Н. явилась полиція для арестованія уже судившагося однажды Н. по дѣлу о дерзкой кражѣ со взломомъ, которой долгое время не находили слѣдовъ. Не встрѣтивъ никого въ комнатахъ, околоточный надзиратель, услышавъ какой-то шорохъ въ большомъ сундукѣ, стоявшемъ въ углу, отворилъ его и изъ сундука выскочилъ арестуемый, безъ сертука, съ револьверомъ въ рукахъ, въ состояніи крайняго возбужденія. Онъ кричалъ, что его не смѣютъ арестовать, затѣмъ вдругъ схватилъ бритву и перерѣзалъ ею себѣ горло. По заключенію врачей, рана безусловно смертельна и на выздоровленіе нѣтъ надежды. Производится разслѣдованіе“.

Бѣдный, старый капитанъ! подумалъ я, какъ-то надѣнетъ онъ свои большіе очки и какъ прочтетъ въ газетѣ это мрачное извѣстіе о своей русалочкѣ.

Прошли года послѣ разсказаннаго. Въ одну весну, собираясь закончить всѣ свои дѣла въ этомъ краю, я пришелъ къ тому исходу, къ какому приходятъ почти неизбѣжно средняго достатка люди съ нынѣшнимъ хозяйствомъ: продавать все что было, остаться безъ угла и пріюта на землѣ и приниматься за „отхожіе промыслы“. Чтобы продать одинъ клочекъ земли по рѣкѣ, надо было размежеваться съ Крестовоздвиженскимъ женскимъ монастыремъ, у котораго часть этаго клочка была по завѣщанію чьему-то во владѣніи, Я отправился въ монастырь.

Дорога шла густымъ лѣсомъ и болотомъ. Гати, сланныя хворостомъ и жердяникомъ, размыло весенними дождями и проѣхать нельзя было иначе какъ верхомъ и то очень медленно, чтобы не переломать ноги коню по такимъ невообразимо ужаснымъ колеямъ. На измученной лошади я едва дотащился къ ночи. Тучи бродили по небу и среди нихъ величаво возвышаясь, показались темныя главы церквей и массивныя, старинныя башни монастыря. Гостепріимно замелькали огоньки въ маленькихъ окошечкахъ монастырской гостинницы, гдѣ

я нашелъ ночлегъ въ крошечной коморкѣ съ жесткимъ кожанымъ, короткимъ диванчикомъ. Работникъ принесъ мнѣ самоваръ и узнавъ зачѣмъ я пріѣхалъ, сказалъ, что теперь всѣ въ церкви и ужъ поздно, а что завтра можетъ быть матушка игуменья и приметъ, хотя онъ сомнѣвается, ибо она очень нездорова.

Я пошелъ ко всенощной. Не ярко освѣщенная свѣчами паникадилъ, старинная церковь уходила въ высь, въ облака ладона безчисленными образами иконостаса и громадными настѣнными изображеніями. Пѣніе монахинь странно поражало непривычное къ женскому хору ухо. Старуха игуменья въ видимомъ сильномъ утомленіи, больная, съ трудомъ высиживала службу въ высокомъ рѣзномъ креслѣ, опираясь на посохъ. Ряды монахинь истово молились. Нѣсколько старухъ изъ сосѣдняго поселка стояли въ уголку. Лицо одной высокой монахини показалось мнѣ знакомымъ. Но я полагалъ, что ошибся и предался своимъ невеселымъ думамъ и старался впасть въ то глубокое созерцательное и молитвенное настроеніе, въ какомъ была повидимому высокая монахиня. И этотъ пустынный монастырь, и эти усердные молящіеся въ ночи произвели на меня какое-то отрадное, успокоивающее впечатлѣніе. Миръ словно низошелъ въ душу мою... На другой день, очень рано, работникъ заявилъ мнѣ, что матушка совсѣмъ слегла и принять не можетъ, а проситъ объ дѣлѣ переговорить съ матушкой казначеей. Онъ проводилъ меня въ келійку—дверь отворила маленькая миловидная дѣвочка. На встрѣчу мнѣ поднялась, обратившая на себя мое вниманіе, высокая монахиня. Я уже не сомнѣвался, что зналъ ее: это была бѣдная Бухарина.

— Матушка приказала мнѣ переговорить, начала она.

— Позвольте, Лидія Петровна...

Она съ легкимъ неудовольствіемъ и смущеніемъ остановила меня. Лицо ея приняло странное, отрѣшенное какое то отъ всего выраженіе...

— У меня никого и ничего нѣтъ въ мірѣ, тихо сказала она, мой старикъ скончался... и пожалуста перейдемте къ дѣлу... Прошу васъ... О чемъ вспоминать...

И это былъ послѣдній разъ, что я видѣлъ нашу бывшую „русалочку“, столько страдавшую и нашедшую здѣсь миръ и привѣтъ своему истерзанному сердцу...

Умильта.

Повѣсть **Уйда**.

I.

Среди низкой цѣпи холмовъ, тянущейся между Валь д'Арно и Валь ди-Пиза есть одинъ холмъ Сорре, у подножія котораго раскинулась деревенька Мосціано, славящаяся своимъ чудотворнымъ изображеніемъ Мадонны. Именемъ этой деревеньки названы и холмы, перерѣзанные долинами, которые тянутся къ западу и теряются за дальнимъ горизонтомъ.

Эта мѣстность мало извѣстна и посѣщаема путешественниками, на нее не обращаютъ вниманія. По песчаной, широкой дорогѣ, идущей между каштановыми и сосновыми рощицами, ходятъ только ослики дровосѣковъ да волы каменьщиковъ Даже во время самыхъ сильныхъ жаровъ, на холмахъ этихъ все такъ зелено, свѣжо и прохладно. Деревья покрываютъ эти холмы. Прекрасныя итальянскія сосны поднимаются здѣсь сотнями; вокругъ нихъ цѣлый лабиринтъ дубковъ, краснаго вереска и золотаго дрока. Маленькія долины кажутся какими-то птичьими гнѣздами, спрятанными въ землѣ. Когда солнце начинаетъ скрываться въ фіолетовой тѣни горы Альбано, раздается тихій звонъ къ вечернѣ со всѣхъ колоколенокъ въ долинахъ и на холмахъ.

Люди здѣсь живутъ мирно и покойно и мало заботятся о треволненіяхъ міра сего, его властелинахъ и бойцахъ. Они ничего не понимаютъ въ войнахъ, въ перемѣнахъ правительствъ. Обыкновенный строй ихъ жизни нарушается развѣ только появленіемъ какого-нибудь вреднаго для ихъ посѣвовъ насѣкомаго. И свѣтъ, въ свою очередь, не имѣетъ понятія объ этихъ мирныхъ людяхъ и представляетъ ихъ себѣ, обыкновенно какъ представляютъ итальянцевъ—тутъ какъ-то тотчасъ являются въ воображеніи разбойники и развалины—и никто не знаетъ ничего объ этомъ прелестномъ уголкѣ земли, объ этой идиллической пастушеской жизни, этихъ уединенныхъ мѣстечкахъ, гдѣ рѣзвятся непуганные звѣрьки, гдѣ совы неслышно носятся за пестрыми ночными бабочками, гдѣ крохотныя птички полощатъ крылышки въ хрустальныхъ волнахъ ручьевъ, берега которыхъ усѣяны такимъ количествомъ фіалокъ, что издали не видно даже зелени.

— Такъ вамъ нравится эта маленькая травка—спрашиваютъ здѣсь женщины полудружески, полунасмѣшливо поглядывая на васъ и срываютъ цвѣточекъ съ такимъ видомъ, точно васъ хотятъ позабавить какъ ребенка.

Умильта рвала для меня разъ эти цвѣты и я случайно тутъ и узналъ исторію ея жизни.

Умильта очень красивая женщина. Большаго роста, гибкая, съ прекрасными правильными чертами лица и золотистымъ цвѣтомъ волосъ—цвѣтъ, который не рѣдко встрѣчается въ Тосканѣ. При этомъ величавая, граціозная походка. Когда она стояла подъ стройной сосенкой на холмѣ, осѣненная зеленью вѣтвей и освѣщенная солнечными лучами, это была точно картина Тиціана.

Былъ тогда праздникъ. На шеѣ у нея была нить жемчуга, волоса были перевиты двумя струйками кораллов. Свѣтложелтый платочекъ былъ накинутъ на плечи и прекрасно оттѣнялъ ея лицо, свѣжее какъ спѣлый персикъ. На груди ея приколотъ маленькій букетъ жимолости а сынокъ ея, настоящій маленькій херувимъ—руки полные вишень, курчавые волосы—ползаетъ у ея ногъ.

— Вотъ, сказала возлѣ меня какая-то смуглая женщина, это Умильта! И кто повѣритъ, что она взята изъ воспитательнаго дома и еще сидѣла въ тюрьмѣ.

— Ты этого никакъ не можешь забыть, сурово замѣтилъ ей какой-то пожилой малый. Женщины никогда не умѣютъ забывать, пробормоталъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Да это и не имѣетъ никакого значенія—всякій объ этомъ знаетъ. Что же тутъ такаго!

Раздался тихій благовѣстъ съ колоколенки Мосціано. Красавица съ букетомъ жимолости спускалась съ холма идя къ обѣднѣ. Ребенокъ переваливался за нею послушно, какъ собачка, роняя одну вишню за другой. Она взяла его на руки и ребенокъ зацѣпилъ вѣтку вишень за коралловую нитку въ волосахъ матери. Звонко раздавался ясный смѣхъ малютки и вскорѣ они скрылись изъ виду между кустами вереска.

— Это самая красивая женщина во всемъ нашемъ округѣ, заговорилъ лѣсникъ, и вотъ поэтому-то женщины нарочно не хотятъ забыть, что она сидѣла въ тюрьмѣ. Хотите знать ея исторію? Но я не разсказчикъ, вы это лучше можете узнать отъ патера.

Но не отъ патера я узналъ ея исторію, а отъ самой Умильты и отъ того, кто ее любилъ больше всего на свѣтѣ. Мнѣ разсказывали слѣдующее:

Однажды подъ вечеръ, ночной сторожъ нашелъ во Флоренціи на церковной паперти ребенка. Его отнесли въ воспитательный домъ, такъ какъ никто о немъ не справлялся и при немъ не нашли ничего указывавшаго на его происхожденіе. Ребенокъ росъ въ обществѣ другихъ сиротокъ и нареченъ именемъ св. Умильты, вовсе не подходящимъ къ найденышу.

Умильта росла и становилась такимъ прелестнымъ ребенкомъ, какого никогда еще не бывало въ стѣнахъ воспитательнаго дома. Это была здоровая, веселая, ласковая и умная дѣвочка, но при томъ и упрямая, за что нерѣдко ее наказывали. Въ четырнадцать лѣтъ Умильта смотрѣла совсѣмъ взрослою и было признано, что она уже способна добывать сама себѣ кусокъ хлѣба. Ее послали въ услуженіе къ патеру въ Мосціано. Она никогда не выходила за ограду сиротскаго дома. Поэтому идя оттуда, она молча, съ наивнымъ удивленіемъ смотрѣла на хлѣбныя поля, виноградники, оливковые сады. Придя вечеромъ къ мѣсту назначенія и смотря на долины, холмы и облака, она, противъ обыкновенія своего робко, спросила:

— Это, должно, быть небо?

Окружающіе смѣялись надъ нею. Она нерѣдко думала о раѣ, и прежде, стоя на колѣняхъ въ мрачной, пронизанной солнцемъ сквозь разноцвѣтныя стекла, часовнѣ и прислушиваясь къ словамъ проповѣдника. Но ей всегда твердили, чтобы она и не воображала, что попадетъ въ это мѣсто блаженства, такъ какъ она слишкомъ много грѣшила, т. е. шалила.

Лежа ночью въ отведенной ей близь голубятни коморкѣ, любуясь звѣзднымъ небомъ и прислушиваясь къ пѣнію птицъ, она твердо была увѣрена, что попала именно въ рай, не смотря на то, что много шалила.

И Умильта полюбила холмы Мосціано съ ихъ прелестными, тѣнистыми рощицами.

До сихъ поръ сердце ея было спокойно, она любила только одного мышенка, котораго кормила хлѣбными крошками. Но и съ мышенкомъ ей было запрещено играть и ея любимецъ попалъ въ очень остроумно устроенную мышеловку и съѣденъ

кошкой. Огорченная дѣвочка съ крикомъ и воплемъ кинулась на надзирательницу; за это она была заключена на нѣсколько дней въ отдѣльную комнату.

Умильта едва съ годъ пробыла на своемъ новомъ мѣстѣ, какъ старикъ патеръ умеръ и хозяйство его разстроилось. Одна изъ крестьянокъ, которая оцѣнила чистоплотность, старательность и способность Умильты ходить за скотомъ и птицей, взяла ее къ себѣ. Умильта съ радостью согласилась идти къ ней, такъ какъ ей главное хотѣлось только не разставаться съ этими милыми холмиками. Въ домѣ Розы дѣвочка развилась въ прелестную, стройную женщину.

Хозяйка ея, Роза, была прекрасная женщина, трудолюбивая какъ пчела и искренно, сердечно набожная. Ея доброе сердце, гостепріимство и хорошій надзоръ за дѣтьми, которыя ее любили и боялись, дѣлали ей честь. Но при всей своей добротѣ она любила быть настоящей хозяйкой въ домѣ. Мужъ ея не рѣшался даже и думать по своему, онъ продавалъ телятъ, молотилъ рожь и работалъ по ея приказанію, какъ простой работникъ. При такомъ характерѣ хозяйки, столкновенія съ упрямой Умильтой были неизбѣжны. Она подчинялась только по необходимости.

Деревенскіе смотрѣли на Умильту какъ на безполезную дѣвушку. Немногіе цѣнили ее, но остерегались это высказывать, боясь насмѣшекъ сосѣдей.

Умильта была ловка и могла сдѣлать въ часъ больше, чѣмъ другія въ шесть, но не часто ей хотѣлось что нибудь дѣлать. Она хорошо пряла, дѣлала прекрасно плетенки изъ соломы, знала всѣ цѣлебныя травы и т. п. Но охотнѣе всего она любовалась въ зеркало своимъ хорошенькимъ личикомъ или заплетала свои чудныя, густыя косы и воображала себя героиней разныхъ исторій и считала себя предназначенной для чего-то гораздо высшаго, чѣмъ житье въ деревушкѣ. Словомъ была надменна и недовольна—качество, вовсе неудобное въ деревенской жизни. Всѣ жители тутъ были равны, думали только о посѣвѣ, да о жатвахъ, о разсадкахъ и порубкахъ.

Дѣвушка была слишкомъ богато одарена отъ природы, чтобы другія женщины могли относиться къ ней спокойно и ровно. Она была въ самомъ дѣлѣ замѣчательно хороша; въ ней была та классическая грація, за которую мѣстные жители полунасмѣшливо, полунедоумѣло звали ее „королевой“.

По натурѣ своей она была очень чистоплотна; если у нея случались деньги, то она расходовала ихъ на разные уборы, причемъ при выборѣ отличалась большимъ вкусомъ, никогда не покупала такихъ пестрыхъ платковъ и матерій, какіе очень любили ея подруги. Лѣтомъ носила она на груди букетики красной гвоздики, а зимою, когда ничего такого нельзя было достать, она украшала себя пучкомъ золотистаго дрока. Все это сосѣдямъ казалось страннымъ, такъ какъ по мѣстнымъ понятіямъ, только глупцы могли любить цвѣты; всѣ говорили, что ей хочется показать бѣлизну своей шейки, которая не загораетъ ни отъ вѣтра, ни отъ солнца. Она не пользовалась между односельцами особенной любовью. А когда кое кто изъ мѣстной молодежи, увлекаясь ея красотою, пускались за нею ухаживать, то она такъ сердито и свысока всегда принимала это, что тѣ, пристыженные, поскорѣе отъ нея перебирались къ болѣе подходящимъ дѣвушкамъ. „Точно и въ самомъ дѣлѣ можно выйти замужъ за одного изъ такихъ!“ говорила она себѣ съ презрѣніемъ; затѣмъ гнала своихъ козъ на верхъ подъ сосенки и опять предавалась разнымъ несбыточнымъ мечтамъ, и видѣла себя чуть не съ короной на своихъ золотистыхъ волосахъ, а вокругъ себя толпу какихъ-то колѣнопреклоненныхъ людей.

Если бы она только знала, кто она, или бы могла угадать это!

Въ тѣ веселыя осеннія ночи, когда занимаясь чисткою маиса или орѣховъ, молодыя дѣвушки смѣются и болтаютъ, или внимательно слушаютъ какую нибудь старую исторію или пѣсню, которую напѣваетъ какой нибудь парень, наигрывая при этомъ на мандолинѣ, Умильта сидѣла одна въ сторонкѣ и мечтала все о шумѣ, блескѣ, золотыхъ коронахъ и о людяхъ на колѣняхъ.

Въ такіе вечера, она иногда брала съ собою назначенную ей работу и уходила въ кладовку. Тутъ она открывала деревянную ставню, садилась у окна и работала при свѣтѣ луны, изрѣдка взглядывая на блестящее небо и темныя доливы и серебряныя горы, поднимающіяся къ облакамъ. И если до нея иногда доходило пѣніе нѣжныхъ струнъ гитары, она чувствовала только досаду и озлобленіе. Она была недовольна своею судьбою—это самая тяжкая болѣзнь, какая можетъ постигнуть человѣка.

Въ одну изъ такихъ ночей, когда она сидѣла у себя на верху—было уже позднее лѣто—она услыхала внизу шумъ и смѣшанные голоса женщинъ, при чемъ радостный голосъ доброй Розы покрывалъ всѣ остальные:

— Мой сынъ, мой сынъ, мой сынъ!

— Ужь не вернулся ли Виргиніо? подумала Умильта, все продолжая работать. У нея не явилось даже чувства любопытства—она и не взглянула въ окошко. Виргиніо могъ занимать всѣхъ жителей, но не ее. Что ей за дѣло. Она продолжала работать и все это веселое, шумное движеніе и радость встрѣчи не вывели ее изъ ея обычнаго равнодушія. Окончивъ работу, она выбросила шелуху, усѣлась у окна и стала смотрѣть на ясный мѣсяцъ, поднимающійся изъ-за лѣса. Былъ канунъ праздника. Внизу въ долинахъ раздавался мѣрный благовѣстъ, въ рощицѣ пѣли соловьи...

Умильта сидѣла и все мечтала. Прошло болѣе часа, когда раздался рѣзкій голосъ Розы.

— Умильта, Умильта, поди сюда, что ты вѣчно торчишь тамъ...

Умильта молча спустилась по деревяннымъ ступенькамъ лѣсенки, которая вела прямо въ кухню. Кухня скудно освѣщалась лампочкою, но Умильта была ослѣплена сразу свѣтомъ, просидѣвъ такъ долго въ темнотѣ. Большая кухня была полна народу, говоръ слышался во всѣхъ углахъ. Посреди толпы стоялъ виновникъ этаго шума, статный двадцатисемилѣтній сынъ Розы, съ блѣднымъ прекраснымъ лицомъ, полузакрытымъ тѣнью шляпы. На немъ былъ красивый военный мундиръ.

— Умильта! заговорила донна Роза съ гордостью и восхищеніемъ глядя на сына, поди сюда, поди сюда! Сегодня у меня праздникъ, сынъ мой Виргиніо вернулся. И капралъ онъ теперь, подумай только, капралъ!

Умильта лѣниво взглянула изъ-подъ своихъ шелковыхъ рѣсницъ на сына хозяйки и холодно привѣтствовала его своими блестящими глазами. Ей въ отвѣтъ тотъ вѣжливо и привѣтливо поклонился, снявъ шляпу.

— Что это у тебя за переодѣтая принцесса, замѣтилъ онъ матери въ полголоса.

Умильта разслышала эти слова и лѣнивый взоръ ея на минуту вспыхнулъ.

— По крайней мѣрѣ солдатъ этотъ думаетъ какъ человѣкъ разсудительный...

Виргиніо Дональди былъ очень красивъ. Сильный, хладнокровный, отважный и расторопный, онъ былъ любимъ товарищами и офицерами. Семь лѣтъ онъ уже служилъ въ полку и все это время провелъ въ походахъ. Въ 1870 году онъ былъ однимъ изъ первыхъ, вошедшихъ въ Римъ. Онъ былъ раненъ пулей и саблей—это былъ отличный служака. Уже четыре года какъ онъ не былъ на родинѣ и вотъ совсѣмъ неожиданно пріѣхалъ въ двадцативосьми дневный отпускъ. Очень естественно, въ деревенькѣ онъ сдѣлался тотчасъ же героемъ дня.

Человѣкъ, участвовавшій во взятіи Рима—шутка ли!—святого города! и все таки Господь его помиловалъ и онъ вернулся невредимымъ; человѣкъ ѣздилъ черезъ все море въ Сардинію и Сицилію и еще куда-то и подвергался тысячѣ опасностей—это было нѣчто необычайное для Мосціано! Подробности эти съ быстротою молніи облетѣли деревню и по крайней мѣрѣ три четверти жителей ея пришли поздравить старую Розу, не безъ соображенія и о томъ, что угощеніе у Розы всегда хорошее, а теперь на радостяхъ конечно будетъ еще лучшее.

Но для торжественнаго угощенія было уже слишкомъ позднее время. Старушка Роза ограничилась только тѣмъ, что предложила на первый случай гостямъ нѣсколько бутылокъ вина; тутъ же лежалъ большой кругъ свѣжаго козьяго сыра, а съ очага несся аппетитный запахъ отъ большаго котла супа. Всѣ были веселы и довольны, только новоприбывшій говорилъ мало и былъ очень сдержанъ

Умильта должна была помочь кое въ чемъ хозяйкѣ, затѣмъ, когда ей казалось, что на нее не обращаютъ вниманія, она потихоньку ушла къ себѣ въ коморку. Тихій свѣтъ звѣздъ и мѣсяца былъ ей пріятнѣе, чѣмъ вся эта суетня въ домѣ.

— Переодѣтая принцесса! повторила она про себя и улыбнулась. Ничего не могъ онъ ей сказать пріятнѣе этаго.

Она хорошенько не знала, что значитъ слово принцесса, но въ этомъ было что-то такое блестящее, принцесса должна жить во дворцѣ. Умильту выучили въ пріютѣ порядочно читать. Разносчикъ, появлявшійся часто въ деревнѣ со своимъ осломъ и телѣжкой, между различнымъ товаромъ привозилъ часто и дешевые романы, которые иногда покупала Умильта и перечитывала въ своей коморкѣ.

Виргиніо между тѣмъ оглянулся и видѣлъ какъ она ушла. На югѣ онъ научился понимать и цѣнить красоту и ему еще ни разу не встрѣчалось ни одной женщины прелестнѣе этой работницы его матери.

— Отчего ушла эта дѣвочка? спросилъ онъ у матери, когда всѣ садились за столъ.

Синьора Роза посмотрѣла кругомъ себя.

— Умильта? развѣ ея здѣсь нѣтъ? Ахъ, это ея вѣчная дикость, прости Господи! Она должно быть ушла, какъ всегда, въ свою коморку.

— Развѣ она спитъ въ кладовой? спросилъ Виргиньо.

— Конечно. Это славное мѣстечко!

— Откуда она, и кто она? Когда я былъ здѣсь послѣдній разъ, ея не было.

— Вскорѣ послѣ того какъ ты былъ, она пришла изъ сиротскаго дома служить къ пастору Роцци, а когда онъ умеръ, мнѣ стало жаль дѣвочку и я взяла ее къ себѣ.

— Такъ она—найденышъ?

— Да. Найденышъ, и должно быть самаго низкаго происхожденія! Она была поднята на паперти въ Санъ-Бигальо. Но такъ горда, какъ бѣсъ,—да сохранятъ насъ святые!—и такая упрямая! Я держу ее изъ состраданія—доброе дѣло приноситъ сча-

Красавица. Картина Ф. Боденмюллера. Для „Нивы“, рисовано и гравировано Кезебергомъ и Эртелемъ.

стіе дому. Впрочемъ, правду сказать, она отлично ходитъ за домашними животными, птицей. Они ей больше по сердцу, чѣмъ люди, кажется...

— Удивительно! проговорилъ Виргиніо и задумчиво сталъ прихлебывать вино.

Виргиніо искренно любилъ свою старушку мать, но не смотря на долгое отсутствіе, онъ не забылъ, что языкъ ея иногда слишкомъ таки остеръ, а рука не изъ легкихъ. А потому безъ труда могъ себѣ представить, что гордая работница Розы не всегда почивала на розахъ.

— Сойдетъ къ намъ она еще сегодня? спросилъ онъ какъ будто случайно.

Очень ужь хотѣлось ему видѣть ея прелестную, гордую головку.

— Нѣтъ, не сойдетъ, отвѣтили сестры. Но чтобы сдѣлать ему удовольствіе, онѣ стали въ дверяхъ и позвали Умильту, но не получили отвѣта, хотя она не спала.

Нэтта Сари, дѣвушка бывшая тутъ же, казалась очень опечаленной. Она была тоже хорошенькая дѣвушка, съ густыми рыжими волосами и свѣтло-голубыми, живыми глазками, и ожидала съ такимъ нетерпѣніемъ возвращенія Виргиніо. Ей было только пятнадцать лѣтъ, когда Виргиніо ушелъ въ полкъ, но въ этой странѣ яркаго солнца, оливокъ и винограда, пятнадцатилѣтняя дѣвушка уже женщина. Притомъ же Виргиніо когда-то такъ много и охотно танцовалъ съ нею, а сестры его постоянно поддразнивали ее: „вотъ погоди, Виргиніо вернется!“ И вотъ онъ вернулся а только думаетъ вовсе не объ ней.

Нэтта, которая съ своей стороны тоже желала кого-нибудь повыше простаго крестьянина, не выходила замужъ. Очень она была огорчена, молча перебирала зерна своего жемчуга на шеѣ.

Между тѣмъ Умильта подъ этотъ шумъ внизу, не могла уснуть. Въ открытое окно она слѣдила, какъ словно тѣни носились совы и летучія мыши, старалась забыться и представляла себѣ какого-то гордаго, красиваго, въ золотомъ платьѣ человѣка, который увозилъ ее въ стеклянной каретѣ. Почему бы это не могло сбыться? Она столько объ этомъ читала. Вѣдь увозили же другихъ. И тихо и незамѣтно среди пестрыхъ сновъ и грезъ, она крѣпко заснула.

Въ четыре часа утра Умильта проснулась. Прежде всего она пошла кормить коровъ. Старушка Роза еще не вставала и не могла побранить ее за вчерашнее. Открывая дверь, Умильта увидѣла на дворѣ статную фигуру Виргиніо.

— Добраго утра, синьорина Умильта, сказалъ онъ снимая шляпу.

Сердце Умильты забилось сильнѣе обыкновеннаго. До этой минуты ее еще никто не называлъ синьориной. Она тихонько улыбнулась на это привѣтствіе и занялась своимъ дѣломъ.

— Не могу ли я вамъ немножко помочь? спросилъ Виргиніо.

— Мнѣ не нужно никакой помощи, отвѣтила Умильта рѣзко.

Виргиніо все таки началъ граблями собирать сѣно.

Умильта не обращала на него никакого вниманія.

— Вы обидѣлись, спросилъ онъ ее немного погодя.

— Можете дѣлать что вамъ угодно, на то вы и старшій сынъ хозяйки—что мнѣ до этаго, отвѣтила она.

Виргиніо засмѣялся и началъ раскладывать сѣно по яслямъ.

— Я еще не забылъ деревенскихъ работъ и очень радъ что снова можно за нихъ приняться.

Умильта украдкой на него взглянула и ничего не отвѣтила. Но ей показалось страннымъ, что онъ вернулся съ цѣлью снова сдѣлаться деревенскимъ, когда имѣлъ возможность свободно рыскать по свѣту. Она знала конечно, что всѣ они, или почти всѣ кончали этимъ. У нее не было желанія разговаривать съ Виргиніо, когда мать и сестры его еще спали.

Она молча отвернулась отъ него и продолжала работать. Разлила молоко въ кувшины, передала работнику и тотъ повезъ ихъ на рынокъ. Потомъ взяла серпъ, закинула корзину за спину и пошла косить траву. Бѣдныя животныя все лѣто простояли въ сараѣ, чтобы не испортили какъ нибудь незрѣлаго винограда. Вся забота поселянъ сосредоточивается на виноградникахъ, а несчастныя животныя во все жаркое время лишены свободы и воздуха.

Умильта дѣлала все возможное, чтобы облегчить ихъ неволю и носила имъ свѣжую траву. Виргиніо слѣдитъ за нею глазами, оставаясь на мѣстѣ, изъ чувства деликатности.

Теплый, розовый свѣтъ окрашивалъ постепенно всѣ холмы, долины еще оставались въ тѣни. Вскорѣ Виргиніо потерялъ Умильту изъ виду. Коровы мычали.

— Я скоро вернусь, мои милыя, мои бѣдныя! Стойте смирно—я скоро вернусь,—сказала она имъ нѣжно, уходя.

— У нее должно быть доброе сердце, подумалъ Виргиніо, но кого еще кромѣ коровъ она назоветъ своимъ?

Раза четыре или пять возвращалась она съ холма, принося полныя корзины травы, которую раскладывала по яслямъ. Молодой капралъ все время сидѣлъ передъ дверьми и всякій разъ, когда приходила Умильта, онъ слѣдилъ за нею задумчиво.

Между тѣмъ и остальные члены семьи тоже поднялись. Старушка Роза, для своего сына варила большой горшокъ кофе, который пьютъ здѣсь только во время большихъ праздниковъ, при похоронахъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Солнце поднялось на горизонтѣ, и въ золотѣ лучей потонулъ чудесный, нѣжный, розовый свѣтъ утра. Въ крестьянскомъ дому, особенно въ тихомъ, какъ домъ Розы, работа не переводится цѣлый день. Волы и овцы приводятся съ поля; всѣ сыновья и дочери, даже дѣдушка и бабушка, работаютъ; женщины трудятся еще болѣе мущинъ. Землю нужно постоянно вспахивать—она требуетъ большаго ухода. Въ обѣдъ каждый съѣдаетъ кусокъ хлѣба и сыру, вечеромъ супъ изъ кореньевъ. Жизнь здѣсь очень трудовая и отдыха мало, но за то ежели случаются свободные часы—смотришь—тотчасъ раздаются звуки гитары; смѣхъ, пѣсни, молодежь танцуетъ, старики весело болтаютъ. Вѣчно прекрасное южное небо дружелюбно раскинулось надъ чуднымъ краемъ; пропитанный запахомъ цвѣтовъ и зелени воздухъ благоухаетъ, какъ только что сорванная роза. И не смотря на скудость и лишенія, жизнь здѣсь все же такъ хороша!

Виргиніо тоже думалъ, что жизнь здѣсь—лучшая жизнь на свѣтѣ. Тосканецъ чрезвычайно привязанъ къ своей родинѣ. И какъ не любить такую родину? Это всегда добрый, послушный и выносливый солдатъ, но во время службы онъ вѣчно вспоминаетъ свою родную деревеньку, свой холмъ и рощицы. Если на его долю выпадаютъ почести, если онъ почему либо вдругъ возвысится, онъ все же съ большимъ трудомъ дотягиваетъ службу свою до конца. Солдатъ Тосканецъ—и гордость и отчаяніе своихъ офицеровъ. Какъ только является малѣйшая возможность, онъ тотчасъ бросаетъ ружье и возвращается къ своей сохѣ и къ своимъ золотистымъ, мирнымъ полямъ. Жизнь такая ему милѣе всякихъ почестей; въ чужомъ краю онъ сердцемъ стремится къ своему родному домику съ низкой черепичной кровлей, къ старой, почернѣвшей церкви съ высокой колокольней, къ откосамъ горъ, покрытыхъ виноградниками, къ своимъ бѣлымъ, спокойнымъ воламъ, ко всему что мирно ютится въ тиши и въ тѣни благоухающаго лѣсистаго холма, гдѣ мать его, сидя на скамеечкѣ передъ своею дверью, прядетъ густую волну, гдѣ извивается прозрачный ручеекъ въ зеленыхъ бархатныхъ берегахъ, покрытыхъ безчисленными фіалками. Передъ собою видитъ все это и во снѣ и на яву тосканскій солдатъ и никогда ему не забыть этаго.

Это спокойное довольство носитъ въ себѣ превосходные задатки. Когда отечество въ опасности, тогда проявляются поразительные примѣры любви къ родинѣ, которые вызываютъ людей на блестящія дѣла вѣрности и самоотверженія.

Виргиніо былъ настоящій сынъ своей родины. Офицеры его полка дѣлали все возможное, чтобы убѣдить его не оставлять службы. Прослуживъ обязательные три года, онъ былъ повышенъ и впереди его могло ожидать еще очень многое. Но ему все это прискучило. Онъ опять захотѣлъ увидѣть свои родные лѣса и твердо рѣшился черезъ три урочныхъ года вернуться на свою родину и зажить мирнымъ поселяниномъ. Стоять по колѣни въ верескѣ, съ лицомъ обвѣваемымъ благоуханнымъ вѣтромъ, видѣть своихъ мирно пасущихся воловъ—нравилось ему гораздо больше, чѣмъ блескъ золота, военный шумъ и всѣ мундиры королевской арміи, взятые вмѣстѣ.

Не смотря на то, что онъ былъ на этотъ разъ героемъ дня, онъ по старому принялся за обычную работу. Ему часто поэтому приходилось быть около Умильты, прекрасное и строгое лицо которой наполняло весь міръ, казалось ему, солнечнымъ блескомъ и радостью...

При такихъ условіяхъ нуженъ мигъ для того, чтобы полюбить пылко и сильно.

Былъ жаркій іюнь, жатва уже началась; время стояло чудесное. Жнецы работали подъ зеленою тѣнью вѣтвей клена и оливковыхъ деревьевъ, обвитыхъ виноградными лозами. Поля поднимались и спускались съ холма на холмъ, перерѣзанные сверкающими ручейками. Виргиніо не думалъ объ исторіи Руѳи, такъ какъ народъ въ этомъ краѣ, гдѣ такъ часто однако раздается „Angelus“ мало знакомъ съ Библіей. Но если бы тутъ случился художникъ, то лучшей Руѳи не нашелъ бы, какъ Умильта. Она была такъ прелестна, стоя среди золотистаго поля, гдѣ изрѣдка среди золота колосьевъ покачивались красныя головки мака, и прилежно работая серпомъ, ни разу не взглянувъ на Виргиніо, который съ такою бы радостью облегчилъ ея трудъ, какъ бы даже совсѣмъ не замѣчала его. Умильта работала ловко и хорошо, была молода и сильна и все, за что она бралась, она умѣла довести до конца. Но во время работы она все же не переставала мечтать о золотой каретѣ, которая непремѣнно пріѣдетъ же когда нибудь за нею, и о томъ что скажутъ люди, когда она будетъ на нихъ смотрѣть въ стекла кареты, одѣтая въ прекрасное платье и съ короной на головѣ. Она знала изъ книжекъ, которыя покупала у разнощика, что всѣ королевы непремѣнно носили короны, что подтверждалось въ романахъ еще и рисунками. Она отлично знала, какъ нужно вести себя въ королевскихъ нарядахъ, она была въ этомъ увѣрена.

Туанетта, помогавшая тоже жать, видя старанія Виргиніо находиться постоянно поближе къ Умильтѣ, возненавидѣла ее отъ всего сердца. Между тѣмъ Умильта относилась къ ухаживаніямъ молодаго человѣка съ полнымъ, презрительнымъ рав-

нодушіемъ, что тоже злило Нэтту. Какъ она смѣетъ! Кто она такая, чтобы такъ относиться къ нему!

— Проклятый подкидышъ! думала Нэтта, глядя какъ Умильта слѣдила за мелькающей въ травѣ ящерицей и не замѣчала выразительныхъ взглядовъ Виргиніо.

Умильта между тѣмъ радовалась первой, одержанной ею побѣдѣ, но ничѣмъ не выказывала своего удовольствія.

Дѣвушки умѣютъ быть жестокими. Умильта прежде не разъ выносила злыя насмѣшки Нэтты и сестеръ Виргиніо. Насмѣшки эти были ей больнѣе самой грубой брани старушки Розы. Теперь она чувствовала себя удовлетворенной ухаживаніями Виргиніо и безплодными стараніями сестеръ заставить брата обратить вниманіе на Нэтту. Она внутренно ядовито смѣялась, видя его неотлучно около себя и наблюдая какъ ловко онъ отдѣлывался отъ своихъ сестеръ и надоѣдающей ему своими вздохами Нэтты.

Въ продолженіе цѣлаго дня она ни разу не позволила себѣ взглянуть на своего обожателя, ни разу ему не улыбнулась. Ей нравилась побѣда, но не побѣжденный.

При наступленіи ночи, когда всѣ, оставаясь на дворѣ, еще болтали на крылечкѣ, смѣялись и пѣли, Умильта обыкновенно уходила къ себѣ на верхъ.

Сверху она все могла слышать. Пѣсни прекратились и всѣ тамъ бывшіе, обращались къ Виргиніо, прося его разсказать что нибудь. Сначала онъ отговаривался, но подъ конецъ уступилъ просьбамъ и началъ говорить.

Взглянувъ вверхъ, Виргиніо замѣтилъ, что окошечко Умильты открыто, и скользнувшій лучъ луны тускло освѣтилъ ему ея профиль. Голосъ Виргиніо доходилъ до нея и она поневолѣ его заслушалась.

Онъ говорилъ о томъ что видѣлъ, что пережилъ и все болѣе и болѣе воодушевлялся. Онъ разсказывалъ о таинственныхъ преслѣдованіяхъ разбойниковъ въ пробковыхъ лѣсахъ Сициліи и Сардиніи, объ отчаянныхъ схваткахъ въ глухихъ ущельяхъ, о роскошныхъ и фантастическихъ островахъ, о ночахъ на звѣздномъ морѣ, которыхъ никто изъ присутствовавшихъ не видѣлъ, о буряхъ, кораблекрушеніяхъ, жизни въ рудникахъ, пальмовыхъ лѣсахъ и странныхъ кактусахъ, о прекрасныхъ берегахъ Средиземнаго моря, наконецъ о вступленіи войскъ въ вѣчный Римъ.

Умильта все слушала, склонивъ головку на прекрасную руку. Она не видѣла разсказчика, она только его слышала. Всѣ въ томъ краю говорятъ свободно и хорошо. Притомъ Виргиніо обладалъ звучнымъ голосомъ и умѣлъ оттѣнить всѣ выдающіяся мѣста разсказа и онъ такъ много видѣлъ и такъ научился всему!

Мѣсяцъ поднимался все выше, звѣзды кротко блистали, пѣли соловьи и ночь уходила быстро. Умолкъ голосъ Виргиніо и Умильта очнулась точно ото сна. Была уже полночь.

Она поспѣшно закрыла свое окошко, надѣясь, что разсказчикъ не видѣлъ, что она слушала.

Но Виргиніо видѣлъ это хорошо, это-то и придало его краснорѣчію особенную силу.

Съ каждымъ днемъ Виргиніо все болѣе привязывался къ прекрасной дѣвушкѣ и не обращалъ вниманія на недовольство своей матери. Вѣдь онъ же былъ взрослый и самъ зналъ что дѣлать.

Подъ этимъ горячимъ солнцемъ любовь зрѣетъ скоро, какъ персикъ на деревѣ. Умильта легла уже въ постель. А съ крылечка вдругъ раздалась тихая пѣсня и прозвучали струны мандолины. Она знала, что это поетъ Виргиніо и что въ пѣснѣ этой говоритъ его душа и бьется сердце. Все же это былъ только простой солдатъ и никогда ничѣмъ болѣе не будетъ. Ее сбивали съ толку все золотыя кареты и короны. Она затворила окно, чтобы только не слышать пѣнія и не видѣть звѣздъ.

— Я такъ люблю тебя! сказалъ ей наконецъ Виргиніо на седьмой день, встрѣтивъ ее одну въ виноградникѣ.

— Я люблю тебя, ты—душа души моей, говорилъ онъ въ волненіи, стараясь взять ее за руку. Люблю я тебя, такъ люблю! Полюби и ты меня хоть немножко!

Въ отвѣтъ на это, Умильта сдвинула брови и разсмѣялась. Она совсѣмъ не измѣнилась въ лицѣ и смотрѣла на него съ гордымъ презрѣніемъ.

— Подите, говорите такія вещи дѣвушкамъ въ Туринѣ. Онѣ можетъ быть и повѣрятъ такимъ глупостямъ.

— Глупости! Я предлагаю тебѣ всю жизнь мою. Слушай: ты для меня солнце, звѣзды, ты для меня голосъ святыхъ...

Тутъ онъ далъ волю своему чувству и высказалъ все, что было у него на душѣ.

Минута молчанія. Слышны были только шелестъ листьевъ и жужжанье шмелей... Но онъ могъ говорить сколько угодно—лицо Умильты оставалось холодно. Оно только немного поблѣднѣло.

— Я только работница вашей матери, сказала она, но все же не по васъ. Уйдите отъ меня, я васъ ненавижу!

— Ненавидитъ, она меня ненавидитъ! повторялъ онъ, совсѣмъ уничтоженный. Но чѣмъ же могъ онъ заслужить такую ненависть.

Но Умильта не отвѣчала. Она отвернулась отъ него. Со двора послышался голосъ хозяйки, звавшій ее и она также громко отвѣтила. Опасная минута миновала—они больше не были одни.

Умильта занята была на кухнѣ, когда Виргиніо опять подошелъ къ ней и шепнулъ ей на ухо: это твое послѣдное слово?

Умильта молча кивнула головою и повернула отъ него свое безпокойное, гордое и презрительное личико. Но въ душѣ она торжествовала. Онъ, сынъ ея хозяйки, и она отшвырнула его отъ себя какъ связку травы. Она не чувствовала никакого къ нему состраданія.

На слѣдующее утро узнала она, что Виргиніо въ полночь отправился въ путь, чтобы поспѣть на утренній поѣздъ, отходящій въ Туринъ.

Его мать громко плакала, всхлипывала и всѣмъ разсказывала, что полковникъ вдругъ потребовалъ его. И какъ разъ въ то время, когда она готовилась заколоть теленка! Съ досады она послала теленка на рынокъ и домашніе должны были довольствоваться масломъ и бобами.

Умильта улыбнулась. Роза увидѣла это и вдругъ все угадала своимъ материнскимъ сердцемъ. Ей казалось непонятной и непростительной дерзостью отказать—кому же?—сыну ея. Но она ничего не сказала молодой дѣвушкѣ.

Между тѣмъ Умильта цѣлый день бормотала про себя: «Какъ я рада, какъ я рада, что наконецъ-то онъ убрался». Но ночью, въ каморкѣ, она невольно пожалѣла, что не слышитъ уже поющихъ струнъ мандолины и звѣзды казались ей тусклыми и мѣсяцъ печальнымъ...

— Я очень рада! Я буду это десять разъ повторять, повторять десять лѣтъ! И тутъ опять пошли нелѣпыя грезы о золотыхъ платьяхъ, каретахъ и коронахъ. На другое утро она сперва очень грубо обошлась съ животными, но затѣмъ тотчасъ стала ихъ гладить и называть самыми нѣжными именами.

Чего то ей стало не доставать, о чемъ-то втайнѣ она жалѣла. Наконецъ ей пришло въ голову уйти отсюда. Не невольница же она въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ ее удерживать насильно. На свѣтѣ есть и другія мѣста, конечно получше этаго угла; приходятъ же откуда нибудь разнощики и капралы, которые разъѣзжаютъ по разнымъ чудеснымъ островамъ. Она хотѣла попытать счастья въ другомъ мѣстѣ—но сердце ея лежало къ этимъ милымъ холмамъ. Они всегда были ея друзьями. Но если въ другомъ мѣстѣ не было холмовъ?—Должны же быть холмы еще лучше... А можетъ быть и нѣтъ. Однако пишутъ же романы объ золотыхъ каретахъ и принцессахъ, конечно тамъ, гдѣ есть такія золотыя кареты и принцессы...

(До слѣдующаго №).

Михаилъ Зичи

Очеркъ **Н. Б—ва.**

Помѣщая въ настоящемъ № портретъ, рисованный перомъ молодой талантливой артистки Г-жи Этлингеръ, мы пользуемся случаемъ поговорить здѣсь о высокоталантливомъ, получившимъ давно заслуженную громкую европейскую извѣстность художникѣ, котораго дѣятельность въ значительной мѣрѣ принадлежитъ нашему отечеству, гдѣ онъ прожилъ очень долго. Мы говоримъ о Михаилѣ Зичи, въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ настоящаго царствованія носившемъ званіе придворнаго Е. И. В. живописца, оставившаго Петербургу столько превосходныхъ образцовъ своего искуства.

Такъ много произведеній Зичи появлялось на различныхъ выставкахъ и находятся въ частныхъ рукахъ, темы его картинъ, эпохи, изъ которыхъ онъ беретъ ихъ, такъ разнообразны, они принадлежатъ къ такимъ различнымъ родамъ живописи, что по истинѣ нельзя не удивляться какъ мощный геній одного и того же человѣка можетъ побѣждать такія многоразличныя трудности, оставаясь постоянно блестящимъ. „Зичи совершенно исключительная натура, говоритъ Т. Готье, вамъ кажется, что вы уже хорошо знаете его манеру, особенности его таланта... но вотъ новая его картина передъ вами и всѣ ваши прежнія представленія ниспровергаются—передъ вами какъ бы новый художникъ. Онъ настолько же историческій живописецъ какъ и портретистъ и жанристъ... „У Зичи есть одна особенность, отличающая все, что онъ ни дѣлаетъ. Какую бы мрачную или кровавую сцену ни изображалъ, онъ неизмѣнно вездѣ глубоко изященъ, что при всегда изумительно-мастерской отдѣлкѣ деталей производитъ самое полное художественное впечатлѣніе. Всѣ его пріемы такъ увѣренны и смѣлы и вмѣстѣ такъ тонки и тщательны, что это въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ просто поражаетъ.

М. И. Зичи родился 14 окт. 1829 г. въ Залà, въ Венгріи. Онъ принадлежитъ къ извѣстной знатной фамиліи, которой вѣтвь—графы Зичи—занимаютъ теперь высокіе посты. Нашъ художникъ получилъ блестящее первоначальное образованіе и воспитаніе.

Чортово Городище (бл. Елабуги Вятск. губ.) По наброску профессора Гуна, рис. П. Гнѣдичъ, грав. М. Рашевскій.

Осенью на Ладожскомъ озерѣ. Ориг. рис. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Въ дѣтствѣ онъ былъ болѣе рѣзокъ и шаловливъ чѣмъ усидчивъ или прилеженъ, и не показывалъ никакихъ тогда наклонностей къ тѣмъ занятіямъ, которыя его прославили впослѣдствіи. Первый толчекъ его еще спавшему юному художественному сознанію данъ былъ горячими рѣчами и страстною любовью къ искуству его перваго учителя рисованія въ Пештѣ, итальянца Маростони. Здѣсь уже, видя высокіе образцы искусства, видя превосходныя гравюры съ картинъ, въ витринахъ Пештскихъ эстаминныхъ магазиновъ, проникался юноша тѣмъ страстнымъ влеченіемъ къ искусству, которое потомъ опредѣлило его судьбу. Передъ этими витринами онъ застаивался по цѣлымъ часамъ, забывая свои уроки, пропуская лекціи. Первыми его этюдами были копіи со статуи Вольпато и Мортели. Самъ Зичи впослѣдствіи говорилъ, какъ много обязанъ своею выработкою, своей первоначальной школѣ.

Однажды случилось мальчику быть въ мастерской знаменитаго тогда въ Венгріи, Тикоша. Взволнованный, какъ бы въ какое святилище, вступилъ Зичи въ комнату. Эта прекрасная обширная мастерская, эскизы, картины, палитры, кисти—все это произвело на него глубокое и рѣшительное впечатлѣніе. Отъ твердо рѣшилъ сдѣлаться живописцемъ, и это съ тѣхъ поръ стало его завѣтной, любимой мечтой. Тутъ неизбѣжно онъ долженъ былъ столкнуться съ мнѣніемъ своихъ родныхъ, которые противились тому, чтобы мальчикъ его происхожденія, какъ они говорили, сдѣлался бы „ремесленникомъ“. Но начавшаяся семейная борьба, кончилась побѣдою—сопротивленіе со стороны родныхъ встрѣтилось съ такой несокрушимой энергіей и рѣшимостью, что должно было отступить. Мальчикъ записался въ число учениковъ профессора академіи въ Вѣнѣ Вальдмюллера.

Предѣлы очерка не позволяютъ намъ вдаваться въ большія подробности. Достаточно сказать, что онъ попалъ въ отличныя руки: методъ профессора былъ превосходный. Вниманію учениковъ постоянно указывалась природа—лучшій учитель. Строгая и выдержанная работа показала Зичи трудовую, суровую сторону его призванія и дала ему ту твердость и увѣренность пріемовъ, какими онъ всегда отличался впослѣдствіи.

Первыя произведенія Зичи, появившіяся на Вѣнской выставкѣ въ 1844 году по содержанію были несложны, но уже обратили на себя вниманіе публики. Это были: дѣвушка на колѣняхъ въ постелѣ, возсылающая благодарственное моленіе за свое выздоровленіе и раненый средневѣковый рыцарь, поддерживаемый оруженосцемъ. Особенное значеніе этимъ картинамъ придала, начатая тогда его учителемъ Вальдмюллеромъ, борьба противъ устарѣлой академической рутины. Много шуму надѣлала въ Вѣнѣ тогда горячая брошюра профессора о новыхъ пріемахъ преподаванія искусства, причемъ какъ на образецъ картинъ новой школы, онъ прямо указывалъ на двѣ картины своего ученика Зичи.

Въ слѣдующемъ 1845 году появились три новыя картины Зичи: *Заколачиваніе гроба*—мать бросается къ гробику своего ребенка, приподнимая крышку, чтобы еще разъ взглянуть на мертвое личико; затѣмъ, *Распятіе и Запрестольный образъ*. Въ это время разстроенныя обстоятельства его семейства давали ему поводъ благодарить судьбу, что онъ избралъ свое поприще. Картины его распродавались быстро, и онъ уже могъ свободно ѣхать въ Италію. Тутъ произошелъ эпизодъ съ одной изъ его картинъ, представленныхъ въ академію на конкурсъ, „Спасающая лодка“. По бурнымъ волнамъ несется лодка, наполненная спасенными отъ гибели. Посреди группы стоитъ монахъ, высоко воздѣвая къ небу крестъ. Фигуры, положенія, вдохновенное выраженіе лица монаха—все это выражено превосходно. Картина эта должна была, по общему признанію, получить премію, но такъ какъ на конкурсъ явились и нѣкоторые профессора, то въ видахъ безпристрастія, никто не получилъ преміи. Старый благородный Вальдмюллеръ былъ такъ пораженъ несправедливостью къ своему любимому ученику, что сложилъ съ себя званіе профессора. Еще въ 1844 г. Зичи былъ приглашенъ великой княгиней Еленой Павловной, по рекомендаціи Вальдмюллера, давать уроки дочери ея В. К. Екатеринѣ Михаиловнѣ и въ самый разгаръ ожесточенной полемики, которую вызвала его картина и поступокъ Вальдмюллера, подарилъ картину своей матери и уѣхалъ въ Россію. Съ осени 1847 г. Зичи постоянно жилъ и работалъ въ Россіи. Онъ съ чрезвычайною добросовѣстностью отнесся къ своему дѣлу преподаванія. Уроки во дворцѣ и у многочисленныхъ представителей нашей аристократіи—графа Панина, Давыдова, Толстого—отнимали у молодаго художника весь день, такъ что для себя онъ набрасывалъ эскизы часто ночью. Множество эскизовъ его хранится въ альбомѣ Е. И. В. Вел. Кн. Екатерины Михаиловны. Своею жизнью въ Петербургѣ и занятіями тогда Зичи однако былъ недоволенъ. Недостаточное ли пониманіе и признаніе искуства въ тѣхъ кругахъ общества, гдѣ онъ дѣйствовалъ, слишкомъ ли серьезное отношеніе къ своему дѣлу со стороны Зичи съ учениками и ученицами, которые видѣли въ этомъ не призваніе а часто только препровожденіе времени —какъ бы то ни было, нравственно онъ былъ очень разстроенъ и его матеріальныя обстоятельства были такъ дурны, что онъ принужденъ былъ тратиться на мелкія работы, чтобы поддерживать себя сколько нибудь прилично. У него не было даже порядочной мастерской. Мы видимъ его даже иллюминаторомъ въ фотографіи Венинга. Фототографія 1851 года была въ такомъ еще состояніи, что художнику приходилось много додѣлывать. Теперь есть уже столько весьма хорошихъ фотографій и это дѣло на твердой почвѣ, но тогда это была единственная фотографія. Работы была масса, но эта работа не могла удовлетворить его душевной потребности. Въ это время онъ часто рисовалъ прелестныя вещи, переходившія при разныхъ случаяхъ въ собственность молодыхъ Великихъ Князей, у которыхъ и донынѣ сохраняются въ разныхъ альбомахъ. Въ это время ему привелось пользоваться вниманіемъ и покойнаго Императора Николая Павловича, который зналъ и хвалилъ его работы. По ходатайству генерала Краснокутскаго, онъ представлялся ко Двору, и ему поручено было изобразить различныя сцены жизни Императора въ Гатчинѣ. Въ 1855 году въ Петербургѣ былъ извѣстный французскій писатель Теофиль Готье, въ своей книгѣ „Voyage en Russie“ онъ посвятилъ цѣлую главу Зичи, о которомъ отзывался восторженно. Онъ описываетъ его мастерскую, образъ его жизни и т. п. Осталось до сихъ поръ воспоминаніе его тогдашней жизни—это портретъ его, дѣланный имъ самимъ (собств. гр. Чайскаго), гдѣ Зичи изобразилъ себя въ своей мастерской на диванѣ, съ сигарой во рту. Въ разныхъ углахъ комнаты атрибуты мастерской, кисти и палитры, покрытыя паутиной. Художникъ этимъ какъ бы хотѣлъ сказать, что не имѣетъ возможности заняться какъ слѣдуетъ своими любимыми темами, заваленный другой работой. Теофиль Готье зашелъ въ магазинъ Беггрова, пораженный картинами и рисунками, выставленными въ витринкахъ и узналъ, что картины эти никогда не застаиваются и охотно раскупаются лишь только появятся въ магазинѣ. Восторженная статья Готье, по заявленію самого Зичи, дала благопріятные результаты, такъ какъ въ нашемъ обществѣ, особенно тогда, отзывъ извѣстнаго иностранца очень много значилъ. Картины Зичи пошли тогда на расхватъ.

Въ это время Зичи получилъ предложеніе исполнить картины, изображающія церемоніи коронаціи, совершавшейся тогда съ торжественностью и пышностью въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя званіе придворнаго Е. И. В. художника. И въ этомъ званіи онъ пробылъ въ Россіи 15 лѣтъ. Тутъ офиціальной его, такъ сказать, работой было изображеніе церемоній, развлеченій и семейныхъ событій Двора. Лица участвовавшія въ охотахъ по приглашенію Государя Императора, пожелавъ поднести въ воспоминаніе этаго Его Величеству рисунки, обратились къ Зичи, который и составилъ превосходный охотничій альбомъ съ портретами. Въ теченіи 10 лѣтъ затѣмъ, художникъ написалъ болѣе 500 разнаго размѣра картинъ, работая для Государя Императора и именно къ этому же періоду относятся картины, сдѣланныя имъ для Эрмитажа. Кромѣ того онъ исполнялъ множество частныхъ заказовъ. Перечислить все это было бы положительно невозможно. Въ 1874 г. къ большому сожалѣнію всего общества, всѣхъ почитателей его таланта, Зичи переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и прожилъ цѣлыхъ пять лѣтъ. Сперва онъ искалъ сближенія съ французскими художниками, но очень скоро замѣтилъ, какъ мало они расположены сойтись съ чужеземцемъ, который кромѣ того еще опасный соперникъ. Тогда онъ нанялъ себѣ хорошенькую, уютную квартирку, выписалъ изъ Венгріи нѣкоторыя свои вещи —рѣдкости и картины—и заперся отъ всѣхъ, зажилъ одинъ, ограничиваясь лишь тѣснымъ кругомъ самыхъ близкихъ друзей, между которыми однако не было французскихъ художниковъ. Тутъ получилъ онъ заказъ отъ венгерскаго правительства. Картина должна была изображать моментъ когда императрица Австрійская собственноручно возлагаетъ на лежащаго въ гробу Деака вѣнокъ. Теперь картина эта въ музеумѣ въ Пештѣ. Размѣръ картины долженъ былъ быть очень великъ и тутъ Зичи привелось опять вернуться къ масляным краскамъ. Картина эта была выставлена въ Вѣнѣ и имѣла огромный успѣхъ. Публика въ большомъ количествѣ осаждала всегда залы „Художественнаго общества.“ Въ печати также много говорили объ этомъ произведеніи. Особенно всѣхъ занимало искуственное освѣщеніе картины, къ которому Зичи прибѣгъ первый и которое до него въ Вѣнѣ не было въ употребленіи. Для всемірной выставки, онъ съ большимъ жаромъ принялся за картину „Геній Разрушенія“ и окончилъ ее недѣль въ шесть, успѣвъ къ открытію выставки; въ такое невѣроятно короткое время, была написана картина въ 14 аршинъ длины и 5 вышины. Этой картиной онъ занимался съ большимъ одушевленіемъ и жаромъ, но къ сожалѣнію она не попала на выставку. Министръ не принялъ ее, подъ предлогомъ, что она можетъ обидѣть своимъ содержаніемъ иностранныхъ государей, которые посѣтятъ выставку. Но это былъ только одинъ предлогъ; дѣло было вовсе не въ иностранныхъ государяхъ а отказъ сдѣланъ подъ давленіемъ духовенства и клерикаловъ. Тѣмъ не менѣе картина появилась на выставкахъ въ Вѣнѣ и въ Пештѣ и вездѣ производила сильное впечатлѣніе.

Что касается дѣятельности Зичи, какъ преподавателя, то онъ всегда глубоко-серьезно относился къ своимъ занятіямъ съ немногими бывшими у него учениками и вносилъ столько любви и вниманія въ это дѣло, что оставлялъ въ ученикахъ навсегда благодарное о свѣтлое воспоминаніе. Вѣрный высокимъ худо-

жественнымъ принципамъ и взглядамъ Вальдмюллера онъ твердо рѣшился примѣнять его методъ преподаванія. Серьезная теоретическая и практическая подготовка, живая модель, обращеніе къ природѣ, глубокое взученіе анатоміи человѣка—вотъ необходимые элементы, вносимые имъ въ преподаваніе. Кромѣ того онъ никогда не направлялъ усиленно молодыхъ людей подвизаться исключительно въ томъ родѣ живописи, который былъ его спеціальностію—что дѣлаютъ большею частью преподаватели—напротивъ, предоставлялъ полную свободу выбора рода живописи ихъ таланту и только удерживалъ ихъ, чтобы они отнюдь не удалялись отъ природы, чтобы изъ стремленія къ эффекту или живости и яркости колорита никогда не жертвовали вѣрностью природѣ.

Парижскій климатъ произвелъ на Зичи неблагопріятное впечатлѣніе—каждую зиму онъ чувствовалъ себя дурно и въ послѣднюю осень заболѣлъ такъ сильно, что доктора совѣтовали ему уѣхать хотя въ Ниццу, гдѣ онъ дѣйствительно сталъ себя чувствовать много лучше. Рано утромъ онъ обыкновенно работалъ, послѣ же обѣда совершалъ длинныя прогулки въ городъ или поѣздки изъ Ниццы въ Монте-Карло и другія мѣста. Онъ сталъ рано ложится спать, не такъ какъ прежде въ 3 или 4 часа утра и вставать въ 9, что также принесло ему пользу, ибо пятичасовой сонъ конечно былъ недостаточенъ для такъ много работающаго художника. Во время своей болѣзни, въ Парижѣ онъ принялся за большую картину масляными красками. Теперь онъ оканчиваетъ ее и пошлетъ затѣмъ на Вѣнскую выставку. Это монастырскій дворъ въ лунную полночь — игра тѣней и свѣта и легкихъ могильныхъ призраковъ — картина производитъ волшебное, чудно-таинственное впечатлѣніе.

Перечисленіе даже части картинъ Зичи въ размѣрахъ нашего очерка было бы совершенно невозможно. Наиболѣе обратившія на себя вниманіе были описываемы не однажды при отчетахъ о различныхъ выставкахъ. Одна выставка была въ Петербургѣ въ 1869 г. и заключала въ себѣ все, что можно было собрать изъ произведеній Зичи въ Петербургѣ. Эта выставка ясно показала публикѣ, что передъ нею крупный артистъ съ глубокимъ поэтическимъ чувствомъ и художественнымъ пониманіемъ. Тогда еще возбудили общія восторженныя похвалы его картины „Флорентинская оргія“ „Смерть царя Кандавла“ „Вакханка и Сатиръ“ „Лютеръ“ и другія. Затѣмъ недавно были выставлены у Беггрова нѣсколько превосходныхъ картинъ Зичи, о которыхъ мы говорили въ особой статьѣ въ № 7 Нивы. Была выставлена между прочимъ и его извѣстная „Мученики Испанской инквизіи“ съ которою наши читатели знакомы по рисунку, какъ и съ нѣкоторыми другими, также принадлежащими этому художнику и помѣщавшимися въ „Нивѣ“ отъ времени до времени.

Но гравюра на деревѣ, даже при самомъ блестящемъ исполненіи не можетъ никогда передать достоинства акварели или масляной картины—она владѣетъ только однимъ тономъ.

А теперь наши читатели уже могутъ познакомиться съ изящнымъ и блестящимъ талантомъ Зичи не по гравюрамъ на деревѣ, а во всемъ блескѣ красокъ и колорита въ превосходно исполненныхъ копіяхъ съ двухъ его акварелей, изображающихъ сцены изъ „Демона“ Лермонтова и рисованныхъ Зичи исключительно для нашего журнала; копіи эти получаютъ наши подписчики на 1880 годъ въ видѣ безплатной преміи въ половинѣ Октября мѣсяца. Портретъ, здѣсь помѣщаемый, рисованъ перомъ талантливой молодой ученицы Зичи, нашей соотечественницы, г-жи Маріи Этлингеръ и снятъ во время пребыванія Зичи въ Ниццѣ. Г-жа Этлингеръ подписывающая свои произведенія лишь своимъ именемъ „Marie“ бывшая ученица Спб. Императорской академіи художествъ, уже удостоенная академіей серебряной медали. Мы имѣли случай видѣть до десяти картинъ молодой артистки, которыя указываютъ на ея выходящій изъ ряду талантъ, развитію котораго не могло не дать много силы вліяніе, уроки и совѣты такаго мастера какъ Михаилъ Зичи. Въ скоромъ времени, какъ мы слышали, предполагается выставка произведеній молодой артистки въ Петербургѣ.

Къ рисункамъ.

Первый снѣгъ.

(Картина Ю. Клевера).

Въ Берлинѣ въ настоящее время (съ августа по октябрь) открыта художественная выставка и распорядители ея прислали въ нашу Императорскую Академію приглашеніе русскимъ художникамъ, участвовать въ этой выставкѣ. Академія разослала, всѣмъ нашимъ извѣстнымъ художникамъ извѣщеніе объ этомъ, но на этотъ призывъ откликнулся только одинъ русскій художникъ Ю. Ю. Клеверъ, можетъ быть потому что у другихъ не было ничего готоваго на этотъ случай. Но Клеверъ не имѣлъ повода раскаяваться въ этомъ, ибо его картины „Лѣсная глушь“ (повтореніе картины, принадлежащей Третьякову) „Зима“ и друг., которыми мы любовались въ залахъ академіи, произвели сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ, и берлинская печать отзывалась о нашемъ талантливомъ пейзажистѣ, въ самыхъ лестныхъ и восторженныхъ выраженіяхъ—не можетъ насъ не радовать, что такъ отзывались именно о нашемъ художникѣ. „Между ландшафтами, которые принадлежатъ еще неизвѣстнымъ у насъ художникамъ, пишетъ напр. Berl. Börs. Courrier, особенно выдаются произведенія одного иностранца, русскаго, Ю. Клевера. Въ своемъ произведеніи „Лѣсная глушь“, онъ показалъ замѣчательную глубину поэтическаго чувства и богатство воображенія. Картина напоминаетъ читанныя нами прелестныя „Записки охотника“, Тургенева, но тому высокому и полному жизни проникновенію природой, которое художнику также присуще, какъ и поэту. Картина совершенно переноситъ васъ въ это лѣсное затишье, въ этотъ чудный, волшебный міръ поэзіи—являющій себя лишь душевнымъ очамъ немногихъ избранныхъ“... (В. В. С. № 458).

Здѣсь мы представляемъ прекрасно исполненную на деревѣ Н. Каразинымъ копію съ картины Ю. Ю. Клевера „Первый снѣгъ“, еще не бывшей на выставкѣ и отличающейся всѣми его блестящими особенностями. Съ именемъ Ю. Ю. Клевера наши читатели хорошо знакомы, такъ какъ нѣсколько разъ появлялись у насъ его произведенія и еще недавно „Островъ Наргенъ“ въ № 15.

Красавица.

(Картина Боденмюллера).

Наши петербургскіе читатели конечно помнятъ, что въ прошломъ году, одновременно съ академической выставкой, въ залахъ Академіи Наукъ состоялась весьма интересная выставка картинъ иностранныхъ и нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ, устроенная извѣстнымъ г. Фельтеномъ, владѣльцемъ одного изъ лучшихъ художественныхъ магазиновъ въ Петербургѣ. Объ этой выставкѣ мы говорили въ свое время подробно. Тогда еще обратилъ на себя общее вниманіе прелестный этюдъ „Красавица“, принадлежащій кисти высоко-талантливаго германскаго художника Боденмюллера. Картина эта теперь составляетъ собственность издателя журнала „Нива“ и здѣсь помѣщается копія съ этой картины, исполненная мастерски Кнезебергомъ и Эртелемъ.

Фридрихъ Боденмюллеръ современный, талантливый, пользующійся извѣстностью въ Германіи, Мюнхенскій художникъ. Большое впечатлѣніе производили на выставкахъ его большія картины: „Дѣло при Вертѣ“, „Послѣ Седана“ „Бивуакъ близь Ингольштадта“. Художникъ перечувствовалъ, видѣлъ и испыталъ самъ то что рисовалъ. Онъ самъ доблестно участвовалъ въ этихъ дѣлахъ какъ офицеръ баварской артиллеріи. Онъ получилъ знаки отличія за храбрость и тѣ грозныя и историческія впечатлѣнія которыя пережилъ въ эти дни увѣковѣчилъ въ прекрасныхъ своихъ картинахъ.

Чортово городище.

(Къ рисунку профессора Гуна).

Въ Вятской губерніи на Камѣ есть интересная постройка, носящая названіе *Чортова городища.* Таинственное зданіе, сложенное изъ неотесанныхъ, скрѣпленныхъ цементомъ камней, дѣйствительно могло казаться жителямъ города Елабуги, въ полутора верстѣ отъ котораго она находится, — чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Положеніе развалинъ на вершинѣ скалы въ 25 саж. надъ уровнемъ Камы, кажется еще болѣе способствовало созданію легенды объ участіи въ постройкѣ нечистой силы. Въ сущности это, по всѣмъ вѣроятіямъ, развалины болгарскаго укрѣпленія, сохранившіяся до нашихъ дней съ незапамятныхъ временъ. Какъ извѣстно, въ глубокой древности на Волгѣ и по бассейну Камы жило тюркское племя такъ назыв. *серебряныхъ болгаръ,* о которыхъ смутныя свѣдѣнія оставили намъ арабскіе писатели. Извѣстно только, что въ X вѣкѣ болгары были ярые послѣдователи Магомета, управлялись монархическою властью и вели обширную торговлю.. Остатки болгарскихъ дворцовъ и минаретовъ до послѣдняго времени еще можно было видѣть на Волгѣ, не такъ давно находили монеты, золотыя в серебряныя браслеты, серьги, зеркала, бусы и пр. — Теперь все растащено и разрушено. Немногія наброски, которые успѣли художники сдѣлать на мѣстѣ, одни говорятъ о сказочномъ государствѣ, лежавшемъ, по мнѣнію арабскихъ ученыхъ на границѣ *страны мрака,* съ которой оно вело мѣховую торговлю, и куда ѣздили на собакахъ...

Осень на Ладожскомъ озерѣ.

(Къ рисунку П. Гнѣдича).

На сколько хватаетъ глазъ — безконечный, холодный просторъ свинцовыхъ волнъ. Сѣренькія, обрывистыя тучи, клубясь прихотливо фигурными шапками, низко несутся надъ водою и не пропускаютъ ни единаго свѣтлаго луча черезъ свой густой, непроницаемый пологъ. То мелкій, косой дождикъ моросить полосами тамъ и сямъ по озеру, то перестаетъ, и словно на смѣну ему сырой, до костей пронизывающій вѣтеръ еще сильнѣе начинаетъ дуть, забираться въ рукава, за воротникъ,

за пазуху; шкиперъ какъ можно плотнѣе нахлобучиваетъ на глаза свою клеенчатую фуражку, пассажиры прячутся по угламъ и каютамъ; мачта скрипитъ, натягивая то съ одной, то съ другой стороны канаты, дымъ изъ трубы вырывается неровными оборванными клоками, и подхваченный вѣтромъ, уносится тотчасъ-же куда-то въ сторону, въ этотъ мглистый туманъ. Волны принимаютъ совсѣмъ стальной отблескъ и поднимаются вокругъ судна словно выточенныя глыбы сибирскаго графита, увѣнчанныя пушисто-мягкими, желто-сѣрыми гребнями закипающей пѣны. Мощно бьютъ онѣ въ высокій бортъ парохода, перелетаютъ черезъ него, и цѣлымъ водопадомъ обрушиваются на палубу, подмывая все встрѣчное по дорогѣ... Визжатъ рулевыя цѣпи, гремятъ лопасти колесъ, шипитъ паръ въ цилиндрахъ, скрипятъ снасти, а вѣтеръ воетъ, мечется, рвется, кидается изъ стороны въ сторону... Скорѣй-бы пристань, скорѣе...

Тамъ, далеко у берега разбилось нѣсколько барокъ, — гдѣ-же имъ, беззащитнымъ, слабымъ, бороться съ разъяренной стихіей... Вѣдь не даромъ озеро и въ старину славилось бурями, не даромъ великій Петръ едва-едва спасся отъ его волнъ, не даромъ вокругъ него проведены обводные каналы... Къ концу августа, въ началѣ сентября развѣ только неотложныя дѣла могутъ заставить пассажира сѣсть на ладожскій пароходъ,—иначе, (если только онъ не любитель сильныхъ ощущеній) монотонно-однообразная качка душу вымучитъ на дальнихъ переходахъ, и какъ радостно взглянетъ онъ на маякъ, вѣстникъ скорой остановки, мелькнувшій передъ нимъ въ видѣ креста подъ навѣсомъ, поставленнаго на вершинѣ гранитной глыбы иноками ближайшей обители...

Квакша зеленая.

Въ хорошій день можно видѣть на болотѣ небольшихъ животныхъ—родъ маленькихъ лягушекъ, охотящихся за мухами и бабочками. Это древесная лягушка „квакша“. Головка ея съ явными признаками ушей, съ большими глазами; квакша съ блестящей зеленой кожицей на спинкѣ, бѣловатымъ брюшкомъ и лапками, оканчивающимися цѣпкими пальцами. Къ этому роду квакшъ относятъ всѣхъ безхвостыхъ пресмыкающихся, отличающихся тѣмъ, что они имѣютъ зубы — существенно различаясь тѣмъ отъ жабъ. Пальцы на лапкахъ даютъ имъ возможность лазить по деревьямъ. Этотъ родъ заключаетъ въ себѣ много видовъ; представительница его въ Европѣ — именно зеленая квакша; она водится также и въ Японіи, фауна которой имѣетъ вообще большое сходство съ Европейской. Квакша прыгаетъ очень бойко и высоко, липкая поверхность ея лапокъ даетъ ей возможность крѣпко схватывать всякое тѣло, какъ-бы оно ни было гладко и скользко и лазить по вѣткамъ очень быстро и ловко. Она подкарауливаетъ насѣкомыхъ, притаясь въ зелени и мгновенно захватываетъ ихъ своимъ липкимъ языкомъ. Зарожденіе и постепенное развитіе квакшъ происходитъ такъ-же какъ и у обыкновенныхъ лягушекъ, причемъ долгое время онѣ совершенно нѣмы. Когда приходитъ сырое осеннее время, квакши зарываются въ болотную тину по нѣскольку вмѣстѣ. Въ первыхъ числахъ апрѣля они уже пробуждаются отъ зимней спячки, оживаютъ, и начинаютъ класть яйца. Изъ этихъ яицъ дней черезъ двѣнадцать или пятнадцать образуются маленькіе головастики съ широкой головкой, составляющей почти половину всего ихъ тѣла; брюшко ихъ круглое и и весьма выпуклое, оканчивается плоскимъ хвостомъ. Верхняя часть тѣльца головастика зеленаго цвѣта съ коричневыми и желтыми пятнышками, брюшко блестяще бѣлаго цвѣта. Хвостикъ весь въ тонкихъ и правильныхъ полоскахъ, имѣетъ три продолговатыхъ желтыхъ пятнышка. Черезъ два мѣсяца или около этого срока по зарожденіи, хвостикъ головастика отпадаетъ и образуется маленькая лягушка, которая выползаетъ изъ воды. Это именно во время высиживанія зародышей, что мы наслаждаемся въ весеннія ночи не слишкомъ музыкальными концертами квакшъ; онѣ обыкновенно въ одно время, разомъ, начинаютъ свое кваканье и разомъ же умолкаютъ: въ тихія ночи кваканье ихъ слышится очень далеко, особенно передъ дождемъ. Осенью, когда молодыя квакши получаютъ способность кричать послѣ такого долгаго молчанія — они еще не такъ шумны. Каждая квакаетъ отдѣльно, словно пробуетъ голосъ; или иногда онѣ словно перекликаются, отвѣчаютъ одна другой, прячась въ листвѣ, особенно передъ бурей. Но всѣмъ болотомъ, такъ сказать всѣмъ хоромъ они квакаютъ въ апрѣлѣ и маѣ. Онѣ не кричатъ осенними ночами, весною-же кричатъ именно по ночамъ. Осенью они издаютъ крикъ болѣе медленный, не такой пронзительный какъ весною.

Политическое обозрѣніе.

Турція и державы.—Открытое возстаніе армянъ.—Циркуляръ новаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ.—Франція и Италія въ Тунисѣ.—Англія.

— Въ настоящую минуту едва ли можно надѣяться на миролюбивый исходъ вопроса о сдачѣ Дульциньо. Повидимому сама уже Порта сняла маску, если вѣрить депешѣ „Международнаго Агентства“; по словамъ этой депеши, султанъ заявилъ германскому послу, графу Гацфельду, что относительно Дульциньо предоставить надо событіямъ идти своимъ ходомъ и возлагаетъ отвѣтственность за нихъ на Европу. Адмиралъ Сеймуръ началъ было переговоры съ Риза-пашей, но этотъ генералъ даже и не отвѣтилъ на приглашеніе сдать портъ. Тѣмъ переговоры и кончились. Теперь ежедневно, изъ Рагузы приходятъ извѣстія о томъ, что демонстрирующій флотъ (изъ 20-ти судовъ) готовится двинуться къ сборному пункту. На сушѣ албанцы и черногорцы, шагъ за шагомъ, сходятся все ближе и ближе. Первые толпами стекаются къ Дульциньо, вторые наступаютъ тремя отрядами. Одинъ изъ отрядовъ, подъ начальствомъ Божо Петровича и Петра Вукотича, занялъ ближайшія стратегическія позиціи, другой, которымъ командуетъ Маша Врбица, стоитъ у Подгорицы, третій же, съ своимъ воеводой, Миланомъ Вукотичемъ, занимаетъ Андреевицу.—Адмиралъ Сэймуръ недавно предпринималъ, въ сопровожденіи командировъ другихъ націй, рекогносцировку. Вообще, предполагается, что упорство турецкаго правительства и албанцевъ, рѣшившихся во что бы ни стало защищать Дульциньо—вынудитъ державы, для скорѣйшаго окончанія дѣла, совершенно измѣнить характеръ демонстраціи и дать разрѣшеніе адмираламъ произвести десантъ. Албанцы Ѳессаліи и Эпира тоже не теряютъ времени. Ихъ комитетъ въ Аргиро-Кастро намѣревается созвать всѣхъ албанцевъ, способныхъ носить оружіе, сформировать въ дружины и обучить военному дѣлу. Дружины эти составятъ два корпуса (по 10 тысячъ человѣкъ каждый), которые будутъ собраны къ первому октября. Батальонные и корпусные командиры уже назначены, а на сформированіе корпусныхъ штабовъ отпущено уже 10 тысячъ турецкихъ лиръ. Очевидно, что всѣ подготовительные къ этой организаціи работы уже сдѣланы и, въ виду того, что по греко-турецкому вопросу, державы посвятятъ не мало времени на переговоры съ Портой—албанцы будутъ вполнѣ готовы дать отпоръ грекамъ, когда, послѣ обычно безплодныхъ переговоровъ, наступитъ моментъ борьбы.—Но, положимъ, придетъ вождѣленная минута, когда черногорцы будутъ удовлетворены и греческій вопросъ—тоже разрѣшенъ, согласно желаніямъ Эллинскаго правительства. Что же тогда? Тогда уставшія отъ хлопотъ съ Турціей державы увидятъ, что онѣ—только приступили къ началу практическаго устроенія кое-какого порядка въ оттоманской имперіи, если вообще въ этой имперіи возможенъ даже и „кое-какой“ порядокъ.

Теперь уже никто не станетъ и спорить противъ того, что зданіе государства Османовъ можетъ держаться лишь на искуственныхъ устояхъ, подпираемыхъ дружными—до времени—усиліями державъ. Слѣдующимъ дѣломъ Европы будетъ, вѣроятно, какая нибудь общая (явится ли тогда къ тому возможность) принудительная мѣра къ огражденію армянскаго населенія отъ насилій курдовъ, покровительствуемыхъ Портой. Пока, какъ мы уже сообщали, армяне взялись за оружіе сами. Починъ исходитъ отъ армянъ зейтунскаго горнаго округа.

Во главѣ движенія стоитъ популярное лицо въ средѣ окрестнаго васеленія—Бабинъ-Ишсіанъ. Другой центръ движенія организовался къ югу отъ Ново-Баязета, гдѣ сформировался уже отрядъ въ 2,800 хорошо вооруженныхъ воиновъ. Наконецъ, поднялись и армяне въ окрестностяхъ Джелалири, подъ начальствомъ богатаго купца Маршимана, который уже направилъ нѣсколько отрядовъ къ Вану, запретивъ имъ трогать мирныхъ жителей. Курды уже почувствовали на себѣ руку тѣхъ, кого они до сихъ поръ безнаказанно притѣсняютъ самымъ возмутительнымъ образомъ,—7 деревень, т. е. разбойничьихъ курдскихъ гнѣздъ преданы пламени. Ванскій генералъ-губернаторъ, Самихъ-Паша, не имѣетъ достаточныхъ силъ въ своемъ распоряженіи, а армяне показываютъ явное намѣреніе сойтись у этаго пункта.

Министерство Жюля Ферри намѣрено слѣдовать въ внѣшнихъ дѣлахъ той же мирной политикѣ, какой держался и кабинетъ Фрейсинэ. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Бартельми С.-Илеръ обратился къ дипломатическимъ агентамъ Франціи заграницей съ циркуляромъ, категорически выражающимъ такія намѣренія. Министръ, между прочимъ, проситъ всѣхъ представителей республики дать правительствамъ, при которыхъ они акредитованы, увѣренія въ томъ, что новый кабинетъ ни въ чемъ не измѣнитъ внѣшней политики предшествовавшаго министерства, что Франція никогда не придавала болѣе, чѣмъ теперь, цѣны сохраненію мира и что будутъ приложены всѣ усилія къ наибольшему развитію добрыхъ отношеній Франціи съ прочими государствами.

Будущее, конечно, покажетъ, долго ли и искренно-ли Франція будетъ стараться „развивать“ эти дружескія отношенія „со всѣми державами“. Пока мы намекаемъ не на отношенія съ Германіей, а скорѣе на дружбу съ Италіей. Дѣло въ томъ, что интересы Франціи и Италіи столкнулись въ Тунисѣ и, до сего времени, между обѣими сторонами разногласіе по этому вопросу не улажено. Да и можетъ ли легко быть улажено соперничество на экономической почвѣ.

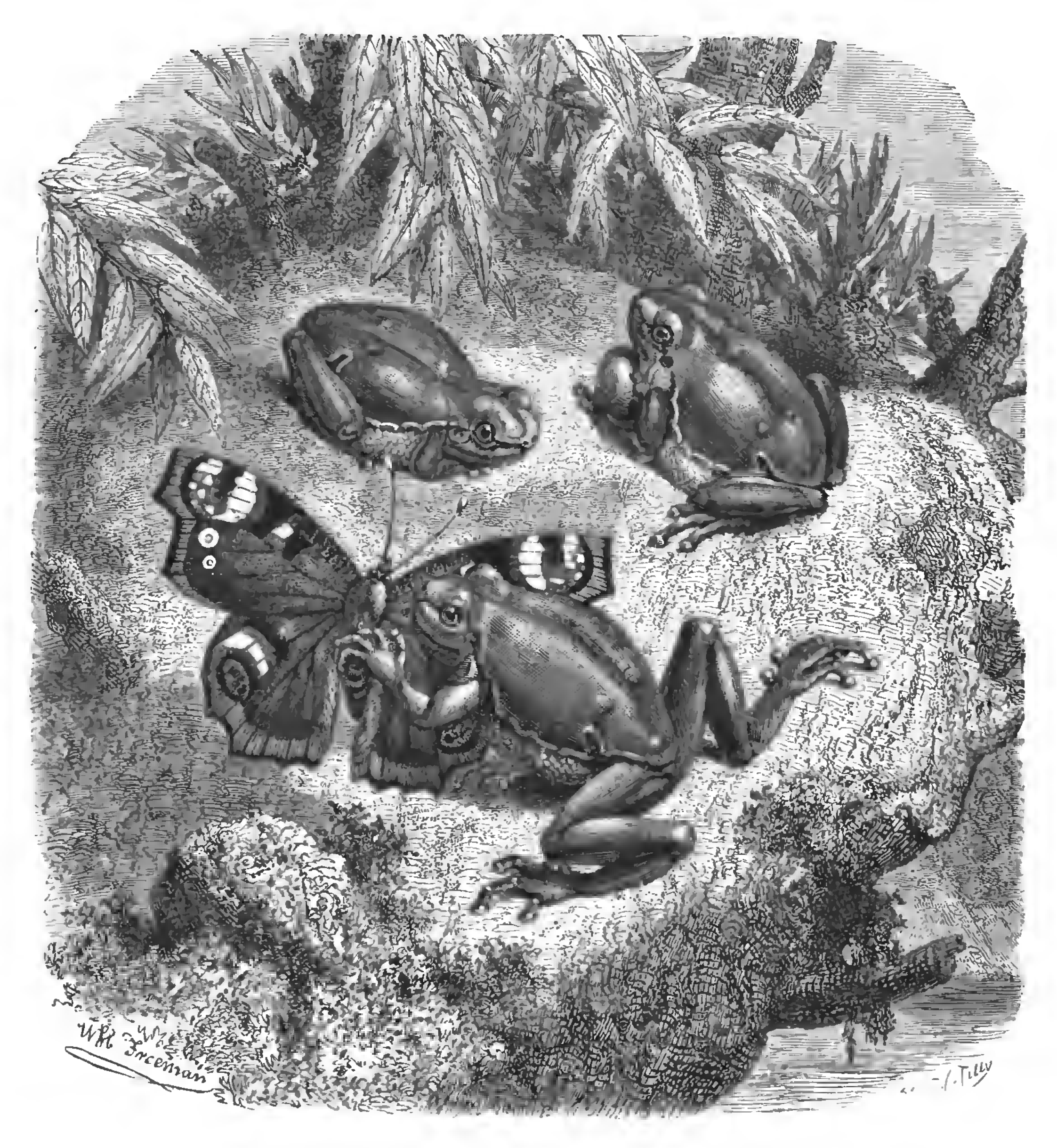
(Продолженіе на стр. 789, 790, 791 и 792).

Князь Бисмаркъ, пройдя поприще дипломата, бойца съ папствомъ, сталъ во главѣ новаго движенія въ таможенно-торговой сферѣ. Рядъ предложеній, внесенныхъ въ парламентъ по желѣзнодорожному дѣлу, по новымъ тарифамъ, по коммерческимъ вопросамъ, выразилъ собою новую дѣятельность великаго современнаго государственнаго человѣка. Князь принялъ на дняхъ, безъ жалованья, постъ прусскаго министра торговли и промышленности, для проведенія новыхъ, задуманныхъ имъ преобразованій.

Въ рескриптѣ на имя коммерческой палаты въ Плауэнѣ, князь Бисмаркъ перечислилъ тѣ вопросы, которые онъ намѣревается осуществить и ими пополнить общій планъ своихъ экономическихъ реформъ. Такъ, онъ намѣренъ установить страховую кассу въ пользу рабочихъ, сдѣлавшихся неспособными къ прежнему труду, возложить на хозяевъ фабрикъ и заводовъ отвѣтственность за несчастные случаи съ ихъ рабочими и т. п. Онъ очевидно имѣетъ главнѣйшею своею цѣлью рабочій вопросъ. Устройствомъ положенія рабочихъ германскій канцлеръ выступилъ на борьбу съ соціализмомъ, который пользуется рабочимъ вопросомъ какъ орудіемъ для подкапыванія государственнаго строя Германіи и Европы. Нельзя не пожелать ему успѣха. Поддержка, безъ сомнѣнія, будетъ оказана его новымъ реформамъ палатами Пруссіи и парламентомъ Германіи.

Смѣсь.

Война съ муравьями. Какъ у насъ въ южной Россіи саранча и жучекъ, такъ въ Америкѣ свирѣпствуютъ муравьи. Правительство Бразильское назначило премію въ 50 конто или конторійговъ=75,000 р. за лучшее и самое дѣйствительное средство для истребленія муравьевъ. Эти насѣкомыя составляютъ бичъ земледѣльцевъ этой страны. Недавно возвратившійся изъ Америки путешественникъ вотъ что разсказываетъ: гуляя по полямъ и по садамъ, я былъ пораженъ въ высшей степени замѣчательнымъ явленіемъ. Множество бугровъ, возвышающихся въ конусообразномъ видѣ до 5—6 метровъ высоты, обратили на себя мое вниманіе. То были муравейники, поверхность которыхъ была покрыта толстою корою земли, засохшей подъ лучами знойнаго тропическаго солнца и представляющей въ этомъ видѣ охрану отъ вѣтра и непогоды. Подъ этою твердою крышею устраиваютъ себѣ жилища миріады муравьевъ. По временамъ часть находящихся въ этихъ жилищахъ муравьевъ выселяется и тогда во время перекочевки они истребляютъ все, что имъ попадается на пути: въ нѣсколько часовъ съ громаднѣйшаго дерева исчезаютъ и листья и плоды; если они заберутся въ домъ какой нибудь, то хоть бросай домъ, ихъ ничѣмъ оттуда не выживешь. Очень естественно, что плантаторы преслѣдуютъ этихъ враговъ съ непримиримою злобою. На всѣхъ хуторахъ, называемыхъ тамъ „фацендасъ“, имѣются люди, исключительно занимающіеся отыскиваніемъ муравейниковъ, которые и подвергаются ими систематической осадѣ. Нерѣдко, правда, не смотря на всѣ старанія, ничего не достигается, казавшіеся убитыми муравьи опять оживаютъ. „Формигверы“ (такъ называются преслѣдователи муравьевъ отъ слова formica—муравей) затыкаютъ всѣ явно видимые входы и выходы муравейника, потомъ подводятъ ходъ и, подложивъ дрова и солому, зажигаютъ. Дымъ, указываетъ, какія отверстія остались еще незаткнутыми. По

Квакша зеленая. Рис. Фриманъ, грав. Т. Тилли.

закрытіи и этихъ отверстій, впускаемый въ муравейникъ дымъ душитъ жителей бугра, но не всегда окончательно, какъ уже выше упомянуто. Назначенная премія пока еще никому не присуждена, никто еще не заслужилъ ее.

Дикіе на выставкѣ. На выставкѣ въ Сиднеѣ (въ Австраліи) приняли участіе и дикія племена доставившія сюда прекрасное оружіе, черепа и другія рѣдкости. Австралійскіе дикари доставили длинныя гнуткія тонкія копья, деревянные и плетеные продолговатые щиты, нѣкоторые съ изображеніемъ на нихъ черепахъ, крокодиловъ и т. п. Щиты такъ малы, что нужна необыкновенная ловкость для отраженія ими копья. Единственная домашняя утварь, доставленная ими, были плетеные изъ травы мѣшки, въ которыхъ Австралійцы сохраняютъ провіантъ во время похода. Какъ образчикъ пищи, выставлены сочные листья растенія питури, которое австралійскіе негры жуютъ для подкрѣпленія силъ, послѣ сильной усталости. Между рѣдкостями, нѣкоторыя дѣйствительно очень интересны. Одинъ дикарь такъ сильно любилъ свою жену, что послѣ смерти ея содралъ съ нея кожу и набилъ чучелу. Видъ этого изсохшаго тѣла наводитъ ужасъ. Самою интересною вещью признанъ былъ непомѣрно развитой черепъ, доставленный изъ западной Австраліи. Стѣнки этого черепа замѣчательно толсты. Швы костей видны только съ внутренней стороны, такъ что кажется, что сверхъ обыкновеннаго черепа образовался новый крепкій костяной слой. Интересно также собраніе сплюснутыхъ черепов, изъ Малико въ новыхъ Гебридахъ, собственность г. Маклена въ Сиднеѣ. Музыкальный инструментъ на Гебридахъ, состоитъ изъ выдолбленнаго ствола дерева, по которому бьютъ молоткомъ и который производитъ далеко разносящійся по лѣсу звукъ. Не менѣе интересны идолы съ страшными тыквообразными носами и вздутыми, толстыми губами. На островѣ Гаванѣ божескія почести воздаютъ каменнымъ топорамъ, деревянные черенки которыхъ прекрасно отдѣлываются всевозможною рѣзьбою. У дикарей Фиджи очень интересны предметы роскоши. Многія украшенія искусно составлены изъ звѣриныхъ зубовъ, различныхъ раковинъ и костей акулы. Самое красивое это кружки и чашки изъ растенія кава, прекрасно отдѣланныя перламутромъ. Изъ корня кава дѣлается дикарями прохладительный напитокъ, съ острымъ вкусомъ; онъ замѣняетъ мѣстному населенію вино и пиво и часто европейцы сильно къ нему пристращаются.

Буря въ Техасѣ. Получены извѣстія о томъ, что буря свирѣпствовавшая съ 31-го іюля на 1-е августа (12—13 августа) въ Техасѣ, почти окончательно разрушила городъ Броунсвилль; въ Матаморасѣ около трехсотъ домовъ снесены до основанія. Сосѣдніе города тоже жестоко пострадали. Нѣсколько пароходовъ потерпѣли крушеніе во время бури.

Раттаузскій судъ въ городѣ Куопіо недавно приговорилъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе работника Абеля Міеттинена за похищеніе имъ бутылки коньяку съ пожара, случившагося въ городѣ 22 іюня нынѣшняго года. Кража съ пожара относится, по опредѣленію дѣйствующаго въ Финляндіи шведскаго уложенія 1734 года, къ такъ называемымъ постыднымъ кражамъ (nidingsstöld), наказываемымъ смертью, и раттаузскій судъ основалъ свой приговоръ на точномъ смыслѣ закона, который въ § 1-мъ XLII главы от. о преступленіяхъ („постыдныя кражи") говоритъ слѣдующее: „Кто много или мало украдетъ при пожарѣ, бѣдствіяхъ отъ воды, кораблекрушеніи, насиліяхъ или при вторженіи и нападеніи непріятеля, или же и тогда, когда что-либо отъ подобной опасности и несчастія спасено будетъ, тотъ имѣетъ быть повѣшенъ (varde hängd).

Находка.—На дняхъ въ Сенскомъ каналѣ, у Pont des Arts, найденъ великолѣпный мечъ середины XVI столѣтія. На рукояткѣ высѣченъ гербъ рода Монморанси, а на клинкѣ видны буквы R. F., что вѣроятно означаетъ „Rex Franciscus". Думаютъ, что этотъ мечъ былъ подаренъ кому нибудь изъ Монморанси королемъ Францискомъ I или II и, можетъ быть, лежалъ въ Сенѣ со временъ варѳоломеевской ночи.

Шахматная задача № 66.

Черные.

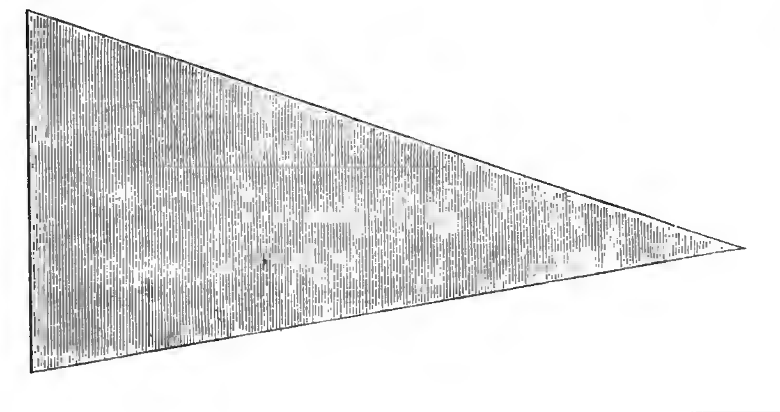
	A	B	C	D	E	F	G	H	
8					♗				8
7	♟	♟							7
6	♙				♟				6
5		♞		♚	♟		♔		5
4	♖			♝	♘				4
3			♖	♞	♙				3
2	♙		♘						2
1								♕	1
	A	B	C	D	E	F	G	H	

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Геометрическая задача № 67.

Данный треугольникъ разрѣзать двумя прямыми линіями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было составить квадратъ.

Алгебраическая задача № 68.

Названіе однаго журнала состоитъ изъ четырехъ буквъ, а если эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ занимаемымъ этими буквами въ русскомъ алфавитѣ, то получимъ слѣдующія соотношенія между этими числами:

1) Первое число на 1 болѣе суммы трехъ остальныхъ.
2) Второе число втрое болѣе третьяго числа.
3) Сумма второго и четвертаго чиселъ на 4 менѣе перваго числа.
4) Сумма перваго и четвертаго чиселъ впятеро болѣе третьяго числа.

Узнать названіе этаго журнала.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 5.

Бѣлые.	Черные.
1) F4 — E5	1) C6 — C5
2) B4 — C4†	2) Куда угодно.
3) C4 ††	

Рѣшеніе шахматной задачи № 12

Бѣлые.	Черные.
1) D3 — E3	1) E5 — D4
2) F8 — C5†	2) D4 — C5
3) A5 — B3††	
или	
2) f8 — D6	1) D2 — E3

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Красноводскъ** (съ рис.)—**Близь станціи желѣзной дороги.** Разсказъ **Н. Б—ва.**—**Уильта.** Повѣсть **Уйда.**—**Михаилъ Зичи.** Очеркъ **Н. Б—ва.** (съ портр.)—**Первый снѣгъ** (съ рис.).—**Красавица** (съ рис.)—**Чортово городище** (съ рис.)—**Осенью на Ладожскомъ озерѣ** (съ рис.)—**Квакша зеленая** (съ рис.)—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Шахматная задача. –Геометрическая задача.—Алгебраическая задача.—Ребусъ.—Рѣшенія шахматныхъ задачъ №№ 5 и 12.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГАЗЕТЪ.

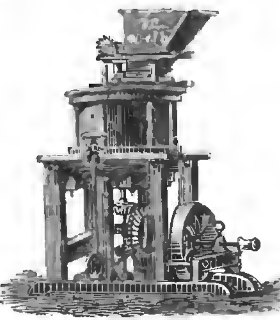
№ 11 НЕВСКІЙ ПР., НА УГЛУ М. МОРСКОЙ, Д. СТРУБИНСКАГО **№ 11**
принимаетъ объявленія во всѣ С.-Петербургскія, Московскія, Губернскія и заграничныя газеты по цѣнамъ редакцій.

При большихъ заказахъ дѣлаются соотвѣтственныя уступки.

Переводы и переписки на всѣ языки исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ.

☞ Объявленія въ здѣшнихъ календаряхъ на 1881 принимаются еще нѣсколько дней. К. № 892 5-2.

МЕЛЬНИЦЫ

съ французскими жерновами для 2—4 лошадей, производительность около 7—14 пуд. въ часъ; цѣна 255—490 руб. Эти мельницы лучше всѣхъ пригодны въ сельскомъ хозяйствѣ, каждый работникъ можетъ ими управлять, въ починкѣ онѣ не нуждаются.

Американскія универсальныя мельницы для 3 лошадей, производительность около 9 пуд. 10 ф. въ часъ; цѣна 135 р.

Американскія ручныя мельницы, производительность около 2 пуд. 10 ф. въ часъ; цѣна 105 р.

Молотилки, цѣна: . . . . . 80, 90 и 100 р.
„ съ одноконнымъ приводомъ ц. 200 р.
„ съ соломотрясомъ и конноприводомъ для 2 лошадей, цѣна 250 р.
„ для 3 лошадей, цѣна . . . 355 р.
Вѣялки и сортировальныя машины, ц. 40, 50 и 55 р.

Кромѣ того въ складѣ имѣются всѣ земледѣльческія машины, сѣнные прессы, насосы, пожарныя трубы, пульзометры и т. п.

Машинное депо
ЭД. ФЛУГЪ.
№ 11. Вознесенскій проспектъ. К. № 897

ДЛЯ СОВЕРШЕННАГО ВСАСЫВАНІЯ СЫРОСТИ
между оконными двойными рамами
и для **просушиванія сырыхъ стѣнъ и помѣщеній**
самое сильнодѣйствующее и особенно дешевое средство есть
Сушильный составъ Кёлера
продающійся въ 5-ти фунтовыхъ пакетахъ по 50 к. за пакетъ. Продажа и подробное объясненіе въ
МАГАЗИНѢ Р. КЁЛЕРА и К°, въ МОСКВѢ
на углу Никольской и Черкасскаго переулка.

Господа иногородные при выпискѣ по почтѣ, благоволятъ приложить портовые за 6 фунт. а по 30 к. за укладку на каждый пакетъ. Ц. № 903 3—1

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ Сельско-хозяйственномъ коммиссіонерствѣ „Работникъ" поступило въ продажу 2-е изданіе книги „СЕЛЬСКІЙ СБОРНИКЪ" Д. А. Соколовскаго. Всѣ отдѣлы входившіе въ составъ 1 го изданія этой книги **составлены вновь**, причемъ обращено особенное вниманіе на отдѣлы: **Сельско-хозяйственный и Юридическій.** Кромѣ того въ 2-е изданіе вошли новые отдѣлы о **Несгораемыхъ постройкахъ** и **Общеполезныхъ учрежденіяхъ** въ селахъ. Программы и правила учебныхъ заведеній значительно дополнены. Цѣна 1 р. 45 к., на пересм. 20 к. При выпискѣ отъ автора за перес. не прилагается.

Отзывы період. изданій о 2-мъ изданіи „Сельскаго сборника:" Голосъ № 151: Новое изданіе Сельскаго сборника является во всѣхъ отношеніяхъ не только улучшеннымъ, но и распространеннымъ. Г. Соколовскій вездѣ говоритъ просто, толково и ясно, тщательно избѣгая мудреннаго выраженій.

Новое Время № 1549: 2-е изданіе книги „Сельскій сборникъ" начинается обстоятельнымъ изложеніемъ различныхъ способовъ удобренія полей, посѣва и другихъ свѣдѣній полевому хозяйству; способъ изложенія показываетъ особое стараніе автора быть вразумительнымъ—въ особенности въ отдѣлѣ о ссудо-сберег. тов. и потреб. обществахъ; въ той же удобопонятной формѣ сообщаются читателю въ связномъ разсказѣ и историческія свѣдѣнія о началѣ потребительныхъ обществъ.

Недѣли № 25: 2-е изданіе Сельскаго сборника значительно пополнено и исправлено въ сравненіи съ **1-мъ.** Сборникъ дѣйствительно представляетъ довольно цѣнную справочную книгу для сельскихъ жителей.

С.-Петербургскія Вѣдомости отъ 26 авг. 1880 г. Въ Сельскомъ Сборникѣ этомъ **учебникѣ практической жизни**—и земледѣлецъ-крестьянинъ, и помѣщикъ и житель нашихъ укромныхъ захолустьевъ—всѣ найдутъ нужное и полезное для себя. Особенно важенъ для нихъ „Судебный Отдѣлъ", изложенный «своими словами»—понятно, не запутывая и не запугивая рядомъ статей.

Журналъ Гражд. и Угол. Права (4 кн. за іюль—августъ 1880 г.). Мы съ особеннымъ удовольствіемъ пользуемся случаемъ обратить вниманіе читателей на **Сельскій Сборникъ** Г. Соколовскаго: сверхъ свѣдѣній о полевомъ хозяйствѣ, огородничествѣ и садоводствѣ, о несгораемыхъ постройкахъ, общеполезныхъ учрежденіяхъ и т. п. интересныхъ и полезныхъ для каждаго хозяина,—онъ содержитъ въ себѣ обширный отдѣлъ (194—356 стр.) подъ заглавіемъ „Юридическія свѣдѣнія" *) Изложеніе отличается **замѣчательною ясностью рѣчи.**

Юридическій Вѣстникъ за сентябрь 1880 г. Книга **полезна для лицъ**, нуждающихся въ пріобрѣтеніи элементарныхъ юридическихъ свѣдѣній. Лица желающія выписывать книгу „Сельскій Сборникъ", не платя за пересылку (по 1 р. 45 к.) адресуютъ свои требованія: въ г. Казань, члену Императорскаго Экономическаго и Казанскаго Юридическаго Обществъ: **Дмитрію Александровичу Соколовскому.**

*) Отдѣлъ этотъ обнимаетъ собою содержаніе важнѣйшихъ постановленій о волостномъ, мировомъ и общемъ судѣ, какъ по гражданскому такъ и по уголовному судопроизводствамъ, постановленія гражданскихъ законовъ о важнѣйшихъ договорахъ. Удовлетворительное изложеніе законовъ поясняется примѣрами исковыхъ прошеній, проектовъ договоровъ и т. п. № 896.

ДЕШЕВОЕ ДОМАШНЕЕ ОКРАШИВАНІЕ ВО ВСѢ ЦВѢТА
платьевъ, лентъ, платковъ и проч, какъ и всякаго рода матерій посредствомъ совсѣмъ приготовленныхъ съ подробнѣйшими наставленіями красокъ продающихся
въ аптекарскомъ магазинѣ КЁЛЕРА и К° въ Москвѣ.

Цѣна пачки съ достаточнымъ для окрашиванія большаго дамскаго платья количествомъ краски 50 к., ½ пакета 25 к. и ¼ пакета 15 коп. Торговцамъ значительная скидка. Краски эти составляютъ ходкій предметъ торговли, въ особенности въ городахъ, гдѣ нѣтъ красильныхъ заведеній. Ц. № 904. 4—1

Вышелъ изъ печати въ русскомъ переводѣ
НОВѢЙШІЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ КРОЙКИ ДАМСКАГО ПЛАТЬЯ.

Ксаверія Глодзинскаго, учителя дамской кройки, извѣстнаго многими по сему предмету сочиненіями, переведенными уже на нѣмецкій и другіе иностранные языки, владѣльца заведеній кройки дамскаго платья за границею, и **въ Варшавѣ, Медовая, № 1.** Сочиненіе это вышедшее уже **5-мъ изданіемъ** основано на постоянныхъ данныхъ, не подвергающихся какимъ-либо измѣненіямъ метода, **усовершенствованъ и примѣненъ по всякимъ законамъ моды** на столько, что почтенныя дамы могутъ изучать кройку безъ всякой другой помощи. Въ сказанной книгѣ способы кройки и шитья **на правильныя и неправильныя** тѣлосложенія, изложены со всею точностью и аккуратностью и потому она заслужила **общее вниманіе** и употребляется какъ руководитель не только **во многихъ мастерскихъ, учебныхъ и рукодѣльныхъ женскихъ заведеніяхъ въ Варшавѣ и за границею, но даже частными лицами въ семейныхъ кругахъ съ большимъ успѣхомъ.** Кромѣ того авторъ, желая облегчить рисованіе образцовъ въ выкройкѣ, предпочелъ необходимымъ ввести **методъ употребленія новоизобрѣтенной выкроечной линіи.** Книга въ 2-хъ томахъ, кромѣ текста состоитъ изъ 37 чертежныхъ таблицъ—стоитъ **3 руб. 50 коп.,** выкроечная линія **1 р. 50 к.** Покупатели одного или двухъ экземпляровъ книги съ полными приборами платятъ за упаковку и пересылку 75 коп. **Адресоваться** въ заведеніе кройки дамскаго платья автора и издателя книги **Ксаверія Глодзинскаго въ г. Варшавѣ, Медовая, № 1,** въ мастерскую, въ коей подъ руководствомъ **Луизы Глодзинской** принимаются и исполняются всѣ заказы, входящіе въ кругъ дамскихъ платьевъ и уборовъ. № 873

КАРТОНЪ ДЛЯ ПОЛОВЪ
ПОДЪ КОВРЫ
ИЗОЛИРЪ-КАРТОНЪ
(СВИНЕЦЪ)
ДЛЯ ИЗОЛИРОВАНІЯ СЫРОСТИ
РЕКОМЕНДУЕТЪ
ФАБРИКА
АВГУСТЪ НАУМАНЪ И К°.
М. № 895 **С.-Петербургъ. Гороховая, ул. д. № 20.** 3—1

НОВОСТЬ К. № 840 3—1
ЛОВЕ: ПАРФЮМЕРІЯ „ЛАНДЫШЪ".

Лове: Extrait quadruple, изъ Ландыша **Maiglöckchen.**
Лове: туалетное мыло „ „ **Maiglöckchen.**
Лове: туалетный уксусъ „ „ **Maiglöckchen.**
Лове: помада „ „ **Maiglöckchen.**
Лове: масло „ „ **Maiglöckchen.**
Лове: косметическій фиксатоаръ „ **Maiglöckchen.**
Лове: бриллянтинъ „ „ **Maiglöckchen.**
Лове: подушки съ духами „ „ **Maiglöckchen.**

Для избѣжанія покупки поддѣльныхъ духовъ нужно требовать продукты **Лове парфюмера Ландышъ** и особенно смотрѣть на мою вѣрную фирму:
Уставъ Лове, парфюмеръ въ Берлинѣ,
поставщикъ Двора Ея Величества Императрицы Германской Имперіи.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

Книжный складъ А. И. Мамонтова
ПРИ МАГАЗИНѢ
„ДѢТСКОЕ ВОСПИТАНІЕ".
Москва, Леонтьевскій пер., д. Мамонтова.

Изъ числа сочиненій, пріобрѣтенныхъ складомъ цѣлыми изданіями, до 60-ти названій (по естествознанію, медицинѣ, исторіи и беллетристикѣ) съ 1-го іюля продаются по значительно пониженной цѣнѣ, Каталогъ высылается безплатно. Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка. П. М. № 891

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ АНКЕРНЫЕ ЧАСЫ
(изъ никелированнаго никеля).
Заводящіеся безъ ключа.
Открытые съ бѣлымъ циферблатомъ 15 р. с.
Тоже съ цвѣтнымъ или чернымъ циферблатомъ . . . . . 16 р. с.
Закрытые съ бѣлымъ циферблатомъ 18 р. с.
За пересылку прилагается 50 к. почтовыми марками.

Часы съ хронографомъ (для бѣговъ, скачекъ и всякаго рода наблюденій) заводящіеся безъ ключа, въ металлическомъ корпусѣ . . 35 р. с.
Въ серебряномъ корпусѣ . . . 40 р. с.
Пересылка на счетъ магазина.

Требованія просятъ адрессовать въ магазинъ часовъ **Павла Буре**, поставщика Высочайшаго Двора и Императорскаго Русскаго Флота.
Невскій проспектъ, № 23.
№ 880 С.-Петербургъ. 33—3

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ,
американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій для семействъ и ремесленныхъ заведеній.

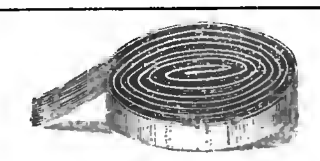
А. ШТЕЙНЪ
въ С.-Петербургѣ.
Вознесенскій просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.
ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.
Ручныя машины 20 разныхъ конструкцій отъ 12 до 45 руб.
Ножныя машины 40 разныхъ конструкцій отъ 35 до 350 руб.
Маш. для **вязанія, шитья перчатокъ, плисе.**
БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЮ
подробный прейсъ-курантъ
ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
фабрики **Розенборгъ и Фронкель въ Берлинѣ**, спеціальныхъ машинъ, шьющихъ **варной дратвой**, для шорныхъ, каретныхъ, парусинныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для мѣшковъ и военныхъ голенищъ.
Фабрика **Іуліусъ Гутмана въ Берлинѣ**
спеціальныхъ машинъ для **выметыванія петель** въ суннѣ, бѣльѣ, дамскомъ нарядѣ и обуви.
Фабрика **Линцъ и Еинертъ въ Берлинѣ**
спеціальная машина для **вышиванія** въ батистѣ, тюлѣ, шерстяной и шелковой матеріи, войлокѣ, сукнѣ и т. д.
Складъ иголокъ, отдѣльныхъ частей и масла къ швейнымъ машинамъ, бумаги, шелку и натовъ. К. № 906. 10—1

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА
БЕКМАНЪ И К°,
устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.
ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ
подъ тою же фирмою **Бекманъ и К°**, въ которомъ приготовляются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.
Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 863 10 3.

Спб. Врачебнымъ управленіемъ разсмотрѣна и разрѣшена во всеобщее употребленіе.
НОВѢЙШАГО ИЗОБРѢТЕНІЯ
ОРѢХОВАЯ КРАСКА
для волосъ; она моментально окрашиваетъ въ натуральные цвѣта: черный, темнорусый и каштановый; 30 дней не требуетъ повторенія. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 2 р., въ косметическомъ магазинѣ **В. Паркова и комп.**, въ гостиномъ дворѣ, № 78, противъ пажескаго корпуса, въ С.-Петербургѣ. № 874 4—3

НАШИ
ПОРОШОКЪ И МАСЛО
для чистки мѣдныхъ вещей
придаютъ самоварамъ, подсвѣчникамъ, двернымъ и оконнымъ приборамъ, кухонной посудѣ и проч.
совсѣмъ особенный блескъ
и продаются по 35 к. за пару.
Для чистки же кожей, ножницъ и пр. стальныхъ вещей
какъ и для чистки
БРОНЗЫ и СЕРЕБРА
рекомендуемъ наши англійскіе порошки
Р. КЁЛЕРЪ И К°.
въ МОСКВѢ,
магазинъ аптекарск. товаровъ. Никольская, на углу Черкасскаго пер.
Ц. № 905 8—1

ЛУЧШІЕ АМЕРИКАНСКІЕ
КОЖАНЫЕ ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ.
ЛУЧШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ
ПОДОШВЕННАЯ КОЖА
ГЕМЛОКЪ.
Американскія лопаты, вилы для сѣна и навоза, грабли, топорики, гаечные ключи, ящикъ-раскрыватели и т. п.
Г. М. ХУТТОНЪ И К°.
Мал. Морская, д. № 14.
Москва, Большая Лубянка, д. Ивановскаго монастыря. бывшій Мазуриной.
На Нижегородской ярмаркѣ, въ зданіи каменнаго театра.
К. № 907 5—1

НОВЫЯ КНИГИ.
Въ книжномъ магазинѣ **В. А. Цвылева** (бывш. М. И. Попова), въ С.-Петербургѣ, Малая Садовая, д. № 2 продаются слѣдующія два сочиненія г-жи **Елены Молоховецъ.**
1. **„Русскому народу“**—собраніе гигіеническихъ и полезнѣйшихъ простыхъ, домашнихъ врачующихъ средствъ отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей. 264 стр. большаго формата. Ц. 1 р.
2. **„Молодымъ хозяйкамъ“**, заключающія въ себѣ тѣ же средства съ прибавленіемъ аллопатическихъ и гомеопатическихъ и пр. врачующихъ средствъ. 348. стр. большаго формата. Ц. 1 р. 25 к. № 893

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.
ПОПУРРИ
изъ оперы **П. Чайковскаго**
„ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ“
въ 2 руки цѣна 1 р. 25 коп., въ 4 руки 2 рубля.
Изъ оперы **„Аида“** Верди въ 2 руки ц. 80 к., въ 4 руки ц. 2 р.
Москва, у П. Юргенсона, 10. Неглинный проѣздъ, 10.
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона, 9. Большая Морская, 9.
П. М. № 892

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
предлагаетъ свои

Билліарды съ патентованными передвижными бортами
разныхъ величинъ, разлагаемой конструкціи, крытые, ровно шлифованными, аспидными досками, солидной, изящной работы, по рѣшительнымъ цѣнамъ. Иллюстрированные прейсъ-куранты съ описаніемъ высылаются желающимъ.

АТТЕСТАТЪ.
Настоящій аттестатъ выдается мною Ростовскимъ на Дону купцомъ Иваномъ Семеновымъ Самойленко С.-Петербургскому билліардному фабриканту Рудольфу Гердесъ въ томъ, что заказанные ему мною и сдѣланные на его фабрикѣ три билліарда отличаются слѣдующими достоинствами: по отзыву знатоковъ билліарды фабрики Гердеса, при прочной и изящной работѣ, отличаются замѣчательною вѣрностью, что, главнѣе всего, зависитъ отъ примѣненія фабрикантомъ новаго образца бортовъ подвижныхъ и эластичныхъ, позволяющихъ съ одинаковою вѣрностью играть шарами разныхъ калибровъ. Кромѣ того заказъ мой выполненъ фабрикантомъ вполнѣ добросовѣстно и своевременно, безъ малѣйшаго упущенія.
Ростовъ на Дону. Іюля 24 дня, 1880 года Ростовскій купецъ **Иванъ Семеновъ Самойленко.**
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
РУДОЛЬФЪ ГЕРДЕСЪ.
Вознесенскій просп. № 12.
ВЪ МОСКВѢ:
БИЛЛІАРДНЫЙ ФАБРИКАНТЪ **ФЁГЕ**
на углу Газетнаго пер. и Большой Никитской. К. № 859 10—4

Поступила въ продажу **новая книга** (складъ въ книжн. магазинѣ В. Цвылева, СПБ. Малая Садовая, № 9. 2-й);
„РУССКО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА“, для школьнаго и домашняго обученія, съ постепеннымъ наростаніемъ буквъ, съ прописями и образцами рисованія, съ задачами, загадками и различными др. упражненіями, **съ 800-ми рисунками въ текстѣ.** Цѣна 30 к. Сост. Ѳ. Пуцыковичъ.
№ 889 3—2

Свѣжій, настоящій
ДАЛМАТСКІЙ ПОРОШОКЪ
Вѣрное средство для истребленія клоповъ, блохъ, прусаковъ, черныхъ тараканов и прочихъ насѣкомыхъ.
Цѣна коробки 30 к., за фунтъ 1 р. 40 к.
Съ пересылкой за 5 коробокъ 2 р.
Гг. торговцамъ соотвѣтственная уступка.
Депо С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій.
№ 7. ВЛАДИМІРСКАЯ, № 7.
въ С.-Петербургѣ.

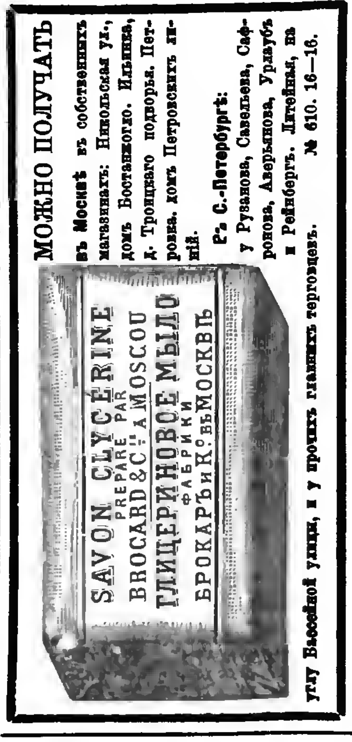
АКУШЕРКА
Царское село, Магазинная ул., д. Крѣпкаго. Предлагаетъ дамамъ: помѣщеніе и хорошій уходъ. Условія письменно и лично.
№ 894

КЁЛЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА
Ц. № 902 13—1

Нѣмецкія концертино,
инструменты въ родѣ гармоній, на которыхъ легко можно научиться играть, и имѣющія весьма пріятный тонъ.
по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р. и дороже.
Самоучитель 75 к.
Разныя другія ноты по 40 к., и 1 р.
Англійскія концертино
по 30 р., 38 р., 45 р., 70 р., 125 р. и дор
Школа 3 р.,
Разныя ноты по 60 к., 1 р. 20 к., и 2 р.
и всѣ другіе инструменты рекомендуетъ въ большомъ выборѣ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА
СПБургъ, но Больш. Морской ул. № 42.
Подробные прейсъ-куранты безплатно.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

НОВОСТЬ
Китайскіе духи
ЛИЛІАНА.
Крѣпкій и чрезвычайно пріятный запахъ.
Цѣна 50 к. за лотъ, съ пересылкой за 3 лота 2 рубля.
„ 2 рубля за флаконъ.
ДУХИ МАЙСКІЙ ЛАНДЫШЪ
Цѣна 40 к. за лотъ, съ пересылкой за 4 лота 2 рубля
„ 1 р. 25 к. за флаконъ.
Гг. торговцамъ соотвѣтственная уступка.
Депо С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій.
№ 7. Владимірская, № 7,
Ч. № 900 въ С.-Петербургѣ. 2-1

ЖЕЛАЮЩИХЪ
купить, продать и заложить **имѣнія**, дома и аптеки, просятъ обращаться въ Москву, за Арбатѣ, домъ Сафоновой, гостинница **„Гунибъ“**, въ № 40.
№ 901

АВТОГРАФЪ.
Для снятія портретовъ и ландшафтовъ, снабженный готовымъ матеріаломъ и наставленіемъ, дающій возможность каждому самостоятельно фотографировать. Мал. Морск., № 5, кв. 21, фот. Е. Гринбергъ.
№ 908

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ
„НОВОСТИ“
и
„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.
Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на ½ года для иног. и гор. 5 р., на 1 мѣс. для иногор. и городск. 1 руб. К. № 909. 10—1

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключен. Московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магаз. М. П. Башкина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 25 сентября 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Вессель, Англ. пр., № 10.

XI годъ — годъ XI

№ 40 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 моди. рис.) к ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рази. рис. руиод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 4 Октября 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ нерес. 25 к.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ОКТЯБРЬ 1880 г. съ 22 рисунками и отдѣльный листъ съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 25 рисунками выпиловочныхъ работъ.

Николай Христіановичъ Бунге.

Въ настоящее время постъ товарища Министра Финансовъ занимаетъ человѣкъ, котораго можно назвать однимъ изъ выдающихся людей настоящаго царствованія. Назначеніе Н. Х. Бунге, совершившееся неожиданно, вызвало большія надежды на будущее по этой важной отрасли государственнаго управленія въ обществѣ и въ печати. Въ этомъ назначеніи ученаго и публициста и кромѣ того практика въ своей отрасли, увидѣли уваженіе къ наукѣ и таланту. Н. Х. давно уже имѣетъ почетную извѣстность и какъ профессоръ политической экономіи, финансоваго права, затѣмъ ректоръ Кіевскаго университета, какъ писатель-экономистъ, директоръ коммерческаго банка и наконецъ управляющій Кіевскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. При этихъ серьезныхъ и сложныхъ занятіяхъ литература была для него какъ бы отдыхомъ. Съ конца пятидесятыхъ годовъ онъ участвуетъ въ разныхъ газетахъ и журналахъ по финансовому и экономическому отдѣламъ. Онъ всегда стремился въ затрудненіяхъ отыскать практическій исходъ, не довольствуясь лишь безплоднымъ порицаніемъ. Во всѣхъ почти реформахъ настоящаго царствованія онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Его сочиненіе „О бумажно-денежныхъ системахъ“, напечатанное въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, имѣетъ важное государственное значеніе—въ немъ предлагаетъ онъ рядъ мѣръ къ поднятію и упроченію стоимости русской денежной единицы. Замѣчательны и его сочиненія „Товарные склады и варранты“, „Гармонія хозяйственныхъ отношеній“, „Теорія кредита“ и многія другія. Не разъ призывали почтеннаго ученаго на высокій постъ, нынѣ имъ занимаемый — обстоятельства не позволяли Н. Х. принять приглашенія. Изъ Кіева, гдѣ онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, его провожали съ глубокими сожалѣніями. Дума поднесла ему званіе почетнаго гражданина г. Кіева; профессора университета, Кіевское городское общество и лица служащія по кредитнымъ учрежденіямъ предполагали устро-

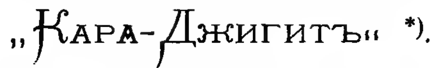

Н. Х. Бунге. Товарищъ Министра Финансовъ. Съ фотогр. рис. Бухбиндеръ, грав. Б. Пуцъ.

ить обѣды и прощальныя чествованія Н. Х., но онъ отклонилъ эти чествованія.

Въ назначеніи Н. Х. замѣчательно и то, что хотя онъ двадцать лѣтъ въ положеніи компетентнаго эксперта, ученаго и практика-финансиста разсматривалъ и негласно и гласно въ печати, различныя экономическія мѣры и всегда представлялъ опредѣленныя предложенія какъ помочь дѣлу, но указанія его доселѣ не отражались въ практикѣ нашей финансовой дѣятельности, хотя правильность взглядовъ его указывала сама жизнь впослѣдствіи. Въ числѣ подготовительныхъ мѣръ онъ придаетъ весьма важное значеніе реформѣ прямыхъ податей и заботамъ о балансѣ во внѣшней торговлѣ. „При леченіи экономическихъ недуговъ, писалъ онъ, слѣдуетъ разсчитывать на цѣлебную силу природы и быть можетъ до наступленія извѣстной минуты, когда рѣшительныя мѣры необходимы, гораздо лучше подготовляться и способствовать косвенно большей устойчивости лажа и появленію металлическихъ денегъ въ обращеніи“. Таковъ основной взглядъ его въ этомъ дѣлѣ.

Н. Х. Бунге род. въ Москвѣ въ 1823 г., вступилъ въ службу въ 1845 г., а въ 1854 занялъ профессорскую кафедру. Чинъ тайнаго совѣтника онъ получилъ въ 1874 г. Онъ имѣетъ ордена св. Владиміра 2-й степ., св. Станислава 1-й степ. и св. Анны 1-й степ.

*).

Былина Средне-Азіатскихъ кочевниковъ.

Н. Н. Каразина.

Пѣснь 1-я.

Давно это было—давно!

Много воды съ тѣхъ поръ ушло въ „Иргизѣ“ и „Ори“, много песку нанесло на мертвую „Бекъпакдалы“, много сочной, зеленой травы вольными табунами потоптано, много разъ птица перелетная, съ холодныхъ сторонъ, за Аралъ тянула и назадъ по веснамъ возвращалась, много дѣтей грудныхъ стариками стали, много кладбищъ курганами—мертвыми аулами—степь изукрасили...

Это было тогда, когда кочевой народъ одну власть зналъ, одну силу: дѣдовъ своихъ родовыхъ, сѣдобородыхъ; о другой какой власти и не слыхивалъ, тогда, когда никто не считалъ кибитокъ нашихъ, никто податей не сбиралъ, и кто никого не боялся...

Страшенъ по слухамъ былъ коканскій ханъ, грозенъ эмиръ, бухарскій владыка, лютъ и могучъ ханъ хивинскій,—да всѣ они трое далеко отъ нашихъ вольныхъ степей сидѣли и сюда не ходили къ намъ. Не ходилъ сюда и урусъ, человѣкъ стороны холодной, а, если и заглядывалъ когда такой, такъ больше съ ласкою, дружбою... Сила царя бѣлаго насъ миновала тогда... Ни одно колесо телѣжное гулевую землю нашу не рѣзало.

Давно это было—давно!

Хорошо, привольно жилось въ тѣ времена человѣку кочевому. Біи богатые всѣхъ около себя кормили, всякому жить въ волю давали... Дѣла-работы не знали, не дѣло то было—забава! Гуляй съ табунами по зеленымъ лугамъ, спи хоть съ утра до ночи съ овечьей атарою, гоняйся съ борзыми за волкомъ вороватымъ, лови лисицъ по скалистымъ балкамъ, съ соколомъ зоркимъ по окраинамъ степныхъ озеръ рыскай, лебедя бѣлаго, гуся хохлатаго, цаплю длинноногую выглядывай... Біи поссорятся—всякій свой народъ скликаютъ, набѣги чинятъ другъ на друга;—тѣ насъ, мы ихъ,—кто кого осилитъ; своя сабля—судъ, своя стрѣла—расправа.—Лихіе джигиты, не то, что теперь—наперечетъ, а безъ счету, безъ имени были: грудной ребенокъ и тотъ за гриву цѣплялся, сидѣлъ, не падалъ... А кони были какіе!.. вѣтеръ не кони!..

Весна проходила. Таялъ снѣгъ на равнинахъ, ручьями по балкамъ сбѣгая, пробивала травка пригрѣтую землю, цвѣты изъ-подъ снѣга желтѣли... Безъ конца, безъ счета тянулись наши караваны съ зимовокъ, на привольныя мѣста, кормовыя; глазомъ не окинешь, все верблюды да верблюды идутъ, бубенцами позваниваютъ, ковровыми юламейками на спинахъ горбатыхъ покачиваютъ... Стонъ стономъ по степи во всѣ концы несется: и кони ржутъ, и бугаи вопятъ, овцы блѣютъ—все живое, молодой, зеленой листвѣ радуется...

Дѣвки красивыя, толстыя, въ теплѣ холеныя, мясомъ кормленныя, взапуски съ джигитами на коняхъ носятся, межъ верблюдовъ увиваются, другъ отъ дружки хоронятся, другъ дружку гоняютъ, выслѣживаютъ... Старые дѣды, сѣдобородые, шагомъ ѣдутъ, важно, сановито, на молодость любуются, свои былые годы поминаютъ.

День-другой идетъ, недѣли проходятъ въ пути... Что ни утро—новыя утѣхи, что ни ночь...

А на мѣсто стали, просторно кибитки поставили... Мѣста-то вволю!.. Не мѣренное, не топтанное, не травленное!.. А въ запасѣ такихъ благодатныхъ мѣстъ—сколько хочешь! хотя все круглое лѣто всѣмъ кочевьемъ слоняйся!..

Жилось сыто, тепло, раскидисто, весело, радостно, вольно, приплодно... Умирать никому отъ такой жизни не хотѣлось,—да и смерть-то сама нашихъ не долюбливала, не больно охотно къ намъ жаловала; по сту лѣтъ старики не въ диковинку были—джигитами еще считались... Попадались нерѣдко и такіе, что и годы свои считать перестали... Попрочнѣе народъ-то былъ нынѣшняго!..

И вотъ въ это-то самое время,—волею-ли Аллаха, чѣмъ разгнѣваннаго, темною-ли силою шайтана, людскому счастію завистника,—пришла бѣда тяжкая, обидная, легла ярмомъ тяжелымъ на вольныя плечи, камнемъ на сердце, хмурою думою въ голову забилась, и какъ мятель хвостомъ холоднымъ смела и веселье, и радость, и забавы всѣ наши охотничьи.

А пришла бѣда эта безъ грому, безъ шуму, безъ похвальбы, безъ пословъ-задиръ, на бой подбивающихъ, пришла нежданно, невидимо... Не сразу еще и поняли всѣ то въ чемъ дѣло; потомъ уже досужіе люди додумались, другимъ указали...

Пѣснь 2-я.

Чуденъ джигитъ въ нашихъ степяхъ проявился.

Когда, въ какой несчастный день онъ сюда впервые пришелъ и откуда, гдѣ кибитку свою поставилъ, какого рода и племени самъ былъ? никто того не зналъ, никому въ томъ чуденъ джигитъ не давалъ отвѣта. Многіе его уже видѣли, а кто увидалъ первый—такого не знали.

Страненъ видомъ приблудный джигитъ. Холодъ на сердце ложится отъ его вида, дѣти съ крикомъ по ночамъ просыпаются, дѣвки-красавицы въ истомѣ мечутся, молодежь зубами скрипитъ, старики грозно хмурятся.

*) „Черный наѣздникъ“.

И не видали до тѣхъ поръ такихъ богатырей и не слыхивали...

Черный малахай бараній на головѣ, гривою косматой по плечамъ треплется, черный халатъ, черная рубаха даже, черные чимбары, черенъ и конь подъ сѣдломъ, безъ пятна, безъ отмѣтины. Лицо только бѣло у джигита, снѣга горнаго бѣлѣе... Стоитъ ли на мѣстѣ джигитъ, скачетъ ли по степи, вѣтру на встрѣчу, гнѣвенъ-ли, радостенъ—ни кровинки въ этомъ мертвомъ лицѣ не появится... Брови надъ носомъ орлинымъ срослись, тонкія губы улыбки не знаютъ, очи что уголья искрятся, какъ у волка по ночамъ... Не носилъ джигитъ при себѣ никакого оружія, не по нашему поступалъ обычаю: ни ножа у него на поясѣ не было, ни садака за сѣдломъ со стрѣлами, ни клынча сбоку криво-луннаго, ни копья гибкаго, конскимъ хвостомъ опушеннаго... Не было даже нагайки ременной въ рукѣ—да такому коню нагайка и не требовалась!

Стоитъ-диво черный конь—не шелохнется, идетъ—топота легкихъ ногъ не слыхать, скачетъ—угона за нимъ нѣту; отъ первыхъ скакуновъ нашихъ, какъ отъ столба стоячаго, въ землю зарытаго, уходитъ.

Сегодня, слухъ идетъ, его на солонцахъ за Иргизомъ видѣли, а завтра, слышь, за шесть дней пути, на Ори, а то и дальше гдѣ, на русской границѣ—кочево народъ дивнымъ батыремъ дивуется, горя себѣ наживаетъ...

Скажетъ слово черный джигитъ,—словно не изъ груди его, не изъ глотки проклятой отголосокъ идетъ, а подъ землею глубоко-глубоко слышится... И каждое слово его бѣдою отзывается.

Взглянетъ, покосится на дѣвку „черный", промолвитъ: „Ишь красавица гладкая!"—недѣли не пройдетъ, узнать нельзя эту „гладкую": кожа да кости, лицо изъ краснаго румянаго желтое станетъ, морщинистое, словно не шестьнадцать ей лѣтъ, а ужъ за семьдесять стукнуло: ходитъ, бѣдная, горбится, на палку, клюку опирается, кашляетъ, словно овца запаленная, кровь изо рта сочится... Ребятъ гдѣ похвалитъ—будто громомъ всѣхъ перебьетъ, коню какому позавидуетъ—конь съ ногъ валится...

Сгинетъ, дастъ людямъ вздохнуть съ недѣлю, тамъ опять появится, по ауламъ день и ночь рыщетъ, печаль, зло своимъ языкомъ, „глазомъ" проклятымъ сѣетъ.

Говорили ему, молили:—„Оставь ты насъ, кто бы ты ни былъ, уходи добромъ!"...—Онъ въ отвѣтъ: „Степь про всѣхъ широка, не вамъ однимъ жить дана!..

Засмѣется—и смѣхъ его невеселый страхъ на людей наводитъ, коней дрожать заставляетъ, псы и тѣ взвоютъ жалобно...

Сговорились удальцы наши спровадить незваннаго, непрошеннаго, не добромъ, такъ похуже чѣмъ: сговаривались изловить его, избить, до смерти захлестать нагайками, живаго въ землю зарыть, на кострѣ спалить... Чего-чего не сбирались съ нимъ сдѣлать!..

Только сговоры эти не ладно, не добромъ всегда выходили, худо кончались: поймать, не поймали, сгубить, не сгубили, а сами то всѣ захирѣли, отъ болѣзни тяжкой перемерли!.. Поколѣли и кони тѣ, что за „чернымъ" гонялись.

Пѣснь 3-я.

Бій Хакимъ-Берды богатый, батырь знаменитый, по тысячѣ джигитовъ въ доспѣхахъ къ русскимъ границамъ на разбои важивалъ, этотъ самый бій—головою своею, семьею всею, тѣнью дѣдовъ и прадѣдовъ, что на высокихъ курганахъ вѣчнымъ сномъ спали, поклялся, всѣмъ добромъ своимъ, всѣмъ, что у него дорогаго было: „не вернуться домой, не переступить порога кибитки своей, дымомъ своего домашняго огня не дохнуть, на мягкій коверъ спать не ложиться, женъ, сыновей не ласкать, сокола съ руки не спускать любимаго, пока не приведетъ Аллахъ изловить джигита приблуднаго „черчнаго", связать по рукамъ и ногамъ, въ торокахъ за вьюкомъ привезти домой, на потѣху, на выместку общую"...

Много удалаго народу тогда съ Хакимомъ-Біемъ уѣхало.

Говорилъ ему Аблай-Ханъ, владыка нагорныхъ зимовокъ и кочевій всѣхъ, что отъ самыхъ Кары-Кумъ, по Иргизу, до лѣсной стороны протянулись—говорилъ ему старый:

— Эй, оставь, не вяжись! Не берись не за свое дѣло... Не человѣкъ „*тотъ*"... самъ „Албасты-басу" *) принялъ образъ человѣческій... Не мечемъ биться съ нимъ надо, не батырскою силою, чѣмъ нибудь другимъ, не твоего ума дѣло, поважнѣе!..

Обозвалъ Хакимъ-Берды „бабою" стараго бія почтеннаго, „изъ ума, говоритъ, отъ старости выжилъ"—не послушался. И начались тогда для него, для семьи его, рода всего и дома—страшные дни тяжкаго горя и раззоренія.

Двухъ разъ солнце еще не закатывалось, какъ уѣхалъ Хакимъ съ джигитами, а уже пришла вѣсть съ Кара-Кумъ, отъ песчаныхъ бугровъ, гдѣ атары его отъ парши на тузлукахъ **) гонялись: погибли, числомъ несмѣтныя, всѣ овцы Хакимовы,—подхватило ихъ ураганомъ свирѣпымъ, горячимъ, безъ признака обычнаго, безъ времени, невѣсть съ чего середь тихаго дня налетѣвшаго, и погналъ ураганъ овецъ сплошною кучею, какъ баба соръ гонитъ съ ковра метлою, гналъ до самаго моря Арала и, съ крутаго берега скалистаго, потопилъ ихъ всѣхъ въ водѣ морской, соленой...

Чуть живые пришли пастухи, добрели еле-еле домой, говорятъ: „Самого его" видѣли, какъ онъ, этотъ „черный" на конѣ своемъ, среди песчанаго вихря крутящагося несся, какъ съ разгона остановился, осадилъ коня надъ самою кручею, какъ отъ посвиста его сразу буранъ улегся, какъ онъ прочь, назадъ, шагомъ поѣхалъ, только зубы свои острые оскалилъ, завидя пастуховъ на пути, какъ тѣ за кочками припали, со страху головой въ колючій джингилъ и въ сухой саксаулъ забивались...

Потомъ, слышатъ: на табуны Хакимовы болѣзнь пошла и моръ безпощадный за нею. Другъ отъ дружки кони заражались, а принесла болѣзнь ту паршивая лошаденка дикая; лошаденка то не приблудная была, не сама забѣжала, пригналъ ее сюда тотъ же кара-джигитъ... Самъ зять Хакимовъ видѣлъ, стрѣлу даже успѣлъ пустить разбойнику въ догонку, да тетива лопнула, стрѣла тутъ же на землю упала и ногу сыну его родному, маленькому искалѣчила.

А Хакимъ-Берды все по степямъ за своимъ обидчикомъ, всякихъ кочевій мучителемъ, гоняется... Съ каждою угонкою по зрячему и бѣда творится. Три раза уже видѣли „чернаго", три раза окружали его, да всѣ три раза, словно чудомъ какимъ тотъ черезъ крѣпкій кругъ пробивался. Три и бѣды уже надъ Хакимовымъ домомъ случилось.

На четвертый разъ—ѣдетъ полемъ Хакимъ-Берды съ джигитами, широко цѣпью растянулись, зорко по краю неба выглядываютъ, видятъ: юркнулъ, словно лиса хвостомъ, вершникъ какой-то въ балочку, да тамъ и засѣлъ, спрятался.

Загикали наши, завыли, заскакали справа, заскакали слѣва, сзаду, спереду кругъ обрѣзали. Самъ Хакимъ на своемъ скакунѣ лихомъ, рыжемъ—сразмаху въ овражекъ скакнулъ... Опять прорвался „черный джигитъ", опять лови его въ угонку—а поймать его такъ развѣ можно?!

Только на этотъ разъ какое-то чудо свершилось: всѣ то прочіе кони далеко отстали, изъ вида назади попрятались, а Хакимовъ рыжій все не слабѣетъ, все ближе да ближе на чернаго насѣдаетъ, совсѣмъ вотъ, вотъ достать копьемъ можно...

*) Злой духъ.

**) Тузлукъ— солончаковые затоны.

„Кара-Джигитъ“. Н. Каразина. Рис. самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.
„Потопилъ всѣхъ въ водѣ морской“. (Стр. 795).

„Кара-Джигитъ“. Н. Каразина. Рис. самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.
„Обернулся тутъ Кара-Джигитъ, сталъ, остановился и рыжій конь Хакима-Бія.“ (Стр. 798).

„Кара-Джигитъ“, Н. Каразина. Рис. самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.
„Крылья, крылья бѣлыя лебединыя у Акъ-Джанъ за плечами выросли.“ (Стр. 800).

Радуется сердце Хакимово: вотъ, думаетъ, теперь, пасажу тебя какъ шашлыкъ на стержень .. А ну, родно?, ну, рыжакъ, ну наддай еще немножко!.. Гей!

То вправо копье клонится, то влѣво, то вверхъ выше головы тычетъ, словно вотъ отводитъ его сила какая-то!.. Въ землю на всемъ скаку ткнулось концемъ, какъ стекло, на мелкіе куски гибкое древко разломилось... Хватился за стрѣлы Хакимъ, глядь! а саадакъ-то со всѣмъ снарядомъ оборвался на скачкѣ, назади гдѣ-то далеко остался... Хватился за саблю Берды, засѣла въ ножнахъ туго, не вынимается, а до той поры легко ходила, какъ по салу сама вылетала, сверкая на солнцѣ кривымъ, золотомъ сѣченнымъ, чеканомъ убраннымъ, безцѣннымъ клинкомъ, что покойный Хаджи-Измаилъ еще отцу Хакимову изъ Мекки въ подарокъ привезъ.

Обернулся тутъ „кара-джигитъ", сталъ; остановился самъ собою и рыжій конь Хакима-Бія.

Сухъ вороной, ни пылинки на немъ, ни пятнышка мыльнаго; боками не поводитъ, ноздрями тонкими не пышетъ, словно и не скакалъ сейчасъ, а только что съ долгой выстойки, сѣдло па него накинули... У рыжаго колѣни дрожатъ, подгибаются, глаза потускнѣли, раздуло бока бурдюкомъ, кровь изъ ноздрей рѣкою хлещетъ, струями потъ грязный льется, у копытъ лужи отъ этаго пота подѣлались...

— Когда же ты, глупый, за мною гонять перестанешь, какъ ошалѣлый песъ по степи за птицею? спрашиваетъ Хакима-Бія съ усмѣшкою „черный джигитъ".

— А тогда, отвѣтилъ тотъ, пока или самъ костьми лягу, или тебя на куски живаго изрѣжу, и мясомъ твоимъ поганымъ собакъ накормлю...

— Перваго ты бы скорѣе дождался, да рано еще: ты мнѣ, другъ, пока нуженъ.

Сказалъ это „кара-джигитъ" да только его и видѣли, а уже на другой день нашли люди Хакимовы своего бія, безъ языка, безъ памяти, безъ силы, совсѣмъ полумертваго, а рядомъ съ нимъ и коня его рыжаго околѣвшаго.

Задумались тогда наши удальцы, бросили свои неразумные поиски, вернулись домой и Хакима-Берды привезли несчастнаго. А дома ждала ихъ еще бѣда, четвертая: сгорѣли до тла кибитки всѣ ночью, нанесло на нихъ палъ камышевый, этимъ паломъ, какъ кольцомъ огневымъ, охватило кочевье. Сколько дѣтей погорѣло, добра всякаго! Мать, старуха слѣпая, Хакимова, сгорѣла, изъ семи женъ его только одна осталась въ живыхъ, самая злая, рябая, некрасивая.

Обнищалъ, ослабъ, захирѣлъ когда-то славный, сильный бій Хакимъ-Берды, собралъ послѣдніе остатки добра своего, только и хватило, что на одного верблюда бѣлаго, тонкорунаго, и поѣхалъ Хакимъ на этомъ верблюдѣ, черезъ рѣки Сыръ и Аму, черезъ царство Иранское, черезъ горы каменистыя, пески сыпучіе, въ Мекку на поклоненіе...

Отъучилъ каждаго примѣръ несчастнаго бія на силу свою надѣяться, за „проклятымъ" гоняться. Стали тогда другія средства пробовать, къ колдунамъ, да къ знающимъ людямъ, къ молламъ обратились... Распродали тѣ народу страсть что „тумаровъ" *) всякихъ, всю кору съ „аулье-агачъ", со святаго дерева, что на Ори росло и теперь середь степи красуется, ободрали—человѣка не было, у кого чего бы такого въ запасѣ не было; и на себя, и на коней своихъ надѣли; филиновъ, совъ всѣхъ переловили и на кибиточныхъ тендюкахъ поразвѣсили—ничего не помогало да и только!

Рыскаетъ себѣ по степямъ „кара-джигитъ", языкомъ своимъ и глазомъ зло сѣетъ, на „тумары" эти глядя, посмѣивается: муллъ святыхъ, людей-знахарей одобряетъ...

Покорностью, мольбою взять его хотѣли, на корысть поднялись, подарки многоцѣнные предлагали: сотнями отборныхъ головъ скота, бойкими иноходцами, коврами, золотомъ, всѣмъ кланялись... Ничего не беретъ, надо всѣми поклонами да посулами только потѣшается...

— Чѣмъ вы, говоритъ, меня задарить хотите, чѣмъ ублажить можете, когда и всѣ то вы сами, съ добромъ своимъ и степи всѣ, и воды, и лѣса, и горы—все мое!

Повѣсилъ головы весь людъ кочевой, призадумался—кончились дни вольные, веселые, настало время иное...

Чумовое, поморное, засушное, голодное время,—всякое горевое—того легче бы было!

И небо то перестало яснѣть, словно дымомъ его застлало, и солнце тускло въ дыму такъ свѣтило, и воды въ рѣкахъ лѣниво струились, и трава не такъ, какъ прежде, цвѣтами пестрѣла, и дичь то вся стала сторожнѣе, пугливѣе...

Только въ кочевьяхъ стараго хана Аблая, словно какъ будто полегчало, словно на тѣ мѣста сила „джигита чернаго" слабѣе налегла...

Пѣснь 4-я.

Годы идутъ, а съ годами все живое растетъ, равняется. Выросла, выравнялась на диво всей степи, дѣвкамъ на зависть, молодымъ батырямъ на разгаръ „Узунъ-Чашъ" *) красавица, любимая внука хана Аблая, отъ сына его младшаго, что на Яикѣ десять лѣтъ назадъ убитъ былъ пулею вражьею...

Росту высокаго, костью широкая, тѣломъ дородная, а прозвали ее „Узунъ-Чашъ" за то, что и взаправду такіе волосы длинные, черные были, что, стоя, косы до земли достигали .. Сядетъ, бывало, красавица коня своего купать въ озерѣ, голая, волосами только, словно халатомъ, вся покрывается... Косы ея плести двѣ подруги прійдутъ, съ утра, съ восхода солнечнаго весь удой кобылій утренній сидятъ за работою...

А наѣздница какая была Узунъ-Чашъ! Въ „кызъ-бырры" **) игрѣ—джигита ей не было равнаго, не говоря уже про другихъ изъ той же бабьей породы. Что ни игра, бывало—всѣхъ парней и своихъ и пріѣзжихъ плетью перехлещетъ, и ничей молодецкій поцѣлуй до ея красныхъ, жирныхъ губъ до сихъ поръ не касался.

Второй десятокъ лѣтъ внучкѣ Аблаевой уже былъ на исходѣ... не корыстенъ былъ старый дѣдъ, не запрашивалъ калыму, „джаксы" ***) несмѣтнаго, непосильнаго, а разборчива была сама очень, не хотѣла идти въ домъ къ слабосильному, все по плечу своему пріискивала такого, чтобы ее осилилъ, съ коня сорвалъ, заласкалъ, затрепалъ на скаку, силкомъ до полусмерти.

Много тогда со всѣхъ концевъ земли и своихъ, и чужихъ молодцовъ сюда пріѣзжало. Такіе бывали батыри, что и не видывали прежде... Пріѣзжалъ и монголъ съ китайскаго царства, и иранъ-человѣкъ, купецъ богатый, и узбекъ, и тюркменъ на конѣ цыбатомъ, наѣзжалъ женихомъ-гостемъ и урусъ-казакъ,—всѣ ни съ чѣмъ назадъ, по домамъ разъѣхались.

Думали всѣ тогда, печалились, что со всѣмъ всю жизнь дѣвка яловою останется, не замужнею, не будетъ отъ нея приплода молодецкаго, да судьба помогла... Смирилась гордая и сама полюбила парня тихаго, добраго, пастуха бѣдняка сосѣдняго...

Донялъ ее пастухъ не силою богатырскою, не удалью джигитскою, не конемъ огневымъ, не осанкою гордою, не разбоемъ добычливымъ, не охотой удачливой, донялъ ея Аллаяръ глазами своими ясными, пѣснями своими сладкими, что, бывало, всѣмъ ауломъ слушаешь, не наслушаешься...

Радъ былъ самъ дѣдъ Аблай-ханъ, хоть такому выбору внучкѣ своей не перечилъ, къ свадьбѣ, къ загулу готовился, съ жениха калыму не взялъ, для порядку

*) Талисманъ.

*) Длинноволосая—собственное имя.

**) Волкъ-дѣвка, игра—описаніе дальше.

***) Добро.

только свое же добро за его считалъ... Одарилъ Аллаяра пѣсенника халатами цвѣтными, пестро-шитыми, конями по выбору, подарками всякими цѣнными.

Одарила его красавица Узунъ-Чашь взглядами своими огневыми, до сердца прожигающими, поцѣлуями звонкими, что далеко кругомъ слышались. А тотъ знай поетъ, у порога кибитки ея сидючи, балалаечки струны перебираючи, да и пѣсни то у него пошли теперь все новыя: и про солнце на небѣ, и про горы дальнія, синія, про лѣса темные, дремучіе, про туманъ утренній, марево лживое, чудное, про цвѣты въ степи, про орла въ поднебесьи, про всю тварь живую въ тѣхъ пѣсняхъ говорилося.

Говорилось въ тѣхъ пѣсняхъ Аллаяровыхъ и про душу человѣческую, говорилось, какъ шайтанъ съ добрымъ духомъ тамъ весь вѣкъ борется, говорилось и про нынѣшнее, и про старину давнюю и про то, что впередъ будетъ... Сладки были тѣ пѣсни пророческія...

Народъ слушалъ, стоялъ молча, въ землю потупившись, старый дѣдъ Аблай головой качалъ бѣловолосою, Узунъ-Чашь вся въ лицѣ мѣнялась, широко, весело ротъ ея улыбался, зубы ровные бѣлые сверкали, глаза черные ея тихо плакали!..

А давно уже, въ добрый часъ сказать, не слыхать было по близости—проклятаго „Албасты-басу"—джигита чернаго...

Свѣтлы, радостны пришли пировые дни, свадебные. Со всѣхъ концовъ степи съѣзжались гости несмѣтные и званные, и незванные, по край неба все кибитками заставили... Самъ Тимуръ, въ годы древніе такаго стапа не собиралъ, такой силы людской не видывалъ.

Узунъ-Чашь въ кибиткѣ своей по обычаю затворилась, съ матерью и подругами, а межь тѣми подругами одна была самая ея любимая, самая обласканная, изъ „чужихъ",—„раба-полуумная"...

Чудная была эта дѣвочка, малая, слабая, ребенокъ ребенкомъ, волосы свѣтлые, серебристѣе ковыля степнаго въ жаркую пору высохшаго, глаза голубые, какъ небо весною, бѣлое личико, бѣлое тѣло... Привезъ ея мать батырь одинъ, изъ нашихъ, привезъ изъ подъ „Орска, съ сѣвера", забарантовалъ въ набѣгѣ,—мать то скончалась, да и безъ призора, безъ ухода обычнаго... Родила она живую дѣвочку,—крохотную, взялъ ребенка Аблай-Ханъ къ себѣ, изъ жалости, да и держалъ все время при своей кибиткѣ.

Сверстницы были—и эта пріемная, и Узунъ-Чашь красавица, а какая межь ними была разница? на одной рукѣ Узунъ-Чашь ту носила, какъ мячъ подкидывала, на землю спуститъ,—та до пояса рукой не дотянется—малаго бурдюка не могла съ мѣста двинуть; никто ее за ея слабость и работой никакой не неволилъ... Гдѣ ей работу нести, когда отъ вѣтра легкаго, какъ травка клонится... Такъ, для забавы больше служила...

У всѣхъ дѣвокъ въ аулахъ свои скакуны завелись излюбленные; какъ пригонятъ домой табуны—всякая своего коня посвистомъ вызоветъ... Нашлась и для—„Акъ-джанъ" *) лошадка подходящая..,

Была одна малорослая кобылка, совсѣмъ жеребенокъ по виду, чуть ноги переставляла, чуть бѣгала, а шерстью вся безъ отмѣтинки бѣлая... чудно было глядѣть—какъ лошаденка эта сама подбѣжитъ къ своей наѣздницѣ, какъ та съ помощью Узунъ-Чашь влѣзетъ ей на спину, да за гриву крѣпко рученками держится...

Всѣ подруги—по степи носятся, гикаютъ, другъ дружку обгоняютъ, а наша „Акъ-джанъ" шажкомъ сзади плетется, весело всѣмъ улыбается, а то и засмѣется,—словно колокольчикъ серебряный, смѣхъ ея въ воздухѣ прокатится.. Думу черную смѣхомъ тамъ разгоняетъ, злую руку на взмахѣ останавливаетъ.

И любили Акъ-Джанъ крѣпко въ кочевьяхъ за то, что силу она имѣла дивную, миротворную... На что былъ нравомъ крутъ старшій сынъ Аблая, Нурекъ-батырь, много горя, много крови отъ его руки лилось... Гнѣвенъ и лютъ, расходясь, не зналъ въ сердцахъ удержу, а и тотъ по взгляду Акъ-Джанъ смирялся и волей неволею прощалъ, миловалъ виноватаго.

Дѣвка Акъ-Джанъ, хоть и малая, и надиво красивая, а никто изъ парней на нее не зарился, никто и близко съ ласкою мужскою не подступался... Пастухъ Аллаяръ, женихъ, когда пѣлъ, всегда около себя сажалъ„ душу бѣлую"—и не ревновала ее Узунъ-Чашь, а любила крѣпче прежняго.

Вотъ какова была Акъ-Джанъ, дѣвочка аульная, пріемная!

Шумитъ, гремитъ, веселится кочевой, вольной народъ, вторую недѣлю сговоры да сватовство празднуютъ... Безъ умолку поетъ Аллаяръ, безъ конца все прибываютъ и прибываютъ новые гости, гонятъ скотъ, верблюдовъ, караваны съ товарами тянутся. Всѣ проѣзжіе, заслыша про свадьбу, съ пути сворачиваютъ, да здѣсь станомъ становятся...

Уже и у сватовъ подставныхъ, для порядку, бабы выкупъ собрали, уже и „Джаксы" *) все по обычаю, пересчитано, игры разные переиграны, бѣги, скачки перескаканы, насталъ послѣдній день пировой, день обряда вѣнчальнаго, день послѣдняго, разливаннаго пированія...

Шлютъ мольбы Аллаху всякъ и старъ, и младъ,—благодарятъ всѣ его могучаго: отклонилъ, не привелъ сюда своею немилостью шатуна проклятаго, „джигита чернаго"...

Пѣснь 5-я.

До разсвѣта костры развели, не костры—курганы огненные! Косяками жеребятъ молодыхъ, безъ счету барановъ жирнохвостыхъ порѣзали... Кипятъ, бурлятъ котлы казаны чугунные даже крышки на нихъ дрожатъ, подскакиваютъ... Высоко къ небу черный дымъ отъ огней несется, далеко по вѣтру стелется, къ спящимъ батырямъ, гостямъ въ носы забирается, будитъ, тревожитъ животы ихъ голодные... До разсвѣта дѣвки мыломъ моются, косы лентами, стекломъ цвѣтнымъ убираютъ.

Всю ночь передъ тѣмъ не спала Узунъ-Чашь, на кошмѣ своей бѣлой все металась, померещилось ей, знать, недоброе, что то злое сердце ея чуяло...

Вотъ и солнце взошло, словно золото обвело куполы, зубцы стѣнъ могилъ дѣдовскихъ на высокомъ курганѣ „Аулье-мазаръ"... Копошится старый Ханъ-Аблай, свадьбѣ радуется, не печалится, къ себѣ въ домъ беретъ жениха, не невѣсту сдаетъ ему въ отвозъ, въ сторону дальнюю...

Вышелъ Ханъ-Аблай,—халатъ на немъ солнца ярче утренняго, краснымъ золотомъ переливается, тюбетей высокій, острый, камнями дорогими унизанъ, галуномъ обложенъ, чернымъ соболемъ отороченъ... Вышли съ нимъ старики, отцы сановитые и въ кружокъ, на большомъ коврѣ хивинскомъ, словно степь песною узорчатомъ, размѣстились..

Размѣстились кругомъ гости званные и незванные, какъ подковою конскою, обогнули... Впереди кто—на землѣ сидятъ, а за ними другіе во весь ростъ стоятъ, а за тѣми на коняхъ, по одному, а то по двое, а за тѣми послѣдніе на верблюдахъ высокихъ, горбатыхъ, чтобы было всѣмъ видно, не заслонисто...

Лугъ зеленый передъ ними разстилается, далеко на лугу томъ столбъ, цвѣтными платками увѣшанный, виднѣется; ѣздятъ по лугу джигиты нарядные, коней горячатъ, подзадориваютъ, другъ дружку словомъ колкимъ задѣваютъ, глазами мѣряютъ...

Ныньче съ дѣвками въ „Кызъ Бырры" наиграются, натѣшатся, завтра можетъ пойдутъ по отцамъ сваты новые...

*) Добрая душа.

*) Приданое добро.

Узунъ-Чашь сегодня не выѣдеть, не до смѣху ей и позорить своею непобѣдимою удалью молодежь не хочетъ.. Пусть ихъ поскачутъ, поборятся съ ровными...

Часъ проходитъ, другой... Солнце на полдень поднимается... Уже и кони то всѣ позамылились и джигиты-то поразмаялись, нахлестались дѣвки плетьми до сыта, наласкались до пьяна...

Словно вѣтромъ пахнуло со степи, вѣтромъ злымъ холоднымъ, что зимою, только въ буранъ вьетъ мягкую, снѣжную пыль, столбомъ крутитъ... что за диво такое случилось?!

У столба стоитъ черный конь „проклятаго", на конѣ сидитъ „самъ", перегнулся въ сѣдлѣ, оперся на крупъ рукою правою—и надъ нашими удальцами зло подсмѣивается...

— „Ну, ужь батыри,—зайцы куцехвостые, да и дѣвокъ по себѣ нашли,—козъ доить, такъ и съ тѣми не справятся... Говорятъ, завелась тутъ у васъ наѣздница да все вѣрно люди хвастаютъ языкомъ своимъ, похвальбу одну пустую по вѣтру пускаютъ... Гдѣ же она это непобѣдимая? что же спряталась... не показывается, хоть бы взглянуть на такую..!

Говоритъ кара-джигитъ, хохочетъ, въ сѣдлѣ гнется, переваливается, а глазами своими такъ на кибитку и уставился ту самую, гдѣ Узунъ-Чашь сидитъ, да на игры молодецкія, глядя, тѣшится.

Поблѣднѣла вся длинноволосая, огнемъ гнѣвнымъ глаза разгорѣлися, заскрипѣли у нея зубы бѣлые, ровные, капли крови на губахъ выступили...

— Не слушай *его*, оставь, шепчутъ ей люди на ухо, —слово нечистое не порочитъ тебя, не ложится позоромъ, грязью... Потерпи, пусть его вволю издѣвается...

— Что?.. молчитъ, не откликнется? снова голосъ Чернаго слышится... Вѣрно и вправду слава-то про нее лживая, нахваленная... Чтожъ можетъ по батырямъ и наѣздница, — по ягнятамъ прутъ, по рукѣ и плетка... А вотъ какъ нагрянулъ настоящій батырь, такъ и поджала хвостъ, какъ собака паршивая, чуя волка, въ жилье прячется...

Поднялась съ ковра Узунъ-Чашь, выпрямилась... Старый дѣдъ Аблай ей навстрѣчу идетъ...

— Не пущу, говоритъ, что за дѣло такое, внучка затѣяла?! Не бороться тебѣ съ тѣмъ, кого и молитва не беретъ, и тумаръ святой, не то уже сила человѣческая... Посильнѣе тебя былъ Хакимъ крутонравный, а и того въ дугу скрючило... Не пущу!..

Бабы, дѣти въ ноги валятся... за подолъ Узунъ-Чашь хватаютъ, землю цалуютъ около.—Не ходи! не ходи!— ревутъ, вой на все кочевье подняли.

Молодые женихи тѣснымъ кругомъ ее охватили, даже и гости чужіе, наѣзжіе и тѣ поперегъ дороги толпою стали плотною...

— Не ходи, оставь! только и слышится... А джигитъ Абласты проклятый смѣхомъ своимъ бахвальнымъ всѣ голоса покрываетъ.

— Берегите ее, кричитъ, сторожите овцу слабосильную... горе-наѣздницу... Тамъ вонъ козелъ старый сорвался, не ушибъ бы гляди, чего добраго... Опять, слышно, мышь бродитъ по степи,—какъ бы тоже, не ровенъ часъ, не обидѣла!..

За ножи взялись наши молодцы, да какъ вспомнили про Хакима несчастнаго, только въ землю глазами потупились.

Разметала толпу Узунъ-Чашь, вздохнуть разъ не успѣлъ народъ, уже сидитъ она на конѣ своемъ, и не знаетъ конь, какъ ступить ему, грозно фыркаетъ звѣремъ топчется...

Не успѣлъ народъ другой разъ вздохнуть... понеслась къ столбу Узунъ-Чашь руку съ плетью высоко подняла... Отскочилъ джигитъ, началась гоньба. .

. . . .

Не гоньба то была—горе великое!

Какъ безумная, злою немощью одержимая, безъ сноровки, какъ шальная, Узунъ-Чашь по степи мечется... ужь и плеть ея изъ рукъ выпала и поводья конскіе вольно треплются... Замирая, за гриву она хватается, съ сѣдла скользитъ, на земь клонится...

Третій разъ не вздохнулъ народъ... Чалый конь Узунъ-Чашь одинъ въ полѣ бѣгаетъ Подхватилъ поперегъ сѣдла Албасты нашу красавицу и унесся въ даль, словно волкъ матерой съ овцею краденною ..

А народъ стоитъ, молчитъ и глядѣть не смѣетъ. У Аблая-Хана слезы изъ глазъ катятся. Аллаяръ женихъ разбилъ балалай свой въ дребезги и, какъ громомъ убитый, на земь грянулся...

Тишина кругомъ—все какъ вымерло...

И случилось тутъ диво дивное, небывалое и нежданное...

Акъ-Джанымъ—душа чистая, на лошадкѣ своей смиренной изъ за ставки тихо выѣхала.

Улыбаются ея губы добрыя,—ясный теплый день въ очахъ свѣтится... Подхватило ее, словно вѣтромъ, перышко, и помчалась она вслѣдъ за похитителемъ.

Крылья... крылья бѣлыя, лебединыя у Акъ-Джанъ за плечами выросли... Это видѣли... это видѣлъ всякъ— видѣлъ старъ и младъ... Байгуши слѣпые, нищіе, а и тѣ крылья эти видѣли и народу въ пѣсняхъ о нихъ повѣдали...

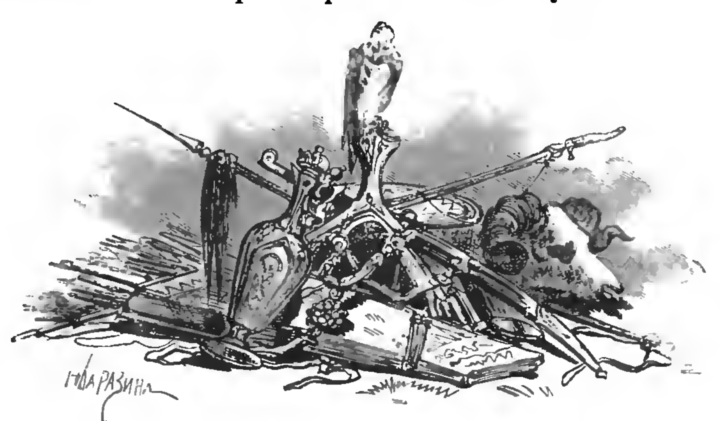
Обогнала Акъ-Джанъ Албасты-басу, поперегъ стала, —прочь откинулся, заметался въ страхѣ дьяволъ проклятый, на утекъ пошелъ, самъ къ сѣдлу припалъ; пронимаетъ дрожь джигита чернаго, какъ сухую кору смолистую на огнѣ, крутитъ его, корежитъ... Въ мылѣ конь, не знавшій устали, злобно уши жметъ, спотыкается.

Насѣдаетъ Акъ-Джанымъ на него, бьетъ копытомъ лошадь, крутитъ пыль столбомъ черную и мелькаютъ въ тѣни той только крылья бѣлыя, лебединыя...

Смрадъ и дымъ валитъ, пламя красное языкомъ въ томъ дыму пробивается, во всѣ стороны земля треснула, и пропалъ, сгибъ въ огнѣ Кара-Джигитъ проклятый, душою чистою осиленный...

Не видали съ той поры въ степи джигита чернаго, не мутилъ онъ народъ, не показывался... Не видали больше и Акъ-Джанъ, доброй дѣвочки.. высоко на мигъ мелькнула она бѣлой чайкою, голубкомъ въ синевѣ небесъ она сгинула...

Н. Каразинъ.

За кружкой добраго вина. Картина Винеа, грав. Горнъ.

Умильта

Повѣсть **Уйда**.

(Окончаніе).

II.

Кромѣ старушки Розы, другія тоже стали съ Умильтой рѣзко обращаться. Сестры Виргиніо и всѣ дѣвушки чувствовали инстинктивно, что она была причиной отъѣзда капрала, и ненависть ихъ къ ней еще усилилась. Въ такомъ положеніи, другая дѣвушка обратилась бы за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ патеру. Но не смотря па свою врожденную набожность Умильта этаго не сдѣлала, такъ какъ не вѣрила въ патера, видя его постоянно на всѣхъ сельскихъ сборищахъ и зная, что онъ не очень то заботится о паствѣ. Такимъ образомъ она стала еще молчаливѣе, сосредоточеннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ красивѣе, что признавали между собою даже ея товарки.

Вопреки тосканскому обычаю, Умильта выпускала иногда скотъ на пастбище. Старая Роза ворчала на безполезную трату времени, но однакоже не запрещала ей этаго. Послѣ уборки хлѣба и сбора винограда, животныя могли свободно ходить повсюду, не нанося ничему вреда. Умильта любила эти свѣжія, свѣтлыя осеннія утра; она въ то время была далеко отъ всѣхъ, на полѣ, совершенно одна со своимъ стадомъ.

Въ одно такое утро, она увидѣла что къ ней подходитъ Нэтта, которая держала въ рукѣ ожерелье изъ жемчуга. Она стала показывать его Умильтѣ, хотя до этаго времени вовсе съ нею не разговаривала.

— Смотри, какой отличный жемчугъ—это дѣдушка привезъ мнѣ изъ города... Лучше этихъ зеренъ пожалуй не найдется во всемъ округѣ...

Умильта взглянула.

— Да, хороши, замѣтила она.

— Хороши! И это все что она нашла сказать, воскликнула Нэтта гнѣвно. Вѣдь это не здѣшній, это издалека.

— Ну такъ что же? спросила Умильта наконецъ, раздражаясь.

— О для тебя все ничего, возразила Нэтта, насмѣшливо вздергивая носикъ. Совершенно ничего. И ты не хочешь имѣть такое же ожерелье, ты, которая напрасно выглядываешь Виргиніо Дональди...

Кровь прилила къ лицу Умильты и глаза ея вспыхнули. Она величаво, какъ разгнѣванная царица, повернулась къ Нэттѣ.

— Я, я? да ты съ ума сошла!

— Я! Да знаешь ли ты, ты которая вздыхаешь объ этомъ Виргиніо, знаешь ли, что онъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе? Да, мнѣ, мнѣ. И вотъ какъ я съ нимъ поступила.

Она бросила черезъ плечо валявшуюся сосновую шишку, которая, покатившись съ холма, упала, плеснувъ, въ ручей.

Нэтта поблѣднѣла какъ полотно. Не было никакого сомнѣнія: ея соперница говорила правду.

— Ты думаешь я такая какъ ты! продолжала Умильта и пошла прочь. Она знала, что поступила дурно по отношенію къ отсутствующему и открыла не принадлежащую ей тайну. Но понятія о чести не очень точны и строги въ этой странѣ и наконецъ, сказала она себѣ, и святая не выдержала бы а я вѣдь не святая.

Нэтта вернулась домой и ея жемчугъ не радовалъ ее больше.

Умильта была отомщена. Но войдя со стадомъ въ тѣнь пиній, она чувствовала въ сердц только тяжесть—она была собою недовольна.

Сборъ винограда былъ очень удаченъ, а потому теперь веселились и танцовали болѣе чѣмъ въ другое время. Звучали мандолины, раздавалися смѣхъ и шутки, царствовало всеобщее оживленіе, не смотря на то что всѣ люди эти были такъ бѣдны.

Умильта работала цѣлый день въ виноградникѣ. При наступленіи вечера и общаго веселья, она заперлась у себя въ комнаткѣ.

Нэтта танцовала много, любуясь своимъ новымъ жемчугомъ.

Старая Роза не хотѣла выказать передъ другими своего огорченія. Поэтому приготовила большое угощеніе и назвала гостей. Никто не догадался, думала она, что ея любимецъ получилъ отказъ отъ какой-то дряни—найденыша.

Она приказала Умильтѣ быть тутъ—та не смѣла ослушаться; но держала себя такъ гордо и такъ относилась къ окружающимъ, что никто не осмѣливался къ ней подойти. Когда всѣ сидѣли за столомъ, Умильта скользнула изъ кухни и легла спать. Никто, думала она, все же не можетъ сравниться съ Виргиніо. А между тѣмъ я оттолкнула его отъ себя. Она чувствовала гордое удовольствіе, а между тѣмъ невольно поплакала, молясь передъ своимъ распятіемъ.

Между тѣмъ внизу Нэтта потеряла свое ожерелье. Громко вскрикнувъ отъ горя и ужаса, она перестала и танцовать. Какъ могла она потерять ожерелье, спрашивала она, какъ и гдѣ? только вотъ сейчасъ она и замѣтила свою потерю. Поднялась суматоха, всѣ искали со свѣчами ожерелья, но не нашли нигдѣ ни одного зерна. Музыка замолкла, танцы прекратились, поднялся несмолкаемый говоръ. Ожерелья все не было. Нэтти не могла сказать гдѣ она его потеряла; она все время такъ танцовала! Она плакала, рыдала и не могла утѣшиться.

— Мое ожерелье, подарокъ дѣдушки! Что такое дѣвушка безъ своего ожерелья это птица безъ перьевъ!

Нэтта все плакала. Роза, разстроенная тѣмъ, что пропажа, случилась у нея въ дому, кричала что она обыщетъ весь домъ, всѣ углы и закоулки. Она схватила большую лампу и пошла впередъ.

Слѣдомъ за нею двинулись остальные, но ничего не нашли.

— Теперь мы перешарили вездѣ! воскликнула она въ отчаянии.

— Въ сараѣ не искали, сказала Нэтта въ полголоса и прикусила губку, точно сожалѣя о сказанномъ.

— Ты думаешь, что ожерелье съѣли коровы что ли? спросила Роза. Пойдемъ, посмотримъ—хоть это и очень глупо.

Съ одной изъ дочерей и Нэттой, Роза пошла по лѣстницѣ, ведущей къ Умильтѣ. Умильта не просыпалась. Наработавшись вдосталь за цѣлый день, она спала крѣпко.

Но свѣтъ лампы наконецъ заставилъ ее проснуться Она вскочила въ испугѣ. Что случилось? проговорила она, не зная что подумать.

— Нэтта потеряла свое ожерелье. Это глупо, конечно, сказала Роза, оно не можетъ быть здѣсь, но чтобы исполнить ея желаніе...

Роза не рѣшилась докончить начатой фразы, такъ какъ въ то время, какъ Умильта приподнялась на постели, оттуда выкатились двѣ жемчужинки. Нэтта бросилась на нихъ какъ коршунъ.

— Это мои, мои! кричала она.

Старая Роза въ испугѣ поблѣднѣла.

— Умильта встань, проговорила она рѣзко. Умильта повиновалась. Не говоря ни слова, старушка Роза стала обыскивать постель и вытащила оттуда разорванное ожерелье.

— Воровка! вскричала Нэтта, а за нею загоготали сосѣдки.

Роза въ изнеможеніи опустилась на кровать.

— Не можетъ быть это, проговорила она тихо.

На крикъ Нэтты, съ десятокъ еще гостей прибѣжали въ коморку. Умильта искала гдѣ бы укрыться. Она еще ничего не понимала.

Роза закрыла дверь и крикнула на своихъ гостей: куда суетесь шуты эдакіе! Затѣмъ обратилась къ Умильтѣ.

— Какъ попалъ сюда этотъ жемчугъ.

— Жемчугъ? проговорила удивленная Умильта, жемчугъ? зачѣмъ, я не понимаю, какой?

— А я такъ понимаю, шумѣла Нэтта, потрясая ожерел.мъ передъ лицомъ Умильты. Ты его украла,—это я знаю. Я хочу чтобъ тебя судили.—Слышите бабушка Роза. И не стыдъ ли? это случилось въ вашемъ, такомъ уважаемомъ домѣ.

— Не безпокойся, ты будешь вознаграждена. Что касается чести моего дома, то ты мнѣ не указчица. Тутъ что-то словно не такъ—мнѣ кажется. Умильта, поняла ты въ чемъ дѣло? Жемчугъ найденъ у тебя въ кровати. Ты его украла что ли?

Теперь только Умильта поняла все и яркая краска гнѣва и оскорбленія залила ея лицо.

— Я! вскричала она и разразилась смѣхомъ. Я украла этотъ жемчугъ! Ужь не сошли ли вы всѣ съ ума!

— Но жемчугъ былъ въ твоей постели, ты на немъ спала.

— Я? сказала еще разъ Умильта и оглянулась на присутствующихъ.

— О воровка, лгунья, безсовѣстная дѣвчонка! говорила Нэтта. Бабушка Роза, надо послать за жандармами. Я имѣю право требовать! здѣсь недостаетъ двухъ жемчужинокъ. Отецъ сходитъ за жандармами.

— Какъ хочешь Нэтта, отвѣтила холодно Роза, не желая просить, чтобъ ее избавили отъ подобнаго стыда.—Отвѣчай что ли Умильта. Ты видишь, ожерелье найдено у тебя. Скажи же что нибудь. Ты конечно не виновата? Не могу я и думать, чтобы ты была виновата, между тѣмъ...

Умильта еще не хорошо уяснила себѣ происходящее, она оставалась неподвижна.

— Думайте что хотите, сказала она, гордо отворотившись.

— И не придумаю, говорила между тѣмъ Роза, дрожа какъ въ лихорадкѣ, ничего не могу придумать. Но пусть никто не говоритъ, что я была несправедлива. Нэтта требуетъ справедливаго. Одѣвайся Умильта. А ты Нэтта, позови своего отца.

Отца Нэтты отправили въ городъ за жандармами. Между тѣмъ старушка Роза сильно горевала и плакала. Что за несчастіе—вдругъ въ ея домѣ и придетъ полиція. И кто бы могъ подумать, что ея Умильта... пять лѣтъ жила у нея и обезчестила бы ее такъ! Но больше всего Роза сердилась на Нэтту. Противная бездушная дѣвчонка! Могла вѣдь она не разглашать всего этаго! Ожерелье она нашла, а двѣ жемчужины я бы ей купила. Бездушная, злая дѣвчонка, заключила она свои размышленія.

Утромъ Умильта была уведена жандармами.

Зданіе суда въ городкѣ было по виду очень красиво и привѣтливо. Самъ судья человѣкъ очень добрый. Но тѣмъ не ме-

нее одинъ видъ суда уже пугалъ Умильту. Что будетъ съ нею, она не знала. Она прочла нѣсколько историческихъ романовъ и была убѣждена, что въ тюрьмахъ всѣхъ пытаютъ. Она была необыкновенно блѣдна, но ничѣмъ не выражала овладѣвшаго ею страха.

Начался допросъ. Спрошенная Умильта ничего болѣе не могла отвѣтить какъ: „я не брала жемчуга.“ Эту фразу она повторяла постоянно и никакія угрозы не могли ее заставить сказать что либо другое. Судья былъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать. Не смотря на явныя улики, онъ не хотѣлъ вѣрить въ виновность Умильты. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и добротою старался онъ заставить Умильту во всемъ сознаться, но она была сильно напугана, а потому и не замѣчала расположенія судьи. Притомъ же заботилась только объ одномъ, чтобы изъ гордости никому не дать понять, какъ все это ей больно и если бы даже ей угрожали смертью, она бы на сказала ничего болѣе.

Въ публикѣ были всѣ противъ Умильты. Правда, она была хороша, но не имѣла же права стоять тутъ такъ гордо, точно королева. И всѣ единогласно толковали, что она воровка.

Добродушный судья не видя никакой возможности оправдать Умильту, такъ какъ даже ея хозяйка не заступилась за нее, и говорила только о ея гордости и неблагодарности—приказалъ отвести ее въ тюрьму, гдѣ она и должна была ожидать рѣшенія своей участи.

Умильта, услыша это, безъ чувствъ упала на полъ. Роза, не смотря на свою горесть, видя бѣдную Умильту въ такомъ положеніи, начала громко плакать.

— Лучше бы я отдала свой собственный жемчугъ, выговорила она съ трудомъ сквозь слезы.

Нэтта поблѣднѣла и казалась сконфуженной.

Жандармы подняли безчувственную Умильту и вынесли ее. Привесли Умильту въ тюрьму и заперли ее въ комнатѣ, гдѣ кромѣ стѣнъ и кровати ничего болѣе не было.

Старая Роза позаботилась о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ Умильтѣ дали отдѣльное помѣщеніе. Свою эту, какъ она называла, слабость, она оправдывала тѣмъ, что не желала, чтобы ея дѣвушка, даже въ тюрьмѣ, находилась въ обществѣ Богъ вѣсть какихъ людей.

Возвращаясь домой съ Нэттой, Роза была сильно опечалена. Невольно она чувствовала какое то озлобленіе противъ Нэтты.

Было совершенно темно, когда она достигла дома. Дочери выбѣжали на встрѣчу, узнать о дѣлѣ, коровы мычали, собаки бѣгали, искали Умильту и визжали. Нерадостное было возвращеніе хозяйки...

Роза усѣвшись на своемъ стулѣ, снова начала плакать. Не думала она, право, что такъ привязана къ этой дѣвчонкѣ, это говорила она своимъ дочерямъ, сердясь на самое себя.

Нэтта потихоньку ушла домой. Она чувствовала себя еще неудовлетворенной. На слѣдующее утро она просила отца свезти ее въ городъ, говоря, что ей нужно сдѣлать кое какія покупки. По пріѣздѣ въ городъ она отправилась къ публичному писарю и продиктовала ему слѣдующую записку: „Ваша прекрасная Умильта украла ожерелье и сидитъ въ тюрьмѣ. Нѣкто желающій вамъ добра, полагаетъ, что отказъ ея для васъ счастіе.

— Это все, спросилъ разочарованный писарь, любившій длинныя письма и вычурныя фразы.

— Все, сказала краснѣя Нэтта. Но прошу васъ, вложите въ крѣпкій конвертъ и напишите четко: Синьору Виргиніо Дональди, унтеръ-офицеру королевской арміи. Въ Туринъ.

Все это было сдѣлано и Нэтта собственноручно бросила письмо въ ящикъ. Получивъ на почтѣ отвѣтъ, что письмо въ Туринѣ получится завтра, Нэттѣ стоило большаго труда, не вскрикнуть отъ восторга.

На радостяхъ Нэтта не могла заснуть ночью. Она все время думала о томъ, какъ прекрасно все устроила и какъ будетъ удивленъ Виргиніо, получивъ такое извѣстіе о своей возлюбленной.

Виргиніо Довальди, прочитавъ письмо, тотчасъ же отправился къ своему начальнику просить отпускъ.

— Но ты недавно изъ отпуска. Развѣ тебѣ такъ необходимо? спросилъ офицеръ.

— Такъ необходимо, сказалъ Виргиніо, что если вы, лучшій изъ начальниковъ, не отпустите меня, и если мнѣ даже будетъ грозить опасность быть разстрѣляннымъ, я все же уйду.

Офицеръ улыбнулся. Солдатъ онъ называлъ своими дѣтьми и умѣлъ съ ними быть строгимъ и снисходительнымъ.

— Ну такъ и быть! сказалъ онъ, прощаю тебѣ сказанное и отпускаю тебя на три дня.

Виргиніо ушелъ, и въ семь часовъ утра уже стучался у дверей суда.

— Невозможно видѣть судью! говорила ему вышедшая на стукъ дѣвушка. Невозможно, повторилъ и пришедшій сторожъ.

— Я не понимаю, что за слово невозможно, отвѣтилъ поблѣднѣвшій Виргиніо. Идите и скажите судьѣ, что я его умоляю выслушать меня, если же онъ не хочетъ, то я заставлю его.

— Вотъ какъ, пробормоталъ сторожъ, прекрасно, и вы говорите это подъ сводами суда.

— Я пришелъ искать суда, отвѣчалъ Виргиніо, идите же.

Наконецъ онъ достигъ своей цѣли. Его повели къ судьѣ, который въ это время завтракалъ и серьезно обдумывалъ настойчивое увѣреніе Виргиніо.

— И вы увѣрены, что дѣвушка невинна? сказалъ судья въ концѣ переговоровъ,

— Я готовъ поручиться жизнью.

— Все это прекрасно, но у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ.

— Доказательствъ у меня нѣтъ, но ихъ мнѣ и не нужно!

— Хорошо, но законъ не такъ легко относится къ дѣлу. Позвольте сдѣлать мнѣ вамъ одинъ вопросъ: обвиняемая невѣста ваша?

— Нѣтъ.

— Ну такъ ваша возлюбленная?

— Нѣтъ. Виргиніо подумалъ минуту и затѣмъ скоро проговорилъ: я люблю ее, но она отвергла меня, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ.

— А, въ такомъ случаѣ, поступокъ вашъ чрезвычайно благороденъ. Желаете вы говорить съ нею. Это устроить можно; хотя конечно васъ не пустятъ къ ней одного. Но во всякомъ случаѣ, быть можетъ вы заставите ее высказаться.

— Я пришелъ вовсе не затѣмъ. Я хочу ей только сказать, что я ей вѣрю и ни въ чемъ не подозрѣваю.

Судья позвалъ сторожа и отдалъ ему приказаніе.

— Погодите, сказалъ судья уходившему Виргиніо. Не думаете ли вы, что обвинительница—я забылъ ея имя—имѣла какой нибудь поводъ быть недовольной нашей заключенной?

— О да, еще бы, сказалъ Виргиніо, со свойственнымъ итальянцамъ легкомысліемъ относиться къ щекотливымъ вопросамъ. —О да, Нэтта влюблена въ меня и родные ея желали бы меня залучить ей въ мужья, между тѣмъ всѣ знаютъ, что я ухаживаю за Умильтой.

Судья улыбнулся и отпустилъ его.

— Вы можете говорить съ нею не болѣе десяти минутъ и то въ присутствіи третьяго лица, сказалъ по дорогѣ сторожъ.

— Все же лучше, чѣмъ вовсе не говорить, отвѣтилъ тотъ. Они достигли башни и стали подниматься по ступенямъ.

Сторожъ позвалъ тюремщика и передалъ ему приказаніе судьи. Виргиніо привели къ крѣпко запертой двери. Видъ этой двери испугалъ его болѣе, чѣмъ всѣ непріятельскія пули.

— И тутъ то она сидитъ—о негодяи! проговорилъ онъ сквозь зубы и рука его невольно опустилась на саблю.

— По приказанію судьи, васъ хотятъ видѣть, сказалъ тюремщикъ, отворяя дверь и входя первымъ. Виргиніо въ нерѣшительности остановился на порогѣ.

Умильта лежала на постели. Она провела три ночи въ тюрьмѣ, и эти три ночи ее страшно измѣнили. Прекрасный и здоровый цвѣтъ лица ея замѣнился блѣдностью, волосы были въ безпорядкѣ а во взглядѣ было что-то дикое.

— Умильта, ты не узнаешь меня? спросилъ Виргиніо, подходя къ ней. Посмотри на меня, я твой другъ всегда! Я поспѣшилъ сюда, узнавъ объ этой несчастной исторіи. Отчего ты не говоришь мнѣ ничего. Впрочемъ я и не хочу ничего. Я знаю, что это все ложь!

Она посмотрѣла на него недовѣрчиво. Она слишкомъ была напугана и опечалена, чтобы повѣрить кому нибудь.

— Уйди, уйди, проговорила она. Уйди къ Нэттѣ. Она тебя любитъ, а не я. Я вѣдь выхожу воровка, ты знаешь это. Такъ они говорятъ. И она разсмѣялась такъ, что кровь Виргиніо похолодѣла. Такой смѣхъ онъ слышалъ разъ въ домѣ сумасшедшихъ.

— Всѣ могутъ говорить что имъ угодно, отвѣтилъ Виргиніо, стараясь казаться спокойнымъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что они говорятъ. Ты такъ же невинна, какъ новорожденный младенецъ и я люблю тебя, Умильта, и если мнѣ не удастся освободить тебя, я буду ждать тебя до тѣхъ поръ, пока ты не выйдешь на свободу. Хочешь быть моей женою? Я затѣмъ и пришелъ, чтобы сказать тебѣ это.

Тюремщикъ потихоньку вышелъ за дверь. По лицу Умильты скользнулъ свѣтлый лучъ оживленія.

— Понимаешь ли ты хоть теперь меня, продолжалъ Виргиніо въ волненіи и въ голосѣ его слышались слезы. Ты не обращала на меня вниманія, ты ненавидѣла меня, но все это ничего. Богъ тебя создалъ такою, что ты не можешь никогда быть виновной въ такомъ дѣлѣ. Мнѣ тебя не освободить, а ждать я могу сколько бы то ни было. Выйди отсюда и ты войдешь прямо въ мой домъ и если кто нибудь посмѣетъ еще осуждать тебя, то ужь это я съ нимъ раздѣлаюсь. Вотъ зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ.

Умильта все слушала, ея гордыя губки задрожали и вся она преобразилась...

— И это ты говоришь мнѣ *теперь*, сказала она тихонько, глядя на него.

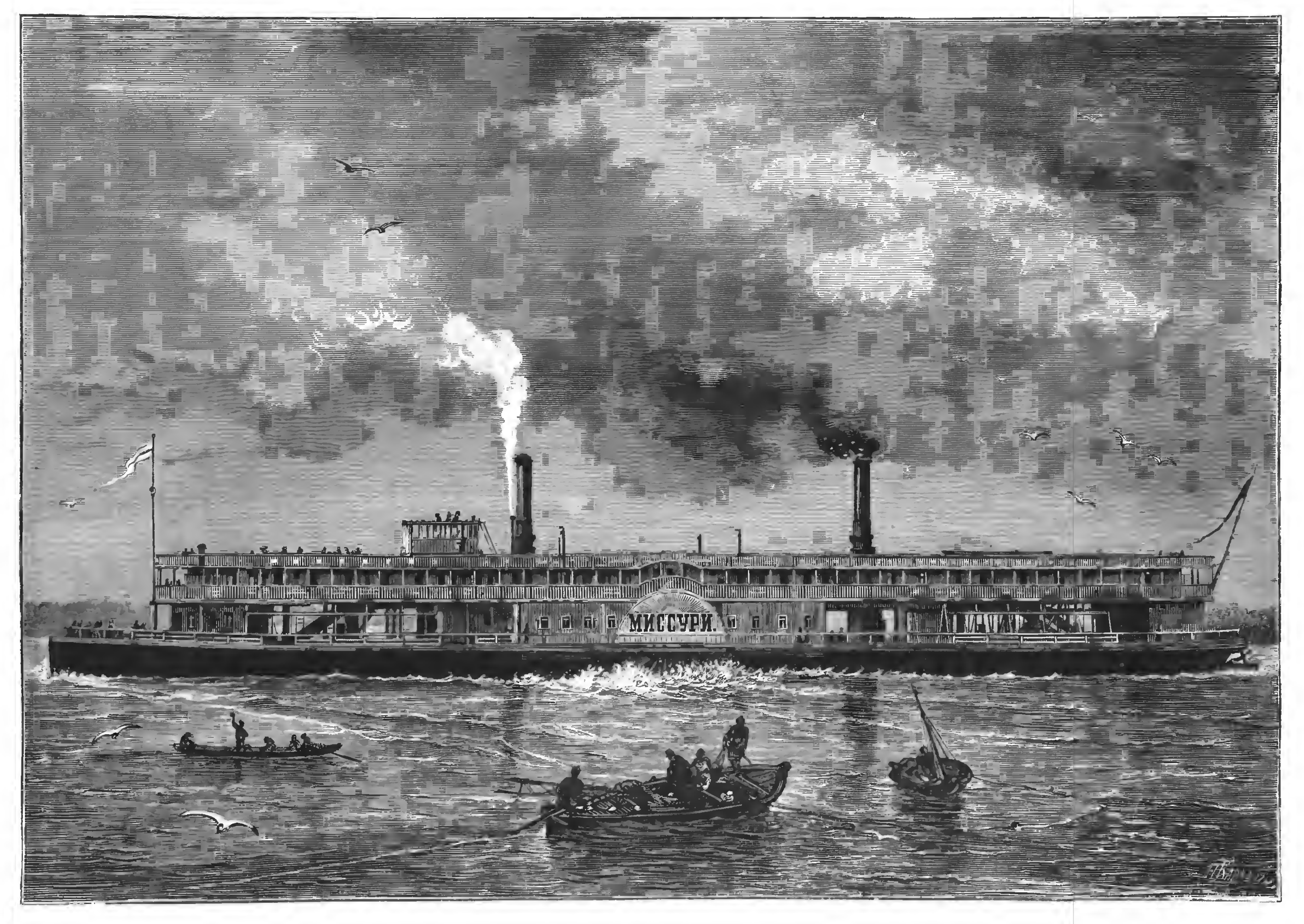
— Теперь, прежде и всегда.

Она вдругъ стремительно обняла его и поцѣловала.

— Теперь и я сознаюсь. Я люблю тебя!

Она еще держала его въ своихъ объятіяхъ, но потомъ оттолкнула.

— Но я не хочу безчестить тебя и твой домъ, никогда, ни-

Волжскій пароходъ американской системы „Миссури". Съ фотогр. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

На перепутьи. Ориг. рис. Н. Загорскаго, грав. Б. Нуцъ.

когда! Затѣмъ отъ волненія она не могла говорить и разразилась горькими рыданіями.

— Я ничего тутъ не понимаю! воскликнула она. Зачѣмъ мнѣ какой-то жемчугъ? И какъ онъ могъ попасть на мою постель? Я вѣдь говорила, я этого не знаю, и ничего я больше сказать имъ не могу. Я спала, они пришли и твоя мать сама вынула это проклятое ожерелье изъ подъ кровати.

Виргиніо старался успокоить ее и цѣловалъ ея спутанные густые волосы.

— Этого тебѣ незачѣмъ говорить мнѣ. О еслибы я былъ при этомъ! Скажи только мнѣ, любишь ты меня!

Умильта нѣжно посмотрѣла ему въ глаза.

— Да, я люблю тебя, но никогда не опозорю тебя! Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель!

— Вамъ пора идти! раздался голосъ тюремщика, который заглянулъ въ двери.

— Еще одну минутку, воскликнулъ Виргиніо, обнимая Умильту. Это моя невѣста, пояснилъ онъ тюремщику.

— Нѣтъ, отвѣчала та, освобождаясь отъ его объятій. Пока меня не перестанутъ считать виноватой.

— Это будетъ скоро, сказалъ Виргиніо. Благословляю небо! Вѣдь ты открыла мнѣ свое сердце!

Они должны были разстаться. Виргиніо поспѣшно ушелъ изъ городка. Онъ торопился домой, гдѣ всѣ удивились его неожиданному появленію.

— Женщину, которую я люблю, я нашелъ въ тюрьмѣ, сказалъ онъ сурово своей матери. Хорошо ли это. Та, что будетъ твоею дочерью, такъ страдаетъ.

Старушка не нашла ничего сказать на это и заплакала.

— Позоръ, стыдъ! Воровка—жена сына моего!

— Кто еще разъ скажетъ это слово, тотъ не увидитъ меня больше ни въ этой, ни въ той жизни! отвѣтилъ сынъ матери. Затѣмъ онъ пошелъ къ Нэттѣ. Онъ самъ не зналъ что ему дѣлать, но онъ инстинктивно чувствовалъ, что вся бѣда произошла изъ-за ея ревности.

Онъ засталъ Нэтту одну. Увидѣвъ Виргиніо она громко вскрикнула.

— Ты это писала? спросилъ онъ, показывая ей письмо.

— Я? полуспросила Нэтта, вѣчно готовая ко лжи, и пробуя засмѣяться. Зачѣмъ мнѣ писать вамъ, Виргиніо? Да и вы знаете—писать я не умѣю.

— Ты заказала написать. Это все равно. Нэтта, ты поступила гадко, ты спрятала жемчугъ въ постель Умильты, чтобы погубить ее, сказалъ па угадъ Виргиніо.

При этихъ словахъ Виргиніо, дѣвушку охватилъ непобѣдимый ужасъ и она начала громко плакать.

— Признавайся! вскричалъ Виргиніо и схватилъ ее за руку. На этотъ крикъ прибѣжалъ отецъ Нэтты, который рубилъ дрова около дома.

— Дочь ваша показала ложно на неповинную, сказалъ онъ, не выпуская руки дѣвушки. Будьте благоразумны, сейчасъ же отправляйтесь въ городъ съ вашею дочерью и если вы не скажете тамъ правды, то—какъ Богъ святъ!—я вырву вамъ языки и повѣшу васъ на дверяхъ вашего дома.

Въ полдень, въ городскомъ судѣ Нэтта давала важное показаніе, скрѣпленное присягой. Она говорила, что въ то время какъ всѣ танцовали, она сама спрятала жемчугъ въ кровать Умильты, думая пошутить, но послѣ, когда дѣло приняло такой серьезный оборотъ, она боялась сказать правду. Конечно, ей никто не повѣрилъ что она боялась сказать.

Умильта была освобождена. На вопросъ судьи, не желаетъ ли она, чтобы ея обвинительница была наказана, она тихо отвѣчала: нѣтъ, больше она мнѣ ужь не повредитъ, да и я ее всегда дразнила.

— Какъ такъ?

— Я говорила ей, что онъ меня любитъ.

Судья улыбнулся.

Умильта ушла изъ суда съ Виргиніо и его матерью. Она была блѣдна и серьезна. Гордость ея казалась сломленной.

— Я думаю, что никогда болѣе не буду горда, проговорила она задумчиво, съ любовью взглядывая на Виргиніо.

Теперь я вижу ее между пиніями на холмѣ, съ ея прелестнымъ ребенкомъ.

Она дождалась „золотой короны", хотя и не такой объ которой мечтала. Она дождалась „золотой короны" счастья...

— А все же она сидѣла въ тюрьмѣ, ворчитъ про себя старая, желчная старуха, собирающая дрова.

Но распѣвая звонкую пѣсню, счастливая Умильта скрывается за холмомъ.

На волжскомъ американскомъ пароходѣ *).

Изъ путевыхъ впечатлѣній.

П. П. Г—ча.

(См. рисунокъ на стр. 804).

Жарко. Удушливый, раскаленный воздухъ колышется вокругъ какой-то золотистой дымкой. Жгучіе лучи залили все: и этотъ пыльный, сверкающій крестами безчисленныхъ колоколенъ городъ, и этотъ безконечный караванъ сонныхъ судовъ, и эту желтовато-голубую, лентой протянувшуюся въ необозримую даль, великую рѣку... Чайки сверкаютъ на солнцѣ и рѣжутъ по всѣмъ направленіямъ горячія волны воздуха. Пароходы тихо дымятся, слабо покачиваясь—словно дремлютъ. Тихо, безжизненно... Да неужели же это Нижній, да еще въ разгаръ Макарьевской ярмарки?..

Глухо дребезжатъ гдѣ-то въ городѣ дрожки. Съ Волги видно, какъ маленькій извощикъ на маленькой лошадкѣ, съ маленькимъ сѣдокомъ, ползетъ, словно крохотная букашка по набережной,—а за нимъ тянется свѣтлово-сѣрый столбъ пыли... Выше на гору... еще выше—кремлевская стѣна, уступами вздымающаяся кверху...

Жарко, тишь. По водѣ тянутся длинныя полосы отраженій... Лѣнь не только работать,—даже говорить. Термометръ поднимается до невѣроятной цифры.

— И какъ эти мужики въ такой жаръ кули таскаютъ! невольно срывается съ языка у кого-то изъ наблюдателей на палубѣ „американскаго" парохода.

На пароходѣ грязно. Его моютъ, чистятъ, шлифуютъ. Босоногія бабы, довольно откровенно подоткнувшіяся, усердно трутъ палубы, рѣшотки, двери, стѣны. Жирный, бородатый капитанъ,—нѣмецъ—остритъ на счетъ поденщицъ. Перетираютъ мебель, настраиваютъ фортепіано, кроютъ лакомъ столы и двери, чистятъ люстры, выбиваютъ ковры и диваны... Надо торопиться: завтра отходитъ пороходъ и ужь нѣкоторые пассажиры заняли свои каюты...

Впрочемъ названіе „пароходъ" едва ли подходитъ къ этому колоссу. Онъ своей наружной формой очень мало подходитъ къ тому, что мы привыкли называть пароходомъ. Это скорѣе трехъ-этажный домъ, громадный пловучій флигель, вмѣщающій въ свои нѣдра самое невѣроятное количество груза и пассажировъ. Онъ мыслимъ только здѣсь, на широкомъ волжскомъ раздольѣ. Маленькія рѣчныя бури, губительныя для мелкихъ судовъ, ему не страшны,—его еле покачиваетъ, когда другіе пароходы выряютъ какъ щепки съ волны на волну...

Вся нижняя палуба занята бочками, тюками, кулями, мѣшками; тутъ же—лошади, овцы, коровы,—тутъ же и пассажиры четвертаго класса. Тутъ, въ смрадной горячей атмосферѣ царитъ запахъ лука, овчины кожи, хлѣва и конюшни. Изъ кухни несется отвратительный чадъ пролитаго на плиту масла, отъ машины пахнетъ свѣжею мазью, отъ котловъ—смолою. По всѣмъ направленіямъ суетятся, снуютъ согнувшіеся подъ тяжелой ношей судорабочіе;—съ грохотомъ сыплятся на полъ дрова, глухо ударяются объ полъ десятипудовые мѣшки, со звономъ катятся колокола, назначенные именитымъ жертвователемъ въ какую-нибудь поволжскую сельскую церковку. Нижегородская чисто русская рѣчь, уснащенная неизбѣжными „комплиментами" покрываетъ весь этотъ шумъ и гамъ. Восточные человѣки изъ Астрахани и Персіи, татары изъ Казани, нѣмцы изъ колоній—въ перемежку вопятъ, гнусятъ, переругиваются, хохочатъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ, играютъ, молятся...

Широкая, съ мѣдной обивкой краевъ ступеней, лѣстница открываетъ входъ во второй этажъ... Буфетъ, библіотека, ламны. Выходъ на балконъ.—балконъ обѣгаетъ вокругъ всего парохода... На немъ столы, стулья, скамейки... Тутъ можно пообѣдать...

— Стерляжью уху здѣсь спрашивать надо,—наставительно вразумляетъ неопытнаго пассажира какая-то борода.—Коли да на Волгѣ, да стерлядокъ не поѣсть,—такъ это по ней и ѣздить не зачѣмъ...

* * *

— Стерляжья уха, цвѣтная капуста, бифштексъ по гамбургски, пожарская котлета! понимаешь?.. раздается на балконѣ...

— Пароходовъ-то сколько безъ дѣла стоитъ, Господи! Гляди-тка, Петръ Иванычъ.

— Нонѣ дѣла плохи. Кажись—кабы случай подвернулся: изъ Казани по полторы копѣйки съ пуда взялъ бы до Нижняго. Вотъ какъ!

— Скажите, да неужели пароходная конкуренція такъ сильна?

— Да вотъ извольте посмотрѣть. Хозяева плачутъ. Стоятъ на якорѣ да и шабашъ.

— Хороши мѣста у васъ—приволье...

— Одно слово—Волга!

*) Волжскими американскими пароходами называются трехъэтажныя паровыя суда американской системы, предназначенныя для перевозки огромнаго количества груза. Пассажиры помѣщаются въ верхнемъ этажѣ: первый классъ—на носу, второй—въ срединѣ, третій—на кормѣ. Такихъ пароходовъ на Волгѣ пять: Ніагара, Колорадо, Миссури, Бенардаки, Миссисипи; ходятъ они съ большими остановками на пристаняхъ, но за то отличаются удобствомъ и комфортомъ

У однаго изъ столовъ сидитъ арендаторъ американскихъ пароходовъ, плотный, высокій, бородатый господинъ. Онъ началъ двадцать пять лѣтъ назадъ ни съ чего,—теперь онъ владѣлецъ пяти лучшихъ волжскихъ судовъ.

— Достоинство моихъ пароходовъ чрезвычайно, такъ сказать, наглядно,—объясняетъ онъ какому-то туристу. Чтобы ни случилось съ судномъ: пробой, столкновеніе,—пассажирская палуба такъ высока, что вы совершенно обезпечены отъ всякихъ непріятностей... Даже если пароходъ затонетъ, то вода не дойдетъ до васъ...

— А въ случаѣ взрыва котла?

— Даже въ случаѣ взрыва. Погибнетъ часть пароходной прислуги, носовая же и кормовая публика останется невредима...

* * *

Полукруглый salon перваго класса ярко освѣщенъ люстрами и лампами. Темная ночь глядится въ окна и стеклянныя двери. Душно, душно и ночью. За небольшимъ, плохо-настроеннымъ роялемъ, сидитъ какая-то барынька и уныло наигрываетъ nocturne Шопена. Въ pendant ей безцеремонно бренчатъ въ столовой ложки, ножи и вилки. Сочные, пурпурные ломти арбуза, приторно-сладкій ароматъ дыни, мелкій синій виноградъ, цвѣты, растенія, ковры, мягкія кресла, стулья, диваны, множество зеркалъ, синіе занавѣсы оконъ,—все это такъ гармонируетъ между собой, даетъ такой пріятный ансамбль. особенно если сразу войти сюда съ нижней грязной палубы. Такъ скоро устраиваются знакомства,—всѣ расположились какъ дома,—пишутъ письма, рисуютъ, разобрали изъ библіотеки книги, газеты, пьютъ кофе, занимаются салонными „козери", вспоминаютъ далекій Петербургъ, послѣднюю передвижную выставку, оркестръ Направника, Павловскъ, утреннія прогулки въ Лѣтнемъ саду... У каждаго есть ключъ отъ своей отдѣльной каюты, — пассажировъ въ первомъ классѣ мало, такъ что каждый могъ завладѣть цѣлой каютой. И намъ посчастливилось пріобрѣсти помѣщеніе съ пятью диванами. Можно комфортабельно расположиться, раздѣться, спать какъ дома, у каждаго мраморный умывальникъ, лампы.

Монотонный шумъ колесъ глухо отдается въ каютахъ. Воздуху мало, нечѣмъ дышать. Можетъ быть лучше на балконѣ?

Тихая звѣздная ночь. Синее голубое небо, недвижное, спокойное—и такая же тихая, спокойная Волга внизу, съ тѣми же звѣздами, съ тѣмъ же млечнымъ путемъ. Смутно чернѣютъ вдали берега, теряясь въ синей дымкѣ ночи. Разцвѣченныя желтыми, красными, зелеными огнями, плывутъ на встрѣчу суда, радужными полосами искрятъ темную воду, да слабо поскрипываютъ снастями. По берегамъ сверкаютъ костры, то вспыхиваютъ, то погасаютъ; маячные огни перекидываются съ берега на берегъ. Мягкій, душистый вѣтеръ доноситъ издалека откуда-то запахъ полевыхъ цвѣтовъ, свѣжаго скошеннаго сѣна и мѣшается съ теплой сыростью воды. Какая тишь внѣ этаго парохода,—какой царственный покой ночи!..

* * *

Чу, звонокъ колокола. Это *перекатъ*.

Перекатомъ называется наносная песчаная мель, полосой перерѣзывающая волжскій фарватеръ. Глубина ея постоянно измѣняется, а потому каждый разъ при переходѣ черезъ нее уменьшается ходъ и матросъ на носу начинаетъ измѣрять высоту воды большимъ полосатымъ шестомъ, на которомъ размѣчены футы.

— Восемь съ половиной,—протяжно кричитъ онъ, непремѣнно ударяя на послѣднемъ слогѣ, съ трудомъ ворочая шестъ въ водѣ...

— Восемь съ половиной,—откликаются гдѣ-то наверху, для передачи этаго сообщенія шкиперу...

— Мелѣетъ Волга ваша...

— Волга мелѣетъ?! Это, батюшка, въ газетахъ только пишутъ, вы не вѣрьте, это чистѣйшій вздоръ. Временные заносы бываютъ, это точно... Я вамъ вотъ что скажу. Я началъ плавать съ 1854 года по Волгѣ, такъ она въ 1854 году несравненно была мельче, чѣмъ теперь... Скажу-съ болѣе: если бы какимъ нибудь чудомъ на одну навигацію прекратилось здѣсь судоходство—къ слѣдующему лѣту Волга была бы глубокой, на всемъ протяженіи судоходной рѣкой...

— Вы шутите?

— Ничуть. Вы знаете отчего перекаты по пяти футъ глубины являются? Отъ неправильной промѣрки фарватера, оттого что все дѣлается тяпъ да ляпъ. Вы представьте себѣ: образуется гдѣ нибудь весною заносъ, положимъ въ тринадцать футъ. Сторожевыя лодки дѣлаютъ измѣренія, даютъ знать судамъ, идущимъ снизу: „вотъ, молъ, 13-ти футовый перекатъ". Подходитъ караванъ судовъ, сидящихъ въ водѣ, положимъ, 12½ футъ, да такъ прямо черезъ перекатъ и тянетъ,—пройдемъ молъ. А заносъ-то, представьте, уже не 13, а 12¼ футъ. Суда, натурально, садятся на мель. Пока то, сё,—пока снимутся, пройдетъ часа четыре, а иногда и двѣнадцать. Снизу тянутся новыя суда,—они ужь знаютъ что 13-ти футовыя не проходятъ, но сами идутъ смѣло, потому что сидятъ всего 11 футъ. А перекатъ-то ужь—девять футъ: пока на мели баржи сидѣли, вокругъ нихъ, конечно, еще фута на три нанесло песку. Ну снова посадка на мель, снова песокъ наростаетъ... Вотъ такъ перекаты и ростутъ...

* * *

Опять ходъ прибавленъ, опять на всѣхъ парахъ несется громада въ синей мглѣ ночи. Посмотрѣть со стороны, съ берега, точно огромная, ярко освѣщенная изнутри безчисленными огнями фабрика какимъ-то чудомъ мчится между деревьевъ и кустарниковъ. Всю ночь не тушатъ огни, и только когда разсвѣтъ ясно обозначится, и во всѣхъ каютахъ станетъ свѣтло, ламповщикъ завертываетъ фитили.

Какъ душно и тяжело дышать въ третьемъ классѣ. Онъ помѣщается не на открытой палубѣ, какъ обыкновенно, а на кормѣ въ закрытой обширной залѣ. Нары въ два яруса переполнены спящими людьми. Здѣсь не стѣсняются скинуть при всѣхъ верхнее платье, спать на виду... Многіе помѣстились на открытомъ воздухѣ, на терассѣ и спятъ согнувшись на короткихъ лавкахъ. Сколько разнообразныхъ положеній, типовъ, выраженій!..

На самомъ верху, на открытой палубѣ третьяго этажа, въ небольшомъ, яркоосвѣщенномъ павильонѣ, стоитъ за колесомъ шкиперъ, зорко всматриваясь въ ночную дымку, застлавшую фіолетовую даль. Сюда, наверхъ, никто не допускается изъ пассажировъ, и только во время остановокъ, при закатѣ солнца, когда администрація парохода спускается внизъ, проберется на крышу барышни побойчѣе, да татары явятся творить свою вечернюю молитву: разстелятъ истоптанный грязный коврикъ, станутъ на колѣни, прижмутъ къ ушамъ ладони, и долго бормочутъ про себя обычныя славословія, глядя на огнистый фонъ потухающаго неба...

* * *

— У Саратова, говорятъ, совсѣмъ все занесло? Нѣтъ судоходства?

— Да, у Саратова плохо. Большой объѣздъ у Беклемишевскаго острова дѣлаемъ... Повороты въ узкихъ протокахъ... а сколько времени на это убивается, страсть!

— Кажется изъ Астрахани привезли водочерпальную машину?

— Пускай черпаетъ! Только это переводъ деньгамъ... Песокъ вычерпаютъ, а его опять нанесетъ.

— Такъ что же дѣлать?..

— Надо заставить самую Волгу углубить русло... Вотъ на дняхъ изъ Нижняго проѣхали въ Саратовъ инженеры...

— Какъ-же это они устроютъ?

— Они совсѣмъ этаго не устроютъ... Они черпать будутъ... А дѣло-то какъ просто!..

— Это не секретъ?

— Нисколько-съ,—хоть въ газетахъ печатайте. Стоитъ направить теченье рѣки въ правый протокъ, къ самому городу, оно смоетъ насколько нужно заносы.

— Но это сопряжено съ большими затрудненіями?

— Никакихъ затрудненій. Стоитъ затопить двѣнадцать, много пятнадцать баржъ, подъ угломъ градусовъ въ 45 относительно теченья... Даю вамъ слово, что въ нѣсколько дней все дѣло будетъ сдѣлано...

— А что это будетъ стоить?

— Если за дѣло возьмутся инженеры—тысячъ сто...

— А если простые смертные?

— Тысячъ тридцать... Едва-ли больше... Двѣнадцать баржъ стоитъ 12 тысячъ,—да камнями завалить ихъ для прочности тысячъ пятнадцать,—вотъ и все.. Вы думаете, что это я такъ, съ бухты-барахты говорю? Я жилъ и состарѣлся на Волгѣ,—и если предлагаю что нибудь, то взвѣсивши и обсудивши дѣло обстоятельно...

Какъ-то незамѣтно, что пароходъ двигается, что уже тысячи верстъ легли между вами и Нижнимъ. Вы какъ дома. Покойно засыпаете подъ далекій гулъ воды на мягкомъ диванѣ, васъ никто не тревожитъ,—развѣ подъ утро барышня, которой почему нибудь не поспалось, вздумаетъ заиграть въ залѣ испанскій вальсъ. Вы встаете, требуете себѣ въ комнату кофе, завтракъ, раскладываете на столѣ свои бумаги, начинаете заниматься... Выходите къ обѣду въ столовую, сидите на балконѣ, гуляете во время долгихъ остановокъ по берегу, и незамѣтно все подвигаетесь дальше и дальше къ югу...

Пророкъ XVI вѣка.

(Нострадамусъ).

Въ 1503 году 14 декабря, у нотаріуса Якова Нострадамуса въ Сенъ-Реми, въ Провансѣ, родился сынъ, названный при крещеніи Михаиломъ. Подростая, ребенокъ становился очень серьезнымъ, рѣдко игралъ и даже говорилъ со своими сверстниками. Болѣе всего любилъ онъ сидѣть около своего древняго прадѣда, который разсказывалъ ему о теченіи планетъ и

звѣздныхъ путяхъ. Мальчикъ родился въ семьѣ ученыхъ; два его дѣда были лейбмедиками, одинъ при королѣ Рене Іерусалимскомъ, другой—въ Калабріи у герцога Іоанна. Оба они были также математики и астрологи — Михаилъ отъ нихъ наслѣдовалъ склонность къ этимъ наукамъ.

Уже въ Авиньонской школѣ онъ занимался разрѣшеніемъ разныхъ философскихъ задачъ, а въ университетѣ въ Монпелье слушалъ лекціи. Распространившаяся эпидемія заставила его уѣхать оттуда. Впродолженіи четырехъ лѣтъ странствовалъ онъ по югу Франціи, всюду на практикѣ примѣняя съ успѣхомъ свои знанія. Послѣ блестящаго диспута въ Монпелье, поразившаго всю коллегію, ему была дана степень доктора. Съ этихъ поръ онъ сталъ называться „Нострадамусомъ."

Не берегу Гаронны, въ городѣ Агенъ, гдѣ жилъ нѣкогда ученый Юлій Скалигеръ, поселился Нострадамусъ съ молодою женою. Для него это было время полнѣйшаго уединенія и счастія, а за нимъ пришло горе, передъ которымъ была безсильна его наука: въ самое непродолжительное время онъ лишился жены и двухъ дѣтей и снова очутился одинокимъ.

Потери эти такъ на него подѣйствовали, что онъ рѣшился самъ искать смерти. Этому представился вскорѣ и случай. Въ Провансѣ развилась чума и съ наибольшею яростью свирѣпствовала въ Эксѣ. Туда отправился Нострадамусъ на помощь страждущимъ. Народъ массами умиралъ вокругъ него, но смерть его щадила. Своимъ самоотверженіемъ и энергической дѣятельностью впродолженіи трехъ лѣтъ онъ пріобрѣлъ всеобщую признательность, в городъ назначилъ ему пожизненную пенсію.

Общая благодарность и сознаніе дѣйствительно принесенной пользы, возвратили ему отчасти душевный миръ. Но онъ не захотѣлъ оставаться въ Эксѣ, и переѣхалъ въ Салонъ—городъ, лежащій между Авиньономъ и Марселью. Тутъ онъ во второй разъ женился. Судьба съ избыткомъ вознаградила его за потери, у него было шесть человѣкъ дѣтей.

Здѣсь въ Салонѣ, не имѣя общенія съ учеными друзьями, Нострадамусъ посвятилъ себя всецѣло наукѣ. Онъ сталъ доискиваться опредѣленія вліянія природы на жизнь человѣка. Ревностнѣе чѣмъ когда либо онъ занялся астрологіей и утвердился въ сознаніи, что ему предназначено свыше, предсказывать будущее властителямъ и народамъ. Въ это время написалъ онъ свои „Центуріи", но не рѣшился ихъ опубликовать, боясь насмѣшекъ. Прямодушный и честный, онъ серьезно относился къ своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ книга все-таки появилась и при тогдашнемъ стремленіи къ чудесному, современники его читали съ жадностію темныя предсказанія салонскаго пророка. Имя его сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ во всей Франціи и король Генрихъ II пожелалъ видѣть этаго необыкновеннаго человѣка.

Михаилъ Нострадамусъ пріѣхалъ въ Парижъ. Ему въ то время было уже болѣе пятидесяти лѣтъ, но онъ былъ еще очень свѣжъ и бодръ. Средняго роста, съ выпуклымъ умнымъ лбомъ, свѣтлыми глазами, привѣтливой ясной улыбкой—таковъ былъ Нострадамусъ. Сужденія его были свободны и здравы, память замѣчательная; говорилъ онъ мало, съ достоинствомъ и спокойствіемъ. Король долго разговаривалъ съ нимъ наединѣ и при прощаніи пожаловалъ ему 200 золотыхъ экю въ массивномъ серебряномъ кубкѣ.

Въ 1559 году Генрихъ II умеръ отъ раны въ глазъ, полученной на турнирѣ. Съ быстротою молніи разнеслась по Франціи вѣсть, что Нострадамусъ предсказалъ эту смерть. Указывали на 35-е четверостишіе 1-й его центуріи, гдѣ сказано:

Львомъ молодымъ левъ старый побѣжденъ
На поединкѣ ихъ Господь разсудитъ,
И нанесетъ ему двѣ раны онъ
И рана въ глазъ тому смертельна будетъ.

Съ этихъ поръ имя пророка повсемѣстно произносилось съ глубокимъ почтеніемъ и страхомъ. Преемникъ Генриха II, бывшій въ Провансѣ въ 1564 году, посѣтилъ Нострадамуса. Знаменитый ученый произвелъ глубокое впечатлѣніе на новаго короля, который сдѣлалъ его своимъ лейбъ-медикомъ. Примѣру короля послѣдовали многіе. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ ученому и нерѣдко можно было видѣть экипажи знатныхъ лицъ съ гербами у подъѣзда скромнаго жилища пророка. Нострадамусъ встрѣчалъ всѣхъ очень привѣтливо, но ничего неосторожно не предсказывалъ. Сдержанность эта еще болѣе увеличивала его славу.

Въ іюлѣ 1566 года распространилась вѣсть о его смерти. Разсказывали, что онъ самъ надѣялся прожить до 1618 года, а потому многіе не вѣрили этой вѣсти, которая однако была справедлива. Онъ умеръ 2-го іюля, послѣ недѣли страданій. За нѣсколько дней до смерти, въ день св. Іоанна (24-го іюня) онъ написалъ въ календарѣ: Hic prope mors est (здѣсь конецъ мой недалеко), а 1-го іюля, прощаясь вечеромъ съ пріятелемъ сказалъ: „съ восходомъ солнца ты не застанешь уже меня въ живыхъ".

Латинская надпись на его гробницѣ въ Францисканской церкви въ Салонѣ гласитъ: „Здѣсь покоятся бренные останки Михаила Нострадамуса, сверхъестественная способность котораго предсказывать по звѣздамъ будущее, признана всѣми достойною вѣры. Онъ умеръ въ Салонѣ въ Провансѣ, 2-го іюля 1566 года, на 62 году отъ рожденья. Потомство, не касайся его праха и не завидуй славѣ его!"

Вполнѣ, всѣ пророчества его были опубликованы въ 1568 году, сыномъ его Цезаремъ Нострадамусомъ, а позднѣе многими другими. Въ книгѣ помѣщено длинное письмо пророка къ Генриху II, полное различныхъ предсказаній и двѣнадцать такъ называемыхъ „центурій". За немногими исключеніями, каждая центурія состоитъ изъ ста четверостишій: кромѣ того въ книгѣ находится еще 140 предзнаменованій и 58 предсказаній.

Предсказанія большею частью условныя, мысли выражены довольно темно, но читатель легко возстановляетъ историческія событія, предсказанныя относительно Франціи, Испаніи, Англіи, Италіи и Германіи. Нострадамусъ съ непонятной прозорливостью говоритъ о нихъ за 300 лѣтъ до ихъ осуществленія. Конечно, мистическія, неясныя пророчества можно съ нѣкоторой натяжкой отнести къ тѣмъ или другимъ случаямъ, но есть отдѣльныя замѣчанія, поистинѣ поразительныя.

Такъ напримѣръ въ 49 четверостишіи IX центуріи, прямо указывается на насильственную смерть Карла I, короля Англіи, въ 1649 году.

Также поразительны стихи, указывающіе на судьбу Франціи послѣ смерти Мазарини (предсказаніе 58).

„Піявицѣ недолго жить и кровь
Ея для Франціи хорошимъ знакомъ будетъ:
Два царства заключить союзъ она принудитъ
И Франція начнетъ владычествовать вновь".

Тутъ ясно представляется блестящее время Франціи при Людовикѣ XIV, который послѣ смерти Мазарини управлялъ уже самостоятельно, противъ котораго былъ заключенъ союзъ и при которомъ послѣ испанской войны, по порядку престолонаслѣдія, корона Испаніи перешла дому Бурбоновъ.

За нѣкоторыя пророчества, относящіяся до гибели папства, пророчества находящіяся въ томъ же письмѣ къ Генриху II, книга Нострадамуса была запрещена еще въ 1781 году.

Къ рисункамъ.

За кружкой добраго вина.

(Картина Винеа).

Какъ живо и мѣтко схвачено художникомъ это благодушное и полное довольства выраженіе лица этаго добраго малаго, отважнаго гуляки, солдата XVI вѣка, когда авантюристскія войны, тянувшіяся часто по нѣсколько лѣтъ, выработали типъ отчаяннаго, на все готоваго рубаки. На шутку онъ отвѣтитъ веселой остротой, на оскорбленіе своимъ тяжелымъ мечемъ, горой будетъ стоять за товарища, но если найдетъ для себя удобнымъ, готовъ перейти и въ противный лагерь. Лицо воина напоминаетъ сцены геніальнаго Шиллера въ его „Валленштейновомъ лагерѣ", въ этомъ тревожномъ, оригинальномъ лагерѣ, собранномъ желѣзною волею славнаго полководца.

На рисункѣ нашемъ воинъ наслаждается за кружкой добраго вина, спокойный, благодушный и весело улыбается, припоминая какую нибудь смѣшную сцену или забавное приключеніе изъ тѣхъ, какими полна была его разнообразная, пестрая, тревожная жизнь..

На перепутьи.

(Рисунокъ Н. Загорскаго).

— Какъ намъ пройти, родимый, на Вороново? Сказывали—за лѣсомъ будетъ...

— А вотъ идите правой то стороной, по опушкѣ; лѣво то не ходите, лѣво то на Горки пойдетъ, а право за овражкомъ то и будетъ Вороново, объясняетъ пастушокъ, маленькій мѣстный обыватель, который ужъ не разъ топталъ эти дороги рѣзвыми ножонками, щелкая рѣзко своимъ длиннымъ кнутомъ.

— То-то намъ къ куму.... Кумъ живетъ тамъ.... Афанасья знаешь?.. Мальчикъ киваетъ головой. — Ну такъ его еще сестра о прошломъ лѣтѣ ходила на богомолье.... А деверь ихній...

— Да я не знаю ихъ...

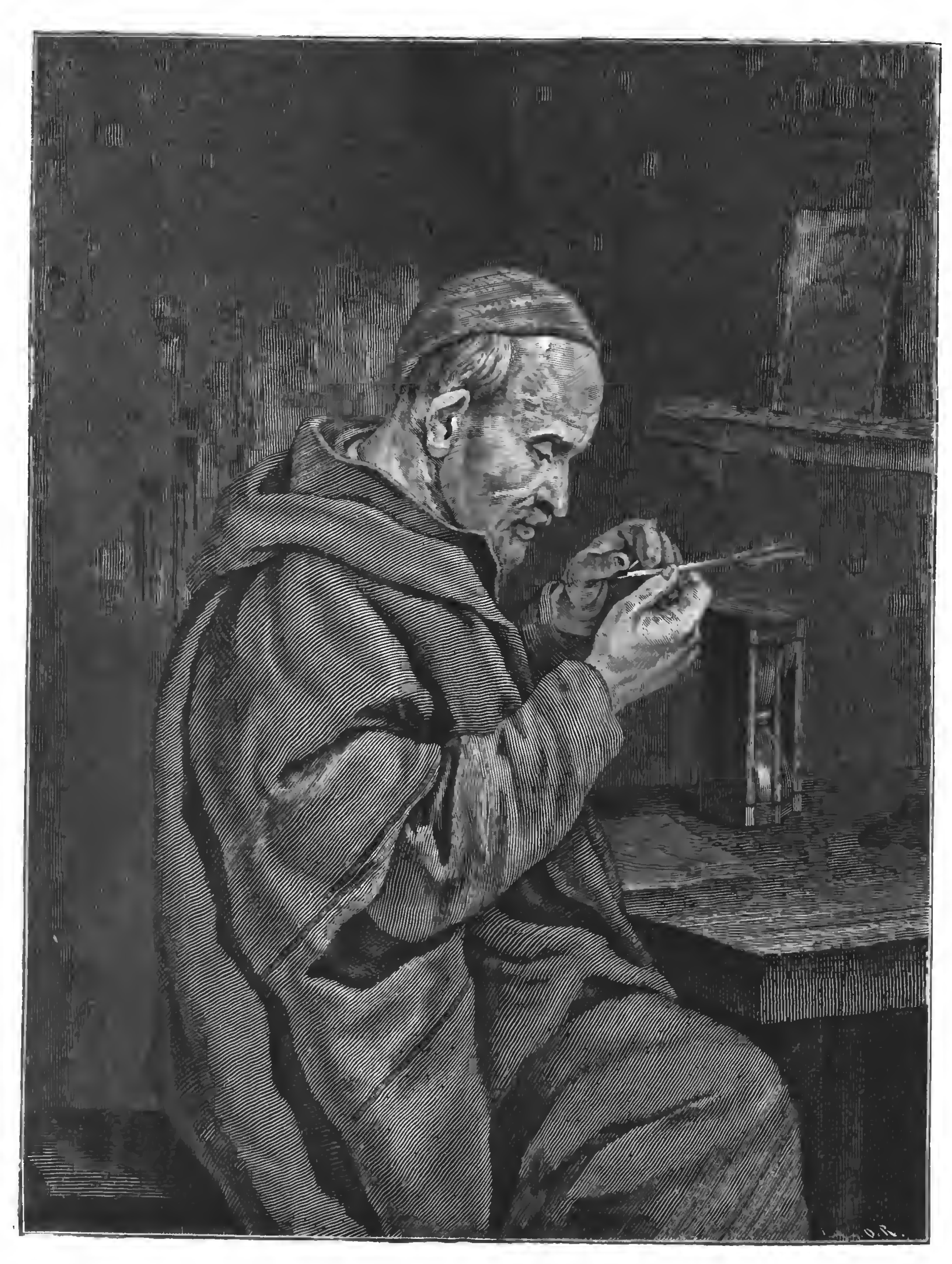
— Не знаешь? ишь ты! А мы къ нимъ пробираемся, да вотъ и не найдемъ въ которую сторону Вороново... Ну дай-Богъ тебѣ паренекъ... спасибо... И путники пошлепали по указанному пути...

(Продолженіе на стр. 809, 810, 811 и 812).

Политическое обозрѣніе.

Турецко-черногорскій вопросъ.—Курды и армяне.—Проекты князя Бисмарка.—Франція.—Испанія.—Покушеніе на жизнь хедива Тевфика-паши.—Съ китайской границы.

Для чего было собираться военнымъ судамъ великихъ державъ въ Рагузу? Вотъ вопросъ который естественно приходитъ въ

Пророкъ XVI в. Нострадамусъ. Со старинной гравюры исполн. О. Ротъ.

голову въ виду положенія, до котораго теперь дошло дѣло о передачѣ турками Дульциньо. И чѣмъ можно объяснить то, что происходитъ въ настоящую минуту? Вѣроятно мы будемъ правы, если, не мудрствуя лукаво, скажемъ просто, что самое „дружественное согласіе“ между державами, принявшими участіе въ улаженіи дѣлъ на Востокѣ, весьма сомнительно. Очень можетъ быть, что большинство державъ рѣшились участвовать въ демонстраціи, предполагая, что Порта уступитъ при первомъ появленіи военныхъ кораблей въ Рагузѣ, такъ что и не надо будетъ посылать ихъ далѣе, куда пожалуй, они и не пожелали бы отправлять свой флагъ. Къ числу этихъ державъ придется отнести едва ли не всѣ, за исключеніемъ Россіи и

Англіи. Этимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ себѣ неподвижность соединеннаго флота. Будь европейское согласіе прочно, дѣйствуй всѣ державы искренно, открыто и дружно, давно бы адмиралъ Сеймуръ привелъ свою морскую дружину къ албанскимъ берегамъ.

Высказанное нами предположеніе объ истинной цѣли „командировки" Риза-паши къ албанцамъ находитъ себѣ подтвержденіе едва ли не каждый день. Такъ изъ Константинополя сообщаютъ подробности объ инструкціи, данной этому Пашѣ; изъ этой инструкціи видно, что ему прямо поручено не отдавать Дульциньо, защищать границу отъ всякаго нападенія, организовать албанскія милиціи подъ командою турецкихъ офицеровъ и т. д. Въ томъ же случаѣ, если князь Николай сосредоточитъ всѣ свои войска противъ Дульциньо и станетъ штурмовать его, Риза-пашѣ приказано немедленно проникнуть въ предѣлы Черногоріи, дабы турецкая армія могла занять тамъ равномѣрную территорію, если черногорцы овладѣютъ Дульциньо. Но черногорцамъ взять теперь этотъ городъ однимъ, безъ поддержки, болѣе, чѣмъ трудно. Риза-паша и, столь успѣшно „убѣждаемые" имъ албанцы, не потеряли времени напрасно. Они (конечно сообща) сильно укрѣпили подковообразную возвышенность Мазури, служащую щитомъ для спорнаго города, укрѣпили и всю линію, идущую отъ Скутарійскаго озера до морскаго берега. А броненосцы все стоятъ...

Между тѣмъ, не мѣшало бы Европѣ посерьезнѣе, „подружественнѣе" приняться за дѣло. Главное скорѣе. Въ азіатской части благоустроенной оттоманской имперіи завязывается новый узелъ дальнѣйшихъ усложненій. Мы говоримъ опять о доведенныхъ до отчаянія армянахъ. Изъ новѣйшихъ свѣдѣній видно, что Порта усердно хлопочетъ объ организаціи курдской „лиги". Ее уже снабжаютъ, конечно, оружіемъ и скоро, безъ сомнѣнія, появятся на сценѣ лучше сформированные отряды грабителей этихъ. Впрочемъ они пока обходятся и безъ руководителей, получившихъ военное образованіе въ спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ различныхъ „цивилизованныхъ" государствъ Европы. Недавно сожжено 13 армянскихъ деревень.

Дѣятельность албанской лиги отзывается и на настроеніи мусульманскаго элемента Босніи и Герцеговины. Мусульмане эти, еще недавно заявлявшіе о преданности своей Австрійской монархіи и обходившіеся весьма ласково съ агентами ея, въ настоящую минуту выказываютъ имъ далеко не дружелюбныя чувства. Въ этомъ, говорятъ, убѣдился намѣстникъ императора, герцогъ Виртембергскій. Во время недавняго инспекціоннаго объѣзда своего по Босніи, онъ встрѣчалъ болѣе чѣмъ холодный, даже невѣжливый, пріемъ со стороны мусульманъ. Беги и аги пустились въ политику, усердно читаютъ газеты и европейскія, и турецкія. Эти послѣднія они получаютъ болѣе контрабандой, въ чемъ, какъ увѣряютъ, будто бы имъ помогаетъ сербскій министръ Ристичъ. Если это такъ, то, уже и по этому мелкому факту, можно видѣть, что извѣстныя событія часто выдвигаютъ людей, которымъ по справедливости должно быть вручено руководительство. Побольше бы Ристичей славянамъ! Скажемъ, кстати, что князя Болгарскаго ждутъ скоро въ Бѣлградѣ.

Мы уже говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, что князь Бисмаркъ, въ качествѣ министра торговли, готовится приступить къ широкой соціально-экономической реформѣ. Исходной точкой реформы—будетъ законопроектъ объ учрежденіи обще-германскаго торгово-промышленнаго совѣта для обсужденія вопросовъ, касающихся государственнаго хозяйства. Организованіе твердаго оплота противъ соціализма въ средѣ самаго рабочаго сословія, которое должно быть, по мысли канцлера, возможно прочно обезпечено отъ случайностей, конкуренціи и т. д. Высокій умъ геніальнаго государственнаго человѣка готовитъ быть можетъ мѣры, которыя успокоятъ броженіе среди рабочихъ классовъ и навсегда отнимутъ возможность волновать умышленно рабочіе классы Германіи, которые станутъ преданнѣйшими и горячими сторонниками заботящейся о нихъ власти. Въ нынѣшнюю сессію рейхстага, германское правительство намѣрено добиться утвержденія новыхъ налоговъ на 100 милліоновъ марокъ.

Французскіе легитимисты, съ особеннымъ усердіемъ и торжественностью отпраздновали 29-е сентября, день рожденія графа Шамбора. Въ Парижѣ было устроено 19 банкетовъ, по различнымъ кварталамъ; участниковъ насчитываютъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Осенніе маневры прошли довольно удачно. По словамъ очевидцевъ, французская армія не оставляетъ желать ничего лучшаго въ хозяйственномъ отношеніи, въ отношеніи вооруженія и прочаго,—но по своей боевой способности-ова, едва ли и теперь, можетъ удовлетворить всѣмъ современнымъ требованіямъ военнаго дѣла. Впрочемъ, если вѣрить всему, что говорятъ о Бартелеми С.-Илерѣ, то французамъ еще не понадобится ихъ армія. Такъ напримѣръ, утверждаютъ, что новый министръ иностранныхъ дѣлъ, уже высказавшійся въ миролюбивомъ духѣ, вполнѣ сочувствуетъ политикѣ князя Бисмарка, въ особенности считая австро-германское соглашеніе основой европейскаго мира.

Смѣсь.

Бой съ чернильной рыбой. Одному водолазу въ Америкѣ пришлось выдержать борьбу съ чернильною рыбою, въ рѣкѣ Монине, около Бельфаста, въ колоніи Викторія. Онъ самъ такъ разсказываетъ объ этомъ: я запустилъ руку въ яму и почувствовалъ, что она чѣмъ-то удерживается; пришедшая въ движеніе вода, помутнилась отъ поднявшейся земли и я нѣсколько минутъ ничего не могъ разглядѣть. Когда же вода очистилась, къ ужасу своему я увидѣлъ, что руку мою держитъ своей лапой громадная чернильная рыба; чудовище приготовлялось уже впиться въ руку. Я былъ въ ужасѣ. Мнѣ казалось, что руку мою рвутъ на части и чѣмъ упорнѣе я старался ее освободить, тѣмъ боль становилась сильнѣе. Съ трудомъ удавалось мнѣ удержаться на ногахъ. Подать сигналъ я не могъ, такъ какъ чудовище такъ сильно меня схватило, что пришлось бы сломать руку. Со мной былъ молотокъ; но я его не могъ достать. Къ счастью невдалекѣ оказалась желѣзная пластинка, которую я придвинулъ къ себѣ ногою настолько, что могъ ее достать лѣвою рукою. Началась борьба. Я началъ сильно бить рыбу по головѣ, но она все болѣе сжимала руку, такъ что рука на нѣкоторое время потеряла чувствительность. Затѣмъ тиски нѣсколько ослабѣли; когда рыба была совсѣмъ разсѣчена мною на части, тогда только рука моя высвободилась окончательно. Поднявшись на поверхность, я чувствовалъ себя измученнымъ до крайности. Бой продолжался цѣлыхъ двадцать минутъ. Я захватилъ съ собою большой кусокъ рыбы. Я вполнѣ убѣжденъ, что животное это можетъ удержать пять-шесть человѣкъ.

Бумажныя деньги съ волокнами. Для устраненія всякой возможности поддѣлки бумажныхъ денегъ, экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ въ Германіи рѣшила для предстоящаго выпуска билетовъ въ пять марокъ употреблять бумагу съ волокнами, находящуюся въ обращеніи въ Америкѣ уже 19 лѣтъ, за которую изобрѣтатель Вилькорксъ получилъ премію. Отличительное свойство этой бумаги въ томъ, что по ней идутъ одноцвѣтныя полоски, въ которыхъ ясно различаемы скрещивающіяся и встрѣчающіяся волокна. Волокна эти расположены довольно глубоко, такъ что онѣ сами по себѣ отдѣлиться не могутъ. Но ихъ легко вынуть какимъ нибудь заостреннымъ предметомъ, напримѣръ булавкой, такимъ образомъ легко каждому убѣдиться въ неподдѣльности бумаги, для чего излишне даже помѣщать текстъ на сторонѣ волоконъ. Поддѣлка такой бумаги немыслима. Приготовляемая бумага на фабрикѣ Вилькоркса въ Гленъ-Мильсѣ оставалась безъ надписей. Фабрика въ Гленъ-Мильсѣ находится подъ строгимъ надзоромъ каждый неудавшійся листъ старательно уничтожается.

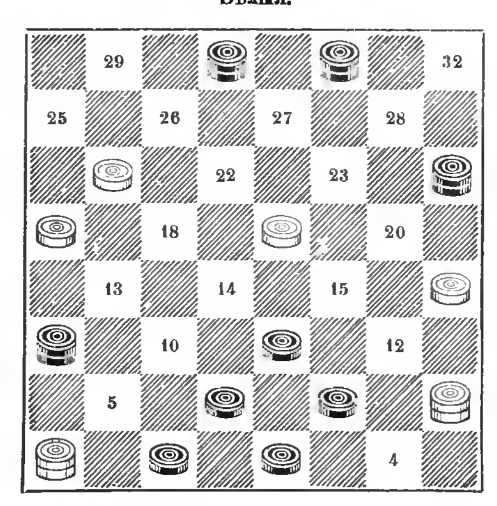
Зубные врачи въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ считается около 12,000 зубныхъ врачей, которые всѣ вмѣстѣ ежегодно изводятъ для пломбировки зубовъ на полтора милліона долларовъ золота и вчетверо больше серебра и другихъ металловъ. Одинъ статистикъ вычислилъ, что такимъ способомъ втеченіе трехсотъ лѣтъ вмѣстѣ съ пломбированными зубами можно похоронить на кладбищахъ страны всю обращающуюся въ немъ золотую монету. Каждый годъ въ Сѣверной Америкѣ дѣлается до трехъ милліоновъ искусственныхъ зубовъ.

Ехидны въ Италіи. — Нынѣшнимъ лѣтомъ ехидны были такъ многочисленны въ Италіи, особенно же въ окрестностяхъ Феррары, что составляли сущее наказаніе для поселянъ, изъ которыхъ многіе умерли отъ ихъ ужаленій. Пашни отчасти оказались настолько наполненными этими гадами, что хлѣба мѣстами пришлось сжечь на корню, такъ какъ никто не рѣшался жать ихъ.

Городокъ Дерробегъ, въ графствѣ Донегаль (въ Ирландіи), былъ 3 (15) августа театромъ наводненія, случившагося при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ. Оно случилось во время обѣдни, и мѣстный католическій священникъ совершалъ богослуженіе въ церкви, находящейся на берегу моря, какъ вдругъ потокъ воды ворвался въ долину и проникъ въ церковь. Прежде чѣмъ успѣли спастись, вода достигла высоты, которую потомъ могли опредѣлить въ три метра по слѣдамъ сырости, оставленнымъ на стѣнахъ. Священникъ вскочилъ на алтарь и успѣлъ найти убѣжище въ амбразурѣ окна; но молящіеся очутились въ водѣ. Нѣкоторые успѣли спастись вплавь, но многіе утонули. До сихъ поръ найдено четыре трупа, но недостаетъ еще одиннадцати человѣкъ, которыхъ должно быть унесло въ море. Убытки отъ наводненія простираются до 3.000 фунтовъ стерлинговъ. Полагаютъ, что вода, произведшая эти опустошенія, шла въ видѣ смерча, такъ какъ ея объемъ былъ значителенъ и сверхъ того крыша церкви была пробита.

Шашечная задача № 69.

Бѣлыя.

Черныя.

Черныя начинаютъ и запираютъ двѣ бѣлые дамки и четыре простыхъ.

Рѣшеніе задачи буквъ.

								В								
			е	л	и	к	і	й	К	н	я	з	ь			
Д	м	и	т	р	і	й	І	о	а	н	н	о	в	и	ч	ъ
					Д	о	н	с	к	о	й					
				п	о	к	о	л	е	б	а	л				
в	л	а	д	ы	ч	е	с	т	в	о	т	а	т	а	р	ъ
				н	а	д	ъ	р	у	с	ь	ю				

Аронъ, Чудь, Дарій, вечеръ, Товій, Коконъ, Слон, Пост' Аистъ, Земля, Илій, Тыква, клювъ, дань, Боа, Инд.

Вѣрные рѣшенія етихъ задачъ ирисланы отъ гг.: **Спб.**—Гросманъ, Аленіусъ, Опатовнча; **Москва**—Зѣвакина; **Жидра**—Иввнова, **Калуга**—Зеленцова, **Кронштадтъ**—Фабръ, **Курскъ**—Шнурова. Дѣдова, **Минскъ**—Плвтонова, **Мозырь**—Лапина, **Ровно**—Захера, **Череповецъ**—Гусева.

РЕБУСЪ.

Разгадка ребуса, помѣщеннаго въ № 37 „Нивы“.

Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибнтка удалая,
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.

Вѣрныя рѣшенія етой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** Севіеръ, Киселева, Ивашинцева, Холкина, Вейка, В—ина, Андребера, Киржакова; **Москва.** Павлова, А—ва Чечвтова, Морозова, Крылова, Ш—ва, Силича, Кочерышкина, Севастьянова, Пѣгашка, Сутькова, Мосалова, Никвтиной, Сучкова, Соволова, Кучурмина, Красноворотскаго, Мошкина; **Аккерманъ**—Мажуга, **Гжатскъ**—Шапошниковой, **Динабургъ**—Жуконскаго, **Дрисса**—Яв—ича, **Заметчино**—Дьяконова, **Елецъ** — Графв, Вввилова; **Ельня**—Кубекина, Богданова, **Касимовъ**—Умнова, **Кіевъ**—Асютина, **Кронштадтъ** — Шелашникова, Мякотина, **Курскъ**—Дѣдова, **Минскъ**—Платонова, Вайштейнъ, **Мозырь**—Ланича, **Нижній-Новгородъ**—Усова, Чигирина, Коровакина, **Орша**—Лабковской, **Пенза**—Ильина, **Переславль-Залѣскій**—Пелехова, **Петергофъ**—Гусарова, **Раменская**—Шарова, **Рязань**—Лаврова. **Свеаборгъ**—Алексѣева, **Смоленскъ**—Полубинскаго, **Тверь**—Воробьева, Ушакова, **Тропи**—Третескаго, **Тульчинъ**—Щагина, **Угличъ**—Лучинскаго, **Урюпинская**—Краснушкина, **Царское Село**—Грапникова, **Юхновъ**—Иввнова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 42.

1) E7 — C5†	1) E3 — E4
2) D1 — D7	2) E4 — E5
3) C5 — D4†	3) E5 — E6 или E4
Конь даетъ матъ.	

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ВЪ МАГАЗИНѢ ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ.

Поотавщикв Высочайшаго Дворв

Невскій ироси., № 23 въ С.-Петербургѣ,

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

золотые дамскіе часы.

еаводащіеся ключемъ.

Анкерные нв 15 камняхъ вакрытые 55, 60 н 65 р. (смотря по вѣсу золотв въ ворпусѣ)
Тввіе же 1-го сорта 70, 75 и 85 р.
Томе высш. достоанства отъ 100 до 135 р. с,
Томе ивводящіеся беѳъ ключа (въ ручву).
Анкерные нв 15 камняхъ еакрытые, 75, 80 и 85 р. с.
Тавіе же 1-го сортв отъ 95, 100 и 110 р. с.
Тоже высшаго достоинства отъ 12. до 250 р. с.

Ручательстпо на 2 года,

Къ часамъ, еаводящимся ключемъ прилагается золотой ключъ. № 880 33—4

Пересылка нв счетъ магвзинв.

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ,

замѣняющія вполнѣ жерноаа, не требующія мельника и отличвющіяся простотою, большою проивводнтальностью и дешевизною, требуя для помола того ма количестав хлѣба, 1/3 силы жерновоъ.

Вел. В вѣс. 16 п. измѣл. 10 пуд. въ часъ, при 2 л. силахъ, цѣнв . . . . . 150 р
Вел. 5 вѣс. 20 п. измѣх. 15 пуд. въ часъ, при 4 л. сихахъ, цѣнв . . . . . 200 р.
Вел. 3 аѣс. 30 н. измѣл. 20 пуд. въ часъ. при 6 л. силахъ, цѣна . . . . . 300 р.
мучныя сортировки къ нимъ по 78 р.

Штифтовыя молотилки.

учшія вѳъ всѣхъ существующихъ системъ. Ручныя 85 р., съ 1-коновнымъ приводомъ 225 р., большая двухъ коннвя съ соломотрясомъ и приводомъ 340 р.

Сѣнные прессы ручные по 175 р.

Безпрерывно вращающ. ручной кирпичный прессъ.

Самый прочный, простой и дешевый. Тремя рабочими можетъ быть изготовлено въ сутка отъ 4 до 5000 кирпичей, получая ихъ той же крѣпости, какъ при ручной прессовкѣ. Вѣсъ пресса 50 пуд. цѣна 300 руб. Локомобила, пароаыя машины, котлы, токврные и проч. станки, плуги, бороны, вѣялки, соломорѣзка, сѣялки, насосы, пожарныя трубы и пр., и пр., имѣются въ наличности у

ТОВАРИЩЕСТВА

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линія, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

№ 911 5—1

Поступила въ продажу **новая книга** (складъ въ книжн. магазинѣ В. Цвылева, СПБ. Малая Садовая, № 9. 2-й);

„РУССКО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА", для школьнаго и домашняго обученія, съ постепеннымъ наростаніемъ буквъ, съ прописями и образцами рисованія, съ задачами, загадками и различными др. упражненіями, **съ 800-ми рисунками въ текстѣ**. Цѣна 30 к. Сост. Ѳ. Пуцыковичъ.

№ 889 3—3

Ново, практично и дешево

Американскій переплетчикъ

по 1 р. 75 к., съ упоковкой и перес. 2 р.
Этотъ маленькій виларатъ даетъ **каждому** воемомность, сшивать изъ отдѣльныхъ листовъ книги до толщины **одного сантиметра**

О. Унфугъ и К°,

С.-Петербургъ, Больш. Морская № 15. Тино-литографія и гривировальное ваведеніе. Спеціальность всѣхъ конторскихъ принадлежностей.

Ptr. № 914. 2—1.

КЁЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

Ц. № 902 13—2

НОВОСТЬ К. № 840 3—3

ЛОЗЕ: ПАРФЮМЕРІЯ „ЛАНДЫШЪ".

Лове: Extrait quadruple,	изъ	Ландыша	Maiglöckchen.
Лове: туалетное мыло	„	„	Maiglöckchen.
Лове: туалетный уксусъ	„	„	Maiglöckchen.
Лове: помада	„	„	Maiglöckchen.
Лове: масло	„	„	Maiglöckchen.
Лове: косметическій фиксатоаръ		„	Maiglöckchen.
Лове: бриллъянтинъ	„	„	Maiglöckchen.
Лове: подушки съ духами	„	„	Maiglöckchen.

Для иѳбѣжанія покупки поддѣльныхъ духоаъ нужно требовать продукты **Лозе парфюмера Ландышъ** и особенно смотрѣть на мою вѣрную фирму:

Густавъ Лове, парфюмеръ въ Берлинѣ,

поствищикъ Даора Ея Величеств Императрицы Германской Имиеріи.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ.

НОВОСТЬ!

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННАЯ

МЕХАНИЧЕСКАЯ БРИТВА.

Полнѣйшаа возможность бриться каждому свмому безъ всякой боязна обрѣзаться; въ какомъ бы положеміи не былъ, больной въ постелѣ, въ лежачемъ положеніи, безъ зеркалв,—въ совершенной темнотѣ нв ходу ила въ дорогѣ, правой ила лѣвою рукою; горвздо чаще, удобнѣе и несрааненно скорѣе, чѣмъ нынѣ существующимв весьмв опасными бритавми. **Никакихъ предосторожностей!!** Вещь въ высшей стенени прaктичнвя и полезнаа.

Покорнѣйше просамъ публику нзбѣгать **появившихся** въ большомъ колвчествѣ поддѣльныхъ бригаъ и требоввть нв бритвѣ марку англійскаго фабриканта и русскій государствснный гарбъ.

Цѣнв механнчесаой брзтвы **3** рубля а съ однимъ запаспымъ ножомъ **4** рубля

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО МЕХАИНЧЕСКНХЪ БРИТВЪ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

въ магазинѣ швейныхъ машинъ ЛЕОНЪ КАСТИЛЬОНЪ

въ Мосвaѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Фврсвнова, противъ аптеки. Звказы гг. иногородныхъ исполняются немедленао. За пересылку благоволятъ высылвть 30 к. почтовыми марками. Mt. № 910

М. МОРГЕНШТЕРНЪ.

Большая Морская, д. Лауферта № 27.

ДЕПО АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

всѣхъ системъ, кавъ-то: Зингера отъ 50 до 60 р., Гву 50—60 р., Гроверв и Бекера 65—85 р., Виллерв и Вильсопв 45—75 р., и друг. для семействъ и мастерскихъ.

Спеціальныя машины для портныхъ, сапожниковъ, сѣдельннк., каретник. и пр. отъ 60—250 р.
…еальныя машины новѣйшихъ и лучшихъ констрyацій.

Вольшой выборъ ручныхъ машинъ всѣхъ системъ Зингерв отъ 38 до 45 р., Гау, 30 р. Гроверв и Векерв 45—65 р., Гамвльтонъ 35—43 руб., Линкольнъ 28 р., Вашингтопъ 32 р., Лнтле, Ввнцеръ 25 руб., Ренанія 35 р., Эвспресъ 15 р.

Пасьменная гарантія отъ 2 до 6 лѣтъ. Обученіе въ помѣщеніи или на дому бенплатно; починкв машинъ всѣхъ системъ; большой выборъ швейнихъ принадлежностей какъ-то: иголоъ, катушекъ, натокъ, шелку и пр. по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Для гг. иногородныхъ покупателей принимаю ручательство за хорошую доставку машинъ; ев упоковку ничего не считается. Машины для складыванія плиссе большой формвтъ 20 руб. № 581 1

КАРТОНЪ ДЛЯ ПОЛОВЪ

ПОДЪ КОВРЫ

ИЗОЛИРЪ-КАРТОНЪ

(СВИНЕЦЪ)

ДЛЯ ИЗОЛИРОВАНІЯ СЫРОСТИ

РЕКОМЕНДУЕТЪ

ФАБРИКА

АВГУСТЪ НАУМАНЪ И К°.

М. № 895 **С.-Петербургъ. Гороховая, ул. д. № 20.** 3—2

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ!

ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

Л. Е. Дмоховскій и Комп.

Адмиралтейская площ., № 10, уг. Вознесенскаго проспекта.

Шведскія куртки на шерстяной и шелковой подкладкѣ, имѣетъ честь рекомендовать гг. военнымъ, охотникамъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ, машинистамъ и всѣмъ имѣющимъ необходимость пробывать на открытомъ воздухѣ, какъ предохранительное средство отъ простуды.

ПРОДАЮТСЯ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Гг. иногороднымъ: Письменныя объясненія какъ снимать мѣрку высылаются немедленно за приложеніемъ почтовой марки.

К. № 913 3—1

К. № 915 7—1

Настоящія американскія швейныя машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,

съ кривою или прямою иголкою.

Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:
а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.
б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.
Лучшія нѣмецк. ручныя машины.
Машины для плиссе и плойки.
Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.
Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.
Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА

БЕКМАНЪ И К°,

устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою **Бекманъ и К°**, въ которомъ приготовляются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 863 10—4.

ВСѢХЪ МАШИНЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляетъ по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принимаетъ на себя отправу до послѣдней станціи желѣзной дороги за умѣренную коммисію.

Морицъ Вейлъ младшій. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18—5

!!НОВОСТЬ!!

Parfum „Maiglöckchen".

Чтобы нзбѣжать поддѣлокъ **обращать** вниманіе на надпись.

Lohse's Parfum „Maiglöckchen"

ИЗОБРѢТАТЕЛЯ

Gustav Lohse Parfumeur. Berlin.

46 Jägerstrasse.

Поставщика Ея Величества Императрицы Германіи. Въ флаконахъ имѣется надпись:

Gustav Lohse. Berlin

и на пробкахъ полная фирма

Gustav Lohse. Berlin.

Находится во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ. № 912 5—1

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ торговаго дома Германа Корпусъ въ СПБургѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 2 октябр. 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. [illegible] № 10.

XI годъ — № 41 — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 11 Октября 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1880 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“

Безъ доставки въ Петербургѣ	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева и Лангъ	5 р.
Съ доставкою »	5 р.	Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи	6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. города 8 руб.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1880 г. номера.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

О разсылкѣ премій „Нивы“ на 1880 годъ.

При слѣдующемъ № 42 будутъ разосланы въ картонномъ футлярѣ обѣщанныя гг. **ГОДОВЫМЪ** подписчикамъ „Нивы“ (получающимъ журналъ черезъ почту) **ПРЕМІИ**—двѣ печатанныя красками картины съ акварелей придворнаго художника М. Зичи. Содержаніе картинъ взято изъ поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ“.

1) **Пляска Тамары.**

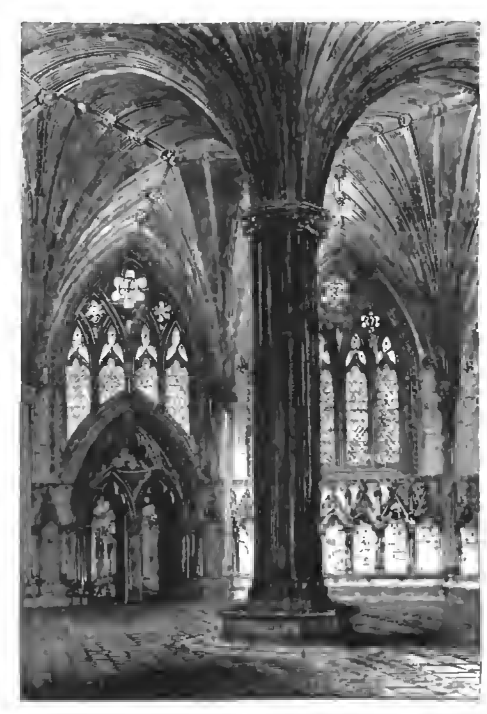
2) **Тамара, оплакиваемая родными.**

Въ случаѣ неполученія кѣмъ либо при № 42 такого футляра съ преміями, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ полученіемъ № 43 „Нивы“.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки въ Петербургѣ или Москвѣ, будутъ выданы эти преміи при № 42 въ той конторѣ или магазинѣ, черезъ которые они получаютъ „Ниву“.

Соборъ въ г. Уэлльсѣ въ графствѣ Соммерсетъ въ Англіи. Внутренній видъ.

Соборъ въ г. Уэлльсѣ въ графствѣ Соммерсетъ въ Англіи. Внутренній видъ.

Уэлльскій соборъ

Красивый, живописно расположенный городъ Уэлльсъ, имѣющій всего до 8,000 жителей—это довольно промышленный, съ фабриками и заводами городокъ—лежитъ въ Сомерсетскомъ графствѣ, въ девятнадцати миляхъ къ юго-западу отъ извѣстнаго пункта морскихъ купаній,. Бата (Béth); неподалеку же—въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него находится и Глэстонбери, гдѣ нѣкогда высилось аббатство того же имени, и съ которымъ связаны легенды о королѣ Артурѣ и королевѣ Гиневрѣ. Знаменитый историческій Уэлльскій соборъ (изображенный на прилагаемомъ рисункѣ)—по красотѣ своего стиля и своимъ размѣрамъ—одно изъ замѣчательнѣйшихъ зданій этаго рода. Онъ, въ особенности, поражаетъ своею массивною величавостью. По преданіямъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, еще въ 704 г. стояла Саксонская церковь. Значительнѣйшая же часть зданія, какимъ мы видимъ его въ настоящее время, относится къ эпохѣ Генриха III. Центральная башня, несомнѣнной древности, имѣетъ 178 футъ высоты, а западный фасадъ сохранилъ въ цѣлости свои скульптурныя украшенія и статуи, въ числѣ которыхъ насчитывается 153 въ натуральную величину и около 500 меньшихъ размѣровъ. Внутренность (см. рисунокъ) храма прекраснаго готическаго стиля (въ этомъ отношеніи соборъ принадлежитъ къ числу самыхъ изящныхъ памятниковъ готики во всемъ королевствѣ) и необыкновенно грандіозна.

Уэлльскій соборъ обладаетъ, между прочимъ, однимъ изъ древнѣйшихъ остатковъ отдаленной старины—гробницей Вессекскаго короля Ина. Меньшіе рисунки изображаютъ, во всемъ великолѣпіи ихъ, двѣ главныя внутреннія части собора. Расположенный по близости епископскій дворецъ, по своей роскошной архитектурѣ, составляетъ прекрасное дополненіе къ соборному зданію и нисколько не уступаетъ подобнымъ дворцамъ другихъ епархій. Мѣстная епархія, носящая названіе „Батской и Уэлльской“, учреждена еще въ 905 г., въ царствованіе Эдуарда Старшаго. Въ числѣ епископовъ, занимавшихъ каѳедру, стоятъ такія имена какъ архіепископъ Лоудъ и кардиналъ Вольсей.

Лѣсникъ.

Разсказъ.

Б. М. Маркевича.

(Княгинѣ Софіи Михайловнѣ Голицыной).

I.

Послѣ трехгодичнаго отсутствія, весною 1873 года, Валентинъ Алексѣевичъ Коверзневъ, пріѣхалъ въ Черниговское имѣніе свое, Темный Кутъ.

Валентину Алексѣевичу было въ ту пору 36 лѣтъ; онъ былъ богатъ, здоровъ и независимъ какъ птица въ небѣ,—если только допустить, что человѣкъ вообще, и русскій въ особенности, способенъ быть независимымъ въ этой мѣрѣ...

Во всякомъ случаѣ, условія жизни его и воспитанія и его личныя свойства весьма способствовали этой независимости—составлявшей (онъ любилъ это говорить иногда) „и задачу, и сущность его существованія“.

Онъ былъ внукъ по матери одного изъ извѣстныхъ Екатерининскихъ любимцевъ, жалованнаго огромными помѣстьями на югѣ Россіи; дѣтство Коверзнева—его воспитывалъ, безо всякаго вмѣшательства и контроля со стороны его родныхъ, прямой, жесткій и отважный характеромъ англичанинъ, mister Joshua Fox—протекло частью за границей, въ Швейцаріи или Римѣ, частью въ Россіи, въ Москвѣ, въ Екатеринославскомъ имѣніи, или въ Темномъ Кутѣ, въ безбрежныхъ лѣсахъ котораго пропадалъ онъ на цѣлые дни со своимъ наставникомъ, страстнымъ любителемъ охоты. На семнадцатомъ году онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ.

Онъ кончилъ тамъ курсъ когда почти одновременно лишился отца своего и матери. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ остался одинъ, во главѣ состоянія тысячъ во сто доходу.

Эта пора его первой молодости совпала со временемъ небывалаго до тѣхъ дней возбужденія русскаго общества. Какъ птицы на зарѣ свѣтлаго дня, встрепенулись въ тѣ дни сердца, закипѣла мысль, загремѣли хоры молодыхъ, звонкихъ, часто нестройныхъ, почти всегда искреннихъ въ своемъ увлеченіи, голосовъ.

Коверзневъ остался какъ бы въ сторонѣ отъ этаго возбужденія. Строже говоря, оно затронуло его не съ той стороны, съ которой отзывалось на него большинство его однолѣтковъ... Недаромъ воспитанъ онъ былъ англичаниномъ,—чистокровнымъ англичаниномъ-реалистомъ. Ему претило все что отзывалось, или казалось ему „фразою“—„*абстрактомъ*“ и сентиментальною теоріею“, какъ выражался онъ. Онъ искренно былъ радъ, что наслѣдованные имъ пять или шесть тысячъ душъ крестьянъ перестаютъ быть его крѣпостными—онъ даже отвелъ имъ надѣлы съ неожиданною для нихъ щедростью,—но „гражданское воспитаніе“ этаго освобожденнаго народа,—о чемъ такъ много горячихъ толковъ и юношескаго гама было въ тѣ времена—нисколько не озабочивало его. „Имъ все дано, чтобы сдѣлаться *людьми*; хотятъ—будутъ, а не хотятъ—ихъ дѣло, съ какою то напускною, нерусскою холодностью говорилъ воспитанникъ мистера Фокса. Во всемъ этомъ великомъ дѣлѣ обновленія Россіи для него важнѣе всего было то, что самъ онъ, Валентинъ Коверзневъ, „переставалъ быть крѣпостнымъ“, что прежніе путы традицій, обычая, „условныхъ обязанностей“, связывавшіе до тѣхъ поръ людей „его положенія“, распадались теперь сами собой, силою всѣхъ этихъ „либеральныхъ“ реформъ, что никто теперь не станетъ принуждать его сдѣлаться конногвардейцемъ и камеръ-юнкеромъ, не „запряжетъ его въ службу“. Это понятіе *службы* Коверзневъ ненавидѣлъ чисто англійскою ненавистью: съ нимъ въ его мысли—вѣрнѣе, въ его инстинктѣ—соединялось неизбѣжно понятіе о ярмѣ, о лжи и приниженіи человѣческаго достоинства, „необходимыхъ послѣдствіяхъ подначалія“. *Чему*-бы тамъ ни служить, доказывалъ онъ, какъ бы это ни называть и во имя чего бы это ни дѣлать, а разъ *слуга*—ты уже не человѣкъ, а *рабъ*“.

Въ силу такихъ своеобразныхъ убѣжденій, Коверзневъ, сдавъ свой послѣдній экзаменъ, уѣхалъ за границу. На первый разъ онъ пробылъ тамъ пять лѣтъ.—вернулся, опять уѣхалъ... Такъ прошли многіе годы, такъ жилъ онъ и до сихъ поръ. Постоянная перемѣна мѣстъ, новыя лица, новыя впечатлѣнія, сдѣлались потребностью его существованія. Онъ то охотился на бизоновъ въ американскихъ саваннахъ, или ходилъ облавою на тигровъ въ Индіи, то пристращался къ морю, плылъ на своей яхтѣ изъ Лондона въ Египетъ, на Мадеру. Изрѣдка, всегда неожиданно, возвращался онъ въ Россію, оставаясь какъ можно менѣе въ Петербургѣ, гдѣ, онъ уже зналъ по опыту, ему, какъ богатому жениху, въ свою очередь предстояла роль звѣря, на котораго неудержимою облавою пойдетъ вся стая великосвѣтскихъ маменекъ и дочекъ...

II.

Такъ же неожиданно пріѣхалъ онъ и въ Темный Кутъ. Софронъ Артемьичъ Барабашъ, управляющій его, родомъ изъ малороссійскихъ казаковъ, но, какъ выражался онъ, „получившій свое образованіе въ Москвѣ“, гдѣ онъ, дѣйствительно, выучившись читать, писать и считать, провелъ юность свою писцомъ въ состоявшей, при матери Коверзнева, ея московской „главной конторѣ“, былъ смышленый малый, который какимъ-то верх-

нимъ чутьемъ угадывалъ „ндравъ“ барина и „попадалъ въ точку“ его вкусовъ. Онъ встрѣтилъ его. будто вчера съ нимъ разстался, безъ аханья и суеты, ниже малѣйшаго изъявленія удивленія или радости... Коверзневъ былъ очень этимъ доволенъ и—такъ какъ онъ пріѣхалъ поздно и усталъ отъ путешествія, въ какой-то скверной таратайкѣ, добытой имъ на станціи ближайшей желѣзной дороги, и въ которой пришлось ему проѣхать 70 верстъ по отвратительной, размытой осенними дождями дорогѣ—августъ былъ на исходѣ—тотчасъ же улегся спать.

Ночью прибылъ съ чемоданами его камердинеръ, итальянецъ, говорящій на всевозможныхъ языкахъ и, первымъ дѣломъ, вынувъ изъ ящика ружья Коверзнева, собралъ ихъ, прочистилъ, и уставилъ, со всѣмъ принадлежащимъ къ нимъ охотничьимъ приборомъ, на столахъ, у стѣны, въ комнатѣ, сосѣдней съ спальнею.

Коверзневъ, просыпавшійся всегда самъ, и къ которому никто никогда не смѣлъ входить безъ зова, поднялся на другой день чуть не съ зарею, совершилъ свои омовеніе и туалетъ, прошелъ въ слѣдующую комнату и почти машинально перебросивъ черезъ плечо ружье и патронташъ, направился черезъ заросшій садъ въ прилегавшую къ нему сосновую рощу.

Роща эта была саженая—и не далѣе какъ лѣтъ сорокъ назадъ. Коверзневъ помнилъ еще въ дѣтствѣ ея невысокіе, тонкіе стволы, тѣсными и стройными рядами тянувшіеся въ вышину. Все такъ же тонки и стройны стояли они и теперь въ своей тѣснотѣ, лишь на пятисаженной высотѣ начиная раскидывать кругомъ темно-иглистыя кисти своихъ суковатыхъ вѣтвей. Кое гдѣ, между соснами, такая же безупречно прямая, будто въ догонку имъ тянулась молодая береза—и еще робкіе лучи выходящаго осенняго солнца весело переливались по ихъ красной и бѣлой корѣ... Коверзневъ остановился, залюбовавшись невольно; „не то пальмовый лѣсъ, проносилось въ его головѣ, не то тѣ тысячи колоннъ Кордуанскаго собора,—тѣ же пальмы, перенесенныя арабами въ архитектуру“..,

Онъ прошелъ далѣе, прижмуриваясь и вздрагивая слегка плечами, подъ здоровымъ ощущеніемъ легкаго утренняго холода, и изрѣдка улыбаясь какою-то умильною улыбкою, подъ наплывомъ воспоминаній отрочества, которыя на каждомъ шагу вызывали въ немъ эти мѣста... За рощей начинались его лѣса, верстъ на сто въ окружности. Тамъ когда-то проводили они цѣлыя недѣли съ Фоксомъ. Во время оно, онъ зналъ тутъ каждое урочище, каждую тропинку и каждый оврагъ...

„Тутъ ближе всего на Дерюгино“, сказалъ себѣ Коверзневъ—тамъ козы водились *тогда*. И онъ повернулъ направо.

Въ разрѣженномъ воздухѣ утра до него явственно донесся голосъ:

— Это должно понимать, потому какъ вы вновѣ...

Коверзневъ повернулъ голову.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, спиною къ нему, въ сѣрой широкобортной шляпѣ и синихъ очкахъ на носу, стоялъ Софронъ Артемьичъ Барабашъ, похлопывая себя по рукѣ парою перчатокъ, которую онъ считалъ долгомъ неукоснительно держать при себѣ „для форсу“, но едва ли когда въ жизни вздѣвалъ на пальцы...

— Потому какъ вы вновѣ, повторилъ онъ еще отчетливѣе, какъ бы смакуя этотъ чисто русскій оборотъ рѣчи. (Говорить чисто московскимъ говоромъ, вклеивая при этомъ самымъ невозможнымъ образомъ первыя попадавшіяся ему на языкъ иностранныя словечки, вычитываемыя имъ въ газетахъ, составляло величайшую претензію Софрона Артемьича):—тутъ-съ, можно сказать, мужикъ коварный; сорвать съ хозяина лишнее—это то есть у него разлюбезнѣйшее дѣло. И завсегда его понимать надо. Потому сами знаете, для чего же ему лишнее, а намъ убытокъ? Это вѣдь ужь до тонкости дойдено: двадцать пять корней на срубъ—за глаза ему!

Тотъ, которому читалась эта нотація, стоялъ передъ управляющимъ, подъ деревомъ, съ непокрытой головой, жмурясь отъ солнца, ярко освѣщавшаго его плотную фигуру, щетинистые усы на выбритомъ, кругломъ лицѣ, и темные глаза подъ такими же круглыми, рѣзко очерченными бровями. Ему было, повидимому, лѣтъ подъ сорокъ. Легкая просѣдь серебрилась въ густыхъ волосахъ, подчесанныхъ, по военному, къ височкамъ. Онъ былъ въ смазныхъ сапогахъ, грубой, посконной, но чистой рубахѣ и крестьянскомъ неказистомъ кафтанѣ, подпоясанномъ ремнемъ. Но на крестьянина онъ не похожъ; Коверзневъ, еще на ходу, замѣтилъ его мужественную выправку и внимательное, нѣсколько печальное, выраженіе его глазъ, словно прикованныхъ къ синимъ очкамъ управляющаго. Въ опущенной рукѣ держалъ онъ фуражку съ военнымъ околышемъ,—и не солдатскую, а съ козырькомъ.

— Онъ на это говоритъ, послышался его голосъ въ отвѣтъ наставленію Софрона Артемьича,—онъ говоритъ что ему на *столь* и *мостъ* не хватитъ...

Господинъ Барабашъ поднялъ очки на лобъ, какъ бы для того, чтобы удобнѣе выразить всѣмъ лицомъ своимъ презрительную улыбку:

— На „столь“ и „мостъ“! повторилъ онъ:—это они здѣсь, по невѣжеству своему, замѣсто, какъ по граматикѣ *слѣдоваетъ* сказать, *потолокъ*, значитъ, и *накатъ*. Такъ на это опять вы должны...

Но въ эту минуту онъ, какъ бы нечаянно обернувшись, очутился—какъ бы нечаянно опять—на параллели медленно подвигавшагося по дорогѣ барина (зоркій управляющій еще издали, давно запримѣтилъ его). Онъ опустилъ опять очки на носъ и замолкъ, неторопливо снявъ. и тотчасъ же надѣвъ на голову шляпу.

— Накройтесь! покровительственно сказалъ онъ при этомъ своему собесѣднику, чуть-чуть кивнувъ на Коверзнева:—*они* этаго не любятъ! (самъ онъ *это* очень любилъ).

Тотъ надѣлъ фуражку и, давъ на каблукахъ полуоборота влѣво, очутился тоже на параллели Коверзнева, съ опущенными, по фрунтовому, внизъ руками и недвижно обращеннымъ на него взглядомъ.

Валентинъ Алексѣичъ приподнялъ шляпу—и покосился слегка на незнакомое лице...

— Въ Дерюгино изволите? промолвилъ искательно Софронъ Артемьевичъ, не трогаясь впрочемъ съ мѣста.

— Да... Коверзневъ пріостановился на мигъ.—Не знаете, не перевелись тамъ еще козы?

— Барабашъ вышелъ къ нему на дорогу:

— Вѣрно сказать вамъ не могу-съ, потому какъ самъ къ охотѣ пристрастія не имѣючи... А впрочемъ это сейчасъ узнать можно-съ... Капитанъ! крикнулъ онъ, не оборачиваясь.

Зовомый этой кличкою человѣкъ, двумя быстрыми, гимнастическими шагами проскочилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ разговаривавшихъ.

Софронъ Артемьичъ повторилъ ему вопросъ барина.

— Не видать-съ. По Дерюгину теперь рубка пошла; звѣрь это робкій, пугливъ... Въ Сотниково, должно полагать, коли и не совсѣмъ въ казенную пущу, перебрались. За Крусановской межей я, дѣйствительно, большаго козла...

Онъ вдругъ оборвалъ, какъ бы испугавшись своихъ лишнихъ противу того что его спрашивали словъ.

— Убили? досказалъ Коверзневъ.

„Какъ-же бы я осмѣлился“! прочелъ онъ въ недоумѣломъ взглядѣ, полученномъ имъ въ отвѣтъ.

— Нѣтъ-съ, я... ходилъ—яму отыскивалъ...

— Еще вновѣ здѣсь, а очень понятливы на счетъ границъ, поощрительно сказалъ на это управляющій?

Валентинъ Алексѣичъ еще разъ приподнялъ шляпу и двинулся съ мѣста, приглашая взглядомъ Барабаша идти за нимъ.

— Кто это? спросилъ онъ, отойдя шаговъ сорокъ.

— А это у меня—съ Покрова взялъ—лѣсникъ по Дерюгину и Крусанову.

— Вы его, мнѣ послышалось, „капитаномъ“ называли?

Софронъ Артемьичъ ухмыльнулся:

— Точно такъ-съ! Онъ и есть капитанъ настоящій.

— Что же это значитъ: „настоящій“? спросилъ Коверзневъ, не совсѣмъ понявъ.

— Въ полку, то есть это значитъ, ротой командовалъ, въ инфантеріи-съ, Валентинъ Алексѣичъ, снисходительно объяснилъ господинъ Барабашъ. „Ничего-то онъ это настоящаго про русское не знаетъ“! говорилъ онъ себѣ презрительно въ это время про барина.

— И онъ къ вамъ простымъ лѣсникомъ поступилъ?.. На какое жалованье?

— Пять въ мѣсяцъ-съ. Служилъ онъ тутъ въ Чепуровѣ, прикащикомъ у графа Клейнгельма. Отошелъ. Такъ я его по началу на испытаніе взялъ-съ...

— А на прежнемъ мѣстѣ сколько онъ получалъ?

— Говорятъ, двадцать пять. И такъ, вѣрно должно быть, потому не лжетъ никогда человѣкъ.

— Странно! сказалъ Коверзневъ.

Софронъ Артемьичъ кашлянулъ—для чего предварительно прикрылъ себѣ ротъ рукою—передернулъ очки свои и уже съ нѣкоторою таинственностью:

— Грѣшокъ за нимъ нѣкоторый есть, прошепталъ онъ.

— Какой грѣшокъ?

— На счетъ *того*-съ, меланхолически вздохнулъ Софронъ Артемьичъ и легонько щелкнулъ пальцемъ по отложному воротничку своей по модѣ сшитой сорочки.

— А!..

Настало нѣкоторое молчаніе. Коверзневъ шелъ теперь бодрымъ, широкимъ шагомъ человѣка, выходившаго пѣшкомъ чуть не весь *дальній Востокъ* Америки. Изнѣженный правитель Темнаго Кута едва поспѣвалъ за нимъ.

— Человѣкъ съ правиломъ, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ онъ опять, какъ бы извиняясь,—и въ Чепуровѣ репутацію себѣ настоящую заслужилъ, потому, окромя этой слабости, ни въ какой *морали* не замѣченъ; чистъ человѣкъ, честнѣющій. А въ полку даже очень о немъ жалѣютъ-съ, потому ихъ полкъ стоялъ тутъ, въ Стародубѣ, и многіе даже у меня офицеры очень знакомые,—первый онъ, повѣрители, нѣтъ-ли, у нихъ по полку считался; на счетъ то-ись фрунта и поведенія твердый, даже отвращеніе къ вину имѣлъ... И, можетъ, даже теперь самъ бы полкомъ командовалъ,—только случилась тутъ у него одна *манифестація*..

— Что такое?

Софронъ Артемьичъ самодовольно улыбался.

— Большая непріятность у него вышла, объяснилъ онъ.

— Да-а!.. Такъ въ чемъ же состояла эта непріятность?

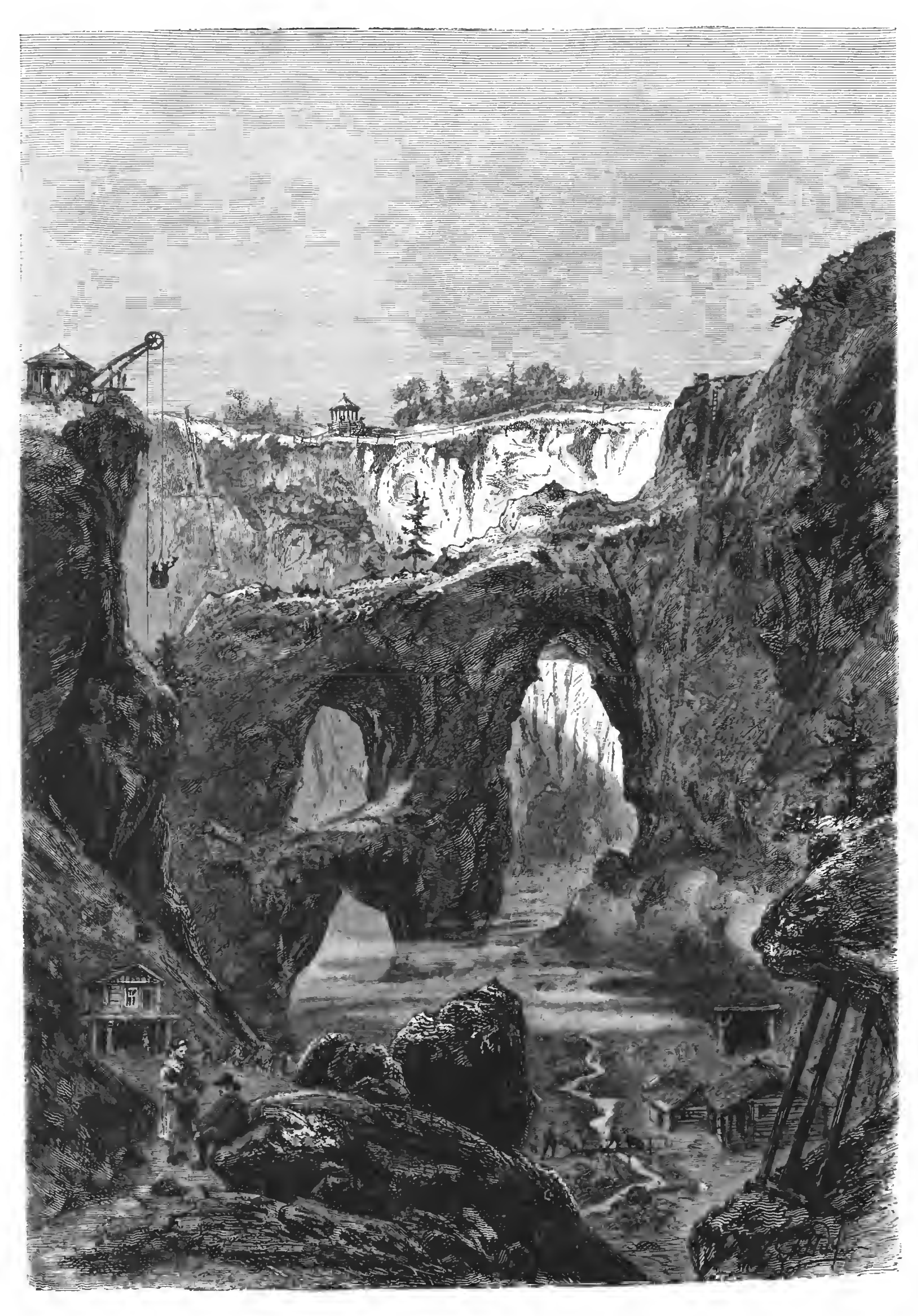
— Жена у

Академикъ Ю. Ю. Клеверъ. Съ фотогр. рис Бухбиндеръ, грав. Пуцъ

Соборъ въ городѣ Уэльсѣ въ графствѣ Сомерсетъ въ Англіи. Наружный видъ.

Даннеморскія желѣзныя руды, въ Швеціи, близъ гор. Упсала. По фотогр. грав. Шореръ.

него была, молодая, изъ полекъ-съ—и за этимъ словомъ господинъ Барабашъ цѣломудренно опустилъ очи, —и, поистинѣ сказать,—самая нестоющая женщина!.. Только онъ къ ней слишкомъ уже большую страсть питалъ, даже, можно сказать, очень глупо съ его стороны. Потому она наконецъ и вовсе покинула его, скрылась... Искалъ онъ ее, ѣздилъ, изъ полка вышелъ изъ за этого самаго,—нѣтъ, такъ и пропала, потому, говорятъ, панъ одинъ изъ Витебской губерніи за границу се съ собой увезъ... Тутъ онъ съ горя и...

— Какъ водится, по русски! процѣдилъ сквозь зубы Коверзневъ, глядя прищуренными глазами вдаль.

— А такъ точно-съ! подтвердилъ управляющій:— все съ себя до чиста спустилъ; теперь въ мужицкомъ кафтанишкѣ ходитъ, изволили видѣть.

— Вы имъ довольны? послѣ новаго молчанія спросилъ Валентинъ Алексѣичъ.

— Что дальше Богъ дастъ, а теперича окромѣ хорошаго, ничего дурнаго не могу сказать. Лѣсникъ настоящій, солидный. Теперь къ нему въ лѣсъ ни одна душа съ топоромъ не въѣдетъ,—потому у него по военному, *дисцыплина*...

— Ну, а „слабость“-же его какъ?

— По всей истинѣ доложу вамъ, я какъ на это строгъ, и онъ, какъ и прочіе служащіе, это знаетъ, только я въ бытность его у меня здѣсь, разъ всего замѣтилъ: постомъ дѣло было. Забился онъ въ свою сторожку и три дня не выходилъ...

Они тѣмъ временемъ доходили до Дерюгина; ласково помавали вершинами его старые дубы подъ рѣзвымъ утреннимъ вѣтромъ. Коверзневъ остановился еще разъ:

— Такъ вотъ что: скажите этому вашему капитану, чтобъ онъ взялъ съ собой Дениса... Что, живъ онъ еще?

— Денисъ егерь! Помилуйте-съ, въ здравіи пребываетъ! Изъ чего у насъ людямъ умирать! даже позволилъ себѣ хихикнуть по этому случаю „солидный“ г-нъ Барабашъ.

— Такъ чтобы они вмѣстѣ отправились на Ситниково, и отъ Мижуева до Крусановской межи, выслѣдили съ точностью, не перебрались ли и дѣйствительно козы въ казенную пущу. Досадно было бы! Если-жъ нѣтъ, я на дняхъ соберусь на нихъ... Народу, въ такомъ случаѣ, довольно чтобы было, *кликуновъ*...

— Слушаю-съ. Не прикажете-ли... Хотѣлъ было еще спросить управляющій...

Но баринъ уже исчезъ въ чащѣ лѣса.

III.

Коверзневъ явился домой уже къ вечеру, съ ягташемъ полнымъ дичи и порванною въ чащѣ курткою. Онъ прошагалъ въ этотъ день верстъ тридцать, не чувствуя ни усталости, ни голода—или, вѣрнѣе, пересиливая въ себѣ то и другое, и, какъ всегда, самоуслаждаясь этою „побѣдою воли надъ физическою природой“. Онъ пообѣдалъ дома, при свѣчахъ, выпилъ полбутылку портвейна, и тотчасъ вслѣдъ за обѣдомъ занялся разборомъ одного изъ нѣсколькихъ толстыхъ портфелей, привезенныхъ имъ въ Темный Кутъ. Слово *India* выгравировано было на мѣдной дощечкѣ надъ замкомъ этаго портфеля; въ немъ заключались всякія бумаги, относившіяся ко времени пребыванія Коверзнева въ этой странѣ, и дневникъ, веденный имъ тамъ въ продолженіе двухъ лѣтъ этаго пребыванія. Ему давно хотѣлось пересмотрѣть свои эти записки и привести въ порядокъ, съ цѣлью издать ихъ на французскомъ, или скорѣе еще на англійскомъ языкѣ, на которомъ, главнымъ образомъ, и ведены были онѣ. „По-русски кто ихъ читать станетъ!“ разсудилъ онъ давно... Съ этою цѣлью онъ собственно и пріѣхалъ въ Темный Кутъ, гдѣ полнѣйшее уединеніе и тишина обезпечены были ему „вѣрнѣе чѣмъ въ какихъ нибудь развалинахъ Мемфиса“...

Этотъ трудъ такъ занялъ его, что онъ ни на другой ни въ послѣдующіе дни не ходилъ на охоту, а писалъ весь день въ компатѣ, съ закрытыми съ утра ставнями —и никогда иначе не принимался за перо—при свѣтѣ двухъ спермацетовыхъ свѣчей подъ темнымъ абажуромъ. Привычки его были извѣстны и, кромѣ слуги его итальянца,—готовившаго ему и обѣдать, и какъ-то изловчавшагося подавать этотъ обѣдъ горячимъ въ какіе-бы необычные часы ни потребовалъ его Коверзневъ,—ни единая душа въ Темномъ Кутѣ и не пыталась проникнуть къ нему.

На четвертый день онъ проснулся съ нѣсколько тяжелой головой, отворилъ свои ставни и окна... Утро стояло великолѣпное и по лазуревому небу ходили облака, игра которыхъ ни въ какой странѣ міра не казалась почему-то Валентину Алексѣичу, такою красивою и разнообразною, какъ въ родной сторонѣ.

Онъ оперся локтями на подоконникъ и сталъ глядѣть...

Облака подымались какъ горы, одна другой выше, съ снѣговыми вершинами и свѣтлыми озерами, омывающими ихъ темныя подножья; зубчатая башня висѣла надъ пропастью, драконъ съ чешуйчатымъ хребтомъ тянулся, разѣвая все шире и шире бездонную пасть...

— А тамъ будто какое-то стадо готовится свергнуться внизъ, говорилъ самъ себѣ Коверзневъ невольно улыбаясь...

Фантастическое стадо напомнило ему козъ, на которыхъ собирался онъ охотиться въ Сотниковѣ. Онъ отошелъ отъ окна, позвонилъ, и вышедшему на звонъ итальянцу приказалъ позвать Барабаша.

Господинъ Барабашъ вошелъ съ замѣтно возбужденнымъ выраженіемъ въ поступи и лицѣ. Очки его были подняты на лобъ, что для подчиненныхъ его всегда служило признакомъ ближайшей распеканціи.

Коверзневъ, при видѣ этихъ поднятыхъ очковъ, почуялъ, въ свою очередь, что управляющаго его постигла, должно быть, какая нибудь неожиданная „манифестація“...

Дѣло съ первыхъ словъ объяснилось.

Приказанія Валентина Алексѣича не могли быть исполнены до сихъ поръ. Денисъ, егерь, зашибъ себѣ ногу и встать не можетъ,—а капитанъ лежитъ третій день въ лѣсу, въ своей сторожкѣ, „не въ своемъ видѣ“, и „волкомъ воетъ“. Сафронъ Артемьичъ послалъ къ нему сначала своего конторщика, а затѣмъ собственной особой отправился на увѣщаніе его, но встрѣченъ былъ самъ такими ругательствами, что, „какъ Валентину Алексѣевичу угодно, а онъ даже безъ всякой *иллюзіи* не въ силахъ этого вытерпѣть“.

— И какой онъ себѣ ни будь капитанъ, говорилъ уже съ азартомъ оскорбленный управляющій, а какъ я его, могу сказать, изъ грязи вытащилъ, потому человѣкъ до того опустилъ себя, что даже угла себѣ не имѣлъ, подъ заборами валялся, такъ, что даже его къ себѣ на квартиру никто пущать не хотѣлъ, когда изъ Чепурова выгнали его за самое за это...

Потокомъ лились теперь всѣ эти пункты обвиненія изъ разгнѣванныхъ устъ Сафрона Артемьича, совершенно позабывшаго какъ три дня назадъ рекомендовалъ онъ барину капитана „человѣкомъ съ правиломъ“.

Коверзневъ слушалъ его молча и внимательно.

— Вы его взяли, вы вольны его и отпустить, если онъ оказывается негодяемъ, сказалъ онъ,—но вы мнѣ, кажется, говорили, что онъ „солидный“, усердный и совершенно „чистый“ человѣкъ?

— Это точно, согласился сконфуженный Софронъ Артемьичъ,—а только какъ вамъ угодно...

— И говорили еще, не далъ ему продолжать Валентинъ Алексѣичъ,—что съ тѣхъ поръ какъ онъ къ вамъ поступилъ, вы его въ слабости замѣтили всего одинъ разъ?

— Разъ, постомъ, справедливо-съ... Такъ вѣдь тогда онъ смиренъ лежалъ, поспѣшилъ возразить управляющій, замѣчая по тону барина, что онъ какъ бы стоитъ на сторонѣ его обидчика,—а теперича онъ, какъ звѣрь какой, даже безъ всякой *линіи* можно, сказать... Мнѣ что-же-съ, примолвилъ Барабашъ,—въ нашей должности, извѣстно, каждый часъ долженъ ждать себѣ непріятностей, особенно когда въ тебѣ совѣсть... А только собственно что я, какъ преданный слуга вамъ и съ измальства еще маменькѣ вашей служилъ, что онѣ благодѣтельницей мнѣ, можно сказать были,—такъ, какъ вамъ угодно, Валентинъ Алексѣичъ, а такихъ словъ про васъ, какъ моего довѣрителя, никогда терпѣть не могу-съ!..

Валентинъ Алексѣичъ улыбался —все яснѣе ему припоминалась въ эту минуту мужественная фигура капитана, безъ шапки, жмурящагося отъ солнца передъ этимъ „преданнымъ слугою“ въ синихъ очкахъ...

— Оказывается, что и мнѣ при сей оказіи досталось? сказалъ онъ.—За что-же?

Невозмутимость барина глубоко огорчила Софрона Артемьича:

— Какъ вамъ будетъ угодно, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ онъ съ новымъ раздраженіемъ, — а только когда я ему на безпордонныя его, можно сказать, слова, говорю, по своей должности, что я не по своей волѣ, а барское приказаніе исполняю, чтобы онъ тотчасъ-же въ Сотниково шелъ насчетъ козъ, такъ онъ даже дозволилъ себѣ такое *неглижа*, что „я молъ на твоего барина пле....вать хочу, договорилъ, уже словно давясь отъ мерзости этихъ словъ, управляющій.

— Да, это неглижа, дѣйствительно очень откровенное! проговорилъ на этотъ разъ Коверзневъ такимъ серьезнымъ тономъ, что чуткій Софронъ Артемьичъ поймался на него—и просіялъ душою.

— У меня свидѣтели есть, Валентинъ Алексѣичь: какъ со мною былъ Спиридонъ Иванычъ и Асинклитъ сторожъ, такъ завсегда можно его къ мировому представить, поспѣшно проговорилъ онъ.

Но весьма нежданно для него, Валентинъ Алексѣичъ на предложеніе это отвѣчалъ ему слѣдующимъ вопросомъ:

— Не извѣстно-ли вамъ, по какому случаю вздумалось такъ, вдругъ, вашему капитану напиться—и одинъ онъ при этомъ пилъ, или съ кѣмъ нибудь?..

Изъ сообщеннаго затѣмъ Софрономъ Артемьичемъ оказалось, что онъ тогда-же, получивъ приказъ барина„ насчетъ козъ“, передалъ его капитану, и тотъ съ мѣста тронулся было идти въ Крусаново. Но управляющій пригласилъ его зайти съ нимъ предварительно въ контору, „забрать“ Дениса—и письмо, полученное наканунѣ въ Трубчевскѣ, на почтѣ, на его, капитана, имя. Такъ они тутъ вдвоемъ и пришли въ усадьбу. Денисъ былъ на селѣ, гдѣ онъ новую избу себѣ ставитъ. Софронъ Артемьичъ послалъ за нимъ, а капитанъ получилъ письмо свое, и съ нимъ сейчасъ и ушелъ. Посланный къ Денису вернулся часа черезъ три, съ извѣстіемъ, что старику пришибло бревномъ колѣно и что онъ двинуться не можетъ. Тогда Софронъ Артемьичъ послалъ конторщика верхомъ въ Дерюгино, найти капитана и сказать ему, чтобы онъ Дениса не ждалъ. Конторщикъ проѣзжалъ мимо его сторожки, услыхалъ, что кто-то „рычитъ“, —слѣзъ и вошелъ; глядитъ:—сидитъ на землѣ капитанъ, пустой передъ нимъ штофъ, а самъ онъ, „обѣими руками за голову взявшись, ревмя реветъ.“ Конторщикъ даже испугался и поскакалъ назадъ донести управляющему,—послѣ чего тотъ и отправился туда самъ, и „долженъ былъ выслушать тѣ слова, опосля которыхъ онъ, не желая дать замарать свою честь, какъ угодно Валентину Алексѣичу, а будетъ требовать, для впримѣра прочимъ, чтобы того *мерзавца* судья непремѣнно засадилъ...“

Коверзневъ все время слушалъ, обернувшись лицемъ къ окну и глядя на облака, на синіе просвѣты неба, сіявшаго сквозь ихъ капризно-мѣнявшіяся очертанія...

— Вотъ что, сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ,—позовите вы его ко мнѣ!

— Кого это съ? озадаченно спросилъ управляющій.

— Капитана.

— Помилуйте, Валентинъ Алексѣичъ, да онъ по сю пору не въ своемъ видѣ,—какъ это учитель у васъ французъ, когда вы маленькіе были, мусье Ляфишъ, говорилъ:—*кошонъ кошономъ* въ грязи лежитъ-съ и по сей часъ въ своей сторожкѣ.

— Ну, такъ когда онъ „въ свой видъ“ придетъ.

— Слушаю-съ! по нѣкоторомъ молчаніи, выговорилъ Софронъ Артемьичъ, заключивъ изъ выраженія лица барина, что онъ не допуститъ возраженій.

IV.

На другой день утромъ, Коверзневъ просматривалъ у себя конторскія книги, когда его итальянецъ, которому предварительно отдано было имъ на это приказаніе—вошелъ съ докладомъ, что „l'uomo detto“ (означенный человѣкъ) ждетъ въ передней.

— Просите его сюда.

Дверь отворилась на половину, и въ образовавшееся узкое отверстіе, бочкомъ проскользнуло плотное туловище капитана- и тутъ-же остановилось у этой, поспѣшно замкнутой имъ за собою, двери.

Коверзневъ поднялъ глаза. Капитанъ отвѣсилъ ему почтительный поклонъ.

Онъ глядѣлъ на него спокойно и прямо,—все съ тѣмъже, очевидно привычнымъ ему, печальнымъ выраженіемъ лица, которое замѣтилъ Валентинъ Алексѣичъ при первой встрѣчѣ съ нимъ. Только лице это теперь какъ бы поопухло, и глаза были мутны. Но онъ, видимо, приложилъ все стараніе привести себя въ должный порядокъ: приглаженные къ вискамъ волосы еще лоснились отъ обливавшей ихъ воды, вѣникъ замѣтно тщательно прошелъ по его бѣдной, очень бѣдной, но акуратно заплатанной крестьянской одеждѣ; огромныя, мускулистыя руки, будто бы два красно-сизыя пятна, скрещавшіяся надъ фуражкою, которую держалъ онъ передъ собою,—были чисто вымыты...

— Садитесь! отвѣчая на его поклонъ, сказалъ Коверзневъ.

Тотъ, какъ бы безсознательно, качнулся впередъ,—но не двинулся далѣе.

— Садитесь, прошу васъ, повторилъ Валентинъ Алексѣичъ мягкимъ, но настойчивымъ голосомъ, указывая рукой на стулъ, у противоположной его собственному креслу стороны стариннаго письменнаго стола, съ изящною бронзовою отдѣлкой, за которымъ занимался онъ.

Капитанъ такъ неслышно подошелъ къ указываемому мѣсту, что Коверзневъ невольно обратилъ на это вниманіе:

— На немъ сапоги есть, и онъ ихъ даже только что дегтемъ смазалъ, подумалъ онъ,—но подошвы подъ ними—сомнительны!.. И его охватило вдругъ безконечное чувство жалости къ этому человѣку, такъ глубоко „опустившему себя“, какъ выражался господинъ Барабашъ.

Онъ неотступно слѣдилъ за нимъ взглядомъ, пока наконецъ капитанъ не рѣшился сѣсть на кончикъ указаннаго ему стула.

Но, когда онъ сѣлъ, съ опущенными глазами и судорожно комкая фуражку въ своихъ огромныхъ ручищахъ, Коверзневу на мигъ самому сдѣлалось непріятно: —я будто судить его собираюсь“, пронеслось у него въ мысли...

Онъ сталъ шумно перелистывать широкіе листы лежавшей передъ нимъ разсчетной тетради.

— У васъ непріятности вышли съ управлющимъ? сказалъ онъ, пересиливъ себя.

— Виноватъ! отвѣчено было на это такъ тихо, что онъ переспросилъ.

— Виноватъ-съ! повторилъ капитанъ.

— Не были ли вы вызваны на... на эту ссору какими-нибудь словами Барабаша, которые вы почли для себя обидными? какъ бы поспѣшилъ Коверзневъ ссудить его доводомъ къ своему оправданію.

Плечи капитана дрогнули. Понятое имъ намѣреніе— а главное, тонъ, такъ давно не слышанный имъ, добрый, участливый тонъ этихъ словъ...

— Я и не помню даже что говорили *они* мнѣ, отвѣтилъ онъ со странною улыбкою: „какое ужъ мнѣ оправданіе!“ будто говорила эта улыбка.

Въ поникшихъ глазахъ его пробѣжала искра, какъ бы отъ нахлынувшаго на него новаго, ѣдкаго, нестерпимаго чувства...

— Я несчастный человѣкъ, Валентинъ Алексѣичъ! нежданно проговорилъ онъ, внезапнымъ движеніемъ подымая ихъ на Коверзнева.

У того глаза заморгали, какъ онъ ни привыкъ владѣть собою.

— Виноватъ, позвольте спросить: какъ васъ зовутъ? промолвилъ онъ, очень упрекая себя въ эту минуту, что не спросилъ этаго ранѣе, у Барабаша.

— Отставной капитанъ Переслѣгинъ.

— Имя и отчество?

— Иванъ Николаевъ...

— Благодарю васъ!.. Вы мнѣ позволите быть откровеннымъ съ вами, Иванъ Николаичъ?

Капитанъ еще разъ взглянулъ на него: — „никакая твоя откровенность не будетъ такъ жестока какъ то что самъ я говорю“ прочелъ Коверзневъ въ этомъ взглядѣ.

Онъ продолжалъ:

— Къ этому „несчастію“, я слышалъ, привели васъ семейныя обстоятельства,— о которыхъ я не желаю, не имѣю права, спрашивать, поспѣшно примолвилъ онъ къ этому.

Переслѣгинъ, съ какимъ-то надрывающимъ, судорожнымъ движеніемъ губъ, ерзнулъ на своемъ стулѣ...

— Но вы, повидимому, не употребили всѣхъ силъ, чтобы бороться съ нимъ, говорилъ Валентинъ Алексѣевичъ; отъ душевныхъ страданій лечитъ усиленная работа, дѣло, простой, иногда физическій трудъ. Дѣло у васъ всегда подъ руками. Вы наконецъ были въ полку, командовали ротой, судьба другихъ людей зависѣла отъ васъ...

— Не въ силахъ былъ, точно-съ! послышались въ отвѣтъ будто замиравшія въ горлѣ слова капитана, —стыда своего перенести не могъ!.. И забыть... не въ состояніи... и по сей часъ! болѣзненно вырвались эти, запекавшіяся какъ бы у него тамъ, слова...

Коверзневъ слушалъ, подперши голову обѣими руками...

— Самое это, съ Сафрономъ Артемьичемъ... Письмо получилъ... пишутъ мнѣ... про нее...

Онъ не договорилъ, — глухое рыданіе вырвалось у него изъ груди.

Валентинъ Алексѣичъ поднялся съ мѣста, стараясь, по всегдашней привычкѣ, сдерживать наружное выраженіе того, что ощущалъ онъ внутренно. Онъ подошелъ къ окну. Спиною къ капитану, онъ, будто вовсе не занятый имъ, глядѣлъ въ даль, на верхушки лѣса, выглядывавшіе изъ-за отдѣлявшаго Дерюгино отъ Темнаго Кута косогора.

— Иванъ Николаичъ! сказалъ онъ, наконецъ, оборачиваясь...

Капитанъ поднялъ голову.

— Я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе, Иванъ Николаичъ?

— Слушаю-съ, твердымъ голосомъ произнесъ тотъ.

Глаза его просохли, черты приняли прежнее мужественное и спокойное выраженіе...

Коверзневъ усѣлся на прежнее мѣсто.

— Вамъ прежде всего слѣдуетъ помириться съ Барабашемъ, слегка улыбнувшись сказалъ онъ.

— Я ужъ у *нихъ* за свою глупость прощенья просилъ, промолвилъ на это такъ же твердо Переслѣгинъ.

— Вотъ и прекрасно!.. А предложеніе мое будетъ состоять въ слѣдующемъ. Здѣсь у меня, какъ вы знаете, земледѣльческаго хозяйства нѣту; земля и оброчныя статьи сданы или сдаются въ аренду на болѣе или менѣе продолжительные сроки, и управляющій мой здѣсь поэтому ничего болѣе какъ конторщикъ, имѣющій акуратно слѣдить за исполненіемъ контрактовъ и сроками платежей, и доставлять мнѣ по нимъ деньги. Барабашъ совершенно честный человѣкъ и это дѣло свое выполняетъ какъ нельзя лучше. Но у меня тутъ одно природное богатство, требующее настоящаго, раціональнаго хозяйства.

— Лѣса-съ? какъ бы подговорилъ капитанъ.

— Да. Эксплуатація ихъ производилась до сихъ поръ самымъ примитивнымъ, варварскимъ, хищническимъ образомъ. Этому давно надо положить конецъ. Я теперь въ Петербургѣ пригласилъ сюда однаго дѣльнаго таксатора, который все это приведетъ въ порядокъ. Но при этомъ мнѣ необходимо имѣть своего довѣреннаго человѣка, который могъ бы и помогать ему въ распоряженіяхъ при работѣ, да и слѣдить за тѣмъ, чтобы самыя работы не откладывались въ долгій ящикъ. Къ тому же всѣ здѣшнія дачи имѣютъ отдѣльныхъ лѣсниковъ, подчиненныхъ теперь единственно конторѣ, т. е. тому же Барабашу, который, при своихъ приходо-расходныхъ занятіяхъ и огромномъ пространствѣ лѣса, не имѣетъ— что онъ мнѣ тамъ не говори, промолвилъ съ усмѣшкою Валентинъ Алексѣичъ,—физической возможности контролировать ихъ и ѣздить и провѣрять ихъ на мѣстѣ. Изъ этаго видно, что надо всѣ отдѣльныя эти лѣсничества подчинить, какъ это и было здѣсь, при матушкѣ, надзору одного, спеціальнаго, главнаго лѣсника... И это мѣсто я желаю предложить вамъ, Иванъ Николаичъ.

— Мнѣ-съ! испуганно вскликнулъ капитанъ... Вѣки его широко были открыты и дрожь замѣтно пронимала его всего...

— Вамъ, поспѣшно проговорилъ Коверзневъ,—и увѣренъ, что этимъ я обезпечиваю себѣ надзоръ за моими лѣсами, какого лучше и самъ бы имѣть не могъ за ними, а вамъ—доставляю *отвѣтственное* занятіе—онъ подчеркнулъ это слово,—которое для *хорошаго* человѣка, какимъ я васъ считаю, можетъ служить лучшимъ отводомъ, лѣкарствомъ въ вашемъ душевномъ состояніи... Но, Иванъ Николаичъ,—Коверзневъ пріостановился на мгновеніе,—вы передъ этимъ должны мнѣ дать слово... Вы понимаете, о чемъ я васъ прошу?..

Лицо капитана все побагровѣло, грудь его высоко подымалась...

— Нѣтъ-съ, съ видимо-мучительнымъ усиліемъ отвѣтилъ онъ,—слова я вамъ дать не могу... потому уже разъ... Одно могу обѣщать вамъ, Валентинъ Алексѣичъ,—онъ вскинулъ на него свои печальные глаза— стараться буду!..

Коверзневъ помолчалъ.

— Хорошо, Иванъ Николаичъ, сказалъ онъ, подымая на него глаза въ свою очередь,—съ нынѣшняго дня я назначаю васъ главнымъ лѣсникомъ по здѣшней экономіи, съ жалованьемъ, какое получалъ бывшій въ этой должности при матушкѣ,—70 рублей въ мѣсяцъ, кажется—ну, и лошадь подъ верхъ, кормъ на нее... Вотъ видите, перебилъ себя, широко улыбнувшись Валентинъ Алексѣичъ, не давая растерянному Переслѣгину сказать слова,—я имѣю претензію угадывать людей—и въ васъ я съ перваго раза почуялъ честнаго человѣка. Тò какъ вы мнѣ отвѣтили сейчасъ, служитъ для меня подтвержденіемъ этому мнѣнію. И я беру васъ теперь безъ всякихъ условій, въ увѣренности, что, въ случаѣ вы бы не нашли въ себѣ силы побѣдить вашу... *слабость*,—вы сами откажетесь отъ вашей должности..

При царевнѣ Софіи. „Симъ креститеся!“ Ориг. рис. Зиновьева, грав. Шапонъ.

Капитанъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ—и, какъ стоялъ, опустился на колѣни передъ Коверзневымъ.

— Что вы, что вы! вскрикнулъ Валентинъ Алексѣичъ, съ невольнымъ, въ первую минуту, чувствомъ гадливости.

Но не рабское приниженіе сказывалось въ этихъ обращенныхъ на него, сіявшихъ теперь, глазахъ, въ судорожномъ движеніи, сжавшемъ на груди эти сильныя руки:

— Валентинъ Алексѣевичъ, какъ передъ Богомъ,—лихорадочно прерывался голосъ капитана,—въ первый разъ... въ первый разъ, послѣ столькихъ лѣтъ... Такія слова слышать... Вы... вы опять меня *человѣкомъ* поставили, Валентинъ Алексѣичъ!..

(До слѣдующаго №)

Изъ „Крымскихъ очерковъ“.

Близокъ день. Ужь заря золотая
По далекимъ излучинамъ горъ
Разлила, прихотливо играя,
Золотисто-пурпурный узоръ.

* * *

Сбросивъ трауръ ночнаго наряда,
Загораются юга красы,
И блестятъ на плетяхъ винограда
Серебристые перлы росы...

* * *

Изъ за дымки зыбучихъ тумановъ
Прорываясь вершиной на свѣтъ,
Окруженный семьею каштановъ
Горделиво встаетъ минаретъ.

* * *

Все полно сладострастною нѣгой,
Теплой нѣгою южнаго сна,—
Только тихо лепечетъ у брега
Изумрудная моря волна...

* * *

Сказки юга она напѣвая,
Тихо плещетъ въ прибрежную мель,—
Словно съ нѣжною лаской качая
Своего первенца колыбель...

П. Гнѣдичъ.

Страшная ночь.

(Эпизодъ изъ современныхъ событій въ Ирландіи.)

Разсказъ **Д. Ирвинга.**

— Я надѣюсь, что Артуръ не приметъ эту должность, Маргарита! проговорила, медленно устремляя глаза въ одну точку, моя молоденькая сестра Анни.

— Какую должность? спросила я съ удивленіемъ, не поднимая глазъ отъ работы.

— Должность управляющаго имѣніемъ въ Ирландіи. У меня есть предчувствіе, что случится съ вами что нибудь недоброе, если онъ туда поѣдетъ. Я не буду ни минуты покойна, если вы съ дѣтьми будете въ такомъ дикомъ мѣстѣ. Домъ такой мрачный, древній, такъ и кажется, что онъ сейчасъ развалится не смотря на свои огромныя башни и рѣзныя украшенія. Окна на половину заколочены, на половину разбиты... Нѣтъ, нѣтъ, не позволяй ты Артуру пожалуйста ѣхать туда!

— Анни, милое дитя, что съ тобою? Что ты говоришь? Проснись же. Ты все какъ будто во снѣ и все видишь что-то, и все бредишь разными глупостями. Ну, полно пожалуйста, вотъ возьми и докончи это вышиванье, я хочу, чтобы оно было готово до прихода Артура. Тебѣ не надо было бы спать днемъ, Маргарита.

— Но я не спала? возразила сестра, глядя на меня съ удивленіемъ, я и глазъ не закрывала, но я видѣла... я слышала... Это правда...

— Довольно, довольно, милая моя, прибереги свой сонъ до Артура, а я терпѣть не могу, когда мнѣ разсказываютъ сны. Это всегда какъ-то пугаетъ меня, хотя все это и пустяки.

— Хорошо. Но скажи мнѣ только одно, произнесла сестра съ какимъ-то серьезнымъ выраженіемъ въ голосѣ,—не было ли разговора о томъ, что Артуръ поѣдетъ въ Ирландію и будетъ жить въ... такомъ страшномъ домѣ съ старыми башнями и разбитыми окнами?

— Глупенькая, глупенькая ты дѣвочка, — ну можно ли теперь говорить о томъ, что Артуръ оставитъ ферму братьевъ Лозоновъ, когда онъ уже почти считается компаньономъ ихъ. Да и къ тому же, изъ всѣхъ странъ на земномъ шарѣ Артуръ терпѣть не можетъ именно Ирландію. Я разсержусь, наконецъ, Анни па тебя, если ты не перестанешь приставать съ твоими снами. Сама видишь, что до сихъ поръ ни одинъ еще не сбылся.

— Это еще не значитъ, милая Маргарита, чтобы потомъ одинъ какой нибудь и не сбылся, съ прежнею серьезностью отвѣтила Анни. Что же мнѣ дѣлать, я не могу запретить себѣ думать о чемъ думается, и видѣть и слышать разныя вещи... Ну вотъ, на тебѣ, я окончила работу. Сложи и спрячь теперь свою, Артуръ сейчасъ придетъ.

— Это правда—Артуръ, какъ многіе другіе, не понимаетъ и не видитъ никакой пользы въ „дилетантскомъ“ домашнемъ шитьѣ платья. Онъ думаетъ, право, что стоитъ только махнуть магической палочкой—и четыре шалуна наши, которые каждый день все такъ ужасно рвутъ на себѣ,—будутъ въ минуту опять одѣты во все новое. Анни, тебѣ надо пріучить Эрнеста къ мысли, что ты будешь дѣлать то же самое, когда вы будете мужемъ и женой. Пусть онъ знаетъ напередъ, что у него въ домѣ будетъ швейная машина, если, конечно, онъ не разбогатѣетъ такъ, что вамъ не надо будетъ экономничать.

Пора, однако, было приготовиться и къ встрѣчѣ мужа. Мы поспѣшно убрали комнату, потому что Артуръ терпѣть не могъ ни малѣйшаго сора, а затѣмъ я уговорила Анни сбѣгать наверхъ и пригладить свои непослушные локоны.

Оставшись одна, я, противъ воли, задумалась объ снѣ сестры Анни. Откуда могла явиться у нея мысль, чтобы Артуръ ѣхалъ въ Ирландію. Развѣ братья Лозоны могли дать ему порученіе туда? Отъ всего сердца я желала, чтобы этаго не было, потому что это разстроило бы все наше хозяйство. Мы такъ хорошо устроились въ Гэмстэдѣ; у насъ была дешевая и отличная квартира, и прекрасная гувернантка для Минни и Джесси, и превосходная школа для Уилля и Фреда, и прекрасная церковь, и отличные поставщики, и дѣла тутъ шли такъ хорошо у Артура. Братья Лозонъ имѣли обширное граверное заведеніе, въ Оксфордской улицѣ, и мужъ мой былъ ихъ главнозавѣдующимъ дѣломъ. Хозяева знали способности Артура и чрезвычайно дорожили имъ. Онъ съ своей стороны любилъ и уважалъ ихъ, въ особенности старшаго брата, м-ра Роберта Лозона и по всему можно было видѣть, что настанетъ день, когда фирма будетъ называться „Братья Лозонъ и Горингъ“.

Еще очень молодой дѣвушкой я очутилась совершенно одинокою въ Лондонѣ, куда пріѣхала, оставивъ въ одномъ изъ сѣверныхъ графствъ свою веселую, трудолюбивую семью. Я вышла за Артура. Сначала мнѣ было очень скучно проводить цѣлые дни въ уединеніи: мужъ уходилъ рано утромъ и возвращался лишь поздно вечеромъ отъ занятій. Но потомъ появилась на свѣтъ маленькая Минни, за нею еще трое дѣтей. Какъ я управлялась съ ними, не могу ужь теперь и вообразить себѣ. Помню только, что была очень рада, когда получила письмо изъ дому, что ѣдетъ сестра Анни. Она пріѣхала на время, но сразу сдѣлалась мнѣ до того необходимою, что вскорѣ Артуръ и я поняли, что не могло быть и рѣчи объ ея отъѣздѣ. Къ тому же, кажется и Эрнестъ Гамильтонъ, скоро наконецъ успѣетъ убѣдить ее не оставлять Лондона. Они, до извѣстной степени, сходились и характерами. Въ ней замѣчались нѣкоторыя странности, и онъ былъ тоже, въ своемъ родѣ довольно странный молодой человѣкъ.

Гамильтонъ былъ племянникъ Лозоновъ и, по всей вѣроятности, наслѣдникъ ихъ. Анни и Эрнестъ были еще слишкомъ молоды для вступленія въ бракъ, но на нихъ смотрѣли какъ на жениха и невѣсту. Мнѣ, однако, хотѣлось, чтобы это не было очень скоро, потому что въ сестрѣ я нашла усердную и ловкую помощницу. Хотя я была старшая, но она забрала, во многомъ, верхъ надо мной. Дѣти слушались однаго взгляда любимой „тети“.

— Что это Артуръ такъ поздно сегодня! произнесла я вслухъ, позвонивъ, чтобы принесли огня.—Какъ, однако, безпокоитъ меня этотъ сонъ Анни. Зачѣмъ ему ѣхать въ Ирландію?

— Кто это ѣдетъ въ Ирландію? спросилъ Артуръ, вошедшій незамѣтно. О чемъ это ты тутъ разговариваешь сама съ собой, моя голубушка?

— Анни, милый, видѣла глупый такой сонъ и вотъ я все думаю теперь объ немъ. Ей приснилось, что мы ѣдемъ въ Ирландію и будемъ жить тамъ въ старомъ, мрачномъ, полуразвалившемся замкѣ.

— Да и этотъ замокъ стоитъ возлѣ озера, позади его холмы, а дальше море. Такая чудная страна и такіе страшные люди тамъ! Мнѣ показалось, что они убили васъ, Артуръ?

Они подожгли этотъ старый замокъ. Вы, вѣдь, не ѣдите въ Ирландію, Артуръ? вѣдь нѣтъ? Она положила ему на плечо свою руку и заглянула въ лицо своими тихими глазами.

— Конечно, нѣтъ, моя глупая дѣвочка! Какое дѣло у меня можетъ быть въ Ирландіи. Нѣтъ, я теперь осѣдлый обитатель Оксфордской улицы и, вѣроятно, навсегда останусь въ ней. Сегодня м-ръ Лозонъ поручилъ своему повѣренному составить компанейскій актъ, который дѣлаетъ меня товарищемъ фирмы. Ахъ, да—вотъ! Но это въ самомъ дѣлѣ странное совпаденіе! Намъ сегодня заказали награвировать партію рисунковъ, изображающихъ какъ разъ такой же разрушенный, древній ирландскій замокъ, стоящій въ дикой, грандіозной мѣстности, съ озеромъ, точь въ точь какъ разсказываетъ Анни.

— Но тамъ есть двѣ четыреугольныя башни и такая массивная арка съ каменной рѣзьбой? съ живостью спросила Анна, есть тамъ деревья, большія деревья? и часть оконъ заколочена?

— Да ужъ довольно, довольно, Анни, перебилъ Артуръ,—все это ты найдешь въ каждомъ альбомѣ, гдѣ нарисованы ирландскіе или англійскіе древніе замки. Ты и твои подруги въ школѣ, вѣроятно, копировали многое множество такихъ рисунковъ и тебѣ, конечно, извѣстны всѣ эти детали—башни, входныя арки, рѣзной камень, холмы, долины, лѣса, воды и т. д. И перестала бы ты, Анни, настраивать себя такъ—это опасно! Ты сегодня какая-то странная, точно видѣла привидѣніе! Да и вамъ, Эрнестъ, не мѣшало бы смотрѣть повеселѣе, вы тоже не видѣли-ли чего?..

— Я бы согласилась лучше видѣть двадцать привидѣній, чѣмъ то, что видѣла, отвѣчала тихо Анни.

Не смотря однако на все стараніе казаться веселѣе, быть какъ всегда, она весь вечеръ была задумчива. Сначала это разстраивало меня, но потомъ мы заговорили о новомъ положеніи мужа моего, какъ товарища фирмы—я развеселилась и скоро забыла объ снѣ сестры и тревожномъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на меня.

Прошло пять лѣтъ, пять счастливыхъ лѣтъ. Сестра Анни вышла замужъ за Эрвеста Гамильтона и они уѣхали за границу.

Эрнестъ былъ слабаго здоровья и доктора отправили его лечиться. Сестра не любила часто писать, но все же отъ времени до времени, давала знать о себѣ и, особенно, справлялась о насъ. Она, по прежнему, была очень привязана къ дѣтямъ моимъ.

Дѣла шли хорошо, но теперь вся работа пала на Артура, такъ какъ Эрнестъ не могъ возвратиться, а Лозоны занимались уже далеко не съ прежнимъ усердіемъ. Состояніе наше округлялось—мы не проживали всего, что получали и я часто уже мечтала, когда мужу будетъ можно уже оставить занятія и удалиться въ какой нибудь спокойный, мирный уголокъ отдыхать отъ трудовъ.

Но въ одинъ день рушилось все! Фирма Лозонъ и Горингъ обанкротилась! Какъ ни было ужасно это извѣстіе, я не сразу поняла все значеніе его, пока Артуръ, со слезами отчаянія, не объяснилъ мнѣ, что это была—нищета. Я не боялась нужды, но меня пугала мысль о томъ, чтобы не пострадало доброе имя моего мужа. Къ счастію, однако, фирма вышла съ почетомъ изъ крушенія. Лозоны и Горингъ потеряли состояніе, но остались честными людьми, и это совершенно утѣшило моего дорогаго мужа.

Единственнымъ кускомъ хлѣба у насъ остался мой собственный доходъ въ 40 фунтовъ стерлинговъ. Мы распустили прислугу и перешли въ дешевенькую квартиру. Нѣкоторые изъ друзей Артура не забыли насъ въ новомъ положеніи нашемъ. Одинъ изъ нихъ взялся платить въ школу за Унлля, другой—за Фреда, а третій предложилъ Артуру должность управляющаго у сэра Рэдмонда Блэка, въ его имѣніи Аббейлендсъ, въ Ирландіи.

„Мѣстность эта очень отдаленная, имѣніе неустроенное и дѣла много тамъ, писалъ сэръ Рэдмондъ, но, за то, я предлагаю 500 фунтовъ стерлинговъ жалованья. Вы будете жить въ самомъ Аббейлендсѣ, гдѣ найдете для себя сколько угодно жилыхъ комнатъ. Въ имѣніи много рыбы, дичи, фруктовъ и т. д. и въ ваше распоряженіе предоставляются лошади и экипажи. Вамъ, однако, придется имѣть дѣло съ грубымъ, безпорядочнымъ и дурно настроеннымъ народомъ — ирландскими арендаторами-фермерами, которыхъ вы будете принуждены заставлять часто силой платить аренду. Впрочемъ, если въ Аббейлендсѣ надо приложить много труда, то, съ другой стороны, тамъ вы можете поправить положеніе ваше, не хуже, чѣмъ въ любомъ мѣстѣ. Необходимо терпѣніе, рѣшительность и, даже можетъ быть, мужество, но въ англичанинѣ и истинно дѣловомъ человѣкѣ эти качества не въ рѣдкость“.

— Я приму должность эту, Марта, сказалъ Артуръ. При теперешнемъ положеніи торговли, я въ Лондонѣ не найду ничего подобнаго. А 500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ въ Ирландіи, гдѣ расходы незначительны—это доходъ большой. Я поѣду, милая Марта.

— Поѣдемъ, Артуръ, куда хочешь, отвѣчала я. Какъ ни тяжело разставаться съ дѣтьми, но иначе нельзя—что же дѣлать! Надѣюсь что мы не останемся тамъ долго.

— Только поправимъ немного дѣла наши и тогда не останемся ни часу долѣе. Дай мнѣ только скопить небольшія деньги и я начну опять какое нибудь дѣло.

Артуръ немедленно написалъ, что принимаетъ должность.

Мѣсяцъ спустя, Артуръ, я, двое младшихъ дѣтей (Минни и Джесси мы отдали въ школу, такъ какъ въ той мѣстности, куда мы ѣхали, нѣтъ школы) и одна преданная служанка, бывшая у насъ няней,—тронулись въ путь въ Аббейлендсъ.

Въ прекрасный августовскій вечеръ мы подъѣхали къ замку. Онъ стоялъ на небольшомъ холмѣ, господствовавшемъ надъ окрестностями, которыя раскинулись великолѣпной панорамой. Прямо передъ замкомъ лежало озеро, а за нимъ разстилалась необъятная синева моря и казалось, будто замокъ стоитъ на мосту, переброшенномъ между ними. Это было старинное, величественное зданіе, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно запущенное. По обѣимъ сторонамъ главнаго входа возвышались двѣ огромныя четырехугольныя башни. Чрезъ подъѣздъ, подъ великолѣпной рѣзной аркой, мы вошли въ большую залу, которую слабо освѣщало пламя торфа въ громадномъ каминѣ. При нашемъ входѣ, изъ-за этаго гигантскаго камина всталъ какой-то пожилой человѣкъ и пошелъ къ намъ на встрѣчу.

— Вы—новый управляющій, мистеръ Горингъ? произнесъ онъ хотя и съ грубымъ ирландскимъ выговоромъ, но вѣжливымъ тономъ,—добро пожаловать! Поздравляю съ пріѣздомъ въ Аббейлендсъ, миссисъ, Я—Майльзъ Келли, здѣшній смотритель.

— А—а, это вы? Я слышалъ о васъ отъ сэра Рэдмонда. Надѣюсь—мы будемъ помогать другъ другу, Майльзъ, и будемъ трудиться на пользу фермеровъ и владѣльца, сказалъ ему Артуръ.

— Надѣюсь, сэръ, хотя едва ли много хорошаго тутъ вы сдѣлаете. отвѣтилъ тотъ съ мрачнымъ выраженіемъ въ голосѣ и лицѣ. Не угодно ли, милэди, взглянуть на комнаты, которыя приготовлены для васъ? Не очень-то онѣ удобны. Здѣсь развѣ только въ пору собакамъ жить, а не христіанамъ. Но мы съ женой уже постарались сдѣлать для васъ все, что могли.

— Ужъ какъ нибудь да устроимся, сказала я, оглядывая гостиную, въ которую привелъ насъ Майльзъ и которая могла бы смѣло поспорить съ любымъ магазиномъ древностей, по разнообразію и красотѣ вещей ее украшавшихъ. Здѣсь были на стѣнахъ полинялые отъ лѣтъ турецкіе ковры, стояли высокія средневѣковыя, изъ рѣзнаго дерева, кресла, висѣли рѣдкія старинныя картины и тяжелыя бархатныя занавѣси на окнахъ, въ которыхъ разбитыя мѣстами стекла были замѣнены воткнутой въ отверстія соломой, бумагой и тряпками. Въ комнатѣ былъ затхлый нежилой воздухъ. Большая зала, куда мы вошли сначала, служила столовой. Наши спальни были расположены въ томъ же этажѣ. Эта часть замка называлась западнымъ флигелемъ или „флигелемъ пріора“. Майльзъ выбралъ его для насъ. потому что считалъ его болѣе сохранившимся, чѣмъ остальныя части стараго зданія, и кромѣ того въ немъ была боковая дверь, выходившая прямо въ глухой паркъ.

Когда мы поужинали, къ намъ вошелъ Келли.

— Хорошо было бы, сэръ, еслибы вамъ удалось сдѣлать тутъ что нибудь хорошее, ввести какой-нибудь порядокъ. Боюсь что трудно будетъ. Ужъ двадцать лѣтъ какъ имѣніе совсѣмъ запущено. Управляющій, что былъ передъ вами, пробылъ здѣсь всего два дня.

— Отчего это? спросилъ я.

Майльзъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой.

— Видите ли, сэръ,—Аббейлендсъ съ давнихъ поръ принадлежалъ Линчамъ. Отецъ сэра Рэдмонда Блэка и отецъ нынѣшняго м—ра Линча были пріятели. Сэръ Блэкъ разорилъ м—ра Линча, довелъ до того, что Аббейлендсъ продали съ молотка, а молодой сэръ Рэдмондъ купилъ его. Здѣшній народъ ненавидитъ его, не можетъ помириться съ мыслью, что молодой Линчъ разоренъ Блэками и что имѣніе захвачено ими. Да и его собственные фермеры не любятъ его, потому что онъ недобрый владѣлецъ, недобрый хозяинъ. Аббейлендскіе фермеры не то чтобы не могли платить аренды,—а не хотятъ, просто не хотятъ. Не могутъ сносить того, что деньги Линча идутъ Блэку, что аренда съ Аббейлендса поступаетъ протестанту.

— Но, вѣдь, сэръ Рэдмондъ купилъ же имѣнія и имѣетъ право на аренду, сказалъ Артуръ.

— Да, сэръ, онъ купилъ, но лучше бы не покупалъ. Всякому другому владѣльцу тутъ было бы лучше, чѣмъ тому, кто довелъ до продажи Аббейлендсъ. Хоть я и служу у сэра Рэдмонда, и получаю отъ него жалованье, и работаю для него, сэръ, но надо сказать, что фермеры по своему правы. Они бы на колѣняхъ служили молодому Линчу.

— А гдѣ онъ теперь? спросилъ Артуръ.

Лицо Майльза приняло выраженіе глубокой грусти. Съ минуту онъ помолчалъ. Ему будто трудно было говорить.

— Молодой м-ръ Линчъ, сэръ, — теперь въ тюрьмѣ. Да, Маркъ-Джойсъ Линчъ д‘Аббейвилль въ тюрьмѣ. Его присудили къ 5 лѣтнему тюремному заключенію за то, что... что онъ... Онъ обвиненъ судомъ,—онъ феній! *) Вотъ что сдѣлали съ

*) Феніи—члены одного тайнаго Ирландскаго общества, образовавшагося около 1859 года и которое имѣло цѣлью отдѣленіе католической Ирландіи отъ Англіи. Борьба съ феніями велась англичанами съ ожесточеніемъ. Многіе феніи выѣхали въ Америку, въ Канаду.

Городъ Великій Устюгъ (Вологодск. губ.) Съ наброска Г. Кумнига, Рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

Новгородъ. Церковь Спаса Нередицы. Съ фотогр. Лядова, грав. М. Рашевскій.

нимъ Блэки изъ Блэквилля! Всѣ книги по хозяйству, по имѣнію—въ конторѣ и я являюсь къ вамъ завтра утромъ, когда вы пожелаете. Если на ночь поставите эту двустволку около кровати, то она вамъ нисколько не помѣшаетъ. Спокойной ночи, сэръ.

— Спокойной ночи, Келли. Фермеры, я думаю, не будутъ же, однако, убивать меня, прежде чѣмъ узнаютъ каковъ я, возразилъ съ презрительной усмѣшкой Артуръ. Да и къ тому же, зачѣмъ вы говорите о такихъ вещахъ при женѣ. Вы только напугаете ее.

— Ну ужь тутъ ничего не подѣлаешь съ этимъ, сэръ. Лэди надо привыкнуть слышать объ такихъ вещахъ, а не то ей трудно будетъ жить въ Аббейлендсѣ! отвѣчалъ Майльзъ и отдавъ почтительный поклонъ, вышелъ изъ комнаты.

Дни проходили и пока ничего враждебнаго намъ не оказывалось. Первая недѣля прошла мирно и хорошо. Артуръ цѣлые дни пропадалъ съ Майльзомъ и его сыномъ, осматривая имѣніе, объѣзжая фермеровъ и знакомясь съ положеніемъ каждаго. Я оставалась совершенно одна, общества не было никакаго. Сосѣдніе крупные владѣльцы не удостоивали своимъ посѣщеніемъ семейство управляющаго. Церковь наша находилась въ семи миляхъ на Костгардской станціи. Докторъ былъ ревностный католикъ и приверженецъ молодаго Линча, почему не хотѣлъ сходиться съ нами и, я увѣрена, что заболѣй мы, онъ не пріѣхалъ бы даже лѣчить насъ. Я, отъ времени до времени, выходила погулять съ дѣтьми и няней. Скоро я замѣтила, что всякій разъ за мной слѣдятъ какія-то фигуры, мрачныя, угрюмыя; иногда то были мужчины, въ другой разъ—женщины. Они догоняли меня и, близко проходя мимо, шептали какія-то непонятныя слова и потомъ быстро исчезали. Я обращалась къ нимъ по англійски, но они или не понимали меня, или не хотѣли понять. Хотя я была увѣрена, что слова ихъ заключали въ себѣ угрозы я, однако, не говорила о томъ ни слова Артуру, потому что видѣла, что и онъ былъ очень встревоженъ и озабоченъ. Но мужество не измѣняло ему и онъ не выказывалъ ни малѣйшаго намѣренія уступить. Онъ не боялся, не боялась тоже и я. Но съ каждымъ днемъ положеніе наше становилось все хуже и непріятнѣе. Каждое утро находили мы, приколоченныя гвоздемъ къ главному входу замка, безъимянныя письма угрожающаго характера. На иныхъ имѣлись кромѣ того еще различныя изображенія, въ родѣ гробовъ, мертвыхъ головъ, съ двумя крестъ на крестъ сложенными подъ ними костями и т. д. Во всѣхъ этихъ письмахъ мужу моему совѣтовали „убираться“ изъ Аббейвилля, если ему дороги жизнь, жена и дѣти, въ противномъ случаѣ ему грозили смертью, ему заявляли, что никогда аренда съ Аббейвилля не достанется Блэкамъ.

Артуръ обращался къ полиціи, къ ближайшимъ мировымъ судьямъ, но никто не рѣшался выступить на его защиту открыто. Тогда онъ рѣшился принять свои мѣры предосторожности и въ остальномъ возложить надежды на Бога. Но что могли мы сдѣлать, когда всѣ окружающіе были противъ насъ, каждый былъ явнымъ или тайнымъ нашимъ врагомъ. Собакъ нашихъ отравляли, лошадей портили и дѣло доходило даже до того, что у насъ, въ нашей спальнѣ, разряжали ружья мужа и Артуръ не былъ увѣренъ ни въ одной изъ винтовокъ, которыя были у насъ, надѣясь только на револьверъ, который всегда возилъ съ собой. Каждый день, каждую минуту намъ приходилось проводить въ безпокойствѣ, но при всемъ томъ Артуръ и не думалъ уступать. Онъ рѣшилъ или сломить сопротивленіе фермеровъ, или же умереть на своемъ посту.

Одинъ день,—мы уже прожили въ Ирландіи два мѣсяца—я вдругъ услыхала у воротъ шумъ подъѣхавшаго экипажа. Бросившись къ окнамъ, я увидѣла сестру Анни. Меня до того поразила неожиданность и радость видѣть ее, что я была не въ силахъ даже привѣтствовать ее.

— Ты удивлена, Марта? сказала она, но я думала, вѣдь, что вы будете довольны, если я побуду съ вами здѣсь, вотъ я и пріѣхала. А, какъ я хорошо припоминаю теперь эту мѣстность!

— А Эрнестъ?

— Эрнестъ? Бѣдный Эрнестъ умеръ!.. Прошу тебя, не говори мнѣ о немъ... слишкомъ тяжело вспоминать! Скажи же мнѣ, какъ вы живете тутъ, какъ справляетесь съ здѣшними дикарями?

— Да они не очень ужь такіе дикари, отвѣчала я, только упрямы и такъ угрюмы, Анни, а то—ничего.

Я разсказала ей о случаяхъ, бывшихъ со мной.

— Ну, воскликнула она, сверкнувъ своими большими глазами,—меня они не испугаютъ, Марта! А все же жаль, что вы пріѣхали жить сюда. На тебя смотрѣть страшно—ты постарѣла на 10 лѣтъ. Ты помнишь, Марта, мой сонъ?

— Какой сонъ, милая Анни? У тебя ихъ бывало такъ много.

— Да о старомъ ирландскомъ замкѣ. Мнѣ приснился совершенно такой же замокъ, какъ и этотъ. Отлично помню! Ну, ну, полно, не пугайся. Я вѣрно, видѣла его на какой нибудь картинкѣ. А знаешь, Марта, я привезла тебѣ подарокъ. Вотъ!

Она подала мнѣ богато отдѣланный шестиствольный револьверъ, отъ котораго я отскочила съ ужасомъ.

— Бери, бери, сказала она,—у меня есть и для себя такой же. Тебѣ надо выучиться владѣть имъ. И вотъ что мы сдѣлаемъ. Каждое утро на лугу будемъ стрѣлять въ цѣль. Ты увидишь, какое это произведетъ впечатлѣніе. Говорятъ, что вообще поселяне боятся оружія. О! они перестанутъ приставать съ своими угрозами.

Слова Анни оправдались. Послѣ нѣсколькихъ дней нашихъ упражненій, ирландцы начали далеко обходить насъ. Они боялись двухъ „бѣлыхъ дьяволовъ“, какъ они, по словамъ Майльза, насъ прозвали.

Но если не трогали меня, то Артура продолжали тревожить. Угрожающія письма получались ежедневно. Анни громко смѣялась надъ ними. Выучившись съ необычайною легкостью по ирландски, она смѣло обращалась съ энергическою рѣчью ко всякому ирландцу, который попадался намъ на встрѣчу. Храбрость ея принесла намъ большую пользу. Но не смотря на все это, Анни, въ сущности была постоянно на сторожѣ, постоянно ожидала какой нибудь опасности. Ожиданія ея сбылись.

Это случилось наканунѣ Рождества. Артуръ возвратился въ этотъ день изъ поѣздки въ ближній городъ. По дорогѣ въ него стрѣляли, въ третій разъ со времени прибытія нашего въ Аббейлендсъ. Была морозная ясная ночь, съ сильнымъ западнымъ вѣтромъ. Грустный былъ этотъ канунъ Рождества для насъ. Посидѣвъ и потолковавъ о происшествіяхъ за это время, мы разошлись.

Я уже засыпала, когда вдругъ мнѣ почудилось, что меня слегка трогаютъ за плечо.

— Марта, милая Марта, проснись! Артуръ! замокъ подожженъ!

— Подожженъ, Анни! Дѣти, дѣти!

— Они уже въ безопасности, милая. Одѣвайтесь только скорѣе, какъ можно скорѣе. Надо прыгать въ окно, корридоръ уже весь въ огнѣ и пламя быстро распространяется! Артуръ, берите ваши пистолеты! Скорѣе, скорѣе!

Но Артуръ, полуодѣтый, уже исчезъ въ дымившемся корридорѣ. Онъ бросился въ контору спасать арендаторскія книги. Я выбралась изъ дома съ помощью Анни и найдя дѣтей и няню цѣлыми и невредимыми, побѣжала искать мужа. На минуту я видѣла, какъ онъ показался въ окнѣ конторы, весь окруженный дымомъ и пламенемъ, въ слѣдующую минуту онъ уже былъ около меня, почернѣвшій, съ опаленными волосами, но—съ кипами книгъ и денежной шкатулкой въ рукахъ.

— Возьми это и береги, Марта, береги какъ жизнь! крикнулъ онъ мнѣ и снова вскочилъ въ окно, гдѣ исчезъ среди густыхъ клубовъ дыма.

Но я не хорошо помню, что произошло затѣмъ и пришла въ себя только почувствовавъ, что кто-то сильно схватилъ меня за руки и вырвалъ книги и шкатулку; но въ ту же минуту прогрохоталъ выстрѣлъ, а за нимъ раздался стонъ и отнятыя у меня вещи попадали кучей къ моимъ ногамъ. Чрезъ секунду въ окнѣ опять показался Артуръ, тащившій за собой какого-то человѣка, находившагося, повидимому, въ безсознательномъ состояніи.

Я не могла выдержать всѣхъ этихъ волненій и лишилась чувствъ...

Когда я опомнилась, я увидѣла, что лежу въ каретѣ, закутанная въ теплыя одѣяла. Артуръ поддерживалъ мою голову. Анни и дѣти сидѣли напротивъ меня, а съ козелъ раздавались голоса Майльза и няни. Мы ѣхали въ Блэквилль. Отъ Аббейлендса осталась только груда горѣвшихъ развалинъ.

— Гдѣ книги? спросила я слабымъ голосомъ, я уронила ихъ, Артуръ.

— Они спасены, милая, благодаря нашей храброй Анни, мы, слава Богу, всѣ отдѣлались безъ вреда, шопотомъ отвѣчалъ мнѣ мужъ.

— Ты не обжегся, Артуръ? я думала ты не выберешься изъ этаго страшнаго огня!

— Милая, огонь вовсе не былъ такъ близокъ ко мнѣ, какъ казалось тебѣ, меня только немного закоптило и больше ничего.

— Кого это ты тащилъ съ пожара?

— Я не знаю его и не хочу знать, кто онъ такой!

— Да, вѣдь, ты же спасъ ему жизнь, Артуръ! Можетъ быть онъ-то и поджегъ Аббейлэндсъ.

— Очень вѣроятно, но—онъ спасенъ и, милая, прошу тебя, не будемъ больше говорить объ этомъ. Понимаешь меня. Ну, мы пріѣхали въ Блэквилль. Примутъ ли они насъ къ себѣ?

Насъ приняли чрезвычайно гостепріимно. Тамъ, совершенно неожиданно, оказался и одинъ изъ членовъ семейства Блэквилль—молодой капитанъ Блэкъ, племянникъ сэра Рэдмонда, только что возвратившійся изъ похода съ своимъ полкомъ. Нѣсколько часовъ спустя, мы уже были въ теплыхъ и чистыхъ постеляхъ, засыпая съ сладкимъ чувствомъ сознанія, что опасность миновала.

Прошло еще 5 лѣтъ и мы все еще въ Ирландіи, которую не намѣрены оставлять. Въ живописной части парка, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ развалинъ Аббейлендса, расположено красивое зданіе, выстроенное въ современномъ стилѣ. Имѣніе уже перемѣнило хозяина. Рэдмондъ умеръ отъ ушиба, упавъ съ лошади и его мѣсто заступилъ капитанъ Блэкъ, или, какъ теперь

зовутъ его, сэръ Гарри, которому и принадлежитъ Блеквилль. Сестра Анни за нимъ замужемъ. Онъ полюбилъ ее и часто вспоминаетъ о мужествѣ, выказанномъ ею въ ночь пожара въ Аббейлендсѣ. Въ Блэквиллѣ живетъ тоже одинъ пожилой, угрюмый человѣкъ, у котораго одна только рука; другую ему отстрѣлила, во время пожара Аббейлендса, сестра моя, защищавшая отъ него шкатулку и книги, ввѣренные мнѣ мужемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ слѣпо преданъ лэди Блэкъ и помогаетъ ей въ саду, ходитъ за ея пони и носитъ ко мнѣ письма отъ нея. Кромѣ него, есть еще и другой—молодой, но съ бѣлыми какъ снѣгъ, волосами, и съ очень слабымъ зрѣніемъ: онъ всегда носитъ зеленые очки. Анни увѣряетъ, что онъ опалилъ себѣ на томъ пожарѣ брови и рѣсницы; этотъ молодой человѣкъ прислуживаетъ Артуру, за которымъ слѣдуетъ повсюду какъ вѣрная собака. Мы съ Анни убѣждены, что это именно тотъ самый, который поджегъ Аббейлендсъ и котораго Артуръ спасъ, рискуя собой. Народъ, съ которымъ мы сжились, совершенно перемѣнился къ намъ, показывая намъ и свою признательность и природную доброту. Мы его побѣдили. Мужа моего всѣ любятъ и уважаютъ, онъ уже не управляющій а владѣтель Аббейлендса (онъ купилъ имѣніе это) и фермеры охотно платятъ аренду, такъ какъ она идетъ больше не Блэкамъ изъ Блеквилля.

Яичная скорлупа.

Статья профессора **А. Ө. Брандта.**

Не всѣмъ читателямъ нашимъ быть можетъ извѣстно, что изученію птичьяго яйца посвящена цѣлая небольшая отрасль зоологіи, именуемая Оологіей (отъ греческихъ словъ *oon*—яйцо и *logos*—ученіе).

Чтобы понять, чѣмъ собственно въ частности занимается оологія, достаточно припомнить разнообразіе видовъ птичьихъ яицъ. Разнообразіе это и въ величинѣ, и въ формѣ, и въ цвѣтѣ и въ вѣсѣ яицъ и въ микроскопическихъ подробностяхъ строенія ихъ скорлупы и т. п. Такъ — яйцо Эпіорниса (Aepyornis maximus), исполинской страусовой породы, нѣкогда, въ незапамятныя времена, населявшей островъ Мадагаскаръ, было длиною въ 7 вершковъ, а по содержимому равнялось приблизительно 150 куринымъ. Даже яйцо африканскаго страуса, по вмѣстимости уже въ 6 разъ меньше, покажется близъ эпіорнисова, весьма скромныхъ размѣровъ. Между этими, громадной величины птичьими яйцами и величины миніатюрной, не превышающей у колибри, напримѣръ, размѣра горошины, есть множество постепенныхъ переходовъ. Какъ величина, видоизмѣняется и форма яицъ. Отъ яицъ, если выразиться „яйцевидныхъ", т. е. съ однимъ, болѣе тупымъ, и другимъ, болѣе заостреннымъ концомъ; — какъ у домашнихъ куръ, — мы встрѣчаемъ всѣ переходы къ яйцамъ правильно сфероидальнымъ съ одинаково закругленными концами (пеликаны), далѣе къ грушевиднымъ (у многихъ плавающихъ птицъ), и, наконецъ, къ почти шарообразнымъ (совиные). Не меньшее разнообразіе замѣчается и въ окраскѣ скорлупы: то она снѣжно-бѣлая, то розоватая, то синеватая или зеленоватая, нерѣдко съ бурыми или другими свѣтлыми или темными, красивыми правильными или неправильными крапинами, то однообразно темнаго, даже почти чернаго цвѣта, какъ у казуара, и т. д. Описаніе всѣхъ этихъ видоизмѣненій, конечно, само по себѣ весьма любопытно, ибо указываетъ, такъ сказать на богатство, разнообразіе и „изобрѣтательность" природы, созидающей даже въ довольно тѣсной рамкѣ тысячи варіацій. Тѣмъ не менѣе, было-бы недостаточно, если-бы оологія исчерпывалась изложеніемъ лишь однихъ признаковъ яицъ и притомъ чисто-внѣшнихъ. Сочиненія съ такимъ одностороннимъ направленіемъ, сопровождаемыя нерѣдко роскошными и дорогими атласами рисунковъ, представляютъ, въ сущности, такой-же научный интересъ, какъ альбомъ почтовыхъ марокъ. Удовлетворяя одному лишь безцѣльному любопытству, они не касаются внутренняго содержанія предмета, и такимъ образомъ изображаютъ собою какъ-бы тѣло безъ души; душа-же, содержаніе всякой науки состоитъ въ обобщеніи и въ объясненіи явленій, т. е. въ изложеніи ихъ причинъ и взаимной связи. Что и ученіе о птичьемъ яйцѣ, подобно всякой другой отрасли знанія, допускаетъ объясненія и обобщенія фактовъ, доказывается нѣкоторыми, правда весьма немногочисленными, изслѣдованіями. Сюда относятся прежде всего наблюденія, направленныя къ установленію соотношеній между окрашиваніемъ яицъ съ одной стороны и цвѣтомъ гнѣзда и окружающихъ его предметовъ съ другой, сплошь и рядомъ проявляется поразительное сходство въ окраскѣ тѣхъ и другихъ. У многихъ болотныхъ птицъ, не вьющихъ гнѣздъ, а прямо кладущихъ въ береговой песокъ яйца, онѣ до того сходны по цвѣту съ пескомъ и камушками, что ихъ трудно отличить даже совершенно вблизи. Такія яйца, несмотря на то, что лежатъ совершенно открыто, въ значительной мѣрѣ замаскированы отъ взоровъ хищниковъ. Ясно, что мы имѣемъ тутъ дѣло или съ самымъ цѣлесообразнымъ приноровленіемъ яицъ къ мѣсту обычнаго ихъ гнѣздованія, или же съ неменѣе цѣлесообразнымъ выборомъ птицами именно такихъ, подходящихъ къ цвѣту ихъ яицъ мѣстностей. Замѣтимъ, что во всякомъ случаѣ, если дѣйствительно существуетъ выборъ самими птицами мѣстности, подходящей къ яйцамъ по окраскѣ, то выборъ этотъ едва-ли можетъ быть сознательный, ибо и молодая птица, впервые собирающаяся класть яйца, не имѣя о нихъ никакого представленія, не ошибается ни въ выборѣ мѣста, ни въ выборѣ матеріала для гнѣзда. Поэтому, цѣлесообразный выборъ этотъ инстинктивенъ, унаслѣдованъ. Впрочемъ, существуетъ еще мнѣніе, что по крайней мѣрѣ одна изъ птицъ, а именно кукушка, руководствуется въ данномъ случаѣ иногда и сознательными соображеніями. Птица эта, какъ извѣстно, сама гнѣзда не вьетъ, а помѣщаетъ свои яйца по одному въ гнѣзда различныхъ мелкихъ птицъ. Послѣднія высиживаютъ ихъ вмѣстѣ со своими собственными и затѣмъ выкармливаютъ и молодую кукушку, а эта, въ благодарность, какъ болѣе сильная, отбиваетъ пищу у своихъ сводныхъ братьевъ и, наконецъ, выталкиваетъ ихъ совсѣмъ изъ гнѣзда. Кукушечьи яйца весьма мелки: въ случаѣ надобности, если гнѣздо пташекъ находится въ дуплѣ съ узкимъ входомъ, кукушка можетъ захватить свое яйцо клювомъ и такимъ образомъ просунуть его въ гнѣздо, а во вторыхъ, яйцо не слишкомъ рѣзко отличается отъ собственныхъ яицъ пріютившей его противъ воли пташки. Замѣчательнѣе всего, что пестрыя кукушечьи яйца какъ-то особенно варіируются по окрашиванію, и что кукушка, какъ увѣряютъ иные наблюдатели, снесши яйцо, переноситъ его именно въ такое гнѣздо, яйца котораго болѣе всего гармонируютъ ей по цвѣту. Если это такъ, то тутъ дѣйствительно нельзя не признать дѣйствія уже вполнѣ сознательнаго, не инстинктивнаго.

Сходство птичьихъ яицъ, по цвѣту, съ окружающими предметами, замѣчается такъ часто, что не можетъ быть разсматриваемо какъ простая случайность. По своей окраскѣ, яйца подходятъ то къ хворосту, то ко мху, то къ пожелтѣвшимъ травинкамъ, изъ которыхъ свито гнѣздо, то къ землѣ, на которую они прямо положены. Бѣлыя и очень свѣтлыя яйца сплошь и рядомъ замѣчаются у птицъ, гнѣздящихся исключительно въ дуплахъ и вообще въ потаенныхъ мѣстахъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы защитительная окраска замѣчалась во всѣхъ рѣшительно случаяхъ. Исключенія существуютъ и ихъ даже не мало, но есть-ли правила безъ исключеній? Отрицать цѣлесообразность въ окраскѣ яичной скорлупы на томъ только основаніи, что она не всегда замѣчается, значило-бы ошибочно смѣшивать между собою два различныхъ понятія: цѣлесообразность и совершенство. Цѣлесообразнымъ можетъ быть названо всякое устройство, полезное его обладателямъ, т. е. болѣе или менѣе сообразное съ данными внѣшними условіями, какъ-бы приноровленное, приспособленное къ нимъ. Тутъ вовсе не подразумѣвается совершенства, котораго, вообще, въ природѣ не существуетъ. Лишь причина существованія и воплощенія ея, то есть вся природа въ совокупности, совершенны; всякія же отдѣльныя существа и явленія не совершенны уже и потому, что недолговѣчны. Жизнь природы основана на нескончаемомъ разрушеніи и обновленіи, о чемъ мы уже имѣли случай говорить однажды по другому поводу съ читателями „Нивы" въ 1879 г. въ статьѣ „О численномъ равновѣсіи животныхъ въ борьбѣ за существованіе". Прибавимъ лишь, что природа, составленная изъ тѣлъ и явленій, безусловно совершенныхъ, была-бы мертва и неподвижна. Совершенство есть, но лишь условное, т. е. его различныя степени; а это уже не есть совершенство въ строгомъ смыслѣ слова, а цѣлесообразность.

Возвращаясь къ птичьимъ яйцамъ, мы можемъ признать въ защитительной ихъ окраскѣ явленіе рѣшительно цѣлесообразное, несмотря на то, что оно замѣчается иногда лишь въ слабой степени, а иной разъ даже и вовсе отсутствуетъ.

Остановимся теперь на другихъ особенностяхъ яичной скорлупы — на такихъ, гдѣ цѣлесообразность проявляется уже всегда и у всѣхъ птицъ безъ исключенія, а именно на химическомъ составѣ и плотности скорлупы. Яичная скорлупа, будучи составлена изъ извести углекислой или мѣла и фосфорнокислой, можетъ быть названа каменною. Она настолько тверда, что достаточно защищаетъ содержимое какъ отъ давленія высиживающей птицы, такъ и отъ разныхъ внѣшнихъ невзгодъ. Тѣмъ не менѣе она доступна для воздуха, потому что пориста, ноздревата, подобно песчанику, чрезъ который, какъ извѣстно, можно фильтровать воду. Ея чрезвычайно мелкія, для глазъ незамѣтныя, поры вполнѣ необходимы для развитія птенца. Если ихъ замазать, хотя-бы покрывая все яйцо лакомъ, то развитіе зародыша прекращается и онъ умираетъ. Смерть его происходитъ отъ удушенія; ибо нетолько птица, но и яйцо ея дышитъ, т. е. принимаетъ изъ воздуха кислородъ и отдаетъ въ воздухъ углекислоту. Это доказывается и тѣмъ, что одинаковыя съ лакированіемъ послѣдствія имѣетъ и помѣщеніе яицъ въ сосудъ, не содержащій въ себѣ въ достаточномъ количествѣ кислорода. Итакъ, въ яичной скорлупѣ весьма удачно,

скажемъ цѣлесообразно, соединены *прочность и проницаемость для газовъ*.

Быть можетъ, еще интереснѣе фактъ, который мы теперь подробнѣе разсмотримъ, а именно: твердость скорлупы не служитъ помѣхою для появленія птенца. Правда, высиживающія птицы, слыша усиленное барахтанье образовавшагося вполнѣ цыпленка и пискъ его внутри скорлупы, спѣшатъ ему на помощь и клювомъ пробиваютъ яйцо. Точно также, при искусственномъ высиживаніи яицъ въ печахъ, птицеводъ всегда старается слѣдить за наступленіемъ момента полнаго образованія цыпленка и помочь его выходу ибо иногда случайно скорлупа можетъ быть и ненормальной толщины, или цыпленокъ болѣзненно слабъ, такъ что можетъ задохнуться въ яйцѣ. Дѣло въ томъ, что непосредственно передъ своимъ рожденіемъ, цыпленокъ, или вообще молодая птичка, начинаетъ уже дышать легкими и требуетъ при этомъ, конечно, гораздо больше кислороду, нежели сколько можетъ проникнуть сквозь поры скорлупы. Однако все-же посторонняя помощь при вылупленіи птенца явленіе едва-ли нормальное; напротивъ, птенецъ справляется обыкновенно собственными силами. У него существуетъ даже особое приспособленіе къ раздробленію яичной скорлупы, а именно содержащій много твердой извести бугорокъ или зубчикъ надъ самой оконечностью клюва. Вскорѣ по вылупленіи птички бугорокъ этотъ пропадаетъ. И этого снарядца было-бы далеко недостаточно для разламыванія скорлупы, если-бъ самая скорлупа не подвергалась въ позднѣйшіе періоды насиживанія весьма цѣлесообразнымъ измѣненіямъ, а именно еслибъ не дѣлалась болѣе тонкою и ломкою. На это любопытное явленіе я и желаю обратить по преимуществу вниманіе въ настоящемъ очеркѣ.

Самый фактъ сказаннаго измѣненія скорлупы былъ извѣстенъ еще въ XVI столѣтіи *Фабрицію Аквапенденте* и ученику его, великому *Гарвею*. Уже они установили фактъ цѣлесообразности первоначальной крѣпости и позднѣйшей ломкости скорлупы, сначала защищающей птенца, а затѣмъ не препятствующей его вылупленію. Они не довольствовались простымъ указаніемъ на это явленіе, но остановились на разсмотрѣніи и его причинъ, причемъ Фабрицій приписывалъ позднѣйшую ломкость скорлупы высыханію ея отъ теплоты крови зародыша. Теперь это объясненіе не представляется вѣскимъ, ибо въ яйцѣ постоянно содержится влага, которая можетъ впитываться и въ скорлупу. Къ тому-же въ настоящее время дознано, что бо̀льшая ломкость насиженной яичной скорлупы сопряжена съ потерею въ вѣсѣ и съ утонченіемъ ея вслѣдствіе уменьшенія количества содержащейся въ ней извести. Это теперь уже опредѣлено посредствомъ многократныхъ взвѣшиваній, при которыхъ оказывается, что у любой птичьей породы по вѣсу выдутой скорлупы возможно даже опредѣлять приблизительно долго-ли данное яйцо подвергалось насиживанію.

Но почему-же утончается скорлупа во время насиживанія? Обтереться, сточиться обо что нибудь, она, конечно, не можетъ. Скорѣе стерлось-бы соприкасающееся съ нею опереніе насѣдки. Поэтому утонченіе должно зависѣть отъ перехода части извести изъ скорлупы въ содержимое яйца. Это простое умозаключеніе подтверждается химическими анализами, показывающими постепенное увеличеніе извести въ содержимомъ яйца, сообразно съ продолжительностію насиживанія. Постараемся ближе познакомиться съ этимъ интереснымъ явленіемъ. Химическій анализъ пяти свѣжеснесенныхъ куриныхъ яицъ, произведенный Груве, обнаружилъ въ содержимомъ каждаго изъ нихъ, въ среднемъ выводѣ, приблизительно лишь неполныхъ 7/100 грамма фосфорнокислой извести, тогда какъ въ содержимомъ трехъ яицъ, сиженныхъ уже дней 18 или 19, а также въ новорожденномъ цыпленкѣ, неуспѣвшемъ еще принять пищи, среднее количество той-же фосфорнокислой извести составляло уже болѣе 7/10 грамма. Такимъ образомъ количество фосфорнокислой извести содержимаго въ яйцѣ увеличивается за все время высиживанія приблизительно въ 5 разъ. Источникомъ этого увеличенія не могутъ быть другія известковыя соединенія желтка или бѣлка, потому что такихъ другихъ соединеній въ свѣжеснесенномъ яйцѣ едва лишь можно замѣтить слабые зачатки. Поэтому приращеніе фосфорнокислой извести происходитъ, конечно, на счетъ скорлупы. Переходъ извести, какъ дознано тѣмъ-же Груве, изъ скорлупы въ содержимое въ куриномъ яйцѣ, совершается въ теченіи третьей или послѣдней недѣли высиживанія.

Русская скульптура въ Спб. Акад. Худож. Актеонъ круглая статуя И. П. Прокофьева. Рис. на деревѣ Думитратій, грав. Шиблеръ.

Этотъ переходъ извести изъ скорлупы въ составъ содержимаго яйца имѣетъ впрочемъ нетолько одно то значеніе, о которомъ мы до сихъ поръ говорили, т. е. облегченіе рожденія на свѣтъ птенца, но играетъ еще другую и притомъ весьма важную роль: известь идетъ на окостенѣніе первоначально составленнаго изъ мягкаго хряща скелета зародыша. Въ одномъ скелетцѣ новорожденнаго цыпленка заключается гораздо больше углекислой и фосфорнокислой извести, нежели во всемъ первоначальномъ содержимомъ яйца. Такимъ образомъ скор-

(Продолженіе на стр. 829, 830, 831, 832 833, 834, 835 и 836).

лупа является не только защитительной обложкой содержимаго, но, подобно желтку и бѣлку—и питательнымъ матеріаломъ для зародыша. На это было указано уже въ началѣ 20-хъ годовъ англичаниномъ *Праутомъ*; то же подтвердили и въ 50-хъ годахъ знаменитые германскіе ученые *Бергманъ* и *Лейкартъ* въ очень извѣстномъ своемъ сочиненіи (писанномъ ими вмѣстѣ) „Анатомія и физіологія животнаго царства“.

Груве отказывается представить хотя-бы сколько-нибудь правдоподобное объясненіе того процесса, которымъ совершается перемѣщеніе извести изъ скорлупы въ содержимое яйца и только замѣчаетъ, что посредникомъ при этомъ процессѣ вѣроятно служитъ такъ называемая „аллантоисъ“—зародышевая плева, но чѣмъ можетъ выражаться участіе этой плевы въ процессѣ перехода — онъ себѣ не выяснилъ, хотя объ этомъ составили себѣ весьма отчетливое представленіе уже прежніе авторы. Такъ Бергманомъ высказанъ весьма раціональный взглядъ на дѣло. Постараемся изложить его понятнѣе для неспеціалистовъ.

Упомянутая плева — „аллантоисъ“—выростаетъ сначала въ видѣ пузыря изъ первоначально незамкнутой брюшной полости птичьяго зародыша. Она изобилуетъ кровеносными сосудами, которые развиваются все болѣе и болѣе, сплетаются между собою все гуще и гуще, такъ что даже вся аллантоисъ можетъ считаться какъ-бы сплетеніемъ сосудовъ. На позднѣйшихъ ступеняхъ развитія зародыша изъ аллантоиса образуется родъ чехла, окутывающаго зародышъ и плотно выстилающій кругомъ изнутри скорлупу. Ко времени вылупленія птенца аллантоисъ уничтожается. Но что это за органъ? Отвѣтъ давно извѣстенъ въ наукѣ: аллантоисъ—органъ дыханія, такъ сказать временныя легкія. Настоящія легкія въ данные періоды развитія птенца составляютъ еще плотную массу, такую-же, какъ напр. печень; въ нихъ пока еще нѣтъ воздушныхъ полостей. Лишь непосредственно передъ вылупленіемъ у птенца появляются дыхательныя движенія, т. е. расширенія грудной полости, накачивающія въ легкія воздухъ. Съ этого только момента начинается собственно усиленный притокъ къ легкимъ крови, насыщенной углекислотой. Эта углекислота поступаетъ въ полости легкихъ въ обмѣнъ на кислородъ воздуха, и выдыхается. Однако и до этого времени, — какъ уже говорено выше,—зародышъ уже дышетъ, т. е. беретъ изъ воздуха кислородъ и отдаетъ въ воздухъ углекислоту. Но тогда стѣнки легкихъ замѣняются яичной скорлупой, проницаемой для воздуха, а кровеносные ихъ сосуды сосудами плевы аллантоисъ. Для насъ, въ данномъ случаѣ важно, что насыщенная углекислотой кровь зародыша, въ сосудахъ плевы аллантоисъ приходитъ въ соприкосновеніе съ известью скорлупы. Просимъ читателей запомнить пока этотъ фактъ, къ которому тотчасъ-же вернемся послѣ самаго краткаго отступленія.

Извѣстно, что въ рѣчной и въ колодезной водѣ всегда содержится въ большей или меньшей мѣрѣ известь. Ея нѣтъ вовсе лишь въ водѣ дистиллированной, перегнанной и дождевой. Далѣе въ водѣ есть въ большей или меньшей мѣрѣ углекислота, которая отчасти берется изъ воздуха, отчасти выдыхается рыбами и другими животными, а также образуется при гніеніи органическихъ веществъ и пр. Только благодаря своей углекислотѣ, вода растворяетъ известковыя частицы, съ которыми встрѣчается въ почвѣ. При этомъ углекислая известь или мѣлъ превращается въ двууглекислую, т. е. въ соединеніе, растворимое въ водѣ. Двууглекислая известь вещество весьма неустойчивое, разлагающееся при соприкосновеніи съ воздухомъ, при испареніи воды, причемъ углекислота улетучивается, а известь осаждается. На этомъ основано между прочимъ образованіе сталактитовъ, тѣхъ известковыхъ подвѣсковъ и столбовъ, которыми украшены многія пещеры. Осажденіе углекислой извести происходитъ весьма быстро въ минеральныхъ источникахъ, богатыхъ углекислотой: освободившись изъ-подъ сильнаго давленія, которому былъ подвергнутъ въ нѣдрахъ земныхъ, газъ этотъ быстро улетучивается пузырьками, какъ изъ раскупоренной бутылки шипучаго напитка; покинутая-же имъ двууглекислая известь превращается въ нерастворимую простую углекислую известь и осаждается на дно. Букеты, корзиночки, грибы и всякіе предметы, опущенные въ подобные источники, весьма скоро покрываются сначала налетомъ, а потомъ и цѣлою корою извести и превращаются какъ-бы въ каменные. И такъ, — а это для нашего вопроса существенно,—вода содержащая въ себѣ углекислоту, при встрѣчѣ съ известью, растворяетъ ее. Это одинаково справедливо какъ для чистой воды, такъ и для воды съ газными примѣсями, а потому должно быть одинаково справедливо и для крови, основная часть которой та-же вода.

На самомъ дѣлѣ въ природѣ гдѣ есть всѣ условія для какого либо явленія, явленіе это и происходитъ неминуемо, роковымъ образомъ. Законы природы неизмѣнны. Насыщенная углекислотой кровь плевы аллантоисъ, приходя въ соприкосновеніе, черезъ пропитанныя и смоченныя влагою стѣнки сосудовъ, съ яичною скорлупою, растворяетъ часть углекислой извести этой скорлупы. Растворъ двууглекислой извести, который при этомъ получается, всасывается черезъ стѣнки сосудовъ въ кровь плевы аллантоисъ. Такимъ образомъ въ скорлупѣ все-таки есть подходящія условія для растворенія и просачиванія хотя бы только самыхъ незначительныхъ количествъ углекислой извести, объ усиленномъ же растворенiи углекислой извести конечно, не могло быть и рѣчи. И къ тому же уси-

Желѣзное дерево (Sidorodendron). Рис. Висль, грав. Гильдебрандъ.

леиное раствореніе извести скорлупы привело бы къ полному и преждевременному обнаженію зародыша, когда онъ еще нуждается въ защитительномъ покровѣ. Разъ попавшаяся во внутрь кровеноснаго сосуда частица двууглекислой извести уже въ скорлупу вернуться не можетъ, хотя бы и утратила долю своей углекислоты и превратилась въ мельчайшую мѣловую пылинку—пылинка эта увлекается кровянымъ токомъ во внутрь зародыша и при новой тамъ встрѣчѣ съ обильнымъ количествомъ углекислоты вновь растворяется.

Уносимая кровью изъ скорлупы известь отлагается по преимуществу въ костяхъ зародыша, составленныхъ, какъ уже сказано, первоначально изъ хрящевой лишь массы. Отлагается же она тутъ отчасти въ видѣ углекислой, отчасти въ видѣ фосфорнокислой извести. Послѣдняя образуется, конечно, при химическомъ участіи какихъ либо, содержащихъ фосфоръ, составныхъ веществъ зародыша; но какія это вещества—пока остается еще темнымъ.

И такъ, мы уяснили себѣ, на основаніи фактовъ и соображеній, какимъ простымъ способомъ происходитъ утонченіе яичной скорлупы во время высиживанія. Мы ознакомились и съ цѣлесообразностью этого явленія — а именно съ его пользою для образованія костей и облегченія появленія на свѣтъ птенца. Примѣръ яичной скорлупы—одинъ изъ тысячи примѣровъ, разительнымъ образомъ подтверждающихъ существованіе въ природѣ самой тѣсной связи между глубокою цѣлесообразностью и необходимостью каждой отдѣльной части созданія.

Даннеморскія желѣзныя руды.

Изъ путевыхъ замѣтокъ по Швеціи Н.

Отправляясь изъ Упсалы, этаго центра шведской интеллигенціи, мы рѣшили остановиться въ Даннеморѣ. На станціи близь замка Эрбигусъ поѣздъ стоитъ цѣлый часъ, и этотъ часъ мы употребили для обозрѣнія окрестностей. Въ этомъ замкѣ 26 февраля 1577 года умеръ Эрихъ XIV, заключенный сюда своимъ жестокимъ братомъ. Келья или вѣрнѣе темница съ небольшими рѣшетчатыми окнами гдѣ томился несчастный принцъ сохранена въ прежнемъ видѣ. Прочія же части замка съ его прекраснымъ зеленымъ паркомъ и свѣтлыми озерами уже носятъ на себѣ печать современнаго вкуса. Богатая художественная коллекція предметовъ разныхъ странъ и тѣхъ временъ, когда шведскіе полководцы возвращались изъ походовъ отягощенные добычей, указываетъ на художественные вкусы теперешняго владѣльца замка и вообще на то какъ здѣсь всѣмъ этимъ интересуются вообще знатные шведы. Каждый замокъ—цѣлый храмъ искусства, маленькій музей. Этой особенности шведовъ мы обязаны сохраненіемъ многихъ произведеній старинныхъ мастеровъ.

Приближаясь къ цѣли нашего путешествія, къ станціи знаменитаго рудника Даннеморы, мы услышали постепенно усиливающіеся какъ бы громовые раскаты. Намъ объяснили, что это взрываютъ скалы, и совѣтовали поторопиться если мы желаемъ видѣть это интересное зрѣлище вблизи. Мы уже и не стали осматривать массу разбросанныхъ здѣсь по разнымъ мѣстамъ, шахтъ и построекъ и направились прямо къ самой большой и глубокой шахтѣ. Чтобы составить себѣ какое нибудь понятіе объ этой грандіозной работѣ, нужно перенестись воображеніемъ въ сказочныя времена и представить себѣ гигантовъ, которые кидались скалами и горами, и играли ими какъ мячиками, представить себѣ, что они выхватили нѣсколько скалъ этой каменистой мѣстности, чтобы устроить гробницу одному изъ умершихъ собратій. Рудникъ Даннемора однако дѣло рукъ человѣческихъ. Громаднымъ четыреугольникомъ въ 200 саженъ длины и 50 ширины простирался онъ передъ нами. Я чувствовалъ головокруженіе, заглянувъ въ его бездонную глубину; голубой туманъ отъ взрывовъ, носился внизу между темными стѣнами. Вдругъ камни дрогнули подъ нашими ногами и мощный ударъ, повторенный гигантскими желѣзными скалами, потрясъ воздухъ. Это былъ взрывъ руды пороховой миной.

Товарищъ мой вычислилъ, что глубина шахты равняется 60 саженямъ. Когда разсѣялся дымъ, мы могли разсмотрѣть работы въ самой шахтѣ. Люди, двигавшіеся тамъ, казались такими крошечными! Несмотря на то, что день былъ ясный и солнце стояло высоко, внизъ, въ глубину, не проникалъ ни одинъ лучъ, все тамъ покоилось въ сырой туманной тѣни. Удары молотовъ и визгъ буравовъ достигали до насъ въ видѣ какъ бы гармоническаго звона громадныхъ колоколовъ.

Не смотря на сильное головокруженіе я не могъ противиться искушенію—и спустился внизъ. Однако мы не рѣшались воспользоваться лѣстницами, ведущими съ уступа на уступъ—онѣ были связаны и утверждены желѣзными крючьями и огромными скобами. Мы предпочли спуститься въ одной изъ бочекъ для подъема руды. Спускъ занялъ минутъ десять. И мы очутились внизу. Тутъ намъ представились по всѣмъ направленіямъ богатыя металлическія жилы, штольни и шахты, изъ мрачныхъ пастей которыхъ появлялись и тамъ исчезали рудокопы съ своими тачками. Въ мѣстахъ гдѣ была уже выбрана вся руда, образовались странныя углубленія, простѣнки, ниши, куполы и своды, которые въ своемъ живописномъ разнообразномъ соединеніи напоминали развалины какихъ то циклопическихъ построекъ сказочныхъ временъ. Тутъ же виднѣлись хижины, дома, сараи, и водосточныя канавы.

Удивительно, что удары достигавшіе къ намъ на верхъ, какъ звуки колоколовъ, здѣсь производили обыкновенное впечатлѣніе ударовъ молотовъ въ любой кузницѣ.

Руда, добываемая изъ этаго рудника и другихъ, даетъ отъ 45 до 70 процентовъ сыраго желѣза, которое считается лучшимъ въ Европѣ. Англичане берутъ исключительно это желѣзо для своихъ сталелитейныхъ фабрикъ и еще недавно, ежегодно вывозили среднимъ числомъ до 1,500,000 пудовъ, причемъ, кромѣ того въ Швеціи потреблялось отъ 300 до 450,000 пудовъ. Общій застой въ дѣлахъ въ послѣдніе годы не остался и здѣсь безъ вліянія, такъ что часть работъ должны были пріостановить. Теперь работаютъ только въ двадцати шахтахъ.

Руда, для облегченія перевозки ея, размельчается тутъ же въ Даннеморѣ въ литейныхъ и кузняхъ и затѣмъ погружается на воза. Тутъ же около шахтъ устроены громадные насосы для выкачиванія воды, просачивающейся сюда изъ близлежащихъ озеръ. Помѣщенія завѣдующихъ работами и рабочихъ неподалеку. Здѣсь установился обычай, что каждая рабочая семья получаетъ домикъ съ сараемъ на двѣ коровы и небольшимъ садикомъ. Въ этомъ помѣщеніи семья эта и остается пожизненно, даже если члены ея и становятся неспособными къ работѣ. Домики эти, не смотря на скучное однообразіе ихъ архитектуры, расположены очень живописно между буками и дубами, и производятъ пріятное впечатлѣніе особенно необыкновенною чистотою.

Этотъ обычай, достоинъ подражанія. Онъ введенъ барономъ Гееромъ, еще въ началѣ XVII вѣка на здѣшнихъ рудникахъ. Настоящій владѣлецъ большей части рудниковъ, также баронъ Гееръ.

Люди въ продолженіи пяти вѣковъ имѣли время устроить этотъ рудникъ, но иногда природа, противъ ихъ воли и желанія способствовала его разрушенію. Вначалѣ здѣсь было нѣсколько большихъ шахтъ, которыя постепенно обваливались, такъ что наконецъ стѣны рушились сами. Вода также подтачивала шахты. Въ настоящее время гранитная дамба, защищаетъ рудникъ отъ потопленія ея озерами.

Толстые пледы и тѣ не могли насъ защитить отъ сырости и холода въ шахтахъ—и мы поторопились подняться на верхъ на свѣтъ Божій...

Къ рисункамъ.

Академикъ Ю. Ю. Клеверъ.

Читатели наши давно знакомы съ именемъ этаго талантливаго художника. На страницахъ „Нивы“ неоднократно помѣщались копіи съ его картинъ. Не такъ давно въ № 15 настоящаго года была помѣщена его «на островѣ Наргенѣ», и другія картины, писанныя, какъ и его извѣстная «Лѣсная глушь» подъ впечатлѣніемъ интересной поѣздки его въ 1879 году на уединенный и оригинальный островокъ, такъ мирно живущій собственною жизнью, далекою отъ мірскихъ треволненій и событій, среди бушующихъ морскихъ валовъ и своихъ дремучихъ, заглохшихъ лѣсовъ. Слишкомъ извѣстны Клевера—и «Зимній закатъ надъ кладбищемъ» и «Зима» и «Заря» и «Первый снѣгъ» и „Дѣвственный лѣсъ“ произведшая такое впечатлѣніе на Берлинской выставкѣ, о чемъ мы говорили въ № 39.

Юлій Клеверъ, старшій сынъ ст. сов. Ю. В. Клевера, родился въ Дерптѣ 19-го Января 1850 г. и тамъ же воспитывался. Въ 1866 г. окончивъ курсъ въ Дерптской гимназіи, Клеверъ поступилъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ, гдѣ довольно долгое время занимался архитектурой, занятіе, которое однако года два спустя, онъ оставилъ и, слѣдуя своему призванію, занялся исключительно живописью. Вскорѣ, т. е. въ 1870 году, будучи еще ученикомъ профессора Воробьева, Клеверъ уже получилъ двѣ серебряныя медали, большую и малую. Въ 1871 году онъ выставилъ въ Академіи первую свою картину «Заброшенное кладбище зимою», которая была пріобрѣтена графомъ Строгановымъ.

Въ 1872 г. Вел. Княгиня Марія Николаевна пріобрѣла его небольшую картину «Закатъ» и въ томъ же году его «Вечеръ въ Лифляндской деревнѣ» была послана Академіей на Вѣнскую Всемірную выставку.

Въ 1874 г., въ Обществѣ Поощренія Художниковъ Клеверъ

устроилъ первую выставку исключительно своихъ произведеній; большая картина его „Лѣсная глушь“ тогда поступила въ собственность г. Третьякова и увезена въ Москву. Въ 1875 году отъ Общества Поощренія Художниковъ, Клеверу была выдана первая премія за картину „Запущенный паркъ“ (собственность издателя „Нивы“) сдѣланную на конкурсъ и въ 1876 году тѣмъ же Обществомъ выдана 2-ая премія за картину „Русская весна“ тоже писанную на конкурсъ, которая и была пріобрѣтена графинею Канкриной. Въ томъ же году стала собственностью Государя Императора картина „Березовый лѣсъ“. За эти двѣ послѣднія картины Клеверъ получаетъ уже званіе классного художника первой степени.

Зимою 1876 года, въ Обществѣ Поощренія Художниковъ состоялась вторая выставка произведеній Клевера, изъ 10 картинъ и 30 этюдовъ. Все это въ то время было раскуплено. Въ 1878 году, за картину „Паркъ въ Маріенбургѣ“, Клеверъ получилъ званіе академика; произведеніе это пріобрѣтено г. Терещенко. Картина эта „Паркъ“ въ томъ же году была отправлена на Всемірную Парижскую Выставку. Въ 1879 году на Акад. Выставкѣ собственностью Его Величества стала новая картина Клевера „Лѣсъ зимой“ и Великаго Князя Константина Константиновича картина „Ночь“. Лѣтомъ 1879 года Клеверъ, какъ мы говорили выше, ѣздилъ съ извѣстнымъ нашимъ артистомъ Самойловымъ на островъ Наргенъ, и результатомъ этой поѣздки было 5 картинъ, изъ которыхъ одна „Лѣсъ на о. Наргенѣ“, была пріобрѣтена Третьяковымъ, а другая—„Островъ Наргенъ“ (копія съ которой была помѣщена въ № 15 „Нивы“) Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Мы перечислили главныя работы нашего художника. Радушный и блестящій пріемъ, сдѣланный произведеніямъ Клевера въ Берлинѣ, (о чемъ мы подробно говорили въ № 39), не можетъ не радовать насъ какъ одинъ изъ новыхъ шаговъ знакомства Европы съ произведеніями русскаго искусства и намъ остается пожелать чтобы наши талантливые художники послѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру г. Клевера и не чуждались галлерей западныхъ столицъ, чтобы могли видѣть какъ двинулось наше искусство.

Теперь талантъ г. Клевера можно считать вполнѣ зрѣлымъ и опредѣлившимся. Мастерство техники, глубина поэтическаго чувства, чувства природы, во всѣхъ его произведеніяхъ—нынѣ уже получили всеобщее признаніе.

„Симъ креститеся!“

(Рис. Зиновьева. Изъ эпохи стрѣлецкихъ бунтовъ).

Неоднократно обращались мы къ этой интересной эпохѣ, полной движенія, тревожной эпохѣ стрѣлецкихъ бунтовъ. Въ прекрасномъ романѣ Вс. С. Соловьева „Царь-Дѣвица“, помѣщенномъ въ прошломъ году въ „Нивѣ“, въ яркихъ и живыхъ образахъ очерчено это время—управленія царевны Софіи. Читатели наши конечно помнятъ это талантливое произведеніе. По этому мы ограничимся здѣсь лишь религіозной стороной движенія.

Извѣстно, что кромѣ причинъ политическихъ, кромѣ того, что разныя партіи пользовались волненіями для своихъ цѣлей, были этимъ движеніямъ еще причины религіозныя. Исправленіе богослужебныхъ книгъ суровымъ патріархомъ Никономъ (1654 г. при Алексѣѣ Михаиловичѣ) положило начало расколу. Расколъ проникъ во всѣ классы русскаго народа. Лѣсныя чащи наполнились хижинами и шалашами отщепенцевъ отъ господствующей церкви. Во многихъ мѣстахъ образовались монастыри или скиты раскольничьи—низовья Дона и Днѣпра, берега Волги, даже Сибирь наполнились раскольниками. Отвергая новыя исправленія, утвержденныя Соборомъ при Никонѣ, старообрядцы признавали истинными и священными только старыя книги и иконы, которыя и пріобрѣтали, не щадя ни денегъ, ни трудовъ. Въ духѣ крайней нетерпимости и исключительности, былъ и ихъ катихизисъ—основанія ихъ ученія. Разныя секты имѣли одно общее: заклятую вражду противъ православія и признающей его власти. Прямаго участія раскольниковъ не видно въ переворотахъ, передавшихъ власть въ руки царевны Софіи, но сношенія съ ними несомнѣнно были. Ей не была нужна вся эта опасная масса недовольныхъ, — ей нужно было, чтобы главы раскола ей сочувствовали, благодаря ея обѣщаніямъ. Князь Иванъ Хованскій былъ послѣдователь раскола, и имѣлъ въ Москвѣ молельню. Раскольники воспрянули. Учителя и проповѣдники раскола явились въ Москвѣ, гдѣ Хованскій и стрѣльцы радостно ихъ приняли.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся учителей раскола, былъ знаменитый Никита, по прозвищу „пустосвятъ“. Энергическій, умный, обладавшій даромъ увлекательнаго краснорѣчія, суровый и фанатическій, онъ открыто проповѣдывалъ на улицахъ Москвы. Толпы стрѣльцовъ и народу шли за нимъ. „Постойте православные! говорилъ онъ, за истинную вѣру—гибнетъ вѣра на Руси и во всей землѣ!“ Правительство бездѣйствовало. То было время страшной анархіи на Москвѣ. Царевна еще не осмотрѣлась. Дерзость раскольниковъ грозила новыми бунтами.

На рисункѣ Зиновьева изображена сцена появленія Никиты на крыльцѣ, послѣ знаменитаго диспута, состязанія въ Грановитой палатѣ. Это состязаніе московскаго духовенства съ первоучителями раскольничьими кончилось, какъ извѣстно, страшнымъ безпорядкомъ. Среди шума и гама вломившихся въ палату раскольниковъ, изъ коихъ многіе были не трезвы—сидѣли юные цари. „Мы пришли утвердить вѣру! властно говорилъ Никита. Онъ подалъ царямъ челобитную, которую начали громко читать. Никита поджигалъ народъ воззваніями и ругалъ патріарха. Пренія были конечно невозможны. Какія ни приводилъ патріархъ доводы къ убѣжденію, никто ихъ не хотѣлъ слушать. Раскольники вышли еще шумнѣе изъ царскихъ палатъ, чѣмъ вошли. Высоко поднявъ свои иконы, хоругви, они кричали ожидавшимъ ихъ внизу стрѣльцамъ и народу: „Мы побѣдили! Тако вѣруйте! Симъ креститеся!“

— Тако вѣруйте! Симъ креститеся! загремѣлъ съ высокаго крыльца Никита Пустосвятъ, высоко поднявъ руку, со сложенными по старовѣрческому правилу перстами. Народъ гудѣлъ на площади...

Эта послѣдняя сцена и изображена на нашемъ рисункѣ.

Городъ Великій Устюгъ.

Среди уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи Великій Устюгъ на р. Сухонѣ до сихъ поръ остается лучшимъ, наиболѣе промышленнымъ, даже не уступая въ этомъ отношеніи своему губернскому городу. Великій Устюгъ одинъ изъ старѣйшихъ городовъ нашего Сѣвера, существующій уже болѣе 700 лѣтъ.

Какъ извѣстно, городъ основанъ еще въ началѣ XIII вѣка а именно около 1212 года Устюжане начали переселяться изъ города Гледене на лѣвый берегъ Сухоны—на мѣсто нынѣшняго города, гдѣ былъ посадъ, называвшійся „Чернымъ Прилукомъ“. Устроивъ здѣсь поселеніе, жители огородились крѣпкимъ городомъ, чтобъ оборониться отъ сосѣднихъ враждебныхъ племенъ, изъ которыхъ особенно были опасны и безпокойны камскіе болгаре.

Послѣдующая исторія Устюга тѣсно связана съ исторіей нашего сѣвера вообще, а что значеніе его и сила были велики, это доказывается уже даннымъ ему названіемъ Устюга Великаго. Устюжскій лѣтописецъ отмѣчаетъ съ полною точностью всѣ бѣдствія, даже сильныя грозы и дожди, пронесшіяся надъ его роднымъ городомъ, разсказываетъ иногда о подвигахъ совершенныхъ его соотчичами на пользу и славу родины. Такъ въ раннюю эпоху Устюжане служили вѣрой и правдой своимъ князьямъ и ходили съ ними противъ Болгаръ-Двинянъ и Татаръ, а въ удѣльный періодъ играли дѣятельную роль въ княжескихъ междоусобицахъ.

Въ 1406 году царь Казанскій Мешутехъ, послалъ противъ Устюга дружину въ 700 человѣкъ, которая подойдя къ городу, уже успѣла зажечь его, но устюжане защищались храбро и отчаянно, и отбивъ татаръ, принудили ихъ заключить миръ. Въ XVI вѣкѣ Великій Устюгъ неожиданно получилъ огромное торговое значеніе: въ 1553 году появились въ устьѣ Сѣверной Двины корабли англійскіе, голландскіе и нѣмецкіе для начала торговли съ московскимъ государствомъ и Устюгъ гостепріимно принялъ отважныхъ мореплавателей, отведя для нихъ особую слободу въ мѣстности до сихъ поръ извѣстной подъ именемъ „Нѣмчинова ручья“.

Самымъ труднымъ и заботнымъ временемъ для Великаго Устюга, какъ и для остальной Руси, была печальная эпоха самозванцевъ и междуцарствія. Всѣ сѣверные города до 1608 года, послушные требованіямъ законнаго правительства послали войска противъ самозванцевъ; душею всѣхъ дѣйствій являлись Устюжане и Строгоновъ Сольвычегодскій приносилъ все, что могъ въ казну и вообще пожертвованія сѣверныхъ городовъ были значительны; такъ одинъ Устюжскій Архангельскій монастырь съ 1607 г. по 1610 г. пожертвовалъ на государственныя нужды 2620 рублей. По тогдашней цѣнности рубля это была значительная сумма.

Въ XVII вѣкѣ Великій Устюгъ подвергся нападенію поляковъ; 25 января 1613 года польскія банды пришли къ Устюгу изъ Холмогоръ и начали поджигать его, но были отражены воеводою Пушкинымъ. Наконецъ усилія всѣхъ городовъ русскихъ получили полный успѣхъ по избраніи царемъ Михаила Өеодоровича Романова. Но послѣ того на сѣверѣ нашего отечества продолжались еще нѣсколько лѣтъ грабежи и разбои, производимые казаками и разными бродягами.

Въ началѣ 1780 года учреждена Устюженская область, причисленная къ вологодскому намѣстничеству и въ то же время въ Устюгѣ были построены присутственныя мѣста. Въ 1797 же году Великій Устюгъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Вологодской губерніи. Нынѣ въ Устюгѣ до 8000 жителей, при чемъ преобладающее населеніе—торговое и промышленное. Здѣсь производится полотно, работа чернью по серебру и кромѣ того всякаго рода желѣзныя издѣлія, изъ которыхъ, особенно славятся здѣшніе топоры. Выдѣлка щетины занимаетъ въ Устюгѣ также не мало рукъ и вообще промышленныхъ и торговыхъ заведеній здѣсь значительно болѣе нежели въ Вологдѣ. Обиліе церквей указываетъ, что прежде населенія было больше и городъ богаче, но съ упадкомъ сѣверной торговли и основаніемъ Петербурга, уменьшилось населеніе, и одни церкви остались памятникомъ прошлаго. Самый старинный, священный по многимъ религіознымъ преданіямъ, памятникъ Великаго Устюга—это Успенскій соборъ, который красиво высится надъ скромными зданіями

уѣзднаго города. Исторія Успенскаго собора тѣсно связана съ судьбами самаго Устюга; сначала деревянный, онъ много разъ дѣлался жертвою пламени, сжигаемый при нападеніи хищниковъ вмѣстѣ съ городомъ, и только въ 1619 году устюжане могли увѣковѣчить, изъ камня возстановить свою религіозную святыню.

Новгородъ. Церковь Спаса Нередицы.

На правомъ берегу р. Волховки, на красивомъ мѣстѣ, на горѣ Нередицѣ, въ трехъ верстахъ „на два поприща" отъ города бѣлѣли когда-то стѣны Нередицкаго монастыря. Мимо пролегала большая Новгородская дорога, по которой прошло столько людей за вѣка жизни Великаго Новгорода на Москву и въ другіе города. „Нередицей"—холмъ, называли потому, что стоялъ „не въ ряду", не въ чертѣ города, а нѣсколько въ сторонѣ за „Славенскимъ концомъ". Основанъ монастырь былъ княземъ Новгородскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1191 году. „Тоже лѣто заложи князь церковь камяну на горѣ, а прозвище Нередицѣ и монастырь устрои" (Новг. I, 6706).

Много разъ горѣлъ монастырь, такъ какъ едва-ли гдѣ въ древней Руси было столько пожаровъ какъ въ Новгородѣ. Половцы, Литва, Шведы, разныя покоренія и усмиренія самосудной вольницы — много при этомъ истреблялось и вывозилось изъ города дорогой утвари. Въ церкви есть древности и достопримѣчательности, напр. чаша 1602 г. и напрестольное евангеліе, пожертвованное „царицынымъ крестнымъ дьякомъ" 1686 г. и т. п. Въ половинѣ XVII вѣка монастырь упраздненъ. Оставшійся отъ XII вѣка храмъ построенъ изъ камня и большихъ кирпичей; кровля на четыре ската. Живописныя работы, судя по времени, должны были производиться подъ руководствомъ „грчина (грека) Петровича", расписывавшаго въ 1196 году церковь Новгородскихъ кремлевскихъ воротъ.

Актеонъ.

Круглая статуя И. П. Прокофьева.

Мы продолжаемъ рядъ произведеній нашей скульптуры находящеюся въ СПБ. Императорской Академіи Художествъ статуею „Актеонъ" И. П. Прокофьева. Это былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ нашихъ скульпторовъ конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. (Род. въ 1758 г. и ум. въ 1828 г.) Есть очень много его произведеній. Его лучшія работы: „Морфей", „Моисей", барельефы „Жертвоприношеніе Авраама" „Проклятіе Хама" и много другихъ произведеній, восхищавшихъ его современниковъ. Статуя „Актеонъ", находящаяся въ галлереѣ нашей Академіи Художествъ, живо напоминаетъ намъ о плодовитомъ русскомъ скульпторѣ. Прокофьевъ взялъ въ ней тотъ моментъ, когда цѣломудренная Діана превращаетъ дерзкаго Актеона въ оленя. Главными достоинствами статуи остаются ея пластическая красота и строгая, классическая правильность лѣпки, въ чемъ Прокофьевъ былъ знатокомъ и мастеромъ.

Желѣзное дерево.

(Sidorodendron triflorum).

На нашемъ рисункѣ изображено замѣчательное дерево, растущее въ Новой Гвинеѣ, и тропическихъ странахъ Азіи и Америки; кромѣ того на островѣ Мартиникѣ на горахъ. Оно замѣчательно необыкновенною твердостью древесины, (объ которую часто ломается обыкновенное остріе топора) вслѣдствіе чего и названо желѣзнымъ деревомъ. Древесина необыкновенно крѣпкая, мелкоклѣтчатая и очень красиваго блѣдно-красноватаго цвѣта. Наружный видъ его также оригиналенъ: эти, какъ бы желѣзныя, литыя, правильныя ребра ствола, мелкая красивая листва—отличаютъ его отъ другихъ деревьевъ. Цвѣты его съ длинной чашечкой въ четыре лепестка и круглыя сочныя ягоды. Этаго дерева существуетъ много породъ, изъ коихъ нѣкоторые есть, какъ мы говорили, и въ Америкѣ. Дерево это превосходно для токарныхъ работъ и легко принимаетъ лакъ и политуру и полированное чрезвычайно красиво. Издѣлія изъ него продаются по довольно высокой цѣнѣ, сообразно его высокимъ качествамъ.

Политическое обозрѣніе.

Новыя мѣры державъ противъ Турціи.—Національное движеніе въ Болгаріи и Румеліи.—Испанцы и Гибралтаръ.—Папская энциклика и Россія.

Повидимому державы серьезно рѣшились принять такія мѣры противъ Порты, которыя можетъ быть и приведутъ къ желаемой цѣли, если только будутъ примѣнены безъ колебаній и безъ послабленій. Мѣры эти, дѣйствительно, весьма энергичны и даже болѣе того. Такъ предполагается (вмѣсто демонстраціи у Албанскихъ береговъ) отправить соединенный флотъ изъ Адріатическаго моря въ Эгейское и овладѣть однимъ изъ острововъ Архипелага, а затѣмъ установить кордонъ между европейскими и азіатскими владѣніями Порты. Если этаго окажется недостаточнымъ для принужденія Порты къ уступкѣ, то тогда посланники всѣхъ державъ выѣдутъ изъ Константинополя и флотъ появится въ Босфорѣ. Наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, возможно и низложеніе султана Абдулъ-Гамида. Что касается самаго повелителя правовѣрныхъ, то здѣсь будетъ кстати сказать, что уже съ нѣкотораго времени изъ Константинополя приходятъ вѣсти о томъ, что онъ боленъ и нравственно и физически и будто бы посланники европейскихъ державъ единогласно подтвердили это въ отчетахъ своихъ. Теперь уже получено извѣстіе что наконецъ, послѣ долгихъ и упорныхъ настояній германскаго и французскаго пословъ, султанъ согласился передать черногорцамъ городъ Дульциньо и его окрестности, безъ всякихъ особыхъ условій; говорятъ, что Риза-Паша уже получилъ оффиціальный приказъ передать городъ черногорцамъ.

(Въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Нивы" мы помѣстимъ общій видъ города Дульциньо, снятый съ моря)

Подготовленіе къ великоболгарскому движенію производится, по слухамъ, весьма дѣятельно и энергично. Многія вліятельныя и оффиціальныя лица принимаютъ участіе въ организаціи движенія, причемъ правительство не вмѣшивается, но конечно и не препятствуетъ. Неустанно работаетъ центральный комитетъ и нѣтъ почти ни однаго города или села въ Болгаріи, гдѣ бы не существовало отдѣленія комитета. Все населеніе раздѣлено организаторами на три категоріи: первая состоитъ изъ платящихъ „патріотическій налогъ", вторая—изъ доставляющихъ оружіе и наконецъ третья — которая должна поставлять контингентъ національной арміи. Увѣряютъ, что въ настоящее время имѣется уже 60 тысячъ хорошо обученнаго и вооруженнаго войска, для котораго въ складахъ центральнаго комитета заготовлена уже полная обмундировка. Капиталъ же, находящійся въ распоряженіи комитета, равняется, будто бы, уже 15-ти милліонамъ піастровъ. Восточная Румелія тоже вооружается. Не смотря на распоряженія Алеко-Паши о распущеніи гимнастическихъ обществъ (учрежденныхъ нами же, русскими), онѣ не прерывали дѣятельности своей. За послѣднее время въ Восточную Румелію доставлено, чрезъ Болгарію, 16 тысячъ ружей, 11 пушекъ и значительное количество боевыхъ снарядовъ. Всѣ наиболѣе подверженныя нападенію турокъ пункты укрѣплены. Гимнастическія общества представляютъ боевую силу въ 34 тысячи человѣкъ. Оба войска вооружены одинаково. Высшее военное начальство находится въ Болгаріи, для соблюденія единства въ военныхъ распоряженіяхъ.

Въ Испаніи Кастелляръ, Сагаста и демократическая партія *чрезвычайно враждебно относится къ занятію англичанами Гибралтара.* Они совѣтуютъ правительству немедленно занять мысы и полуострова близъ Сеуты и Танжера въ Африкѣ и воздвигнуть баттареи въ мѣстностяхъ около Гибралтара. Англичанъ обвиняютъ, между прочимъ, въ покровительствѣ контрабандѣ.

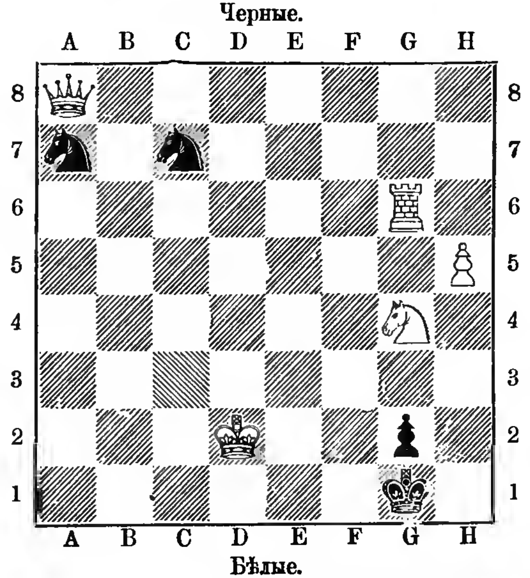
Намъ остается сегодня указать еще на неожиданную выходку противъ Россіи со стороны папы Льва XIII. Его святѣйшество издалъ на дняхъ энциклику, относящуюся до святыхъ Кирилла и Меѳодія. До сихъ поръ весь православный міръ чтилъ этихъ святыхъ какъ преимущественно и исключительно святыхъ православной церкви, какъ основателей церкви. Римская курія нынѣ, совершенно нежданно, негаданно, перестаетъ признавать этотъ фактъ, эту общеизвѣстную истину. Св. Кириллъ и Меѳодій оказываются, по ея увѣренію, принадлежащими не Константинополю, а Риму, „они распространяли римскій католицизмъ, стараясь заблуждавшихся послѣдователей православной церкви возвратить на лоно римской"! Не смотря однако на чисто религіозный характеръ энциклики, обращенной, по внѣшней формѣ своей, къ католикамъ всего свѣта, она имѣетъ иное назначеніе. Въ своемъ новомъ обращеніи къ вѣрующимъ, Левъ XIII указываетъ на „постоянную отеческую заботливость о благѣ славянъ (!), которые также близки сердцу его, какъ и всѣ другія христіанскія націи. Заботы эти распространены всегда были не на однихъ тѣхъ славянъ, кои пребыли вѣрны Риму, но и на тѣхъ, которые, благодаря различнымъ обстоятельствамъ, какъ интриги Византіи, иго ислама и пр., предались схизмѣ. Далѣе энциклика убѣдительно доказываетъ, какъ мало сдѣлала греко-православная церковь для охраны и укрѣпленія христіанства среди народовъ (!), что отреченіе балканскихъ славянъ отъ „ереси" (т. е. отъ православія) гораздо скорѣе и лучше привело бы къ счастливому разрѣшенію восточнаго вопроса и, въ особенности, къ ослабленію усиливающагося вліянія Россіи, чѣмъ всевозможныя конференціи и планы дипломатіи.

Все бы это было бы не болѣе какъ смѣшно, если бы въ то же время не приходили вѣсти объ энергической дѣятельности ловкихъ патеровъ католическихъ въ южнославянскихъ земляхъ; завязаны болѣе прочныя отношенія съ Румыніей; усиленно работаютъ и въ Босніи и Герцеговинѣ. Вотъ куда надо намъ обратить наше вниманіе... болѣе, чѣмъ вниманіе...

РЕБУСЪ.

Шахматная задача № 66.

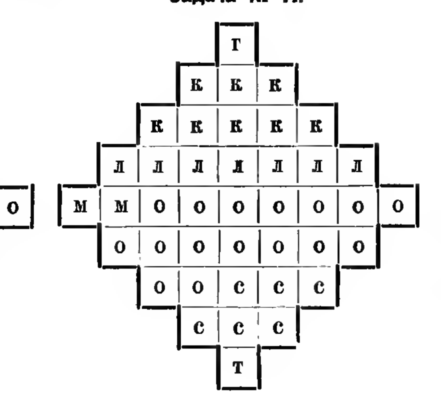
Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 2 хода.

Магическіе кресты.

Задача № 70.

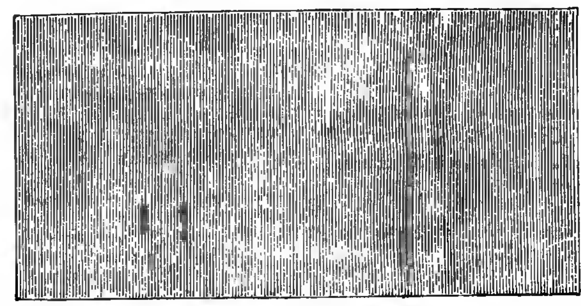
				в				
			в	е	е			
		е	е	к	к	к		
	к	к	к	к	к	л	л	
н	н	н	н	н	о	о	о	о
	о	о	о	о	о	о	о	
		о	п	п	р	р		
			т	т	т			
				х				

Задача № 71.

				г				
			к	к	к			
		к	к	к	к	к		
	л	л	л	л	л	л	л	
м	м	о	о	о	о	о	о	о
	о	о	о	о	о	о	о	
		о	о	с	с	с		
			с	с	с			
				т				

Геометрическая задача.

Данную фигуру разрѣзать двумя прямыми линіями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было составить квадратъ.

Рамы для премій „Нивы“ 1880 г.

Для удовлетворенія желанія весьма многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, мы заказали **нѣсколько тысячъ рамъ** для премій „Нивы 1880 года:

„Пляска Тамары“

„Тамара, оплакиваемая родными“.

Наша премія въ рамкѣ въ уменьшенномъ видѣ.

Рамы эти по прилагаемому рисунку, съ украшеніями лѣпной работы (рисунокъ угла этихъ украшеній прилагается тутъ же) и съ золочеными ободками, сдѣланы во всѣхъ отношеніяхъ изящно у извѣстнаго фабриканта багетовъ, въ позолотн. и столярн. мастерск. **Я. И. Курганникова:**

Только при такомъ громадномъ размѣрѣ заказа мы имѣемъ возможность **обѣ рамы со стеклами и со вставленными на бѣломъ фонѣ картинами,** т. е. совершенно готовыя для помѣщенія на стѣны, отдавать **за 4 рубля.**

Гг. Спб. городскихъ подписчиковъ, получающихъ „Ниву“ по городской почтѣ и желающихъ пріобрѣсти обѣ картины уже вставленныя въ рамы, мы просимъ заявить о томъ не позже 15-го октября, именно для того, чтобы мы имѣли возможность остановить имъ доставку по почтѣ премій въ картонномъ футлярѣ. Рамы эти изъ конторы желающіе могутъ получать съ 18-го октября. **Гг. иногородные** подписчики, выписывающіе эти рамы для премій, могутъ пріобрѣсти таковыя въ восьми частяхъ, сдѣланныя по размѣру картины съ бѣлымъ фономъ, но безъ стекла (склеить рамы, вставить въ нихъ стекла и картины наклеить на бѣлый фонъ можно легко на мѣстѣ) **за 7 руб.** съ укупоркою въ ящикъ и съ пересылкою. Вѣсъ такого ящика съ 8 багетами 10 фунтовъ.

Рисунокъ угла рамки.

Объявленія въ „Нивѣ“.

Такъ какъ „**Нива**“ самое распространенное изданіе въ Россіи, то и **объявленія** помѣщаемыя въ ней, равно какъ и приложенные прейсъ-куранты и т. п. получаютъ самое обширное распространеніе. Цѣна за объявленія весьма скромная, именно 25 к. за строку въ 4-ю долю страницы. При высокомъ качествѣ бумаги „Нивы“ и чистотѣ печати, даже самыя мелкія объявленія обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что журналъ не уничтожается, какъ ежедневныя газеты, а сохраняется и объявленія читаются въ теченіи года. Въ сравненіи съ заграничными иллюстрированными изданіями, печатающимися въ такомъ же количествѣ экземпляровъ какъ „Нива“, цѣна за объявленія на половину дешевле. Цѣна эта остается въ послѣдніе три года безъ измѣненія, не смотря на постоянное и значительное увеличеніе количества подписчиковъ.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **Ф. Бергъ**.

1881 г. „НУВЕЛЛИСТЪ" 42 г.

Музыкальный журналъ для фортепіано съ музыкально-театральною газетою.

Съ 1-го января 1881 года **«Нувеллистъ»**, вступая въ 42 годъ своего существованія, будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30 до 35 страницъ большого формата избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 4 или 5 салонныхъ пьесъ любимыхъ композиторовъ, 1 или 2 модные танца и русскій романсъ. Сверхъ того, въ «Нувеллистѣ» будутъ помѣщены въ теченіи года двѣ или три пьесы въ четыре руки. Музыкально-театральная газета будетъ издаваться при «Нувеллистѣ» и выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона; она дастъ подписчикамъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Кромѣ 85 нумеровъ музыкальныхъ пьесъ и музыкально-театральной газеты, подписчики **«Нувеллиста»** получатъ въ концѣ года премію—полную оперу въ двѣ руки или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70 нумеровъ указанныхъ редакціей.

Цѣна годовому изданію **«Нувеллиста»** съ музыкально-театральною газетою 5 р. Съ доставкою или пересылкою 6 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ. въ главной конторѣ **«Нувеллиста»**, въ музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда**, Невскій просп., д. № 10. № 920

ДЕШЕВО

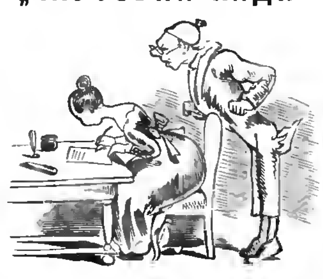
продаются 500 кв. саж. земли для постройки дачъ въ С.-Петербургѣ, станція Шувалово, на берегу Паргооловскаго озера, съ правомъ постройки ванны. Окончательныя условія можно узнать въ Центральной Конторѣ Объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, С.-Петербургское Отдѣленіе: Невскій № 11, уголъ Малой Морской, въ С.-Петербургѣ. К. № 930

ИЗВѢСТНЫЕ КОРСЕТЫ Мерсіо: дамскіе 3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р. до 4 р. 50 к. *Главн. магаз. Мерсіо, Большая Морская, д. № 39, Спб.* № 929 10—1

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

„ПЛУТОВКА НАДЯ"

Въ стихахъ, со 168 комическими рисунками Буша. Содержаніе книги: Въ деревнѣ, Ночная сорочка, Кузенъ Поль, Любовное письмо, Безпокойная ночь, Душевные подвиги, Ворожея, Спиритизмъ, Творчество темныхъ силъ. Изящное изданіе. Цѣна 1 руб. 20 к. съ пересылкою. Складъ въ Москвѣ, Сытинскій переулокъ, д. Мальденневича, у Конденъ. Ц. № 935 2—1

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

На дняхъ выйдетъ изъ печати:

Дѣтскій фортепіанный сборникъ составленный изъ лучшихъ дѣтскихъ пьесъ **Куллака, Шумана, Чайковскаго** съ точнымъ обозначеніемъ пальцевъ, знаковъ исполненія и метронома

А. БУХОВЦЕВА.

Ц. 1 р. net.

ДИТЯ ПІАНИСТЪ.

Сборникъ легчайшихъ пьесъ изъ любимѣйшихъ мелодій.

I. Э Мельцера.

Новое, умноженное и пересмотрѣнное изданія. Цѣна 1 руб. net.

Москва у П. Юргенсона. Неглин. проѣздъ, 10.	**С.-Петерб. I. Юргенсона.** Большая Морская, 9 П. М. № 868 3—2

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ"

и

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА".

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на ½ года для иног. и гор. 5 р., на 1 мѣс. для иногор. и городск. 1 руб. К. № 909. 10—8

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Гостинный дворъ, № 123.

Получилъ для **осенняго и зимняго сезона** готовыхъ дамскихъ вещей

ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ

Пальто, мантеле, жакеты и Sur-touts.

Фасоны: Fanchonette, Richard, Stuart, Dinorah, Faust, Attaché Chinois, Tirol, Lutin.

Изъ матерій: Pelusch, Rips-long, Bombé, Jung, Baccaccio, Camtschatka, Zullu-noppe и др. модн. полушелк. и шерст. тканей.

Большой выборъ осеннихъ вещей, приготовленныхъ по моделямъ, изъ Бархата, Сесльянъ Драпъ-де-Суа, Кашмиръ-Суа, Сатинъ-Суа и Армюръ.

ДАМСКІЕ КОСТЮМЫ

Модели: и приготовленные по онымъ изъ разныхъ новѣйшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей.

Большой выборъ дѣтскихъ нарядовъ, мѣховыхъ вещей, мѣховъ разныхъ и мѣховыхъ отдѣлокъ.

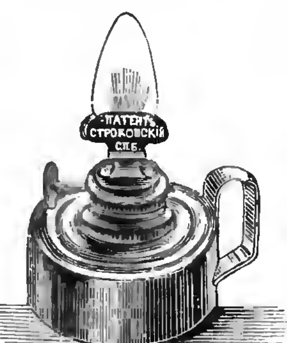
PS. Модели могутъ быть получены по истеченіи 3-хъ дней со дня покупки.

Магазинъ принимаетъ заказы только изъ матерій, выборъ которыхъ находится въ магазинѣ.

№ 925 3 1

НОВОСТЬ!

Имѣю честь довести до свѣдѣнія гг. иногородныхъ лицъ и всѣхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, что я изготовляю небывалыя до сихъ поръ въ Россіи изобрѣтенныя мною, керосиновыя лампы съ желѣзными горѣлками безъ стекла. Лампы эти безопасны, горятъ чистымъ, ровнымъ, яркимъ пламенемъ, не коптятъ, на воздухѣ не гаснутъ и по своей дешевизнѣ превосходятъ всѣ прочія, до нынѣ существующія. Онѣ очень удобны для освѣщенія провинціальныхъ городовъ, сигнальныхъ фонарей, фабрикъ и мастерскихъ и т. п. На эти лампы выдана мнѣ привилегія въ 1875 г. и вновь привилегированны на усовершенствованіе въ 1879 г. и, кромѣ того, онѣ удостоились одобренія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дор., въ которомъ были произведены опыты, и оказались вполнѣ полезными къ употребленію, причемъ обществомъ и поручено мнѣ принять на себя поставку вышеупомянутыхъ лампъ и горѣловъ.

Для разныхъ бывшихъ масляныхъ фонарей, также поставляю на николаевскую, харьково-николаевскую, грязе-царицынскую всевозможные фонари для желѣзныхъ дорогъ съ моими горѣлками, какъ для кондукторскихъ, сигнальныхъ и для столбовыхъ буферныхъ фонарей, и притомъ для гг. иногородныхъ и всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, желающихъ имѣть фонари съ керосиномъ моей системы, старые масляные фонари передѣлываю на керосиновые, а также дѣлаются всевозможные домашніе фонари, а также и зиканъ сигнальныя трубы для желѣзныхъ дорогъ.

Лампы въ 3 линіи стоитъ 45 к., въ ней сгараетъ керосину въ 15 час. четверть ф.; въ 5 линій—50 к. на штуку, по 75 к. и 1 р.; въ 10 линій горятъ въ родѣ газа. Каждая горѣлка должна быть съ моимъ штемпелемъ, привилегированная, и моя фамилія на желѣзныхъ горѣлкахъ. Поддѣлка со штемпелемъ, такъ и безъ штемпеля, строго преслѣдуется на основаніи ст. 1,353 т. XI Св. Зак. Уст. о нак., изд. 1876 года, и кто докажетъ поддѣлку—получаетъ 25 руб. награды. Горѣлки настоящихъ лампъ изъ чернаго желѣза разныхъ размѣровъ; находящіяся въ продажѣ поддѣльныя лампы, выдающіяся за мои, только съ жестяными горѣлками для висячихъ и столовыхъ лампъ, которыя горятъ одна противъ двухъ прочихъ въ 10 лин. 1 р. 75 к.; въ 14 лин. 2 р.; винтами подходятъ къ каждой старой лампѣ. Пересылка товара на счетъ покупателя.

Желающія получить эти лампы могутъ адрес.: въ С.Петербургъ, по Гороховой ул., между Семеновскимъ мостомъ и Загороднымъ просп., д. № 62, въ ламповый магазинъ А. Строковскаго. К. № 931.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ!

ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

Л. Е. Дмоховскій и Комп.

Адмиралтейская площ., № 10, уг. Вознесенскаго проспекта.

Шведскія куртки на шерстяной и шелковой подкладкѣ, имѣетъ честь рекомендовать гг. военнымъ, охотникамъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ, машинистамъ и всѣмъ имѣющимъ необходимость пробывать на открытомъ воздухѣ, какъ предохранительное средство отъ простуды.

ПРОДАЮТСЯ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Гг. иногороднымъ: Письменныя объясненія какъ снимать мѣрку высылаются немедленно за приложеніемъ почтовой марки.

К. №913 3—2

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА

БЕКМАНЪ И К°,

устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою **Бекманъ и К°**, въ которомъ приготовляются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. к. № 863 10—5.

Ново, практично и дешево

Американскій переплетчикъ

по 1 р. 75 к., съ упаковкой и перес. 2 р.

Этотъ миленькій аппаратъ даетъ каждому возможность, сшивать изъ отдѣльныхъ листовъ книги до толщины одного **сантиметра**

О. Унфугъ и К°,

С.-Петербургъ, Больш. Морская № 15. Типо-литографія и гравировальное заведеніе. Спеціальность всѣхъ конторскихъ принадлежностей. Ptr. № 914. 2—2.

КЁЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

Ц. № 902 13—3

КНИГИ прод., пок. и прин на коммисію. Казань, книж. маг. Александра Ильича Овчинникова. Объ этой торговлѣ уже 9-й годъ (1871 г.) публ., почти постоянно, въ Казан. газет. и мно. друг. Бываютъ библ. рѣдкости XVI—XIX в. № 916 5—2.

Изд. А. Ф. Маркса. Спб., Б. Морск. д. № 9.

МОСКВА и ТВЕРЬ. Истор. повѣсть В. Кельсіева съ рисунками, для подпищ. „Нивы" 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Марлитта. Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. для подписч. „Нивы" 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Дозволено цензурою СПБ. 9 октября 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. [illegible] № 10.

XI годъ | годъ XI
№ 42 | 1880

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 18 Октября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ" 1881 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 4 р.

Съ доставкою „ 5 р.

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарева . . . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе города Россіи . . . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Подписка на 1880 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1880 г. нумера съ преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

☛ При этомъ № высылается всѣмъ годовымъ подписчикамъ **ПРЕМІЯ „Нивы" на 1880 годъ**: **двѣ большія печатанныя красками картины съ акварелей придворнаго художника М. ЗИЧИ, исключительно для „Нивы" имъ исполненныя** (въ отдѣльной продажѣ стоющія 4 руб., особо каждая по 2 руб.)

По самому характеру картинъ онѣ могутъ быть вставлены въ рамки какъ вставляются масляныя картины, но мы рекомендуемъ накладывать ихъ на большой бѣлый листъ, оставляя широкія поля неменѣе 1½ вершковъ. Картины тогда будутъ эффектнѣе. Содержаніе картинъ: взято изъ поэмы **М. Ю. Лермонтова „ДЕМОНЪ"**.

1) **„Пляска Тамары.**

2) **„Тамара, оплакиваемая родными".**

Преміи такихъ размѣровъ и такой стоимости не предлагалъ никогда ни одинъ иллюстрированный журналъ ни у насъ, ни заграницей, гдѣ подобныя картины не выдаются даромъ, а только уступаются издателями своимъ подписчикамъ дешевле противъ продажной цѣны ☚

На Панамскомъ перешейкѣ. Чепигана. Рис. Вилье, грав. Коль.

Колонъ и Панама.

(Рис. на стр. 837, 840 и 841)

Въ 38 № „Нивы“ говоря о рисункахъ Доссо, мы указывали на интересъ, возбужденный Панамскимъ перешейкомъ, вслѣдствіе грандіозныхъ проэктовъ знаменитаго Лесепса о прорытіи здѣсь канала. Пока два океана соединяетъ кромѣ желѣзной дороги Pacific желѣзная дорога черезъ перешеекъ между городами Колонъ и Панама, виды которыхъ мы здѣсь прилагаемъ.

Городокъ Колонъ или Аспинваль на сѣверо-западной окраинѣ острова Манзанильо, состоящаго изъ коралловыхъ рифовъ, на которыхъ образовались глубокіе наносы изъ тины и пла. Въ Колонѣ всего четыре тысячи жителей. Одинъ изъ кварталовъ болѣе возвышается надъ моремъ, и занятъ европейцами, агентами и служащими на желѣзной дорогѣ, купцами и проч. Всѣ они живутъ въ красивыхъ домикахъ, и при легкости ихъ постройки—вслѣдствіе прекраснаго климата—для этихъ домиковъ матеріалъ совершенно въ готовомъ видѣ привозится изъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ. Кварталъ этотъ содержится очень чисто, но уже за нимъ непосредственно начинаются болота. Остальная часть городка перерѣзана каналами, занята хижинами, идущими параллельно желѣзной дорогѣ; хижины эти построены на сваяхъ или на насыпяхъ, или даже на самой насыпи полотна желѣзной дороги. Полотно это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень широко и на немъ поставлены службы, магазины и склады. Въ кварталѣ, занятомъ неграми, необыкновенная грязь; но жители этой части города кажется ее и не замѣчаютъ.

Между этими двумя частями города вырыты два пруда, осушающіе мѣстность. Они сообщаются съ моремъ, и уносятъ въ море всѣ нечистоты города. Въ каналахъ, отводящихъ воду въ Атлантическій океанъ, часто появляются аллигаторы, которые въ свою очередь очищаютъ бассейны отъ труповъ животныхъ и остатковъ. Тутъ же около бассейновъ возвышается прекрасная бронзовая статуя Христофора Колумба, представляющаго Америку Европѣ. Группа эта подарокъ экс-императрицы Евгеніи президенту Москера,—единственное художественное произведеніе на всемъ Панамскомъ перешейкѣ. Желѣзнодорожное общество устроило прекрасную дорогу, идущую вокругъ острова Колона, вдоль болотистой мѣстности, гдѣ мангифера, растущая здѣсь только въ видѣ кустарника, часто скрываетъ въ своихъ перепутанныхъ корняхъ крокодиловъ.

Во времена „золотой горячки“ и сильнаго переселенія въ Калифорнію, еще до постройки желѣзной дороги Пасификъ, Колонъ и его желѣзная дорога имѣли гораздо большее значеніе. Наплывъ путешественниковъ былъ огромный. Мѣсто это стало сборнымъ пунктомъ всякихъ искателей приключеній, китайцевъ, антильскихъ негровъ и всякаго сброда. Понятно, что при такомъ составѣ общества, здѣсь было не очень пріятно и спокойно жить.

Теперь все перемѣнилось. Здѣсь живутъ только служащіе и агенты желѣзной дороги, купцы и мирные граждане, ведущіе жизнь скромную и тихую.

У подошвы Анконскихъ горъ раскинулся городъ Панама со своими величественными развалинами. Городъ съ предмѣстьями насчитываетъ до четырнадцати тысячъ жителей. Видъ его читатели встрѣтятъ въ этомъ №. Послѣ разрушенія Старой Панамы лѣтъ сто назадъ во время войны съ Англичанами губернаторъ Фернандецъ, для постройки новаго города, избралъ скалистый полуостровъ. Извѣстный инженеръ де-Корта сильно укрѣпилъ городъ; такихъ укрѣпленій нѣтъ во всей южной Америкѣ. На всемъ огражденномъ пространствѣ была сдѣлана насыпь, такъ что образовалась площадь на 20 футовъ выше поверхности моря. На двухъ углахъ, обращенныхъ къ Тихому океану, возвышаются колоссальные бастіоны.

Теперь укрѣпленія эти однако обсыпаются со всѣхъ сторонъ; громадныя глыбы стѣнъ, подмытыхъ волнами океана, въ огромныхъ расщелинахъ поросшія кустарникомъ и вьющимися растеніями, подымаются здѣсь и тамъ на плоскомъ берегу моря.

Хорошо сохранившійся, юго-восточный бастіонъ служитъ теперь мѣстомъ для прогулокъ. По вечерамъ сюда сходятся горожане подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Видъ взморья и зеленѣющихъ островковъ отсюда восхитителенъ. На другомъ бастіонѣ, окончательно разрушенномъ, высятся нынѣ стѣны монастыря Санъ-Франциско.

Менѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ Панама былъ однимъ изъ богатѣйшихъ и прекраснѣйшихъ городовъ въ мірѣ. Войны англичанъ съ испанцами положили начало его паденію, а пожары закончили это. Въ будущемъ значеніе Панамы безспорно возстановится если устроютъ предполагаемый каналъ.

Въ противуположность Колону, въ Панамѣ для путешественника представляются всевозможныя удобства. Тутъ прекрасная гостинница, одно изъ лучшихъ этого рода въ Америкѣ, сооруженій на берегу Великаго Океана, прекрасные дома и чистыя улицы, есть соборъ, госпиталь и коллегія.

Въ окрестностяхъ Панамы разбросаны „Paciendas“ хорошенькія дачки, куда горожане переѣзжаютъ на лѣто. Вся мѣстность перерѣзана дорожками и шоссе.

Разрушенныя стѣны стараго города Панамы напоминаютъ однѣ объ этомъ быломъ важномъ центрѣ испанской торговли. Старый городъ былъ основанъ Аріасомъ Давиля. И съ самаго начала этотъ независимый городъ пріобрѣлъ важное торговое значеніе. Рѣка Шагръ въ устьѣ представляла прекраснѣйшую гавань, и по ней индійскія лодки свободно доходили до Матачина, (отъ океана въ 22 верстахъ). Отсюда тяжести въ одни сутки могли быть доставлены въ рейдъ Панамы. Богатства индійскаго города привлекли вниманіе испанцевъ, находившихся въ то время въ Санта-Марія, на берегу Атрато, первой испанской колоніи. Они напали на Панаму и покорили этотъ городъ. Въ рукахъ испанцевъ вскорѣ хижины индійцевъ превратились въ дома, городъ разросся и въ 1521 г., въ немъ было уже учреждено епископство. Католическія церкви и монастыри воздвигались словно чудомъ; въ 1651 году тутъ былъ уже университетъ. Но въ 1671 году, какъ мы говорили, городъ былъ разрушенъ англичанами и уже болѣе не возстановился никогда въ прежнемъ значеніи. Самый городъ Панама имѣетъ теперь всего до 20,000 жителей. Видъ города великолѣпенъ. Величавыя вершины Анкона рисуются своими смѣлыми очертаніями на блестящей лазури неба и въ темной синевѣ волнъ. У подножія его и раскинулся Панама, который, окруженный грандіозными развалинами древнихъ зданій и укрѣпленій, имѣетъ видъ большаго города. Въ сѣроватой дали моря, на горизонтѣ, глазъ едва различаетъ очертанія берега Табогскихъ острововъ.

Геологическія сокровища этой мѣстности неисчислимы. Что же касается превосходныхъ лѣсныхъ породъ, то они даже еще не вполнѣ изслѣдованы, за исключеніемъ орѣховаго и каучуковаго дерева. Но это послѣднее начало пропадать, такъ какъ собирающіе резину недовольствуются дѣлать надрѣзы въ стволахъ, а безпощадно срубаютъ цѣлыя деревья. Вотъ почему населеніе въ небольшой промежутокъ времени такъ сильно обнищало, зарабатывая прежде много отъ каучука.

На рѣкѣ Туирѣ находится прелестное мѣстечко Чепигана. Жители ея въ прежнее время занимались добываніемъ резины въ большомъ количествѣ и были зажиточны. Видъ мѣстечка помѣщенъ на первой страницѣ этаго №.

Хижины здѣсь строютъ вообще изъ тростника. Всѣ части постройки соединяютъ ліанами; нѣтъ ни одного гвоздя—тѣмъ не менѣе постройки очень прочны. Въ каждомъ домикѣ по четыре комнаты, нѣкоторые даже надстраиваютъ и второй этажъ. Крыша сдѣлана изъ толстаго слоя пальмовыхъ листьевъ, защищающихъ прекрасно отъ дождя и солнца. Но въ этихъ же крышахъ къ сожалѣнію всегда водятся во множествѣ скорпіоны, ящерицы и пауки. Меблировка обыкновенно самая незатѣйливая. Кровать съ занавѣской отъ москитовъ, одинъ, два сундука, содержащіе все имущество, нѣсколько полокъ съ посудой и три камня, поддерживающіе котелъ.

Хижины разбросаны въ безпорядкѣ. Во время дождей, грязь непроходимая. Богатые жители еще мостятъ кое-какъ около своихъ домовъ остатками каменныхъ бутылокъ, сохранившихся отъ того достопамятнаго времени, когда за продажу каучука выручалось столько денегъ, что никто не отказывалъ себѣ въ пивѣ, которое и доставлялось въ каменной полудѣ.

Происхожденіе жителей смѣшанное—отъ негровъ, мулатовъ и индійцевъ. Дарьениты вообще ласковы, гостепріимны и добродушны. Пьянство однако здѣсь порокъ не рѣдкій.

Лѣсникъ

Разсказъ.

Б. М. Маркевича.

(Продолженіе).

V.

Въ 1876 году Коверзневъ пріѣхалъ опять въ Темный Кутъ. Онъ пріѣхалъ рано, въ началѣ мая,—и о пріѣздѣ своемъ извѣстилъ даже заранѣе, съ приказаніемъ выслать ему экипажъ и лошадей на ближайшую станцію желѣзной дороги.

На желѣзную дорогу, съ экипажемъ, выѣхалъ къ нему на встрѣчу—капитанъ.

Валентинъ Алексѣичъ едва узналъ его.

Капитанъ словно вытянулся, выросъ,—и рѣшительно помолодѣлъ. Онъ отпустилъ себѣ бороду, которую подрѣзывалъ клиномъ, удлинявшую его круглое лице; голову держалъ какъ-то особенно прямо, откидывалъ назадъ свои широкія плечи и выставлялъ грудь впередъ. Облеченъ онъ былъ въ плотно охватывающую его охотничью австрійскую куртку съ зелеными отворотами и большими пуговицами, съ изображеніемъ на нихъ кабаньихъ головъ. Гладко выстриженные волосы покрывала мягкая, съ высокой тульею, сѣраго цвѣта шляпа украшенная тремя павлиньими перьями. Во всемъ его обликѣ теперь была какая-то наивная претензія на щеголеватость, которая вызвала невольную улыбку на губы Коверзнева:

— Точно счастливый тиролецъ какой-то, подумалъ онъ

А капитанъ такъ и сіялъ, глядя на него. Онъ, часовъ за шесть до срока прибытія поѣзда, отправился на станцію, съ провизіею, „на случай Валентину Алексѣичу захочется закусить, такъ какъ буфета на станціи не имѣется“, съ подушками и постельнымъ бѣльемъ, „неравно Валентинъ Алексѣичъ захочетъ послѣ обѣда отдохнуть, а до Темнаго Кута засвѣтло не доѣхать, съ двумя верховыми, „не дай Богъ что съ экипажемъ случится, такъ чтобъ народъ былъ подъ рукой“...

Коверзневъ на все это только поморщился, и сказалъ что онъ ни ѣсть, ни спать, ни провожатыхъ не желаетъ, а хочетъ сейчасъ-же сѣсть и ѣхать.

Мигомъ велѣлъ подавать капитанъ четверку подъ коляской для Валентина Алексѣича, тарантасъ для его итальянца; мигомъ вынесены были и уложены на телѣгѣ мѣшки и чемоданы,—а самъ капитанъ полѣзъ на козлы экипажа Коверзнева...

— Куда вы, Иванъ Николаичъ? Садитесь со мной сказалъ тотъ.

Переслѣгинъ отговорился было, что „ничего-съ, ему и тутъ хорошо,“ — однако слѣзъ, и помѣстился въ коляскѣ, рядомъ съ Валентиномъ Алексѣичемъ, но бочкомъ къ нему, старательно подбиралъ подъ себя ноги при каждомъ толчкѣ, чтобы какъ-нибудь не прикоснуться колѣнкомъ своимъ о его колѣно.

Дорогой передано было имъ все, что могло интересовать владѣльца Темнаго Кута. Таксаторъ велъ дѣло отлично. Болѣе двадцати тысячъ десятинъ лѣса были уже разбиты на правильные лѣсосѣки, проведены широкія просѣки, поставлены столбы, и даже въ главнѣйшихъ пунктахъ, каменные. Вмѣсто прежнихъ неудобныхъ и холодныхъ сторожекъ на межахъ, имъ выстроены были въ самомъ центрѣ ихъ настоящія, теплыя избы, матеріаломъ для которыхъ пошли деревья, срубленныя гдѣ лѣсники могли удобно жить съ семьею, и откуда могъ донестись до ихъ слуха стукъ воровскаго топора на любомъ пунктѣ ввѣреннаго имъ лѣснаго пространства. Сами бывшіе лѣсники, изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые уже изъ за одного кумовства, готовы были всегда давать потачку порубщикамъ, замѣнены были, извѣстными Ивану Николаичу, надежными унтеръ-офицерами изъ отставныхъ и безсрочныхъ, и Софронъ Артемьичъ очень охотно согласился положить этимъ новымъ лѣсникамъ двойное противъ прежняго жалованье и продовольствіе.

— Да, онъ мнѣ писалъ объ этомъ, и я, разумѣется, со своей стороны, очень былъ радъ, сказалъ Коверзневъ.

— Очень они большую тутъ помощь оказали, и сами все устраивали, теплымъ тономъ молвилъ Переслѣгинъ.

Валентинъ Алексѣичъ чуть чуть усмѣхнулся:

— Онъ къ вамъ благоволитъ, значитъ?

— Софронъ Атремьичъ-съ? Могу только съ полною благодарностью... Очень хорошій *они* человѣкъ, и съ совѣстью...

Улыбка пробѣжала опять по губамъ Коверзнева.

— Изо всего этаго я могу предположить, что вамъ недурно въ нашемъ царствѣ? спросилъ онъ шутливо.

— И царствія небеснаго не нужно, Валентинъ Алексѣичъ! восторженно и умиленно подымая на него глаза, воскликнулъ на это капитанъ.

О капитанѣ же, по пріѣздѣ въ Темный Кутъ, Коверзневу довелось услышать не менѣе сочувственные и похвальные отзывы со стороны Софрона Артемьича.

„Главный лѣсникъ“ умѣлъ, съ большимъ тактомъ пощадить самолюбіе управляющаго когда, три года назадъ, возведенъ былъ въ эту должность Коверзневымъ. Онъ очевидно, съ первой же минуты, счелъ наилучшимъ остаться относительно Софрона Артемьича на прежней ногѣ почтительности и наружной подчиненности, предоставляя ему и далѣе чуфариться и относить себѣ въ заслугу все что дѣлалось Переслѣгинымъ на пользу ввѣреннаго ему дѣла,—и къ чему самъ Барабашъ собственно могъ только прилагать никому не нужную апробацію. За то господинъ Барабашъ и говорилъ о капитанѣ съ величайшею благосклонностью, какъ о ретивомъ и полезномъ подчиненномъ, и „даже, можно сказать человѣкѣ съ *антенціей*“. Впрочемъ Валентинъ Алексѣичъ сами увидятъ, говорилъ онъ, какъ онъ *у меня* въ акуратѣ по лѣсной части все устроилъ“. О нравственной сторонѣ его Софронъ Артемьичъ отзывался также, что „насчетъ поведенія, капитанъ теперь можно сказать, *мадель*. О „слабости“, съ тѣмъ поръ *„какъ онъ тогда у меня прощенья просилъ,* и вотъ третій годъ,—и помину нѣтъ“...

— И даже, можно сказать, горячо расписывалъ управляющій,—это самое вино—онъ теперича его видѣть не можетъ. Повѣрите, нѣтъ-ли, Валентинъ Алексѣичъ, если, къ примѣру, въ праздникъ у меня, за обѣдомъ, рюмку ему одну выпить, такъ и то для него большая *меланхолія*...

Коверзневъ только взглянулъ на него.

— Точно такъ-съ! подтвердилъ Барабашъ, чувствовавшій себя, очевидно, въ ударѣ, — и игриво примолвилъ: — особенно-же какъ онъ теперича желаетъ вступить въ *узы Гималая.*

На этотъ разъ Валентинъ Алексѣичъ не выдержалъ.

— То есть это что-же? невольно спросилъ онъ.

— Въ бракъ вступить задумалъ-съ, пояснилъ Софронъ Артемьичъ,—жена его померла вѣдь-съ.

— Померла,—да? А я думалъ... поспѣшилъ сказать Коверзневъ,—давно?

— Второй годъ, — можно сказать-съ, отъ сраму его избавила!..

— И на комъ-же это онъ теперь опять вздумалъ жениться?

— Тутъ-съ... барышня одна есть, отвѣтилъ, уже словно нехотя, Барабашъ,—помѣщицы Мурашкинской, Лизаветы Степановны племянница будетъ.

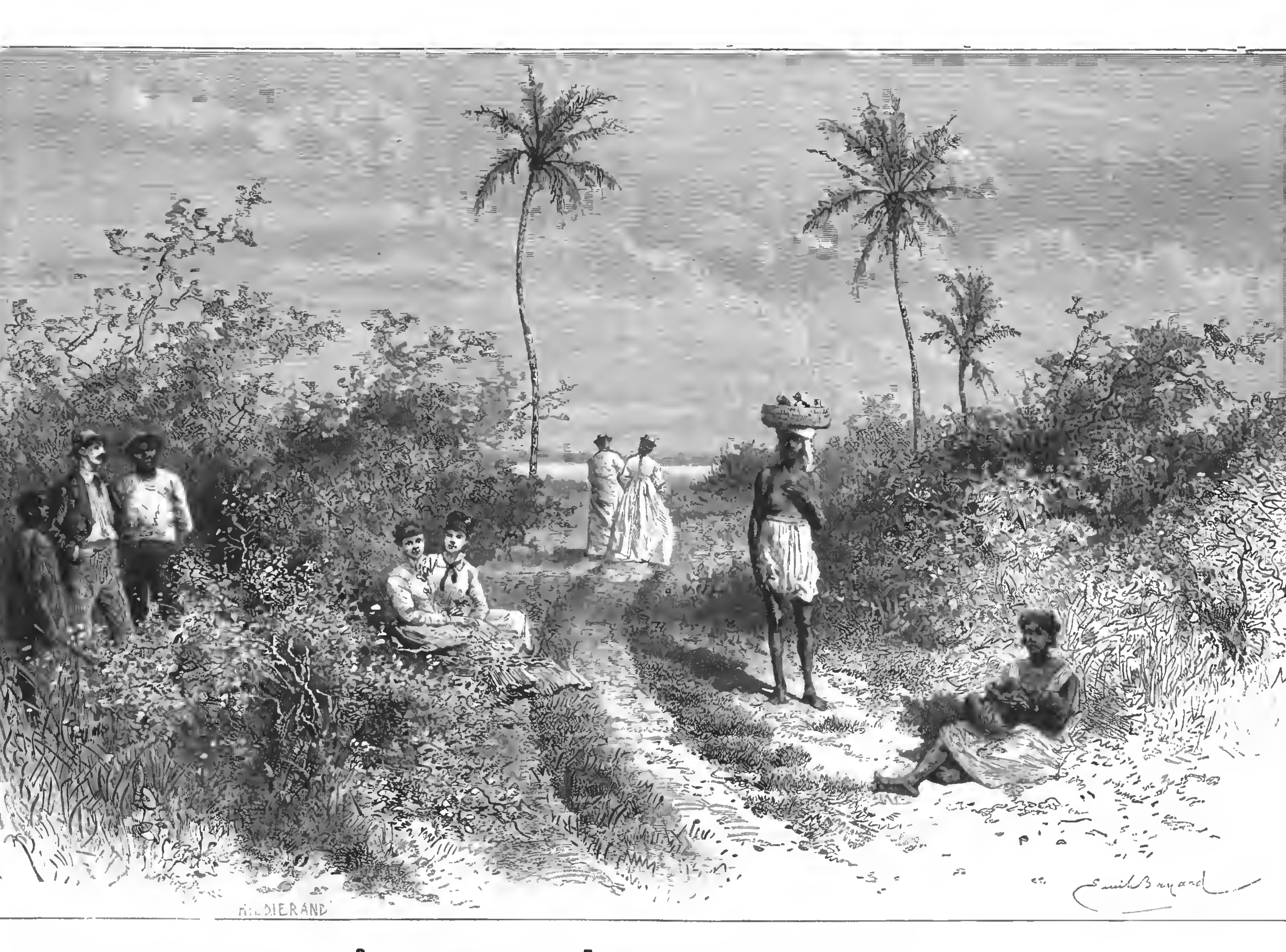
— Молодая?

— Молода, это первое-съ, — не по лѣтамъ ему; а, окромѣ того, опасаюсь чтобы не вышла ему изъ этаго опять *карамболь* какая н-будь. .

— Какой-же вы такой „карамболи“ опасаетесь?

Софронъ Артемьичъ глубокомысленно нахмурился, соображая, какъ ему это объяснить попонятнѣе.

— А такъ, Валентинъ Алексѣичъ, что насчетъ *развитія*—это первое сказать надо... Потому онъ извѣстно, по старинному, читать, писать, *арыхметику*,—и все-съ! А какъ теперича по наукѣ и *прагрессу*—этого онъ не можетъ, сами изволите знать... Ну, а она-съ самое, можно сказать, современное образованіе получила .. И къ тому еще надо сказать, примолвилъ онъ раздумчиво,—*эманципація* эта теперешняя очень ужь въ нихъ замѣтна. На охоту это, повѣрите, нѣтъ-ли, въ болото, съ ружьемъ, сапоги высокіе, и даже по мужски иной разъ *кастюмъ* этотъ на себя надѣнутъ... И бьетъ какъ ловко, сказываютъ.

Въ окрестностяхъ города Панамы. Рис. Баяръ, грав. Гильдебрандъ.

Общій видъ города Панамы. Рис. Вилье, грав. Коль.

— А собою какъ?

Господинъ Барабашъ на этотъ вопросъ передернулъ очки свои, повелъ какъ-то особенно губами—и вдругъ широко осклабился:

— Даже очень не дурная-съ, Валентинъ Алексѣичъ, пропустилъ онъ почему-то шопоткомъ,—и даже, можно сказать, настоящая бельомъ... Становой у насъ тутъ новый, Потужинскій фамилія, Евгеній Игнатьичъ, такъ тотъ даже...

Управляющій оборвалъ вдругъ на полусловѣ...

Коверзневъ вопросительно поднялъ голову.

— Что-же становой?

Господинъ Барабашъ стыдливо потупился.

— Не знаю-съ, какъ это вамъ передать-съ, потому, можетъ быть, вамъ покажется неприличное..

— Что такое, говорите!

— Онъ про эту самую барышню замѣчаетъ-съ, что она въ таліи—комаръ, а въ плечахъ—Волга...

И цѣломудренный управляющій, отвернувъ лице отъ барина, фыркнулъ въ красный фуляръ, поспѣшно вытащенный имъ изъ кармана на этотъ случай.

— Что-же вы тутъ неприличнаго находите? сказалъ Коверзневъ, разсмѣявшись въ свою очередь;—это даже очень хорошо сказано: „въ таліи комаръ, а въ плечахъ Волга“...

Софронъ Артемьичъ ушелъ отъ барина, совершенно довольный и имъ, и собою.

VI.

Два дня послѣ пріѣзда своего въ Темный Кутъ, Коверзневъ, проснувшись рано утромъ и открывъ ставни своей спальни, откинулся невольнымъ движеніемъ отъ окна, не вѣря въ первую минуту глазамъ своимъ:—вся окрестность покрыта была глубокимъ, сверкающимъ снѣгомъ, какъ въ самое сердце зимы, и прибитый тутъ-же за стекломъ термометръ указывалъ 5° ниже нуля. Это былъ тотъ знаменитый, повсемѣстный морозъ на Николинъ день 1876 года, какого не запомнятъ старожилы, отъ котораго опалъ въ нѣсколько часовъ времени, весь ранній въ этомъ году цвѣтъ съ плодовыхъ деревьевъ, и лѣса потеряли половину своихъ еще нѣжныхъ, недавно распустившихся листьевъ... Валентина Алексѣича такъ поразило это печальное зрѣлище, что онъ тутъ-же, захлопнувъ скорѣе ставни и зажегши свѣчи, принялся разбирать свои портфели съ лихорадочною поспѣшностью, чтобы „не видѣть этотъ позоръ и насиліе“. Онъ былъ очень воспріимчивъ, и страстно любилъ природу:—этотъ холодный, нагло сверкающій зимній саванъ, налегшій нежданно негаданно на цвѣтущее лоно весны, представлялся ему, дѣйствительно, „насиліемъ“ какой-то грубой, ненавистной стихійной силы надъ вѣчными, божественными правами ея...

Онъ, съ досады не выходилъ дней десять сряду, работая при закрытыхъ ставняхъ въ своемъ кабинетѣ а, для движенія, отправлялся по вечерамъ на прогулку, въ молчаливыя залы верхняго этажа своего обширнаго и пустаго дома. Видъ изъ его окна на огромныя старыя липы посреди двора, саженныя его прадѣдомъ, съ ихъ теперь полуобнаженными вѣтвями, вызывалъ въ немъ каждый разъ какое-то скорбное, почти болѣзненное чувство,—и онъ проходилъ мимо, опустивъ голову и глаза...

Онъ, за это время, никого не видѣлъ, не пускалъ къ себѣ,—и капитанъ, возвращаясь изъ лѣса, не разъ, съ безпокойствомъ въ лицѣ, допрашивалъ Софрона Артемьича, состоитъ ли въ здравіи Валентинъ Алексѣичъ и можно-ли скоро ожидать, что угодно имъ будетъ осмотрѣть новыя лѣсничества?“—на что управляющій, въ свою очередь, съ значительнымъ и нѣсколько таинственнымъ видомъ, отвѣчалъ обыкновенно, что „собственно судить объ этомъ нельзя, потому у барина по прежнему, въ комнатахъ ставни закрыты, и *драпра* (то есть занавѣси) спущены, и такъ значитъ, полагать надо, что они, по прежнему, занимаются *политикой*, а только что у нихъ *нравъ* неожиданный и даже, можно сказать, *натуральный*, какъ завсегда у *людей науки*, а потому *ихъ* каждую минуту *вообще* должно ожидать“...

И дѣйствительно Барабашъ, бывшій самъ ежеминутно на чеку, сидя однажды у своего окна въ одинъ изъ тѣхъ палящихъ дней, которыми, какъ бы въ отместку за стужу своихъ первыхъ дней, отличалась вторая половина мая того года, увидѣлъ барина, спускавшагося съ крылечка, пристроеннаго къ его кабинету. Онъ былъ въ охотничьей курткѣ и съ ружьемъ; привезенный имъ съ собою англійскій сетеръ несся визжа, внизъ по ступенямъ, словно обезумѣвъ отъ радости.. Былъ уже часъ восьмой пополудни,—но воздухъ былъ все также душенъ и сухъ...

— Ну, теперь пропалъ въ лѣсу на недѣлю! сказалъ себѣ управляющій, торопливо скидывая съ плечъ новый сюртукъ и жилетъ, которые онъ все это время воздѣвалъ на себя съ утра, въ ожиданіи „каждый моментъ“, призыва къ барину;—Лукерья, ставь самоваръ!..

Валентинъ Алексѣичъ прошелъ Дерюгинскими задами на Хомяки, пробираясь къ памятной ему съ дѣтства лѣсной опушкѣ, у Пьяной Лужи, надъ которой искони „тянули„ вальшнепы. Онъ шелъ теперь опять туда, за тѣмъ-же, какъ въ тѣ дни, когда бѣжалъ со своимъ ружьемъ вслѣдъ за своимъ англичаниномъ, по тѣмъ-же тропинкамъ, подъ тѣнью все тѣхъ-же темныхъ дубовъ, съ лихорадочно бьющимся сердцемъ, съ безконечнымъ рядомъ подвиговъ въ ребяческомъ воображеніи... А тамъ, на мѣстѣ, что это были за восторги, и трепетъ ожиданія, и до боли сладкія, опять замиранія сердца!.. Все такъ-же живо, той-же будто обидой какъ тогда, звенѣлъ въ ушахъ его гортанный смѣхъ Фокса вслѣдъ за первымъ его промахомъ, вспоминались горячія слезы, вызванныя въ немъ этимъ смѣхомъ, и неудачею, и неодобрительной улыбкой Дениса, егеря, стоявшаго подлѣ него, и который только молча протянулъ руку, чтобы зарядить ему вновь это такъ неудачно выпалившее ружье...

— Что за человѣкъ? окликнулъ его нежданно чей-то голосъ.

Передъ нимъ стоялъ здоровенный усачъ, съ „флинтовкой“ за плечомъ и мѣдною бляхою на лѣвой сторонѣ коротенькаго кафтана „русскаго покроя“, какія носятъ кондуктора на желѣзныхъ дорогахъ; четырехъ-угольная какъ и у нихъ шапочка съ такою-же бляхою, на которой читалось вытисненное крупными черными буквами „Хомяки“ покрывала его голову.

— Это изъ новой гвардіи капитана! сказалъ себѣ Коверзневъ, усмѣхнувшись...

Онъ назвалъ себя—и изъ видимаго смущенія на лицѣ лѣсника убѣдился, что въ этой встрѣчѣ не было ничего пріуготовленнаго заранѣе,—что было бы ему очень непріятно.

— А ты меня зачѣмъ остановилъ? спросилъ онъ.

— Потому какъ съ ружьемъ-съ... Стрѣлять у насъ въ лѣсу чтобы отнюдь никто не смѣлъ, приказывали Иванъ Николаичъ, отвѣчалъ усачъ, ободренный улыбкой барина;—и какъ особенно до Петрова дни закономъ строго воспрещено, ваше сіятельство! гаркнулъ онъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ.

— Валентинъ Алексѣичъ, просто! поправилъ его Коверзневъ.

— Слушаю, ваше... не договорилъ лѣсникъ, вытянувшись передъ нимъ, руки по швамъ и недоумѣло глядя на него...

— Что ты самъ—охотникъ? спросилъ Коверзневъ.

Лѣсникъ растянулъ широко губы:

— Есть маленечко, ваше с......

— Не замѣтилъ, тяга хорошо въ этомъ году?

— Не важная-съ,—даже и вовсе по началу не видать было, потому холода все стояли; недавно только тянуть сталъ...

— А гдѣ твоя изба? Я еще не видалъ вашихъ новыхъ помѣщеній.

— Вотъ тутъ сейчасъ вправо-съ новый просѣкъ пойдетъ, такъ по немъ прямо выйти. Если угодно вашей милости...

Нововыстроенная изба лѣсника по Хомякамъ оказывалась, дѣйствительно, очень удобнымъ, свѣтлымъ и чистымъ помѣщеніемъ. Коверзнева при входѣ въ нее, обдало сильмымъ запахомъ сушеныхъ травъ;—усачъ, человѣкъ одинокій и не молодой, составлялъ изъ нихъ какой-то цѣлебный чай, которымъ пользовалъ себя отъ ломоты.

— Кто-же тебя этому научилъ? спросилъ Валентинъ Алексѣичъ.

— Венгерецъ, коновалъ, ваше с.... Подъ Дебрегинымъ въ полонъ мы ихъ тогда много забрали.

— А ты венгерскую компанію дѣлалъ?

— Съ генераломъ Лидерсовымъ всю Перансыльхванію обошли, ваше-съ... браво отрапортовалъ старый служивый.

— Да не прикажете-ли чаю заварить, ваше вскр.... вдругъ какъ бы спохватился онъ.

— Твоего? усмѣхнулся Валентинъ Алексѣичъ.

— Помилуйте-съ, у насъ по всѣмъ лѣсничествамъ, розданъ настоящій, китайскій на сей случай!

— На какой случай?..

— А собственно, что ежели ваша милость зайдутъ съ охоты, или какъ, — чай, сахаръ, и все какъ слѣдоваетъ.

— Это капитанъ распорядился?..

— Сами они-съ!

— Какая-то женская обо мнѣ заботливость! подумалъ Коверзневъ, невольно тронутый...—Давно онъ здѣсь былъ? спросилъ онъ.

— Иванъ Николаичъ? За часъ мѣста передъ вашей милостью проѣзжали.

— Куда, не знаешь?

— Не сказывали, а такъ, полагать, что безпремѣнно въ Мурашкахъ теперь они.

— Да, это тамъ гдѣ „узы Гималая!“ весело вспомнилось Валентину Алексѣичу...

Онъ свистнулъ своего Джима—и направился къ Пьяной Лужѣ.

VII.

Онъ стоялъ уже тутъ давно, на опушкѣ лѣса, прислонясь спиной къ дереву, со взведеннымъ на оба курка ружьемъ—и ожидалъ. Зарево заката отражалось послѣднимъ багрянымъ свѣтомъ на длинной грядѣ синевато-сизыхъ облаковъ, но душный воздухъ висѣлъ еще надъ землею свинцовою тяжестью. Сквозь мертво недвижную листву лѣса высовывался тонкій серпъ нарождавшагося мѣсяца въ струяхъ какого-то молочнаго пара. Птицы смолкли. Тускло-зеленая гладь, лежавшая передъ Коверзневымъ лѣснаго прудка, отливала угрюмо и грозно...

Угрюмо было и на душѣ его. Внезапная, безпричинная тоска налетѣла на него и давила его, какъ давитъ этотъ угасавшій, палящій день окрестную природу... Прошедшее воскресало передъ нимъ, возставалъ призракъ его собственной, одинокой, равнодушной и безцѣльной жизни. И никогда еще такъ одинокою и безцѣльною не казалась ему эта жизнь его. Онъ разумѣлъ до сихъ поръ счастіе въ независимости „внутри и извнѣ“, въ сознаніи безграничной, отрѣшенной отъ всѣхъ „условностей жизни“ свободы... „Ну а затѣмъ, спрашивалъ себя теперь Коверзневъ, куда и долго ли еще будетъ гнести меня эта свобода?“...

Онъ оборвалъ вдругъ и безсознательно скорчилъ гримасу: онъ поймалъ себя на „фразѣ“ и „метафизикѣ“, что всегда казалось ему смѣшнымъ въ другихъ, и въ чемъ онъ поэтому счелъ нужнымъ тутъ же упрекнутьсебя... Знакомый чуткому уху охотника хрипъ пронесся въ это время въ воздухѣ почти надъ самой его головою.

Коверзневъ, какъ со сна, машинально вскинулъ ружье къ плечу.

Но уже было поздно: вальшнепъ далъ колѣно—и исчезъ за вершинами лѣса.

Въ тоже время, звучно повторяемый лѣснымъ эхомъ, раздался вдали выстрѣлъ.

— Это же еще кто? спросилъ себя Валентинъ Алексѣичъ, возвращаясь уже весь къ сознанію дѣйствительности; лѣсникъ только что увѣрялъ меня, что капитанъ строжайше запретилъ стрѣлять въ моихъ лѣсахъ.

Онъ наставилъ ухо, прислушиваясь къ еще перекатывавшемуся гулу выстрѣла.

— Въ казенной пущѣ развѣ?.: Нѣтъ, это ближе,— и стоитъ *онъ* на тягѣ на одной линіи со мной, вверхъ къ Хомяковской межѣ. Кто же это можетъ быть?

Новый выстрѣлъ огласилъ даль.

— Должно быть, безъ промаха! досадливо подумалъ Валентинъ Алексѣичъ:—ни полвальшнепа не тянетъ сюда болѣе.

Онъ опустилъ курки, закинулъ двустволку свою за спину, и пошелъ прямо, вдоль опушки, направляясь на эти выстрѣлы.

Онъ прошелъ съ полверсты—и никого не встрѣтилъ.

— А вотъ еще и новая просѣка, сказалъ онъ себѣ, останавливаясь у незнакомаго ему большаго каменнаго столба, имѣвшаго, догадался онъ, означать уголъ граничной черты Хомяковскаго лѣса отъ казенной пущи. По этой просѣкѣ несся теперь топотъ двухъ лошадей.

Коверзневъ остановился.

На встрѣчу ему быстро катила легонькая телѣжка, изъ рода тѣхъ, которыя на русскомъ югѣ зовутъ польскимъ названіемъ *нетычанокъ*, а въ ней сидѣла и правила кругленькою, ходкою лошадкою молодая женская особа въ черной шляпѣ съ птичьимъ крыломъ на боку. Капитанъ Переслѣгинъ, все въ томъ же своемъ костюмѣ счастливаго тирольца, верхомъ на худомъ, горбоносомъ и нещадно задиравшимъ вверхъ голову, казацкомъ конѣ, уткнувшись въ стремена тѣмъ особымъ аллюромъ пѣхотныхъ офицеровъ, надъ которымъ такъ потѣшаются истые кавалеристы, едва поспѣвалъ за этой особой, разражавшейся звонкими взрывами смѣха при каждомъ прыжкѣ легкой телѣжки на встрѣчныхъ, неизгнившихъ еще корняхъ срубленнаго лѣса просѣки.

Она первая замѣтила Коверзнева и откинулась спиною въ задокъ *нетычанки*, натягивая возжи—осадить разбѣжавшуюся лошадку.

Капитанъ, усиленно задавая каблуками въ бедра своего коня, вынесся впередъ, вообразивъ, что она уноситъ ее,—и увидѣлъ своего патрона... Онъ торопливо и смущенно соскочилъ съ коня, подхватилъ его подъ узцы одною рукою, а другою уцѣпился за возжу лошади своей спутницы.

Валентинъ Алексѣевичъ поморщился: онъ терпѣть не могъ никакихъ „почтительностей“, ни знаковъ вниманія“,—а тутъ кромѣ того, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстоялъ ему еще разговоръ съ этой незнакомкой, остановившейся очевидно съ цѣлью „поглазѣть“ на него.

Онъ не ошибся:

— Вы не на тягу-ли, позвольте васъ спросить? обратилась она къ нему звонкимъ, густымъ и нѣсколько горловымъ голосомъ.

Онъ не успѣлъ отвѣтить, какъ она живо наклонилась, подняла со дна *нетычанки* двухъ убитыхъ птицъ и потрясла ими высоко въ воздухѣ:

— А вотъ моя работа! И она при этомъ припрыгнула съ громкимъ смѣхомъ на своемъ мѣстѣ.

— Такъ это вы были? сорвалось невольно у Коверзнева при этомъ видѣ.

— Вы были также на пролетѣ, и я вамъ перебила!

воскликнула она, тотчасъ же догадавшись,—извините, пожалуйста!..

— Я вамъ говорилъ-съ, прошепталъ сконфуженно капитанъ, съ упрекомъ глядя на нее.

— Говорили, сто разъ говорили, и я васъ не послушалась, я все таки увѣрена, что васъ за это не лишатъ жизни, громко отвѣтила она. Ужасно лютъ капитанъ на счетъ вашей собственности! обратилась она уже прямо къ Валентину Алексѣевичу,—не то дичь, гриба не смѣй присвоить себѣ въ вашихъ владѣніяхъ!..

— Иванъ Николаичъ стоитъ во всякомъ случаѣ на законной почвѣ! сказалъ тотъ на это съ холодною шутливостью.

— Такъ точно-съ! подтвердилъ тѣмъ же шопотомъ капитанъ.

— Ахъ, Боже мой, да вы, можетъ быть, почитаете меня за нигилистку! вскрикнула словообильная особа, прищуриваясь на Коверзнева не то высокомѣрно, не то обиженно: вы очень ошибаетесь, предваряю васъ, monsieurs! Я, конечно, сочувствую современному гуманизму и презираю всякій регрессъ, но по убѣжденіямъ своимъ придерживаюсь гораздо болѣе позитивизма...

Она разсмѣялась еще разъ:

— Я и забыла что вы меня совсѣмъ не знаете... Капитанъ, дѣлайте ваше дѣло,—представьте меня!..

— Позвольте прежде всего представить вамъ себя, учтиво поспѣшилъ сказать Коверзневъ, приподымая шляпу и кланяясь.

— Ахъ, я васъ давно знаю! перебила она его:—вы нашъ, такъ сказать русскій Ливингстонъ и Стенли. Я о вашей книгѣ читала въ *Вѣстникѣ* и успѣла составить уже себѣ о васъ понятіе какъ о человѣкѣ интеллигентномъ... А вотъ я для васъ ничего болѣе какъ неожиданная встрѣча, не правда-ли?

— Я, дѣйствительно, не имѣю чести... пробормоталъ онъ, подымая и останавливая на ней неулыбавшіеся глаза.

Это была бѣлокурая, довольно свѣжая „барышня“ (барышня была она по всѣмъ признакамъ) со вздернутымъ, слегка румянымъ носикомъ, алыми губами и широкимъ развитіемъ плечей и груди, при чрезвычайно тонкомъ и длинномъ станѣ („Въ таліи комаръ, а въ плечахъ Волга—и даже въ весеннемъ разливѣ“, сказалъ себѣ Коверзневъ внутренно улыбнувшись). Въ выраженіи лица ея, въ ея движеніяхъ и тонѣ рѣчи была какая-то ребяческая смѣсь прирожденнаго добродушія и напускной самоувѣренности. Она прищурившись, чуть не дерзко, вся при этомъ невольно краснѣя, глядѣла на Валентина Алексѣевича, чрезвычайно озабоченная въ глубинѣ души тѣмъ впечатлѣніемъ, какое могла произвести выказанная ею сейчасъ „образованность“ на этаго „русскаго Ливингстона и Стенли“.

Онъ, въ свою очередь, производилъ на нее нѣсколько внушительное впечатлѣніе. Но она никакъ не хотѣла поддаться этому „унизительному“ чувству и продолжала еще съ большею развязностью:

— Ну, „не имѣете чести“, такъ отгадайте!.. Капитанъ, ни слова! Не умѣли сказать во время, теперь молчите! Я хочу чтобъ monsieur Коверзневъ отгадалъ... Ну, хоть собственное имя отгадайте!

— Я, право, не могу... молвилъ Валентинъ Алексѣевичъ, какъ бы безсознательно хмурясь.

— Очень трудно отгадать, это правда, у меня премудреное имя. Ну, такъ вотъ: Ина, Пинна, Рина, три дѣвицы, три великомученицы и три Римлянки—выбирайте!

Онъ, молча, только руками развелъ.

— Пинна Афанасьевна Левентюкъ, поспѣшилъ притти ему на помощь Переслѣгинъ. Ему было видимо не по себѣ отъ этаго разговора и онъ съ какою-то тайною тревогой переводилъ глаза съ дѣвушки на Коверзнева и обратно.

— Очень радъ, проговорилъ Коверзневъ, поспѣшно приподнялъ еще разъ шляпу, и разомъ двинулся съ мѣста.

— Куда же это вы? воскликнула дѣвушка,—теперь не до охоты, а домой скорѣй надо: видите, что̀ оттуда несетъ? И она, подобравъ возжи, кивнула подбородкомъ вверхъ.

Онъ моментально обернулся.

Уже охватившая полнеба, ползла съ востока поверхъ лѣсныхъ вершинъ, словно наровя задѣть ихъ своими темными краями, огромная темно-фіолетовая туча.

— Страшнѣющая гроза будетъ! вскинулся вдругъ испуганно капитанъ,—только, только до лѣсника въ Хомякахъ доѣхать!

— И напиться у него вашего чаю? вспомнилъ Коверзневъ:—спасибо вамъ за это, кстати, Иванъ Николаичъ! сказалъ онъ, ласково улыбаясь радостно вспыхнувшему отъ этихъ словъ Переслѣгину.

— Садитесь, monsieur, я васъ подвезу! поспѣшила предложить Пинна Афанасьевна.

Предстоявшій ливень не представлялъ ничего заманчиваго для Валентина Алексѣича, но онъ, съ другой стороны, не чувствовалъ себя въ достаточно хорошемъ настроеніи духа, чтобы слушать дальнѣйшую болтовню „развитой“ дѣвицы, какъ о ней выражался Софронъ Артемьичъ Барабашъ.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ онъ съ учтивой улыбкой,—не долги эти лѣтнія грозы. Я собрался въ Крусаново,—дойду, авось не растаю.

— Зальетъ-съ... дорогу, Валентинъ Алексѣичъ, глядя ему съ умоляющимъ видомъ въ глаза, возразилъ капитанъ.

Тотъ пожалъ плечами:

— Дѣло бывалое, Иванъ Николаичъ!.. Въ Крусановѣ опять сторожка и лѣсникъ, должно быть,—и прямо по просѣкѣ теперь? спросилъ онъ.

— На версту еще прямо просѣка пойдетъ, а тамъ дальше, изволите знать, трясина...

— *Вѣдьминъ Логъ*, знаю!

— Такъ точно-съ! Такъ мимо, подъ прямымъ угломъ, мы вправо повели; на прежнюю дорогу выходитъ, а съ нея опять просѣка до полянки, гдѣ тамошняго лѣсника изба. Версты четыре отсюда не менѣе идти надо дотолѣ. Позвольте доложить вамъ, Валентинъ Алексѣичъ, заговорилъ вдругъ капитанъ прерывающимся отъ волненія голосомъ,—не совѣтую вамъ... Пожалуй сейчасъ зги не увидать будетъ, и самое тутъ мѣсто ненадежное, болота кругомъ бездонныя... Не дай Богъ!..

— Съ дѣтства знаю я эти мѣста, Иванъ Николаичъ, не собьюсь, молвилъ Коверзневъ.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь отъ моего предложенія довезти васъ? спросила съ замѣтною досадою Пинна Афанасьевна.

— Искреннѣйше благодарю васъ, отвѣчалъ онъ,—но упрямство—мой порокъ...

— Вольному воля! Вы находитесь очевидно подъ вліяніемъ *аффекта*, но я не желаю попасть подъ ливень по вашему примѣру... Ѣдемте скорѣе, Иванъ Николаичъ.

— Позвольте, Валентинъ Алексѣичъ, предложилъ тотъ, вскарабкиваясь поспѣшно на лошадь,—я вотъ *ихъ* сейчасъ до Хомяковъ довезу, и вернусь къ вамъ съ экипажемъ. Не дай Богъ, ночь, гроза, опасно...

— А я знаете что вамъ скажу, перебила его вдругъ дѣвушка, оборачиваясь на Коверзнева изъ своей *нетычанки*,—все это старобарскіе капризы!

Его такъ и покоробило отъ этаго слова. Онъ холодно, коротко поклонился ей, свистнулъ своего сетера и не отвѣтивъ ни единымъ словомъ, быстро двинулся съ мѣста.

— А впрочемъ, не успѣвъ отойти и пяти шаговъ, сказалъ онъ себѣ усмѣхаясь,—оно и такъ пожалуй!..

И онъ какъ бы невольно оглянулся. Но телѣжка съ подпрыгивавшимъ на сѣдлѣ за нею капитаномъ быстро удалились въ сторону Хомяковъ.

(До слѣдующаго №).

Мать. Картина Жерара Доу. Для „Нивы" воспроизведено по старинной гравюрѣ И. Г. Вилля, Лефманомъ.

Къ преміямъ „Нивы" на 1880 годъ.

Сцены изъ „Демона" поэмы М. Ю. Лермонтова.

Двѣ картины придворнаго Е. И. В. художника М. Зичи.

Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона инаго:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ...

„Сказка для дѣтей", М. Лермонтова.

Такими стихами поэтъ характеризуетъ свое любимое юношеское произведеніе. Пораженный еще въ дѣтствѣ могучими красотами Кавказа полный мелодіи и музыки, звучавшаго тогда всею силою, пушкинскаго стиха, и въ то же время подавленный обаятельнымъ геніемъ Байрона—онъ долго лелѣялъ и носилъ въ своей душѣ мрачный, тоскующій, губящій все до чего коснется—образъ демона. Нѣсколько разъ онъ принимался за него (впервые еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ); нѣсколько разъ бросалъ онъ перо, чувствуя свое безсиліе. Только послѣ четырехъ предварительныхъ работъ разныхъ годовъ (1829, 1830, 1831, 1832), онъ создаетъ окончательно свою поэму, представляющую по блеску и силѣ стиховъ, удивительной яркости образовъ—одно изъ самыхъ крупныхъ явленій въ нашей поэзіи и создаетъ ее всего на двадцатомъ году своей жизни.

Въ „Демонѣ" такое обиліе самыхъ чудныхъ восточныхъ красокъ и образовъ,—что весь онъ представляется какой-то волшебной панорамой, рядомъ роскошныхъ видѣній, смутно летящихъ одно на смѣну другому—безконечной, фантастической вереницей. Недаромъ мыслью поэта такъ плѣнился композиторъ нашъ Антонъ Рубинштейнъ, что создалъ свою извѣстную оперу, пользующуюся такою популярностью и у насъ и за границей. Недаромъ Зичи,—одинъ изъ талантливѣйшихъ европейскихъ живописцевъ—столько разъ вдохновлялся его сюжетами, и вотъ теперь является передъ публикой съ двумя совершенно новыми, полными красоты и изящества картинами. Сама поэма получила у насъ настолько обширную извѣстность, что всякій мало мальски образованный человѣкъ считаетъ знакомство съ ней конечно обязательнымъ.

Чтобы явственнѣе возстали передъ читателями два главные момента, изображенные на нашихъ картинахъ, мы предлагаемъ прослѣдить за нами весь ходъ поэмы, отъ самаго начала („Пляска Тамары") и до конца,—(смерти Тамары).

Разсказъ начинается блестящей картиной полета Духа Зла надъ землею. Надъ горами Кавказа, надъ алмазною снѣговою глыбою Казбека, надъ тѣсниной нависшихъ надъ Терекомъ скалъ, несется изгнанникъ рая. Передъ нимъ проходятъ воспоминанія—

Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья...

Поэтъ рисуетъ передъ нами моментъ, когда онъ уже усталъ дѣлать зло... И вотъ онъ пролетаетъ надъ Грузіей, съ ея звонкобѣгущими ручьями, развѣсистыми рощами чинаръ, темными пещерами, ароматнымъ дыханьемъ южныхъ травъ, съ ея влажно-росистыми звѣздными ночами. Блуждая равнодушнымъ взглядомъ, онъ видитъ за Арагвой высокій домъ съ зубчатой башней. Домъ этотъ принадлежалъ старику князю Гудалу. Въ тотъ день у него былъ праздникъ: онъ сосваталъ свою дочь, Тамару—и на пиръ созвалъ родственниковъ. На плоской кровлѣ, устланной коврами, зазвучала зурна, раздались пѣсни, и вплоть до сумерекъ не смолкали веселыя игры. Красавица-невѣста пляшетъ лезгинку.

Онѣ (подруги Тамары) поютъ,—и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая,—
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится—глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка,
И улыбается она
Веселья дѣтскаго полна,
И лучъ луны по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость живой!...

Эти восьмнадцать строкъ и составляютъ содержаніе первой превосходной картины „Пляска Тамары".

И Демонъ ее увидѣлъ. Пораженной ея дивной красотой, онъ внезапно остановилъ свой полетъ. Въ его душѣ вдругъ отозвался какой-то далекій отзвукъ чего то святаго,—добра, любви, красоты... Мечтанья о прежнемъ счастьи опять ясно возстали передъ нимъ, и снова въ немъ заговорило чувство роднымъ, знакомымъ когда-то языкомъ. Онъ рѣшилъ, что Тамара должна принадлежать ему, и никому другому.

А между тѣмъ этотъ другой, женихъ Тамары, спѣшилъ на свадебное торжество. На взмыленномъ, золотистомъ аргамакѣ ѣдетъ онъ впереди каравана. Длинный рядъ верблюдовъ, звеня колокольчиками, едва переступаетъ подъ тяжелой ношей свободною ношей свадебныхъ даровъ. Увлеченный мечтами о своей красавицѣ-невѣстѣ, князь не замѣчаетъ, что ѣдетъ мимо часовни, гдѣ погребенъ какой-то святой, убитый нѣкогда на этой дорогѣ. Было принято всегда помолиться ему мимоѣздомъ: молитва обережетъ отъ недоброй встрѣчи. Но князь не видитъ ничего: Демонъ его смущаетъ грѣховными мыслями. Вдругъ впереди мелькнули двѣ фигуры, еще и еще. Раздался выстрѣлъ, сверкнула турецкая винтовка: караванъ наткнулся на разбойничью шайку. Робкіе вожаки-грузины сопротивлялись не долго,—часть ихъ полегла на мѣстѣ, остальные бѣжали. Князя лихой скакунъ вынесъ изъ боя, но чья то шальная пуля догоняетъ его,—и наноситъ смертельную рану. Конь продолжаетъ скакать знакомой дорогой съ мертвымъ, припавшимъ на гриву, всадникомъ, плотно задвинувшимъ ноги въ широкія стремена,—и кровь широкими струями расползается по цвѣтному, шитому шелками чепраку.

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запыленный,
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела,
Въ крови оружіе и платье,
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла...

Какъ громъ, небесная кара слетаетъ на беззаботную семью. Несчастная невѣста съ рыданьями опускается на постель и вдругъ слышитъ надъ собой, какой-то тихій, волшебный голосъ:

Не плачь дитя, не плачь напрасно,—
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ,—
Она лишь взоръ туманитъ ясный...

И звуки все льются, льются, голосъ неотвязно поетъ надъ ней... „Когда наступитъ ночь,—слышитъ она,—и очарованный міръ заснетъ, когда ночные цвѣты распустятъ свои лепестки, и мѣсяцъ встанетъ украдкой изъ за горы.—

Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать!.

Тамара слышитъ—душа рвется и кипитъ въ ней, по жиламъ пробѣгаетъ огонь: этотъ голосъ такъ чудно, такъ ново звучитъ ей. Только подъ утро засыпаетъ она, и сонъ ея полонъ

Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой.
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью,
И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ...
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ,—о нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!..

Окровавленный трупъ несчастнаго жениха похоронили подъ горой. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться новые претенденты на руку Тамары, но она всѣмъ давала рѣшительный отказъ. Печальные, странные сны стали ее смущать по ночамъ, она начала сохнуть, вянуть день ото дня, и наконецъ рѣшилась просить отца отпустить ее въ монастырь, думая тамъ найти покой своей больной душѣ. Ее постригли, но и здѣсь и

въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчей,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билось какъ и прежде.

Монастырь не далъ ей желаннаго успокоенія. Ни чудная природа юга, ни молитва—не примиряли ее съ жизнью. Часто сидѣла она по цѣлымъ днямъ у окна и кто-то шепталъ ей: „онъ придетъ!"—

Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей

Съ глазами полными печали,
И чудной нѣжностью рѣчей...
Ужь много дней она томится
Сама не зная почему,—
Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится *ему*.

И вотъ однажды, поздно вечеромъ, Демонъ прилетѣлъ къ обители, и задумчиво сталъ у высокой стѣны. Изъ окна Тамары лился тихій свѣтъ лампады: точно она ждала кого-то. Вотъ раздалось въ тиши пѣнье, подъ стройные звуки чингара; то была какая-то райская пѣсня, точно ангелъ украдкой прилетѣлъ сюда, и желая усладить муки павшаго духа, забытаго друга, снова пропѣлъ ему о быломъ.

Демонъ появляется въ кельѣ, и неожиданно встрѣчается съ ангеломъ-хранителемъ Тамары. Ангелъ отлетаетъ съ грустью, его вліяніе пришло слишкомъ поздно. „На сердце, полное гордыни,— говоритъ Демонъ,—я положилъ печать свою, здѣсь больше нѣтъ твоей святыни, здѣсь я владѣю, я люблю!

Демонъ начинаетъ рисовать ей яркими красками свою прежнюю жизнь, говоря, что ему нѣкогда въ раю одной ея не доставало, что онъ увидѣвши ее, вдругъ возненавидѣлъ и свою власть и безсмертіе... Онъ въ мрачномъ разсказѣ развертываетъ передъ ней картину той душевной пустоты, которая охватила его со времени появленія... Онъ требуетъ ея любви. Тамара сомнѣвается:

Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая...
О, пощади!.. Какая слава!
На что тебѣ душа моя?
Ужели Небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже...

Она требуетъ, чтобы онъ отрекся отъ злыхъ стяжаній. Демонъ обѣщается,—цѣлый рядъ картинныхъ, холодно-демоническихъ клятвъ сыплется съ его языка. Онъ обѣщаетъ примиренье съ небомъ, говоритъ, что хочетъ молиться, вѣровать въ добро,—оставить землю мирно доцвѣтать въ невѣдѣньи спокойномъ.—„Я у ногъ твоихъ, говоритъ онъ, сложилъ свою власть.

Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ.
Въ любви какъ въ злобѣ, вѣрь Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ...

Тамара начинаетъ уступать искушенію Злаго Духа. Но нѣжная душа ея не выдерживаетъ такого страданія, такого тяжкаго сознанія ужаса своего положенія—и она умираетъ и смерть искупляетъ ея колебанія дѣлаетъ ее вновь доступною райскому блаженству.

У гроба юной страдалицы собралась ея семья, съ старымъ Гудаломъ во главѣ. Этотъ моментъ превосходно изображенъ нашимъ художникомъ.

Какъ Пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала.
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
На вѣкъ опущены рѣсницы...
И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,—
Теперь одинъ ничтожный прахъ.
Улыбка странная застыла
Едва мелькнувши на устахъ,—
Но теменъ какъ сама могила
Печальный смыслъ улыбки той.
Утраченo ея значенье!..
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Ни разу не былъ въ дни веселья,
Тамары праздничный нарядъ:
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею...

Въ заключеніи драмы, поэтъ рисуетъ грандіозную сцену встрѣчи ангела и Демона. Ангелъ одерживаетъ побѣду и сіяя, уноситъ душу бѣдной Тамары въ райскую обитель, а Демонъ—

проклялъ побѣжденный,
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный,
Одинъ какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!..

Теперь, съ этимъ № «Нивы», картины Зичи въ огромномъ количествѣ разсылаются по всей Россіи. Каждый можетъ видѣть какъ тонко, изящно, и вмѣстѣ въ какихъ глубоко-художественныхъ образахъ, съумѣлъ Зичи воссоздать героиню Демона, въ двухъ главныхъ моментахъ: завязкѣ драмы, когда дѣтски счастливая, она пляшетъ лезгинку на кровлѣ роднаго дома и когда Демонъ видитъ ее и рѣшаетъ ея гибель и въ развязкѣ, когда умершую Тамару смерть освобождаетъ отъ ужасной власти Демона. Удивительно выдержанный колоритъ кавказскихъ сумерекъ, костюмы, типы, всѣ подробности, архитектурные мотивы, — все это исполнено удивительно живо и въ высшей степени граціозно. Экспрессія нѣкоторыхъ лицъ замѣчательно сильна, композиція безусловно превосходна. Какъ хорошо съумѣлъ авторъ во второй картинѣ устранить мрачность момента похоронъ! Эти цвѣты, ясный сильный свѣтъ дня, спокойствіе, чистота лица умершей—все указываетъ, что смерть Тамары—*есть освобожденіе ея, возрожденіе для райской жизни, прощеніе грѣшной мечты, примиреніе съ землею.*

Что же касается до технической стороны исполненія нашихъ премій, то мы считаемъ лучшимъ судьею въ этомъ дѣлѣ самаго автора акварелей, г. Зичи, изъ письма котораго по этому поводу приводимъ слѣдующее:

„Я только что получилъ, пишетъ г. Зичи, оттиски съ картинъ, предназначенныхъ для премій и спѣшу выразить полнѣйшее удовольствіе относительно ихъ выполненія. Если механическое производство доводится до такой высоты, какъ въ настоящемъ случаѣ, то на такія копіи можно смотрѣть какъ на самостоятельныя произведенія искусства, и радоваться, что своей доступностью онѣ вытѣснятъ скоро несчастныя попытки плохихъ копировщиковъ.—Моихъ картинъ издано много,—но къ сожалѣнію онѣ попадали въ руки публики въ совершенно искаженномъ видѣ. Даже лучшія изъ этихъ копій заставляли желать еще многаго. Совершенство вашихъ копій для меня новость, и я съ полнымъ довѣріемъ и удовольствіемъ принимаюсь за работу надъ новыми акварелями, порученными мнѣ вами для будущаго года“.

Понятно, какое важное значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ отзывъ самаго г. Зичи. Во всякомъ случаѣ, мы рекомендуемъ читателямъ *Нивы* наши преміи—какъ торжество современнаго искусства надъ трудностями техники, и смѣло заявляемъ, что подобныхъ, художественно выполненныхъ, премій безплатно не давалъ еще никогда ни одинъ журналъ ни въ Россіи ни за границей, гдѣ обычай даровыхъ премій совсѣмъ не практикуется.

Тотчасъ по появленіи нашихъ премій въ витринахъ магазиновъ столицы и редакціяхъ журналовъ, во всѣхъ главнѣйшихъ органахъ печати появились болѣе чѣмъ лестные отзывы о превосходныхъ произведеніяхъ Зичи. На сколько допускаетъ мѣсто, мы позволимъ себѣ здѣсь привести для примѣра нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ. Такъ напримѣръ въ **„Голосѣ“** отъ 19 Сентября 1880 г. № 259 говорится:

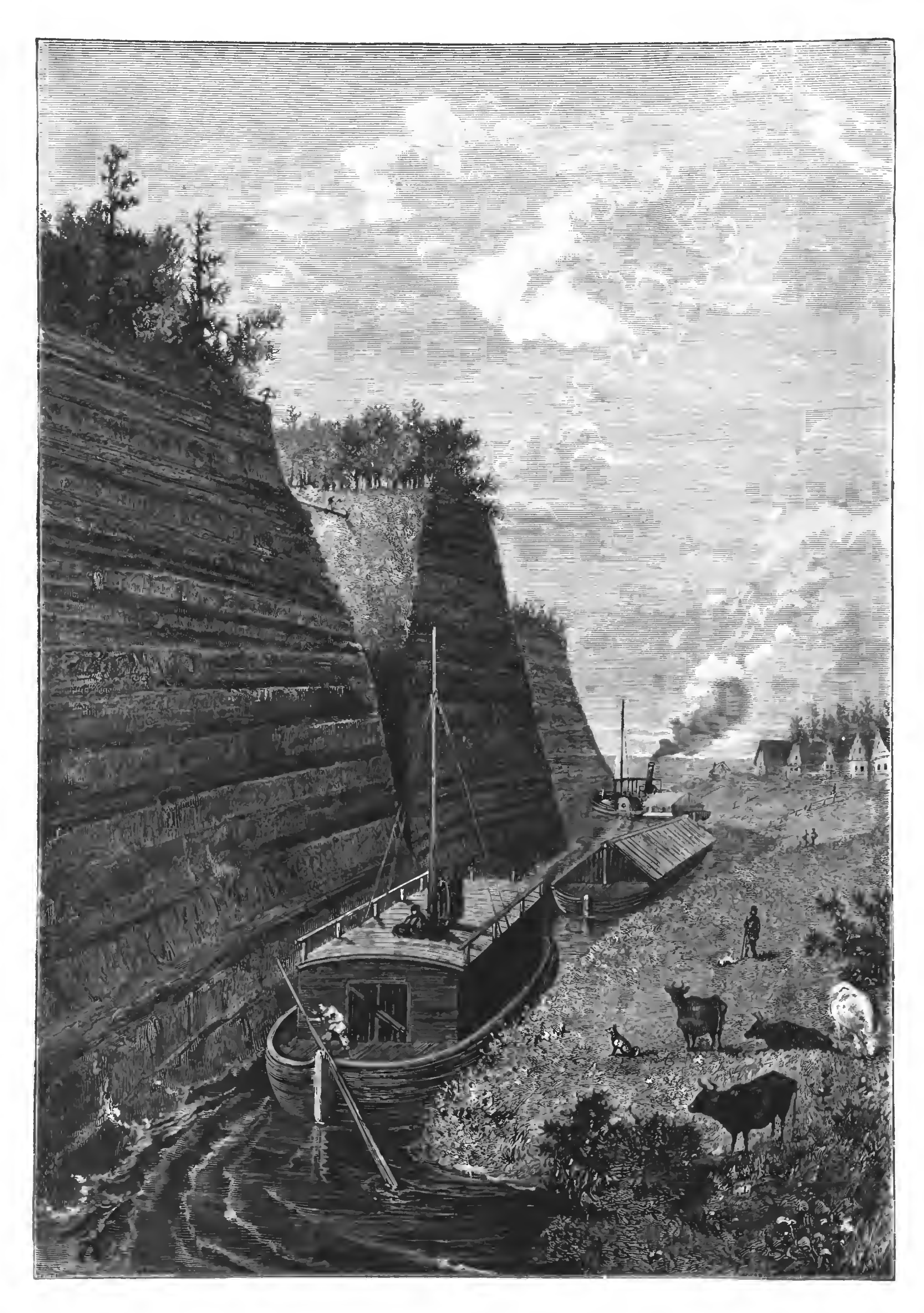
„Распространеннѣйшее изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи изданій, еженедѣльный иллюстрированный журналъ „НИВА“, какъ извѣстно, ежегодно даетъ своимъ подписчикамъ безплатныя преміи художественнаго характера. Намъ доставлены образцы премій „Нивы“ на нынѣшній годъ: это—двѣ громадныя картины, копіи съ акварелей, рисованныхъ извѣстнымъ иллюстраторомъ Лермонтова, профессоромъ Зичи. Содержаніе картинъ взято изъ „Демона“. Первая картина изображаетъ „Пляску Тамары“. Сцена чрезвычайно эффектна и много выигрываетъ отъ удачнаго освѣщенія, приданнаго ей талантливымъ художникомъ. Вторая картина „Тамара, оплакиваемая родными“—спокойный, кроткій ликъ умершей, которая „какъ Пери спящая мила“, плачущіе родные, духовенство, вся обстановка картины какъ нельзя болѣе вѣрно передаетъ трогательный моментъ поэмы. Выполненіе картинъ не оставляетъ желать лучшаго, какъ по отношенію къ концепціи, такъ и относительно безупречной, изящной техники“.

Въ **„СПБ. Вѣдомостяхъ“** отъ 17 сент. 1880 г. подъ № 256.

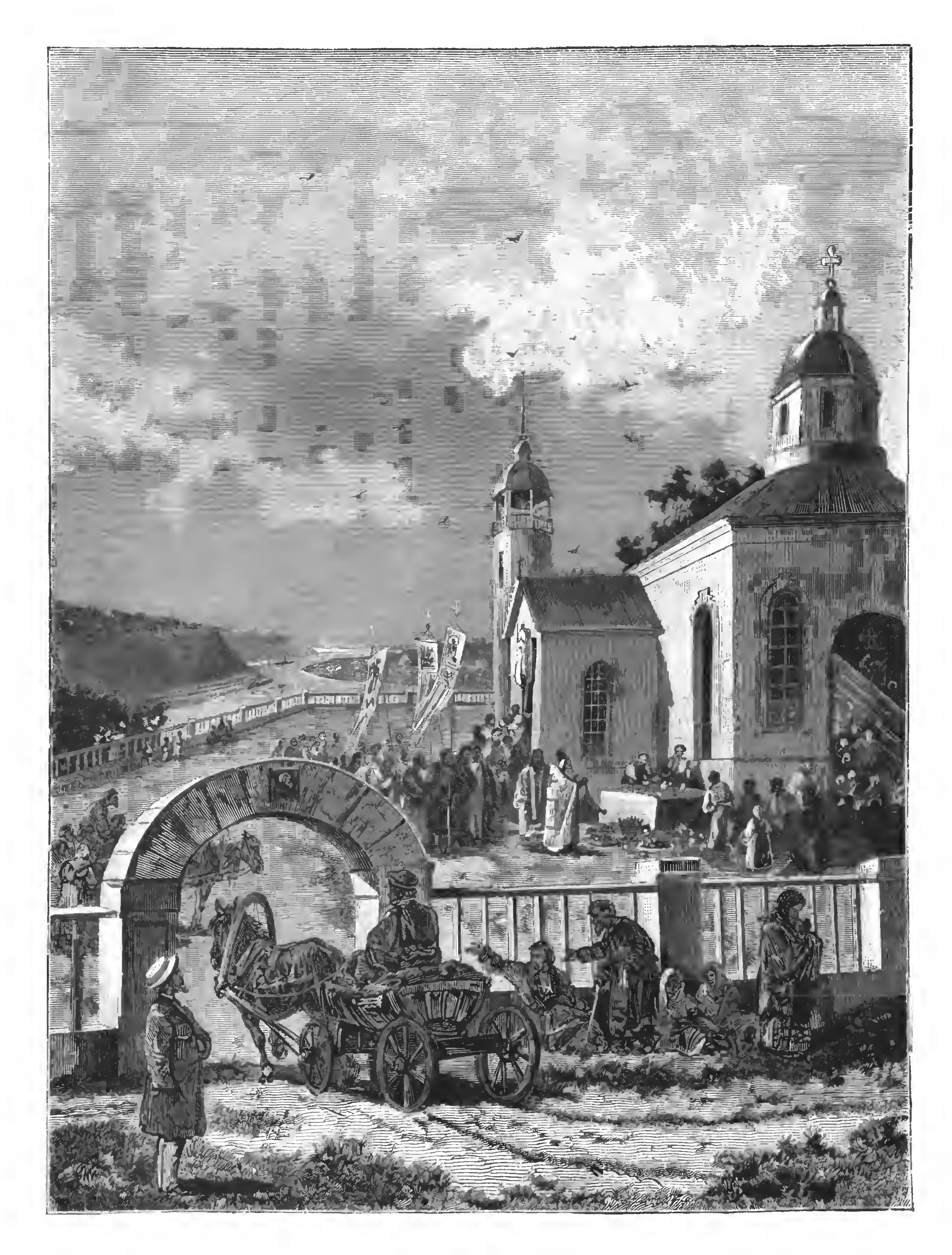
„Преміи журнала „Нивы“ за нынѣшній годъ — копіи съ акварелей, рисованныхъ Г. Зичи исключительно для „Нивы“. Содержаніе картинъ взято изъ „Демона“ Лермонтова, именно два момента представляющіе начало и развязку драмы. „Пляска Тамары“ (на кровлѣ сакли Гудала), когда она, еще дѣтски-счастливая, полная жизни, веселится въ кругу родныхъ и подругъ и когда рѣшается ея участь. Сцена, согласно тексту поэмы, происходитъ въ сумеркахъ. Это и есть, какъ извѣстно, собственно начало драмы, развязку которой представляетъ вторая картина: „Тамара, оплакиваемая родными“; здѣсь уже смерть служитъ разрѣшеніемъ. Смерть эта для Тамары—спасеніе и освобожденіе отъ власти Демона. Обѣ эти сцены ни разу еще не были воспроизведены русскими художниками и Г. Зичи именно настоящимъ образомъ отнесся къ предмету и съ изяществомъ и блескомъ изобразилъ эти сцены. Справедливость требуетъ сказать, что преміи превосходны и говорятъ о томъ мастерствѣ, съ которымъ Г. Марксъ ведетъ свое изданіе“.

Въ **«Journal de S. Petersbourg»** отъ 27 сент. 1880 г. за № 253.

„On sait que l'habile et intelligent éditeur de la *„Niva“*, A. F. Marcks, a l'habitude d'offrir chaque automne à ses abonnés une prime gratuite consistant en estampes d'une exécution vraiment artistique. Cette année, la prime se compose de deux belles grandes estampes chromolithographiées, représentant deux tableaux de Zichy, reproduisant des épisodes du *Démon* de Lermontow. La première de ces deux estampes représente l'héroïne du poëme, Tamara, dansant devant un groupe de Géorgiens; la seconde

На рѣкѣ Вологдѣ, близь деревни Опоки. Съ наброска Г. Кумминга, рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскін.

Праздничный день въ дер. Коченгѣ, на р. Сухонѣ. Съ наброска Кумминга, рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

nous montre Tamara morte et pleurée par son pére et ses parents, groupés autour de son cercueil, qui disparaît presque sous les fleurs. Le nom de M. Zichy suffit pour faire juger de la valeur de la composition de ces deux scènes, et quant à l'exécution des estampes, elle peut rivaliser avec tout ce qui se fait de mieux dans ce genre à l'étranger. M. Marcks offre là un cadeau vraiment splendide aux nombreux abonnés de son excellent journal."

Въ нѣмецкой газетѣ „St. Petersburger Zeitung" отъ 17 сент. 1880 г. за № 261 пишутъ:

„Die diesjährigen beiden Prämien-Bilder der «Niva» liegen uns vor. Die beiden schön ausgeführten Kunstblätter sind der berühmten Dichtung Lermontow's «Dämon» entnommen, und zwar dem Anfang und Ende des Dramas.—Auf dem ersten Bilde tanzt Tamara auf dem Dache ihres Vaterhauses in kindlich-glücklicher froher Jugendlust im Kreise ihrer Verwandten, beim Halblicht der eben untergehenden Sonne.—Das ist also die Entwickelung des dramatischen Verhängnisses im ersten Bilde,—während im zweiten Bilde: „Tamara von den Ihrigen betrauert" die Lösung dieses Verhängnisses dargestellt wird. Tamara ist befreit von dem auf ihr lastenden schweren Geschick, ihre Seele ist gerettet, und die friedliche Ruhe des Todes zeigt, dass sie zwar schwer gekämpft und gerungen — aber doch gesiegt hat, — im Tode noch bezaubernd schön, wie der Dichter sagt. — Zichy war der richtige Meister dazu, beide Momente so aufzufassen und zu gestalten. Die Ausführung der beiden Blätter ist durchaus befriedigend, das Kolorit warm, die Darstellung liebevoll detaillirend. Die Bekanntschaft mit Lermontow's phantasievoller Dichtung wird auch in unseren deutschen Kreisen ein lebhaftes Interesse für die schönen Prämienblätter erwecken, die der Herausgeber der «Niva» mit einer, bei dem niedrigen Jahresabonnement von 4 Rbl. doppelt anerkennenswerthen Freigebigkeit vollkommen gratis seinen Lesern darbietet."

Подобные же отзывы появились и въ разныхъ другихъ русскихъ изданiяхъ („Нов. Вр"., „Пет. Газ". и мног. друг.) которые мы за неимѣнiемъ мѣста здѣсь не приводимъ.

На джонкѣ.

(Изъ жизни пиратовъ Китайскаго моря).

Разсказъ **Фр. Герштекера.**

Прошло уже не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ англичане завладѣли Гонконгомъ на китайскомъ берегу. Всѣми силами старались они здѣсь укрѣпиться и найти доступъ къ Небесной Имперiи. Англичане миссiонеры и купцы кишѣли въ странѣ.

Въ это время около береговъ Китая водилось множество морскихъ разбойниковъ, китайцевъ и малайцевъ. На своихъ джонкахъ — съ виду неуклюжихъ, но очень быстрыхъ лодкахъ, они сновали внизъ и вверхъ между островами остъ-индскаго архипелага, преслѣдуя и грабя торговые корабли, въ надеждѣ захватить грузъ опiума, не пренебрегая и другими товарами, отступали они только передъ вооруженными военными кораблями европейцевъ.

Англичане и Голландцы, какъ наиболѣе заинтересованные въ безопасности этихъ водъ, строго преслѣдовали пиратовъ, хотя и не всегда успѣшно. Тысячи островковъ съ безчисленными бухтами, подводными камнями и отмелями, затрудняютъ преслѣдованiе. Это одна изъ причинъ, что морскiе разбойники не перевелись до настоящаго времени, не смотря на множество европейскихъ колонiй. Морскимъ разбоемъ занимались по преимуществу китайцы и малайцы, иногда попадались арабы и въ рѣдкихъ случаяхъ европейцы.

Въ Ноябрѣ 1848 года дулъ сильный сѣверо-восточный муссонъ, большая часть пристающихъ въ Гонконгѣ джонокъ, избирали южную часть острова, гдѣ онѣ были болѣе защищены отъ свирѣпствовавшаго вѣтра. На маленькихъ лодкахъ онѣ вели дѣятельное сообщенiе съ материкомъ, скупали, выгружали и нагружали товары. Одна изъ джонокъ отличалась особенно изящнымъ видомъ; на носу ея были нарисованы два огромныхъ глаза, какъ и на прочихъ джонкахъ, а на кормѣ—стояло вырѣзанное красными буквами на малайскомъ языкѣ имя „Орангъ-Макангъ", въ переводѣ — „Людоѣдъ".

Флага на ней не было; безъ шума проскользнула она утромъ между другими лодками, безъ шума встала на якорь, и цѣлый день никто на ней не показывался. Только въ сумерки нѣсколько человѣкъ, въ полуевропейскихъ, полуазiатскихъ костюмахъ, отправились на своей шлюпкѣ на берегъ, гдѣ оставались до поздней ночи, и такъ же тихо и таинственно вернулись на свое судно.

Гонконгъ—вольный портъ, а потому ни полицейскiе, ни таможенные чиновники не тревожатъ прибывающiе корабли. Не смотря на это джонка все же обратила на себя вниманiе англiйскихъ чиновниковъ, которые на слѣдующiй день, въ сопровожденiи двухъ китайцевъ, подъѣхали къ джонкѣ и потребовали у владѣльца ея бумаги.

Чиновникъ вовсе не былъ удивленъ, увидѣвъ что хозяинъ джонки его соотечественникъ. Мистеръ Мооръ представилъ всѣ нужныя бумаги и выразилъ удивленiе, по поводу ихъ требованiя, такъ какъ этого никогда не бывало. Люди экипажа, вызванные на палубу, состояли только изъ китайцевъ, были совершенно здоровы и отличались опрятностiю, а на заданные вопросы отвѣчали скоро и толково. По словамъ мистера Моора, онъ прiобрѣлъ по сходной цѣнѣ эту джонку отъ Китайскаго купца. Не имѣя достаточно средствъ на покупку большаго судна, онъ на этомъ плаваетъ у береговъ Китая и остъ-индскаго архипелага, занимаясь покупкою сырыхъ продуктовъ, для доставленiя ихъ на европейскiе корабли для продажи, или для обмѣна на другiе товары. Въ Гонконгѣ онъ остановился только для того, чтобы запастись свѣжей водой и, при случаѣ купить на наличныя деньги нѣсколько ящиковъ опiума. Чиновникъ повидимому остался доволенъ объясненiемъ, возвратилъ бумаги, шепнулъ нѣсколько словъ китайцамъ и уѣхалъ, отклонивъ предложенiе капитана выпить стаканъ хереса.

Проводивъ чиновниковъ, капитанъ Мооръ не могъ воздержаться отъ насмѣшливой улыбки. На видъ мистеру Моору было около 45 лѣтъ; это былъ человѣкъ очень крѣпкаго сложенiя съ прекрасными, темными, вьющимися волосами и гладко выбритымъ лицомъ. Ходилъ онъ въ обыкновенномъ матросскомъ платьѣ, синей курткѣ и бѣлыхъ панталонахъ. На головѣ носилъ китайскую пробковую шапочку и подпоясывался китайскимъ краснымъ поясомъ, за которымъ, вмѣсто всякаго оружiя, висѣла короткая трубка прекрасной работы.

Когда лодка съ чиновниками совсѣмъ скрылась изъ виду, Мооръ, насвистывая какой-то мотивъ, подошелъ къ лѣстницѣ, ведущей въ каюту и смѣясь закричалъ:

— Бенъ-али, выходите, все сошло благополучно, они уѣхали! Что за проклятыя, пытливыя лица у чиновниковъ ея величества и что за дурацкiя рожи у этихъ сыновъ небесной имперiи.

Изъ люка показалась голова въ тюрбанѣ, а затѣмъ появился Бенъ-али, въ одеждѣ араба.

— Не правъ ли былъ я, сказалъ онъ, лукаво посмѣиваясь, что это тѣже китайскiя длинныя косы, у которыхъ мы отняли въ прошломъ году грузъ опiума? Я узналъ ихъ съ перваго взгляда, въ окошко каюты.

— Во всякомъ случаѣ ты правъ, Бенъ-али, „жемчужина пустыни" отвѣчалъ, не переставая смѣяться, Мооръ, и я ихъ тотчасъ же узналъ, какъ только взглянулъ на ихъ противныя рожи. Только что возбудило подозрѣнiе этихъ косоглазыхъ? Не могу отгадать. Кажется мы не жалѣли издержекъ, чтобы придать другой видъ нашей джонкѣ, и не успѣли мы пристать, какъ ужъ эти негодяи выросли точно изъ подъ земли. Хорошо еще, что я не послушался тебя и сбрилъ бороду — „украшенiе мужчины" — какъ ты говоришь. Конечно, они не могли запомнить хорошо моего лица, но сильно мнѣ недовѣряли, а одинъ изъ нихъ просто не хотѣлъ отвести отъ меня глазъ. Жаль, что они не захотѣли зайти ко мнѣ въ каюту, тамъ бы я ихъ такъ угостилъ, что они не забыли бы этаго всю жизнь.

— Все это прекрасно, отвѣчалъ Бенъ-Али, на этотъ разъ мы счастливо отдѣлались. Не мѣшаетъ однако поскорѣе отсюда убраться, а то наврядъ ли наши китайцы удовольствуются такимъ поверхностнымъ осмотромъ.

— Напрасное безпокойство, отвѣчалъ Мооръ со смѣхомъ, администрацiя удовлетворится донесенiемъ своихъ чиновниковъ. Кромѣ того, не думаете ли вы Бенъ, что я упущу добычу, которая сама идетъ къ намъ въ руки. Вонъ тѣ двѣ маленькiя джонки нагружены опiумомъ до краевъ. Дайте имъ только отплыть и мы снимемся съ якоря. Чортъ побери косоглазыхъ, подозрѣвай они насъ серьезно, не ушли бы такъ скоро.

— Оставьте ихъ въ покоѣ, сказалъ Бенъ-Али, эти люди отлично знаютъ что дѣлаютъ; они чувствуютъ себя также безопасно подъ охраною пушекъ того маленькаго форта, какъ въ самомъ центрѣ ихъ *небесной имперiи.*

— Конечно, сказалъ Мооръ, окидывая испытующимъ взглядомъ близлежащiй фортъ. Чортъ возьми, Бенъ, если-бы я былъ увѣренъ, что наши сосѣдки не уступаютъ намъ въ быстротѣ хода, я бы сцѣпился тотчасъ съ ними и увелъ бы съ собою. Экипажа у насъ достаточно. И тогда вонъ тотъ военный корабль, что качается тамъ словно утка, напрасно посылалъ бы вслѣдъ за нами свои выстрѣлы. Во всякомъ случаѣ вѣрнѣе подождать денька два. А то всѣ джонки поднимутъ страшную тревогу и окружатъ насъ какъ вороны ястреба.

— Это чистое сумасшествiе было бы, отвѣчалъ спокойно арабъ, между тѣмъ по его вспыхнувшимъ глазамъ замѣтно было, что онъ вовсе не считаетъ неисполнимымъ этотъ смѣлый планъ.

— Сумасшествiе! вскричалъ Мооръ, а развѣ это было менѣе рисковано, когда вы, въ лунную ночь, вывели изъ Сингапура лодку данцигскаго купца, перегрузили кладь на свою джонку и передъ утромъ уже были на пути въ Малакку?

— Да, но тогда я былъ лѣтъ на шесть моложе, а вы были у меня штурманомъ.

— А теперь, когда я сталъ вашимъ компаньономъ, сказалъ Мооръ, мы не хуже обдѣлаемъ дѣльце.

— Не слѣдуетъ напрасно подвергаться опасности. А то здѣсь плаваетъ много лодокъ, которыми мы можемъ воспользоваться. Штука положимъ была бы славная для этого военнаго корабля. Впрочемъ, мой совѣтъ отплыть сегодня вечеромъ по вѣтру въ открытое море, вдоль берега, а ночныя джонки не уйдутъ отъ насъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Мооръ. А теперь людямъ надо подышать воздухомъ. За шканцами ихъ никто не увидитъ, а внизу очень жарко.

Бенъ Али спустился внизъ, и вскорѣ затѣмъ оттуда выползло около четырнадцати, дикаго вида, вооруженныхъ пистолетами малайцевъ, которые вопросительно устремили глаза на своего бѣлаго предводителя.

— Немного терпѣнья, молодцы, сказалъ смѣясь Мооръ, теперь недолго вамъ жариться внизу; обѣщайте мнѣ еще сутки сидѣть смирно.

Рѣчь велась на малайскомъ языкѣ, и одинъ изъ людей, лицо и грудь котораго были изборождены глубокими шрамами, проговорилъ:

— Все будетъ въ порядкѣ, капитанъ — пока мы не теряемъ изъ виду нашихъ сосѣдей. Бѣлыхъ проведетъ мистеръ Мооръ, ему это не впервые.

При этомъ онъ отдернулъ уголокъ ковра, чтобы свободнѣе оглядѣть окрестность.

— Вотъ какъ, вскричалъ онъ вдругъ, тотъ бригъ, готовится отплывать! Тѣмъ лучше, намъ будетъ свободнѣе, тѣ двѣ лодки на берегу нейдутъ въ счетъ.

Мооръ взялъ подзорную трубу и сталъ внимательно вглядываться.

— Твоя правда, кажется все дѣло у нихъ готово и якорь снятъ; цѣпь качается.

— Можетъ быть они идутъ на другую стоянку, замѣтилъ другой малаецъ.

— Очень вѣроятно, не собираются же они посѣтить насъ, вскричалъ Мооръ.

— Было бы недурно, сказалъ Бенъ Али, вышедшій на палубу и по приготовленіямъ корабля догадавшійся о чемъ шла рѣчь. Но мнѣ кажется, легче было бы послать къ намъ шлюпку.

— А наша лодка съ водой все не возвращается, проворчалъ Мооръ.

— Пустяки, отвѣтилъ арабъ, воды у насъ еще довольно и вѣдь нужно же было найти предлогъ для нашей стоянки.

— Конечно сказалъ Мооръ, но на материкѣ этаго не знаютъ, и навѣрное удержали лодку, чтобы заставить насъ заждаться.

— Сильно ошибутся, засмѣялся Бенъ Али. Однако очень скверно, если этотъ корабль со своими пушками придвинется къ намъ. Впрочемъ, мы тоже можемъ по какой нибудь причинѣ измѣнить мѣсто стоянки. Посмотримъ, что будетъ дальше.

Вниманіе экипажа джонки было всецѣло обращено на маневрированіе военнаго корабля, который дѣйствительно снялся съ якоря и при небольшомъ вѣтрѣ сталъ подвигаться по направленію къ джонкѣ. На разстояніи однаго кабеля, онъ вдругъ бросилъ якорь, качнулся и сталъ неподвижно, бокомъ къ джонкѣ. Нѣсколько секундъ спустя паруса, поднятые для маневровъ, были свернуты и никакое движеніе на борту не указывало на намѣренія корабля.

Экипажъ джонки слѣдилъ за всѣмъ этимъ и вовсе не былъ покоенъ.

— Чортъ возьми, сказалъ Мооръ, отнимая теперь трубу отъ глазъ, неужели мѣсто для нихъ обмельчало? Но тамъ же стоитъ не меньшее судно — ужь не замышляютъ ли они чего нибудь.

— Это мы скоро узнаемъ, скорѣй ребята внизъ! проговорилъ Али, и сидите смирно, пока я не позову. Отъ корабля идетъ лодка—кажется къ намъ.

— Да, сказалъ Мооръ, опять наводя трубку на корабль, въ лодкѣ сидятъ три офицера или три чиновника.

— Который правитъ, должно быть боцманъ.

— Нѣтъ, три еще, кромѣ него. Чортъ возми, и сталъ же корабль такъ, что нѣсколькими выстрѣлами можетъ совершенно насъ уничтожить.

— До этаго дѣло не дойдетъ, замѣтилъ Бенъ Али. Однако не сойти ли нашимъ внизъ.

— Я думаю такъ будетъ лучше. И не показывайтесь пока. Если же они прійдутъ въ каюту и спросятъ кто вы, скажитесь купцомъ, у котораго я закупилъ опіумъ и что вы ждете вашу лодку. Они долго не останутся, да если бы имъ пришла охота осмотрѣть трюмъ, то тамъ они ничего не найдутъ.

— А въ крайнемъ случаѣ...

— Велика бѣда! правда, теченіе намъ противное за то вѣтеръ попутный.

— Въ крайнемъ случаѣ, будемъ рисковать. Можетъ быть намъ удастся пробраться въ открытое море. Во всякомъ случаѣ, живыми въ руки не дадимся!

— Вотъ наши гости! и Бенъ Али скрылся въ каюту.

Въ это время съ подъѣхавшей лодки раздалось требованіе перекинуть канатъ; это было исполнено. Затѣмъ изъ лодки офицеры вошли на палубу и привѣтствовали владѣльца джонки вѣжливо, но сухо.

— Что доставляетъ мнѣ честь вашего посѣщенія, сказалъ Мооръ, поглядывая на качающійся на волнахъ военный корабль. Чѣмъ могу я быть полезенъ?

— Вы владѣлецъ этаго судна? спросилъ офицеръ, не отвѣчая прямо на вопросъ Моора.

— Да, былъ короткій отвѣтъ.

— Ваше имя?

— Джемсъ Мооръ; сегодня утромъ меня ужь объ этомъ спрашивали, я крайне удивленъ...

— Мистеръ Мооръ, именемъ закона приказываю вамъ не сниматься съ якоря впредь до новаго распоряженія.

— Я дожидаюсь воды, отвѣчалъ Мооръ, и какъ только ее получу, не вижу, что бы могло мнѣ препятствовать сняться.

— Мнѣ очень непріятно противорѣчить вамъ, отвѣчалъ вѣжливо офицеръ, но я долженъ буду стрѣлять по васъ, при первой попыткѣ къ бѣгству.

— Къ бѣгству! вскричалъ Мооръ запальчиво, развѣ мои бумаги не въ порядкѣ. И здѣсь были уже чиновники для свидѣтельствованія? Я не понимаю, что за причина...

— На сколько мнѣ извѣстно, ваше судно еще не подвергалось свидѣтельствованію, отвѣчалъ офицеръ. но такъ какъ сегодня уже поздно, то я вамъ оставлю своихъ двухъ товарищей. Очень желаю, прибавилъ онъ дружески, чтобы все оказалось простымъ недоразумѣніемъ, все объяснится завтра. А пока прошу васъ покориться неизбѣжному...

— Ваши товарищи останутся здѣсь?

— Да, это приказаніе капитана. Кромѣ того, прошу васъ вывѣсить на носу фонарь и всякій разъ какъ теченіе измѣнится, переставлять и фонарь, чтобы онъ постоянно былъ у насъ на виду. Иначе какъ только огонь потухнетъ, нашимъ лодкамъ приказано немедленно стрѣлять по васъ. Но вы сами хорошо знаете, чему можете подвергнуться.

— Противъ силы ничего не подѣлаешь, сказалъ Мооръ. Я невооруженъ и не могу ничего противопоставить вашимъ пушкамъ. Но надѣюсь, что завтра все объяснится. Притомъ и вода недоставлена мнѣ сегодня и я право въ большомъ затрудненіи—у насъ нѣтъ ни капли воды.

— Сегодня я вамъ пришлю боченокъ воды. Мистеръ Болардъ, сказалъ онъ обращаясь къ товарищу, вы знаете свои обязанности, а мистеръ Певтонъ послѣдитъ за вывѣшиваніемъ фонаря.

Затѣмъ офицеръ простился и уѣхалъ, а четверть часа спустя была доставлена обѣщанная вода. Англичане-офицеры ходили взадъ и впередъ по палубѣ, недоумѣвая какъ держать себя со своими полуарестантами.

Мооръ, извинившись передъ посѣтителями, пошелъ узнать получили ли люди воду, затѣмъ вернувшись пригласилъ ихъ осмотрѣть свою каюту.

Кормчій Пэвтонъ ушелъ распорядиться, чтобы вывѣсили фонарь, на военномъ кораблѣ былъ поставленъ такой-же точно сигналъ, а лейтенантъ Болардъ спустился въ каюту джонки. Ему очень хотѣлось видѣть внутреннее устройство судна, о которомъ на его бригѣ ходили такіе разнорѣчивые и странные слухи.

На основаніи этихъ слуховъ и своихъ предположеній, онъ строго приказалъ своему кормчему быть на сторожѣ и зорко слѣдить за всѣмъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ маленькую привѣтливую каюту самаго уютнаго и мирнаго вида.

Полъ каюты былъ устланъ бѣлыми деревянными матами, стѣны обвѣшаны пестрыми, дорогими коврами, а висячая европейская лампа распространяла мягкій и пріятный свѣтъ.

За укрѣпленнымъ по срединѣ столомъ сидѣлъ Бенъ-Али, курилъ трубку и такъ казался занятымъ вычисленіями, что не замѣтилъ вошедшихъ. Тогда только онъ оглянулся, когда Мооръ назвалъ его по имени.

Нигдѣ ни признака оружія, за исключеніемъ двухъ винтовокъ—неизбѣжной принадлежности всякаго судна, плавающаго въ Остъ-Индскомъ архипелагѣ. Да и тѣ повидимому давно не были въ употребленіи, что тотчасъ замѣтилъ опытный глазъ Боларда.

Болардъ поклонился арабу.

— Право мистеръ Мооръ, глядя на вашу джонку снаружи, трудно подозрѣвать, что у васъ такая хорошенькая каюта.

— Корабль нашъ родной домъ, отвѣчалъ Мооръ, и всякій старается украсить его какъ можетъ лучше.

— Но у васъ вовсе нѣтъ оружія. Не думаю, чтобы было достаточно этихъ двухъ ружей при столкновеніи съ малайскими пиратами.

— Ну тогда эти немного защитятъ, засмѣялся Мооръ, подходя къ шкапу и вынимая оттуда бутылку и стаканы. Это мнѣ досталось вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ отъ прежняго владѣльца джонки. Мои же ружья и пистолеты повѣшены у меня надъ кроватью, а для людей у меня припасенъ цѣлый ящикъ сабель, на случай нападенія. Вы сами хорошо знаете, что китайцы почти не умѣютъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Надѣюсь, вы не откажетесь отъ стакана хереса.

— Очень вамъ благодаренъ.

— Вы мнѣ позволите присоединиться къ вамъ. По тѣмъ слухамъ, которые объ насъ распространяются, вы пожалуй не прочь счесть меня и отравителемъ.

— Помилуйте!

— Да ужъ вѣрно! смѣялся Мооръ, выпивъ самъ.

— Теперь, продолжалъ онъ, пододвигая бутылку лейтенанту. вы можете быть совершенно покойны; и если вы позволите, я попрошу вашего товарища прійти тоже сюда.

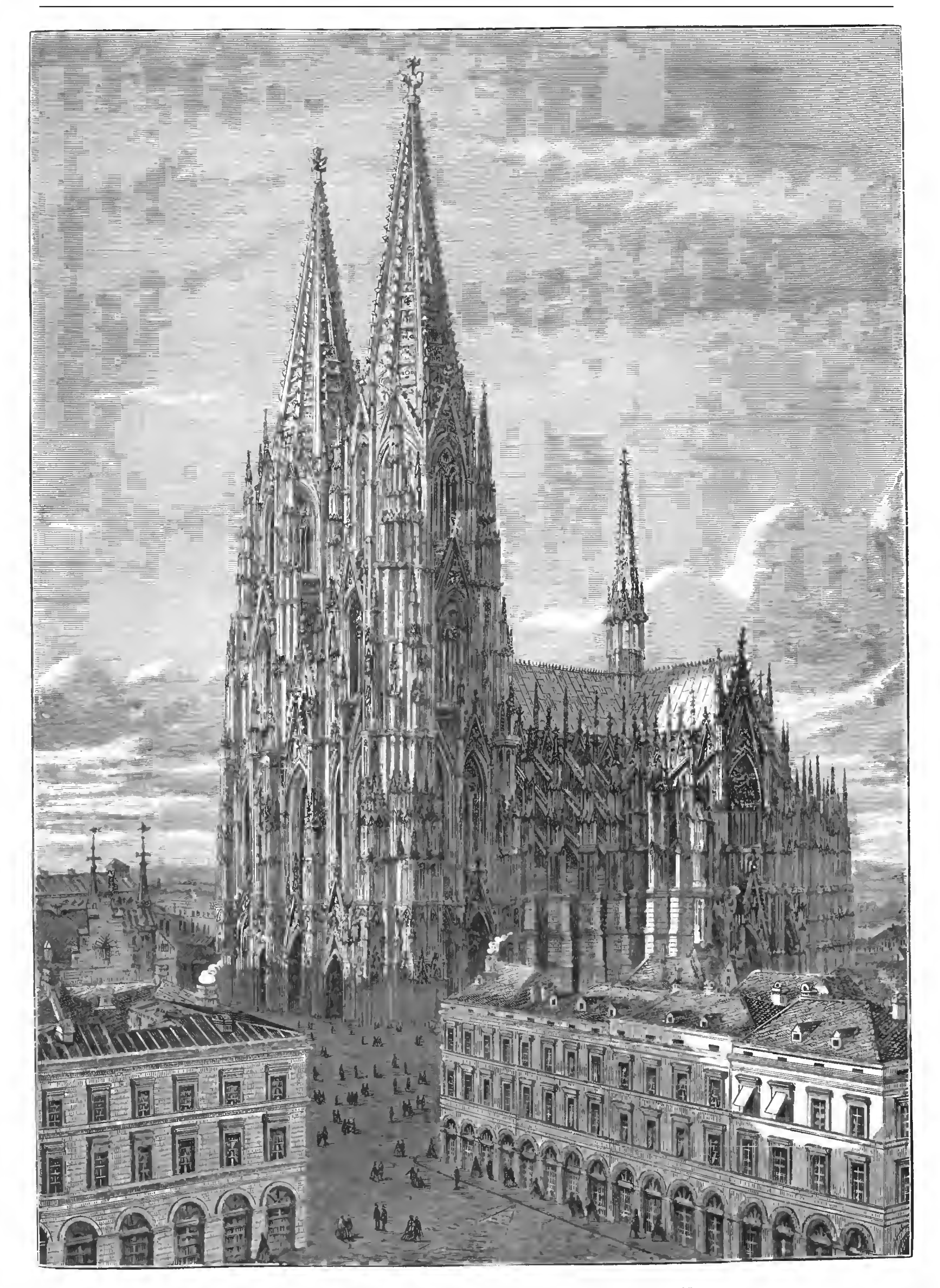
(Окончаніе въ слѣд. №).

Маленькая гречанка. Картина Добсона, грав. Вебстеръ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

При этомъ № прилагаются для удобства гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, **подписной бланкъ** и **конвертъ** съ адресомъ редакціи для **заблаговременнаго возобновленія подписки** на журналъ „Ниву“ въ **1881** году.

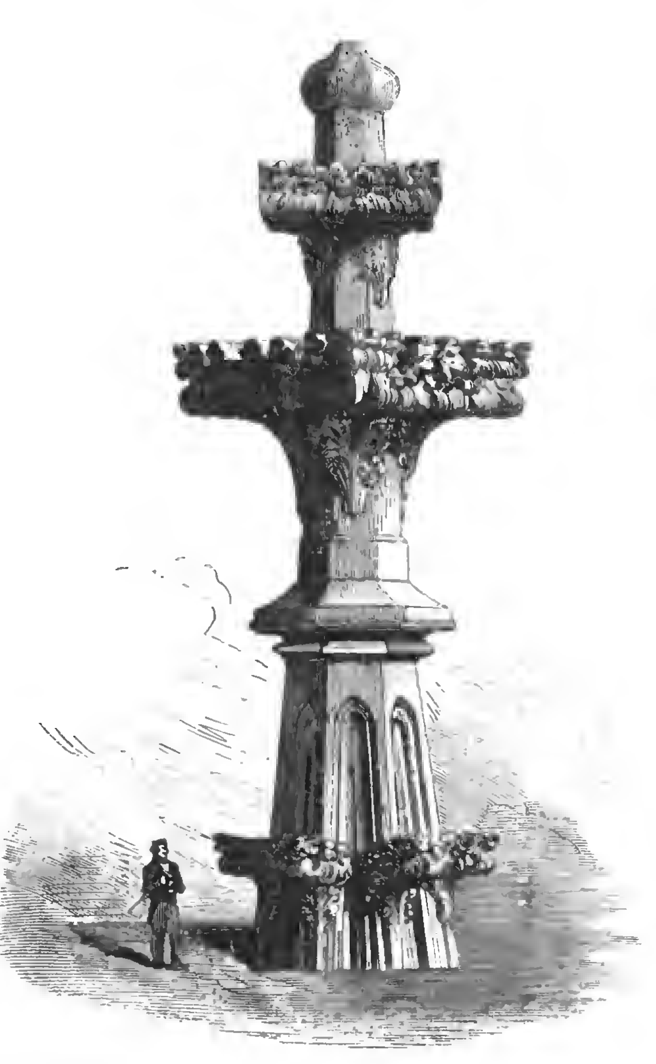

Общій видъ Кельнскаго собора. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Кельнскій соборъ.

(Торжество по поводу окончанія Собора 3 Окт. сего года).

Кельнъ — Colonia Aggripinesis римлянъ, служившій главнымъ пунктомъ округа Нижней Германіи, можетъ считаться однимъ изъ древнѣйшихъ мѣстъ насажденія христіанства на Рейнѣ. Еще въ римское время городъ этотъ обладалъ своимъ капитоліемъ, превратившемся впослѣдствіи въ католическую церковь св. Маріи, прекрасный храмъ романскаго стиля. Сооруженная римлянами большая дорога (слѣды ея сохранились и до сихъ поръ) изъ Кёльна въ Триръ, много способствовала къ развитію Кельна въ торговомъ и промышленномъ отношеніи; въ окрестностяхъ открыты остатки работъ по разработкѣ свинцовыхъ залежей, водопровода и др. Все это разрушено еще въ эпоху переселеній народовъ. То, что оставалось отъ древняго Кёльна, уничтожено въ 356 г. при первомъ набѣгѣ франковъ, которые, въ качествѣ своего рода авангарда великаго переселенія народовъ, осадили городъ, взяли его приступомъ и разрушили. Кёльнъ началъ было „возникать изъ пепла", но, послѣдовалъ вторичный набѣгъ тѣхъ же франковъ и вновь все было предано огню и мечу. Наконецъ, въ V вѣкѣ всесокрушающее нашествіе Аттилы, надвигавшагося тогда на Галлію, почти стерло съ лица земли послѣдніе слѣды древняго города. Но не суждено было зарости быльемъ этому уголку земли, освященному великими воспоминаніями древности и кровью жертвъ. Въ Кёльнѣ, со времени епископа Льва Великаго, твердою ногою устанавливается прочно организованная христіанская община и Церковь. Мало по малу возникла здѣсь „Colonia Sancta", „Святой Кельнъ". Образовалось смѣшанное населеніе изъ древнѣйшаго ядра съ франками, аллеманами, батавами. Много содѣйствовало этому самое удобство мѣстности, расположенной на главномъ торговомъ пути тогдашней Германіи. Въ концѣ XIII-го столѣтія впервые явилась мысль о сооруженіи новаго храма. Мысль эта принадлежала Конраду фонъ Гохштадену (или Гохштедену). Планъ, по своей грандіозности, вполнѣ соотвѣтствовалъ характеру времени. Первый камень могучаго зданія положенъ въ 1284 г., на мѣстѣ прежде стоявшаго здѣсь христіанскаго храма. Образцомъ служилъ Аміенскій соборъ — чистѣйшій, совершеннѣйшій идеалъ готическаго стиля. Къ сожалѣнію, исторія не сохранила имя великаго творца собора и только по однимъ неясимъ указаніямъ предполагаютъ, что это Гергардтъ. Сооруженіе шло медленно; въ 1322 г. была готова только одна незначительная часть. Затѣмъ недостатокъ средствъ вѣроятно, охладилъ и самое рвеніе. Одно остановилось на возведеніи фундамента, другое выполнено проще, чѣмъ предполагалось вначалѣ, девяносто лѣтъ понадобилось только для приведенія южной башни въ такое состояніе, чтобы можно-было повѣсить колокола. Четыреста лѣтъ оставался недостроеннымъ корпусъ собора (Дома). То была грустная картина разрушеннаго величія... Бурное время французской революціи, разрушившей столь много историческихъ памятниковъ, едва не было отмѣчено разрушеніемъ и Кельнскаго сооруженія; въ одно изъ вторженій французскихъ войскъ предполагалось уничтожить это великое произведеніе средневѣковаго германскаго художественнаго генія. Въ Германіи Гете, Тикъ и Шлегель старались привлечь образованный классъ къ участію въ довершеніи собора. Наконецъ, нашелся человѣкъ, принявшійся за дѣло „довершенія" и всецѣло посвятившій ему себя. Это былъ одинъ богатый Кельнскій житель, Сульпицій Буассерэ (Sulpice Boisserée). Первоначально предназначавшій себя къ торговой карьерѣ, онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ критикъ въ этой сферѣ человѣческой дѣятельности. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ, что имъ овладѣла мысль видѣть хоть въ рисункѣ законченнымъ Кельнскій соборъ. Въ 1810 г. уже были готовы рисунки главнѣйшихъ частей собора, исполненные мюнхенскими художниками. Въ 1811 г. къ нему присоединился Маллеръ (изъ Дармштата), три года спустя, сдѣлавшій замѣчательное открытіе, начатаго собора, а именно, онъ нашелъ въ старинномъ монастырѣ Баварскаго Оденвальда древній пергаментъ, на которомъ былъ изображенъ проэктъ первоначальнаго плана одной изъ башенъ Кельнскаго собора. Около этаго же времени впервые и правительство начинаетъ обращать вниманіе на дѣло завершенія собора. Но успѣха еще было мало. Только въ 1823 г., дружныя усилія и хлопоты Буассерэ и знаменитаго архитектора Шинкеля, повели къ тому, что правительство ассигновало на работы весьма значительную по тому времени сумму въ милліонъ марокъ и назначило особаго чиновника, съ цѣлью достиженія болѣе успѣшнаго хода этихъ работъ, и для наблюденія за ними. Съ 1833 г. работы, подъ руководствомъ Зворнера, пошли уже гораздо быстрѣе, не смотря на денежныя затрудненія. Но главный толчекъ былъ данъ учрежденіемъ, 4-го Сентября 1842 года, особаго „общества сооруженія собора" (Dombauverein), которое король Фридрихъ-Вильгельмъ IV взялъ подъ свое покровительство. Съ этихъ поръ работы приняли правильный ходъ, исключавшій уже всякую возможность случайности. 21 годъ спустя, въ средней части храма могло уже отправляться богослуженіе, а остальныя 17 лѣтъ были посвящены окончанію прочихъ частей. То, что было начато Конрадомъ фонъ Гохштедтомъ, и мастеромъ Гергардтомъ, было довершено королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и Буассерэ, хотя и недожившими до торжественнаго дня открытія храма.

Вершина (фіалъ) южной башни Кельнскаго собора. Съ фотогр., грав. М. Рашевскій.

Въ пятницу, 3-го (15) октября состоялось въ Кёльнѣ торжественное освященіе знаменитаго собора. Празднество имѣло тѣмъ болѣе національный характеръ, что Кельнскій соборъ, на сооруженіе котораго потребовалось почти 600 лѣтъ, Германія считала символомъ начатаго, но недостроеннаго зданія Германской имперіи. Теперь, когда постройка этаго величественнаго памятника искусства доведена благополучно до конца, онъ будетъ представлять собою символъ объединенной Германіи. Освященіе храма состоялось въ присутствіи императора, всего императорскаго дома и почти всѣхъ государей Германіи. Присутствовали также всѣ министры. Празднество прошло самымъ блестящимъ образомъ; погода была прекрасная. Императоръ Вильгельмъ, въ произнесенной имъ рѣчи, упомянулъ прежде всего, о королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV. Императоръ выразилъ также глубокопрочувствованную благодарность свою всѣмъ германскимъ правительствамъ и народу за содѣйствіе постройкѣ собора; онъ высказалъ свою признательность Пруссіи и „достопочтенному городу", равно какъ центральному комитету по сооруженію собора. Въ заключеніе, императоръ упомянулъ съ величайшею признательностью о людяхъ, которые, идя объ руку съ наукою и искусствомъ, создали эту постройку, воспитали силы, руководили ими и съ терпѣніемъ возвели такое великое созданіе. Рѣчь свою императоръ заключилъ слѣдующими словами: „Обратимся же съ привѣтствіями къ этому великолѣпному памятнику и да останется онъ, милостью Всемогущаго, обѣтомъ мира во всѣхъ областяхъ, Богу во славу, намъ въ благословеніе"!

Соборный деканъ обратился къ императорской четѣ съ рѣчью, выразивъ благодарность за великую милость, съ кото-

рою императоръ, какъ покровитель строенія храма, продолжаетъ охранять и поддерживать великое твореніе до достиженія желанной цѣли. Въ заключеніе деканъ сказалъ: „Да придетъ вскорѣ горячо ожидаемый день, который возвратитъ церкви миръ. Да сохранитъ, оградитъ и благословитъ Богъ ихъ императорскія и королевскія величества и весь королевскій домъ во вѣки!"

На праздникъ этотъ собрались огромныя массы народа. Самою блестящею частью его былъ великолѣпный историческій поѣздъ, въ которомъ участвовало 1100 лицъ и было до 400 лошадей. Извѣстнѣйшіе художники Германіи составляли рисунки костюмовъ и украшеній. Тутъ въ поѣздѣ, кругомъ собора, мимо императорской ложи, слѣдовали въ теченіи $1^1/_2$ часа въ роскошныхъ костюмахъ своего времени, исторически вѣрно воспроизведенныхъ—разныя знатныя лица, епископы и частныя люди, архитекторы, художники, ремесленные цехи—всѣ, принимавшіе участіе въ построеніи знаменитаго собора. Толпа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за поѣздомъ и всѣхъ присутствующихъ это привело въ такое возбужденіе и такъ понравилось, что по желанію маститаго императора, поѣздъ прослѣдовалъ, при общихъ восторженныхъ крикахъ, вторично.

Къ рисункамъ.

Мать.

(Съ картины Жерара Доу, грав. Вилль).

Въ средѣ голландскихъ художниковъ, составляющихъ до сихъ поръ славу и гордость своей школы, Жераръ Доу (род. въ 1613 г. ум. въ 1680) занимаетъ не послѣднее мѣсто. Его своеобразная манера письма, необычайная законченность работы и всегда оригинальный, находчивый выборъ сюжета, уже высоко цѣнились его современниками; теперь же картины его (ихъ не болѣе 200) покупаются знатоками на вѣсъ золота для картинныхъ галлерей и художественныхъ коллекцій. Кропотливость отдѣлки работъ его изумительна; малѣйшая подробность воспроизведена здѣсь съ добросовѣстною вѣрностью и правдой и по разсказамъ современниковъ эта кропотливость была даже постоянною слабостью знаменитаго художника. Такъ онъ цѣлые три дня сидѣлъ за отдѣлкою метелъ или какой нибудь мелкой принадлежности хозяйства; портреты же онъ писалъ до такой степени медленно и долго, что истощалъ терпѣніе каждаго заказчика безконечностью своихъ сеансовъ. Лучшею картиною Доу считается „Больная водянкою" дѣйствительно изумительная по своей экспрессіи и жизненной правдѣ; далѣе идетъ цѣлый рядъ его произведеній большею частью небольшихъ по размѣру, но тѣмъ не менѣе представляющихъ драгоцѣнные образцы голландскаго жанра лучшей его эпохи. Всѣ эти деревенскіе лавочники, старички, старушки и миловидныя кухарки, занятые своимъ дѣломъ, у Доу какъ живые со всей ихъ обстановкой, со всѣми малѣйшими аксесуарами ихъ домашняго быта и хозяйства.

Что касается не менѣе извѣстнаго мастера Вилля, исполнившаго гравюру съ картины Доу, то объ немъ уже были сообщены въ „Нивѣ 1879 г. подробныя свѣдѣнія (№ 42) при помѣщеніи его гравюры „Старушка".

Въ Вологодской губерніи.

(Два рисунка Н. Каразина, по наброску Куммнига).

Едва ли многія мѣста Россіи могутъ быть поставлены на ряду съ Вологодскимъ краемъ по богатству водяныхъ сообщеній. Большихъ рѣкъ и рѣчекъ здѣсь до четырехъ тысячъ. Главнымъ образомъ край занятъ Двинскою системой. Водяныя сообщенія связываютъ его съ Волгой, съ Петербургомъ и Сѣвернымъ океаномъ.

Вологда когда-то была богатымъ и цвѣтущимъ городомъ. Подозрительный и мрачный Грозный, удаляясь отъ Москвы, задумалъ основать здѣсь свое мѣстопребываніе, выстроилъ Успенскій соборъ, по образцу Московскаго и противъ него на горѣ (на мѣстѣ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ) деревянный дворецъ. Въ 1557 году, когда англичане открыли торговлю черезъ Архангельскъ, Вологда стала складочнымъ мѣстомъ всѣхъ товаровъ, идущихъ по Сѣверной Двинѣ и тутъ же проходилъ главный торговый трактъ изъ Москвы въ Сибирь. Нѣкоторыя слободы были сплошь заселены иностранцами и теперь эта часть города называется Фрязиново—тутъ они жили главнымъ образомъ. Англійскій посолъ, извѣстный Флетчеръ пробылъ здѣсь мѣсяца полтора и первый русскій посолъ въ Англію былъ Вологодецъ Іосифъ Непея. Петръ былъ здѣсь пять разъ—развалины каменнаго домика вдовы голландки Бутсъ, гдѣ онъ останавливался (комнатка очень низка и мала) въ 1703 году и понынѣ сохранилась. Съ основаніемъ Петербурга, торговля на Архангельскъ (воспрещавшаяся даже указами) совершенно упала—упало и значеніе Вологды. Городъ обѣднѣлъ.

Но Вологда и теперь отпускаетъ довольно товаровъ къ Архангельску и Петербургу. Въ городѣ ежегодная двухнедѣльная ярмарка съ 5 Января. Идутъ ленъ, пакля, коровье масло, овесъ, холстъ, яица, щетина, живая рыба а въ послѣдніе годы, со времени основанія большихъ лѣсопильныхъ заводовъ на Кубенскомъ озерѣ и Кубинѣ, и лѣсъ. Прежде суда шли только тягою и парусомъ а нынче бѣгутъ здѣсь, шумя своими колесами и пароходы. Кому надо теперь вверхъ къ Архангельску, тотъ, прибывъ по желѣзной дорогѣ въ Вологду, садится на пароходъ, на которомъ онъ найдетъ и буфетъ и каюту. Затѣмъ по рѣкѣ Вологдѣ ѣдетъ черезъ Кубенское озеро по Сухонѣ въ Двину. Мѣста, гдѣ протекаетъ неширокая Вологда, самыя возвышенныя въ уѣздѣ, берега кое-гдѣ высоки и лѣсисты. Ближе къ озеру есть ломки жерноваго камня. На нашемъ рисункѣ представлено самое узкое мѣсто рѣки, гдѣ можетъ пройти только одно судно. Теченіе здѣсь быстрѣе—мѣсто это находится близъ деревни Опоки. Съ лѣвой стороны оригиналенъ видъ берега: саженъ больше тридцати въ вышину онъ имѣетъ почти правильный отвѣсный откосъ, въ которомъ видны слои глинистые, известковые и песчаные.

Другой нашъ рисунокъ изображаетъ по этому же пути на р. Сухонѣ въ с. Коченгѣ празднованіе перваго Спаса. Праздникъ этотъ очень чтится здѣшнимъ, вообще религіознымъ, населеніемъ. По берегамъ рѣкъ здѣшнихъ напр. Кубинѣ, Сухонѣ, часто видишь кресты и главы бѣлѣющихся каменныхъ церквей. Въ нѣкоторыхъ большихъ селахъ къ этому дню бываетъ значительное стеченіе народа, мѣстами тысячъ до двухъ, трехъ. Тутъ же бываютъ и торжки, на которыхъ продаются пожертвованные въ пользу церкви холстъ, ленъ, жеребята, овцы и т. п. На рисункѣ изображенъ крестный ходъ съ хоругвями и иконами.

Маленькая гречанка.

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ вѣка Перикла и какимъ-то сказочнымъ эдемомъ представляется намъ древняя Греція, какимъ-то фантастическимъ сномъ мелькаютъ передъ нами картины ея процвѣтанія и упадка а теперь только великолѣпныя развалины говорятъ обо всемъ этомъ, да природа, чудная, обаятельная, осталась та же. Осталось еще одно: на островахъ и въ горахъ сохранившійся доселѣ въ своей красотѣ прекрасный типъ населенія и тихая патріархальная жизнь. Бывшіе въ Греціи говорятъ, что есть на греческихъ островахъ цѣлыя деревни красивыхъ людей. Женщина тамъ развивается рано. Маленькая гречанка, что изображена на нашемъ рисункѣ, по нашему совсѣмъ еще дѣвочка, но въ чертахъ ея милаго личика есть уже что-то женственное, мягкое. Мальчишеская рѣзвость и смѣлость дѣтства смѣняется большею сдержанностью и плавностью движеній и рѣчей и свѣтлые глаза любопытно и полузадумчиво глядятъ впередъ въ неразгаданное будущее...

Политическое обозрѣніе.

Порта и Европа.— Австрійское участіе въ Европейскомъ «согласіи». — Внутреннія дѣла Австро Венгріи. — Князь Болгаріи въ Бѣлградѣ. — Наши недоразумѣнія съ Китаемъ.

Каждый день иностранная почта приноситъ извѣстія о новыхъ строгостяхъ, изобрѣтаемыхъ державами для принужденія Турціи подчиниться волѣ соединенной Европы. Такъ, англійское правительство, по слухамъ, предложило ввести международный флотъ въ Смирнскій заливъ, чтобы наложить арестъ на торговлю этаго города. Всѣ эти угрозы начинаютъ производить впечатлѣніе какихъ-то шутокъ, пускаемыхъ для пробы, авось турокъ испугается... Повидимому, Турція, или лучше сказать, Порта такъ и понимаетъ дѣло это и обнаруживаетъ глубокое знакомство съ дѣйствительной, а не показной стороной отношеній между державами, и расхваливаемаго на всѣ лады „европейскаго согласія". Мы уже передали о рѣшеніи державъ отправить флотъ въ Эгейское море. Пока воздержимся отъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, въ которыхъ уже начинаютъ проглядывать обычныя противорѣчія, по которымъ можно предполагать, что рѣшеніе это не вполнѣ единодушно. Добавимъ только, что 4 октября Порта передала державамъ новую ноту, въ которой отрицаетъ право ихъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла ея и, изъявляя свое (турецкое) согласіе на сдачу Дульциньо, требуетъ удаленія союзной эскадры, требуетъ, чтобы Европа отказалась отъ демонстраціи. Послѣднія депеши также полны разногласія: однѣ сообщаютъ, что султанъ рѣшилъ немедленно сдать Дульциньо, другія — что къ этому свѣдѣнію надо относиться „осторожно". Впрочемъ, большинство телеграммъ увѣряетъ, что сдастъ...

Если говорить о единодушіи державъ, то, едва ли, конечно, можно предполагать, что Австро-Венгрія принимаетъ въ немъ

слишкомъ искреннее участіе. Вотъ, по крайней мѣрѣ, что пишутъ изъ Пешта: ни дворъ Австро-Венгерскій, ни министръ иностранныхъ дѣлъ не желаютъ войны. Даже о военныхъ предпріятіяхъ, въ родѣ занятія Босніи, также никто не помышляетъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ желало бы сохраненія на Востокѣ status quo. Но обстоятельства не дозволяютъ монархіи Габсбурговъ оставаться пассивнымъ зрителемъ событій. Въ Вѣнѣ говорятъ теперь, что „Австрія не можетъ позволить задушить себя". *„Дульцинскому дѣлу не придаютъ большаго значенія"* и Вѣнскій кабинетъ участвуетъ въ демонстраціи для того только, чтобы Англія и Россія не имѣли полной свободы дѣйствій. *Греческій вопросъ также не интересуетъ Австрію.* Больше всего отсюда слѣдятъ за Болгаріей. Габсбургская монархія не можетъ равнодушно снести самой мысли о соединеніи Болгаріи и Румеліи и австрійская дипломатія, въ настоящее время, прежде всего старается сохранить этотъ главный пунктъ Берлинскаго трактата. Вся надежда ея въ этомъ отношеніи возложена на союзъ съ Германіей, которая, по разсчетамъ Австріи, склонитъ Россію къ умѣренности и, такимъ образомъ, обезпечитъ миръ. Если же бы Россія не послѣдовала совѣту Германіи, то Австрія, опираясь на союзника, постаралась бы ограничить интересы свои на Балканскомъ полуостровѣ „собственными силами". Надо, однако, сказать, что война съ Россіей по возможности избѣгается. На Италію также разсчитываютъ какъ на союзника въ восточныхъ дѣлахъ и въ этомъ смыслѣ уже сдѣланы попытки. Кабинетъ Таафе, поставившій себѣ задачей достигнуть равновѣсія между всѣми элементами Австро-Венгерской имперіи, пришелъ въ столкновеніе съ либеральной нѣмецкой партіей. Недавно, въ Карлсбадѣ происходилъ съѣздъ Чешскаго отдѣла этой партіи и на съѣздѣ объявлена открытая война кабинету. Партія, рѣшившаяся добиться паденія министерства, высказалась противъ всякихъ уступокъ, которыя могли бы клониться къ умаленію привиллегій нѣмецкой національности въ Австріи. Резолюція, которую имѣлось первоначально въ виду подвергнуть обсужденію на съѣздѣ, была составлена въ столь враждебномъ министерству духѣ, что правительство признало необходимымъ конфисковать газеты, въ которыхъ она напечатана. Распорядительный комитетъ, опасаясь, что вслѣдъ за этимъ могло бы послѣдовать закрытіе и самаго съѣзда, измѣнилъ текстъ резолюціи, исключивъ изъ него личные нападки на министерство, но тѣмъ не менѣе смыслъ ея остался тотъ же. Едва ли этотъ образъ дѣйствій партіи, вступившей въ борьбу съ кабинетомъ Таафе, можетъ способствовать упроченію внутреннихъ связей разноплеменной Австрійской имперіи. Съ своей стороны мы, конечно, не можемъ желать успѣха планамъ нынѣшняго главы Вѣнскаго кабинета.

Прочность внутреннихъ отношеній Австрійской имперіи обратно пропорціальна политическому будущему славянства.

Смѣсь.

Морской змѣй. Можно кажется теперь рѣшить откуда возникала сказка о морскомъ змѣѣ. Рыбаки, живущіе на сѣверо-западномъ берегу Норвегіи, утверждаютъ, что часто видятъ въ водѣ змѣеобразное животное, движущееся въ морскихъ волнахъ; подобное же животное не разъ было замѣчено обитателями шотландскаго берега; но никакія усилія не помогали до сихъ поръ овладѣть животнымъ или хотя бы одною изъ частей его. Однако шведскіе рыбаки нашли въ нынѣшнемъ году, послѣ сильной бури, необыкновеннаго вида рыбу, выброшенную на берегъ; рыба эта, имѣла почти четыре сажени длины: передняя ея часть была передана въ Стокгольмскій музей. Это такъ называемая „ленточная рыба", отличающаяся отъ прочихъ своимъ длиннымъ, узкимъ, мечеобразнымъ туловищемъ; кожа ея покрыта узлами, голова ея очень мала, глаза велики, вдоль спины идетъ плавательное перо, а позади головы находится большой затылочный узелъ съ другимъ плавательнымъ перомъ, имѣющимъ, приблизительно, 7 вершковъ вышины; цвѣтъ кожи серебристо-глянцовитый. Всѣ рыбы этого рода, которыя были въ различныя времена найдены и наводили на мысль о существованіи морского змѣя, къ сожалѣнію, оказывались весьма хрупкими; онѣ легко распадаются на части, мясо ихъ такъ дрябло, что разлагается чрезъ нѣсколько часовъ. Всѣ виды этихъ рыбъ живутъ на значительной глубинѣ и составляютъ такую рѣдкость, что въ продолженіе столѣтія ихъ было найдено лишь нѣсколько штукъ.

Естественная топка. Увеличеніе теплоты по мѣрѣ погруженія подъ поверхность почвы принято среднимъ числомъ считать въ 1° на 120 аршинъ. Если опредѣленіе это вѣрно, то на глубинѣ 2,700 аршинъ температура должна быть равна температурѣ кипѣнія воды. Бабине, мечтавшій объ основаніи общества для разрыванія глубокихъ пещеръ, полагалъ, что дѣло это имѣетъ важное значеніе. „Представимъ себя обладателями обширныхъ пространствъ, говоритъ онъ, стѣны которыхъ имѣютъ температуру нашихъ печей и жаровенъ; проведя черезъ нихъ потокъ воды, мы получимъ ее нагрѣтой до кипѣнія; сколько пользы мы извлечемъ изъ этаго источника!" Такую сильную жару мы встрѣчаемъ въ великолѣпныхъ рудникахъ Англіи и Бельгіи. И въ самомъ дѣлѣ, достовѣрно извѣстно, что жаръ ключа въ теплыхъ водахъ „Chaudes-Aigues" во Франціи достигающій 80°, примѣняется мѣстными жителями для приготовленія кушанья, отопленія домовъ, стирки бѣлья и т. д. При помощи деревянныхъ трубъ, идущихъ вдоль улицы деревни, наполняется резервуаръ нижняго этажа каждаго дома; жаръ этотъ замѣняетъ топку печей въ холодное время; расходъ на камины и печи, такимъ образомъ, устраняется. Зимою потокъ запирается маленькими шлюзами плотинами при входѣ въ каждую проводную трубу, и тогда вода разливается въ канавку, окаймляющую деревню. Химикъ Бертье призналъ, что теплота, доставляемая ежедневно этимъ ключемъ, равна теплотѣ, которую можно получить отъ сожженія 150 пудовъ каменнаго угля.

Боксеры. Изъ недавно изданной книги Майльса мы узнаемъ, какую видную роль играли въ Англіи такъ-называемые „боксеры". Послѣднимъ представителемъ этаго кроваваго спорта былъ нѣкто Томъ Кингъ; онъ живъ и въ настоящее время; это человѣкъ замѣчательный по своей силѣ; нынѣ же онъ занимается разведеніемъ растеній и пожинаетъ лавры на англійскихъ выставкахъ цвѣтовъ. Въ 1863 г. англійскимъ боксерамъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ закономъ, воспрещавшимъ этого рода битвы. Особеннымъ уваженіемъ пользовались боксеры въ царствованіе Георга IV; самъ король относился къ нимъ съ симпатіей. Во время его коронаціи лучшіе изъ боксеровъ, одѣтые въ пажескіе костюмы составляли почетную гвардію и украшали собою Вестминстерскій залъ. Самые значительные изъ живописцевъ того времени наперерывъ искали чести писать портреты извѣстныхъ боксеровъ, и чѣмъ больше жертвъ насчитывалъ боксеръ, тѣмъ громче была его слава. Большой извѣстностью между боксерами пользовался нѣкто Фигъ, жизнь котораго полна кровавыми побѣдами надъ своими сотоварищами.

Моръ на раковъ. Въ рѣкахъ и озерахъ Баваріи, а также въ сосѣднихъ съ нею водахъ разводятъ и ловятъ много раковъ, торговля которыми имѣетъ немалое экономическое значеніе для жителей. Недавно въ этихъ мѣстахъ обнаружился моръ на раковъ. Городской рыбакъ въ Герріеденѣ, Шнейдеръ, замѣтилъ, что въ арендуемыхъ имъ водахъ, гдѣ онъ еще за нѣсколько дней поймалъ болѣе пуда этихъ животныхъ, больше нѣтъ ни одного живого рака. Внимательно осмотрѣли дно въ водѣ, и почти всѣ раки найдены тамъ мертвыми, сцѣпившимися въ кучки отъ 4 до 10 раковъ въ каждой. Сверхъ того вездѣ были разбросаны отдѣльныя части раковъ, клешни, ножки, шейки и пр. Въ немногихъ ракахъ, которые еще боролись со смертью, открыто странное, какъ бы судорожное сведеніе членовъ, сопровождавшееся ихъ омертвѣніемъ. Бѣлыя точки на нѣкоторыхъ мертвыхъ ракахъ даютъ поводъ къ предположенію, что причину ихъ смертности надо искать въ развитіи между ними какого нибудь заразительнаго микроспопическаго грибка.

Месть лошади. Въ финскую улеоборгскую газету „Эхо" пишутъ о слѣдующемъ происшествіи въ Сотжамо. Одинъ крестьянинъ отправился вечеромъ на пастбище за своею лошадью и ни ночью, ни на другой день не возвратился домой. Люди, отправившіеся на поиски за крестьяниномъ, нашли его на пастбищѣ мертвымъ, съ тяжелыми ранами на головѣ, груди и ногѣ. Крестьянинъ былъ убитъ своею лошадью. По воспоминаніямъ домашнихъ и сосѣдей, онъ подрядъ зарѣзалъ двухъ ея жеребятъ, —считая ихъ только напрасною тягостью для матери. Лошадь всегда выказывала крайнюю злобу къ своему хозяину и въ прошлое лѣто, когда онъ зарѣзалъ ея послѣдняго жеребенка, дошла до бѣшенства. Земля, на которой найдено тѣло крестьянина, была кругомъ страшно изрыта копытами и наглядно показывала, съ какою лютостью и остервенѣніемъ животное носилось около своего хозяина и топтало его ногами.

Сова передъ палатою лордовъ. Недавно сова была предметомъ интересныхъ преній въ англійской палатѣ лордовъ. Эта птица Юноны была законодательнымъ путемъ причислена къ полезнымъ человѣку птицамъ, вслѣдствіе чего къ закону, покровительствующему этимъ послѣднимъ, была прибавлена статья о совѣ. Многіе пэры приняли на себя защиту этой ночной птицы, и послѣ продолжительныхъ преній было признано, что сова нападаетъ только на вредную дичь, напр. на животныхъ грызуновъ: мышей, крысъ, полевыхъ мышей и т. п. и на множество вредныхъ насѣкомыхъ, съ которыми ведетъ ожесточенную борьбу. Замѣчали, что нѣкоторыя совы убивали въ одну ночь до ста мышей. Во владѣніяхъ герцога Беклея, въ Шотландіи, эта ночная птица тщательно охраняется въ интересахъ земледѣлія; убивать ее строго запрещено. Въ замкѣ Арундель, у герцога Норфолькскаго, совы и филины оказываютъ столько же услугъ, какъ и кошки, и втеченіи цѣлыхъ вѣковъ имъ отводятъ особое мѣсто на вершинахъ башенъ.

Рѣшеніе ребуса въ № 39 „Нивы“.

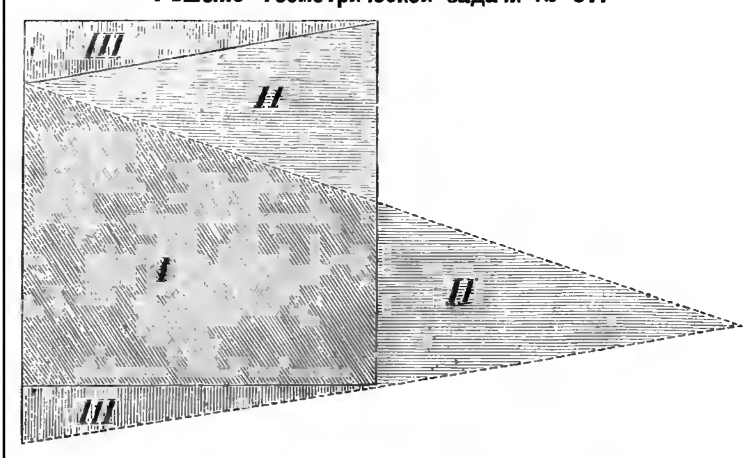
„Театръ—школа народа“.

Рѣшеніе ребуса въ № 40 „Нивы“.

„Война Россіи съ китайцами пока не начата“.

Вѣрныя рѣшенія этихъ ребусовъ присланы до 10-го октября отъ гг.: **Спб.**—Севіеръ, Зайцева, Валентины, Юргенсъ, Анкудинови, Вѣрочкина, Кувшинникова, Панова, Панфилова, Киржакова, Микно,-Руси, Мищихина, Жаворонкова, Никитина, Л—ва, Витневскаго, Гусевой, Николаевой, Андреевскаго-Донлоницина, Селиванова, Самецкаго, Васильевой, В—инна, Азимовой, Basile, Холнина, Тонбергъ, Ивашенцова, Гумилевскаго-Холмецкаго, Быхалова. **Москва**—Быдлова, Шведова, Андреева, Николаева, Хрящикова, Кирсанова, Держинскаго, Хухлиева, Кучумина, Кочевиской, Моровона, Бѣликова, Агалыкина, Нивитиной, Федорова, Севастьянова, Вонэблейнъ, Голомысова, Корѣшкова. Егорова, Воробьева, Крымови, М. Н. Б. Жигарева, Х. Э. П. Алексѣева; **Варшава**—Соловейчика, **Гатчино**—Манина, Веревкина; **Гельсингфорсъ**—Генрицъ; **Кронштадтъ**—Мординнова, **Лежкево**—Почерняковa, **Пулково**—Хутынской, **Царское с.**—кн. Трубецкаго.

Рѣшеніе геометрической задачи № 67.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы до 10-го октября отъ гг. **Спб.**: Мико-Руси, Смолянки, Сергѣева, Мартинсонъ, Граціанскаго, Пальникова, Соборовскаго, Паншина, Ивипова, Ивашенцови, Авеніусъ, Зарубина, Кулина, Карпова, И. П., В. Д., Вѣрочкина, Соколова, В. С.—д—и, Пестреченко, Козлова, Русинова; **Москва**—Немого, Милютина, Полтиацева, Рѣшетина, Землинскаго, Журавлева, Назирови, Гилль, Апраксина, Трубецкаго, Шпаро, Воронина, Надеждина, Румянцева, Зѣвакина, Кичигина, Галактіонова; **Бейсагола**—Лившица, **Борисоглѣбскъ**—А. Е., **Брянскъ**—Успенскаго, **Бужаны**—Платонова, **Бѣжецкъ**—Рѣпина, **Бѣжицкая**—Проскоряковой, **Варшава**—Сопова, Кузнецова, **Великіе Луки**—Потылицина, **Вилька**—Агапитова, Котена, **Владиміръ**—Херасковой, **Вологда**—Ивbooщикова, **Гельсингфорсъ**—Генрицъ, Себастіани, Яжинскиго, **Дмитріевъ**—Чемесова, **Ельня**—Кубекина, **Ив.-Вознесенскъ**—Коровина, **Кликцы**—Попова. **Ковно**—Легецкаго, **Конотопъ**—Крачковскиго, **Кронштадтъ**—NN, **Кузнецкъ**—Митропольскаго, **Курскъ**—Сидѣльникова, Коровкова, **Лауденъ**—Фохтъ, **Липецкъ**—Макарова, **Ловичъ**—Леонтьева, Петрова, **Минскъ**—Иванова, **Нижній-Новгородъ**—Чигирина, Васильеви, Аркадьева, **Новгородъ**—Чмутова, **Новочеркаскъ**—Тек—еной, Рыбакова, **Одесса**—Делазари, Пфейферъ, Волохови, **Опочка**—Жолондзь, **Павловскъ**—Кирилова, **Пенза**—Жаминова, **Петергофъ**—Гвоздева, Владиславлеви, **с. Печани**—Аржеухова, **Подольскъ**—Молчанова, **Ржевъ**—Культенина, **Рига**—Галчинскаго. **Ростовъ на Дону**—Рыбкина, Данилова, **Ротмистровка**—Плюто, **Рыбинскъ**—Переславцева, **Свеаборгъ**—Алексѣева, **Сновскъ**—Нѣмчинова, **Суражъ**—Двиницкиго, **Тверь**—Ушакова, **Тукумъ**—Милюкова, **Тула**—Н. І. Щ., **Угличъ**—Е. Лучинскаго, **Харьковъ**—Ключирева, **Шавли**—Зигорскаго, **Шлиссельбургъ**—Ветошкини, **Ярославль**—Шастова.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 68.

1 число $= x$ 1) $x = y + z + u + 1$

2 „ $= y$ 2) $y = 3z$

3 „ $= z$ 3) $y + u = x - 4$

4 „ $= u$ 4) $x + u = 5z$

$4z + 2 = 4z + u + 1 \mid u = 1$

$4z + 2 = 5z - 1 \mid 5z - 4z = 2 + 1 \mid z = 3$

$y = 3z \mid y = 9$

$x = 4z + 2 \mid x = 14$

1) $x = 14 =$ н

2) $y = 9 =$ и

3) $z = 3 =$ в

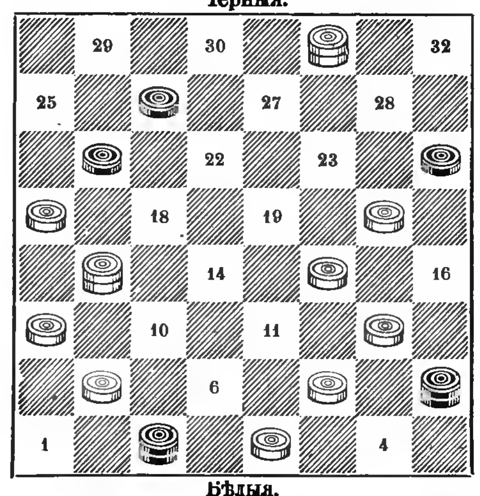
4) $u = 1 =$ а

$=$ НИВА.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы до 10-го октября, отъ гг.: **Спб.**: Юргенсъ, Жд—ъ, Кулини, Гаврилова, Илисова, Соколовскаго, Крушковской, Карпова-Аашъ, Сватскаго, Н. П., В. Д., Потапенко, Вѣрочкина, Мищихина, Соколова, Свенторжецкаго, Азанова, В. С—д—и, Пестреченки, Бергманъ, Пальникова, Козлова, Васенко, Попова, Гривурова; **Москва**: Покровскаго, Немого, Галактіонова, Кичигина, Скворцова, Зѣвакина, Румянцева, Надеждини, Кизанскаго. Воронина, Шпаро-Шереметевскаго, Трубецкаго, Апраксина, Павлова, Гилль, Зыбина, Степанова, Нефедьева; **Бобруйскъ**—Ядловкиной, **Бейсагола**—Лившицъ, **Борисоглѣбскъ**—А. Е., **Брянскъ**—Успенскаго, **Бѣжецкъ**—Рѣпина, Галунова; **Варшава**—Сонова, Кузнецова, **Веркиъ**—Скрипакъ, **Воронежъ**—Дмитріева, **Гатчино**—Думаеви, **Гельсингфорсъ**—Себастіани, Яжинскиго, **Елизаветградъ**—Рофе, **Кейданы**—Виршубскаго, **Кинешма**—Волкова, **Ковно**—Легецкаго, **Конотопъ**—Крочковскаго, **Кронштадтъ**—Захарова, Даржаиа, **Курскъ**—Короткова, **Лауденъ**—Фохтъ, **Ловичъ**—Романенко, Леонтьева, Петрова, **Марьовка**—Рабиновича, **Можайскъ**—Брудастова, **Мозырь**—Иванова, Лапича, **Минскъ**—Иванови, **Нижній-Новгородъ**—Чигирина, **Новочеркаскъ**—Козлова, **Одесса**—Пфейфера, Волохова, **Опочка**—Жолондзь, **Орелъ**—Черенкова, **Островъ**—Горшанова, **Павловскъ**—Игнатьева, Кирилова, **Пенза**—Жасминова, **с. Печани**—Аржеухова, **Ржевъ**—Культенина, **Рига**—Галчинскаго, **Ромны**—Дейнека, **Рославль**—Рыкова, **Ростовъ-на Дону**—А. Б. Е., **Ротмистровка**—Плюто, **Ряжскъ**—Воронина, **Саратовъ**—Кліентова, **Свеаборгъ**—Алексѣева. **Тейково**—Дойникова. **Торжокъ**—Квашенинникова, **Тула**—Н. И. Щ., Барыкова, **Тукумъ**—Милюкова, **Удѣльная**—Стасе.

Шашечная задача № 73.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣхъ черныхъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. Старому подписчику. На письмо ваше отъ 10 окт. извѣщаемъ, что въ настоящемъ году, если будетъ мѣсто, у насъ появится небольшой разсказъ И. Морскаго „Ночь“ а въ будущемъ году, уже находящаяся въ распоряженіи редакціи, большая его же повѣсть „Подъ землею“, съ весьма интереснымъ содержаніемъ.

Москва, Воборок;—Кронштадтъ, г. В. Фабръ, от. Потановка, г. М. Лебодеву. Присланное будетъ помѣщено въ ближайшихъ №№.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ,

замѣняющія вполнѣ жернова, не требующія мельника и отличающіяся простотою, большою производительностью и дешевизною, требуя для помола того же количества хлѣба, ¼ силы жерновов.

Вел. В вѣс. 16 п. измѣл. 10 пуд. въ часъ. при 2 л. силахъ, цѣна . . . . . 150 р.
Вел. 5 вѣс. 20 п. измѣл. 15 пуд. въ часъ, при 4 л. силахъ, цѣна . . . . . 200 р.
Вел. 3 вѣс. 30 п. измѣл. 20 пуд. въ часъ, при 6 л. силахъ, цѣна . . . . . 300 р.
мучныя сортировки къ нимъ по 78 р.

Штифтовыя молотилки.

лучшія изъ всѣхъ существующихъ системъ. Ручныя 85 р., съ 1-коннымъ приводомъ 225 р., большая двухъ конная съ соломотрясомъ и приводомъ 340 р.

Сѣнные прессы ручные по 175 р.
Безпрерывно вращающ. ручной кирпичный прессъ.

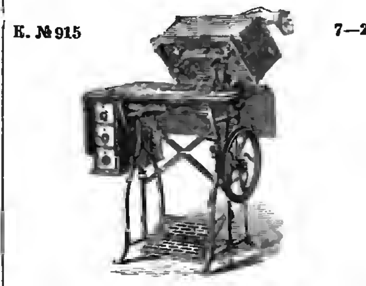
Самый прочный, простой и дешевый. Тремя рабочими можетъ быть изготовлено въ сутки отъ 4 до 5000 кирпичей, получая ихъ той же прѣности, какъ при ручной прессовкѣ. Вѣсъ пресса 50 пуд. цѣна 300 руб.

Локомобили, паровыя машины, котлы, токарные и проч. станки, плуги, бороны, вѣялки, соломорѣзки, сѣялки, насосы, пожарныя трубы и пр., и пр., имѣются въ наличности у

ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линія, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
№ 911 5—2

К. № 915 7—2

Настоящія американскія швейныя машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,

съ кривою или прямою иголкою.

Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:

а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.

б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.

Лучшія нѣмецк. ручныя машины.
Машины для плиссе и плойки.
Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.

Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ВСѢХЪ МАШИНЪ И МЕХАНИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

приготовляемыхъ въ Германіи, Франціи и Бельгіи, доставляетъ по настоящимъ фабричнымъ цѣнамъ, принимаетъ на себя отправу до послѣдней станціи желѣзной дороги за умѣренную коммисію.

Морицъ Вейлъ младшій. Машинная фабрика въ Франкфуртѣ на Майнѣ (Германія). Р. № 841 18—6

ОТЪ ЛОСКУТНОЙ ГОСТИННИЦЫ въ Москвѣ.

на Тверской улицѣ, домъ Макс. Еф. Попова. Бывшимъ пожаромъ въ домѣ г. Фирсанова 18-го сентября, повреждено было въ Лоскутной гостиницѣ около 20 №№, которые уже вполнѣ исправлены и приведены въ прежній видъ, о чемъ управленіе Лоскутной гостиницы и извѣщаетъ господъ пріѣзжающихъ въ Москву. При семъ присовокупляетъ, что количество всѣхъ нумеровъ 150 и отдѣланы они заново. Ц. № 934 3—2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
№ 100. РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ № 100.
ФАБРИКАНТОВЪ,
Гостиный дворъ, Малая Суровская линія,

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ФАБРИКЪ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВОСТИ

ЗИМНЯГО СЕЗОНА.

Разнообразнѣйшія, въ громадномъ выборѣ шерстяныя смѣшанныя съ шелкомъ и пенькою ткани и поступили въ продажу по самымъ дешевымъ и всѣмъ доступнымъ цѣнамъ.

Новѣйшія матеріи для отдѣлки и гарнировки платьевъ, отъ 60 к. до 2 р. за арш. Матласе черное и другія модныя ткани для покрышки шубокъ, двойной ширины по 1 р. 75 к., 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. Вигонь высшій сортъ въ 1 р. 30 к. и 1 р. 50 коп.

Громадная партія цвѣтнаго и чернаго кашемира двойной ширины, стоимость 1 р. 25 к., назначено продать по 1 р. за арш. Фланель чистой шерсти клѣтч. по 1 р. за арш., французскія теплыя юбки въ 3, 4, 5, 6 и 8 р. Манчестеръ гладкій, полосатый и фасоне.

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ, ИМѢЮЩЕЙ ГРОМАДНЫЙ СБЫТЪ И ЗАКАЗЫ:

ДАМСКОЕ И МУЖСКОЕ БѢЛЬЕ № 942

ВСѢХЪ СОРТОВЪ: сорочки, кальсоны, кофты, пеньюары, чулки, носки и проч. новѣйшаго усовершенствованнаго покроя, по удешевленнымъ цѣнамъ. Полотна и столовое бѣлье, батистовые и полотняные платки.

№ 942 PS. Полный прейсъ-курантъ высылается безплатно. Владѣтельницы магазиновъ и мастерскихъ получаютъ особую скидку

ЗАГРАНИЧНАЯ ФАБРИКА ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
ГРИММЕ, НАТАЛИСЪ и Комп.
АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Единственная въ Россіи, которая держитъ **свой оптовый складъ исключительно** для продажи **гг. торговцамъ:** Москва Б. Лубянка. **Настоящія фабричныя** цѣны (включая только провозъ и пошлины). **Всѣ** машины **своего** издѣлія, снабжены фабричною привилегированною медалью. За **постоянный** хорошій товаръ онѣ получили **медали на всѣхъ** выставкахъ и слѣдующій **отзывъ** Всемірной выставки въ Сиднѣ 1880 г.: **«Рекомендуемъ машины фабрики Гримме, Наталисъ и К°, какъ издѣлія перваго достоинства»**·

Офиціально публиковано правительствомъ въ «г. Правит. Вѣстникѣ»).

Зингеръ, Гау, Саксонія, Гроверъ и Бакеръ, Виллеръ и Вильсонъ, Вилькоксъ и Гибсъ.

Линкольнъ, Вашингтонъ, Принцессъ, Миньонъ, Суперіоръ, Эластикъ,

Машины съ новыми усовершенствованіями.

Въ мѣстностяхъ **гдѣ еще не производится** торговля машинами этой фабрики, **ищутъ агентовъ**. Продажа незатруднительна и доставляетъ **хорошіе** проценты. **Безплатно:** ученіе, подробные русскіе руководства, новыя коробки для аппаратовъ, изящные альбомы, штампы для объявленія, упаковка и проч. Машины **тщательно** пересмотрѣны.
Л. № 939 2—1

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ!

ФАБРИКА ШВЕДСКИХЪ КОЖАНЫХЪ КУРТОКЪ
ТОРГОВАГО ДОМА
Л. Е. Дмоховскій и Комп.
Адмиралтейская площ., № 10, уг. Вознесенскаго проспекта.

Шведскія куртки на шерстяной и шелковой подкладкѣ, имѣетъ честь рекомендовать гг. военнымъ, охотникамъ, служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ, машинистамъ и всѣмъ имѣющимъ необходимость пробывать на открытомъ воздухѣ, какъ предохранительное средство отъ простуды.

ПРОДАЮТСЯ ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Гг. иногороднымъ: Письменныя объясненія какъ снимать мѣрку высылаются немедленно за приложеніемъ почтовой марки.
К. №913 3—3

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИННАЯ ПОМАДА И ВОДА для уничтоженія перхоти на головѣ, за банку 30 к., флак. 60 к.
ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрѣпленія волосъ, употребленіе ея пріятно и освѣжительно. Флак. 60 к.
ФИЛОДОРЪ флак. 50 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ, д. № 32, Католич. церкви.**
2) **Невскій просп., у Аничкова моста, № 66.**
3) **Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.**

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.
№ 938 2—

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ
ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ
„ПЛУТОВКА НАДЯ“

Въ стихахъ, со 168 комическими рисунками Буша. Содержаніе книги: Въ деревнѣ, Ночная сорочка, Кузенъ Поль, Любовное письмо, Венчальная ночь, Душевные подвиги, Ворожея, Спиритизмъ, Творчество темныхъ силъ. Изящное изданіе. Цѣна 1 руб. 20 к. съ пересылкою. Складъ въ Москвѣ, Сытинскій переулокъ, д. Мальдвинкевича, у Кондеи.
Ц. № 935 2—2

Ж. ШАНСОНЪ.

Ж. Ш.

имѣетъ честь представить почтеннѣйшей публикѣ форму готическихъ буквъ для мѣтки бѣлья, съ несмываемою краскою, безъ всякой подготовки. Цѣна штемпеля 50 коп., буквы по 10 коп., корона 20 коп. пункты по 8 к. **Краска для мѣтки бѣлья:** № 1—50 к. № 2—80 к. приготовляются также.

! ПРАКТИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ !

При легкомъ и удобномъ употребленіи хорошо и чисто печатаетъ.

Цѣна 8 р., съ пересылкой во всѣ города Россіи 9 руб. сер. Ж. ШАНСОНЪ. Невскій пр., подъ Думою, серебряный рядъ, № 14; въ Москвѣ—Петровка, д. Перевощикова, Ж. Шансонъ. № 940

АПТЕЧКА-ЛЕЧЕБНИКЪ

Доктора медицины СТАРКОВА,

съ лекарствами, рецептами, перевязочнымъ матеріаломъ и **РУКОВОДСТВОМЪ** къ леченію болѣзней, очень полезная для самопомощи заболѣвшимъ въ дорогѣ, деревнѣ, на походѣ. Продается въ аптекахъ С.-Петерб. 1) **ЕКАТЕРИНИНСКОЙ**, Вас. Ост., 1 лин. 2) **НЕВСКОЙ** у Аничкова моста. 3) **АНИЧКОВСКОЙ** у Аничкова моста, **въ Москвѣ** въ аптекѣ **ФЕРРЕЙНА** на Никольской ул. **Цѣна 12 руб.** За пересылку 1 р. свыше 1000 вер. 2 руб. № 944 2—1

ВЪ ЦЕНТРѢ ГОРОДА.

На свадебные вечера и номинальные ОБѢДЫ, очень дешево и добросовѣстно выполняетъ заказы. Кухмистеръ А. Шеметовъ., Казанск. ул., д. № 37, в. № 4. № 945 3—1

СКОПИНСКІЙ
ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНКЪ.
(ОСНОВНЫЙ И ЗАПАСНЫЙ КАПИТАЛЫ 1.107.111 РУБ.)

Банкъ принимаетъ вклады изъ всѣхъ мѣстностей Россіи: отъ присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ и частныхъ лицъ, монастырей и церквей, земскихъ и общественныхъ учрежденій, городскихъ и сельскихъ обществъ и акціонерныхъ компаній. Вклады принимаются отъ вкладчиковъ, лично и чрезъ почту, на безсрочное время, т. е. до востребованія, на опредѣленные сроки отъ однаго года до 12 лѣтъ и на вѣчное время. По вкладамъ Банкъ выдаетъ:

На безсрочное время	6%	въ годъ.
» одинъ, два и три года	6½%	» »
» четыре, пять и т. д. до 12 лѣтъ	7%	» »
» вѣчное время	7½%	» »

Внесенные въ Банкъ вклады, обезпечиваются не только вышеозначенными Банковыми основнымъ и запаснымъ капиталами 1.107.111 руб., но и ручательствомъ за Банкъ Скопинскаго Городскаго Общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей.

Сумма вклада не можетъ быть менѣе 50 рублей. Билеты на вклады: не превышающіе 300 рублей, выдаются только именные; на сумму же свыше 300 рублей могутъ быть выдаваемы, по желанію вкладчиковъ, безъимянные, т. е. на предъявителя *)

Вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтою.

Лица, желающія перевести свои вклады изъ другихъ кредитныхъ учрежденій на процентное обращеніе въ Скопинскій Банкъ, могутъ поручать Банку истребованіе откуда слѣдуетъ ихъ вкладовъ, для чего они должны сдѣлать на именныхъ билетахъ засвидѣтельствованную нотаріусомъ или полиціею надпись, о предоставленіи Банку права истребовать слѣдующія по тѣмъ билетамъ деньги, безъимянные же билеты, для перевода по нимъ вкладовъ, представляются въ Банкъ безъ всякой надписи.

Банкъ принимаетъ къ учету векселя, купоны отъ процентныхъ бумагъ и облигацій, вышедшія по тиражу, на сроки отъ 1-го до 12-ти мѣсяцевъ, и выдаетъ ссуды подъ залогъ строеній, состоящихъ въ г. Скопинѣ, и земель находящихся въ Рязанской губерніи отъ 1-го года до 12-ти лѣтъ, процентныхъ бумагъ, товаровъ и вещей отъ 1-го до 9-ти мѣсяцевъ. Проценты Банкъ получаетъ по учетной и ссудной операціямъ по восьми на сто въ годъ.

Правленіе Банка открываетъ засѣданіе ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, съ 10 час. утра до 3-хъ часовъ по полудни, и въ производствѣ Банковыхъ операцій и вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Высочайше утвержденными: положеніемъ 6-го февраля 1862 года о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, и мнѣніями Государственнаго Совѣта 16-го мая, 1866 года и 30 ноября 1870 года.

---

*) Вклады вносятся въ Банкъ черезъ почту при объявленіяхъ слѣдующаго содержанія:

„Въ Скопинскій Городской Общественный Банкъ (отъ такого) объявленіе. Представляя при семъ (столько-то рублей) прошу принять эту сумму во вкладъ для обращенія изъ процентовъ (на такой-то срокъ или до востребованія) и составить билетъ на мое имя (или на имя такого-то или на предъявителя); который выслать въ *такое-то мѣсто. Число. мѣсяцъ, годъ.*"

№ 858

Директоръ *Рыковъ.*

Дозволено цензурою СПБ. 16 октября 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Вальчика, Англ. пр. № 10.

XI годъ — годъ XI

№ 43 — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.
Выданъ 25 Октября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Событія въ Черногоріи. Видъ города Дульциньо съ моря. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Дульциньо.

Городокъ Дульциньо, пріобрѣвшій столь громкую извѣстность въ наши дни, расположенъ на холмѣ на нѣсколько сотъ метровъ надъ поверхностью моря. Западный склонъ холма постепенно понижается къ морю. Сѣверная же часть города образуетъ уголъ и скалы, здѣсь возвышающіяся, идутъ до самаго морскаго берега. На этихъ то скалахъ и построена венеціанцами крѣпость съ широкими, толстыми стѣнами. За крѣпостью возвышаются купы кипарисовыхъ и тутовыхъ деревьевъ, надъ которыми тамъ и сямъ мелькаютъ вершины минаретовъ. Позади Дульциньо возвышаются крутыя горы, главныя вершины которыхъ доходятъ до 2 тысячъ футъ. Склоны ихъ покрыты дубовымъ и сосновымъ лѣсомъ, это и есть Мазурскія высоты, образующія на сѣверо-восточной сторонѣ четыре послѣдовательныхъ уступа и представляющія прекрасныя стратегическія позиціи.

Дульциньо уже былъ во власти черногорцевъ, которые возвратили его по окончаніи военныхъ дѣйствій. На прилагаемомъ рисункѣ городъ изображенъ со стороны моря.

Дульциньо назывался у Римлянъ Olcinium, Colcinium, у южныхъ славянъ—Ульцинъ. Мѣсто очень красиво, раскинутъ городокъ амфитеатромъ на скалѣ надъ самымъ Адріатическимъ моремъ, между двумя бухтами, на южномъ концѣ горы Машуръ-Планины, въ десяти верстахъ отъ устьевъ рѣки Бояны. Климатъ прелестный; здѣсь растутъ пальмы, оливы, розмаринъ, шалфей и громадные алое. Плиній еще разсказываетъ объ этомъ прекрасномъ мѣстечкѣ, основанномъ жителями Колхиды, посланными сюда царемъ Аэта преслѣдовать Язона, который увезъ его дочь. Послѣ паденія римской имперіи городъ былъ долго свободенъ—затѣмъ принадлежалъ къ византійской имперіи и уже въ XI вѣкѣ составлялъ нераздѣльную часть Далматинскаго и Сербскаго королевствъ. Послѣ паденія сербскаго царства при сильномъ натискѣ турокъ на юго-славянскія земли, когда, даже и Албанія при Скандербегѣ немогла удержаться, дульцинцы добровольно сдались венеціанской республикѣ, и подъ ея рукой оставались до 1571 года, когда должны были вновь сдаться сильному Ахметъ-Пашѣ, послѣ долговременной осады. Янычары тогда вырѣзали почти все населеніе. Турки населили этотъ прежде сербскій городъ, своими албанцами, греками, цыганами, но и славянскихъ семействъ довольно таки возвратилось; ихъ начали принуждать къ переходу въ магометанство. Нѣсколько разъ въ 1696 и 1722 г. венеціанцы тщетно силились возвратить себѣ этотъ городокъ. Въ послѣднюю войну черногорцы взяли Спичъ (Spizza), Баръ (Антивари) взяли послѣ молодецкаго приступа и Дульциньо, отчаянно защищаемый турками. Населеніе покорилось, но съ недовольствомъ, черногорской администраціи, главу которой представлялъ воевода Илья Пламенацъ, но скоро примирилось съ этимъ, особенно когда черногорскій князь Николай передалъ самоуправленіе города представителямъ старинныхъ мѣстныхъ родовъ.

Но едва дульцинцы сжились съ черногорцами и стали составлять дульцинскій батальонъ для черногорской арміи, берлинскій трактатъ рѣшилъ передать городъ опять назадъ Турціи. Черногорцы съ большою обидою, но въ опредѣленный срокъ передали городъ съ округомъ до Бояны Турціи, которая обязалась за то уступить черногорцамъ Плаву и Гусинье—гористыя мѣстности на восточной границѣ Черногоріи. Но такъ какъ турки не хотѣли отдать ни этихъ округовъ, ни Зеты до Хумскаго-блота (озера), то при содѣйствіи европейской дипломатіи вновь рѣшено, чтобы Порта отдала Черногоріи Дульциньо, Диношъ и Груду съ окрестностями и съ округомъ, считающимъ больше 30 разныхъ поселеній. Порта и въ этомъ упорствовала и Европа была наконецъ вынуждена прибѣгнуть къ морской демонстраціи, пославъ больше двадцати военныхъ судовъ сначала въ Гравозу (Гружъ) близь Рагузы. Теперь суда эти находятся на зимней стоянкѣ въ Катарскомъ заливѣ, ожидая тамъ дальнѣйшихъ рѣшеній.

Въ Дульциньо, въ старомъ городѣ находится и незначительная крѣпостца; еще недавно длинныя венеціанскія пушки глядѣли съ ея стѣнъ. Въ этой части города находились прежде красивые дома бывшихъ венеціанскихъ патриціевъ и мусульманскихъ беевъ и агъ. Еще можно видѣть и остатки византійскихъ храмовъ и прежняго собора Пресв. Богородицы съ изваяніями и барельефами въ византійскомъ стилѣ. Улицы узкія и короткія. Въ предмѣстьи недурной фонтанъ въ турецкомъ стилѣ. Въ городѣ до 600 домовъ и 3500 жителей, изъ коихъ одна треть еще невполнѣ албанцы а славяне. Въ окрестностяхъ города больше 30 православныхъ церквей. На базарѣ до 200 лавокъ. Портъ невеликъ; дульцинцы извѣстны какъ хорошіе моряки. Въ старину изъ нихъ многіе занимались пиратствомъ. Наполеонъ I вошелъ однажды черезъ Хаджи-Мухтара съ ними въ союзъ, вызвавъ ихъ жечь вездѣ англійскія суда въ Адріатикѣ. У нихъ было прежде больше 1000 судовъ торговой своей флотиліи, теперь ихъ едва осталась десятая часть. Дульцинцы занимаются судостроеніемъ, рыбачествомъ. Турецкій флотъ имѣетъ не одного адмирала изъ дульцинцевъ и множество смѣлыхъ и отважныхъ матросовъ. Во время турецкаго управленія тутъ было мѣстопребываніе мудира (уѣзднаго начальника), и кадія (судья).

Лѣсникъ.

Разсказъ.

Б. М. Маркевича.

(Продолженіе).

VIII.

Шумъ колесъ и конскій топотъ уже успѣли смолкнуть. Коверзневъ быстрымъ, гимнастическимъ шагомъ подвигался впередъ, внимательно, привычнымъ къ наблюденію природы взоромъ, оглядывая отъ времени до времени темнѣвшую окрестность. Прямо противъ него, на западѣ, горѣло еще, сквозя межъ лѣса, багряное полымя заката, но все остальное небо уже заволакивалъ мракъ и ненастье. Все ниже и ниже опускались тучи, вершины деревъ уже исчезли въ клубахъ сѣраго тумана и, охваченные внезапно его влажнымъ холодомъ, испуганно слетали съ нихъ вороны и съ зловѣщимъ карканьемъ рѣяли растерянно въ воздухѣ... Глухой, но уже грозный, грохотъ несся изъ какой то близкой дали; звѣрь не ревѣлъ еще,—онъ сдержанно рычалъ и готовился...

„Собирается не на шутку, кажись“, говорилъ себѣ Валентинъ Алексѣевичъ;—„сухимъ до Крусанова не дойти видно никакъ“... Ему вспомнились Америка, Техасъ, страшная гроза выдержанная имъ на берегахъ Ріо-Браво. Его тогда спасъ спутникъ его, мексиканецъ, отъ вѣрной смерти, оттащивъ своевременно изъ-подъ вѣтвей обрушившагося подъ ударами грома платана, вблизи котораго стояли они...

— Don't be frightened, Jim! *) ласково промолвилъ онъ, останавливаясь на мигъ и наклоняясь къ своей собакѣ, въ какомъ-то странномъ испугѣ жавшейся все время на ходу къ его колѣнкѣ;—мы съ тобой здѣсь не подъ тропиками...

Онъ успѣлъ уже пройти остальную версту той прямой линіи просѣки, которая, какъ сообщено ему было капитаномъ, постепеннымъ наклономъ спускалась до берега *Вѣдьмина Лога*, круто сворачивала затѣмъ вправо, и вдоль того же берега шла на соединеніе съ большою дорогою, уже хорошо знакомою Валентину Алексѣевичу. Онъ повернулъ по ней, какъ было указано, едва уже различая дорогу предъ собою. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ замѣтно рѣдѣлъ и понижался. Близость болота, мимо котораго шелъ путь Коверзнева, давала себя чувствовать умягченіемъ почвы, въ которую ноги его уходили индѣ какъ въ какое-то тѣсто.

Въ памяти его пронеслись давнишніе, слышанные имъ въ дѣтствѣ разсказы объ этомъ болотѣ. Это было, дѣйствительно, скверное мѣсто, недаромъ носившее прозвище, данное ему суевѣрнымъ страхомъ окрестнаго народа. Вѣчно цвѣтущее на поверхности какою-то коварно-изумрудною зеленью, оно не выпускало живымъ никого, имѣвшаго несчастіе попасть въ его засасывающую бездну. Тянулось оно версты на три въ окружности. Противоположный берегъ подымался надъ нимъ довольно высокимъ крутымъ скатомъ, и съ этаго ската однажды, на памяти Валентина Алексѣевича, сорвался

*) Не бойся, Джимъ,

высоко наложенный возъ сѣна и весь, съ лошадью и парубкомъ-возчикомъ, сидѣвшимъ на немъ, ухнулъ и навѣки исчезъ въ этой зеленой хляби... Онъ помнилъ еще блѣдное лицо, съ какимъ воспитатель его, Фоксъ, вернувшись съ верховой прогулки, разсказывалъ ему какъ, проѣзжая мимо *Вѣдьмина Лога*, скакунъ его увязъ внезапно задними ногами въ трясинѣ и онъ едва успѣлъ вытащить его оттуда, и какъ, „въ ту минуту когда онъ почувствовалъ, что крупъ „Блекбуля исчезаетъ подъ нимъ, и самъ онъ валится назадъ и вотъ сейчасъ, сейчасъ туда опрокинется вмѣстѣ съ лошадью, онъ испыталъ такой смертный страхъ („anguish of death"), какой, думалъ онъ до сихъ поръ въ своей гордости, онъ неспособенъ былъ когда либо испытывать"... Старыя деревенскія бабуси пугали внучатъ своихъ „*Мавками*", увлекающими въ осеннюю ночь путниковъ въ это свое бездонное логовище...

Но мысль Коверзнева не хотѣла, да и не способна была останавливаться долго на этихъ представленіяхъ. Не то видалъ онъ въ своей, богатой всякими приключеніями, жизни... Онъ шелъ все такъ же бодро впередъ, среди обнимавшей его теперь уже со всѣхъ сторонъ темноты, держа обѣими руками передъ собою ружье на перевѣсъ, оберегая такимъ образомъ плечи свои и локти отъ толчка о какое нибудь препятствіе... Онъ не жалѣлъ что не далъ увезти себя отъ непогоды „этой дѣвицѣ". Во первыхъ, онъ издавна любилъ всякія необычныя ощущенія и „*такъ называемыя* опасности", какъ привыкъ онъ презрительно выражаться. А затѣмъ... „Какими смѣшными словами, думалъ онъ, обзавелись они теперь бѣдныя: „*аффектъ*", „*регрессъ*", „*Огюстъ Контъ*", „*Лассаль*"!.. И пресерьезно какъ, точно орѣхи щелкаютъ...

Смѣхъ вызванный въ немъ этимъ нежданно пришедшимъ ему въ голову сравненіемъ, готовъ былъ сорваться съ его устъ... и замеръ. Трескучій, оглушившій на нѣсколько мгновеній Коверзнева, громовой ударъ грянулъ, показалось ему, въ трехъ шагахъ отъ него. Онъ отскочилъ невольно, невольно сжимая вѣки, опаленныя жгучимъ пламенемъ разразившейся молніи; острый, нестерпимый запахъ сѣры охватилъ его обоняніе, проникалъ въ его горло: крупныя дождевыя капли зашлепали по его шляпѣ, по его спинѣ...

И словно только и ждали они этаго сигнала,—завыли, загудѣли, застонали кругомъ чудовищные голоса бури. Лѣсъ дрогнулъ весь и заскрипѣлъ подъ раздирающимъ стономъ налетѣвшаго на него, наклонившаго, сломившаго его разомъ, вихря. Трескъ лома и шлепъ о земь обрушенныхъ деревьевъ, удары грозы слѣдовавшіе теперь одинъ за другимъ съ ужасающею быстротою; гулъ дождя падавшаго съ небесъ уже не каплями, а непрерывною, сплошною пеленой, производили какое-то одуряющее, фантасчическое впечатлѣніе. Словно какой-то стихійный духъ, неистово мятежный несся на гибель и разрушеніе всего Божьяго міра. Едва ли что либо подобное дано было видѣть Коверзневу и подъ тропиками". Но ему некогда было уже сравнивать, вспоминать, онъ и не въ шутку былъ озабоченъ положеніемъ, въ которомъ находился. Блескъ молній слѣпилъ ему глаза, не давая ни времени, ни возможности разсмотрѣть окружающіе предметы, сообразиться, найти исходъ... Итти прежнимъ путемъ, прямо, представляло уже величайшую трудность: вѣтеръ сбивалъ его съ ногъ и, сверхъ того, онъ съ каждымъ лишнимъ шагомъ чувствовалъ, какъ все болѣе и болѣе размякала подъ нимъ почва, какъ ступни его уходили все глубже въ нее,—до того, что съ большимъ трудомъ онъ могъ вытаскивать уже ихъ оттуда. Онъ попробовалъ повернуть назадъ, но это оказалось еще менѣе возможнымъ: цѣлые потоки неслись ему на встрѣчу, заливали его ноги, подпирали подъ его колѣна. Онъ уже былъ мокръ съ головы до ногъ, мокръ до костей, пронизывающіе холодные брызги дождя хлестали его по лицу, текли за шею, рѣзали ему вѣки... А вода между тѣмъ подымалась все выше и выше; вся масса непрерывнаго ливня стекалась, стремилась сюда, по наклону, въ это нижайшее мѣсто лѣсной окраины. Коверзневъ ощущалъ ея постепенный, растущій съ каждымъ мгновеніемъ, подступъ,—она уже доходила ему до пояса. „Унесетъ въ болото", пронеслось у него въ головѣ...

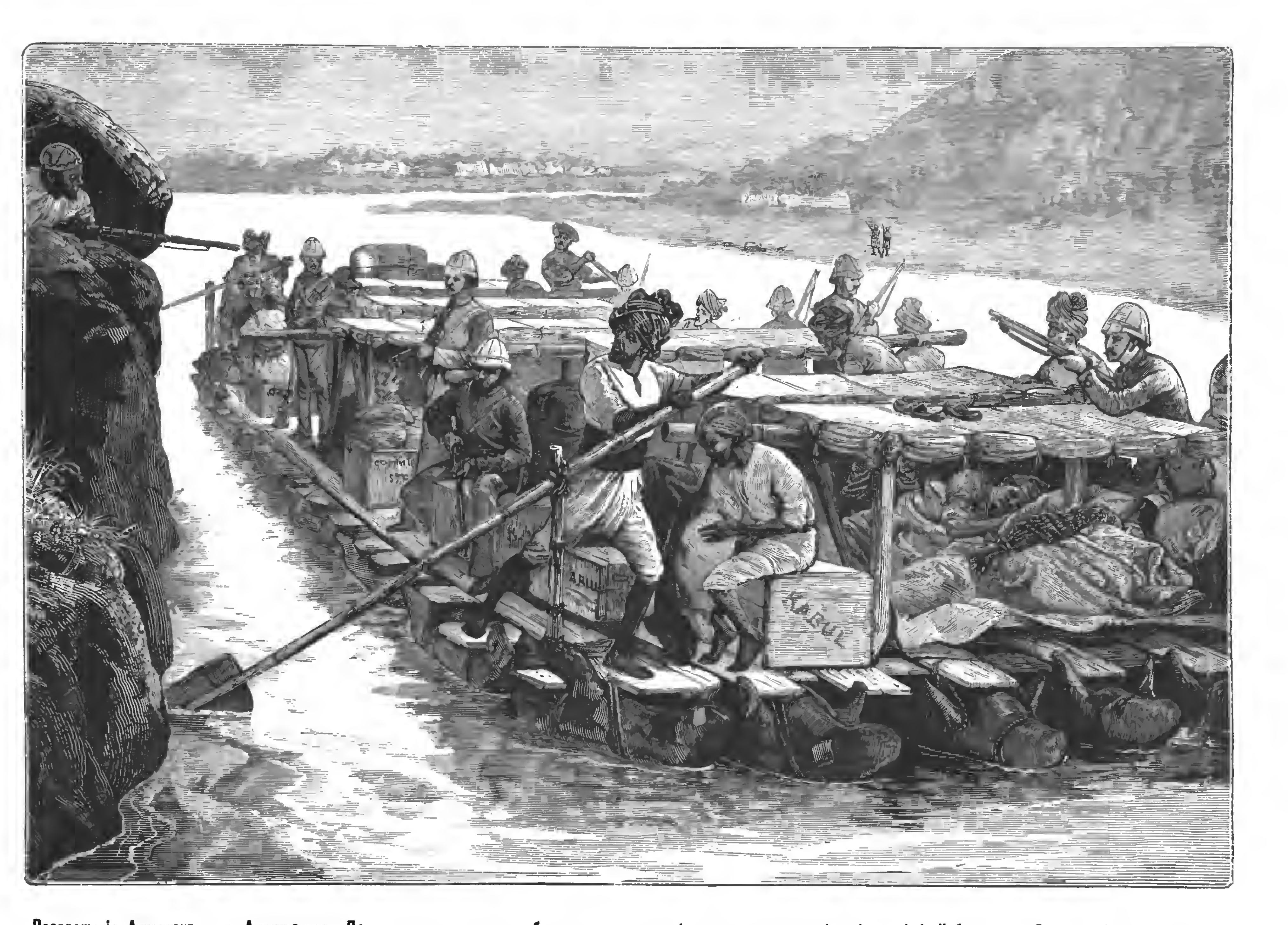
Мгновенный блескъ ударившей еще разъ молніи далъ ему увидѣть, что онъ стоитъ среди уже цѣлаго, безбрежнаго озера, изъ глубины котораго надвигались стволы кое-какихъ жидкихъ вербъ и ветелъ. Съ тревогою сказалъ онъ себѣ, что онъ уже не былъ въ состояніи вспомнить направленіе исчезнувшей дороги, не могъ разобрать съ какой стороны и куда шелъ онъ по ней четверть часа тому назадъ,.. „Глупо однако и неслыханно погибать отъ какого-нибудь лѣтняго дождя!" проронилъ онъ тутъ же презрительно и злобно,—зацѣпиться надо за какое-нибудь дерево и терпѣливо дождаться конца грозы, а тамъ засвѣтлѣетъ на небѣ"... Но въ непроглядной теми окружавшей его, при вихрѣ и дождѣ, бившемъ ему въ лицо, отыскать это спасительное дерево было нелегко; а при этомъ онъ начиналъ коченѣть отъ сырости и холода... „Jim, where you?" *) вспомнилъ онъ свою собаку. Слабый визгъ, показалось Валентину Алексѣевичу, отвѣтилъ ему будто съ недалекаго отъ него разстоянія. „Бѣдняжка отыскалъ тутъ чутьемъ какой нибудь взлобокъ, на немъ и спасается", подумалъ онъ,—и направился, расплескивая передъ собою воду руками, на этотъ визгъ... Но онъ вдругъ почувствовалъ, что земля будто оборвалась подъ его ногами... Онъ попалъ въ самый напоръ воды,—его сбило, подхватило и понесло.

Куда? Онъ не могъ этого ни понять, не предчувствовать. Какой-то гадливый ужасъ обнималъ его при одной мысли... Но онъ боролся, плылъ во мракѣ, въ незримой, но ощущаемой имъ кипѣни бурлившихъ волнъ, широко раскидывая руки, въ чаяніи ухватиться за вѣтку какаго нибудь дерева, мимо котораго могло проносить его... Такая вѣтка, дѣйствительно, попалась ему подъ пальцы. Онъ судорожно ухватился за нее, чувствуя при этомъ, что тѣло его, увлекаемое потокомъ, описываетъ около нея широкій полукругъ и измѣряя этимъ въ мысли стремительную силу уносившаго его теченія. Онъ невольно рванулъ, подтягиваясь къ нему, этотъ желанный якорь спасенія... Въ пальцахъ его остались содранные его ногтями клейкія, узкія листья обломившейся, хрупкой вербины,—и описавъ новый полукругъ, онъ понесся дальше, гонимый потокомъ и вѣтромъ... И въ это же время, на крылахъ того же вѣтра, среди бѣшеныхъ звуковъ непогоды, явственно донесся до него голосъ, донеслось его имя: „Валентинъ Алексѣичъ!"... „Это капитанъ... Это спасеніе, можетъ быть", мелькнуло въ головѣ его. Онъ попробовалъ крикнуть въ отвѣтъ, заработалъ сильнѣе руками... Но плыть становилось ему теперь все труднѣе; теченіе, онъ чувствовалъ, теряло все болѣе и болѣе свою стремительность,—ноги его уже задѣвали почву, какая-то растительная склизь попадалась ему то и дѣло подъ руки... „Неужели"... „Aguish of death" вспомнились внезапно слова его воспитателя,—а съ ними вся жизнь его, мать, лицей, пароходъ увозившій его въ Америку, берега Миссисипи, сверкающіе глаза любимой имъ когда-то женщины, и развалины въ Банаресѣ, и старый другъ, англичанинъ, отъ котораго получилъ вчера письмо, и сейчасъ, полчаса тому назадъ, эта встрѣченная имъ „Пинна Афанасьевна", говорившая объ „аффектѣ" и Лассалѣ... „Неужели"... повторилъ онъ замирая. Какіе-то зеленые огни замелькали въ его зрачкахъ... „Что же это"... Подъ нимъ была уже не вода, а какая-то жижа—и

*) Джимъ, гдѣ ты?

Церковь Богдана Хмельницкаго въ г. Переяславѣ (Полт. губ.). Ориг. рис. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Возвращеніе Англичанъ изъ Авганистана. Перевозка раненыхъ на бурдючномъ плоту (воздушн. кожан. мѣшки) по рѣкѣ Кабулу изъ Джеллалабада въ Индію.

По наброску Робертсона, фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

онъ уходилъ въ нее. Онъ вскинулся послѣднимъ порывомъ, безсознательно стараясь встать на ноги,—но встать уже было не на что! Онъ исчезалъ въ бездонной хляби *Вѣдьмина Лога*...

IX.

Софронъ Артемьичъ Барабашъ чуть не взвизгнулъ, когда, часу въ восьмомъ утра, раскрывъ глаза на скрыпъ широко распахнувшейся двери его спальни, увидѣлъ предъ собою капитана Переслѣгина, одинъ видъ котораго говорилъ о какомъ-то невозможномъ, неслыханномъ несчастіи. Онъ стоялъ передъ управляющимъ въ порванной, мокрой, покрытой какимъ-то зеленымъ иломъ одеждѣ, съ исковерканнымъ лицомъ и раскрытыми, шевелящимися губами, изъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ не исходило ни единаго звука.

— Что такое, что случилось, Иванъ Николаичъ? забормоталъ Барабашъ, заранѣе трясясь лихорадкою ужаса.

— Ва... Валентинъ А...лексѣ... началъ, и не могъ договорить тотъ.

— Баринъ! крикнулъ управляющій, вскакивая, какъ былъ въ рубахѣ, съ постели,—Господи! Гдѣ онъ?..

— Не... не знаю... Не нашли...

— Какъ не нашли? Что вы говорите, Иванъ Николаичъ?.. Мать Пресвятая Богородица, да и сами то вы мало съ ногъ не валитесь... Воды попейте, батюшка... или вотъ, погодите, для крѣпости... пользительно будетъ...

Онъ кинулся о босу ногу къ сосѣднему шкапу, досталъ изъ него бутылку мадеры, и дрожащими, еле попадавшими горлышкомъ въ стаканъ руками, налилъ и поднесъ стаканъ капитану.

Тотъ, не глядя, взялъ и выпилъ залпомъ. Глаза его мгновенно блеснули.

— И не можетъ этаго быть! воскликнулъ онъ неожиданно, отвѣчая мысленно чему-то, остававшемуся все таки невѣдомымъ Софрону Артемьевичу; на село за народомъ скорѣе послать надо, кликальщиковъ собрать, мальчишекъ, чтобы всѣ мѣста, какъ есть, изойти... Можетъ онъ уйти успѣлъ, пробродилъ въ чащѣ, истомился, да и въ сонъ впалъ... гдѣ-нибудь подъ кустомъ лежитъ... Только вотъ эта шляпа ихняя, шляпа! вырвалось новымъ, полнымъ отчаянія взрывомъ изъ груди капитана...

— Вы это про нихъ, про Валентина Алексѣевича? спрашивалъ въ тоскѣ и страхѣ Барабашъ, глядя ему въ лице,—да не томите, Христомъ да Богомъ прошу васъ, Иванъ Николаичъ, что съ ними случилось?

Капитанъ передалъ о встрѣчѣ своей съ Валентиномъ Алексѣевичемъ у Хомяковской межѣ, о томъ какъ онъ просилъ его, въ виду находившей грозовой тучи, не идти въ Крусаново, гдѣ по новопроведенной линіи дорога идетъ низкими мѣстами, самымъ берегомъ *Вѣдьмина Лога*, какъ онъ не послушалъ, не велѣлъ ему пріѣзжать съ экипажемъ... О предложеніи, сдѣланномъ Коверзневу Пинною Афанасьевной довезти его обратно въ Хомяки капитанъ не упоминалъ: у него коломъ въ головѣ стояло, что „если съ Валентиномъ Алексѣевичемъ не дай Богъ, что нибудь случилось“ (онъ все еще никакъ не хотѣлъ допустить это какъ положительный фактъ), то это потому, что „она сказала ему то обидное слово, послѣ котораго онъ ни за что ужь не могъ согласиться ѣхать съ нею вмѣстѣ въ Хомяки“...

— А тутъ самая эта гроза и пошла? подгонялъ его Барабашъ, блѣднѣя и начиная догадываться:—свѣтопреставленіе просто; то-ись такой *манипуляціи* отродясь, могу сказать и не помню! До утра спать не могъ, мался, думаю: всѣ крыши у насъ сорветъ!..

— Адъ, адъ сущій! глухимъ голосомъ подтвердилъ Переслѣгинъ.—Какъ увидалъ я это, продолжалъ онъ,—сейчасъ оставивъ Пинну Афанасьевну въ Хомякахъ, погналъ обратно Валентину Алексѣевичу во слѣдъ по Крусановской просѣкѣ, хоть и запретили они мнѣ! Фонарь даже съ собою взялъ,—только его сразу тутъ загасило и залило, и самъ не знаю, какъ самаго то меня съ лошадью не унесло. Потому—море! Реветъ, вертитъ, а темень глазъ выколи, страсти! Ничего не подѣлаешь, вижу. Сталъ я кричать что горла хватало: думаю, гдѣ нибудь тутъ по близости стоитъ онъ у дерева, въ сохранѣ, хоть и вымочило, должно быть всего... Нѣтъ, не слыхать голоса!.. Бился я такъ вплоть до зари до самой. Тутъ и утихать стало, проясниватъ... Гляжу, повѣрите-ли, мѣстовъ не узнаю, вода кругомъ, озеро озеромъ...

— А *ихъ* нѣту? прошепталъ еле слышно Софронъ Артемьичъ.

Капитанъ продолжалъ, не отвѣчая на вопросъ:

— Подумалъ я себѣ, вспомнивъ какъ они быстро ходятъ всегда: можетъ, пока я туда и назадъ изъ Хомяковъ гналъ, можетъ, онъ успѣлъ до старой дороги на Крусаново пройти; а тамъ мѣсто ужь высокое, не опасное. Туда—молъ ѣхать надо... Насилу дотащился, крюку верстъ десять далъ,—потому всѣ дороги размыло такъ, что...

Онъ не договорилъ, и только тяжело перевелъ дыханіе.

— Въ Крусаново?.. И тамъ нѣтъ? спросилъ тѣмъ же шопотомъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, Барабашъ.

Капитанъ качнулъ отрицательно головой, и отвернулся...

— А что шляпа?... вы про шляпу ихнюю говорили?..

— Шляпа? Да,—голосъ его обрывался,—это мы съ крусановскимъ лѣсникомъ...

— Нашли... Шляпу?..

— Видѣли.

— Гдѣ?

— Плыветъ... Надъ *Вѣдьминымъ Логомъ*, едва былъ въ силахъ проговорить Переслѣгинъ.

Софронъ Артемьичъ всплеснулъ руками и въ совершенномъ безсиліи сѣлъ на свою постель.

— Да, можетъ, и не ихняя... почемъ знать? пробормоталъ онъ черезъ мигъ, сознавая самъ, что спрашиваетъ вздоръ.

— Клеенчатая, самая та, въ которой повстрѣчался онъ намъ съ Пинной Афанасьевной, проронилъ капитанъ, продолжая не глядѣть на него.

— Съ ними собака была, *Джимка* ихняя? вспомнилъ вдругъ Барабашъ.

— Была.

— И... и той нѣтъ?

— Нѣтъ...

Барабашъ помолчалъ, поднялъ на него совсѣмъ растерянный взглядъ, развелъ отчаяннымъ движеніемъ руки.

— Иванъ Николаичъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ онъ,—значитъ...

— Значитъ, перебилъ его какимъ-то дикимъ голосомъ тотъ, встрепенувшись вдругъ и кидаясь къ двери,—значитъ на село надо за народомъ... искать... найти его надо... благ... благодѣтеля нашего!..

Софронъ Артемьичъ, полуодѣтый, выскочилъ за нимъ черезъ мигъ.

День былъ воскресный. Все населеніе Темнаго Кута было дома, и по зову управляющаго, человѣкъ полтораста народа отправилось подъ предводительствомъ его и капитана на поиски.

Проискали до самаго вечера, обойдя при этомъ верстъ двадцать въ окружности. Ни Валентина Алексѣевича, ни его собаки, ниже какихъ либо оставленныхъ ими слѣдовъ не нашли: масса натекшей и повсюду еще стоявшей воды все смыла, уравняла и унесла. Зловѣщая тинистая зелень *Вѣдьмина Лога* исчезла подъ свѣтлыми,

весело рябившими подъ лучами солнца, струями широко разлившагося озера. Къ берегу этаго озера, противоположному тому, мимо котораго шелъ наканунѣ Коверзневъ, подогнало теперь вѣтромъ его шляпу—затѣйливое англійское improvement для охотниковъ изъ легкой гуттаперчевой ткани. Ее вытащили жердью, съ значительнаго разстоянія, такъ какъ никто не рѣшался теперь подойдти къ самой водѣ, хотя всякому видимо было что разлилась она далеко за предѣлы болота и что опасности быть затянутымъ у этаго берега не представлялось никакой... При этомъ крусановскій лѣсникъ шопотомъ передавалъ окружающимъ, что „когда они утресь съ ихъ благородіемъ, съ Иванъ Николаичемъ, впервой увидали эвту самую шляпу, плыла она по самой, то ись, по середкѣ Лога, какъ понять надо, и такъ ее, почитай, какъ въ люлечкѣ, тихохонько качаетъ... А они (т. е. капитанъ), какъ взвидѣли ее, такъ ровно очумѣлые сдѣлалися, голосомъ голосятъ, да и сразу въ воду вздумали, достать ее, значитъ. И насилу я ихъ удержалъ потому, говорю, можетъ шляпу вѣтромъ снесло съ бариновой головы и попала она сюда, а сами они, Богъ дастъ, невредимы инно гдѣ найдутся, а что тутъ къ ней не выплыть ни за что, и безпремѣнно засосетъ, потому по надъ нимъ, (то есть надъ болотомъ) на четверть воды не больше, а подъ ней самое это хлябище и есть... А они, Иванъ-то Николаичъ, обернулись, глядятъ на меня, глаза-то большущіе такіе у нихъ стали, ажно перепужали... Одначе послушалися меня, изъ воды вылѣзли, своего казака у меня оставили, а на мою лошадь сѣли, „искать, говорятъ, надо“, — и поѣхали себѣ“...

Понуро и безмолвно возвращались при закатѣ солнца Софронъ Артемьичъ и капитанъ. Шедшіе за нимъ крестьяне, кормившіеся въ теченіе дня кое-какими краюхами хлѣба, захваченными ими уходя изъ дома, сильно проголодались и предвидливый управляющій распорядился заранѣе, чтобы на половинѣ пути ихъ въ Темный Кутъ, на полянѣ въ Хомякахъ, передъ избою лѣсника, изготовленъ былъ для всѣхъ ужинъ, или вѣрнѣе, поздній обѣдъ. Дойдя до мѣста, разсѣлись передъ наскоро сколоченными столами и приступили къ трапезѣ. Сафронъ Атемьичъ всѣхъ благодарилъ, угощалъ и собственноручно поилъ виномъ; онъ какъ бы весь, намѣренно, ушелъ въ эту заботу, чтобы не думать о томъ, *что* собрало здѣсь этотъ народъ, на какую *помочь* приглашалъ онъ самъ его утромъ.

Капитанъ съ дрожавшими отъ устали членами, опустился на земь, едва пришли, и ото всякой ѣды отказался. Онъ былъ страшно блѣденъ и словно на половину худѣе сталъ въ теченіи этихъ сутокъ.

Барабашъ, обходившій кругомъ столовъ съ баклагою вина и чаркою, дошелъ до него, и остановился:

— Иванъ Николаичъ, молвилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ при этомъ,—очень вы натрудили себя и, можно сказать, всякаго *форсу* лишились... Хотя вы теперича не употребляете, однако я полагаю...

Капитанъ поднялъ голову, глянулъ ему въ упоръ въ лице и, не давъ ему договорить, протянулъ руку къ чаркѣ:

— Давайте! коротко проговорилъ онъ.

Тотъ налилъ. Переслѣгинъ выпилъ ее залпомъ.

— Еще! проговорилъ онъ.

— Иванъ Николаичъ, заговорилъ Барабашъ, подавъ ему вторую чарку, которую капитанъ влилъ себѣ такъ же поспѣшно въ горло,—какъ бы намъ въ отвѣтѣ не быть... потому сами знаете, на счетъ этаго по администраціи строго... *дисциплина*...

Переслѣгинъ уставился на него еще разъ мутными глазами.

— Становому надо дать знать и слѣдователю, понижая внезапно голосъ и какъ бы давясь, пробормоталъ Софронъ Артемьичъ,—актъ формальный требуется...

Судорога исказила на мигъ все лицо капитана. Онъ не сказалъ ни слова, поднялся съ мѣста, и невѣрнымъ шагомъ направился къ избѣ лѣсника.

— Куда это вы, Иванъ Николаичъ? недоумѣвая воскликнулъ управляющій.

— Спать хочу! отрѣзалъ онъ, не оборачиваясь и подымаясь на крылечко избы.

X.

Мѣстопребываніе становаго отстояло отъ Темнаго Кута всего на 15 верстъ, но конторщикъ, посланный туда въ ту же ночь Софрономъ Артемьичемъ, вернулся утромъ съ извѣстіемъ что Евгеній Игнатьичъ господинъ Потужинскій, вмѣстѣ съ господиномъ судебнымъ слѣдователемъ уѣхали въ уѣздъ. Посланный ихъ не дождался а передавъ письмо слугѣ вернулся обратно.

Душевная тоска, овладѣвшая Софрономъ Артемьичемъ, только удвоилась отъ этой вѣсти. Ему надо было какое-нибудь внѣшнее занятіе, суета, нужны были чужія лица, чтобы оторваться отъ нея и забыться хоть на время. Когда онъ оставался одинъ, у него спирало горло и тѣснило грудь „какъ клещами“, такъ какъ къ весьма искреннему сожалѣнію о „душѣ-баринѣ“, какимъ зналъ онъ Коверзнева съ самыхъ юныхъ лѣтъ, примѣшивалъ и самое серьезное безпокойство о собственной своей судьбѣ, о томъ кому изъ наслѣдниковъ Валентина Алексѣевича достанется Темный Кутъ и дастъ-ли ему, Барабашу, этотъ невѣдомый наслѣдникъ дожить свой вѣкъ на насиженномъ и дорогомъ ему мѣстѣ...

— А не знаете, вернулся Иванъ Николаичъ изъ Хомяковъ, Спиридонъ Иванычъ? спросилъ онъ конторщика.

— Нѣту-съ. Я сейчасъ мимо ихъ комнатъ проходилъ: на замкѣ.

— Такъ пойдемъ въ контору. Мѣсячный отчетъ это перво наперво чтобъ былъ па готовѣ, а, окромя того, полугодовой балансъ безпремѣнно вывести надо, потому теперича, сами знаете, у насъ *метаморфозъ*, опеку назначатъ, наслѣдство въ дѣлежъ пойдетъ...

Спиридонъ Иванычъ только вздрогнулъ.

Былъ уже часъ двѣнадцатый. Контора занимала особый флигелекъ на дворѣ усадьбы, и въ ней, у раскрытаго настежъ окна сидѣли теперь другъ противъ друга за покрытымъ клеенкою столомъ Софронъ Артемьичъ и его помощникъ, перекидывая какъ бы въ перегонку костяжками счетовъ, лежавшихъ у каждаго изъ нихъ по правой рукѣ. Они были такъ поглощены своимъ дѣломъ, что въ первую минуту не обратили вниманія на разговоръ, долетавшій къ нимъ со двора:

— Чтой-то вы, помилуйте, чего мнѣ врать? Говорю, нѣту, вышли, пищалъ женскій голосъ.

— Куда?.: Спрашиваю тебя, куда ушелъ? говорилъ кто-то другой, какъ бы путаясь языкомъ.

— Въ контору, такъ... такъ и скажи... баба! И пойду... все одно... контора!..

Барабашъ первый поднялъ голову:

— Да это никакъ Иванъ Николаичъ? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Конторщикъ поспѣшно вывѣсилъ съ мѣста голову за окно...

— Они-съ... съ вашей Лукерьей, сказалъ онъ, какъ бы стыдливо помолчавъ передъ тѣмъ, и присаживаясь снова къ столу.

Софронъ Артемьичъ внимательно глянулъ ему въ лицо.

Спиридонъ Иванычъ слабо усмѣхнулся и опустилъ глаза.

Въ передней вслѣдъ за тѣмъ раздались тяжелые шаги. Дверь широко распахнулась и въ комнату вошелъ капитанъ.

Онъ остановился, оглянулъ сидѣвшихъ своими круглыми, замѣтно осовѣлыми глазами, и чуть чуть шатаясь,

подошелъ къ столу, кивнулъ Барабашу,—и тутъ же опустился на ближайшій стулъ.

— Видѣли? Хорошъ? неожиданно захохоталъ онъ;—актъ составьте, формальный... актъ...

Онъ уронилъ голову на грудь и тяжело вздохнулъ.

Барабашъ съ конторщикомъ испуганно переглянулись еще разъ.

— Воды, позвольте... воды испить, сказалъ черезъ мигъ Переслѣгинъ, протягивая руку къ графину, стоявшему на столѣ.

Конторщикъ, отличавшійся крайнею услужливостью нрава, поспѣшилъ налить ему воды въ стаканъ.

Онъ жадно выпилъ, обтеръ губы, а съ ними и все влажное отъ жары лицо своею большою красною рукой, и передохнулъ еще разъ.

— Софронъ Артемьичъ, началъ онъ уже довольно твердымъ голосомъ,—кому мнѣ должность сдать прикажете?

Тотъ такъ и всплеснулъ руками:

— Да что это вы вздумали, Иванъ Николаичъ, Богъ съ вами!.,

— Спрашиваю: кому сдать? перебилъ его капитанъ, ударивъ кулакомъ по столу,—потому... сами видите...

Барабашъ замахалъ руками:

— И не вижу, и видѣть не хочу, и съ вашей стороны, можно сказать, *иллюзія* одна и воображеніе чувствъ. Можетъ всю ночь опять не спали и *организацію* свою разстроили...

— Пустое вы говорите! перебилъ его еще разъ капитанъ, и закачалъ головою; — на тѣхъ условіяхъ шелъ, изъ мозговъ не вышибешь! И онъ треснулъ себя при этомъ по лбу ладонью.

— Про какія это вы условія говорите, въ толкъ не возьмешь, спросилъ, недоумѣвая, управляющій.

— Не знаете?.. А когда я у васъ за пять рублей лѣсникомъ простымъ служилъ... въ посконной рубахѣ ходилъ... въ грязи свинья свиньею лежалъ,—не помните?.. И тогда *онъ*... благодѣтель нашъ, судорожно выговорилъ и оборвалъ на мгновеніе капитанъ,—онъ меня... Можете-ли, спросилъ, обѣщаться мнѣ на счетъ вашей слабости?.. Нѣтъ, говорю, стараться буду, а навѣрное обѣщаться не смѣю, потому ужъ разъ...

Онъ закинулъ нежданно обѣ руки за затылокъ и крѣпко сжалъ ими свою коротко остриженную голову:

— А онъ... онъ мнѣ на честь повѣрилъ... Назначаю, говоритъ васъ, безо всякаго вашего обѣщанія, потому увѣренъ что сами вы откажетесь, когда почувствуете, „что опять впали“... Ну, вотъ я и... и впалъ...

Онъ всталъ на ноги.

— Такъ вы ужь пожалуста, Софронъ Артемьичъ, избавьте!.. Мой совѣтъ вамъ хомяковскаго, Лавра Ѳадѣева главнымъ поставить; знаю его съ Севастополя, на 4 бастіонѣ вмѣстѣ служили, — твердый старикъ, сообразительный...

— Да помилуйте, Иванъ Николаичъ, чуть не плакалъ говоря Барабашъ, — въ подобную-ли минуту толковать объ этомъ, когда у насъ такой *камуфлетъ* вышелъ и, можно сказать, общій ударъ!.. И всѣ мы не знаемъ теперича что изъ насъ будетъ, и самая наша *резиденція* какому господину попадетъ,—такъ что-жъ намъ заранѣе?.. Можетъ, Богъ дастъ, и опять будетъ настоящій баронъ, съ развитіемъ...

Капитанъ покачнулся на ногахъ. Разсѣявшійся у него дурманъ начиналъ, видимо, опять туманить его голову:

— Ну, вы и цѣлуйтесь съ нимъ!.. А я ужъ не слуга.. никому!.. Потому все прахомъ! Поняли вы: прахомъ все... Значитъ, не надо молъ... не надо тебѣ ничего...

Голосъ его порвался внезапно; онъ махнулъ отчаянно рукою и направился къ двери.

Барабашъ кинулся за нимъ:

— Вы куда-же это, къ себѣ теперича, Иванъ Николаичъ? Становой долженъ быть, *юстиція*, такъ отъ васъ отъ перваго показаніе потребуется...

— Актъ, формальный актъ! захохоталъ на это опять, совсѣмъ уже пьяно, Переслѣгинъ,—а *онъ* .. Гдѣ *онъ*? отчаянно вскрикнулъ онъ вдругъ, оборачиваясь на управляющаго.

Тотъ невольно отступилъ на шагъ. Капитанъ вышелъ изъ конторы и зашагалъ по двору въ сторону конюшни, гдѣ привязана была у него къ кольцу лошадь.

— Самаго этаго Лавра Хомяковскаго соврасый, сказалъ конторщикъ Спиридонъ Иванычъ, слѣдя за нимъ изъ окна,—туда стало быть, опять поѣдетъ.

— Проспится тамъ до вечера, одумается, досадливо проговорилъ Софронъ Артемьичъ, садясь снова за свои счеты. И какъ бы „одумавшись“ самъ:

— Съ чувствіемъ человѣкъ! промолвилъ онъ и глубоко вздохнулъ.

— Это точно вы говорите, одобрилъ Спиридонъ Иванычъ, проводя по линейкѣ черту подъ колонной прописанныхъ имъ цифръ,—ибо, Царство имъ Небесное, Валентинъ Алексѣичъ настоящій благотворитель были, прямо такъ сказать надо.

— Изъ послѣднихъ уже вельможъ господинъ былъ, всякаго малаго человѣка понимать могъ! добавилъ къ этому Барабашъ, и вытащилъ платокъ—отереть выступившіе на глаза его слезы.

(Окончаніе въ слѣд. №).

На джонкѣ.

(Изъ жизни пиратовъ Китайскаго моря).

Разсказъ **Фр. Герштекера.**

(Окончаніе).

II.

Офицеръ однако опасался рѣшиться на это.

— Право не знаю, сказалъ онъ въ раздумьи.

— Вамъ нечего бояться. Отсюда вы легко можете слѣдить за сигнальнымъ фонаремъ. Кромѣ того, я съ нетерпѣніемъ жду завтрашняго дня, чтобы разъяснилось недоразумѣніе, и уѣхать раньше полученія воды не могу. Надѣюсь, что вечеръ мы проведемъ не скучно.

Затѣмъ Мооръ ушелъ за кормчимъ, который нехотя оставилъ палубу, и выпилъ стаканъ вина только по приглашенію лейтенанта. Затѣмъ втроемъ они поднялись на верхъ и долгое время слушали разсказы Моора о его подвижной и богатой приключеніями жизни.

Такъ шло время до 9 часовъ вечера. Вода все болѣе приливала къ берегу, вѣтеръ упалъ, и небо густо обложилось тучами. При такомъ состояніи моря, джонка не могла сняться съ якоря; на ней теперь все затихло. По временамъ только раздавались мѣрные шаги часоваго. Реи были сняты, около компаса огонь потушенъ, руль крѣпко увязанъ и судно покоилось, точно спящая чайка на тихой, гладкой какъ зеркало, поверхности водъ.

Тѣмъ временемъ въ каютѣ былъ сервированъ ужинъ на четырехъ. Лейтенантъ хотѣлъ отказаться отъ приглашенія, ссылаясь на то, что у него есть съ собою провизія.

— Надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь и позволите хотя разъ угостить своихъ гостей, говоритъ Мооръ.

— Непрошенный гость, мистеръ Мооръ, вы знаете... засмѣялся офицеръ.

— Да, да, добродушно сказалъ Мооръ, дѣйствительно въ первую минуту вы были гость непрошенный и если бы это отъ меня зависѣло, конечно я бы васъ не принялъ—будь я проклятъ! А теперь другое дѣло, мы кажется обоюдно убѣдились, что вовсе не такъ злы какъ объ насъ говорятъ, и я не вижу почему отказываться отъ того, что наготовилъ нашъ китайскій поваръ.

— Ваше приглашеніе такъ любезно, что я не нахожу возможнымъ отъ него отказываться, а до отлива еще цѣлый часъ, и его мы не можемъ употребить лучше чѣмъ какъ вы указываете. Что вы думаете объ ужинѣ, мистеръ Пэтонъ?

— Вещь прекрасная, отозвался тотъ, расположенный уже въ пользу Моора, его прямымъ и добродушнымъ обращеніемъ.

И такъ! сказалъ Мооръ, я распоряжусь скорѣе подавать. Я

Перлъ гарема. Съ картины Г. Макарта, грав. Пааръ.

ужасно что-то голоденъ и собираюсь хорошенько поѣсть; жду этаго и отъ васъ господа. А послѣ ужина предлагаю вамъ этотъ диванъ для отдыха, или если вамъ удобнѣе, то велю постлать на палубѣ—отъ тумана можно развѣсить сукно...

Предложеніе это разсѣяло смутныя подозрѣнія офицеровъ и Болардъ согласился провести остатокъ ночи на палубѣ.

— А теперь милости просимъ господа, только я на минуту попрошу извинить меня,—я пойду позабочусь о винѣ.

Осмотрѣвъ еще разъ палубу, англичане спустились въ каюту, а Мооръ остался на верху, гдѣ тотчасъ появился какой-то угрюмый малаецъ.

— Руда, долго ли осталось до отлива?

— Еще часъ туанъ *) отвѣчалъ тихо малаецъ.

— Какова погода?

— Прекрасная, раньше часа будетъ достаточно вѣтра.

— А фонарь на мѣстѣ?

— Все въ порядкѣ. А когда нужно его оставить и отцѣпиться?

— Какъ откупорятъ первую бутылку шампанскаго.

— А если кто нибудь изъ нихъ выйдетъ и замѣтитъ что нибудь.

— Тогда пустишь въ дѣло руки... Шестеро будьте на готовѣ и стойте на ступеняхъ лѣстницы. Перваго, кто пойдетъ на верхъ, и которому я закричу: „еще стаканъ вина“ вы хватайтe и вяжите. Поняли?

— Ай, ай! сказалъ малаецъ а глаза его дико сверкнули. А если замѣтятъ что нибудь на бригѣ, то не будутъ же стрѣлять въ лодку, гдѣ ихъ же офицеры. Ихъ лодки насъ не догонятъ, объ этомъ ужъ я позабочусь.

— Лишь бы они не услыхали, какъ ты будешь разнимать цѣпь **) Оба молодца, навычны таки въ морскомъ дѣлѣ и непремѣнно насъ заподозрятъ, какъ почувствуютъ сотрясеніе.

— Будьте покойны сказалъ, малаецъ, жаль только якоря. Все же я навѣсилъ бочку.

— Прекрасно, теперь я уйду, чтобы ничего они не подозрѣвали. Мооръ спустился внизъ, захвативъ по дорогѣ бутылки вина.

Тутъ же было подано кушанье, которое всецѣло поглотило общее вниманіе. Разговоръ велся отрывисто. Мооръ пилъ усердно, и даже Бенъ-Али казалось тутъ забылъ завѣтъ Корана. Офицеры однако, зная свою отвѣтственность, были очень воздержны и при малѣйшемъ шумѣ, Болардъ подымался на площадку и наблюдалъ за сигналами. Все было тихо по прежнему.

Бенъ-Али, подъ вліяніемъ вина разговорился и почти одинъ велъ бесѣду. Онъ занималъ всѣхъ своими безчисленными и интересными для моряковъ разсказами, о разныхъ своихъ приключеніяхъ. Болѣе двадцати лѣтъ онъ провелъ на морѣ, зналъ всѣ берега и острова Китайскаго моря, былъ однажды ограбленъ пиратами, былъ въ плѣну у дикихъ, служилъ переводчикомъ на голландскомъ кораблѣ, участвовалъ въ войнѣ противъ англичанъ, и наконецъ ему удалось сдѣлаться хозяиномъ джонки.

Завязался между прочимъ разговоръ о кораблѣ, погибшемъ однажды въ Китайскомъ морѣ, съ богатымъ грузомъ. Нѣсколько всего человѣкъ изъ экипажа успѣло спастись; по словамъ Боларда, онъ въ это крушеніе лишился своего отца.

— Вашъ отецъ погибъ въ то время, воскликнулъ Бенъ-Али, подымаясь съ дивана, на которомъ онъ полулежалъ съ трубкой. Неужели и онъ былъ въ каютѣ среди этихъ несчастныхъ? они потонули въ ужасныхъ мученіяхъ—не могли выбраться изъ запертой каюты.

— Не знаю тамъ ли именно, но это печальная исторія, и нечего на ней долго останавливаться, сказалъ Болардъ. Кажется уже время переставить сигналъ, отливъ начался.

— Я уже отдалъ приказаніе, отвѣтилъ Мооръ, вставая со стула, сейчасъ я самъ посмотрю. Кстати, кажется наличныя деньги и драгоцѣнности, затонувшія тогда съ кораблемъ, были вытащены водолазомъ.

— Кажется да, отвѣтилъ Болардъ, были слухи, что человѣкъ этотъ сошелъ съ ума отъ ужаснаго зрѣлища, что представилось ему подъ водою.

— Этотъ человѣкъ передъ вами, сказалъ Бенъ-Али глухимъ голосомъ. Рука его съ трубкой опустилась, лобъ наморщился и онъ сталъ смотрѣть дико и неподвижно въ уголъ каюты.

— Вы? вскричалъ удивленный Болардъ и отошелъ отъ лѣстницы, на которую хотѣлъ подняться.

— Да я, проговорилъ тотъ медленно. И теперь даже, какъ вспомню объ этомъ, отъ ужаса у меня кровь холодѣетъ.

— Разскажите пожалуйста, я сейчасъ вернусь, нужно посмотрѣть что тамъ дѣлается на палубѣ.

— А я, тоже пойду похлопочу, сказалъ Мооръ выходя за офицерами. Чтобы не было страшно, удобный случай! Давайте отвѣдаемъ шампанскаго!

Выйдя на палубу офицеры увидѣли, что все въ порядкѣ; сигналы на мѣстѣ, цѣпь отъ якоря крѣпко натянута. Дежурный китаецъ растянулся на полу и вглядывался въ темное небо.

*) Туанъ—господинъ.

**) На нѣкоторыхъ мѣстахъ якорной цѣпи оставляются незапаянныя мѣста, дозволяющія разнимать цѣпь, когда нельзя вытащить якорь, а нужно сняться съ мѣста. На концѣ цѣпи навѣшиваютъ бочку, чтобы найти прежнее мѣсто стоянки.

— Удивительно тихая ночь, замѣтилъ Мооръ, возвращаясь съ бутылками шампанскаго къ офицерамъ, но къ утру пожалуй поднимется вѣтеръ. На то похоже.

— Быть можетъ и раньше, отвѣтилъ Болардъ, но дно здѣсь крѣпко, и пока держатъ якорныя цѣпи, опасаться нечего.

— Но пойдемте однако въ каюту, вино не очень то холодно и лучше покончить съ нимъ скорѣе. Мнѣ очень тоже хочется послушать разсказъ старика.

Съ этими словами, не оглядываясь, Мооръ сбѣжалъ внизъ; за нимъ послѣдовали и офицеры. Бенъ-Али сидѣлъ въ прежнемъ положеніи; онъ совсѣмъ погрузился въ воспоминанія о прошломъ и какъ бы не замѣчалъ возвращенія собесѣдниковъ.

— И такъ Бенъ-Али, мы слушаемъ вашъ разсказъ, сказалъ Мооръ. На его голосъ, Бенъ-Али очнулся и сказалъ.

— Да, тотъ день остался мнѣ памятнымъ на всю жизнь. Разсказъ не длиненъ. Время сглаживаетъ все, я старъ—слово мое не имѣетъ прежней живости и силы, а то у васъ отъ ужаса волосы зашевелились бы на головѣ.

— Чортъ возьми, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, съ любопытствомъ вглядываясь въ блѣдное лицо мусульманина. Вы говорите такъ, словно вамъ являлось привидѣніе.

— Привидѣніе! вскричалъ дико Бенъ-Али, слушайте! Я только что вернулся тогда изъ Явы на маленькой шкунѣ съ однимъ изъ своихъ. Дѣло наше было очень плохо, въ пути на насъ налетѣлъ тифонъ и намъ пришлось истратить не мало-таки денегъ привести нашу шкуну въ порядокъ. Въ Кантонѣ я услыхалъ, что назначена большая награда кто достанетъ бумаги и деньги изъ каюты затонувшаго корабля. Въ молодости я таки считался хорошимъ пловцомъ и водолазомъ; я могъ пробыть подъ водою дольше многихъ товарищей и иногда на пари вытаскивалъ изъ воды разные предметы. Награда соблазнила меня. Корабль затонулъ сравнительно не глубоко, мнѣ захотѣлось попытать счастья...

Пока Бенъ-Али говорилъ, Мооръ всталъ съ мѣста и отошелъ въ уголъ каюты, гдѣ былъ никѣмъ незамѣченный, компасъ. Мооръ убѣдился, что начался отливъ, откупорилъ бутылку и не прерывая разсказа Бенъ Али, налилъ вино въ стаканы.

— Англійскій ботъ, со всѣми водолазными вещами доставилъ меня къ мѣсту, продолжалъ Бенъ-Али. Надъ водою виднѣлся конецъ большой мачты. День былъ ясный и тихій и море такъ спокойно! Можно было даже различить подъ водой очертанія затонувшаго корабля. Я спускался въ колоколѣ. Къ каютѣ я долженъ былъ пробраться самъ. Мнѣ подробно описали расположеніе корабля, однако предпріятіе все же было опасно. Меня предупредили, что въ каютѣ есть вѣроятно трупы, и дали мѣшки для денегъ и бумагъ. Я привязалъ баластъ и скрѣпя сердце спустился въ морскую глубину. Золото—хорошій магнитъ, и тянетъ людей и въ нѣдра земли, и въ глубь воды, и черезъ моря и черезъ пустыни, но я еще не зналъ, что за нимъ можно спуститься въ могилу...

— Въ могилу? въ раздумьи повторилъ Болардъ.

— Колоколъ опустилъ меня у входа въ каюту; тутъ я увидѣлъ разбухшаго мертвеца, зацѣпившагося платьемъ за гвоздь. Я поборолъ ужасъ, отцѣпилъ его и онъ, какъ пробка, поднялся вверхъ. Я отвернулся и по лѣстницѣ сталъ опускаться въ каюту. Съ трудомъ удалось мнѣ открыть дверь, припертую натискомъ воды—и что представилось моимъ глазамъ! Я чуть не лишился чувствъ...

На минуту онъ замолчалъ, полузакрывъ глаза, какъ бы желая разогнать проносящіеся передъ нимъ образы. Затѣмъ онъ поднялъ голову, выпилъ залпомъ стаканъ вина и продолжалъ.

— Зрѣлище было ужасно! Каюта кишѣла мертвецами, зашевелившимися отъ напора ворвавшейся воды. Не помня себя, я бросился вонъ изъ каюты и вдругъ подалъ знакъ чтобы вытащили меня. Я вытащенъ былъ безъ сознанія. Меня сочли мертвымъ; пошло довольно таки времени привести меня въ чувство и я долго не могъ рѣшиться очутиться опять среди такого страшнаго общества.

Но теперь я покрайней мѣрѣ зналъ что меня ожидало. Спустившись снова, я не глядя по сторонамъ, подошелъ къ ящику, въ которомъ хранились бумаги и деньги, и сталъ его ломать, но опять принужденъ былъ всплыть на верхъ. Такъ погружался я въ море семь разъ и наконецъ мнѣ удалось наполнить мѣшки, которые вытаскивались по моему знаку на тонкихъ веревкахъ вверхъ. Въ восьмой разъ, уже привыкнувъ къ ужасному зрѣлищу, я спустился за бумагами капитана.

— Что случилось! вдругъ прервалъ Пэтонъ разсказъ, вскакивая съ мѣста.

— Звукъ такой, словно трескъ реи, сказалъ Болардъ, вставая вслѣдъ за товарищемъ, корабль начинаетъ сильно качаться.

— Нужно поднять пару парусовъ, это пустяки! замѣтилъ спокойно Мооръ; надѣюсь, господа, вы не страдаете морскою болѣзнью.

Болардъ не отвѣтилъ. Въ два прыжка онъ уже очутился на палубѣ, мимо стоящихъ тутъ малайцевъ, и къ ужасу своему увидѣлъ, что джонка, распустивъ паруса, быстро бѣжала по волнамъ.

— Измѣна! вскричалъ молодой человѣкъ, вынимая револьверъ и стрѣляя на воздухъ.

— Гдѣ же сигнальный фонарь?

— Онъ на бакенѣ, на мѣстѣ нашей стоянки, отвѣтилъ хладнокровно Мооръ, послѣдовавшій за офицеромъ. Мнѣ кажется, вашего сигнала не услышатъ на бригѣ.

— Г. Мооръ, это низкій поступокъ, это...

— Остановитесь, молодой человѣкъ, строго прервалъ его Мооръ, не забывайтесь. На этотъ разъ я вамъ извиняю, въ виду обманутаго вашего ожиданія и быть можетъ непріятнаго удивленія. Я долженъ васъ предупредить, что если вы будете вести себя смирно, то вы въ полнѣйшей безопасности. Все зависитъ отъ васъ.

— Но вы забываете, отвѣтилъ Болардъ, не испугавшись угрозы, что на мой сигналъ къ намъ придутъ лодки—тогда вы погибли.

— Совершенно вѣрно, такъ бы и случилось, если бы мы не употребили маленькой хитрости и не оставили зажженнаго сигнальнаго фонаря на нашемъ якорѣ. Видите вы тамъ эти двѣ свѣтлыя точки? Одна изъ нихъ вашъ корабль, а другая нашъ фонарь.

Джонка между тѣмъ вышла въ открытое море и быстро летѣла по пѣнящимся волнамъ.

Болардъ былъ слишкомъ опытенъ въ морскомъ дѣлѣ, чтобы не сообразить, что джонка теперь уже внѣ преслѣдованія. Если даже корабль и выслалъ погоню, то догнать джонку уже не было возможности—разстояніе между нею и кораблемъ поминутно возрастало. Всѣ огни на ней были потушены или закрыты; снаружи не блестѣлъ ни одинъ огонекъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать съ нами? спросилъ Болардъ, съ досадой. Мы въ вашей власти, конечно.

— Конечно, вы мои гости, отвѣчалъ Мооръ со смѣхомъ. Внизу еще есть вино, а Бенъ-Али не окончилъ своей интересной исторіи.

— Достойно это порядочнаго моряка: насмѣхаться надъ плѣннымъ врагомъ, сказалъ рѣзко Болардъ.

— Правда, сказалъ Мооръ, становясь снова серьезнымъ, прошу извинить меня. Мнѣ нечего говорить вамъ, что подозрѣнія тѣхъ двухъ китайцевъ были болѣе чѣмъ основательны. Мнѣ нужно было избѣжать неминуемой опасности, другаго исхода не было какъ захватить васъ съ собою. Будьте спокойны, при первой возможности я высажу васъ на берегъ или передамъ на другой корабль, какъ будетъ для васъ удобнѣе. Теперь позвольте сказать вамъ,—моя каюта къ вашимъ услугамъ. Или вы желаете остаться на палубѣ?

Болардъ предпочелъ остаться на палубѣ. Мооръ пошелъ отдать разныя приказанія.

Еще около часу джонка бѣжала все въ томъ же направленіи, пока послѣдніе огни Гонконга не скрылись изъ виду. Вдругъ она остановилась и рабочіе стали измѣнять наружность джонки. Они укрѣпили другія старыя мачты, убрали пестрый вымпелъ и придали ей видъ обыкновеннаго, купеческаго судна. Затѣмъ снова пустились въ путь.

Ночью всѣ спали кромѣ двухъ караульныхъ, но за то съ первой зарей на джонкѣ поднялась дѣятельная работа.

Болардъ понятно не смыкавшій ночью глазъ, все надѣялся что къ нимъ на помощь подоспѣетъ ботъ съ корабля. Въ удивленіи онъ увидѣлъ темныя, вооруженныя фигуры малайцевъ, затѣмъ откуда то приносили заслоны, словомъ джонка изъ купеческаго—превратилась уже въ разбойничье судно. Двое были посланы на мачту для наблюденій.

Пройденный путь болѣе всего привлекалъ вниманіе наблюдавшихъ. Боялись ли на джонкѣ погони—это оставалось загадкой для офицеровъ.

— Двѣ джонки съ сѣверо-востока! раздался голосъ съ наблюдательнаго поста.

— Куда идутъ?

— Къ юго-востоку.

Мооръ взялъ подзорную трубку и отправился самъ на мачту, чтобы лучше разсмотрѣть идущія лодки. Бенъ-Али также появился на палубѣ. Костюмъ его совершенно измѣнился. Въ короткой курткѣ и панталонахъ, съ пистолетомъ за поясомъ и ружьемъ въ рукѣ, онъ не обращая вниманія на англичанъ, занялъ мѣсто на передней части палубы.

Джонки въ это время приблизились на столько, что ихъ можно было различать невооруженнымъ глазомъ.

— Мистеръ Болардъ! обратился къ нему Мооръ, видите вы эти джонки, онѣ нагружены опіумомъ. Не смотря на всѣ ихъ предосторожности, все же добыча не уйдетъ отъ насъ.

— Неужели вы хотите?..

— Захватить грузъ, конечно.

— Одумайтесь! воскликнулъ Болардъ, вы попираете всѣ морскіе законы и если васъ поймаютъ...

— Повѣсятъ, я знаю, отвѣчалъ безпечно Мооръ. Не безпокойтесь, я прилагаю всѣ заботы къ тому, чтобы не утруждать собою почтенный морской судъ. Однако изъ осторожности прошу васъ, сойдите въ каюту, во первыхъ, чтобы противъ меня не было свидѣтелей и во вторыхъ, чтобы не допустить васъ перейти на ихъ сторону. Впрочемъ первое не важно, и если вы дадите мнѣ слово не вмѣшиваться, то пожалуй оставайтесь здѣсь.

— Но по крайней мѣрѣ, дѣло обойдется безъ крови? спросилъ Болардъ.

— Я думаю, развѣ крайность...

Джонки между тѣмъ все подвигались ближе. Должно быть встрѣчное судно показалось имъ подозрительно. Онѣ въ недоумѣніи замедлили ходъ, но потомъ, повидимому, принявъ извѣстное рѣшеніе, одна изъ нихъ ускорила ходъ и ушла впередъ, другая же подвигалась по прежнему.

— Замѣчаете вы хитрость! сказалъ Мооръ, обращаясь къ Бенъ-Али.

— Конечно, не будемъ терять времени.

Въ тоже время быстро была спущена лодка. которая натянула всѣ паруса и налетѣла съ вооруженными людьми на купеческую джонку съ требованіемъ сдаться. Ушедшая впередъ другая купеческая джонка, повидимому сперва хотѣла вернуться на помощь къ товарищамъ, но потомъ должно быть раздумала въ предположеніи, что грабежъ задержитъ разбойниковъ надолго, а она тѣмъ временемъ успѣетъ уйти совсѣмъ.

Бенъ-Али сталъ переговариваться съ капитаномъ судна, который, видя невозможность сопротивленія, сдался. Тотчас малайцы перебрались на взятую джонку и такъ проворно стали дѣйствовать топорами, что въ минуту перерубили всѣ снасти.

Свистокъ Моора созвалъ людей обратно на бортъ. Они послушались немедля, и не успѣли китайцы опомниться, какъ причалы были сняты и джонка пустилась вслѣдъ за убѣгавшей. Мооръ хорошо зналъ, что эта не уйдетъ уже отъ нихъ.

Вслѣдствіе остановки разбойниками, вторая джонка отошла довольно далеко. Но отягченная грузомъ, она не могла двигаться такъ быстро, какъ нападавшая.

Черезъ два часа разбойники ее догнали, но на требованіе сдаться съ джонки отвѣчали выстрѣлами, которые хотя и не причинили серьезнаго вреда пиратамъ, но пообрывали кое-гдѣ обшивку корабля. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія Мооръ прицѣлился въ рулеваго, котораго и положилъ на мѣстѣ. Джонка безъ рулеваго закачалась и повернулась по вѣтру. Минутнымъ смятеніемъ воспользовались пираты, вмигъ были переброшены багры и дѣло окончено. Но на джонкѣ совсѣмъ не оказалось непріятеля: трусливые китайцы въ страхѣ попрятались, и брошенному въ одиночествѣ капитану оставалось только покориться.

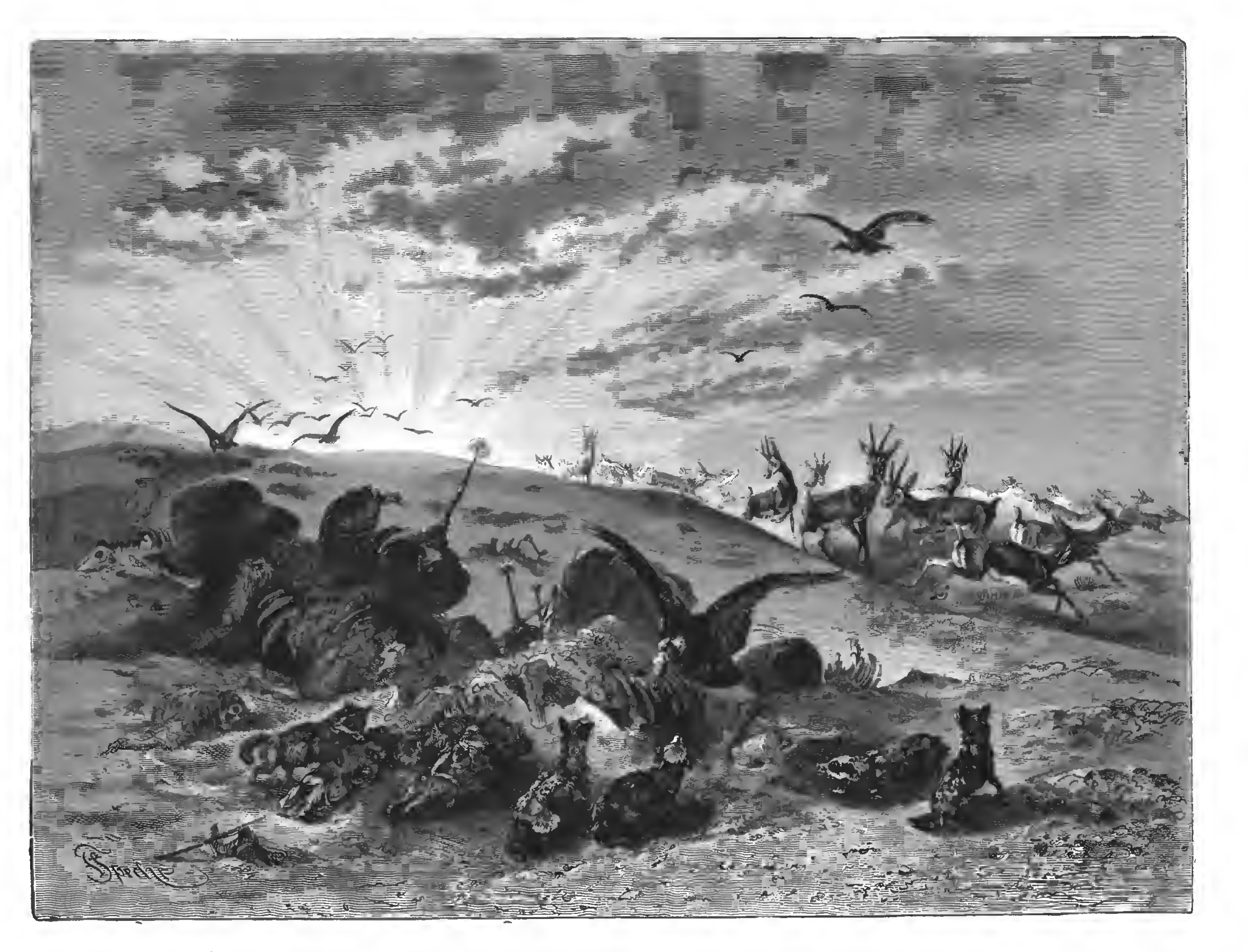
Затѣмъ пираты съ забранной джонкой отправились къ тому мѣсту, гдѣ они оставили первую лодку. Та, пользуясь отсутствіемъ грабителей, старалась насколько возможно исправить причиненный имъ вредъ, не разсчитывая на скорое возвращеніе пиратовъ. Товаръ съ обѣихъ джонокъ былъ перегруженъ въ лодку пиратовъ и Мооръ спросилъ офицеровъ, желаютъ ли они пересѣсть на одну изъ потерпѣвшихъ джонокъ, или остаться съ ними. Офицеры предпочли подвергаться опасности потонуть на неисправной джонкѣ, чѣмъ находиться въ обществѣ такихъ негодяевъ и лишь чрезъ нѣсколько дней скучнаго плаванія прибыли въ Кантонъ.

Во мракѣ минувшаго.

(Связь современной культуры съ давно-минувшей).

Очеркъ **Р. Будензига.**

Современный человѣкъ, кичась значительностью результатовъ достигнутыхъ такъ называемой „цивилизацiей", всецѣло относитъ ихъ къ дѣятельности недавнихъ сравнительно поколѣній. Между тѣмъ корни этой цивилизаціи таинственно кроются во мракѣ временъ давно минувшихъ. Самые ранніе, давно исчезнувшіе съ лица земли народы оставили намъ въ наслѣдіе не однѣ только развалины, свидѣтельствующія о непрочности лишь земнаго величія, но завѣщали намъ и многія вѣчныя и до сихъ поръ незамѣнимыя сокровища своего ума и познаній. Такъ болѣе близкое знакомство съ таинственными письменами Египта и клинообразными надписями, привело ученыхъ къ самымъ интереснымъ, неожиданнымъ результатамъ. Изученіе этихъ письменъ заставило сознаться, что давно исчезнувшая культура имѣетъ самую тѣсную связь съ многими понятіями и идеями современнаго человѣчества. Такъ оказывается въ высшей степени странный, по тѣмъ не менѣе справедливый фактъ, что многіе европейскіе народы въ своемъ письмѣ употребляютъ іероглифы древнихъ египтянъ и что ихъ алфавитъ носитъ на себѣ до сихъ поръ слѣды этихъ таинственныхъ письменъ. Такъ напримѣръ латинское и нѣмецкое F оказывается ничѣмъ инымъ какъ правнукомъ древне-египетскаго іероглифа, служившаго для изображенія звука Ф и не смотря на долгое странствованіе священныхъ письменъ отъ Египтянъ къ Финикіянамъ, отъ Финикіянъ къ Грекамъ, отъ Грековъ къ Римлянамъ, отъ Римлянъ къ Готамъ—все еще сохранились въ европейской буквѣ верхняя большая и средняя малая попереч-

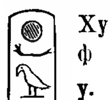

Въ глубинѣ Африки. Борьба за остатки погибшаго каравана. Ориг. рис. Ф. Шпехта, грав. Клосъ.

Въ глубинѣ Африки. Близъ озера Ніанза. Ориг. рис. Ф. Шпехта, грав. Клосъ.

ная черта представлявшая въ іероглифѣ уши змѣи, изображавшей обыкновенно въ египетской азбукѣ букву Ф. Такъ названный греками, царь Хеопсъ, у египтянъ назывался Хуфу и имя его изображалось гіероглифически слѣдующимъ образомъ

Здѣсь верхній знакъ—рѣшето—изображаетъ слогъ Ху—средній—змѣя—букву *ф*, а нижній знакъ—птица—букву *у*.

Если мы прослѣдимъ знакъ змѣи въ его многочисленныхъ примѣненіяхъ и измѣненіяхъ при его переходѣ отъ одной народности къ другой, то увидимъ какъ онъ постепенно приближается къ формѣ современнаго F. Въ курсивныхъ гіероглифахъ или въ гіероглифическомъ письмѣ она изображалась большею частью знакомъ Y, въ позднѣйшемъ же демотическомъ письмѣ является уже какъ Y и Ч; гіероглифическій шрифтъ былъ заимствованъ у Египтянъ Финикіянами и тогда знакъ змѣи поеучилъ курсивную форму ᛋ или ⊣; когда же греки заимствовали свою азбуку отъ финикійцевъ, то знакъ обратился въ ꟻ; позднѣе же, когда Греки, оставивъ финикійскую систему письма справа на лѣво, стали изображать и всѣ буквы свои, обернувъ ихъ на другую сторону, то и знакъ ꟻ получилъ обратную форму F, какъ онъ сохранился и до нашего времени. Также знакъ И обратившійся въ К.

Изображеніе рѣшета, служившее начальнымъ гіероглифическимъ знакомъ въ имени царя Хуфу, также испытало на себѣ множество измѣненій, пока получило право гражданства въ нашихъ современныхъ книгахъ. Въ гіератическомъ письмѣ является оно еще какъ ⓞ; у Финикійцевъ уже принимаетъ форму 日; у Грековъ измѣняется въ 日, позднѣе же въ H ἦτα; въ латинскомъ же она обращается въ H, а въ готскомъ въ знакъ h. Максъ-Мюллеръ въ своихъ остроумныхъ филологическихъ изслѣдованіяхъ доказалъ весьма наглядно какъ форма латинскаго и нѣмецкаго L мало по малу образовалась изъ египетскаго гіероглифа—льва, изображавшаго эту букву въ позднѣйшихъ памятникахъ—и до сихъ поръ спocобомъ своего изображенія напоминаетъ въ нѣкоторой степени искривленную спину этаго животнаго. Если перейдемъ отъ образованія буквъ къ образованію словъ, то встрѣтимъ здѣсь тѣ же поразительныя аналогіи и убѣдимся, что мы до сихъ поръ еще говоримъ на древнихъ восточныхъ нарѣчіяхъ, все равно объясняемся ли мы по русски, по нѣмецки, по англійски, по французски, или по испански. Классическій, священный языкъ древнихъ индійцевъ звучитъ до сихъ поръ въ устахъ европейскихъ народовъ, иногда въ частицахъ, въ отрывкахъ, часто неузнаваемыхъ, иногда же въ прекрасно сохранившихся, чисто первобытныхъ формахъ. Вотъ для примѣра маленькая таблица санскритскихъ словъ, съ удивительнымъ постоянствомъ повторяемыхъ въ различныхъ европейскихъ нарѣчіяхъ:

Санскритскій:	Pitar	mâtar	duhitar	sabas	vid	manas
Зендск:	ptar	mâth	dôkhtära	hadhis	vid	man
Русскій.	отецъ	мать	дочь	сидѣть	видѣть	мнить
Греческій:	πατήρ	μήτηρ	θυγάτηρ	ἕδος	εἴδω ἰδ-	μεν- (μέ-μονα
Латинскій:	pater	mater	—	sedes	video	moneo
Древ.ирландск.	athir	mathir	dear	sadhis	fit	ménar
Готскій:	fadar		dauhtar	sitan	vitan	munan
Англосаксон.:	faeder	modor	dohter	sittan	witan	muuan
Англійскій:	father	mother	daughter	to sit	to wit	to mean
Старо-нѣмецкій:	fatar	môter	tohtar	sizzau	wizan	meinôn
Современный нѣмецкій:	Vater	Mutter	Tochter	sitzen	wissen	meinen

Самые драгоцѣнные и самые важные памятники древности—въ *словѣ*. Какія огромныя суммы платимъ мы за разныя памятники древняго искусства—на сколько же драгоцѣннѣе отысканіе памятника въ *словѣ*, которое не стоитъ денегъ.

И такъ мы, сохранили слѣды самой отдаленной древности въ нашемъ письмѣ и словѣ, эта отдаленная древность тяготѣетъ до сихъ поръ надъ нашею обыденною жизнью, надъ нашими понятіями и представленіями. Такъ, кто повѣритъ, что до сихъ поръ у насъ сохранилось еще вавилонское дѣленіе времени, а это вещь уже научно доказанная. Дѣло въ томъ, что нашимъ дѣленіемъ времени мы обязаны греческому астроному Гиппарху (1160 л. до Р. Х.), который ввелъ въ свою астрономическую систему какъ основное число 4, бывшее въ употребленіи у Вавилонянъ для всѣхъ практическихъ исчисленій какъ основное, хотя десятичная система была имъ также извѣстна. Еще Аккадійцы—первобытный семитическій народъ—вели счисленіе посредствомъ *сосси* и *сари*. „Сосси“ обозначало число 60, „сари“ же $60 \times 60 = 3600$. Этою то извѣстною еще въ такой глубокой древности системой, пользовался Гиппархъ и потомъ Птоломей (150 до Р. Х.), который ввелъ ее въ употребленіе въ Греціи, а оттуда уже она дошла до насъ и до сихъ поръ сохранилась на циферблатахъ нашихъ часовъ. Дѣлимъ ли мы мимолетныя минуты на секунды, переходимъ ли отъ нихъ къ дѣленію на часы, на дни и мѣсяцы, мы все таки постоянно повторяемъ тотъ же порядокъ счисленія времени, который еще существовалъ у Вавилонянъ и Аккадейцевъ. Кромѣ того Зодіакъ и его знаки, дни, недѣли, четыре времени года, дѣленіе года на двѣнадцать мѣсяцевъ—все это завѣщано намъ тою же глубокою древностью, тѣмъ же первобытнымъ, немногочисленнымъ народомъ.

По этому счисленію $12 \times 30 \left(\frac{60}{5} \times \frac{60}{2} = \frac{60 \times 60}{10}\right)$ т. е. равняется 360 днямъ, которые и составляли *годъ*. Самый мѣсяцъ (въ 30 дней) распадается на двѣ половины въ 15 дней и каждая эта половина дѣлилась еще на 5 дней. Что же касается дѣленія недѣли на *семь* дней, то оно встрѣчается въ самой глубокой древности; „седьмой день“ предназначался обыкновенно для религіозныхъ процессій и моленій. Такъ у Вавилонянъ числа мѣсяца 7, 14, 21 и 28 были священны и соотвѣтствовали нашей субботѣ. Въ одномъ ассирійскомъ свиткѣ синонимовъ такой день обозначается какъ „день спокойствія“, „день покоя сердца“. Что онъ въ тоже время былъ днемъ отдыха—доказывается самымъ его названіемъ Sabbatur и кромѣ того подтверждается однимъ отрывкомъ изъ древняго богослужебнаго правила, сохранившагося въ Британскомъ музеѣ, въ которомъ положительно воспрещается царю въ этотъ день всеобщаго отдыха и воздержанія ѣсть вареную говядину или плоды, мѣнять платье, носить бѣлыя одежды, ѣздить въ бранной колесницѣ, дѣлать смотры войску и т. д. Сохранивъ семидневное дѣленіе недѣли вавилонянъ, многіе европейскіе народы даже удержали у себя названія дней несомнѣнно вавилонскаго происхожденія; въ этихъ названіяхъ заключаются столь обычныя у Вавилонянъ посвященія извѣстныхъ дней солнцу и различнымъ божествамъ. Такъ Samas, т. е. солнце, сохранилось въ нѣмецкомъ названіи Воскресенья—Sonntag. Sin—мѣсяцъ, отсюда произошелъ Mondtag; Nergal—Mars—dies Martis—Tinstag, Zivistag, Tuesday; Nebo—Меркурій—dies Mercurii—Wodanstag—Wodnesday; Merodach—Юпитеръ—dies Jovis—Donarstag—Thursday; Istar—Венера—dies Veneris—Treyastag и Адаръ—Сатурнъ—dies Saturni—Saturday.

Нынѣ конечно всѣ эти названія сдѣлались темными для большинства и потеряли свое первобытное живое значеніе тѣсной связи съ древнимъ религіознымъ культомъ.

Слѣдуя по пути указанія заимствованій болѣе позднѣйшей цивилизацiей у древней, нельзя не упомянуть и о томъ значеніи, которое имѣла вавилонская монетная система для человѣчества. По изысканіямъ Брандуса крупныя и мелкія вавилонскія золотыя и серебряныя монеты постоянно употреблялись для торговыхъ цѣлей среди греческаго народа. Такъ, употребительнѣйшею монетою Грековъ, жившихъ въ западной Азіи, былъ *дорейкосъ*, равняющійся 60-й части вавилонской монеты mnâ (mina) и замѣчательно, что въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ по значенію нашему *имперіалу*. Кромѣ того въ Вавилонѣ существовала еще ходячая монета *серебряный шекель*, равный 1/10 *золотаго шекеля* и слѣдовательно по значенію около нашего 1 рубля. Поразительное сходство имѣетъ по своему дѣленію вавилонская монета съ современными французскими деньгами—франкомъ и двадцатифранковой монетой, особенно если принять во вниманіе ихъ относительную металлическую цѣнность.

Вообще Вавилоняне уже въ глубокой древности прекрасно понимали всѣ тонкости банкирскаго и финансоваго дѣла; имъ было знакомо экономическое значеніе процента и отношеніе цѣнности серебра къ цѣнности золота. Такъ, золото въ Вавилонѣ, по цѣнности относилось къ серебру какъ $13^1/_3$:1, слѣдовательно имѣло почти такое же отношеніе, какое установилось въ наше время (15:1). Система процента также была въ значительномъ уже развитіи и то понижалась, то возвышалась сообразно различнымъ экономическимъ условіямъ. Такъ напримѣръ 11-го Сивана (мая) 776 года дано было три пласта желѣза за 3%. 3-го же Себата (января) 650 года—десять шекелей чистаго серебра на 10 лѣтъ кѣмъ-то уступлены за 5%. Въ 667 году за 4 манеха серебра (820 марокъ—около 360 рублей) брали уже ежемѣсячно по 5 шекелей, т. е. 17 уже процентовъ годовыхъ и на дощечкѣ обязательства свои печати поставили, должникъ, кредиторъ и судья.

Оборотливость и комерческія способности Вавилонянъ самымъ яснымъ образомъ обнаруживаютъ ихъ семитическое происхожденіе и дѣйствительно приводятъ въ удивленіе современнаго изслѣдователя. Такъ при открытіи и разборѣ клинообразныхъ надписей оказывается, что въ Вавилонѣ несомнѣнно

существовала правильная банковая система во время царствованія Сеннахериба и Ессархадона (700 и 677 до Р. Х.) и вѣроятно еще нѣсколько столѣтій ранѣе. Въ Британскомъ музеѣ хранится много исписанныхъ дощечекъ, касающихся финансовыхъ предпріятій Вавилона. Дощечки же торговаго дома Егиба безъ сомнѣнія могутъ считаться самыми древними памятниками въ исторіи банковыхъ оборотовъ.

Покупаетъ напр. 16 Сивана 692 г. одинъ астрономъ за 180 марокъ, землю подъ домъ на рыночной площади въ Ниневіи („близъ домовъ Мунну-си-Акти и Илу-Иттива и рынка"). Какъ свидѣтель фигурируетъ тутъ еврей Седекія, продавцы же бѣдные, темные люди. Они не имѣютъ даже своей печати и вмѣсто подписи на глиняной дощечкѣ ставятъ знакъ своимъ ногтемъ, въ родѣ того какъ у насъ безграмотные крестьяне ставили подъ документомъ крестъ. Ротшильдъ царя Набопаласcара и основатель банка, существовавшаго пять поколѣній, былъ Эгиби. Въ послѣднее свое путешествіе на востокъ Георгъ Шмитъ открылъ конторскія „дѣловыя" книги этой фирмы въ дощечкахъ. Займы государственные, наростаніе процентовъ и друг. операціи указываютъ на полное и ясное знаніе финансовыхъ оборотовъ. Этотъ такъ сказать „придворный еврей", устраивалъ займы царю Вавилона и Персіи—эти дощечки ясно указываютъ на такія операціи.

Эти дощечки заключаютъ въ себѣ еще заемныя письма, росписки и другіе документы принадлежавшіе большому банковому учрежденію подъ фирмою „*Енніу*"; по времени онѣ начинаются съ седьмого года Навуходоносора II (579 л. до Р. Х.) и продолжаются до начала правленія Артаксеркса. Есть и коллекція дощечекъ банка Егиба и его сына; тамъ находится еще одинъ очень важный документъ, а именно финансовая памятная книжка банка. Она содержитъ въ себѣ полный календарь вавилонскаго года, сопровождаемый объясненіями, относящимися къ каждому дню, счастливому или несчастному, дни покаянія и праздниковъ, дни благопріятные для путешествія по сухому пути или по морю, а также дни удобные для начала сооруженій и для выполненія разныхъ предпріятій какъ общественныхъ, такъ и частныхъ.

Мы люди нашего времени состоимъ въ самой тѣсной связи съ временами давно минувшими. То что мы есть, то чего мы достигли,—все это не нами самими непосредственно выработано а есть слѣдствіе цивилизацій древнѣйшихъ. Культура Аккадійцевъ перешла къ Семитамъ, отъ этихъ послѣднихъ къ Грекамъ, Римлянамъ и народамъ современнымъ. Есть множество указаній, что въ Вавилонѣ ученая, художественная и литературная дѣятельность достигла высокаго развитія. Вавилоняне характеризовали словомъ *хаосъ* тѣ времена, когда не было ни какой дѣятельности слова. „Когда еще небо не давало своихъ знаменій, когда еще на землѣ не было произнесено *слово*"— такъ говорили Вавилоняне о сотвореніи міра.

Въ заключеніе укажемъ еще на одно заимствованіе, унаслѣдованное нами отъ самой глубокой древности. Каждому конечно извѣстно, что мы употребляемъ цифры, якобы взятые нами отъ арабовъ, и потому называемые нами арабскими, въ отличіе отъ римскихъ, но мало кому извѣстенъ тотъ фактъ, что сами арабы считали свои цифры „индійскими", такъ какъ они заимствовали ихъ у индійцевъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ даже самый слабый обзоръ нашимъ заимствованіямъ у древней первобытной цивилизаціи приходиться сознаться, что мы, дѣти новаго времени, до сихъ поръ обязаны многимъ изъ нашей духовной и культурной жизни глубокой давно минувшей древности и что начала нашей цивилизаціи нужно искать не въ первобытныхъ лѣсахъ Германіи или въ Римѣ, ни въ Аѳинахъ, и вообще не въ Европѣ, но на берегахъ Окса, Инда, Евфрата и Инда.

Къ рисункамъ.

Церковь Богдана Хмѣльницкаго въ Переяславѣ.

Въ настоящее время въ Кіевѣ открывается памятникъ Богдану Хмѣльницкому. Газеты какъ-то смутно отозвались на это торжество: никакихъ корреспонденцій, точныхъ указаній объ открытіи памятника нѣтъ. Извѣстно, что въ памятникѣ произведены значительныя измѣненія противъ первоначальнаго его мотива, о которомъ читатели „Нивы" имѣютъ представленіе по превосходной гравюрѣ, помѣщенной въ 39 номерѣ нашего журнала за 1870 годъ. Отвѣтъ отъ даровитаго автора памятника, М. О. Микѣшина, къ которому мы на этотъ счетъ обращались, нами до сихъ поръ не полученъ.

Намъ кажется, что въ виду празднованія памяти великаго дня 8-го января 1654 года, дня, когда собралась знаменитая казацкая Рада, и положила присоединить Украйну къ Руси,—каждая подробность, имѣющая прямое отношеніе къ празднеству, должна интересовать читателей. Къ числу такихъ интересныхъ подробностей мы относимъ и прилагаемый видъ Успенской церкви въ Переяславѣ, называемой народомъ церковью Богдана Хмѣльницкаго.

Переяславъ—небольшой уѣздный городокъ Полтавской губерніи, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Днѣпра, съ чистенькими, ярко-выбѣленными домиками, окруженный толпою хуторовъ, затонувшихъ въ густой чащѣ акацій, вербъ, черешенъ и тополей. Городъ этотъ имѣетъ свою исторію: онъ былъ нѣкогда резиденціей гетмана, и его старая, покривившаяся, почернѣвшая *Успенская церковь и есть та самая, гдѣ когда-то присягнула Украйна на вѣрноподданство русскому Царю.*

Успенскій храмъ впервые былъ построенъ Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 году,—онъ былъ деревянный о 14-ти престолахъ. Монголы въ XIII-мъ вѣкѣ разрушаютъ его до основанія, и только въ 1586 году князь Василій Васильевичъ Острожскій возстановляетъ его въ прежнемъ видѣ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ по его отстройкѣ, пожаръ уничтожаетъ его. Тогда, въ память великаго Мономаха, жители Переяслава его возобновляютъ, и опять о 14-ти престолахъ; въ такомъ видѣ соборъ остается до 1786 года, когда новый пожаръ заставляетъ вновь его перестроить. Въ настоящемъ столѣтіи онъ является о трехъ престолахъ и семи куполахъ, а съ 1824 объ одномъ куполѣ.

Къ сожалѣнію въ настоящее время церковь до того запущена, что объ отправленіи здѣсь богослуженія не можетъ быть и рѣчи. Намъ пришлось ее посѣтить въ августѣ текущаго года. Утварь вся вынесена, царскихъ дверей нѣтъ, весь полъ покрытъ всякимъ соромъ, воробьи тучами носятся въ куполѣ. Снаружи она выглядитъ чрезвычайно мрачно и уныло. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ состоялось даже варварское предписаніе: *разобрать соборъ*,—это памятникъ-то присоединенія Украйны!— Чрезвычайно интересно вдобавокъ то обстоятельство, что церковь Успенская, Богъ вѣсть съ которыхъ поръ не ремонтированная, *имѣетъ свой капиталъ*, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ, желая увѣковѣчить ея существованіе, пожертвовалъ въ ея пользу въ 1660 г. деревню Ерховцы съ угодьями и крестьянами, а подъ Переяславомъ водяную мельницу. Царскій даръ не сохранился... *перешелъ во владѣніе частныхъ лицъ*, и въ очень недавнее время... Исторія, вообще, крайне интересная, которую не худо было бы разъяснить...

Теперь, благодаря этимъ „частнымъ лицамъ", церковь догниваетъ въ ужаснѣйшемъ видѣ. Говорятъ, что ее велѣно поддерживать, что пріѣзжали археологи и осматривали ее. Теперь временно должность собора исправляетъ Покровская церковь: туда перенесено *Евангеліе, на которомъ совершена знаменитая присяга*; въ другую, кладбищенскую церковь перенесена Ченстоховская икона Божіей Матери, къ которой украинцы питаютъ большое благоговѣніе, и считаютъ чудотворной,—а въ Успенскомъ соборѣ показываютъ какой-то старый футляръ изъ подъ креста, да груду никуда негоднаго старья и хлама, не имѣющаго никакого историческаго интереса...

Обратный путь изъ Авганистана.

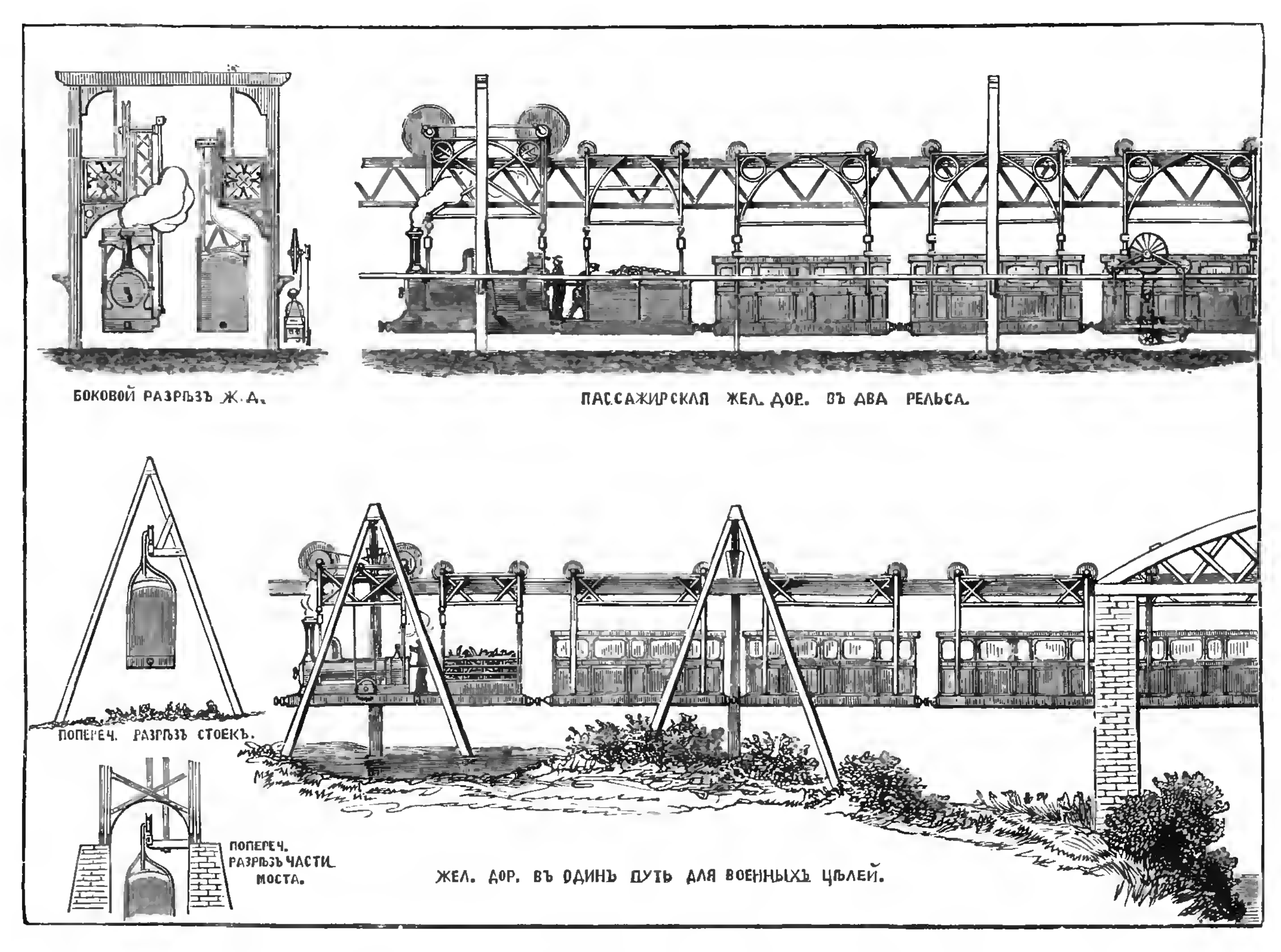
Войскамъ королевы Викторіи приходится еще держать въ Кандагарѣ гарнизонъ и правительство ея величества не выпускаетъ изъ своихъ рукъ этотъ городъ, въ виду того, что уступка его теперь авганцамъ подорвала бы въ Азіи обаяніе Англіи. Велика ненависть къ ней среди сыновъ Авганистана. Гдѣ могутъ, тамъ они мстятъ своимъ побѣдителямъ, подстрѣливая изъ за угла, изъ за камня одинокихъ отсталыхъ солдатъ, или военныхъ курьеровъ, или подкарауливая возвращающихся уже на родину больныхъ и раненыхъ воиновъ англійской арміи. Вотъ, напримѣръ, какъ читатель видитъ на приложенномъ рисункѣ, по рѣкѣ Кабулу, отъ Джеллабада къ Даккѣ плыветъ плотъ съ больными и ранеными солдатами, а также и съ военнымъ багажемъ; это принятый въ настоящее время, по предложенію доктора Типпетта, способъ препровожденія ихъ изъ Авганистана обратно въ Индію. Способъ этотъ оказалъ большую услугу раненымъ, избавивъ ихъ отъ тряской перевозки въ палящую жару. Плоты эти простаго устройства и изготовляются весьма быстро: обыкновенно, берутъ извѣстное число большихъ бычачьихъ бурдюковъ, наполняютъ воздухомъ и затѣмъ, скрѣпивъ прочно связью, настилаютъ на нихъ сколоченный изъ досокъ плотъ. Все готово въ нѣсколько часовъ. Вынося значительную тяжесть, и сидя неглубоко въ водѣ, онъ движется легко и быстро. Однако при всемъ удобствѣ своемъ, этотъ способъ передвиженія соединенъ съ опасностью, такъ сказать, совершенно исключительнаго характера и причина которой лежитъ именно въ военныхъ обстоятельствахъ. Мы уже сказали выше, что авганцы подстерегаютъ поѣзды раненыхъ. Засѣвъ по берегамъ между скалъ, хищники ждутъ эти плоты и стрѣляютъ по нимъ. Понятно, что если хоть одна пуля попадетъ въ какой нибудь бурдюкъ, то плотъ едва ли можетъ уже удерживать равновѣсіе и даже двигаться впередъ. На нашемъ рисункѣ можно видѣть подобный плотъ на ходу. Все на немъ занято своимъ дѣломъ: одни гребутъ, другіе снова наполняютъ воздухомъ бурдюки, а нѣсколько офи-

церовъ и солдатъ зорко слѣдятъ за нападающими, готовясь къ отпору. По прибытіи въ Дакку, плотъ разбирается по частямъ; доски продаются, а бурдюки, освобожденные отъ воздуха, отсылаются обратно, на мулахъ или верблюдахъ, въ Джеллалабадъ, для новой службы.

Перлъ гарема.

(Картина Г. Макарта).

Знаменитый живописецъ Гансъ Макартъ, долго живя на востокѣ и въ Каирѣ, имѣлъ тамъ случай не однажды наблюдать внутреннюю, домашнюю жизнь. Результаты его путешествій— превосходныя картины, извѣстныя каждому любителю искуства. Въ картинѣ, рисунокъ съ которой помѣщаемъ—цѣлая исторія. Посолъ хедива, жившій въ Парижѣ и даже женившійся на парижанкѣ, привыкъ вести семью и одѣвать совершенно по европейски. И вотъ онъ возвращается на берега древняго Нила, въ свой дворецъ, со всею его пестротою, оригинальною роскошью и обстановкою. И эта красавица дочь египетскаго сановника, стоитъ на террасѣ, выходящей на величавую рѣку

Новое изобрѣтеніе. Висячая желѣзная дорога системы Келлета. Грав. М. Рашевскій.

и задумчиво смотритъ вдаль. Мечтаетъ ли она, среди этой тишины и скуки замкнутой жизни таинственнаго гарема отца, мечтаетъ ли о шумѣ и тревогѣ всемірнаго города, гдѣ провела свои лучшіе годы? Тамъ быть можетъ запали въ ея сердце жгучіе взгляды темныхъ глазъ какаго нибудь юнаго французскаго маркиза. Въ ея мечтахъ проносятся ярко освѣщенныя бальныя залы, блеститъ позолота театральныхъ ложъ и въ ушахъ ея отдается лестный шопотъ удивленія ея красотѣ...

Во внутренней Африкѣ.

(Два рисунка Шпехта).

Прекрасные рисунки Шпехта переносятъ насъ на этотъ разъ въ таинственныя страны внутренней Африки. Передъ нами безпредѣльная пустыня, покрытая высокими холмами зыбучаго песку, холмами, по которымъ только привычный верблюдъ—этотъ корабль пустыни—находитъ дорогу къ желанному оазису. Отъ оазиса къ оазису длинной вереницей тянется среди безконечной песчаной равнины караванъ купцовъ и богомольцевъ-пилигримовъ; далеко разносится шумный говоръ и монотонное пѣніе молитвъ; правовѣрные молятся, всегда исполненные благоговѣнія, въ глубокомъ религіозномъ экстазѣ; особенно чувствуется здѣсь что не на кого кромѣ помощи Бога надѣяться на этомъ страшномъ, печальномъ пути. Тамъ и сямъ полузанесенные пескомъ, валяются бѣлѣясь кости скелетовъ людей и животныхъ и воображеніе живо представляетъ картину ужасной гибели, которой каждый самъ можетъ подвергнуться ежеминутно — быть заживо погребеннымъ горячими песками, задушеннымъ жаркимъ удушливымъ дыханіемъ Самума и стать добычей хищныхъ звѣрей пустыни. Каждому изъ членовъ каравана извѣстны и памятны такія несчастья, когда цѣлые караваны пропадали безъ вѣсти, встрѣченные негостепріимнымъ ураганомъ и погребенные подъ холмами горячаго, сыпучаго песку. И долго покоится караванъ въ глубокой могилѣ, пока новый сильный вихорь снова не сорветъ песчаный покровъ, не обнажитъ его останки и онъ не станетъ добычей бедуиновъ и хищныхъ животныхъ. Съ жадностью бросаются голодные шакалы, рыси, гіены, орлы и коршуны пустыни на трупы людей и верблюдовъ; рвутъ ихъ, дерутся за эти печальные останки, и обращаютъ ихъ въ обнаженные, отвратительные скелеты, при видѣ которыхъ путникъ невольно вздрагиваетъ, какъ отъ ужаснаго привидѣнія. Другой рисунокъ изображаетъ уже не безотрадную пустыню, — царство безмолвія—здѣсь мы дальше, въ глуби Африки, на берегу таинственныхъ озеръ, гдѣ владычествуетъ мощная жизнь первобытной, дѣвственной природы. Здѣсь на берегахъ еще неизслѣдованныхъ водъ, среди безпредѣльныхъ заводей и камышей, раздаются громкіе крики, живутъ полною жизнью, кишатъ представители пернатаго царства. Между ними особенно многочисленны пеликаны, фламинго и марабу. Здѣсь, вдали отъ человѣка, все это расплодилось до громадныхъ размѣровъ, занявъ почти сплошь берега рѣкъ и озеръ. Располагаясь здѣсь какъ дома, птицы ловятъ рыбу, также кишащую въ этихъ водахъ. Особенно отличается ненасытный пеликанъ, то и дѣло наполняющій свой огромный подзобный мѣшокъ свѣжей рыбой. Но онъ не возбуждаетъ зависти своихъ пернатыхъ сотоварищей, фламинго и марабу, потому что и тѣ имѣютъ слишкомъ достаточно добычи на свою долю. Здѣсь царитъ полное согласіе, борьба за существованіе не поглощаетъ обитателей таинственныхъ озеръ и природа, величественная и прекрасная, дышетъ первобытнымъ спокойствіемъ силою и еще ничѣмъ ненарушаемымъ миромъ.

Событія въ Черногоріи. Смертный бой подъ облаками. Рис. Вудвиля, грав. М. Рашевскій

Новое изобрѣтеніе. Висячая желѣзная дорога.

Не такъ давно появилось извѣстіе о постройкѣ нашихъ паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, съ военными цѣлями направляющихся въ степи Средней Азіи. Военныя временныя желѣзныя дороги представляютъ всегда такую огромную важность, что вопросъ объ лучшихъ системахъ ихъ постройки и объ ихъ удешевленіи теперь очень занимаетъ спеціалистовъ. Кромѣ того такія дороги чрезвычайно важны и для цѣлей колонизаціи, для проникновенія еще въ мало изслѣдованныя мѣстности—повторяемъ, вопросъ о нихъ составитъ одну изъ задачъ современной желѣзнодорожной техники. Задача эта разрѣшается между прочимъ весьма удачно новѣйшимъ изобрѣтеніемъ инженера Коллета—висячая желѣзная дорога. Стоимость такой дороги сравнительно замѣчательно дешева. По плану Коллета, для устройства подобной дороги изготовляются особаго рода треножники, устои изъ дерева, желѣза или другаго какого либо годнаго матерьяла, которыя и ставятся одинъ отъ другаго на разстояніи 20—35 футовъ, смотря по обстоятельствамъ; на этихъ то устояхъ, посредствомъ особаго рода желѣзныхъ подвѣсей, укрѣпляется горизонтальный брусъ, на которомъ и кладется одинъ рядъ рельсовъ. При движеніи вагоны идутъ на вѣсу, колеса ихъ снабжены двойными валиками и бѣгутъ по этому рельсу совершенно безопасно, увлекая за собою весь поѣздъ. Каждый вагонъ соединяется съ своими колесами посредствомъ крѣпкой рамы изъ кованаго желѣза и вѣситъ при 12-ти пассажирахъ не болѣе 150 пудовъ (2 тонны). Впрочемъ вагоны очень узки, такъ что въ нихъ могутъ сидѣть рядомъ не болѣе двухъ человѣкъ. Локомотивъ въ 20 лошадиныхъ силъ легко можетъ при такомъ устройствѣ дороги двигать поѣздъ со скоростью 20 миль въ часъ. При этомъ двигающей силой, кромѣ пара, можетъ быть еще газъ, сжатый воздухъ, электричество или даже какое либо ручное приспособленіе. Подобнаго рода желѣзная дорога, построенная вдоль рѣки по бичевнику, можетъ принести большую пользу, вытягивая барки и другія суда съ грузами. Но особенно полезной, какъ мы говорили, можетъ она оказаться для военныхъ цѣлей, какъ напримѣръ для доставки въ армію провіанта по горнымъ узкимъ дорогамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе дерева даетъ возможность построить ее въ самое короткое время и безъ особенныхъ трудностей, также для проникновенія въ новыя мѣста съ колонизаторскими цѣлями.

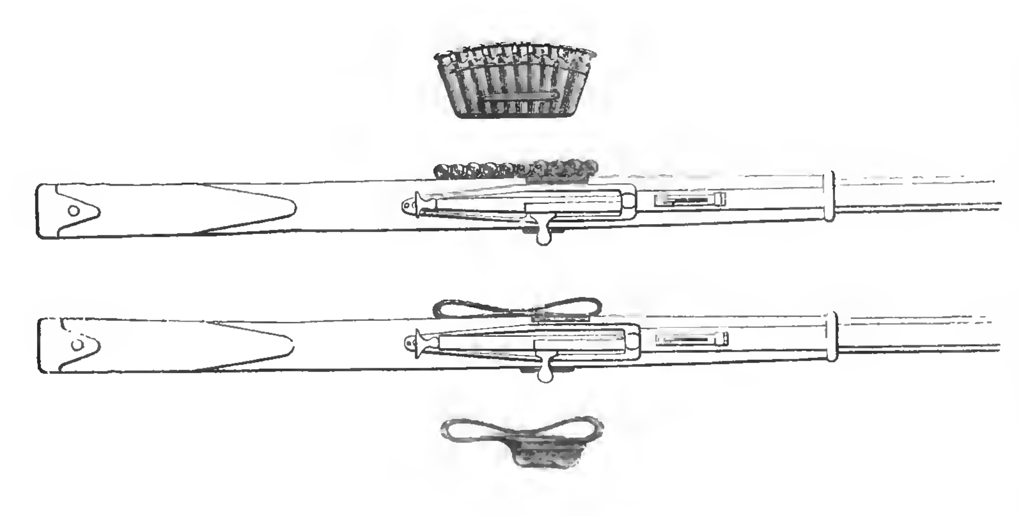
Сильвестръ Крнка. Съ фотогр. грав. К. Вейерманъ.

Смертный бой подъ облаками.

(Картина Вудвиля).

Пока суда иностранныхъ державъ демонстрируютъ у береговъ Турціи пока идутъ толки о сдачѣ Дульциньо—на албанской границѣ, по каменистымъ, обрывистымъ тропинкамъ, среди угрюмыхъ скалъ и горъ происходятъ частыя стычки между албанскими и черногорскими отрядами. Дикая, горная мѣстность. Уступы сѣроватаго, голаго известняка, смѣшанные породы известковаго шпата, въ дикомъ живописномъ безпорядкѣ разбросанныя скалы, низкіе густые кусты, безпощадно рвущій платье терновникъ и фантастически змѣею извивающійся путь и по нему рѣдко по двое, чаще одинъ за однимъ, быстро мелькаютъ ружейные стволы, сверкая на солнцѣ и красные верхи черногорстихъ шапокъ. Лица усатыхъ богатырей, выразительныя бронзывые показываютъ какіе это закаленные воины. Они въ рваныхъ гуняхъ, въ заплатахъ ихъ доколѣнницы, но ханджары у многихъ оправлены серебромъ, хмурятся густыя брови, раздуваются ноздри, будто чуя кровавую битву...

И вотъ за поворотомъ вдругъ выскакиваютъ изъ засады ихъ исконные враги—такіе же загорѣлые, мужественные, славные горцы—воины, потомки бойцовъ знаменитаго Скандербега. Съ рѣзкимъ крикомъ схватываются передовые богатыри и ужасный, смертный бой закипаетъ высоко подъ облаками, высоко надъ лежащими внизу городами и мирными долинами. И кажется, что присутствуешь при схваткѣ какихъ нибудь Гомеровскихъ героевъ — рѣзкія, глухія вскрикиванія этихъ грозныхъ горныхъ орловъ раздаются — и вѣрнѣе всего, что оба богатыря сорвутся и полетятъ въ бездонную, молчаливую пропасть, которая зіяетъ внизу и будутъ лежать враги на днѣ ея рядомъ, такіе же грозные, съ такими же насупленными бровями какъ и были, и надъ ними плавными кругами будутъ носится только хищные беркуты, которые выклюютъ ихъ черныя, молодецкія очи...

Новое изобрѣтеніе. Магазинное ружье Крнка.

Сильвестръ Крнка и его новое изобрѣтеніе.

Всѣ доселе достигнутые результаты оружейной техники и недавно окончившейся войны какъ бы указывали, что раньше или позже должно быть неизбѣжно введено во всѣ арміи магазинное

ружье, которому почти во всей Европѣ начали приписывать баснословныя качества. Такимъ образомъ магазинное ружье есть какъ-бы *ружье будущаго всѣхъ регулярныхъ армій*. Европейскія государства, окончившія недавно вооруженіе своихъ войскъ скорострѣльными ружьями, должны по мнѣнію увлекающихся теоретиковъ, бросить все свое дорогое вооруженіе и снабжаться скорѣе магазинными ружьями. *Десять милліоновъ европейскихъ солдатъ* должны получить магазинныя ружья! Фабрикація ихъ будетъ стоитъ по крайней мѣрѣ до *полумилліарда рублей* вмѣстѣ съ амуниціей.

Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ новыя системы разныхъ даже удачливыхъ изобрѣтателей должны быть брошены какъ ломъ. Англіи и Америкѣ, должны достаться за работу такія громадныя деньги.

Въ переходную эпоху этой ружейной лихорадки надо же выдумать было что нибудь, чтобы парализовать такое расточительное настроеніе въ военныхъ сферахъ Европы, чтобы сохранить въ рукахъ европейскихъ армій, до послѣдней войны казавшіеся годными, системы. Послѣднія попытки въ этомъ направленіи были вполнѣ неудачны, такъ что ни въ одной технической коммиссіи не придумано ничего, что возвышалось бы надъ посредственностью.

Но оказалось, что въ этомъ отношеніи можно и неотчаяваться. И честь почина остается за нами. Изобрѣтатель нашего шестилинейнаго ружья, изобрѣтатель заряда съ загибами, который вмѣстѣ съ генераломъ Ганомъ устроилъ у насъ на Васильевскомъ острову громадную патронную фабрику—Сильвестръ Крнка, изобрѣлъ новый стальной магазинный приборъ, съ помощью котораго весьма легко всякое ружье можно обратить въ магазинное и *въ три минуты дѣлать 55 выстрѣловъ*. Магазинныя ружья лучшихъ англійскихъ и американскихъ системъ не могли достичь этаго количества выстрѣловъ. Но дѣло еще не въ томъ, чтобы сдѣлать много выстрѣловъ въ короткое время а главное въ томъ чтобы, употребляя магазинный приборъ Крнки, скоро и легко заряжать. Солдатъ имѣя этотъ приборъ, не принужденъ больше будетъ послѣ каждаго выстрѣла хвататься за патронташъ, отпирать его и искать патронъ, вкладывать въ зарядную камеру каждый зарядъ *отдѣльно* — какъ до сихъ поръ дѣлалось, когда времени не хватаетъ искать патроны въ бою, когда усталые пальцы туго двигаются. По системѣ Крнка патроны находятся въ приборѣ прикрѣпленномъ къ стволу возлѣ прицѣла, такъ что солдатъ лишь послѣ десяти выстрѣловъ долженъ изъ патронташа только одинъ разъ вынуть опять десять патроновъ и положить ихъ въ стальную ручку, изъ которой патроны не выпадаютъ ни при бѣгломъ шагѣ ни при обыкновенныхъ ружейныхъ пріемахъ. Солдатъ видя такое количество патроновъ передъ глазами, имѣетъ большое довѣріе къ своему ружью и хладнокровнѣе въ бою и внимательнѣе къ командѣ.

Крнково изобрѣтеніе „ускоритель стрѣльбы", (его офиціальное названіе) если онъ употребленъ какъ слѣдуетъ, въ техническомъ отношеніи облегчитъ солдату дѣйствія и не требуетъ отъ него особыхъ знаній. Изобрѣтатель исходилъ изъ той точки зрѣнія, что если ружье должно возбудить къ себѣ довѣріе солдата, оно должно быть такъ приспособлено, что ему можетъ служить при всякомъ случаѣ годнымъ и послушнымъ оружіемъ. Изобрѣтеніе это уже вводится во Франціи, въ Англіи, въ Бельгіи и друг. Генералы Бріальмонъ, Данкетиль отдали въ своихъ сочиненіяхъ полную справедливость „ускорителю" Крнка.

„Ускоритель стрѣльбы" Крнки—простой и прочный приборъ къ ружью. Изобрѣтатель не одинъ годъ занимался его усовершенствованіемъ. Зато его возможно теперь прикрѣпить къ любому ружью пѣхотинца, кавалериста или матроса и всякій солдатъ, увидавъ только разъ пріемы съ этимъ приборомъ, свободно можетъ пользоваться своимъ ружьемъ *наравнѣ съ магазиннымъ*. Наше правительство пріобрѣло секретъ этаго изобрѣтенія отъ Крнки, благодаря артилерійскому комитету, который вполнѣ оцѣнилъ выгоду введенія для арміи такого „ускорителя стрѣльбы". Магазинное ружье новой системы, стоитъ около 50—60 рублей и должно быть заказано въ Англіи или Америкѣ и деньги идутъ такимъ образомъ за границу, такъ что вооруженіе нашей арміи (1,500,000 солдатъ) стоило бы до 75,000,000 рублей. Изобрѣтеніе Крнки стоимостью для каждаго солдата около 40—50 коп. можетъ быть фабриковано у насъ въ Россіи и вся армія могла бы быть въ случаѣ нужды вооружена въ 4—5 мѣсяцевъ, безъ малѣйшей перемѣны ружья, патронташей и аммуниціонныхъ ящиковъ. Это именно весьма полезно для отдаленныхъ корпусовъ напр.: въ Туркестанѣ, Сибири, въ Болгаріи. Стальной пружинный приборъ, который прикрѣпляется къ стволу ружья, требуетъ только простаго слесаря, который съумѣетъ изъ жести сдѣлать подобное примѣненіе. Непромокаемые магазины для патроновъ, хотя они искусно составлены изъ многихъ частей и пружинъ, все-таки просты, удобны, дешевы и цѣлесообразны.

Имя изобрѣтателя Крнка (собственно „Крынка") извѣстно каждому нашему солдату. Крнка родомъ Чехъ, изъ городка Волини. Имъ вооружена также и черногорская армія, ружьями его системы вооруженъ также весь резервъ румынской арміи и бельгійская жандармерія. Ему теперь 54 года. Онъ имѣетъ большую золотую медаль „За усердіе" и орденъ русскій св. Станислава и черногорскій орденъ князя Даніила.

Политическое обозрѣніе.

Дипломаты Порты.—Румынія и Балканскія княжества.—Германія.—Франція.—Закрытіе конгрегацій.—Французскіе радикалы и Гарибальды.—Сиссэ.—Ирландія.

Рѣшительно приходится турецкимъ дипломатамъ отдать пальму первенства предъ европейскими сочинителями дипломатическихъ нотъ! Какъ ни казалось невозможнымъ дальнѣйшее промедленіе сдачи все той же Дульциньо—паши нашлись: они не только не сдали ее, не взирая на залпъ бумажныхъ угрозъ, прогремѣвшихъ съ борта (правда колеблющагося) Европейскаго ареопага, но сумѣли перевести „вопросъ", и въ этомъ его фазисѣ на любимую ихъ почву новыхъ „переговоровъ". Вѣрится съ трудомъ! Но, все-таки надо же вѣрить очевидности. Султанское правительство объявило, въ отвѣтъ на новую „шутиху" Европы, что сію минуту передаетъ Дульциньо. Повидимому—все было готово, черногорцамъ оставалось придти и взять. Но —по турецки—нельзя же отдать такъ просто, надо условиться кое о какихъ „подробностяхъ". Конечно—условиться, значитъ —переговорить. И начались переговоры между турецкимъ уполномоченнымъ, Бедри-Беемъ и черногорцами. Понятно—Бедри-Бей тотчасъ же предложилъ условія, на которыя князь Николай не могъ согласиться. Первая остановка: Бедри-Бей объявилъ, что не можетъ продолжать переговоровъ до полученія новыхъ инструкцій изъ Константинополя. А такъ какъ ему придется вѣроятно не соглашаться съ черногорцами по многимъ вопросамъ и каждый, можетъ быть, разъ обращаться за „новыми инструкціями, то... А броненосцы все стоятъ да стоятъ —и, надо сказать,—стоятъ весьма неспокойно, потому что начались бури. Европа все-таки ждетъ, хотя и немножко теряетъ терпѣніе. По крайней мѣрѣ, вотъ что говорится въ нашей „Agence générale Russe" которой, справедливо или нѣтъ, придаютъ у насъ офиціозный характеръ. „Театральная сцена, разыгранная Портой нѣсколько дней тому назадъ, своимъ внезапнымъ рѣшеніемъ уступить Дульциньо Черногоріи, имѣла непосредственнымъ дѣйствіемъ произвести общее успокоеніе (въ который разъ?!) въ политическомъ положеніи Европы, потому что это подавало надежду (хвала искуству нашей!), что положеніе на Востокѣ вступитъ, наконецъ, на нормальный путь и уйдетъ до окончательной развязки. Но вмѣсто этаго, различныя затрудненія, созданныя съ тѣхъ поръ черногорцамъ, доказали еще разъ (!) злую волю Порты и пробудили снова недовѣріе къ ея искренности (неужели?). Словомъ поведеніе султана дало поводъ европейскимъ кабинетамъ возвратиться къ убѣжденію, что сохраненіе полнаго и твердаго единодушія державъ необходимѣе въ настоящее время, чѣмъ когда-либо. Зачѣмъ же взывать къ необходимости единодушія Европѣ, если оно твердо и незыблемо? Въ томъ-то и дѣло что, повторяемъ, оно не кажется намъ столь незыблемымъ.

Вскорѣ ожидается свиданіе между князьями Румынскимъ и Болгарскимъ. Излишне, конечно, говорить о благотворномъ для славянскихъ и христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова значеніи подобныхъ взаимныхъ посѣщеній, если они скрѣпляютъ связь между ними, подготовляя великое будущее... Есть нѣкоторые признаки, говорящіе въ пользу предположенія о томъ, что въ Румыніи начинаетъ зарождаться сознаніе необходимости предпочесть взаимную солидарность Балканскихъ княжествъ всякимъ другимъ полическомъ комбинаціямъ. Да упрочится сознаніе это тамъ. Оно принесетъ благіе плоды.

Во Франціи началось уже давно примѣненіе Мартовскихъ декретовъ противъ недозволенныхъ конгрегацій. Конгрегаціи, въ силу этихъ декретовъ, должны были представить на разсмотрѣніе правительства, въ трехъ-мѣсячный срокъ, уставы свои и обратиться къ нему съ просьбами о разрѣшеніи существовать во Франціи въ качествѣ признаваемыхъ закономъ юридическихъ личностей. Въ противномъ случаѣ, къ нимъ должны быть примѣняемы законы, на основаніи которыхъ конгрегаціи могутъ быть закрываемы и распускаемы административнымъ порядкомъ. Такъ какъ эти религіозныя общины не выполнили требованія правительства, то оно уже приступило къ осуществленію угрозы своей. Въ одинъ день мѣра примѣнена въ 12-ти департаментахъ. Въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ произошли столкновенія между монахами и властью; такъ напримѣръ, въ Жеменскомъ департаментѣ, когда полиція опечатала кармелитскій монастырь, ей пришлось выломать двери и силой вывести монаховъ и т. д. Папа Левъ XIII еще не высказался окончательно. Въ настоящую минуту, французская крайняя партія приглашаетъ въ Парижъ Гарибальди, разсчитывая произвести его появленіемъ извѣстный эффектъ въ пользу свою и въ то же время упрочить свою связь съ радикальной партіей въ Италіи. Немалаго шума надѣлала исторія съ бывшимъ военнымъ министромъ де-Сиссэ. Дѣло, впрочемъ, началось не съ него. Журналистъ де-Вестинъ, угождая жадности пари-

жанъ до всякихъ скандально-сенсаціонныхъ сплетенъ, обвинилъ въ газетѣ своей служащаго въ военномъ министерствѣ подполковника Юнга въ томъ, что, будто бы, онъ продалъ Германіи секретныя бумаги, касавшіяся мобилизаціи французской арміи. Возбужденный Юнгомъ процессъ доказалъ, что это была безчестная клевета, (одно изъ любимѣйшихъ дѣлъ французскихъ писакъ) но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалось, что жена этаго офицера, давно уже бросившая его и превратившаяся въ кокотку, находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ генераломъ де-Сиссэ, въ бытность его военнымъ министромъ. Авантюристка сумѣла воспользоваться слабостью генерала и пріобрѣла не малое вліяніе въ министерствѣ, гдѣ, говорятъ, добралась до различныхъ секретовъ. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ секретовъ этихъ она продала. Насколько это вѣрно—трудно судить, но Сиссэ лишенъ командованія 11 корпусомъ, которое получилъ по выходѣ изъ министерства. По слухамъ, онъ требуетъ слѣдствія.

Въ Ирландіи образовалась земельная лига для защиты интересовъ фермеровъ. Съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе распространяется. Тамъ, гдѣ она водворяется, помѣщичьи имѣнія тотчасъ же утрачиваютъ всякую доходность или же большую часть своей доходности, такъ какъ фермеры, подъ давленіемъ террора, тяготѣющаго надъ всею страною, вносятъ свою плату хозяевамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія лиги и въ установленномъ размѣрѣ. Лига имѣетъ характеръ организованнаго заговора, не пренебрегающаго никакими средствами для борьбы съ владѣтелями земель и жестоко карающаго какъ ихъ, такъ и фермеровъ, осмѣливающихся ослушаться сдѣланнаго распоряженія. Недавно въ Дублинѣ происходило собраніе землевладѣльцевъ (при всевозможныхъ предосторожностяхъ) постановившее обратиться къ правительству за защитой. Едва ли этой „защитой" исчерпывается все, что правительство должно сдѣлать, чтобы прекратить невозможное положеніе вещей. И дѣйствительно, по слухамъ, министерство Гладстона имѣетъ въ виду внести въ парламентъ проектъ закона обширной выкупной операціи.

Смѣсь.

Сохраненіе плодовъ посредствомъ зарыванія въ землю. Въ январѣ нынѣшняго года одинъ калифорнійскій торговецъ фруктами, зарылъ въ землю двѣ сотни свѣжихъ лимоновъ, желая видѣть, что съ ними будетъ. Черезъ четыре мѣсяца онъ вынулъ ихъ превосходно сохранившимися, такими же свѣжими и здоровыми, какими они были зарыты. Всякій знаетъ, какъ легко сохраняется картофель, покрытый надлежащихъ размѣровъ слоемъ земли. Нѣтъ сомнѣнія, что съ яблоками будетъ тоже самое; даже, весьма вѣроятно, что это примѣнимо и къ винограду и къ другимъ трудно-сохраняемымъ плодамъ. Небольшихъ издержекъ стоили-бы нѣсколько такихъ опытовъ, а между тѣмъ они могутъ дать отличные результаты.

Прививаніе кожи взятой съ трупа. Докторъ Герднеръ, хирургъ госпиталя въ Бельвю, получилъ замѣчательнѣйшіе и важнѣйшіе результаты въ отношеніи *прививанія кожи*. Больной котораго онъ хотѣлъ подвергнуть этому леченію, не согласился на отдѣленіе прививки съ рукъ или съ какой-либо другой части поверхности своего тѣла, боясь боли. Не желая просить другаго перенести то страданіе, отъ котораго отказался больной, докторъ Герднеръ попробовалъ взять прививокъ съ *трупа*.

„Я отрѣзалъ, говоритъ онъ, кусокъ кожи у больнаго, умершаго за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, предварительно справившись не было-ли причиной его смерти какое-нибудь чумное зараженіе (infection infectieuse). Нарѣзавъ маленькими кусочками эпидерму (верхняя кожица), я положилъ кусочки на зерновидную поверхность нарыва и затѣмъ сильно перевязалъ ногу. По прошествіи всего трехъ дней, прививокъ началъ подавать признаки жизни, соединеніе мертвой ткани съ живой совершалось превосходно и въ восемь дней великолѣпная кожа, вполнѣ заровнявшаяся и эластичная, покрыла рану, выздоровленіе было полное, не осталось даже шрама. Послѣ того, я повторялъ, продолжаетъ онъ, болѣе пятидесяти разъ эту операцію и всегда съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Я прививалъ кожу ирландца къ негру, между прочимъ, и кожу негра къ ирландцу. При этомъ, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ она *теряла свою первоначальную окраску*, примѣняясь къ цвѣту новой кожи.

Новый нетонущій аппаратъ. Онъ состоитъ изъ химическаго препарата, помѣщаемаго подъ подкладку жилета, увеличивая его вѣсъ самымъ незначительнымъ образомъ и оставляя въ то-же время неизмѣннымъ его внѣшній видъ. Аппаратъ долженъ быть положенъ на обѣ стороны груди и на спину. Въ тотъ моментъ, какъ человѣкъ падаетъ въ воду, платье его вздувается и погруженіе становится невозможнымъ; голова не можетъ скрыться подъ волны. Это изобрѣтеніе было испробовано въ Шеффильдскихъ баняхъ. Сначала были брошены въ воду два небольшихъ куска полотна, въ складки котораго былъ помѣщенъ препаратъ. Полотно моментально надулось и образовавъ нѣчто въ родѣ подушки, начало плавать по бассейну. Одинъ изъ служителей тотчасъ-же одѣлся въ платье, содержавшее точно такой-же препаратъ, и сначала его облили водой, чтобы показать, что вздуваніе платья не произойдетъ отъ дѣйствія обыкновеннаго дождя. Хотя платье и измокло совершенно, однако, нимало не измѣнило отъ этаго своихъ размѣровъ. Затѣмъ онъ бросился въ воду и почти тотчасъ-же показался на поверхности; платье быстро вздулось при этомъ.

Войдя въ ту часть бассейна, гдѣ вода была глубока, сильнымъ движеніемъ онъ попытался погрузиться, но тотчасъ-же вынырнулъ.

Изобрѣтатель прикрѣпилъ къ прибору, представляющему собою видъ полотнянаго очень короткаго рукава, свинцовую трехфунтовую гирьку. Рукавъ, коснувшись воды, внезапно вздулся и выдержалъ эту тяжесть, свободно плавая по поверхности. Всѣ опыты были необыкновенно удачны.

Наслѣдственная чахотка. Г. Лансеро установилъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе пункты: унаслѣдованіе чахотки обнаруживается слабостью, малыми размѣрами тѣла, сплющеніемъ грудной полости, и главнымъ образомъ тонкостью и рѣдкостью волосъ. Далѣе болѣзнь кладетъ какую-то особенную печать на человѣка, получившаго ее наслѣдственно. Главныя измѣненія, внесенныя въ организмъ наслѣдственной чахоткой, развиваются чаще всего въ періодъ возмужанія и состоятъ въ пріостановкѣ развитія всего человѣка, который, сохраняя внѣшній видъ юности, остается нѣкоторымъ образомъ среднимъ существомъ, не достигая мужества. Представители этаго типа бываютъ особенно предрасположены къ чахоткѣ и потому должны соблюдать правила предупредительной гигіены, въ отношеніи питанія, дыханія и тѣлесныхъ упражненій.

Новая Мамонтова пещера. Недавно въ Кентукки, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлано геологическое открытіе, имѣющее большой интересъ и значеніе. Нѣсколько недѣль тому назадъ, найдена другая Мамонтова пещера, возлѣ Гопкинсвилля. Знаменитая Мамонтова пещера, единственная, которую знали до сихъ поръ, находится въ южной части штата Кентукки. Это огромный естественный подземный ходъ, который идетъ на пространствѣ 22 верстъ.

Новая пещера заключаетъ въ себѣ ископаемый лѣсъ гигантскихъ лепидодендроновъ и всѣхъ родовъ грибовъ (fongères), превосходно сохранившихся и оставшихся въ своихъ естественныхъ положеніяхъ. Лепидодендроны имѣютъ высоту 40 футовъ и образуютъ сотни колоннъ, похожихъ на тѣ, которыя видны въ Фингаловомъ гротѣ на островѣ Стаффи. Кора деревьевъ состоитъ изъ блестящаго смолистаго угля, между тѣмъ какъ внутренность обратилась въ кварцевый песчаникъ. Корни крѣпко внѣдрились въ слой угля. Въ пещерѣ встрѣчаются прозрачные сталактиты, сталагмиты и другія формаціи. Эта пещера можетъ быть названа книгой, въ которой можно прочитать рѣшенія не одной задачи угольнаго періода.

Здѣсь находятъ въ большомъ изобиліи раковины и другіе водные остатки; кромѣ того попадаются даже животныя (antediluviens) допотопнаго періода.

Новыя пари. Англичане не хотятъ отставать отъ американцевъ въ дѣлѣ пари. Капитанъ Веббъ, знаменитый пловецъ, переплывшій Па-де-Кале, началъ 28 іюля, въ Скарбороу, плаваніе, которое должно было продолжаться семьдесятъ четыре часа сряду. Онъ плавалъ въ большомъ бассейнѣ длиною и шириною по 40 футовъ; этотъ резервуаръ окруженъ со всѣхъ сторонъ стеклянными рамами и наполненъ водою на семь футовъ глубины. Капитанъ Веббъ пилъ бульонъ и чай съ распущенными въ немъ яйцами. Желѣзно-дорожное общество организовало спеціальные увеселительные поѣзды на всѣ три дня, въ которые должно было продолжаться пари.

Оленье мясо. Въ видахъ увеличивающейся дороговизны мяса нѣкоторые предлагаютъ замѣнить, бычье мясо оленьимъ. Осенью, какъ извѣстно, по замерзаніи рѣкъ и болотъ и по выпаденіи снѣга, гурты оленей могутъ пригоняться въ наши сѣверные губернскіе города и въ Петербургъ. Расходъ на пригонъ оленей, не можетъ быть значителенъ, такъ какъ порожнякомъ олени пройдутъ 800 верстъ легко; содержаніе ихъ въ дорогѣ мало стоитъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, какъ напримѣръ около Петербурга, вѣроятно найдутся и мѣста, годныя для временныхъ пастбищъ прогоняемыхъ гуртовъ оленей. Находятъ, что не только можно, но и должно ввести въ употребленіе оленье мясо во всѣхъ сѣверныхъ городахъ Россіи и Сибири, и въ Петербургѣ—въ казармахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и тюрьмахъ. Высокія діэтетическія качества оленьяго мяса—ставятъ его выше бычьяго. Оленье мясо существуетъ въ петербургской торговлѣ, но въ крайне незначительныхъ размѣрахъ: оно продается только въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, мясныхъ лавкахъ, притомъ мерзлое. Между тѣмъ, кому случалось его ѣсть, тотъ дѣйствительно согласится, что оно могло бы съ успѣхомъ дополнить недостающее намъ количество бычьяго мяса. Развитіе торговли оленьимъ мясомъ болѣе всего могло бы содѣйствовать улучшенію быта не только сѣверныхъ инородцевъ, но и многихъ русскихъ, населяющихъ сѣверъ.

РЕБУСЪ.

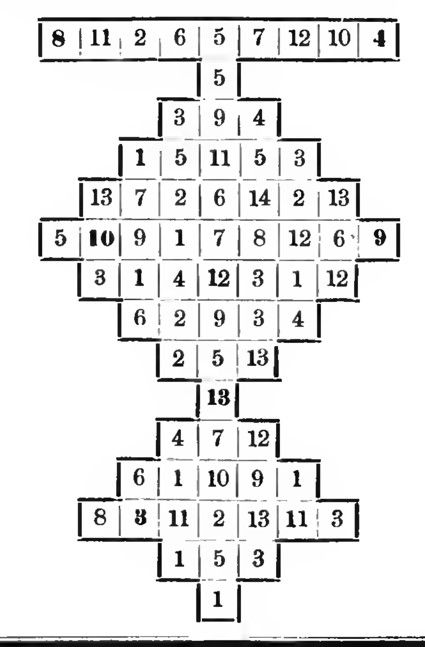
Задача буквъ № 74.

А. Копылова.

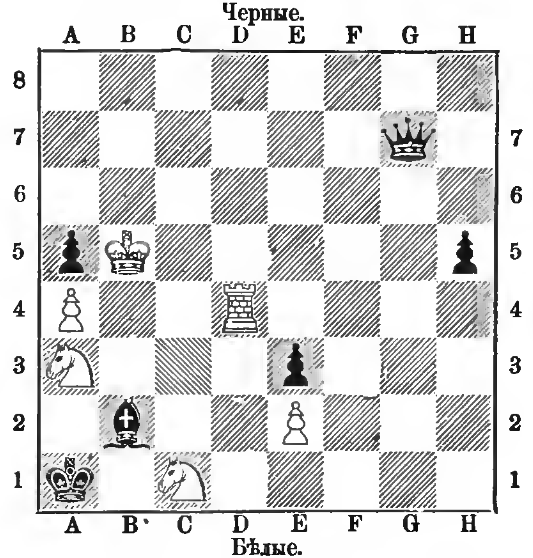
Изъ данныхъ 69 буквъ составить 14 словъ и затѣмъ буквы этихъ словъ, соотвѣтственно цифрамъ, размѣстить въ клѣткахъ прилагаемой фигуры такимъ образомъ, чтобы составилась фамилія одного знаменитаго писателя и названія его пяти переведенныхъ на русскій языкъ и наиболѣе извѣстныхъ произведеній; цифры, напечатанныя болѣе крупнымъ шрифтомъ, означаютъ начальныя буквы фамиліи и названіе каждаго изъ произведеній.

а, в, в, г, д, е, е, е, з, и, и, и, и, и, і, і, к, к, к, к, к, л, л, л, л, л, м, м, м, н, н, н, н, о, о, о, о, о, о, о, п, р, р, р, р, р, с, с, с, т, т, у, у, ч, ш, ш, ъ, ъ, ъ, ъ, ъ, ь, ь, ѣ, ю, ю, ю, я, я.

1.—число.
2.—птица.
3.—городъ въ Америкѣ.
4.—звукъ колокола.
5.—строительный матеріалъ.
6—способъ сообщенія.
7.—мужское имя.
8.—часть человѣческаго тѣла.
9.—минералъ.
10.—страна свѣта.
11.—животное.
12.—движеніе воздуха.
13.—принадлежность корабля.
14.—предлогъ.

Шахматная задача № 76.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 3 хода.

Задача № 75.

Найденъ полуистлѣвшій, разорванный обрывокъ рукописи XVII в. Требуется сложить части обрывка такъ, чтобы получилось цѣлое изреченіе.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Невскій проспектъ, № 10.

Разныя сочиненія для фортепіано въ двѣ руки въ дешевомъ изданіи:

Бетховенъ. Всѣ сонаты 3 р. Шопенъ. Полное собраніе сочиненій, роскошное изданіе въ 12 том. 7 р. 50 к. Фильдъ. 17 ноктюрнъ 60 к. Гайднъ 10 знамен. сонатъ 75 к. Мендельсонъ. Собраніе сочиненій въ 2-хъ том. 2 р. 50 к. Его же 48 пѣсенъ безъ словъ 1 р. Моцартъ. Всѣ сонаты 2 р. Его же 6 знамен. симфоній 1 р. Шуберта всѣ сонаты 1 р. 50 к. Альбомъ самыхъ любимыхъ танцевъ Іоганна, Іосифа, Эдуарда Страуса въ 6 томахъ каждый 1 р. 50 к. Огинскаго полонезы 60 к. Альбомъ салонной музыки въ 16 том., каждый 75 коп. Бетховенъ 11 увертюръ 60 к. Беллини и Россини 8 увертюръ 60 к. Моцартъ 10 увертюръ 60 к. Шумана увертюры 1 р. Вебера 10 увертюръ 60 коп. № 951

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ,

замѣняющія вполнѣ жернова, не требующія мельника и отличающіяся простотою, большою производительностью и дешевизною, требуя для помола того же количества хлѣба, 1/3 силы жерновокъ.

Вел. В вѣс. 16 п. измѣл. 10 пуд. въ часъ. при 2 л. силахъ, цѣна . . . . . 150 р
Вел. 5 вѣс. 20 п. измѣл. 15 пуд. въ часъ, при 4 л. силахъ, цѣна . . . . . 200 р.
Вел. 3 вѣс. 30 п. измѣл. 20 пуд. въ часъ. при 6 л. силахъ, цѣна . . . . . 300 р.
мучныя сортировки къ нимъ по 78 р.

Штифтовыя молотилки.

лучшія изъ всѣхъ существующихъ системъ. Ручныя 85 р., съ 1-конновымъ приводомъ 225 р., большая двухъ конная съ соломотрясомъ и приводомъ 340 р.

Сѣнные прессы ручные по 175 р.

Безпрерывно вращающ. ручной кирпичный прессъ.

Самый прочный, простой и дешевый. Тремя рабочими можетъ быть изготовлено въ сутки отъ 4 до 5000 кирпичей, получая ихъ той же крѣпости, какъ при ручной прессовкѣ. Вѣсъ пресса 50 пуд. цѣна 300 руб. Локомобили, паровыя машины, котлы, токарные и проч. станки, плуги, бороны, вѣялки, соломорѣзки, сѣялки, насосы, пожарныя трубы и пр., и пр., имѣются въ наличности у

ТОВАРИЩЕСТВА

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линія, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
№ 911 5—4

НОВОСТИ № 4

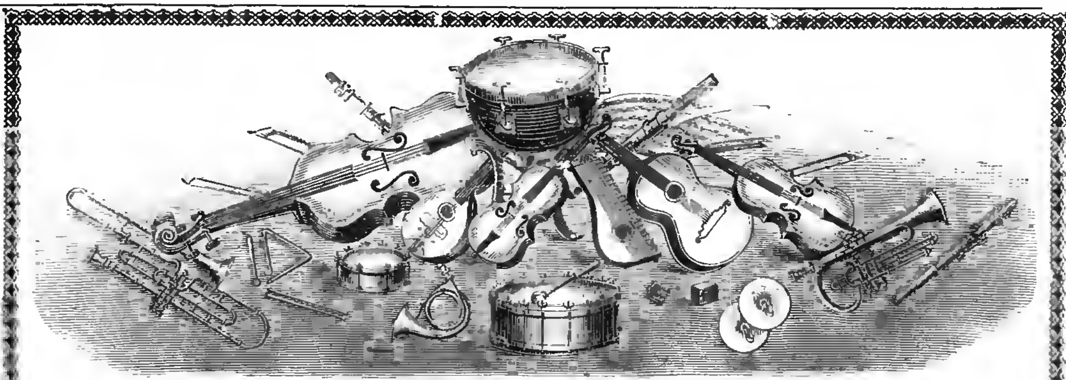
вышли изъ печати и продаются

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

П. ЮРГЕНСОНА.

Москва, Неглинный проѣзд., № 10.

Бортнянскій: 26 духовно-музыкальныхъ сочиненій, переложенныхъ на 4 мужскихъ голосовъ Соколовымъ. Партитура 2 р., голоса 2 р. *Даргомыжскій А.* Русалка опера 2 рукв in 8°, 3 р. *Henselt, A.* Romance de Tschaikowsky. То было раннею весною, à 2 me 50 k. *Маркса Б. А.* Всеобщій учебникъ переводъ профессора А. Фаминцына, 3 р. 50 k. *Кёлера, Л.* Прокодкваніе фортепіано; практическіе совѣты, наблюденія и замѣтки 2 р. *Metra*, Olivier. Sérénade. Célèbre valse espagnole. Для военнаго оркестра 1 р. *Рубинштейнъ, А.*: Op. 34. Тетр. 1. Персидскія пѣсни для низкаго голоса (2-я тетрадь вышла прежде) 1 р.—№ 1. Зулейка Nicht mit Engeln 30 к.—№ 2. Какъ ни земкѣ Mein Herz schmückt 30 к.—№ 3. Какъ увижу твои ножки Seh ich deine zarten Füsschen 30 к.—№ 4. Розанъ Es hat die Rose sich beklagt 30 к.—№ 5. Тому, кто хочетъ жить Die Weise guter Zecher ist 30 коп.—№ 6. Насъ по одной дорогѣ Ich fühle deinen Odem 30 к. *Tschaikowsky*: Попурри изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ", въ 2 рукв, 1 р. 25 к.—Тоже въ 4 руки, 2 руб. *Верди*, „Аида". Попурри въ 4 руки 2 руб. *Wieniawski, H.* Op. 2-me Valse de Concert à 2 ms 80 коп. П. М. № 954

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученные изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ Парижскихъ, Вѣнскихъ и Итальянскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

Скрипки по 2½ р., 5 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р., 100 р. и дор.
Смычки для скрипокъ по 50 к., 1¼ р., 2 р., 3 р., 6 р., 10 р. и дор.
Футляры для скрипокъ по 5 р., 6 р., 10 р., 12 р., 20 р.
Школы для скрипки (самоучитель) по 2 р., 3 р., 4 р. и 5 р.
Альты по 9 р., 15 р., 30 р., 50 р. и дор.
Віолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 80 р., 100 р. и дор.
Контрабасы по 45 р., 65 р., 100 р., 120 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р., 75 р. и дор.
Школы для цитры по 2 р. и 3½ р.,
Гитары по 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
Школы для гитаръ (самоучитель) по 1½ р., 2 р., 3 р.
Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскія струны для всѣхъ инструментовъ.
Камертоны метрономы и всѣ принадлежности.
Желѣзные складные пюпитры по 2½ р., 5 р., 6 р.
Шарманки по 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскіе ручные органы по 150 р., 200 р., 250 р.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 35 р. 50 р., 65 р., 90 р., 100 р. и дор.
Нѣмецкія ручныя гармоніи по 4½ р., 5½ р., 7 р., 10 р., 12 р. 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р. и дор.
Самоучитель для гармоніи 1 р., 4 тетради нотъ по 75 к.

Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р. и 100 р.
Школа для корнета-а-пистонъ по 1½ р., 4 р. и 5 р.
Трубы, альтгорны, теноргорны, баритоны, тромбоны, вальторны, басы, сигнальные рожки для охоты, желѣзныхъ дорогъ, и для горнистовъ.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
Школа для флейты (самоучитель) по 1½ р., 3 р.
Пиколо флейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 16 р.
Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р., 60 р.
Школа для кларнета 4 р.
Флажолеты по 3 р., 5 р., 8 р., 10 р.
Чаканы по 5 р., 8 р., 10 р., 15 р.,
Школа для чакана 2 р. 85 к.
Барабаны турецкіе барабаны, литавры, бубны, тарелки, треугольники, бунчуки, кастаньеты, металлофоны, окарины.
Нѣмецкія концертино по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р.
Школа для нѣмецкихъ концертино 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.
Англійскія концертино по 30 р., 38 р., 45 р., 70 р., 100 р., 125 р., 160 и 200 р.
Школа для англійскаго концертино 3 р.
Парижскія гармонифлюты по 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р.
Фисгармоніи извѣстнаго фабриканта Бюссона въ Парижѣ по 90 р., 100 р., 120 р., 150 р., 175 р., 250 р., 400 р.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

В. № 958 ☛ Всѣ эти инструменты очень удобны для подарковъ къ рождеству. ☚ 3—1

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.

СКЛАДЪ

ХРУСТАЛЬНАГО ЗАВОДА.

„НОВЫЙ СВѢТЪ" (въ Богеміи)

ГРАФА ГАРРАХА,

переведенъ и опять открытъ

НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ № 54,

напротивъ публичной библіотеки съ 18 сего мѣсяца.

Складъ снабженъ вполнѣ новымъ товаромъ, и Р. Т. публика приглашается осмотрѣть послѣднія новинки особенно выдающихся изящныхъ сервизовъ и роскошныхъ другихъ хрустальныхъ предметовъ.

Цѣна противъ прежнихъ на 15% дешевле.

В. № 959. 2—1

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ № 54.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ,

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій для семействъ и ремесленныхъ заведеній.

А. ШТЕЙНЪ

въ С.-Петербургѣ.

Вознесенскій

просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.

☛ **ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.** ☚

Ручныя машины 20 разныхъ конструкцій отъ 12 до 45 руб.

Ножныя машины 40 разныхъ конструкцій отъ 35 до 350 руб.

Машины для вязанія, шитья перчатокъ, плиссе.

☛ **БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЮ** ☚ **подробный прейсъ-курантъ**

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ
фабрики **Розенбергъ и Френкель въ Берлинѣ**, спеціальныхъ машинъ, шьющихъ **варной дратвой**, для шорныхъ, каретныхъ, парусинныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для мѣшковъ и военныхъ голенищъ.

Фабрики **Іуліусъ Гутмана въ Берлинѣ** спеціальн. машинъ для **вымотыванія петель** въ суконъ, бѣльѣ, дамскомъ нарядѣ и обуви.

Фабрики **Линцъ и Екнертъ въ Берлинѣ** спеціальная машина для **вышиванія** въ батистѣ, тюлѣ, шерстяной и шелковой матеріи, войлокѣ, суконъ и т. д.

Складъ иголокъ, отдѣльныхъ частей и масла къ швейнымъ машинамъ, бумаги, шелку и нитокъ. К. № 906. 10—3

МОНОГРАММЫ

самыхъ новѣйшихъ рисунокъ на роскошной бумагѣ. Заказы исполняютъ аккуратно и скоро. Цѣна самая умѣренная.

Г. ПЕТО. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, КАРАВАННАЯ 14—16.

За три почтов. марки (по 7 к.) высылаю въ заказномъ бандеролѣ образцы монограммныхъ рисунковъ, образцы бумаги и прейсъ-курантъ.

☛ **ВѢСЫ ДЛЯ ПИСЕМЪ** ☚

необходимыя всякому купцу, конторщику и во всякомъ хозяйствѣ. Эти вѣсы можно помѣстить въ бумажникѣ или въ портмонэ и не смотря на изящную работу и точность вѣсовъ, цѣна 60 к. съ пересылкою 75 к. (11 почт. марокъ 7 к.). № 943 5—2

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

ДЛЯ ПРИДАНАГО И ХОЗЯЙСТВА

хрусталя, столовой, чайной и металлической посуды. Самыя умѣренныя цѣны.

Вѣнскіе буковые гнутые стулья дюж. 25 р.

ВЪ МАГАЗИНѢ

AU BON MARCHE

Больш. Морская, № 34, Штанге.

КЁЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

Ц. № 902 13—5

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ глистовъ спеціальное и скорое излеченіе въ Гигіенической Лечебницѣ. Петербургъ, Владимірская ул., д. № 15. Леченіе возможно и письменное. Тутъ-же лечатся и отъ сыпи (лица), скрасительныхъ болѣзней.

К. № 961 10—1

ПАВЕЛЪ БУРЕ

ФАБРИКАНТЪ ЧАСОВЪ

поставщикъ Высочайшаго Двора, часовыхъ дѣлъ мастеръ Императорскаго Русскаго флота и Его Импер. Высоч. Великаго Князя Константина Николаевича.

Рекомендуетъ въ большомъ выборѣ: Карманные, кабинетные, столовые золоченные, столовые мраморные, столовые англійскіе съ курантами и стѣнные часы.

Ручательство ва 2 года.

Постоянный выборъ золотыхъ мужскихъ и дамскихъ цѣпочекъ.

МАГАЗИНЪ И МАСТЕРСКІЯ въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 23. Фабрика въ Локлѣ (Швейцарія).

Подробный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. № 880 33—5

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА

БЕКМАНЪ И К°,

устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою Бекманъ и К°, въ которомъ приготовляются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 863 10—9.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ С. В. ВЕДЕРНИКОВА

Гостинный дворъ, № 123.

Получилъ для **осенняго и зимняго сезона** готовыхъ дамскихъ вещей

ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ

Пальто, мантеле, жакеты и Sur-touts.

Фасоны: Fanchonette, Richard, Stuart, Dinorah, Faust, Attaché Chinois, Tirol, Lutin.

Изъ матерій: Pelusch, Rips-long, Bombé, Jung, Baccaccio, Camtschatka, Zullu-noppe и др. модн. полушелк. и шерст. тканей.

Большой выборъ осеннихъ вещей, приготовленныхъ по моделямъ, изъ Бархата, Сесльянъ Драпъ-де-Суа, Кашмиръ-Суа, Сатинъ-Суа и Армюръ.

ДАМСКІЕ КОСТЮМЫ

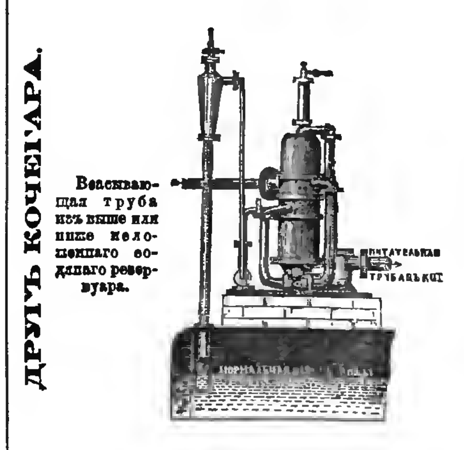
Модели: и приготовленные по онымъ изъ разныхъ новѣйшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей.

Большой выборъ дѣтскихъ нарядовъ, мѣховыхъ вещей, мѣховъ разныхъ и мѣховыхъ отдѣлокъ.

PS. Модели могутъ быть получены по истеченіи 3-хъ дней со дня покупки.

Магазинъ принимаетъ заказы только изъ матерій, выборъ которыхъ находится въ магазинѣ. № 925 3-2

С. Г. КОНФЕЛЬДЪ.

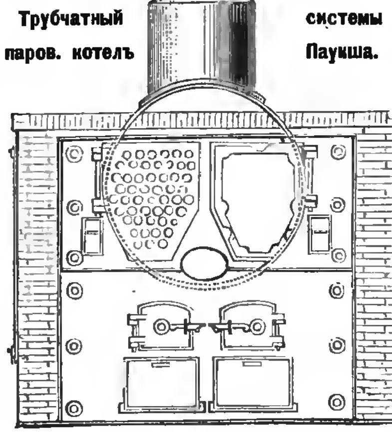

Автоматическій питающій аппаратъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Большая Московская, д. № 6.

МОСКВА.
Красныя ворота, д. Ададурова.

Трубчатый паров. котелъ системы Паукша.

Болѣе 2000 въ дѣйствіи

Главный представитель для Россіи Г. Паукша въ Ландсбергѣ н/В. и другихъ извѣстныхъ иностранныхъ заводовъ, предлагаетъ поставку машинъ лучшихъ издѣлій съ установкою и ручательствомъ.

1) **Патентованные трубчатые паровые котлы** системы Паукша и паровики другихъ конструкцій.
2) **Паровыя машины** различныхъ конструкцій.
3) **Турбины и водяныя двигатели.**
4) **Полное устройство писчебумажныхъ фабрикъ.**
5) **Устройство** кирпичныхъ заводовъ.
6) **Устройство** паровыхъ винокуренныхъ заводовъ съ ручательствомъ при примѣненіи патентованнаго **универсальнаго солодоваго аппарата** для выкурки зерна, маиса и картофеля.
7) **Устройство сахарныхъ заводовъ** съ новѣйшимъ диффузіоннымъ примѣненіемъ.
8) **Муковальная мельница** съ устройствомъ чугунныхъ и фарфоровыхъ вальцамв.
9) **Машины для обработки** дерева для столярныхъ и ящичныхъ заведеній.
10) **Устройство торфяныхъ заводовъ.**
11) **Устройство фильтровъ для воды,** употребляемыхъ для питанія паровиковъ, которыя устраняютъ органическія части въ водѣ и тѣмъ значительно уменьшается образованіе накипи въ паровик.
12) Разные предметы, какъ-то: **локомобили** съ патентованными выдвижными трубками; **инструментальныя машины, насосы, устройство газовыхъ заведеній, патентованные автоматическіе котлопитающіе аппараты „ДРУГЪ КОЧЕГАРА“ (Ягнъ)** и другіе различные предметы, какъ-то; **сталь, болты, гайки, инструменты** и т. д.

Отзывы и свидѣтельства о произведенныхъ поставкахъ, а равно совѣты и свѣдѣнія, всегда къ услугамъ желающихъ. Чертежи и смѣты изготовляются въ самое непродолжительное время.

Относительно патентованнаго котлопитающаго аппарата считаю долгомъ присовокупить, что таковой значительно усовершенствованъ и производительность его увеличена. Отзывы русскихъ промышленниковъ и заводчиковъ о дѣйствіи сего аппарата всегда къ услугамъ желающихъ. № 953 3—1

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золот. тисненіемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ“ въ такую коленкоровую крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

ОТЪ ЛОСКУТНОЙ ГОСТИННИЦЫ въ Москвѣ.

на Тверской улицѣ, домъ Макс. Еф. Попова. Бывшимъ пожаромъ въ домѣ г. Фирсанова 18-го сентября, повреждено было въ Лоскутной гостинницѣ около 20 №№, которые уже вполнѣ исправлены и приведены въ прежній видъ, о чемъ управленіе Лоскутной гостинницы и извѣщаетъ господъ пріѣзжающихъ въ Москву. При семъ присовокупляетъ, что количество всѣхъ нумеровъ 150 и отдѣланы они заново. Ц. № 934 8—3

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ МАГАЗИНЪ

А. В. ТОТЪ,

(Невскій просп., д. № 13, уголъ Больш. Морской бель этажъ, кв. № 22).

Рекомендуетъ самые новые и изящные предметы женскихъ рукодѣлій, игрушки и галантерейные товары въ большомъ выборѣ за умѣренные цѣны. Mt № 937.

ПОЛНОЕ УСТРОЙСТВО ТИПО- и ЛИТОГРАФІЙ

СЪ ДОСТАВЛЕНІЕМЪ ЛУЧШИХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

принимаетъ на себя **Р. К. ШНЕЙДЕРЪ**, редакторъ „Обзора Графическихъ Искусствъ“ (С.-Петербургъ, Большая Морская. № 15).

Депо принадлежностей тисненія.

Благодаря своей больше, чѣмъ 30-ти-лѣтней опытности, пріобрѣтенной въ качествѣ типографщика, я могу сообщить моимъ уважаемымъ кліентамъ самые практичскіе совѣты и указать самые лучшіе и дешевѣйшіе источники. Въ настоящее время я имѣю возможность за 500 руб. поставить цѣлую небольшую типографію для мелочныхъ работъ со скоропечатною машиною и всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для печатанія циркуляровъ и картъ. № 923 4—3

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ 1) объявленіе отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ С.-Петербургѣ, 2) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина Ф. Апллаксина въ Москвѣ. (Послѣдній за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ).

Дозволено цензурою СПБ. 23 октября 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. ... № 10.

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ № 44 | годъ XI 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы" 20 к. съ перес. 25 к.

Выданъ 1 Ноября 1880 г.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за НОЯБРЬ 1880 г. съ 35 рисунками и отдѣльный листъ съ 24 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и съ 27 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Изслѣдователь древней Трои.

Генрихъ Шлиманъ, получившій въ послѣднее время такую огромную извѣстность своими замѣчательными изслѣдованіями Трои, открывшій старинныя гробницы царей Микены, возстановилъ передъ образованнымъ міромъ картину сѣдой древности, эпохи воспѣтой Гомеромъ, послѣ того, какъ многіе ученые напрасно трудились надъ разрѣшеніемъ этой любопытной задачи. Настоящія занятія Шлимана—это мечта его ранней юности. Сынъ пастора, еще восьмилѣтнимъ, по натурѣ своей склонный ко всему чудесному и таинственному, онъ былъ необыкновенно заинтересованъ разсказами (читанными имъ во „всеобщей исторіи" съ картинками) о горящей Троѣ. Въ своемъ дѣтскомъ увлеченіи всѣ эти исторіи онъ принималъ за дѣйствительныя и твердо рѣшился откопать стѣны Трои. Очень быть можетъ, что если бы отецъ его былъ педантъ, онъ постарался бы выяснить ребенку, что поэзія Гомера—простая сказка. Но этаго не случилось и мальчикъ съ восторгомъ думалъ о разрѣшеніи своей будущей задачи.

Послѣдующіе годы его жизни также мало способствовали къ тому, чтобы онъ разубѣдился въ своихъ мечтаніяхъ. На четырнадцатомъ году, вслѣдствіе затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствъ его семьи онъ долженъ былъ выйти изъ школы и поступилъ прикащикомъ въ мелочную лавку, въ Мекленбургѣ. Впродолженіи пяти съ половиною лѣтъ, продавая всякую всячину, подметая лавку, онъ не забывалъ завѣтной мечты.

Однажды онъ былъ сильно удивленъ, увидя входящаго пьяницу-мельника, получившаго нѣкогда хорошее воспитаніе, который съ пафосомъ началъ декламировать стихи Гомера. Хотя молодой Шлиманъ ничего не понималъ въ нихъ, но мелодическій языкъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ разрыдался. Три раза мельникъ долженъ былъ повторять божественные стихи, и за это Генрихъ поднесъ ему три стакана водки, на что израсходовалъ все свое тогдашнее богатство.

Второй періодъ жизни Шлимана, время практической жизни, начинается съ поступленіемъ его въ контору Клюина въ Амстердамѣ. Судьба не баловала Шлимана и онъ усердно трудился,

Генрихъ Шлиманъ. Съ фотогр. грав. Бончъ.

чтобы какъ нибудь улучшить свое положеніе. Прежде всего онъ принялся за изученіе иностранныхъ языковъ, необходимыхъ для купца. Любовь къ труду, поразительное прилежаніе и неистощимая дѣятельность, были всегда отличительными чертами характера Шлимана.

При такой усиленной дѣятельности становится отчасти понятно, какъ этотъ человѣкъ могъ выучиться въ молодости почти двѣнадцати языкамъ. При изученіи языковъ онъ придерживался собственнаго метода. Онъ громко читалъ и взамѣнъ переводовъ самостоятельно писалъ на этихъ языкахъ. Написанное исправлялъ подъ руководствомъ учителей, заучивалъ это наизусть и въ слѣдующій урокъ уже говорилъ это учителю. Такъ онъ выучился по англійски, затѣмъ по французски и наконецъ сталъ учиться по русски. „Но такъ какъ у меня не было никого, говоритъ онъ въ своей біографіи, кто бы исправлялъ мою работу, то практическими упражненіями я старался избѣгать ошибокъ, причемъ я училъ наизусть русскій переводъ «Приключеній Телемака». Мнѣ казалось, что успѣхи мои были бы больше, если бы я могъ разсказывать кому нибудь по русски приключенія Телемака; такимъ образомъ мнѣ удалось найдти однаго бѣднаго еврея, который за четыре франка въ недѣлю, выслушивалъ ежедневно, по два часа, мою русскую декламацію, изъ которой онъ не понималъ ни слова.

Шлиманъ былъ приглашенъ фирмой Шрэдера въ Амстердамъ и въ 1846 году посланъ агентомъ въ Петербургъ, гдѣ велъ контору весьма удачно. Въ 1847 году онъ записался въ гильдію и учредилъ новую фирму «Генрихъ Шлиманъ», при чемъ велъ торговлю по преимуществу индиго. Дѣла его шли очень успѣшно и уже въ 1854 году у него было на 500,000 марокъ состоянія, которое онъ еще расширилъ различными предпріятіями. Тутъ онъ сталъ учиться ново- и старо-греческому языку и впродолженіи двухъ лѣтъ исключительно занимался классиками. Теперь мечта его дѣтства—раскопки Трои—загорѣлась передъ нимъ ярче чѣмъ когда либо. Основываясь на научныхъ изслѣдованіяхъ, онъ пришелъ къ заключенію, что замыселъ его дѣтства дѣйствительно можетъ быть приведенъ въ исполненіе. Въ 1863 году, когда размѣры его состоянія превзошли самыя смѣлыя его надежды, онъ рѣшился совсѣмъ оставить дѣла, въ 1866 году поселился въ Парижѣ и занялся археологическими изслѣдованіями.

Въ 1868 и 1869 годахъ онъ предпринялъ первое путешествіе въ Итаку, Пелопонесъ и Трою. Въ 1869 году женился въ Аѳинахъ на дѣвушкѣ-гречанкѣ, принявшей потомъ дѣятельное участіе въ его работахъ; съ 1871 года работалъ въ Гисарликѣ; въ 1873 году выкопалъ тамъ же сокровища Пріама, около девятисотъ литыхъ изъ золота предметовъ. Въ 1874 году онъ открылъ въ древней Греціи мѣсто старыхъ царскихъ гробницъ, о которыхъ упоминаетъ Павзаній и извлекъ оттуда въ 1876 году замѣчательныя драгоцѣнности, между которыми находится болѣе ста фунтовъ золотыхъ вещей. Недовѣріе, высказывавшееся по поводу его научныхъ изслѣдованій, стоившихъ ему полъ-милліона франковъ, было вполнѣ устранено въ 1879 году, когда къ нему присоединился работать Вирховъ. Въ настоящее время Шлиманъ готовится уже производить раскопки въ другомъ мѣстѣ—въ Орхоменосѣ.

Кабинетъ Шлимана—это цѣлый архивъ. Тутъ у него на пяти раздвижныхъ столахъ разложены всевозможные предметы; всѣ столы завалены рукописями, книгами, корректурными листами и изображеніями его находокъ. Подъ столами, на каминѣ, на нѣсколькихъ полкахъ угловаго шкафа—журналы и газеты всѣхъ странъ свѣта и даже подоконники заняты различными научными книгами, нужными ему для его настоящей работы.

Уже два года Шлиманъ трудится надъ изданіемъ «Иліады». Это ученое сочиненіе съ прекрасными иллюстраціями, посвященное «Доброму другу и сотруднику на развалинахъ Трои, Рудольфу Вирхову» должно вскорѣ появиться въ свѣтъ. Книга, кромѣ популярнаго текста, содержитъ нѣсколько тысячъ научныхъ замѣтокъ и примѣчаній на различныхъ языкахъ; въ числѣ замѣтокъ до 500 греческихъ цитатъ. Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ изданіемъ Иліады выйдутъ еще два англійскихъ изданія—одно въ Лондонѣ и другое въ Нью-Іоркѣ и корректуру всѣхъ этихъ книгъ Шлиманъ держитъ самъ, весьма тщательнымъ образомъ. При этомъ онъ еще ведетъ громадную переписку на всѣхъ европейскихъ языкахъ, разсылаетъ телеграммы и заботится о житейскихъ надобностяхъ семьи. На обѣдъ Шлиманъ употребляетъ не болѣе четверти часа, послѣ чего берется за работу и такъ вплоть до вечера. Вечеромъ только онъ выходитъ немного погулять.

Лѣсникъ.

Разсказъ.

Б. М. Маркевича.

(Продолженіе).

XI.

Часа четыре послѣ этаго, во дворъ усадьбы, гдѣ за круглымъ деревяннымъ столомъ, подъ развѣсистою липой, занимались послѣобѣденнымъ чаепитіемъ Софронъ Артемьичъ съ неразлучнымъ теперь съ нимъ конторщикомъ, въѣхала извѣстная намъ *нетычанка* съ сидѣвшею въ ней Пинной Афанасьевной Левентюкъ.

Она осадила лошадку свою у крыльца и заговорила тутъ-же съ лихорадочною поспѣшностью:

— Слышала, слышала, ужасный фактъ, ужасный!.. Я впрочемъ прямо въ глаза ему сказала тогда: онъ былъ очевидно подъ вліяніемъ аффекта. Это даже случаемъ нельзя назвать, а просто психіатрическій казусъ... Гдѣ Иванъ Николаичъ? перебила она себя разомъ этимъ вопросомъ.

Софронъ Артемьичъ, которому „ученыя слова“ неизмѣнно внушали и нѣкій благоговѣйный трепетъ, и желаніе не ударить, съ своей стороны, лицомъ въ грязь, подошелъ къ дѣвушкѣ и, скинувъ съ головы шляпу, проговорилъ съ видомъ особеннаго достоинства и изысканной сдержанности:

— Не могу въ сей моментъ отвѣтить вамъ, сударыня, съ достаточною фундаментальностью, ибо личность *которымъ* вы интересуетесь, *былъ* здѣсь, точно передъ полуднемъ, но опосля того не видали, такъ сказать, улетучился.

Она насмѣшливо прищурилась на него:

— Какъ это вы сказали: „интересуетесь? Предваряю васъ, что пренебрегаю этимъ намекомъ. Я держусь простыхъ человѣческихъ отношеній и не допускаю никакой буржуазной сентиментальности. Я ждала сегодня капитана въ Мурашкахъ, а какъ онъ не пріѣхалъ по обѣщанію, то я пожелала узнать о немъ... Что онъ очень разстроенъ? спросила она уже другимъ, болѣе теплымъ и сочувственнымъ тономъ.

Софронъ Артемьичъ вздохнулъ.

— Сами понимаете, Пинна Афанасьевна, какой для всѣхъ насъ капутъ представляетъ такое, можно сказать, ненатуральное и совершенно даже невмѣняемое событіе, котораго вовсе и предвидѣть невозможно никому.

— Ужасно, ужасно! воскликнула она, вздрогнувъ невольно;—гроза эта просто въ Библію заставила меня вѣрить, я поняла легенду о потопѣ... Въ этой избѣ у лѣсника, я провела ужасные часы... Иванъ Николаичъ уѣхалъ тутъ-же, оставилъ меня тамъ. Это по буржуазному кодексу общежитія и не совсѣмъ правильно. Но я не претендовала на него за это, находя его поступокъ вполнѣ гуманнымъ...

— И такую *революцію* произвело это на него, можно сказать, заговорилъ на это шопотомъ Барабашъ, — что онъ, ни съ чѣмъ не сообразно даже, какъ объявилъ сегодня намъ съ Спиридонъ Иванычемъ, вознамѣрился должность свою покинуть.

Пинна Артемьевна такъ и вскинулась:

— Какъ кинуть! Да чѣмъ же онъ жить будетъ?

— Это вы, то есть, именно въ точку попали, мадмуазель,—чѣмъ жить-съ, потому буаръ-манже, это первое-съ, усмѣхнулся Софронъ Артемьичъ.

— Ну, это мы еще увидимъ какъ онъ кинетъ! воскликнула она высокомѣрно.—Да гдѣ онъ теперь, не знаете вы развѣ?

— Безпремѣнно въ Хомякахъ, Пинна Афанасьевна, должны находиться въ настоящую минуту, сказалъ конторщикъ Спиридонъ Иванычъ, со свойственнымъ ему стыдливымъ и отчасти таинственнымъ видомъ,—они даже на лошади лѣсника тамошняго сюда пріѣзжали...

Дѣвушка кивнула ему, круто дернула возжею одной рукой, другою хлестнула по спинѣ своего пѣгашку и *нетычанка* ея, описавъ широкій кругъ на дворѣ, запрыгала по дорогѣ въ Хомяки, гулко расплескивая зеленоватую воду, не просохшихъ еще послѣ грязи лужъ.

Она была не на шутку раздосадована и взволнована. Прежде всего, „какъ смѣлъ онъ не сказавши ей ни слова, заявлять о такомъ *абсурдѣ* какъ это намѣреніе отказаться отъ своей должности?“ Само собою, слова одни, „потому что она ему никогда не позволитъ“... Она давно успѣла привыкнуть держать капитана, по отношенію къ себѣ, на положеніи полнаго крѣпостничества; давно уже воля ея была для него священнѣйшимъ закономъ. А затѣмъ она безпокоилась о немъ... Любила-ли она его? Она никогда не была въ состояніи отвѣтить себѣ на это серьезно, какъ не въ состояніи была никогда дать положительный отвѣтъ на просьбы его выйти за него замужъ. „Посмотримъ, кто знаетъ, заслужите!“ говорила она съ громкимъ смѣхомъ на его признанія, а когда онъ приходилъ въ слишкомъ большое уныніе отъ ея „жестокости“, подставляла ему подъ губы свои пухлыя ладони, „чтобъ ему терпѣть было легче“, и опять принималась хохотать беззаботно и безпощадно...

Но она „привыкла къ нему“, къ его обожанію, къ тому чѣмъ обязана она была ему. Онъ былъ для нея источникъ всякой благостыни, нежданно пролившейся на нее по пріѣздѣ ея изъ Петербурга, гдѣ жила она, слушая какіе-то курсы на 15 рублей въ мѣсяцъ. У вчерашней неряшливой „студентки“ были теперь и красивые обои на стѣнахъ „келейки“, отведенной ей теткою въ Мурашкахъ, и мягкая мебель, и коверъ передъ диваномъ, и розаны на столахъ, и журналы, и *свой* „экипажъ“, и какіе-то фётры изъ Лондона и американскіе непромокаемые сапоги, чтобы ходить съ ружьемъ „на бекасовъ“ въ болото. И за все это даже спасибо отъ нея не требовалось, все это подносилось ей какъ должное, съ видимымъ страхомъ, что все это недостаточно хорошо, всего этаго мало, съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ, что къ ногамъ такой царицы какъ она къ мѣсту повергнуть лишь развѣ сокровища Индійской императрицы...

Она „привыкла къ нему“, да,—и никогда такъ сильно не сказывалось это ей какъ въ эту минуту. „Революція какая-то произошла съ нимъ“, повторяла она мысленно слова Барабаша; „она могла потерять его“, смутно чувствовала она, и какое-то непривычное тоскливое безпокойство мутило ей душу... „И все изъ за какой-то сентиментальной кислятины“—пробовала она объяснить себѣ „выходку“ капитана одною изъ тѣхъ *забористыхъ* „радикальныхъ“ фразъ, которыхъ, къ сожалѣнію, было слишкомъ много въ ея словахъ,—но внутреннее, незатронутое чувство правды тутъ-же протестовало противъ такого объясненія, и молодое сердце дѣвушки щемило чувство жалости и уваженія къ тѣмъ поводамъ глубокой скорби, которыя прозрѣвала она за образомъ дѣйствій своего обожателя...

— А все таки дозволить ему сдѣлать эту глупость нельзя! рѣшила она, нетерпѣливо похлестывая вожжею свою и такъ очень усердно работавшую ногами лошадку.

Она доѣхала до Хомяковъ. Старикъ лѣсничій, Лавръ Ѳадѣевъ, сидѣлъ на крылечкѣ своей избы и попивалъ изъ глиняной кружки цѣлебный чай, который, какъ мы знаемъ, училъ его изготовлять венгерецъ коновалъ, взятый въ плѣнъ подъ Дебречиномъ. Онъ всталъ и вытянулся увидавъ „барышню“.

— Здѣсь Иванъ Николаичъ? крикнула она ему.

Онъ какъ бы нѣсколько смущенно передернулъ усомъ, показалось ей, и замѣшкалъ отвѣтомъ.

— Здоровъ онъ? поспѣшно спросила она на это.

— Ничего-съ... здоровъ, промямкалъ усачъ.

— Что значитъ: „ничего-съ? нетерпѣливо вскликнула она;—гдѣ онъ?

— Не могимъ знать...

Пинна Афанасьевна даже въ лицѣ перемѣнилась:

— Это что такое? Вы говорите: „ничего-съ, здоровъ“, значитъ, вы его видѣли! Какъ-же вы теперь увѣряете что не знаете, гдѣ онъ?

Убѣдительность и горячность тона этаго разсужденія съ разу сбили съ толку стараго служиваго.

— Я, ваше-с.... извините!.. Какъ мнѣ приказывали, такъ я и отвѣчать долженъ, забормоталъ онъ.

— Кто приказывалъ, капитанъ? Онъ приказывалъ вамъ говорить что не знаете гдѣ онъ? А я сейчасъ изъ Темнаго Кута; мнѣ тамъ прямо сказали что онъ здѣсь.. Подержите мою лошадь, — я пойду къ нему... Что это за мальчишеское прятанье!

Лѣсникъ поспѣшно сбѣжалъ съ крыльца и взялъ пѣгашку за узцы:

— Доподлинно позвольте доложить вамъ, ваше-с.... нѣту ихъ здѣсь, сказалъ онъ.

— Какъ нѣту, когда я знаю! Онъ сюда поѣхалъ, на вашей лошади, онъ былъ здѣсь...

— Были, да... да ушли, рѣшился наконецъ выговорить старикъ.

— Ушелъ? Пѣшкомъ, значитъ?

Онъ только головою повелъ.

Она подозрительно прищурилась на него:

— Гулять пошелъ?

— Стало быть, что гулять, подтвердилъ онъ, какъ бы обрадовавшись такому объясненію,—потому какъ нѣсколько головой отяжелѣли... словно сорвалось у него съ языка.

— Она поняла и примолкла, пасмурно задумавшись...

— Въ какую сторону пошелъ онъ? спросила она черезъ минуту.

Старикъ внезапно поморщился, отвернувъ лице и махнулъ неопредѣленно рукою.

— А все туда-же! проговорилъ онъ страннымъ голосомъ.

Пинна Афонасьевна поняла опять:

— Къ *Вѣдьмину Логу?*

Онъ пожалъ плечами и, все такъ же не глядя не нее:

— Со вчерашняго вечера, молвилъ онъ, четвертый разъ ходятъ. Всю ночь хоша бы глазъ сомкнули. Проходили вчерась весь день съ народомъ, а и сегодня покою себѣ не знаютъ... Все это у нихъ въ головѣ, какъ молъ намъ, Лавра, тѣло оттуда достать, чтобъ по христіанству, значитъ, и какъ они такого большаго званія господинъ были... А какъ его оттолѣ достанешь, сами посудите, когда болото это проклятое, можетъ, скрозь всю землю идетъ и дна ему нѣтъ, и только одно, что самому доставаючи погибать слѣдоваетъ!..

— Я его сейчасъ верну оттуда, вскликнула Пинна Афанасьевна,—а если онъ опять какъ-нибудь вздумаетъ, скажите ему, что вы мнѣ пожалуетесь, что я приказывала вамъ не пускать его.

Дорога была такъ размыта третьягодняшнею грязью, что прошло не менѣе часа времени пока успѣла она добраться до просѣки, гдѣ встрѣтилась она тогда съ Коверзневымъ. Вода, залившая *Вѣдьминъ Логъ*, добѣгала до половины этой просѣки. Она едва узнала мѣсто,— какъ едва узнала капитана, котораго увидѣла сидящаго на срубленномъ пнѣ, у самой воды, съ головою низко опущенною на грудь. Онъ не только не походилъ на себя, но, какъ говорится, ни на что не походилъ. Онъ третій день не раздѣвался; лохматый, въ порванной въ лохмотья, покрытой грязью одеждѣ, со своею потерявшею теперь всякую форму тирольской шляпой, откинутой на затылокъ, онъ напоминалъ тотъ отталкивающій обликъ бродяги, въ какомъ на провинціальныхъ театрахъ традиціонно выступаетъ въ послѣднемъ актѣ главное дѣйствующее лице драмы *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока.*

Какая-то смѣсь ужаса, отвращенія и состраданія охва-

Литературный альбомъ Новая глава изъ „Капитаноной дочки“ А. С. Пушкина: „Гриневъ встрѣчаетъ на Волгѣ плотъ съ висѣлицей“. Ориг. рис. Н. Каразина грав. М. Рашевскій.

тила дѣвушку при этомъ видѣ. Но она нашла силу превозмочь свои ощущенія и, осадивъ лошадь, крикнула ему сколь возможно спокойнымъ голосомъ:

— Капитанъ, что вы тутъ дѣлаете?

Онъ вздрогнулъ отъ звука ея голоса,—стука тележки, онъ видимо не слыхалъ—и подался внезапно впередъ съ такою какъ бы испуганною поспѣшностью, что шляпа свалилась съ его головы, и самъ онъ едва сохранилъ равновѣсіе.

— Иванъ Николаичъ! вырвалось у нея невольно изъ груди скорбнымъ упрекомъ.

Онъ обернулся на нее, понялъ... Воспаленные зрачки его глядѣли на нее не то дико, не то безсознательно. Икота отъ времени до времени прорывалась сквозь его спекшіяся губы, подергивала его лицевые мускулы.

— Ну, да, вотъ... какъ видите... Полюбоваться можно! пролепеталъ онъ съ неестественнымъ харканьемъ и поднялся съ мѣста.

— Послушайте, Иванъ Николаичъ, все это вздоръ, поспѣшила она заговорить,—я пріѣхала увезти васъ отсюда..

Онъ молча, не глядя на нее, закачалъ отрицательно головой.

— Вы не хотите? воскликнула она;—послушайте, вѣдь это абсурдъ!.. Я не понимаю что съ вами дѣлается... Мнѣ сейчасъ сказалъ вашъ Барабашъ, что вы и отъ мѣста своего отказываться хотите?..

— Вѣрно! произнесъ онъ еле слышно, но съ поразившею ее твердостью интонаціи.

Ее начинала разбирать досада:

— Вы, должно быть, двѣсти тысячъ выиграли, пылко возразила она,—потому что жить, вѣдь, чѣмъ-нибудь надо...

— Зачѣмъ? глухо, съ растерянной улыбкой проговорилъ онъ на это.

— Какъ зачѣмъ? повторила она озадаченно,—вѣдь потому что вашъ Валентинъ Алексѣевичъ изъ-за своего упрямства...

Она оборвала разомъ, испуганная выраженіемъ его лица. Всего его будто свела безконечная внутренняя мука. Онъ качнулся на ногахъ и какимъ-то судорожнымъ движеніемъ протянулъ руку съ направленнымъ на нее указательнымъ пальцемъ:

— Изъ-за вашего слова!.. Голосъ его хрипѣлъ и прерывался: зачѣмъ вы ему это слово сказали?

— Какое слово?.. Она вся вспыхнула:—это, за что вы и тогда на меня разсердились, да? Что я ему сказала про барскіе капризы?..

— А! Помните! надрывающимъ смѣхомъ разсмѣялся вдругъ капитанъ; Чѣмъ упрекнуть вздумали... Барство!.. Онъ *человѣкъ* былъ, *настоящій*, Пинна Афанасьевна!.. Изъ мертвыхъ, почитай, воскресилъ меня этотъ человѣкъ... А вы ему сказали что! И эти всѣ слова ваши, сами знаете, кимвалъ одинъ... Только онъ не могъ послѣ этого ѣхать съ вами, и... и гдѣ онъ теперь, гдѣ, Пинна Афан...

Безумное, потрясающее рыданіе вырвалось изъ этой широкой груди и откликнулось какимъ-то нечеловѣческимъ отзвукомъ въ глубинѣ лѣсной чащи. Дѣвушка вздрогнула. Эта истинная, эта святая человѣческая скорбь захватывала ее за лучшія стороны ея души. Крупныя слезы выступили мгновенно изъ глазъ ея и покатились по щекамъ.

— Иванъ Николаичъ, милый, заговорила она прерывающимся голосомъ,—это ужасно, ужасно, но вы сами понимаете, могла ли я думать, что эти глупыя слова, въ самомъ дѣлѣ, будутъ имѣть такія послѣдствія... Да и точно ли отъ этихъ словъ? Вѣдь онъ и раньше никакъ не соглашался вернуться въ Хомяки... Но все равно, я виновата, я признаюсь... признаюсь что вообще говорю, по привычкѣ, многое... ненужное; простите мнѣ!.. И прошу васъ, милый, перестаньте такъ убиваться! На васъ, просто, смотрѣть больно!..

Онъ тѣмъ временемъ какъ бы совладалъ съ собою и, отеревъ лицо свое рукавомъ, молча глядѣлъ на нее отрезвѣвшими и безнадежными глазами.

— Вѣдь какъ вы ни любили этаго человѣка, продолжала она,—онъ былъ прекрасный, достойный, я знаю, я понимаю васъ,—но сами вы знаете, каждая человѣческая жизнь есть самоцѣль...

— „Само-цѣль“! съ усиліемъ, медленно повторилъ Переслѣгинъ: кимвалъ, Пинна Афанасьевна!..

Она покраснѣла слегка, но не разсердилась, и улыбнулась даже, нѣсколько черезъ силу:

— Вамъ и это мое слово не нравится? Извольте, я беру его назадъ. Но сущность остается все таки таже. Неужели потому что *его* нѣтъ болѣе, для васъ уже ничего не осталось въ жизни, ни радостей, ни привязанности?..

Онъ усмѣхнулся вдругъ горькою, горькою усмѣшкой:

— Должно быть, не надо мнѣ этого ничего... и не бывать!.. Жена была... *Онъ*... Кому я только всю душу... прахомъ все, прахомъ. Не надо!..

— А я, Иванъ Николаичъ, вы меня забыли? вскрикнула въ неудержимомъ порывѣ дѣвушка,—вы говорили мнѣ сто разъ что любите меня, умоляли быть вашей женою .. Ну, хорошо, я согласна, я за васъ пойду... когда хотите... Только придите въ себя, уѣдемте отсюда скорѣй!..

Онъ поднялъ еще разъ на нее глаза, полные тоски и какъ бы испуга:

— Я, дѣйствительно, Пинна Афанасьевна, за... за счастье думалъ, потому... достойнымъ себя почиталъ... А теперь... Сами вы видѣли!..

— Это ничего не значитъ! торопливо возразила она; съ кѣмъ это не бывало!.. Поѣдемте сейчасъ въ Темный Кутъ, я васъ довезу. Ложитесь спать, а завтра забудемъ оба и думать объ этомъ..

Капитанъ уронилъ голову и прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы, можетъ быть, дѣйствительно, Пинна Афанасьевна, по молодости... и по добротѣ вашей... А мнѣ не забыть-съ .. не забыть-съ никогда!..

Она вся измѣнилась въ лицѣ. Слова его имѣли для нея совершенно опредѣленный смыслъ: онъ уже не ожидалъ отъ нея счастья, онъ не въ состояніи будетъ простить ей никогда то, что она сказала покойному Коверзневу и что „въ возбужденной головѣ своей“ почиталъ онъ причиною его трагическаго конца... Ей стало и больно, и обидно до слезъ...

— Послушайте, Иванъ Николаичъ, молвила она,—вы разстроены въ настоящее время, и я поэтому не хочу признавать то что вы сейчасъ сказали за ваше послѣднее слово. Если вы не согласны теперь ѣхать со мной, я васъ, конечно, увезти силой не могу; но я увѣрена, что вамъ самимъ сдѣлается стыдно и что вы завтра пріѣдете просить у меня прощенія, за то что такъ огорчили меня сегодня... И я вамъ прощу, потому что я, можетъ быть, часто и вздоръ говорю, но въ сущности, очень добрая, какъ вы и сами сейчасъ сказали, промолвила она, скрывая душевное волненіе подъ этой напускною шутливостью тона.

Онъ молчалъ и какъ бы насмѣшливо, почудилось ей, покачивалъ головою. Ее взорвало это „пренебреженіе“, котораго ни въ какомъ случаѣ не могла она ожидать отъ него.

— Послушайте капитанъ, пылко, съ загорѣвшимся взглядомъ воскликнула она,—я васъ буду ожидать завтра цѣлый день въ Мурашкахъ. Если вы не пріѣдете, я послѣ завтра уѣду въ Петербургъ.. Вы знаете, что я только изъ-за васъ жила въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Онъ, будто движимый какою-то пружиной, вскинулъ на нее вдругъ съ какою-то жадностью свои большіе, круглые глаза. Выраженіе мучительной борьбы сказалось на мгновеніе въ его чертахъ... Вѣки его заморга-

ли, дрогнули судорожно губы... Но все это такъ же мгновенно исчезло. Онъ глянулъ въ сторону, махнулъ рукой...

— Что же дѣлать, Пинна Афанасьевна, проговорилъ онъ тихо, тихо, какъ бы про себя,—дай вамъ Богъ!..

Чувство оскорбленія взяло у нея верхъ надо всякими иными соображеніями: она хлестнула свою лошадь обѣими возжами и, не взглянувъ на него, покатила назадъ въ Хомяки.

Но не проѣхала она и двухъ верстъ, какъ вдругъ ей неожиданно сдѣлалось страшно. „Неужели я его болѣе не увижу и онъ вздумалъ что нибудь сдѣлать надъ собою?" такъ и гвоздила ей голову эта внезапная, только теперь возникшая въ ней мысль...

Телѣжка подпрыгивала, тѣни и яркія пятна солнца мелькали въ ея глазахъ. Какъ-то гулко отдавался стукъ колесъ въ глухой чащѣ лѣса, часто густыя вѣтви наклоняясь хлестали по дугѣ, обдавая свѣжими каплями. Она ничего кругомъ не замѣчала—ей казалось что теперь, сейчасъ должно случиться что-то важное, что-то такое, что должно было измѣнить всю ея жизнь... Ѣхала она, ужасно волнуясь, негодуя и усиленно мигая чтобы не дать хлынуть слезамъ, которые, она чувствовала, такъ и подступали подъ ея вѣки. Лошадка ея, точно чувствуя въ свою очередь разстроенное состояніе своей барышни, самымъ усерднымъ образомъ, не жалѣя ногъ, мчалась по рытвинамъ и колеямъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Новая глава изъ „Капитанской дочки" А. С. Пушкина.

I.

Недавно сдѣлана была драгоцѣнная находка. У сына великаго нашего поэта, Александра Александровича, въ бумагахъ его отца, найдена новая глава одного изъ лучшихъ, образцовыхъ произведеній русской литературы „Капитанская дочка" извѣстнаго каждому грамотному русскому. На собственноручной тетради рукою поэта означено „XII. Пропущенная глава". Повидимому Пушкинъ хотѣлъ ее помѣстить въ отдѣльномъ изданіи, но не успѣлъ исполнить этаго намѣренія, ибо повѣсть появилась уже въ послѣдней книжкѣ его „Современника" и въ концѣ повѣсти поставлена помѣтка: „19 окт. 1836 года".

Повѣсть „Капитанская дочка" первоначально состояла не изъ четырнадцати, а изъ пятнадцати главъ и въ ходѣ разсказа пятнадцатая глава должна была начинаться въ томъ мѣстѣ нынѣшней XIII гл. гдѣ говорится, что полковникъ, у котораго въ полку служилъ герой повѣсти, получилъ приказаніе переправиться черезъ Волгу для преслѣдованія пугачевскихъ шаекъ.

Какъ была глава пропущена? Весьма достовѣрна догадка что цензурныя условія 1836—55 гг. не допускали описанія бунта крестьянъ, хотя бы и такого отдаленнаго времени. Какъ бы ни было, передъ нами опять проносятся образы мастерскаго произведенія нашего поэта. Мы совершенно съ своей стороны несогласны ни съ однимъ изъ замѣчаній уже высказанныхъ нѣкоторыми по поводу новой главы. Она превосходна. Все та же, поучительная для каждаго, интересующагося искусствомъ, удивительная сдержанность и благородная простота разсказа, ничего не прибавляющая для эффекта и ничего не избѣгающая для пріобрѣтенія той изломанной „простоты", которою задались теперь многіе и которая такъ далека отъ простоты истинной. У него ли не было въ распоряженіи красокъ и образовъ? И какъ онъ „скроменъ", если можно такъ выразиться, въ описаніяхъ, какъ онъ сжатъ и какъ бы сухъ въ изложеніи! И только по прочтеніи какой нибудь сцены чувствуешь ея значеніе и силу. Сцена эта носится передъ глазами и врѣзывается въ память какъ живая, какъ дѣйствительно видѣнная. Затѣмъ поучительно и это глубоко-серьезное отношеніе къ жизни, къ событію—поучительно для нашихъ „изглумившихся" надъ жизнью современныхъ сочинителей. Комическое выходитъ само собой, не притянутое за волосы, патетическое, грандіозное возникаетъ органически просто и естественно складывается въ величавую картину русской жизни. Удивительное описаніе снѣжнаго бурана во второй главѣ, мысль заставить среди бушующей мятели блуждать Емельяна Пугачева—этаго будущаго грознаго главу бушующихъ полчищъ, залившаго кровью и висѣлицами уставившаго мрачный путь свой... затѣмъ, въ новой главѣ сцена встрѣчи Гриневымъ плота съ висѣлицей, сцена, которою вдохновился нашъ блестяще-талантливый художникъ Н. Н. Каразинъ и изобразилъ (помѣщ. въ наст. №) съ свойственнымъ ему мастерствомъ... Но перечислить красотъ этаго образцоваго произведенія нѣтъ возможности. Каждый, мы полагаемъ, знаетъ повѣсть Пушкина, но мы позволимъ себѣ въ нѣсколькихъ словахъ здѣсь напомнить читателямъ нашимъ главныя черты этаго произведенія.

Молодой Гриневъ, сынъ премьеръ-маіора, служившаго при Минихѣ, посланъ отцомъ на службу въ Оренбургъ съ дядькой своимъ Савельичемъ; молодой человѣкъ, почти мальчикъ, ѣдетъ изъ Симбирской деревни въ дальній Оренбургъ. Дорогой застаетъ его страшный буранъ въ степи и на дорогу выводитъ ихъ встрѣчный казакъ, которому Гриневъ даетъ свою шубку изъ сожалѣнія, что тотъ бродитъ въ одномъ рваномъ кафтанѣ въ такой холодъ. Изъ Оренбурга молодаго человѣка командируютъ въ глухую и отдаленную Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ онъ входитъ какъ свой въ добродушную и прекрасную семью своего начальника, капитана Миронова и влюбляется въ его дочь Марью Ивановну. Но за нею ухаживаетъ, дѣлаетъ даже ей предложеніе и получаетъ отъ нея отказъ, сосланный за дуэль въ эту крѣпость изъ гвардіи, развращенный и буйный молодой офицеръ, Швабринъ, съ которымъ герой повѣсти дерется на дуэли за циническія рѣчи о Марьѣ Ивановнѣ. Между тѣмъ, вся эта семейная исторія происходитъ въ моментъ начинающагося историческаго движенія Пугачева. Дѣйствующія лица повѣсти не успѣваютъ опомниться, какъ шайки, съ Пугачевымъ во главѣ, берутъ города и деревни и въ томъ числѣ Бѣлогорскую крѣпость. Швабринъ пристаетъ къ бунтовщикамъ и назначается комендантомъ крѣпости. Мироновы, кромѣ Марьи Ивановны, погибаютъ во время взятія крѣпости. Пугачевъ велитъ привести къ себѣ молодаго Гринева и его дядьку и узнаетъ въ нихъ путниковъ, встрѣченныхъ имъ однажды, давно, во время бурана, когда Гриневъ именно ему подарилъ шубку—это спасаетъ жизнь имъ обоимъ. Мало того, Пугачевъ называется въ сваты Гриневу, узнавъ о его страсти, освобождаетъ Марью Ивановну отъ Швабрина и отпускаетъ ихъ въ Оренбургъ, въ порывѣ великодушія. Полку, въ которомъ служилъ Гриневъ, предписано идти за Волгу, для разсѣянія бунтовщиковъ. Сюда то и относится *пропущенная глава*. На Гринева между тѣмъ подаетъ тотъ же Швабринъ доносъ въ сношеніяхъ и дружбѣ съ Пугачевымъ и молодаго офицера арестуютъ и заковываютъ въ кандалы. Марья Ивановна, невѣста его, ѣдетъ въ Петербургъ просить за жениха и нечаянно, въ Царскомъ Селѣ, встрѣчается съ Императрицей, которая узнавъ все дѣло, освобождаетъ Гринева, и щедро вознаграждаетъ дочь стараго героя Миронова, погибшаго на своемъ посту. Въ послѣдній разъ Гриневъ видитъ Пугачева въ 1774 году, и тотъ съ позорной колесницы узнаетъ офицера и киваетъ ему головою, которая черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, окровавленная, поднята и показана народу. На этихъ данныхъ построено это превосходное произведеніе — гордость русской литературы. Здѣсь помѣщаемъ мы пропущенную главу, не вошедшую въ прежнія изданія повѣсти. *)

II.

„...Зуринъ **) получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу и спѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль, что можетъ быть удастся мнѣ заѣхать къ намъ въ деревню, обнять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ, обнимая Зурина: „Въ Симбирскъ! Въ Симбирскъ!" Зуринъ вздыхалъ и говорилъ, пожимая плечами: „Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женишься, ни за что пропадешь!"...

Мы приближались къ берегамъ Волги. Полкъ нашъ вступилъ въ деревню ** и остановился въ ней ночевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ, что на той сторонѣ всѣ деревни взбунтовались; шайки пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило.

Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покою. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не сыщется ли перевозчикъ. Всѣ крестьяне были рыболовы, лодокъ много. Я пришелъ къ Гриневу и объявилъ ему о своемъ намѣреніи.—„Берегись", сказалъ онъ мнѣ. „Одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые и пріѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякій случай".

Я настоялъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было ясно. Луна сіяла. Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка плавно качаясь, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Прошло около получаса. Я погрузился въ мечты воображенія. Мы достигли середины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собой. „Что такое?" спросилъ

*) „Русскій Архивъ" 1880 г. № III.

**) Это имя полковника, у котораго въ полку служитъ герой повѣсти и котораго Пушкинъ въ дальнѣйшемъ изложеніи этой главы называетъ „Гриневымъ", а самъ герой первоначально былъ названъ не Гриневымъ, какъ теперь во всѣхъ изданіяхъ „Капитанской дочки", а Буланинымъ.

я очнувшись.—„Не знаемъ, Богъ вѣсть“ отвѣчали гребцы, смотря въ одну сторону. Глаза мои приняли то же направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дождаться. „Что бы это было?“ говорили гребцы. „Парусъ не парусъ, мачта не мачта“. Луна зашла за облако. Плывущій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, и я не могъ его различить. Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ на встрѣчу плыла висѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенныя лица несчастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый Чувашъ, другой—русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: „Воры и бунтовщики“. Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу.

Я щедро расплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ повелъ меня къ выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный, услышавъ, что я требую лошадей, принялъ было меня довольно грубо, но мой вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ телѣжку и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся одного: быть остановленному на дорогѣ. Если ночная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказательствомъ и сильнаго противодѣйствія правительства. На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ и приказъ полковника Гринева. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и черезъ четверть часа я въѣхалъ въ **. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать. „Что такое?“ спросилъ я съ нетерпѣніемъ. „Застава баринъ“, отвѣчалъ ямщикъ, съ трудомъ остановя разъяренныхъ коней. Въ самомъ дѣлѣ я увидалъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая пашпорту. „Что это значитъ?“ спросилъ я его. „Зачѣмъ здѣсь рогатка?“ „Кого ты караулишь?“—„Да мы, батюшка, бунтуемъ“, отвѣчалъ онъ почесываясь.—„А гдѣ ваши господа?“ спросилъ я съ сердечнымъ замираніемъ.—„Господа-то наши гдѣ?“ повторилъ мужикъ, „господа наши въ хлѣбномъ амбарѣ“.—„Какъ въ амбарѣ?“—„Да Андрюха земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки и хочетъ везти къ батюшкѣ-Государю!“ „Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что же ты зѣваешь?“

Караульный медлилъ. Я выскочилъ изъ телѣги и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глупымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телѣгу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный амбаръ находился на дворѣ. У запертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами. Телѣга остановилась прямо передъ ними. Я выскочилъ и бросился вдругъ на нихъ. „Отворяй двери!“ сказалъ я имъ. Вѣроятно видъ мой былъ страшенъ; по крайней мѣрѣ оба бѣжали, бросивъ дубины. Я попытался сбить замокъ съ двери, выломать; но двери были дубовыя, а огромный замокъ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской и съ видомъ надменнымъ спросилъ меня, какъ я смѣю буянить. „Гдѣ Андрюшка земскій?“ закричалъ я ему. „Кликнуть его ко мнѣ!“

— „Я самъ Андрей Аѳанасьевичъ, а не Андрюшка“, отвѣчалъ онъ мнѣ гордо подбочась... „Чего надобно?“

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ и, притащивъ къ дверямъ амбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился; но отеческое наказаніе подѣйствовало на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ амбаръ. Я кинулся черезъ порогъ и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолкѣ, увидѣлъ мать и отца. Руки ихъ были связаны, на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обнимать и не могъ выговорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ: три года военной жизни такъ измѣнили меня, что они не могли узнать меня.

Вдругъ услышалъ я милый, знакомый голосъ. „Петръ Андреичъ! Это вы?“ Я оглянулся и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча, не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его. „Здравствуй, здравствуй, Петруша!“ говорилъ онъ, прижимая меня къ сердцу. „Слава Богу дождались тебя!“ Матушка ахнула и залилась слезами. „Петруша, другъ мой! Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ ли ты?“

Я спѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія; но, подошедъ къ двери, я нашелъ ее снова запертою. „Андрюшка!“ закричалъ я, „отопри!“ — „Какъ не такъ!“ отвѣчалъ изъ-за двери земскій. „Сиди-ка самъ здѣсь! Вотъ ужо научимъ тебя буянить да за воротъ таскать государевыхъ чиновниковъ!“

Я сталъ осматривать амбаръ, ища, не было ли какого-нибудь способа выбраться: „не трудись“, сказалъ мнѣ батюшка. „Не таковской я хозяинъ, чтобъ можно было въ амбары мои входить и выходить воровскими лазейками“. Матушка, на минуту обрадованная моимъ появленіемъ, впала въ отчаяніе, видя, что и мнѣ пришлось раздѣлить погибель всей семьи. Но я былъ спокойнѣе, съ тѣхъ поръ какъ находился съ ними и съ Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Гриневъ долженъ былъ подоспѣть къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и Марью Ивановну. Онѣ предались вполнѣ радости свиданія, и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ.

„Ну, Петръ“, сказалъ мнѣ отецъ, „довольно ты проказилъ, и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился и перебѣсился. Знаю, что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня старика. Коли тебѣ обязанъ я буду избавленіемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе“. Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Ивановну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудня услышали мы необычайный шумъ и крики. „Что это значитъ?“ сказалъ отецъ. „Ужь не твой ли полковникъ подоспѣлъ?“—„Невозможно, отвѣчалъ я: „онъ не будетъ прежде вечера“. Шумъ умножался. Били въ набатъ. По двору скакали конные люди. Въ эту минуту, въ узкое отверстіе, прорубленное въ стѣнѣ, просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька произнесъ жалостнымъ голосомъ: „Андрей Петровичъ! Батюшка ты мой, Петръ Андреичъ, Марья Ивановна! Бѣда! Злодѣи вошли въ село. И знаешь ли, Петръ Андреичъ, кто ихъ привелъ? Швабринъ, Алексѣй Ивановичъ, нелегкая его побери!“

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною. „Послушай!“ сказалъ я Савельичу, „пошли кого нибудь верхомъ къ перевозу, на встрѣчу гусарскому полку и вели дать знать полковнику объ нашей опасности“.

— „Да кого же послать сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужь на дворѣ! До амбара добираются“.

Въ это время за дверью раздалось нѣсколько голосовъ. Я далъ знакъ матушкѣ и Марьѣ Ивановнѣ удалиться въ уголъ, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ пистолеты, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подлѣ меня. Загремѣлъ замокъ, дверь отворилась и голова земскаго показалась. Я ударилъ по ней саблею и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ ту же минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ пистолета. Толпа, осаждавшая насъ, отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и заперъ дверь.

Дворъ былъ полонъ вооруженныхъ людей. Между ними узналъ я Швабрина. „Не бойтесь, сказалъ я женщинамъ, есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ“.

Матушка молча молилась Богу. Марья Ивановна стояла подлѣ нея, съ ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверью раздавались угрозы, брань и проклятіе. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ, готовый изрубить перваго смѣльчака. Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабрина, зовущаго меня по имени.

— Я здѣсь. Чего ты хочешь?

— Сдайся, Буланинъ *): противиться невозможно. Пожалѣй своихъ стариковъ. Упрямствомъ себя не спасешь. Я до васъ доберусь!

— Попробуй, измѣнникъ!

— Не стану ни самъ соваться попустому, ни своихъ людей тратить, а велю поджечь амбаръ и тогда посмотримъ, что ты станешь дѣлать. Теперь пора обѣдать. Покамѣстъ сиди да думай на досугѣ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ.

Швабринъ удалился, оставя караулъ у амбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщить другому своихъ мыслей. Я воображалъ себѣ все, что въ состояніи былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Марьи Ивановны. Я зналъ, что матушка

*) Вотъ имя героя повѣсти, первоначально данное ему Пушкинымъ. Очень можетъ быть, что весь разсказъ въ основѣ своей не вымышленъ и что Пушкинъ въ „Капитанской Дочкѣ“ передалъ дѣйствительную судьбу Буланина.

Бабочки. Картина М. Е. Вилля, грав. К. Бодъ.

была обожаема крестьянами и дворовыми людьми. Батюшка, не смотря на свою строгость, былъ также любимъ, ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя нужды подвластныхъ ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное пьянство, а не изъявленіе ихъ негодованія. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный человѣкъ! Я не смѣлъ останавливаться на этой ужасной мысли и готовился (прости, Господи!) умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

III.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсни пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и стращали насъ истязаніями и смертью. Мы ожидали послѣдствія угрозамъ Швабрина. Наконецъ сдѣлалось большое движеніе на дворѣ, и мы опять услышали голосъ Швабрина.

— Что, надумались ли вы? Сдаетесь ли добровольно въ мои руки?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ принести соломы. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ темный амбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала: „Полно Петръ Андреичъ! Не губите за меня и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!

— Ни за что, закричалъ я съ сердцемъ. Знаете ли вы, что васъ ожидаетъ?

— Безчестія не переживу, отвѣчала она спокойно. Но, можетъ быть, я спасу моего избавителя и семью, которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичъ! Прощайте... Вы были для меня болѣе чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, Петръ Андреичъ. Будьте увѣрены, что... что... Тутъ она заплакала и закрыла лицо руками... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, сказалъ мой отецъ. Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ! Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужъ вмѣстѣ. Слушай! Что тамъ еще говорятъ?

— Сдаетесь ли? кричалъ Швабринъ. Видите? Черезъ пять минутъ васъ изжарятъ.

— Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ. Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Теперь пора!“

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ, законопаченнымъ сухимъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: „За мной!“ Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Швабринъ, простреленный дряхлою рукою отца моего. Толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободрилась и начала насъ окружать. Я успѣлъ нанести еще нѣсколько ударовъ; но кирпичъ, удачно брошенный, угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки. Толпа крестьянъ, казаковъ и башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукой прижималъ онъ раненый бокъ. Лицо его выражало мученіе и злобу. Онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ: „Вѣшать его... и всѣхъ... кромѣ ея...“

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота въѣхалъ Гриневъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями на-голо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Гриневъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку. „Кстати же я подоспѣлъ!“ сказалъ онъ намъ. „А вотъ и твоя невѣста!“ Марья Ивановна покраснѣла по уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ, хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя ангеломъ-избавителемъ. „Милости просимъ къ намъ“, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабрина, Гриневъ остановился. „Это кто?“ спросилъ онъ, глядя на раненаго. „Это самъ предводитель шайки“, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина. „Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать молодого злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына“. „Это Швабринъ“, сказалъ я Гриневу. — „Швабринъ! Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да сказать лекарю, чтобы онъ перевязалъ ему рану и берегъ его какъ зѣницу ока. Швабрина надобно непремѣнно представить въ секретную казанскую комиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны!“

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изображалось кромѣ физической муки. Гусары отнесли его на плащѣ.

Мы вошли въ комнаты. Съ трепетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческіе годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволилъ его разграбить, сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Савельичъ торжествовалъ. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападеніемъ разбойниковъ, онъ побѣжалъ въ конюшню, гдѣ стояла Швабрина лошадь, осѣдлалъ ее, вывелъ тихонько и, благодаря суматохѣ, незамѣтнымъ образомъ поскакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ полкъ, отдыхавшій уже по сю сторону Волги. Гриневъ, узнавъ отъ него объ нашей опасности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршъ-маршъ, въ галопъ! и, слава Богу, прискакалъ во время.

Гриневъ настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ поставлена на шестѣ у кабака.

Гусары возвратились съ погони, захватя въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ. Ихъ заперли въ тотъ самый амбаръ, въ которомъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ комнатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не спавши цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣпко заснулъ. Гриневъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай. Я сѣлъ подлѣ нея и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на нѣжность нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи. Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно, а много ли таковыхъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ, что крестьяне явились на барскій дворъ съ повинною. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни. „Ну, что, дураки!“ сказалъ онъ имъ. „Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?“ — „Виноваты, государь ты нашъ“, отвѣчали они въ голосъ. „То-то виноваты. Напроказятъ, да сами не рады! Прощаю васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ Андреевичемъ. Ну добро: повинную голову мечъ не сѣчетъ“.

— „Виноваты, конечно виноваты!“

— „Богъ далъ ведро. Пора бы сѣно убирать; а вы, дурачье, цѣлые три дня что дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая бестія, чтобъ у меня послѣ къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь!“

Мужики поклонились и пошли на барщину какъ ни въ чемъ не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отправили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телѣгу. Взоры наши встрѣтились. Онъ потупилъ голову, а я отошелъ поспѣшно отъ окна; я боялся показать видъ, что торжествую надъ уничиженіемъ и несчастіемъ недруга.

Гриневъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я рѣшился за нимъ послѣдовать, не смотря на мое желаніе пробыть еще нѣсколько дней посреди моего семейства. Наканунѣ похода я пришелъ къ моимъ родителямъ и по тогдашнему обыкновенію поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьей Ивановной. Старики меня подняли и въ радостныхъ слезахъ изъявили свое согласіе. Я привелъ къ нимъ Марью Ивановну, блѣдную и трепещущую. Насъ благословили. Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе.

На другой день полкъ собрался. Гриневъ простился съ нашимъ семействомъ. Всѣ мы были увѣрены, что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены. Черезъ мѣсяцъ я надѣялся быть супругомъ. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ. Я сѣлъ въ кибитку. Савельичъ опять за мною послѣдовалъ, и полкъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ, что не всѣ несчастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили чрезъ селенія разсоренныя Пугачевымъ и по неволѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, и чужая головушка полушка...“

Этими знаменательными словами заканчивается пропущенная глава.

Невѣста-призракъ.

Разсказъ. **Д. Вуда.**

— Извините милэди, очень, очень жалѣю, но оставаться больше у васъ не могу. Я не трусливаго десятка, а другой такой ночи попробовать не въ силахъ. Хочешь, не хочешь, а приходится уйдти отъ васъ.

— Это, просто, ужасно! воскликнула мистриссъ Вернонъ, нервно вставая съ своего мѣста,—въ одну эту недѣлю у меня отказались трое слугъ—сначала Гарди, потомъ Джэнетъ, а вотъ теперь вы. Что же я буду, наконецъ, дѣлать?!

— Разскажите, пожалуйста, Марта,—что такое происходитъ? спросилъ нѣжный, нѣсколько протяжно произносившій слова, голосокъ. Голосъ этотъ принадлежалъ миссъ Долоресъ Вернонъ, лежавшей тутъ, въ гостинной на диванѣ.

— Разскажу вамъ все, что знаю объ этомъ, миссъ Вернонъ. Уже и прежде говорили объ этомъ наши горничныя, но я не обращала вниманія на ихъ болтовню, однако, когда видишь сама, собственными глазами!.. Я не вѣрила имъ до этой... до этой ночи...

Здѣсь Машэмъ остановилась.. Меланхолическое лицо ея, казалось, вытянулось еще больше.

— Когда я пошла спать, меня мучила безсонница и я рѣшила пойдти за сонными каплями, продолжала она.—Это было уже двѣнадцать—ровно-ли или немного позже, ужь не припомню—только, какъ я вошла въ корридоръ, который ведетъ въ картинную галлерею,—я, вдругъ, увидѣла... увидѣла и вся кровь во мнѣ похолодѣла!

Кухарка остановилась снова и обтерла свой лобъ, на которомъ были капли холоднаго пота. Мистриссъ Вернонъ глубже опустилась въ кресло, Долоресъ положила въ сторону свою книгу.

— Ну, ну, говорите, мистриссъ Машэмъ! нетерпѣливо воскликнула молодая дѣвушка.—Какое странное ощущеніе и пріятное, вѣрно, когда кровь стынетъ!

— Это была человѣческая фигура, серьезнымъ тономъ продолжала экономка,—такого огромнаго роста, какого я никогда еще не видала прежде; на ней было длинное бѣлое одѣяніе и что-то еще на головѣ. Она выступала такъ величественно и... и, прибавила мистриссъ Машэмъ уже совсѣмъ глухимъ голосомъ—мнѣ показалось, что на бѣломъ одѣяніи были большія темныя пятна—кровяныя пятна! Привидѣніе прямо прошло по лѣстницѣ, по направленію къ той комнатѣ, гдѣ прабабушка мистера Вернонъ перерѣзала себѣ горло.

— Но, послушайте, мистриссъ Машэмъ, никогда прабабка мистера Вернона не перерѣзывала горла себѣ.

— Милэди, возразила вѣжливо экономка, всѣ люди говорятъ, что перерѣзала.

— Мама, да не перебивай мистриссъ Машэмъ, мнѣ такъ хочется знать все, что было. Разсказывайте, что же дальше?

— Привидѣніе исчезло за угломъ и вошло въ мастерскую, гдѣ, миссъ Долоресъ, по моему, вамъ не надо бы больше ужь никогда рисовать. Сердце у меня перестало биться, волосы стали дыбомъ. Признаюсь милэди, я бросилась изъ этаго корридора и еслибы дверь Мэри была въ ту минуту заперта, то я упала бы, навѣрное, въ обморокъ.

— Ужасно, ужасно непріятная вещь, произнесла м-ссъ Вернонъ, совершенно разстроенная.

— Нѣтъ, по моему мнѣнію, ужасно смѣшная вещь, возразила Долоресъ, которая, не смотря на продолжавшуюся еще слабость послѣ болѣзни своей, громко и весело расхохоталась. Ее чрезвычайно смѣшила траги-комическая фигура кухарки и ея убѣжденный, вполнѣ искренній тонъ.

— Я бы желала, мистриссъ Машэмъ, чтобы вы не рѣшали такъ скоро, обратилась мистриссъ Вернонъ къ экономкѣ, мнѣ такъ жаль разставаться съ вами.

— Мнѣ тоже жаль, милэди, отвѣтила та съ непритворной грустью, мнѣ очень тяжело оставлять вашъ домъ, но не могу, милэди, я дорожу здоровьемъ своимъ, а отъ *того* я сдѣлалась очень нервной.

— Какъ можешь ты смѣяться, Долоресъ? произнесла мистриссъ Вернонъ съ упрекомъ.

— Нѣтъ, мама, не могу я удержаться, когда она говоритъ о своихъ „нервахъ".

— Ну, что же дѣлать Марта, не можете оставаться, такъ я не стану удерживать васъ, поспѣшно сказала м-ссъ Вернонъ. Машэмъ, сдѣлавъ почтительный книксенъ, вышла.

— Не понимаю, однако, чѣмъ же все это кончится? произнесла м-ссъ Вернонъ, обращаясь къ дочери, я ужь сама почти начинаю вѣрить въ это привидѣніе. Но какъ это они разузнали о женщинѣ, которая перерѣзала себѣ горло?

— Мнѣ послышалось, вы сказали, что этаго не было? спросила съ удивленіемъ Долоресъ.

— Нѣтъ я опровергла только то, что она сказала. Въ дѣйствительности же это произошло не съ прабабкой отца твоего, а съ женой ея управителя, которая сошла съ ума и несчастная —перерѣзала себѣ горло, или сдѣлала что-то другое ужасное надъ собой тамъ, въ той комнатѣ.

— Какъ! въ моей мастерской? спросила Долоресъ, широко раскрывая свои большіе глаза.—О, какъ это непріятно! И зачѣмъ же она выбрала именно ту комнату. Не большое же удовольствіе будетъ для меня заниматься тамъ на будущее время. Мнѣ все будутъ казаться разныя страшныя лэди, разгуливающія вокругъ меня съ своими головами подъ мышкой.

— Я бы была рада, если бы хоть что нибудь принудило тебя перестать такъ насиловать себя съ твоимъ рисованіемъ. Оно очень не хорошо дѣйствуетъ на твое здоровье. Ты развѣ забыла горячку, которую только что перенесла? И сама видишь, что можешь поправиться, только если ничѣмъ не будешь заниматься; ты черезчуръ впечатлительна, милое дитя, а рисованіе черезчуръ возбуждаетъ твою головку, твое воображеніе, слишкомъ дѣйствуетъ на мозгъ твой.

— Я очень занята моей теперешней картиной; признаюсь тебѣ, мама, иногда я вижу ее даже во снѣ.

— Какъ мы устроимъ обѣдъ безъ экономки теперь. У нея все было на рукахъ! А тутъ еще пріѣдетъ Франкъ! Ужасно досадно.

— Ну, мистеру Франку достаточно будетъ и куска холоднаго ростбифа, произнесла дѣвушка тономъ такого явнаго пренебреженія, что м-ссъ Вернонъ пристально взглянула на нее.

— Развѣ вы поссорились съ Франкомъ? спросила она дочь послѣ нѣкоторой паузы.—Ты теперь о немъ говоришь все съ какой то насмѣшкой, а еще недавно я надѣялась... Мнѣ кажется, что онъ можетъ очень нравиться и вполнѣ достойный молодой человѣкъ.

— И мнѣ тоже это кажется.

— Развѣ онъ не красивъ?

Долоресъ, вмѣсто отвѣта, снова засмѣялась, но, на этотъ разъ, въ смѣхѣ ея слышалось что-то ненатуральное, какъ будто звучала легкая досада.

— О, да, очень красивъ, и кромѣ того, у него такое очаровательное имѣніе, какъ разъ около нашего, и такъ было бы хорошо, если бы я жила близко отъ васъ, а папа онъ преданъ, какъ родной сынъ! Развѣ все это не такъ? По крайней мѣрѣ я слышала все это тысячи разъ, кажется. Но я то, я не хочу выходить замужъ и буду ближе къ вамъ здѣсь, въ нашемъ собственномъ домѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ. Мама, подите сюда и поцѣлуйте меня. Вы знаете, что вы и теперь самая хорошенькая женщина во всемъ свѣтѣ, но когда вы хотите сдѣлать строгое личико—вы становитесь очаровательны и я обожаю васъ! Мистриссъ Вернонъ съ улыбкой наклонилась надъ своей избалованной дочерью, обмѣнялась съ ней горячимъ поцѣлуемъ и пошла къ мужу повѣрять ему свои хозяйственныя невзгоды.

Едва успѣла она выйдти въ одну дверь, какъ отворилась другая и въ гостинную вошелъ молодой человѣкъ. Онъ высокъ ростомъ, широкоплечь и смуглъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, видъ которыхъ, обыкновенно, производитъ очень пріятное впечатлѣніе на всякаго. Но въ эту минуту его прекрасное лицо, почему-то грустно и недовольно.

— Вы? безпечнымъ тономъ произнесла миссъ Долоресъ,—странно, только что заговоришь о комъ нибудь...

— Вы говорили обо мнѣ? Какое несчастье! Воображаю—сколько хорошихъ вещей вы насказали! воскликнулъ онъ, съ оттѣнкомъ горечи въ тонѣ.

— Вы, какъ всегда, несправедливы ко мнѣ. Да, да, я разсказывала про васъ именно хорошія вещи. Погодите, погодите, дайте вспомнить... Да, вотъ, я говорила, что у васъ прелестное имѣніе, что вы отлично управляете имъ, что вы недурны собой и имѣете довольно пристойныя манеры.

— Весьма, весьма признателенъ вамъ, хотя, мнѣ кажется, едва ли можно считать похвальнымъ качествомъ обладаніе большимъ имѣніемъ.

— Отличная похвала въ нынѣшнее время. Конечно, теперь предпочитается большое имѣніе — великодушному сердцу, не обладающему такимъ имѣніемъ. Васъ впрочемъ и нельзя упрекнуть въ излишкѣ сердца. Какъ вы неблагодарны! Я думаю, что сказала о васъ все хорошее, что могла.

— Вполнѣ понимаю всю доброту вашу, можетъ быть, вы сказали еще что нибудь?

— Что это за допросъ! Ну—сказала еще, что... что совершенно равнодушна къ вамъ, какъ ко всѣмъ тѣмъ, кто равнодушенъ ко мнѣ.

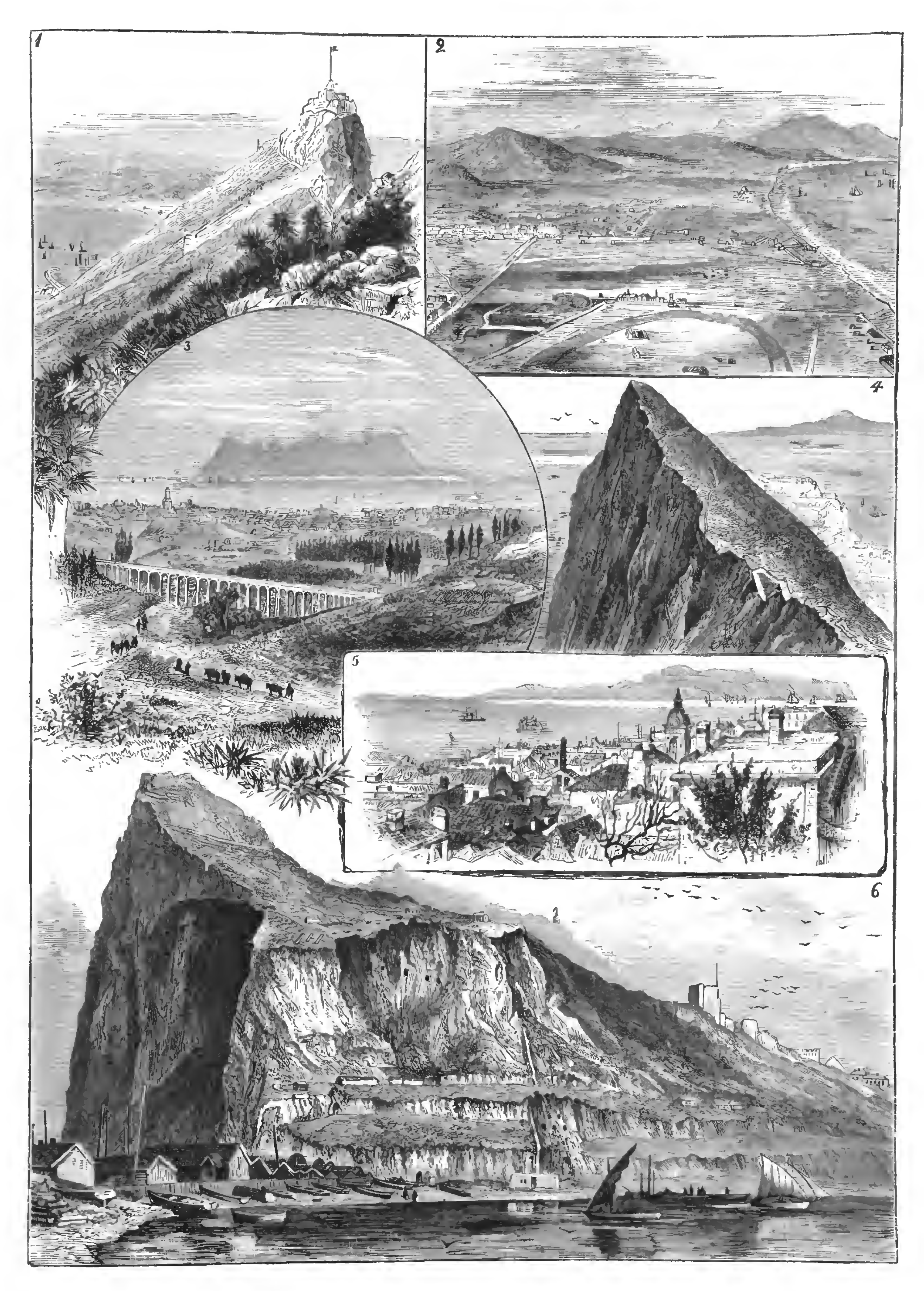
— Не вѣрю, чтобы вы говорили это.

— Нѣтъ? А я вижу, что вы сегодня въ одномъ изъ вашихъ прелестныхъ настроеній и вижу тоже, что слишкомъ поторопилась похвалить ваши манеры. Тѣмъ не менѣе, я говорила все это.

— Можете ли вы положа руку на сердце сказать, что я равнодушенъ къ вамъ?! Долоресъ, вѣдь вы же знаете, что я люблю, люблю только васъ одну. Что такое съ вами, почему не хотите вы понять меня? Потому что не хотите? Нѣсколько

Московскій Архангельскій соборъ. Внутренній видъ. Съ фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

Виды Гибралтара. По рисункамъ Превоста, грав. М. Рашевскій.

1) Сигнальная станція. 2) Нейтральная полоса. 3) Скала Гибралтара, видъ изъ Алжезираса. 4) Скала Гибралтара. 5) Гибралтарскій заливъ. 6) Скала и батареи.

дней тому назадъ я началъ надѣяться, что вы, наконецъ, полюбите меня хоть немного и вдругъ, вы хватаетесь за какой то пустой, незначительный поводъ, чтобы совершенно оттолкнуть меня.

— Люди рѣдко сходятся въ своихъ мнѣніяхъ о различныхъ вещахъ, а потому мнѣ невозможно знать что кажется вамъ пустымъ и незначительнымъ; но если я узнаю, что вы, всего мѣсяцъ какой нибудь назадъ, были какъ сумасшедшій влюблены въ мою кузину, то считаю этотъ поводъ совершенно достаточнымъ, чтобы отказаться выслушивать ваши смѣшныя признанія.

М-ру Гарлею не понравилась насмѣшка надъ его „признаніями". Онъ покраснѣлъ, чувствуя, что начинаетъ сердиться.

— Я уже не разъ говорилъ вамъ, произнесъ онъ съ усиліемъ, очевидно было, что онъ старался подавить досаду въ себѣ,—я вамъ уже повторялъ, что кузина ваша или ошибается, или—просто... просто говоритъ неправду.

Молнія блеснула въ глазахъ Долоресъ.

— Прошу васъ никогда не отзываться невѣжливо о Феліціи при мнѣ! воскликнула молодая дѣвушка. Она олицетворенная истина. Я знаю ее съ дня рожденія. Она не способна солгать.

— Въ такомъ случаѣ, тутъ есть что то странное, непонятное. Вы увѣрнете, что Феліція—олицетвореніе истины, а, между тѣмъ, она... что такое пишетъ она вамъ?

— Желаете прослушать снова? Извините, хотя я думаю, вы, и безъ того, хорошо помните все, что происходило тамъ. Долоресъ вынула письмо изъ кармана своего бѣлаго платья и начала:

— „Такъ м-ръ Гарлей,—мой м-ръ Гарлей—какъ ты называешь его, гоститъ у васъ. Какъ странно иногда выходитъ! я и не знала, что вы знакомы".

— Да, мѣсяцъ тому назадъ мы и не знали другъ друга, вставила Долоресъ, съ выраженіемъ сожалѣнія, вѣроятно о томъ что они „узнали другъ друга".

— Да, прибавилъ м-ръ Гарлей отъ себя, въ недобрый часъ задумалъ я пріѣхать въ эту сторону, послѣ стольких лѣтъ отсутствія! Продолжайте пожалуйста.

— „Я знала, что онъ уѣзжаетъ на нѣкоторе время въ Лейчестеръ-Шейръ, но никакъ не могла догадаться, что онъ отправляется къ вамъ, въ Тауэрсъ, пока ты не написала мнѣ. Неправда-ли, какъ онъ красивъ? Мнѣ было бы досадно, еслибъ ты не согласилась со мной въ этомъ. Видишь ли, онъ ухаживалъ за мной. Въ театрахъ, на балахъ, на вечерахъ онъ не отходилъ отъ меня. Онъ мнѣ очень нравится. У меня было не мало ухаживателей, но никогда, ни одинъ не былъ такъ совершенно, исключительно преданъ мнѣ, какъ этотъ. Кстати—милая Долоресъ, ты такъ ужасно пишешь, что разобрать невозможно".

— Довольно, дальше нечего читать, сказала Долоресъ, сложивъ письмо.

— Да слишкомъ довольно. Конечно въ городѣ часто встрѣчаешься на балахъ и вечерахъ и мы съ вашей кузиной были большіе друзья, но у нея, вѣроятно, очень уже живое воображеніе. Почему же она думаетъ, что если я пріѣхалъ на вечеръ, то непремѣнно для того, чтобы встрѣтить ее. Да кромѣ меня тамъ былъ еще одинъ, вотъ тотъ, можетъ быть... Это уже черезчуръ странно что-то! Позволите мнѣ взглянуть на письмо?

— Конечно. Ну что, видите: написано Гарлей.

— Я бы желалъ, чтобы вы написали къ вашей кузинѣ и просили бы ее, чтобы она объяснила вамъ подробнѣе.

— О нѣтъ, не стоитъ подымать цѣлой исторіи.

— Правда, я и забылъ. Письмо это и доставило вамъ причину, которую вы такъ желали.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ рѣзки, сказала миссъ Вернонъ.

— Да развѣ я не правъ! воскликнулъ онъ съ горячностью. Двѣ недѣли назадъ вы точно обѣщали быть женой моей, а теперь вы положительно ненавидите меня. Что же остается дѣлать мнѣ? Завтра же уѣду назадъ въ городъ.

— Едва ли это было бы вѣжливо съ вашей стороны, спокойнымъ голосомъ замѣтила Долоресъ. Да и къ тому же, на будущей недѣлѣ пріѣзжаетъ къ намъ Феліція.

Гарлей поблѣднѣлъ и бросилъ на молодую дѣвушку взглядъ полный упрека.

— Вамъ не слѣдовало бы оскорблять меня именно потому, что вы женщина, произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, я уже сказалъ вамъ, что присутствіе или отсутствіе вашей кузины не имѣетъ для меня ровно никакого значенія.

Сдержанный огонь, слышавшійся въ словахъ этихъ, нѣсколько подѣйствовалъ на молодую дѣвушку.

— Очень жалѣю, если обѣщала вамъ, отвѣтила она съ прежнимъ спокойствіемъ.—но менѣе жалѣю о вашемъ намѣреніи уѣхать такъ скоро изъ Тоуэрса? Зачѣмъ вы хотите ѣхать?

— Для чего мнѣ оставаться? Я только безпокою васъ моимъ присутствіемъ и раздражаю себя.

— О, вовсе нѣтъ. Домъ такъ великъ, что мѣста хватитъ всѣмъ. Вы можете оставаться здѣсь и нисколько не безпокоить меня. Да и я постараюсь избѣгать васъ, прибавила она съ лукавой, кокетливой улыбкой, избѣгать, потому что... Ахъ, какъ нехорошо лежатъ эти подушки! Не будете ли такъ добры поправить ихъ? Такъ, такъ, благодарю васъ. Да, такъ я говорила, если вы не хотите видѣть меня, то я постараюсь избѣгать встрѣчъ съ вами. Тогда мнѣ не съ кѣмъ будетъ, по крайней мѣрѣ, ссориться, развѣ только съ одними привидѣніями. Ахъ, да! знаете ли, наше домашнее привидѣніе снова появилось!

— Неужели? спросилъ Франкъ, нѣсколько успокоившійся отъ волненія своего,—я думаю всѣ слуги ваши перепуганы. Разскажите мнѣ, что такое.

— Съ удовольствіемъ, если вы только сядете и не будете имѣть видъ человѣка, собирающагося сейчасъ уѣхать въ Лондонъ.

И она передала ему разсказъ мистриссъ Машэмъ.

— Можетъ быть, послѣ этого, вы поступите благоразумно, если уѣдете, сказала она окончивъ разсказъ. Мы уже не будемъ имѣть обѣда сегодня, а завтра пожалуй останемся безъ завтрака. Но все таки съ вашей стороны было бы ужасною трусостью уѣхать и оставить меня на съѣденіе этому страшному привидѣнію.

М-ръ Гарлей улыбнулся и между молодыми людьми больше уже не возобновлялся разговоръ объ отъѣздѣ изъ Тоуэрса.

Послѣ обѣда, когда уже все было прибрано и слуги удалились, м-ръ Вернонъ, послѣ нѣкотораго раздумья, произнесъ вдругъ своимъ громкимъ голосомъ.

— Что нибудь да надо, однако, сдѣлать.

— Я всегда во всемъ согласна съ вами, папа, не правда-ли? Но, признаюсь, теперь не понимаю—что же надо сдѣлать и кто будетъ дѣлать это.

— Твоя мать разсказала мнѣ все, что произошло, объяснилъ м-ръ Вернонъ, отсутствіе теперь кухарки—не шутка. Надо непремѣнно добраться до этаго призрака. Тутъ, навѣрное, чьи нибудь штуки, чьи нибудь продѣлки. М-ссъ Машэмъ—чудесно приготовляетъ раковый супъ и я никогда не повѣрю, чтобы она когда либо падала въ обморокъ безъ причины.

— Она и не упала совсѣмъ въ обморокъ, папа. Но я была бы такъ благодарна тому, кто открылъ бы все это, произнесла молодая дѣвушка, бросая украдкой взглядъ въ сторону Гарлея.

— Я засяду сегодня отъ 12 до 2 часовъ ночи, объявилъ м-ръ Вернонъ съ видомъ героя. М-ръ Вернонъ очень любилъ спать.

— О, Гарри, обратилась къ нему испуганная м-ссъ Вернонъ, я надѣюсь, что ты и не подумаешь дѣлать этаго. Въ глубинѣ души м-ссъ Вернонъ ужасно боялась привидѣнія, о которомъ шла рѣчь теперь. Изъ страха предъ нимъ, она забиралась въ спальню раньше всѣхъ въ домѣ, прячась и зарываясь въ подушки при малѣйшемъ шорохѣ.

— Глупости, глупости это! Я иду!

— Папа, вы не пойдете туда ночью, я этого не позволю вамъ, перестаньте и думать! воскликнула Долоресъ. Въ домѣ никто не противорѣчилъ молодой дѣвушкѣ. М-ръ Вернонъ взялъ только ея хорошенькую маленькую ручку, пожалъ ее и не произнесъ ни слова.

— Я пойду туда сегодня ночью, сказалъ вдругъ Гарлей рѣшительнымъ тономъ. Я непремѣнно хочу выслѣдить это привидѣніе.

Онъ выразительно взглянулъ на Долоресъ, но юная леди ни словомъ, ни взглядомъ не показала, чтобы поняла хотя что нибудь. Она отвѣтила ему просто, что онъ очень храбръ и вѣжливо, очень вѣжливо—предложила попробовать еще одинъ персикъ—они такъ вкусны!

Давно уже пробило полночь. Весь домъ погруженъ въ сонъ и глубокую тишину. Лунный свѣтъ, широкимъ лучемъ, проникъ сквозь окна длинной картинной галлереи, обдавъ своимъ серебромъ развѣшанные вдоль стѣнъ портреты суровыхъ кавалеровъ и улыбающихся дамъ.

Свѣтъ былъ необыкновенно ярокъ и можно было бы подумать, что былъ уже день, если бы вокругъ не стояло неподвижное безмолвіе. Молчаніе нарушалъ только звукъ шаговъ м-ра Гарлея, прохаживавшагося взадъ и впередъ по восточному коридору.

Уже первый часъ, а до сихъ поръ не видно никакаго привидѣнія. Какъ все это неудачно! Гарлей надѣялся, что увидитъ какого-нибудь неземнаго, безплотнаго обитателя или обитательницу дома. Время шло, а духъ не появлялся. Ему стало досадно.

Въ этой глухой тишинѣ, среди которой одиноко раздавался однообразный звукъ его шаговъ, мысли его приняли иное настроеніе. Онъ любитъ, любитъ всей душой, но безъ взаимности! Онъ припомнилъ утренній разговоръ свой съ Долоресъ, припомнилъ во всей подробности все, что говорила дѣвушка, выраженіе ея лица. У него вырвалось нѣсколько словъ досады противъ Феліціи. Однако, вотъ уже 2 часа! Нечего больше ждать. Онъ рѣшился идти спать. И что за глупости, въ самомъ дѣлѣ, можно ли было придавать какое нибудь значеніе суевѣрію необразованныхъ слугъ! Въ XIX столѣтіи стоять и ждать привидѣнія!! О-о! Это что такое, однако?

Мысли м-ра Гарлея, въ эту минуту, остановились въ своемъ теченіи, онъ весь превратился въ зрѣніе. Сначала, его вниманіе было привлечено легкимъ шорохомъ, затѣмъ послышался неясный звукъ шаговъ, и вотъ-вотъ, вдругъ изъ западнаго

коррпдора показалась какая-то неопредѣленная фигура, которая, при немъ, да, на его глазахъ! прошла поперекъ картинной галлереи. Освѣщенная луннымъ сіяніемъ, она шла медленно, вся въ бѣломъ, повернувъ голову въ сторону и вытянувъ впередъ одну руку. Привидѣніе дѣйствительно показалось оцѣпенѣвшему Гарлею необыкновенно высокаго роста. Оно направилось прямо къ каменнымъ ступенямъ, которыя вели въ мастерскую Долоресъ. М-ру Гарлею приходится сознаться, что ему страшно. Сердце его бьется съ одуряющею силой, дыханіе неровно и порывисто. Но онъ овладѣлъ собою и быстро, но неслышно, послѣдовалъ за привидѣніемъ. Въ эту минуту онъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣвіе, что лэди съ перерѣзанными горлами составляютъ не особенно пріятное зрѣлище. Но онъ тутъ же вспомнилъ, что одна хорошенькая миссъ обѣщала благодарность свою тому, кто рѣшится стать лицомъ къ лицу съ привидѣніемъ, в потому храбро идетъ впередъ. Мастерская миссъ Вернонъ (помѣщавшаяся въ небольшой башенкѣ) была тоже вся залита серебристымъ свѣтомъ луны, при которомъ ясно выступали малѣйшіе предметы. Но Гарлей видитъ только одинъ предметъ — привидѣніе, стоявшее теперь передъ открытымъ мольбертомъ.

То была никто иной, какъ сама Долоресъ! Долоресъ прелестная, но—погруженная въ глубокій сонъ! Голубые глаза широко раскрыты и безжизненно устремлены на полотно картины, одна рука что-то безцѣльно ищетъ среди кистей и красокъ, лежавшихъ около.

Гарлей остановился какъ вкопанный, не зная что дѣлать. Онъ боялся оставить ее одну, и боялся разбудить ее. Но случай вывелъ его изъ затрудненія. Легкій вѣтерокъ ворвался сквозь открытое окно и полуоткрытая дверь комнаты захлопнулась съ неожиданнымъ шумомъ.

М-ръ Гарлей инстиктивно отступилъ въ тѣнь, Миссъ Вернонъ глубоко вздохнула, слегка откинулась и, какъ просыпающееся дитя, вытянула свои бѣлыя, мраморныя руки.

Сначала она оглянулась кругомъ, и увидѣвъ себя стоящую здѣсь одну среди яркаго луннаго освѣщенія, вѣроятно въ испугѣ, быстро и судорожно прижала обѣ руки къ головѣ.

— Что это такое? гдѣ я?

— Долоресъ, не пугайтесь, не бойтесь, проговорилъ бросившійся къ ней Гарлей. Ничего, ничего! Вамъ, вѣрно, приснилась ваша картина, вы пошли сюда, и я шелъ за вами и... вотъ и все.

— Это точно кошмаръ! воскликнула Долоресъ.—Но, но, какъ же вы то могли узнать, что мнѣ приснилось это? Ничего такого не помню. Неужели я одна, сама пришла сюда? Или, или.. не принесъ ли меня сюда этотъ призракъ? прибавила она съ нервной улыбкой и снова оглядываясь.

— Милое дитя, сказалъ Гарлей, не будучи въ силахъ удержаться отъ легкой улыбки, не сердитесь, если я скажу вамъ, что кажется, вы сами и есть этотъ призракъ, это страшное привидѣніе.

— Какъ, неужели вы думаете это? спросила она съ явнымъ неудовольствіемъ. Неужели это я расхаживала во снѣ эти двѣ недѣли? Боже мой, какъ надо мной станутъ всѣ смѣяться! Обѣщайте мнѣ, что не скажете объ этомъ никому, кромѣ папа и мама. Они не посмѣютъ шутить надо мной.

— Обѣщаю все, что хотите.

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, выслѣдили призракъ, весело сказала Долоресъ, совершенно успокоившаяся теперь. Вы заслужили орденъ за храбрость, крестъ Викторіи, золотую медаль, или что нибудь въ этомъ родѣ.

— Да, я думаю, что кое-что заслужилъ.

— И, конечно, получите. Она сдѣлала шагъ и задѣла небольшой столикъ, съ котораго упало нѣсколько книгъ, лежавшихъ тамъ. Гарлей бросился поднимать ихъ.

— Осторожнѣе, осторожнѣе, сказала она съ жестокостью, за которую возненавидѣла сама себя въ ту же минуту, не будучи все-таки, въ состояніи удержаться,—осторожнѣе, это книги Фелиціи.

Изъ одной книги выпалъ фотографическій портретъ. Гарлей поднялъ его и взглянулъ—то былъ портретъ офицера въ гусарскомъ мундирѣ.

— Я знаю это лицо, сказалъ онъ,—я видѣлъ этато офицера очень часто въ городѣ—съ вашей кузиной.

— Да, это большой ея пріятель, вѣрно,—фотографію я нашла въ одной изъ книгъ, которыя она прислала мнѣ. Она написала его имя на той сторонѣ карточки.

— А, да, вотъ! кажется „Гафлей", такъ? прочелъ онъ неувѣреннымъ голосомъ,—похоже и на Гарлей, и на Гафлей, хорошо не разберешь. Черезчуръ быстрый почеркъ у нея.—Молодой человѣкъ вдругъ остановился, его озарила одна мысль. Теперь я все понимаю! съ живостью произнесъ онъ. Тутъ, конечно, произошла ошибка! Ваша кузина пишетъ вамъ не о Гарлеѣ, а о Гафлеѣ. Онъ усердно ухаживалъ за ней въ продолженіе всего сезона, всюду слѣдовалъ за ней и не отходилъ отъ нея. Понимаете теперь?

— Дайте мнѣ взглянуть. Да кажется такъ, хоть и трудно сказать навѣрное—Гафлей это или Гарлей.

— А какъ вы несправедливо и сурово обходились со мной! Сознайтесь, что я правъ. Подумайте сколько я выстрадалъ, Долоресъ.

— Боже мой, какъ поздно! воскликнула вдругъ молодая дѣвушка. Я буду завтра совершенно разбита. Вы забываете, какъ я еще слаба. Мама тоже разсердилась бы, если бы знала, что я не сплю въ этотъ часъ.

Она подошла уже къ двери и отворила ее.

— Долоресъ !

— Шш... прошептала молодая лэди, приложивъ палецъ къ губамъ. Ни слова! кто нибудь могъ бы услыхать и тогда сказали бы, что здѣсь ходятъ два привидѣнія, вмѣсто одного.

Спустившись съ лѣстницы, Долоресъ продолжала путь на ципочкахъ; дорогой она успѣла уже одуматься; дойдя до двери своей комнаты, она остановилась и, съ ласковой улыбкой, протянула руку Гарлею.

— Спокойной ночи, сказала она.

— Долоресъ, перестаньте, не мучьте меня, скажите мнѣ хоть одно, одно доброе слово!

— Что же вы хотите, чтобы я сказала вамъ? спросила она кокетливо.

— Что вы постараетесь полюбить меня, что будете моей женой.

— Ну—это уже было бы два добрыхъ слова.

— Такъ скажите ихъ все-таки. Развѣ забыли, что вы обѣщали мнѣ вашу благодарность, если я съумѣю открыть тайну привидѣнія?

— Милый Франкъ, подумайте—развѣ вамъ не страшно жениться на привидѣніи? развѣ вы не боитесь, что я когда нибудь исчезну, какъ духъ?

— Я боюсь только вашего равнодушія, ничто другое не страшно мнѣ.

— Ну, ну, если такъ, то хорошо—я согласна выдти за васъ —когда нибудь. А теперь, пока, мой милый, милый Франкъ даю вамъ поцѣлуй, какъ талисманъ отъ дурныхъ сновъ.

Она приподнялась на цыпочки, положила свои нѣжныя, бѣлыя руки на плеча ему и подставила свою розовую щечку. Но, почти въ ту же минуту, выскользнула изъ объятій его и исчезла за дверью.

Гибралтаръ.

Очеркъ **Н. Боева.**

„Мысль моя черная, словно печальная туча—носится все надъ тобою величавая Кальпа! Угрюмо высишься ты какъ одинокій, неподвижный стражъ среди пустыни морей".

Такъ говоритъ испанскій популярный поэтъ Белло-и-Чеконо о Гибралтарѣ. Кальпа—больное мѣсто гордаго испанца. Англичане силою завладѣли крѣпостью, подступивъ къ ней въ одну туманную ночь 1704 г., и обманомъ, въ противность трактату о свободѣ торговли, ею завладѣли. Испанскіе историки и поэты не могутъ вспомнить безъ чувства стыда и злобы объ этомъ захватѣ. „О, я бы желалъ лучше чтобы всѣ улицы Гибралтара заглушены были плевелами, чѣмъ видѣть ее въ рукахъ англичанъ! восклицаетъ герцогъ Валенсе въ своей „Исторіи Испаніи". „Мы ихъ выгонимъ съ позоромъ, придетъ часъ! какъ безчестныхъ людей, говоритъ Маріо Тубино въ своихъ „Изслѣдованіяхъ". Даже въ Англіи находились многіе, публично порицавшіе этотъ безчестный захватъ. Черные глаза испанца горятъ злобнымъ огнемъ, кулаки сжимаются, когда онъ говоритъ объ этой знаменитой горѣ Геркулеса. Недавно возникли очень оживленные толки въ испанской печати и обществѣ по поводу возвращенія Гибралтара Испаніи и образовалась цѣлая партія, требующая этаго во что бы то ни стало. Во время Восточной войны здѣшніе политики страстно желали, чтобы англичане приняли въ войнѣ участіе, надѣясь въ это время возвратить то, что почти два вѣка позоритъ испанскую гордость и честь.

Исторія захвата Гибралтара весьма поучительна—это вѣчная исторія англійскихъ „интересовъ". Впервые англичане вступили на почву Гибралтара 17-го іюля 1704 г., когда они въ союзѣ съ Голландіей, Савойей и Австріей хотѣли силой навязать Испаніи въ короли Карла III, взамѣнъ царствовавшаго тогда Филиппа V. На Гибралтарѣ, которому тогда не придавали особаго значенія, было всего около 100 чел. испанскаго гарнизона и до 90 орудій. Французы приняли, какъ извѣстно, сторону Испаніи и война тянулась до 1709 года и заключилась въ 1712 году Утрехтскимъ договоромъ. Все это время Гибралтаръ былъ занятъ союзными войсками, считаясь испанской территоріей. Послѣ Утрехтскаго договора англичане все не выходили изъ крѣпости, хотя война была окончена. Слабый Филиппъ V жаловался на такое самоволіе и требовалъ удаленія иноземныхъ войскъ, когда вдругъ, мѣсяцевъ черезъ пять,

англійскій уполномоченный Пріоръ представилъ королю проэктъ особаго договора, въ которомъ были двѣ статьи объ уступкѣ Гибралтара и острова Минорки, съ угрозой въ противномъ случаѣ вновь начать военныя дѣйствія. Изумленный, обманутый и испуганный король, видя разстройство дѣлъ въ своей странѣ и страшась за свое личное положеніе, былъ такъ безхарактеренъ, что согласился на уступку и англичане, среди взрыва негодованія всей страны, спокойно и какъ ни въ чемъ не бывало принялись укрѣплять городъ. Это вполнѣ англійская политика, примѣровъ которой и представлять не надо—они у всѣхъ на виду.

Между тѣмъ спеціально военное значеніе этаго мѣста оспаривалось даже самими англичанами. Генералъ Кодрингтонъ, мѣстный губернаторъ, въ рапортѣ своемъ парламенту говоритъ, что Гибралтаръ ни прежде, въ эпоху деревянныхъ судовъ, ни тѣмъ болѣе теперь, не можетъ загородить дороги идущему мимо флоту и приписывать ему значеніе *воротъ* пролива—большое заблужденіе. Но какіе же тогда мотивы выгодности захвата? Далѣе это выясняется: эта превосходная гавань, лежащая между Средиземнымъ моремъ и океаномъ, можетъ въ случаѣ войны быть превосходнымъ убѣжищемъ и складомъ для англійскаго флота, а главное—отсюда одинъ маленькій военный фрегатъ, при помощи пушекъ горныхъ баттарей съ берега, можетъ ловить всѣ непріятельскія торговыя суда. „Кромѣ того, съ полною откровенностью говоритъ генералъ, отсюда удобнѣе всего разсылать шпіоновъ въ Испанію и Францію и получать отъ нихъ сообщенія“. Со стороны моря Гибралтаръ признается совершенно неприступнымъ, но съ суши испанцы убѣждены, что всѣми его укрѣпленіями можно завладѣть въ одну ночь молодецкой аттаки. Но время еще не пришло, хотя вѣроятно Альфонсъ XII былъ бы не прочь отъ такаго дѣла, которое могло бы сдѣлать его имя популярнымъ и пріобрѣсти ему народную любовь.

Часа черезъ четыре послѣ выѣзда изъ Малаги, на западѣ морскаго горизонта постепенно выростаютъ—направо высокая гора Гибралтаръ, налѣво частые маяки африканскаго берега близъ города Сеуты. Гора все выростаетъ, волны пѣнясь бьютъ въ скалистые берега. Видъ великолѣпенъ. Величественная гора (выш. надъ моремъ 1370 фут.) весело зеленѣетъ густыми садами-парками и аллеями и лишь на близкомъ разстояніи ясно видятся четыре каменныя террасы. Вверху, изъ-за зелени, виднѣются сѣрыя стѣны верхняго форта; подъ иимъ стройной линіей огибаютъ мысъ казармы, военные магазины и казенныя зданія, которыя какъ бы вросли въ каменные и земляные валы баттарей. Въ самомъ низу, съ запада, также нѣсколькими террасами, бѣлѣетъ собственно городокъ. И у его-то подножія разстилаются воды драгоцѣннаго порта, принимающаго ежегодно до 1500 пароходовъ и 6000 парусныхъ судовъ. Сзади города рѣзкой чертой идетъ нижній валъ, отдѣляющій англійскую землю отъ испанской... Испанія совсѣмъ не знаетъ паспортовъ но и съ паспортомъ трудно попасть въ Гибралтаръ. Съ моря требуютъ документовъ и удостовѣреній кто, зачѣмъ, надолго ли и при малѣйшемъ подозрѣніи высылаютъ изъ города. Съ суши еще строже: ворота запираются съ 10 час. вечера а зимой съ 6 и никого не впускаютъ. Какъ видите, англичане берегутъ таки себя. Осмотръ военныхъ укрѣпленій безусловно воспрещенъ постороннимъ и таинственная „Черная баттарея“ угрюмо глядитъ въ отверстія пробитыя въ скалахъ—дулами своихъ орудій.

Чистыя и довольно красивыя улицы смотрятъ здѣсь какъ-то уныло вслѣдствіе недостатка движенія, говора, кофеенъ, ресторановъ и магазиновъ. Въ 11 час. здѣсь прекращается обязательно всякое движеніе и жизнь, т. е. тогда, когда только на югѣ и можно дышать полною грудью. Здѣсь ведутъ или очень замкнутую жизнь или на всю ночь отправляются въ близъ лежащія испанскія мѣстечки и тамъ кутятъ до утра. Рано утромъ у крѣпостныхъ воротъ уже собирается толпа пѣшеходовъ и экипажи: то возвращаются жители, ночевавшіе внѣ города и испанцы-поденщики, которымъ не дозволяется ночевать въ городѣ. Въ верхнемъ кварталѣ, гдѣ живутъ исключительно англичане, говорятъ, законъ о тишинѣ не примѣняется и горожане передаютъ фантастическіе разсказы о веселой жизни и кутежахъ въ зданіяхъ казармъ. Гибралтаръ муниципальныхъ правъ не имѣетъ и британцы не совѣстятся брать съ маленькаго города страшные налоги. Кромѣ того большія суммы затрачиваетъ Англія на устройство, передѣлку и возведеніе баттарей, которыя всѣ устроены и выбиты прямо въ скалахъ, что видно и на нашемъ рисункѣ, гдѣ по скаламъ сіяютъ чернѣющія отверстія для пушекъ. Цѣнность ввоза и вывоза этаго превосходнаго порта равняется 40 милл. ф. стерл. (252 милл. металл. рублей). Кромѣ товарныхъ складовъ, здѣсь множество казеннаго каменнаго угля, военнаго провіанта и т. п. Численность гарнизона до 6,000 челов. Торговля собственно города незначительна. За то множество англійскихъ и еврейскихъ торговыхъ конторъ и контрабандистовъ и на это послѣднее испанцы очень жалуются. Судебныя дѣла только въ первой инстанціи ведутся въ Гибралтарѣ, апелляціи переносятся въ Лондонъ: съ такою безцеремонностью устраиваютъ себѣ бритты монополіи. Но что еще лучше, это то, что администрація „свободной“ конституціонной страны *дозволяетъ здѣсь выходить только одной газетѣ и то лишь съ оффиціальными извѣстіями и объявленіями.* Ввозъ испанской литературы почти совсѣмъ воспрещенъ и кто здѣсь живетъ изъ испанцевъ тотъ или читай по англійски, или хоть совсѣмъ не читай. 178 лѣтъ прошло со времени захвата Гибралтара, а все еще и англичане крайне недовѣрчивы къ мѣстному населенію и мѣстное населеніе очень не любитъ непрошенныхъ гостей.

Предлагаемыя здѣсь гравюры сняты съ рисунковъ, сдѣланныхъ съ натуры капитаномъ англійской службы Превостомъ.

1. Сигнальная станція, въ недавнее время расширенная и ремонтированная. Отсюда, въ хорошую погоду, можно ясно наблюдать въ проливѣ, на разстояніи сорока миль, движеніе кораблей. Къ станціи ведетъ удобная дорога отъ Мавританскаго замка, и удобная для проѣзда верхомъ тропа—съ южной стороны. Подъемъ, направляющійся у старой мавританской стѣны, чрезвычайно затруднителенъ.

2. Нейтральное пространство галлерей, ипподрома для скачекъ, мѣста игры въ крикетъ и стрѣльбища. Бѣлыя каменныя будки часовыхъ указываютъ испанскія линіи, тянущіяся черезъ весь перешеекъ. Къ нимъ примыкаетъ быстро развивающійся городокъ Ля-Линеа. Населеніе существуетъ Гибралтаромъ, занимаясь нагрузкой и разгрузкой угля на судахъ, а также доставляя въ крѣпость и уголь, и ежедневно требующееся количество овощей и фруктовъ, которые они разводятъ на песчаной, но удобренной ими почвѣ. Позади находится горная возвышенность, носящая названіе „Кресла Испанской королевы“, такъ какъ ея величество дѣйствительно приходила сюда и, сидя здѣсь, слѣдила за ходомъ осады. На берегу Средиземнаго моря расположены первая и вторая башни. Вдали виднѣются горы хребта Рондо.

3. Этотъ видъ взятъ съ другой стороны древняго римскаго водопровода, съ Альджезираса. Вершину часто заволакиваютъ густыя облака. Направо отъ Альджезираса видѣнъ фортъ, расположенный на зеленомъ островѣ; вблизи великолѣпный и прекрасно сохранившійся водопроводъ. Въ трехъ миляхъ отсюда, въ глубь страны, шумитъ живописный водопадъ.

4. Видъ башни О'Гара, склоновъ берега Средиземнаго моря, крутаго подъема, начинающагося близь Коттэджа и лѣтняго губернаторскаго дома. Внизу видны казармы: 46-го полка (Engora Barracks) и 93-го (Buuna Vista) о морской госпиталь. Вдали рисуется силуэтъ возвышенности противоположнаго Африканскаго берега. Разстояніе здѣсь, чрезъ проливъ, отъ маяка „Европейскаго“, всего тринадцать миль.

5. На этомъ рисункѣ изображенъ видъ залива и части города, какъ они представляются со стороны зданія гарнизонной библіотеки (содержащей 10 тысячъ томовъ и основанной въ 1793 г. полковникомъ Дринкуотеръ). Мавританскій городъ Альджезирасъ (14 тысячъ жителей) лежитъ въ пяти миляхъ отсюда.

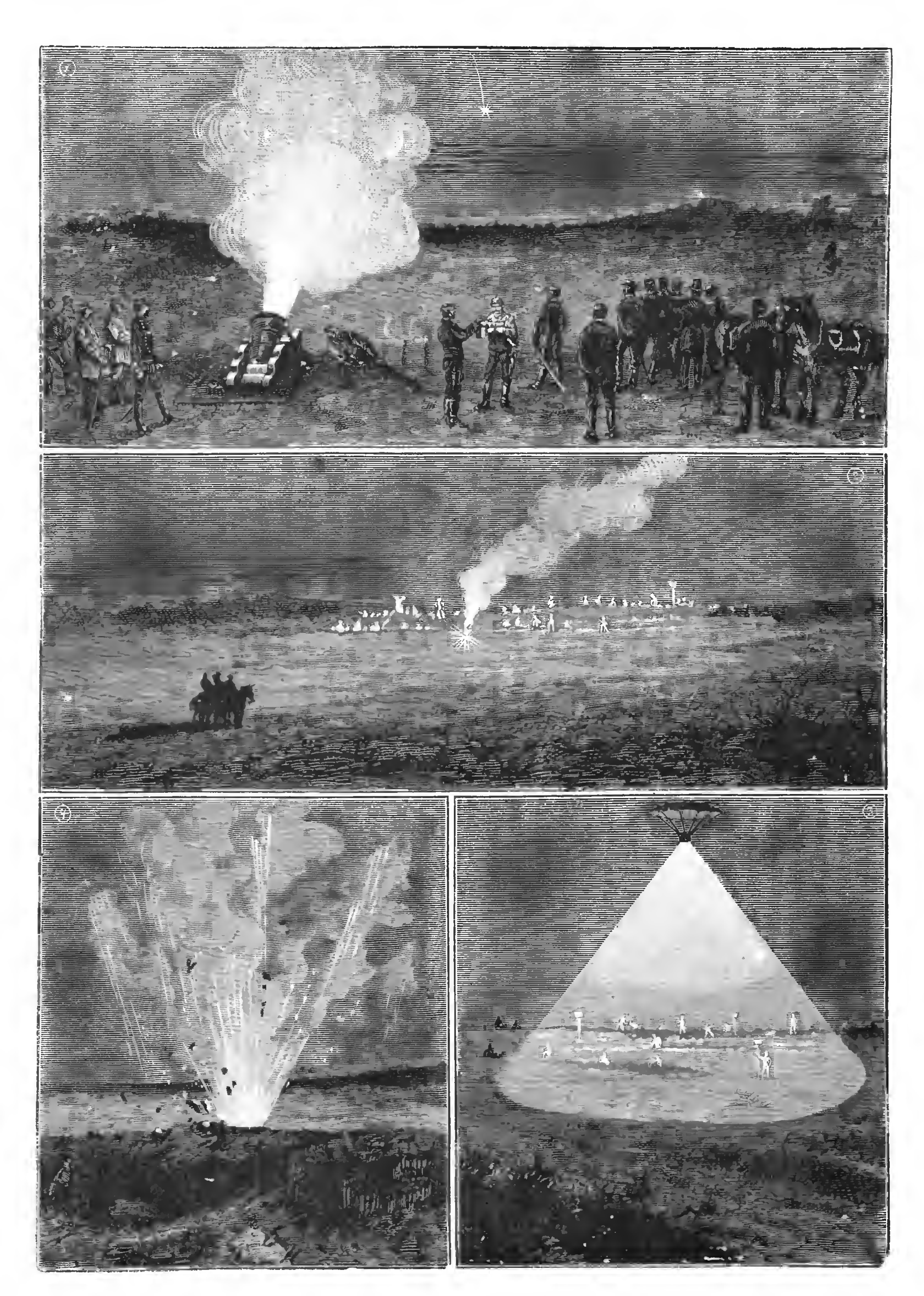
6. Скала, неподалеку отъ сѣвернаго фаса, гдѣ происходятъ ученья. Отсюда хорошо видны знаменитыя Галлереи. Необыкновенно эффектное зрѣлище представляетъ здѣсь пальба изъ большихъ орудій: огонь и дымъ внезапно вырываются изъ амбразуръ, вырубленныхъ въ гранитѣ. Они устроены въ два яруса; нижній заключаетъ въ себѣ двѣ залы: „Св. Георга“ и „Корнвалійскую“. Поставленныя здѣсь баттареи бьютъ во флангъ непріятельскимъ кораблямъ, приближающимся къ „скалѣ“.

Къ рисункамъ.

Архангельскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ.

Въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка на южномъ хребтѣ кремлевскихъ горъ уже стояла деревянная церковь во имя Архангела Михаила. Великій князь Іоаннъ Калита въ 1332 г., соорудилъ на мѣстѣ прежней деревянной каменную церковь. Тогда разразилось надъ Русью великое бѣдствіе: былъ ужасный голодъ, который описываетъ Никоновская лѣтопись (V, 29). Въ благодарность за избавленіе отъ этаго бѣдствія и воздвигнута церковь. Вновь расписывали храмъ уже при Симеонѣ Гордомъ опять въ годину бѣдствій на Руси—годину Черной Смерти. При Іоаннѣ III, храмъ былъ разобранъ до основанія, и въ 1505 году, миланецъ Алевизъ Новый, по приглашенію царя, сталъ его строить вновь. Въ усыпальницѣ храма, царскіе гробы занимали мѣсто до послѣдней отрасли Рюрикова дома, а гробы чуждой отрасли испытали другую участь. Гробъ Годунова былъ извергнутъ изъ чистилища, а гробъ Шуйскаго только черезъ 23 года послѣ его смерти въ Польшѣ возвращенъ былъ въ царскую усыпальницу. Когда поляки гнѣздились и буйствовали въ Кремлѣ, вмѣстѣ съ другими святынями подвергнутъ былъ грабежу и оскверненію и Архангельскій соборъ. Его возстановили въ прежнемъ благолѣпіи цари Михаилъ и Алексѣй. По повелѣнію Екатерины II возобновлено иконное и стѣнное писаніе. Въ 1812 году храмъ былъ ограбленъ и оскверненъ. Французы,

(Продолженіе на стр. 901, 902, 903, 904 905, 906, 907 и 908).

Опыты новагэ освѣщенія военнаго поля во французской арміи. По рисунку Кауфмана въ М. I., грав. М. Рашевскій.

1) Бросаніе бомбы. 2) Освѣщеніе. 3) Бомба съ парашютомъ. 4) Взрывъ бомбы.

торые не у насъ однихъ такъ поступали съ храмами, чѣмъ особенно вызывали народное мщеніе) загромоздили храмъ стойлами конскими, винными бочками; потоки вина и грязи покрывали полъ. Но въ 1813 году храмъ былъ исправленъ и освященъ. При торжественномъ священнодѣйствіи обнесены были вокругъ Кремля мощи Царевича-мученика Димитрія, стоявшія въ Архангельскомъ соборѣ. Императоръ Николай также заботился объ устройствѣ храма и его благолѣпіи, которымъ теперь наша древняя святыня особенно отличается.

Бабочки

(Картина Вилля).

Помѣщаемая здѣсь картина извѣстнаго Вилля имѣетъ какъ бы аллегорическое значеніе. Молодая прелестная женщина въ саду, выпускаетъ на волю пойманныхъ ею бабочекъ. Красавица весело улыбается, глядя какъ разлетаются бабочки, мелькая крыльями въ золотыхъ лучахъ солнца—но мы не будемъ углубляться въ разъясненіе этой аллегоріи. Работа Вилля тонкая и изящная, какъ и всѣ другія, принадлежащія этому даровитому художнику.

Новыя изобрѣтенія. Опыты новаго освѣщенія во французскомъ лагерѣ.

Недавно производились въ Венсеннѣ весьма интересные опыты въ артиллерійскомъ лагерѣ ночнаго освѣщенія военнаго поля. Опыты эти были повторены въ разныхъ баттареяхъ съ равнымъ успѣхомъ. Это именно — освѣщеніе расположенія и работъ непріятеля. Для этаго употребляются особыя бомбы, которыми заряжаются небольшія мортиры. Кладется зарядъ, сообразный дистанціи, на которую разсчитываютъ бросить бомбу. Эти бомбы дѣлаются изъ композиціи и имѣютъ внутри помѣщеніе, наполненное массою сильно свѣтящеюся. Въ брошенной бомбѣ, описывающей въ воздухѣ огненную параболу—въ моментъ паденія, въ моментъ удара въ землю—начинаетъ сіять свѣтящаяся масса, и озаряетъ большое пространство яркимъ и ровнымъ, блѣдно-палевымъ или блѣдно-зеленымъ свѣтомъ; свѣтъ очень яркъ и озаряетъ данное пространство очень отчетливо саженъ на 50 въ окружности. Непріятель не можетъ никакъ предупредить дѣйствіе бомбы, ибо она разрывается какъ разъ въ моментъ паденія.

Другой опытъ еще болѣе интересенъ, также по предмету ночнаго освѣщенія, но инымъ способомъ. Здѣсь бомба должна быть много легче по вѣсу, и въ моментъ воспламененія свѣтящейся массы, парашютъ, аршина два въ діаметрѣ быстро развертывается надъ летящей бомбой, и она такимъ образомъ можетъ плавать въ воздухѣ, поддерживаемая парашютомъ, который въ то же время, имѣя блестящую внутреннюю поверхность, служитъ рефлекторомъ весьма сильнымъ для свѣтящейся массы. Такимъ образомъ легко разглядѣть въ данной мѣстности работы, производимыя непріятелемъ на пространствѣ 50 саженъ въ окружности. Бомбы эти дѣланы въ Пиротехнической военной школѣ въ Буржѣ. Польза и важность такихъ опытовъ для военнаго дѣла ясны съ перваго взгляда и не нуждаются въ объясненіяхъ.

Военные опыты занимаютъ теперь не одну Францію. Въ Вульвичѣ произведены интересные опыты примѣненія воздухоплаванія къ военнымъ цѣлямъ. Между прочимъ былъ сдѣланъ опытъ относительно опасности, которой подвергается аэростатъ отъ непріятельскаго огня. Аэростатъ на привязи и того образца, который предположено употреблять въ военное время для одного или двухъ лицъ, былъ поднятъ на высоту. Орудіе слѣдовало навести на аэростатъ: гораздо труднѣе разсчитать разстояніе предмета, находящагося въ воздухѣ, чѣмъ на землѣ, гдѣ есть точки опоры, позволяющія оріентироваться. Разстояніе аэростата было опредѣлено болѣе чѣмъ въ одну милю и выстрѣлъ былъ сдѣланъ на авось. Первый выстрѣлъ не попалъ, какъ и ожидали; но второй, исправленный опытомъ, прямо попалъ въ центръ аэростата. Стрѣляли также картечью, содержащею 300 пуль, вѣсомъ въ 180 фунтовъ; пули разлетѣлись отъ разрыва картечи, и нѣкоторые попали въ оболочку аэростата и разорвали ткань настолько, что аэростатъ мгновенно упалъ. Успѣхъ этаго опыта доказалъ, что подъемъ аэростата на войнѣ, надъ непріятельскими линіями, опасенъ ниже 2,000 ярдовъ высоты, но это нисколько не уменьшаетъ важности аэростата, какъ военнаго орудія. Аэростаты будутъ употребляться для рекогносцированія растянутыхъ линій и должны подниматься выше черты выстрѣловъ огнестрѣльныхъ оружій.

Осенніе листья.

I.

Теплый, ясный день осенній,
Послѣ долгой непогоды:
Всѣ серебряные—листья,
Всѣ серебряныя—воды!

Грѣетъ, нѣжитъ, словно лѣтомъ,
Солнца пламенная ласка...
Тѣшитъ взоръ листвы осенней
Прихотливая окраска!..

Другъ мой, вѣрь, что не случайна
Грустной осени улыбка:
Силъ природы сокровенныхъ
Это—даръ, а не ошибка!

II.

Когда разшумится суровая буря
И вѣтеръ тоскливо завоетъ въ трубѣ —
Тогда, соболиныя брови нахмуря,
Упорно молчишь ты, головку понуря,
Въ глубокомъ раздумьи о скрытой судьбѣ.

Когда же въ нашъ уголъ, сквозь окна двойныя,
Въ нашъ уголъ, гдѣ жарко натоплена печь,
Прокрадутся солнца лучи золотые —
Тогда защебечутъ уста молодые,
Польется твой смѣхъ и шутливая рѣчь!

В. Мироновъ

Политическое обозрѣніе.

Дѣла на Востокѣ.—Новое министерство въ Греціи; ея вооруженія.—Министерскій кризисъ въ Сербіи.—Столкновеніе между Италіей и Турціей.—Персія и курды.—Америка.

Получитъ ли князь Николай Дульциньо или нѣтъ, но уже теперь начинаютъ обнаруживаться причины комическаго фіаско, увѣнчавшаго грозный морской походъ „соединенной“ Европы противъ Турціи, начинаетъ обнаруживаться дѣйствительная, а не напускная, роль нѣкоторыхъ изъ участниковъ Дульцинской комедіи. Недавно австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ давалъ въ засѣданіи венгерской делегаціи объясненія относительно политики его кабинета въ восточномъ вопросѣ. Изъ объясненій барона Гаймерле узнаемъ, что Австрія, примкнувъ къ демонстраціи, *настояла* на томъ, чтобы международный флотъ, ни подъ какимъ видомъ не производилъ десанта на Албанскій берегъ, не бомбардировалъ Дульциньо и чтобы враждебныя дѣйствія флота были направлены только противъ албанцевъ. Европа согласилась на всѣ эти условія, не желая видѣть, что они были придуманы ни болѣе, ни менѣе какъ для того, чтобы свести все дѣло демонстраціи къ нулю. Какъ же дѣйствовать противъ албанцевъ, если нельзя высадить войска на берегъ, если нельзя бомбардировать Дульциньо? Европа тѣмъ не менѣе, согласилась и вышло что-то необычайно жалкое... Само собой понятно, что Гаймерле не могъ бы достигнуть столь удачнаго осуществленія своего плана, еслибы не опирался на поддержку могучаго союзника, тоже приславшаго, для вида, пару мирныхъ броненосцевъ; „искреннее“ же содѣйствіе Франціи вполнѣ мирится съ этими условіями демонстраціи. И сползаетъ съ миража „Европейскаго концерта“ кое-какъ наброшенный на него и расползающійся по швамъ плащъ дружественнаго согласія и единенія... Не мѣшало бы и грекамъ прислушаться къ объясненіямъ барона Гаймерле, о которыхъ мы только что говорили. Они касаются и Эллинскаго королевства. Именно: австрійскій министръ выразилъ, что „ласкаетъ себя надеждой“ на то, что Греція не станетъ теперь же требовать исправленія своей границы соотвѣтственно постановленіямъ Берлинской конференціи! Слова эти полны самаго серьезнаго значенія въ виду черногорскихъ событій.

Греки, однако, показываютъ по крайней мѣрѣ, намѣреніе отнюдь не оправдать надеждъ барона Гаймерле. Первый министръ Кумундоросъ (только что замѣнившій Трикуписа, кабинетъ котораго вышелъ въ отставку), въ заявленной имъ политической программѣ своей, высказалъ, что Греція должна безотлагательно сама приступить къ выполненію касающихся ея постановленій Берлинской конференціи. Для этой цѣли численность арміи будетъ доведена до 80-ти тысячъ человѣкъ. Если, не взирая на всѣ препятствія, Греція и Черногорія добьются, наконецъ своей цѣли, то этимъ они будутъ обязаны, въ значительной степени, Гладстону, объявившему, что Англія, оставаясь даже одна, рѣшилась вынудить Порту къ выполненію обязанностей, возложенныхъ на нее въ Берлинѣ и прин-

тыхъ ею. Нечего и говорить, что Гладстонъ опирается въ этомъ рѣшеніи своемъ на одну Россію, Россію, никогда не оставлявшую ни грековъ, ни славянъ. Кстати скажемъ, что самая перемѣна министерства въ Греціи объясняется политическими причинами: оппозиція, съ Комундуросомъ во главѣ, настаивала, чтобы греки немедленно овладѣли присужданными ей, по Берлинскому трактату, частями Ѳессаліи и Эпира, но Трикуписъ полагая, что военныя мѣры не приведутъ къ желаемому результату, предпочиталъ дипломатическій путь. Общественное мнѣніе склонилось на сторону Кумундуроса, который, по предложенію короля, и составилъ новое министерство.

По слухамъ, въ Болгаріи и Восточной Румеліи идутъ дѣятельныя приготовленія къ тому, чтобы въ случаѣ войны между Греціей и Турціей провозгласить объединеніе Болгаріи. Въ Македоніи броженіе сильно и угрожаетъ возстаніемъ значительнаго числа христіанъ; турецкія власти отправили въ Адріанополь подкрѣпленіе въ 10 тысячъ человѣкъ.

Въ Сербіи наконецъ совершился министерскій кризисъ, и человѣкъ, такъ долго и съ такимъ тактомъ правившій сербскимъ кораблемъ въ самыя трудныя времена, Ристичъ, уже замѣненъ Міяновичемъ. Причины этаго объясняютъ различно—личное неудовольствіе князя Милана, неудавшійся желѣзно-дорожный проектъ. Какъ бы то ни было, этотъ государственный дѣятель обратился къ частной жизни. На Міяновича возлагаются большія надежды, говорятъ о немъ какъ о человѣкѣ съ умомъ и тактомъ.

У Италіи вышло небольшое столкновеніе все съ тою же Портой—но не относительно Дульцинья. Съ этой стороны добрыя отношенія нисколько не нарушаются и все обстоитъ прекрасно, какъ читатели уже видѣли выше. Нѣтъ, дѣло идетъ объ одной молодой итальянкѣ, влюбившейся въ турецкаго чиновника и ушедшей къ нему, вопреки воли матери ея, которая подала жалобу итальянскому послу, графу Корти. Молодая дѣвушка была доставлена въ пріемную министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ, въ присутствіи старшаго драгомана итальянскаго посольства объявила, что ни подъ какимъ видомъ не вернется домой. Турецкія власти отказались арестовать ее Желая положить конецъ преслѣдованіямъ, она приняла исламъ. Но такъ какъ ей еще не исполнилось 21 года, то, по итальянскимъ законамъ, она не считается совершеннолѣтнею и турецкія власти не имѣли права принимать отъ нея заявленія о переходѣ въ исламъ. На этомъ основаніи графъ Корти требовалъ выдачи итальянки. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ очень остроумно отвѣтилъ, что Порта хотя и желала бы исполнить желаніе графа, но не считаетъ себя вправѣ сдѣлать этого, въ виду уваженія своего къ свободѣ совѣсти! Не извѣстно пока, закончилось ли дѣло на этомъ.

Изъ Персіи получены весьма тревожныя свѣдѣнія. Хищное племя курдовъ, жившее до настоящаго времени отдѣльными, и часто враждовавшими другъ съ другомъ группами, тоже, кажется, принялось за свое объединеніе—вѣроятно для грабежей массами. Представителемъ этаго стремленія является одинъ изъ вождей, Абдулла, который собралъ уже до двадцати тысячъ грабителей и вступилъ въ предѣлы Адербейджана. Первыя его дѣйствія ознаменовались успѣхомъ: имъ взятъ городъ Урмія и онъ идетъ далѣе, на Тавризъ. Понятно, что курды, не страшные для цивилизованныхъ войскъ, представляютъ весьма серьезную опасность для плохо организованныхъ воиновъ шаха Насръ-Эддина. Надо надѣяться, впрочемъ, что Абдуллѣ, съ его грабителями и ворами, не удастся разграбить Персіи.

По свѣдѣніямъ изъ Америки, изъ двухъ кандидатовъ на должность президента штатовъ: демократическаго Ганкока и республиканскаго—Гарфильда, шансы на сторонѣ послѣдняго и можно сказать, что президентъ уже избранъ.

Смѣсь.

Случай на водахъ.

Венгерскій графъ Яносъ Гуль собрался провести, съ своею дочерью, лѣтній сезонъ на однихъ модныхъ водахъ въ Германіи. Молоденькая и прелестная графиня Елена, притомъ же владѣтельница значительнаго состоянія, доставшагося ей по наслѣдству отъ матери, графиня Елена, по пріѣздѣ тотчасъ же была окружена толпою поклонниковъ. Она же съ своей стороны какъ бы оказывала нѣкоторое предпочтеніе Альфреду фонъ-Венцелю, молодому, красивому и ловкому юношѣ, которымъ восхищалось все общество. Это былъ между тѣмъ извѣстный игрокъ и мотъ и графъ Яносъ стороною узналъ, что фонъ-Венцель долженъ былъ оставить Неаполь, вслѣдствіе какой-то неблаговидной исторіи, въ которую онъ былъ замѣшанъ.

Но Елена была совершенно ослѣплена молодымъ, блестящимъ щеголемъ и не слушала ни просьбъ, ни предостереженій своего отца. Она вовсе не хотѣла вѣрить невыгоднымъ слухамъ о своемъ обожателѣ. Дѣло приняло такой оборотъ, что графъ сталъ изыскивать средства, какимъ бы образомъ прекратить ухаживанія Альфреда и предотвратить несчастіе для дочери, ибо бракъ дочери съ такимъ человѣкомъ онъ справедливо считалъ бы несчастіемъ.

Ухаживанія Альфреда становились между тѣмъ все упорнѣе и подъ конецъ онъ сталъ даже настаивать, чтобы молодая графиня просто бѣжала съ нимъ и обвѣнчалась. Онъ послалъ къ ней записку, въ которой назначалъ ей свиданіе и именно въ такой часъ, въ который онъ зналъ, графъ Яносъ имѣетъ обыкновеніе просиживать за картами. Въ знакъ согласія Елена должна была приколоть розу у пояса.

Записка эта нечаянно попала въ руки графа Яноса, который, прочитавъ, отправился къ дочери и просилъ ее, чтобы она пошла съ нимъ погулять. Во время прогулки онъ далъ ей розу и просилъ приколоть ее у пояса. Она посмѣялась и исполнила желаніе отца. На гуляньи они встрѣтили Альфреда, который имъ раскланялся и казался очень обрадованнымъ, видя знакъ, что его желаніе будетъ исполнено.

Графъ отвелъ дочь къ одной своей знакомой и просилъ ее подождать его возвращенія. Самъ же отправился къ себѣ домой на виллу, расположенную въ саду, отослалъ прислугу и остался одинъ.

Въ назначенный часъ появился Альфредъ и перелѣзъ черезъ заборъ. Такъ какъ всѣ двери были заперты, то ему пришлось влѣзть въ окно. Въ самомъ возбужденномъ состояніи направился онъ въ комнату Елены. Но каково же было его удивленіе, когда вмѣсто дочери онъ увидѣлъ самаго графа Яноса, вооруженнаго револьверомъ, который заперъ двери...

— Милостивый государь, вы ворвались силой въ домъ и я могъ бы поступить съ вами, какъ съ преступникомъ, вы видите, что ничего не можетъ быть проще.

— Но, графъ, проговорилъ Альфредъ, дрожа и блѣднѣя отъ страха—я не воръ.

— Не воръ! вскричалъ графъ, что же вы послѣ этаго? Вы хотите украсть у меня дочь, украсть наслѣдницу громаднаго состоянія. Ваше письмо у меня. Я буду съ вами безпощаденъ. И если вы не сдѣлаете какъ я желаю, то я васъ положу на мѣстѣ.

— Но что же вамъ угодно?

— Вы немедленно должны уѣхать отсюда. По крайней мѣрѣ сто миль должны отдѣлять васъ отъ моей дочери, которую вы никогда и нигдѣ не должны болѣе видѣть. На ваши путевыя издержки я даю вамъ 20,000 гульденовъ.

Альфредъ хотѣлъ было говорить.

— Молчите! проговорилъ графъ громовымъ голосомъ. Повинуйтесь! Вонъ тамъ въ столѣ лежатъ деньги, возьмите ихъ.

Молодой человѣкъ рѣшился однако замѣтить.

— Позвольте мнѣ отказаться отъ вашего предложенія.

Рѣшительнымъ движеніемъ руки графа была отклонена притворная скромность Альфреда.

— Но столъ запертъ, сказалъ онъ.

— Такъ взломайте его, возразилъ графъ и подымая револьверъ онъ повторилъ: ломайте, или я прострѣлю вамъ голову.

Альфредъ повиновался.

— Хорошо, сказалъ графъ, деньги принадлежатъ вамъ. Есть съ вами какой-нибудь бумажникъ, по содержанію котораго можно бы было узнать, что онъ принадлежитъ вамъ.

— Да, есть.

— Тогда бросьте его, передъ столомъ, который вы взломали.

— Но къ чему же это?

— Я долженъ имѣть залогъ, который бы указывалъ именно на васъ. Я хочу имѣть доказательство кражи. Итакъ, выбирайте—названіе вора или смерть. Я вижу, вашъ выборъ сдѣланъ. И такъ идите. Я васъ не оставлю до тѣхъ поръ, пока вы не уйдете отсюда. Только завтра утромъ я подамъ въ полицію заявленіе. Ступайте!

Альфредъ ушелъ. Могъ ли онъ противиться? И графъ Яносъ въ точности исполнилъ свое обѣщаніе.

Случай этотъ въ свое время надѣлалъ много шуму и исцѣлилъ графиню Елену отъ ея увлеченія.

Королева-крестьянка.

Вдова маршала де Л'Опиталь, впослѣдствіи жена польскаго короля Казиміра, была первоначально прачкою въ Греноблѣ. Секретарь одного важнаго чиновника влюбился въ хорошенькую дѣвушку и долго не рѣшался на такой неравный бракъ, но наконецъ рѣшилъ жениться. На дѣвичникѣ, во время танцевъ, невѣста упала такъ неловко, что вызвала всеобщій смѣхъ. Женихъ обидѣлся насмѣшками и былъ такъ малодушенъ, что отказался обручиться съ нею.

Это вызвало много сплетенъ въ городѣ и даже начальникъ жениха пожелалъ видѣть бѣдную, покинутую дѣвушку. Важному сановнику такъ понравилась дѣвушка, что онъ самъ женился на ней.

Отъ природы очень изящная, молодая женщина старалась

пріобрѣсти сама то, чего не дало ей происхождеіе и воспитаніе. Она сдѣлалась въ полномъ смыслѣ слова дамой большаго свѣта, когда ея мужъ скончался. Онъ оставилъ ей большое состояніе, которое приносило ей значительный доходъ. Тогда она не пожелала оставаться болѣе на родинѣ, гдѣ всѣ знали ея прошлое и отправилась въ Парижъ, гдѣ скоро обратила на себя вниманіе. Ея умъ, красота и богатство доставили ей много поклонниковъ. Въ числѣ ихъ находился также маркизъ де Л'Опиталь, очень пріятный, хорошій, но съ разстроеннымъ состояніемъ человѣкъ. Его предпочла красавица другимъ соискателямъ и вышла за него замужъ. Ея довольно значительное состояніе онъ съумѣлъ прожить такъ скоро, что когда онъ вскорѣ умеръ, у молодой вдовы ничего уже не было, кромѣ ея красоты, которая осталась неизмѣнной.

Казиміръ, король польскій, который незадолго передъ этимъ отказался отъ престола и жилъ въ Парижѣ, полюбилъ молоденькую вдову и женился на ней; но этотъ бракъ долженъ былъ остаться въ тайнѣ, такъ какъ король обручился съ нею до церковнаго оглашенія. Но такое супружество не могло остаться тайной и вдовѣ маршала оказываемы были при дворѣ такія почести, какъ бы этотъ бракъ совершился торжественно. Послѣ своей смерти король сдѣлалъ ее наслѣдницей всего своего частнаго имущества и она до конца жизни была окружена почетомъ и обстановкой, соотвѣтственной ея званію.

Разныя извѣстія.

О памятникѣ Хмѣльницкому. Въ прошломъ 43 № помѣщая рисунокъ церкви Богдана Хмѣльницкаго, мы говорили, по поводу открытія памятника Богдану въ Кіевѣ, какъ смутны всѣ извѣстія объ этомъ и какъ желательно бы было разъясненіе обстоятельствъ открытія. Нынѣ даровитый художникъ М. О. Микѣшинъ, по поводу этой своей, самой блестящей работы, въ напечатанномъ имъ письмѣ говоритъ, что онъ „ждалъ, но не дождался опубликованія вѣрныхъ сообщеній отъ Кіевскаго комитета". Конная статуя Хмѣльницкаго, разобранная, получена была въ Кіевѣ и теперь находится въ полицейскомъ управленіи, за неимѣніемъ въ городѣ для нея помѣщенія.

„Все что удалось мнѣ претерпѣть, говоритъ М. О. Микѣшинъ, за время этой работы, невозможно перечислить въ краткомъ письмѣ, довольно будетъ здѣсь упомянуть лишь о томъ, что я четыре раза начиналъ колоссальную работу и ни разу не окончивъ ея, принуждаемъ бывалъ своими же руками разрушать ее, перекочевывать въ иную мастерскую, начинать тамъ снова и опять разрушать, пока наконецъ не удалось выстроить нарочно для того собственную мастерскую и тамъ окончить уже лѣпку группы; но лишь она была окончена, какъ желѣзные карсасы, которые были основаніемъ группы при всѣхъ ея начинаніяхъ, не выдержали тяжести глины, рушились, чуть не разруша всего зданія мастерской и чуть не погребая подъ собой рабочихъ-форматоровъ... Сдѣлавъ еще разъ ту же работу, снова ее удалось сформировать, отлить изъ гипса и изъ металла на заводѣ г. Берда, переправить въ Кіевъ, гдѣ въ концѣ концовъ и былъ внѣдренъ кочующій мѣдный всадникъ въ полицейскую кутузку!

Кончились ли на этомъ несчастія съ Хмѣльницкимъ, произойдутъ ли новыя ампутаціи съ проектомъ памятника и даже будетъ ли когда-нибудь окончень и оконченный уже открытъ этотъ монументъ, мнѣ не вѣдомо; но, судя по прошлому, можно и въ будущемъ ожидать подобныхъ же неудачь"...

Алмазы. Одинъ знатокъ алмазовъ въ Чикаго, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, утверждаетъ, что большая часть этихъ камней, извѣстныхъ подъ именемъ *солитеровъ* и выдаваемыхъ за цѣльные куски—въ дѣйствительности, состоятъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ алмазовъ, искусно сложенныхъ вмѣстѣ и отдѣляющихся другъ отъ друга подъ дѣйствіемъ паяльной трубки. Кромѣ того, онъ утверждаетъ еще, что всѣ алмазы, продающіеся въ Чикаго по непомѣрнымъ цѣнамъ, были забракованы въ Лондонѣ, какъ искусственные, имѣющіе изъяны или вообще негодные. Послѣднее если справедливо, то весьма странно.

Человѣкъ желѣзнаго вѣка. Газета „Italie" говоритъ, что въ Болоньѣ открыли погребальный склепъ, относящійся къ желѣзному вѣку, укрѣпляя фундаментъ одного дома на глубинѣ пяти аршинъ. Онъ былъ покрытъ слоемъ черепковъ римской глиняной посуды и обломками фигуръ красной глины Ареццо. По мнѣнію Гоццафини, эта древняя гробница не была разрываема до сихъ поръ. Въ ней нашли массу человѣческихъ останковъ разсыпавшихся въ прахъ при первомъ къ нимъ прикосновеніи. Орнаменты на найденныхъ вещахъ не вырѣзаны а оттиснуты, изъ чего люди компетентные справедливо заключили, что гробница не принадлежитъ къ типу самыхъ древнихъ желѣзнаго вѣка.

Изслѣдованія Гольфъ-Стрема. Правительство Соед. Сѣв. Американскихъ Штатовъ рѣшило произвести на Гольфъ-Стремѣ цѣлый рядъ изслѣдованій. Въ программу входятъ измѣренія глубины опредѣленія температуръ въ глубокихъ мѣстахъ, вообще различныя наблюденія. Эта ученая экспедиція будетъ имѣть большую важность.

Новый снарядъ, предувѣдомляющій о присутствіи газа въ рудникахъ. Извѣстны послѣдствія взрывовъ рудничнаго газа въ минахъ, отъ которыхъ гибнутъ тысячи жертвъ. Нельзя не привѣтствовать по этому изобрѣтенія доктора Ангуса Смита. Въ одно изъ засѣданій манчестерскаго геологическаго общества онъ представилъ инструментъ, долженствующій указывать на присутствіе рудничнаго газа въ минахъ. Этотъ инструментъ весьма похожъ на аппаратъ, хорошо извѣстный всякому занимавшемуся физикой, именно на аппаратъ, въ которомъ трутъ зажигается единственно отъ сжатія воздуха. Онъ состоитъ изъ латунной трубки, закрытой стекломъ съ одного конца. Внутри трубки помѣщается поршень, плотно закрывающій въ своемъ движеніи другой конецъ. Съ помощью крана вводятъ въ трубку газовую смѣсь, сжимаютъ ее затѣмъ и тогда кусокъ платиновой пѣны (mousse de platine), помѣщенный около стекла въ трубкѣ, багровѣетъ, *если взятая газовая смѣсь содержитъ въ себѣ рудничный газъ.*

Этотъ аппаратъ довольно чувствителенъ. Онъ можетъ показать присутствіе воспламеняющагося газа даже тогда, когда онъ входитъ въ смѣсь въ количествѣ лишь $2^1/_2$ процентовъ. Взрывъ, могущій произойти въ самой трубкѣ, не представляетъ собою ни малѣйшей опасности. Этотъ аппаратъ, названный изобрѣтателемъ *искрящейся трубкой* (tube etincelle), даетъ возможность предпринимать изслѣдованія безъ всякой опасности, такихъ минъ, въ которыя прежде боялись проникать, въ виду могущаго быть взрыва рудничнаго газа.

О патологическихъ отношеніяхъ между зрѣніемъ и слухомъ. Нѣкто г. Дранзартъ установилъ, что между зрѣніемъ и слухомъ существуютъ ближайшія соотношенія. Рана на глазу можетъ повлечь за собою глухоту, и операція, которой подвергаютъ глазъ, можетъ нѣсколько помочь глухотѣ.

Шашечная задача № 77.

Черныя.

29 30 31
25 28
21 22
17 19 20
13 14
10 11
5 6 7
1 4

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Рѣшеніе ребуса въ № 41 „Нивы".

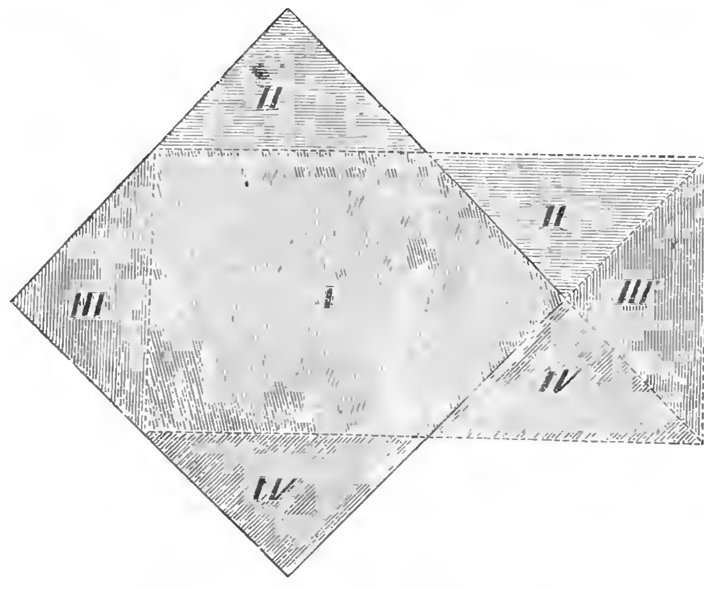
Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей—
На Волгѣ, ночью вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг. **Спб.** Татаринова, Паншина, Вака, Щенникова, Пароховщикова, Кудинова, Малинина, Валентины, Перегудова, Агапыча, Андреберъ, В—ва, Коста, Лагунова, Николаева, Глазкова, Киселева, Мартинсона, Киселева, Степанова, Муравьева, Анкудинова, Касаткина, Глушкова-Ржевскаго, Гранева, Иващенцова, Голубкова, Андреевскаго, Банникова, Леашина, Мотаина, Заверниева, Мищихана, Юргенсъ, **Москва**—Егоров., Самойлова, Рыбакова, Скухнорова, Шаецова, Шицкова, Корешкова, Аб—ва, Егорова, Силина, Кучумина, М. З. Б., Видлова, Сутьаова, Шмаҳова, Бухвалова, Масленаавова, Поповой, Селивановой, Никифорова, Красноворотскаго, Кучумина, Шишова, Соволова, Шершаaова, Трухина, Жагарева, Хрящикова, Войникова; **Брянскъ**—Матаѣева, **Валки**—Кугульбертъ, Сперанской, **Вильно**—Комаръ, Отвальдъ, **Витобоиъ**—Ратнеръ, Мацелева, Софронова, **Владиміръ**—Колзаaова, **Вологда**—Лоткова, Извощикова, **Высоко-Литовскъ**—Ельчаной, **Гельсингфорсъ**—Генрацы, **Дисна**—Ливотова, **Елецъ**—Рощупкина, Кожухова. Вороанкоасаой, **Ельна**—Богданова, **Злобино**—Пономарева, **Ив.-Вознесанскъ**—Трухина, **Кіевъ**—Ковалевскаго, **Клинъ**—Цыганова, **Коломна**—Сельвановскаго, **ст. Коломна**—Юрченко, **Кронштадтъ**—Вагина, Хатрово, Рыбкина, **ст. Курскъ**—Шнурова, **гор. Курскъ**—Дѣдова, Зеленцъ, **Луга**—Камарзина, **Люблинъ**—Попова, **Минскъ**—Круглика, **Нижній-Новгородъ**—Чигирина, **Новгородъ**—Пестреченко, **Новочеркаскъ**—Вофофо, **Одесса**—Рукавачникова, **Павловскъ**—Максамовой, **Покровъ**—Овчинниской, **Полтава**—Судейкина, **Раменское**—Шарова, **Ржевъ**—Культепина, **Рига**—Галчинскаго, **Ростовъ на Дону**—Барбашина, **Ростовъ Яр.**—Касатаина, **Рудня**—Бенедиктова, **Рязань**—Ларіонова, **Саратовъ**—Подъяпольскаго, Алѣева, **Стародубъ**—Касѣавна, **Сызрань**—Емельянова, Арзамасова, Ревякина, **м. Тверечь**—Спиридонова, **Тверь**—Чагина, Ушакова, **Тейково**—М—на, **Троки**—Третескаго, **Тульчинъ**—Щагина, **Угличъ**—Серебровскаго, **Удѣльная**—Коротенькаго, **Уидолъ**—Савинова, **Фаустово**—Серафимова, **Царицынъ**—Лускарева, **Черниговъ**—Ивановской, **Чорнь**—Зеленова, **Юхновъ**—Иванова, **Ярославль**—Оберблюмъ.

РЕБУСЪ.

Рѣшеніе геометрической задачи въ № 41 „Нивы“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.:** Эліаоберга, Аленіусъ, Кондратьева, Козлова, Кудинова, Иващенцева, Сигина, Роборовскаго, Петрова, Эрлихъ, Эмануэль, Грикурова, Бѣлевичъ-Станкевича, Юргенсъ, Банниковой, Мартинсонъ, Малинина, Пащинина, **Москва**—Крымова, Кокорина, Гиллъ, Коварскаго, Минофьева, Немога, Сутькова, Силича, Егорова, Самойлова; **Бейсагола**—Липшица, **Валки**—Кагульбертъ—Сперанской, **Варшава**—Сонова, Романенко, **Вологда**—Лоткова, **Гельсингфорсъ**—Яжинскаго, Генрицы, **Дерптъ**—Пилецкаго, **Ив. Вознесенскъ**—Новкова, Коровина, **Кіевъ**—Ковалевскаго, **ст. Клинъ**—Цыганова, **Кременчугъ**—Кантель, **Кронштадтъ**—Попова, Михайлова, **ст. Куронъ**—Шнурова, **г. Курскъ**—Дѣдова, **Луга**—Камарвина, **Минскъ**—Иванова, **Нижній Новгородъ**—Васильевой, **Новгородъ**—Руткизе, **Одесса**—Волохова, Руковичникова, **Петергофъ**—Гусарова; **Пенза**—Поспѣлова, **с. Печани**—Аржеухова, **Петрозаводскъ**—Куликовскаго, **Полтава**—Судейкина, **Пултускъ**—Шанскаго, **с. Раменское**—Шарова, **Ряжскъ**—Воронина, **Рязань**—Ларіоновой, **Сестрорѣцкъ**—Линдбергъ, **Сызрань**—Ревякина, **Тункумъ**—Милюкова, **Тульчинъ**—Щагина, **Шлиссельбургъ**—Ветошкина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 69.

Черныя.		Бѣлыя.	
Съ № 11	на № 15	Съ № 19	на № 12
„ № 9	„ № 5	„ № 1	„ № 4
„ № 31	„ № 18	„ № 21	„ № 14
„ № 24	„ № 11	„ № 14	„ № 7
„ № 30	„ № 23	„ № 17	„ № 13
„ № 23	„ № 10	„ № 13	„ № 9
„ № 10	„ № 5		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.** Карлсонъ, Печкина, Маркова, Журкина, Гумилевскаго-Холмецкаго, Геннингъ, Вологовскаго, Малинина, Скрыплева, Никифорова, **Москва** Розенбратъ, Войнякова, Ѳедотова, Зѣвакина, Шикалова, Сорокова, **Вязники**—Мухина, **Елецъ**—Валуйскаго, Морхоленко, **Клинъ**—Цыганова, **Краснослободскъ**—Дубровскаго, **Кронштадтъ**—Даржана, (Сашеньки) **Кузнецкъ**—Митропольскаго, **Курскъ**—Заводскаго, **с. Липѣцы**—Медвѣдникова, **Луга**—Камарвина, **Мокрая Калигорка**—Венціонъ-Циклисъ, **Муромъ**, Смольянинова, **с. Нижній Ландехъ**—Добротворскаго, **Нижній Новгородъ**—Чеснокова, Вовина, **ник.-Роменье**—Смирнова, **Потаневка**—Лебедева, **Рыбинскъ**—Ковазова, Дружкова, **Сапожокъ**—Бѣлявова, **Таганрогъ**—Тіанова, **Торжокъ**—Ширяева, **Тульчинъ**—Щагина.

Опечатка. Въ предъидущемъ 42 № на стр. 848 въ подписи подъ рисункомъ вмѣсто на р. Вологдѣ, слѣдуетъ читать **„на р. Сухнѣ“**.

Въ шахматной задачѣ № 77 слѣдуетъ на мѣсто G 7 бѣлая королева.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Спб. О. Крас—ой. Вы совершенно правы: надо именно пять красокъ. Наклеивается обыкновенно или гуммиарабикомъ, или же просто крахмаломъ.

Спб. В. Фиберъ. Карлову; **Москва** Г. Воборск, В. Зѣвакину; **Елисаветградъ** Ястрожебскому. Присланное помѣстимъ въ ближайшихъ №№.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Объявленія въ „Нивѣ“.

Такъ какъ „**Нива**“ самое распространенное изданіе въ Россіи, то и **объявленія** помѣщаемыя въ ней, равно какъ и приложенные прейсъ-куранты и т. п. получаютъ самое обширное распространеніе. Цѣна за объявленія весьма скромная, именно 25 к. за строку въ 4-ю долю страницы. При высокомъ качествѣ бумаги „Нивы“ и чистотѣ печати, даже самыя мелкія объявленія обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что журналъ не уничтожается, какъ ежедневныя газеты, а сохраняется и объявленія читаются въ теченіи года. Въ сравненіи съ заграничными иллюстрированными изданіями, печатающимися въ такомъ же количествѣ экземпляровъ какъ „Нива“, цѣна за объявленія на половину дешевле. Цѣна эта остается въ послѣдніе три года безъ измѣненія, не смотря на постоянное и значительное увеличеніе количества подписчиковъ.

К. № 973

НОВЫЯ АМЕРИКАНСКІЯ МЕЛЬНИЦЫ,

замѣняющія вполнѣ жернова, не требующія мельника и отличающіяся простотою, большою производительностью и дешевизною, требуя для помола того же количества хлѣба, ⅓ силы жерновов.

Вел. В вѣс. 16 п. измѣл. 10 пуд. въ часъ, при 2 л. силахъ, цѣна . . . . . . 150 р.
Вел. 5 вѣс. 20 п. измѣл. 15 пуд. въ часъ, при 4 л. силахъ, цѣна . . . . . . 200 р.
Вел. 3 вѣс. 30 п. измѣл. 20 пуд. въ часъ, при 6 л. силахъ, цѣна . . . . . . 300 р.
мучныя сортировки къ нимъ по 78 р.

Штифтовыя молотилки.

лучшія изъ всѣхъ существующихъ системъ. Ручныя 85 р., съ 1-конновымъ приводомъ 225 р., большая двухъ конная съ соломотрясомъ и приводомъ 340 р.

Сѣнные прессы ручные по 175 р.

Безпрерывно вращающ. ручной кирпичный прессъ.

Самый прочный, простой и дешевый. Тремя рабочими можетъ быть изготовлено въ сутки отъ 4 до 5000 кирпичей, получая ихъ той же крѣпости, какъ при ручной прессовкѣ. Вѣсъ пресса 50 пуд. цѣна 300 руб.
Локомобили, паровыя машины, котлы, токарные и проч. станки, плуги, бороны, вѣялки, соломорѣзки, сѣялки, насосы, пожарныя трубы и пр., и пр., имѣются въ наличности у

ТОВАРИЩЕСТВА
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ Вас. Остр., 1 линія, № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
№ 911 5—5

К. № 915 7—3

Настоящія американскія швейныя машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,

съ кривою или прямою иголкою.

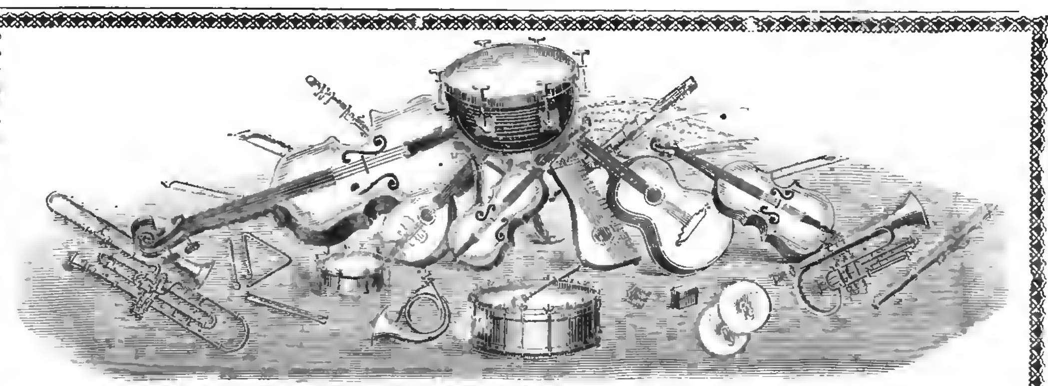
Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:
а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.
б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.
Лучшія нѣмецк. ручныя машины.
Машины для плиссе и плойки.
Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.

Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Юлія Генриха Циммермана.
С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученные изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ Парижскихъ, Вѣнскихъ и Итальянскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

Скрипки по 2½ р., 5 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р., 100 р. и дор.
Смычки для скрипокъ по 50 к., 1¼ р., 2 р., 3 р., 6 р., 10 р. и дор.
Футляры для скрипокъ по 5 р., 6 р., 10 р., 12 р., 20 р.
Школы для скрипки (самоучитель) по 2 р., 3 р., 4 р. и 5 р.
Альты по 9 р., 15 р.; 30 р., 50 р. и дор.
Віолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 80 р., 100 р. и дор.
Контрабасы по 45 р., 65 р., 100 р., 120 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р., 75 р. и дор.
Школы для цитры по 2 р. и 3½ р.,
Гитары по 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
Школы для гитары (самоучитель) по 1½ р., 2 р., 3 р.
Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскія струны для всѣхъ инструментовъ.
Камертоны, метрономы и всѣ принадлежности.
Желѣзные складные пюпитры по 2½ р., 5 р., 6 р.
Шарманки по 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскіе ручные органы по 150 р., 200 р., 250 р.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 35 р. 50 р., 65 р., 90 р., 100 р. и дор.
Нѣмецкія ручныя гармоніи по 4½ р., 5½ р., 7 р., 10 р., 12 р. 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р. и дор.
Самоучитель для гармоніи 1 р., 4 тетради нотъ по 75 к.

Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р. и 100 р.
Школа для корнета-а-пистонъ по 1½ р., 4 р. и 5 р.
Трубы, альтгорны, теноргорны, баритоны, тромбоны, вальтгорны, басы, сигнальные рожки для охоты, желѣзныхъ дорогъ, и для горнистовъ.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
Школа для флейты (самоучитель) по 1½ р., 3 р.
Пиколо флейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 16 р.
Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р., 60 р.
Школа для кларнета 4 р.
Флажолеты по 3 р., 5 р., 8 р., 10 р.
Чаканы по 5 р., 8 р., 10 р., 15 р.,
Школа для чакана 2 р. 85 к.
Барабаны турецкіе барабаны, литавры, бубны, тарелки, треугольники, бунчуки, кастаньеты, металлофоны, окарины.
Нѣмецкія концертино по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р.
Школа для нѣмецкихъ концертино 75 к., ноты по 40 к. и 1 р.
Англійскія концертино по 30 р., 38 р., 45 р., 70 р., 100 р., 125 р., 160 и 200 р.
Школа для англійскаго концертино 3 р.
Парижскія гармонифлюты по 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р.
Фисгармоніи извѣстнаго фабриканта Бюссона въ Парижѣ по 90 р., 100 р., 120 р., 150 р., 175 р., 250 р., 400 р.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

В. № 958 Всѣ эти инструменты очень удобны для подарковъ къ рождеству. 3—2

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ
„НОВОСТИ“
и
„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на ½ года для иног. и гор. 5 р., на 1 мѣс. для иногор. и городск. 1 руб. СПБ. Гороховая, 32, близъ каменнаго театра. К. № 909. 10—6

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ!

Ландшафты, ручной живописи, великолѣпные виды Швейцаріи, въ роскошно-золоченныхъ рамкахъ, величиною 1½ арш., продаются случайно за безцѣнокъ. Казанская ул., напротивъ Зимина пер. д. № 3, кв. 20, тутъ же продаются двѣ вазы, другія вещи и новая енотовая шуба. № 979

СОТРУДНИКИ НУЖНЫ изъ всѣхъ мѣстностей Россіи для составленія сборника „Судъ Присяжныхъ въ Россіи“. Условія и способы сотрудничества (отдѣльная брошюра) высылаются всѣмъ желающимъ за 14 поч. сер. почт. марками. Адресовать: Москва, Живодерка, домъ Некрасовой. Товар. прокур. Н. Н. Тимофѣеву. № 966

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ глистовъ спеціальное и скорое излеченіе въ Гигіенической Лечебницѣ. Петербургъ, Владимірская ул., д. № 15. Леченіе возможно и письменное. Тутъ-же лечатся и отъ сыпи (лица), заразительныхъ болѣзней. К. № 961 10—2

КЁЛЕРСКАЯ
ДУШИСТАЯ ВОДА
Ц. № 902 13—6

КНИГИ прод., пок. и прин. на коммисію. Казань, книж. маг. Александра Ильича Овчинникова. Объ этой торговлѣ уже 9-й годъ (1871 г.) публ., почти постоянно, въ Казан. газет. и мно. друг. Бываютъ библ. рѣдкости XVI—XIX в. № 916 5—4.

АКУШЕРКА ИНОЗЕМЦЕВА,

имѣетъ свободными хорошее помѣщеніе для родильницъ и пріѣзжихъ больныхъ. Беретъ на воспитаніе дѣтей. Тверской бульваръ, на церковномъ дворѣ церкви св. Іоанна Богослова, въ домѣ священника. М. № 978

ВЪ ЦЕНТРѢ ГОРОДА.

На свадебные вечера и поминальные ОБѢДЫ, очень дешево и добросовѣстно выполняетъ заказы. Кухмистеръ А. Шеметовъ., Казанск. ул., д. № 37. к. № 4. № 945 3—3

Собственной работы! получившія награду въ Дюссельдорфѣ 1880 г. за „отличныя качества“

СКРИПКИ

отъ 4—30 М., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 М.
Смычки 1—30 М., **футляры** 3½—40 М. **Гитары** 4—50 М. **Струны** превосходной прочности съ ручательствомъ. Патент. **нѣмая скрипка** для ученія (собственное изобрѣтеніе). **Альты, віолончели и басы. Починки!** ремон. Аполлин. Контскій, Дир. Варш. Консерв., Вильгельми, Сарасате, Сора, Зингеръ и т. д. **Вывозъ** за границу. Торговцамъ скидка. Прейсъ-куранты безплатно.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ,
КРЕЙЦНАХЪ. К. № 956. 3—2

МЫЛО — **„SAVON AU LAIT DE LYS DE LOHSE“.**

Получившее извѣстность, какъ единственное и лучшее изъ мылъ, смягчающее кожу и способствующее ея бѣлизнѣ; всѣ обычные недостатки мыла здѣсь тщательно устранены и по чистотѣ, мягкости, нѣжности запаха, онъ превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя мыла.

Безъ запаха 1 кусокъ—50 к.
Съ запахомъ турецкой розы 1 кусокъ 1 р. 50 к.

GUSTAVE LOHSE

парфюмеръ-химикъ.
Поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи изобрѣтатель
Eau de Lys de Lohse.
Berlin Jägerstrasse, 46.
Продается во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ магазинахъ. К. № 801 3—1

ОБЩЕСТВО ВОДОЧНАГО ЗАВОДА
БЕКМАНЪ И К°,

устроило рядомъ со своимъ водочнымъ заводомъ, въ совершенно новомъ, исключительно для сего приспособленномъ зданіи и открыло въ январѣ 1880 г.

ЗАВЕДЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

подъ тою же фирмою **Бекманъ и К°**, въ которомъ приготовляются также ягодныя и фруктовыя воды, а равно и лимонады.

Коломенской части, Перевозная ул., д. № 6. К. № 863 10—10.

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб
Большая Морская д. № 9.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
Всеволода Крестовскаго.
(автора „Петербургскихъ Трущобъ“) 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 к. для подписч. „НИВЫ“ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЫ“ 1880 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

ИЗВѢСТНЫЕ КОРСЕТЫ Мерсіо: дамскіе 3, 4, 5, 6 р.; дѣтскіе, по возрасту, отъ 1 р. д 4 р. 50 к. *Главн. магаз. Мерсіо, Большая Морская, д. № 89, Спб.* № 929 10—4

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ 2-хъ част. *Н. Каразина съ 20 рисунками автора*, печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что краснорѣчиво говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы“ 1 р. 80 к., съ перес. 2 р.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ С. В. ВЕДЕРНИКОВА

Гостинный дворъ, № 123.

Получилъ для **осенняго и зимняго сезона** готовыхъ дамскихъ вещей

ПАРИЖСКІЯ МОДЕЛИ

Пальто, мантеле, жакеты и Sur-touts.

Фасоны: Fanchonette, Richard, Stuart, Dinorah, Faust, Attaché Chinois, Tirol, Lutin

Изъ матерій: Pelusch, Rips-long, Bombé, Jung, Baccaccio, Camtschatka, Zullu-noppe и др. модн. полушелк. и шерст. тканей.

Большой выборъ осеннихъ вещей, приготовленныхъ по моделямъ, изъ Бархата, Сесльянъ Драпъ-де-Суа, Кашмиръ-Суа, Сатинъ-Суа и Армюръ.

ДАМСКІЕ КОСТЮМЫ

Модели: и приготовленные по онымъ изъ разныхъ новѣйшихъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей.

Большой выборъ дѣтскихъ нарядовъ, мѣховыхъ вещей, мѣховъ разныхъ и мѣховыхъ отдѣлокъ.

PS. Модели могутъ быть получены по истеченіи 3-хъ дней со дня покупки.

Магазинъ принимаетъ заказы только изъ матерій, выборъ которыхъ находится въ магазинѣ.

№ 925 3—3

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золот. тисненіемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую коленкоровую крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВЫ" прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.
Большая Морская, д. № 9.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, *второе изданіе*, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 р.**, съ перес. **2 р. 30 к.** Подписчики „Нивы" за перес. не платятъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

„НИВА"

1878 года. И **1879** года.

Каждый томъ заключаетъ въ себѣ 30—40 повѣстей и разсказовъ большіе романы—историческіе и изъ современной жизни—отъ 700—2000 рисунковъ, гравюръ и чертежей и приложеніе „Парижскія моды" съ выкройками. Помѣщенные въ каждомъ томѣ повѣсти романы и разсказы въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе 20 рублей, не считая еще массы статей и очерковъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, искуствъ и современной жизни и проч. Каждый покупатель тома „Нивы" имѣетъ право на полученіе всѣхъ приложенныхъ къ нему безплатныхъ премій.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ Т. Е. ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Брошюрованному:	Въ простомъ перепл.	Въ каленкор. перепл.
Безъ перес. 4 р. — к.	Безъ перес. 4 р. 75 к.	Безъ перес. 5 р. 50 к.
Съ перес. 5 „ 50 „	Съ перес. 6 „ 25 „	Съ перес. 7 „ — „

Пріобрѣтающіе оба тома разомъ получаютъ 25 % уступки, (но только съ книги, а не съ переплета или пересылки).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.
ФЕНОЛЬ
для очищенія воздуха въ комнатахъ.

КАРБОЛОВЫЯ:	САЛИЦИЛОВЫЯ:
УКСУСЪ туалетный.	**ЗУБНОЙ** эликсиръ и порошокъ.
УКСУСЪ курительный.	**ТУАЛЕТНОЕ** мыло.
МЫЛО и эликсиръ.	**ТУАЛЕТНАЯ** вода.

Жидкость для уничтоженія
Зловонія и міазмъ въ разныхъ сосудахъ, въ помойныхъ ямахъ и пр.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) **Невскій проспектъ, д. № 32,** Католич. церкви.
2) **Невскій просп.,** у Аничкова моста, № 66.
3) **Вознесенскій просп.,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.**

№ 938 2—2

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПРОВОЛОКА,

изолирована нитками, бумагою и шелкомъ, изготовляется въ мастерской **Бухгольца**. С.-Петерб., Надежд. ул., д. № 18, кв. 30. К. № 971

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Календари на 1881 г. изд. А. Гатцука:

КРЕСТНЫЙ
ЦѢНА **15** КОП.

Съ большимъ количествомъ рисунковъ, картами „Европейской Россіи" и „Средней Азіи" съ **преміею**—портретъ Императора Александра II и дѣятелей его 25-ти лѣтняго царствованія.

КРЕСТОВЫЙ
ЦѢНА **10** КОП.

Съ рисунками и картой „Европейской Россіи". Предупреждаемъ отъ поддѣлокъ. Въ КРЕСТОВОМЪ смотрите фамилію редактора А. Гатцука.

ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ ИНОГОРОДНЫМЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ:

До 1,000 вер. на 1 р.—6 экз. 2 р.—13 экз. 3 р.—20 экз. 7 р.—52 экз. 15 р.—112 экз.

Свыше 1,000 вер. на 1 р.—5 экз. 2 р.—11 экз. 3 р.—18 экз. 7 р.—45 экз. 15 р.—100 экз.

До 1,000 вер. на 1 р.—9 экз 2 р.—20 экз. 3 р.—30 экз. 5 р.—55 экз. 10 р.—115 экз.

Свыше 1,000 вер. на 1 р.—7 экз. 2 р.—17 экз 3 р.—26 экз. 5 р.—50 экз. 10 р.—100 экз.

Гг. торговцамъ дѣлается уступка отъ **20** до **25%** съ рубля.
Пересылка на счетъ покупателя.

Адресъ Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. № 275

Складъ Календарей въ Москвѣ у книгопродавца **Алексѣя Дм. Ступина,** на Никольской улицѣ, домъ Заиконоспасскаго монастыря.

№ 965 1—1

БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ
ФАБРИКИ
Брокаръ и Ко. въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемірной Парижской выставкѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ:

У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у прочихъ торговцевъ.

м. № 963 5—1

Дозволено цензурою СПБ. 30 октября 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Зезмана, Адмир. пр. № 10.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XI годъ № 45 — годъ XI 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис)
Выданъ 8 Ноября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Будущій президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Соединенные Штаты уже имѣютъ, можно сказать, новаго президента, въ лицѣ столь неожиданно выбраннаго первымъ кандидатомъ Джемса Гарфильда, сенатора штата Огайо. Въ виду этаго обстоятельства, біографическія свѣдѣнія о будущемъ государственномъ дѣятелѣ имѣютъ, конечно, живой интересъ.

Гарфильдъ изъ бѣднаго семейства, живущаго въ штатѣ Огай, близъ озера Эри. Онъ представляетъ образецъ человѣка, обязаннаго всѣмъ лишь себѣ одному. Лишенный всякаго почти школьнаго образованія, онъ, чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова, именно тянулъ въ юности лямку: онъ былъ погонщикомъ лошадей на тягѣ судовъ по каналамъ, позднѣе самъ управлялъ однимъ изъ такихъ судовъ, затѣмъ сдѣлался плотникомъ и столяромъ. Послѣ такихъ занятій, столь мало имѣющихъ отношенія къ умственному труду, онъ все-таки съумѣлъ найти возможность на столько ознакомиться съ науками, что достигъ званія учителя, а впослѣдствіи даже профессора одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но едва вспыхнула междоусобная война, онъ является на поле битвы въ качествѣ волонтера, и въ короткое время уже становится въ главѣ отряда добровольцевъ. Къ концу войны его дѣятельность оказалась на столько блестяща, что дала ему возможность достигнуть званія бригаднаго генерала. Вездѣ, гдѣ была опасность, гдѣ требовалась желѣзная выдержка, ловкость, предусмотрительность, — тамъ былъ Гарфильдъ съ его огайцами. Раненный, но выздоровѣвшій возвратился онъ, по окончаніи кампаніи, домой. Нашъ портретъ относится именно къ этой эпохѣ его жизни, но и теперь, послѣ пятнадцати лѣтъ, онъ вполнѣ сохранилъ свою тогдашнюю моложавость. Въ настоящее время онъ смотритъ только болѣе возмужалымъ. Типъ его нисколько не американскій, а скорѣе приближается къ германскому. Его манера говорить и обращеніе также несвойственны янки. Вмѣсто обычной янки молчаливости, серьезности, почти угрюмости, — Гарфильдъ отличается сообщительностью, вѣжливостью, чуть не юношески жи-

Джемсъ Гарфильдъ.

вымъ обращеніемъ—и теперь какъ-бы помимо своей воли очутился въ центрѣ громаднаго круга, которымъ ему придется править. Его мужественная красота, шестифутовый ростъ, юпитеровская голова, невольно приковываютъ къ себѣ взоръ, въ соединеніи съ мягкимъ выраженіемъ голубыхъ глазъ и здоровымъ, свѣжимъ цвѣтомъ лица. Онъ живетъ съ семьей въ Вашингтонѣ; жена его также искусно умѣетъ управлять своимъ салономъ, соединяющимъ въ себѣ высшее вашингтонское общество, какъ и своими мнѣніями, когда мужъ занятъ дѣлами общественными. Съ 1865 г. Гарфильдъ состоитъ членомъ конгресса и уже нѣсколько лѣтъ сенаторомъ. Послѣ весьма непродолжительнаго пребыванія въ палатѣ депутатовъ, онъ съумѣлъ занять въ ней весьма видное положеніе. Его быстрая сообразительность, природное краснорѣчіе, остроуміе и сарказмъ, столь необходимые американскому оратору, его прямота и рѣшительность дѣйствій противъ претензій возвратившихся мятежниковъ, поставили его на такое высокое мѣсто, что общественное мнѣніе открыто указывало на него, какъ на „coming man", т. е. будущаго главу государства. Только онъ одинъ не замѣчалъ своего значенія, такъ какъ ни онъ самъ, ни его друзья не выставляли никогда впередъ его имени. Когда же послѣдніе мѣсяцы шла избирательная борьба, о Гарфильдѣ совсѣмъ не было рѣчи. Вокругъ Гранта, Блэна, Шермана и др. стояли многочисленные друзья, и вся выборная борьба сосредоточилась около первыхъ трехъ. Грантъ въ особенности имѣлъ прочную опору въ могущественномъ вліяніи сенаторовъ—Конклина—штата Нью Іорка, и Логана — представителя штата Иллинойсъ. Конклинъ, чистый представитель кавказской расы, аристократъ, тонкій, проницательный и опытный, благодаря своему 20-тилѣтнему пребыванію въ сенатѣ, замѣтный дѣятель, оракулъ и всегдашній заступникъ интересовъ восточныхъ штатовъ, и Логанъ, полу-индіецъ, не очень разборчивый на средства, представитель „великаго запада",—казалось бы могли добиться избранія Гранта въ третій разъ. Но именно то, что это будетъ въ третій разъ, возстановило противъ бывшаго президента многочисленную партію, и главнымъ образомъ германскій элементъ, возставшій, впрочемъ, не противъ его личности, но изъ опасенія за республиканскіе принципы страны, недозволяющіе троекратнаго избранія одного и того-же лица. Выборъ Гранта, имѣющаго столько приверженцевъ между должностными лицами и при которомъ господствовалъ непотизмъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, представлялся, конечно, тѣмъ болѣе опаснымъ. Борьба между приверженцами и противниками Гранта, дошла, подъ конецъ, до такой степени, что эти послѣдніе заявили о своемъ намѣреніи выставить, въ случаѣ выбора Гранта конвентомъ въ Чикаго, отдѣльнаго, также республиканскаго кандидата. Осуществленію этого намѣренія старались помогать, всѣми силами, демократы, желая укрѣпить побѣду всецѣло за своей партіей. Избирательное собраніе насчитывало 756 голосовъ, изъ которыхъ 379 должны были составить необходимое для кандидатовъ большинство. Во время первой баллотировки Грантъ получилъ 297, Блэнъ —278, Шерманъ—113 голосовъ, остальные раздѣлились между другими кандидатами. Такимъ образомъ ни одинъ изъ нихъ не получилъ требуемаго большинства. Во время слѣдующихъ 36 баллотировокъ, Грантовская партія осталась вѣрною ему, въ лагеряхъ другихъ кандидатовъ замѣчались уже несогласія, но вожаки его партіи уже убѣдились, что побѣда для нихъ невозможна, такъ какъ имъ неудалось привлечь на свою сторону болѣе 306 голосовъ. Блэнъ и Шерманъ также получили отъ своихъ друзей телеграммы, что надежды нѣтъ никакой, и что остается имъ, какъ патріотамъ, отдать свои голоса уже генералу Гарфильду. Такимъ образомъ, въ послѣднюю минуту явился неожиданный побѣдитель, привлекшій на свою сторону и враждебные лагери.

Лѣсникъ.

Разсказъ

Б. М. Маркевича.

(Окончаніе).

XII.

Не доѣзжая Хомяковъ, Пинна Афанасьевна увидѣла вдругъ прямо передъ собою на дорогѣ такую-же быструю лошадку, запряженную въ бѣговыя дрожки, катившія ей на встрѣчу. Она прищурилась, склонивъ на бокъ голову—и узнала черезъ мигъ, въ сидѣвшемъ верхомъ на этихъ дрожкахъ, конторщика Спиридона Ивановича, и въ конѣ—его коренника, изъ хорошо извѣстной ей тройки вятокъ Софрона Артемьича Барабаша.

Онъ тоже узналъ ее издалека, и сорвавъ картузъ съ головы, замахалъ ей, неистово кивая притомъ головою и махая локтями, словно откормленный гусь, намѣревающійся летѣть.

— „Что это за телеграфическіе знаки?" спрашивала она себя въ изумленіи.

Еще минута—до нея донесся его хриплый отъ спѣха и волненія голосъ:

— Нашлись... Живы! живы, Пинна Афанасьевна!

— Что вы говорите? Кто? растерянная залепетала она, судорожно задерживая возжи.

Онъ докатилъ до нея, остановился:

— Они-съ, баринъ, Валентинъ Алексѣичъ... Чудомъ-съ, просто чудомъ... Живы!..

— Да что вы это!.. Въ самомъ дѣлѣ? Вы его видѣли?

— Не видалъ, въ городѣ они... Софронъ Артемьичъ сейчасъ къ нимъ на почтовыхъ поскакали, а мнѣ приказали немедля Ивана Николаича отыскать, передать, значитъ, ему...

— Я его сейчасъ видѣла, перебила Пинна Афанасьевна,—онъ безумствуетъ, я съ нимъ даже поссорилась и уѣхала.., Она вдругъ засмѣялась подъ приливомъ какаго-то всю ее разомъ охватившаго теперь, безконечно радостнаго чувства:—вотъ мы теперь и помиримся... Ахъ, какъ-же будетъ онъ радъ... Да вы это вѣрно, вѣрно говорите, Спиридонъ Иванычъ, заспѣшила она;—и отчего онъ это въ городѣ очутился, и какъ же два дня его искали всѣмъ селомъ и на слѣдъ не попали, и эта шляпа его тутъ надъ Логомъ а его нѣтъ...

— Сказываю вамъ, чудомъ, Пинна Афанасьевна; дѣйствительно, что окромѣ Бога, Спаса нашего, никому того невозможно приписать.

Пинна Афанасьевна, какъ извѣстно, смотрѣла свысока на подобнаго рода „предразсудки". Но въ эту минуту она чувствовала себя такою счастливою, что готова была и въ нихъ повѣрить, да и ужь очень любопытно было ей узнать скорѣе въ чемъ именно состояло „чудо".

— Вотъ что, Спиридонъ Иванычъ, сказала она,—привяжите вашу вятку къ задку моей тележки, а сами садитесь ко мнѣ. Я сейчасъ оберну. Вы мнѣ дорогой всю эту исторію и разскажите... Господи, какъ-же это хорошо, что онъ нашелся!

— Истинно такъ, Пинна Афанасьевна! А я вамъ съ моимъ удовольствіемъ, какъ слѣдуетъ, передамъ.

— Сидимъ-съ это мы съ Софрономъ Артемьичемъ, началъ онъ, когда умѣстившись рядомъ съ нею покатили они по направленію Лога, на берегу котораго заполчаса предъ тѣмъ оставила дѣвушка своего „безумствующаго" поклонника,—сидимъ-съ, сами изволите понимать, на подоби, можно сказать, того какъ у псалмопѣвца сказано: „на рѣкахъ Вавилонскихъ сѣдохомъ и плакахомъ"... И вдругъ-съ раздается колоколецъ и къ намъ на дворъ пара, и видимъ Николай Дмитричъ, можетъ изволите знать, письмоводитель господина исправника. Сейчасъ къ Софрону Артемьичу,—письмо, а самъ ничего не говоритъ, только этакая усмѣшка лукавая подъ усами и глядитъ намъ прямо въ глаза. А Софронъ Артемьичъ, какъ только вскрылъ конвертъ, да по письму повелъ глазами, такъ я, грѣшный человѣкъ, даже подумалъ, что они тутъ, не дай Богъ, ума лишатся...

— Отъ радости, разумѣется? перебила еще разъ Пинна Афанасьевна;—да разсказывайте скорѣе, голубчикъ! подгоняла она его.

Конторщикъ чуть чуть сконфузился и продолжалъ:

— Дѣло это, собственно говоря, такъ вышло.., Управляющаго графа Клейнгельма, Василья Ивановича Брауна изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю. А слышала...

— Человѣкъ настоящій, можно сказать, правильный... Только вотъ этотъ самый господинъ Браунъ, какъ у насъ постоянно бываетъ надобность по дѣламъ въ городъ, и вздумали они поѣхать съ винокуромъ ихнимъ,—тоже изъ нѣмцевъ, фамилія ему Клейстъ. Въ самый, то есть, это вечеръ когда случилось это самое съ Валентиномъ Алексѣичемъ—третьяго дня значитъ... А дорога имъ отъ графскаго имѣнія мимо нашего Крусанова на Вислоухово,—а оттелева до города еще верстъ пятнадцать и подалѣе будетъ. Только у этаго самаго Василья Иваныча Брауна кучеръ—мудреный этакій, знаете, нравный, твердый человѣкъ, а только ужь упрямъ очень. Занялись этто Василій Иванычъ, разговорились съ винокуромъ и не замѣтили какъ онъ вдругъ, этотъ самый кучеръ, замѣсто какъ всегда по дорогѣ прямо, не доѣзжая Крусанова, да влѣво возьми въ объѣздъ. Только, проѣхамши такъ съ версту, оглянулись: „Ты, говоритъ, куда-жъ это теперь прешь?“ А тотъ ему на это: „А тутъ, говоритъ, ближе много будетъ“.—„Да что ты, говорятъ ему, тутъ и дороги проѣзжей нѣтъ“.—„Чего нѣтъ, бормочетъ, проѣдемъ, не извольте безпокоиться“. А оно дѣйствительно, что тутъ крестьяне постоянно проѣзжаютъ зимою, а лѣтомъ избѣгаютъ, потому по надъ самымъ *Вѣдьминымъ Логомъ*,—съ той его стороны, значитъ, дорога эта ведетъ,—ну, а они, особенно если вечеромъ, опасаются по своему суевѣрію... Такъ и оставилъ Василій Иванычъ, только говоритъ ему: „Смотри, гроза вотъ сейчасъ, какъ бы намъ не засѣсть въ какомъ мѣстѣ“. —„Ничего, говоритъ, проѣдемъ“!.. И поистинѣ можно сказать, Пинна Афанасьевна. (Спиридонъ Иванычъ снялъ картузъ и истово перекрестился), что самъ Творецъ Небесный направилъ ихъ по этой самой дорогѣ. Потому только они къ этому мѣсту по надъ *Логомъ* подъѣзжать стали, какъ хлыснетъ вдругъ молнія, да съ этимъ дождище,—ну, ну изволите сами знать, что за страсть въ эту пору была!.. Взлобокъ тутъ есть одинъ, подняться надо, а оттедова спустясь, сейчасъ круто вправо принять требуется, опять на подъемъ, лѣсомъ. Вотъ взъѣхали они,—спускаться начали... А тутъ повернуть куда—и не видать. Потому чаща, да темь эта вдругъ сдѣлалась, и сверху то гремитъ, льетъ вода ведрами,—адъ кромѣшный, просто страхота! Ни впередъ, ни взадъ,—не дай Господи... И Спиридонъ Иванычъ перекрестился еще разъ.

— Ахъ, Господи, какъ вы томительно разсказываете! воскликнула дѣвушка;—винокуръ какой-то, Василій Иванычъ, кучеръ,—при чемъ они тутъ? Я васъ про вашего Валентина Алексѣича просила разсказать...

— А вотъ-съ, вы извольте дослушать, благодушно усмѣхнулся на это многорѣчивый конторщикъ, такъ и все узнаете... Въ этомъ, значитъ, находясь затрудненіи, что ни туда, ни сюда, рѣшились они переждать пока гроза пройдетъ. Подняли верхъ, фартукъ пристегнули, —хорошая у нихъ бричка, вѣнская, по случаю, знаю, въ Витебскѣ купили отъ одного пана,—ждутъ. Кучеръ передъ лошадьми, до костей промокъ,—а все стоитъ потому опасно, отъ ударовъ этихъ, отъ грома дрожмя ажно дрожатъ кони, такъ чтобы не вскинулись вдругъ, не расшибли.. Вотъ-съ такимъ манеромъ и не часъ, не два пришлось имъ тутъ простоять, будто въ колодезѣ какомъ-то, потому вода и сверху и снизу. Берегъ-то тотъ, изволите знать, гораздо возвышеннѣе супротивъ того, что отъ Хомяковъ, по которому Валентинъ Алексѣичъ, по встрѣчѣ съ вами, отправился; одначе отъ того количества воды и его затоплять стало,—до самой почти ихъ брички, повѣрите, приливала, а такъ, сказываютъ они, почитать надо, что отъ самаго этаго мѣста гдѣ стояли они шаговъ полтораста, если и не болѣе, отъ настоящаго, въ сухое, то есть, время, берега должно быть...

— Ну, а Валентинъ Алексѣичъ гдѣ-же? даже притопнула съ досады ногою по дну своей *нетычанки* нетерпѣливая Пинна Афанасьевна.

— Вотъ-съ, вотъ-съ тутъ самое сейчасъ и о нихъ... Такъ-съ пока они тутъ въ темнотѣ, да въ сырости и большомъ, можно сказать, страхѣ пребывали, и начало наконецъ стихать, удаляться громъ сталъ... Вдругъ слышатъ не подалеку отъ нихъ собака визжитъ, да такъ жалостно, говорятъ, будто человѣкъ стонетъ... Василій Иванычъ этто слушалъ, слушалъ:—„Вынь, говоритъ кучеру, фонарь, подь сюда!“—а у нихъ-то, докладывалъ вамъ, бричка хорошая, какъ надо быть, со всѣмъ приборомъ, съ фонарями. Взялъ онъ его себѣ подъ фартукъ, добылъ спичекъ, и хоть съ трудомъ, потому сами понимаете, мокреть вѣдь—зажегъ свѣчку въ немъ. „На, говоритъ, иди на вой, что за песъ“!—а самъ возжи въ руки взялъ. Вотъ-съ кучеръ, взямши этотъ самый фонарь, да по водѣ по щиколку, говорю, залило все кругомъ,—и побрелъ, значитъ, на этотъ, такъ сказать, гласъ песій... Видитъ, дѣйствительно, пестрое быдто пятно къ дереву прислонилась, носомъ книзу уткнувшись, скулитъ. Онъ ближе,—охотницкая собака въ ошейникѣ, сетерокъ бѣлый съ пятнами...

— Его *Джимъ*! воскликнула дѣвушка.

— Точно такъ-съ! И Спиридонъ Иванычъ съ большой радостью припрыгнулъ всѣмъ тѣломъ на своемъ сидѣньи,—самое вотъ это есть *необнаковенное* обстоятельство. Потому еслибъ не собаченка эта, и что этотъ самый господинъ Браунъ, Василій Иванычъ, по мягкосердью душевному обратилъ вниманіе, то такъ бы...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ все болѣе и болѣе возрастающее нетерпѣніе въ чертахъ своей спутницы, и заспѣшилъ опять къ фактической сторонѣ своего разсказа:

— Сталъ ее кучеръ звать, — нейдетъ—визжитъ все также жалостливо, хвостомъ машетъ и носомъ будто что указываетъ. Онъ фонарь свой поднялъ—кругомъ обвелъ... да вдругъ какъ крикнетъ: „Мертвецъ!“ Самъ-то чуть съ ногъ не свалился, говоритъ, такъ испужался... Услышавши это, Василій Иванычъ сейчасъ винокуру возжи передалъ, самъ выскочилъ, подбѣгаетъ... Лежитъ, дѣйствительно, нѣкій человѣкъ ничкомъ, по поясъ въ водѣ, а рука за корень дубовый уцѣпилась, да и замертвѣла на немъ...

— Это былъ Валентинъ Алексѣичъ?

Конторщикъ таинственно и какъ бы даже съ лукавствомъ повелъ головою:

— Неизвѣстное имъ, собственно сказать, лице-съ.

— Какъ же онъ очутился тутъ?

— А такъ понимать надо что теченіемъ, а главное вихремъ пронесло его поверхъ *Лога* да и прибило къ этому самому берегу. И даже просто удивленія достойно какая это сила воды, что не дала его засосать трясинѣ.. Василій Иванычъ, между тѣмъ, какъ человѣкъ образованный, осмотрѣвши тѣло, поняли такъ, что можетъ онъ и не померъ еще вовсе, а только отъ немощи отъ большой, чувствъ своихъ лишился. „Давай, говоритъ, кучеру, сейчасъ его изъ воды вытащимъ“. И тутъ, говорятъ, долго, ужасть бились они, пока пальцы то его, главное, отъ корня отцѣпили... Перенесли на мѣсто повыше, да посуше. Василій Иванычъ растирать велѣлъ да коньякъ—потому что это ужь съ нимъ неразлучно въ дорогѣ, — влилъ ему въ горло, мокрую съ него куртку охотницкую снялъ, въ плэдъ свой обернулъ. Дождь-то на ихъ счастье въ это самое время пересталъ лить. Запустилъ онъ ему руку подъ сорочку: „Бьется, говоритъ, сердце, живъ.“ И тутъ, какъ тѣло, значитъ, отогрѣваться стало,—глядятъ они, а у него изъ головы и полилась кровь изъ раны; въ первой-то они не замѣтили, оттого что онъ коченѣть начиналъ и кровь застыла. Василій Иванычъ, какъ умѣлъ, перевязалъ ее платкомъ своимъ. „Ну, говоритъ опять кучеру, безпремѣнно теперь ѣхать надо, лишь бы довести его живаго въ городъ. Ты, говоритъ, иди впередъ пѣшой съ фонаремъ, дорогу показывай, а мы за тобой тихонько поѣ-

Вскрытіе духовнаго завѣщанія. Картина Л. Бокельмана, грав. Кезебергъ.

демъ". Тутъ, говоритъ тотъ, съ полверсты не болѣе низомъ вязко будетъ, а тамъ какъ подняться только, поля пойдутъ, гладь до самаго города, верстъ пять, почитай, не болѣе". Ну, хорошо; подняли они его опять, въ бричку положили, а съ ними и этаго самаго бѣдняжку пса *ихняго*, Джимку. Василій Иванычъ съ ними сѣлъ, а винокура посадилъ на козлы, поѣхали. Только хотя тотъ ихъ кучеръ говорилъ „проѣдемъ" да „проѣдемъ", а они до самаго разсвѣта бились, пока до города доползли. У Василія Иваныча тамъ своя квартира постоянная нанята. Привезъ онъ *ихъ* туда; сейчасъ за докторомъ, за Казиміромъ Степановичемъ, господиномъ Подгурскимъ—изволите знать, потому дорогою, къ *нимъ*, можно сказать, жизнь вернулась, дышать стали свободно, только совсѣмъ безъ сознанія, ни говорить, ни глазъ раскрыть. А доктора въ городѣ нѣтъ: уѣхалъ съ слѣдователемъ на слѣдствіе въ Коврово. Бѣда, да и только! За фельдшеромъ въ больницу, насилу добудились. Пришелъ, говоритъ: крови много потеряли, оттого... Залѣпилъ пластыремъ рану, велѣлъ къ головѣ ледъ въ пузырѣ прикладывать ..

— Чего же это вашъ Василій Иванычъ нарочнаго въ Темный Кутъ не прислалъ, извѣстить объ этомъ обо всемъ?

— А чего же ему присылать, возразилъ Спиридонъ Иванычъ,—когда онъ Валентина Алексѣича и въ глаза никогда не видалъ и знать не могъ кто они—и даже совсѣмъ другое сумнѣніе у него было...

— Какое „сумнѣніе"?

Спиридонъ Иванычъ принялъ самый внушительный видъ и наклонясь къ уху своей спутницы, прошепталъ:

— Такъ, значитъ, полагалъ, что это можетъ не *убийство* ли изъ политики, потому, изволите знать, въ Мглинскомъ уѣздѣ многихъ изъ этихъ самыхъ нигилистовъ недавно жандармы забрали.

— Какая глупость! такъ и фыркнула Пинна Афанасьевна:—изъ чего онъ это вздумалъ?

— Рана эта *ихняя* главное, и что въ *Логу* найденъ.... нечаевскій процессъ изволили читать? Такъ по подобію. Василій Иванычъ въ скорости отказались отъ этихъ мыслей, потому разсудили такъ, что „бѣлье тонкое и руки барскія"...

— Откуда вы все это такъ подробно знаете? спросила дѣвушка.

— А какъ же, помилуйте, господинъ исправникъ нарочито для этаго письмоводителя своего, Никодима Дмитрича, къ Софрону Артемьичу прислали, такъ какъ они, въ Ковровѣ будучи, отъ Софрона Артемьича донесеніе получили объ этомъ самомъ, то ись, про Валентина Алексѣича, а тутъ же, въ городъ вернувшись, отъ господина Брауна, Василія Иваныча, настоящее услышали, который въ присутствіи этаго самаго Никодима Дмитрича, господину исправнику про все это до малости разсказалъ.

— А что же самъ Валентинъ Алексѣичъ?

— Только нынѣшнимъ утромъ пришли въ себя вполнѣ. А тутъ и докторъ Казиміръ Станиславичъ изъ Коврова тоже вернулись... Слава Творцу Небесному, живы и въ здравіи останутся. А теперь пока очень слабы только. Въ полномъ умѣ, но говорятъ еще съ трудомъ. Изъ ихъ непространныхъ словъ такъ понять должно, что ихъ уже (Спиридонъ Иванычъ весь вздрогнулъ при этомъ) забирало въ самую трясину, какъ вдругъ подхватило опять теченіе, только они ничего ужь этаго не помнятъ, окромя того, что почувствовали, какъ во снѣ, сильный ударъ въ голову, а тутъ свѣтъ и совсѣмъ выкатился изъ ихъ глазъ. А Казиміръ Станиславичъ объясняютъ такъ, что ударило ихъ импетомъ въ этотъ самый корень и прошибло голову,—и даже, говоритъ этотъ самый докторъ, господинъ Подгурскій, что это къ ихъ спасенью произошло, потому кровь пошла, а что иначе, говорятъ, сотрясеніе бы мозга къ самому бы худому концу могло привести. А теперича онъ за нихъ ручается и...

Пинна Афанасьевна не дала ему кончить:

— Ну, и слава Богу, пусть живетъ себѣ, а главное, что мой Иванъ Николаичъ опять цвѣткомъ-піономъ разцвѣтетъ у меня... Она расхохоталась вдругъ, зазвенѣвшимъ на весь лѣсъ хохотомъ: поздравьте его, пожалуйста, Спиридонъ Иванычъ, я наконецъ совсѣмъ обѣщала ему выйти за него замужъ.

Учтивый конторщикъ поспѣшилъ снять шляпу:

— Имѣю честь искреннѣйше поздравить, Пинна Афанасьевна!..

— Принимаю, принимаю! продолжала она смѣяться. Ну, вотъ и доѣхали... Капитанъ!.. Иванъ Николаичъ!..

Она затпрукала, осадила лошадку, обвела взглядомъ кругомъ.

Да, это было то самое мѣсто, гдѣ за часъ передъ тѣмъ происходило ея послѣднее объясненіе съ капитаномъ. Вотъ срубленный пень у самой воды, на которомъ сидѣлъ онъ, когда она увидѣла его. Вотъ и его потерявшая всякую форму, старая тирольская шляпа, какъ спала тогда съ его головы, такъ и лежитъ на травѣ... Но самъ онъ... Его нѣтъ... Гдѣ же онъ?..

— Капитанъ, Иванъ Николаичъ! съ внезапнымъ, еще смутнымъ, ужасомъ повторила она и разъ, и два, и три...

Отвѣта не было...

Она выскочила, кинувъ возжи, изъ своей *нетычанки*, подбѣжала къ водѣ.

Подъ ея отстоявшеюся, прозрачною поверхностью шли отъ берега далѣе въ глубь слѣды, еще ясно отпечатлѣвшихся въ твердомъ глинистомъ грунтѣ, мужскихъ каблуковъ.

Дѣвушка вскрикнула и опустилась въ изнеможеніи на траву. „Зачѣмъ?" такъ и зазвенѣлъ въ ея ухѣ отвѣтъ капитана, когда она говорила ему просто, что „жить надо"...

Спиридонъ Иванычъ растерянно подбѣжалъ къ ней:

— Пинна Афанасьевна, что же это, Господи!..

Она схватилась обѣими руками за голову и залилась слезами.

— Иванъ Николаичъ, капитанъ! крикнулъ въ свою очередь конторщикъ прерывавшимся отъ перепуга голосомъ.

Но отвѣта не было... да и никакаго отвѣта уже быть не могло. Лишь кукушка изъ пустынной чащи слала тоскливый откликъ свой на эти слезы и отчаянный зовъ да стая вороновъ, пронзительно каркала, несясь поверхъ лѣсныхъ вершинъ, по направленію къ *Вѣдьмину Логу*.

Мистеръ Дикъ.

Разсказъ **Чарльза Коллинза.**

I.

31 декабря 1869 года, мистеръ Дикъ расхаживалъ по своей столовой, съ видомъ человѣка, живущаго въ мирѣ съ людьми и съ самимъ собой. Во время крупныхъ поворотовъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ походкѣ его замѣчался какой-то гусарскій пріемъ, чего бы ни одинъ близкій его пріятель (еслибъ такой случился тутъ) не призналъ за черту, свойственную характеру Дика. Мистеръ Дикъ напротивъ, слылъ между своими знакомыми и сосѣдями за человѣка очень мягкаго темперамента и даже слишкомъ доброй натуры, такъ что тѣже самые друзья его, въ своей свѣтской беззастѣнчивости, частенько подсмѣивались и не упускали случая попользоваться на счетъ Дика. Но мистеру Дику вошло уже въ привычку носить зачастую колпакъ. Это было въ самомъ дѣлѣ, какъ бы его удѣломъ, призваніемъ, къ которому онъ пріучилъ себя съ самаго ранняго дѣтства.

Его нянька и мать разсказываютъ, что такого милаго, такого привѣтливаго ребенка никогда и не бывало на свѣтѣ. Тихій

плачъ былъ единственнымъ выраженіемъ его жалобы, послѣ долгихъ часовъ лежанья въ люлькѣ, безъ всякаго развлеченія, кромѣ костянаго колечка, качавшагося на шнуркѣ, изъ стороны въ сторону подъ занавѣсомъ, и этотъ привѣсокъ, постоянно задѣвая по носу малютку, вызывалъ на слабые его глазки слезы. Когда ребенокъ подросъ настолько, чтобъ употреблять въ дѣло ноги, то мистеру Дику всегда послѣднему приходило на умъ—умывали его или нѣтъ, брали на прогулку или оставляли дома, давали пирожнаго или забывали его совсѣмъ. Такимъ удовлетворительнымъ образомъ для всѣхъ и для себя провелъ мальчикъ младенчество, встрѣтилъ дѣтство и перешелъ къ порѣ ребячества. Всѣ необходимыя дѣтскія болѣзни, каковы: корь, коклюшъ, скарлатина, перенесъ онъ съ возможно-меньшей степенью безпокойства для своей мама и прислуги. Въ придачу къ этимъ совершенствамъ, Дикъ всегда былъ готовъ работать, сколько угодно, за другихъ и выносилъ терпѣливо всякія неудобства и труды. Онъ радовался, оказывая услуги и уступалъ другимъ съ такимъ же чувствомъ довольства съ какимъ другіе около него все рвали у кого могли и захватывали.

Только однажды нашелъ на мистера Дика легкій припадокъ унылаго романическаго расположенія духа и замѣтнаго недовольства. Отецъ его, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій или совѣщаній съ кѣмъ либо въ отношеніи наклонностей Дика, но собственно потому лишь только, что это былъ не другой кто нибудь а Дикъ, который ужь навѣрно возьмется за дѣло, нравится оно ему или нѣтъ,—помѣстилъ его, тогда шестнадцати-лѣтняго, въ качествѣ младшаго изъ всѣхъ младшихъ писцовъ, въ банкирскую контору.

Дикъ родился и росъ въ деревнѣ и былъ воспитанъ, какъ истый сынъ природы, наравнѣ съ деревенскими мальчишками. Отецъ его, владѣя небольшимъ участкомъ земли, не отдавалъ ее въ аренду, но обработывалъ, большею частью, самъ и какъ человѣкъ практическій, ничего не дѣлалъ въ половину. Дѣти его, конечно принимали прямое участіе во всемъ, что дѣлалъ самъ отецъ. Мальчики еще маленькими, были уже дѣятельными помощниками отцу на фермѣ, а дѣвочки учились разводить цыплятъ и постигли тайны незапятнанной чистоты сырни гораздо раньше, чѣмъ могли разбирать по складамъ молитвы.

Дикъ обыкновенно вставалъ вмѣстѣ съ жаворонками и бродилъ вплоть до завтрака, вездѣ попадая на случаи, вызывавшіе порывы его благотворительности. Когда выводокъ прожорливыхъ утятъ, протискавшись сквозь крошечное отверстіе, былъ на свободѣ а неусыпная ихъ кормилица съ неистовымъ кряканьемъ билась въ запертомъ курятникѣ, Дикъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, чтобъ поскорѣй отворить дверь и воротить бѣглецовъ снова подъ крыло матери. Для него было истиннымъ наслажденіемъ и высокой неоцѣненной наградой когда, шатаясь подъ грузомъ мѣсива, онъ слышалъ радостное ржаніе лошади или кроткое мычанье коровы. Онъ опрометью бросался прекратить обычный утренній кровопролитный бой между задирой-пѣтухомъ и солиднымъ калкуномъ; онъ приманивалъ хлѣбными крошками маленькихъ, робкихъ пулярокъ и бросалъ украдкой полную горсть зерна молодымъ пѣтушкамъ, которые дерзали только поглядывать на крошки, въ виду надменнаго властелина курятника.

Вмѣшиваясь такимъ образомъ во всякое дѣло на дворѣ и въ полѣ Дикъ возвращался домой; потомъ чистился и мылся, готовясь принять на свои свѣжія, цвѣтущія, розовыя щеки утренній поцѣлуй матери. Затѣмъ начинались его настоящія дневныя занятія: онъ нянчился съ ребенкомъ, наливалъ чай, рѣзалъ хлѣбъ и масло и подавалъ всѣмъ то и другое, бѣгалъ по порученіямъ и, въ то же время, самъ завтракалъ, какъ попало. Когда у мальчика оставалось нѣсколько свободныхъ минутъ, которыя онъ могъ назвать своими, онъ бродилъ въ окрестностяхъ усадьбы, всегда готовый на всякое доброе дѣло: то предупреждалъ швыркомъ камня молоденькихъ птичекъ отъ хищнаго ястреба, то спасалъ щенятъ и котятъ отъ безвременной гибели, или помогалъ деревенскимъ дѣвочкамъ перелѣзать черезъ высокій заборъ,—а старушкамъ носить охабки хворосту, болѣе чѣмъ вѣроятно надерганнаго изъ изгороди его отца.

И въ первый разъ теперь вырвалась у Дика жалоба. Первый услышалъ эти непривычные звуки, младшій его братъ, Вильямъ. Вообще довольно равнодушный ко всему, что не касается лично его самаго, онъ, кажется былъ удивленъ однако необычайными слезами брата.

— Ну, полно, Дикъ,—проговорилъ ласково Вильямъ. Есть о чемъ горевать...

— Да вѣдь я не могу тамъ жить Вилли, я знаю—я буду тамъ такой несчастный, тамъ какой то запахъ вездѣ, меня просто тошнитъ. У меня ноги сведетъ сидѣть на томъ высокомъ стулѣ, который мнѣ тамъ указали. Ты знаешь, я...

— Ну, ужь крѣпись, Дикъ. И больше мнѣ не хочется ничего такаго слышать. Да и какъ у тебя хватило духу такъ говорить...

— Но милый, Вилли...

— Не зови пожалуйста меня, милый! Вѣдь ты хорошо знаешь: если ты упрешься и не пойдешь въ контору, тогда туда меня спровадятъ.

— Какъ? не можетъ быть!

— Не можетъ быть! передразнилъ младшій братъ. Удивляюсь, какъ тебя еще хватаетъ ломаться и идти напротивъ—ты узналъ теперь, какія тамъ гадости. Ну, и ты всему этому захочешь подвергать брата! А еще слывешь за добраго мальчика.

Дикъ не сказалъ больше ни слова, но, въ виду мрачной перспективы для него, привыкшаго къ воздуху полей—судорогъ, головныхъ болей и затхлаго запаха—мужественно укрѣплялся и и утѣшался мыслью.

— Счастливо однако избавился отъ всего этаго бѣдняжка Вилли!

Но время дѣлало свое, и Дикъ на себѣ испыталъ старую аксіому, что привычка—вторая натура. Впрочемъ и на новомъ поприщѣ онъ также усердно дѣлалъ многое за другихъ, и во всемъ и ко всему по прежнему выказывалось обычное его мягкосердіе.

Дика всѣ любили, хотя и водили за носъ; однакожь, съ теченіемъ ряда лѣтъ, при постепенномъ его возвышеніи изъ самаго младшаго писца до директора конторы, не было ни одного голоса (кромѣ его собственнаго), который выразилъ бы сомнѣніе въ надежности его выбора. Сначала все же онъ нѣсколько тревожился мыслью: не занялъ-ли онъ мѣста, котораго могъ сильно желать другой и съ большими заслугами

Но вотъ, наконецъ, увѣренный, что его способности давно и вполнѣ оправдывали этотъ выборъ, онъ захотѣлъ пополнить чашу счастія и—влюбился...

Очень натурально, что выборъ его палъ на дѣвушку, представлявшую совершенную ему противоположность. Молоденькая прелестная лэди съ очаровательнымъ легкомысліемъ и милыми недостатками, оказалась въ глазахъ Дика ангеломъ. Еслибъ любимая дѣвушка была достаточно умна или способна понять золотое сердце Дика, она могла-бы царить какъ королева и жена, и домашнее ее владычество облагородило-бы ее. Но шевелился уже зародышъ черствости въ сердцѣ этой дѣвушки; какъ рѣзвый котенокъ, всѣмъ шутила она; черствость была въ самыхъ даже привлекательныхъ ея привычкахъ. О характерѣ ея можно судить по отвѣту, который дала она Дику, когда тотъ предложилъ ей свою руку, сердце и все то, что имѣетъ.

— Ахъ, мистеръ Ричардъ, вы очень добры! Вы изумили меня! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, вы такъ лестно обо мнѣ думаете? Я и не воображала, что вы обращаете на меня вниманіе. Я смѣялась и болтала съ вами, потому что всѣ находятъ васъ, мистеръ Ричардъ, такимъ добренькимъ...

— Добренькимъ! И только? Это также и въ вашихъ глазахъ, Елленъ? И вы ничего не могли больше найти въ моемъ къ вамъ благоговѣніи? Не замѣтили моей сильной, глубокой, терпѣливой любви къ вамъ?

— Ахъ, мистеръ Ричардъ! Вы меня просто изумляете! Гдѣ-же такъ долго возиться со всѣми такими чувствами?

— О, Елленъ, не шутите, право не шутите такъ съ этимъ!

— Увѣряю васъ, мистеръ Ричардъ, я вовсе не шучу и я совсѣмъ не кокетка. Я очень искренна и надѣюсь, всегда останусь такой.

— Но я... я полагалъ, надѣялся... О, Елленъ! Я никогда не дерзнулъ бы говорить такъ, еслибъ... не нѣкоторое ободреніе...

— О, прошу васъ, остановитесь! Отъ всего такаго я была далека. Притомъ, мама желаетъ, чтобы я составила себѣ партію въ высшемъ кругѣ; она желаетъ чтобы я была хорошимъ примѣромъ для моихъ младшихъ сестеръ. Да! И папа не разъ говорилъ, что никогда не допуститъ меня выйдти замужъ за какаго нибудь клерка!

— Но черезъ годъ, черезъ два—я буду партнеромъ банка.

— Черезъ два? Что вы это говорите! Но я могу выйти замужъ гораздо раньше. Ну, полноте пожалуйста, не печальтесь. Я надѣюсь, мы останемся лучшими друзьями.

— Но, Елленъ, почему-же не мужемъ и женой?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Право, удивляюсь! Вы такой милый, добрый—какъ вы могли когда нибудь даже и подумать-то объ этомъ.

Мистеръ Дикъ усиленно попытался сдержать взволнованныя чувства; онъ повертѣлъ свою шляпу (шляпа, надо сказать, всегда служитъ доброму англичанину хорошимъ подспорьемъ въ затруднительныхъ положеніяхъ) взглянулъ на ея шелковую подкладку и, не найдя тамъ ничего утѣшительнаго, молча, съ поклономъ, вышелъ вонъ. Но какой былъ это поклонъ! Поклонъ этотъ напоминалъ манеру сэра Чальзъ Грандиссона; нѣтъ, въ немъ было даже больше нѣжности и естественности, чѣмъ въ какомъ нибудь поклонѣ Грандиссона. Въ немъ было и спокойное достоинство и столько благородства и прямодушія, что это поразило даже глупую дѣвочку, такъ жестоко насмѣявшуюся надъ такими чистыми чувствами.

Время, этотъ чудный элексиръ, цѣлящій многоразличныя сердечныя язвы, исцѣлило и мистера Дика. Онъ находилъ грустное удовольствіе въ томъ, что работалъ вдвое больше прежняго. Приходилъ онъ въ эту, когда-то ему ненавистную контору, раньше чѣмъ отпирали двери, и усиленно, прилежно высиживалъ на своемъ высокомъ стулѣ долгіе часы, не обращая вниманія, что ему сводило ноги. И всегда добрый и сострадательный, онъ сталъ такимъ теперь до болѣзненности и, казалось, всѣхъ своихъ знакомыхъ считалъ не иначе, какъ жертвами безнадежной любви, и всегда былъ готовъ пожертвовать для нихъ своимъ временемъ и покоемъ,—это было такъ сродно его любящей натурѣ.

Даже житейски-мудрыя рѣчи брата Вилли не могли заставить Дика согласиться, что Элленъ, надѣла на него хорошій дурацкій колпакъ.

— Ужь, конечно,—убѣждалъ Вилли,—это большая кокетка; я давно ее знаю, я былъ увѣренъ, что она тебя проведетъ.

— Ты право несправедливъ къ ней, Вилли, очень несправедливъ. Она была пряма и откровенна и заслуживаетъ лучшей участи... Что же въ самомъ дѣлѣ—быть женою служащаго по найму въ частномъ банкѣ.

— Какъ служащаго? Да вѣдь у тебя ужь доля въ фирмѣ и ты самъ теперь банкиръ. Я даже надѣюсь, очень скоро ты будешь богачемъ. А это выйдетъ чертовски пріятно, Дикъ: всегда можно будетъ тогда у тебя перехватить пять, десять фунтовъ...

— Можетъ быть тебѣ и теперь нужно? Я покуда не имѣю особой причины копить деньги.

— Ты угадалъ, угадалъ голубчикъ. Никогда еще мнѣ такъ круто не приходилось. Но говорю тебѣ, Дикъ, я очень радъ, что ты не женился на этой глупой дѣвчонкѣ.

— Ну, замолчи же Вилли, пожалуйста.

— Нѣтъ, право, это вышло отлично для тебя. Я готовъ поклясться, что она...

— Говорятъ тебѣ, перестань.

— Хорошо, ну хорошо. И для нея это вышло отличное дѣло!

— Да, это мнѣ остается единственнымъ утѣшеніемъ, проговорилъ со вздохомъ Дикъ передавая Вилли пачку билетовъ, которые, вѣрный своей банковой привычкѣ, пересчиталъ два раза.

— Двадцать пять фунтовъ. Спасибо Дикъ, вотъ спасибо!

II.

И такъ, начинаю снова. Мистеръ Дикъ разгуливалъ по своей столовой.

Ужь не смягчилась ли вертушка Элленъ, наконецъ, что онъ расхаживалъ такимъ бойкимъ шагомъ. Вовсе нѣтъ: чрезъ полгода послѣ отказа Дику, она вышла замужъ, вышла за человѣка хорошей фамиліи. Тамъ гдѣ придаютъ титулу особенную важность, нечего и входить въ затрудненія. Если горячія молитвы Дика могли способствовать счастью дѣвушки, она должна быть счастлива.

Нѣтъ, мистеръ Дикъ находился въ особенно возбужденномъ состояніи потому, что сейчасъ лишь отобѣдалъ въ своемъ новомъ, прекрасно построенномъ, изящно меблированномъ и роскошно убранномъ домѣ,—въ домѣ, который имѣлъ одинъ только недостатокъ, чтобы дойти до абсолютнаго совершенства. Въ первый еще разъ обѣдалъ мистеръ Дикъ въ этомъ домѣ и, подъ вліяніемъ такого чрезвычайнаго обстоятельства, позволилъ себѣ (хотя, вообще онъ человѣкъ воздержный и крайне умѣренный),—говорю—позволилъ себѣ чаще обыкновеннаго прикасаться къ бутылкѣ. И мысли роились въ мозгу его и бурно носились одна вслѣдъ за другой. Онъ былъ теперь въ самой здоровой, пріятной порѣ, джентльменъ тридцати пяти лѣтъ,—независимый, съ двумя тысячами фунтовъ годоваго дохода, честно нажитыми и безопасно положенными въ единственный банкъ, который никогда не можетъ лопнуть—банкъ Ея Величества. Онъ занималъ теперь выгодное и солидное положеніе въ томъ самомъ банкѣ, который когда-то казался ему такимъ отвратительнымъ. Онъ былъ не отвѣтственнымъ партнеромъ, а только довѣреннымъ директоромъ. „Что же касается партнерства, думалъ Дикъ,—я никогда не рискну потерять свои деньги въ спекуляціяхъ другихъ. Да, завѣщаніе старика Гробуса (я до сихъ поръ удивляюсь, почему именно въ мою пользу онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе?) подоспѣло какъ разъ во время, чтобы моей милой матушкѣ доставить возможный комфортъ и удобства.

Дикъ сталъ богатъ. Онъ разбогатѣлъ совершенно случайно. Ему удалось сдѣлать счастливыя операціи, и еще нежданно, негаданно онъ получилъ наслѣдство, по завѣщанію старика Гробуса, своего угрюмаго собрата клерка, который когда былъ живъ, ни разу не сказалъ Дику ни одного ласковаго слова, но, передъ смертью завѣщалъ ему порядочный капиталъ, оговорившись въ своей духовной, что этотъ наслѣдникъ его, Ричардъ, онъ увѣренъ, употребитъ деньги съ большею пользой, чѣмъ бы могъ сдѣлать это онъ самъ. И Ричардъ, увѣрившись сначала, что дѣйствительныхъ наслѣдниковъ не было, вскорѣ затѣмъ купилъ одинъ или два участка безплодной земли, только потому, что владѣльцамъ была крайняя надобность ее продать, да еще потому, что никто не хотѣлъ купить ее. Но лишь только Дикъ пріобрѣлъ землю, какъ оказалось, что земля эта неоцѣненна. Прямо черезъ нее проводилась желѣзная дорога, а земля какъ разъ потребовалась для возведенія на ней съ этой цѣлью обширныхъ построекъ. А что было лучше всего—Дику никто не завидовалъ. Каждый говорилъ: „Онъ человѣкъ хорошій, онъ стоитъ того“. Когда же мистеръ Дикъ задумалъ выстроить въ своихъ владѣніяхъ новый домъ, то и близкіе и далекіе ему люди интересовались этимъ намѣреніемъ. По планамъ дома можно было думать, что это планы какого-нибудь общественнаго зданія. Закладка дома была, можно сказать, народнымъ праздвествомъ; окончательная же отдѣлка его такъ торжественно была привѣтствована всѣми знакомыми Дика, точно онъ со всѣми и съ каждымъ пребывалъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ.

Затѣмъ конечно слѣдовало праздновать новоселье: обѣдъ и танцы. И вотъ теперь онъ расхаживалъ по своей новой столовой и мысли объ празднествѣ, имѣющемъ быть завтра, преслѣдовали мистера Дика. Но причиной нѣсколько восторженнаго его состоянія отнюдь было не восхищеніе картиной предстоящаго праздника, не радость тому, что пиръ будетъ на славу. Нѣтъ, причина была та, что изъ шестидесяти разосланныхъ имъ приглашеній были любезно приняты и тѣ два, которыми онъ особенно дорожилъ. Но что же это за приглашенія. Въ настоящемъ, нѣсколько возбужденномъ состояніи мистера Дика, онъ могъ только отвѣтить: „Отъ нихъ зависитъ судьба моя и судьба моего дома“.

Онъ опустился въ одно изъ прекрасныхъ креселъ съ откидной спинкой и мягкой подушкой и снова взялъ стаканъ вина, не смотря на то, что за столомъ, по поводу новоселья, брался за него довольно часто.

— И такъ, онѣ пріѣдутъ обѣ. Прелестныя созданія! Но странно, что брату Вилли почему-то не нравится Фанни, онъ говоритъ, что она имѣетъ сходство съ Элленъ. О, бѣдная Эллен!.. Я, право, даже затрудняюсь рѣшить, которая изъ обѣихъ кузинъ милѣе. Но Вилли кажется очень неравнодушнымъ къ Флоренсъ. Это нужно разузнать. Зачѣмъ же губить счастье бѣдняжки Вилли! Я испыталъ самъ и знаю, что такое любовь безъ взаимности. О, какъ страстно, какъ бѣшено любилъ я Элленъ! Но все таки поборолъ же я эту страсть. (При этомъ мистеръ Дикъ энергично и рѣшительно выпиваетъ изъ стакана и затѣмъ продолжаетъ уже съ большимъ спокойствіемъ). Конечно, мнѣ уже давно пора жениться, но я вовсе не желаю чтобы со мной опять такъ поступили, т. е. такъ же, какъ поступила бѣдняжка Элленъ. Вилли утверждаетъ, что она должна быть теперь несчастна; но я желаю ей всякихъ благъ. Онъ говоритъ, что я выйду великимъ осломъ, если снова поддамся... короче, если меня обманутъ снова. Но развѣ Элленъ меня обманула? Право, не знаю. Я не понимаю женщинъ; я вѣрю каждому ихъ слову, боготворю ихъ милыя улыбки и восхищаюсь ихъ увлекательнымъ обращеніемъ. Я не желаю, нѣтъ, я даже не могу дурно думать о нихъ. Должно быть я просто глупъ, какъ Вилли давно уже сообщалъ мнѣ по секрету (Тутъ мистеръ Дикъ погружается въ глубокую думу). Нѣтъ, вотъ ужь было бы истиннымъ благомъ, еслибъ какой-нибудь добрый геній одарилъ домъ этотъ талисманомъ, который заставлялъ бы людей выказываться такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, и говорить то, что они думаютъ; словомъ—быть точно такими, какими природа ихъ создала. Еще мальчикомъ я читалъ что-то подобное—дворецъ Истины, принадлежавшій какому-то французскому королю; но отчего же кровному британцу также не любить истины и не говорить всегда и вездѣ правду.

Послѣднюю фразу мистеръ Дикъ произнесъ съ особеннымъ выраженіемъ, придавъ еще большую силу словамъ энергическимъ ударомъ о ручку кресла.

— Осторожнѣй, милый сэръ! вдругъ послышался ему голосъ. Голосокъ этотъ былъ похожъ скорѣй на звукъ милаго маленькаго серебрянаго колокольчика, чистый какъ музыкальная нота.

Взглянувъ по направленію звука, Дикъ замѣтилъ крошечную лэди, сидѣвшую на ручкѣ кресла.

— Ахъ, извините! заговорилъ совершенно изумленный мистеръ Дикъ.

— Извиняю,—сказала маленькая лэди. Теперь протяните вашу руку и обратите ее ладонью кверху.

Всегда готовый къ услугамъ, мистеръ Дикъ сдѣлалъ, что она говорила и чрезвычайно удивился, что ему показалось совершенно естественнымъ, когда крошечная лэди вдругъ сдѣлала прыжокъ на его ладонь.

— Благодарю васъ, Дикъ,—сказала она, оправляя свое изящное маленькое платье! Такъ вы желаете, чтобы домъ вашъ былъ одаренъ свойствомъ заставлять людей говорить только правду? да?

— Да, желалъ бы этаго,—отвѣтилъ Дикъ въ смущеніи.

Крошечная лэди покачала головкой.

— Ну это, знаете, не совсѣмъ вамъ понравится и пожалуй можетъ повести ко многимъ непріятностямъ. Вы будете въ безпрестанной тревогѣ. Повѣрьте, милый Дикъ, ни слуги ваши, ни друзья, ни родные не окажутся ни лучше, ни добрѣе.

— Но мнѣ хотѣлось бы испытать это только на время, на одинъ только день, пробормоталъ, запинаясь, Дикъ.

— Понимаю. Чтобы только удачнѣе выбрать жену? Не такъ-ли?

— Именно такъ, заговорилъ живо Дикъ. Женитьба—такое страшное дѣло! Это еще ничего если одурачатъ на время, но остаться одураченнымъ на всю жизнь... При этомъ Дикъ такъ сильно вздрогнулъ, что крошечная лэди чуть не полетѣла внизъ головой.

Чтобы удержаться отъ паденія, она вдругъ распустила два прелестныя крылышка, которыхъ прозрачный блескъ цвѣта радуги образовалъ вокругъ ея головы нѣчто въ родѣ ореола...

— Ахъ, да какая же вы прелестная! невольно сорвалось съ языка у Дика

Идетъ конная гвардія! Картина К. Кизеля, грав. Бренд'Амуръ.

— Красоту свою я выказываю только лишь тѣмъ, которые меня цѣнятъ. Мое имя Верита (Истина).

— Благослови Богъ такое имя, сказалъ Дикъ. Я счелъ бы величайшимъ счастьемъ, если бы вы всегда были близъ меня, и руководили бы своими совѣтами.

— Я и намѣрена жить близъ васъ, Дикъ. Что же касается до совѣтовъ, то Господь далъ вамъ и сердце, и разумъ, чтобы руководиться ими въ каждомъ затрудненіи? Зачѣмъ прибѣгать къ совѣтамъ маленькаго, страннаго духа, когда вамъ стоитъ только постучать въ дверь вашей совѣсти.

— Это правда; однакожъ...

— Я вижу вы упорствуете... И мнѣ очень хочется, чтобы у васъ была хорошая жена,—я исполню вашу просьбу. Подчинить вліянію чаръ весь домъ очень неудобно; я ограничусь только этимъ кресломъ. Однакожъ, тутъ есть и нѣкоторыя условія, но только два условія.

— Какія?

— Первое: никто кромѣ васъ не долженъ знать, что кресло это имѣетъ такое свойство!

— Но, милая лэди,—проговорилъ въ замѣшательствѣ Дикъ, честно ли это будетъ?

— Какой же вы простакъ! Да кто же сядетъ въ ваше кресло, если будетъ знать его свойство. Соглашайтесь на оба условія иначе я и дѣлать ничего не буду.

— Согласенъ... А другое условіе?

— Другое—что каждый войдя въ комнату, *долженъ будетъ* сѣсть въ это кресло и не оставитъ мѣста, прежде чѣмъ отвѣтитъ на три вопроса.

— Ну, а если этотъ каждый не сдѣлаетъ ни того, ни другаго?

— Выполненіе перваго условія я беру на себя, а второе зависитъ отъ васъ: задайте три вопроса?

— А какого же рода вопросы?

— Фи, Дикъ! Не давайте-же мнѣ такаго труда! Если вы даже не знаете, какіе дѣлать вопросы, то не заслуживаете чтобы съ вами возились...

Дикъ хотѣлъ горячо протестовать, но опасаясь потревожит крошечное существо, сдержался.

— Ну мнѣ пора! Ночь, кажется, холодна.

Чудная крошка вынула изъ своего почти невидимаго кармана нѣчто такое, что онъ счелъ за миніатюрный платокъ. Граціозно набросила она его на свою головку и, подвязавъ концы подъ крошечнымъ подбородкомъ, проговорила:

— Спокойной ночи, Дикъ! Да снизойдетъ на вашъ домъ счастіе, и да появится въ немъ то, чего единственно ему недостаетъ—добрая хозяйка!

И прежде чѣмъ собрался мистеръ Дикъ отвѣчать, крошечное существо исчезло.

III.

Мистеръ Дикъ никогда не могъ прійти къ ясному представленію, какъ долго, послѣ исчезновенія духа, сидѣлъ онъ въ какомъ-то забытьи. Въ это время ему слышался нѣсколько разъ стукъ отворяемой и затворяемой двери столовой, и онъ началъ думать, что невѣроятно, чтобы дверь отворялась и затворялась по собственному произволу, и что, конечно, это дѣлалось рукой его дворецкаго, его новаго дворецкаго, почтительнѣйшаго и услужливѣйшаго изъ дворецкихъ, который поступилъ къ нему въ услуженіе съ такимъ безукоризненнымъ аттестатомъ, что онъ почти чувствовалъ наклонность благодарить его, что онъ былъ такъ добръ, рѣшившись стать дворецкимъ.

Мистеръ Дикъ поспѣшно всталъ и позвонилъ. Дворецкій такъ быстро явился на зовъ, словно во время звонка рука его была уже на дверной ручкѣ. Мистеръ Дикъ только что хотѣлъ было заговорить, какъ вдругъ остановился: онъ увидалъ, что почтительнѣйшій дворецкій смиренно усаживался на очарованномъ креслѣ, съ котораго только что всталъ его принципалъ. Но лишь только онъ усѣлся, какъ наружность его мгновенно измѣнилась, и лицо приняло видъ противной наглости и самодовольства; изъ глубины таинственнаго кармана онъ вытащилъ табакерку и преспокойно захватилъ изъ нея большую щепоть табаку.

— Вотъ это—единственный мой недостатокъ, сэръ, замѣтилъ онъ. Надѣюсь, для васъ это не непріятно. Неугодно-ли? Безъ церемоніи!

Мошенники и негодяи, и люди съ твердымъ характеромъ вообще никогда не изумляются, или, если и чувствуютъ небольшой припадокъ этой слабости, то заботливо скрываютъ это; но простые, честные люди постоянно приходятъ въ изумленіе и постоянно его выказываютъ.

Мистеръ Дикъ смотрѣлъ на своего дворецкаго съ открытымъ ртомъ и выпученными глазами, пока вдругъ не опомнился, замѣтивъ неожиданно крошечную головку феи, выглядывавшей изъ-за ручки кресла. Леди Верита выполнила свою долю условія и посадила дворецкаго. Теперь оставалось самому мистеру Дику выполнить его часть договора.

Въ то время, какъ добрый Дикъ ерошилъ свои волосы, въ совершенномъ недоумѣніи—какой предложить дворецкому вопросъ, онъ подмѣтилъ глупую наглость выраженія лица этаго человѣка, и вдругъ разразился самымъ искреннимъ, неудержимымъ смѣхомъ. Хотя ему было жаль дворецкаго, и хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ чувствовалъ, что только одинъ онъ виноватъ въ положеніи, въ которомъ находился лакей—все-таки немогъ удержаться отъ смѣха.

— Отлично, Дикъ, превосходно! заговорилъ дворецкій, съ видомъ совершеннаго самодовольства. Въ полномъ правѣ вы забавляться! Но все-таки не мѣшаетъ замѣтить, что вы хватили черезъ край.

— Что?

— Ничего. Я только говорю правду: вы пьяны, Дикъ.

— Ну, пьянъ или не пьянъ, все-же я думаю, что я—джентльменъ, и не вамъ такимъ образомъ относиться ко мнѣ...

— Вы можете такъ думать,—отвѣчалъ съ презрѣніемъ дворецкій, но я то этаго не думаю. Мои понятія, что такіе дѣйствительные джентльмены не походятъ на ваши понятія.

— Но какія-же ваши понятія? проговорилъ поспѣшно Дикъ, обрадовавшись случаю сдѣлать такой пустой вопросъ,

— Мои понятія, отвѣчалъ важно дворецкій, поднявшись при этомъ случаѣ,—это жизнь полнѣйшихъ удовольствій: большіе выѣзды, частые вечера, открытые обѣды, рысаки и скачки съ призами и большими пари. Вотъ каковы мои понятія о настоящемъ джентльменѣ; а по этому, вы Дикъ, не джентльменъ, вы—тряпка.

Дикъ замѣтно покраснѣлъ; для него казалась очевидною необходимость какъ можно скорѣй спровадить эту первую его жертву.

— Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, Педжъ, вы живете не безъ комфорта, или надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что служба у меня вамъ нравится.

— Вовсе нѣтъ. Я люблю жить весело, люблю наслажденія, и жить въ домѣ такого скваыги, который захапалъ себѣ даже ключи отъ погреба?

— Но, послушайте, Педжъ, при договорѣ о наймѣ, вы согласились, что договоръ совершенно удовлетворителенъ для обѣихъ сторонъ.

— Ну, да—я находилъ тогда, что сказать такъ было надо. Слышалъ я о васъ, какъ о человѣкѣ мягкомъ и простоватомъ, и подумалъ, что не пройдетъ и полгода, какъ ключи отъ погреба попадутъ въ мои руки. Вотъ чего я дожидаюсь, мистеръ Дикъ, иначе намъ придется скоро разстаться.

Горя нетерпѣніемъ освободить заключеннаго, мистеръ Дикъ напрягалъ весь свой умъ, чтобы придумать послѣдній вопросъ, но сильный звонъ двернаго колокольчика вызвалъ у него самъ собою и очень естественно, этотъ вопросъ.

— Кто-бы это, Педжъ?

— О, это вашъ родной братецъ, ужасная скотина!

Послѣ этого Педжъ, быстро поднявшись со стула, проговорилъ съ видомъ самоуничтоженія.

— Прошу великодушнаго прощенія, сэръ, за свой легкомысленный поступокъ. Я почувствовалъ дурноту, и еслибъ не присѣлъ на стулъ, то упалъ-бы въ обморокъ.

— Ничего, Педжъ. Что за извиненія!

— Благодарю васъ, сэръ. Я полагаю, что это звонитъ мистеръ Вилліамъ. Это такой веселый джентльменъ, я ужъ прислушался къ его звонку.

И Педжъ мгновенно скрылся.

Дикъ подходилъ уже къ креслу, съ намѣреніемъ занять его, на время визита брата, самому; но тотъ неожиданно предупредилъ его.

— Ба, Дикъ! проговорилъ онъ, вдругъ кинувшись въ кресло. Откуда это вдругъ явилось у тебя расположеніе засѣсть въ лучшее кресло. Такому тупому малому, какъ ты, я нахожу даже неприличнымъ такое покойное сидѣнье.

Дикъ, вытирая лобъ, присѣлъ на кончикъ стула, а Вилліамъ, умѣстившись въ заколдованное кресло, принялъ безцеремонную позу и очень развязный видъ. Братья молчали. Дикъ усиленно придумывалъ три вопроса, три безвредные вопроса, которые ни коимъ образомъ не могли-бы вызвать предосудительныхъ отвѣтовъ.

— А что, Вилль, какова ночь: свѣтла?

— Для меня слишкомъ свѣтла. Мнѣ нужно пробраться незамѣченнымъ къ Варнезу, а сюда я завернулъ, чтобъ вытянуть у тебя пяти-фунтовый билетъ, да, ужъ кстати, и повидаться съ мама.

Варнезъ содержалъ игорный домъ, съ весьма сомнительной репутаціей.

— Ну, что—какова мама?

— Ворчитъ по прежнему. Надоѣла она мнѣ своей нескончаемой пѣсней о поведеніи: словно я маленькій.

Отъ этого отвѣта бѣднаго Дика бросило въ жаръ и онъ торопился выдумать послѣдній вопросъ.

— Скажи пожалуйста, Вилли, ты не влюбленъ?

— По уши—въ самаго себя. Да и что за радость любить еще кого нибудь. Все это вздоръ. Я не сыскалъ еще никого, кто-бы такъ дьявольски привязался ко мнѣ, чтобы для меня забылъ самого себя или самою себя.

— Я полагаю, что Флоренса... перебилъ поспѣшно Дикъ.

— Чортъ-бы ее побралъ! Неужели думаешь, я не замѣчаю, что ты самъ облизываешься около этого кусочка. Слушай,

Дикъ: я вижу, ты затѣваешь жениться, но я вовсе не намѣренъ допустить тебя сотворить такую глупость, и напередъ говорю—не буду сидѣть сложа руки, если твои капиталы...

— Вилль, встань съ кресла.

— Это еще что такое? Мнѣ и здѣсь хорошо: кресло мягкое. Я давно собирался тебѣ высказаться и вотъ теперь чувствую къ этому какое-то неудержимое влеченіе. Ты у меня гвоздемъ засѣлъ въ головѣ, съ тѣхъ поръ, когда застроилъ этотъ домъ.—Эге! тутъ что-то не доброе, подумалъ я,—когда...

— Говорятъ тебѣ убирайся.

— Говорю тебѣ—не хочу. Въ отношеніи же твоей женитьбы; Фанни, собственно, я не боюсь. У ней и на мѣсяцъ не хватитъ терпѣнья прикидываться кроткой голубицей и ворковать тебѣ нѣжности; норовъ ея скоро обнаружится во всей прелести, и не пройдетъ двухъ недѣль, какъ она покажетъ тебѣ острые зубы. Подумавъ, я сказалъ про себя: Эта—неопасна, но Флоренса вселяетъ мнѣ серьезное опасеніе. Дай покажу видъ, что я намѣренъ попытаться тутъ самъ...

— Послушай, ты просилъ пять фунтовъ; вотъ возьми десять только встань пожалуйста и уходи скорѣй.

Я сумѣлъ бы это и за пять фунтовъ; но если ты такъ щедръ пожалуй возьму и десять. Ну, прощай, Дикъ. Я обѣщалъ матери воротиться къ ней къ чаю.

Съ этими словами мистеръ Вилліамъ всталъ съ очарованнаго кресла и вышелъ вонъ. Мистеръ Ричардъ облегчилъ себя глубокимъ вздохомъ и, чувствуя, что нервы его оказывались совершенно неспособными для дальнѣйшаго напряженія, торопливо отправился на верхъ, я залегъ въ постель, крѣпко натянувъ себѣ на голову одѣяло: словно онъ боялся, что заколдованное кресло даже и тутъ будетъ его преслѣдовать и привлекать къ себѣ людей, чтобы они высказывали свои грѣшные помыслы; однако онъ скоро забылся и заснулъ. Но не раньше ли забылся мистеръ Дикъ и не позже ли проснулся, чѣмъ думалъ—будетъ видно впослѣдствіи.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Хининъ.

На родинѣ хинина въ Южной Америкѣ.

Очеркъ **Г. Велькома.**

Хининъ, важнѣйшее изъ всѣхъ средствъ противъ лихорадки, всѣхъ позднѣе открытый алколоидъ хинной коры, находится въ корѣ всѣхъ растеній изъ вида Cinchona. Еще въ 1792 году Фуркруа получилъ изъ хинной коры особенное смолистое начало, которое позднѣе, Ванкельнъ, приготовивши въ болѣе чистомъ видѣ, назвалъ хиною; но лишь въ 1820 году найдено, что это вещество состоитъ изъ двухъ алколоидовъ—хинина и цинхонина. Въ настоящее время, у насъ въ Россіи, фунтъ хинина обходится очень дорого: по аптечному прейсъ-куранту гранъ его стоитъ 3 коп. сер., въ оптовой продажѣ фунтъ хинина обойдется болѣе чѣмъ въ сто рублей серебромъ. (Chin. muriaticum). *)

Въ 1879 году Генрихъ Велькомъ предпринялъ путешествіе въ области Южной Америки, которая преимущественно доставляетъ изстари это испытанное и извѣстное средство противъ лихорадки—хининъ или хинную корку; при своихъ наблюденіяхъ, онъ собралъ интересныя свѣдѣнія отъ туземныхъ собирателей этой коры и отъ торговцевъ. Преимущественно изслѣдованія его производились въ республикѣ Экуадоръ, единственной странѣ, гдѣ еще въ настоящее время добывается масса этой коры

Хинное дерево ростетъ собственно въ двухъ мѣстахъ — въ лѣсу Гуаранда и Лойя. Первый—громадный лѣсъ, простирающійся между 1°—2° южной широты, покрываетъ западные склоны Чимборазо и предгорія Кордильеровъ, выше 3000 метровъ надъ уровнемъ океана. Изъ этого-то лѣса добывается наиболѣе хинной коры. Лѣсъ этотъ до сихъ поръ еще не вполнѣ изслѣдованъ. Гуаяквиль, главная гавань Экуадора, городъ, имѣющій 30000 жителей, находится въ 60 англійскихъ миляхъ отъ устья рѣки Гуаяквиль. Лѣсъ де-Лойа доставлялъ первую хинную кору, которая привозима была въ Европу. Онъ находится на протяженіи отъ 2°—5° южной широты до границы Перу и покрываетъ западные склоны Кордильеръ. Больше двухсотъ лѣтъ здѣсь собираютъ кору, но только въ послѣдніе годы Гуаяквильскій рынокъ сбывалъ ту массу коры, какая туда доставлялась. Вотъ очеркъ Велькома:

„Южнаго конца лѣса Гварандо достигаютъ у Пуэбло Нуово, маленькаго городка на одномъ изъ восточныхъ притоковъ рѣки Гуаяквиль. Мы рѣшили посѣтить этотъ лѣсъ.

Для поѣздки въ горы наняты были въ Пуэбло Нуово мулы и проводники. Такъ какъ здѣсь нѣтъ никакихъ устроенныхъ дорогъ, то повозки совсѣмъ не въ употребленіи и сообщеніе производится на спинахъ муловъ и индійцевъ. По пути въ горы уже попадаются отдѣльные экземпляры драгоцѣннаго широколистаго хиннаго дерева (Cinchona magnifolia).

Въ концѣ втораго дня горный путь становился все тяжелѣе и опаснѣе, наконецъ мы достигли такого мѣста, гдѣ необходимо было разстаться съ мулами. Карабкаясь и взбираясь довольно долго, мы достигли горной вершины. Вдругъ надвинулись тяжелыя облака, какъ густой туманъ, закрыли на мгновеніе всю окрестность, но вскорѣ разсѣялись. Затѣмъ собиратель хинной коры (Cascarillero) высмотрѣлъ вдали нѣсколько хинныхъ деревьевъ, которыхъ блестящія листья ярко сіяли при солнечномъ свѣтѣ. Этотъ характерный свѣтовой рефлексъ листвы дерева съ его прекрасными розовыми цвѣтами, есть самый яркій признакъ при отыскиваніи хинныхъ деревьевъ въ густыхъ горныхъ лѣсахъ. Неопытный человѣкъ легко можетъ смѣшать зеркальную блестящую зелень каучуковаго дерева съ листьями хиннаго дерева, но опытный каскариллеро различаетъ на далекомъ разстояніи даже оттѣнки въ окраскѣ цвѣтовъ и въ строеніи дерева.

Слѣдуя по теченію ручья, мы спустились въ оврагъ; вскорѣ проводникъ воскликнулъ: „cascarilla"! и мы увидѣли нѣсколько прекрасныхъ деревьевъ Cinchonae succirubrae.

Хинное дерево ростетъ преимущественно въ самыхъ уединенныхъ и недоступныхъ горныхъ ущельяхъ, гдѣ они попадаются отчасти малыми группами, отчасти отдѣльными экземплярами. Старыя деревья очень красивы, въ 15 — 25 метровъ въ высоту, съ стройными стволами, правильно расположенными вѣтвями, вѣчнозелеными, длинными листьями, иногда съ красноватымъ оттѣнкомъ и блестящими, какъ навощенныя. Цвѣты образуютъ на верхушкѣ ствола вѣнчики розоваго цвѣта и имѣютъ весьма пріятный запахъ. Кора большихъ деревьевъ изящно убрана обыкновенно густымъ мхомъ, въ видѣ кружевной ткани, въ которую заложены блестящіе цвѣтистые древесные лишаи и небольшіе усики (прицѣпки). Среди перепутанныхъ вѣтвей удивительно густая листва съ трудомъ пропускаетъ солнечные лучи. Все это насыщено влажностью, даже воздухъ, которымъ мы дышемъ, кажется наполненъ паромъ. Погода здѣсь измѣняется безпрестанно и быстро; тяжелыя дождевыя облака, ослѣпляющій блескъ солнца бурные дождевые ливни слѣдуютъ быстро другъ за другомъ. Температура болѣе или менѣе постоянная; на высотѣ около 2000 метровъ средняя температура около 19° Цельзія, повышается рѣдко до 26° или падаетъ до 7°.

За поисками хиннаго дерева каскариллеро взбираются на горныя вершины. Разъ открывши мѣсто, которое обѣщаетъ хорошій сборъ, должно пріобрѣсть прежде всего отъ администраціи право собственности на сборъ съ участка по установленной таксѣ.

Каждый каскариллеро—записной игрокъ и обыкновенно безъ копѣйки въ карманѣ отъ сбора до сбора хинной корки. Его вѣчная забота—найти торговца корой, который далъ-бы ему въ займы деньги на издержки при сборѣ корки. Если онъ убѣдитъ торговца въ доброкачественности своей коры, то торговецъ даетъ деньги, но беретъ отъ каскариллеро въ залогъ выданное ему право на сборъ и заключаетъ договоръ, что собранная въ опредѣленномъ количествѣ кора ему исключительно будетъ продана и доставлена. Иногда торговцы корой прямо сами пріобрѣтаютъ право на сборъ и нанимаютъ тогда рабочихъ. Въ Боливіи торговля хинной корой была долгое время монополіей правительства; собиратели должны были доставлять весь сборъ въ одинъ, спеціально для этого устроенный, складъ и довольствоваться установленною цѣною. При этой системѣ бывали такія злоупотребленія, что пришлось отмѣнить это совсѣмъ. Теперь каждое государство въ Южной Америкѣ взимаетъ пошлины съ вывозной коры.

Сборъ коры начинается около 1 августа, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ іюнѣ, и продолжается до октября или ноября. Въ это время кора легче отдѣляется и лѣса становятся болѣе проходимы, дожди рѣже, но въ дождевое время года доступъ туда почти невозможенъ. Старшина отряда рабочихъ ими избранный, разбиваетъ въ лѣсу лагерь, въ которомъ иногда бываетъ отъ 300—400 рабочихъ (paeons)—вблизи ручья или рѣки по возможности на болѣе высокой мѣстности лѣсной проруби, чтобы вновь собранная кора имѣла достаточный притокъ воздуха. Рабочіе раздѣляются на отряды, которые располагаются отдѣльными лагерями въ лѣсу. И вотъ начинается сборъ хинной корки; одинъ или два человѣка розыскиваютъ деревья, другіе рубятъ ихъ и сдираютъ кору отъ земли кверху въ вышину человѣческаго роста, потомъ снимаютъ мохъ и слой древеснаго лишая, а жесткая наружная кора обивается палицами и колотушками. Потомъ эту кору взрѣзываютъ вокругъ ствола на полосы шириною въ метръ, длиною въ 18—24 центиметровъ, и снимаютъ особо приспособленнымъ для этого ножемъ.

Свѣже-снятая кора съ внутренней стороны сливочнаго цвѣ-

*) Что касается цѣнъ аптекарскихъ, то 1 гранъ продается по 3 коп. Такъ какъ въ фунтѣ 5760 гранъ, то фунтъ обойдется такимъ образомъ въ 172 р. 80 к.

Художественная выставка 1880 г. въ Туринѣ. Семья рыбака на баркѣ. Картина Козенцы, рисов. самъ авторъ, грав. Барбери.

Художественная выставка 1880 г. въ Туринѣ. Осенью на Адріатическомъ морѣ. Картина Дальбона, грав. Канеди.

та—древесный сокъ такого-же цвѣта, но отъ дѣйствія воздуха темнѣетъ и получаетъ грязно-красный цвѣтъ. Обыкновенно всю кору сносятъ въ главный лагерь для сушки и храненія. Толстая кора со ствола требуетъ много заботъ при высушиваніи вслѣдствіе сырости, отъ которой заводится плесень — тогда прибѣгаютъ къ искусственному жару. Кору раскидываютъ на толстыхъ прутьяхъ, укрѣпленныхъ рядами такъ, чтобы возможенъ былъ доступъ воздуха, а сверху накладываютъ тяжести, чтобы ее спресовать. Такимъ образомъ получаются куски плоской коры — таблетки. Тонкая кора молодыхъ деревьевъ легко высыхаетъ и свертывается сама; этотъ видъ коры называютъ трубчатою. Наибольшимъ содержаніемъ хинина отличается такъ называемая плоская королевская хинная кора (China regia).

Большихъ трудовъ требуетъ доставка на мѣсто въ концѣ сезона. Кора здѣсь приблизительно сортируется, смотря потому съ какихъ частей дерева снята, и укладывается въ тюки вѣсомъ каждый до 5 пудовъ. Индійцы носятъ эти тюки на спинѣ въ склады на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль, откуда они доставляются уже въ ближайшія гавани. На протяженіи всего длиннаго пути мы видѣли какъ подъ лучами тропическаго солнца бѣлѣли скелеты несчастныхъ рабочихъ, которые оборвались въ пропасть или погибли отъ лихорадки. Такъ индійцы сами дѣлаются жертвами болѣзни, средство отъ которой доставляютъ бѣлымъ иностранцамъ. Одинъ торговецъ корой говорилъ намъ, что во время эпидемической перемежающейся лихорадки 25% индійцевъ погибло отъ этой болѣзни въ одномъ только его участкѣ до окончанія сбора. Индійцы знаютъ гибельныя послѣдствія лихорадокъ и только крайняя нужда и бѣдность доводятъ ихъ до необходимости подвергаться опасности, сбирая кору изъ-за ничтожнаго вознагражденія 10—25 центовъ въ день.

Въ Боливіи кора сортируется заботливѣе и тщательнѣе; чаще всего въ складахъ гавани таблетки укладываютъ въ тюки изъ толстаго полотна или въ мѣшки изъ бычачьихъ шкуръ.

При укладываніи въ приморскихъ складахъ производятся и поддѣлки товаровъ. Смѣшиваніе коры высшихъ сортовъ съ низшими происходитъ не столько отъ незнанія дѣла, ибо торговцы корой хорошо умѣютъ опредѣлить разные виды коры.

Всѣ сорта коры приходятъ на рынки съ опредѣленнымъ штемпелемъ фирмы. Большіе торговые дома въ Америкѣ и Европѣ получая разнаго рода хинную кору, хотя предварительно ее и осматриваютъ, но все таки бываютъ часто жертвою обмана, ибо торговцы корой весьма искусно дѣлаютъ подмѣси.

Что касается подвоза хинной корки изъ болѣе отдаленныхъ лѣсовъ Южной Америки, то на это мало надежды. Возрастающій значительно спросъ хинина въ послѣдніе годы вызвалъ спросъ на хинную корку, и тщательные поиски въ лѣсахъ привели къ открытію новыхъ доходныхъ участковъ, еще болѣе недоступныхъ.

Въ Америкѣ страны, доставляющія хининъ, вовсе не неисчерпаемы, какъ нѣкоторые думаютъ а спросъ въ самомъ дѣлѣ неисчерпаемъ. Туземцы и торговцы утверждаютъ, что хининъ черезъ нѣсколько лѣтъ выведенъ будетъ совсѣмъ, если хищническій обычай рубить деревья для сбора коры не будетъ остановленъ и если не станутъ заботиться о разведеніи новыхъ деревьевъ.

При тэй массѣ сѣмянъ, которыя даетъ хинное дерево, слѣдовало бы полагать, что молодое поколѣніе деревьевъ могло бы богато развиться. Но это не такъ на самомъ дѣлѣ. Легкія, какъ хлопокъ сѣмена падаютъ въ большинствѣ случаевъ на постоянно влажную листву, остаются приклеенными къ ней и, хотя скоро пускаютъ ростки, но скоро и погибаютъ. Если они попадутъ даже на почву, то укорениться имъ невозможно, такъ какъ земля покрыта толстымъ слоемъ гніющихъ листьевъ четверти въ двѣ толщины. Хинныя деревья можно было бы разводить съ успѣхомъ на ихъ родинѣ, но туземцы не предпріимчивы, а иностранцы не получаютъ отъ мѣстнаго правительства никакого содѣйствія. Два нѣмца производятъ теперь опыты разведенія хинныхъ деревьевъ въ Боливіи, но растенія не развились еще настолько, чтобы можно было говорить о какихъ нибудь результатахъ.

Постоянныя революціи и междоусобія въ этихъ южно-американскихъ странахъ мѣшаютъ всякому предпріятію. Открытыя дороги и гавани бываютъ загромождены по цѣлымъ мѣсяцамъ, такъ что ввозъ товаровъ и вывозъ хинной корки въ застоѣ, а торговцы несутъ большіе убытки.

Въ случаѣ революціи или войны каждый индійскій рабочій обязанъ воинской повинностью, и тогда невозможно собрать достаточно сборщиковъ коры, такъ что экспедиція въ лѣса не покрываетъ издержекъ. Политическія потрясенія сильно колеблютъ цѣны хинной корки и хинина.

Вѣроятно до Европейцевъ въ Америкѣ, употребленіе хинной корки не было извѣстно туземнымъ индійскимъ племенамъ такъ какъ лѣса экуадора и сѣверной части Перу—въ тѣ времена вся восточная и сѣверная части Южной Америки извѣстны были подъ общимъ именемъ Перу, отчего и корка звалась перуанской—были единственными странами гдѣ доставали хинную корку, которую испанцы послѣ открытія Америки почти цѣлое столѣтіе одни отправляли въ Европу. Но индійцы по врожденной скрытности характера, держали быть можетъ въ тайнѣ происхожденіе ихъ лекарственныхъ средствъ, изъ ненависти къ пришельцамъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, вѣроятно по слухамъ, что индійцы не употребляли хининъ въ видѣ хинной корки, но что иностранцы собирали ее какъ красящій матеріалъ. Этому противорѣчитъ то обстоятельство, что индійцы называли корку quinia-quinia, т. е. медицинской корой. Индійцы изъ Мотто-Гроссо считаютъ жизнь въ хижинѣ изъ хиннаго дерева лучшимъ средствомъ противъ лихорадки.

Куски хинной коры попадались при раскопкѣ древнихъ индійскихъ могилъ. Вельномъ самъ находилъ въ древнихъ могилахъ Инко въ Перу листья краснаго дерева (кока), которыя до нашествія Европейцевъ были гораздо въ большемъ употребленіи, чѣмъ въ настоящее время.

Туземцы положительно утверждаютъ, что хинная корка была хорошо извѣстна ихъ предкамъ,—а какъ лекарственное средство очень цѣнилась за долго до того какъ Испанцы вступили въ Америкѣ подъ предводительствомъ смѣлаго Пизарра.

Осень.

На западѣ едва блеститъ и замираетъ
Осенній солнца лучъ, безъ жизни, безъ тепла
И землю пеленой сырою покрываетъ,
И вѣетъ холодомъ густѣющая мгла.

* * *

И нашъ старинный садъ, развѣсистый, тѣнистый
Вѣтвями голыми уныло шелеститъ,
На югъ умчался рой пернатыхъ голосистый
И гробовой покой въ саду, въ лѣсахъ царитъ.

* * *

Печальна и мрачна стоитъ, чернѣя, ива,
Густой туманъ покрылъ далекіе холмы;
Природа замерла, покорна и лѣнива,
И приговора ждетъ безжалостной зимы.

* * *

Уснулъ заглохшій прудъ и притаилъ дыханье,
Какъ прежде, не шумитъ лепечущей волной,
Покоится въ нѣмомъ, тоскливомъ ожиданьи
Когда покроется корою ледяной...

* * *

И вѣтра волею оторванъ прихотливой
Трепещущій листокъ упалъ на лоно водъ
Колышется едва, плывя съ волной шумливой,
И ласково журча, волна его несетъ.

* * *

И грезится тогда пора, что миновала:
Напѣвы соловья, цвѣтущая весна
И дубъ развѣсистый, чьи корни омывала
Ручья шумящаго прозрачная волна.

* * *

Душа моя скорбитъ съ природою уснувшей,
Зимы холодной часъ для ней ужъ недалекъ
И чудный образъ твой, мечта любви минувшей,
Плыветъ въ моей душѣ, какъ трепетный листокъ.

В. Львовъ.

Къ рисункамъ.

Вскрытіе духовнаго завѣщанія

(Картина Бокельмана).

Что за выразительная, полная содержанія картина! Талантъ художника, умѣнье его схватить выраженіе лицъ и разнообразныя движенія душевныя здѣсь выказались въ полной силѣ. Сколько обманутыхъ ожиданій, лопнувшихъ надеждъ. Вонъ у окна сидятъ, пораженные тѣмъ, что имъ ничего не отказано богатымъ покойнымъ родственникомъ—двое. Впереди ихъ въ углу видно кое что получили и имѣютъ болѣе веселый видъ. Ближе къ сценѣ этотъ важный господинъ совѣщается съ своей женой что дѣлать въ виду оригинальности воли завѣщателя, передавшаго все свое состояніе маленькой дѣвочкѣ-внучкѣ, которая тамъ за столомъ, сконфуженная общимъ, какимъ-то недоброжелательнымъ, вниманіемъ, начинаетъ плакать. Ея родные съ веселыми лицами утѣшаютъ ее и стараются ей втолковать какая она счастливая. И особенно поражаетъ это общее невниманіе къ этимъ богатымъ комнатамъ, въ которыя при жизни покойнаго вступали съ такимъ волненіемъ и почтеніемъ эти же самые родственники, теперь прямо въ шляпахъ, въ пальто, какъ

въ сарай вступающіе въ нихъ. Духъ хозяина отлетѣлъ и все такъ тщательно и съ такимъ вкусомъ собранное имъ за всю долгую, роскошную жизнь, разлетится по частямъ, по квартирамъ или не будетъ цѣниться новыми владѣльцами такъ, какъ оно цѣнилось и береглось имъ.

Идетъ конная гвардія.

(Картина К. Кизеля).

Мимо балкона, шумно стуча подковами по камнямъ улицы, проходятъ кавалеристы. И каждая изъ прелестныхъ женщинъ изображенной группы съ особымъ чувствомъ и особымъ выраженіемъ смотритъ на этихъ красивыхъ молодцовъ офицеровъ, гарцующихъ по флангамъ на великолѣпныхъ, горячихъ коняхъ. Та что влѣво—съ такимъ стремленіемъ и нѣжностью наклонилась впередъ, ея смуглое личико полно такаго увлеченія. Рядомъ двѣ молоденькія дѣвушки—одна такъ наивно поглядываетъ внизъ на посылающаго ей привѣтъ юнаго красавца а подруга ея насмѣшливо говоритъ ей что-то. Но истинная, живая страсть не говоритъ. Эта серьезная красавица справа не наклонилась, даже не смотритъ, даже полуприкрылась вѣеромъ и глаза ея, мечтательные и страстные, задумчиво устремлены вдаль... Всѣ эти разнообразныя выраженія лицъ молодыхъ прелестныхъ женщинъ исполнены съ полнымъ совершенствомъ и не знаешь которое лицо лучше и которое выраженіе вѣрнѣе передано.

На выставкѣ 1880 г. въ Туринѣ.

(Двѣ картины—Козенцы и Дальбона).

Обѣ эти картины, появившіеся на осенней выставкѣ нынѣшняго года въ Туринѣ, обратили на себя общее вниманіе. Одна изображаетъ семью итальянскаго рыбака на лодкѣ. Тутъ они живутъ, здѣсь ихъ домъ на все лѣто. Дѣти привыкаютъ къ этому иловучему дому, привыкаютъ къ чуднымъ, раннимъ зорькамъ, великолѣпнымъ закатамъ роднаго голубаго неба, подъ которымъ проходитъ ихъ здоровая жизнь. Тихо плещутъ волны, теплый, чудный воздухъ льется въ грудь и разносятся далеко по волнамъ сладкіе, тающіе звуки „Santa Lucia“... Особенно замѣчательна въ этой картинѣ даль, легкая, воздушная, мастерски исполненная...

Другая представляетъ итальянское небо потемнѣвшимъ и облачнымъ. Тутъ уже рыбаки работаютъ среди рѣзкаго холоднаго вѣтра съ моря. Дождь идетъ и волны, голубыя волны Адріатики, посѣрѣли и грозно нахмурились...

Внутреннее устройство Императорской яхты „Ливадія“.

Мы уже познакомили нашихъ читателей въ № 30 „Нивы“ съ наружнымъ видомъ заказанной нашимъ правительствомъ въ Англіи, великолѣпной Императорской яхты „Ливадія“. Заказана она на заводѣ Эльдера. По поводу постройки и испытанія яхты возникли въ печати нашей оживленные толки за и противъ этаго сооруженія, изъ которыхъ трудно пока сдѣлать опредѣленный выводъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ между тѣмъ появились оффиціальные акты объ испытаніи яхты и отзывы иностранныхъ извѣстныхъ спеціалистовъ. Изъ нихъ видно было, что средняя скорость хода яхты 15 узловъ и машины работаютъ вполнѣ исправно. Находившійся при испытаніи яхты, главный корабельный инженеръ нидерландскаго флота докторъ Тидеманъ наблюдалъ испытаніе независимо отъ членовъ нашей коммисіи и онъ также заявилъ особо, что яхта хорошо держится на курсѣ и слушается руля какъ шлюбка. Тидеманъ считаетъ „Ливадію“ 15 узловымъ судномъ. Послѣ этаго съ яхтой случилось несчастіе. Во время бури яхта получила пробои отъ плывущихъ корабельныхъ обломковъ и чинится въ настоящую минуту. Идя изъ Гринока въ Брестъ она имѣла скорость лишь десять узловъ. Командиръ судна въ своемъ рапортѣ объясняетъ это сильною бурею, которая застигла яхту, вслѣдствіе чего нельзя по этому плаванію судить правильно объ ея скорости. Но „Ливадію“ какъ бы преслѣдуетъ какое-то несчастіе. При зажиганіи лампы одинъ рабочій былъ убитъ электрическимъ ударомъ.

Императорская яхта „Ливадія“, бывшая въ послѣднее время предметомъ этихъ оживленныхъ толковъ, отличается громадными размѣрами и замѣчательной роскошью внутренней отдѣлки.

Длина яхты 260 футовъ, ширина—153 и вышина 60 футовъ. Въ водѣ сидитъ она 6 футовъ и 6 дюймовъ. На ней три машины, каждая въ 3500 лошадиныхъ силъ. Всѣ винты сдѣланы изъ марганцевой бронзы, для приданія имъ большей прочности. Машины же и котлы изъ стали, чѣмъ значительно уменьшается вѣсъ ихъ.

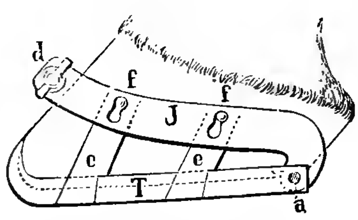
14 октября въ пятницу яхта вышла изъ Клейдскаго залива, чтобы направиться въ Черное море, къ мѣсту своей стоянки. По пути отъ Бреста къ Ферролю яхта выдержала бурю, при чемъ, какъ мы сказали, повреждена несшимися обломками. Поврежденіе значительно, и нужно было остановиться для исправленій въ Ферролѣ, гдѣ яхта находится и по настоящее время. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилась слѣдующая телеграмма изъ Ферроля отъ 17 октября: „бурное время продолжается цѣлую недѣлю. Вѣтеръ на морѣ имѣетъ характеръ боры на Черномъ морѣ. Сегодня вошли въ гавань, чтобы работать на тихой водѣ“.

Иностранныя газеты сравниваютъ „Ливадію“ съ ея экипажемъ отъ 200 до 300 человѣкъ—съ гигантскимъ китомъ, на хребтѣ котораго построенъ волшебный дворецъ. Надъ каютами идетъ изящный балконъ и галлерея, окружающая все судно. Замѣчательна крыша галлереи въ 200 футовъ длины и 100 ф. ширины. Посреди крыши перекинутъ летучій мостъ и двухъ этажный легкій балконъ, возвышающійся на 60 футовъ надъ поверхностью моря. Позади этаго балкона возвышаются три гигантскія трубы яхты. На каждой изъ сторонъ яхты расположены курительныя комнаты. Большой залъ, предназначенный для Государя Императора, сдѣланъ въ стилѣ Людовика XVI. Потолокъ поддерживается іоническими колоннами и украшенъ богатой рѣзьбой. Къ внутренней сторонѣ зала примыкаетъ кабинетъ съ великолѣпнѣйшими зеркалами, и въ передней части зала мраморный бассейнъ шумящаго фонтана. Панели увѣшаны гобеленами, стѣны бѣлаго цвѣта съ золотомъ и также украшены рѣзьбою. Съ трехъ сторонъ находятся окна, а съ потолка спускаются двѣ тяжелыя люстры, кромѣ того тутъ же вездѣ яркія стѣнныя лампы. Мебель — тонкой работы рѣзные стулья, и по угламъ мягкія кресла. Гостинная Государя Императора по стилю отдѣлки названа „крымско-татарской“. Мебель здѣсь обита матеріей ярко-желтаго цвѣта, занавѣси на окнахъ коричневаго бархата. Въ этой же части яхты расположены уборная и спальня Государя Императора. Въ уборной дубовыя стѣны покрыты гобеленами временъ Людовика XVI. Орѣховаго дерева мебель обита оливково-зеленымъ сафьяномъ. Стѣны спальни бѣлаго цвѣта и сплошь покрыты тонкой замѣчательной рѣзьбой. По срединѣ стоитъ ванна изъ цѣльнаго куска мрамора, закрывающаяся зеленой сафьянной занавѣсью. Покои, предназначавшіеся для Государыни Императрицы, отдѣланы почти точно также, съ той только разницей, что зеленый сафьянъ замѣненъ блѣдно-голубымъ атласомъ. Половина Великаго-Князя Генералъ-Адмирала, расположенная въ задней части яхты, отдѣлана также съ чрезвычайною роскошью. Панели рѣзныя орѣховаго дерева, верхняя часть стѣнъ обтянута темно-зеленымъ бархатомъ и гобеленами. На окнахъ тяжелыя бархатныя занавѣси и на дверяхъ такія же портьеры, подобранныя массивными бронзовыми аграфами. Во всѣхъ прочихъ помѣщеніяхъ другихъ членовъ Царской Семьи одинаково роскошное убранство. Повсюду бронзовыя кровати, орѣховые шкафы, мраморные столы и ванны и изящная сафьяновая мебель.

Обѣ половины яхты соединены коридорами, часть которыхъ вымощена мраморомъ, а другая выложена паркетомъ, и всѣ они покрыты кромѣ того роскошными коврами. Почью коридоры освѣщаются электричествомъ. Для этаго въ машинномъ отдѣленіи находятся 8 машинъ, каждая въ 15 лошадиныхъ силъ, которыя приводятъ въ движеніе 8 электро-динамическихъ машинъ, питающихъ яркія лампы системы Яблочкова. На нашихъ рисункахъ изображены описанные выше покои.

Новыя изобрѣтенія.

Запасныя подковы. Въ виду часто случающихся затрудненій въ пути отъ ломки и потери подковъ, Фогель и Пейзеръ въ Берлинѣ изобрѣли такъ называемую „Запасную подкову“. Это приспособленіе по устройству своему очень просто, но тѣмъ не менѣе остроумно, и каждый, незнакомый совсѣмъ съ кузнечнымъ дѣломъ, можетъ очень быстро, въ нѣсколько минутъ, замѣнить сломанную или потерянную подкову новою, не вбивая въ копыта гвоздей. Приспособленіе это состоитъ изъ обыкновенной желѣзной подковы T, къ которой прикрѣплены двѣ желѣзныя же смыкающіяся вверху дужки J, которыя впереди скрѣпляются посредствомъ винта d; кромѣ того съ обѣихъ сторонъ подковъ имѣются еще двѣ полоски e, которыя закрѣпляются пуговками f, которыя полоски не даютъ дужкамъ J тереть копыто. Внутри всего желѣзнаго станка положены полоски гуммиластику, которыя сохраняютъ копыто отъ тренія. Чтобы наложить такую подкову, стоитъ только разомкнуть дужки J, настегнуть желѣзныя полоски e на пуговки f и закрѣпить дужки спереди винтомъ d. Такимъ образомъ заключенная подкова уже не можетъ упасть и устраняетъ порчу ноги лошади, которой пришлось бы долго бѣжать безъ подковы и ломать копыта, не будь этой запасной подковы.

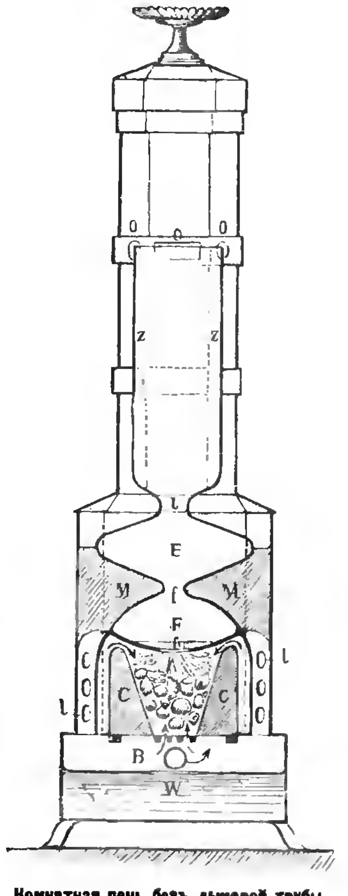

Подкова.

Макинноновы перья. Это совершенно оригинальное и новое изобрѣтеніе. Перьями этими пишутъ просто, какъ обыкновеннымъ карандашемъ, но рукопись выходитъ написанною чернилами. Такимъ образомъ это перо имѣетъ свойства и обыкновеннаго пера и карандаша. Перо это очень удобно для ношенія въ карманѣ и употребляется уже многими. Стволъ пера представляетъ трубочку, наполненную обыкновенными чернилами. Конецъ пера (9) конической формы изъ полированнаго золота съ примѣсью иридія. При малѣйшемъ нажимѣ иридіеваго кончика пера, показываются чернила и именно настолько, насколько требуется сообразно нажиму. Этимъ перомъ, разъ оно наполнено чернилами, можно исписать отъ 70-80 страницъ писчей бумаги, съ меньшимъ затрудненіемъ и утомленіемъ чѣмъ обыкновеннымъ перомъ. Иридіевый кончикъ пера никогда не ломается. Перо не можетъ дѣлать кляксъ, ибо чернила показывается лишь настолько, насколько силенъ нажимъ и когда отнимаютъ перо отъ бумаги, то чернила уходятъ, неуспѣвъ высохнуть, обратно. Составныя части пера—вулканизированный каучукъ, золото, платина, серебро и иридій придаютъ ему прочность и красоту. Чтобы налить перо чернилами, отвинчиваютъ верхнюю часть кончика пера (6), потомъ, оборачивая отверстіемъ вверхъ, наполняютъ трубочку (3) до половины отъ краевъ и такимъ образомъ не допускаютъ чернила попасть въ воздушную трубочку (5) и завинчиваютъ перо на глухо. Затѣмъ нажимаютъ слегка ногтемъ кончикъ пера, пробуя, имѣетъ ли подвижность остріе иглы (8) которая должна слегка высовываться изъ кончика пера Для ношенія пера въ карманѣ на конецъ его надѣвается крышечка, и завинчивается воздушная трубочка. Когда хотятъ писать, то перо должно оборотить концомъ кверху и сперва отвинтить воздушную трубочку а затѣмъ уже снимать крышку съ кончика пера. Макинноновы перья продаются рублей по 10 за штуку (20 марокъ). Ихъ можно выписывать изъ склада письменныхъ принадлежностей Миліуса въ Лейпцигѣ.

Макинноновы перья.

Уничтожающая дымъ комнатная печь безъ дымовой трубы. Даже при самыхъ лучшихъ приспособленіяхъ топки, при противномъ вѣтрѣ, дымъ задувается обратно въ печку, наполняя комнату, что крайне разумѣется вредно и непріятно. Старались вводить всевозможныя усовершенствованія, чтобы избѣжать этого. Уже давно толковали объ опытахъ устройства печей безъ дымовыхъ трубъ и опыты эти все были неудачны. Но наконецъ весьма недавно выставлена была, уничтожающая дымъ печь безъ дымовой трубы, въ Лейпцигѣ. Опыты дали блестящіе результаты. Наружная форма, которая впрочемъ не имѣетъ никакого вліянія на процессъ горѣнія, колонообразная. Чугунная заслонка плотно закрываетъ ящикъ кованнаго желѣза; нижняя часть ящика, собственно топка A, состоитъ изъ небольшой рѣшотки и двухъ чугунныхъ клиньевъ CC, сверхъ которыхъ воздухъ проходитъ въ концентрическія кружныя отверстія ll. Закругленная перегородка сверху, ограничивающая пространство A, образуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дно пространства F, которое сообщается съ другимъ, большимъ пространствомъ E посредствомъ съуженнаго горла f и посредствомъ такаго же съуженія l сообщается съ цилиндрическимъ ящикомъ zz. Дно топки сообщается съ ящикомъ для золы B, который стоитъ на ящикѣ, наполненномъ холодной водой W, небольшими отверстіями. Буквами M обозначены полые чугунные стѣнки упирающіеся въ стѣнки печи. Потребный для горѣнія воздухъ тянетъ черезъ отверстія зольнаго ящика къ рѣшоткѣ топки; дальнѣйшее же теченіе воздуха производится по кольцеобразнымъ отверстіямъ l, здѣсь нагрѣвается, подвимается вверхъ и осаждается внизъ черезъ отверстіе f l на горящій матеріалъ, смѣшивается съ газами происходящими отъ горѣнія и проходитъ въ помѣщеніе F; здѣсь видимо происходитъ процессъ сгоранія газовъ, образовавшихся въ топкѣ A изъ соединенія углекислоты и углеводорода. Пламя проходитъ тремя отверстіями f l, f и l и собирается въ цилиндрѣ zz Пространство E служитъ также для перегоранія оставшихся газовъ и также для регулированія тяги воздуха. Такъ какъ температура въ E ниже чѣмъ въ F то газы медленнѣе выходятъ чѣмъ входятъ а вмѣстѣ будутъ имѣть достаточное давленіе, чтобы съ силою проходить въ съуженныя мѣста. Отъ взаимнаго дѣйствія всѣхъ этихъ условій печь въ холодную, сырую погоду дѣйствуетъ лучше чѣмъ въ сухую и холодную.

Комнатная печь безъ дымовой трубы.

Это самый блестящій и удавшійся опытъ устройства печи безъ дымовой трубы. Но надо сказать, что тепло, ею доставляемое комнатѣ, меньше чѣмъ тепло обыкновенной печи и она не можетъ, какъ печь обыкновенная, служить въ одно и тоже время и для нагрѣванія и для очищенія комнатнаго воздуха.

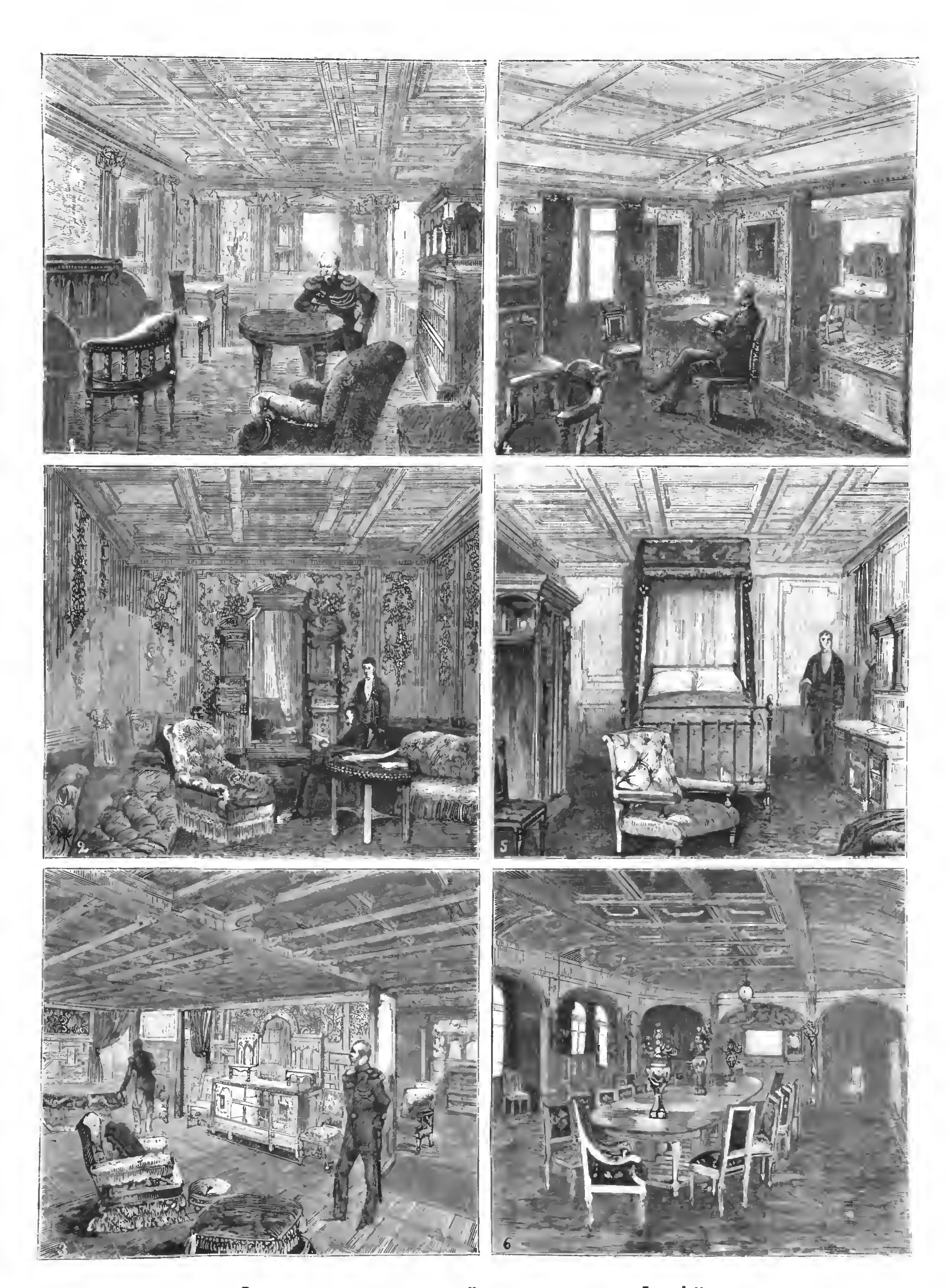
Политическое обозрѣніе.

Балканскій полуостровъ. — Борьба съ конгрегаціями во Франціи. — Генералъ Шареттъ.—Преданіе суду Ирландскихъ вождей.—Перу-Боливійскія соединенные штаты. Маркизъ Цзенгъ.

Сербія вполнѣ заслуживаетъ прозвища передоваго поста славянства Балканскаго полуострова — ей выпало на долю почти всегда первой принимать удары, направленные на славянъ. Въ ряду заполонившихъ общее любопытство событій послѣдняго времени на полуостровѣ, какъ то скромно проскользнуло одно, достойное самаго серьезнаго вниманія — со стороны кого слѣдуетъ... Событіе это проскользнуло безъ шума, безъ пушечныхъ выстрѣловъ, однимъ словомъ, безъ всякой „обстановки", а между тѣмъ, оно является фактомъ первостепенной важности, указывая на опасность для славянъ, не менѣе грозную, чѣмъ тѣ, которыя уже пройдены. Мы говоримъ объ отставкѣ перваго министра Сербіи Ристича (замѣненнаго Міятовичемъ). Уже въ прошлый разъ мы, въ нѣсколькихъ словахъ, освѣжили въ памяти читателей заслуги этого виднаго государственнаго дѣятеля, много не приходилось и говорить по этому; заслуги Ристича еще у всѣхъ на глазахъ, и ни время, ни обычная людямъ неблагодарность не могли еще затушевать ихъ и едва-ли Сербія когда-либо можетъ совершенно забыть человѣка, министра, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о совершенномъ освобожденіи княжества, о независимости. Но—дѣло не въ томъ, а—въ самыхъ причинахъ отставки Ристича. Оказывается, что отставка эта—прямой, непосредственный результатъ давленія Австріи. Вотъ, гдѣ значеніе этаго событія. Изъ Вѣны давно уже слѣдятъ недружелюбнымъ окомъ за побѣднымъ, торжествующимъ ходомъ славянъ. Пока тріумфальное шествіе это совершалось подъ сѣнію русскихъ знаменъ—приходилось молчать. Теперь же, какъ видно, можно протянуть руку къ тому, что охранялось тѣми же знаменами. Австрія постоянно стремилась завладѣть рынкомъ и торговлей Сербіи, но понятно, въ горячемъ патріотизмѣ даровитаго Ристича было непреоборимое препятствіе: вспомнимъ только, какъ онъ съумѣлъ отдѣлываться отъ торговаго договора, котораго такъ упорно навязывали ему изъ Вѣны. Но — само-собой понятно, что въ концѣ концовъ, сила, ломящая солому, должна была одержать верхъ хотя въ чемъ нибудь и вотъ первымъ, частнымъ успѣхомъ въ борьбѣ Австро-Венгерской монархіи съ Сербскимъ княжествомъ является паденіе Ристича.

Славяне не могутъ не обратить вниманія на этотъ фактъ. Что-же будетъ съ свободой, съ независимостью ихъ, если установится подобный прецедентъ?.. Къ чему-же пролиты моря крови, къ чему вѣковая борьба, къ чему страшныя усилія, страшныя пожертвованія!? Неужели-же все это было только для того, чтобы освободившись отъ турокъ, славяне подпали болѣе тяжкому игу Австріи.

(Продолженіе на стр. 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931 и 932).

Внутреннее устройство новой Императорской яхты „Ливадія“.

1) Кабинетъ Государя Императора. 2) Уборная Государя Императора. 3) Крымско-татарскій салонъ. 4) Кабинетъ Е. И. В. Генералъ-Адмирала. 5) Опальня Госуд Импер. 6) Столовая Императорскихъ покоевъ.

Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Такъ или иначе, а необходимы, неизбѣжно необходимы гарантіи для будущности юныхъ славянскихъ государствъ! Черногорцы, конечно, еще не получили Дульциньо. Тамъ опять-таки, все по прежнему. Броненосцы — по своимъ мѣстамъ, замѣститель Риза-Паши, генералъ-губернаторъ Албаніи, Дервишъ-паша, идя, вѣроятно, по пути, уже пройденному его предшественникомъ, пригласилъ вождей албанскихъ на совѣщаніе. Совѣщанія и переговоры, переговоры и совѣщанія—это, конечно, повторится еще не разъ.

Что-же касается Греціи и пламенныхъ сыновъ ея, то на вспыхнувшее священнымъ огнемъ патріотическое чувство ихъ — уже сама Европа начала поливать слегка холодной водицы. „Искренно“ сочувствующія эллинскому народу и законнымъ стремленіямъ ихъ державы выражаютъ надежду на то, что Греція выкажетъ благоразумное терпѣніе“. Но что-же вознаградитъ ее за это долготерпѣніе — неизвѣстно, такъ-какъ, говорятъ, султанъ намекнулъ недавно, на аудіенціи, одному изъ посланниковъ, что въ случаѣ, если-бъ Европа стала принуждать его сдѣлать уступки эллинскому королевству, то онъ не будетъ болѣе сдерживать въ своихъ оттоманскихъ подданныхъ негодованія, давно уже накипѣвшаго, подъ вліяніемъ всѣхъ униженій и обидъ, претерпѣнныхъ Турціей...

Недавно снова разнесся было слухъ о томъ, что князь Бисмаркъ выходитъ въ отставку, но слухъ этотъ, конечно, не подтвердился—оказалось, что канцлеръ, принявшій какъ извѣстно, портфель министерства торговли, поручилъ его другому лицу.

Во Франціи полиція повсюду осаждаетъ монастыри, рѣшившіеся теперь на болѣе энергическое сопротивленіе; монахи повсюду заперлись и выдерживаютъ во многихъ мѣстахъ правильную осаду; народное сочувствіе, кое-гдѣ, высказывается въ пользу изгоняемыхъ конгрегацій. Легитимисты, пользуясь настоящимъ случаемъ возбужденія въ средѣ, принадлежащей къ партіи ихъ, подняли голову и обнаруживаютъ не мало энергіи. Недавно на одномъ банкетѣ, генералъ Шарретъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой, обращаясь къ Франціи, къ народу, призывалъ его подняться на защиту духовенства и короля ихъ.

Въ Англіи Парнелль и другіе главнѣйшіе ирландскіе вожди, преданы суду. Изъ Южной Африки получены свѣдѣнія о развившемся возстаніи базутосовъ и другихъ племенъ. Въ одномъ сраженіи англичане имѣли частную неудачу.

Мы уже сообщали о томъ. что переговоры между Боливіей, Перу съ одной стороны, и Чили съ другой, не привели ни къ какому результату. Между тѣмъ, связь, соединяющая Боливію и Перу, въ скоромъ времени станетъ еще прочнѣе. Боливійское національное собраніе приняло проектъ (выработанный Перуанскимъ диктаторомъ Николо-ди-Пьэрола) объ учрежденіи *Пэру-Боливійскихъ Соединенныхъ Штатовъ.* На основаніи этаго проекта каждое изъ государствъ сохраняетъ свою независимость относительно судебныхъ и административныхъ учрежденій; въ дѣлахъ же внѣшнихъ они будутъ имѣть одно общее центральное правительство, въ составъ котораго, кромѣ президента, войдетъ еще государственный совѣтъ изъ 10-ти членовъ: 5-ти перуанцевъ и 5-ти боливійцевъ.

Возстаніе курдовъ въ Персіи, по слухамъ, ослабѣваетъ.

Китайскій посланникъ при нашемъ дворѣ, маркизъ Цзэнгъ, повидимому, останется въ Петербургѣ на продолжительное время.

Смѣсь.

Черный ящикъ.
(Разсказъ).

Въ маленькой комнаткѣ на чердакѣ мрачнаго дома, который стоялъ какъ разъ за нашимъ домомъ—съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, жилъ старикъ переписчикъ. Онъ жилъ только этой трудной разнообразной работой, но несмотря на усиленную работу мало доставалось ему и жилъ онъ постоянно въ большихъ лишеніяхъ. Въ молодости былъ онъ обрученъ съ дочерью зажиточнаго горожанина; невѣста его умерла незадолго до свадьбы и съ тѣхъ поръ Венцель (такъ его звали) влачилъ тихое, уединенное, сосредоточенное существованіе. Утромъ онъ занимался въ нотаріальной конторѣ; послѣ обѣда прогуливался немного въ окрестностяхъ города, затѣмъ садился за свой выпачканный чернилами столикъ и до поздней ночи переписывалъ различныя рукописи набѣло. Почеркъ у него былъ прекрасный, ясный, самъ онъ былъ не безъ познаній—онъ прошелъ нѣсколько классовъ гимназіи—а потому недостатка въ работѣ не было. Я былъ еще юнымъ студентомъ, когда впервые познакомился съ Венцелемъ. Нужно было переписать для меня нѣсколько тетрадей, а такъ какъ нѣкоторыя мѣста требовали съ моей стороны разъясненія, то за это время мнѣ пришлось часто и подолгу видѣться съ Венцелемъ. Простая, открытая, добродушная манера его очень мнѣ понравилась. Задушевный голосъ и дружескій взглядъ его—такъ я къ нимъ привыкъ и ихъ полюбилъ, что я чаще, чѣмъ было необходимо подымался по крутой лѣстницѣ на его чердакъ. Мало по малу, между нами завязалась горячая дружба и я сталъ пользоваться довѣріемъ старика.

Былъ однажды ясный весенній вечеръ. Я сидѣлъ у окна съ Венцелемъ и смотрѣлъ то на разстилавшійся передъ нами ландшафтъ, то на убогую конурку, такъ рѣзко отличавшуюся отъ этаго ландшафта. Лучъ заходящаго солнца упалъ на желѣзную дверь стѣннаго шкафа, выкрашенную въ одну краску со стѣнами и казавшуюся въ этой невзрачной обстановкѣ слишкомъ изящной и прочной работы. Шкафа этаго я не замѣчалъ до сихъ поръ. Теперь только я увидѣлъ, что на этомъ мѣстѣ Венцель обыкновенно вѣшалъ свое платье, и такимъ образомъ очень удачно закрывалъ совсѣмъ дверь. Но сломалась вѣшалка (она лежала теперь на кровати) и потому мѣсто на сей разъ было не закрыто.

— Должно быть вы прячете здѣсь кладъ? сказалъ я смѣясь и указывая на шкафъ.

Венцель покраснѣлъ.

— Да, вы не ошиблись — здѣсь у меня кладъ, отвѣчалъ онъ какимъ-то дрожащимъ голосомъ, тутъ единственное мое сокровище.

— Желѣзная дверь, продолжалъ я нѣсколько спустя, сдѣлана кажется не домовладѣльцемъ?

—Я заказалъ ее сдѣлать на свои трудовые гроши, отвѣтилъ Венцель. Передъ вами я не стану скрываться,—я хотѣлъ обезпечить себя отъ воровъ.

Онъ подошелъ къ шкафу, отворилъ его и вынулъ оттуда небольшой черный ящикъ, запертый тремя висячими замками и повидимому не открывавшійся уже очень давно.

— Видите ли, дорогой другъ, проговорилъ онъ видимо волнуясь, этотъ ящикъ—все утѣшеніе моей бѣдной жизни, безъ него меня давно бы не стало.

Венцель вынулъ свой, большой съ голубыми цвѣтами, носовой платокъ и бережно вытеръ пыль съ ящика.

— Мнѣ онъ достался въ наслѣдство отъ моего покойнаго отца, продолжалъ онъ печально. За три дня до смерти, онъ призвалъ меня къ себѣ и передалъ мнѣ эту драгоцѣнность. Я долженъ былъ дать ему клятву, что золото, которое лежитъ въ немъ, я возьму только въ послѣдней крайности.—Многаго я не могу оставить тебѣ — сказалъ отецъ,—но въ трудныя минуты будетъ утѣшительное сознаніе, что есть кое что и у тебя. Повторяю, это не много, но это чистое золото! Ты поступилъ бы преступно если бы открылъ ящикъ въ затруднительныхъ, но не крайнихъ обстоятельствахъ. Только въ послѣдней крайности, когда дойдешь до отчаянія, тогда только прибѣгни къ этому сокровищу. Поклянись мнѣ всѣмъ святымъ въ жизни, что ты исполнишь свято мой завѣтъ!—И я поклялся, и вотъ вѣрно сдержалъ свою клятву.

— Значитъ вы никогда не нуждались въ крайней степени.

— Я ли не нуждался, сказалъ Венцель, горько усмѣхнувшись. Три года тому я нечаянно раскроилъ себѣ указательный палецъ правой руки; девять недѣль совсѣмъ не могъ работать, а мои маленькія сбереженія уходили съ ужасающею быстротою. Мысль о томъ, что будетъ со мною, еще болѣе усиливала мою болѣзнь. Наконецъ я заболѣлъ горячкой, и началъ бредить. Но во время самыхъ сильныхъ пароксизмовъ мысль о ящикѣ меня утѣшала. Я зналъ, что въ крайности все же у меня есть вѣрная поддержка. Это удивительно успокоивало и подкрѣпляло меня. Но я настойчиво прогонялъ отъ себя мысль коснуться ящика. И какъ только я рѣшилъ твердо исполнить завѣтъ отца, какъ сталъ поправляться—а черезъ двѣ недѣли былъ уже совершенно здоровъ—какъ разъ во-время чтобы еще разъ обойтись безъ помощи ящика. Такимъ образомъ, я могъ бы вамъ привести нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ одна мысль объ этомъ ящикѣ всегда меня поддерживала во всѣхъ превратностяхъ жизни. Да ниспошлетъ Богъ благословеніе на этотъ даръ и на милаго отца моего!

— У васъ никогда не являлось желаніе открыть ящикъ и посмотрѣть что тамъ находится.

Венцель отрицательно покачалъ головою.—Я поклялся покойному отцу, проговорилъ онъ торжественно.

— Но такъ пожалуй можетъ случиться, что вы и никогда не узнаете...

Онъ прервалъ меня.

— Если я умру раньше, чѣмъ попаду въ крайнюю нужду—да! Вы видите, что не смотря на мои семьдесятъ лѣтъ, я слава Богу еще бодръ. Но я забылъ вамъ сказать, что на девяностомъ году я могу открыть ящикъ, даже не находясь въ нуждѣ.

— Странное распоряженіе!

— Да, да, странное! Мой покойный отецъ былъ то, что люди называютъ — философъ. По ремеслу онъ былъ сапожникъ, но имѣлъ свѣтлую голову, которая много думала и думала здраво и глубоко.

Венцель замолчалъ и посмотрѣлъ на прозрачный, тихій горизонтъ, за которымъ скрывалось догорающее вечернее солнце.

— Если же я умру раньше этаго срока, сказалъ онъ, подумавъ, то я уже позаботился, чтобы сокровище мое не попало въ дурныя руки. Вы знаете—у меня вѣдь нѣтъ ни дѣтей, ни

родныхъ. Духовная моя сдѣлана и запечатана. Вы, мой милый, наслѣдуете все, что у меня есть.

Я изумился и бросился къ нему въ невольномъ движеніи. Онъ ласково меня остановилъ и успокоивъ, подтвердилъ свое распоряженіе.

Мы разговаривали еще послѣ этаго. Венцель сѣлъ за свою работу, а я спустился внизъ и долго въ раздумьи бродилъ потомъ въ ночи по пустымъ городскимъ улицамъ.

Мѣсяцъ спустя добрый старикъ умеръ отъ удара. Глубоко опечаленный этою смертью пошелъ я въ комнату умершаго, чтобы еще разъ взглянуть на своего стараго друга. Видъ мертвеца, на его убогомъ ложѣ, произвелъ на меня глубокое потрясающее впечатлѣніе. Величавымъ покоемъ дышали добрыя черты лица моего друга. Все горькое и непріятное, все что онъ перетерпѣлъ въ жизни не оставило на этомъ лицѣ никакого слѣда, и губы сложились въ спокойную, едва замѣтную улыбку.

Я и два пожилыхъ товарища покойнаго, съ которымъ онъ иногда выпивалъ кружку пива въ биргаллѣ „Золотой орелъ" были единственныя лица, провожавшія бѣдный гробъ.

Съ убогимъ наслѣдствомъ, я получилъ согласно завѣщанію также и черный ящикъ.

Я былъ глубоко взволнованъ открывая ящикъ. Онъ оказался совершенно пустъ. На внутренней сторонѣ крышки мнѣ съ трудомъ удалось разобрать слѣдующую надпись:

— „Мой дорогой, горячо любимый сынъ! Въ трудную дорогу жизни я тебѣ не могу дать ничего кромѣ благословенія. Съ отчаяніемъ я долженъ это сознать. Мнѣ пришла мысль, оставить тебѣ въ этомъ ящикѣ мнимое богатство. Твоя клятва была мнѣ порукой, что только въ сильной крайности ты откроешь ящикъ и отгадаешь загадку. Тогда ты будешь все равно въ отчаяніи и разочарованіе не подѣйствуетъ на тебя слишкомъ сильно. Пока же ящикъ будетъ закрытъ, мысль, что у тебя есть помощь, будетъ тебя поддерживать въ жизненной борьбѣ. Если это будетъ такъ, то золото въ этомъ случаѣ, не играетъ никакой роли. Надѣюсь, что эти строки не попадутъ тебѣ на глаза.

Твой горячо любящій отецъ".

Я былъ глубоко взволнованъ. Ночью я видѣлъ странный сонъ. Я видѣлъ какое то видѣніе, которое казалось мнѣ то тѣнью отца моего друга, то тѣнью одного изъ тѣхъ людей вся жизнь которыхъ прошла въ заботахъ о страждущемъ человѣчествѣ.

И мнѣ почудилось, что тѣнь эта мнѣ заговорила:

„Ты вѣдь знаешь моего бѣднаго сына,—больное, страждущее человѣчество. Посмотри, у меня въ рукахъ таинственный ящикъ упованія и вѣры. Въ немъ только и есть цѣленіе и утѣшеніе лучшее, дѣйствительнѣйшее противъ всѣхъ земныхъ страданій. Я отдамъ людямъ этотъ ящикъ; и пусть берегутъ его они, какъ зѣницу ока".

И тѣнь исчезла во мракѣ.

Разныя извѣстія.

Часто повторяющіеся взрывы въ шахтахъ въ послѣднее время, вызвали техниковъ, серьезно заняться прискаиіемъ средствъ, для устраненія этаго зла. Нѣкто Кларкъ предложилъ дѣлать въ шахтахъ особо устроенныя герметическія помѣщенія, въ которыхъ бы въ случаѣ взрыва могли скрыться лица непосредственно участвующія въ работахъ. Эти помѣщенія должны наполняться чистымъ воздухомъ, посредствомъ проведенныхъ къ нимъ трубъ. Гораздо практичнѣе другое предложеніе однаго профессора въ Боннѣ. Онъ совѣтуетъ производить вентиляцію въ шахтахъ посредствомъ наполненія ихъ чистымъ воздухомъ, а не посредствомъ выкачиванія его, какъ это дѣлается теперь. Способъ этотъ имѣетъ то преимущество, что вредные углеродные газы удерживаются внизу шахты, безпрерывно прибывающимъ свѣжимъ воздухомъ, наполняющимъ верхнія части помѣщенія. Такимъ образомъ люди находящіеся въ шахтахъ, будутъ дышать всегда свѣжимъ воздухомъ. Еще заслуживаютъ большаго вниманія предложеніе Мейера: приспособленія къ предохранительнымъ фонарямъ. Какъ извѣстно взрывы въ рудокопныхъ ямахъ происходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ того что рабочіе открываютъ фонарь. Изобрѣтеніе Мейера состоитъ именно въ томъ, что фонарь нельзя открыть иначе какъ разбивъ предварительно маленькія стеклянныя трубочки особымъ образомъ вдѣланныя въ фонарь. Такимъ образомъ звонъ разбитаго стекла при открытіи фонаря, и укажетъ кто открывалъ фонарь не смотря на запрещеніе.

Новыя русскія керосиновыя лампы. Нашъ кавказскій край богатъ минеральными источниками и горючими веществами—нефтью, нефть-же содержитъ въ свою очередь большое количество минеральнаго масла, которое употребляется у насъ преимущественно для смазки машинъ и также служитъ вывозимъ товаромъ заграницу. Машинная мазь эта получила въ послѣднее время большое значеніе въ нашей торговой промышленности. Между тѣмъ для насъ было бы гораздо практичнѣе примѣнять нефть какъ матеріалъ освѣтительный: во первыхъ оно обходилось бы гораздо дешевле керосина, а во-вторыхъ оно безопасно, такъ какъ не причиняетъ взрыва. Въ виду указанныхъ удобствъ, нашъ извѣстный предприниматель г. Рагозинъ предложилъ премію въ 1000 руб. золотомъ тому, кто изобрѣтетъ особаго устройства лампы, для этаго масла. Быть можетъ кому нибудь изъ нашихъ техниковъ и удастся изобрѣсти такую полезную вещь, чѣмъ отвратятся бѣдствія, причиняемыя взрывами керосина.

Преобразованія въ нашей керосиновой промышленности. Министерство Финансовъ командировало въ это лѣто на Кавказъ двухъ химиковъ, съ цѣлью найдти средства усовершенствовать вообще нашу нефтяную промышленность. Эксперты Министерства находятъ что перегонка и очистка сыраго матеріала не должны производиться на мѣстѣ, а въ большихъ городахъ Россіи. Это требованіе совершенно разумно и теперь болѣе осуществимо чѣмъ когда-либо. Уже образовалось у насъ нѣсколько коммерческихъ обществъ, имѣющихъ спеціально заняться перегонкою сыраго матеріала. Это прекратило бы мѣстную весьма дурную дистиляцію нефти, и послужила бы къ открытію у насъ множества новыхъ заводовъ. Обладая такимъ богатствомъ нефти мы не только пользовались бы сами, но снабжали бы даже керосиномъ и западную Европу. Конечно это было бы возможно, только при значительномъ пониженіи желѣзно-дорожнаго тарифа, и на сырой матеріалъ, и на вывозный керосинъ.

Гаванскія сигары изъ бумаги. Фабрика приготовляющая бумагу изъ соломы въ городѣ Чатамѣ въ штатѣ Нью-Іоркъ поставляетъ на островъ Кубу уже нѣсколько лѣтъ кряду особый сортъ соломенной бумаги. Эта бумага необыкновенно тонка и приготовляется изъ самаго чистаго матеріала; притомъ она чрезвычайно легка: стопа ея вѣситъ полтора фунта. Назначенія ея до сихъ поръ не знали, только теперь извѣстно, что изъ нея приготовляютъ листы для обвертыванія гаванскихъ сигаръ. Бумагу пропитываютъ отваромъ изъ табачныхъ остатковъ и зеренъ, высушиваютъ, и затѣмъ прессуютъ. Бумага приготовленная такимъ способомъ, имѣетъ видъ настоящаго табачнаго листа. Даже опытный глазъ не въ состояніи отличить такого бумажнаго листа отъ табачнаго. Но далѣе является уже поддѣлка. Оказывается, что многіе изъ табачныхъ фабрикантовъ не довольствуются прямымъ назначеніемъ этой бумаги, а приготовляютъ изъ нея цѣлыя гаванскія сигары и любителямъ сигаръ значитъ приходится вмѣсто табаку, курить соломенную бумагу.

Огне-и-водоупорная бумага. Теперь найдена возможность фабриковать такую бумагу, которая обладаетъ драгоцѣннымъ свойствомъ—оставаться внѣ вліянія воды и огня.

Эта бумага приготовляется слѣдующимъ образомъ: составляютъ смѣсь изъ двухъ третей обыкновенной бумажной массы (тѣста) и изъ одной трети аміантоваго тѣста (*каменный ленъ*, минеральное волокнистое вещество, изъ котораго приготовляютъ несгораемыя полотна и свѣтильни), раствореннаго въ жидкой смѣси обыкновенной соли и квасцовъ. Полученную въ дѣлѣ бумагу погружаютъ въ гуммилаковую ванну, представляющую собою растворъ гуммилака въ алкоголѣ. Потомъ ее подвергаютъ дѣйствію окончательныхъ валиковъ, по выходѣ съ которыхъ, бумагу можно уже разрѣзывать на листы. Обыкновенная соль и квасцы придаютъ бумагѣ плотность, дѣлая ее въ тоже время посредствомъ аміанта, способной противостоять дѣйствію огня. Гуммилакъ-же дѣлаетъ ее непроницаемой для сырости и не допускаетъ протечности, такъ что на этой бумагѣ можно такъ-же удобно и писать, и рисовать, какъ и на употребляемой обыкновенно теперь.

Бумага эта особенно пригодна для счетныхъ книгъ, общественныхъ и архивныхъ документовъ, которые останутся цѣлыми и невредимыми, въ огнѣ и водѣ.

Лучшія чернила, которыя бы наименѣе измѣнялись и для такой бумаги, это тѣ-же обыкновенныя чернила изъ чернильныхъ орѣшковъ.

Электрическіе подводные освѣтительные снаряды. Морское Министерство поручило недавно произвести опытъ надъ снарядомъ, изобрѣтеннымъ Эдиссономъ. Посредствомъ этаго снаряда можно находить подводныя мины. Снарядъ этотъ „Эдиссоновъ фонарь", свѣтитъ подъ водою съ одинаковой силой, какъ и на земной поверхности. Опыты производились съ баркасовъ. Посредствомъ длиннаго шеста опускали фонарь на такую глубину на какую обыкновенно опускаютъ мины. Дѣйствіемъ электричества, съ баркаса снарядъ освѣщалъ такое обширное пространство, что съ палубы парохода можно было ясно видѣть въ водѣ на разстояніи 300 метровъ въ окружности всѣ предметы. Эксперты говорятъ, что опыты были весьма удачны.

Отклоненіе Ніагары. Гигантскіе скаты Ніагары, подались назадъ на 100 футовъ съ 1842 года, когда было произведено первое тригонометрическое вычисленіе; такимъ образомъ скаты эти отклоняются почти на 2¾ фута ежегодно. Это происходитъ отъ постепеннаго подмыванія и обваливанья нижнихъ скалъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Объ изданіи журнала „Нива“ въ 1881 г.

Небывалое до сего въ русской журналистикѣ количество подписчиковъ—55000, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ существующихъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій такого рода, взятыхъ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ 1880 году доказало то сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется. Число это неизмѣнно увеличивается, что совершенно понятно, такъ какъ всѣмъ нашимъ постояннымъ подписчикамъ извѣстно, что „Нива“ улучшается съ каждымъ годомъ, количество матеріала все увеличивается, программа расширяется и достоинство богатыхъ премій возвышается неизмѣнно—**цѣна же остается при всѣхъ этихъ дорогихъ и капитальныхъ улучшеніяхъ та же.** „Нива“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый иллюстрированный журналъ** не только въ Россіи но и за границей, что видитъ всякій, знакомый съ заграничными, такаго рода, изданіями. Программа журнала, цѣна—остаются тѣ же и какъ и въ прежніе 11 лѣтъ и издатель будетъ постоянно улучшать достоинство матеріала.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи **для помѣщенія въ „Нивѣ“, въ будущемъ 1881 году,** у насъ есть, кромѣ массы художественно-выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ **капитальныхъ литературныхъ** произведеній какъ: **большой историческій романъ** изъ русской жизни XVIII в., автора извѣстныхъ историческихъ романовъ, **Вс. С. Соловьева: „Сергѣй Горбатовъ“**; большая повѣсть **Н. Н. Каразина: „Старый Юлдашъ“** (изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ) **Н. Морскаго** (автора романа „Купленное счастье“), большая повѣсть **„Подъ землею“**; повѣсть **В. Г. Авсѣенко „Мгновеніе“**; два разсказа **Н. Успенскаго—„Охотники“** и **„Небывалый случай“**; два разсказа **П. П. Гнѣдича „По домашнимъ обстоятельствамъ“** и **„Подъ снѣгомъ“**; повѣсти **А. С. Максимова: „На Востокѣ“, „Разсказъ топографа“** и **„На островѣ Аскольдѣ“**; разсказъ **В. Петрова „Горные орлы“**, изъ временъ Герцеговинскаго движенія; рядъ очерковъ: по исторіи русской литературы—**А. П. Милюкова, П. П. Гнѣдича, Н. Боева** и друг.; по естественнымъ наукамъ и гигіенѣ—**А. Ф. Брандта, И. В. Фесенко, Н. Дружинина, Э. И. Нивинскаго** и многія другія. Какъ **преміи на будущій 1881 г.** мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1881 г., который будетъ приложенъ при первомъ № за **1881** годъ) **двѣ превосходныя, исключительно для „Нивы“ исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Новыя двѣ картины М. Зичи** изображаютъ двѣ сцены **одной изъ лучшихъ повѣстей геніальнаго нашего писателя Н. В. Гоголя—„Тарасъ Бульба“, Первая сцена „Въ осажденномъ городѣ“**, свиданіе Андрія,—младшаго сына Тараса Бульбы, который приноситъ тайно хлѣбъ въ замокъ—съ красавицей полькой. **Вторая—„Встрѣча Тараса съ Андріемъ, послѣ его измѣны“** на полѣ битвы подъ осажденнымъ городомъ. Тутъ художникъ удивительно блестяще воспользовался всѣми данными, какія представляютъ эти высоко-художественныя, превосходныя сцены. Преміи эти будутъ высланы, не смотря на значительные расходы за высылку (**за одни картонные футляры и почтовыя марки въ 1880 году** при высылкѣ премій **было заплачено около 8,000 рублей, не говоря о самыхъ картинахъ**), какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **безплатно** для гг. **годовыхъ подписчиковъ—не увеличивая** за то подписной цѣны. Такимъ образомъ въ будущемъ **1881** году **„НИВА“** получитъ еще новыя улучшенія, еще болѣе дорогія **преміи** и въ ней появятся **оригинальныя** произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на будущій 1881 г. „Нивы“ просятъ **заблаговременно** обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“, помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

РЕБУСЪ.

О Четвергъ Суббота Среда СССС ССС ССС НЕ НЕ ЛА

РЕБУСЪ.

Магическіе квадраты.

№ 81.

а	а	а	а	в
д	д	и	н	к
к	л	л	о	о
о	о	р	т	т
у	у	х	х	ш

№ 82.

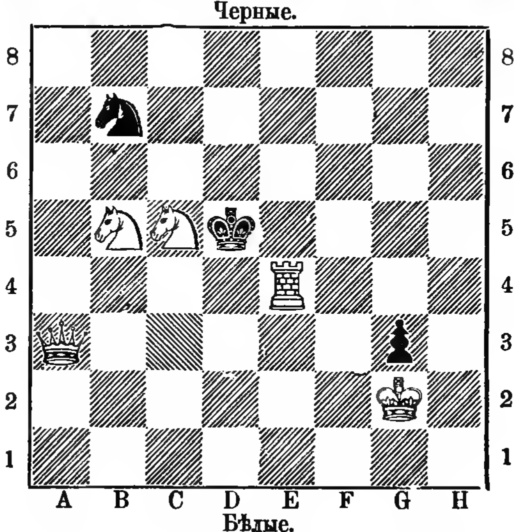
а	а	а	а	в
в	д	д	д	д
к	к	л	л	м
м	о	о	о	о
о	о	о	о	п

Задача Ходъ Короля № 78.

	на	не	чѣмъ	ше				но	од	ча	ешь	
я	бес	за	е	нуе	ми		во	дней	о	свѣт	ро	ля
тишь	ле	съ	ешь	нень	ми	сво	но	льешь	лыхъ	лесть	став	вань
на	пер	ю	тво	мв	е	от	ты	ра	ю	пре	е	о
	то	ей	стрѣ	тсй	ни		ей	сво	такъ	же	к	
		ло	меч	иакъ				ты	за	чѣмъ		
		шу	ю	въ				ю	меч	ю		
	ни	о	ду	и	въ		же	бо	звѣз	я	ко	
ша	не	тѣс	жи	вит	ра	мра	что	ты	ришь	ле	лы	цв
ду	нит	о	бы	дость	ск	дость	кѣ	го	намъ	да	серд	ми
ся	й	го	ра	ва	лой		бѣд	ско	я	из	ня	и
	е	тс	со	кра				стві	ра	мѣ	ешь	

Шахматная задача № 80.

Черные.

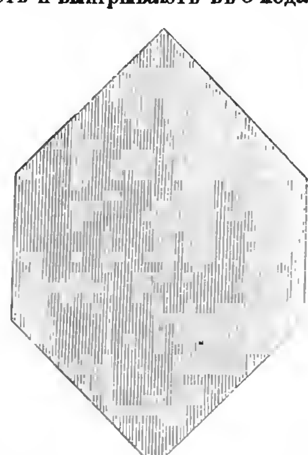

Бѣлые.

Бѣлые начинають и выигрывають въ 3 хода.

Геометрическая задача № 79.

Данную фигуру раздѣлить двумя линіями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было сложить квадратъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ 2 объявленія 1) объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ. 2) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ. (Послѣдній за исключеніемъ московскихъ подписчиковъ).

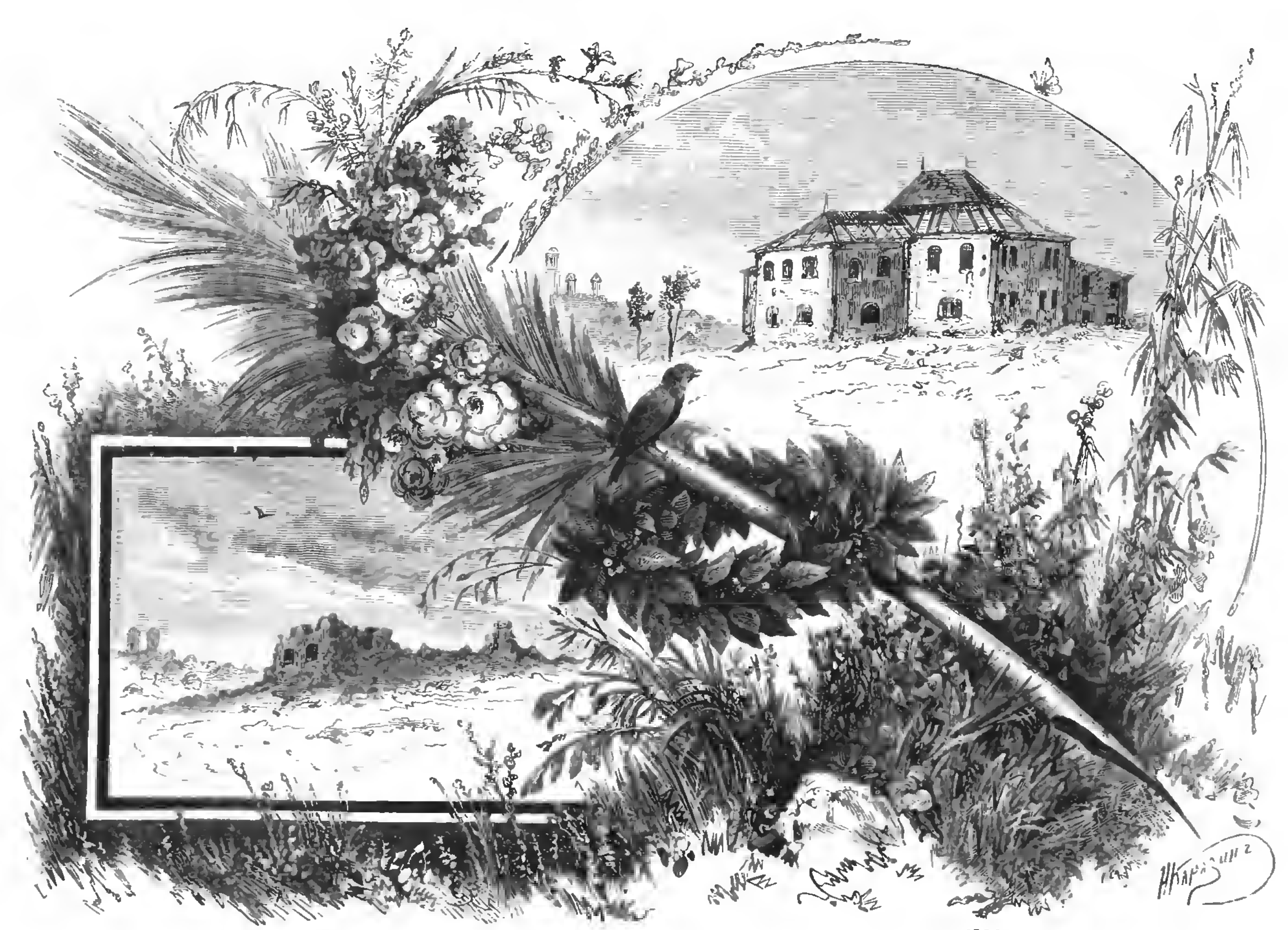
Дозволено цензурою СПБ. 6 Ноября 1880 г. Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. [illegible] № 10.

XI годъ | годъ XI

№ 46 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 15 Ноября 1880 г. И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

1880 г. 1864 г.

Домъ Инзова, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ. Со стараго наброска рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

А. С. Пушкинъ въ Кишиневѣ.

(1820—1823).

Комитетъ литературнаго фонда устроилъ въ настоящее время въ зданіи Общества Поощр. Художествъ (по Б. Морской) Пушкинскую выставку. Интересъ, возбудившійся въ нашемъ обществѣ къ памяти знаменитаго поэта нашего очень утѣшителенъ. Выставка, составленная весьма старательно и интересно, посѣщается публикой замѣчательно усердно и каталоги раскупаются на расхватъ. Хотя многое не выслано по разнымъ обстоятельствамъ на выставку, тѣмъ не менѣе выставка разнообразна и богата. Однихъ портретовъ поэта собрано до 50. Изъ изображеній домовъ, въ которыхъ онъ жилъ, укажемъ на домъ Инзова въ Кишиневѣ (литографія Михали) изображеніе, подлинникъ котораго принадлежитъ редакціи „Нива" и доставленъ на выставку вмѣстѣ съ 20 наклеенными на щитѣ рисунками, относящимися къ жизни и произведеніямъ Пушкина и помѣщенными въ разное время въ нашемъ журналѣ. Съ этаго подлиннаго, принадлежавшаго намъ, рисунка и сдѣланъ Н. Н. Каразинымъ помѣщенный здѣсь эскизъ.

Извѣстно, что Пушкинъ, по необходимости, долженъ былъ вести жизнь въ разныхъ захолустьяхъ, въ разныхъ дальнихъ уголкахъ Россіи, вдали отъ столицъ. Одной изъ такихъ глухихъ мѣстностей, гдѣ онъ волей-неволей долженъ былъ провести нѣсколько лѣтъ, былъ городъ Кишиневъ, тогда грязный, заброшенный городишко, съ узкими и кривыми улицами и съ пестрымъ населеніемъ, состоявшимъ, большею частью изъ молдаванъ, жидовъ и грековъ. Во все время своего пребыванія въ Кишиневѣ, Пушкинъ оффиціально состоялъ въ числѣ чиновниковъ канцеляріи намѣстника Бессарабской области, Ивана Никитича Инзова, человѣка высокаго ума и прекраснаго сердца. Инзовъ, тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Кишиневъ, пріютилъ Пушкина у себя въ домѣ и постоянно относился къ нему съ истинно-отеческою нѣжностью, милостиво извиняя ему частыя шалости и вспышки его горячаго, чисто африканскаго нрава. Съ самаго своего пріѣзда въ Кишиневъ, въ сентябрѣ 1820 года, нашъ поэтъ началъ вести, повидимому, самую бездѣятельную, самую безпечную жизнь: то толкаясь на улицахъ въ красной феской, въ архалукѣ и съ желѣзной палицей въ рукахъ, то порхая на мѣстныхъ балахъ и ухаживая за хорошенькими молдаванками, онъ, казалось совсѣмъ и забылъ всякій серьезный трудъ, но на самомъ дѣлѣ это было не такъ и въ эту именно эпоху, по его собственнымъ словамъ:

„Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ,
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ".

Дѣйствительно, въ это время волшебные звуки, чувства и думы рождались у поэта безконечной вереницей; здѣсь, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новой жизни пишетъ онъ свое извѣстное стихотвореніе „Черная шаль", сюжетъ которой онъ подслушалъ изъ устъ трактирной прислужницы Меріониллы; въ 1821 году онъ создаетъ „Кавказскаго Плѣнника" и кромѣ утраченной автобіографіи и дневника, ведетъ замѣтки о греческомъ возстаніи и пишетъ болѣе 30 прелестныхъ стихотвореній. Начавшаяся тогда борьба грековъ за независимость сильно заинтересовала Пушкина; онъ то и дѣло ждалъ вмѣшательства Россіи и готовъ былъ самъ взяться за оружіе и стать въ ряды воиновъ.

„Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душею завладѣла...
Чтожъ медлитъ ужасъ боевой?
Чтожъ битва первая еще не закипѣла?

Но воинственная мечта поэта не сбылась; войны не было и кишиневская жизнь снова потекла тихо и однообразно; главнымъ занятіемъ по вечерамъ служили карты; Пушкинъ также заразился страстью къ азартнымъ играмъ и часто картежныя недоразумѣнія доводили его до бѣшенства; разъ даже дѣло дошло до дуэли, окончившейся, впрочемъ, вполнѣ благополучно. Другой дуэлью Пушкина, во время его пребыванія въ Кишиневѣ, была дуэль съ полковникомъ, командиромъ Егерскаго полка Старовымъ, которая, впрочемъ, не окончилась по случаю сильной мятели, давъ поводъ поэту написать:

„Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуэль не кончена"...

Впрочемъ, соперники вскорѣ помирились и остались искренними друзьями. За то ссоры Пушкина съ разными мѣстными боярами принимали иногда очень непріятный оборотъ и часто угрожали жизни нашего поэта; было время, когда Пушкинъ не могъ выходить на улицы Кишинева иначе, какъ съ оружіемъ. Въ эти-то критическія минуты Инзовъ являлся ангеломъ-хранителемъ Пушкина и удалялъ его изъ города, давая какое-нибудь порученіе въ одну изъ отдаленныхъ мѣстностей. Такъ, въ 1822 году Пушкинъ посѣтилъ, въ одну изъ командировокъ, Измаилъ и Буджакскую степь, гдѣ встрѣтился съ цыганами и нѣсколько времени провелъ въ ихъ таборѣ:

„За ихъ лѣнивыми толпами,
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ ихъ огнями.

Наконецъ, 7 мая 1823 года состоялся указъ о переводѣ Новороссійскаго генералъ-губернаторства въ Одессу и подчиненіи его графу М. С. Воронцову. Вмѣстѣ съ другими чиновниками былъ переведенъ въ Одессу и Пушкинъ.

Памятникомъ пребыванія поэта въ Кишиневѣ остались лишь развалины дома Инзова, въ которомъ онъ имѣлъ казенное помѣщеніе. Тогда это было большое, двухъ-этажное зданіе, со службами, построенное на возвышенности и окруженное садомъ и виноградникомъ. Пушкину отведены были двѣ небольшія комнаты внизу, направо отъ входа, въ три окна, съ желѣзными рѣшетками, выходившими въ садъ, откуда открывался восхитительный видъ на рѣку Быкъ и на новый городъ. Нынѣ отъ дома Инзова остались самыя жалкія развалины: уцѣлѣли лишь остатки стѣнъ и сводовъ подвальнаго этажа и одинъ уголъ верхняго; кругомъ полное запустѣніе и только едва замѣтныя надписи на штукатуркѣ развалинъ свидѣтельствуютъ еще, что эта мѣстность не совсѣмъ забыта и что ее помнятъ и посѣщаютъ иногда почитатели нашего знаменитаго поэта.

Верхній рисунокъ на правой сторонѣ — видъ дома Инзова въ 1854 г., а нижній, маленькій — въ настоящемъ состояніи — однѣ жалкія развалины.

Король Духова дня.

(Изъ народной жизни въ Венгріи въ 20-хъ годахъ).

Разсказъ **Мавра Іокая.**

I.

Наступилъ Троицынъ день. На небѣ только еще разгоралась румяная утренняя зорька а уже по одной изъ улицъ Большаго Кунъ-Мадараша тянулась, съ оглушительною трескучею музыкой, смуглая семья цыганъ изъ табора. Впереди выступалъ городской присяжный стражникъ, вооруженный блестяще отполированной, бѣлой орѣховой палкой. Уже по необыкновенно важному его виду ясно было, что онъ нѣсколько преувеличенно понималъ тѣ серьезныя обязанности, которыя исполнялъ въ эту минуту, и ясно было также, что онъ уже успѣлъ приложиться къ чарочкѣ. Сановникъ этотъ былъ разодѣтъ весьма франтовато. Прежде всего, костюмъ его былъ почтеннаго синяго цвѣта, какъ и подобаетъ лицу съ извѣстнымъ званіемъ и положеніемъ въ свѣтѣ; его высокую, спиральной формы, шляпу украшали двѣ большія свѣжія розы; въ петлицѣ торчалъ великолѣпный пучокъ гвоздики. Его шелковый жилетъ усѣянъ мелкими серебряными пуговицами, лицо красно какъ скорлупа вареннаго рака, бородка закручена къ концу острымъ клиномъ, а на ботфортахъ бренчатъ звонкія шпоры. Выступаетъ онъ какъ-то особенно, будто опасается наступить на что нибудь хрупкое. Глядитъ онъ прямо и твердо передъ собой. Казалось, если предложить ему полъ-царства, или даже чарку водки, онъ все-таки въ эту минуту не обернулся-бы и не сталъ-бы зѣвать по сторонамъ, чтобы не испортить эффекта. Только около дома какого-нибудь вліятельнаго избирателя или совѣтника ратуши, онъ просто подавалъ знакъ палкой (все-таки не поворачиваясь), чтобы замедлить шагъ, причемъ еще громче раздавался звукъ цыганскихъ трубъ.

Отъ этой трескучей музыки стали понемногу просы-

паться горожане. Въ домахъ открывались окна, подымались занавѣси. Молодыя дѣвушки, набросивъ, что попало, на плечи, бросались къ воротамъ и калиткамъ, и выглядывая оттуда, громко желали „добраго утра“ добряку Андрашу Барью. Но господинъ Андрашъ твердъ. Онъ никого не видитъ, никого не примѣчаетъ: сегодня на него возложена высокая миссія, не допускающая ни малѣйшей ни къ кому, съ его стороны, снисходительности.

Вотъ онъ, наконецъ, передъ домомъ высокороднаго барона Іована Карпати. По установленному порядку, онъ долженъ принести присягу въ присутствіи его милости. А это вовсе не шутка, эта присяга, потому что господинъ баронъ держитъ на своемъ дворѣ какихъ-то ручныхъ медвѣдей, которые могутъ надѣлать непріятностей кому угодно, не взирая на его званіе и положеніе въ свѣтѣ; кромѣ того, представлялась и другая перспектива — попасть въ передѣлку къ цѣлой сворѣ охотничьихъ псовъ, которые тоже сомнительно—отнесутся-ли къ кому привѣтливо.

Но къ барону войти еще нельзя было — слишкомъ рано — и Андрашъ маршируетъ дальше. Онъ долженъ явиться съ докладомъ въ ратушу. Заявленіе свое онъ излагаетъ сжато.

— Все исполнено! говоритъ онъ.

— Хорошо, любезный Андрашъ.

Но, вниманіе! Мы въ присутствіи важныхъ лицъ. Въ большой залѣ ратуши, вдоль стѣнъ висятъ длинные ряды портретовъ знаменитостей страны и города, въ промежуткахъ между ними гербы умершихъ строителей церковныхъ, сеніоровъ, кураторовъ, основателей разныхъ зданій города. На столѣ большіе, объемистые томы законовъ, громадныя тяжелыя чернильницы, литыя изъ свинца, а ножки стола всѣ уже потемнѣли отъ чернильныхъ пятенъ съ перьевъ. Только что пробилъ ранній утренній часъ, а уже въ залѣ собрались всѣ совѣтники и сидятъ чинно и въ порядкѣ вокругъ массивнаго стариннаго стола. Посерединѣ — президентъ, около — судья, нашъ толстый, бравый судья.

У дверей столпилась кучка молодежи въ живописно наброшенныхъ на одно плечо доломанахъ съ множествомъ пуговицъ, въ широкихъ, доходящихъ лишь до колѣнъ, шароварахъ изъ бѣлаго полотна и въ сапогахъ со шпорами. У каждаго въ петлицѣ пестрый платокъ.

Выдвинувшись нѣсколько впередъ, стоитъ прошлогодній „король Духова дня“.

Это высокій, бравый молодецъ, съ большимъ, загнутымъ, орлинымъ носомъ. Длинная борода его тщательно напомажена, а длинная шея, совершенно коричневая до самаго ворота рубашки, изъ-за котораго виднѣется будто уже совсѣмъ другая шея, бѣлѣе. Костюмъ его совсѣмъ не такой, какъ у его товарищей. Вмѣсто венгерскихъ шароваръ, на немъ болѣе узкіе суконные чекчиры, обшитые шнуркомъ и впущенные въ сапоги: изъ подъ шелковаго, зеленаго короткаго жилета блеститъ мѣдная пряжка поясного ремня; въ каждомъ карманѣ доломана по цвѣтному платку, а пальцы всѣ унизаны большими перстнями, такъ глубоко впившимися въ тѣло, что, очевидно, снять ихъ было-бы весьма затруднительно.

Но всего болѣе и сразу выдѣлялъ его отъ другихъ оригинальный вѣнокъ, украшавшій его голову. Вѣнокъ сплели дѣвушки изъ листьевъ и цвѣтовъ, и сплели такъ, что гвоздика и розаны низко спускались плетями со всѣхъ сторонъ головы въ родѣ длинныхъ косъ, оставляя открытымъ одно лицо.

— Ну, Мартинъ, обратился къ нему судья, вотъ и Духовъ день а ты уже снова пожаловалъ къ намъ.

— Да, я это знаю, господинъ судья.

— Ну, что-же, хочешь и на этотъ годъ остаться королемъ.

— По мнѣ, что-же—почему и нѣтъ, господинъ судья, я, пожалуй, готовъ, вѣдь вотъ уже шестой годъ, какъ я все королемъ.

— Считалъ-ли ты, сколько ведеръ вина ты выпилъ, сколько разбилъ бутылокъ, въ сколькихъ домахъ на свадьбахъ ты дрался и шумѣлъ?

— Гдѣ все это сосчитать, сами посудите, господинъ судья, а только вѣрно одно, что ни разу никому не уступилъ! Это вѣрно! И ни разу не свалилъ меня на землю ни человѣкъ, ни вино. Это тоже вѣрно!

— Прочтите, господинъ нотаріусъ, счетъ, сколько за предстоящимъ, Мартиномъ, дракъ и ведеръ вина?

Списокъ прочли. Оказалось, что за шесть лѣтъ выпито 72 ведра, что за это время онъ до ста разъ шумѣлъ и дрался, разстроивалъ вечеринки и задиралъ другихъ. Оказалось, что одного трактирщика онъ обогатилъ, ибо каждую недѣлю билъ у него стаканы и бутылки, за которыя потомъ платилъ городъ.

— Ну, малый, а считалъ ты сколько потравъ было сдѣлано твоими лошадьми?

— Тоже не знаю. Не бѣгать же мнѣ за лошадьми. Впору управиться развѣ съ работниками своими..

— А сколько, теперь, дѣвушекъ ты свелъ съума?

— Да что, стыдливо улыбаясь во весь ротъ, отвѣтилъ Мартинъ, онѣ, господинъ судья, сами ко мнѣ лѣзутъ.

— Много худаго сошло тебѣ однако съ рукъ.

— Нѣтъ, господинъ судья, вотъ ужъ худаго, ей Богу, ничего не дѣлалъ, а такъ вотъ развѣ пошумѣть да выпить...

— Да ужъ братъ какъ-бы тамъ ни было, а городу-то накладно-таки твое королевствованье...

— Э, полноте, господинъ судья, вѣдь я хорошо знаю: деньги идутъ не изъ городскаго кошеля. Я знаю: отецъ высокороднаго господина Іована Карпати—вонъ и портретъ его тутъ—это онъ далъ городу кругленькую-таки сумму, чтобы поддержать — такъ у него въ бумагѣ писано—„древній молодецкій обычай“ и тоже у него писано „содѣйствовать улучшенію здѣшней породы лошадей“. Я это наизусть выучилъ, г. судья! Каждый годъ, на Духовъ день, молодцы со всей округи съѣзжаются на скачки. Знаю я тоже, что кто побѣдитъ на этихъ скачкахъ, то всѣ трактиры въ городѣ обязаны тому отпускать вино даромъ, а хозяева должны стеречь его лошадей, и чтобы ничего не брать съ него за потравы, а платитъ за потраву тотъ, кто не усмотрѣлъ за его лошадью. Этотъ человѣкъ можетъ входить вездѣ на пирушки и на вечеринки, и если подъ веселую руку гдѣ и пошумитъ либо подерется, такъ его не сажать въ тюрьму, и ни по другому никакъ не наказывать.

— Эге-ге, молодецъ, да какой изъ тебя адвокатище вышелъ-бы! Гдѣ это ты научился такъ складно говорить?

— Шесть лѣтъ былъ я королемъ Духова дня! отвѣчалъ тотъ, гордо выпячивая грудь,—довольно-таки было случаевъ узнать права-то свои!

— Ну, ну, полно — нечего хвастаться Мартинъ, замѣтилъ судья,—ты ужъ слишкомъ привыкаешь къ такой нелѣпой жизни и тебѣ трудно будетъ потомъ прилаживаться къ прежней жизни и платить самому за вино (а ты вѣдь не мало пьешь), трудно будетъ подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ за проступки. Все это не сегодня-завтра можетъ случиться, если ты перестанешь быть королемъ Духова дня. Да и легко вѣдь можетъ быть что у тебя отобьетъ твое королевство какой нибудь молодецъ.

— Не народился еще такой! спокойно и высокомѣрно отвѣтилъ Мартинъ.

Совѣтники ратуши подумали, что только понапрасну теряютъ время въ безплодныхъ разговорахъ и что это въ ихъ положеніи даже не совсѣмъ прилично, а потому прямо перешли къ обсужденію приготовленій къ празднику.

Вотъ на возы уже вкачено четыре бочки разнаго вина, затѣмъ цѣлая телѣга нагружена свѣжими, еще

Общій видъ гор. Штейера (Стыра) въ Австріи. Съ фотогр. грав. Бренд'Амуръ.

Монастырь Мелькъ (Меледиха) на Дунаѣ. Съ рис. Манфельда. грав. Кнезеборгъ и Эртель.

теплыми, бѣлыми хлѣбами, а къ задкамъ телѣгъ за рога привязаны быки, предназначенные на убой для угощенія народа.

— Это вы такъ хотите все дѣлать? Да это никуда не годится, важно замѣтилъ Мартинъ, который привыкъ таки покомандовать. Надо, вѣдь, чтобъ все это по настоящему было. Ну гдѣ это видано? Быки просто идутъ на привязи за телѣгой? Ахъ вы, умники! Да вѣдь каждаго за рога должны вести два мясника, а на рога надо воткнуть лимоны и обвязать кругомъ рога лентами! Эхъ вы!

— Ишь ты, братецъ, какъ хорошо ты порядки эти знаешь!

— А на бочки надо посадить дѣвицу, чтобы она кружки съ виномъ всѣмъ подносила...

— Можетъ быть еще что нибудь...

— Конечно еще. Два гайдука должны взять подъ уздцы мою лошадь, когда я буду садиться въ сѣдло, а когда я двинусь съ мѣста—цыгане должны пѣть пѣсню въ мою похвалу.

И такъ таки все и было сдѣлано по указанію Мартина.

Послѣ краткаго молебна народъ двинулся чинно и въ порядкѣ. Впереди ѣхали верхомъ двое присяжныхъ стражниковъ. Стражники держали въ рукахъ металлическія палки особой формы, съ топориками, убранными лентами—называются палки эти „фокошъ"; за этими стражниками телѣга съ цыганами, которые отчаянно громко распѣваютъ пѣсню въ честь Мартина. За мясниками вели изукрашенныхъ лимонами и лентами быковъ. Старикъ, что держалъ басовую партію въ цыганскомъ хорѣ, сидѣлъ на задкѣ телѣги и все время умолялъ покрѣпче какъ можно держать быковъ; вѣдь вырвись только эти черти—прежде всего кинутся на него—онъ былъ въ такихъ яркихъ „красныхъ" панталонахъ. Извѣстно, быки цвѣту этаго не любятъ!

Потомъ двигались телѣги съ съѣстными припасами, съ бочками вина, и на каждой бочкѣ сидѣла молодая дѣвушка. А вотъ появляется на сценѣ и нашъ добрякъ стражникъ Андрашъ. Судьба вознесла его еще выше прежняго. Теперь онъ сидитъ на конѣ и въ рукахъ у него большое красное знамя и на несчастье вѣтеръ такъ сильно бьетъ его полотномъ знамени по головѣ, что раза два чуть глаза совсѣмъ не выхлестнулъ—чтобъ ему пути не было! По самодовольному выраженію улыбающагося лица Андраша сейчасъ было видно, что въ этой церемоніи „королевства" Мартина онъ считаетъ себя второй персоной послѣ самаго короля Духова дня!

Наконецъ—вотъ и самъ онъ, король Духова дня! Конь его не то чтобы слишкомъ красивъ, а такой большой и ширококостый, и кое какіе изъянцы формъ его прикрыты украшеніями изъ лентъ, жиденькая грива скрыта вплетенными въ нее лентами, черезчуръ сѣдлистая спина—волчьей шкурой.

Мартинъ нашъ молодцоватъ таки на конѣ. Немножко покачивается онъ, но только не надо думать, что это отъ закуски—вовсе нѣтъ! Это ужь отъ важности и самодовольства. Онъ, видите ли, такой смѣлый: то отогнется совсѣмъ назадъ, то какъ будто совсѣмъ на сторону валится—свѣсится а все таки въ сѣдлѣ сидитъ крѣпко, какъ приросъ къ лошади. Около него, по бокамъ ѣдутъ два всадника изъ горожанъ, съ саблями на голо. Имъ, однако, приходилось не слишкомъ таки сладко, потому что чуть королевскій конь замѣчалъ, что одинъ изъ соперниковъ-сосѣдей опережалъ его хоть на полъ-головы, сейчасъ же кусалъ его своими крѣпкими зубами.

Сзади ѣдетъ верхомъ длинная цѣпь молодежи, что будетъ скакать. На каждомъ лицѣ написана надежда—авось и онъ, на этотъ разъ, выйдетъ побѣдителемъ. Почемъ знать, а ну какъ съ прошлаго года лошадь его стала ходчѣе, или можетъ быть, другіе кони захирѣли и сдадутъ маху!

За всѣмъ этимъ ѣдутъ экипажи и телѣжки, которые подняли такіе столбы пыли, что среди ея облаковъ трудно разглядѣть разодѣтыхъ по праздничному мужчинъ и женщинъ. Въ такомъ порядкѣ выѣхали всѣ на равнину. И вотъ вдругъ раздаются изъ небольшихъ мортиръ выстрѣлы. Это значитъ—высокородный господинъ патронъ, баронъ Іованъ Карпати, что прозванъ „венгерскимъ набобомъ", выѣзжаетъ изъ своего замка. Толпа расходится по садамъ, что вездѣ зеленѣютъ кругомъ, а всадники выѣзжаютъ на равнину. Вонъ двое заставляютъ своихъ коней выдѣлывать разные прыжки и штуки, иные бьются объ закладъ на дюжину вина.

Облако пыли понеслось по дорогѣ вдоль садовъ. Это ѣхали экипажи барона Іована Карпати; дѣти, на заборахъ и на деревьяхъ, соскакиваютъ оттуда и бѣгутъ съ громкимъ крикомъ, потому что сейчасъ еще два раза выстрѣлятъ. Въ землю вкопаны два чугунныхъ оленя, въ пасти которыхъ вбиты деревянныя втулки. Изъ толпы выдѣляется человѣкъ—опытный, бывалый малый! Еще французскую кампанію дѣлалъ! И поползъ, поползъ на животѣ и держитъ въ рукѣ длинную жердь съ дымящимся трутомъ. Вотъ онъ—какъ приложитъ фитиль къ затравкамъ, какъ рявкнутъ, да какъ пророкочутъ пушки—раздался по полю двойной выстрѣлъ этихъ фигурныхъ орудій и высоко взвились деревянныя втулки. И всѣ сначала бросились было въ разныя стороны, а потомъ опять собрались—хотѣлось каждому поглядѣть, не вышло ли чего особеннаго отъ этихъ выстрѣловъ.

Какъ только показались блестящіе экипажи и въ толпѣ загремѣло „виватъ", „виватъ!" Тутъ же, однако, всѣ громко, дружно захохотали. Оказалось, что господинъ Карпати вздумалъ сшутить шутку. Разодѣлъ своего цыгана въ золотое расшитое платье да и посадилъ его въ свой парадный экипажъ, въ четыре лошади, а самъ сѣлъ въ простую коляску, что ѣхала сзади. Народъ-то, сначала, принялъ цыгана за барона и сталъ ему кричать. И смѣялись же всѣ! Любили всѣ барона—и это очень позабавило знатнаго магната.

Съ высокороднымъ Карпати, кромѣ двухъ его домашнихъ шутовъ, прибыли и близкіе его пріятели: Бачковскій, богатый помѣщикъ, (шутка ли? 5 тысячъ моргеновъ земли!), Михалъ Горгій, которому ничего не стоило вдругъ, за какимъ нибудь пустякомъ, хоть за тридевять земель покатить. Отправляется онъ, напримѣръ, къ своему куму въ мартѣ, гоститъ тамъ, не говоритъ зачѣмъ пріѣхалъ, и только въ концѣ августа задаетъ ему глубокомысленный вопросъ—не знаетъ ли тотъ, какое имя дадутъ лѣвой пристяжной лошади Саболича? А дома у себя онъ запретилъ косить и жать хлѣбъ до своего возвращенія. Хлѣбъ такъ и остался на корню. Другой пріятель господина Іована Карпати, знаменитый Лодій Ченкогей. У этаго лучшій конскій заводъ во всей Венгріи. А самъ лучше пойдетъ пѣшкомъ, если не можетъ ѣхать въ чужомъ экипажѣ. Видите-ли—жалѣлъ, никогда не могъ рѣшиться запрягать своихъ, такихъ дорогихъ, лошадей. Третій пріятель—Лоренцъ Берно, извѣстнѣйшій охотникъ и любитель борзыхъ; а ужь лгать умѣлъ какъ по писанному! Былъ здѣсь, у Карпати, наконецъ, еще Банди Кутфальви, необычайнѣйшій пьяница во всей странѣ; когда онъ напивается, то обыкновенно ужь начинаетъ колотить своихъ собутыльниковъ. И какъ онъ ни напивался—никто еще не видывалъ его совершенно пьянымъ.

Такая-то компанія составляла дружескій кружокъ Карпати. Слыли они всѣ за „оригиналовъ и чудаковъ" и дѣлали все, чтобы только удержать прозвище это за собою; выдумывали и откалывали всевозможныя штуки и заботились только, чтобы было это какъ можно вычурнѣе и необыкновеннѣе. Въ программу ихъ входили, напримѣръ, такія забавы: обрѣзать хвосты у лошадей своихъ гостей, поджечь домъ во время танцевъ, прогуливаться въ костюмѣ Адама среди бѣла дня по улицамъ, заставлять жидовъ ѣсть свинину и т. п.

Цыгане разразились троекратнымъ тушемъ, когда прибыли господскіе экипажи а присяжные тотчасъ же принялись отмѣривать скаковой кругъ. На самомъ концѣ поставили они нашего добряка Андраша съ его краснымъ знаменемъ, которое все колотило его полотномъ по носу; напротивъ расположились ѣздоки, явившіеся на состязаніе. Ихъ выстроили въ ряды въ такомъ порядкѣ, чтобы высокородные зрители могли видѣть все какъ можно удобнѣе.

Пространство для бѣга было опредѣлено въ тысячу шаговъ. Баронъ Карпати хотѣлъ уже махнуть своимъ съ золотой ручкой хлыстикомъ—подать знакъ, чтобы произвели сигнальный выстрѣлъ изъ мортиры, когда вдругъ всѣ увидѣли, что по направленію къ нему скачетъ какой-то всадникъ. Подъѣхавъ къ выстроеннымъ въ порядкѣ состязателямъ, онъ снялъ шляпу и громко крикнулъ, что явился также попытать счастья, что и онъ хочетъ получить высокое званіе Короля Духова дня.

— Кто я такой? объ этомъ пока помолчимъ, кричалъ онъ. Если буду побѣжденъ—я уѣду какъ пріѣхалъ, а возьму призъ—такъ останусь. Таковъ же былъ отвѣтъ данный имъ и присяжнымъ на всѣ вопросы, которыми они было засыпали его. Никто не зналъ его. Это былъ едва 26-ти лѣтній, красивый юноша съ смуглымъ и румянымъ лицомъ. Его каштановые волосы разсыпались кудрями на плечи. Черные глаза его блестѣли огнемъ отваги, а въ улыбкѣ было что-то смѣлое и гордое; онъ былъ небольшаго росту, но хорошо сложенъ, одѣтъ въ простонародный костюмъ, чрезвычайно опрятный и красивый.

Всѣ интересовались узнать, гдѣ онъ добылъ своего коня? Конь былъ превосходный. Горячій, чистокровный конь съ густой, до земли, гривой и пушистымъ, длиннымъ хвостомъ—ни минуты онъ не могъ постоять спокойно на мѣстѣ, то плясалъ подъ своимъ сѣдокомъ, то взвивался на дыбы.

Пріѣзжему дали тоже вынуть жребій и затѣмъ онъ затерялся среди другихъ всадниковъ.

Поданъ былъ сигналъ. Раздались три выстрѣла. Скакать должны были послѣ третьяго. При первомъ выстрѣлѣ лошади начали биться, становиться на дыбы, послѣ втораго большую часть ихъ удалось успокоить, и только нѣкоторыя, неопытныя, продолжали еще лягаться. Но вотъ сверкнулъ и грянулъ третій выстрѣлъ и въ ту же секунду быстро ринулась въ кругъ вся цѣпь всадниковъ.

Впереди понеслись пять шесть болѣе пылкихъ скакуновъ, которыхъ обыкновенно, на всѣхъ скачкахъ, съ самаго начала всадники ихъ безбожно шпорятъ и подъ конецъ всегда остаются назади. Между ними былъ и юноша-незнакомецъ.

Король Духова дня мчался еще среди главной массы, гордо подбоченясь и не трогая коня хлыстомъ. Пройдя шаговъ триста, онъ вдругъ громко крикнулъ и нажавъ шпоры, взмахнувъ хлыстомъ, моментально вынесся на своемъ привычномъ конѣ впередъ всей массы.

Тутъ поднялся страшный шумъ, крики, понуканье, топотъ. Всадники пригнулись совсѣмъ къ шеямъ коней, шляпы ихъ летѣли на землю, доломаны развѣвались по вѣтру и въ пылу бѣшеной скачки каждому казалось, что непремѣнно онъ-то и выйдетъ побѣдителемъ. Одинъ конь уже упалъ и барахтался съ своимъ сѣдокомъ въ пыли, остальные мчались дальше.

Изъ экипажей можно было отлично видѣть скачку, видѣть какъ опережалъ всѣхъ опять таки „король“, вокругъ головы котораго развѣвались длинныя пряди цвѣтовъ его вѣнка. Одного за другимъ побѣдоносно обгонялъ онъ и въ послѣдней четверти скаковаго круга уже оставилъ за собой всѣхъ. Одинъ только незнакомецъ скакалъ все время впереди его.

Мартинъ однако гналъ и за этимъ. Его лошадь опытнѣе, но лошадь неизвѣстнаго соперника горяча и быстра какъ вѣтеръ. Остается уже всего шаговъ двѣсти. Эти двѣсти шаговъ рѣшаютъ дѣло. Юноша оглядывается на Мартина съ самонадѣянной улыбкой. Магнаты въ восторгѣ кричатъ изъ своихъ экипажей: „не поддавайся!“ и это восклицаніе ободряетъ обоихъ. Карпати стоитъ въ коляскѣ и въ волненіи, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ходомъ интересной борьбы.

— Ну, ну—вотъ теперь ужъ обогналъ! А—нѣтъ, нѣтъ. И тотъ тоже далъ шпоры! Летитъ какъ вихорь, чортъ возьми! Что за конь такой! И какъ сидитъ этотъ мальчишка! Э, братъ Мартинъ, видно сейчасъ и конецъ твоему празднику! Протянется ли онъ еще хоть сто шаговъ... Да, такъ оно и есть, не догналъ таки!

Такъ и было. Незнакомецъ на цѣлыя полминуты опередилъ Мартина, доскакалъ до знамени и остановился какъ вкопанный. Мартинъ однако, доскакавъ до мѣста въ свою очередь, быстро выхватилъ изъ рукъ Андраша знамя и съ торжествующимъ видомъ крикнулъ сопернику:

— Ошибся, другъ, если думалъ, что побѣдилъ: есть здѣсь правило—королемъ ставятъ такого, что прежде всѣхъ успѣетъ ухватить знамя, а знамя то вотъ оно гдѣ!

— Вотъ какъ? спокойно произнесъ юноша, не зналъ я этого. Хорошо, при второмъ пробѣгѣ я такъ и сдѣлаю.

— Такъ ты думаешь я тебя и во второй разъ пущу впередъ? Нѣтъ, братъ, шалишь! этому больше не бывать. Да и теперь то тебѣ удалось перебить только оттого, что моя лошадь прыгнула въ сторону отъ твоей рубахи, что раздулась словно парусъ. Еслибы не это, показалъ бы я тебѣ! Ну, давай-ка во второй разъ. Надо проучить тебя.

Въ эту минуту подскакали и прочіе и Мартинъ тотчасъ же, не теряя времени, поспѣшилъ съ объясненіями, почему этотъ „чужой“ опередилъ его. Изъ его убѣдительныхъ доказательствъ выходило какъ-то, что соперникъ его вовсе и не доѣхалъ первымъ, а что только голова его лошади на „одинъ, одинъ волосъ“ была за головой лошади „короля“.

Юноша не возражалъ ничего и молча отъѣхалъ отъ мѣста. Это спокойное достоинство завоевало ему сочувствіе всѣхъ участниковъ скачки, на которыхъ отталкивающимъ образомъ подѣйствовала бранчивость и придирчивость Мартина. И въ кружкѣ зрителей-магнатовъ уже начали устраиваться заклады—и притомъ по десяти противъ однаго—что незнакомый юноша опередитъ на всѣхъ трехъ пробѣгахъ.

Снова прогремѣли мортиры и снова помчались всадники. Теперь впереди всѣхъ летѣли два главныхъ героя скачки, два главныхъ соперника. Рядомъ быстро мчались они ко знамени.

Почти до самаго конца не опережалъ ни тотъ, ни другой. Но когда имъ оставалось уже не болѣе пятидесяти шаговъ, молодой наѣздникъ вдругъ съ силою щелкнулъ своимъ бичемъ, его испуганная лошадь рванулась и сдѣлала три отчаянныхъ прыжка впередъ; разстояніе это и осталось неизмѣннымъ между обоими скакунами до столба, какъ „король“ ни шпорилъ своего коня.

Незнакомецъ снова подскакалъ первымъ къ знамени и такъ сильно рванулъ его изъ рукъ нашего Андраша, что бѣдняга бухнулся съ своей лошади на земь и изобразилъ изъ себя какую-то барахтающуюся въ пыли массу, къ увеселенію окружающихъ.

Внѣ себя отъ бѣшенства, Мартинъ, ударомъ хлыста, прорвалъ полотно знамени. Безсильная и безпомощная злоба! Присяжные подъѣхали, сняли съ головы, дрожавшаго отъ униженія „короля“ вѣнокъ, и возложили его на голову юнаго побѣдителя...

Тотчасъ же должно было начаться третье состязаніе.

— Имъ надо бы дать небольшой роздыхъ, крикнулъ кто-то изъ коляски.

— Не къ чему! рѣзко отвѣтилъ Мартинъ,—я вовсе не усталъ и лошадь моя тоже; мы будемъ скакать хоть

до страшнаго суда! Такъ, вѣдь, Наро, а? прибавилъ онъ, обращаясь къ своему коню и похлопавъ его по шеѣ.

Присяжные посредники снова начали устанавливать скакуновъ на мѣсто. Но иные какъ увидѣли, что невозможно спорить съ этими двумя главными соперниками, выѣхали совсѣмъ изъ рядовъ и вмѣшались въ толпу, такъ что состязателей осталось всего человѣкъ пять или шесть.

Передъ самымъ началомъ скачки, незнакомецъ спрыгнувъ съ лошади, сорвалъ съ близъ стоявшаго дерева вѣтку и, быстро очистивъ ее отъ листьевъ, снова вскочилъ въ сѣдло съ этимъ импровизированнымъ хлыстомъ.

До этой минуты онъ еще ни разу не тронулъ своего коня. Теперь же благородный конь, заслышавъ рѣзкій свистъ, раздавшійся въ воздухѣ отъ взмаха хлыста, яростно взвился на дыбы.

Раздались сигнальные выстрѣлы. При третьемъ, неизвѣстный наѣздникъ взмахнулъ хлыстомъ и пустилъ повода.

Какъ вихорь понесся конь, пораженный цѣлымъ градомъ неожиданно посыпавшихся на него ударовъ хлыста; никто не только не могъ поравняться съ незнакомцемъ, но даже держаться на близкомъ разстояніи. Всѣ далеко отстали и даже, къ общему удивленію, на этотъ разъ и самъ Мартинъ. Въ бѣшеной скачкѣ, съ головы молодаго человѣка слетѣлъ вѣнокъ, тотчасъ же растоптанный копытами отставшей толпы скакуновъ. Но онъ замѣтилъ это только тогда, когда подскакалъ къ цѣли, къ знамени.

— Онъ не можетъ быть королемъ, не можетъ быть королемъ! заговорили голоса, онъ потерялъ свою корону!

— Такъ кому же быть-то? Несправедливо это, совсѣмъ несправедливо! восклицали другіе.

— Мнѣ все равно, какъ хотите! отвѣчалъ юноша.

— Стой, стой, братъ, крикнулъ сиплымъ голосомъ Мартинъ, все еще бѣсившійся на неудачу свою и на пришлеца,—давай пробовать, кто изъ насъ двухъ храбрѣе! Ну, пусть ты обогналъ меня на скачкѣ, у тебя лошадь лучше моей, а вотъ, ты покажи-ка намъ, во всемъ ли ты молодецъ. Видишь, сколько народу собралось, а приготовлено всего на всего для угощенія только два быка. Самъ понимаешь, мало этаго будетъ. Ну-ка пойдемъ со мной, коли ты не трусъ, такъ мы сейчасъ приведемъ и третьяго сюда. И ходить-то недалеко, вонъ тамъ, за оврагомъ, угнѣздился быкъ: двѣ ужъ недѣли бѣдокуритъ онъ тутъ, въ этой сторонѣ, перебилъ нѣсколько человѣкъ, ломаетъ всѣ плетни, опрокидываетъ телѣги и поразгонялъ всѣхъ рабочихъ съ полей. Ни пастухи и никто не могъ до сихъ поръ сладить съ нимъ. Пойдемъ-ка на него вдвоемъ и кто изъ насъ приведетъ его сюда—тотъ и будетъ королемъ!

Кружокъ, что около нихъ былъ, вдругъ порѣдѣлъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ, съума что-ли сошли ребята—хотятъ тащить сюда, въ народъ, такого страшеннаго чорта!

— Нечего бояться, воскликнулъ Мартинъ,—коли мы приведемъ его, такъ онъ будетъ тогда какъ овца, или ужъ мы оба останемся тамъ на мѣстѣ!

Быстро разнеслось въ толпѣ извѣстіе о закладѣ Мартина. Кто былъ потрусливѣе—забрался въ безопасное мѣстечко, а похрабрѣе сѣли на лошадей, чтобы ѣхать за смѣльчаками и посмотрѣть, какъ они справятся съ такимъ свирѣпымъ быкомъ. Господа тоже велѣли подать коней, а баронъ Карпати поѣхалъ за ними въ своей таратайкѣ.

(До слѣдующаго №).

Мистеръ Дикъ.

Разсказъ **Чарльза Коллинза.**

(Продолженіе).

IV.

Когда, по утру, мистеръ Дикъ проснулся, головная боль напоминала ему, что случилось что-то не въ порядкѣ вещей; но выйдя изъ холодной ванны, онъ почувствовалъ себя такимъ бодрымъ и веселымъ, что словно въ немъ совмѣщалась сущность двухъ десятковъ Диковъ. Весело сбѣжалъ онъ по лѣстницѣ, покрытой брюссельскимъ ковромъ.

Да, это былъ великій день новоселья.

Усаживаясь за чай, мистеръ Дикъ неожиданно наткнулся на кресло и вдругъ вспомнилъ роковое его свойство.

Что же ему дѣлать теперь? Какъ отдѣлаться отъ кресла? Отдать его куда нибудь, запереть, или сжечь, зарыть, уничтожить?

Онъ уже схватился было за ручку кресла, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ привести въ исполненіе то или другое изъ этихъ дѣйствій, какъ вдругъ почувствовалъ сотрясенье; руки его безсильно опустились и легкое трепетанье какъ бы порхавшей бабочки заставило оглянуться. И что же? На верху спинки кресла, распустивъ крылышки и утвердившись ножками на его сіяющей верхушкѣ, стояла Верита.

— Это безполезно, Дикъ—проговорила она голоскомъ, звенѣвшимъ словно серебряный колокольчикъ. Это кресло очаровано не для одной только вашей прихоти. Садитесь и слушайте, что я скажу вамъ.

Дикъ повиновался и, протянувъ руку, выставилъ ладонь. Его сердце забилось отъ радости, когда маленькая лэди прыгнула на нее.

— Вы заслуживаете урока, Дикъ. Впередъ пользуйтесь моимъ даромъ во благо; будьте терпѣливы и все кончится хорошо для васъ. Ну, прощайте. Смотрите же будьте благоразумны.

Чуть видный платочекъ былъ подвязанъ подъ чуть видную шейку; лучезарные крылышки распустились и, въ то время, когда Педжъ отворилъ дверь, чтобы ввести посѣтителя, крошечная лэди изчезла.

— „Будь мудръ и благоразуменъ“. Слова эти раздавались еще тончайшимъ серебрянымъ звономъ въ ушахъ мистера Дика въ то время, когда онъ привѣтствовалъ введенную Педжемъ посѣтительницу. Первая его проба—быть мудрымъ и благоразумнымъ—заставила его подвести даму прямо къ почетному мѣсту, къ креслу Истины.

Мистеръ Дикъ обрадовался, замѣтивъ, что посѣтительница была маленькая ростомъ, миловидная дѣвушка, которую раза два видалъ онъ у доктора Эвенса, извѣстнаго всѣмъ. Онъ зналъ что эта дѣвушка была дочь одной больной вдовы и была старшей изъ кучи смуглыхъ, сіяющихъ здоровьемъ дѣтей, которымъ замѣняла дѣйствительную няньку, по болѣзни родной ихъ матери.

Онъ настолько разглядѣлъ маленькую Гетти (которой было уже 23 года, а быть можетъ и больше) что залюбовался ея кроткими карими глазками, имѣвшими совершенно одинаковый цвѣтъ съ ея волосами. Когда она сидѣла въ очарованномъ креслѣ, Дикъ изумлялся своей слѣпотѣ и только теперь разсмотрѣлъ, что эта дѣвушка, въ самомъ дѣлѣ, была прехорошенькая. Ея милое, невинное личико заключало въ себѣ какую-то неуловимую прелесть; а это-то въ особенности и нравилось Дику. Въ самомъ дѣлѣ, ея маленькія ручки, ея граціозныя движенія сильно напоминали ему манеры крошки Вериты.

— Мама прислала меня къ вамъ, мистеръ Дикъ, чтобы просить васъ принять на время вашего вечера вотъ эту прекрасную китайскую вазу; другой такой вы не отыщете въ цѣлой Англіи. Мама думаетъ, что вещь эта будетъ какъ разъ кстати для вашего вечера.

— Я очень благодаренъ вашей мама; но почему же она узнала, что я намѣренъ...

— О, мы очень хорошо это знаемъ. Вы сегодня вечеромъ даете балъ. Изъ нашего дома можно видѣть огни и даже слышать музыку. Дженни и Альбертъ намѣрены нарочно подольше не ложиться спать, чтобы посмотрѣть на экипажи.

— Но если я принимаю эту великолѣпную вазу, то въ свою очередь имѣю также собственную къ вамъ просьбу.

— И я обѣщаю вамъ исполнить ее, потому что увѣрена, что вы ничего не станете просить такого, чего бы я не могла обѣщать исполнить.

Ну, такъ я прошу васъ принять въ этотъ вечеръ участіе въ нашихъ общихъ удовольствіяхъ.

— Ахъ, какъ бы я желала этого!.. Но... но вѣдь мы очень бѣдны, мистеръ Дикъ; да при томъ и мама слишкомъ больна, чтобъ отпустить насъ. Все таки мы останемся и тѣмъ очень довольны, если посмотримъ на ваше веселье изъ окошка и будемъ въ восхищеньи при одной мысли, что наша ваза послужитъ украшеніемъ вашего вечерняго стола. Мама увѣрена, что вы не сочтете нашего предложенія навязчивостью.

Волчья молитва. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Грачевъ.

— О, конечно, нѣтъ.

— Мама всегда съ удовольствіемъ наблюдала за постройкой вашего дома, мистеръ Дикъ. Она говоритъ, что въ немъ будетъ жить хорошій человѣкъ.

— Ваша мама слишкомъ добра,—проговорилъ Дикъ нѣсколько сконфуженный и начиная краснѣть. Онъ былъ такъ увлеченъ простотой и безъискуственностью дѣвушки, что забылъ даже, что она находилась подъ вліяніемъ чаръ и была безсознательна въ искренности всего того, что говорила.

— О, мама у насъ предобрая! Но мнѣ ужъ пора домой. Я обѣщала ей вернуться черезъ полчаса, а теперь ужъ кажется давно пора.

И бѣдняжка тревожно смотрѣла по сторонамъ; однакожъ все таки не могла двинуться съ мѣста.

Дикъ вытеръ лобъ, взъерошилъ волосы и рѣшительно приступилъ къ вопросамъ.

— И такъ, ваша мама рада имѣть такаго сосѣда?

— Да, очень рада, что вы нашъ сосѣдъ. Когда Богу угодно будетъ избавить ее отъ болѣзни, чтобъ болѣе спокойно продолжать нашу уединенную. трудовую жизнь, она думаетъ, что сердце добраго человѣка тронется безпомощностью дѣтей ея и онъ поможетъ опредѣлить одного изъ нихъ куда нибудь.

— Да, милая, это вѣрно будетъ угодно Богу. Но, послушайте, Гетти; вамъ ужъ, кажется, пора бы выйти замужъ. А скажите, хотѣлось бы вамъ замужъ?

— Не знаю, но думаю, едва ли кто обратитъ вниманіе на такую простую дѣвушку съ вздернутымъ носикомъ, съ сердцемъ, переполненнымъ заботами о семьѣ, и...

— А не замѣтили-ли вы кого-нибудь, за кого вамъ было-бы пріятно выйти замужъ? живо перебилъ Дикъ, чрезвычайно довольный своими вопросами.

— Замѣтила—одного только: это—васъ мистеръ Дикъ. Прощайте! Теперь ужъ мнѣ придется пуститься бѣгомъ домой.

Чувствуя себя на свободѣ Гетти соскочила съ кресла и быстро вышла изъ комнаты, оставивъ Дика, на верху изумленія; цвѣтъ его лица безпрестанно мѣнялъ колера: изъ натуральнаго перешелъ въ блѣдный, изъ блѣднаго въ красный, изъ краснаго въ малиновый, изъ малиноваго въ багровый.

Теперь въ первый еще разъ съ того времени, какъ кресло находилось подъ вліяніемъ чаръ, мистеръ Дикъ взглянулъ на него весело и съ удовольствіемъ. Но его размышленія были прерваны почтительнымъ докладомъ Педжа, о томъ, что прибылъ садовникъ съ цвѣтами и что надобно развѣсить по стѣнамъ канделябры и потому онъ, Педжъ, покорно проситъ мистера Дика оставить на время комнату. Мистеръ Дикъ исчезъ на весь остатокъ дня и явился снова въ шесть часовъ вечера, уже къ самому обѣду. Затѣмъ начался балъ. Мистеръ Дикъ открылъ его, выступивъ съ знаменитой (въ тѣхъ краяхъ) лэди Фитсъ.

Все шло прекрасно до того момента, когда мистеръ Дикъ натянулъ новыя перчатки, чтобы начать танецъ съ знаменитой (въ тѣхъ краяхъ) лэди Фитсъ. Это была особа полная, но очень легкая на рукѣ; она и мистеръ Дикъ пустились въ танецъ съ живостью, достойной праздненства; но въ продолженіи этаго танца, одно обстоятельство замѣтно разхолодило уже слишкомъ живыя ощущенія мистера Дика. Онъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что одна величавая, старая вдова возсѣдала въ центрѣ кружка ва креслѣ Истины. Какимъ бы образомъ оно ни явилось здѣсь, или какимъ бы таинственнымъ посредствомъ ни было сюда занесено, важенъ самый фактъ: кресло было здѣсь и на немъ сидѣла ужасная вдова. Она была окружена толпой, къ которой обращалась ея рѣчь; но рѣчь эта, казалось, не звучала комплиментами. Мистеръ Дикъ дѣлаетъ отчаянный выступъ въ тотъ моментъ, когда долженъ поставить высокородную (въ тѣхъ краяхъ) лэди Фитсъ на самую середину круга; потомъ онъ снова, также отчаянно, бросается назадъ; сжимаетъ довѣрчиво поданную ему руку, для исполненія фигуры „крестъ на крестъ руки“, съ такой силой, точно это была рука мошенника, которую онъ схватилъ возлѣ своего кармана. Въ этихъ порывахъ и смятеньи утомленный мистеръ Дикъ былъ долженъ думать (и не могъ не думать) о трехъ почтительныхъ вопросахъ, которые обязаны предложить этой ужасной вдвѣ. Съ рискомъ отвѣтственности за послѣдствія, онъ вихремъ мчится сквозь вытянувшуюся шеренгу танцоровъ; но въ этотъ моментъ пуговица его фрака задѣваетъ за пышныя кружева платья какой-то лэди. Безсознательный ко всему окружавшему, онъ несется на середину круга и потомъ снова назадъ, удлинняя больше и больше конецъ вырваннаго лоскута. Лоскутъ оторвался отъ платья Фанни; миссъ Фанни была потерпѣвшей. Однакожъ она взглянула на мистера Дика такимъ всепрощающимъ взглядомъ; ея мягкіе, голубые глазки съ такой кроткой улыбкой встрѣтили его взоръ, а розовыя ея губки такимъ сладостнымъ тономъ высказали ему полное прощеніе, что мысленно онъ проговорилъ: „Безцѣнная Фанни! Что это за ангелъ! Какое блаженство быть любимымъ ею!“ Но когда миссъ Флоренса быстро вышла изъ круга танцующихъ и, въ горячемъ участіи, съ пылающими щеками, темными, блистающими глазами, заговорила тономъ состраданія о вредѣ, сдѣланномъ хорошенькому платью Фанни; когда она такъ мило попросила своего партнера извинить ее въ томъ, что она немножко пришпилитъ душкѣ отрывокъ платья,—мистеръ Дикъ вдругъ почувствовалъ наклонность высказать снова выше выраженныя чувства, замѣнивъ лишь имя Фанни именемъ Флоренсы. Между тѣмъ взоры всѣхъ гостей были прикованы къ страшной вдовѣ, возсѣдавшей на стулѣ Истины. Мистеръ Дикъ чувствовалъ, что никакъ не могъ осмѣлиться предложить ей ни одного вопроса. Но вѣдь она будетъ засѣдать здѣсь до тѣхъ поръ, пока мистеръ Дикъ не предложитъ ей трехъ вопросовъ. Когда, въ отчаяніи, онъ бросилъ безнадежный взглядъ по направленію къ дверямъ, то замѣтилъ маленькій вздернутый носикъ Гетти. Она была одѣта въ бѣлое коротенькое платье. Развязавъ платокъ и взявъ его въ руки, Гетти подошла ко вдовѣ, разубранной въ пурпуръ и золото. И что же? Вдова вдругъ поднялась съ очарованнаго кресла и, въ сопровожденіи Гетти, оставила танцовальный залъ, направивъ стопы въ чайную комнату. Онъ мысленно благословлялъ Гетти и теперь уже легко и свободно докончилъ танецъ. Какъ только освободился, онъ полетѣлъ искать для слѣдующаго танца Фанни или Флоренсу.

Но онѣ вмѣстѣ и, о ужасъ! обѣ въ креслѣ Истины! Фанни сидѣла въ самомъ креслѣ, а Флоренса, умѣстившись на мягкой его ручкѣ, занята была пришпиливаньемъ обрывковъ платья Фанни.

— Какая восхитительная картинка, что за прелестный контрастъ,—подумалъ Дикъ, подходя къ дѣвушкамъ.

— Ну вотъ, голубушка моя, сказала Флоренса съ нѣкоторою ядовитостью, пришпилила я тебѣ, какъ только могла лучше. Но все таки фигурка твоя довольно уродлива, и по совѣсти говоря, на тебя не засмотрятся.

— Благодарю и на этомъ, милая, отвѣчала Фанни.

— О, ехидная, я вижу насквозь твое смиренье и притворство. Ты какъ будто ни крошки не заботишься о платьѣ. Жалко, что мистеръ Дикъ не можетъ поглядѣть, какова ты дома.

— Нѣтъ, ужъ поглядѣлъ бы онъ лучше какова *ты* дома. Тетка ждетъ не дождется, когда избавится отъ такой взбалмошной, безпечной лѣнтяйки.

— Тетка можетъ и извинить мою лѣнь при хорошихъ сторонахъ моего характера.

— Нѣтъ, ужъ лучше по моему немножко вспылить, чѣмъ цѣлый день дуться молча.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ахъ, да вотъ кстати и самъ мистеръ Дикъ; онъ тутъ лучшій судья. Вы, конечно, не ожидаете,—продолжала Фанни, обращаясь къ Дику, найти въ женѣ совершенство? Не такъ ли, мистеръ Дикъ?

— Но я, миссъ и самъ съ большими недостатками, пробормоталъ несчастный Дикъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Дикъ! заговорили разомъ Фанни и Флоренса. Въ васъ есть все,—все, что только можетъ быть хорошаго, добраго, милаго, пріятнаго, любезнаго. Весь домъ вашъ дышетъ такой любовью, что здѣсь никто даже и подумать не можетъ назвать себя несчастнымъ.

Тутъ дуэтъ кончился и каждая начала соло.

— Только я все же скажу, Фанни, что ты вездѣ останешься надутой, вздорной брюзгой, начала вдругъ Флоренса.

— А ты была и вѣкъ будешь взбалмошной грубіянкой, незамедлила отвѣтить Фанни.

— Ты злюшка!

— А ты—дрянь.

— Фи! я стыжусь за тебя!

— А меня тошнитъ просто смотрѣть-то на тебя!

— Лэди, лэди! взывалъ пораженный Дикъ.

— Нѣтъ, мистеръ Дикъ, вы ее не знаете, перебила Флоренса: это такая змѣя! Она самаго злаго, ехиднаго нрава.

— Не вѣрьте, не вѣрьте ей, вскричала Фанни: она вѣдь не можетъ сказать слова, чтобъ не солгать!

Въ то время, какъ мистеръ Дикъ постепенно и съ умоляющимъ видомъ оборачивался то къ той, то къ другой, при восклицаніи каждой изъ нихъ: «Бросьте мнѣ свой платокъ!»—онъ какъ то потерялъ равновѣсіе и упалъ на полъ, поваливъ вмѣстѣ и очарованное кресло. Торопливо поднявшись, онъ обратился къ кузинамъ, чтобъ выразить имъ свое извиненіе... И что же! Дикъ не увидѣлъ никого: Флоренса, Фанни, музыка, огни, цвѣты, танцоры, лэди Фитсъ, вдова—все исчезло...

(Окончаніе въ слѣд. №.)

Волчья молитва.

(Изъ жизни въ средне-азіатской пустынѣ).

Картинка съ натуры, **Н. Каразина.**

Отсталъ отъ своихъ старый Нурмедъ-Ага. Далеко впередъ ушли его товарищи. Скучно одному въ мертвой степи, да и

жутко подъ-часъ приходится. Солнце низко-низко спустилось,— вотъ-вотъ, гляди сейчасъ за песчаными барханами закатится. Холодкомъ потянуло по низу; пыльная мгла побагровѣла, и на сухихъ саксауловыхъ кустахъ, на оглоданныхъ костяхъ путевой падали, вѣками накопленной—пошли багровые отблески... Тихо въ пустынѣ, словно въ могилѣ, — только тяжелыя копыта коня Нурмедова по мягкому песку шлепаютъ... Не по своей волѣ, не по оплошности оттянулъ Нурмедъ-Ага отъ своихъ: старый конь запаленный — выдавать началъ,—не поспѣваетъ за молодыми, здоровыми аргамаками. Еще солнце высоко стояло, почти на полднѣ, когда изъ глазъ пропали передовые всадники; давно уже и пыль улеглась за ними,—сыпучимъ пескомъ слѣды затягивать стало... Подгонялъ, подгонялъ Нурмедъ плетью своего сиваго, да и рука устала помахивать... Что проку гнать, когда старыя ноги еле волочатся,— что ни шагъ, то на ходу спотыкаются. Осовѣлъ, замаялся и самъ батырь. Войлочный малахай на затылокъ съѣхалъ, по морщинамъ лба горячій потъ струится... За сѣдломъ коржумы вьючные разболтались... Сивый уши развѣсилъ и губою нижнею, отвислою хлопаетъ...

— И чего гонятъ черти-дьяволы! — ворчитъ Нурмедъ, — поспѣете еще подъ русскую пулю подвернуться!

Вотъ и солнышко сѣло... Быстро темнѣть начало въ степи, межъ высокими наносными барханами. „Теперь уже тѣ, что впереди, у колодцевъ развьючились,—„челимъ“ закурили, чай готовятъ; жеребцамъ уже торбы съ ячменемъ навѣсили... А Нурмеду до тѣхъ колодцевъ далеко еще.. не добраться сегодня... Вонъ отъ того круглаго бархана, гдѣ сухая саксаулина торчитъ и тряпка на ней болтается, вотъ, что впереди чуть-чуть маячитъ,—такъ отъ того бархана, на добромъ конѣ, часа четыре ходу, а то и съ кончикомъ. — Не попасть сегодня Нурмеду на желанные колодцы. Ѣдетъ Нурмедъ-Ага, посомъ крючковатымъ поклевываетъ да про себя думу раздумываетъ.

—„Вотъ собрались мы, много съѣхалось... человѣкъ до ста наберется... Собралъ насъ Мурадъ-ханъ толстобрюхій... говоритъ: „Давно русскую грань не щупали.., пора!... Эхъ, Нурмедка, Нурмедка!... Лошадь ты старая, калеченная и подъ тобою-то тоже лошадь старая—калеченная... И руки-то у тебя трясутся, и глазъ плохо впереди видитъ. Гдѣ тебѣ за другими тягаться!

— Мурадъ-ханъ смѣется, говоритъ: „сиди дома, батырь... береги—подстерегай лучше мою Ассаль, да Кокъ-Наръ быстроглазую“... Хе хе!... Батырь Нурмедъ — чужихъ женъ стеречь сталетъ... Хе-хе! ..— Нурмедкѣ можетъ дастъ Аллахъ — раздобыть съ русской грани желтоволосую, бѣлую красотку, у него самаго тогда молодая жена будетъ, — получше Ассаль веснущатой... Хе-хе!..

— Ну, старый, не спотыкайся!... Эхъ, горе-горе! былъ добрый конь, да изъѣздился... тпрру!...

— Вѣдь вишь ты... Самъ видѣлъ, что потеряю дорогой... такъ и есть, — потерялъ!... А хорошій кунганъ былъ, — самъ Ходжа Наурусъ, мѣдникъ, его чеканилъ... Вотъ теперь — Нурмедка въ одномъ мѣстѣ по степи ѣдетъ, а кунганъ его въ другомъ мѣстѣ, въ степи лежитъ... Можетъ, пошлетъ Аллахъ, когда и встрѣтятся другъ съ другомъ...

— Ну, что сталъ... чего упираешься!?.. замаялся бѣдняга!... и хозяинъ твой. А... ооо!.. тоже замаялся... Да и темно стало... что-же,—ночевать станемъ, что ли?!

Шакалъ за барханомъ затянулъ свою пѣсню... Конь ушами повелъ, Нурмедъ тоже прислушался...

— Вотъ, подумалъ онъ, — голосъ, совсѣмъ какъ у нашего ишана, когда тотъ правовѣрныхъ на молитву сзываетъ... Влѣзетъ, бывало, на мечеть, руки ко рту приложитъ, назадъ всѣмъ тѣломъ откинется и начнетъ голосить... Сперва ровно такъ бурчитъ, будто самъ съ собою разговариваетъ, а потомъ все громче да громче, тоньше да тоньше... а какъ закроетъ глаза, да затянетъ... „Алла... а... а... а.. Акъ... быръ... Алл... ла... такъ совсѣмъ жалостливо станетъ... Вотъ какъ есть такъ, какъ *тотъ* за барханомъ сейчасъ развылся...

— Ну... вотъ вотъ... такъ точно...

— На молитву мулла сзываетъ... Всѣ правовѣрные, всѣ, кто на собаку не похожъ, всѣ молиться должны... намазъ дѣлать... А Нурмедка отчего не дѣлаетъ намазъ... а? развѣ онъ собака невѣрная!?... нѣтъ, Нурмедъ-Ага хорошій мусульманинъ,—онъ Аллаха любитъ и Аллахъ его любитъ... Аллахъ ему... Постой, давай молиться!...

Слѣзъ съ коня старый Нурмедъ-Ага, снялъ съ плечъ рваный халатъ аллачевый, встряхнулъ его, на свѣтъ прикинулъ:— „эка дырьевъ что въ разныхъ мѣстахъ свѣтится!“..

Разостлалъ халатъ бережно на песокъ, почесался, сообразилъ, гдѣ солнце садится, гдѣ всходить должно, — присѣлъ на колѣни... Ну, начинай... Какъ это Ишанъ-молла начиналъ... постой... Да, точно..,

— Аллахъ Акъ-быръ... Магометъ разсулла-хъ... Аллахъ... — А дальше-то какъ... Ишанъ-мулла говорилъ...? Эхъ, не припомню... А хорошо говорилъ мулла, — очень прекрасно говорилъ онъ.

Задумался Нурмедъ, припоминая молитвы Ишановы,—да ничего путемъ не припоминается... А молиться хочетъ...

— Вотъ что, Аллахъ, я тебѣ скажу... Тамъ у насъ, около зимовокъ,—недалеко, часъ ѣзды всего... есть могила Чубукъ-Ата.—Это вѣдь хорошій святой, — ты его знаешь... Такъ ужь я ему съ похода принесу что-нибудь и на шестѣ высоко-высоко повѣшу... Вотъ, лопни мои глаза, правду говорю... Платокъ красный повѣшу и еще что-нибудь... Ты вѣдь знаешь, какіе у русскихъ хорошіе платки дѣлаются... А ужь ты тоже мнѣ помоги...

— Надо мнѣ... Вотъ что мнѣ надо.., тпрру... сивый—валяться захотѣлъ! легче!.. сѣдло сломается... Надо мнѣ... Давай мнѣ жену, пожалуста, — рыжеволосую... тамъ, на русской границѣ, все больше такія попадаются... Только вотъ-что, Аллахъ, — тамъ есть большія,—толстыя и маленькія есть... Мнѣ маленькую не надо... мнѣ потолще да побѣлѣе... Запомни ты это хорошенько...

— Привезъ въ прошломъ году Наурусъ одну... Какъ вѣдь хвастался... А она захирѣла и сгибла, а потому что худенькая была, щипковъ нашихъ бабъ да пинковъ не выдержала... Толстая да большая лучше...

— Пошли ты мнѣ, Аллахъ, еще вотъ что... что-бы такое?... Да. Пошли ты мнѣ мултукъ въ двѣ стволины, — такой, какой я у купца видѣлъ въ Хивѣ, давно какъ-то... два раза чтобы стрѣлять можно было... пошли ты мнѣ — чтобы русская пуля меня миновала... Пускай гяуръ проклятый стрѣляетъ а пули чтобы его, все бжикъ—да бжикъ,—мимо да мимо... Ха-ха-ха!.. Вѣдь что тебѣ... Я человѣкъ хорошій, я твой человѣкъ, а они собаки,—они тебѣ не молятся, они другому богу молятся и дары возятъ а тебѣ, Аллахъ, отъ нихъ ни... вотъ чего не приходится... да. А я,—ну вотъ пропади я середь степи, если обману, не привезу платка русскаго, краснаго...

— Пошли ты мнѣ... Вѣдь вотъ чуть не забылъ... Пошли ты мнѣ, о Аллахъ, милый человѣкъ, пожалуста пошли—такого-же жеребца вороного, какъ у самаго Мурадъ-шаха подъ сѣдломъ, а если можно такъ и получше немного!..

— Пошли ты мнѣ...

Чу! Далеко, далеко... тихо, чуть слышно, однако донесся-таки сюда, сухой, короткій звукъ ружейнаго выстрѣла...

Вскочилъ на ноги Нурмедъ-Ага, схватилъ коня своего за поводъ, посомъ повелъ, прислушался—и глаза его старые, подслѣповатые, въ густѣвшихъ сумеркахъ заискрились...

— Что тамъ такое... На какого чорта они такъ рано насунулись! Заговорила хищническая, волчья кровь...

Дѣти.

Изъ Виктора Гюго.

Il est si beau l'enfant avec son doux sourire...
V. Hugo.

Какъ дѣти хороши съ улыбкой ихъ мгновенной,
Съ ихъ вѣрой чистою, съ ихъ рѣчью откровенной,
Съ минутной ихъ слезой,
Съ ихъ взглядомъ ангельскимъ, прелестнымъ, восхищеннымъ,
Съ сердечкомъ чуткимъ ихъ, съ ихъ смѣхомъ оживленнымъ,
Съ открытой ихъ душой.

О Боже! Осѣни дѣтей моихъ любимыхъ,
Моихъ родныхъ и—всѣхъ несчастныхъ и гонимыхъ—
Ты милостью своей!
Чтобъ въ солнцѣ и цвѣтахъ ихъ проходило лѣто,
Чтобъ не было семьи любовью не согрѣтой
И дома безъ дѣтей.

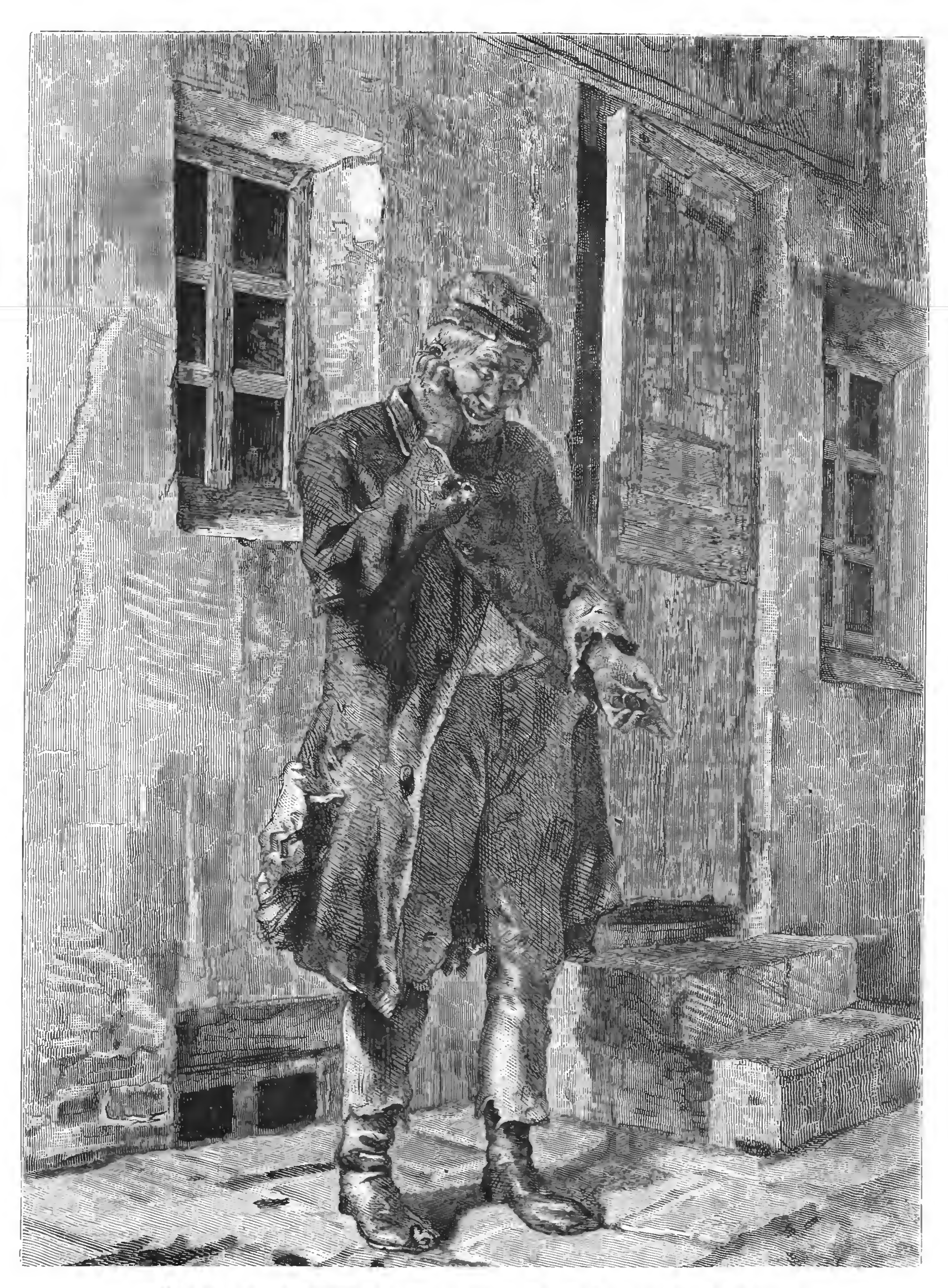
А. М—нъ.

Къ рисункамъ.

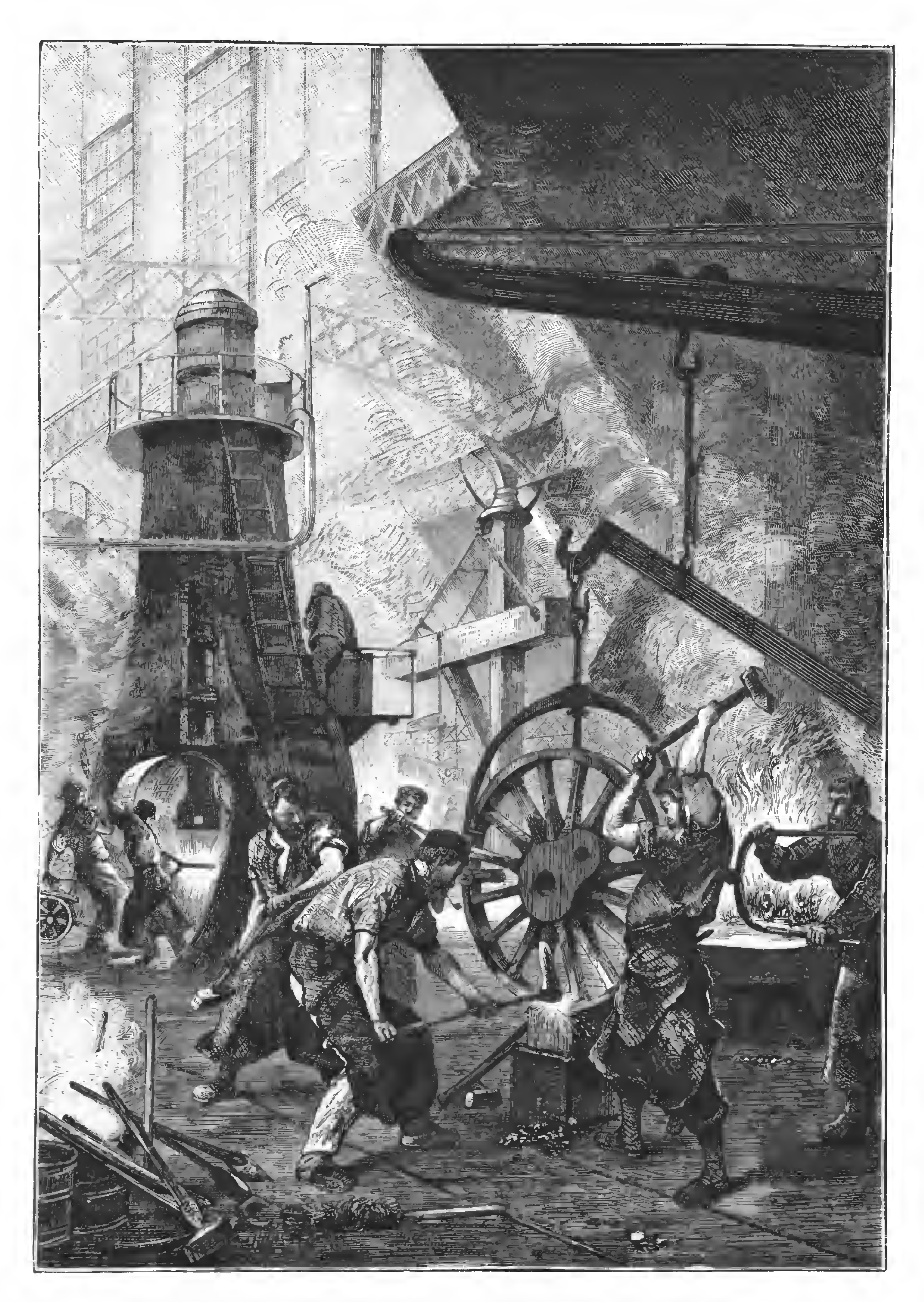
Городъ Штейеръ (Стыръ) въ Верхней Австріи.

(По поводу его 900 лѣтняго юбилея).

Городъ Штейеръ лежитъ при сліяніи рѣкъ Енсъ и Штейеръ. Населеніе (нынѣ простирается до 15000) душъ, было славянское а теперь состоитъ почти исключительно изъ нѣмцевъ. Онъ гордо возвышается посреди рощъ и лѣсовъ на предгоріи известковыхъ Альпъ. На мѣстѣ этаго города было когда-то Римское поселеніе. Благодаря своему возвышенному расположенію, оно служило тогда сторожевымъ постомъ для пограничныхъ войскъ. Въ 1299 году близъ этаго города найдены римскія могилы и есть преданіе о существовавшемъ тамъ храмѣ Юпитера. Кельтское названіе „Steyer“ получилъ городъ, какъ и во многихъ случаяхъ, отъ рѣки, омывающей его берега. Такъ какъ съ VIII столѣтія всю эту страну заняли славяне, то и городъ по сла-

Хватитъ—или не хватитъ? Ориг. рис. профессора К. Е. Маковскаго, грав. Е. Шмидтъ.

Ковка колесъ для локомотива. Съ картины П. Меергейма, грав. М. Рашевскій.

вянски называвшійся Стыръ, былъ заселенъ славянами. Впервые упоминается объ этомъ городѣ въ пѣсняхъ Генриха Офтердингена въ 980 году, подъ названіемъ „Штирійскій замокъ". Этотъ замокъ возведенъ баварскимъ графомъ Отокаромъ III, владѣнія котораго занимали большую часть Штиріи и былъ резиденціею до 1192 года, т. е. года, въ которомъ, въ силу наслѣдственнаго договора въ Енсѣ, всѣ земли Отокара III перешли во владѣніе герцога австрійскаго Леопольда III. Съ этаго времени онѣ неотлучно составляли часть Австрійской имперіи.

Смутное время для города Штейсра наступило съ періодомъ священныхъ войнъ. Едва городъ успѣлъ отдохнуть отъ религіозныхъ распрей, какъ 18 Сентября 1741 года, во время войны за престолонаслѣдіе въ Австріи, былъ занятъ 4000 Баварцевъ и Французовъ; въ рукахъ непріятеля онъ находился по Декабрь того же года, а затѣмъ опять перешелъ во владѣніе Австрійцевъ. Тяжелая контрибуція и многія другія бѣдствія сильно поколебали благосостояніе гражданъ. Только по уходѣ французовъ городъ опять могъ отдохнуть отъ всѣхъ этихъ бѣдствій и развить свою промышленность.

Уже съ давнихъ временъ Штейсръ служитъ складочнымъ мѣстомъ желѣзныхъ издѣлій и посылаетъ въ Италію, Польшу, Венгрію и Турцію своего собственнаго производства ножи, пилы, гвозди и т. п. Издѣлія эти пріобрѣли хорошую славу. Неоспоримо также, что развитію промышленности городъ обязанъ Австрійскому оружейному заводу. Въ 1875 году изготовлялось до 8270 ружей въ недѣлю на этомъ заводѣ.

Достопримѣчательныя зданія въ городѣ: весьма изящной архитектуры ратуша и монументальный готическій соборъ, начатый подъ руководствомъ извѣстнаго архитектора, строившаго соборъ Св. Стефана въ Вѣнѣ и оконченный только въ 1620 году. Кромѣ того древній Штирійскій замокъ, гордо возвышающійся въ центрѣ города, о которомъ мы уже упоминали выше.

Монастырь Мелькъ (Меледиха).

Мелькъ—маленькое торговое славянское мѣстечко при впаденіи Билеха въ Дунай; въ немъ насчитывается около 2000 жителей. Впродолженіи столѣтій мѣсто это извѣстно въ Австріи по своему богатому, прекрасно расположенному бенедиктинскому аббатству. Оно стоитъ на известковой скалѣ вышиною въ 30 саженъ. Монастырь Мелькъ и мѣстечко были извѣстны уже въ 816 году. *Ихъ первоначальное славянское названіе—Меледиха.* Мѣсто это перешло впослѣдствіи къ мадьярамъ, которые сильно его укрѣпили, и затѣмъ было забрано Маркграфомъ Леопольдомъ I, который избралъ его своей резиденціей. Леопольдъ II въ 1019 году возобновилъ монастырь и перевелъ сюда Бенедиктинцевъ изъ Субьяко. Леопольдъ IV расширилъ монастырскія владѣнія, при чемъ бенедиктинцы были непосредственно подчинены папѣ. Въ 1420 году монахи изъ Субьяко выработали уставъ, который былъ принятъ многими австрійскими монастырями. Въ 1612 г. монастырь былъ осаждаемъ, по безуспѣшно, а въ 1685 году аббатъ Мюллеръ предводительствовалъ вооруженными монахами, защищая монастырь отъ турокъ. Теперешній монастырь отстраивался съ 1719 по 1736 годъ Прандауэромъ въ итальянскомъ стилѣ. Церковь монастыря (въ которой находится гробница Бабенберга и св. Коломана) считается одною изъ красивѣйшихъ въ Европѣ, а аббатство—однимъ изъ богатѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ прелатствъ. Въ этомъ обширномъ монастырѣ помѣщаются: училище богословія, общественная высшая гимназія, музыкальная школа для хорошаго обученія пѣнію и значительная библіотека, въ которой находится много рукописей и документовъ. Кромѣ того замѣчательна здѣшняя картинная галлерея, собраніе монетъ и принадлежащій церковной сокровищницѣ, крестъ и чаша, чеканенная изъ золота, найденнаго въ Дунаѣ.

Хватитъ или не хватитъ?

(Рисунокъ К. Е. Маковскаго).

И вотъ важный вопросъ, своего рода „быть или не быть", занимающій этаго несчастнаго, видѣвшаго быть можетъ когда нибудь и лучшіе дни. Хватитъ ему на выпивку или опять, представляясь то отставнымъ военнымъ, то чиновникомъ, придется выпрашивать у проходящихъ „келькъ-шозъ", посматривая съ опасеніемъ на городоваго.

Профессоръ К. Е. Маковскій, который такъ изящно и граціозно изображаетъ прелестныя женскія и дѣтскія личики, какъ замѣчательный жанристъ, такой же мастеръ и въ другомъ родѣ, такъ сказать „натуралистическомъ", образцомъ чего можетъ служить прилагаемый здѣсь прекрасный рисунокъ.

Ковка колесъ для локомотива.

(Съ картины Меергейма).

Паръ и электричество завладѣли жизнью и мы совершенно свыклись съ ними. Въ современную жизнь это внесло бы ужасное разстройство, если бы локомотивъ и телеграфъ перестали дѣйствовать, это прежде всего отразилось бы на общемъ матерьяльномъ благосостояніи. Локомотивъ соединяетъ сѣверъ съ югомъ, горы съ долинами, онъ сравниваетъ урожай съ неурожаемъ въ различныхъ странахъ; это могучая сила, которая необыкновенно сберегаетъ время. Это то и подало мысль Борзигу, извѣстному фабриканту локомотивовъ въ Берлинѣ, устроить въ своемъ саду, около Моабита, въ павильонѣ панораму, гдѣ, въ идеальной формѣ, представлено изготовленіе локомотива, начиная съ процесса плавки желѣза и кончая сборкой цѣлой машины. Изъ этой панорамы мы заимствуемъ одно изъ лучшихъ изображеній, это «ковка колеса»,—картина знаменитаго Павла Мейергейма.

Рисунокъ представляетъ внутренность громадной машинной фабрики Бэрзига, находящейся возлѣ Ораніенбургскихъ воротъ въ Берлинѣ. Въ ярко-освѣщенномъ пространствѣ видны работники, кующіе главное колесо локомотива; далѣе видимъ еще двухъ работниковъ, которые пододвигаютъ щипцами подъ паровой молотъ кусокъ желѣза, накаленнаго до бѣла.

Рисунокъ наглядно представляетъ намъ всю мощь человѣческаго ума, который съумѣлъ подчинить себѣ всѣ элементы для служенія на пользу человѣчеству.

Остатки римской виллы на островѣ Уайтѣ (Англія).

Недавно, въ Англіи, на островѣ Уайтѣ, близь Брединга, обнаружены слѣды римскихъ построекъ; немедленно же были организованы правильныя раскопки, при помощи которыхъ, въ настоящее время, уже открыты довольно хорошо сохранившіеся остатки изящной римской виллы (см. прилож. рисунокъ). Работы дѣятельно продолжаются и есть указанія на то, что, кромѣ комнатъ, освобожденныхъ пока отъ «пыли вѣковъ», подъ этой пылью, или, лучше сказать, подъ довольно толстымъ слоемъ земли, скрыто еще много другихъ частей классическаго зданія. Теперь, впрочемъ, еще не опредѣлены ни размѣры, ни самое назначеніе той или другой комнаты. Разрытыя стѣны почти всѣ одинаковой толщины и величины: 2 фута въ ширину и отъ 3-хъ до 4-хъ въ вышину, изъ чего антикваріи, посвятившіе себя этимъ раскопкамъ, дѣлаютъ заключеніе, что частные римскіе дома имѣли нерѣдко солидный каменный фундаментъ, а остальная постройка возводилась изъ дерева и штукатурки, съ аспидной или черепичной кровлей. Стѣны выведены изъ мѣловаго и кремневаго камня, связанныхъ, по римскому способу, въ плиты. Тамъ и сямъ видны простѣнки, очевидно, указывающіе мѣста дверей, а также и основанія колоннъ. Стѣны выштукатурены и покрыты красивыми узорчатыми рисунками; многія очень хорошо сохранились. Мозаичные полы предоставляютъ широкое поле для изученія. Два изъ нихъ, составляющіе часть коридора, или прохода, болѣе 60-ти футъ длины, сложены въ шашечницы, бѣлые и красные квадраты которыхъ также украшены узорами; на первомъ изображенъ мозаичный рисунокъ, нѣсколько страннаго вида, вѣроятно, какой нибудь символъ, относящійся, можетъ быть, къ миѳологіи; значеніе фигуръ пока еще не выяснено. За то сюжетъ рисунка, выложеннаго на второмъ полу, ясенъ съ перваго же взгляда: среди квадрата, приблизительно въ 8 футъ, обнесеннаго бордюромъ изъ разноцвѣтныхъ, гильошированныхъ шашекъ, изображенъ кругъ, центръ котораго составляетъ Орфей, играющій на своей лирѣ, его окружаютъ обезьяна, лисица, птицы и разныя другія животныя. Нѣкоторыя детали, какъ, напр., перья этихъ птицъ, выполнены съ замѣчательною артистичностью. Эта комната, или корридоръ, ведетъ непосредственно въ другой покой, только что раскопанный и имѣющій около 40 футъ длины и 18—ширины. Въ серединѣ видны основанія двухъ колоннъ. Въ западномъ концѣ виллы открыта еще мозаика, которая хотя и довольно сильно пострадала отъ времени, но, все-таки, можетъ быть поставлена на ряду съ подобными же другими произведеніями древняго римскаго искусства, найденными въ Англіи. Всего изслѣдовано болѣе дюжины комнатъ. Трубы и печи, теперь еще разрываются и только тогда будетъ приступлено къ изученію системы и способа отапливанія этого рода жилья. Въ мусорѣ и обломкахъ найдено не мало остатковъ посуды, предметовъ изъ стекла, костей домашнихъ и другихъ животныхъ, кусочковъ съ слѣдами фресковъ, желѣзныхъ гвоздей, кровельной черепицы и проч. Попадаются также и монеты, весьма рѣдкія и интересныя, временъ императоровъ Галліена, Констанція и другихъ, позднѣйшія относятся къ IV столѣтію.

Памятники нашей древней письменности конца XIV в.

Записи рядная и вкладная; писаны на пергаментѣ.

Здѣсь помѣщаемъ мы два любопытныхъ памятника древней письменности, акты относящіеся, какъ полагаютъ, къ концу XIV столѣтія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что письменныя доказательства для пріобрѣтенія и закрѣпленія правъ на имущества не были еще извѣстны нашимъ предкамъ, во время появленія знаменитой „Русской правды", (XI—XIV в.) такъ какъ въ этомъ древнѣйшемъ памятникѣ нашего законодательства объ нихъ нѣтъ и помину. За то познѣе и особенно въ XVI столѣтіи такіе акты являются въ изобиліи и каждое пріобрѣтеніе или отчужденіе какого либо имущественнаго права сопровождается особой письменной грамотой. Грамоты эти писались или тѣми лицами,

которыхъ онѣ прямо касались или другими грамотными людьми, преимущественно же различными дьяками. Такъ въ XVI вѣкѣ даже образовался особый классъ „площадныхъ дьяковъ“, которые въ Москвѣ составляли разные частные акты на открытомъ воздухѣ, на Ивановской площади.

Древнѣйшіе акты писались, какъ извѣстно, на доскахъ, лубѣ и на березовой корѣ; что же касается пергамента, то онъ былъ у насъ извѣстенъ уже въ XI вѣкѣ и употреблялся для письма до конца XV столѣтія, когда стали отдавать предпочтеніе бумагѣ, сдѣланной изъ хлопка или бумагѣ изъ тряпки. Древнѣйшій актъ, писанный на бумагѣ изъ тряпки - это договоръ сыновей Ивана Калиты 1341 года; въ половинѣ же XVI вѣка тряпичная бумага успѣла войти въ общее употребленіе.

Всѣ старинные наши акты имѣютъ одинаковую, традиціонную форму. Совершитель акта упоминается здѣсь въ первомъ или третьемъ лицѣ, а самый актъ обыкновенно начинается частицею „се“. „Се азъ такой-то“ или „Се купи такой-то“. Затѣмъ слѣдуютъ условія договора а въ концѣ исчисляются свидѣтели или „*послухи*“. Оканчивается же актъ обозначеніемъ имени писца и того лица, чьею печатью грамота запечатана. Печати прикладывались или привѣшивались изъ чернаго или желтаго воску.

Всѣ эти обычныя формальности соблюдены и въ прилагаемыхъ нами двухъ старинныхъ документахъ, писанныхъ на кусочкахъ пергамента; такъ рядная запись написана отъ третьяго лица, а именно отъ нѣкоего Оксѣнтія Григорьевича, который улаживаетъ, т. е. кончаетъ рядомъ возникшій споръ изъ-за участка земли. Это одинъ изъ видовъ старинныхъ рядныхъ записей; другія рядныя записи довольно часто совершались при сватаньѣ невѣсты и строго опредѣляли оцѣнку ея приданаго. Вкладныя записи, какъ показываетъ ихъ самое названіе, имѣли спеціальное назначеніе закрѣплять за монастырями и церквами имущества, которыми такъ щедро надѣляли ихъ наши благочестивые предки. На рисункѣ читатели видятъ точные снимки съ документовъ а здѣсь мы приводимъ ихъ текстъ:

Рядная запись.

Се позва Оксѣнтѣі Григорьевичь старосту Левонтья Княжестровьского и Княжоостровчовъ дворяниномъ на судъ о земли о Карпови участьки, чо (что) Княжоостровчи купили подъ Святу Богородицю. И шодъ суда, срядишася рядомъ (съ) старостою с Княжоостровскимъ і съ Княжесровчи о той земли о Карпови участьки: даша староста і Княжестровчи Оксѣнтѣю 100 бѣлъ (монета); а земля Карповъ участокъ въ домъ Святи Богородици в вѣкъ (вѣчн. влад.) а Оксѣнтѣй выдалъ грамоту старую и свою грамоту купную новую тое земли Карпови участка; а жити Нефеду на тоі земли до своего живота (пожизненно) а Оксѣнтію не надобѣ (т. е. не вступаться) въ тоі земли въ Карпови участьки до старости до Княжестровского ничтоже ни до Княжоостровьчовъ: ни старости Княжестровскому ни Княжост(р)овчамъ не надобѣ до Оксѣнтья ничтоже (вступаться) с обѣ половини. А на то рядчи с обѣ половини: (рядились съ обѣихъ сторонъ) Ігнатеі Офромѣевъчь, Кузма Тимофѣевичь, староста купечкей (купеческій) Трофимъ, Ондрѣевичь, Олекъсандъ Романовичь, сочкей (сотскій) Филипъ Оксѣнтьевичь.

Писалъ сю рядницю Аристъ Онанѣинъ. А хто сей рядъ порушит(ъ), дасть судьямъ гривну золота (штрафу). А у печати стоялъ Оксѣнтѣй самъ у сеі рядной.

Вкладная запись.

Отъ посадника Терѣнтия. Се дахъ Святѣй Богородици на Княжь островъ селъ Роспопинъ Михайловъ и дворъ и землю оромую (пашенную) и пожни и все слѣдъ (все что слѣд.) Михайловъ; а пришло мнѣ то в тяжбы; а иному не надоби никѣмужь (не вступаться).

Спектральный анализъ.

Статья О. Вальтера.

Среди множества научныхъ приспособленій и пособій при химическихъ и физическихъ опытахъ и изслѣдованіяхъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ и въ тоже время занимательнѣйшихъ опытовъ—спектральный анализъ. Съ помощью этаго анализа сдѣлалось возможнымъ различать мельчайшія составныя части даннаго тѣла и изслѣдовать его на громадныхъ разстояніяхъ. Этотъ анализъ выясняетъ химическій составъ земныхъ тѣлъ и физическія свойства и составныя части тѣлъ небесныхъ. Тутъ изслѣдуется *изображеніе* или *спектръ* тѣла въ его свѣтящемся состояніи, посредствомъ разложенія испускаемыхъ имъ лучей. Тѣло, изслѣдуемое посредствомъ спектральнаго анализа, должно поэтому находиться въ состояніи горѣнія. Тѣ же тѣла, которыя свѣтятся свѣтомъ, падающимъ на нихъ съ другихъ тѣлъ, даютъ спектръ того свѣтила или источника свѣта, отъ котораго они его заимствуютъ.

Свѣтовой лучъ не измѣняетъ своего направленія, покуда предметъ, сквозь который онъ проходитъ, остается въ одинаковой плотности, но переходя сквозь другой предметъ различнаго съ первымъ свойства, лучъ перемѣняетъ направленіе, т.е. *преломляется*. Если прямой шестъ опустить въ воду, то это дастъ, напр., наглядное понятіе о преломленіи лучей. Также всякое другое тѣло, пропускающее сквозь себя свѣтовые лучи, напримѣръ; стекло, дождевая капля, алмазъ, горный хрусталь — все это производитъ уклоненіе свѣтоваго луча отъ прямого направленія. Ньютонъ первый указалъ, что существуетъ при этомъ, кромѣ преломленія, еще и разложеніе свѣта. Сквозь узкое отверзтіе онъ пропустилъ въ темную комнату, на оптическую призму, солнечные лучи и на противуположной стѣнѣ, съ уклоненіемъ отъ прямаго направленія, отраженія отверзтія и призмы, появилась длинная, свѣтлая полоса: краснаго, оранжеваго, желтаго, зеленаго, голубаго, синяго и фіолетоваго цвѣтовъ. Тотъ свѣтовой лучъ, что кажется намъ обыкновенно бѣлымъ, состоитъ изъ цвѣтовъ, между которыми, по аналогіи съ семью главными фонетическими знаками въ музыкѣ, вышеназванные семь цвѣтовъ отмѣчены Ньютономъ, какъ *основные цвѣта*; хотя переходъ между ними, отъ однаго къ другому, рѣзко и не опредѣляется. Чтобы узнать, не могутъ ли основные цвѣта полосы, въ свою очередь, разлагаться, произвели слѣдующій опытъ: полосу заслонили непрозрачной ширмой съ узкимъ отверзтіемъ и это отверзтіе направили такимъ образомъ, чтобы только одинъ какой нибудь цвѣтъ разложеннаго солнечнаго луча, напр., красный, попалъ въ него, а слѣдовательно и за ширму. Направивъ его на призму, получили снова преломленіе краснаго луча, но не разложеніе его; такъ что на противуположной стѣнѣ появилась лишь простая, красная полоса. Эта семицвѣтная полоса, образуемая разложеніемъ бѣлаго свѣтоваго луча, и называется *спектръ* или *свѣтовое изображеніе*. Спектръ получается кромѣ стеклянной призмы или вообще граненаго или очень тонкаго стекла, еще: сквозь воду, сѣрный углеродъ (жидкость, дающую очень длинный спектръ, поэтому сильно преломляющую лучи) сквозь алмазъ, тонкія пластинки слюды, известковый шпатъ. Очень красивый спектръ, такъ называемый „рѣшетчатый“, получается, если держать у глаза, закрывъ другой, сквозь хорошо расправленное перо какой нибудь изъ маленькихъ пѣвчихъ птицъ, направивъ его на источникъ свѣта, но не прямо на солнце, по его слишкомъ ослѣпительной яркости, а на какой нибудь другой хорошо освѣщенный предметъ: луну, яркую звѣзду, пламя керосина, масла, стеарина или парафина, на горящую проволоку магнія, электрическую искру и т. п. Внимательно наблюдая и сравнивая спектры различныхъ тѣлъ, можно замѣтить, что они вовсе не одинаковы между собой.

Точное опредѣленіе спектровъ разныхъ тѣлъ, производится посредствомъ *спектроскопа*. Спектроскопъ устраивается обыкновенно слѣдующимъ образомъ: на кругломъ металлическомъ столикѣ ставится трехгранная призма, изъ бѣлаго хрусталя, или бемскаго стекла, или же сѣрно-углеродная кислота, заключенная въ призму, со стеклянными ребрами. Къ краю металлическаго столика придѣлывается на шалнерахъ три металлическихъ трубки, зрительная труба, каллиматорная, или труба со щелью, и шкалевая труба, оси которыхъ должны находиться подъ прямымъ угломъ къ стѣнкамъ призмы. Каллиматорная труба, съ конца противуположнаго призмѣ, закрывается двумя металлическими пластинками, которыя могутъ быть сближены между собою посредствомъ винта, такимъ образомъ, чтобы образовалось отверстіе, щель, въ одну линію. Конецъ, обращенный къ призмѣ, снабженъ чечевицеобразнымъ стекломъ, *каллиматорной чечевицей*, зажигательная точка котораго находится именно въ щели, почему проходящія сквозь щель на призму, лучи, получаютъ параллельное направленіе. Шкалевая труба закрывается, со стороны лежащей напротивъ призмы, металлической пластинкой, въ которую вдѣлана стеклянная полоска съ микроскопической шкалой. Противуположный конецъ ея также снабжается чечевицеобразнымъ стекломъ, зажигательная точка котораго находится въ микроскопической шкалѣ, такъ что и эти, проходящіе сквозь стекло свѣтовые лучи, преломляются въ призмѣ параллельно. Три трубки можно наставить такимъ образомъ, что наблюдатель будетъ видѣть одновременно и скептръ, и шкалу, и можетъ сдѣлать точное опредѣленіе частей спектра, относительно ихъ положенія. При изслѣдованіи тѣлъ, шкала освѣщается стоящимъ передъ ней пламенемъ, а изслѣдуемыя вещества сжигаются передъ щелью каллиматорной трубы.

Спектральные аппараты для изученія небесныхъ тѣлъ сложнѣе.

Установленіе спектровъ различныхъ тѣлъ и основанныя на этомъ изслѣдованія, это и составляетъ собственно спектральный анализъ. *У каждаго тѣла есть свой отдѣльный спектръ, зависящій отъ свойства его горючаго матеріала.* Изъ этого выясняется, что съ помощью спектра можно различать тѣла. Стóитъ только сличить вышеозначеннымъ способомъ спектры извѣстныхъ намъ химическихъ тѣлъ со спектромъ неизвѣстнаго

и по присутствію въ немъ извѣстныхъ веществъ, узнаются составныя его части.

Но какъ *приводить въ горящее состояніе* каждое тѣло, главное, каждое химическое вещество, съ цѣлью полученія его спектра? Для этого служитъ пламя такихъ горючихъ веществъ, которыя не даютъ копоти, а именно: пламя спирта, свѣтильнаго газа магнія, гремучаго газа и электричества; но не всѣ изъ этихъ тепловыхъ источниковъ обладаютъ свойствомъ воспроизводить спектръ каждаго тѣла, потому что исходящій отъ нихъ жаръ неодинаковъ. Изъ нихъ высшую температуру развиваетъ пламя гремучаго газа и электричества; самыя удобныя для опытовъ—спиртовое пламя и пламя свѣтильнаго газа. Чтобы увеличить въ нихъ развитіе тепла и въ тоже время умѣрить развитіе свѣта, проводится къ нимъ, изъ атмосфернаго воздуха, значительное количество кислорода; для спирта посредствомъ лампъ *Берцеліуса* или *Мичерлиха*, а для свѣтильнаго газа, посредствомъ горѣлки *Бунзена*.

Безцвѣтное пламя, какъ всего нагляднѣе замѣчается при горѣніи спирта, распространяетъ весьма мало свѣта и не даетъ спектра, какой получается при изслѣдованіи посредствомъ спектроскопа, призмы или птичьяго правильнаго пера. Но если въ спиртовое пламя ввести посторовнее тѣло, наприм., спиральную платиновую проволоку, которая при этомъ раскаливается до бѣла, то является уже пламя, распространяющее свѣтъ и получается спектръ. Это происходитъ отъ дѣйствія посторонняго раскаленнаго тѣла; но для изслѣдованія спектра нужно именно безцвѣтное пламя.

Спектральный анализъ научно производился впервые въ 1857 году двумя гейдельбергскими профессорами *Кирхгофомъ* (нынѣ въ Берлинѣ) и *Бунзеномъ*; и съ тѣхъ поръ много замѣчательныхъ открытій сдѣлано разными учеными, особенно въ Англіи и Италіи. Точность и чистота метода изслѣдованій дѣйствительно изумительна. Количество, напримѣръ, металла натрія было опредѣляемо посредствомъ спектральнаго анализа. Натрій даетъ, при несвѣтящемся пламени, въ спектрѣ, только одну единственную желтую черту; Кирхгофъ и Бунзенъ употребляли при своихъ опытахъ хлорно-кислый натрій. Въ одномъ углу комнаты, заключающей въ себѣ 3.661,626 куб. дюймовъ, производились наблюденія, посредствомъ спектроскопа, надъ несвѣтящимся пламенемъ Бунзеновой горѣлки, между тѣмъ какъ въ діагонально-противоположномъ первому углу вспыхивали 0,0002344 золотника хлорно-кислаго натра, смѣшаннаго съ молочнымъ сахаромъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, пламя, постепенно окрашиваясь въ блѣдно-желтый цвѣтъ, дало на спектрѣ желтую, натровую линію, которая минутъ черезъ десять изчезла. Можно такимъ образомъ вычислить, сколько солей натрія потребно, чтобы воспроизвести еще одинъ спектръ. Комната въ 3.661 626 куб. дюймовъ величины, заключаетъ въ себѣ воздуха 18.174,752 золотника; въ этихъ 18.174,752 золотн. равномѣрно распредѣлены пары 0,0002344 золотника *солей натрія*, слѣдовательно въ 1 золотн. атмосфернаго воздуха $\frac{0,0002344}{18,174,752} = \frac{2,344}{181,747,520,000}$ или почти $\frac{1}{7753734}$ золотника.

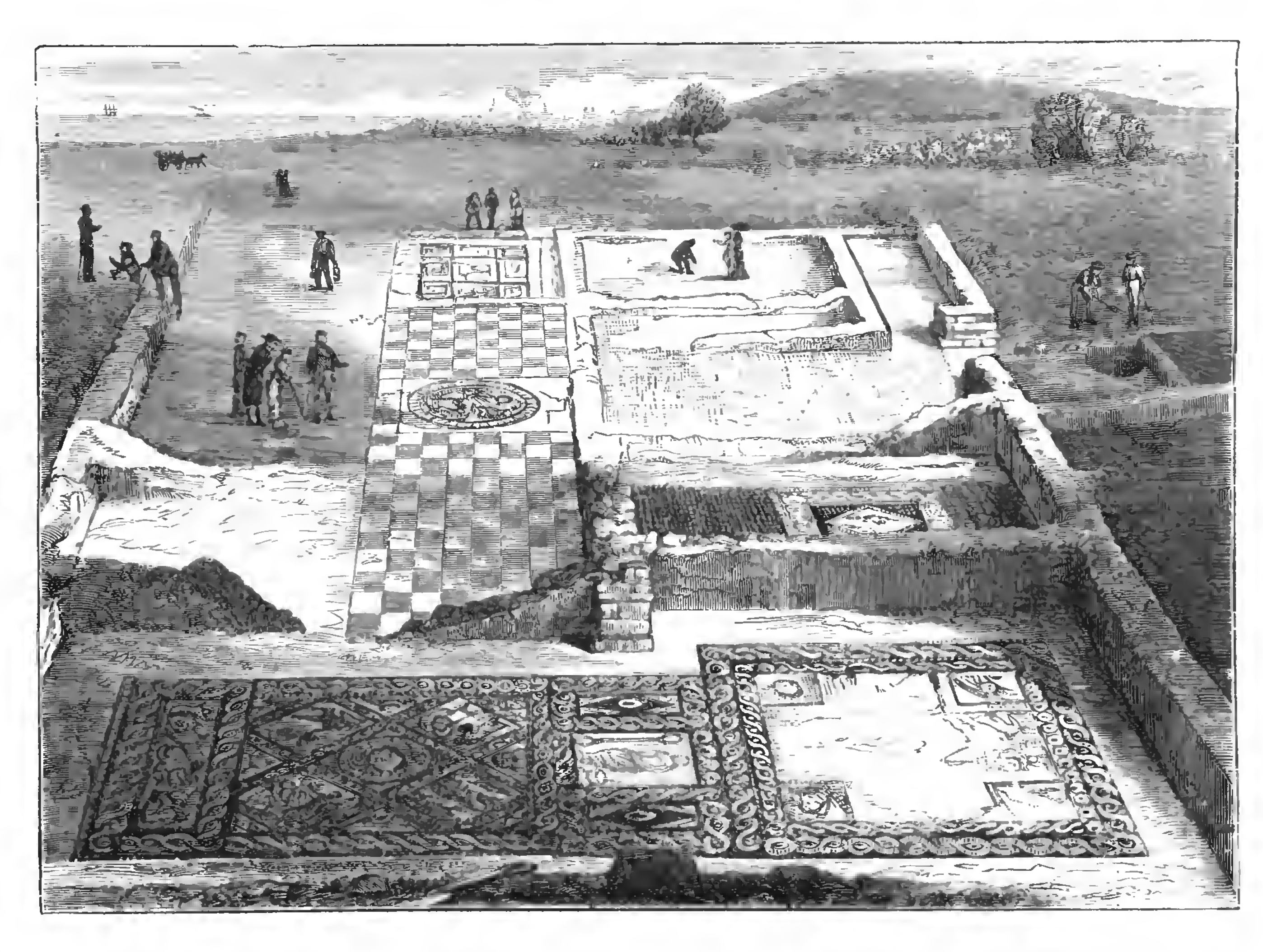
Спектръ натрія былъ видѣнъ въ продолженіи одной минуты, и еще неизвѣстно, сколько въ это мгновеніе раскалилось вѣсовыхъ частей въ пламени, отъ смѣшенія воздуха. Бунзенъ допускаетъ, что въ употребленномъ имъ пламени, въ одну секунду, вслѣдствіе притоковъ и образованія газовъ отъ горѣнія, прошло черезъ пламя, приблизительно 0,06 куб. дюйма смѣшаннаго воздуха. Вѣсъ же этихъ газовъ 0,002 золотника и такъ какъ въ одномъ золотникѣ атмосфернаго воздуха заключается $\frac{1}{77,537,334}$ золотника вспыхнувшаго натрія, то до раскаленія въ пламени, было, въ этотъ промежутокъ времени, доведено приблизительно $\frac{0,002}{77,537,334} = \frac{1}{51,691,556}$ золотн.

Такое трудно-вообразимое даже количество натрія, ясно опредѣляемое спектромъ, не можетъ быть взвѣшено съ точностью никакими, самыми чувствительными въ мірѣ, вѣсами, ибо пришлось бы раздѣлить, на 500 равныхъ частей одинъ фунтъ хлористаго натрія, и эту 500-ю часть снова разложить на 1000 частей; и изъ одной такой части взять одну 3-милліонную часть, чтобы получить наконецъ требуемую пылинку соли.

Другіе металлы и металлоиды требуютъ бóльшихъ количествъ, но и тѣ такъ невообразимо малы, что не поддаются взвѣшиванію.

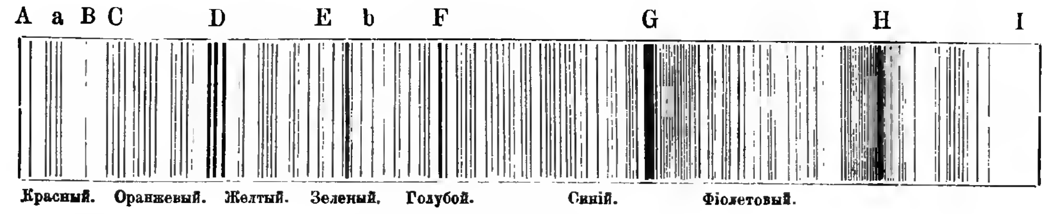
Эта необыкновенная чувствительность, съ которой не можетъ сравниться ни одинъ изъ извѣстныхъ методовъ изслѣдованій, заставляетъ предполагать, что для знанія веществъ и

(Продолженіе на стр. 949, 950, 951, 952 953, 954, 955 и 956.

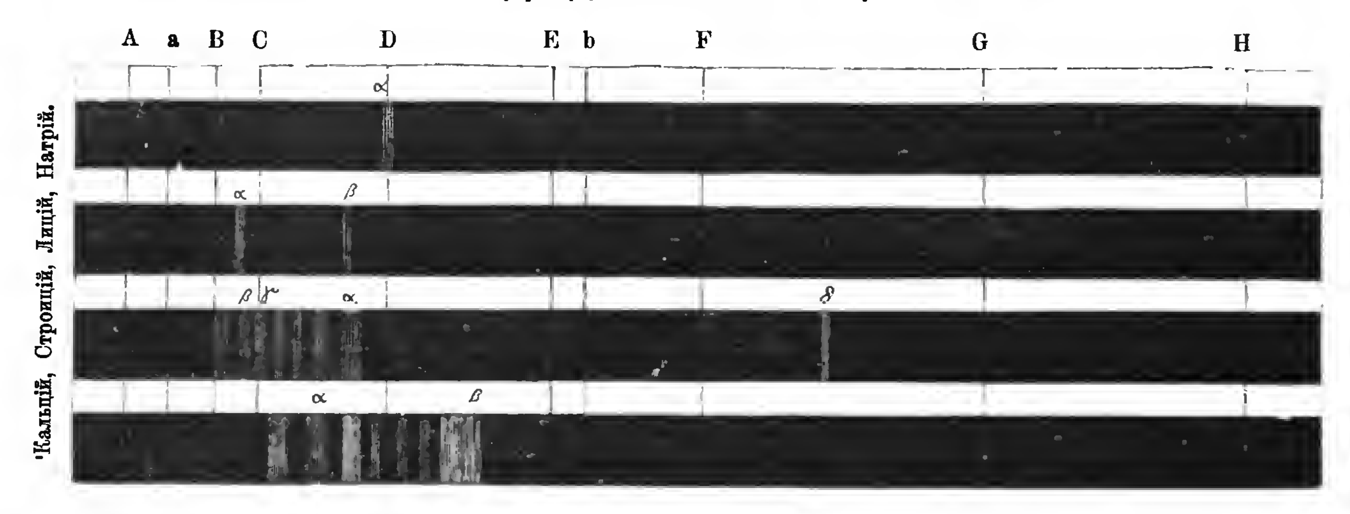

Мозаичные полы римскаго дома, открытые при раскопкахъ въ Бредингѣ на островѣ Уайтѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

степени ихъ распространенія, будутъ оказаны этимъ анализомъ важныя услуги. И дѣйствительно найдено, что натрій чрезвычайно распространенъ въ природѣ. Каждая пылинка, каждая вещь, лишь нѣсколько минутъ побывавшая въ атмосферномъ воздухѣ, показываетъ натрій въ спектрѣ. При наблюденіяхъ

Фраунгоферовы линіи солнечнаго спектра.

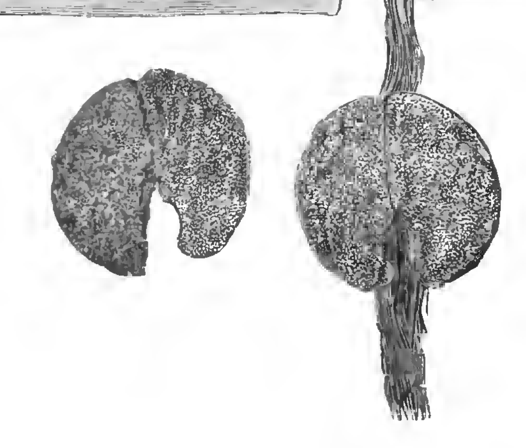

Спектры Натрія, Лиція, Стронція и Кальція.

Употребленіе Спектроскопа.

сквозь спектроскопъ безцвѣтнаго пламени, достаточно вблизи его захлопнуть книгу, которая нѣсколько дней не была въ употребленіи, чтобы въ спектрѣ показался натрій. Лицій, извѣстный прежде лишь въ четырехъ весьма рѣдкихъ минералахъ, нынѣ съ помощью спектральнаго анализа, найденъ въ морской водѣ, почти во всѣхъ рѣчныхъ и ключевыхъ водахъ, въ табакѣ, свекловицѣ, молокѣ, человѣческой крови и золѣ морскихъ растеній. Но не только увеличились свѣдѣнія о распространенности веществъ, но посредствомъ спектральнаго анализа, открылись и новыя простыя тѣла. *Кирхгофъ* и *Бунзенъ* открыли въ 1860 году кезій и рубидій; въ 1861 году *Круксъ* открылъ талій, а въ 1864 *Рейхъ* и *Рихтеръ* открыли въ Фрейбургѣ индій, и въ новѣйшее время, къ числу химическихъ тѣлъ прибавился еще галлій. О его присутствіи догадывался, основываясь на естественной группировкѣ металловъ, нашъ ученый *Менделѣевъ*, и съ помощью спектральнаго анализа, присутствіе это подтвердилось. Если при изслѣдованіи земныхъ веществъ нельзя не изумляться дѣйствію спектральнаго анализа, то при изученіи небесныхъ тѣлъ, его примѣненія представляются еще величественнѣе. До 1859 года употреблялся для этихъ изученій лишь телескопъ. Нынѣ съ помощью спектра, свѣтъ солнца, планетъ, неподвижныхъ звѣздъ, кометъ и туманныхъ пятенъ, можетъ быть разлагаемъ: черезъ это пріобрѣтается понятіе о ихъ физическомъ составѣ, такъ что цѣлый рядъ химическихъ простыхъ тѣлъ найденъ въ составѣ тѣлъ небесныхъ, и можно даже составить себѣ понятіе о степени плотности этихъ небесныхъ тѣлъ, т. е. твердое ли это тѣло или жидкое, или газообразное. Спектры небесныхъ тѣлъ сравниваются со спектрами земныхъ тѣлъ, и сообразно ихъ тождественности выводятся заключенія о присутствіи тѣхъ или другихъ веществъ въ свѣтилахъ небесныхъ. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо тщательное изученіе спектровъ основныхъ земныхъ веществъ. Теперь открыто, что каждое *твердое* или *жидкое* горящее вещество имѣетъ *сплошной, безпрерывный*, изо всѣхъ цвѣтовъ состоящій, спектръ. Между тѣмъ, тѣло газообразное, въ раскаленномъ состояніи, имѣетъ спектръ изъ одной или нѣсколькихъ, обыкновенно немногихъ, цвѣтныхъ линій, такъ называемый *линейный спектръ*. Это открытіе привело къ такому выводу: *если спектръ сплошной и непрерывный и содержитъ въ себѣ всѣ цвѣта, это значитъ, что свѣтъ исходитъ отъ раскаленнаго твердаго или жидкаго тѣла; если же спектръ линейный, то свѣтъ исходитъ отъ тѣла, находящагося въ газообразномъ состояніи.*

Сплошные спектры твердыхъ и жидкихъ раскаленныхъ тѣлъ такъ сходны между собой, что разницу между ними опредѣлить чрезвычайно трудно и только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возможно опредѣлить. Поэтому, при изслѣдованіи, ихъ и приводятъ въ газообразное состояніе. При маломъ жарѣ цвѣтныя линіи блѣдны и малочисленны, при увеличенномъ же усиливаются и ихъ количества, и ихъ краски. *Но положеніе ихъ во всякомъ случаѣ, остается всегда одинаково.*

Древнie русскie письменные акты XIV вѣка. Рядная запись.

Замѣчательныя особенности представляетъ спектръ солнца, въ сплошной части котораго оказываются при разсмотрѣнiи множество черныхъ линiй, такъ называемыхъ *Фраунгоферовыхъ*. Эти линiи выступаютъ, когда щель каллиматорiой трубы сильно съуживается. Откуда происходятъ онѣ?

Свѣтовые лучи, исходящiе изъ свѣтящагося тѣла или отбрасываются обратно предметами, встрѣчаемыми ими на ихъ пути, или преломляются, проходя сквозь нихъ, или принимаются этими предметами, т. е. поглощаются. Для массы поглощаемыхъ свѣтовыхъ лучей, былъ найденъ законъ устанавливающiй, что свѣтовые лучи, поглощенные какимъ-нибудь тѣломъ, суть тѣ же самые, что испускаются имъ въ его свѣтящемся состоянiи, т. е. *отношенiе между испускаемой и поглощаемой силой однородныхъ лучей, при одинаковой температурѣ, одно для всѣхъ тѣлъ*. Раскаленное до бѣла, твердое или жидкое тѣло, испускаетъ болѣе свѣта, нежели газообразное; почему газообразное тѣло относительно раскаленнаго представляется уже темнымъ. Раскаленное тѣло показываетъ всегда сплошной, непрерывный спектръ; газообразное — всегда спектръ, состоящiй изъ линiй; именно изъ тѣхъ линiй, которыя, чрезъ соединенiе отдѣльныхъ линiй спектра, образуются какъ отраженiе простыхъ тѣлъ, находящихся въ состоянiи пара. Когда лучи раскаленнаго до бѣла твердаго или жидкаго тѣла, проходятъ сквозь окружающую его оболочку паровъ, состоящихъ изъ множества веществъ, какъ желѣзо, барiй, натрiй, магнiй, талiй и пр., то они уничтожаютъ на непрерывномъ спектрѣ, раскаленнаго до бѣла ядра, именно тѣ лучи, которые въ состоянiи горѣнiя испускаютъ сами. И въ непрерывномъ спектрѣ являются *темныя* линiи на томъ мѣстѣ, гдѣ газообразныя тѣла отразили бы свѣтлыя, цвѣтныя полосы. Поэтому темныя линiи сами по себѣ также суть спектры, но спектры такъ называемые *обратные, отрицательные* или *поглощательные*. Одинаковое положенiе темныхъ линiй и цвѣтныхъ сравнительнаго спектра, приводитъ къ тому заключенiю, что данное тѣло существуетъ и окутано въ оболочку пара. Обратные спектры получили чрезвычайное значенiе при изученiи состава небесныхъ тѣлъ.

Спектръ солнца состоитъ изъ непрерывной, цвѣтной полосы съ большимъ числомъ черныхъ, или Фраунгоферовыхъ линiй. Онѣ представляютъ обратный или поглощательный спектръ. При опредѣленiи состава солнца, солнечная масса состоитъ изъ находящагося въ сильнѣйшемъ раскаленiи до бѣла, твердаго или капельно жидкаго ядра, окутаннаго оболочкой паровъ. До сихъ поръ отмѣчено посредствомъ сравненiй темныхъ линiй съ свѣтлыми сравнительнаго спектра что въ солнцѣ есть: натрiй, желѣзо, калiй, кальцiй, барiй, магнiй, манганъ, титанъ, хромъ, никель, кобальтъ, водородъ и аллюминiй; а въ окружающей его ядро атмосферѣ, находится, вѣроятно въ газообразномъ состоянiи, цинкъ, мѣдь и золото; но это еще не вполнѣ доказано.

Спектры планетъ нашей солнечной системы показываютъ тѣ же явленiя какъ и солнечный спектръ; но у нихъ встрѣчаются еще кромѣ того особенныя, поглощательныя линiи, которыя зависятъ отъ особенности планетной атмосферы. И атмосфера земли обусловливаетъ подобныя же поглощательныя линiи въ спектрѣ солнца; но онѣ различествуютъ, судя потому, при восходѣ или захожденiи его, при высшей степени нагрѣванiя имъ земли, или при водныхъ испаренiяхъ ея воздушной оболочки, производились эти наблюденiя. Соотношенiе сходства или несходства этихъ поглощательныхъ линiй въ спектрѣ планетъ даютъ возможность дѣлать заключенiя, что на планетахъ такая же какъ наша или другая атмосфера. Такимъ образомъ, напримѣръ, пришли къ заключенiю, что атмосфера Марса сходна съ нашей земной; Юпитера же и Сатурна несходна, а луна вовсе лишена атмосферы.

Изъ туманныхъ пятенъ у 60ти пятенъ изслѣдованы ихъ спектры и найдено, что приблизительно у одной трети ихъ спектры состоятъ лишь изъ нѣсколькихъ свѣтлыхъ линiй, изъ чего видно, что эти небесныя тѣла еще находятся въ газообразномъ состоянiи; двѣ же трети обнаружили непрерывный спектръ, значитъ эти твердыя или жидкiя тѣла находятся въ перiодѣ горѣнiя. Падающiя звѣзды имѣютъ непрерывный спектръ. Спектры молнiи и электрической искры сходны между собой; и всѣ наблюдатели находятъ въ нихъ линiи азота. Сѣверное сiянiе, которое причисляется къ явленiямъ электричества, къ „магнитнымъ грозамъ", даетъ въ дугѣ спектръ, состоящiй изъ одной *единственной* свѣтлой линiи, которая *не соотвѣтствуетъ* спектру *электрической искры*. А зодiакальный свѣтъ имѣетъ совершенно сходный съ сѣвернымъ сiянiемъ, оба эти явленiя однородны.

ѿ посадника терьнтия
седахъ·стѣн·бун·накна
жеѿстропѣ селъ·роспопи
нъ·михаиловъ·наворъ·и
землю·ѿромую:ипожни
ивсеслѣдъ михаиловъ
апришломнетовтадвъ
инномуненадобенникъ
мужь:

Древнie русскie письменные акты XIV вѣка. Вкладная запись.

Способы изслѣдованія посредствомъ спектра, конечно еще не исчерпаны; дѣло это только начато. Поэтому новыя открытія и новые факты и научныя пріобрѣтенія, съ помощью его, слѣдуютъ быстро другъ за другомъ. Опыты, производимые англичаниномъ *Гюггенссомъ* со спектромъ водорода и азота, чрезвычайно интересны. Производилъ онъ ихъ по поводу открытія, что спектры туманныхъ пятенъ состоятъ лишь изъ немногихъ линій и поэтому былъ возбужденъ вопросъ: оттого-ли свѣтящіяся линіи мало замѣтны, что яркость самаго свѣтящагося тѣла мала? Спектръ водорода состоитъ изъ трехъ различныхъ, свѣтлыхъ линій; азота же—изъ пяти, неодинаковой яркости, группъ линій. Если постепенно уменьшать силу свѣта, то длина линій спектра уменьшится и линіи, одна за другой, сообразно ихъ яркости, начнутъ исчезать, покуда у водорода не останется только одна, а у азота одна двойная линія. Эти опыты доказываютъ, что извѣстный газъ, хотя бы его спектръ и состоялъ изъ нѣсколькихъ линій въ спектроскопѣ, можетъ явиться глазамъ наблюдателя лишь въ видѣ одной линіи, отъ того что другія, по причинѣ малой яркости свѣтящагося тѣла, будутъ невидимы. Поэтому, основываясь на присутствіи въ спектрѣ *одной*, принадлежащей этому извѣстному веществу линіи, уже можно заключить, о существованіи этаго вещества въ небесномъ тѣлѣ. Немногочисленныя линіи спектра туманныхъ пятенъ соотвѣтствуютъ свѣтлымъ линіямъ водорода и двойнымъ азота: почему съ вѣроятностью можно утверждать о присутствіи обоихъ веществъ въ данномъ небесномъ тѣлѣ; между тѣмъ какъ отсутствіе остальныхъ доказываетъ только, что онѣ поглощены въ неизмѣримомъ пространствѣ.

Но насколько яркость свѣтящагося тѣла имѣетъ вліяніе на явленія спектра, настолько же, если не болѣе, имѣетъ на него вліяніе увеличеніе тепла, какъ то и видно изъ опыта *Нормана Лакіера*. Но до сихъ поръ удавались лишь тѣ опыты, которые даютъ пламенные спектры *Бунзеновской* горѣлки. Постановка у *Лакіера* слѣдующая: въ Бунзеновскую горѣлку вводятся двѣ платиновыя проволоки, соединенныя между собою аппаратомъ *Гольца*, такъ чтобы между ними прошла электрическая искра. Вблизи верхнихъ концевъ придѣлано чечевицеобразное кольцо, такимъ образомъ, чтобы исходящія изъ этихъ концевъ искры дали отраженіе на щели спектроскопа. Изслѣдуемое тѣло сожигается затѣмъ въ пламени и наблюдается спектръ. Если пропустить при этомъ электрическую искру между платиновыми проволоками, то спектръ измѣняется.

Примѣненный *Лакіеромъ* новый методъ спектральныхъ наблюденій, подаетъ надежду, что будутъ сдѣланы еще важнѣйшія открытія, касающіяся природы веществъ и ихъ состава.

Политическое обозрѣніе.

На Балканскомъ полуостровѣ. — Австрія — Министерскій кризисъ во Франціи. — Письмо папы.—Персія.

Дульциньо, конечно, еще не сдано Черногоріи, хотя телеграфъ ежедневно приноситъ увѣренія султана о томъ, что сдача этаго города послѣдуетъ въ самое непродолжительное время. Албанскіе вожди даже изъявили свое согласіе и всетаки, вопреки всѣмъ этимъ благопріятнымъ условіямъ,—«продолжаются переговоры....«

Но, несмотря на весь интересъ, съ какимъ мы относимся къ вопросу присоединенія Дульциньо къ Черногорскому княжеству,—для насъ, въ настоящую минуту, имѣютъ болѣе значенія переговоры другаго рода,—переговоры, происходящіе теперь между Австріей и Сербіей, снова о торговомъ трактатѣ. Мы уже знаемъ, что Ристичъ свергнутъ Австріей. Въ Вѣнѣ и не скрываютъ, что фактъ этотъ въ тамошнихъ правительственныхъ сферахъ считаютъ серьезнымъ шагомъ къ *утвержденію австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ*. Но дѣло не ограничивается однимъ „вліяніемъ", а прямо и открыто идетъ о торговомъ и промышленномъ подчиненіи Сербскаго княжества. Понятно, что завоеваніе, осуществленное на экономической почвѣ, будетъ опираться на солидное основаніе. Возмутительно то нахальство, съ какимъ въ Вѣнѣ увѣряютъ, что Австрія, принимая на себя опеку надъ Сербіей, будетъ стремиться къ возможно большему развитію матеріальнаго благосостоянія сербскаго народа, что между экономическими и политическими интересами Сербскаго княжества и Австро-Венгерской имперіей существуетъ полная солидарность! „что естественными врагами сербовъ являются, конечно, болгары (и, само собою понятно, всѣ прочія славянскія народности, союзъ сербовъ съ которыми не желателенъ австрійцамъ), что Болгарія стремится къ панславистскому порабощенію и поглощенію своихъ собратьевъ-славянскихъ княжествъ и т. п. Кого могутъ убѣдить эти увѣренія, кто повѣритъ инсинуаціямъ тѣмъ, необходимымъ, можетъ быть, барону Гаймерле для, хотя какого-нибудь объясненія, изъ приличія, совершаемаго имъ насилія. Что-же ждетъ Сербію? Пройдетъ извѣстное число лѣтъ и сербскій народъ, лишенный самостоятельной, отечественной производительности, будетъ жить австрійскою промышленностью, которая съумѣетъ заполонить въ свою монополію не только всѣ потребности населенія, но захватитъ въ свои руки и естественныя богатства страны; несомнѣнно, что къ эксплоатаціи матеріальной легко присоединится и эксплоатація духовной сокровищницы сербскаго народа. Въ тѣхъ торгово-промышленныхъ и политическихъ тискахъ, какія Австрія готовитъ Сербіи, не можетъ свободно развиваться ни одна духовная сторона націи. Неужели же такъ и будетъ это?

Греція, какъ ей ни рекомендуютъ благоразуміе, какъ ей ни совѣтуютъ разоруженіе,—до сихъ поръ пока, повидимому, держится принятаго рѣшенія — именно силою оружія добиться уступки ей на бумагѣ частей Эпира и Ѳессаліи. Изъ Аѳинъ сообщаютъ, что король потребовалъ отъ новаго премьера Кумундуроса непремѣннаго продолженія вооруженій, выразивъ желаніе, чтобы онѣ производились даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, возразилъ на замѣчаніе министра относительно финансоваго затрудненія, что; „деньги надо достать во что-бы то ни стало, это уже будетъ дѣломъ вашимъ". Желаемъ эллинамъ большаго успѣха, чѣмъ они имѣли до сихъ поръ, желаемъ имъ не встрѣчать на пути ни „Дульциньо", ни австрійскаго „содѣйствія".

Графу Таафе, стремящемуся, какъ уже наши читатели знаютъ, къ установленію политическаго равновѣсія между значительнѣйшими изъ составныхъ частей Австро-Венгерской монархіи, приходится выдерживать, изъ своей программы, весьма серьезную борьбу съ нѣмецко-австрійской партіей. Недавно происходилъ съѣздъ этой партіи, на который собралось 3 тысячи человѣкъ. Съѣздъ единогласно постановилъ резолюцію, въ которой, выражая свою приверженность австрійской государственной идеѣ, призываетъ къ борьбѣ съ федералистскими стремленіями правительства.

Во Франціи послѣднее время отмѣчено весьма бурными засѣданіями палаты депутатовъ. На одномъ изъ нихъ роялистъ Бодри-д'Ассонъ воскликнулъ: „Въ эту сессію мы будемъ свидѣтелями смертельной борьбы республики„ и, несмотря на возбужденный этимъ шумъ, продолжалъ свое заявленіе, прося назначить на слѣдующій день засѣданіе, чтобы потребовать отчета отъ этаго „разбойничьяго правительства". Бодри былъ подвергнутъ временному исключенію изъ состава депутатовъ, и такъ какъ не хотѣлъ выдти изъ залы, то Гамбетта закрылъ засѣданіе, а Бодри арестованъ въ зданіи палаты, откуда, впрочемъ, на другой день выпущенъ. Засѣданіе палаты едва не повело къ перемѣнѣ министерства. При установленіи порядка разсмотрѣнія проектовъ законовъ, первый министръ Ферри предложилъ, чтобы пренія начались, прежде всего, по проектамъ о народномъ образованіи, но палата, 200-ми голосовъ противъ 166-ти, постановила, что ранѣе будетъ обсуждаться проектъ судебной реформы. Министры рѣшили было подать въ отставку въ тотъ же день, но Греви просилъ подождать; затѣмъ вожди лѣвой (самой многочисленной) партіи объявили Ферри, что большинство палаты отнюдь не выражало недовѣрія министерству. Что касается борьбы съ конгрегаціями, то, согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, закрыто 384 монастыря, въ которыхъ находилось около 7400 монаховъ.— Въ газетѣ „Monde" (міръ) напечатано письмо папы Льва XIII къ парижскому архіепископу; въ письмѣ этомъ, восхваляя архіепископа за поддержку конгрегаціямъ, его святѣйшество выражаетъ свои сожалѣнія по поводу всего, происходящаго во Франціи съ монастырями; вмѣстѣ съ тѣмъ, папа высказываетъ, что желалъ подать голосъ при изгнаніи іезуитовъ, но ему сказали, что исполненіе декретовъ будетъ пріостановлено, если конгрегаціи заявятъ, что онѣ чужды всякимъ политическимъ конгрегаціямъ. Папа принялъ это предложеніе, конгрегаціи представили свои заявленія, но правительство французское продолжало прискорбную дѣятельность свою. Въ заключеніе Левъ XIII возлагаетъ надежды на преданность епископовъ и единеніе католическаго міра.

Персидскія войска оказались довольно искусными въ военномъ дѣлѣ. Изъ Тегерана пишутъ, что курды, стоящіе подъ Суджбулакомъ, изъявили покорность; одинъ изъ предводителей курдовъ, Хамзе-ага, захваченъ близъ Уруміи, а Таймуръ-ханъ взялъ позицію шейха Абдуллы (Абейдуллы) подъ Уруміей-же, послѣ чего главный вождь курдовъ отступилъ оттуда на разстояніе 15-ти миль.

Разныя извѣстія.

Долина Кашмира. Сотни лѣтъ тому назадъ Индія славилась своими „Кашмирами". Индійскія шали, приготовленныя изъ этой матеріи, цѣнились очень высоко всѣмъ образованнымъ міромъ. Благосостояніе населенія долины **Кашмира** — центра этой отрасли производства—высоко возрастало. Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ положеніе этаго края сильно измѣни-

лось. Недостатокъ продовольствія, эпидемическія болѣзни иболѣе всего непомѣрныя пошлины, которыми раджи обложили фабрикантовъ кашмирскихъ, заставили этихъ послѣднихъ выселяться изъ страны. Индійскіе князьки, видя теперь весь вредъ отъ ихъ неумѣлаго хозяйничанья стараются теперь возстановить производство кашмировыхъ тканей. Съ этою цѣлью въ послѣднее время изданъ указъ, освобождающій жителей долины Кашмира отъ всякихъ пошлинъ.

Открытіе доктора Пастэра. Извѣстный этотъ парижскій докторъ и естествоиспытатель вывелъ недавно, изъ своихъ наблюденій и доказалъ, что дождевые черви способствуютъ распространенію болѣзни воспаленія селезенки. Открытіе это возбудило живѣйшій интересъ во Франціи, и Пастэру назначили 50000 франковъ награды.

Наибольшая глубина моря, по послѣднимъ измѣреніямъ, произведеннымъ сѣверо-американскимъ военнымъ кораблемъ „Тускарора", доходитъ до 8513 метровъ (около 5¼ морскихъ миль). Такая глубина оказалась на 44° 55′ сѣверной широты и 152°26′ западной долготы, по Гринвичу.

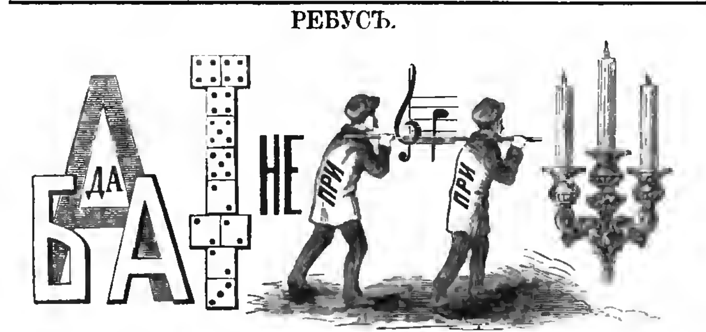
Истребленіе волковъ въ Валдайскомъ уѣздѣ. Валдайское земское собраніе, въ очередную сессію 1877 года, постановило выдавать вознагражденіе за убитыхъ волковъ въ размѣрѣ 1 р. 50 к., а за волченятъ 3 р. за каждаго и продолжать опыты истребленія волковъ посредствомъ отравы стрихнинымъ препаратомъ.

Богадѣльня для животныхъ. Въ окрестностяхъ Парижа, близъ Гонесса, существуетъ пріютъ для старыхъ животныхъ и птицъ. Вотъ возрастъ нѣкоторыхъ изъ пансіонеровъ этого благотворительнаго заведенія новаго рода: коровѣ 36, лошаку 72 года, свиньѣ 25 лѣтъ, козѣ 18, цесаркѣ 12, гусю 37, щегленку 18 лѣтъ, воробью 31 годъ. Патріарху гусей, по всей вѣроятности, трудно переносить свою старость; его животъ влачится по землѣ, его лапы искалѣчены и покрыты бородавками.

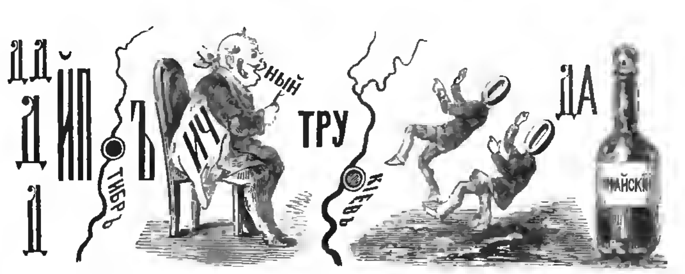
Термометръ—какъ проводникъ болѣзней. Англійскій медицинскій журналъ „the Lancet" указываетъ на небрежность нѣкоторыхъ докторовъ при вытираніи термометровъ. Во время нахожденія своего на тѣлѣ больнаго, шарикъ термометра покрывается бѣлымъ, тонкимъ налетомъ, состоящимъ изъ отслоившейся кожицы и пота. Очень естественно, что посредствомъ невытертаго термометра можетъ быть сообщена заразительная болѣзнь другому лицу.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ число несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Россіи 1 пассажиръ на 446,000 людей; въ Италіи 1 пас. на 539,000; въ Бельгіи 1 на 933,000; въ Пруссіи 1 на 1,367,000, во Франціи 1 на 2,490,000.

РЕБУСЪ.

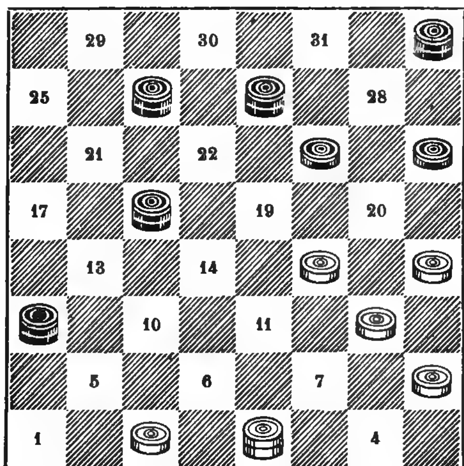

Шашечная задача № 77.

Черныя.

Бѣлыя.

Черныя начинаютъ и выигрываютъ. Какими ходами?

Рѣшеніе ребуса въ № 43 „Нивы".

„Англія желаетъ всѣхъ надуть и все забрать въ свои лапы."

Рѣшеніе ребуса въ № 44 „Нивы".

Есть многіе люди, которые всѣмъ совѣты даютъ, а сами по нимъ не живутъ.

Вѣрныя рѣшенія этихъ ребусовъ присланы отъ гг.: **Спб.**—В—нивъ, Мивко-Руссв, Перегудова, Валазова, Муравьевой, Штрембергъ, Лущевскаго, Ольхина, Судакова, Мартинсонъ, Курочкиной, Пѣтушковой, Заввдскаго, Касаткинв, Өедосѣева, Алепіусъ, Охтинки, Ферлей, Орлова, Шнунтикъ, Печоро, Селивановъ, Самусьевв, Никифорова, Иарбутъ, Кулинв, Геннингъ, Макарова, Заплаткина, Анвудинова, Поповскаго, Колбъ-Селецкой, Гейнбергеръ, Гомзакова, Мармелвдовой, Халкевичъ, М. Б., Грабовскаго, Семенова, Ордовскаго, Филиппова, Коткина, Чернявскаго, Милюковой, Моткова; **Москва**—Мвнуилова, Рыжковой, Красноворотскаго, Ивоземцева, Крылова, Корешкова, Вонеблейнъ, Степанова, Терентьева, Девъ, Масленникова, Крысовой, Алалыкина-Трухина, Скухторова, Королева, Почерняевова, Егина, Рибнеръ, Страхова, Помансвова, Терентьева, Голомысова, Яблокова, Землянскаго, Шершвкова, С—ова, Владимірова, Пушкина, Кукушкина, **Борисоглѣбскъ**—Лвчинова, **Бѣжецкъ**—Галунова, **Варшава**—Карпова, **Великіе Луки**—Новинскаго, **Вержболово**—Гаевскаго, **Вильно**—Доклатскаго, **Витебскъ**—Батнеръ, **Высоко-Литовскъ**—Ельгиной, **Гамель**—Поршина, **Гродно**—Малевичъ, **Динабургъ**—Ляховицкаго-Геховича, Стельмаховичъ, **Елецъ**—Савельева, **Иваново-Вознес.**—Ворвсова, **Зарайскъ**—Терскова, **Калуга**—Днѣпровской, **Кронштадтъ**—Калинина, Хвтрова, Заруднева, Рыбкина, **Кузнецкъ**—Митропольскаго, **Курскъ**—Сидѣльникова, **Ловичъ**—Романенко, **Мигаево**—Врашевиной, **Нижній-Новгородъ**—Арвачеевеца, **Новгородъ**—Пестреченко, Руткизе, **Новочеркасскъ**—Сиротина, Тек—евой, **Одесса**—Кр—на, Гвлтера, Вощановскаго, Рувовичниковыхъ, **Ораніенбаумъ**—Домбровскаго, **Островъ**—Гортанова, Поплавскаго, **Пенза**—Карасева, **Переяславъ**—Угрюмова, **Петергофъ**—Гусаровой, **Покровъ**—Явмановскаго, **Псковъ**—Полянскаго, Франіо, **Ржевъ**—Культепина, Слеькова, **Ромны**—Дейкина, **Ростовъ-на-Дону**—Войцеховской, Еашлова, Вербашина, **Ряжскъ**—Воронина, **Рязань**—Лвріоновой, **Сконинъ**—Жданова, **Старая-Русса**—Иванова, **Сызрань**—Смельянова, **Сядрино**—Добровольской, **Тверечь**—Онкридонова, **Холмъ**—Левицкаго, **Череповецъ**—Мигаловскаго, **Шилоавичи**—Богдановича, **Ярославль**—Троицкаго.

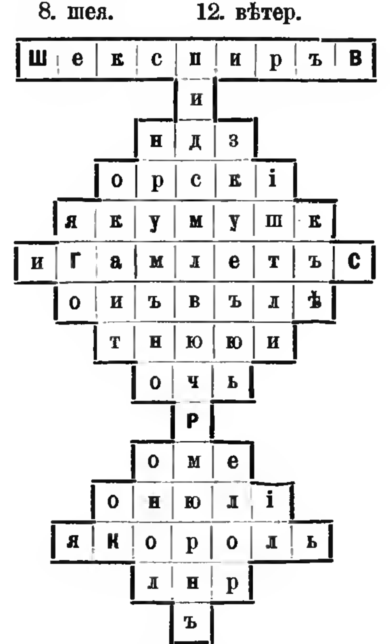
Рѣшеніе шашечной задачи № 73.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 12 на № 16	Съ № 8 на № 1
„ № 31 „ № 18	„ № 21 „ № 14
„ № 13 „ № 10	„ № 14 „ № 5
„ № 9 „ № 13	„ № 24 „ № 15
„ № 17 „ № 21	„ № 26 „ № 10
„ № 7 „ № 11	„ № 15 „ № 6
„ № 16 „ № 20	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.** Геннингъ, Малинина, Журкина, Л—кова; **Москва**—Сырова, Сорокова, Зѣвакина, Бовъ; **Зубцовъ**—Некрасова, **Иваново-Вознесенскъ**—Коровина; **Кронштадтъ**—Даржава, **Ломжа**—Печникова; **Муромъ**, Смольянинова, **Мытищи**—Напольнаго; **Николо-Раменье**—Смирнова; **Нижній Новгородъ**—Вовина, **Орелъ**—Соколова; **Таганрогъ**—Тіанова; **Тульчинъ**—Щагина.

Рѣшеніе задачи буквъ № 74

1. милліонъ. 5. кирпичи. 19. слюда. 13. якорь.
1. коршун. 6. мостъ. 10. югъ. 14, у.
3. Нью-Іоркъ. 7. Клим. 11. осел.
4. звонъ. 8. шея. 12. вѣтер.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Фрейбергъ, Измайлова, Феклина, Пунделивъ, Мивко Русв, Якобусъ. Токарева, Ситникова, Эмануель. Паншина. Пороховщикова; **Москва**—Гиль, Лодыгина; **Кинешма**—Зѣвакина; **Курскъ**—Шнурова; **Рига**—Галчинскаго; **Рязань**—Н. А. Н.; **Рыбинскъ**—Николаева; **Угличъ** Милюковой.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Объ изданіи журнала „Нива“ въ 1881 г.

Небывалое до сего въ русской журналистикѣ количество подписчиковъ—55000, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ существующихъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій такого рода, взятыхъ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ 1880 году, доказало то сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется. Число это неизмѣнно увеличивается, что совершенно понятно, такъ какъ всѣмъ нашимъ постояннымъ подписчикамъ извѣстно, что „Нива“ улучшается съ каждымъ годомъ, количество матеріала все увеличивается, программа расширяется и достоинство богатыхъ премій возвышается неизмѣнно—**цѣна же остается при всѣхъ этихъ дорогихъ и капитальныхъ улучшеніяхъ та же.** „Нива“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый иллюстрированный журналъ** не только въ Россіи но и за границей, что видитъ всякій, знакомый съ заграничными, такаго рода, изданіями. Программа журнала, цѣна—остаются тѣ же, какъ и въ прежніе 11 лѣтъ и издатель будетъ постоянно улучшать достоинство матеріала.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи **для помѣщенія въ „Нивѣ“, въ будущемъ 1881 году,** у насъ есть, кромѣ массы художественно-выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ **капитальныхъ литературныхъ** произведеній, какъ: **большой историческій романъ** изъ русской жизни XVIII в., автора извѣстныхъ историческихъ романовъ, **Вс. С. Соловьева: „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“**; большая повѣсть **Н. Н. Каразина „СТАРЫЙ ЮЛДАШЪ“** (изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ) **Н. Морскаго** (автора романа „Купленное счастье“), большая повѣсть **„ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ“**; повѣсть **В. Г. Авсѣенко „МГНОВЕНІЕ“**; два разсказа **Н. Успенскаго—„Охотники“** и **„Небывалый случай“**; два разсказа **П. П. Гнѣдича „По домашнимъ обстоятельствамъ“** и **„Подъ снѣгомъ“**; повѣсти **А. С. Максимова: „На Востокѣ“, „Разсказъ Топографа“** и **„На островѣ Аскольдѣ“**; разсказъ **В. Петрова „Горные орлы“**, изъ временъ Герцеговинскаго движенія; рядъ очерковъ: по исторіи русской литературы—**А. П. Милюкова, П. П. Гнѣдича, Н. Боева** и друг.; по естественнымъ наукамъ и гигіенѣ—**А. Ф. Брандта, И. О. Фесенко, Н Дружинина, Э. И. Нивинскаго** и многія другія. Какъ **преміи на будущій 1881 г.** мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1881 г., который будетъ приложенъ при первомъ № за **1881 годъ) двѣ превосходныя, исключительно для «Нивы» исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Новыя двѣ картины М. Зичи** изображаютъ двѣ сцены **одной изъ лучшихъ повѣстей геніальнаго нашего писателя Н. В. Гоголя—„Тарасъ Бульба“. Первая сцена „Въ осажденномъ городѣ“**, свиданіе Андрія,—младшаго сына Тараса Бульбы, который приноситъ тайно хлѣбъ въ замокъ—съ красавицей полькой. **Вторая—„Встрѣча Тараса съ Андріемъ, послѣ его измѣны“** на полѣ битвы, подъ осажденнымъ городомъ. Тутъ художникъ удивительно блестяще воспользовался всѣми данными, какія представляютъ эти высоко-художественныя, превосходныя сцены. Преміи эти будутъ высланы, не смотря на значительные расходы за высылку **(за одни картонные футляры и почтовыя марки въ 1880 году** при высылкѣ премій **было заплачено около 8,000 рублей, не говоря о самыхъ картинахъ)**, какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **безплатно для гг. годовыхъ подписчиковъ—не увеличивая** за то подписной цѣны. Такимъ образомъ въ будущемъ **1881** году **„НИВА“** получитъ еще новыя улучшенія, еще болѣе дорогія **преміи** и въ ней появятся **оригинальныя** произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ **подписаться** на будущій 1881 г. „Нивы“ просятъ **заблаговременно** обращаться въ **Главную Контору редакціи журнала „Нива“ помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала «Нива» проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“ 1881 ГОДА:

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ въ 1881 году будутъ выходить, какъ выходятъ и нынѣ, ежедневно, листами большаго формата подъ прежнею редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:	На годъ.	11 мѣс.	10 мѣс.	9 мѣс.	8 мѣс.	7 мѣс	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Безъ доставки	14 р. 50 к.	13 р. 75 к.	13 р. — к.	12 р. — к.	10 р. 50 к.	9 р. 50 к.	8 р. 50 к.	7 р. — к.	5 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 80 к.	1 р. 50 к.
Съ дост. по гор. почтѣ	16 „ — „	15 „ — „	14 „ — „	13 „ — „	11 „ 50 „	10 „ 50 „	9 „ 50 „	8 „ — „	6 „ 50 „	4 „ 80 „	3 „ 30 „	1 „ 80 „
Съ пересылкою иногор.	17 „ — „	16 „ — „	15 „ — „	14 „ — „	13 „ — „	12 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	7 „ — „	5 „ 50 „	4 „ — „	2 „ 30 „
Съ пересылкою за границу	24 „ — „	22 „ — „	20 „ — „	18 „ — „	16 „ — „	14 „ — „	13 „ — „	12 „ — „	10 „ — „	7 „ — „	5 „ — „	3 „ — „

Съ казенными прибавленіями въ годъ 19 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою 18 р. 50 к.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца, съ доставкою по городской почтѣ, въ Петербургѣ и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи, и безъ доставки, съ полученіемъ нумеровъ въ конторѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ газеты, на углу Невскаго и Литейной, д. № 59—62, а также въ книжныхъ магазинахъ Я. А. Исакова, М. О. Вольфа, И. И. Глазунова, Н. Г. Мартынова, Н. О. Фену и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій—Большая Дмитровка, д. Бучумова, въ конторахъ: Н. А. Мейеръ—Моросейка, д. Леоновыхъ, А. Лурк—Кузнецкій мостъ, д. кв. Долвцива и Печковской—домъ Петровскихъ линій.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ—по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями **исключительно** въ главную контору редакціи.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 7 р. и въ началѣ августа 3 р., съ доставкой въ Петербургѣ—уплачиваютъ конторѣ при самой подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ марта 5 р. 50 к. и въ концѣ іюля 5 р. Главная контора проситъ точно выполнять эти условія, такъ какъ только при соблюденіи ихъ возможна правильная доставка газеты.

Главная контора проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ обозначать тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія, въ противномъ случаѣ С.-Петербургскій почтамтъ за правильную доставку газеты не отвѣчаетъ. № 980 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„РУССКОЕ БОГАТСТВО“
въ 1881 г.
(ГОДЪ ВТОРОЙ).

Въ слѣдующемъ году „Русское Богатство“ будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ настоящемъ году, именно,—будетъ помѣщать: романы (оригинальные и переводные), повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, очерки, стихотворенія, критическія статьи, рецензіи новыхъ книгъ, обозрѣнія внутренней и заграничной жизни, общедоступныя научныя статьи по вопросамъ общественной жизни и смѣсь, въ которую будутъ входить сатирическіе и юмористическіе очерки, фельетонные наброски, пародіи и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Гг. Л. Алексѣевъ. Н. Ѳ. Анненскій, С. Атава, Александръ Арсеньевъ, Н. Ф Бажинъ, А. Боровиковскій, В. М. Гаршинъ, В. А. Гольцевъ, П. В Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, С. Н. Кривенко, Н. С. Курочкинъ, Н. И. Наумовъ, Ф Д. Нефедовъ, А. Н. Плещеевъ, Г. Н. Потанинъ, М А. Протопоповъ, Л. Н Трефолевъ, Гл. И. Успенскій, А. И. Эртель, Н. И. Ядринцевъ и друг.**

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками отъ 15 до 20 листовъ. Подписная цѣна на годъ: 7 р., съ пересылкой и доставкой 8 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р, съ пересылкой и 4 руб. безъ доставки; остальные 3 рубля по выходѣ 6-й книжки.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Знаменская ул., д. 11.

Редакторъ **Н. Н. Златовратскій.**
Издательница **С. Н. Бажина.** № 1011 2—1

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ
НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ“

подъ общею редакціею съ журналомъ „Вѣстникъ Европы“ и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки:	Съ достав.	Съ пер.	За границ.
Три мѣсяца	3 р. 50 к.	4 р.	5 р.	7 р.
Полгода	7 „ — „	8 „	9 „	13 „
Годъ	14 „ — „	16 „	17 „	25 „

Мѣсяцъ: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 к.; за границей 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—излишня, такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается; для иногороднихъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я линія, 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію, Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М Стасюлевичъ.** № 994 5—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
годъ второй. **НА 1881 ГОДЪ** **годъ второй.**
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ дост. и пересылки.		Съ доставк. въ Москвѣ.		Съ перес. во всѣ города.	
На годъ	7 р. 60 к.	На годъ	8 р. 50 к.	На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣс.	4 „ 30 „	„ 6 мѣс.	4 „ 50 „	„ 6 мѣс.	5 „ — „
„ 3 „	2 „ 30 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 1 „	— „ 90 „	„ 2 „	1 „ — „	„ 1 „	1 „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина. № 1010 6—1

1881. XVII ГОДЪ ИЗДАНІЯ **1881.**

«БУДИЛЬНИКЪ»,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РИСУНКАМИ И КАРРИКАТУРАМИ.

50 тетрадей въ годъ, въ 4-ю долю листа большаго формата.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1. **Альманахъ „Будильника на 1881 годъ** (3-й годъ изданія), въ который между прочимъ вошли: а) **РЕБУСЪ**, за разгадку котораго **до 1-го января 1881 г.** редакція Будильника“ объявляетъ **денежную премію** въ 300 руб.—и б) **восемь женскихъ типовъ изъ оперетокъ Офенбаха, Лекока и Планкетта** („Каскадная галлерея“),—въ краскахъ исполненные рисунки **К. Н. Чичагова.**

—— Разсылка альманаха гг. подписчикамъ началась **15 го октября текущаго 1880 года;** въ розничную же продажу онъ будетъ выпущенъ (по цѣнѣ 1 р. 50 к. за экз., съ пер. 2 р.) **не ранѣе первыхъ чиселъ января будущ. 1881 г.**

2. **„Альбомъ Маралы Іерихонскаго“**: 12 поэмъ, изъ которыхъ каждую будетъ сопровождать большой (форматъ „Будильника“) хромолитографированный рисунокъ.—Разсылка листовъ альбома предполагается **ежемѣсячная** (черезъ каждые три нумера журнала); вмѣстѣ съ послѣднимъ листомъ разослана будетъ, для брошюровки альбома, золотомъ отпечатанная обложка.

3. **„Пикантная исторія“**, олеографія съ картины **Л. Германа**, исполненная (подъ акварель), по заказу редакціи „Будильника“, торговымъ домомъ бр. А. и С Кауфманъ въ Берлинѣ.

—— Желающіе могутъ получить, вмѣсто этой олеографіи, другую—съ картины **Кизля**: „Лѣнивка“. Желающіе получить **обѣ** преміи доплачиваютъ, сверхъ подписной суммы, **одинъ рубль.** Какъ та, такъ и другая олеографія будутъ высылаемы навернутые на скалк[illegible]

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:		НА ПОЛГОДА:	
Съ пересылкою	9 р.	Съ пересылкою	5 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	8 „	Съ доставк. въ Москвѣ	4 „ 50 „
Безъ доставки	7 „	Безъ доставки	4 „ — „

Издательница—**Л. Н. Уткина.**
Редакторъ—**Н. П. Кичеевъ.** № 993 3—1

15 худож. безплатныхъ премій для годовыхъ подписчиковъ.

Редакція—въ Москвѣ, Леонтьевскій переулокъ, д. Мичинера.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА
БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ
(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, **по возможности**, одинъ законченный романъ или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года, подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія“** будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ:
- Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки 8 руб.
- Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . 8 — 50 коп.
- Съ пересылкою **иногороднымъ** . . . . . . 9 — —

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб и къ 1-му Мая остальные.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ Исакова. **Въ МОСКВѢ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Бучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ,** въ **редакцію журнала Библіотека для чтенія,** *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: **иногородныхъ** *исключительно* **въ редакцію, а городскихъ въ СПБ.** въ книжный магазинъ **Бортневскаго,** *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.;* **въ Москвѣ:** *въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова.*

Ц. № 1006 На 1880 годъ подписка еще продолжается. 6—1

Дозволено цензурою СПБ. 13 Ноября 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. ... № 10.

XI годъ № 47 — годъ XI 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис)
Выданъ 22 Ноября 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы" 15 к. съ перес. 20 к.

Русскій добровольный флотъ. Новый крейсеръ „Ярославль", на которомъ совершалъ плаваніе Наслѣдникъ Цесаревичъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Крейсеръ „Ярославль".

Нынѣшнею осенью Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ со своею Августѣйшею семьею совершилъ продолжительное плаваніе на прекрасномъ крейсерѣ добровольнаго флота „Ярославль" рисунокъ котораго здѣсь помѣщается. Этотъ крейсеръ при невысокой стоимости его постройки отличается замѣчательными достоинствами.

„Ярославль"—лучшее и удачнѣйшее пріобрѣтеніе добровольнаго флота, обращаетъ на себя въ настоящую минуту общее вниманіе, а потому считаемъ не лишнимъ дать болѣе или менѣе подробное описаніе этаго, образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ, крейсера. „Ярославль" можно сказать, — послѣднее слово современной техники, науки и опыта; въ него вложили все, что только считалось полезнымъ и необходимымъ для современнаго крейсера. Онъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по своей конструкціи, такъ и по множеству детальныхъ приспособленій, ставящихъ новый крейсеръ добровольнаго флота на ряду съ немногими.

Крейсеръ Ярославль построенъ, по заказу комитета добровольнаго флота, на тулонской частной верфи общества „Fergies et Chantiers de la Mediterranée", подъ непосредственнымъ наблюденіемъ командира крейсера, капитана 1 ранга С. С. Валицкаго; благодаря энергіи, опытности и знаніямъ послѣдняго, добровольный флотъ имѣетъ въ своихъ рядахъ именно такое судно, какое желало имѣть и которое можетъ послужить прекраснымъ образцомъ для нашихъ военныхъ крейсеровъ.

Главныя размѣренія крейсера „Ярославль" слѣдующія: длина 295 футъ между перпендикулярами, ширина 41 футъ, углубленіе кормой 19 футъ слишкомъ, носомъ 16 футъ и водоизмѣщеніе 3050 тоннъ. Съ цѣлью уменьшить на сколько возможно вѣсъ крейсера, почти весь его корпусъ сдѣланъ изъ стали, за исключеніемъ желѣзной подводной части, которой приданы самыя современныя формы, чтобы уменьшить сопротивленіе воды. Выдающійся острымъ шпирономъ носъ крейсера смотритъ легко, красиво и грозно, грозно настолько, что турецкія власти въ Дарданеллахъ приняли Ярославль за броненосецъ и едва не задержали его на неопредѣленное время, если бы командиръ „Ярославля" не потребовалъ фирмана на проходъ проливомъ съ энергіею и рѣшительностью. Послѣ трехъ-суточной задержки въ Дарданеллахъ, крейсеръ получилъ фирманъ и благополучно пробрался мимо грозныхъ турецкихъ баттарей. Общій видъ „Ярославля" изященъ и грандіозенъ; онъ выглядитъ такъ легко, что кажется, видишь передъ собой морскую яхту, предназначенную для увеселительныхъ поѣздокъ царственныхъ особъ, а не грозный крейсеръ, опасный даже для броненосцевъ среднихъ размѣровъ. „Ярославль" созданъ для сильной артиллеріи; несмотря на свое сравнительно небольшое водоизмѣщеніе, у него сдѣланы приспособленія для постановки значительныхъ орудій, благодаря которымъ, а также и своему быстрому ходу, онъ будетъ опаснымъ врагомъ каждаго непріятельскаго судна. На самой кормѣ надъ головой руля, сдѣлано приспособленіе для помѣщенія мортиръ и восьми-дюймоваго орудія. Дѣйствіе мортиръ испыталъ на себѣ въ прошлую войну турецкій броненосецъ Фетхи-Булендъ, во время боя съ славной Вестой, а потому нельзя не признать, что „Ярославль" дѣлается почти неуязвимымъ для самаго лучшаго преслѣдующаго броненосца, котораго онъ всегда можетъ держать, благодаря быстротѣ своего хода, въ извѣстномъ разстояніи и поражать его навѣсными выстрѣлами девяти-дюймовыхъ мортиръ; при этомъ самъ онъ будетъ представлять для непріятеля слишкомъ малую цѣль, чтобы могъ серьезно опасаться прицѣльныхъ выстрѣловъ.

Кромѣ орудія и двухъ мортиръ, на крейсерѣ сдѣланы приспособленія для постановки еще трехъ девяти-фунтовыхъ орудій и четырехъ скорострѣльныхъ пушекъ. Машина „Ярославля" смѣшанной системы, горизонтальная, отъ 2500 до 3000 индикаторныхъ силъ. Машина приводитъ въ движеніе двѣ сильныя трюмныя помпы, и кромѣ того, имѣется особая паровая помпа для выкачиванія воды изъ трюма. Паръ, необходимый для дѣйствія коловратныхъ помпъ и особой паровой помпы для выкачиванія воды изъ трюма, доставляется или главными котлами или же особымъ вспомогательнымъ котломъ, поставленнымъ на верхней палубѣ съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ дѣйствовать и въ томъ случаѣ, если трюмъ будетъ затопленъ.

Скорость крейсера достигала замѣчательной цифры: 16½ миль въ часъ. И еще проба производилась въ высшей степени строго, на значительномъ разстояніи и въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Заводская проба совершенно отличается отъ нашихъ казенныхъ пробъ, дѣлаемыхъ обыкновенно на протяженіи одной мѣрной мили и въ теченіи немногихъ минутъ.

Паръ на крейсерѣ „Ярославль" играетъ выдающуюся роль; работой пара пользуются на столько широко, на сколько это возможно; паръ приводитъ въ движеніе двѣ лебедки, при помощи которыхъ спускаются на воду и подымаются на мѣсто всѣ шлюбки, а также паровые катера; паромъ же выхаживаются и укладываются на мѣсто якоря; паромъ же пользуются, какъ прекраснымъ отопленіемъ, а также для нагрѣванія воды въ ваннахъ, матросской банѣ, буфетахъ и кухняхъ. Благодаря всесильному пару, управлять крейсеромъ можетъ хоть десятилѣтній мальчикъ; въ рукахъ ребенка онъ будетъ, какъ хорошо выѣзженная лошадь. Несмотря на быстрый ходъ крейсера, достаточно легкаго движенія, чтобы дать ему то или другое направленіе и совершить полный поворотъ. Для управленія крейсеромъ нѣтъ надобности въ физической силѣ; дѣло рулеваго повернуть въ ту или другую сторону небольшое, легко движущееся, колесо, и уже паръ кладетъ руль при помощи особой штурвальной машины, по желанію направо или налѣво. Все это совершается незамѣтно, легко и быстро.

Крейсеръ имѣетъ еще и электрическіе звонки и водопроводы, словомъ все, что только можетъ имѣть самый удобный, прекрасный домъ. Помѣщеніе, какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, въ высшей степени удобно и прекрасно убрано. Особенное вниманіе обращаетъ на себя помѣщеніе командира, гдѣ не знаешь, чему отдать предпочтеніе: вкусу или изяществу отдѣлки. Все въ мѣру и строго обдумано.

Король Духова дня.

(Изъ народной жизни въ Венгріи въ 20-хъ годахъ).

Разсказъ **Мавра Іокая.**

(Окончаніе).

II.

Верстахъ въ четырехъ отъ города начинается болото, которое тянется на Кладацу, до самаго Форда. По одну сторону шумятъ богатыя хлѣбныя поля, а по другую темнозеленая гряда тростника указываетъ линію берега и только узкая плотина отдѣляетъ луга и поля отъ болота.

Пастухи показали молодцамъ въ тростникахъ мѣсто, гдѣ всегда скрывался одичавшій быкъ. По ночамъ онъ страшно ревѣлъ и стихалъ только къ утру. Быкъ проложилъ себѣ двѣ тропы въ тростниковой чащѣ. Мартинъ и его соперникъ разъединились и каждый выбралъ себѣ одну изъ двухъ тропинокъ. Зрители въѣхали на плотину—съ нея можно было хорошо видѣть всю эту страшную охоту.

Мартинъ, едва сдѣлалъ съ сотню шаговъ, какъ ужъ и услыхалъ ревъ быка. Развѣнчанный король пріостановился на секунду. Не позвать ли лучше сюда, къ себѣ, этого, своего соперника? Только нѣтъ, не захотѣлъ и порѣшилъ совладать съ быкомъ одинъ на одинъ; онъ обернулъ вокругъ руки венгерскій бичъ, оканчивавшійся проволочной петлей и поѣхалъ въ тростникъ, откуда раздавался грозный ревъ. Тамъ, въ чащѣ тростника, лежалъ мощный быкъ, почти по колѣни увязнувъ въ болотѣ. Почуявъ что кто-то приближается, заслышавъ шорохъ, онъ поднялъ голову. Одинъ рогъ у него былъ нѣсколько погнутъ, вѣроятно въ какой нибудь недавней схваткѣ, другой же держался прямо, словно штыкъ ружейный. На черномъ лбу путался большой кучей репейникъ, на переносицѣ сочилась кровью свѣжая рана. Какъ только быкъ увидѣлъ, что подъѣзжаетъ человѣкъ, онъ вдругъ поднялся на переднія ноги и издалъ громкій, злобный, дикій ревъ. Мартинъ, чтобы вызвать его на равнину, гдѣ легче было бы съ нимъ справиться, началъ сильно щелкать своимъ длиннымъ бичемъ, чтобы раздражить быка. И вправду, звѣрь тутъ же съ бѣшенствомъ бросился на всадника. Но тотъ быстро повернулъ коня и поскакалъ по направленію къ долинѣ. Выбѣжавъ на поле, быкъ, однако, сначала остановился, озираясь по сторонамъ, увидѣлъ вдали толпу зрителей, замычалъ и неожиданно улегся на берегу болота. Мартинъ подскакалъ къ нему и крѣпко щелкнулъ бичемъ. Быкъ снова проревѣлъ, но не тронулся съ мѣста, а затѣмъ уткнулъ

носъ въ траву и уже тутъ—сколько Мартинъ ни щелкалъ бичемъ—не двигался съ мѣста и даже не мычалъ, а только помахивалъ хвостомъ.

Теперь уже самъ Мартинъ разсердился на его такое упорное равнодушіе. Приблизившись къ нему, онъ ударилъ его бичемъ. Наконечный крючекъ вырвалъ кровавый клокъ мяса. Быкъ все таки остался неподвиженъ. Новымъ ударомъ Мартинъ разорвалъ ему кожу на шеѣ, но быкъ совсѣмъ уже зарылся головою въ траву, такъ что аркана набросить на него было невозможно. Вышелъ изъ себя Мартинъ и сталъ наносить ему ударъ за ударомъ и все безъ всякаго дѣйствія. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, подзадоренные упрямствомъ животнаго, присоединились къ охотнику, стараясь поднять его крикомъ и шумомъ. Наконецъ одинъ изъ ударовъ бича задѣлъ глазъ звѣря. Въ одну секунду онъ уже былъ на ногахъ, быстрѣе молніи кинулся на Мартина и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ увернуться, страшнымъ толчкомъ бросилъ и всадника и лошадь на землю и принялся бѣшено топтать подъ собой. Остальные, въ ужасѣ, разсыпались по полю. Поверженный конь заметался было, стараясь подняться. Напрасно! Острый рогъ бѣшенаго звѣря взрѣзалъ брюхо благороднаго животнаго и конь никогда уже не будетъ болѣе гордо и побѣдоносно мчаться на скачкахъ... Окровавленный, онъ безсильно падаетъ на всадника, одна нога котораго застряла въ стремени.

Разъяренный быкъ стоитъ теперь около своихъ жертвъ, оглашая воздухъ ужасающимъ ревомъ и взрывая ногами землю. Изъ выбитаго глаза идетъ кровь, окрашивая багровою струею темную шерсть груди. Онъ не преслѣдовалъ другихъ, по временамъ только быстро поворачиваясь во всѣ стороны и какими-то козлиными прыжками, съ наклоненной головой, снова бросаясь на распростертаго Мартина и его лошадь и бѣшено бороздя возлѣ нихъ черную землю съ травой и корнями.

— Помоги Боже бѣдному парню! говорили въ толпѣ.

Мартину удалось, наконецъ, послѣ страшныхъ усилій, высвободиться изъ-подъ лошади. Но только что быкъ увидѣлъ врага своего снова стоящимъ противъ него, какъ тотчасъ же бросился на него. Въ толпѣ раздался неудержимый крикъ ужаса. Многіе закрыли, въ страхѣ, руками лица. Теперь ужь ему капутъ!..

Но звѣрь остановился и закинулъ голову назадъ. Шею его уже обвилъ арканъ, наброшенный незнакомцемъ, который за минуту только передъ тѣмъ выскочилъ изъ тростника. Услыхавъ крики, онъ поспѣшилъ оттуда на поле и поспѣлъ какъ разъ во время. Опоздай онъ на секунду—его соперникъ былъ бы растерзанъ на мѣстѣ.

Звѣрь, почувствовавъ арканъ, повернулся къ новому врагу своему. Молодой человѣкъ, однако, уже успѣлъ повернуться въ свою очередь и перекинувъ арканъ черезъ плечо, помчался во всю прыть по равнинѣ.

Ну и что же это была за скачка! Тяжелому, неповоротливому звѣрю пришлось гоняться за быстрѣйшимъ въ краѣ конемъ! Неизвѣстный юноша пригналъ его прямо къ скаковому кругу и тутъ, улучивъ минуту, ловкимъ поворотомъ бросился въ сторону. Быкъ промчался мимо него, продолжая бѣжать впередъ и не замѣчая, что всадникъ очутился уже позади его.

Подгоняемый хлыстомъ, обезумѣвши отъ шума, криковъ и говора толпы, лошадинаго топота, щелканья бичей, гиканья, быкъ несся весь въ крови и въ пѣнѣ, пока, наконецъ, не хлопнулся грузной и безжизненной массой на землю. Онъ былъ мертвъ Громкими, восторженными криками провожала толпа новаго „короля Духова дня“ по улицамъ; онъ долженъ былъ остановиться поочередно у дома каждаго изъ совѣтниковъ ратуши и у судьи и выпить вездѣ стаканъ вина на здоровье. Ему надо было доказать, что онъ, какъ король Духова дня, не только лучшій наѣздникъ, но и выпить молодецъ, не хуже всякаго другаго; тѣмъ болѣе, что пить приходилось еще и въ замкѣ барона Карпати.

На этотъ разъ, однако, въ замкѣ не было обычнаго пированья. Такіе пиры давались, обыкновенно, въ Ивановъ день, въ имянины магнатовъ и на нихъ съѣзжалось все окрестное дворянство. Цыгане (тутъ сгоняли всѣхъ, кого только можно было найдти по близости) распѣвали свои пѣсни, странствующіе фокусники раскидывали коврики и временные балаганы, доморощенные поэты декламировали высокопарные диѳирамбы магнатамъ, знаменитый мѣстный ораторъ провозглашалъ цвѣтистые тосты, а темное небо ярко горѣло заревомъ фейерверка, при свѣтѣ котораго смуглые музыканты отхватывали лихую плясовую, господа-же весело смѣшивались съ пестрой, гудящей толпой крестьянъ. Нѣтъ, сегодня дѣло ограничилось праздникомъ „большого кубка“. „Оригиналы и чудаки“ разсѣлись вокругъ большаго круглаго стола, на которомъ недопускалось никакой легко ломающейся или бьющейся посуды, всѣ стулья—безъ ручекъ, безъ ножекъ, въ родѣ скамей, такъ что не за что было ухватиться, чтобы пустить въ голову собутыльнику. Затѣмъ начинается торжество. Первому изъ гостей даютъ въ руки кубокъ безъ ножки: сзади стоящій гайдукъ наливаетъ его до краевъ, а такъ какъ поставить кубокъ нельзя, то надо выпить все и передать сосѣду. Кубокъ совершаетъ свой кругъ, напутствуемый веселымъ припѣвомъ.

Подъ конецъ такой дружеской бесѣды бывало конечно, что поочередно, то одинъ, то другой изъ гостей свалится. Гайдуки тотчасъ-же почтительно и бережно подбирали его и укладывали у стѣны на тростниковой цыновкѣ. Тамъ онъ спалъ до слѣдующаго утра а остальные, тѣмъ временемъ, продолжали пить. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока вдоль стѣнъ лежали всѣ, за столомъ-же оставался всего одинъ, и всего чаще оставался такимъ героемъ кубка—Кутифальви.

Различное вино разно настраиваетъ, поэтому и бесѣды кончались неодинаково. Если въ большомъ кубкѣ бывало бѣлое чапское вино, то общество, обыкновенно, дѣлалось такое шумливое, говорливое, анекдотцы легкаго содержанія сыпались одинъ за другимъ, какъ горохъ, возбуждая громкій, веселый смѣхъ. Кто уже свалился, тотъ спокойно спалъ, съ громкимъ храпомъ, а послѣдній уцѣлѣвшій отправляется, поддерживаемый гайдуками и идетъ — все съ гайдуками братски обнимается и цѣлуется.

А если подано красное Билинское вино — ну, тогда другое дѣло: уже послѣ десятаго круга всѣ другъ въ друга вцѣпятся! Каждый становится задирой, каждый храбрится, хочетъ перебить всѣхъ турокъ и сосѣда именно и принимаетъ за турка. Въ тоже время лежащіе уже на полу, кричатъ благимъ матомъ, охаютъ и стонутъ. Послѣдній же, герой что перепьетъ всѣхъ, такъ какъ уже нѣтъ у него и противниковъ, лѣзетъ съ кулаками на гайдуковъ; кончается дѣло тѣмъ, что его свяжутъ, да такъ связаннаго и кладутъ спать.

Разъ попробовали иностраннаго вина и все общество вдругъ вообразило себя на кораблѣ, который качало во время бури; чтобы облегчить судно, оказалось нужнымъ выбросить за бортъ балластъ. И вотъ, въ окна полетѣли столы и стулья; свалившіеся уже съ ногъ стонали отъ морской болѣзни. Кутифальви рѣшилъ, было, побросать кстати и ихъ всѣхъ за бортъ.

Въ промежуткахъ шла и картежная игра. Начиналась она съ одного цванцигера, доходила, менѣе чѣмъ въ какой нибудь часъ, до тысячъ и оканчивалась тогда, когда друзья лежали подъ столомъ, съ головами, полными винныхъ паровъ, но за то съ пустыми карманами.

Какъ видите, бесѣды не представляли большаго разнообразія.

Когда присяжные посредники ввели новаго „короля Духова дня“ къ барону Карпати, этотъ магнатъ велѣлъ всѣмъ убираться вонъ изъ комнаты. Онъ желалъ остаться наединѣ съ этимъ парнемъ.

Старый набобъ сидѣлъ въ креслѣ, опустивъ ноги въ бадью съ водой и жуя пару горькихъ миндалинокъ. Это были приготовленія къ вечерней попойкѣ.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ „короля“.

— Михалъ Кишъ, милостивый господинъ.

— Молодецъ-же ты, Мишка, молодецъ! Нравишься ты мнѣ. Значитъ, теперь, на цѣлый годъ ты будешь „королемъ Духовадня“. Ну, что-жъ ты собираешься продѣлать за этотъ годъ?

— Этого я не знаю, знаю только, что теперь сталъ я много поважнѣе, чѣмъ былъ. Вотъ что!

— Ну, хорошо, Мишка, а что-же ты скажешь, если я сдѣлаю тебя еще много важнѣе, чѣмъ ты себѣ думаешь: посажу тебя здѣсь рядомъ съ господами, дамъ тебѣ денегъ, сколько хочешь, чтобы могъ ты пить съ ними и играть, какъ подобаетъ благородному господину Кишу, владѣльцу Надудвара.

— Да я бы не зналъ видите какъ и обращаться по господски, чтобы меня считали за барина. Увидятъ кто я.

— А ничего! сойдешь за большаго барина. Ужъ я тебя выручу. Они вѣдь всѣ будутъ пьяные.

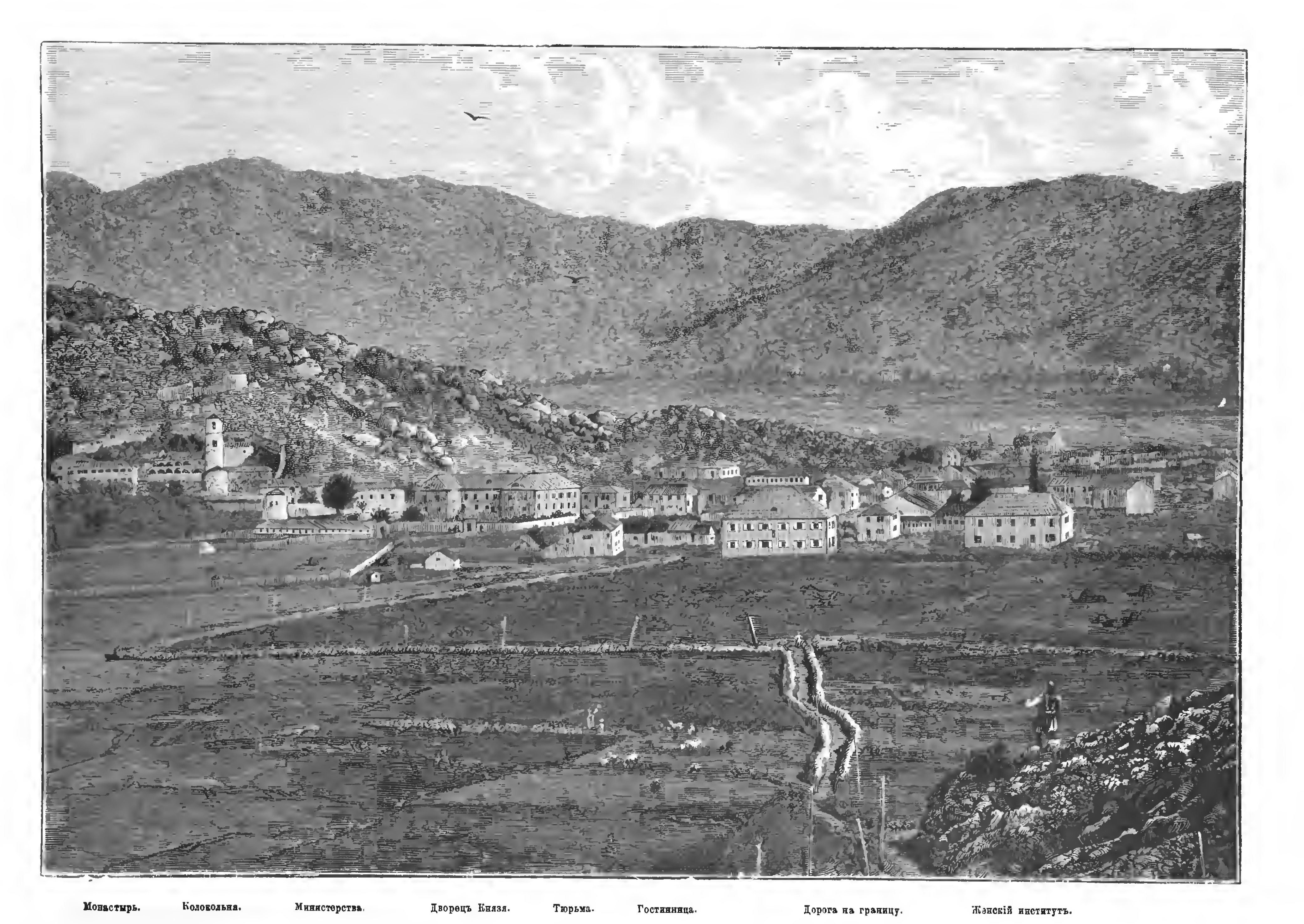
— Э, коли такъ, то по мнѣ пожалуй!

— Ты будешь вездѣ сопровождать меня, пей, играй въ карты, дерись на дуэляхъ, ухаживай за барышнями, а какъ пройдетъ годъ твоего королевствованія, ты снимешь господское платье и поступишь ко мнѣ главнымъ гайдукомъ, надѣнешь красный ментикъ и будешь прислуживать господамъ, съ которыми пилъ и

С. С. Лесовскій. Начальникъ русской эскадры въ Тихомъ океанѣ.
Рис. Лебедевъ, грав. Барановскій.

Черногорія. Дворецъ князя Николая въ Цетиньѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Монастырь. Колокольня. Министерства. Дворецъ Князя. Тюрьма. Гостинница. Дорога на границу. Женскій институтъ.

Черногорія. Общій видъ города Цетинье. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

игралъ, и станешь откидывать подножку у коляски для дѣвицъ, за которыми ухаживалъ и съ которыми танцовалъ. Выйдетъ это отличная шутка, не знаю только, какъ ты вотъ, согласенъ ли со мной. Подумай только, какъ станутъ ругаться наши и какъ будутъ краснѣть дамы, когда узнаютъ, съ кѣмъ это дружбу водили.

Молодой человѣкъ съ минуту помолчалъ, подумалъ, затѣмъ, кивнувъ головой, сказалъ:

— Ладно! Согласенъ.

Господинъ Карпати посмотрѣлъ на часы.

— Теперь безъ четверти четыре. Помни же, ровно черезъ годъ, въ этотъ самый день, безъ четверти четыре, ты перестаешь быть бариномъ. До тѣхъ поръ, ты такой же господинъ какъ и всѣ другіе. Каждый мѣсяцъ ты получаешь отъ меня по тысячѣ гульденовъ на кутежи. Ступай теперь. Мои гайдуки одѣнутъ тебя и какъ только будешь готовъ, приходи въ столовую. Съ прислугой небудь за панибрата, не то догадаются, что ты мужиченко, не болѣе; а господъ называй по именамъ, какъ мальчиковъ—Мишкой, Банди, Лазіемъ, Ленца; меня зовутъ Янчи или Янсомъ.

Прошло не больше получаса, какъ Мишка уже былъ разодѣтъ совсѣмъ дворяниномъ. Въ столовой уже попойка шла шибко, безъ него, такъ какъ въ попойку хотя всякаго радушно принимали, но ни кого никогда не ждали и добраго дѣла въ долгій ящикъ не откладывали.

Хозяинъ представилъ своимъ гостямъ господина Михала, дворянина Киша, владѣльца Надудвара, который, тоже какъ „оригиналъ и чудакъ", переодѣлся пастухомъ и явился скакать для полученія званія „короля Духова дня", причемъ, какъ всѣ видѣли, выказалъ столько ловкости и смѣлости.

Все общество нашло, что эта шутка весьма оригинальна. Вѣдь уже по глазамъ его сразу можно было видѣть, что онъ не мужикъ, а баринъ. Каждое его движеніе: какъ онъ садится за столъ, какъ кладетъ локоть на столъ и ловко бросаетъ шляпу, всѣ манеры его указываютъ на то, что онъ выросъ въ лучшемъ кругу. Словомъ, всѣ полупьяные признали въ немъ настоящаго магната. Нашлись и такіе, которые, по словамъ ихъ, уже встрѣчались съ нимъ гдѣ-то на пирушкахъ и вечерахъ и прежде. Мишка, конечно и съ своей стороны тоже вспомнилъ это, и нѣсколько минутъ спустя, онъ уже пилъ со всѣми совершенно по товарищески.

Не мало дивился юноша про себя, какъ легко дались ему барскія манеры.

Тѣмъ временемъ „вѣчный кубокъ" началъ свой обходъ. Мишка пропѣлъ новую застольную пѣсню. Общество, которому пѣсня очень понравилась, дружно подхватило ее.

Фритъ Колотай, сильно растроганный, бросился обнимать новаго товарища.

— Смотри, ты только не задуши меня, пока обнимаешь. Словцо, намекавшее на неловкость Колотая, было встрѣчено общимъ веселымъ хохотомъ. Не больше какъ черезъ часъ времени, Мишка былъ уже героемъ вечера: никто не могъ переспорить его въ выпивкѣ,— онъ въ свою очередь опоражнивалъ кубокъ до дна. Принялись за игру. Счастье и тутъ благопріятствовало Мишкѣ—онъ набилъ полные карманы золотомъ, играя и выигрывая съ удивлявшимъ всѣхъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Деньги вѣдь были не его и такъ странно и легко достались!

У большинства головы уже отяжелѣли отъ вина, каждый дошелъ уже до той границы, когда винные пары пока еще поддерживаютъ въ человѣкѣ хорошее настроеніе, но за которой уже начинается слишкомъ сильное дѣйствіе хмѣля. Въ такомъ состояніи Банди Кутифальви продѣлалъ свою обычную, на попойкахъ, штуку: вытянувъ шею, выпилъ безъ передышки и не глотая, полный кубокъ вина. До сихъ поръ никто, кромѣ Кутифальви, не могъ выкинуть этой штуки.

— Экіе пустяки! воскликнулъ Мишка Кишъ и легко повторилъ тоже самое. А вотъ, попробуй-ка кто нибудь выпить да въ тоже самое время пѣсню пѣть, только такъ, чтобы безъ перерыву. И, къ общему изумленію, онъ выполнилъ и это и протянулъ кубокъ, предлагая желающему сдѣлать тоже.

Опытъ, однако, не удался никому.

Мишка повторилъ снова свой фокусъ, чтобы показать какъ надо дѣлать.

—Давай сюда кубокъ! крикнулъ раззадоренный Банди Кутифальви,—я сдѣлаю!

И дѣйствительно, сначала шло хорошо, но — вдругъ одна предательская капля попала „не въ то горло" и пошелъ Банди кашлять, плевать и плакать...

Всѣ, кто сидѣлъ за столомъ, вскочили съ своихъ мѣстъ, покатываясь со смѣху вокругъ Банди. Раззадорило это его еще пуще, конечно. Погрозилъ онъ сначала кулакомъ Мишкѣ, крикнувъ ему: „Эй, укокошу тебя!", а потомъ быстро поднялся и заворотивъ рукава на своихъ жилистыхъ рукахъ, громко закричалъ: „переколочу всѣхъ васъ тутъ, всѣхъ"!

Всѣ бросились къ дверямъ. Эта его привычка была уже извѣстна и не слѣдовало попадаться ему на глаза въ такія минуты. Гайдуки поспѣшили вынести изъ комнаты и барона Карпати. Кто былъ послабѣе на ногахъ—спрятался подъ столомъ.

Одинъ только Мишка Кишъ не тронулся съ мѣста.

Кутифальви обладалъ медвѣжьей силой; онъ брался зубами за большой мѣшокъ хлѣба и перебрасывалъ его черезъ голову; перекусывалъ пополамъ серебряный талеръ, справлялся одинъ съ любымъ дикимъ конемъ. Все это доставило ему большую славу.

— Бѣда, бѣда пришла Мишкѣ, шептали про себя попрятавшіеся по угламъ товарищи, видя, что Кишъ остался одинъ противъ гиганта, пришедшаго въ полное неистовство отъ выпитаго вина.

Кутифальви, подбросивъ нѣсколько стульевъ, одинъ за другимъ, кинулся на противника, съ намѣреніемъ схватить его и смять такъ, чтобы затрещало.

Но, превратившійся въ барона пастухъ, не потерялся. Ему такія штуки были не въ диковину. Ловко скользнувъ между рукъ силача, онъ схватилъ его за галстукъ и быстро закрутилъ его такъ, что медвѣдь захрипѣлъ, затѣмъ сдѣлавъ ему, что называется „подножку", подтолкнулъ въ ту же минуту подъ колѣно. Притаившіеся въ разныхъ засадахъ, гости Карпати услыхали внезапно оглушительный шумъ и трескъ и, выглянувъ изъ своихъ угловъ, увидѣли, что великанъ лежитъ уже, растянувшись на полу, нисколько не сопротивляясь и не защищаясь отъ ударовъ, которые ему наносилъ придавившій его колѣномъ Мишка.

Такъ какъ, въ свое время, Кутифальви познакомилъ почти каждаго изъ гостей въ пьяномъ видѣ со своими сильными объятіями, то теперь всѣ торжествовали: „Мишка отомстилъ, отомстилъ за всѣхъ насъ съ лихвой!" И какъ только Кишъ оставилъ, наконецъ, свою жертву, которую тотчасъ-же вынесли гайдуки, — героя восторженно подхватили на руки, начали качать и до самаго утра пили за его здоровье.

Между тѣмъ, Кутифальви, бережно уложенный слугами въ постель и крѣпко проспавшій до другаго дня, видѣлъ во снѣ, что будто сорвался съ высокой горы и полетѣлъ въ пропасть, переломавъ себѣ по дорогѣ всѣ кости. Когда-же проснулся, то ему чудилось, такъ какъ бока очень болѣли, что сонъ его все еще продолжается...

Съ этого дня Мишка Кишъ сталъ любимцемъ стараго барона Карпати и всѣхъ окрестныхъ дворянъ, сдѣлался душей мужскихъ сборищъ. Для объясненія послѣдняго обстоятельства я долженъ замѣтить, что тогда въ Нижней Венгріи, особенно-же въ Банатѣ, образовалось нѣчто въ родѣ мужскаго сепаратистскаго направле-

нія, выражавшагося не только въ томъ, что оно не допускало женщину ни къ какой сферѣ общественной дѣятельности, но и исключало ее, даже, изъ своихъ собраній. Тамъ-же, гдѣ присутствовали женщины, мужчины—сторонники этаго направленія—не могли вступать въ разговоръ съ ними, или старались какъ-нибудь выжить ихъ изъ залы. Само собою понятно, что главы такихъ мужскихъ общинъ сами были настолько мало благовоспитаны, что довольствовались лишь обществомъ развѣ простыхъ крестьянокъ. Эти общины болѣе всего содѣйствовали развитію грубости нравовъ, которою отличались въ Банатѣ. Будь я поэтъ, я назвалъ-бы такія сборища лѣсомъ безъ цвѣтовъ.

Однако, рейхстагъ 1821 года повелъ къ тому, что эти крѣпко сплоченные союзы отчасти распались, потому что члены ихъ, опредѣлившись на различныя государственныя должности, поневолѣ должны были разстаться съ товарищами, и хотя нѣкоторые изъ наиболѣе закоренѣлыхъ собирались въ Пресбургѣ, но самый духъ собраній и цѣли уже перемѣнились. Одичавшимъ гулякамъ пришлось поневолѣ заниматься политикой. На собраніяхъ, посвящавшихся теперь уже не истребленію вина, стало нерѣдко звучать слово „отечество“ и кровь закипала въ могучихъ сердцахъ уже отъ другихъ, болѣе высокихъ чувствъ...

Карпати, потомокъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Венгріи, былъ также приглашенъ засѣдать въ рейхстагѣ. Барону пришлось (и трудно и тяжело это сначала было ему) разстаться съ своими шутами, собаками, гайдуками и лакеями. Только не могъ разстаться онъ съ Мишкой Кишемъ, котораго и взялъ съ собой въ Пресбургъ. Очень можетъ быть, что онъ сдѣлалъ это также только ради шутки, чтобы тамъ еще больше съ своимъ псевдо-дворяниномъ позабавиться надъ товарищами магнатами. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь пожалуй какая-нибудь графиня влюбится еще въ малаго, и тогда-то, тогда-то, какая-бы славная шутка вышла, кабы онъ жениха вдругъ представилъ невѣстѣ въ красной ливреѣ, какъ своего гайдука, который долженъ будетъ вспрыгнуть на козла, когда его баринъ сядетъ въ коляску.

Благодаря поддержкѣ Карпати, а также и своей молодцоватой, красивой наружности, Мишка Кишъ былъ прекрасно принятъ въ высшемъ Пресбургскомъ обществѣ.

Элегантная среда имѣетъ свой собственный языкъ, передѣлывающій по своему нѣкоторыя понятія. Живость, оригинальность очень нравились; бѣшеный нравъ — назывался здѣсь мужествомъ, энергіей; безумная гордость, высокомѣріе считались проявленіемъ чувствъ собственнаго достоинства. Все это дало возможность талантливому красавцу Мишкѣ, очень уже приглядѣвшемуся и примѣнившемуся къ обществу, заслужить отъ всѣхъ самые лестные отзывы. Онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ у Карпати, только теперь на немъ былъ болѣе роскошный, болѣе расшитый костюмъ. Всѣ любовались его смѣлой осанкой, стройнымъ станомъ, красивымъ, оживленнымъ лицомъ, блестящими глазами, черными усиками, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что стоитъ выше всякихъ ученостей. А когда садился онъ на коня, то, если даже въ то время не говорилъ ни слова, все-таки стоилъ цѣлой тысячи ученыхъ, которые во всю жизнь только и способны что насидѣть себѣ за письменнымъ столомъ горбъ на спинѣ; если Мишка и предпочиталъ, краснорѣчиво и оживленно улыбаясь, молчать во время разговоровъ о государственныхъ вопросахъ, за то умѣлъ вставить свое словцо о такомъ предметѣ, о которомъ ужъ приходилось молчать всѣмъ этимъ „отцамъ отечества“ —именно о женщинахъ. Довольно много таки уже ходило слуховъ о его разныхъ приключеніяхъ то съ той, то съ другой представительницей извѣстныхъ фамилій, отличившихъ своимъ вниманіемъ красиваго юношу, о помѣстьяхъ и владѣніяхъ котораго, однако, никто не могъ сказать ничего опредѣлительнаго. По всему видно было только, что денегъ у него вдоволь.

А старый баронъ Карпати посмѣивался себѣ втихомолку. Духовъ день уже приближался и Мишка былъ на „ты“ съ большею частью молодыхъ дворянъ. Отъ времени до времени уже слышно было какъ маменьки начинали стороной справляться о положеніи дѣлъ красавца Киша и не безъ удовольствія помогали его ухаживаніямъ за ихъ дочками.

Старому Карпати казалось это ужасно смѣшно и весело. Часто случалось, что онъ вдругъ, неожиданно, засмѣется въ самомъ серьезномъ собраніи, представляя себѣ, какъ этотъ блестящій кавалеръ сядетъ вдругъ на козлы предъ глазами изумленнаго общества.

Иногда, даже по ночамъ, онъ поднимался и сидя въ своей постели смѣялся отъ души. Расхохотался онъ разъ въ полномъ засѣданіи рейхстага, когда увидалъ, какъ цѣлый цвѣтникъ дамъ на хорахъ, въ мѣстахъ для публики, лорнировалъ его гайдука Мишку, стоявшаго въ кружкѣ золотой молодежи. На барона даже по парламентскимъ уставамъ наложили штрафъ за этотъ неприличный смѣхъ; ему пришлось заплатить еще и другой, двойной штрафъ, потому что онъ не могъ перестать хохотать. Никакъ не могъ удержаться отъ хохота!...

Однако все это кончилось вовсе не такъ, какъ предполагалъ баронъ Карпати.

Снова настал красный денекъ, снова пришелъ веселый праздникъ Духова дня.

Баронъ Карпати устроилъ великолѣпное пиршество на острову противъ Пресбурга, по ту сторону Дуная и пригласилъ туда всѣхъ, водившихъ дружбу съ его Мишкой, всѣхъ знатныхъ пріятелей и знакомыхъ своего гайдука.

Вотъ то штука выйдетъ, когда онъ этаго ихняго героя, льва общества, да представитъ имъ какъ своего лакея! Эту штуку старый Карпати не отдалъ бы, не промѣнялъ бы на доброе имѣніе!

И вотъ часы пробили три четверти четвертаго пополудни, въ этотъ Духовъ день. Условлено было такъ, что короля Духова дня не впустятъ прямо къ барону, а заставятъ подождать въ передней и что онъ войдетъ только, когда позвонятъ.

— Это что еще за новая мода, что человѣка нашего общества заставляютъ ждать цѣлыхъ десять минутъ въ передней? воскликнулъ Мишка, входя въ кабинетъ къ барону и бросаясь въ кресло.

Старый набобъ держалъ въ рукахъ великолѣпную, длинную трубку, которую только что принялся набивать табакомъ.

— Слушай, Мишка, лукавымъ тономъ произнесъ старый шутникъ, встань-ка, да закури мнѣ трубку-то!

— Огонь около васъ, чего мнѣ вставать.

Темные глаза барона Карпати сверкнули гнѣвомъ. Мальчишка видно позабылъ и самъ, какой день сегодня. Ну, такъ это еще интереснѣе будетъ, значитъ не только другимъ, а и самому ему придется удивиться.

— Ну, братецъ, извѣстно ли тебѣ, что сегодня Духовъ день?

— Извѣстно, но интересно это только попамъ да тѣмъ, кто пишетъ календари, а мнѣ то что до этаго?

— Постой, постой-ка, ты подумай только о томъ, что какъ пробило три четверти четвертаго, такъ вѣдь и конецъ твоему королевствованію.

— Такъ что же изъ того? спокойно спросилъ невозмутимымъ тономъ Мишка, вытирая шелковымъ платкомъ дорогія опаловыя пуговицы своего ментика.

— Такъ-то ты! громко крикнулъ старый баронъ, начавшій сердиться. А такое дѣло, что ты съ этой минуты больше не будешь магнатъ!

— Такъ кто же я тогда буду?

— Кто ты? Ты, простой мужикъ, бродяга, негодяй, крестьянинъ; ты долженъ мнѣ цѣловать руку, если я приму тебя къ себѣ гайдукомъ, чтобъ ты не умеръ съ голоду.

— Э — нѣтъ! возразилъ Мишка Кишъ, гордо покручивая усъ. Я — Михалъ Кишъ, владѣлецъ Фальва, который вчера только купилъ за 120 тысячъ гульденовъ.

Старый баронъ едва устоялъ на ногахъ,—такъ былъ изумленъ и пораженъ.

— За 120 тысячъ гульденовъ? Да гдѣ же и когда ты нагребъ столько денегъ?

— Заработалъ честнымъ образомъ, со смѣхомъ отвѣчалъ Мишка Кишъ—выигралъ все въ карты у моихъ благородныхъ собутыльниковъ. Выигралъ то я гораздо больше, только остальную сумму хочу употребить на постройку хорошенькаго замка въ своемъ имѣніи; тамъ я буду проводить лѣто. Докторъ мой сталъ совѣтовать мнѣ спокойствіе.

Баронъ онѣмѣлъ. Его докторъ? А! скажите! Столько денегъ! Конечно во время засѣданій рейхстага въ Пресбургѣ на вечерахъ проигрывались еще болѣе значительныя суммы... Только одного не могъ онъ понять...

— Какъ же это ты могъ купить дворянское помѣстье, вѣдь ты не дворянинъ?

— Ахъ, вотъ это-то всего проще устроилось. Какъ я на двѣ недѣли уѣзжалъ отсюда, я поѣхалъ въ одинъ комитатъ, по ту сторону Дуная. Тамъ я велѣлъ объявить, что дворянинъ Кишъ желаетъ разыскать кого нибудь изъ находящихся въ округѣ членовъ фамиліи Кишъ, и если въ той сторонѣ есть дворяне съ этой фамиліей, которые хорошо помнятъ своихъ родственниковъ, переселившихся въ Сабольческій комитатъ, то кто изъ нихъ разрѣшитъ ему причислиться къ ихъ семейству и быть внесеннымъ въ родословную запись ихъ, тотъ получитъ тысячу гульденовъ. Не думаете-ли вы, что не нашлось желающихъ? Пятьдесятъ восемь Кишей вспомнили своихъ родственниковъ изъ Сабольческаго комитата и натаскали мнѣ столько всевозможныхъ дворянскихъ патентовъ, что мнѣ осталось только выбрать у кого гербъ былъ попестрѣе да почуднѣе. Съ обладателемъ пергамента мы трижды обнялись и облобызались, и какъ родные уладили нашу генеалогію. Я заплатилъ тысячу гульденовъ, они признали меня во второй степени родства, дипломъ былъ заявленъ какъ слѣдуетъ въ комитатѣ и теперь я тоже магнатъ. Вотъ мой гербъ, вотъ на этомъ перстнѣ.

— Ахъ ты пройдоха! Скажите! Вотъ это такъ штука! Вотъ это оригинально! воскликнулъ, хохоча, баронъ Карнати. Ахъ, уморишь ты меня со смѣху!

Старому барону эта штука показалась такой оригинальной и такъ понравилась, понравилась еще больше, чѣмъ та, которую было онъ придумалъ самъ и нетолько онъ не разсердился, а разцѣловалъ ловкаго пройдоху, который перехитрилъ ихъ всѣхъ и не попалъ въ дураки, а съумѣлъ и его провести.

Такъ-то поживали мы въ Старой Венгріи... Эхъ какіяже бывали попойки, какіе молодцы-наѣздники и какіе чудаки-магнаты? И давно-ли было это! Вывѣтривается и проходитъ все на свѣтѣ!

Мистеръ Дикъ.

Разсказъ **Чарльза Коллинза.**

(Окончаніе).

V.

— Благодареніе небу! отъ полноты всей души воскликнулъ мистеръ Дикъ. Первымъ его дѣломъ было—отыскать свой платокъ. Онъ ласкалъ себя надеждой, что не бросилъ его ни которой изъ обѣихъ лэди. Платокъ оказался въ карманѣ.—„Это вѣрно было во снѣ",—подумалъ Дикъ, недовѣрчиво косясь на кресло. «Да, конечно, это—сонъ, но все-таки очень дурной сонъ», проговорилъ онъ уже громко, когда разхрабрился на столько, что даже взялся за кресло, приподнялъ его и осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ. Кресло было какъ и всякое кресло. И мистеръ Дикъ поставилъ его тихонько на прежнее мѣсто.

Но вотъ послышался легкій стукъ въ дверь, и въ комнату неслышнымъ шагомъ вошелъ образцовый Педжъ.

Почтенному дворецкому казалось весьма пріятнымъ то обстоятельство, что господинъ его уже проснулся и былъ на ногахъ.

— Могу я, сэръ, убрать со стола? Ужъ скоро девять часовъ.

— Да, да, Педжъ, а для меня велите приготовить покрѣпче чашку кофе.

— Слушаю, сэръ.

Какое удовольствіе было видѣть, что Педжъ ужъ больше не посягалъ засѣсть въ кресло.

— Отмѣнный кофе, Педжъ, замѣтилъ мистеръ Дикъ, когда принесли кофе. Я теперь чувствую себя такъ хорошо, что думаю пройтись къ доктору съиграть партію или двѣ въ шахматы.

Но свѣжій ночной воздухъ причинилъ мистеру Дику внезапное головокруженіе, такъ что звѣзды двоились въ глазахъ его, блистая съ удвоенной силой; однакожъ это скоро прошло, и, подходя къ квартирѣ доктора Эвенса, онъ уже оправился совершенно.

— Какъ хорошо дышется въ такую свѣжую, пріятную ночь! Какъ ярко блещутъ эти чистыя звѣзды, между тѣмъ, какъ я... человѣкъ, полный злобы и дурныхъ помысловъ. Я питалъ самыя низкія мысли относительно своихъ ближнихъ и, мысли эти были еще направлены и противъ той даже, которую я намѣренъ назвать своей женой. А почему хочу назвать? Развѣ я что нибудь про нихъ знаю? Ни о миссъ Фанни, ни о миссъ Флоренсѣ я ровно ничего не знаю, кромѣ того, что онѣ красивы и очень любезны; но любезность свойственна, кажется, всѣмъ вообще дѣвушкамъ. Нѣтъ, я считаю обязанностью еще разъ увидѣться съ ними, чтобы вѣрнѣе и безошибочнѣе опредѣлить выборъ.

Докторъ Эвенсъ встрѣтилъ Дика горячимъ привѣтомъ.

— Вотъ это по дружески! А я только что передъ вами говорилъ женѣ, что съ этой постройкой дома, васъ все не видно и что какъ было бы пріятно зазвать васъ къ себѣ.

— Я самъ радъ, что зашелъ къ вамъ.

— Разумѣется, приходъ вашъ всегда во-время и такому человѣку, какъ вы, мы всегда рады.

И добрякъ Дикъ, въ сопровожденіи любезнаго доктора и отправился наверхъ, къ мистриссъ Эвенсъ. Но на радушное привѣтствіе хозяйки онъ не нашелся отвѣтить ни слова: ему бросилась въ глаза миссъ Гетти, сидѣвшая возлѣ мистриссъ Эвенсъ. Живые, умные глаза ея выглядывали изъ-подъ кружевнаго платочка, завязаннаго подъ подбородкомъ.

— Вы, конечно, ужъ знаете эту милую крошку, Гетти? спросилъ докторъ. Она ждетъ лекарства для матери. Надѣюсь, милая, ты угостила Гетти чаемъ.

Лицо докторши выразило глубокое презрѣніе къ напоминанію, въ которомъ она вовсе не нуждается.

Между тѣмъ, Дикъ усѣлся. Онъ ждалъ уже съ готовностью жертвы, что миссъ Гетти предложитъ ему воспользоваться ихъ прекрасной вазой; однакожъ, впродолженіе получаса, Гетти не сдѣлала никакого намека о вазѣ, хотя ни о чемъ другомъ и рѣчей не было, какъ о настунающемъ новосельѣ. И Дику это показалось даже немножко досадно: ему очень было бы пріятно благодарить такую очаровательную дѣвушку. Еслибъ мать ея предложила ему китайскую вазу (онъ былъ увѣренъ, что у нихъ была такая ваза), тогда онъ заѣхалъ бы благодарить ее. Онъ чувствовалъ желаніе сдѣлаться домашнимъ другомъ семьи; быть можетъ онъ могъ бы оказать имъ какую нибудь услугу, такъ какъ миссъ Гетти намекала на что то въ этомъ родѣ. Онъ пригласилъ Гетти со всей семьей на новоселье. Но какой же милочкой вдругъ показалась ему дѣвушка, когда съ зардѣвшимися отъ радости щечками, заблиставшими глазками и съ улыбкой, вызвавшей на ея личикѣ восхитительныя ямочки, она стала благодарить Дика за приглашеніе.

— Вотъ это будетъ такъ ужъ очень кстати, живо вмѣшалась мистрисъ Эвенсъ. Маленькое развлеченіе, въ которыхъ такъ нуждается бѣдная мама ваша, принесетъ ей гораздо больше добра, чѣмъ всѣ лекарства моего мужа. Очень вамъ благодарна, мистеръ Дикъ. Вы такъ и ждите всѣхъ четверыхъ, т. е. я хочу сказать трехъ дѣвушекъ и одного мальчика.

— Но мистрисъ Эвенсъ, шепнула ей Гетти,—вѣдь одна изъ насъ должна остаться съ мама и, вы знаете, должна остаться — я.

— Ну, ужъ это мое дѣло, милая. За всѣмъ присмотрю я сама и утромъ-же зайду къ вамъ. Мы все устроимъ съ вашей мама.

— А отъ меня передайте вашей матушкѣ,— прибавилъ докторъ, что завтра вечеромъ и я зайду къ ней, часа на два, чтобы посерьезнѣй распросить ее о странныхъ симптомахъ ея болѣзни.

— Т. е вы оба хотите великодушно замѣстить меня на время бала?—спросила съ улыбкой Гетти.

— Именно такъ, моя крошка. Но что-же? Вы ужъ собирае-

Литературный альбомъ: „Демонъ“. поэма М. Ю. Лермонтова. „Демонъ побѣжденный“, глава [illegible]

тесь уйти! Такъ мы пошлемъ съ вами нашего человѣка. Тутъ, около вокзала шляется не мало всякихъ людей.

— Позвольте мнѣ, миссъ Гетти, проводить васъ, — проговорилъ скромно Дикъ.

— Очень вамъ благодарна, мистеръ Дикъ.

— А когда вы, Дикъ, воротитесь, мы сыграемъ партію или двѣ въ шахматы, — весело вскричалъ докторъ вслѣдъ уходившему.

Что происходило между Гетти и ея провожатымъ и говорилось-ли что о китайской вазѣ,—осталось неизвѣстнымъ. Проводы, впрочемъ, продолжались не больше десяти минутъ. Но надобно полагать, что дорогой Дикъ обходился съ Гетти съ тѣмъ почтеніемъ и уваженіемъ, какія подобали относительно дѣвушки, случайно ввѣренной его попеченію.

Когда мистеръ Дикъ вернулся къ доктору и засѣлъ за шахматный столъ, онъ не безъ интереса прислушивался къ длинной исторіи о семьѣ Гетти.

— Да, еслибы, — заключилъ, наконецъ, докторъ, — былъ у меня сынъ, съ хорошимъ доходомъ и добрымъ сердцемъ, я отъ души рекомендовалъ-бы ему въ жены Гетти, и онъ послѣ цѣлую жизнь благодарилъ-бы меня!

— Но миссъ Гетти говорила что-то о содѣйствіи относительно опредѣленія... т. е. я хотѣлъ сказать, о китайской вазѣ... или, нѣтъ... ахъ, Боже мой... Извините, я, право, и самъ не знаю, что говорю.

— Вы какой-то сегодня очень странный, Дикъ. Конечно, я не могу вамъ помочь; я не знаю, что вы хотите сказать, но, повидимому, между опредѣленіемъ Алберта въ коллегію и какой-то китайской вазой нѣтъ ничего общаго.

— Такъ вотъ чего имъ надо! Вотъ оно что! Ахъ, бѣдняжка!.. Докторъ! Шахъ вашей королевѣ!

Не смотря, однако, на шахъ королевѣ, Дикъ проигралъ игру. Но онъ ушелъ въ такомъ счастливомъ расположеніи, что будто сряду выигралъ всѣ игры. Дорогой онъ все еще продолжалъ повторять про себя: „мальчика въ коллегію — вотъ оно что!" такимъ тономъ, какъ-будто ему это очень пріятно. Онъ и въ спальню отправился, произнося со смѣхомъ: „такъ это въ коллегію опредѣлить мальчика только!".. Даже когда Дикъ сталъ засыпать, послѣднимъ его дѣйствіемъ было усиліе припомнить слово „коллегія".

VI.

Мистеръ Дикъ всталъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. День этотъ былъ днемъ успѣшнымъ. Ничто не разстроило обѣденнаго торжества, ничто не нарушило веселья бала. Суровая вдова засѣдала въ очарованномъ креслѣ, но она по заведенному порядку, была нисколько не больше обыкновеннаго натянута и чопорна. Мистеръ Дикъ танцовалъ съ лэди Фитсъ и разговаривалъ съ Фанни и Флоренсой; говорилъ и съ Гетти. Гетти тоже была тамъ и казалось скромно-счастливой. Флоренса явилась красавицей. Одѣта была она очаровательно,—въ бѣлое платье, съ тюникой, убранной бѣлыми розами; изъ тѣхъ-же цвѣтовъ былъ и вѣнокъ, украшавшій ея голову. На Фанни было пышное голубое платье, голубое, какъ ея глаза. Бѣлокурыя ея кудри были обвиты серебряными нитями Она казалась нимфой, Флоренса-же королевой. Никто во всем танцовальномъ залѣ мистера Дика не могъ-бы сказать, которой изъ сестеръ отдать предпочтеніе, и никто не могъ-бы рѣшить когда эти яркія звѣзды померкли навсегда на горизонтѣ мистера Дика.

Но мистеръ Дикъ довѣрилъ кое-кому,—этотъ кое-кто довѣрилъ мнѣ, а я, подъ секретомъ, довѣряю вамъ, что миссъ Флоренса потеряла всѣ прелести въ глазахъ мистера Дика съ той самой минуты, когда въ очень живомъ разговорѣ съ нимъ, она, показавъ свои прекрасные жемчужные зубки, немножко зло посмѣялась надъ простенькими платьями сестеръ миссъ Гетти.

— И какъ волосы ихъ убраны! Лучше-бы было остаться дома, чѣмъ смѣшить всѣхъ...

И миссъ Флоренса не упустила случая при этомъ оглядѣть слегка свое прекрасное платье.

— За эту простоту онѣ мнѣ еще больше нравятся,—твердо и рѣшительно отвѣтилъ хозяинъ бала.

Что-же касается Фанни, она только дивилась безстыдной наглости такихъ дѣвчонокъ, какъ Гетти, — совать носъ въ общество...

Дикъ, значитъ, танцовалъ съ обѣими сестрами; танцовать-же съ Гетти ему не удалось, потому-что лишь только онъ обратился къ ней, чтобъ ангажировать ее, какъ возвратился докторъ Эвенсъ.

— О, мистеръ Дикъ! Я должна итти. Благодарю васъ за счастливѣйшій вечеръ, какого я въ жизни еще никогда не проводила.

— О, нѣтъ, нѣтъ. Прошу весь остаться. Кадриль продолжится не больше двадцати минутъ.

— Но мама теперь одна; и въ эти двадцать минутъ развѣ я не была-бы несчастна, танцуя даже съ вами. Но здѣсь останется Дженни; она такъ хорошо танцуетъ, и любитъ танцы, и право, она хорошенькая...

— Это—лучшая изъ дѣвушекъ!

Это, конечно, хозяинъ сказалъ шопотомъ. И когда онъ ожидалъ помочь Гетти надѣть ея пальто, въ то время какъ та завязывала подъ нѣжнымъ подбородкомъ свой кружевной платочекъ, она такъ мило напомнила ему его милую, крошечную фею, и онъ съ такимъ невыразимымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на дѣвушку, что возъимѣлъ (не вполнѣ впрочемъ похвальное) желаніе крѣпко прижать ее къ своему честному сердцу. Но Дикъ этаго, конечно не дѣлаетъ, а летитъ назадъ и ангажируетъ Дженни. Воротившись домой, Гетти съ восторгомъ передавала матери, что, бросивъ послѣдній взглядъ на залъ, она увидѣла, что добрый мистеръ Дикъ ангажировалъ Дженни и что Дженни казалась такой-же хорошенькой, какъ миссъ Флоренса и Фанни.

— Говорятъ,—прибавила Гетти,—что мистеръ Дикъ женится на одной изъ этихъ дѣвушекъ, но я думаю это не правда.

— О, моя милая!..

— Да, мама, я ихъ хорошо знаю и увѣрена, что онѣ только красивыя дѣвушки. Онѣ не оцѣнятъ великодушнаго сердца такого человѣка, какъ мистеръ Дикъ. Ну, а теперь, мама, вамъ пора спать. Вамъ вредно на ночь всякое возбужденіе.

Возбужденіе однако продолжалось въ этой семьѣ многіе дни и доставляло обильную пищу для разговоровъ и утромъ, и въ обѣдъ, и вечеромъ. Толки о новосельѣ мистера Дика были также свѣжи, какъ и въ первый день, пока однажды утромъ, почта не принесла новости, которая была далеко интереснѣй даже знаменитаго новоселья. Это было ни больше, ни меньше, какъ извѣстіе о зачисленіи Альберта въ Итонскую коллегію.

Время шло. Мистеръ Дикъ, вѣрный своимъ дѣловымъ привычкамъ, большую часть дня высиживалъ въ своей конторѣ, но вечера почти исключительно проводилъ у доктора Эвенса, гдѣ, вмѣстѣ съ удовольствіемъ поиграть въ шахматы, онъ, вѣроятно, находилъ не меньшее удовольствіе и поглядѣть на хорошенькую Гетти.

Эти визиты къ доктору, въ соединеніи съ живыми еще впечатлѣніями страннаго сна, имѣли свои послѣдствія.

Заглянемте въ столовую мистера Дика ровно десять лѣтъ спустя, т. е. 31 декабря 1879 года, въ семь часовъ вечера. Обѣдъ уже оконченъ; вино и десертъ на столѣ. Очарованное кресло стоитъ на верхнемъ концѣ комнаты.

Дикъ читаетъ газету; тѣмъ-же самымъ занята и другая особа. Дикъ держитъ газету въ правой рукѣ, а лѣвой пожимаетъ маленькую ручку другой особы, между тѣмъ какъ другая ручка этой другой особы оборачиваетъ листы газеты. Если владѣтельница маленькой ручки пробѣжитъ страницу прежде, то кладетъ свою головку на плечо Дика и кажется чрезвычайно довольной, ожидая въ такомъ положеніи, пока тотъ не кончитъ страницы.

Но что-же это такое? На верху, прямо надъ головой, поднимается стукъ и шумъ; затѣмъ слышится по лѣстницѣ частый топотъ ножекъ и веселые крики дѣтскихъ голосовъ. Дикъ опускаетъ газету, а другая особа поспѣшно встаетъ, чтобы отворить дверь. И въ столовую вбѣгаетъ полдюжины розовыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ. У большей части дѣтей такіе милые вздернутые носики.

Мама усаживаетъ ихъ. У стола не хватаетъ одного стула! За недостаткомъ стула мама подходитъ къ очарованному креслу и садится въ него.

— Папа! папа! Посмотрите-ка: мама сидитъ въ заколдованномъ креслѣ,—кричитъ одной изъ дѣтей.

Конечно, папа уже давно разсказалъ мамѣ о своемъ снѣ, гдѣ такую важную роль играло очарованное кресло.

— Такъ давайте-же,—говоритъ папа, зададимъ ей три вопроса. Ну, мама Гетти, скажи-ка ты намъ, счастлива-ли ты?

— О, такъ счастлива, какъ бываютъ развѣ не на землѣ.

— А любишь-ли ты всѣхъ насъ?

— Послѣ Бога, выше всего на свѣтѣ.

— А раскаявалась-ли ты когда нибудь, что вышла за мистера Дика?

Но на этотъ вопросъ отвѣтилъ только взглядъ: въ добрыхъ, любящихъ глазахъ скорѣе скажется избытокъ счастья, чѣмъ въ самыхъ пышныхъ рѣчахъ человѣческихъ...

Въ Черногоріи.

Изъ путевыхъ замѣтокъ **М. Дона.**

Смотри рисунки на стран. 960, 961 и 972.

...Пользуясь стоянкой соединенной эскадры въ Каттаро, явились желающіе между нашими офицерами побывать въ Цетиньѣ, столицѣ геройской горсти народа, отважно отстаивающей, въ теченіе вѣковъ свою свободу и права. Составилась компанія и къ вечеру мы прибыли въ Каттаро, гдѣ по указанію городскихъ мальчишекъ отыскали черногорскаго агента Петра Ромодановича, котораго не можетъ избѣжать ни одинъ путешествующій въ Цетинью, не желающій заплатить за все, осо-

бевно за лошадей, въ тридорога. „Цивилизація“ въ этомъ ея проявленіи давно уже развилась среди сыновъ горъ, и хотя попрошайничествомъ у нихъ занимаются лишь женщины, калѣки да ребятишки, за то мужчины, пользуясь случаемъ, выжмутъ изъ васъ все, что можно. Водворившись въ чистыхъ и высокихъ номерахъ одной изъ гостиницъ (которыхъ здѣсь двѣ), пошли поуживать и посмотрѣть городъ. Здѣсь принятъ славянскій обычай—ужинать, поэтому, не разсчитывая по обстановкѣ ни на что хорошее, мы, однако, закусили весьма недурно. Каттаро городъ маленькій. Основанный римлянами, разрушенный сарацинами, возстановленный новыми пришлецами, онъ сохраняетъ самоуправленіе до Тампліеровъ, превратившихъ его въ свою крѣпость. Стѣна и до сихъ поръ, окружая весь городъ, подымается на прилежащій отрогъ горы, гдѣ и образуетъ крѣпостцу, обстрѣливающую старую дорогу и границу Черногоріи. Дорога мало мальски еще сносна въ австрійскихъ владѣніяхъ, но въ Черногоріи невозможно дурна, особенно во время дождей. Подпадая то подъ власть Сербіи, то подъ покровительство Людовика Венгерскаго, послѣ уничтоженія Тампліеровъ,— Каттаро наконецъ процвѣтаетъ нѣкоторое время подъ владычествомъ Венеціи, легко перенося и нападенія турокъ, и язву, и землетрясенія, разрушившія его сосѣдку Рагузу. Съ паденіемъ гордой республики, Каттаро переходитъ въ руки Австріи, затѣмъ Россіи и наконецъ по вѣнскому договору окончательно передается въ 1814 году Австріи. Хотя Каттарскій округъ православный, но на 45 тысячъ жителей округа приходится 1/3 католиковъ; въ самомъ городѣ только одна православная церковь, прекрасно и изящно украшенная, о чемъ заботились жившіе здѣсь прежде православные епископы; католическихъ же церквей нѣсколько и изъ нихъ одна очень древняя. Здѣсь же имѣетъ свою резиденцію католическій епископъ. Это понятно: православное духовенство живетъ поддержкою прихода, крайне бѣднаго, католическое же получаетъ жалованье. Кофеенъ оказалось три; всѣ содержатся сербами. Одинъ изъ нихъ, весьма словоохотливый, пояснилъ, что онъ былъ участникомъ войны противъ турокъ. Онъ очень интересовался дѣломъ Дульциньо; между прочимъ говорилъ, что флоту здѣсь нечего дѣлать—Турки-де заодно съ албанцами, Черногорцы хорошо это знаютъ, а то бы давно побили ихъ; а то тѣ жгутъ Дульциньо, а Черногорцы ничего не могутъ сдѣлать. Флоту надо идти въ Царьградъ—вотъ это дѣло! А здѣсь какое дѣло. Въ 4 часа утра на другой день, лошади были приведены. Напившись наскоро кофе, въ полумракѣ тронулись верхами къ старой дорогѣ, начинающейся въ ущельѣ живописно и оригинально подымающейся на 4 тысячи футъ безчисленными зигзагами какъ изображено на приложенномъ рисункѣ (стр. 972), съ каждымъ поворотомъ открывается новый чудный видъ на Каттаро, на его окрестности, на всѣ три бухты, окаймленныя высокими кряжами, размытыми потоками, круто опускающимися къ водамъ залива съ гладкой какъ зеркало поверхностью. Вотъ и вершина горы, гдѣ кончается австрійская дорога; картина, открывающаяся здѣсь, при багровыхъ лучахъ показавшагося изъ-за горъ солнца, поразительна. Мы остановились невольно. Справа мрачно сѣрые, голые утесы, слегка озаренные багровымъ свѣтомъ утренняго солнца; слѣва ущелье съ змѣисто вьющеюся новой дорогой, пропадающей въ зелени кустарника, окружающаго городъ; прямо передъ глазами крѣпостца на высокой горѣ надъ зеленѣющимъ, съ кое-гдѣ шумящими ручейками, обрывомъ, круто опускающимся къ бухтѣ Каттаро и надъ всѣмъ этимъ ясная лазурь неба съ едва чувствующейся въ воздухѣ струйкой тепла, умѣряющей мало по малу холодный утренникъ; а то мы все время кутались въ плащи, захваченные на случай дождя. Дождь здѣсь бываетъ довольно часто. Далѣе дорога, все подымаясь, раздѣляется на старую и новую; первая хотя и короче, но головоломнѣе. Начинаютъ попадаться черногорцы и черногорки, караваны малорослыхъ горныхъ лошадокъ, балансирующихъ съ вьюками на спинахъ между грудами камней; стада барановъ съ пастушкой, неизмѣнно вяжущей что то, и каждый проходящій, подымая капу (шапка), всегда ей кланяется и говоритъ: „добрая встрѣча“. У перваго черногорскаго домика, принадлежащаго къ деревнѣ Нѣгошъ, лошадки выносятъ на новую дорогу, проложенную къ югу отъ Каттаро, старая же идетъ къ сѣверу. Пройдя перевалъ на высотѣ 4200 футъ надъ уровнемъ моря, мы вступили въ Нѣгошскую долину и подъѣхали къ домику,—родъ станціи. Въ немъ мы достали сардинъ, окорокъ ветчины и кофе. Проводники, идущіе непремѣнно за своими лошадьми, хотите вы этого или нѣтъ, получаютъ чарку ракіи, хлѣба и луку. Хозяйка кучи (дома)—Стана нажила переноской тяжестей въ послѣднюю войну цѣлый капиталъ въ 30 т. франковъ, вышла замужъ за очень молодаго человѣка и живетъ теперь въ свое удовольствіе, зашибая копѣйку. Новая дорога здѣсь только что начинаетъ приводиться въ порядокъ и мы ѣхали старой, сокращающей время на цѣлый часъ. Черногорцы же пѣшіе сокращаютъ дорогу еще болѣе и идутъ отъ Катарро до Цетиньи всего только 2½ часа, а для насъ требуется до 6 часовъ. Дорога идетъ зигзагами, прихотливо извиваясь между двумя обрывами, то въ гору, то съ горы, вправо и влѣво. Справа вздымается высочайшая вершина Черныхъ горъ, видимая почти на протяженіи всего пути. Это гора Ловчинъ—5600 футъ. На самой вершинѣ виднѣется церковь, гдѣ былъ, какъ извѣстно, согласно его собственному завѣщанію, похороненъ князь Петръ II. Теперь гробница его перенесена въ Цетинье. Спускъ въ долину Цетиньи, начинающуюся у деревни Бойцъ, такъ крутъ и скользокъ для лошадокъ, подкованныхъ по турецки безъ шиповъ, круглою, закрывающею всю нижнюю часть копыта, подковою, что проводники просятъ сойти съ лошадей. Отсюда идетъ гладкая, широкая дорога, по которой часто ѣздитъ кататься княгиня съ семействомъ на парѣ коней и въ колaскѣ, подаренныхъ князю Николаю императоромъ австрійскимъ, по случаю окончанія австрійской части новой дороги. Изъ Каттаро лошади, чуя близость отдыха, пустились рысью: мимо зданія, обнесеннаго стѣною справа,—порохового завода,—мимо кладбища, мимо невысокаго памятника—слѣва—въ память погибшихъ въ 1862 г. сербовъ и черногорцевъ (пришедшихъ въ Сербію за оружіемъ, которое по политическимъ соображеніямъ не получили и всѣ погибли, пробиваясь назадъ сквозь ряды подоспѣвшихъ турокъ); вотъ арсеналъ, гдѣ хранятся трофеи, добытые главнымъ образомъ отъ турокъ. Тамъ теперь приводятся въ порядокъ всевозможнаго рода сабли и ятаганы и масса знаменъ; между прочими отличается одно албанское, съ изображенною на немъ черною рукою, и сабля временъ крестовыхъ походовъ, съ французской надписью. Вотъ тюрьма съ заключенными, играющими на свободѣ у воротъ, между ними только одинъ убійца, за то и гуляетъ онъ вездѣ съ цѣпью на ногахъ, большая же часть преступленій—семейная месть, практикующаяся, несмотря на всѣ старанія князя уничтожить этотъ обычай.

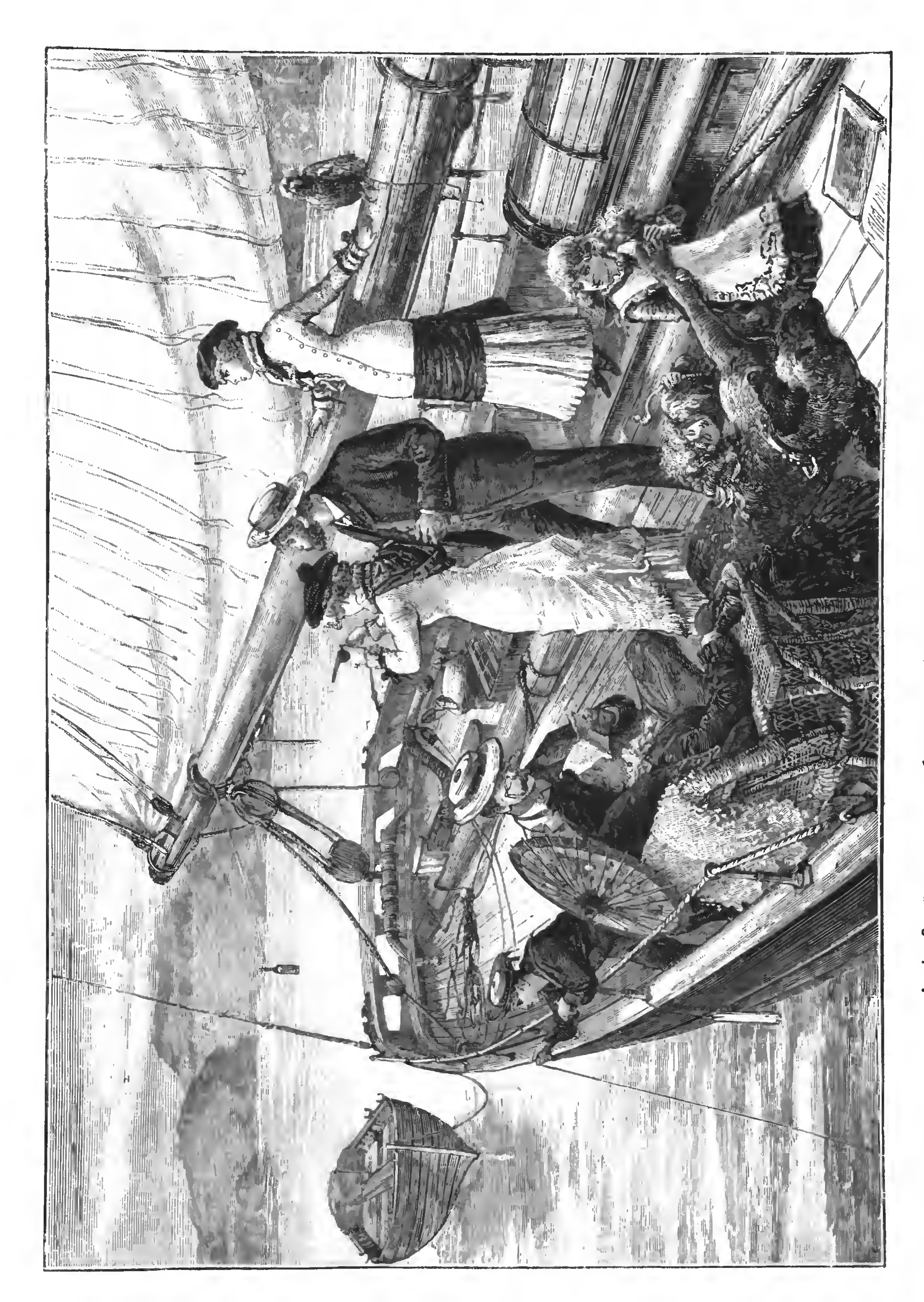
И вотъ мы въ Цетиньи. Рядъ сѣренькихъ, въ одинъ и два этажа, домовъ каменныхъ, еще съ соломенными крышами кое гдѣ, несмотря на запрещеніе, домовъ, прокуренныхъ дымомъ очаговъ безъ трубъ. Мы подъѣхали прямо къ гостинницѣ, стоящей поперегъ дороги, на другомъ концѣ города. Гостинница для такого города, который меньше любаго нашего уѣзднаго, очень хороша. Здѣсь есть и другая. Мы были удивлены количествомъ одѣялъ на постеляхъ; оказалось, здѣсь ночью бываетъ такъ холодно, что двѣ простыни, стеганное ватное одѣяло, за нимъ байковое и наконецъ толстая накидка — все это только что въ пору. Пообѣдавъ (здѣсь обѣдаютъ въ 12½ утра), мы пошли осматривать городъ. Онъ весь состоитъ изъ одной лишь улицы вдоль дороги и пяти поперечныхъ, на одной изъ послѣднихъ, проходящей посреди теперешняго города, на концѣ ея, стоитъ дворецъ князя — домъ двухъ-этажный, похожій на хорошенькую дачу и потонувшій въ зелени. Онъ изображенъ на нашемъ рисункѣ (стр. 960). Кровля покатая черепичная, съ неизбѣжными тремя громоотводами и каменнымъ заборомъ, окружающимъ и домъ и садъ. У главнаго входа стоитъ на часахъ „перяникъ“,—одинъ изъ 40 человѣкъ, составляющихъ личную стражу князя—назначеніе въ эту стражу считается очень почетнымъ. На противоположномъ концѣ улицы, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города, у самыхъ скалъ, окружающихъ Цетиньскую долину, помѣщается госпиталь. Теперь въ немъ помѣщается до 40 больныхъ, страдающихъ всевозможными болѣзнями, не исключая и неприглядныхъ. Главная болѣзнь, развивающаяся въ Цетиньѣ, ревматизмъ. Есть предположеніе, что котловина была прежде вся залита водой и представляла озеро, въ которое впадали съ окрестныхъ горъ ручьи, теперь засасываемые почвой. Въ особенно жаркіе годы чувствуется недостатокъ воды; за то обратно при холодныхъ вѣтрахъ, здѣсь начинается не перестающій дождь и южныя стѣны всѣхъ домовъ Цетиньи отсырѣваютъ очень сильно, топки же нашей нѣтъ въ домахъ. Госпиталь только теперь запасается необходимыми вещами. Черногорцы еще до сихъ поръ вѣрятъ больше своимъ знахарямъ (лечащимъ ихъ средствами, въ родѣ просверливанія черепа отъ головной боли). Докторъ Іовановичъ (австрійскій сербъ) только недавно приглашенъ сюда. Онъ, да еще домашній врачъ князя—вотъ и весь врачебный персоналъ Цетиньи.

Наискось отъ дворца тянется длинное зданіе—дворецъ покойнаго князя Данилы, гдѣ нынѣ помѣщаются всѣ министерства княжества. Каждое изъ министерствъ помѣщается въ комнатѣ, шага въ 3 въ ширину и въ 5 въ длину, и на дверяхъ прибиты названія министерствъ. Дѣла поступаютъ прямо въ кабинетъ князя, гдѣ и пересматриваются и рѣшаются. Наискось отъ зданія министерствъ помѣщается Цетиньскій монастырь, не разъ страдавшій отъ турокъ. Здѣсь живетъ самъ митрополитъ Илларіонъ и архимандритъ. Въ маленькой церкви погребены князь Данило и воевода Мірко, отецъ нынѣшняго князя, здѣсь же находятся мощи владыки и князя Петра. Въ монастырѣ же помѣщается школа для мальчиковъ, недавно вновь открытая послѣ недолгаго существованія въ 60 годахъ.

Эти сыны горъ, едва успѣютъ вкусить отъ плодовъ цивилизаціи, посланные въ Парижъ или въ Россію, уже очень рѣдко возвращаются обратно. Въ Россіи у насъ напрасно, кажется, оставляютъ желающихъ а не высылаютъ ихъ обратно въ княжество, гдѣ они нужнѣе. Женскій институтъ помѣщается въ особомъ зданіи рядомъ съ гостинницею. Основательница его, какъ извѣстно, Надежда Петровна Пацевичъ, наша русская. Подъ руководствомъ ея былъ построенъ домъ, разбитъ маленькій садикъ и лично ею заведенъ порядокъ, который царитъ теперь въ этомъ маленькомъ заведеньицѣ, превратив-

На рынокъ въ перегонку. На островахъ Товарищества (Отаити) въ Тихомъ океанѣ. По рис. Шевалье грав. М. Рашевскій.

Англія. Семейная жизнь на собственной яхтѣ. Съ рисунка В. Оверенда, грав. М. Рашевскій.

шемся теперь въ институтъ для дѣвицъ извѣстнѣйшихъ семействъ Черногоріи. Результатомъ 11-лѣтней дѣятельности было—нѣсколько выпусковъ молодыхъ женщинъ, хотя лишь съ самымъ первоначальнымъ образованіемъ, но онѣ знаютъ русскій языкъ и горячо любятъ Россію и признательны своей наставницѣ.... Утомленная, больная ревматизмомъ, Надежда Петровна желаетъ отдыха и, къ сожалѣнію всѣхъ, кто ее зналъ (а кто ее не зналъ въ Черногоріи), покидаетъ институтъ. Теперь въ институтѣ 26 воспитанницъ; главное стараются, чтобы хватило на все 5,500 рублей, высылаемыхъ изъ Россіи. Наша молодежь любовалась личиками воспитанницъ и восхищалась красотою жены командующаго войсками Божидара Петровича и жены его брата-Блажо, случайно здѣсь бывшихъ. Пошли мы на границу, находящуюся отъ Цетиньи всего въ разстояніи 3/4 часа ходьбы въ гору. Отсюда открывается превосходный видъ на Скутарійское озеро и его окрестности. Въ гостинницѣ оказалась порядочная по количеству газетъ читальня. Нашли и „Новое Время“ и еще кое какія газеты, только не выписываютъ ихъ, а получаютъ даромъ. Затѣмъ мы ужинали въ столовой гостинницы очень пріятно съ черногорскими офицерами, которые, между прочимъ, пѣли недурно славянскую пѣсню: „Боже, ты такъ часто насъ спасавшій“ и затѣмъ перешли на „Боже Царя храни“, провозгласили восторженный тостъ за Государя Императора, за единеніе славянъ и т. п.

Утромъ, по случаю дня рожденія князя Николая, городъ украсился флагами, на улицахъ или вѣрнѣе на одной большой улицѣ замѣтно было больше движенія. Въ Цетиньѣ теперь также, какъ и вездѣ въ Черногоріи, осталось очень мало народу мужчинъ—всѣ ушли на войну. По словамъ самого князя: „если случится пожаръ, не знаю, кто будетъ спасать. Остались ребятишки да калѣки, мужья всѣ ушли на войну, а жены или доставляютъ провіантъ, или въ полѣ—у насъ вѣдь этимъ онѣ занимаются“. Утромъ князь собравшемуся народу сказалъ рѣчь, главная суть которой заключалась въ томъ, что онъ надѣется на скорое прекращеніе такого неестественнаго и разорительнаго для княжества положенія. Жизнь потечетъ въ мирѣ и спокойствіи, и онъ приложитъ къ тому всѣ старанія и надѣется, что его по прежнему будутъ любить и будутъ также, какъ ему, вѣрны его сыну Данилѣ. Толпа отвѣчала громкимъ „живіо!“ Въ Черногоріи привержены къ князю фанатически. Князь и православная вѣра—это двѣ такія темы, разсуждая о которыхъ, надо непремѣнно соглашаться, если не хотите, чтобы на васъ сердились.

Князь вышелъ къ намъ въ залъ, когда мы явились во дворецъ къ обѣду, перевелъ насъ въ гостиную. Доложили, что обѣдъ готовъ. За столомъ шелъ разговоръ на французскомъ языкѣ, о послѣднихъ событіяхъ. Кто не говорилъ по французски, къ тѣмъ князь обращался на сербскомъ нарѣчіи, которое, при вниманіи, легко понимается безъ подготовки. За столомъ сидѣли, кромѣ насъ, г. Іонинъ съ секретаремъ, Лоба, очень богатый и эксцентричный американецъ, полюбившій Черногорію, албанскій повѣренный и адъютантъ князя. Княгиня въ этотъ день была нездорова. Послѣ обѣда, сказавъ каждому ласковое пожеланіе, князь отпустилъ насъ. Вечеромъ была иллюминація, кое-гдѣ въ окнахъ горѣли свѣчи и лампы.

Такъ провели мы день въ Цетиньѣ, и утромъ, когда еще вся маленькая столица была погружена въ сонъ, тронулись въ обратный путь...

Сожиганіе труповъ.

(Рис. на стр. 974).

Разрѣшеніе вопроса о кладбищахъ становится настоятельною необходимостью. Почва кладбищъ не въ силахъ поглотить всѣ разложенія. Уже во многихъ мѣстахъ не рѣшаются копать болѣе могилъ, такъ какъ земля вся пропитана страшными міазмами и неразложившимися останками. Не только гигіенисты говорятъ объ опасности испареній, наносимыхъ съ кладбищъ вѣтромъ на города, о зловредности соковъ, отравляющихъ подпочвенную воду, но даже могильщики останавливаются при исполненіи ихъ печальныхъ обязанностей и требуютъ больше мѣста. Тогда прежнія кладбища въ городахъ закрываются и открываются новыя за чертою городовъ, но и тѣ вскорѣ переполняются.

Между тѣмъ было сдѣлано много предложеній по вопросу погребенія. Одни предлагали бальзамировать трупы такимъ способомъ, чтобы они разлагались медленно и безъ броженія; другіе придумали герметическіе гробы изъ цемента, которые должны быть выставлены на солнце. Кладбище съ такими гробами походило-бы на склады, въ которыхъ возвышаются ряды толстыхъ дубовыхъ досокъ. Другіе вмѣсто гробовъ предлагаютъ строить плотные склепы изъ камня и кирпича въ подземельяхъ, на подобіе катакомбъ. Третьи предлагали вводить въ трупъ жидкость, легко воспламеняющуюся и предотвращающую гніеніе; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лежанія въ землѣ, трупы, такъ препарированные, могутъ быть сожигаемы. Затѣмъ четвертые предлагали употреблять негашеную известь. Наконецъ многіе предлагаютъ прибѣгнуть къ сожиганію по примѣру древнихъ. Этимъ способомъ устранился-бы весь вредъ, о которомъ говорятъ гигіенисты.

Сожиганіе труповъ встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ томъ, что оно противно чувству религіозности и противно сердцу самое представленіе о сожженіи трупа близкаго человѣка. Притомъже скорое и совершенное уничтоженіе останковъ уноситъ съ собою иногда такія доказательства, какія судъ не можетъ получить никакими свидѣтельскими показаніями. Но что-бы тамъ ни было, до сихъ поръ сжиганіе трупа остается самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ. Но въ послѣднее время число сторонниковъ сожиганія умножается.

Въ Италіи, въ Миланѣ, съ разрѣшенія правительства, образовалось 8 февраля 1876 года Общество сожиганія труповъ. Оно составилось изъ 200 лицъ, задавшихся цѣлью изысканія самыхъ дешевыхъ и простыхъ способовъ для превращенія трупа въ безвредный остатокъ. Всѣ 200 человѣкъ были последователи Альберта Коллера, тѣло котораго было, согласно его завѣщанію, сожжено въ Миланѣ. Законы итальянскіе, какъ и наши, не предвидѣли сожиганія труповъ, въ нихъ только говорится о погребеніи. Послѣ многихъ стараній, Миланское общество получило отъ правительства наконецъ разрѣшеніе—видоизмѣненіе статьи 67-й санитарнаго устава 1874 г. Власти сохраняютъ право разрѣшить или запретить сожиганіе. И дѣйствительно трупы не сожигаются, если смерть сомнительна или скоропостижна. Для полученія разрѣшенія префекта требуется прошеніе по формѣ отъ родныхъ, свидѣтельство доктора, письменное согласіе общества сожиганія и дозволеніе судебныхъ властей. Послѣ сожженія, собранный пепелъ всыпается въ урну на монументальномъ кладбищѣ.

Альбертъ Коллеръ построилъ для себя въ Миланѣ прекрасную гробницу, куда пепелъ его, по смерти его и сожженіи, былъ всыпанъ 22-го января 1876 года. Зданіе это, названное „Храмомъ сожженія“ (Templo crematorio“) было передано во владѣніе города Милана.

Храмъ этотъ, въ греко-дорійскомъ стилѣ, окруженъ колоннами и пилястрами. Внутри зданія четыре зала. Первый—это тотъ, въ которомъ публика присутствуетъ при вкладываніи трупа въ урну или комнату для сожиганія. Изъ первой залы проходятъ въ другую, гдѣ расположены гробы съ трупами, назначенными для сожженія. Отсюда снова входъ въ обширную комнату, гдѣ находится матеріалъ для горѣнія (дрова и уголь). Тутъ-же помѣщается и прислуга.

Урна для сожиганія расположена поперечно, такъ что она прикасается къ маленькому окошку, продѣланному въ задней стѣнѣ зданія. Находясь подъ колоннами, можно прослѣдить весь ходъ горѣнія трупа. Вынутый изъ гроба, онъ кладется на рѣшетку, подъ которой стоитъ широкій сосудъ для принятія жидкостей, пепла и другихъ остатковъ. Сосудъ и рѣшетка положены на двухъ желѣзныхъ полосахъ.

Для сжиганія существуетъ два приспособленія. Первое профессора Горини. Оно состоитъ главнымъ образомъ изъ очага, устроеннаго на разстояніи одного метра подъ комнатой, для сжиганія въ которой пламя охватываетъ трупъ въ длину, изъ трубы идущей изъ глубины комнаты, которая доходитъ до полу, такъ что пламя направляется прямо на трупъ изъ приспособленія, назначеннаго для вытягиванія пламени изъ комнаты для сжиганія и наконецъ изъ маленькаго очага, служащаго для усиленія тяги.

Прежде всего растапливаютъ очагъ, устроенный при основаніи трубы; спустя три или четыре минуты зажигаютъ большой очагъ; пламя проникаетъ въ комнату для сжиганія, затѣмъ съ продуктами горѣнія выходитъ черезъ отверстіе откуда оно притягивается трубою, испытавъ дѣйствіе очага При трубѣ находится регуляторъ тяги. Процессъ горѣнія трупа наблюдается черезъ боковыя отверстія со стеклянными вставками. Горѣніе продолжается отъ часу съ половиной до двухъ часовъ и требуетъ дровъ или угля на 1 р. или 1½ руб.

Приспособленіе Венини болѣе сложно и требуетъ бо́льшаго расхода. Но результаты получаются въ обоихъ случаяхъ тѣже. Въ Италіи общество сожиганія дѣйствуетъ не успѣшно; въ продолженіи четырехъ лѣтъ сожжено только 82 трупа, въ числѣ которыхъ было нѣсколько труповъ членовъ общества.

Городское управленіе Милана, въ мѣстности прилегающей къ храму сожиганія тѣлъ, рѣшило устроить садъ, въ которомъ будутъ помѣщаться колонны и монументы съ пепломъ труповъ сожженныхъ лицъ.

Кромѣ того архитектору Матчанини, строившему монументальную гробницу, поручено построить пеплохранительницу въ этрусскомъ стилѣ, съ 126-ю вмѣстилищами для урнъ. Это зданіе будетъ находиться надъ катакомбами, предназначенными также для помѣщенія урнъ.

Къ рисункамъ.

Генералъ-адъютантъ С. С. Лесовскій.

Безпрестанно возникаютъ настойчивые слухи о новыхъ затрудненіяхъ въ нашихъ отношеній съ Китаемъ. Въ свое время и въ политическихъ нашихъ обозрѣніяхъ и въ статьѣ о маркизѣ Ценгѣ, портретъ котораго былъ въ № 25 „Нивы", мы говорили подробно объ этихъ отношеніяхъ и переговорахъ нашего правительства съ китайскимъ. Теперь, когда общественное мнѣніе вновь заинтересовано этими переговорами, мы находимъ своевременнымъ предложить нашимъ читателямъ портретъ вице-адмирала Лесовскаго, главнаго начальника эскадры, которую наше правительство нашлось вынужденнымъ отправить въ Тихій океанъ.

Адмиралъ, служившій въ теченіи многихъ лѣтъ старшимъ офицеромъ у знаменитаго героя Севастополя П. С. Нахимова, съ давнихъ поръ считался однимъ изъ лучшихъ моряковъ нашего флота. Пройдя до адмиральскаго чина всѣ степени служебной іерархіи, Степанъ Степановичъ командовалъ нашей эскадрой въ Америкѣ въ 1867 году. Помимо чисто морскаго дѣла, адмиралу приходилось имѣть самыя разнообразныя дипломатическія сношенія съ иностранными правительствами. Миссія адмирала въ 1863 году въ Америкѣ увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ и имѣла послѣдствіемъ тѣсныя дружескія сношенія не только съ правительствомъ Штатовъ, но и съ великимъ народомъ республики. Вступивъ въ командованіе эскадрой Тихаго океана, С. С. снова возвратился къ чисто морской службѣ, которую онъ горячо любилъ и стремился всегда къ активной морской дѣятельности. С. С. Лесовскій родился въ 1817 году во Франціи, въ г. Рететѣ, Арденскаго департамента. Отецъ его былъ командиръ Кинбурнскаго полка, остался въ составѣ окупаціонной арміи, бывшей подъ начальствомъ князя М. А. Воронцова. Воспитаніе получилъ С. С. въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1833 г. произведенъ въ гардемарины. Въ 1839 году онъ перешелъ въ Черное море гдѣ и служилъ 14 лѣтъ. Онъ былъ капитаномъ на извѣстномъ, потонувшемъ фрегатѣ „Діана", экипажъ котораго былъ спасенъ. Въ 1855 г. въ Николаевскѣ на Амурѣ капитанъ-лейтенантъ Лесовскій назначенъ былъ начальникомъ баттарей. Но весна 1856 г. принесла извѣстіе о мирѣ и батареямъ этимъ не пришлось дѣйствовать. Съ 1857—58 г. С. С. служилъ въ возникавшемъ тогда на Черномъ морѣ Обществѣ пароходства и торговли. Затѣмъ былъ капитаномъ надъ кронштадтскимъ портомъ.

Въ 1863 году С. С. произведенъ въ контръ-адмиралы и посланъ въ Америку—экспедиція, увѣнчавшаяся блистательнымъ успѣхомъ. Въ 1866 году онъ былъ главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта, въ 1869—удостоенъ званія генералъ-адъютанта, въ 1876—назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, въ каковомъ званіи и былъ до назначенія его главнымъ начальникомъ эскадры въ Тихомъ океанѣ.

Демонъ побѣжденный.

(Рисунокъ Зичи).

Къ тѣмъ рисункамъ Зичи изъ „Демона" Лермонтова, которые уже были помѣщены въ „Нивѣ" и къ двумъ превосходнымъ картинамъ—преміямъ настоящаго года, прибавимъ еще этотъ прелестный эскизъ знаменитаго иллюстратора „Демона" изображающій послѣдній моментъ поэмы—полную побѣду свѣтлыхъ силъ надъ мрачнымъ духомъ зла и торжественное вознесеніе золотокрылаго ангела на небо...

Въ пространствѣ синяго эѳира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ....
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносилися—и вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ....
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Вражды, незнающей конца!
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица....

На рынокъ въ перегонку.

(Рисунокъ Шевалье).

На прилагаемомъ рисункѣ передана картина французскаго художника Шевалье, изображающая одну изъ повседневныхъ, бытовыхъ сценъ жизни обитателей острова Таити. Вотъ нѣсколько таитянъ лодочниковъ и торговцевъ устроили между собою нѣчто въ родѣ гонки: надо поспѣть, какъ можно скорѣе на рынокъ столицы острова, чтобы прежде другихъ продать тамъ свои овощи и фрукты; каждый спѣшитъ обогнать всѣхъ прочихъ. Фактъ недавняго формальнаго присоединенія Таити къ территоріи Французской республики не имѣетъ большаго политическаго значенія, такъ какъ онъ и безъ того уже, въ сущности, какъ-бы входилъ въ составъ Франціи, принадлежа къ группѣ острововъ Товарищества, надъ которыми еще тридцать пять лѣтъ тому назадъ, установленъ французскій протекторатъ. Французы, съ тѣхъ поръ, были тамъ полными распорядителями. Въ настоящее время протекторатъ ихъ распространяется, кромѣ острововъ Товарищества, на многія другія сосѣднія группы, какъ острова Нижняго Архипелага, Маркизскіе и др. Группа Товарищества, расположенная въ юго-восточной части Тихаго океана, между 135° и 155° долготы (къ западу отъ Гринвичскаго меридіана), приблизительно на полпути между Америкой и Австраліей, состоитъ изъ 11 острововъ. Изъ нихъ на о. Таити или Отаити хозяйничаетъ французская колонія, на прочихъ же разбросаны небольшія миссіонерскія и торговыя станціи, не стѣсняющія, до извѣстной степени, самоуправленія туземцевъ. Пространство Таити равняется 600 квадратныхъ миль, съ населеніемъ въ 14 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ на долю европейцевъ приходится менѣе одной тысячи. Главный городъ—портъ Папати (2 тысячи жителей), ведетъ довольно значительную торговлю хлопкомъ, сахаромъ, кокосовымъ орѣхами и перламутромъ, которые отпускаетъ во Францію и Германію, посылая, въ тоже время, часть мѣстныхъ продуктовъ также и въ Калифорнію и Китай. Французы назвали, въ честь Парижа, главную улицу своей части города улицею Риволи; тамъ-же расположены зданія мѣстнаго управленія, католическій соборъ и т. д. Туземцы, съ которыми насъ ознакомилъ еще Кукъ, красивый народъ съ черными вьющимися волосами, но женщины красивѣе мужчинъ. Нравы ихъ однако оставляютъ, по разсказамъ путешественниковъ, желать лучшаго, говорятъ, они очень склонны къ пьянству, лѣни и т. п. и число ихъ сильно уменьшилось со времени появленія европейцевъ среди ихъ и утвержденія ихъ власти тамъ. То же самое замѣчено и на Гавайскихъ островахъ.

На собственной яхтѣ.

(Рис. В. Оверенда).

Всякій англичанинъ, какъ извѣстно, считаетъ себя обязаннымъ интересоваться всѣмъ, и знать все, что имѣетъ хотя какое-нибудь отношеніе къ мореплаванію. У лондонской золотой молодежи очень распространена мода говорить о современномъ развитіи торговаго мореплаванія съ презрительной улыбкой на губахъ и съ видомъ грустнаго сожалѣнія толковать о поэзіи парусанго плаванія, которая все болѣе и болѣе вытѣсняется прозой пароходовъ и панцырныхъ судовъ.

„Королевскій яхтъ-клубъ" насчитываетъ у себя до 180 членовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ непремѣнно свою собственную парусную яхту. Имѣть собственную яхту—это роскошь, которую могутъ себѣ позволить только очень богатые люди такъ какъ большая яхта въ 500 тоннъ, помимо процентовъ на капиталъ, который она стоитъ—до 100,000 рублей, обходится еще ежегодно нѣсколько тыс. рублей, не принося ея собственнику ничего, кромѣ удовольствія увеселительныхъ поѣздокъ и пари на парусныхъ гонкахъ.

Великолѣпное зрѣлище представляютъ въ солнечный полдень эти элегантныя суда, несущіяся при свѣжемъ вѣтрѣ вдоль берега.

Здѣсь, на приложенномъ у насъ рисункѣ мы видимъ цѣлую семью, спокойно продолжающую свою мирную домашнюю жизнь на собственной яхтѣ. Отецъ семейства читаетъ что-то сидящей въ широкомъ креслѣ супругѣ. Мальчуганъ удитъ рыбу, наклоняясь за бортъ. Молодыя дѣвушки учатся у своего брата—юнаго лорда, стрѣлять и одна изъ нихъ уже прицѣлилась и сейчасъ расшибетъ эту висящую бутылку и не дрогнетъ ея нѣжная прелестная ручка. Младшія сестры ихъ на полу играютъ съ громаднымъ догомъ.

Райская птица „воротниковая".

(Laphorina atra).

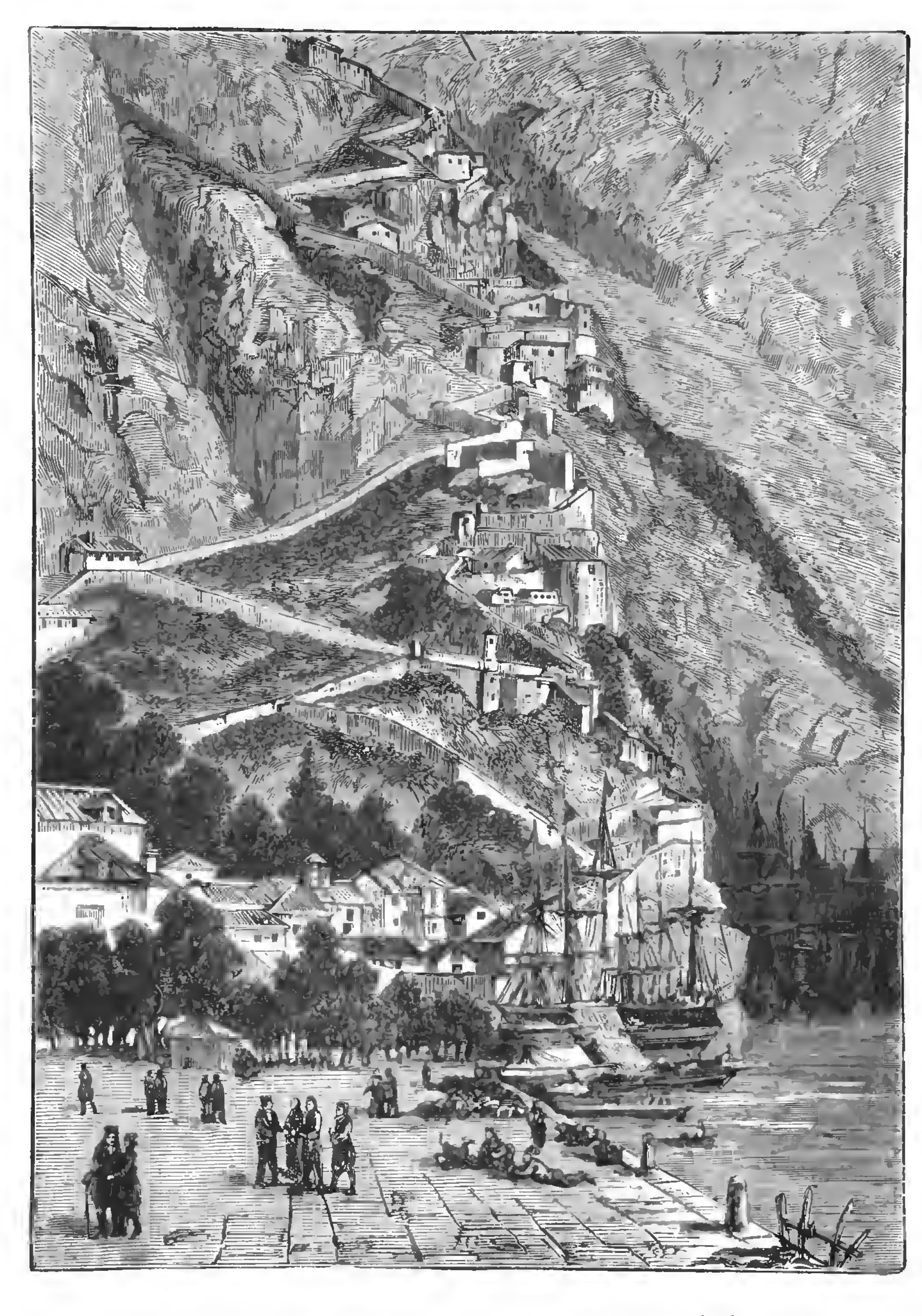
Въ Новой Гвинеѣ, на Соловати, Арунинскихъ островахъ и въ Южной Америкѣ водятся великолѣпныя птицы, вообще называемыя „райскими" (paradisae). Райскія птицы отличаются преимущественно тѣмъ, что самцы снабжены пучками длинныхъ, разсученныхъ перьевъ, которыя по произволу они могутъ складывать и распускать. Трудно представить себѣ что нибудь прелестнѣе цвѣта этихъ перьевъ. Преобладающій цвѣтъ каштаново-коричневый, лобъ бархатисто-черный съ смарагдово-зеленымъ отливомъ; передняя часть шеи фіолетовая и длинныя боковыя перья блестяще золотого оранжево-желтаго цвѣта. Самка не имѣетъ такихъ яркихъ перьевъ. Птица изображенная на нашемъ рисункѣ, называется „воротниковою". Она величиною съ нашу сороку. Перья затылка и плечевыя удлиняются въ видѣ воротника чернаго цвѣта, удлиненныя же перья груди блестящаго стальнаго зеленаго цвѣта. Длинныя плечевыя перья лежатъ въ спокойномъ состояніи въ видѣ

плаща на спинѣ. Перья эти, направляясь впереди, поднимаются надъ головою когда птица хочетъ себя показать во всей красотѣ. Ловить ихъ, по ихъ живости и чуткости очень трудно. Онѣ летаютъ стаями штукъ по 30—40 подъ предводительствомъ самца. Съ рѣзкимъ крикомъ, во время бури поднимаются стаи высоко въ воздухѣ, чтобы избѣжать сильнаго вѣтра въ высшихъ слояхъ воздуха. Свои великолѣпныя перья птица распускаетъ по утрамъ, призывая самокъ крикомъ и осторожно чиститъ перья клювомъ; ярко блестя перьями, носится за бабочками и кузнечиками, которыми питается. Между малайцами много повѣрій существуетъ объ этой птицѣ, которая, по ихъ словамъ, нарождается въ раю и никогда не касается земли. Птица въ самомъ дѣлѣ не любитъ садиться на землю и спускается къ ручьямъ пить и купаться, обрызгивая свѣжею водой свои блестящія одежды.

Типы австрійскихъ славянъ. Далматинка.

Далмація — благодатный уголокъ Австрійской имперіи, занимаетъ весь восточный берегъ Адріатическаго моря съ прилежащими къ нему островами и граничитъ съ Кроаціей, Босніей, Герцеговиной, Черногоріей и Албаніей. Разнообразію и богатству растительности способствуетъ теплый климатъ Далмаціи. Въ декабрѣ здѣсь цвѣтетъ миндаль, собираютъ бобы и горошекъ; въ февралѣ созрѣваютъ артишоки. Самые нѣжные плоды зрѣютъ на открытомъ воздухѣ. Прибрежные жители и островитяне занимаются большею частію кораблестроеніемъ и почти въ каждомъ приморскомъ городѣ есть корабельная верфь. Кромѣ того далматъ-поморецъ страстный рыболовъ. Населеніе достигаетъ до 454,600 жителей, изъ которыхъ къ славянскому племени принадлежитъ 414,800.

Національные костюмы Далматъ чрезвычайно разнообразны: каждая мѣстность имѣетъ свой особый нарядъ и большая часть этихъ нарядовъ весьма живописна. Женщины сохранили здѣсь вообще вполнѣ славянскій характеръ какъ въ своей одеждѣ, такъ и въ головныхъ уборахъ, что видно и изъ прилагаемаго рисунка. Всякій узнаетъ въ этомъ уборѣ нашъ характерный русскій. Въ косы вплетаютъ красныя ленты, на голову надѣваютъ цвѣтной платокъ, платья носятъ обшитыя вдоль подола красной тесьмой, красные чулки. Прибавьте къ этому коротенькую кофту съ длинными рукавами, обшитыми галуномъ и узорчатый передникъ — вотъ костюмъ красавицы-далматинки, во многомъ похожій на нашъ исконный, русскій

Видъ горной дороги изъ г. Каттаро въ Цетинью. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

О часахъ.

(Раздѣленіе времени).

Мы, пользующіеся теперь прекрасными, вполнѣ усовершенствованными часами, съ трудомъ можемъ и представить себѣ тѣ трудности, какія прежде испытывались астрономами при опредѣленіи ими времени какого-нибудь небеснаго явленія. До изобрѣтенія часовъ жизнь должна была идти иначе въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, которое можно сравнить развѣ только съ состояніемъ человѣка заплутавшагося въ лѣсу.

Между тѣмъ опредѣленіе времени, т. е. точное знаніе момента, въ какой происходитъ то или другое явленіе, составляло всегда первую потребность астрономіи. Опредѣленіе движенія небесныхъ свѣтилъ вызывалось напримѣръ необходимостью точнаго знанія момента, въ который придется наблюдать затмѣніе. Не менѣе важно было точное знаніе времени, въ какое луна, въ своемъ движеніи, заслоняла какую нибудь планету или одну изъ неподвижныхъ звѣздъ.

Физики точно также испытывали не меньшія затрудненія чѣмъ астрономы. Когда въ 1654 году ученые во Флоренціи дѣлали опыты, чтобы опредѣлить скорость распространенія звука выстрѣла, то у нихъ не было никакого инструмента для измѣренія того промежутка времени, которымъ отдѣляется собственно ударъ выстрѣла отъ вспыхнувшаго огня.

Безъ сомнѣнія, въ природѣ все происходитъ въ извѣстное и совершенно опредѣленное и точное время. Производя наблюденія днемъ при солнцѣ, можно было еще кое какъ опредѣлить съ точностью время до нѣсколькихъ минутъ, но во время солнечныхъ затмѣній опредѣленіе часа становилось уже невоз-

(Продолженіе на стр. 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979 и 980).

можнымъ, и только по самымъ неточнымъ предположеніямъ можно было разсчитать степень продолжительности землетрясенія, смерча или бури.

Производя наблюденія ночью, для опредѣленія часа прибѣгали къ звѣздамъ. Арабскіе астрономы и астрономы эпохи возрожденія постоянно пользовались звѣздами. Счетъ часовъ производился по опредѣленію высоты звѣздъ. Но это счисленіе могло получиться только при наблюденіи звѣздъ, оно давало только моментъ наблюденія и опредѣляло только одно мгновеніе времени. И если встрѣчалась необходимость спустя нѣкоторое время снова опредѣлить моментъ, то нужно было снова измѣрять высоту звѣзды. Астрономъ, желавшій прослѣдить всѣ фазисы луннаго затмѣнія, долженъ былъ имѣть возлѣ себя особаго помощника, занятаго исключительно постояннымъ измѣреніемъ высоты звѣздъ.

Болѣе пятидесяти лѣтъ какъ телескопы были уже изобрѣтены, а часовъ все еще не было. Слѣдили уже за спутниками Юпитера, дѣлали уже наблюденія надъ затмѣніями, а все еще не было средства опредѣлить время этихъ явленій. Хотя были устроены водяные часы, но вода лилась всегда неправильно. Тихо-де-Браге пробовалъ, хотя безъ успѣха, замѣнить воду ртутью. Были также всѣмъ извѣстные песочные часы, которые дѣлались для астрономовъ и ходили 24 часа безъ оборота. Песокъ однако тоже не пересыпался съ одинаковою скоростью и ошибки происходившія отъ употребленія такихъ аппаратовъ были значительно больше, чѣмъ ошибки, которыя могли быть при астрономическихъ наблюденіяхъ.

Арабы, отъ которыхъ Европа эпохи возрожденія позаимствовала много знаній, изобрѣли часы съ тяжестью — гирями, но тѣ не имѣли маятника. Поэтому часы шли иногда очень скоро, иногда же слишкомъ медленно. Притомъ на циферблатѣ находилась только одна стрѣлка — часовая, знали, что минутной установить нельзя.

Часы эти были недостаточны для опредѣленія промежутка времени между двумя измѣреніями высоты звѣздъ. Изъ ряда этихъ измѣреній вывели заключеніе, что такіе часы всегда показываютъ различно. И потому этими часами нельзя было пользоваться даже для опредѣленія двухъ промежуточныхъ моментовъ въ теченіи ночи.

Въ концѣ XIII столѣтія, для измѣренія времени, астрономы начали руководствоваться розмахами гири, привѣшенной на болѣе или менѣе длинную нить. Этотъ способъ тоже былъ позаимствованъ у Арабовъ, именно астрономъ Эбнъ-Жунисъ, жившій въ Каирѣ въ концѣ X вѣка, дѣлалъ такіе опыты. И хотя розмахи отъ времени дѣлались меньше, но время отъ этаго не становилось короче, такъ какъ абсолютная скорость уменьшается въ той же мѣрѣ въ какой убавляется амплитуда (длина розмаха) движенія. Эти интервалы считали отъ перваго измѣренія высоты звѣздъ до другаго такого же измѣренія и время между двумя этими измѣреніями было раздѣлено на число качаній гири.

Такимъ образомъ производили свои наблюденія Вальтеръ, Рейнгольдъ, Гевелинсъ и даже Галилей. Счетъ качаній былъ очень труденъ; нерѣдко впадали при этомъ въ ошибки. Гири иногда, вмѣсто того, чтобы описывать дугу, принимали коническое движеніе, такъ что становилось труднымъ опредѣлить конецъ одного колебанія и начало другаго.

Типы Австрійскихъ славянъ. Далматинка. Съ фотогр. Леви, грав. Гальбергеръ.

Впослѣдствіи гирю привѣшивали къ двумъ удаленнымъ другъ отъ друга нитямъ и раскачивали ее какъ маятникъ. Находящійся тутъ же помощникъ, отъ времени до времени, когда движеніе становилось слабѣе, усиливалъ розмахъ, прикрѣпленною къ гирѣ тоненькой нитью. При этомъ онъ громко считалъ число качаній, доходившихъ иногда до нѣсколькихъ тысячъ.

Галилей, которому наскучили эти затрудненія, въ 1637 году придумалъ считать эти размахи при помощи часовъ съ маятникомъ. Въ 1612 году Санкторіусъ дѣлалъ уже такіе же опыты. Аппаратъ Галилея, устроенный сыномъ его Викеніемъ, находится теперь въ физическомъ музеѣ во Флоренціи. На немъ видно, какъ каждый размахъ маятника подвигалъ зубецъ колеса и стрѣлку, такую же, какія находятся въ нашихъ газовыхъ часахъ. Такимъ образомъ маятникъ свои колебанія считалъ автоматически.

Но однако, если маятникъ останавливался — его приводили въ движеніе рукою. Чтобы обезпечить непрерывность движенія, нужно было возмѣщать силу маятника, которую онъ терялъ при размахахъ. Этого достигъ Гюйгенсъ въ 1657 г. устроивъ часы съ гирями и маятникомъ, на твердомъ стержнѣ. Гири служили движущей силой и дѣйствіе этого двигателя было постоянно.

Съ этихъ только поръ часъ наконецъ былъ точно опредѣленъ. Не только физики и астрономы извлекли изъ этаго выгоды, но это имѣло громадное вліяніе вообще на жизнь человѣчества. Время было подраздѣлено съ большею точностью. Измѣнились не только привычки, но даже и идеи; подъ вліяніемъ великаго изобрѣтенія, къ жизни стали относиться болѣе точно и сознательно. Сочиненія этой эпохи знакомятъ насъ съ тѣмъ поражающимъ впечатлѣніемъ, какое произвело на всѣхъ это событіе. Въ бумагахъ Гюйгенса, находящихся въ Лондонѣ, въ музеѣ, сохранилось много поздравительныхъ писемъ, присланныхъ ему изо всѣхъ странъ изумленными современниками.

Политическое обозрѣніе.

Турція. — Дунайская коммиссія. — Германія. — Новый проэктъ французскаго правительства. — Несогласія въ министерствѣ Гладстона.

Изворотливая Порта съумѣла уберечь изувѣра Вели-Магомеда до сихъ поръ. Убійца этотъ не казненъ. Недавно онъ (конечно, по внушенію пашей) подалъ султану просьбу о помилованіи, и турецкое правительство, какъ слышно, объявитъ акредитованнымъ въ Константинополѣ посланникамъ, что его величество султанъ замѣняетъ Вели-Магомеду смертную казнь пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Порта умѣетъ миловать, за то умѣетъ и наказывать, когда это совпадаетъ съ ея видами. Недавно нѣсколько пьяныхъ турецкихъ офицеровъ напали на экипажъ, въ которомъ ѣхалъ германскій посланникъ, графъ Гацфельдъ, и произвели, что называется, уличный скандалъ. Турецкое правительство выказало много энергіи: офицеры были немедленно арестованы, ихъ судили военнымъ судомъ, который приговорилъ ихъ къ исключенію изъ арміи и заключенію въ тюрьму на одинъ годъ, къ посланнику же присланъ былъ адъютантъ султана съ извиненіями отъ его имени, за причиненное ему бе покойство. Фактъ этотъ объясняютъ желаніемъ Турціи угодить Германіи. О Дервишъ-Пашѣ и его маневрахъ съ албанцами мы слышимъ разныя противорѣчивыя свѣдѣнія. То онъ очень строго говоритъ съ ними, и грозитъ имъ, и требуетъ подкрѣпленій, занялъ даже Мазурскую позицію и готовится вступить въ Дульциньо (а потомъ что?), то—(по другимъ источникамъ) пропускаетъ къ албанцамъ волонтеровъ, сподвижниковъ ихъ.

Если свѣдѣнія, о чемъ-бы то ни было клонящемся въ пользу славянъ, по большей части, страдаютъ недостовѣрностью или разногласіемъ, за то, наоборотъ, все, что сообщается о фактахъ, совершающихся во вредъ интересовъ ихъ, къ сожалѣнію, чаще являются вполнѣ достовѣрными. Австро-Венгрія готовится къ полному и совершенному захвату судоходства на Дунаѣ, въ ущербъ Румыніи, Болгаріи и Сербіи. Согласно новѣйшимъ извѣстіямъ, Германія, Испанія и Франція высказались въ пользу австрійскаго проэкта регулированія судоходства на Дунаѣ. По этому проэкту, контроль надъ судоходствомъ въ нижней части теченія рѣки предоставляется особой коммиссіи, въ которой должны засѣдать уполномоченные прибрежныхъ державъ: Румыніи, Болгаріи, Сербіи и Австро-Венгріи. Послѣдняя требуетъ себѣ постояннаго предсѣдательства въ этой коммиссіи, съ правомъ рѣшающаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда голоса раздѣлятся поровну. Въ этой грустной исторіи всего тяжелѣе слышать, напри-

Въ Новой Гвинеѣ. Райская птица. (Laphorina atra). Рис. Вилль, грав. Гильдебрандъ

Сожиганіе труповъ Система Горини въ Миланѣ. По рис. Нормана грав. М. Рашевскій.

мѣръ, что: „Въ Вѣнѣ вполнѣ разсчитываютъ на силу австрійскаго давленія на бѣлградское правительство, для того, чтобы располагать по произволу голосомъ Сербскаго княжества...“

Въ Германіи обнародовано королевское повелѣніе объ учрежденіи прусскаго народнаго хозяйственнаго совѣта. Въ недавнемъ засѣданіи германскаго торговаго съѣзда (Handelstag) министръ Беттинеръ сообщилъ, что учрежденіе этого совѣта обставлено такъ, что допускаетъ во всякое время возможность распространнія на всѣ союзныя государства.

Французское правительство занято въ настоящее время проведеніемъ въ палатѣ депутатовъ новаго проекта закона, уничтожающаго несмѣняемость судей. Согласно этому проекту, предсѣдатели судовъ первой инстанціи и апелляціонныхъ палатъ назначаются на пять лѣтъ декретомъ президента республики, по представленію кабинета. Ближайшая цѣль проекта—удаленіе изъ магистратуры тѣхъ видныхъ и вліятельныхъ ея членовъ, которые при двухъ попыткахъ монархической реакціи, бывшихъ во Франціи нынѣ 4-го сентября 1870 года, бросились въ политическую борьбу съ республиканцами. Можетъ быть, новый законъ и доставитъ республиканцамъ возможность удалить всѣхъ судей, принадлежащихъ, по своимъ убѣжденіямъ, къ лагерямъ антиреспубликанскимъ, но, подумали ли нынѣшніе правители Франціи о томъ прецедентѣ, который они установляютъ, дѣйствуя въ разрѣзъ съ одной изъ важнѣйшихъ основъ общественнаго строя? Съ одной стороны, отнимая у юстиціи—эту необходимую гарантію ея независимости, гг. Ферри и его товарищи и на будущія времена лишаютъ ее всякой почвы, и отнынѣ судъ во Франціи неминуемо станетъ игрушкою въ рукахъ преобладающей партіи, станетъ орудіемъ, или лучше сказать,—оружіемъ. Не такими средствами утверждается зданіе свободы, не на такой почвѣ разцвѣтаетъ она и приноситъ плоды?...

Въ кабинетѣ Гладстона проявилось весьма серьезное разногласіе между вигами и радикалами по вопросу о политикѣ, которой слѣдуетъ, при существующихъ условіяхъ, держаться въ Ирландіи. Дѣло въ томъ, что въ этой части соединеннаго королевства, министерство рѣшило примѣнить чрезвычайныя административныя мѣры, и, между прочимъ, пріостановленіе дѣйствія Habeas corpus act'а. Но директоръ департамента торговли Чэмберленъ и знаменитый Брайтъ воспротивились принятію тѣхъ мѣръ. Недавно они, присутствуя на одномъ банкетѣ по этому случаю, высказали въ рѣчахъ своихъ о необходимости не репрессивныхъ средствъ, а—кореннаго измѣненія дѣйствующихъ тамъ законовъ о фермерахъ. По мнѣнію ихъ, для успокоенія умовъ въ Ирландіи было бы желательно пріобрѣсти покупкою за счетъ казны помѣщичьи земли и раздать ихъ крестьянамъ. Англійскіе радикалы образовали лигу противъ примѣненія въ Ирландіи чрезвычайныхъ мѣръ. Гладстонъ еще не сошелся на какомъ либо соглашеніи съ Чэмберленомъ и Брайтомъ, но, какъ слышно, кризисъ министерскій будетъ устраненъ.

Смѣсь.

Экспедиція парохода „Оскаръ Диксонъ“ къ устьямъ Енисея. „Göteborg's Handels und Sjöfarts-Tidning“ сообщаетъ слѣдующія подробности объ экспедиціи парохода „Оскаръ Диксонъ“ къ устьямъ р. Енисея: „Заставъ достаточный запасъ угля, мы покинули Вардзе 21-го августа и благодаря попутному западному вѣтру, въ два дня достигли Югорскаго пролива. Тамъ мы бросили якорь и простояли два дня, затѣмъ пошли въ Карскую губу. Вскорѣ мы встрѣтили громадныя массы льду, и намъ пришлось направить судно южнѣе, но и тамъ попадались на пути большія ледяныя загражденія, такъ что послѣ нѣсколькихъ дней мы должны были вернуться въ самоѣдскую деревню, лежащую на Югорскомъ проливѣ. Попытавшись, но также безуспѣшно, форсировать входъ въ Маточкинъ проливъ, намъ удалось лишь 3-го сентября войдти въ Карскую губу; мы обогнули восточное прибрежье Новой Земли и дошли до мыса Миддендорфа. Непроходимые льды заставили насъ вернуться въ Маточкинъ проливъ, гдѣ нашъ пароходъ сѣлъ на песчаную мель; черезъ два дня мы, однако, благополучно сошли съ нея, не потерпѣвъ никакихъ повреждевій. 1-го сентября мы отправились къ югу, съ цѣлью опять попытаться форсировать входъ въ Югорскій проливъ. На обратномъ пути ледъ не представлялъ особыхъ препятствій. И судно и машины оказались во всѣхъ отношеніяхъ годными для плаванія. Согласно, однако, всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, ледяныя загражденія въ этомъ году особенно велики.

Лягушки и карпы. Въ Силезіи недавно былъ спущенъ одинъ прудъ, въ которомъ водились карпы. При этомъ замѣчено, что на многихъ карпахъ, особенно большихъ, сидѣли лягушки, широко раздвинувъ лапы и крѣпко вцѣпившись ими въ хребты несчастныхъ рыбъ. О такомъ странномъ явленіи спросили смотрѣвшаго за прудомъ сторожа, и онъ объяснилъ, что лягушки—самые опасные враги карповъ и ежегодно уменьшаютъ ихъ въ прудѣ на 3 и даже на 4 процента. Это смиренное, повидимому, земноводное имѣетъ обычай вскакивать на спину карпа у его головы, причемъ задними лапами старается крѣпко держаться на своей позиціи, а переднія запускаетъ въ глазныя скважины рыбы, питаясь клейкою слизью и другими съѣдобными для лягушекъ веществами, находящимися въ рыбѣ.

Контрабандный табакъ. Вотъ сообщенія, способныя разрушить иллюзіи потребителей контрабанднаго табаку, считающихъ его лучшимъ потому только, что онъ—контрабандный. Въ Тюрингенѣ, за настоящій табакъ ежегодно сходитъ болѣе 1000 тоннъ листьевъ свекловицы, подъ именемъ контрабанднаго табаку. Эти-же самые листья, а также листья цикорія и даже капусты, употребляются съ тою-же цѣлью и въ другихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ Магдебургѣ. *Сигары Вевей*, столь высокоцѣнимыя въ южной Германіи, почти вовсе не содержатъ въ себѣ табаку. Онѣ состоятъ изъ простыхъ листьевъ свекловицы, подвергаемой особой обработкѣ, уничтожающей естественный вкусъ растенія, и послѣдовательному, болѣе или менѣе продолжительному, погруженію въ сильные табачные растворы. Обманы этого рода, нужно замѣтить между прочимъ рѣже во Франціи, такъ какъ казна и таможня принимаютъ тамъ противъ этого энергическія мѣры.

Голуби-контрабандисты. Въ одномъ домѣ въ Лугано (Швейцарія) содержатся нѣсколько сотъ голубей, спеціально пріученныхъ перелетать въ Италію; тамъ ихъ освобождаютъ отъ доставленнаго груза и посылаютъ обратно въ Швейцарію. Грузъ состоитъ изъ маленькихъ дамскихъ часовъ, прикрѣпленныхъ къ ногамъ голубя. Каждый голубь можетъ ежедневно одинъ разъ совершить этотъ перелетъ и до сихъ поръ ни съ однимъ изъ этихъ контрабандистовъ не случилось несчастья въ пути. Владѣлецъ этихъ голубей разсчитываетъ поэтому, не подвергаясь никакой опасности и притомъ безпошлинно, пересылать ежедневно за границу до пятидесяти дамскихъ часовъ. Итальянской пограничной стражѣ не удалось еще открыть мѣста сбыта контрабанды этими воздушными путешественниками.

РЕБУСЪ.

Шахматная задача № 84.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ въ 4 хода.

Задача буквъ № 85.

И. Пашина.

Изъ предлагаемыхъ буквъ:
11 а, 11 в, 2 г, 7 д, 12 е, 2 ж, 3 з, 14 и, 7 к, 10 л, 8 м, 7 н, 15 о, 9 п, 6 р, 9 с, 14 т, 4 у, 5 х, 1 ч, 2 ш, 20 ъ, 1 ы, 4 ь, 7 ѣ, 4 я,

Составить слѣдующія слова:

I. 1, имя прародительницы.
2, рѣка въ Италіи.
3, частица рѣчи.
4, здравица.

II. 1, сосудъ для храненія воды.
2, часть небеснаго свода, находящаяся надъ головою человѣка.
3, мѣсто, прославленное храбростью русскихъ въ минувшую войну.
4, рѣка въ Италіи.

III. 1, упряжное домашнее животное,
2, чудо.

IV. 1, собраніе пѣвцовъ.
2, рѣка. впадающая въ Волгу.
3, зимній покровъ.

V. 1, названіе библейскихъ мудрецовъ.
2, принадлежность дамскаго туалета.
3, третья нота.
4, царь животныхъ.

VI. 1, домашняя птица.
2, принадлежность картежной игры.
3, парусная снасть.
4, лѣтній цвѣтокъ.
5. комната предназначаемая для танцевъ.
6, утвердит. отвѣтъ.
7, рѣка Италіи.

VII. 1, хранилище сѣна.
2, богатѣйшій человѣкъ въ древности.
3, первая буква азбуки.
4, матеріалъ для пѣнія.

VIII. 1, производство въ Ярославской губерніи.
2, часть тѣла, соединяющая голову съ туловищемъ.

IX. 1, русское имя.
2, мелкая порода змѣй.

X. 1, живущій рядомъ.
2. встрѣчающееся въ сказкахъ названіе злой женщины.
3, названіе бревна, распиленнаго на части.
4, что представляютъ комедіи Гоголя? (искомое слово въ единст. числѣ).

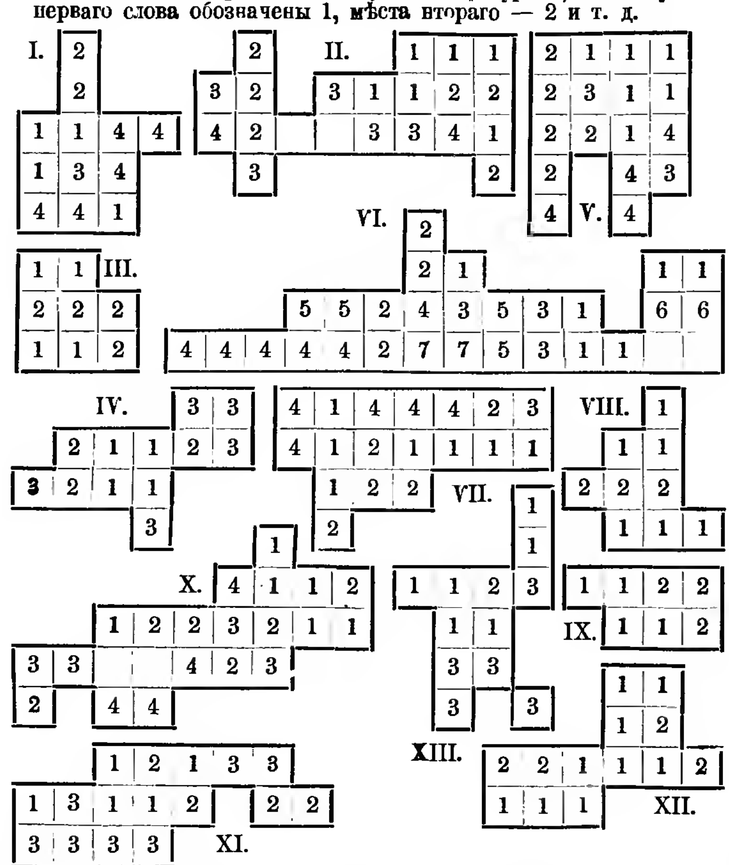
XI. 1, вещество, потребное при кладкѣ печи.
2, ребенокъ.
3, состояніе человѣка находящагося въ страхѣ.

XII. 1, принадлежность лампады.
2, парное число.

XIII. 1, отправленіе на войну.
2, союзъ.
3, Іудейскій Царь—современникъ Христа.

Затѣмъ буквы найденныхъ словъ разставить въ нижеслѣдующихъ фигурахъ, но такъ, чтобы, по соединеніи всѣхъ фигуръ въ одинъ квадратъ, можно было прочитать отрывокъ изъ извѣстнаго стихотворенія Никитина.

Для облегченія разстановки буквъ въ фигурахъ, мѣста буквъ перваго слова обозначены 1, мѣста втораго — 2 и т. д.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

ВАЗЕЛИНЪ предпочтительно замѣняетъ во всѣхъ случаяхъ употребленіе жирныхъ веществъ и вліянію температуры не подвергается.

ПОМАДА ВАЗЕЛИНЪ превосходитъ качествомъ всѣ извѣстные средства придаетъ волосамъ мягкость и блескъ и содержитъ голову въ чистотѣ и свѣжести.

КОЛЬДЪ КРЕМЪ ВАЗЕЛИНЪ отличается особенною нѣжностью дѣйствуя на кожу благопріятно и освѣжительно, придаетъ бѣлизну.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ, д. № 32, Католич. церкви.**
2) **Невскій просп., у Аничкова моста, № 66.**
3) **Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.**

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходные съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.**

№ 938 2—2

Извѣстнѣйшій шведскій бальзамъ провизора Кинунена

„ЭЛЕОПАТЪ"

Органическій бальзамъ для способствованія хорошаго роста волосъ даже при дурныхъ случаяхъ.

Элеопатъ есть бальзамъ, мною составленный изъ органическихъ веществъ для роста волосъ. Онъ полезенъ не только для украшенія волосъ, но **послѣ недолгаго употребленія, какъ показываетъ опытъ многочисленныхъ случаевъ, составляетъ прекрасное средство для уничтоженія столь вредной росту волосъ перхоти, а также вполнѣ предупреждаетъ ихъ выпаденіе.**

По своимъ составнымъ частямъ, Элеопатъ имѣетъ такія свойства, что волосы отъ его употребленія дѣлаются мягкими, гладкими и не подвержены вліянію климата и непогодъ.—Составляя для здоровья безвредное средство, онъ пріобрѣлъ уже хорошую репутацію и продолжаетъ пользоваться спросомъ со стороны лицъ, **цѣнящихъ чистые, хорошіе и густые волосы.**

Въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ продано въ Петербургѣ 18,000 флаконовъ, въ провинціи 10,000 флаконовъ.

Способъ употребленія прилагается при каждомъ флаконѣ, цѣна 1 р. 50 к. за флаконъ, содержащій 120 граммъ. Гг. иногороднымъ высылается **не менѣе 2 фл. 4 р.** Во избѣжаніе при покупкѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на мою подпись на каждой оберткѣ.

Адресъ для иногороднихъ: въ депо „Элеопата", ПАССАЖЪ, № 52.

УСПѢХЪ МОИХЪ
СИТРОНАДА И ОРАНЖАДА МОСКОВИТЪ,

заслужившихъ въ короткое время одобреніе публики, дали мнѣ поводъ приготовить и другіе фруктовые соки, именно:

ЧЕРНОСМОРОДИНОВЫЙ, МАЛИНОВЫЙ И ВИШНЕВЫЙ,

для лимонадовъ, фруктоваго кваса, для домашняго приготовленія въ сифонахъ, какъ и для фабричнаго производства *самыхъ (!)* лучшихъ шипучихъ ягодныхъ водъ, равнымъ образомъ для разнаго рода кушанья: мороженаго, желе, киселя и пр. Соки эти поступили теперь въ продажу въ магазинѣ моемъ, подъ фирмою: **Р. Кёлеръ и К°. въ Москвѣ**, на Никольской улицѣ, по 1 рублю сер. за большую шампанскую бутылку.

Р. Кёлеръ. № 1008 3—2

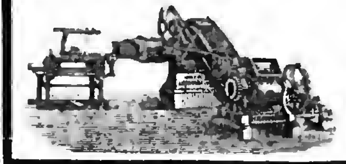
БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ
ФАБРИКИ
Брокаръ и К°. въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемірной Парижской выставкѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ:

У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у прочихъ торговцевъ.

м. № 963 5—3

ТОРФЯНЫЯ И КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ.

для извести и цемента новѣйшихъ конструкцій имѣются въ складѣ у инженера

Лудвига Федоровича Шликейзенъ.

Москва, Мясницкая, домъ Ермаковыхъ. Иллюстрированные каталоги по востребованію.

Ц. № 1005 3—2

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

„КНЯЗЬ БОРИСЪ ЩЕГЛЯТЕВЪ"

Историч. ром. изъ временъ татарскаго погрома. Соч. **П. А. Силманова** (автора повѣсти „Дитя") Спб. 1881 Ц. 1 р. 80 к. съ перес. 2 р. **Прод. у книгопрод. Петербурга и Москвы и въ книжн. складѣ Стасюлевича (В. О. 2 лин., д. № 7).** № 1029

Слѣдящимъ за наукою и литературою, Книгопродавцамъ, Библіотекарямъ, Любителямъ книгъ:

РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ВѢСТНИКЪ КНИЖНО-ТОРГОВАГО И ПЕЧАТНАГО ДѢЛА.

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ Литерат., Ученыхъ и Художеств.

1881. издав. **по оффиц. свѣдѣніямъ, съ содѣйст. извѣст. библіофиловъ, библіографовъ, книгопродавцевъ, гг. библіотекарей, ученыхъ учрежденій** и др., книгопродавцемъ **ЭМИЛЕМЪ ГАРТЬЕ** въ С.-П. Бургѣ. ГОДЪ III.

Рекоменд. Мин. Нар. Просв. для Библіотекъ Ср. Уч. Зав. и **одобрена** для Библіотекъ Учит. Инстит. и Семинарій.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Я. Ѳ Березинъ-Ширяевъ, П. В. Быковъ, А. Ѳ. Бычковъ, Н. Н. Булгаковскій, П. П. Васильевъ** (Казань), **К. С. Веселовскій, Н. В. Гербель, П. А. Ефремовъ, А. Н. Гусевъ** (Харьковъ), **С. Ѳ. Карантаевъ, Д. Ѳ. Кобеко, В. И. Межовъ,** Графъ **Г. А. Милорадовичъ, П. Н. Петровъ, А. А. Посвѣтовъ, А. И. Савельевъ Н. П. Собко, И. Ѳ. Токмаковъ** (Москва), **Н. Шлапкинъ Ѳ. К. Эльсгольцъ** и др.

СОДЕРЖАНІЕ №№: I. **Хроника.**—Библіофилъ: Описаніе рѣдкихъ книгъ.—Библіогр. вопросы.—Библіотечное дѣло.—Книжный рынокъ.—Книжно-торговое дѣло.—Разныя замѣтки.—Новости и слухи.—Библіограф. листокъ (рецензіи).—Послѣднія книжныя новости.—Книги, готовящ. къ печати. II. **Указатель всѣхъ новыхъ русск. и важн. иностр.** III **Указатель нов. статей въ журналахъ и газет.** IV. **Объявленія** гг. книгопродавцевъ, авторовъ и издателей.—Предложенія и требованія рѣдкихъ или подерж. книгъ. **Выходитъ 2 раза въ мѣс. Ц. за годъ съ дост. и пер. 5 руб.,—за 6 мѣс. 2 р. 50 к.** Годъ I (1879) распр., 10 р. Годъ II (1880) полный, 8 р. (безъ №№ 2—5, кот. распр., 4 р.). (Пробный № безплатно).

СОКРАЩЕННАЯ РОССІЙСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

1881. **ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КАТАЛОГЪ** ВАЖНѢЙШИХЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАН. КНИГЪ ГОДЪ III.

(**извлеченіе изъ Россійской Библіографіи**). За годъ съ дост. и перес. 1 р. с. (Пробный № безплатно). Подписка принимается: **Въ Книжномъ Складѣ „Росс. Библіогр." Эмиля Гартье,** Невскій пр. № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ, и въ др. городахъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

№ 1032. 1—1

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ"

подъ общею редакціею съ журналомъ „Вѣстникъ Европы" и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки:	Съ достав.	Съ пер.	За границ.
Три мѣсяца	3 р. 50 к.	4 р.	5 р.	7 р.
Полгода	7 „ — „	8 „	9 „	13 „
Годъ	14 „ — „	16 „	17 „	25 „

Мѣсяцъ: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 к. за границей 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—излишня; такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается, для иногороднихъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я линія, 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. Стасюлевичъ.** № 994 5—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. **НА 1881 ГОДЪ** **годъ второй.**

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ дост. и пересылки.		Съ доставк. въ Москвѣ.		Съ перес. во всѣ города.	
На годъ	7 р. 60 к.	На годъ	8 р. 50 к.	На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣс.	4 „ 30 „	„ 6 мѣс.	4 „ 50 „	„ 6 мѣс.	5 „ — „
„ 3 „	2 „ 30 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 1 „	— „ 90 „	„ 2 „	1 „ — „	„ 1 „	1 „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина.

№ 1010 6—2

ВАЖНО для ЗЕМЛЕДѢЛЬЦЕВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ
СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Знаменитыя молотилки **Вейля**, получившія европейскую извѣстность, необходимы въ каждомъ сельскомъ хозяйствѣ. Онѣ доставляются въ меньшихъ и въ большихъ размѣрахъ и съ разной производительностью, на всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, готовыя къ употребленію. Можно писать по русски, чтобы получить ближайшія подробности и каталоги, въ машинный заводъ

МОРИЦА ВЕЙЛЬ младш. въ Франкфуртѣ на Майнѣ Германія.

Иллюстрированный Альбомъ съ подробнымъ описаніемъ и рисунками посылается заказнымъ и франко по высылкѣ 90 коп. почтов. марками.

Ptr. № 982. 10—2.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ
СОБРАНІЯ
ИНОСТРАННЫХЪ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Желая ознаменовать двадцатипятилѣтіе „Собранія Романовъ", издающагося съ 1856 года, Редакція, кромѣ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, дастъ въ будущемъ 1881 году премію, юбилейный номеръ, составленный изъ сочиненій русскихъ писателей. Тамъ будутъ помѣщены: **Рабыня**, повѣсть *В. Г. Авсѣенко.* **Изъ міра шведской и финской поэзіи**, Академика *Я. К. Грота.* **Историческій разсказъ** *Г. П. Данилевскаго.* **Разсказъ** *Н. С. Лѣскова.* **Обзоръ новѣйшей русской литературы.** *А. П. Милюкова.* **Маркизъ д'Оврисъ д'Онельзя**, разсказъ его же. **Статья** *В. В Стасова.* **Три дня въ жизни молодого человѣка**, повѣсть *Е. Н. Ахматовой.* Во всемъ остальномъ, Редакція будетъ держаться прежней программы, т. е. давать лучшіе и интереснѣйшіе романы преимущественно англійскіе и французскіе, и избѣгать по возможности, не смотря на громкое имя автора, тѣхъ, которые печатаются въ другихъ журналахъ, такъ чтобы „Собраніе Романовъ" составляло сборникъ такихъ статей, которыхъ читатели не могутъ найти, кромѣ „Собранія", нигдѣ. Къ печати приготовлено пока:

ЗАГАДОЧНЫЯ ПРОИСШЕСТВІЯ ВЪ ГЕРОН-ДАЙСКОМЪ ЗАМКѢ. ПОИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАННЫХЪ МѢСТАХЪ. ПЕСЧАНЫЙ ГОРОДЪ, *Жаколіо.* МОНТОНЕРО, *Густава Эмара.* Какіе еще романы будутъ помѣщены въ 1881 году, читатели увидятъ изъ объявленій, печатающихся ежемѣсячно въ газетахъ.

Готовое изданіе „Собранія Романовъ" состоитъ изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, въ которыхъ помѣщается отъ десяти до двѣнадцати романовъ, и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ около *трехсотъ* печатныхъ листовъ, или около *пяти тысячъ* страницъ. Цѣна за всѣ 12 книгъ, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—*десять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—*одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ—*двѣнадцать рублей.* Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади въ С.-Петербургѣ.

№ 1023 2—1

Съ 1-го декабря будетъ выходить въ Петербургѣ новая ежедневная, политическая и литературная газета:

„МИНУТА".

Цѣль редакціи—создать живой органъ, отвѣчающій вкусамъ порядочнаго общества. Отдѣлъ политическій будетъ отличаться ясностью изложенія, хроника — новизною, рецензіи — безпристрастіемъ, отдѣлъ сатирическій—изящнымъ и безобиднымъ для личности остроуміемъ.

Въ фельетонѣ съ 1-го № начнется печатаніе романа изъ эпохи новѣйшихъ русскихъ событій, подъ заглавіемъ: „**Разрушители**".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ,	Полгода.	1 мѣсяцъ.
Безъ доставки.	6 р. 50 к.	3 р. 50 к.	75 коп.
Съ доставкою	8 „ — „	4 „ 50 „	90 „
Съ пересылкою.	9 „ — „	5 „ — „	90 „

Подписка принимается въ конторѣ газеты: Петербургъ, уголъ Большой Итальянской и Большой Садовой, д. Крафта.

Редакторъ-издатель **И. А. Баталинъ (Оса).** № 1022

ПОДПИСКА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ"

СОЕДИНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

„БИРЖЕВАГО ВѢСТНИКА" и „РУССКАГО МІРА".

Постепенное развитіе изданія, — преобразовавшагося въ теченіи года изъ еженедѣльнаго журнала „**БИРЖЕВОЙ УКАЗАТЕЛЬ**", сперва въ издаваемую 2 раза недѣлю газету „**БИРЖЕВОЙ ВѢСТНИКЪ**", а затѣмъ, послѣ соединенія ея съ газетою „**РУССКІЙ МІРЪ**", въ газету „**БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ**", выходящую съ 1-го ноября 3 раза, а съ 1-го января 1881 г. 4 раза въ недѣлю,—говоритъ само за себя и даетъ лучшую гарантію въ дальнѣйшихъ стараніяхъ редакціи къ подобному же постоянному усовершенствованію изданія и въ будущемъ 1881 году.

Успѣхъ изданія объясняется обиліемъ и точностью всѣхъ сообщаемыхъ газетою свѣдѣній и корреспонденцій, а также непреклоннымъ слѣдованіемъ по разъ начертанной программѣ „*стоять на стражѣ интересовъ русской публики и русскаго торгово-финансоваго міра*", которое видно изъ руководящихъ статей и фельетоновъ газеты.

Помѣщая, между прочимъ, также политическій, общественный, литературный и музыкально-театральный отдѣлы, газета остается, какъ донынѣ, преимущественно **газетой биржи, финансовъ, торговли и промышленности**, сохраняя притомъ свое нынѣшнее безплатное прибавленіе—„**Тиражный Листокъ**", а также и другія, спеціально торгово-финансовыя прибавленія.

Редакціей обращено особенное вниманіе на **ТОВАРНЫЙ ОТДѢЛЪ**, въ которомъ участвуютъ уже нынѣ болѣе 80 русскихъ и заграничныхъ корреспондентовъ-спеціалистовъ.

Въ газетѣ сосредоточивается отчетность русскихъ акціонерныхъ и прочихъ кредитныхъ учрежденій.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою:

	р.	к.
На 1 годъ съ 1 января 1881 г.	12	—
„ 1/2 „ „ „ „ „	7	—
„ 1/4 „ „ „ „ „	4	—
„ 1 мѣсяцъ „ „ „ „	1	50
Съ 1 ноября 1880 г. по 1 января 1882 г. (на 14 мѣсяцевъ).	13	50
Съ 1 декабря 1880 г, по 1 января 1882 г. (на 13 мѣсяцевъ).	12	75

Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Малой Морской ул., въ д. 19, кв. 2, куда просимъ адресовать подписныя требованія.

Редакторъ: **П. С. Макаровъ.** Издатель: **С. М. Проппeръ.**

№ 1004 4—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫЙ журналъ, изданія годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа". № 999 10—2

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА:

„МУЧЕНИКИ НАУКИ".

Соч. **Гастона Тиссандье.**

Переводъ съ французскаго, подъ редакціей Ф. Павленкова. Спб. 1880 г. 360 стр., съ 85 гравюрами и 20 портретами. Цѣна 2 р. 50 к. Складъ въ книжн. маг. В. А. Цвылева. Спб. Малая Садовая, 2. № 1021

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ

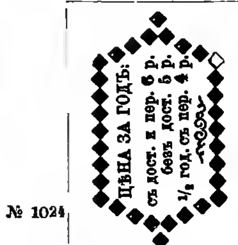
ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1881 г. съ приложеніемъ

СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣдѣнія церковн., астрон., генеалогическ., географическо-статистическія истор., почтовыя, телеграф., желѣзно-дорож., коммерческія, медицин., хозяйственн., адресо-указат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, каррикатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со „**СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ**" 30 коп., за пересылку 10 копѣекъ. Ptr. № 1026 5—1

№ 1024

ШУТЪ

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 110.

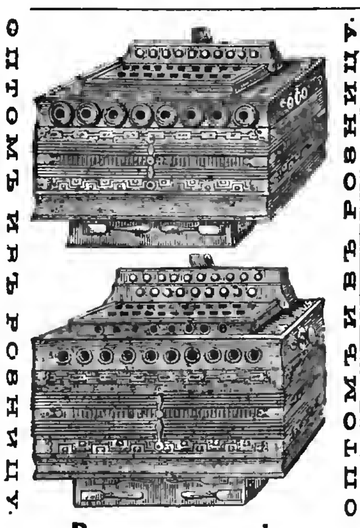
ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

Еженед. Худож. и Юмор. Журналъ Каррикатуръ,

ПЕЧАТАЕМЫХЪ КРАСКАМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ (ХРОМОЛИТОГРАФІЯ).

Содержаніе: въ годъ 52 №№ большаго формата, 156 большихъ рисунковъ, исполненныхъ красками, болѣе 350 рисунковъ въ одну краску, и 260 страницъ текста въ прозѣ и стихахъ.—Для годовыхъ гг. подписчиковъ **въ видѣ преміи**—роскошный альбомъ изъ 20 листовъ картинъ-гравюръ, рисунковъ и эскизовъ, на полученіе коего благоволятъ приложить: безъ доставки и пересылки 1 р., съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

8—4

Ручныя гармоніи.

лучшей работы и съ очень звучнымъ и пріятнымъ тономъ.

Въ одинъ рядъ.

8 клавиша съ	1 регистромъ	.	4 50
8 „ „	2 „	. .	6 —
10 „ „	1 „	. .	5 50
10 „ „	2 „	. .	7 —
10 „ „	1 „ больш. форм. прочн. работ.		10 —
10 „ „	2 „ „ „		12 —
10 „ „	3 „ „ „		12 —
10 „ „	4 „ „ „		15 —
10 „ „	4 „ лучш. работ.		20 —

Въ 2 ряда.

17 клав. съ 2 рег.	. .	.	15 —
19 „ „ 2	лучшей работы	.	20 —
21 „ „ 4	. . .	.	35 —

и многіе другіе сорта.

Новый самоучитель Соколова 1 р.

4 тетради нотъ съ танцами, операми, романсами и проч. по 75 коп.

За перес. гармоній до	7 р.	за 15 ф.
„ „	по 10 р и 12 р.	за 20 ф.
„ „	по 15 р. и 20 р.	за 25 ф.
„ „	по 35 р.	35 ф.

Юлій Генрихъ Циммерманъ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ В. № 1038

С.-Петербургъ, по Большой Морской, № 42.

СКЛАДЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ,

американскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ конструкцій для семействъ и ремесленныхъ заведеній.

А. ШТЕЙНЪ

въ С.-Петербургѣ, Вознесенскій просп., д. № 21.

Продажа оптомъ и въ розницу.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ.

Ручныя машины 20 разныхъ конструкцій отъ 12 до 45 руб.

Ножныя машины 40 разныхъ конструкцій от 35 до 350 руб.

Маш. для вязанія, шитья перчатокъ, елисе-

БЕЗПЛАТНО ВЫСЫЛАЮ

подробный прейсъ-курантъ

ГЛАВНОЕ АГЕНТСТВО ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

фабрики Резенбергъ и Френкель въ Берлинѣ. спеціальныхъ машинъ, шьющихъ **кареной дратвой,** для шорныхъ, каретныхъ, парусинныхъ и войлочныхъ мастерскихъ, для мѣшковъ и военныхъ голенищъ.

Фабрики Іуліусъ Гутманъ въ Берлинѣ спеціальн. машинъ для **выметыванія петель** въ сукнѣ, бѣльѣ, дамскомъ нарядѣ и обуви.

Фабрики Линцъ и Еммертъ въ Берлинѣ спеціальная машина для **вышиванія** въ батистѣ, тюлѣ, шерстяной и шелковой матеріи, войлокѣ, сукнѣ и т. д.

Складъ иголокъ, отдѣльныхъ частей и масла къ швейнымъ машинамъ, бумаги, шелку и нитокъ. К. № 906. 10—4

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ"

и **„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА".**

Подписная цѣна: на 1 г для иног. 9 р. для городск. 8 р., на ½ года для иног. гор. 5 р., на 1 мѣс. для иногор. и городск. 1 руб. СПБ. Гороховая, 32, близъ Каменнаго театра. К. № 909 10—8

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

ПАВЛА БУРЕ

фабриканта часовъ

Поставщика Высочайшаго Двора

и

часовыхъ дѣлъ мастера

Императорскаго Русскаго Флота.

Золотые дамскіе часы, заводящіеся ключемъ.

Анкерные на 15 камняхъ открытые, 45, 50 и 55 р. с. (смотря по вѣсу золота въ корпусѣ).

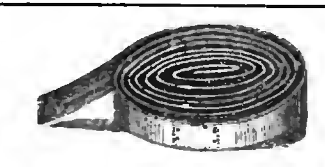
Такіе же закрытые 55, 60 и 65 р. с.

Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ 75, 80, 85 и 100 р. с.

Тоже высшаго достоинства съ уравнительнымъ маятникомъ отъ 1.0 до 255 р. с.

Въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 23. Въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, д. Тверскаго подворья.

Подробный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. № 880 33—11

ЛУЧШІЕ АМЕРИКАНСКІЕ

КОЖАНЫЕ ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ.

ЛУЧШАЯ АМЕРИКАНСКАЯ

ПОДОШВЕННАЯ КОЖА

ГЕМЛОКЪ.

Американскія лопаты, вилы для сѣна и навоза, грабли, топорики, гаечные ключи, ящикъ-раскрыватели и т. п.

Г. М. ХУТТОНЪ И К°.

Мал. Морская, д. № 14.

Москва, Большая Лубянка, д. Ивановскаго монастыря. бывшій Мазуриной.

На Нижегородской ярмаркѣ, въ зданіи каменнаго театра.

К. № 907 5—5

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Америк. брошюровочная машинка. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. **Горѣлки** съ гасильникомъ и горѣлки митральезы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Свѣчегасители, которые ставятся при зажженіи свѣчи такъ, чтобы она погасла сама собою когда угодно. Ц. 50 коп. съ пер

Лампа-печка кухня, горящая безъ фитиля запаха и копоти, отъ 5 р. 50 к. до 14 руб. пер. за 12 ф. Машинка для очистки фитилей. Ц. 20 к. **Огнеразжигатели** для камин., печей и проч. Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Гектографъ усовершенств. отъ 3 до 12 р. **Масса** съ наставленіемъ для изготовл. дома гектографа съ чернилами и пр. 5 р. за 5 ф Отдѣльно масса 1 р. за ф., чернила 25 к. б. Составъ д. смыв. черн. 50 к.

Удачнѣйшіе **ПОДАРКИ** для дѣтей и взрослыхъ.

Гелюминіатюра, аппаратъ съ помощью котораго всякій, даже неумѣющій рисовать и красить, можетъ раскрашивать акварельн. и масляи. красками фотограф. портреты. карточки и т. п. Ц. 4 и 6 р., пер. за 5 ф

Литохромія, съ помощью которой всякій, даже неумѣющій рисовать и красить, можетъ обращать гравюры, литографіи и т. п. печатныя произведенія въ плащиные масляныя картины. Цѣна 5 и 6 р., пер. за 5 и 6 ф.

Аппараты для рисованія и чистописанія разн. системъ по 1 р., съ перес. 2 р.

Домашній фотографъ 2 р., съ пер. 3 р

Оптовымъ покупателямъ уступка.

Подробный каталогъ высылается безплатно.

Адр.: въ **складъ новыхъ изобрѣтеній І. Зегимеля, Невскій проспектъ, д. № 4. СПБ.** № 9092 - 1

НАШИ ПОРОШОКЪ И МАСЛО

для чистки мѣдныхъ вещей

придаютъ самоварамъ, подсвѣчникамъ, двернымъ и оконнымъ приборамъ, кухонной посудѣ и проч.

совсѣмъ особенный блескъ

и продаются по 30 к. за пару.

Для чистки же ножей, ножницъ и пр. стальныхъ вещей

какъ и для чистки

БРОНЗЫ и СЕРЕБРА

рекомендуемъ наши англійскіе порошки

Р. КЕЛЕРЪ И К°.

въ МОСКВѢ,

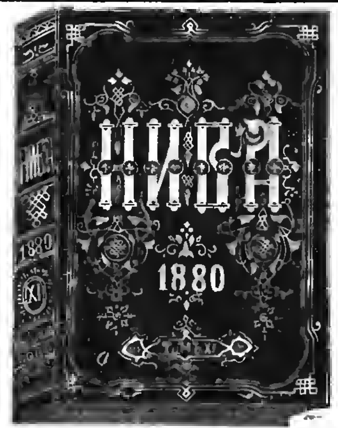
магазинъ аптекарск. товаровъ. Никольская, на углу Черкасскаго пер.

Ц. № 905 8—8

„САПОНАТЪ"

МЫЛО

въ кускахъ и порошкѣ, совершенно безвредное для мытья бѣлья **холодною** водою безъ щелока. поташа, безъ простаго мыла, безъ **мяченія,** не нужно топлива, нѣтъ пара и сырости; можно стирать не только въ комнатахъ, но и на открытомъ воздухѣ; стирка обходится дешевле на **половину.** Кромѣ стирки бѣлья, „Сапонатъ" превосходно моетъ шелковыя, шерстяныя и др. ткани, сохраняя краски и блескъ. Въ баняхъ, ваннахъ и при умываніи рукъ, лица и головы, освѣжаетъ тѣло мягчитъ кожу и волосы; уничтожаетъ перхоть, накожную сыпь и незамѣнимъ въ порошкѣ для **бритья** бороды. Кусокъ для мытья 1¼ пуд. сух. бѣлья 20 к. Короб. порошка 25 к. Опт. прод. въ складѣ Т-ва въ Собургѣ Коломинская у., 31; розн. у Штоль и Шмидтъ: въ Рус. Об. апт. тов. Казанская, 12; въ аптек. маг. Гертхвна, Казанская, 37 и въ друг. магазинахъ. Торговцамъ значительная уступка № 1031

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золот. тисненіемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую коленкоровую крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВЫ" прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса Спб.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина** *второе изданіе*, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 804 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 7 р. 30 к. Подписчики „Нивы" съ перес. не платятъ.

Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что повѣсть эта и переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Нынѣ вышедшее второе изданіе заключаетъ въ себѣ 36 рисунковъ; оно гораздо богаче и лучше чѣмъ, уже распроданное, первое изданіе этой повѣсти.

ВЪ „MAGASIN ÉTRANGER"

Иностран. магаз. Б. Морская, д. № 30.

ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНО:

АМЕРИКАНСКАЯ МЕХАНИЧЕСКАЯ

!! ЧУДО ПРАЧКА !!

Это несложная, прочная, устройства самаго простаго. машинка для стирки бѣлья — кладъ въ каждомъ хозяйствѣ, она лучше всякихъ, до нынѣ изобрѣтенныхъ, даже самыхъ цѣнныхъ прачешныхъ машинъ; она, дѣйствуя давленіемъ а не треніемъ, предохраняетъ бѣлье отъ порчи. Дѣлаетъ большую экономію времени и труда и что требовало сильныхъ рукъ и пятидневныхъ трудовъ, можно легко сдѣлать въ одинъ день; ее легко придѣлать во всякую большую или малую лоханку, даже въ корыто. Самый неопытный, хотя дитя, можетъ ею дѣйствовать и ни одна домашняя вещь не вознаградитъ такъ щедро покупателя не принесетъ такую громадную пользу и такой лихвенный процентъ, какъ предлагаемая испытанная, неоцѣнимая, американская прачешная машина. Ц. 16 р., гг. иногор. кромѣ 16 рубл. выслать должны еще за упак. 1 р 50 к. и порто ихъ за 30 фунтовъ.

!!! МЕХАНИЧЕСКАЯ !!!

ВЫЖИМАЛКА

вся металлическая, съ резинов. валами, вещь необходимая, сохраняетъ бѣлье и такъ ускор. сушку, что сейчасъ можно гладить. Кружева, занавѣсы и проч. самое нѣжное бѣлье можно стирать дома. Цѣна. 22 р.; по большому вѣсу, перес по почтѣ неуд-бная но мел. дорогѣ или трансп. конт., ящ. и упак. 1 р. 50 к., перес. за 2 пуда.

!!! МЕХАНИЧЕСКІЙ !!!

КАТОКЪ;

для бѣлья, **отличнаго устройства.** Ц. 50 р. иногор. съ перес. за 6 пудовъ.

!!! УТЮГИ !!!

Американскаго новаго очень удобнаго устройства, содержащіе особ. составъ сохраняющій очень долго жаръ. Комплектъ изъ 3 штукъ съ ручкой и подставкой цѣна 10 р. иногор. съ перес. 14 р.

!!! МАШИНКИ !!!

рубятъ мясо въ нѣсколько минутъ въ самыя мелкія волокна. Ц 6 р. и дор. Перес. за 8 ф

АМЕРИКАНСКІЕ КАРМАННЫЕ ВѢСЫ

съ цифрами безъ гирь, которыми можно мгновенно провѣрить всякій вѣсъ до 12 и 25 фунтовъ. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 к., иногородн. съ пересылк. 2 р. 50 к. и 3 р. Кухонные съ чашею 2 р.; иногор. съ пер. 3 р.

!!! МАШИНКИ !!!

сбивать яйца или сливки въ нѣсколько минутъ. Ц. 1 р. 25 к, иногор. съ перес. 2 р.

!!! НОВОСТЬ !!!

Кухонный инструментъ или удивительная ручка - ухватъ, для сковородъ, молотокъ, ножъ для консервовъ. рычагъ для гвоздей и рукоятка. Ц. 75 к. иног. съ перес. 1 р. 25 к.

!!! КАРМАННЫЯ КУХНИ !!!

Футлярчикъ съ таганчикомъ и спиртовой лампочкой особаго устройства; ц. 1 р. 25 к. и 2 р., иногор. съ пересылкой 2 р. 50 коп.

!!! НОВОСТЬ ИЗЪ АМЕРИКИ !!!

Ковшики изъ кокосоваго орѣха съ ручкою. Ц. 75 к., иногор. съ пересылк. 1 р. 25 к.

МЕХАНИЧЕСКІЕ

!!! ПРОБОЧНИКИ !!!

которыми можно вытащить безъ малѣйшаго труда самыя тугія пробки. Ц. 1 р. 50 к., 2 р. 50 к. и 3 р., иног. съ пер. 2, 3 и 5 р. 50 к. Американскія пробочники простые ц. 15 к.

НОЖИ ДЛЯ САРДИНОКЪ

которыми всякія жестянки разрѣзываются какъ бумага, ц. 50 к. и 1 р., иногор. съ перес. 1 р. и 1 р. 50 к.

ВСЕОБЩІЙ ИНСТРУМЕНТЪ

содержащій болѣе 12-ти разныхъ домашнихъ инструментовъ, к. т.: молотокъ, отвертка, клещи, ключъ для винтовъ и пр. Цѣна— 3 р., иногор. съ перес. 3 р. 50 коп.

!!! СТАЛЬНЫЯ ТОЧИЛА !!!

на которыхъ можно точить мгновенно ножи столовые, всякіе инструменты, ножницы, топоры и пр. ими можно рѣзать стекло. Цѣна 50 к. Иногороднымъ съ перес. 1 р.

ПАРИЖСКІЯ МЫШЕЛОВКИ,

которыми можно выловить мышей до послѣдней. Цѣна 25 коп. штука, для иногородн. съ перес. за 2 штуки 1 р. Крысоловки ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

!!! КАРМАННЫЕ ФОНАРИ !!!

маленькія, съ оптическимъ и побольше, съ толстымъ стекломъ, также дорожные. Ц. 2 р. 2 р. 50 к. и 3 р., иногор. съ пер. 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к.

Удивительная головоломка,

игра въ 15. Ц. 25 коп. иногор. за 2 экземпляра 1 р. Требованія гг. иногородныхъ съ приложенными деньгами исполняются немедленно. Адресовать: въ „MAGASIN ÉTRANGER" иностранный магазинъ И. Бартельда по Большой Морской, д. № 30, въ СПБургѣ. В. № 1034

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписч. (за исключеніемъ Московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго маг. К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 29 Ноября 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Тип. Васильев. Остр., Линія № 10

XI годъ № 48 — годъ XI 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Выданъ 29 Ноября 1880 г.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Назначеніе Константина Петровича Побѣдоносцева Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Сѵнода было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, такъ какъ имя его давно было извѣстно по его ученымъ и литературнымъ трудамъ, также какъ и опытность его какъ въ юридическихъ такъ и въ государственныхъ вопросахъ. Юристъ по образованію (кончилъ курсъ въ Им. Учил. Правовѣдѣнія въ 1846 г.), Константинъ Петровичъ первые годы службы посвятилъ судебному вѣдомству, начавъ сперва въ скромномъ званіи помощника секретаря, потомъ секретаря и наконецъ Оберъ-Секретаря въ одномъ изъ департаментовъ Московскаго Сената. Выполняя свои столь многосторонныя служебныя обязанности, Константинъ Петровичъ въ тоже время не оставлялъ и научныхъ трудовъ; тогда же онъ печаталъ свои интересныя извѣстныя статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и занималъ въ Московскомъ Университетѣ каѳедру гражданскаго права до

К. П. Побѣдоносцевъ. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода
Рис. Лебедевъ, грав. Б. Пуцъ.

1860 года, когда былъ приглашенъ для преподаванія юридическихъ наукъ покойному Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу и Великимъ Князьямъ Александру и Владиміру Александровичамъ. Въ Петербургѣ онъ оставался недолго и уже въ 1862 году его снова видѣли въ Москвѣ, сначала въ званіи чиновника за Оберъ-прокурорскимъ столомъ а потомъ въ должности Оберъ-Прокурора 8-го департамента Сената. Дальнѣйшая служебная дѣятельность Константина Петровича принадлежитъ всецѣло Петербургу. Здѣсь въ 1865 году онъ былъ назначенъ членомъ консультаціи, въ 1868 году—Сенаторомъ, а 1-го января 1872 года членомъ Государственнаго Совѣта. Къ послѣднему времени, когда Константинъ Петровичъ занималъ уже высшія государственныя должности, относятся и тѣ его ученые и литературные труды, которые доставили ему вполнѣ заслуженную извѣстность. Изъ этихъ трудовъ мы поименуемъ:

„Письма о путешествіи Государя Наслѣдника отъ Петербурга до Крыма“ (1864), „Курсъ Гражданск. права“ (1868), „Судебн. руководство“, „Историческія изслѣдованія и монографіи“ и переводъ знаменитаго творенія Өомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“.

Призванный 22 апрѣля текущаго года къ выполненію высокой и важной обязанности Оберъ-Прокурора при Святѣйшемъ Сунодѣ, Константинъ Петровичъ на первыхъ же порахъ отнесся къ своему новому назначенію съ свойственною ему осторожностью и добросовѣстностью и счелъ необходимымъ лично ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ многихъ епархій, чтобы имѣть прочныя данныя для будущихъ мѣропріятій, которыхъ отъ него ожидаютъ.

Ночь.

Разсказъ дѣвочки.

Н. Морскаго.

Бѣдныя вы, брошенныя, покинутыя...

I.

Мамаша умерла, когда мнѣ было только четыре года и я ее не помню. Теперь я большая, мнѣ ужь одиннадцать лѣтъ исполнилось 8-го сентября, а теперь октябрь, значитъ двѣнадцатый пошелъ. Вотъ я вамъ все, все разскажу по порядку. Папа мой милый, какъ онъ меня любилъ! Бывало придетъ передъ сномъ благословить, а я въ постелькѣ ужь лежу, нарочно глазки закрою такъ, что только крошечныя щелочки въ глазкахъ оставлю, чтобы видѣть его, а онъ думаетъ, что я сплю, свѣчу рукой заслоняетъ, на ципочкахъ крадется... Тогда я не утерплю и засмѣюсь... Онъ и спроситъ:

— Не спишь, моя крошка?

И бывало присядетъ на постельку, свѣчку на столъ поставитъ... Я глаза открою и молчу, гляжу на него, посмѣиваюсь... Ахъ папа, папа мой дорогой, посмотрѣла бы я на тебя теперь, хоть разочекъ!.. И Тереза, кукла моя, что ты мнѣ на имянины подарилъ, тоже объ тебѣ соскучилась... Мы съ ней часто о тебѣ говоримъ, папа. Она, знаешь, какая шалунья? И я ей, когда шалитъ, пригрожу (маленькія такія бываютъ ужасныя шалуньи, съ ними безъ строгости нельзя, папа) папѣ, Тереза, все, все разскажу... Тогда она отвѣчаетъ:

— Папочка добрый, расказывай, не боюсь я нисколько...

Вотъ и заспоримъ, и потомъ обѣ заплачемъ. Право, право и у Терезы по ея румянымъ щечкамъ изъ голубыхъ глазокъ слезы кажется льются!.. Даже слѣды на щечкахъ остаются. Да, когда же, папа, мы увидимъ тебя?!

Вотъ я и заговорила о другомъ, о Терезѣ вспомнила, а хотѣла о папѣ разсказать... Онъ меня спрашиваетъ:

— Почему ты не спишь, сокровище мое!

— Весело.

Да, весело. Папа съ утра въ должность отправится, Акулина тоже со двора уйдетъ, или въ кухнѣ возится, а я одна. Тогда я запрусь и отпираю только, какъ Акулина мнѣ черезъ дверь крикнетъ, что это она, а не чужой кто пришелъ. Вотъ останусь одна, въ уголкѣ у окна стулъ поставлю, Терезу противъ себя съ книжкой посажу и учу ее. Она ужасная баловница и я ее наказываю, въ уголъ ставлю. Я у папы не такъ училась, когда онъ приходилъ изъ должности. Ахъ, папа такъ бывало устанетъ всегда... Я его посажу: не двигайся, милочка! и раздѣваю его, тащу съ него сюртукъ. А онъ смѣется: ахъ ты, говоритъ, крошка! Потомъ сядемъ обѣдать; я три стула поставлю: папочкѣ, себѣ и куклѣ Терезѣ. Тереза только сладкое любила, хоть я ей сколько разъ говорила, что говядину тоже надо кушать... для росту... А когда папа пообѣдаетъ, сядетъ дѣла рѣшать... Этихъ дѣлъ онъ ужасно много съ собой приносилъ и я спросила его разъ:

— Какія это, папочка, дѣла?

— Люди, говоритъ между собою ссорятся, а я ихъ мирю.

Я подумала и говорю:

— Это ты, папа, хорошо дѣлаешь. Зачѣмъ ссориться?

Папа вздохнулъ и говоритъ:

— Хорошо, крошка, но лучше было бы, если бы такихъ дѣлъ и совсѣмъ не было.

Папа такъ до глубокой ночи за дѣлами, а я съ Терезой... Вотъ онъ и крикнетъ, какъ мнѣ время ложиться:

— Ложись, крошка.

Я уложу сперва Терезу, а потомъ и сама улягусь. Вотъ тогда-то и придетъ папа, а я и представлюсь что сплю, да не выдержу и засмѣюсь. А потомъ вскочу съ постельки, нависну на шею папѣ... Да когда же, когда же это все вернется?..

II.

Папа всегда присядетъ на край кроватки и закуритъ папироску. Вотъ тутъ-то мнѣ весело дѣлалось. Тогда я начну съ нимъ болтать и онъ болтаетъ и ясный такой и веселый сдѣлается; просто бы кажется только на него и смотрѣла! И вотъ я тогда съ папой разные разговоры разговаривала, а онъ все мнѣ отвѣчаетъ, Разъ я его спрашиваю:

— И ты, папа, скоро заснешь?

— Нѣтъ, говоритъ, крошка, мнѣ надо еще заняться. Дѣло, говоритъ, одно надо разсмотрѣть еще.

А я спрашиваю:

Опять помирить кого-нибудь?

— Опять,—говоритъ.

А я тогда посмотрѣла на него да и говорю:

— А ты однако усталъ.

— Да, говоритъ,—очень.

— Такъ ложись, завтра помиришь, пусть, говорю, до завтра немножко поссорятся.

Такъ и рѣшила. Папа разсмѣялся и потомъ вдругъ озабоченный такой сдѣлался, сталъ торопиться папиросу курить и говоритъ:

— Нѣтъ, Анночка, такъ не хорошо. Мнѣ надо это поскорѣе окончить, моя крошка. Я, говоритъ, за это жалованье получаю.

— Да вѣдь ты же усталъ и скучно тебѣ?

Вотъ я папу не узнала! Такой онъ тогда скучный сдѣлался, что я даже задумалась. Вѣдь миритъ и дома и дома все кому-то примирительныя письма пишетъ и въ должность за этимъ ходитъ, а скучаетъ. Добро дѣлаетъ, а скучаетъ... Нѣтъ, папа, я не понимаю...

Тогда папа мнѣ и разъяснилъ. Дѣло дѣлать, работать, всякій говоритъ, долженъ. Надо только чтобъ работа была по сердцу. Вотъ тогда не скучно и не тяжело. А если говоритъ, немилымъ дѣломъ заниматься, только, говоритъ, изъ-за того, чтобы сытымъ быть,— это, говоритъ, тяжело и скучно. А мое дѣло, говоритъ, потому тяжело, что хоть я, какъ говорилъ тебѣ, и мирю людей, да отъ этаго ссоры эти на землѣ не прекращаются, а еще точно все больше да больше ихъ. Потомъ всталъ и простился со мною:

— Прощай дитя, прощай моя крошка. Выростешь— поймешь мои слова, а теперь спи себѣ спокойно...

III.

Вотъ такъ жили мы съ папой. У насъ было три комнатки и кухня. Въ кухнѣ Акулина жила, а домъ нашъ на дворѣ стоялъ. Акулина добрая была, только все молчала, а когда что скажетъ, такъ ничего у нее не поймешь... Ей скажешь, поставь, Акулина, самоваръ, а она на это заговоритъ, что ничего не поймешь. А добрая была. А папочка все въ должности, а я одна. Такъ долго жили мы, и зиму, и лѣто жили и никто у насъ не бывалъ, и мы нигдѣ не бывали. Лѣтомъ, по воскресень-

ямъ, папа гулять меня въ садъ большой такой водилъ. Отличный садъ! На улицѣ жарко, а въ садъ этотъ войдешь—совсѣмъ деревья отъ солнца закрываютъ. И дѣтей много, много, все хорошенькія такія, а я дѣтей мало видала, одна росла, все одна... И хочется съ ними поиграть, а какъ-то боюсь и не умѣю. Такъ издали поглядываю. Вотъ съ папочкой у меня разговоръ всегда. Имъ да Терезой только и жила. Вернемся домой я и разболтаюсь, смѣюсь и шалю, а чуть при другихъ дѣтяхъ, молчу и смотрю исподлобья. Такъ и шло время.

Вотъ разъ идемъ мы съ папой по этому чудесному саду, папа мнѣ и разсказываетъ, что давно, давно, еще до того, какъ онъ на мамѣ женился, гдѣ-то далеко, въ какой-то чужой землѣ—онъ такой садъ видалъ, гдѣ всякіе звѣри въ клѣткахъ жили. Зелень, говоритъ, цвѣты и вездѣ пруды голубые, бесѣдки изъ цвѣтныхъ изразцовъ, а въ бесѣдкахъ клѣтки съ разными звѣрями, птицами, ящики съ змѣями живыми... А змѣи, говоритъ, чтобы имъ теплѣе было, въ тряпки завернуты. А потомъ тамъ птицы красныя. Я слушала, а папа вдругъ замолчалъ, не кончилъ, схватилъ меня за руку... точно испугался чего.

— Пойдемъ, говоритъ, сюда...

И повернулъ въ сторону... Я оглянулась: чего это испугался папа? Вотъ и вижу—идетъ за нами дама какая-то. Ростомъ невысокая, въ черномъ платьицѣ, коротенькомъ такомъ, ботинки видно. Шляпка соломенная круглая, а лицо у дамы маленькое, немного больше моего—блѣдное и худое. Я посмотрѣла на даму; вижу и она всматривается въ папу. А папа не оглядывается, шибко такъ идетъ, голову опустилъ и со мной ни слова не говоритъ. Я едва поспѣвала за нимъ. Просто бѣжали оба. Тогда слышу, что дама папашу по имени окликнула, а папа не отвѣчаетъ. Тогда я остановилась и говорю папѣ:

— Папочка, тебя зоветъ кто-то. А онъ съ такой неохотой оглянулся и остановился. А дама засмѣялась и подходитъ, руку папашѣ подаетъ:

— Вотъ, говоритъ, нечаянная встрѣча. Я васъ искала, но адреса вашего не добилась. Очень рада васъ видѣть.

Большая дама, а такъ похожа манерами на дѣвочку, а лицо не молодое и некрасивая, живая только... И все смѣется..

— Я,—говоритъ,—мужа схоронила—и засмѣялась.

Папа ничего не сказалъ ей на это, но кажется ему не понравилось, что она говоритъ о смерти мужа и смѣется сама. Онъ помолчалъ. А дама говоритъ:

— Я теперь вольный казакъ...

И опять засмѣялась.

Тогда я говорю:

— Здраствуйте.

— Здраствуйте — отвѣчаетъ,—вы, я вижу, бойкая... А меня, говоритъ, всѣ дѣти боятся... Я, говоритъ, сердитая...

И точно такъ сердито па меня посмотрѣла, что я притихла и замолчала. А она засмѣялась и говоритъ папѣ, показываетъ на меня:

— Этихъ, говоритъ, слюнтяекъ, я не долюбливаю... Неужели вамъ не надоѣстъ возиться съ ней?..

Папа на это опять ничего не сказалъ и опять я замѣтила, что ему было непріятно. Дама заговорила съ нимъ объ другомъ и на меня ужъ не обращаетъ вниманія. Все смѣялась и простилась, сказала папашѣ, что непремѣнно зайдетъ къ намъ. А онъ сдѣлался веселѣе, какъ она ушла, и я спросила его.

— Кто это,—говорю,—папа?

— А это,—говорятъ,—одна моя ученица. Я прежде уроки давалъ, такъ вотъ и ее училъ, какъ она еще замужъ не выходила...

И болѣе объ этой дамѣ ничего мы не говорили и вернулись домой.

IV.

И съ этаго дня много, много дней прошло, и дама эта (я потомъ узнала,—звали ее Аделаидой Петровной) дама эта къ намъ все еще не приходила. Только стала я замѣчать: папочка съ самаго того дня, какъ мы ее въ саду встрѣтили—ужасно сталъ чѣмъ-то тревожиться. И я долго не знала, отчего онъ это тревожится, пока самъ онъ не сказалъ разъ:

— Хоть бы эта Аделаида поскорѣе приходила съ своимъ дѣломъ да отвязалась со своими посѣщеніями.

Послѣ этихъ словъ я сама стала желать, чтобы Аделаида Петровна, если ужъ это такъ надо, побывала бы у насъ, а потомъ и совсѣмъ бы не приходила. А она все нейдетъ, а папа все чѣмъ-то обезпокоенъ .. Не знаю почему, а я съ папой объ ней никогда не говорила. И я думала, что она ужъ совсѣмъ не придетъ и все начнется по старому, и папа веселѣе станетъ, и мы заживемъ счастливо, какъ бывало жили. Я объ этомъ тогда же сказала Терезѣ.

Только разъ сижу я одна и ожидаю папу изъ должности. А на улицѣ дождь льетъ—ужъ осень была. Акулина на столъ накрыла. Вотъ, вотъ придетъ папочка весь измоченный, а я стану съ него сюртукъ снимать, халатъ подамъ. А столъ у насъ накрыли на три прибора, какъ всегда: для папочки, противъ него для меня и между насъ, сбоку, для куклы Терезы. Вотъ въ это-то время вдругъ и позвонили... Я побѣжала отперетъ, думаю это папа, отворила дверь -вижу, стоитъ Аделаида Петровна, все въ черномъ короткомъ платьицѣ, въ пледѣ...

Пришла!.. Я чего-то испугалась, стою, не шевелюсь... Она вошла и спрашиваетъ:

— Отецъ еще не вернулся?

— Нѣтъ, говорю.

— Ну, и прекрасно!

Сняла пледъ и тутъ я замѣтила, что у нея въ рукахъ хорошенькій букетъ... Я на этотъ букетъ засмотрѣлась, а она мнѣ:

— Нечего глаза пялить. Поди, принеси стаканъ воды.

Я побѣжала за водой, вернулась и вижу—Аделаида Петровна мебель въ нашей первой комнатѣ переставляетъ... Что это, думаю, зачѣмъ? Стала у стола и смотрю, а она вниманія на меня не обращаетъ. Мебель переставила всю какъ-то очень красиво, мы никогда такъ не умѣли сдѣлать. Потомъ письменный столъ убрала, потомъ свѣчи зажгла на немъ, потомъ букетъ свой посреди обѣденнаго стола поставила. А потомъ шторы опустила и стало въ комнатѣ такъ нарядно, весело и свѣтло. Тогда она увидѣла три прибора на столѣ и говоритъ:

— Меня ждали?

— А я отвѣчаю!

— Это для Терезы.

А она спрашиваетъ:

— Это еще кто?

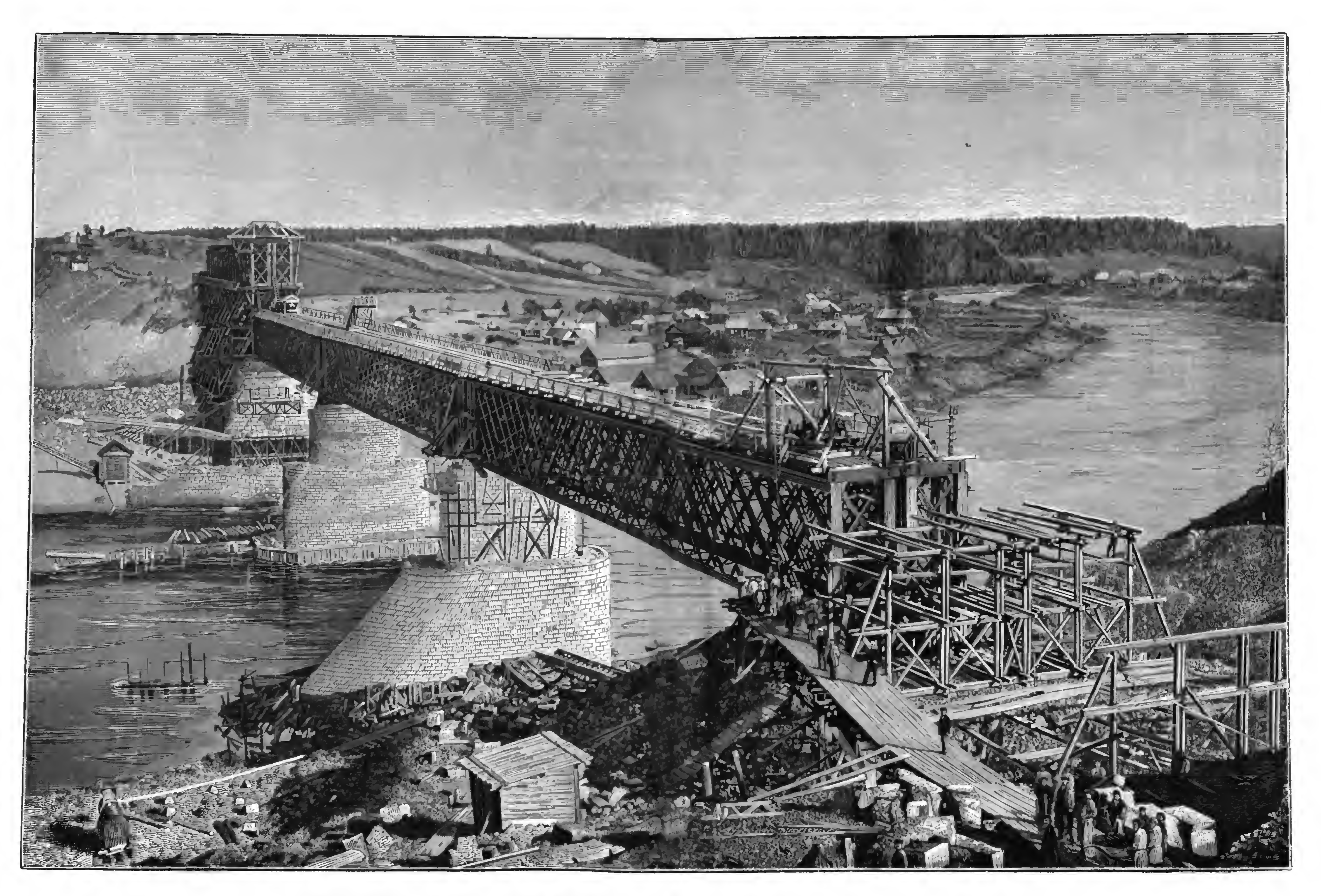
— Моя кукла.

Она разсмѣялась:

— Ну, ужъ такихъ глупостей я не позволю при себѣ. Вотъ еще вздоръ какой!

И ушла въ кухню къ Акулинѣ, оставила меня одну. Я постояла, посмотрѣла, какъ нарядно у насъ стало съ папашей! Точно не у насъ, а въ гостяхъ гдѣ! И пошла посмотрѣть, что дѣлаетъ Аделаида Петровна въ кухнѣ.

А она все дѣлала ужасно скоро. Я застала ее съ засученными рукавами, готовитъ котлеты. Акулину послала за селедкой, очистила селедку и изрубила и тоже въ котлеты положила. А потомъ соусъ приготовила. Потомъ салатъ сдѣлала. У насъ съ папочкой все то бывало супъ да говядина жареная, а тутъ точно имянины... Когда все это окончила Аделаида Петровна, вымыла руки, оправила рукава и платье, причесалась передъ

Новый желѣзный мостъ черезъ р. Мсту по Николаевской (Москов-Петерб.) жел. дорогѣ. Съ фотогр. Е. Вишнякова, грав. М. Рашевскій.

зеркаломъ и... Не знаю, какъ она это умѣла: некрасивая такая была, а стала будто хорошенькая... Вотъ тутъ папа и вернулся изъ должности.

V.

Показалось мнѣ, онъ какъ увидѣлъ Аделаиду Петровну—точно испугался, хоть и говорилъ, что было бы лучше, если бы она поскорѣе пришла, да потомъ ужъ и совсѣмъ никогда не приходила. А Аделаида Петровна въ этотъ разъ не смѣялась, какъ тогда, когда мы встрѣтили ее въ саду. Поздоровалась съ папой такъ скромно и сдѣлалась такая печальная. Только это на первый разъ, для начала... Папочка очень добрый и вѣрно ему стало жалко ее, что она такая печальная и скромная, только и онъ сталъ поласковѣе и руку ей пожалъ.

— Радъ,—говоритъ,—васъ видѣть.

А папа всегда послѣ должности уставалъ и какъ придетъ къ обѣду, то переодѣвается... Туфли надѣвалъ и халатъ. А тутъ при Аделаидѣ Петровнѣ захотѣлъ въ сюртукѣ остаться. А Аделаида Петровна догадалась, что папа стѣсняется и говоритъ:

— Вы устали, переодѣньтесь по домашнему. Если будете стѣсняться со мной—я уйду.

И убѣдила его. Когда же потомъ сѣли за столъ, то Аделаида Петровна сѣла на мое мѣсто, папочка противъ нея, а я на мѣсто куклы моей бѣдненькой, Терезы... И комната нарядная, и убранъ столъ, и я на Терезиномъ мѣстѣ, точно въ гостяхъ: такъ мнѣ все это странно. А папочка увидалъ все, что устроила Аделаида Петровна и замѣтила я, ему все это очень понравилось и онъ сталъ еще добрѣе и ласковѣе съ Аделаидой Петровной. Кушанье тоже ему понравилось... А мнѣ вотъ вдругъ стало скучно, сижу и молчу, кушаю.

А папа весь обѣдъ проговорилъ съ Аделаидой Петровной и я ему ничѣмъ не могла услужить... Аделаида Петровна такая догадливая, чуть папашѣ что надобится, она, еще онъ слова не скажетъ, ужъ воды ему нальетъ, соль подвинетъ... Нѣтъ, я такъ не умѣла, хоть папу любила всей душой... А какъ окончили обѣдать—Аделаида Петровна говоритъ папѣ:

— Благодарствуйте.

А папа отвѣчаетъ:

— Васъ,—говоритъ,—надо благодарить... Это все вы... Захаживайте къ намъ почаще. Скрасьте,—говоритъ,—наше одинокое житье-бытье.

А я такъ удивилась... Вѣдь такъ еще недавно папаша говорилъ, что пришла бы разъ „эта Аделаида" да и отвязалась. А теперь зоветъ ходить „почаще". А папаша обращается ко мнѣ и на этотъ разъ веселый такой, за щеку потрепалъ,—говоритъ:

— Весело?

Я ничего не сказала, а папа говоритъ:

— Поблагодари же Аделаиду Петровну.

Ну, я поблагодарила... А потомъ у меня головка заболѣла. Да, забыла: какъ благодарила Аделаиду Петровну, такъ она меня поцѣловала и улыбнулась:

— На здоровье,—говоритъ.

А потомъ я ушла къ Терезѣ, ее покормить. А у папаши, слышу, съ Аделаидой Петровной разговоры пошли, а потомъ какъ напились чаю, онъ пошелъ провожать Аделаиду Петровну и я легла безъ него, хоть и все ждала, что вотъ онъ вернется, сядетъ ко мнѣ на кроватку и поговоритъ со мной. Запоздалъ папа и въ первый разъ въ жизни я такая печальная заснула безъ него...

VI.

Съ этаго дня стали мы съ папой жить какъ-то не такъ какъ прежде жили. Аделаида Петровна сначала ходила къ намъ рѣдко, разъ въ недѣлю, и какъ придетъ, такъ папа и веселѣе. Все ему устроитъ, все обдѣлаетъ и если онъ скучный—умѣетъ развеселить его. А потомъ Аделаида Петровна стала чаще бывать, почти черезъ день и приходила съ утра; обѣдъ закажетъ, все уберетъ, шьетъ папашѣ бѣлье, платье и всякій разъ что нибудь новое выдумаетъ... А когда она придетъ, папа ужъ никогда за свои дѣла не сядетъ, пересталъ ссоры мирить... Я въ это время совсѣмъ ужъ одна осталась: утромъ папочка въ должности, а какъ воротится —все съ Аделаидой Петровной сидитъ, потомъ пойдетъ ее провожать, или гулять уйдутъ, или въ театръ... А я одна съ Терезой... И при нихъ молчу... А когда ложусь, такъ никогда ужъ папочка не войдетъ и не поговоритъ со мной... И „крошкой" пересталъ ужъ меня звать!.. Бѣдная я!

Не все я слышала, что Аделаида Петровна папѣ говорила, а только одинъ разъ при мнѣ—она сказала, что гдѣ-то въ другомъ городѣ у нея есть женихъ, который ее очень любитъ, и что онъ все зоветъ ее въ тотъ городъ, чтобы обвѣнчаться, и самому ему почему-то пріѣхать нельзя... И вотъ какъ-то къ концу этой зимы, приходитъ къ намъ Аделаида Петровна и говоритъ, что уѣзжаетъ.

— Женихъ, говоритъ, мой очень боленъ. Уѣзжаю, и когда вернусь—Богъ знаетъ.

Я тутъ-же была и вижу, папа вдругъ поблѣднѣлъ, слезы у него на глазахъ, схватилъ Аделаиду Петровну за руку и говоритъ:

— Да я-то что-же буду здѣсь безъ васъ дѣлать? Вѣдь я одинъ, совершенно одинъ останусь!

Одинъ—а я-то? Или ужъ я папѣ такъ не угодила, или онъ совсѣмъ, совсѣмъ пересталъ меня любить? Ну, не зови меня „крошкой", ну не укладывай въ кроватку, только такихъ словъ не говори!.. Ахъ, папа, ахъ, безцѣнный мой, да какъ-же это?.. Да что-же это?.. Я вдругъ не выдержала и громко такъ заплакала... Папа быстро повернулся ко мнѣ, вспыхнулъ весь и сердитый такой сдѣлался вдругъ:

— Ты, здѣсь, говоритъ, Анночка. Зачѣмъ ты слушаешь чужіе разговоры. Поди отсюдова.

Чужіе разговоры!.. Если я папочкѣ стала чужая, такъ онъ мнѣ по прежнему родной... Нѣтъ, вотъ уѣдетъ Аделаида Петровна и станетъ папа опять мнѣ близокъ, заживемъ мы попрежнему хорошо..

Аделаида Петровна уѣхала на другой день, мы только не зажили по прежнему... Папочка скучный сдѣлался и часто стала я примѣчать — онъ плачетъ... Ложилась ужъ я все одна; мы спали въ одной съ папой комнатѣ. Я проснусь ночью и слышу, что папаша въ темнотѣ плачетъ... Не смѣла его утѣшить, хоть и хотѣлось... Иной разъ вижу папа письма какія-то читаетъ, плачетъ, а то и самъ кому-то много, много пишетъ...

Такъ живемъ, а все не какъ прежде. Я совсѣмъ обносилась, башмачки стали худые, платьице рѣдко моется и хожу я замарашкой. Прежде папаша строго за всѣмъ этимъ присматривалъ, а тутъ пересталъ... Да и когда-же ему?.. Утромъ въ должности, а какъ вернется—такъ тоскуетъ... Ахъ, папа, ума не приложу, что съ тобой?.. И вотъ разъ, недѣли черезъ три, передъ самымъ приходомъ папы изъ должности, приносятъ ему телеграмму... И какъ папа вернулся, я подала ему ее; онъ развернулъ, прочелъ и радостный такой сдѣлался. Со мной весело такъ заговорилъ:

— Возьми-ка, говоритъ, прочти: умѣешь-ли такъ читать?

Я взяла; вижу на бумагѣ узенькая такая полосочка и на ней писано:

„Возвращаюсь завтра. Сожгла свои корабли. Адель".

Я поняла, что возвращается Аделаида Петровна, но о какихъ она пишетъ корабляхъ,—не поняла.

— Развѣ у Аделаиды Петровны, спросила я папашу, были свои корабли?

Онъ только засмѣялся.

— Значитъ она съ женихомъ покончила! говоритъ.

VII.

Аделаида Петровна пріѣхала на другой день поздно. Папаша пошелъ ее встрѣчать на желѣзную дорогу, и, какъ уходилъ, сказалъ мнѣ:

— Ты, Анночка, не дожидайся меня. Я вернусь поздно—ты ложись.

Я отвѣтила:

— Хорошо, папа, и подумала, что вѣрно онъ пройдетъ къ Аделаидѣ Петровнѣ и засидится тамъ долго, а потому и приказалъ мнѣ лечь. Ну, онъ ушелъ, а я походила по комнатамъ все одна да одна, въ окна посмотрѣла и такъ мнѣ стало скучно, горько,—лягу, думаю, лучше. Папу ужъ я давно перестала дожидаться, чтобы онъ пришелъ со мной проститься, привыкла одна ложиться. Такъ и тутъ легла и заснула скоро. Ужъ не знаю, долго-ли спала, только просыпаюсь, вдругъ вижу, въ комнатѣ свѣчка, все убрано какъ-то иначе, и по полу, и по стульямъ навалены вещи... Вдругъ мое сердце оборвалось, я поняла все. Боже мой, да вѣдь что-же это! Вѣдь Аделаида-то Петровна остановилась у насъ!.. Я такъ и застыла на постелѣ и грустно смотрѣла на нашу съ папочкой спальню. Ахъ, что-бы я дала, чтобы опять жить такъ, какъ мы жили до Аделаиды Петровны!..

Вдругъ я услышала:

— Нѣтъ, говоритъ Аделаида Петровна, нѣтъ, я не соглашусь съ тобой. (Вотъ какъ ужъ она подружилась съ папочкой, ему говоритъ: „ты!“). Дѣло другое, еслибы ты былъ богатъ, тогда можно-бы было ей нанять учителей, вообще дать образованіе... Но вѣдь чего это стоитъ!

Папа согласился:

— Да, это дорого... правда...

О комъ это?.. Я слушаю, слушаю!.. Ахъ, вѣдь не хорошо такъ подслушивать!.. Да, и не интересно... Все-же папа любитъ, любитъ, любитъ-же меня; онъ не обидитъ... не обидитъ...

— И безъ матери... Кто можетъ замѣнить ей мать? О, да, она недурная дѣвочка, я люблю ее; но не хочу обманывать тебя—она не дочь мнѣ и я не съумѣю сдѣлаться ей вмѣсто матери...

Тогда я услышала, какъ папа вздохнулъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ. И Аделаида Петровна молчитъ... Вдругъ папа остановился и говоритъ:

— Нѣтъ нѣтъ; я не могу отдать ее отъ себя въ чужіе люди...

Обо мнѣ вѣдь, право, обо мнѣ!.. Ахъ!.. Слезы такъ и подступили къ горлу, я схватила руками подушку и прижала ее къ груди... А въ залѣ стало тихо: папа принялся опять ходить взадъ и впередъ, а Аделаида Петровна молчала... Потомъ папа, слышу, спрашиваетъ:

— Хочешь спать?.. Устала?.. А?..

Аделаида Петровна отвѣтила не сейчасъ:

— Нѣтъ...

Такъ сердито отвѣтила и папочка вѣрно это замѣтилъ, голосъ такой ласковый у него сдѣлался:

— Полно, говоритъ, полно... Богъ съ тобой... Дай мнѣ ручку...

А она опять такъ ему сердито:

— Подите вы...

А папочка схватилъ, вѣрно, ея руку, слышу цѣлуетъ и говоритъ:

— Что ты сердишься?.. Ну что? Пойми, что во всемъ мірѣ только два у меня существа, которыя я обожаю: это ты и она...

Тогда Аделаида Петровна такъ и отрѣзала папочкѣ:

— Я, говоритъ, привыкла, чтобы любовь ко мнѣ не раздѣлялась любовью къ кому-нибудь другому.

И, слышу, встала и пошла.

Тогда я вижу, что Аделаида Петровна идетъ въ спальную и застанетъ меня, что я сижу, а я этого не хотѣла и поскорѣй легла, укрылась одѣяломъ и лежу, закрыла глаза... А Аделаида Петровна и точно вошла, хлопнула дверью въ залъ, швырнула ногой чемоданъ и стала ходить изъ угла въ уголъ. Вѣрно осердилась... Тихо такъ стало... И вотъ, среди этой тишины, слышу я,—просто сердце во мнѣ перевернулось,—слышу я, что папа такъ жалко, жалко плачетъ... Встала-бы я, побѣжала-бы къ нему, все-бы, все ему сказала, обняла-бы его и расцѣловала его, добраго папу... И сказала-бы: папа, милый, я уйду... Долго я, такая счастливая, жила... И благодарна я тебѣ за это... Ахъ, какъ благодарна!... Если это будетъ спокойнѣе, если тебѣ лучше, папочка, будетъ такъ... такъ отдай меня куда-нибудь... Я, право, я сама хочу... я хочу этого... желаю, желаю, да!...

А Аделаида Петровна все ходила по комнатѣ, и слышу, папа пересталъ плакать, и подходитъ къ двери... Слышу, говоритъ:

— Прощайте... не хотѣли со мной даже проститься...

А Аделаида Петровна на это ни слова.. Тогда папа говоритъ, жалостно такъ говоритъ:

— Богъ съ вами... Сердитесь... Ахъ, вы не знаете, какъ я васъ люблю!.. Но своего счастья я не хочу строить на смерти этого ребенка... Она умретъ, если я разлучу ее съ собой... Да. Прощайте-же, спите спокойно, если можете...

Аделаида Петровна говоритъ на это папѣ, такъ холодно и сердито:

— Если эта дѣвчонка ужъ вамъ такъ дорога, такъ прощайте. Завтра уѣду и вы меня не увидите никогда...

И загасила свѣчу, слышу, стала раздѣваться и скоро улеглась... А папу тоже стало не слышно въ залѣ... Стало темно... Черная такая ночь...

VIII.

Всегда ночью рядомъ со мною Тереза-кукла лежала и когда все смолкло, тихо стало и я рѣшила, что Аделаида Петровна заснула, такъ я прижала свое лице къ личику Терезы и стала шептаться съ ней, уговаривать ее:

— Дружочекъ мой, что-жъ (вздохнула я тутъ)... Надо папу отъ насъ съ тобой освободить... Конечно, безъ папочки скучно будетъ, только вѣдь мы привыкнемъ; папа заѣзжать будетъ къ намъ... Надо, надо будетъ куда-нибудь, тамъ выучимся лучше, тамъ за нами смотрѣть будутъ... А Аделаида Петровна не будетъ сердиться на папу и имъ будетъ лучше. Правда, Тереза?.. Я сама папѣ пойду обо всемъ этомъ скажу... Да, Тереза?

Тереза только не соглашалась съ этимъ и я ее стала уговаривать...

— Помнишь, Терезочка, помнишь о какихъ несчастныхъ дѣтяхъ мы читали съ папой?.. Ахъ, дѣвочекъ многихъ такъ бьютъ, многимъ и кушать нечего и жить негдѣ... А Христосъ, Тереза, вѣдь это тоже былъ сначала бѣдный мальчикъ, и Его не хотѣли слушать, а потомъ, когда ужъ большимъ Онъ сдѣлался, такъ Его отдали на позоръ... И тутъ одинъ Его ученикъ, любимый Имъ, отрекся отъ Него, Тереза, сказалъ, что не знаетъ своего Учителя!.. Опомнись, опомнись, глупая, что съ тобой... Ты плачешь!..

И я отодвинула отъ себя Терезу и приподнялась на постелѣ, чтобы пойдти и сказать папѣ, что я сама того желала, чтобы отдали меня куда-нибудь. Все кругомъ было тихо, я осторожно ступала, чтобы чего не задѣть, и стала пробираться въ залъ, гдѣ почивалъ папа...

IX.

Когда я вошла, папа лежалъ на диванѣ и крѣпко почивалъ. Вѣрно вдругъ заснулъ и свѣчу даже забылъ погасить... Спи, родной!.. Я тихонько подошла къ дивану, и присѣла на краюшекъ. Долго, долго ты былъ, папоч-

ка, милый и добрый, долго не измѣнялся. Я еще глупая дѣвочка, только я понимаю, что скучно тебѣ все возиться со мной... Этаго мало: мирить и скучныя дѣла рѣшать дома и на службѣ... Придешь домой, со мной, глупой, надо возиться... Нѣтъ, такъ скучно жить! Надо тебѣ дома разговоръ занимательный, а я маленькая. Нѣтъ! папа, нѣтъ, я не сержусь. Спи родной, отдохни.

Я съ любовью и нѣжностью посмотрѣла на папу—освѣщенъ онъ догорающей свѣчей... Блѣдный, больной сегодня какой-то. Почивай, а я помолюсь за тебя, чтобы Богъ послалъ тебѣ сны хорошіе... Ахъ, глупая, какъ я давно не молилась, о Богѣ-то совсѣмъ позабыла,.. И вотъ я тихохонько встала съ дивана, опустилась на колѣнки и закрестилась на образъ Божіей Матери, который висѣлъ у насъ въ залѣ. А это былъ образъ большой, въ серебряной ризѣ и остался онъ отъ мамаши... Божія Матерь была на немъ нарисована, точно плачетъ она, склонила лицо надъ Христомъ и опустила внизъ глаза. Я эту Богородицу такъ любила и какъ образъ послѣ мамаши остался, я и мамашу представляла такою-же лицемъ, какъ Богородица... И какъ стала я молиться, то будто и съ мамашей въ одно время говорю. Надо, надо папѣ покой дать. Въ самомъ дѣлѣ. Что это черезъ меня ему еще скучать и плакать... Одно тревожитъ меня—только это можетъ я съ досады на Аделаиду Петровну такъ думаю... Тревожитъ все меня, хорошая-ли и добрая-ли она, Аделаида Петровна? Сначала, когда она стала ходить къ намъ, она очень о папѣ заботилась, старалась ему угождать, все угадывала, а какъ привыкла и папу къ себѣ пріучила—угождать-то и перестала. Капризничаетъ, требуетъ, чтобы папа самъ за ней ухаживалъ... Вотъ я и боюсь, ужасно боюсь, ужъ будетъ-ли съ Аделаидой Петровной папочкѣ лучше... А ну какъ она въ самомъ дѣлѣ—какъ она недобрая?! Нѣтъ, это ничего. Ну пусть она недобрая, капризная, что-жъ!.. Папа-то вѣдь хорошій, добрый; съ хорошимъ и добрымъ и она хорошей сдѣлается... И Аделаида Петровна другая будетъ...

Я и перестала молиться и думаю: вѣдь я пришла папѣ сказать, чтобы онъ отдалъ меня куда-нибудь—только вѣдь это я глупо придумала. Папа ужъ навѣрно догадается, что я разговоръ его опять подслушала, а потому и стала его просить, чтобы онъ меня въ институтъ отдалъ... Надо это не такъ сдѣлать. И вотъ, тотчасъ, какъ это мнѣ въ голову пришло, испугалась я, что папа вдругъ проснется, увидитъ меня, что я молюсь ночью и догадается, что меня тревожитъ... Когда я все это подумала, сейчасъ-же вскочила съ колѣнокъ, посмотрѣла на папу издали и поскорѣй убѣжала въ спальню... Аделаида Петровна спала, ничего не слышала, ни какъ я уходила, ни какъ вернулась...

Лгать-то вѣдь это не хорошо... Знаю, Терезочка, что ты иногда меня обманывала, но я папѣ вѣдь всегда правду говорила. Не такъ-ли?.. Ну вотъ и дожили мы съ тобой, Тереза, что солгать намъ придется... Иначе я ужъ не знаю какъ и поступить, Тереза? Какъ? Вотъ, видишь-ли! Ничего нельзя...

X.

Цѣлую эту ночь почти я не спала; къ утру только немножко заснула. Аделаида Петровна встала поздно, ужъ когда папа въ должность ушелъ, встала такая сердитая... Ей подали самоваръ, а она въ спальнѣ лежала и я пошла сказать, что самоваръ поданъ... Она разсердилась.

— Нуженъ мнѣ очень вашъ самоваръ!

А я ей отвѣтила:

— Папа приказалъ такъ, какъ уходилъ.

А Аделаида Петровна и на это осердилась:

— Убирайтесь, говоритъ, вы къ чорту съ своимъ папой! Что, говоритъ, вы мнѣ своимъ папой глаза мозолите. Папа, да папочка... Дуралей вашъ папочка-то—вотъ что!

А ей на это я отвѣтила такъ тихонько:

— Что-же вы на папу сердитесь... Онъ не виноватъ и очень васъ любитъ... Аделаида Петровна, хотѣла я васъ попросить...

И замолчала—боюсь. Никогда я съ Аделаидой Петровной такъ много не говорила и это ей показалось странно, она удивилась, такъ на меня посмотрѣла и говоритъ:

— Что-же ты?.. Продолжай...

Вотъ тутъ-то я и начала лгать:

— Вотъ о чемъ я хотѣла попросить васъ, говорю. Большая я, учиться мнѣ надобно, а какъ я занимаюсь и что знаю... Папочкѣ со мной есть-ли когда возиться, сама—не умѣю. Аделаида Петровна прервала меня и стала какъ-бы подобрѣе:

— Ты, однако, не дура... Ну?

— Вотъ и хотѣла я васъ попросить, говорю,—уговорили-бы вы папочку отдать меня, все равно, куда-нибудь...

А Аделаида Петровна опять прервала меня и ужъ совсѣмъ ласковая стала, потрепала меня по щекѣ.

— Ты совсѣмъ, совсѣмъ не дура... Пользу свою понимаешь...

— Куда-нибудь-бы меня, Аделаида Петровна... Ахъ, вы не знаете, не можете... не можете знать, какъ... какъ хочется мнѣ учиться! Поговорите съ папочкой... Пусть отдастъ куда-нибудь.

Ну, конечно, Аделаида Петровна поговорила съ папочкой и вотъ я очутилась здѣсь... и здѣсь мнѣ такъ тяжело и холодно и никто мнѣ слова ласковаго не скажетъ. Семья чужая. Уѣхала я тогда и улыбалась, какъ прощалась съ нимъ... Навѣщай меня, папочка! и онъ обѣщалъ, только вотъ скоро ужъ четвертое воскресенье, что-то все онъ не ѣдетъ... Скучно мнѣ что-то: кругомъ все чужіе; одна Тереза не покинула меня и мы часто говоримъ съ ней о папѣ.. Когда-же, когда къ намъ онъ пріѣдетъ? Пріѣзжай, папа, пріѣзжай родной!.. Твоя дѣвочка, дѣвочка твоя зоветъ тебя!.. Что ты не ѣдешь.. Она, бѣдная, одна! Ей такъ скучно и непривѣтно!.......

КОНЕЦЪ.

Рѣшительная минута.

Разсказъ.

Въ одно декабрьское утро 1878 года, когда мы, то есть тесть мой, мистеръ Годжъ, жена и я сидѣли за чаемъ, я громко прочелъ слѣдующее объявленіе въ газетѣ:

„*Значительная награда. Бумажникъ, потерянный въ 1873 году.* Обронен въ декабрѣ 1873 года, въ субботу, или воскресенье, или ближайшій понедѣльникъ, близъ Беклерской церкви, небольшой портфель изъ русской кожи, съ позолоченымъ замочкомъ, содержавшій въ себѣ чековую книжку и чрезвычайно важныя бумаги. Тотъ, кто доставитъ портфель съ книжкой и бумагами повѣреннымъ Уайзу и Вольфу, въ *** улицу, на имя С. М. П. получитъ значительную награду“.

— Поразительно, удивительно! раздраженно воскликнулъ мой тесть Годжъ и хозяинъ нашего банка,—онъ былъ въ этотъ день въ дурномъ расположеніи духа,— ну, какое намъ дѣло до этого портфеля, Фредъ! Что вы интересуетесь имъ?! Удивительно!

— Папа, въ чемъ-же вина Фреда? За что-же вы напали на него,—замѣтила жена, признававшая только за собой одной право „нападать“ на меня.

Тесть молча перенесъ замѣчаніе дочери, потому что Кэтъ (т. е. моя жена) сдѣлалась, послѣ смерти своей матери, полновластною госпожею въ домѣ отца, у котораго мы поселились по его желанію.

Съ тѣхъ поръ мы живемъ въ Гай-Эльмсѣ. Это не очень удобно для меня, такъ какъ наша банкирская контора—Годжъ и Фрэтоиъ—находится въ Сити и мнѣ, въ качествѣ младшаго компаньона, приходится каждое утро торопиться туда, и всегда въ ущербъ своему завтраку. Мистеръ Годжъ посѣщаетъ контору рѣдко, но въ этотъ день онъ отправлялся вмѣстѣ со мной, по раннему поѣзду. Онъ былъ огабоченъ. Дѣло въ томъ, что время было безпокойное для банкировъ вообще. Ходили раз-

Въ разлукѣ. Картина М. Сентена, грав. Бодъ.

ные тревожные слухи и самые солидные дома находились нѣсколько въ критическомъ положеніи. Паника еще не наступала, но она подготовлялась. Поэтому-то мой компаньонъ считалъ своею обязанностью быть на посту, хотя мнѣ казалось, что я обошелся-бы и безъ его содѣйствія.

Въ вагонѣ, между пассажирами, зашелъ разговоръ о курьезномъ объявленіи, которое я прочелъ утромъ. Вмѣстѣ съ нами ѣхалъ и нашъ давнишній пріятель и сосѣдъ, Самюэль Пичотъ. Онъ былъ прихожаниномъ Беклерской церкви и однимъ изъ главныхъ на нее жертвователей, и это обстоятельство подало поводъ къ шутливому предположенію, что, можетъ быть, онъ и есть авторъ объявленія, къ тому же самыя буквы подходили отчасти къ его фамиліи. Онъ отшучивался и припомнилъ даже, что лѣтъ пять тому назадъ у него пропалъ точно такой-же портфель. Въ домѣ его было совершено крупное воровство: украли бриліанты жены его и тотъ портфель, въ которомъ, впрочемъ, не было ничего драгоцѣннаго. Воры были открыты и въ настоящее еще время отбывали свое тюремное заключеніе. Мистеръ Годжъ не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Обыкновенно тесть мой былъ очень разговорчивъ и сообщителенъ, но въ это утро онъ сидѣлъ въ своемъ углу молчаливый и, повидимому, озлобленный, уставившись, сквозь золотые очки, въ развернутую на колѣняхъ газету. Когда мы пріѣхали въ банкъ, главный казначей, мистеръ Дженкинсъ, вошелъ въ кабинетъ за инструкціями. Онъ тоже держалъ въ рукахъ номеръ газеты и началъ съ того, что заговорилъ объ объявленіи относительно пропавшаго портфеля.

— Поразительно! удивительно! съ досадой воскликнулъ мистеръ Годжъ, — съ самаго утра только и слышу объ этомъ портфелѣ!

Мистеръ Дженкинсъ исчезъ моментально и появился снова только по уходѣ тестя. Дженкинсъ былъ моимъ учителемъ и руководителемъ въ банкирскомъ дѣлѣ и потому со мной привыкъ говорить вполнѣ свободно

— Считаю обязанностью своею замѣтить, началъ онъ, что я обратилъ вниманіе на это объявленіе не изъ желанія просто поболтать. Совершенно нѣтъ. Оно напомнило мнѣ одинъ странный случай, который былъ здѣсь у насъ еще до вступленія вашего въ фирму и мнѣ кажется, что объявленіе это можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на нѣкоторыя вещи. Помню, это было въ декабрѣ же, около четырехъ часовъ дня; порядочно уже стемнѣло, и наши лампы горѣли тускло. Вошли двое — мужчина и женщина и говорятъ что желаютъ видѣть „хозяина". Я спросилъ — что надо? Отвѣчала женщина (она говорила за обоихъ, спутникъ ея молчалъ все время) и такимъ мягкимъ, тихимъ голосомъ: „мы пришли помѣстить деньги у васъ и открыть счетъ". Тогда я спросилъ рекомендацію отъ кого нибудь, но ея не оказалось и я возразилъ, что мы не принимаемъ денегъ безъ рекомендацій. Женщина, однако, все-же не хотѣла уходить. „Вѣдь все равно, сэръ, — у васъ банкъ, мы получили порядочную сумму и не желали-бы держать ее при себѣ. Но я отрицательно покачалъ головой, такъ какъ былъ увѣренъ, что „порядочная сумма" составляетъ не болѣе нѣсколькихъ сотенъ фунтовъ стерлинговъ. По крайней мѣрѣ одеждой своей они нисколько не были похожи на нашихъ обыкновенныхъ вкладчиковъ. Въ эту минуту изъ кабинета вышелъ мистеръ Годжъ который, повидимому, слышалъ разговоръ. Онъ мнѣ показался нѣсколько раздраженнымъ.

— Поразительно! Удивительно! мистеръ Дженкинсъ. Вы ужъ слишкомъ много берете на себя! Это еще что такое?! вздумали выпроваживать кліентовъ! Съ этими словами онъ увелъ вошедшихъ къ себѣ. Признаюсь, нѣсколько минутъ спустя, я былъ несказанно удивленъ вкладомъ тѣхъ, которые съ перваго взгляда показались мнѣ бѣднякамв: вкладъ этотъ составлялъ ни больше не меньше, какъ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

— Мы получили наслѣдство, пояснила женщина, и желаемъ, чтобы деньги наши были помѣщены, для вѣрности, въ хорошій банкъ. Для насъ главное не проценты, а чтобы деньги были цѣлы.

Вкладъ былъ принятъ и занесенъ на имя Самюэля и Маріи Пэйкъ, на которое и былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, открытъ текущій счетъ. Мы выдали имъ чековую книжку. Марія Пейкъ вложила ее въ большой бумажникъ и новые вкладчики ушли.

— Навѣрное это краденыя деньги, замѣтилъ я, когда Дженкинсъ остановился въ своемъ разсказѣ.

— О, нѣтъ, сэръ, до сихъ поръ не произошло ничего такого, чтобы подало поводъ думать это. Но вскорѣ послѣ ухода Пэйковъ, на одномъ изъ столовъ, подъ бумагами былъ найденъ бумажникъ ихъ. М-ръ Годжъ взялъ его, завернулъ, запечаталъ и послалъ немедленно по адресу. Однако, посланный возвратился.—Пэйки жили въ гостинницѣ и въ то же утро выѣхали изъ нея, не оставивъ дальнѣйшаго адреса. М-ръ Годжъ спряталъ бумажникъ „до востребованія", но — и до настоящей минуты его никто не требовалъ.

— Вѣроятно, м-ръ Годжъ отослалъ его по почтѣ.

М-ръ Дженкинсъ покачалъ головой съ выраженіемъ сомнѣнія.

— Всего удивительнѣе, что деньги такъ и лежатъ не тронутыя и понынѣ. Не правда-ли, какъ все это странно?

Конечно, и я нашелъ это страннымъ. Хотя дѣло не касалось меня, но голова моя поневолѣ занялась мыслью о томъ—нѣтъ-ли чего нибудь общаго между этимъ случаемъ и газетнымъ объявленіемъ. Можно было допустить, пожалуй, что кто нибудь положитъ деньги свои въ банкъ и позабудетъ взять, второпяхъ, адресъ банка, но чтобы бросить деньги на цѣлые 5 лѣтъ и только по прошествіи этаго времени начать поиски за ними! Это было совершенно необъяснимо! Скоро, впрочемъ, отдавшись своимъ занятіямъ, я перестаꙗлъ думать о странномъ вкладѣ.

Въ это утро въ конторѣ нашей было необычайное движеніе. Нельзя сказать, чтобы насъ осаждали обратнымъ требованіемъ денегъ, но правда и то, что, въ общемъ, денегъ болѣе брали назадъ, чѣмъ вносили; явилось также много кліентовъ, встревоженныя лица которыхъ какъ-бы старались узнать—все ли обстоитъ благополучно. Благотворно, впрочемъ, дѣйствовалъ на всѣхъ спокойный и самоувѣренный видъ м-ра Годжа. Онъ обладалъ изящною респектабельностью и манерами прежнихъ временъ, что производило всегда неотразимый эффектъ на нашихъ, по большей части, старомодныхъ, почтенныхъ кліентовъ, и эффектъ этотъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что тѣ, которые пришли снять со счета свои деньги, наоборотъ, внесли новыя суммы, такъ что въ итогѣ день прошелъ довольно хорошо.

Но, когда занятія окончились и мы остались одни, м-ръ Годжъ сбросилъ съ себя маску, которой прикрывался предъ всѣми и я прочелъ на лицѣ его выраженіе крайней тревоги. Когда мы шли на станцію желѣзной дороги, онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ идти безъ моей помощи. На улицѣ мы остановили кэбъ.

М-ръ Годжъ сошелъ съ тротуара и хотѣлъ сѣсть въ экипажъ, но поскользнулся и навѣрное упалъ-бы, еслибъ я не поддержалъ его.

— Удивительно! воскликнулъ онъ,—этотъ асфальтъ — отвратительнѣйшее изобрѣтеніе нашего времени!

Около насъ, въ эту минуту, очутились какіе-то, повидимому, нищіе, или нѣчто въ родѣ того. То были женщина и мужчина, одѣтые въ лохмотья. Я обратилъ на нихъ вниманіе потому, что они, увидавъ моего тестя, тотчасъ-же остановились и принялись разсматривать его съ совершеннѣйшею безцеремонностью, а когда мы сѣли въ кэбъ, они подошли даже къ дверцамъ, но полисмэнъ оттолкнулъ ихъ, экипажъ двинулся и я потерялъ эту пару изъ вида.

Дорогой, вначалѣ, слабость и озабоченность м-ра Годжа настолько увеличились, что онъ показался мнѣ совсѣмъ больнымъ, но, затѣмъ онъ овладѣлъ собой и, когда мы подъѣзжали къ Эльмсу, безпокоившіе меня признаки почти совершенно исчезли и тесть, по крайней мѣрѣ по наружности, снова казался спокойнымъ.

Онъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія казаться при дочери безпечнымъ и веселымъ. Въ ея тогдашнемъ положеніи надо было ее беречь. Мы ни слова не говорили о тревожномъ состояніи дѣлъ въ Сити. Но у нея были другія, свои собственныя причины безпокойства. Она очень боялась воровъ: по сосѣдству было уже нѣсколько кражъ и вблизи виллы видѣли какихъ-то подозрительныхъ людей. Даже днемъ нельзя было быть вполнѣ спокойнымъ, потому-что недавно произошелъ случай воровства среди бѣлаго дня. Въ такомъ настроеніи, она высказала убѣжденіе свое, что не слѣдовало намъ оставлять ее одну, изъ-за этаго противнаго банка.

Въ этотъ день у насъ обѣдали только Самюэль Пичотъ и еще двое другихъ гостей.

— Не бойтесь, не бойтесь, сказалъ Самюэль,—завтра я съѣзжу въ городъ утромъ и къ завтраку уже буду назадъ, а потомъ весь день буду тутъ по близости, въ случаѣ чего нибудь—позвоните два раза въ большой колоколъ и я въ одну секунду буду у васъ.

На слѣдующее утро мы съ Годжемъ опять отправились вмѣстѣ и съ первымъ утреннимъ поѣздомъ. Газеты наши немного запоздали и мы получили ихъ только на станціи желѣзной дороги. Я тотчасъ-же отыскалъ то мѣсто, гдѣ стояло объявленіе о бумажникѣ; но на этотъ разъ его замѣнило уже другое:

„*Поразительно! Удивительно!*" 50 фунтовъ стерлинговъ награды будетъ выдано тому, кто, въ самомъ скоромъ времени, сообщитъ въ контору адвокатовъ Уайза и Вольфа фамилію и адресъ лица, употребляющаго вышеприведенную поговорку. Имя сообщившаго будетъ сохранено въ строжайшемъ секретѣ".

Спутники наши попробовали было, по поводу этаго страннаго объявленія, пошутить надъ м-ромъ Годжемъ, но, замѣтивъ, что шутки эти производятъ на него особенно непріятное впечатлѣніе—оставили его въ покоѣ. Какъ только мы пріѣхали въ банкъ, м-ръ Годжъ увелъ меня въ свой кабинетъ, тщательно заперъ дверь и, подойдя къ конторкѣ, вынулъ оттуда запечатанный конвертъ.

— Безполезно долѣе бороться противъ судьбы, противъ Провидѣнія! произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ. Я не могу болѣе скрывать отъ васъ: вотъ бумажникъ, о которомъ было напечатано объявленіе во вчерашней газетѣ. Часто мнѣ приходила мысль, что я былъ обязанъ попытаться розыскать собственниковъ этихъ бумагъ; но, можетъ быть небрежность моя и заслуживаетъ еще нѣкотораго извиненія; но, со вчерашняго

дня, когда вы такъ упорно обращали вниманіе мое на то объявленіе, я виновенъ уже не въ простой небрежности!

Затѣмъ, м-ръ Годжъ разсказалъ мнѣ исторію 10-ти тысячнаго вклада, ту исторію, которую я уже слышалъ отъ кассира.

— Ну, такъ что-жъ тутъ такого... важнаго... я не вижу... произнесъ я искуственно-безпечнымъ тономъ, желая успокоить его, когда онъ кончилъ.

— Вы, можетъ быть не видите, но я вижу вину и кару мою, возразилъ онъ. Во всякое другое время, во всякій другой день за эти пять лѣтъ, я свободно могъ отдать эти деньги, теперь-же, сегодня—это соломенка, за которую мы могли ухватиться, подобно утопающимъ, какъ вы знаете.

Онъ закрылъ лицо руками.

Я началъ успокоивать тестя. Вѣдь все это не болѣе какъ предположенія съ его стороны. Деньги эти, такъ долго пробывшія у насъ, могли у насъ и остаться.

М-ръ Годжъ сказалъ мнѣ далѣе, что въ тѣхъ нищихъ, которые подошли наканунѣ къ нашему кэбу, онъ узналъ именно ту женщину и мужа ея, которые принесли 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что они тогда же узнали его и вспомнили поговорку его. И дѣйствительно, эта поговорка—отличное средство найдти его. Навѣрное кто нибудь изъ нашихъ знакомыхъ отправился уже къ гг. Уайзу и Вольфу съ свѣдѣніями, которыя требуются въ объявленіи. Не лучше-ли было предупредить ихъ?

Тотчасъ-же былъ позванъ Дженкинсъ. Ему было поручено ѣхать немедленно къ Уайзу и Вольфу, не сообщая никакихъ положительныхъ свѣдѣній, попробовать войдти въ соглашеніе. Ему надо было постараться выиграть время, чтобы мы могли, покамѣсть, разузнать о настоящей цѣли объявленія. Но Дженкинсъ возвратился очень скоро. Одно лицо успѣло уже побывать тамъ и передать гг. Уайзу и Вольфу всѣ свѣдѣнія. Это лицо былъ никто иной, какъ сэръ Самюэль Пичотъ.

— Ну, тогда все кончено... проговорилъ съ отчаяніемъ м-ръ Годжъ.

— Позвольте, сказалъ я — почему же надо непремѣнно думать, что наши таинственные кліенты желаютъ взять деньги свои? Все, что происходило до сихъ поръ, указываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ какими-то маніаками, оригиналами, эксцентриками. Они одѣты какъ нищіе, въ лохмотьяхъ, а между тѣмъ, очевидно, располагаютъ хорошими средствами, потому что только богатые люди могутъ такъ свободно выдавать награду въ 50 фунтовъ стерлинговъ. Они, вѣроятно, берегли свои деньги, не хотѣли трогать ихъ, но ихъ перепугалъ банковый кризисъ. Намъ надо смѣло идти на встрѣчу имъ; надо пригласить ихъ къ намъ въ Гай Эльмсъ. Очень возможно, что если мы съумѣемъ сойдтись съ ними—они, пожалуй, сдѣлаютъ намъ новый вкладъ въ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ этотъ день дѣло въ банкѣ шло быстро, увы! — слишкомъ быстро шло оно, это грустное для насъ дѣло обратной выдачи денегъ, ввѣренныхъ намъ. Въ самый разгаръ пришла депеша изъ Эльмса. Въ ней были только слова: „Пріѣзжайте немедленно“. Моя жена опасно заболѣла.

— Поѣзжайте, Фредерикъ, сказалъ мистеръ Годжъ, сжимая мои руки, вамъ надо ѣхать, а я останусь здѣсь на моемъ посту, на бреши. Бѣдная дѣвочка моя!

Когда я пріѣхалъ въ Эльмсъ, то, къ радости своей, узналъ, что опасность уже нѣсколько уменьшилась. Оказалось, что Кэтъ сильно была перепугана, вслѣдствіе чего на свѣтъ появился мальчикъ, нѣсколько ранѣе, чѣмъ ожидали. Но докторъ былъ увѣренъ, что и мать, и сынъ останутся живы. Я навелъ справки о причинѣ испуга. Мнѣ разсказали, что когда Кэтъ проходила залой, то вдругъ увидѣла въ одномъ изъ оконъ почти прилипшими къ стекламъ два страшныя, отвратительныя лица дерзко и нахально разглядывавшія ее. У жены моей еще хватило присутствія духа чтобы позвонить два раза въ большой колоколъ и тѣмъ дать сигналъ сэру Самюэлю и затѣмъ она упала въ обморокъ.

Сэръ Самюэль, тотчасъ-же явившійся на помощь, видѣлъ, какъ отъ нашего дома быстро шли какіе-то подозрительные люди—мужчина и женщина. Слуги наши тоже видѣли ихъ, и по ихъ словамъ это были проходимцы, сильно смахивавшіе на обыкновенныхъ обитателей тюремъ. Я сейчасъ-же узналъ нашихъ таинственныхъ кліентовъ.

— Вы всѣ ошибаетесь, объявилъ я людямъ, явившимся въ полномъ сборѣ,—и ваша госпожа совершенно понапрасну испугалась. Это были мои гости, гости, которыхъ я ожидалъ, люди весьма почтенные, хотя нѣсколько и причудливые. Ихъ надо принять и встрѣтить съ полнымъ уваженіемъ. Прошу васъ знать это напередъ.

Я тотчасъ-же отправилъ одного изъ слугъ въ деревню, чтобы узнать — не тамъ-ли остановились „наши друзья“. Онъ вскорѣ возвратился, сообщивъ мнѣ, что они взяли номеръ въ гостинницѣ „Розы и Короны“.

Какъ только я могъ оставить Кэтъ, я прямо пошелъ въ деревенскую гостинницу, чтобы познакомиться съ прибывшими и извиниться предъ ними за странный пріемъ, оказанный имъ; но я уже не нашелъ ихъ, они ушли, никто не видѣлъ даже, въ какую сторону. Я оставилъ свою карточку и записку, въ которой съ изысканною вѣжливостью я просилъ ихъ сдѣлать намъ честь—провести вечеръ съ нами. Записка эта произвела необыкновенный эффектъ въ „Розѣ и Коронѣ“—грязномъ трактиришкѣ, наполненномъ одуряющимъ запахомъ джина и табаку и грязнымъ шатающимся людомъ. Ясно было, что наши кліенты были какіе-то чудаки.

Когда м-ръ Годжъ возвратился изъ банка, его ожидали добрыя вѣсти о дочери. Но самъ онъ привезъ извѣстія не совсѣмъ хорошія. Теперь оказалось, что противъ насъ была ведена цѣлая интрига, и на слѣдующій день, вѣроятно, надо было ожидать кризиса. Впрочемъ, тесть мой былъ увѣренъ, что мы устоимъ, если только намъ удастся удержать у себя эти роковыя 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Онъ одобрилъ мой визитъ въ гостинницу и предложилъ даже послать за кліентами карету.

Вечеромъ, когда мы сидѣли въ курительной комнатѣ, внезапно раздался легкій стукъ въ окно, заставившій насъ вскочить съ мѣста. Наконецъ-то явились они! Нѣтъ, мы ошиблись—то былъ сэръ Самюэль, прибѣжавшій узнать о здоровьѣ жены моей. Мы приняли его очень холодно.

Правда — онъ былъ очень внимателенъ къ Кэтъ и оказалъ услугу во время тревоги, безъ насъ, но—могли-ли мы простить ему измѣну его, ту поспѣшность, съ которою онъ сообщилъ Уайзу и Вольфу свѣдѣнія о м-рѣ Годжъ.

— Вы поступили какъ недругъ, сэръ, и, могу даже сказать, не какъ джентльмэнъ! высказалъ м-ръ Годжъ.

Сэръ Самюэль громко засмѣялся.

— Поразительно! удивительно! милый другъ. Какъ вы не хотите понять, что если-бы это не сдѣлалъ я, такъ кто нибудь другой явился бы непремѣнно. Я же заработалъ, по крайней мѣрѣ, для добраго дѣла—отдалъ эти 50 фунтовъ стерлинговъ на бѣдныхъ. Да къ тому-же у меня есть свой планъ.

— А ужъ вы начали приводить въ исполненіе планъ этотъ? спросилъ я.

— Н...нѣтъ-еще. Но—вотъ, вѣдь скажите, какая дерзость со стороны негодяевъ этихъ: лѣзть къ вамъ въ окно среди бѣлаго дня!

— Да нѣтъ-же—вы всѣ ошибаетесь, возразилъ я. И бѣдной Кэтъ тоже нечего было пугаться. Это — чрезвычайно почтенные люди—немного эксцентричные, но вполнѣ заслуживающіе уваженія и богатые.

Сэръ Самюэль вынулъ сигару изо рта и посмотрѣлъ на меня съ видомъ нѣмаго изумленія. — Какъ это, какъ это вы говорите, молодой человѣкъ? — „чрезвычайно почтенные люди“, даже „чрезвычайно почтенные„!

— Зять мой совершенно правъ, сказалъ м-ръ Годжъ. Они ввѣрили намъ очень большія деньги.

Удивленіе сэра Самюэля казалось безграничнымъ. Онъ сидѣлъ будто пораженный громомъ.

— Ну, послушайте, произнесъ онъ наконецъ, ударивъ м-ра Годжа по плечу,—послушайте, скажите, ужъ правду—вы вѣдь шутите со мной. Вы хотите, чтобы я повѣрилъ, что этотъ бродага и его жена, которые остановились въ „Розѣ и Коронѣ“, имѣютъ счетъ у васъ! Никогда не повѣрю этому!

— И еще какой счетъ, 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ!

— Послѣ этого, я перестаю вѣрить собственнымъ глазамъ моимъ! воскликнулъ онъ, быстро выбѣжавъ изъ комнаты.

На другой день, подходя къ банку, рано утромъ, когда двери еще были заперты для публики, мы увидѣли у подъѣзда нашихъ „кліентовъ“ и съ ними какого-то господина. Дженкинсъ сказалъ намъ, что это былъ адвокатъ Вольфъ. М-ръ Годжъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ — не лучше-ли было-бы уже прямо не открывать банка и прекратить платежи, пока у насъ еще былъ порядочный наличный фондъ для расплаты со всѣми по ровну? Мы собрали на скорую руку совѣтъ, на которомъ, однако, взяло верхъ болѣе смѣлое мнѣніе. Банкъ былъ открытъ и первыми вошли наши неуловимые и эксцентрическіе „пріятели“. Осуществилось худшее, что мы ожидали: Дженкинсъ подалъ намъ чекъ въ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, подписанный С. и М. Пейкъ, а вслѣдъ затѣмъ въ пріемную вошли мужъ и жена и съ ними м-ръ Вольфъ.

— Очень, очень рады видѣть васъ, съ привѣтливой улыбкой встрѣтилъ ихъ м-ръ Годжъ,—мы очень стѣснялись тѣмъ, что деньги ваши были такъ долго у насъ. Если вы сдѣлаете честь довѣрить намъ ихъ на дальнѣйшее время, мы будемъ выплачивать вамъ проценты.

— Нѣтъ, рѣзко возразилъ Вольфъ,—мои кліенты уже сдѣлали одну большую покупку, для которой нуждаются во всѣхъ деньгахъ своихъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только адресовать васъ къ нашему кассиру.

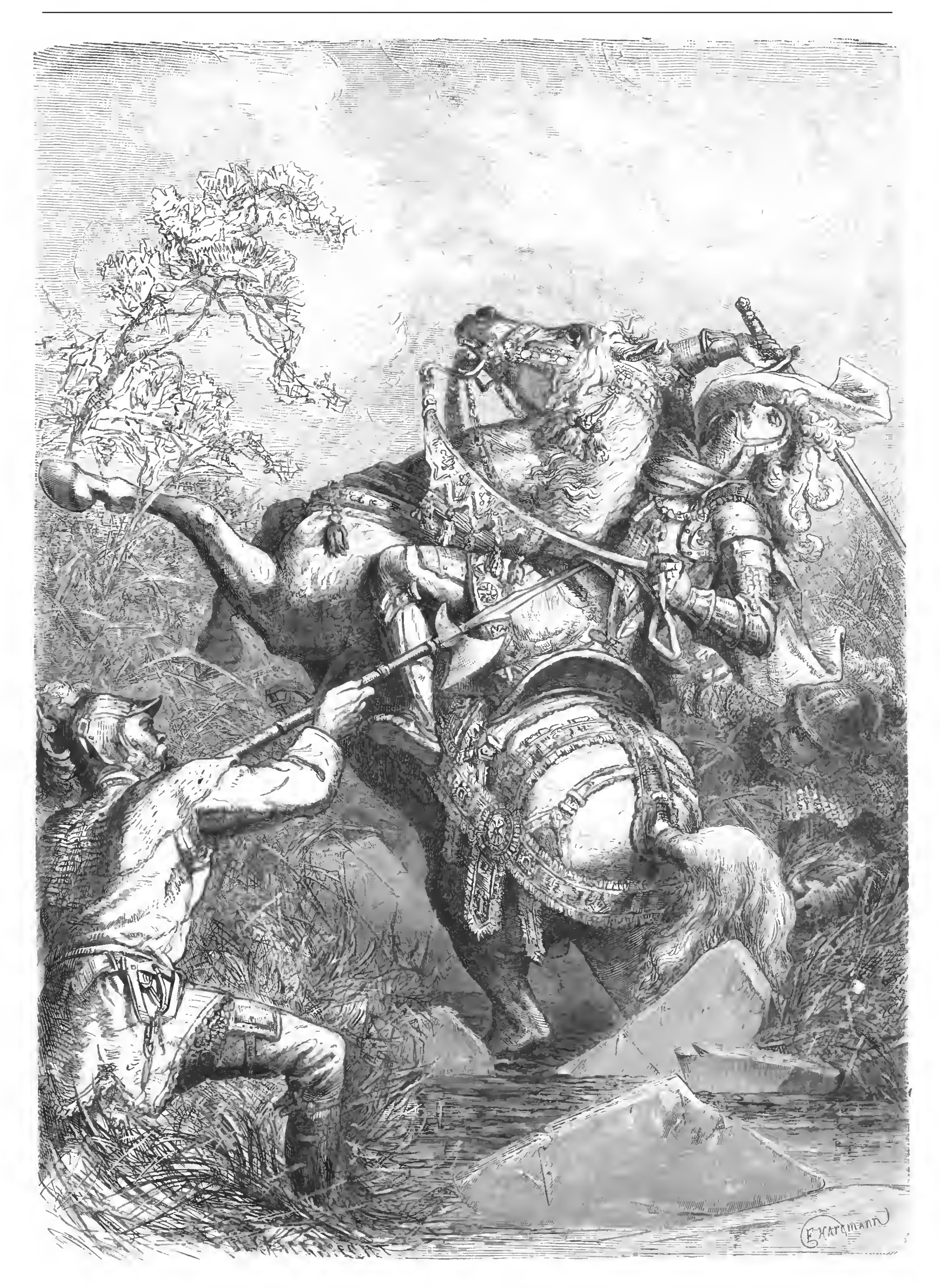
— Какими бумагами желаете получить? спросилъ Дженкинсъ, сохраняя геройское хладнокровіе.

Я взглянулъ на тестя. Глубоко опустившись въ кресло, онъ сидѣлъ неподвижно, съ закрытыми глазами и блѣдный какъ полотно.

Въ эту рѣшительную минуту въ пріемную вошелъ новый посѣтитель и спросилъ меня. Когда ему указали, онъ подошелъ и подалъ мнѣ конвертъ. Въ немъ было предписаніе суда, воспрещавшее намъ выдавать изъ банка деньги, внесенныя на имя Самюэля и Маріи Пейкъ, вслѣдствіе иска, сообщеннаго къ нимъ Самюэлемъ Пичотомъ, эсквайромъ.

„Потерянный рай“, поэма Мильтона. „И Сатана ринулся отъ солнца внизъ къ земному шару“. (Пѣснь III стр. 64).
Ориг. рис. Густава Дорэ, грав. Жонаръ.

Смерть Карла Смѣлаго, герцога Бургундскаго. Ориг рисун. К. Гартмана, грав. Шпехтъ.

— Спасены!! прошепталъ я на ухо м-ру Годжу.—Деньги эти мы не можемъ выдать, обратился я къ м-ру Вольфу, — мы только что получили распоряженіе по этому предмету. И я показалъ ему бумагу.

У него вырвалось злобное восклицаніе и онъ поспѣшилъ къ выходу. За нимъ молча послѣдовали Пейки.

— Опять сэръ Самюэль! воскликнулъ тесть.

Да, сэръ Самюэль выручилъ насъ. День прошелъ безъ особенно значительныхъ требованій, а въ теченіе слѣдующей недѣли мы оправились уже совершенно. Скоро разъяснилась и исторія вклада, лежавшаго столько времени неподвижно въ нашемъ банкѣ. Оказалось, что мистеръ Пэйкъ и жена его были ловкими и долгое время остававшимися неизвѣстными полиціи ворами, избравшими своею спеціальностью кражу брилліантовъ. Пока они „работали" въ аристократіи, дѣло у нихъ шло хорошо. Планъ ихъ состоялъ въ томъ, что они не продавали украденныя вещи, а похитивъ ихъ, вступали затѣмъ въ переговоры съ владѣльцами, которымъ возвращали покражу за болѣе или менѣе значительное вознагражденіе. Они уже успѣли этимъ путемъ составить себѣ порядочное состояніе. Но въ одну несчастливую для себя минуту они задумали еще разъ, и въ послѣдній, запустить удочку. На удочку эту попались дорогіе брилліанты лэди Пичотъ. Они плохо разсчитали. Имъ пришлось встрѣтиться съ человѣкомъ, который не любилъ шутить. Они скоро увидѣли, что съ сэромъ Самюэлемъ вступать въ переговоры нельзя и переправили брилліанты за границу. Сэръ Самюэль преслѣдовалъ ихъ безъ устали, не жалѣя ни денегъ, ни трудовъ, и Пэйки поняли, что имъ не отдѣлаться отъ полиціи и суда. Предвидя, что съ минуты на минуту ихъ арестуютъ, и не имѣя возможности гдѣ-либо спрятать или скрыть деньги свои, они адресовались съ ними въ первый попавшійся банкъ, который и оказался нашимъ. Они внесли намъ свои 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ съ тою цѣлью, чтобы взять послѣ освобожденія своего изъ тюрьмы. Бумажникъ тоже былъ оставленъ у насъ съ намѣреніемъ, для того, чтобы при нихъ не могли найдти никакого слѣда къ ихъ „кладу". Отбывъ 5 лѣтъ заключенія, они въ первый же день озаботились о своихъ деньгахъ, но на бѣду свою ни тотъ, ни другой не могли вспомнить ни имени банкира, ни внѣшняго вида самаго дома, гдѣ банкъ помѣщался. Имъ не помогли и ежедневныя ихъ прогулки по улицамъ. Тогда они напечатали первое объявленіе въ газетѣ, а потомъ—услыхали на улицѣ, около кэба, обычное восклицаніе м-ра Годжа, которое, какъ мы видѣли выше, и привело ихъ къ желаемой цѣли. Но они забыли про своего преслѣдователя —Пичота. Онъ не терялъ ихъ изъ виду и узнавъ о днѣ освобожденія ихъ, продолжалъ зорко слѣдить за ними. Вѣроятно, онъ получитъ обратно какъ стоимость брилліантовъ жены своей, такъ и все, что израсходовалъ на розыскапіе Пэйковъ, и изъ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ останется такъ мало, что объ остаткѣ этомъ не стоило и говорить.

Стихотвореніе.

***

Глубже темной ночи юга
Сумракъ глазокъ огневыхъ,
Какъ далекихъ звѣздъ мерцанье
Искры вспыхиваютъ въ нихъ....

А порою— словно тучки
Въ глубинѣ небесъ плывутъ,
Заслоняютъ, затемняютъ
Свѣтлый звѣздочекъ пріютъ,—

Въ нихъ горятъ-блестятъ зарницы
Вспышкой ярко-огневой,
Озарья, разгоняя,
Разсѣвая мракъ ночной...

П. Гнѣдичъ.

Мстинскій Мостъ.

(Смотри рисунокъ на ст. 990 и 991).

18 октября 1869 года произошла на р. Мстѣ по Николаевской желѣзной дорогѣ ужасная катастрофа—сгорѣла часть огромнаго Мстинскаго моста. Вѣсть о томъ, что вдругъ прервано сообщеніе между столицами съ быстротою молніи облетѣла городъ. Каждый жившій тогда въ столицѣ помнитъ поражающее впечатлѣніе этаго извѣстія. Цѣна на мясо тотчасъ-же повысилась въ Петербургѣ. Мста съ обрушеннымъ мостомъ была точно перерѣзанная жила живаго тѣла, прекратившаго приливъ жизненныхъ соковъ къ главному центру страны. Военное министерство командировало на мѣсто войска и послало понтоны. Устроенъ былъ временный понтонный мостъ. Происшествіе это носило тогда какой-то таинственный характеръ. Никому неизвѣстны были причины пожаровъ, которыхъ было тогда два по Николаевской дорогѣ—несомнѣнно тутъ былъ поджогъ, съ какою цѣлью—это интересовало всѣхъ. Главное общество назначило 5 тыс. за открытіе виновныхъ, но они не найдены. Пассажиры переправлялись по понтонному мосту. Приняты были энергическія мѣры къ возстановленію безостановочной доставки скота. Гурты помѣщались временно на правомъ пологомъ берегу Мсты и перегонялись по мосту въ промежутокъ между поѣздами. Вслѣдствіе усиленнаго пригона скота произошло даже обратное явленіе — мясо подешевѣло. Съ 21 октября по 1 ноября доставлено было въ Петербургъ на 15 тыс. пуд. мяса болѣе обыкновенной доставки. 3 ноября ледъ пошелъ съ такою быстротою, что принуждены были убрать и понтонный мостъ а пассажировъ перевозили на понтонныхъ лодкахъ. Все это вызвало необходимо энергическія заботы въ предупрежденіе подобныхъ несчастій о возможно скорой замѣнѣ деревяннаго моста желѣзнымъ.

Въ то время Николаевская желѣзная дорога только что была передана Правительствомъ Главному Обществу, причемъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ Обществу чтобы всѣ деревянные мосты по дорогѣ были замѣнены желѣзными такъ что пожаръ только ускорилъ рѣшеніе это. Одними изъ послѣднихъ по устройству должны были быть Веребьинскій и Мстинскій, оконченный 15 ноября. Рисунокъ этаго моста помѣщенный въ настоящемъ номерѣ, представляетъ видъ его съ Петербургскаго берега рѣки Мсты. Рисунокъ сдѣланъ по фотографіи, снятой незадолго до окончанія моста.

Первоначально предполагалось наибольшіе мосты Николаевской жел. дор. чрезъ рѣку Мсту и чрезъ оврагъ рѣки Веребьи перестроить на томъ же мѣстѣ, но впослѣдствіи отказались отъ этой мысли, такъ какъ рѣшились одновременно съ перестройкою этихъ мостовъ обойти извѣстный веребьинскій подъемъ.

Своевременно мы помѣстили рисунки и описаніе двухъ выдающихся мостовыхъ сооруженій, построенныхъ въ послѣднее пятилѣтіе—Александровскаго моста чрезъ р. Волгу на Оренбургской желѣзной дорогѣ и моста Александра II чрезъ Неву. Вполнѣ достойнымъ собратомъ присоединяется къ нимъ только-что оконченный мостъ черезъ рѣку Мсту на обходной вѣтви Николаевской желѣзной дороги, сооружаемой съ цѣлью избѣгнуть крутаго непрерывнаго 15-ти верстнаго подъема (восьмитысячнаго, т. е. 8 саженъ высоты на тысячу саж. длины) между ст. Бурга и Торбино. Такой подъемъ имѣется на Николаевской дорогѣ только въ этомъ мѣстѣ; движеніе длинныхъ товарныхъ поѣздовъ по веребьинскому подъему совершается двумя паровозами, что представляетъ серьезныя неудобства въ эксплоатаціи, особенно при расположеніи самой станціи Веребье на уклонѣ. Одновременно съ устраненіемъ крутаго подъема, устройствомъ обходной линіи достигается возможность перестройки ветхихъ деревянныхъ мостовъ мстинскаго и веребьинскаго безъ затрудненій, въ сторонѣ отъ линіи. Обходная вѣтвь длиною 21 вер. въ замѣнъ прежнихъ 17 верстъ, начинается верстою раньше р. Мсты (на 176 вер. дороги), пересѣкаетъ р. Мсту въ 25 саж. ниже существующаго деревяннаго моста и оканчивается между ст. Веребье и Торбино (на 192 вер.), причемъ станція Веребье переносится на новое мѣсто и располагается на площадкѣ, веребьинскій же мостъ замѣняется насыпью въ 20 саж. высоты, съ пропускомъ р. Веребьи подъ насыпью гранитною трубою въ 3 саж. пролетомъ въ 60 саж. длиною, въ своемъ родѣ представляющею грандіозное сооруженіе.

Новый мостъ на Мстѣ, поражающій своей высотою, имѣетъ шесть пролетовъ по 35 саж., устроенъ подъ два пути съ расположеніемъ ѣзды поверху. Рѣшетчатыя желѣзныя балки или фермы высотою въ 3,5 саж., по 4 въ пролетѣ, взаимно связанныя надлежащимъ образомъ, опираются на 2 береговыхъ устоя и 4 быка; всѣ 6 опоръ выведены на всю высоту каменными, причемъ кладка быковъ отличается облицовкою изъ финляндскаго гранита очень крупныхъ размѣровъ. Новый мостъ выше существующаго деревяннаго почти на 3 сажени, что оказалось необходимымъ для уничтоженія крутаго подъема дороги.

Устои основаны непосредственно на плотномъ грунтѣ, а три рѣчныхъ быка устроены на кессонахъ, посредствомъ сжатаго воздуха. Отличаясь значительностью своихъ размѣровъ (шир. 4 саж., длиною отъ 11 до 15 саж.), кессоны, вслѣдствіе особенностей геологическаго строенія почвы подъ р. Мстою, представили серьезныя затрудненія при погруженіи; на глубинѣ отъ 5 до 7 саж. ниже горизонта низкой воды въ рѣкѣ обнаруженъ былъ водянистый слой съ пескомъ, значительно препятствовавшій успѣшному ходу работъ. Изъ трехъ кессоновъ, кес-

сонъ подъ быкъ московскій опущенъ на глубину 8,50 саж. Замѣтимъ при этомъ, что глубина обыкновенныхъ водъ р. Мсты около 1,5 саж., а въ весеннее время доходитъ до 6 саж.

Работы по возведенію желѣзнаго строенія представляютъ глубокій интересъ по важности употребленнаго способа, отличающагося, въ тоже время, крайнею простотою. Собранные фермы на низкихъ подмостяхъ подпираютъ по концамъ помощью гидравлическихъ прессовъ или домкратовъ, установленныхъ на самыхъ быкахъ и по мѣрѣ возведенія кладки быковъ постепенно поднимаются и фермы дѣйствіемъ этихъ прессовъ. Работа шла крайне спокойно и только людямъ, часто проѣзжавшимъ по Николаевской дорогѣ, можно было любоваться, какъ при отсутствіи подмостей росъ мостъ въ вышину. Полная высота моста отъ рельса до низкой воды 21 саж., а до подошвы наиболѣе погруженнаго кессона до 30 саж. Всѣ работы по устройству обходной линіи взяли на себя инженеры бр. Ясюковичъ и Бусуринъ. Проэкты Мстинскаго моста и веребьинской трубы составлены проф. Н. А. Бѣлелюбскимъ. Начальникомъ работъ обходной линіи—инж. А. А. Бѣлелюбскій; имъ же произведены были и окончательныя изысканія линіи; помощниками его по Мстинскому мосту инж. Кербедзъ, по устройству перехода черезъ р. Веребью — инж. Мельниковъ. Металлическія работы исполнены были по заказу гг. контрагентовъ заводомъ Гаркорта на Рейнѣ въ Дьюисбургѣ. Нельзя не вспомнить при этомъ того горячаго участія, какое принималъ въ дѣлѣ сооруженія обходной линіи покойный директоръ дороги И. Ф. Кенигъ. Мостъ черезъ р. Мсту 15 Ноября освидѣтельствованъ и испытанъ коммисіею отъ Министерства Путей Сообщенія. Вѣроятно на дняхъ послѣдуетъ открытіе движенія по оконченной части обходной линіи, въ которую входитъ и самый мостъ.

Отличаясь трудностью работъ, грандіозностью своихъ размѣровъ, элегантностью своего вида, мостъ черезъ р. Мсту, въ связи съ оконченными мостовыми сооруженіями послѣдняго времени будетъ служить поучительнымъ и прекраснымъ образцомъ русскаго инженернаго искусства.

Къ рисункамъ.

Въ разлукѣ.

(Рисунокъ Сентена).

За поворотомъ аллеи дома простучали колеса и стукъ этотъ затихъ въ лѣсу. Черезъ нѣсколько времени вдали раздался свистокъ отходящаго поѣзда, замѣлькался по ровной линіи полотна желѣзной дороги, далеко уходящей полями, замѣлькался бѣлый дымокъ — и все кончено. Онъ уѣхалъ въ далекій путь. Сердце словно оборвалось, жизнь кажется безъ близкаго человѣка такъ грустна, такъ безцѣльна. Веселые, милые глазки молодой женщины теперь постоянно грустны. Она живетъ однимъ ожиданіемъ. Но настаетъ онъ—этотъ желанный мигъ. Опять забьется сердце радостью свиданія, бросится она къ нему на встрѣчу и воротится ея весна со всѣми ея цвѣтами и радостями.

Злой духъ, несущійся къ землѣ.

(Рис. Г. Дорэ. „Потерянный Рай“, поэма Мильтона).

Въ виду наступающихъ праздниковъ, напоминаемъ нашимъ читателямъ о роскошномъ изданіи нашемъ „Потерянный Рай“ Мильтона. Книга эта можетъ служить великолѣпнымъ рождественскимъ подаркомъ. Рисунки знаменитаго „царя иллюстраторовъ“ Густава Дорэ, великолѣпная бумага, роскошный переплетъ—все это даетъ этой книгѣ значеніе изданія небывалаго еще въ нашей литературѣ. При его появленіи онъ встрѣченъ былъ самыми сочувственными отзывами всѣхъ органовъ печати. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ помѣщены въ большомъ объявленіи, разосланномъ нами повсемѣстно. Рисунокъ здѣсь помѣщенный относится къ одушевленной и поэтической III пѣсни, начинающейся словами: „Привѣтъ тебѣ радостный свѣтъ!“. Сатана совершаетъ свой полетъ среди новосозданнаго міра. Его полетъ даетъ Мильтону поводъ къ блестящимъ, извѣстнымъ каждому его читающему соотечественнику, строфамъ. „Сатана носился высоко надъ группами всѣхъ міровъ, подъ сѣнью Вѣчной Ночи. Взоръ его обнималъ вселенную. Быстро разсѣкають черныя крылья его чистый, прозрачный воздухъ среди безчисленныхъ свѣтилъ. То были міры счастливые, подобные тѣмъ быть можетъ цвѣтущимъ островамъ, тѣмъ Гесперидскимъ садамъ, что славились въ древности... О чудныя рощи, тѣнистыя дубровы, цвѣтущія долины, міры трижды счастливые—что за просвѣтленные существа обитаютъ на нихъ! Сатана пораженъ блескомъ великаго Солнца.... И онъ ринулся отъ солнца внизъ къ земному шару...“ Таково содержаніе чудесныхъ звучныхъ стиховъ Мильтона, послѣдняя строфа которыхъ представляетъ тему превосходнаго рисунка Густава Дорэ.

Смерть Карла Смѣлаго.

(Оригинальный рисунокъ Гартмана).

Въ грозную и суровую эпоху среднихъ вѣковъ, Карлъ Смѣлый, герцогъ Бургундскій, представляется одною изъ выдающихся личностей своего времени по своимъ широкимъ, завоевательнымъ замысламъ, по блестящимъ военнымъ талантамъ и чисто-рыцарской доблести. Родился онъ 10 ноября 1433 г. отъ третьяго брака герцога Бургундскаго Филиппа III съ инфантой португальской Изабеллой, и уже въ колыбели предназначался къ наслѣдованію владѣній одного изъ могущественнѣйшихъ вассаловъ французскаго короля. Сознаніе зависимости отъ подозрительнаго, деспотическаго монарха съ раннихъ лѣтъ не давало покою честолюбивому и гордому Карлу, и онъ тогда-же, извѣстный еще просто подъ титуломъ графа Шароле, сталъ готовить себя къ суровой боевой жизни, какъ-бы предчувствуя свою будущность, полную тревогъ и опасностей. Въ высшей степени храбрый и энергичный, онъ по неволѣ скрывалъ до времени свои честолюбивые и завоевательные замыслы, отравившіе впослѣдствіи всю его жизнь и погубившіе его раньше времени. Уже въ 1645 году молодой герцогъ, поссорившись съ отцомъ, сталъ во главѣ сильной партіи французскихъ вассаловъ, желавшихъ освободиться отъ жестокой тираніи Людовика XI и принудившихъ послѣдняго къ соглашенію и миру. Вступивъ въ 1467 г. на престолъ отца, Карлъ не старался болѣе скрывать своего давно задуманнаго завоевательнаго плана—захватить въ свою власть Лотарингію, Швейцарію и большую часть южной Франціи и создать изъ нихъ, подъ своимъ скипетромъ бургундское королевство. Усмиривъ возмутившійся противъ него городъ Люттихъ, Карлъ въ продолженіи цѣлаго года ссорится и ведетъ борьбу съ своими сосѣдями, впрочемъ, не всегда удачную: такъ швейцарцы два раза наносятъ его арміи страшныя пораженія: одно при Грансонѣ 1 марта, а другое при Муртонѣ 22 іюня 1476 г. Эти пораженія имѣли для Карла самыя гибельныя послѣдствія: ободренный ими, герцогъ лотарингскій Ренатъ, тайно подстрекаемый Людовикомъ XI, снова поднялъ оружіе и уже взялъ назадъ завоеванныя у него крѣпости, когда новое пораженіе положило предѣлъ его успѣхамъ и заставило его бѣжать къ швейцарцамъ для набора свѣжаго войска. Наконецъ, обѣ арміи сошлись подъ стѣнами Нанси, главнаго города Лотарингіи, гдѣ и должна была произойти окончательная и рѣшительная битва. Здѣсь 4 января 1477 года бургундское войско истощенное болѣзнями и лишеніями, очутилось лицомъ къ лицу съ превосходящею его числомъ лотарингскою арміею, подкрѣпленною, кромѣ того, силами швейцарцевъ. Пораженіе арміи Карла было полное и къ вечеру все его войско оказалось окончательно разбито, а лучшіе рыцари убиты, взяты въ плѣнъ или разсѣялись, самъ герцогъ въ рѣшительные моменты боя являлся во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ и дрался со всею энергіею отчаянія. Наконецъ, видя общее бѣгство и разстройство своей арміи, Карлъ оставилъ поле сраженія, сопровождаемый небольшой свитой, но къ несчастію его тяжелый боевой конь понесъ его прямо въ замерзшее болото. Лошадь скользила по ломавшемуся льду и вскорѣ упала въ воду; въ тоже время подоспѣлъ непріятель, и послѣ отчаянной борьбы былъ убитъ какъ герцогъ, такъ и сопровождавшіе его вѣрные рыцари. Трупъ Карла похоронили сначала въ Нанси, а въ 1550 году, по приказанію Карла V, перевезли въ Брюгге.

Ловля рыбы корморанами въ Китаѣ.

Морскія вороны или кормораны (Phalacrocorax натуралистовъ) встрѣчаются во всей Европѣ, начиная съ Норвегіи, зимою-же посѣщаютъ въ огромномъ количествѣ Африку, Среднюю Азію и сѣверную Америку. Эта птица величиною съ нашего гуся, чернаго цвѣта съ различными его оттѣнками и кромѣ того съ нѣжнымъ металлическимъ блескомъ. Клювъ и ноги черные. Корморанъ живетъ какъ въ морѣ, такъ и въ прѣсныхъ водахъ, но особенно любимое его мѣстопребываніе — это большія, пустынныя рѣки, окруженныя густыми, дремучими лѣсами. Здѣсь-то онъ свободно располагается цѣлыми стаями на скалистыхъ, неприступныхъ берегахъ и въ прибрежныхъ шхерахъ и можетъ безъ помѣхи предаваться своему любимому занятію — рыбной ловлѣ. Этой ловлѣ корморанъ посвящаетъ почти цѣлый день, такъ какъ при его прожорливости ему нужно много рыбы, чтобы насытиться. Благодаря этой ненасытности, въ прѣсныхъ водахъ и озерахъ корморанъ причиняетъ сильный подрывъ рыбной ловлѣ. Онъ смѣлый, искусный и неутомимый рыболовъ, такъ какъ при своей способности нырять и плавать, можетъ брать рыбу на самой значительной глубинѣ. Изобрѣтательные китайцы даже умѣли воспользоваться этими способностями корморана и выдрессировавъ его еще въ маломъ возрастѣ, заставляютъ ловить рыбу и приносить ее хозяину. Обыкновенно на подобнаго рода ловлю выѣзжаютъ на лодкѣ или небольшомъ бамбуковомъ плоту, съ ручными корморанами. Когда настаетъ пора ловить рыбу, то рыбакъ сбрасываетъ корморановъ въ воду и если они иногда заупрямятся и не хотятъ нырять, то ихъ заставляютъ дѣлать это даже силою, ударяя весломъ. И вотъ кормораны ныряютъ и

ловятъ рыбу, затѣмъ появляются снова на поверхности воды и рыболовъ, не теряя времени, отнимаетъ у нихъ добычу, особенно если это крупная рыба, которая легко можетъ вырваться и ускользнуть снова въ воду. Но птица можетъ проглотить рыбу? Чтобы помѣшать въ этомъ корморану, ему завязываютъ на шеѣ шнурокъ или надѣваютъ металлическій ошейникъ, такъ что волей-неволей, при всей своей жадности, онъ принужденъ подносить всю пойманную имъ добычу, хозяину который и притягиваетъ птицу за ошейникъ шнуркомъ. Но вотъ попадается большая сильная рыба, которая отчаянно бьется въ клювѣ. Тогда остальные товарищи птицы кидаются къ первой и помогаютъ ей. На берлинской рыболовной выставкѣ была выставлена цѣлая лодка и бамбуковый плотъ съ чучелами этихъ птицъ и показанъ былъ наглядно этотъ любопытный и оригинальный видъ рыбной ловли въ Китаѣ.

Циклоны.

Очеркъ **М.**

(Смотри рисунки на стр. 997).

Вѣтеръ, стремящійся съ извѣстной скоростью, приблизительно 75 футовъ въ секунду превращается уже въ бурю. Сильные вѣтры носятъ различныя названія. Въ странахъ жаркаго пояса вѣтры эти называются циклонами. Отъ этихъ послѣднихъ тифона, торнадо и гурфикано, до водяныхъ и песчаныхъ смерчей и постоянныхъ мѣстныхъ вихрей существуетъ много переходныхъ степеней. Поддингтонъ доказалъ, что между водянымъ смерчемъ и торнадо существуетъ много градацій, а Рене объяснилъ ихъ на основаніи научныхъ изслѣдованій.

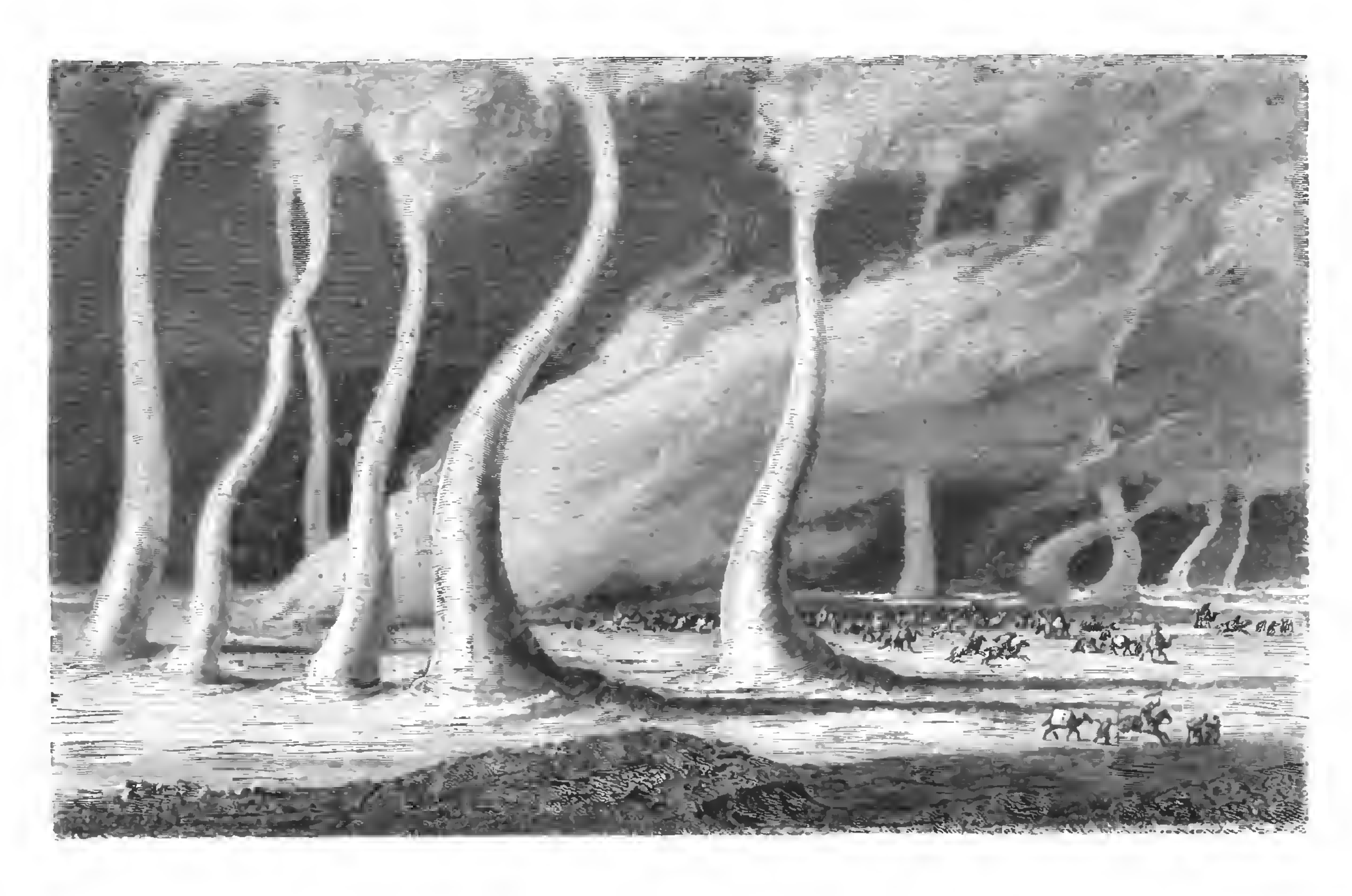
Въ Китаѣ. Ловля рыбы кормоpанами. Рис. Ф. Смитонъ, грав. Трейманъ.

Сильные вѣтры образуются при большихъ пожарахъ. Ольмштедтъ приводитъ замѣчательный примѣръ. На берегу рѣки Блякъ-Варіоръ, около Тускалозы въ Алабамѣ былъ зажженъ кустарникъ, покрывавшій 25 дес. земли. Когда огонь распространился, то въ мѣстахъ гдѣ было наиболѣе жару сталъ подниматься вихрь, принимавшій разнообразныя формы. „Сначала размѣры его были незначительны, но спустя нѣсколько времени высота его достигла 35—40 футовъ. Затѣмъ образовалось еще нѣсколько столбовъ въ 200 футъ вышины. Пламя и дымъ, образовавшіе цѣлые столбы, отдѣлялись отъ общей массы огня. Когда кустарникъ уже весь сгорѣлъ и тогда даже надъ пепломъ кружился вихрь“. Вначалѣ пожара дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, но вскорѣ воздухъ со всѣхъ сторонъ сталъ стремиться къ центру огня. Колонны дыму почти отвѣсно поднялись на 600 футовъ въ вышину и затѣмъ вдругъ согнулись дугообразно.

Колоссальные вихри образуются при выжиганіи первобытныхъ лѣсовъ. Въ 1824 году, около Амгерста, въ теплый ясный день, докторъ Ковль велѣлъ зажечь 7 акровъ строеваго лѣса съ хворостомъ. Дымъ и пламя соединились въ кружащійся столбъ, изъ котораго исходило грозное шипѣніе и ревъ. При подобномъ же пожарѣ въ Штокбриджѣ, вихорь былъ такъ силенъ, что вырывалъ съ корнемъ молодыя деревья въ 6—8 дюймовъ толщины и поднималъ ихъ, кружа въ воздухѣ, на высоту 40—50 футовъ. Такіе кружащіеся столбы образуются иногда надъ кратерами дѣйствующихъ вулкановъ. Профессоръ Зеебахъ наблюдалъ такой столбъ пепла 8-го апрѣля 1866 года, во время изверженія вулкана на островѣ Санторинѣ. Столбъ этотъ, въ формѣ гигантскаго винта изъ дыма, сопровождаемый громовыми ударами, поднялся—по точному измѣренію—на 5,807 аршинъ въ вышину. Иногда водяные пары, захваченные такимъ столбомъ, сгущаются вверху въ дождевыя облака и грозовыя.

Первая степень смерча—это небольшой вѣтерокъ, который мы чувствуемъ иногда и въ ясную погоду; онъ захватываетъ на

(Продолженіе на стр. 997, 998, 999, 1000, 1001, 1002, 1003 и 1004).

Смерчъ въ пустынѣ. Рис. Веберъ, грав. Клоссъ.

Смерчъ на морѣ. Рис. Веберъ, грав. Клоссъ.

площади песокъ, солому и листья и продолжается не болѣе полминуты. Въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ такіе вихри бываютъ въ нашихъ степяхъ. Но болѣе всего извѣстны великія колонны движущагося песку въ пустынѣ Сахарѣ, которые засыпаютъ цѣлые караваны. Это ужасное явленіе великой пустыни и изображено на нашемъ верхнемъ рисункѣ (стр. 997).

Въ Австраліи тоже бываютъ такіе вращающіеся гигантскіе столбы песку, въ особенности на плоскихъ долинахъ. Бельтъ, наблюдавшій это явленіе въ Австраліи, утверждаетъ, что это такъ сказать каналы, посредствомъ которыхъ нагрѣтый воздухъ отъ земли подымается въ высшія области атмосферы.

Смерчу предшествуетъ всегда особенная удушливость воздуха, часто бываетъ мертвое, совершенное затишье. Смерчи на сушѣ имѣютъ преимущественно воронкообразную форму, смерчи водяные принимаютъ форму трубы, у основанія которой пѣнясь вздымается вода. Вышина и діаметръ смерчевыхъ трубъ различны. Иногда они достигаютъ отъ 2,000 до 5 и 6,000 ф. вышины. По опустошеніямъ, производимымъ смерчами, можно заключить, что воздухъ со всѣхъ сторонъ стремится къ основанію этаго столба.

Опустошенія производимыя смерчами бываютъ очень значительны. Подробно былъ описанъ смерчъ, разрушившій въ прошломъ столѣтіи мѣстечко Гайнихенъ въ саксонскихъ Рудныхъ горахъ. Въ этотъ день дули перемѣнные вѣтры, образовалось нѣсколько грозовыхъ тучъ; къ 4-мъ часамъ пополудни, на разстояніи одного часа отъ Гайнихена показался длинный, туманный столбъ, который спустился съ облаковъ на землю. Нѣсколько разъ онъ подпимался, но наконецъ опустился окончательно и съ ужасающею быстротою сталъ носиться по пространству, имѣя въ основаніи ширину въ нѣмецкую милю, и все опустошать.

Все, что было встрѣчено этимъ явленіемъ на пути—было уничтожено. Въ Арепсдорфѣ, гдѣ оно началось, срывало крыши и даже сворачивало цѣлые дома, въ Диттерсдорфѣ смерчъ разрушилъ цѣлое имѣніе. Прочный жилой домъ, за исключеніемъ лѣваго флигеля, былъ весь снесенъ и сдвинутъ на цѣлую сажень отъ прежняго его мѣста. Крыша и хлѣбный сарай оказались затопленными въ сосѣднемъ прудѣ. Разрушивъ еще нѣсколько домовъ въ окрестностяхъ, смерчъ повернулъ въ лѣсъ, гдѣ въ нѣсколько секундъ продѣлалъ аллею въ 150 футовъ ширины. На его пути не устояло ни одно дерево, ни одинъ кустъ. Липы и дубы оказались вырванными съ корнемъ и поломанными. Въ заключеніе смерчъ подхватилъ одного рабочаго съ двумя лошадьми и перваго забросилъ въ лощину, а лошадей—въ близлежащій кустарникъ, затѣмъ распался на части и исчезъ безслѣдно.

26-го августа 1826 года смерчъ пронесся надъ городомъ Каркассономъ, который ранѣе въ ноябрѣ 1780 года также пострадалъ отъ подобнаго же явленія. Въ этотъ день съ утра дулъ очень жаркій южный вѣтеръ, къ полудню на западѣ показались тучи и вѣтеръ усилился. Вдругъ въ различныхъ мѣстахъ облака стали спускаться къ землѣ, точно притянутыя ею. Послѣдовалъ глухой шумъ, закончившійся ударомъ грома. Со всѣхъ сторонъ воздухъ сталъ притягиваться къ темной тучѣ. Послышалось нѣсколько сильныхъ громовыхъ ударовъ и показался красноватый столбъ, тянувшійся отъ неба до земли, который все уничтожалъ по пути. Одинъ молодой человѣкъ былъ подхваченъ этимъ столбомъ и разбился о скалу. Деревья выворачиваемы были съ корнями, обрушивались каменныя стѣны, сдвигались скалы и наконецъ столбъ налетѣлъ на замокъ. Тутъ онъ сорвалъ массивныя желѣзныя ворота, сшибъ верхніе этажи и вырвалъ массу деревьевъ. Метеоръ оставлялъ за собою запахъ сѣры; наконецъ онъ превратился въ ливень, вслѣдъ за которымъ западный вѣтеръ расчистилъ небо.

Происхожденіе этихъ грозовыхъ смерчей объясняютъ какъ соединеніе вертикальныхъ воздушныхъ струй. Теплый и влажный воздухъ, кружась, уноситъ кверху эти струи съ поверхности земли или же приноситъ сверху холодный воздухъ на землю.

Именемъ „Торнадо", американскіе метеорологи называютъ сильные ураганы или орканы. Наружнымъ видомъ они походятъ на водяные смерчи, но превосходятъ послѣдніе силою своего притяженія. Они доходятъ въ ширину до одной англійской мили, длина колеблется между двумя стами и болѣе англійскими милями, а поступательная скорость среднимъ числомъ равняется 40 англ. милямъ въ секунду. За немногими исключеніями, всѣ торнадо двигаются на западъ съ малымъ наклоненіемъ къ сѣверу. Зачастую нѣсколько торнадо идутъ параллельно одинъ другому. Торнадо переносится иногда, подымаясь надъ землею, черезъ большія пространства, выше вершинъ деревьевъ и потомъ снова спускается на землю.

Во время шествія торнадо, воздухъ по преимуществу имѣетъ центростремительное движеніе, во время большихъ циклоновъ, воздухъ движется спирально. Циклоны не дуютъ равномѣрно, но сильными бурными порывами. Темныя тучи и сильные ливни, большею частью съ громомъ и молніею,—постоянные спутники циклоновъ. День превращается въ ночь. Снизу влажная масса воздуха спиралью поднимается вверхъ и съ псимовѣрной быстротою разгоняетъ темныя тучи. Такой торнадо изображенъ на нижнемъ рисункѣ стр. 997. На сотни миль вокругъ мѣста урагана небо покрывается черными тучами. Затѣмъ начинается дождь сплошными струями, который идетъ день и ночь безостановочно, точно сквозь прорванную плотину. Барометръ падаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе надвигается центръ бури. Большею частью опусканіе барометра служитъ вѣрнымъ предвѣстникомъ приближающагося оркана. Иногда барометръ предвѣщаетъ ураганъ за нѣсколько дней, иногда-же онъ падаетъ передъ самымъ началомъ бури. Такъ, во время ужаснаго тифона въ октябрѣ 1831 года, буря началась одновременно съ паденіемъ барометра; корабли въ портѣ Макао не успѣли принять никакихъ мѣръ и многіе изъ нихъ затонули. Такія внезапныя бури бываютъ нерѣдко во время тифоновъ въ Китайскомъ морѣ. Нѣкоторыя примѣты однако позволяютъ заранѣе угадать близость такого явленія. Прекрасная погода, при необыкновенно прозрачномъ воздухѣ, значительный жаръ и совершенное затишье — всегда опасны на морѣ. Изслѣдованія Вагнера привели къ заключенію, что въ Бенгальскомъ заливѣ циклоны образуются чаще всего въ то время, когда движеніе воздуха не имѣетъ правильнаго пути, когда въ атмосферѣ все спокойно или если дуютъ малые, перемѣнные вѣтры; когда давленіе воздуха равномѣрно по всему берегу и когда выпадаютъ небольшіе дожди.

Къ самымъ разрушительнымъ бурямъ принадлежитъ торнадо 10 октября 1780 года; въ особенности онъ извѣстенъ уничтоженіемъ англійскаго флота, бывшаго подъ командою сэра Роднея. За недѣлю до смерча, на Ямайкѣ орканъ уничтожилъ корабли: „Скарборусъ", „Барбадосъ", „Викторъ" и „Фениксъ"; между тѣмъ, корабли: „Принцесса", „Генри" и „Аустинъ-Галь" въ Саванно-ля-Маре были сорваны съ якорей, загнаны въ болото и затѣмъ выброшены на твердую землю такъ далеко отъ берега, что впослѣдствіи они служили жилищемъ уцѣлѣвшимъ людямъ. Центръ бури, 10 Октября, надвинулся черезъ Барбадосъ на Санта-Лючію, краями же она захватила Тринидатъ и Антигуа. Въ Санта-Лючія буря застигла эскадру адмирала Готама, уничтожила на южномъ берегу Мартиники два французскихъ фрегата и 50 транспортныхъ судовъ. Затѣмъ центръ бури прошелъ черезъ Порторико и подъ 26 градусомъ сѣверной широты, повернулъ къ сѣверу, завернувъ на Бермудскіе острова.

Замѣчательно поступательное движеніе тропическихъ урагановъ. Въ началѣ этаго столѣтія Капперъ пришелъ къ убѣжденію, что бури сѣвернаго полушарія, первональное свое направленіе отъ юга къ сѣверо-западу, перемѣняютъ за тропикомъ и движутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Бури южнаго полушарія, которыя въ тропической зонѣ движутся отъ сѣверо-востока на юго-западъ, при переходѣ черезъ тропики, въ умѣренную полосу измѣняютъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Тифоны Китайскаго моря движутся очень неправильно. По изслѣдованіямъ Вагнера, болѣе всего это случается съ тифонами сѣвернѣе Формозы и между Китаемъ и Японіей. Бываетъ такъ, что тифоны съ материка переходятъ въ море, затѣмъ снова возвращаются на материкъ.

Мѣсто образованія циклоновъ съ точностью неизвѣстно. По наблюденію Рейэ, многіе атлантическіе смерчи—африканскаго происхожденія. Такъ одинъ орканъ, въ концѣ августа 1853 г. надвинулся съ океана, обогнулъ берега Соединенныхъ Штатовъ, пронесся однимъ краемъ около Ньюфаундленда; другимъ около западнаго берега Британіи и послѣ 13-дневнаго разрушительнаго странствованія исчезъ въ Ледовитомъ океанѣ.

Рисунки, помѣщенные нами въ этомъ № взяты изъ превосходнаго сочиненія, недавно изданнаго Шнеманомъ въ Штутгартѣ: „Земля и ея органическая жизнь". Текстъ книги принадлежитъ Клейну.

Политическое обозрѣніе.

Сдача Дульциньо Черногоріи.—Австро-Венгрія.—Ирландія.—Кардиналъ Якобини.—Отмѣна соляного налога.

Турція рѣшилась прекратить, наконецъ, комедію съ Дульциньо. Незадолго, англійскій посланникъ въ Константинополѣ, Гошенъ, объявилъ Портѣ, что державы даютъ ей десять дней времени на передачу города и хотя мы, судя по недавнему прошлому, въ правѣ сомнѣваться, чтобы наши очень испугались привычныхъ уже для нихъ европейскихъ угрозъ, тѣмъ не менѣе они нашли, что настала пора уступить. 14-го ноября черногорскія войска выступили изъ Куньи на Маіорту и заняли эту позицію около 2 часовъ по полудни, а въ 6 часовъ *онѣ вступили въ Дульциньо*, очищенный въ порядкѣ низамомъ. 15-го ноября вечеромъ черногорскія войска заняли южную часть Дульцинскаго округа и тогда городъ былъ уже совершенно переданъ имъ. Турецкіе дипломаты сдѣлали свое дѣло. Они доказали Европѣ, что съ Портой не легко сладить, они заставили державы испытать на себѣ всю непріятную тяжесть турецкой процедуры, сумѣли охладить рвеніе ихъ къ дѣлу защиты интересовъ тѣхъ Балканскихъ государствъ, которымъ онѣ надавали разныхъ обѣщаній на Берлинскомъ конгрессѣ.

Но что будетъ дѣлать Черногорія съ городомъ, еще вчера принадлежавшимъ враждебному племени, ненависть котораго еще болѣе, конечно, усилена теперь отнятіемъ у него роднаго пепелища? Какъ ни необходимъ Черногорскому княжеству приморскій портъ, но, признаться, трудно не призадуматься надъ тѣмъ, что сулитъ въ будущемъ комбинація, вдвинувшая черногорцевъ въ предѣлы области исконныхъ враговъ ихъ!..

Австрійская партія конституціоналистовъ, агитируя, какъ мы уже сообщали читателямъ, противъ министерства графа Таафе, вызвала противодѣйствіе другихъ партій. Такъ, между прочимъ, нѣмецкая консервативная партія также созвала свой съѣздъ (въ Линцѣ), на которомъ присутствовало до десяти тысячъ делегатовъ изъ Верхней и Нижней Австріи, Штиріи и Тироля. Съѣздъ имѣлъ цѣлью выяснить существованіе тѣсной солидарности между всѣми разноплеменными народностями монархіи Габсбурговъ, причемъ высказался въ пользу избирательной реформы на принципахъ всеобщей подачи голосовъ. Консервативныя группы идутъ дальше—онѣ требуютъ преобразованія имперской конституціи, настаивая на необходимости несправедливыхъ привиллегій и, такимъ образомъ, вѣроятно, будутъ служить сильной поддержкой внутренней политикѣ графа Таафе.

Положеніе дѣлъ въ Ирландіи становится тягостнѣе съ каждымъ днемъ. Аграрныя преступленія совершаются теперь ежедневно. Жизнь и собственность землевладѣльцевъ, агентовъ ихъ и арендаторовъ находится въ зависимости отъ „тайныхъ судилищъ“ аграрной лиги. Установивъ терроръ, лига уже нисколько не скрывается. Такъ, недавно въ Килламорѣ, близъ Лонгоса, происходилъ созванный ею митингъ, на которомъ присутствовало около 15,000 фермеровъ и друг. членовъ земледѣльческаго класса, причемъ было произнесено не мало зажигательныхъ рѣчей. Полиція пыталась арестовать однаго изъ членовъ лиги, возбуждавшаго своими рѣчами окружавшую его толпу крестьянъ. Но толпа оказала противодѣйствіе. Произошло столкновеніе, при которомъ многіе полицейскіе были ранены; наконецъ, полицейскіе обнажили сабли и, произведя правильное нападеніе на толпу, овладѣли ораторомъ. Англійское правительство отправляетъ полкъ за полкомъ въ Ирландію, но едва-ли оно въ состояніи содержать тамъ столько войскъ, сколько бы ихъ понадобилось для поддержанія полнаго порядка, для успѣшнаго противодѣйствія лигѣ. Такъ, напр., для огражденія земель одного владѣльца (капитана Бойкота), объявленнаго лигой внѣ закона, понадобилось не менѣе семи тысячъ солдатъ и полицейскихъ. Радикальные члены кабинета Брайтъ и Гемберлейнъ, возставшіе противъ отмѣны въ Ирландіи дѣйствія „Habeas Corpus'a“ объявили, однако, вождямъ ирландской лиги, что н защитники ихъ въ средѣ кабинета потеряютъ къ нимъ всякое довѣріе, если они будутъ продолжать насилія свои. Къ сожалѣнію, это заявленіе, какъ слышно, не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на лигеровъ. Парнелль уѣхалъ въ южную Францію, по увѣренію однихъ, для того, чтобы обезпечить отъ конфискаціи фондъ лиги, согласно другимъ—будто-бы, вслѣдствіе соглашенія между нимъ и правительствомъ, заключеннаго при посредствѣ Брайта и Чемберлейна. Гладстонъ ведетъ, въ настоящее время, переговоры съ лордомъ Дерби. Ожидаютъ, что Дерби будетъ назначенъ вице-королемъ Ирландіи.

Папа назначилъ государственнымъ секретаремъ римской куріи (постъ, соотвѣтствующій, между прочимъ, должности министра иностранныхъ дѣлъ) кардинала Якобини. Кардиналъ не сочувствуетъ непримиримой политикѣ іезуитовъ, высказываясь, напротивъ, въ пользу соглашеній католической церкви съ свѣтской властью.

Нашимъ правительствомъ принята важная мѣра. Именнымъ указомъ правительствующему сенату акцизъ съ соли отмѣненъ. Государь явилъ новое доказательство своихъ заботъ о народномъ благосостояніи, которое всегда было близко Его сердцу, чутко угадывавшему дѣйствительныя народныя нужды. Путь экономическихъ реформъ—самый вѣрный путь къ благосостоянію, а этотъ путь всего вѣрнѣе подсказывается сердцемъ, гуманными воззрѣніями. Въ указѣ справедливо выражена надежда, что эта мѣра не только уменьшитъ тягости бѣднѣйшаго населенія, но и послужитъ къ развитію скотоводства, улучшенію земледѣлія, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ рыбныхъ промысловъ и заводской промышленности.

Такимъ образомъ снимается, наконецъ, бремя, лежавшее нѣсколько вѣковъ на нашемъ народѣ и тормозившее его экономическое развитіе.

Рѣшеніе задачи Ходъ Короля № 78.

	35	33	32	94				86	85	73	81	
36	34	31	95	93	89		87	84	72	82	74	80
38	37	96	30	90	92	88	26	71	83	66	79	75
40	39	42	97	29	91	27	70	25	67	65	76	78
	41	98	43	100	28		69	68	24	64	77	
		44	99	101				23	62	63		
		104	45	102				61	22	58		
	105	121	103	46	47		7	60	59	21	57	
119	120	106	122	123	4	48	6	8	54	56	20	18
118	107	1	111	3	124	5	49	53	9	55	17	19
108	117	110	2	112	113		50	10	52	12	14	16
	109	116	115	114				51	11	13	15	

О радость, радость! что же ты
Намъ скоро измѣняешь,
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь?
Зачѣмъ небесная летишь
Пернатою стрѣлою
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою.
Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льешь очарованье
И оставляешь свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье.
Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

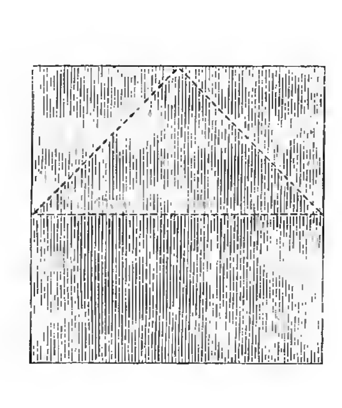
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—Эммануель; **Москва**—Бѣляева, Балашова, Минофьева; **Кинешма**—Зѣвакина; **Павловскъ**—Ди—вой; **Пенза**—Орлова.

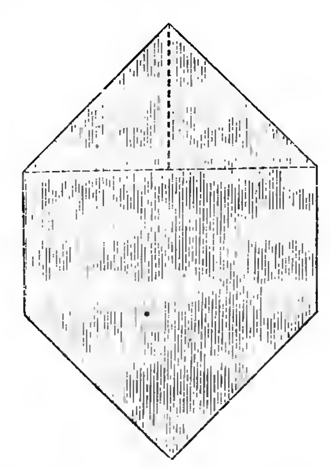
Рѣшеніе шашечной задачи въ № 44 „Нивы“.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ № 15 на № 19	Съ № 23 на № 14
„ № 2 „ № 5	„ № 9 „ № 2
„ № 3 „ № 10	„ № 14 „ № 5
„ № 12 „ № 15	„ № 2 „ № 20
„ № 16 „ № 1	„ № 24 „ № 20
„ № 8 „ № 12	„ № 20 „ № 16
„ № 12 „ № 15	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.** Малинина; **Москва**—Кичигина, Нѣмаго, Васильева, **Бѣлосельская**—Смирнова, **Елецъ**—Морхоленко; **Зубцовъ**——Некрасова, **Иваново-Вознесенскъ**—Коровина; **Кинешма**—Зѣвакина, **Нижній-Новгородъ**—Чеснокова, **Таганрогъ**—Тіанова, **Тульчинъ**—Щагина.

Рѣшеніе геометрической задачи № 79.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы, до 21 ноября, отъ гг.: **Спб.** — Кн. Ухтомскаго, Садовникова, Малинина, Рогова, Роборовскаго, Тонбергъ, Верховскаго, Тимкина, Кадыкова, Жанъ Неръ, Сигина, Ферлев, Захарова, Эммануэль, Иванцова-Нольде-Старгень, Елисѣева, Варанова, Микко-Руси, Витмейеръ, Блинова, Шпунтнкъ, Верне, С—д—и, Аксенова, Кондратьева-Милашевскаго, Мирковича, Кулина, Вутримовича, Карльсонъ, Мартынова, Грамотнаго, Новоселова, Осиповъ-Ладвин, скаго, Бѣлевичъ-Станкевича, Аленіусъ, Гофманъ, Анкудинова, Мартинсонъ, Чекушкина; **Москва**—Волкова, Земляницкаго, Шетенина, Корешкова, Кичигина, Журавлева, Пукалова, Полтавцева, Масленникова, Надеждина, Иноземцева, Кердунова, Филимоновъ-Сколдинова, Митрофанова, Кокорина, Шевалдышевой, Кудрина, Мухина, Вейсъ, Мануилова, Суткова; **Бейсагола** — Липшицъ, **Бобруйскъ** — Латынина, **Брянскъ**—Успенскаго, **Бѣшенковичи**—Богдановича, **Варшава**—Карпова, Веянречъ, Сопова, **Вильна**—Рихтеръ, **Витебскъ**—Милюкова, **Гельсингфорсъ**—Петрова, **Ефремовъ**—Горѣлова, **Иваново-Вознес.**—Коровина, **Калуга**—Милованова, **Кинешма**—Волкова, **Кіевъ**—Червинскаго, **Кобринъ**—Смоленскаго, **Ковно** — Сегецкаго, **Ковровъ** — Соколова, **Козелецъ** — Крыжановскаго, **Козловъ** — Демидова, **Коломна**—Ѳомина, **Курскъ**—Афанасьева, **Лаудонъ**—Фохтъ, **Ловичъ**—Скворцова, **Минскъ** — Платонова, **Муромъ**—Суздальцева, **Нарва**—Нихоропъ, **Нижній-Новгородъ** — Ефимова, Державда, Трусова, Короваева, Саларева, **Новгородъ**—Пестреченко, Слановскаго, Рутквзе, **Новочеркаскъ**—Тек—евой, **Одесса**—Степанова, Перебиносова, **Орша**—Каганъ, **Петергофъ**—Гусар вой, **Полтава**—Губаренко, **Псковъ**—Векшинскаго, **Ромоиское**—Шаровъ-Вушуева, **Раненбургъ**—Окулерова, **Ржовъ**—Ильина, Культепина, **Рига**—Галчинскаго, **Ростовъ-на-Дону**—Данилова, Чернышенко, Рагрвфвди, **Рыбинскъ** — Переславцева, **Ряжскъ**—Воронина, **Рязань**—Ларіоновой, Алексѣевой, Котрохова, **Слупцы**—Шеръ, **Смоленскъ**—Зелвкина, **Тамбовъ**—Воголѣпова, **Тейково**—Макарина, **Тосно**—Хмѣлевскаго, **Угличъ**—Алабушева, **Чернь**—Оболенскаго, **Шавли**—Вагорскаго, **Шлиссельбургъ**—Ветошкина, **Шуя**—Иванова.

Рѣшеніе ребусовъ, помѣщенныхъ въ № 45 „Нивы“.

1. „Одии слова не составляютъ дѣла“.
1. „Часто газетная реклама вводитъ въ заблужденіе“.

Вѣрныя рѣшенія этихъ ребусовъ присланы до 21-го ноября отъ гг.: **Спб.**—Аленіусъ, Новоселова, Граматнаго, Мартынова, Видмейеръ, Ферлея, Нольде-Старгенъ Ивашенцова, Эммануэль, Захарова. Жанъ-Беръ, Анкудинова, Панова, Долли, Муравьевой, Катугина, Щпунтинъ, Отрубвна. Перегудова, Назарьевой, Качинскаго, Милюковой, Судакова, Очьхина, Никитина, Гординской, Прыщъ, Борожейкина, М—ва, Нероновой, Охтянки, Мартинсонъ, Лукина, Косолаповой, Васильевн; **Москвв** — Мошкина, Чекушкина, Землянскаго, Волкова, Митрофанова, Иноземцева, Кердунова. Месленникова, Корешвова, Сутькова, Шпикова, Шармакова, Двтина, Авдакова, Каржавина, Шмакова; **Бобруйскъ** — Латынина, **Варшава** — Карпова, **Вилько**—Рихтера. **Витебскъ**—Шубскаго, Милюкова; N. B., **Владикавказъ**—Мейерова, **Воронежъ**—Дмитріева, **Динабургъ**—Воскресенскаго, **Дисна**—Ливотова, **Дорогобужъ**—Ревякива, **Елецъ**—Рощупкина, Рябова, **Иваново-Вознес.** — Коровина, **Калуга**—Миловавева, **Кинешма**—Волкова, **Кирсановъ**—Чихачева, **Ковровъ**—Соколова, Глазкова, **Кронштадтъ**—Хитрово и Рыбкина. **Курскъ**—Роусанской, Шнурова; **Локичь**—Романенко, **Минскъ**—Платонова, **Нижній-Новгородъ**—Филатова, Батенькова, **Новгородъ**—Руткве, Пестреченко, **Новочеркаскъ**—Сиротина, Твк—евой, **Одесса**—Степанова, Руковичниковыхъ, Бабичева, **Опечка**—Пупленочека, **Орелъ**—Колидяди, **Ораніенбаумъ**—Домбровскаго, **Орша**—Каганъ, **Переславль**—Угрюмова. **Раменское**—Шарова, Бушуева, **Ракенбургъ** — Окулерова, **Ршевъ**—Культепина, **Ригв**—Галчинскаго; **Ростовъ-на-Дону**—Даниловa, **Рыбинскъ**—Переславцева, Соколовой, **Ряжскъ**—Бѣляева, Воронвна, **Рязань**—Ларіоновой, Алексѣевой, **Саратовъ**—Подъяпольскаго, Альбацкаго **Слунцы**—Шеръ, **Сувалки**—Божовскаго, **Сызрань**—Ревякина, **Тамбовъ**—Боголѣпова, **Тейково**—Макарина, **Тосникскав**—Яценко-Хмѣлевскаго **Харьковъ**—Монгардъ, **Шуи**—Иванова, **Ярославль**—Дубкова.

☛ ОТЪ РЕДАКЦІИ. ☚

Къ этому № прилагается для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ въ 1881 г. заключающее въ себѣ образцы гравюръ и рисунковъ, помѣщаемыхъ въ „Нивѣ“ и объясняющее тѣ цѣли и направленіе, которыхъ въ теченіи одиннадцатилѣтняго существованія неуклонно держался нашъ журналъ.

Подписчики „Нивы“ достаточно знакомы съ художественными и литературными ея достоинствами. Мы просимъ ихъ, какъ друзей изданія, сдѣлать ему дружескую услугу, распространяя между своими знакомыми, не подписавшимися еще на журналъ, наши объявленія о подпискѣ на „Ниву“ 1881 г.

Обращаемъ за симъ вниманіе на наши изданія, перечисленныя въ томъ же объявленіи, и уступаемыя подписчикамъ „Нивы“ съ значительной сбавкой цѣны.

☛ Контора редакціи проситъ обратить вниманіе на то, что типографія не въ состояніи набирать, корректировать и печатать въ теченіи дня и ночи болѣе 600 адресовъ, почему покорнѣйше проситъ ПОСПѢШИТЬ возобновленіемъ подписки на „Ниву“, чтобы при высылкѣ первыхъ номеровъ 1881 г. не случилось задержки. ☚

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

КЁЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

Ц. № 902 13—10

К. № 915 7—5

Настоящія американскія швейныя машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,

съ кривою или прямою иголкою.

Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:

а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.

б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.

Лучшія нѣмецк. ручныя машины. Машины для плиссе и плойки. Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.

Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ЕЛКА.

№ 7. Владимірская № 7.

Депо С.-Петербургск. Химическихъ Лабораторій заграничн. фабрикъ.

Богатый выборъ самыхъ новѣйшихъ бонбоньерокъ и картонажей отъ 3 к.

Подсвѣчники отъ 1 к., фонарики, гирлянды, шары и т. п.

Свѣчи парафиновыя и восковыя отъ 15 коп. за пачку.

Хлопушки съ сюрпризами и костюмами отъ 5 коп.

Разноцвѣтные бенгальскіе огни безъ дыма и запаха, коробка 25 к.

Зажигательная нитка, волшебныя звѣзды, электрическій свѣтъ.

Новость: освѣщеніе для елки: напокненныя кампочки, замѣняющія свѣчи, которыя укрѣпляются легко на каждомъ сучкѣ и горятъ свѣтло въ продолженіи 2 часовъ.

Свѣжія драже за фунтъ 50 коп.

Новость: Духи Одіоніе и Бриза Пампасъ, лотъ 50 k.

Новость: Духи Китайскіе: Лиліана, лотъ 50 k., Майскій Ландышъ, лотъ 40 k.

О-де-колонъ флаконъ отъ 25 k. Туалетный Уксусъ, флаконъ 50 коп.

Полный складъ товаровъ извѣстныхъ французскихъ и англійскихъ косметическихъ фабрикъ и Спб. Химическихъ Лабораторій, по прейсъ-куранту.

Депо Химическихъ Лабораторій

№ 7. ВЛАДИМІРСКАЯ № 7.

Заказы гг. иногороднихъ исполняются немедленно. К. № 1063

МАШИНЫ:

Земледѣльческія, какъ-то: **молотилки,** вѣялки, механическія **зерносушилки В. Аккермана, локомобили** и т. д. Машины для мельницъ: обойки, мукосѣйки, куклеотборники; жернова, — машины для **маслобойныхъ, — крахмальныхъ, — винокуренныхъ, — пивоваренныхъ, — лѣсопильныхъ** и другихъ заводовъ, имѣются на складѣ или изготовляются по заказу въ механическомъ заводѣ Спб., Пески, Большая Болотная ул., № 6.

В. АККЕРМАНА.

Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по требованію. 6—1

ВѢНСКАЯ ФАБРИКА
ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ АППАРАТОВЪ
РЕКОМЕНДУЕТЪ

электрическіе аппараты съ лигроиновою лампою, зажигающеюся однимъ давленіемъ на кнопку аппарата. Пользуясь этимъ аппаратомъ, совершенно можно избавиться отъ употребленія въ домѣ спичекъ, такъ какъ электрическая искра ею зажигаетъ тонкія щепки и бумагу. Лампа эта можетъ служить для освѣщенія и для разныхъ другихъ цѣлей.

Цѣна лампѣ со всѣми принадлежностями Р. С. 12 съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

ЗАТѢМЪ:

Электрическіе аппараты (электрогальваническія батареи для наэлектризированія), примѣнимые при разстройствѣ нервовъ, при ревматизмѣ, особенно при случаяхъ общаго разслабленія организма и для разныхъ научныхъ цѣлей. Цѣна со всѣми принадлежностями Р. С. 15, съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

Главное агентство для всей Россіи Е. Е. Смѣтанина. Б. Морская, д. 21, кв. 28.

К. 1053

МЯСНОЙ СОКЪ

рекомендуется какъ самое питательное средство для малокровныхъ, чахоточныхъ, страдающихъ катарромъ желудка и вообще слабостью пищеваренія, и для выздоравливающихъ, чтобы возстановить силы. Очень важно получить этотъ сокъ свѣжій и потому мы изготовили ручной прессъ, которымъ каждый самъ можетъ добывать изъ мяса сокъ, нужный для пріема и унція обойдется въ 4 копѣйки. Цѣна пресса съ наставленіемъ 15 руб. Вѣсовыхъ за 10 фунтовъ.

Магазинъ стальныхъ товаровъ **Гронмейера и Траутшольда,** С.-Петербургъ, Гороховая ул. № 20. № 1048

НОВОСТЬ! **РАСШИРЯЕМЫЯ СТИБЛЕТЫ.** НОВОСТЬ!

НАРЯДНАЯ ОБУВЬ СОХРАНЯЮЩАЯ ТЕПЛОТУ

для мужчинъ и для дамъ изъ шелковой и шерстяной матеріи. Стиблеты эти можно надѣвать и снять весьма удобно, потому что онѣ идутъ **по своей расширяемости** и по **практичному своему механическому закрою на каждую ногу.**

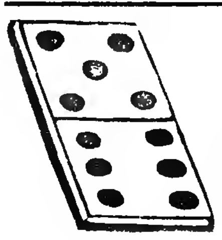
Готовыя **высокія расширяемыя стиблеты для охоты** съ механическимъ закроемъ находятся въ магазинѣ.

Единственная продажа въ магазинѣ резиновыхъ издѣлій

ЛИМАНА и РИКСА,

Гороховая ул., 16, между Большой Морской и Краснымъ мостомъ.

№ 1012 2—2

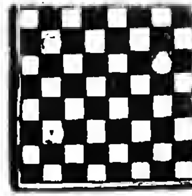
ИГРЫ: домино, шашки, шахматы рулетки съ игральными досками всѣхъ величинъ, **столовый крокетъ, звонки, тиволи** и т. п. предлагаютъ въ большомъ выборѣ оптомъ и въ розницу

GUSTAV LIEPE & Co,

Berlin, C. Grünstrasse, № 22.

Прейсъ-куранты безплатно разсылаются франкированные.

Высылка немедленно по полученіи денегъ.

4475 № 1062 3—1

МАШИННАЯ ФАБРИКА

FRANZ LEMPE in EINSIEDEL.

bei Chemnitz in Sachsen,

предлагаетъ свои машины для выдѣлки **столярныхъ и слесарныхъ инструментовъ**

ЛУЧШІЯ РЕКОМЕНДАЦІИ.

Цѣны умѣренныя.

D. 5525 № 1061. 3—1

АДШИД'А УНИЧТОЖИТЕЛЬ ГАДОВЪ.

Англійское вѣрное и при томъ дешевое средство отъ

КРЫСЪ и МЫШЕЙ

рекомендуется и продается магазиномъ

Р. Кёлеръ и К^о^. въ Москвѣ.

(На Никольской). Въ конвертахъ по 15, 25 и 45 коп. Иногородные могутъ присылать стоимость марками, прилагая на пересылку по 10 коп. Ц. № 1007 3—2

Собственной работы! получившія награду въ Дюссельдорфѣ 1880 г. за „отличныя качества"

СКРИПКИ

отъ 4—30 М., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 М.

Смычки 1—30 М., **футляры** 3½—40 М. **Гитары** 4—50 М. **Струны** превосходной прочности съ ручательствомъ. Патент. **нѣмая скрипка** для ученія (собственное изобрѣтеніе). **Альты, віолончели и басы. Починки!** реком. Аполлин. Контскій, Дир. Варш. Консерв., Вильгельмъ, Сарасате, Сора, Зингеръ и т. д. **Вывозъ** за границу. Торговцамъ скидка. Прейсъ-куранты безплатно.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ, **КРЕЙЦНАХЪ.** К. № 956. 3—2

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ глистовъ спеціальное и скорое излеченіе въ Гигіеническей Лечебницѣ. Петербургъ, Владимірская ул., д. № 15. Леченіе возможно и письменное. Тутъ-же лечатся и отъ сыпи (лица), заразительныхъ болѣзней.

К. № 961 10—6

Въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ губ. гор. Владимірѣ, продается книга: **Руководитель Владимірскихъ богомольцевъ.** Составилъ Василій Орловъ. Владиміръ. 1880 г. (стр. 1—118); цѣна 35 коп., съ перес. 40 к.; копѣйки можно высыл. мелкими (не выше 7 к. достоинства) почт. марками. № 1051. 3—1.

Изданія А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская д. № 9.

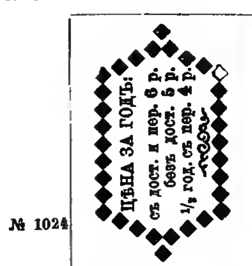
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Всеволода Крестовскаго.

(автора „Петербургскихъ Трущобъ") 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 60 к. для подписч. „НИВЫ" 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р., для подписч. „НИВЫ" 1880 г. 1 р. 25 коп. съ перес. 1 р. 50 к.

№ 1024

ШУТЪ

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 110.

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

Еженед. Худож. и Юмор. Журналъ Карикатуръ,

ПЕЧАТАЕМЫХЪ КРАСКАМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ (ХРОМОЛИТОГРАФІЯ).

Содержаніе: въ годъ **52** №№ большаго формата, **156** большихъ рисунковъ, исполненныхъ красками, болѣе **350** рисунковъ въ одну краску, и **260** страницъ текста въ прозѣ и стихахъ.— Для годовыхъ гг. подписчиковъ **въ видѣ преміи**—роскошный альбомъ изъ **20** листовъ картинъ-гравюръ, рисунковъ и эскизовъ, на полученіе коего благоволятъ приложить: безъ доставки и пересылки **1** р., съ доставкой и пересылкой **1** р. **50** к.

3—2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

ХИННАЯ ПОМАДА И ВОДА для уничтоженія перхоти на головѣ, за банку 30 к., флак. 60 к.

ТОНИЧЕСКАЯ ВОДА лучшее средство для укрѣпленія волосъ, употребленіе ея пріятно и освѣжительно. Флак. 60 к.

ФИЛОДОРЪ флак. 50 к.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, д. № 32, Католич. церкви.
2) Невскій просп., у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.

Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе анвѣски, сходные съ анвѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ. № 938 2—2

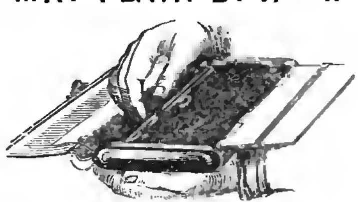
ДЛЯ ЕЛКИ К. № 1055.

РЕКОМЕНДУЕМЪ

УЛУЧШЕННЫЕ АВТОМАТЫ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНІЯ ПАПИРОСЪ

МАРТЫНА БРИ и К°.

состоящіе изъ ящика для табаку съ самодѣйствующимъ снарядомъ въ крышкѣ, въ который кладутъ

бумагу и табакъ, а по закрытіи ящика готовая папироска скоро появится на самой крышкѣ.

Цѣна съ доставкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, отъ 4—5 руб. смотря по достоинству.

ГЛАВНОЕ ДЕПО у **Е. СМЕТАНИНОЙ**, Бол. Морская, № 21, кв. № 28, въ С.-Петербургѣ.

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ",

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Казанскій Биржевой Листокъ" въ будущемъ 1881 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить по прежнему два раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Телеграммы торговыя и политическія. 2) Мѣстныя рыночныя цѣны и торговыя сдѣлки при казанской биржѣ, цѣны провоза и свѣдѣнія по судоходству, вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ на пристаняхъ, масла, сала и проч. 3) Торговыя корреспонденціи о цѣнахъ и покупкахъ на хлѣбныхъ пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна и др., о состояніи дѣлъ и цѣнахъ на биржахъ Петербургской, Рижской, Московской, Рыбинской, Ростовской (на Дону), Нижегородской и пр. и свѣдѣнія о ярмаркахъ. 4) Правительственныя распоряженія, касающіяся болѣе торговли и промышленности. 5) Передовыя статьи и извѣстія изъ мѣстной городской общественной жизни. 6) Статьи экономическаго, промышленнаго и техническаго содержанія. 7) Внутреннія извѣстія и иногородныя корреспонденціи. 8. Судебный отдѣлъ (отчеты о засѣданіяхъ по выдающимся чѣмъ либо дѣламъ, въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ и мировыхъ учрежденіяхъ). 9) Извѣстія о дѣятельности мѣстныхъ ученыхъ, экономическихъ и друг. обществъ; статьи по разнымъ отраслямъ знаній; замѣтки и новости. 10) Внѣшнія извѣстія. 11) Библіографія. 12) Фельетонъ и пр. Частныя объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ 6 р. 50 к., на полгода 4 рубля.

Адресъ: въ Казань, въ редакцію „Казанскаго Биржеваго Листка". № 1042 2—1

ИЗДАНІЯ ЮРГЕНСОНА.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПРОДАЮТСЯ:

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ. *М. Глинки.* Полная опера для пѣнія съ фортепіано, 8 руб. **РОГНѢДА** *А. Сѣрова.* Полная опера для фортепіано въ 2 руки, цѣна 3 руб.

ПРЕЖДЕ ВЫШЛИ:

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ, для ф.-п., 3 р., **РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА,** для ф.-п., 3 р. **РУСАЛКА,** 3 руб. **Евгеній Онѣгинъ,** для пѣнія 6 руб., для ф.-п. 3 руб. **Купецъ Калашниковъ,** для пѣнія 8 руб. и для ф.-п. 4 руб.

Готовятся къ печати:

Русланъ, Русалка. Рогнѣда, Аскольдова могила, для пѣнія съ фортепіано.

Музыкальная торговля П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Неглинный проѣздъ, 10. С.-Петербургъ, у **І. ЮРГЕНСОНА,** Больш. Морская 9. П. М. № 1036. 1—1.

Въ книжномъ магазинѣ М. В. ПОПОВА, на Невск. пр., въ зданіи пассажа, продается

САМАЯ ПОЛНАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА

подъ названіемъ

СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЪ,

составлено и издано О. ПАВЛОВСКОЙ.

Руководство для приготовленія 2,800 блюдъ, съ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ и т. д. Каждый отдѣлъ блюдъ въ книгѣ начинается скоромными и кончается постными кушаньями, что представляетъ большое облегченіе во время поста для каждой хозяйки, не говоря уже о неопытныхъ.

Въ книгѣ приложено 20 раскрашенныхъ рисунковъ всѣхъ частей быка и теленка; изображенія сняты съ натуры, сопровождаются подробнымъ описаніемъ употребленія каждой части мяса. Какъ значеніе, такъ и употребленіе каждаго куска мяса весьма важно въ хозяйствѣ, но на это не обращено до сихъ поръ должнаго вниманія. Средства для сбереженія припасовъ и исправленія попорченныхъ.

Рисунки исполнены художникомъ Борелемъ. Большой томъ въ 700 страницъ. Спб. Ц. 4 р. Въ отличномъ коленкоровомъ тисненомъ золотомъ переплетѣ—4 руб. 75 коп. За пересылку прилагается 50 коп.

Требованія гг. иногороднихъ исполняются аккуратно и немедленно. № 1049

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія

ТИМОЛОВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.

Въ С.-Петербургѣ, въ магазинахъ лабораторіи.

Толмазовъ пер., противъ Гостинаго двора, д. 2.—На Петербургской стор., по Больш. пр., д. 28.—на Литейномъ пр., близъ Пантелейм., д. 25.—въ Москвѣ, Тверская улица, домъ Малкіеля.

Тимоловый зубной эликсиръ 1 руб. | предохраняютъ зубы отъ порчи и гніенія,
Тимоловый зубной порошокъ 60 коп. | уничтожаютъ дурной запахъ во рту.
Тимоловый туалетный уксусъ 75 коп., уничтожаетъ всякіе міазмы.
Тимоловое туалетное мыло 35 к. противъ сыпи и угрей.

Тимоловые препараты превосходятъ своими достоинствами всѣ до сихъ поръ изобрѣтенныя зубныя и анти-эпидемическія средства.

Каждый экземпляръ **тимоловыхъ** препаратовъ снабженъ **фабричною маркою С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, утвержденной правительствомъ.**

Также продаются въ **С.-Петербургѣ:** въ магазинахъ *С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, Толмазовъ пер.*, противъ Гостинаго двора, домъ № 2 и на *Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту*, противъ Гулярной улицы, домъ № 28.

Въ *Русскомъ Обществѣ Торговли аптекарскими товарами,* по Казанск. улицѣ.

У гг. *Штоль и Шмидтъ,* Кирпичный переулокъ, у г. Оскаръ Гертхенъ, Казанская, 37.

Въ Москвѣ, *Отдѣленіе С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, по Тверской улицѣ,* домъ Малкіеля.

Въ Харьковѣ, въ складѣ Русскаго Общества торговли Аптекарскими Товарами, въ *Кіевѣ,* у г. И. Ф. Пастухова, въ *Одессѣ,* у г. Вилліама Вагнера.

Гг. ТОРГОВЦАМЪ значительная скидка. **ОПТОВАЯ ПРОДАЖА** производится въ складахъ С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, въ С.-Петербургѣ, по Толмазову пер., д. № 2 и въ Москвѣ—Тверская, домъ Малкіеля.

Подробные прейсъ-куранты оптовые и розничные высылаются немедленно и безплатно изъ конторы С.-Петербургской техно-химической лабораторіи. въ С.-Петербургѣ, Толмазовъ пер., д. № 2, куда и просятъ гг. иногородныхъ покупателей адресовать свои письма и требованія. К. № 1054 2—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5 % съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по 20 руб. на билетъ.

Выигрышъ, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5 % съ выигрышныхъ билетовъ по 50 к.

Отъ **гг. иногородныхъ,** включая почтовые расходы, по 60 коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на коммиссію 5% билетовъ для обмѣна на новые.

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ" № 5 сего года. № 1038 10—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. **НА 1881 ГОДЪ** **годъ второй.**

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ дост. и пересылки.		Съ доставк. въ Москвѣ.		Съ перес. во всѣ города.	
На годъ	7 р. 60 к.	На годъ	8 р. 50 к.	На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣс.	4 „ 30 „	„ 6 мѣс.	4 „ 50 „	„ 6 мѣс.	5 „ — „
„ 3 „	2 „ 30 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 1 „	— „ 90 „	„ 2 „	1 „ — „	„ 1 „	1 „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, д. Н. П. Ланина. № 1010 6—3

Поступила въ продажу во всѣ наиболѣе извѣстные книжные магазины новая книга:

ОХРАНИТЕЛЬНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

по рѣшеніямъ гражд. кассац. департамента Правительствующаго Сената.

Съ приложеніемъ подробныхъ буквальныхъ извлеченій изъ сенатскихъ рѣшеній, состоявшихся съ 1867 г. по 1879 г. включительно.

Составилъ присяжный повѣренный Г. В. Бертгольдтъ.

Содержаніе книги: Оглавленіе.—Предисловіе.—Алфавитный указатель фамилій кассаторовъ.—Указатель сенатскихъ рѣшеній въ хронологическомъ порядкѣ.—Открытіе наслѣдства.—Установленныя закономъ мѣры охраненія открывшагося наслѣдства.—Распоряженія мироваго судьи объ охраненіи имущества умершаго.—Законныя основанія не принимать охранительныхъ мѣръ.—Случаи обязательнаго принятія охранительныхъ мѣръ.—Какъ имущество подлежитъ охраненію.—Внесеніе въ охранительную опись имущества ненаходившагося во владѣніи умершаго лица.—Когда примѣняются всѣ указанныя закономъ мѣры къ охраненію имущества и когда только нѣкоторыя изъ нихъ.—Вызовъ наслѣдниковъ.—Значеніе вызова.—Срокъ на явку наслѣдниковъ.—Послѣдствія неявки наслѣдниковъ въ срокъ.—Издержки по охраненію имущества.—Подсудность дѣлъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства.—Доказательства права наслѣдованія.—Документы, удостовѣряющіе о существованіи брака или родственной связи.—Утвержденіе въ правахъ наслѣдства.—Снятіе мѣръ охраненія и выдача охраняемаго имущества.—Порядокъ обжалованія распоряженій мироваго судьи и дѣйствій судебнаго пристава, касающихся охраненія наслѣдства.—Обжалованіе опредѣленій окружнаго суда и судебной палаты.—Понятіе о вводѣ во владѣніе.—Необязательность ввода.—Значеніе ввода во владѣніе, какъ доказательства правъ на владѣніе недвижимымъ имуществомъ и на отчужденіе онаго.—Значеніе ввода во владѣніе имѣніемъ, находившимся до ввода въ фактическомъ обладаніи другаго лица.—Судебное опредѣленіе о вводѣ во владѣніе наслѣдственнымъ недвижимымъ имуществомъ и право обжалованія опредѣленій окружнаго суда и судебной палаты.—Совершеніе ввода во владѣніе и обжалованіе исполнительныхъ дѣйствій по вводу мироваго судьи и судебнаго пристава.—Вводъ во владѣніе по давности.—Рѣшеніе гражд. кас. деп. Сената, разъясняющее законъ 19-го апрѣля 1874 года о метрической записи браковъ, рожденія и смерти раскольниковъ. Л. № 1030

Цѣна 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ книги у Григ. Вас. Бертгольдта, въ Москвѣ, на Тверской, въ д. Хомяковыхъ бывш. Пороховщикова, кв. № 16.—Лица выписывающія и покупающія эту книгу прямо отъ г. Бертгольдта, т. е. изъ склада, получаютъ ее въ папкѣ замѣняющей переплетъ.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„МОЛВА"

(ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ)

НА 1881 ГОДЪ.

Пописная цѣна въ Россіи:

	Городск. Без дос. Р. К.	Городск. Съ дос. Р. К.	Иногор. Съ пер. Р. К.
На годъ	14 50	16 —	17 —
„ 6 мѣсяц.	8 50	9 50	10 —
„ 3 „	4 10	4 70	5 70
„ 1 „	1 50	1 70	2 —

Подписка принимается: въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—въ главной конторѣ редакціи „МОЛВЫ" (Литейный пр., № 42); въ МОСКВѢ—у Н. А. Мейера, на Маросѣйкѣ, д. Леонова, въ отдѣленіяхъ конторы: въ ХАРЬКОВѢ—Богуновскій пер., домъ Савченко и въ КУРСКѢ—у Г. Ѳ. Пригожаго.

Подписка принимается на всѣ сроки не иначе какъ съ 1 числа каждаго мѣс.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ для служащихъ—по третимъ, чрезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться со своими заявленіями въ главную контору редакціи, а въ Харьковѣ и Курскѣ—въ вышеупомянутыя отдѣленія конторы.

Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою въ губерніи, доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 6 р. и въ началѣ августа 4 р.; а съ доставкою въ Петербургѣ—уплачиваютъ въ конторѣ при самой подпискѣ 6 р., въ концѣ марта 5 и въ концѣ іюня 5 р. № 1040

Редакторъ-издатель **В. А. ПОЛЕТИКА.**

Объ изданіи въ 1881 году

„ДОНСКОЙ ПЧЕЛЫ"

ГАЗЕТЫ

ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ.

Съ 1 января 1881 г. **„Донская Пчела"** будетъ издаваться по той-же программѣ, какъ издавалось въ предъидущіе пять лѣтъ, два раза въ недѣлю: по **четвергамъ и воскресеньямъ**, по одному листу *большаго формата*, въ 5-ти столбцахъ.

„Донская Пчела" имѣетъ своею главною цѣлью обсужденіе вопросовъ, относящихся до нуждъ и интересовъ При-азовскаго края, давая, впрочемъ, мѣсто, какъ видно изъ предъидущихъ годовъ и тѣмъ вопросамъ, которые представляютъ въ данное время общій животрепещущій интересъ.

Въ 1881 году, какъ и прежде, почти въ каждомъ нумерѣ, кромѣ тѣхъ свѣдѣній, какія обыкновенно даетъ столичная пресса, будутъ помѣщаться передовыя или руководящія статьи, относящіяся до нуждъ и интересовъ края, ежедневная хроника текущихъ явленій изъ мѣстной жизни, корреспонденціи, биржевая хроника: цѣны продуктамъ на мѣстныхъ рынкахъ и проч., судебная хроника, фельетонъ и т. д.

Подписная цѣна:

съ доставкою въ Ростовѣ на Дону.		съ пересылкою иногороднымъ:	
на годъ	6 р. —	на годъ	7 р. —
„ полгода	3 „ 50	„ полгода	4 „ —
„ 4 мѣсяца	2 „ —	„ 3 мѣсяца	2 „ 50

За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Подписка принимается въ конторѣ „Донской Пчелы" въ Ростовѣ на Дону, на Большой Садовой ул., въ домѣ И. А. Теръ-Абраміанъ (бывш. Драшковича). Иногородные благоволятъ адресоваться въ редакцію „Донской Пчелы" въ Ростовъ на Дону.

Редакція покорнѣйше проситъ Гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно написавъ свои полные адресы четко и разборчиво.

Редакторъ-Издатель **И. А. Теръ-Абраміанъ.** № 1043. 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫЙ журналъ, изданія годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа". № 999 10—3

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ"

подъ общею редакціею съ журналомъ „Вѣстникъ Европы" и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки:	Съ доставк.	Съ пер.	За границ.
Три мѣсяца	3 р. 50 к.	4 р.	5 р.	7 р.
Полгода	7 „ — „	8 „	9 „	13 „
Годъ	14 „ — „	16 „	17 „	25 „

Мѣсяцъ: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 к. за границей 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—излишня; такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается, для иногородныхъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я линія, 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. Стасюлевичъ.** № 994 5—3

Поступила въ продажу новая дѣтская книга:

ЖИВОЕ СЛОВО.

Пособіе для нагляднаго обученія въ семьѣ и школѣ.

Обработала по Штаубу **О. И. Шмидтъ** (урожд. Москвитинова).

Рисунки **Г. Фишера** и **Н. Н. Каразина.**

2 тетради въ большомъ форматѣ in folio; содержащія каждая по 24 больш. страницы съ рисунками въ краскахъ и нѣскол. листовъ текста.

Цѣна каждому выпуску въ красивомъ папковомъ переплетѣ **2 р. 50 к.**

Рисунки въ этомъ изданіи исполнены художественно по способу хромолитографіи, текстъ отличается отъ множества подобныхъ,—прямо переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ на русскій тѣмъ, что онъ составленъ по русски для русскихъ дѣтей, писательницею, извѣстною въ педагогической сферѣ своими премированными С.-Петербургскимъ Фребелевскимъ Обществомъ разсказами для дѣтей: „Ласточкино гнѣздо", „Мурка" и пр.

Руководимое разсказчицей дитя проходитъ по комнатамъ, кухнѣ, мастерскимъ, по саду, полямъ и лѣсамъ и безъ труда знакомится съ встрѣчаемыми предметами, съ ихъ названіями, употребленіемъ и качествами.

Въ концѣ книги помѣщенъ текстъ, состоящій изъ нѣсколькихъ листовъ разсказовъ, въ прозѣ и стихахъ, басенъ, загадокъ и проч., находящихся въ связи съ рисунками.

Книгу эту можно вполнѣ рекомендовать какъ подарокъ къ праздникамъ.

Складъ изданія находится у книгопродавца-издателя **А. Ф. ДЕВРІЕНА, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, Большой просп. № 8,** который и исполнитъ немедленно требованія гг. иногороднихъ, безъ приплаты за пересылку; кромѣ того изданіе продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и въ провинціи. № 1035. 1—1

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 60) и въ московскомъ отдѣленіи (Никольская, домъ ремесленной управы):

НОВѢЙШІЙ

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНЫЙ

СЛОВАРЬ.

75000—Х. иностранныхъ общеупотребительныхъ въ русскомъ языкѣ словъ. Содержащій въ себѣ слова, заимствованныя изъ европейскихъ и другихъ языковъ, вошедшія въ отечественную литературу и употребляемыя въ техникѣ, коммерціи, промышленности, медицинѣ и другихъ отросляхъ знаній. Составленъ, по новѣйшимъ русскимъ и иностраннымъ лексикографическимъ источникамъ,

ФИЛОЛОГОМЪ А. ЗАЛѢССКИМЪ.

Спб. 1881 г. Ц. 3 р.

Приводимъ отзывъ „Новаго Времени" № 1621: „За послѣднее время у насъ особенно много появилось объяснительныхъ словарей иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Къ сожалѣнію, большинство этихъ словарей, не смотря на свою толстоту, принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ компиляцій, сшитыхъ на живую руку изъ устарѣвшихъ источниковъ. Какъ на исключеніе въ этомъ отношеніи, мы можемъ указать на появившійся на дняхъ „Полный справочный словарь иностранныхъ общеупотребительныхъ словъ въ русскомъ языкѣ А. Залѣсскаго". Словарь этотъ составленъ весьма толково и отличается съ одной стороны своею полнотою, а съ другой отсутствіемъ того балласта, который составляетъ почти неизбѣжную принадлежность другихъ подобныхъ изданій. Вообще, на словарь г. Залѣсскаго можно указать, какъ на весьма полезную книгу для вседневныхъ справокъ. Въ типографскомъ отношеніи онъ изданъ весьма исправно и не страдаетъ опечатками, изобилующими въ большинствѣ этаго рода изданій". № 1039

ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ

Справочная книга съ объяснительн. рисунками. Составилъ И. В—нъ. Цѣна 2 р. 20 к.

Содержаніе: Домоводство, сохраненіе здоровья, лѣченіе болѣзней, воспитаніе дѣтей, руководство, предсказаніе погоды и проч. и проч.

Продается у всѣхъ книгопродавцевъ Петербурга и Москвы. Складъ изданія въ Москвѣ, на Петровкѣ, противъ Кузнецкаго моста, домъ Хомякова, у Н. М. Корнилова.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ. Вмѣсто копѣекъ можно прилагать почтовыя марки. № 981. 8—8

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

КІЕВСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Подписная цѣна:

	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки	3 р.	2 р. — к.
Съ достав. на домъ	4 „	2 „ 50 „
Иногор. съ перес.	5 „	3 „ — „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, помѣщающейся въ домѣ Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, на Михайловской улицѣ въ КІЕВѢ. № 1044 1—1

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ"

Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и общественной жизни.

Безплатное прибавленіе **Тиражный листокъ.**

Подписная цѣна для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ на 1 годъ—12 руб., на ½ года—7 руб., на 3 мѣс.—4 руб., на 1 мѣс.—1 руб. 50 коп. Спб. Малая Морская, 19.

Редакторъ **П. С. Макаровъ.** Издатель **С. М. Проппeръ.** № 1003 7—2

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ВЛАДИМІРСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ въ 1881 году.

„Владимірскія Епархіальныя вѣдомости" будутъ издаваться въ слѣдующемъ 1881 г. семнадцатомъ ихъ существованія, на прежнихъ основаніяхъ, по 2 выпуска въ мѣсяцъ, каждый отъ 3 до 4 печатныхъ листовъ.

«Владимір. Епарх. Вѣдом.» выходятъ 2 раза въ мѣсяцъ, выпусками отъ 3 до 4 листовъ; цѣна съ перес. 4 р. Адресъ: въ губ. гор. Владиміръ, въ редакцію «Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Въ редакціи продаются оставшіеся неразобранными полные экземпляры «Епархіал. Вѣдом.» за **1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880** г. Цѣна за годовой экземпляръ 2 р. съ пересылкою 2 р. 60 к. каждый померъ за минувшіе годы; отдѣл. въ редакціи—10 к., съ пересыл.—15 к. № 1050. 1—1

КНИГИ прод., пок. и прин. на коммисію. кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова (бывш. учителя древ. яз.), Казань. Бываютъ библ. рѣдкости 16, 17, 18, 19 в. Объ эт. торг. почти постоян. публ., въ Каз. газ. и мн. друг. изд. уже 10-й годъ; прод. „Руков. для крестьянъ, волост. суд. уѣзд. и губ. по кр. д. учрежд.". сост. Овчинниковъ. 79 г. 75 к., съ перес. 1 р. № 996

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ

ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1881 г. съ приложеніемъ

СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на розовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣдѣнія церковныя астрон., геологическ., географическо-статистическія истор., почтовыя, телеграф., желѣзно-дорож., коммерческія, медицин., хозяйствен., адресо-указат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, каррикатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со „СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ" 30 коп., за пересылку 10 копѣекъ. Ptr. № 1026 5—2

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ"

и **„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА".**

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на ½ года для иног. и гор. 5 р., на 1 мѣс. для иногор. и городск. 1 руб. СПБ. Гороховая, 32, близъ Каменнаго театра. К. № 909. 10—9

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.

Большая Морская, № 9.

МИЛЬТОНЪ. ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ. Большое изданіе in folio съ 50 больш. картинами **Густава Доре.** Въ простомъ коленкор. перепл. 25 р. съ перес. въ ящикѣ 30 р. въ красивомъ коленкор. перепл. съ золот. обрѣзомъ 30 р. съ пересылкою въ ящикѣ 35 р. **Подписчикамъ „Нивы" на 1881 г. дѣлается уступка 5 руб.**

При этомъ № прилагаются четыре объявленія: 1) отъ Редакціи „Нивы“ (для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ) 2) отъ редакціи „Собраніе Романовъ“ 3) отъ редакціи „Библіотека для чтенія“. 4) отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ (послѣднія 3 объявленія исключительно для иногородныхъ подписчиковъ.

Дозволено цензурою СПБ. 27 Ноября 1880 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Вольфа, Англ. пр. № 10.

XI годъ — № 49 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XI — 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис.
Выданъ 6 Декабря 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 д. 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 20 к. съ перес. 25 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Нивы“.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . 4 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ . . 5 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. магаз. гг Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарева. 5 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . 6 р.	За границу . . . 8 р.

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМЕДЛИТЬ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ МНОГО времени.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ. ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются ПАРИЖСКІЯ МОДЫ за ДЕКАБРЬ 1880 г. съ 35 рис. и отдѣльн. листъ съ 25 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и съ 37 рис. вышивокъ малороссійск. и русск. дамскихъ костюмовъ, печатанными 2 красками.

Видъ города Мезени, Архангельск. губ. Съ набр. П. Пучкова, рис. Н. Каразинъ, грав. Флюгель.

Мезень.

Почти въ срединѣ Бѣломорскаго прибрежья Россіи, въ 7 верстахъ отъ устья р. Мезени, по правому ея берегу, раскинулся городокъ Мезень, одинъ изъ отдаленнѣйшихъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Въ Мезени кончается Архангельская почтовая дорога и никуда иначе какъ водой, или на оленяхъ пробраться нельзя; съ сѣвера море, а съ права и съ лѣва тундра... Городъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно города и расположенной отъ него въ $2^1/_2$ верстахъ къ сѣверу, по теченію рѣки, Кузнецовской слободы. Основаніе Мезени относятъ ко времени Іоанна Грознаго, а основателемъ считаютъ бѣглаго, или опальнаго, нѣкоего Ивана-Кузнеца, поселившагося въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь слобода, въ которой половина жителей носитъ фамилію Кузнецовыхъ; затѣмъ населеніе слободы, увеличиваясь постепенно, при помощи появившихся раскольниковъ Протопоповыхъ, создала другой поселокъ — Мезень, превратившійся лѣтъ 200 тому назадъ изъ глухой заброшенной деревни въ уѣздный городокъ.

Но это превращеніе и до сихъ поръ не измѣнило ни внѣшняго вида, ни экономическаго значенія этого города и выразилось лишь въ появленіи чиновниковъ, солдатъ уѣздной команды, да полиціи. И до сихъ поръ, какъ во время оно, жители Мезени занимаются морскимъ, лѣснымъ и рѣчнымъ промыслами: добываютъ моржей, тюленей, куропатокъ, рябчиковъ и семгу въ большомъ количествѣ; служатъ матросами на судахъ мѣстныхъ судохозяевъ, ведущихъ мѣновую торговлю съ Норвегіей и, отчасти, занимаются хлѣбопашествомъ.

Здѣсь, даже при помощи самыхъ своеобразныхъ старыхъ ружей, добывается очень много разнаго звѣря и птицы, а мѣстные 2 или 3 кулака скупаютъ на мѣстѣ все за безцѣнокъ и потомъ, въ Петербургѣ, перепродаютъ съ большимъ барышемъ.

Окрестности Мезени со стороны лѣса и рѣки своеобразно-живописны; городъ расположенъ на крутомъ берегу Мезени, а рѣка замѣчательно красива. Идетъ она двумя руслами, образуя лабиринтъ красивыхъ протоковъ, живописныхъ островковъ и замѣчательныхъ, богатыхъ поемныхъ луговъ. Луга эти, а также и острова, во время весенняго разлива, покрываются водой, и тогда городъ стоитъ какъ-бы у моря. Но за то недолгое, жадно ожидаемое лѣто имѣетъ двойную прелесть: воздухъ удивительно чистъ, переполненъ запахомъ сосноваго лѣса и луговыхъ душистыхъ травъ и дѣйствуетъ на здоровье благотворно; лѣтнія полярныя ночи восхитительны; въ Петербургѣ

Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ *ночи полчаса*;

а здѣсь, съ колокольни, или даже менѣе возвышеннаго пункта можно видѣть, какъ солнце, лишь соприкоснувшись съ горизонтомъ, почти въ ту-же минуту разливаетъ лучи на еще не успѣвшую погрузиться въ сумракъ землю...

Въ Мезени никакихъ тифовъ, лихорадокъ, ни вообще эпидемій и эпизоотій и слыхомъ не слыхать.

Какихъ-нибудь рѣдкостей или древностей въ Мезени нѣтъ. Въ слободѣ только интересна древняя церковь, устроенная по древнему обычаю — съ трапезою и даже столами въ ней. Церковь эту въ особенности чтутъ мѣстные старовѣры, которые въ Мезени составляютъ болѣе $^2/_3$ населенія.

Угонъ

Разсказъ **С. В. Максимова** *).

I.

Въ то раннее утреннее время, когда еще далеко до свѣту, а деревенскія печи уже пылаютъ красноватымъ пламенемъ, въ холодную избу вошелъ старшій сынъ съ блѣднымъ лицомъ и испуганными глазами—вошелъ, повалился на лавку и зарыдалъ. Стали его распрашивать и, сквозь стоны, могли разобрать и разслышать:

— Бурки нѣтъ дома,—пропалъ.

— А саврасый?

— И саврасаго свели. Ворота были всю ночь на запорѣ, а стѣнка на задворьѣ разобрана. Слѣдовъ не разобрать, потому на дворѣ темь непроглядная, — продолжалъ отвѣчать сынъ на короткіе вопросы сѣдаго отца—большака обворованной семьи.

— Ты бы,—говорилъ отецъ,—слѣдовъ-то, дурова голова, не затаптывалъ: все бы знать было, въ какую сторону побѣжали.

И спохватился:

— И то сказать: воръ, что заяцъ, слѣды кладетъ кривулями и перехлестываетъ. А не толковалъ я тебѣ, чтобы съѣздилъ въ лѣсъ, да новые вѣнцы положилъ а ты, дурова голова, и подпереть не догадался. Что мнѣ съ твоей головой дѣлать?

— Куда намъ свои головушки теперь дѣть?—начала голосить мать. Ее подхватила старшая невѣстка и дочка,—и всѣ подняли тотъ вой и ревъ, которые первыми, при вѣсти о семейномъ несчастіи, являются въ помощь и на выручку, вообще слабонервнымъ, русскимъ деревенскимъ женщинамъ. Одна изъ нихъ успѣла таки выговорить наибольшее сожалѣніе о буркѣ.

— Поеной, кормленой, холеной! Какъ дьякопица-то убивалась, когда покупали! Двѣ недѣли ломалась надъ нашими денежками, и когда поводъ-то намъ подавала, отвернулась даже и ревѣла на голосъ.

— Взяли съ поповыхъ хлѣбовъ такаго-то гладкаго, а развѣ я объ немъ не радѣлъ, развѣ онъ у меня спалъ когда съ тѣла?—толковалъ старшій сынъ, нѣсколько успокоившись. Какимъ взялъ его, такимъ вотъ теперь и потеряли. Мать ты, Матушка, Пресвятая Владычица!

Въ концѣ концовъ всѣ догадались, что надо забыть о прошломъ, а глядѣть и думать впередъ. Это оказалось легко уже потому, что вѣсть о несчастіи, какъ стрѣла молніи, облетѣла все село и первыми, конечно, подняла на ноги женщинъ. Эти совѣтовали всѣ, въ одну мысль, первымъ дѣломъ, сходить къ колдуну, а того лучше къ Матрешкѣ:

— Почала она на гущѣ квасной гадать, да такъ-то ладно! Все видитъ въ гущѣ, точно въ зеркалѣ всѣхъ видитъ, окромѣ покойниковъ.

Другія совѣтовали либо сходить къ ближнему угоднику, который во всѣхъ бѣдахъ заступникъ и помощникъ, либо ставить каждый праздникъ по свѣчкѣ къ образу Тихвинской. Дьячиха, какъ болѣе свѣдущая и образованная,—указывала прямо на молебенъ Ивану Воину,— и приговаривала:

— Пущай,—сказываютъ,—ему и воры молятся, а все же онъ Батюшка, пропалыя вещи указываетъ и воровъ выдаетъ. Ступайте-тко помолитесь ему!

Когда приплелись сосѣдніе мужики въ избу, совѣты начали налаживаться на настоящій путь, хотя тоже попутались сначала по околицамъ.

— Вотъ, сусѣди почтенные, какая бѣда навязалась, что и не прокопаешь. Какъ быть теперь дому безъ лошадокъ?

— Безъ лошадки православному и въ вѣкъ не сжить.

— Какъ это возможно! подыскивая утѣшенія горевавшимъ, толковали застигнутые врасплохъ сосѣди.

— Надо, братцы, горячіе слѣды добывать: со всякимъ изъ насъ случится. Гляди какая пакость стала заводиться въ нашихъ мѣстахъ: теперь всему селу боязно.

— А какъ ты эти слѣды сослѣдишь. Воръ-отъ вонъ обулъ лошадиныя копыта въ лапти да и повелъ по первоснѣжью, а тамъ и смѣкай: мужикъ ли это шелъ, или решота гономъ гнали. Худо дѣло!

— Худо дѣло въ томъ, что воръ около насъ завелся.

— Ну да какъ ему и не завестись. Сколь много въ теперешнія времена этаго шлющаго народа етапомъ выгоняютъ изъ Москвы, а либо изъ Питера. Пропьется

*) Автора: „Сибирь и каторга“, „На Востокѣ“, „На Сѣверѣ“. Въ виду чрезвычайной важности для нашей народной жизни конокрадства — этаго бича нашего селянина, мастерской очеркъ извѣстнаго знатока народной жизни пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Кто знакомъ такъ близко съ этимъ ужаснымъ народнымъ бѣдствіемъ у того будетъ другой взглядъ на снисходительность приговоровъ въ этихъ случаяхъ, которая и вызываетъ конечно опасныя явленія народнаго самосуда и расправы.

онъ тамъ, набалуется: ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Придетъ домой въ одной рвани. Надо ему украсть, потому что онъ отъ работы отвыкъ, ему промыселъ надо легкій. Людямъ молотить, а ему замки колотить. А что ему воровать, окромя лошадей? У меня вонъ въ избѣ-то, кромѣ Божьяго Милосердія, да что на себѣ да на бабахъ, и ничего нѣту. А лошадь—дура, сама за нимъ пойдетъ и нукать не надо.

— И не доглядишь за ней, хоть ты тутъ изъ кирпичей заборъ-отъ складывай. Я такъ слыхалъ, что коли воръ не у дѣла и нѣтъ ему работы, онъ у себя шапку крадетъ. Броситъ онъ эту свою шапку въ кустъ, да изъ другаго куста и приловчается, какъ бы украсть такъ, чтобы и самому было незамѣтно.

— Сказывали на ярмаркѣ въ городѣ: поссорились мужички съ конокрадомъ. Больно онъ чванился и выхвастывалъ: и намяли ему бока. А онъ сталъ имъ на отместку за однимъ воронкомъ слѣдить. Мужикъ заковалъ его въ цѣпь съ замкомъ, и цѣпь досталъ такую, что шести конямъ не порвать. Заковалъ да и подсмѣивается: „на скованной—молъ, далеко не уѣдешь“. А врагъ-то и пришелъ въ свое время. Поковырялъ онъ замокъ, и въ затылкѣ почесалъ; поковырялъ другорядь—плюнулъ. Ничѣмъ ничего ему нѣтъ! Сходилъ домой, принесъ свою цѣпь да замокъ, положилъ на лошадь а самъ и засѣлъ, чтобы его не было видно. Пришелъ хозяинъ. Догадался. Отперъ свой замокъ и цѣпь снялъ. Коня поставилъ на гумно. Самъ пошелъ домой разбить чужое „путо“. Какъ хозяинъ воротами скрипнулъ, такъ воръ и подошелъ со своимъ ключемъ. Отперъ, сѣлъ, поѣхалъ во всю прыть. Передалъ коня пріятелю, воротился на его лошади и легъ на снопахъ въ овинѣ, когда пришли обыскивать. Лежитъ да и сказываетъ: „давайте-де улику, а безъ нея не погибать же.

— Да, добрый воръ подъ собой слѣды кроетъ.

— Полно-ка пустое болтать, сусѣди почтенные! Приставляйте-ка голову къ плечамъ: совѣтуйте!

— Надо тебѣ дать мою лошадку—заговорилъ сосѣдъ старикъ. Надо старшему твоему парню на ней ѣхать. Кто подобрѣй давайте лошадку меньшаку-пареньку. Выберемъ еще молодца пошустрѣй: пущай втроемъ ищутъ, одному не повадно. Ступай въ разныя стороны и столковорись гдѣ встрѣтиться...

— Да вѣдь дорога-то намъ на четыре вѣтра,—заговорилъ шустрый парень, тотчасъ же душею приготовившійся на послугу.

— А ты собачьимъ нюхомъ выбирай ту, которая наведетъ тебя. Вотъ ступай теперь въ сельской кабакъ. Смѣкай такъ, что въ ближній кабакъ воры на краденыхъ коняхъ не заѣзжали, а гналъ ворогъ ихъ дальше до мыла. Однако въ кабакѣ цѣловальникъ живетъ. Глазъ у него, пожалуй, и затупѣлъ, глядя на одни косушки да четушки, а ухо у него вострѣй заячья: онъ вино наливаетъ, а самъ все слышитъ. Попотчуйте его да ладненько. А онъ міра нашего не обидитъ, потому какъ міръ нашъ его не обижаетъ: натаскалъ ему всякаго добра много. Потолкуйте съ нимъ.

— Слушайте, ребята (толковали уже въ напутствіе): вы ворога этаго не дразните; осерчаетъ онъ—хуже будетъ.

— Чтобы сердце покорно а голова уклонна.

— Кланяйтесь ему пониже, просите милосердія.

— Сказывайте: не заблудилась-ли? А мы молъ за прокормъ согласны дать, что слѣдуетъ.

— Есть ли у тебя, старинушка почтенный, деньги-то? Безъ денегъ нечего и со двора съѣзжать-то. Изъ-за однихъ этихъ денегъ бьются они, окаянные.

У старика нашлись пасеныя деньги, хранившіяся въ сусѣкѣ, во ржи. Принесъ и отдалъ ихъ съ неохотой и со слезами, и отпустилъ въ путь съ совѣтомъ, выговореннымъ дрожавшимъ отъ горя голосомъ:

— Не горячись! А по миру да по согласью! Пока что, а кланяйтесь пониже. Умоляй ворога: не накинулъ бы онъ напасть на весь крещеный свѣтъ.

Съ раннимъ свѣтомъ выѣхали добрые молодцы на темные поиски и скоро доѣхали до своего поильца-кабака. Цѣловальникъ всѣхъ хорошо зналъ, какъ постоянныхъ своихъ гостей, до мелкой подробности и не зналъ только одного, что у нихъ украли пару нынѣшней ночью, впрочемъ сегодня же вечеромъ онъ и безъ нихъ узналъ бы про это.

Угощаясь лишнимъ полуштофомъ, онъ размякъ и говорилъ про что слышалъ: на прошломъ базарѣ въ ихъ селѣ отстегнули лошадь изъ останнаго воза, когда хозяинъ ея гостилъ у него въ питейномъ. Слыхалъ, что въ деревушкѣ, верстахъ въ шести, сказываютъ на трехъ братьевъ, что пустились въ злой, непутный промыселъ.

— Такъ надо быть не ихъ это дѣло, потому что опасно: близко живутъ. А можетъ и они, потому какъ не у себя краденыхъ лошадей берегутъ, а торопятся сплавить куда-подальше. И есть на это пріемщики; а этихъ ужъ и самъ чортъ сыскать не сможетъ.

Когда потребовали третій полуштофъ, цѣловальникъ совсѣмъ смягчился и сталъ толковать, что никакой тутъ шайки не должно быть, потому что шайкой жить имъ невозможно и очень опасно. Во всякой шайкѣ, особенно если она большая, всегда найдется одинъ такой, который способенъ выдать и навести не только на слѣды, но и на самое поличное, въ самый домъ или скрытное мѣсто.

— Каждый воръ живетъ самъ по себѣ, и только на тройки и пары ходитъ вдвоемъ.

— Ступай-ко вы въ тотъ кабакъ, что около той деревни. Хозяинъ тамъ мужикъ дошлый и такъ я смѣкаю, по своимъ примѣтамъ и по мірской молвѣ, самъ въ этомъ промыслѣ запутался. Поглядите-ко у него сколько каждый день этой всякой рвани набивается. Всякой изъ нихъ непремѣнно воръ, а который еще не воруетъ лошадей, такъ значитъ еще не выучился и прилаживается.

Добрый сосѣдъ также посовѣтовалъ имъ не наступать съ требованіями, а запастись терпѣніемъ, потому что водить и мучить будутъ долго, не горячиться и — Боже избави! грозить. Если же Богъ поможетъ найти вора и онъ согласится на выкупъ пропавшей пары, то молчать о томъ, какъ рыбы молчатъ.

И примѣры привелъ:

— Изъ сосѣдней губерніи проѣзжали вощики съ мерзлой рыбой и сказывали, что у нихъ становой ѣхалъ въ погоню съ понятыми. Во время погони, его отрѣзали въ лѣсу отъ провожатыхъ, перебили тамъ ломомъ руки и ноги, и отрѣзали языкъ.

Сосѣдній кабакъ шумѣлъ и галдѣлъ на славу. Въ самомъ дѣлѣ набралось въ него народу такъ много, что наши погонщики на первыхъ порахъ ничего не могли разобрать, а тѣмъ болѣе добраться за совѣтомъ къ цѣловальнику. Опытный глазъ могъ тутъ отдѣлить посѣтителей денежныхъ, требовавшихъ вина и угощенія, отъ тѣхъ безденежныхъ завсегдатаевъ, которые держались около входныхъ дверей, не всегда въ ожиданіи угощенія, а большею частію потому, что здѣсь ихъ домъ и храмъ для жертвенныхъ возліяній. Не побывавши тутъ одинъ день,—можно на третій день умереть съ тоски. Тутъ впрочемъ есть нѣсколько такихъ, которые получаютъ угощеніе отъ разгулявшихся: одинъ поетъ скоромныя пѣсенки и пляшетъ, другой умѣетъ кричать на разные голоса: пѣтухомъ, волкомъ, сорокой, вороной, лаетъ по собачьи на одиночку и сворой, и ходитъ колесомъ черезъ голову какъ фокусникъ.

Все это привычные глаза нашихъ поимщиковъ потомъ замѣтили и разсмотрѣли. Однако не замѣченъ былъ имъ (да и всѣми прочими гостями) одинъ изъ вновь вошедшихъ, который внимательно сначала осмотрѣлся, какъ будто высматривалъ кого бы угостить. Знакомыхъ оче-

Стокгольмъ. Королевскій дворецъ. Рис. Гаглундъ. грав. Гальбергеръ.

Стокгольмъ. Улица въ старомъ городѣ.

Стокгольмъ. Дворянскій „домъ“. (Ritterhaus). Рис. Гаглундъ, грав. Гальбергеръ.

Общій видъ города Стокгольма съ южной стороны. Рис. Гаглундъ, грав, Гальбергеръ

видно онъ не нашелъ и потому, завидѣвъ свободное мѣсто на кончикѣ скамьи, сѣлъ и попросилъ себѣ водки. Выпилъ онъ стаканчикъ, опрокинулъ его на стойку; вынулъ изъ-за пазухи краюху хлѣба; отрѣзалъ ломотокъ. Кусокъ этотъ онъ поставилъ на донышко надрѣзаной стороной отъ себя. Наконецъ заткнулъ одну полу за поясъ и началъ ѣсть. Кто видѣлъ это, тотъ подумалъ что парень вздумалъ подурачиться; другой видѣлъ и также съ заткнутой за кушакъ полой, подошелъ къ столу. Товарищи поняли другъ друга и первый, уворовавшій лошадей, тѣхъ самыхъ, хозяинъ которыхъ въ тоже время сидѣлъ въ кабакѣ, и успѣвшій сбыть ихъ, сталъ угощать незнакомаго ему, но роднаго по промыслу, товарища. У нихъ бы и спросить про коней, если бы знать ихъ условные плутовскіе знаки, которые опять таки свели двоихъ вмѣстѣ, чтобы сговориться имъ и отправиться на новые поиски плохо-запертыхъ лошадей. Направятся они конечно въ противоположную сторону, потому что тамъ, гдѣ уворована была пара, теперь всѣ стали на сторожѣ и держать ушки на макушкѣ. Тамъ уже надо погодить работать, пока опять не распустятся, не разлѣнятся и не зазѣваютъ по старому и по прежнему.

Одинъ изъ кабацкихъ завсегдатаевъ за угощеніе указалъ помищикамъ на одну деревню и велѣлъ въ ней смотрѣть на крышу или по забору: не выставлена ли гдѣ конская голова костякомъ. Въ какую сторону эта голова смотритъ, въ той сторонѣ и краденые лошади спрятаны. И въ ту избу надо стучаться и спрашивать, а чтобы отвѣтъ получить, надо непремѣнно захватить съ собой водки да и не меньше штофа. Сказалъ онъ это все за околицей, сказалъ—и изъ глазъ скрылся въ мертвой темнотѣ наступавшей зимней ночи, такъ что и слѣдъ простылъ, мигнуть не успѣли.

Зимняя, узенькая словно корыто, дорога привела помищиковъ въ ту самую деревню, на которую указалъ завсегдатай. Двое остались за околицей: самъ хозяинъ поѣхалъ стучаться въ окно легонько, но часто. Въ избѣ всѣ спали. Прежде всѣхъ проснулся тотъ черный, большой мужикъ, который спалъ на лавкѣ подъ самымъ волоковымъ окномъ. Отодвинувъ задвижную доску и увидѣвъ коня и всадника, разомъ смекнулъ онъ въ чемъ дѣло, и разбудилъ того брата, который лежалъ на коникѣ, подъ полатями, а самъ тотчасъ сообразилъ про себя:

— Мужикъ—не казакъ: какая ему нужда верхомъ ѣздить? Мужикъ ходитъ пѣшкомъ, мужикъ ѣздитъ въ телѣгѣ а сѣлъ на коня, значитъ, горитъ у него дѣло къ спѣху. Пріѣхалъ мужикъ ночью,—стало быть коня у него увели, да котораго же это изъ послѣднихъ и свѣжихъ трехъ, что недавно мы добыли?

Отворили калитку, впустили въ избу; вздули огня, стали всматриваться: совсѣмъ незнакомые между собою люди. Обычнаго привѣта „милости просимъ" гость не получилъ. Черный, глядя какъ-то въ бокъ по медвѣжьи, сиплымъ голосомъ и грубо спросилъ:

— Зачѣмъ это тебя чортъ по ночамъ носитъ? кто такой и зачѣмъ пришелъ?

— Можетъ ты не въ тѣ ворота, такъ поворачивай оглобли. Намъ спать охота. Мы вѣдь въ своемъ дому—поддерживалъ съ палатей голосъ рыжаго молодаго парня.

Первая острастка еще больше смутила и понизила парня: туда ли попалъ, не подсмѣялись ли надъ простотой его кабацкіе засѣдатели?

— Если тебя изъ нашего кабака послали, такъ ты понапрасну ѣхалъ. Оттуда все къ намъ посылаютъ по навѣткамъ, а ты бы не вѣрилъ—говорилъ черный. Онъ былъ именно тотъ неизвѣстный, который подходилъ къ загибавшему полу кафтана и становившему кусокъ хлѣба на донышко рюмки.

— Мы ужъ двумъ такимъ-то бока мяли,—пояснялъ съ полатей рыжій.

Въ то время третій, спавшій на коникѣ, снялъ со стѣны ружье, щелкалъ куркомъ и продувалъ стволъ. У гостя зародилось въ душѣ раскаяніе, что пустился на поиски, но онъ во время успѣлъ вспомнить наставленіе. Вытащивъ изъ-за пазухи штофъ, онъ молча поставилъ его на столѣ. Хозяевамъ это понравилось; рыжій зашевелился на полатяхъ, при чемъ они сильно заскрипѣли, а третій повѣсилъ ружье на свое мѣсто подлѣ другихъ двухъ ружей. Черному показалось ненужнымъ дразнить больше парня и потѣшаться надъ нимъ въ виду предлагаемаго угощенія. Угостившись водкой и обнеся товарищей, заговорилъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ.

— У тебя можетъ пропажа случилась, такъ сказывай. Если лошадей увели, такъ какой масти; можетъ не попались ли мнѣ на дорогѣ.

Рыжій однако не умягчался. Онъ перебилъ.

— Они, сиволапые, лошадей держатъ а доглядѣть за ними не умѣютъ. Что мы къ тебѣ въ сторожа что-ли панимались? Какъ намъ про то знать, какой воръ тебя любитъ?

— Чей щуръ (т. е. воръ?) спрашивалъ онъ чернаго и повелъ съ нимъ тотъ непонятный для непосвященнаго разговоръ, который знакомъ всякому конокраду.

— Дальные—отвѣчалъ черный на вопросъ.

— Куда затынили?—У маза?

— Дякалы щуры басвѣ сламу? Биряли устрекай.

— Правь рыхлѣй: рона кимать, курематъ ворыханье. Правь кекуръ сѣдыхъ!—Лады! (Т. е. куда сбыли, гдѣ спрятали.— У атамана! Дали тебѣ воры долю?—Угощали дорогой. Кончай скорѣй: пора спать, пѣтухи поютъ. Проси два рубля!—Идетъ).

Черный послѣ переговоровъ сталъ милостивѣй. Когда всѣ отъ водки умягчились сердцемъ, онъ толковалъ:

— Надо бы вамъ ѣхать не въ нашу сторону, а въ другую. Надо вамъ еще три кабака миновать, въ четвертомъ спрашивать парня „гнѣдаго". Такъ и зовутъ его. И примѣтенъ: глазами разкосой и хромой. Придешь въ кабакъ, такъ и спрашивай, гдѣ молъ „гнѣдой". Онъ тамъ дни и ночи. Ты его спроси, вызови, да вотъ и передай ему эту примѣтку. Только ее и передай: онъ ужъ смекаетъ.

Переданная примѣтка оказалась истрепанной въ клочья шапкой и притомъ такой рваной, что и воронамъ на гнѣздо она не годилась: видно не разъ уже переходила она изъ рукъ въ руки и возвращалась къ хозяину.

Впослѣдствіи черный толковалъ еще мягче, а рыжій совсѣмъ замолчалъ и спряталъ голову подъ полушубокъ, намѣреваясь опять заснуть.

— Проѣзжали два парня на парѣ, точно проѣзжали въ ту сторону: подъ однимъ шла саврасая, подъ другимъ бурая. Хорошо я это примѣтилъ. Саврасаго легче отдадутъ, ну, а про бураго я не знаю, какъ тебѣ сказать? Впрочемъ если выведутъ тебѣ показывать, гляди его въ вороныхъ: перекрасить его немного времени надо. А вы тѣмъ часомъ ѣхать поторапливайтесь. За совѣтъ мнѣ два рубля серебромъ оставь. Теперь тебя я и на дорогу вывелъ и на мѣсто поставилъ — умѣй добраться.

Добраться до переводчика, показать ему шапку въ удостовѣреніе того, что мѣсто указано своими людьми и надо входить теперь съ нимъ въ сдѣлку—оказалось дѣломъ очень немудренымъ. Притомъ конечно нашлась и готовность изъ-за своего добра на всѣ издѣванья и продѣлки, къ какимъ прибѣгаютъ воры, чтобы отвести глаза и во всякомъ случаѣ то неодолимое терпѣнье, къ которому привыкъ трудовой рабочій народъ. Съ нихъ будутъ срывать слитки, требовать, сверхъ денежной платы, угощеніе водкой и съ неповинныхъ ни въ чемъ, несчастныхъ и совсѣмъ обездоленныхъ, за ихъ же кровное добро, возьмутъ всѣ тѣ деньги, которыя уберегались какъ будто именно на этотъ черный день.

II.

Пока искатели теряли первые сутки, воровское дѣло было слажено. Лошадей угнали за 70 верстъ, ровно на три лошадиныхъ перегона и на такое разстояніе, дальше котораго трудовые рабочіе мужики не водятъ знакомства, не могутъ завести связей и куда обыкновенно не зачѣмъ имъ ни ходить, ни ѣздить. За 70 верстъ для деревенскаго, необщительнаго и неторговаго люда всегда начинается неизвѣстная страна и чужое государство.

Сюда, въ надежное мѣсто, гнали опытные и столь осторожные воры, что попадаются много если на двадцатой кражѣ—гнали всю ночь и въ хвостъ и въ гриву, съ разсвѣтомъ сворачивали съ дороги въ лѣсъ, давали передохнуть; по знакомымъ тропинкамъ выѣзжали изъ трущобы. Проскакавши пятнадцать верстъ, поили коней водкой, давая на пріемъ $^1/_{20}$ часть ведра или, по ихнему—двѣ сороковки. Пьяныя лошади не знаютъ устали и эти мчались во весь опоръ и доносили воровъ за 40 верстъ до „пріемщика“. Прятали они кражу на короткое время въ ближнемъ лѣсу, въ нарочно-приспособленномъ стогѣ сѣна. Изъ середины стога сѣно выбрано; входъ ловко замаскированъ дверями изъ жердей съ привязаннымъ къ нимъ большимъ клокомъ сѣна. Издали эта удобная конюшня со стойлами кажетъ рѣшительной скирдой, а неопытный глазъ всегда будетъ обманутъ.

Спрятавши краденый товаръ въ остожкѣ при овсѣ, воры пришли получить задѣлы, и при этомъ поторговаться. Пріемщикъ сходилъ осмотрѣть лошадей и вернулся, чтобы поспорить и поприжать.

— У одной шерсть примѣтлива,—у саврасой. Бурая больно сытна.

— Саврасаго передѣлаешь. Бураго дальше погонишь.

— Однако, гляжу: недавно работаешь, а больше моего знаешь. Дѣлай самъ, а мнѣ пожалуй не надо. Веди дальше.

Отвѣтъ вышелъ совсѣмъ не кстати, такъ какъ въ такихъ воровскихъ случаяхъ продажей надо поторапливаться: не ровенъ часъ, не нагнали-бы. Въ попыхахъ дѣла этого рода слаживаются.

— Опять-же кто васъ знаетъ: гнали вы ихъ противъ вѣтру и можетъ запалили. Вѣтеръ всю ночь дулъ отъ насъ вамъ на встрѣчу, а мнѣ вѣдь до завтра не узнать: засопѣла ли она и не кашляетъ ли.

— А можетъ быть и хозяева сами до тебя дойдутъ и заплатятъ „перейму“,—не надо и сбывать.

— А не дождусь я „переймы“ (обычной платы за возвращеніе украденной лошади)? Останутся лошади на моемъ корму, да свести ихъ надо куда подряженъ я, какъ ты объ этомъ думаешь?

— Что мнѣ думать? знамое дѣло—темный товаръ.

На такомъ неизбѣжномъ основаніи, — воры получили, послѣ долгихъ хлопотъ и мольбы, по синенькой и разъѣхались на лошадяхъ „передатчика“ по разнымъ дорогамъ, чтобы въ видахъ собственной безопасности, долго потомъ другъ съ другомъ не встрѣчаться. Весь секретъ промысла въ томъ, чтобы конокрады никому не были извѣстны, кромѣ атамана и его товарищей—передатчиковъ. Въ свою очередь возможность возвращенія украденой лошади зависитъ отъ той скорости, съ какою бросаются на поиски и того искуства, съ какимъ попадаютъ на свѣжіе слѣды, пока не успѣетъ „передатчикъ“ сдать лошадей атаману или такъ называемому „большому вору“. Обратная передача краденаго во многомъ зависитъ также и отъ произвола „большаго вора“, который иногда не согласенъ это сдѣлать или потому, что плѣнился отличными качествами коня, или подбираетъ тройку по масти, и т. п. Дорогую лошадь онъ впрочемъ всегда старается возможно скорѣе сбыть, а хорошую крестьянскую беретъ почти исключительно ради переймы, если только она не съѣстъ свыше тѣхъ денегъ, которыя даны ворамъ и передатчикамъ за операцію кражи и доставки. До большаго вора всѣ его пособники обыкновенно не допускаютъ пострадавшихъ. Они берегутъ его, какъ зеницу ока, зная хорошо, что только подъ его защитой они сыты и живы. Отними онъ свою благодѣющую руку, они принуждены будутъ бросить свое ремесло, и во всякомъ случаѣ были-бы скоро переловлены. Дерзкихъ плутовъ они берутъ подъ особое покровительство, а когда сорвется у нихъ и они попадутся въ тюрьму — берутъ даже подъ поручительство. Большимъ ворамъ бояться нечего: они сами никогда не воруютъ, а лишь только принимаютъ. Ни на мѣстѣ преступленія поймать, ни доказать на нихъ не представляется никакой возможности. А такъ какъ купленныхъ лошадей они не продаютъ на мѣстѣ, то стало быть нѣтъ и уликъ. Обыкновенно они „темныхъ“ лошадей мѣняютъ и уже вымѣненныхъ продаютъ. Одинъ впрочемъ привелъ на ярмарку и удачно продалъ 20 лошадей, которые всѣ были краденыя.

Всякій большой воръ знаетъ другъ друга и въ случаѣ старается сблизиться съ незнакомыми, между прочимъ, и въ тѣхъ разсчетахъ, чтобы не работать по близости и не мѣшать другъ другу. Они обыкновенно близко не живутъ, но находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ. Во всѣхъ окрестностяхъ это — люди извѣстные и почтенные. Къ нимъ съ подарками и съ поклонами ѣздятъ и священники, и становые пристава. Послѣдніе не гнушаются даже входить съ ними въ сдѣлки и за обиженнаго и обворованнаго условливаться въ размѣрахъ переймовъ и ходатайствовать о милости и снисхожденіи. За тотъ почетъ, который имъ воздаютъ по сосѣдству,—они застаиваютъ свою окольность отъ нападеній воровъ и въ самомъ дѣлѣ имѣютъ полное основаніе отвѣчать на случай просьбы:

— Это работа не наша. Мои вашего не тронутъ.

Въ благодарность за такое особое покровительство мѣстные жители обыкновенно укрываютъ ихъ отъ преслѣдованія властей.

Большею частію „вѣдомые большіе воры“ или какъ кое-гдѣ называютъ ихъ „ватажки“, держатъ постоялые дворы на торговыхъ трактахъ и гостиницы въ городахъ съ ярмарками. Сюда спѣшатъ угощаться всѣ тѣ, которые боятся за своихъ лошадей, и твердо убѣдились въ томъ, что этаго сорта людей слезами не прошибешь, но за деньги купишь. Между порядочными людьми они могутъ показаться примѣтнѣе всѣхъ и по сановитости, и по опрятности платья. По пріемамъ это даже ласковые и привѣтливые люди изъ тѣхъ, которые подъ кошачьею мягкою лапкою скрываютъ очень сильные и острые когти. Въ сущности это—тѣ самые искусники, что умѣютъ изъ воды выходить сухими и за то въ глухихъ мѣстахъ темными людьми почитаются даже за колдуновъ и знакомыхъ съ нечистою силою. Въ силу такого суевѣрнаго убѣжденія многіе жители, вмѣсто того, чтобы заявлять земской полиціи о случившейся у нихъ кражѣ, обращаются непосредственно къ самимъ ворамъ съ просьбами о возвратѣ украденнаго и съ мировою сдѣлкою.

Въ лебедянскомъ трактирѣ, во время ярмарки, обращалъ на себя общее вниманіе громкимъ разговоромъ одинъ изъ такихъ барышниковъ. Въ тонѣ слышалось несомнѣнное и явное желаніе похвастаться и не особенно скрытое намѣреніе дать нѣкоторое поученіе, прочесть легонькую лекцію.

— Дали мнѣ въ этой казанской тюрьмѣ отдѣльный нумеръ, чтобы сидѣть мнѣ одному. Отъ скуки завелъ я всякій снарядъ: перо, чернильницу, гербовую и простую бумагу. Сталъ я арестантамъ писать прошенія. Лѣзли они, какъ мухи къ меду, потому какъ имъ осталось одно—жаловаться. Въ полтора-то года я нажилъ въ тюрьмѣ на такомъ дѣлѣ до пятисотъ рублей. Вотъ и прозналъ про то старшій-набольшій. Кто-де возмутилъ

его бритую команду, что всѣ они стали прокурорами? Дознаніе производить пришелъ самъ, и прямо ко мнѣ. Сталъ меня осматривать. За иконой нашелъ чернильницу и перо.—Ты? „Не знаю“.—Врешь! „Ну да вамъ, говорю, лучше знать, гдѣ правда, а я говорю то, что есть“.—Да вѣдь я въ твоей комнатѣ нашелъ? „Зачѣмъ въ моей?—нашли въ той, гдѣ и до меня люди жили“. —Кто-же эти вещи сюда положилъ? „Мнѣ это неизвѣстно, потому какъ я даже удивляться готовъ, какъ-таки чья-это грѣшная рука ходила въ столь священное мѣсто. Къ нему арестантскими-то руками и прикасаться грѣшно. Вы вотъ,ваше превосходительство, рѣшились, значитъ вамъ на то разрѣшеніе дано, а я-то какъ-же смѣю?“ Сталъ онъ рыться въ нарахъ: нашелъ ящикъ, въ ящикѣ—бумагу.—И это скажешь не твое? „Это, скажу, мое, потому я туда клалъ“.—Кто тебѣ позволилъ? „Въ такихъ пустякахъ не смѣлъ безпокоить начальство“. — Бумага въ острогахъ запрещена. „Да вѣдь я и держу-то ее не для какой важной нужды..... —А я вотъ тебя выдрать велю. „Этого вамъ нельзя, потому какъ я судимый только, а не осужденный“. Тутъ ужъ онъ очень осерчалъ: такъ его и взмыло.—Отчего, говоритъ ты не выбритъ? „А я, молъ, короткихъ волосьевъ не люблю“. Въ то время башки-то еще безобразили. Прислалъ генералъ цирюльника: началъ онъ всѣхъ брить. Я далъ знать прокурору. Тотъ защитилъ: это-де не военное дѣло. Арестанты на меня обозлились, кричатъ всѣми голосами: „ступай-де стричься!“ — Ступайте-ка, молъ, черти лѣсные, сами, а я не пойду. Арестанты пуще были злы на меня за то, что за прошенія деньги бралъ, а по ихнему, надо-бы вишь даромъ. Такой, слышь, и законъ стоитъ: ѣстъ онъ прошеное, носитъ брошеное, живетъ краденымъ. Такъ я и отвертѣлся.

— Да и всегда вывернешься (подумалось мнѣ): ты тотъ самый неуловимый, что умѣетъ воровать — умѣетъ и отвѣтъ держать, и за то тебя, дѣтинушку, жалуютъ и почетомъ и уваженіемъ.

По объясненію услужливаго половаго, это былъ тотъ самый атаманъ конокрадовъ, который привелъ за телѣгой на ярмарку 20 лошадей, и всѣ сплошь краденыя, и всѣхъ сбылъ выгодно, и получилъ барыша больше всѣхъ. Подъ именемъ барышника, онъ теперь на ярмаркѣ и самъ благополучно сходитъ. Всѣ это знаютъ, да помалчиваютъ.

— Много изъ-за него, въ его сторонѣ, ушло народу на поселенье - толковалъ половой: а вотъ онъ самъ и живъ, и здоровъ, и бѣлой, что гусь изъ воды.

Оказалось, что и въ казанской тюрьмѣ сидѣлъ онъ за то, что сильно подозрѣвался въ кражѣ большаго табуна заводскихъ лошадей, надѣлавшей въ свое время большаго шуму. Онъ издали руководилъ набѣгомъ и уводомъ, самъ лишь оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, а товарищей довелъ до ссылки.

— Скупаетъ „темныхъ“ лошадей и теперь. И чѣмъ ближе конокрадъ ихъ гналъ къ нему, тѣмъ ему меньше платитъ. Которые живутъ шайками, тѣхъ онъ избѣгаетъ: больше любитъ новыхъ и дальныхъ. Платитъ имъ самую малость, потому что иному вору и то съ руки; такъ какъ все равно взялъ онъ себѣ лошадь даромъ чужую.

Въ самомъ дѣлѣ, столь облегченный способъ кражи увлекаетъ многихъ другихъ тунеядцевъ, шатающихся съ посторонними цѣлями. Опытные глаза „вѣдомыхъ“ воровъ умѣютъ узнавать ихъ сразу и отличать отъ присяжныхъ: и по способу предложенія, и по размѣру запроса.

Ходитъ одна благочестивая артель изъ деревни въ деревню большою толпою. Собираетъ она на обѣдни и молебны у гроба Господня и на украшеніе іерусалимскаго храма. Показываетъ плащаницу со страстями, Адамову голову и Распятіе, изъ котораго текутъ слезы, и камушекъ (черный) отъ святаго Соловецкаго озера, и отростокъ отъ прозябшаго жезла Ааронова. Слушали ихъ разсказы не только простоватые мужики, но даже и священники давали имъ подводы отъ села до села. Разсказывали странники про снѣговыя святыя Аѳонскія горы, про то, что тамъ сама Мать Пресвятая Богородица своими руками принимаетъ дары отъ кающихся. Для полученія большихъ денежныхъ даровъ показывали икону Божіей Матери „Трепещущей“ и поставленную на пружинахъ, скрытыми отъ глазъ проволоками приводили въ движеніе, когда подходилъ грѣшникъ. Чтобы еще больше усилить денежный сборъ,—черезъ раковинную улитку, которую называли ушкомъ Ильи Великаго, упавшимъ во время грозы съ неба, спускали воду и той водой лѣчили всякія болѣзни, даже самыя злыя лихорадки. Брали всякій разъ за леченіе три рубля и овцу. Бродили странники по многимъ губерніямъ: въ одной, подъ самымъ губернскимъ городомъ, были пойманы съ украденными лошадьми на новой кражѣ и посажены были въ тюрьму, и сосланы.

Издавна худая слава держится за промышленниками иныхъ видовъ. Такъ, между прочимъ, конокрады прикрывались благовиднымъ и невиннымъ ремесломъ швецовъ или деревенскихъ портныхъ, которые всю зиму шатаются изъ селенія въ селеніе и шьютъ полушубки. Про этихъ мастеровъ сложилась такая поговорка, которая прямо указываетъ на то, что они днемъ съ иглой, а ночью съ обротью (т. е. уздой или недоуздкомъ).

Въ другомъ мѣстѣ ведетъ пару лошадей въ поводу крестьянка изъ выселка и провела-бы ихъ мимо попавшагося на встрѣчу урядника, да на бѣду тотъ замѣтилъ у ней на груди бляху лѣснаго сторожа.

— Гдѣ взяла?

— У отца, лѣснаго сторожа. Отобралъ онъ эту пару у мужика за порубку лѣса и кражу травы. Коней велѣлъ онъ вести въ выселокъ къ старостѣ, а чтобы не задержали на дорогѣ, отдалъ свой знакъ.

Урядникъ навелъ справки и дозналъ, что знакъ дѣйствительно отцовскій, но онъ воровкой похищенъ для того, чтобы провести (также украденныхъ) лошадей съ уздой и недоуздкомъ, къ воротилѣ дѣла и передатчику.

Когда большой воръ не видитъ препятствій къ возвращенію хорошей лошади и хозяинъ ея не упустилъ время и въ состояніи заплатить рублей 20—30,—дѣло совершается съ обычными предосторожностями. Воръ хозяину на глаза не показывается и знать его не хочетъ, а дѣйствуетъ черезъ ближайшихъ помощниковъ, т. е. тѣхъ-же передатчиковъ, какіе случатся на этотъ разъ дома; эти, смотря по человѣку, ставятъ возвращенныхъ лошадей прямо на дворъ, но часто указываютъ яръ или оврагъ, гдѣ можно найти коня привязаннаго. Въ иныхъ мѣстахъ ведется и такой обычай: отдавая украденную въ какомъ-либо лѣсу или глухомъ оврагѣ лошадь, приводятъ ее вчетверомъ, вооружившись кинжалами и ружьями. Обворованный, сверхъ денегъ, обязанъ принести водку. Одинъ даетъ хозяину оплеуху, другой стрѣляетъ надъ его головой и выговариваетъ большія угрозы:

— Вздумай-ко теперь хлопотать у начальства и жаловаться!

Такъ-то дѣлаются эти дѣла.

С. Максимовъ.

Послѣдній изъ взвода.

Разсказъ **Захеръ-Мазоха.**

Яковъ Дубно рѣшился-таки, наконецъ, подновить свой домъ на главной площади въ городкѣ Сегатинѣ. Да почему-же ему было-бы и не рѣшиться на это? Онъ былъ богатый человѣкъ, богатѣйшій хлѣбный торговецъ въ городѣ, а во вторыхъ, надо

Е. И. В. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. По поводу 50-лѣтняго юбилея Его дѣятельности.
Рис. Лебедевъ, грав. Барановскій.

сказать и правду: домъ-то уже порядочно тамъ и сямъ порасклеился и нуждался въ починкѣ—въ полицейскихъ штрафахъ, за его неудовлетворительный видъ, недостатка уже не было. Такъ вотъ Яковъ Дубно и переселился со своимъ семействомъ въ надворную половину дома, предоставивъ лицевую каменьщикамъ, плотникамъ, кровельщикамъ и другимъ мастерамъ.

Это переселеніе и временный безпорядокъ, отъ того происшедшій въ обиходѣ семейства Дубно, доставляли огромное удовольствіе маленькимъ членамъ семьи. Впрочемъ и не однимъ имъ. И взрослая уже дочь Якова, умница и красавица Туля, тоже съ большимъ удовольствіемъ изъ окна все слѣдила за оживленной картиной кипѣвшей въ домѣ работы всѣхъ этихъ каменьщиковъ, кровельщиковъ, плотниковъ. Было только еще начало осени и окна можно было еще держать открытыми. Съ особеннымъ, хотя и безъотчетнымъ, удовольствіемъ Туля сильно засматривалась на молодаго словака-каменьщика, Леву Граша.

Что нравилось ей такъ въ немъ, что заставляло биться сердце ея? Скрытое-ли, тайное ли удовольствіе видѣть одного изъ своихъ соплеменниковъ такимъ сильнымъ и ловкимъ, или горячая кровь ея закипала при видѣ статнаго юноши, съ красивымъ мужественнымъ лицомъ, обрамленнымъ бѣлокурыми кудрями и бородой, или-же, наконецъ, тѣ сладко звучавшія, заунывныя, мелодичныя славянскія пѣсни, что распѣвалъ онъ и что лились въ душу этой дѣвушки, выросшей въ четырехъ стѣнахъ, словно въ гаремѣ? Она не спрашивала себя, да и отвѣтить на это не могла-бы, если-бы ее и спросили. Вскорѣ между дочерью богатаго Дубно и бѣднякомъ-каменьщикомъ установилось какое-то безмолвное знакомство.

Когда молодая дѣвушка показывалась въ окнѣ, онъ привѣтствовалъ ее незамѣтнымъ поклономъ; въ свою очередь, она, уходя, прощалась съ нимъ ему одному понятной и замѣтной улыбкой.

Проходила-ли Туля по двору, опустивъ глаза, мимо его, онъ пріостанавливалъ работу и пристально глядѣлъ ей вслѣдъ. Когда же онъ стоялъ тамъ, на той непрочной, колебавшейся выси, посылая въ голубое небо своимъ звучнымъ голосомъ напѣвы, дѣвушка, съ трепетомъ сердечнымъ, зажмуривала глаза и, наклонивъ голову, какъ очарованная, недвижно слушала его пѣсни.

Такъ дѣло шло довольно долго. Затѣмъ, какъ и все на свѣтѣ, постройка окончилась и Лева ушелъ со всѣми, не имѣя права проститься даже съ Тулей. Какъ естественно это ни было, она, однако, почему-то разсердилась и, разъ повстрѣчавшись съ нимъ на улицѣ, гордо отвернулась въ сторону.

Но когда въ слѣдующій разъ она встрѣтилась съ нимъ, то хорошенькая головка ея вовсе уже не была поднята такъ гордо. Напротивъ, красотка теперь, прижавшись къ темному углу и дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно схватилась обѣими руками за свою провожатую, старушку Софью. Большіе живые глаза ея какъ-бы молили о помощи. Нѣсколько молодыхъ поляковъ, подкутившихъ въ гостинницѣ „Бѣлаго Орла“, обступили хорошенькую дѣвченочку, шумно высказывая ей комплименты свои безцеремонные, какъ вдругъ около Тули появилась какая-то фигура. Это былъ Лева Грашъ, который оттолкнулъ ближайшаго изъ ловеласовъ.

— Прошу васъ, обратился онъ вѣжливо, но твердо къ молодымъ людямъ,—оставьте въ покоѣ эту дѣвушку. Не мѣшайте ей идти домой.

— Убирайся, убирайся, къ чорту! крикнулъ одинъ изъ пановъ.

— Да чего тутъ смотрѣть на этого скота,—вздуемъ-ка его хорошенько! раздался другой голосъ.

Нѣсколько рукъ ухватились за молодаго каменьщика. Но тотъ быстро свалилъ одного изъ нападавшихъ въ снѣгъ и сильнымъ ударомъ кулака отбросилъ другаго. Остальные немедленно ретировались и Лева могъ уже совершенно спокойно проводить дрожавшую дѣвушку до ея дома. Только тутъ Туля нашла силы поблагодарить своего избавителя нѣсколькими едва слышными словами.

— Что тамъ, возразилъ Лева, объ этомъ и говорить не стоитъ, барышня.

— О, какой вы храбрый!.. и глаза Тули заблистали.

— Есть объ чемъ! Сдѣлалъ я, что долженъ всякій сдѣлать, вотъ и все, произнесъ каменьщикъ и удалился гораздо поспѣшнѣе, чѣмъ того на этотъ разъ желала молодая дѣвушка.

На святкахъ, въ домъ Якова Дубно ввалилась веселая толпа ряженыхъ. Большинство было замаскировано малорусскими крестьянами; нѣсколько ряженыхъ изображали въ лицахъ бѣгство во Египетъ, и главную роль игралъ весь обшитый въ овчину жидёнокъ, для чего-то и блеявшій по овечьи; третьи переодѣлись женщинами. Яковъ Дубно усердно хлопоталъ около гостей, забавлявшихъ его семейство своими шутками и пѣснями.

Туля, какъ и прочія женщины Дубновской семьи, тоже очень занята была гостями, которымъ подавали закуски и вина. Молодая дѣвушка побѣжала въ кухню, какъ вдругъ въ корридорѣ двѣ сильныя руки обхватили ея гибкую талію.

Руки эти принадлежали Левѣ Грашу. Его трудно было узнать въ костюмѣ мужика-хохла; въ довершеніе онъ выкрасилъ въ черную краску свои волосы и бороду.

— Туля, Туля, началъ онъ страстно, взяла ты сердце у однаго человѣка, и вездѣ этотъ человѣкъ ищетъ тебя...

— Отчего-же онъ не хочетъ сдѣлать что надо? съ улыбкой тихо произнесла дѣвушка.

— Что-же ему надо сдѣлать?

— Ему надо просить моей руки.

— Да, а если онъ бѣдный, а ты такая богатая?

— А я развѣ спрашиваю, богатъ-ли онъ? сказала Туля,—я люблю этаго человѣка—вотъ и довольно.

Съ этими словами она высвободилась и убѣжала

Нѣсколько дней спустя, Лева Грашъ одѣлся въ свой лучшій кафтанъ, нахлобучилъ молодцовато на бекрень франтовскую шапочку и отправился къ Якову Дубно.

Говорилъ онъ съ нимъ, какъ ему казалось, скромно, хотя и не подобострастно и прямо высказалъ въ чемъ его просьба.

Но богатый Дубно расхохотался.

— Такъ ты просишь только этого,—ничего больше? воскликнулъ онъ,—я думаю, ты рехнулся! Или можетъ быть тебѣ кажется, что я сошелъ съ ума и вотъ такъ и отдамъ мою дочь и семьдесятъ тысячъ червонцевъ приданаго такому нищему, какъ ты, который спуститъ денежки!

— Если вы не хотите отдать мнѣ вашу дочь, съ нѣкоторою горячностью произнесъ Лева,—такъ и не отдавайте, только не обижайте, не говорите, что я—нищій! Я мастеровой, работникъ, да и не изъ плохихъ. Не привыкъ я и деньги зря прокучивать. Неправда это, я ихъ зарабатываю честно и съ опасностью еще для своей жизни. Слышите, господинъ Дубно?

— Какъ не слышать; ты кричишь, будто полковникъ на цѣлый полкъ солдатъ?

Лева повернулся и пошелъ.

— Да и кромѣ того, громко крикнулъ ему вслѣдъ Яковъ Дубно, Туля моя обѣщана Атлову изъ Тарнополя. Тотъ богачъ—не то что ты!

Слова эти точно обожгли Леву. Какъ сумасшедшій сбѣжалъ онъ внизъ по лѣстницѣ и быстро прошелъ по улицѣ.

Во всѣ послѣдующіе дни его нигдѣ не было видно. Исчезъ онъ совсѣмъ, не показывался дома, не ходилъ на работы, не было видно его и въ шинкахъ. Потомъ вдругъ прошелъ слухъ, что Лева ушелъ въ Коломею и поступилъ въ солдаты!

Если бы кто нибудь сказалъ Якову Дубно, что земля разверзлась предъ его домомъ и сейчасъ поглотитъ его, то это ему также было бы пріятно, какъ и вѣсть о вступленіи Левы въ солдаты.

Въ тѣ патріархальныя времена, когда большое значеніе имѣла палка, большое значеніе имѣли и дукаты и много можно было сдѣлать при ихъ помощи. Когда наступали наборы,—то солдатъ брали повсюду въ Австрійской имперіи: брали ихъ въ Венгріи, брали ихъ въ коронныхъ земляхъ австрійскихъ,—только въ Сегатинѣ еще примѣра и случая не было, чтобы кто нибудь надѣвалъ бѣлый мундиръ. И вотъ теперь, по милости Якова Дубно, взятъ въ солдаты одинъ изъ сегатинцевъ, одинъ изъ членовъ богатой, почтенной Сегатинской общины. И придется ему теперь носить этотъ мундиръ, держать въ рукахъ орудіе смерти, стрѣлять изъ него, или, что еще хуже—подвергать себя подобнымъ же выстрѣламъ, потому что едва прекратились волненія 1846 года и опять носилось что-то недоброе въ воздухѣ. Наступали мартовскіе дни 1848 года.

Дубно ерошилъ волосы и бороду; безмолвно, и вся въ слезахъ, съ какимъ-то неподвижнымъ взглядомъ, сидѣла въ углу Туля. Передъ домомъ стояли сегатинцы, запрудившіе узенькую улицу. Изъ толпы доносились крики, угрозы. Въ довершеніе всего, въ домъ къ Якову Дубно пришелъ посланный требовать его къ старшинамъ.

Но Дубно вмѣсто отвѣта велѣлъ запрягать.

— Я поѣду въ Коломею, крикнулъ онъ поспѣшно одѣваясь,—я его выкуплю.

— Я выкуплю его, повторилъ онъ внизу, садясь въ сани,—хоть бы это мнѣ стоило тысячу дукатовъ, я сдѣлаю это!

Не смотря однако на все искреннее желаніе свое выручить Леву, Дубно пріѣхалъ уже слишкомъ поздно. Грашъ уже присягнулъ и никакая сила освободить его больше не могла. Ему приходилось отслужить свое время.

Дубно вошелъ къ нему въ казармы и просилъ у него прощенія. Потомъ вернулся совершенно въ Сегатинъ. Но прежде чѣмъ идти къ старшинамъ, онъ послалъ двѣсти дукатовъ для бѣдныхъ. Только этимъ и отдѣлался. Обезпечивъ себя съ этой стороны, онъ рѣшился затѣмъ, хотя и далеко неспокойный, отправиться домой.

Однако Туля выслушала его съ полнымъ, повидимому, спокойствіемъ, не сдѣлала ему ни малѣйшаго упрека, даже не заплакала.

— Чего нельзя перемѣнить, тому надо покориться, сказала она, но одно скажу тебѣ, тато—не говори мнѣ ни о какомъ сватовствѣ, не говори мнѣ о замужествѣ, не выйду я ни за кого другаго.

Плохо пришлось Якову Дубно, такъ плохо, какъ никогда еще, за сорокъ лѣтъ жизни его, не приходилось ему. Отворачивались отъ него на улицѣ, на базарѣ, даже въ церкви. Его перестали посѣщать. Ближайшіе друзья его, и тѣ исчезли. Когда выходилъ онъ самъ на улицу, то не иначе, какъ съ опу-

щенными въ землю глазами, именно чтобы не видѣть выраженія упрека на лицахъ своихъ сосѣдей, что изъ-за его гордости пропалъ малый.

Ну, а ужъ и еще хуже стало для него, когда началась война съ Италіей, а за ней послѣдовали октябрскія волненія въ Вѣнѣ, а тамъ еще и возстаніе Венгріи. Въ Сегатинѣ всѣ другъ друга спрашивали, встрѣчаясь на улицѣ, выступилъ или нѣтъ еще полкъ, въ которомъ служилъ Лева Грашъ. Туля грустно читала каждый вечеръ газету. Яковъ Дубно не читалъ газеты, но ходилъ только взадъ и впередъ по комнатѣ, по временамъ пристально поглядывая на дочь. Если она, закончивъ чтеніе газеты и складывая ее, ограничивалась только легкимъ вздохомъ, у него будто гора съ плечъ сваливалась и онъ уходилъ тотчасъ же въ свою комнату, зная, что можетъ эту ночь спать спокойно.

Но въ одинъ день Дубно заперся у себя совсѣмъ, приказавъ женѣ только тайкомъ передавать ему кушанье сквозь слуховое окошко въ двери. Онъ только что вернулся съ рынка, изъ Коломеи, гдѣ собственными глазами видѣлъ, какъ выступилъ въ походъ батальонъ, къ которому принадлежалъ Лева. Батальонъ этотъ былъ двинутъ въ Дуклу, сборный пунктъ корпуса австрійскихъ войскъ графа Шлыка; оттуда войска должны были перейдти Карпаты и вступить въ Венгрію. Туля прочла это въ газетѣ и скоро узналъ объ этомъ и весь Сегатинъ. Яковъ Дубно перестать почти показываться на улицѣ.

Тѣмъ временемъ графъ Шлыкъ вторгнулся уже въ Венгрію и взялъ Кашау. Затѣмъ послѣдовала неудачная для австрійцевъ зимняя кампанія.

Лева мужественно стоялъ въ огнѣ и съ истинно геройскимъ терпѣніемъ выносилъ всѣ лишенія боевой жизни. Офицеры и солдаты братски дѣлили лишенія и опасности—его полюбили всѣ товарищи. Какъ грамотный, онъ скоро попалъ въ ефрейторы, а послѣ Тарцзальскаго дѣла его произвели въ капралы. Въ Иссассегскомъ дѣлѣ батальонъ его схватился съ венгерцами въ густомъ лѣсу. Побѣда попеременно склонялась то на одну, то на другую сторону. Съ наступленіемъ темноты борьба прекратилась и хотя австрійцы стояли на отбитыхъ позиціяхъ, графъ Шлыкъ рѣшилъ, все таки, въ ту же ночь отступать.

Войска двинулись. У самой дороги высился холмъ, вершину котораго занималъ обширный дворъ. Здѣсь оставленъ былъ батальонъ при двухъ орудіяхъ, для прикрытія отступленія.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда корпусъ Шлыка, нисколько не обезпокоиваемый непріятелемъ, сдѣлалъ уже довольно большой переходъ и отдалился на значительное разстояніе, выступилъ, въ свою очередь, и батальонъ съ орудіями, на соединеніе съ главными силами. Въ пустомъ дворѣ теперь остались только одинъ офицеръ и взводъ рядовыхъ, въ томъ числѣ и Лева Грашъ.

— Вы должны прикрывать мое отступленіе, объявилъ батальонный командиръ офицеру, и защищать дворъ этотъ до послѣдняго рядового вашего взвода. Держитесь здѣсь до разсвѣта.

Батальонъ удалился. Нѣсколько спустя раздались выстрѣлы. Венгерцы открыли отступленіе австрійцевъ и пошли по ихъ слѣдамъ, прежде всего бросились овладѣть дворомъ, гдѣ ждалъ ихъ взводъ героевъ.

Корпусъ графа Шлыка шелъ цѣлый день и къ вечеру расположился на новой позиціи, гдѣ и разбилъ свой лагерь. Рано утромъ, когда восходящее солнце только что начало золотить горизонтъ и командиръ замыкавшаго батальона вышелъ изъ своей палатки, предъ нимъ сталъ и вытянулся во фрунтъ, сдѣлавъ на караулъ, какой-то солдатъ, покрытый кровью и весь черный отъ пороховаго дыма. Солдатъ этотъ былъ Лева Грашъ.

— По приказанію вашему, г. маіоръ, честь имѣю явиться,— послѣдній рядовой изъ взвода! произнесъ онъ твердымъ голосомъ.

И снова наступила весна. Земля одѣлась въ роскошную зелень и цвѣты, все улыбалось—небо, солнце, луга и поля, улыбались и опечаленные люди, почему же было не улыбаться и Якову Дубно? И онъ таки дѣйствительно улыбался во весь широкій ротъ свой, входя въ большую горницу, гдѣ сидѣли его жена и дѣти и, наконецъ громко засмѣялся, потихоньку дернувъ Тулю за рукавъ.

— Слышь, началъ онъ,—ты все еще развѣ не хочешь ни за кого выходить замужъ? Да? А у меня есть про тебя одинъ молодецъ, который, можетъ быть, пришелся бы тебѣ по нраву.

— Ни за что, отецъ, ни за что, никогда! воскликнула Туля.

— А по моему скажи-ка лучше: сейчасъ, обѣими руками, возьму твоего молодца, отецъ,—съ торжествующимъ видомъ крикнулъ ей Яковъ Дубно,—на вотъ, взгляни-ка только на него, глупая!

Онъ быстро распахнулъ двери и въ комнату вошелъ Лева Грашъ въ бѣломъ мундирѣ, съ повязкой на лбу и рукой на перевязи. На груди его блестѣла медаль за храбрость.

Туля глянула на него широко раскрытыми глазами, но чрезъ секунду громко крикнувъ, уже лежала въ его объятіяхъ. Тутъ ужъ нельзя было сдержать сегатинцевъ-сосѣдей. Толпа ихъ наводнила домъ, привѣтствуя Граша, наперерывъ обнимая и цѣлуя его.

Всѣ разступились, когда вошелъ сѣдой старшина. Онъ тоже обнялъ Граша.

И пошло такое веселье у Дубно, что бѣда!

Е. И. Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

(Къ 50-лѣтнему юбилею Его дѣятельности).

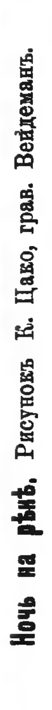
Издавна въ русской семьѣ привыкли соединять съ именемъ Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго благодарное и трогательное представленіе о неустанныхъ трудахъ и сердечной заботѣ, какія прилагались Его Высочествомъ къ многочисленнымъ, ввѣреннымъ его высокимъ попеченіямъ, заведеніямъ. Каждой изъ многочисленныхъ русскихъ семей, получающихъ нашъ журналъ, мы увѣрены, что дѣлаемъ истинное удовольствіе, предлагая въ дни празднованія юбилея плодотворной и высоко-гуманной дѣятельности Принца, этотъ прекрасный портретъ.

Ольденбургскій домъ—первоначально имперско-графскій родъ, соединившійся съ могущественнымъ домомъ Шауэнбургскимъ. Отъ правнука Адольфа, герцога Христіана Альбрехта († 1694 году) происходилъ герцогъ Фридрихъ. Старшій сынъ его Карлъ-Фридрихъ, былъ супругомъ В. Кн. Анны Петровны, матери Императора Петра III († 1762). Отъ младшаго брата Адольфа-Фридриха, принца Георга († 1763) происходитъ великогерцогскій Ольденбургскій домъ.

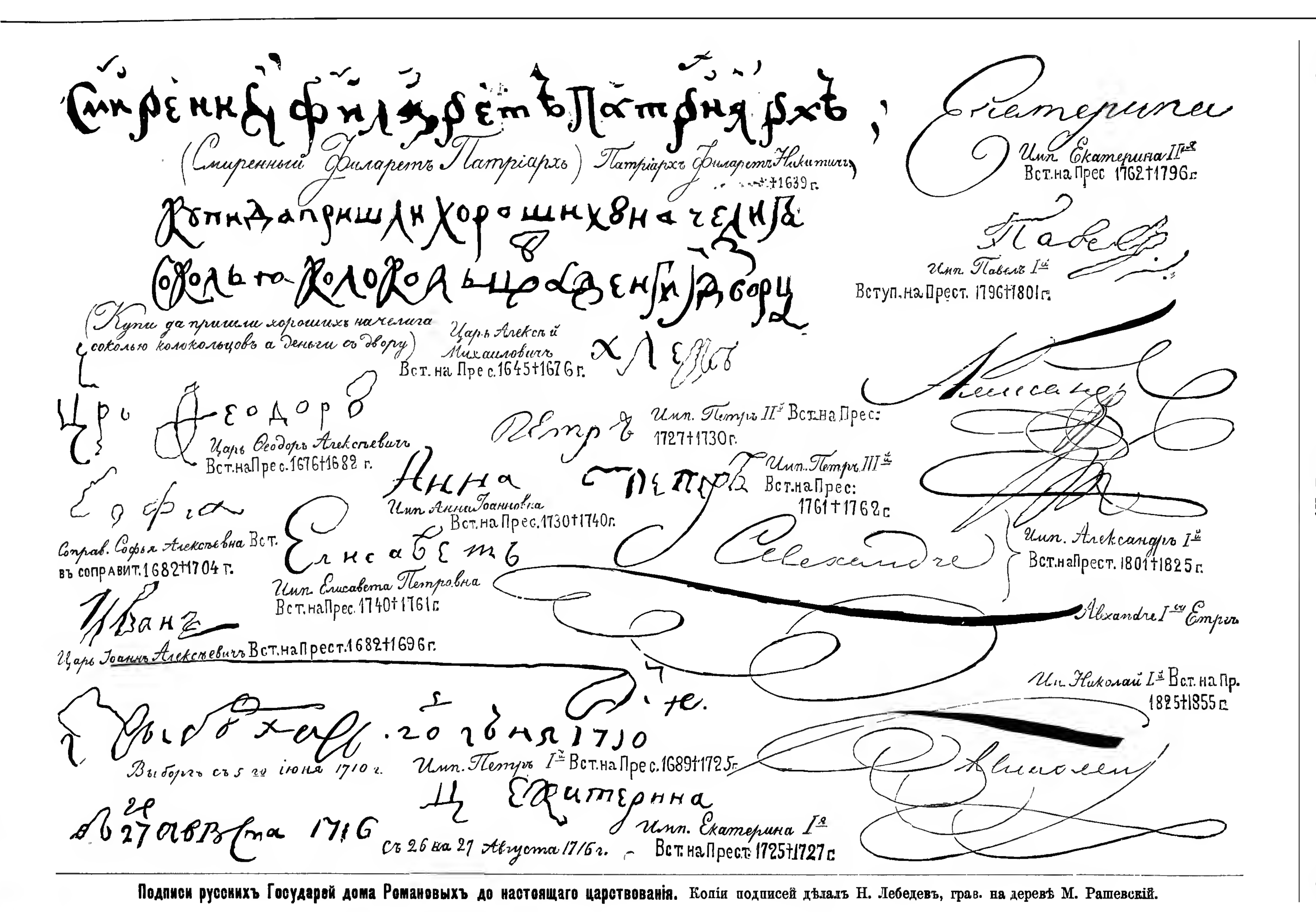
Принцъ Петръ Георгіевичъ—сынъ принца Петра-Фридриха-Георга и Великой Княгини Екатерины Павловны родился 1812 г. октября 22 го. Въ супружествѣ съ принцессой Нассауской. 1-го декабря 1830 года Его Высочество вступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, будучи еще при св. крещеніи зачисленъ въ этотъ полкъ въ чинѣ полковника. Съ 1834 г. за отличіе произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ членомъ Совѣта Военно-Учебныхъ Заведеній и затѣмъ ихъ главнымъ Начальникомъ. Присутствуя въ Сенатѣ Его Высочество имѣлъ возможность ознакомиться близко съ порядкомъ дѣлопроизводства и пришелъ къ мысли, что необходимо улучшить личный составъ судебныхъ мѣстъ. При тогдашнемъ состояніи суда нельзя не видѣть, какая это была полезная и плодотворная идея—для такого улучшенія личнаго состава основать особое Училище Правовѣдѣнія. Въ своихъ высокихъ заботахъ Принцъ не ограничился однимъ представленіемъ проекта о такомъ училищѣ, а предложилъ значительную сумму на пріобрѣтеніе дома для училища и на первое его устройство.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ по этому поводу выражено, какъ покойный Государь высоко оцѣнилъ такую замѣчательную щедрость, достоинство самой мысли и ея исполненіе. Его Высочество назначенъ былъ Попечителемъ училища. Въ 1835 году состоялось назначеніе Е. В. Шефомъ Стародубскаго драгунскаго полка. Будучи Почетнымъ опекуномъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи, Его Высочество началъ собственно ту дѣятельность, которая сдѣлала имя его столь извѣстнымъ и дорогимъ для русской семьи. Щедрыя пожертвованія матеріальныя, помимо личныхъ неустанныхъ трудовъ какъ Его Высочества, такъ и Его покойной супруги, послужили многимъ благимъ начинаніямъ. Устройство первой въ Россіи Общины Милосердія принадлежитъ мысли и почину Его Высочества. Со вступленія въ 1866 г. въ должность Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, начался рядъ существенныхъ и въ высшей степени полезныхъ преобразованій въ разныхъ отрасляхъ ввѣренной Его Высочеству части. Возникло множество женскихъ гимназій и улучшена значительно вся учебно-воспитательная часть; приведены въ лучшее состояніе (съ преобразованіемъ въ 1873 году опекунскаго совѣта и бывшаго IV отд.) всѣ мѣста призрѣнія и нынѣ въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи считается уже 496 учрежденій, разсѣянныхъ по всей великой Россіи до самыхъ ея отдаленныхъ предѣловъ.

Принцъ лично много трудился по устройству женскихъ гимназій, пересмотру штатовъ и введенію въ институтахъ новыхъ учебныхъ курсовъ. Приступлено было къ коренному преобразованію хозяйства и отчетности. Въ 1864 году Принцъ пришелъ къ высокой мысли основавія дѣтской больницы для бѣднѣйшаго населенія. По Высочайшей волѣ больница эта была названа больницею „Принца Петра Ольденбургскаго". Въ 1840 еще году назначенный Оберъ-директоромъ коммерческаго училища, порученнаго особому Его попеченію, Принцъ, съ свойственною ему энергіею, немедленно приступилъ къ коренному его преобразованію. Составленъ былъ новый, донынѣ дѣйствующій, уставъ и штатъ и еще недавно выстроено для этаго училища пре-

Ночь на рѣкѣ. Рисунокъ К. Цако, грав. Вейдеманъ.

Подписи русскихъ Государей дома Романовыхъ до настоящаго царствованія. Копія подписей дѣлалъ Н. Лебедевъ, грав. на деревѣ М. Рашевскій.

красное зданіе, при значительномъ содѣйствіи Его Высочества.

И въ этотъ день полувѣковаго энергическаго, высоко-гуманнаго служенія, которое оставило неизгладимыя черты въ общественной жизни страны, нельзя закончить лучше этой замѣтки, какъ извѣстными словами рескрипта 1878 года: „Много тысячъ благодарныхъ семействъ, разсѣянныхъ по всему пространству Россіи, молятъ да хранитъ Господь дни того, кто посвятилъ себя для блага молодаго поколѣнія, для помощи скорбнымъ, всегда находившимъ здѣсь прибѣжище и утѣшеніе, на радость всѣмъ умѣющимъ цѣнить безкорыстное служеніе правдѣ и добру“.

Къ рисункамъ.

Стокгольмъ.

(См. рисунки на стр. 1008 и 1009),

Стокгольмъ—столица Швеціи, по своему прекрасному мѣстоположенію, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы. Онъ раскинутъ на нѣсколькихъ островахъ, и основанъ еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Первыя привилегіи ему были даны въ 1255—1260 г. Вначалѣ городъ застроенъ былъ лишь на трехъ островахъ: Статсгольменъ (городской островъ), Гельгэндсгольменъ (островъ святыхъ) и Риддаргольменъ (островъ рыцарей), которые теперь и составляютъ собственно старый городъ. Какъ вообще средневѣковые города, онъ былъ укрѣпленъ и обнесенъ стѣной. На мѣстѣ нынѣшняго дворца стоялъ замокъ Кэрнанъ (зерно). Отъ всѣхъ этихъ средневѣковыхъ построекъ не осталось теперь и слѣда. Церковь св. Николая и церковь Риддаргольма считаются самыми древними храмами. Въ послѣдней погребены короли: Густавъ II Адольфъ, Карлъ X Густавъ, Карлъ XI и Карлъ XII и нѣкоторые полководцы; Торстенсонъ, Бонэръ и др. Третья церковь Св. Гертруды или нѣмецкая церковь была воздвигнута въ 1613—1618 г. На одной изъ башенъ находятся старинные 1663 г. „куранты“, часы работы гамбургскаго мастера Франца Гемани. Въ этой же части города находятся всѣ присутственныя мѣста, большая часть купеческихъ конторъ, биржа и проч.

Въ 1693 г. началъ отстраиваться старый королевскій замокъ; почти на половину оконченный, 7-го мая 1697 года онъ сгорѣлъ въ то время, какъ въ немъ, въ похоронной залѣ, еще лежалъ трупъ Карла XI, который съ трудомъ удалось спасти. Послѣ пожара архитекторъ Никодимъ Тессинъ—одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени—составилъ новые планы, гораздо лучшіе прежнихъ. Но работы по постройкѣ значительно замедлялись войнами, которыя безпрерывно велъ Карлъ XII. До 1830 года расходы по постройкѣ замка доходили до 10½ милліоновъ кронъ. По красотѣ и великолѣпію замокъ этотъ не уступаетъ ни Тюльери, ни Императорскимъ дворцамъ Петербурга, Вѣны и Берлина. Замѣчательны церковь и залъ, гдѣ король принимаетъ представителей страны. Во дворцѣ множество прекрасныхъ картинъ и замѣчательныхъ скульптурныхъ работъ.

Передъ дворцомъ стоитъ бронзовая статуя короля Густава III, прекрасной работы Сергеля. Она поставлена городомъ по возвращеніи короля послѣ заключенія мира съ Россіей въ 1790 году. Также хорошъ памятникъ Густава Вазы.

Пройдя Старый Городъ и къ сѣверу отъ Нордро (сѣвернаго моста) лежитъ Новый городъ, самая красивая часть Сѣвернаго Острова. На первомъ планѣ рынокъ Густава Адольфа, получившій свое названіе отъ статуи Густава II, воздвигнутой на этой площади. На западной и восточной сторонахъ площади, одинаковыя по наружному виду зданія. Западное, такъ называемое „Дворецъ Принцевъ“, воздвигнуто фельдмаршаломъ Леннартомъ Торстенсономъ, перестроенное, также какъ и восточное зданіе Густавомъ III. Противъ его Королевскій театръ построенъ этимъ же королемъ—покровителемъ искусствъ.

За театромъ находится такъ называемый „Королевскій садъ“, обширное общественное гулянье, одна изъ прекраснѣйшихъ частей города. Аллеи прекрасныхъ липъ, роскошные цвѣтники украшены фонтанами и статуями, между которыми замѣчательны статуи Карла XII и XIII. На этой площади четыре театра и прекрасная кофейня, освѣщаемая теперь электрическимъ свѣтомъ. На южной сторонѣ этой площади громадное зданіе „Grand Hôtel“, невдалекѣ отъ котораго музеумъ, построенный архитекторомъ Штюллеромъ въ 1850—1865 г.

Въ музеумѣ чрезвычайно богатъ отдѣлъ, относящійся къ доисторическимъ временамъ. Корридоры и передняя украшены колоссальными мраморными статуями. Первый этажъ занятъ картинами и скульптурными произведеніями. Тутъ же помѣщается большая коллекція маіолики. Въ картинной галлереѣ, въ верхнемъ этажѣ—около 1,500 картинъ итальянской, французской, германской и скандинавской школъ.

Ночь на рѣкѣ.

(Картина К. Цако).

Ночь, спускаясь на землю, придаетъ всему какія-то таинственныя очертанія. Невѣрный, фосфорическій лунный свѣтъ, туманы, тихо стоящіе надъ водою, по логамъ, и по лощинамъ, вызываютъ словно другую какую-то жизнь, измѣняютъ самый видъ мѣстности. Деревья въ ночи кажутся выше, берега круче, кусты и клубящіеся туманы принимаютъ видъ словно какихъ-то живыхъ существъ и фантастическихъ призраковъ, которые мѣрно несутся надъ землею. Особенно величественны ночи на нашихъ великихъ сѣверныхъ рѣкахъ. Самая пустынность ихъ береговъ придаетъ картинѣ особую прелесть. Рѣдко крикнетъ гдѣ ночная птица, плеснетъ рыба въ сонной водѣ или ударитъ воду и брызнетъ весломъ ночной рыбакъ и его лодочка скользнетъ по безмолвной рѣкѣ....

Оттѣнки луною озаренныхъ облаковъ и это впечатлѣніе тишины русской сѣверной ночи превосходно передано нашимъ художникомъ на приложенномъ здѣсь рисункѣ.

Подписи русскихъ Государей дома Романовыхъ.

(См. стр. 1017),

Передъ нами въ высшей степени интересная коллекція подписей русскихъ Государей изъ дома Романовыхъ, начиная съ „Государя и Патріарха“ Филарета и кончая Императоромъ Николаемъ.

Это *первая такого рода коллекція*, собранная нами съ рукописей современныхъ и снимковъ, въ хронологической послѣдовательности. Первая подпись—родоначальника нашей династіи Феодора Никитича, во иночествѣ Филарета, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ тѣмъ представленіемъ, какое у насъ сложилось о немъ, объ этомъ московскомъ красавцѣ, законодателѣ модъ, знаменитомъ охотникѣ, и, въ то же время политикѣ-дипломатѣ. Вычурный стиль скорописи XVII вѣка имѣлъ въ немъ несомнѣнно блестящаго представителя. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить что нибудь изящнѣе, какъ этотъ кудрявый почеркъ—что-то среднее между полукружіями восточныхъ буквъ и сухимъ греческимъ начертаніемъ, откуда заимствованы *а*, *л*, *р*, *х*, (альфа, ламбда, ро и хи). И какъ этотъ стиль письма олицетворяетъ передъ нами широкую, привольно-раздольную жизнь древне-русскаго боярства, напоминаетъ собою кудрявые письмена лѣтописей и хронографовъ! Посмотрите, какъ вѣяніе запада дѣйствуетъ на преемниковъ,—уже его внукъ Алексѣй отступаетъ отъ дѣдовскихъ традицій, мѣняетъ толстое перо на тонко-отточенное, не заботится о красотѣ буквъ и о титлахъ. Подпись Өедора Алексѣевича кажется намъ уже дѣтской, несмѣлой копировкой почерка прадѣда. И она опять-таки, до нельзя гармонируетъ съ болѣзненнымъ, мягкосердечнымъ сожигателемъ мѣстничества. Дрожащая подпись сестры его, Софіи, тоже выдаетъ ея душевное настроеніе — ту вѣчную борьбу, сомнѣнія, колебанія, гнѣвъ, которые всю жизнь волновали ее, заставляли дрожать сильную, энергичную натуру. Много сходнаго есть у нея въ почеркѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, и рѣшительно никакого—съ каракулями самаго меньшаго брата—Петра. Великій преобразователь Россіи писалъ такъ неразборчиво-угловато не потому, что не умѣлъ лучше писать: ему просто было *некогда* сидѣть надъ выдѣлкою буквъ. Въ публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, хранятся его рисунки-гравюры, которые ясно говорятъ за твердость его руки, изящность и смѣлость штриха. Угловатая безобразность этихъ буквъ—просто слѣдствіе его холерическаго темперамента: онъ все привыкъ дѣлать быстро, однимъ махомъ и даже маленькое односложное имя *Петръ* сокращено было имъ до нельзя—писалось нѣсколькими палочками подъ титломъ. Въ красиво и тщательно выписанномъ имени Екатерины I мы не можемъ усмотрѣть оригинальности, ибо кому неизвѣстно что Марта, маріенбургская плѣнница, воспитанница пастора Глюка. была неграмотна. Въ подписяхъ Анны, Елисаветы, Петра II и III уже явно чувствуется вліяніе запада. Еще болѣе западное вѣяніе проглядываетъ въ могучей подписи Екатерины II. Многія ли женщины обладаютъ такимъ смѣлымъ почеркомъ? Намъ не разъ приходилось видѣть русскія, французскія и нѣмецкія письма Екатерины. Наиболѣе плохъ у нея—нѣмецкій готическій шрифтъ но за то французскій—очень хорошъ. Разборчивость, смѣлость и красота латинскихъ буквъ положительно не оставляетъ желать ничего лучшаго. Русская скоропись Екатерины настолько хороша, что за ней трудно угнаться любому нашему современнику, Простая подпись императора Павла такъ не гармонируетъ съ затѣйливыми росчерками его сыновей Александра и Николая. Росчеркъ Александра Павловича—одна изъ хитрѣйшихъ задачъ каллиграфіи, разрѣшавшаяся имъ постоянно одинаково удачно. Она, какъ нельзя болѣе знаменуетъ ровный, покойный характеръ Императора. Въ публичной библіотекѣ между прочимъ положены рядомъ подписи двухъ друзей-противниковъ: Александра I и Наполеона. Большаго контраста невозможно найти. Благодушно-спокойный, не смотря на свою хитросплетенность, росчеркъ перваго говоритъ за ясность, миръ его души. Автографъ Наполеона — это какой-то бѣшеный взмахъ пера,

полный могущества, силы, сознанія величія—и дѣло одного мгновенія. Что же касается до подписи императора Николая, то ее смѣло можно назвать царственной подписью. Знаменитый его росчеркъ конечно мыслимъ только при письмѣ гусинымъ перомъ.

Самые маленькіе люди въ свѣтѣ.

Въ настоящее время въ Лондонѣ, въ Пикадилли-Голлѣ, ежедневно отъ двухъ до шести часовъ, нѣкто Эффнеръ показываетъ публикѣ двухъ карликовъ, являющихся замѣчательными образчиками уклоненія человѣческаго роста отъ нормальныхъ размѣровъ. Одинъ изъ этихъ „американскихъ комаровъ", какъ прозвали ихъ, молодая дѣвушка около восемнадцати лѣтъ, другой—шестнадцатилѣтній мальчикъ. Ростъ ея достигаетъ только двадцати дюймовъ, вѣсъ же не превышаетъ тяжести новорожденнаго младенца или куклы. Карликъ вѣситъ всего девять фунтовъ, а ростомъ превышаетъ свою подругу всего на одинъ дюймъ. (См. нашъ рисунокъ).

Люси Зарате родилась 2-го января 1863 года въ Сан-Карлосѣ, близь Вера-Круца, въ Мексикѣ, отъ родителей-мексиканцевъ, испанскаго или смѣшаннаго полуиспанскаго, полуиндійскаго происхожденія,—обыкновеннаго средняго роста. У нихъ нѣсколько человѣкъ другихъ дѣтей, тоже нормальнаго роста. Люси нѣсколько напоминаетъ обезьяну; цвѣтъ лица ея очень темный, типомъ же походитъ на ацтековъ. Она очень живаго, веселаго характера и умна. Юный сотоварищъ ея, носящій звучное прозвище генерала Майта, родился 2-го октября 1864 г., отъ родителей-американцевъ, въ графствѣ Шенандоа. Это бѣлокурый, красивый и умненькій юноша, держащійся съ большимъ достоинствомъ. Говорятъ, что еще при рожденіи онъ имѣлъ только девять дюймовъ величины и росъ только до восьми лѣтъ, когда остановился и остался такимъ, какимъ его видимъ теперь. Люси показываютъ въ Америкѣ уже десять лѣтъ, Майта—шесть. Но коллекція Эффнера не ограничивается этими двумя карликами. Кромѣ Люси и Майта, антрепренеръ предлагаетъ вниманію любителей курьезовъ еще двухъ другихъ, и именно: миссъ Дженни Кунглэ, изъ Глазгова, и „коммодора" Фута, изъ Сѣверной Америки. Коммодоръ родился въ фортѣ Уайнъ, въ штатѣ Индіана и теперь ему тридцать два года; онъ съ большою гордостью носитъ золотую медаль, поднесенную ему депутаціей вашингтонскихъ дамъ, въ знакъ выраженія симпатіи своей къ самому благовоспитанному изъ карликовъ, рожденныхъ въ Америкѣ. Миссъ Кунглэ—элегантная особа микроскопическаго роста, манерами и туалетомъ совершенно подходящая къ типу grande dame временъ Людовика XIV. Ростомъ оба, однако, почти вдвое выше предшествующихъ. Одинаковой величины съ ними, изображенный на нашемъ рисункѣ, также членъ этаго общества карликовъ—„генералъ" Томи Тембъ. Говорятъ, что ихъ привезутъ и къ намъ въ Петербургъ.

Ожиданіе.

(Картина К. Беккера).

Она вся—ожиданіе. Часы идутъ такъ медленно. То она отходитъ, то вновь у окна... Ничѣмъ не можетъ она заняться, поглощенная и взволнованная одною радостною мыслью. Онъ сейчасъ вернется! Сколько скучныхъ дней, сколько тревожныхъ ночей провела она, думая объ этомъ часѣ свиданія. Сколько разъ подбѣгала къ окну и ея прекрасные глаза устремлялись вдаль, на ровную дорогу, гдѣ сегодня подъ деревомъ, вонъ за тѣмъ поворотомъ, долженъ показаться экипажъ и съ радостнымъ крикомъ бросится она внизъ, на встрѣчу...

Политическое обозрѣніе.

Соединенный флотъ.—Турція и Черногорія.—Курды.—Персія.—Франція.—Англія. Торійская партія.—Испанія.

По словамъ англійскихъ газетъ, вице-адмиралъ Сеймуръ получилъ приказаніе подать сигналъ къ отплытію соединеннаго европейскаго флота только послѣ того, какъ всѣ державы приняли предложеніе англійскаго правительства, чтобы соединенный флотъ разошелся послѣ взаимнаго сообщенія будущихъ якорныхъ стоянокъ отдѣльныхъ эскадръ. Предложеніе же это клонится къ соглашенію относительно того, чтобы отдѣльныя эскадры заходили въ извѣстныя, напередъ опредѣленныя гавани, или-же крейсировали въ заранѣе опредѣленныхъ направленіяхъ; такъ что флотъ продолжалъ-бы еще оставаться какъ будто соединеннымъ. Оно можетъ быть и не совсѣмъ лишнее до нѣкоторой степени, потому что между Дервишемъ-Пашей и черногорцами не все еще совершенно установилось. Черногорскій министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ дипломатическихъ агентовъ державъ, что турецкій уполномоченный (т. е. Дервишъ-Паша), несмотря на военную конвенцію, по которой Санъ-Джорджіо отнесенъ въ область, уступаемую княжеству,—отказывается передать пунктъ этотъ, ссылаясь на окончательное рѣшеніе коммиссіи, производившей размежеваніе. Султанъ Абдулъ-Гамидъ, мечтающій о возвышеніи обаянія власти Калифа, задумалъ было воспользоваться, между прочимъ, возстаніемъ курдовъ противъ Персіи. Фантастическій планъ Падишаха состоитъ въ образованіи особой обширной области Курдистана, которая находилась-бы подъ главенствомъ порты. Называютъ даже предполагаемаго кандидата въ губернаторы области,—это одинъ курдскій шейхъ Абдалла-Паша, изъ племени Сулейманіэ, обитающаго на сѣверныхъ границахъ Месопотаміи. Абдалла—личный врагъ пресловутаго шейха Абейдуллы, играющаго выдающуюся роль въ возстаніи курдовъ и стремящагося завоевать своему племени самостоятельность. Напротивъ, султанскій кандидатъ обѣщаетъ удержать курдовъ въ зависимости отъ Турціи. Однако, въ виду требованія державъ о проведеніи въ томъ краѣ, на основаніи Берлинскаго трактата, реформъ въ пользу армянъ — Европа едва-ли допуститъ осуществленіе подобнаго проэкта. Скажемъ кстати, что персы еще не побѣдили окончательно курдовъ, съ которыми недавно имѣли довольно значительное сраженіе, кончившееся пораженіемъ отряда шахскихъ войскъ. Бунтовщики снова готовятся идти на Урумію. Изъ Тегерана высланы противъ нихъ 7 тысячъ солдатъ подъ командою австрійскихъ офицеровъ и при нѣсколькихъ орудіяхъ. Нѣсколько тысячъ персидскихъ пилигримовъ, возвращавшихся изъ Мекки, были вынуждены остановиться въ Багдадѣ, вслѣдствіе опасностей дальнѣйшаго путешествія. Въ одномъ мѣстѣ курды аттаковали три послѣднихъ каравана, въ происшедшей стычкѣ пилигримы потеряли болѣе 500 человѣкъ убитыми и ранеными. Мѣстныя персидскія власти выплачиваютъ за каждую курдскую голову извѣстную сумму.

Въ послѣднее время во Франціи начинаетъ обрисовываться изолированное положеніе вожаковъ-комунаровъ. Можно сказать, что не смотря на весь шумъ, поднятый корифеями событій, имѣвшихъ мѣсто въ мартѣ 1871 года въ Парижѣ, на шумъ, поднятый ими теперь, и поддерживаемый ими всѣми силами,—они не встрѣчаютъ сочувствія въ той средѣ, на которую разсчитывали, а именно на рабочихъ. Эти послѣдніе почти повсюду сообщили имъ о несогласіи общихъ цѣлей своихъ съ программой Рошфоровъ, Феликсовъ Піа и другихъ подобныхъ.

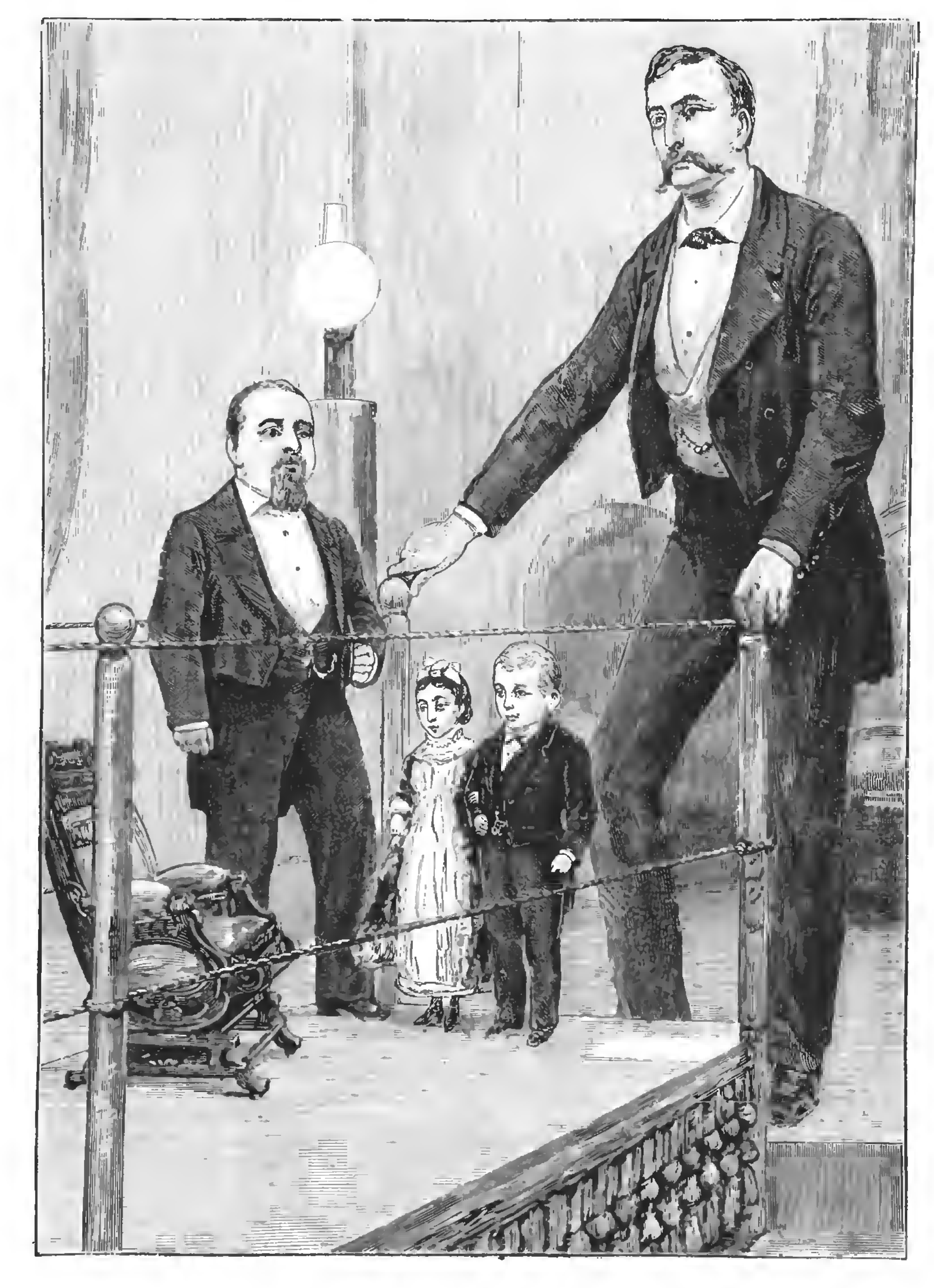
Въ Англіи близость открытія сессіи парламентской возбуждаетъ большую дѣятельность въ обоихъ политическихъ лагеряхъ. Офиціальный докладчикъ (leader) оппозиціи въ палатѣ общинъ, сэръ Стаффордъ Нордкотъ произнесъ недавно въ Уэльсѣ, центрѣ, враждебномъ торіямъ, рѣчь, изъ которой можно видѣть, что консерваторы встрѣтятъ затрудненіе въ выборѣ образа дѣйствій для будущихъ парламентскихъ преній. Хотя сэръ Стаффордъ Нордкотъ и утверждалъ, что консерваторы настолько патріоты, что не будутъ препятствовать введенію разумныхъ реформъ въ Ирландіи, но, повидимому, несомнѣнно, что торн энергично станутъ противъ аграрныхъ законовъ.

Испанское правительство, согласно заявленію французскаго, намѣрено воспретить изгнаннымъ изъ Франціи монахамъ селиться въ Аррагоніи, Бискайскихъ и другихъ сосѣднихъ съ Франціей провинціяхъ. Вообще же Испанія охотно даетъ гостепріимство только тѣмъ монашествующимъ орденамъ, которые стремятся къ развитію въ странѣ полезной промышленности, раціональнаго сельскаго хозяйства и т. д. Первый министръ, Кановасъ-дель-Кастильо, поручилъ префекту Валенсіи предложить зятю Донъ-Карлоса, герцогу Пармскому, путешествующему въ Южной Испаніи, немедленно выѣхать за границу. Кановасъ отнесся къ герцогу какъ къ карлистскому агенту. По слухамъ, въ бискайскихъ провинціяхъ замѣчаются уже нѣкоторые признаки такого движенія.

Смѣсь.

Бой между китомъ и мечъ-рыбой. Лордъ Кемпбель сообщаетъ описаніе кровавой битвы, происшедшей нѣсколько недѣль тому назадъ въ Атлантическомъ океанѣ между китомъ и гигантскимъ меченосцемъ. Извѣстно, что этотъ послѣдній, рыло котораго имѣетъ форму шпаги, вступаетъ въ ожесточенный бой съ китомъ или съ акулой, и очень часто убиваетъ врага своимъ острымъ орудіемъ. „26 августа, въ 5 часовъ пополудни,—пишетъ лордъ Кемпбель,—я находился на бортѣ пакетбота; мы были между Лабрадоромъ и сѣверной оконечностію Новой Земли, когда нашъ первый лейтенантъ пришелъ мнѣ сказать, что онъ видѣлъ огромную мечъ-рыбу или меченосца, который выпрыгнулъ изъ воды въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ нашей кормы. Мы тотчасъ-же заняли обсерваціонный пунктъ по направленію къ указанному мѣсту и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ намъ пришлось быть свидѣтелями ужасной битвы между меченосцемъ и большимъ китомъ. Этотъ послѣдній упо-

треблялъ всѣ усилія, чтобъ освободиться и уйти отъ своего столь-же хищнаго, какъ и ловкаго противника, который вонзилъ ему въ брюхо свое острое орудіе. Мечъ-рыба была громадиаго размѣра, болѣе семи метровъ въ длину: она яростно преслѣдовала кита, не переставая колоть его своимъ острымъ орудіемъ. Рыбѣ, какъ будто казалось недостаточнымъ этихъ смертоносныхъ ударовъ: она выскакивала изъ воды, дѣлала чудовищные прыжки и падала на спину кита, нанося ему удары. Высокое и комическое страннымъ образомъ соединялось въ этой борьбѣ. Всѣ пассажиры и экипажъ собрались на бортѣ, и слѣдили за боемъ, какъ-бы очарованные этой ужасной сценой. Ясно было видно длинное, веретенообразное тѣло меча-рыбы, темно-синяго цвѣта на спинѣ и серебристо-бѣлаго цвѣта на брюхѣ; ея жабры, ея огромный глазъ и особенно ея острое съ обѣихъ сторонъ орудіе производили странное впечатлѣніе. Наконецъ у кита, истощеннаго потерею крови, наступила агонія; лежа на спинѣ, онъ, собравъ послѣднія силы, отбивался отъ врага, но вскорѣ не могъ уже сопротивляться теченію, и трупъ его былъ унесенъ вѣтрами и волнами. Когда мы потеряли его изъ виду на горизонтѣ, онъ долженъ уже былъ испустить послѣдній вздохъ. На бортѣ „Teutonia“ также наблюдали это рѣдкое явленіе. Моряки, плававшіе болѣе 30 лѣтъ въ Атлантическомъ океанѣ, говорили, что они никогда еще не видали подобнаго зрѣлища“.

Самые маленькіе люди на свѣтѣ. По рис. I. L. N. грав. М. Рашевскій.

Поливка цвѣтовъ теплою водою. При уходѣ за комнатными растеніями упускаютъ часто изъ виду поливать цвѣты теплою водою, что сильно способствуетъ ихъ росту. Обыкновенно берутъ воду стоялую, имѣющую комнатную температуру. Противъ этого ничего нельзя возражать. Но иногда любители цвѣтовъ, для большаго ихъ освѣженія, поливаютъ ихъ лѣтомъ водою, не имѣющею болѣе 5—7° по Реомюру. Подобное обращеніе съ растеніями, въ особенности въ жаркіе лѣтніе дни, приноситъ только одинъ вредъ. Растенія также чувствительны къ рѣзкимъ перемѣнамъ температуры, какъ и люди. Лѣтомъ отъ солнечныхъ лучей земля въ горшкахъ и коренья сильно нагрѣваются, въ чемъ можно убѣдиться, приложивъ руку къ горшку или же погрузивъ палецъ въ землю. Температура внутри горшка доходитъ такимъ образомъ зачастую до 20° Р. и если тогда поливаютъ цвѣты слишкомъ холодной водою, то естественно, что растеніе, въ особенности его корни, простужаются. Поэтому не слѣдуетъ поливать цвѣты холодной водою; ее, по крайней мѣрѣ, нужно довести до температуры окружающаго воздуха. Но еще лучше поливать растенія теплою водою въ 25—30° Р. Это не только способствуетъ болѣе быстрому росту, но растворяетъ всѣ питательныя вещества въ землѣ и такимъ образомъ растеніе получаетъ болѣе питанія. Но, начавши разъ поливку теплою водою, не слѣдуетъ ее уже прекращать, такъ какъ поперемѣнная поливка теплою и холодною водою можетъ только пагубно повліять на растеніе.

Организація медицинской помощи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Нью-Іоркъ обогатился новымъ учрежденіемъ, обѣщающимъ весьма полезные результаты и успѣхъ. Законодательное собраніе Штатовъ, въ одно изъ засѣданій послѣдней сессіи, приняло проэктъ закона, цѣль котораго — организовать ночное медицинское дежурство, по примѣру нѣкоторыхъ главныхъ городовъ Европы. Этотъ проэктъ былъ представленъ сначала докторомъ Нахтель. Получивъ одобреніе этаго проекта, Нахтель сталъ преслѣдовать свою цѣль, добившись, наконецъ, законодательнаго акта.

Организація ночнаго медицинскаго дежурства — чрезвычайно проста и легко осуществима. Каждый полицейскій чиновникъ снабжается реестромъ, въ который внесены фамиліи и адреса врачей, обязанныхъ являться по его ночному призыву. Реестръ этотъ прибивается у полицейскаго бюро, на виду.

Дежурный полицейскій офицеръ, узнавъ, что кто-нибудь нуждается во врачѣ въ какой бы то ни было часъ ночи, выбираетъ по реестру врача, квартирующаго ближе всѣхъ къ мѣстожительству больнаго. Затѣмъ онъ посылаетъ за докторомъ полицейскаго агента, который, въ свою очередь, приводитъ его къ нуждающемуся въ медицинской помощи.

Законодательное собраніе открыло на этотъ предметъ кредитъ въ 75,000 франковъ. На первый взглядъ этого кажется мало. Но докторъ Нахтель, назначивъ самъ эту цифру, основывалъ свои вычисленія на данныхъ статистики аналогичныхъ учрежденій въ Парижѣ и Берлинѣ. Предполагается, что, въ среднемъ выводѣ, изъ десяти человѣкъ семь заплатятъ учрежденію стоимость докторскаго визита, такъ что на обыкновенное время назначенной суммы вполнѣ достаточно; на время-же эпидемій, несомнѣнно, она должна быть увеличиваема соотвѣтственно числу заболѣваній.

(Продолженіе на стр. 1021, 1022, 1023, 1024, 1025, 1026, 1027 и 1028).

Ожиданіе. Картина К. Беккера, грав. Р. Бонгъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

За тѣ долгіе годы какъ нашъ журналъ „Нива" существуетъ, выяснилось уже и отношеніе къ намъ публики, со стороны которой мы получаемъ конечно множество разнообразнѣйшихъ заявленій, благодарственныхъ писемъ и пр., и пр. Мы находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу всего этаго, тѣмъ болѣе что замѣтка эта будетъ какъ бы общимъ отвѣтомъ на всѣ письменныя и устныя заявленія нашихъ подписчиковъ и читателей, съ которыми мы—намъ пріятно сознать это—постоянно были, если можно такъ выразиться, въ наилучшихъ, дружественныхъ отношеніяхъ.

Журналъ нашъ развивался совершенно органически. Начался онъ въ то время, когда въ Россіи не было еще ни одного такаго изданія. По мѣрѣ увеличенія средствъ журнала т. е. подписчиковъ, онъ постоянно расширялъ свою программу и улучшалъ достоинства текста и премій, пока не дошелъ до настоящаго положенія, при которомъ онъ даетъ столько матеріалу и такаго качества, что это единственно возможно только при такомъ количествѣ подписчиковъ. Это даетъ журналу особенную прочность и устойчивость и это собственно отличаетъ его главнымъ образомъ отъ разныхъ эфемерныхъ изданій, которыя, стараясь тянутся за „Нивой" и перебить ей путь, если не качествомъ матеріала, то разными, никогда неисполняемыми, обѣщаніями, силятся ей подражать даже въ названіи и наружномъ видѣ и не имѣя достаточно подписчиковъ для широкаго веденія дѣла, кончаютъ тѣмъ, что внезапно прекращаясь, оставляютъ подписчиковъ съ одними обѣщаніями. Они покупаютъ для премій залежалыя, неидущія съ рукъ олеографіи или исполняютъ ужаснымъ образомъ новыя или повторяютъ свои же рисунки, что однако повидимому едва ли многихъ обманываетъ.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы, считая своихъ подписчиковъ какъ бы акціонерами „Нивы", поставить имъ на видъ, что оставаясь вѣрными журналу и привлекая ему новыхъ друзей и читателей, они дадутъ возможность развивать дѣло далѣе, привести въ исполненіе задуманныя нами на будущее перемѣны и улучшенія. Чѣмъ болѣе будетъ такихъ акціонеровъ, тѣмъ болѣе каждый изъ нихъ получитъ процентовъ на свой маленькій вкладъ въ 4 руб. въ видѣ капитальныхъ улучшеній получаемаго ими журнала, (цѣна котораго не возвышается, не смотря на общее вздорожаніе бумаги, печатанія и проч.) и превосходныхъ художественныхъ приложеній, разсылаемыхъ даромъ, какъ вполнѣ безплатный придатокъ къ журналу и безъ того слишкомъ богатому по содержанію. Добросовѣстность же и аккуратность веденія всего дѣла и стараніе—постоянно и каждый годъ давать больше матеріалу чѣмъ обѣщано—можетъ оцѣнить каждый изъ нашихъ постоянныхъ читателей.

Что касается премій, то мы предлагаемъ не старыя, заваляющіяся олеографіи а картины самыми извѣстными художниками исключительно для „Нивы" исполненныя. **Обращаемъ здѣсь особенное вниманіе на преміи будущаго 1881 года—картины Зичи изъ „Тараса Бульбы"** повѣсти Н. В. Гоголя. Онѣ, согласно самому содержанію этой удивительной повѣсти, исполнены совсѣмъ другой манерой, чѣмъ преміи настоящаго года изъ „Демона". Въ поэмѣ „Демонъ" самая фантастичность сюжета вызывала большую легкость, воздушность очертаній образовъ знаменитой поэмы: это пестрая, туманная греза. Это видѣнія а не реальная жизнь. Въ „Тарасѣ же Бульба" могучая, богатырская, реальная сила этаго разсказа требовала и другихъ красокъ. Тутъ яркій блескъ полнаго дня, пестрота и роскошь костюмовъ польскихъ и запорожскихъ, энергія движеній и лицъ этихъ бойцовъ Сѣчи поражаютъ съ перваго взгляда. Стремительное движеніе коня подскакавшаго Остана, выраженіе могучей силы въ лицѣ стараго богатыря Тараса, нѣжность и красота польки въ сценѣ свиданія ея съ Андріемъ—**все это передано съ иною, мастерскою колоритностью, полною жизни и блеска.** Такимъ образомъ, начавъ съ Пушкина, А. К. Толстаго, продолжая Лермонтовымъ и Гоголемъ, **мы дали уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ нашимъ подписчикамъ небывалый еще въ Россіи альбомъ картинъ**, печатанныхъ красками, **изъ произведеній русскихъ знаменитыхъ писателей, исполненныя знаменитыми же художниками**—такія преміи возможны только для журнала имѣющаго солидное, твердое положеніе и мы не останавливаемся ни передъ какими расходами, чтобы пріобрѣсти то или другое произведеніе знаменитаго писателя или художника, ни передъ огромнымъ расходомъ печатанія и даровой разсылки такихъ картинъ, **чтобы только постоянно улучшать дѣло безъ увеличенія цѣны**, хотя, повторяемъ, всякому извѣстно, какъ все, начиная съ бумаги и печатанія, непомѣрно вздорожало.

Изъ цѣлаго ряда талантливыхъ, оригинальныхъ **произведеній, приготовленныхъ нами для помѣщенія въ будущемъ 1881 году** и массы переводныхъ повѣстей и разсказовъ, мы не можемъ не **указать на весьма замѣчательный трудъ извѣстнаго романиста нашего Вс. С. Соловьева „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ"**. Полная самаго живаго интереса, интрига романа развертывается на фонѣ событій двухъ замѣчательныхъ царствованій—конца екатерининскаго времени и первыхъ годовъ эпохи императора Павла. Исторія представляетъ мало примѣровъ такихъ рѣзкихъ переходовъ, какъ этотъ переходъ отъ роскошнаго и широкаго теченія жизни къ строгой, суровой, почти спартанской выдержкѣ новаго императора, представлявшей естественную реакцію общественной распущенности того времени. Сцена дѣйствія изъ русской деревни, отъ петербургскаго Двора переносится въ тогдашній Парижъ во время революціи—все это даетъ романисту обильный и интересный матеріалъ, которымъ нашъ авторъ въ полной мѣрѣ воспользовался.

Затѣмъ **„Старый Джулдашъ"** повѣсть **Н. Н. Каразина**, нашего талантливаго сотрудника, извѣстнаго путешественника, **переноситъ въ жизнь далекой средне-азіатской пустыни.** Загадочная драма, разыгравшаяся на уединенномъ островѣ великой рѣки, Аму-Дарьи, среди полудикой семьи, разсказана съ блескомъ и живостью, свойственными таланту автора.

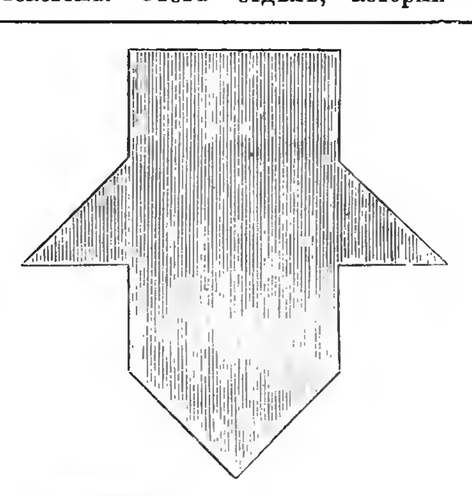
Мы получили столько выраженій удовольствія по поводу прекраснаго романа **Н. Морскаго** „Купленное счастье", что читателямъ конечно интересно будетъ узнать о помѣщеніи въ „Нивѣ" въ слѣдующемъ 1881 году большой повѣсти того же талантливаго автора, называющейся **„Подъ землею"**. Самая **необычность замысла и оригинальность содержанія**, помимо мастерства исполненія, конечно обратятъ на себя общее вниманіе. Кромѣ того мы могли бы подробнѣе указать на прекрасный разсказъ нашего извѣстнаго этнографа **С. В. Максимова „Барышники"** и разсказы **Успенскаго, Авсѣенко, Гнѣдича**, стихи **А. Майкова, К. Случевскаго, Н. Боева, Вс. Соловьева** и т. п. но это значило бы перечислять весь богатый запасъ „Нивы" на 1881 годъ. Изъ переводныхъ вещей мы дадимъ **прекрасный новый романъ одного извѣстнаго писателя, съ чрезвычайно интереснымъ содержаніемъ.** Всякій читающій оцѣнитъ наше стремленіе собрать лучшія имена въ литературѣ. Мы можемъ теперь сказать, что почти нѣтъ талантливаго беллетриста, изъ пишущихъ въ настоящее время, который бы не помѣщалъ въ „Нивѣ" своихъ произведеній.

Что касается современной жизни,—въ „Нивѣ“ всегда обращалось особенное вниманіе на то, чтобы читатели могли слѣдить за современностью: въ „Нивѣ“ иллюстрировались всегда главнѣйшія текущія событія, особенно имѣющія какой нибудь интересъ для Россіи.

☛ Такимъ образомъ **въ будущемъ году** будетъ напр. посвященъ **ВСЕРОССІЙСКОЙ МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ** въ Москвѣ **цѣлый отдѣлъ**. „Нива“ посылаетъ въ Москву спеціальныхъ корреспондентовъ на этотъ предметъ. Будутъ помѣщены рисунки и описанія всего, **что только обратитъ на себя общее вниманіе**—и одинъ этотъ **отдѣлъ выставки** будетъ заключать въ себѣ **нѣсколько сотъ тщательно исполненныхъ гравюръ** съ спеціальнымъ объяснительнымъ текстомъ. Этотъ отдѣлъ, который нами затѣмъ отпечатается и выпустится особой книгой, будетъ въ отдѣльной продажѣ стоить около 5—8 руб. Весь этотъ богатый матеріалъ подписчики получатъ, вмѣстѣ съ остальнымъ также богатымъ матеріаломъ, за 4 руб. Покорнѣйше просимъ съ этаго объявленія гг. экспонентовъ будущей Всероссійской Выставки высылать намъ немедля рисунки и фотографіи выставляемыхъ ими предметовъ, такихъ, которые имѣютъ **общій** интересъ и заключаютъ въ себѣ дѣйствительно что либо новое и общеполезное. Приглашенные нами спеціалисты будутъ также съ выставки высылать намъ рисунки и описанія всего, что только можетъ имѣть интересъ для нашихъ читателей. Такимъ образомъ нашимъ лозунгомъ по прежнему останется **„Все впередъ“!** ☚

Геометрическая задача № 86.

Данную фигуру раздѣлить 3-мя линіями такъ, чтобы изъ полученныхъ частей можно было сложить квадратъ.

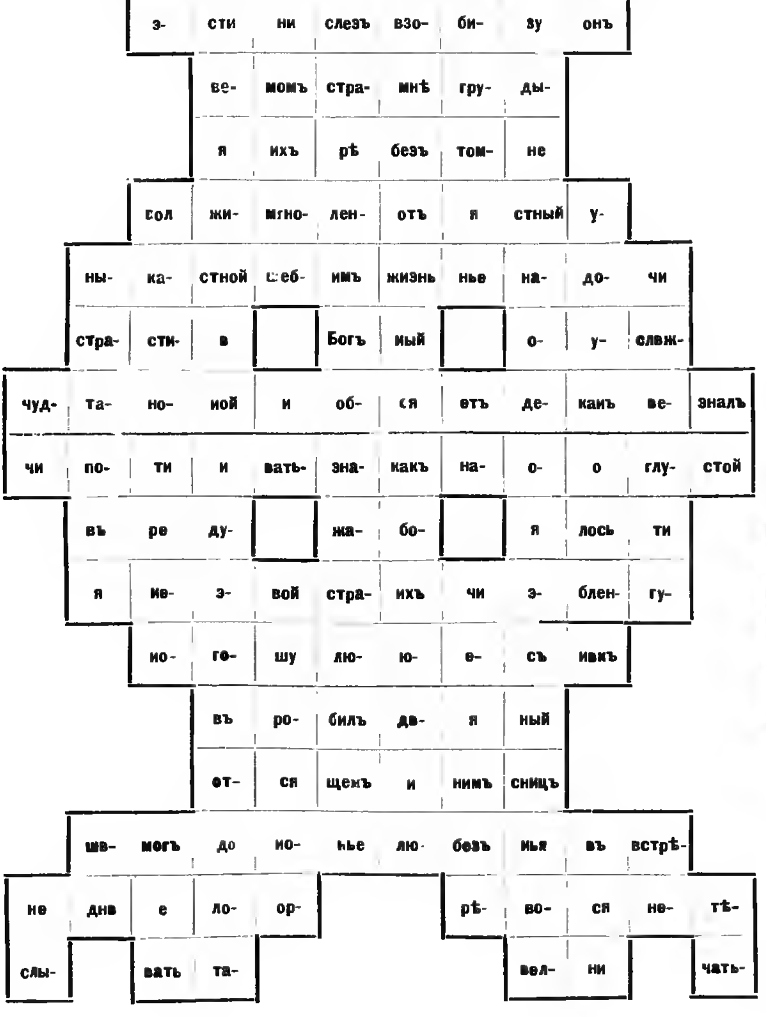

Алгебраическая задача № 88.

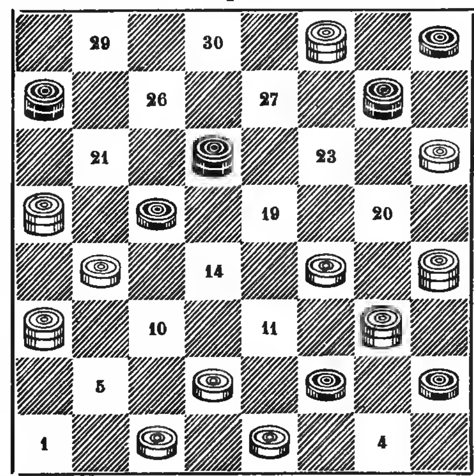
Названіе одного города состоитъ изъ 6 буквъ, если эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получимъ слѣдующія соотношенія между ними:

1) Сумма перваго и послѣдняго чиселъ равна числу дней въ двухъ недѣляхъ.
2) Разность между третьимъ и четвертымъ числами равна числу дней недѣли.
3) Сумма перваго, втораго, третьяго и удвоеннаго пятаго чиселъ равна числу недѣль въ году.
4) Сумма втораго и пятаго чиселъ равна третьему числу.
5) Второе число впятеро болѣе пятаго числа.
6) Разность между первымъ и пятымъ числами равна разности между четвертымъ и шестымъ.

Задача Ходъ Коня № 87.
Ю. Гр.

Шашечная задача № 89.
Черныя.

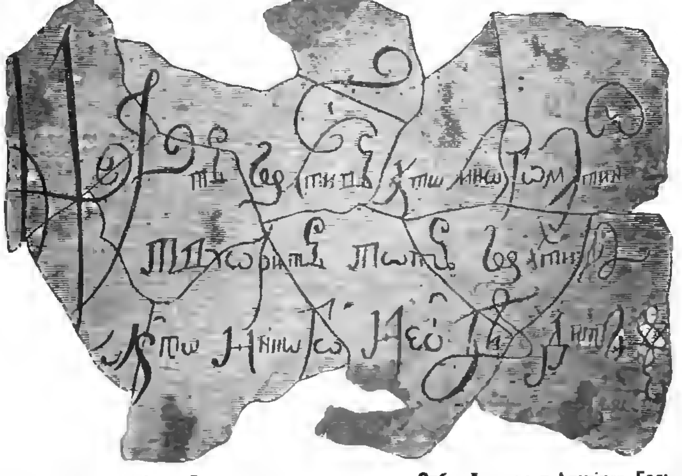

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ одну дамку, и одну простую черныхъ.

Рѣшеніе задачи № 75.

Не тотъ милостивъ, кто много милостыни творитъ, тотъ милостивъ, кто никого не обидитъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Феклина и Аленіусъ, **Гельсингфорсъ**—Тиханова, Орлова, **Ростовъ-на-Дону**—Загражиди, **Самокоиъ**—Окунева, **Тамбовъ**—Ситовскаго.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ Ф. Бергъ.

Вышелъ въ свѣтъ и продается у издателя М. Якобсона, Спб. Эртелевъ пер., 7, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской имперіи

ЖИВОПИСНЫЙ

ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1881 г. съ приложеніемъ

СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ.

Печатанъ на резовой бумагѣ, съ художественно исполненными рисунками, въ объемѣ болѣе 80 страницъ. Содержаніе: Свѣдѣнія церковныя астрон., генеалогическ., географическо-статистическія истор., почтовыя, телеграф., желѣзно-дорож., коммерческія, медицин., хозяйственн., адресо-указат., разсказы, анекдоты, ребусы, стихотворенія, портреты, карриатуры, загадки и проч. Цѣна вмѣстѣ со „СТѢННЫМЪ КАЛЕНДАРЕМЪ“ 30 коп., за пересылку 10 копѣекъ. Ptr. № 1026 5—3

БОЛЬШОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ

„НОВОСТИ“

и **„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“.**

Подписная цѣна: на 1 г. для иног. 9 р., для городск. 8 р., на ½ года для иног. и гор. 5 р., на 1 мѣс. для иногор. и городск. 1 руб. СПБ. Гороховая, 32, близъ Каменнаго театра. К. № 909. 10—10

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

на 1881 годъ (22-й съ начала изданія) принимается въ Москвѣ у редактора, протоіерея *В. Нечаева*, въ Толмачахъ, также у книгопродавцевъ Ѳерапонтова, Соловьева и Вольфа, въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Тузова. Цѣна за 12 книжекъ 3 рубля 50 коп., съ доставкой и пересылкой 4 рубля. № 1073 2—1

30° уст. книгопр., школамъ и др. учр. о изд. г. Фармаковскаго 79 г. Школ. Діететика 50 к., книжка для волост. старш. и сел. старостъ 30 к., кн. для волост. судей 15 к., кн. о миров. судѣ 15 к., кн. для зем. гласн. о зем. учрежд. 15 к., Законы о гражд. договор. и обязат-хъ (77 г.) 1 р. 25 к. Одобр. Уч. К. Мин. Н. Пр. Казань, кн. маг. Александ. Ильича Овчинникова. № 997. 3—2

№ 1052 2—2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

П. МИХАЙЛОВЪ,

№ 122, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, БОЛЬШАЯ СУРОВСКАЯ ЛИНІЯ. № 122.

ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ.

ПРИГОТОВЛЕНЫ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ:

Пальто, манто и ротонды крытыя бархатомъ и другими разными модными тканями, на различныхъ мѣхахъ съ разными изъ перьевъ и стекляруса отдѣлками и мѣховыми опушками.

Пальто и ротонды на ватѣ съ разными мѣховыми опушками, жакеты и другія дамскія готовыя вещи изъ разныхъ модныхъ матерій.

Муфты собольи, куньи, скунксъ; котиковыя настоящія и имитасіонъ.

Шапочки плюшевыя, котиковыя настоящія и имитасіонъ.

Сорти-де-баль изъ кашемира, сисельенъ и прочихъ модныхъ матерій съ разными модными отдѣлками, также самыя модныя, только что полученные изъ за границы изъ пуховой ткани и вязаныя, а также и платки.

Дамскія платья, костюмы для комнатъ и гулянья съ разными отдѣлками и капоты.

Корсажи вязаной ткани и сѣтки изъ стекляруса, синели и перьевъ въ громадномъ выборѣ только что получены изъ за границы.

Дѣтскія готовыя вещи для дѣвочекъ и мальчиковъ на разный возрастъ, также шапочки и муфты.

Дамскія шляпы. Модели изъ лучшихъ заграничныхъ домовъ и приготовленные по моделямъ цвѣты и уборы изъ цвѣтовъ на платья для баловъ, перья, ленты, кружева, шарфы и пр.

Новость: парюры для корсажей.

Примѣчаніе для гг. иногородныхъ покупателей:

Увѣдомляю, что фирма компаніи „Ведерниковъ и Михайловъ“ 18 февраля сего года разошлась, и я, Михайловъ, произвожу торговлю всѣмъ вышеозначеннымъ товаромъ единственно въ Гостиномъ Дворѣ, по большой суровской линіи № 122 и по торговлѣ съ Ведерниковымъ ничего общаго не имѣю, такъ что если кто изъ покупателей пожелаетъ что либо выписать изъ моего магазина, то покорнѣйше прошу адресовать заказы и деньги на мою фирму „П. Михайловъ“ Гостиный Дворъ, большая Суровская линія № 122, не смѣшивая съ Ведерниковымъ. Торговля производится оптомъ и въ розницу.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПРОВОЛОКА,

изолирована нитками, бумагою и шелкомъ, изготовляется въ мастерской **Бухгольца.** С.-Петерб., Надежд. ул., д. № 18, кв. 30. К. № 1072

Holzstift-Maschinen

zur Fabrication von **Schuhmacherstiften** deutschen und amerikanischen Systems, mitbedentender Leistungsfähigkeit, liefert unter Garantie die **Maschinen-Fabrik** von

A. Roller in Berlin N.,

D. № 1066. Chaussée-Strasse № 98. 3—1.

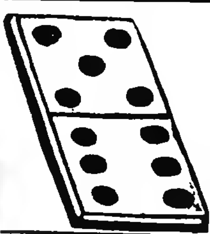
БЛАГОВОННЫЕ ТОВАРЫ

ФАБРИКИ

Брокаръ и К°. въ Москвѣ,

удостоенные медалью на всемірной Парижской выставкѣ, можно получать въ С.-Петербургѣ:

У Рузанова, Савельева, Сафронова, Аверьянова, Урлаубъ и Рейнбергъ, Литейная, на углу Бассейной и у прочихъ торговцевъ. М. № 963 5—4

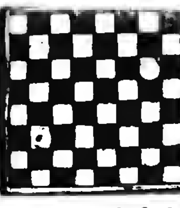
ИГРЫ: домино, шашки, шахматы рулетки съ игральными досками всѣхъ величинъ, столовый крокетъ, звонки, тиволи и т. п. предлагаютъ въ большомъ выборѣ оптомъ и въ розницу

GUSTAV LIEPE & C°,

Berlin, C. Grünstrasse, № 22.

Прейсъ-куранты безплатно разсылаются франкированные.

Высылка немедленно по полученіи денегъ.

4475 № 1062 3—2

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія

ТИМОЛОВЫЕ ПРЕПАРАТЫ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ.

Въ С.-Петербургѣ, въ магазинахъ лабораторіи.

Толмазовъ пер., противъ Гостинаго двора, д. 2.—На Петербургской стор., по Больш. пр., д. 28.—на Литейномъ пр., близъ Пантелейм., д. 25.—въ Москвѣ, Тверская улица, домъ Малкіеля.

Тимоловый зубной эликсиръ 1 руб. } предохраняютъ зубы отъ порчи и гніенія,
Тимоловый зубной порошокъ 60 коп. } уничтожаютъ дурной запахъ во рту.
Тимоловый туалетный уксусъ 75 коп., уничтожаетъ всякіе міазмы.
Тимоловое туалетное мыло 35 к. противъ сыпи и угрей.

Тимоловые препараты превосходятъ своими достоинствами всѣ до сихъ поръ изобрѣтенныя зубныя и анти-эпидемическія средства.

Каждый экземпляръ **тимоловыхъ** препаратовъ снабженъ **фабричною маркою С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, утвержденной правительствомъ.**

Также продаются въ **С.-Петербургѣ:** въ магазинахъ *С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, Толмазовъ пер.*, противъ Гостинаго двора, домъ № 2 и на *Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту,* противъ Гулярной улицы, домъ № 28.

Въ *Русскомъ Обществѣ Торговли аптекарскими товарами,* по Казанск. улицѣ.

У гг. *Штоль и Шмидтъ,* Кирпичный переулокъ, у г. Оскаръ Гертхенъ, Казанская, 37.

Въ Москвѣ, *Отдѣленіе С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, по Тверской улицѣ,* домъ Малкіеля.

Въ Харьковѣ, въ складѣ Русскаго Общества торговли Аптекарскими Товарами, въ *Кіевѣ,* у г. И. Ф. Пастухова, въ *Одессѣ,* у г. Вилліама Вагнера.

Гг. ТОРГОВЦАМЪ значительная скидка. **ОПТОВАЯ ПРОДАЖА** производится въ складахъ С.-Петербургской техно-химической лабораторіи, въ С.-Петербургѣ, по Толмазову пер., д. № 2 и въ Москвѣ—Тверская, домъ Малкіеля.

Подробные прейсъ-куранты оптовые и розничные высылаются немедленно и безплатно изъ конторы С.-Петербургской техно-химической лабораторіи. въ С.-Петербургѣ, Толмазовъ пер., д. № 2, куда и просятъ гг. иногородныхъ покупателей адресовать свои письма и требованія. К. № 1054 2—2

ПАТЕНТОВАННЫЯ
БЕНЗИНО-ГАЗОВЫЯ КУХНИ
съ регуляторомъ пламени,
ДИТРИХА и КЕЗЕВИЦА въ Гамбургѣ,
особенно пригодны для домашняго употребленія, горятъ безъ фитиля, безъ запаха, копоти и совершенно безопасны.
Агентство для Россіи и складъ у Р. НИППЕ,
С.-Петербургъ, Демидовъ переулокъ, домъ № 2, уголъ Мойки.
ОПИСАНІЕ СЪ ПРЕЙСЪ-КУРАНТОМЪ БЕЗПЛАТНО.

К. № 1071

ПРИРОДА
IX и ГОДЪ.
ОХОТА.

Выходитъ ежемѣсячно, книгами до 250 страницъ, съ политипажами въ текстѣ и 2—3 отдѣльными рисунками (частію хромолитографированными) въ каждой книгѣ. Въ январѣ будетъ разослана годовымъ подписчикамъ большая *олеографія*, исполненная въ Берлинѣ, съ оригин. рисунка, заказаннаго редакціей: **„Привалъ охотниковъ“.**

Подписная цѣна: на годъ **13 р.**, съ пер. **14 р.**, на полгода **7 р.**, съ пер. **8 р.**

Лицамъ, **подписавшимся на 1881 годъ до 1-го января въ редакціи** (а не въ книжн. магазинахъ) выдаются немедленно или высылаются въ январѣ (вмѣстѣ съ преміей 1881 года) литографир. портретъ *С. Т. Аксакова* и двѣ *большія гравюры*, исполненныя въ Парижѣ (Парфорсная охота). Подписка въ разсрочку допускается за ручательствомъ казначеевъ или по соглашенію съ редакціей, съ правомъ полученія преміи по уплатѣ всѣхъ подписныхъ денегъ.

Подписка отъ иногороднихъ принимается исключительно въ редакціи (Москва, Тверская, Пименовскій пер. д. Коровина).

Ред. Изд. **Л. П. Сабанѣевъ.**

Журналъ **«Природа и Охота»** за 1878 и 1879 гг. можно получать по 10 р. за годъ (на пересылку каждаго года прилагается за 10 ф. по разстоянію).—**«Журналъ Охоты»** и Сборникъ **«Природа»**, издававшіеся до 1878 года отдѣльно, продаются: немногіе оставшіеся экземпляры Журнала Охоты 1874—1877 гг. (7 томовъ, съ 46 хромо- и литографіями) за 25 р. (перес. за 20 ф.); Журналъ Охоты 1875—1877 гг. безъ отдѣльныхъ рисунковъ за 12 руб. и по 4 руб. за годъ (пересылка за 17 ф.); Сборникъ «Природа» за 1873—1877 гг. (17 томовъ съ 1400 рис. въ текстѣ) съ 100 хромолитогр. и литографіями за 25 р. (вмѣсто 53 р.); съ 50 приложеніями за 15 р. На пересылку каждаго экземпляра Сборника по почтѣ прилагается за 1 пудъ 5 фунтовъ, по разстоянію; можно пересылать черезъ транспортныя конторы, съ переводомъ платежа и уплатой пересылочныхъ денегъ на мѣстѣ. № 1067 3—1

Изданіе А. СТАРЧЕВСКАГО.

Открыта подписка на полученіе въ 1881 г.

ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ
„СОВРЕМЕННОСТЬ“
(Политическая, общественная и литературная),
СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ
(Романы, повѣсти и статьи научныя).

Подписная цѣна съ пересылкою семь рублей.

Съ прилож. 6 олеогр. картинъ 8 руб

Адресъ редакціи: Спб., Свѣчн. пер. д. 9, кв. 18. № 1075

„НУВЕЛЛИСТЪ“
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
СЪ МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНОЮ ГАЗЕТОЮ.

Съ 1-го января 1881 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступая въ 42-й годъ своего существованія, будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями отъ 30—35 страницъ избранной музыки. Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два новыхъ танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„НУВЕЛЛИСТЪ“ Музыкально-Театральная Газета будетъ выходить ежемѣсячно въ продолженіи музыкальнаго сезона: въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ и состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкальная хроника: отчеты о новыхъ операхъ и концертахъ. 3) Возможно полный сводъ статей, касающихся музыки и сценическаго искусства. 4) Фельетонъ.

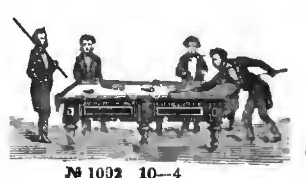
Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики „НУВЕЛЛИСТА“ получатъ въ концѣ года **ПРЕМІЮ**—полную оперу въ двѣ руки, или другія сочиненія по ихъ выбору изъ 70-ти нумеровъ указанныхъ Редакціею

Цѣна годовому изданію музыкальнаго журнала „НУВЕЛЛИСТЪ“ съ Музыкально-Театральною Газетою и преміею 5 р. Съ доставк или пересылк 6 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальномъ магазинѣ **М. Бернарда**, поставщика Двора Его Величества, Невскій просп., № 10. **Въ Москвѣ**: въ музыкальномъ магазинѣ **А. М. Гутхейль** Поставщика Двора Его Величества, Кузнецкій мостъ, д. Юнкера. **Въ Казани**: въ музыкальномъ магазинѣ **„Восточная Лира“**. **Въ Харьковѣ: у Гергарда.**

№ 992 2—2

№ 1092 10—4

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Измайловскій полкъ, не далеко отъ Троицкаго собора, по Троицкому проспекту, соб. домъ, № 13.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА
„БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ“
(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, **по возможности**, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный**.

Въ концѣ года, подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія“** будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ:
- Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8** руб.
- Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . . **8** — **50** коп.
- Съ пересылкою **иногороднымъ** . . . . . **9** — —

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. а къ 1-му Мая остальныя.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ **Исакова. Въ МОСКВѢ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Бучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ, въ редакцію журнала Библіотека для чтенія**, *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: **иногороднихъ** *исключительно* **въ редакцію**, а **городскихъ** въ **СПБ.** въ книжный магазинъ **Бортневскаго**, *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.*; въ **Москвѣ**: *въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова.*

№ 1006 На 1880 годъ подписка еще продолжается. Ц. 6—2

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ
„ПОРЯДОКЪ“
подъ общею редакціею съ журналомъ „Вѣстникъ Европы“ и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки:	Съ достав.	Съ пер.	За границ.
Три мѣсяца.	3 р. 50 k.	4 р.	5 р.	7 р.
Полгода	7 „ — „	8 „	9 „	13 „
Годъ	14 „ — „	16 „	17 „	25 „

Мѣсяцъ: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 k. за границей 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—излишня; такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается, для иногородныхъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я линія, 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. Стасюлевичъ.** № 994 5—4

„СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО и ЛѢСОВОДСТВО“
ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ,
и **„ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“.**

Въ **1881** г., какъ и въ предшествующіе годы, **Журналъ** будетъ выходить ежемѣсячно книжками, каждая не менѣе **10** листовъ, а **Газета** еженедѣльно въ 4 д. л. большаго формата, въ **16** стр., или **32** столбца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ.	журналъ.	газета.	журн. съ газет.
Съ пересылкою	4 р. 50 к.	3 р. 90 к.	6 р. 15 к.
Съ доставкою въ С.-Петерб. . .	4 „ 50 „	4 „ — „	8 „ 50 „
Безъ пересылки и доставки . . .	4 „ — „	3 „ — „	7 „ — „
На полгода.			
Съ пересылкою	2 „ 50 „	2 „ 20 „	4 „ 35 „
Съ доставкою	2 „ 45 „	2 „ 20 „	4 „ 45 „
Безъ пересылки и доставки . . .	2 „ 20 „	1 „ 70 „	3 „ 70 „

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: въ Конторѣ Редакціи (С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 23).

Въ концѣ ноября текущаго года поступитъ въ продажу:

КАЛЕНДАРЬ и СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА
ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ НА **1881** ГОДЪ.

Редактирована **Ѳ. А. Баталинымъ**, при содѣйствіи Ѳ. К. Арнольда, А. Ѳ. Баталина, Ѳ. Ѳ. Баталина, А. М. Бутлерова, К. К. Вебера, А. С. Ермолова, В. Э. Иверсена, Н. Л. Карасевича, В. И. Ковалевскаго, Э. Л. Регеля, А. И. Щевуна, Д. Д. Шилова, Г. В. Штрика, В. В. Черняева, К. Б. Хлюдзинскаго и др.

изданіе книгопродавца-издателя **А. Ф. ДЕВРІЕНА.**

Свыше 35 печатныхъ листовъ въ 8 д. л, самаго мелкаго шрифта. Въ коленкоровомъ переплетѣ. **Цѣна** для *подписчиковъ* на журналъ „Сел. Хоз. и Лѣс.“ или „Земл. Газету“ **1 р. 75 к.** съ пересылкою или доставкою; *въ отдѣльной продажѣ* **1 р. 75 к.** безъ пересылки или доставки и **2 руб.** съ пересылкою.

Ptr. № 1056. 1—1

Дозволено цензурою СПБ. 4 Декабря 1880 г. Изданiе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ. Тип. Балашева, Ахм. пер. № 10.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 моди. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 13 Декабря 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1881 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“.

Безъ доставки въ Петербургѣ . **4 р.** | Съ доставкою въ Петербургѣ . . **5 р.** | Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. магаз. гг. Шапошникова, Соловьева, Лангъ, Девяткина и Живарева. **5 р.** | Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . **6 р.** | За границу . . . **8 р.**

Просимъ гг. ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ НЕ ЗАМЕДЛИТЬ ВОЗОБНОВЛЕНІЕМЪ подписки, такъ какъ, при общемъ числѣ 55,000 подписчиковъ, приготовленіе ПЕЧАТНЫХЪ АДРЕСОВЪ требуетъ много времени.

Подписка на 1880 г. продолжается. Подписавшійся получаетъ журналъ съ перваго номера со всѣми преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

Усыпальница царской семьи Годуновыхъ. Ориг. рис. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Усыпальница Годуновыхъ у Троицы-Сергія.

(Къ рисунку Гнѣдича).

Семья Годуновыхъ является на страницахъ нашей исторіи какимъ-то метеоромъ: внезапно блеснула и исчезла безъ слѣда. Добившійся исключительно своимъ умомъ царскаго престола, Борисъ Ѳеодоровичъ, глубокій ревнитель просвѣщенія, „цвѣтущій благолѣпіемъ, видомъ и разумомъ людей превосходящій, мужъ чудный и краснорѣчивый"—его жена, какое-то легендарное существо изъ рода Скуратовыхъ-Бѣльскихъ, его несчастный, варварски умерщвленный, сынъ Ѳедоръ и, наконецъ, симпатичный образъ обезчещенной Самозванцемъ его дочери, красавицы-Ксеніи,—все это составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ главъ русской исторіи, полную самыхъ сильныхъ романическихъ положеній и событій. Въ связи съ возвышеніемъ и паденіемъ Годуновыхъ исторія разсказываетъ таинственную повѣсть о призракѣ царевича Дмитрія, не то убитаго, не то живаго,—не то мирно почіющаго въ Угличкомъ соборѣ, не то торжественно вступающаго на іоанновскій престолъ, признаннаго даже своею матерью за роднаго сына. Событія путаются, сплетаются; много неяснаго и неточнаго кроется въ изложеніи ихъ,—большинство мотивовъ событій—только гипотезы, гаданія историковъ и лѣтописцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, виновенъ-ли Борисъ въ смерти Дмитрія,—на это прямаго отвѣта мы не имѣемъ и до сихъ поръ. Подсылалъ-ли онъ убійцъ къ ребенку и черезъ трупъ его смѣло намѣревался перешагнуть къ трону, или справедливъ былъ розыскъ Василія Шуйскаго (заклятаго врага Бориса),—и показанія мамки, кормилицы и четырехъ сверстниковъ царевича вѣрны: мальчикъ игралъ въ свайку, и въ припадкѣ чернаго недуга закололся? Наконецъ,—быть можетъ справедливо предположеніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что Лжедимитрій I былъ истинный сынъ Грознаго? Повторяемъ—мы ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ прямаго отвѣта не имѣемъ.

Передъ нами только факты: вчерашній бояринъ, крещеный мурза, Годуновъ добивается того, что дворъ и духовенство на колѣняхъ молятъ его принять царство. Народъ, подъ его властью, освобождается отъ податей, купцы отъ пошлинъ, смертная казнь оставлена только для разбойниковъ, нищіе получаютъ хлѣбъ, голодные—работу... Въ монастыри рѣкой льются милости и дары...

Умираетъ Борисъ внезапно, отъ неизвѣстной причины. Ему наслѣдуетъ сынъ, умный, начитанный, „знакомый съ географіей и всякимъ естествословіемъ"... Черезъ нѣсколько недѣль его вмѣстѣ съ матерью умерщвляютъ, а несчастную Ксенію оставляютъ на жертву Самозванца. Ревность Марины Мнишекъ изъ далекой Польши достигаетъ Москвы и несчастная царевна, превратившись въ старицу Ольгу, отсылается въ Бѣлозерскіе скиты. Тѣло Бориса вынимается изъ Архангельскаго собора и вмѣстѣ съ трупами сына и жены хоронятся за Неглинной, гдѣ погребали самоубійцъ. Вступаетъ на престолъ Шуйскій. Трупы вырываются, съ торжествомъ переносятся въ Троице-Сергіевскую лавру. Здѣсь-же хоронится впослѣдствіи и Ксенія, умершая въ далекой Владимірской обители,—и Годуновы исчезаютъ безъ слѣда.

Не даромъ Лавра была избрана мѣстомъ погребенія Годуновыхъ. Борисъ Ѳеодоровичъ осыпалъ своими благодѣяніями монастырь. Между древними образами иконостаса соборнаго храма до сихъ поръ первенствуетъ образъ Живоначальныя Троицы, обложенный Борисомъ въ 1600 году золотомъ и драгоцѣнными камнями, причемъ на одномъ камнѣ вырѣзано изображеніе Троицы. На лаврской колокольнѣ до сихъ поръ виситъ колоколъ *Годуновъ*, вѣсомъ въ 1850 пудъ. Въ ризницѣ хранятся сосуды и камни, пожертвованные Годуновыми, превосходныя пелены, шитыя искусными руками Ксеніи.

Въ какомъ-же видѣ теперь усыпальница царственнаго семейства? Сперва Годуновыхъ погребли на паперти Успенскаго собора. Потомъ паперть уничтожили,—теперь надъ ихъ останками неуклюже высится какая-то безобразная постройка, каменная, крытая кое-какъ желѣзомъ, и только надпись съ одного бока: „Усыпальница Годуновыхъ" гласитъ о томъ, сколько историческихъ воспоминаній связывается съ этимъ мѣстомъ.

Небрежное отношеніе администраціи Лавры къ мѣсту погребенія царей мѵропомазанниковъ, вѣнчанныхъ на царство,—положительно непростительно. Хотя-бы вспомнили, сколько золота, жемчуга и изумрудовъ пожертвовано ими, и подумали—не лежитъ-ли на монастырѣ нравственной обязанности поставить приличный памятникъ царственнымъ вкладчикамъ....

Три тысячи.

Разсказъ **Н. Боева.**

Дни все время стояли чудесные. Ровный, здоровый, смолистый воздухъ лился въ грудь. За Исютинской земской станціей мы попали уже въ такія глухія деревни и безконечные зеленые лѣса, въ какіе и не заѣзжалъ еще никто изъ „господъ" пріѣзжихъ. Говорили, что одинъ князь, увлекавшійся въ Петербургѣ мечтами объ отличной охотѣ и имѣвшій здѣсь большое оброчное лѣсное имѣніе, доѣхалъ до Исютина въ своемъ дормезѣ, къ которому нацѣпляли Богъ знаетъ сколько лошадей и на уносную посадили даже дѣвку. Но въ Исютинѣ онъ, морщась, напился изъ нечищеннаго самовара чаю, поворочалъ вилкою изъ своего несессера какую-то подозрительную яичницу и велѣлъ ѣхать обратно. Причемъ на крыльцѣ камердинеръ его, запустивъ руки въ карманы модныхъ брюкъ, сдѣлалъ нѣсколько весьма нелестныхъ замѣчаній о провинціи.

Дорога-бы очень могла наскучить, если-бы не оригинальность этой лѣсной глуши, этихъ пустынныхъ, но хорошо обстроенныхъ высокими избами, деревень, раскиданныхъ по берегамъ быстрыхъ свѣтлыхъ рѣчекъ или высокимъ обрывамъ холмовъ и если-бы не мой неутомимый въ разсказахъ попутчикъ. Онъ въ этомъ краю родился и состарѣлся, занималъ должности во всевозможныхъ учрежденіяхъ съ земскаго суда—и былъ въ данный моментъ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ—до учрежденія присутствія. Про него тоже ходило много сомнительныхъ разсказовъ, но они къ дѣлу не относятся и къ тому-же русскій, да еще уѣздный человѣкъ всегда не прочь „поддать", какъ говорится, о ближнемъ какой-нибудь анекдотецъ.

— А не пора-ли чайку попить? Тутъ видите-ли будетъ скоро деревня Азловка, тамъ у меня благопріятельница есть,—умная старуха и чисто очень у нихъ сказалъ мой спутникъ.

Я согласился, и черезъ нѣсколько минутъ выдвинулись изъ-за сосенъ тесовыя крыши и трубы лѣсной деревни. На крытомъ высокомъ крыльцѣ обширной, расписанной пестрыми рѣзными „полотенцами" избы, встрѣтила насъ высокая, красивая старуха, съ живыми темными глазами. Она держала толстаго, пучеглазаго внучка на рукахъ, низко поклонилась и очень приглашала зайти.

— Пожалуйте, господа, сейчасъ самоварчикъ наставлю—все есть: и сливки есть, и селяночку излажу.

Послѣ распросовъ о мужѣ и сынѣ ея, уѣхавшихъ на торгъ, послѣ несовсѣмъ приличныхъ, шуточныхъ разговоровъ съ красивой молодухой,—золовкой старухи—противныхъ разговоровъ, которые меня особенно всегда коробили своей неумѣстностью при поѣздкахъ съ мѣстными чиновниками, мы напились чаю и, простившись съ хозяйками, тронулись на отдохнувшихъ лошадяхъ дальше по ровной, лѣсной дорогѣ. Спутникъ мой проявилъ обычную разговорчивость.

— Богачи! говорилъ онъ; знаете у старика сколько смолокурокъ однѣхъ,—тысячники! Теперь сынъ орудуетъ больше—машину выписалъ изъ Москвы, какъ-же! Видѣлъ я,—хорошо съ машиной, и вѣдь какъ? Полторы тысячи не поморщился отвалилъ. Смолу къ верху везутъ, а сажу и московскіе покупаютъ. Старикъ умный и дѣловитый, а вѣдь помню, какой лядящій мальчишка былъ. Да это старуха все, все Анна! Всю семью держитъ и мужа образовала.

— Что-же это онъ все изъ ничего нажилъ?

— Нѣтъ, видите-ли, нето что изъ ничего, а тутъ та-

кія пригульныя три тысячи рублей были, онъ съ нихъ и началъ. Да, какъ вспомнишь, такая это исторія.

— Какая такая исторія? пожелалъ я узнать, радуясь новому, занимательному сокращенію долгаго пути.

— Давно было. Это, видите, еще при откупахъ .. И я, грѣшнымъ дѣломъ, съ откупами дѣльца по суду имѣлъ, ну знаете и знакомство. А исторія эта была именно, такъ сказать, по этому вѣдомству.

— Разскажите, пожалуйста. Интересно, что такое?

— Ничего особеннаго нѣтъ—такъ, глупость, продолжалъ онъ, подумавъ, а и теперь меня пробираетъ какъ вспомню. Тогда по этимъ мѣстамъ никто не ѣздилъ, дворяне поближе къ городу въ эку глушь никогда не попадали, вотъ только мы развѣ по службѣ, да вотъ откупные чиновники.

Нашу губернію держалъ тогда Махаевъ, ну извѣстный богачъ, вы вѣрно слышали... Сила! Губернскіе у откупа извѣстно были въ пріятностяхъ и откупные тогда таки пожили и пошаркали. Какъ теперь помню — ѣдетъ откупной ревизоръ на своей тройкѣ съ бляхами, колоколами звонитъ. На встрѣчу въ саночкахъ парой исправникъ. Съ тройки ревизоръ съ товарищами—ну извѣстно въ восторгѣ, знаете—кричатъ: „вали его въ снѣгъ!“ Налетѣла тройка, да такъ исправника торчкомъ въ сугробъ и поставили.

— Ну и что-же тотъ?

— Что? Ничего. Отряхнулся,—экіе вы, говоритъ, господа, шутники—развѣ такъ можно. Этакъ человѣка погубить недолго, простудить. „Врешь, кричатъ, иди къ намъ, согрѣемъ! Ну онъ съ ними всю ночь и курилъ. Разбойники были!

Присланъ былъ тогда отъ самого Махаева съ особыми полномочіями ревизорамъ ревизоръ. Чѣмъ ужъ онъ у Махаева заслужилъ, кто онъ такой? ничего не знаемъ. Только ѣдетъ громко, въ дормезѣ шестерикомъ. Сначала попугались было служащіе. Ну справочки навели. Фамилія Ландеръ, говоритъ про себя, что остзеецъ, выговоръ польскій, былъ офицеромъ, въ полку какая-то исторія вышла съ подсвѣчникомъ въ дѣйствіи—ужъ Богъ его знаетъ. Только просили выйти изъ полка. Мужчинище здоровый, пьетъ сильно и на разговоры всякіе склоненъ. Поуспокоились—ждутъ.

— Ну и что-же это за человѣкъ былъ?

— Да какъ вамъ сказать—безобразно! У насъ все бывало—и я куривалъ, а это, прямо сказать, безобразно. Да его-бы и Махаевъ убралъ, кабы онъ самъ не убрался на тотъ свѣтъ. Пріѣхалъ, со всѣми познакомился. Росту большаго, усищи черные, длинные, голова стриженая, и не могъ я никогда глаза эти видѣть! Большіе, да такіе пронзительные, противные какіе-то, Господь съ нимъ. А пѣлъ хорошо съ гитарой, голосъ чудный былъ—нечего говорить. Разумѣется, въ карты, и пьянство бывало безобразное. Тогда у насъ эта Ракитинская гостинница небольшая была — всѣ номера занялъ и двери во всѣхъ открылъ, чтобы никого больше не пускали. „Хочу, говоритъ, анфиладу.“ Довольно вамъ сказать, что за ужиномъ разъ потребовалъ, чтобы ввели въ номера лошадь. А онъ купилъ себѣ пару за тысячу рублей. Ввели и котлетой ее кормили и шампанскимъ обливали... Не хорошо было, что и говорить! Друзей много нашлось, деньгами соритъ зря.

Только какъ ѣхать по волостямъ, онъ у насъ и спрашиваетъ: „а что-же я найду-ли тамъ удовольствія въ жизни? Какова тамъ женственность?“ Мы еще и тогда его насчетъ этого остерегли. Говоримъ, вы еще тутъ по близости города ничего, а тамъ какъ будетъ въ глубь да къ лѣсамъ, да по лѣснымъ поселкамъ, тамъ баловства этаго не ведется—строго. Худаго-бы не вышло. Эхъ, вы! говоритъ, это вы только куры этакія! Погляжу я, какъ это они тамъ поведенцію ломаютъ. Вздоръ! Я вамъ, говоритъ, покажу! И поѣхалъ.

— Но однако онъ могъ, въ самомъ дѣлѣ, если такъ, попасть на непріятность...

— Нѣтъ, знаете. Тутъ ѣзда, кутежи и онъ какъ будто забылъ объ этомъ и ничего такого не дѣлалъ. Все-же ревизовалъ что-то, потомъ сейчасъ ему ужъ всегда обѣдъ, попойка, карты, а то спалъ. Опомнился онъ въ Исютинѣ, туда пріѣхалъ съ самоваромъ на козлахъ...

— Съ самоваромъ?

— Да; на предъидущей станціи онъ купилъ въ трактирѣ большущій самоваръ и велѣлъ его поставить и привязать къ козламъ, чтобы кипѣлъ. Такъ и ѣхалъ. Въ Исютинѣ будто опамятовался. Глаза красные, голова трещитъ. Опохмѣлился и эдакій довольно тихій, хмурый доѣхалъ до Азловки. Тутъ на бѣду и попадись ему Анютка. Пришла зачѣмъ-то къ нашего подвальнаго женѣ. Онъ ее и увидѣлъ.

— Это, говоритъ, что за красавица писаная? Кто такая? Вотъ такую-то я и искалъ. А надо вамъ сказать, Анютка тогда совсѣмъ дѣвчоночка была, такъ лѣтъ 16, сиротка Отецъ ея на баркахъ ходилъ, въ половодье потонулъ, мать давно померла, такъ ее къ себѣ взялъ дядя въ семью, по старому бурмистромъ былъ въ Азлѣ. Сѣдой такой, почтенный старикъ, умный былъ. И сиротка такъ-то пошла рости да хорошѣть, ну вотъ краля. Стройная, ровно сосенка, глазки такіе пріятные, щечки такъ вотъ и пышутъ... Тьфу ты, да что это я вамъ, старикъ, расписался. Любилъ я, грѣшный, хорошенькихъ глядѣть, и по этой сторонѣ ихъ таки есть, ну, а эдакой, какъ эта старуха тогда была,—не запомню. Тихая, да разумная, работница. Въ дому не нахвалятся ей и женихъ—ея старикъ теперешній—подъискался. Тогда совсѣмъ мальчишка былъ; изъ хорошаго дома паренекъ, и дѣло у нихъ ладилось.

Я ѣздилъ тогда съ Ландеромъ за попутку—провѣрялъ торговыя права по уѣзду—оно, знаете, дешевле, и веселѣе, человѣкъ онъ былъ тароватый. И еще съ нами кое-кто прицѣпился. Секретарь его, лакей, подвальные—цѣлый поѣздъ! Этотъ, что Ландеръ называлъ своимъ „секретаремъ“, особенно противный былъ. И ухмыляется-то передъ тобой, и юлитъ, а самъ такъ кажется какъ шпіонъ, тебѣ въ душу и заглядываетъ. Глазенки подлые, да узенькие, усишки щипанные какіе-то, вкрадчивый такой, и для Ландера готовъ на что угодно. Лакей, ну тотъ какой-то забитый парень былъ, споенный совсѣмъ человѣкъ.

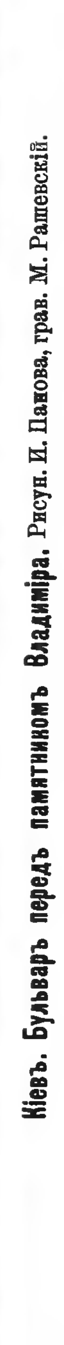
Какъ теперь помню, сидимъ мы, а эта дѣвчонка такъ скоро, скоро черезъ комнату пробѣжала. Ландеръ кричитъ: „давай ее сюда! Сейчасъ!“ Мы смѣемся, удерживаемъ, говоримъ „брось“. Ну однако не такой человѣкъ былъ. Онъ своего секретаря.

— Ты, спрашиваетъ, въ повиновеніи? „Въ повиновеніи и подчиненіи“. Поди, узнай все подробно, обревизуй и объ оной дѣвицѣ представь мнѣ точный докладъ. Кругомъ—маршъ! Понимаешь? А самъ будто вабылъ. Сѣли мы въ карты. Думалъ я, ну такъ обойдется, побахвалится—отойдетъ. И жаль мнѣ было старика-бурмистра. Не хотѣлось мнѣ, признаться, что бы что худое вышло. Старался я все Ландера заговорить да пить съ нимъ, чтобы свалился и забылъ.

Однако приходитъ и секретаришко съ докладомъ. Отводитъ въ сторону, слышу: старика нѣтъ, уѣхалъ за рѣку однѣ бабы да дѣти, а она молъ плачетъ.. Тоже ругаются...

Вижу, засѣло у него это въ головѣ. Боюсь, что выйдетъ. А у насъ это бывало. Разъ—правда давно—однако землемѣра такъ отвозили, на силу ноги унесъ, да и умеръ потомъ „отъ неизвѣстной причины“ и самъ молчалъ—не сказывалъ.

Легли мы наконецъ спать. Ландеръ велѣлъ себѣ на сѣновалѣ постлать—знаете здѣсь въ сѣняхъ у каждаго и сѣновалъ—а я въ комнатѣ; да такъ душно что-то бы-

Кіевъ. Бульваръ передъ памятникомъ Владиміра. Рисун. И. Панова, грав. М. Рашевскій.

Кіевъ. Крещатикъ. (Главнап улица). Съ фотогр. рис. Н. Каразинъ, грав. М. Рашевскій.

ло, не спалось; отворилъ я дверь въ сѣни и присѣлъ къ окошечку. Ночь такая тихая была, звѣздъ что высыпало, луна такъ и бьетъ въ глаза. Сижу я это, посматриваю и забылъ совсѣмъ и объ Ландерѣ и объ дѣвчонкѣ этой. Только слышу что-то шепчутся въ сѣняхъ. Ахъ, думаю, провалъ ихъ возьми. Неймется ему, вотъ поди ты! Потомъ затихло. А тамъ ужь такъ черезъ нѣсколько минутъ, слышу подъ соснами такіе скорые да тяжелые шаги съ улицы и словно кто бьется да плачетъ глухо такъ. Высунулся я въ оконце и такъ сердце у меня и захолонуло—вижу на рукахъ тащутъ трое человѣкъ что-то закутанное—темно подъ сосенками, не разглядѣть было въ тѣни, да я догадался, бросился къ сѣнямъ, тамъ ужь и свѣча горитъ и Ландеръ такой страшенный стоитъ—тѣнь огромная такая, такъ по стѣнѣ и качается. Глаза злые, усищи черные крутитъ, безъ сертука. Уйди! кричитъ на меня, чего ты вылѣзъ, не твое дѣло. Въ двери со двора барахтаются и лѣзутъ. „Толкай сюда, кричитъ, а тутъ ужь мое дѣло" и обѣ двери захлопнулъ. Пріотворилъ я дверь, смотрю, и жалко мнѣ, да боюсь какъ эдакой звѣрь, что съ нимъ станешь дѣлать? Убьетъ. Слышу, втолкнули ее, приперли дверь—упала она бѣдняжечка, встала, прижалась къ стѣнкѣ, рыдаетъ горько такъ.

— Что ты рюмишь дура, говоритъ, ты понимаешь, я отъ твоей красоты какъ полуумный сталъ. Все тебѣ отдамъ, что теперь есть у меня въ карманѣ, получай!

— Ничего мнѣ не надо, лепечетъ, пустите меня... Господи!

— Тысячу, понимаешь, двѣ... ну!

Она такъ-то задрожала и такъ заплакала и такимъ голоскомъ сказала эти слова, что я и теперь помню:

— Господи, да за что-жъ, говоритъ, такъ меня обижаютъ! Бѣдная я, беззащитная я сиротка.

Онъ вдругъ повернулся отъ нее въ сторону и заговорилъ:

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? Ты, говоритъ, глупая, меня какъ ножомъ рѣзанула... и она вотъ такимъ же голосомъ тогда сказала... Былъ я подлецъ, и есть подлецъ... Иди отсюда, да поскорѣе... Иди, иди! И вдругъ какъ сказалъ онъ эти слова, зашатался и хлопнулся во весь ростъ. И что съ нимъ приключилось, Господь его знаетъ—ударъ-ли, либо что—мужчинище былъ такой здоровый, развѣ пилъ ужь очень.

А Анюта такъ испугалась — добрая дѣвочка была— и къ нему бросилась и я бросился. Принесла она воды, намочила голову ему. Очнулся онъ да ужь и не вставалъ. Поводилъ, поводилъ глазищами своими, схватился за голову и застоналъ. Было это передъ разсвѣтомъ.

— Ахъ, говоритъ, больно, ломитъ—не жить мнѣ...

Увидалъ Анютку, что и она за нимъ ухаживаетъ. Блеснули глаза у него.

— И ты—здѣсь... Какъ же ты за мной ходишь... Ахъ ты дѣвочка, бѣдная ты дѣвочка! Сиротка она?.. говоритъ.

И опять впалъ въ безпамятство.

Не знаемъ съ нимъ что дѣлать. Доктора нѣтъ, глушь, увозить его боимся, хуже не было бы отъ дороги. Къ утру слышу какой-то говоръ, кто-то плачетъ. Крикъ слышу какой-то. Я на крыльцо. А около виннаго складу, гдѣ мы жили, ужь народъ собрался, старики и женихъ-то Анюткинъ мальчишка, ревётъ, заливается. Совсѣмъ мальченка былъ, едва ли девятнадцатый годокъ пошелъ.

— Сюда, говоритъ, поволокли. Старика то у нихъ де въ дому нѣту, бабы голосятъ... Срамъ! Господи, срамотушка...

— Что же, господа, старики толкуютъ, это не ладно, бумагу ты свою пиши а такъ не ладно... не показано... чтобы въ честномъ дому... Не хвалятъ... Ишь ревизоръ какой!

Секретаришка выскочилъ этотъ „молчать, кричитъ, разбойники!" Ему отвѣчаютъ однако.

— Нѣтъ, это вы, говорятъ, разбойники-то наѣхали ишь сюда. Да еще и кто вы такіе—мы вашихъ правовъ доищемся. Вижу у него съ ними добра не выйдетъ. Иду къ старикамъ, говорю: чего вы! И ревизоръ-то этотъ самый почитай умираетъ и дѣвку не обижали—она уйдетъ сейчасъ домой. Она сама ему теперь голову примачиваетъ.

— Какъ сама?.. Не обижали? Умираетъ. Чего это ты морочишь насъ, что ты батюшка...

— Да вы меня знаете?..

— Тебя то мы знаемъ... А только нигдѣ такихъ ревизоровъ не показано, чтобы разбоемъ—это мы управимся... поди ты, наѣхали...

Вижу народъ съ батожьемъ, мѣсто глухое, лѣсное; дѣла эти хоть давно, да бывали... Думаю, вотъ въ исторію впутался, прахъ его возьми, этаго ревизора! Очень мнѣ нужно, что потомъ будетъ произведено строжайшее слѣдствіе и что трупъ мой вскроютъ и найдутъ въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ кровяные подтеки и поврежденія надкостной плевы...

— Да чтожъ, говорю, хозяева, коли сумнѣваетесь, взойдите въ складъ, глядите сами—человѣкъ кончается и никакаго дѣла худаго не было. Не попустилъ Господь.

Послушались, вошли человѣкъ шесть стариковъ. Какъ затопотали они, онъ будто очнулся, опять видитъ Анютка ему на головѣ ледъ держитъ. Тихо такъ заговорилъ онъ.

— Держи, говоритъ, держи! Не долго мнѣ. Ужь это у меня второй разъ. Вотъ старики... конецъ приходитъ...

Тѣ такъ головами покачиваютъ, сомнѣваются и на Анютку поглядываютъ. А изъ двери женихъ ея подвысунулся.

— Да она то, коли такъ, тутъ почто же? спрашиваютъ.

— А вотъ кончается, проситъ чтобы посидѣла, голову примачиваетъ...

— Опять же это не дѣло—чего же дѣвкѣ ходить ревизорамъ головы примачивать... Да старика-то ихняго вотъ на грѣхъ нѣтъ, а бабы извѣстно... что...

Онъ опять ихъ такъ, ровно тянетъ слова, перебиваетъ:

— Вотъ и кстати тутъ вы. Слушайте! Есть мое желаніе передъ смертью... Деньги какія у меня съ собой, чтобы ей отдать... Обидѣлъ я дѣвочку кровно! Наградить хочу...

Анютка этто въ сторону отскочила, плачетъ.

— Господи, да подите вы съ деньгами...

— Этто за что же ей такъ-то...

— За что? Она хорошая, а я ее кровно обидѣлъ... Что-жъ въ деньгахъ моихъ ты мнѣ будешь указывать... Держи! говоритъ ей и самъ пачку протягиваетъ.

— Не надо мнѣ! Охъ стыдобушка мнѣ горькой...

Плачетъ дѣвка, не беретъ.

— Ну старикъ, говоритъ больной одному такому сѣдому Миронычу—хорошій былъ старикъ! держи ты и отдай бурмистру. Такъ и скажи, молъ, это Анюткины деньги...

— Для чего не взять... Я отдамъ... Чтобы только послѣ чего не было. Деньги чужія...

— Ничего не будетъ! Ну... вы всѣ свидѣтели!

— Да что же мы... дѣйствительно... свидѣтели.

Такъ и отдалъ старику что съ нимъ было, а было съ нимъ до трехъ тысячъ всего! Вонъ какую штуку удралъ!

И ужь что за злость въ глазахъ узенькихъ была у этого секретаришки. Шепчетъ мнѣ: не въ здравомъ умѣ... нельзя такъ.. Я будто не слышу. Очень ужь противенъ мнѣ былъ... Тутъ Ландеръ сталъ метаться да стонать, кровь горломъ пошла... Пилъ онъ всегда шибко... Старики съ деньгами долго еще топтались, сомнѣвались... секретаришка ругается... Анютка не знаетъ куды ей идти и что дѣлать. Такое было дѣло!

— Ну и что же потомъ?

— Да что потомъ? Ну, Ландеръ этотъ умеръ, прислали другаго ревизора, тихій такой, непьющій—въ два года нажился, уѣхалъ. Анютка за свово мальчишку замужъ вышла... Больше то ничего не было... Что же еще?..

Бой среди океана.

Разсказъ Р. Вернера.

Былъ прекрасный солнечный день; малѣйшій вѣтерокъ не тревожилъ моря и солнечные лучи сверкали на прозрачныхъ синихъ волнахъ. Я былъ свободенъ и только что успѣлъ углубиться въ чтеніе стараго календаря, который нашелъ въ сундукѣ у повара и съ содержаніемъ котораго знакомилъ своихъ товарищей, какъ вдругъ зловѣщія слова работавшаго въ такелажѣ матроса о близкомъ прибоѣ, встревожили насъ.

Всѣ вскочили и глядѣли по указанному направленію. Отъ насъ на разстояніи не болѣе двухъ миль волны заколебались. Капитанъ долго и внимательно наблюдалъ въ зрительную трубу.

— Непонятно! сказалъ онъ, покачавъ головою. На сто миль кругомъ карты не указываютъ ничего опаснаго; здѣсь я ходилъ уже разъ десять, никогда ничего не бывало, а между тѣмъ это настоящія скалы передъ нами. Отъ пяти до шести скалъ высились надъ водой и волны, пѣнясь, разбивались о нихъ.

Между тѣмъ взошелъ на палубу и боцманъ.—Это не прибой и не скалы, сказалъ онъ рѣшительно.

— А что-же это такое?

— Киты, отвѣчалъ боцманъ.—Вы принимаете это за скалы, но это плавники и хвосты. Они играютъ и бьютъ ими по водѣ, такъ что оно похоже на прибой волнъ.

Сообщеніе было выслушано съ сомнительными улыбками, но скоро мы убѣдились, что старый китоловъ правъ.

— Это цѣлое стадо! продолжалъ онъ. Вспоминая прежнія свои схватки съ великанами океановъ, онъ все болѣе воодушевлялся.—Взгляните на громадный плавникъ въ серединѣ, возвышающійся надъ всѣми остальными, это самый старый китъ съ цѣлымъ стадомъ самокъ. Жаль, нѣтъ у насъ канатовъ—можно было бы ими заняться и мы нажили бы нѣсколько тысченокъ талеровъ. Киты что-то веселы и мы могли-бы подойти къ нимъ шаговъ на пять незамѣченные. Вотъ задышалъ старикъ! Что за громада, должно быть—навѣрно не меньше шестидесяти футъ! воскликнулъ боцманъ въ полномъ экстазѣ. Сильная струя тонкаго пара поднялась на воздухъ и засверкала на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги. Это было какъ-бы сигналомъ и все стадо исчезло внезапно съ поверхности моря. Почти въ то же время показалось до десяти хвостовъ и исполинскія животныя нырнули въ бездонную глубину.

— Они опять явятся, успокоилъ насъ боцманъ, когда мы выразили по этому поводу сожалѣніе, и скоро будутъ отъ насъ близко. Китъ выходитъ всегда въ направленіи, противоположномъ тому, куда ушелъ. Они были, впрочемъ, чѣмъ-то испуганы, а то никогда не прекращаютъ игры такъ вдругъ.

Съ нетерпѣніемъ прождали мы еще четверть часа, какъ вдругъ снова поднялся паръ сперва сильно, затѣмъ черезъ небольшіе промежутки до шести разъ, уже меньшими струями. Какъ боцманъ предсказывалъ, такъ и вышло: показалось снова все стадо и къ тому же близко отъ корабля на разстояніи не болѣе трехъ сотъ шаговъ.

Какъ будто по командѣ побѣжали мы всѣ, съ капитаномъ во главѣ, на такелажъ, чтобы лучше видѣть. Я держался поближе къ боцману, который лучше всѣхъ могъ удовлетворить наше любопытство. Благодаря близкому разстоянію и прозрачности воды, мы видѣли китовъ такъ хорошо, какъ будто они были передъ нами. Каждую часть ихъ тѣла—громадную голову съ гигантскою пастью, плавники, даже груды раковинъ, присосавшихся на ихъ спинахъ, могли мы хорошо разглядѣть.

Новизна и интересъ этаго зрѣлища чрезвычайно заняли меня и я даже вздрагивалъ отъ волненія. Стадо состояло изъ восьми штукъ, самца и семи самокъ; дѣтенышей не было. Самецъ былъ громаденъ. Самки казались гораздо меньше и были всѣ одинаковой величины. Всѣ тѣснились другъ къ другу, а самецъ занималъ съ боку такое положеніе, какъ-бы хотѣлъ заслонить стадо отъ чего-то. Они почти не двигались съ мѣста, плавники и хвосты незамѣтно колыхались и лишь изрѣдка наклонялся одинъ или другой, такъ что показывалась часть бѣлаго брюха.

— Это что-то непонятное, заговорилъ боцманъ снова, это вовсе не въ нравахъ китовъ держаться такъ долго въ одномъ мѣстѣ, этого я никогда не видѣлъ.

— Можетъ быть они видятъ нашъ корабль и боятся его, возразилъ я.

— О, нѣтъ! кораблей они не боятся, въ этомъ я убѣдился въ Южномъ океанѣ. И до сихъ съ содроганіемъ вспоминаю я объ этомъ—нѣтъ, тутъ должна быть другая причина! Посмотрите на самца!

Китъ съ быстротою молніи вышелъ изъ своего оборонительнаго положенія, бросился влѣво, описавъ четверть круга и приблизился къ кораблю на пятьдесятъ шаговъ. Въ то же время поднялись хвосты самокъ; онѣ начали хлестать ими шумно по водѣ и погрузились затѣмъ почти перпендикулярно въ море.

— Это ужъ не игра, сказалъ боцманъ, это что-то очень серьозное—какой нибудь страшный непріятель долженъ быть по близости. А! Я не ошибся, вотъ онъ! Мечъ-рыба!

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и увидѣлъ замѣченныхъ боцманомъ рыбъ. Ихъ было шесть, отъ 15 до 16 футъ длиною; онѣ выходили изъ подъ нашего корабля и направлялись къ очевидно ожидавшему ихъ киту. Въ то же мгновеніе, однако, какъ мы ихъ замѣтили, онѣ раздѣлились, только двѣ удержали прежнее направленіе, остальныя же отклонились направо, вѣроятно для преслѣдованія удалявшихся самокъ. Первыя двѣ, шагахъ въ десяти одна отъ другой, направлялись къ киту съ боковъ—черезъ нѣсколько секундъ онѣ должны были достигнуть до него и тогда бы онъ погибъ. Но произошелъ тотъ же непонятно быстрый поворотъ, въ этотъ разъ направо; голова громаднаго животнаго исчезла и хвостъ съ страшной силой ударился о поверхность воды.

Аттака мечъ-рыбъ не удалась, а одна изъ нихъ уже не могла продолжать борьбу; она лежала на боку, плавники ея еще двигались, но она была вѣроятно тяжело ранена, ибо уходила очень медленно. Вторая рыба осталась невредима, мы видѣли, какъ она съ замѣчательной быстротой вынеслась изъ запѣнившейся вслѣдствіе удара ея хвоста воды, поплыла налѣво и исчезла.

Китъ стоялъ неподвижно въ водѣ и такъ близко отъ насъ, что мы смотрѣли на него почти въ упоръ. Онъ выпускалъ струями воздухъ, будто собираясь съ силами для продолженія боя. Слышался какъ бы сверхъестественный звукъ трубы, но благодаря близкому разстоянію мы ясно видѣли, что изъ головнаго отверстія выходилъ только паръ безъ воды. Водяныя капли не падали на поверхность моря.

— Браво, браво! восклицали мы, свидѣтели необыкновеннаго боя. Ура! Китъ побѣдилъ!

Китъ повернулъ немного голову къ намъ, но остался на томъ же мѣстѣ и огромная спина его возвышалась на нѣсколько футъ надъ водою.

— Подождите, подождите, говорилъ боцманъ, бой еще не кончился. Вы не знаете мечъ-рыбу, она не сдается такъ скоро. Старый китъ хорошо это знаетъ; посмотрите, какъ онъ внимательно озирается.

Едва кончилъ боцманъ, какъ произошло новое нападеніе, но въ этотъ разъ не съ той стороны, съ которой ожидалъ китъ. Мечъ-рыба описала полный полукругъ и вернулась съ подкрѣпленіемъ, чтобы возобновить атаку. Атаки мы не видѣли, но увидѣли ея изумительныя послѣдствія. Китъ всѣмъ тѣломъ подскочилъ такъ высоко, что даже брюхо его было на нѣсколько футъ надъ поверхностью моря, и ударился съ такимъ шумомъ и такой страшной силой обратно въ воду, что отъ паденія его образовалось цѣлое море пѣны и доносило волны вплоть до нашего корабля.

Въ то же мгновеніе какъ былъ сдѣланъ отчаянный прыжокъ, мы увидѣли трехъ мечей-рыбъ, выскочившихъ изъ-подъ кита на разстояніи до восьми футовъ одна отъ другой. Вслѣдъ затѣмъ онѣ исчезли въ пѣнѣ. Было очевидно, что китъ не успѣлъ отразить нападеніе ударомъ хвоста и долженъ былъ спасаться прыжкомъ изъ воды. Мечъ-рыбы не достигли такимъ образомъ своей цѣли. Второй періодъ страннаго боя кончился и новое „ура" въ честь кита раздалось на нашемъ кораблѣ.

— И все же онъ погибъ, сказалъ боцманъ; вѣдь ихъ три противъ однаго, остальныя двѣ тоже вернутся и тогда ему не уйти живымъ. Жаль славной ворвани, прибавилъ онъ. Онъ смотрѣлъ на дѣло съ точки зрѣнія китолова, между тѣмъ какъ мы сочувствовали киту. Слова боцмана скоро сбылись. Бой снова возгорѣлся и обѣ стороны вели его съ равнымъ ожесточеніемъ. Къ сожалѣнію мы не могли видѣть всѣхъ подробностей, но насколько борьба была отчаянна, мы судили по быстрымъ движеніямъ кита, по колыханію воды, взбаломученной сильными ударами хвоста, по частымъ перемѣнамъ мѣста боя, то непосредственно около корабля, то на разстояніи пятисотъ шаговъ и болѣе отъ насъ. Мечъ-рыбъ мы затѣмъ почти вовсе не видѣли; онѣ плыли гораздо ниже кита, потому что нападенія свои онѣ направляли на самыя уязвимыя части подъ брюшными плавниками, а бѣшеные прыжки кита такъ мутили воду, что мы къ несчастію не могли слѣдить за ихъ движеніями. Только иногда одна изъ нихъ показывалась надъ поверхностью, избѣгая, вѣроятно, роковаго удара хвостомъ.

Такимъ образомъ продолжался ужасный бой. Мы слѣдили, сколько намъ можно было, за его подробностями уже минутъ десять, какъ произошла катастрофа. Снова раздался какой-то трубный звукъ и изъ головнаго отверстія кита высоко подня-

лась струя пара, но лучи солнца не искрились въ немъ радужнымъ блескомъ, ибо паръ былъ перемѣшанъ съ кровью. Китъ былъ смертельно раненъ непріятелемъ. Какъ бѣшеный кружился онъ, торча иногда одной половиной надъ водою и сильно ударяя хвостомъ. Затѣмъ онъ сильно подскочилъ и подъ нимъ висѣла мечъ-рыба, которую онъ вмѣстѣ съ собою увлекъ на воздухъ, чтобы при паденіи, самъ издыхая, разможжить ее тяжестью своего исполинскаго тѣла. Еще разъ испустилъ гигантъ высокую струю крови, послѣдовало три, четыре страшныхъ удара по водѣ и все стихло. Море успокоилось и громадное тѣло кита плавало бездыханно на его поверхности. Получивъ первую рану, онъ было такъ далеко удалился отъ корабля, что мы только отрывками видѣли конецъ подводной битвы, но не могли подавить чувства сожалѣнія, что царь морей, такъ храбро защищавшійся, все-же былъ побѣжденъ. И боцманъ выразилъ сожалѣніе, однако, о томъ, что на кораблѣ не нашлось бочекъ для драгоцѣнной ворвани.

— Въ немъ не менѣе трехъ сотъ тоннъ, это великолѣпнѣйшій китъ, а вотъ теперь все пойдетъ акуламъ на съѣденіе, жаловался онъ. 1500 талеровъ пойдутъ такимъ образомъ къ чорту, и къ тому же это къ несчастью кашалотъ, въ противномъ случаѣ мы въ какой-нибудь часъ нажили-бы груду денегъ.

— Это какимъ способомъ? спросилъ я, не понявъ смысла послѣдняго замѣчанія.

— У кашалота нѣтъ уса, отвѣчалъ онъ, только одни зубы въ нижней челюсти, которыми, впрочемъ, не мало бѣдъ можетъ надѣлать. Все это я видѣлъ и могъ многое разсказать по этому поводу; теперь, однако, сойдемъ на палубу и попросимъ у капитана лодку. Добудемте по крайней мѣрѣ кусокъ языка, это прекрасное блюдо и всѣмъ понравится послѣ вѣчной солонины.

Торопясь какъ можно скорѣе спуститься на палубу, а также желая показать свою ловкость передъ боцманомъ, я не воспользовался лѣстницей, а соскользнулъ по канату. Движеніе было такъ сильно, что я содралъ себѣ всю кожу съ ладони.

— Браво, вотъ такъ ловко! воскликнулъ боцманъ. Вотъ видишь ли, современемъ ты будешь пожалуй порядочнымъ малымъ.

Похвала эта обошлась мнѣ слишкомъ дорого; отъ боли я крѣпко стиснулъ зубы, но разумѣется не выдалъ себя, чтобы не сдѣлаться посмѣшищемъ всѣхъ. Капитанъ позволилъ боцману взять шлюпку, чтобы отрѣзать кусокъ языка, и я принялъ участіе въ поѣздкѣ. Рѣдко приходилось мнѣ испытать такую боль, какъ при этой поѣздкѣ, потому что дерево веселъ соприкасалось къ голому мясу ободранныхъ рукъ моихъ, но я стерпѣлъ адскую боль со стоицизмомъ, достойнымъ индѣйца, чтобы извлечь на будущее время полезный урокъ.

Мы нашли кита лежащимъ на боку среди окрашенной кровью воды. Онъ имѣлъ болѣе шестидесяти футъ въ длину; особенно поразила меня громадная голова, занимавшая, казалось, третью часть всего тѣла. На животѣ было четыре тяжелыхъ раны, три изъ нихъ болѣе горизонтальныя, четвертая же, смертельная, была нанесена удачнымъ ударомъ снизу. Она, вѣроятно, и заставила кита сдѣлать послѣдній отчаянный прыжокъ, при которомъ онъ увлекъ за собой и мечъ-рыбу. Отломанный мечъ торчалъ въ ранѣ, но такъ далеко ушелъ между реберъ, что не было никакой возможности вытащить его руками. Когда мы подъѣхали къ пасти, чтобы отрѣзать языкъ, она была судорожно стиснута и между челюстей совершенно раздавленная мечъ-рыба. Китъ должно быть, непосредственно передъ смертью схватилъ ее поперегъ тѣла и сокрушилъ рядомъ своихъ 48-ми зубовъ въ шесть или семь дюймовъ длиною: только голова съ мечемъ висѣла неповрежденная съ одной стороны его пасти, такъ что мы могли срѣзать ее и положить въ лодку.

Но этимъ боцманъ не удовлетворился: онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, добыть языкъ. Но это могло быть только сдѣлано, установивъ кита вдоль корабля, поэтому мы взяли его на буксиръ. Когда исполинъ былъ приведенъ въ движеніе, онъ легко поплылъ по водѣ и менѣе чѣмъ черезъ часъ онъ былъ прикрѣпленъ къ судну. Но всѣ усилія открыть пасть были напрасны и къ великому огорченію боцмана да и насъ всѣхъ, намъ пришлось отказаться отъ лакомства. Когда при этихъ попыткахъ, кита поворачивали съ бока на бокъ, мы, къ великому нашему изумленію, нашли въ его спинѣ три старые, заржавленные гарпуна. На двухъ изъ нихъ было обозначено одно и тоже названіе корабля, на третьемъ же иное; было ясно что за этимъ китомъ охотились уже прежде два китоловныхъ судна, но тщетно. Какъ гарпуны такъ и отломанный мечъ были вырѣзаны изъ кита въ память необыкновеннаго событія; но затѣмъ пришлось отвязать кита, ибо подулъ свѣжій вѣтерокъ, которымъ капитанъ хотѣлъ воспользоваться.

Какъ вороны надъ падалью, собралась цѣлая стая акулъ вокругъ умерщвленнаго кита. Откуда онѣ такъ скоро взялись Богъ вѣдаетъ; мы насчитали ихъ двѣнадцать различной величины; разрѣзая своими треугольными спинными плавниками поверхность моря, онѣ кружились въ двадцати или тридцати шагахъ отъ корабля, ожидая минуты, когда богатая добыча достанется на ихъ долю. Когда мы отвязали кита и онъ удалился на нѣсколько десятковъ шаговъ, акулы стремительно бросились на него и стали рвать его на куски.

Изъ головы мечъ-рыбы капитанъ сдѣлалъ себѣ прессъ; отломанный мечъ получилъ боцманъ, но онъ подарилъ его мнѣ и до сихъ поръ храню я его въ память о старикѣ, которому я кромѣ другихъ благодѣяній обязанъ и жизнью, а также въ память о страшномъ зрѣлищѣ, которое не многимъ дано видѣть, въ особенности на такомъ близкомъ разстояніи.

Русскіе кустарные промыслы.

(См. рисунокъ на стр. 1040).

Повсюду, гдѣ почва не даетъ достаточныхъ средствъ, нашъ крестьянинъ прибѣгаетъ къ какому-нибудь промыслу, для поддержанія своего хозяйства. Обыкновенно въ этомъ случаѣ часть семьи занимается *отхожими* промыслами—отрывается отъ роднаго крова и идетъ на удачу искать какого-нибудь труда, часто тяжелаго и неблагодарнаго; другая-же половина семьи остается дома и занимается какимъ-нибудь ремесломъ, приноровленнымъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ возникли у насъ сельскія ремесла, почти независимо отъ фабричнаго производства, и скоро пріобрѣли важное значеніе, образовавъ самостоятельную форму промысла, извѣстную вообще подъ именемъ *кустарной* промышленности.

Уже въ древнѣйшую эпоху существовали на Руси многіе домашніе промыслы, какъ напримѣръ, тканье холстовъ, полотенъ и суконъ, выдѣлка кожи и желѣза; производство посуды деревянной и глиняной, но особенное развитіе получила сельская кустарная промышленность въ XVII столѣтіи, когда кончилось смутное время и зависѣвшее отъ него броженіе и перекочевка сельскаго населенія. Именно въ это время цѣлыя деревни, особенно лежавшія близь сосѣднихъ городовъ и при большихъ дорогахъ, начали заниматься производствомъ однаго какого-либо ремесла; такъ жители одной мѣстности сдѣлались кожевниками, другой—ткачами, третьей—телѣжниками, кузнецами и т. д. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ извѣстныя ремесла существовали и раньше XVII вѣка, какъ напримѣръ, иконопись, которая издавна составляла наслѣдственное занятіе жителей слободы Халуй, Владимірской губерніи. Также съ незапамятныхъ временъ русскіе крестьяне умѣли плавить желѣзную руду и занимались выдѣлкою желѣза; такъ жители Тулы плавили чугунъ въ маленькихъ домашнихъ горнахъ и выдѣлывали разнаго рода желѣзныя издѣлія, а при Алексѣѣ Михайловичѣ уже умѣли дѣлать огнестрѣльное оружіе. Съ тѣхъже поръ, какъ крестьяне разныхъ промышленныхъ мѣстностей уравнены въ правахъ заводить фабрики и мануфактуры, съ прочими сословіями, кустарничество оставляется наиболѣе предпріимчивыми дѣятелями на этомъ поприщѣ. Многіе бывшіе кустарники сдѣлались зажиточными фабрикантами и вообще фабрики и заводы мало по малу начали отвлекать людей отъ кустарнаго труда и клонить послѣдній къ большему и большему упадку. При всѣхъ препятствіяхъ, наша кустарная промышленность все таки сохранила свою жизненность и экономическое значеніе, и во многихъ губерніяхъ кустарники предпочитаютъ лучше работать въ семьѣ при ничтожномъ заработкѣ, чѣмъ приняться за фабричный трудъ, хотя и болѣе выгодный, но не удовлетворяющій ихъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ. Впрочемъ, при патріархальной дешевизнѣ труда и при простотѣ матерьяла, кустари не затрудняются въ покупателяхъ, такъ какъ могутъ продавать свои произведенія невообразимо дешево, и потому неудивительно, что всѣ мѣстныя ярмарки завалены издѣліями подобнаго рода, что масса кустарной работы до сихъ поръ громадная, что кустари считаются сотнями тысячъ и производятъ ежегодно на десятки милліоновъ рублей.

Въ послѣднее время наша кустарная промышленность, какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій народнаго творчества и трудолюбія, удостоилась наконецъ серьезнаго изученія. Императорское Географическое Общество собрало значительный матеріалъ для разносторонняго ознакомленія съ современнымъ положеніемъ нашихъ кустарныхъ промысловъ. Другимъ подспорьемъ для подобной, въ высшей степени полезной цѣли, могутъ служить выставки кустарной промышленности, на которыхъ можно наглядно знакомиться съ размѣрами и качествами мѣстной мелкой производительности. Подобныя выставки, нынѣ открытыя напр. въ Харьковѣ, даютъ довольно полное понятіе о кустарныхъ промыслахъ Харьковской губерніи.

Харьковская губернія не особенно богата отраслями кустарной промышленности, такъ какъ еще очень недавно множество полезныхъ работниковъ отвлеклись на столь любимый малороссами чумацкій промыселъ. Изъ издѣлій, составляющихъ предметъ вывоза, были замѣчательны бондарныя и нѣкоторыя другія деревянныя издѣлія, которыя идутъ отсюда въ южныя губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особенно развито

Свиданіе. Сцена изъ древне-Римской жизни. Картина Генриха Семирадскаго, рис. самъ авторъ на деревѣ, грав. Тегетмейеръ.

гончарное производство, особенно въ Волковскомъ уѣздѣ, гдѣ оно составляетъ важную отрасль мѣстной промышленности. Холстъ, ручники, скатерти производятся крестьянами селеній препмущественно великорусскихъ, почти исключительно для собственнаго употребленія изъ пеньки и поскони. Выдѣлка льняныхъ издѣлій и тканье крестьянами суконъ также не особенно значительны, такъ что обширное харьковское заведеніе купца Скрынникова, въ которомъ приготовляется ежегодно не менѣе 20,000 крестьянскихъ свитъ, чекменей и т. п. не можетъ удовлетвориться мѣстными сукнами, а выписываетъ ихъ въ громадномъ количествѣ изъ Земли Войска Донскаго и изъ Костромской губерніи. Особенное развитіе получили въ Харьковской губерніи нѣкоторыя отрасли сельской промышленности; такъ, скотоводство и особенно овцеводство составляетъ здѣсь довольно обширный промыселъ; пчеловодство, хотя значительно упавшее, сохранилось еще въ уѣздахъ Изюмскомъ, Лебединскомъ и Волчанскомъ; селитровареніе нынѣ весьма незначительно, хотя оно и составляло одну изъ главныхъ отраслей здѣшней сельской промышленности.

Изъ многочисленныхъ отдѣловъ, бывшей въ октябрѣ этаго года харьковской выставки наиболѣе заслуживалъ вниманія, безъ сомнѣнія, *кустарный отдѣлъ*—въ немъ сгруппировано было все, чѣмъ богата производительность народа, созданная имъ самимъ; въ этихъ самобытныхъ произведеніяхъ народа ярко и наглядно выразилось его искусство, его умственная жизнь но въ этой ограниченной сферѣ кругозора и искусства, есть всѣ данныя самостоятельнаго и оригинальнаго творчества. Напримѣръ, горшечныя и вообще глиняныя издѣлія домашняго обихода (горшки, кринки, кувшины и т. п.), по временамъ уклоняются въ сторону и изобрѣтается нѣчто, имѣющее своею цѣлью одно лишь искусство. Такъ между многими издѣліями глинянаго производства особенное вниманіе обращали на себя: 2 статуи генераловъ (русскаго и турецкаго), дружеская рюмка и акцизный горшокъ. Статуи генераловъ исключительно ручной работы, безъ всякихъ вспомогательныхъ инструментовъ, поражали изящною отдѣлкою деталей. Такія фигуры въ первый разъ начали выдѣлывать на селѣ послѣ окончанія турецкой кампаніи. Дружеская рюмка имѣетъ скрытое помѣщеніе для вина.

Акцизный горшокъ—по идеѣ своей напоминаетъ дружескую рюмку: это горшокъ съ двойными стѣнками, причемъ въ первое его отдѣленіе накладывается масло, а во второмъ удобно скрывается водка. Съ боку находится незамѣтное отверстіе, которое залѣплено глиною или воскомъ и чрезъ которое свободно можетъ быть выпущена водка. Конечно грустно, что народная изобрѣтательность тратитъ свои силы на предметы такаго рода, но она такъ мало получаетъ вліянія извнѣ.

Изъ другихъ предметовъ въ кустарномъ отдѣлѣ выставки особеннаго вниманія заслуживаютъ *бочки изъ соломы и разныя ткани*. Выдѣлка бочекъ производится такимъ образомъ: сначала изготовляютъ соломенные шнуры, толщиною отъ 1 до 2 вершковъ, кое гдѣ перевязанные плотно тонкими бичевками; затѣмъ такой шнуръ складывается въ спираль, постоянно все болѣе и болѣе расширяющуюся къ верху. Такимъ же образомъ дѣлаются и другіе предметы изъ соломы—корзины, кувшины и т. п.

Ткани, въ особенности привлекавшія вниманіе дамъ образцами своихъ узоровъ, по словамъ знатоковъ отличались не только оригинальностью рисунка, но и солидностью и прочностью. Между тканями былъ выставленъ небольшой кусокъ *волосянаго сукна*, который до такой степени походилъ на многіе образцы англійскихъ суконъ послѣдней моды, что приводилъ въ удивленіе многихъ торговцевъ Харькова, а одинъ изъ нихъ рѣшился во что бы то ни стало пріобрѣтать и распространять такаго рода сукна.

Отдѣлъ *кожъ и сапогъ* не представлялъ ничего особеннаго. Закругленные носки сапогъ въ видѣ конуса, бывшіе столь модными въ настоящее время, давно, какъ оказывается, изготовляются нашими крестьянами. Кустарный отдѣлъ на Харьковской Сельско-Хозяйственной выставкѣ исключительно устроенъ трудами и заботами профессора И. П. Сокольскаго и его супруги. Какъ эксперты, такъ и распорядительный комитетъ выставки отнеслись весьма сочувственно къ произведеніямъ народа и многіе производители были награждены серебряными, бронзовыми медалями и похвальными листами.

Къ рисункамъ.

Кіевъ.

(См. рис. на стр. 1032 и 1033).

Едва ли найдется въ Россіи городъ, который можетъ настолько поразить красотою своего мѣстоположенія, какъ Кіевъ. Если вы подъѣзжаете къ нему, по линіи Курско-Кіевской желѣзной дороги, то первое впечатлѣніе, производимое на васъ его панорамой, до того поразительно, что трудно удержаться отъ невольнаго восклицанія восторга. За широкой полосою Днѣпра, черезъ который легкими кружевами повисли гигантскіе мосты, надъ крутыми склонами и откосами взбѣгающихъ холмовъ, мощно вздымаются безчисленныя главы соборовъ, ярко золоченыя, играющія свѣтлыми звѣздочками на солнцѣ. Густыя купы садовъ обняли со всѣхъ сторонъ эти церкви, монастыри, соборы, скатились внизъ по обрывамъ до самой воды, и только мѣстами—то тамъ, то сямъ—сквозятъ жилыми домами, пріютившимися подъ ихъ тѣнью. Стройные тополи въ безпорядкѣ разметались среди этого моря зелени, и точно живые обелиски возносятся кверху, пронизывая своей острой вершиною лазурный воздухъ. Словно это не натура, а пестрая искусственная декорація, составленная по заранѣе намѣченому плану, полному строгой красоты.

Вы въѣзжаете въ городъ, васъ сразу поражаетъ его чистота, правильность, отсутствіе той грубой аляповатости, которая сквозитъ на каждомъ шагу въ Москвѣ, и той преднамѣренной казенной симметріи, которая наложила свою печать на нѣкоторыя части Петербурга. Конечно, этому много способствуетъ холмистое мѣстоположеніе, южная природа, больщій блескъ и яркость красокъ. Здѣсь вы найдете такія безподобныя панорамы, какія едва-ли гдѣ встрѣтите. На нашемъ рисункѣ бульвара предъ памятникомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра—видна часть превосходнаго вида на Заднѣпровье. Если подняться, нѣсколько лѣвѣе памятника, кверху на гору, къ полуразрушенной бесѣдкѣ, царящей надо всей этой мѣстностью—откроется колоссальная, одна изъ грандіознѣйшихъ въ Россіи, перспектива на степи, Днѣпръ, и на Подолъ—низовую часть Кіева—которая кажется отсюда игрушечнымъ городкомъ, кубиками бѣленькихъ построекъ, перемежающимися миніатюрными церковками. Видъ отъ церкви Св. Андрея Первозваннаго, столь прославленный туристами, несравненно хуже: отъ Андрея не видно во всей его красѣ Подола, что сильно умаляетъ достоинство картины.

Главная улица Кіева—Крещатикъ—мѣсто высохшаго ручья того же имени—созданіе просвѣщеннаго XIX вѣка: еще въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія ея не существовало. Теперь это прекрасная улица, чрезвычайно свѣтлая, такъ какъ въ ней преобладаютъ небольшія трехъ-этажныя постройки, вѣчно шумная, съ безчисленными рядами опрятныхъ, а порою даже роскошныхъ магазиновъ, съ чрезвычайно красивыми зданіями городской думы и Hôtel Belle-vue, съ почтовой конторой, банками, кафе-ресторанами, гостинницами, конторами, лавчонками и массою всюду снующихъ жидовъ-факторовъ. Здѣсь вы можете найти все, что угодно, начиная съ мѣстнаго мраморнаго производства и кончая произведеніями С.-Петербургской химической лабораторіи,—и конечно все въ три дорога. Здѣсь есть фотографія, прелестно передающая виды, и очень недурно портреты, есть около дюжины книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, полдесятка нотаріусовъ,—однимъ словомъ, это европейская улица. Видъ Крещатика, помѣщенный въ этомъ № „Нивы", снятъ отъ такъ называемаго Александровскаго взвоза, изъ сада Минеральныхъ водъ. Гостинница, видимая направо, такъ называемая „Европейская", пользуется популярностью въ средѣ богомольцевъ, потому что расположена вблизи соборовъ. Номера въ ней опрятны и цѣны довольно сносны.

Другой нашъ рисунокъ изображаетъ бульваръ возлѣ памятника Владиміра—любимое мѣсто прогулокъ туристовъ, которые считаютъ непремѣнной обязанностью посидѣть на ступенькахъ монумента, воздвигнутаго въ честь могучаго поборника христіанства, желѣзною рукой водворившаго его на Руси. Здѣсь невольно приходятъ на память стародавнія кіевскія преданія и на ряду съ легендарными героями древнихъ богатырей, возникаютъ картины татарскаго погрома, уніи, католичества, шляхетства. Чуть не каждый клочекъ земли говоритъ здѣсь о прошломъ, о томъ, что здѣсь кипѣла нѣкогда историческая жизнь народовъ и что не вѣчно было затишье, царящее теперь надъ Кіевомъ...

Въ будущемъ году мы вернемся къ исторической сторонѣ этаго города—матери русскихъ городовъ, и разсмотримъ подробно то значеніе, какое онъ имѣетъ для нашей исторіи и искусства.

Свиданіе.

(Картина Генриха Семирадскаго).

Имя Генриха Семирадскаго пользуется въ художественномъ мірѣ заслуженною извѣстностью и въ свое время мы сообщили объ немъ подробности и дали его портретъ (Нива № 36, 1875 г.). Полякъ по происхожденію, Семирадскій родился въ Харьковѣ 15 сентября 1843 года и въ этомъ же городѣ кончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ Университетъ на естественный факультетъ, гдѣ и довершилъ въ 1864 году свое научное образованіе. Чувствуя въ себѣ художественное призваніе, молодой натуралистъ рѣшился сдѣлаться живописцемъ и въ томъ же 1864 году мы уже его видимъ въ Петербургѣ, усердно посѣщающимъ рисовальные классы Академіи Художествъ. Въ Академіи Семирадскій вскорѣ оказалъ блестящіе успѣхи и въ продолженіи 4-хъ-лѣтняго курса успѣлъ получить пять сере-

бранных медалей за выполненіе различныхъ картинъ на заданныя темы; изъ этихъ ученическихъ работъ Семирадскаго были особенно замѣчены: „Избіеніе младенцевъ", „Сошествіе Христа во адъ", „Гибель Содома и Гоморры". Въ 1868 году за картину „Діогенъ разбиваетъ свою чашку" Семирадскій получилъ 2-ю золотую медаль, а въ 1870 удостоенъ золотой первой степени за картину „Довѣріе Александра Великаго къ своему врачу" и посланъ былъ на казенный счетъ за границу. Посѣтивъ Мюнхенъ, Семирадскій провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы ознакомиться съ художественными богатствами этаго города и въ то же время успѣлъ написать и прислать въ Академію замѣчательную картину „Римляне блестящихъ временъ Имперіи". Прибывъ въ Римъ, Семирадскій тотчасъ же принялся за давно задуманную „Грѣшницу". Это прекрасное произведеніе молодаго художника появилось на вѣнской выставкѣ 1873 года и оцѣнено по достоинству; тогда же наша Академія удостоила Семирадскаго званія академика. Наконецъ въ 1876 году нашъ художникъ сдѣлался европейскою знаменитостью, когда появилась на судъ публики его громадная картина „Живые свѣточи Нерона"—произведеніе дѣйствительно грандіозное по идеѣ хотя и имѣвшее многіе крупные недостатки въ выполненіи.

Въ послѣдніе три года Семирадскій провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, выполняя нѣкоторыя художественныя работы въ храмѣ Спасителя. Въ то же время въ Римской студіи публика могла любоваться нѣкоторыми новыми произведеніями Семирадскаго, изъ которыхъ особенно хвалятъ „Разбойничій притонъ" съ содержаніемъ, взятымъ изъ античнаго міра. Картина „Свиданіе", копія которой помѣщена въ настоящемъ №, одно изъ послѣднихъ произведеній Семирадскаго. Это нѣжная, поэтическая сцена. взятая художникомъ изъ того же античнаго, древне-римскаго міра, столь излюбленнаго художникомъ. Содержаніе картины очень просто: классически прелестная дѣвушка, прислонившись къ каменной оградѣ, слушаетъ нѣжныя, страстныя рѣчи влюбленнаго юноши-римлянина. При всей незамысловатости этой темы, какая грація и красота въ фигурахъ, сколько выразительности и страсти въ этихъ юныхъ смуглыхъ лицахъ дѣтей горячаго юга. Надо прибавить къ этому роскошный ландшафтъ, окружающій юную чету, блестящій колоритъ одеждъ и подробностей и понятно, почему эта картина Семирадскаго производитъ на зрителя чарующее впечатлѣніе.

Великое событіе.

(Рисунокъ Г. Зюса).

Великое событіе совершилось въ семьѣ. Появился на свѣтъ позже всѣхъ этотъ крошка, и возбуждаетъ общее любопытство и удивленіе. Онъ такой маленькій и странный, что остальные готовы на него броситься, мать же заботливо отстраняетъ ихъ. Крошка такой бойкій, однако и имѣетъ такой бодрый видъ, что не дастъ себя въ обиду. И какъ всегда самый слабый изъ семьи и самый маленькій—возбуждаетъ наибольшую заботливость и попеченіе матери. Посмотрите какъ превосходно схвачено выраженіе опасенія за маленькаго у матери и выраженіе любопытства у остальныхъ.

Пріемъ русскаго посольства при версальскомъ дворѣ въ 1681 году.

(Снимокъ со старинной гравюры).

Въ октябрѣ 1680 года стольникъ и намѣстникъ Углицкій Петръ Ивановичъ Потемкинъ съ блестящей и многочисленной свитой отправленъ былъ во Францію, Испанію и Англію съ дипломатической миссіею имѣвшей цѣлью объявить дворамъ о кончинѣ Царя Алексія Михайловича и о восшествіи на престолъ Θеодора Алексѣевича и кромѣ того заключить торговый договоръ съ версальскимъ кабинетомъ.

Сѣвъ въ Ригѣ на корабли, нашъ посолъ черезъ Кенигсбергъ, Берлинъ, Гамбургъ и Амстердамъ прибылъ въ Парижъ 16 апрѣля 1681 года а 24 уже былъ принятъ въ торжественной аудіенціи Людовикомъ XIV.

По словамъ оффиціальнаго документа а именно статейнаго списка того времени, свиданіе это не обошлось безъ пререканій по части соблюденій различныхъ посольскихъ обрядностей между упрямымъ нашимъ посломъ и не менѣе упрямымъ французскимъ монархомъ.

При вступленіи посольства въ палату король дважды вставалъ и снималъ шляпу, но при произнесеніи посломъ большаго титула Царя и Великаго князя Θеодора Алексѣевича сидѣлъ неподвижно. Тогда посланникъ остановился въ самомъ началѣ своей рѣчи и черезъ переводчика Яна Торфа требовалъ, чтобы король снялъ шляпу, какъ это было имъ сдѣлано при пріемѣ русскаго посольства въ 1668 году. Король возразилъ, что при вступленіи посольства въ палату, онъ уже снималъ шляпу для имени Царскаго Величества и это считаетъ достаточнымъ. При вопросѣ о здоровьѣ Царя, король снова не снялъ шляпы и лишь приподнялся. Тогда вторично Потемкинъ напомнилъ королю, что такъ не было въ 1668 году и что такъ не ведется ни у кого изъ государей. Король извинился и приподнявшись, снялъ шляпу, спрашивая о здоровьѣ царскомъ. „И стольникъ Петръ, говоритъ статейный списокъ, видя что Королевское Величество въ посольскихъ своихъ обычаяхъ противъ прежняго отмѣненъ и высокъ безмѣрно учинился, выговаривалъ ему на-крѣпко и стоялъ о томъ безмѣрно упорно". При поднесеніи королю *поминковъ* т. е. даровъ, король снялъ шляпу и велѣлъ класть передъ собою привезенные соболи. Къ концу же аудіенціи король видимо сдѣлался уважительнымъ и по-часту началъ снимать шляпу при произнесеніи имени его Царскаго Величества и тутъ же поручилъ дальнѣйшіе переговоры вести Кольберту, на котораго и указалъ рукою посламъ. При пріемѣ присутствовалъ Дофинъ и братъ короля Герцогъ Орлеанскій; первый стоялъ по правую руку короля а второй по лѣвую: оба снявъ шляпы. „А королева съ невѣстками своими, по словамъ статейнаго списка стояла въ той же палатѣ вблизи королевскаго мѣста по просту".

Вслѣдъ за торжественной аудіенціей Потемкинъ вступилъ въ переговоры съ французскими министрами и преимущественно съ Кольбертомъ, но снова возникшіе споры о царскомъ титулѣ скоро прервали эти совѣщанія и 11 мая русскій посолъ уже выѣхалъ изъ Парижа, даже не принявъ королевской грамоты.

Оригиналъ гравюры значительнаго размѣра, прилагаемый нами въ точномъ снимкѣ, считается чрезвычайно рѣдкимъ и безъ сомнѣнія выполненъ однимъ изъ современниковъ достопамятнаго посольства. Въ Парижскую публичную библіотеку эта гравюра поступила вмѣстѣ съ знаменитой коллекціей гравюръ *Генепа*, который всю жизнь собиралъ всевозможные рисунки, касавшіеся событій французской исторіи.

Замокъ Гогеншвангау.

(Рис. на стр. 1045).

Молодой Баварскій король Людовикъ, не выступающій никогда на политическую арену и живущій очень оригинально и уединенно, любитель и знатокъ искусствъ, имѣетъ преимущество возбуждать интересъ къ своей личности. О немъ разсказываютъ много разныхъ вещей, конечно на половину вздорныхъ. Недавно въ одной дрезденской газетѣ начался рядъ писемъ о королѣ, довольно интересныхъ. Король, говорится тамъ, иногда по цѣлымъ недѣлямъ живетъ совершенно уединенно въ своихъ охотничьихъ домикахъ, въ горахъ. Около Партенкирхена, Гогеншвангау, Вальхензее и въ другихъ мѣстахъ построены прелестныя охотничьи хижины и проведены очень удобныя горныя дороги, ведущія на вершины горъ въ 600 футовъ вышины. Это все въ собственныхъ имѣніяхъ короля и никому постороннему не дозволяется ѣздить въ экипажахъ или верхомъ по этимъ дорогамъ. Король очень любитъ горы, но ему трудно ходить и даже ѣздить верхомъ. Поэтому придуманы совершенно особые экипажи, состоящіе изъ широкаго сидѣнья, положеннаго на двухъ колесахъ и защищеннаго отъ дождя верхомъ. Въ экипажѣ только одно мѣсто; кучеръ помѣщается на подножкѣ сзади. Въ конюшняхъ короля находятся прекрасныя лошади, пріученныя къ горнымъ дорогамъ. Въ такой экипажъ впрягается обыкновенно одна лошадь. Самый экипажъ очень устойчивъ, и въ немъ можно ѣхать очень быстро и на гору и подъ гору, не смотря на частые повороты пути. Поѣздки эти король совершаетъ преимущественно по ночамъ. Впереди, шаговъ на десять, ѣдутъ верхами форрейторъ и конюхъ. Жандармы открываютъ и замыкаютъ эти ночные поѣзды. Король не любитъ встрѣчать кого бы то ни было посторонняго на пути. Жандармы оберегаютъ также доступъ въ королевскіе замки, изъ которыхъ болѣе всѣхъ замѣчателенъ Гогеншвангау—любимое мѣстопребываніе короля. Гогеншвангау въ 1832 году перешелъ во владѣніе еще кронпринца Максимиліана—отца короля Людвига—который велѣлъ его отдѣлать совершенно заново и теперь сынъ его любитъ жить тамъ въ своемъ царственномъ уединеніи. Тутъ замѣчательны: рыцарскій залъ, залъ съ картинами, представляющими исторію замка, залъ Гогенштауфеновъ и другіе. Разсказываютъ о какихъ-то комнатахъ съ искусственною луною и звѣзднымъ небомъ, которое любитъ созерцать мечтательный король, и о разныхъ механическихъ подражаніяхъ природѣ. Но онъ столько видитъ этой природы кругомъ — разсказы эти весьма сомнительны. Въ горныхъ озеркахъ около замка много прекрасныхъ лебедей (отъ которыхъ замокъ и имѣетъ названіе) ихъ самъ король любитъ кормить изъ своихъ рукъ и они всѣ слетаются къ нему, когда онъ показывается.

Во время пребыванія короля въ горахъ, депеши отправляются съ нарочными. Король не любитъ Мюнхена и живетъ въ Гогеншвангау иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Въ воскресенье онъ выѣзжаетъ въ близлежащій охотничій домикъ въ Блэкенау, гдѣ и обѣдаетъ также безъ всякаго общества. Въ Гогеншвангау есть замѣчательныя золотыя сани, стоившія 100,000 гульденовъ. На расчистку снѣга, иногда очень глубокаго, расходуется отъ 15—20000 марокъ. Баварцы любятъ своего добраго, молчаливаго короля. „Деньги, которыя онъ тратитъ, остаются въ нашей же странѣ" говорятъ они, если заходитъ рѣчь о громадныхъ расходахъ Двора.

Русскіе кустарные промыслы. Кустарный отдѣлъ на Харьковской сельско-хозяйственной выставкѣ, въ октябрѣ 1880 г.
Съ фотографіи нашего корреспондента И. О. Фесенко, грав. М. Рашевскій

Великое событіе. Картина Г. Зюса, грав. Р. Бонгъ.

Общедоступная вентиляція.

Такъ какъ разными видами введенной у насъ по сіе время, дешевой и по способу устройства простой, вентиляціи, не удавалось воспроизвести непрерывный притокъ чистаго нагрѣтаго воздуха съ одновременнымъ вытягиваніемъ воздуха испорченнаго, что и составляетъ достоинство хорошо устроенной вентиляціи—то мы желаемъ познакомить читателя съ тѣмъ недавно появившимся ея новымъ видомъ, который по своей дешевизнѣ и простотѣ устройства можетъ быть удобно примѣнено во всякаго рода строеніяхъ и помѣщеніяхъ, какъ большихъ такъ и малыхъ и въ любое время года.

Хотя въ Россіи и вошли въ общее употребленіе системы вентиляцій, основанныхъ на разности температуры воздуха наружнаго, атмосфернаго, и внутренняго, комнатнаго, т. е. а) система аспираціонная (тяговая), къ отдѣлу которой принадлежащими снарядами или вытягивается испорченный воздухъ, предоставляя произвольный входъ чистому воздуху чрезъ отверстія въ стѣнахъ и окнахъ, фортки, дырья, пористость стѣнъ и проч., или же чистый воздухъ спеціально вводится чрезъ оконные вентиляторы, предоставляя воздуху испорченному выходъ чрезъ печи, простыя отверстія печныхъ трубъ или отверстія въ потолкахъ, или же наконецъ чрезъ вращающіеся въ печныхъ трубахъ вентиляторы и б) система механическая (пульзація) при которой чистый воздухъ вталкивается особыми механическими приспособленіями, съ одновременнымъ вытягиваніемъ воздуха испорченнаго большими, особаго устройства, трубами; но аппараты обѣихъ этихъ системъ имѣютъ своего рода неудобства.

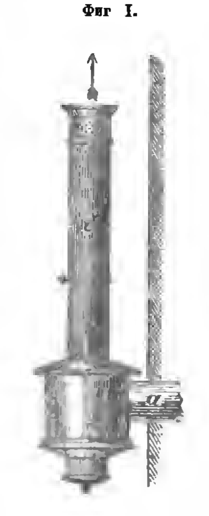
Неудобство первыхъ заключается во временной и несовершенной ихъ работѣ, нерѣдко сопряженной съ опасностью простуды, а аппараты 2-й системы хотя и совершенны по работѣ, но громоздки и требуя особыхъ двигателей и большихъ денежныхъ затратъ, не могутъ быть доступны каждому, не только лишь съ финансовой стороны, но и со стороны помѣщенія.

Въ Англіи, странѣ промышленной и мануфактурной, при скученности рабочаго люда на фабрикахъ и вообще тѣснаго народонаселенія, обращено было особенное вниманіе на вентилированіе заводовъ и жилыхъ помѣщеній; масса же малыхъ промышленныхъ заведеній, не бывшихъ въ состояніи устроить у себя во всѣхъ отношеніяхъ хорошей и недорого стоющей вентиляціи, вызвала стремленіе къ доведенію ея по возможности до самой простой формы, въ виду соединенія наивыгоднѣйшей вентиляціонной полезной работы снарядовъ съ малой затратой капитала.

Подобнымъ образомъ постепенно выработанный нижеописанный видъ ея, какъ удовлетворяющій дешевизнѣ и требованіямъ во всѣхъ отношеніяхъ вентиляціи хорошей, вошелъ въ большое употребленіе въ Англіи и принятъ разными лицами заграницей. Нельзя сказать, чтобы основаніемъ его послужили какія либо новыя начала, начала его тѣже что и каждой вентиляціи аспираціонной системы, т. е. разность температуры наружнаго и комнатнаго воздуха; но въ этомъ видѣ мы находимъ ту хорошую сторону, которая отсутствуетъ въ донынѣ въ Россіи извѣстныхъ вентиляціонныхъ системахъ, а именно—постоянную и правильную замѣну дурнаго воздуха воздухомъ свѣжимъ, подогрѣтымъ. Система эта можетъ быть отнесена къ комбинированной и по простотѣ устройства, дешевизнѣ и хорошей работѣ вполнѣ заслуживаетъ названія *„общедоступной системы вентиляціи“*. Въ системѣ этой различаютъ два рода аппаратовъ. Назначеніе однихъ состоитъ въ введеніи свѣжаго теплаго воздуха въ помѣщеніе и другихъ въ вытяжкѣ воздуха испорченнаго.

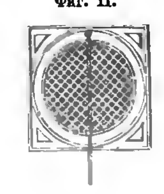
Особой конструкціи снаряды для введенія теплаго чистаго воздуха состоятъ изъ двойныхъ металлическихъ короткихъ трубъ, которымъ можетъ быть дана произвольная форма, и устанавливаемымъ весьма скоро и просто въ разныхъ углахъ или другихъ мѣстахъ комнаты, чѣмъ достигается наиболѣе равномѣрное распредѣленіе чистаго теплаго воздуха по помѣщенію. Къ трубамъ, помѣщеннымъ среди комнатъ, наружный свѣжій воздухъ приводится очевидно рукавомъ; во всякомъ случаѣ трубы эти устанавливаются въ наиболѣе дальнемъ разстояніи отъ вытяжныхъ снарядовъ, а именно такъ, что верхняя часть ихъ отстояла бы отъ пола на высотѣ $2^3/_4$ арш. до 1 сажени и чтобы выходящая изъ нее сильная струя воздуха не пересѣкалась никакими выступающими изъ стѣнъ предметами. Фиг. I представляетъ этотъ снарядъ, состоящій собственно изъ двухъ трубъ, коихъ конструкція и взаимное расположеніе таковы, что часть холоднаго входящаго воздуха согрѣвается аппаратомъ, представленномъ въ наружномъ его видѣ, въ нижней расширенной части рисунка; при выходѣ же изъ верхняго устья трубы, теплый воздухъ встрѣчается и смѣшивается съ холоднымъ, такъ что такимъ введеніемъ чистаго грѣтаго воздуха чрезъ посредство этихъ трубъ, достигается полное отсутствіе сквозной холодной тяги, нерѣдко порождающей болѣзни, потому что введенный для вдыханія грѣтый воздухъ, направляясь непрерывною струею вверхъ къ потолку, будетъ опускаться медленно и постепенно, нагрѣваясь еще болѣе комнатною теплотою, въ противоположность холодному, вовсе негрѣтому воздуху, который по своей значительно большей плотности быстро опускался бы внизъ, не успѣвая достаточно нагрѣться. Описанныя трубы снабжаются регулирующимъ клапаномъ, которымъ представляется возможность впускать болѣе или менѣе теплаго, или болѣе или менѣе холоднаго воздуха въ помѣщеніе. Нагрѣвательный аппаратъ можетъ быть легко остановленъ.

Фиг. I.

Вытяжныхъ снарядовъ различаютъ два вида, одинъ изъ нихъ употребляется для возбужденія усиленной тяги воздуха его нагрѣваніемъ и другой видъ, простые тяговые клапаны, фиг. II, помѣщающіеся съ тою же цѣлью въ уже нагрѣтыхъ дымовыхъ ходахъ обыкновенныхъ очаговъ и печей. Простота конструкціи послѣднихъ не требуетъ особаго описанія; что же касается до жаровыхъ шкафиковъ. фиг. III, то они состоятъ изъ двухъ камеръ—нагрѣвательной и тяговой, изъ которыхъ въ первой, нижней, возбуждается сильный жаръ, помощью обыкновенныхъ источниковъ теплоты, и нагрѣваніемъ мѣдной перегородки, раздѣляющей камеры, а во второй производится тяга; кромѣ сего они снабжены приспособленіемъ для регулированія этой тяги и для приведенія снаряда въ бездѣйствіе. Оба вида этихъ вытяжныхъ снарядовъ вставляются въ отверстія, пробитыя въ дымовыя ходы трубы, внизу помѣщенія и вверху его—для вытяжки какъ нижнихъ, такъ и верхнихъ испорченныхъ слоевъ воздуха.

Фиг. II.

Передній видъ.

Согласно съ назначеніемъ помѣщеній и со степенью порчи въ нихъ воздуха, т. е. соотвѣтственно тому, сколько разъ необходимо въ нихъ мѣнять воздухъ въ часъ, снаряды для впусканія чистаго грѣтаго воздуха и вытяжные снаряды дѣлаются разныхъ величинъ и производительности, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются своей дешевизной.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ замѣтить, что желающіе получить болѣе подробныя свѣдѣнія по отдѣлу описанной вентиляціи, могутъ обратится въ Техническое Бюро въ Петербургѣ, хорошо знакомое съ климатическими условіями разныхъ мѣстностей въ Россіи и спеціально поставляющее снаряды *общедоступной вентиляціи*. Желающимъ Бюро высылаетъ особые каталоги.

Фиг. III.

Передній видъ.

Смѣсь.

Новый календарь. На дняхъ вышелъ отлитографированный въ заведеніи г. Маркуса „Кабинетный календарь на 1881 годъ“. *Картонная рамка и вмѣстѣ подставка календаря украшена изящно исполненною хромолитографіей съ извѣстной картины К. Маковскаго: „Русская крестьянская дѣвушка“*. Тщательное исполненіе работы обращаетъ на себя вниманіе. Календарь имѣетъ очень изящный видъ и отличается полнотою.

О землетрясеніяхъ. При всей разрушительности своей, землетрясеніе въ Аграмѣ было сравнительно слабо. Въ Сициліи и южной части Италіи, въ Центральной Америкѣ, въ Константинополѣ и смежныхъ частяхъ Малой Азіи, были въ недавнее время землетрясенія, сравнительно съ которыми разрушенія, происшедшія въ Кроаціи, незначительны. Если бы мы взяли за мѣрило подобныхъ катастрофъ число жертвъ, по примѣру росписи сраженій, сдѣланной лордомъ Шербкомъ, то землетрясеніе въ Аграмѣ заняло бы очень низкое мѣсто въ этомъ спискѣ. Безполезно повторять еще разъ разсказъ объ извѣстномъ землетрясеніи въ Лиссабонѣ въ 1755 году, уничтоживщемъ болѣе 50,000 человѣкъ въ десять минутъ времени и занимающемъ въ упомянутомъ выше спискѣ одно изъ первыхъ мѣстъ, между естественными катастрофами, извѣстными въ міровой исторіи. Страшное потрясеніе, центромъ котораго былъ Лиссабонъ, распространилось на пространство, опредѣленное Гумбольдтомъ въ размѣрѣ, превышающемъ въ четыре раза объемъ Европы. Въ отношеніи объема, по всей вѣроятности лиссабонское землетрясеніе не имѣетъ себѣ равнаго, но отно-

сительно продолжительности, оно далеко уступаетъ менѣе извѣстному, но не менѣе замѣчательному землетрясенію въ новомъ Мадридѣ, въ долинѣ Миссисипи, продолжавшемуся почти безпрерывно въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ 1811—12 году и достигшемъ кульминаціонной точки, весной послѣдняго года, мгновеннымъ и полнымъ разрушеніемъ города Каракаса, съ 12,000 чел. жителей. Землетрясенія сходныя по характеру и объему съ катастрофой Аграма, хотя несравненно болѣе разрушительныя, чѣмъ послѣднее, повторялись нѣсколько разъ въ Бруссѣ, въ Малой Азіи, въ періодъ Крымской кампаніи, въ началѣ 1855 года.

Константинополь былъ тогда полонъ англичанъ, многіе изъ нихъ до сихъ поръ помнятъ смятеніе въ столицѣ, вызванное этой катастрофой; хотя землетрясеніе и не повредило самого Константинополя, но почти совершенно разрушило городъ Бруссу, причемъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ. Изъ 125 мечетей, большинство которыхъ существовало еще съ того времени, когда Брусса была столицей Турецкой имперіи, ни одна не осталась цѣлой; самая древняя и почитаемая изъ нихъ была разрушена совершенно. Старая Сарацинская стѣна рухнула и придавила собой бѣдное населеніе, массами пріютившееся подъ ея охраной. Второй толчекъ довершилъ разрушеніе, начатое первымъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхнули пожары. Позднѣе происходилъ цѣлый рядъ еще болѣе разрушительныхъ землетрясеній въ Южной Италіи и Сициліи зимой 1857—8 года. Людей при этомъ погибло огромное количество, нѣсколько городовъ въ Калабріи обращены въ развалины. За этимъ землетрясеніемъ въ Европѣ слѣдовало почти немедленно землетрясеніе въ Мексикѣ, въ іюнѣ 1858 г., а въ мартѣ 1859 г. городъ Квито былъ почти совершенно разрушенъ, причемъ погибло 5,000 народу. Но самымъ бѣдственнымъ и ужаснымъ землетрясеніемъ новѣйшаго времени было то, которое произошло въ Южной Америкѣ въ августѣ 1868 года. Говорятъ, что въ Перу оно погубило 2,000 человѣкъ, а въ Экуадорѣ 20,000. Города: Арика, Ареквина, Ислай, Иквикве, Писко, Хуанка-велика, Ибарра и нѣсколько другихъ были въ конецъ разрушены, и понесенные убытки оцѣнивали въ 60,000,000 ф. ст. Городъ Арика, бывшій центромъ землетрясенія, сначала былъ потрясенъ обыкновеннымъ толчкомъ, потомъ началось волнообразное колебаніе до того сильное, что суда, стоявшія на якорѣ на глубинѣ 8-ми саженъ, очутились погруженными въ воду на шесть футовъ, вторая волна расщепала большинство судовъ, а другая отбросила на нѣсколько сотъ футовъ. Въ Ареквинѣ сотрясеніе было такъ сильно, что люди не могли устоять на ногахъ. Дома сначала заколыхались какъ корабли на морѣ, потомъ разсыпались на мелкія части. За этимъ послѣдовало 19 слабѣйшихъ толчковъ. Правда, что въ Центральной и Южной Америкѣ землетрясеніе составляетъ довольно обыкновенное явленіе, но въ 1868 году бѣдствіе было особенно ужасно.

По поводу романа Биконсфильда. По словамъ „Atheneum“, графъ Биконсфильдъ выручилъ своимъ новымъ романомъ „Эндиміонъ“ 10,000 фунтовъ стерлинговъ. Тотъ же источникъ сообщаетъ, что авторъ писалъ этотъ романъ въ продолженіи десяти лѣтъ.

Путешествіе полумилліона франковъ. Французскія газеты сообщаютъ слѣдующія подробности о нахожденіи съ 650,000 франковъ пакета, потеряннаго нѣсколько времени тому назадъ г. Пажè въ воксалѣ Сѣверной желѣзной дороги въ Парижѣ. Пакетъ въ 650,000 фр. не былъ забытъ (какъ сперва предполагалъ г. Пажè) въ одной изъ комнатъ воксала, а былъ оброненъ на набережной. Здѣсь онъ былъ найденъ, завернутымъ въ старую газетную бумагу, тремя безсрочно-отпускными рядовыми. Предполагая, что это просто свернутыя газеты, они обошлись съ нимъ весьма небрежно, даже не дали себѣ труда поднять его, а идя подбрасывали его ногами до самаго воксала. При входѣ въ вагонъ, одинъ изъ нихъ поднялъ свертокъ и желая подшутить надъ своимъ товарищемъ, сунулъ старую газету къ тому въ дорожный мѣшокъ. Пріѣхавъ на мѣсто, Эзело отправился далѣе пѣшкомъ въ мѣстечко Нельи къ своимъ родителямъ, занимающимся садоводствомъ и живущимъ исключительно своимъ трудомъ. На пути къ дому онъ еще зашелъ въ трактиръ и, не снимая съ плечъ мѣшка, пѣлъ и даже плясалъ тамъ, пробывъ цѣлыхъ два часа. Когда же онъ пришелъ домой, то мать его раскрыла мѣшокъ и, увидѣвъ грязную пачку старыхъ газетъ, бросила ее на столъ. Такимъ образомъ пролежалъ этотъ свертокъ въ 650,000 франковъ 4—5 дней, никѣмъ незамѣченный. Случайно приходитъ одна изъ замужнихъ сестеръ Эзело, и видитъ что на столѣ валяются газеты, садится, вертитъ ихъ въ рукахъ разговаривая и нечаянно раскрываетъ, и къ величайшему удивленію видитъ массу цѣнныхъ бумагъ. Семейство Эзело тотчасъ отправляется въ ратушу для передачи находки. Семья Эзело не знала ни о потерѣ 650,000 фр. г. Пажè, ни объ обѣщанной находчику наградѣ, также объ опасности тратить эти деньги, такъ какъ нумера всѣхъ этихъ бумагъ были уже опубликованы въ газетахъ. Одна честность руководила ихъ въ этомъ поступкѣ. Не найдя никого въ ратушѣ они отправились въ жандармерію. Унтеръ-офицеръ тотчасъ же телеграфировалъ въ Парижъ, Г. Пажè прибылъ въ ту же ночь въ Нельи. По наведеніи справокъ о тождественности лица и выдачѣ извѣстной части денегъ находчику, г-нъ Пажè получилъ сполна потерянныя имъ деньги. Семейству Эзело онъ выдалъ немедленно обѣщанную сумму именно въ 25,000фр., а дочерямъ унтеръ-офицера въ 5,000 франковъ.

Мексиканская Помпея. Уарней, изслѣдующій въ настоящее время Мексику и центральную Америку, открылъ недавно такъ сказать *Мексиканскую Помпею*. Близь города Тулла, который построенъ на мѣстѣ бывшей столицы древней имперіи Тольтековъ открылъ онъ развалины большаго дворца и, кромѣ того, вырылъ изъ подъ земли цѣлую виллу въ 25 комнатъ, съ 15 лѣстницами и двѣнадцатью корридорами. Остатки фарфора, грубая глиняная посуда—найдены среди развалинъ. Вилла, по стилю, характеристичнѣе всѣхъ памятниковъ Имперіи Тольтековъ, которые извѣстны доселѣ. Тутъ-же отрыты кости какихъ-то большихъ жвачныхъ животныхъ. Изъ нихъ одна берцовая кость имѣетъ около четырнадцати дюймовъ длины и четыре дюйма толщины.

Вырожденіе туземцевъ Новой Зеландіи (Австралія). Уже давно замѣчено, что при столкновеніи цивилизованныхъ народовъ съ дикими—послѣдніе вырождаются. Многія племена, населявшія Америку, исчезли окончательно; численность другихъ сильно уменьшилась. Тоже самое наблюдается и въ Австраліи.

Недавняя перепись въ Новой Зеландіи обнаружила, что количество туземцевъ, маорисовъ, быстро уменьшается. Весьма вѣроятно, что черезъ одно или два поколѣнія бѣдные дикари окончательно исчезнутъ съ лица земли. Какъ на причины такого вырожденія указываютъ на пьянство, вслѣдствіе его дурное питаніе, вообще на дурной образъ жизни, главнымъ образомъ зависящій отъ пьянства, къ которому дикари привыкли послѣ проникновенія сюда европейцевъ.

Въ 1861 году число маорисовъ доходило до 55,336. Съ тѣхъ поръ это число уменьшилось до 43,595 или, опредѣляя уменьшеніе въ процентахъ—*на 20% въ семнадцать лѣтъ*. Въ тоже время туземцы Гаваи вырождаются еще быстрѣе. Число ихъ уменьшилось отъ 57,125, въ 1866 году,—до 44,088, въ 1878 году, то-есть на 23 процента въ двѣнадцать лѣтъ или *на 32½% въ семнадцать лѣтъ*. На дикарей нашествіе такъ называемой цивилизаціи въ видѣ купцовъ и торгашей всякаго рода, т. е. самой дурной ея стороны, производитъ гибельное вліяніе. Они принимаютъ тотчасъ всѣ дурныя стороны европейцевъ и ни одной хорошей.

Политическое обозрѣніе.

Греко-турецкій вопросъ; Турція и Румелія.—Румынія.—Австро-Венгрія, — Коммунары во Франціи.—Ирландія. Лига.—Курды и Персія.

Съ разрѣшеніемъ турецко-черногорскаго вопроса, на сцену выступаетъ снова вопросъ греческій, или греко-турецкій. Нѣтъ сомнѣнія, что не мало еще времени пройдетъ до тѣхъ поръ, пока вопросъ этотъ будетъ приведенъ къ окончанію. Что касается способа разрѣшенія его, то по этому поводу ходятъ слухи, будто Европа предлагаетъ третейскій судъ державъ. Повторяемъ—это пока только слухи, согласно которымъ также князь Бисмаркъ, принимая столь великое участіе въ дѣлѣ сохраненія европейскаго мира, предполагаетъ помирить Эллинское королевство и Турецкую имперію на уступкѣ первому острова Крита. Къ этому прибавляютъ, что графу Гацфельду поручено навести справки въ Константинополѣ о томъ, какъ будетъ принято Портою подобное посредничество. Но если даже Турція и согласна была-бы (съ обычными проволочками своими) уступить Греціи Критъ, за то она высказываетъ весьма немного расположенія къ соединенію Румеліи съ княжествомъ Болгарскимъ. Это очевидно изъ обнародованнаго недавно добавленія къ своду турецкихъ уголовныхъ законовъ, которымъ постановлена смертная казнь за попытку къ насильственному присоединенію вассальной оттоманской области къ какой-бы то ни было странѣ, хотя бы даже находящейся въ вассальной зависимости отъ Турецкой имперіи. Ясно, что въ этомъ добавленіи имѣлись прямо въ виду Восточная Румелія и Болгарское княжество. Провозглашая новый законъ (очень можетъ быть—съ совѣта „добрыхъ друзей“ славянства), турецкое правительство обезпечиваетъ себѣ юридическую почву для борьбы съ панболгарскимъ движеніемъ, усиливающимся все болѣе и болѣе въ провинціи и княжествѣ. Если Порта, что и надо думать, предпишетъ генералъ-губернаторству Восточной Румеліи примѣненіе этого закона, то, само собою понятно, — онъ не будетъ въ состояніи примѣнить его. Не только населеніе, но и власти охвачены естественнымъ стремленіемъ возсоединенія болгарскаго народа, возставовленія Болгарскаго царства. Нѣкоторыя великія державы также не противъ этого исхода движенія.

Въ Румыніи недавно улаженъ вопросъ о престолонаслѣдіи: за отсутствіемъ прямаго наслѣдника, престолъ переходитъ къ сыновьямъ брата князя Карла, принца Леопольда, который отказался за себя, въ пользу сыновей, т. е. въ пользу старшаго и потомства его, если оно будетъ. Такое разрѣшеніе вопро-

са этого произвело благопріятное впечатлѣніе въ княжествѣ.

Въ австрійскомъ рейхсратѣ, въ настоящее время, разсматривается предложеніе графа Вурмбрандта о равноправности языка въ имперіи. Вурмбрандтъ предложилъ регулировать закономъ употребленіе туземнаго языка во всякой данной мѣстности монархіи и удержать преобладаніе въ государствѣ нѣмецкаго языка. Пренія не привели еще ни къ какому результату.

Во Франціи все и вся ратуетъ противъ нынѣшняго правительства, противъ республики, Въ первыхъ рядахъ нападающихъ, первыми застрѣльщиками служатъ коммунары. Непримиримая группа крайней лѣвой выказываетъ теперь въ Парижѣ особенную дѣятельность. Она постоянно созываетъ сходки, устраиваетъ публичныя лекціи для рабочихъ и вообще употребляетъ всѣ зависящія отъ нея мѣры для поддержанія агитаціи въ полномъ ходу. Рѣчи, произнесенныя на этихъ собраніяхъ, имѣютъ одинъ и тотъ-же характеръ. Въ числѣ ораторовъ появились „гражданки" Луиза Мишель, Альфонсина Оклеръ, Элиза Кароль и другія, перещеголявшія самыхъ передовыхъ вожаковъ коммуны. Правительство Греви, однако, до сихъ поръ еще не принимаетъ никакихъ мѣръ. Съ одной стороны оно желаетъ дать этой партіи выказать всѣ силы свои, чтобы ознакомиться съ ними основательнѣе, а съ другой—оно не считаетъ этихъ коммунаровъ опасными для государства и убѣждено, что революціонная пропаганда не можетъ найдти себѣ почвы въ арміи.

Пріемъ Русскаго посольства Людовикомъ XIV въ 1681 году. Факсимиле рѣдкой, старинной гравюры на мѣди. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Зато англійскому правительству, какъ кажется, приходится ожидать положительнаго возстанія въ Ирландіи. Недавно Парнелль говорилъ рѣчь, въ которой высказывалъ прямо, что отечеству его приходится стремиться къ одной цѣли—освобожденію отъ Англіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ирландская земельная лига

(Продолженіе на стр. 1045, 1046, 1047, 1048. 1049, 1050, 1051 и 1052).

продолжаетъ, силою террора поддерживать обаяніе свое, заботясь о томъ, чтобы предписанія ея выполнялись въ точности. Разскажемъ, между прочимъ, примѣръ дѣятельности ея въ этомъ отношеніи. Нѣкто Сюлливанъ, давно уже не платившій своему помѣщику аренды, былъ изгнанъ по суду изъ занимаемаго имъ участка. Долгъ его помѣщику простирался до 100 фунтовъ стерлинговъ, но чтобы отдѣлаться отъ неакуратнаго плательщика, помѣщикъ предлагалъ ему такую же сумму, лишь-бы онъ подчинился рѣшенію суда. Но Сюлливанъ не согласился на это. Когда-же подошло время сѣнокоса, землевладѣлецъ выстроилъ хижину подлѣ самаго участка Сюлливана и поселилъ въ ней крестьянина Гриффина, поручивъ ему смотрѣть за сѣномъ и напоминать Сюлливану о необходимости оставить участокъ. Исполнительный комитетъ земельной лиги передалъ выговоръ Гриффину за непатріотическій его образъ дѣйствій; когда-же онъ не послушался приказанія лиги немедленно уйдти изъ хижины и болѣе не служить помѣщику, то, однажды ночью, явились къ нему 12 человѣкъ съ зачерненными лицами и вооруженные съ головы до ногъ. Начальникъ этой шайки обратился къ товарищамъ съ вопросомъ,— къ какому наказанію долженъ быть приговоренъ Гриффинъ; тѣ единогласно отвѣтили, что онъ заслужилъ быть разстрѣляннымъ, однако, во вниманіе отчаянныхъ просьбъ семьи его, дѣло ограничилось только тѣмъ, что ему отрѣзали верхушку праваго уха!..

Замокъ короля Баварскаго, Гогеншвангау. Съ фотогр. грав. О. Ротъ.

Согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, шейхъ Абейдулла пріостановилъ непріязненныя дѣйствія курдовъ противъ Персіи до весны. Персидскій посланникъ въ Константинополѣ требуетъ отъ Порты возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ Персіи набѣгомъ курдовъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Объ изданіи журнала „Нива“ въ 1881 г.

Небывалое до сего въ русской журналистикѣ количество подписчиковъ—55000, т. е. больше, чѣмъ у всѣхъ существующихъ въ Россіи иллюстрированныхъ изданій такого рода, взятыхъ вмѣстѣ, въ нынѣшнемъ 1880 году, доказало то сочувствіе и довѣріе, которымъ нашъ журналъ пользуется. Число это неизмѣнно увеличивается, что совершенно понятно, такъ какъ всѣмъ нашимъ постояннымъ подписчикамъ извѣстно, что „Нива“ улучшается съ каждымъ годомъ, количество матеріала все увеличивается, программа расширяется и достоинство богатыхъ премій возвышается неизмѣнно—**цѣна же остается при всѣхъ этихъ дорогихъ и капитальныхъ улучшеніяхъ та же.** „Нива“—соображая массу даваемаго матеріала—**самый дешевый иллюстрированный журналъ** не только въ Россіи но и за границей, что видитъ всякій, знакомый съ заграничными, такаго рода, изданіями. Программа журнала, цѣна—остаются тѣ же, какъ и въ прежніе 11 лѣтъ и издатель будетъ постоянно улучшать достоинство матеріала.

Что касается матеріала вообще и произведеній, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи **для помѣщенія въ „Нивѣ“, въ будущемъ 1881 году,** у насъ есть, кромѣ массы художественно-выполненныхъ гравюръ, цѣлый рядъ **капитальныхъ литературныхъ** произведеній, какъ: **большой историческій романъ** изъ русской жизни XVIII в., автора извѣстныхъ историческихъ романовъ, **Вс. С. Соловьевв: „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“**; большая повѣсть **Н. Н. Каразина „СТАРЫЙ ДЖУЛДАШЪ“** (изъ жизни въ средне-азіатскихъ пустыняхъ) **Н. Морскаго** (автора романа „Купленное счастье“), большая повѣсть **„ПОДЪ ЗЕМЛЕЮ“**; повѣсть **В. Г. Авсѣенко „МГОВЕНІЕ“**; два разсказа **Н. Успенскаго—„Охотники“** и **„Небывалый случай“**; два разсказа **П. П. Гнѣдича „По домашнимъ обстоятельствамъ** и **„Подъ снѣгомъ“** повѣсти **А. С. Максимова :„На Востокѣ“, „Разсказъ Топографа“** и **„На островѣ Аснольдѣ“**; разсказъ **В. Петрова „Горные орлы“**, изъ временъ Герцеговинскаго движенія; рядъ очерковъ: по исторіи русской литературы—**А. П. Милюкова. П. П. Гнѣдича, Н. Боева и друг.**; по естественнымъ наукамъ и гигіенѣ—**А. Ф. Брандта, И. О. Фесенко, Н. Дружинина, Э. И. Нивинскаго** и многія другія. Какъ **преміи на будущій 1881 г.** мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря на 1881 г., который будетъ приложенъ при первомъ № за **1881** годъ) **двѣ превосходныя, исключительно для «Нивы» исполненныя, большія акварели знаменитаго М. Зичи, придворнаго художника Е. И. Величества. Новыя двѣ картины М. Зичи** изображаютъ двѣ сцены **одной изъ лучшихъ повѣстей геніальнаго нашего писателя Н. В. Гоголя—„Тарасъ Бульба“. Первая сцена „Въ осажденномъ городѣ“**, свиданіе Андрія,—младшаго сына Тараса Бульбы, который приноситъ тайно хлѣбъ въ замокъ—съ красавицей полькой. **Вторая—„Встрѣча Тараса съ Андріемъ, послѣ его измѣны“** на полѣ битвы, подъ осажденнымъ городомъ. Тутъ художникъ удивительно блестяще воспользовался всѣми данными, какія представляютъ эти высоко-художественныя, превосходныя сцены. Преміи эти будутъ высланы, не смотря на значительные расходы за высылку (**за одни картинные футляры и почтовыя марки въ 1880 году** при высылкѣ премій **было заплачено около 8,000 рублей, не говоря о самыхъ картинахъ**), какъ и въ прошлыхъ годахъ—совершенно **безплатно** для **гг. годовыхъ подписчиковъ—не увеличивая** за то подписной цѣны. Такимъ образомъ въ будущемъ **1881** году **„НИВА“** получитъ еще новыя улучшенія, еще болѣе дорогія **преміи** и въ ней появятся **оригинальныя** произведенія самыхъ талантливыхъ русскихъ писателей и художниковъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ **капитальныхъ литературныхъ произведеній**, въ нашемъ распоряженіи находится разсказъ **„БАРЫШНИКИ“ извѣстнаго этнографа** и путешественника по Россіи **С. В. МАКСИМОВА**, автора книгъ «На Сѣверѣ», „На Амурѣ“, „Сибирь и каторга“ и многихъ другихъ, всей читающей Россіи извѣстныхъ, произведеній.

Подробное объявленіе о подписныхъ цѣнахъ можно видѣть на 1-ой страницѣ номера подъ титуломъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1881 г. „Нивы“ просятъ заблаговременно обращаться прямо въ Главную Контору редакціи журнала „Нива“ помѣщающуюся въ С.-Петербургѣ, Больш. Морск. ул., д. № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

Всероссійская Мануфактурная Выставка въ Москвѣ.

Въ будущемъ **1881** году отъ журнала „Нива“ посылаются въ **Москву**, на **Всероссійскую Мануфактурную Выставку, спеціальные корреспонденты** и **рисовальщики**, которые будутъ доставлять намъ **рисунки и описанія** всего, что только обратитъ на себя общее вниманіе. Эти статьи, очерки и рисунки составятъ цѣлый, особый отдѣлъ журнала съ нѣсколькими стами гравюръ. Будутъ помѣщены объясненія спеціальныя, отдѣльныя популярно-научныя статьи, касающіяся наиболѣе интересныхъ предметовъ, сценки и описанія Выставки, маленькіе очерки и разсказы, характеризующіе жизнь Москвы во время Выставки. Весь этотъ богатый матеріалъ, хотя онъ **значительно долженъ увеличить расходы ка каждый №**, и нами не былъ обѣщанъ, опять-таки не возвышаетъ подписной цѣны на „Ниву“. Если бы мы весь, касающійся Выставки, матеріалъ изъ „Нивы“ потомъ отпечатали и издали отдѣльной книгой, книга эта одна стоила бы **во всякомъ случаѣ болѣе подписной цѣны „Нивы“.**

Мы просимъ **гг. экспонентовъ Выставки посылать намъ рисунки и фотографіи выставляемыхъ ими предметовъ**, имѣя въ виду, что такимъ образомъ свѣденія объ ихъ издѣліяхъ получатъ весьма широкую гласность, такъ какъ „Нива“ **самый распространенный журналъ въ Россіи изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время.** Это особенно важно въ томъ отношеніи, что множество лицъ по разнымъ обстоятельствамъ все же не посѣтятъ Выставки и для такихъ лицъ будутъ особенно важны эти свѣденія, ибо „Нива“ получается въ **отдаленнѣйшихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества** и нѣтъ почти, можно сказать, ни однаго городишка или мѣстечка въ Россіи—гдѣ бы **„Нива“** не имѣла хоть нѣсколькихъ подписчиковъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 85.

I.	1 Евва		2 Вуаль	VIII	1 Холстъ 2 Шея
	2 По 3 И		3 Ми	IX	1 Титъ 2 Ужъ
	4 Тостъ		4 Левъ	X	1 Сосѣдъ
II.	1 Кружка	VI	1 Пѣтухъ		2 Вѣдьма
	2 Зенит(ъ)		2 Мѣлъ		3 Тесъ
	3 Шпика		3 Рея		4 Типъ
	4 По		4 Левкои	XI	1 Глина
III	1 Волъ		5 Зала		2 Дитя
	2 Диво		6 Да. 7 По		3 Трепетъ
IV	1 Хоръ	VII	1 Сѣнникъ	XII	1 Свѣт льня
	2 Ока		2 Крезъ		2 Четъ
	3 Снѣгъ		3 А	XIII	1 Походъ
V	1 Волхвы		4 Пѣснь		2 И 3 Иродъ

В	о	т	ъ	у	ж	ъ	п	ѣ	с	н	ь	з	а
в	о	д	и	т	ъ	п	ѣ	с	е	н	н	и	к
ъ	л	и	х	о	й	И	з	ъ	к	р	у	ж	к
а	в	ы	х	о	д	и	т	ъ	п	а	р	е	н
ь	м	о	л	о	д	о	й			Ш	а	п	к
у	в	в	е	р	х	ъ	к	и	д	а	е	т	ъ
Л	о	в	и	т	ъ	н	е	г	л	я	д	и	т
ъ	П	л	я	ш	е	т	ъ	п	р	и	с	ѣ	д
а	е	т	ъ	С	о	л	о	в	ь	е	м	ъ	с
в	и	с	т	и	т	ъ			П	ѣ	с	н	ѣ
о	т	в	ѣ	ч	а	е	т	ъ	К	о	р	о	с
т	е	л	ь	в	ъ	л	у	г	а	х	ъ	П	ѣ
с	н	я	з	а	м	н	р	а	е	т	ъ	д	а
л	е	к	о	в	ъ	п	о	л	я	х	ъ		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Алеліусъ, Калининой; Серпуховъ—Иконникова.

Рѣшеніе ребусовъ, помѣщенныхъ въ №№ 46 и 47-мъ „Нивы“.

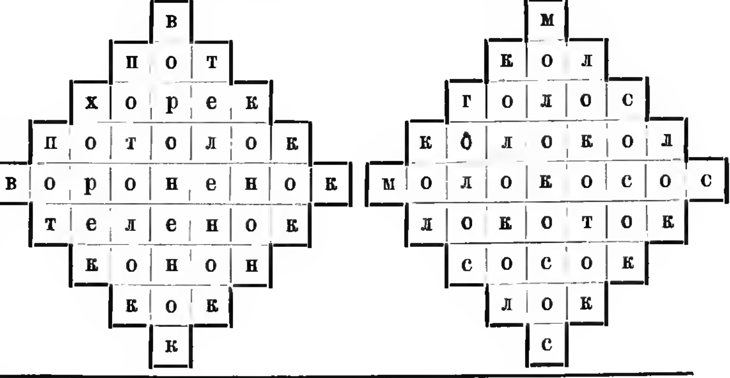
1) Забава да игра не принесутъ добра.

2) Добрый примѣръ и честный трудъ не пропадаютъ даромъ.

3) Наступила зима и морозы, а дрова продаются въ тридорога.

Вѣрныя рѣшенія етихъ ребусовъ присланы отъ гг.: **Спб**—Афанасьева, Кумо, Курочкина, Косолапова, Приб—кова, Левшина, Авдушиной, Перегудова, Соколова, Ивашенцева, Друскевича, Гулевича, Федорова, Пфеллеръ, Чистякова, Печоро, Стриппапурочки, Киржакова, Беоеветтеръ, Гаврилова, Стевановой, Гомзякова, Иванова, Верие, Заплатнина, Гофмана, Курочкиной, Поповскаго, Зайцева, Чевушкина, Рогова, Гольмъ, Сарро, Ферлей, Нордгеймъ, Каменева, Гринцевича, Микко-Руси, Рвмезова, Гринкенгофъ, Аннудинова, Зайцева, Платонова, Генингъ. Мошкина, Гусаровой, Кокетана, Касаткина, Грамотнаго, Халкевича, Чвнъ-Гань-Гока, Щетковской, Нетужилина, Максимовскаго, Зейме, Ильиной, Байкове, Судакова, Скрябина, Ивашенцова, Анкудинова, Кобылина, Шевингиной, Заплаткина, Кондратьевой, Шмакова, Платонова, Долли, Сережи, Петелополиощницкаго, Евгеніевича, Шевелева, Мерека, Валдаева, Федорова, Фавицкаго, Панова, Кулина, Тонбергъ, Эммануель, Подзолова, Бегемотъ, Соколова, Грабовскаго, Татаринова, Десятова, Шпуитнкъ, Шеманина, Холвина, Якобусъ, Шарыбина, Паншина, Дмитріева. **Москва**—Кичигина, Любимова, Ивакина, Корешкова, Блинова-Сучкова, Полтавцева, Войникова, Дуева, Лебедева, Лаикина, Землянскаго, Мануилова, Немаго, Сутькова, Скурторова, Носкова, Гагарина, Домбровскаго, Любимова, Чибисова, Расторгуева, Шермакова, Федорова, Горлунгъ, Балдина, Захарова, Милвева, Соловьева, Пушкина, Саватюгина, Кердунова, Еремине, Трукинъ-Алалыкина, Рыжковой, Кудрявцева, Тихомирова, Ловченко, Полтавцева, Терентьева, Сутькова, Иванова, Соколова, Горчакова, Львова, Землянскаго, Нестерова, Никифорова, Поеняка, Мошкина, Крысовой, Калмыковой; **Балашовъ**—Хованскаго, **Бобруйскъ**—Нестерова, **Богородицкъ** — Б—л—б—на, **Бари**—Рогальскаго, **Брестъ**—Васильевой, Манакулова, **Брянскъ**—Чикрыгина, Коровкевича, с, **Бѣгн·цъ**—Любвиова, **Бѣжецкъ**—Рѣпина, Галунова, **Бѣлый**—Спиридонова, **Валки**—Вдовиченко, **Варцинъ** — Гауптъ, **Варшава** — Гаврилова, Клугенъ, Жерноклеева, Сопова, Троицкаго, **Вержболово**—Гаяискаго, **Великіе Луки** — Ноенискаго, Хлѣбникова, **Вильна**—Чашкина. Долматскаго, Гейслеръ, **Витебскъ**—Катнеръ, **Владиміръ**—Свѣтоезоровой, Колеавова, Каракиной, **Вологда**—Купериной, **Воронежъ**—Попова, Кулевача, Авиртидзъ, с. **Воскресенское**—Ланскаго, **Вытегра**—Семенова, **Гомель**—Першина, **Гори**—Лонгинова, **Динабургъ**—Когана, Фрейдинъ, Стельмаховичъ, Николай, **Дисна**—Лвотова, **Дмитровъ**—Аркадьева, **Елецъ**—Рощупкина, Тимофѣева, Федорова, Валуйскаго, Даева, Бурей Веренден, **Елисаветградъ** — Флаксменъ, **Еремино**—Жуковской, **Ефремовъ**—Горѣлова, **Ельниково**—Роусанской, **Завидово**—Селина, **Задонскъ**—Вистромъ, **Закостье**—Заверсвова, В. И. С., **Иваново-Вознесенскъ**—Селивановскаго, Коронина, **Иловли** — Вощилло, **Казань** — Дадатена, Шемякина, **Калуга**—Вагина, Васильева, Шумилина, Милвванова, **Калязинъ**—Гребенюка, **Каргополь**—Горсваго, **Касимовъ**—Ру—на, **Кинешма**—Яблокова, **Киржачъ** — Коссакъ, **Кирсановъ** —Окиничцъ, **Кіевъ** — Ленковскаго, Корчинской, Киселввсвой, Москалвва, Прасолова, **Кобринъ**—Госковскаго, **Ковровъ**—Соколова, **Козельскъ** — Усачевой, **Колпино**—Денисова, **Кострома**—Солодовниковыхъ, Анисова, **Кошадиры**—Гертеръ, **Кронштадтъ**—Захарова, Хитрова, Рыбкина, Горбунова Родіонова, **Курба**—Афанасьева, **Курскъ** — Сидѣльникова, Кудриваго, Шамуляръ, Шнурова, Шпанова, Пирогова, Милліонщикова, Закрицкаго, **Либава** — Соловьева, **Ловичь** — Романенко, **Луга**—Лапина, **Малая Вишера**—Бадалова, **Мицкевъ**—Гашкевича, **Минскъ** — Платонова, Ощевскаго-Кругликъ, **Митава**—Соколовскаго, **Михайловъ** — Терскаго. **Могилевъ**—Коцюбинской, **Мозырь**—Александровой, В. Ю., **Монрак Квлигория**—Горблитъ, **Моршанскъ**—Ефимова, **Мценскъ**—Никифорова, **Некель**—Эліашевича, **Нижній-Новгородъ**—Филатова, Салорева, Бойтвевичъ, Ефимова, Обросимаго, Батенькова, Яргошскаго, Вѣрочки, с. **Новое**—Розанельскаго, **Новониколаевская**—Полугаенко, **Новочеркасскъ**—Сиротина, Волотинова, Ермилова, Кирсанова, **Одесса**—Зонъ, Богдановскаго, Аркадьева, Балтеръ, **Опочка**—Жиленскаго. **Оренбургъ**—Баженова, **Истровъ**—Поплавскаго, **Ошмяны**—Каганъ, **Переяславъ**—Сорохтина, Угрюмова, Строева, **Перемышль**—Брейтфусъ, с. **Посочня**—Окунева, **Петергофъ**—Игуменовой, **Петрозаводскъ**—Варфоломѣева, **Пинскъ**—Сворвчввскаго, **Полтава**—Зарѣцкаго, **Почепъ**—Фесютина, **Псковъ**—Робачевскаго, Пантелеевой, Сутоцкаго, Франіо, **Пултускъ** — Шанскаго, **Римская**—Шарова, **Ржевъ**—Культепина, **Рига**—Костогорова, **Ростовъ**—Колокольцевой, Зографидв, Резниченкова, Чернышенко, Хлистунова, Варабвшина, Захаровой, Кобыщанова, Трегубенко, Рабиновичъ, **Рудня**— Суханова, Масювова, **Рыбинскъ**—Лотонина, Сопникова, Переславцева, **Ряжскъ**—Воронина, **Рязань**—Шумовыхъ, Слѣвцова, ст. **Савелино**—Федорова, **Сапожокъ** — Федорова, **Саратовъ** — Дитмейеръ, **Сисово**—Лебедева, **Себѣжъ**— Яковлева, **Серпуховъ**— Егорова, **Скопинъ**—Жданова, Ш—каго, **Слупцы**—Шеръ, **Смоленскъ** — Котикова, **Сызрань** — Карманъ, Арзамасова, **Сумы**—Масальскаго, **Таганрогъ**—Ко—ка, **Тверь**—Ушакова, Воробьевой, Арефьевой. **Тверечь**—Спиридонова, **Тейново**—Макарина, **Тирасполь**—Врадуганъ, **Торопецъ**—Шеранова, **Угличъ**—Лучинскаго, Горбачевой, **Харьковъ**—Полковыхъ, Зарубина, **Холмъ**—Бирюковичъ-Стрѣльбицкаго, **Царицынъ**—Мишина, Лускарева, **Царское-Село**—Н. М., Просвурниной, **Шуя**—Иванова, Лабанова, **Юрбургъ** — Мурзусъ-Бурьянскаго, **Юрьевъ**—Рудавова, **Юхновъ**—Иванова, **Ярославль**—Чукашевой, Нвчаева и Оберпломъ.

Рѣшеніе Магическихъ крестовъ №№ 70 и 71.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Бергъ.**

Только что вышло изъ печати
3-е изданіе
УЧЕБНИКА ГАРМОНІИ
П. ЧАЙКОВСКАГО
Профессора теоріи музыки Московской Консерваторіи.

Москва, у П. Юргенсона, 10, Неглинный проѣздъ.

С.-Петербургъ, у І. Юргенсона. Варшава, у Г. Зенневальда.

П. № 1101

Требуются предпріимчивые, дѣятельные
≡АГЕНТЫ≡
подъ выгодными условіями для продажи вездѣ хорошо принято предмета продовольствія во всѣхъ городахъ Россійской имперіи. Адресоваться г. В. Фритцъ, Больш. Морская, д. № 33, кв. 12, въ С.-Петерб. К. № 1091

ВЪ 1881 ГОДУ
ЖУРНАЛЪ
КОННОЗАВОДСТВА
будетъ издаваться по прежней своей программѣ, заключая въ себѣ отдѣлы оффиціальный и неоффиціальный.

Въ приложеніи къ Журналу будутъ печататься рысистый и скаковой календарь особыми листами, прилагаемыми къ концу книжки; независимо отъ этого, какъ и прежде, будутъ помѣщаться краткія извѣстія о результатахъ испытаній.

Цѣна за годовое изданіе Журнала, состоящее изъ 12 ежемѣсячныхъ книжекъ съ приложеніемъ обоихъ календарей, слѣдующая: безъ доставки 6 р., съ доставкою и пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Подписка принимается въ Канцеляріи Главнаго Управленія государственнаго коннозаводства, въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской улицѣ, д. № 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ № 1070

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.
СЕМЬЯ и ШКОЛА.
1) ПОЛНЫЙ журналъ, изданія годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа“. № 999 10—6

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золот. тисненіемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ“ въ такую коленкоровую крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.
Поэмы Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio, съ 50 большими превосходными картинами Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНІЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ЦЕСАРЕВНѢ.

Цѣна въ хорошемъ каленкоровомъ переплетѣ 25 р., съ перес. 30 р. Для подписчиковъ «Нивы» 1881 г. 20 р. съ перес. 25 р. Въ роскошномъ полушагреневомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 30 р. съ перес. 35 р. Для подписчиковъ «Нивы» 1881 г. 25 р. съ перес. 30 р.

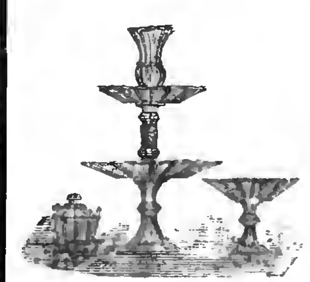
По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ „Голосѣ“ въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась на дняхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное „достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскаго изданія подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фоліантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлившему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка къ предстоящимъ праздникамъ нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ библіотеки или столы ихъ гостиныхъ, ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги.“

Подобные же, еще болѣе лестные отзывы были помѣщены также: во многихъ журналахъ.

Большой выборъ подарковъ
КЪ РОЖДЕСТВУ.

изъ настоящаго богемскаго хрусталя какъ-то:

Туалетные приборы, принадлежности къ письменному столу, сервизы съ монограммами или шифрами гравированныя, разныя Вазы, Бокалы, Подсвѣчники, Люстры, Бра, Канделябры и проч. самой изящной работы по заводскимъ цѣнамъ рекомендуетъ

СПБ. СКЛАДЪ ХРУСТАЛЬНАГО ЗАВОДА
ГРАФА ГАРРАХА
НОВЫЙ СВѢТЪ (ВЪ БОГЕМІИ).

Невскій проспектъ № 54.

Противъ Императорской Публичной Библіотеки. W. № 1097

☛ Новость! ☚
Карты гаданія дѣвицы Ленорманъ вышли въ свѣтъ четвертымъ изданіемъ, которыя вполнѣ заслужили отъ публики большое вниманіе, продаются во всѣхъ книжныхъ и писчебумажныхъ магазинахъ а также и въ игрушечныхъ. Карты эти никогда не ошибаются. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 коп. за коробку. Складъ изданія: Литейная ул. дому № 31. Магазинъ бумагъ Н Попова. № 1085

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
„РУССКІЙ АРХИВЪ“
въ 1881 году.

Въ теченіе 1881 года въ „Русскомъ Архивѣ“ будутъ печататься выдержки изъ неизданныхъ рукописей *А. С. Пушкина.*

Годовое изданіе „РУССКАГО АРХИВА“ въ 1881 году будетъ состоять изъ шести книжекъ или тетрадей, которыя появятся въ свѣтъ по мѣрѣ отпечатанія и составятъ три большіе тома. Цѣна „Русскаго Архива“ въ 1881 г. *девять рублей.*

Подписка принимается въ **Москвѣ** Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.

Въ **Петербургѣ**, на Невскомъ въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

№ 1081 8—1

Поступилъ въ продажу извѣстный и болѣе всѣхъ распространенный:
ЭДУАРДА ГОППЕ
СТѢННОЙ
КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ
НА **1881** ГОДЪ (ГОДЪ X).

съ отрывающимися на каждый день листками и съ приложеніемъ
„СПРАВОЧНОЙ КНИЖКИ“
содержащій въ себѣ указаніе всѣхъ ярмарокъ въ Россіи, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ мѣста, срока и торговъ, на нихъ производящихся, и полный

КАЛЕНДАРЬ КАПИТАЛИСТОВЪ.

Папка календаря украшена изобр. памятника 1000-лѣтія Россіи въ Новгородѣ.

Цѣна **75** коп., съ пересылкой **1** руб.

Торговцамъ, берущимъ партіями,—значительная уступка.

☛ Просятъ въ особенности лицъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, съ требованіями обращаться заблаговременно.

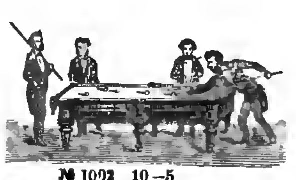
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ЭДУАРДЪ ГОППЕ,

Типографія Имп. Спб. театр., Вознесенскій просп., 53.

1881 — ИЗДАНІЕ Е. ГОППЕ — ЯНВАРЬ 31 — 1 — 13. ЯНВ. ЧЕТВЕРГЪ — 1 ЯНВАРЬ 365 — С.-ПЕТЕРБУРГЪ

№ 1080

Изданіе: 25,000 экз.

Билліардная Фабрика А. ФРЕЙБЕРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Переведена: Изм..йловскій полкъ, на далеко отъ Троицкаго собора, но Троицкому проспекту, соб. домъ. № 13.

№ 1002 10—5

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА ЯКОБСОНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный проспектъ, д. № 21.

Продажа 5 % съ выигр. билет. съ разсрочкою платежей, съ задаткомъ по **20** руб. на билетъ.

Выигрышъ, курсовая разница и купоны составляютъ собственность покупателя.

Страхованіе отъ тиража 5% съ выигрышами билетовъ по 50 к.

Отъ гг. **иногороднихъ,** включая почтовые расходы, по **60** коп. за билетъ.

Всѣ биржевыя и банкирскія операціи по покупкѣ, продажѣ и залогу бумагъ отъ гг. иногородныхъ исполняются по письменнымъ приказамъ черезъ почту.

Пріемъ на коммиссію 5% билетовъ для обмѣна на новые.

Подробная программа операцій помѣщена въ „Нивѣ" № 5 сего года. № 1038 10—3

ЧИТАТЕЛЬ, СТОЙ!

Обратите вниманіе на предметы, находящіеся въ магазинѣ подъ фирмою:

РѢДКОСТИ, НЕОБХОДИМЫЯ ДЛЯ ВСѢХЪ,

М. ЭЙЗЕНБЕРГЪ.

	Р.	К.
1) Вѣчные металлическіе поплавки для лампадки, плавающіе на маслѣ безъ пробки и горитъ безъ фитилей	—	20
2) Американское дерево для склеиванія всякой разбитой посуды, которое держитъ такъ крѣпко, что можно повѣсить нѣсколько пудовъ на склеенномъ предметѣ	—	30
3) Голландское мыло для вывода всякаго рода пятенъ изъ разной одежды	—	20
4) Смола для уничтоженія мозолей безъ всякой боли, штука 20 к. за дюжину	1	50
5) Химическій уголь для разрѣзки стекла и хрусталя на разные узоры, штука	—	25
6) Гуттаперчевая вакса безъ употребленія щетокъ, глянецъ не портится отъ воды, банка 25 коп. и	—	75
7) Спеціальный порошокъ для вывода чернилъ изъ бумаги, полотна и разныхъ вещей	—	25
8) Перья безъ употребленія чернилъ, только обмакивая въ воду, разныхъ цвѣтовъ	—	5
9) Вѣчныя чернила для мѣтки бѣлья	—	40
10) Шаблоны для мѣтки бѣлья на полную азбуку хорошаго сорта	—	40
11) Магическія чернила, когда пишешь, ничего не замѣтно, только знающій секретъ можетъ читать. 20 к.	—	30
12) Золотыя и серебряныя чернила самаго лучшаго достоинства 20, 40 к. и	—	60
13) Англійская мазь для точенія бритвъ и другихъ инструментовъ	—	30
14) Резиновый растворъ для склейки резиновыхъ калошъ и всякихъ резиновыхъ вещей	—	30
15) Машинки для вырѣзыванія итальянск. макаронъ изъ картофеля	—	15
16) Порошокъ для серебренія стертыхъ мѣстъ на накладныхъ и мельхіоровыхъ вещахъ, коробка,	1	—
побольше.	2	—
17) Порошки для позолоты стертыхъ мѣстъ на деревянныхъ позолоченыхъ рамкахъ и багетахъ	1	—
18) Порошки для чистки и полировки мѣдныхъ, томпаковыхъ и бронзовыхъ вещей, коробка 75 коп. и	1	50
19) Порош. для чист. стали, желѣза отъ ржавч. и остроты ножей 75 к. и.	1	50
20) Глянцъ-крахмалъ, самый лучшій сортъ	—	30
21) Жидкое гуммиарабикумъ самое чистое, большой флаконъ	—	25
22) Спеціальное мыло для чистки золота и серебра	—	20
ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ.		
23) Волшебныя звѣзды за дюжину	—	15
24) Бенгальскіе огни разныхъ цвѣтовъ безъ дыму и запаху коробка	—	25
25) Народные костюмы всѣхъ націй, надѣваемые на одно лицо, дѣтямъ очень забавно	—	50

Разные составы для уничтоженія всякаго рода насѣкомыхъ, уничтожающіе ихъ разъ навсегда, цѣна отъ 50 к. и дороже.

Товаръ высылается во всѣ города Россійской Имперіи, но не менѣе, какъ на 5 р. Почтовые расходы на счетъ магазина, при покупкѣ свыше 10 руб.

С.-Петербургъ, Бол. Садовая ул., въ зданіи Пажескаго корпуса, магазинъ № 9. **М. Эйзенбергъ.** К. № 1089

Съ 1-го Января 1881 года, въ С.-Петербургѣ, выходитъ

НОВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

„ПОРЯДОКЪ"

подъ общею редакціею съ журналомъ „Вѣстникъ Европы" и съ участіемъ всѣхъ его постоянныхъ сотрудниковъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки:	Съ достав.	Съ пер.	За границ.
Три мѣсяца	3 р. 50 к.	4 р.	5 р.	7 р.
Полгода	7 „ — „	8 „	9 „	13 „
Годъ	14 „ — „	16 „	17 „	25 „

Мѣсяцъ: безъ доставки 1 р. 25 к.; съ доставкою 1 р. 50 к.; съ пересылкою 1 р. 75 к. за границей 3 р.

Разсрочка для полученія газеты безъ доставки и съ доставкою на домъ—излишня; такъ какъ при подпискѣ на четверть года или полгода подписная цѣна не повышается, для иногородныхъ же и иностранныхъ подписка по частямъ нѣсколько повышена, вслѣдствіе необходимости высылать у насъ газету по иногородной почтѣ съ адресами.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала «Вѣстникъ Европы» въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я линія, 7; иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію Спб. Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору.—Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и объявленія для напечатанія въ газетѣ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. Стасюлевичъ.** № 994 5—5

КЁЛЕРСКАЯ ДУШИСТАЯ ВОДА

замѣчательна отличіемъ своего букета, крѣпостью и большимъ содержаніемъ тончайшихъ ароматовъ; запахъ ея держится въ бѣльѣ по нѣскольку дней, пріятно освѣжительный и облегчаетъ головную боль.

Остерегаться поддѣлокъ!

Оптовая и розничная продажа у **Р. Кёлеръ и К°.** на Никольской у **А. В. Андреева,** на Тверской и въ лучшихъ иногородныхъ колоніальныхъ и галантерейныхъ магазинахъ. Ц. № 1059 5—2

Печат. и выйдетъ **весьма скоро въ НЕЗНАЧИТЕЛЬН. числѣ экз.** романъ

2 тома, отпечат. **на изящн.** бумагѣ. **Ц.** 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. **ЭНДИМІОНЪ** 12 экз. отпеч. (для подпрк.) на вел. б. ц. 1 э. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.

бывш. 1-го министр. англійск. **Лорда Биконсфильда** перев. съ англійск.

Библіотеки и лица желающія получить каждый томъ **немедленно по выходѣ,** обращаются къ издателю **Николаю Асирханову. Спб., Невскій, 90, кв. 23.** Выдается и высылается (за 7 к. м.) **билетъ.** Заготовлены, **по особому заказу,** роскошные переплеты въ 1 р. 50 к и въ 2 р. **Можетъ служить хорошимъ подаркомъ.** Безденежныя требованія не исполняются. № 1088 2—1

ГАЗЕТА КОННОЗАВОДЧИКОВЪ и ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛОШАДЕЙ

въ **1881** году

будетъ выходить по той же программѣ, какъ и въ предъидущіе семь лѣтъ (съ 1874 г.), 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, неуклонно преслѣдуя свою задачу служить, въ качествѣ независимаго органа, интересамъ русскаго коннозаводства, спорта, кавалерійскаго и ремонтнаго дѣла въ Россіи. Цѣна годовому изданію газеты со всѣми къ ней приложеніями (художественно исполненные **портреты замѣчательныхъ лошадей,** описи рысистыхъ и верховыхъ заводовъ и пр.) **СЕМЬ** руб. съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Редакціи газеты, на углу Остоженки и Лопухинскаго переулка, д. Мясникова и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

П. № 1079 Редакторъ-издатель **Н Лодыгинъ.**

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ"

ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій пр. № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ДАЛЬ **В. И. Немировича-Данченко.** Красивый томъ 16° 1 р. 25 к.

ВЪ ГОСТЯХЪ **В. И. Немировича-Данченко.** Красивый томъ 16°. 1 р. 25 к.

Въ красивомъ англійскомъ переплетѣ 1 р. 75 коп. съ пересылкой 2 руб.

Оба эти произведенія рекомендованы всѣми извѣстнѣйшими органами печати, какъ замѣчательныя беллетристическія произведенія **талантливаго автора** и какъ полезные и чрезвычайно интересные очерки путешествій его на Югъ Россіи и на Кавказъ. Въ нихъ авторъ живымъ и бойкимъ языкомъ, описываетъ характеры, типы и обычаи народовъ Кавказа и художественно рисуетъ картины красивой природы. Такимъ образомъ, кромѣ интереснаго чтенія, они, по характеру своему, могутъ быть рекомендованы юношеству, учебнымъ и полковымъ библіотекамъ, какъ полезное пріобрѣтеніе.

ДЛЯ МАТЕРЕЙ УХОДЪ ЗА ЗДОРОВЫМИ и БОЛЬНЫМИ **ДѢТЬМИ**

Соч. д-ра І. **М. Гетца,** обраб. д-мъ **Фр. Лихарчикомъ.**

Пер. съ 4 нѣм. изд. д-мъ **Н. Воронихинымъ.**

2-е русское изданіе съ политипажами въ текстѣ. Красивый томъ in-16° на веленевой бумагѣ 1 р. 75 к., съ пер. 2 р., въ изящн. перепл. съ золотыми тисненіями и спеціальными виньетками, нарочно для этого изданія сдѣланными, 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Это изданіе рекомендовано всѣми извѣстнѣйшими органами печати, какъ самое лучшее и необходимое руководство для матерей при уходѣ и воспитаніи дѣтей. Кромѣ того, по своему изящному виду, оно можетъ служить весьма привлекательнымъ **праздничнымъ ПОДАРКОМЪ.**

ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ

Составила **Елена Молоховецъ** (часть III).

ДОМАШНЕЕ, ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ГИГІЕНА И МЕДИЦИНА.

Эта третья часть заключаетъ въ себѣ: **три плана домовъ, 572 указанія полезныя въ домашнемъ хозяйствѣ,** относительно стирки бѣлья, чистки различныхъ матерій, шляпъ, перьевъ, перчатокъ, кружевъ, металлическихъ вещей, зеркалъ, обоевъ, ковровъ, пуху, половъ и мебели, относительно вывода различныхъ пятенъ и насѣкомыхъ, склеиванія различныхъ вещей, приготовленія чернилъ, ваксы, мыла, душистой воды, помады, пудры и пр. **1315 домашнихъ средствъ** отъ различныхъ болѣзней взрослыхъ и дѣтей и **200 указаній на уходъ,** откармливаніе и болѣзни домашнихъ птицъ и животныхъ. Всего до 2,100 нумеровъ. 341 стр. 8°. Спб. 1881. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ДУША И ТѢЛО. Соч. проф. **Александра Бена.** Пер. съ 6 англ. изд. 228 стр. 16°. 1880. 1 р. 25 к.

Это произведеніе, принадлежащее къ международной научной библіотекѣ, получило всемірную извѣстность, что доказывается выходомъ его въ свѣтъ уже 6-мъ англ. изданіемъ.

ДѢТИ съ 9-ти лѣтняго возраста **В. О. ПОПОВА.** Съ 90 рисунками Н. Каразина, гравированными **Г. Грачевымъ.** 279 стр. 32° Спб. 1881 г. 60 к., въ папкѣ 75 к., въ красивомъ англійскомъ переплетѣ 1 р.

На пересылку прилагають **20 коп.**

Новые замѣчательные французскіе романы въ русскомъ переводѣ:

ОЛИМПІЯ (М-lle Olympe), бывшій торговый домъ Пальмары. Соч. **АЛЕКСИСА БУВЬЕ.** Романъ этотъ рисуетъ парижскія нравы еще въ болѣе яркихъ краскахъ и реальной формѣ, чѣмъ **„НАНА", Эмиля Зола.** м. 8° Спб. 1880.* 2 р.

ИЩУТЪ ЧЕЛОВѢКА. Ром. **Захера-Мазоха.*** 1 р.

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТЪ. Соч. **Захера-Мазоха.*** 1 р.

ДОЧЬ АТЕИСТА. (La meriage d'Odatte). Ром. **Альберта Дальпи.*** 2 р.

КОРОЛЬ СЫЩИКОВЪ. Ром. **Евгенія Шаветтъ.*** 1 р. 25 к.

ОБЩЕСТВО МЕЧА. Ром. **Л. Стапло.*** 2 р.

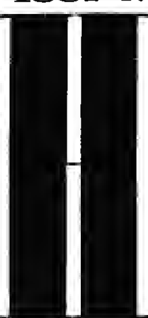
За пересылку прилагается 10% со стоимости книгъ.

Книжный складъ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ" (Эмиль Гартье).

Невскій пр., у Казанскаго моста, д. 27, въ С.-Петербургѣ,

Высылаетъ по требованію всѣ русскія и иностранныя книги и принимаетъ **подписку на всѣ газеты и журналы, русскіе и иностранные. Каталоги безплатно.** М. № 1095

1881 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 15 годъ.

ОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ

Самый полный **ДАМСКІЙ МОДНЫЙ** и иллюстрированно-литературный **ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.**

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ (РАСКРАШЕННЫЕ УЗОРЫ И ПР.)

Изданіе придворнаго Е. И. В. книгопродавца К. К. Ретгера (подъ фирмою Шмицдорфъ.

Давая массу рисунковъ и описаній, какъ домашнихъ нарядовъ такъ и костюмовъ для баловъ, визитовъ, вечеровъ, гулянья, маскарадовъ и проч., всякаго бѣлья и принадлежностей дамскаго и дѣтскаго туалета **„Новый Русскій Базаръ"** помѣщаетъ своевременно все, что выходитъ новаго и замѣчательнаго въ области моды.

Ни одно изданіе въ цѣломъ свѣтѣ, не даетъ такого громаднаго выбора рукодѣлій и дамскихъ работъ, какъ „Новый Русскій Базаръ" не имѣя соперниковъ также и въ отношеніи полноты и разнообразія новѣйшихъ модъ, чему много способствуетъ то, что **редакція моднаго отдѣла „Новаго Русскаго Базара" имѣетъ свои отдѣленія въ Парижѣ и Берлинѣ.**

Чтобы дать читательницамъ возможность постоянно знакомиться со всѣми новѣйшими явленіями модъ—**„Новый Русскій Базаръ"** помѣщаетъ и въ **литературныхъ** нумерахъ **модную хронику и рисунки новѣйшихъ модъ,** такъ что подписчики получаютъ не **24 а 48 разъ въ годъ самыя новыя парижскія моды.**

24 модныхъ нумера въ годъ: болѣе **3,000** рисунковъ **Парижскихъ модъ: дамскихъ туалетовъ, нарядовъ, разнаго бѣлья, обуви, уборовъ, шляпъ, причесокъ и проч. и всевозможныхъ дамскихъ рукодѣлій и работъ,** до **800** выкроекъ въ натуральную величину; изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки; 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

24 литературныхъ нумера въ годъ съ **роскошными** иллюстраціями, составляющіе какъ бы **отдѣльный иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія,** съ разнообразнымъ текстомъ (разсказы, повѣсти, стихотворенія, мелочи и проч:). Съ 1880 года **3** изданія: къ **I**-му изд. **12,** къ **II**-му изд. **24** и къ **III**-му изд. **48** раскраш. парижск. модн. картинокъ. ГОДОВАЯ ЦѢНА: въ С.-Петербургѣ **I** изд. безъ доставки **6** р.; съ дост. **7** р. и пересылкой во всѣ мѣста Россіи **8** р. **II** изд. въ С.-Петербургѣ: безъ дост. **7** р.' съ дост. **8** р., съ перес. въ другія мѣста **9** р. а **III** изд. въ С.-Петербургѣ безъ дост. **9** р. съ дост. **10** р съ перес. въ другіе мѣста **11** р.

На полгода половина означенныхъ цѣнъ съ добавкой 50 коп.

Годовые подписчики получатъ въ видѣ преміи великолѣпную олеографію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Конторѣ **„Новаго Русскаго Базара"**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 5, при придворномъ книжномъ магазинѣ **Шмицдорфъ (Н. Н. Ретгеръ)** и всѣхъ книгопродавцевъ. Ptr. № 1087

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА

„Библіотека для чтенія"

(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно романы, повѣсти и разсказы въ переводѣ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, **по возможности,** одинъ законченный романъ или часть его и небольшую повѣсть или разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный.**

Въ концѣ года, подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія"** будетъ выдана въ видѣ **преміи** 13-ая книжка, отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ, которая будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки	8 руб.	
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ . .	8 —	50 коп.
Съ пересылкою **иногороднымъ**	9 —	—

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му Мая остальныя.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ **Исакова. Въ МОСКВѢ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Вучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ, въ редакцію журнала Библіотека для чтенія,** *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: **иногородныхъ** *исключительно* **въ редакцію, а городскихъ въ СПБ.** въ книжный магазинъ **Бортневскаго,** *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.;* въ **Москвѣ:** *въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова.*

№ 1006 **На 1880** годъ подписка еще продолжается. Ц. 6-3

„КАЗАНСКІЙ БИРЖЕВОЙ ЛИСТОКЪ",

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Казанскій Биржевой Листокъ" въ будущемъ 1881 году будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить по прежнему два раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: 1) Телеграммы торговыя и политическія. 2) Мѣстныя рыночныя цѣны и торговыя сдѣлки при казанской биржѣ, цѣны провоза и свѣдѣнія по судоходству, вѣдомости о сборѣ хлѣбовъ на пристаняхъ, масла, сала и проч. 3) Торговая корреспонденція о цѣнахъ и покупкахъ на хлѣбныхъ пристаняхъ Волжско-Камскаго бассейна и др., о состояніи дѣлъ и цѣнахъ на биржахъ Петербургской, Рижской, Московской, Рыбинской, Ростовской (на Дону), Нижегородской и пр. и свѣдѣнія о ярмаркахъ. 4) Правительственныя распоряженія, касающіяся болѣе торговли и промышленности. 5) Передовыя статьи и извѣстія изъ мѣстной городской общественной жизни. 6) Статьи экономическаго, промышленнаго и техническаго содержанія. 7) Внутреннія извѣстія и иногородныя корреспонденціи. 8. Судебный отдѣлъ (отчеты о засѣданіяхъ по выдающимся чѣмъ либо дѣламъ, въ судебной палатѣ, окружномъ судѣ и мировыхъ учрежденіяхъ). 9) Извѣстія о дѣятельности мѣстныхъ ученыхъ, экономическихъ и друг. обществъ; статьи по разнымъ отраслямъ знаній; замѣтки и новости. 10) Внѣшнія извѣстія. 11) Библіографія. 12) Фельетонъ и пр. Частныя объявленія.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ 6 р. 50 к., на полгода 4 рубля.

Адресъ: въ Казань, въ редакцію „Казанскаго Биржеваго Листка". № 1042 2—2

St. Petersburger Zeitung.

155 Jahrgang.

Redacteur und Herausgeber **P. v. Kügelgen.**

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung" behandelt in der täglichen **RUNDSCHAU** und in **LEITARTIKELN** die neuesten politischen Ereignisse, folgt in **ORIGINAL-CORRESPONDENZEN** aus dem In- und Auslande, sowie in der täglichen Berichterstattung sorgfältig und rasch der Zeitentwickelung, schildert mit Hilfe zahlreicher Reporteur das **sociale Leben der Residenz** und bietet ausser dem feuilletonistischen **„MONTAGSBLATT"**, ein möglichst mannigfaltiges **tägliches FEUILLETON** (Novellen, Romane, gute Uebersetzungen, Literatur, Musik, deutsches, russisches, französisches Theater u. s. w.).

Der bedeutend erweiterte **WIRTHSCHAFTLICHE THEIL** enthält zwei Mal wöchentlich **besondere Beilagen,** in denen **Handel** und **Wandel, Landwirtschaft, Industrie** und **Technik** eingehende, unsere heimischen Verhältnisse berücksichtigende Bearbeitung finden. **Sämmtliche Publicationen der Reichsbank,** solide **Börsen-** und **Marktberichte** (u. A. auch besonders des St. Petersburger **Getreide-** und des **Spiritus**markte), Fondskalender, Handels- und Industrienachrichten aller Art, täglich aus guten Quellen geschöpft, empfehlen das Blatt dem Geschäftsmann.

Die deutsche „St. Petersburger Zeitung" wird im Jahre 1881 in besonderen Beilagen und ohne Abonnementserhöhung ale einzige deutsche Zeitung sowohl die **GERICHTLICHEN BEKANNTMACHUNGEN** (судебныя объявленія) als die **AMTLICHEN BEKANNTMACHUNGEN** veröffentlichen.

Der ständig wachsende Leserkreis der Zeitung in den bestsituirten Kreisen der deutschen Gesellschaft, im Inlande wie im Auslande sichert den **INSERATEN** eine weitreichende und nutzbringende Verbreitung.

ABONNEMENTSPREISE:	**St. Petersburg.**	**Russ. Reich.**	**Ausland.**
1/4 Jahr	R. 3. 75	R. 4. —	R. 5. —
1/2 „	„ 7. —	„ 7. 5	„ 9. 5
1/1 „	„ 13. —	„ 14. —	„ 18. —

BESTELLUNGEN auf **Abonnements** und **Annoncen** bittet man an die **ADMINISTRATION** der **„ST. PETERSBURGER ZEITUNG", WOSNESSENSKI PROSPEKT № 4** zu richten; zur Bequemlichkeit des geehrten Publikums nehmen aber auch fast alle Annoncen-Bureaus und Buchhandlungen des In- und Auslandes solche entgegen.

K. № 1025

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. НА 1881 ГОДЪ годъ второй.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ дост. и пересылки.		Съ доставк. въ Москвѣ.		Съ перес. во всѣ города.	
На годъ . .	7 р. 60 к.	На годъ . .	8 р. 50 к.	На годъ . .	9 р. — к.
„ 6 мѣс. .	4 „ 30 „	„ 6 мѣс. .	4 „ 50 „	„ 6 мѣс. .	5 „ — „
„ 3 „ . .	2 „ 30 „	„ 3 „ . .	2 „ 50 „	„ 3 „ . .	2 „ 75 „
„ 1 „ . .	— „ 90 „	„ 1 „ . .	1 „ — „	„ 1 „ . .	1 „ 10 „

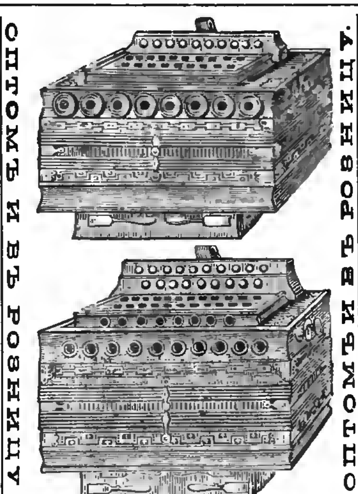
Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ д. Н. П. Ланина. № 1010 6—4

ВЪ МАГАЗИНАХЪ
ПАВЛА БУРЕ
фабриканта часовъ
Поставщика Высочайшаго Двора
часовыхъ дѣлъ мастера
Императорскаго Русскаго Флота.
Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.
золотые мужскіе часы,
заводящіеся ключемъ.
собственной фабрики
Анкерные на 15 камняхъ закрытые, 75, 80 и 85 р.
Такіе же 1-го сорта съ брегетовскимъ волоскомъ 90, 95, 100 и 110 р. с.
Тоже высшаго достоинства съ уравнительнымъ маятникомъ отъ 125 до 175 р. с.
Пересылка на счетъ магазина.
Ручательство на два года.
Невскій просп., № 28. Въ С.-Петербургѣ.
Подробный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. № 880 33—14

ЕЛКА
№ 7 Владимірская № 7.
Депо С.-Петербургскихъ Химическихъ Лабораторій и заграничныхъ фабрикъ.
Богатый выборъ самыхъ новѣйшихъ бонбоньеровъ и картонажей отъ 3 коп.
Подсвѣчники отъ 1 к., фонарики гирляндой, вспыхивающіе разноцвѣтные шары и т. д.
Свѣчи парафиновыя и восковыя, цвѣтныя и бѣлыя отъ 15 k. за пачку.
Хлопушки съ сюрпризами по 5 к., съ вѣерами и съ полными костюмами.
Разноцвѣтные бенгальскіе огни безъ дыма и запаха, коробка 25 коп.
Зажигательная нитка, волшебныя звѣзды, электрическій свѣтъ для яркаго освѣщенія.
Новость: освѣщеніе для елки: наполненныя лампочки замѣняющія свѣчи, которыя укрѣпляются легко на каждомъ сучкѣ и горятъ свѣтло въ продолженіи 2-хъ часовъ.
Новость: фейерверкъ для елки: прыгающія лягушки, летающія бабочки, перловый фонтанъ, золоспинтохромовренс, карты мефистофели и проч.
Новость: для блестящаго украшенія елки: золотой и серебряный дождь 25 к.
Новость: королевскія звѣзды на верхушку елки 1 р.
Свѣжія драже за фунтъ 50 к.
Изящныя коробки и шкатулки съ духами, мыломъ, помадой и т. д. отъ 50 к.
Новость: духи Одіонія, духи Врила-Памнасъ, лотъ 50 коп.
Новость: Духи китайскіе Лиліена лотъ 50 коп. Духи Майскій ландышъ лотъ 40 коп. Духи французскіе лотъ 25 коп. Духи англійскіе лотъ 35 к. до 40 разн. запах. О-де-колонъ превосходный флаконъ отъ 25 к. Туалетный уксусъ высшаго достоинства, флаконъ 50 коп. Бѣлый фіалковый зубной порошокъ съ хининой коробка 15 коп. Зубной эликсиръ д-ра Пьеррѣ, флаконъ 1 р., мал. флаконъ 75 к. и всѣхъ другихъ докторовъ.
Полный складъ товаровъ извѣстныхъ французскихъ и англійскихъ фабрикъ и С.-П. Химическихъ Лабораторій по прейсъ-куранту.
Депо химическихъ лабораторій
№ 7 Владимірская № 7.
Заказы гг. иногороднихъ исполняются немедленно. К. № 1092

ДЛЯ УКРАШЕНІЯ КОМНАТЪ
БОЛЬШІЯ ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ КАРТИНЫ
исполнен. маслян. красками (олеографіею)
ЗНАМЕНИТ. ХУДОЖНИК. РУССК. ШКОЛЫ:
(Профессора *К. Е. Маковскаго*. Академика *Ю. Клевера, П. Куріаръ* (изъ шк. лы *Лагоріо*), профессора *Якоби*, профессора *Орловскаго*).
Поступили въ продажу 2-мъ изданіемъ и по прекрасному и безукоризненному исполненію одобрены въ высшей. орг. печати:
„РУСАЛКИ“ (съ дополнительн. краскми). Ц. 10 р. съ перес.
„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ“ (эффектный русск. пейзажъ). Ц. 5 р., съ перес. 6 руб.
„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ РУССКОЙ ДЕРЕВНѢ“
Цѣна 5 руб. съ перес. 6 руб.
☛ Выписывающіе всѣ три вышедшія картины получаютъ **БЕЗПЛАТНО** 3 нарядныя рамки, стоющія въ продажѣ по 3 руб. каждая рамка.
Допускается разсрочка для гг. военныхъ и служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ: первый взносъ 10 р. (гг. иногородные 12 р.), а остальные по 2 руб. въ мѣсяцъ до уплаты.
Печатаются:
„ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ“ и „ВИДЪ КРЫМА“.
Цѣна по подпискѣ по 5 р., съ пер. по 6 р.
Адрессоваться въ Олеографическое заведеніе
Торговаго дома Тарочешникова.
(С.-Петербургъ, Караванная ул., д. № 18).

ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ. ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Ручныя гармоніи.
лучшей работы и съ очень звучнымъ и пріятнымъ тономъ.
Въ одинъ рядъ.

8 клавишъ съ	1 регистромъ	.	4 50
8 „ „	2 „	.	6 —
10 „ „	1 „	.	5 50
10 „ „	2 „	.	7 —
10 „ „	1 „ больш. форм. прочн. работ.		10 —
10 „ „	2 „ „ „		12 —
10 „ „	3 „ „ „		12 —
10 „ „	4 „ „ „		15 —
10 „ „	4 „ лучш. работ.		20 —

Въ 2 ряда.

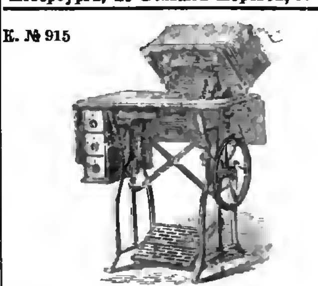
17 клав. съ 2 рег.	. .	15 —
19 „ „ 2	лучшей работы	20 —
21 „ „ 4	. .	35 —

и многіе другіе сорта.
Новый самоучитель для гармоній Соколова 1 р. 4 тетради нотъ съ танцами, операми, романсами и проч. по 75 коп.

За перес. гармоній до	7 р.	за 15 ф.
„ „	по 10 р. и 12 р.	за 20 ф.
„ „	по 15 р. и 20 р.	за 25 ф.
„ „	по 35 р.	за 30 ф.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ W. № 1098
Юлій Генрихъ Циммерманъ
Петербургъ, по Большой Морской, № 42.

К. № 915 7—6

Настоящія американскія швейныя машины
ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,
съ кривою или прямою иголкою.
Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:
а) для семейнаго употребленія, бѣлья, платья и т. п.
б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.
Лучшія нѣмецк. ручныя машины.
Машины для плиссе и плойки.
Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.
Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.
Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.
Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.
Во время нижегородской ярмарки. въ зданіи каменнаго театра.

Изд. А. Ф. Маркса. Спб., Б. Морск. № 9.
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго, 3-е изд., для подп. „Нивы“ 75 к., съ пер. 1 р.
БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!. Ром. Э. Вернера. Пер. съ нѣм., для подп. „Нивы“ 75 к. съ пер. 1 р.

МАГАЗИНЪ
Ф. ЛЕВИТТЪ.
№ 40. Невск. Просп. № 40.
домъ армянской церкви.
Вновь получены въ большомъ выборѣ:
ВѢЕРА
послѣдней моды.
PORTE-BOUQUET
очень изящной отдѣлки.
БИНОКЛИ
фабрики Шевалье.
БЮВАРЫ
въ большомъ выборѣ.
АЛЬБОМЫ
новѣйшихъ рисунковъ.
НЕССЕСЕРЫ
дорожные и рабочіе.
КОЖАНЫЯ ИЗДѢЛІЯ
изъ Вѣны и Оффенбаха.
БРОНЗА
вѣнская и парижская.
ФАРФОРЪ
саксонскій и французскій.
МАІОЛИКЪ
англійскій.
ТЕРРАКОТЪ
очень изящной работы.
Туалетные и письменные приборы.
РАМКИ
всякаго рода, готовыя и на заказъ.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.
К. № 1090 2—1

СТАРИННЫЙ
СЕВРСКІЙ И САКСОНСКІЙ
ФАРФОРЪ.
Старинная бронза, какъ-то: **часы**, **канделябры, группы** и проч. Старинную мебель **съ богатыми украшеніями бронзы и фарфора.** Группы и статуэты изъ слоновой кости, дерева и серебра. **Европейское оружіе XVI-го столѣтія** и вообще всякаго рода древности покупаетъ какъ любитель **по самой высокой цѣнѣ**
г-нъ Людвигъ Бекъ,
Москва, Петровка, домъ Пенскаго, ходъ съ улицы, противъ Петровской аптеки.
Л. № 1019 6—1

КАРТЫ.
для изученія **Нѣмецкаго языка** Маріи Т. Милевской. Легкій и скорый способъ заучивать слова веселою **игрою въ карты.** Цѣна 1-го выпуска изъ 36 изящныхъ картъ съ объяснительной брошюркой съ перес. 1 р. 20 к. въ ящич. коробкѣ 1 р. 50 к., мелочь можно марками 1—7 k.
Открыта подписка еще на слѣдующіе 4 выпуска, подписавшіеся до 1-го Марта 1881 г. получатъ ихъ за 3 р. въ ящич. коробкѣ 3 р. 50 к. съ пересылкой. При подпискѣ можно высылать только 2 р. остальные по выходѣ изданія. Цѣна безъ подписки за же какъ 1-ый выпускъ. Адресъ: г. Вытегра. Олон. губ. І. А. Милевскому. № 1103

въ «MAGASIN ÉTRANGER»
Иностранномъ магазинѣ, Б. Морск. д. № 30.
ПАРИЖСКІЯ
ИГРУШКИ!
ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ
Самое изящное и самое роскошное, что въ первѣйшихъ фабрикахъ и мастерскихъ Парижа производится, также изделія первѣйшихъ фабрикъ Германіи, въ такой громадной разнообразности, что желающіе имѣть изящную, полезную и красивую игрушку, найдутъ такой необильный выборъ что легко могутъ удовлетворить всякія желанія.
Тутъ самые прекрасные:
!!! АВТОМАТЫ !!!
подражающіе удивительно природѣ, куклы ходящія, говорящія, плачущія, собачки ходящія, лающія, барашки бѣгающія, кролики и лягушки прыгающія, наѣздники скачущіе на лошадяхъ, дѣйствующіе слоны, верблюды, также куклы съ разными движеніями и съ музыкой, куклы плавающія на водѣ, какъ живой человѣкъ; утки, лебеди плавающіе кожвамъ; особенно удивительные автоматы: двѣ птички въ клѣткѣ, поющія чуднымъ голосомъ соловья.
ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ
!!! ПАРИЖСКІЯ КУКЛЫ !!!
«BÉBÉS INDOSSABLES».
отличной работы, имѣющія тѣ преимущества, что не ломаются, они съ подвижными членами, потому могутъ принимать всякія позы, точно какъ маленькія дѣти. Премированы золотой медалью на Парижск. выставкѣ.
АМЕРИКАНСКІЯ
!!! ЛОШАДКИ !!!
художественной работы, отличающіяся не только необыкновенной красотой формъ, но еще удивительной прочностью; величиною около аршина и больше.
КУКОЛЬНЫЯ
коляски и экипажи, кухни всякихъ размѣровъ, необыкновенной работы, сервизы чайные, кухонные, туалетные и проч., фортепіанчики, а также очень изящной работы кровати и туалеты.
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
металофоны и ксилофоны (стальныя и деревянныя гармоніи) въ двѣ и въ три октавы, а также съ полутонами, на нихъ даже неумѣющіе могутъ играть всякіе мотивы, поэтому составляютъ пріятное развлеченіе для каждаго. Музыка изъ колокольчиковъ также вѣрнаго строя. Окарины разной величины, древній глиняный инструментъ, найденный въ развалинахъ Геркуланумъ, издающія пріятный тонъ флейты. Французскій Мирлетонъ или карманная труба, на которой можно подражать звукамъ охотничей трубы.
ДЛЯ ЗАНЯТІЙ
рабочіе ящики съ начатыми работами, съ приборами дѣлать цвѣты, ящики съ красками, съ узорами, ящ. для рисованія въ разномъ родѣ и форматѣ, между которыми особенные, совсѣмъ необыкновенные, а также множество занятій по методѣ Фребеля.
ТЕАТРЫ
разнаго рода, изъ которыхъ необыкновенные „ea въ „Robin“, появленіе духовъ, театръ, на которомъ двигаются куклы не трогая ихъ.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ
!!! ИГРЫ !!!
въ большомъ выборѣ, между прочими: игра ковъ, очень интересная игра съ картами, nain jaune, лото въ разныхъ видахъ, домино, игры вожжа, разъѣзды по всему свѣту и болѣе двухсотъ разныхъ другихъ очень интересныхъ обществ. игръ, такъ что, покупающіе подарки могутъ найти богатый выборъ таковыхъ разн. рода и цѣны.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
ПОДАРКОВЪ
къ праздникамъ: предметы изъ вѣнской бронзы, отличнаго золоченія для письменнаго стола и для курящихъ и предметы для дамъ. Фарфоровыя статуи и статуэтки.
!КОЖАНЫЕ ПРЕДМЕТЫ!
изящные нессесеры, портмоне, бумажники, порт-сигары.
!ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ!
сакъ-вояжъ, фляжки, стаканы, дорожные приборы, дорожн. перья, каранд. ши, пишущія чернилами безъ чернилъ.
!ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВА!
и много другихъ предметовъ роскоши и необходимости.
Составленіе прейсъ-куранта по большой разнообразности предметовъ торговли, управленіе магазина не нашло возможнымъ. Заказы иногородныхъ исполняются крайне добросовѣстно и немедленно.
Адресъ: въ „MAGASIN ÉTRANGER“ иностранный магазинъ К. Бартольда по Большой Морской, д. № 30, въ СПБургѣ.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ фабрики „Эпиръ“, гг. Яксенъ Іоостъ и Кº въ С.-Петербургѣ и для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ) объявленіе отъ книжн. магазина Д. И. Прѣснова въ Москвѣ.

Дозволено цензурою СПБ. 11 Декабря 1880 г. **Изданія А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Типографія [illegible] № 10.

XI годъ № 51 — годъ XI 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 модн. рис. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 20 Декабря 1880 г. Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Петръ Ильичъ Чайковскій.

Въ февралѣ настоящаго года будетъ поставлена на сценѣ Маріинскаго театра новая опера нашего композитора Петра Ильича Чайковскаго „Іоанна Д'Аркъ“. Эта опера — шестой обширный трудъ плодовитаго и талантливаго композитора. Первой оперой г. Чайковскаго была опера „Воевода“, за симъ: „Ундина“, „Опричникъ“, „Кузнецъ Вакула“ и „Евгеній Онѣгинъ“. Хотя авторъ достаточно потрудился для сцены, но главная заслуга его лежитъ не въ операхъ, а въ симфонической музыкѣ, которую, смѣло можно сказать, онъ двинулъ у насъ впередъ. Цѣлый рядъ крупныхъ прекрасныхъ симфоническихъ произведеній г. Чайковскаго выказываетъ вполнѣ самобытность его таланта, отличаясь мастерствомъ формы, систематической разработки и удивительнымъ пониманіемъ оркестра, изъ котораго онъ извлекаетъ прекрасные эффекты. Г. Чайковскій самый выдающійся нашъ симфонистъ, въ строгомъ смыслѣ этаго слова. Это мнѣніе оправдывается большею популярностью его симфоническихъ произведеній, чѣмъ оперъ. Несомнѣнно имя г. Чайковскаго въ Россіи очень популярно, оно весьма извѣстно также и за границей, гдѣ во многихъ городахъ, какъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Мангеймѣ, Вѣнѣ и другихъ, сочиненія его постоянно исполнялись и исполняются понынѣ. На Всемірной Парижской выставкѣ, въ устроенныхъ русскимъ отдѣленіемъ концертахъ въ залѣ Трокадеро, симфоническія сочиненія г. Чайковскаго произвели большое впечатлѣніе на массу слушателей. Въ особенности понравился фортепіанный концертъ, исполненный Н. Г. Рубинштейномъ.

Въ началѣ карьеры П. И. дѣятельность его была чрезвычайно разнообразна: онъ былъ и педагогомъ и переводчикомъ спеціально - музыкальныхъ сочиненій, участвовалъ въ газетахъ, напечаталъ „Руководство къ практическому изученію гармоніи“ въ 1872 году; одновременно съ тѣмъ работалъ для сцены и для концертной эстрады. Имъ не забыта была и камерная музыка, для которой имъ написаны квартеты. Кромѣ того г. Чайковскій сочинилъ много фор-

Композиторъ П. И. Чайковскій. Рис. Лебедевъ, грав. Барановскій.

тепіанныхъ пьесъ и романсовъ, изъ которыхъ иные сдѣлались очень популярными.

Въ настоящее время П. И. посвятилъ себя исключительно композиторской дѣятельности, которая имѣетъ несомнѣнное, большое значеніе для русскаго искусства.

Петръ Ильичъ Чайковскій родился въ 1839 году. Воспитывался въ училищѣ Правовѣденія, гдѣ и окончилъ курсъ.

Музыкальное образованіе получилъ въ С.-Петербургской консерваторіи, гдѣ въ его время каѳедру теоріи композиціи занималъ высокообразованный профессоръ Николай Ивановичъ Заремба. По окончаніи курса въ Петербургской консерваторіи. П. И. Чайковскій былъ приглашенъ въ качествѣ профессора инструментовки и композиціи въ Московскую консерваторію. Въ настоящее время онъ оставилъ уже свою профессуру.

Изъ первыхъ сочиненій нашего композитора можно назвать увертюру для большаго оркестра, фантазію для оркестра „Фатумъ" и оперу „Воевода". Кромѣ того имъ написаны: три симфоніи, сюита для оркестра, увертюра „Ромео и Джульета", симфоническое произведеніе „Буря" (по Шекспиру), фантазія на итальянскія темы, музыка къ пьесѣ „Снѣгурочка", балетъ „Лебединое озеро", нѣсколько квартетовъ, два концерта для фортепіано, нѣсколько произведеній для скрипки съ оркестромъ, нѣсколько хоровъ, обѣдня, большое количество фортепіанныхъ сольныхъ вещей, романсы, уже упомянутыя нами оперы и пр. Самыя зрѣлыя и выдающіяся произведенія г-на Чайковскаго „Ромео и Джульета", вторая симфонія и прекрасная сюита для оркестра. Изъ этаго перечня сочиневій видно, что г. Чайковскій работаетъ въ разныхъ жанрахъ и не остановился окончательно на выборѣ одного какого нибудь направленія. Намъ кажется, что г. Чайковскій преимущественно симфонистъ по дарованію, что симфоническая музыка его настоящая сфера.

Воронинное крыло.

(Изъ жизни на крайнемъ востокѣ).

Разсказъ **Н. Боева.**

I.

— Любовь дикаря!... Но это совсѣмъ необыкновенно. Разскажите пожалуйста...

Александра Павловна замолчала и задумалась. По ея красивому смуглому, выразительному личику, обрамленному черными какъ смоль волосами, пробѣжала словно тѣнь. Большіе глаза ея, черные и блестящіе съ длинными рѣсницами, всегда какіе-то странные глаза, съ выраженіемъ доброты и энергіи вмѣстѣ, опустились. Маленькая смуглая рука нервно дрогнула.

— Я пожалуй-бы и разсказала... Кажется мнѣ теперь, это такъ давно было. Видите-ли, и дѣтство мое и родина и воспоминанія—все это такое необычное...

— Пожалуйста, что-нибудь необычное! А то эта мелкая нынѣшняя сутолока можетъ довести до отчаянія...

— Родилась я, какъ вы знаете, въ Новоархангельскѣ, на Ситхѣ. Въ жилахъ моихъ течетъ кровь ситхинскихъ калюжей (которыхъ очень смѣшно почему-то стали называть калошами). Въ городѣ были дѣти-сироты калюжей въ компанейскихъ школахъ, которые выучивались и совсѣмъ дѣлались русскими. Но это было такъ смутно у насъ въ семьѣ и объ этомъ ничего никто изъ нашихъ не говорилъ. Дѣдъ мой былъ капитаномъ компанейскаго судна въ Охотскомъ морѣ лѣтъ 18 и пріѣхалъ съ дѣтьми въ Ситху; здѣсь поселился навсегда и здѣсь-же служилъ мой отецъ, который и учился даже въ русскомъ ситхинскомъ училищѣ. Мать моя, такая-же смуглая, какъ я, была навѣрное изъ калюжанокъ и неграмотная; престранная была женщина. Меня она хоть и любила, а какъ-то мало обращала вниманія на меня, была очень религіозная, но все словно о чемъ-то думала и тосковала. Она очень любила дикарей калюжей, которые въ нашемъ городѣ были очень обычны. Я помню еще маленькая была, разъ она приводитъ меня въ кухню, а тамъ въ углу сидитъ какая-то фигура—волосы черные, высоко всклочены, въ губу продѣта рыбья кость, смуглая и хихикаетъ, улыбается, зубы бѣлые, а губы выкрашены синей краской. Одѣта въ одѣяло байковое, которое какъ плащъ накинуто, а ноги обернуты въ шкуры и босикомъ. И черной, грязной рукой ко мнѣ протягиваетъ плетушку съ малиной. Я испугалась и заплакала. А матушка подвела меня къ ней поближе и велѣла поклониться и подать руку. Какой-то странный, острый запахъ, словно морскихъ пахучихъ травъ тогда поразилъ меня.

— Не бойся, дѣвочка, говоритъ, это Аяна. Дай ей ручку, она добрая! Хорошая Аяна.

А та радостно такъ хихикаетъ, схватила мою руку и крѣпко прижалась къ ней своими синими, горячими губами.

— Эке шняга, эке шняга! (хорошо, дружокъ!) говоритъ.

Вы себѣ здѣсь и представить не могли, что значила для насъ, родившихся тамъ и полюбившихъ все мѣстное—сдача американцамъ. Сперва я помню пошли по городу тревожные, смутные слухи! „Продали!" „Не можетъ это быть!" „За 10 милліоновъ!" Дикари приходили справляться—правда-ли, говорили, нельзя-ли попросить, чтобы продали лучше японцамъ. Они терпѣть не могли англичанъ и американцевъ. А потомъ, когда нашъ гарнизонъ, стоя на площади, сдавалъ крѣпость и посты американцамъ и взвился звѣздный флагъ республики на губернаторскомъ домѣ—какія были причитанія и рыданья. Бѣгали въ церкви прощаться съ иконами, съ милыми могилами—да всего этого не разсказать...

Я такъ ко всему здѣсь привыкла. Отецъ мой былъ молчаливый, строгій человѣкъ, все въ отлучкахъ—въ морѣ. Матушка бывало безъ всякой причины все плачетъ—къ ней отецъ очень хорошъ былъ. Все она поетъ какія-то странныя пѣсни, проситъ Аяну, чтобы и та ее учила, и первые звуки, которые слышала я, были не русскія колыбельныя пѣсни. Это были звуки полные дикой, безконечной энергіи, величавые въ своемъ однообразіи, какъ шумъ моря въ ночи, прерываемый изрѣдка рѣзкимъ крикомъ одинокой нерпы или дальнимъ воемъ лѣснаго волка—звуки эти мнѣ и теперь часто во снѣ снятся и такъ хочется ихъ вспомнить, но не могу. Матушка въ обществѣ всегда молчала, дичалась, ни съ кѣмъ не знакомилась. Священникъ нашъ, старичокъ, укорялъ бывало покойную матушку.

— Дивуюсь я на васъ, матушка, говорилъ онъ, женщина вы прекрасная, богобоязненная и такія нехристіанскія подпѣванія .. И дочка вотъ у васъ выучилась.... Что хорошаго въ этомъ? Язычники!.. А вы вонъ и говорите иногда даже по ихнему.

И, помню, дивилась я, видя, какъ въ церкви, ставъ въ уголку, окруженная дымомъ ладона, матушка горячо молилась и въ черныхъ большихъ глазахъ ея стояли слезы. Объ чемъ это? думаю. Я такъ любила это пѣніе хора школьниковъ въ нашемъ Архангельскомъ соборѣ и яркій свѣтъ свѣчей и радостную Пасху, когда утренній смолистый воздухъ тянетъ въ двери, когда все уже кругомъ зелено—тамъ вѣдь въ апрѣлѣ все зеленѣетъ, зима недолгая. Я такъ полюбила эту величавую лѣсистую Крестовую гору съ ея снѣжными, бѣлыми вершинами, надъ которыми носились орлы, по которымъ такъ низко въ сѣрые дни тянулись облака. Особенно любила волны. Цѣлые часы, еще дѣвочкой, просиживала я у своего окошка—оно выходило на море, бушующее, волнующееся море, по которому несутся легкіе баты дикарей или тихое море и въ тишинѣ все-же живущее какою-то словно могучею жизнью. Иногда ночью просыпалась я вдругъ и прислушивалась—не говоритъ-ли море? Или сядешь когда къ окну въ лунную ночь—голубые лучи скользятъ по далекимъ, безпредѣльнымъ волнамъ, вдали чернѣется Японскій островъ, видна высокая обсерваторія, мерцаетъ на ней огонекъ, качаются у пристани,

дымясь, черные компанейскіе пароходы, да на крѣпостной стѣнѣ перекликаются часовые. Любила я маленькая ходить и на крѣпостную стѣну съ матушкой. Придемъ и сядемъ на валу. Далеко, далеко видно; костры пылаютъ вдалекѣ въ поселеніи калюжскомъ, около огней пляшутъ точно, ходятъ, суетятся черныя тѣни, лохматыя такія видны лица, такія страшныя, красныя при огнѣ...

— Что это, мама, какіе ужасные? Противные...

— А это съ промысла вернулись, пляшутъ, дѣвочка. Весело тамъ, о Канукѣ поютъ... Ничего противнаго нѣтъ...

— Какой это Канукъ?

— Объ Большомъ Волкѣ поютъ, дѣвочка. Гдѣ большой волкъ три раза завоетъ на лайдѣ, надо ждать чьей-нибудь смерти. Да тебѣ этаго не понять, говоритъ. Это у нихъ такое повѣрье есть. Они вѣдь, бѣдные, не Господу молятся—темные люди и разсказываетъ такъ: жилъ-де волкъ человѣкъ, рыскалъ вездѣ, и всегда велѣлъ, чтобы всѣ были храбрые и добрые, своихъ дѣтей и старшихъ любили, никого не обманывали-бы, не лгали. Чтобы слово было вѣрное...

— Ахъ, хорошо это, мама!

— Хорошо, какъ еще хорошо, дѣвочка! Они такіе хорошіе, вѣрные, говоритъ.

А то сядемъ мы съ ней на лодочку, легонькую лодочку—бата называется—а мама хорошо съ веслами управлялась—и поѣдемъ напротивъ на островъ; тамъ у насъ свой огородикъ былъ. Начнемъ поливать грядки, ягоды рвать. А воздухъ такой смолистый съ горъ тянетъ и вѣршины красныя пылаютъ въ лучахъ вечерней зари. Тутъ сторожъ старичекъ-солдатъ съ обсерваторіи придетъ намъ помогаетъ и мама все свои пѣсенки тихонько напѣваетъ.

Калюжи часто къ намъ ходили. Многіе изъ нихъ ходили черезъ крѣпость на базаръ; около вѣсовъ разсядутся лохматые такіе, рядками въ своихъ одѣялахъ и продаютъ рыбу, дичь, сѣно, ягоды, смолу—вымѣниваютъ бывало въ компанейскомъ магазинѣ все это на табакъ, на ружья, нитки, иголки. Мы ихъ бывало всѣхъ знали—къ намъ чаще всѣхъ они на домъ заходили и все на кухнѣ по своему съ матушкой говорятъ или по русски—многіе по русски говорили. Особенно одинъ старый, безобразный, высокій старикъ Упай былъ — трудно сказать, что у него за добрая, любовная улыбка была. Увидитъ меня бывало, словно весь засвѣтится, сейчасъ зубы свои, еще крѣпкіе и бѣлые, покажетъ и старой рукой по головѣ гладитъ. „Ахъ, маленка, маленка! говоритъ, ягоды маленкѣ несу, птычку несу!“ И принесетъ или маленькую птичку, такъ бережно въ своей огромной черной рукѣ, или ягодъ лѣсныхъ въ плетенкѣ. Старуха Харитина, что всѣмъ у насъ въ домѣ завѣдывала (мать ничѣмъ по дому не занималась) и мой отецъ—не любили ихъ. Особенно отецъ, когда пріѣдетъ, сердится бывало. Сѣрые глаза его такіе сердитые станутъ, начнетъ бороду свою бѣлокурую теребить.

— И чего это они все таскаются?

— Еще стащутъ что, прости Господи! поддакнетъ Харитина.

А матушка сейчасъ вспыхнетъ и глаза загорятся.

— Что вамъ они, бѣдные мѣшаютъ! Ничего, никогда еще не стащили. Не грѣхъ вамъ? А еще христіане — они и то добрѣе, они васъ любятъ.

Отецъ разъ довольно рѣзко обратился къ старику Упаю, который смиренно стоялъ въ углу кухни.

— Чего ты тутъ все толчешься. Не люблю я этого!

— Ичиганъ Гаспали! (Подай тебѣ Господи!) смиренно кланяясь, отвѣтилъ тотъ.

— Я говорю иди вонъ! Нечего тебѣ тутъ!

Старикъ вдругъ тихо всталъ на колѣни и поклонился въ землю.

— Кунальчишь! (спасибо!) сказалъ онъ, кунальчишь! Отецъ съ сердцемъ хлопнулъ дверью, вышелъ и громко, и сердито заговорилъ съ мамой. И та съ крикомъ и плачемъ ему отвѣчаетъ. Никогда еще они такъ не бранились. Я испугалась, стою въ кухнѣ, а старикъ печально и тихо такъ головой своей кудлатой покачиваетъ.

— Тетлу-шке? Аа! Тетлу-шке! (Не хорошо!) говоритъ и пошелъ вонъ изъ двери, но вдругъ вернулся, улыбка милая и добрая озарила его старое лицо и, поклонившись, онъ подалъ мнѣ раскрашенную грубо и оригинально маленькую чашечку, какія мастера они дѣлать.

— Играй маленка, играй! проговорилъ и ушелъ.

Въ городъ ходилъ и раза два бывалъ и у насъ ихъ тайонъ (старшина), лицо ими высоко уважаемое—достоинство это наслѣдственное и оффиціальное. Звали его Михайло у насъ. Онъ принялъ православіе. Въ городъ приходилъ въ грязномъ европейскомъ платьѣ, въ торжественныхъ случаяхъ надѣвалъ кафтанъ шитый и бывалъ въ немъ на оффиціальныхъ обѣдахъ у губернатора. Черезъ него и его вліяніемъ улаживались всѣ недоразумѣнія съ безпокойными дикарями — недоразумѣнія, которыя таки часто бывали. Онъ былъ такой хитрый, льстивый—ходилъ сгорбившись, небольшой ростомъ, пожилой, съ усами черными. Въ городъ онъ ходилъ нерѣдко по дѣламъ съ компаніей, выпрашивалъ себѣ ситцы, одѣяла, водку у компанейцевъ. Отецъ увидалъ его какъ-то на улицѣ, зазвалъ къ намъ чай пить. Тотъ кланялся низко и внимательно слушалъ.

— Хитрые ваши, обманщики, дурные люди стали — вотъ отъ себя отвадить не могу, говоритъ отецъ тайону.

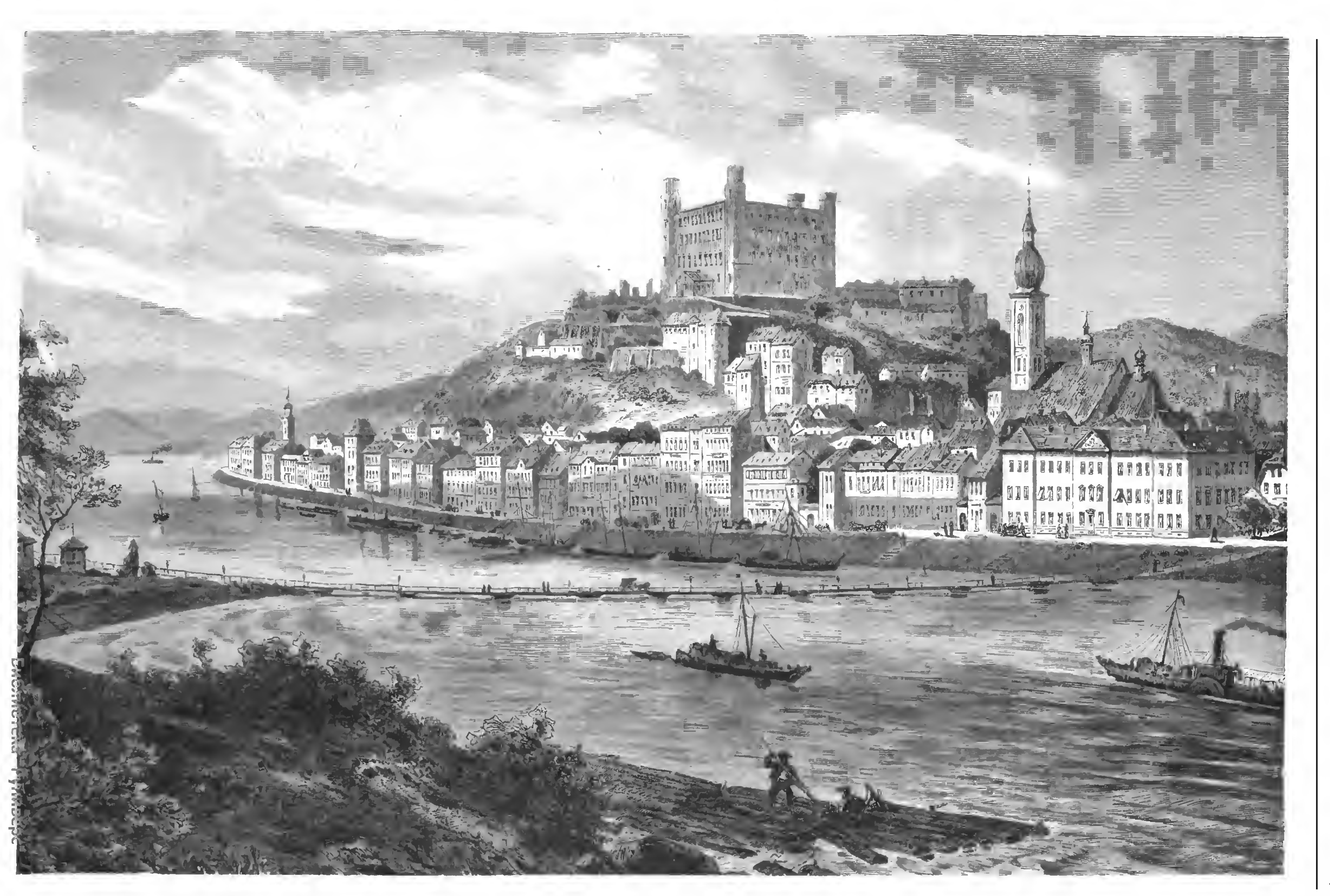
— Аа, аа! Развѣ что крали? отвѣчалъ тотъ, поднимая рѣдкія брови. А и тобалшой барино! Водка стала, покупать, мѣнять стала, ну и народъ худой стало. А было народъ-цъ аа какой! Ни обманъ, ни воръ, ни худо ничего! А нынче водка сталъ и все худо сталъ. Такъ-то балшой барино! Всѣ водку пьетъ и жену и дити будетъ пропить, жалобнымъ голосомъ говорилъ Михайло, качая головой. Японъ водка везетъ, кампанія водку везетъ— какъ быть бѣдный тайонъ! Что будетъ тайонъ дѣлать!

— Скажи, чтобы не шлялись ко мнѣ—слышишь!

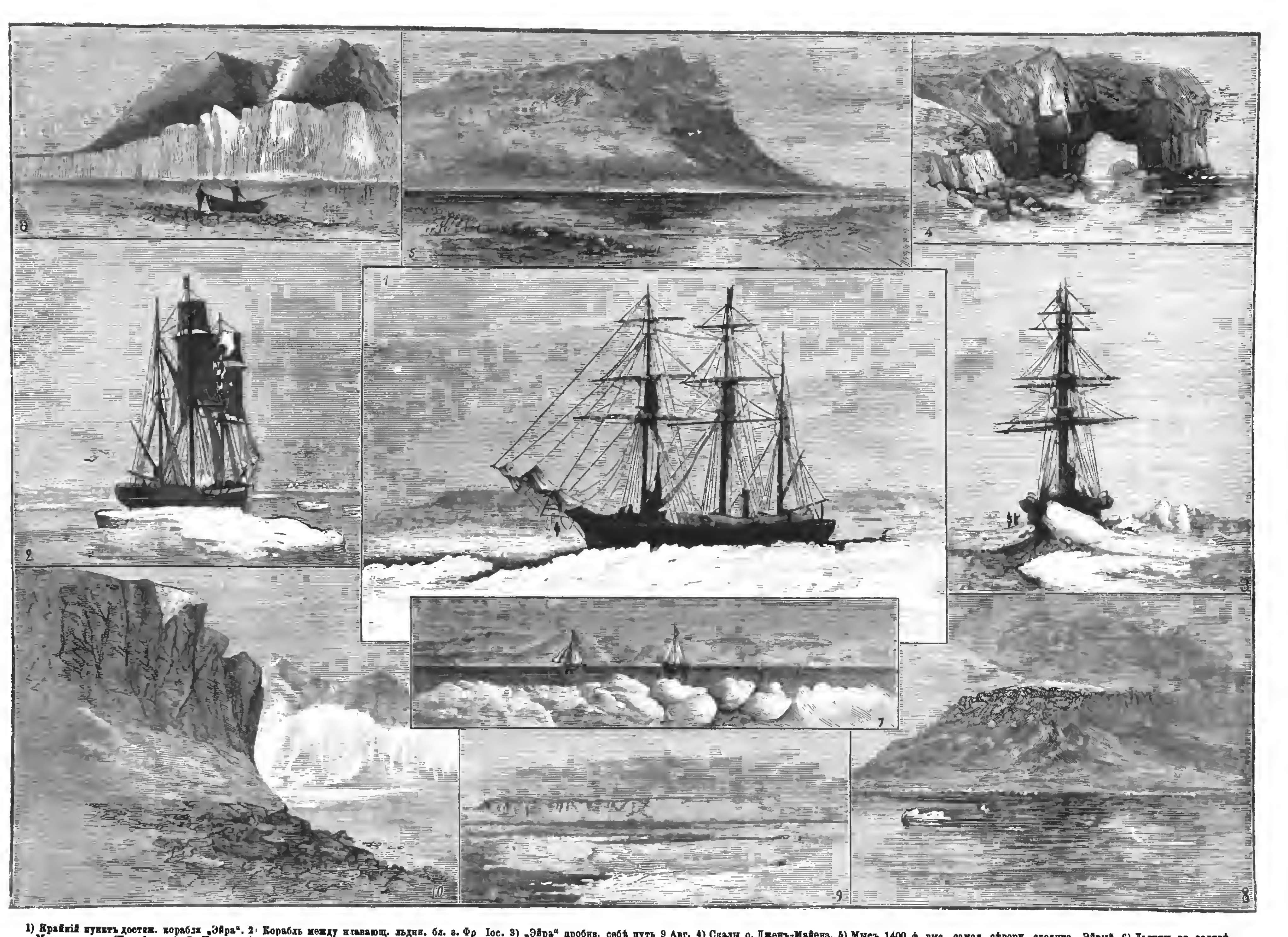
Матушка сидѣла молча, сдвинувъ брови и сжавъ губы: тайонъ ушелъ, съ низкими поклонами, унося съ собой выпрошенную у отца бутылку той водки, которую онъ осуждалъ такъ, въ карманѣ своего смѣшнаго, вытертаго сюртука.

Я тогда уже подросла и ходила въ школу. Какъ великое событіе въ нашей тихой жизни, помню я любительскій спектакль и вечеръ у губернатора, домъ котораго я до тѣхъ поръ видѣла только снаружи—его зеленая крыша высилась надъ всѣми строеніями, отчасти на случай, чтобы можно было изъ него защищаться, ибо калюжи народъ очень безпокойный и воинственный. Ходили постоянные разсказы объ ихъ бунтахъ и особенно много было разсказовъ о бунтѣ 1855 года, когда была порядочная рѣзня въ городѣ, едва усмиренная гарнизономъ...

Спектакль я такъ смутно помню, что не могу сказать какія даже пьесы играли. Только, кажется, не хорошо, потому что никому не понравилось. Въ маленькой залѣ мѣстнаго клуба было очень душно и тѣсно, сцена была крошечная. Я ничего не понимала и все смотрѣла на рядъ свѣчекъ рампы и слушала музыку; играли нѣсколько любителей. Матушка, хмурая, молчала. Михайло тойонъ сидѣлъ въ кафтанѣ съ галунами, улыбался все время и сомнительно и неодобрительно покручивалъ головой. Губернаторъ, молодой еще морякъ въ мундирѣ, приглашалъ къ себѣ. Кончилось рано и всѣ пошли чай пить въ губернаторскій домъ. Меня поразило убранство дома—зеркала, бархатные диваны. Я смутно помню карточные столы, свѣчи, музыку, какіе-то танцы. Я сѣла, смущенная, у стѣны рядомъ съ матушкой, и потомъ вскочила въ испугѣ, когда увидѣла, что къ намъ подходитъ самъ губернаторъ съ моимъ отцомъ, который велъ за руку мальчика лѣтъ четырнадцати.

Общій видъ города Пресбурга Рис. Вагнеръ, грав. Рау.

1) Крайній пунктъ достиж. корабля „Эйра". 2) Корабль между плавающ. льдин. бл. з. Фр. Іос. 3) „Эйра" пробив. себѣ путь 9 Авг. 4) Скалы о. Дженъ-Майена. 5) Мысъ 1400 ф. выс. самая сѣверн. стоянка „Эйры". 6) Льдины въ заливѣ Магдалины на Шпицбергенѣ. 7) Норвежскіе китобои близъ Шпицбергена. 8) Скалы, окружающія заливъ, мѣсто стоянки Эйры на о-хъ Фр. Іос. 9) Первая земля видѣчная по отъѣздѣ отъ о. М. Клинтока. 10) Ледники Шпицбергена.

Сѣверная экспедиція Лея-Смита на „Эйрѣ" къ землѣ Франца Іосифа въ Ледовитомъ океанѣ, лѣтомъ 1880 г. По рис. Мая, грав. М. Рашевскій.

— Вотъ моя дѣвочка, ваше превосходительство! почтительно сказалъ отецъ.

— А, молодая особа! Славная невѣста будетъ. Что-же не танцуетъ—вотъ и кавалеръ, замѣтилъ тотъ, потрепавъ мальчика по щекѣ, приласкайте его,—не дичисьже, что ты все прячешься.

И отошелъ прочь, разговаривая съ отцемъ.

Все смуглое лицо мальчика залила яркая краска и въ большихъ черныхъ глазахъ показались крупныя слезы. Въ неловко пригнанной форменной курткѣ, которая тѣснила его стройные члены, онъ стоялъ передъ нами, не зная что дѣлать, смущенный до нельзя. Какъ теперь припоминаю, онъ былъ поразительно хорошъ собой. Свѣжее, очень смуглое, правильное лицо, полныя губы и глаза такіе чудные черные глаза, въ юной свѣжести и блескѣ, что я ихъ никогда не забуду. Я, кажется, въ него сразу влюбилась всѣми силами своего полудѣтскаго еще сердца.

Мальчикъ этотъ былъ настоящій дикарь—сынъ одного могущественнаго и богатаго тойона съ Когана. Отецъ его былъ убитъ въ одной междоусобной схваткѣ, а сынъ сдѣлался добычей побѣдителя, *калгою*, рабомъ его. Вмѣстѣ съ другими мальчиками его выкупила компанія за нѣсколько одѣялъ, ружей и бутылокъ водки, что дѣлалось нерѣдко, и опредѣлила въ русскую школу, такъ какъ отецъ его давно былъ православный и вся семья говорила по русски и была грамотна. Трудно представить себѣ, съ какою силою въ дикомъ сердцѣ мальчика загорѣлось чувство благодарности и любви къ людямъ, которые его избавили отъ униженія быть рабомъ, калгою, его, сына гордаго тойона, и которые обращались съ нимъ такъ ласково. Способности его были блестящія, онъ быстро и ясно усвоивалъ все, чему его учили. Его полюбилъ преподаватель офицеръ и часто съ нимъ разговаривалъ.

Разъ, послѣ урока географіи, онъ весь взволнованный, съ горящими глазами, краснѣя, обратился къ учителю.

— Скажите... Какъ-же, наши всѣ земли — это здѣсь только точки такія маленькія! А вся Россія и здѣсь, и тамъ, за большимъ моремъ, такъ велика?

— Да, такъ велика, безмѣрно.

— И надъ всѣмъ этимъ вашъ великій тойонъ—Царь! Это онъ все велитъ и учитъ всѣхъ о Богѣ, и строитъ церкви, чтобы молились и хочетъ, чтобы всѣмъ было хорошо?

— Да, мой мальчикъ, онъ это велитъ и хочетъ этаго.

— А! Какъ-же его всѣ должны любить! воскликнулъ тотъ. Ахъ, я-бы хотѣлъ... я-бы хотѣлъ... Пусть-бы меня за него кололи копьями и били-бы бичами! Мнѣ отецъ говорилъ, у насъ прежде за того, кого любятъ, давали себя бить бичами и колоть копьями...

— О, милый, это было-бы нашему великому Царю непріятно. Онъ милосердъ и хочетъ всѣмъ только мира и счастія...

Мальчикъ плакалъ отъ наплыва новыхъ чувствъ и долго не могъ успокоиться.

— Нѣтъ, я-бы хотѣлъ... я-бы хотѣлъ! повторялъ онъ.

Къ намъ онъ привязался всѣмъ своимъ дикимъ, пылкимъ сердцемъ. Матушка также полюбила его и суровый отецъ мой былъ побѣжденъ добротою и открытымъ, милымъ характеромъ юнаго дикаря. Мнѣ онъ носилъ книги съ картинками, атласы, поскорѣе торопясь объяснять все, что самъ узналъ и около него я сильно подвинулась во всемъ. Я не знала, что было со мною — я при немъ млѣла, пылала, была сама не своя, не могла дождаться, когда онъ прибѣжитъ съ чѣмъ-нибудь новымъ, жалѣла отпустить. Я была влюблена первою полудѣтскою любовью, сама того не зная и ничѣмъ того не проявляя, передъ нимъ. Да и онъ въ своемъ миломъ простодушіи, конечно, и не думалъ ни о чемъ подобномъ.

II.

Жили мы, какъ я сказала, очень уединенно. Матушка, всегда грустная, не любила общества; особенно когда отецъ уходилъ въ море. Тогда опять начинали появляться у насъ на кухнѣ Калюжи и опять начинались непонятные для меня, тихіе разговоры и матушка начинала опять тревожиться, плакать и молиться. Старикъ калюжъ, который однажды принесъ мнѣ красивыя раковины, увидѣлъ юнаго тайона и добродушное ласковое лицо его омрачилось и опечалилось. Онъ что-то сказалъ по своему мальчику. Тотъ вспыхнулъ и отвѣчалъ ему долго и горячо. Старикъ печально качалъ лохматой головой и твердилъ все одно какое-то слово, съ важнымъ и серьезнымъ видомъ.

— Что онъ тебѣ говоритъ? спрашивала я, сгорая отъ любопытства.

— Ничего, сердито отвѣчалъ мальчикъ, онъ не понимаетъ. а! ничего онъ не понимаетъ! и весь вечеръ былъ задумчивѣе обыкновеннаго. Старая Харитина ворча давала, по приказанію матушки, старику калюжу и Аянѣ, хлѣбъ крупу и сахаръ, и кормила ихъ съ неудовольствіемъ, хотя ѣли они очень немного и никогда ничего не просили.

Это было такъ недолго, но какое счастливое было время, эти мѣсяцы, пока не разразилось надъ нами горе! Мы бѣгали вдвоемъ въ лѣсъ на гору собирать ягоды и грибы, рука объ руку, веселые и невинные какъ дѣти, хотя уже оба были по 17 году. Дремучій лѣсъ Крестовой горы простиралъ надъ нами свои сѣни, въ синемъ небѣ бѣлѣли снѣжныя вершины и плавно рѣяли большіе горные орлы. Ловкій и крѣпкій, онъ раздвигалъ кусты, ломалъ вѣтви и выводилъ меня изъ всякихъ затрудненій. Или мы садились въ легкую бату и сильное весло его направляло скорлупку по волнамъ. Вонъ плеснула огромная рыба какая-то, вотъ закипая пѣною по гребнямъ наносятся на насъ синія волны, но лодка такъ и скользнетъ черезъ нихъ бывало.

Одинъ разъ я ужасно плакала, боялась: онъ уходилъ съ партіей, отпросился изъ школы въ отпускъ, на промыслы. Кампанія нанимала обыкновенно партіи калюжей на весенніе ловы. Онъ мнѣ разсказывалъ, какъ къ этому дѣлу готовятся у колюжей. Мѣсяца еще за два шаманъ предсказываетъ имъ, удачны ли ловы будутъ. Всѣ промышленники восемь дней постятся и живутъ съ женами порознь и исполняютъ разные обряды. Затѣмъ надѣваютъ чистое бѣлье, свѣжія накидки изъ звѣриныхъ шкуръ и берутъ новыя одѣяла. И эта партія христіанъ-колюжей передъ промыслами кажется потихоньку исполнила всѣ древніе обряды а затѣмъ само собою выслушала, серьезно крестясь, и стоя въ качающихся у берега лодкахъ, молебенъ, отслуженный о. Иваномъ. Риза ярко сверкала на майскомъ солнцѣ, пестрыя пятна накидокъ толпы промышленниковъ и ихъ лодки—такая была оригинальная и интересная картина! Мой юный товарищъ вмѣсто неуклюжей казенной куртки въ свободной нерпичьей накидкѣ черезъ плечо, въ пестрой одеждѣ тайона, граціозно оперщись на весло, лихо и весело закинувъ свою красивую небольшую голову, былъ просто красавецъ... Но вотъ всѣ закопошились и группа лодокъ, ударяя веслами, дружно понеслась по волнамъ.

Я плакала и ждала не дождалась, пока наконецъ дней черезъ двадцать (которые я провела все у окна, глядя на далекія волны) не различила своими зоркими глазами вдали черныя точки лодокъ партіи. Я съ отвращеніемъ смотрѣла, какъ вываливали на берегу добычу—нерпъ и бобровъ—и пластали ихъ ножами... Лилась кровь... Я убѣжала...

И затѣмъ опять начались наши счастливые дни.

Разъ онъ просилъ мою матушку, чтобы идти всѣмъ вмѣстѣ за крѣпость въ поселеніе, куда насъ зазвала къ себѣ Аяна. Матушка согласилась и вечеромъ мы отправились. Баробора (жилище) Аяны стояла съ краю поселенія. Аяна встрѣтила насъ какъ хозяйка съ нѣкоторымъ достоинствомъ и далеко не имѣла того убогаго вида

пищей, какъ у насъ на кухнѣ. Ея баробора оказалась бревенчатымъ, высокимъ, обширнымъ сараемъ, стѣны увѣшаны шкурами и одѣялами. Посреди выложеннаго камнями пола пылалъ костеръ и дымъ уходилъ въ отверстіе въ крышѣ. Надъ огнемъ висѣлъ мѣдный чайникъ на треножникѣ. Дѣти Аяны трое, отъ 12—15 лѣтъ, полуодѣтые и некрасивые, сидѣли передъ огнемъ и степенно взглянувъ на насъ черными глазами, опять наклонили смуглыя лица къ сѣти, которую петлили. Трудно было рѣшить, мальчики это были или дѣвочки. Все бы ничего, если бы не сильный, острый запахъ не то какихъ-то пахучихъ морскихъ травъ, не то вяленой рыбы, что выносить долго было трудно. Намъ дали чай (нашъ же) въ красивыхъ чашечкахъ деревянныхъ и довольно вкусныя лепешки изъ капусты съ крупой. Ночь глядѣла въ двери. Скоро мы услыхали рѣзкіе крики и увидѣли яркіе огни. Передъ бараборами поселенія разложили два костра, около, которыхъ шумѣли, пили изъ чашекъ водку, курили изъ короткихъ трубокъ и плясали полупьяные калюжи. То была дикая и пугающая, отвратительная сцена. Помнится кричали, похоже было что-то на ссору, выхватили ножи... Теперь ужь я хорошо не представляю себѣ этаго—помню только что очень испугалась пѣнія и споровъ и дергала матушку, которая задумчиво смотрѣла, съ горящими глазами, покачивая головой въ тактъ дикаго пѣнья. Я просила ее идти домой. Въ ночи, тихонько держась за руку юнаго тойона—который сталъ молчаливъ и задумчивъ—пробрались мы къ крѣпостнымъ воротамъ и сказавшись часовому, вошли въ городъ. Луна ярко свѣтила, плывя въ синемъ небѣ надъ снѣжной Крестовой горой, когда мы шли тихой улицей. На лицѣ юнаго тайона выражалась какая-то борьба, глаза иногда загорались и онъ дѣлалъ, думая о чемъ-то, быстрые жесты.

— Что ты? спросила я тихонько.

— Я думаю... думаю... Они, бѣдные, вѣрятъ въ Большаго Волка, Ворона-Тау; вонъ дерутся, ссора, кровь... У нихъ все такъ—сами добрые, а нельзя у нихъ, такъ положено, за такое или такое слово сейчасъ кровь, смерть! Теперь вотъ этаго нѣтъ, а то людей живыхъ сожигали!

— Сожигали? съ ужасоомъ повторила я.

— Да, вотъ гдѣ я былъ и до сихъ поръ такъ... О, какая это вѣра большая, Христова вѣра! Любить всѣхъ, всѣхъ! Хотѣть чтобы всѣмъ хорошо... У насъ въ соборѣ я такъ иногда просто дрожу... поютъ такъ чудно! сердце бьется такъ. И все я гляжу: Христосъ на образѣ нарисованъ... Вотъ онъ же за всѣхъ—Богъ! и то страдалъ. Я иногда ночью встану, такъ молюсь Ему, такъ Его люблю... Такъ... Я не умѣю сказать! Надо имъ все это говорить, они не понимаютъ... Я говорилъ—а они грозятся, что убьютъ... Ахъ, они Бога не знаютъ и надо чтобы знали...

— Ахъ, не говори имъ, въ испугѣ зашептала я, они въ самомъ дѣлѣ убьютъ...

Глаза его сверкнули дикимъ огнемъ отваги и онъ поднялъ голову къ небу.

— Что-жъ! Я умру! Вонъ сколько звѣздъ! И душа моя туда полетитъ, въ небо—легко тамъ, синее какое...

Я не могу припомнить всѣхъ его разговоровъ, но умъ его быстро схватывалъ все, онъ всѣмъ интересовался. Онъ разсказывалъ мнѣ много объ островитянахъ, ихъ жизни, обычаяхъ, объ японцахъ, американцахъ—я все это теперь перезабыла, но тогда я жадно слушала и жизнь въ сердцѣ моемъ била полнымъ ключемъ...

Въ эти дни случилось событіе, мало выходящее изъ ряда нашей жизни, но имѣвшее роковое вліяніе на судьбу нашей семьи.

Съ островов прибылъ на лодочкѣ съ однимъ крещенымъ аиномъ старичокъ миссіонеръ. Онъ поселился въ тѣсной горенкѣ внизу въ архіерейскомъ домѣ. Старичокъ маленькій, кроткій, въ вытертой нерпичьей рубахѣ, простой и кроткій до того, что словно всѣхъ онъ боялся. Идетъ бывало сторонкой, тихо, шляпа такая странная, сѣдые волосики развѣваются и бородка щипаная, сѣденькая такая. Прожилъ онъ всего дня три и опять уѣхалъ въ ночь. Кажется и смотрѣть было не на что, а этаго жалкаго оборваннаго старичка Преосвященный принялъ съ почтеніемъ и объ немъ всѣ разсказывали, что его островитяне безмѣрно любятъ. Онъ пропадалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ въ колюжскихъ бараборахъ, говорилъ на всѣхъ туземныхъ нарѣчіяхъ. Юный тайонъ нарочно пошелъ къ нему и вернулся въ восторгѣ, говоря что такого человѣка онъ не видѣлъ, что онъ радъ, что наконецъ видѣлъ святаго. „Это святой, святой! пылко повторялъ онъ.

— Знаешь, какъ онъ говорилъ? Я ему говорю, что мнѣ жалко, что всѣ мои Бога не знаютъ и я хочу чтобы всѣ знали... А онъ все такъ тихонько головой покачиваетъ. „Ахъ дитя, говоритъ, дитя! Не кичись! Твои, они все тоже хорошіе! А ты молись, будетъ съ тебя“! Я говорю что хочу пострадать, буду говорить, пусть убьютъ! А онъ такъ строго вдругъ:—„Дитя, дитя, ты не празднословь—грѣхъ. Ребячьи твои рѣчи... Это дѣло великое—развѣ это можно такъ зря! Нельзя!“ А потомъ „ну Господь съ тобой, говоритъ, иди, успокойся, молись.“ Перекрестилъ меня, я руку у него поцѣловалъ, въ ноги бросился...

— Знаешь, продолжалъ мальчикъ, я что думаю: это онъ такой кроткій, добрый—меня жалѣючи только отговариваетъ... А пострадать надо... Что же, я знаю Бога— и молчу... Какъ же Христосъ—Богъ и какъ страдалъ— сердце замираетъ какъ вспомнишь... А я молчу...

И съ тѣхъ поръ къ моему ужасу, эта мысль засѣла въ пылкой головѣ мальчика. Онъ ходилъ какъ въ огнѣ и мучилъ меня и до слезъ обижалъ своимъ невниманіемъ ко мнѣ лично. Онъ весь ушелъ въ свои мысли, весь горѣлъ въ этомъ бурномъ пламени... Надо вамъ сказать, что я не знаю объ ихъ вѣрованіяхъ и до сихъ поръ и тогда не могла понять изъ не совсѣмъ связныхъ объясненій мальчика, который и самъ не зналъ вѣроятно хорошенько. Знаю только, что играетъ роль между прочимъ въ ихъ сказаніяхъ какой-то Большой Вóронъ и было ужасное оскорбленіе, если поставить, напримѣръ, передъ поселеньемъ колюжей мертваго вóрона или воронииное крыло. Повторяю, я смутно очень все это припоминаю. Но это роковое крыло я никогда не забуду. Тогда я ничего объ этомъ не знала и сидя на крѣпостномъ валу съ спокойнымъ любопытствомъ смотрѣла на работу своего юнаго товарища, который весь тотъ день былъ въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи и лихорадкѣ, былъ нервенъ, часто вздрагивалъ и пугалъ меня своею мрачною задумчивостью.

Онъ въ этотъ вечеръ на валу мастерилъ какой-то длинный шестъ и привязывалъ къ нему именно черное, широкое крыло съ убитаго ворона, которое зловѣще трепалось ослабшими перьями на высокомъ шестѣ, чернѣя въ красномъ вечернемъ небѣ.

— Что это такое будетъ? спрашивала я.

Мальчикъ не отвѣчалъ и вдругъ страстно плача, припалъ въ первый разъ къ моимъ рукамъ, началъ горячо цѣловать и ихъ и лицо мое... Поцѣлуи эти словно горятъ еще на щекахъ моихъ и теперь, какъ вспоминаю... Затѣмъ, такъ какъ до закрытія воротъ за крѣпость пропускали, бросился съ этимъ шестомъ къ поселенію колюжей, расположенному напротивъ крѣпости. Тамъ уже собирались кучки и смотрѣли на насъ давно. И вотъ я видѣла вдали какъ онъ поставилъ этотъ шестъ и что-то имъ говорилъ какъ его съ шестомъ схватили и потащили куда-то. Послѣ этаго въ поселеніи все затихло, изрѣдка пройдетъ кто-нибудь передъ бараборами или залаетъ дальняя собака и все стихнетъ... Спустилась ночь... Въ поселеніи зажгли костры, но не слышно было ни шуму, ни крику; настала какая-то зловѣщая, пугавшая меня тишина. Но вотъ при-

шла матушка и повела меня домой. Не сказавъ ничего послѣ моего разсказа, она только вздрогнула и пошла быстрѣе.

— Гдѣ онъ, мама, гдѣ онъ? Что съ нимъ? рыдала я.

— Придетъ, коротко отвѣчала она мнѣ. Вѣрно у Аяны. Полно дѣвочка, что съ нимъ можетъ случиться? Сидитъ у Аяны ..

Я долго не могла заснуть и отъ усталости едва задремала тревожно, какъ меня разбудилъ какой-то гулъ, плескъ и шумъ, громкій звонъ крѣпостнаго колокола и ружейные выстрѣлы...

Въ испугѣ вскочивъ и бросившись къ окну, я увидѣла необычайное зрѣлище. Въ сѣрѣющемъ свѣтѣ ранняго сѣраго утра видно было, какъ у берега на далекое разстояніе колыхалось множество колюжскихъ лодокъ; въ нихъ, съ ружьями въ рукахъ, стояли и сидѣли серьезные, молчаливые калюжи. Ихъ странныя прически, у кое кого съ перьями, лохматились на далекое разстояніе. Накидки и пестрыя одѣяла сверхъ оборваннаго, часто европейскаго покроя, платья, развѣвались. И хотя они молчали, но словно сдержанная сила какого-то грознаго ропота слышалась въ толпѣ. Справа на улицѣ жители высыпали изъ домовъ; въ тревогѣ глядѣли, крестились. Шли приготовленія. Солдаты выбѣгали изъ казармъ и строились на берегу. На холмѣ близь губернаторскаго дома заряжали и наводили небольшія орудія. Пароходы дымились—ихъ спѣшно готовили и вооружали. Въ передней лодкѣ, опершись на ружье, высокій и лохматый, стоялъ угрюмо мой знакомый старикъ Упай—я его едва узнала.

Выстрѣлы уже не повторились. Въ этомъ зловѣщемъ грозномъ молчаніи, изрѣдка нарушаемымъ говоромъ, стукомъ приклада или плескомъ весла, прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ, когда изъ-за поворота выплыла впередъ всѣхъ легкая бата, обложенная толстымъ краснымъ сукномъ и широкой нерпичьей шкурой, которая однимъ концомъ глубоко плескалась въ водѣ. Весла лодочника колюжа сильно рвали впередъ лодку, въ которой, скрестивъ руки на груди, неподвижно стоялъ—я его совсѣмъ не узнала сперва—тойонъ Михайло.

Черные курчавые волосы его свободно развѣвались по вѣтру и въ нихъ воткнутая блестѣла серебряная стрѣла; пестрый плащъ широкими складками обвивалъ его; онъ словно выросъ и такимъ царственнымъ, гордымъ взглядомъ окинулъ всю толпу колюжей, что его вѣчно унижающагося, вѣчно просящаго вида какого-то, не осталось и слѣда.

— А-та-вай! сильнымъ, властнымъ голосомъ что-то такое крикнулъ онъ и остановившись у переднихъ лодокъ, сказалъ еще нѣсколько словъ и какъ по мановенію волшебнаго жезла все зашевелилось. Лодки сильными ударами веселъ стали удаляться и разъѣзжаться и скоро все очистилось и только тихо качаясь у берега осталась лодка Михайла, все стоявшаго и глядѣвшаго неподвижно вслѣдъ уѣзжавшимъ.

Вдругъ быстрымъ движеніемъ онъ показалъ на дно лодки стоявшимъ на берегу. Лодочникъ его откинулъ сукно и два солдата наши, сошедшіе съ берега къ лодкѣ, вытащили что-то завернутое въ волчьи шкуры и внесли на берегъ. Тогда лодка Михайлы отплыла.

Но когда открыли на берегу волчьи шкуры, я въ волненіи и предчувствіи чего-то ужаснаго, догадалась что это трупъ, по выраженію лицъ солдатъ, столпившихся вокругъ... Чей трупъ... мысль какъ молнія прожгла меня...

— Мама! Мама! крикнула я въ отчаяніи, кидаясь въ спальню матери. Но спальня была пуста и кровать не смята.

— Гдѣ мама? Харитина! Гдѣ мама?

Харитина сама стояла въ испугѣ, смущеніи и ужасѣ.

— Не знаю, барышня, что и подумать! Нѣтъ ихъ, не бывали...

Я не вынесла и упала безъ чувствъ.

Нечего разсказывать вамъ, какъ долго я лежала въ жестокой горячкѣ и весь ужасъ этой ночи еще продолжался, а я ничего не чувствовала, ничего не помнила. Пока я была безъ памяти, отецъ, пріѣхавъ, въ горѣ и въ отчаяніи, началъ розыски, обращался къ властямъ, говорилъ съ тойонами—ничто не помогало. Матушка моя въ ту ночь безслѣдно пропала и до сихъ поръ никто ничего не знаетъ о судьбѣ ея...

Во время же болѣзни моей похоронили дорогаго мальчика моего, убитаго колюжами и умершаго мучительной смертью. Виновные были наказаны по приказанію тойона—все это я узнала потомъ. Говорили потомъ, что иногда калюжи нарочно прикидываются оскорбленными и начинаютъ наступать, чтобы только вынудить побольше у компаніи, которая въ этихъ случаяхъ всегда входила въ соглашеніе съ тойонами и улаживала дѣло подарками. Уже года черезъ два, хотя и предоставлено было жить здѣсь кто хочетъ еще, но отецъ уже не захотѣлъ оставаться и мы выѣхали въ Россію...

Управляющій лорда Клера.

Разсказъ **Л. Джоза.**

— Кто тамъ?

— Я, именно я! отвѣчалъ изъ двери пріятный мужской голосъ съ ирландскимъ акцентомъ, и молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти показался на порогѣ. Его смѣхъ былъ такой сердечный и онъ видимо былъ такъ далекъ отъ созерцательной жизни и мечтательности, что едва-ли кто, увидавъ въ первый разъ, принялъ-бы его (на что указывали его длинный черный сюртукъ и коротко остриженные волосы)—за римско-католическаго священника. Съ шутливымъ поклономъ снялъ онъ шляпу и остановился, ожидая, чтобы его узнали, но нѣсколько мгновеній глядѣлъ на него хозяинъ, который при его входѣ быстро поднялся съ мѣста, какъ-бы припоминая.

— Неужели это вы—Питеръ Нилъ?

— Да разумѣется! И я чрезвычайно радъ, что вижу тебя здѣсь. Ну, Джеральдъ, старый дружище, у тебя все такой-же хорошій, бодрый, свѣжій видъ, какъ будто ты изъ воска!

— Питеръ, милый товарищъ, думалъ-ли я, что увижу тебя здѣсь?

Джеральдъ Фоссъ схватилъ руки молодаго священника и горячо пожалъ ихъ.

— Потише, потише! Я не англичанинъ, который можетъ выносить такія рукопожатія, не скрючившись! воскликнулъ тотъ, весело смѣясь и бросился на кресло.—А теперь объясни-ка мнѣ, что привело тебя въ наши почтенные края?

— Просто случайность. Я разскажу тебѣ все по порядку, сказалъ Джеральдъ, садясь на край стола и безпечно болтая ногами. Ты помнишь, можетъ быть, моего дядю, стараго генерала Фосса—настоящаго набоба, который всю жизнь пробылъ въ Индіи, окруженный почти царской роскошью? Ну, вотъ видишь-ли, онъ возымѣлъ несчастную, нелѣпую мысль вернуться въ Англію и купить себѣ громадное имѣніе.

— Дѣйствительно глупо! Зачѣмъ-же онъ не поселился въ Ирландіи, если ужъ хотѣлъ устроиться какъ слѣдуетъ? вмѣшался Питеръ Нилъ.

— Вздоръ! Въ эту страну пустырей и болотъ? Это было-бы, по моему, послѣдней соломенкой; и бѣдному верблюду—я подразумѣваю себя—пришлось-бы прожить всю жизнь съ переломаннымъ спиннымъ хребтомъ. Но вернемся къ разсказу: едва онъ устроился, какъ уговорилъ меня переселиться къ нему, и чуть не сжегъ мнѣ горло своими ужасными блюдами съ перцемъ „курри“ или какъ онъ ихъ тамъ называлъ; затѣмъ — верхъ нелѣпости — онъ вдругъ умираетъ и оставляетъ мнѣ и свои деньги, и свои помѣстья.

— Но это я называю счастьемъ! сказалъ его собесѣдникъ, смѣясь.

— Ну ужъ счастье! Увѣряю тебя, съ той поры у меня не было минуты покоя. Я сталъ вдругъ какою-то машиною для пріема прошеній отъ разныхъ нищихъ о вспомоществованіи, и предметомъ правильной осады со стороны маменекъ, у которыхъ есть неидущія съ рукъ дочки.

— И ни одной стрѣлѣ Купидона не удалось попасть въ твое золото?

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что только золото было притягательной силой. Дѣвушки, которыя въ предыдущемъ году из-

Молоденькая Итальянка. Съ картины Г. Рихтера, грав. Кезебергъ и Эртель.

бѣгали моихъ ухаживаній, вдругъ перемѣнили фронтъ и стали отказывать такимъ, которые въ тысячу разъ и красивѣе, и умнѣе, и любезнѣе меня. Я зналъ, разумѣется, почему такъ поступали.

— И ты тогда пріѣхалъ спасаться въ Ирландію? спросилъ Питеръ, смѣясь.

— Да, я чувствовалъ потребность въ хорошемъ, здоровомъ воздухѣ и нѣкоторомъ чистосердечіи, которое могъ найти только тамъ, гдѣ о богатствѣ моемъ ничего не знаютъ. Я право думаю, что еслибъ я встрѣтилъ дѣвушку, уважающую себя настолько, чтобы смотрѣть на меня какъ на мужчину, а не какъ на пирогъ съ начинкой, то я просто изъ одной благодарности за это женился-бы на ней.

— Но однако тебя не трудно полюбить, именно ради тебя самаго, сказалъ Нилъ задумчиво, взглянувъ на высокую, прекрасно сложенную фигуру своего друга, его веселые, голубые глаза, прекрасные бѣлокурые волосы и бороду.

Джеральдъ Фоссъ улыбнулся.

- Шесть мѣсяцевъ назадъ я прочелъ въ газетахъ объявленіе, что усадьба эта отдается въ наймы, и зная, что мѣстность здѣсь красивая и безлюдная, я немедленно и нанялъ ее на годъ.

— Значитъ это не съ цѣлью жениться на ирландкѣ?

— Боже меня избави! Я также расположенъ жениться на какой-нибудь африканкѣ, какъ и на одной изъ вашихъ дикихъ ирландокъ.

— Но это вѣдь самыя милыя, вѣрныя жены на свѣтѣ! сказалъ молодой священникъ горячо.

— Можетъ быть, но именно то, что у нихъ такъ сильно развито чувство чести, подтверждаетъ только мое мнѣніе. Онѣ болѣе мужчины, чѣмъ женщины. Я вижу ихъ, напримѣръ, здѣсь ежедневно. Или идетъ за плугомъ, работаетъ на полѣ, или несется верхомъ, безъ сѣдла, обротавъ лошадь веревкой, вмѣсто уздечки; словомъ какія же это женщины!

Нилъ укоризненно покачалъ головой, всталъ и протянулъ руку.

— Это несправедливо, несправедливо, Джеральдъ, ты это знаешь! Надѣюсь, настанетъ день и ты самъ въ этомъ сознаешься. сказалъ онъ, улыбаясь.

— Невозможно! возразилъ Фоссъ. Но развѣ тебѣ ужъ нужно идти?

— Да, но я скоро опять прійду къ тебѣ. Тебѣ всякій скажетъ, гдѣ я живу. Прощай!

Онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Джеральдъ принялся снова за книгу и скоро совсѣмъ углубился въ чтеніе. Солнце привѣтливо освѣщало комнату и его волосы принимали золотистый оттѣнокъ, между тѣмъ какъ прекрасный контуръ его головы рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ стѣны.

— Красивъ, какъ античная греческая статуя, подумала молодая дѣвушка, остановившая своего пони передъ открытой дверью его комнаты и нѣсколько времени молча наблюдавшая его. Желала-бы я, чтобы онъ поднялъ голову.

Вдругъ она сдѣлала нетерпѣливое движеніе и ударила хлыстомъ по землѣ.

— Извините! воскликнулъ Джеральдъ, быстро вскакивая, я зачитался...

— Вижу, отвѣтила, смѣясь, молодая дѣвушка. Вы Фоссъ?

— Къ вашимъ услугамъ, Кто-бы такая могла быть посѣтительница?

— Если я не ошибаюсь, вы занимаете эту усадьбу уже шесть мѣсяцевъ?

— Да, около того, отвѣчалъ Джеральдъ коротко.

— И пользуетесь правомъ удить рыбу и охотиться, не правда-ли? спросила она.

— Да, но—но, началъ онъ, заикаясь, и продолжалъ уже смѣлѣе, я право польщенъ вниманіемъ, которое вы оказываете мнѣ.

— Нѣтъ никакой причины быть вамъ польщеннымъ, возразила она рѣзко, я исполняю обязанность.

— Вашу обязанность?

— Да, я управляющій лорда Клера.

— И...

— И пріѣхала получить полугодовую плату за усадьбу. Вы позволите войти?

Джеральдъ хотѣлъ было расхохотаться, но увидѣвъ, что она собирается сойти съ лошади, удержался.

— Позвольте помочь вамъ, сказалъ онъ вѣжливо, но она быстро сама соскочила на землю, привязала поводъ къ кольцу, вошла въ комнату и усѣлась въ кресло.

Джеральдъ слѣдилъ за ней съ возраставшимъ неудовольствіемъ; у него былъ строгій взглядъ на то, что прилично для женщины; а эта ирландская дѣвушка съ такими быстрыми, рѣшительными манерами и дѣловымъ тономъ, глубоко оскорбляла его утонченный вкусъ.

— Извините меня: я пойду написать чекъ на слѣдуемую сумму, сказалъ онъ спокойно и вышелъ изъ комнаты.

Когда Нора Вэнъ осталась одна, она окинула взглядомъ всю комнату и съ неудовольствіемъ замѣтила всюду безпорядокъ. „Пусть говорятъ объ ирландцахъ что хотятъ, сказала она про себя, покачавъ головою, я нахожу, что англичане хуже. Я готова побиться объ закладъ, что съ этихъ книгъ ни разу еще не смахивали пыль съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь“. Она замѣтила метелку, подняла ее, стала на стулъ и сняла всѣ книги, смахивая пыль.

Когда Джеральдъ вернулся минутъ черезъ десять, онъ увидѣлъ „управляющаго лорда Клера“, стоящимъ на цыпочкахъ на полкѣ его книжнаго шкафа, большинство книгъ лежало на полу, нѣкоторыя были поставлены на мѣсто. Она закинула назадъ свою красивую головку и напѣвала звучнымъ голосомъ, который невольно проникалъ въ душу слушателя, старинныя ирландскія мелодіи. Онъ остановился, улыбаясь, и безмолвно глядѣлъ на нее. Вдругъ она повернула голову и, увидѣвъ его, прекратила свое пѣніе.

— Я стираю пыль съ этихъ книгъ, сказала она, я не могу видѣть такого безпорядка!

— Вы очень любезны, отвѣтилъ онъ холодно и что-то такое въ голосѣ его говорило, что, по его мнѣнію, она позволяетъ себѣ слишкомъ много.

Она покраснѣла, на глазахъ ея даже навернулись слезы.

— Мнѣ очень, очень жаль, если я разсердила васъ, произнесла она тихо, нерѣшительно, съ какимъ-то дѣтскимъ пріемомъ, ломая руки.

— О, я ничуть не сержусь, воскликнулъ Джеральдъ, невольно любуясь ею. Позвольте мнѣ помочь вамъ сойти съ полки? продолжалъ онъ, но не получилъ отвѣта.

Одно мгновеніе, пока спускалась, она слегка дотронулась до его руки, затѣмъ, не зная что дѣлать, остановилась передъ нимъ, ожидая, чтобы онъ заговорилъ первый.

— Я очень сожалѣю, но я заложилъ куда-то свою чековую книгу, сказалъ онъ наконецъ, и боюсь, что у меня не найдется достаточно свободныхъ денегъ въ домѣ. Не могу-ли я васъ попросить заѣхать ко мнѣ въ другой разъ, или можетъ быть я самъ могъ-бы доставить вамъ деньги.

— Это ничего не значитъ! я еще заѣду, отвѣтила Нора. быстро направляясь къ дверямъ; „вотъ—вотъ ваша пыльная метелка! при этомъ она подала ее ему.

— Благодарю васъ.

Джеральдъ сухо и осторожно взялъ метелку большимъ и указательнымъ пальцами.

Нора не могла сохранять болѣе серьезный видъ, глаза ея заблестѣли отъ затаеннаго смѣха. Быстро отвязала она своего пони, легко вскочила на сѣдло, взмахнула на прощанье хлыстомъ и вѣтеръ донесъ до его слуха ея громкій веселый смѣхъ.

— Проклятая маленькая вѣдьма! Мнѣ кажется, она еще надо мной же и смѣется! сказалъ Джеральдъ, глядя вслѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ и любуясь, какъ граціозно она сидѣла на своемъ красивомъ, маленькомъ пони. Онъ вернулся къ себѣ. Комната показалась ему какой-то мрачной и онъ желалъ-бы— желалъ-бы—впрочемъ онъ и самъ едва-ли зналъ, чего онъ желалъ въ эту минуту.

— Совсѣмъ эмансипированная дѣвочка, продолжалъ онъ разсуждать съ самимъ собою, какой-то полумальчикъ; и ко всему этому что за занятіе! Она однако довольно мило покраснѣла когда думала что я разсердился и у нея прекрасные глаза! Ирландки впрочемъ вообще красивы. Ему попались на глаза все еще разбросанныя на полу книги и онъ рѣшился докончить то, за что было принялся „управляющій лорда Клера“.

Между тѣмъ Нора неслась на сколько позволяли короткія ноги ея бойкаго пони, домой и не остановилась пока не доѣхала до дверей своего дома. На порогѣ ее встрѣтила старуха въ большомъ бѣломъ передникѣ и съ высокимъ чепцомъ на гладкихъ сѣдыхъ волосахъ.

— Наконецъ-то вы вернулись, дорогая миссъ Нора! Я право ужъ думала, что не увижу васъ? сказала она весело, дѣлая нѣсколько шаговъ на встрѣчу молодой госпожѣ.

— Да я же вовсе не такъ долго ѣздила, Бриги. Мнѣ пришлось только ждать.

— А каковъ собой пріѣзжій? спросила Бригитта съ любопытствомъ.

— Очень красивъ; такой красавецъ, какихъ еще я и не видывала, сказала Нора. Она уже собиралась увести пони въ конюшню.

— Но англичане такіе всѣ скучные! перебила ее старуха, покачавъ головою.

— И онъ былъ гордъ, какъ король, замѣтила Нора, покраснѣла и нагнулась, чтобы поласкать пони.

— Таковы они всѣ. Помните вы еще господина. который въ прошломъ году гостилъ у лорда Клера? Онъ былъ такъ гордъ, что можно было подумать что онъ герцогъ, или даже королевскій принцъ. Правда, онъ былъ очень хорошъ собой, но гордъ, такъ нелѣпо гордъ! И Бриги въ отчаяніи, что не можетъ достаточно выразить свое впечатлѣніе, простирала руки къ небу.

— Кто это былъ? Я не могу уже болѣе припомнить его, спросила Нора.

— Даже не дворянинъ и бѣдный, какъ церковная мышь; я воображаю каковы должны быть важные господа въ Англіи, если простые такъ чванны.

Нора весело разсмѣялась.

— Слышаль ли кто нибудь о красивомъ ирландскомъ дворянинѣ, Бригитта—объ этомъ только въ книгахъ пишутъ, право! Всѣ, которыхъ я до сихъ поръ видѣла, такіе незначительные, точно какъ...

— Не говорите, не говорите этаго имени, милая миссъ Нора, нѣтъ, не говорите его. Подумайте сколько онъ сдѣлалъ для васъ и Роберта и для стараго барина—царство ему небесное.

Нора невольно обняла вѣрную старуху и поцѣловала ее.

— Ахъ, ты глупая Бригги, сказала она, смѣясь, и шутя ударила ее по плечу, неужели ты думаешь, что я могу забыть, что сдѣлалъ для насъ лордъ Клеръ? Это самый милый, добрый человѣкъ на всемъ свѣтѣ, но онъ такой простой!

— Онъ не хуже другихъ отъ этаго, сказала Бригитта и отошла отъ Норы, кормить куръ и утокъ, уже давно ее ожидавшихъ.

Нора передала пони конюху и вошла въ домъ.

Уже два года занимала она должность „управляющаго лорда Клера" и вотъ какимъ образомъ случилось это странное обстоятельство. Ея отецъ, маіоръ Венъ служилъ въ одномъ полку съ лордомъ Клеромъ, гдѣ послѣдній былъ полковникомъ, и когда Венъ, по болѣзни, вышелъ въ отставку, то рѣшился поселиться гдѣ нибудь близь помѣстья своего стараго друга и начальника, Желая однако удвоить свой маленькій доходъ, онъ пустился въ спекуляціи и потерялъ половину своего состоянія. Еслибъ лордъ Клеръ не помогъ ему и не предложилъ бы ему управлять его имѣніями, то маіоръ былъ бы принужденъ продать свой домъ и пріискивать какія нибудь занятія.

Жена его умерла нѣсколько лѣтъ назадъ, оставивъ ему сына и дочь. Лордъ Клеръ взялъ мальчика подъ свое покровительство; онъ опредѣлилъ его въ лучшее учебное заведеніе и помогъ поступить въ армію. Нора никогда не покидала своего отца, выросла дома и онъ самъ былъ ея воспитателемъ. Къ счастью она была богато одарена и всѣми силами стремилась узнать какъ можно больше, иначе образованіе ея было бы очень не полно, ибо всякій ясный, солнечный день считался ею праздничнымъ.

Ей только что минуло шестнадцать лѣтъ, какъ маіоръ Венъ простудился, простуда перешла въ лихорадку и не смотря на заботливый уходъ, онъ умеръ въ концѣ же недѣли.

Робертъ былъ въ одной изъ колоній, въ своемъ полку и Нора осталась совсѣмъ одна со своей старой няней, Бригиттой. Лордъ Клеръ путешествовалъ въ это время; черезъ двѣ недѣло въ сырой, дождливый вечеръ онъ явился въ маленькій домикъ, забрызганный грязью и промокшій до костей.

— Бѣдное дитя! воскликнулъ онъ нѣжно, протянувъ ей руку. Она побѣжала къ нему на встрѣчу и какъ бывало прежде, въ дѣтствѣ, прислонила свою головку къ его мокрому сюртуку.

— Ахъ, лордъ Клеръ, какъ хорошо, что вы здѣсь! прошептала она, довѣрчиво глядя на него.

— Моя бѣдная, бѣдная дѣвочка. сказалъ онъ снова голосомъ полнымъ живѣйшаго участія, я только что пріѣхалъ, а то я былъ бы раньше здѣсь, право!

— Я твердила миссъ Норѣ, что все будетъ хорошо, когда вы вернетесь, воскликнула Бригитта, которая все время отвѣшивала ему низкіе поклоны.

— А что значатъ всѣ эти ящики и сундуки, Нора? спросилъ съ удивленіемъ лордъ Клеръ, ласково кивнувъ головой своей старой пріятельницѣ Бригиттѣ.

— Мы собираемся въ путь, отвѣчала Нора спокойно. Бѣдный отецъ мой умеръ и мы разумѣется не можемъ болѣе пользоваться вашей добротой.

— Глупенькая вы дѣвочка—да развѣ я пущу васъ?

— Ну, вотъ видите ли, развѣ я вамъ не говорила этаго, дорогая миссъ Нора? А вы вѣдь и слышать не хотѣли, сказала Бригитта запальчиво.

— Вы, разумѣется, должны остаться здѣсь, продолжалъ онъ серьезно. Какъ другъ вашего отца я долженъ быть вашимъ покровителемъ.

— Этотъ домъ понадобится вамъ для вашего новаго управляющаго, вмѣшалась она.

— Для него найдется другое мѣсто, въ этомъ домѣ онъ во всякомъ случаѣ жить не будетъ, перебилъ ее лордъ Клеръ рѣшительнымъ голосомъ. Наконецъ она сдалась и согласилась остаться еще нѣкоторое время.

Прошло два-три мѣсяца и никакой новый управляющій не замѣнилъ ея отца; однажды Нора заговорила объ этомъ и спросила о причинѣ такого замедленія

— Говоря откровенно, сказалъ онъ небрежно, я боюсь искать управляющаго и не люблю видѣть новыхъ лицъ, кромѣ того боюсь, что нелегко найти человѣка, который понравится фермерамъ.

— Лордъ Клеръ, передайте эту должность мнѣ?

— Вамъ, милое дитя? что за мысль!

— Да я знаю же толкъ въ этомъ дѣлѣ. Послѣдній годъ я исполняла все за отца.

— Но почему явилось у васъ такое желаніе? Вы вѣдь имѣете достаточно средствъ, чтобы прожить и безъ такаго страннаго занятія.

— Да, я знаю—но..

— Говорите откровенно; не стѣсняйтесь высказать мнѣ все, Нора.

— Я желаю этаго ради Роберта. Когда отецъ умеръ, то помощь, которую онъ ему оказывалъ, прекратилась, я и подумала, что еслибъ я могла занять у васъ мѣсто управляющаго, то могла бы помогать ему. Я знаю, какъ трудно ему жить однимъ жалованьемъ,

— Доброе, милое дитя! воскликнулъ лордъ Клеръ.

— Такъ могу ли я принять эту должность? спросила она нерѣшительно.

— Разумѣется, Еще бы!

— О, какъ вы добры! сказала она и нагнулась поцѣловать его руку.

Краска покрыла вдругъ его лице—онъ отвернулся.

— Не благодарите, сказалъ онъ скороговоркой, это я напротивъ обязанъ благодарить васъ.

— Вы—меня? Почему?

— Вы дали такаго прелестнаго управляющаго моему помѣстью, отвѣчалъ онъ любезно.

И дѣло было улажено.

* * *

Было воскресенье, и колокола, созывавшіе народъ въ церковь, весело гудѣли на чистомъ воздухѣ. когда Нора Венъ вышла изъ своего домика. Длинный шлейфъ платья она перекинула черезъ руку, обнаруживъ такимъ образомъ бѣлѣйшую юбку и крошечную ножку. Въ рукѣ она держала молитвенникъ.

Она шла скоро, какъ бы боясь опоздать, свѣжій вѣтерокъ покрылъ щеки ея красиваго личика легкимъ румянцемъ и развѣвалъ ея густые русые волосы.

Вдругъ она замѣтила рядомъ съ собою джентльмена въ легкомъ домашнемъ костюмѣ и шляпѣ, тоже ничуть не праздничной.

— Здравствуйте! сказалъ онъ весело и лицо его просіяло отъ удовольствія, когда онъ увидѣлъ ее.

— Здравствуйте, Фоссъ! отвѣчала она спокойно.

— Что за прекрасный день сегодня, не правда ли, миссъ—миссъ—онъ замолчалъ въ ожиданіи.

— Да, прекрасный день, согласилась она.

— Я полагаю, что сегодня уже не будетъ дождя, продолжалъ онъ, весело взглянувъ на небо.

— Я тоже полагаю.

— Позвольте мнѣ нести вашу книгу? заговорилъ онъ снова, нерѣшительно, видя, что она такъ неохотно отвѣчаетъ ему.

Она сейчасъ-же дала ее ему.

— Что за прелестная книга! Вы мнѣ позволите заглянуть въ нее?

— Если хотите.

Онъ быстро открылъ молитвенникъ. въ надеждѣ, что найдетъ въ немъ ея имя, но слова на чистомъ листѣ ничего не объяснили ему: „Норѣ отъ Е. К.".

— Добрый другъ подарилъ вамъ его, вѣроятно? спросилъ онъ ревниво.

— Лордъ Клеръ прислалъ его мнѣ, отвѣтила она спокойно.

— Лордъ Клеръ еще молодъ и не женатъ, не правда-ли? спросилъ онъ.

— Онъ былъ другомъ моего отца.

— Знаете-ли, вы мнѣ еще не говорили вашего имени? Поэтому я не имѣю ни малѣйшаго понятія о вашихъ родныхъ и не знаю, какъ васъ звать.

— Пусть такъ и остается.

— Но—извините мнѣ мое упорство—мнѣ очень хотѣлось-бы это знать.

— Я управляющій лорда Клера—для его арендаторовъ этаго достаточно.

— Но я не могу-же васъ такъ называть, при всемъ моемъ желаніи, сказалъ Джеральдъ съ нескрываемой веселостью. Какъ мнѣ назвать васъ, когда я говорю съ вами, просто какъ мужчина съ женщиной? Забудьте, пожалуйста, на время вашу должность и отвѣтьте мнѣ опредѣленнѣе.

Какое то озабоченное выраженіе показалось на ея лицѣ. Она тревожно взглянула на него.

— Я васъ рассердилъ?

Она покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не на васъ сердилась а на себя. Я боюсь, что была нелѣпа...

— На себя? Почему? спросилъ онъ удивленно, какъ бы не замѣчая послѣднихъ словъ ея.

— Я боюсь, что нехорошо тогда поступила—схватила ваши книги. Я потомъ все упрекала себя за это. Видите ли, продолжала она умоляющимъ голосомъ, меня здѣсь всѣ такъ балуютъ и позволяютъ мнѣ дѣлать, что я хочу и—и нѣтъ никого, ктобы мнѣ сказалъ, что хорошо дѣлать и что дурно.

— Вы—вы поступаете въ чемъ нибудь дурно? Но миссъ Нора, какъ мнѣ убѣдить васъ, что вы совершенно ошибаетесь?

— И вы не нашли этаго страннымъ, моего поведенія?...

— Нѣтъ—и тысячу разъ нѣтъ.

Она вздохнула свободнѣе.

— Такъ мы опять друзья?

— О да, друзья—разумѣется!

— А я все же не знаю имени моего друга, сказалъ онъ съ комическою досадой.

— Вы таки упорны однако! засмѣялась Нора.

Юные страдальцы. Съ картины Г. Кнорра, грав. Тегетмейеръ.

Выздоравливающій. Картина Ф. Шлезингера, грав. Кезебергъ и Эртель.

— Назовите это пожалуста „твердостью“ и наградите меня за нее.

— Хорошо, если ужъ вы такъ хотите знать: мое имя Нора Венъ, къ вашимъ услугамъ, сэръ!

— Мой другъ, Нора Венъ. Это звучитъ недурно, сказалъ онъ задумчиво. Но вотъ мы и у церкви.

Она опустила шлейфъ и подала ему руку на прощанье.

— Почему же вы думаете, что я не войду вмѣстѣ съ вами въ церковь? спросилъ онъ смѣясь, возвращая ей молитвенникъ.

— Не похоже, мнѣ кажется, чтобы вы были въ молитвенномъ настроеніи. Вы не одѣты...

— Дѣйствительно, я забылъ объ этомъ. Ахъ да, миссъ Вэнъ, я нашелъ свою чековую книгу и готовъ принять васъ еще разъ у себя. Когда могу я ожидать васъ?

— Зачѣмъ же вамъ ждать? Вы пришлите.

— Но мнѣ хочется именно васъ ждать.

— Тогда завтра, я думаю, завтра утромъ.

— Итакъ до свиданья, до завтра, онъ снялъ шляпу и низко поклонился, а она, кивнувъ на прощанье головой, скрылась за церковною дверью.

Джеральдъ Фоссъ присѣлъ на холмикъ и погрузился въ размышленіе. Онъ не скрывалъ отъ себя, что прелестная ирландка сдѣлала на него впечатлѣніе, ирландка, которая сперва возмутила его своею откровенностью и своими манерами, а потомъ просто обворожила своимъ милымъ обращеніемъ.

— Ну эта не вышла бы замужъ изъ-за денегъ, сказалъ онъ самому себѣ; она такъ правдива и порча не коснулась еще ея; какой женой была бы она!

Затѣмъ онъ сдѣлался смѣлѣй и подумалъ о возможности этаго. Онъ спрашивалъ себя, свободна ли она, и если да, то можетъ ли полюбить его. Серьезнымъ препятствіемъ представлялась ему ея должность управляющаго лорда Клера; но онъ рѣшился не допустить, чтобы что нибудь стало между нимъ и ею, если она полюбитъ его такъ горячо, какъ, ему казалось, она способна любить.

Съ тѣхъ поръ, какъ она посѣтила его, онъ уже не могъ думать ни о чемъ другомъ. Ея прекрасное личико и мягкій голосъ съ своеобразнымъ акцентомъ преслѣдовали его повсюду и никогда еще холостая жизнь не была ему такъ противна, тяжела какъ теперь. Онъ сталъ сознавать, что въ обществѣ онъ чувствовалъ себя все же свободнѣе, и что сдѣлалъ бы лучше, еслибъ остался въ Лондонѣ, но затѣмъ представлялась ему обворожительная картина жизни, какую бы можно было устроить и громадное помѣстье его казалось бы ему лучше и уютнѣе, если бы съ нимъ была прелестная жена и милыя дѣти, которыхъ волосы и глазки были бы точь въ точь такія какъ у матери, играли бы около него. Глаза того чуднаго голубовато-сѣраго цвѣта, какой можно встрѣтить только въ Ирландіи, а волосы, такіе блестящіе темнорусые волосы, какъ у Норы Венъ.

Онъ порывисто поднялся съ мѣста Да почему же и не жениться ему на ней. Но полюбитъ ли она его? Онъ думалъ надъ всѣмъ этимъ столько времени, что, поднявъ глаза, замѣтилъ, что служба окончилась и народъ группами выходилъ изъ церкви.

Онъ сталъ внимательно озираться, но нигдѣ не видѣлъ Норы и предполагая что она еще въ церкви, терпѣливо обождалъ, пока послѣдніе прошли мимо него. Затѣмъ хотѣлъ попытаться догнать ее, когда къ нему подошелъ Питеръ Нилъ.

— Мы вѣдь можемъ пройтись вмѣстѣ, сказалъ Питеръ и такъ какъ Джеральдъ не съумѣлъ отдѣлаться отъ его приглашенія, то долженъ былъ согласиться. „Что это ты—элегію что ли писалъ? спросилъ молодой священникъ смѣясь.

— О нѣтъ. Я только немного замечтался. Глупое занятіе, не правда ли?

— Очень. И чего тебѣ мечтать?

— Отчасти случай. Я встрѣтилъ миссъ Венъ и проводилъ ее до церкви.

— Миссъ Венъ? я не зналъ, что ты знакомъ съ ней. Я думалъ, что ты здѣсь никого не знаешь, продолжалъ Нилъ, искоса поглядывая на своего друга.

— Я и не зналъ никого. Миссъ Венъ была вчера у меня въ качествѣ управляющаго лорда Клера. Встрѣтилъ я ее сего дня и не могъ не предложить ей нести ея молитвенникъ— это большая и нѣсколько тяжелая книга.

— И это все?

— Да, все. Но ты какъ будто допрашиваешь меня?

— Я не имѣлъ намѣренія допрашивать. Но она находится подъ моимъ покровительствомъ во время отсутствія лорда Клера.

— Она въ родствѣ съ лордомъ Клеромъ?

— Нѣтъ. А что?

— Сознайся, ея положеніе очень странно, если она, какъ ты говоришь, не въ родствѣ съ нимъ.

— Онъ другъ ея отца и все это довольно просто.

— Можетъ быть по вашему. Но не въ свѣтѣ.

— Разумѣется. Что касается меня, я самъ часто удивлялся, для чего она занимаетъ эту должность; она получила въ наслѣдство отъ отца двѣ, три сотни фунтовъ годоваго дохода, значитъ не бѣдность заставляетъ ее дѣлать это.

— Нѣтъ, здѣсь она могла бы жить этимъ, сказалъ Джеральдъ задумчиво. Она любитъ роскошь?

— О нѣтъ, она живетъ экономно, почти бѣдно.

— Не скупая же она наконецъ? воскликнулъ Джеральдъ съ ужасомъ, потому что въ его глазахъ не было болѣе тяжкаго грѣха, какъ скупость.

Честное, добродушное лицо молодаго священника помрачилось.

— Надѣюсь, нѣтъ-нѣтъ! сказалъ онъ тревожно.

— Быть можетъ, помогаетъ бѣднымъ?

— Мало. Она очень объ нихъ заботится и нерѣдко просиживала ночи у постели больныхъ, но никогда не слышалъ я, чтобы она кому нибудь много помогла.

Они шли скоро. Женская фигура, которую они видѣли впереди заставила сердца ихъ забиться сильнѣе.

Питеръ полюбилъ горячо Нору Венъ, съ перваго же разу, какъ увидѣлъ ее еще въ прошломъ году; законы его религіи воспрещали ему однако вступать въ бракъ и онъ старался всѣми силами подавить страсть и надѣялся, что со временемъ ему это удастся.

Онъ былъ вѣрнымъ, добрымъ другомъ Норы и ни однимъ словомъ не обнаружилъ своихъ истинныхъ чувствъ; она также высоко уважала его и вѣрила ему, и выказывая ему постоянное расположеніе, невольно подвергала его сдержанность тяжкому испытанію.

Джеральдъ не зналъ ничего этаго и думалъ только о себѣ, когда воскликнулъ:

— Вотъ она, Питеръ, передъ нами!

— Да, я вижу ее, и если ты меня извинишь, я догоню ее. Съ этими словами Нилъ простился со своимъ другомъ, оставивъ его въ борьбѣ съ самимъ собою.

* * *

Слѣдующій день былъ еще теплѣе и яснѣе и Джеральдъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Норы. Но она не приходила; когда, наконецъ, зашло солнце и подулъ свѣжій ночной вѣтеръ, онъ, недовольный ею, самимъ собой, всѣмъ свѣтомъ, взялъ шляпу и вышелъ на свѣжій воздухъ.

Почти безсознательно направился онъ къ домику Норы и черезъ полчаса уже стоялъ въ темнотѣ противъ окна комнаты, въ которой она была. Штора не была спущена и онъ увидѣлъ ее за столомъ. Передъ нею было открытое письмо и она задумчиво вертѣла въ рукѣ перо. Пока онъ наблюдалъ за нею, вошла въ комнату Бригитта. Въ ту-же минуту письмо исчезло въ карманѣ Норы и она растерявшись и покраснѣвъ, вскочила съ мѣста.

— Дѣловое письмо не заставило-бы дѣвушку такъ краснѣть, сказалъ Джеральдъ про себя и убитый горемъ отправился домой.

Онъ былъ отчасти правъ. Письмо, которое такъ быстро исчезло въ маленькомъ карманѣ Норы, не было дѣловое; оно содержало предложеніе сдѣлаться женою лорда Клера; это было даже не первое предложеніе, потому что онъ, уже не молодой человѣкъ, любилъ ее такъ искренно, что рѣшился до тѣхъ поръ не надѣяться, пока она не выйдетъ наконецъ за другаго или по крайней мѣрѣ будетъ помолвлена.

Бригитта была его сильнымъ ходатаемъ. Она твердила, что по добротѣ, никого нельзя было съ нимъ сравнить, она постоянно восхваляла его и старалась подвинуть его дѣла при всякомъ удобномъ случаѣ; поэтому только Нора такъ поспѣшно спрятала его письмо; она боялась услышать опять повтореніе доводовъ въ его пользу.

По этой-же причинѣ она не была и у Джеральда; мысль, что она снова огорчитъ своего стараго добраго друга, мучила ее весь день и, желая какъ можно мягче сообщить отказъ, написала уже много писемъ, но все рвала ихъ и писала новыя.

На слѣдующее утро, сейчасъ-же послѣ завтрака, пошла она за своимъ пони: но такъ какъ конюха не было видно и не было никого, кто могъ-бы осѣдлать, то она, взнуздавъ пони, немедленно-же вскочила на неосѣдланную спину его, и поскакала по заросшей травою тропинкѣ.

На этотъ разъ дверь у Фосса была заперта, она постучала и явился лакей; но не успѣлъ онъ еще проговорить одно слово, какъ его отодвинули въ сторону и на порогѣ показался самъ Джеральдъ, здороваясь съ нею.

— Здравствуйте, миссъ Венъ. Вы не пѣшкомъ-же пришли? спросилъ онъ съ удивленіемъ, потому что она стояла возлѣ пони, обнявъ его шею руками, и такъ какъ онъ не видѣлъ сѣдла, то и подумалъ, что она просто привела лошадь.

— Пѣшкомъ? О, нѣтъ! Мабъ не допустилъ-бы этаго, еслибъ я даже сама того хотѣла. Не правда-ли, Мабъ? И при этомъ стала ласкать своего любимца.

У Джеральда былъ такой удивленный видъ, что она угадала его мысль и покраснѣла.

— Вы должны знать, сказала она смущенно, что Мабъ очень кротокъ, и сѣдло для него положительно роскошь.

— Не угодно-ли вамъ войти? сказалъ Джеральдъ, какъ-бы не слыхавъ ея замѣчанія.

Она привязала лошадь и вошла въ комнату.

Не говоря ни слова, Джеральдъ написалъ чекъ и подалъ ей

для подписи. Пока она брала перо, онъ наклонился и смотрѣлъ какъ она писала:

„Подписала
Нора Венъ.
По довѣренности лорда Клера".

— Миссъ Венъ, сказалъ онъ серьезно, что заставило васъ принять на себя такую странную обязанность? Она съ изумленіемъ посмотрѣла на него. Это дѣло мужское. Дѣвушка не должна заниматься подобными вещами.
— Ахъ, право, вы не можете этаго понять!
— Я тоже думаю. Лордъ Клеръ очень счастливый человѣкъ.
— Почему?
— Вы приняли эту должность, вѣроятно, изъ угожденія къ нему, а если дѣвушка такъ старается угодить мужчинѣ, то результатъ этого легко угадать.
Яркая краска покрыла ея лицо.
— Право, право, вы ошибаетесь! воскликнула она въ волненіи. Мнѣ нужны эти деньги!
— Если вамъ дѣйствительно нужны эти деньги, то могли-бы добыть ихъ другимъ путемъ; напримѣръ, въ качествѣ гувернантки, компаньонки.
— А жалованье—тамъ вы знаете, велико-ли оно?
— Незначительно, я это знаю; но такое мѣсто по крайней мѣрѣ прилично дѣвушкѣ. Лордъ Клеръ не долженъ бы былъ соглашаться, чтобы вы приняли такую должность.
— Лордъ Клеръ всегда хорошо поступаетъ. Вы-бы лучше не глумились надъ моимъ лучшимъ другомъ, отвѣтила она горячо.
Джеральдъ опустилъ голову, какъ-бы въ знакъ покорности.
— Я, разумѣется, не смѣю противупоставить свое мнѣніе мнѣнію лорда Клера.
Нора быстро вскочила; ея глаза блестѣли и губы дрожали отъ волненія.
— Вы жестоки, воскликнула она, и если мои занятія не женственны, то съ вашей стороны безтактно говорить мнѣ такія вещи—я беззащитна! И прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать что-нибудь, она уже была на улицѣ, отвязала своего пони и быстро уѣхала.
Джеральдъ остался на мѣстѣ уничтоженный позднимъ раскаяніемъ, ибо рѣзкія слова, сказанныя имъ въ пылу бѣшенной ревности къ лорду Клеру—онъ зналъ это хорошо—не будутъ забыты.
Цѣлую недѣлю затѣмъ онъ не видѣлъ Норы, хотя и посѣщалъ всѣ мѣста, гдѣ могъ надѣяться увидѣть ее. Наконецъ онъ отправился къ своему старому другу Питеру, надѣясь узнать что нибудь объ ней.
Но молодой священникъ принялъ его довольно холодно и былъ мало похожъ на обыкновенно веселаго Нила; когда-же онъ услышалъ всю исторію, лицо его прояснилось.
— Если я не ошибаюсь, ты любишь миссъ Венъ и хочешь жениться на ней? сказалъ онъ.
— О, разумѣется, Питеръ; что же иное я могъ думать?
— Ну, знаешь-ли, отвѣтилъ Нилъ, извиняясь, я воображалъ, что ты только ухаживаешь за ней—вы, праздные молодые люди, часто безсознательно творите не мало бѣдъ! Она, отчасти по моему совѣту, уѣхала отсюда.
— Уѣхала?
— Да, забрала себѣ вдругъ въ голову, что ея занятіе — видишь ли—неженственно и хочетъ непремѣнно пріискать себѣ другое; это причина ея внезапнаго отъѣзда.
Джеральдъ сильно покраснѣлъ.
— Какая же причина была еще?
— Возвращеніе лорда Клера—она не хотѣла встрѣтиться съ нимъ. Она не могла помириться съ мыслью, что должна отказать ему, несмотря на всю его доброту.
— Отказать? Она значитъ не любила его.
— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!
— Такъ какъ же приняла она управленіе его помѣстьями?
— Всѣ несправедливы къ ней, Джеральдъ. Она рѣшилась сдѣлать это, чтобы помогать брату. Я спросилъ объ этомъ и она прямо разсказала мнѣ все. Она великодушная дѣвушка.
Джеральдъ закрылъ лицо руками.
— Какъ могъ я такъ ошибиться? подумалъ онъ и спросилъ затѣмъ вслухъ.
— Не можешь ли ты сообщить мнѣ ея адресъ, Питеръ.
— Да, она теперь у леди Корнеліи Клиффордъ, въ ея городскомъ домѣ. Какъ? Ты уже уходишь?
Они крѣпко пожали другъ другу руки; Питеръ сказалъ:
— Я видѣлъ, впрочемъ, миссъ Венъ на неосѣдланной лошади. Она совершенно эмансипирована. Не находишь ли и ты этаго, Джеральдъ?
— Я нахожу, что она прелестнѣйшая наѣздница, а я люблю такихъ, возразилъ тотъ смѣясь.
— Что до меня, продолжалъ молодой священникъ шутя, то я охотнѣе женился бы на африканкѣ, чѣмъ на одной изъ этихъ дикихъ ирландокъ!
— Но мы все это перемѣнили! Если я не возьму себѣ теперь жены ирландки, то я совсѣмъ пожалуй не женюсь, сказалъ Джеральдъ. Это ужь видно судьба такая!

* * *

Въ уютной пріемной леди Корнеліи Клиффордъ царитъ полусвѣтъ, который еще болѣе увеличивается тяжелыми портьерами, закрывающими окна. На кушеткѣ, близь камина, лежитъ Нора и горько плачетъ, потому что она одинока и жизнь впереди такая холодная, безотрадная. Все тихое счастье ея прошлой жизни кажется разрушено, вслѣдствіе безжалостнаго слова Джеральда Фосса: доброе мнѣніе котораго (какъ она теперь убѣдилась) ей дороже всего на свѣтѣ, убивали ее. Но кто тамъ отпираетъ дверь? Она вскакиваетъ и въ комнату вводятъ какого-то господина. Сначала въ полумракѣ она не можетъ отличить кто это, но затѣмъ вдругъ узнаетъ.
Вы ли это?
Джеральдъ быстро подходитъ и беретъ ее за руку.
Простите ли вы меня? спрашиваетъ онъ, наклоняясь къ ней; когда же онъ замѣчаетъ, что внезапное его появленіе слишкомъ поразило ее, спрашиваетъ нѣжнымъ голосомъ: Нора, дорогая Нора, не можете ли вы сдѣлать еще больше, чѣмъ простить? Можете ли вы полюбить меня.
Она поднимаетъ къ нему глаза, на которыхъ блестятъ еще слезы.
— Знаете ли—такая досада! Я вѣдь любила васъ давно, право! тихонько шепчетъ она ему на ухо. Но какъ ни тихо произнесены эти слова, онъ слышитъ и теперь только смерть одна можетъ разлучить ихъ.
Помѣстье, которое генералъ Фоссъ завѣщалъ своему неблагодарному племяннику, не останется болѣе необитаемымъ. Дѣлаются торопливо всѣ необходимыя приготовленія, чтобы достойно встрѣтить молодыхъ, когда они вернутся изъ Франціи, гдѣ думаютъ провести медовый мѣсяцъ.
Свадьбу празднуютъ въ домѣ леди Корнеліи и лордъ Клеръ слишкомъ любитъ ее, что бы не пожелать ей отъ души счастья. Даже Бригитта радуется, не смотря на ея нелюбовь къ англичанамъ и утѣшаетъ себя тѣмъ, что мать Джеральда должно быть была ирландка. Такъ разыгралась исторія „управляющаго лорда Клера".

Къ рисункамъ.

Городъ Пресбургъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Вѣны, по направленію къ востоку, на лѣвомъ берегу Дуная, находится одинъ изъ наиболѣе древнихъ и знаменитыхъ городовъ Венгріи — Пресбургъ (по венгерски Пошоны). Широко раскинулся онъ на берегу величественной рѣки, занявъ своими узкими и кривыми улицами даже крутую и высокую Замковую гору, на которой виднѣются живописныя развалины стариннаго королевскаго замка, построеннаго въ концѣ тридцатилѣтней войны и въ 1811 г. окончательно разрушеннаго пожаромъ. Съ вершины Замковой горы открывается восхитительный видъ какъ на самый городъ такъ и на его окрестности; отсюда видны берега Дуная, покрытые лѣсами и виноградниками, холмы, увѣнчанные красивыми замками и на заднемъ планѣ Малые Карпаты съ ихъ причудливыми очертаніями. Правый берегъ Дуная, соединенный съ Пресбургомъ посредствомъ плашкоутнаго моста, представляетъ не менѣе миловидную картину, такъ какъ на немъ раскинуты живописные парки — любимое гульбище городскихъ жителей. Кромѣ того особенное оживленіе городу придаетъ Дунай, по которому безпрерывно двигаются пароходы, плоты, лодки и другія суда всякаго рода. Въ старину Пресбургъ былъ мѣстомъ коронованія королей Венгріи; нынѣ же это одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ торговыхъ городовъ страны, обладающій для сбыта мѣстныхъ произведеній двумя вѣрными путями: желѣзной дорогой и удобнымъ для судоходства Дунаемъ.
Нынѣшній Пресбургъ имѣетъ около 47,000 жителей, изъ которыхъ большая часть, а именно 30,000 принадлежатъ къ германской національности. Между пятнадцатью городскими церквами, особенно замѣчателенъ соборъ Св. Мартина, въ которомъ нѣкогда короновались венгерскіе короли; построенный въ 1090 году онъ былъ возобновленъ въ 1867 г. вмѣстѣ съ своей старинной высокой башней, украшенной свинцовой фигурой Св. Мартина, патрона Венгріи. Не менѣе достойна вниманія церковь Францисканов, выстроенная въ 1290—1297 годахъ и въ которой венгерскіе короли послѣ своего коронованія, посвящались въ рыцари Св. Стефана. Еще до 1873 года былъ цѣлъ здѣсь, близь вышеупомянутаго плашкоутнаго моста, такъ называвшійся Королевскій холмъ, нынѣ, срытый; на этотъ то холмъ всходили новокоронованные венгерскіе короли и воздымали отсюда на всѣ четыре стороны обнаженный мечъ Св. Стефана.

Сѣверная экспедиція г. Лея Смита на „Эйрѣ" къ островамъ Франца-Іосифа въ Ледовитомъ океанѣ.

(Рис. на стр. 1057).

Г. Лей Смитъ (Leigh Smith), въ настоящее время, уже до-

статочно извѣстенъ, какъ смѣлый и энергичный изслѣдователь моря къ сѣверу отъ Шпицбергена. Въ послѣднюю зиму онъ рѣшился предпринять новое путешествіе, для котораго и заказалъ въ Петерхедѣ паровое судно, приспособленное для плаванія среди льдовъ. Пароходъ, снаряженный согласно всѣмъ условіямъ конструкціи судовъ подобнаго рода, получилъ названіе „Эйра". На этотъ разъ Смитъ предположилъ изслѣдовать предѣлъ льдовъ въ различныхъ направленіяхъ и постараться найдти проходъ далѣе къ сѣверу. Экипажъ его былъ составленъ изъ испытанныхъ моряковъ, уроженцевъ сѣвера и кромѣ того, ему сопутствовалъ г. Грантъ, изъ фотографическихъ снимковъ котораго нами заимствованы предлагаемые здѣсь рисунки. Отплывъ изъ Лервика (на Шотландскихъ островахъ) 20 іюня, „Эйра" (слово, означающее „снѣгъ"), прежде всего направился къ волканическому острову Дженъ Майенъ, (рис. 4) гдѣ Смитъ разсчитывалъ изслѣдовать высокій пикъ Берсенкере. Но густые туманы помѣшали этому. Отсюда смѣлый путешественникъ предпринялъ энергичную попытку проникнуть сквозь льды къ восточному берегу Гренландіи, (рис. 3) и не достигнувъ цѣли своей, попробовалъ достигнуть съ сѣвернаго берега Шпицбергена, съ такимъ-же результатомъ.

Ледъ былъ массами скученъ у береговъ, что, впрочемъ, не мѣшало осмотрѣть наиболѣе возвышенные пункты прибрежья, очертанія которыхъ прекрасно сфотографированы г. Грантомъ.

Успенская Пороменская церковь, построенная въ XII в. въ г Псковѣ. Рис. И. Пановъ, грав. Паннемакеръ.

Спасо-Мирожскій монастырь, основ. въ XII в. близь Пскова. Рис. И. Пановъ, грав. Паннемакеръ.

(Продолженіе на стр. 1069, 1070, 1071, 1072, 1073, 1074, 1075 и 1076).

(Рис. 6, 7, 10). Убѣдившись, что время года не можетъ благопріятствовать изслѣдованію западнаго берега Шпицбергена. Смитъ обогнулъ сѣверную оконечность и направился далѣе къ сѣверу, къ землѣ Франца-Іосифа. (Рис. 2). Встрѣтивъ на пути значительное количество льду, Эйра была вынуждена перемѣнить курсъ и идти къ югу, но здѣсь сильные вѣтры заставили ее снова направиться къ сѣверу и утромъ 14-го августа нынѣшняго года пароходъ былъ уже въ виду земли Франца-Іосифа. (Рис 2). Къ концу мѣсяца здѣсь были выполнены работы по открытію новаго пути вдоль берега, идущаго въ западномъ направленіи, далѣе крайняго пункта, достигнутаго австрійской экспедиціей, и изобилующаго островами, мысами, бухтами и громадными пространствами льда; словомъ, открыта цѣлая новая, невѣдомая до сего времени страна, весьма интересная во многихъ отношеніяхъ. (Рис. 1). Но самымъ важнымъ открытіемъ, несомнѣнно, является установленіе факта доступности новаго побережнаго пути, который будетъ служить базисомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій полярныхъ странъ. Замѣчательную особенность новооткрытыхъ мѣстностей составляютъ громадныя ледяныя горы, совершенно непохожія на тѣ, которыя встрѣчаются въ Бюффоновомъ заливѣ. Гора на землѣ Франца-Іосифа—огромная ледяная масса, отъ 150 до 250 ф. выш. весьма обширная въ объемѣ и съ плоской вершиной; отдѣлившись отъ ледяныхъ массъ, расположенныхъ вдоль берега, льды здѣсь не плывутъ къ югу и направленіе, принимаемое ими, составляетъ еще загадку, ожидающую разрѣшенія своего. 18 августа „Эйра" бросила якорь въ бухтѣ, (образованной двумя островами, находящимися подъ 80° 8'25" сѣверной широты) и названной „Эйра", въ честь парохода Смита. Въ этомъ мѣстѣ высокія скалы образовали обширный амфитеатръ, у подножія котораго простирается довольно плоская долина, покрытая полярною растительностію. (Рис. 8). Но, окружающая мѣстность дика и пустынна до чрезвычайности; почти весь берегъ загроможденъ ледниками, постепенно спускающимися къ морю: „Эйрѣ" удалось подвинуться къ западу, вдоль берега, сквозь рыхлый ледъ, 24 августа, и дойдти въ этомъ направленіи до крайняго пункта; она была остановлена массами твердаго льду, подъ 80°20' сѣверной широты и 40° восточной долготы. Отсюда отъ о. М. Клинтока, видна земля къ сѣверо-западу, на разстояніи до 40 миль. (Рис. 9). Протяженіе новооткрытой береговой линіи равняется 105 милямъ, а вмѣстѣ съ крайнимъ видимымъ пунктомъ до 150-ти миль. Значительность размѣровъ ледяныхъ горъ и ледниковъ указываютъ на то, что земля Франца-Іосифа занимаетъ громадное пространство. Дойдя до этой мѣстности, откуда дальнѣйшій путь уже былъ прегражденъ льдами, г. Смитъ пошелъ къ востоку и снова проплывъ вдоль открытаго берега, добрался до того самаго мѣста, гдѣ зимовалъ корабль австрійской экспедиціи „Тегетгоффъ", который и былъ тамъ затертъ льдомъ. Возвратившись къ южному направленію, г. Смитъ попытался подойти къ землѣ Унча, къ востоку отъ Шпицбергена, но сплошныя массы льда остановили его, хотя онъ и пробовалъ, съ 1-го по 10-е сентября, найдти проходъ. Погода сдѣлалась бурною съ сильными вѣтрами, а ночи слишкомъ темными. Поэтому Смитъ предпринялъ обратный путь и вернулся 12-го октября въ Петерхедъ. Путешествіе, совершенное г. Смитомъ, можно считать наиболѣе важною и удачною лѣтнею экспедиціею въ арктическія страны, а сдѣланныя имъ открытія—весьма значительнымъ пріобрѣтеніемъ для будущихъ изслѣдованій полярныхъ странъ.

Семейная драма. Картина Г. Шаумана, грав. Гальбергеръ.

Молоденькая итальянка.

(Картина Рихтера)

Она еще не совсѣмъ сложилась—это дитя горячаго юга; его

еще полумальчишка—рѣзвая и шаловливая, она не знаетъ еще хорошенькая ли она, ходитъ такая растрепанная, еще ссорится съ дерзкимъ Беппо, который идя изъ школы, всегда задѣваетъ ее и она съ досадой и нетерпѣніемъ, вздрагивая отъ гнѣва своими полудѣтскими плечами, рѣзко отвѣчаетъ ему на его приставанья. Только глаза, больше чудные, черные глаза намекаютъ на будущій пышный разцвѣтъ молодой красавицы. Но когда она разцвѣтетъ, о! тогда дерзкій Беппо притихнетъ, и степенно проходя, будетъ уже не какъ школьникъ приставать къ ней а съ нѣжнымъ выраженіемъ задумчиво любоваться молодой красавицей.

Юные страдальцы.

(Картина Кнорра).

Скоро праздники, нужно къ нимъ готовиться, весьма вѣроятно для елки дѣлаютъ разные покупки, а этотъ несносный учитель нисколько не сокращаетъ своихъ уроковъ и дѣти сидятъ нахохлившись, сумрачные и страдающіе. Ахъ, когда же это кончится? И что онъ все задаетъ новыя задачи! Развѣ не довольно еще они писали. До нихъ доносится изъ другихъ комнатъ шумъ предпраздничной суеты и приготовленій, въ которыхъ имъ такъ бы хотѣлось принять участіе, а тутъ сиди и думай надъ задачей. Сердечки нетерпѣливо бьются. Ахъ, скоро ли кончится этотъ несносный урокъ!

Выздоравливающій.

(Картина Шлезингера).

Такъ томился онъ, бѣдный мальчикъ, пока былъ боленъ, такъ грустилъ и тосковалъ!

На стѣны онъ кругомъ смотрѣлъ какъ на тюрьму,
Онъ обращалъ къ окну горящія зѣницы
И свѣта Божьяго хотѣлося ему,
Хотѣлось воздуха, которымъ дышутъ птицы....

Головка его была горяча, ничто не занимало его. Его маленькіе братья и сестры, печальные и съ испуганными личиками ходили кругомъ на цыпочкахъ, не смѣя шумѣть и тревожить больнаго брата. Но теперь все это уже прошло. Онъ выздоравливаетъ, слабый румянецъ опять вернулся на щеки, глазки стали свѣтлѣе, голосокъ его уже не такъ тихъ, какъ былъ и его слабый еще смѣхъ уже раздастся иногда. Всѣ маленькіе братья и сестры его оживились и обрадовались, въ домѣ стало веселѣе. Вотъ всѣ они собрались въ комнатку больнаго и хоромъ и даже съ акомпаниментомъ гитары поютъ ему что-то. Самая маленькая крошка, не понимая значенія происходящаго безпечно возится съ своей куклой. Другая, побольше, охраняемая отъ паденія няней, старается—несетъ больному брату покушать.

Древнія церкви во Псковѣ.

(Стр. 1068).

Успенская Пороменская церковь въ г. Псковѣ находится на Завеличьѣ (т. е. не въ самомъ городѣ, а въ той части его, которая расположена за рѣкою Великою). Прозваніе *Пороменской* церковь получила вѣроятно отъ „парома", посредствомъ котораго нѣкогда совершалось сообщеніе между Завеличьемъ и главнымъ городомъ. Въ настоящее время эта церковь стоитъ по правую руку отъ пловучаго моста, перекинутаго черезъ рѣку Великую.

Храмъ основанъ въ XV вѣкѣ (именно въ 1444 г.) былъ нѣкогда соборнымъ, мало подвергался передѣлкамъ и перестройкамъ, а потому можетъ служить весьма хорошимъ образчикомъ псковской церковной архитектуры XV вѣка. Замѣчательно, что этотъ храмъ пользовался особенною милостію Грознаго. Въ ризницѣ его и доселѣ въ числѣ другихъ древнихъ вещей хранится украшенная драгоцѣнными камнями и жемчугомъ панагія, подаренная Грознымъ, съ двумя надписями: 1) „лѣта 7086 (1576 г.) Сентября 28 дня къ Пречистой Богородицы на Завеличьѣ"; 2) „приложилъ Государь съ своего Ливонскаго похода".

Изъ остальныхъ вещей не лишенъ интереса по содержанію надписи весьма увѣсистый серебряный Петровскій ковшъ. Надпись его гласитъ: „Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ... пожаловалъ симъ ковшемъ Псковитянина посацкаго человѣка Абросима Михѣева за приборъ своей Государевой казны, что онъ, будучи въ Псковѣ въ Таможнѣ въ 1702 году Бурмистромъ у сбору таможенныхъ пошлинъ противъ 1701 г. прислалъ тысяча семь сотъ пятьдесятъ четыре рубля девять алтынъ и полпяты деньги".

Спасо-Мирожскій монастырь въ г. Псковѣ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ русскихъ храмовъ. Онъ находится въ той части Пскова, которая называется *Завеличьемъ*, потому что лежитъ за рѣкою Великою и построенъ на рѣчкѣ Мирожѣ, отъ которой и получилъ свое названіе. Основаніе этому небольшому и въ настоящее время бѣднѣйшему изъ псковскихъ монастырей, положено было св. Нифонтомъ (впослѣдствіи архіепископомъ Новгородскимъ) въ 1156 г.

Главная изъ двухъ церквей, находящихся въ Мирожскомъ монастырѣ, ц. Преображенія Господня, современна основанію монастыря. Несмотря на всѣ пережитыя монастыремъ треволненія, ограбленія и нашествія Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ и Нѣмцевъ, ц. Преображенія сохранила свой первоначальный древній видъ и планъ, и даже нѣсколько замѣчательныхъ остатковъ древности. Такъ въ 1858 году, при внутренней поправкѣ этого храма, подъ слоями штукатурки, въ немъ открыта прекрасная стѣнная живопись al fresco, которая, по мнѣнію знатоковъ, принадлежитъ концу XII вѣка. Въ ризницѣ монастыря хранятся: пять древнихъ панагій, два древнихъ креста и чаша св. Нифонта, вырѣзанная изъ древеснаго корня и оправленная тонкимъ серебрянымъ ободкомъ. На колокольнѣ Преображенскаго храма уцѣлѣли два замѣчательныхъ колокола: одинъ изъ нихъ отлитъ при царѣ Василіи Іоанновичѣ (отцѣ Грознаго); другой, отлитый въ XVII вѣкѣ, вѣроятно въ Швеціи, украшенъ латинскими и шведскими надписями

Библіотека въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ—небольшая и небогатая, но содержится въ большомъ порядкѣ и помѣщена въ сухой и свѣтлой комнатѣ.

Семейная драма.

(Карт. Шаумана).

Собака воспитала своихъ дѣтей очень прилично, такъ какъ было въ обычаѣ у собачьяго рода въ продолженіи многихъ тысячелѣтій, и щенята вышли прехорошенькіе. Это были претолстые карапузики, съ круглыми головками, которые очень мило лаяли и прыгали. Мать семейства спокойно лежала въ своей корзинѣ на солнцѣ, окруженная ими. Но Жоко, несносная эта обезьяна, нарушаетъ это семейное довольство. Прохаживаясь вездѣ (ей все нужно), она по обыкновенію придумываетъ какую-нибудь шалость. Она видитъ вдругъ эту завидную семейную сцену и составляетъ планъ дѣйствія. Она во первыхъ начинаетъ шипѣть, и собаченка, которая постоянно отличалась смѣлостью, выскакиваетъ изъ корзины,—надо-же было лаять! Это только и нужно Жоко; какъ молнія бросается она къ щенку, схватываетъ его и бѣжитъ съ нимъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ и разсѣлась на столѣ. Мать сначала поражена, затѣмъ съ громкимъ, лаемъ и воемъ бѣжитъ къ столу. Жоко, бережно завернувши въ салфетку отчаянно кричащаго щенка, держитъ его крѣпко. Ужасная семейная драма!

Просимъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ заблаговременно возобновлять подписку на „Ниву“ 1881 года, для избѣжанія остановки въ полученіи первыхъ №№.

Городская почта послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ списки только небольшими количествами, а для иногородныхъ подписчиковъ печатаніе, корректура и провѣрка огромнаго количества адресовъ требуетъ много времени.

РЕБУСЪ.

РЕБУСЪ-ГИГАНТЪ.

Будетъ помѣщенъ въ № 52 „Нивы“ **„Гигантъ-Ребусъ“**, составленный Н. Каразинымъ и заключающій въ себѣ цѣлый маленькій разсказъ. *Первыя десять лицъ,* которые рѣшатъ этотъ ребусъ получатъ въ видѣ награды—преміи, каждый по одному экземпляру „Нивы“ на 1881 годъ—т. е. всего 10 экземпляровъ. Но такъ какъ городскіе подписчики получаютъ „Ниву“ прежде иногородныхъ, то желая уравнять шансы, мы раздѣлимъ эти „10 экз. „Нивы“ такимъ образомъ, что 5 экз. получатъ пять первыхъ отгадчиковъ изъ живущихъ въ Петербургѣ и 5 экз. 5 отгадчиковъ иногородныхъ. Если же кто либо изъ отгадчиковъ уже подписался на „Ниву“ 1881 года, то его экземпляръ можетъ быть переданъ по его назначенію другому лицу, или же вмѣсто экземпляра „Нивы“ онъ можетъ выбрать себѣ какое либо изъ нашихъ отдѣльныхъ изданій, не превышающее цѣнностью экземпляра „Нивы“. Предупреждаемъ, что рѣшеніе не совсѣмъ легко.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **Ф. Боргъ.**

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА НАЗАДЪ,

Правдивая исторія Б. М. Маркевича.

2 тома. Цѣна 3 р. 50 к. Книгопродавцамъ значительная уступка. Складъ въ Москвѣ, Леонтьевскій переулокъ, 14, въ типографіи Лаврова; въ Петербургѣ: въ конторѣ **„Новаго Времени“**, на Невскомъ проспектѣ. № 1111

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Желая ознаменовать двадцатипятилѣтіе „Собранія Романовъ“, издающагося съ 1856 года, Редакція, кромѣ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, дастъ въ будущемъ 1881 году премію, юбилейный номеръ, составленный изъ сочиненій русскихъ писателей. Тамъ будутъ помѣщены: **Рабыня**, повѣсть *В. Г. Авсѣенко*. **Изъ міра шведской и финской поэзіи**, Академика *Я. К. Грота*. **Историческій разсказъ** *Г. П. Данилевскаго*. **Разсказъ** *Н. С. Лѣскова*. **Обзоръ новѣйшей русской литературы.** *А. П. Милюкова*. **Маркизъ д'Оврисъ д'Онельзя**, разсказъ его же. **Статья** *В. В. Стасова*. **Три дня въ жизни молодого человѣка**, повѣсть *Е. Н. Ахматовой*. Во всемъ остальномъ, Редакція будетъ держаться прежней программы, т. е. давать лучшіе и интереснѣйшіе романы преимущественно англійскіе и французскіе, и избѣгать по возможности, не смотря на громкое имя автора, тѣхъ, которые печатаются въ другихъ журналахъ, такъ чтобы „Собраніе Романовъ“ составляло сборникъ такихъ статей, которыхъ читатели не могутъ найти, кромѣ „Собранія“, нигдѣ. Къ печати приготовлено пока:

ЗАГАДОЧНЫЯ ПРОИСШЕСТВІЯ ВЪ ГЕРОН-ДАЙСКОМЪ ЗАМКѢ. ПОИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ СТРАННЫХЪ МѢСТАХЪ. ПЕСЧАНЫЙ ГОРОДЪ, *Жаколіо*. МОНТОНЕРО, *Густава Эмара*. Какіе еще романы будутъ помѣщены въ 1881 году, читатели увидятъ изъ объявленій, печатающихся ожемѣсячно въ газетахъ.

Годовое изданіе „Собранія Романовъ“ состоитъ изъ двѣнадцати книгъ большаго формата, въ которыхъ помѣщается отъ десяти до двѣнадцати романовъ, и столько повѣстей и разсказовъ, сколько позволитъ объемъ книжекъ, составляющихъ въ годъ около *трехсотъ* печатныхъ листовъ, или около *пяти тысячъ* страницъ. Цѣна за всѣ 12 книгъ, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца—*десять рублей пятьдесятъ копѣекъ*, съ доставкою въ С.-Петербургѣ—*одиннадцать*, для иногородныхъ подписчиковъ—*двѣнадцать рублей*. Подписка принимается *исключительно* на имя издательницы, Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской Площади въ С.-Петербургѣ.

№ 1023 2—2

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ **1881** году.

будетъ издаваться **подъ тою же редакціей и слѣдовать тому же направленію.** Рекламы, сдѣланныя нашему изданію вліятельными органами русской печати своими нападками и заявленіемъ (въ большинствѣ случаевъ) несогласія съ нашимъ направленіемъ, относительно обсужденія русскихъ и общихъ вопросовъ, избавляютъ насъ почти отъ принятаго обычая говорить о себѣ передъ началомъ новаго годоваго періода. Что касается до польскаго вопроса, то мы, по прежнему, будемъ стараться разработывать его помощью посильнаго созиданія того **золотаго моста** на почвѣ мысли и интеллигенціи. который служитъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для цѣлей соглашенія и мира.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

а) для иногородныхъ подписчиковъ, съ пересылкою:

На годъ 12 р.; на 6 мѣс.—6 р.; на 3 мѣс.—3 р. на 1 мѣс.—1 р.

б) для заграничныхъ подписчиковъ, въ предѣлахъ почтоваго союза:

На годъ 15 р.; на 6 мѣс.—7 р. 50 к.; на 3 мѣс.—3 р. 75 к.; на 1 м.—1 р. 25 к.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ заявить свои требованія и прислать подписныя деньги своевременно, дабы имѣть возможность удовлетворить всѣхъ полнымъ комплектомъ нумеровъ газеты.

Адресъ редакціи: **Варшава, Медовая, № 18.**

№ 1110 3—1 Редакторъ: **Князь Н. Н. Голицынъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. **НА 1881 ГОДЪ** **годъ второй.**

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ дост. и пересылки.		Съ доставк. въ Москвѣ.		Съ перес. во всѣ города.	
На годъ	7 р. 60 к.	На годъ	8 р. 50 к.	На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣс.	4 „ 30 „	„ 6 мѣс.	4 „ 50 „	„ 6 мѣс.	5 „ — „
„ 3 „	2 „ 30 „	„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 1 „	— „ 90 „	„ 2 „	1 „ — „	„ 1 „	1 „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ д. Н. П. Ланина. № 1010 6—5

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Ц. № 1121

НА

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

НА 1881 ГОДЪ.

	12 мѣс.		11 мѣс.		10 мѣс.		9 мѣс.		8 мѣс.		7 мѣс.		6 мѣс.		5 мѣс.		4 мѣс.		3 мѣс.		2 мѣс.		1 мѣс.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Въ Москвѣ:	9	—	8	40	7	80	7	20	6	60	6	—	5	40	4	60	3	70	2	80	1	90	1	—
На города:	10	—	9	40	8	70	8	—	7	30	6	50	5	70	4	80	3	90	3	—	2	—	1	—

Примѣчанія: 1) Для выписывающихъ газету въ одномъ экземплярѣ никакія разсрочки и никакія уступки противъ обозначенныхъ выше цѣнъ *не* допускаются.

2) Сроки подписки считаются съ 1 числа по 1-е; выписывающіе газету съ средины или желающіе продолжить полученіе до средины мѣсяца, платятъ за неполный мѣсяцъ понумерно, считая каждый №, при городской доставкѣ 5 коп., при иногородной пересылкѣ —6 коп.

3) Московскіе подписчики, желающіе получать газету въ экземплярахъ запакованныхъ, приплачиваютъ, сверхъ показанной цѣны, по 10 к. за каждый мѣсяцъ. На основаніи почтовыхъ правилъ, *иногородная* пересылка въ глухихъ пакетахъ *не допускается*.

4) Гг. иногородныхъ просятъ не затруднять редакцію присылкою марокъ, вмѣсто денегъ; въ крайнемъ случаѣ прилагать марки лишь мелкаго достоинства (не свыше 5 коп.),

5) Редакція много облегчена будетъ въ немедленномъ удовлетвореніи поступающихъ къ ней требованій, если тѣ изъ—гг. иногородныхъ. которые уже получаютъ *Современныя Извѣстія*, будутъ прилагать при требованіяхъ и *свой печатный адресъ*.

Пріемъ подписки въ *Москвѣ*: въ конторѣ *Современныхъ Извѣстій* на Воздвиженкѣ, въ Ваганьковскомъ переулкѣ, Александровское подворье, рядомъ съ казенной палатою и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцахъ Москвы (кромѣ Живаревыхъ) и СПБурга.

Съ Января 1881-го года

въ МОСКВѢ

При сотрудничествѣ графа **Льва Николаевича Толстого** П. И. **Бартенева**, И. Е. **Забѣлина**, В. П. **Клюшникова**, А. Г. **Коваленской**, Т. **Толычевой**, С. В. **Флерова** и мног. друг. будетъ выходить новый ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей, подъ названіемъ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

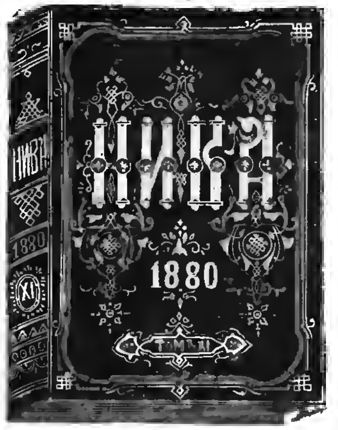
Цѣна изданію съ доставкою и пересылкою во всѣ города за годъ—6 руб. за полгода—3 руб. 50 коп. Журналъ будетъ выходить 15-го числа каждаго мѣсяца книжками отъ 6-ти до 8-ми листовъ печатнаго текста.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи, по Софійской набережной, въ домѣ Маріинскаго женскаго училища; въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ конторѣ „Русскаго Архива“ на Садовой у Ермолая. Въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ „Новое Время“ на Невскомъ.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться съ требованіями исключительно въ редакцію журнала и въ контору Университетской Типографіи.

Издательница **Н. А. Истомина.**

№ 1103 Редакторъ **П. А. Берсъ.**

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золот. тиснеиіемъ за 1880 г. и также на 1881 г. по вышепоказанному образцу 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ“ въ такую коленкоровую крышку.

Также имѣютъ крышки для „НИВЫ“ прежнихъ лѣтъ т. е. отъ 1870—1879 гг. по той же цѣнѣ.

ОТЪ СОЛИТЕРА

и другихъ глистовъ спеціальное и скорое излеченіе въ Гигіенической Лечебницѣ. Петербургъ, Владимірская ул., д. № 15. Леченіе возможно и письменно. Тутъ-же лечатся и отъ сыпи (лица), заразительныхъ болѣзней.

К. № 961 10—9

30% уст. книгопр., школамъ и др. учр. о изд. г. Фармаковскаго 79 г. Школ. Діэтетика 50 к., книжка для волост. старш. и сел. старостъ 30 к., кн. для волост. судей 15 к., кн. о миров. судѣ 15 к., кн. для зем. гласн. о зем. учрежд. 15 к., Законы о гражд. договор. и обязат-хъ 77 г.) 1 р. 25 к. Одобр. Уч. К. Мин. Н. Пр. Казань, кн. маг. Алексан. Ильича Овчинникова. № 997. 3—3

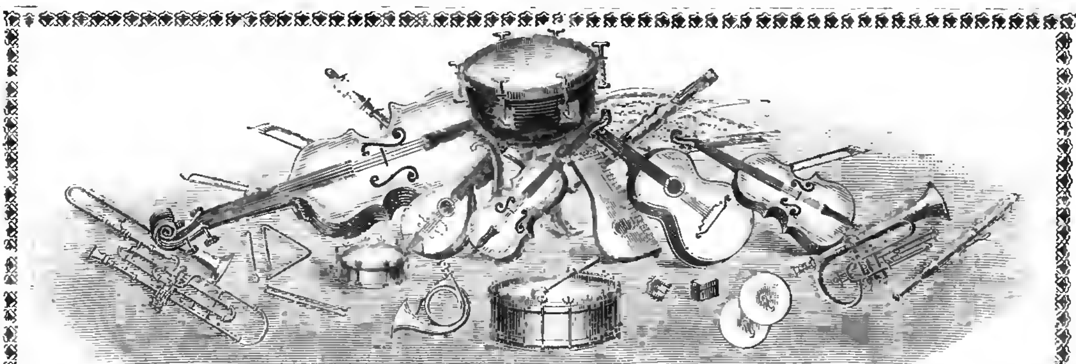
МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ, ИЗДАННЫЯ

П. ЮРГЕНСОНОМЪ

ВЪ МОСКВѢ.

Бурковцевъ, А. Фортепіанный сборникъ изъ любимыхъ легкихъ пьесъ Кулака, Шумана, Чайковскаго и др. со знаками исполненія и аппликатурой 1 р. *Glinka*, M. Minuetto du Quatuor F-dur à 2 ms par E. Langer 30 k. à 4 ms par l'auteur 30 k. | игранный съ громаднымъ успѣхомъ въ Павловскѣ оркестромъ Пуфгольда.

Головизнинъ, Г. Сочиненія для корнетъ à пистона. № 1. Cavatine du paga de l'opéra „les Huguenots“ 40 к. № 2. Air de Tannhäuser. Abendstern. 40 к. № 3. Oisaux légers 40 k. № 4 Air russe 40 к. № 9. Air da l'opera «Halka» 50 к. № 10. Casta diva de l'opéra „Norma“ 50 k. № 11. Valse originale 60 к. № 12. Air de grace de l'opéra „Robert“ 50 к. *Гуно*, Фаустъ. Арія Зибеля «Прежде, когда тебѣ» для Меццо Сопрано или Баритона, Quando a te lieta 20 к. *Мельцеръ И. Э.* Op. 113. „Дитя піанистъ“. Собр. легкихъ пьесъ для дѣтей младш. возр. 1 р. *Рубецъ*, 60 пар. русск. пѣсенъ. Переложеніе на 3 жен. или 3 муж. гол. парт. 1 р., голоса 1 г. 50 k. *Tschaikowsky P.* Op. 36. Symphonie № 4 Parition 9 р. *Верди Д.Ж.* Аида. Опера въ 4 дѣйств. № 1. Вступленіе 20 к. № 2. Романсъ Радамеса (Теноръ) „Милая Аида“ 40 к. № 3. Дуэтъ и Тріо. „Мой милый другъ, подойди ко мнѣ“. 80 к. № 4. Гимнъ войны. (Хоръ) „Къ берегамъ священнымъ 1 р. № 5. Сцена Аиды. (Сопр.) «Безумное слово» 50 к. № 6. Молитва и хоръ »Всесильный великій 1 р. № 7. Хоръ женщинъ. »Кто тамъ, кто тамъ съ побѣдой» 70 к. № 8. Дуэтъ (Сопр. Меццо С.) „Любовь, о рогъ! любовь“ 1 р. № 9 Побѣдный гимнъ и маршъ „Слава Египту, Изидѣ“, 1 р. № 10 Романсъ Аиды. (Сопр.) „Небо лазурное и воздухъ“ 80 k. № 11 Дуэтъ (Сопр. и В.) «Возвратимся мы въ край» 1 р. № 12. Дуэтъ. (Сопр. и Тен.) „Опять съ тобою ангелъ“ 1 р. № 13. Дуэтъ. (Меццо С. и Тен.) „Тамъ собралися всѣ жрецы« 1 р. № 14. Сцена Суда. М.-С, Б. и хоръ.) „Увы, я умираю..“ 1 р. № 15. Дуэтъ. (Сопр. и Тен.) „За что жъ! ты не виновна“, 1 р. *Wieniawsky*. H. Op. 4. Polonaise de concert en ré pour Violon avec Piano. 1 р. *Wieniawsky*, H. op. 5. Adagio élegiaque pour Violon avac Piano 80k. *Цыганская пѣсня*. № 45. „Я васъ люблю и вы повѣрьте“, для Контральто, для Мецце-Сопрано, новое изданіе, по 20 к. П. М. № 1105

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана.

С.-Петербургъ, по Большой Морской улицѣ, № 42.

рекомендуетъ вновь полученные изъ самыхъ извѣстнѣйшихъ Парижскихъ, Вѣнскихъ и Итальянскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

Скрипки по $2^1/_2$ р., 5 р., 8 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р., 100 р. и дор.
Смычки для скрипокъ по 50 к., $1^1/_4$ р., 2 р., 3 р., 6 р., 10 р., и дор.
Футляры для скрипокъ по 5 р., 6 р., 10 р., 12 р., 20 р.
Школы для скрипки (самоучитель) по 2 р. 3 р., 4 р. и 5 р.
Альты по 9 р., 15 р., 30 р., 50 р., и дор.
Віолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 80, 100 р. и дор.
Контрабасы по 45 р., 65 р., 100 р., 120 р.
Цитры по 14 р., 16 р., 25 р., 35 р., 50 р., 75 р. и дор.
Школы для цитры по 2 р. и $3^1/_2$ р.,
Гитары по 5 р., 7 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
Школы для гитаръ (самоучитель) по $1^1/_2$ р., 2 р., 3 р.
Мандолины по 10 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскія струны для всѣхъ инструментовъ.
Камертоны, метрономы и всѣ принадлежности.
Желѣзные складные пюпитры по $2^1/_2$ р., 5 р., 6 р.
Шарманки по 12 р., 20 р., 30 р., 40 р. и дор.
Итальянскія ручные органы по 150 р., 200 р., 250 р.
Музыкальные ящики по 2 р., 4 р., 6 р., 10 р., 25 р., 35 р. 50 р., 65 р., 90 р., 100 р. и дор.
Нѣмецкія ручныя гармоніи по $4^1/_2$ р., $5^1/_2$ р., 7 р., 10 р., 12 р. 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р. и дор.
Самоучитель для гармоніи 1 р., 4 тетради нотъ по 75 к.

Корнеты-а-пистонъ по 18 р., 25 р., 30 р., 40 р., 60 р., 75 р. и 100 р.
Школа для корнета-а-пистонъ по $1^1/_2$ р., 4 р. и 5 р.
Трубы, альтгорны, тенoргорны, баритоны, тромбоны, вальторны, басы, сигнальн. рожки для охоты, желѣзн. дор. и для горнист.
Флейты по 3 р., 5 р., 7 р., 10 р., 12 р., 20 р., 30 р., 50 р. и дор.
Школа для флейты (самоучитель) по $1^1/_2$ р., 3 р.
Пиколо Флейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 16 р.
Кларнеты по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 50 р., 60 р.
Школа для кларнета 4 р.
Флажолеты по 3 р., 5 р., 8 р., 10 р.
Чаканы по 5 р., 8 р., 10 р., 15 р.,
Школа для чакана 2 р. 85 к.
Барабаны турецкіе барабаны, литавры, бубны, тарелки, треугольники, бунчуки, кастаньеты, металлофоны, окарины.
Нѣмецкія концертино по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р.
Школа для нѣмецкихъ концертино 75 к., ноты по 40 k. и 1 р.
Англійскія концертино по 30 р., 38 р., 45 р., 70 р., 100 р., 125 р., 160 и 200 р.
Школа для англійскаго концертино 3 р.
Парижскія гармонифлюты по 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р.
Фис армоніи извѣстнаго фабриканта Бюссона въ Парижѣ по 90 р., 100 р., 120 р., 150 р., 175 р., 250 р., 400 р.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

З. № 958 ☛ Всѣ эти инструменты очень удобны для подарковъ къ рождеству. ☚ 3-3

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

ИЗДѢЛІЙ

ТОВАРИЩЕСТВА РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ РЕЗИНОВОЙ МАНУФАКТУРЫ

А. ЭЛУХЕНЪ,

№ 1. Невскій просп., на уг. Адмиралтейск. площ., рядомъ съ магазиномъ Даціаро. **№ 1.**

☛ НОВОСТЬ ☚

ЗАЩИТА ОТЪ ПРОСТУДЫ

Предохранительныя фуфайки, панталоны, подтяжки и нагрудники для господъ военныхъ и статскихъ.

Заказы исполняются въ самомъ скорѣйшемъ времени

☛ **ПО УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.**

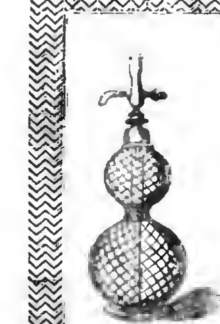
По требованію гг. иногородныхъ высылается немедленно по почтѣ К. № 1126

П № 1058 5—2

ЭКОНОМІЯ 90 КОП. СЪ РУБЛЯ

ОТЪ ДОМАШНЯГО ПРИГОТОВЛЕНІЯ ШИПУЧИХЪ ВОДЪ

СЕЛЬТЕРСКОЙ, ФРУКТОВЫХЪ и ЛИМОНАДОВЪ,

посредствомъ аппаратовъ и порошковъ продающихся съ подробнымъ для употребленія наставленіемъ у

Р. КЭЛЕРЪ и К° въ МОСКВѢ, на Никольской.

☛ **Аппараты эти особенно удобны тѣмъ, что изъ нихъ можно отливать любое, и самое малое количество воды, безъ вреда для остатка.**

Цѣны аппаратамъ въ 3, 6, 9 и въ 15 стакановъ: 5, 6, 7 и 10 руб.; а съ укладкою для пересылки по почтѣ $5^1/_2$, 6 р. 60 к., $7^3/_4$ и 11 р.; вѣсъ же ихъ съ укладкою: 13, 17, 18, 20 фунтовъ. **Цѣны коробокъ съ 10-ю зарядами**, каждый на 3, 6, 9 и 15 стакановъ: 55, 80, 115 и 160 коп.; съ укладкою 70, 100, 120 и 180 коп.; вѣсъ съ упаковкою $^3/_4$ фун., 1. 2 и 3 фунта.

При этомъ № прилагаются 5 объявленій для гг. городск. и иногородн. подписч. 1) отъ 1-й россійск. паров. фортепіанной фабрики К. М. Шредера въ СПБ., для гг. иногор. подписч. 2) отъ конторы Англійскаго агентства А. Л. Штуммера въ Москвѣ, 3) отъ редакціи „Досугъ и дѣло“ въ СПБ. 4) отъ книжн. магазина А. И. Манухина въ Москвѣ, 5) отъ книжн. магазина Н. П. Баркова въ Москвѣ. Послѣднія два за исключен. Московскихъ подписчик.

Дозволено цензурою СПБ. 11 Декабря 1880 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.** Типогр. ... № 10

XI годъ | № 52 — годъ XI | 1880

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 20 до 40 моди. рис.
Выданъ 27 Декабря 1880 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этаго № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

Искушеніе.

(Къ рисунку Зондерланда).

Всѣ ушли. Дѣвочка осталась одна въ комнатѣ. Она подошла къ оставленному столу. Что за заманчивыя вещи стоятъ тутъ: пирожное, плоды, вина... Взять, или не взять? Съ одной стороны пирожное такъ аппетитно смотритъ, съ другой —запретъ мамаши: „никогда ничего не трогать безъ позволенія.“ И вотъ, быть можетъ, первый разъ въ жизни, въ ребенкѣ совершается борьба,—два голоса —добрый и злой— нашептываютъ ей свои рѣчи, и она колеблется, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону.

На Елку. Искушеніе. Рисунокъ Зондерланда, грав. Кличъ.

Сколько разъ впослѣдствіи, въ жизни, будетъ ее одолѣвать такая же борьба, такое же искушеніе, можетъ быть во много разъ сильнѣйшее, съ которымъ бороться будетъ куда труднѣе, чѣмъ теперь.... На чьей же сторонѣ будетъ побѣда? На это трудно отвѣтить, это отъ многаго зависитъ, и больше всего отъ родителей ребенка,—какое воспитаніе и направленіе они даютъ ему... Но теперь у нашей дѣвочки такія еще маленькія искушенія. Пирогъ! О, этотъ пирогъ. Любимый слоникъ брошенъ на полу забыты игры и глазки дѣвочки задумчиво устремлены на столъ.... Неужели же нельзя хоть маленькій кусочекъ? Это такъ заманчиво....

Кувшинчикъ.

Рождественская фантазія

Н. Морскаго.

Когда Еничка, одѣтый въ праздничную куртку, вошелъ въ залъ,—онъ положительно вытаращилъ отъ изумленія глаза. Вся комната буквально была усѣяна прелестными розами, розами, покрывающими потолокъ и стѣны, обвивающими окна, зеркала и люстры. Въ серебряныхъ, безъ позолоты, канделябрахъ и подсвѣчникахъ горѣли розовыя восковыя свѣчи, лампы прикрывались розовыми абажурами и шарами—и въ добавленіе всѣхъ эффектовъ—къ Еничкѣ бѣжала на встрѣчу хозяйка этаго очаровательнаго жилища, круглолицая Людмила, одѣтая въ роскошное розовое платье. Въ ушахъ Людмилы дрожали крупные брилліанты; въ темнорусой косѣ трепетала, сдѣланная изъ розовыхъ яхонтовъ и алмазовъ, бабочка; съ декольтированнаго корсажа сбѣгали волны розоваго крепа, падающаго струистымъ каскадомъ на тяжелый шелковый трэнъ. Людмила на ходу развертывала своими маленькими ручками, одѣтыми въ длинныя до самаго локтя перчатки, розовую бархатную, съ серебряными застежками, книжечку и чертила въ ней что-то посредствомъ самаго миніатюрнаго карандашика. Подбѣжавъ къ Еничкѣ и, привѣтливо улыбаясь, она торопилась ему сообщить:

— Представьте мою разсѣянность,—я не вычеркнула до сихъ поръ цѣлыхъ три дня.

И, не давъ сказать что-либо гостю, спѣшила освѣдомиться:

— А вы не забывали?

Она смотрѣла на Еничку своими круглыми, небесноголубыми глазами, перевертывая маленькими пальчиками листики записной книжки. Всегда легкомысленная, Людмила предложила по обыкновенію нелѣпый вопросъ. Конечно, онъ не забывалъ: вотъ еще!.. Будь у него такая книжечка, онъ только-бы и зналъ, что заглядывалъ въ нее... Онъ и безъ всякой подобной книжечки аккуратно вычеркивалъ каждый остающійся до Рождества день; иногда изъ удовольствія разомъ сдѣлаетъ много крестиковъ—умышленно не заглядывалъ въ листокъ,—изъ удовольствія, а ужъ никакъ не по разсѣянности. Съ степенной важностью, начавшаго посѣщать школу, мальчика, Еничка отвѣтилъ на вопросъ Людмилы:

— Конечно, я помнилъ.

Легкомысленная Людмила не остановилась долѣе на этомъ предметѣ. Спрятавъ книжечку въ карманъ и развернувъ розовое шелковое опахало, кокетливо обмахиваясь имъ, она торопливо освѣдомлялась:

— Видали звѣздочку?

Не дождавшись отвѣта, Людмила взяла за руку и повела его по убранному розами залу, въ которомъ никого кромѣ ихъ двоихъ не было:

— Отъ меня звѣздочку видно превосходно.

Людмила остановилась передъ задернутымъ шелковыми гардинами окномъ, поставивъ Еничку посерединѣ и вдругъ распахнула обѣ половинки занавѣси.

Взглядамъ Енички представилось огромное окно, съ нарисованными на немъ извнѣ рисунками мороза, блещущими не хуже алмазовъ, окно, черезъ которое виднѣлось усѣянное, ярко дрожащими синеватымъ, зеленымъ и красноватымъ свѣтомъ, звѣздами, небо... Какъ-бы окруженная роемъ мелкихъ звѣздочекъ, на этомъ темномъ небѣ сіяла кроткимъ бѣлымъ свѣтомъ одна звѣзда, превосходящая размѣрами всѣ остальныя. Людмила указала на нее Еничкѣ:

— Неправда-ли, какъ хорошо?

При этомъ Людмила сдѣлалась серьезнѣе и какъ-бы задумчивѣе, перестала неустанно болтать своимъ язычкомъ и поясняла Еничкѣ съ нѣкоторою солидностью:

— Это—Христова звѣздочка. Знаете, когда она появляется,—всѣ дѣти на землѣ—и хорошія, и дурныя, становятся одинаково добрыми и видятъ прелестные сны.

Оба,—Людмила и Еничка стояли въ какомъ-то радостномъ умиленіи, смотря на звѣздочку, которую Еничка видѣлъ и у себя дома, но которая изъ окна его спальни казалась не на столько прелестною, насколько отсюда, изъ зала Людмилы. Легкомысліе вернулось къ Людмилѣ и она, выпустивъ изъ ручекъ занавѣси,—неожиданно для Енички, закрыла передъ нимъ прелестную звѣзду и громко разсмѣялась. Еничка медленно повернулся на каблучкахъ и столкнулся лицомъ къ лицу съ однимъ чрезвычайно страннымъ существомъ.

Гдѣ-то онъ видалъ этаго милаго мальчика, но гдѣ именно—никакъ не могъ припомнить. То былъ низенькій, и толстый бутузъ, розовый и смѣющійся, чистый амурчикъ, одѣтый маркизомъ, въ розовомъ шелковомъ, вышитомъ серебромъ, кафтанѣ, въ бѣлыхъ атласныхъ панталонахъ и жилетѣ, въ кружевномъ жабо и манжетахъ. Заложивъ руки за спину, Еничка съ интересомъ разсматривалъ этаго крохотнаго маркиза, который и говорить-то, повидимому, еще не особенно хорошо умѣлъ, а все только смѣялся, вертясь и что-то лепеча своимъ маленькимъ языкомъ. Съ трудомъ Еничка разобралъ смѣющагося крошку:

— Хотите—я сдѣлаю фокусъ?

Еничка посмотрѣлъ съ нѣкоторою важностью на мальчугана и снисходительно соблаговолилъ:

— Сдѣлайте, пожалуй.

Тогда мальчуганъ, не безъ граціи подвинулъ Еничкѣ стулъ, приглашая присѣсть. Какъ учтивый кавалеръ, Еничка хотѣлъ было уступить свое мѣсто дамѣ, но, оглянувшись, не увидѣлъ около себя Людмилы, какъ-то незамѣтно для него исчезнувшей. Тогда онъ сѣлъ съ важностью и повернулъ свое личико къ мальчугану. Въ рукахъ этаго послѣдняго виднѣлась нитка, на которой былъ надѣтъ красный деревянный шарикъ. Мальчуганъ показалъ Еничкѣ на шарикъ.

— Изъ одного—хотите, сдѣлаю—три.

И не дождавшись отвѣта, взялъ нить посерединѣ такъ, что красный шарикъ очутился у него подъ руками, затѣмъ раздвинулъ ручки вдоль по нити, въ открывшейся серединѣ которой теперь прыгало цѣлыхъ три шарика: красный, зеленый и желтый. Это просто удивительно!.. Мальчуганъ отбросилъ нить и поднесъ къ самому носику Енички маленькую черную коробочку, открывъ крышку:

— Посмотрите.

Еничка заглянулъ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ въ коробочку, въ которой ровно ничего не оказалось.

— Смотрите: я положу туда гривенникъ.

Мальчуганъ на глазахъ Енички опустилъ на дно гривенникъ, закрылъ крышку, перевернулъ два раза коробочку и снова открывъ ее, показалъ Еничкѣ.

Непостижимо! гривенника въ коробочкѣ не было. Еничка изумленно смотрѣлъ на маленькаго фокусника, который положительно былъ мало того, что фокусникъ, но даже волшебникъ. Онъ махнулъ шапочкой на право, и изъ дверей сосѣдней комнаты потянулась цѣлая несмѣтная рать пѣшихъ и конныхъ деревянныхъ солдатиковъ, впереди которыхъ шли музыканты, а солдатиками командовали генералы и разные офицеры; махнулъ на лѣво—и погоняя вороныхъ и сѣрыхъ лошадей, выбѣжали разноцвѣтные полишинели, за которыми шелъ бѣлый паяцъ, разставляя всѣ принадлежности кукольной комедіи. Весь розовый салонъ покрылся игрушками, пре-

вратился въ громадную игрушечную лавку. Еничка сидѣлъ пораженный всѣмъ этимъ, не будучи въ силахъ произнести ни слова. Вдругъ въ это самое время двери салона стремительно распахнулись и въ нихъ вбѣжала переодѣвшаяся во все бѣлое Людмила, толкая попадающихся ей на встрѣчу солдатиковъ, отгоняя лошадей и крича:

— Кувшинчикъ, господа, кувшинчикъ! Идите встрѣчать кувшинчикъ!

Всѣ засуетились. Трахнули барабаны, генералы и офицеры скомандовали солдатикамъ и полки, при звукахъ торжественнаго марша двинулись по направленію къ дверямъ, черезъ которыя только что вбѣжала Людмила. Полишинели и паяцъ съ кукольной комедіей стушевались куда-то. Людмила схватила Еничку за руку.

— Пойдемъ... Скоро двѣнадцать часовъ и кувшинчикъ близко.

Еничка всталъ. Сколько разъ, о сколько разъ онъ стремился посмотрѣть, какъ появляется этотъ таинственный кувшинчикъ,—и все не удавалось. Четыре раза въ годъ послѣ Рождественскаго, Великаго, Петрова и Успенскаго поста прилетаетъ наполненный молокомъ кувшинчикъ, прилетаетъ никѣмъ невидимый, во время сна. На Рождество этотъ кувшинчикъ бѣлый съ серебряными цвѣтами, на Пасху—красный съ золотыми, въ Петровъ день—голубой съ незабудками, и на Успенье—зеленый, съ нарисованнымъ на немъ виноградомъ. Сколько лѣтъ ложась въ постель, наканунѣ одного изъ поименованныхъ дней, слушая не знаю въ который разъ повѣствованіе о таинственномъ кувшинчикѣ, Еничка употреблялъ неимовѣрныя усилія, чтобы не заснуть, но помимо собственнаго желанія и воли впадалъ въ крѣпкій сонъ, утромъ досадуя, что кувшинчикъ уже прилеталъ, наполняя разные сливочники и горшечки молокомъ и затѣмъ отлетая въ другой домъ. Кто видѣлъ этотъ кувшинчикъ? Тотъ видѣлъ, этотъ видѣлъ, а Еничка до сихъ поръ никогда не видалъ.

И вдругъ!.. Схвативъ Людмилу за ручку, Еничка побѣжалъ съ нею черезъ розовый салонъ, направляясь къ слѣдующей комнатѣ. Оба прошли голубую комнату, наполненную незабудками, освѣщенную лампами съ голубыми абажурами, тонущую въ какой-то лазурной синевѣ,—прошли зеленую комнату, гдѣ виноградныя лозы, пока еще безъ гроздій,—обвивали зеркала и стѣны, гдѣ горѣли зеленыя свѣчи и лампы съ зелеными шарами. Всѣ эти комнаты были безлюдны, но подходя къ дверямъ бѣлаго зала—Еничка и Людмила услышали смѣшанный гулъ голосовъ, видимо многочисленной публики. У входныхъ дверей стояло два маленькихъ мальчика, одѣтыхъ въ костюмы пажей, сдѣланные изъ бѣлаго атласа, два мальчика красивыхъ какъ херувимы. При приближеніи Енички и Людмилы—пажики распахнули передъ ними двери.

Еничка невольно отступилъ шагъ назадъ, пораженный представившеюся ему картиной. Громадный бѣлый залъ былъ освѣщенъ серебряными огнями, точно звѣздочками, снятыми съ небесъ. Массы бѣлыхъ розъ высились горами, изъ которыхъ одна прямо противъ входныхъ дверей уходила въ высоту, теряясь въ какой-то безпредѣльной дали. У подошвы этой горы собралось множество народу, преимущественно одѣтыхъ въ бѣлое женщинъ и дѣтей. Всѣ со свѣтлыми лицами ожидали наступленія праздника и появленія ровно въ двѣнадцать часовъ таинственнаго кувшинчика. Людмила кланялась почти со всѣми, сообщая въ то же время своему спутнику.

— Тутъ много бѣдныхъ матерей, которыхъ дѣти не видятъ по цѣлымъ годамъ молока...

Еничка любопытствовалъ:

— И кувшинчикъ имъ дастъ?

— Непремѣнно,—отвѣтила съ важностью Людмила.

И потомъ прибавила:

— Станемъ тутъ въ сторонкѣ. Всѣмъ будетъ видно отлично.

Часы начали медленнымъ, серебристымъ боемъ бить двѣнадцать; всѣ стоящіе около горы смолкли, ожидая торжественной минуты появленія кувшинчика. Съ послѣднимъ ударомъ гора бѣлыхъ розъ заволновалась и въ ней открылся сплетенный изъ цвѣтовъ гротъ. Освѣщенная мягкимъ серебристымъ свѣтомъ, въ гротѣ стояла, одѣтая въ бѣлое легкое платье, съ пепельными волосами, съ небесной улыбкой на лицѣ женщина, съ молочно-бѣлымъ кувшиномъ въ нѣжныхъ рукахъ...

Еничка открылъ глаза. Яркое солнце свѣтило черезъ разрисованныя морозомъ окна и играло на оклеенныхъ голубыми обоями стѣнахъ. Дрова трещали въ печкѣ. Старческое лицо няни склонилось надъ мальчикомъ.

— Проспали, батюшка, кувшинчикъ-то, проспали!.. До будущаго года ужъ не увидите!..

Сочельникъ.

Святочный разсказъ **Л—вой.**

Какое оживленіе на Петербургскихъ улицахъ въ Сочельникъ 24 Декабря! Пѣшеходы и экипажи снуютъ туда и сюда, всѣ съ заботой купить что нужно и чего не нужно, чтобы порадовать кого нибудь изъ друзей или родныхъ, и весело встрѣтить великій день Рождества Христова.

Всѣ лавки, начиная съ зеленной и мясной, и кончая великолѣпными магазинами, наполнены народомъ. Тамъ, смотришь, несутъ елку большую, тамъ маленькую, но онѣ равно обрадуютъ тѣхъ кому назначены. Тутъ несутъ корзинки съ фруктами и провизіею, а здѣсь игрушки. Дамы озабоченно снуютъ по лавкамъ съ разными свертками въ рукахъ, и каждая думаетъ чѣмъ бы ей порадовать своихъ дорогихъ дѣтокъ.

Веселый день, счастливый день! И погода, какъ нарочно, выдалась чудесная: морозъ градуса три—четыре, солнце свѣтитъ ярко, небо ясное, блѣдно голубое, а вечеромъ сквозь легкія бѣлыя облачка, словно сквозь дымку, смотритъ молодой мѣсяцъ, самъ похожій на серповидное серебрянное, легкое облачко, дожидаясь своей очереди ярко заблестѣть на мѣстѣ пылающаго собрата на темномъ небѣ, усыпанномъ звѣздами. Словомъ, славный денекъ! помоги Господь всѣмъ весело встрѣтить праздникъ!

Къ одной изъ лучшихъ кондитерскихъ неслись сани, запряженныя парою великолѣпныхъ вороныхъ рысаковъ и остановились у подъѣзда. Изъ саней вышла красивая дама среднихъ лѣтъ, въ гранатоваго цвѣта бархатной ротондѣ съ большимъ собольимъ воротникомъ, и стройная бѣлокурая дѣвочка лѣтъ четырнадцати въ темносинемъ бархатномъ костюмѣ. Обѣ онѣ вошли въ кондитерскую, въ которой было много народу, но еще болѣе разныхъ прекрасныхъ и изящныхъ вещей, разставленныхъ вездѣ—гдѣ только можно было что нибудь поставить.

Дама заговорила съ одной изъ продавщицъ, а дѣвочка начала разсматривать вещи.

Она смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, но равнодушно. Она не желала ихъ имѣть, потому что стоило ей только захотѣть и она могла получить любую. Женя Ведровская (такъ звали дѣвочку) знала хорошо, что у ея папа есть много, много денегъ и что вечеромъ у нихъ будетъ елка, какихъ мало во всемъ городѣ, что она будетъ веселиться со своими гостями, будетъ одѣта въ новое платье, сшитое ей нарочно для этаго вечера у мадамъ Janette, и знала что получитъ много подарковъ и сама подаритъ другимъ.

—Женя поди сюда! позвала ее дама.

Дѣвочка подошла.

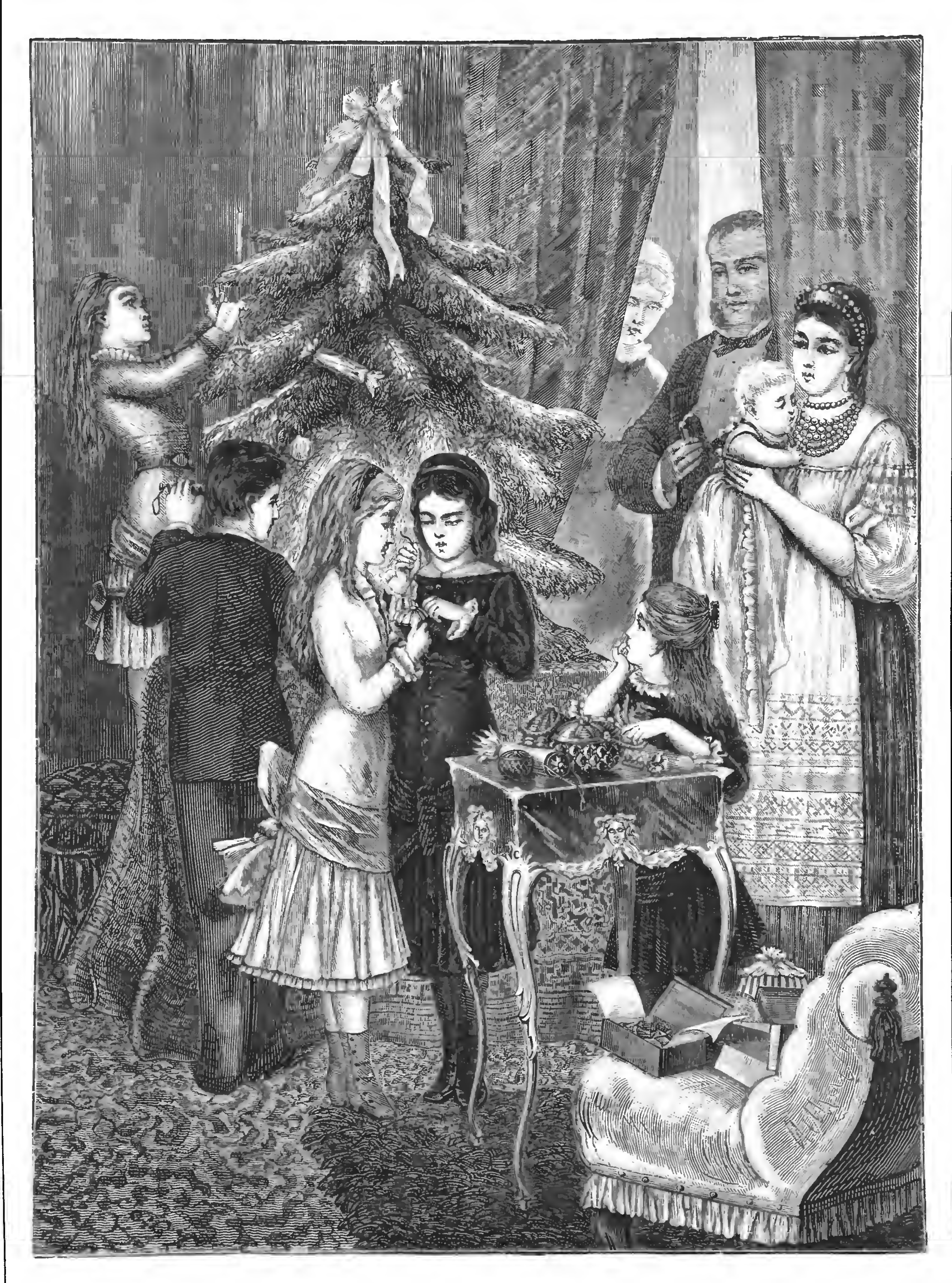
—Вотъ посмотри. которая, ты думаешь, изъ этихъ бонбоньерокъ понравится Лиди? спросила дама, показывая на роскошныя бонбоньерки.

Женя взглянула: обѣ были такія красивыя! которую выбрать.—Синюю? Нѣтъ лучше, эту голубую атласную карзиночку съ букетомъ французскихъ цвѣтовъ на крышкѣ. „Она любитъ цвѣты, и голубой цвѣтъ, лучше эту, тетя.“ Хорошо, я и сама такъ думаю, согласилась дама.

Наконецъ все было выбрано и завернуто и Женя съ тетей вышли изъ магазина, и сѣли въ сани, обложенныя свертками прелестныхъ вещей и поѣхали домой. Женя всю дорогу мечтала о вечерѣ, и весело улыбаясь пріятнымъ мыслямъ, приходившимъ ей въ голову, такъ что когда онѣ подъѣхали къ крыль-

На Елку. Катанье съ горы. Рис. В. Шпакъ. грав. Шюблеръ.

На Елку. Украшеніе Елки. Рисов. В. Шпакъ, грав. Флюгель.

цу красиваго дома, она рѣзво выскочила изъ саней и побѣжала вверхъ по лѣстницѣ въ свою комнату,

Въ этой комнатѣ, нарядной и изящной какъ игрушка, заключалось все, что только могло придумать прихотливое воображеніе; Женя раздѣлась, разбросала всѣ свои вещи, которыя принялась убирать горничная; надѣла капотъ изъ дорогой шерстяной матеріи, убранный бархатомъ и вышивкою, и побѣжала въ комнату своей названной сестры Гали, воспитанницы покойной матери Жени, разсказать про свои покупки. Комната Гали хотя тоже очень миленькая, далеко не такъ нарядна, какъ Женина.

Сама Галя была ужъ давно больна и лежала въ постели; ширмы, стоявшіе обыкновенно передъ кроватью были сдвинуты, чтобы Галѣ было свѣтлѣе читать: единственное удовольствіе, которымъ она могла пользоваться взамѣнъ другихъ развлеченій.

Въ ту минуту когда Женя вошла въ комнату, Галя лежала высоко на подушкѣ, сложивъ свои бѣлыя, исхудавшія ручки на одѣялѣ; а густая, черная коса лежала у нея на плечѣ и большіе темные глаза пристально смотрѣли на противуположную стѣну. Галя была года на два старше Жени, и очень хороша собою; но теперь личико ея было блѣдно изнурено и не весело и не дышало довольствомъ и здоровьемъ, такъ ярко освѣщавшими лицо Жени.

—Ну, какъ ты себя чувствуешь, Галя? спросила Женя, входя.

—Благодарю, также какъ было. А ты хорошо покаталась съ тетей? сказала Галя съ оживленіемъ. Она рада была видѣть Женю.

— Да отлично—и Женя сѣла въ ногахъ Галиной постели начала разсказывать что поутру купили. „Ахъ Галя, какъ будетъ весело вечеромъ! закончила она съ радостной улыбкой.

—Да, я думаю; отвѣтила Галя, стараясь говорить веселѣе.

—Какъ жаль, что ты не можешь сегодня танцовать. Но ты ужъ не очень скучай, Галя, я привезла новыя книги, ты ихъ почитаешь, а потомъ я пришлю тебѣ самыя лучшія вещи, изъ тѣхъ что будутъ на елкѣ.

„Спасибо тебѣ, ты добрая, Женя, сказала тихо Галя, взявъ ее за руку.

На минуту лице Жени приняло серьозное выраженіе и она нагнувшись поцѣловала Галю; но это было только на минуту—и за тѣмъ она продолжала болтать обо всякихъ пустякахъ также весело какъ и прежде, пока не вошла въ комнату горничная и не сказала: барышня, васъ Вѣра Васильевна просятъ къ себѣ.

—Сейчасъ иду! и Женя убѣжала обѣщаясь скоро опять придти—а Галя осталась одна.

Не веселая была ея исторія. Она была дочь Жениной кормилицы, которую Женина мать очень любила, когда мать Гали умерла и она осталась сиротою, то Евгенія Васильевна, мать Жени, взяла Галю къ себѣ и воспитывала ее совершенно наравнѣ со своею дочерью. Галя, бывшая въ то время только пятилѣтнею дѣвочкой, скоро привязалась къ своей новой мамѣ и сестрѣ, и хорошо платила Евгеніи Васильевнѣ за всѣ ея заботы своимъ веселымъ и ровнымъ характеромъ и рѣдкимъ прилежаніемъ. Особенно въ ней оказалась большая способность и любовь къ музыкѣ. Ея, еще дѣтскій, голосъ приводилъ всѣхъ въ восторгъ, и ея импровизаціи по слуху удивляли даже учителей. Евгенія Васильевна радовалась на свою воспитанницу и дѣлала все возможное для ея образованія, какъ вдругъ года два назадъ, сама простудилась при разъѣздѣ послѣ бала, схватила тифъ и умерла.

Женя, конечно, очень горевала объ своей мамѣ, но Галя со смертью своей доброй благодѣтельницы очень много потеряла. Мѣсто хозяйки въ домѣ заступила сестра Евгеніи Васильевны Вѣра Васильевна, гордая, сухая женщина. Она всегда и прежде смотрѣла съ недоброжелательствомъ на Галю, и теперь начала ее даже какъ бы преслѣдовать. Она говорила, что Галя должна всегда помнить благодѣяніе оказанное ей Ведровскими, что она все таки не можетъ же стоять на равной ногѣ съ Женей—заставляла ее больше учиться, намекая, что ей придется самой заработывать хлѣбъ, и заставляла Галю играть на всѣхъ вечерахъ и концертахъ, бывавшихъ у многочисленныхъ знакомыхъ Ведровскихъ.

Галя сильно страдала отъ всего этого; но она скрывала свои чувства и Вѣра Васильевна рѣшила, что Галя какая то безчувственная дѣвочка и что на нее ничего не дѣйствуетъ.

Галя, между тѣмъ, молча покорялась этому давленію, хотя видно было по рѣшительно сжатымъ губкамъ и серьезной складкѣ между бровями, что ей эта покорность не давалась легко.

Скоро вслѣдствіе особенности ея положенія, характеръ дѣвушки сталъ еще болѣе скрытнымъ она худѣла, блѣднѣла, все рѣже и рѣже слышался ея звонкій голосъ и веселый смѣхъ—она почти перестала принимать участіе въ удовольствіяхъ лежала иногда ночь на пролетъ не смыкая глазъ, но не плакала а тосковала страшно и вспоминала о жизни, которою наслаждалась ранѣе.

Музыка тоже не стала доставлять ей прежней отрады. Импровизаціи были ей строго запрещены а между тѣмъ какіе звуки все слышались Галѣ! Она часто слышала ихъ, упивалась ими во снѣ—и вздрогнувъ, просыпалась, но звуки умолкали и она, не могла уловить ихъ... И опять кругомъ тишина, темнота... Звуки эти райскіе, чудные—преслѣдовали ее днемъ—во время уроковъ музыки она ошибалась, путалась, учитель сердился... Послѣ одного вечера, когда она и Женя возвращались домой въ открытомъ экипажѣ, Галя простудилась и слегла. Болѣзнь ея не казалась опасною, Галя кашляла, иногда у ней болѣла голова, то начиналась лихорадочное состояніе, то проявлялся какой то упадокъ силъ. Однако дѣвушка не горевала о томъ, что больна. Ее оставляли въ покоѣ. А по ночамъ ее все посѣщали тѣ же чудесные звуки, и Галѣ казалось, что это было лучше всего, что она до тѣхъ поръ слышала, и что съ каждою ночью звуки становились все яснѣе и лучше.. Засыпая вечеромъ Галя ждала съ нетерпѣніемъ когда они раздадутся ей—казалось что это не звуки а что это какіе то друзья, которые являются навѣщать ее въ ея одиночествѣ; если бы ее спросили на яву или во снѣ слышала она эти звуки—она очень бы затруднилась отвѣтить. Начинало темнѣть. На улицахъ зажгли фонари, въ магазинахъ и комнатахъ свѣчи и лампы. Женя со своимъ отцомъ и теткою сѣла обѣдать и Галѣ тоже прислали обѣдъ въ ея комнату. Когда горничная взяла у нея тарелки и хотѣла уйти, дверь отворилась и въ комнату вошелъ высокій господинъ въ очкахъ: это былъ домашній докторъ Ведровскихъ, Евгеній Петровичъ, добрый и очень любившій Галю. При видѣ его больная приподнялась, ея лицо немного оживилось и протянувъ руку доктору дѣвочка весело сказала: Здравствуйте! «Здравствуйте, здравствуйте моя маленькая Патти! сказалъ Евгеній Петровичъ, пожимая руку Гали—онъ часто такъ называлъ ее въ шутку, предрекая ея таланту блестящую будущность. Ну, какъ вы себя чувствуете?

—Все также, спокойно, отвѣтила дѣвушка.

—А нужно бы получше, сказалъ докторъ, и потомъ распросилъ ее о болѣзни, заглянулъ въ книгу, которая лежала на одѣялѣ. Это вы что читаете? я вамъ тоже хочу рекомендовать одну книгу—очень хорошую, хотите привезу?

—Ахъ пожалуста! отвѣтила Галя.

—Да вотъ еще что: Саша и Лида вамъ кланяются и собираются навѣстить васъ.

—Они сегодня будутъ на Жениной елкѣ? спросила Галя.

—Да, будутъ. А что я думаю вамъ скучно лежать здѣсь—теперь на праздники?

Галя спокойно улыбнулась.

—Не особенно.

—Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, но все таки вы не горюйте, мы скоро васъ поправимъ и вы опять будете танцовать, играть и пѣть. Ну, прощайте же, я еще долженъ зайти къ Вѣрѣ Васильевнѣ и Женѣ. А вы поправляйтесь проворнѣе, моя умница. Прощайте! И добрый Евгеній Петровичъ ушелъ.

—Ну что вы скажете сегодня про Галю? спросила Вѣра Васильевна доктора, когда онъ вошелъ въ столовую.

—Такая же какъ и была, отвѣтилъ задумчиво Евгеній Петровичъ. Ну а вы какъ поживаете? обратился онъ къ вошедшей въ комнату Женѣ.

—Очень хорошо докторъ, отвѣтила Женя весело. Саша и Лида придутъ на елку?

—Да, да, придутъ.

—А вы? спросила Женя.

—При всемъ желаніи, не могу.

—Какъ это жаль! Такъ пойдемте теперь, посмотрите елку, и балованная Женя потащила Евгенія Петровича съ собою въ залу.

Посреди огромной комнаты уже освѣщенной люстрою и канделябрами, стояла высокая, густая елка, сплошь увѣшанная вещицами, конфектами, фруктами и украшеніями, обвитая до верху зажигательною нитью. На стоявшемъ подлѣ столѣ лежала груда свертковъ, перевязанныхъ голубыми и розовыми лентами.

—Ну какъ вамъ нравится моя елка?

—Очень, очень хороша! отвѣтилъ Евгеній Петровичъ, пристально смотря ей въ лице и тутъ ему пришло въ голову, какъ не похожа была эта хорошенькая, съ оживленіемъ и весельемъ на лицѣ дѣвочка, на ту, которую онъ оставилъ только нѣсколько минутъ назадъ больную но спокойную, позабытую но терпѣливую и добрый докторъ вздохнулъ.

— Однако прощайте, мнѣ пора ѣхать. Веселитесь, только смотрите, не кушайте много сладкаго, а особенно мороженаго послѣ танцевъ.

— Не безпокойтесь, буду осторожна!

Евгеній Петровичъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ шубу, сѣлъ въ дожидавшіеся его сани и поѣхалъ домой.

— А жаль! подумалъ онъ, закуривая сигару. Славная дѣвушка и какой талантъ! Можетъ быть она составила бы нашу гордость и славу, а можетъ быть—такъ лучше для нея, я боюсь, что она не очень счастлива.

Между тѣмъ комната Жени уже начала наполняться гостями, дѣвочками и мальчиками.

Всѣ были такъ милы и веселы, всѣ болтали съ хорошенькою хозяйкой—и никто даже не спросилъ объ Галѣ, кромѣ одной

стройной, бѣлокурой, молоденькой дѣвушки въ голубомъ платьѣ, и миловиднаго черноволосаго мальчика. Это были Саша и Лида—племянникъ и дочка доктора Евгенія Петровича.

— Ей кажется лучше, поспѣшно и беззаботно отвѣтила Женя и обратилась къ другимъ гостямъ.

Но вотъ отворились и двери залы. Музыка грянула и юные гости вошли толпою туда, гдѣ, отражаемая зеркалами и ярко горѣвшая множествомъ своихъ свѣчекъ и украшеній, ждала ихъ елка. Женя начала раздавать подарки, ей тоже дарили, всѣ бѣгали, болтали, восхищались, пока всѣ не слились въ одну пеструю, веселую толпу—но вотъ заиграли вальсъ и пары дѣтей всѣхъ возрастовъ закружились въ залѣ подъ эти звуки. Что за веселье! Женя смотритъ сверкающими отъ радости глазками и на елку, и на дорогіе подарки, и на своихъ гостей. Ей весело—она сознаетъ, что она очень мила въ этотъ вечеръ, что всѣ на нее смотрятъ, что даже ея кузенъ (офицеръ!) такъ часто танцуетъ съ нею, что мальчики не успѣваютъ ангажировать ее. За то и танцуетъ же она! Какъ легко, стройно и граціозно скользятъ по паркету, выдѣлывая па, ея маленькія ножки въ шелковыхъ чулкахъ и бѣлыхъ атласныхъ саножкахъ. Женя была не только хозяйкою, но и царицею своего вечера. Ахъ какъ весело, какъ увлекательно весело ей!

Ужъ было очень поздно, когда всѣ сѣли ужинать. Кузенъ-офицеръ занялъ мѣсто рядомъ съ Женей—и подъ шумъ говора, болталъ ей разный веселый вздоръ. Послѣ ужина всѣ начали по немногу разъѣзжаться. Кузенъ Вольдемаръ тоже собрался уходить и на прощанье попросилъ, на память объ ея вечерѣ, цвѣтокъ. Женя смѣясь вырвала изъ букета, пришпиленнаго у ней груди, маленькій розанъ и дала ему.

Наконецъ и Женя вернулась въ свою комнату. Она была кокетка, ей было пріятно, что за нею ухаживаютъ большіе, она поспѣшно раздѣлась, легла въ постель, мечтая о томъ, какъ 17-ти лѣтъ она поѣдетъ на большой балъ, какъ будетъ *тогда* за ней ухаживать Вольдемаръ—но мы ее оставимъ мечтать и посмотримъ, что дѣлала одинокая, всѣми забытая въ своей комнатѣ Галя въ этотъ вечеръ, полный для другихъ такаго веселья.

Сначала Галя смутно вслушивалась въ отдаленный шумъ танцевъ и музыки, но мало по малу задремала и ей приснился странный чудный сонъ.

Снилось ей, что она будто еще маленькая и лежитъ на травѣ въ какомъ-то чудесномъ саду подъ большимъ деревомъ, сквозь зеленые листья котораго видно ясное голубое небо, освѣщенное заходящимъ солнцемъ. Галя раскинулась въ травѣ, смотритъ на зарю и ей такъ хорошо, такъ весело, какъ давно, давно не бывало. Вдругъ она видитъ—къ ней идетъ высокая красивая женщина, чье это такое милое, знакомое лицо? Отчего такъ забилось ея сердечко? Это ея, Гали мать. Она подходитъ, садится подлѣ нея, беретъ ее на руки, ласкаетъ и спрашиваетъ не пора ли ей спать.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ дѣвочка, играя блестящими бусами на шеѣ мамы и въ тоже время чувствуя, что глаза ея такъ и смыкаются отъ сладкаго сна.

— А ты мама споешь Галѣ что нибудь? И мама начинаетъ напѣвать одну изъ тѣхъ пѣсенокъ, которыя такъ глубоко запали въ душу Гали и не заглохли ихъ звуки ни подъ какими новыми впечатлѣніями.

Галя закрываетъ глаза и черезъ минуту вздрагиваетъ и открываетъ ихъ. Ничего нѣтъ, она одна въ пустой, темной комнатѣ, ночникъ догорѣлъ и потухъ—все это былъ сонъ!

— Мама, мама! шепчетъ со слезами дѣвушка, протягивая впередъ руки; мама, гдѣ ты? Возьми меня къ себѣ! Къ себѣ возьми!

Но вдругъ... что это? Галя даже зажмурилась отъ ослѣпившаго ее свѣта, и эта чудесная музыка... да, это опять были тѣ самые звуки, которые ей снились по ночамъ, и посреди этаго свѣта, подлѣ самой ея постели, стояло какое-то свѣтлое видѣніе...

И въ эту минуту Галя почувствовала, что паритъ въ воздухѣ невидимкою высоко высоко, подъ какимъ то расписнымъ потолкомъ, гдѣ въ облакахъ, взявшись за руки поетъ чудный хороводъ нимфъ, музъ и амуровъ. То была огромная зала, сверху до низу наполненная народомъ. Передъ открытымъ пространствомъ гремѣлъ оркестръ и это была сцена и изображала чудный садъ, обнесенный стѣною и съ такимъ милымъ, обвитымъ виноградомъ, домикомъ въ сторонѣ. Галя ясно увидѣла себя, но уже не шестнадцатилѣтней, а взрослой и прелестной дѣвушкой въ этомъ чудномъ саду. Она сидитъ за прялкою и прядетъ, и поетъ, сливая звуки своего голоса съ мѣрнымъ жужжаньемъ веретена. Ей такъ свѣтло и легко и она поетъ такъ чудно, какъ еще никто никогда не пѣлъ. Но вотъ она встала, хочетъ войти въ домикъ и на порогѣ вдругъ видитъ драгоцѣнныя блестящія вещи... великолѣпные бриліанты... Галѣ становится страшно, сердце ея болѣзненно бьется, но не можетъ она противустоять искушенію и надѣвъ на себя драгоцѣнности, смотрится въ зеркало, поетъ и смѣется смѣхомъ восторга, предчувствіемъ грядущаго счастья... Но наступаетъ ночь. Садъ озаренъ луною и Галя видитъ—въ калитку тихо и таинственно входятъ двое... Одинъ изъ нихъ такой странный, въ его яркихъ глазахъ и умномъ лицѣ есть какая-то злая иронія, пугающая сила а другой... другой такъ молодъ, прекрасенъ и такъ любитъ ее и любимъ ею! Онъ подходитъ къ ней и сладко такъ говоритъ о своей любви; Галя хочетъ ему возражать, но не можетъ и только молча протягиваетъ ему руку. Занавѣсъ падаетъ. Публика въ восторгѣ... Галя выходитъ... На нее сыплются цвѣты, букеты и капельмейстеръ тянется черезъ рампу и подаетъ ей футляръ за футляромъ, на темномъ бархатѣ которыхъ блестятъ чудные брилліанты. Она невольно вздрагиваетъ.

— Неужели это не во снѣ?..

Но занавѣсъ подымается снова. Теперь сцена изображаетъ улицу. Толпы горожанокъ и горожанъ идутъ въ храмъ. Одна Галя тихо идетъ позади толпы. Сердце ея давитъ невыразимая тоска, она нерѣшительно подходитъ къ храму, но не можетъ войти въ него, какая-то невидимая сила отталкиваетъ ее отъ широкораскрытыхъ дверей и она падаетъ, измученная, на колѣни у ступеней и хочетъ молиться, но эта молитва неотрадна и тяжела; въ ней отчаяніе, сознаніе грѣха. Но она поетъ. Она выливаетъ въ звукахъ свое мученье. Театръ замеръ, слушая эти плѣнительные звуки... Сердце Гали холодѣетъ.

— Нѣтъ, говоритъ она себѣ, я не могу перенести этаго, это ужасно! Пусть меня здѣсь ожидаетъ слава и богатство; но это не та дорога. Если это моя судьба, я не хочу ея, я ничего не хочу кромѣ свиданія съ моей милой мамой и хочу еще слышать тѣ чудесные звуки, что мнѣ снятся все по ночамъ.

И въ эту же минуту блестящій залъ исчезъ и Галя увидѣла себя летящею въ какомъ-то темномъ пространствѣ подъ сѣнью ночи.

Галя вздрогнула отъ чьего то легкаго прикосновенія и словно проснулась.

Никого подлѣ нея не было, она была одна въ своей постели. Въ незакрытыя ставнями окна струился яркій лунный свѣтъ, ложившійся яркими квадратами окна на полъ. И тѣ чудные звуки, которые она такъ хотѣла услышать, раздались вокругъ гармонично, тихо и ясно, какъ еще никогда не бывало.

— Вотъ теперь я могу, могу и сама передать эти звуки, подумала Галя и тихо, какъ прелестное видѣніе, встала съ постели. Она мѣрно ступала по холодному полу босыми ножками, простирая впередъ руки, по амфиладѣ озаренныхъ луною комнатъ. Вотъ и Женина комната. Женя мирно спитъ въ своей роскошной постели и глубоко вздыхаетъ во снѣ, но Галя не смотритъ на нее, идетъ все прямо, и ей кажется, что кто-то другой, такъ же тихо идетъ за ней, какъ тѣнь при лунномъ свѣтѣ.

Галя вошла въ залъ. Здѣсь было также таинственно тихо и пусто, какъ и въ другихъ комнатахъ, только высокая, безшумная, темная елка все еще стояла посреди и кое гдѣ сверкали подъ лунными лучемъ ея золотыя и серебряныя украшенія и бѣлѣлись тонкія свѣчки. Галя тихо, безсознательно подошла къ роялю, сѣла и открыла его. Ей такъ страстно хотѣлось передать тѣ чудные звуки, которые она только что слышала и не могла передать—ея руки похолодѣли, голова склонилась на крышку рояля и Галя медленно свалилась на холодный полъ... Ясно свѣтила луна въ эту ночь, чисто было небо, и миріады звѣздъ, которыми оно было усѣяно, казалось, какъ-то особенно кротко смотрѣло со своей выси на землю. Всѣ мирно спали и никто не слыхалъ и не зналъ, что въ залѣ какъ недвижный трупъ лежитъ бѣдная дѣвочка въ эту веселую, Рождественскую ночь, что посылаетъ всѣмъ веселыя, пестрыя грезы...

Высоко, высоко къ прекрасному небу летѣла Галя и лепетала безсвязныя рѣчи и напѣвала родныя пѣсенки знойнаго, степнаго юга...

И очнулась бѣдная дѣвочка на веселый праздникъ Рождества Христова. Кругомъ ея суетились, стоялъ ласково глядя на нее добрый докторъ Евгеній Петровичъ и Женя съ тревогой на хорошенькомъ личикѣ принесла и положила на одѣяло больной пестрые, яркіе подарки, а Галя, ласково, слабо улыбаясь всѣмъ, думала и грезила о своей милой мамѣ, что такъ ласкала ее ночью, о прекрасныхъ садахъ, звѣздахъ, лунной Рождественской ночи и чудныхъ звукахъ, которые все снились ей...

Веселыя святки Дика Аллена.

Разсказъ **Л. Джоза.**

Было около десяти часовъ вечера. Рождественскій Сочельникъ. Дикъ Алленъ объявилъ свое имя передъ воротами старой Троицкой коллегіи въ Дублинѣ и вошелъ. Заглянувъ въ дверь каморки привратника, онъ почувствовалъ большое искушеніе присоединиться къ обществу двухъ здоровыхъ и добродушныхъ съ виду ночныхъ сторожей, уютно сидящихъ около потрескивающаго огня очага; ночь была чрезвычайно холодная и Дикъ еще никогда, во всю свою 22-хъ лѣтнюю жизнь, не чувство-

валъ себя такимъ одинокимъ, какъ въ этотъ Рождественскій сочельникъ. Но было и еще нѣчто на сердцѣ у Дика, что увеличивало чувство одиночества, поэтому онъ только отвѣтилъ на слова сторожей: доброй ночи! и прошелъ мимо къ себѣ домой. Прибывъ туда, онъ тотчасъ же зажегъ свѣчу и оживилъ потухающее пламя камина. То, что освѣтила свѣча, не представляло веселаго вида. Комната была безъ ковра, вся мебель состояла лишь изъ стола, двухъ креселъ и двухъ или трехъ расшатанныхъ, тростниковыхъ стульевъ, да нѣсколькихъ шкаповъ. Комната имѣла видъ кабинета трудолюбиваго ученаго, лишеннаго средствъ или вкуса имѣть что либо больше, кромѣ самаго необходимаго: по стѣнамъ торчали гвозди, но картинъ не было; а прекрасное кресло, и массивный столъ, конечно, не случайно попали сюда. Куда же дѣвалась прочая мебель? Все указывало на недавнее и быстрое паденіе благосостоянія хозяина. Хозяину этому удалось наконецъ расшевелить золу и вызвать яркое пламя, подержавъ нѣсколько времени надъ нимъ свои окоченѣвшія руки, онъ подошелъ къ буфету, взялъ изъ него бутылку водки и приготовилъ себѣ стаканъ грогу; затѣмъ опустился въ кресло и задумался.

Даже человѣкъ совершенно посторонній, не посвященный въ исторію жизни Дика, догадался бы, глядя на его утомленный видъ и выраженіе безнадежнаго горя на прекрасномъ, юношескомъ лицѣ, что его думы не веселы. И поистинѣ они были очень печальны! Прошло около 6-ти мѣсяцевъ какъ Дикъ поссорился со своимъ отцемъ; поссорился, не смотря на то, что между ними были всегда самыя искреннія отношенія. Что была за причина этой ссоры? Какая нибудь мелочь въ недобрый часъ разрознила два гордыхъ, упрямыхъ, хотя и любящихъ сердца. Съ той и съ другой стороны говорились горячія, горькія слова. Дѣйствительно, искренняя связь, соединяющая отца съ сыномъ, сдѣлала разрывъ какъ будто сильнѣе и Дикъ однажды ночью, во время лѣтнихъ каникулъ, покинулъ родину, отвергнувъ всѣ предложенія помощи своего отца и рѣшился впредь жить по своему. Онъ никогда не зналъ что значитъ безденежье и потому воображалъ, что нѣтъ ничего легче, какъ имѣть деньги; такимъ образомъ онъ жилъ, покуда не изсякъ запасъ его кормовыхъ денегъ, довольно пріятно, въ университетскомъ городѣ, постоянно имѣя въ виду пріисканіе себѣ работы, но не считая поиски за нею безотлагательно необходимыми. Въ глубинѣ души онъ былъ убѣжденъ, что для такаго умнаго юноши—какимъ безъ сомнѣнія онъ и былъ—нужда совершенно немыслима. Когда же деньги его начали быстро исчезать, онъ подумалъ, что его способъ пріискиванія работы, вѣрно не довольно энергиченъ и рѣшился не медля найти себѣ занятіе.

Было бы повтореніемъ старой исторіи, перечисленіе всѣхъ препятствій и обманутыхъ надеждъ, встрѣченныхъ имъ на его пути; мало по малу, онъ почти потерялъ вѣру въ самаго себя и мечтая то тутъ то тамъ пристроиться и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что для него, вѣроятно, закрыты всѣ пути. Бѣда была въ томъ, что бѣдный Дикъ, хотя и неглупый мальчикъ, все же не воспитался въ школѣ нужды, которая заставила бы его развить и примѣнить къ дѣлу свои дарованія. Онъ пытался получить мѣсто младшаго преподавателя въ училищѣ, но неимѣніе университетскаго диплома (что онъ всегда почиталъ необходимостью лишь для бѣдныхъ людей), было къ тому непреодолимымъ препятствіемъ. Пытался онъ заняться литературой, но книжный рынокъ оказывался вѣчно переполненнымъ и множество людей, казалось бы менѣе способныхъ чѣмъ онъ, какъ-то постоянно загораживали ему дорогу. Правда, раза два или три ослѣпляли его мимолетные проблески успѣха, но они приносили больше вреда, чѣмъ пользы, потому что отвлекали его отъ крайне необходимой ему теперь работы.

Послѣдствіемъ этихъ неудачъ въ борьбѣ за существованіе, было то, что постепенно былъ онъ вынужденъ прекратить сношенія со своими прежними товарищами, такъ какъ Дикъ былъ слишкомъ гордъ чтобы принять помощь, которую многіе изъ нихъ рады были бы оказать ему, и въ то же время не могъ онъ переносить, при его измѣнившихся обстоятельствахъ, жизнь посреди нихъ. Потому и былъ онъ, одно время, почти въ одиночествѣ. Но за мѣсяцъ, приблизительно, до этаго Рождественскаго Сочельника, въ который мы съ нимъ познакомились, сошелся онъ съ обществомъ людей, которыхъ гнушался прежде, теперь же почувствовалъ къ нимъ нѣкотораго рода влеченіе. То были все ловкіе, дерзкіе люди, дикая безшабашная шайка, изъ которой каждый зналъ, что по своей собственной винѣ испортилъ себѣ жизнь и не заботился о будущемъ, лишь бы на сегодня хватило средствъ заглушить въ себѣ память о прошломъ. Попавъ въ ихъ среду, Дикъ скоро отложилъ всякое попеченіе о честномъ и прочномъ положеніи, какъ передъ тѣмъ потерялъ всякую надежду на него: они вели необычную и непорядочную жизнь изо дня въ день, *занимали*, если представлялся случай занять; переводили другъ на друга векселя, если только кто нибудь принималъ ихъ; зарабатывали деньги и инымъ образомъ. Бѣдный Алленъ скоро утратилъ то тонкое чувство, которое прежде было ему присуще относительно кассы ссудъ и его мебель, равно какъ и большая часть одежды быстро перенеслась туда, съ цѣлью пріобрѣтенія средствъ для безпрерывныхъ увеселеній, среди которыхъ онъ жилъ и которыя скоро наложили печать свою на его блѣдное, красивое и благородное лицо.

Но, вопреки всему, на всѣхъ степеняхъ его паденія, никогда не покидало бѣднаго Дика и постоянно сдерживало его въ нѣкоторыхъ границахъ одно вліяніе, подчасъ почти безсознательное. То была любовь его къ младшей сестрѣ, *маленькой Кэтъ*, какъ звалъ онъ ее. Отецъ Дика былъ дважды женатъ. Отъ перваго брака онъ имѣлъ троихъ дѣтей: сына и наслѣдника, который въ настоящее время находился со своимъ полкомъ въ далекой Индіи и двухъ дочерей, вышедшихъ замужъ еще задолго до начала нашего разсказа. Отъ втораго брака у него былъ сынъ, нашъ герой Дикъ и дочь, на 4 года моложе его. Вся нѣжность сквайра сосредоточивалась на этихъ дѣтяхъ. Мать ихъ умерла года два послѣ рожденія Кэтъ и поэтому дѣти, какъ то часто случается съ сиротами рано лишенными материнскихъ попеченій, привязались другъ къ другу. Со времени ссоры съ отцомъ Дикъ постоянно переписывался съ сестрой, и зная ея безпокойство о немъ, посылалъ ей блистательные отчеты о своихъ успѣхахъ и о своемъ благосостояніи, не разъ вѣроятно казавшіеся ему самому горькой насмѣшкой, сопоставленные съ дѣйствительностью, которою онъ былъ окруженъ. Кэтъ вѣрила восторженно въ необыкновенныя дарованія брата и потому обмануть ее было не трудно, а бѣдному престарѣлому отцу было большимъ утѣшеніемъ слышать, что сынъ его, любимый имъ по прежнему, не терпитъ по крайней мѣрѣ нужды; что же касается до примиренія, то умный и опытный старикъ считалъ это лишь вопросомъ времени.

Наканунѣ Сочельника и по случаю праздника, Дикъ проводилъ изъ Дублина послѣдняго изъ своихъ пріятелей и печально вернулся въ свою одинокую келью. Онъ чувствовалъ себя уже нѣсколько дней нездоровымъ и въ полномъ унынін. Вдругъ вспомнилось ему, что въ Сочельникъ день рожденья Кэтъ и что ей исполнится 18-й годъ и такъ какъ онъ зналъ, что она будетъ рада получить въ этотъ день вѣсточку о немъ, то и сѣлъ ей писать. Послѣ тщетныхъ усилій овладѣть собой и сообщить ей обычный разсказъ о своихъ успѣхахъ и о своемъ счастьѣ, бѣдный юноша не выдержалъ и въ немногихъ и почти безсвязныхъ словахъ передалъ ей, какъ онъ несчастливъ и какъ безнадежно его положеніе, умоляя Кэтъ писать ему немедля, такъ какъ онъ не можетъ поручиться не наступитъ ли скоро конецъ всему, такъ какъ долго подобное положеніе продолжаться не можетъ. Эти строки онъ поспѣшно отправилъ на почту, не задумываясь надъ тѣмъ, какое впечатлѣніе онѣ произведутъ; теперь же, сидя съ мрачной думой въ своемъ креслѣ, онъ чувствовалъ себя горько обманутымъ, не получая отвѣта. Вскочивъ вдругъ, онъ началъ ходить по комнатѣ.

— Она могла бы телеграфировать!“ громко проговорилъ онъ: могла бы даже пріѣхать провѣдать меня.—Но какъ бы она могла,—сказалъ онъ минуту спустя,—когда ей надо угощать столько народа! Но телеграфировать она бы могла! Господи, если бы она написала мнѣ, ничто не удержало бы меня!“

Эти размышленія увеличили горечь ощущенія бѣднаго Дика; еще нѣсколько минутъ пошагалъ онъ, какъ бы въ нерѣшимости, затѣмъ остановился на минуту, точно собираясь съ духомъ, вынулъ изъ кармана склянку, поставилъ ее на столъ и принесъ стаканъ изъ буфета.

— Можно и теперь, все равно, думалъ бѣдный Дикъ, держа стаканъ противъ свѣта и капая въ него опій. Онъ насчиталъ капель 30, какъ вдругъ раздался мѣрный перезвонъ колоколовъ, предвѣстникъ рождественскаго благовѣста. Звуки эти таинственною силой заставили его остановиться и слушать; и онъ поставилъ на столъ склянку и стаканъ и слушалъ. И прислушиваясь не могъ изгнать изъ своей памяти дни, когда въ такую же рождественскую ночь онъ не разъ стоялъ въ домѣ отца, возлѣ сестры и желалъ ей много, много подобныхъ счастливыхъ лѣтъ. И онъ подумалъ, что почувствуетъ сестра, когда услышитъ, на слѣдующее утро, что онъ умеръ такою смертью? Погруженный въ глубокую думу, стоялъ онъ, пока благовѣстъ не смолкъ, тогда смягченный и успокоенный сказалъ онъ самъ себѣ:

— Не нынѣшнюю ночь, не сегодня! Завтра.

Тутъ пришло ему въ голову, что опій, который онъ уже влилъ, доставитъ ему то, чѣмъ такъ рѣдко онъ теперь пользовался—глубокій сонъ. И онъ наполнилъ стаканъ водою, сѣлъ къ огню и черезъ нѣсколько минутъ впалъ въ глубокій сонъ.

Покуда несчастный юноша, измученный жизнью, спалъ подъ вліяніемъ яда, неимѣвшаго теперь губительной силы, вдали совершались событія рѣшившія его участь. Въ огромной старой гостиной Алленстауна, собралось многочисленное веселое общество. Домъ въ это время всегда бывалъ полонъ гостей; родныхъ и друзей съѣзжалось столько, сколько онъ только могъ вмѣстить. Главной притягательной силой для всѣхъ была, конечно, новорожденная Кэтъ, любимица всѣхъ безъ исключенія, начиная съ вспыльчиваго, стараго отца и кончая мальчишкой, состоящимъ на побѣгушкахъ. Однако, въ этотъ вечеръ она не была въ своемъ обычномъ расположеніи духа; она не могла не думать часто и тревожно о братѣ, мѣсто котораго стояло пустое и который, повидимому, былъ на вѣки потерянъ для

На Елку. Что мнѣ подарятъ? Рис. Девиса, грав. М. Рашевскій.

нея. Къ тому-же утромъ случилось нѣчто, принятое всѣми легко, но что ее сдѣлало еще тревожнѣе прежняго; мальчикъ, приносившій почту по утрамъ, воспользовался случаемъ выпить за здоровье миссъ Кэтъ и лишь къ полдню нашли его въ избушкѣ его бабки съ проломленною головой и *безъ языка*, какъ говорила Кэтъ старая кухарка. Но безъ языка-ли или съ языкомъ, во всякомъ случаѣ, былъ овъ не въ состояніи указать, гдѣ находится почтовая сумка и единственное средство этого добиться, было терпѣливо ждать покуда онъ проспится и будетъ въ состояніи припомнить. Кэтъ была горько обманута въ своихъ ожиданіяхъ; она не сомнѣвалась, что онъ написалъ ко дню ея рожденія; не смотря на его веселыя письма, въ послѣднее время ея женская чуткость уловила въ нихъ что-то неладное.

Когда наступило рождественское утро и все общество радостно привѣтствовало великій праздникъ, доложили, что неисправный почтальонъ пришелъ, наконецъ, въ себя, и въ сопровожденіи прислуги пошелъ искать потерянную сумку, такъ что ее ежеминутно можно было ожидать. Но довольно прошло времени въ болтовнѣ около камина прежде чѣмъ старый дворецкій принесъ письма. Кэтъ получила цѣлую кучу и между ними нашла одно со знакомымъ почеркомъ Дика. Читая его, она вдругъ помертвѣла и чуть не упала въ обморокъ. Собравъ всѣ свои силы, чтобы овладѣть собой, она устояла, и придумавъ какой-то предлогъ, вышла изъ комнаты и бросилась въ кабинетъ отца.

— О папа, прочти! вскрикнула она, подавая ему письмо бѣднаго Дика.

Старикъ, читая, вздыхалъ тяжело.

— Господи! Мой бѣдный мальчикъ! Бѣдный мальчикъ! Что теперь дѣлать? Если-бы я могъ это предвидѣть!

Отецъ и дочь оставались нѣкоторое время, какъ-бы подъ гнетомъ своего безсилія предотвратить несчастіе, о которомъ намекалось въ письмѣ. Вдругъ явилась у обоихъ одна и таже мысль и они взглянули на часы.

— О, пора! вскричала Кэтъ, нельзя-ли еще застать ночной почтовый поѣздъ? Для тебя они-бы остановили его!

— Помоги намъ Боже! сказалъ сквайръ. Почтовый поѣздъ приходитъ въ 2 ч. безъ 5 минутъ, а теперь уже больше половины втораго. Но, прибавилъ онъ, есть все таки надежда!

Минуту спустя, красивый представитель ирландца юноши, берейторъ Джимъ, не разъ носившій, какъ побѣдитель на скачкахъ, цвѣта сквайра, явился на его зовъ.

— Джимъ, сказалъ его господинъ, съѣзди какъ можно скорѣе въ Нократъ и скажи начальнику станціи, отъ моего имени, что я прошу его задержать на нѣсколько минутъ слѣдующій почтовый поѣздъ. Мы выѣдемъ за тобою вслѣдъ. Спѣши! Тебѣ надо сдѣлать почти двѣ мили, а времени осталось едва-ли 20 минутъ. Возьми Ласи, она кажется всѣхъ быстрѣе.

— Это бѣдовую-то? началъ было недовольнымъ голосомъ Джимъ, но Кэтъ перебила его:

— О, Джимъ, это для меня, поѣзжай скорѣе!

— Для васъ, миссъ? вскрикнулъ Джимъ. Ну такъ, ей-Богу, если сѣрая кобыла не полститъ вихремъ, то не считайте меня ѣздокомъ!

Нечего говорить, что Джимъ исполнилъ свое порученіе. Онъ прискакалъ какъ разъ во-время, чтобъ подать сигналъ для остановки поѣзда, тотчасъ-же впрочемъ, и двинувшагося снова и увезшаго съ собой Кэтъ и сквайра.

Но вотъ печальное жилище бѣднаго Дика. Онъ лежитъ, покоясь въ мирномъ снѣ, не ощущая стужи и не видя, что каминъ потухъ. Проходила ночь. Теперь 5 часовъ утра. Университетскія ворота отворяются, чтобъ впустить слушателей, которые спѣшатъ, придавая оживленіе мрачному, квадратному зданію. Проходитъ еще часъ, Дикъ все спитъ. Поѣздъ пришелъ въ Дублинъ и Кэтъ, и ея отецъ ѣдутъ къ нему по полутемнымъ улицамъ.

Мало по малу, благодаря благословенной силѣ сна, печальное выраженіе исчезаетъ съ лица юноши и теперь, когда пробужденіе его уже близко, онъ начинаетъ видѣть сны. Ему снится, что онъ ѣдетъ, какъ бывало, домой, на святки. Подъѣзжаетъ къ знакомымъ мѣстамъ. Еще мгновеніе и онъ въ сѣняхъ; его встрѣчаютъ отецъ и Кэтъ.—Но, что это? Спящій смутно чувствуетъ какой-то пробѣлъ въ своемъ снѣ; затѣмъ слѣдуетъ моментъ безполезныхъ и смутныхъ усилій проснуться, и потомъ, когда онъ выбивается изъ силъ, чтобъ приподняться, онъ ощущаетъ свою руку въ рукѣ отца и слышитъ знакомый голосъ, говорящій: „Мой бѣдный Дикъ! Мой бѣдный Дикъ!" И укутавный чѣмъ-то, знакомый образъ склоняется надъ нимъ и онъ, еще, не вполнѣ проснувшійся, лежитъ въ объятьяхъ Кэтъ. Когда окончательно сознаніе вернулось къ нему и онъ представилъ себѣ ясно все, что было — силы покинули его и онъ залился слезами.

— Дикъ, мы оба погорячились, но не будемъ больше объ этомъ вспоминать. Пойдемъ! Какъ разъ поспѣемъ напиться кофе у Грешама, а затѣмъ съ 9-часовымъ поѣздомъ, пріѣдемъ домой.

И такъ Дикъ попалъ къ завтраку домой и провелъ чудесные, радостные дни,—дни Рождества Христова, окруженный родною любовью и ласками въ старомъ, миломъ домѣ. Какія это были веселые святки для Дика Аллена!

Елки.

(Изъ П. Линдау).

Разгорѣлись елки яркими огнями,
Разубрались фольгой, лентами, цвѣтами,
Любо дѣткамъ видѣть, какъ гирлянды вьются,
Какъ изъ темныхъ вѣтокъ куколки смѣются,
Будутъ всѣмъ подарки и вѣнки, и розы,
Дѣтскій сонъ украсятъ золотыя грёзы.

Наши-жъ елки дремлютъ темныя, густыя, —
На дорогѣ жизни сторожа нѣмые —
Только ночи тускло свѣтятъ имъ звѣздами,
Да зима сурово кутаетъ снѣгами,
Да по вѣтвямъ темнымъ ледянымъ узоромъ
Разубралъ морозъ ихъ, проходя дозоромъ...

Н. О.

Къ рисункамъ

Катанье съ горъ.

Кому не памятна изъ насъ, привыкшихъ съ дѣтства къ снѣжнымъ зимамъ и зимнимъ удовольствіямъ, изъ насъ жителей Сѣвера—эта забава, подобной которой трудно бывало и найти. Вотъ въ саду готовятъ, и заливаютъ водою горку—сколько нетерпѣнія и ожиданій у дѣтей! Все смотрятъ они въ намерзшія стекла, протирая въ оконныхъ узорахъ маленькіе кружочки, въ которые видно какъ дѣлаютъ горку. Но вотъ готово! Съ веселымъ крикомъ вырываются дѣтки въ садъ и уже несутся внизъ на санкахъ—такъ хорошо! Какъ замираетъ сердце и сколько веселья и хохоту когда кто нибудь упадетъ!

Что мнѣ подарятъ?

Этотъ важный вопросъ повидимому серьезно занимаетъ прелестную крошку. Она уже одѣлась совсѣмъ идти гулять; но присѣла и задумалась. Ей ужъ и не до гулянья, она озабочена. Потихоньку отъ нея что-то покупаютъ и въ одну комнату, гдѣ будетъ елка, ее никакъ не пускаютъ. Можетъ быть подарятъ ей такую же большую куклу, какъ ея кукла Лиза? Ахъ очень бы пора куклу—потому что у Лизы носикъ совсѣмъ почернѣлъ и одна ручка отломалась и кое какъ приклеена. Или книжку съ картинками—такими хорошенькими, раскрашенными картинками? И на яву и во снѣ носятся въ милой головкѣ озабоченной дѣвочки грезы о елкѣ—пока у нея, счастливой, нѣтъ еще другой заботы...

Дѣтскій маскарадъ.

Веселая толпа степенно идетъ по широкой лѣстницѣ внизъ въ большой залъ. Какіе есть прелестные маленькіе кавалеры и дамы. Вотъ впереди эта смѣшная крошка съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ въ личикѣ, переваливаясь, выступаетъ такъ важно! А тамъ какое разнообразіе выраженій, типовъ, костюмовъ! Вся эта толпа маркизовъ, военныхъ, дипломатовъ, рыцарей, дамъ XVI вѣка—всѣ они имѣютъ одно общее милое выраженіе: это выраженіе беззавѣтнаго удовольствія, счастливой невинной безпечности той поры, о которой каждый съ умиленьемъ и грустью вспоминаетъ потомъ.

Дѣтскіе маскарады у насъ въ Петербургѣ особенно въ частныхъ домахъ, устроиваются нерѣдко, доставляя всегда безпредѣльное удовольствіе маленькимъ костюмированнымъ участникамъ и оставляя по себѣ надолго самое свѣтлое, яркое воспоминаніе.

Елка въ пріютѣ.

А вотъ и еще елка, но ужъ не въ такой счастливой, безпечной средѣ. Это бѣдныя сиротки, которыхъ общественная благотворительность пріютила, одѣла и воспитываетъ. Это бѣдняжки, которые не знаютъ ни отца, ни матери и чужіе люди заботятся о нихъ. И для нихъ, неизбалованныхъ постоянными подарками и угожденіями, какое счастье, какой праздникъ такая елка. Имъ раздаютъ подарки—трудно оцѣнить достаточно подвигъ этой святой заботливости о бѣдныхъ крошкахъ. У насъ во главѣ всѣхъ такихъ учрежденій всегда стоятъ особы, принадлежащія къ нашему Царствующему Дому и ихъ дѣ-

ятельность въ этомъ отношеніи слишкомъ извѣстна всей странѣ, чтобы распространяться объ этомъ. Еще недавно праздновался 50-лѣтній юбилей такой благотворной дѣятельности лица, имя котораго безчисленныя семейства вспоминаютъ съ глубокою, сердечною любовью—Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, (прекрасный портретъ былъ въ прошломъ № Нивы) вся жизнь котораго посвящена высокому дѣлу благотворенія и воспитанія юношества.

Воспоминанія о Елкѣ.

(Къ картинѣ Ризлера).

Самыя сильныя впечатлѣнія дѣтей—*это* конечно впечатлѣнія двухъ великихъ праздниковъ—Рождества и Пасхи. Они такъ глубоко врѣзаются въ память, что много, много лѣтъ спустя все еще не утрачиваютъ своей свѣжести, по прежнему рисуютъ передъ нами самыя привлекательныя, граціозныя картины. Но изъ двухъ этихъ праздниковъ, праздникъ Рождества—по преимуществу дѣтскій праздникъ. Съ нимъ неразрывно соединяются воспоминанія о елкѣ, снѣгѣ, огонькахъ, пряникахъ, игрушкахъ, подаркахъ—и т. п. Это самое желанное время года для дѣтей, самое веселое—время катаній съ горъ на санкахъ, по льду на конькахъ, дѣтскихъ баловъ, маскарадовъ..

И когда окончится „елка", потухнутъ свѣчи и дѣтей уложатъ спать, долго онѣ еще не разстаются съ своими куклами, засыпаютъ вмѣстѣ съ ними, и въ головѣ вереницей несутся воспоминанія о минувшемъ вечерѣ, безконечныя, пестрыя, милыя, какъ у этой прелестной дѣвочки, что изображена Ризлеромъ...

Торжественный обѣдъ.

Граціозная картинка Зондерланда прелестно передаетъ сцену изъ дѣтской жизни. Двое ребятокъ, братъ и сестра, задаютъ банкетъ своимъ друзьямъ: собаченкѣ, кошкѣ, куклѣ и игрушечному слону. Кукла и слонъ, конечно, только дѣлаютъ видъ что довольны пиршествомъ и сами, не смотря на все радушіе хозяевъ, ни къ чему не притрогиваются. Что же касается до кота и песика, то они, несомнѣнно, очень довольны. Котъ не обращая особеннаго вниманія на подвязанную салфетку, уткнулся мордой въ тарелку, весь сощурился и лакаетъ съ наслажденіемъ. Песику не совсѣмъ, кажется, нравится то, что его заставили сѣсть по человѣчьи и тоже завѣшиваютъ салфеткой, и вдобавокъ еще такъ аккуратно, — но въ надеждѣ награды съ чѣмъ нельзя примириться?..

Какъ составлять гербарій.

Статья **Н. Иваницкаго.**

Нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто желаетъ составить гербарій (т.е. собраніе засушенныхъ образчиковъ растеній) растеній, имѣющихся въ окрестностяхъ его жилища, его усадьбы или, наконецъ, его уѣзда, часто пугаетъ мысль: вѣдь я ничего не смыслю въ ботаникѣ. Эта мысль, хотя она въ большинствѣ случаевъ служитъ только прикрытіемъ другаго тайнаго побужденія—лѣности мысль сама по себѣ несправедливая. Для того, чтобы составить полный систематическій гербарій своей мѣстности, вовсе не надо быть ученымъ, спеціальныя познанія въ ботаникѣ вовсе не необходимы. Часто отличные гербаріи составлялись любителями, а ученые только провѣряли, приводили въ систему собранныя растенія и нерѣдко издавали такіе гербаріи подъ своимъ именемъ, какъ трудъ, принадлежащій имъ всецѣло. Для составленія гербарія необходимо главнымъ образомъ знакомство съ внѣшнимъ видомъ растеній, навыкъ въ распознаваніи семействъ, родовъ, видовъ и разновидностей, а эти познанія пріобрѣтаются легко и скоро.

Когда я самъ пожелалъ заняться составленіемъ гербарія своей губерніи, мнѣ было трудно, но не потому, что мои познанія въ ботаникѣ были ограничены, а—странно сказать—потому, что мои начинанія окружающіе меня лица встрѣтили насмѣшками. Люди вполнѣ солидные, получившіе извѣстное образованіе, говорили, пожимая плечами: ну скажите ради Бога, *на что* все это? Но такія неосновательныя насмѣшки не должны останавливать собирателя.

Самое важное, что я посовѣтую всякому начинающему—это изучить сперва основательно растенія вокругъ своего дома. Каждый садикъ, рощица, лугъ дадутъ массу растеній, которыя надо стараться опредѣлить и засушить самымъ тщательнымъ образомъ. Этой подготовительной работы и будетъ достаточно на первое лѣто. Кто набралъ кучу цвѣтовъ, засушилъ ихъ коекакъ и думаетъ, что составилъ гербарій, тотъ гораздо смѣшнѣе человѣка, который-бы посвятилъ свою жизнь, напримѣръ, преферансу; такая коллекція настолько-же безцѣльна, какъ и коллекція почтовыхъ марокъ и вопросъ: *на что*? можетъ быть здѣсь предложенъ съ полнымъ правомъ. Только тогда коллекція станетъ гербаріемъ, когда каждый экземпляръ ея тщательно изученъ собирателемъ, когда онъ знаетъ, гдѣ его нашли, когда, встрѣтивъ въ другомъ мѣстѣ это самое растеніе, онъ узнаетъ его. Когда онъ наизустъ можетъ описать растеніе настолько подробно, что опытный человѣкъ, не видя этаго растенія, а только выслушавъ собирателя, скажетъ: это именно вотъ такое-то растеніе. Достигнуть такихъ результатовъ весьма не трудно при любви къ дѣлу, терпѣніи и усидчивости.

Къ стыду насъ, русскихъ, надо отнести то обстоятельство, что въ продолженіи тысячи слишкомъ лѣтъ, у насъ не составлено *русской* флоры. Есть нѣсколько мѣстныхъ флоръ; лучшія изъ нихъ, какъ кажется, петербургская и московская, но кѣмъ онѣ составлены? Мейнсгаузеномъ и Кауфманомъ. Мейнсгаузенъ, работавшій 20 лѣтъ въ Петербургской губерніи, занимающей всего 1050 кв. миль, признается, что онъ не успѣлъ еще изслѣдовать „довольно значительной" части ея, *за недостаткомъ средствъ*—признаніе характерное! Московская же флора Кауфмана далеко не полна и притомъ издана очень дурно. Но такъ какъ текстъ изданія Мейнсгаузена на нѣмецкомъ языкѣ, то и остается одна флора Кауфмана, которою можно пользоваться начинающему для опредѣленія растеній если не считать собирателя растеній Постеля (собирателя *германской* флоры), да полудесятка спекулятивныхъ изданій нашихъ тощихъ компиляцій, не имѣющихъ значенія.

Впрочемъ и то сказать, задача составить флору не только цѣлой губерніи, но даже однаго уѣзда, часто представляетъ непреодолимыя трудности. Человѣкъ, взявшій на себя такую задачу, долженъ, такъ сказать, отрѣшиться отъ всего, долженъ воспитать въ себѣ извѣстную степень характера, я говорю это по собственному опыту. Онъ долженъ имѣть „собственныя "средства, и не смущаться насмѣшками, ибо общество смотритъ съ насмѣшкой на „подобныя" занятія. Собираясь путешествовать, онъ подвергается участи андерсеновскаго оловяннаго солдатика, плывущаго по бурному каналу въ лодочкѣ изъ газетной бумаги, гдѣ, какъ и солдатика подъ каждымъ мостомъ подстерегаетъ его водяная крыса, требующая паспорта; онъ долженъ въ виду этого запастись видами, открытыми листами и т. п. документами; наконецъ, плывя по разнымъ необитаемымъ рѣкамъ и озерамъ, ему придется и испытать лишенія.

Едва-ли можетъ онъ ждать себѣ откуда-нибудь серьезной помощи и содѣйствія. Разныя ученыя общества имѣютъ спеціальныя средства для оказанія помощи тѣмъ, которые рѣшаются предпринимать путешествія съ научною цѣлью, но эти средства выдаются ученымъ-же. Мы вамъ не можемъ дать денегъ на дорогу, потому что вы еще ничего не сдѣлали, говорится обыкновенно. Да вотъ я съѣзжу, такъ и сдѣлаю что-нибудь. — Нѣтъ, вы сперва сдѣлайте, тогда другое дѣло.

Но мы начали говорить о составленіи гербарія окрестностей своего жилища и не будемъ пускаться такъ далеко.

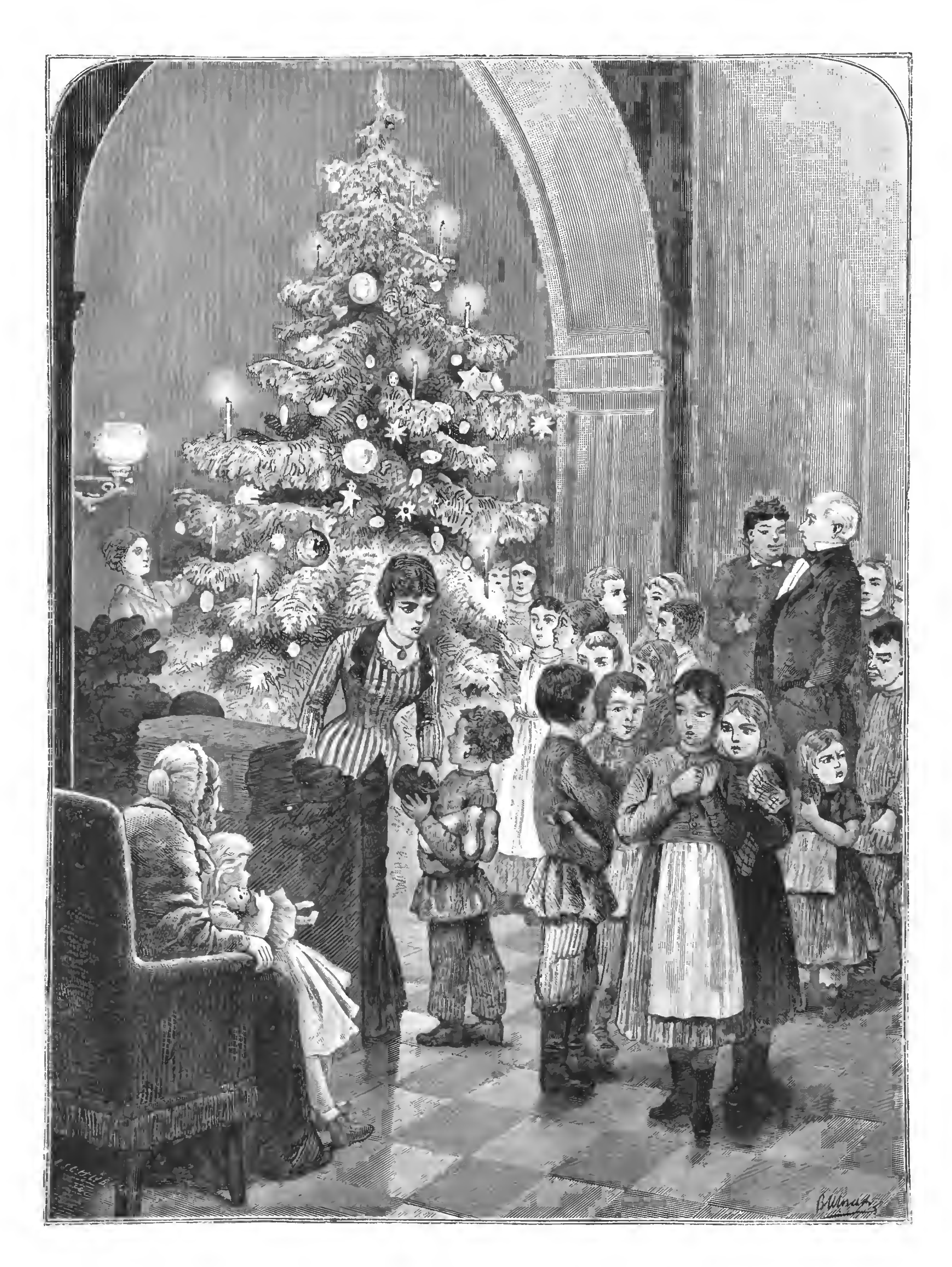
И такъ, на томъ основаніи, что на безрыбьи и ракъ—рыба, запаситесь флорой Кауфмана; она стоитъ 3 р. *) Затѣмъ припасите себѣ кипу газетной бумаги. стопу бѣлой или сѣрой оберточной (непремѣнно *протечной*), закажите столяру прессъ такой, какіе употребляются переплетчиками, и къ нему двѣ доски длиною около 1 арш. и шириною около 3/4 арш., пріобрѣтите себѣ хорошую лупу, сдѣлайте тетрадь для необходимыхъ замѣтокъ—вотъ все, что нужно для начала дѣла.

Первое растеніе, которое обращаетъ на себя вниманіе ранней весной въ нашихъ сѣверныхъ краяхъ, есть такъ называемый селезеночникъ или первоцвѣтъ. Въ садахъ или маленькихъ рощахъ, по ложбинкамъ растетъ часто большими группами этотъ нѣжный желтозеленый цвѣточекъ. По таблицамъ Кауфмана вы легко опредѣлите это растеньице; позже найдете на немъ плоды въ видѣ крошечныхъ черныхъ бисеривокъ, лежащихъ на зеленомъ блюдечкѣ; вообще надо замѣтить, что гербарій тогда только будетъ имѣть научное значеніе, когда заключающіяся въ немъ растенія представляютъ всѣ главные фазы своего развитія, т. е. когда экземпляры однаго и тогоже растенія засушены по крайней мѣрѣ въ трехъ видахъ: въ томъ видѣ, въ какомъ растеніе только что поднялось изъ земли, затѣмъ въ цвѣту и, наконецъ, съ плодами. Выкапывать растенія изъ земли надо непремѣнно съ корнями и при томъ стараться не отломить нижнихъ корневыхъ листьевъ. Форма и строеніе корней часто служатъ важными признаками отличія видовъ, также и форма корневыхъ листьевъ,—она часто существенно отличается отъ формы верхнихъ, стебельныхъ. Опредѣляя растенія по описаніямъ, всякій увидитъ, нужно-ли сохранить корни, или нѣтъ; если нужно, и эти корни очень толсты, то они разрѣзываются вдоль пополамъ, если-же отрѣзываются прочь цѣликомъ, засушиваются отдѣльно и затѣмъ помѣщаются въ гербарій. Выпадающія изъ своихъ вмѣстилищъ сѣмена собираются въ бумажный капсюль; капсюль этотъ можно приколоть булавкою къ листу бумаги, въ который растеніе укладывается окончательно. Растенія липкія или такія, кото-

*) Для знающихъ нѣмецкій языкъ рекомендую „Flora Ingrica von Karl Meinshausen. St.-Pet. 1878" и „Illustrirte Flora von Herm. Wagner"—прекрасное изданіе со множествомъ рисунковъ, стоитъ 7 р.

На елку. Дѣтскій маскарадъ. Торжественное шествіе въ большой залъ. Рис. Вебстеръ, грав. Шюблеръ.

На елку. Елка въ дѣтскомъ пріютѣ. Рис. В. Шпаакъ, грав. Шюблеръ.

рыя выбрасывають изъ себя споровую пыль, надо и засушивать, и хранить въ папиросной или, еще лучше, восковой бумагѣ.

Тому, кто собираетъ растенія въ ближайшихъ окрестностяхъ своего жилища, вполнѣ возможно имѣть ихъ во всѣхъ означенныхъ видахъ; онъ можетъ изрѣдка приходить на то мѣсто, гдѣ растетъ замѣченное имъ растеніе и выжидать его полнаго развитія, рѣдкіе-же экземпляры, напримѣръ, нѣкоторые виды орхидей и папоротниковъ, нужно пересаживать къ себѣ въ садъ. Пересадка рѣдкихъ растеній часто единственный способъ сохранить ихъ для гербарія въ требуемомъ видѣ, тѣмъ болѣе, что способъ этотъ очень простъ. Надо только наблюдать, чтобы пересаженное растеніе пользовалось въ саду тѣми-же самыми условіями, которыя окружали его въ родномъ уголкѣ, т. е. если оно росло, напримѣръ, на сырой, богатой перегноемъ почвѣ, въ тѣни, то и дать ему такую-же почву и тѣнь. Я полагаю, каждый въ своемъ садикѣ или рощѣ можетъ отвести уголокъ для устройства собственнаго ботаническаго сада; наблюденія за пересаженными растеніями принесутъ начинающему гораздо болѣе пользы, чѣмъ дальнія, поверхностныя путешествія, на которыя вообще можно и полезно пускаться только людямъ, уже хорошо знакомымъ съ дѣломъ. Однако, въ ботаническій садъ надо пересаживать только рѣдкія растенія или такія, у которыхъ плоды появляются, когда цвѣты уже опали или листья появляются послѣ цвѣтовъ, иначе можно такъ загромоздить садъ, что и не разберешься въ немъ.

Возвратимся къ селезеночнику. Опредѣливъ его по таблицамъ Кауфмана или Мейсгаузена и узнавъ, что оно называется по латыни Chrysosplenium alternifolium и принадлежитъ къ семейству камнеломковыхъ, вы записываете въ журналъ подъ номеромъ эти названія, мѣсяцъ, число, мѣстность и почву, на которыхъ растеніе найдено, затѣмъ обмоете осторожно землю съ корешковъ (но отнюдь не самое растеніе, такъ какъ будучи уложено въ бумагу мокрымъ, оно почернѣетъ) положите его въ листъ протечной бумаги, вложите туда-же клочекъ бумажки съ тѣмъ №, подъ которымъ растеніе занесено у васъ въ журналъ, расправьте листики самымъ тщательнымъ образомъ посредствомъ костянаго ножичка и положите листъ бумаги, заключающій въ себѣ растеніе между двумя или тремя листами газетной бумаги, а всю пачку между двухъ досокъ, которыя и зажмете, но не туго, въ прессъ. Есть растенія, листья у которыхъ сидятъ очень тѣсно; во избѣжаніе слипанія и подопрѣванія ихъ, надо перекладывать эти листья клочками папиросной бумаги, равно какъ лепестки большаго размѣра цвѣтовъ. Растенія съ мясистыми листьями передъ укладкой въ сушку, надо окунуть корнями разъ или два въ кипящую воду. Прессъ зажимается, какъ я сказалъ, не туго, потому что въ противномъ случаѣ стебли и цвѣты будутъ раздавлены и растеніе обезобразится. Мѣнять бумагу надо въ началѣ какъ можно чаще, по крайней мѣрѣ, два раза въ день, иначе растенія почернѣютъ и заплѣснеѣютъ. Дѣлается это такъ: развинтивъ прессъ, вынимайте доски, стараясь не расшевелить лежащей между ними пачки бумаги, кладите всю пачку передъ собою на столъ, а справа два листа сухой газетной бумаги. Снявъ съ пачки верхніе сырые газетные листы, отбрасывайте ихъ налѣво, а листъ оберточной съ заключающимся въ немъ растеніемъ кладите на сухіе листы газетной и покрывайте его снова листами такой-же сухой бумаги. Какъ-бы влаженъ ни былъ листъ оберточной бумаги, *никогда не вынимать изъ него растенія*, пока оно не высохнетъ вполнѣ. Такимъ образомъ перекладываются и всѣ прочіе листы, а влажные газетные листы развѣшиваются для просушки, только не въ комнатѣ, такъ какъ они испускаютъ тяжелый запахъ. Когда растеніе вполнѣ высохло, что узнаётся прикладываніемъ его къ губамъ (пока оно холодно, значитъ оно не просохло), вы кладете его въ листъ писчей бумаги на правую внутреннюю сторону листа и прикрѣпляете заготовленными заранѣе бумажными полосками, кончики которыхъ намазываются крахмаломъ или вишневымъ клеемъ. На первой страницѣ листа пишутся латинское и русское названія растенія, время и мѣсто его нахожденія и проч., но не подъ самымъ растеніемъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, потому что при первомъ способѣ вы избѣгаете излишняго труда перелистыванія; въ случаѣ надобности отыскать какое-нибудь растеніе въ гербаріи, также точно не надо пришивать растеній нитками, потому что растенія при этомъ легко ломаются.

Когда у насъ накопилось такимъ образомъ нѣсколько растеній, принадлежащихъ къ одному семейству, кладите всѣ растенія этаго семейства въ согнутый пополамъ листъ тонкаго картона и надписывайте на немъ названіе семейства, затѣмъ располагайте экземпляры каждаго семейства по родамъ, а самыя семейства въ алфавитномъ порядкѣ; тогда, въ случаѣ надобности, можно очень быстро отыскать любое растеніе даже въ самомъ большомъ гербаріи. Хорошо засушивать каждое растеніе не въ одномъ экземплярѣ; это удобно на случай если одинъ экземпляръ испортится, тогда есть запасные.

Гербаріи, какъ и всякія коллекціи, портятся часто паразитами, потому полезно класть въ папки камфору, или посыпать ею и самыя растенія.

Есть много различныхъ способовъ засушивать растенія, я привожу здѣсь тотъ именно, который нашелъ самымъ удобнымъ и дешевымъ. Слѣдуетъ избѣгать таскать съ собой на экскурсіи тяжелыя кожаныя и клеенчатыя портфели или жестяные цилиндры, надо брать легкую корзинку, два большихъ ситцевыхъ платка. Набранныя растенія завертывать въ одинъ платокъ и покрывать его другимъ, намоченнымъ предварительно въ водѣ. Въ такой оберткѣ растенія сохраняются въ свѣжемъ видѣ сутки и болѣе, мелкія-же растенія, которыя легко могутъ затеряться въ массѣ крупныхъ, укладываю въ жестяную коробку. Для экскурсій необходимо брать съ собою также маленькую желѣзную ручную лопаточку для копанія земли и желѣзный-же багорчикъ, насаженный на палку для вытаскиванія водяныхъ растеній.

Едва-ли не труднѣе опредѣленія растеній—умѣнье розыскивать ихъ. Опытный глазъ замѣтитъ множество особенностей, по которымъ неопытный глазъ скользитъ безъ вниманія. Я зналъ одного изыскателя, который если пришелъ на лугъ, то обойдетъ этотъ лугъ вдоль и поперегъ; если пришелъ въ лѣсъ, то заглянетъ подъ каждую елочку: даже влѣзетъ на дерево и вездѣ тычетъ, скоблитъ и наблюдаетъ. И дѣйствительно, лежа въ травѣ и раздвигая ее тихонько руками, онъ замѣчалъ и выдергивалъ маленькій „мышехвостикъ“, котораго я тщетно искалъ раньше, хотя это растеніе вообще нерѣдко; порывшись въ сухихъ листьяхъ, онъ вытаскивалъ чудесный экземпляръ Monotropa; залѣзая чуть не по колѣно въ торфяную топь, онъ доставалъ длиннолистную росянку, наконецъ изъ подъ ногъ у испуганной коровы выхватывалъ рѣдкостный экземпляръ Botrychium.

У насъ, на Руси, существуютъ собранія, огромные ботаническіе сады, цѣлыя общества естествоиспытателей, издаются капитальныя сочиненія по разнымъ отраслямъ естествознанія, предпринимаются экспедиціи за десятки тысячъ верстъ съ научными цѣлями, а какъ мало это знаютъ! Видали вы эти сады? знаете гдѣ и какія есть общества? читали издаваемые ими труды? Есть въ Москвѣ „Общество испытателей природы“; это учрежденіе отнеслось сочувственно къ моимъ трудамъ; если вы соберете хорошій гербарій и пожелаете, чтобы онъ не пропалъ безъ пользы для науки, какъ пропадаетъ множество хорошихъ коллекцій, идите въ это общество, оно обратитъ на вашъ трудъ вниманіе.

У насъ лѣтомъ любознательные люди часто не знаютъ, на что направить свою любознательность, ищутъ кто бы научилъ ихъ употребить свое время съ пользой и—не находятъ. Они не знаютъ о существованіи садовъ и обществъ (откуда и узнать?) и сады и общества не знаютъ о существованіи любознательныхъ людей, которые готовы принести хоть крошечную долю пользы наукѣ. Примѣръ профессора Цингера показалъ ясно, какую пользу могутъ извлечь ученые изъ простаго желанія людей любознательныхъ приносить пользу, если эти ученые рѣшатся къ нимъ обратиться. Именно этотъ профессоръ обратился къ обществу Тульской губерніи съ просьбою пособрать растеній кто гдѣ можетъ и сколько можетъ и вотъ въ короткое время была собрана и прислана такая масса растеній (58 коллекцій), что по ней можно было тотчасъ составить весьма обстоятельный очеркъ флоры Тульской губерніи, заключающій въ себѣ перечень почти 900 видовъ *).

Если у насъ нѣтъ отечественной флоры высшихъ растеній и цѣлыя губерніи вовсе не изслѣдованы въ ботаническомъ отношеніи, то относительно такихъ произведеній растительнаго царства, какъ грибы, не сдѣлано ровно ничего во всей Россіи. Я хочу сказать здѣсь слова два о составленіи коллекціи грибовъ, тѣмъ болѣе что тому, кто занимается составленіемъ гербарія, весьма удобно въ то же лѣто заняться и собираніемъ грибовъ. Грибы появляются больше тогда, когда высшія растенія отцвѣли и составитель гербарія выходитъ въ поле и въ лѣсъ больше затѣмъ только, чтобы собирать сѣмяна.

Такъ называемые шляпочные грибы не требуютъ большаго труда для ихъ сохраненія. Грибъ разрѣзывается пополамъ по вертикальному направленію, затѣмъ отъ каждой половинки отрѣзывается по одной продольной пластинкѣ. Эти пластинки кладутся между листочками папиросной бумаги, которая въ свою очередь помѣщается между листами газетной и засушиваются подъ легкимъ давленіемъ. Когда пластинка высохнетъ, можно соскоблить съ нея бумагу, но лучше оставить такъ какъ есть (если хотите отправить грибы какому нибудь спеціалисту для опредѣленія), потому что грибъ выбрасываетъ изъ себя мельчайшія споры, а эти споры необходимо будетъ изслѣдовать, чтобы точно опредѣлить грибъ. Изъ оставшихся половинокъ ножки со шляпкою вырѣзывается осторожно вся мясистая ткань и поверхность половинокъ ножки и шляпки высушивается такъ же, какъ и вырѣзанныя ранѣе пластинки. Грибы имѣющіе твердую, сухую ткань можно высушивать на вольномъ воздухѣ, что же касается тѣхъ сортовъ, которые представляютъ мягкую, быстро подвергающуюся разложенію массу, то я засушиваю ихъ весьма успѣшно посредствомъ сѣрной кислоты. Именно, беру стеклянную баночку, въ которую на-

*) Очеркъ флоры Тульской губерніи Д. Кожевникова и В. Цингера. СПБ. 1880.

ливаю до половины концентрированной сѣрной кислоты. На края этой баночки кладу кресть на кресть двѣ картонныхъ (лучше металлическихъ) пластинки и чашечка уставляется на дно большой круглой банки, на которую надѣвается стеклянный же колпакъ съ притертымъ краемъ. Когда аппаратъ установленъ, я кладу грибъ въ картонную коробочку и ставлю эту коробочку на пластинки, затѣмъ плотно прикрываю колпакомъ большую банку. Сѣрная кислота какъ извѣстно, имѣетъ свойство отнимать влагу отъ окружающихъ ее предметовъ, такъ что грибъ быстро высыхаетъ. Способъ этотъ я придумалъ самъ и нахожу его довольно удобнымъ, можетъ быть есть и болѣе удобные и цѣлесообразные, но они хранятся за китайскими стѣнами. На русскомъ языкѣ о грибахъ нѣтъ ничего, знающимъ же нѣмецкій языкъ укажу на хорошее (но дорогое) сочиненіе: „*Cryptogamen Flora von Otto Müller und G. Pabst*. Gera". 1874.

Дѣтскія книги и игры

(Къ Новому Году).

Рождественскіе праздники вызываютъ всегда множество различныхъ изданій, предназначаемыхъ спеціально для дѣтей, съ играми и учебными пособіями, изготовленными здѣшними, московскими и иностранными мастерскими и магазинами. Первая попытка создать средства нагляднаго обученія ребенка, какъ извѣстно родилась въ Германіи. Мысль педагогическихъ игръ, стала у насъ довольно самостоятельна, приспособилась къ нашимъ нравамъ и понятіямъ, усовершенствовалась. Если первыя изданія подобнаго рода игръ и книгъ страдали какими либо недостатками, то вторыя и третьи—не оставляли желать ничего лучшаго. Съ нѣкоторыми изъ такого рода изданій мы и хотимъ познакомить читателей „Нивы".

Живое слово. Пособіе для нагляднаго обученія. Сост. О. Шмидтъ. Рисунки Н. Н. Каразина и Г. Фишера. Лейпцигъ, 1880. 2 т.

Въ Лейпцигѣ вышло великолѣпное изданіе подъ этимъ заглавіемъ—изданіе, которое смѣло можно рекомендовать всякой семьѣ. Тетради переполнены картинами, печатанными красками на прекрасной бумагѣ, особенно ярко и красиво, чтобы нравилось маленькимъ дѣтямъ, что-же касается до исполненія, то достаточно назвать нашего талантливаго художника Каразина—уже имя его ручается за исполненіе—и г. Фишера. Текстъ, собранный и составленный очень хорошо и цѣлесообразно О. И. Шмидтъ, отличается вкусомъ въ выборѣ стихотвореній и отрывковъ. Тутъ есть маленькія повѣсти Ѳ. М. Достоевскаго и Л. Н. Толстаго, стихи Пушкина, Майкова, Никитина, Фета и друг. Прекрасный подарокъ для дѣтей! Каждый томъ стоитъ 2 р. 50 к., что недорого при той массѣ картинъ, какою наполнены книги. Складъ книгъ у Девріена, на Вас. О., по Большому просп., № 8.

Намъ также понравились изданія магазина „Дѣтское Воспитаніе" въ Москвѣ (Леонтьевскій переулокъ, домъ Мамонтова), изданія по самому характеру своему предназначаемыя для дѣвочекъ. Составительница этихъ изящныхъ изданій воспользовалась давно извѣстными и очень употребительными, особенно въ провинціи, рукодѣльями, дѣланіемъ изъ шерсти и бумаги цвѣтовъ, идущихъ на украшеніе различныхъ подносиковъ, диванныхъ подушекъ и пр. Въ красивыхъ коробкахъ составительница собрала матеріалы (шерсть, канвы, сукно, бумага и пр.), инструменты и изящныя модели.

Нельзя не похвалить составительницу за то, что она останавливается на цвѣтахъ, преимущественно свойственныхъ русской флорѣ, цвѣтовъ фантастическихъ не допускаетъ, а учитъ дѣлать столь извѣстныя растенія какъ ромашка, колокольчикъ, незабудка, василекъ и маргаритка; упрекнуть составительницу можно за невѣрный выборъ *оттѣнковъ* шерстей, слишкомъ напр. темный нюансъ незабудки и блѣдную желтую тѣнь для ромашки. Заслуживаетъ вниманія изданный тѣмъ же магазиномъ „*туалетъ куклы*",—коробка, въ которой помѣщены различныя ткани для бѣлья и для платья куклы, выкройки, швейныя и туалетныя принадлежности. Сочинять занятія и игры для дѣтей необычайно трудно и выдумки подобнаго рода вообще не удаются; намъ кажется, что педагоги должны направить свои старанія на усовершенствованіе и осмысленіе съ издавна существующихъ занятій и игръ, а не изобрѣтенія новыхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ оказываются неудачными.

Въ подобномъ отношеніи чрезвычайно успѣшно работаетъ „С.-Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ" (уголъ Троицкаго и Графскаго пер. д. № 11—3), основанная въ 1873 году. Въ семилѣтній срокъ своего существованія мастерская вела непрерывную издательскую дѣятельность, стяжавшую ей многочисленныя и вполнѣ заслуженныя похвалы и у насъ и за границей. Она издавала педагогическія игры, различныя занятія, учебныя пособія, руководства и вообще вела самую разнообразную и живую дѣятельность. Кромѣ этаго мастерская сдѣлала нѣсколько изданій, имѣющихъ цѣлью научить дѣтей ремесламъ. Такимъ образомъ она издала „часовщика", въ которомъ собраны всѣ части часоваго механизма необходимыя для сбора ихъ и составленія стѣнныхъ часовъ инструменты; „строителя", въ которомъ ребенокъ находитъ всѣ необходимые для возведенія построекъ по рисункамъ матеріалы, какъ-то: кирпичики, бруски, дощечки, цементы, гвоздики, творило и пр., „жестяникъ", въ которомъ изъ жести можно выдѣлывать различную игрушечную посуду, „коробочникъ", „иллюминаторъ" (для дѣланія фонарей), „переплетчикъ" и пр. Все это очень мило, недорого и занимательно для дѣтей.

Но всѣ эти игры требуютъ отъ дѣтей сидѣнья на одномъ мѣстѣ, слѣдовательно могутъ отозваться вредно, если ихъ не перемежить играми требующими движенія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи старанія мастерской были менѣе успѣшны, хотя довольно многочисленны. Самая лучшая попытка въ этомъ родѣ есть билліардъ, на которомъ можно играть не только дѣтямъ, но и взрослымъ, какъ на настоящемъ, съ тою разницею, что послѣдній по цѣнѣ доступенъ только людямъ богатымъ, а первый всѣмъ (онъ стоитъ 2 р. 60 к.). Остальныя подвижныя игры, какъ напримѣръ „игра въ шары", не заслуживаютъ вниманія.

Переходя отъ игръ къ учебнымъ пособіямъ, мы укажемъ прежде всего на усовершенствованные въ оптическомъ отношеніи и удешевленные волшебные фонари, надъ которыми много трудился одинъ изъ учредителей мастерской А. К. Ержемскій. Выборъ картинъ къ такимъ фонарямъ весьма богатый, особенно хороши такъ называемыя подвижныя картины, напримѣръ, изверженіе вулкана, который сперва дымится, а потомъ выбрасываетъ пламя и огненную лаву, паденіе снѣга, буря и пр. Очень хорошее учебное пособіе представляютъ „Буквы-картинки",—устроенный по мысли г. Резенера ящикъ съ таблицами, на которыхъ печатное начертаніе буквы связано съ обозначаемымъ ею звукомъ посредствомъ рисунка того или другаго предмета: напримѣръ буква *о* изображена въ видѣ обруча, буква *е*—въ видѣ серпа, буква *ж*—въ видѣ жука... Укажемъ наконецъ на „рельефныя картинки животныхъ" съ текстомъ профессоровъ О. А. Гримма и г. Брандта, очень нравящіяся, какъ говорятъ, въ Англіи.

Филадельфійская всемірная выставка, награждая мастерскую медалью, лестно характеризовала дѣятельность этаго учрежденія, какъ „изобрѣтательнаго, оригинальнаго и дешеваго".

Библіографія.

Ариѳметика. А. Н. Канаевымъ изданы на дняхъ два *руководства ариѳметики*: одно, названное составителемъ „Няниной ариѳметикой", предназначается для дѣтей отъ 4—7 лѣтъ, другое, заключающее, математическій курсъ цѣлыхъ и элементарныхъ дробныхъ чиселъ—предназначается для оканчивающихъ образованіе начальной школой и для учащихся дома. Оба труда, особенно второй, есть плодъ многолѣтней педагогической практики г. Канаева, и потому ихъ смѣло можно рекомендовать для занятій съ дѣтьми. Текстъ составленъ самостоятельно. Цѣль этой красиво-изданной тетради научить 4—7 лѣтныхъ дѣтей не только счисленію до 10 включительно, но произношенію и начертанію этихъ первыхъ чиселъ, а равно и четыремъ правиламъ надъ таковыми. Составитель достигаетъ этаго посредствомъ рисунковъ, на которыхъ изображенія весьма ярки, красивы и разнообразны, а потому должны запечатлѣться въ дѣтскомъ умѣ съ легкостью.

Учебникъ „Ариѳметики" г. Канаева заслуживаетъ большаго вниманія по той философской основѣ, на которой онъ построенъ. Вопреки всѣмъ составителямъ учебниковъ—авторъ много отводитъ мѣста опредѣленіямъ величины, сравненіямъ, отношеніямъ и измѣненіемъ которой, онъ доводитъ учащагося до понятія о необходимости единицы. Опредѣливъ эту послѣднюю, авторъ переходитъ къ *числу* и затѣмъ уже къ счисленію. Не вдаваясь въ спеціальныя ариѳметическія изслѣдованія г. Канаева, обращаемъ вниманіе читателя на массу сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній изъ той или другой области знанія, сколько-нибудь соприкасающейся съ ариѳметикой. Авторъ знакомитъ учащагося съ циркулемъ, масштабомъ, транспортиромъ, вѣсами, динамометромъ, барометромъ, маятникомъ, термометромъ, различными начертаніями цыфръ и пр. Изложеніе автора просто и общепонятно, такъ что учебникъ его можно смѣло рекомендовать всякому.

1-го декабря вышла послѣдняя декабрьская тетрадь музыкальнаго журнала и газеты **„Нувеллистъ".**

Этотъ прекрасный журналъ всегда отличается прекраснымъ выборомъ матерьяла. Музыкальный номеръ его содержитъ въ себѣ новыя пьесы талантливыхъ композиторовъ. Въ газетѣ же помѣщаютъ интересныя статьи касающіеся музыки,

очерки, біографіи извѣстныхъ артистовъ и композиторовъ и т. п.

Въ настоящемъ № мы можемъ указать на очерки „Мичурина Соколова", „Современная французская опера", и друг. читающіеся съ большимъ интересомъ. Тутъ же есть и фельетонъ и кромѣ

Спѣшимъ сообщить объ этомъ нашимъ читателямъ, ибо это такой изящный и полный календарь, какихъ мало издается. Въ удобномъ карманномъ форматѣ и красивомъ переплетѣ, эта книга содержитъ въ себѣ календари нѣсколькихъ исповѣданій, всевозможныя справочныя, подручныя свѣдѣнія, какія

На Елку. Воспоминаніе о рождественскомъ вечерѣ. Рис Рислера, грав. Стаблеръ.

того при томъ же № раздается подписчикамъ премія. Выборъ помѣщаемыхъ статей, какъ мы сказали, совершенно удовлетворителенъ и самое изданіе имѣетъ красивый и изящный видъ.

Записная книга на 1881 годъ (съ картою Европейской Россіи). Записная книга г. Риккера на будущій 1881 годъ уже вышла. заключаются вообще въ календаряхъ и кромѣ того къ ней (какъ всегда и прежде бывало) приложена прекрасная карта Россійской Имперіи. Отличіе этой карты отъ прежнихъ состоитъ на сей разъ въ томъ, что она иллюминована очень изящно.

(Продолженіе на стр. 1093, 1094, 1095, 1096, 1097 1098, 1099 и 1100).

Смѣсь.

Буфетъ на Везувіи. Къ новой желѣзной дорогѣ, проведенной на вершину Везувія и къ электрическому освѣщенію, озаряющему по вечерамъ всю гору ослѣпительнымъ свѣтомъ—прибавилось еще новое усовершенствованіе. А именно буфетъ, устроенный въ желѣзномъ домикѣ, стоящемъ на краю кратера; въ буфетѣ этомъ можно найдти самыя изысканныя кушанья и вина, такъ что путешественникъ можетъ у самаго кратера, мирно кушая страсбургскій пирогъ и попивая „Lacrymae Christi“, производить наблюденія надъ вулканомъ и въ то же время любоваться на великолѣпный видъ.

Упражненія съ торпедами въ англійскомъ флотѣ. Недавно англійская эскадра въ Ла-Валеттѣ производила очень интересные опыты съ торпедами. На миноносномъ суднѣ „Hekla“ вернувшемся сюда изъ Корфу, устроена школа для англійскихъ морскихъ офицеровъ. Каждое англійское судно поочередно отправляетъ своихъ офицеровъ въ эту школу для упражненія въ маневрахъ съ торпедами. Нѣсколько дней тому назадъ 4 миноноски съ судна „Hekla“ направили торпеды, заряженныя сгущеннымъ воздухомъ, противъ броненосца „Invincible“, защищеннаго охранительной сѣтью. Сѣть эта оказалась превосходной, и торпеды были отражены съ большимъ успѣхомъ, причемъ ни разу не коснулись самаго судна.

Необыкновенное изобиліе ершей. По словамъ корреспонденціи, напечатанной въ улеоборгской газетѣ „Pokjois Suomi“, въ Виханти было недавно поймано такое множество ершей, что за 25 пени (около 10 коп. по нашему курсу) ими можно было наполнить корзинку, которую два работника съ трудомъ подняли на телѣгу.

Акклиматизація верблюдовъ въ Америкѣ. Немногимъ извѣстно, что верблюдъ акклиматизированъ въ Сѣверной Америкѣ, главнымъ образомъ на дальнемъ западѣ. Три года тому назадъ, стадо верблюдовъ было пригнано въ Юму, въ штатѣ Аризона; ихъ хотѣли акклиматизировать въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, но попытка не удалась, потому что климатъ оказался для нихъ суровымъ, и имъ предпочли муловъ. Отпущенныя на волю ихъ владѣльцами, эти животныя вели кочующую жизнь. Они размножились и до того акклиматизировались, что, повидимому, чувствуютъ себя такъ-же хорошо, какъ въ Африкѣ. Ихъ прежніе владѣльцы предполагаютъ теперь снова поработить ихъ и заняться ихъ дрессировкою.

На Елку. Торжественный обѣдъ. Рис. Зондерландъ, грав. Кезебергъ.

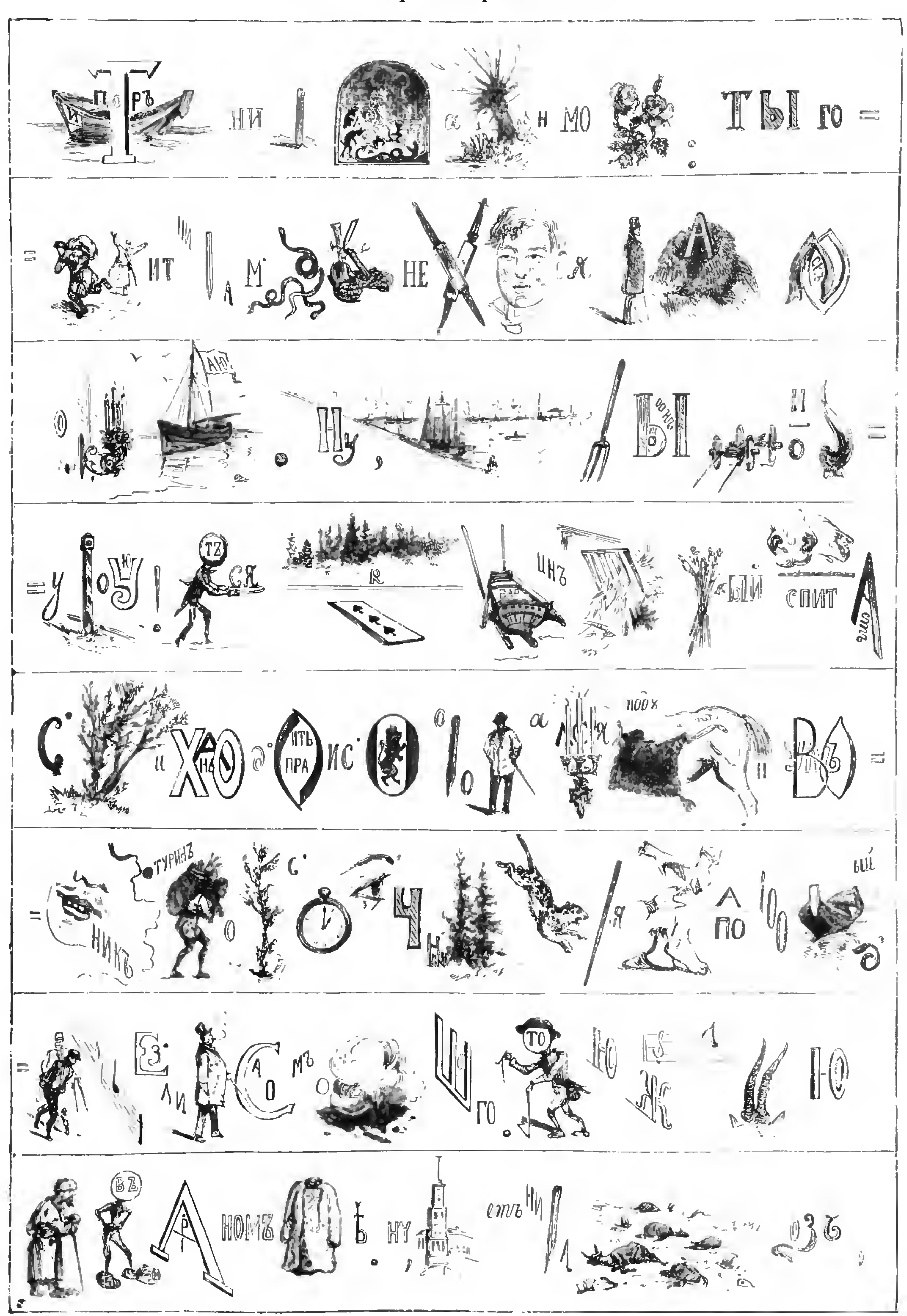
Объ издании журнала „Нива“ въ 1881 г.

Мы уже неоднократно заявляли какой богатый матеріалъ имѣется у насъ для будущаго **1881 года**: **романъ Вс. Соловьева**, большія повѣсти **Н. Каразина, Н. Морскаго, В. Авсѣенко, П. Гнѣдича, Н. Успенскаго** и друг. и масса разсказовъ оригинальныхъ и переводныхъ и научно-популярныхъ статей, кромѣ того **великолѣпныя преміи—картины М. Зичи** изъ **„Тараса Бульбы“ Гоголя**; картины чрезвычайно понравились всѣмъ, ихъ видѣвшимъ подписчикамъ и критикамъ, которые уже помѣстили **самые лестные отзывы во всѣхъ** главныхъ органахъ печати—все это говоритъ само за себя. Съ 1-го № будущаго **1881** г. начнется печатаніемъ прекрасный **историческій романъ „Сергѣй Горбатовъ“** изъ жизни XVIII в., **Вс. С. Соловьева** (автора извѣстн. ром. «Касимовская невѣста», «Юный Императоръ», «Царь-Дѣвица»). При томъ же 1 № будетъ приложенъ **безплатно, Стѣнной Календарь на 1881 годъ**, большой, изящно отпечатанный, съ обознач. праздниковъ, таксы гербовой бумаги, желѣзно-дорожнаго пассажирскаго тарифа, таксы почтовыхъ посылокъ и проч.

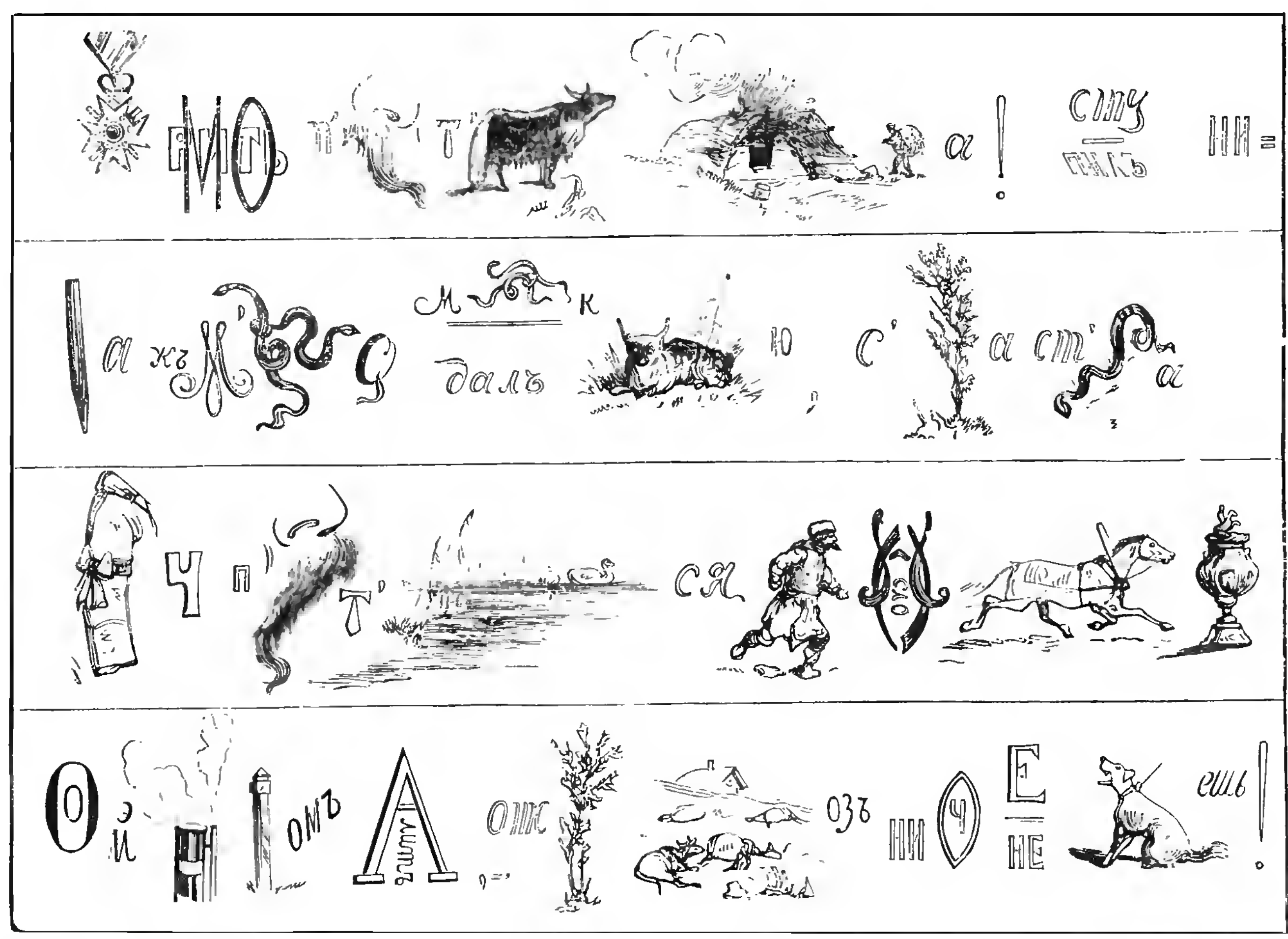
Прощаясь съ читателями **«Нивы»** настоящаго года и пожелавъ имъ всего лучшаго въ наступающемъ **1881** году, надѣемся встрѣтить ихъ какъ уже испытанныхъ друзей, въ числѣ читателей и этаго наступающаго года. Они уже знаютъ точность и акуратность выхода, богатство матеріала «Нивы» и знаютъ наше стараніе постоянно улучшать этотъ матеріалъ и преміи и безъ того слишкомъ цѣнныя при скромной стоимости журнала—они знаютъ что мы даемъ постоянно многое сверхъ обѣщаннаго.

Ребусъ-Гигантъ

сост. Н. Н. Каразиномъ грав. М. Рашевскій.

Продолженіе на слѣдующ. страницѣ.

Первыя десять лицъ, которыя рѣшатъ этотъ ребусъ, получатъ въ видѣ награды—преміи, каждый по одному экземпляру „Нивы“ на 1881 годъ—т. е. всего 10 экземпляровъ, которые будутъ распредѣлены между 5-ю первыми отгадчиками городскими и 5-ю первыми—иногородными. Въ случаѣ, если кто изъ отгадчиковъ уже подписался на „Ниву“, то онъ можетъ передать свой экземпляръ другому лицу, или же получить что либо изъ нашихъ изданій, не превышающее цѣнностью экземпляра „Нивы.“.

Рѣшеніе ребуса будетъ помѣщено въ № 7 „Нива“ 1881 г.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступила въ продажу новая книга:

АРИѲМЕТИКА.

Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметики цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ.

Преимущественно для оканчивающихъ свое образованіе начальной школой и для учащихся дома.

Состав. А. Н. КАНАЕВЪ.

Стран. **XII+204**, рисунк. **40**, ц. **80** коп., пер. на 2 фунта.

НОВАЯ КНИГА: **НЯНИНА АРИѲМЕТИКА** для дѣтей отъ 4—7 лѣтъ. Раскрашенныя картинки для изученія первыхъ 10 чиселъ. Текстъ сост. А. Н. КАНАЕВЪ. Ц. 60 к. пер. на 2 ф.

Изданіе **«С.-Петерской мастерской учебныхъ пособій и игръ».**

УГОЛЪ ТРОИЦКАГО и ГРАФСКАГО ПЕР. 11—13. № 1114 3—2

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ДВИГАТЕЛЬНАЯ СИЛА.

	Локомобили.	Паровыя машины.	Паровые котлы.
1	лошад. сила 200 тал.	100 тал.	140 тал.
2	„ 300 „	160 „	250 „
4	„ 400 „	210 „	350 „
6	„ 650 „	300 „	550 „
8	„ 850 „	400 „	650 „
10	„ 1000 „	450 „	850 „
	и т. д.	и т. д.	и т. д.

FR. O. KÜERS,

Fürstenwalde, bei Berlin.

Д. № 1145

ТЕЛЕГРАФНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

для **домашняго телеграфа, гальванической баттареи** для **электрическаго освѣщенія** и т. п **угольныя пластинки** всѣхъ величинъ **изъ натуральнаго угля.**

Медицинскіе аппараты.

Henning & Ventzke. Berlin Alexanderstrasse, 29. Д. № 1144

Иллюстриров. прейсъ-куранты безплатно.

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

С. А. БОБРОВСКАГО

РАЗСКАЗЫ МОИМЪ ДѢТЯМЪ

Съ рисунками художника **В. Шпака**, гравировка **К. Вейермана.**

Цѣна въ папкѣ 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Можно получать въ главныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Харькова и др. провинц. городахъ.

Главный **складъ** у издателей **Н. Фену и Комп.** (СПБ. Невск. просп.)

М. № 1138

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ.“

въ **1881** году.

будетъ издаваться **подъ тою же редакціей и слѣдовать тому же направленію.** Рекламы, сдѣланныя нашему изданію вліятельными органами русской печати своими нападками и заявленіемъ (въ большинствѣ случаевъ) несогласія съ нашимъ направленіемъ, относительно обсужденія русскихъ и общихъ вопросовъ, избавляютъ насъ почти отъ принятаго обычая говорить о себѣ передъ началомъ новаго годоваго періода. Что касается до польскаго вопроса, то мы, по прежнему, будемъ стараться разработывать его помощью посильнаго созиданія того **золотаго моста** на почвѣ мысли и интеллигенціи, который служитъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для цѣлей соглашенія и мира.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

а) для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою:

На годъ 12 р.; на 6 мѣс.—6 р ; на 3 мѣс.—3 р. на 1 мѣс.—1 р.

б) для заграничныхъ подписчиковъ, въ предѣлахъ почтоваго союза:

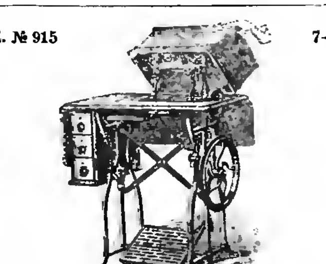
На годъ 15 р.; на 6 мѣс.—7 р. 50 к.; на 3 мѣс.—3 р. 75 к.; на 1 м.—1 р. 25 к.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ заявить свои требованія и прислать подписныя деньги своевременно, дабы имѣть возможность удовлетворить всѣхъ полнымъ комплектомъ нумеровъ газеты.

Адресъ редакціи: **Варшава, Медовая, № 18.**

№ 1110 3—2 Редакторъ: **Князь Н. Н. Голицынъ.**

К. № 915 7—7

Настоящія американскія швейныя машины

ВИЛЛЕРА и ВИЛЬСОНА,

съ кривою или прямою иголкою.

Ножныя или ручныя, или ручныя и ножныя вмѣстѣ:

а) для семейнаго употребленія. бѣлья, платья и т. п.

б) для ремесленнаго производства: для сапожниковъ, портныхъ сѣдельниковъ и т. д.

Лучшія нѣмецк. ручныя машины.

Машины для плиссе и плойки.

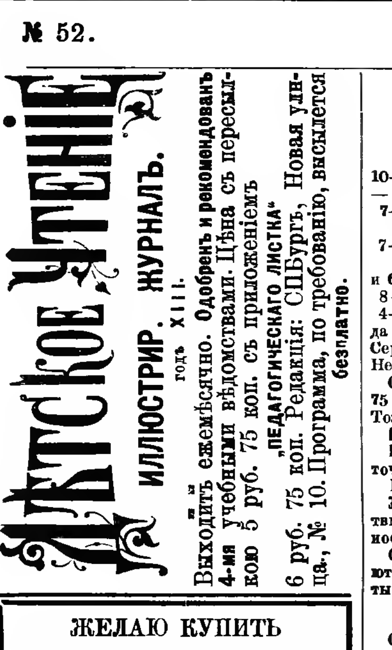
Американскія вязальныя машины Бикфорда, Тутель и Лямбсъ.

Г. М. ХУТТОНЪ И КОМП.

Малая Морская, № 14, и Невскій пр., № 40.

Москва, Большая Лубянка, домъ Ивановскаго монастыря.

Во время нижегородской ярмарки, въ зданіи каменнаго театра.

ЖЕЛАЮ КУПИТЬ

ДРЕВНОСТИ изъ ЗОЛОТА

и

СЕРЕБРА,

какъ-то: золотыя эмальированныя табакерки, серебряные кубки, кружки, блюда, группы и вообще всякаго рода золотыя и серебряныя вещи **только прошлаго столѣтія, кромѣ монетъ.** Прошу адресоваться къ г-ну **Людвигу Бекъ**, Москва, Петровка, домъ Пенскаго, ходъ съ улицы, противъ Петровской аптеки. № 1016 6—2

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОХОТЫ.

Оставивъ торговый домъ **Н: Гонно**, открылъ свою оружейную мастерскую в изготовлвю лучшіе англійскіе карабины и охотничьи ружья, также иопразку револьверовъ и оружія всѣхъ системъ.

Оружейникъ **Федоръ Мациа**. Въ СПВ. Гороховак .ук, д. № 51. W № 1134

СЪ 1-го НОЯБРЯ 1880 ГОДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПОЛУЧЕНІЕ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1881 г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ,

КОТОРАЯ БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

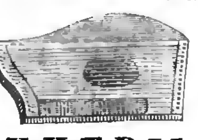
по прежней программѣ.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою за годъ 6 р., за полгода 4 р., за 3 мѣс. 3 р., за одинъ мѣс. 1 р. Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ, по Воснецовской ул., въ домѣ Полковой.

Редакторъ **П. Штейнфельдъ**.
№ 1130 Издательница **А. Полиева**.

Собственной работы. Удостоены награды

въ Дюссельдорфѣ въ 1880 году за превосходныя качества.

ЦИТРЫ

всѣми признанной отличной работы, доброкачественности, съ большою пѣвучестью звука, отличными струнами, начиная съ 16 мар. высшаго качества 22 28 36--150 мар. Школы для собствен изученія. Прейсъ-курантъ безплатно. Фабрика струнныхъ инструментовъ **братьевъ Вольфъ въ Крейцнахѣ.** № 964. 3—2

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина** *второе изданіе*, съ 39 рисунками автора, большой томъ in 8—всего 804 стр. Цѣна **2 р.**, съ перес. 7р. **30** к. Подписчики „Нивы" съ перес. не платятъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ИЗДѢЛІЯМЪ

Товарищества Метахромотипіи

Ракочій, Сидорскій и К°.

Иконописные лицевые святцы по оригиналамъ академика Солнцева.

10—12 вершк. мѣсячные—(12 иконъ на годъ) 90 р., 70 р., 48 р. Недѣльные (48 иконъ на годъ) 48 р., 60 р., 39 р.

— — Общій образъ двунадесятыхъ праздниковъ—14 р., 10 р., 5 р. 50 к.

7— 6 вершковъ, всѣ отдѣльные образа двунадесятыхъ праздниковъ, а также Воскресеніе Христово, Покровъ Пресвятыя Богородицы—каждый образъ по 3 р. 50 к., 2 р. 75 к. и 2 р.

7—6 вершковъ, Господь Вседержитель, Нерукотворенный Спаситель, Казанская В. М. Иверская, Касперовская, Почаевская, Георгій, Александръ Невскій, Аѳонскіе святые, Николай Чудотворецъ, Николай Барградскій, Апостолъ Іоаннъ, Илія, Петръ, и 6—5 Павелъ, Василій—каждый образъ по 3 р., 2 р. 50 к и 1 р. 50 к.

8— 7 Тайная вечеря, Распятіе по 5 р.

4— 3 вершка Господь Вседержитель, Спаситель благословляющій дѣтей, Б. М. скорбящая, Неувядаемый цвѣтъ, Умиленіе Отрада или утѣшеніе, Достойно есть, Смоленская, Утоли моя печали, Троеручица, Донская, Тихвинская, Бѣлиницкая, Кн. Владиміръ, Сергій Радонежскій, Власій и Вукола, Пантелеймонъ, Илія, Софія и 3 дочери, Екатерина, Николай чудотворецъ Александръ Невскій Серафимъ, Тихонъ Задонскій, Митрофаній св Воронежскій—каждый образъ по 1 р. 25 к., 65 к. и 40 к.

Священное изображеніе: Александръ Невскій—въ память освобожденія крестьянъ и славянъ—масляными красками на бумагѣ 75 к., на деревѣ 2 р. 50 к. „Единый единою чертою" ликъ Спасителя сдѣланный одной только чертою на бумагѣ 50 к.

Тоже съ оригинала (XV в.) 1 р. 25 к.

Примѣчаніе: цѣны тройныя обозначаютъ: 1-я цѣна—на деревѣ и золотомъ фонѣ 2-я цѣна дерево—простой фонъ и 3-я на холстѣ

Кромѣ предметовъ, означенныхъ въ прейсъ-курантѣ, Товарищество принимаетъ заказы на изготовленіе, въ большомъ количествѣ, точныхъ копій съ чудотворныхъ и другихъ иконъ, а также на:

Иконостасы постоянные и походные, одежди на престолы, аналои.

Живописные мѣстные образа. Полныя священническія облаченія. Запрестольные кресты и выносные образа. Плащаницы съ бортами выносные. Напрестольныя плащаницы разм 1 арш. Херувки съ крестами и бахромой. И на всѣ вообще церковныя принадлежности и литографскія работы.

Одежды на престолъ, аналои и др., а также хоругви, иконостасы, иконы и пр, издѣлія товарищества метахромотипіи, отличаются особенно своею красотою и прочностью. Запыленныя могутъ быть смываемы теплой водой безъ вреда для дерева, позолоты и красокъ.

КАРТИНЫ

Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, издаваемыя товариществомъ метахромотипіи Ракочій, Сидорскій и К°, удостоенныя посвященія Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны и одобренныя Учебнымъ Комитетомъ при св. Синодѣ, составлены согласно съ программами всѣхъ начальныхъ школъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, обнимаютъ собою всю священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта и служатъ лучшимъ пособіемъ при объясненіи молитвъ, символа вѣры, заповѣдей и богослуженія.

Объ этихъ картинахъ Учебный Комитетъ въ журнальномъ постановленіи отъ 8-го октября за № 176 выразилъ слѣдующее: „Издаваемыя заведеніемъ метахромотипіи картины вполнѣ заслуживаютъ одобренія и поощренія, такъ какъ по красотѣ отдѣлки размѣру картинъ, правильности рисунка и выразительности фигуръ —не оставляютъ желать чего либо лучшаго; поэтому учебный комитетъ находитъ весьма полезнымъ **преимущественно** предъ всѣми другими изданіями картинъ по закону Божію—**рекомендовать** это изданіе во всѣ учебныя заведенія, какъ духовнаго, такъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ".

Размѣръ каждой картины 9—13 вершковъ безъ полей.

Цѣна полной коллекціи въ 50 картинъ:

Раскрашенныя акварелью . . . . 26 р.
1 разряда на слоновой бумагѣ . . . . 16 „ } въ тонахъ
2 „ „ бѣлой „ . . . . 12 „
3 „ „ голубѣлой „ . . . . 7 „ 50 к. черные
На толстой папкѣ съ металлическими кольцами дороже на . 10 „
тоже покрытыя лакомъ „ „ . 20 „
12 картинъ изъ двунадесятыхъ праздниковъ, въ тонахъ . . 3 „ } съ текстомъ
„ „ раскрашенныя акварелью . . . . 9 „

На пересылку по почтовому положенію прилагается за 9 ф. при выпискѣ полной коллекціи картинъ и за 3 фунта при выпискѣ двунадесятыхъ праздниковъ.

Тѣ же самыя картины, изданія И. П. Сидорскаго, исправленныя и дополненныя, согласно указаніямъ учебныхъ и ученаго комитетовъ, размѣрами 10 -15 дюйм. на толстой александрійской бумагѣ.

Цѣна полной коллекціи съ двунадесятыми праздниками въ 50 картинъ:

На плотной Александрійской бумагѣ въ цвѣтныхъ тонахъ . . . . 7 р. и раскрашенныя 13 р.
12 картинъ двунадесятыхъ праздниковъ 10—15 дюйм. безъ полей, сдѣланныя масляными красками на толстой бумагѣ . . . . 2 р.

Тѣ же самыя картины размѣрами 4—5 вершковъ, на толстой бумагѣ за экземпляръ (въ 48 картинъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. Для вышесказанныхъ картинъ составлено руководство, въ 3-хъ частяхъ, для гг. законоучителей. Цѣна за три части—1 р. 10 к., съ перес.—1 р. 35 к.

На пересылку прилагается за 6 ф. и за 3 ф. при выпискѣ двунадесятыхъ праздниковъ. Для семствъ и для гг. Книгопродавцевъ, требующихъ не менѣе 5 экз. картины 9—13 вершковъ уступаются по слѣдующимъ цѣнамъ.

Раскрашенныя . . . . по 22 руб.
1 разрядъ . . . . „ 12 „
2 „ . . . . „ 8 „
3 „ . . . . „ 6 „

безъ пересылки. при требованія же 10 экземпляровъ и болѣе пересылка на счетъ заведенія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

На портретъ ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, издаваемый Товариществомъ Метахромотипіи съ оригинала удостоеннаго Высочайшаго одобренія и разрѣшенія.

Портретъ размѣромъ 19—15 вершковъ печатается въ 22 краски и выйдетъ въ свѣтъ къ 1 іюня 1881 г. Лица подписавшіяся и выславшія деньги до 1 мая 1881 года—получаютъ портретъ (на холстѣ) за 10 р. с по выходѣ портрета въ свѣтъ цѣна ему будетъ назначена 15 руб. сер.

Лицъ, обращающихся въ заведеніе съ письменными вопросами, просятъ прилагать почтовую марку на отвѣтъ.

Подробные прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ ВЕНТИЛЯЦІЯ.

Удобоустраиваемая повсюду и во всякое время года въ жилыхъ, общественныхъ и фабричныхъ помѣщеніяхъ. **Впускъ чистаго грѣтаго** воздуха въ помѣщенія съ одновременной **вытяжкой** испорченнаго воздуха

безъ сквозной холодной тяги.

Быстрое согрѣваніе воды для ваннъ, 6 ведеръ въ 25 мин. переносными печами нов. изобрѣтенія.

Большой складъ стали Штирійской, тигельной, литой.

Пріемъ заказовъ на машины разн. фабр. и заводск. отраслей.

Исполненіе фабричныхъ **проэктовъ.**

Техническое бюро. С.-Петерб.: Максимиліановскій переул. д. 23, кв. 13. **Спеціальность** „Вентиляція" № 1143

АВТОФОТОГРАФЪ

для снятія портретовъ и ландшафтовъ, снабженный готовымъ матеріаломъ и наставленіемъ, дающій возможность каждому самостоятельно фотографировать. М. Морская, д. № 5, кв. № 21, фот. **Е. Гринбергъ.** № 1151

Во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ поступило въ продажу

НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ

В. ГЕРБАЧА

ШКОЛА ЧИСТОПИСАНІЯ,

10 тетрадей съ прописями для самостоятельныхъ занятій учащихся въ школѣ и дома. Цѣна каждой тетради 10 коп.

Прописи отпечатаны на бѣлой бумагѣ высшаго сорта, въ каждой тетради 20 страницъ въ прочной обложкѣ.

Главный складъ у издателей **Н. Фену и Комп.** (Спб., Невскій пр., домъ Армянской церкви).

Торговымъ домамъ значительная уступка. М. № 1155

Только что вышло изъ печати

3-е ИЗДАНІЕ

УЧЕБНИКА ГАРМОНІИ

П. ЧАЙКОВСКАГО

Профессора теоріи музыки Московской Консерваторіи.

Москва, у **П. Юргенсона**, 10, Неглинный проѣздъ.
С.-Петербургъ, у **І. Юргенсона.**
Варшава, у **Г. Зенкевальда.** Н № 1149

ГУЛЯЙ, ДУША!

Полька для фортепіано

ИВАНА РЕШЪ.

Въ Придворномъ книжномъ магазинѣ

М. БЕРНАРДА,

Невскій пр., № 10. № 1152

Печатается и выйдетъ **на дняхъ въ НЕЗНАЧИТЕЛЬН. числѣ экз.** романъ

3 тома, отпечат. на изящн. бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. **ЭНДИМІОНЪ** 12 экз. отпеч. (для подарк.) на вел. б. ц. 1 а. 4 р. съ пер. 4 р. 50 k.

бывш. 1-го минист. англійск. **Лорда Биконсфильда** перев. съ англійск.

Библіотеки и лица желающія получить каждый томъ **немедленно по выходѣ**, обращаются къ издателю **Николаю Аскарханову. Спб., Невскій, 90, кв, 23.** Выдается и высылается (за 7 к. м.) **билетъ.** Заготовлен., **по особому заказу,** роскошные переплеты въ 1 р. 50 k и въ 2 р **Можетъ служить хорошимъ подаркомъ.** Безденежныя требованія не исполняются. № 1088 2—2

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

„МЕДИЦИНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ СПРИМОНА.

Годовая цѣна 10 р., полугодовая 6 р,
Москва, Тверской бульваръ, домъ Ефроса. ц. № 1120 9—2

О ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„РУСЬ",

ИЗДАВАЕМУЮ
И. С. АКСАКОВЫМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 мѣс.	и 6 м.
Безъ доставки	7 руб.	4 руб.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи	8 „	5 „
За границу—въ государства всеобщаго почтоваго союза	11 „	6 „

Желающіе получать газету „Русь", согласно общепринятому при подпискахъ сроку до 1 іюля 1881 г. (на $7^1/_2$ м.) и до 1 января 1882 г. (на $13^1/_2$ м.), прибавляютъ къ вышеозначенной цѣнѣ одинъ рубль.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ редакціи, у Никитскихъ воротъ, въ церковномъ домѣ прихода Большаго Вознесенія; въ С.-Петербургѣ: въ конторахъ газеты „Русь", книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", на Невскомъ проспектѣ и М. О. Вольфа, въ Гостиномъ дворѣ. Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Москву, въ редакцію газеты „Русь". № 1131

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

НОТЫ

ДЛЯ

РУЧНОЙ ГАРМОНИКИ

ВЪ НОВОМЪ ДЕШЕВОМЪ ИЗДАНІИ.

ТОМЪ I.

81 ЛУЧШИХЪ ПІЕСЪ.

АРІИ изъ ОПЕРЪ, ПОПУРРИ, МАРШЕЙ и МЕЛОДІЙ.

Избранныхъ изъ музыкальной литературы всѣхъ націй. Цѣна полному тому 1 р. net.

ТОМЪ II.

54 ИЗБРАННЫХЪ И СОВРЕМЕННЫХЪ ТАНЦЕВЪ.

Кадрили, вальсы, польки, польки-мазурки, галопы и др. соч. Штрауса, Фауста и др.—національныя пляски.
Цѣна полному тому 1 руб. net.

ТОМЪ III.

92 ИЗБРАННЫХЪ

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ И РОМАНСОВЪ.

Цѣна полному тому 1 р. net.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ЧТЕНІЮ НОТЪ, ПО ШТРИХОВОЙ СИСТЕМѢ. Ц. 15 к.

(При требованіи полнаго тома, руководство прилагается безплатно), Для ручной гармоники, по нотной и штриховой системамъ, аранжировалъ и издалъ Ф. РОМАНОВЪ.

МОСКВА, у **П. Юргенсона;** С.-Петербургъ, у **І. Юргенсона;** ВАРШАВА, у **Г. Зенневальда.** п. № 1100

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„РУССКІЙ АРХИВЪ"

въ 1881 году.

Въ теченіе 1881 года въ „Русскомъ Архивѣ" будутъ печататься выдержки изъ неизданныхъ рукописей *А. С. Пушкина.*

Годовое изданіе „РУССКАГО АРХИВА" въ 1881 году будетъ состоять изъ шести книжекъ или тетрадей, которыя появятся въ свѣтъ по мѣрѣ отпечатанія и составятъ три большіе тома. Цѣна „Русскаго Архива" въ 1881 г. *девять рублей.*

Подписка принимается въ **Москвѣ** Ермолаевская Садовая, д. Баженовой.

Въ **Петербургѣ**, на Невскомъ въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.
№ 1081 3—8

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ.

СЕМЬЯ и ШКОЛА.

1) ПОЛНЫЙ журналъ, изданія годъ XI. Подп. цѣна на годъ съ дост. и перес. 12 р. Отдѣльно: 2) на Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей (12 книгъ) 10 р.; 3) на Учебно-воспитательный отдѣлъ съ Педагогическою хроникою (10 №№ книгъ и 40 №№ Педаг. хр.) 5 р. Подписка адресуется въ Спб., Васильевскій островъ, 15 линія, д. 8, въ контору журнала „Семья и Школа". № 999 10—4

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ

14-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. 14-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО

„ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ".

Особыя обстоятельства требуютъ особаго объясненія.

Послѣ ряда тяжелыхъ годовъ опять наступаетъ свѣтлая полоса въ русской жизни. Честный голосъ получаетъ право слова, честная сила — право служенія на общую пользу, недоразумѣнія разсѣеваются, преграды рушатся—и правда, святая правда вступаетъ въ свои права.

Никогда еще внутреннія затрудненія Россіи не были такъ велики, какъ въ послѣднее время: всѣмъ тяжело, всѣ жалуются, всѣ недовольны. Но за то же никогда еще истинная причина этихъ затрудненій не сознавалась такъ ясно и никогда рѣшимость правительства покончить съ ними не была такъ сильна, какъ теперь.

Наша газета издавна ставила себѣ главной задачей—разработку основныхъ вопросовъ русской жизни и изслѣдованіе основныхъ ея золъ. Къ сожалѣнію, намъ приходилось работать при обстоятельствахъ крайне неблагопріятныхъ; оттого нашъ голосъ звучалъ робостью и неувѣренностью, и многое, что мы желали сказать, оставалось недосказаннымъ или вовсе невысказаннымъ, а многое изъ сказаннаго выходило безплоднымъ и никому не нужнымъ. Тѣмъ съ большей радостью привѣтствуемъ мы наступленіе „свѣтлой полосы" въ русской жизни, когда искреннее слово не только становится терпимымъ, но прямо признается полезнымъ и нужнымъ, и когда вообще съ печати снимаются тяготившія ея узы. Мы радуемся за наше отечество, для котораго наступаетъ эпоха обновленія, и радуемся за самихъ себя, ибо получаемъ возможность служить ему такъ, какъ велятъ намъ совѣсть, долгъ и наше убѣжденіе.

Приглашаемъ къ содѣйствію намъ и нашихъ провинціальныхъ читателей. Горькій опытъ теперь уже окончательно убѣдилъ всѣхъ, что жизнь Россіи—не въ Петербургѣ, а въ „**провинціи**" и что пока провинція будетъ находиться въ томъ печальномъ положеніи, въ какомъ находится теперь, пока будетъ безправна и безгласна, до тѣхъ поръ самыя лучшія правительственныя мѣры будутъ оставаться безплодными. Поэтому всякаго рода «провинціальные вопросы» теперь получаютъ особое значеніе; а кто же, какъ не самъ житель провинціи, можетъ сказать о нихъ вѣрное и вѣское слово? Въ этомъ именно смыслѣ мы и желали бы содѣйствія со стороны нашихъ провинціальныхъ читателей.

Въ 1881 году «НЕДѢЛЯ» будетъ выходить по прежнему, т. е. еженедѣльно, по воскресеньямъ, большими тетрадями въ 2 листа, въ количествѣ ПЯТИДЕСЯТИ ДВУХЪ нумеровъ въ годъ, и съ приложеніемъ ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ. Содержаніе ея слѣдующее: 1) Передовыя статьи по русскимъ и иностраннымъ вопросамъ; 2) внутренняя хроника; 3) заграничная хроника; 4) Статьи общественно-научныя, соціально-экономическія, историческія, литературно-критическія и др. 5) повѣсти и разсказы, стихотворенія, этюды изъ дѣйствительной жизни и проч.; 6) критика и библіографія: 7) письма изъ провинціи и заграницы; 8) журналистика; 9) фельетонъ.

«ЖУРНАЛЪ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ» будетъ выходить ежемѣсячно, въ количествѣ ДВѢНАДЦАТИ КНИЖЕКЪ годъ, составляя такимъ образомъ какъ бы двѣнадцать безплатныхъ приложеній къ газетѣ «НЕДѢЛЯ». Въ немъ помѣщаются какъ переводные, такъ и русскіе романы и повѣсти.

ПОДПИСКА НА 1881 годъ ОТКРЫТА.

Подписная цѣна газеты «НЕДѢЛЯ» съ приложеніемъ ЖУРНАЛА РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ НА ГОДЪ, съ 1-го января 1881 года, 8 рублей, на полгода 5 р. съ пересылкой и доставкой.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «НЕДѢЛЯ», на углу Ивановской и Кабинетской. № 6—12.

Редакторъ-издатель **П. А. Гайдебуровъ** № 1 135 2—

Прейсъ-курантъ и всѣ свѣдѣнія выдаются и высылаются безплатно.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1881 ГОДУ ЖУРНАЛА

„Библіотека для чтенія“

(Годъ седьмой)

ПРОГРАММА:

Въ журналѣ помѣщаются исключительно ромвны, новѣсти и разсказы въ нереводѣ оъ иноотранныхъ языковъ нв русскій.

Каждый номеръ журнала будетъ содержать въ себѣ, **по возможности**, одинъ законченный романъ, или часть его и небольшую повѣсть нли разсказъ.

Годовое изданіе состоитъ изъ 12-ти книгъ отъ 20-ти до 30-ти печатныхъ листовъ каждая. Срокъ выхода **ежемѣсячный**.

Въ концѣ года, подписчикамъ на **„Библіотеку для чтенія“** будетъ ныдана въ видѣ **преміи** 13-ая книжка, отъ 30 до 40 нечатныхъ листовъ, нотороя будетъ заключать въ себѣ одинъ, вполнѣ законченный романъ.

Условія подписки на годъ:
- Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки **8** руб.
- Съ доставкою нв домъ въ С.-Петербургѣ . . **8** — **50** коп.
- Съ нересылкою **иногороднымъ** . . . . . **9** — —

Редакція допускаетъ слѣдующую **разсрочку** подписныхъ денегъ: при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му Мая остальныя.

Подписка принимается:

Для городскихъ подписчиковъ:—Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ магазинѣ **Исакова. Въ МОСКВѢ**—при книжныхъ магазинахъ Соловьева и Мамонтова, и въ Центральной Конторѣ объявленій, Петровка, д. Солодовникова, и б. Дмитровка, д. Вучумова.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія *непосредственно* въ **С.-Петербургъ, въ редакцію журнала Библіотека для чтенія,** *Шпалерная ул., д. № 32.*

Подписывающихся съ разсрочкой просятъ обращаться: **иногородныхъ** *исключительно* **въ редакцію, а городскихъ въ СПБ.** въ книжный магазинъ **Бортневскаго,** *уголъ Троицкаго и Графскаго пер.;* въ **Москвѣ:** *въ Центральную Контору Объявленій, Петровка, д. Солодовникова.*

№ 1006 На **1880** годъ подписка еще продолжается. Ц. 6—5

Только что вышла въ свѣтъ и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **новая книга**

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:

НА ОТДЫХѢ.

Иллюстрированные разсказы для маленькихъ дѣтей.

Съ 40 картинками въ текстѣ. Цѣна 2 р. 50 к. въ изящномъ переплетѣ 3 р. 20 к. № 1141

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ второй. **НА 1881 ГОДЪ** **годъ второй.**

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ дост. и пересылки.	Съ доставк. въ Москвѣ.	Съ перес. во всѣ города.
На годъ . . 7 р. 60 к.	На годъ . . 8 р. 50 к.	На годъ . . 9 р. — к.
„ 6 мѣс. . 4 „ 30 „	„ 6 мѣс. . 4 „ 50 „	„ 6 мѣс. . 5 „ — „
„ 3 „ . . 2 „ 30 „	„ 3 „ . . 2 „ 50 „	„ 3 „ . . 2 „ 75 „
„ 1 „ . . — „ 90 „	„ 2 „ . . 1 „ — „	„ 1 „ . . 1 „ 10 „

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ д. Н. П. Ланина. № 1010 6—6

ПОДПИСКА НА

„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“

СОЕДИНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

„БИРЖЕВАГО ВѢСТНИКА“ и „РУССКАГО МІРА“.

Постепенное развитіе изданія, — преобразовавшагося въ теченіи года, изъ еженедѣльнаго журнала **„БИРЖЕВОЙ УКАЗАТЕЛЬ“**, сперва въ издаваемую 2 раза въ недѣлю газету **„БИРЖЕВОЙ ВѢСТНИКЪ“**, а затѣмъ, послѣ соединенія ея съ газетою **„РУССКІЙ МІРЪ“**, въ газету **„БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“**, выходящую съ 1-го ноября 3 раза, а съ 1-го января 1881 г. 4 раза въ недѣлю,—говоритъ само за себя и даетъ лучшую гарантію въ дальнѣйшихъ стараніяхъ редакціи къ подобному же постоянному усовершенствованію изданія и въ будущемъ 1881 году.

Успѣхъ изданія объясняется обиліемъ и точностью всѣхъ сообщаемыхъ газетою свѣдѣній и корреспонденцій, а также непреклоннымъ слѣдованіемъ по разъ начертанной программѣ *„стоять на стражѣ интересовъ русской публики и русскаго торгово-финансоваго міра“*, которое видно изъ руководящихъ статей и фельетоновъ газеты.

Помѣщая, между прочимъ, также политическій, общественный, литературный и музыкально-театральный отдѣлы, газета остается, какъ донынѣ, преимущественно **газетой биржи, финансовъ, торговли и промышленности,** сохраняя притомъ свое нынѣшнее безплатное прибавленіе—**„Тиражный Листокъ“**, а также и другія, спеціально торгово-финансовыя прибавленія.

Редакціей обращено особенное вниманіе на **ТОВАРНЫЙ ОТДѢЛЪ,** въ которомъ участвуютъ уже нынѣ болѣе 80 русскихъ и заграничныхъ корреспондентовъ-спеціалистовъ.

Въ газетѣ сосредоточивается отчетность русскихъ акціонерныхъ и прочихъ кредитныхъ учрежденій.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою:

	р.	к.
На 1 годъ съ 1 января 1881 г.	12	—
„ 1/2 „ „ „ „ „	7	—
„ 1/4 „ „ „ „ „	4	—
„ 1 мѣсяцъ „ „ „ „	1	50

	р.	к.
Съ 1 ноября 1880 г. по 1 января 1882 г. (на 14 мѣсяцевъ).	13	50
Съ 1 декабря 1880 г, по 1 января 1882 г. (на 13 мѣсяцевъ).	12	75

Контора редакціи помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Малой Морской ул., въ д. 19, кв. 2, куда просимъ адресовать подписныя требованія.

Редакторъ: **П. С. Макаровъ.** Издатель: **С. М. ПроппEръ.**

№ 1004 4—2

№ 1139 Въ Книжномъ магазинѣ **К. Риккера, въ С.-Петербургѣ** Невскій пр., № 14, поступила въ продажу

ЗАПИСНАЯ КНИГА на 1881 годъ, въ 4-хъ изданіяхъ.

I-е изд. съ 1/3 стр. на каждый день. Ц. 80 к., съ пер. 95 к.
II и III-е изд. съ 1/2 стр. на каждый день. Ц. по 1 р., съ пер. по 1 р. 15 к.
IV-е изд. съ цѣлою стр. на каждый день. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 35 к.

СЪ НОВАГО 1881 Г. БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 5 РАЗЪ ВЪ НЕДѢЛЮ:

НОВАЯ ГАЗЕТА

УЛЕЙ

ГАЗЕТА ГАЗЕТЪ

без предварительной цензуры.

ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ „УЛЕЙ“. Не всякій имѣетъ возможность прочитывать множество отечественныхъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ и не всякій въ состояніи пріобрѣсти ихъ, а большинство читателей нынѣ уже не довольствуется чтеніемъ одного какого либо органа, желая знать все что пишется и обсуждается въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ виду этихъ соображеній редакція «УЛЕЙ» или «Газеты Газетъ», поставила себѣ задачею: 1) сохранить у читателя время, избавляя его отъ чтенія громадной массы періодическихъ изданій; 2) сберечь у него деньги на пріобрѣтеніе ихъ, и съ этою цѣлью передавать ему все замѣчательное, любопытное и достойное вниманія въ газетахъ.

Выражаясь фигурально, газета „УЛЕЙ“ послужитъ зеркаломъ современной журналистики и вообще литературы, и въ особенности будетъ полезна тѣмъ, кому дорого время.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ, безъ доставки 8 р.. съ достав. и перес. 9 р.
„ полгода „ „ 4 „ „ „ 5 „
„ три мѣсяца „ 2 „ „ „ 3 „

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи „УЛЕЙ“, въ Поварскомъ переулкѣ, д. № 10, кв. № 3 и въ книжномъ магазинѣ Н. Мартынова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, № 46.

Для ознакомленія публики съ системою изданія газеты «УЛЕЙ» на-дняхъ будетъ выпущенъ пробный номеръ, который всякій можетъ получить безплатно, доставивъ въ редакцію свой адресъ. № 1109 2—2

Редакторъ-издатель **Ар. Эвальдъ.**

Съ января 1881 г. будетъ издаваться въ С.-Петербургѣ новая безцензурная политическая и литературная газета, съ ежедневными телеграммами, политическими и иностранными биржевыми,

ГЛАСНОСТЬ

съ приложеніемъ по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, отъ **10** до **12** печ. лист. каждая

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ.

Газета будетъ выходить **утренними и вечерними выпусками,** кромѣ дней слѣдующихъ за праздниками, всего въ недѣлю 5 выпусковъ большими листами и не менѣе одного прибавленія. Программа газеты и „Ежемѣсячнаго Обозрѣнія“ такая же, какъ у всѣхъ большихъ газетъ и ежемѣсячныхъ журналовъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою, на утренній и вечерній выпускъ газеты:

Безъ приложенія:		Съ приложеніемъ:	
На годъ	6 р.	На годъ	10 р.
— полгода. . . .	3 р. 50 к.	— полгода . . .	5 р. 50 к.
— 3 мѣсяца . . .	2 р.	— 3 мѣсяца . . .	3 р.
— 2 мѣсяца . . .	1 р. 40 к.	— 2 мѣсяца . . .	2 р.
— 1 мѣсяцъ . . .	70 к.	— 1 мѣсяцъ . . .	1 р.

Для годовыхъ и полугодовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка со взносомъ при подпискѣ впередъ за 2 мѣсяца, а затѣмъ ежемѣсячно не менѣе какъ за мѣсяцъ, по разсчету отъ подписной цѣны. Гг. служащіе пользуются разсрочкой чрезъ своихъ казначеевъ, безъ взноса денегъ впередъ.

Иногородные подписчики; желающіе **получать вечерніе выпуски** газеты по почтѣ **одновременно** со всѣми **петербургскими ежедневными газетами,** равно и всѣ заграничные подписчики, приплачиваютъ къ означеннымъ цѣнамъ, на пересылку номеровъ съ марками, по 60 к. за каждый мѣсяцъ срока подписки, такъ какъ вечерніе выпуски не могутъ быть отсылаемы въ день выхода иначе, какъ по правиламъ о бандерольныхъ отправленіяхъ, а не по газетной таксѣ.

Редакція и главная контора: Васильев. остр., 5 лин.., д. № 6, кв. № 5. Иногородные адресуютъ деньги непосредственно въ редакцію.

Газета предназначается для людей средняго и малаго достатка, какъ самая дешевая изъ всѣхъ издающихся столичныхъ ежедневныхъ газетъ, и будетъ служить органомъ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ тѣхъ классовъ среди всѣхъ сословій страны, которые, будучи исключительно трудовыми, могутъ быть названы интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Главнѣйшей же задачей газеты мы поставляемъ самую **широкую гласность,** относительно **злоупотребленій** и недостатковъ въ нашемъ гражданскомъ и общественномъ быту и въ особенности относительно **злоупотребителей.** Письма и корреспонденціи могутъ быть и **безъ подписей,** хотя редакція, имѣя въ виду пользоваться ими, не будетъ, однако, печатать ихъ цѣликомъ безъ предварительной провѣрки фактовъ или слуховъ.

Издатель и за редактора **А. Гіероглифовъ.**

ВЪ МАГАЗИНѢ
ПАВЛА БУРЕ
фабриканта часовъ.
Поставщика Высочайшаго Двора, часовыхъ дѣлъ мастера Импер. русск. флота, Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича.

СЕРЕБРЯНЫЕ МУЖСКІЕ ЧАСЫ,
Заводящіеся ключемъ:
Анкерные на 15 камняхъ закрытые 22, 25 и 30 руб.
Такіе-же 1-го сорта 35 и 40 р.
Заводящіеся безъ ключа (въ ручку):
Анкерные на 15 камняхъ закрытые 30 и 35 руб.
Такіе-же 1-го сорта 40 и 45 р.
Тоже высшаго достоинства 50, 55 и 60 р.
Ручательство на два года.
Къ часамъ, заводящимся ключемъ прилагается серебряный ключъ.
Пересылка на счетъ магазина.
Подробный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно.
Спб. Невскій просп., № 23. № 880

АДШИД'А УНИЧТОЖИТЕЛЬ ГАДОВЪ.
Англійское вѣрное и при томъ дешевое средство отъ
КРЫСЪ и МЫШЕЙ
рекомендуется и продается магазиномъ
Р. Кёлеръ и К°. въ Москвѣ.
(На Никольской). Въ конвертахъ по 15, 25 и 45 коп. Иногородные могутъ присылать стоимость марками, прилагая на пересылку по 10 коп. Ц. № 1007 3—2

ПРОЧНАЯ И ДЕШЕВАЯ
МУЖСКАЯ И ДАМСКАЯ
ОБУВЬ
ВЪ МАГАЗИНѢ
Л. Ціолковскаго и К°.
Невскій пр., № 54.
Между Большой и Малой Садовой
К. № 1118 5—2.

НАШИ
ПОРОШОКЪ И МАСЛО
для чистки мѣдныхъ вещей
придаютъ самоварамъ, подсвѣчникамъ, дверным и оконнымъ приборамъ, кухонной посудѣ и проч.
совсѣмъ особенный блескъ
и продаются по 30 к. за пару.
Для чистки же ножей, ножницъ и пр. стальныхъ вещей
какъ и для чистки
БРОНЗЫ и СЕРЕБРА
рекомендуемъ наши англійскіе порошки
Р. КЁЛЕРЪ и К°.
въ МОСКВѢ,
магазинъ аптекарск. товаровъ. Никольская, на углу Черкасскаго пер.
ц. № 905 8—6

ШОКОЛАТЪ,
разрѣшенный медицинск. начальствомъ, для изнуренныхъ, слабыхъ и худощавыхъ, составляетъ самое лучшее питательное и укрѣпляющее средство, особенно рекомендуемое для возстановленія утраченныхъ силъ.
Шоколатъ этотъ изготовляется изъ лучшихъ цѣлесообразныхъ снадобей, изъ моихъ личныхъ наблюденіямъ. **Для дѣтей онъ иначе замѣняетъ рыбій жиръ.**
Д-ръ медицины ШТРАССЕРЪ.
Въ Москвѣ, Нижне-Кисельный переул., домъ Шагаева.
Иногороднымъ за высылку 5 рублей, цѣна за 1 ф. 1 р. 30 к., отпускается 4 фунта этого шоколата, меньше не высылается.
Цѣна для торговцевъ и перепродавцевъ по 40 р. за пудъ. № 1142 3—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.
Съ разрѣшенія С.-Петербургской Врачебной Управы.
ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ придаетъ кожѣ нѣжный и особенно свѣжій видъ замѣняетъ всякую рисовую пудру и бѣлила, коробка 60 коп.
ПУДРА ДОНГОЛА розовая, охлаждающая лицо, кор. 30 к.
КРЕМЪ ОРИЗА 1 р. РУМЯНА и БѢЛИЛА, сухія и жидкія.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:
„С.-П.-БУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ"
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
1) **Невскій проспектъ, д. № 32,** Католич. церкви
2) **Невскій просп.,** у Аничкова моста, **№ 66.**
3) **Вознесенскій просп.,** уголъ Казанской ул., домъ № 18—54, Шредера.
Всѣ прочіе, магазины и лавки, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою **С.-Петербургской Химической Лабораторіи,** ей не принадлежатъ.
№ 1078

Въ оптовомъ складѣ смазочныхъ издѣлій
В. П. ГАННЕМАННА.
Въ Спб., на Вознесенскомъ пр., уголъ Казанской ул., № 15—45.
Продается **МАСЛО ДЛЯ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ,** превосходнаго качества, по 10, 15, 20 и 25 к. за флаконъ; — а въ фунтѣ по 30 коп. безъ посуды. Для провинцій менѣе 100 флаконовъ или 1 пуда не отправляется.
И. № 1134

ШВЕДСКІЯ КУРТКИ
на мѣху и фланели отъ
12 руб.
въ магазинѣ
Л. ЦІОЛКОВСКАГО и К°.
Невскій пр. № 54.
Между Большой и Малой Садовой.
К. № 1116 5—2

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэмы Джона Мильтона.

Большое изданіе in folio, съ 50 большими превосходными картинами Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНІЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ЦЕСАРЕВНѢ.

Цѣна въ хорошемъ каленкоровомъ переплетѣ **25** р., съ перес. **30** р. Для подписчиковъ «Нивы» 1881 г. **20** р. съ перес. 25 р. Въ роскошномъ полушагреневомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **30** р. съ перес. **35** р. Для подписчиковъ «Нивы» 1881 г. 25 р. съ перес 30 р.

По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ „Голосѣ" въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась на дняхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное „достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильтона „Потерянный рай", переведенная въ прозѣ Г-жею А. Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскаго изданія подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фоліантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густава Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлившему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка къ предстоящимъ праздникамъ нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ библіотеки или столы ихъ гостиныхъ, ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги."

Подобные же, еще болѣе лестные. отзывы были помѣщены также: во многихъ журналахъ.

ПРЕМІЯ

Къ „Собранію Романовъ" 1881 ГОДА.

Юбилейный номеръ, отдѣльный, кромѣ двѣнадцати ежемѣсячныхъ, со статьями русскихъ писателей. Тамъ будутъ помѣщены:
Рабыня, повѣсть В. Г. Авсѣенко. **Изъ міра шведской и финской поэзіи,** академика Я. К. Грота. **Историческій разсказъ** Г. П. Данилевскаго. **Разсказъ** Н. С. Лѣскова. **Обзоръ новѣйшей русской литературы** А. П. Милюкова. **Маркизъ д'Оврисъ д'Онельзи,** разсказъ его же. **Статья** В. В Стасова. **Три дня изъ жизни молодаго человѣка,** повѣсть Е. Н. Ахматовой. Для январской книжки приготовлено: **Песчаный городъ,** романъ Жаноліо. **Эндиміонъ,** романъ Дизраэли (Лорда Биконсфильда). Для февральской: **Загадочныя происшествія въ Геронъ-Дайкскомъ замкѣ,** романъ Спейта.

Цѣна за всѣ 12 книгъ и **тринадцатую,** составляющую премію— **десять руб. пятьдесятъ коп.,** съ доставкою въ С.-Петербургѣ—**одиннадцать рублей, для иногородныхъ подписчиковъ—двѣнадцать.** руб.

Подписка принимается **исключительно** на имя издательницы Елисаветы Николаевны Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 1132 3—1

ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ.
11 разсказовъ изъ Русской Исторіи.
Б. Павловича.
Съ 14 изящными гравюрами в нѣсколькими политипажами. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ съ роскошной виньеткой 1 р. 75 к. Складъ у В. А. Березовскаго. С.-Петербургъ, Бассейная, № 1 Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ № 1136

МАШИНЫ:
Земледѣльческія, какъ-то: **молотилки, вѣялки,** механическія **зерносушилки** В. Аккермана, **локомобили** и т. д. Машины **для мельницъ:** обойки, мукосѣйки, кукелеотборники; **жернова, — машины для маслобойныхъ, — крахмальныхъ, — винокуренныхъ, — пивоваренныхъ, — лѣсопильныхъ** и другихъ заводовъ, имѣются на складѣ или изготовляются по заказу въ механическомъ заводѣ
Спб., Пески, Большая Болотная ул., № 6.
В. АККЕРМАНА.
Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по требованію. 6—2